

Сатсварупа дас Госвами

*Прабхупада-
лиламрита*

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Детство.....	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
Колледж, женитьба и движение Ганди	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	23
«Удивительный святой»	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	35
«Чем я могу служить Вам?»	35
ГЛАВА ПЯТАЯ	54
Война	54
ГЛАВА ШЕСТАЯ	68
Неизвестный друг	68
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	81
Джханси: Лига преданных	81
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	94
Нью-Дели – «Глас вопиющего в пустыне»	94
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	107
Житель Вриндавана.....	107
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	125
«ЭТОТ РЕШАЮЩИЙ ЧАС ИСПЫТАНИЙ»	125
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	139
Мечты сбываются.....	139
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	154
Путешествие в Америку.....	154
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	159
БАТЛЕР (Пенсильвания): ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С АМЕРИКОЙ	159
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	166
Борьба в одиночку	166
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	175
«Мы не сможем Вам помочь»	175
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	182
Долгожданная возможность проповедовать	182
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	191
На Бауэри	191
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	212
Подготовка почвы	212
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	235
Высадка семян	235
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	261
«Вечный кайф»	261
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	286
За пределами Нижнего Ист-Сайда	286
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	306
«Свами приглашает хиппи»	306
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	334
Афера м-ра Прайса	334
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	340
Нью-Джаганнатха-Пури	340
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	372
Наш учитель еще не закончил свой труд	372
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	390
Отъезд Свамиджи	390
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	402
Снова в Индии: Часть первая	402
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	414
Снова в Индии: Часть вторая	414
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	426
Возможностей много, а времени нет	426
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ	446
Лондон: мечта сбылась	446

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.....	472
ИСККОН В ОПАСНОСТИ	472
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	495
Танцующие белые слоны.....	495
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.....	512
Предстоит большая работа.....	512
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	538
Паривраджакачарья реактивного века	538
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.....	555
«ЭТОТ ДАЛЕКИЙ КРАЙ»	555
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.....	568
В КАЖДОМ ГОРОДЕ И ДЕРЕВНЕ	568
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	579
«ЗЕМЛЯ ВАША»	579
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	599
Никто не считается с бедняком	599
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	619
«Я ПОСТРОЮ ДЛЯ ВАС ПРЕКРАСНЫЙ ХРАМ»	619
ГЛАВА СОРОКОВАЯ.....	629
Кругосветное путешествие. Мысли о Бомбее не идут из головы	629
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ	647
Битва за Бомбей	647
ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ	658
Строительство Майяпура	658
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ.....	678
Храм Кришны и Баларамы. Начало	678
ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ.....	697
Здесь будет храм.....	697
Эпилог	718
ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ	720
Пожалуйста, распространяйте книги	720
ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ	750
Проповедь Америке: часть первая	750
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ.....	780
Проповедь Америке: часть вторая	780
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ	797
В родной Индии	797
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ.....	809
Индия. Объединение ИСККОН	809
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ	826
Хромой и слепой	826
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ	841
Повторяйте «Харе Кришна» и сражайтесь	841
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ	897
«СВОЕ ДЕЛО Я СДЕЛАЛ».....	897
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ	935
Великий воин Кришны	935
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ.....	946
Дома, во Вриндаване	946
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ	958
Последний урок.....	958
Эпилог	966
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ.....	969
Возвращение в Америку	969
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ.....	982
Открытие храма в Лос-Анджелесе	982
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ.....	993
Визит в Бостон	993
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ	1013
Лето в Монреале.....	1013
ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.....	1032
Сиэтл	1032
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ.....	1050

СТО ВОСЕМЬ РОЗОВЫХ КУСТОВ	1050
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ	1063
ПРОПОВЕДЬ В ГЕРМАНИИ.....	1063
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ	1071
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	1071
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ	1077
ЦЮРИХ И НЬЮ-ЙОРК	1077
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ	1083
КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	1083

Глава первая

Детство

Бывало, мы спали, а отец проводил арати. Динь-динь-динь, – мы слышали звон колокольчика, просыпались и видели, как отец склоняется перед Кришной.

(Шрила Прабхупада)

Шел Джанмаштами, ежегодный праздник, который вот уже пять тысяч лет отмечается в день явления Господа Кришны. Толпы людей – в основном бенгальцы и другие индусы, но кроме того и множество мусульман и даже англичане – стекались по улицам Калькутты в храмы Господа Кришны. Искренние вайшнавцы до полуночи постились, пели «Харе Кришна» и слушали чтение тех глав из «Шримад-Бхагаватам», где повествуется о рождении и деяниях Господа Кришны. Пост, пение и поклонение продолжались всю ночь. На следующий день, 1 сентября 1896 г., в небольшом доме в Толлигандже, пригороде Калькутты, родился мальчик. Поскольку это произошло в Нандотсаву – день, когда Махараджа Нанда устроил праздник по случаю рождения Кришны, – дядя мальчика назвал его Нандулалом. Но отец ребенка, Гоур-Мохан Дэ, и мать, Раджани, дали ему имя Абхай-Чаран.

В соответствии с бенгальской традицией, незадолго до родов мать перешла в дом своих родителей. Так, в нескольких километрах от дома своего отца, на берегу Ади-Ганги, в маленьком двухкомнатном глинобитном домике с черепичной крышей, под хлебным деревом, родился Абхай-Чаран. А через несколько дней родители вернулись с новорожденным Абхаем в свой дом на Харрисон-Роуд, 151. Астролог составил гороскоп ребенка, и вся семья с радостью выслушала его предсказание: «Когда Абхаю исполнится семьдесят лет, он пересечет океан, станет великим религиозным деятелем и откроет сто восемь храмов».

* * *

В те времена, когда родился Абхай-Чаран, Индия находилась под властью викторианской Англии. Калькутта была столицей Индии, резиденцией вице-короля – графа Эльгинского и Кинкардинского – и «вторым городом» Британской империи. Европейцы и индийцы жили раздельно, хотя их дела иногда пересекались в сфере бизнеса, а также в области образования. Англичане жили главным образом в центре Калькутты, среди своих театров, ипподромов, площадок для игры в крикет и красивых европейских зданий – индусы же селились в северных районах. Лояльные к британской короне, они, однако же, хранили верность своей традиционной религии и культуре, – мужчины здесь носили дхоти, а женщины – сари.

Родной дом Абхая на Харрисон-Роуд, 151, находился в «индийском» районе Калькутты. Отец Абхая, Гоур-Мохан Дэ, торговал тканями. Это был купец среднего достатка, принадлежавший к аристократическому торговому сословию суварна-ваник. Однако же, он состоял в родстве с богатой династией Малликов, которые на протяжении сотен лет торговали с англичанами золотом и солью. Поначалу Маллики принадлежали к роду Дэ, готре (династии), берущей начало от древнего мудреца Гаутамы; но во время правления Моголов, еще до завоевания Индии британцами, один мусульманский правитель пожаловал состоятельной и известной ветви Дэ титул «Малик» («господин»). Затем, несколько поколений спустя, девушка из семьи Дэ вышла замуж за одного из Малликов, и с тех пор обе семьи продолжали поддерживать тесные родственные отношения.

Целый квартал застроенных участков по обе стороны Харрисон-Роуд принадлежал Локанатху Маллику, а Гоур-Мохан со своей семьей занимал несколько комнат трехэтажного здания, которым владел Маллик. Напротив дома Дэ находился храм Радха-Говинды, в котором на протяжении последних ста пятидесяти лет Маллики поклонялись Божествам Радхи и Кришны. У Малликов было несколько магазинов, и часть приносимого ими дохода шла на поддержание Божеств и священников, совершавших поклонение. Каждое утро, перед завтраком, семья Малликов посещала храм, чтобы сделать подношение Шри Шри Радха-Говинде. На большом подносе они предлагали Божествам вареный рис, качори (жареные пирожки с пряной овощной

начинкой, очень популярные в Бенгалии) и овощи, а после этого раздавали прасад прихожанам – жителям соседних домов.

Среди ежедневных посетителей храма был и Абхай-Чаран, который приходил туда с матерью, отцом или слугой.

Шрила Прабхупада: Нас обычно привозили в одной коляске с Сиддхешваром Малликом. Он называл меня Моти («жемчужина»), а его прозвище было Субидхи. Слуга всегда возил нас вместе. Если в какой-то день я не появлялся, мой друг просто сходил с ума. Без меня он даже отказывался садиться в коляску. Мы никогда с ним не разлучались.

* * *

Пока слуга катил детскую коляску по широкой Харрисон-Роуд, лавируя между велосипедами и конными экипажами, дети глядели в ясное небо, рассматривая высокие деревья по обеим сторонам улицы и провожая глазами громыхающие конные упряжки с огромными вращающимися колесами. Слуга с коляской направлялся к арочным воротам в стене из красного песчаника, окружавшей Радха-Дамодара-Мандир, и когда Абхай с другом проезжали под узорчатой металлической аркой во внутренний двор, их встречали два каменных льва с вытянутыми вперед правыми лапами, – герольды и защитники храма.

Круговая аллея огибала овальную лужайку, на которой стояли фонарные столбы с газовыми светильниками и скульптура молодой женщины в живописном одеянии. Воробьи, громко чирикаая, перелетали между кустами и деревьями или прыгали по траве, иногда останавливаясь, чтобы поклевать что-то на земле. Повсюду ворковали голуби; иногда они резко взмахивали крыльями и перелетали с карниза на карниз или спускались во двор, по которому, громко переговариваясь, шли бенгальцы – женщины в простых хлопковых сари и мужчины в белых дхоти. Некоторые из них останавливались, чтобы позабавить двух мальчиков с золотистой кожей и блестящими темными глазами, но большинство людей быстро проходили мимо, торопясь в храм.

Массивная двойная дверь, ведущая во внутренний двор, была открыта, и слуга осторожно спускал коляску на одну ступеньку вниз, в вестибюль, и катил ее дальше; затем коляска спускалась еще на одну ступеньку, и все трое оказывались в главном дворе, залитом яркими солнечными лучами. Там на полутораметровой колонне возвышалась каменная статуя Гаруды. Носитель Вишну – получеловек, полуптица, с крепким орлиным клювом и сложенными за спиной крыльями, – стоял, молитвенно опустившись на одно колено и сложив руки. Коляска катилась дальше, мимо двух слуг, которые подметали и мыли каменный двор. До храма оставалось несколько шагов.

Храм представлял собой открытый павильон с возвышением посередине и каменной крышей, опирающейся на прочные пятиметровые колонны. В той части храма, что была слева, толпились люди, созерцающие Божества на алтаре. Слуга подкатывал коляску поближе, ставил детей на пол и, держа их за руки, благоговейно подводил к Божествам.

Шрила Прабхупада: Помню, как я стоял у дверей храма, вознося молитвы Радха-Говинде. Я часами неотрывно смотрел на Них. Божества с большими удлиненными глазами были прекрасны...

Омытые и наряженные, на серебряном троне, Радха и Говинда сияли золотым блеском, утопая в благоухающих цветах. Говинда, около полуметра высотой, и Радхарани, чуть ниже ростом, стояли, одинаково изогнувшись в изящной танцевальной позе: выставив вперед слегка согнутую в колене правую ногу. На Радхарани переливалось блестящее шелковое сари, а Ее красноватая правая ладонь была поднята в благословляющем жесте. Кришна, одетый в шелковую рубашку и дхоти, играл на золотой флейте. На стопах-лотосах Говинды лежали зеленые листья туласи с сандаловой пастой. Божественные образы Их Светлостей украшали гирлянды из нежных ароматных цветков ночного жасмина, которые спускались почти до Их лотосоподобных стоп. На шее у Них сверкали ожерелья из золота, жемчуга и бриллиантов, а руки Радхарани были украшены золотыми браслетами. С плеч Радхи и Говинды ниспадали шелковые, вышитые золотом чадары, а в Их руках и волосах красовались маленькие, нежные цветы. Серебряные короны на Их головах сияли драгоценными камнями. Радха и Кришна слегка улыбались.

Танцующие на серебряном троне под серебряным зонтом, усыпанные цветами, удивительно одетые, Божества казались Абхаю настолько прекрасными, что он совершенно забывал о жизни на Харрисон-Роуд и обо всем, что осталось там, за оградой храма. Птицы

продолжали чирикать во дворе, приходили и уходили посетители – Абхай тихо стоял, погруженный в созерцание прекрасных образов Кришны и Радхарани – Верховного Господа и Его вечной спутницы.

Затем начиналась киртана, и преданные пели и играли на барабанах и караталах. Абхай с другом наблюдали, как пуджари предлагает благовоние, выходящий дымок которого растворялся в воздухе, затем зажженную лампаду, раковину, платок, цветы, опахало и веер из павлиньих перьев. Наконец, пуджари громко трубил в раковину, и церемония арати заканчивалась.

* * *

Когда Абхаю исполнилось полтора года, он заболел тифом. Семейный врач, доктор Бозе, прописал ему куриный бульон.

– Нет, – возразил Гоур-Мохан. – Я не могу этого позволить.

– Это необходимо, иначе он умрет.

– Но мы не едим мяса, – взмолился Гоур-Мохан. – Мы не можем варить курицу на нашей кухне.

– Ничего страшного, – сказал доктор Бозе. – Я приготовлю бульон у себя дома и принесу его в банке, а вы...

Гоур-Мохану ничего не оставалось, кроме как согласиться:

– Если это необходимо для спасения моего сына....

Но когда доктор принес куриный бульон и дал Абхаю его выпить, того сразу же вырвало.

– Да-а... – согласился врач. – Пожалуй, ему это действительно не подойдет.

Гоур-Мохан выплеснул куриный бульон, а Абхай вскоре выздоровел сам, без мяса.

На крыше дома бабушки Абхая был садик, где росли цветы, зелень и небольшие деревца. Вместе с другими детьми двухлетний Абхай с большим удовольствием поливал растения из лейки. Но больше всего ему нравилось уединяться в этом садике – он находил подходящий куст и устраивался под ним.

Однажды, когда Абхаю было три года, он едва не сгорел. Играя со спичками около дома, он не заметил, как загорелась его одежда. Тут подбежал какой-то человек и потушил огонь. Абхай был спасен, но на ноге у него навсегда остался небольшой след от ожога.

В 1900-м году, когда Абхаю шел четвертый год, в Калькутте началась страшная эпидемия чумы, ежедневно уносившая десятки жизней. Люди тысячами покидали город. Когда уже казалось, что победить чуму невозможно, один пожилой бабаджи организовал харе-кришна-санкиртану по всей Калькутте. Индуисты, мусульмане, христиане, парсы – все, независимо от религиозных убеждений, присоединялись к ней, и вскоре огромная толпа людей шла по улицам, от дома к дому, с пением «Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе». Когда группа подошла к дому Гоур-Мохана Дэ на Харрисон-Роуд, 151, глава семьи радушно принял поющих. Хотя Абхай тогда был еще совсем маленьким – он едва доставал до колен участников санкиртаны, – он тоже присоединился к танцующим. Вскоре после этого эпидемия прекратилась.

* * *

Гоур-Мохан был чистым вайшнавом и воспитывал своего сына в сознании Кришны. Родители Гоур-Мохана тоже были вайшнавами, поэтому сам он никогда не прикасался к мясу, рыбе, яйцам, чаю и кофе. Светлокожий Гоур-Мохан обладал мягким и сдержанным характером. Вечером, закрывая свой магазин тканей, он ставил на пол посреди комнаты чашку с рисом, для того, чтобы крысы, наевшись вдоволь риса, не грызли от голода ткань. Возвратившись домой, он читал «Чайтанья-Чаритамриту» и «Шримад-Бхагаватам» – основные Священные писания бенгальских вайшнавов, а затем повторял джапу на своих четках и поклонялся Божеству Господа Кришны. Он был добрым и мягким и никогда не наказывал Абхая. Даже когда нужно было сделать Абхаю замечание, он извинялся:

– Ты мой сын, поэтому я должен сделать тебе замечание. Это мой долг. Даже отец Чайтаньи Махапрабху наказывал Его, поэтому не обижайся.

Шрила Прабхупада: Доход моего отца составлял не более двухсот пятидесяти рупий, но мы никогда ни в чем не нуждались. Когда мы были еще детьми, во время сезона манго мы, играя, бегали по дому и хватали манго, не прерывая игры. Манго мы могли есть весь день. Нам не нужно было даже спрашивать разрешения.

Моему отцу не составляло труда обеспечивать нас пищей, – дюжина манго стоила одну рупию. Хотя мы жили просто, у нас всего было в достатке. Мы относились к среднему классу, но при этом каждый день принимали четверых или пятерых гостей. Отец выдал замуж четырех дочерей, и это не обременило его. Может быть, мы жили не так уж богато, но у нас всегда были пища, кров и одежда. Каждый день отец покупал два с половиной литра молока. Он не любил делать мелкие покупки, поэтому весь уголь закупал сразу на год вперед – целый воз.

У нас было счастливое детство. Мы не могли себе позволить купить автомобиль, но это не омрачало нашего счастья. Мой отец часто говорил: «У Бога десять рук. Если Он захочет забрать у тебя что-нибудь, то сколько ты сможешь удержать двумя руками? А если Он захочет дать тебе что-нибудь из Своих десяти рук, то сколько ты сможешь взять своими двумя?»

Отец поднимался довольно поздно, около семи или восьми. После утреннего омовения он отправлялся за покупками, а затем, с десяти до часу дня, проводил пуджу. После этого он обедал и шел в свой магазин. В магазине отец немного отдыхал в течение часа.

Домой он возвращался в десять вечера и снова проводил поклонение. Это было его главным занятием. Он немного торговал для поддержания семьи, но важнее всего для него была пуджа. Бывало, мы спали, а отец проводил арати. Динь-динь-динь, – мы слышали звон колокольчика, просыпались и видели, как отец склоняется перед Кришной.

Гоур-Мохан хотел, чтобы Абхай стал вайшнавом, чтобы он служил Радхарани, проповедовал Бхагаватам и овладел вайшнавским искусством игры на мриданге. Регулярно принимая садху в своем доме, он обращался к ним с просьбой: «Пожалуйста, благословите моего сына, чтобы Шримати Радхарани была им довольна и одарила его Своею милостью».

Отец и сын любили гулять вместе – они наслаждались обществом друг друга. Иногда, экономя пять пайс на трамвайных билетах, они проходили пешком пятнадцать километров до Ганги. На берегу они обычно видели йога, который уже много лет неподвижно сидел на одном месте. Однажды, придя там, они увидели, что на том же самом месте сидит сын йога, унаследовавший место отца, а вокруг толпятся люди. Гоур-Мохан дал йогу пожертвование и попросил благословения для Абхая.

Мать Абхая хотела, чтобы он стал английским адвокатом (для этого необходимо было пройти обучение в Лондоне), и один из близких родственников Малликов поддерживал ее в этом. Но Гоур-Мохан и слышать об этом не хотел – он был уверен, что, если Абхай отправится в Англию, то одежда и манеры европейцев плохо повлияют на него.

– Он научится пить спиртное и бегать за женщинами, – возражал Гоур-Мохан. – Мне не нужны его деньги.

У Гоур-Мохана был свой план, и он приступил к его осуществлению, когда Абхай был еще совсем маленьким. Он нанял профессионального мастера игры на мриданге, чтобы тот научил Абхая традиционным ритмам киртаны. Раджани была настроена скептически:

– Чего это ради ты учишь такого малыша играть на мриданге? Все это ерунда.

Но Гоур-Мохан мечтал о том, чтобы его сын пел бхаджаны, играл на мриданге и читал лекции по Шримад-Бхагаватам.

Когда Абхай садился за мридангу, он вытягивал свои маленькие ручонки насколько мог, но они все равно едва доставали до мембран на противоположных концах барабана. Ловко вращая кистью правой руки, как учил его наставник, он быстро бил по мембране пальцами, извлекая высокий звук – ти-ни-ти-ни-тау – а затем ударял по левой мембране открытой ладонью левой руки – бум-бум. С годами он постепенно освоил основные ритмы, и Гоур-Мохан наслаждался его игрой.

Абхай был любимым ребенком и отца, и матери. Вдобавок к его детским именам, таким как Моти, Нандулал, Нанду и Коча, бабушка звала его Качори-мукхи из-за его любви к качори. Когда мама или бабушка давали ему качори, он набивал ими все карманы своей маленькой жилетки. Он обожал смотреть, как лавочники готовят прямо на оживленной улице, и принимать от них и от соседей качори в угощение, пока все его наружные и внутренние карманы не наполнятся до отказа.

Иногда, когда Абхай требовал у матери качори, она отказывалась их готовить. Однажды ей даже пришлось уложить его в постель, чтобы он не приставал к ней. А когда Гоур-Мохан вернулся домой и спросил, где Абхай, Раджани объяснила, что он был слишком назойлив и ей пришлось отправить его спать, оставив без качори.

– Нет, мы должны их ему приготовить, – ответил отец.

Он разбудил Абхая и сам нажарил для него пури и качори. Гоур-Мохан всегда был снисходителен к сыну и следил за тем, чтобы тот получал все, что хотел. Когда Гоур-Мохан приходил вечером домой, он обычно съедал немного воздушного риса, и Абхай иногда тоже садился рядом с отцом и ел воздушный рис.

Однажды Гоур-Мохан за шесть рупий купил Абхаю пару туфель, привезенных из Англии. А один из друзей Гоур-Мохана, который регулярно ездил в Кашмир, каждый год по его просьбе привозил для Абхая подарок – кашмирскую шаль с красивой каймой ручной работы.

Однажды на рынке Абхай увидел игрушечный пистолет и стал просить, чтобы отец его купил. Отец отказался, и Абхай заплакал.

– Ну, ладно, ладно, – смягчился Гоур-Мохан и купил пистолет. Однако Абхай немедленно потребовал еще один.

– У тебя же уже есть пистолет, – удивился отец, – зачем тебе второй?

– Чтобы в каждой руке было по пистолету! – закричал Абхай, лег на землю и начал бить по ней ногами. Успокоился он только после того, как отец согласился купить второй пистолет.

Мать Абхая, Раджани, родила его, когда ей было тридцать лет. Как и ее муж, она принадлежала к древнему роду гаудия-вайшнавов. Цвет ее кожи был темнее, чем у мужа, и она, в отличие от него, обладала горячим нравом. Абхай видел, что мать с отцом живут в мире – между ними никогда не было серьезных семейных конфликтов или глубокого недовольства друг другом. Раджани была идеальной женой в традиционном ведическом понимании: целомудренная и религиозная, она всю себя отдавала заботам о муже и детях. Абхай видел, как просто и трогательно мать пыталась защитить его молитвами и обетами. Прежде чем выпустить Абхая гулять, мать, одев его, смачивала слюной свой палец и прикасалась им к его лбу. Абхай не понимал, в чем смысл этой процедуры, но поскольку она была его матерью, он покорно стоял перед ней, «словно собака перед хозяином», пока она выполняла свой ритуал. Как и для Гоур-Мохана, для Раджани Абхай был любимым ребенком; но если её муж выражал свою любовь к Абхаю в форме снисходительности, мечтая сделать из своего сына святого, то любовь Раджани выражалась в попытках оградить Абхая от всех опасностей, болезней и смерти. Как-то раз она даже поднесла кровь из своей груди одному из полубогов, прося защитить Абхая от всех опасностей.

Сразу после рождения Абхая она приняла обет есть левой рукой, пока её сын не заметит это и не спросит, почему она ест не как все. Когда, наконец, маленький Абхай действительно спросил её об этом, она тотчас же прекратила. Не спроси он её, она и дальше пользовалась бы левой рукой, и согласно ее суеверию, Абхай продолжал бы находиться под защитой её обета.

Чтобы обезопасить Абхая, она надела ему на ногу железный браслет. Приятели спросили Абхая, зачем он его носит, и тот, смущенный, пошел к своей матери и потребовал:

– Сними этот браслет!

Она сказала:

– Сниму, только попозже.

Но Абхай начал плакать и кричать:

– Нет, сейчас же!

Однажды он проглотил арбузное семечко, и друзья сказали ему, что теперь у него в животе вырастет арбуз. Он испугался и побежал к матери, которая успокоила его, пообещав прочитать защитную мантру.

Шрила Прабхупада: Мама Яшода по утрам повторяла мантры, чтобы защитить Кришну от всяких опасностей в течение дня. Когда Кришна убивал какого-нибудь демона, она думала, что это произошло лишь благодаря её защитным мантрам. Моя мать тоже делала так, оберегая меня.

Раджани часто водила Абхая на Гангу и сама его купала. Она давала ему «Хорликс», лекарственную добавку к пище. Однажды Абхай заболел дизентерией, и она вылечила его горячими пури и жареными баклажанами с солью. Когда Абхай болел, он подчас проявлял особое упрямство, отказываясь принимать любые лекарства. Но мать была не менее решительна и насильно вталкивала лекарство ему в рот, для чего иногда требовалась помощь трех человек, которые держали Абхая.

Шрила Прабхупада: Я был очень непослушным ребенком. Я все ломал. В гневе я бил стеклянные трубки от кальянов, которые мой отец держал для гостей. Однажды моя мать пыталась искупать меня, но я, сопротивляясь, ударился головой о землю так сильно, что потекла кровь. Прибежали люди и сказали: «Что ты делаешь? Ты же убиёшь ребенка».

Абхай был рядом с матерью, когда та совершала церемонию Садха-хотра на седьмом и девятом месяце беременности. После омовения она надевала новую одежду и вместе с детьми наслаждалась пиром из любимых блюд, а ее муж раздавал подарки местным брахманам, повторявшим мантры для очищения матери и будущего ребенка.

Абхай полностью зависел от матери. Иногда она надевала на него рубашку задом наперед, и он безропотно это принимал. Будучи страшно упрямым, он все равно чувствовал свою зависимость от матери. Когда ему нужно было сходить по нужде, он начинал подпрыгивать рядом с матерью, дергая ее за сари, и повторять:

– Пи-и-сать, писать!

– Кто же тебе запрещает? – говорила она. – Конечно, иди.

Только после этого Абхай шел в туалет.

Иногда эта полная зависимость просто обезоруживала Раджани.

Когда у Абхая выпал первый молочный зуб, она посоветовала ему перед сном положить зуб под подушку. Абхай так и сделал, но утром зуб исчез, а на его месте лежали деньги. Абхай отдал эти деньги матери на хранение, но потом, когда мать в очередной раз отказывалась исполнить его каприз, он требовал:

– Я хочу, чтобы мне вернули деньги! Я ухожу из дома. Отдавай мои деньги!

Раджани обычно просила своих дочерей заплетать ей волосы в косу. Но если рядом находился Абхай, он требовал, чтобы это поручили ему, и поднимал такой шум, что сестры вынуждены были уступить. Однажды он покрасил подошвы своих стоп красной краской, подражая обычаю женщин красить стопы по праздникам. Мать пыталась остановить его, говоря, что это не для детей, но он настаивал:

– Нет, я тоже, я тоже!

Абхай не хотел ходить в школу. «Зачем идти туда? – думал он. – Лучше весь день играть».

Когда же мать пожаловалась Гоур-Мохану, Абхай, уверенный в том, что отец будет снисходителен к нему, сказал:

– Нет, я пойду завтра.

– Хорошо, он пойдет завтра, – сказал Гоур-Мохан. – Ничего страшного.

Но на следующее утро Абхай сказал, что плохо себя чувствует, и отец снова оставил его дома. Раджани сердилась, что мальчик не ходит учиться. Она наняла человека, который за четыре рупии отводил его в школу. Этот человек, которого звали Дамодарой, обвязывал Абхая вокруг пояса веревкой – таково было традиционное обращение с детьми, – вел его в школу и передавал учителю. Если он пытался убежать, Дамодара подхватывал его и нес на руках. После нескольких таких «прогулок» под конвоем Абхай начал ходить в школу сам.

Абхай был внимательным и спокойным учеником, но, случалось, и озорничал. Однажды, когда учитель дернул его за ухо, он столкнул на пол керосиновую лампу и устроил пожар.

В те дни любой, даже простой, неграмотный крестьянин знал наизусть отрывки из «Рамаяны», «Махабхараты» или «Бхагаватам». Часто, особенно в деревнях, люди по вечерам собирались послушать чтение этих Писаний. Иногда, вечером, вся семья Гоур-Мохана отправлялась в дом дяди Абхая, за пятнадцать километров, где их родственники собирались, чтобы послушать о трансцендентных играх Господа. А по дороге домой они обсуждали услышанное, и ночью им снились сцены из «Рамаяны», «Махабхараты» или «Бхагаватам».

Часто после дневного сна и омовения Абхай бегал к соседям, где рассматривал черно-белые иллюстрации к «Махабхарате». Каждый день бабушка просила его читать ей местное издание этой поэмы. Так, разглядывая картинки и читая вместе с бабушкой, Абхай «впитывал» «Махабхарату».

Товарищем детских игр Абхая была его младшая сестра Бхаватарини. Они вместе ходили смотреть на Божества Радхи и Говинды в храме Малликов, а если в играх у них возникало препятствие, они молились Богу, прося Его о помощи.

– Кришна, пожалуйста, помоги нам запустить этого воздушного змея, – кричали они на бегу, пытаясь поднять бумажного змея в воздух.

Игрушки Абхая состояли из двух револьверов, заводной машинки, механической собачки, которая могла танцевать, и коровы, подпрыгивавшей, когда он нажимал на резиновую грушу, соединенную с ней. Собачку Абхай получил в подарок от доктора Бозе, семейного врача, когда тот лечил небольшую рану у Абхая на боку.

Сам Абхай иногда любил поиграть во врача и выписывал друзьям «лекарство», которым была простая пыль.

Любимым праздником Абхая была Ратха-ятра Господа Джаганнатхи, которую ежегодно проводили в Калькутте. Маллики устраивали самую большую в городе Ратха-ятру, с тремя отдельными колесницами, на которых восседали Божества Джаганнатхи, Баладевы и Субхадры. Выехав из храма Радха-Говинды, колесницы проезжали немного вдоль по Харрисон-Роуд и возвращались обратно. В день праздника Маллики раздавали много прасада.

Ратха-ятра проводится во всех городах Индии, но главный праздник, который каждый год посещают миллионы паломников, проходит в пятистах километрах к югу от Калькутты, в Джаганнатха-Пури. Ратха-ятра отмечается в Пури на протяжении многих столетий: во время грандиозного трехкилометрового шествия в ознаменование одной из вечных игр Господа Кришны, толпы людей тянут три деревянные колесницы высотой около пятнадцати метров каждая. Абхай слышал, что четыреста лет назад на празднике Ратха-ятры танцевал и пел «Харе Кришна» Сам Господь Чайтанья. Иногда Абхай ходил смотреть расписание поездов на вокзале или интересовался стоимостью билетов до Пури и до Вриндаваны, мечтая когда-нибудь накопить денег и отправиться туда.

Однажды Абхаю захотелось иметь свою колесницу и самому провести Ратха-ятру, и он, конечно же, обратился за помощью к отцу. Гоур-Мохан согласился, но, посетив вместе с сыном несколько столярных мастерских, понял, что постройка колесницы ему не по карману. Когда им пришлось возвращаться домой ни с чем, Абхай заплакал, и одна пожилая бенгальская женщина подошла к нему и спросила, что случилось. Гоур-Мохан объяснил, что мальчик хотел колесницу для Ратха-ятры, но заказать её им не по средствам.

– У меня есть колесница, – сказала женщина и пригласила Гоур-Мохана с сыном к себе, чтобы показать им ее. Колесница была старенькая, но все еще в рабочем состоянии, и размера подходящего – чуть больше метра высотой. Гоур-Мохан купил её, привел в порядок и украсил. Они с сыном изготовили шестнадцать опорных колонн и укрепили на них балдахин, очень похожий на тот, что украшает большие колесницы в Пури, а к передку колесницы привязали традиционного деревянного коня с возничим. Абхай настаивал на том, чтобы колесница выглядела строго в соответствии с традицией. Гоур-Мохан купил краски, и Абхай собственноручно раскрасил колесницу, в точности так же, как их раскрашивают в Пури. С огромным энтузиазмом Абхай следил за выполнением всей программы праздника. Он даже собирался устроить по случаю Ратха-ятры фейерверк, пользуясь иллюстрированным руководством по изготовлению фейерверков, но тут в дело вмешалась Раджани...

Абхай занимал в подготовке и проведении праздника своих друзей, особенно сестру Бхаватарини, и так, естественным образом, стал лидером среди друзей. Очарованные соседки согласились по его просьбе приготовить особые блюда, чтобы Абхай мог раздавать на празднике Ратха-ятры прасад.

Как и праздник в Пури, Ратха-ятра Абхая продолжалась восемь дней. Вся его семья, а также соседские дети присоединились к процессии. Они тянули колесницу, играли на барабанах и караталах и пели. Одетый по-летнему, в одно только в дхоти, Абхай руководил хором детей, поющих «Харе Кришна» и бенгальский бхаджан, «Ки кара рай камалини».

Что ты делаешь, Шримати Радхарани?

Пожалуйста, выйди, посмотри -

Крадут Твое драгоценное сокровище -

Кришну, черную жемчужину.

Ах, если бы эта юная девушка знала,

Что юный Кришна,

Сокровище Её сердца,

Оставил Её!

Абхай подражал всему, что видел на религиозных праздниках взрослых: он одевал Божества, подносил Им пищу, предлагал Им арати (масляный светильник и благовония), кланялся Им. Сойдя с Харрисон-Роуд, процессия вступила на круговую аллею во дворе храма Радха-Говинды и приостановилась перед Божествами. Видя это веселье, друзья Гоур-Мохана подошли к нему:

– Что ж это такое? Ты проводишь большой праздник, а нас не пригласил?

– Да это просто дети играют, – ответил отец.

– Дети играют? – продолжали шутить друзья. – Ты нарочно говоришь, что это детская забава! Ты просто хочешь лишить нас удовольствия,

Пока счастливый Абхай был поглощен праздником, Гоур-Мохан в течение восьми дней оплачивал расходы, а Раджани готовила разные блюда, которые вместе с цветами предлагались Господу Джаганнатхе. Несмотря на то, что все это было детским подражанием, пыл и вдохновение, с которыми Абхай проводил праздник, были самыми настоящими. Искренний дух Абхая вливал жизнь в детскую Ратха-ятру на протяжении всех восьми дней, и впоследствии он каждый год снова устраивал такой же праздник.

* * *

Когда Абхаю было около шести лет, он попросил у отца Божества для поклонения. С младенчества, каждый день наблюдая за отцом, проводящим домашнюю пуджу и за поклонением Радха-Говинде в храме Малликов, он думал:

– Когда же я смогу так поклоняться Кришне?

По просьбе Абхая отец купил ему пару маленьких Божеств Радхи и Кришны. С этого дня, что бы ни ел Абхай, он сначала предлагал это Радхе и Кришне. Подражая отцу и священникам храма Радха-Говинды, Абхай предлагал своим Божествам масляную лампадку и укладывал Их спать.

Абхай и Бхаватарини стали преданными слугами своих маленьких Радхи и Кришны. Большую часть времени брат и сестра проводили, одевая Их и предлагая Им пуджу, а иногда они пели Божествам бхаджаны. Братья и сестры смеялись над Абхаем и Бхаватарини, приговаривая, что поскольку их больше интересует поклонение Божеству, нежели учеба, им не прожить долгой жизни. Но Абхай отвечал, что ему все равно.

Однажды соседка спросила у матери Абхая:

– Сколько лет твоему сыну?

– Семь, – ответила мать.

Абхай слушал с интересом: он никогда раньше не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о его возрасте. Но сейчас он впервые понял: «Мне семь лет».

Помимо занятий в подготовительном классе, куда Абхая отводили под конвоем, с пяти до семи лет он учился дома, с репетитором. Он научился читать на бенгали и начал изучать санскрит. Затем, в 1904 году, в возрасте восьми лет, его отдали в бесплатную Королевскую школу Матти-Лал, которая находилась по соседству, на углу Харрисон-Роуд и Центральной улицы.

Это была школа для мальчиков, основанная в 1842 году богатым вайшнавом из общины суварна-ваник. Каменное двухэтажное здание школы окружала каменная стена. Преподавали там индусы, а учились в школе бенгальцы из местных семей суварна-ваник. Поутру мальчики, одетые в дхоти и курты, выходили из дома и шли в школу маленькими группами. Каждый нес несколько книг и тиффин. Во дворе школы они разговаривали и играли, пока звон колокольчика не приглашал их на занятия. Тогда мальчики вбегали в здание, где с шумом бегали по залам, носились туда-сюда по лестницам, иногда выскакивая на широкую веранду на втором этаже, пока учителя не собирали их и не рассаживали на скамейках за деревянными партами. В этой школе детей учили математике, естественным наукам, истории, географии и их родной вайшнавской традиции и культуре.

В классах царила строгая дисциплина. На каждой длинной скамье за общей партой с четырьмя чернильницами сидели четыре ученика. За плохое поведение учитель приказывал ученику «встать на скамью». На уроке литературы дети изучали известные «Бенгальские народные сказания» – сборник бенгальских народных сказок, которые бабушки рассказывают своим внукам: истории о ведьмах, привидениях, духах, колдунах-тантристах, о говорящих животных, о добрых и злых брахманах, о доблестных воинах, ворах, царевичах, царевнах, о духовной отрешенности, о верных женах и доблестных мужьях.

Во время ежедневных прогулок в школу и из школы, Абхай и его друзья, еще наивно, по-детски, но уже научились различать людей на улицах Калькутты: гордых англичан, которые ездили в каретах, запряженных лошадьми; извозчиков; бханги, подметающих улицы соломенными метлами; и даже местных карманников и проституток, стоявших на углах улиц.

В тот год, когда Абхаю исполнилось десять лет, по Харрисон-Роуд проложили трамвайные рельсы. Он наблюдал за рабочими, которые укладывали рельсы, и был потрясен, когда впервые увидел, как движется трамвайный вагон, касаясь пантографом электрического провода. День и

ночь мечтал он о том, чтобы самому приставить палку к электрическому проводу и поехать по рельсам. Хотя электричество было в Калькутте в новинку (только состоятельные люди могли позволить себе провести его в дом), все же наряду с трамваем, на улицах появились и новые дуговые фонари, которые заменили старое газовое освещение. Абхай с друзьями ходил по улице и собирал использованные графитовые электроды, которые электрики оставляли под фонарями. А когда Абхай в первый раз увидел граммофон, он подумал, что внутри него сидит электрический человек или дух, который поет.

Абхаю нравилось ездить на велосипеде по оживленным улицам Калькутты. Он был заядлым велосипедистом, но бегать не любил, поэтому, когда в школе открылся футбольный клуб, он попросился во вратари. Он часто ездил на велосипеде в южном направлении, на Далхаузи-Сквер, где большой фонтан сеял вокруг водяную пыль. Рядом с фонтаном находился Радж-Бхаван, дом вице-короля, который можно было увидеть сквозь ворота. Направляясь дальше к югу, Абхай проезжал под открытыми арками Майдана, главного городского парка Калькутты, с прекрасным зеленым газоном, простиравшимся к северу до Чоуранги, и государственными зданиями и деревьями английского квартала. В парке тоже было немало привлекательных мест для велосипедных прогулок: ипподром, Форт-Уильям, стадион. Майдан находился на берегу Ганги (которую на местном языке называли Хугли), и иногда Абхай, возвращаясь домой, проезжал по набережной мимо многочисленных гхатов – купален с каменными ступеньками, ведущими вниз, к воде. Часто эти ступени спускались от храмов, возвышавшихся на берегу. Был там и гхат, где кремировали тела умерших, а рядом с домом Абхая реку пересекал понтонный мост, ведущий в город Ховрах.

В двенадцать лет Абхай получил посвящение у семейного гуру, но это не оставило в его сердце глубокого впечатления. Гуру рассказывал ему о своем учителе, великом йоге, который однажды спросил у него:

– Что ты хочешь съесть?

Семейный гуру Абхая ответил:

– Свежих гранатов из Афганистана.

И йог сказал:

– Загляни в ту комнату.

Он пошел в соседнюю комнату и нашел там ветку граната, увешанную спелыми и свежими плодами, словно только что отломанную с дерева. Один йог, приходивший к отцу Абхая, рассказывал, как однажды он сел рядом со своим учителем и, прикоснувшись к нему, благодаря мистической силе гуру, во мгновение ока оказался в Двараке.

Гоур-Мохану не очень нравились так называемые садху, которых в Бенгалии день ото дня становилось все больше – это были непреданные, философы-имперсоналисты, поклонники различных полубогов, курильщики ганджи и попрошайки. Но он был настолько щедр, что приглашал к себе в дом даже таких шарлатанов. Каждый день Абхай видел много подобных «садху», но иногда в доме его отца гостили и настоящие святые. От них Абхай узнал о многом, в том числе о существовании мистических сил. Однажды в цирке Абхай с отцом видели йога, которого связали по рукам и ногам и посадили в мешок. Мешок крепко завязали, запечатали и положили в ящик, который заперли на замок и тоже запечатали. Йогу удалось выбраться. Однако Абхай не придавал этому большого значения. Только преданное служение, которому его научил отец: поклонение Радха-Кришне и проведение Ратха-ятры – вот что было для него важнее всего.

* * *

В Калькутте индусы и мусульмане жили в мире и согласии. Ходить друг к другу на богослужения было обычным делом. И у тех и у других были свои особенности, но в их взаимоотношениях всегда царила гармония. Поэтому, когда произошел первый индо-мусульманский конфликт, в семье Абхая все поняли, что это – политика Британии. Когда начались волнения, Абхаю было почти тринадцать лет. Он не понимал толком, что происходит, но оказался в центре событий.

Шрила Прабхупада: Магометане жили вокруг нашего района на Харрисон-Роуд. Дом Малликов и наш дом пользовались уважением, но его окружали так называемые касба и басти (мусульманские кварталы). Там-то и происходили беспорядки. А я вышел погулять. Не зная, что на рыночной площади волнения, я возвращался домой, и один из школьных приятелей сказал мне: «Не ходи домой. Там сейчас погромы».

Мы жили в мусульманском квартале, и именно там начались столкновения между мусульманами и индусами. Но я подумал, что, возможно, это что-то вроде драки между двумя гундами (бандитами). Однажды я видел, как один гунда ударил ножом другого, и воров-карманников я тоже видел. Они даже были нашими соседями. Поэтому я подумал, что это что-то наподобие

Но когда я собирался перейти через Харрисон-Роуд, я увидел, как грабят магазин. Я был всего лишь ребенком, мальчишкой. Я подумал: «Вот это да! Что происходит?» Тем временем мои родители сидели дома, страшно напуганные и думали: «Ребенок не пришел». Они так разволновались, что вышли на улицу, ожидая меня: «Откуда придет Абхай?» Что я мог поделать? Когда я увидел этот погром, то кинулся домой, и тут один магометанин достал нож и побежал за мной, – он хотел убить меня. Но мне каким-то чудом удалось убежать. Я спасся. Когда родители увидели меня, подбегающего к воротам дома, к ним вернулась жизнь. Я молча пошел в спальню. Это было зимой. Не сказав ни слова, я лег и закутался в одеяло. Затем, позже, встав с кровати, я спросил: «Ну что, кончилось? Погром кончился?»

* * *

В пятнадцать лет Абхай заразился бери-бери, и мать, которая тоже заболела этой болезнью, регулярно натирала ему ноги порошком хлористого кальция, чтобы уменьшить отек. Вскоре Абхай выздоровел, и мать, которая ни на день не прекращала выполнять свои обязанности, тоже поправилась.

Но уже через год она внезапно умерла. Ей было всего сорок шесть лет, и её уход стал неожиданно опустившимся занавесом, который оборвал спектакль счастливого детства Абхая: нежной заботы его матери, её молитв и защитных мантр, её пищи, её хлопот о нём, материнских нагоняев. На сестрах уход матери сказался сильнее, чем на Абхае, но, несомненно, после этого события Абхай ещё больше стал зависеть от заботы отца. Ему было уже шестнадцать, но после смерти матери ему пришлось совсем повзрослеть и приготовиться к самостоятельной жизни.

Отец успокоил его. Он сказал Абхаю, что скорбеть не о чем, что душа вечна, и все происходит по воле Кришны, поэтому он должен верить в Кришну и полагаться на Него. Абхай выслушал это и все понял...

Глава вторая

Колледж, женитьба и движение Ганди

В 1920 году я присоединился к движению Ганди и бросил учебу. Хотя я успешно сдал заключительный экзамен на степень бакалавра, от диплома я отказался и никогда больше не возвращался к академическому образованию.

Шрила Прабхупада

В 1914 году началась война, и многие индийцы добровольно пошли сражаться за своих «хозяев» – Великобританию. Абхай читал в газетах о военных действиях, видел, как английские самолеты приземлялись на ипподроме, в парке Майдан, но самого его война обошла стороной. В 1916 он поступил в колледж. В Калькутте было два престижных заведения такого типа: Президентский колледж и колледж Шотландских Церквей, в который и поступил Абхай.

Колледж этот был христианским учреждением, но пользовался хорошей репутацией среди бенгальцев, и многие вайшнавские семьи отдавали туда своих детей. Профессора, серьезные и добродетельные люди, в большинстве своем были священниками шотландской церкви, и студенты получали действительно хорошее образование. Это было пристойное, уважаемое учреждение, а располагалось оно в северной части Калькутты, недалеко от Харрисон-Роуд, что позволило Гоур-Мохану оставить Абхая жить дома.

Гоур-Мохан уже давно решил, что непустит Абхая в Лондон, где тот может пасть жертвой западной деградации. Он хотел, чтобы Абхай стал чистым преданным Шримати Радхарани и Господа Кришны. С другой стороны, не хотел Гоур-Мохан и того, чтобы сын его стал учеником-брахмачари у какого-нибудь гуру. Где сейчас найти достойного гуру? Опыт общения со всевозможными йогами и свами не вселял в него уверенности. Он хотел, чтобы сын его строго следовал принципам духовной жизни, но в то же время у него не было сомнений, что Абхаю придется жениться и самому зарабатывать на жизнь. В этом отношении обучение Абхая в колледже Шотландских Церквей казалось Гоур-Мохану наилучшим вариантом.

Основателем колледжа был преподобный Александр Дафф, христианский миссионер, прибывший в Калькутту в 1830 году. Преподобный Дафф был одним из первых, кто начал прививать индийцам интерес к европейской цивилизации. Прежде всего, он основал Институт Генеральной Ассамблеи, для «проповеди Евангелия через образование, свободное, но в то же время религиозное, основанное на западных принципах и преподавании на английском языке в старших классах». Позднее он основал Колледж Церкви Шотландии, а в 1908 году объединил оба учреждения в Колледж Шотландских Церквей.

Шрила Прабхупада: Мы уважали наших учителей, как отцов. Взаимоотношения между учащимися и профессорами были очень хорошими. Вице-канцлер, профессор В.С. Эрхарт, был настоящий джентльмен и добряк. Иногда мы даже шутили с ним.

На первом курсе я изучал английский и санскрит. На втором – санскрит и философию, а затем – философию и экономику. Другого профессора звали Дж. К. Скримджер. Он преподавал английскую литературу и на уроках часто цитировал подходящие по теме отрывки из произведений Банким-Чандры Чаттерджи. «Да, да, – говорил он, – так говорит ваш Банким Бабу». Он изучал труды Банкима и сравнивал его с Вальтером Скоттом. В те дни Диккенс и г-н Вальтер Скотт считались двумя величайшими английскими писателями. Он знакомил нас с произведениями этих романистов, и наши с ним отношения были очень хорошими.

Абхай присоединился к Английскому Обществу и на память читал своим однокурсникам стихотворения Китса, Шелли и других поэтов. А будучи членом Санскритского Общества, он наизусть декламировал Гиту, и некоторые из его однокурсников замечали, что особенно выразительно он пел Одиннадцатую главу, описывающую Вселенскую форму Кришны. Кроме того, Абхай играл в футбол и участвовал в театральных постановках.

Известный в Бенгалии театральный деятель Амритлал Бозе руководил репетициями спектакля о жизни Господа Чайтаны, в которых участвовал Абхай с группой своих одноклассников. Г-н Бозе рассуждал:

– В наши дни «Чайтанья-лилу» можно посмотреть в городском театре всего за полрупии, так какой же прок в этой вашей любительской постановке?

И сам же отвечал на свой вопрос:

– Людям должен так понравиться ваш спектакль о Господе Чайтанье, чтобы, посмотрев его, они навсегда перестали бы грешить.

Выдающийся театрал, он добровольно взял на себя это служение и согласился обучать студентов бесплатно, но поставил условие: они не должны выступать на публике до тех пор, пока он сам не признает их постановку безукоризненной. Абхай и его друзья репетировали больше года, пока, наконец, директор не разрешил им выступить на сцене. Абхай, игравший роль Адвайты Ачарьи, заметил, что многие в зале плакали. Сначала он не мог понять, почему, но затем догадался, что зрителей тронуло искреннее исполнение и прекрасная подготовка актеров. Это был первый и последний спектакль Абхая.

Преподаватель психологии в колледже, профессор Эркхарт, доказывал, что масса мозга у женщин меньше, чем у мужчин. Профессор экономики давал лекции по теории Маршала, который утверждал, что стимулом к экономическому развитию являются семейные привязанности. На уроках санскрита Абхай пользовался учебником Роуа и Вебба, которые называли санскрит матерью всех языков.

Когда Абхай изучал «Кумара-самбхаву» Калидасы, сильное впечатление на него произвело объяснение слова «дхира», что значит «невозмутимый» или «владеющий собой». В книге говорилось, что когда-то, давным-давно, когда полубоги вели войну с демонами, они захотели, чтобы от семени Господа Шивы родился великий воин, который стал бы их главнокомандующим. Но Господь Шива был погружен в глубокую медитацию, и чтобы прервать её, полубоги послали к нему прекрасную юную девушку, Парвати. Она стала поклоняться Господу Шиве и даже коснулась его гениталий, но это ничуть не потревожило его. Такая способность не поддаваться обольщению – совершенный пример дхиры.

Как и в других английских школах Индии, в Шотландском Колледже все европейские преподаватели обязаны были учить местный язык. Однажды профессор Эркхарт проходил мимо Абхая и группы студентов, которые ели арахис и болтали между собой на бенгали. Один из студентов «проехался» на счет профессора Эркхарта, и, ко всеобщему удивлению, профессор тотчас же повернулся к шутнику и ответил ему на бенгали, от чего Абхая и другим студентам стало очень неловко.

Изучение Библии в колледже было обязательным. Библейское Общество выдало каждому студенту Библию в красивом переплете, и каждое утро студенты собирались, читали Писание, молились и пели гимны.

Один из профессоров критиковал ведическое учение о карме и переселении души. В суде человека не могут обвинить в преступлении, если нет свидетелей. Подобным образом, утверждал профессор, если душа, согласно индуизму, в нынешней жизни страдает за свои несправедливые поступки, совершенные в прошлом воплощении, то где же свидетели этих преступлений? Абхая было неприятно слышать эти критические выпады, и он знал, как их опровергнуть, но, будучи всего лишь студентом, вынужден был молчать. По своему общественному положению он стоял ниже – учащийся не мог бросить вызов преподавателю. Но он знал, что довод профессора против кармы не имел под собой оснований, ведь свидетель на самом-то деле был.

Некоторые ученики, которые приехали в Калькутту из маленьких деревень, с робостью взирали на большой город – соседство европейцев смущало их. Но Абхай чувствовал себя в Калькутте, в обществе англичан, спокойно. Он даже испытывал некоторую симпатию к своим шотландским учителям. И хотя отношение к ним Абхая можно описать как смесь настороженности, почтения и желания удержать дистанцию, его восхищали их моральные принципы, их вежливое и учтивое отношение к ученикам. Они казались ему добросердечными.

Однажды Шотландский Колледж посетил губернатор Бенгалии, шотландец. Он заходил в классы, каждый из которых вмещал около 150 студентов, и Абхая, который сидел в первом ряду, представилась возможность увидеть вблизи знаменитого губернатора, Маркиза Шетлендского.

Колледж работал по принципу строгого общественного разделения между индусами и европейцами. Даже факультет бенгали, преподаватели которого принадлежали, по мнению англичан, к низшей расе, располагался отдельно от факультетов, где преподавали англичане. В учебную программу колледжа входил учебник М. Гхоша, индеец по национальности, который назывался «Роль Англии в истории Индии». Этот учебник подробно повествовал о том, как

примитивна была Индия до начала британского правления. Преподаватель экономики в колледже часто ругал своих учеников, когда они выводили его из себя своей медлительностью. Обращаясь к студентам как к представителям всего индийского народа, он кричал:

– Даже и не думайте о независимости! Вы не способны управлять! Единственное, что вы можете – это работать, как ослы!

Учеба в колледже требовала самоотдачи. Абхаю уже не удавалось по утрам любоваться Божествами Радхи и Говинды. Такую роскошь он мог позволить себе только в детстве – тогда он целыми днями пропадал в храме Малликов, часами сидя перед золотыми образами Радхи и Говинды, наблюдая за тем, как пуджари поклонялись Божествам, предлагая Им благовония, цветы, светильники, киртану и роскошный прасад. Ребенком он мог играть на траве во дворе храма или наблюдать, как готовят качори на обочине дороги. Он мог кататься на велосипеде или запускать воздушного змея с Бхаватарини. Вся его жизнь проходила неподалеку от дома. Теперь же и детство в доме на Харрисон-Роуд, и наставления матери, и поклонение отца Кришне – все было в прошлом.

Теперь его дни протекали в стенах колледжа Шотландских Церквей. Здесь тоже была лужайка, и сад с птицами, и даже небольшое баньяновое дерево. Но место поклонения заняла учеба. В колледже была очень серьезная атмосфера. Даже собираясь у главного входа перед доской объявлений, студенты вели разговоры только о заданиях к урокам или учебном расписании.

Когда Абхай не сидел с одноклассниками на скамье за одной из длинных парт, рядами стоявших в аудитории, когда он не смотрел внимательно на доску во время лекции одного из профессоров, – как правило, священника, в европейском костюме, говорящего с шотландским акцентом и произносящего «duty» как «juty», когда он был не в классе, на лекциях по западной логике, химии или психологии – тогда он выполнял домашние задания, сидя за столом между книжными полками в библиотеке колледжа, читал или конспектировал книги под электрическим вентилятором, шевелившим страницы. Даже дома, с отцом, сестрами и братьями, он снова и снова перечитывал свои конспекты или выполнял письменные задания. Абхай был вынужден прекратить поклонение Божеству Кришны, которое несколько лет назад по его просьбе подарил ему отец, и Божество пришлось запереть в ящик.

Гоур-Мохана не беспокоило то, что его любимый сын больше не поклонялся Божеству, как раньше. Он видел, что Абхай сохранял чистоту привычек, не перенимал западное мировоззрение и не бросал вызов родной культуре. Отец почти не сомневался, что, учась в Колледже Шотландских Церквей, Абхай не опустится до аморальных поступков. Гоур-Мохан был доволен: Абхай получал хорошее образование, чтобы сделать карьеру после окончания колледжа. Он становился ответственным вайшнавом; близилось время, когда ему предстояло жениться и устроиться на работу.

У Абхая был близкий друг, школьный товарищ – Рупендранатха Митра. Абхай и Рупен вместе готовились к занятиям и сидели рядом в зале собраний на библейских чтениях, читая обязательные молитвы. Рупен заметил, что, хотя Абхай был серьезным студентом, он никогда не был в восторге от западного образования и особо не стремился к успехам в учебе. Иногда Абхай по секрету говорил Рупену:

– Не нравится мне это все, – а временами даже поговаривал об уходе из колледжа.

– О чем ты думаешь? – спрашивал Рупен, и Абхай делился с ним своими мыслями.

Рупен замечал, что Абхай всегда думает о «чем-то религиозном, философском, или о преданности Богу».

Абхай изучал труды западных философов и ученых, но они не производили на него особого впечатления. В конце концов, это было просто мудрствование, и выводы их не основывались на ведических Писаниях, преданном служении Богу и вайшнавской традиции, в которой Гоур-Мохан воспитывал Абхая. Неожиданный доступ к богатству западного образования, который у одних вызвал интерес к углубленному изучению, а у других – стремление выучиться и сделать хорошую карьеру, никак не повлиял на Абхая. В глубине души он всегда думал о «чем-то религиозном, философском, о преданности Богу», но как студент посвящал все свое время и силы учебе.

Однажды, когда Абхай уже закончил первый курс, ему приснился необычный сон. Ему явилось Божество Кришны, которое дал ему отец. Господь жаловался:

– Почему ты убрал Меня в эту коробку? Ты должен достать Меня и снова начать Мне поклоняться.

Абхай почувствовал себя виноватым за то, что не заботился о Божестве; с этого дня он возобновил поклонение своим домашним Божествам Радха-Кришны, хотя по-прежнему был загружен домашними заданиями.

* * *

В одной из групп, на курс старше Абхая, учился один очень энергичный националист, Субхас Чандра Бозе. Когда-то он учился в Президентском колледже, но впоследствии был исключен за организацию студенческой забастовки против одного английского профессора, который систематически унижал индийских студентов. В «Шотландских Церквях» Бозе зарекомендовал себя как серьезный студент; он был секретарем философского клуба и сотрудничал с вице-канцлером Эрххартом. Абхай слышал как Субхас Бозе и другие студенты рассуждали о независимости Индии. Он слышал имена людей, широко известных в его родной Бенгалии: Бипинчандра Пала, сражавшегося за отмену Акта о вооружении; Сурендранатха Баннерджи, потрясшего британцев волной народного возмущения против разделения Бенгалии в 1905 году; Лала Ладжпата Рая; и самого, пожалуй, знаменитого, – Мохандаса К. Ганди.

В колледже строго-настрого воспрещалась антиправительственная пропаганда, но студентам импонировала идея национальной независимости. Открытого возмущения никто не выказывал, но иногда учащиеся проводили тайные собрания. Абхай слушал, как Субхас Чандра Бозе побуждал студентов поддержать движение за независимость Индии. Ему нравилась вера Бозе в духовность, его энтузиазм и решимость. Абхая не интересовала политика, но идеалы движения независимости были ему близки.

Многие ораторы и писатели Бенгалии называли движение за независимость Индии (сварадж) духовным движением. Националисты сравнивали политическую «эмансипацию» с освобождением души из материального рабства. Но Абхая привлекало преданное служение Господу Кришне, Абсолютной Истине – эти взгляды он унаследовал от отца и хранил с детства; а независимость Индии была истиной временной, относительной. Однако, даже признавая абсолютное положение ведических Писаний, некоторые лидеры свараджа старались доказать, что солнце изначальной славы индийской культуры не взойдет до тех пор, пока на Индии лежит клеймо иностранного владычества. Они подчеркивали, что иностранцы оскорбляют и поносят великую индийскую культуру.

Абхай тоже чувствовал это. В учебнике «Роль Англии в истории Индии» М. Гхош выдвигал теорию о том, что ведические Писания – это мешанина из недавно созданных произведений, и что до британского правления и распространения христианства Индия была духовно и культурно отсталой страной. Англичане нередко поносили шастры, как это делал профессор Абхая, пытаясь опровергнуть закон кармы. Но если бы Индия обрела национальную свободу, тогда все – не только индусы, но и весь мир – получили бы благо от высокоразвитой ведической культуры.

Тайный призыв к свараджу притягивал буквально всех студентов, и Абхай не стал исключением. Особенно он верил в Ганди. Ганди всегда носил с собой «Бхагавадгиту»; он ежедневно читал священные слова Господа Кришны и говорил, что «Гита» в его жизни играет гораздо более важную роль, чем какая-либо другая книга. Ганди вел чистый образ жизни. Он не прикасался к алкоголю и табаку, не ел мяса и не вступал в недозволенные связи. Он жил просто, как садху, однако Абхая казалось, что Ганди гораздо более честен, чем те садху-попрошайки, которых он видел много раз. Абхай читал его речи и следовал ему в действиях, – ведь, может быть, Ганди сможет на практике реализовать духовные принципы! Истина Гиты, говорил Ганди, занимает особую позицию – Гита предназначена не только для чтения – она может реально привести ко всеобщему освобождению. И символом этого освобождения был сварадж.

В студенческие годы Абхая все национальные симпатии держались в тайне – колледж был престижным. Чтобы получить диплом и в будущем рассчитывать на карьеру, студент должен был относиться к учебе серьезно. Открыто выступать против британского правления или в пользу независимости Индии было нельзя – смельчаку грозило исключение. Только самые отчаянные осмеливались рисковать своим образованием и карьерой. Поэтому студенты приходили на собрания тайком и слушали революционеров:

– Мы хотим сварадж! Мы хотим независимости! Свое правительство! Свои школы!

* * *

Гоур-Мохан смотрел на сына с тревогой. Для него Абхай не был одним из сотен миллионов людей, призванных изменить политическую судьбу Индии – Абхай был его любимым сыном. Пока мировые события сменяли друг друга на сцене истории, Гоур-Мохана больше волновало будущее сына, – такое, каким он хотел его видеть, и о котором он постоянно молился. Он хотел, чтобы Абхай стал чистым вайшнавом, преданным Радхарани. Он научил Абхая поклонению Кришне и безупречному поведению. Он дал своему сыну образование. Теперь Гоур-Мохан думал о том, чтобы его женить.

По ведической традиции, устройство брака для детей – серьезная ответственность родителей, и это должно произойти до того, как девушка достигнет половой зрелости. Первую свою дочь Гоур-Мохан выдал замуж, когда ей было девять лет, вторую – в двенадцать лет, а третью – в одиннадцать. Когда второй дочери пошел двенадцатый год, Раджани сказала:

– Если ты сейчас же не выдашь ее замуж, я пойду на реку и утоплюсь!

В ведической традиции ухаживать за девушками было недопустимо, а молодым супругам не позволялось жить вместе в первые годы после свадьбы. Служение девушки своему мужу начиналось с того, что в доме своих родителей она готовила для него пищу, которую затем приносила и подавала ему. Встречаться они могли только в официальной обстановке. Взрослея, девушка и юноша так привязывались, что уже не могли представить свою жизнь друг без друга. Девушка естественным образом оставалась верной мужу, поскольку до достижения половой зрелости не общалась с другими юношами. У Гоур-Мохана в Калькутте было много друзей, у которых были достойные дочери, и он долго подыскивал для Абхая подходящую невесту. Наконец, после долгих раздумий, он остановил выбор на Радхарани Датта, девушке из сословия суварна-ваник, из семьи, состоящей в родстве с Малликами.

Радхарани было одиннадцать лет. Гоур-Мохан поговорил с ее отцом, и обе семьи дали согласие на брак.

Абхай тогда учился на третьем курсе колледжа и заработка никакого не имел, но свадьба среди студентов в те дни была обычным делом. Ему не нужно было тут же беспокоиться о содержании семьи. Абхая не понравился выбор отца, – он хотел жениться на другой девушке, но из уважения к нему поборол свое неудовольствие. Какое-то время Абхай и Радхарани жили раздельно, каждый – в своей семье, поэтому Абхай мог не торопиться брать на себя ответственность за поддержание семьи. Сначала он должен был закончить колледж.

Учась на четвертом курсе «Шотландских Церквей», Абхай начал подумывать об отказе от диплома. Как сторонник национально-освободительного движения, он хотел, чтобы у Индии были свои, народные школы и свое, а не британское правительство. Но альтернативы пока не было. Однако Ганди призывал индийских студентов оставить учебу. Он говорил, что английские школы внушают индийцам рабское сознание; они делают студента всего лишь марионеткой в руках англичан. С другой стороны, без диплома нельзя было рассчитывать сделать карьеру. Абхай тщательно обдумывал свой выбор.

Гоур-Мохан не хотел, чтобы Абхай поступил опрометчиво. Для сына он всегда старался делать все как можно лучше, но Абхая было уже двадцать три, и он должен был сам принять решение. Гоур-Мохан думал о будущем – гороскоп говорил, что в семьдесят лет его сын станет великим религиозным проповедником... Но сам он не надеялся дожить до этого. И так как у него не было оснований сомневаться в гороскопе, он хотел подготовить Абхая. Он пытался спланировать все в соответствии с этой целью – но кто мог угадать, каков план Кришны! Все зависело от Господа, а Господь – выше национализма, выше законов астрологии и выше планов скромного торговца тканями, который хотел, чтобы его сын стал чистым преданным Шримати Радхарани и проповедником «Шримад-Бхагаватам». Хотя Гоур-Мохан всегда позволял Абхая делать все, что тот хочет, при этом он заботливо направлял его на лучший путь. И теперь, не вмешиваясь в решение Абхая относительно колледжа, Гоур-Мохан старался найти для него хорошую работу, которая бы не зависела от дальнейшего развития событий.

В 1920 году Абхай окончил четвертый курс колледжа и сдал экзамен на степень бакалавра. Затем, когда самые трудные экзамены были позади, он взял короткий отпуск. Он сел на поезд и спустя сутки был в Джаганнатха-Пури. Исполнилось его заветное желание.

Шрила Прабхупада:

Когда я был ребенком, я каждый день думал: «Как добраться до Джаганнатха-Пури?» и «Как доехать до Вриндаваны?» В то время билет до Вриндаваны стоил четыре или пять рупий, и

столько же – до Джаганнатха-Пури. Вот я и думал: «Когда же я поеду?» При первой же возможности я поехал в Джаганнатха-Пури.

* * *

Он шел по широкой улице, по которой тысячи лет проходила процессия Ратха-ятры. На рынке в магазинчиках продавались маленькие вырезанные из дерева и покрашенные краской мурти Господа Джаганнатхи. Хотя время Ратха-ятры еще не наступило, туристы вовсю покупали сувениры и прасад Джаганнатхи. Храмовым Божествам Джаганнатхи, Баларамы и Субхадры каждый день предлагались во время поклонения пятьдесят шесть огромных горшков с вареным рисом и овощами.

Абхай вошел в храм и увидел Божества. На боковом алтаре стояло мурти Господа Чайтаньи в шестирукой форме, который проявился одновременно как Кришна, Рама и санньяси – Сам Господь Чайтанья. Господа Чайтанью помнили в Пури, где Он провел последние восемнадцать лет жизни, устраивая харе-кришна-киртану со Своими последователями и восторженно танцуя на ежегодной Ратха-ятре, когда колесницы в окружении тысяч преданных двигались вдоль главной улицы. Господь Чайтанья танцевал перед колесницами, теряя сознание от экстаза Своей великой любви в разлуке с Господом Кришной.

Проходя по дороге, по которой каждый год идет праздничное шествие, Абхай вспомнил, как сам он в детстве пел и танцевал на улице, вспомнил свою маленькую колесницу, праздничную процессию, улыбающегося Джаганнатху, своих отца и мать, Радха-Говинду. Слава Господа Джаганнатхи вдохновила его в детстве, и это чувство оставалось с ним все эти годы: «Когда же я поеду в Джаганнатха-Пури?» Его детская мечта посетить Пури и Вриндавану, постоянное изучение расписания поездов, идущих туда, все планы, которые он строил, начиная с пяти лет – все это не сводилось к желанию совершить экскурсию по базару в Пури, или просто увидеть Божество в шумном, переполненном храме. Этого было явно мало. Им двигала преданность Кришне. Он хотел приехать в Пури как паломник.

Абхай находился под сильным влиянием идей национализма. Вдобавок, он недавно женился, и впереди его ожидали дела, связанные с дипломом и будущей карьерой. Но сейчас он, еще юноша, шел по улицам Пури, где когда-то жил Господь Чайтанья, и где по-прежнему живет Господь Кришна в форме Джаганнатхи. Абхай наслаждался выпавшей ему возможностью отдохнуть от груза обязанностей в Калькутте. Тогда он еще не знал, как повлияют на его жизнь любовь к Кришне и это святое место паломничества. Абхай чувствовал, что Кришна важнее всего остального – что Он Бог, верховный повелитель, внутренний поводырь всех и каждого. Но видел он и то, что зачастую служение Богу оказывается лишь внешним, формальным и поверхностным. Даже националистами, несмотря на то, что они никогда не расстаются с Гитой, больше движет идея национализма, нежели учение Кришны. И только искренние преданные понимают, как привлекателен Кришна. Таким преданным был его отец.

В Пури с Абхаем произошел интересный случай. Гоур-Мохан дал ему рекомендательное письмо к своему знакомому, жителю Джаганнатха-Пури. Этот человек очень радушно принял Абхая, однако, когда он принес обед для гостя, Абхай заметил какой-то странный кусочек в одном из горшков. На его вопрос хозяин ответил:

– Это мясо.

Абхай не смог скрыть своего потрясения:

– Нет!!! Да вы что?! Я никогда не ел мяса!

С изумлением Абхай посмотрел на хозяина:

– Никак не ожидал увидеть такое в Пури.

Смущенный хозяин сказал:

– Ну, я не знал... Я думал, так будет лучше...

Успокоив хозяина, Абхай отказался от его угощения и больше у него не обедал. С этого дня он ел только прасад Джаганнатхи из храма.

Три или четыре дня Абхай гостил в Пури, обходя святы места и гуляя по знаменитому океанскому побережью города с его искрящимся пляжем и мощным прибоем. Несколько раз он замечал, что некоторые священники из храма Джаганнатхи курят сигареты. Слышал он и о других неприглядных поступках служителей храма. Что это за «садху», которые курят и едят рыбу вприкуску с прасадом Джаганнатхи? В этом отношении пребывание в Джаганнатха-Пури немного разочаровало его.

Вернувшись в Калькутту, Абхай застал дома плачущую молодую жену. Оказывается, подруги сказали ей, что он больше никогда не вернется. Он заверил ее, что причин для беспокойства нет, и что ей сказали неправду: он отлучался лишь на несколько дней и уже вернулся.

Хотя семейная жизнь Абхая только начиналась, он не был ей доволен. Радхарани Датта была привлекательной девушкой, но Абхаю она никогда не нравилась. Он начал подумывать о том, что, возможно, другая, вторая жена будет лучше. В индийском обществе разрешалось иметь двух жен, и Абхай решил самостоятельно решить этот вопрос и обратиться к родителям еще одной девушки. Но когда отец узнал об этом, он позвал Абхая и сказал:

– Дорогой мой, ты хочешь взять вторую жену, но мой совет – не делай этого. Если жена тебе не нравится – прими это как милость Кришны. Это большая удача. Если ты не будешь чересчур привязан к жене и семье, это поможет тебе в духовной жизни.

Абхай прислушался к совету отца – он высоко ценил его духовное видение. Слова Гоур-Мохана заставили его задуматься. Испытывая чувство благоговения перед его предвидением, он тем не менее постоянно удивлялся – неужели и вправду когда-то ему суждено стать великим святым и неужели он будет с благодарностью вспоминать отца за то, что тот сделал.

«Это поможет тебе в духовной жизни». Абхаю это понравилось. Он смирился со своим положением и согласился остаться с женой, дарованной ему судьбой.

* * *

Имя Абхай-Чарана Де появилось в списках студентов, успешно сдавших экзамен на степень бакалавра и приглашавшихся на вручение дипломов. Однако Абхай решил отказаться от своего диплома. Хотя диплом гарантировал ему хорошую карьеру – но на этой карьере несмываемым пятном будет лежать британское влияние, а если Ганди победит, то Индия в скором времени избавится от господства англичан. Решение было окончательно принято, и когда наступил день вручения дипломов, ректорат колледжа узнал об отказе Абхай-Чарана. Так он выразил свой протест и отозвался на призыв Ганди.

Вскоре движение Ганди усилилось. Во время войны Индия верно служила Короне в надежде склонить англичан к установлению независимости колонии. Но в 1919 году Англия издала Акт Роулатта, цель которого была очевидна – подавить движение независимости. Тогда Ганди призвал всех индийцев устроить в знак протеста хартал, однодневную забастовку, когда люди по всей стране остались дома и не вышли на работу и учебу. Хотя это был ненасильственный протест, спустя неделю в Амритсаре, в городском парке Джаллианвалла-Багх, английские солдаты расстреляли сотни безоружных индийцев, собравшихся на мирный митинг. Ганди окончательно потерял веру в добрые намерения Британской империи относительно Индии. Обратившись к согражданам с просьбой о полном прекращении сотрудничества с Англией, он призвал бойкотировать все, что связано с Британией – товары, школы, суды, военные награды. Отказ от диплома еще больше сблизил Абхая с национально-освободительным движением Ганди.

Но сердцем он был уже не с Ганди. Абхай никогда не мог отдать все свое сердце учебе, диплому, жене – не отдал он его и яркому национализму. Абхаю нравилось это движение, но полной веры в него он не имел. Теперь он не учился и не работал. Большую часть времени Абхай оставался дома, не заботясь особо ни о карьере, ни о жене. Однажды, по случаю свадьбы своего друга, он попытался написать стихи. Иногда он читал «Шримад-Бхагаватам» и последние речи Ганди. Ясной картины ближайшего будущего у него не было.

Что до Гоур-Мохана – у него планы на жизнь Абхая были, и диплом британского колледжа занимал в них не последнее место. Но Кришна, казалось, задумал другое. Отказ от диплома как политический протест был больше делом чести, нежели социальным веянием, поэтому Гоур-Мохан не осуждал сына. Но Абхаю нужна была работа, и Гоур-Мохан попросил своего друга, Картика Бозе, устроить Абхая.

Доктор Картик Чандра Бозе с самого детства Абхая был близким другом Гоур-Мохана и его семейным врачом. Бозе, выдающийся хирург, образованный медик, владел собственной лабораторией в Калькутте, которая производила лекарственные препараты, мыло и другие фармацевтические продукты. Бозе знали по всей Индии как первого индийского производителя лекарственных препаратов; до него вся фармацевтическая продукция поставлялась европейскими фирмами. Он согласился взять Абхая в свою лабораторию в качестве руководителя отдела.

Хотя Абхай плохо разбирался как в производстве лекарств, так и в вопросах руководства, он был твердо убежден, что, прочитав несколько книг на эту тему, узнает все необходимое. Но когда молодого Абхая сразу же назначили руководителем отдела, далеко не все его подчиненные остались этим довольны. Некоторые из них были гораздо старше его и работали в компании уже по сорок лет. Поначалу они жаловались на свою судьбу лишь друг другу, но, в конце концов, пошли к самому доктору Бозе, протестуя против того, чтобы ими руководил юнец. Доктор Бозе ответил:

– На этом месте мне нужен человек, которому я мог бы доверять, как собственному сыну. Он подписывает чеки на сорок тысяч рупий. Только ему я могу доверить лично распоряжаться моими счетами в этом отделе. Его отец – мой ближайший друг, а сам он мне как сын.

Гоур-Мохану казалось, что все устроилось как нельзя лучше. Он молился, чтобы принципы чистого вайшнавизма, которым он научил сына, оставались для него путеводной звездой на всю жизнь. Ганди и его Сварадж разрушили учебную карьеру Абхая, и Абхай по-прежнему склонялся к национализму, но делал это не столько из политических, сколько из духовных соображений. Поэтому Гоур-Мохан был доволен. Он знал, что сыну не понравился брак, но Абхай был согласен, что непривязанность к жене и семейным отношениям будет способствовать его духовному росту. Абхай по природе своей не проявлял интереса к материальной деятельности, и это также не вызывало неудовольствия Гоур-Мохана, для которого бизнес всегда стоял на втором месте после поклонения Господу Кришне. Все его ожидания оправдывались – у Абхая была многообещающая работа, и даже из своего не слишком счастливого брака он мог извлечь благо. Гоур-Мохан сделал все, что мог, а конечный результат зависел только от Кришны.

Ганди, завоевавший положение лидера в партии Конгресса, начал открытую борьбу против грабительской торговли тканями, которую вели британцы с Индией. Англия по самым низким ценам покупала в Индии хлопок, изготавливала из него одежду на фабриках Ланкашира и затем, пользуясь положением монополиста, втридорога продавала эту одежду миллионам индийцев. Ганди постоянно повторял в выступлениях, что индийцы должны начать снова, как и раньше, производить свои ткани с помощью простых прялок и самодельных ткацких станков, бойкотируя, таким образом, ткани из Англии и подрывая экономическую основу британского правления в Индии. Путешествуя на поездах по всей стране, Ганди постоянно обращался к соотечественникам с просьбой не носить иностранную одежду и носить только простое кхади, произведенное на местных предприятиях. В доколониальные времена люди Индии пряли и ткали сами. Ганди утверждал, что, разрушив сельское производство Индии, англичане обрекли индийский народ на полуголодное существование.

Подавая личный пример, сам Ганди каждый день работал за простой прялкой и носил только грубую набедренную повязку и домотканое покрывало. На митингах он просил людей не бояться и выбросить импортную одежду. Люди тут же приносили одежду, сваливали в кучи, а он их поджигал. Жена Ганди жаловалась, что домотканая одежда слишком плотная, и в ней неудобно готовить; она попросила разрешения во время приготовления пищи надевать легкую английскую одежду.

– Да, у тебя есть право готовить в этой фабричной одежде, – сказал ей Ганди, – но у меня есть такое же право не принимать эту пищу.

Призыв к производству своих товаров был по душе Абхаю. Его тоже не очень-то радовали достижения английской промышленности в Индии. Простая жизнь была хороша не только потому, что могла стать основой национальной экономики Индии, как подчеркивал Ганди – Абхай был убежден, что такой образ жизни будет способствовать развитию духовной культуры. Абхай тоже перестал носить фабричную английскую одежду и облачился в кхади. Теперь, кого бы он ни встретил, англичанина или индуса, одежда выдавала его взгляды: он был националистом, сочувствующим революции. В 20-х годах в Индии ношение кхади было не просто данью моде; это было выражением политических взглядов. Одежда Абхая свидетельствовала о том, что он – последователь Ганди.

Глава третья

«Удивительный святой»

Не было и не будет во всем мире благодетелей, которые превзошли бы в своем величии Чайтанью Махапрабху и Его преданных. «Блага», предлагаемые другими – ложны; они несут больше вреда, нежели пользы, тогда как Махапрабху и Его последователи дают величайшее благо, истинное и вечное, причем не для какой-то одной страны, в ущерб другой, а для всей Вселенной.

Шрила Бхактисиддхантa Сарасвати

Нарендранатх Маллик, друг Абхая, настаивал. Он хотел, чтобы Абхай увидел садху из Майяпура. Сам Нарен и его друзья уже встречались с этим садху в его ашраме, расположенном неподалеку, на Ультаданга-Джанкшн-Роуд, и сейчас их интересовало мнение Абхая. В кругу друзей Абхай был признанным лидером, поэтому, если бы он высоко оценил приезжего садху, то это придало бы веса мнению остальных. Абхай не хотел идти, однако Нарен настаивал.

Они спорили посреди тротуара на переполненной прохожими вечерней улице, по которой с шумом двигались конные экипажи, повозки, запряженные быками, редкие такси и автобусы. Нарен крепко схватил друга за руку и тащил его вперед, но Абхай, улыбаясь, упрямо тянул в другую сторону. Нарен убеждал Абхая хотя бы ненадолго зайти в ашрам – он находился совсем неподалеку, в нескольких кварталах, но Абхай только смеялся и просил отпустить его. Для прохожих два молодых человека представляли собой любопытную сцену: симпатичного юношу, одетого в дхоти и белую курту из кхади, куда-то тащит за руку его друг. Нарен объяснял, что этот садху, Шрила Бхактисиддхантa Сарасвати, был вайшнавом и великим преданным Господа Чайтаньи Махапрабху. Один из его учеников-санньяси посетил дом Малликов и пригласил их на встречу со Шрилой Бхактисиддхантой. На Малликов встреча произвела огромное впечатление.

Но Абхай был настроен довольно скептически:

– Нет-нет! Знаю я всех этих садху, – говорил он. – Я не пойду.

В детстве Абхай видел немало садху – его отец ежедневно приглашал домой, по меньшей мере, трех или четырех. Многие из них были обычными попрошайками, а некоторые даже курили ганджу. Гоур-Мохан был очень великодушен и приглашал к себе всякого, кто носил шафрановую одежду санньяси. Но разумно ли считать попрошайку или курильщика ганджи святым только потому, что на нем одеяние санньяси, или потому что он собирает пожертвования на строительство монастыря, или красиво говорит? Нет. В общем и целом, они вызывали разочарование. В одном квартале с Абхаем жил человек, который был профессиональным попрошайкой. Утром, когда все надевали рабочую одежду и шли на работу, этот человек облачался в шафран и выходил на улицу просить милостыню, зарабатывая тем себе на жизнь. Неужели этот так называемый садху стоит того, чтобы его посещать, словно он гуру?

Нарен же, казалось, чувствовал, что этот садху – великий ученый, и пытался убедить Абхая хотя бы раз встретиться с ним, а уж потом делать выводы. Абхай долго просил Нарена не уговаривать его, но в конце концов сдался. Они прошли мимо джайнского храма Парснатх до дома №1 на улице Ультаданга, на котором висела табличка «Бхактивинод-Асана», означавшая, что это помещение принадлежит Гаудия-Матху.

Стоящий у дверей молодой человек сразу же узнал г-на Маллика, который недавно дал Матху пожертвование, и сразу же проводил их на крышу второго этажа, где в тишине и прохладе раннего вечера сидел Шрила Бхактисиддхантa Сарасвати с несколькими учениками и гостями.

Шрила Бхактисиддхантa Сарасвати держался очень прямо, и казался высоким. Он был строен, руки имел длинные, а кожу – светло-золотистую. Он носил круглые бифокальные очки в простой оправе. Его нос был острым, а лоб – широким; он производил впечатление ученого, но совсем не казался робким. Вертикальный знак вайшнавской тилаки у него на лбу был хорошо знаком Абхаю, равно как и одеяние санньяси, брошенное на правое плечо и оставлявшее левое плечо и половину груди открытыми. Его шею украшали бусы из туласи, а на шее, плечах и предплечьях можно было заметить всё ту же вайшнавскую тилаку. Ослепительно-белый брахманский шнур обвивал его шею и пересекал грудь. Абхай и Нарен, воспитанные в

вайшнавских семьях, сразу же распростерлись в поклоне при виде почтенного санньяси. Не успели два друга подняться и сесть, как Шрила Бхактисиддхант без околичностей сразу же обратился к ним:

– Вы образованные молодые люди. Почему вы не проповедуете послание Господа Чайтаньи Махапрабху по всему миру?

Абхай не поверил своим ушам. Они еще даже не успели обменяться мнениями, а этот садху уже говорил им, что они должны делать. Сидя лицом к лицу со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, Абхай пока только пытался собраться с мыслями и разобраться в ситуации, а этот человек уже велел им стать проповедниками и путешествовать по всему миру!

На Абхая это сразу же произвело сильнейшее впечатление. Но он не собирался отказываться от своего интеллигентского скептицизма. Более того, слова садху вызвали у Абхая несколько вопросов. Своей одеждой Абхай уже продемонстрировал свою принадлежность к движению Ганди, и у него появилось желание возразить. Тем не менее, по мере того, как Абхай слушал Шрилу Бхактисиддханту, он чувствовал, как его расположение к нему возрастает. Он увидел, что Шрилу Бхактисиддханту, кроме Господа Чайтаньи, ничто не интересует и понял, что именно в этом заключается его величие. Поэтому к нему и тянулись люди; поэтому и сам Абхай привлёкся, поэтому и был вдохновлен и покорен им и хотел слушать снова и снова. Но чтобы установить истину, он считал своим долгом вступить в спор.

Абхая неодолимо тянуло устроить дискуссию в ответ на слова, сказанные Шрилой Бхактисиддхантой в первые мгновения их встречи.

– Кто будет слушать послание Чайтаньи? – спросил Абхай. – Индия – зависимая страна. Прежде всего нам необходимо обрести независимость. Как можем мы распространять индийскую культуру, находясь под гнетом Британии?

Абхай спрашивал без дерзости и высокомерия, но в его вопросе отчетливо звучал вызов. Если принимать предложение святого всерьез – а в поведении Шрилы Бхактисиддханты пока не было ничего, что указывало бы на его несерьезность, – Абхаю нужно было обязательно спросить, как можно предлагать такое, когда Индия зависима.

Тихим, глубоким голосом Шрила Бхактисиддхант ответил, что сознание Кришны не обязано ждать, пока в политике Индии произойдут перемены; не зависит оно и от того, кто управляет страной. Сознание Кришны так важно – исключительно важно, – что не может ждать.

Абхай был потрясен его смелостью. Как он мог говорить такое? Весь индийский субконтинент, за исключением этой маленькой крыши на Ультаданге, был охвачен волнениями и, казалось бы, поддерживал то, о чем говорил Абхай. Многие влиятельные лидеры Бенгалии, многие святые, образованные и духовные люди, даже сам Ганди – все они могли задать тот же самый вопрос, оспаривая уместность и своевременность предложений этого садху. Он же отметал все это как что-то совсем незначительное.

Шрила Бхактисиддхант продолжал:

– Власти всегда сменяли друг друга, они временны; но вечная реальность – это сознание Кришны, а истинное «я» – это душа. Поэтому никакая созданная людьми политическая система не может по-настоящему помочь человечеству. Таково мнение ведических Писаний и цепи духовных учителей. Каждый человек – вечный слуга Бога, но когда он начинает считать себя временным телом, а свою нацию – объектом поклонения, он падает жертвой иллюзии. Лидеры и последователи мировых политических движений, включая движение Сварадж, просто культивируют эту иллюзию. Истинная благотворительность, как на индивидуальном, так и на общественном, политическом уровне, призвана помочь человеку подготовиться к следующей жизни и восстановить его вечные отношения со Всевышним.

Шрила Бхактисиддхант Сарасвати много раз подчеркивал эти идеи в своих работах:

Не было и не будет во всем мире благодетелей, которые превзошли бы в своем величии Чайтанью Махапрабху и Его преданных. «Блага», предлагаемые другими – ложны; они несут больше вреда, нежели пользы, тогда как Махапрабху и Его последователи дают величайшее благо, истинное и вечное, причем не для какой-то одной страны, в ущерб другой, а для всей Вселенной. Доброта, которую проявил Шри Чайтанья Махапрабху ко всем дживам, навсегда освобождает их от всех желаний, неудобств и несчастий... Эта милость не порождает зла, и дживы, получившие ее, не падут жертвами зла этого мира.

Внимательно слушая аргументы Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, Абхай вспомнил одного бенгальского поэта, который писал, что даже менее развитые цивилизации, такие как

Китай и Япония, в отличие от Индии, были политически независимы. Абхай хорошо знал философию национализма, которая подчеркивала, что независимость Индии должна стоять на первом месте. Угнетение и уничтожение британцами невинных граждан было реальностью, а значит, независимость несет людям благо! А духовная жизнь – это роскошь, которую можно позволить себе только после обретения свободы. А в настоящий момент единственно необходимое духовное движение – это национально-освободительное движение Сварадж. Народное движение и есть Бог!

Но то, что Абхай вырос в семье вайшнавов, позволило ему по достоинству оценить сказанное Шрилой Бхактисиддхантой. Абхай уже понял, что Бхактисиддханта Сарасвати не был одним из множества «сомнительных» садху – в его словах звучала истина. Этот садху не выдумывал своей философии, он не был ни гордым, ни воинственным, хотя проповедь его разбивала практически все остальные философии. Он говорил о вечных учениях ведических Писаний и мудрецов, и Абхаю нравилось слушать его.

Иногда Шрила Бхактисиддханта говорил на английском, иногда на бенгали, и время от времени цитировал санскритские стихи из Бхагавадгиты, рассказывая о Шри Кришне как о величайшем и истинном источнике ведического знания. В «Бхагавадгите» Кришна говорит, что человек должен оставить все религиозные обязанности и предаться Ему, Верховной Божественной Личности (сарва-дхарман паритьяджъя мам экам шаранам враджа). Это подтверждается и в «Шримад Бхагаватам»: дхарман протиддхита-кайтаво 'тра парамо нирматсаранам сатам – все остальные формы религии не чисты и потому должны быть отвергнуты. Нужно следовать только бхагавата-дхарме – выполнять свои обязанности для удовольствия Верховного Господа. Проповедь Шрилы Бхактисиддханты была настолько обоснованной, что всякий, кто принимал шастры, вынужден был согласиться с его выводами.

Современные люди безбожны, говорил Бхактисиддханта, они потеряли веру в то, что преданное служение может решить все проблемы, даже на политической арене.

Он подверг резкой критике всех, кто, не имея знаний о душе, претендовал на положение лидеров. Он даже упомянул имена современных политических деятелей, указав на их заблуждения. Бхактисиддханта подчеркивал, что необходимо срочно просвещать людей при помощи духовного знания, знания о вечной душе, ее взаимоотношениях с Кришной и преданном служении – знания, которое принесет величайшее благо всему человечеству.

Абхай всегда помнил о поклонении Господу Кришне и о Его наставлениях, запечатленных в «Бхагавадгите». Его семья следовала Господу Чайтанье Махапрабху, миссии которого отдал себя и Бхактисиддханта Сарасвати. Как и члены Гаудия-Матха, Абхай поклонялся Кришне всю жизнь и никогда не забывал Его. Но сейчас, услышав столь блестящую проповедь философии вайшнавов, Абхай был потрясен. Он не забывал Кришну, несмотря на учебу в колледже, семью, национальное движение и прочие дела, но слова Бхактисиддханты Сарасвати раздули тлевший в нем огонь его изначального сознания Кришны с новой силой, и благодаря словам этого духовного учителя, Абхай уже не просто помнил Кришну, но чувствовал, что его сознание Кришны усилилось в тысячу, в миллион раз. То, что он не мог выразить, когда был ребенком, то, что еще очень смутно чувствовалось в Джаганнатха Пури, то, от чего Абхая отвлекала учеба в колледже и то, что как зеницу ока берег в нем его отец, сейчас проснулось в груди Абхая сильнейшим ответным чувством, которое он хотел сохранить. Он видел, что побежден, но ему это нравилось. Он помнил, что никогда в своей жизни не терпел поражений, но это поражение не было потерей. Напротив, это был огромный выигрыш.

Шрила Прабхупада: Я вырос в вайшнавской семье, поэтому я смог понять его проповедь. Конечно, он говорил, обращаясь ко всем, но во мне он нашел что-то особенное. Меня же убедили его аргументы и стиль его проповеди. Я был просто ошеломлен. Я понял: он – именно тот человек, который может донести до других истинное понимание религии.

Было уже поздно. Абхай и Нарен беседовали с садху больше двух часов. Один из брахмачари положил им в ладони по кусочку прасада, они встали, поблагодарили и попросили разрешения уйти.

Друзья спустились по лестнице и вышли на улицу. Уже стемнело. Кое-где горели фонари, и некоторые магазины еще работали. Абхай, глубоко удовлетворенный, обдумывал только что услышанное. На него произвели глубокое впечатление слова Шрилы Бхактисиддханты о том, что движение независимости – временное и несовершенное средство. Теперь Абхай чувствовал себя скорее последователем Шрилы Бхактисиддханты, нежели националистом. Ему пришло в голову,

что было бы гораздо лучше, если бы он не был женат. Этот великий святой просил его проповедовать. Абхай мог бы немедленно присоединиться к нему, но оставить семью было бы для него, как для семьянина, неоправданным поступком.

Когда они немного отошли от ашрама, Нарен повернулся к другу:

– Ну, что, Абхай, каково твое впечатление? Что ты о нем думаешь?

– Он удивительный человек! – ответил Абхай. – Послание Господа Чайтаньи в надежных руках.

Шрила Прабхупада: Я сразу же принял его своим духовным учителем. Не формально, а в сердце. Я думал, что встретил удивительного святого.

После первой встречи со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, Абхай стал больше общаться с преданными из Гаудия-Матха. Они дали ему книги и рассказали о жизни своего духовного учителя.

Шрила Бхактисиддхант Сарасвати был одним из десяти детей Тхакура Бхактивиноды, великого гуру вайшнавов, который стоял в преемственности учителей, начавшейся от Самого Господа Чайтаньи. До прихода Бхактивиноды в этот мир, учение Господа Чайтаньи постоянно искажалось самозванными учителями и всевозможными сектантами, которые, считая себя последователями Господа Чайтаньи, сильно отклонялись от Его наставлений. Доброе имя вайшнавизма было запятнано. Но Тхакур Бхактивинода используя свои многочисленные литературные труды и свое положение высокопоставленного правительственного чиновника, восстановил честь вайшнавизма. Бхактивинода утверждал, что наставления Господа Чайтаньи, будучи высшей формой теизма, предназначены не для какой-то отдельной религии или нации, но для людей всего мира. Он предрек, что учение Господа Чайтаньи распространится по всему миру, и сам трудился ради этой цели.

Религия, которую проповедовал Махапрабху, универсальна и предназначена для всех. Принцип киртаны как основы будущей церкви, которая объединит весь мир, предназначен для духовного воспитания и возвышения всех людей, независимо от их касты или рода. Придет время, и эта церковь займет место сектантских церквей, мечетей и храмов, которые изгоняют посторонних от своих оград.

Господь Чайтанья пришел не для того, чтобы освободить горстку индусов. Напротив, Его главной целью было освобождение всех живых существ во всех странах, по всей Вселенной, а также проповедь Вечной Религии. В Чайтанья-Бхагавате Господь Чайтанья говорит:

– Мое имя будут повторять в каждом городе и в каждой деревне.

Нет сомнений, что это пророчество исполнится... Хотя на Земле еще нет чистого общества вайшнавов, я уверен, что пророческие слова Господа Чайтаньи сбудутся весьма скоро. Почему нет? Ничто не бывает абсолютно чистым в начале. Из несовершенства возстанет чистота. О, когда же настанет этот день, когда счастливые англичане, русские, немцы и американцы возьмут флаги, мриданги и караталы и выйдут с киртаной на улицы своих городов. Когда же придет этот день?

Тхакур Бхактивинода занимал ответственный правительственный пост верховного судьи. Кроме того, он состоял управляющим храма Господа Джаганнатхи и был отцом десяти детей. Но несмотря на занятость, он неутомимо работал над исполнением миссии Кришны. Вечером, вернувшись домой с работы, он ужинал и около восьми часов ложился спать, а в полночь поднимался и до утра писал книги. За свою жизнь он написал более ста книг, и многие из них – на английском языке. Вместе с Джаганнатхой дасом Бабаджи и Гауракишорой дасом Бабаджи он открыл точное место рождения Господа Чайтаньи в Майяпуре, приблизительно в ста километрах от Калькутты.

Работая над реформой гаудия-вайшнавизма в Индии, он молился Господу Чайтанье:

– Твое учение сильно обесценилось. У меня нет сил восстановить его.

Он просил Господа послать ему сына, который поможет ему в проповеди. Когда 6 февраля 1874 года в Джаганнатха Пури у Бхактивиноды Тхакура родился Бхактисиддхант Сарасвати, вайшnavы сочли это событие ответом на молитвы его отца. Когда он родился, пуповина обвивала его шею и пересекала грудь, как священный шнур, который носят брахманы. Родители назвали его Бимала-Прасадом.

Когда Бимале было шесть месяцев, праздничные колесницы Джаганнатхи остановились у ворот дома Бхактивиноды, и в течение трех дней их не могли сдвинуть с места. Жена Тхакура Бхактивиноды поднялась с младенцем на колесницу и подошла к Божеству Господа Джаганнатхи. Неожиданно младенец протянул руки и коснулся стоп Господа, и сразу же получил от Него

благословение в виде гирлянды, которая упала с Его тела. Узнав об этом, Бхактивинода Тхакур понял, что обрел, наконец, сына, о котором молился.

Однажды, когда Бимала-Прасад был еще четырехлетним ребенком, отец мягко упрекнул его за то, что тот съел манго, которое еще не было предложено Господу Кришне. Хотя Бимала был еще маленьким, он посчитал себя оскорбителем Бога и дал обет никогда больше не есть манго. (Этому обету он следовал всю жизнь). К семи годам Бимала-Прасад уже выучил наизусть всю «Бхагават-гиту» и даже мог толковать некоторые стихи. Отец его, в то время издававший вайшнавский журнал «Саджана-тошани», обучал сына корректуре и типографскому делу. Вместе с отцом Бимала посетил множество святых мест, где слушал лекции ученых пандитов. Будучи студентом, Бимала-Прасад предпочитал вместо учебников читать книги своего отца. Но, несмотря на это, к двадцати пяти годам он прекрасно знал санскрит, математику и астрономию. Он написал и опубликовал множество журнальных статей и даже одну книгу, «Сурья-сиддханта», за которую ему присвоили титул «Сиддханта Сарасвати», в знак признания его эрудиции. Когда Бималу исполнилось двадцать шесть, Бхактивинода посоветовал сыну получить духовное посвящение у отрешенного святого вайшнава, Гауракишоры даса Бабаджи, который велел ему «проповедовать Абсолютную Истину и оставить все остальные занятия». Получив благословение Гауракишоры даса Бабаджи, Бимала-Прасад (теперь уже Сиддханта Сарасвати) решил посвятить свое тело, ум и речь служению Господу Кришне.

В 1905 году Сиддханта Сарасвати принял обет произнести Харе-Кришна-мантру один миллиард раз. Поселившись в соломенной хижине в Майяпуре, недалеко от места рождения Господа Чайтаньи, он день и ночь повторял Харе-Кришна-мантру. Раз в день он варил рис в глиняном горшке и больше ничего не ел. Спал он на голой земле, а во время дождя, когда вода просачивалась через соломенную крышу, продолжал повторять мантру, сидя под зонтиком.

В 1911 году, когда его старый отец сильно заболел, Сиддханта Сарасвати бросил вызов псевдо-вайшнавам, утверждавшим, что необходимым условием для того, чтобы проповедовать сознание Кришны, было рождение в их касте. Общество кастовых брахманов было недовольно тем, что Тхакур Бхактивинода представил множество цитат из Священных писаний, доказывающих, что любой человек, независимо от происхождения, может стать вайшнавом и брахманом. Чтобы доказать более низкое положение вайшнавов, смарта-брахманы организовали дискуссию на эту тему. От имени заболевшего отца юный Сиддханта Сарасвати написал статью «Различие между брахманом и вайшнавом» и прочёл ее отцу. Несмотря на болезнь, Тхакур Бхактивинода очень обрадовался, услышав аргументы, которые не оставляли камня на камне от философии смарт.

После этого Сиддханта Сарасвати поехал в Миднапор, где на трехдневный диспут собрались пандиты со всей Индии. Смарта-пандиты, говорившие первыми, заявляли, что родившийся в семье шудр, даже получив посвящение у духовного учителя никогда не сможет очиститься, чтобы выполнять брахманические обязанности, поклоняться Божествам или давать посвящение ученикам. В конце предоставили слово Сиддханте Сарасвати. В первую очередь он процитировал множество ведических текстов, прославляющих брахманов, что доставило ученым смартам большое удовольствие. Но когда он приступил к обсуждению качеств, которыми должен обладать человек, чтобы называться брахманом; когда он заговорил о качествах вайшнава, о том, как связаны между собой брахман и вайшнав, и о том, кто, согласно ведическим текстам, достоин быть духовным учителем и принимать учеников, от радости противников вайшнавизма не осталось и следа. Опираясь на Священные Писания, Сиддханта Сарасвати неопровержимо доказал, что человек, родившийся шудрой, но при этом проявляющий качества брахмана, должен считаться брахманом, а его происхождение в расчет не принимается. Но если человек родился в семье брахмана, а ведет себя, как шудра, тогда он не брахман. Когда Сиддханта Сарасвати закончил речь, его, под одобрительные крики тысяч слушателей, поздравил председатель собрания. Это было триумфом вайшнавизма.

С уходом отца, в 1914 году, и духовного учителя, в 1915, Сиддханта Сарасвати продолжил миссию Господа Чайтаньи. Он возобновил издание «Саджана-тошани» и основал типографию «Бхагват-Пресс» в Кришнанагаре. Затем, в 1918 году, в Майяпуре, он, сидя перед изображением Гауракишоры даса Бабаджи, принял посвящение в санньясу. Во время посвящения он принял титул санньяси «Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа». Для Бхактисиддханта Сарасвати важным инструментом массового распространения сознания Кришны был печатный станок. Он называл его брихад-мридангой – большой мридангой. По традиции, идущей еще со

времен Господа Чайтаньи, на мриданге играли во время киртаны. Хотя Бхактисиддханта Сарасвати сам руководил группами киртаны и посылал группы преданных выходить с пением Святого имени на улицы, такие киртаны были слышны только в пределах одного или двух кварталов. Но звук брихад-мриданги, большой мриданги печатного станка, мог разнести послание Господа Чайтаньи по всему миру.

Большинство книг, которые начал читать Абхай, были напечатаны в издательстве «Бхагват-Пресс», основанном Бхактисиддхантой Сарасвати в 1915 году. Оно выпустило «Чайтанья-чаритамриту» с комментариями Бхактисиддханты Сарасвати, «Бхагавадгиту» с комментариями Вишванатхи Чакраварти и, одну за другой, все работы Тхакура Бхактивиноды. Эта литература была духовным наследием, оставленным Господом Чайтаньей Махапрабху, пришедшим в этот мир почти пятьсот лет назад.

С самого детства Абхай был преданным Господа Чайтаньи, и ему была хорошо известна Его биография, запечатленная в широко известных произведениях – «Чайтанья-чаритамрите» и «Чайтанья-бхагавате». Он знал, что Господь Чайтанья был не только примером чистого преданного, распространившего Святое Имя по всей Индии, но был Самим Кришной в объединенном образе Радхи и Кришны. Но теперь Абхай впервые соприкоснулся с великим литературным сокровищем, оставленным близкими спутниками и последователями Господа, и это сокровище, преумноженное великими преданными, было передано по цепи духовных учителей. Ближайшие последователи Господа Чайтаньи: Шрила Рупа Госвами, Шрила Санатана Госвами, Шрила Джива Госвами и другие – написали, опираясь на Веды, множество книг, неопровержимо доказав, что в учении Господа Чайтаньи содержится суть ведической мудрости. Многие из этих книг раньше никогда не публиковались, поэтому Шрила Бхактисиддханта Сарасвати был полон решимости открыть много издательств, чтобы брихад-мриданга звучала во имя всеобщего блага.

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати учил главному из наставлений Господа Чайтаньи – тому, что Господь Кришна – Верховная Божественная Личность, а пение и повторение Его Святого Имени превышает всех религиозных обрядов. В другие эпохи люди могли прийти к Богу и другими путями, но сейчас, в эпоху Кали, только пение и повторение «Харе Кришна» может привести к истинному результату. Опираясь на авторитет Священных Писаний, таких как «Брихан-нарадия Пурана» и «Упанишад», Бхактивинода Тхакур указал, что истинным путем к совершенству является именно воспевание маха-мантры: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Сам Господь Кришна подтверждает в «Бхагавадгите», что единственный путь, ведущий к достижению Бога – преданное служение: «Оставь любые религии и просто предайся Мне, и Я освобожу тебя от всех последствий твоих грехов. Ничего не бойся».

Абхай знал эти стихи, знал о силе повторения Святого имени, было известно ему и заключение «Гиты». Но сейчас, когда он с жадностью читал произведения великих ачарий, ему открывалось новое понимание масштабов миссии Господа Чайтаньи, глубина наследия вайшнавской культуры, и он видел, какое величайшее благо она может дать людям этого века, обреченного на страдания и беспокойства.

* * *

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати часто путешествовал, а Абхай был постоянно занят семьей и бизнесом, поэтому долго не мог снова встретиться с Бхактисиддхантой. Но после первой встречи Абхай стал считать Бхактисиддханту Сарасвати своим духовным учителем. «Я встретил удивительного святого», – думал он. Когда выпадала возможность, Абхай встречался с учениками Шрилы Бхактисиддханты, членами Гаудия-Матха.

Что же касается движения Ганди, то оно пошло на спад, после того, как последователи Ганди, поборники ненасилия, совершили грубую ошибку, применив насилие во время акции протеста. Англичане воспользовались этим, арестовали Ганди и приговорили его к шести годам тюрьмы. Хотя последователи все еще боготворили его, национально-освободительное движение потеряло свою былую силу. Но Абхай и без того уже не проявлял к нему интереса. Шрила Бхактисиддханта разрушил его убеждение, что национальное движение – дело первостепенной важности для Индии. Он разбудил в Абхае его изначальное сознание Кришны, и сейчас Абхай был убежден, что на первом месте должна стоять миссия Бхактисиддханты. С той минуты, когда Шрила Бхактисиддханта предложил Абхаю посвятить себя проповеди, тот постоянно мечтал присоединиться к Гаудия-Матху, став одним из учеников Ачарьи. Но сейчас, когда политические

взгляды ему уже не мешали, перед ним встало другое препятствие – семейный долг. Когда-то он думал: «Сначала станем независимой нацией, а уж потом приступим к проповеди». Теперь он размышлял по-другому: «Я не могу посвятить себя этому, как другие. У меня есть обязанности перед семьей».

А семья росла. В 1921 году у Абхая появился первый ребенок, сын. В будущем ожидалось еще прибавление, а это требовало увеличения доходов, на что необходимы были время и силы. И это (по крайней мере, внешне) отвлекало его от миссии Бхактисиддханты Сарасвати. В индийской культуре институту семьи придавалось очень большое значение, и развод был просто немыслим. Даже испытывая сильную нужду, мужчина никогда не покидал жену и детей. Хотя Абхай сожалел, что он не санньяси Гаудия-Матха, он никогда серьезно не думал о том, чтобы оставить молодую жену в самом начале семейной жизни. Гоур-Мохан был рад, когда услышал, что сын встретил гуру-вайшнава, но он не хотел, чтобы Абхай отказывался от своей ответственности и отрекался от мира. Вайшнав может оставаться семьянином, вести духовную жизнь дома и при этом активно проповедовать. Абхай должен был найти возможность служить миссии Бхактисиддханты, не оставляя своего положения семейного человека.

Абхай думал, что если он станет преуспевающим бизнесменом, то сможет не только содержать семью, но и помогать деньгами Шриле Бхактисиддханте Сарасвати в проповеди сознания Кришны. Когда-то один астролог предсказал, что Абхай станет одним из богатейших людей Индии, но пока почти весь его заработок уходил на содержание семьи. Он решил, что будет лучше открыть свое дело.

Абхай поделился своими замыслами с доктором Бозе, который с пониманием, словно родной отец, выслушал его и предложил стать его представителем в Северной Индии. Абхай мог бы оптом закупать в лаборатории д-ра Бозе лекарства, мази, очищенный спирт, зубную пасту и другую продукцию и, путешествуя по северу Индии, налаживать свое дело. Благодаря большому опыту, полученному в лаборатории Бозе, Абхай мог даже попытаться начать производство и продажу собственных лекарственных препаратов. Они решили, что расположенный в центре Индии Аллахабад идеально подходит для открытия в нем первого представительства Абхая.

В 1923 году Абхай, вместе с женой и сыном, переехал в Аллахабад, расположенный в двенадцати часах езды на поезде к северо-западу от Калькутты. В прошлом Аллахабад был столицей Объединенных Провинций, и англичане построили в нем множество прекрасных зданий, включая здание Верховного Суда и Университета. В современной, хорошо освещенной части города с мощенными тротуарами жили европейские и влиятельные индийские семьи, в частности, семья Неру. А в старых кварталах со старинными узкими улицами, вдоль которых жались друг к другу здания и магазины, жили бенгальцы, и именно там решил обосноваться Абхай со своей семьей.

Аллахабад, древнее название которого – Праяг, был не только хорошим местом для бизнеса, но и одним из известнейших в Индии мест паломничества. В Аллахабаде, что стоит в месте слияния трех священных рек – Ганги, Ямуны и Сарасвати – по сей день проводятся два самых многолюдных религиозных праздника – ежегодная Магха-мела и Кумбха-мела, которая проходит раз в двенадцать лет. В поисках духовного очищения миллионы паломников со всех уголков Индии стекаются сюда каждый год в полнолуние месяца Магха (январь), чтобы омыться в месте слияния трех священных рек.

Абхай снял дом в несколько комнат на Бадшахи-Мунди, дом №60, а для бизнеса арендовал небольшой магазинчик в коммерческом центре города на Джонстон-Ганг-Роуд, где открыл свою аптеку, «Праяг-Фармаци», и начал продавать лекарства, настойки, сиропы и другие препараты из лаборатории Бозе. Абхай познакомился с аллахабадским врачом, доктором Гхошем, который пожелал установить с Абхаем партнерские отношения, и попросил его перенести свой врачебный кабинет в «Праяг-Фармаци», чтобы начать прием пациентов прямо там. Доктор Гхош согласился и закрыл свой собственный магазин, «Тропикал Фармаци».

В «Праяг-Фармаци» доктор Гхош принимал пациентов и выписывал лекарства, и пациент мог купить их здесь же, у Абхая. Гхош при этом получал двадцать пять процентов комиссионных от продажи. Абхай и доктор стали друзьями; они часто ходили друг к другу в гости, и каждый относился к детям другого, как к своим собственным. Часто они обсуждали планы увеличения своих доходов.

Доктор Гхош: Абхай был деловым человеком. Конечно, все мы были богобоязненными. В каждом доме был маленький храм, у всех были Божества. Но он, как правило, все время говорил о бизнесе и о том, как обеспечить семью.

Дома Абхай ходил в курте и дхоти, но на работу надевал брюки и рубашку. Он был красивым мужчиной, двадцати семи лет, с усами. Через год после их переезда в Аллахабад, у него родилась дочь, и теперь в его семье было двое детей. Гоур-Мохан, которому тогда уже исполнилось семьдесят пять, тоже переехал к Абхаю, вместе с овдовевшей сестрой Абхая, Раджешвари, и ее сыном, Туласи. Большую часть времени Гоур-Мохан сидел дома, перебирая четки и поклоняясь шалаграма-шиле, Божеству Кришны. Он был доволен, что у Абхая все идет хорошо, а Абхай был рад, что отец живет рядом и спокойно поклоняется Кришне.

Абхай жил активной жизнью. У него были большие планы – он хотел укрепить свое дело. В восемь утра он отправлялся в аптеку, и вместе с доктором Гхошем начинал свой рабочий день. В полдень он шел домой, а вечером снова возвращался в аптеку. Абхай купил большой «бьюик» за восемь тысяч рупий и, поскольку никогда сам не водил машину, отдал его в пользование своему племяннику, который был хорошим водителем и зарабатывал извозом. Когда Абхаю нужно было съездить по делам, то племянник выполнял роль его шофера.

Судьба устроила так, что клиентами «Праяг-Фармасы» были Мотилал Неру и его сын Джавахарлал. Джавахарлал покупал только западные лекарства, и Абхай решил, что он считает индийскую медицину отсталой. Однажды Джавахарлал попросил Абхая пожертвовать определенную сумму денег на политические цели, и тот, будучи честным коммерсантом, с готовностью дал пожертвование. В течение дня Абхай обычно беседовал с посетителями и друзьями, которые заходили к нему, и многое узнавал от них. Один бывший военный офицер рассказывал Абхаю истории о Первой мировой войне, например, о том, как во Франции маршал Фош приказал в один день убить тысячи бельгийских беженцев, содержание которых в условиях войны стало для него обременительным. Один мусульманин, член королевской семьи Афганистана, каждый день заходил в аптеку с сыном просто посидеть и поболтать. Абхай выслушивал своих посетителей, вежливо беседовал с ними, отпускал им лекарства, но мыслями всегда возвращался к встрече с Бхактисиддхантой Сарасвати. Он снова и снова вспоминал его облик, слова, жесты...

Вечером Абхай возвращался домой, к жене и детям. Радхарани была целомудренной и верной женой. Она готовила, поддерживала чистоту в доме и воспитывала детей. Но духовных воззрений мужа она не разделяла, и потому Абхай не мог рассказать ей о чувствах, которые он испытывал к Бхактисиддханте Сарасвати.

В один прекрасный день Абхай с женой и двумя детьми, а также Гоур-Мохан, младший брат Абхая Кришна-Чаран, сестра Абхая Раджешвари и ее сын, Туласи-дас, – вместе отправились в аллахабадскую фотостудию, чтобы сняться для семейного портрета. На фотографии Абхаю почти тридцать. Он худощав и смугл, с густыми усами. Его лоб широк, а глаза – темные и ясные. Он одет в белую курту, дхоти и простые деревянные сандалии. Абхай сидит на стуле, а жена стоит позади него, – привлекательная молодая женщина в белом сари из кхади с цветной каймой. Ее тонкая рука покоится на спинке кресла за головой Абхая, а изящная ладонь обхватывает уголок спинки. Ее левая рука со сжатыми в кулак пальцами опущена. Ноги ее босы.левой рукой Абхай поддерживает двухгодовалого сынишку Пачу (Праяг-Раджа), славного малыша, который беспокойно ерзает у отца на коленях, качая маленькими босыми ножками у колен матери. Кажется, Абхая немного забавляет его сын. Абхай – красивый индийский мужчина, а его жена – привлекательная женщина. Оба молодые.

Позади Абхая стоят его племянник Туласи и брат Кришна-Чаран. Сестра Раджешвари в белом вдовьем сари держит на коленях Сулакшману, дочь Абхая. Она на фотографии справа. Сулакшмане тоже не сидится, она явно стесняется и вытягивает ноги в сторону фотографа. В центре сидит Гоур-Мохан. Его лицо иссечено морщинами, тело исчахло от времени. Он одет в белые курту и дхоти. Кажется, что руки его непослушно двигаются на коленях, возможно, вследствие паралича. Он невысок, худ и стар.

* * *

Чтобы увеличить сбыт, Абхай часто разъезжал по северной Индии. Для него не было чем-то необычным отсутствовать дома по несколько дней в неделю, а иногда и больше недели, когда он ездил из одного города в другой. Фармацевтическая промышленность в Индии только начинала

развиваться, и частные врачи, больницы и аптеки охотно покупали медикаменты у знающего, интеллигентного представителя калькуттской лаборатории Бозе. Как правило, он ездил поездом и останавливался в гостиницах. Во время путешествий он чувствовал себя свободным от домашних дел, и эта свобода нравилась ему, но цель его поездок состояла в выполнении заказов и получении новых заявок. Таков был бизнес! Ездить в вагоне третьего класса было очень неудобно – места в них только сидячие, зачастую грязные и без номеров, а в вагон толпой набиваются пассажиры... Абхаю каждую неделю приходилось путешествовать в таких условиях за сотни километров, наблюдая, как за окнами проносятся бесчисленные деревушки и поля, простирающиеся по обеим сторонам железнодорожных путей. На каждой остановке он слышал крики торговцев чаем, идущих вдоль состава: «Ча-а-ай! Ча-а-ай!». Употребление чая ввели англичане, и теперь миллионы индийцев были убеждены, что утро не может начаться иначе, как только с чашки этого горячего напитка. Абхай был строгим вайшнавом и никогда не прикасался к чаю, но вот жена, к его великому огорчению, пристрастилась к нему.

Хотя Абхай часто одевался как европейский бизнесмен, он никогда не поступался вайшнавскими принципами. Большинство его земляков, бенгальцев, ели рыбу, но Абхай всегда тщательно избегал пищи, запрещенной для вайшnavов, причем не ел ее даже в гостиницах. Однажды, в Бомбее, в вегетарианском отеле «Эмпайр Хинду», ему подали лук; а иногда официанты предлагали ему грибы, чеснок и даже яйца, но всего этого он тщательно избегал. Стараясь поддерживать установленный дома распорядок, он ежедневно рано вставал и омылся холодной водой. Круглый год он придерживался заведенного распорядка, и однажды в Сахаранпуре, в очень холодную погоду, крайне удивил этим владельца гостиницы.

Во время поездок Абхаю приходилось общаться с разными людьми. Однажды врач в Дакке рассказал ему, как по пути на работу проходил мимо крестьянина, разговаривавшего с другом, и по звуку кашля этого крестьянина понял, что тому осталось жить всего несколько часов. Другой врач рассказывал, как только что осматривал больного с воспалением легких, который вопреки всем законам природы и медицины продолжал жить. В Гайе Абхай встретил мусульманского врача, который пожаловался, что недавно потерял пациента, хотя давал ему самые лучшие лекарства. Эти рассказы подтверждали убеждение Абхaya, что никого нельзя вылечить без санкции Бога. Абхай никогда не считал свою торговлю лекарствами гуманитарной деятельностью: Бхактисиддханта Сарасвати уже убедил его в том, что единственный способ спасти человека – это дать ему сознание Кришны. Лекарства Абхaya годились только для бизнеса.

Однажды, во время деловой поездки, – это было в 1925 – Абхай был проездом в Агре, всего в шестидесяти пяти километрах к югу от Вриндавана. Воспользовавшись этой возможностью, он впервые посетил Вриндаван, о чем с детства мечтал. Вриндаван понравился ему, но он смог побыть там только день или два – ведь даже один день проволочки в торговле мог обойтись ему очень дорого. Абхай с благоговением, как паломник, посетил несколько храмов, главным образом, те, что были основаны последователями Господа Чайтаньи. Но дольше оставаться там он не мог.

Путешествия были сопряжены и с опасностью. Однажды, когда Абхай сидел в купе на станции Матхура, какая-то обезьяна неожиданно стащила его багаж. В другой раз, ранним утром, еще до зари, Абхай ехал по дороге в Канпур в двуколке. Лошадь шла крупной рысью. Внезапно повозка натолкнулась на большую кучу мусора посреди дороги, экипаж перевернулся вверх колесами и вместе с конем и извозчиком упал в мусор, а Абхaya подбросило в воздух. Но падение было благополучным: Абхаю показалось, что он просто пересел с одного места на другое. Поскольку Абхай молча сидел на земле, перепуганный извозчик подумал, что тот ударился и потерял сознание. Однако пассажир был цел и невредим, и он посчитал это чудом – удар был достаточно сильным. Абхай увидел в этом руку Кришны и вспоминал другие подобные случаи, начиная с детства, когда однажды загорелась его одежда. Кришна всегда защищал его.

В течение пяти лет Абхай постоянно выезжал из Аллахабада по делам, а когда возвращался домой, проводил долгие часы в аптеке. Не забывал он, однако, уделять время и жене и играть с детьми.

Шрила Прабхупада: Когда моему сыну было около двух лет, он был очень непослушным и постоянно озорничал. Мои друзья называли его «Пача». «Пача, если ты посидишь спокойно минуту, я подарю тебе кое-что». Но у малыша это не получалось. Он не мог вы сидеть даже минуты. У меня был настольный вентилятор, и Пача все время пытался дотронуться до него. Я говорил: «Нет, нет, не трогай». Но он не мог уговориться, поэтому мой друг посоветовал: «Уменьши скорость, и пусть попробует». Я выдернул шнур из розетки и позволил сыну

прикоснуться к нему. Вентилятор ничего ему не повредил, но ударил его по пальцу, издав громкий звук «Тун!» Больше он к нему не прикасался. Я спрашивал его: «Попробуешь еще?» – но он уже не хотел.

Как только его дочь, Сулакшмана, научилась говорить, Абхай начал учить ее бенгальскому переводу молитвы «Гурв-аштака», которая начинается словами: «Духовный учитель получает благословения из океана милости. Подобно тому, как облако, проливая дождь, гасит лесной пожар, духовный учитель гасит бушующий пожар материальной жизни, повторяющихся рождения и смерти».

В свободное от деловых поездок время Абхай жил дома, с семьей. Он старательно вел свои дела, его бизнес процветал, и семья была им довольна.

* * *

Январь 1928 г. Праздник Кумбха-мела. В Аллахабад приехал Бхактипрадипа Тиртха Махарадж из Гаудия-Матха с несколькими сопровождающими. В один из дней они неожиданно появились в «Праяг-Фармаси», и Абхай, спустя много лет, вновь увидел этих людей. «О, я помню их! – вспомнил он, – это же Гаудия-Матх! Входите».

Бхактипрадипа Тиртха Свами был тем самым санньяси, который посетил Нарендранатха Маллика в Калькутте, что впоследствии привело к встрече Абхая с Бхактисиддхантой Сарасвати. Сложив руки в жесте смирения, санньяси стоял перед Абхаем в простых шафрановых одеждах из кхади, с обритой головой, с шикхой и вайшнавским знаком тилаки на лбу. Тиртха Махараджа сказал Абхаю:

– Мы здесь впервые и планируем открыть храм в Аллахабаде. Мы слышали о Вас, поэтому и пришли сюда. Пожалуйста, помогите нам.

Абхая переполняла радость:

– Да, разумеется, я помогу!

Он пожертвовал, сколько мог, и затем представил Тиртху Махараджа доктору Гхошу, который тоже захотел сделать пожертвование. Абхай попросил преданных из Гаудия-Матха посетить его дом, спеть там бхаджан, прочитать лекцию, а его жена вполне могла бы приготовить прасад. Гости согласились. Но когда они приехали, произошло небольшое недоразумение.

Гоур-Мохан, который был болен, находился в своей комнате наверху.

– Пожалуйста, спускайся вниз, – позвал его Абхай, – пришли преданные из Гаудия-Матха.

Гоур-Мохан спустился вниз, но увидев садху, он по ошибке принял их за имперсоналистов-непреданных. Не расслышав, что сказал Абхай, Гоур-Мохан сел на свое место, угрюмо глядя на людей в шафрановой одежде, и время от времени вставлял критические замечания. Абхай, вдохновленный выпавшей ему возможностью пообщаться с вайшнавами и послушать от них кришна-катху, не мог понять, почему отец так себя ведет. Но когда Бхактипрадипа Тиртха Свами начал говорить, Гоур-Мохан все понял.

– О, да это же вайшnavы! – воскликнул он.

Старый и немощный, он, тут же припал к их стопам:

– Господин, я обознался. Я думал, что вы – санньяси из другой миссии. Я очень рад встрече с вами.

После Кумбха-мелы Прадипа-Тиртха Свами уехал, но в Аллахабаде остались пятеро или шестеро брахмачари, учеников Бхактисиддханты Сарасвати, которые заботились о поддержании матха, небольшого проповеднического центра. Они поклонялись Божеству, проводили вечерние программы с киртаной и лекцией и активно проповедовали местному населению. Старший из них, Атулананда Брахмачари, посещал дома горожан Аллахабада, предлагая им стать «подписчиками» матха: за пол рупии в месяц человек мог подписаться на журнал, выпускаемый Гаудия-Матхом. Ходя от дома к дому, Атулананда однажды постучал и в дверь Абхай-Чарана Дэ. Тот принял его очень радушно и предложил ему рис и фрукты. Абхай был очень восприимчив к философии и получал огромное удовольствие от бесед с Атуланандой, который взял себе за правило регулярно навещать господина Дэ и говорить с ним о Господе Чайтанье и учении «Бхагавадгиты». Кроме того, Абхай расспрашивал гостя о деятельности Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. К тому времени Шрила Бхактисиддхант уже основал в Калькутте свое издательство и приступил к публикации «Шримад-Бхагаватам» в нескольких томах со своими комментариями. Также, в его центре в Дакке, был напечатан отредактированный вариант «Шри Чайтанья-бхагаваты». Бхактисиддхант Сарасвати открыл центры в Бхуванешваре, Мадрасе и Пури.

Абхай не уставал слушать. Атулананда рассказал ему, как в 1925 г. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати организовал большое шествие, обойдя святую землю Навадвипы с преданными со всех концов Индии и с Божествами, которые ехали на спинах роскошно украшенных слонов. Завистливые священники-«профессионалы» в знак протеста против того, что Шрила Бхактисиддханта принимает учеников из всех каст, наняли банду хулиганов, которые забросали процессию кирпичами и камнями. Но Шрила Бхактисиддханта не сдавался. В 1926 он объехал всю Индию, повсюду проповедуя послание Господа Чайтаньи, а также установил Божества в огромном храме Шри Чайтанья-Матха в Майяпуре. А год назад он начал выпускать свой журнал «Саджана-тошани» на трех языках. Английское издание этого журнала называлось «Хармонист».

После нескольких встреч, на которых обсуждалась философия гаудия-вайшнавизма и деятельность вайшнавов, Атулананда привел господина Дэ в аллахабадский ашрам. А вскоре после этого матх переехал в дом на южной улице Маллака, рядом с Рам-Багхом, в нескольких шагах от дома Абхая. Теперь Абхай мог ходить туда каждый вечер. После работы он направлялся в матх, где удивлял брахмачари виртуозностью своей игры на мриданге. Он пел с ними бхаджаны, а иногда сам вел совместное пение. Иногда он приглашал некоторых уважаемых людей Аллахабада посетить матх. Брахмачари чувствовали, что Абхай принес свежую струю в жизнь ашрама, а для Абхая началась новая глава жизни – он встретил учеников Бхактисиддханты Сарасвати.

* * *

В 1930 здоровье Гоур-Мохана резко ухудшилось, и родственники собрались вокруг него, полагая, что кончина его близка. Абхай в то время был по делам в Бомбее, а когда приехал в Аллахабад и постучал в дверь, было уже темно. Гоур-Мохан сказал своей дочери, Раджешвари:

– Открой дверь. Абхай приехал.

– Нет, он в Бомбее, – ответила она.

– А я тебе говорю, что это он приехал. Открой дверь! – повторил Гоур-Мохан.

Было около полуночи. Она спустилась вниз, открыла дверь и увидела, что действительно приехал ее брат.

Абхай подошел к отцу:

– Как ты?

– Я в порядке, – ответил Гоур-Мохан, – Ложись, отдыхай.

На следующее утро Абхай вызвал врача.

– Я не понимаю, как ваш отец еще держится, – сказал ему врач, – У него практически отсутствует пульс. Он уже несколько месяцев ничего не ест.

Абхай спросил отца:

– Чего ты хочешь? Скажи мне.

– Почему ты спрашиваешь? – ответил отец вопросом. – Это врач тебе что-то сказал?

– Нет, – сказал Абхай. – Я спрашиваю, потому что постоянно пропадаю в Бомбее, а ты здесь. Так что если ты чего-то хочешь, скажи мне. Я здесь. Я здесь только ради тебя.

Гоур-Мохан велел ему отдать их корову аллахабадскому Гаудия-Матху. Абхай взял корову вместе с теленком и отвел ее в матх.

Потом он снова спросил отца:

– Есть ли у тебя еще какие-нибудь желания?

И снова отец спросил:

– Тебе что-нибудь сказал врач?

– Нет, нет! Я просто спрашиваю, поскольку мне нужно уезжать по делам.

Тогда Гоур-Мохан сказал:

– Пригласи всех гаудия-вайшнавов Аллахабада и других вайшнавов. Пусть они вечером устроят хари-наму, а ты накорми их хорошим прасадом. Таково мое желание.

Абхай организовал все так, как хотел отец, и вечером в их доме началась хари-нама. В одиннадцать часов преданные приняли прасад и разошлись, и в ту же ночь Гоур-Мохан оставил этот мир.

Абхай тяжело переживал потерю отца. Отец исполнял все его желания, воспитывал его как чистого вайшнава и всегда поклонялся Радхе и Кришне. Хотя Абхай был уже опытным человеком, он чувствовал себя потерянным без своего любимого защитника и друга. Гоур-Мохан как никто

другой направлял Абхая по верному пути и относился к нему очень уважительно. Потеря отца привела Абхая в отчаяние. Он вдруг ощутил ту же зависимость, которую чувствовал, когда был маленьким ребенком – только отца рядом больше не было. Тот, для кого Абхай всегда был любимым сыном, центром заботы и внимания, тот, кто исполнял все желания Абхая, и тот, кто молился буквально каждому встречному садху о том, чтобы его сын стал великим преданным Шримати Радхарани – этот наилучший из благожелателей оставил его.

В день шраддхи, тринадцать дней спустя после ухода Гоур-Мохана, Абхай и его брат сфотографировались, как это было принято в таких случаях. Согласно религиозному обычаю, сыновья обрили головы. На фотографии Абхай и его брат сидят по обе стороны от парадного портрета отца. Портрет в хорошей раме стоит на подставке, задрапированной темной тканью. Гоур-Мохан кажется старым, но взгляд его – живой и сосредоточенный. Здесь он не так стар, как на другом портрете, где он изображен истощенным, с замутненными глазами.

Абхай с обритой головой похож на отшельника в монашеском одеянии из простой ткани, которая широкими складками покрывает нижнюю и верхнюю части тела. Он выглядит совсем не так, как на фотографии, сделанной много лет назад в том же месте и с тем же ковром на полу. Там, с женой и собравшимися вокруг детьми, он был молодым домохозяином, поглощенным семейными заботами; у него был вид человека уверенного в себе и готового к активной деятельности на благо общества. Но здесь... Те же дети сидят на полу без присмотра, левая рука Абхая твердо и неподвижно лежит на колене (тогда как на первой фотографии ею он держит неугомонного сына). Жены Абхая на снимке нет.

На этом снимке Абхай выглядит поразительно. Невозможно представить, что лишь недавно у него была великолепная шевелюра и усы, которые он сбрил, в знак траура по поводу ухода отца – складывается впечатление, что он был таким всегда. Его окружает какая-то таинственная духовная аура – он похож на святого, погруженного в медитацию. Он не взволнован, не радостен и не печален. Он полон покоя и знания, как будто бы стал садху в тот день, когда ушел его отец. Он выглядит таким, каким представлял его отец – настоящим святым. Он выглядит так, словно всегда был святым, но заметно это стало только сейчас. Даже при самом поверхностном взгляде на фото видно, что, обрив голову и надев дхоти и чадар, без рубашки и обуви, Абхай стал настоящим садху.

Глава четвертая

«Чем я могу служить Вам?»

Я твердо надеюсь, что ты станешь очень хорошим англоязычным проповедником, если будешь служить нашей миссии, представляя как населению в целом, так и философам и религиозным лидерам неведомое им учение Господа Чайтаньи.

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати
в письме к Шриле Прабхупаде,
декабрь 1936

В октябре 1932 году Шрила Бхактисиддханта возглавил группу из сотен своих учеников и паломников, чтобы в течение месяца совершить парикраму – обход священных мест Вриндаваны. Местные жители и паломники обходят Вриндавану вдоль старого высохшего русла Ямуны, останавливаясь в тех местах, где пять тысяч лет назад проводил Свои игры Кришна. Абхаю очень хотелось принять участие в парикраме со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, но работа помешала ему. Но на двадцатый день шествия ему все же удалось вырваться из Аллахабада, и в надежде снова увидеть Бхактисиддханту Сарасвати и хотя бы на день присоединиться к парикраме, он направился в Коши – место неподалеку от Вриндаваны.

Парикрама Шрилы Бхактисиддханта Сарасвати была, пожалуй, самой многочисленной из всех, что когда-либо проходили по Вриндавану. Он использовал ее для массовой проповеди – ведь в ней участвовало огромное количество людей. С самого начала своего миссионерского служения, к которому он приступил в 1918 году, Шрила Бхактисиддханта не переставая подчеркивал важность проповеднической деятельности. До него вайшнавцы, как правило, избегали большого скопления людей и поклонялись Господу в уединении – во Вриндаване и других священных местах. А если же им все-таки случалось отправляться на проповедь, они путешествовали как нищие странствующие монахи. Во времена Господа Чайтаньи последователи Госвами жили во Вриндаване, прямо под деревьями и каждую ночь ложились спать под новым деревом. Но Шрила Бхактисиддханта Сарасвати прекрасно понимал, что отрешенность Госвами не по плечу людям Запада – он был настроен на широкую проповедь и потому хотел показать всем, что преданные могут жить и в больших и роскошных храмах. На крупное пожертвование одного богатого купца-вайшнава в 1930 году он построил огромный мраморный храм в Багхбазаре – одном из районов Калькутты – и вместе с учениками переехал туда из своего маленького съемного домика на Ультаданге.

Шрила Бхактисиддханта учил, что преданный не должен тратить ни копейки на ублажение собственных чувств, но при этом на служение Кришне может потратить миллионы рупий. До него вайшнавцы избегали пользоваться механическими изобретениями, появившимися с приходом англичан, но Шрила Бхактисиддханта, опираясь на Священные писания, доказал, что подобный взгляд несовершенен. Рупа Госвами, великий ученик Господа Чайтаньи, писал: «По-настоящему отрешен от оков материи не тот, кто отказывается от всего, а тот, кто занимает все в служении Верховной Личности, Кришне. В этом и состоит йога совершенного отречения». Если все есть энергия Бога, тогда зачем от всего отказываться? Если Бог всеблаг, то и энергия Его – тоже благо. Да, материальные предметы нельзя использовать в угоду своим чувствам, но они могут и должны быть заняты в служении Кришне. Поэтому Шрила Бхактисиддханта пользовался самыми современными печатными станками. Он хотел приглашать людей в великолепные храмы, где они могли бы слушать кришна-катху. Он говорил, что ради проповеди преданные смело могут ездить на лучших машинах, носить шитую одежду или жить в роскошных домах.

Именно в таком настроении он и построил здание в Багхбазаре, где открыл «теистическую выставку». Это была серия диорам из прекрасно изготовленных, искусно раскрашенных и одетых глиняных фигур. Лепка фигур из глины – традиционный бенгальский народный промысел, но выставка, представляющая почти сотню искусно выполненных экспозиций о философии вайшнавов и играх Господа Кришны – это было невиданным зрелищем. Выставка вызвала горячий интерес, и ее ежедневно посещали тысячи людей.

В том же году Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, взяв с собой около сорока учеников, отправился на парикраму по всей Индии. Турне включало в себя публичные лекции и встречи с важными людьми. К 1933 году у Шрилы Бхактисиддханты было уже три типографии в разных частях Индии, которые печатали шесть журналов на разных индийских диалектах.

Однажды в Калькутте какой-то политик поинтересовался, как это Шриле Бхактисиддханте Сарасвати удастся выпускать собственную ежедневную газету «Надия-Пракаш». Шрила Бхактисиддханта Сарасвати ответил, что в этом нет ничего удивительного. Например, в одной только Калькутте ежедневно выпускаются полдюжины обычных газет, хотя Калькутта – это только один из многочисленных городов Индии, Индия – это всего лишь одна из множества стран Земли, а Земля – лишь маленькая планета среди остальных, в одной из вселенных, столь многочисленных, что ее можно сравнить с зернышком горчицы в большом мешке горчичных семян, и все это материальное творение – лишь малая часть всего творения Бога. «Надия-Пракаш» публиковала не новости Калькутты, не новости Земли, а новости из бесконечного духовного мира, который гораздо больше, чем все материальные миры, вместе взятые. И если калькуттские газеты могут ежедневно печатать ограниченные земные известия, то что удивительного в том, что «Надия-Пракаш» выходит каждый день? По большому счету, газету о духовном мире можно было бы печатать каждую секунду, если бы набралось достаточно заинтересованных читателей.

Один журнал, «Хармонист», Шрила Бхактисиддханта выпускал на английском языке. В одном из его номеров было опубликовано обращение ко всем читателям с приглашением принять участие во вриндаванской парикраме 1932 года:

Обход Шри Враджа Мандалы

Его Божественная Милость Парамахамса Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа, духовный руководитель общины Мадхва-гаудия-вайшнавов, следуя примеру Шри Кришны Чайтаньи Махапрабху, с радостью приглашает всех, независимо от национальности, кастовой принадлежности, вероисповедания, цвета кожи, возраста и пола, принять участие в паломничестве по святой земле Враджи, по местам, несущим на себе отпечатки стоп Верховного Господа Шри Кришны Чайтаньи, который явил лилу обхода Шри Враджа Мандалы зимой 1514 года.

Абхаю о парикраме сообщили преданные из аллахабадского Гаудия-Матха. В то время он был очень занят своим аптечным бизнесом и часто ездил по стране в поисках новых заказов, но тут он все взвесил и решил, что, по крайней мере на день-два, сможет присоединиться к парикраме, чтобы снова получить даршан Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Шрила Прабхупада: К тому времени, когда проходила эта парикрама, я еще не получил посвящения, но с искренним восхищением взирал на членов Гаудия-Матха. Они были очень добры ко мне, поэтому я подумал: «А что, интересно, эти люди делают на парикраме? Нужно поехать и посмотреть». Так я встретил их в Коши.

Группа парикрамы перемещалась с удивительной организованностью. Преданные, которые несли палатки и спальные принадлежности, шли впереди; они приходили на место следующей остановки на день раньше остальных, разбивали лагерь и сооружали кухню.

А основная группа преданных, которые под звуки киртаны несли Божество Господа Чайтаньи Махапрабху, проходила по местам игр Господа Кришны и к вечеру прибывала в лагерь. Лагерь был устроен в форме полукруга и состоял из нескольких частей; на ночлег паломники распределялись не беспорядочно, а по определенным секторам. В центре располагались апартаменты Шрилы Бхактисиддханты и Божества Господа Чайтаньи, а рядом – палатки санньяси. Женщины и мужчины размещались в отдельных лагерях – мужья и жены не ночевали вместе. Были сформированы добровольные отряды стражи, которые всю ночь стерегли лагерь. Ночной бивак с сотнями палаток, газовыми фонарями и кострами напоминал маленький город, и изумленные местные жители сбегались поглазеть на него. По вечерам все собирались, чтобы вместе послушать проповедь Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Рано утром паломники вставали и вместе повторяли «Харе Кришна». Затем они выстраивались в колонну – впереди группа киртаны с Божеством Господа Чайтаньи, за ними охрана, потом главная конная повозка, затем группа с флагами, а за ней – все остальные паломники. Они шли по святым местам: посетили место рождения Господа Кришны, место, где

Господь Кришна убил Камсу, храм Ади-Кешавы, Радха-кунду, Шьяма-кунду и многие другие места.

В высшей степени успешное и многолюдное, паломничество Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати однажды встретило серьезное противостояние. Местные владельцы храмов были недовольны тем, что Шрила Бхактисиддхант дает священный брахманский шнур преданным, которые не были выходцами из семей брахманов. В своих лекциях и статьях Шрила Бхактисиддхант неоднократно доказывал, опираясь на ведические Писания, что не происхождение, а качества, и только качества человека делают его брахманом. Он часто цитировал один стих из «Хари-бхакти-виласы», где Санатана Госвами приводит такой пример: неблагородный металл при соединении с ртутью может превратиться в золото; так же и обычный человек может стать брахманом, получив посвящение от истинного духовного учителя. В другом стихе из Шримад-Бхагаватам, который Бхактисиддхант Сарасвати также нередко цитировал, великий мудрец Нарада говорит Царю Юдхиштхире, что если человек родился в семье шудры, но поступает как брахман, его нужно считать брахманом, но если потомок брахманского рода ведет себя, как шудра, его нужно считать шудрой. Пение и повторение святого имени Бога – это главный духовный путь в эпоху Кали, поэтому святым следует считать любого, кто повторяет «Харе Кришна».

Местные пандиты пришли к Шриле Бхактисиддханте и выразили свое неодобрение по поводу того, что он с легкостью дает посвящение, брахманский шнур и одежду санньяси людям из низших каст. Выслушав в ответ блестящее, научно обоснованное объяснение Бхактисиддханты Сарасвати, пандиты, казалось, были удовлетворены. Но когда группа парикрамы обходила семь главных храмов Вриндавана, воздвигнутых ближайшими последователями Господа Чайтаньи, ворота их оказались закрытыми. Вриндаванские лавочники свернули свою торговлю, а кое-кто даже бросал камни в паломников. Но, несмотря на враждебное отношение, преданные, во главе со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, не теряя присутствия духа, продолжали свой путь, и двадцать восьмого октября процессия прибыла в Коши – место, где находилась казна отца Кришны, царя Нанды.

Абхай приехал в Матхуру на поезде из Аллахабада и добрался до Коши на рикше. Деревня радовала глаз; вместо заводов и огромных зданий Абхай увидел лес, а в стороны от главного мощеного шоссе, по которому он ехал, отходили только проселочные дороги и мягкие песчаные тропинки. Абхая, который был вайшнавом, переполняли чувства, незнакомые обычному человеку. То и дело он замечал в поле павлина, который своим экзотическим оперением возвещал славу Вриндавана и Кришны. Поистине, даже человек мирского склада ума по достоинству оценил бы такое разнообразие птиц, наполнявших воздух сладкими звуками своих песен. Иногда в кронах деревьев раздавалось сумасшедшее чириканье воробьев, которые шумели перед сном. Даже не зная об особом положении Вриндавана, можно было почувствовать, как успокаивается ум в этой простой деревне, где люди поддерживают огонь коровьим навозом и готовят себе ужин на открытом воздухе. От костров поднимаются облака насыщенных природных ароматов, смешиваясь с неопишуемым запахом земли. Вдоль дороги вытягивают сучковатые ветви старые деревья, а цветущие кусты ярко-фиолетовой камелии сливаются в густые заросли. Деревья покрыты распустившимися нежными белыми соцветиями париджата или большими желтыми цветами кадамба, которые едва ли можно найти где-то еще...

По дороге движется поток танг, запряженных лошадьми. Месяц Карттика, октябрь-ноябрь – это один из тех периодов года, когда во Вриндаван стекаются бесчисленные паломники.

На одноконных тангах едут большие семьи, прибывшие сюда издалека, за сотни километров. Группы побольше – люди, пришедшие из одной деревни – держатся вместе. На женщинах -яркие сари. Смуглые пилигримы, мужчины и женщины, несут свои нехитрые пожитки и поют бхаджаны, приближаясь к Вриндавану, городу тысяч храмов. Тут же едут бизнесмены, одетые, как и Абхай, более строго. Они прибыли из города, возможно, на выходные. Большинство из этих людей движут какие-то религиозные чувства – желание увидеть Кришну в храме, омыться в святой Ямуне, посетить места игр Господа Кришны, землю, где Он поднял холм Говардхан, убил демона Кеши, или танцевал ночами с гопи.

Проникаясь атмосферой Вриндаваны, Абхай наблюдал за движением на дороге. Но более, нежели этим зрелищем, его сердце было согрето радостным предвкушением встречи со святым, постоянно занимавшем его мысли, – Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, который беседовал с ним в Калькутте и убедил посвятить себя миссии Господа Чайтаньи – проповеди сознания

Кришны. Вскоре Абхай снова увидит его. Эта встреча была целью путешествия и мысль о ней его не покидала.

Достигнув освещенного фонарями лагеря Гаудия-Матха и пройдя регистрацию, он присоединился к парикраме. Его разместили в палатке для грихастх и накормили прасадом. Паломники отнеслись к нему тепло и доброжелательно, и Абхай рассказал им о своей встрече с членами матха в Калькутте и Аллахабаде. Вскоре все собрались, чтобы послушать объявления, которые делал один из санньяси. Он сказал, что этим вечером будет организовано посещение близлежащего храма, где установлено Божество Шешашайи Вишну. Из толпы паломников донеслись одобрительные возгласы: «Харибол! Харе Кришна!» Кроме того, санньяси объявил, что этим же вечером Его Божественная Милость Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур будет читать последнюю лекцию, и что на следующий день он покидает парикраму. Нужно было выбирать: пойти на парикраму или остаться.

Шрила Прабхупада: Итак, я встретил их в Коши, и Кешава Махараджа сообщил, что Шрила Бхактисиддханта завтра утром уезжает в Матхуру, а сегодня вечером будет говорить о хари-катхе. Желаящие могут остаться. А можно сходить посмотреть на Шешашайи Вишну. Так вот, в тот раз, насколько я помню, послушать лекцию осталось всего десять или двенадцать человек – среди них был Шридхара Махарадж. Я рассудил так: «Что я увижу в этом Шешашайи? Послушаю-ка я лучше, что будет говорить Шрила Бхактисиддханта Сарасвати».

Когда Абхай подошел, Шрила Бхактисиддханта уже говорил. Он сидел, выпрямив спину, плечи его облегал чадар. Он говорил не как профессиональный лектор на заранее подготовленном выступлении – он обращался к небольшому кругу людей, собравшихся в его комнате. Наконец-то Абхай снова был рядом с ним. Он восторженно смотрел на Ачарью и слушал. Гортанным, низким голосом этот необыкновенный человек, полный кришна-катхи, в самозабвенном порыве и с глубоким знанием предмета, не останавливаясь говорил о Кришне, а Абхай сидел и слушал, не пропуская ни слова.

Бхактисиддханта Сарасвати постоянно повторял о самбандхе, абхидхее и прайоджане. Самбандха – это стадия преданного служения, на которой пробуждается сознание Бога, абхидхея – это само преданное служение Господу, а прайоджана – его высшая цель, чистая любовь к Богу. Он подчеркивал, что его объяснения полностью соответствуют наставлениям Кришны, которые передаются по цепи учителей. Бхактисиддханту Сарасвати отличала особенная манера речи: в основном он говорил на бенгали, а иногда на английском, часто цитируя шастры на санскрите. Он был очень эрудирован. «Именно Кришна, – говорил Бхактисиддханта Сарасвати, – единственный Верховный Господин всей вселенной и более того, Он – Господь Вайкунтхи, запредельной обители. И, поскольку это так, никто не может помешать Его наслаждениям».

Прошел час, другой... И без того немногочисленная аудитория в комнате Бхактисиддханты постепенно поредела – ушли некоторые из санньяси, сославшись на обязанности, связанные с лагерем парикрамы, осталось лишь несколько приближенных старших учеников. Абхай был единственным посторонним. Конечно, как преданный он не был чужим, но он не был санньяси, не выполнял никаких обязанностей в матхе, не был даже посвящен и не путешествовал с парикрамой – с этой точки зрения он был человеком со стороны. Но философия, которую возвещал Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, была предназначена для всех, кто горел желанием слушать. А именно таков был Абхай.

Он внимал с изумлением. Иногда он даже не понимал сказанного, но продолжал внимательно и смиренно слушать, разумом впитывая слова Шрилы Бхактисиддханты. Он чувствовал, что Бхактисиддханта Сарасвати открывает ему прямое видение духовного мира, подобно тому, как что-то показывают, приоткрыв дверь или отодвинув занавес. Он показывал реальность, и этой реальностью было любовное преданное служение лотосным стопам Радха-Кришны, верховной Личности Бога. Как прекрасно он говорил! Как убежденно, как смело!

Абхай трепетно слушал его, устремив все внимание к его словам. Конечно, все вайшнавцы считали Кришну своим Господом, но как решительно и с какой глубокой логикой этот великий учитель укреплял веру вайшнавцев! Шрила Бхактисиддханта Сарасвати говорил несколько часов, Абхай же готов был слушать бесконечно. У него не было сомнений, затруднений или вопросов – он просто хотел слушать еще и еще. Абхай поклонился выходящему Шриле Бхактисиддханте, и, покинув узкий круг старших санньяси, направился к своей палатке в дальнем ряду. Слова духовного учителя продолжали звучать в его голове.

Теперь их взаимоотношения казались уже более реальными. Абхай все еще хранил в сердце то первое впечатление о Шриле Бхактисиддханте Сарасвати – святом, который беседовал с ним на крыше дома в Калькутте; но сегодня это впечатление, многие годы в Аллахабаде поддерживавшее его силы, обогатилось и наполнилось новой жизнью. Духовный учитель и впечатление от его слов были такой же реальностью, как звезды в небе и луна над Вриндаваном. Впечатление, рожденное словами Шрилы Бхактисиддханты, переполняло Абхая ощущением этой реальности – ему казалось, что весь мир покоился на ней – так планеты вращаются вокруг солнца.

На следующее утро, хотя до восхода оставалось еще больше часа, Абхай встал вместе с остальными, омылся и пропел мантры в обществе преданных. Позже утром, высокий, статный, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати в простом шафрановом одеянии сел на заднее сиденье автомобиля и уехал из лагеря. Величественный и серьезный, он посмотрел назад и помахал рукой, отвечая на прощальные жесты своих учеников. Абхай стоял среди них.

* * *

Немногим более месяца спустя Абхай вновь ожидал встречи со Шрилой Бхактисиддхантой – на этот раз в Аллахабаде. Абхай только что вернулся из Вриндавана и приступил к делам в «Праяг-Фармасы», когда преданные из аллахабадского Гаудия-Матха сообщили ему радостное известие. Они получили землю и средства для строительства здания Шри-Рупа-Гаудия-Матха, и 21-го ноября ожидали приезда Шрилы Бхактисиддханты, который должен был возглавить церемонию закладки первого камня. На торжество в качестве почетного гостя был приглашен сэр Уильям Малькольм Хэйли, губернатор Объединенных Провинций, который должен был в присутствии Шрилы Бхактисиддханты заложить в фундамент первый камень. Когда Абхай узнал, что планируется провести еще и церемонию посвящения, он спросил, можно ли и ему участвовать в ней. Управляющий матхом, Атулананда, пообещал представить Абхая Шриле Бхактисиддханте Сарасвати.

Дома Абхай обсудил свое намерение получить посвящение с женой. Она не возражала, но сама от посвящения отказалась – они и так уже поклонялись домашнему Божеству и предлагали Ему пищу. Они верили в Бога и жили мирно.

Но Абхаю этого было мало. Не желая ничего навязывать жене, сам он знал, что должен получить посвящение от чистого преданного. Благочестивая жизнь и отказ от греховных поступков, конечно, нужны, но, по большому счету, это еще не духовная жизнь – этого мало, чтобы удовлетворить вечную потребность души. А высшая потребность живого существа – любить Кришну. Отец уже вселил в него эту любовь, и Абхай должен сделать следующий шаг. Отец был бы доволен этим.

Тот, кто способен увести все падшие души в мир трансцендентной любви к Богу, сейчас укреплял в Абхае то, что дал ему отец. Абхай знал, что должен пойти дальше и принять полное прибежище в наставлениях духовного учителя. «Жаждающий познать Абсолютную Истину должен принять прибежище у духовного учителя, стоящего в цепи ученической преемственности и утвердившегося в сознании Кришны,» – требуют Писания. Даже Господь Чайтанья, Сам Кришна, проявил все признаки экстатической любви к Кришне при воспевании Святого Имени, только получив посвящение у духовного учителя.

Ритуальное посвящение, полученное от семейного священника, в возрасте двенадцати лет, Абхай никогда не принимал всерьез. Это было простой формальностью. Обычный ритуальный жрец – это еще далеко не гуру; поэтому Абхаю и в голову не приходило, что гуру у него уже есть. Их семейный священник никогда не наставлял его в науке бхакти и не был связан с Кришной цепью ученической преемственности. Но получив посвящение от Бхактисиддханты Сарасвати, Абхай обретет эту связь с Кришной. Бхактисиддханта, сын Тхакура Бхактивиноды и ученик Гауракишоры даса Бабаджи, являлся гуру в двенадцатом поколении учителей, начиная с Господа Чайтаньи. Он был превосходным знатоком Вед и опытным вайшнавом, способным отвести учеников обратно к Богу. Предшественники благословили и уполномочили его трудиться ради высшего блага, давая людям сознание Кришны, – единственное, что может избавить их от всех страданий. Абхай чувствовал, что давно принял Шрилу Бхактисиддханту духовным учителем и уже на самой первой встрече получил его указания. Теперь, если Шрила Бхактисиддханта согласится принять его в ученики, эти взаимоотношения установятся окончательно.

После встречи во Вриндаване прошло совсем немного времени! Так, через Своего представителя, действует Кришна. Казалось, что духовный учитель, приехал в Аллахабад, где жил

и работал Абхай, чтобы еще больше вовлечь его в духовную жизнь. Абхай чувствовал, как связь со Шрилой Бхактисиддхантой укрепляется без всяких дополнительных усилий с его стороны. Шрила Бхактисиддхант сам направлялся к нему, как будто повинуюсь указанию свыше.

В день церемонии открытия матха Бхактисиддхант Сарасвати встретился со своими учениками в аллахабадском Гаудия-Матхе на южной улице Маллака. Когда он рассказывал хари-катху и отвечал на вопросы, Атулананда Брахмачари воспользовался возможностью представить ему нескольких преданных, желающих получить посвящение, в том числе и Абхая. Преданные Аллахабада гордились господином Дэ, который по вечерам регулярно навещал матх, вел бхаджаны, посещал лекции (иногда сам их читая) и часто приводил уважаемых гостей. Он жертвовал деньги и вдохновлял на это своих партнеров по бизнесу. Сложив ладони, Абхай смиренно смотрел на духовного учителя. Он и Шрила Бхактисиддхант оказались лицом к лицу. Бхактисиддхант Сарасвати узнал его и было видно, что он рад этой встрече. Он помнил его.

– Да, – сказал он, глядя Абхаю в глаза, – ему нравится слушать. Он не уходит. Я заметил его. Я приму его в ученики.

И как только слова эти дошли до сознания Абхая, он преисполнился счастья. Атулананда был приятно удивлен тем, что у Гурудевы уже сложилось положительное мнение о господине Дэ. Другие ученики, присутствовавшие в комнате, тоже обрадовались, что Шрила Бхактисиддхант Сарасвати сразу же так благосклонно отозвался о господине Дэ, называя его хорошим слушателем. Многим было интересно, где и когда Шрила Бхактисиддхант успел прийти к такому мнению о молодом фармацевте.

На церемонии посвящения Шрила Бхактисиддхант Сарасвати сидел на व्याсасане. Комната была заполнена гостями и членами Гаудия-Матха. Кандидаты в ученики сидели вокруг небольшого земляного холмика, на котором один из учеников-санньяси Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати развел жертвенный огонь, в который бросал зерна и фрукты, тогда как остальные повторяли очистительные мантры. На церемонии присутствовали сестра и брат Абхая; жена не пришла.

Присутствие Гурудевы согревало Абхаю сердце. «Да, ему нравится слушать», – слова духовного учителя и его взгляд навсегда остались в его памяти. Больше всего Абхай хотел продолжать радовать духовного учителя прилежным слушанием. «Тогда, – думал он, – я смогу хорошо говорить». Ведические источники описывают девять методов преданного служения, первый из которых – шраванам, слушание о Кришне; а второй – киртанам, прославление Его. Своим терпеливым слушанием в Коши Абхай удовлетворил представителя Кришны, а когда доволен представитель Кришны, доволен и Сам Кришна. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати не хвалил его за денежные пожертвования матху, он не советовал ему оставить семью и работу и путешествовать с ним, он не просил Абхая совершать великие аскезы, уподобившись йогам, которые умерщвляют плоть постом и суровыми обетами. «Ему нравится слушать, – вот что сказал Гурудева. – Я обратил на него внимание». Абхай думал об этом и продолжал внимательно слушать своего духовного учителя во время церемонии посвящения.

Наконец, Шрила Бхактисиддхант попросил Абхая подойти и получить посвящение в хари-наму, приняв четки. Распростершись перед гуру в поклоне, Абхай вслед за этим протянул правую руку, чтобы принять четки для джапы из рук духовного учителя, а затем сразу же получил и священный брахманский шнур, символизирующий второе посвящение. Как правило, Шрила Бхактисиддхант сначала давал ученику первое посвящение, в хари-наму, и лишь спустя какое-то время, если был доволен его прогрессом, возлагал на него священный шнур. Но Абхаю он дал оба посвящения одновременно. Теперь Абхай был полноценным учеником, брахманом, имеющим право совершать жертвоприношения, такие, как эта огненная ягья. Будучи посвященным, теперь он мог поклоняться Божеству в храме и активно проповедовать. Шрила Бхактисиддхант добавил к его имени слово «аравинда» – «лотос»; теперь его имя было – Абхай-Чаранаравинда.

После отъезда Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати из Аллахабада в Калькутту Абхай остро ощутил возложенную на него ответственность, понимая, что отныне ему надлежит действовать от имени духовного учителя. Во время посвящения Шрила Бхактисиддхант велел Абхаю изучить книгу Рупы Госвами «Бхакти-расамрита-синдху», которая описывает путь развития преданного в духовной жизни, а также взаимную любовь Господа Кришны и Его слуг. «Бхакти-расамрита-синдху» – это своего рода кодекс для тех, кто идет по пути преданного служения, и Абхай тщательно его изучил. Он радовался, когда выпадала возможность приходить почаще в аллахабадский центр и приводить туда новых людей. Когда-то, на первой встрече с духовным

учителем, он получил указание распространять миссию Господа Чайтаньи, и сейчас постоянно думал о том, как его выполнить. Проповедь налагала не меньшую ответственность, чем дом и работа. Даже дома он хотел заниматься проповедью как можно больше. Он обсуждал свои планы с женой: о том, что нужно приглашать к себе людей, угощать их прасадом, беседовать о Кришне... Но она не разделяла его энтузиазма.

Шрила Прабхупада: Моя жена была преданной Кришны, но у нее были несколько иные взгляды. Она считала, что нужно просто поклоняться домашнему Божеству и жить мирно. Я же считал, что нужно проповедовать.

* * *

Абхай не мог себе позволить путешествовать с духовным учителем и даже часто видаться с ним. Фармацевтический бизнес и постоянные деловые поездки отнимали у него много времени. Однако он старался приезжать в Калькутту по делам именно тогда, когда там находился Шрила Бхактисиддханты. Поэтому за последующие четыре года он смог увидеть своего духовного учителя не меньше десяти раз.

На железнодорожной станции Хаура, в Калькутте, его, как правило, встречал Нитьянанда Брахмачари, помощник библиотекаря Гаудия-Матха, с пароконным экипажем, принадлежавшим матху. Нитьянанда считал Абхая необычайно смиренным и терпеливым человеком. По пути в матх Абхай с огромным интересом расспрашивал о делах Шрилы Бхактисиддханты за последнее время: о его путешествиях, о публикациях. Его интересовало и то, сколько открыли новых центров, и то, как поживают его ученики. О делах Абхая почти не говорили. Обычно Абхай останавливался в Гаудия-Матхе дней на пять. Иногда он навещал одну из сестер, живших в Калькутте, но главной причиной его приезда был Шрила Бхактисиддханты; Абхай пользовался каждым удобным случаем, чтобы послушать его.

Абхай никогда не стремился занять какой-то пост во внутренней структуре Гаудия-Матха. Его духовный учитель дал посвящение восемнадцати санньяси, которые выполняли львиную долю работы по проповеди и руководству миссией. Абхай же был домохозяином, обремененным делами и заботами о семье; он практически никогда не жил в матхе, если не считать кратковременных визитов. Но отношения его с духовным учителем становились все более близкими.

Иногда, чтобы увидеть Шрилу Бхактисиддханту, Абхай посещал Чайтанья-Матх, место рождения Господа Чайтаньи в Майяпуре. Однажды во дворе Чайтанья-Матха прямо перед Абхаем откуда ни возьмись появилась огромная ядовитая змея. Абхай позвал других преданных, они подбежали, но застыли в растерянности, не зная, что предпринять. В это время на веранду второго этажа вышел Шрила Бхактисиддханты. Он взглянул вниз, увидел змею и тут же приказал: «Убейте ее!» Один юноша взял большую палку и убил змею.

Шрила Прабхупада: Так вот, я задумался: «Как же это так – Гуру Махараджа приказал убить змею?» Это несколько удивило меня, но потом мне встретился этот стих: модета садхур апи вришчика-сарпа-хатья – и я успокоился. «Даже святые радуются, когда убивают змею или скорпиона». У меня были некоторые сомнения, почему Гуру Махараджа приказал убить змею. Но этот стих убедил меня, что подобные твари не заслуживают милости.

Шрила Бхактисиддханты был настолько аскетичным и безжалостным к другим философиям, что даже собственные ученики побаивались обращаться к нему наедине, без какого-то конкретного вопроса. Но к Абхаю Шрила Бхактисиддханты относился с неизменной доброжелательностью, хотя встречи их были довольно редкими.

Шрила Прабхупада: Гуру Махараджа всегда относился ко мне очень хорошо. Иногда духовные братья осуждали меня за то, что я немного вольно беседовал с ним и говорили при этом: «Дуракам закон не писан». Но я думал: «Дурок? Да, может быть, но такой уж я есть». Гуру Махараджа всегда был очень, очень милостив ко мне. Когда я выражал ему почтение, в ответ он обычно говорил: «Дасо сми» – «Я твой слуга».

Иногда, когда Шрила Бхактисиддханты расхаживал взад-вперед, перебирая четки и громко повторяя мантру «Харе Кришна», Абхай заходил в комнату и ходил рядом с духовным учителем, тоже читая мантру. Однажды, находясь в комнате Шрилы Бхактисиддханты, Абхай присел рядом с гуру на кушетку, то есть, вышло так, что он сидел на одном уровне с ним. Но затем он обратил внимание, что остальные ученики сидят ниже, у ног духовного учителя. И хотя Абхай оставался на своем месте, но Бхактисиддханты Сарасвати ничего не сказал по этому поводу. Но с тех пор Абхай больше никогда не позволял себе сидеть на одном уровне с духовным учителем.

Как-то раз, чтобы послушать Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати, собралось множество учеников, среди которых был и Абхай. Вдруг неожиданно к нему обратился пожилой человек, сидевший рядом. Когда Абхай наклонился, чтобы услышать, о чем тот спрашивает, Шрила Бхактисиддхант вдруг с досадой упрекнул двух невнимательных учеников:

– Бабу, – обратился он сначала к пожилому преданному – Уж не думаешь ли ты, что купил меня своим ежемесячным пожертвованием в сто пятьдесят рупий?

А затем повернулся к Абхаю:

– Почему бы тебе не выйти сюда и не говорить вместо меня?

Внешне расстроившись, внутри Абхай принял и сберег этот выговор как сокровище.

Однажды, в частной беседе, Шрила Бхактисиддхант рассказал Абхаю, с какими опасностями сопряжена его смелая проповедь.

Шрила Прабхупада: Огромная заслуга моего Гуру Махараджи состоит в том, что он нанес поражение касте Госвами. Он разгромил этот брахманизм. Он поступал так же, как Чайтанья Махапрабху. Чайтанья Махапрабху говорил: киба випра, киба ньяси, шудра кене найа/ еи кришна-таттва-ветта, сей гуру хайа: Не имеет значения, является человек санньяси, брахманом, шудрой или грихастхой. Нет. Если он знает науку о Кришне – с ним все в порядке, он госвами, он брахман».

Но со времен Господа Чайтаньи этому уже никто не учил. Вот в чем заслуга моего Гуру Махараджи, и именно это вызывало бурный протест со стороны брахманов из касты госвами.

Однажды они даже сговорились убить его – мой Гуру Махараджа сам мне это говорил. Он был так милостив, что наедине рассказывал мне много интересного, и это он тоже рассказал мне лично: «Они собирались убить меня».

Они собрали двадцать пять тысяч рупий и предложили взятку местному офицеру полиции: «Возьмите эти двадцать пять тысяч. Мы тут кое-что задумали против Бхактисиддханты Сарасвати, а вы должны просто ничего не предпринимать». Офицер понял, что они собираются убить Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати, пришел к нему и все открыто рассказал: «Конечно, мы берем взятки, что греха таить. Но только не тогда, когда дело связано со святым человеком. На такое я ни за что не решусь». Полицейский отказался от взятки и предупредил Гуру Махараджу: «Так и так. Будьте осторожны. Положение очень опасное». Потому что он не давал им спуска.

Он ценил смелость в своих учениках. Абхай слышал об одном случае, когда ученик Шрилы Бхактисиддханты очень откровенно высказался на многочисленном собрании против одного всеми уважаемого монаха-майавади, во всеуслышание назвав его «слабоумным жрецом». В результате собрание было сорвано, и некоторые ученики сообщили об этом происшествии Шриле Бхактисиддханте, полагая, что он будет недоволен учеником, чьи высказывания послужили причиной беспорядка. Однако Шрила Бхактисиддхант, напротив, был очень удовлетворен и заметил:

– Он поступил правильно.

Он бывал недоволен тогда, когда узнавал, что кто-то пошел на компромисс.

Шрила Прабхупада: Когда мой Гуру Махараджа присутствовал здесь, самые маститые ученые опасались вступать в беседу даже с его начинающими учениками. Моего Гуру Махараджу называли «ходячей энциклопедией». Он мог беседовать с любым человеком на любую тему, таким он был образованным. И никогда не шел на компромисс. Так называемые святые, аватары, йоги – все эти притворщики были врагами моего Гуру Махараджи. Он не терпел компромиссов. Некоторые из его духовных братьев называли такую проповедь «рубкой сплеча» и предсказывали, что она не будет успешной. Но впоследствии те, кто критиковал его, пали.

Шрилу Бхактисиддханту называли «Симха-гуру», т.е. «Гуру-лев». Иногда, встретив какого-нибудь приверженца философии имперсонализма, он окликал его и бросал ему вызов:

– Зачем ты обманываешь людей? Зачем ты забиваешь им головы философией майявады?

Он часто приказывал своим ученикам никогда не идти на компромисс.

– Зачем нам кому-то лстить? Мы должны говорить голую правду, безо всякой лести. Деньги придут в любом случае.

Излагая философию вайшнавов, письменно или устно, Шрила Бхактисиддхант был непримирим; все его выводы были логичны, убедительны и согласовывались с шастрами. Но иногда Абхаю доводилось слышать воистину уникальные, вечные наставления своего гуру, и он понимал: ему никогда их не забыть. «Не старайся увидеть Бога, – часто говорил Шрила Бхактисиддхант – лучше действуй так, чтобы Бог увидел тебя».

Шрила Бхактисиддханта сурово осуждал владельцев храмов, показывающих Божества за деньги. Он говорил, что лучше уж быть подметальщиком улиц – это более достойно. Он сочинил поговорку на бенгали: шалаграм-двара бадам бханга – «Жрецы, которые колют орехи Шалаграмой». Иначе говоря, если человек показывает шалаграм или любую другую форму Господа за деньги, то он относится к Божеству не как к Господу, а как к камню, с помощью которого можно заработать себе на жизнь.

Однажды Абхай стал свидетелем беседы своего духовного учителя с националистом Субхас-Чандрой Бозе, с которым они когда-то вместе учились в Колледже Шотландских Церквей. Бозе, озабоченный тем, что Шрила Бхактисиддханта вовлекает молодежь в религию, был настроен слегка критически.

Шрила Прабхупада: Субхас-Чандра Бозе явился к моему Гуру Махарадже и сказал: «За Вами пошло так много людей. Теперь они ничего не делают для нации».

Гуру Махараджа ответил: «Для вашей пропаганды нужны силачи. А вы посмотрите на моих людей – они же такие слабые, такие худые. Оставьте вы их в покое! И пусть они едят себе что-нибудь да повторяют «Харе Кришна»». Так он уклонился от беседы с ним.

Шрила Бхактисиддханта часто говорил, что когда место судей в Верховном суде займут преданные с вайшнавскими тилаками на лбу, то можно будет сказать, что миссия распространения Сознания Кришны достигла успеха.

Еще он говорил, что Иисус Христос был шактьявеша-аватарой, воплощением Бога, наделенным особым могуществом:

– Разве можно думать иначе? Во имя Бога он пожертвовал всем.

Своим научным языком он утверждал:

– Мирские деяния ни в коей мере не помогут достичь трансцендентного Самодержца.

А иногда выражал то же самое более доступно:

– Ученые-материалисты, пытаясь понять Верховного Господа с помощью грубых чувств и измышлений ума, подобны тому, кто пытается ощутить вкус меда в банке, облизывая ее снаружи.

– Философия без религии, – говорил он, – просто сухие домыслы, а религия без философии – обычные сантименты, а иногда и фанатизм.

Шрила Бхактисиддханта говорил, что общество делится на две части – обманщики и обманутые. Он приводил такой пример: распутные женщины приходят в святые места Индии, чтобы соблазнить садху, полагая, что иметь ребенка от садху весьма престижно. А безнравственные мужчины наряжаются садху, рассчитывая быть «соблазненными» одной из таких женщин. Вывод Бхактисиддханты Сарасвати был таков: нам нужно стремиться покинуть этот мир и вернуться к Богу, потому что «материальный мир – не место для порядочного человека».

Абхай замечал, что когда ученики спрашивали духовного учителя о чем-то, что должно было произойти в будущем, он никогда не отвечал: «Да, это обязательно будет» или «Да, мы должны этого добиться». Напротив, обычно он говорил: «Да, если Кришна пожелает, это случится». В юности он был астрологом и умел предсказывать будущее, но теперь бросил это занятие.

Шрила Бхактисиддханта оставался брахмачари на протяжении всей жизни и очень тщательно избегал общения с женщинами. Однажды Абхай сидел с духовным учителем, и там же присутствовал еще один ученик с молодой женой. Девушка спросила Шрилу Бхактисиддханту, может ли она побеседовать с ним с глазу на глаз. Он отказался:

– Нет, о чем бы вы ни хотели спросить, можете говорить прямо здесь. Я не могу остаться с вами наедине.

Это поразило Абхая: Шриле Бхактисиддханте было за шестьдесят, и девушка годилась ему во внучки. Тем не менее, он оставался верен своему принципу: никогда не беседовать наедине ни с одной женщиной.

Шрила Бхактисиддханта с готовностью давал ученикам санньясу. Но однажды одного из таких учеников-санньяси насильно увела домой жена. Шрила Бхактисиддханта горько заплакал, говоря, что ему не удалось спасти эту душу. Но при этом он никогда не отзывался о семейной жизни в сознании Кришны пренебрежительно:

– Я мог бы вступать в половые отношения сотни раз, если бы был уверен, что воспитаю сознающих Кришну детей.

Он посылал своих брахмачари на улицы, продавать книги и журналы Гаудия-Матха, и если брахмачари удавалось продать хотя бы один или два журнала, Шрила Бхактисиддханта был очень

доволен: «Ты просто молодец!» Раздумывая, годится ли для публикации статья или какое-то эссе, он обычно подсчитывал, сколько раз встречается в тексте слово «Кришна» или «Чайтанья». Если эти Святые имена употреблялись достаточно часто, он, как правило, говорил:

– Очень хорошо. Это можно печатать.

У него была поговорка на бенгали: «пран ачхе йар, се хету прачар» – «Чтобы проповедовать, нужно быть живым – мертвец не может проповедовать». Когда его проповедники жаловались, что никто не пришел на их лекцию и не принял участие в санкиртане Шрила Бхактисиддханта отвечал:

– Неважно. Стены слушали тебя, и этого достаточно. Не расстраивайся. Иди и продолжай петь.

А по поводу падения некоторых учеников, он говорил:

– Некоторые солдаты обязательно погибнут.

Бхактисиддханта Сарасвати не хотел, чтобы его ученики вели легкую жизнь – как-то раз он отругал ученика за праздное любопытство, – но не желал он и того, чтобы они жили в уединении, как аскеты. Он написал песню, которую часто пел: «Душта мана, туми кисера вайшнава?» – «О мой ум, ну что же ты за вайшнав? Ты повторяешь «Харе Кришна» в уединении, подражая великим святым – Харидасу Тхакуру и Рупе Госвами, а сам стремишься лишь к женщинам и деньгам. Ты переполнен грязью, так что вся твоя бхаджана – просто обман». Он учил, что если преданный оставляет проповедь на улицах города ради медитации в уединении, то это просто обман – он всего лишь пытается подражать прославленным святым в надежде заполучить дешевое поклонение со стороны наивной публики. Поэтому Шрила Бхактисиддханта никогда не стремился открывать отделения Гаудия-Матха в малонаселенных местах.

Абхай не упускал ни единой возможности послушать своего духовного учителя, но очень редко задавал ему философские вопросы. Он предпочитал просто слушать.

Шрила Прабхупада: Я никогда не задавал духовному учителю никаких вопросов, кроме одного: «Чем я могу служить Вам?».

* * *

Абхай-Чаран Дэ стал известным фармацевтом. Он отлично работал в «Лаборатории Бозе», и другие компании тоже хотели заполучить его в качестве агента. Он рассчитывал стать богатым.

Шрила Прабхупада: Мой Гуру Махараджа приказал мне: «Делай то-то!» Но я думал: «Сначала нужно разбогатеть, а потом уже я выполню его указание». Вначале я думал: «Мои духовные братья принимают санньясу. Они ходят от двери к двери, прося подаяния. Неужели и я должен просить? Лучше уж заработать денег и распространять сознание Кришны».

Крупнейшая фармацевтическая компания Индии, «Бенгал Кемикл», обратилась к нему с предложением о сотрудничестве. Но он отказал им (хотя потом и жалел об этом) – они не согласились с некоторыми из его условий. Тем не менее, будущее было многообещающим. Астролог предсказал Абхаю, что он может стать одним из богатейших людей в Индии, а доктор Карттик Бозе еще его отцу говорил: «Это толковый человек!»

Но появлялись и некоторые тревожные признаки. В деловых поездках Абхаю удавалось собрать деньги только за половину поставок, но столько же счетов оставались неоплаченными. Оплата многих векселей задерживалась, и задолженность Абхая перед лабораторией Бозе постепенно выросла до десяти тысяч рупий. К тому же, у него появились враги. Новый менеджер, занявший пост официального представителя – прежнее место Абхая в «Лаборатории Бозе» в Калькутте, начал настраивать доктора против Абхая, внушая ему, что тот стал слишком независимым. Они уже слышали о его переговорах с «Бенгал Кемикл», а растущий долг новый менеджер объяснял отсутствием верности своей компании. Карттик Бозе по-прежнему хорошо относился к Абхаю, но когда долг слишком уж разросся, Бозе поехал в Аллахабад, чтобы самому во всем разобраться. В «Праяг-Фармаци» доктор Гхош сказал ему:

– Это очень честный человек. Он не виноват в том, что случилось. Он доверился партнерам и раздал все лекарства в кредит, а деньги они не возвращают.

– Ну ладно, – сказал доктор Бозе – но деньги ему давать я больше не буду.

Абхай с доктором Бозе просмотрели счета, и пришли к выводу, что будет лучше, если Абхай передаст все дела «Праяг-Фармаци», а все счета – самому Бозе. Так Абхай освободился от долга, но вместе с тем лишился и работы.

Атулананда-брахмачари спрашивал его: «Почему ты не ходишь в матх? Ведь теперь ты свободен». Теперь Абхай действительно мог чаще заходить в находящийся неподалеку матх Рупы Госвами, где отрешенные брахмачари из Гаудия-Матха советовали ему во всем зависеть только от Кришны, оставить мирские дела, присоединиться к ним и постоянно проповедовать. Но Абхай и не думал бросать работу. Если он бросит работу, то что же станет с женой и детьми? У них с Радхарани родился уже третий ребенок, сын, поэтому ответственность стала еще больше. Брахмачари искренне призывали его отрешиться от всего мирского, но Абхай не мог отнестись к этому предложению серьезно.

Оставшись без работы, Абхай оказался в затруднительном положении, но по-прежнему верил в свои силы и не оставлял надежды найти альтернативу. Были и другие компании, которые приглашали Абхая стать их агентом. К тому же, некоторые из его прежних клиентов были не против предложить ему работу, хотя он больше и не сотрудничал с Бозе. Абхай стал подумывать о создании собственной фармацевтической лаборатории. В итоге он решил открыть свою фабрику, но не в Аллахабаде, а в городе покрупнее. И выбор его остановился на Бомбее.

Абхай подумал и решил, что его семье лучше остаться в Аллахабаде, а сам он, вместе с братом, поехал в Бомбей, чтобы снять квартиру и оценить, насколько тамошняя обстановка благоприятствует открытию бизнеса. Хотя Радхарани давно уже привыкла к постоянным отлучкам мужа, ни одна из них не была столь длительной, какой обещала быть эта, предстоящая. Абхай объяснил ей, что неудача в бизнесе случилась по воле Кришны, и теперь, чтобы и впредь обеспечивать семью, он должен начать уже более серьезное дело, а начинать его лучше в крупном городе, например, в Бомбее. А семейную жизнь в Аллахабаде придется на время приостановить. Он оставил здесь небольшую фармацевтическую лабораторию, производящую лекарства, руководство которой поручил своему племяннику Туласи, и отправился с братом в Бомбей.

В Бомбее Абхай снял квартиру на Грант-Роуд и, используя навыки, полученные во время работы управляющим лаборатории Бозе, открыл собственную фармацевтическую фабрику. Бизнес пошел успешно. Тогда же большая компания, «Институт Смиа», предложила ему место торгового агента. Абхай согласился, решив, что сможет одновременно работать представителем «Смиа» и развивать собственный бизнес. Он был уверен в своих силах и не сомневался, что хорошо заработает на поприще фармацевтики.

Однажды, совершая деловые поездки по Бомбею, он повстречал членов Гаудия-Матха – Бхакти Ракшака Шридхара Махараджа и Бхактисарангу Госвами, старших санньяси, учеников Бхактисиддханты Сарасвати. Абхай очень уважал этих духовных братьев, отлично сведущих в вайшнавской философии и хорошо знающих Священных писания. Было очевидно, что везде, куда бы он ни направлялся, сама судьба сводит его с духовными братьями. И сам он, и оба санньяси сочли эту, на первый взгляд случайную, встречу посреди города очень хорошим знаком.

Как и в Аллахабаде, здесь преданные тоже не имели постоянного центра, но предпринимали постоянные попытки его открыть. От имени Бхактисиддханты Сарасвати проповедники ходили от двери к двери, ища людей, которые могли бы так или иначе оказать поддержку бомбейскому отделению Гаудия-Матха.

Абхай очень хотел им помочь и предложил собратьям в служении духовному учителю свои услуги. Хотя, являясь санньяси, по статусу они были выше Абхая, сейчас их положение было в каком-то смысле беспомощным, и они нуждались в его поддержке. Они остановились в небольшом доме на Проктор-Роуд, и не имели почти никакой возможности установить какие-либо серьезные и важные контакты. Теперь они действовали сообща: Абхай представлял санньяси своим знакомым по бизнесу, а санньяси просили у них пожертвования на новый центр. Абхай-Чаранаравинда был незаменим в том, что касалось сбора средств, и охотно посвящал этому свое время. Духовные братья, в свою очередь, пытались привлечь его к постоянной проповеди в Гаудия-Матхе.

Шрила Прабхупада: Мы вместе собирали пожертвования – Шридхара Махараджа, Госвами Махараджа и я. Я знакомил их со своими друзьями – химиками и врачами, и за два дня мы собрали пятьсот рупий. Шридхара Махараджа обычно беседовал, я знакомил, а Госвами Махараджа просил пожертвования. Госвами Махараджа был очень признателен и высоко отзывался обо мне:

– Этот бабу очень опытен. У него много друзей, и он собрал столько средств! Почему бы ему не стать руководителем нашего матха и не жить вместе с нами? Почему он живет отдельно?

Абхай посещал квартиру матха на Проктор-Роуд, где участвовал с преданными в киртане и слушал их проповедь «Бхагаватам». По просьбе санньяси, Абхай взял на себя задачу подыскать более подходящее место для бомбейского центра. Теперь, куда бы Абхай ни отправлялся по делам в черте города, он всегда присматривал подходящий участок земли. Ответственность за семью и детей он уже нес, но положение посвященного ученика обязывало его с такой же ответственностью помогать духовным братьям. Он должен был не просто бороться за выживание в мире деловой конкуренции, но и участвовать в проповеди. Правда, он и представить себе не мог, что когда-нибудь сможет жить как эти санньяси – не иметь собственности и работы, спать на голом полу, питаться простой пищей.

25 февраля 1935 года.

В этот день Шриле Бхактисиддханте Сарасвати исполнилось шестьдесят два года. В Джаганнатха Пури, где жил Шрила Бхактисиддханта, преданные устроили по этому случаю праздничную церемонию. В маленьком бомбейском центре несколько его учеников намеревались провести вечернюю службу и пригласили местных жителей. К празднику Абхай написал стихи:

Все, все восхваляйте
Счастливый день,
Который благословеннее небес
И сладостнее мая –
День, когда в Пури,
Святом месте,
Явился мой Господин и Учитель –
Его Божественная Милость!

О мой Учитель,
Благовествующий ангел,
Даруйте нам Ваш свет,
Зажгите Свою свечу!
Продолжайте бороться
За человечество;
Его единственная надежда –
Ваша Божественная Милость.

Заблудшие,
Мы сбились с пути.
Спасите нас, о Господин, –
Молим Вас всей душой!
Чудесным образом
Вы смогли пробудить нас!
Я припадаю к Вашим стопам,
Ваша Божественная Милость!

Забывшие Кришну,
Мы, падшие души,
Платим иллюзии
Тяжелейшую дань.
Тьма вокруг нас,
Не видно ни зги.
Вы – единственная надежда,
Ваша Божественная Милость!

Вы принесли
Послание о служении,
О счастье,
Как завещал Чайтанья,

Скрытое от всех,
Но преисполненное смысла –
Вот Ваш дар,
Ваша Божественная Милость!

Вы доказали,
Что Абсолют мыслит и чувствует.
Вы отвели
Беду имперсонализма.
Это дает нам жизнь,
Новую и светлую.
Я склоняюсь к Вашим стопам,
Ваша Божественная Милость!

Неужели Вы не придете?
Вы, сильно и смело
Провозглашающий
Послание Кришны!
Такова Ваша воля,
Жезл власти у Вас в руках.
Спасите меня, падшего,
Ваша Божественная Милость!

Горизонты служения,
Открытые Вами,
Радуют и оживляют,
Как утренняя роса.
Старейший,
Но в новом обличье,
Вы свершили чудо,
Ваша Божественная Милость!

Абхай-Чаран-дас

Кроме того, Абхай составил речь, которую прочел перед собравшимися гостями и членами Гаудия-Матха. Хотя родным языком Абхая был бенгали, по-английски он говорил чисто и естественно.

Господа, церемония поклонения Ачарьядеве, которую мы проводим сегодня вечером, – не сектантство, потому что, говоря об основополагающем принципе гурудевы, или ачарьядевы, мы имеем в виду то, что адресовано всем. Не может быть и речи о том, чем отличается мой Гуру от вашего или от какого-либо еще. Есть только один Гуру, который является в бесчисленных образах, чтобы учить вас, меня и всех остальных. Гуру, или ачарьядева, как нам известно из подлинных Писаний, несет послание абсолютного мира, запредельной обители Абсолютной Личности, где всё без исключения служит Абсолютной Истине.

Как и стихи, речь Абхая была произнесена от чистого сердца, но философски была еще более обоснована. Духовные братья Абхая были потрясены, слушая, как искусно он излагает философию вайшнавов. Как это возможно? Конечно, полной неожиданностью это не стало. Как и все духовные братья, Абхай постигал философское учение вайшнавов из уст Шрилы Бхактисиддханты. Что же удивительного в том, что он излагает наставления своего духовного учителя, услышанные от него и прочитанные в «Гите», «Бхагаватам» и «Бхакти-расамрита-синдху»? Разве не был он преданным, состоящим в парампаре? Но никто до сих пор не догадывался о его способности столь блестяще проповедовать на английском.

Следовательно, как не может быть двух Абсолютных Истин, в чем, мы полагаем, никто здесь не сомневается, так же не может быть и двух Гуру. Ачарьядева, которому все собравшиеся выражают сегодня свое смиренное почтение, – это не гуру какой-то секты и не один из многочисленных толкователей истины, противоречащих друг другу. Напротив, он –

Джагад-гуру – гуру для всех, но одни добровольно повинуются ему, а другие не делают этого прямо.

Тем Гуру, о котором шла речь, был, без сомнения, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, представитель изначального автора всех Писаний, Вьясадевы. Абхай объяснил, как Господь Кришна передал трансцендентное знание Брахме, творцу этой Вселенной. От Брахмы знание перешло к Нараде, от Нарады – к Вьясе, от Вьясы – к Мадхве... Поскольку Шрила Бхактисиддханта представлял Ведическое знание таким, как оно есть, без каких-либо искажений, не отклоняясь от парампары, – он был подлинным ачарьей, который был способен просвещать других в богооткровенном знании Вед.

Абхай продолжал:

Господа, наши знания столь скудны, наши чувства так несовершенны, а наши возможности настолько ограничены, что с их помощью мы не способны получить даже малейшее представление о сферах абсолютного, не предавшись лотосным стопам Шри Вьясадевы или его истинного представителя.

Духовное знание, как объяснил Абхай, известно в Индии тысячи лет, и именно это знание, хотя и частично утраченное и искаженное в настоящее время, было истинным даром Индии всему миру.

Поэтому напрашивается вывод, что причина невежества нынешнего века кроется не в недостатке материальных достижений, а в том, что мы потеряли путеводную нить нашего духовного прогресса, а ведь он представляет собой главную потребность человеческой жизни, неотъемлемый признак человеческой цивилизации высшего типа. Умение сбрасывать бомбы с самолетов – это еще не прогресс. По сути дела, это мало чем отличает современных людей от дикарей, которые сбрасывали на головы врагов камни. Люди научились уничтожать друг друга с помощью пулеметов и ядовитых газов, но далеко ли они ушли вперед от своих нецивилизованных предков, гордившихся искусством убивать с помощью лука и стрел? Развитое чувство болезненного самолюбия является не более чем признаком животного образа мыслей.

Итак, пока остальные пребывали во мраке исторического забвения, мудрецы Индии создали иной тип цивилизации, культуру самоосознания. Они обнаружили, что все мы отнюдь не материальные существа, а духовные, вечные и неуничтожимые слуги Абсолюта.

Абхай продолжал говорить, описывая ужасные последствия впустую растроченной жизни и страдания цикла рождений и смертей. Вновь и вновь он подчеркивал необходимость предаться духовному учителю. Он обрушивался на материалистичных философов-эмпириков, безбожных политиков и слепых рабов чувств. Он много раз указывал на естественное и возвышенное положение души – положение слуги Бога и слуги Его чистого преданного. Абхай, который два года назад получил от духовного учителя посвящение, говорит здесь о себе как об ученике:

Господа, хотя в познании запредельного мы подобны несведущим детям, Его Божественная Милость, наш Гурудева, зажег в наших сердцах маленький огонек, чтобы рассеять крошечную тьму эмпирического знания. Теперь мы так надежно защищены, что никакие аргументы школ эмпирической мысли не заставят нас ни на волос отклониться от сознания своей вечной зависимости от лотосных стоп Его Божественной Милости. Более того, мы готовы бросить вызов самым эрудированным ученым школы майявады и доказать, что только Верховная Личность, Бог и Его духовные развлечения на Голоке составляют возвышенную мудрость Вед.

Свою речь он завершил выразительной молитвой смирения.

Сам я не надеюсь оказать какое-либо непосредственное служение, скитаясь по жизни в течение миллионов грядущих рождений. Но я не сомневаюсь, что когда-нибудь обязательно выберусь из той трясины заблуждений, в которой сейчас так глубоко завяз. Поэтому я искренне молюсь у лотосных стоп моего божественного учителя – но не о том, чтобы он избавил меня от страданий, которые мне суждено испытать за свои прошлые ошибки, а о том, чтобы он никогда не дал мне забыть, что я всего лишь ничтожный слуга всемогущего Абсолютного Бога, которого я осознал благодаря вечной милости моего божественного учителя. И потому со всем смирением, на какое я только способен, я припадаю к его лотосным стопам.

Свою речь и стихи он отослал в редакцию журнала «Хармонист». Первым опубликованным стихотворением Абхай обнаружил способность превосходно писать на английском языке, и Свами Бхакти Прадипа Тиртха, редактор «Хармониста», окрестил Абхая «ученым поэтом» – «кави». Некоторым духовным братьям Абхая понравилось это прозвище, и они тоже начали называть его

Кави. Большинство из них, даже санньяси, не владели английским языком столь свободно. Но то, что сделал Абхай, отнюдь не было заслугой простого знания языка. Братья видели, что стихотворение написано от сердца, что оно выражает неподдельное преклонение и радость Абхая от того, что он принял истинного духовного учителя. При этом его работа строго соответствовала канону Писаний.

Но настоящая награда за его «Послание на Шри Вьяса-Пуджу» пришла к Абхаю, когда стихотворение прочел Шрила Бхактисиддхант Сарасвати – оно ему очень понравилось. Одно из четверостиший доставило Шриле Бхактисиддханте особую радость, и он цитировал его всем своим гостям.

Вы доказали,
Что Абсолют мыслит и чувствует.
Вы отвели
Беду имперсонализма.

В этом простом четверостишии Абхаю удалось выразить самую суть проповеди своего духовного учителя против майявады, и Шрила Бхактисиддхант понял, насколько тонко Абхай чувствует его настроение. Абхай был в восторге, узнав, что это четверостишие понравилось духовному учителю. Один духовный брат Абхая сравнил этот стих со стихом, в котором Рупа Госвами удивительно точно передал внутреннее состояние Чайтаньи Махапрабху, чем привел Его в экстаз.

Очерк Абхая Шрила Бхактисиддхант Сарасвати также нашел превосходным и дал его прочитать его некоторым преданным, пользовавшимся его особым доверием. А редактору журнала «Хармонист» он дал указание: «Печатай все, что он напишет».

Абхая несколько не удивляло наличие большого количества врагов и деловых конкурентов – напротив, это было еще одним признаком успеха. Но в Бомбее конкуренция лишила его очередной возможности стать богатым. «Врагом» оказался сын управляющего из «Института Смита». И отец, и сын стали жаловаться, что продукцию своей лаборатории Абхай-Чаран Дэ рекламирует больше, чем товары Смита. В результате этой интриги Абхай потерял место, а управляющий поставил вместо него своего сына. И Абхаю опять пришлось работать самостоятельно.

Продолжая помогать своим духовным братьям- санньяси, он нашел сдающееся в аренду двухэтажное здание на Гаудия-Тэнк-Роуд. Все согласились, что это место хорошо подходит для центра, и Абхай договорился об арендной плате и первоначальном ремонте, а затем помог санньяси переехать на новое место. Он стал замечать, что его усилия в достижении духовных целей всегда увенчиваются успехом, в то время как все материальные начинания терпят крах одно за другим. Конечно, горстка конкурентов – не повод для отчаяния, – игра никогда не обходится без интриг и потерь. У него по-прежнему хорошая репутация в фармацевтическом бизнесе Индии. Но взлеты и падения в бизнесе беспокоили его гораздо меньше, чем сомнения – а действительно ли это наилучший и единственно подходящий для него способ служить духовному учителю? Бизнес хорош только тогда, когда идет рука об руку с духовной жизнью. Господь Чайтанья предсказывал, что «Харе Кришна» будут петь и повторять в каждом городе и деревне, и Абхай горел желанием помочь духовному учителю претворить в жизнь это пророчество, собирая средства и открывая центры. Его заработок должен идти не только на нужды семьи.

В идеале, духовная и семейная жизнь должны не препятствовать, а напротив, помогать друг другу. Но тут дело было в жене Абхая. Неудачи мужа в бизнесе ее очень беспокоили, а духовные достижения оставляли совершенно равнодушной. Ее интересы ограничивались пределами дома и семей; вопреки советам Абхая, она отказывалась принимать посвящение от Шрилы Бхактисиддханты. Так уж вышло, что главным его «конкурентом» стала собственная жена, и противодействие с ее стороны проявлялось именно там, где оно было меньше всего нужно – в родном доме.

Навешая время от времени родных в Аллахабаде, Абхай старался успокоить и приободрить их, рассказывая о своих намерениях. Бизнес в Бомбее шел не так хорошо, как хотелось бы, но у Абхая были новые планы, и он уверял домашних, что беспокоиться не о чем. Он собирался больше проповедовать дома – тогда вся семья смогла бы принять какое-то участие в духовной деятельности. Он хотел приглашать к себе гостей, обсуждать с ними «Бхагавадгиту» и «Шримад-Бхагаватам», петь киртаны, раздавать прасад. Он хотел проповедовать, как это делали его гуру и духовные братья. Такие программы не требовали обязательного присутствия санньяси или

брахмачари, которые руководили бы происходящим – Абхай мог делать все сам. И это было бы примером идеальной жизни домохозяина. Но Радхарани была другого мнения. Вместо того, чтобы слушать его проповедь, она сидела в другой комнате с детьми и пила чай.

В Бомбее Абхай тесно общался со Шридхарой Махараджей и Бхактишарангой Махараджей. Оба санньяси были высокообразованными учеными: Шридхару Махараджу уважали за всестороннее знание шастр, а Бхактисарангу Махараджу – за литературные труды и проповедь на английском; с ними Абхай иногда делился своим духовным опытом.

Кроме того, Абхай изучал Священные Писания самостоятельно. Он читал комментарии к «Гите» и «Шримад-Бхагаватам», написанные его духовным учителем, а также комментарии предыдущих ачарьев. В комментарии Вишванатхи Чакраварти Тхакура к Бхагавадгите (2.41) Абхай нашел фразу, которая, глубоко запав ему в сердце, усилила его стремление выполнять указания Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати: «наставления духовного учителя – самое ценное сокровище в жизни ученика».

А в восемьдесят восьмой главе Десятой песни Шримад-Бхагаватам он нашел слова Самого Господа, которые поразили его до глубины души:

ясьяхам анугрихнами
харишье тад-дханам шанайх
тато дханам тйаджантй асйа
сва-джана духкха-духкхитам

«Я постепенно отнимаю всю материальную собственность у того, к кому Я особенно милостив. И тогда друзья и родственники отворачиваются от него, нищего и жалкого». Прочитав этот стих, Абхай вздрогнул. Он почувствовал, что эти слова относятся непосредственно к нему. Что же это значит? «Не значит ли это, – размышлял он, – что Кришна постепенно отнимет у меня все деньги?» А разве не это сейчас происходило в его жизни? И не в этом ли причина его неудач в бизнесе? Он поделился своими мыслями со Шридхарой Махараджей. «Вполне возможно» – подтвердил Махараджа. Может быть, именно это и происходит сейчас между Господом Кришной и Абхаем.

В июле 1935 года Шрила Бхактисиддхант Сарасвати приехал в Бомбей, чтобы установить в Бомбейском центре Божество Господа Кришны и начать Ему поклонение. Он был очень доволен тем, что ученики сделали так много, а Бхактисаранга Махараджа отметил, что главная заслуга в этом принадлежит Абхаю Бабу, который собрал большую часть средств на открытие нового центра.

– Почему Абхай живет отдельно от нас? – поинтересовался Бхактисаранга. – Он обязательно должен стать президентом центра в Бомбее.

Бхактисиддхант Сарасвати ответил:

– Ему лучше жить отдельно от вас. Он сам сделает все что нужно. Когда придет время, он сделает все сам. Нет необходимости представлять его мне.

Абхай не присутствовал при этом разговоре, но духовные братья передали ему слова Шрилы Бхактисиддханты. Они заключали в себе таинственный пророческий смысл и были очень важны для Абхая. Он хранил их в сердце, как бесценное сокровище, и часто размышлял над их значением.

В ноябре 1935 года Абхаю опять посчастливилось побывать во Вриндаване вместе с духовным учителем. Месяц карттика – идеальное время для посещения Вриндаваны, и Шрила Бхактисиддхант проводил это время в обществе своих учеников на тихих берегах Радха-кунды – священного озера, где когда-то наслаждались Своими играми Радха и Кришна.

Из Бомбея Бхактисиддхант Сарасвати отправился в Калькутту, где выступил на радио, прочел множество публичных лекций, встретил вернувшихся из Европы учеников, которых он посылал туда проповедовать, и завершил публикацию перевода «Шримад-Бхагаватам» и комментариев к нему. Затем, в октябре, он прибыл на Радха-кунду. Поселившись в небольшом одноэтажном доме, построенном еще Тхакуром Бхактивинодой, он проводил дни в чтении и обсуждении «Упанишад», «Чайтанья-чаритамриты» и «Шримад-Бхагаватам». Во время этого же визита он установил Божества в Шри-Кунджавихари-Матхе.

Берега Радха-кунды ярко зеленели листвой старых сучковатых деревьев тамаринда, тамала и нима. На песчаных отмелях на длинных ногах, словно на ходулях, стояли журавли. Сияющая гладь воды была недвижна, лишь скользящие низко над озером речные крачки время от времени тревожили ее, внезапно ныряя за рыбой, да изредка всплывала из глубины черепаха, на секунду

высовывая нос из воды, или выпрыгивала рыбка. Парочки зеленых попугаев слетали с зеленых деревьев и снова возвращались назад; гомонили и перелетали с места на место воробьи. В окрестных садах кричали павлины, попадались и зайцы, и даже олени.

Вся атмосфера была полна кришна-лилой. Пять тысяч лет прошло с тех пор, когда Радха и Кришна вершили здесь Свои божественные игры, но лишь пять веков назад Господь Чайтанья отыскал забытое озеро Радха-кунда. Великий последователь Господа Чайтаньи, Рагхунатха дас Госвами жил здесь долгие годы, беспрестанно повторяя «Харе Кришна» и рассказывая о деяниях Господа Чайтаньи Махапрабху. Здесь же, в маленьком бхаджана-кутире, Кришнадаса Кавираджа написал «Чайтанья-чаритамриту», – поэму об играх Господа Чайтаньи, – любимую книгу Бхактисиддханты Сарасвати. Многие из людей, живших на Радха-кунде, были отрeksiи от мира бабаджи, проводившие все время в бхаджана-кутирах, повторяя «Харе Кришна».

Узнав, что гуру остановился на Радха-кунде, Абхай вместе с сыном приехал туда из Бомбея, чтобы получить даршану своего духовного учителя. Возможность встретиться со Шрилой Бхактисиддхантой всегда была для Абхая источником большой радости, а сейчас эту радость усиливало то, что увидятся они именно во Вриндаване. Эта встреча Абхая с дорогим его сердцу наставником и другом была совсем не похожа на ту вриндаванскую встречу, что произошла в 1932 году на парикраме. Теперь Абхай уже не был незнакомцем, сидящим в последнем ряду у задней стены комнаты. Теперь он – посвященный ученик, признанный «кави», написавший достойные похвал стихотворение и статью; молодой человек, «умеющий хорошо слушать»; преданный, помогающий Аллахабадскому матху, и открывший матх в Бомбее. На этот раз Абхаю посчастливилось остаться со своим духовным учителем наедине. Шрила Бхактисиддхант помнил сына Абхая и подарил ему маленький бандхи (жакет). Прогуливаясь с Абхаем по берегу Радха-кунды, Шрила Бхактисиддхант доверительно заговорил с ним.

Он рассказал, что в Калькутте начался конфликт между его старшими учениками, и это причиняет ему сильную боль. И даже сейчас, во Вриндаване, гнетущие мысли не идут у него из головы. Несколько его учеников поссорились из-за того, кому какая комната достанется в штаб-квартире Гаудия-Матха, в Калькутте. Все эти преданные были из одного матха, а само здание штаб-квартиры было построено для распространения сознания Кришны под руководством Бхактисиддханты Сарасвати. Но при этом они ссорились даже в присутствии своего духовного учителя. Брахманы и вайшнавьи должны быть свободны от зависти ко всем живым существам, и уж, конечно же, от зависти друг к другу. Если они ссорятся уже сейчас, то что же будет, когда их духовный учитель оставит этот мир? Абхай стоял в стороне от всего этого и даже не знал подробностей и имен виновников. Но слушая эти слова духовного учителя, он ощутил боль.

Глубоко озабоченный этой проблемой, Шрила Бхактисиддхант сказал: «Агун джвалбе – Быть пожару». Очень скоро в калькуттском Гаудия-Матхе вспыхнет пожар личных интересов, который, разгоревшись, многое разрушит. Абхай слушал, не зная, что и подумать. Шрила Бхактисиддхант так долго и отважно боролся за то, чтобы доказать, что любой человек может стать брахманом, санньяси или вайшнавом, но сейчас его последователи оскверняются, желая почестей и какого-то жалкого богатства, показывая тем самым, что по-прежнему остались «людьми второго сорта», несмотря на все обучение и очищение – и это подрывает саму суть его миссии. Если под именем религии они привязываются к комфорту, положению и почету, это может значить только одно – они не усвоили наставлений духовного учителя.

Шрила Прабхупада: Он сокрушался о том, что этих людей интересуют лишь камни и кирпичи здания. Он осуждал это. Он был очень, очень расстроен. «Когда мы арендовали дом на Ультаданге, – говорил Шрила Бхактисиддхант, – мы жили превосходно, если нам удавалось собрать каких-нибудь двести или триста рупий. Тогда мы были счастливее. Но с тех пор, как появился этот мраморный дворец в Багхбазаре, между нашими последователями начались склоки. Кто займет эту комнату? А эта кому будет принадлежать? А в той кто будет жить? Каждый рассуждает на свой лад. Было бы лучше снять мрамор со стен, продать его и напечатать книги».

Абхай чувствовал, что духовный учитель словно просит о помощи или предупреждает о грядущей катастрофе, взывая к нему. Но он-то, Абхай, чем может помочь? И тут Шрила Бхактисиддхант прямо сказал ему: «Амар иччха чхила кичху баи карана» – «Я хотел печатать книги. Если у тебя когда-нибудь появятся деньги, печатай книги». Стоя у Радха-кунды и глядя на своего духовного учителя, Абхай почувствовал, как глубоко эти слова входят в его сердце: «Если у тебя когда-нибудь будут деньги, печатай книги».

Декабрь 1936

Шрила Бхактисиддханта находился в Джаганнатха-Пури. Его здоровье сильно ухудшилось. Абхай, находясь в Бомбее, решил написать письмо Гуру Махарадже. «Он так добр ко мне, – думал Абхай, – Он поймет мою просьбу».

И он написал:

Дорогой Гуру Махараджа,

Пожалуйста, примите мои смиренные поклоны у Ваших лотосных стоп. У Вас много учеников, и я – один из них, но лишь некоторые могут служить Вам лично. Кто-то из них – брахмачари, кто-то – санньяси, а я домохозяин. У меня нет такой возможности. Хотя иногда мне под силу оказывать финансовую помощь, непосредственно служить Вам я не могу. Могу ли я выполнить какое-нибудь конкретное служение?

Через две недели Абхай получил ответ:

Я уверен, что ты сможешь изложить на английском языке наши мысли и доводы людям, не понимающим нашего языка.

Этим ты окажешь неоценимую услугу как себе, так и своим слушателям. Я совершенно уверен, что ты станешь очень хорошим англоязычным проповедником, если будешь служить миссии Господа Чайтаньи, достойно представляя Его учение как простым людям, так и философам.

Абхай тут же узнал в этих словах те самые наставления, которые он получил на первой встрече в 1922 году. Учитель еще раз подтвердил их. Абхай больше не сомневался относительно цели своей жизни. То, что сказал его духовный учитель в Калькутте в 1922 году, не было случайной фразой, как не была случайной и сама их встреча. Наставление было тем же: «Стань очень хорошим англоязычным проповедником. Этим ты окажешь неоценимую услугу как себе, так и своим слушателям».

* * *

Шрила Бхактисиддханта оставил этот бранный мир первого января 1937 года. Он провел последние дни, читая «Чайтанья-чаритамриту» и повторяя на четках Святые имена. Когда к нему пришел врач, чтобы сделать укол, Шрила Бхактисиддханта возразил: «Зачем Вы меня беспокоите? Просто повторяйте Харе Кришна. Этого достаточно». Одним из его последних наставлений было следующее: «Я советую всем вам проповедовать учение Рупы-Рагхунатхи (учеников Господа Чайтаньи), используя все силы и средства. Наша высшая цель – стать пылью у лотосных стоп Шри Шри Рупы Госвами и Рагхунатхи Госвами. Вы все должны трудиться сообща под руководством вашего духовного учителя ради служения Абсолютной Истине, Божественной Личности. Вы должны стараться жить в этом бранным мире только ради служения Богу. И не ссорьтесь. Пожалуйста, не прекращайте служения Богу, даже если вас окружают опасности, критика и неудобства. Пусть вас не разочаровывает то, что большинство людей в этом мире не служат Богу; не бросайте свое служение, оно – всё для вас; не сходите с пути повторения и слушания трансцендентного имени Бога. Пойте и повторяйте Его со всей решимостью; будьте терпеливы, как дерево, и смиренны, как травинка. Среди вас есть опытные ученики, способные сделать многое. У нас нет никакого иного желания».

До последней минуты он оставался в полном сознании и продолжал давать наставления. Особо он сделал акцент на том, что управление Гаудия-Матхом должно осуществляться руководящим советом из двенадцати человек, которые должны быть избраны из числа преданных. В конце он сказал:

– Пожалуйста, примите мои благословения, те, кто здесь и кого здесь нет. Пожалуйста, всегда помните, что наша единственная обязанность и религия – это распространять и проповедовать служение Господу и Его преданным.

Первого января в 5:30 утра он сделал свой последний вздох.

Печальное известие очень быстро дошло в Бомбей, до Абхая. Услышав скорбную весть, он заплакал от горя – не будет больше радости от предвкушения встречи, не будет поездок в Калькутту или Вриндавану под предлогом бизнеса, чтобы увидеть высокую внушительную фигуру Шрилы Бхактисиддханты, «Благовестующего ангела»... Была нестерпимой сама мысль о том, что они никогда больше не встретятся. Разумом Абхай понимал, что причины для скорби нет – Бхактисиддханта Сарасвати пришел в этот мир, чтобы выполнить миссию Господа Чайтаньи, и сейчас ему пришло время оставить эту планету и отправиться в другое место, чтобы

распространять божественное послание Там – но философское понимание не спасало Абхая от щемящего чувства одиночества. Ушли два его великих благожелателя – сначала отец, а теперь и духовный учитель. Он был безмерно благодарен духовному учителю за то, что всего за две недели до ухода тот одарил его особой милостью, – дал последнее наставление. Абхай снова и снова перечитывал его последнее письмо – ведь писем больше не будет! Личные встречи и беседы остались в прошлом, а этому письму предстояло стать фундаментом, на котором будет построена вся жизнь Абхая. Письмо пришло как раз вовремя. Теперь было неважно, что говорят другие; он точно знал, как доставить радость духовному учителю и сохранить связь с Кришной. Самый дорогой его доброжелатель ушел, но следуя его указанию, он сможет преодолеть горе утраты.

Глава пятая

Война

В этих обстоятельствах, начиная с 1936 года, я просто думал, смогу ли я отважиться на выполнение этой трудной задачи, не имея, к тому же, ни средств, ни способностей. Но так как это не испугало меня, я нашел в себе силы взяться за работу.

Шрила Прабхупада
Журнал «Назад к Богу»

«Пожар в матхе» вспыхнул почти сразу. Один из старших учеников заявил, что духовным преемником Бхактисиддханты Сарасвати должен быть один-единственный ачарья, имеющий право давать посвящения и разрешать все споры. Но Бхактисиддханта Сарасвати никогда не говорил ничего подобного. Он не просил назначать какого-то одного ачарью. Напротив, он наказал членам Гаудия-Матха сформировать руководящий орган из двенадцати человек и управлять матхом сообща. Но это наставление было забыто, а вместо него было выдвинуто предложение – назначить единоличного лидера. Вместо двенадцати человек руководство должен был взять на себя один, – оставалось лишь решить, кто.

Ученики разделились на две противоборствующие группы. Ананта Васудева, один из ведущих проповедников Бхактисиддханты Сарасвати, был очень честолюбив – он настаивал на своих правах, заручившись поддержкой влиятельных санньяси. Другой ученик, Кунджавихари, ловко вел борьбу за имущество. При Шриле Бхактисиддханте он был главным управляющим, и теперь претендовал на великолепный храм в Калькутте, равно как и на всю остальную собственность и имущество, числившееся за Гаудия-Матхом по всей территории Индии. В своем завещании Шрила Бхактисиддханта выразил желание, чтобы ученики избрали руководящий совет, который будет управлять всей собственностью и капиталом Гаудия-Матха, но Кунджавихари оспаривал правомерность этого завещания. Он и его сподвижники утверждали, что, поскольку Шрила Бхактисиддханта получал всю эту собственность от имени Бога, она ему не принадлежала, и он не имел права определять ее будущего хозяина. Кунджавихари и другие вели бесконечные споры по поводу правовых и богословских аспектов положения ушедшего ачарьи.

Вскоре после ухода Шрилы Бхактисиддханты начался судебный процесс. Ананта-Васудева, на стороне которого было большинство членов Гаудия-Матха, заявил, что именно ему как следующему ачарье принадлежит имущество и власть. На стороне Кунджавихари было лишь несколько человек, но, несмотря на это, он бросил вызов большинству и подал в суд. Кунджавихари и его сторонникам удалось завладеть Чайтанья-Матхом и храмами в Майяпуре. Партии Васудевы досталась остальная недвижимость. Ссоры переросли в кулачные бои, и проповедь Гаудия-Матха остановилась.

Неспособность Абхая участвовать в деятельности Гаудия-Матха неожиданно оказалась ему во благо. Он был скорее прихожанином, нежели членом матха и (по крайней мере, внешне) больше дельцом-грихастхой, чем миссионером. Поэтому все эти раздоры обошли его стороной. Он, правда, был связан с матхами в Бомбее и Аллахабаде, но никаких руководящих постов там не занимал, и поэтому ему не нужно было на что-то притязать или участвовать в судах. Да он и не встал бы на какую-то одну сторону в драке за власть. Как и многих других учеников, его очень удручало, что наказом его духовного учителя о сотрудничестве пренебрегли, а его миссия стала предметом судебной тяжбы. Абхай знал, что Шрила Бхактисиддханта всегда призывал старших учеников к сотрудничеству, поэтому не мог одобрить действий ни одной из ссорящихся фракций. Обе стороны оскорбляли Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати.

Но он хотел проповедовать. Хотя цель стать «очень хорошим англоязычным проповедником» оставалась пока больше предметом его размышлений, нежели активных действий, Гаудия-Матх, по логике, мог бы стать хорошим средством для проповеди. К тому же, он уже печатал свои статьи в изданиях Гаудия-Матха и сотрудничал с духовными братьями в Аллахабаде и Бомбее. Разумеется, служение духовному учителю означает служение его миссии, но Гаудия-Матх, некогда славившийся своей чистой и смелой проповедью послания Господа Чайтаньи, теперь прославился в основном своими распрями. Развал Гаудия-Матха коснулся и

Абхая. Как мог он в таких условиях выполнять наказ своего духовного учителя – проповедовать? Раньше главным препятствием для проповеди были семейные обязанности, но сейчас положение значительно усложнилось. Только ждать исхода этих сражений – ничего другого не оставалось. Что же уготовил ему Кришна?

* * *

1938 год.

Дела в Бомбее не ладились. Абхай, которому было уже сорок два, со всей семьей переехал обратно в Калькутту, где арендовал дом №6 на Сита-Канта-Банерджи-Лэйн. С обеих сторон этой узкой улочки стояли трехэтажные дома. Его офис находился на первом этаже и выходил на улицу; семья жила на втором этаже. Абхай снял примыкающее здание №7 и на первом его этаже устроил небольшую химическую лабораторию, где стал производить дистиллированную воду, «Болеутоляющую мазь Дэ», «Вимал тоник», уколы от нарывов «Альфа» и другие лекарства. Еще он занял под лабораторию маленькую постройку во дворе здания. Над дверью, выходящей на улицу, он повесил большую вывеску – «Абхай-Чаран Дэ и сыновья», – на которой был изображен усатый Абхай-Чаран.

Иногда Абхай нанимал в помощь двух-трех человек, но чаще работал один. Он поставлял дистиллированную воду своим агентам, в частности «Бенгал Компани» и «Глюконет». Для рекламы болеутоляющей мази Дэ была напечатана брошюра, в которой говорилось: «Отлично снимает боль при подагре, ревматизме и других недугах». А если пациент хотел навсегда избавиться от подагры, ревматизма и других недугов, то брошюра Абхая предписывала, в дополнение к «Болеутоляющей мази Дэ», «воздерживаться от спиртных напитков и других одурманивающих средств и употреблять в пищу простые и чистые продукты, такие как овощи и молоко».

Новое дело в Калькутте сразу пошло на лад, но сердцем Абхай был далеко отсюда. Вести дело, чтобы содержать семью – это был просто его долг. Новые знакомые в Калькутте видели в нем искреннего преданного Бога – пусть и делового человека и отца семейства, но который озабочен более проповедью и литературной работой, нежели бизнесом и семьей.

Чханди Мукерджи (с соседней улицы Бихари): Его интересовало только преданное служение, а бизнесом он занимался лишь для поддержания семьи. Было видно, что им движет не стремление получить выгоду, заработать денег или стать богатым человеком.

Чаран Мукерджи (сосед Абхая): Абхай-Чаран Дэ всегда очень терпеливо выслушивал все, даже самые вздорные доводы любого посетителя, включая меня самого. Не зная философии, я выдвигал множество совершенно нелогичных аргументов, а г-н Дэ всегда очень терпеливо слушал. Он никогда не раздражался, всегда был очень спокоен и рассказывал мне о Боге. Он говорил только о Кришне. Он переводил «Гиту» и вел свой бизнес.

Соседи часто заставляли его сидящим на кушетке в гостиной. Он читал книги своего духовного учителя, время от времени повторяя вслух санскритские шлоки. С теми, кто заходил к нему, он любил говорить о философии. Члены его семьи, как правило, были в верхних комнатах, а он сидел внизу, в гостиной, одетый в дхоти и курту, а иногда в дхоти и жилетку. Иногда он писал, а дети его в это время играли на улице с детьми семьи Гангули, жившими в том же доме, в квартире, выходившей во двор.

Соседи жили очень дружно, как одна семья, и Абхай часто с ними общался. Как правило, говорили они о вайшнавской философии и лишь изредка – о бизнесе. По мнению г-на Гангули, речь Абхая была «ученой и всегда в высшей степени философской». Он был поглощен философией сознания Кришны, и даже в коротких беседах рассказывал о том, что «Бхагавадгита» называет Господа Кришну основой материального и духовного миров. Работая в своей лаборатории, принимая пустые стеклянные бутылки у торговца-мусульманина или выходя продавать свои лекарства, – он всегда говорил и думал о Боге.

В те дни в Калькутте нередко можно было встретить человека, проявляющего интерес к Богу. Абхай заметил, что даже Абдулла, мусульманин, продававший стеклянную тару, очень религиозен. Однажды Абхай спросил Абдуллу, который когда-то был очень бедным, но благодаря своему делу разбогател:

– Теперь у тебя есть деньги. На что же ты собираешься их потратить?

Торговец бутылками ответил:

– Дорогой мой господин, я мечтаю построить мечеть.

Тем временем война в Гаудия-Матхе разгоралась все сильнее. Обе партии были движимы нечистыми побуждениями, и обе отклонились от наставлений духовного учителя. Одна только попытка определить в суде, кому принадлежит собственность, означала, что духовные братья не повиновались желанию духовного учителя, которое он столь ясно выразил в завещании. Суды продолжались из года в год, но тяжбы не могли ни сблизить учеников, ни очистить их. Местный суд вынес решение в пользу Ананта-Васудевы, но Верховный суд постановил, что две трети собственности матха принадлежат Кунджавихари, а Васудеве – только одна треть. Несмотря на это, сторонников у него было больше – им казалось, что Васудева более решительно настроен восстановить проповедь Гаудия-Матха. Но вскоре Васудева нарушил строгие принципы санньясы и сбежал с женщиной, а группа его последователей распалась на мелкие группировки.

Большинство санньяси продолжали соблюдать принципы, но многие из них, возмущенные происходящим, вышли из состава обеих фракций. Каждый из них учредил свой ашрам: «Миссия Гаудия», «Чайтанья-Гаудия-Матх» и другие. Гаудия-Матх – единая организация, миссия с филиалами по всей Индии, состоящая из многочисленных храмов, нескольких типографий и сотен преданных, работавших сообща под единым руководством, – прекратила свое существование. Ученики продолжали следовать наставлениям Господа Чайтаньи Махапрабху, полученными от Шрилы Бхактисиддханты, но, разделившись, утратили былую силу. Иллюзия престижа и обладания собственностью вытеснили наказ духовного учителя, и дело Шрилы Бхактисиддханты – всемирное движение проповеди учения Господа Чайтаньи – было развалено.

Где бы Абхай ни оказался, он, казалось, притягивал к себе духовных братьев. Несколько последователей Шридхары Махараджа – того самого Шридхары, с которым Абхай сотрудничал в Бомбее и к которому всегда относился как к хорошему преданному и ученому, – встретили Абхая около его дома на улице Банерджи, а затем рассказали об этой встрече Шридхаре Махарадже, который в то время жил в своем ашраме, в Майяпуре. Шридхара Махараджа не участвовал в «войне» Гаудия-Матха, но, будучи санньяси, по-прежнему проповедовал и занимался изданием вайшнавской литературы. Он хотел открыть ашрам в Калькутте и для этой цели за двадцать рупий в месяц арендовал у Абхая четыре комнаты на втором этаже дома №7, над химической лабораторией.

Теперь, когда Шридхара Махараджа, Пури Махараджа и Бхактисаранга Махараджа приезжали в Калькутту, они устраивались в своих отдельных комнатках. В новом ашраме начали регулярно останавливаться и брахмачари, и санньяси, а Шридхара Махараджа повесил на фасаде вывеску: «Девананда-Сарасвати-Матх».

Открытие нового матха в Майяпуре и его филиала в Калькутте было ответом Шридхары Махараджи на раскол в Гаудия-Матхе. Как и другие санньяси, он давал посвящение ученикам и проповедовал, не ожидая исхода судебного разбирательства, с его бесконечными апелляциями и встречными исками. Абхай был рад помочь Шридхаре Махарадже и другим – всем, кто присоединялся к нему в новом маленьком ашраме. Здесь и сам Абхай, и Шридхара Махараджа со своими последователями могли оставаться в стороне от войны в Гаудия-Матхе и сообща воплощать в жизнь планы распространения сознания Кришны.

Санньяси готовили на отдельной кухне, сами проводили пуджу, пели утренние и вечерние киртаны и читали лекции. Абхай жил с семьей, принимал свою пищу и проводил свою пуджу, но теперь он мог часто ходить обсуждать «Шримад-Бхагаватам» со Шридхарой Махараджей. С крыши дома Абхая был виден шпиль построенного духовным лидером Гаудия-Матха здания на Багхбазаре, за которое сейчас ожесточенно бились враждующие группировки.

Нередко Абхай ходил со Шридхарой Махараджей и его помощниками на проповеднические программы, где играл на мриданге. А когда Шридхара Махараджа болел, Абхай сам водил преданных на проповедь, сам вел киртану, играл на мриданге и давал лекции по Бхагаватам.

Шридхара Махараджа: Мы не видели, чтобы Абхай тратил все силы на зарабатывание денег. Ничто не указывало на то, что он очень богат или имеет много свободных средств. Его больше интересовали духовные отношения, нежели семья. Со мной он никогда не обсуждал свои дела – хорошо они идут или плохо, собирается ли он предпринять то или это. С финансовой точки зрения, у него было не так много средств, чтобы жертвовать их миссии.

Абхай серьезно задумывался над тем, что ему нужно начать писать вайшнавские книги. Тогда, в 1935, его духовный учитель, похоже, был очень этим доволен и даже сказал редактору «Хармониста»: «Печатайте все, что он напишет». А если удастся увеличить прибыль от бизнеса, ее можно вложить в печатание книг на английском языке, как сказал духовный учитель... «Если у тебя когда-нибудь будут деньги, печатай книги». Гаудия-Матх, вне всякого сомнения, сейчас не будет этим заниматься – Кунджавихари продал печатные станки Бхактисиддханты, намереваясь покрыть судебные издержки. Абхаю приходилось рассчитывать только на себя – поддерживать свой бизнес, одновременно стараясь и писать, и печатать. Шрила Бхактисиддхант советовал то же самое: «Пусть он лучше живет отдельно от вас. Придет время, и он сам все сделает».

В 1939 году Абхай написал «Введение в Гитопанишад». Это был всего лишь короткий очерк, однако в нем угадывалось желание Абхая когда-нибудь перевести «Бхагавадгиту» на английский и написать к ней комментарии. Конечно, «Гиту» уже не раз комментировали на английском, но авторы комментариев в большинстве своем были либо имперсоналистами, либо были не в силах передать изначальный дух «Бхагавадгиты» – дух Арджуны, выслушивающего «Гиту» непосредственно от Господа Кришны, на поле битвы Курукшетра. Но Абхай знал, что можно представить «Бхагавадгиту» в правильном свете, написав к ней английский комментарий, основанный на учении Господа Чайтаньи и идущей от Него ученической преемственности. И он приступил к этой работе. Каждую свободную минуту он писал. И хотя в его построении английских фраз строгий грамматик мог бы найти ошибки, смысл их всегда оставался ясным.

В своем «Введении» Абхай вспомнил случай, как однажды, будучи еще школьником, посетил лекцию под названием «Видья-ратна – драгоценный камень образования». Это была лекция о том, что Бога нет и быть не может. Ведь если бы Бог был, Он, несомненно, низошел бы на Землю, чтобы положить конец всякой религиозной вражде; но поскольку Он не сделал человеку такого одолжения, мы должны раз и навсегда выбросить из головы мысль о Его существовании. Молодые ребята, из которых целиком состояла аудитория, особо не вникали в суть сказанного, но, впечатленные аргументами, «вынесли с лекции высокомерные идеи безбожия и в дальнейшем уже самостоятельно стали агностиками «Абхая не удовлетворял вывод агностиков, поскольку он «был воспитан отцом как преданный Шри Шри Радха-Говинды».

«Но после той лекции на тему видья-ратны я пережил внутренний конфликт между агностицизмом и существованием Бога». Уже потом, слушая духовного учителя, Абхай осознал, что Личность Бога присутствует везде, во всех сферах человеческой жизни. «Но у нас нет глаз, чтобы увидеть Его, – писал Абхай. – Даже если Господь придет на землю, ссорящиеся материалисты по невежеству своему не прекратят сражаться и никогда не обратят свои взоры на Господа или Его представителя. Таково, по милости Господа, неоспоримое право каждой индивидуальной души».

«Бхагавадгита» – вот истинный «драгоценный камень образования». А в ней Господь Кришна говорит всем враждующим на Земле: «Я здесь. Не ссорьтесь». Агностик, который говорил о «драгоценном камне образования», был ослеплен этим драгоценным камнем – потому и не смог увидеть и оценить Верховную Личность, Бога. Поэтому он так и убеждал других – тоже стать «драгоценными камнями».

Следуя своему духовному учителю, Абхай проявлял такую же непримиримость ко всем противникам чистого теизма. Он давал не просто нейтральные научные описания; он стремился и был готов сражаться с кем угодно – будь то современные агностики или старый, закоренелый враг вайшнавизма – имперсонализм майявады.

Лишь немногие философы призывали на путь преданности Господу Кришне, описанный в «Бхагавадгите», однако почти все признавали, что в ней изложена суть всего знания. Поэтому «Гита» была совершенным оружием в войне с теми, кто искажал представления о Боге и религии. Гита бросала «вызов агностикам, поклонникам самозванных богов, антропоморфистам, имперсоналистам, генотеистам (поклоняющимся нации как богу), пантеистам и последователям абсолютного монизма». Хотя существовало более шестисот комментариев к «Бхагавадгите», все они были написаны людьми, «в глубине сердца ненавидящими Личность Бога», поэтому такие комментарии нельзя было считать совершенными. «Такие завистники, – писал Абхай, – не могут получить доступ к истинному смыслу «Бхагавадгиты», подобно тому, как муха не может проникнуть в закрытую банку с медом».

Абхай писал, что индийская культура подобна океану, который почти непреодолим из-за глубины мысли и кажущейся эклектичности выводов. «Но в этой книге, – заявлял Абхай, – опираясь на свидетельства Писаний, служащие историческим документом индийской культуры и мышления, я докажу, что Кришна – Верховная Личность, Бога».

Санньяси с Банерджи-Лэйн, 7 были поражены глубиной мысли и размахом замыслов Абхая. Достоянейших вайшнавов было принято награждать титулом в соответствии с качествами, и Бхактисаранга Госвами предложил дать Абхаю титул «Бхактисиддханта». Но Шридхара Махараджа возразил, что не совсем правильно давать Абхаю тот же титул, который носил их духовный учитель, и предложил заменить его именем «Бхактиведанта» – «бхакти» означает «преданность», а «веданта» – «конечный вывод всего знания». Абхай был очень признателен. Новое имя сочетало в себе преданность религии с приверженностью строжайшей философии, низошедшей через ученых – последователей Господа Чайтаны. Он по достоинству оценил искренний жест духовных братьев и принял этот титул как еще одно обязательство на своем духовном пути проповеди Сознания Кришны.

Он продолжал регулярно встречаться со Шридхарой Махараджей и обсуждать с ним «Шримад-Бхагаватам». Абхай старался вдохновить его на более широкую проповедь, но Шридхара Махарадж по природе своей был ученым, а не проповедником. Несколько раз Абхай пытался уговорить Шридхару Махараджа сходить вместе с ним к Ганди и Неру, чтобы спросить их, почему они не следуют принципам «Бхагавадгиты».

Другим результатом духовного общения на Банерджи-Лэйн, 7 стала книга «Прапанна-дживанамрита», составленная Шридхарой Махараджем. Собрание стихов из различных вайшнавских Писаний, включая выдержки из работ Рупы Госвами, было разделено на шесть частей, соответственно шести стадиям предания себя Кришне. Абхай вместе с санньяси Девананда-Гаудия-Матха финансировал издание этой книги. Так, благодаря совместным усилиям друзей, она в конце концов была опубликована.

3 сентября 1939 года.

Лорд Линлисгоу, вице-король Индии, объявил, что Индия находится в состоянии войны с Германией. Так, не посоветовавшись ни с кем из индусов, Англия втянула Индию в войну. Хотя Индия, стремящаяся к независимости, была возмущена столь жестким проявлением иностранного владычества, война вызывала смешанные чувства. Индия желала независимости, но симпатизировала борьбе союзников против фашизма на Западе и боялась нападения имперской Японии с Востока.

– Вы так ненавидите Англию, – спросил один писатель простого студента в Нью-Дели – а хотели бы вы, чтобы Япония вторглась в Индию и захватила ее?

– Нет, – ответил студент – но индийцы молят Бога дать британцам достаточно сил, чтобы выстоять под ударами, которые они заслужили.

Хотя к началу войны в вооруженных силах Индии состояло всего сто семьдесят пять тысяч человек, англичане сумели увеличить число индийских солдат до двух миллионов. Всеобщей мобилизации не было, но, чтобы завербовать как можно больше людей, англичане разослали своих представителей по всей Индии, особенно в Пенджаб, где военная служба казалась очень заманчивым предложением для местных бедняков. Жители Пенджаба слыли хорошими воинами, в то время как бенгальцы обычно поступали на военную службу офицерами, врачами, переговорщиками или же чиновниками. Индийских солдат посылали на поля сражений в Египет, Ирак, Сирию, Персию, Малайю, Бирму и Ассам.

Пока англичане пытались мобилизовать индийцев на войну, националистическое движение, которое на протяжении последних двадцати лет время от времени давало о себе знать, набрало очень большую силу. Члены партии Конгресса отказывались принимать какое бы то ни было участие в военной политике и требовали дать Индии гарантии независимости. Появилось мнение, что сейчас, когда Англия переключила все внимание на войну с Германией, настало самое подходящее время для восстания и завоевания независимости при помощи силы. Ганди сохранял абсолютную приверженность пацифизму и был против того, чтобы индийцы брались за оружие, даже во имя защиты Индии, но к 1942 году он стал гораздо более непримиримым, и теперь его политика по отношению к Британии выражалась просто и недвусмысленно: «Вон из Индии!» Тысячи индийцев откликнулись на его призыв, скандируя лозунги на улицах и разрушая железнодорожные пути.

Субхас Чандра Бозе, бывший школьный товарищ Абхая, тоже боролся против англичан, но делал это по-своему. В Германии он вступил в переговоры с Гитлером, желая добиться, чтобы всех индийских солдат, попавших в плен к немцам, переправляли к нему. Бозе хотел сформировать из них собственную национальную армию, вернуться с ней в Индию и изгнать британцев с индийской земли. Но, не добившись успеха в Германии, он заключил подобный договор с Тоджо, в Японии, и вскоре тысячи лучших индийских воинов – гуркхов и сикхов – бежали из рядов британской армии, чтобы стать воинами-освободителями Бозе в Сингапуре. Бозе начал готовить свою армию для захвата Индии с севера.

В 1943 году, англичане обнаружили, что японцы уже заняли Бирму, и теперь стоят на подступах к Индии с востока, со стороны Бенгалии. Следуя своей тактике, носившей название «политики отказа», англичане потопили множество индийских судов, перевозивших продукты питания, и уничтожили большие плантации риса, опасаясь, что они попадут в руки противника. В результате местные жители остались без пищи и лишились кораблей, столь необходимых для торговли. В Бенгалии разразился небывалый за последние сто пятьдесят лет голод. Правительство сняло всякие ограничения цен на пищевые продукты, и те, кто не мог позволить себе покупать пищу за баснословные деньги, умирали на улицах Калькутты.

Шрила Прабхупада: Я пережил это – правительство создало искусственный голод. Шла война, и политика господина Черчилля состояла в том, чтобы обречь людей на нужду и заставить добровольно идти в солдаты. И он это сделал. Чиновники скупили рис. Прежде рис продавался по цене шесть рупий за меру, но неожиданно, цены поднялись до пятидесяти рупий. Я делал покупки в бакалейной лавке, и вдруг бакалейщик сказал: «Нет, нет. Я больше не продаю!» На тот момент рис был по шесть рупий за меру. Но внезапно он прекратил продажу. А через несколько часов я вернулся, и цена уже поднялась до пятидесяти рупий.

Правительственные агенты начали скупать рис и другие продукты первой необходимости. Они могли выставять любую цену, так как в их руках были все финансы. Они могли напечатать так называемые банкноты, сотню долларов, и заплатить. Человек радуется: «О, у меня есть сто долларов» – а на самом деле это всего лишь бумажка.

Такова была политика. «У тебя нет денег, нет риса? Что ж, есть другой путь – стань солдатом! Ты получишь много денег!» И бедность заставляла людей записываться в армию. Я видел это. На рынке невозможно было купить рис. И люди голодали. Они умирали.

Абхаю удавалось купить ровно столько, сколько хватало семье, чтобы выжить. Но он видел, как стремительно растет число нищих. В течение многих месяцев он наблюдал, как тротуары и пустыри наполнялись бедняками, которые готовили пищу на импровизированных печках и спали под открытым небом или под деревьями. Он видел голодных детей, роющихся в мусорных баках в поисках горстки съестного. Еще немного – и они готовы были подраться с собаками за порцию отходов, и такие драки тоже стали привычной сценой на улицах Калькутты. И время, и силы англичан уходили только на войну. А спасали они только тех, кто представлял ценность для войны. Всем остальным Империя предлагала только одно – умирать от голода.

Шрила Прабхупада: Один американец, живший в то время в Индии, заметил: «Люди голодают. В нашей стране давно бы уже устроили революцию». Да, но люди в Индии так воспитаны, что несмотря на искусственный голод, не опускаются до воровства. Люди умирали, но все равно думали: «Что ж, это нам послано Богом». Таков основной принцип ведической цивилизации.

Абхай знал, что если следовать законам природы, то голода не будет: по замыслу Бога земля может дать людям достаточно пищи. Вся проблема в алчности.

– В мире нет ни в чем недостатка, – говорил Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, – не хватает только сознания Кришны.

Именно так Абхай смотрел на голод 1943 года. Теперь, как никогда, был актуален духовный взгляд на вещи: сознание Кришны – первая необходимость. Как же иначе можно остановить порочную склонность человека быть жадным, прятать добро, воевать – наклонности, которые заставляют страдать миллионы людей?

Он видел гнусные дела англичан в Индии: они отрезали большие пальцы на руках ткачей, чтобы индийская домотканая хлопковая одежда не могла конкурировать с зарубежной, они расстреливали невинных, безоружных граждан, они создали искусственный голод, они распространяли миф о примитивности индийской цивилизации. Но Абхай не верил, что при независимом индийском правительстве будет намного лучше. Ни Ганди, ни Субхас-Чандра Бозе,

ни любые другие лидеры, лишённые сознания Кришны, не смогут предложить никаких истинно ценных решений; они будут принимать только временные меры. Не повинаясь законам Бога, изложенным в Писаниях и в наставлениях мудрецов, любое правительство лишь увеличит страдания человечества.

Вскоре в Калькутте начались ежедневные бомбежки. Бомбили отдельные районы: порт в Киттапуре и Шьяма-Базар в северной части города, неподалеку от дома Абхая на улице Сита-Канта-Банерджи. Американские самолеты взлетали с аэродромов Калькутты, чтобы бомбить Китай и Японию, поэтому воздушные налеты на Калькутту были неизбежным возмездием японцев.

Да, но так ли все было? Поговаривали, что город бомбит Субхас-Чандра Бозе, ведь бомбы летели главным образом на европейские кварталы. Но для жителей Калькутты было неважно, кто именно на них нападает. После первой же бомбежки люди были эвакуированы из города. Светомаскировка была обязательной, и по ночам весь город погружался во тьму.

Шрила Прабхупада: Вся Калькутта опустела. Скорее всего, остался только я и еще несколько человек. Сыновей я отправил в Навадвипу, а дочь, разумеется, была замужем. Жена отказалась уезжать из Калькутты. Она сказала: «Пусть на меня упадет бомба, но я никуда не поеду». Поэтому и мне пришлось оставаться. Всю ночь я наблюдал, как бомбили Калькутту. Я как раз ужинал, когда завывала сирена. В каждом доме было бомбоубежище. Я был голоден, поэтому сначала закончил ужин, а потом пошел в бомбоубежище, и тут началась бомбежка. Чии – кйам! Я сидел и думал, что это тоже Кришна, но только в другой форме. Эта форма казалась мне не очень привлекательной.

* * *

Среди всех этих бедствий, Абхай как никогда чувствовал необходимость проповедовать сознание Кришны. Ему было что сказать измученному войной населению Земли, и он мечтал о более эффективной форме проповеди – каком-нибудь печатном издании, в котором он мог представить проблемы мира в свете Священных Писаний, так же смело, как это делал его духовный учитель. Недостатка в идеях не было, и деньги от своего бизнеса он откладывал именно на это.

Но как мог он решиться на выпуск своего журнала, если даже ученые санньяси, старшие ученики Шрилы Бхактисиддханты, этого не делали. Он никогда не считал себя более ученым, чем духовные братья. Хотя его и называли Кави и даже Бхактиведантой, никто не ожидал, что грихастха возьмет на себя такую инициативу и начнет издавать собственный журнал.

Но времена изменились. Английский журнал «Хармонист» не выходил с тех пор, как Шрила Бхактисиддхант оставил этот мир. Прошло почти десять лет, а Гаудия-Матх по-прежнему был слишком занят сражениями в суде, чтобы думать о проповеди. В Гаудия-Матхе давно уже не было того неутомимого духа, благодаря которому десять лет подряд издавалась ежедневная газета «Надия-Пракаш». Не было и четырех типографий, печатавших книги на духовные темы под руководством Бхактисиддханты Сарасвати, уполномоченного парампарой сына Тхакура Бхактивиноды, – Кунджавахари продал печатные станки. Времена изменились. Гаудия-Матх боролся за здания, а непреданные тем временем убивали друг друга в мировой войне.

В своей гостиной на первом этаже дома №6 по Сита-Канта-Баннерджи, Абхай размышлял, писал, редактировал и печатал на машинке статьи для журнала. Он придумал эмблему – вытянутый прямоугольник в верхней части страницы; в левом верхнем углу изображение Господа Чайтаньи, сияющего, словно Солнце, а справа, в нижней части – силуэты людей, стремящихся выйти из тьмы на этот свет. Между Господом Чайтаньей и людьми, развернутое, как транспарант, название – «НАЗАД К БОГУ». В нижнем правом углу он поместил изображение Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, сосредоточенно работающего над книгой. Над заголовком Абхай написал девиз «Бог – Свет, невежество – тьма. Там, где есть Бог, нет места невежеству». Под эмблемой была следующая надпись:

ОСНОВАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Господин АБХАЙ-ЧАРАН ДЭ

(По непосредственному указанию Его Божественной Милости Шри Шримад Бхакти Сиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады).

У Абхая уже был небольшой издательский опыт, связанный с его бизнесом, поэтому, закончив работу над рукописью, он отнес ее в «Сарасвати Пресс», лучшую в Бенгалии

типографию. Кроме того, он воспользовался услугами известной в Калькутте фирмы, занимающейся книготорговлей, – «Такер, Спинк и Ко», которая обязалась распространить журнал по книжным магазинам и библиотекам, в том числе и в нескольких странах за рубежом.

Но когда Абхай пошел закупать бумагу, то и тут столкнулся с правительственными ограничениями. Война вызвала дефицит бумаги, и правительство хотело разобраться, насколько необходимо нации то, что он написал; во время мирового кризиса обычная гражданская религиозная газета вряд ли могла быть признана предметом первой необходимости.

Не обременяя себя глубоким изучением написанного, правительственные чиновники сразу же отказали Абхаю. Но он не сдавался. Он просил их понять, что использовать бумагу для распространения учения Личности Бога в этой напряженной обстановке – дело полезное и своевременное, и в конце концов, разрешение на выпуск первого номера «Назад к Богу» – журнала на сорока четырех страницах – было получено.

Абхай Чаран приветствовал своих читателей объяснением девиза «Бог – это Свет, невежество – тьма». Когда человек забывает, что он сын Бога, и начинает считать свое тело собой, он впадает в невежество, уподобляясь тому, кто с интересом изучает устройство автомобиля, не обращая внимания на водителя.

В этом и заключается главный недостаток современной цивилизации. В действительности, это цивилизация невежества и иллюзии, и именно поэтому общество военизируется. Людей интересуют исключительно телесные удобства и все, что связано с телом, и никому нет дела до духа, приводящего тело в движение, хотя даже ребенку понятно, что без водителя механизм автомобиля практически бесполезен. Отсутствие этого знания – вопиющее невежество, которое породило опасную цивилизацию, принявшую форму милитаризма. Этот милитаризм, стыдливо называемый национализмом, создает препятствие для понимания человеческих отношений. Разный цвет одежды – не повод для войны. Поэтому понимание человеческих отношений не должно зависеть от принадлежности тела к определенной расе или от цвета одежды.

«НАЗАД К БОГУ» – скромная попытка автора, повинующегося Его Божественной Милости Шри Шримад Бхакти Сиддханте Сарасвати Госвами Прабхупаде, прославленному основателю и вдохновителю Гаудия-Матха, восстановить истинные отношения людей с Верховной Личностью, Богом. Руководители всех стран остро чувствуют безотлагательную необходимость в такой литературе, как эта, поэтому следующие утверждения сильно помогут в этом деле.

Шел 1944 год, и Абхай особо затрагивал тему мировой войны. Политики всего мира выражали возмущение по поводу страданий и нужды своих народов. После четырех лет войны, унесшей миллионы человеческих жизней, земля не сможет оправиться как минимум еще лет двадцать. И хотя ее конец был близок, лидеры демонстрировали не столько радость и надежду, сколько усталость и неуверенность. Даже если закончится эта война, не начнется ли сразу за ней следующая? Неужели люди еще не поняли, что нужно жить мирно?

Абхай процитировал архиепископа Индии: «Индия, ведомая Богом, может вернуть мир к благоразумию». Он цитировал президента Соединенных Штатов: «Следовательно, нельзя допустить остановки программы нравственного перевооружения, направленной на снижение опасности вооруженного конфликта. Для того, чтобы такое нравственное перевооружение было действительно эффективно, ему необходимо оказывать поддержку в мировом масштабе». Абхай упомянул также предыдущего президента, Герберта Гувера, утверждавшего, что мир нужно вернуть к нравственным и духовным идеалам, и процитировал резолюцию, вынесенную Британской палатой общин, о том, что духовные принципы являются наследием всего народа, и людям всех наций крайне необходимо принять верховную власть Бога. Он процитировал Венделя Уиллки, который, вернувшись из России, сообщил о том, что миллионы русских убиты, ранены или пропали без вести, а еще миллионы страдают от голода и брошены в застенки.

Страдания, подобные страданиям русских, – писал Абхай, – испытывают и другие народы; мы, индийцы, переживаем такую же нужду, нищету и испытываем такое же отвращение к войне.

Он привел слова английского министра иностранных дел, Энтони Идена, исполненные скорби и негодования по поводу страданий, принесенных войной. Он цитировал архиепископа Кентерберийского:

Повсюду на земле люди стремятся избавиться от проклятия войны и отдохнуть от жестокости и лишений, в мире, где больше не стреляют. Но часто люди хотят получить райское царство без царя. Царство Бога без Бога. Но это невозможно.

МЫ ДОЛЖНЫ ПРИНЯТЬ ТВЕРДОЕ РЕШЕНИЕ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД К БОГУ. Мы строим планы мирного сосуществования наций, гражданской безопасности. Это оправданно, и пренебрегать этим было бы ошибкой. Но все наши планы будут разбиваться о скалу человеческого эгоизма, пока мы не повернемся к Богу. НАЗАД К БОГУ, – вот главная потребность Англии и любой другой нации.

Он также привел слова сэра Френсиса Янгхасбенда:

Теперь, когда повсюду религия подвергается жестоким нападениям, мы смотрим на Индию, саму обитель религии, ожидая знака оттуда.

А в конце Абхай процитировал сэра Сарвапалли Радхакришнана:

«Эта война, даже в случае победы, станет благодатной почвой для других войн, если не будет сохранен мир. Сохранить же мир можно лишь в том случае, если «сильные» державы перестанут гордиться и выставлять напоказ свои богатства, нажитые за счет эксплуатации «слабых» наций». Возможно, именно это имел в виду сэр Хакорт Батлер, когда говорил, что спасение мировых цивилизаций зиждется на принципах индуизма.

Другое высказывание доктора Радхакришнана Абхай использовал в качестве одного из девизов журнала:

Мы должны победить тиранию в сфере мышления и возродить на планете желание мира. Средства развития ума и воспитания человеческой природы должны быть направлены на формирование должного общественного мировоззрения, без которого от государственного аппарата не много проку.

Абхай выражал свою убежденность в том, что духовное богатство Индии может принести благо каждому, – не только в Индии, но и во всем мире.

Затем он рассказывал о том, что побудило его начать издавать журнал «Назад к Богу» – о том, как за две недели до ухода Шрила Бхактисиддханты Сарасвати написал ему письмо, где дал наставление проповедовать на английском языке.

В этих обстоятельствах, начиная с 1936 года, я просто думал, смогу ли я отважиться на выполнение этой трудной задачи, не имея, к тому же, ни средств, ни способностей. Но так как это не испугало меня, я нашел в себе силы взяться за работу. Сейчас моя совесть требует, чтобы я приступил к работе, хотя сложности, сопутствующие войне, еще не закончились.

Абхай утверждал, что газета эта будет содержать исключительно духовное послание великих мудрецов Индии (особенно Господа Чайтаньи), и что его, издателя, долг – просто повторять это послание, как делает переводчик. Он не будет ничего выдумывать, и поэтому слова его будут лишь передавать духовный звук, направляющий людей назад к Богу. Он признавал, что темы, освещаемые в журнале, принадлежат к совершенно иной сфере сознания, и потому могут показаться его читателям несколько скучными, но уверял, что всякий, кто со вниманием отнесется к ним, получит благо:

Сахарный леденец кажется горьким больному желтухой, но при этом сахар для него – лекарство. Если пациент продолжает регулярно принимать леденцы в качестве лекарства, его способность воспринимать сладкий вкус постепенно восстановится. Мы рекомендуем тот же метод читателям журнала «Назад к Богу».

Донести до людей вечное послание Вед – такую цель поставил перед собой Абхай, но делал он это в свете происходящего кризиса. В своем очерке «Бог и Его возможности» он, опираясь на Веды, логически объясняет, что трансцендентная к этому миру природа Бога и индивидуальных душ исполнена бессмертия, блаженства и знания. Люди забыли о своих отношениях с Богом, поэтому они никогда не найдут удовлетворения в материальном мире, – временном и полном неизбежных страданий. Каждое живое существо – душа, вечная по своей природе, и поэтому каждый пытается уйти от натиска непрекращающихся страданий и опасностей. Но страдания и, в конечном итоге, разрушение – удел материального тела.

Жители Калькутты покидают город и уходят в другие места из страха перед бомбежками японцев, – в основе этого лежит все та же тенденция стремления к вечности. Но беглецы, увы, не думают о том, что, даже убежав из Калькутты и защитив себя от налетов японских бомбардировщиков, они не смогут защитить свои тела от тройственной «бомбежки» материальной природы ни в одном другом месте материальной вселенной.

Также и японцы, угрожающие жителям Калькутты беспощадными атаками с воздуха, с желанием за счет отвоеванных территорий приумножить свое счастье, не видят, что это счастье тоже временно и бренно – и с этим они уже неоднократно сталкивались у себя на родине. Но с

другой стороны, живые существа, которые подвергаются нападению, по природе своей вечны, неуязвимы, невидимы и т.д. Поэтому, все живые существа, как жертвы нападения, так и нападающие, находятся во власти Майи и, следовательно, во тьме.

Абхай писал, что, до тех пор, пока люди полагаются только на себя, им не избежать уничтожения. Множество мировых лидеров пытались избавить человечество от войн, но все их попытки были бесполезны, ибо опирались на материальные представления о жизни. Их действия похожи на попытки рассеять тьму тьмой; тогда как тьму можно победить только светом.

Без света любые измышления человеческого ума (который также всего лишь творение материальной природы) никогда не вернут живым существам вечное счастье. В их тьме любая попытка создать мир на земле может принести только временное облегчение: мы наблюдаем это во всем творении Внешней Энергии. Во тьме ненасилие столь же бесполезно, сколь и насилие, тогда как в мире света нет нужды ни в насилии, ни в ненасилии.

Абхай говорил не только о войне. В статье «Теософия приводит к вайшнавизму», он выявлял недостатки модных в то время идей теософии, которую распространяли в Индии последователи мадам Блаватской.

В статье «Совместное пение» он рассказывал о содержащемся в Священных Писаниях предсказании того, что движение санкиртаны Господа Чайтаньи распространится по всей планете, в каждом городе и деревне.

Опираясь на это предсказание, мы можем надеяться, что культ санкиртаны в скором времени примет форму вселенского религиозного движения, и эта вселенская религия, – в которой никто не препятствует пению Имени Бога и где нет места ссорам, – будет существовать в течение многих лет, как говорится на страницах авторитетных Писаний.

Но вполне очевидно, что центральной темой журнала «Назад к Богу» был приказ Бхактисиддханты Сарасвати. И на обложке журнала, где был изображен погруженный в размышления Шрила Бхактисиддхант, и в «Посвящении», и в рассказе о цели издания, и в описании мировых проблем, и в анализе теософии, и в предсказании о распространении санкиртаны – по всему, чего бы ни касался автор, красной нитью проходило указание Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

В журнале были также напечатаны четыре статьи других авторов, включая Бхактишарангу Госвами.

На задней обложке Абхай разместил рекламу:

«ГИТОПАНИШАД» АБХАЯ-ЧАРАНА ДЭ,

Редактора и основателя «Назад к Богу»

В трех частях, 1200 страниц, большого формата

САФЬЯНОВЫЙ ПЕРЕПЛЕТ ПРЕВОСХОДНОГО КАЧЕСТВА

«Подробное изложение всемирно известной индийской философии – «Бхагабат Гита» – с авторитетным научным теистическим комментарием цепи учителей: Шри Кришна, Брахма, Нарада, Вьяса, Мадхва, Мадхабендра Пури, Ишвара, Господь Чайтанья, Рупа Госвами, Джива Госвами, Кришнадас, Нароттама, Бисванатх, Валадева, Джаганнатх, Тхакур Бхакти Винодэ, Гоур Кишорэ, Тхакур Сиддхант Сарасвати и автор комментария.

С многочисленными цветными и черно-белыми иллюстрациями из различных подлинных Священных книг.

Книга будет опубликована в ближайшее время. Подписчикам предпочтение при заказе.

Цена: 18 индийских рупий или 1 фунт 10 шиллингов».

Вторая значительная работа, «Господь Чайтанья», предполагалась в двух частях и должна была содержать в общей сложности тысячу страниц. Обе книги были далеки от завершения, но Абхай выражал свое горячее желание взяться за эти серьезные труды от имени своего духовного учителя.

При попытке напечатать второй номер «Назад к Богу», Абхай столкнулся все с той же проблемой: дважды он просил разрешения купить газетную бумагу, и оба раза правительство отклоняло его просьбу. Из-за войны продажа бумаги была ограничена. Десятого июля 1944 года Абхай написал третье письмо.

С должным почтением, я прошу Вас учесть, что к изданию журнала «Назад к Богу» я приступил по указанию Его Божественной Милости, Шри Шримад Бхакти Сиддханты Сарасвати

Махараджа, духовного учителя гаудия-вайшнавов. Само название журнала говорит о необходимости начать его издание сейчас, посреди смятения, которое переживает весь мир. Я прилагаю к письму экземпляр журнала и прошу Вас внимательно его прочесть. В нем вы найдете мнения многих известных политических деятелей разных стран в поддержку движения, способного вернуть мир на путь благоразумия через развитие мышления и воспитание природы человека, что должно поднять его на уровень незыблемой духовности, каковой считается высшей потребностью рода человеческого. Я надеюсь, что вы любезно выберете время, чтобы просмотреть журнал, причем я особенно хотел бы обратить ваше внимание на введение.

Абхай также отметил, что редакционная коллегия журнала «Назад к Богу» ощущает в Индии дефицит не столько бумаги, сколько образования. Воспользовавшись возможностью проповеди, Абхай объяснил, что, в конечном итоге, все в этом мире принадлежит Богу, но безбожники считают владельцами всего себя.

Причиной нынешней катастрофы – войны за превосходство – является ложное чувство собственности, поэтому человеческое общество крайне нуждается в просвещении, чтобы восстановить понимание положения Всевышнего как единственного Владыки всего.

Абхай допускал, что в Индии, возможно, действительно не хватает бумаги. Но в древние времена просвещенные жители Индии регулярно проводили религиозные обряды, во время которых тонны драгоценного гхи и зерна предлагались жертвенному огню. И при этом никто ни в чем не испытывал недостатка. А в наше время, отказавшись от жертвоприношений Верховному Господу, люди постоянно сталкиваются с тем или иным дефицитом.

Поэтому, учитывая, что столько бумаги тратится попусту, не могли бы вы пожертвовать несколькими пачками бумаги для того, чтобы принести великое благо человечеству? Я прошу правительство рассмотреть мою просьбу в свете духовного понимания, неподвластного материальному расчету. Даже в Великобритании правительство оказало огромную поддержку подобному движению под названием «Движение за нравственное перевооружение», не принимая во внимание проблему дефицита бумаги, которая в Англии стоит еще острее, чем здесь.

Пусть бумаги хватит только на одну полосу «Назад к Богу», я согласен. Но я обращаюсь с горячей просьбой к правительству – не допустить, чтобы прекратилось обсуждение важнейших тем, ради которого и издается мой журнал «Назад к Богу». Поэтому я смиренно прошу вас серьезно рассмотреть этот вопрос и позволить мне начать, во имя человечества и Бога, хотя бы с одной страницы в неделю или в месяц, как вы сочтете нужным, не считая это напрасным расходом бумаги.

Письмо подействовало. Второй номер своего журнала Абхай несколько саркастически озаглавил: «Спасибо правительству Индии». Он сообщал читателям (многие из которых были огорчены тем, что правительство сократило тираж), что журнал будет издаваться каждый месяц. Абхай опубликовал свое письмо правительственному чиновнику, заведовавшему выдачей бумаги, а также ответ, дающий ему разрешение.

На этот раз статьи были короче. Являя талант газетного обозревателя, с философским критицизмом, живостью и оттенком иронии Абхай комментировал проблемы и высказывания мировых лидеров. Выпуск включал в себя следующие материалы: «Переговоры Ганди и Джинны», «Гуманный мир» г-на Черчилля», «Сердечное пожелание» Бернарда Шоу», и очерк «Стихийная любовь к Богу».

«Переговоры Ганди и Джинны»: «Мы огорчены известиями о недавних неудавшихся переговорах Ганди и Джинны об объединении индийского народа».

Абхай был не слишком оптимистично настроен в отношении таких «эпизодических переговоров между главами общин». Даже если они придут к какому-то соглашению, оно, в конце концов, просто примет форму другой проблемы. Лидеры стремятся объединить индусов и мусульман, но в Европе по обеим сторонам баррикад стоят христиане, а в Азии – большей частью буддисты – но это не мешает им сражаться.

Итак, битвы будут продолжаться: индусы против мусульман, индусы против индусов, мусульмане против мусульман, христиане против христиан, буддисты против буддистов, и так до конца света.

До тех пор, пока будет сохраняться корыстное стремление к чувственному наслаждению, брат будет сражаться с братом, отец с сыном, нация с нацией – а настоящего единства можно достичь только на трансцендентном уровне служения Богу. «Махатма Ганди, – писал Абхай, – далеко не обычный человек, и мы очень чтим его». Но Абхай советовал Ганди оставить

деятельность материального характера и подняться на духовный уровень – только тогда можно будет говорить об объединении всех людей. Абхай привел определение махатмы из «Бхагавадгиты»: это «тот, кто сосредоточил все свое внимание на служении Верховному Господу, Шри Кришне». Он попросил Махатму Ганди придерживаться учения «Бхагавадгиты» и проповедовать ее послание преданности Верховной Личности Бога, Шри Кришне. Только так, проповедуя послание Бхагавадгиты, Махатма Ганди благодаря своему влиятельному положению, может помочь всему миру.

«Гуманный мир» г-на Черчилля: «Нас радует то, что в наши дни главы политических партий мира, в частности, господин Черчилль, начали задумываться о человечестве и стремиться к избавлению от ужаса безумной национальной ненависти. Безумная ненависть – это обратная сторона безумной любви. Безумная любовь, которую соотечественники Гитлера питают к нему, породила неизбежную, сопутствующую ей безумную ненависть к другим, и война – плод этой безумной двойственности под названием «любовь и ненависть». И если мы хотим избавиться от безумия ненависти, мы должны быть готовы избавиться и от безумия так называемой любви. Стабильного положения свободы от любви и ненависти можно достичь только тогда, когда люди получат необходимое знание.

Но до тех пор, пока люди не научились видеть в теле душу, двоякое безумие любви и ненависти будет продолжаться, и мир среди людей будет невозможен».

«Такой самоанализ, – заключает Абхай, – легок в служении Богу. Итак, «гуманный мир» г-на Черчилля подразумевает, что мы должны вернуться «Назад к Богу».

«Сердечное пожелание» господина Бернарда Шоу»:

Господин Бернард Шоу поздравил Махатму Ганди по случаю его семидесятишестилетия: «Я могу лишь пожелать, чтобы вместо семидесятишестилетия господин Ганди сегодня отмечал свое тридцатипятилетие». Мы сердечно присоединяемся к господину Шоу в его желании вычесть сорок один год из возраста Махатмы Ганди.

Но смерть не будет считаться с нашим «сердечным пожеланием». Ни господину Шоу, ни Махатме Ганди, никому другому никогда не решить проблему смерти.

Правители разных стран... открыли множество заводов по производству оружия, способного искусно убивать, но нигде нет завода, выпускающего оружие, способного защитить человека от жестоких лап смерти, хотя умирать никто не хочет.

Люди озабочены тем, где взять хлеб, хотя на самом деле эту проблему решит сама природа. Человек должен попытаться решить проблему смерти.

«Бхагавадгита» говорит нам, что проблема смерти разрешима. Хотя смерть в материальном мире царит повсюду, «тот, кто достигает Меня, – говорит Кришна, – никогда не родится вновь». Существует неразрушимый духовный мир, и тот, кто попадает туда, никогда больше не возвращается в обитель смерти. Почему же вожди наций так крепко держатся за эту планету, где они родились и где смерть неизбежна?»

«Мы желаем, – завершает Абхай, – чтобы в своем почтенном возрасте и господин Шоу, и Махатма Ганди приложили совместные усилия, чтобы научить людей, как вернуться домой, назад к Богу».

Издав два номера, Абхай был вынужден остановиться – печать стоила немалых денег. Но писать он продолжал регулярно, работая над «Гитопанишад», сочиняя новые статьи и составляя философские комментарии к священным текстам, причем писал он даже в книге для записи фармацевтических формул.

* * *

Однажды ночью Абхаю приснился странный сон. Перед ним появился Шрила Бхактисиддханты и жестом позвал его за собой. Он просил Абхая оставить дом и принять санньясу. Абхай проснулся, сильно потрясенный увиденным. «Какой ужас!» – подумал он. Он понимал, что то был не обычный сон, но просьба Гуру казалась ему слишком трудновыполнимой и неестественной. Принять санньясу! По крайней мере, сейчас он не мог этого сделать. Сейчас он должен наладить свой бизнес и на вырученные деньги печатать книги. Он продолжал выполнять свои обязанности, но потрясение от этого сна долго не покидало его.

* * *

В 1945 году война закончилась. Но Индия по-прежнему находилась под властью Британии. Абхаю представилась хорошая возможность сделать свой бизнес еще более успешным. В тысяче километров от Калькутты, в Лакнау, он арендовал здание, где открыл собственное предприятие «Абхай-Чаран Дэ и сыновья». Дело потребовало крупного начального капитала, сорок тысяч рупий, но предприятие Абхая выходило на более высокий уровень. Кроме того, по закону Абхай обязан был нанять трех правительственных инспекторов, чтобы доказать, что правильно использует химикаты и не участвует в операциях на черном рынке. Но, даже несмотря на высокие расходы, он хорошо зарекомендовал себя на рынке, и его продукция пользовалась большим спросом. Он закрыл все свои мелкие магазины в Калькутте и сосредоточился на бизнесе в Лакнау.

Здание, которое занял Абхай, было известно в народе как «дом с приведениями». Но его это не пугало. Однако, когда предприятие заработало, к нему стали подбегать испуганные работники: «Бабу, Бабу, там привидение!» Абхай прошел по всему зданию, повторяя «Харе Кришна», и после этого уже никто не жаловался на призраков.

Тринадцатого ноября Абхай написал своему слуге Гауранге о некоторых сложностях в Лакнау и попросил его приехать и помочь. В письме Абхай с горечью говорит о своей жене Радхарани и детях.

«Гауранга Прабху,

Пожалуйста, прими мои поклоны. Я получил твое письмо от седьмого ноября. У меня не было времени ответить сразу. Я живу здесь один, с несколькими служащими. Если я уеду, то мне придется все закрыть. Один раз я уже уехал и закрыл бизнес, потеряв на этом 10000 рупий, при этом моя репутация тоже пострадала – у меня стало больше врагов. Вот почему мне приходится бороться и ставить на кон практически всю свою жизнь. Я здесь один посреди стольких проблем. Но это не зря. Вот почему я несколько раз писал тебе, чтобы ты приезжал. Как только ты получишь это письмо, покажи его Дубре. Возьми у него хотя бы десять рупий и приезжай. Когда ты приедешь, я отправлю деньги твоим родным. Какой смысл держать тебя там, оправдывая это тем, что кроме тебя некому готовить и прислуживать? Я уже столько служил им, нанимая слуг, служанок и поваров, но они по-прежнему не проявляют ни малейшей склонности к преданному служению. Поэтому все эти дела меня больше не интересуют. Приезжай сюда – и я поеду в Калькутту.

Только в том случае, если я увижу, что мои домочадцы заинтересованы в преданном служении, я буду продолжать их поддерживать. Если нет – я не стану больше их содержать. Привези мне плед.

Твой Абхай»

Семья и проповедь вступили в конфликт. Журнал «Назад к Богу» не вызвал у Радхарани абсолютно никакого интереса. Она, казалось, делала все возможное, чтобы помешать Абхаю в издательской деятельности и в бизнесе. Его предприятие называлось «Абхай-Чаран Дэ и сыновья», но сыновья помогать ему тоже не собирались. А когда он попросил своего слугу приехать в Лакнау, чтобы помочь ему, семья выступила против, объяснив это тем, что им Гауранга был нужнее. Какой в этом был прок? Семья не поддерживала его в бизнесе и не соглашалась заниматься преданным служением. А так как бизнес предназначался главным образом для поддержания семьи, то, что он должен был посвящать этому столько сил, его возмущало. Старый экономический закон Маршалла, который Абхай усвоил еще в колледже, гласил: «Без семейных привязанностей у мужчины ослабевает экономический стимул».

Конечно, семейная жизнь и преданное служение могут прекрасно гармонизировать друг с другом. Тхакур Бхактивинода описывает две параллельные обязанности: телесную и духовную. Общественное положение, умственное развитие, чистота, питание и борьба за существование – все это обязанности по отношению к телу; духовные обязанности – это деятельность в преданном служении Кришне. Эти обязанности должны выполняться параллельно. Для Тхакура Бхактивиноды семья была источником духовного вдохновения, и он использовал свое общественное положение, чтобы развивать проповедь.

А у Абхая все было по-другому. Казалось, что эти два пути вступили в противоборство, стремясь уничтожить друг друга. Он чувствовал, что поступает почти как те материалисты, которых он критиковал в своих работах, и которые просто борются за существование, не имея времени на самоосознание. Чем больше семья требовала от него, тем меньше он хотел для них работать, все более склоняясь к проповеди сознания Кришны. Вот в таком затруднительном положении он находился. Оставалось только одно: продолжать трудиться, чтобы поддерживать

семью, развивать бизнес – и надеяться на большой успех, который позволит ему возобновить свою издательскую деятельность.

Однако предприятие в Лакнау оказалось ему не по плечу. Он целенаправленно начал крупное дело с целью получения большей прибыли, но расходы каждый месяц повышались – и в итоге он задолжал за аренду, из-за чего ему пришлось судиться с арендодателем. Хотя он регулярно ездил в Калькутту и каждый день отправлял оттуда сырье в Лакнау, семья не оказывала ему никакой поддержки. Слуга Абхая, Гауранга, также повиновался ему неохотно и подумывал вернуться к себе домой. Двадцать третьего ноября Абхай снова написал ему письмо.

Предлагаю свои смиренные поклоны стопам вайшнава. Гауранга Прабху, я получил твою открытку 18/11/45 и все понял. Нет необходимости приезжать сюда на месяц, тратить деньги, только затем, чтобы вернуться. Возьми у Дубры двадцать пять рупий и поезжай домой. Когда приедешь, напиши мне письмо, и я пошлю тебе остальные деньги одним или двумя денежными переводами. Тогда из дома ты мне сообщи, когда сможешь приехать сюда.

Я начал здесь свой бизнес с довольно большим размахом. Ты сам это видел. Если не будет прибыли, то кто будет оплачивать судебные тяжбы? Все приходится делать самому. Брат и сыновья просто едят и спят, сидя у меня на шее, как сборище баб.

Отправляйся домой, как только получишь деньги, и постарайся вернуться как можно скорее.

Твой Шри Абхай Чаран Дэ

Глава шестая

Неизвестный друг

Пусть строгие моралисты осуждают меня, считая, что я в иллюзии – мне все равно. Пусть знатоки ведических правил упрекают меня в том, что я избрал ложный путь, пусть родственники и друзья называют меня неудачником, а братья – глупцом, пусть сребролюбцы выставляют меня сумасшедшим, а ученые и философы заявляют, что я слишком горд. Пусть так, но моя решимость служить лотосным стопам Говинды не уменьшится ни на йоту, хоть я и самый ничтожный его слуга.

Мадхавендра Пури

Помимо трудностей, связанных с бизнесом и семьей, Абхаю пришлось перенести переломный момент в истории Индии – обретение независимости и разделение государства. Абхай не принимал активного участия в политике, но, как и сотни миллионов индийцев, был затронут бурным рождением индийской независимости.

Пока Ганди и Национальный конгресс (в котором индусы составляли большинство), добивались свободы для единой Индии, Мусульманская Лига под руководством М.А. Джинны призывала к разделению Индии и образованию нового исламского государства – Пакистана. Это и стало причиной конфликта. В августе 1946 года уходящее в отставку английское правительство предложило Джавахарлалу Неру, президенту Национального конгресса, сформировать временное национальное правительство, но Мусульманская Лига запротестовала, посчитав, что такое правительство не будет учитывать требования мусульман. 16 августа Джинна провозгласил «днем открытых действий». В большинстве районов Индии этот день прошел практически незаметно, но в Калькутте он вылился в индо-мусульманские столкновения. Пять дней насилия унесли жизни четырех тысяч человек. Тысячи людей были ранены. За последующие несколько месяцев индо-мусульманские конфликты вспыхивали еще не раз.

В начале 1947 года, когда новый вице-король, лорд Маунтбаттен, встретился с индийскими лидерами, чтобы обсудить процесс передачи власти, начались новые столкновения, поскольку мусульмане требовали создания государства Пакистан. Опасаясь гражданской войны, Конгресс, в конце концов, согласился на разделение, и 18 июля единогласно был принят законопроект о независимости Индии. Месяц спустя Индия и Пакистан уже официально существовали как независимые государства, а Джавахарлал Неру стал первым премьер-министром Индии.

Раздел Индии был мучителен для ее народа, ибо в Пакистане оставалось пять миллионов сикхов и индусов, а в Индии – примерно столько же мусульман. Началось «великое переселение». Беженцы из Пакистана и Индии постоянно вступали друг с другом в конфликты – даже со своими земляками-инноверами, и эти новые вспышки насилия привели к гибели сотен тысяч людей.

Шрила Прабхупада: Махатма Гандиджи начал Движение за независимость ради объединения людей из разных слоев общества. Но получилось все наоборот – вместо того, чтобы объединиться, Индия разделилась. И этот развал оказался таким разрушительным, что если до этого индо-мусульманские столкновения вспыхивали лишь изредка, в отдельных штатах, то сейчас они превратились в организованную войну между Пакистаном и Хиндустаном. На деле произошло не объединение, а раскол.

Индусы шли к мусульманской мечети и громили ее, а мусульмане отправлялись в храм индусов и разбивали Божества. Мусульмане думали: «Мы покончили с индусским Богом». А индусы думали: «Ага, а мы уничтожили их Бога!» И те, и другие находились в полном заблуждении. Бог не может быть индуистским. Как и мусульманским. Бог не может быть христианским. Бог – это Бог.

В 1947 я был свидетелем столкновения между мусульманами и индусами. С одной стороны были индусы, с другой – мусульмане. Они дрались, и было много убитых. Но после схватки приезжали муниципальные служащие, собирали трупы в кучу и куда-то выбрасывали, особо не разбираясь, кто тут индус, а кто мусульманин. Они дрались, и в Багхбазаре мертвые тела были просто навалены кучами. А когда тело было мертво, никто не мог определить – индус это был или мусульманин. Труп просто убирали с дороги.

Абхай не верил, что независимость даст разумное решение. Пока лидеры не осознают Бога, какие могут быть перемены? Сейчас он видел, что на смену страданиям, которые приносило иностранное правительство, пришла свобода и с ней необходимость страдать от рук своих же соотечественников. На самом деле, проблем только прибавилось.

За все годы политической борьбы в Индии Абхая никогда не покидало желание распространять сознание Кришны. Он видел, что обещанные объединение и независимость принесли, главным образом, высокие цены и плохое управление государством. Он видел, как английские и индийские политики пользовались этим, сталкивая лбами жителей страны, веками поддерживавших добрососедские отношения. Все произошло именно так, как описывал Шрила Бхактисиддханта:

«Те, кто по рукам и ногам опутаны сознанием наслаждения материальной жизнью, и по этой самой причине признают своим вождем или гуру слепца, подобного им, привязанного к внешним объектам чувств, – не могут понять, что цель жизни – возвращение домой, к Богу, и служение Господу Вишну. Как слепой, следуя за другим слепым, сходит с верного пути и падает в яму, так же и материалист, ведомый другим материалистом, связан крепчайшими веревками корыстной деятельности. Эти несчастные раз за разом проживают материалистическую жизнь, подвергаясь трем видам страданий».

Вайшнав обращается к духовному учителю как к тому, кто открыл ему глаза, «рассеяв мрак невежества факелом Божественного знания», – и чувствует, что обязан помочь человечеству, неся людям тот же факел. Как прямой представитель вечной вайшнавской парампары, Абхай хотел пролить на происходящее свет Божественного знания. В этом и состояла цель его журнала «Назад к Богу», хотя с 1944 года он уже не мог продолжать печатать его.

Даже не имея средств, чтобы печатать, Абхай продолжал писать. Самым смелым его замыслом была «Гитопанишад» – перевод «Бхагавад-гиты» и комментарии к ней. Ганди и другие часто обращались к ее мудрости – ведь индусы никогда не забывали свою «Гиту», – но большинство комментаторов преподносило ее не так, как это делал Сам Кришна. Они не признавали Господа Кришну, рассказчика «их Гиты», Верховной Личностью, Богом, а пользовались Его словами, чтобы выдвигать девизы, подкрепляющие их собственные идеи. Политики, религиозные лидеры, ученые – почти все без исключения, предлагали свои – символические и метафорические – интерпретации Гиты. Абхай же хотел представить «Бхагавад-гиту» такой, какая она есть. Она должна была занять тысячу двести страниц – три иллюстрированных тома в красивом переплете. Для Абхая книги эти были реальностью, от которой его отделяло лишь время. За два последних года у него накопились сотни рукописных страниц. Он писал в блокнотах и на клочках бумаги, а потом на машинке перепечатывал написанное на пронумерованные страницы. Ему никак не удавалось посвятить все свое время исключительно работе над рукописью, но постепенно книга приобретала очертания.

Кроме того, Абхай проповедовал послание Господа Чайтаньи через письма, которые он посылал многим правительственным лидерам, уважаемым знакомым и людям, чьи статьи или деятельность, описанная в газетах, привлекли его внимание. Представляясь их смиренным слугой, он делился с ними идеями о том, как изначальная индийская культура сознания Кришны могла бы стать средством решения любых проблем. Иногда Абхай получал ответы, и, стоило ему заметить в них хотя бы малейшую искорку интереса, через дальнейшую переписку он старался ее раздуть.

В то время известный реформатор Махендра Пратап Раджа, учредил так называемую «Всемирную Федерацию». Абхай прочитал напечатанную во Вриндаване листовку, в которой господин Пратап призывал все нации, всех людей мира к единению.

Абхай написал ему письмо, где говорил, что учение Господа Кришны, изложенное в «Бхагавад-гите», представляет собой теистическую науку, способную объединить все религии. В мае 1947 года господин Пратап ответил: «Я восхищаюсь Вашим глубоким знанием «Шримад Бхагавад-гиты». Сам я – большой поклонник этого великого классического произведения и, уверяю Вас, я действую строго в соответствии с этой книгой». Господин Пратап упомянул в письме свою книгу «Религия любви» и посоветовал Абхаю ее прочесть, чтобы узнать мнение «Всемирной Федерации» по вопросу религии. «Между тем, – писал господин Пратап, – я не согласен с Вашим предложением объединить религии на основе имен Кришны или Говинды. Это привело бы к переходу людей из одной веры в другую, а не к объединению религий. Я высоко ценю Ваши усилия в работе над журналом «Назад к Богу».

Абхай раздобыл эту книгу, прочел ее, и в июле 1947 года, во время посещения Канпура, написал ответ. Абхай приехал в Канпур не как духовный учитель, а как торговец лекарствами, но пишущая машинка была у него с собой, и проповедь не прекращалась.

«В продолжение своего предыдущего письма, смиренно сообщаю Вам, что закончил чтение Вашей книги «Религия Любви». Как я понял, в ее основу положена философия пантеизма, а решение проблем вы видите в служении человечеству. Религия Любви – это подлинно религиозная идея, но если подходить к решению проблем исключительно со стороны служения человечеству, то эта идея несовершенна, неполна и ненаучна.

Истинная Религия Любви в совершенстве изложена в «Бхагавад-гите». Кроме того, в своих утверждениях Вы не ссылаетесь ни на один признанный источник. Поэтому все это в большей или меньшей степени самонадеянно. Если все будут высказывать свои демагогические мнения по поводу религии и ее сущности, кого тогда слушать, а кого – нет? Подход к решению проблем должен быть авторитетным, научным и универсальным».

Затем в десяти пунктах Абхай изложил содержание «Бхагавад-гиты», закончив письмо следующей фразой: «Поэтому наилучшее служение человечеству – это проповедь философии и религии «Бхагавад-гиты» – повсеместно, во все времена и всем людям».

Но письма его, как правило, не приводили к продолжительному философскому диалогу. В 1947 году, когда Абхай написал высокопоставленным чиновникам недавно сформированного правительства Индии, предлагая средство против массовых беспорядков, они не приняли его предложений. Когда он попросил губернатора Западной Бенгалии о встрече, секретарь губернатора ответил: «Его превосходительство сожалеет, что в настоящее время не может с Вами встретиться ввиду сильной загруженности работой». На письмо заместителю секретаря министра образования Абхай получил ответ от его помощника: «Правительство Индии с сожалением сообщает, что оно не в состоянии удовлетворить Вашу просьбу».

Иногда интерес чиновников больше напоминал снисходительное «поглаживание по голове»: «Я уверен, Ваш план установления мира найдет отклик у премьер-министра». Или: «Он, (министр образования) рад Вашим стараниям искоренить религиозно-общинную рознь. Он предлагает Вам обратиться к...»

Местный чиновник вежливо просил его не беспокоить: «Я благодарю Вас за все, что Вы написали, и за выраженные Вами теплые чувства. Но не думаю, что смогу служить какой-либо полезной цели, присоединившись к организации, которую Вы хотите учредить, поэтому нет смысла спорить на эту тему. Вам не стоит утруждать себя встречами со мной, однако я желаю Вам всяческих успехов».

В октябре 1947 года, после столкновений в Калькутте, Абхай написал председателю Комитета по ликвидации последствий столкновений, и тот ответил:

«Что касается хари-киртаны и прасада, то Вы можете сами проводить любую программу, но боюсь, что я в этом не заинтересован, равно как и мой Комитет, поэтому в нашей с Вами встрече нет необходимости».

В данной ситуации Абхай играл роль вайшнава-проповедника, и, видя это, секретари правительственных офисов воспринимали его соответственно. Они не могли оценить практической пользы от философии «Бхагавад-гиты», которую он проповедовал, и его советов в отношении хари-киртаны. Однако время от времени кое-кто, на первый взгляд, проявлял интерес. Г-н Н. П. Астхана, адвокат Верховного суда, ответил: «Я очень признателен Вам за письмо, в котором Вы упоминаете широкий и ясный план духовного развития. Я глубоко ценю возвышенные чувства, побудившие Вас написать это письмо, и доброту, с которой Вы отнеслись к моему вопросу. Я изучал «Бхагавад-гиту» и также впитал некоторые из ее наставлений, но я еще далек от совершенства и был бы рад, если бы мной руководил наставник вашего уровня. Поэтому, будьте добры, пошлите мне свой план, получив который, я смогу поделиться своими соображениями».

* * *

Естественно, Абхай не мог не думать о том, как привлечь к преданному служению Махатму Ганди. Благодаря смелым и благородным делам во имя сограждан, а также своему аскетизму, Махатма Ганди обладал колоссальным влиянием на индийский народ. Как и для Махендры Пратапа из «Всемирной Федерации», для Махатмы Ганди служение Богу состояло в попытке с помощью политики и собственных идей сделать людей счастливыми. Один англичанин говорил о

Махатме Ганди: «Он либо святой среди политиков, либо политик среди святых». Но как бы то ни было, он не занимался чистым преданным служением в полном смысле этого слова, и дела его, согласно «Бхагавад-гите», не позволяли ему называться махатмой. «Махатмой» «Гита» называет того, кто всего себя посвятил служению Господу Кришне, Верховной Личности Бога, воспевая Его славу. Настоящий махатма вдохновляет других предаться Кришне.

Но так как в молодости Абхай был последователем Ганди, он испытывал к нему особые чувства. Конечно, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати убедил Абхая посвятить себя исключительно преданному служению, но сейчас в Абхае вновь заговорили старые дружеские чувства – и неважно, что Ганди был великой личностью, известной всему миру, а Абхая не знали ни Ганди, ни мир.

7 декабря 1947 года Абхай написал Ганди из Канпура. Ганди жил в «Поместье Бирла» в Дели, где распределенные по всему городу мощные вооруженные силы старались предотвратить индо-мусульманские столкновения. Секретарь Ганди, Пьярелал Наяр, описывал Махатму в то время как «наигрустнейшего человека, какого только можно себе представить».

Люди, которых он когда-то вел в борьбе за независимость Индии – Джавахарлал Неру, Валлабхбхай Патель и другие – теперь правили нацией. А Ганди, со своим ненасилием, единством и аграрной реформой уже расходился с ними по многим вопросам. Он с ужасом чувствовал, что превращается в ходячий анахронизм. Его бывшие коллеги по-прежнему им восхищались, но руководство его отвергали. Все его программы – объединение индусов и мусульман, ненасилие, помощь беднякам – хотя слава о них и гремела по всему миру – в 1947 году потерпели крах. Во время недавнего визита в лагерь мусульманских беженцев мусульмане проклинали Ганди, толпой окружив его машину, а на последней публичной молитве раздраженная толпа индусов заглушила Махатму криками и прогнала его, когда он попытался процитировать Коран. В свои семьдесят восемь лет Ганди был физически слаб и подавлен.

Вероятнее всего, письмо Абхая не могло до него дойти. И Абхай знал это. Послать письмо Ганди было все равно что положить записку в бутылку и отправить ее по морю. Скорее всего, оно сольется с потоком почты, и Ганди будет слишком занят, чтобы его прочитать. Но, несмотря на это, Абхай все равно решил его отправить.

«Дорогой друг Махатмаджи, пожалуйста, примите мой смиренный намаскар. Я – Ваш неизвестный друг. Время от времени я пишу Вам письма, хотя ни разу еще не получал ответа. Я посылал Вам свой журнал «Назад к Богу», но Ваш секретарь сказал, что у Вас очень мало времени для чтения писем и еще меньше – для чтения журналов. Я просил дать мне возможность побеседовать с Вами, но Ваши секретари слишком заняты, чтобы обратить внимание на мою просьбу. Так или иначе, я Ваш старый друг, хотя Вы меня не знаете, и сейчас я пишу, чтобы помочь Вам занять то положение, которого Вы достойны. Как искренний доброжелатель, я не имею права забыть о своем долге по отношению к такому другу, как Вы.

От всего сердца, как друг, я советую Вам немедленно удалиться от активного участия в политике, если Вы не хотите умереть бесславной смертью. Вы можете дожить до ста двадцати пяти лет, как и хотели, но если эта долгая жизнь завершится бесславной смертью, какой в ней прок?

Такого уважения и почета, какого Вы добились на протяжении своей жизни, не удавалось достичь никому, на протяжении всей истории человечества. Но Вы должны знать, что эти уважение и почет ложны, поскольку созданы божественной энергией иллюзии – Майей. Говоря «ложны», я не имею в виду, что Ваши многочисленные друзья лицемерили с Вами, или что Вы были неискренни по отношению к ним. Я имею в виду иллюзию и созданные на ее основе иллюзорную дружбу и почет, которые есть не что иное, как порождение Майи. Именно поэтому они всегда временны или, так сказать, ложны. Но никто из вас – ни Вы, ни Ваши друзья – не знают этого».

Садху должен не льстить, а «рубить сплеча». Его дружба в этом и состоит – он отсекает иллюзии материалистичного человека. Махатма Ганди, покинутый друзьями, горько разочарованный результатами долгой и тяжелой борьбы за независимость Индии и полный опасений за будущее, в настоящий момент достиг такого состояния, в котором вполне мог бы осознать, что все его дружеские связи и дела были порождением иллюзии. Это был очень подходящий момент жизни, чтобы осмыслить письмо Абхая.

«Сейчас, по милости Бога, эта иллюзия уходит, и теперь Ваши верные друзья – такие как Ачарья Крипалини – упрекают Вас в неспособности в настоящий момент дать им практическую

программу действий, подобную той, что они получали от Вас в славные дни Вашего Движения ненасилия. Вы связаны обязательством найти правильный путь разрешения теперешней политической путаницы, созданной Вашими противниками. Поэтому примите это незначительное письмо-предупреждение от Вашего скромного друга, каковым я себя считаю: если Вы своевременно не удалитесь от активной политики и не посвятите всего себя проповеди послания «Бхагавад-гиты», – занятию настоящих Махатм, – то Вас настигнет смерть, столь же бесславная, как и у Муссолини, Гитлера или Ллойд Джорджа».

Долгие годы Абхай мечтал обратиться к Махатме Ганди с этим посланием. Да и раньше он ему писал, хотя так и не получил ответа. Сейчас же он был убежден, что если Ганди не удалится от политики, то очень скоро найдет «бесславную смерть». Вместо проповеди преданного служения Ганди продолжал активную политическую жизнь, и его нужно было предупредить. Абхай писал, чтобы спасти друга.

«Вы легко можете понять, как и почему некоторые из Ваших политических врагов, притворявшихся друзьями (как индийцы, так и англичане), сознательно обманули Вас и разбили Вам сердце, делая все то, против чего Вы так долго и тяжело боролись. Главное, чего Вы хотели – это единство индусов и мусульман в Индии, но Ваши сподвижники постепенно свели на нет результаты всей Вашей работы, разделив Индию и создав независимое государство – Пакистан. Вы хотели для Индии свободы, а они привели Индию к постоянной зависимости. Вы хотели улучшить жизнь бхангов, но их несчастное положение так до сих пор и не изменилось, несмотря на то, что вы живете в их колонии. Поэтому все это – иллюзии, и когда Вы увидите их в истинном свете, то Вам придется принять это как волю Бога. Господь благоволит к Вам, рассеивая иллюзию, в которой Вы находились и которой питали свои идеи, выдавая их за Истину».

Абхай постарался честно сообщить Ганди, что в этом относительном мире нет ничего абсолютного. За ахимсой, ненасилием, неизбежно придет насилие – так свет всегда сопровождается тьмой. В двойственном мире ничто нельзя назвать Абсолютным. «Вы не понимали этого, – писал Абхай – и даже не пытались узнать из достоверных источников, поэтому все Ваши старания создать единство привели лишь к расколу, и ахимса сменилась химсой».

Абхай подчеркнул, что Ганди так и не принял настоящего духовного учителя, а без него духовная практика попросту невозможна – это факт, проверенный веками. «Бхагавад-гита» недвусмысленно предписывает принять гуру, стоящего в цепи ученической преемственности, но Ганди был известен как раз тем, что всегда полагался на себя, на свой внутренний голос, заимствуя идеи у писателей (в частности, у Раскина и Торо), и смешивая их с наставлениями Нового Завета и «Гиты». Если бы Ганди обратился к гуру, говорил Абхай, его никогда бы не увлекли относительные истины.

«В «Катха-упанишаде» ясно говорится, что нужно принять истинного гуру, который не только сведущ во всех богооткровенных Писаниях мира, но и осознал Брахман, Абсолют – только так можно постичь науку об Абсолютной Истине. В «Бхагавад-гите» (4.34) также есть подобное указание:

Тад Биддхи Пранипатена Парипрашна Себайа

Упадекшийанти Те Джнана Джнанина Татвадаршина

Но я знаю, что Вы никогда не обращались к подобному методу духовного образования, если не считать тех случаев, когда ради достижения своей цели Вы налагали на себя суровые епитимьи – предприятие, стоящее в одном ряду с Вашими многочисленными экспериментами с относительной истиной. Но если бы Вы, как упоминалось выше, обратились к Гуру, Вы могли бы легко избежать всего этого».

Не отрицая благочестия и аскетизма Махатмы Ганди, Абхай просил его применить свои высокие моральные принципы для того, чтобы предаться Абсолютной Истине. Абхай настоятельно просил его как можно скорее оставить политику.

«Ваше искреннее старание развить Божественные качества с помощью аскетизма, несомненно, помогли Вам возвыситься до некоторого уровня, и теперь Вы можете воспользоваться этим, чтобы познать Абсолютную Истину. Если же Вы удовлетворитесь этим временным положением и не предпримете попыток познать Абсолютную Истину, то законы материальной природы неизбежно сбросят Вас с этого искусственно завышенного уровня. Но если Вы по-настоящему захотите обратиться к Абсолютной Истине, если захотите принести настоящее благо всему человечеству, всему миру, воплотив при этом свои идеи единства, мира и ненасилия, то Вам совершенно необходимо немедленно оставить общество порочных политиков и выйти на

проповедь философии и религии «Бхагавад-гиты», не давая ей догматичных толкований, от которых мало толку. Я поднимал эту тему в своем издании «Назад к Богу», страницу из которого предлагаю Вашему вниманию.

Я прошу Вас об одном – удалитесь от участия в политике – хотя бы на месяц – и давайте обсудим «Бхагавад-гиту». Я уверен, что дискуссия эта прольет новый свет на Вашу жизнь, не только ради Вашей пользы, но и на благо мира в целом – поскольку я знаю Вас как честного, искреннего и добродетельного человека.

С интересом ожидающий Вашего ответа,
искренне Ваш,
Абхай-Чаран Дэ».

Ответа не последовало. Месяц спустя Ганди объявил голодовку, добиваясь того, чтобы Индия выплатила Пакистану 550 миллионов рупий, как было условлено в договоре о разделении. Индусы, беженцы из Пакистана, устроили под зашторенными окнами комнаты Ганди демонстрацию, скандируя: «Смерть Ганди!» Но этой своей голодовкой, которая с каждым днем приближала его к смерти, он пробудил искреннюю тревогу у нации, и правительственные лидеры выплатили Пакистану деньги. Теперь у его дома огромные толпы скандировали: «Жизнь Ганди!»

А индо-мусульманские столкновения не прекращались.

30 января, на следующий день после составления черновика нового устава Партии Конгресса, Ганди поужинал, поработал немного на домашнем прядильном станке, а затем отправился на вечернюю молитву. По дороге он был убит тремя выстрелами в грудь. Он умер, выкрикивая имя Бога – «Хе Рама!» Письмо Абхая, написанное месяц назад, прозвучало как пророчество. Но оно так и не было прочитано человеком, для которого предназначалось.

* * *

Когда руководители «Национального фонда памяти Махатмы Ганди» собирали предложения о том, как увековечить жизнь и деятельность Ганди, Абхай написал им и заместителю премьер-министра Индии, Валлабхбаи Пателю, предлагая распределить средства «в духе Ганди».

«Вся жизнь Ганди была посвящена служению человечеству, а особенно – возвышению морального уровня. Его деятельность в последнее время показала, что он равно относился ко всем, и весь мир знал его более как духовного лидера, нежели как политика. Преданность Богу была его высшей целью, и, когда я говорю, что его священную память нужно сохранить не обычным способом, а «в духе Ганди», я имею в виду, что достойной данью уважения его памяти должно стать следование по его пути».

Абхай писал о Махатме Ганди как о вайшнавe, что делалось очень редко. Несмотря на неотложные политические дела, Ганди никогда не пропускал ежедневных молитвенных собраний по вечерам, и даже убит был по дороге на киртан. Только благодаря совместной молитве, как подчеркивал Абхай, Ганди способен был работать над повышением духовного уровня нации.

«Если отнять от Ганди духовную деятельность, – писал Абхай, – останется обыкновенный политик. Но он был настоящим святым среди государственных деятелей». Абхай писал, что Господь Чайтанья положил начало совместному пению Святых имен – Кришна и Рама, – а его последователи, Шесть Госвами, оставили потомкам богатейшее литературное наследие – для обсуждения и осмысления.

«Правление «Мемориального Фонда» должно извлечь урок из практической жизни Махатмаджи и развить его в как можно большем масштабе. Поэтому единственное, чем можно достойно увековечить память о Махатме Ганди – это организовать ежедневное совместное чтение «Бхагавад-гиты». Когда природная искра духовности будет поддерживаться и раздуваться ежедневными молитвенными собраниями, тогда в людях разовьются возвышенные качества характера».

У Абхая было еще одно предложение. Ганди прославился своими попытками предоставить право посещать храмы людям низших сословий. В Ноакхали он установил Божества Радхи и Кришны, чтобы им поклонялись простые люди. Хотя обычно подобные дела Ганди играли второстепенную роль, Абхай говорил о них как о главном из того, что сделал Махатма, доказывая, что Движение Ганди имело под собой теистическую основу. Абхай объяснял, что, хотя в Индии сотни и тысячи храмов, ими управляют не так, как следует, поэтому образованные горожане их не посещают. В изначальном ведическом обществе храмы предназначались для развития духовной

культуры. Если бы индийские храмы стали полнокровными духовными центрами, то люди, обеспокоенные насущными проблемами жизни, смогли бы учиться в них высшим обязанностям.

«Такое обучение и практика, – продолжал Абхай – могут помочь человеку в осознании существования Бога, без воли Которого, согласно Махатме Ганди, «даже травинка не шелохнется». Он упомянул о движении хариджан, организованном Ганди в попытке дать неприкасаемым (которых он признавал хариджанами, «людьми Бога») равные права с остальными. Для большинства людей это движение носило гуманистический характер, но Абхай осветил его другую, «божественную» сторону, показав, что, по сути своей, это часть духовной жизни Ганди. Но Абхай добавил, что просто навесить на неприкасаемых ярлык «Хариджаны» недостаточно, – необходима система образования, которая по-настоящему возвысит людей из низших сословий. Такая программа содержится в «Бхагавад-гите», и применить ее на практике можно лишь под руководством истинного преданного Господа. Абхай предлагал правлению Мемориального Фонда свои услуги в проведении этой работы. Абхай предостерегал, что, если руководители Фонда, стараясь увековечить память об усилиях и достижениях Ганди, пренебрегут духовной стороной его жизни, то «очень скоро память о нем умрет, и его постигнет участь многих других политиков – забвение».

Возможно, кто-то смотрел на Абхая как на очередного авантюриста или сектанта. Но сам Абхай считал себя низайшим слугой Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Заметив в характере Махатмы Ганди некоторые качества вайшнава, Абхай воспользовался этим как возможностью представить миру послание своего духовного учителя. Вместе с тем, он отдавал должное Махатме Ганди, восхваляя его как великого преданного, который любил киртаны и храмовое поклонение Богу и пытался возвысить несчастные души до положения «людей Бога».

* * *

Находясь по делам в Мадуре, в Южной Индии, Абхай показал некоторые из своих сочинений Мутхусвами Четти, торговцу медикаментами. Господину Четти они очень понравились, и он решил, что мог бы убедить своего друга, доктора Аллагаппу из известной фирмы «Южная Бирла», профинансировать их издание. В апреле 1948 года господин Четти написал Абхаю, что испытывает потребность помочь ему «в каком-нибудь богоугодном деле». Он просил Абхай-Чарана выслать ему законченную рукопись «Гитопанишад», которую можно было бы показать доктору Аллагаппе в Мадрасе. Господин Четти уже рассказал доктору Аллагаппе о «первоклассной работе – «Гитопанишад», объемом в 1200 страниц большого формата» и настоятельно просил его опубликовать этот труд ради блага всех верующих, упомянув, что Абхай пытается напечатать эту книгу с 1946 года.

Вскоре г-н Четти получил от доктора Аллагаппы ответ, в котором тот выражал свою заинтересованность, и написал Абхаю: «Итак, я готов помочь вам, лишь бы Бог помог мне». Что же касается переговоров с г-ном Аллагаппой, то необходимости в них не было, так как «он согласен сделать это из соображений благотворительности». Предвкушая успешное окончание дела, г-н Четти пригласил Абхая в Мадрас, чтобы он мог лично встретиться с доктором Аллагаппой. «Он сделает все, чтобы вы могли выполнить долг, возложенный на вас Богом». Находясь в Мадрасе, Абхай мог проверить и откорректировать пробный оттиск книги и от начала и до конца следить за процессом печати. Это была большая удача, а Абхай был не из тех, кто упускает столь редкие возможности. Если книга увидит свет, это будет большая победа в миссии выполнения наставлений Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Но случилось непоправимое. Рукопись украла. Это был единственный экземпляр, и для надежности Абхай хранил его дома. Он спрашивал у домочадцев и слуг – все разводили руками. Надежды Абхая были обмануты, колоссальные усилия пошли прахом. Он понял, что много месяцев работал впустую. Хотя доказать ничего было невозможно, Абхай подозревал, что сделать это мог кто-то из слуг или даже сын – ради денег. Но все это так и осталось тайной.

* * *

Весь 1949 год Абхай писал статьи на бенгали, представляя их на суд своего духовного брата, Б.П. Кешавы Махараджа, который публиковал их в своем издании «Гаудия-Патрика». Взгляды Абхая на мировые проблемы не отличались от взглядов его духовного учителя. Уже во время первой встречи с Абхаем, в 1922 году, Шрила Бхактисиддхант Сарасвати сокрушил его националистическую аргументацию, подчеркнув, что в мире нет никакого кризиса – ни

политического, ни социального, ни любого другого – недостает только духовного знания. И теперь Абхай просто развивал эту тему. Он никогда не пропагандировал равнодушие к «мирским» проблемам, но всегда подчеркивал, что мировой кризис может разрешить только правительство, сознающее Бога. Если на первое место поставить сознание Кришны, остальные проблемы постепенно решатся сами собой. А без этого любые так называемые решения останутся неадекватными и бесполезными.

В начале своей первой статьи на бенгали Абхай процитировал передовицу из аллахабадского издания калькуттской газеты «Амрита-Базар». Редактор весьма сожалел о том, что, несмотря на обретение национальной независимости, со злейшими бедами Индии еще не покончено:

«Началась неделя нации. Память о Джалианвалле Багхе и политическом рабстве больше нас не беспокоят. Но на этом наши беды не закончились. По воле Провидения, человечество никак не может обрести покой. Едва уходит одна причина для тревог, за ней тут же приходит следующая. Индия, теперь политически свободная, сталкивается с трудностями не менее серьезными, чем те, что несло с собой иностранное господство».

Абхай воспользовался этим замечанием редактора, чтобы показать, в чем состоит основной недостаток всех планов по улучшению обстановки в мире. Он подчеркнул, что хотя Индия находилась под иностранным гнетом еще со времен Мухаммеда Гхори (1050 год н.э.), она никогда не была поработана до такой степени, как сейчас. В те дни Индия оставалась нацией, сознающей Бога. Падение Индии произошло только тогда, когда лидеры ее отказались от своего духовного наследия.

Таким образом, индийцы должны понять, что сейчас строгие законы материальной природы их наказывают. «Почтенный редактор «Амрита-Базар-Патрики», – отметил Абхай – с грустью пишет: «На смену одной проблеме тут же приходит другая», но об этом уже давным-давно сказано в «Бхагавад-гите». Эта мысль часто становилась темой его статей в журнале «Назад к Богу» 1944 года и многих его писем. Того, кто пренебрегает Верховным Господом, наказывает материальная природа, находящаяся под надзором Всевышнего. Люди могут писать статьи в газеты, принимать умные решения на встречах и конференциях, пытаться своими научными изысканиями победить природу, но им никогда не удастся обойти ее законы. Когда люди стремятся избежать наказания, Господь еще глубже погружает их в иллюзию, и они «самым прискорбным образом, терпят поражение». Абхай процитировал бенгальскую поговорку: «Я хотел сделать статую Шивы, а получилась обезьяна».

«Теперь, чтобы избавить мир от страданий и принести людям счастье, мы создали атомную бомбу. Предвидя всеобщее уничтожение, к которому может привести ядерная реакция, западные мыслители очень обеспокоены. Некоторые пытаются утешить людей, говоря, что атомная энергия будет использоваться только на благо. Но все это – лишь очередное проявление непостижимой энергии иллюзии».

Истинная проблема, объяснял Абхай, состоит в том, что в мире мало людей, сознающих Кришну. Вожди народов, запутавшиеся в законах материальной природы, никогда не смогут решить мировых проблем. Иллюзия особенно сильна в западных странах, подражать которым Индия ни в коем случае не должна. Однако, предсказывал Абхай, настанет день, когда сознание Кришны достигнет западных стран.

«Никогда еще в странах Запада не обсуждался вопрос о том, каковы взаимоотношения между индивидуальной душой и Верховной Личностью, обладающей высшим сознанием, то есть Богом. Не исследовались ни их деятельность, ни их совершенное положение. Вот почему, даже достигнув столь большого материального успеха, они корчатся от жгучего яда сенсуализма. У нас нет никаких сомнений в том, что когда-нибудь индийская формула мира достигнет их ушей».

Статьи Абхая начали регулярно печататься в «Гаудия-Патрике». Его духовные братья высоко ценили эти работы: его критика материалистического склада человеческого ума напоминала проповедь Шрилы Бхактисиддханты. В понимании Абхая понятие асура (демона) из «Бхагавад-гиты» было не просто обозначением какого-то мифического, легендарного врага; асуры пришли в виде Гитлера, Черчилля или даже премьер-министра Индии. Однако, обличая тех, кто идет по неправильному пути, Абхай снова и снова подчеркивал, что он не излагает собственное мнение, а лишь повторяет слова Кришны.

* * *

В 1950-51 годах Абхай продолжал писать письма, адресованные лидерам различных организаций, пытаясь до них «докричаться». Он писал во Всемирный Комитет Пацифистов, президенту Индии, министру образования... Написав в «Индийский Конгресс за свободу культуры», в ответ Абхай получил предположение, что он ошибся адресом. Председателю «Конференции всех религий» в Бомбее он написал, что из-за неверного подхода к этой теме конференция не принесет никакой пользы: «практическое решение заключено в трансцендентном послании Шри Кришны, Личности Бога, данном в «Бхагавад-гите».

14 сентября Абхай начал переписку с Даниелем Бейли из журнала «Америкэн репортер», издаваемого американским посольством в Нью-Дели. Абхай указывал, что философия понимания Абсолютной Истины, в том виде, как она представлена мудрецами и святыми Индии, стоит выше попыток объединить Восток и Запад. М-р Бейли ответил, что ему известно о философском и религиозном влиянии Востока на Запад, и привел в пример успех миссии йоги в Нью-Йорк-Сити, которая оказала некоторое влияние на развитие протестантизма в Америке. Но когда Абхай попросил его опубликовать одну из его статей в «Америкэн репортер», м-р Бейли ответил: «Если мы отведем место в «Америкэн репортер», скажем, «Гите», то по справедливости должны будем выделить столько же места другим философиям; мы же хотим не одобрить или осудить какую-либо из них, а просто помочь людям лучше во всем этом разобраться». В свою очередь, Абхай возразил, что не нужно поощрять людей толковать религию как вздумается: «Во всех сферах жизни менее разумные следуют за теми, кто обладает большим знанием».

Абхай написал даже в Детройт, в «Фонд Форда», но штатный помощник ответил ему: «С сожалением уведомляем Вас, что мы не в силах принять Ваше предложение относительно создания «общества интеллигентных людей». У «Фонда Форда» отсутствуют программы, в которые можно было бы включить специфические идеи, подобные Вашей».

Хотя подавляющее большинство его предложений отклонялось, порой он слышал и слова признательности. Некий доктор Мухаммад Саид, профессор аллахабадского университета, ответил: «Я вижу, что Вы полностью овладели универсальным учением древней Индии, и это достойно всяческих похвал». А губернатор штата Уттар-Прадеш написал: «Вы делаете благородное дело. Нет ничего прекраснее, чем сознать Бога».

В письмах Абхай не просто давал советы – он предлагал практическую помощь. Если бы ему обеспечили организационную поддержку, он столько смог бы сделать! Проводить занятия, управлять храмами, обучать храмовому поклонению, давать преданным посвящение, организовывать проповедь принципов «Бхагавад-гиты»... Обычно он не пускался в подробные объяснения, какие конкретно практические шаги следует предпринять, а, указывая на недостатки современных философских течений, объяснял, почему лучше следовать Ведическому канону. По милости духовного учителя он обладал удивительной способностью применять науку «Бхагавад-гиты» в любой ситуации, и если бы кто-нибудь вдруг проявил интерес, он мог бы открыть этому человеку все преимущества жизни, основанной на принципах «Гиты».

Посетив собрание, на котором известный промышленник рассказывал о том, насколько гармоничны на его предприятии отношения между рабочими и руководством, он написал этому человеку длинное письмо с предложением испытать благотворное влияние совместного повторения «Харе Кришна». На фабрике был специальный рабочий клуб и комната отдыха, и Абхай предложил, чтобы рабочие собирались там и вместе повторяли «Харе Кришна».

Абхай к каждому настойчиво обращался с просьбой предаться Кришне, но большинство людей имели собственные философские убеждения и воспринимали его как пылкого сектанта, пытающегося обратить их в свою веру. «Бхагавад-гита» универсальна, писал Абхай, и Бога нельзя исключать ни из какого дела, даже если государство называет себя светским. Кришна – отец всех живых существ без исключения, и под его контролем находятся все программы, все организации и правительства. Индусы же, как никто другой, должны особенно ценить поистине вселенскую значимость «Бхагавад-гиты».

Хотя за советами Абхая всегда стояли конкретные планы, в первую очередь он хотел привлечь внимание собеседника. Большого интереса его предложения не встречали, и чаще всего ему отвечали отказом, но это никогда не выбивало его из колеи, и он не бросал попыток найти сторонников. Он хранил копии всех своих писем и ответы на них, и одного слова признательности или проявления хотя бы слабого интереса со стороны собеседника было достаточно, чтобы Абхай продолжал серьезную переписку.

Не ожидая указаний со стороны Гаудия-Матха, Абхай развил в себе сильнейшее чувство преданности миссии Господа Чайтаньи. Он все еще лелеял надежду, что духовные братья когда-нибудь вновь соберутся вместе, чтобы начать проповедовать, но не отдавал свои предпочтения ни одному из матхов, ибо это неизбежно означало бы, что придется примкнуть к одной из враждующих фракций. Оставаясь в стороне от внутренних раздоров Гаудия-Матха, Абхай в одиночку продолжал писать письма, представляясь проповедником «Бхагавад-гиты» и редактором журнала «Назад к Богу».

* * *

В 1948 году Абхай закрыл фабрику в Лакнау. Он задолжал рабочим, и с 1946 года выплачивал аренду по частям. Но когда уровень продаж упал, продолжать производство стало невозможно. Он потерял все.

Шрила Прабхупада: Я открыл большую фабрику в Лакнау. Это были золотые дни! Мой бизнес процветал, как никогда. В химической промышленности меня знали все. Но потом постепенно все пришло в упадок.

Несколько знакомых помогли ему открыть небольшую фабрику в Аллахабаде – в том самом Аллахабаде, где пятнадцать лет назад прекратила существование его «Праяг Фармаси». Он переехал туда со своим сыном Бриндабаном и снова наладил выпуск лекарств. Вся его семья осталась на Баннерджи-Лейн, в Калькутте, а Абхай продолжал путешествовать. Но теперь он не показывался дома месяцами...

Ему снова снился тот же сон. Ему явился Шрила Бхактисиддхант Сарасвати. И вновь он подал Абхаю знак, что настало время принять санньясу. Но Абхай по-прежнему не мог это исполнить. Он был домохозяином, и на нем лежала огромная ответственность. Принять санньясу означало оставить все. А ему приходилось зарабатывать деньги – ведь теперь у него было пятеро детей. «Почему Гуру Махарадж просит меня принять санньясу?» – думал он. Пока это было невозможно.

Дела в Аллахабаде шли плохо. «В настоящее время дела на нашем предприятии идут не слишком хорошо, – писал он своему слуге Гауранге, который хотел к нему приехать. – Когда все поправится, я тебя вызову, если в это время не ты будешь занят». Он усердно трудился, но результаты были ничтожны.

Но как и на все остальное, на эту ситуацию Абхай смотрел глазами Писаний. Он не мог не размышлять над стихом из Шримад-Бхагаватам:

йасйахам анугрихнами
харишйе тад-дханам шанайх
тато дханам тйаджантй асйа
сва-джана духкха-духкхитам

«Если Я питаю к кому-то особую благосклонность, Я постепенно лишаю его богатства. Тогда родственники и друзья отворачиваются от него, сраженного нищетой, и беды, одна за другой, сыплются на него со всех сторон». (ШБ 10.88.8)

Этот стих он когда-то слышал из уст Шрилы Бхактисиддханты, а теперь часто над ним размышлял. Он понимал, что полностью находится во власти Кришны, Который специально ставит его в такое положение, чтобы освободить для проповеди.

Шрила Прабхупада: Как бы то ни было, мое желание проповедовать послание Господа Чайтаньи Махапрабху усиливалось, тогда как все другие желания уменьшались. Я не очень-то хотел, но Кришна меня подталкивал: «Ты должен бросить все это». История известная – дела шли все хуже, и хуже, и хуже...

В «Шримад-Бхагаватам» царица Кунти молится: «О мой Господь, достичь Тебя легко лишь тому, у кого нет ничего материального. Тот же, кто стоит на пути [материального] прогресса, пытаясь при помощи знатного происхождения, огромных богатств, хорошего образования и телесной красоты улучшить условия своей жизни, не может искренне обратиться к Тебе».

Шрила Прабхупада: В 1950 году я практически отошел от дел. Не окончательно – еще немного соприкасался с бизнесом, с тем, что еще оставалось. Затем почти все закончилось. Что осталось, то и хорошо. Делай что хочешь.

Жена Абхая переехала обратно в дом отца на Махатма Ганди Роуд, 72, обосновав это тем, что у нее нет уверенности в надежности своего финансового положения.

Большую часть времени Абхай проводил вдали от дома. Постепенно он отдалялся от семьи, и когда, раз в несколько месяцев встречался с женой и детьми, тесть упрекал его: «Ты всегда где-то далеко. Ты только Богу поклоняешься, а о моей семье совсем не заботишься». Абхай, по возможности, посылал семье какие-то небольшие суммы.

Г-н Судхир Кумар Датта (племянник Абхая): Иногда я замечал, что он думает об очень многом – и о семье, и о своих трудах, и о том, как расширить дело. «Что делать, что делать?» Он серьезно обдумывал возможность зарабатывать на своем бизнесе больше. Но для этого пришлось бы уделять делу больше времени. А литературную работу он никогда бы не бросил. Он писал все больше и больше, и иногда люди упрекали его: «Эй, ты пишешь религиозные книги и думаешь только о Боге! А семью кто будет кормить? Что ты для семьи сделал?»

Иногда он возражал:

– А что дала мне семья? Почему я должен забыть о Боге? Я поступаю правильно, но вам этого не понять.

Остановившись в Калькутте, Абхай жил в доме тестя – там у него была отдельная комната. Когда однажды жена подала ему обед, он заметил, что вся пища покупная.

– Почему? – спросил он.

– Повар заболел, – ответила Радхарани.

Абхай подумал: «Лучше переехать из дома ее отца – здесь она испортится еще больше». Поэтому вскоре они переехали на новое место – на улицу Четла. Иногда он жил здесь с семьей по несколько месяцев, сочиняя статьи и понемногу занимаясь делами, но большую часть времени все-таки проводил в Аллахабаде.

В Аллахабаде пятидесятичетырехлетний Абхай жил как ванапрастха, удалившийся от семейной жизни. Он был равнодушен и к семье, и к бизнесу – к тем вещам, которые обычный семьянин считает своей высшей ценностью и главным источником счастья.

В своих статьях Абхай не раз обращался к теме четырех ашрамов, духовных уровней Ведического общества: брахмачарья, грихастха, ванапрастха и санньяса. На первой ступени (в ашраме брахмачари) родители посылают маленького мальчика в дом гуру, в гурукулу, где он ведет строгую и простую жизнь, под руководством учителя изучая Веда. Так, в детстве и в юности в его характер закладываются принципы аскетизма и духовного знания, которое ложится в основу всей его будущей жизни.

В возрасте двадцати одного года брахмачари может жениться, перейдя на следующий этап – грихастха-ашрам. Или же, подобно Бхактисиддханте Сарасвати, может принять решение на всю жизнь остаться брахмачари. В юности Абхай соблюдал обет целомудрия, а от отца и матери воспринял основы преданности Кришне. Хотя он и жил дома, воспитывался он как брахмачари.

Обзаведясь семьей в возрасте двадцати одного года, в грихастха-ашрам он вступил как раз в самое подходящее время. Пример Гоур-Мохана демонстрировал, что можно оставаться преданным Кришны, даже ведя семейную жизнь. Будучи вайшнавами, Абхай и его жена благополучно избегали всех неприятностей семейной жизни материалистов.

В пятьдесят лет человеку предписывается отойти от семейных дел – этот период именуется ванапрастха. В ашраме ванапрастхи муж и жена прекращают половые отношения; они продолжают жить вместе, но только ради духовной взаимопомощи. Супруги-ванапрастхи могут уйти в паломничество по святым местам Индии, готовясь к неизбежному уходу из материального мира.

Таким образом, система ведических ашрамов позволяет человеку исполнить все его материальные желания, а затем разорвать круг повторяющихся рождений и смертей и вернуться в вечный духовный мир. В возрасте пятидесяти лет стареющее тело должно напомнить человеку о приближении неотвратимой смерти, и у него должно хватить здравого смысла к ней подготовиться.

На последней стадии, в санньяса-ашраме, мужчина оставляет свою жену на попечение взрослого сына и полностью посвящает себя служению Верховному Господу. В прошлом санньяса-ашрам означал уединенную, посвященную покаянию жизнь в Гималаях. Но в традиции Гаудия-вайшнавов Шрила Бхактисиддханте Сарасвати особое значение придавал проповеди.

Хотя Абхай официально не принадлежал ни к одному из четырех ашрамов, его образ жизни более походил на жизнь ванапрастхи, нежели грихастхи. В провале своего бизнеса и той напряженной атмосфере, что сложилась в семье, он видел благословения Кришны, который хочет

освободить его от семейных обязанностей и побудить всем сердцем принять приказ Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати – проповедовать.

* * *

В Аллахабаде Абхаю удалось скопить небольшую сумму денег, которой, однако, было достаточно для возобновления издания «Назад к Богу». В феврале 1952 года, впервые за восемь лет, из его редакторской конторы (и дома одновременно) на Каннинг Роуд, 57Б вышел новый выпуск журнала. Как и раньше, он все делал сам – писал, печатал, редактировал, встречался с владельцами типографии, сам распространял новые номера, продавая их на улице и рассылая по почте известным и уважаемым людям Индии. Он чувствовал, что именно это было истинной целью его проживания в Аллахабаде (да и не только в Аллахабаде); это было наилучшим вложением для денег и наполняло смыслом жизнь – полностью посвятить себя прославлению Верховного Господа. Все прочее было временным и скоротечным.

Когда он приезжал в Калькутту, в его комнате собирались старые друзья, и он проповедовал им, читая лекции по «Бхагавад-гите». Жену и детей Абхай тоже приглашал поучаствовать в этих собраниях, но они упрямо игнорировали его, оставаясь в комнате наверху, и пили чай, словно демонстрируя пренебрежение к его проповеди. Абхай продолжал общаться с ними и содержать их, но его главным увлечением была проповедь, а они вели себя так, что у него пропадало всякое желание заниматься этим в семье. Будь это настоящая семейная жизнь, его жена и сыновья только радовались бы, что он стал столь серьезным проповедником. Они должны были понять, что смысл его жизни состоит в служении духовному учителю. Они не могли попросту игнорировать происходившие с ним перемены, но и не могли заставить его стать обычным человеком. Абхай не оставлял свои попытки вовлечь в проповедь жену, надеясь, что постепенно она сможет перенять его дух, однако проповедь мужа по-прежнему не вызывала у нее ни малейшего интереса.

Почему же тогда он должен тратить свою жизнь на заботу о семье, лекарствах и деньгах? Пусть родственники порицают его, но издание «Назад к Богу» – вот настоящее служение человечеству – огромной семье. Мадхавендра Пури, великий духовный наставник и предшественник Господа Чайтаньи, так писал о равнодушии преданных к мирской хуле:

О полубоги, о предки, пожалуйста, простите меня! Я не способен больше воздавать вам должное. Я решил избавиться от последствий всех грехов, всегда и везде помня великого потомка династии Яду, великого врага Камсы (Господа Кришну). Этого мне вполне достаточно. Так зачем же прилагать такие усилия?

Пусть строгие моралисты осуждают меня, считая, что я в иллюзии – мне все равно. Пусть знатоки ведических правил упрекают меня в том, что я избрал ложный путь, пусть родственники и друзья называют меня неудачником, а братья – глупцом, пусть сребролюбцы выставляют меня сумасшедшим, а ученые и философы заявляют, что я слишком горд. Пусть так, но моя решимость служить лотосным стопам Говинды не уменьшится ни на йоту, хоть я и самый ничтожный его слуга.

Почему он должен тратить время на решение мелких семейных проблем, когда ему известно, как решить проблемы Индии и всего человечества? Как знаток «Бхагавад-гиты» он понимал, что первейшей его обязанностью было предложить людям решение сложнейшего комплекса проблем – войны, голода, безнравственности, преступности – всех этих признаков безбожия. И ничего страшного, если он посвятит себя именно этому, а менее важные дела подождут.

* * *

В марте 1952 года Абхай выпустил следующий номер «Назад к Богу». Номер был посвящен биографии Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати и его отца, Шрилы Бхактивиноды Тхакура.

Он (Бхактивинода Тхакур) яростно выступал против псевдо-трансценденталистов, которые прикрывались именем Господа Чайтаньи. Будучи еще государственным служащим, Бхактивинода своей литературной работой начал реформаторское движение. Оставаясь домохозяином и исполняя обязанности мирового судьи, он написал множество книг на бенгали, английском, санскрите, рисуя подлинную картину чистой преданности Господу Чайтанье.

Шрила Бхактисиддхант Сарасвати Госвами Махараджа с самого детства был вдохновлен движением Шрилы Бхактивиноды Тхакура.

Он был его личным секретарем, и Бхактивинода сделал его (Шрилу Сарасвати Тхакура) духовным поверенным в деле Господа Чайтаньи. А после ухода Шрилы Бхактивиноды Тхакура, Шрила Сарасвати Тхакур взял управление этим реформаторским движением в свои руки.

Всецело поглощенный выпуском ежемесячного журнала, Абхай не уделял почти никакого внимания прочим делам. Иногда он совершал поездки по торговым вопросам, иногда ночным поездом добирался из Аллахабада в Калькутту, чтобы навестить семью. Если купе не было переполнено, он включал свет. В ночных поездах хорошо думалось и писалось. Иногда он на несколько часов ложился, а потом вставал и смотрел в окно, и видел только ночь да отражение своего лица и ламп в стекле.

К середине двенадцатичасового путешествия небо начинало светлеть, от серого к светло-голубому, и на нем появлялись первые белые облака. Он видел огни городов и слышал сигнальные гудки локомотивов. Когда поезд замедлял ход и останавливался, вдоль окон состава шли продавцы чая, нараспев предлагая свой товар: «Чай, чай, чай!» Их громкий назойливый крик наполнял уши этими звуками, а сам чай наполнял воздух своим ароматом – сотни пассажиров привычно пили свою утреннюю чашечку.

Во время своих частых путешествий по железной дороге Абхай обращал внимание на то, что все больше и больше людей курят, и все чаще встречаются женщины, путешествующие в одиночестве. Индия перенимала западные привычки. А вожди нации усердно готовили для этого почву – слепцы, ведущие других слепцов. Они хотели царства Бога без Бога. Они хотели видеть Индию передовой индустриальной державой, но без Кришны. Из окон открывался вид на огромные неводеланные поля, тогда как множество людей в стране страдало от голода.

Иногда Абхай читал газеты, вырезая из них статьи, на которые можно было бы дать ответ в журнале «Назад к Богу», или содержавшие какие-то новые идеи для очерка. Он размышлял о том, как и к кому обратиться за помощью, как организовать общество преданных, сознающих Кришну. Не только в Индии, но и во всем мире люди способны принять сознание Кришны. В «Чайтанья-бхагавате» говорится, что придет день, когда имя Господа Чайтаньи станет известным в каждом городе и в каждой деревне. Этого же хотел Шрила Бхактисиддханта. Он посылал проповедников в Англию, но все, чего они добились – это официальный визит к королевской семье. Они выстроились в ряд, поклонились Короне и вернулись в Индию, так и не произведя никаких перемен в умах жителей запада. Абхай хотел отправить «Назад к Богу» за границу. Его агенты «Такер, Спинк и Ко» имели связи в Америке и Европе. Во всем мире люди читают на английском, и нет сомнений, что кое-кто из них может заинтересоваться идеями «Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам». Этого хотел Шрила Бхактисиддханта. Сознание Кришны предназначено не только для Индии. Это величайший дар Индии, и предназначен он для всех.

Глава седьмая

Джханси: Лига преданных

Приглашаются представители любой национальности, желающие развить в себе качества истинных брахманов для проповеди по всему миру учения «Бхагавад-гиты» и его практического применения. Для достойных кандидатов – бесплатное обучение и жилье. Обращаться: А.Ч. Бхактиведанта, основатель и руководитель Лиги Преданных, Бхарати Бхаван, П.О. Джханси (У.П.).

Абхай Чаран Дэ

Это была очередная двенадцатичасовая поездка со множеством остановок. Вагон раскачивало из стороны в сторону. Абхай сидел на деревянной скамье мрачного, грязноватого купе, зажатый между другими пассажирами третьего класса, самодовольно разглядывавшими друг друга. Поезд с лягом и грохотом мчался вперед, в раскрытые окна несло встречным ветром сажу и пыль. За окнами однообразно тянулся вал из камней, наваленных друг на друга, в неглубокой придорожной канаве покачивались на высоких стеблях фиолетовые раструбы колокольчиков. Водяные буйволы и быки паслись вдоль дороги или тянули плуг, погоняемые одиноким крестьянином.

Абхай ехал в Джханси – не по делам, для проповеди. Месяц назад, в октябре 1952 года, когда Абхай приезжал по делам в Джханси, господин Даби, владелец тамошней больницы, пригласил Абхая на лекцию в Гита Мандир. В Джханси многих интересовали религиозные и гуманитарные предметы – и неважно, обсуждались ли идеи вайшнавов, теософов, майаведи, политиков или кого-то еще – люди считали «дхармой» практически любой путь, лишь бы он вел к благочестию или общественному благосостоянию. В свое время Г-н Даби с интересом прочел несколько статей из журнала «Назад к Богу» – поэтому и предложил Абхаю выступить. Абхай же только этого и ждал. У аудитории, состоявшей, в основном, из молодых студентов-медиков и выпускников местного аюрведического училища, обнаружился острый интерес к теме выступления.

Абхаю было пятьдесят шесть, и его внушительная манера говорить о сознании Кришны произвела огромное впечатление на молодых, религиозно настроенных жителей Джханси. Директор Колледжа Санскрита и Веданты, двадцатипятилетний Прабхакар Мишра, и главный врач Аюрведического Университета заметили в Абхае сильное желание распространять сознание Кришны. Д-р Мишра признал в нем своего рода гуру, хотя и в одежде белого цвета. «Какой он смиренный, – думал д-р Мишра, – Настоящий садху!».

Невысокий, коренастый д-р Шастри, молодой врач, только-только начавший карьеру в аюрведической медицине, был человеком живым и деятельным. Чистота Абхая и его мечта о всемирном Движении, распространяющем индийскую культуру, произвели на него глубочайшее впечатление. Старшие (например, высокий, обходительный Рамчаран Хайхаран Митра, торговец посудой, который писал стихи и носил белую пилотку, как Неру) тоже хотели побольше узнать от Абхая про Господа Чайтанью. После лекции доктор Малик, возглавлявший Гита Мандир, доктор Сиддхи из Университета и их жены подошли к Абхаю, чтобы искренне попросить его снова посетить Джханси.

Абхай приехал сюда не как торговец медикаментами или человек, обремененный семейными заботами, а только лишь как преданный Господа Чайтаньи Махапрабху. Хотя принципы сознания Кришны – то, как их представлял Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, – были незнакомы собравшимся, его наставления их заинтересовали, и чем дальше Абхай излагал это учение и говорил о своем стремлении распространять послание Кришны, тем большую поддержку находил он у аудитории. Некоторые из слушателей посоветовали ему начать свою миссию именно в Джханси и даже обещали в этом помочь. Доктор Шастри пригласил Абхая жить к себе, познакомил его с некоторыми влиятельными людьми города и организовал его лекции в разных общественных местах Джханси.

Пробыв в этом городе десять дней, Абхай вернулся в Аллахабад, но воспоминания о Джханси мешали ему сосредоточиться на делах. Его ум был занят более важной темой:

необходимостью создать общество преданных, которые будут по всему миру проповедовать теорию и практику сознания Кришны. Гаудия Матх терзали постоянные расколы – духовные братья Абхая организовали собственные ашрамы в разных местах, и, казалось, оставались глухими к любым призывам к объединению – однако необходимо было что-то предпринимать, чтобы противостоять влиянию всепроникающей атмосферы безбожия. Должен был появиться союз проповедников, действующий по всему миру... Как это предвидел Шрила Бхактисиддханты Сарасвати!

Страны мира, пытаясь прийти к единству, создали Лигу Наций, (а позже – Организацию Объединенных Наций). Лига потерпела неудачу, и то же ожидает ООН, если она не признает духовное единство и равенство всех живых существ, равенство, вытекающее из личных отношений каждого с Верховной Личностью Бога. Абхай не ждал ничего хорошего от подобных организаций – несмотря на то, что все они стремились к миру и единству, их попытки были всего лишь новым проявлением безбожия. Нет, восстановление мира и единства было задачей вайшнавов.

Абхай думал, что подходящим местом для основания такой организации мог бы стать Джханси. Город был небольшой, но, по крайней мере, в нем нашлись неравнодушные люди. Студенты не просто слушали и соглашались, но и обещали помочь. Правда, в их восхищении Абхай иногда ощущал некоторый недостаток искренности, порой замечая в слушателях сентиментальность... Это заставляло немного усомниться в их серьезности, – но если бы ему удалось найти несколько... или хотя бы одного серьезного слушателя, – этого было бы уже достаточно для начала. Он хотел проповедовать – это было делом его жизни. Кроме того, уже приближалась старость – уж если и начинать что-то, то прямо сейчас, не откладывая. Поэтому он едет в Джханси один и собирается остаться там на неопределенный срок.

Не очень беспокоясь о делах в Аллахабаде, он поручил свой бизнес заботам сына и племянника, сообщив им, что отправляется в Джханси.

Подъезжая к станции, Абхай увидел доктора Шастри, энергично машущего рукой. Вместе на танге они отправились в его приемную. По дороге эмоциональный, разговорчивый доктор посулил Абхaya много возможностей для проповеди и бесед. Шастри рассказал несколько легенд о Джханси: территория нынешнего города раньше была частью леса, в котором многие тысячи лет назад вел жизнь аскета Сам Господь Рамачандра. Здесь жили Пандавы во время изгнания, здесь строили свои жилища многие мудрецы ведических времен... Джханси был родиной индийской героини, Лакшми Бхай, в середине девятнадцатого века положившей начало движению за освобождение Индии от британского правления. Скульптуры и изображения Лакшми Бхай, скачущей на коне с поднятым мечом, можно было увидеть повсюду. Но Джханси 1952-го года был обычным густонаселенным бедным городом, с грязными улицами и практически без всяких бытовых удобств.

Доктор Шастри снимал двухэтажный дом в районе Сипри Базара. Он жил один. На первом этаже размещалась его больница, а на втором – однокомнатная квартира, которую он был готов разделить с Абхаем. Молодой, но известный и влиятельный врач был как раз тем человеком, который мог (и к тому же сильно хотел) представить Абхaya отзывчивым горожанам Джханси. Энергичный и дружелюбный, он без труда общался с жителями города, и очень уважал Абхaya, который был вдвое старше его, за твердость в философских убеждениях и вайшнавском образе жизни. Считая своим долгом помогать ему, доктор охотно представлял его друзьям и организовывал лекции.

Готовили и ели Абхай и д-р Шастри вместе, как члены одной семьи. Как-то Абхай поделился с ним своими планами создания «Лиги преданных» – организации, которая активно действует по всему миру, но имеет штаб-квартиру в Джханси. Он заявил, что все жители этого города должны присоединиться к распространению миссии Господа Кришны. Господь Чайтанья говорил, что на индийцах лежит особая обязанность – распространять сознание Кришны по всей Индии и по всему миру.

Доктор Шастри: Ему не давала покоя мысль о том, что весь мир страдает от своих материалистических взглядов – ешь, пей, веселись! Целыми днями он ходил и проповедовал, выполняя наказ Чайтаньи Махапрабху и своего Гуру Махараджи. Он обладал железной волей и непоколебимой решимостью и уверенностью в своем деле. Ни капли сомнения. Он был «дридхаврата», то есть обладал твердой решимостью. Он проповедовал непрерывно: «харер нама харер нама харер намаива кевалам/ калау насти эва насти эва насти эва гатир анятха» – Нет другого

пути, кроме Харе Кришна Намы. Он постоянно говорил об этом, иногда даже всю ночь напролет, и подчас мне это даже начинало надоедать, и я просил: «Пожалуйста, не мешайте, дайте поспать». А он – пожилой человек, труженик-миссионер – был совсем как юноша. Я тогда был молодым парнем, а он был мне как друг, как старший брат. Он был моим наставником, моим учителем – поскольку учитель – это и друг, и философ, и проводник.

Он всегда старался создать благотворную обстановку, руководствуясь «Шримад-Бхагаватам» и «Бхагавад-гитой». Вся его повседневная жизнь была воплощением «Бхагавад-гиты». Его миссией была не только проповедь, но и практическая деятельность. Он и меня пытался занять в этой миссии, но я уваливал. Я не думал, что он совершит чудо ради духовного преобразования мира, хотя именно к этому он нас и побуждал.

Пока доктор Шастри занимался своими делами в больнице, Абхай беседовал с пациентами. Иногда он рекомендовал им какие-то лекарства, но чаще проповедовал. Теперь он был доволен. Здесь была настоящая жизнь – люди отзывались на его проповедь, которая вдохновляла их повторять Харе Кришна. В нем неуклонно росла решимость день и ночь проповедовать, оставив все остальное и полностью положившись на Кришну, которому принадлежат результаты любой деятельности.

Он начал регулярно проводить лекции и киртаны на городских мероприятиях, иногда по нескольку раз в день. По воскресеньям он читал лекции в Садхана Мандире, на другой день – в Гита Мандире, потом – в Теософском Обществе, а зачастую – прямо в домах горожан.

Г-н Рам Митра, поэт, владелец магазина, содержал храм Шивы неподалеку от своего дома, и Абхай начал регулярно давать лекции и петь киртаны у него. Иногда, когда г-н Митра проводил в Садхана Мандире обсуждения «Бхагавад-гиты» на хинди, Абхай посещал и их тоже. А иногда он заходил к г-ну Митре в его посудную лавку, расположенную на Базаре Джханси и выходящую на оживленную улицу. Как обычный покупатель, Абхай усаживался посреди составленных штабелями ведер из нержавеющей стали, тарелок, чашек и лот и пересказывал господину Митре и его друзьям «Чайтанья-чаритамриту». А иногда и ему приходилось выслушивать, как г-на Митра рассказывает о своей новой опубликованной книге стихов и литературной славе.

Господин Митра видел, что Абхай задался целью ни больше ни меньше как наполнить сознанием Кришны целый город – Джханси. Абхай цитировал стих из «Чайтанья-чаритамриты»: «Тот, кто настолько удачлив, что родился в Индии, должен сделать свою жизнь совершенной, а затем нести благо другим, распространяя сознание Кришны».

– И, – обычно добавлял Абхай в конце, – весь мир ждет от нас, г-н Митра, этой духовной революции.

Господин Митра кивал, и его красивое лицо, напоминающее лицо Неру, расплывалось в улыбке. Но он видел, что Абхай ожидал от людей не просто внимания и согласия – он хотел, чтобы они что-то делали.

Однажды господин Митра подарил Абхаю свою книгу, особо указав на введение, написанное очень известным человеком, и несколько раз упомянул, что великому садху Виноба Бхаве очень понравились его стихи.

Узнав, что Абхай регулярно пьет молоко, г-н Митра начал ежедневно угощать его молоком от своей черной коровы (а черные коровы, говорил он, дают особенно хорошее молоко). Однажды Абхай попросил г-на Митру сопровождать его в шествии с киртаном по ближайшим деревням, но г-ну Митре пришлось отказаться, поскольку он не смог найти никого, кто мог бы присмотреть за магазином в его отсутствие.

Был еще один молодой аюрведический врач, доктор Сиддхи, которого сразу же заинтересовали исполненные вдохновения планы Абхая по распространению сознания Кришны.

Доктор Сиддхи: Он приходил ко мне несколько раз. У меня на крыше была комната для киртана, и свои киртаны он проводил там, а еще в Гита Мандире. К тому же, мы ежедневно ходили в Теософское Общество. Там во время лекций и киртанов воцарялась очень духовная и умиротворяющая атмосфера, атмосфера благочестия. Обычно он играл на фисгармонии. Мы помогали ему встречать людей и им проповедовать. Обычно он проводил киртан, читал лекцию по «Бхагавад-гите» и рассказывал о жизни Кришны. Чайтанья Махапрабху был его Господином, и я тоже очень любил Его.

С Абхаем начал регулярно встречаться Радхелал Маллик, староста Гита Мандира и Садхана Мандира.

Радхелал Маллик: Он оказал на меня огромное влияние. Обычно я общался с ним каждое утро по три-четыре часа. У него было много, очень много больших книг. В те дни он больше всего был погружен в книги о Шри Чайтанье Махапрабху. В то время он еще и писал. Мы вместе с настоятелем Гита Мандира вызвались готовить для него.

* * *

Однажды утром, гуляя с Радхелалом Малликом Абхай обратил внимание на Бхарати Бхаван, живописный храмовый комплекс, расположенный на берегу большого пруда под названием Антия. Этот район города назывался Антия Тал; он был тихим и малонаселенным, но неподалеку от него пролегла Сипри Роуд, главная транспортная магистраль, связывающая Сипри Базар с центром Джханси.

Абхай расспросил г-на Маллика об этом храме, и, свернув с главной улицы, они спустились по тропинке к главным воротам комплекса.

Это был участок в несколько гектаров, утопавший в зелени рощ манго и нима. Главное здание – маленькое, как часовня, но с четкими и смелыми пропорциями, – называлось «Мемориал Радхи». Оно возвышалось на восьмиугольном каменном основании, и восемь колонн из белого и красного мрамора, украшенных искусной резьбой, поддерживали купол. Вход украшали два слона, несущие на воздетых хоботах богиню удачи, Лакшми. Здание украшали (но в то же время делали его массивнее) бетонные ленты и узоры из красных, зеленых и синих полос. Над входом были выгравированы слова на хинди «Радха-смарак», а над ними – перевод на английский: «Мемориал Радхи».

Увидев на стене каменного храма санскритскую надпись – Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе – Абхай повернулся к Радхелалу Маллику и решительно произнес:

– Господь построил это здание, чтобы я использовал его.

С этого момента Абхай преисполнился решимости получить это здание.

Господин Маллик рассказал, что храм был построен в 1939 году, в память о богатом землевладельце и вайшнавe Радха Бхаи, но в настоящее время никак не использовался. Несколько комнат занимал Д-р Прабхакар Мишра, с которым Абхай уже не раз встречался, остальные комнаты пустовали. Абхай и г-н Маллик разыскали Мишру в главном здании, в его квартире, и доктор, увидев, каким энтузиазмом горит Абхай, пригласил его остаться и жить с ним. Доктор Мишра рассказал, что по воскресеньям дает утреннюю лекцию по «Бхагавад-гите», а в остальное время помещения не используются. Он предложил Абхаю заняться литературной работой и проповедью здесь.

Абхаю идея понравилась. Осматривая участок со все возрастающим интересом, он тут же начал придумывать, как можно использовать храмовые постройки. Во втором здании, более крупном, с каменными колоннами и фасадом, был вестибюль и пять комнат. Абхай мысленно рассчитывал: здесь будут проходить киртаны и лекции с большим количеством слушателей; в этой комнате будет установлено Божество Господа Чайтаньи Махапрабху; в этих комнатах разместятся брахмачари и санньяси; тут – гости; там – офис; здесь будет печатный станок. Был даже участок, где можно было пасти корову. Тут было всё что нужно. Сотни людей могли бы здесь петь киртаны, принимать прасад и беседовать. Отсюда могли бы выходить на улицы проповедники, распространяющие журнал «Назад к Богу». А кто-то мог бы даже выезжать за границу, неся с собой послание Господа Чайтаньи.

Обходя вместе с Абхаем территорию храма и видя, насколько подходит это место для организации ашрама, друзья начали его воодушевлять, уверяя, что г-н Рева Шанкар Бхаял, управляющий собственностью потомков Радха Бхаи, не будет возражать, если Абхай поселится здесь. Абхай спросил, а почему бы владельцу просто не отдать ему здание – сейчас оно просто пропадает, а если это действительно памятник Радхе, то его необходимо использовать в служении Кришне, Ее возлюбленному Господину.

Абхай был полон решимости, и друзья согласились ему помочь. Сначала они встретились с Рам Митрой, заявившим, что господин Бхаял – его настолько близкий друг, что по первой же просьбе просто отдаст ему храм. Доктор Шастри тоже собрался идти к господину Бхаялу, чтобы объяснить, насколько хорошо будет для жителей Джханси, если это место достанется Абхаю.

На встрече Рева Шанкар Бхаяла с Рам Митрой присутствовали Абхай, Доктор Шастри, Радхелал Маллик, Прабхакар Мишра и Сурьямулхи Шарма, молодая образованная жительница Джханси. Они представили ситуацию с нескольких точек зрения, и господин Бхаял выслушал их.

Он согласился, что сейчас здания просто пропадают, а новое предложение ему понравилось. Г-н Бхаял согласился предоставить Абхаю помещение для Лиги Преданных на неограниченный срок. Более того, по просьбе Абхая, он сам согласился стать членом «Лиги». Они обменялись рукопожатием. От лица владельца г-н Бхаял пожертвовал земельный участок Бхарати Бхаван Абхаю Чарану Дэ и «Лиге Преданных».

* * *

В декабре и январе Абхай работал над Уставом Лиги Преданных. По примеру духовного учителя, он хотел начать широкую, интенсивную проповедь. И когда он попытался изложить свои цели на бумаге, проект немедленно стал разрастаться – за пределы Джханси, за пределы Индии! Конечно, Лига преданных была предназначена в первую очередь для молодых людей из Джханси – они уже проявляли огромный интерес, – но Устав, который составлял Абхай, включал в себя нечто гораздо большее, нежели просто расписание вечерних лекций и киртанов. Это была расширенная схема, включающая в себя описание четырех укладов общества (брахманов, кшатриев, вайший и шудр) и подробный план деятельности всемирного религиозного Движения. Устав предусматривал испытательный срок для будущих членов, описывал духовное посвящение, определял экономические отношения между Лигой и каждым ее членом, порядок обеспечения проповедников жильем, давал четкое определение запрещенных действий: «незаконные связи с женщинами, привычка к одурманивающим веществам, любая пища помимо строго вегетарианской, азартные игры и бессмысленные спортивные и развлекательные мероприятия».

Чтобы зарегистрировать «Лигу» в Лакнау, Абхаю был нужен «Меморандум Общества», подписанный его членами. В этом документе, в котором перечислялись основные задачи организации, Абхай раскрыл свое видение того, как будет продолжаться миссия Бхактисиддханты Сарасвати. Подобно духовным братьям, которые после раскола Гаудия-матха создали свои матхи, Абхай образовал новую ветвь Гаудия сампрадаи, назвав ее «Лигой преданных». Его целью было не заполучить в собственность несколько зданий – он создавал общество преданных Кришны, которое должно было перерасти во всемирное Движение. Его планы не знали границ. Он думал об открытии центров духовного развития по всему миру... Абхай писал: «Господь Чайтанья... дал нам трансцендентный метод общения с Абсолютной Личностью, Богом, и в Его учении нет ничего абсурдного с точки зрения здравого смысла, и ничего такого, что противоречило бы какой-либо из религий, признанной цивилизованным человечеством». Среди целей «Лиги» называлось открытие центров во всех частях света. Таким образом, она становилась «Международной Организацией духовного развития через образование и культуру, путем привлечения членов любых наций, убеждений и каст». «Лига» должна была выпускать литературу на разных языках и каждый месяц печатать журнал «Назад к Богу».

Собрав все необходимые подписи под «Меморандумом Общества», Абхай отправился в Лакнау, где 4 февраля заплатил взнос в пятьдесят рупий и заполнил заявление, после чего вернулся в Джханси.

* * *

Поселившись в одной из комнат Мемориала Радхи, Абхай каждый день вставал в четыре часа утра и будил своего соседа, Прабхакара Мишру. С четырех до пяти он обычно писал, потом шел на прогулку в Антия Тал, в пять тридцать делал омовение, а затем повторял на четках Харе Кришна до семи часов, когда подходило время лекции по «Чайтанья-чаритамрите» или «Шримад-Бхагаватам» (хотя, как правило, единственным его слушателем был Прабхакар Мишра). В восемь он возвращался к своей литературной работе, печатая до начала одиннадцатого, а затем принимался за приготовление пищи. После полудня он шел в город, где встречался с людьми, проповедовал, искал новых кандидатов, готовых вступить в Лигу преданных. В конце дня он вновь садился писать и работал до семи часов, а потом готовился к лекции и киртану, которые должен был провести в одном из мест, куда его приглашали. Хотя у Абхая не было денег на дальнейшее издание журнала «Назад к Богу», он стабильно продолжал писать очерки, не думая, будут они опубликованы или нет. Им было закончено длинное, около двадцати четырех тысяч слов, эссе, озаглавленное «Послание Бога». Еще он написал несколько статей, в которых предлагалось обсудить наставления «Бхагавад-гиты» в свете мировых проблем; а также «Науку преданности» – краткое изложение «Бхакти-расамрита-синдху» Рупы Госвами.

* * *

16 мая 1953 года Абхай устроил торжественное открытие Лиги преданных, с длительными чтениями, киртанами и раздачей прасада с раннего утра и до поздней ночи. Здания Лиги были украшены листьями, цветами и множеством глиняных сосудов с водой. Вечером, при большом стечении народа, Абхай прочитал лекцию по девятой главе «Бхагавад-гиты» «Раджа-гухья йога». Прабхакар Мишра провел огненное жертвоприношение, несколько брахманов декламировали мантры из «Брахма-самхиты». Каждый гость получил шестнадцатистраничный проспект со статьей Абхая о причинах учреждения Лиги и выдержками из ее Устава, объясняющими ее цель. Проспекты были подписаны: «Ом...Тат...Сат, Абхай Чаранаравиндо Бхактиведанта, основатель и председатель». Открытие было благоприятным и радостным событием в жизни Джханси, и вечером сотни горожан собрались на лекцию Абхая. Доктор Шарма, почетный член Лиги и редактор ежедневной местной газеты, уже успел разрекламировать празднование и планировал на следующий день подробно его описать. Об открытии Лиги также сообщалось в «Гаудия Патрике».

«Присутствовал также издатель местного «Теософского Общества», Шри Лакшминараян Раджапали, несмотря на расхождение с Бхактиведантой Прабху в философских взглядах, он, тем не менее, очень симпатизирует этому Движению. На собрании присутствовало множество достойных упоминания людей. Собрание попросило провести церемонию открытия Раджапати Шри К. М. Мунши... Этот центр зарегистрирован Актом Регистрации Обществ. Здание, в котором размещается Лига, называется «Шри Бхарати Бхаван». В нем есть зал для лекций и храм, похожий на дворец. Общество занимается в этом центре самой разнообразной деятельностью, а члены Общества, помимо прочего, могут жить в Бхарати Бхаване».

Абхай был уверен, что теперь Бхарати Бхаван будет объявлен и признан домом Лиги преданных. Он с радостью видел, что день открытия Лиги был делом не только его личным, но событием, которое отметили многие уважаемые жители Джханси.

* * *

А прошлое, казалось, с каждым днем все больше и больше удалялось от него. Но однажды, уже почти через полгода пребывания в Джханси, Абхай получил телеграмму, шокировавшую его напоминанием о прошлых связях. Его предприятие в Аллахабаде было разграблено. Его же собственные работники забрали все деньги, лекарства и все, что нашли ценного. Ущерб составил семь тысяч рупий.

Прочитав сообщение, Абхай рассмеялся и опять вспомнил стих из «Бхагаватам»:

йасйахам анугрихнами

харишйе тад-дханам шанайх

тато дханам тйаджантй асйа

сва-джана духкха-духкхитам

Прабхакар Мишра посоветовал Абхаю вернуться в Аллахабад, пока еще можно что-то сделать.

– Нет, – ответил Абхай, – это мне на благо. Было столько беспокойств! Теперь с одной из самых сильных привязанностей покончено! И теперь я могу полностью отдать свою жизнь Шри-Шри Радха-Мадхаве.

Сын Абхая, Бриндабан, вскоре приехал в Джханси, чтобы просить отца вернуться в Калькутту и возродить их старое предприятие, «Абхай Чаран Дэ и Сыновья». Абхай привел сына в свою комнату в Мемориале Радхи и объяснил, что не может вернуться. Он попросил Бриндабана остаться с ним, чтобы помогать, печатая на машинке, но тот отказался и вернулся в Калькутту.

* * *

С самой первой встречи с Прабхакаром Абхай старался убедить этого образованного молодого человека принять активное участие в работе «Лиги преданных». Хотя у Прабхакара (который был преподавателем и начальником медицинской службы Университета) было много обязанностей, он помогал по мере возможности, и вскоре стал самым активным помощником Абхая. Абхай назначил его секретарем «Лиги», а через несколько месяцев дал ему посвящение. Так Абхай стал духовным учителем Прабхакара, а Прабхакар – его первым учеником. Будучи проповедником, Абхай был обязан принимать учеников, передавая им наставления парампары и Харе Кришна мантру в том же виде, в каком он сам получил их от духовного учителя. Прабхакар, правда, не был учеником, полностью посвятившим себя миссии гуру, и действовал скорее как

помощник, нежели как ученик, оставаясь в большей или меньшей степени независимым. Ректор университета, санскритолог и врач, он продолжал заниматься и своими собственными делами.

Шрила Прабхупада: Там, в Лиге преданных, я был один. Было несколько студентов, но они не проявляли особой активности. Все делал я сам. Я хотел привлечь Прабхакара Мишру и других, но им не очень-то нравилась перспектива отдать этому все свое время. Если бы его попросили полностью посвятить себя только этой деятельности, он бы не согласился. Но он получил посвящение. Все они хорошо знали санскрит – на то они и врачи.

Поэтому в сообщении «Гаудия Патрики», посвященном церемонии открытия Лиги, о Прабхакаре говорилось (в очень уважительном тоне) как о партнере Абхая по Лиге преданных, хотя на самом деле он был учеником Шрилы Бхактиведанты.

«Провести жертвоприношение Бхактиведанта Прабху предложил известному Ачарье Шримад Прабхакару Мишре Шастри, кавья-, व्याкарана-, веданта-тиртхе, (т.е. специалисту в области поэзии, грамматики и философии), бакалавру санскрита и магистру медицины. Он – ректор колледжа, где изучаются Веды и Веданги и присваиваются научные степени. Кроме того, он является помощником управляющего Лиги преданных».

Учитывая место и обстоятельства, Абхай старался занимать этого молодого человека в преданном служении. Цель Абхая состояла не в том, чтобы набрать учеников, а в том, чтобы создать Лигу преданных. А для этого нужны были помощники.

Прабхакар Мишра: При первой же нашей встрече Свамиджи сказал мне: «Ты брахман и прабхакар, а питаешься в ресторане! Пойдем ко мне, – я сам буду готовить и кормить тебя». Так получилось, что мы готовили прасад, предлагали Господу и принимали бхагават-прасад вместе. Так, по его милости, я получил возможность вкушать прасад. Еще он велел мне: «Стань «кешахином» (обрей голову)». И когда я пришел с обритой головой в наш колледж, там все надо мной смеялись. Когда я объяснил ситуацию Свамиджи, он сказал: «Ты начальник медицинской части, тебе можно отрастить волосы».

Когда я получил дикшу, Свамиджи дал мне имя Ачарья Прабхакар. Мое первоначальное имя было Прабхакар Мишра, но он сказал: «Не пиши больше Мишра. Ты – Ачарья Прабхакар». Он дал мне имя, туласи-малу, нанес мне на лоб тилаку и надел на шею кантхи-малу. Он зарегистрировал Лигу преданных и назначил меня своим секретарем, чтобы проповедовать по всему миру. Мы разъезжали по деревням, проводя санкиртану и Бхагавад-гита катху.

* * *

Абхай открыл в Джханси Движение санкиртаны. Поначалу он ходил по району Найбхасты и пел Харе Кришна в сопровождении одного лишь Ачарья Прабхакара. Он упорно продолжал это делать, и постепенно его группа разрослась до пятидесяти человек, которые регулярно собирались, чтобы вместе ходить на парикраму, петь и посещать храмы. Обычно после этого они шли в Мемориал Радхи на вечернюю лекцию.

Когда Абхай ходил проповедовать в соседние деревни, он, как правило, брал с собой кого-нибудь из членов Лиги, кто на тот момент был свободен. Как-то раз в сопровождении Ачарья Прабхакара он отправился на пада-ятру в Чиргоан, расположенный примерно в тридцать пять километрах от Джханси. В Чиргоане жил известный в то время в народе поэт Маитхили Саран Гупта, который пригласил Абхая и его ученика к себе на обед. Абхай сказал хозяину, что, поскольку он настоящий поэт, то должен писать стихи, прославляющие Кришну. Тот согласился. Завершив проповедь в Чиргоане, Абхай и Прабхакар вернулись в Джханси, останавливаясь на обратном пути на один день в каждой деревне. По вечерам собирались местные жители, и Абхай проводил киртан. Он объяснял Прабхакару, что хотя многие из этих крестьян не были большими знатоками «Бхагавад-гиты» или «Бхагаватам», благодаря киртану все они могли получить высшее духовное благо. Крестьяне всегда радушно принимали Абхая и просили его снова к ним вернуться, только заблаговременно предупредив, чтобы они могли как следует подготовиться к встрече...

Проповедуя в округе Джханси, Абхай в то же время старался придать деятельности своей Лиги преданных международный размах. Он обращался в государственные органы с просьбой помочь ему расширить эту подлинную программу образования, а также старался привлечь к проповеди старых друзей. Он написал в Калькутту бывшему однокашнику, Рупену Митре, приглашая его принять участие в миссионерской деятельности всемирного масштаба.

«Для этой миссии я хочу подготовить сорок учеников и уже обращался к Правительству с просьбой оказать мне помощь в этой образовательной программе. Мне бы хотелось, чтобы ты стал одним из этих учеников; Картикададу тоже попроси присоединиться к нам. Из газет, которые я высылаю тебе, ты узнаешь, как мы живем и чем занимаемся, и тогда ты сможешь составить представление о нас и решить, под силу ли тебе присоединиться к нам. Прежде всего, нам хотелось бы обучить нескольких пожилых, удалившихся от дел людей жизни ванапрастхи, и нескольких юношей – жизни брахмачари. Я не хочу братья за санньясу, поскольку жизнь санньяси слишком сложна для падших людей этого века. Так называемые санньяси в красных одеждах опозорили доброе имя этого уклада жизни. [Абхай также просит Рупена] Пожалуйста, сообщи мне, во сколько обойдутся следующие объявления в калькуттских газетах на английском и на бенгальском языках.

ОБРАЗОВАНИЕ

Приглашаются представители любой национальности, желающие развить в себе качества истинных брахманов для проповеди по всему миру учения «Бхагавад-гиты» и его практического применения. Для достойных кандидатов – бесплатное обучение и жилье. Обращаться: А.Ч. Бхактиведанта, основатель и руководитель Лиги Преданных, Бхарати Бхаван, П.О. Джханси (У.П.).

– Абхай Чаран Дэ

* * *

Абхай хотел иметь документ, подтверждающий, что Бхарати Бхаван принадлежит Лиге преданных. До сих пор это подтверждалось только устным заверением, но, планируя основать в Джханси постоянную штаб-квартиру Лиги, он хотел получить и письменное соглашение. Когда он обратился к Рева Шанкар Бхаялу за дарственной, господин Бхаял дал ему этот документ, прося заплатить за регистрацию зданий каких-то пятьсот рупий. Но еще недавно Абхай потерял семь тысяч и израсходовал на проповедь еще три (большая часть из которых ушла на организацию торжеств по случаю открытия Лиги), и поэтому найти даже пятьсот рупий сейчас не представлялось возможным. Ачарья Прабхакар, несмотря на занимаемую должность в университете, денег не имел совсем – родители давали ему по три рупии в день. Не слишком богаты были и большинство гостей Абхая, особенно студенты. Но просьба господина Бхаяла о пяти сотнях рупий не была срочной. К тому же он не сообщил, что случится, если Абхай откажется.

Однако вскоре он заговорил по-другому: теперь господин Абхай Чаран Дэ должен был купить Бхарати Бхаван за пять тысяч рупий.

Это привело Абхая в замешательство. Великодушный дар вдруг превратился в коммерческую сделку. Люди в городе уже называли этот земельный участок «ашрамом Абхая Бхактиведанты», а на его фасаде крупными буквами было написано «Лига преданных». Под давлением друзей Абхая, господин Бхаял согласился позволить ему и дальше жить здесь, но в конце концов Абхай обязан был купить участок. Господин Бхаял обещал сделать для Лиги преданных скидку и установить разумную цену.

Абхай забеспокоился, не представляя, что еще предпримет хозяин земли. Лучше всего для Лиги было бы выкупить эту землю. Но ему не под силу было собрать даже пятисот рупий, что уж говорить о пяти тысячах – это казалось совершенно невозможным. Абхай не находил особой финансовой поддержки в своей общине – в Лиге не было ни одного человека, который полностью посвятил бы себя этому делу. Каждый участвовал в нем лишь по мере возможностей.

Он знал только один способ собрать деньги: фармацевтический бизнес. Оставалось еще небольшое дело, которое вел в Калькутте его сын. Когда-то Абхай зарабатывал по три тысячи рупий в месяц. Он подумывал о том, чтобы обратиться за помощью к своим духовным братьям, но перспектива заработать деньги самому привлекала его гораздо больше. Тридцать лет он зарабатывал деньги на фармацевтике, а сейчас мог делать то же самое ради куда более достойной цели!

* * *

Когда весной 1954 года он прибыл в Калькутту, денег у него не было совсем. Он решил остановиться у духовных братьев в Гаудия Санге, в Четле, в том же районе, где жила его семья.

Поскольку денег у него не было, расходы взял на себя глава ашрама. Абхай ежедневно проводил беседы по «Шримад-Бхагаватам», которые брахмачари из Гаудия Санги очень высоко ценили.

Кришна Кумара Брахмачари: Даже когда он уезжал, я продолжал слышать его приятный, мелодичный голос. Он часто говорил о своем желании проповедовать за границей.

Один из сыновей Абхая держал небольшое предприятие «Лаборатория Вималтон», тем самым поддерживая семью. Абхай знал, что жена отнесется равнодушно к его деятельности в Джханси; а сын, даже побывав там, оказался не особо впечатлен увиденным. По мнению родных, его проповедь в Джханси была угрозой их семейной жизни. Абхай же жил своей идеей – и она постепенно приобретала все более четкие очертания – он хотел изменить мир с помощью сознания Кришны. Он даже думал о том, чтобы открыть филиал Лиги преданных в Калькутте.

Но снова и снова ему приходилось погружаться в неизбежные семейные обязанности: некоторые из детей еще не вступили в брак, а квартирные и другие счета требовали оплаты. Даже если бы он принял на себя руководство «Лабораторией Вималтон» – весь доход все равно будет забирать семья. И даже если он переедет домой и прекратит проповедь, согласившись с их требованиями, останется еще одно огромное препятствие – их несерьезное отношение к преданному служению. Изменить семью он не мог. Какой смысл погружаться в бизнес, если родные не станут преданными? Он приезжал домой, и раз за разом повторялась одна и та же сцена. Приходили друзья, Абхай проповедовал, давал лекции по «Бхагавад-гите» – совсем как в Джханси. А в это время жена и другие члены семьи, как обычно, пили чай в другой комнате.

Шрила Прабхупада: Я хотел, насколько возможно, привлечь ее к совместной работе по распространению сознания Кришны, чтобы она помогала мне. Но она оказалась очень упряма и совершенно не помогала мне в распространении сознания Кришны. В конце концов, уже через много лет, я понял – она никогда не станет моим помощником.

Она очень любила пить чай. Я часто просил ее не делать этого, потому что мне хотелось иметь настоящую вайшнавскую семью. Я много раз ей об этом говорил, и как-то раз я не выдержал и сказал: «Выбирай – или я, или чай. Нет чая, или нет меня». Таким образом, я осуждал даже членов своей семьи. Но они не принимали всерьез моих указаний, считая меня просто отцом и мужем. И она ответила: «Чай или ты? Естественно, я откажусь от тебя». Она думала, что я шучу.

Однажды Радхарани совершила непоправимую ошибку. В Индии существовала система обмена товаров; смысл ее был в том, что покупатель клал на весы предмет, который представлял какую-то ценность, а лавочник уравнивал его товаром. И однажды, когда Абхая не было дома, жена отнесла его любимый «Бхагаватам», его святыню, на рынок, чтобы обменять на печенье к чаю. Когда Абхай вернулся и начал искать свою книгу, жена все ему рассказала. Она отнеслась к случившемуся не очень серьезно, – у нее просто кончилось печенье к чаю, вот и все, – но Абхай был потрясен. На какое-то время он впал в уныние, но на смену унынию поднялась волна непреклонной решимости: с семейной жизнью было покончено.

Когда он объявил им о своем намерении уйти, никто не понял, что он имеет в виду. Тридцать лет он постоянно куда-то уезжал и приезжал. И когда он закрыл за собою дверь, они подумали: «Опять отправляется куда-то. Опять уезжает». Это было обычным делом. Все видели, даже соседи – господин Дэ опять уезжает. Он был дома, а теперь уезжает. Но Абхай знал, что больше не вернется.

Шрила Прабхупада: Я хотел женить сыновей и выдать замуж дочерей, прежде чем оставить семью, но некоторые из них не были согласны. А потом... а потом времени уже не было. Какая разница, вступили они в брак или нет. Пусть сами заботятся о своих делах. Что если бы я умер прямо сейчас – кто позаботился бы тогда о моей дочери? В такие моменты обычно говорят: «Бог позаботится». Тогда почему не сейчас? Бог позаботится. Мой Гуру Махараджа называл отказ от семейной жизни «гражданское самоубийство». Самоубийство – это преступление. Но это [отречение от семьи] подобно добровольному самоубийству – «Теперь я мертв. Делайте, что хотите».

Кришна говорит: сарва-дхарман паритйаджйа – оставь все религии. А семья – это гриха-дхарма – религия семьи. Но Кришна говорит: оставь все это. Привязанность живет в нас. Когда мы говорим, что от чувства привязанности нужно освободиться постепенно, это значит, что мы просто не способны резко оборвать семейные узы, поскольку в нас живет эта привязанность. Но если Бог может позаботиться о моих родных в случае моей немедленной смерти, то почему Он не позаботится о них сейчас?

Он испытывал такие бурные духовные чувства, что даже не вспомнил о Джханси. Он хотел сесть на поезд и уехать... куда глаза глядят. Он вспомнил старых друзей – своих духовных братьев, которые жили в ашраме в Джхарграме – это совсем недалеко на поезде, к югу от Калькутты. Он занял у друга десять рупий и купил билет до Джхарграма.

Это был небольшой матх. Там Абхая встретили Парамахамса Махараджа, Дамодара Махараджа и еще несколько человек. Парамахамса Махараджа присутствовал при первой встрече Абхая с Бхактисиддхантой Сарасвати и помнил, как выглядел тогда Абхай – в белом кхадии, похожий на «анархиста», последователя Ганди. Абхай сказал им: «Я не смог удовлетворить запросы семьи. Позвольте мне проповедовать послание Господа Чайтаньи». Абхай рассказал, как потерпел неудачу в бизнесе, как добровольно оставил семью и теперь остался без средств.

Парамахамса Махараджа: Когда Абхай приехал, он выглядел очень бедным и голодным. У него совсем не было средств. Он пришел в матх один и только повторял Харе Кришна – больше ничего.

Абхай проводил время в Джхарграме, повторяя святое имя и понемногу привыкая к своему новому положению. Несколько дней он повторял джапу почти без перерыва. Вечерами Парамахамса Махараджа читал лекции, после чего Абхай рассказывал о «Бхагавад-гите». Но время шло, и мысли его возвращались в Джханси, и вскоре он вновь почувствовал готовность вернуться в Лигу преданных. Он должен был сохранить здания и продолжить проповедь.

Перед тем, как вернуться в Джханси, Абхай приобрел большое Божество Господа Чайтаньи, которое планировал установить в Бхарати Бхаване. Так уж случилось – он поехал в Калькутту, чтобы заняться бизнесом и подзаработать, но теперь остался без денег, бизнеса и семейных обязанностей. Он был женат уже тридцать шесть лет. И теперь, когда ему исполнилось пятьдесят восемь, он принял образ жизни ванапрастхи. Теперь он мог целиком и полностью посвятить свою жизнь проповеди сознания Кришны.

* * *

Абхай не сменил белую курту и дхоти на шафрановые одежды ванапрастхи. Жители Джханси и без того знали его как проповедника, у которого нет семьи, – с тех самых пор, как он впервые появился здесь, полтора года назад. Теперь он вернулся сюда с Божеством Господа Чайтаньи и с твердым намерением основать в Джханси храм в Его честь. Абхая ждал очень теплый прием Ачарьи Прабхакара и других. Но кроме того, здесь его ожидало соперничество за Мемориал Радхи.

Все началось с конференции по санскриту «Банделканд Санскрит Саммелан», на которую в Джханси приехал губернатор провинции, К. М. Мунши и его жена Лилавати. Лилавати Мунши активно участвовала в общественной жизни и организовала несколько отделений Махила Самити Сангхи, общества, целью которого было социальное возвышение женщин посредством обучения их секретарскому делу и английскому языку. Две образованные женщины из Джханси, Чандрамукхи и Сурьямукхи, хотели, чтобы эта программа заработала и в Джханси и, воспользовавшись удобным случаем, обратились к Лилавати Мунши. Она их поддержала, и женщины начали обсуждать, где в Джханси можно было бы открыть женский общественный центр. Одна из них предложила Бхарати Бхаван. Хотя Сурьямукхи Шарма была сторонницей Абхая, и в свое время первой обратилась от его имени к господину Бхаялу с просьбой отдать Бхарати Бхаван в дар Лиге преданных, она считала, что проблемы женщин гораздо более важны и к тому же знала, что права Абхая на здания не были официально оформлены. Женщины единодушно решили, что эти здания будут превосходным помещением для Махила Самити Сангхи, и что это дело гораздо важнее, чем миссия господина Абхая Чарана.

Сурьямукхи, уверенная в поддержке жены губернатора, обратилась к А. Ч. Бхактиведанте. Она объяснила, что его мечты о «всемирной лиге вайшнавов» никогда не станут реальностью. Он, конечно, славный человек, и все ее симпатии – на его стороне, но вряд ли когда-нибудь ему удастся воплотить в жизнь столь фантастические планы. Она предложила ему освободить Бхарати Бхаван, чтобы жена губернатора могла организовать там женский общественный центр. «Вы можете свободно путешествовать и искать место для постройки храма, – сказала она ему, – а у бедных женщин Джханси нет ничего, и эти здания должны быть отданы им». Но Абхай был непреклонен. «Нет, – сказал он, – ищите себе другое здание». Абхай обосновал свой отказ тем, что работает ради блага не какой-то группы людей, а всех живых существ. Разочарованная

Сурьямукхи ушла. Абхая удивило, что один из членов Лиги преданных теперь выступил против него, да еще при поддержке жены губернатора!

У г-жи Мунши были более серьезные связи, и ей не нужно было даже самой встречаться с Абхаем. Поэтому он ничего не знал о ее действиях. Она побеседовала с господином Бхаялом, который заверил ее, что окажет давление на Абхая Чарана и убедит его отказаться от притязаний на Бхарати Бхаван. Мистер Бхаял владел кинотеатром в Джханси, поэтому было вскользь упомянуто и о том, что у него могут возникнуть большие трудности с лицензией на прокат фильмов, если Абхай Чаран не освободит Мемориал Радхи.

В декабре 1954 года г-жа Мунши написала Абхаю письмо, где напомнила о его неудачной попытке собрать пять тысяч рупий. «Дорогой Бхактиведантаджи, – писала она, – Вы хотели организовать здесь свое общество, но у Вас ничего не получилось. Мне же, в отличие от Вас, удалось организовать Махила Самити. Почему бы Вам не отдать эти здания мне?» Абхай не хотел сдаваться. У него были друзья-юристы, которые говорили, что у него – хороший шанс выиграть в суде, несмотря на сопротивление семьи самого губернатора: на пользу ему было традиционное уважительное отношение индусов к зданиям религиозного назначения.

Абхай написал госпоже Мунши ответ, представившись основателем Лиги преданных. Он рассказал об ее целях, приложив к письму экземпляр проспекта о Лиге и приведя множество высказываний видных людей, прославляющих ее удивительную деятельность – доктора Раджендра Прасада, Шри Ситараму, Раджу Махендра Пратапа и даже ее мужа, Шри К. М. Мунши. Он также упомянул, что президент Лиги недавно получил в Матхуре пожертвование в сотню рупий от Его Превосходительства губернатора – самого господина Мунши. Абхай объяснил, что он спокойно (хотя и медленно) занимался своей деятельностью в Джханси, а теперь его ум очень обеспокоен этими переговорами, затеянными г-жой Мунши. Он попросил ее ни на кого не давить с целью вынудить его покинуть Бхарати Бхаван, хотя и признал, что «если Вы или кто-либо из Ваших представителей окажет более серьезное давление, то я, конечно, не смогу противостоять этому, ведь я ничтожество по сравнению с Вами».

Абхай надеялся, что если он расскажет во всех подробностях о деятельности Лиги, она поймет, что его дело важнее, чем Махила Самити. Он процитировал три первых стиха из четвертой главы «Бхагавад-гиты», в которых Господь Кришна описывает, как древняя наука бхакти-йоги передавалась через парампару (преемственность учителей), и что на царях лежит ответственность следить, чтобы сознание Кришны распространялось на благо всех и каждого. Он объяснил, что поскольку (согласно «Бхагавад-гите») только немногие из сотен и тысяч людей стремятся к самоосознанию, а Лига преданных направляет своих членов именно в этом направлении, то он выполняет очень редкое и важное служение. Он предложил госпоже Мунши встретиться с пятнадцатью санньяси, живущими в этой области, и начать сотрудничать с ними, поняв важность деятельности Лиги. Лига преданных несет благо людям всех категорий. Шри Кришна сказал в «Бхагавад-гите»: «Даже низкородившийся может принять прибежище у Верховного Господа». А Махила Самити, отметил Абхай, берет за основу телесные представления о личности – касту, вероисповедание, цвет кожи, пол; поэтому не может сравниться по важности с Лигой преданных. В конце письма Абхай попросил госпожу Мунши не пытаться занять Мемориал Радхи, который уже используется для благородной и высокой цели. Свое письмо он подписал: «А.Ч. Бхактиведанта, основатель и секретарь Лиги преданных».

Сознавая, в какую интригу вовлечен, Абхай собрался с мыслями и набросал на бумаге «Краткую историю», обрисовав основные события, связанные с его пребыванием в Бхарати Бхаване.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

1. Я приехал в Джханси в октябре 1952 года.
2. Я дал несколько лекций в Гита Мандире по случаю Ганди Джаянти 1952 года.
3. Познакомился с Прабхакаром Шастри.
4. Моя идея создания Лиги преданных воплотилась в жизнь.
5. Он отвел меня к Рева Шанкару для переговоров по поводу Бхарати Бхавана.
6. Шри Рева Шанкар, в присутствии Прабхакара, Митраджи, согласился передать Бхарати Бхаван Лиге Преданных, а сам стал ее членом.
7. Я написал несколько писем из Аллахабада, подтверждающих это.
8. Мое письмо от 10/12/52 подтверждено.
9. Прабхакар упомянул о желании Рева Шанкара 01/01/53.

10. Я подготовил необходимый для Лиги преданных документ и приехал в Джханси, чтобы собрать подписи членов. Рева Шанкар подписал его и согласился стать ответственным членом Лиги.

11. Документ был отдан на регистрацию в Лакнау 04/02/53. Вернулся 10/10/53.

12. 16/05/53. Торжественное открытие Лиги Преданных. Работа началась. С тех пор я занимаю здания и продолжаю заниматься своим делом.

Абхай продолжал восстанавливать события, перечислив более тридцати пунктов, включая новости, объявления в газетах и поздравления, которые он получил. Он описал историю того, как «приехал сюда, пожертвовав бизнесом и семьей»: «Я получил телеграмму из Аллахабада, сообщающую о краже со взломом. Из-за моей работы здесь я не мог заниматься делами, в результате чего мой бизнес был закрыт, и я потерпел убытки в семь тысяч рупий».

Абхай думал обратиться за помощью к некоторым из своих духовных братьев, санньяси. Если бы он или они смогли выкупить эти здания, тогда бы конкуренты замолчали. Он думал, что покупка новых зданий заинтересует его духовных братьев, которые смогут использовать их для своих миссий.

Вриндаван был совсем близко – в четырех часах езды на поезде до Матхуры, а потом немного на танге – рукой подать. В октябре 1953 года Абхай совершил паломничество во Вриндаван и даже подыскал себе комнату в храме рядом с Кеши-гхатом, в которой планировал поселиться в будущем. После переезда в Джханси Абхай посещал Вриндаван несколько раз. На этот раз он отправился в храм у Имлитала, чтобы встретиться со своим духовным братом, Бхактишарангой Госвами, и предложить ему купить Бхарати Бхаван для проповеди сознания Кришны, как завещал Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. Но Бхактишарангу Госвами это не заинтересовало. После встречи еще с одним духовным братом, Дамодарой Махараджем (который, однако, тоже не проявил интереса к Джханси), Абхай на танге вернулся обратно в Матхуру. Там он встретился с Кешавой Махараджем, который приехал в Матхуру с группой учеников, чтобы открыть там центр, но пока не нашел подходящего места. Когда Абхай рассказал ему о зданиях в Джханси, Махараджа это заинтересовало. Они с Абхаем совместно написали письмо господину Бхаялу, где изложили цели своего движения и свою просьбу, после чего Абхай, Кешава Махарадж и его ученики отправились в Джханси вместе.

Кешава Махарадж и его группа остановились в Джханси на несколько дней, во время которых они проводили киртаны и лекции. Они заранее договорились о встрече с Ревашанкаром Бхаялом, но г-н Бхаял не пришел, поэтому встречу пришлось перенести на другой день. А тем временем у Кешавы Махараджа уже начало складываться мнение о Джханси, и он обсудил с Абхаем перспективу создания в Джханси главного центра миссии. Он заметил, что, хотя местное население настроено хорошо, район слишком отдален. Да и до встречи с господином Бхаялом Кешава Махараджа неохотно соглашался разместить свою миссию в Джханси. Абхаю пришлось согласиться – он помнил, что Шрила Бхактисиддханта Сарасвати приказывал проповедникам идти в большие города и не заниматься бхаджаном в уединении, и признал, что за два года проповеди в Джханси не приобрел ни одного стойкого последователя, который полностью посвятил бы себя делу Лиги.

Когда, наконец, они встретились с господином Бхаялом, тот не сообщил ничего конкретного о сроках купли зданий. Он сказал, что они могут купить их, но при одном условии: что он получит право влиять на характер программ, которые там будут проходить. Это еще раз подтвердило, что тут дело нечисто, и Абхай заподозрил, что господин Бхаял находится под возрастающим давлением: он должен отдать эти здания Махила Самити. Кешава Махарадж, потеряв всякий интерес, решил вернуться в Матхуру и предложил Абхаю присоединиться к ним.

Но Абхай остался.

Господин Бхаял хотел отделаться от него и даже вернул его задаток в двести десять рупий, сказав, что теперь у Абхая нет никаких оснований жить в Бхарати Бхаване. Абхай записал в своей «Краткой истории»:

29. Он также дал мне чек на двести десять рупий, которые я давал ему в качестве залога, но денег у него в банке не было, и банк вернул чек с пометкой.

30. Полученные деньги господин Бхаял незаконно присвоил и использовал для личных целей, а теперь он выдал недействительный чек, договорившись с банком.

31. Я воспринимаю это как полное надувательство от начала до конца.

32. Я не освобожу помещение, пока мне не вернут все деньги.

Но Абхай понимал, что все происходящее – проявление непостижимой воли Кришны. И события, и мнения, – все было против его миссии в Джханси. Она уже не выглядела такой успешной, как раньше.

Шрила Прабхупада: Я хотел начать оттуда. Это было хорошее место, большой дом. Оно не принадлежало мне, но я его занимал. Так или иначе, этой женщине этот дом тоже показался очень хорошим. Она была женой губернатора и могла осуществлять давление через налоговых и правительственных чиновников. Конечно, у меня было много знакомых и друзей, и они советовали мне не сдаваться. Но я подумал: «Кто будет с ней тягаться?» Я подумал: «Я ушел из дома. Зачем же сейчас ввязываться в тяжбу? Нет, мне не нужен этот дом».

Абхай помнил, как проповедники Гаудия Матха годами судились друг с другом, попусту растрачивая силы. Он разорвал путы долгой семейной жизни и бизнеса, и у него больше не было тяги к судебным баталиям. Он мог бы затеять сражение, но помнил, как Кешава Махарадж сказал, что не возлагает больших надежд на Джханси. Конечно, начало было хорошее, а иначе Абхай ни за что бы не выбрал для создания всемирной Лиги такую, прямо сказать, глубинку. Образованные юноши и девушки желали ему успеха, равно как и женской лиге, Теософскому обществу, Арья Самаджу и многим другим движениям. Но их добрым намерениям, очевидно, не доставало чистой преданности: даже его единственный ученик мог помогать ему только время от времени. Впрочем, все эти сомнения не имели бы над никакой властью, если бы не жестокая реальность: его выселяли.

Шрила Прабхупада: Если бы я не захотел уехать, никто бы меня не выгнал. Это факт. Но я подумал: «Стоит ли ввязываться?» Она была женой губернатора и могла оказать давление через налоговую службу. Управляющий этого дома содержал кинотеатр, и ему нужно было продлить лицензию. И налоговый инспектор принудил его отобрать здание, в противном случае, они бы ее ему не продлили. Я подумал, что незачем этому человеку страдать из-за меня. Мне придется заплатить большую сумму, а она – все равно жена губернатора.

Он решил уехать. Он наказал друзьям поддержать Лигу преданных в его отсутствие. Им было грустно оттого, что он уезжает, но при этом некоторые из них открыто превозносили работу женского общества и были ей рады. И хотя они видели, что Абхай не в состоянии выкупить эти здания сам, они не могли оказать ему финансовую помощь.

Его близкие друзья страдали больше, но он заверил, что их связь будет продолжаться. Он обещал писать им письма – Ачарье Прабхакару (особенно ему), Радхелалу Маллику, г-ну Митре, д-ру Шастри – и дал им наставления относительно того, что им делать. Абхай заверил Ачарью Прабхакара, что будет поддерживать с ним связь, надеясь, что тот продолжит действовать в качестве секретаря Лиги, даже если она будет не в Джханси. Тем не менее, было очевидно, что на этом закончилась глава великих планов по созданию мирового Движения: проповеди от дома к дому, от деревни к деревне, проведению санкиртаны, чтения лекций по Гите, раздачи прасада. Было маловероятно, что он вернется сюда, и жители Джханси увидят его снова.

Покидая Бхарати Бхаван, на стене которого двухметровыми буквами было написано «Лига Преданных», Абхай чувствовал печаль. Успех Абхая в Джханси был легким и быстрым. Образованная молодежь Джханси с самого начала отнеслась к нему с уважением, и если бы не интриги, он никогда бы не уехал отсюда. Но он видел, что выбора не было. Он приехал сюда по делам, как семейный человек, а уезжал как бездомный ванапрастха, вынужденный принять прибежище у Кришны. Он не знал, что будет дальше, но у него были твердые намерения и крепкое здоровье. Поэтому он отправился в Матхуру, увозя с собой Божество Господа Чайтаньи.

Глава восьмая

Нью-Дели – «Глас вопиющего в пустыне»

Я нашел путеводную нить, – понимание того, как, покинув материальное тело, вернуться «назад к Богу» и, чтобы забрать с собой своих современников, мужчин и женщин этого мира, я начал выпускать газету «Назад к Богу», как одно из средств достижения этой цели. Пожалуйста, не думайте обо мне как о чуде или сумасшедшем, когда я говорю, что, оставив свое нынешнее материальное тело, вернусь «назад к Богу»! Это вполне возможно для каждого и для всех нас.

Из письма Господину Раджендре Прасаду, президенту Индии

Когда Абхай приехал в Матхуру, Кешава Махарадж основывал там свой матх. Абхай отыскал его и подарил ему Божество Господа Чайтаньи. По просьбе Кешавы Махараджа Абхай согласился пожить в Матхуре и заняться редактированием «Гаудия-Патрики». Ему предоставили комнату, и впервые, если не считать кратковременных визитов, он стал жителем матха, наряду со своими духовными братьями. Как опытный преданный, Абхай читал лекции и обучал брахмачари – молодых, необразованных и порой даже неграмотных – науке преданного служения и философии «Бхагавад-гиты».

Вскоре после этого другой санньяси, духовный брат Абхая, Бхактишаранга Госвами, попросил Бхактиведанту Прабху помочь ему в его ашраме Гаудия Санга, в Нью-Дели. Бхактишаранга Госвами (как, собственно, и Кешава Махарадж) считал Абхая превосходным писателем и редактором и хотел с ним сотрудничать. Среди учеников Шрилы Бхактисиддханты бытовало мнение, что А. Ч. Бхактиведанта Прабху замечательно проповедует и пишет – как на английском, так и на хинди и на бенгали. Кешава Махарадж хотел, чтобы Абхай остался у него и работал над «Гаудия Патрикой», а Бхактишаранга Махарадж, который собирался ехать в Бенгалию, просил его отправиться в Дели и выпускать журнал «Хармонист» (на хинди называвшийся «Саджана-тошани»). Абхай выбрал сторону Бхактишаранги Госвами, и Кешава Махарадж дал свое согласие, но при условии, что Абхай не бросит редактировать «Гаудия Патрику», хотя бы по почте.

Работа редактора была для Абхая родной стихией – ему нравилось проповедовать вместе с духовными братьями. «Продвинутым» ученым или писателем Абхай себя не считал, но помнил, что Шрила Бхактисиддханта был доволен его литературными трудами и поощрял его продолжать писательские опыты. А теперь и старшие духовные братья, санньяси, ученики Бхактисиддханты Сарасвати обращались к нему за помощью. Они буквально соревновались за честь воспользоваться его услугами. Абхай думал – может быть, это скромное служение под началом духовных братьев и станет делом его жизни?

Его «бегство» из Джханси было в каком-то смысле неудачей; по крайней мере, первое время он не мог понять, чего же Кришна от него хочет. Но сейчас его духовные братья, похоже, ответили на этот вопрос. Жить и работать в ашраме с брахмачари и санньяси когда-то казалось Абхаю слишком трудным. О том же говорил и Бхактисиддханта Сарасвати: «Пусть лучше он живет отдельно от вас». Но сейчас ему не оставалось ничего другого – либо бороться, в одиночку, без гроша в кармане, либо укрыться под крылом дружественно настроенной части Гаудия Матха. Возможно, в ашрамах своих духовных братьев он, наконец, сможет осуществить свое заветное желание – проповедовать сознание Кришны.

Поскольку ему предстояло стать редактором «Саджана-тошани», он начал думать о том, как расширить журнал. Это академическое вайшнавское издание, рассчитанное на эрудитов, имело очень непрезентабельный вид и небольшой тираж. В мечтах Абхая «Саджана-тошани» превосходил дорогой индийский «Иллюстрэйтед Уикли» и должен был превзойти американские «Тайм» или «Лайф». А почему нет? Кришна не нищий. Абхай подумывал о том, чтобы начать в рядах известных и состоятельных людей Нью-Дели широкую подписную кампанию. Тогда, по милости Кришны, вскоре он сможет печатать «Саджана-тошани» на мелованной бумаге и с цветными фотографиями. Полагаясь на Кришну, он приложит к этому все свои усилия. Проводя подписку, он мог бы брать с собой и свои рукописи и, кто знает, может быть, удалось бы

опубликовать и их. Хотел ведь доктор Аллагаппа из Южной Индии напечатать его «Гитопанишад»! Вне всякого сомнения, таких много. А может быть, и сам Бхактишаранга Госвами захочет опубликовать за счет средств Гаудия-Сангхи труды Абхая.

Вскоре Абхай получил письмо от секретаря Бхактишаранги Госвами, который подробно объяснил ему, как с минимальными затратами доехать до Дели: третьим классом по железной дороге, а дальше на танге. Поскольку стоимость проезда на тангах, стоящих у вокзальных ворот, очень высока, Абхая лучше сначала пройти метров сто вправо от вокзала – там можно найти тангу подешевле. Если Абхай будет единственным пассажиром, то проезд должен стоить не больше одной рупии и двенадцати анн, но если постараться найти себе попутчика – выйдет дешевле. «Проезжая мимо крематория, который будет слева, – объяснял секретарь, – посмотрите направо; там вы увидите наш красный флаг и вывеску, на хинди и на английском. Когда доедете, мы заплатим за тангу».

Прибыв на место, Абхай обнаружил, что дела в Гаудия-Сангхе идут не лучшим образом. Когда гуру, Бхактишаранга Госвами где-то отсутствовал, брахмачари ссорились и постоянно увиливали от выполнения своих обязанностей, и в результате этого страдали и проповедь, и сбор пожертвований. Здесь все оставляло желать лучшего – и стандарты чистоты, и поклонение Божествам, и приготовление прасада и отношения между преданными. К тому же, Гаудия-Сангхе не хватало денег (как, впрочем, и большинству матхов духовных братьев Абхая). Абхай приехал редактировать журнал, но вместо этого столкнулся с кучкой враждующих молодых брахмачари. Оказалось, что преданный, назначенный на чтение публичных лекций, совсем забросил проповедь, преданные, ответственные за проведение киртанов в домах горожан, не относятся к своему служению серьезно, а рассыльный отказывается исполнять поручения на том основании, что потерял велосипед. И тут один брахмачари вручил Абхая письмо от Бхактишаранги Госвами, который просил его взять управление делами матха на себя.

Вдохнови всех заниматься служением, в противном случае, я не представляю, как мы будем печатать наш ежемесячный журнал. Поскольку нам не хватает денег, а у брахмачари ветер в голове, Акинчан Махарадж написал, что он не может взять на себя ответственность за управление. Было бы очень хорошо, если бы ты взялся присматривать за матховскими делами.

Кроме того, Абхая ждали и другие трудности: плохие отношения с типографией и отсутствие пишущей машинки.

Через несколько дней Абхай получил еще одно письмо от Бхактишаранги Госвами, в котором тот указывал, какие статьи печатать, и предупреждал, чтобы Абхай не вносил в журнал никаких изменений, напомнив ему о его главной обязанности:

Я попросил Акинчана Махараджа передать тебе ключи от моей комнаты, чтобы ты мог ею пользоваться, но только в служебных целях. Поскольку ты там, старайся поддерживать в ашраме атмосферу согласия и всем давай необходимые наставления.

Абхай понимал, что пока он не положит конец расхлябанности и мелким дрызгам, царившим в ашраме, никакой редакторской работой он заниматься не сможет. Но когда, следуя указаниям Бхактишаранги Госвами, он принялся наводить в матхе порядок, некоторые брахмачари взбунтовались и написали своему духовному учителю жалобу.

Несмотря на все эти проблемы, августовский номер 1955-го года вышел в срок. Но из-за задержки в типографии, до сентября журнал так и не напечатали. Когда же первые экземпляры, наконец, были получены, несколько экземпляров Абхай послал в Калькутту, Бхактишаранге Госвами, и попросил его прислать отзыв.

Дальнейшие инструкции Абхай получал не от своего духовного брата, а от его секретаря, Рамананды. Рамананда указал на некоторые погрешности, даже не упомянув о том, остался ли доволен Бхактишаранга. Ошибки в большинстве своем были техническими, относящимися к внешнему виду: Абхай немного иначе оформил оглавление и напечатал имя Бхактишаранги Госвами во всех его статьях не совсем так, как хотел Махарадж. В ответ на просьбу Абхая прислать ему пишущую машинку, Рамананда написал, что если «рукописи разборчивы, то нет необходимости отдавать их в типографию в перепечатанном виде».

Абхай обратился к Бхактишаранге Госвами с просьбой вернуться в Дели, чтобы установить в матхе мир и согласие. Что касается «Саджана-тошани» – тут Госвами посоветовал улучшить качество бумаги для обложки и печатать весь журнал на хорошей бумаге, в типографии с новейшим оборудованием. Абхай был не против, но эти «новшества» зависели от средств.

Я согласен с тем, что печатать журнал нужно в Калькутте. Но мне кажется, было бы лучше открыть в Калькутте или Дели свою собственную типографию, с хорошим оборудованием, чтобы можно было распространять послание Шри Чайтаньи Махапрабху на всех основных языках, особенно хинди и английском. Издания на хинди можно будет использовать для проповеди по всей Индии, а на английском – по всему миру.

Далее Абхай писал, что на быстрое исполнение заказа надеяться не приходится, поскольку материалы, идущие в печать, написаны от руки. Поэтому он взял напрокат пишущую машинку.

Еще он рассказал, как, по его мнению, можно увеличить число подписчиков.

* * *

Бриндабан, сын Абхая, приехал к нему, чтобы несколько месяцев пожить в Гаудия-Сангхе. О возвращении Абхая в семью не было и речи, и Бриндабан просто общался с отцом, соблюдая правила матха и помогая отцу в его обязанностях.

Однажды Гаудия-Сангху неожиданно посетил влиятельный адвокат, президент Хинду-Махасабхи. В матхе на тот момент почти никого не оказалось, не было и готового прасада, поэтому Абхай и Бриндабан сами приняли важного гостя, приготовили для него прасад, накормили и познакомили с деятельностью Сангхи.

* * *

В те редкие минуты, которые оставались свободными от управления неуправляемым матхом и работы над «Гаудия Патрикой» и «Саджана-тошани», Абхай переводил на хинди «Чайтанья-чаритамриту». Хотя ему привычнее было писать на английском или бенгали, он пришел к выводу, что в стране, где большинство жителей говорят на хинди, такая книга принесет пользу.

Бхактишаранга Госвами написал, что сентябрьского номера «Саджана-тошани» нужно пятьсот экземпляров. Но Абхай хотел больше. Договорившись с типографией о том, что тысяча экземпляров будет стоить столько же, сколько и пятьсот, Абхай поспешил сообщить радостную весть Бхактишаранге Госвами. Кроме того Абхай написал, что недавно ему пожертвовали бумагу, и он договорился о двадцатипятипроцентной скидке на почтовые расходы.

Зачем отказываться от печати всего тиража только для того, чтобы сэкономить немного бумаги? По-моему, мы должны печатать каждый месяц даже больше тысячи экземпляров и широко их распространять.

Но Бхактишаранга почтовой открыткой послал короткий ответ: не более пятисот.

Абхай продолжал работать над улучшением «Саджана-тошани». Для него это была не просто формальная обязанность, но захватывающая форма проповеди. В письме Бхактишаранге Госвами он выражал беспокойство, вызванное ожиданием от него статей для следующего номера. Средств было мало – настолько мало, что у Абхая не было даже приличного дхоти – и, тем не менее, он продолжал рисовать в своем воображении славное будущее «Саджана-тошани».

Я очень хочу, чтобы этот журнал содержал множество иллюстраций и по своему качеству не уступал «Иллюстрэйтед Уикли». Тогда он станет популярным. Ради этого я хочу активно заняться подпиской и поиском рекламодателей. Я собираюсь посещать видных бизнесменов, обращаться в страховые компании и т.д. Но у меня нет приличной одежды. Мне необходимо два комплекта хорошей одежды для этого ответственного дела, и я буду рад узнать Ваше решение по этому вопросу. Я искренне хочу поднять газету на самый высокий уровень.

Кроме того, Абхай попросил Бхактишарангу Госвами помочь ему напечатать его «Чайтанья-чаритамриту» на хинди. Некоторые «не-бенгальские джентльмены» выражали желание иметь у себя эту книгу и обещали Абхаю по двадцать пять рупий за том. Абхай просил заём на издание первой части книги, в размере шестисот рупий, который со всех точек зрения был Бхактишаранге Госвами выгоден. «Если эта часть разойдется, – писал Абхай, – необходимости в займах на издание последующих томов не будет».

Но так же, как Абхая утомляла жизнь в Гаудия-Сангхе и работа над «Саджана-тошани» под руководством Бхактишаранги Госвами, Бхактишарангу Госвами утомляли стремление Абхая увеличить тираж и его «неудобные» редакторские замечания. В ответ на письмо Абхая, секретарь Бхактишаранги Госвами, Рамананда, написал письмо, полное цветистых славословий в адрес Бхактиведанты Прабху, за которыми, однако, скрывалось намерение освободить его от его обязанностей в Гаудия Сангхе.

Предлагая бесчисленные смиренные поклоны лотосоподобным стопам Ваишнава Шримат Бхактиведанты Прабху,

Мы получили Ваше письмо, написанное Шри Гуру Махарадже пятого октября 1955 года. Ваш проект – очень высокая цель, и вы – благожелатель нашего общества; мы также поняли, что: за последние два месяца, невзирая на множество препятствий – трудности с прасадом и недопонимание между местными преданными, – и несмотря на многие другие сложности, Вы проявили такой энтузиазм, какой можно встретить только в таком ваишнавe, как Вы.

Вы – любимый ваишнав Шрилы Прабхупады и друг всех ближайших его спутников. Большинство преданных в ашраме Гаудия Сангха в Дели – невоспитанные новички. Они не умеют как должно почитать такую возвышенную душу, как Вы, и особенно Ваши возвышенные идеи. В нашем обществе нынче не много таких идей. Мы надеемся, что, обладая такими качествами, вы очень скоро начнете действовать независимо и, исполняя желание Шрилы Прабхупады, начнете очень широкую проповедь. Мы полагаем, что такой способный и почтенный ваишнав, как Вы, не сможет долго оставаться в Дели, в обществе безграмотных и не слишком образованных преданных Гаудия Сангха. Более того, Вы являетесь главным редактором «Гаудия Патрики» и «Бхагавата Патрики» в Веданта Самити Шримат Кешавы Махараджа, поэтому, если Вы будете проводить слишком много времени в нашем ашраме, ему это может не понравиться. Он и многие другие преданные готовятся обойти Землю Браджи, и мы уверены, что ему понадобится Ваша помощь в этой парикраме. Поэтому взвесьте все за и против и, если Вы решите исполнить свой долг руководителя в его организации, мы будем очень довольны.

Несколько статей для октябрьского номера «Саджана-тошани» мы уже отправили и, возможно, пошлем еще несколько. Мы будем Вам очень обязаны, если Вы введете в курс дела по публикации октябрьского номера Кешавананду Прабху. Мы надеемся, что ноябрьский и декабрьский номера Шри Шри Гуру Махараджа сможет опубликовать лично. Мы хотим перевезти его в Калькутту в январе. Шри Шри Гуру Махарадж состарился и большую часть времени вынужден полагаться на нас. Мы счастливы, что Вы из всех сил трудитесь, чтобы опубликовать «Чайтанья-чаритамриту» на хинди, но при нынешнем положении дел мы не можем выделить из нашего фонда шестьсот рупий для выпуска этой книги. Поскольку Шри Шри Гуру Махарадж в настоящее время работает над множеством разных проектов, ему требуется много денег, и он не может пойти на то, чтобы напечатать эту книгу.

Кешавананда Прабху написал, что Ваша одежда порвалась, поэтому купите себе два комплекта одежды на деньги из фонда храма. А если преданные из-за своей недалёковидности наносят оскорбления вашим лотосоподобным стопам, пожалуйста, простите их.

(Подпись) Слуга слуги ваишнава, Шри Рамананда Дас

По правде говоря, Абхая не звали на парикраму Кешавы Махараджа, но для Рамананды это было отличным поводом попросить Абхая покинуть Гаудия Сангху. Поэтому, прожив и добросовестно послужив в ашрамах Кешавы Махараджа и Бхактишаранги Махараджа, Абхай вновь остался один.

* * *

Не имея ни дохода, ни пристанища ни в одной из организаций, Абхай начал свои скитания по домам Дели, по неделе живя там, куда его приглашали. Что касается пищи, одежды и крова – это было самое тяжелое в его жизни время. С самого детства он никогда не испытывал недостатка в пище и хорошей одежде, и ему никогда не приходилось беспокоиться о том, где придется ночевать. У отца он был любимым ребенком, а от Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати получал особые наставления и любовь. Но сейчас Абхай нередко чувствовал себя одиноким.

Не имея дома, он скитался по Дели – от одного временного пристанища к другому. Храм Вишну... Комната в Коммерческом Колледже Капура... Но он по-прежнему искал меценатов, проповедовал послание «Бхагавад-гиты», писал. Он не ставил себе целью найти жилище. Его желанием было напечатать свои божественные книги и положить начало чистому, могущественному Движению по распространению сознания Кришны. Или, как вариант, присоединиться к подобному Движению.

Абхай составил список книг, которые ему хотелось опубликовать.

1. Шри Чайтанья Чаритамрита (на хинди), 2000 страниц.
2. Гитопанишад (на английском), 1200
3. Наука преданности (на английском), 300

4. Движение санкиртаны Господа Чайтаньи (на английском) 300

5. Послание Бога (на английском), 300

6. Бхагаванер катха (на бенгали), 50

Но для издания нужны были крупные пожертвования. Он стучался в двери кабинетов и домов богатых людей, показывал им рукописи и рассказывал о своей миссии. У него был список потенциальных жертвователей, но лишь немногие из них соглашались помочь, а если кто-то и давал пожертвование, оно редко превышало пять-десять рупий. Время от времени он получал одобренные письма.

Одно из таких писем пришло от Нараина Дасса Раи Бахадура, бывшего главного инженера и секретаря Бирла Мандир Троста. Он посетил публичные чтения, которые Абхай проводил в присутствии известной женщины-гуру, Матери Анандамои. Восхищенная чтением Абхая (он читал «Чайтанья-чаритамриту» на хинди), Мать Анандамои пожертвовала ему пятьдесят рупий и посоветовала посетить широко известного садху, Шри Хари Бабу, который на тот момент лежал в больнице. Абхай, в сопровождении Нараина Дасса, посетил Хари Бабу, причем последний сказал, что чтение Абхая привело его в экстаз. Все это склонило мнение Нараина Дасса в сторону Абхая, и в декабре он составил письмо, в котором каждому советовал «протянуть руку помощи Шри А.Ч. Бхактиведанте для успешного издания его трудов на хинди, английском и бенгали», а также пожелал ему «успеха в его благородном деле».

Абхай показывал это письмо и другие подобные ему письма тем, кто, по его мнению, мог бы дать пожертвование. В Дели ему не составляло особого труда встречаться с министрами, судьями, адвокатами, руководителями компаний, религиозными лидерами. Всегда находился кто-то, кто был готов серьезно выслушать его, а иногда и помочь. Таким образом, имея два дхоти и две курты, которые ему предоставили в Гаудия Сангхе, а также талант проповедовать и убеждать, однако практически лишенный поддержки и жилья, Абхай неустрашимо продолжал свою проповедь.

Написание книг и попытки их опубликовать составляли лишь половину работы Абхая; другая половина усилий тратилась на то, чтобы создать всемирное движение, подобное Лиге преданных. Через Нараина Дасса Абхай попытался узнать, нельзя ли ему начать работу под эгидой Бирла Мандира (одного из самых больших и богатых храмов в Дели). Себя Абхай предложил в качестве ответственного за проповедь на английском, внутри Индии и за ее пределами. Поскольку Нараин Дасс считал себя приверженцем санатана-дхармы, Абхай написал ему письмо, в котором объяснял, как определяет истинную санатана-дхарму «Бхагавад-гита». У Абхая было множество идей по поводу того, как санатана-дхарма, вечная религия всех живых существ, могла бы распространяться и применяться на практике, – конечно, если Нараин Дасс ему поможет.

Я хотел бы обучить этой науке трансцендентного знания сорок образованных юношей и подготовить их к миссионерской деятельности в других странах.

Немедленно начать издавать газету на английском языке или восстановить мой журнал «Назад к Богу», в стиле индийского «Иллюстрэйтед Уикли».

Организовать группу санкиртаны, которая будет состоять не просто из хороших певцов и музыкантов, а из людей, практикующих садхану, то есть стремящихся к самоосознанию.

Абхай пообещал, что, как только подготовительная работа будет закончена, он, имея людей и все необходимое, сможет развернуть миссионерскую деятельность в других странах. Он не отрицал, что с внешней точки зрения находится в отчаянном положении: «Пожалуйста, не откладывая, помогите мне в организации того, что описано выше и предоставьте мне нормальное жилье. Я должен съехать со своей временной квартиры самое позднее к следующему понедельнику».

Управляющие Бирла Мандиром не приняли предложения Абхая. Но он думал о другой форме сотрудничества: он мог бы проводить в Бирла Мандире публичные собрания, чтобы таким образом постепенно взрастить интерес к Лиге преданных. Он обратился к Шри Р. Н. Агарвалу, президенту делийского муниципального комитета, который, услышав имена нескольких уважаемых лиц, желающих посетить собрание, согласился председательствовать на встрече. Абхай назначил дату – 22 декабря – и напечатал пятьсот объявлений и двести пригласительных билетов.

Играя на космополитических струнах, он начинал объявление так: «По милости Всемогущего Господа, Дели становится ... мировым центром культурного общения». Руководители России и Индии недавно вслух заявили о необходимости культурного

взаимодействия между всеми нациями. Но наивысшей культурой, писал Абхай, является научное духовное знание; поэтому богатейшим в мире источником культуры является Индия. И культура эта, подчеркивал Абхай, не должна оставаться уделом горстки разобщенных садху и санньяси. Ее должны планомерно принять видные члены общества.

22 декабря в рубрике «Куда пойти сегодня», среди объявлений о собраниях Ротари-клуба, Общества Тагора, Индийского совета мировых вопросов, Бхарат-скаутов и Индийского Фармацевтического Конгресса, «Хиндустан Таймс» опубликовала объявление о встрече Лиги Преданных.

Собрание Лиги началось с киртана, который вел профессор Х. Чанд, после чего А. Ч. Бхактиведанта, основатель и руководитель Лиги Преданных, рассказал о целях своего Движения. Затем Нараин Дасс зачитал несколько резолюций, предложенных основателем-руководителем, смысл которых сводился к тому, что собравшиеся поддерживают Лигу Преданных и рекомендуют Правительству Индии также поддержать ее, как Движение, основанное на принципах Ганди. После принятия резолюций встреча завершилась еще одним киртаном и прасадом.

Абхай был уверен, что если доброжелатели и филантропы из высших слоев общества поддержат его начинание, то он сможет создать Движение за мир во всем мире, основанное на принципах преданного служения Господу Кришне. Свою роль он видел в том, чтобы просто представить сознание Кришны всем, кому только можно, результат же всецело зависел от Кришны. Абхай прекрасно понимал, что добрые намерения большинства участников собрания в Бирла Мандире не пойдут дальше этой встречи. Но это его ничуть не смущало. На протяжении всего своего неутомимого благовествования он сохранял радостно-философское настроение. В каком-то смысле он уже был совершенно удовлетворен: он испытывал счастье, действуя от имени духовного учителя.

Хотя его адреса менялись так быстро, что почта с трудом за ним поспевала, он дал в газету объявление об образовательных курсах на дому.

ОБРАЗОВАНИЕ

Заочные курсы на дому по изучению духовных тайн «Бхагавад-гиты» помогут вам стать могущественным человеком. Цена полного курса – всего 50 рупий. Обучение проводится не на основе вольных интерпретаций, а в соответствии с системой «Парампары» – ученической преемственности. Вы найдете ответы на любые вопросы. Принимаются ученики любой национальности и касты. Обращаться к А.Ч. Бхактиведанте

* * *

Четыре года (начиная с 1952) Абхай не выпускал «Назад к Богу», но сейчас решил возобновить его издание. «Назад к Богу» стоил того, чтобы полностью на нем сосредоточиться, и Абхай отдавал ему все свои силы – нужно было собрать средства, написать статьи, проследить за печатью, а затем распространить тысячу экземпляров. Пожертвования на издание журнала он просил на личных встречах. Одним из тех, кто регулярно ему жертвовал, был его друг Бипин Чандра Мишра – судья Верховного суда из Нью-Дели.

Судья Мишра: Обычно он приходил ко мне раз в месяц. Я давал ему пожертвование на издание журнала. В журнале было всего четыре страницы, но содержание свидетельствовало о его глубоком знании темы, вдумчивости и преданности Господу Кришне. Он производил впечатление простого и скромного человека, и беседовать с ним всегда было очень приятно. Он часто улыбался. Главной чертой его было смирение. Он умел говорить с любовью и доверием, и знал, что с нами можно обсуждать темы, связанные с Богом, поэтому любой разговор с ним возвышал нас.

Я тогда был довольно видной личностью в религиозных кругах. А от него никто не ожидал, что он сможет сделать сколь-нибудь значительный вклад в религиозную жизнь Дели. Все дело было в языке – его целью было обращение к образованным людям, говорящим по-английски, а не на хинди. В то же время, поскольку у него не было ни достаточных средств ни прочной известности, его журнал не был слишком популярен среди таких людей. Другие религиозные лидеры пользовались гораздо большей известностью. Единственное, что тогда впечатляло и привлекало к нему внимание – его простота и прочная вера в Святое Имя Бога и Его миссию.

Статьи писались легко. По милости духовного учителя Абхай не испытывал недостатка ни в идеях, ни в способности их излагать. Переводы и объяснения вайшнавских Писаний рекой лились из-под его пера. Его вдохновляло чудо печатного станка – брихат-мриданга. Процесс

изложения своего послания на бумаге и его выпуск тысячным тиражом, подкрепленный сознанием необходимости обращения к каждому, – не только к жителям Дели или Индии, а к каждому – все это приводило Абхая в состояние экстатической медитации. Он представлял, как «Назад к Богу» попадет к мыслящим людям, которые с благодарностью его прочтут.

Поддержание себя тоже не составляло особого труда. В «Шримад-Бхагаватам» Шukaдева Госвами говорит, что у преданного нет проблем с пищей, одеждой или кровом. Если нет кровати, он может лечь на землю, а подушкой ему будут собственные руки. На улице всегда можно подобрать выброшенную одежду, питаться можно фруктами с деревьев, а жить – в горной пещере. В природе есть все что нужно, и святому нет нужды льстить материалистам, чтобы поддерживать свое существование.

Конечно, Абхай жил не в горах и не в джунглях, а в Нью-Дели – тем не менее, он фактически принял тот самый отрешенный образ жизни, что был описан Шukaдовой, – не для того, чтобы наказать свое тело или продемонстрировать всем свою чистоту и бескомпромиссность, а потому, что следствием его попыток выпустить «Назад к Богу» была нищета.

Для Абхая это было делом жизни. Купить бумагу для печати для него было важнее, чем поесть. Пренебрежение личными нуждами ради проповеди было проявлением его веры в Кришну – уж чего-чего, а веры ему было не занимать. Он твердо знал, что если служить Кришне, то Господь обеспечит его всем необходимым. Работать в одиночку не составляло проблемы; это было легко и приятно (гораздо лучше, чем руководить бестолковыми обитателями Гаудия Сангхи). Его не пугал усердный труд ради служения духовному учителю – в этом он черпал величайшее наслаждение. Его пугало положение, в котором находился мир.

Согласно шастрам, нынешний век, Кали-юга, сопровождается неизбежной деградацией общества. Свидетельства этому Абхаю каждый день приходилось наблюдать в Дели. Пять тысяч лет назад Дели назывался Хастинапурой и был столицей царя Юдхиштхиры, который, находясь под покровительством Господа Кришны, был самым богатым царем мира, а его подданные находились под надежной защитой и ни в чем не нуждались. Спустя тысячелетия иноземного владычества, Индия вновь стала независимой страной со столицей в Нью-Дели.

Но даже на основе своего относительно скромного шестидесятилетнего опыта Абхай видел, что индийская культура, которая еще в его детские годы несла в себе большую долю чистоты ведических времен – деградирует. Он видел, как под влиянием лживой пропаганды его сограждане начинают верить в то, что, потворствуя низшим склонностям, можно стать счастливым. Англичане принесли с собой чай, табак, мясо, заводы... Даже после обретения независимости все это так и осталось частью нового образа жизни Индии. Изгнав британцев, индийцы продолжали подражать западному образу жизни, а руководители Индии сознательно пренебрегали Ведическим принципом сознания Бога – настоящим сокровищем Индии, которое она должна была бы нести всему остальному миру. Абхай видел, как Индия, оставив свое духовное наследие, устремилась вдогонку за современным Западом, – но где обещанный материальный прогресс? Стали ли индийцы после обретения независимости счастливее, чем были во времена британского правления? Абхаю перенаселенный город казался адом, наполненным бандитами и глупцами. Хотя тысячи бедняков трудились на стремительно разрастающихся сталелитейных и шинных заводах, условия их жизни только ухудшались.

Абхай высказал свою озабоченность этим в «Назад к Богу». Может ли бедняк есть болты и гайки, выпущенные на фабрике? Могут ли люди насытиться кино, телевидением или песнями сексуального содержания по радио? Лидеры общества не смогли увидеть, что пренебрежение духовными принципами привело к усилению тех самых проблем, против которых они официально боролись: избалованная, непослушная молодежь, коррупция практически в любой сфере жизни, экономическая нестабильность и нужда. Когда в молодости Абхай жил в Калькутте, там еще не было афиш, рекламирующих соблазнительные сексуальные фантазии. Теперь же Индия вышла на третье место в мире по объему кино-продукции, и весь Дели пестрел киноафишами. Магазины, торгующие мясом и спиртными напитками, открывались один за одним. Авторы газетных передовиц не уставали сокрушаться по поводу деградации молодых индийцев, которые дразнили, оскорбляли и унижали на улицах женщин. Женские Лиги жаловались на половую распущенность молодежи и недостойное отношение к женщине, проявляющееся в кино и рекламе. Но исправить положение дел было некому: не осталось ни строгих брахманов, ни святых покровителей.

Абхай видел, что в обществе необходимо возрождать духовность. Но общество это сломя голову неслось в противоположном направлении. В феврале, как раз в то время, когда Абхай пытался опубликовать «Назад к Богу», премьер-министр Неру, выразив свою озабоченность «духовным кризисом» в Индии, одновременно обнародовал очередной пятилетний план быстрой индустриализации. Все, от премьер-министра до обычного человека, были озабочены нарастающими проблемами, но, похоже, никто не понимал, что настоящей проблемой был недостаток сознания Бога.

Необходимо было лекарство от болезни Кали-юги. Абхай знал, что людям этого лекарства нужно гораздо больше, чем он был способен им дать: печать даже одного номера «Назад к Богу» была для него почти непосильной задачей. Сочинение статей, набор их на машинке, доставка в типографию и дальнейшее распространение не должно было становиться делом одинокого, преданного, у которого в кармане ни гроша. А пытаясь сотрудничать с духовными братьями, Абхай столкнулся с их вопиющей разобщенностью и отсутствием желания широко и энергично проповедовать. Бхактишаранга Госвами, похоже, вовсе не планировал расширять «Саджанатошани», а его матх, как и многие другие, не способен был привлекать новых преданных. Именно эта ограниченность мышления и калечила проповедь. Поэтому сейчас ему приходилось работать в одиночку, и масштаб его деятельности был невелик. Хотя духовная благотворительность доставляла Абхаю счастье, он понимал, что его газета на четырех полосах – все равно что капля воды в пустыне.

В феврале 1956 года, – когда Соединенные Штаты изо всех сил старались подавить права человека, когда Хрущев и Эйзенхауэр внешне выражали сожаление по поводу гонки вооружений, но при этом хитро маневрировали на переговорах по ядерному разоружению, когда шах Ирана нанес визит в Нью-Дели, – в это самое время Абхай попытался напечатать «Назад к Богу». В зимнюю непогоду, когда столбик термометра опускался до +5 °C, ранним утром он шел по улицам Дели к Сурендре Кумару Джайну, печатнику, чтобы проверить последнюю корректуру. Пешие прогулки позволяли экономить деньги. Рикшу он нанимал только для доставки бумаги из магазина в типографию. У него не было чадара, только легкий хлопковый жакет, а обувался он в резиновые туфли. Еще у него была хлопчатобумажная шапка, которая закрывала уши и завязывалась под подбородком, защищая его от холода и порывистого ветра.

Кумар Джайн: С первого раза он произвел на меня впечатление человека славного и честного. Я жалел его, когда видел, в каком состоянии он приходит. Я знал, что у него нет и двадцати пяти пайс. Всю дорогу он шел пешком, толком даже не позавтракав. В издательство он приходил с утра, и когда я спрашивал его: «Свамиджи, Вы что-нибудь ели сегодня?», он обычно отвечал: «Нет, нет, господин Джайн, я пришел просто посмотреть пробный оттиск». «Хорошо, – говорил я, – я принесу Вам завтрак». Я велел принести ему еду, а после завтрака он садился и работал.

Как правило, он сам вычитывал корректуру. Печатал я, он же почти все время стоял рядом, пока я не заканчивал работу. Он приходил около семи утра и не уходил, до тех пор, пока не просмотрит все оттиски. Это повторялось каждый день – он приходил, не позавтракав, я его угощал, и затем несколько часов мы сидели друг напротив друга за столом. Говорил он исключительно на религиозные темы. Но пока мы сидели, ожидая появления пробного оттиска, мы успевали обсудить очень много всего. Я видел, что он очень много знает и очень начитан. Он был для меня скорее другом, нежели просто заказчиком. Он был очень прост и честен в своих привычках. В то время его основной задачей было продолжать печатать «Назад к Богу». Его финансовое положение было очень и очень неважным. Иногда с этим возникали затруднения – не получалось договориться о бумаге. Много раз я спрашивал его, стоит ли продолжать, если все это сопряжено с такими трудностями? А он отвечал: «Нет, это моя миссия, и я всегда буду продолжать ее, пока это в моих силах». Я пытался ему помогать насколько мог. Но он был настоящим бедняк.

Я только печатаю, а о бумаге договаривался он. Порой возникали задержки. Хотя ничего кроме печати от меня не требовалось, иногда я предлагал: «Вы так стараетесь! Давайте я достану вам бумагу». Но чаще он договаривался насчет бумаги сам – мы занимались только печатью. Бумагу он обычно привозил на рикше.

Нам было легко общаться, но иногда получалось так, что оплата счетов затягивалась, и я просил его по возможности исправить положение. Обычно он отвечал: «Не волнуйтесь. Можете не сомневаться – ваши деньги вернутся». Я никогда не спрашивал об источниках его дохода,

понимая, что это его личное дело. Ему становилось очень неловко, когда он не мог вовремя отдать деньги, и я старался никогда не ставить его в такое неудобное положение. Его очень беспокоило – как он сможет печатать свой журнал если у него не будет денег? А он хотел его печатать во что бы то ни стало.

Он хотел проповедовать послание «Гиты». Свое дело он рассматривал как своего рода движение, единственный путь, на котором люди смогут обрести мир и покой.

Забрав из типографии готовые экземпляры, Абхай обычно ходил по городу, пытаясь их продать. Он заходил в чайную, занимал место у стойки, и всех, кто садился рядом, просил купить экземпляр «Назад к Богу». Еще он посещал дома и конторы тех, кто когда-то уже давал ему пожертвования или договаривался с ним о встрече, а порой завязывал новые знакомства – иногда по рекомендации, а иногда просто без приглашения приходя туда, где рассчитывал найти потенциального читателя. Разнося журнал постоянным клиентам, он обсуждал с ними философское содержание предыдущих выпусков, а иногда получал от них заказы осветить отдельные темы: «Наш глубокоуважаемый друг, Шри Бишан Прасад Махешвари, один из ученых адвокатов Верховного Суда, попросил нас рассмотреть тему корыстной деятельности, с особым упором на Зло и его возможности». Зачастую те, кто давал пожертвования, соглашались на встречу с Абхаем не столько из подлинного интереса или хорошего к нему расположения, сколько из чувства долга: традиция «индийского благочестия» требовала от них встретиться с садху, взять то, что он предлагает и не думать о нем плохо. А вот журнал его читать было не обязательно. Однажды, когда он подошел к богатому дому, на веранду второго этажа вышел хозяин и закричал: «Убирайтесь прочь! Мы вас не звали!»

Как ответ на сопротивление (вежливое и не очень), которое он встречал, распространяя «Назад к Богу», в выпуске от 16 марта Абхай опубликовал целую статью, озаглавленную: «НЕТ ВРЕМЕНИ – хроническая болезнь обычного человека».

«Когда мы обращаемся к какому-нибудь джентльмену, предлагая ему стать читателем «Назад к Богу», часто нам приходится слышать в ответ: «Нет времени».

Они говорят, что слишком заняты, зарабатывая деньги для поддержания души в теле. Но если у них спросить, что они имеют в виду, говоря «душа», сказать им будет нечего.

Доктор Мегхнатх Саха, великий ученый, торопился на собрание Комиссии по планированию. К сожалению, по дороге туда он умер прямо в своем автомобиле, так и не сумев уговорить Смерть немного подождать, на том основании, что сейчас у него нет времени.

Доктор Ансари, великий председатель Конгресса, умирая в поезде, по пути домой, сказал, что и сам он медик, и все члены его семьи тоже медики, но Смерть оказалась так жестока, что оставила его без всякой медицинской помощи.

Поэтому в «Бхагавате» Смерть описывается как... неутомимая. Смерть ожидает всех, хотя каждый думает, что как раз он-то и не умрет. Есть жизнь и после смерти. Занятому человеку необходимо знать и это, и то, куда он отправится дальше. Эта жизнь – лишь маленький фрагмент длиннейшего, но все-таки временного пребывания в этом мире. Разумному человеку не пристало уделять все свое внимание лишь одному этому ничтожному фрагменту. Никто не спорит с тем, что тело нуждается в поддержании, но каждому необходимо узнать из «Бхагавад-гиты», что тело – всего лишь внешнее одеяние. Подлинная же личность, которая надевает на себя это одеяние – Душа. А если заботиться только об одежде, не уделяя никакого внимания той личности, что ее носит – разве не будет это полнейшей глупостью и пустой тратой времени?»

Абхай не был похож на обычного продавца журналов. Он не выкрикивал во весь голос его название, как это делали уличные торговцы, и не отдавал его для продажи в киоски. Он шел и спокойно обращался к людям, которые сидели и пили чай, или же приходил к ним в офисы и на работу. Взяв из стопки газет, которую он нес подмышкой, один экземпляр, он демонстрировал то, что на первый взгляд казалось обычной бульварной газеткой с жирными черными заголовками на первой странице. Но что за странные это были заголовки! «Низший из людей», «Философские проблемы в социальном сознании», «Страдания человечества», «Чистое сознание национализма»... Даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это не обычная газета. Абхай говорил несколько слов, пытаясь так или иначе убедить людей взять экземпляр, – прежде чем они успеют сказать, что у них «нет времени».

Действуя от имени духовного учителя и признанных вайшнавов прошлого, он играл роль простого продавца газет – вежливое приглашение, на лице улыбка. Да, это был странный журнал,

но люди находили его интересным, и стоил он всего-то шесть пайс. Так милость Господа Чайтаньи и истины Вед распространились в легкодоступной форме.

Несмотря на отчаянную нищету и неотложность его послания, статьи эти никогда не были назойливыми, резкими или фанатичными. Он писал, надеясь найти читателя, который будет готов слушать о настоящей философии и который захочет принять истину (особенно если она логично изложена и основана на признанных ведических текстах). Хотя опыт подсказывал, что люди Дели ограничены, сбиты с толку и совсем не интересуются самоосознанием, он знал, что почти каждый из них хотя бы раз в жизни задумывался над важнейшими философскими проблемами: а есть ли Бог? а личность ли Он? почему люди страдают?.. И Абхай обращался к их высшим чувствам.

Весной 1956 года Индию посетил госсекретарь Соединенных Штатов Даллес, а днем позднее – Лорд Маунтбаттен, бывший генерал-губернатор Индии, которого встречала в аэропорту многотысячная толпа. Затем наступил священный некогда праздник Холи, во время которого мальчишки брызгают в прохожих красками. Премьер-министр Неру, объезжая дельийские трущобы, был потрясен невыносимыми условиями жизни людей. Он заявил о намерении Индии развивать ядерную энергетику, подчеркнув, что она будет использована в мирных целях. Обстановка в стране накалялась. На границе Индии и Пакистана начались столкновения. Делийские железнодорожники устроили забастовку...

Абхай тем временем продолжал проповедовать.

К 20-му мая 1956 года ему каким-то образом удалось скопить денег и отредактировать и напечатать шестой номер «Назад к Богу». На первой его странице была следующая заметка:

Из принципа

Пожалуйста, читайте «Назад к Богу», оживите глубинную сторону своей личности. В этом журнале нет ни слова о современной идеологии, порожденной нашим несовершенным восприятием. Все, что есть в журнале – это послания наших освобожденных мудрецов. Мы просто помогаем им снова обращаться к людям, на простом языке повседневности. Поэтому каждый ответственный человек, будь то мужчина или женщина, должен регулярно читать этот журнал, который стоит совсем недорого – 2 (4) рупии в год или 3 анны в месяц. Не упускайте этой возможности! Это в ваших интересах. Это принесет в человеческое общество счастье.

В статье «Как передать учение Бхагават Гиты» он говорил о необходимости в обществе духовной организации. Образцовая община, которую он называл «Гита-нагари» («деревня, где поется «Бхагават Гита»»), будет жить по «Бхагавад-гите» и по всему миру проповедовать ее послание. Прославляя вайшнавские качества Махатмы Ганди, Абхай писал, что Ганди также высоко ценил концепцию Гита-нагари. Это единственный путь облегчить страдания людей, вызванные «демоническими лидерами», которые ведут современную цивилизацию, потерявшую моральные ориентиры, по неверному пути.

Абхай думал о том, как привлечь беспокойные умы современников. Он хотел ясно и недвусмысленно представить учение Кришны и широко его распространить. Он считал, что хорошие аргументы из признанных Писаний будут важны и убедительны для тех, кто беспристрастен, образован и трезво мыслит, даже если раньше эти люди не проявляли интереса к его посланию. Он понимал: тем или иным путем он должен пробудить в них интерес, не изменяя своим духовным принципам и сохраняя спокойствие. В их представлении религия сводилась до какой-то книги на полке, которую никто никогда не читает и не понимает и которой никто не верит. Он же представлял ту же самую религию в форме газеты, которая, однако, ни в чем не уступала самим Писаниям. Конечно, от газеты ждали не этого, но кто-то все же мог ее прочитать.

Метод повторения Святого Имени Бога, рекомендуемый журналом «Назад к Богу», не слишком привлекает охотников за наслаждениями, и тех, кто описывает отношения мужчин и женщин в непристойной литературе и национальных газетах. Но это – путь к наслаждению вечной духовной жизнью.

Абхай не только продавал «Назад к Богу» у чайных прилавков или разносил его людям, сделавшим пожертвование – он бесплатно рассылал свой журнал – не только по стране, но и отправлял его за границу. Многие годы Абхай думал о том, как получить доступ к огромной англоязычной читательской аудитории за пределами Индии. Собрав адреса зарубежных библиотек, университетов, культурных центров и книжных магазинов, он посылал по почте столько журналов, сколько мог себе позволить. Предположив, что западные читатели могут оказаться более восприимчивыми нежели сограждане, он обратился к ним с посланием.

Хотя все послания в журнале НАЗАД К БОГУ – дар древних мудрецов, воистину осознавших Абсолютную Истину, в настоящий момент так называемых руководителей Индии чересчур прельщает западный путь – путь развития материального знания. Они начисто забыли о сокровищнице знания, оставленного мудрецами.

Вы, граждане западных государств, обрели немалый опыт в сфере материальной науки, но до сих пор вам не удалось добиться мира во всем мире. И не исключено, что нередко вам хочется спокойствия. При этом в материальном отношении вы ни в чем не нуждаетесь. Слепые лидеры Индии не осознают этого порока материализма и поэтому не воспринимают всерьез идею возвращения НАЗАД К БОГУ, конечную цель жизненного пути человека.

Сражаясь на «внутреннем фронте», в Индии, Абхай послал последние номера «Назад к Богу» президенту страны, доктору Раджендре Прасаду, сопроводив их письмом, в котором предупреждал о тяжелой судьбе, ожидающей общество, находящееся под властью асуров – «Поэтому, прошу Вас, спасите их от великого падения».

В своем письме от 21 ноября Абхай был откровенен.

Я нашел путеводную нить, – понимание того, как, покинув материальное тело, вернуться «назад к Богу» и, чтобы забрать с собой своих современников, мужчин и женщин этого мира, я начал выпускать газету «Назад к Богу» – как одно из средств достижения этой цели. Пожалуйста, не думайте обо мне как о чудаке или сумасшедшем, когда я говорю, что, оставив свое нынешнее материальное тело, вернусь «назад к Богу»! Это вполне возможно для каждого и для всех нас.

Абхай просил Его Превосходительство, по крайней мере, просмотреть заголовки десятка номеров «Назад к Богу», приложенных к письму, и подумать о возможности встречи с редактором. Духовное наследие Индии требует огромной работы, и ради этой цели необходимо сформировать специальный правительственный орган – министерство духовных отношений. «Сейчас я подобен вопиющему в пустыне», – писал Абхай.

Его Превосходительство так ничего и не ответил.

В своем журнале Абхай выступал против атеистических взглядов. В статье «В надежде на чудо» он честно признавался, что восемьдесят процентов людей, которых он встретил, продавая «Назад к Богу», были атеистами.

Иногда мы встречаем людей, идущих в ногу со временем, и пытаемся заинтересовать их нашим журналом. Они откровенно говорят, что не только не интересуются богословскими темами, но прямо осуждают попытку вернуть людей на путь, ведущий «Назад к Богу».

По мнению таких людей, экономическое положение индийцев ухудшается из-за чрезмерной веры в Бога, и чем скорее они забудут обо всем, что связано с Богом, тем будет лучше для них. Но мы не можем согласиться с атеистическим мнением современных людей, лишенных понимания Бога.

Абхай возражал. Он говорил, что сейчас независимая Индия дает своим гражданам материалистическое образование, и, несмотря на это, экономическое положение страны не улучшается. У многих индийцев нет даже самого необходимого для жизни. В Дели сто двадцать тысяч безработных.

Возможно, некоторые из высокопоставленных правительственных служащих или удачливые бизнесмены чувствуют себя вполне счастливыми, но девяносто процентов их земляков не знают, как свести концы с концами, поэтому экономическое положение, несомненно, оставляет желать лучшего.

Он цитировал бывшего президента Соединенных Штатов, Гарри С. Трумэна, который говорил, что национальная независимость должна приводить к благополучию людей. Если верить этому, говорил Абхай, то в чем же состоит независимость Индии? Он настаивал на том, что все попытки обрести счастье и процветание останутся противоправными, пока люди не признают, что всем владеет Верховный Господь. Атеистическая цивилизация никогда не приведет к миру.

В статье «Прогрессивная цель и ненасытное вожделение» Абхай писал:

В мире нет нехватки денег, не хватает только мира и согласия между людьми. Вся человеческая энергия идет на то, чтобы заработать денег, и это, несомненно, усиливает в людях стремление к легкой наживе. Итог – неограниченное и незаконное нарастание денежной массы, которое калечит экономику и заставляет людей производить огромное количество дорогостоящего оружия для уничтожения последствий искусственной политики «дешевого бизнеса». Руководители процветающих стран, вместо того, чтобы наслаждаться миром, заняты разработкой важных планов по спасению самих себя от современного оружия, и огромные средства,

выделяемые на эксперименты с этим смертельным оружием, по существу просто выбрасываются на ветер. Эти военные испытания проводятся не только за счет огромных инвестиций, но также ценой жизней многих несчастных живых существ, в результате чего такие государства опутываются сетями Кармы.

Виновные в незаконном накоплении денег без сомнения потеряют их, выплачивая налоги, которые будут потрачены на войну или отойдут другим «представителям иллюзорной природы в обличье врачей, адвокатов, сборщиков налогов, обществ, так называемых садху, голода, землетрясений и других бедствий».

Один скупец, который не захотел купить номер «Назад к Богу», по воле иллюзорной природы тратил на лечение по двадцать тысяч рупий в неделю и, в конце концов, умер. Аналогичный случай произошел с человеком, который, отказавшись пожертвовать пайсу на служение Богу, потратил тридцать тысяч рупий на судебную тяжбу со своими родственниками. Таков закон природы.

Один служащий делийского почтового отделения, заметив название журнала, который Абхай посылал за границу, воспользовался случаем, чтобы выдвинуть Абхаю свои атеистические аргументы.

Шрила Прабхупада: Почтальон принадлежал к Арья Самадже. Он заговорил со мной о газете «Назад к Богу». Он задал вопрос: «Если мы как следует исполняем свой долг, зачем поклоняться Богу? Если мы честны, если мы нравственны, если никому не делаем ничего плохого, какой смысл в этом поклонении?»

Поскольку наш журнал назывался «Назад к Богу», это был его скрытый протест: «Какой прок в проповеди философии о Боге, если мы и так поступаем хорошо?» Это позиция последователя Арья Самаджи – как избежать Бога.

Я ответил ему, что если человек не сознает Бога, то он не может быть нравственным, не может быть правдивым, не может быть честным – такова наша точка зрения. Исследуйте весь мир на предмет этих трех понятий – нравственность, честность, чувство долга, – и вы поймете, что если человек не сознает Бога, он не может долго поддерживать эти принципы. Чтобы восстановить их в обществе, сначала нужно пробудить в людях сознание Бога.

Один делиец, заметив, что Абхай распространяет «Назад к Богу», сказал: «Где ваш Бог? Вы можете показать мне Бога?» Абхай ответил на его вопросы, но более глубоко ответ на этот вопрос продолжал обдумывать в течение всего дня, пока ходил по улицам. Вернувшись к себе в комнату, он приступил к написанию статьи «Где же Бог? Можно ли увидеть Его?»

На каменной плите на здании Секретариата в Нью-Дели написано, что Свобода не приходит к народу сама, – её нужно добиться. Это факт: мы видели, сколько крови пришлось пролить народу Индии, чтобы обрести Сварадж. Но что касается Бога, некоторые безответственные люди спрашивают: «Где Бог?», «Можете ли вы показать мне Его?», «Вы видели Бога?» Такие вопросы задают те, кто легкомыслен, кто хочет получить все, и как можно дешевле. Если даже ради обретения временного и ложного чувства свободы в этом мире нужно приложить столько труда и пойти на такие жертвы, то разве возможно увидеть Бога, Абсолютную Истину, ничего не заплатив? Чтобы увидеть Бога, нужно освободиться от всех видов обусловленности. Неужели Бог – простой посыльный, который должен явиться по первому требованию? Однако атеист хочет именно этого, словно Бог – его слуга. Он думает, что Бог – это нечто воображаемое, в противном случае Он появился бы перед нами по первому зову.

Однажды, когда Абхай шел по безлюдной улице по делам, связанным с печатью журнала, бездомная корова – одна из тех, что обычно бродят по улицам индийских городов – неожиданно боднула его рогом в бок, сбив с ног. Он не мог сразу встать, и никто не пришел к нему на помощь. Лежа на земле, он думал о причине случившегося.

Пришло лето, на улице стояла почти нестерпимая жара. Столбик термометра не опускался ниже сорока. Горячий ветер нес по улицам города тучи пыли. Днем мелкие торговцы закрывали свои лавки. В начале мая, когда жара достигла сорока пяти градусов, один человек упал на улице в обморок и умер от теплового удара. Но Абхай не обращал внимания на жару и на пределы возможностей человеческого тела.

Однажды, когда Абхай разносил «Назад к Богу» своим делийским адресатам, он внезапно почувствовал головокружение и чуть не потерял сознание. Но в этот самый момент мимо проезжал на машине его знакомый, которому он когда-то проповедовал, и, увидев, что произошло, отвез Абхая к врачу. Врач поставил диагноз – тепловой удар – и предписал постельный режим.

Двадцатого июня Абхай выпустил следующий, восьмой номер своего журнала, выходившего два раза в месяц, на первой странице которого он порицал как материалистическую семейную жизнь, так и ложное отречение от семейной жизни. Прошло ровно два года с тех пор, как он ушел из дома и принял уклад ванапрастхи, поэтому его суждения о семейной жизни были основаны и на собственном опыте, и на Священных Писаниях. Он привел высказывание Прахлады Махараджа из «Шримад-Бхагаватам»:

Люди, чей ум постоянно обеспокоен семейными делами и заботами, могут оставить эту временную обитель, губительную для души и подобную темному колодцу (семейной жизни), и отправиться в лес, приняв прибежище Верховной Божественной Личности.

Он подтверждал: «Управлять семьей гораздо труднее, чем целым царством».

Однако попытка уйти от семейной жизни и поселиться в джунглях, без духа истинного отречения в сердце, – всего лишь «отречение обезьяны». В джунглях живет множество обезьян, которые не носят одежды, питаются фруктами, но при этом общаются с подружками.

Настоящее лекарство – служить лотосоподобным стопам Господа. Вот что избавляет от всех забот и проблем этой жизни и дает возможность всегда и повсюду созерцать Господа.

Поэтому, чтобы жить в духе настоящего отречения, совсем не обязательно уходить в лес. Даже продолжая носить одежды домохозяина, можно быть свободным от забот и беспокойств, посвятив себя преданному служению.

1 сентября Президент США Эйзенхауэр осудил проведенные Советским Союзом секретные испытания водородной бомбы, по мощности эквивалентной миллиону тонн тротила, и поднял на смех советские заявления о стремлении к миру. На Ближнем Востоке, в Египте, Насер национализировал Суэцкий Канал, что послужило причиной международного кризиса. 20 сентября представители восьмидесяти одной страны собрались в Организации Объединенных Наций и сформировали орган, который должен был следить за тем, чтобы «прирученная» атомная энергия использовалась в мирных целях. Абхай видел заголовки в газетах и слышал о последних событиях в мире от джентльменов, которых посещал. Он прямо говорил, что без сознания Кришны разглагольствования политиков о сотрудничестве – просто фантазмагория.

Бхактисиддханта Сарасвати говорил, что если хотя бы один человек станет чистым преданным, его миссию можно считать успешной. Но временами Абхай сокрушался о том, насколько он незначителен, как много еще предстоит сделать во имя Кришны, и как трудно изменить хотя бы одну обусловленную душу.

Глава девятая

Житель Вриндавана

Я сидел один во Вриндаване и писал. Мой духовный брат настойчиво убеждал меня: «Бхактиведанта Прабху, ты должен это сделать. Не приняв отречения, невозможно стать проповедником». Он на этом настаивал. По сути, настаивал не он – настаивал мой духовный учитель. Он хотел, чтобы я стал проповедником, поэтому подталкивал меня к этому через моего духовного брата: «Соглашайся». Я нехотя согласился.

Шрила Прабхупада

Пассажирские вагоны почти неслышно покатались за локомотивом. Отбивая на рельсах медленный ритм, поезд отошел от станции, оставляя позади погрузочные площадки, ветхие дома, старый делийский форт, мусорную кучу в Низамуддине, над которой летали сотни ворон и стервятников, и мечеть из красного песчаника с мраморным куполом. Расположившись в купе третьего класса и разместив багаж под сиденьем, Абхай наблюдал из окна, как вдоль полотна идут заводские рабочие, неся в металлических тиффинах свой обед; он видел заводы, окруженные глинобитными хижинами, тростниковые крыши, крытые соломой, брезентовые палатки, костры из сухого навоза, наполнявшие дымом утренний воздух. Длинные трубы электростанции Индрапрастхи тоже извергали клубы дыма, но уже другого, разноцветного, а за локомотивом летел шлейф черной копоти. Абхай смотрел на красные и фиолетовые цветы дикой ежевики, что росла вдоль насыпи, и на обсаженную бесплодными деревьями кикар дорогу, ведущую в Матхуру.

Это был ранний утренний поезд до Агры, поэтому пассажиров было немного. Абхай собирался выйти в Матхуре и на танге доехать до Вриндавана. Он исколесил все индийские железные дороги, особенно в двадцатых, тридцатых и сороковых годах, когда ездил по долгу службы в Бенгалию, Пенджаб, Уттар Прадеш, Махараштру и Андхра Прадеш.

Во Вриндаване он был несколько раз. В детстве, изучая расписание поездов, он первым делом мечтал поехать во Вриндаван. Свое первое короткое паломничество туда он совершил в 1925 году, когда был по делам в Агре. Потом – в 1932, когда Шрила Бхактисиддханта Сарасвати отправился в свою парикраму по Вриндавану. Этот визит ему запомнился – тогда Абхай слушал духовного учителя в Коши, и Шрила Бхактисиддханта заметил Абхая – «Ему нравится слушать». Три года спустя, на Радха-кунде, Абхай вновь встретился с духовным учителем.

Но никогда не приезжал он во Вриндаван как сейчас – чтобы остаться там насовсем. В простом белом дхоти, перебирая четки в мешочке, он смотрел в окно и тихо повторял Святое Имя.

Поезд пробрался сквозь густые заросли Фаридабада и выехал в поля. Лоскутное одеяло из разноцветных участков дала, пшеницы и сахарного тростника тянулось на километры от железной дороги заканчиваясь сухой, необработанной землей, простиравшейся до самого горизонта. Поезд набирал скорость. За окном проплывали небольшие селения. В часе езды от Дели начиналась равнина, с разбросанными там и сям деревушками. Временами взгляд цеплялся за какой-нибудь необыкновенно древний храм, но в основном глазам представала одна лишь земля, лежащая под небом и палимая солнцем – то заброшенная и бесплодная, с редкими пальмовыми деревьями, то возделанная и орошенная.

Абхай давно хотел найти приют во Вриндаване, и сейчас этому ничто не могло помешать. Его цель оставалась прежней: он собирался работать над журналом «Назад к Богу» и каждые две недели отвозить его в типографию в Дели. А потом, покуда позволяют средства, возвращаться туда, чтобы распространять журнал.

Но жить он будет под сенью Вриндавана. Он хотел снять комнату на крыше храма Вамшигопаладжи, что рядом с Кеши-гхатом, с которой открывался вид почти на весь Вриндаван. Абхай с 1953 года (тогда он приезжал сюда из Джханси) поддерживал связь с управляющим этого храма.

Переселяясь во Вриндаван, Абхай следовал по стопам духовных учителей прошлого. Дом на Радха-кунде был и у Шрилы Бхактисиддханта Сарасвати, и у Бхактивиноды Тхакура... Во Вриндаване они проповедовали.

Гауракишора даса Бабаджи, Джаганнатха даса Бабаджи, Вишванатха Чакраварти и Нароттама даса Тхакура временами жили то во Вриндаване, то в Навадвипе, рядом с местом

рождения Господа Чайтаньи. Вриндаван был очень дорог Махапрабху и Его ближайшим последователям. Шри Чайтанья послал сюда Рупу и Санатану Госвами, чтобы они отыскиали места игр Кришны, забытые со временем. Рупа и Санатана оставили свои высокие правительственные посты и переселились во Вриндаван. Они носили простые набедренные повязки и, не имея постоянного жилища, ночевали каждый день под новым деревом. Рупа и Санатана, а также Джива Госвами, Рагхунатха даса Госвами, Рагхунатха Бхатта Госвами и Гопала Бхатта Госвами, известные как шесть Госвами Вриндавана, оставили после себя обширную литературу о кришна-бхакти. Они вдохновляли состоятельных вайшнавов возводить во Вриндаване величественные храмы: храм Говиндаджи, Мадана-мохана, Радха-Дамодара, Радха-Рамана. А вскоре после ухода Господа Чайтаньи из этого мира, Рагхунатха даса Госвами поселился на Радха-кунде, где ежедневно повторял по сто тысяч имен Кришны и по несколько часов в день рассказывал об играх Шри Чайтаньи. Здесь же написал «Чайтанья-чаритамриту» Кришнадас Кавираджа, поведав о жизни и учении Махапрабху.

Даже гаудия-вайшnavы, которые никогда не жили во Вриндаване, всегда хранили его в своих сердцах и воспевали его славу. «Чайтанья-чаритамрита» описывает тот непередаваемый экстаз, который испытывал Господь Чайтанья во время Своего путешествия из Пури во Вриндаван: «В Джаганнатха Пури Шри Чайтанья Махапрабху был погружен в экстатическую любовь, но сейчас, когда Он пошел по дороге, ведущей во Вриндаван, эта любовь увеличилась в сотню раз. Когда Господь посетил Матхуру, Его любовь усилилась в тысячу раз, но еще в сто тысяч раз она возросла, когда Он бродил по лесам Вриндавана. Где бы ни находился Шри Чайтанья Махапрабху, одного только упоминания Вриндавана было достаточно, чтобы усилить его восторженную любовь. Теперь, когда Господь наяву шел по вриндаванскому лесу, Его ум день и ночь был захвачен огромной любовью. Он мылся и ел просто в силу привычки».

Вриндаван – это земное проявление вечной духовной обители Господа Кришны, которую Сам Господь описывает в «Бхагавад-гите»: «Есть иная природа, вечная и трансцендентная к проявленной и непроявленной материи. Она неуничтожима. Она – высшая цель. Достигнув ее, никто не возвращается обратно. Это – моя высшая обитель».

Вечные деяния Кришны и Его обитель, где царит знание и блаженство, описываются в многочисленных ведических текстах: «Я поклоняюсь Говинде, предвечному Господу, изначальному прародителю, который пасет коров, исполняющих все желания, в обителях, сотворенных из «философского камня», где повсюду растут деревья желаний и где Ему с величайшим почтением и любовью вечно служат сотни и тысячи Лакшми, или гопи».

Обитель Господа Кришны, Голока Вриндавана, находится далеко за пределами материального мира, однако, когда Кришна приходит на землю, Он проявляет Свою вечную обитель во Вриндаване, в Индии. Это место на севере страны, площадью двести семнадцать квадратных километров, неотлично от вечного духовного мира.

Если преданный живет и умирает во Вриндаване, он обязательно попадет в вечный духовный мир. Все обитатели Вриндавана, даже животные – возвышенные души, и после смерти они переносятся на Голоку Вриндавану. Поэтому Господь Брахма молился, чтобы родиться пучком травы на окраине Вриндавана, чтобы эти чистые преданные очистили его пылью своих стоп. Писания вайшнавов утверждают, что человек, хоть раз посетивший Вриндаван, пусть даже ненадолго, может в осознать своем сердце Верховного Господа.

В «Чайтанья-чаритамрите» говорится: «Гокула, как и духовное тело Господа Кришны, вездесуща, безгранична и превосходит все. Она простирается беспрельдно, и вверх, и вниз. Эта обитель, по воле Господа Кришны, проявлена в материальном мире. Она тождественна изначальной Гокуле; это одно и то же место. Хотя материальному взору оно кажется обычным, земля здесь – философский камень чинтамани, а в лесах растут деревья желаний. Враджабхуми или Вриндаван – идеальное место для развития сознания Кришны. Местные жители по своей природе любят Кришну, а Кришна любит их».

Поезд прибыл в Матхуру. Абхай взял багаж, сошел на перрон и, осмотревшись, заметил недавно построенное здание вокзала. Пройдя через него, он нашел свободную тангу, договорился с извозчиком об оплате и отправился на Кеши-гхат. Запряженная лошастью повозка, слегка покачиваясь, проехала по дороге между железнодорожным полотном и депо. Выехав на главную дорогу, она повернула налево, прошла под железнодорожным мостом и въехала на открытую базарную площадь. Горы фруктов, овощей и злаков были разложены прямо на земле. Рядом, в толпе, среди покупателей, сидели торговцы, которые обменивали и взвешивали товар. По рынку

деловито сновали женщины Матхуры в ярких сари – желтых, зеленых, розовых и фиолетовых. Транспорт состоял в основном из повозок, запряженных волами, причем зачастую погонщики сидели прямо на деревянном ярме между плечами животных, на корточках, попеременно подстегивая то одного, то другого вола кнутом, сделанным из длинной веревки. Хотя на всем пути во Вриндаван это место было самым оживленным, по сравнению с Дели оно оставляло впечатление деревенской простоты.

Солнце стояло уже высоко, но навес экипажа давал небольшую тень, да и летняя жара уже прошла. За базаром дорога повернула направо, и Абхай увидел белые купола массивной мечети из песчаника, стоявшей прямо на Кришна-джанма-стхане, месте рождения Господа Кришны. Несколько столетий назад мусульмане разрушили здесь огромный храм Кришны и возвели на его месте мечеть. Но сейчас прямо перед мечетью стоял новый храм Кришны, хотя и не такой большой.

Абхай подъехал к перекрестку трех дорог: на Нью-Дели, в центр Матхуры и на Вриндаван. Возчик стегнул лошадь кнутом, и танга покатила в сторону Вриндавана, пробираясь через стадо белых коров, которых погонял палкой пастух. Дорога была запружена множеством танг и медленных, скрипучих воловьих упряжек, нагруженных товарами и запряженных тучными, черными буйволами. Караван маленьких, тонконогих осликов, навьюченных непомерно огромными вязанками дров и мешками с песком, степенно двигался вдоль дороги.

С тех пор, как Абхай был здесь несколько лет назад, во время парикрамы, в его жизни очень многое изменилось. Но Вриндаван оставался тем же. Абхай подумал, что, приехав сюда и оставив позади жаркий Дели, переполненный машинами, выхлопными газами и человеческими страстями, поступил как нельзя лучше. Для него это было облегчением. Но даже переживая трансцендентные чувства к Вриндавану, он не мог забыть впечатления от многомесячной проповеди в Дели. Он вспоминал, как ходил со своим журналом по городским улицам, от дома к дому. Жизнь в Дели была наполнена постоянной, энергичной проповедью. Ему было уже за шестьдесят, но он приехал во Вриндаван отнюдь не отдыхать. Он отошел от домашних обязанностей, но не собирался бросать издание «Назад, к Богу», мечтая сделать его таким же популярным, как «Иллюстрэйтед Уикли». Он будет жить во Вриндаване и выезжать в Дели, но никогда не прекратит проповедь.

Тощая лошадь трусила мимо полицейского участка, мимо поилки для скота, а деревья становились все выше, указывая, что Вриндаван уже близко. По обе стороны появились сады частных имений и ашрамов. Яркий солнечный свет лился на нежные белые цветы малати, золотистые бархатцы, кусты красного жасмина, гибискусы, «деревья печали» и другие цветы и деревья, многие из которых растут только во Вриндаване. Слева вырисовывались неясные очертания похожего на крепость храма Радхи-Говинды, а напротив, в некотором отдалении, возвышалась башня храма Ранганатхи. Повозка проехала по узким улицам, где среди рынков и городских строений кипела жизнь, и снова стало безлюдно и тихо. В конце узкой улочки, у реки Ямуны, рядом с Кеши-гхатом, находился маленький, изящно украшенный парадный вход в храм Вамши-гопаладжи, – узкое трехэтажное здание с тремя куполами и множеством декоративных арок.

Перешагнув через бордюр водостока и поднявшись по трем мраморным ступеням, Абхай, в сопровождении возчика, несущего багаж, вошел в переднюю дверь. Оказавшись внутри, Абхай снял обувь и вступил на открытый двор. На высоте второго этажа над двором была натянута металлическая сетка, на которой сидело несколько птиц. Та сторона двора, где на невысокой колонне в горшке стояла туласи, была залита солнечным светом. В храме было прохладно и спокойно. Комната Божеств, двери которой были закрыты, смотрела во двор. Наверху виднелись двери комнат мезонина; на импровизированных бельевых веревках сушились несколько сари и кусков ткани.

Махант Гопал, пуджари храма, с которым Абхай был знаком с 1954 года, встретил его приветливо. Он был почти его ровесником, с длинными седыми волосами и жесткой бородой. Рядом с Гопалом, на котором было лишь грубое дхоти, скромно одетый Абхай выглядел почти щеголем.

Выйдя на крышу, Абхай улыбнулся, увидев прекрасный вид, открывавшийся оттуда. Примерно в ста метрах от храма текла Ямуна, и с высоты взору открывалась широкая излучина, блестящая под полуденным солнцем. До самого горизонта простирались плоские травянистые

берега и окруженные лесами равнины со стадами пасущихся коров и буйволов. Повернувшись в другую сторону, можно было увидеть сам город, с десятками храмовых шпилей и куполов.

В маленькую комнату Абхая, с зарешеченными окнами, единственную на крыше, вела узкая двухстворчатая дверь. На крыше, безмятежно поглядывая по сторонам, сидели обезьяны со своими детенышами. Полуметровая цементная пирамида прямо перед дверью указывала на то, что прямо под этим местом находятся храмовые Божества.

Абхай вошел в комнату. Через решетчатые окна открывался вид на дворец на Кеши-гхате и величественную башню храма Гопинатхи, а дальше – лишь гладь реки, зеленые берега и небо.

Ознакомив Абхая с особенностями проживания в комнате, а именно, показав ему маленькую керосиновую горелку и ведро на веревке, в котором можно было поднимать на крышу воду из колодца, Гопал педантично составил договор аренды, с гербовой печатью. Абхай написал короткую записку, в которой представлялся учеником покойного Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Прабхупады и подтверждал, что арендует комнату за пять рупий в месяц. Обе стороны поставили под договором свои подписи.

После омовения Абхай принял прасадам и прилег отдохнуть. Услышав звон колоколов в храме, он спустился, чтобы увидеть Божества. Гопал, много лет служивший в храме в качестве пуджари и бывший свидетелем его реконструкции в 1923 году, рассказал Абхаю, что Божество храма, Вамши-гопаладжи, было установлено триста пятьдесят лет назад Махантом Прахладой дасом из вайшнавской сампрадхайи Нимбарки. А Божество Радхарани установил сам Гопал. Черный мраморный Вамши-гопаладжи, метровой высоты, изящно изогнувшийся в трех местах, и держащий флейту, был очень красив. Радхарани, ростом немного ниже его, была из латуни. На них были простые одежды из белого хлопка, а освещал алтарь слабый свет керосиновой лампы. Абхай заметил, что о Божествах заботятся, но поскольку храм беден, у них нет дорогих одежд и украшений.

Он вернулся на крышу, когда солнце уже садилось. Абхай был там в полном одиночестве и мог спокойно ходить туда-сюда, повторяя джапу и наслаждаясь прохладным вечерним ветерком с Ямуны. Изредка по тихим водам реки проплывала лодка, а иногда было слышно, как где-то на Кеши-гхате какой-то преданный повторяет вечерние молитвы. Абхай был рад, что оказался здесь, в сердце обители Господа Кришны. Он не чувствовал себя приезжим, попавшим в незнакомый город; все здесь было знакомо и дорого ему. Вриндаван – обитель Кришны, а Абхай – Его слуга, слуга шести Госвами и своего духовного учителя. Он был дома.

Когда день сменился сумерками, по всему городу зазвонили колокола. Абхай перешел на западную часть крыши и окинул взглядом город тысячи храмов. В храме Говиндаджи, в храме Ранганатхи и в многочисленных храмах, что поменьше, шли сандхья-арати и киртан – прославление Господа Кришны.

Абхай реагировал на эти звуки и виды Вриндавана так, как мог реагировать только чистый преданный; его переполняла любовь и признательность: Кришне, Его преданным и Его земле. Конечно же, он снова думал о проповеди и о том, как помочь другим узнать этот сокровенный покой и блаженство Вриндавана. Кришна, Верховная Личность Бога, приглашал все души соединиться с Ним в Его вечной обители; но даже в Индии очень немногие понимали это. А за ее пределами люди и вовсе ничего не знали ни о Вриндаване, ни о Ямуне, ни о том, что значит освободиться от материальных желаний. Почему же все в этом мире должны оставаться в неведении? Вриндаван – это обитель мира, а о ней никто не знает, никто не проявляет к ней интереса. Но ведь это действительно нужно людям!

Абхай подумал о журнале «Назад к Богу» и о том, как по милости Кришны он смог бы расширить масштабы проповеди за пределы Индии, на весь мир. Его духовные братья... Многие из них хотя бы заповеди соблюдают – и слава Богу, хотя, конечно, было бы лучше, если бы все они действовали сообща. Казалось, что их основные занятия – поддержание храма (или ашрама), поклонение Божествам, еда и сон. А для распространения славы Вриндавана нужно было нечто большее. Абхай повторял джапу и думал о Кришне. Постепенно мысли его переключались на октябрьский выпуск «Назад к Богу», который он должен был вскоре отвезти в Дели. Нужно было успеть к сроку.

На следующее утро солнце еще не взошло, а аскетичные обитатели Вриндавана были уже на ногах. Они омывались в Ямуне, проводили пуджу своим Божествам, повторяли мантры. Абхай, однако же, поднялся еще раньше; на крыше, в тишине своей комнаты, при свете керосиновой лампы, он работал. Он прилежно писал статьи на английском языке, где цитаты из Священных

писаний вплетались в строгий рисунок убедительных аргументов. Он писал в своей тетради несколько часов, пока, наконец, щебет проснувшихся птиц не подсказал ему, что тихая ночь закончилась – вскоре взойдет солнце.

Следуя обычному распорядку, он отложил работу и приступил к чтению джапы. Он занимался этим прямо в комнате, произнося Харе Кришна мантру мягким, глубоким голосом. Небо было совершенно темным, и Ямуна была еще не видна, а несколько бабаджи, повторяя свои молитвы, уже прошли по улицам, направляясь к реке. В четыре часа утра гонги и храмовые колокола по всему городу возвестили о начале мангала-арати. Еще час Абхай в одиночестве повторял мантру. Затем он приготовился к омовению, с помощью длинной веревки втащив на крышу ведро воды из колодца.

Когда совсем рассвело, он вышел из дома, с мешочком для четок на шее и с несколькими номерами «Назад к Богу» в руке. Выйдя из ворот храма и повернув направо, он миновал узкий, изогнутый проулок, и пошел по узким дорожкам и закоулкам, сплетающимся в запутанную сеть. Магазинов в округе не было, – лишь тихие дома (многие из которых были построены сотни лет назад). На улице стояла тишина.

За закрытыми ставнями кто-то приглушенным голосом пел Харе Кришна, подыгрывая на деревянной трещотке. На перекрестке, где смуглые женщины наполняли колодезной водой латунные кувшины, Абхай повернул налево – там стояли рядом дома с небольшими открытыми крылечками. По обе стороны Абхай увидел прекрасную храмовую архитектуру: один парадный вход был украшен двумя каменными львами, другой – резным слоном с клыками, как у тигра. Кирпичная, когда-то оштукатуренная стена с годами облупилась.

Вскоре Абхай подошел к храму Радха-раманы, основанному почти пятьсот лет назад Гопала Бхаттой Госвами, одним из главных последователей Господа Чайтаньи. Жители Вриндавана, давшие обет ежедневно посещать разные храмы, входили и выходили, следуя строгому расписанию, не допускающему ни малейшей задержки. Абхай вошел и встал среди верующих, созерцая Божество Кришны, Радха-раманы. Божество – очаровательная черная фигурка Радха-рамана – облаченное в яркие шелка и драгоценные камни и украшенное свежей гирляндой из цветов, выглядело очень роскошно.

Зная, что некоторые из священников храма – уважаемые ученые-санскритологи – которые знают еще и английский, Абхай принес с собой несколько экземпляров «Назад к Богу». Он познакомился с Вишвамбхарой Госвами, молодым, лет тридцати с небольшим, священником, который после смерти отца оставил работу юриста и взял на себя обязанности по управлению храмом. Храм управлялся «кастовыми Госвами», поэтому предки Вишвамбхары вот уже пять столетий передавали своим потомкам ответственность за него. Вишвамбхара встречал множество садху, но благородство и смирение Абхая сразу же его поразили. Он взял журналы «Назад, к Богу» и немного побеседовал с ним.

После этого Абхай продолжил свой путь по запутанным улицам Вриндавана, чтобы посетить другой храм, храм Радха-Дамодары. Он прошел мимо пожилых бабаджи и женщин, несших воду, мимо коммерческого магазина, мимо открытой террасы, на которой поклонялись Шива-линге. Обезьяны, сидевшие на высокой бетонной стене и перебегавшие с крыши на крышу, с карниза на карниз, принялись болтать и жестикулировать, когда Абхай проходил под ними. Постепенно, по мере того, как поднималось солнце, на улицах появлялись босоногие дети, играющие перед открытыми дверями домов.

Абхай шел, повторяя джапу, правой рукой перебирая четки в мешочке и едва заметно шевеля губами. Едва ли кто-нибудь во Вриндаване знал его. Но он, культурный пожилой бенгалец, очень гармонично вписывался в окружающую обстановку; он был религиозным бабу в городе, где все было посвящено религии.

* * *

Абхай регулярно посещал главные храмы Вриндавана, после чего шел на базар и возвращался в свою комнату около одиннадцати часов, с овощами для приготовления обеда.

В своей пароварке, состоящей из трех секций, он варил на керосиновом примусе рис и картофель, а иногда готовил сабджи и пёк чапати. Обычно он ел раз в день, в обед, а вечером выпивал чашку молока. Когда не было времени готовить, он принимал прасад от Божества. После обеда он дремал минут пятнадцать, а затем приступал к литературной работе. Он редко принимал посетителей, и писал, в основном, в одиночестве.

Перед закатом Абхай снова шел посетить храмы. На Кеши-гхате он проходил мимо сидящих тут и там садху, созерцавших Ямуну. Река почти не двигалась: лишь время от времени медленно проплывающие лодки нарушали царивший покой. На поверхность воды иногда выпрыгивала рыба, иногда какая-то птица пролетала вдоль реки в поисках добычи. Кеши-гхат был тих и красив, особенно вечером, когда спадала жара. Завидев Абхая, садху приветствовали его, как это принято во Вриндаване: «Джайа Радхе!», – на что Абхай отвечал по-своему: «Харе Кришна!»

Когда вечером Абхай проходил по городу, он погружался в киртан. Киртан звучал повсюду: в храмах Кришны, Рамы, Чайтаньи, Нрисимхи, Шивы, в залах ашрамов, в домах; даже люди, идущие по улице, пели: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Он часто видел бенгальских вдов собиравшихся вместе. В ашрамах Вриндавана жили тысячи таких женщин. Имея только самое необходимое для жизни, в выцветших белых сари, с короткими волосами, они никогда не покидали пределы Вриндавана, и не выезжали даже в Матхуру, желая оставаться только во Вриндаване, чтобы здесь и умереть, повторяя Харе Кришна. Вел такой киртан обычно мужчина, сопровождая себя на мриданге, а вдовы, неровно хлопая в ладоши, подпевали ему своими детскими голосами. Барабан, хлопанье, пение – хоть и нескладное, но полное искреннего чувства – наполняли вечер сладкими звуками. Пока Абхай шел, звуки одного киртана стихали, и тут же плавно нарастали звуки другого, чтобы затем тоже стихнуть. И вот уже третий киртан встречал его, и мощный гул храмового колокола смешивался со звуками барабанов, цимбал и хором поющих или голосом одинокого пешехода, напевающего на свой лад «Радхе, Радхе».

Даже приветствовали друг друга киртаном: «Джайа Радхе!» «Харибол!» Мимо проходили люди, с грохотом проезжали телеги, мужчины обменивались шутками или заключали последние в этот день сделки на рынке, отбившиеся от стада коровы шли домой, бренча колокольчиками – все это было связано с Кришной. А возвращаясь в уединенный храм Вамши-гопаладжи, Абхай снова слышал киртаны – только более тихие; может быть, их пели в своей комнате двое: муж да жена – мужчина играл на мриданге и пел по одной строке из бхаджана, а жена повторяла. Вриндаван – не обычное место. Любое пение было сладостным, каждый был по-своему опытным мелодистом, и каждый пел о Кришне. Кришна присутствовал везде, в каждом событии, в каждом действе.

Шрила Прабхупада: Никто не может понять славу Кришны. И славу Вриндавана тоже. Эта земля – Вриндаван – тоже обладает безграничным могуществом. Даже в наши дни, если вы приедете во Вриндаван, вы ощутите безграничную энергию духовного мира. Если вы отправитесь туда, вы увидите множество святых и мудрецов, – они по-прежнему поклоняются Вриндаванадхаме. Так же, как поклоняются Кришне, поклоняются и Его обители, Вриндавану, который неотличен он Него Самого.

* * *

Стало трудно постоянно ездить в Дели. Утром Абхай садился в поезд, а вечером того же дня возвращался во Вриндаван – в Дели негде было остановиться. Это не позволяло оставаться там надолго. Да и денег на дорогу уходило немало. Первое время он останавливался у господина Гупты, благородного и благочестивого человека, который серьезно изучал «Гиту» и предоставлял в своем доме жилье садху. Абхай рассказал господину Гупте о журнале «Назад, к Богу» и о своей мечте проповедовать на Западе. И какое-то время, благодаря любезности г-на Гупты, Абхай мог спокойно писать. Но вскоре комнату занял другой.

Несмотря на то, что расходы Абхая на личные нужды были ничтожны, трудно было собрать столько пожертвований, чтобы хватило на поездки, печать и почтовые расходы. Распространять журналы «Назад, к Богу», было не сложно, и во Вриндаване он это делал, но работать в одиночку – самому писать, редактировать, продавать и собирать пожертвования – это было непосильной задачей. Господин Джайн, печатник, удивлялся, зачем человек идет на такие трудности, как издание журнала, если ему это совершенно не по силам.

Шрила Прабхупада: Я работал над журналом «Назад, к Богу» днями и ночами. В начале, когда я был домохозяином, меня не заботило, заплатили мне за журнал или нет. Я распространял его и не думал об этом. Но когда я оставил жизнь домохозяина и стал жить один, то во Вриндаване, то в Дели, то путешествуя ради издания журнала – для меня наступили очень тяжелые дни.

После того, как двадцатого ноября 1956 года вышел очередной, двенадцатый, номер журнала (выходившего раз в две недели), деньги закончились. И г-н Джайн вынужден был

сдаться, сказав, что больше не может печатать просто по старой дружбе. Абхай вернулся во Вриндаван и... продолжил писать, не представляя, как это все будет опубликовано.

Журнал «Назад, к Богу» потерпел экономический крах – люди не хотели становиться сознающими Кришну. У них «не было времени». Были в Индии садху очень влиятельные и знаменитые, но Абхай к ним не относился. Еще бы! Бескомпромиссная проповедь, которой он научился у духовного учителя, техника «рубки сплеча», которую он использовал, подвергая открытой критике почтенных политиков и святош, едва ли могли принести ему признание и покровителей. «Не льстите, – говорил Бхактисиддханта Сарасвати – говорите правду. И если Кришна будет доволен, то вас ждет успех. Деньги придут». И Абхай твердо в это верил.

Вера в духовного учителя – это было особое, выдающееся достоинство Абхая. Он не сомневался, что, просто следуя Шриле Бхактисиддханте Сарасвати, стяжает благословения – его самого и Господа Чайтаньи. Хотя за последние два года он всеми силами пытался использовать любую представившуюся возможность, цель его не менялась – он должен был исполнить приказ Бхактисиддханта Сарасвати. Он был убежден – рано или поздно он получит необходимую поддержку и найдет понимающую аудиторию, и тогда искренние люди присоединятся к нему.

Во Вриндаване Абхай получил письмо от своего ученика, Ачарья Прабхакара Мишры, и ему пришла в голову одна идея. Ачарья Прабхакар, который был секретарем санскритского факультета «Бхаратия Видья Бхавана» в Бомбее, приглашал Шрилу Бхактиведанту Прабху к себе, чтобы, как в старые времена, вместе проповедовать. Основателем и управляющим «Бхаратия Видья Бхавана» был губернатор К.М. Мунши (тот самый, чья жена заставила Абхая покинуть Мемориал Радхи в Джханси). Но Ачарья Прабхакар, недавно подружившийся с губернатором, написал Абхаю, что тот может помочь. И поэтому, в январе 1957 года Абхай выехал в Бомбей, заверив Маханта Гопала в том, что вернется, и пообещав ему высылать пять рупий в месяц за комнату.

Поселив Абхая в общежитии факультета, Ачарья Прабхакар начал знакомить его с учеными и религиозными деятелями. Вместе они отправились на лекцию губернатора Мунши «Что случилось с миром?» После лекции Абхай подошел к губернатору и поблагодарил его за выступление, подчеркнув при этом, что для предотвращения глобальных катастроф требуется духовное движение. А без сознания Бога даже работа господина Мунши в «Бхаратия Видья Бхаване» будет напрасной тратой времени. Абхай поведал ему о своей мечте возродить «Лигу преданных» и о том, что свою роль в «Бхаратия Видья Бхаване» он видит в оживлении культурных программ губернатора «сознанием Бога». Губернатору Мунши понравилась идея, и он предложил Абхаю стать почетным профессором «Бхагавад-Гиты». Абхай принял предложение и подарил губернатору несколько номеров «Назад к Богу», чтобы тот прочитал их в свободное время.

Став почетным профессором «Бхагавад-гиты», Абхай каждую лекцию начинал с киртана Харе Кришна, после чего говорил о «Гите», говоря о Кришне как о Верховной Личности, Боге. Но вскоре он почувствовал, что пост профессора очень ограничивает. Он не увидел почти никакой возможности восстановить «Лигу преданных» в «Бхаратия Видья Бхаване».

Через некоторое время Абхай вместе с остальными представителями «Бхаратия Видья Бхавана» посетил пятый ежегодный съезд Всемирной Академии санскрита на Курукшетре (там, где пять тысяч лет назад Господь Кришна поведал «Бхагавад-гиту»). В обсуждении приняли участие президент Индии, доктор Раджендра Прасад, губернатор Мунши, а также многие ученые и пандиты со всех концов Индии. Но каждый на этом собрании, помимо заключений Господа Кришны, имел собственное мнение, и Абхай посчитал этот съезд пустой тратой времени. Его не было в числе выступающих, а дискуссии непреданных о «Гите» только беспокоили, да и вообще – он видел, что это собрание теоретиков не принесет никакой реальной пользы, поэтому он уехал с Курукшестры и вернулся во Вриндаван.

За ним последовал и Ачарья Прабхакар. Беседуя с ним в своей комнате, в храме Вамши-гопаладжи, Абхай снова поделился с ним желанием восстановить «Лигу преданных». Побывав на этих культурных программах в Бомбее и на Курукшетре, где лилось столько «воды», он еще острее почувствовал необходимость общества чистых преданных. Вокруг было полным-полно культурных и религиозных организаций; если бы он захотел, он мог бы присоединиться к любой из них. Но кому он мог отдаться всем сердцем? Одна только «Лига преданных» была верна делу Господа Чайтаньи и Бхактисиддханта Сарасвати: энергичной и решительной проповеди преданного служения Господу Кришне по всему миру.

От имени «Лиги преданных» Абхай написал черновик «Обращения к великодушным читателям, современным философам, руководителям и религиозным деятелям». В этом обращении Абхай перечислил задачи «Лиги»: издавать журнал «Назад, к Богу» на английском языке (с переводом на многие другие языки), обучать юношей и девушек проповеди по всему миру и основать издательство, которое будет публиковать исключительно духовную литературу. Затраты на эти программы составят около трех тысяч рупий в месяц, поэтому он обращается за помощью. В заключении Абхай сказал: «Вриндаван – это главнейшее из Святых мест, поэтому штаб-квартира «Лиги» располагается здесь». Пытаясь произвести впечатление такими своими титулами как «почетный профессор Гиты «Бхаратия Видья Бхавана»», а также «почетный секретарь Хари Бхавана», Абхай с помощью Ачарьи Прабхакара еще раз попытался объединиться с кем-то, чтобы печатать «Назад к Богу» и воскресить «Лигу преданных».

Через несколько дней Ачарья Прабхакар вернулся в Бомбей, а Абхай снова остался во Вриндаване один. Он любил Вриндаван, но, не имея средств для издания журнала и проповеди, не чувствовал никакого удовлетворения. Если бы он путешествовал, то смог бы найти членов для «Лиги». Он подумал о Канпуре, соседнем городе, в котором было свыше сотни больших предприятий и множество богатых предпринимателей, которых он встречал во время деловых поездок. Он решил туда съездить. Напечатав несколько анкет для желающих вступить в «Лигу преданных», он сказал Маханту Гопалу, что уедет на пару месяцев.

Махант был удивлен. Большинство пожилых садху, приезжающих во Вриндаван, даже и не думали куда-то уезжать, а некоторые даже давали обет – никогда не покидать это место, а этот тихий бабу постоянно приезжал и уезжал.

* * *

В Канпуре Абхай активно проповедовал, останавливаясь в разных домах и пропагандируя идею «Лиги преданных». Как гость «Анандешвар Сатсанг Мандала», он регулярно читал лекции на широко известном Пармат-гхате, на Ганге. Прежде всего, он знакомился с промышленниками и преподавателями, с которыми беседовал, иногда по многу часов. Его преданность делу и мягкость речи производили на большинство из них большое впечатление. Но собрать много пожертвований не удавалось. Когда он показывал богатым магнатам условия членства, они, как правило, соглашались только на «подписчика», что предусматривало ежегодный взнос в размере двух рупий. Он собрал несколько благодарственных писем, но через два месяца уехал.

Но, проведя несколько месяцев во Вриндаване, Абхай решил снова вернуться в Бомбей, чтобы проповедовать. В Бомбее он быстро порвал связи с закосневшим «Бхаратия Видья Бхаваном» и съехал из факультетского общежития. По неделе живя в домах разных попечителей, он пытался пробудить в них интерес к своей миссионерской деятельности. Друг Ачарьи Прабхакара организовал выступление Абхая перед многочисленной аудиторией на Бомбейском пляже, воскресным вечером. Абхай согласился. Следуя давно сложившейся традиции, он сидел на диванной подушке, и собравшиеся люди – от пятисот до тысячи человек – слушали, как он говорит о философии «Бхагавад-гиты». Абхай читал там лекции несколько вечеров подряд. Выступать приходилось и в других местах. В одну из недель он несколько раз проводил лекцию в бомбейском храме Вишну.

Но Абхай не хотел просто читать случайные лекции неорганизованным слушателям – он ждал большего. В нем постоянно росла убежденность, что он должен проповедовать за пределами Индии. Конечно, идея эта зрела уже давно. Он излагал ее и в проекте «Лиги преданных», и на собраниях в Мемориале Радхи в Джханси, и во время встреч в делийском Бирла-мандире, и во многих-многих других случаях. Сотни раз он говорил об этом в частных беседах со знакомыми. Мечта эта красной нитью проходила по его литературным трудам.

Ради выполнения наказа Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, проповеди на английском языке, он был готов отправиться куда угодно. В Индии англо-говорящих людей было совсем немного, поэтому Абхай мечтал о поездке на Запад. Если он может ездить в Бомбей, Дели и Канпур, то почему бы не поехать в Лондон или Нью-Йорк, где миллионы людей говорят на английском, и при этом никогда не слышали о послании Господа Чайтаньи? В своем письме господину Вед Пракашу, владельцу предприятия в Канпуре, Абхай рассказал о своей идее.

Господь Чайтанья говорил: «пранинам упакарайа» – «ради блага всех живых существ». Хотя члены Красного Креста одинаково относились ко всем раненым солдатам, оказывая первую

помощь на полях сражения, они отдавали предпочтение тем, у кого было больше шансов выжить. Безнадежных иногда бросают.

В Индии, даже после обретения Свараджа, преобладают взгляды под маркой «сделано в Лондоне». Это долгая история. Но если говорить кратко, правительство Индии, прикрываясь «светкостью», предается всему иностранному. Наши вожди заботливо отодвинулись от сокровищницы духовных достижений Индии и пытаются подражать материалистическому западному образу жизни, который неразрывно связан с ложными суждениями, опасениями, несовершенством и лицемерием.

Ведическое знание Индии выше всех этих недостатков обусловленной души. Но мы, индийцы, сейчас пренебрегаем этим удивительным знанием. Происходит это из-за его неправильного использования.

В Индии «Веданта-сутру» представляют разные неавторитетные личности, которые только сбивают людей с толку. Новоявленный националистический энтузиазм индийских руководителей, промышленников и стратегов не оставляет ни времени, ни желания понять «Веданта-сутру» или даже «Бхагавад-Гиту». Невозможно служить человечеству, не имея надлежащего руководства...

Итак, моя идея проповеди за границей основана на том, что эти люди уже сыты по горло материальным прогрессом. Они ищут наставлений «Веданта-сутры» или «Бхагавад-гиты» в достоверной, неподдельной форме. Я уверен, что, когда европейцы, американцы и т.д. примут эти принципы, Индия вновь вернется к ведической духовной жизни, ибо сейчас индийцы больше напоминают нищих, которые забыли о своем богатстве. Такова моя точка зрения. Но, как бы то ни было, мы должны интересоваться лишь возможностью служить.

Одним из способов расширения проповеди была рассылка номеров журнала «Назад, к Богу» за пределы Индии. Чтобы привлечь спонсоров, Абхай обещал печатать их имена в каждом номере. Он хотел собрать много пожертвований, чтобы основать большое издательство, которое позволит рассылать «Назад, к Богу» более чем в пятьдесят стран. Он распределил квоты: Америка будет получать десять тысяч экземпляров, Аргентина – пять тысяч, Бельгия – пять тысяч, Бразилия – пять тысяч, Бирма – одну тысячу, Канада – пять тысяч, Чили – пять тысяч, Китай – десять тысяч и так далее, включая десять тысяч экземпляров для России и столько же для Англии. Но ни пожертвований, ни спонсоров так и не нашлось...

Абхай замечал, что тогда как образованные, «культурные» индийцы отвергают свое духовное богатство, религиозно настроенный народ подвергается массовой атаке всевозможных противоречивых, ложных доктрин, которые выдаются за индуизм. Вот лишь один пример – тревожный случай, свидетелем которого Абхай стал во время своей проповеди в Бомбее, летом 1958 года. Одна группа, чья философия противоречила чистому учению, передаваемому парампарой, объявила «Неделю Бхагваты». «Бхагавата», или «Шримад-Бхагаватам» – «литературное воплощение Кришны», непревзойденное Священное писание о преданном служении. Однако при этом организаторами «Недели Бхагваты» он использовался для того, чтобы проповедовать имперсонализм, принижая при этом положение Господа Кришны. От друзей Абхай узнал об этих возмутительных собраниях и 28 июля 1958 года написал Шри Ратанши, вдохновителю «Недели Бхагваты», умоляя его не прикасаться к «Шримад-Бхагаватам».

Я хочу сообщить Вам, что получил Ваше приглашение посетить «Неделю Бхагваты» от секретаря бомбейского духовного центра. Но зная, что за «Неделю Бхагваты» могут провести майявади, чтобы ввести в заблуждение наивную публику, я не только воздержался от посещения этого мероприятия, но и посоветовал многим другим не ходить туда, по одной простой причине: священный «Бхагват» будут читать люди, лишенные доступа к этому великому Писанию, обсуждать которое могут только освобожденные души, не оскверненные притворной религиозностью. Мои друзья, которые побывали на вашей «Неделе Бхагваты», рассказали мне, как под предлогом защиты Кришны от упреков в аморальности, ваша организация неверно истолковывала Его игры. Чтобы спасти будущих неразумных слушателей, Махараджа Парикшит еще в далеком прошлом попросил Шрипада Шукадеву Госвами разъяснить игры Раса-лилы Господа Шри Кришны. Трансцендентная природа Раса-лилы не нуждается в защите майявади или мирских моралистов. Лила есть лила.

В тридцатой шлоке материалисту запрещается слушать о Раса-Лиле, и точно так же запрещается слушать о Раса-лиле от материалиста. В Вашей организации и слушатели, и лектор – материалисты, и для них касаться Раса-лилы – такая же беспросветная глупость, как пытаться подражать Рудре, который проглотил океан яда.

Абхай предупредил, что за подобное религиозное жульничество можно подать на организацию в суд. Но «Неделя Бхагвата» продолжалась, и сотни людей были введены в заблуждение.

Открытые приверженцы Ведической культуры постепенно теряли в нее веру, а современные европеизированные индийцы и вовсе ее отвергали, считая пережитком прошлого. Премьер-министр Неру, совершенно не склонный к духовности, ратовал за модернизацию и за то, что Абхай называл «идеями под маркой «сделано в Лондоне»». Махатма Ганди, никогда не отвечавший Абхаю на письма, был, по крайней мере, духовным человеком. Пандит Неру был совсем другим. Но, озабоченный тем, что вожди Индии отвергают духовное наследие своей страны, Абхай решил написать письмо Пандиту Неру.

Хотя в Бомбее Абхай был практически бездомным, в августе 1958 года он написал премьер-министру смелое письмо, выражавшее его убежденность в том, что духовную культуру Индии нужно не только восстановить, но и распространить на Западе. Он напомнил Пандиту Неру, что, со времен древней Греции и до атомного века, мир видел только материализм и потому никогда не знал настоящего мира. И если Неру будет продолжать идти по пути материализма, единственное, что ждет Индию – это раздоры и война.

Поэтому Индия не должна тратить время, подражая западному образу жизни. Вы согласны с тем, что индийская культура стоит очень высоко, но в то же время хотите добиться материального процветания путем научного прогресса. Но что это за научное знание? Духовность – это тоже прогрессивное научное знание. Материальная наука не может принести даже материального процветания общей массе людей. Неужели Вы думаете, что безлошадная карета, телефонная или радиосвязь или любое другое эфемерное удобство может принести материальное процветание? Нет, это невозможно. Материальное процветание означает, что у людей должно быть достаточно пищи и того, что нужно для нормального существования тела. Вы думаете, ваши планы принесли материальное процветание, или современная западная цивилизация может привести к этому процветанию? Даже если людям предоставят все эти удобства, беспокойства будут продолжаться до тех пор, пока они не получат духовного удовлетворения. Таков секрет мира.

Несмотря на то, что Абхай никогда не был на Западе, он выражал свою убежденность в том, что американцы и даже русские стремятся к духовной жизни; они не могли удовлетвориться простым материальным прогрессом. И поэтому Пандит Неру должен помочь своим западным друзьям, предложив им духовное знание из Индии.

Бедность – это нехватка знания. Премьер-министр Чанакья жил в соломенной хижине, но именно он руководил Индией во времена Чандра Гупты. Махатма Ганди добровольно принял образ жизни так называемого бедняка, но судьба Индии была в его руках. Но был ли он бедняком? Он гордился своим духовным знанием. По-настоящему богатым человека делает духовное знание, а не радиоприемник, не автомобиль и т.п.

В тридцатых годах семья Неру покупала у Абхая лекарства в «Праяг Фармаси». Теперь Абхай обращался к Пандиту Неру как к старому другу из Аллахабада, с той же просьбой, с которой в свое время обращался к Махатме Ганди – он просил Неру оставить свою политическую карьеру «...и как подобает известному, уважающему себя человеку, посвятить остаток своей жизни деятельности в этом организованном духовном движении, чтобы осуществить подлинное объединение западной материальной науки с индийским путем духовного осознания». Так же, как и Ганди, Неру оставил его письмо без ответа.

В Бомбее жил один землевладелец, г-н Харбанслал, старый знакомый Абхая. Когда-то он пообещал Абхаю, что если тому понадобится жилье, он ему поможет. Летом 1958 года Абхай решил навестить господина Харбанслала, но узнал, что тот уехал на Запад. А когда Абхай услышал, что, помимо коммерческих, г-н Харбанслал преследовал и культурно-миссионерские цели, его воображение ухватило за образ индуса, выполняющего культурную миссию на Западе. В письме господину Харбанслалу Абхай попросил его предоставить ему жилье, а также представил свою культурную миссию. Абхай знал, что на Западе многие уважают индийскую культуру. Он слышал от одного своего духовного брата, немца по происхождению, что, хотя индийцы, приезжавшие на Запад (особенно в Германию), всегда встречали хороший прием, люди иногда проверяли, насколько хорошо они знают свою культуру. И поэтому Абхай советовал

господину Харбанслалу учить людей во время путешествий истинным постулатам индийской культуры.

Я думаю, что в наше беспокойное время, когда атомная бомба нависла над головой всего человечества, людям необходимо это послание Индии.

...Поэтому, поскольку Вы уехали за рубеж, пожалуйста, начните деятельность на благо всех людей.

Несомненно, Абхай хотел бы поехать сам. Он не забыл напомнить г-ну Харбанслалу о его обещании предоставить квартиру: «Я влачу свои дни в Бомбее, испытывая страшные неудобства, в плане подходящего жилья».

Однако письмо так и не дошло до путешествующего г-на Харбанслала.

Желая как можно скорее отправиться на Запад, Абхай навестил в Бомбее одного из духовных братьев, Крипасиндху, и попросил его о помощи.

Крипасиндху: Он пришел ко мне и попросил помочь ему отправиться в Америку. Он вручил мне несколько номеров «Назад к Богу», которые, как он сказал, я мог показывать людям с просьбой помочь ему. Я попытался кое-что сделать. Я представил Абхая Бабу одному человеку, крупному предпринимателю, Хемраджу Кхандельвале. Сам я тоже пошел туда. Мы сели втроем, и я рассказал этому человеку о том, что Абхай хочет отправиться на Запад и что он хороший преданный, что он писатель и очень много делает. Но тот почему-то так и не помог.

Крипасиндху рассказал Абхаю, что в Бомбее Гаудия Матху иногда помогает богатая и благочестивая госпожа Сумати Морарджи, директор паровой судоходной компании «Синдия». Абхай попытался с ней встретиться, но у него ничего не получилось. Однако ему удалось переговорить с одним из представителей г-жи Морарджи, менеджером компании «Синдия», который когда-то слышал о нем. Тот, к удивлению Абхая, проявил великодушие.

Считая Абхая настоящим садху, агент «Синдии» предложил ему пятидесятипроцентную скидку на рейс из Индии в Соединенные Штаты. Он даже зафиксировал свое предложение в письменном виде. Абхай сразу же начал оформлять паспорт и визу. Но даже половины суммы стоимости проезда найти не удалось.

Начиная с 1956 года, когда он жил в Дели, его положение всегда было очень тяжелым, и жилья у него не было. И сейчас, учитывая, что за последние два года странствий за пределами Вриндавана, его положение не улучшилось, он пришел к выводу, что, возможно, Кришна не хочет, чтобы он шел этим путем. Но получил он и нечто позитивное: решимость отправиться на Запад и проповедовать. Там его, несомненно, ждет успех.

* * *

Один, без денег, Абхай вернулся во Вриндаван. Ему было уже шестьдесят два, но он и не думал удаляться от дел. Он был как никогда отрешен и погружен в себя. Его почти никто не знал, а сам он хотел только писать, и сейчас был предоставлен сам себе.

Живя во Вриндаване, он наслаждался глубоким покоем. Из окна своей комнаты он мог беспрепятственно созерцать в одиночестве спокойное течение священной Ямуны. Окрестности Кеши-гхата были тихим местом — только перед рассветом до него доносились голоса немногочисленных преданных, совершающих омовение и повторяющих мантры. В полнолуние река казалась мягко сияющим драгоценным камнем. Поутру неясным красным пятном поднималось солнце, как тлеющий костер, прожигающий мутную стену тумана, и в конце концов взрывающийся, своим светом расчищая небо. А в знойный полдень, когда в комнате царила прохлада, Абхай любовался из окна ярким полуденным солнцем и его трепещущим отражением на серебряной глади спокойной реки. Прямо с порога комнаты он видел на много километров сотни тесно прижавшихся друг к другу храмов приветливого Вриндавана. Постоянные храмовые киртаны, под звон колоколов, простые песни, посвященные Господу Кришне, звучавшие во многих домах и на улицах, наполняли воздух преданностью.

На веранде Абхай мог повторять джапу, и ему никто не мешал. Он наслаждался простой, почти беззаботной жизнью с минимальными потребностями — несколько часов сна ночью, немного прасада в полдень, и простая одежда. Не нужно было никому льстить, никого поддерживать, ни за кого отвечать. Его мысли были свободны и сосредоточены на служении духовному учителю. Он воспринимал теперешнее положение как подготовку к более важному делу, ожидающему его впереди. Несмотря на преклонный возраст, Абхай чувствовал, что еще даже не начинал главное дело своей жизни. Но он твердо верил — у него было собственное

видение сообщества преданных. И это была не просто мечта, хотя он пока не представлял, как это все произойдет. Сознавая свои обязанности, Абхай просто работал над книгами и статьями, в которых излагал свое видение, видение духовных учителей, своих предшественников. И при первой возможности он собирался отправиться на Запад. Он пришел к выводу, что люди Запада не удовлетворены жизнью, комфортной в материальном отношении, но лишенной духовного знания, и они будут более восприимчивы к посланию Абсолютной Истины, чем индийцы, его сограждане. Он знал, что должен туда ехать. И поедет – если на то будет воля Кришны.

Во Вриндаване Абхай жил очень экономно, всегда записывая свои расходы и доходы. Он аккуратно вел бухгалтерскую книгу, как если бы руководил важным коммерческим проектом, несмотря на то, что расходы состояли лишь в том, чтобы купить немного молока, овощей, угля для приготовления пищи, оплатить проезд на автобусе и – главное – почтовые расходы.

* * *

Во Вриндаване Абхай написал стихотворение на бенгали, «Вриндавана-бхаджана». Вступительные его строфы особенно глубоки и сокровенны.

1

Я один во Вриндавана-дхаме.

И в таком состоянии я начинаю многое понимать.

У меня есть жена, сыновья, дочери, внуки – все,

Но нет денег, поэтому нечем гордиться.

Господь показал мне лицо настоящее материальной природы;

Все это сегодня по милости Кришны утратило всякий вкус.

Ясьяхам анугрихнами харишье тад-дхана шанаих:

«Я все забираю у тех, к кому Я особенно добр».

Где мне было понять эту милость Всемиловитого?

2

Видя, что я остался без денег, меня все покинули –

жена, родственники, друзья, братья, – все.

Это несчастье, но я только смеюсь. Я сижу в одиночестве и смеюсь.

Кого я по-настоящему люблю в этой майя-самсаре?

Куда ушли мои любящие отец и мать?

Где все мои старики, где родные?

Кто скажет мне, что сейчас с ними, скажите, кто?

Что осталось от этой семьи? Просто список имен.

3

Что пена морская, что теряется в море,

То и игры майя-самсары.

Нет ни отцов, ни родственников, ни матерей -

Словно пена морская, они эфемерны.

И как пена морская сливается с морем,

Так и созданное из пяти элементов тело разрушится.

Сколько ж тел таких душа получает, рождаясь?

Все родные ее – родны только этому телу.

4

Но духовно, брат, каждый – родственник твой.

И в этой любви нет и намека на Майю.

А Верховный Господь – душа всех. Для Него

Все равны в этом мире.

Все твои родственники, брат! Все миллиарды джив.

Взгляни – все они связаны Кришной,

Все пребывают в согласии.

Забыв о Кришне, джива желает мирских удовольствий,

И Майя крепко хватает ее.

* * *

Посетив в октябре Дели, Абхай получил от Кавираджа Баидья Натх Сиркара пожертвование на издание тысячи номеров «Назад, к Богу». Быстро, к двадцатому октября, Абхай выпустил очередной номер журнала, на первой полосе которого было напечатано имя спонсора. Это был первый номер за два года. Еще один спонсор, господин Субодх Кумар Капур из компании «Рамалал Капур и сыновья», последовав примеру господина Сиркара, оплатил печать тысячи экземпляров для номера от двадцатого ноября.

Передовая статья ноябрьского номера называлась «Истина и красота». Автор передовицы в «Times of India» размышлял на тему, совместимы ли истина и красота. Он предполагал, что истина не всегда красива, а зачастую уродлива и неприятна. Абхай не соглашался: «Истина настолько прекрасна, что многие мудрецы, святые и преданные оставляли ради Нее все. Но мы с незапамятных времен привыкли любить вместо истины ложь». Однако, с тем, что мирская истина и красота несовместимы, Абхай был согласен. Мирская истина не только не красива – это вообще не истина, а мирская красота не является подлинной красотой. По этому поводу Абхай рассказал притчу.

Некий мужчина влюбился в красивую девушку. Девушка попыталась отказать ухажеру, но тот был настойчив. Тогда она попросила его подождать неделю, после чего обещала принять его предложение. В течение следующих семи дней девушка пила сильные слабительные и рвотные средства, ее постоянно рвало. Все, что из нее выходило, она сохраняла в больших горшках. Через неделю «так называемая красавица стала худой, как скелет, ее кожа почернела, а красивые глаза ввалились в глазницы».

В назначенный час, красиво принарядившись, мужчина появился перед ее домом и спросил у какой-то девушки, больной на вид, о том, где красавица, которая его пригласила. Он не узнал той, о ком спрашивал. Вид девушки вызывал жалость, и хотя она несколько раз называла свое имя, глупец упорно не узнавал ее. А ведь ее внешний вид был лишь следствием действия лекарств.

В конце концов, девушка поведала господину свою историю и рассказала, что отделила свою красоту и поместила ее в горшки. Она также сказала, что при желании он сможет насладиться «соками красоты», которые хранятся в этих горшках. Безумец и поэт, он согласился посмотреть на них и был препровожден к хранилищу жидкого стула и рвотных масс, которые источали невыносимое зловоние. Так перед ним раскрылась тайна «жидкой красоты».

Далее Абхай доказывал, что литература, которая не описывает высшую Истину и красоту Верховной Личности, даже если это поэзия и философия, ничем не лучше испражнений и блевотины.

В статье «Мерило нравственности» Абхай объяснял: «Нравственность – это качество деятельности, которая удовлетворяет Верховного Владыку». В Писаниях даются нравственные принципы, запрещающие порочные половые связи, убийство животных, прием одурманивающих средств и азартные игры. Абхай связывал успех Махатмы Ганди как вождя нации с тем, что тот следовал моральным принципам. Абхай превозносил ведическую систему брака: «по достижении половой зрелости у девушки появляется потребность в мужчине, и если к этому времени ее не выдать замуж, позволив свободно общаться с юношами, то нет ничего удивительного в том, что и девушка, и юноша окажутся на грани падения».

Несмотря на изменение социальных условий в обществе, Абхай настаивал: «Вы не должны позволять себе порочные связи с противоположным полом, оправдывая это тем, что изменились социальные условия, поскольку незаконная связь с женщиной – это исток всех пороков».

В статье «Обманутые ученые» Абхай представил критический разбор издания «Бхагавад-гиты» с комментариями д-ра Радхакришнана, цитируя, в частности, тридцать четвертый стих из Девятой Главы, где Господь Кришна утверждает, что нужно всегда думать о Нем и стать Его преданным. Доктор Радхакришнан прокомментировал этот стих так: «Мы должны отдать себя не Кришне как личности, но нерожденному, безначальному, вечному, которое говорит через Кришну». Хотя «Бхагавад-гита» недвусмысленно говорит о том, что человек должен предаться Кришне, Верховной Личности, имперсоналисты, вроде д-ра Радхакришнана, искажают и затемняют ее прямой смысл, жонглируя словами.

* * *

В день ухода Шрилы Бхактисиддханы Сарасвати Абхай остро почувствовал разлуку с духовным учителем. Он прекрасно знал, что наставления Шрилы Бхактисиддханты важнее, чем его физическое присутствие, и что духовный учитель живет в своих наставлениях – и в этом

смысле Абхай никогда не разлучался с ним. Но каждый год в этот день он чувствовал великую утрату. Абхай вспоминал 1932 год – тогда он был грихастхой и только-только стал учеником. Тогда он не мог, как сейчас, уделять служению столько времени, сколько хотелось. Но тогда он мог видеть своего духовного учителя, кланяться ему, принимать остатки его прасада, гулять с ним, слышать его голос, обмениваться взглядами. Абхай вспоминал о встречах с ним.

Как могущественна была миссия Шрилы Бхактисиддханты! Его типографии работали день и ночь, печатая книги, журналы, газету «Надия Пракаш». А какое поле для проповеди открывалось в Европе! Гаудия Матх, со Шрилой Бхактисиддхантой у руля, вступил в бой с силами майи, и Бхактисиддханта вселял в своих учеников бесстрашие. Абхай всегда горячо желал служить духовному учителю, служить в Гаудия Матхе, штаб-квартира которого находилась в Калькутте. Но четкого представления о своем служении он не имел, пока не получил последнее письмо от Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Абхай оглядывался на двадцать лет, прошедшие с тех пор, как его духовный учитель оставил этот мир. Гаудия Матх был разрушен своими вождями, а остальные разлетелись, словно листья в бурю. Это была неопишуемая утрата. Старая история – «великие санньяси» не выполнили наказ своего духовного учителя и ударились в интриги, споры и судебные процессы. Жестокие распри, самозванные лидеры, претендующие на место мирового ачарьи – на чьей стороне была правда? Ни на чьей. Ошибались и те и другие, напрочь ошибались, и Гаудия Матх раскололся. Остались десятки маленьких матхов, а проповедь прекратилась – та, настоящая проповедь, которая велась прежде, когда он, Симха-гуру, наводил страх на майявади и руководил победным маршем армии молодых, могущественных проповедников по всей Индии и за ее пределами. Но больше всего от раскола Гаудия Матха пострадали простые люди, непредавшиеся, которым больше неоткуда было ждать спасения от сокрушительных ударов майи. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати начал духовную революцию, но его революционное движение было подавлено майей. Гаудия Матх разметало на отдельные, самодовольные, но почти ни на что не способные клочки. А люди продолжали страдать.

Нащупывая свой путь, Абхай жил лишь воспоминаниями о духовном учителе. Он был уверен в том, что его связь со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати не оборвалась, а их взаимоотношения продолжались, но все же чувствовал себя беспомощным. Он прилежно исполнял наказ духовного учителя – проповедовал на английском языке. Но, лишенный его физического присутствия, Абхай ощущал себя ни на что не годным и очень, очень одиноким. В такие минуты он сомневался, разумно ли было бросать семью и бизнес. Оплакивая уход Шрилы Бхактисиддханты и падение Гаудия Матха, он сочинил стихотворение на бенгали под названием «Вирах-аштака».

Шрила Прабхупада, всегда сострадательный к душам, что терпят мучения.

Разлука с вами гнетет меня.

Нитьянанда, безграничный океан милости, смывающий иллюзию, заливал всех
неиссякаемыми потоками любви к Богу.

Джати-госаи остановили это наводнение,

Но, ты, о, Господин, сойдя в этот мир, рассеял их чары.

И снова все утонули в потоке любви,

И даже я, такой падший, низкий и грешный.

Повинуясь Господу Чайтанье,

Вы сделали слуг своих гуру, и велели им ходить от двери к двери.

И они проповедовали повсюду, от океана до Гималаев.

Теперь, когда вас нет, все погрузилось во мрак.

О Шрила Прабхупада, вы всегда сострадательны к душам, что терпят мучения.

Разлука с вами гнетет меня

В разлуке я чувствую упадок сил.

Адвайта Прабху призвал Господа Гауру, и Бхактивинода молился так же.

Своим вдохновением, он призвал вас; уступив его горячему желанию, вы пришли,

И дали каждому понять, что Индия – это святая земля.

Тот, кто родился на земле Бхараты

Должен сделать свою жизнь совершенной и проповедовать другим.

Вы несли послание маха-мантры повсюду.
Теперь, в ваше отсутствие, о Господин, все погрузилось во тьму.
Поток вашего сострадания снова был остановлен.
Копье этой великой беды пронзило мне сердце.
Без послания Господа Чайтаньи мир ожидает только смятение.
Видя это, вайшнав испытывают муки разлуки.
Обусловленные души снова ввергнуты во тьму.
Они ищут мира, но гибнут в океане тревоги.
О Шрила Прабхупада, вы всегда сострадательны к несчастным душам, что терпят мученья.
Меня гнетет разлука с вами.

Абхай видел настоящее в мрачном свете. Золотая эра проповеди, процветавшей во времена Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, закончилась. «Под влиянием майи, – писал Абхай, – теперь все погрузилось во тьму. Все наставления преданности нарушены. Все повернулось вспять». Вспоминая великую личность, своего духовного учителя, обладавшего божественной энергией, способной спасти весь мир, Абхай признавался в собственном бессилии и беспомощности: «Из-за тех, кто не был тверд в преданном служении, одна организация разделилась на множество разрозненных ветвей... Ваше ясное послание не было услышано. Откуда мне взять силы для движения санкиртаны?» Как мог он, маленькое духовное дитя, выжить без своего духовного отца? Кто сейчас может спасти этот угнетенный как никогда мир?

Шрила Бхактисиддханта сказал, что мертвец не может проповедовать; проповедовать может только тот, в ком есть жизнь. До тех пор, пока Абхай и другие способны глубоко сожалеть о крушении Гаудия Матха, жизнь теплится и надежда жива: «Если бы каждый воспользовался этим правом, вышел и стал принимать учеников, тогда страждущие души можно было бы спасти». Бесплезно лить слезы по поводу того, что натворили духовные братья, хотя одна только мысль об открывавшихся возможностях причиняла Абхаю боль. Обдумывая и оценивая происшедшее, он заметил тлеющую искру того, что по-прежнему можно было сделать.

Абхай послал свое стихотворение и «Вриндавана-бхаджану» Кешаве Махарадже, который опубликовал их в «Гаудия Патрике».

* * *

Однажды ночью Абхаю приснился удивительный сон, тот самый, который он уже несколько раз видел, когда еще жил с семьей. Ему явился Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. Абхай сразу же узнал его – высокого, ученого санньяси, который пришел прямо из духовного мира, из личного окружения Кришны. Он окликнул Абхая и жестом приказал следовать за ним. Затем снова назвал Абхая по имени и повторил свой жест. Он попросил Абхая принять санньясу. «Иди, – настаивал он – стань санньяси».

Абхай проснулся в изумлении. В этом приказе он увидел, как еще раз подтверждается наставление, которое Шрила Бхактисиддханта Сарасвати дал ему при первой их встрече в Калькутте; то наставление, которое он впоследствии подтвердил в письме: проповедуй на английском языке и распространи сознание Кришны по всему западному миру. Санньяса нужна была только для этого; иначе, зачем духовный учитель стал бы о ней просить? Абхай пришел к выводу, что духовный учитель говорит: «Время пришло, стань санньяси, и ты сможешь выполнить эту миссию. Раньше было не время».

Абхай тщательно все взвесил. Принимая санньясу, вайшнав посвящает свое тело, ум и речь лишь только служению Верховной Личности, Богу, отрешившись от всех прочих занятий. Это он уже и так сделал. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати давал своим лучшим ученикам санньясу именно для того, чтобы они могли продолжать его миссию. Они с этим не справились. Проповедь на Западе, даже среди самых уважаемых санньяси Гаудия Матха, считалась делом рискованным. Как он, простой домохозяин, мог надеяться на успех там, где все остальные потерпели неудачу? Он колебался. Он чувствовал себя беспомощным и бесполезным, о чем и написал в своей «Вирах-аштаке». Но теперь духовный учитель сам поощрял его подняться над всеми этими соображениями и даже над присущим ему смирением. Его желание проповедовать, подобно духовному учителю, не изменилось, несмотря на одиночество и преклонный возраст. Он обладал огромной решимостью, хотя, возможно, внешне это было не так заметно.

Чтобы руководить проповедническим движением, человек должен стать санньяси – об этом говорила и Ведическая традиция, и пример предшественников ачарий. Ради миссионерской деятельности принял санньясу Шрила Бхактисиддханта. Сам Господь Чайтанья, чтобы распространить движение санкиртаны, тоже стал санньяси. Конечно, Он был Верховной Личностью Бога, но его юные ученики проявили к Нему неуважение, посчитав обычным человеком. И тогда Он принял санньясу – ведь этот статус почитается в обществе. Господь все рассчитал точно. И стоило Ему начать странствовать по Индии, уже как санньяси, к движению санкиртаны сразу же примкнули тысячи последователей.

Зная, что в эпоху Кали найдется много обманщиков, которые будут рядиться в шафрановые одежды и позорить честь санньяси, Господь Чайтанья не советовал принимать санньясу. Он знал, что мошенники в облики садху будут вести себя безнравственно, собирая деньги на всяческие удовольствия и привлекая множество последователей для повышения собственного престижа. Выдавая себя за свами, они будут дурачить людей. Люди в Кали-югу не в состоянии следовать строгим правилам санньясы, поэтому Господь Чайтанья рекомендовал им просто повторять Харе Кришна. Однако если кто-то действительно готов принять предписания этого ашрама – тем более, если это нужно для расширения движения санкиртаны, тогда санньяса необходима.

Сначала Абхай должен был попросить разрешения у одного из духовных братьев. Он решил обратиться к Бхактивиласа Тиртхе Махарадже (бывшему Кунджавихари), главе калькуттского Чайтанья Матха. Абхай по-прежнему считал Чайтанья Матх штаб-квартирой миссии своего духовного учителя. Во время горячих судебных споров он был самым лакомым кусочком, самой ценной собственностью, с самыми большими активами и недвижимостью. С 1948 года он по закону отошел к Бхактивиласа Тиртхе Махарадже, и хотя теперь у каждого санньяси было свое место, Чайтанья Матх и Бхактивиласа Тиртха Махарадж были официальными представителями всего Гаудия Матха. Абхай считал, что если ему и суждено принять санньясу и поехать в Америку проповедовать, то в первую очередь он должен предоставить возможность поддержать его деятельность именно Чайтанья Матху. В апреле 1959 года Абхай написал Тиртхе Махарадже письмо, в котором спрашивал о возможности принять санньясу и напечатать за счет Чайтанья Матха некоторые из своих рукописей. И еще – поскольку за границу никто не ездил, Абхай вызвался стать представителем Чайтанья Матха на западе.

Бхактивиласа Махараджа ответил, что сначала Абхай должен присоединиться к Матху. Он упомянул о все еще тлеющем раздоре: «Теми, кто действует против Чайтанья Матха, движут личные амбиции». Он писал, что любой противник Чайтанья Матха поступает неразумно и действует вопреки наставлениям Бхактисиддханты Сарасвати. Поэтому, по мнению Тиртхи Махараджи, Абхаю следовало сделать то, от чего он отказался много лет назад – присоединиться к Чайтанья Матху и действовать под началом Тиртхи Махараджа. Махарадж перечислил имена нескольких членов Матха, недавно получивших санньясу, и упомянул, что для Абхая это тоже станет возможно – со временем. Он приглашал его поселиться в Чайтанья Матхе: «У нас есть дом с просторными светлыми комнатами. Мы примем вас очень хорошо. У вас не будет никаких сложностей. Мы позаботимся о том, чтобы вы не испытывали никаких неудобств». Но относительно публикации книг он написал:

Мы с нетерпением ожидаем возможности издания книг о преданном служении, таких как «Шатсандарбха», «Веданта», и многих других редких книг госвами. В первую очередь мы напечатаем их. Книги, написанные вами, будут проверены редакционной коллегией и, если удастся собрать средства, тогда их напечатают в порядке очередности. Но книги будут печататься только в том случае, если они полезны служению Чайтанья Матха. А если появятся средства, то мы также запланируем и поездки за границу.

Абхая это не вдохновило. Он чувствовал, что основная трудность Чайтанья Матха заключалась в том, что у них не хватало денег.

Шрила Прабхупада: Я печатал на сломанной пишущей машинке. Я обратился к нашему Тиртхе Махарадже: «Предоставьте мне комнату и напечатайте мои книги. Дайте мне денег. Тогда я присоединюсь к вам». Мне казалось: «Это организация Гуру Махараджа». Он не отказал, но печатать книги было для него сложной задачей. У него не хватало денег. Его матх едва сводил концы с концами. Чтобы напечатать книги, нужно много всего. К тому же нет гарантии, что их кто-нибудь купит.

Без книг и путешествия на Запад санньяса теряла всякий смысл (тем более, кто знает, когда Тиртха Махараджа разрешил бы ему ее принять). Зачем ехать в Калькутту – только для того,

чтобы жить в просторной светлой комнате? У него во Вриндаване и так все это есть. Абхай написал ответ Тиртхе Махарадже, где упомянул прямое указание, полученное им от Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати – проповедовать тем, кто говорит по-английски. Он хотел отправиться на Запад немедленно и думал, что Чайтанья Матх с радостью встретит его предложение. Конечно, у Тиртхи Махараджа, как и у Абхая, были свои обязанности, но, возможно, у них бы получилось сообща выполнять желание духовного учителя. Абхай попросил Тиртху Махараджа еще раз обдумать его предложение. Седьмого мая 1959 года Бхактивиласа Тиртха Махараджа ответил.

Я советую вам не принимать поспешных решений. Поживите с нами какое-то время, послужите обществу, выполняйте служение для организации, а уже потом и примете триданда-санньясу. Цель принятия санньясы – это служение обществу.

Если вы хотите, то Шри Чайтанья Матх примет решение по поводу вашей проповеднической поездки в Америку и сам все устроит. Общество принципиально не может позволить кому-то действовать по собственной прихоти, на свой страх и риск. Кто и чем будет занят, общество решает после консультации с руководителями. Вот все, что я хотел сказать. Прежде всего, необходимо соотнести себя с обществом.

Для того, чтобы проповедовать в Америке или в других странах, важно иметь поддержку официальной организации, кроме того, прежде, чем ехать в другие страны, необходимо зарекомендовать себя в Индии.

Сейчас на Западе не проводятся ни встречи, ни конференции, как это было раньше. Люди общаются посредством телевидения.

Абхай, конечно, понимал и нужды, и предпочтения Чайтанья Матха, но не мог им позволить затмить то, что считал самым главным: проповедь – как завещал Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. Абхай предложил свое служение лидерам Чайтанья Матха, надеясь, что их и его взгляды совпадут. Он думал, что, чувствуя острую нехватку сознания Кришны в мире, они заметят убежденность и горячее желание Абхая Бабу и сразу же отправят его на Запад, снабдив всем необходимым. Но их интересовало другое.

Следующим, к кому обратился Абхай, был Кешава Махарадж из Матхуры, и тот посоветовал Абхаю не откладывая принять санньясу. После переписки с Тиртхой Махараджем Абхай несколько засомневался, поэтому, услышав настойчивые уговоры духовного брата, стал сопротивляться. Но Кешава Махарадж настаивал.

Шрила Прабхупада: Я в сидел один во Вриндаване и писал. Мой духовный брат настойчиво убеждал меня: «Бхактиведанта Прабху, ты должен это сделать. Не приняв отречения, невозможно стать проповедником». Он на этом настаивал. По сути, настаивал не он – настаивал мой духовный учитель. Он хотел, чтобы я стал проповедником, поэтому подталкивал меня к этому через моего духовного брата: «Соглашайся». Я нехотя согласился.

* * *

Кешаваджи Гаудия Матх располагался в центре одного из городских базаров Матхуры. Главные арочные ворота матха вели в открытый двор, накрытый сверху металлической сеткой. По архитектуре он был похож на храм Вамши-гопаладжи. В матхе было тихо и спокойно, как в монастыре. Абхая здесь хорошо знали и всегда были рады видеть. Он здесь жил, писал, занимался в библиотеке, редактировал «Гаудия Патрику», сюда он отдал Божество Господа Чайтаньи, которое теперь стояло на алтаре, рядом с Божествами Радхи и Кришны (Шри Шри Радха Винодавихариджи). Но визит в сентябре 1959 года был необычным. Он вошел в матх, одетый в белое, как Абхай Бабу, а уходить собирался как свами, в шафрановом облачении.

Абхай уже девять лет жил в отречении; ему не было нужды проходить церемонию или получать титул садху, меняя цвет одежды. Но такова была традиция парампары: в конце жизни мужчина должен принять триданди-санньясу. Он знал о санньяси-притворщиках; даже во Вриндаване он видел так называемых «садху», которые не проповедовали, а коротали свои дни в поисках чапати. А некоторые из них были замечены в том, от чего, как санньяси, должны были бы отречься – в половой жизни. Эти люди превращали свою санньясу в балаган. Были во Вриндаване и кастовые госвами, которые жили как обычные домохозяева – для этих управление храмом было простым бизнесом, с помощью которого они содержали семьи, гордясь при этом своим высоким рождением и собирая почести и пожертвования. Абхай прекрасно знал об этих злоупотреблениях

санньясой, но подлинное значение санньясы ему тоже было известно. Санньяса была нужна для проповеди.

Утром 17 сентября 1959 года в комнате Божеств (пятнадцать на семь с половиной метров), на втором этаже Кешаваджи Матха, перед Божествами Радхи-Кришны и Господа Чайтаньи сидела группа преданных. На Божествах были яркие, по-царски роскошные одежды и серебряные короны. Ладонь правой руки Радхарани была обращена вперед в знак благословения; в опущенной левой руке Она держала цветок для Кришны. Кришна стоял в танцевальной позе, поставив правую ногу на носок перед левой, и изящно подносил к Своим алым губам длинную серебряную флейту. Его длинные черные волосы ниспадали на плечи, а гирлянда из бархатцев достигала колен. Справа от Него стояло Божество Господа Чайтаньи, правая рука которого была поднята вверх, а левая – слегка опущена вниз и в сторону. Он стоял прямо, соединив ноги вместе. Чайтанья был мягкого золотистого цвета, с большими глазами, алым ртом правильной формы и прямыми черными волосами до плеч. На ступеньку ниже Божеств стояли изображения духовных учителей ученической преемственности: Джаганнатхи даса Бабаджи, Бхактивиноды Тхакура, Гауракишоры даса Бабаджи, Бхактисиддханты Сарасвати и Бхактипрагьяна Кешавы Махараджа.

Абхай сидел на циновке из травы куша рядом с девяностолетним Санатаной, который тоже принимал санньясу в этот день. Сидящий напротив них Нараяна Махарадж, ученик Кешавы Махараджа, готовился провести церемонию, в которую входило чтение мантр и подношение огню зерна и гхи. Акинчана Кришнадаса Бабаджи, духовный брат Абхая, известный своим нежным, сладким пением, играл на мриданге и пел вайшнавские бхаджаны. Руководил церемонией Его Святейшество Кешава Махарадж, сидевший на возвышении. Поскольку о церемонии не было объявлено, и никого из гостей не пригласили, там присутствовали лишь несколько человек из матха.

Нараяна Махараджа пропел традиционные мантры, а затем Кешава Махарадж прочитал лекцию. После этого, ко всеобщему удивлению, Кешава Махараджа предоставил слово Абхaya, что было для того полной неожиданностью. Оглядев собравшихся преданных, он понял, что большинство из них говорит на хинди – только Кешава Махарадж и еще двое-трое владели английским. Но он твердо знал, что говорить должен на английском.

После речи Абхая кандидаты получили санньяса-данду, традиционный посох длиною в человеческий рост, связанный из четырех бамбуковых палок и обернутый в шафрановую ткань. Им поднесли одежду санньяси: отрез шафрановой ткани для дхоти, еще один – для верхней половины тела, и две полосы ткани для нижнего белья. Кроме того, каждый из них получил бусы из туласи и санньяса-мантру. Кешава Махарадж сказал, что отныне Абхая будут звать Бхактиведантой Свами Махараджей, а Санатану – Муни Махараджей. После церемонии новые санньяси сфотографировались со своим санньяса-гуру, который сидел в кресле, тогда как они стояли по обе стороны от него.

Кешава Махарадж не налагал на Абхая никаких ограничений – он просто вдохновлял его проповедовать дальше. Тем не менее, Абхай знал, что, став А.Ч. Бхактиведантой Свами, он не просто отверг семью, домашние удобства и бизнес – он сделал это еще пять лет назад – смена одежды с белой на шафрановую и перемена имени с «Абхай Бабу» на «А.Ч. Бхактиведанта Свами Махараджа» имели особое значение: это был приказ, которого он ждал, обязательство, которое нельзя отменить. Теперь только время отделяло Бхактиведанту Свами от поездки на Запад, как того хотел Бхактисиддхант Сарасвати. Так Бхактиведанта Свами понимал свое новое положение.

Заметка о посвящении в санньясу, опубликованная в «Гаудия Патрике», включала краткий биографический очерк о Шри Шримад Бхактиведанте Свами Махарадже, где перечислялись основные события его жизни. Статья заканчивалась так:

Видя его энтузиазм и писательский талант в хинди, английском и бенгальском языках, Бхактисиддхант Сарасвати Махарадж дал ему наставление принять триданда-санньясу. В месяц Бхадра, в тот самый день, когда принял санньясу Вишварупа, Бхактиведанта Свами также принял санньясу в Шри Кешаваджи Гаудия Матхе от основателя «Веданта Самити», Бхактипрагьяна Кешавы Махараджа. Наблюдая за тем, как он принимает ашрам отречения, мы ощутили великую любовь и вдохновение.

Глава десятая

«Этот решающий час испытаний»

Разумеется, нам не удастся передать содержание адекватно, тем более на чужом для нас языке, и, несмотря на наши искренние старания представить его должным образом, мы можем допустить много литературных погрешностей. Но мы уверены, что эти недостатки не помешают людям оценить серьезность его содержания, и лидеры общества с должным вниманием отнесутся к этой попытке, видя наши искренние старания прославить Всемогущего Бога.

Из «Шримад-Бхагаватам»

Песнь первая, том первый

Бхактиведанта Свами в сопровождении преданных из Кешаваджи Матха совершил короткое проповедническое турне по Агре, Канпуру, Джханси и Дели. Но вскоре он вернулся домой, в храм Вамши-гопаладжи. Уже никто не называл его «Абхай Бабу» – даже друзья – и те звали его «Свамиджи» или «Махарадж». А простые люди нередко обращались к нему как к «Свами Бхактиведанте», «Свами Махарадже», «А.Ч. Бхактиведанте Свами»... Окружающие выражали ему почтение, сразу же признав в нем садху.

Но главные трудности остались. Он хотел писать и издавать книги, но денег не было. Он хотел распространять послание Бога, но многие не хотели его слушать. От того, что он стал свами, проблемы не исчезли.

Как-то один библиотекарь посоветовал Бхактиведанте Свами писать книги – ведь книги остаются надолго, не то что газеты, которые, прочитав, сразу выбрасывают. Бхактиведанта Свами понял, что через этого человека говорит его духовный учитель. То же самое ему посоветовал офицер индийской армии, которому понравился журнал «Назад к Богу». И то, и другое Бхактиведанта Свами принял как откровение, пришедшее от духовного учителя. И всегда думая о желаниях своего господина и ожидая его указаний, как послушный слуга, Бхактиведанта Свами чувствовал, что духовный учитель находится рядом и благословляет его. Он все больше и больше ощущал сокровенную связь со Шрилой Бхактисиддхантой, а теперь почувствовал желание писать книги.

Он решил начать со «Шримад-Бхагаватам», поскольку это самое значительное и авторитетное Писание вайшнавов. В «Бхагавад-гите» в кратком и простом изложении представлена суть всего ведического знания, но «Шримад-Бхагаватам» гораздо подробнее и глубже. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати и Бхактивинода Тхакура давали комментарии к «Шримад-Бхагаватам» на бенгали. Да и большинство великих ачарий прошлого писали свои комментарии на «Бхагаватам». Сам Господь Чайтанья восхвалял его как безупречное ведическое произведение. Английский перевод и комментарий к этой книге мог в один прекрасный день изменить сердца живых существ всего мира. И если удастся напечатать хотя бы несколько томов, это очень поможет его проповеди: он сможет смело ехать за границу – и не с пустыми руками.

Однажды Гаурачанд Госвами, владеец храма Радха-Дамодары, предложил Бхактиведанте Свами переехать в этот храм. Храм Радха-Дамодары был вечной обителью Дживы Госвами и Рупы Госвами, и как нельзя более подходил для литературной работы и переводов Бхактиведанты Свами. Бхактиведанту Свами заинтересовало это предложение. Он никогда не прекращал свои регулярные визиты в этот храм и всегда чувствовал вдохновение, находясь рядом с самадхи великих вождей Движения Господа Чайтаньи – Дживы и Рупы Госвами. Но, придя посмотреть, в каком состоянии находятся две свободные комнаты, он увидел, что они в ужасном состоянии – много лет они пустовали и их никто не ремонтировал. Но, не желая терять такой возможности, Бхактиведанта Свами согласился занять комнаты, за пять рупий в месяц. Он прикинул, что за пятьсот с небольшим рупий он сможет провести в комнаты электричество и сделать там капитальный ремонт, а потом и переехать туда.

Бхактиведанта Свами чувствовал, что приглашение жить в храме Радха-Дамодары – огромное благо для него, ведь жизнь там будет очень способствовать его новой работе – переводу «Шримад-Бхагаватам» на английский язык. Из всех храмов Вриндавана, храм Радха-Дамодары

располагал самой большой библиотекой подлинных рукописей шести Госвами и их последователей – более двух тысяч отдельных манускриптов, многим из которых было более трехсот, а некоторым даже более четырехсот лет. Бхактиведанта Свами с нетерпением ожидал того дня, когда он переедет в этот храм и начнет нести свое служение в обществе Шрилы Рупы и Шрилы Дживы Госвами. Пока же он оставался в храме Вамши-гопаладжи, чтобы постепенно копить деньги на ремонт комнат.

* * *

Одним из главных правил Бхактисиддханты Сарасвати было следующее: проповедник должен идти в города, а не сидеть в уединении в святом месте. Поэтому Бхактиведанта Свами продолжал ездить в Дели, несмотря на то, что для него это был ад. Да и к тому же там не было постоянного места для ночлега. Часто его принимал у себя какой-нибудь бизнесмен, который, как было принято в индийской культуре, считал это своим долгом – добропорядочный человек, ищущий благосклонности Бога, должен приютить и накормить садху. Но это «индийское» благочестие основывалось на сантиментах, и обходительность этих людей была показной. Они не могли по-настоящему оценить труд Бхактиведанты Свами. А он не собирался навязываться таким людям.

Он встретился с г-ном Хитсараном Шармой, управляющим «Радха Пресс», который когда-то печатал объявления и бланки официальных писем для «Лиги преданных». Бхактиведанта Свами иногда останавливался в его доме. Господин Шарма представил Бхактиведанту Свами Пандиту Шри Кришна Шарме, кастовому брахману и активному религиозному деятелю, секретарю «Шри Навал Прем Сабхи» делийского религиозного общества, основанного сто лет назад. Симпатизируя литературной работе Бхактиведанты Свами, Кришна Пандит предоставил ему комнату в своем храме Радха-Кришны в Чиппиваде, районе Старого Дели. Так у Бхактиведанты Свами появилось постоянное место в Дели.

Поезд из Матхуры прибывал на станцию «Старый Дели» недалеко от Чандни Чоук, широкого проспекта с оживленным движением: рикши, велосипедисты, едущие сплошным потоком, реже автомобили, пешие носильщики, тянущие тяжелые повозки, вьючные животные – ослы, волы, а иногда верблюды и слоны, везущие тяжелую поклажу и погоняемые кнутами погонщиков...

Сойдя с оживленной Чандни Чоук, Бхактиведанта Свами пешком пошел по направлению к Чиппиваде. Он миновал Красный Форт, оставил по левую руку храм Гаури-Шанкары и, уже перейдя на другую улицу, прошел мимо большой, внушительной мечети Джама. По мере приближения к Чиппиваде улицы сужались. До разделения Индии и Пакистана в 1947 году, после которого здесь обосновались тысячи индусов из Пенджаба, этот район был мусульманским. Чиппивада была частью индо-мусульманского района, населенного настолько густо, что въезд машин на его улицы был запрещен; только воловьих повозки и рикши могли проехать по узким, переполненным людьми проходам, а на некоторых местах в тротуар были вмурованы железные столбы, чтобы воспрепятствовать движению рикш. Даже велосипедист мог стать причиной беспорядка в каком-нибудь узком переулке, густо заполненном толпами покупателей и рабочих. Боковые улочки переплетались с переулками – такими узкими, что балконы на втором этаже противоположных домов разделяло лишь несколько сантиметров, и улица была накрыта чем-то вроде крыши, поэтому пешеход видел над головой только узкую полосу неба. Частные дворы, магазины, аллеи невозможно было разглядеть за толпами людей. Большинство вывесок на магазинах были написаны на хинди с пояснением на английском, однако кое-где можно было увидеть и арабскую вязь, а женщины в черной одежде, скрывающие лицо под чадрой, были здесь обычным явлением. В сердце этой напряженной городской жизни находился храм Радха-Кришны, которым управлял Кришна Пандит. Прямо над незатейливыми арочными воротами храма виднелось изображение полубога Ганеши и гнезда голубей.

Храм чем-то напоминал обычный многоквартирный дом – в нем жило несколько семей. В храмовом помещении было темно, но Божества Радхи и Кришны были хорошо освещены. Радхарани сияла молочной белизной, а Кришна, высотой более полуметра, был из черного мрамора. Его лицо украшали точки из свежей сандаловой пасты, а лоб был умащен желтым сандалом. Божества носили шелковые одежды. На втором этаже, прямо над алтарем, располагалась гостевая, комната Бхактиведанты Свами. Цементные стены, пол, выступающая из

него метровая бетонная пирамида со шпилем, указывающая, что прямо под ней находятся Божества – вот и все ее убранство.

Но вскоре Бхактиведанта Свами обнаружил, что комната его, оказывается, не такая уж тихая: за стенами жили другие постояльцы. За дверью, над храмовым двором, была подвешена металлическая сетка, меньшего размера, чем в храмах Вамши-гопаладжи и Кешаваджи Матха, но закрывающая от взора весь маленький дворик. С крыши почти не было видно деревьев. Пейзаж состоял из крыш многоквартирных домов, так плотно прилегавших друг к другу, что по ним, казалось, можно было дойти до грандиозного Джама Масджида. Три огромные купола мечети, окруженные высокими минаретами, вздымались над городскими зданиями, привлекая стаи голубей, которые садились на них или кругами летали по небу.

Кришна Пандит носил черное, легкое хлопчатобумажное пальто, фасон которого был известен всему миру благодаря Пандиту Неру. Шляпа у него была тоже как у Неру. Кришна Пандит говорил на хорошем английском и был очень разговорчив. В районе его хорошо знали и уважали. Пандит считал Бхактиведанту Свами садху, посланником Божьим, о котором нужно проявлять заботу, чтобы еще раз доказать богоугодность индуистской культуры. Новый гость оказался человеком очень приятным: простым, порядочным, любезным, да и был, к тому же, серьезным и ученым вайшнавом. Кришна Пандит заявил, что осознает всю важность деятельности Бхактиведанты Свами в духе санатана-дхармы, и понимает, что Свами нужен свой кабинет в Дели. Поэтому, сказал он, он торжественно обещает обеспечивать своего гостя всем необходимым. И хотя Бхактиведанта Свами ничего не просил для себя лично, Кришна Пандит принес циновку, низкий столик, которые расположил перед пирамидой, и матрас. Он показал Бхактиведанте Свами, как пользоваться единственным источником освещения в комнате – электрической лампочкой с металлическим абажуром, висящей на проводе, длину которого можно было регулировать вручную. Пандит принес изображение Радхи и Кришны, подаренное его духовному учителю Махараджей Джайпура, и установил его в нише в стене, радуясь, что Бхактиведанта Свами может созерцать его глазами истинного преданного.

Бхактиведанта Свами мечтал об уединенном месте, где можно было бы писать книги перед отъездом на Запад, и Кришна предоставил ему такое место. Теперь он мог работать и во Вриндаване, и в Дели. Почти сразу же он принялся за работу над журналом «Назад, к Богу», решив из номера в номер печатать отрывки из своих прошлых сочинений. Тогда же он начал работать над «Шримад-Бхагаватам».

Узнав о том, как трудно издавать журнал, Кришна Пандит вызвался оказать некоторую практическую помощь в его издании. Бхактиведанта Свами был так доволен искренней помощью Кришна Пандита, что в знак благодарности добавил к его имени титул «Хари-бхактанудаса», «тот, кто служит преданному Господу». Проведя в Чиппиваде шесть месяцев, Бхактиведанта Свами написал в гостевой книге храма слова благодарности.

Я рад записать здесь, что приехал в Дели из своей штаб-квартиры (1/859, Кеши Гхат, Вриндаван, Уттар Прадеш) исключительно с духовной миссией – миссией проповеди преданного служения Господу. И еще более счастлив я упомянуть здесь, что Шриман Шри Кришна Шарма Харибхактанудас предоставил мне здесь подходящую комнату для моей литературной работы. Здесь и в «Навал Прем Шабхе», где Шри Кришнаджи состоит Почетным членом, я издаю журнал под названием «Назад к Богу», выходящий на английском языке два раза в месяц. Секретарь организует мои ежедневные лекции по «Шримад Бхагват» (Так в оригинале – Прим. перев.).

Покойный Пандит Джьоти Прасад Шарма, отец Шри Кришнаджи, также знал меня, и при жизни, всякий раз, как я приезжал в Дели, Пандит Джьоти Прасадджи предоставлял мне жилье. Его замечательный сын также следует по стопам своего благородного отца, и как секретарь «Навал Прем Шабхи», оказывает большое служение для проповеди Рама Намы по всему городу.

Аккуратным английским почерком, Бхактиведанта Свами написал также, что, по его мнению, храмы должны использоваться исключительно в целях обучения людей духовным ценностям, и его личная миссия как раз и состоит в организации храмов для этого служения.

Храмы не предназначены для обычных домохозяев, занятых лишь удовлетворением животных потребностей. Проживать в храме можно позволить только тем, кто действительно занят служением Господу Богу, настоящему хозяину храма. Другим в нем не место.

Пытаясь работать над «Шримад-Бхагаватам» в Чиппиваде, в окружении зачастую слишком шумных соседских семей, с их материалистичными домашними привычками, Бхактиведанта Свами убедился в том, как важно не использовать храм в качестве жилого дома.

Несмотря на свои постоянные заботы о том, чтобы найти постоянное место для проживания и начать монументальную работу по переводу «Шримад-Бхагаватам», Бхактиведанта Свами не забывал и о других формах проповеди. В октябре 1959 он натолкнулся на заметку в «Times of India». Двое американских ученых получили Нобелевскую премию за открытие антипротона. «Согласно одному из фундаментальных предположений новой теории, – говорилось в статье – возможно, существует другой мир или антимир, состоящий из антиматерии». Выражение «другой мир» напомнило Бхактиведанте Свами о духовном мире, описанном в Бхагавад-гите. Он, конечно, понимал, что, говоря об антиматериальном мире, ученые вряд ли имели в виду мир «вечный» или «духовный», но для того, чтобы вызвать интерес у людей, верящих в науку, он решил воспользоваться научными терминами. Он задумал статью, в которой теистическая наука «Бхагавад-гиты» представлялась бы в терминах «антиматериальная частица» и «антиматериальный мир».

Это было время, когда весь мир говорил о полетах в космос. Два года назад индийские средства массовой информации сообщили о том, что в Советском Союзе запущен спутник. Началась космическая гонка. Уловив всеобщий интерес к космическим полетам, Бхактиведанта Свами писал, как с помощью бхакти-йоги душа может путешествовать к самым отдаленным уголкам космоса, достигая вечных планет духовного мира, где жизнь полна блаженства и знания. Он заново перевел некоторые стихи «Бхагавад-гиты», изложив их языком новой физики с ее «антиматериальной частицей» и «антиматериальным миром». Законченная рукопись представляла собой небольшую, объемом в пятнадцать тысяч слов книгу под названием «Легкое путешествие к другим планетам». Он показал работу Хистарану Шарме из издательства «Радха Пресс». Но денег на печать книги, даже такой маленькой, у того не было.

В феврале 1960 года Бхактиведанта Свами решил напечатать ее сам, в двух номерах «Назад, к Богу». Появление этих статей вызвало незамедлительный отклик от одного физика из гуджаратского университета в Ахмедабаде, г-на Й. Г. Найка, который получил «Назад, к Богу» по почте. По мнению доктора Найка, объяснение принципа антиматерии, данное Бхактиведантой Свами, было «просто великолепным». «Это, несомненно, классическая статья» – писал он. Доктору Найку было интересно продолжить дискуссию на тему физики и трансцендентного знания, а Бхактиведанта Свами отозвался с не меньшим энтузиазмом, в конце концов пригласив физика присоединиться к нему, чтобы вместе распространять культурное наследие Индии по всему миру.

Убежденный в том, что это эссе может заинтересовать многих англо-говорящих читателей, Бхактиведанта Свами усердно собирал пожертвования, чтобы издать «Легкое путешествие на другие планеты» в форме брошюры. И в конце концов, осенью 1960 его усилия увенчались успехом. Предисловие, написанное доктором Н.К. Сидхантой, вице-канцлером делийского университета, немного запоздало, но все же вышло вместе с книгой в виде вкладыша.

Эта книга полезна всем, но в особенности я рекомендую ее студентам, которые, прочитав ее и занявшись Бхакти-йогой, смогут укрепить свой ум и воспитать характер. Я буду рад, если эту работу кроме студентов прочитают также и преподаватели.

Несколько индийских ученых написали свои рецензии, отметив, что книга «объединяет научное и духовное видение» и говорит о «методе преодоления космического пространства не механическими средствами, а путем психологического усилия и духовного освобождения». В книжке было всего лишь тридцать восемь страниц, но это было первое печатное издание, после журнала «Назад к Богу» (который умещался на одном газетном развороте). Бхактиведанта Свами использовал любую возможность для распространения этой маленькой книги. Один экземпляр он подарил д-ру П. Баннерджи из национального музея Нью-Дели.

Доктор Баннерджи: Я познакомился с ним в библиотеке. Он приходил туда и смотрел книги. Он подарил мне «Легкое путешествие на другие планеты» и дал еще несколько экземпляров, попросив распространить их по рупии или по полрупии.

Он мне понравился. Я считал его святым, обладающим чистой преданностью, без всякой показной напыщенности. Он не пытался привлечь людей ради имени и славы. Ему почти никто не помогал. Он жил один, в маленькой комнате в Чиппиваде. Он был предан изучению писаний. И я попросил его: «Господин, если у вас есть время и вы не против того, чтобы посетить мой дом, не могли бы вы милостиво приходить по воскресеньям и читать «Бхагаватам» у нас дома?» Он с

радостью согласился. Он был очень учен, прекрасно знал Писания и любил делиться своими мыслями с другими. Он был хорошим оратором и приятным собеседником. Он был очень учтив.

Его речь была очень четкой.

Он говорил на бенгали, объясняя суть стихов. Иногда, чтобы дать больше сведений, он ссылался на комментарии. Другим было не очень интересно слушать эти комментарии или вникать в трудные темы, но поскольку он знал, что я изучаю этот предмет, он приводил эти комментарии ради меня и ради одного или двух таких же почтенных и ученых джентльменов.

На собрания в моем доме приходило около двадцати или тридцати человек, и он мог говорить час или два. Затем он пел Харе Кришна мантру, и мы присоединялись, аккомпанируя ему на караталах и фисгармонии. Это были замечательные встречи, поскольку все, что казалось сложным, благодаря ему становилось очень простым. Объясняя нам что-то, он всегда учитывал наши возможности. Он знал, что для этого человека нужно столько-то, для того – столько-то, а для других – столько-то.

После этих встреч он обычно отдыхал у меня дома. Я предлагал ему у меня пообедать, но он сказал, что не ест пищи, приготовленной другими. Но, познакомившись с моей женой, которая сказала, что будет счастлива что-нибудь для него приготовить, он согласился: «Хорошо. Я буду есть у вас». И она стала готовить по воскресеньям, когда он приходил к нам».

Иногда он просил меня приглашать на эти программы больше людей. Но, будучи правительственным служащим, я не мог открыто кого-либо уговаривать. Да и времени, чтобы организовать для него что-нибудь крупномасштабное, у меня не было. Но это его не удовлетворяло. Он постоянно спрашивал меня, не мог бы я организовать такие чтения в более крупном масштабе. Он знал, что люди, посещавшие собрания в моем доме, были очень старыми – семидесятилетними, восьмидесятилетними, образованными и отошедшими от дел стариками; одному было даже за девяносто.

Это продолжалось больше года. После этого он сказал, что попытается найти другое место. Он попросил меня продолжать собираться, но я сказал: «Я не посвящен». Он сказал, что я все равно могу продолжать, поскольку родился в семье брахмана. Он благословил меня, чтобы я продолжал. Но я не смог, поскольку часто уезжал. После его отъезда я потерял к этому всякий интерес. Я был слугой правительства.

* * *

«Легкое путешествие на другие планеты» было чем-то вроде разминки перед настоящей работой – изданием «Шримад-Бхагаватам». Теперь Бхактиведанта Свами еще более убедился в необходимости книг. Для того, чтобы проповедовать, понадобятся книги – в особенности если он поедет на Запад. Имея их, можно устроить настоящую духовную революцию. На Западе – масса книг, но нет ни одной, подобной этой. Там нет ничего, что могло бы заполнить духовный вакуум в сердцах жителей западных стран. Несмотря на желание как можно больше времени отдавать «Шримад-Бхагаватам», он решил продолжать работу над журналом «Назад к Богу», публикуя в качестве статей выдержки из рукописи новой книги. Но время от времени он писал и печатал новые статьи. В статье «Актуальные вопросы» говорилось:

Мы пытаемся осуществить скромную попытку спасти человечество, пропагандируя путь «Назад, к Богу». Это не выдумка. Если и существует хоть какая-то реальность, то путь «Назад, к Богу» – начало этой эры реальности.

В статье «Безбожная цивилизация» Бхактиведанта Свами упоминал сетования премьер-министра Неру по поводу злоупотребления государственными фондами под вывеской религии. Бхактиведанта Свами отметил, что, несомненно, случаи преступной деятельности некоторых религиозных деятелей имеют место, но если сравнить статистику, то число политических обманщиков окажется намного больше числа обманщиков от религии. Хотя Пандит Неру был прав, предостерегая от религиозного мошенничества, одного этого недостаточно. Нужна основательная реформа духовных организаций, которую можно провести только при поддержке правительства. Бхактиведанта Свами привел цитату из своего письма, в котором он просил премьер-министра Неру взяться за изучение «Бхагавад-гиты». Но, сообщал он читателям «Назад к Богу», Пандит Неру так и не ответил. «Ввиду недостатка духовного знания, Неру подумал, что «Лига преданных» подобна одному из многочисленных матхов и храмов, от которых у Пандита и так болит голова».

Бхактиведанта Свами упрекал Пандита Неру в том, что тот считает всякую духовную организацию «застенком, где у населения отнимают деньги и используют их в сомнительных целях».

При этом Неру одобряет поступки так называемых садху, которые занимаются общественной деятельностью и несут всевозможную несурязицу, выдавая это за духовную науку. Дело в том, что у него самого нет глубокого понимания духовного знания, хотя он брамин и пандит. Невежество в духовных вопросах свойственно шудрам или классу рабочих.

Он попросил Пандита Неру не бояться слов «Бог» или «Кришна»: «...мы можем заверить его, что причин для страха нет, поскольку Кришна – друг каждого и каждому может оказать реальную помощь». В заключении Бхактиведанта Свами писал, что безнравственные действия совершаются не только в стенах индийских храмов – они широко распространены среди материалистов по всему миру. В частности, он привел пример стремительно нарастающих беспорядков среди молодежи 60-х.

Лучше всего, если врач сначала вылечит себя. Все дело в безбожной цивилизации. В то время как поступки жителей матхов и храмов причиняют головную боль Пандиту, то же самое, но под другим названием, беспокоит государственных деятелей Европы и Азии. Разнуздавшаяся молодежь этих стран, которая в Англии носит название «пижонов», в Америке – «бунтарей без повода», в Германии – «полусильных», в Швеции – «кожаных курток», в Японии – «детей солнца», а в СССР – «стиляг», является побочным продуктом «безбожной цивилизации». Вот где корень всей головной боли. Необходимо всестороннее лечение.

* * *

В Чиппиваде Бхактиведанта Свами следовал почти тому же распорядку, что и на Кешигхате, за исключением того, что «Шримад-Бхагаватам» он мог теперь уделять больше времени – кое-какую секретарскую работу для журнала «Назад к Богу» выполнял Кришна Пандит.

Кришна Пандит: Обычно он переводил «Шримад Бхагаватам» перед рассветом, около трех часов утра. Поначалу у него не было печатной машинки, но затем он где-то раздобыл себе портативную. После работы он готовил пищу. Я приносил ему продукты. Иногда он приходил ко мне и просил мою жену взять немного из того, что он приготовил. Иногда, в пять или в шесть вечера, он принимал омовение.

Он печатал каждый день. Еще он читал «Бхагаватам» и ходил в храм на даршаны. Затем он уходил и возвращался – иногда в два часа дня, иногда в четыре. Потом он снова печатал и посылал проверенные пробные оттиски «Назад, к Богу» в типографию. Все это он делал сам. Главная его деятельность состояла в многочасовом печатании.

Бхактиведанта Свами пользовался санскритско-бенгальским изданием «Бхагаватам» под редакцией Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, а также большой книгой, содержащей подлинные комментарии двенадцати ачарий. Писал он по следующей схеме: сначала давал латинскую транслитерацию санскритского текста, затем приводил его пословный перевод на английский язык, затем – литературный перевод, в прозе, и, наконец, свой комментарий на английском языке. Перед тем как писать свой комментарий, он обращался к комментариям ачарьев, особенно Шриле Бхактисиддханты Сарасвати, Вишванатхи Чакраварти, Дживы Госвами, Виджаядхваджи Тиртхи и Шридхары Свами.

Он оценил объем всей планируемой работы. Бхагаватам содержал восемнадцать тысяч стихов. Семнадцать глав Первой Песни должны составить три тома, по четыреста страниц каждый, а десять глав Второй Песни – два. Девять первых Песней займут около тридцати томов. Десятая Песнь, состоящая из девяти глав, займет двадцать томов. Поскольку весь «Бхагаватам» состоит из двенадцати Песней, то в целом должно получиться по меньшей мере шестьдесят томов. Он подумал, что, пожалуй, сможет справиться с работой за пять или семь лет: «Если Господь даст мне сил и здоровья, то, исполняя волю Шрилы Прабхупады, я смогу завершить свой труд».

Первый том он решил начать с биографического очерка, посвященного Господу Чайтанье Махапрабху, «идеальному проповеднику «Бхагаватам»». Наблюдая, как практический пример, жизнь Господа Чайтаньи, читатель сможет лучше оценить «Бхагаватам». Смысл проповеди Господа Чайтаньи выражался в Его желании, чтобы «каждый, кому посчастливилось родиться на земле Индии, проповедовал послание «Шримад-Бхагаватам» во всех уголках мира». Господь Чайтанья называл «Шримад-Бхагаватам» «безупречной Пураной», а его чтение и слушание – наряду с Харе Кришна мантрой – совершенным научным методом развития чистой любви к Богу.

Пользуясь комментариями Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати к «Чайтанья-чаритамрите», Бхактиведанта Свами написал краткий, на пятидесяти страницах, очерк, повествующий о Господе Чайтанье и Его движении санкиртаны. Он описал Его божественные приступы экстаза, Его философские диспуты с ведущими учеными тех дней и начало движения санкиртаны (совместного пения Святого имени). В особенности Бхактиведанта Свами старался подчеркнуть связь жизни и учения Господа Чайтаньи с настоящим, которое считал переломным периодом в истории. В «этот важнейший час испытаний» человечеству может помочь Ведическая литература, особенно, «Шримад-Бхагаватам».

Мы знаем, что западные завоеватели разрушили многие архитектурные памятники Индии, но они не смогли уничтожить совершенные идеалы человеческой цивилизации, которые до сих пор скрывал санскрит Ведической мудрости.

Санскрит хранил эту тайну тысячи лет, но сейчас настало время открыть ее всему миру.

Приступив к первым стихам, Бхактиведанта Свами сосредоточился на цели книги. Стихи подчеркивали, что спасти общество от пагубного влияния эпохи Кали под силу только «Бхагаватам». «Бхагаватам» призывал людей этой эпохи просто слушать повествования о Верховной Личности Бога, Кришне, от Его чистых преданных.

«Бхагаватам» был рассказан на собрании мудрецов в Наимишаранье, около пяти тысяч лет назад, на заре эпохи Кали. Предвидя всеобщую деградацию человечества, мудрецы спросили у старшего члена собрания, Суты Госвами: «Теперь, когда Господь Кришна, прибежище всех религиозных принципов, вернулся в Свою духовную обитель, где нам искать их?» Сута ответил, что «Шримад-Бхагаватам», «который сияет, словно солнце» – это литературное воплощение Бога, которое и будет направлять людей, затерявшихся в непроглядной тьме Кали-юги.

В начале «Шримад-Бхагаватам» рассказывается, как Шрила Вьясадева, следуя наставлению Нарады Муни, своего духовного учителя, погрузился в глубокую медитацию. В трансе он увидел Верховную Личность Бога, Его энергии и страждущие души Кали-юги. Еще он увидел, что чистое преданное служение может избавить живые существа от страданий. Увиденное, а также наставления духовного учителя побудили Вьясадеву написать «Шримад-Бхагаватам», чтобы дать несчастным душам Кали-юги величайшее благословение.

Представляя «литературное воплощение Бога», «Шримад-Бхагаватам», для блага всего западного мира, Бхактиведанта Свами понимал, что взялся за очень важную задачу, фактически следуя по стопам Шрилы Вьясадевы. Как и Вьясадева, который перед выполнением своей литературной миссии увидел Кришну и получил наставления от духовного учителя, Бхактиведанта Свами тоже имел видение и тоже получил указание гуру. Бхактиведанта Свами предвидел массовое распространение книги Шрилы Вьясадевы. Он не только переведет ее – он лично привезет эту книгу на Запад, где, представив ее, научит тамошних жителей – и на своем примере, и с ее помощью – тому, как развить в себе чистую любовь к Богу.

Шрила Прабхупада: Коммунистическая партия добилась признания, просто распространяя литературу. В Калькутте коммунисты приглашали к себе друзей и читали книги. Русские никогда не приезжали в Индию, но, распространяя эту литературу на всех языках, они обрели немало последователей. Если такое возможно благодаря обычной, третьесортной мирской литературе, так почему бы с помощью трансцендентной литературы не сделать людей по всему миру преданными? У нас есть сила, чтобы решительно распространять эти книги в каждой деревне. Бхагавата-дхарма – это изначальная религия человеческого общества. Все остальное, что может называться религией, исходит из ведической литературы. Люди стремятся к этим книгам. Они хотят их получить. Господь Чайтанья говорил, что повсюду, в каждом городе и каждой деревне Земли, люди узнают о послании движения санкиртаны. Это значит, что в каждой деревне и каждом городе есть люди, которые ждут этого послания. Это трансцендентная книга. Она несравненна. Она составлена безукоризненно, в ней нет ни одного недостатка. Это безупречная Пурана.

Прекратив всю остальную миссионерскую деятельность, Бхактиведанта Свами все свои надежды возложил на «Шримад-Бхагаватам». Он следовал совету и примеру своего духовного учителя и Господа Чайтаньи. Их не привлекало строительство дорогих храмов или привлечение большого числа учеников-неофитов. Шрила Бхактисиддханты Сарасвати делал упор на проповедь. «Проповедь» значит «книги», а лучшей книгой был «Шримад-Бхагаватам». Написать и издать «Бхагаватам», чтобы просветить людей – вот это настоящее служение Господу. Так думал Шрила Бхактисиддханты Сарасвати. Строительству храмов он предпочитал издание книг, и особенно

настаивал, чтобы его ученики занимались литературной деятельностью. Опытные, наделенные полномочиями преданные обязаны писать, издавать и как можно шире распространять книги. Программа распространения духовной литературы (организованная гораздо лучше, чем у коммунистов) необычайно позитивно отразится на народах Европы и Америки. А если к сознанию Кришны обратятся европейцы и американцы, весь мир последует за ними. Сидя в одиночестве в своей комнате в Чиппваде, Бхактиведанта Свами продолжал работу, погруженный в мысли о распространении вести о Кришне на невиданном прежде уровне.

Иногда его поражало – как жители Запада, столь далекие от ведической культуры, смогут ее принять. Ведь все они мясоеды, млечхи. Когда один из его духовных братьев отправился в Англию, Маркиз Шетландский, услышав о четырех заповедях против греховной жизни, презрительно рассмеялся: «Это невозможно!». Но «Шримад-Бхагаватам» говорил сам за себя.

«Шри Кришна, Личность Бога – Параматма (Сверхдуша) в сердце каждого и благодетель честного преданного – очищает сердце преданного от стремления к материальным наслаждениям, когда в том развивается потребность слушать Его послания, которые добродетельны сами по себе, если их правильно слушают и повторяют».

Хотя Бхактиведанта Свами был известен как англоязычный проповедник, он понимал, что в его изложении духовного послания на чужом языке неизбежны ошибки, а редактора, который мог бы их устранить, не было. Но это его не останавливало. Об этом же говорилось и в первых главах «Шримад-Бхагаватам». «Сочинение, состоящее из описаний трансцендентного величия имени, славы, форм, игр безграничного Верховного Господа – это произведение совершенно иное. Оно состоит из духовных слов, назначение которых – совершить переворот в несправедливой жизни сбившейся с пути цивилизации. Такие Божественные произведения, даже если они несовершенны по форме, слушают, поют и принимают чистые люди, которые безукоризненно честны».

В своем комментарии Бхактиведанта Свами писал: «Мы прекрасно понимаем, что наша честная попытка представить это великое Писание, содержащее Божественное послание, с целью возродить духовную атмосферу в мире, сопряжена со многими трудностями. Разумеется, нам не удастся передать содержание адекватно, тем более на чужом для нас языке, и, несмотря на наши искренние старания представить его должным образом, мы можем допустить много литературных погрешностей. Но мы уверены, что эти недостатки не помешают людям оценить серьезность его содержания, и лидеры общества с должным вниманием отнесутся к этой попытке, видя наши искренние старания прославить Всемогущего Бога. Когда дом охвачен пожаром, его жители бегут за помощью к соседям, которые могут быть иностранцами. Но даже не зная языка, на котором говорят соседи, жертвы пожара смогут объяснить, чего они хотят, а соседи смогут их понять, хотя и говорят на другом языке. Такой же дух сотрудничества необходим и для распространения трансцендентного послания «Шримад-Бхагаватам» в оскверненной атмосфере современного мира. В конце концов, это прикладная наука о духовных ценностях, и поэтому нас больше волнует сам принцип, а не язык. Если люди мира поймут принцип этого великого произведения, успех будет обеспечен».

Нет сомнения, в эпоху Кали сложилась именно такая чрезвычайная ситуация – словно в доме, охваченном пожаром. Честные люди, понимающие серьезность положения, с радостью примут «Шримад-Бхагаватам», несмотря на то, что преподносится он со «множеством литературных погрешностей». Бхактиведанта Свами переводил «Шримад-Бхагаватам», ничего не меняя, с величайшим почтением к Шриле Вьясадеве. В этом и была его главная заслуга. Конечно, он делился и своим пониманием, но смиренно, не пытаясь превзойти предшествующих духовных учителей. А что касается крайне важного подхода к изложению темы в строгом соответствии с парампарой – здесь Бхактиведанта Свами не допускал «технических ошибок». Он знал, что комментарии к Бхагаватам, идущие вразрез с учением парампары, не представляют никакой ценности. День и ночь он печатал, сидя за столиком под маленькой лампочкой, свисающей с потолка. Он сидел на тонкой циновке, спиной к большой пирамиде, выглядевшей посреди пустой комнаты немного странно. С каждым днем стопка бумажных листов, которые он придавливал камешками, росла. Необходимые потребности – в еде и сне – он удовлетворял лишь от случая к случаю. Он был полностью убежден в том, что его «Шримад-Бхагаватам» совершит переворот в цивилизации, сбившей с толку, поэтому с великим тщанием и сосредоточенностью переводил он каждое слово и писал каждый комментарий. Но делать это нужно было как можно быстрее.

* * *

В январе 1961 года, в день Вьяса-пуджи Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, Бхактиведанта Свами снова приехал во Вриндаван. В честь Шрилы Бхактисиддханты его ученики собрались вместе, предложили цветы его изображению и провели в храме киртан. Но Бхактиведанта Свами считал, что этого мало. Их задача – думать о том, как воплотить в жизнь идею о всемирной проповеднической миссии, как того желал Бхактисиддхант Сарасвати. А вместо этого каждый из них жил своей маленькой идеей, поддерживая небольшой центр (в котором сам проживал), и никаких программ – не только за рубежом – но даже в Индии, никто не проводил. Сейчас они представляли собой группу самостоятельных людей. Большинство из них, помимо поддержания своего тела, не имели ни планов, ни перспектив. Для управления своим Движением Бхактисиддхант Сарасвати просил сформировать руководящий орган, но руководящего органа не было – как, собственно, и самого движения. Некоторые ученики, которые после многих лет ожесточенных сражений снова начали общаться с братьями, боялись, что любые попытки организовать воскресят старую вражду. По крайней мере, сейчас они могли собираться вместе и предлагать подношение духовному учителю...

Среди своих духовных братьев Бхактиведанта Свами был младшим санньяси. Его признавали хорошим писателем и редактором, но ни храмов, ни последователей у него не было. Он чувствовал себя беспомощным и одиноким против несметных полчищ майи, но твердо знал, что идёт по стопам Бхактисиддханты Сарасвати. Его духовные братья не казались армией, объединившейся против сил майи – они больше походили на отрешенных монахов; в них, стареющих и привязанных к религиозным принципам и ритуалам, не было жизни. Как могли они собираться и поклоняться своему духовному учителю, не признав с болью в сердце свою ошибку и не пытаясь исправить положение, осознав, что «лучше поздно, чем никогда»?

Поскольку по традиции в день Вьяса-пуджи каждый ученик пишет подношение духовному учителю и читает его вслух в обществе духовных братьев, Бхактиведанта Свами тоже написал подношение – больше похожее на взрыв, нежели на хвалебную речь – и смиренно представил его на суд духовных братьев.

Даже сейчас, мои духовные братья, вы вернулись сюда по наказу нашего учителя, и вместе мы проводим эту пуджу. Но праздник цветов и фруктов – это еще не поклонение.

По-настоящему поклоняется гуру тот, кто служит его посланию.

О, позор! Мои дорогие братья, неужто же вам не стыдно? Принимать учеников – это ваш бизнес.

Наш учитель велел проповедовать! Это неопиты пусть сидят в храмах и звенят колокольчиками.

Посмотрите внимательно, какое ужасное положение сложилось повсюду! Проповедь запущена; все просто улаживают свои чувства.

Езжайте за моря, по всей земле, выходите за пределы вселенной, объединяйтесь и проповедуйте сознание Кришны.

Это-то и будет настоящим служением нашему духовному учителю. Сегодня же дайте обещание. Оставьте всю свою политику и дипломатию.

Если ученики Бхактисиддханты Сарасвати объединятся и станут проповедовать вместе, у них будут все возможности совершить духовную революцию в этом греховном мире. На это надеялся Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, и Бхактиведанта Свами напомнил об этом в своем подношении на Вьяса-пуджу.

Когда же придет тот день, когда каждый дом на Земле станет храмом ?

Когда верховным судьей станет Гаудия-вайшнав с прекрасной тилакой на лбу?

Когда же президентом Земли будет избран преданный, и проповедь распространится повсюду?

Слушая его стихотворение, некоторые пожилые санньяси одобрительно кивали, других же оно привело в ярость. Однако в целом встреча эта не принесла ничего нового; план совместной проповеди, о котором так умолял Бхактиведанта Свами, так и не был составлен. Стихотворение Свами Махараджа было воспринято либо как очередное поэтическое выражение его чувств, либо просто как его личное мнение. Духовные братья радовались уже и тому, что время залечивало старые раны. Но вернуться к прошлому, восстановив миссию в том виде, какой она была при Бхактисиддханте Сарасвати, и опять проводить те же большие программы – разве это было возможно? Они старели. Многим не хотелось оставлять прибежище Вриндавана. Они

предпочитали поклоняться Бхактисиддханте Сарасвати в святой дхаме. А если Бхактиведанта Свами хочет чего-то большего, пусть возьмет и попробует сам.

Погруженный в глубокие размышления, Бхактиведанта Свами вернулся на Кеши-гхат. Долгие годы он не мог взять на себя руководящую роль в миссии, поскольку был связан семейным долгом. Как-то, в 1935 году, в Бомбее, духовные братья попросили его управлять матхом, но Бхактисиддханта Сарасвати сказал тогда, что Абхай Чаран пойдет своим путем. Но теперь, по милости духовного учителя, он был готов исполнить то, ради чего и принимается санньяса. Мир, сознающий Кришну, о котором он говорил в своем стихотворении, не был бесплотной мечтой, утопией, созданной лишь для того, чтобы возбудить ум духовных братьев. Это было реально. Как бы то ни было, Бхактиведанта Свами должен был писать и печатать книги о сознании Кришны и проповедовать за границей. Этого хотел Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. И если его духовные братья не хотят делать это сообща, тогда он справится один.

* * *

В январе 1961 один из делийских знакомых Бхактиведанты Свами показал ему объявление о конференции «За духовное развитие человека», который должен был проходить в Токио с 10 по 20 мая. Темой обсуждения предполагалось сделать «мир во всем мире посредством духовного развития человечества». На конгресс приглашались в том числе и участники из других стран. Увидев объявление, Бхактиведанта Свами сразу захотел поехать туда. Конечно, его куда больше интересовали Соединенные Штаты, но если Япония проявила себя первой, то почему бы не съездить туда? К тому же объявление было написано на английском языке. Если его заявку на участие примут, то ему будет предоставлен полный пансион, хотя билет в Японию придется оплачивать самому.

Бхактиведанта Свами написал организаторам, в Международный Фонд Культурной Гармонии, и предложил выступить на тему «Как человеку развить свой дух?». Вскоре на Кеши-гхат пришел ответ от генерального секретаря Фонда, господина Тошихиро Накано, который выразил большое уважение как к индийской духовной культуре, так и к предложенной теме. По просьбе Бхактиведанты Свами господин Накано приложил к письму официальный документ, удостоверяющий, что Бхактиведанта Свами приглашен на съезд и что его пребывание в Японии будет оплачено. Документ содержал просьбу к «тем, кого это может касаться», о своевременном оформлении паспорта и визы, чтобы он мог прибыть в Японию к 10 мая.

Бхактиведанта Свами разработал для съезда особый проект. В двенадцатой главе Десятой Песни «Шримад-Бхагаватам» приводится описание осени во Вриндаване, где каждое природное явление сопоставляется с определенным наставлением Вед. Например, темный, пасмурный вечер сезона дождей сравнивается с эпохой Кали, когда яркие звезды ведической мудрости (святые и Священные Писания) временно скрыты тучами безбожной цивилизации. Эта глава содержит десятки подобных примеров, и Бхактиведанта Свами предполагал дать пятьдесят комментариев к пятидесяти иллюстрациям, которые нужно было показать на съезде. Он приступил к их написанию, озаглавив свой труд «Свет Бхагваты». Еще он подготовил инструкции для художника, который должен нарисовать к каждому «уроку» картину. По мнению Бхактиведанты Свами, пятьдесят картин и комментарии к ним должны были произвести огромное впечатление на гостей съезда. Организаторам эта идея понравилась.

Что касается Вашего предложения использовать картины, которые художники должны написать согласно Вашим рекомендациям, то соответствующий департамент нашего конгресса немедленно назначит ответственных за это людей, – после подробного рассмотрения нескольких примеров сюжетов картин, которые вы пошлете нам, поэтому я хотел бы получить их как можно скорее.

Бхактиведанта Свами быстро закончил работу, рукопись в двадцать тысяч слов – пятьдесят комментариев к пятидесяти картинам. Картины должны были изображать леса, поля и небо Вриндавана в сезон дождей, комментарии же к ним представляли собой: иногда критику безбожного правительства, материалистов и псевдорелигиозных деятелей, иногда – утверждение принципов нравственности и сознания Бога, а иногда – описание Господа Кришны и Его вечных спутников во Вриндаване.

Между Бхактиведантой Свами и организаторами из Японии все шло гладко. Но где взять денег на дорогу? Он попытался обратиться в подобную организацию в Индии, написав письмо в Министерство по научным исследованиям и культурным связям, где рассказал о своем положении

санньяси. К письму он приложил документ от господина Накано. В конце марта из министерства пришла анкета, которую он должен был заполнить и отправить обратно. Времени оставалось мало. Двадцать девятого марта он написал вице-президенту, доктору Радхакришнану, с которым был немного знаком (причем расходился с ним в философских взглядах).

Вы знаете, что я санньяси и не имею никакого отношения к банку Нет у меня и организации, которая могла бы меня поддержать. Но организаторам конгресса из Японии понравились мои работы, и они хотят, чтобы я приехал.

Он ссылаясь на великих ачарий древней Индии, которые делились своим знанием ради блага мира, и говорил, что современное индийское правительство тоже должно посылать в другие страны представителей этих ачарий, чтобы те могли «нести миру послание об Атме или человеческом духе». Кроме того, он написал письмо заместителю директора паромной компании «Синдия» в Бомбее, где напомнил ему о его предложении сделать пятидесятипроцентную скидку на проезд до Соединенных Штатов. Рассказав о приглашении г-на Накано, Бхактиведанта Свами заметил, что билеты в Японию туда и обратно обойдутся дешевле, чем половина стоимости плавания до Соединенных Штатов.

Не желая упустить ни одной возможности, за шесть недель до съезда он написал еще одному потенциальному спонсору, господину Бриджратану С. Мохатте, который некогда выразил готовность послать Бхактиведанту Свами в Южную Америку, когда ему написал оттуда один заинтересовавшийся индийский спонсор. Тогда Бхактиведанта Свами не смог получить необходимого удостоверения от индийского правительства. Но сейчас, объяснил он, появилась еще одна возможность представить учение Вед, причем на международном съезде, людям, которым это интересно. К тому же, билет до Японии был дешевле, чем до Южной Америки. В тот же день он отправил заполненную анкету в Министерство научных исследований. В ответ на их вопрос, почему он просит пожертвования, и делал ли он это раньше, он ответил:

Ранее я никогда не просил финансовой поддержки у Министерства, поскольку в этом не было необходимости. Как санньяси, я могу просить материальной помощи лишь в случае крайней нужды. Наша жизнь посвящена служению всему человечеству, пробуждению дремлющего духовного сознания.

Его отношения с Японией, тем временем, развивались, при полной поддержке с их стороны. Бхактиведанта Свами послал господину Накано первые двадцать сюжетов для «Света Бхагваты». «Япония славится своими художниками, – писал он, – а Индия – своей духовной культурой. Теперь мы должны объединиться». Он посоветовал им напечатать текст и картины в форме книги.

Господин Накано заверил Бхактиведанту Свами, что они будут рады встретить его в аэропорту Ханеда; он легко узнает их по флагу. При желании, по окончании съезда он сможет остаться в Японии еще на месяц и провести время в поездках с лекциями. Нужно будет только согласовать расписание. Со своей стороны г-н Накано также попросил Бхактиведанту Свами об одолжении. Ради укрепления отношений с мэрами трех японских городов, он попросил его направить им письма с просьбой оказать поддержку конференции «За духовное развитие человека». Бхактиведанта Свами сразу же выполнил эту просьбу.

Начался апрель, а денег не было. В конце концов, после личной встречи с доктором Радхакришнаном, который наотрез отказался помочь, восемнадцатого апреля разочарованный Бхактиведанта Свами написал господину Накано:

Я получил Ваше письмо девятого числа, и очень благодарен Вам за все то, что Вы мне сказали. Я - ничтожное, жалкое существо, и просто пытаюсь внести свой вклад, поскольку на то было указание моего духовного учителя, Шри Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Махараджа.

Все, что Вы делаете, чтобы меня принять, приводит меня в восхищение, однако, я должен сообщить Вам, что пока мне не удалось собрать необходимую на билет сумму, составляющую примерно три с половиной тысячи рупий. Я подал прошение в правительство Индии, копию которого я прилагаю к письму, а также написал по этому поводу личное письмо доктору Радхакришнану. Полученный ответ вы также сможете найти здесь.

Результаты не очень-то воодушевляют. Поэтому сегодня я лично встретился с вице-президентом, но он сказал мне то же самое, что и в письме. Хотя еще не все потеряно, но я беспокоюсь, что же делать, если правительство откажет в помощи. Поэтому я прошу Вашего доброго совета. Доктор Радхакришнан сказал мне, что Вы и его пригласили принять участие в конгрессе, и он полагает, что Вы могли бы оплатить дорожные расходы.

У конгресса, несомненно, грандиозная цель, и я хотел бы полностью воспользоваться этой возможностью для блага всего человечества. Полностью опираясь на авторитеты, я изложил свои взгляды в работах, которые уже послал Вам для публикации, а суть моей идеи я объяснил в письме мэрам, копия которого прилагается.

Как санньяси, я не имею личных средств. При данных обстоятельствах, если правительство откажется помочь с оплатой дороги, тогда я буду вынужден обратиться с той же просьбой к Вам, в противном случае моя поездка на конференцию так и останется лишь мечтой. Я очень мало верю в политиков, а особенно – в индийских политиков.

Из беседы с доктором С. Радхакришнаном мне стало ясно, что правительство не поддерживает этот конгресс, организованный частными лицами, поэтому они не собираются принимать в нем участия. Я подожду еще неделю до принятия окончательного решения, когда станет ясно, «да» или «нет».

Ответы от всех потенциальных индийских спонсоров пришли отрицательные.

Двадцатого апреля он направил господину Накано телеграмму.

Поскольку Вы проявили чувство глубокой симпатии ко мне, я осмеливаюсь просить Вас послать мне средства, чтобы я смог приехать в Японию. Я думаю, что Вы можете без промедления сообщить Вашему послу в Дели, чтобы он принял необходимые меры, и послать меня в Японию от Вашего имени. Я с нетерпением жду встречи с Вами и участия в конгрессе для того, чтобы мы могли построить прочное основание для духовного развития. Я буду ждать Вашей телеграммы, чтобы спланировать свои дальнейшие действия.

Но господин Накано не смог ничем помочь. И планы Бхактиведанты Свами так и остались мечтой.

* * *

В июле 1962 года Бхактиведанта Свами переехал из храма Вамши-гопаладжи в храм Радха-Дамодары. Три года он платил по пять рупий в месяц за аренду комнат в Радха-Дамодаре и оплачивал капитальный ремонт. Теперь в главной комнате появились электрическое освещение и вентилятор, а стены были оштукатурены и покрашены. Длина комнаты составляла около пяти метров, а ширина – метра два. Пол был сделан из разных по размеру плит красного песчаника – такими же плитами был выложен вход в самадхи Рупы Госвами. Обстановка включала в себя маленький, низенький столик, циновку из травы куша, и деревянную койку со сплетенным из веревки дном. Здесь не было той панорамы, которую он обзирал из храма на Кеши-гхате, да и район был не таким тихим, но теперь, не выходя из своей комнаты, он мог смотреть на храм и видеть часть алтаря, а на нем – черное мраморное Божество Кришна – Вриндавана-чандры, высотой около метра, которому сотни лет назад поклонялся Кришнадаса Кавираджа. Главную комнату с кухней соединяла трехметровая веранда, выходящая во двор, а из кухни можно было увидеть самадхи Рупы Госвами. Здесь было лучше, чем в комнате в храме Вамши-гопаладжи, – ведь это был храм Дживы Госвами, место, где такие великие души, как Рупа Госвами, Санатана Госвами, Рагхунатха Госвами и Джива Госвами собирались вместе, чтобы принимать прасад, воспевать и говорить о Кришне и Господе Чайтанье. Это было самое подходящее место для работы над «Шримад-Бхагаватам».

* * *

В час ночи, когда все засыпали и воцарялась тишина, Бхактиведанта Свами вставал и начинал работу. Поскольку перебои с электричеством во Вриндаване были обычным явлением, работать зачастую приходилось при свете керосиновой лампы. Свет, проникая через дверь комнаты, падал на веранду. Иногда, когда он долго сидел без движения, из своего убежища выпрыгивала жаба, такая же сухая, как каменный пол, и, добравшись до противоположной стены, исчезала в цементной решетке. Порой из-за оконных ставней выбегала мышь и пряталась в другом месте. Кроме этих редких гостей, ничто не нарушало священной тишины, а близость Шести Госвами порождала огромное вдохновение. Над открытым двором раскинулось звездное небо. Когда он работал, в храме стояла тишина, разве что иногда откуда-то издалека, из города, доносился лай собаки...

В четыре утра просыпался храмовый пуджари. Он спал под крышей, рядом с дверью, ведущей в комнату Божеств. Он включал свет и длинным шестом сгонял с балок летучих мышей. В пять часов, разбудив Божества, пуджари открывал двери алтаря и начинал мангала-арати. Он

предлагал огонь, а несколько собравшихся преданных пели, подыгрывая на музыкальных инструментах. Иногда кто-нибудь ударял в гонг, а кто-то – в большой колокол.

Любой звук со двора мгновенно доносился до комнаты Бхактиведанты Свами. Звон колокола и гудение гонга тут же отражались от стен его маленькой комнаты. Со своего места он мог разглядеть только Вриндавана-чандру, стоявшего на алтаре слева. Иногда он отрывался от работы и выходил во двор, чтобы увидеть Божества и арати. На алтаре стояли Божества Радхи и Кришны, которым сотни лет назад поклонялись Джива Госвами и другие ачарьи вайшнавов. Через десять минут, предложив Божествам светильник и раковину с водой, пуджари поворачивался и разбрызгивал предложенную воду на головы преданных, после чего церемония заканчивалась.

Поработав несколько часов над «Шримад-Бхагаватам», Бхактиведанта Свами садился и повторял джапу. Когда утреннее небо начинало слегка синеть, а звезды исчезали, в храм начинали стекаться жители Вриндавана, чтобы посмотреть на Божества и самадхи Госвами. Пожилые женщины входили в храм, прерывистыми голосами восклицая «Джайя Радхе!».

Когда Бхактиведанта Свами открывал ставни, комната наполнялась светом. Окна комнаты смотрели во двор, но это были не столько окна, сколько просто цементная решетка в стене; свет решетка пропускала, но разглядеть с улицы, что происходит в комнате, было практически невозможно. Утренний свет освещал комнату: арочный потолок, свежеевыкрашенные стены с арочными нишами, мощеный пол. В углу, прислоненная к стене, стояла тонкая санньяса-данда Бхактиведанты Свами, завернутая в грубое шафрановое кхади. На одну полку Бхактиведанта Свами поставил портрет Бхактисиддханты Сарасвати, на другую – стопку книг и рукописей. Две двери комнаты выглядели довольно непрочными, даже когда были закрыты, и вся комната имела небольшой уклон влево. Обстановка была бедной, но мирной.

Часто, сидя на веранде между двумя комнатами, Бхактиведанта Свами смотрел во двор, на алтарь и Божества. Радха-Дамодара, Вриндавана-чандра и несколько других Божеств Радха-Кришны ожидали Своих посетителей. Утром двери комнаты Божеств оставались открытыми, а поток посетителей превращал храм в оживленное место паломничества. Никто не задерживался надолго. Некоторые из гостей торопились, поскольку, следуя строгому расписанию, должны были посетить в этот день еще много храмов. Бедняки и местные бизнесмены, со своими женами в ярких сари – и те, и другие – преданные – шли к алтарю, восклицая «Джайя хо», «Джайя Радхе!». Поприветствовав Божества, они выходили через дверь в наружный двор храма, чтобы посетить самадхи.

Хотя во Вриндаване были сотни маленьких мавзолеев, похожих на храмы, построенные в честь ушедших ачарий, Бхактиведанта Свами регулярно посещал только главные из них: самадхи Дживы Госвами, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати и Шрилы Кришнадаса Кавираджа Госвами. Бхаджана-кутир и самадхи Рупы Госвами занимали особое место на храмовом дворе. Бхактиведанта Свами часто сидел перед самадхи, повторяя джапу. Паломники вереницей выходили из храма во внешний двор, чтобы предложить Рупе Госвами дандаваты. Большинство паломников считали этот момент самым важным в посещении храма Радха-Дамодара, и даже если они нигде больше не выражали почтения, у самадхи Рупы Госвами они останавливались всегда. Сложив ладони, они кланялись и повторяли «Джайя Радхе!» или, опустив руку в мешочек с четками, повторяли Харе Кришна мантру, обходя самадхи по кругу.

Бхактиведанта Свами сидел и повторял даже после того, как утренний поток посетителей иссякал, а иногда шел в соседние храмы Радха-Шьямасундары или Радха-Мадана-мохана, всегда возвращаясь к одиннадцати часам, чтобы приготовить обед. Готовя, а затем принимая прасад, он смотрел через решетку на самадхи Рупы Госвами. Чувствуя присутствие Рупы Госвами, он думал о своей миссии, о служении духовному учителю.

Преданных Господа Чайтаньи называют рупанугами, последователями Рупы Госвами – ведь не следуя учению и примеру Рупы Госвами, невозможно встать на путь чистой преданности Радхе и Кришне. Шрила Бхактисиддханты Сарасвати прославился как особенно строгий рупануга, о чем говорится в молитвах на санскрите, написанных в его честь: «О воплощенная энергия милости Господа Шри Чайтаньи, Шрила Бхактисиддханты Сарасвати, в глубоком почтении я склоняюсь перед тобой. Неукоснительно следуя учению Шрилы Рупы Госвами, ты несешь людям преданное служение, увенчанное любовью Радхи и Кришны. В глубоком почтении я склоняюсь перед тобой, воплощением учения Господа Чайтаньи. О спаситель падших душ, ты нетерпим к любому утверждению, которое противоречит науке преданного служения, изложенной Шрилой Рупой Госвами».

Духовный учитель Бхактиведанты Свами и его предшественники хотели, чтобы движение сознания Кришны распространилось по всему миру, и теперь, ежедневно сидя перед самадхи Рупы Госвами и черпая в этом свое вдохновение, Бхактиведанта Свами молился своим им, своим духовным предшественникам, прося направлять его. Сокровенное руководство, которое он получал от них, было для него абсолютным повелением, и ни правительство, ни владелец издательства, – никто не мог поколебать или ослабить его решимость выполнять их приказ. Рупа Госвами хотел, чтобы он поехал на Запад; Шрила Бхактисиддханта Сарасвати хотел, чтобы он поехал на Запад – и Кришна привел его в храм Радха-Дамодары, чтобы он получил их благословения. Он чувствовал, что в храме Радха-Дамодары он вошел в вечную обитель, о которой знают только чистые преданные. Но при этом, позволяя ему близко общаться с ними в месте их вечных игр, они приказывали ему – покинуть Радха-Дамодару и Вриндаван и нести послание ачарий зашедшему в тупик миру.

* * *

В июне началась нестерпимая жара, и днем стало невозможно работать. В самые жаркие часы Бхактиведанта Свами закрывал дверь и ставни и включал вентилятор. К вечеру жара спадала, храм снова наполнялся посетителями, и во дворе начинались вечерние киртаны. Сидя на веранде, Бхактиведанта Свами иногда беседовал с гостями, а иногда они подходили к его двери и наблюдали, как он печатает на своей машинке. Во Вриндаване его знали как ученого и возвышенного преданного. Но для работы над «Шримад-Бхагаватам» он старался по возможности уединиться, особенно летом 1962 года.

В этом заключалась истинная цель его переезда сюда: писать книги, которые можно было бы нести людям Запада. Хотя средств ни на дорогу, – даже до Японии – ни на издание книг, у него пока не было – это было целью, ради которой он работал. Он приехал во Вриндаван не для того, чтобы умереть и вернуться к Богу. Напротив, он приехал потому, что здесь можно было набраться духовных сил для главного дела его жизни. Бхактиведанта Свами не знал, какой будет его миссия, но точно знал, что должен подготовиться к проповеди «Шримад-Бхагаватам» в англоязычном западном мире. Он должен стать безупречным инструментом в руках своих учителей. И если они пожелают, то сами устроят его поездку на Запад.

Глава одиннадцатая

Мечты сбываются

Я считал, что должен ехать в Америку. Все ездили в Лондон, но я туда не хотел. Я думал только о том, как поехать в Нью-Йорк. Я строил планы: «Ехать мне через Токио, или еще как-нибудь? Как будет дешевле?» Таковы были мои планы. Я постоянно думал о Нью-Йорке. Иногда мне снилось, что я приехал в Нью-Йорк.

Шрила Прабхупада

Написать перевод – этого мало. Его нужно еще и напечатать. И сам Бхактиведанта Свами, и его духовный учитель хотели, издав «Шримад-Бхагаватам» на английском, распространить его как можно шире. В соответствии с учением Бхактисиддханты Сарасвати, для проповеди сознания Кришны нужно было применять самые современные издательские методы и формы распространения. Несмотря на то, что Рупа Госвами, Санатана Госвами и Джива Госвами в совершенстве изложили вайшнавскую мудрость в своих многочисленных произведениях, сейчас эти рукописи лежали в библиотеке храма Радхи-Дамодары и других местах, постепенно приходя в негодность. Даже те их книги, что издавал Гаудия Матх, широко не распространялись. Один из духовных братьев Бхактиведанты Свами спросил, зачем тратить столько времени и сил на новый комментарий к «Бхагаватам», когда уже и так много ачарьев его комментировали. Но в голове Бхактиведанты Свами такого вопроса не возникало; это был приказ его духовного учителя.

Однако коммерсантов-печатников не интересовал «Бхагаватам» в шестидесяти томах, а Бхактиведанта Свами не соглашался на что-либо меньшее. Это должен быть шестидесятитомный труд, написанный в соответствии с учением парампары и содержащий переводы стихов и отдельных слов, а также комментарии, основанные на комментариях ачарьев прошлого. Но чтобы выпускать такие книги, придется собирать частные пожертвования и печатать за свой счет. Храм Радхи-Дамодары был лучшим местом для написания комментариев к «Шримад-Бхагаватам», но отнюдь не для издания. Для этого придется ездить в Нью-Дели.

Из делийских знакомых Бхактиведанта Свами больше всего рассчитывал на Хитсарана Шарму. Хотя его почтительное отношение к своему гостю было продиктовано больше уважением к его статусу, нежели к нему лично, господин Шарма, по крайней мере, был склонен помогать садху, и понимал, что Бхактиведанта Свами – по-настоящему религиозный человек. И когда тот пришел к нему в контору, он, понимая, что проповедь «Шримад-Бхагаватам» – это религиозный долг, в помощи не отказал.

Хитсаран Шарма мог оказаться полезным сразу по двум причинам: во-первых, он был секретарем Дж. Д. Дальмии, богатого филантропа, а во-вторых владел частной типографией «Радха Пресс». Но господин Дальмия, по мнению господина Шармы, не дал бы денег Бхактиведанте Свами, даже если бы его об этом попросил секретарь. Поэтому он посоветовал Бхактиведанте Свами поехать в Горакхпур и показать рукопись Хануман Прасад Поддару, который издавал книги религиозного содержания. Совет показался Бхактиведанте Свами дельным, и он отправился в Горакхпур, находящийся в семистах шестидесяти километрах от Дели.

Но даже такая поездка создавала финансовые трудности. Запись в бухгалтерской книге Бхактиведанты Свами показывает, что на восьмое августа 1962 года у него оставалось сто тридцать рупий. В тот день он выехал в Горакхпур. Когда он доехал до Лакнау, остаток сократился на пятьдесят семь рупий. Дорога от Лакнау до Горакхпура стоила еще шесть рупий, а рикша до дома господина Поддара – восемьдесят пайс.

Но эти дорожные издержки полностью себя оправдали. Вручив г-ну Поддару рекомендательное письмо от Хитсарана Шармы, Бхактиведанта Свами ознакомил его со своей рукописью. Бегло ее просмотрев, господин Поддар пришел к выводу, что это превосходная работа, которая заслуживает всяческой поддержки. Он согласился перевести в «Дальмия Траст» в Дели сумму в четыре тысячи рупий, как пожертвование на издание «Шримад-Бхагаватам» Шри Бхактиведанты Свами.

Индийские печатники, если им дать хороший задаток, не всегда требуют полной оплаты заказа до начала работы. После того, как книги напечатаны и переплетены, заказчик, если он еще

не заплатил за весь заказ, забирает часть книг, соразмерно сделанной предоплате, и, продав их, выкупает на вырученные деньги остальные. По подсчетам Бхактиведанты Свами, печать первого тома должна обойтись в семь тысяч рупий. Не хватало трех тысяч. Ходя от двери к двери по всему Дели, он собрал еще несколько сотен, а затем он вернулся в «Радха Пресс» и попросил Хитсарана Шарму начать работу. Г-н Шарма согласился.

Типография «Радха Пресс» уже набрала большую часть первых двух глав, когда Бхактиведанта Свами заметил, что шрифт недостаточно крупный. Он хотел, чтобы текст печатался двенадцатым кеглем, а у «Радха Пресс» был только десятый. Поэтому господин Шарма согласился отнести заказ к другому печатнику, г-ну Гаутаме Шарме из «О.К. Пресс».

Работая с первым томом Первой песни «Шримад-Бхагаватам», типография «О. К. Пресс» печатала на каждой стороне листа, размером двадцать на двадцать шесть дюймов, по две страницы. А перед тем как приступить к печати всего заказа в тысячу сто экземпляров, типография печатала пробный оттиск, который Бхактиведанта Свами проверял сам. Затем, в соответствии с корректурой, печатники вручную исправляли набранный текст и делали второй оттиск, который также читал Бхактиведанта Свами. Обычно он находил ошибки и во втором оттиске, поэтому приходилось печатать третий. Если в третьем оттиске ошибок не было, окончательный вариант шел в печать. Такой темп работы позволял Бхактиведанте Свами заказывать бумагу в небольших количествах, что было ему вполне по силам – от шести до десяти пачек за раз. Заказывать нужно было заблаговременно, за две недели.

Пока том печатался, он дописывал к нему последние главы. Когда гранки были готовы, он забирал их из типографии, возвращался в свою комнату в Чиппиваде, исправлял их, а затем возвращал обратно. Иногда гранки для Бхактиведанты Свами относил или забирал четырнадцатилетний паренек Кантведи, который жил со своими родителями в том же храме. Но последние несколько месяцев 1962 года Бхактиведанта Свами сам почти каждый день ходил в «О.К. Пресс».

Узкими, людными улочками Чиппивады он выходил на дорогу рядом с мечетью Джама, которая вела к шумному, перегруженному движением Чаури Базару. Здесь делали и продавали бумагу. Рабочие, налегая плечами на веревки, тянули нагруженные тяжелыми пачками бумаги деревянные телеги с маленькими железными колесами. Целых два квартала были заняты одними только торговцами и производителями бумаги – «Хари Рам Гупта энд компани», «Руп Чанд и сыновья», «Бенгальская бумажная фабрика», «Юниверсэл трэйдерс», «Бумажная ярмарка Джанты» – одна фирма за другой. Они были даже на соседних улицах. Район пестрел беспорядочными и яркими витринами магазинов. Люди двигались по тротуарам в такой тесноте и так быстро, что пешеход, замешкавшийся даже на секунду, мог создать серьезное препятствие для других. По улицам взад и вперед сновали повозки и рикши, перевозившие бумагу и другие товары. Иной рабочий нес на голове увесистую кипу бумаги, которая прогибалась в обе стороны под собственной тяжестью. Среди всей этой толкотни невнимательный или медлительный пешеход мог легко столкнуться с проезжающей телегой или задеть выступающую поклажу, которую нес на голове носильщик. Порой на обочине дороги попадался мужчина, сидящий на корточках и разбивающий на продажу глыбы угля на мелкие куски. Вокруг маленьких табачных лавочек на углах улиц собирались небольшие группы людей, которые покупали сигареты или пан. Продавец проворно насыпал пан на лист бетеля, после чего клиент выходил и шел своей дорогой, жуя пан и сплевывая красную слюну.

Мимо всей этой суеты Чаури Базара, постепенно перерастающего в квартал многоквартирных домов, где на оживленных улицах играли дети, шествовал благородный и решительный Бхактиведанта Свами. Он шел мимо домов, мимо продавцов черепицы и торговцев зерном, мимо магазинов сладостей и типографий. Над его головой, среди электрических проводов, летали голуби, а на веревках, натянутых между балконами домов, сушилось белье.

Наконец он добрался до типографии «О. К. Пресс», которая располагалась прямо напротив маленькой мечети. Он принес исправленные оттиски и с волнением наблюдал, как печатают его книгу.

Через четыре месяца, когда все листы были напечатаны и разложены стопками на полу типографии, господин Хитсаран Шарма распорядился, чтобы заказ перевезли в переплетную мастерскую. Книги здесь переплетались по старинке, большей частью вручную, и на это ушел еще месяц. Бхактиведанта Свами приходил и наблюдал за работой. Переплетчики сидели в ряд в маленькой комнате, а вокруг возвышались пачки напечатанных страниц. Первый рабочий брал

один из разворотов, быстро складывал его вдвое и передавал соседу, который выполнял следующую операцию. Страницы перегибались, их брошюровали и проверяли, затем зажимали в тиски, сбивали, обрезали с трех сторон ножовкой и склеивали. Шаг за шагом книга готовилась к завершающей операции – заключению в твердую обложку.

Помимо «О. К. Пресс» и переплетной мастерской, Бхактиведанта Свами время от времени ездил на автобусе в типографию Хитсарана Шармы «Радха Пресс», которая находилась на другом берегу Ямуны. Типография «Радха Пресс» печатала тысячу суперобложек для книг.

Хитсаран Шарма: Свамиджи постоянно ездил туда-сюда. Он вкладывал в печать все средства, которые удавалось собрать. И в этих разъездах он постоянно общался с людьми. Он питал ко мне очень теплые чувства, и я старался выполнять его заказы как можно быстрее. Он очень торопился. Он всегда говорил: «Время не ждет. Время не ждет. Делайте быстрее!» Иногда я выводил его из терпения, и он заставлял меня выполнять в первую очередь его заказ. Но я работал для Дальмию и объяснял ему: «Ваш заказ для меня на втором месте». Но он отвечал: «Вы попусту отняли у меня два дня. Как это называется, Шармаджи? Я приезжаю сюда утром, говорю вам, что нужно сделать, а вы до сих пор этого не сделали». А я оправдывался: «У меня не было времени». Тогда он говорил: «Получается, вы понапрасну отняли у меня целый день». Он очень давил на меня. Такой у него был характер.

Переплет был красновато-кирпичного цвета, с золотым тиснением. Картину для суперобложки Бхактиведанта Свами придумал сам и поручил ее нарисовать молодому бенгальскому художнику по имени Салит. Это была картина на весь разворот, изображающая всё духовное и материальное проявление. На передней стороне обложки, в центре, был изображен розовый лотос, а внутри его – Радха и Кришна во Вриндаване, а еще – Господь Чайтанья, поющий и танцующий в кругу Своих преданных. Планета-лотос Кришны излучала желтоватое сияние, в котором парили бесчисленные духовные планеты, напоминая скопление солнц. На каждой планете была изображен четырехрукий Нараяна. Имя каждого Нараяны было написано ниже: Тривикрама, Кешава, Пурушоттама и так далее. В овале на нижней части передней обложки был изображен Маха-Вишну, Который из которого исходили материальные вселенные. На внутренней стороне обложки Бхактиведанта Свами поместил свое пояснение к изображенному.

И вот, наконец, печать и переплетные работы закончены. Получилось в итоге тысяча сто книг. Сто экземпляров Бхактиведанта Свами забрал, а остальные типография пока оставила у себя. Выручку с продажи первых ста экземпляров Бхактиведанта Свами должен был отдавать типографии и переплетной мастерской в счет погашения долга. Затем ему выдавалась следующая партия книг, и так до тех пор, пока весь долг не будет оплачен. После этого, на деньги, вырученные с продажи первого тома, он планировал напечатать второй, а после продажи второго – третий.

За первой сотней книг поехал Кантведи. Он нанял рабочего, который уложил их в большие корзины, погрузил на ручную тележку и покатыл по улицам в храм Чиппивады. Книги Бхактиведанта Свами сложил на скамейке в своей комнате.

Бхактиведанта Свами продавал и показывал свои книги влиятельным людям сам. Д-р Радхакришнан лично принял его, согласившись изучить книгу и написать рецензию. Первым положительный отзыв написал Хануман Прасад Поддар:

Для меня это источник огромной радости – то, что давно лелеемая мечта осуществилась и будет продолжать осуществляться с выходом этой и следующих публикаций. Я благодарю Господа, по милости Которого эта книга смогла увидеть свет.

Бхактиведанта Свами посетил все главные библиотеки, университеты и школы Дели. На библиотекарей он произвел впечатление как человек «спокойный и тихий», «благородный», «вежливый», «ученый» и «излучающий какое-то особенное сияние».

Пешком Бхактиведанта Свами обошел администрации всех школ Дели. Более сорока из них взяли у него по экземпляру. Министерство образования (до этого отказывавшее ему в помощи) сделало заказ на пятьдесят томов для избранных университетов и библиотек по всей Индии. Министерство выплатило ему шестьсот рупий и оплатило почтовые расходы. Бхактиведанта Свами послал книги в указанные библиотеки. Восемнадцать книг купило посольство США для распространения в Америке, через Библиотеку Конгресса.

Поначалу продажа книг через организации шла полным ходом, но затем темп стал спадать. Будучи единственным агентом по продаже, на то, чтобы продать всего несколько копий, Бхактиведанта Свами теперь тратил многие часы. Он очень хотел выпустить второй том, но пока

не накопится нужная сумма от продажи первого, печатать дальше невозможно. Параллельно он работал над переводом и комментариями. Создание этого многотомного произведения было серьезной задачей, которая займет много лет. Если и дальше книги будут продаваться так же медленно, то он не успеет закончить работу до конца жизни.

Хотя в издании книги принимало участие много людей, а заказчиков по-прежнему хватало, успехи и неудачи этого предприятия глубоко переживал один Бхактиведанта Свами. Это был его проект, и отвечал за него только он. Никто не ждал с нетерпением его новых работ, никто не просил его писать больше, никто не стремился опубликовать его книги. И даже когда объем продаж падал почти до нуля, это не особенно волновало управляющих «О. К. Пресс»: оставшиеся книги они ему отдадут только когда он заплатит. А поскольку он обещал «О.К. Пресс» заказать им и второй том, он вынужден был идти и продавать первый в как можно большем количестве. Для Хануман Прасад Поддара первый том был мимолетным объектом восхищения; для Хитсарана Шармы – тем, к чему он приступал после окончания работы для господина Дальмии; для парня с Чиппивады эта книга была связана с выполнением нескольких поручений; для торговцев бумагой это был небольшой заказ; для доктора Радхакришнана она была мелочью, о которой он вскоре позабыл, увязнув в национальной политике и философствованиях на тему индуизма. Но Бхактиведанта Свами, полностью погруженный в издание «Бхагаватам», чувствовал блаженство и уверенность в том, что Кришна доволен его усилиями. Но своим личным делом «Бхагаватам» он не считал. «Бхагаватам» был крайне необходимым лекарством от болезней Кали-юги, лекарством, назначить которое одиночке не под силу. Но, тем не менее, он оставался одиночкой, хотя и чувствовал необычайное счастье и удовлетворение от служения гуру и Господу Кришне. Так, его трансцендентное отчаяние и наслаждение смешивались, воля его крепла, и он продолжал действовать один.

Его гуру, духовные учителя прошлого, ведические Писания уверяли в том, что он на верном пути. Человек, получивший том «Бхагаватам» и прочитавший хотя бы одну страницу, легко сможет присоединиться к Движению Господа Чайтаньи. Чем больше этих книг распространится, тем больше людей смогут понять сознание Кришны. А осознав Кришну, они освободятся от всех проблем. Продажа книг – вот это было настоящей проповедью. Бхактисиддханта Сарасвати именно этого и хотел. Ради этого он готов был пренебречь строительством храмов и привлечением последователей. Да и в самом деле, кто мог проповедовать лучше «Бхагаватам»? Любой, кто не пожалеет шестнадцать рупий на книгу, конечно же найдет время хотя бы заглянуть в нее.

За несколько последующих месяцев Бхактиведанта Свами получил еще больше положительных отзывов. Престижный бюллетень «Адьяр Лайбрэри» поместил подробную рецензию, где отмечено «широкое и глубокое изучение автором темы». Заканчивалась она словами: «с нетерпением ожидаем выхода следующих томов этого издания».

Его ученые духовные братья также написали слова одобрения. Свами Бон Махараджа, ректор Института восточной философии во Вриндаване, писал:

Я не могу не восхищаться Вашими практичными и смелыми начинаниями. Если Вам удастся довести работу до конца, вы сослужите великую службу Прабхупаде Шри Бхактисиддханте Сарасвати Госвами Махарадже, Шри Чайтанье Махапрабху, а также всей стране. Продолжайте и не сомневайтесь: у вас не будет недостатка в средствах.

Бхактишаранга Махараджа опубликовал подробную рецензию в своем «Саджджанатошани».

Мы надеемся, что это английское издание «Шримад-Бхагватам» станет широко читаемой книгой, и люди смогут навсегда избавиться от духовной нищеты. Шримад Бхактиведанта Свами дал нам то, что нужно, и именно в то время, когда мы так сильно в этом нуждаемся. Мы всем рекомендуем серьезно изучить эту книгу.

Шри Бишванатх Дас, губернатор Уттар Прадеша, рекомендовал всем мыслящим людям прочитать эту книгу. «Экономик Ревью» прославляла автора за то, что он взял на себя этот титанический труд.

В наше время, когда не только население Индии, но и жители Запада, задыхающиеся в тлетворной атмосфере ненависти и лицемерия, нуждаются в неподдельной любви и истине, книги, подобные этой, возвышают и исправляют нравы.

Доктор Закир Хуссейн, вице-президент Индии, написал:

Я прочел Вашу книгу – «Шримад-Бхагаватам» – с огромным интересом и великой пользой для себя. Я хотел бы еще раз поблагодарить Вас за доброту, которая, должно быть, побудила Вас показать эту книгу мне.

Конечно, Бхактиведанта Свами не мог расплатиться этими положительными отзывами с типографией, но они указывали на то, что книгу оценили. А последующие тома наверняка вызовут еще большее одобрение. По милости Кришны, Бхактиведанта Свами уже закончил большую часть переводов и комментариев второго тома. Даже в последние недели, когда печатался первый том, он днями и ночами писал, работая над вторым. Эта работа была прославлением Верховного Господа, Кришны, и потому должна составить много, много томов. Он чувствовал внутреннее побуждение прославлять Кришну, описывая Его в бесчисленных книгах. Шрила Бхактисиддханты Сарасвати говорил, что все типографии мира не смогут успевать печатать новости о Кришне и духовном мире, которые каждую секунду узнают чистые преданные.

Бхактиведанта Свами решил вернуться во Вриндаван, чтобы в течение нескольких месяцев усиленно поработать над вторым томом. В храме Радхи-Дамодары это было его главным занятием. Лучшего места, чтобы писать духовные книги, просто не найти; и это на своем примере продемонстрировали ачарьи-вайшнавы прошлого. Живя в простых условиях, принимая минимум пищи и уделяя совсем немного времени сну, он постоянно переводил стихи и составлял свои комментарии для второго тома. Через несколько месяцев, когда рукописных страниц скопилось достаточно, он вернулся в Дели и снова погрузился в мир книгоиздания.

Первый том охватывал шесть с половиной глав Первой песни и насчитывал триста шестьдесят четыре страницы. Второй том начинался с восьмого стиха седьмой главы. В комментарии к нему Бхактиведанта Свами написал, что «Шримад-Бхагаватам» предназначен для парамахамс, тех, кто посвятил всю свою жизнь самоосознанию. «Но, – добавляет он – он проникает в самую глубину сердца даже материалистов, поглощенных чувственными наслаждениями. Даже они найдут в этом ведическом писании лекарство от своих материальных недугов».

Чтобы найти деньги для издания второго тома, Бхактиведанта Свами вернулся в Дели. Посещая очередного потенциального спонсора, он показывал ему первый том и постоянно увеличивавшийся перечень отзывов, объясняя, что просит пожертвования не для себя, а для издания этой важной книги. Хотя на издание первого тома он так и не сумел раздобыть мало-мальски существенных пожертвований (не считая четырех тысяч рупий от господина Поддара), сейчас руководитель сахарного завода «L&N» дал ему пять тысяч рупий на второй том.

Бхактиведанта Свами был недоволен менеджерской работой Хитсарана Шармы. Хотя, по общему мнению, Хитсаран знал свое дело, он постоянно задерживал процесс, и иногда давал советы Гаутаме Шарме, не спросив Бхактиведанту Свами. Работа над первым томом шла медленно, а иногда даже останавливалась, если вдруг находился клиент, способный заплатить наличными. Бхактиведанта Свами жаловался, что типография «О. К. Пресс» не получила вовремя деньги именно по вине Хитсарана. Поэтому на этот раз Бхактиведанта Свами решил работать с «О. К. Пресс» без посредников и лично следить за работой. Он переговорил с Гаутамой Шармой и предложил платить по частям. Хотя большая часть первых томов по-прежнему лежала на полу в типографии, Бхактиведанта Свами хотел, чтобы «О. К. Пресс» приступал к печати второго тома. Гаутама Шарма согласился.

Второй том вышел в печать в начале 1964 года. Сама процедура печати не изменилась, но в этот раз Бхактиведанта Свами более активно участвовал в процессе, подгоняя рабочих. Чтобы избежать задержек, бумагу он покупал сам. Он выбирал и заказывал ее в торговой фирме «Сиддхо Мал и сыновья», в сердце «бумажного района», а затем организовывал ее доставку в «О.К. Пресс». Для больших партий он нанимал телегу. Небольшие заказы перевозил на рикше, или же пользовался услугами носильщика, который переносил груз на голове.

В предисловии ко второму тому Бхактиведанта Свами рассказывал, какой странной для жителя Вриндавана казалась работа в Дели.

«Может показаться, что и мы, несмотря на отречение от мирской жизни, занялись кармической деятельностью, т.е. зарабатыванием денег и наслаждением жизнью, – тем, чем заняты все вокруг! Люди видят, что мы ходим по городу, бываем в правительственных кабинетах, банках и других подобных местах, чтобы издание «Шримад-Бхагаватам» продолжалось. Они видят, что, находясь вдали от нашего дома во Вриндаване, мы ходим в типографии, на бумажный рынок

и в переплетные мастерские. Поэтому они иногда приходят к ошибочному выводу, что мы занимаемся тем же делом, что и остальные, хотя и носим одежду нищего монаха!

На самом деле, между двумя этими видами деятельности лежит пропасть. Это не бизнес ради материального наслаждения. Напротив, это смиренная попытка распространять славу Господа в то время, когда люди остро нуждаются в ней».

Бхактиведанта Свами рассказал, как раньше, еще лет пятьдесят назад, состоятельные члены общества поручали пандитам печатать или переписывать от руки «Бхагаватам», а затем распространять его среди преданных и простых людей. Но времена изменились. «Сейчас ситуация настолько изменилась, что нам пришлось просить одного из крупнейших промышленников Индии выкупить 100 (сто) экземпляров и распространить их, но бедняга признался в своей неспособности сделать это. Мы хотели найти кого-нибудь, кто заплатил бы за весь тираж «Шримад-Бхагаватам», чтобы его можно было распространять бесплатно среди лидеров мирового сообщества. Но до сих пор никто так и не выразил своей готовности сделать это ради возвышения общества».

Поблагодарив Министерство Образования и министра образования за распространение книг по институтам и библиотекам, Бхактиведанта Свами вновь заговорил с читателями о своем затруднительном положении. «Проблема в том, что мы должны искать деньги на эту работу, которая, вне всякого сомнения, является грандиозным проектом. Доход с продажи книг идет не на чувственное наслаждение а на продолжение работы. В этом и состоит отличие этой деятельности от деятельности ради материальных плодов. Ради этого нам и приходится общаться с разными людьми, как бизнесмену. Нет ничего дурного в том, чтобы стать бизнесменом ради Господа, так же как и нет ничего дурного в том, чтобы стать воином на поле битвы, подобно Арджуне или Хануману, если военные действия ведутся ради удовольствия Верховного Господа.

И несмотря на то, что живем мы не в Гималаях, и несмотря на то, что говорить нам приходится о бизнесе и дело иметь с рупиями и пайсами, – просто потому, что мы на все сто процентов заняты служением Господу и распространением Его славы, мы, без сомнений, легко минуем все опасности, расставленные Майей, и достигнем сияющего царства Бога, чтобы вечно служить Ему лицом к лицу, в полном блаженстве и знании. Мы убеждены в этом и можем заверить наших многочисленных читателей в том, что, просто слушая о славе Господа, они достигнут того же результата».

Получив первые экземпляры второго тома – еще одного четырехсотстраничного «Бхагаватам», в тканевом переплете кирпичного цвета, с такой же суперобложкой, как и у первого, – Бхактиведанта Свами снова отправился по институтам, ученым, политикам и книготорговцам. Один делийский продавец книг, доктор Манохарлал Джайн, продавал «Бхагаватам» особенно успешно.

Манохарлал Джайн: Он приходил ко мне, чтобы продавать свои книги. Он заходил довольно часто и обычно пару часов со мной беседовал. Ничего другого, кроме продажи книг, его не заботило. Мы говорили о его трудностях, да и о многом другом – о йоге, Веданте, религиозной стороне жизни. Ему сложно было распространять свой труд – это было огромное издание. Он планировал напечатать многотомник. Конечно, я говорил ему, что ни один местный книготорговец или издатель не сможет печатать эту книгу и вкладывать в нее деньги. Его это немного разочаровало, поскольку получалось, что он не сможет издать следующие тома.

Но у меня книги шли хорошо, потому что это был лучший перевод – санскритский текст, переведенный на английский. Раньше подобных книг не было. За два или три года я продал около ста пятидесяти – двухсот книг. Цена была очень низкой, всего шестнадцать рупий. Он публиковал отзывы, и книга шла хорошо. Стоили они недорого: он не собирался делать на этом деньги. Он печатал книги на английском, для иностранцев. Он хорошо владел и санскритом, и английским. Когда мы встречались, он говорил по-английски, и речь его была очень выразительной.

Он хотел, чтобы его книгу напечатал я, но у меня не было ни денег, ни типографии. Я ему честно сказал, что не смог бы ее напечатать, потому что это не один или два тома, а много томов. Но он как-то справлялся сам. Я посоветовал ему обратиться в фирму «Атмарам и сыновья». Он ходил и туда.

Он был великим учителем, философом, великим ученым. Я наслаждался, беседуя с ним. Он сидел со мной столько, сколько мог себе позволить: один или два часа. Иногда он приходил утром, в одиннадцать или двенадцать, а иногда вечером. Он заходил, чтобы забрать деньги. «Сколько книг продали?» И я с ним рассчитывался. По правде сказать, с деньгами у него в то время было туговато. Он хотел только того, чтобы его книги купили все библиотеки и все интересующиеся.

Обычно каждый месяц мы печатали каталог, и я рекламировал его книгу. Заказы приходили со всего мира. Поэтому, по крайней мере, у меня, объем продаж возрастал. Я прикидывал, что если я продам сто экземпляров первого тома, тогда и второй можно будет продать в том же количестве. Те, кто купил первый том, естественно купят и второй – ведь я продавал по учреждениям, а они всегда стараются приобрести весь набор целиком. Он часто обсуждал со мной планы по изданию книги и говорил, сколько томов нужно выпустить, чтобы закончить «Шримад-Бхагаватам». Он очень хотел издать всю серию.

В январе 1964 года Бхактиведанту Свами принял вице-президент Индии Закир Хуссейн, который, хотя и был мусульманином, написал на «Шримад-Бхагаватам» Бхактиведанты Свами положительный отзыв. Д-р Хуссейн радушно принял автора в президентском дворце. Бхактиведанта Свами говорил, как важен «Шримад-Бхагаватам» для развития любви к Богу. Но доктор Хуссейн хотел знать, каким образом любовь к Богу может помочь человечеству. Вопрос, который правитель задал садху, был исполнен философского смысла, но поскольку вице-президент торопился на заседание, Бхактиведанта Свами не успел дать ему исчерпывающий ответ. Со стороны вице-президента эта встреча была одобрительным жестом, выражением признательности Свами за работу на ниве культурного наследия Индии. И Бхактиведанта Свами смиренно принял этот ритуал.

Но, не желая оставлять без ответа вопрос, ответить на который во время короткой встречи было невозможно, Бхактиведанта Свами написал доктору Хуссейну длинное письмо.

«Мусульмане также считают, – писал он – что нет никого и ничего превыше Аллаха. Христиане тоже признают, что Бог велик. Человечество должно научиться подчиняться законам Бога». Он напомнил доктору Хуссейну о великом культурном сокровище Индии – ведических писаниях. Индийское правительство могло бы принести величайшее благо человечеству, систематически распространяя ведическое знание. «Шримад-Бхагаватам» был «написан в Индии»; это величайший дар, который Индия могла бы преподнести миру.

* * *

В марте 1964 года Кришна Пандит, благожелатель Бхактиведанты Свами из храма Радха-Кришны в Чиппиваде, предоставил ему возможность в течение нескольких месяцев жить в храме Шри Радхаваллабхаджи в соседнем районе, Розанпура Наишараке. Там он мог продолжать писать и издавать книги, но помимо этого Кришна Пандит попросил его читать лекции. Он дал Бхактиведанте Свами на личные нужды около полутора тысяч рупий. По случаю приезда Бхактиведанты Свами в храм Шри Радхаваллабхаджи, управляющий распространил небольшие листовки, призывающие людей «извлечь всю возможную пользу из присутствия садху-вайшнава». Как «храмовый ачарья», Бхактиведанта Свами проводил в храме утренние и вечерние беседы, не снижая, однако, темпов своей писательской и издательской работы.

* * *

В июне Бхактиведанта Свами получил возможность встретиться с премьер-министром Индии, Лалом Бахадуром Шастри. Встречу устроил Доладрам Кханнах, богатый ювелир и попечитель храма в Чиппиваде, которого Бхактиведанта Свами часто там видел. Будучи старым другом премьер-министра – в молодости они посещали вместе клуб йоги – господин Кханнах решил оказать Бхактиведанте Свами услугу и устроил их встречу. «Пусть премьер-министр посмотрит на настоящего садху» – думал господин Кханнах.

Это была официальная встреча. Проходила она в саду у здания парламента, где премьер-министр Шастри, одетый в белую курту и дхоти, с пилоткой Неру на голове, в окружении советников, встречался с гостями. Принял он и пожилого садху. Бхактиведанта Свами, который в своих очках выглядел как ученый, представился и представил свою книгу, «Шримад-Бхагаватам». Когда он передавал премьер-министру экземпляр первого тома, фотограф запечатлел, как автор и премьер-министр улыбаются, глядя на книгу.

На следующий день Бхактиведанта Свами написал премьер-министру письмо. Вскоре пришел ответ, подписанный самим Шастри:

Дорогой Свамиджи, большое спасибо Вам за письмо. Я по-настоящему благодарен Вам за подаренный мне том «Шримад-Бхагаватам». Я понимаю, что Вы делаете великое дело. Было бы замечательно, если бы библиотеки государственных учреждений приобрели эту книгу.

Бхактиведанта Свами написал ему еще одно письмо, где просил купить книги для институтов Индии. Ответ пришел от г-на Р.К. Шармы из Министерства образования. Он письменно подтвердил, что министерство согласно купить пятьдесят экземпляров второго тома, так же как оно выкупило первый.

* * *

Чтобы полностью погрузиться в работу над третьим томом, Бхактиведанта Свами вернулся в храм Радхи-Дамодары. Оставались последние главы Первой песни, где описывалось начало эпохи Кали. Многие стихи содержали предсказания о грядущей деградации общества и повествовали о том, как могущественный царь Парикшит предотвратил влияние Кали, управляя миром в сознании Кришны. В комментариях Бхактиведанта Свами написал, что правительство не сможет сдержать коррупцию до тех пор, пока не искоренит четыре главных принципа безбожия – употребление в пищу мяса, незаконный секс, прием одурманивающих средств и азартные игры. «Ни законодательными актами, ни полицейским надзором невозможно искоренить эти пороки. Но для излечения этой болезни ума есть верное средство – пропаганда принципов брахманической культуры: аскетизма, чистоты, милосердия и правдивости... Нам следует всегда помнить, что ложная гордость... чрезмерная привязанность к женщинам или общение с ними и привычка к опьянению, в каких бы формах они не проявлялись, уведут человечество с пути мира, сколько бы люди ни призывали к миру во всем мире».

Нужно было искать средства на издание третьего тома, и Бхактиведанта Свами решил попытаться счастья в Бомбее. Он приехал туда в июле и остановился в Премкутире Дхармашале, бесплатном ашраме.

Шрила Прабхупада: В Премкутире меня очень хорошо приняли. Я собирался продавать свои книги. Некоторые критиковали меня: «Какой он санньяси? Он зарабатывает на книготорговле». Это говорили не старшие – просто какие-то люди. Я и там писал свои книги.

Потом меня пригласили погостить пару недель в семье Дальмия. Один из братьев сказал мне, что хочет построить у себя во дворе небольшой коттедж. «Вы можете там жить. Я подарю вам хороший домик». Я подумал, «Ну, нет. Я не собираюсь жить на иждивении вишайи (материалиста)». Но я прожил там пятнадцать дней, и он предоставил мне особое право пользоваться печатной машинкой для работы над книгами.

Теперь Бхактиведанта Свами ходил по учреждениям и книготорговцам Бомбея. Теперь он носил с собой фотографию, где был запечатлен рядом с премьер-министром Шастри, а также его письмо и бланк заказа на пятьдесят томов от Министерства образования. Но спрос был небольшой.

Тогда он решил навестить Сумати Морарджи, главу паровой компании «Синдия». От духовных братьев, живущих в Бомбее он слышал, что она часто помогала садху и жертвовала бомбейскому Гаудия Матху. Бхактиведанта Свами никогда с ней не встречался, но хорошо помнил, как в 1958 году один из ее служащих пообещал предоставить ему пятидесятипроцентную скидку на билет до Америки. Теперь он хотел, чтобы она помогла ему напечатать «Шримад-Бхагаватам».

Но первые попытки встретиться с ней оказались неудачными. Расстроенный тем, что служащие г-жи Морарджи его не пустили, Бхактиведанта Свами сел на ступеньки парадной лестницы главного здания компании, полный решимости привлечь ее внимание, когда она будет выходить в конце рабочего дня. Само собой, одинокий садху, просидевший пять часов на ступеньках здания компании «Синдия», тихо повторяя мантру, не мог остаться незамеченным. Вечером в дверях появилась г-жа Морарджи, бурно обсуждая со своим секретарем, г-ном Чокси, какие-то дела. Увидев Бхактиведанту Свами, она остановилась.

– Кто это? – спросила она господина Чокси.

– Он сидит здесь уже пять часов, – ответил секретарь.

– Хорошо, я сейчас, – сказала она и направилась к месту, где сидел Бхактиведанта Свами.

Он улыбнулся, встал и, сложив ладони, предложил ей намаскар.

– Чем я могу быть вам полезна, Свамиджи? – спросила она.

Бхактиведанта Свами вкратце рассказал ей о своем намерении напечатать третий том «Шримад-Бхагаватам».

– Я хочу, чтобы вы мне помогли, – сказал он.

– Ладно, – ответила госпожа Морарджи. – Сейчас уже поздно, давайте встретимся завтра. Приходите, и мы все обсудим.

На следующий день Бхактиведанта Свами пришел в офис госпожи Морарджи и показал ей напечатанную на машинке рукопись и уже изданные тома.

– Ладно, – сказала она, – я помогу вам. Я сделаю все, что вам потребуется. Вы сможете это напечатать.

Заручившись обещанием госпожи Морарджи, Бхактиведанта Свами вернулся во Вриндаван, чтобы завершить труд. Как и раньше, режим его работы был очень напряженным.

Третий том завершал Первую песнь. С таким количеством книг можно смело ехать на Запад. Благодаря только первым двум томам в Индии его стали принимать лучше – позади были встречи с вице-президентом и премьер-министром... Успешно прошла и беседа с крупным бомбейским магнатом – рассказав за несколько минут о книге, Бхактиведанта Свами получил большое пожертвование. Книги были мощным средством проповеди.

* * *

Близился Джанмаштами. Бхактиведанта Свами хотел отпраздновать его в храме Радхи-Дамодары. Он планировал пригласить Бишванатху Даса, губернатора Уттар-Прадеша, чтобы тот возглавил церемонию в честь явления Господа Кришны. Шри Бишванатх получил экземпляр первого тома «Шримад-Бхагаватам» и написал положительный отзыв. Хотя он и был политиком, его любовь и уважение к садху были известны всем. Он регулярно приглашал к себе домой видных садху и раз в год посещал главные храмы Матхуры и Вриндавана. Бхактиведанта Свами попросил главу муниципалитета Вриндавана, Мангалала Шарму, пригласить губернатора встретить Джанмаштами в храме Радхи-Дамодары. Губернатор охотно принял приглашение.

Бхактиведанта Свами напечатал афишу, которая гласила:

По случаю празднования Джанмаштами в месте погребения Шрилы Рупы и Дживы Госвами,

ХРАМ ШРИ ШРИ РАДХИ-ДАМОДАРЫ

Себакундж, Вриндабан,

Будут проводиться гоудия-киртан

С участием Его превосходительства Шри Бишванатхи Даса,

ГУБЕРНАТОРА УТТАР ПРАДЕШ,

А также

Почетного гостя ШРИ Г. Д. СОМАНИ из Бомбея,

Попечителя храма Шри Ранганатхджи во Вриндабане.

Время проведения – воскресенье, 31-го августа 1964 года, с 19:30 до 20:30

Афиша содержала рекламу шестидесятитомного издания «Шримад-Бхагаватам». Кроме того, к празднику был выпущен песенник, содержащий бхаджаны на бенгали, которые должны были исполняться во время торжеств – «Шри Кришна Чайтанья Прабху», «Нитай-пада-камала», «Молитвы Шести Госвами» и другие любимые песни гаудия-вайшнавов.

Программа прошла успешно. Собралось много людей, все пели для Господа Кришны, принимали прасад... Бхактиведанта Свами прочитал лекцию по стиху из «Шримад-Бхагаватам», описывающему эпоху Кали – океан пороков, спастись из которого можно с помощью одного лишь средства: пения и повторения Харе Кришна. После окончания Харе Кришна киртана, который вел Бхактиведанта Свами, он подарил губернатору второй том «Шримад-Бхагаватам» и рассказал о своих планах проповедовать по всему миру.

На следующий день Бхактиведанта Свами отмечал свой шестьдесят девятый день рождения. Через несколько дней Бишванатх Дас пригласил Свами Махараджа посетить его поместье в Лакнау. Это было неординарное событие, и губернатор созвал еще нескольких садху. Он хотел устроить киртан и для этого пригласил профессиональных музыкантов, которые путешествовали по Индии, устраивая киртаны и декламируя шлоки. Особое впечатление Бхактиведанта Свами произвел на одного молодого музыканта, Сизир Кумара Бхаттачарью.

Сизир Бхаттачарья: Нас пригласили исполнить киртан в доме губернатора в Лакнау. Нас было человек семь-восемь. Это был дом губернатора, очень большой дом. Я сидел на помосте. Я увидел губернатора, Бишванатху Даса, а рядом с ним сидел садху, пожилой, но, как мне

показалось, полный сил. Когда я увидел губернатора, то сошел с помоста и поклонился. Затем я спросил, что ему хотелось бы послушать. Он ответил: «Спойте что-нибудь о Чайтанье Махапрабху». Я сказал: «Я очень рад, что вы выбрали это». Часа полтора мы пели киртан о Махапрабху, а затем нас пригласили на обед в большой банкетный зал. Все подавалось в серебряной посуде с вензелями губернатора.

Мы сели вместе, и я оказался бок о бок с тем самым садху, который представился как Бхактиведанта Свами. У нас завязался разговор, и Свами подарил мне книгу, «Шримад-Бхагаватам». Он сказал: «Я хочу распространять Кришна-наму и учение Чайтаньи Махапрабху в западных странах. Я пытаюсь найти возможность как-нибудь раздобыть билет. Если получится, то я поеду и буду распространять учение Махапрабху». И он процитировал этот стих Махапрабху: притхивите ачхе йата нагаради грама / сарватра прачара хайбе мора нама. Но я не думал, что он и в самом деле сможет это сделать – он выглядел очень простым и бедным.

* * *

С законченной рукописью третьего тома и деньгами на его издание Бхактиведанта Свами вновь погрузился в мир книгоиздания. Он покупал бумагу, вычитывал гранки и следил за тем, чтобы типография придерживалась плана, и чтобы к январю 1965 года книга была готова. Так, благодаря своему упорству, Бхактиведанта Свами, у которого почти не было денег, сумел за два с небольшим года издать три объемистых тома в твердом переплете.

Если бы так и дальше пошло, то, если принять во внимание рост его авторитета в научных кругах, Бхактиведанта Свами вскоре мог бы заслужить признание своих соотечественников. Но взор его был устремлен на Запад. И когда третий том увидел свет, он почувствовал, что, теперь, наконец, готов к отъезду. Ему было уже шестьдесят девять, жизнь подходила к концу. Уже более сорока лет прошло с тех пор, как Шрила Бхактисиддханта Сарасвати в первый раз попросил молодого домохозяина из Калькутты проповедовать сознание Кришны на Западе. Тогда Абхаю Чарану, который только-только обзавелся семьей, это казалось невозможным. Но эти препятствия давно уже его не держали, и уже более десяти лет он мог свободно путешествовать. Но тогда (да и сейчас тоже) у него не было ни гроша. И сначала он решил напечатать несколько томов «Шримад-Бхагаватам», чтобы взять их с собой. Это было необходимо, если он всерьез хотел что-то сделать. Теперь, по милости Кришны, три тома были в его распоряжении.

Шрила Прабхупада: Я считал, что должен ехать в Америку. Все ездили в Лондон, но я не хотел в Лондон. Я думал только о том, как поехать в Нью-Йорк. Я строил планы: «Ехать мне через Токио, или еще как-нибудь? Как будет дешевле?» Таковы были мои планы. Я постоянно думал о Нью-Йорке. Иногда мне снилось, что я приехал в Нью-Йорк.

Затем Бхактиведанта Свами встретился с господином Агарвалом, бизнесменом из Матхуры, и в беседе с ним, как часто делал в таких случаях, вскользь упомянул о желании поехать на Запад. И хотя г-н Агарвал был знаком с Бхактиведантой Свами всего несколько минут, он вызвался найти ему в Америке поручителя. Господин Агарвал уже делал подобное, и не один раз – встречая садху, жаждущего поехать за границу, чтобы учить людей культуре Индии, он просил своего сына Гопала, инженера из Пенсильвании, выслать официальное приглашение. Увидев, что господин Агарвал готов помочь ему, Бхактиведанта Свами попросил сделать это как можно быстрее.

Шрила Прабхупада: Я и не думал говорить с г-ном Агарвалом всерьез. Но он воспринял все очень серьезно. Я сказал: «Ну да, почему бы вам не попросить своего сына за меня поручиться, чтобы я смог поехать? Я хочу там проповедовать».

Но Бхактиведанта Свами знал, что одного желания поехать на Запад недостаточно – нужны деньги. В марте 1965 года он снова приехал в Бомбей продавать книги, вновь остановившись в Премкутире, бесплатной дхармашале. Но искать покупателей было трудно. Он познакомился с Параманандой Бхагвани, библиотекарем колледжа Джай Хинд. Тот купил несколько книг для своей библиотеки и съездил с Бхактиведантой Свами еще в несколько подобных мест.

Господин Бхагвани: Я отвез его на склад популярной книги на Грэнд Роуд, помочь в продаже книг, но там сказали, что их не примут – религиозные книги не пользовались особым спросом. Потом мы отправились в другой магазин, неподалеку. Его владелец тоже с грустью нам отказал. Затем Бхактиведанта поехал в Садхувелу, что неподалеку от храма Махалакшми, и там мы встретились с настоятелем храма. Он, естественно, пригласил нас к себе. У них была своя библиотека, с огромным выбором книг о религии, и мы попросили их взять набор для библиотеки. Ашрам был богатый, но настоятель сказал, что не в состоянии купить книги.

Бхактиведанта Свами вернулся в Дели, где, используя любую возможность, продолжал, как и раньше, продавать книги. Однажды, к своему огромному удивлению, он получил из министерства иностранных дел уведомление, что ему выдано разрешение на поездку в США. Поскольку никаких документов на выезд из страны он не подавал, то решил зайти в министерство и выяснить, как такое произошло. В министерстве ему показали приглашение от господина Гопала Агарвала, проживающего в Батлере, штат Пенсильвания. Господин Агарвал официально заявлял о том, что берется оплатить все расходы, связанные с пребыванием Бхактиведанты Свами в Соединенных Штатах.

Шрила Прабхупада: О переписке отца с сыном я ничего не знал. Я просто его спросил: «Почему бы вам не попросить своего сына за меня поручиться?» И вот, спустя три или четыре месяца, из индийского консульства в Нью-Йорке приходит приглашение... Он согласился оплатить мое месячное пребывание, и я неожиданно получил официальную бумагу.

По просьбе отца Гопал Агарвал сделал то, что уже не раз делал для разных садху – хотя никто из них так и не приехал в Америку. Для него это было формальностью: он просто хотел сделать отцу приятное. В индийском консульстве в Нью-Йорке Гопал получил бланк приглашения, взял на работе справку о размере месячной заработной платы, получил в банке документ, где указывался размер остатка на его счету на апрель 1965 года, и заверил бланк приглашения у нотариуса. В Нью-Йорке бумагу заверили печатью и подписью и отправили в Дели.

Теперь у Бхактиведанты Свами был поручитель. Оставалось получить паспорт, визу, разрешение государственного банка на выезд. А еще достать денег на билет.

Получить паспорт оказалось несложно – помог Кришна Пандит. К десятому июня документ был готов. Бхактиведанта Свами аккуратно вписал в него свой адрес («храм Радха-Кришны в Чиппиваде») и имя отца («Гоур Мохан Дэ»). Он попросил Кришна Пандита оплатить ему билет в Америку, но Кришна Пандит отказался – он считал, что садху не должен ездить за границу, так как это противоречит принципам индуизма, и, кроме того, слишком дорого.

С паспортом и приглашением Бхактиведанта Свами отправился в Бомбей – на этот раз не продавать книги и не собирать деньги на их издание, а искать человека, который поможет ему добраться до Америки. Он подумал и решил снова пойти к Сумати Морарджи. Свое приглашение он показал ее секретарю, господину Чокси. Тот очень удивился и решил доложить о нем госпоже Морарджи.

– Свами из Вриндавана снова здесь, – сообщил он. – На ваше пожертвование он издал книгу, и теперь хочет поехать в Америку. У него уже есть поручитель. Он просит, чтобы вы отправили его на корабле «Синдии». Госпожа Морарджи ответила:

– Нет, Свамиджи слишком стар, чтобы ехать в Штаты. Он ничего там не добьется.

Господин Чокси передал Бхактиведанте Свами слова госпожи Морарджи, Бхактиведанта Свами их выслушал, но было видно, что он остался при своем мнении.

Морарджи же хотела, чтобы он остался в Индии и завершил работу над «Шримад-Бхагаватам».

– Зачем ехать в Штаты? – говорила она. – Пусть закончит работу здесь.

Но Бхактиведанта Свами решительно настроился ехать. Он попросил г-на Чокси, чтобы тот постарался уговорить г-жу Морарджи и даже подсказал, что нужно говорить: «Я вижу, что он твердо решил отправиться для проповеди в Америку». Но госпожа Морарджи отказала и на этот раз:

– У Свами слишком слабое здоровье. Там ему будет холодно. Он может не вернуться на родину.

Она сомневалась, что ему удастся сделать там что-то серьезное; ей казалось, что американцы его не воспримут и вряд ли станут слушать.

Выведенный из себя неспособностью господина Чокси уговорить начальницу, Бхактиведанта Свами потребовал личной встречи с госпожой Морарджи. Его приняли. Убеленный сединами Бхактиведанта Свами решительно изложил свое требование:

– Я прошу выдать мне один билет.

Сумати Морарджи озабоченно спросила:

– Свамиджи, в столь преклонном возрасте вы взваливаете на себя такую непосильную ношу. Вы считаете, это нормально?

– Да, – твердо ответил он и поднял руку, словно пытаюсь убедить сомневающуюся дочь, – это нормально.

– Известно ли вам, что думают об этом мои секретари? Они говорят: «Свамиджи едет в Америку, чтобы умереть».

Бхактиведанта Свами сделал такое лицо, будто старался опровергнуть нелепый слух, и продолжал настаивать на том, чтобы ему дали билет.

– Хорошо, – сказала она. – Получите разрешение от государственного банка на выезд, и я отправлю вас на одном из наших кораблей.

Лицо Бхактиведанты Свами озарилось улыбкой. Сияя от счастья, он вышел из кабинета и ушел, оставив служащих в недоумении.

Разрешение на выезд – еще одна формальность, которую должен пройти гражданин Индии, желающий выехать из страны. Это документ, который выдается Государственным банком Индии и подтверждает, что гражданин не имеет больших задолженностей. Чтобы его получить, требовалось время, к тому же у Бхактиведанты Свами еще не была готова виза. Все необходимые документы нужно было оформлять в Бомбее, но остановиться там было негде. Госпожа Морарджи согласилась поселить его в «Колонии Синдии», общежитии для служащих компании.

Он остановился в маленькой квартире, где не было даже мебели, взяв с собой только чемодан и печатную машинку. Все соседи, работники компании «Синдия», уже знали, что госпожа Морарджи посылает этого человека на Запад, и некоторым было интересно узнать, зачем. То, что, несмотря на свой почтенный возраст, он собирался проповедовать за границей, произвело на них большое впечатление. Он был не простым садху, а ученым. Они узнали, что едет он без денег, зато берет с собой несколько сотен экземпляров своих книг. В «Колонии Синдии» он вскоре стал знаменитостью. Ему приносили рис, сабджи, фрукты. Они приносили столько, что он не мог все это съесть. Тогда он сказал об этом господину Чокси.

– Берите и раздавайте, – посоветовал Чокси. Тогда Бхактиведанта Свами стал раздавать остатки своей пищи детям. Кое-кто из взрослых приходил послушать, как он читает и комментирует «Шримад-Бхагаватам». Особое впечатление садху произвел на г-на Вишваду, главного кассира компании «Синдия», и тот регулярно стал ходить к нему учиться. Он купил книги Бхактиведанты Свами и читал их дома.

Квартира Бхактиведанты Свами выходила на ту же веранду, что и квартира, в которой жил служащий компании господин Нагараджана со своей женой.

Г-н Нагараджан: Всякий раз, когда я проходил через веранду, он писал или повторял мантру. Я спрашивал его: «Свамиджи, что вы пишете?». Он, как правило, сидел у окна и переводил с санскрита.

Он дал мне две книги и сказал: «Дитя мое, если ты прочитаешь эту книгу, то поймешь». Дома мы устраивали беседы и на эти беседы, как правило, сходились четыре или пять женщин из Гуджарата. На одной из лекций он сказал кому-то из них, что пробор сбоку – это не очень хорошо. У каждой индийской женщины пробор должен быть посередине. Им очень нравились его лекции, и они слушали с постоянным интересом.

Каждый день он шел в город, пытаюсь как можно скорее получить визу и разрешение на выезд. Он продавал книги и искал спонсоров для будущих томов «Шримад-Бхагаватам». Господин Нагараджан пытался ему помочь. Он выписал из телефонной книги имена богатых бизнесменов-вайшнавов, которые могли бы оказать поддержку. По вечерам соседи Бхактиведанты Свами видели, как, смертельно уставший, он возвращался домой. Какое-то время он сидел тихо, и, как казалось, был подавлен, но вскоре он выпрямлялся и с новыми силами приступал к работе.

Госпожа Нагараджан: Бывало, он возвращался домой, а мы ободряли его: «Свамиджи, придет день, и вы достигните цели». А он говорил: «Время еще не пришло. Время не пришло. Они все агьяни. Они ничего не понимают. Но я должен продолжать».

Иногда я шла мимо и замечала, что его чадар висит на стуле, а сам он сидит на подоконнике. Я спрашивала: «Свамиджи, сколько у вас было удачных встреч сегодня?» Он отвечал: «Не так уж много, и это очень печально. Завтра Кришна даст мне больше». Он продолжал тихо сидеть на подоконнике.

Через десять минут он пересаживался на стул и начинал печатать. Я удивлялась, как Свамиджи, который только что выглядел таким усталым, вдруг преображается. Даже когда он уставал, это его не останавливало. Он никогда не падал духом. И мы всегда воодушевляли его: «Если сегодня у вас не получилось, то завтра вы, несомненно, встретите кого-нибудь, кто поможет

вам». Мои подруги тоже приходили на его утренние и вечерние лекции и предлагали ему намаскар и фрукты.

Господин Нагаджан: Он был очень общительным и простым. Наши друзья иногда жертвовали ему несколько рупий. Он брал и говорил: «Хорошо. Это очень кстати». От нашего общежития до вокзала Андхери, что был в двух километрах, он ходил пешком, потому что денег на автобус у него не было.

Бхактиведанта Свами напечатал листовку под названием «Моя миссия», которую показывал влиятельным людям, когда собирал средства на издание «Шримад-Бхагаватам». Текст листовки гласил, что сознание Бога – единственное средство от пороков современного материалистического общества. Несмотря на научный прогресс и материальные удобства, мир полон беспокойств. Поэтому по всему миру необходимо распространять «Бхагавад-гиту» и «Шримад-Бхагаватам», составляющие славу Индии.

Госпожа Морарджи спросила у Бхактиведанты Свами, не согласится ли он по вечерам читать «Шримад-Бхагаватам» для нее. Он согласился. Каждый вечер, в шесть часов, она посылала за ним машину. Они шли в ее сад, и там он читал и комментировал «Бхагаватам».

Сумати Морарджи: Он приезжал по вечерам. Стихи «Бхагаватам» он пел на традиционный, размеренный мотив. Иногда он комментировал какой-то момент – бывает, что приходит много мыслей, когда сидишь так и беседуешь. Но комментарии его были основаны исключительно на «Бхагаватам». Итак, он беседовал со мной, а потом возвращался. Он уделял мне время, а я слушала. Продолжалось это десять или пятнадцать дней.

Поддержка компании «Синдия» и поручитель в США – достаточно серьезные основания, и 28 июля 1965 года он получил визу. Но дела с разрешением на выезд шли медленно и даже угрожали срывом.

Шрила Прабхупада: Раньше ограничений на выезд не было. Но санньяси, таким как я было очень трудно получить это разрешение. Я подал заявление, но мне не разрешили... Тогда я пошел в государственный банк Индии и обратился к одному служащему, господину Мартарчари. Он сказал мне: «Свамиджи, ваш поручитель – частное лицо. Мы не можем на это пойти. Если бы вас пригласила какая-нибудь организация, тогда мы бы еще подумали. Но вас приглашает частное лицо, всего на месяц. А если через месяц вы попадете в трудное положение и начнутся проблемы?» Но у меня все уже было готово к отъезду. Я спросил: «И что?» Он сказал: «Я решил не давать вам разрешения». Я запротестовал: «Нет. Нет. Не делайте этого. Дайте мне встретиться с вашим начальством. Так быть не должно».

И он пошел мне навстречу. Он отправил мое дело к главному начальнику валютного отдела – или что-то вроде этого. В Государственном банке Индии он был главным, и я пошел к нему. Я спросил у его секретаря: «У вас есть дело такого-то? Пожалуйста, отнесите его господину Рао. Я хотел бы с ним встретиться». Секретарь согласился, подготовил дело и записал меня на прием. Я ждал. Господин Рао лично вышел ко мне и сказал: «Свамиджи, я выдал вам разрешение. Не беспокойтесь».

По указанию г-жи Морарджи ее секретарь сделал последние распоряжения. Поскольку у Бхактиведанты Свами не было теплой одежды, господин Чокси повел его в магазин, чтобы купить ему шерстяной жакет и другие теплые вещи. Господин Чокси потратил на новую одежду (включая несколько новых дхоти) примерно двести пятьдесят рупий. По просьбе Бхактиведанты Свами господин Чокси напечатал буклет в пятистах экземплярах, в котором приводились восемь стихов Господа Чайтаньи, и параллельно с паровой компанией «Синдия» рекламировался «Шримад-Бхагаватам».

Господин Чокси: Я спросил его: «Почему вы не ехали раньше? Почему вы хотите ехать в Соединенные Штаты сейчас, в таком-то возрасте?». Он ответил: «Я смогу сделать что-то стоящее, я уверен». Его идея состояла в том, что кто-то должен вести людей, запутавшихся в жизни, учить и рассказывать, в чем суть истины. Я много раз его спрашивал: «Почему вы хотите поехать в Штаты? Почему бы вам не начать с Бомбея или Вриндавана?». Я даже подшучивал над ним: «Да вы просто хотите посмотреть на Америку, поэтому и едете. Все Свами хотят в Америку, и вы тоже хотите понаслаждаться». Он отвечал: «На что мне еще смотреть? Моя жизнь подошла к концу».

Но иногда он вскипал и выходил из себя. Он сердился на меня за мою медлительность. «Что за глупости?» – говорил он. И я понимал – он сердится. Иногда он говорил: «О, г-жа Морарджи до сих пор не подписала эту бумагу? Она говорит: приходите завтра, поговорим завтра!»

Что это такое? Почему я должен ходить к ней каждый день?» Он сердился. «Посидите здесь» – говорил я ему. Но он отвечал: «Сколько я еще должен здесь сидеть?». Он терял терпение.

Наконец, г-жа Морарджи отвела ему каюту на одном из своих кораблей, «Джаладуте», который отплывал из Калькутты 13 августа. Она позаботилась, чтобы Бхактиведанта Свами плыл на корабле, капитан которого с пониманием отнесется к нуждам вегетарианца и брахмана, и велела капитану «Джаладуты» Аруну Пандии взять на борт дополнительный запас овощей и фруктов для Свами. Последние два дня в Бомбее Бхактиведанта Свами провел в компании господина Чокси. Они забрали из типографии брошюры, купили теплую одежду, и, наконец, господин Чокси проводил его на вокзал и посадил на поезд до Калькутты.

В Калькутту Бхактиведанта Свами прибыл за несколько дней до отплытия «Джаладуты». В этом городе он провел большую часть своей жизни, но сейчас ему было негде даже остановиться. Все получалось так, как он писал во «Вриндавана-бхаджане»: «У меня есть все – жена, сыновья, дочери, внуки, но нет денег, и потому нечем гордиться». Здесь прошло его детство, но те дни ушли безвозвратно: «Куда ушли мои любящие отец и мать?.. Кто скажет мне, что сейчас с ними, скажите, кто? Что осталось от этой семьи? Просто список имен».

Из сотен калькуттских знакомых Бхактиведанта Свами выбрал Сиширу Бхаттачарью, превосходного певца киртанов, с которым он познакомился год назад в доме губернатора в Лакнау. Г-н Бхаттачарья не был ни его родственником, ни учеником, ни даже близким другом. Он просто хотел помочь. Бхактиведанта Свами позвонил ему и сказал, что через несколько дней плывет на грузовом судне в Америку, а сейчас ему нужно где-то остановиться. Он мог бы читать в это время лекции. Г-н Бхаттачарья сразу же принялся хлопотать об организации нескольких небольших встреч в домах своих друзей, на которых он будет петь, а Бхактиведанта Свами читать лекции.

Считая, что отъезд садху в Америку – событие весьма важное, господин Бхаттачарья провез Бхактиведанту Свами по редакциям всех калькуттских газет – «Хиндустан Стандарт», «Амрита Базар Патрика», «Джугантас», «Государственный деятель», и другим. У Бхактиведанты Свами была с собой только одна фотография – снимок для паспорта, и они сделали с нее несколько копий. Г-н Бхаттачарья попытался объяснить корреспондентам, что именно собирается сделать Свамиджи, но никто из них так ничего и не написал. В конце концов, они посетили редакцию «Даиник Басумати», местной ежедневной газеты, которая согласилась напечатать небольшую заметку с фотографией Бхактиведанты Свами.

За неделю до отплытия, шестого августа, он съездил в находящийся поблизости Майяпур, к самадхи Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, после чего снова вернулся в Калькутту. Там г-н Бхаттачарья помог ему провести последние программы.

Господин Бхаттачарья: Мы нанимали такси и ехали в назначенное место. Он начинал проповедовать. Я никогда не говорил с ним во время проповеди, но однажды, возвращаясь с проповеднической программы, я сделал ему замечание: «Вы сказали о том-то так-то и так-то, но на самом деле это не так. Это по-другому». Я в чем-то с ним не согласился и начал спорить. Он пришел в ярость. В какой-то момент я сказал: «Нет, я думаю, что это так». И он закричал. Он очень сердился. Он сказал: «Ты всегда говоришь: «Я думаю, я думаю, я думаю». Что толку в твоём «я думаю»? Всё у тебя – «я думаю». Но это совсем не важно. Важно то, что говорит шастра. Ты должен следовать...». Я возразил: «Я должен делать то, что я думаю, для меня важно то, что я чувствую». Он сказал: «Нет, забудь об этом. Ты должен забыть о своем желании. Ты должен изменить свои привычки. Лучше полагайся на шастры. Следуй тому, что тебе говорят шастры. Я не говорю тебе, что я думаю, я повторяю то, что говорит шастра».

День отъезда приближался. Бхактиведанта Свами собрал свои скромные пожитки. С собой он брал только маленький чемоданчик, зонтик и запас крупы. Он не знал, чем придется питаться в Америке, – может быть, там будет только мясо. В этом случае он готов был жить на вареной картошке и крупе, которую взял с собой. О главном его багаже – нескольких ящиках с книгами – позаботилась грузовая служба «Синдии». Он брал с собой двести комплектов трехтомника «Бхагаватам», и одна мысль об этих книгах вселяла в него уверенность.

Эта уверенность особенно понадобилась ему, когда наступил день отъезда. На старости лет, когда здоровье было уже не то, что в молодости, он резко порывал со своей прежней жизнью. Он уезжал в незнакомую страну, которая могла встретить его совсем не-гостеприимно. Одно дело быть бедным и никому не известным в Индии, совсем другое – в Америке. Даже сейчас, в Калиюгу, когда руководители Индии отвергли традиционную индийскую культуру и начали подражать

Западу, Индия осталась Индией. В ней до сих пор сохранялись остатки ведической цивилизации. В Индии он встречался с миллионерами, губернаторами, премьер-министрами – достаточно было подойти к их дверям и дожидаться приема. Санньяси пользовались уважением в обществе, так же как и «Шримад-Бхагаватам». Но в Америке все будет по-другому. В этой стране он будет никто, иностранец без роду и племени. Там никогда не видели садху, там нет храмов и ашрамов, где можно жить, не платя за ночлег. Но когда он думал о книгах, которые взял с собой, – книгах, написанных на английском и хранящих трансцендентное знание, – к нему возвращалась уверенность. Знакомясь в Америке с людьми, он будет давать им рекламный проспект: «Шримад-Бхагаватам» – послание мира и доброй воли из Индии».

Наступило 13 августа. До Джанмаштами, дня явления Господа Кришны (а также дня его шестидесятидевятилетия), оставалось всего несколько дней. В последние годы он всегда проводил Джанмаштами во Вриндаване. На его месте многие жители Вриндавана никогда бы не уехали оттуда. Они предпочитали доживать свой век там, в мире и покое. Бхактиведанта Свами тоже боялся, что умрет вдали от Вриндавана. Из страха умереть вне Вриндавана вайшнавы-садху и вдовы давали обет никуда оттуда не уезжать, даже в Матхуру, потому что умереть во Вриндаване – значит достичь высшего совершенства жизни. Кроме того, по ведической традиции санньяси не должны пересекать океан и ступать на землю млеччхов. Но желание Бхактисиддханты Сарасвати было выше всего остального, ибо его желание совпадало с волей Господа Кришны. К тому же Господь Чайтанья Махапрабху предсказал, что мантру Харе Кришна будут петь во всем мире в каждом городе и деревне.

До калькутского порта он добрался на такси. Его сопровождали несколько друзей и последователей, а также его сын, Вриндаван. В своем дневнике Бхактиведанта Свами написал: «Сегодня в девять утра поднялся на борт «М.В. Джаладуты». Со мной пришли Бхагвати, Дварван из «Синдия Саншира», господин Сэн Гупта, господин Али и Вриндабан». С собой у него была «Чайтанья-чаритамрита» на бенгали, которую Бхактиведанта Свами собирался читать во время плавания. На корабле он должен будет как-то готовить себе еду, а если не получится – придется голодать – как пожелает Кришна. Он проверил документы: билет, паспорт, виза, разрешение на выезд от банка, адрес поручителя. Свершилось!

Шрила Прабхупада: С каким трудом я выезжал из страны! Так или иначе, по милости Кришны, я покинул Индию, чтобы распространить движение сознания Кришны по всему миру. Останься я в Индии, это было бы невозможно. Я хотел начать движение в Индии, но там меня никто не поддержал.

Маленький грузовой корабль, черный, потрепанный штормами, стоял, пришвартованный к причалу, с палубы на пирс были спущены сходни. Индийские моряки с любопытством смотрели на пожилого садху, одетого в шафрановые одежды, а тот, сказав несколько прощальных слов провожающим, решительно зашагал по направлению к кораблю.

Многие тысячи лет о кришна-бхакти знали только в Индии; если не считать искаженных сведений о ней, которые время от времени выносили за ее пределы неверующие-иностранцы. Все Свами, побывавшие в Америке, были непреданными, имперсоналистами-майявади. Но сейчас Кришна избрал Своим представителем Бхактиведанту Свами.

Глава двенадцатая

Путешествие в Америку

Сегодня корабль не качает, и я чувствую себя немного лучше. Но меня терзает боль разлуки со Шри Вриндабаном и Моими Повелителями, Шри Говиндой, Гопинатхой и Радха-Дамодарой. Единственное мое утешение – «Шри Чайтанья Чаритамрита», читая которую, я наслаждаюсь нектаром лил Господа Шри Чайтаньи. Я покинул Бхаратабхуми [Индию] только для того, чтобы исполнить наказ Шри Бхактисиддханты Сарасвати, выполнявшего волю Господа Чайтаньи. Не обладая необходимыми качествами, я все же иду на риск, желая выполнить указание Его Божественной Милости. Здесь, вдали от Вриндавана, я уповаю только на Их милость.

Из дневника на борту «Джаладуты», 10 сентября 1965

«Джаладута» – грузовое рейсовое судно пароходной компании «Синдия», на котором есть одна пассажирская каюта. В августе-сентябре 1965 года, когда судно совершало рейс из Калькутты в Нью-Йорк, эту каюту, согласно записи в судовом журнале, занимал «Шри Абхой (так написано) Чаранаравинда Бхактиведанта Свами», шестидесяти девяти лет, взятый на борт «с бесплатным билетом и питанием».

«Джаладута», под командованием капитана Аруна Пандии, жена которого также находилась на борту, вышла в рейс в пятницу, 13 августа, в девять утра. В своем дневнике Бхактиведанта Свами записал: «Каюта довольно удобная. Спасибо Господу Кришне, подсказавшему Сумати Морарджи все это устроить. Здесь очень удобно». Но уже 14 августа в дневнике появляется запись: «Морская болезнь, головокружение, тошнота, рвота – Бенгальский залив. Проливной дождь. Болезнь усиливается».

19 августа, когда корабль пришел в Коломбо, столицу Цейлона (Шри-Ланка), морская болезнь прошла, и Бхактиведанта Свами почувствовал облегчение. Капитан предложил ему сойти на берег, и они проехали на автомобиле по городу. Затем корабль взял курс на Кочин – порт на западном побережье Индии.

20 августа был Джанмаштами, день явления Господа Кришны, и Бхактиведанта Свами воспользовался этим, чтобы рассказать команде о философии Господа Кришны и угостить моряков прасадом собственного приготовления. 21 августа ему исполнилось семьдесят лет. Свой день рождения он встретил в море, без торжественных церемоний. В тот же день судно пришло в Кочин, где на борт погрузили прибывший из Бомбея багаж Бхактиведанты Свами – ящики с томами «Шримад-Бхагаватам».

23 августа корабль вышел в Красное море, где Бхактиведанту Свами ждали суровые испытания. В своем дневнике он записал: «Дождь, морская болезнь, головокружение, болит голова, нет аппетита, рвота». Симптомы усугублялись, но мучила его не только морская болезнь: сильная боль в груди – вот что настораживало и заставляло его думать, что умереть он может в любую минуту. За два дня он перенес два сердечных приступа, и мужественно перенося страдания и помня о своей миссии, после второго приступа он подумал, что третьего не перенесет.

На вторые сутки он увидел сон. Господь Кришна, в Своих многочисленных образах, плыл на лодке. «Ничего не бойся, смело иди вперед», – сказал Он Бхактиведанте Свами. Покровительство Господа Кришны вселило в него уверенность. Сердечные приступы больше не повторялись.

Первого сентября «Джаладута» вошла в Суэцкий канал, а второго пришвартовалась в Порт-Саиде. Бхактиведанта Свами вместе с капитаном вышел в город. Как он потом вспоминал, город ему понравился. К шестому сентября он немного оправился от болезни и впервые за две недели начал регулярно есть, готовя кичари и пури. В дневнике он записал, что силы понемногу возвращаются.

Четверг, 9 сентября

4 часа дня. Мы уже сутки плывем по Атлантическому океану. Погода весь день стоит ясная и тихая. Я стал регулярно есть, и ко мне возвращаются силы. Ощущается небольшая качка, и у

меня немного болит голова, но я борюсь с этим и черпаю живительную силу из нектарной «Шри Чайтанья-Чаритамриты».

Пятница, 10 сентября

Сегодня корабль не качает, и я чувствую себя немного лучше. Но меня терзает боль разлуки со Шри Вриндабаном и Моими Повелителями: Шри Говиндой, Гопинатхой и Радха-Дамодарой. Единственное мое утешение – «Шри Чайтанья Чаритамрита», читая которую, я наслаждаюсь нектаром лил Господа Шри Чайтаньи. Я покинул Бхаратабхуми [Индию] только для того, чтобы исполнить наказ Шри Бхактисиддханты Сарасвати, выполнявшего волю Господа Чайтаньи. Не обладая необходимыми качествами, я все же иду на риск, желая выполнить указание Его Божественной Милости. Здесь, вдали от Вриндавана, я уповаю только на Их милость.

Иногда во время плавания Бхактиведанта Свами выходил на палубу и, держась за поручни, глядел на океан, погружившись в размышления о «Чайтанья-чаритамрите», Вриндавана-дхаме и указании духовного учителя проповедовать на Западе. Г-жа Пандия, жена капитана, которую Бхактиведанта Свами счел «разумной и образованной женщиной», предсказала ему будущее. Она сказала, что если он преодолит испытания, связанные со здоровьем, то это значит, что у Господа Кришны есть на него какие-то планы.

Переход «Джаладуты» через океан летом 1965 оказался на редкость спокойным. Капитан Пандия сказал, что за все годы службы ни разу не видел, чтобы Атлантический океан был таким тихим и безмятежным. Бхактиведанта Свами ответил, что спокойствие океана было милостью Господа Кришны. Тогда г-жа Пандия попросила Бхактиведанту Свами вернуться с ними назад, чтобы обратный рейс прошел так же спокойно. В своем дневнике Бхактиведанта Свами записал: «Если бы Атлантический океан показал свой обычный нрав, я бы, наверное, умер. Но Господь Кришна позаботился о нашем корабле».

13 сентября, Бхактиведанта Свами сделал следующую запись: «Тридцать второй день плавания. Сегодня готовил бати-кичари. Получилось вкусно, поэтому я смог немного поесть. Сегодня я открыл свои мысли моему спутнику, Господу Шри Кришне, и по этому поводу написал стихотворение на бенгали».

Это была молитва Господу Кришне, исполненная веры в миссию, возложенную на него духовным учителем. Вот перевод этих проникновенных строф:

Истинно говорю вам, о братья: Верховный Господь Кришна только тогда пошлет вам удачу, когда вами будет довольна Шримати Радхарани.

Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, который очень дорог Господу Гауранге (Господу Чайтанье), сыну матери Шачи, не имеет себе равных в служении Верховному Господу Шри Кришне. Этот великий, святой духовный учитель дарит людям всего мира чистую преданность Кришне.

Благодаря его сильному желанию, Святое имя Господа Гауранги станет известно всему западному миру. Во всех городах и деревнях мира, на берегах всех океанов, морей и рек – везде будут петь Святое имя Кришны.

Когда Шри Чайтанья Махапрабху Своей безграничной милостью покорит все стороны света, потоки трансцендентного экстаза затопят землю. И когда все грешные, несчастные живые существа обретут счастье – исполнится желание вайшнавов.

Мой Гуру Махараджа возложил эту миссию на меня, но я, падший и никчемный, совершенно не гожусь на это. Поэтому, о Господь, я молю Тебя о милости – сделай меня достойным этой миссии, ибо нет никого мудрее и опытнее Тебя.

Поэма заканчивается словами:

Такие мысли о Тебе посетили меня сегодня, и не было ничего чудесней этого. Охваченный глубокой тоской, я взываю к Тебе. Я Твой вечный слуга, и поэтому так жажду общения с Тобой. О Господь Кришна, кроме Тебя нет у меня никакой надежды.

Так же бесстрастно – как факт, как дату, как погоду или состояние здоровья – Бхактиведанта Свами описывает здесь полную зависимость от «своего спутника, Господа Кришны» и глубину своего экстаза разлуки с Ним. Он пишет об отношениях ученика и духовного учителя, прославляет своего гуру, Шри Шримад Бхактисиддханту Сарасвати, «благодаря сильному желанию которого Святое имя Господа Гауранги станет известно всему западному миру». Он прямо и недвусмысленно говорит, что духовный учитель просил его принять на себя миссию распространения сознания Кришны, и, чувствуя свою никчемность, обращается к Господу Кришне с мольбой придать ему сил. В последних стихах неожиданно приоткрывается сокровенная

тайна близких взаимоотношений Бхактиведанты Свами и Господа Кришны. Бхактиведанта Свами называет Кришну своим «дорогим другом» и говорит о своем горячем желании вновь наслаждаться прогулками по пастбищам Враджи. Он пишет, что эти мысли о Кришне посетили его из-за сильного желания служить Господу.

Со стороны могло показаться, что Бхактиведанта Свами терпит большие неудобства: уже месяц он находится на борту корабля, страдая от постоянных сердечных приступов и морской болезни, и даже если ему удастся пережить все эти испытания, приезд в Америку, несомненно, принесёт новые трудности. Но помня о желании духовного учителя, черпая силы в «Чаитанья-чаритамрите» и изливая душу в молитвах Господу, Бхактиведанта Свами оставался тверд.

На тридцать пятый день плавания, 17 сентября 1965 года, в половине шестого утра, «Джаладута» причалила к Пирсу Содружества в Бостоне. После короткой стоянки корабль должен был взять курс на Нью-Йорк.

Едва ли не первое, что увидел Бхактиведанта Свами в Америке, была надпись на стене портового склада: «A & P». Серый морской рассвет постепенно обрисовывал силуэты кораблей, стоящих в гавани, пристань, нагромождения прилавок для торговли крабами и мрачные серовато-коричневые здания. Вдали вырисовывались очертания Бостона.

Бхактиведанте Свами предстояло пройти досмотр в американском иммиграционно-таможенном управлении. Его виза позволяла ему находиться в США три месяца, и чиновник проставил на ней штамп с предположительной датой отъезда. Капитан Пандия пригласил Свами прогуляться по Бостону, где собирался сделать кое-какие покупки. По пешеходному мосту они вышли в оживленный торговый квартал со старинными церквями, большими магазинами, административными зданиями, барами, дешевыми книжными лавками, ночными клубами и барами. Бхактиведанта Свами бегло осмотрел город, но самым значительным событием за время его короткого пребывания в Бостоне – не считая, конечно, того, что здесь он впервые ступил на американскую землю, – было то, что здесь, у Пирса Содружества он написал стихотворение на бенгали, под названием «Маркине Бхагавата-дхарма» («Проповедь сознания Кришны в Америке»). Вот отрывок из этого стихотворения, написанного им в тот день на борту корабля.

Мой дорогой Господь Кришна, Ты так милостив к этой никчемной душе, но я не знаю, зачем Ты привел меня сюда. Теперь Ты можешь делать со мной все, что пожелаешь.

Я догадываюсь, однако, что здесь у Тебя есть какое-то дело, иначе зачем бы Ты привел меня в это ужасное место?

Большинство живущих здесь людей находится во власти гун невежества и страсти. Поглощенные материальной деятельностью, они считают себя счастливыми, и вполне довольны жизнью. Поэтому они равнодушны к божественному посланию Васудевы (Кришны), и я не уверен, смогут ли они его понять.

Но я знаю, что по Твоей беспричинной милости даже невозможное возможно, ибо Ты – самый искусный мистик.

Смогут ли они ощутить сладость преданного служения? Я уповаю только на Твою милость и молю Тебя помочь мне убедить этих людей в истинности Твоего учения.

Все живые существа оказались во власти иллюзии по Твоей воле, и по Твоей же воле они, если Тебе будет угодно, смогут освободиться от ее оков.

Прошу Тебя, спаси их. Они смогут понять Твое послание только если Ты пожелаешь даровать им освобождение.

Как же мне донести до них учение сознания Кришны? Я неудачливый, никчемный и падший человек. Поэтому я прошу Твоего благословения – только оно поможет мне убедить их, самому мне с этой задачей не справиться.

Так или иначе, о Господи, ты привел меня сюда, чтобы я рассказал о Тебе этим людям. И теперь только от Тебя зависит, чем закончится эта попытка – успехом или неудачей. На все Твоя воля.

О духовный учитель всех миров! Я могу только повторять Твое послание. Поэтому, если Ты того желаешь, сделай так, чтобы они меня поняли.

Только по Твоей беспричинной милости слова мои обретут чистоту. Я уверен, что, проникнув в сердца людей, это духовное послание наполнит их радостью и избавит от всех бед и страданий.

О Господи, я – марионетка в Твоих руках. И раз уж Ты привел меня сюда танцевать, так заставь, заставь меня танцевать, Господи, заставь меня танцевать, как Ты этого хочешь.

У меня нет ни преданности, ни знаний, но я твердо верю в Святое имя Кришны. Меня называли Бхактиведантой, и теперь, если Ты захочешь, Ты поможешь мне оправдать это имя.

Подпись – Самый злополучный и ничтожный нищий,

А.Ч. Бхактиведанта Свами.

Написано на борту корабля «Джаладута»,

Пирс Содружества,

Бостон, штат Массачусетс, США.

18 сентября 1965 года.

Итак, он в Америке, в одном из главных ее городов, где вращаются миллиарды долларов и живут миллионы людей, которые и не думают что-то менять в своей жизни. Бхактиведанта Свами смотрел на Бостон глазами чистого преданного и видел адскую городскую жизнь, видел людей, погруженных в иллюзию материального счастья. Его возвышенные качества и преданность гуру побуждали его идти туда, чтобы дать этим людям духовное знание и принести спасительную милость сознания Кришны, хоть он и чувствовал себя слабым, бесполезным и неспособным им помочь. Он был «ничтожным нищим» без гроша в кармане. Он чудом остался жив после двух сердечных приступов, говорил на другом языке и был странно одет – но несмотря на это, он приехал, чтобы просить этих людей бросить есть мясо, заниматься незаконным сексом, принимать наркотики и играть в азартные игры... А еще – научить их поклоняться Господу Кришне, которого они считают мифическим индуистским богом. Чего он сможет здесь добиться?

В беспомощности своей он напрямую обращался к Богу: «Я хочу, чтобы Ты освободил их. Чтобы убедить их, я нуждаюсь в Твоем благословении». Чтобы убедить их, нужно просто уповать на силу Святого имени Бога и «Шримад-Бхагаватам». Эти духовные звуки должны очистить их сердца от склонности к материальным наслаждениям и пробудить в них желание с любовью служить Кришне. Шагая по улицам Бостона, Бхактиведанта Свами чувствовал накал невежества и страсти, царивших в городе. Но он верил в силу духовного метода бхакти. Да, пусть он – крошечное существо. Но Бог безграничен, и этот всеильный Бог – Кришна, его дорогой Друг.

19 сентября «Джаладута» вошла в гавань Нью-Йорка и пришвартовалась к Бруклинскому пирсу, у Семнадцатой улицы. Бхактиведанта Свами увидел мрачные очертания небоскребов Манхэттена, Эмпайр стэйт билдинг и статую Свободы, повидавшую на своем веку миллионы таких же, как он, приезжих и иммигрантов.

Бхактиведанта Свами был одет как житель Вриндавана: простое хлопчатобумажное дхоти, белые остроносые резиновые туфли, какие обычно носят в Индии садху, а на плечах – старый чадар (шерстяная накидка). У него была золотистая кожа и бритая голова с шикхой, небольшим пучком волос на затылке. На лбу стояла белая вайшнавская тилака, шею украшали бусы (кантхи-мала), а в руках он держал джапа-малу – четки. Жители Индии не находили во всем этом ничего необычного, но кто здесь, в Нью-Йорке, во сне или наяву, видел кого-нибудь похожего на этого вайшнава? Вероятно, он был первым санньяси-вайшнавом, прибывшим в Нью-Йорк, да еще в таком недвусмысленном виде. Впрочем, жители Нью-Йорка привыкли не обращать внимания на приезжих, как бы странно они ни выглядели.

Теперь Бхактиведанта Свами был предоставлен самому себе. У него был поручитель, господин Агарвал, живший где-то в Пенсильвании, и здесь, разумеется, его должен был кто-то встретить. Но в тот момент, сойдя на пирс, он и понятия не имел, что делать: «Я не знал, куда идти – налево или направо». Он прошел портовые формальности, после чего был встречен представителем бюро путешествий, которого прислал господин Агарвал из Пенсильвании. Агент предложил ему первым делом поехать в билетные кассы компании «Синдия» на Манхэттене, чтобы забронировать обратный билет в Индию.

В офисе «Синдии» Бхактиведанта Свами переговорил со служащим транспортного агентства, Джозефом Форстером, на которого необычный вид пассажира-вайшнава, его легкий багаж и очевидная бедность произвели большое впечатление. Он принял Бхактиведанту Свами за священнослужителя. Услугами «Синдии», как правило, пользовались бизнесмены и люди семейные, поэтому господину Форстеру никогда не приходилось видеть пассажира в традиционной одежде индийского вайшнава. Бхактиведанта Свами показался ему «приятным человеком», который говорил о «замечательных условиях и хорошем обслуживании на борту «Джаладуты». Бхактиведанта Свами попросил господина Форстера зарезервировать для него место на корабле, следующем обратно в Индию. Он планировал отплыть на родину примерно через два месяца, и

пообещал г-ну Форстеру поддерживать с ним связь. С сорока рупиями наличными, которых, как он сам говорил, в Нью-Йорке хватило бы всего на несколько часов, и с двадцатью долларами, вырученными от продажи трех томов «Бхагаватам» капитану Пандии, с зонтиком и чемоданом в руках, Бхактиведанта Свами в сопровождении все того же агента отправился на автовокзал «Порт авторити», чтобы уехать в Батлер, штат Пенсильвания.

Глава тринадцатая

Батлер (Пенсильвания): Первое знакомство с Америкой

По милости Господа Кришны, американцы процветают во всех отношениях. Они, в отличие от индусов, не бедняки. Большинство людей вполне довольны жизнью, так как их материальные потребности удовлетворяются, и проявляют интерес к духовности. Когда я был в Батлере (Пенсильвания), (это примерно в 750 км от Нью-Йорка), я видел множество церквей, и местные жители регулярно их посещают. Это говорит об их тяге к духовному. Меня приглашали в церкви, воскресные школы, колледжи, и я читал там лекции. Людям они очень нравились, и мне на память дарили разные сувениры. Когда я обращался к студентам, они с огромным интересом слушали о принципах «Шримад-Бхагаватам». Но священники, увидев, что студенты так внимательно слушают, насторожились, опасаясь, что я обращаю их в индуизм. Такие опасения вполне естественны для любой религиозной конфессии. Они не знают, что преданное служение Господу Шри Кришне – это религия всех и каждого, включая туземцев и каннибалов в джунглях.

Из письма к Сумати Морарджи

Покачиваясь, автобус отъехал от автовокзала на освещенную часть среднего Манхэттена. В тени небоскребов, лавируя по асфальтированным улицам, переполненным людьми и автомашинами, он миновал перегруженную развязку и въехал в Тоннель Линкольна. Выехав на другом берегу реки Гудзон, в Джерси, автобус помчался по скоростной магистрали Нью-Джерси мимо растянувшихся на километры нефтеперегонных заводов с их огромными нефтяными цистернами. Транспортные потоки неслись по шестиполосной дороге со скоростью 90 км в час. Слева открывался вид на Манхэттен. Справа, совсем близко, проплывал аэропорт Ньюарка и можно было различить стоящие на земле реактивные самолеты. Стальные конструкции линий электропередач тянулись до самого горизонта. Никогда раньше Бхактиведанта Свами не видел ничего столь грандиозного. Он все больше и больше убеждался в том, что американская культура основана на сумасшедшей гонке за наслаждениями. Какие такие дела исключительной важности заставляют американцев носиться сломя голову взад и вперед? О том, к чему стремятся эти люди, Бхактиведанта Свами узнал, читая надписи на рекламных щитах.

Конечно, он не раз ездил по дороге из Дели во Вриндаван, но никогда не видел такого обилия рекламных плакатов. В Индии повсюду видны равнины, реки, храмы, дома и работающие на полях крестьяне. Многие ходят пешком или же ездят на воловьих повозках и велосипедах. Во Вриндаване даже незнакомые прохожие приветствуют друг друга именами Бога: «Джайа Радхе!» «Харе Кришна!» Хотя на окраинах Дели в последнее время тоже появились заводы, но даже все они, вместе взятые, не шли ни в какое сравнение с индустриальной мощностью заводов-гигантов, цистерн с нефтью и рекламных плакатов вдоль переполненных магистралей. Мясоедение, алкоголь и сигареты, незаконный секс, азартные игры – те самые грехи, проповедовать против которых приехал Бхактиведанта Свами, гордо представляли во всем своем блеске на рекламных щитах вдоль дороги. Плакаты предлагали попробовать вино и сигареты, придорожные рестораны приглашали отведать мясо убитых коров под видом бифштексов и гамбургеров, – и, к чему бы ни призывала реклама, с каждого плаката улыбалась соблазнительная красotka. Но Бхактиведанта Свами приехал чтобы научить прямо противоположному: счастье не в бешеной гонке за наслаждениями. Только тогда человек станет достоин вечного счастья, когда избавится от гуны страсти, заставляющей его постоянно грешить. Бхактиведанта Свами чувствовал сострадание. Когда-то, давным-давно Прахлада Махарадж описал природу сострадания святого, сознающего Кришну: «Я вижу, что вокруг есть много святых, но их заботит лишь собственное освобождение. Не думая о людях, живущих в городах, они уходят в Гималаи или в лес, где погружаются в медитацию, соблюдая обет молчания. Они не стремятся избавить от страданий других. Но я не хочу обрести освобождение один, оставив в материальном мире всех несчастных глупцов и негодяев. Я знаю, что невозможно стать счастливым, не думая о Кришне и не приняв прибежища у Твоих лотосных стоп. Поэтому я хочу вернуть обитателей этого мира под сень Твоих лотосных стоп».

Панорама постепенно менялась. Вокруг раскинулись поля Пенсильвании. Автобус выехал за город и мчался по длинным горным тоннелям. Наступала ночь. Когда автобус въехал на улицы промышленной зоны Питсбурга, что на берегу реки Аллеган, было уже начало двенадцатого. Шрила Прабхупада не мог ясно разглядеть в темноте сталелитейные заводы и видел только заводские огни и дымящиеся трубы. Серый, грязноватый город мерцал во тьме мириадами огней.

Когда, наконец, автобус прибыл на автовокзал, было уже за полночь. Там, со своим «фольксвагеном», Бхактиведанту Свами ждал Гопал Агарвал чтобы отвезти его в Батлер, находившийся в часе езды к северу. «Добро пожаловать, Свамиджи» – поприветствовал Гопал Бхактиведанту Свами, сложив ладони и несколько раз низко ему поклонившись.

Никогда до этого у Гопала не было подобных встреч. Его отец, предприниматель из Матхуры, очень уважал садху и интересовался религией, и это был уже не первый случай, когда он просил сына принять садху, собравшегося в Америку. Гопал уже много раз получал от отца письма с просьбой оформить приглашение и исправно выполнял все, о чем тот просил. Но до сих пор так никто и не приехал. И когда Гопал получил от отца письмо с просьбой оказать содействие А.Ч. Бхактиведанте Свами, он быстро оформил и отослал документы, думая, что на этом всё и закончится. Но когда неделю назад к ним пришло письмо, Салли Агарвал вскрыла его, и с тревогой в голосе позвала мужа:

– Дорогой, ты не согласишься. К нам едет Свами.

Бхактиведанта Свами вложил в конверт свою фотографию, чтобы они смогли его узнать. Супруги с любопытством разглядывали снимок.

– Тут не должно быть никакой ошибки, – сказал Гопал. По словам Салли, они с Гопалом были «обычными простодушными американцами». Она познакомилась со своим будущим мужем-индусом, когда тот работал инженером в Пенсильвании. И что теперь делать с этим индийским садху? Приезд Бхактиведанты Свами был для них потрясением. Но о том, чтобы отказать, не могло быть и речи: они были связаны обещанием. Верный своему долгу, Гопал купил Бхактиведанте Свами билет, чтобы тот доехал от Нью-Йорка до Питсбурга, и послал в Нью-Йорк агента из транспортной компании – встретить его. А ночью он добросовестно ждал Свамиджи на автовокзале. Чувствуя смущение и удивление и еще не до конца веря в происходящее, Гопал Агарвал помог своему гостю сесть в «фольксваген» и повез его к себе домой, в Батлер.

* * *

20 сентября

«БАТЛЕР (ПЕНСИЛЬВАНИЯ) – РОДИНА ДЖИПА» гласила надпись на гранитной плите в городском парке. Батлер, прославившийся тем, что в здесь был изобретен армейский «джип», представлял собой промышленный городок с населением двадцать тысяч человек, построенный на холмах, в районе, богатом нефтью, углем, газом и известняком. Город специализировался, в основном, на выпуске толстого листового стекла, железнодорожных вагонов, холодильников, оборудования для нефтяной промышленности и резины. Девяносто процентов местных рабочих были американцами, а основной религией здесь всегда было христианство – большей частью протестантизм. Встречались и католики, а в последнее время появилось несколько синагог. Никакой индийской общины там не было и в помине: Гопал Агарвал был первым индийцем, переехавшим в Батлер.

Въезжая в город, оба: и пассажир, и водитель «фольксвагена» – вдохнули теплый и влажный предрассветный воздух. Скоро по газетным киоскам разлетится утренний выпуск «Батлер Игл» – «Красный Китай нападает на Индию»; «Премьер-министр Шастри заявляет, что китайские коммунисты стремятся к мировому господству»; «ООН требует от Китая и Индии в течение 48 часов прекратить огонь»...

Бхактиведанта Свами приехал к Агарвалам в четыре утра, и Гопал предложил ему пока прилечь на диване. Квартира Агарвалов состояла из гостиной, столовой, небольшой кухни, двух спален наверху и ванной комнаты. Это была обычная городская квартира, и жили они в ней с двумя маленькими детьми. Агарвалы обосновались в Батлере несколько лет назад и считали, что у них подобрался неплохой круг общения. А поскольку квартира была небольшая, они решили, что будет лучше, если Свами поселится в здании Христианского союза молодежи и будет приходить днем.

Проблема, конечно же, была не только в недостатке места. Как сможет Свамиджи влиться в жизнь Батлера? Он был их гостем, и, никуда не денешься, придется знакомить его с друзьями и соседями.

Вид Бхактиведанты Свами вызывал удивление и любопытство у каждого, кто его видел, и, обеспокоенная этим, г-жа Агарвал решила, что будет лучше, если о нем узнают из газет – так, по крайней мере, можно будет предотвратить всевозможные кривотолки по поводу странного человека в оранжевых одеждах, который живет у них. Она поделилась этой идеей с Бхактиведантой Свами, и тот рассмеялся, поняв, что пришелся не ко двору. Салли поспешила в редакцию питсбургской газеты, но корреспондент, с которым она встретилась, счел появление Бхактиведанты Свами не столь значительным фактом, чтобы сообщать о нем в газетах. Тогда Салли отвела Бхактиведанту Свами в местную газету «Батлер Игл», где его появление вызвало большой интерес.

22 сентября

В «Батлер Игл» появилась статья: «Последователь индуистского культа на хорошем английском объясняет цель своего приезда на Запад». К Агарвалам приехал фотограф и сфотографировал Бхактиведанту Свами в гостиную, с раскрытым томом «Шримад-Бхагаватам» в руках. Подпись под фотографией гласила: «Посол бхакти-йоги».

Статья начиналась так:

«Вчера худощавый, смуглый человек в выцветших оранжевых одеждах и белых купальных тапочках, выйдя из легковой машины, вошел в здание Христианского союза молодежи Батлера, чтобы присутствовать на проходившем там собрании. Это был А.Ч. Бхактиведанта Свамиджи, миссионер из Индии, приехавший, чтобы проповедовать людям Запада».

Статья называла «Шримад-Бхагаватам» «священным писанием», а Бхактиведанту Свами – «мудрым учителем». Далее в ней говорилось:

«Моя миссия – возродить в людях сознание Бога, – говорит Свамиджи. – Бог – отец всех живых существ, принимающих тысячи разных форм. Человеческая жизнь – высшая ступень эволюции. Если мы не воспользуемся этим учением, то нам придется вернуться назад и заново проходить весь путь эволюции». Бхактиведанта Свами ведет монашеский образ жизни – женщинам запрещено даже прикасаться к его пище. В доме семьи Агарвалов в Батлере, как и во время шестинедельного путешествия через океан, он сам готовит себе еду в медной многоярусной кастрюле с отдельными секциями для одновременного приготовления риса на пару, овощей и «хлеба». Он строгий вегетарианец, а пьет только молоко, которое по его выражению, является «чудо-пищей для стариков и младенцев»... Он говорит, что если бы американцы уделяли больше внимания своей духовной жизни, они были бы гораздо счастливее».

У Агарвалов было свое мнение о цели приезда Бхактиведанты Свами в Америку. Они считали, что цель эта – «найти средства на издание книг» – и только. Они даже не сомневались, что Свами просто нужен спонсор, который поможет ему напечатать «Шримад-Бхагаватам», но никак не последователи. И надеялись, что хотя бы своим поведением он не будет привлекать внимание окружающих. Он, казалось, придерживался такой же позиции.

«Он не создавал вокруг себя ажиотажа, – говорит Салли Агарвал, – ему не нужны были толпы. Он ничего не хотел. Ему нужно было только напечатать свои книги». Скорее всего, Бхактиведанта Свами, видя настороженность своих хозяев, из уважения к ним старался держаться в тени.

Однако каждый день, с шести до девяти вечера, господин Агарвал по просьбе Бхактиведанты Свами приглашал к себе гостей.

Салли: Круг нашего общения состоял в основном из интеллигентных людей, и он их совершенно покорила. Они, правда, понятия не имели, о чем с ним говорить. Им не хватало знаний.

Это было похоже на сказку. Кто в Батлере мог себе представить что вот так, запросто, может встретить у кого-то в гостиной живого свами? Для провинциальной Америки это было что-то невероятное. Мои родители приехали издалека только для того, чтобы на него посмотреть. У нас было много знакомых в Питсбурге, и все они тоже приехали. Видеть его у нас было так необычно! Однако, в основе их интереса лежало просто любопытство – и не больше.

У него была печатная машинка – одна из немногих его вещей, и зонтик. Это тоже возбуждало всеобщее любопытство – он всегда носил с собой зонт. К тому же, дни стояли довольно прохладные, а голова у него была обрита, поэтому он всегда надевал шапочку, вроде купальной, которую для него кто-то сшил, и это тоже было своего рода сенсацией. Он был

великолепен – стоило ему увидеть кого-то один раз, как он запоминал этого человека – он все помнил. Он был потрясающий! Если он встречал кого-то у нас дома, а потом видел, как тот же человек едет мимо на машине, он тут же вспоминал его по имени и махал ему рукой. Он был очень умный и всем очень нравился. Его ум приводил всех в изумление. Всем очень нравилось, что он помнит их имена. И его юмор. У него было прекрасное чувство юмора, хотя внешне он всегда выглядел очень серьезным. Несмотря на суровый вид, он был необыкновенно обаятелен.

Он был самым приятным гостем из всех, кого мне когда-либо приходилось у себя принимать. Когда я не могла уделить ему время, он перебирал четки, и я знала, что он совершенно счастлив. Когда у меня не было времени, чтобы поговорить с ним, он просто повторял мантру. С ним было так легко – я знала, что ему никогда не бывает скучно. В его компании я всегда чувствовала себя легко и непринужденно. С ним было очень легко – когда мне нужно было заниматься детьми, он просто сидел и повторял молитвы. Это было великолепно! Когда к нам приходили друзья, они всегда курили, но он говорил: «Не обращайтесь на меня внимания. Пустяки». Так он и говорил: «Пустяки». Потому, что он понимал, что мы другие. Я не могла курить в его присутствии. Я знала, что мне не следует курить в присутствии отца Гопала. А к Свамиджи я относилась так же. Он не доставлял никому никаких хлопот.

Однажды вечером один из гостей спросил у Бхактиведанты Свами: «Как вы относитесь к Иисусу Христу?» Свами ответил: «Он – Сын Божий». А затем добавил, что и спросивший – тоже сын Бога. Все с интересом узнали, что Свами принимает Иисуса Христа Сыном Божиим.

Гопал: Его цель была не в том, чтобы убедить нас изменить образ жизни. Он никому не говорил, что нужно стать вегетарианцем или кем-то еще... Все, что он хотел – это то, чтобы мы, оставаясь сами собой, стали лучше. Он не говорил, что мы должны от всего отказываться.

Бхактиведанта Свами следовал строгому распорядку дня. Каждое утро он выходил из здания Христианского союза молодежи, и, пройдя пешком шесть или семь кварталов, около семи утра входил в дом Агарвалов. У него с собой был большой запас крупы – что-то вроде овсяных хлопьев. Этот запас был рассчитан на несколько недель, и каждое утро он ел на завтрак немного каши с молоком. Без четверти восемь Гопал уезжал на работу, а около половины десятого Бхактиведанта Свами шел на кухню и начинал готовить обед. Чапати он делал вручную, даже не пользуясь скалкой. Те два часа, в которые миссис Агарвал занималась домашними делами и возилась с детьми, он готовил. Прасад он принимал в половине двенадцатого.

Салли: Когда он готовил, то пользовался только одной горелкой. В нижней секции кастрюли он варил дал, от которого шел пар. На этом пару он тушил овощи. Так целую неделю он готовил свой замечательный обед, заканчивая примерно к половине двенадцатого. Гопал всегда приходил домой обедать около двенадцати. Обычно я подавала Гопалу сандвич, после чего он снова уходил на работу. Но вскоре я поняла, что мы тоже можем есть блюда, которые готовил Свами, поэтому он стал готовить на всех. Ох и вкусно же было!

Массу удовольствия мы получали, знакомя его с Америкой. Он никогда в жизни не видел ничего подобного. Было очень забавно брать его с собой в супермаркет. Ему нравилось открывать пакетики с бамией или замороженной фасолью – ему не нужно было мыть их, резать и вообще что-нибудь с ними делать – каждый день он открывал холодильник и просто брал то, что нужно. Смотреть на него было одно удовольствие. Когда я пылесосила, он сидел на кушетке. Этот процесс его очень заинтересовал, и мы долго проговорили с ним на эту тему. Он был такой занятный!

Каждый день он устраивал огромный пир, и все было просто замечательно. Мы получали массу удовольствия. Я помогала ему резать овощи. Он посыпал их пряностями, и мы, бывало, смеялись от души. Он был очень приятным, на редкость приятным человеком! Прошло совсем немного времени, а мне уже стало казаться, что я его дочь, как если бы он на самом деле был моим свекром. Конечно, он был просто другом моего свекра, но я чувствовала, что он очень мне близок. Он всему радовался. И я любила его. На мой взгляд, он был просто потрясающий.

После обеда, примерно в час дня, Бхактиведанта Свами шел обратно, в дом Христианского союза молодежи, где, как предполагали Агарвалы, до пяти вечера печатал на своей машинке. Около шести – уже после того, как Агарвалы поели – он возвращался. Агарвалы ели мясо, поэтому Салли старалась убрать со стола остатки ужина до его возвращения. Когда однажды он пришел раньше обычного, она сказала: «О Свамиджи, мы только что готовили мясо. Вам, наверное, будет очень неприятен запах». Но он сказал: «О, не беспокойтесь об этом! Не беспокойтесь».

Вечерами он беседовал с гостями. Гости пили кофе или что-то еще, он же просил лишь стакан теплого молока. Беседы продолжались до половины десятого, иногда до десяти, после чего мистер Агарвал отвозил его обратно, в дом Христианского союза молодежи.

Бхактиведанта Свами каждый день стирал себе одежду. Он стирал в ванной и развешивал одежду на улице. Иногда он ездил с Агарвалами в прачечную: ему было интересно, как американцы стирают и сушат одежду. Салли казалось, что «американцы и их образ жизни очень его интересуют».

Салли: Когда Свами приехал, нашему сынишке Бриджу было шесть или семь месяцев, а индийцы так любят детей! Бридж очень понравился Свами. Он видел, как Бридж впервые встал на ножки. Когда Бридж в первый раз попытался подняться, и ему это удалось, Свами встал и захлопал в ладоши. Это был праздник! В другой раз малыш схватил зубами тапочки Свами. Я подумала: «Какой ужас! Он ходил в них по всей Индии, а моя крошка жует их». Знаете, как матери обычно думают.

Почти каждый вечер он сидел в садике у соседей. Иногда мы сидели там вместе с ним, а иногда оставались в гостиной. Я помню одну историю, которая произошла с нашей дочкой Памелой. Ей тогда было три годика. Я водила ее в воскресную школу, и там ей рассказали про Христа. После этого, всякий раз когда она видела Свамиджи в его одеянии, она называла его Свами Иисус. А когда до нас дошло, что она говорит – она назвала его Свами Иисус, – Свами улыбнулся и сказал: «И ребенок поведет их». Это было так удивительно!

В городе Бхактиведанта Свами выступал перед самыми разными слушателями. В начале октября он выступил с речью в «Клубе Львов» и получил от них официальный документ:

Сим удостоверяется, что А.Ч. Бхактиведанта Свами был гостем «Клуба Львов» в Батлере (Пенсильвания), и, в знак признания за оказанную услугу, клуб выдает ему этот документ.

Также Бхактиведанта Свами выступал в Союзе, в Духовной семинарии Св. Фиделя в Германе (штат Пенсильвания) и регулярно беседовал с гостями Агарвалов.

* * *

Когда профессор Ларсен, заведующий кафедрой философии Государственного колледжа на Слипери Рок, прочитал в «Батлер Игл» заметку о том, что в Батлер приехал индийский Свами, знаток Вед, он позвонил Агарвалам, чтобы пригласить Бхактиведанту Свами прочитать в колледже лекцию.

Ален Ларсен: Я набрал номер, который был указан в статье, но мне сказали, что Свамиджи снимает комнату в доме ХСМ. Когда я приехал, он ждал меня на углу. Мне он показался очень одиноким. Когда мы ехали в Слипери Рок, я попросил его произнести свое имя по слогам, чтобы я мог правильно представить его студентам. Он сказал: «Свамиджи Бхактиведанта», и объяснил, что это значит. Поскольку я не привык к индийским именам, мне пришлось несколько раз его переспросить, прежде чем я научился правильно произносить это имя. Он же, видя мою медлительность, не проявил никакого нетерпения. С первых минут нашего знакомства я понял, что он обладает непоколебимой внутренней убежденностью и силой. Общаясь с ним в течение дня, я полностью в этом убедился.

На лекцию собралось около сотни студентов из разных групп. Бхактиведанта Свами, со свойственной ему непринужденностью, прошел между рядами стульев и поднялся по ступенькам на деревянное возвышение. Он сел, скрестив ноги, выпрямился и, закрыв глаза, негромко запел «Харе Кришна». Затем встал и заговорил, не подходя к кафедре и не пользуясь микрофоном. После лекции он отвечал на вопросы студентов. Через пятьдесят минут звонок объявил о начале следующего урока, и на этом программа закончилась.

Ален Ларсен: Когда закончилась первая лекция, я вышел вместе со Свамиджи во дворик колледжа. Мы сели на скамейку и немного побеседовали. Если во время разговора возникала пауза, он, перебирая четки, повторял короткую молитву. Он сидел, скрестив ноги, и мы говорили... О чем угодно... Ему понравились деревья во дворе, и он спросил: «Что это за деревья?». Я ответил: «Это просто для тени». Он ответил, что очень плохо, что они не приносят ни плодов, ни орехов.

В час дня Бхактиведанта Свами прочитал еще одну лекцию, после которой встретился с доктором Моханом Шармой, преподавателем факультета, присутствовавшим на лекции, и его шестнадцатилетней дочерью Мини. Вместе с ними он поехал к ним домой, где принял теплое

молоко и сухофрукты, и по просьбе доктора Шармы, благословил его дом и дочь, прикоснувшись к ее лбу. Около трех часов профессор Ларсен отвез его обратно в Батлер.

Ален Ларсен: Мне казалось, что Свамиджи –индийский ученый, который приехал ненадолго, чтобы заниматься переводами. Я и не думал, что он миссионер. Но по мере того, как я общался с ним, у меня росла теплая привязанность к нему, поскольку, вне всякого сомнения, он был замечательным человеком. Он нашел свой путь к покою и миру, что в наши дни – большая редкость.

Лекции Бхактиведанты Свами в Пенсильвании позволили ему составить представление о том, какой отклик может иметь его послание в Америке. В своем стихотворении, которое он сочинил на пирсе Содружества, он писал: «Я уверен, что, проникнув в сердца людей, это духовное послание наполнит их радостью и избавит от всех бед и страданий». Теперь этот принцип проверялся на практике. Поймут ли они? Проявят ли интерес? Смогут ли предаться?

* * *

15 октября

Бхактиведанта Свами получил письмо из Бомбея, от Сумати Морарджи:

Пуджъя Свамиджи,

Я получила Ваше письмо от 24 числа прошлого месяца, и счастлива узнать, что Вы благополучно достигли берегов США, преодолев все трудности морского путешествия. Благодарю Вас за добрые пожелания и благословения. Я уверена, что Вы уже оправились от болезни и сейчас чувствуете себя хорошо. Я была очень рада, когда узнала, что Вы начали свою деятельность в Соединенных Штатах и уже прочитали несколько лекций. Я молю Господа Бала Кришну, чтобы Он дал Вам достаточно сил передать послание «Шри Бхагватам». Я думаю, Вам необходимо оставаться там до тех пор, пока Вы полностью не поправитесь и возвращаться лишь тогда, когда Вы завершите свою миссию.

У нас все хорошо. Искренне Ваша,

Сумати Морарджи

Последнюю строчку письма Бхактиведанта Свами счел особенно важной: его доброжелательница убеждала его оставаться в Америке, пока он не завершит свою миссию. Сотрудникам иммиграционной службы он сказал, что пробудет в Америке два месяца. «На один месяц у меня есть поручитель, – думал он – но на что жить дальше... Еще месяц я, возможно, как-нибудь протяну». А через два месяца, получается, уже придется уезжать. Но Сумати Морарджи предлагала ему не уезжать так скоро. Он видел, что у проповеди в Америке есть перспективы, но понадобится поддержка из Индии.

В любом случае, он уже достаточно пожил в Батлере, а в запасе был еще один месяц. Поэтому он решил поехать в Нью-Йорк Сити, и, прежде чем истечет срок визы, попробовать проповедовать там. Но сначала он хотел побывать в Филадельфии, где его ожидала встреча с доктором Норманом Брауном, профессором-санскритологом из Пенсильванского университета.

Госпожа Агарвал очень расстроилась, когда узнала, что Свами уезжает.

Салли: За месяц я успела полюбить Свами. В каком-то смысле, я чувствовала себя его покровительницей, а тут он надумал ехать в Филадельфию! Я даже не могла представить себе – я так и сказала ему – не могла себе представить, как это он поедет в Филадельфию на целых два дня. Он собирался выступить там с лекцией, а потом ехать в Нью-Йорк. Но в Нью-Йорке у него не было знакомых! Если в Филадельфии дело не сладится, он поедет прямо в Нью-Йорк, а ведь там у него никого нет! Я просто не могла себе этого представить. От одной мысли об этом мне становилось плохо.

Я хорошо помню, как он уезжал. Это было ночью, около двух часов. Я сидела рядом с ним, пока он ждал, когда Гопал отвезет его в Питсбург, чтобы там посадить в автобус. Гопал наменял целую пригоршню мелочи, и я, помнится, объясняла ему, как опускать монету в щель, чтобы принять на автостанции душ, – ведь ему нужно было мыться несколько раз на дню. Гопал тоже объяснил ему, как это делается, и рассказал, как обращаться с автоматами в Нью-Йорке. Он также объяснил, что ему можно есть, а чего – нельзя; он дал Свамиджи монеты в узелке. Это было все, с чем он от нас уехал.

Ведя жизнь санньяси, Бхактиведанта Свами привык к переездам. Он был странствующим проповедником, и ему не жаль было расставаться со спокойной жизнью в Батлере. Он не был

привязан к домашнему уюту, к квартире, где можно было готовить и беседовать с Салли Агарвал о пылесосах, мороженных овощах и американском образе жизни.

Но зачем он ехал в Батлер? И почему теперь собрался в Нью-Йорк? Он видел в этом милость Господа. Как чистый преданный, он хотел стать инструментом для распространения сознания Кришны.

Пребывание в Батлере оказалось для него весьма полезным. Здесь он получил практический опыт жизни в Америке. Он убедился что здоровье у него крепкое, а проповедь его понятна людям. Он с радостью убедился, что в Америке есть все необходимое для индийской вегетарианской диеты, а американцы хорошо понимают его английский. Ему стало понятно, что от случайных лекций то тут то там проку мало, и что, хотя противодействия со стороны официальных религий не избежать, у многих его проповедь вызывает искренний интерес.

18 октября он уехал из Батлера и отправился в Нью-Йорк с остановкой в Филадельфии.

Глава четырнадцатая

Борьба в одиночку

Обычно я садился позади него и молча слушал, как он говорит. Он нес всякий вздор имперсонального толка, я же просто молчал. Однажды он спросил меня, не хочу ли и я выступить, и я начал рассказывать о сознании Кришны. Я откровенно сказал ему, что философия, о которой он говорил – бессмыслица, что все это – выдумки Шанкарачарьи. Он попытался выкрутиться – дескать, это были не его слова, а Шанкарачарьи. Я возразил: «Вы его представляете. Поэтому разницы нет». Тогда он сказал: «Свамиджи, я очень хорошо к вам отношусь, но не могу больше позволить вам читать здесь лекции». Но, несмотря на этот запрет и наши расхождения во взглядах, он был добрым человеком, и у нас были хорошие отношения.

Шрила Прабхупада (из беседы)

В Нью-Йорке у Бхактиведанты Свами не было знакомых, но зато у него был адрес доктора Рамамурти Мишры. Еще в Батлере он написал доктору послание, к которому приложил рекомендательное письмо от Парамананды Мехры из Бомбея. Кроме того, он успел с ним созвониться и получить приглашение приехать в Нью-Йорк.

Когда Бхактиведанта Свами приехал из Филадельфии в Нью-Йорк, на автовокзале его встретил один из учеников д-ра Мишры. Он отвез гостя напрямик на проходивший в городе фестиваль Индии. Там Бхактиведанта Свами встретился с самим доктором, а также с Рави Шанкаром и его братом, танцором Удаи Шанкаром. После праздника Бхактиведанта Свами вместе с доктором поехал на его квартиру, которая находилась в доме 33 на Набережной реки Гудзон. Квартира, с большими окнами, выходившими на реку, располагалась на четырнадцатом этаже. Доктор предоставил Бхактиведанте Свами отдельную комнату.

Доктор Мишра был колоритной личностью. Он сверкал глазами, много жестикулировал и пересыпал свою речь словечками «мило» и «чудесно». Стараясь соответствовать расхожим представлениям о том, каким должен быть гуру, он принадлежал к числу тех, кого ньюйоркцы называют «гуру из богатых предместий». До приезда в Америку, доктор Мишра был санскритологом, гуру и врачом. Он написал несколько книг: «Учебник по психологии» и «Самоанализ и познание себя», в основу которых легло учение философа-мониста Шанкары. Переехав в Соединенные Штаты, он продолжил работать врачом, но, начав принимать учеников, постепенно оставил врачебную практику. Хотя он был санньяси, вместо традиционной шафрановой одежды – дхоти и курты – он носил сшитый на заказ пиджак в стиле Неру и широкие белые брюки. В отличие от Свами Бхактиведанты, кожа которого была золотистой, доктор Мишра был смуглым, с черными как смоль, жесткими волосами. В свои сорок четыре года он годился Свами в сыновья. У доктора было слабое здоровье, и появление Бхактиведанты Свами, казалось, подействовало на него лучше всякого лекарства.

Рамамурти Мишра: Его Святейшество Прабхупада Бхактиведанта Госвамиджи просто покорила меня своей любовью. Он был настоящим воплощением любви. Я был тогда похож на скелет – кожа да кости, но он буквально вернул меня к жизни – своим прасадом, а особенно своей любовью и преданностью Господу Кришне. Я всегда ленился готовить, а он просто вставал и шел на кухню.

Доктору Мишре очень нравилось, что Бхактиведанта Свами с аптекарской точностью готовил множество блюд, да и вообще знал толк в еде.

Рамамурти Мишра: Он не просто меня кормил – он давал мне прасад. Там была жизнь, и он меня спас. В то время я уже начинал думать, что мои дни истекли, но его привычка есть в одно и то же время – неважно, голоден ты или нет – мне очень нравилась. Обычно он приходил и говорил:

– Ну что ж, бхагават-прасадам.

А я отвечал:

– Хорошо.

Джоан Сьювал, пожилая ученица доктора Мишры, часто видела, как ее учитель беседует со Шрилой Прабхупадой.

Джоан Сьювал: Для меня Свамиджи был словно ребенок, в том смысле, что он был совершенно простосердечный человек, очень искренний, очень чистый. Я видела, что доктор Мишра относится к Свамиджи как к доброму и любящему отцу. Но чаще всего о Свамиджи все-таки говорили: «как ребенок», имея в виду, что он был прост – в классическом, высоком значении слова. Когда меня впервые ему представили, д-р Мишра сказал, что он – святой, что он очень религиозен и погружен в сознание Бога.

Свамиджи был чрезвычайно добр и мягок. Мне он запомнился как очень, очень хороший человек. Он был аккуратен даже в практической жизни, которая, казалось, поглощала все его внимание. Человеком он был практичным, и подыскивал хорошее место, чтобы развернуть свою деятельность. Я хорошо помню, что он никогда не забывал стирать по вечерам свою одежду. Когда я приходила к доктору Мишре, в его гостиной всегда сидели несколько его учеников, а в ванной комнате сушилась оранжевая одежда Свамиджи.

Иногда Бхактиведанта Свами обсуждал с доктором Мишрой цель своего приезда в Америку, рассказывая ему о мечте своего духовного учителя принести сознание Кришны в страны Запада. Он просил доктора Мишру помочь ему, но доктор всегда ссылаясь на свою занятость и скорый отъезд из Америки. Через несколько недель, когда держать Бхактиведанту Свами у себя на квартире ему стало неудобно, доктор Мишра поселил его в своей студии хатха-йоги, на шестом этаже дома номер 100 по Семьдесят второй Западной улице, недалеко от Центрального парка. Студия представляла собой просторное помещение в глубине здания, с примыкавшими к нему офисом и жилой комнатой, где и поселился Бхактиведанта Свами. Окон в комнате не было.

Полностью расходясь с Бхактиведантой Свами в философских взглядах, доктор Мишра считал высшим аспектом Абсолютной Истины Ее безличное проявление (Брахман), тогда как Бхактиведанта Свами, следуя теистической философии Вед, отстаивал превосходство личностного аспекта (Бхагавана). В «Бхагавад-гите» сказано, что безличный Брахман подчинен Бхагавану и исходит из Него, как солнечный свет – из Солнца. Этому учили великие ачарьи древней Индии – Рамануджа и Мадхва (Бхактиведанта Свами принадлежал к преемственности учителей, начинающейся с Мадхвы). А доктор Мишра был последователем Шанкары, который учил, что безличный аспект Абсолютной Истины есть наивысшее ее проявление, а Бог – личность – в конечном счете, иллюзия. Согласно теистической философии Бхактиведанты Свами индивидуальные души (атмы) являются вечными слугами Верховного Существа (Бхагавана) но доктор Мишра утверждал, что душа лишена индивидуальности. Он считал, что каждое живое существо тождественно Богу, Верховному Брахману, поэтому нет никакой необходимости поклоняться Богу за пределами самого себя.

Всякий раз, когда доктор Мишра повторял свое «все едино», Бхактиведанта Свами возражал:

– Если каждый из нас – Всевышний, тогда почему этот «Всевышний» бедствует и страдает в этом материальном мире?

На это д-р Мишра обычно отвечал:

– Всевышний лишь временно оказался под покровом иллюзии. Занимаясь хатха-йогой и медитацией, человек достигает просветления и осознает, что все сущее есть Всевышний.

Бхактиведанта Свами снова возражал:

– Если иллюзия может повлиять на Бога, значит, иллюзия сильнее Всевышнего?

Бхактиведанта Свами называл доктора Мишру майявади, поскольку тот опрометчиво заявлял, что майя, иллюзия, могущественней Абсолютной Истины. Для Бхактиведанты Свами имперсональная философия была не просто неприемлема – он считал ее оскорбительной по отношению к Верховной Личности, Богу. В «Бхагавад-гите» (7.24, 9.11) Кришна говорит:

«Люди, лишенные разума и не знающие Меня таким, какой Я есть, считают, что Я, Кришна, раньше не был личностью, а теперь стал ею. Из-за скудости своих познаний, они не понимают, что Я обладаю высшей природой – абсолютной и нетленной. Глупцы смеются надо Мной, когда Я прихожу в материальный мир в облике человека. Им неведома Моя духовная природа верховного повелителя всего сущего».

Да и Господь Чайтанья решительно выступал против майявады: «Все, что связано с Верховным Господом, духовно: и Его тело, и Его богатства и все Его атрибуты. Но майявада скрывает Его духовное великолепие и пытается обосновать свое учение, говорящее, что Бог не является личностью».

Еще до приезда в Америку, в своих комментариях к «Бхагаватам» Бхактиведанта Свами писал: «Честолюбивые философы-майявади хотят слиться с бытием Господа. Этот вид мукти (освобождения) подразумевает отрицание своей индивидуальности. Другими словами, это своего рода духовное самоубийство. Это полностью противоречит философии бхакти-йоги. Бхакти-йога говорит о бессмертии индивидуальной обусловленной души. Последователь философии майявады упускает возможность обрести бессмертие после того, как оставит свое бренное тело».

По мнению Господа Чайтаньи, имперсоналисты майявади – величайшие оскорбители Господа Кришны: майявади кришна-апарадхи. Поэтому, говорил Господь Чайтанья, даже тот, кто просто слушает комментарии Шанкары, наносит непоправимый вред своей духовной жизни. Доктор Мишра не возражал против преданности Бхактиведанты Свами Господу Кришне и «Бхагавад-гите», но самого его вполне устраивала философия Шанкары. Бхактиведанта Свами же пытался убедить доктора в том, что даже Шанкара подтверждал: Божественная Личность (Кришна или Нараяна), вечно существует за пределами материального мира. Поэтому Господь – выше этого мира – нарайанах паро 'вйактат.

Будучи без гроша в кармане, Бхактиведанта Свами временно зависел от расположения знакомого майявади, с которым ему приходилось делить трапезу, беседовать, и чьим гостеприимством пользоваться. Но до чего же это было неудобно! Он приехал в Америку, чтобы прямо и открыто говорить о Кришне, но ему везде мешали: в Батлере приходилось подстраиваться под мешчанские предрассудки хозяев, здесь ему тоже не давали говорить, но уже по другой причине. Его принимали доброжелательно, но видели в нем какую-то угрозу. Доктор Мишра не мог позволить, чтобы ученики его слушали, как кто-то прославляет Господа Кришну – Верховную Личность Бога.

Бхактиведанта Свами редко выходил из своей новой комнаты и продолжал печатать и переводить. Но когда доктор Мишра начинал свои уроки йоги, Бхактиведанта Свами отрывался от работы, чтобы провести киртан или прочесть лекцию.

Роберт Нельсон (один из первых молодых последователей Свамиджи в Нью-Йорке): Я пришел на программу в студию доктора Мишры и застал его за разговором. Свамиджи сидел на скамейке. Вдруг д-р Мишра прервал программу, широко улыбнулся и сказал: «Свамиджи споет для нас песню». Мне кажется, д-р Мишра просто ни слова не давал ему сказать. Кто-то говорил мне, что д-р Мишра не хотел, чтобы он проповедовал.

Каждое утро, за несколько часов до рассвета, Бхактиведанта Свами вставал, принимал душ, какое-то время повторял на четках маха-мантру, после чего шел в свою каморку, где садился за перевод. Тем временем поднималось солнце и город просыпался. У Свамиджи не было плиты, поэтому, чтобы готовить себе обед, он вынужден был каждый день ходить на Риверсайд-драйв, в квартиру доктора, которая находилась в семи кварталах от студии. Когда он выходил на оживленную улицу, день уже начинался. Он шел на север по проспекту Колумба, насквозь продуваемому речным ветром, в плотном потоке пешеходов, задерживаясь на каждом перекрестке. Здесь все выглядело по-другому, не так, как в провинциальном Батлере. Вдоль проспекта Колумба выстроились ряды тридцатизэтажных зданий, в которых располагались многочисленные офисы и конторы. Первые этажи домов были заняты обувными мастерскими, кондитерскими, прачечными и европейскими ресторанами, выше располагались приемные врачей, стоматологов и юристов. На Семьдесят пятой улице Бхактиведанта Свами сворачивал на запад и проходил через квартал домов из бурого песчаника, а затем, перейдя проспект Амстердам, выходил на Бродвей. Зеленые насаждения здесь было бы точнее назвать «черными» – настолько они были запачканы и покрыты сажой. Бродвей пестрел вывесками продуктовых и мясных магазинов. Вдоль узкого бульвара, зажатого между двумя автомобильными потоками, отдыхали на лавочках старики. Последний перед выходом на Набережную квартал Семьдесят пятой улицы состоял из высотных многоквартирных домов, у дверей которых скучали портье. У входа в дом №33 на Набережной тоже стоял швейцар.

Иногда Бхактиведанта Свами отправлялся на прогулку по парку вдоль Набережной. Сердце по-прежнему беспокоило его, поэтому для прогулок он предпочитал места ровные и просторные. Иногда, выходя из студии доктора Мишры, он спускался по Семьдесят второй улице до проспекта Амстердам, где заходил в супермаркет «Вест Энда», чтобы купить продукты и специи. Порой он просто бродил по Манхэттену, а иногда садился на автобус и катался по городу.

По воскресеньям Бхактиведанта Свами ездил с доктором Мишрой в его «Ананда Ашрам», находившийся в Монро (штат Нью-Йорк), в часе езды к северу от города. Джоан Сьювал,

подвожившая их, слышала, как они оживленно говорили о чем-то на хинди, сидя на заднем сиденье. Она ни слова не понимала, но чувствовала, что диалог их порой превращается в громкий спор, однако практически сразу же после этого вновь наступало примирение.

В «Ананда Ашраме» Бхактиведанта Свами проводил киртаны, а ученики доктора Мишры подпевали ему, а иногда даже танцевали. Доктор Мишра был в восторге от пения Свамиджи.

Рамамурти Мишра: Я никогда не встречал преданного, который бы так много пел. А киртан его был просто восхитителен. Если сосредоточиться и расслабиться, то этот голос подействует на ваше сердце, словно электричество. Вы не сможете избежать его влияния. Девяносто девять процентов учеников – хотели они того или нет – вставали и начинали петь и танцевать. Я понимал, что встретить такую душу – это огромное благословение.

Харви Коэн (один из посетителей «Ананда Ашрама»): Все встали пораньше и пошли на утреннюю медитацию. Доктор Мишра был одет в парчовый жакет в индийском стиле. Когда я вошел в комнату, все уже погрузилось в глубокую медитацию. Все подушки для сидения были заняты, поэтому я присмотрел себе местечко в углу, где можно было бы прислониться к стене, чтобы легче было медитировать. Рядом, закутанный в розоватое шерстяное одеяло, сидел пожилой индеец в шафрановой одежде. Я заметил, что он что-то бормочет себе под нос; потом я понял, что он молится. Это и был Свами Бхактиведанта. Его лоб был украшен белым V-образным знаком, а глаза он держал полузакрытыми. Он выглядел совершенно безмятежным.

Несмотря на все старания Харви, раджа-йога никак ему не давалась. В «Ананда Ашраме» он был новичком и приходил только по воскресеньям, чтобы немного расслабиться. Во время утренних медитаций он замечал, что его больше привлекает зеленый туман над озером, за окном, нежели круг на стене, на который полагалось медитировать.

Харви: Я вошел к себе. Дождь пошел сильнее и громко стучал в окна. Было очень тихо, и я радовался, что снова остался один.

Я открыл книгу.

Вдруг я почувствовал, что в дверях кто-то стоит. Я поднял глаза и увидел Свами. Он, как в шаль, кутался в свое розовое одеяло.

– Можно войти? – спросил он.

Я кивнул:

– Да.

Он попросил разрешения присесть на стул в углу.

– Что вы читаете? – с улыбкой спросил он меня.

– Дневники Кафки, – ответил я, чувствуя некоторое смущение.

– А-а, – произнес он, и я отложил книгу. Он спросил, чем я занимаюсь в ашраме и интересуется ли меня йога:

– Какую йогу вы изучаете?

– Я не очень-то в этом разбираюсь, но думаю, что хотел бы освоить хатха-йогу.

Это не произвело на него впечатления:

– Есть кое-что и получше, – сказал он. – Есть более высокие, более прямые пути йоги. Высший из всех этих путей – бхакти-йога, наука преданности Богу.

Я вдруг ясно почувствовал, что он говорит правду. По моей спине побежали мурашки – я понял, что этот человек – мой учитель. Он говорил так просто! Все воскресенье я не спускал с него глаз. Он сидел, спокойный и величественный, и от него исходило тепло. Он попросил меня зайти к нему, когда мы вернемся в город.

В своих лекциях д-р Мишра, опираясь на Шанкару, толковал «Бхагавад-гиту» как имперсоналист, а Бхактиведанта Свами, когда слово предоставляли ему, упорно с этим не соглашался. Однажды Бхактиведанта Свами попросил д-ра Мишру, чтобы тот помог ему распространить движение Господа Чайтаньи, но д-р Мишра ловко уклонился, сказав, что считает Прабхупаду воплощением Чайтаньи Махапрабху, которому не требуются помощники. В ответ Свамиджи напомнил доктору, что отца Господа Чайтаньи тоже звали Мишра, поэтому он должен принять участие в распространении движения Господа Чайтаньи. Бхактиведанта Свами предложил ему редактировать санскрит в переводах «Бхагаватам», но д-р Мишра отказался, о чем впоследствии сожалел.

Херта Ларч (ученица из «Ананда Ашрама»): Я познакомилась с ним на кухне. Он был очень разборчив в еде и ел только то, что готовил сам. Он приходил на кухню и говорил: «Дайте мне кастрюлю». Когда я приносила ему кастрюлю, он говорил: «Нет, побольше». Я приносила

побольше, но он просил поменьше. Потом он говорил: «Дайте мне картофель», – и я приносила ему картофель. Готовил он очень, очень тихо. Он вообще никогда много не говорил. Он варил картофель, потом еще какие-то овощи, а еще – чапати. Закончив, он выходил из кухни, чтобы поесть. Как правило, он рассчитывал так, чтобы накормить доктора Мишру и еще пять или шесть человек. Когда он там жил, он всегда столько готовил. Я у него научилась делать чапати. Обычно он приезжал только на выходные, а потом возвращался в город. По-моему, он считал, что основное его место – там.

* * *

Да, так оно и было, но что он мог сделать в городе – один, без денег и поддержки? Когда-то он думал, что проведет в Америке всего несколько недель, а затем вернется в Индию. Но вот – он работает над переводом «Бхагаватам», гуляет по Манхеттену, пишет письма... Бхактиведанта Свами изучал новую культуру, пытаясь представить, как на практике можно познакомить западный мир с сознанием Кришны. Своими мыслями он делился с Сумати Морарджи:

27 октября

Как я понял, американцы проявляют огромный интерес к индийским методам духовного самопознания, о чем свидетельствуют многочисленные так называемые «ашрамы йоги» в Америке. К сожалению, они не в чести у местных властей, и, кроме того, как я узнал, невинных людей в этих заведениях часто обманывают, как и в Индии. Единственная наша надежда в том, что люди эти склонны к духовной жизни, и, если здесь проповедовать «Шримад Бхагаватам», они получат огромное благо.

Бхактиведанта Свами заметил, что, помимо этого, в сердцах американцев находят одобрителный отклик индийское искусство и музыка. Дабы в этом убедиться, он посетил выступление мадрасской танцовщицы Бала Сарасвати.

Я пошел на этот концерт со своим другом, хотя за последние сорок лет ни разу не посещал подобных мероприятий. Выступление имело успех. Музыкальное сопровождение было в классическом индийском стиле, и большинство песен пелось на санскрите. Американским зрителям это очень понравилось. Я с радостью отметил, что условия для моей будущей проповеднической деятельности складываются неплохо.

Он писал, что послание «Бхагаватам» вполне возможно излагать при помощи музыки и танца, но возможности сделать это у него пока не было. Христианские миссии проповедуют по всему миру, опираясь на солидную финансовую поддержку, так почему бы преданным Кришны не объединиться и не делать то же самое? Он отметил, что христианским организациям оказалось не под силу сдержать распространение коммунизма, но движение «Бхагаватам» вполне могло бы справиться с этой задачей, благодаря своему философскому и научному подходу.

Бхактиведанта Свами целенаправленно сеял семена вдохновения в сердце преданной Богу и состоятельной Сумати Морарджи.

Восьмое ноября

Бхактиведанта Свами написал письмо своему духовному брату, Тиртхе Махрадже, стоявшему во главе Гаудия Матха, где напомнил ему о том, что их духовный учитель, Бхактисиддханта Сарасвати, очень хотел открыть проповеднические центры в западных странах. Шрила Бхактисиддханта несколько раз пытался сделать это, посылая в Англию и другие страны Европы своих учеников-санньяси, но, как писал Бхактиведанта Свами, «без каких-либо ощутимых результатов».

Я приехал в эту страну с той же самой целью, и понял, что Америка – бескрайнее поле для проповеди учения Господа Чайтаньи.

Бхактиведанта Свами особо отметил, что в Америке уже есть несколько обществ майявади, у которых есть собственные здания, но не слишком-то много последователей. Между тем Свами Никхилананда из Миссии Рамакришны в разговоре с ним высказал мнение, что лучше всего американцы примут именно бхакти-йогу.

Я здесь, и вижу огромное поле для работы, но что я могу сделать один, без людей и денег? Чтобы открыть центр, нам нужно здание.

Если лидеры Гаудия Матха захотят открыть свой филиал в Нью-Йорке, Бхактиведанта Свами готов его возглавить. «Без собственного здания, – писал он, – проповедовать в городе

невозможно». Он высказывал предположение, что если его духовные братья согласятся сотрудничать, то во многих городах страны откроются новые проповеднические центры. Он неоднократно подчеркнул, что другие организации владеют немалым количеством недвижимости, хотя и не несут людям истинную духовную философию Индии. А вот у Гаудия Матха ничего нет.

Если вы согласны сотрудничать со мной, как я предлагаю, то я продлю срок своей визы. Срок моего пребывания в стране истекает в конце ноября, но если вы срочно подтвердите свое согласие, я могу его продлить. Если же нет, я вернусь в Индию.

* * *

Девятое ноября, 18:00

Бхактиведанта Свами сидел в своей комнате на пятом этаже в студии доктора Мишры. Вдруг свет неожиданно погас. Так он встретил знаменитое отключение электричества в Нью-Йорке в 1965 году, когда без света остался целый город. В Индии отключение света было делом обычным, поэтому, хотя Свамиджи и удивился, что в Америке бывает то же самое, его это не особо беспокоило. Он взял четки и начал повторять мантру Харе Кришна. Тем временем и Нью-Йорк, и его окрестности погрузилась во тьму. Без электричества остался целый город и более тридцати миллионов человек в девяти штатах и трех провинциях Канады. Восемьсот тысяч пассажиров оказались заперты в ловушке метро.

Через два часа пришел человек от доктора Мишры и принес свечи и фрукты. Он нашел Бхактиведанту Свами пребывающим в радостном расположении духа и повторяющим в темноте Харе Кришна. Гость сообщил ему, насколько серьезно для Нью-Йорка это отключение. Прабхупада поблагодарил его и снова погрузился в медитацию. Город оставался обесточенным до семи часов утра следующего дня.

Бхактиведанта Свами получил от Тиртхи Махараджа из Калькутты ответ на свое письмо от восьмого ноября. Бхактиведанта Свами излагал своему духовному брату свои планы и чаяния, касающиеся его жизни в Америке, подчеркивая, что духовные братья должны облечь его доверием и обеспечить сколь-нибудь ощутимую поддержку. Его духовные братья, однако, отказывались сотрудничать друг с другом. Каждого лидера больше интересовало собственное здание, нежели распространение учения Господа Чайтаньи. Разве могли они прислушаться к мнению Бхактиведанты Свами и помочь ему открыть отделение в Нью-Йорке? Они думали, что это личное дело самого Свамиджи. Но он, не обращая внимания на это непонимание, взывал к их миссионерскому духу, напоминая им о желании духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура. Ведь их Гуру Махараджа так хотел, чтобы сознание Кришны распространялось на Западе! Но ответ Тиртхи Махараджа оказался неутешительным. Не возражая против попыток Прабхупады что-то сделать в Нью-Йорке, духовный брат вежливо сообщил ему, что денежные средства Гаудия Матха не могут быть использованы для этой цели.

Бхактиведанта Свами ответил: «Не очень-то меня воодушевил твой ответ, но я не тот человек, который отступает перед трудностями».

Ответ Тиртхи Махараджа все-таки оставлял проблеск надежды, и Бхактиведанта Свами послал ему описание дома номер 143 по Семьдесят второй Западной улице, который недавно был выставлен на продажу. Это был дом размером 5,5 на 30 метров, с подвалом и мезонином. Бхактиведанта Свами сообщил Тиртхе Махараджу, что цена здания – сто тысяч долларов, из которых двадцать тысяч нужно заплатить сразу же, наличными, а также отметил, что здание это в два раза больше их Исследовательского Института в Калькутте. В подвале можно было бы разместить кухню и столовую, на первом этаже – лекционный зал, а в мезонине – устроить жилые комнаты и отдельное помещение для Божества Господа Кришны. Бхактиведанта Свами выразился совершенно точно, назвав себя «человеком, который не отступает перед трудностями». Он был уверен, что при наличии центра, куда люди смогут прийти, чтобы услышать слова чистого преданного, в Америке может начаться расцвет подлинной индийской культуры, культуры сознания Бога. А поскольку в основе его замыслов лежала покупка дорогого здания на Манхеттене, цель эта казалась недостижимой. Но он не прекращал писать письма влиятельным преданным в Индии, которых его планы, похоже, не интересовали.

«Почему они не хотят мне помочь?» – думал он. В конце концов, они преданные Кришны. Разве не должны преданные откликнуться на такой призыв и помочь ему открыть первый храм Кришны в Америке? У Свамиджи, безусловно, были все необходимые качества и полномочия, чтобы распространять послание Кришны. Что же касается места – Нью-Йорк, наверное, самый

многонациональный город мира. Найдено недорогое здание, оно хорошо расположено. Храм Кришны в Нью-Йорке нужен еще и для того, чтобы противостоять распространению идей индийских майявади. Он обращался к кришна-бхактам, сознающим, что Господь Кришна не просто один из индуистских богов, а Верховный Господь, которому должен поклоняться весь мир. Поэтому они должны радоваться тому, что Кришне будут поклоняться в Нью-Йорке. Сам Кришна сказал в «Бхагавад-гите»: «Оставь все прочие обязанности и предайся Мне». Разве могут они не помочь? Ведь они преданные Кришны! А какой преданный не захочет прославить Господа?!

Бхактиведанта Свами, однако, не размышлял о том, кто хочет служить миссии Кришны, а кто нет. Полностью полагаясь на Кришну и повинаясь духовному учителю, он обращался за помощью ко всем, не делая особых различий.

Обратился он и к Сумати Морарджи. Она помогла ему напечатать «Бхагаватам» и снарядила его в Америку. В своем последнем письме к ней он намекнул:

Я лишь описал Вам свою идею. И если вы серьезно подумаете над этим и посоветуетесь с Вашим дорогим Господом Бала Кришной, Вы непременно осознаете все гораздо глубже. Здесь есть хорошие возможности, но есть, разумеется, и срочные потребности. Долг каждого индийца, особенно преданного Господа Кришны, помочь этому делу.

Ответа он не получил. С тех пор, как он уехал из Батлера, писем от нее так и не было, хотя слова, которые она написала тогда, казались ему пророческими. Он часто вспоминал их: «Мне кажется, что Вам нужно оставаться в Америке до тех пор, пока Вы не поправитесь и возвращаться только тогда, когда Ваша миссия будет выполнена».

Теперь и для Сумати Морарджи настало время совершить нечто серьезное. Он писал прямо и открыто:

Поэтому я думаю, что для этого нужно немедленно открыть в Нью-Йорке храм Бала Кришны. И как преданная Господа Бала Кришны, вы должны взять это великое и благородное дело на себя. На данный момент в Нью-Йорке нет ни одного индийского храма, хотя в Индии действует огромное количество американских миссионерских организаций и церквей. Поэтому я прошу взяться за это благородное дело Вас, и в анналах мировой истории будет записано, что первый индуистский храм [в Америке] был основан благочестивой индианкой Шримати Сумати Морарджи; которая не только состоятельна, но и благочестива, она великая преданная Господа Кришны. Это славное дело ждет именно Вас.

Он заверил ее, что у него самого нет никакого желания быть владельцем собственного здания или храма в Америке, но для проповеди здание абсолютно необходимо:

Они должны общаться с настоящими преданными Господа, они должны участвовать в киртане, прославляя Господа, они должны слушать учение «Шримад Бхагаватам», они должны иметь тесную связь с храмом или домом Господа, и поэтому им нужно дать возможность поклоняться Богу в храме. Если позволить им делать это под руководством истинного преданного, путь «Шримад Бхагаватам» будет открыт для каждого.

Бхактиведанта Свами сообщил Сумати Морарджи, что нашел место, «как раз подходящее для этой великой миссионерской задачи». Здание было идеальным, «его словно для того и строили».

От Вас нужно только согласие, и цель эта будет беспрепятственно достигнута.

Дом практически трехэтажный. Первый этаж, подвал, и два этажа сверху. В доме есть все: газ, отопление и т.д. Первый этаж можно отвести под приготовление прасада для Бала Кришны, поскольку предназначение этого центра будет не в том, чтобы приглашать людей на скучные философские лекции, но чтобы давать им истинное благо – вкусный прасад. Я уже убедился – американцам очень нравится вегетарианский прасад, который я готовлю. Они забудут о мясе и будут покупать прасад. Американцы, в отличие от индийцев, не так бедны, и если им что-то по душе, они готовы выложить за это любую цену. Вместо философии им подсовывают словесные трюки а вместо йоги – гимнастику, а они все равно платят! Но я уверен, что, когда им предложат настоящий товар – когда они попробуют вкусный прасада Бала Кришны – Америка получит то, чего никогда не видела за всю свою историю.

Согласно его планам, жить в Америке ему оставалось всего неделю.

Мой срок пребывания в Америке заканчивается 17 ноября 1965 года. Но я верю Вашему пророчеству: «Вам нужно оставаться в Америке до тех пор, пока Вы не поправитесь и возвращаться только тогда, когда миссия Ваша будет выполнена».

НЬЮ-ЙОРКСКОЕ ОБЩЕСТВО ТАГОРА ПРИГЛАШАЕТ ВАС на лекцию:
«СОЗНАНИЕ БОГА»
лектор А.Ч. Бхактиведанта Свами

Лекция состоится в воскресенье, 28-го ноября 1965 года

Начало в 15:30, в 16:30 – чаепитие.

Место проведения: Новый Дом Индии, 64-я Восточная улица, дом 3.

Широко известный и уважаемый ученый и религиозный учитель из Индии, Свами Бхактиведанта, ненадолго посетил Нью-Йорк. Он работает над монументальным переводом шестидесятитомного «Шримад Бхагаватам» с санскрита на английский.

Двадцать восьмое ноября

Дауд Харун до этого никогда не видел Бхактиведанту Свами. Он был музыкантом, жил в центре города и посещал собрания Общества Тагора на Шестьдесят четвертой улице.

Дауд Харун: Когда я вошел в аудиторию, сцена была пуста. Несколько человек сидело на задних рядах. Я люблю сидеть впереди, поэтому направился вперед, по центральному проходу. Вдруг справа я заметил пожилого человека. Меня почему-то как магнитом потянуло к нему, и я прошел по ряду и сел прямо за ним. Я заметил, что он что-то повторяет на четках. Хотя четки он держал в мешочке, я слышал, как он их перебирает, и видел, как слегка покачивается его тело. Я был знаком с этой практикой, и сразу же почувствовал к нему расположение.

Я сидел и смотрел по сторонам, как вдруг он обернулся и очень тепло мне улыбнулся. Он кивнул головой, я ответил ему тем же, после чего он снова улыбнулся и стал смотреть в другую сторону. Потом он повернулся ко мне и тихо спросил, не из Индии ли я. Я ответил:

– Нет, сэр. Я не из Индии. Я местный, из Соединенных Штатов.

Отвернувшись, он продолжал молиться, перебирая четки. Потом снова повернулся и спросил, не индус ли я. Я ответил:

– Нет, сэр, не индус. Я мусульманин.

Он сказал:

– О, хорошо, очень хорошо. Да, я часто слышал, как дети в Индии читают Коран.

Затем он вновь отвернулся и продолжил, покачиваясь, перебирать четки.

Мы успели обменяться еще парой коротких, непринужденных фраз, а потом на сцену вышла женщина, которая объявила о начале лекции и попросила аудиторию поприветствовать аплодисментами лектора. В этот момент мой новый знакомый положил мне руку на плечо и спросил:

– Простите, сэр, не могли бы вы оказать мне услугу?

– Конечно. Чем могу помочь?

– Не могли бы вы присмотреть за моими книгами?

Я посмотрел вниз и увидел, что на полу стоят коробки с книгами, зонтик и еще какие-то вещи:

– Конечно. Я присмотрю.

– Прошу прощения, – сказал он. Он пошел по проходу, и вдруг, к моему удивлению, поднялся прямо на сцену. Он и был тем, кого я пришел послушать – Свами Бхактиведантой!

Он поднялся на сцену и представился. «Подойдите поближе, подойдите поближе», – обращался он к слушателям, сидящим на задних рядах. Несколько человек пересели вперед. Аудитория состояла, в основном, из семейных пар. Там было много индийцев (и мужчин, и женщин), в основном среднего возраста, хотя присутствовали и ребята-студенты. Кроме того, на лекцию пришли какие-то люди интеллигентного вида, а еще было много женщин.

Только-только начав говорить, он уже погрузился в проповедь. Сразу, без всякого вступления, он стал громко восхвалять величие Творца и говорить о том, что самое важное – помнить о Нем, помнить о Боге. Он объяснял, что значит – сознание Бога, и как понимать, что Бог присутствует повсюду, и почему нам всем следует помнить о Нем, и, почему, независимо от того, какими именами, мы Его называем, мы должны к Нему обращаться. Его речь вызвала у публики живой интерес. Он спел «Харе Кришна, Харе Рама» и рассказал о том, какая сила и спасительная милость заключена в этой мантре. В середине лекции он сделал короткий перерыв и выпил немного воды.

В конце, уже спускаясь с подиума, он сказал, что у него с собой есть книги – «Шримад Бхагаватам». Он рассказал, что работает над этой книгой, и уже издал трехтомник, который стоит шестнадцать долларов. На этом лекция закончилась, и он сошел со сцены.

Многие подходили к нему после лекции; одни робко, другие – с энтузиазмом. Некоторые пожимали ему руку и просили книги. После первой лекции вокруг него собралось человек пятнадцать, желающих поговорить и задать вопросы. Окруженный людьми, он пробрался ко мне и сказал:

– Сэр, не могли бы вы оказать мне еще одну услугу? Не сможете продать книги? Люди будут подходить, а вам нужно продавать им книги и класть деньги в эту коробочку. А я через минуту подойду.

– Хорошо, – сказал я.

Пока он разговаривал, ко мне подходили люди. Они, должно быть, думали, что я – что-то вроде его секретаря или сопровождающего лица, поэтому засыпали меня вопросами о его личной жизни. Я ничего не мог им ответить, поскольку сам ничего не знал. Кто-то покупал, а кто-то просто просматривал книги. Пока все шло своим чередом, я все время прислушивался к его разговору, в то же время не прекращая продавать книги.

Некоторые искали гуру и пытались узнать, каким он должен быть. Другие устраивали натуральный допрос. Он же только улыбался и простыми словами отвечал на все их расспросы. Я помню, как он сказал: «Вы поймете. Не нужно ломать голову. Вы поймете, ваш я гуру или нет». Он советовал людям почитать его книги.

Вскоре группа сократилась человек до пяти-шести, остальные же просто стояли поодаль и смотрели; кто-то стеснялся подойти ближе. Тогда он сам подходил и начинал разговор, и атмосфера разряжалась. Через какое-то время он подошел ко мне, мы пересчитали выручку, и я помог ему упаковать вещи и снести вниз оставшиеся коробки с книгами. На прощание он горячо меня поблагодарил, а я оставил ему свой адрес и телефон и купил себе комплект «Шримад Бхагаватам».

Глава пятнадцатая

«Мы не сможем Вам помочь»

Я приехал сюда в преклонном возрасте не для того, чтобы разглядывать достопримечательности, и вообще – не из-за личного интереса. Только ради блага человечества я пытаюсь донести до них эту науку о Кришне, которая сделает людей счастливыми. А долг каждого преданного Господа Кришны – всеми средствами мне помогать.

из письма к Сумати Морарджи

На смену ноябрю пришел декабрь. Продлив срок визы, Бхактиведанта Свами остался в США. Конечно, Америка процветала, но некоторые вещи Бхактиведанта Свами переносил с трудом. От воя сирен пожарных и полицейских машин у него едва не случался разрыв сердца. Иногда по ночам с улицы доносились шум драки и крики о помощи. В самые первые дни своей жизни в городе он заметил, что отовсюду доносится запах собачьих испражнений. И хотя Нью-Йорк считался престижным городом, в нем трудно было отыскать плоды манго, а если в каком-то магазине они и попадались, то стоили дорого и были совершенно безвкусными. Иногда, работая в комнате, Бхактиведанта Свами слышал сирены океанских лайнеров и мечтал, что когда-нибудь отправится в кругосветное путешествие с группой санкиртаны, и будет проповедовать в крупнейших городах мира.

Температура опускалась ниже нуля. В Индии никогда не было так холодно. Каждый день ему приходилось шагать навстречу западному ветру, дующему с Гудзона. От этого ветра даже в обычный зимний день перехватывало дыхание, слезились глаза и коченели щеки и нос. А в штормовой день сильные порывы ветра могли сбить прохожего с ног. Порой, после холодного дождя, улицы покрывались ледяной коркой и становилось очень скользко. Невыносимо холодно было на открытой, насквозь продуваемой Вест-Сайдской стороне, где вихри поднимали на огромную высоту желтые листья и бумажный мусор.

Бхактиведанта Свами надевал пальто, которое ему подарил доктор Мишра, но, несмотря на холод и ветер, ходил в дхоти. Свами Никхилананда из Миссии Рамакришны как-то сказал, что если Бхактиведанта Свами хочет остаться на Западе, ему нужно будет отказаться от традиционной индийской одежды и перестать быть строгим вегетарианцем. Он сказал, что в этом климате просто не обойтись без мяса и крепких напитков, так же как без брюк и пальто. Перед отъездом Бхактиведанты Свами из Индии, один из его духовных братьев объяснил ему, как едят на Западе и научил пользоваться вилок и ножом. Но Прабхупада и не думал перенимать западный образ жизни. Многие советовали ему не быть «белой вороной», а поскорее перенять американский дух, даже если придется нарушить те обеты, которым он следовал в Индии. Почти все индийские эмигранты шли на компромисс со своими традициями. Но Бхактиведанта Свами имел на этот счет свое мнение и был непоколебим. Ну да, они пошли на компромисс, думал он, но ведь они приехали на Запад, чтобы просить – они хотят технического прогресса. «Но я-то приехал не просить, – говорил он себе, – я приехал давать».

Во время своих одиноких прогулок по городу Бхактиведанта Свами знакомился с местными жителями. Среди них был господин Рубен, турецкий еврей, работавший кондуктором в метро. Господин Рубен встретил Бхактиведанту Свами в парке, где тот сидел на скамье. Будучи человеком общительным и повидавшим мир, Рубен присел, чтобы поговорить с индийским святым.

Господин Рубен: Он словно знал, что у него будут храмы, полные преданных. Он глядел вдаль и говорил: «Я не бедняк. Я богатый человек. И храмы, и книги – все это у меня уже есть. Они уже существуют, только время отделяет нас от них». Он всегда говорил «мы» и рассказывал о том, кто послал его, о своем духовном учителе. Хотя в то время он еще никого не знал, он говорил: «Я никогда не бываю один». Но мне он всегда казался одиноким и этим напоминал пророка Илию, у которого не было спутников. Не думаю, что у него тогда были последователи.

Если не было дождя или гололеда, Бхактиведанта Свами садился на автобус и ехал в Центральную библиотеку на Сорок второй улице. Там хранился его «Шримад Бхагаватам» – несколько экземпляров из тех, что он продал посольству США в Нью-Дели. Ему было приятно,

что книги его числятся в каталоге и пользуются у читателей спросом. Иногда он гулял по площади ООН или шел в Новый Дом Индии на Шестьдесят четвертой улице, где встречался с господином Мальхотрой, служащим консульства, который в ноябре помог ему связаться с Обществом Тагора и получить приглашение дать лекцию на одной из встреч Общества.

Проезжая на автобусе по Пятой Авеню, он разглядывал дома и мечтал, что когда-нибудь их можно будет использовать в служении Кришне. Некоторые здания особенно его заинтересовали: одно – на Двадцать третьей улице, а другое, с куполом, – на Четырнадцатой. Он думал: материалисты построили такие прекрасные дома, но при этом абсолютно не позаботились о своей духовной жизни. И несмотря на огромные технические достижения, они чувствуют себя опустошенными и бесполезными. Пока они строили эти дома, их дети спивались или становились наркоманами.

Второе декабря

Заголовки в «Нью-Йорк Таймс»: «Больницы Нью-Йорка сообщают: заметно участились случаи отравления ЛСД»; «Нарастает протест против участия США в войне с Вьетнамом».

Шел декабрь. Становилось все холоднее, но снег так и не выпал. В магазинах на проспекте Колумба появились рождественские елки, а европейские рестораны сияли праздничной иллюминацией. По обеим сторонам Семьдесят второй улицы, на всем ее протяжении, Торговая Ассоциация установила высокие красные столбы, на вершинах которых сверкали рождественские елочки. Верхушки их были увенчаны красными звездами, горевшими разноцветными огнями, и соединялись между собой блестящими гирляндами из мишуры.

Хотя Шрила Бхактиведанта Свами ничего не покупал к Рождеству, он посетил множество книжных магазинов – «Ориенталия», «Сэм Вейзерз», «Даблдэй», «Парагон» и несколько других, где пытался продать свой трехтомник «Шримад Бхагаватам». Миссис Фербер, супруге владельца магазина «Парагон Бук Галлери», Бхактиведанта Свами запомнился как «очень приятный и вежливый невысокий господин». Когда он пришел в первый раз, его книги не вызвали у нее интереса, но он вернулся, и она согласилась взять на продажу несколько экземпляров. Поскольку книги уходили неплохо, Бхактиведанта Свами навещался в магазинчик раз в неделю, чтобы получить деньги, а иногда, когда нужно было самому продать кому-то несколько штук, он заходил и забирал их у миссис Фербер. Иногда он звонил и интересовался, как идет продажа.

Миссис Фербер: Всякий раз, когда он приходил, он просил попить. Когда клиент обращается ко мне с подобной просьбой, я обычно говорю: «Автомат на улице». Но, поскольку он был уже не молод, я, конечно, не могла себе такого позволить. Он всегда был очень вежлив и скромен. Он был настоящим ученым. Поэтому, когда он просил стакан воды, я лично выполняла его просьбу.

Однажды, когда Бхактиведанта Свами разговаривал с миссис Фербер об индийской кухне, она упомянула, что ей очень нравятся самосы. В следующий раз он принес ей целый поднос самос, которые она с удовольствием съела.

* * *

Харви Коэн, на которого Свами произвел большое впечатление в «Ананда Ашраме», часто заходил к нему в комнату №501.

Харви: Это был маленький кабинет в дальнем углу того помещения, где разместилось Общество Йоги (это было на окраине Манхэттена). Я начал регулярно его навещать. Мы сидели лицом к лицу, на полу в этом маленьком кабинетике. Там была его печатная машинка, новый магнитофон, стоящий на двух чемоданах, и ящик с книгами, которые он привез из Индии, а еще цветная репродукция с фигурами танцующих людей, на которую он часто смотрел. Я упомянул, что я художник, и он вежливо попросил меня нарисовать картину с этими людьми, объяснив, что это Господь Чайтанья и Его ученики. Картина называлась «Санкиртана». Когда бы я ни заходил, Свами всегда радовался нашей встрече. В ту зиму я много рассказывал ему о себе, и вечерами мы часто пели в его комнате Харе Кришна. Он жил на окраине, а я ездил к нему на электричке.

* * *

Одиннадцатое января, 1966

Премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри умер от сердечного приступа во время своего визита в Россию. Премьер-министр лично знал Бхактиведанту Свами и был в восторге от

его перевода «Шримад Бхагаватам». Он намеревался посетить Америку, и Бхактиведанта Свами надеялся встретиться с ним и получить его личное разрешение на перевод денег из Индии, но безвременная смерть министра сорвала планы Бхактиведанты Свами, связанные с покупкой дома №143 на Семьдесят второй Западной улице. Агенты по продаже недвижимости показывали ему это здание, и он уже мысленно представлял: вот здесь будут поклоняться Божествам, здесь – раздавать прасад... Деньги должны прийти из Индии, а премьер-министр скоро даст свою санкцию на выделение средств. Но внезапно все изменилось.

Четырнадцатое января

Бхактиведанта Свами решил написать владельцу здания, господину А.М. Хартману. Он объяснил, что его планы неожиданно сорвались, и предложил новый вариант.

Теперь, когда премьер-министра, господина Лала Бахадура Шастри постигла внезапная кончина, я в растерянности. Поскольку сейчас мне будет очень сложно получить деньги из Индии, я прошу Вас позволить мне, хотя бы на какое-то время, использовать здание под Международное Общество сознания Бога. Уже много дней дом стоит пустой, без всякой пользы, и я узнал, что Вам приходится платить за него налоги, страховку и т.д., при том, что здание не приносит никакой прибыли. Однако если Вы позволите использовать это помещение для нашей общественной организации, то Вы, по меньшей мере, сэкономите на налогах и других услугах, которые сейчас Вы платите ни за что.

Если у меня появится возможность немедленно начать работу общества, я, несомненно, получу поддержку местного населения, и в этом случае мне не нужно будет просить денег в Индии. Кроме того, я прошу Вашу честь, чтобы Вы, как человек, предоставивший здание для общества, стали одним из членов правления этой организации.

А.М. Хартмана предложение не заинтересовало.

В тот день, когда Бхактиведанта Свами написал письмо г-ну Хартману, ему пришел ответ от сэра Падампата Сингхании, директора некой крупной организации (ЖК) в Индии. Бхактиведанта Свами просил сэра Падампатджи о финансовой поддержке, и ответ его вселял надежду. Семья Сингхании не только была сказочно богата – все ее члены были преданными Господа Кришны.

Мой дорогой Свамиджи!

Я получил Ваше письмо. Мне очень понравилась Ваша идея построить в Нью-Йорке храм Шри Радхи и Кришны. Я думаю, это хорошая мысль, но есть некоторые трудности:

1. Для этого нам придется высылать вам валюту, для чего потребуется разрешение правительства. Без него послать деньги за границу не получится. Сперва нужно получить согласие Правительства, а уж потом думать о строительстве храма.

2. Я сомневаюсь, что на такую сумму, всего семь лакхов рупий (\$ 110000) в Нью-Йорке можно построить храм. Я имею в виду – красивое здание в индийском стиле. Кроме того, чтобы построить здание в индийском стиле, мы должны будем отправить в Нью-Йорк человека из Индии.

Эти два условия могут вызвать затруднения, а в остальном идея Ваша очень хороша.

Но в одном Бхактиведанта Свами и г-н Сингхания серьезно расходились. Строительство величественного индийского храма в Нью-Йорке обошлось бы во много миллионов долларов. Конечно, Бхактиведанта Свами знал, что, захоти Падампат Сингхания – он дал бы и миллионы. Но как такую сумму вывезти из Индии? Поэтому Бхактиведанта Свами посоветовал вложить только семь лакхов. «Купив дом, – писал он, – мы сможем надстроить сверху еще один этаж – с куполом, чакрой и т.д.». У Бхактиведанты Свами были свои аргументы:

Господь Дваркадхиш проявил Свою роскошь и великолепие в Двараке, где у Него было шестнадцать тысяч цариц. Для каждой царицы Он построил отдельный дворец. Они были сложены из драгоценных камней и потому не нуждались в искусственном освещении. Итак, Вы хотите построить для Господа Кришны богатый храм. Но мы – жители Вриндабана, а во Вриндабане нет таких дворцов, как в вашей Двараке. Вриндабан – это леса и коровы на берегах Ямуны, а у Господа Кришны, играющего роль простого мальчика-пастушка, нет тех царских богатств, к которым привыкли вы, обитатели Двараки. Поэтому, когда жители Двараки встречаются с жителями Вриндабана, нужно находить (обрыв текста)...

Если получится объединить Двараку и Вриндаван – богатство сэра Падампата с преданностью Бхактиведанты Свами, можно будет замечательно поклоняться Господу Кришне – Господину и Вриндавана, и Двараки.

Двадцать первое января

Бхактиведанта Свами получил ответ от Бона Махараджи, своего духовного брата, директора Института восточной философии во Вриндаване. Две недели назад Бхактиведанта Свами писал ему, что нашел в Нью-Йорке место для храма и хочет установить Божества Радхи и Кришны. В своем письме Бон Махараджа указывал примерную стоимость латунных Божеств Радхи-Кришны высотой в тридцать пять с половиной сантиметров, а также предупреждал о том, какая это серьезная ответственность – поклонение Божеству. Бхактиведанта Свами ответил ему:

Я думаю, что, когда мы откроем храм, найти несколько человек (пусть даже американцев) будет возможно. Подобное происходит и в Миссии Рамакришны, и во многих обществах йоги. Я пытаюсь открыть здесь храм, поскольку этого хотел Шрила Прабхупад.

Бхактиведанта Свами попросил Бона Махараджа помочь в получении санкции правительства на вывоз денег, если Падампат Сингхания согласится сделать пожертвование. Бхактиведанта Свами упомянул, что постоянно переписывается с вице-президентом Индии, д-ром Радхакришнаном, с которым Бон Махараджа также был знаком.

Скажи ему, что это не обычный храм, а международная организация сознания Бога, основанная на принципах «Шримад Бхагаватам».

Двадцать второе января

Пока Бхактиведанта Свами молился о том, чтобы Радха-Кришна пришли в Нью-Йорк, в городе начались снежные бураны. Проснувшись утром, Свамиджи (который, должно быть, никогда в жизни не видел снега) выглянул в окно и подумал, что здание напротив побелили. И только выйдя на улицу, он понял, что выпал снег. Было двенадцать градусов ниже нуля.

Объявили чрезвычайное положение, но Бхактиведанта Свами, следуя своему ежедневному распорядку, вышел на утреннюю прогулку. Он шел под сильным снегопадом, в своей «шапочке свами» и пальто, под которым было лишь тонкое дхоти. Главные дороги были расчищены, но на тротуарах покрывалом лежал снег. Сильный ветер заметал бульварные скамейки на Бродвее, укрывая их сугробами в человеческий рост, а к слоям афиш и объявлений, покрывавшим киоски, добавился слой снега и льда. Но, невзирая на непогоду, ньюйоркцы продолжали выгуливать домашних собак, одев своих любимцев в «плащи» и «куртки», и Бхактиведанта Свами с недоуменной улыбкой взирал на то, как нянчатся американцы со своими питомцами. Подходя к Вест-Энд Авеню, он увидел, что швейцары не только свистят в свистки, подзывая такси, но и разбрасывают соль, чтобы растопить на тротуаре перед зданиями лед. В парке на Набережной скамейки, дорожки и деревья покрывал слой льда, в котором сверкая, отражалось небо.

В новостях сообщали: военное ведомство объявляло о первом со времен войны в Корее существенном увеличении призыва в армию; мир длился всего месяц, а воздушные силы Соединенных Штатов уже бомбят Северный Вьетнам; закончилась трехнедельная забастовка служащих общественного транспорта Нью-Йорка, а вождь профсоюза работников общественного транспорта скончался в тюрьме от сердечного приступа.

Тридцатое января

На Восточном побережье свирепствовали бураны. Нью-Йорк завалило снегом, толщина снежного покрова достигала 18 сантиметров, а скорость ветра – двадцати двух метров в секунду. Тем, кто жил в домах без отопления, городские власти Нью-Йорка предоставили теплые комнаты и горячую пищу. Аэропорт Кеннеди был закрыт, равно как и автомобильные и железные дороги, ведущие в город. Из-за обильного снегопада дважды за восемь дней в городе объявляли чрезвычайное положение.

Сам по себе Бхактиведанта Свами ничего не мог поделать со снежными заносами или идущими в мире войнами – во всем этом он видел лишь признаки века Кали. Материальный мир всегда полон страданий. Но, если бы он смог привести Радху и Кришну в один из домов Нью-Йорка... Для Верховного Господа нет ничего невозможного. Даже в разгар Кали-юги может начаться золотой век, и люди вздохнут свободнее. Если американцы примут сознание Кришны, за ними последует весь мир. Глядя на мир сквозь призму священных писаний, Бхактиведанта Свами пробивался сквозь пургу, протаптывая узкую тропинку для своей миссии сознания Кришны.

Четвертое февраля

Бхактиведанта Свами вновь написал Тиртхе Махараджу. Тот согласился связаться с правительством и попробовать добиться разрешения, но при условии, что получит письменное подтверждение от ответственного лица, готового пожертвовать деньги. Бхактиведанта Свами сообщил ему, что лицом этим будет сэр Падампат Сингхания, и вложил в конверт письмо от господина Сингхания, которое получил в середине прошлого месяца. Он напомнил своему духовному брату:

Шрила Прабхупад Бхактисиддханта хотел открыть подобные храмы в столицах разных стран: в Нью-Йорке, Лондоне, Токио, и т.д. Я лично слышал это от него во время нашей первой встречи на Ульта Данге в 1922 году. Сейчас у меня появилась возможность выполнить его вечный приказ. Я просто прошу тебя о помощи и милости, чтобы попытка эта увенчалась успехом.

Пятое февраля

В деле, связанном с обещанием Падампата Сингхания, Бхактиведанту Свами вновь постигло разочарование. Дваракавала написал о том, что его не устраивает перспектива покупки здания на Семьдесят второй улице.

Боюсь, что мне придется не согласиться с Вашим предложением купить маленький дом и что-то достроить сверху. К сожалению, такие предложения не по мне. Храм может быть маленьким, но он должен быть построен по всем правилам. Я понимаю, что сейчас Вы не можете вложить большую сумму, но на средства, которые правительство разрешит вывезти, Вы должны построить настоящий индийский храм. Только так мы сможем произвести на американцев какое-то впечатление. Это все, что я могу сказать по этому поводу. Очень благодарен Вам за Ваши письма.

Но Бхактиведанта Свами не считал, что переписка на этом закончилась. Он не переставал надеяться, что сэр Падампат Сингхания все-таки пожертвует на храм – только бы решить проблему с переводом денег. Он по-прежнему писал духовным братьям и другим преданным, прося их добиться от правительства разрешения, и его не смущало то, что единственному спонсору не понравилась идея купить обычное двухэтажное здание и возвести над ним купол и чакру. Бхактиведанта Свами не собирался менять свои планы.

Пятнадцатое февраля

Бхактиведанта Свами переехал из комнаты №501 в отдельную комнату, двумя этажами ниже.

Я переехал в новую комнату 307, в том же здании, более просторную и с окнами. Само здание находится на пересечении проспекта Колумба и Семьдесят второй улицы.

По словам доктора Мишры, Свамиджи переехал, чтобы жить отдельно и независимо от Общества йоги.

* * *

Шестнадцатое февраля

Бхактиведанта Свами написал владельцам Всемирного Дома книги в Бомбее, где объяснял, как можно организовать продажу его «Шримад Бхагаватам» в Бомбее и его окрестностях. Он писал, что пытается открыть храм Радхи-Кришны и «один богатый индийский предприниматель пообещал заплатить нужную сумму». Поскольку похоже было, что он может задержаться в Соединенных Штатах «еще на много дней», он хотел, чтобы Дом книги взял ответственность за продажу его книг на территории всей Индии на себя. Эта организация была его доверенным представителем по продаже книг в пределах штата Махараштра, но теперь он просил их представлять его книги во всех провинциях, а также в колледжах и университетах всей страны. Также он попросил их перевести на его счет деньги за то, что уже продано.

Двадцать шестое февраля

Господин А.П. Дхарвадкар из Всемирного Дома книги ответил:

Я не могу порадовать Вас высокими темпами продажи «Шримад Бхагаватам». Это книги на религиозную тематику, и ими может заинтересоваться лишь небольшая часть общества. Мы пытались реализовывать их через книготорговцев в Нагпуре, Ахмедабаде, Пуне и т.д., но, к сожалению, вынуждены сообщить Вам, что через некоторое время продавцы возвращали книги за отсутствием спроса. Учитывая вышесказанное, мы не только не можем согласиться с Вашим

предложением продавать их по всей Индии, но даже думаем о том, чтобы попросить Вас подыскать другую компанию, которая могла бы продавать Ваши книги в Махараштре.

На сегодняшний день они продали шесть экземпляров его трехтомника, за которые должны были перечислить на счет автора сто семьдесят две рупии. Такие новости едва ли могли воодушевить Бхактиведанту Свами. В очередной раз Индия осталась равнодушной к его начинаниям. Даже на «земле религии» духовными темами интересовалась лишь «небольшая часть общества».

Четвертое марта

Очередная неудача. Восьмого февраля Шрила Прабхупада написал новому премьер-министру Индии, Индире Ганди, прося ее позволения привлечь для строительства храма средства из Индии. И вот, секретарь премьер-министра, господин Л.К. Гха, прислал ответ из Нью-Дели, датированный двадцать пятым февраля.

Дорогой Свамиджи,

премьер-министр прочитала Ваше письмо от 8 февраля 1966 года. Она весьма признательна Вам за Ваше горячее стремление нести духовное послание «Шримад Бхагват-Гиты» и «Шримад Бхагватам» другим народам, но, ввиду критической ситуации с обменом иностранной валюты в стране, помочь Вам в Ваших планах открытия храма Радхи-Кришны, к сожалению, не предоставляется возможным.

Но у Бхактиведанты Свами оставалась еще одна надежда. Написав премьер-министру, он послал очередное письмо Тиртхе Махараджу. Там он просил своего духовного брата обратиться к д-ру Радхакришнану и попросить его получить разрешение правительства на вывоз денег. Он ждал целый месяц, но ответа не последовало.

Было видно, что духовные братья вовсе не чувствовали себя обязанными помогать проповеди в Америке. Он писал им, что жить в Америке очень дорого, и ему, для того чтобы продолжать проповедь в США, нужна их поддержка. Он объяснял, что в переводе на индийские деньги его затраты составляют тысячу рупий в месяц. «Я каждый день с нетерпением жду от вас обнадеживающего ответа». Но ответа не было.

Восемнадцатое марта

Бхактиведанта Свами снова написал сэру Падампату Сингхании и попросил его прислать из Индии человека, который будет руководить работами по строительству храма в Нью-Йорке, как прежде предлагал сам господин Сингхания.

Ответа на это письмо он, видимо, не получил.

Прабхупада написал Сумати Морарджи. Он просил выслать ему мридангу, чтобы подыгрывать во время пения Харе Кришна мантры. Кроме того, он попросил ее сделать еще одно одолжение: бесплатно отправлять на теплоходах компании «Синдия» группы людей из Индии, когда в будущем это ему понадобится.

Ответа не последовало.

Его финансовое положение становилось все более сложным, а ожидание – все более напряженным, но все, от кого он ждал помощи из Индии, молчали. Отсутствие ответов само по себе было красноречиво. Это был громкий и недвусмысленный ответ: «Мы не можем Вам помочь».

Хотя никто не торопился оказывать ему помощь, Бхактиведанта Свами положился на указание своего духовного учителя и волю Кришны. Ответ от премьер-министра (относительно разрешения правительства) был определенно отрицательным, но Свамиджи снова продлил свою визу. Теперь его последней надеждой был сэр Падампат Сингхания. Бхактиведанта Свами знал, что в Индии этот человек был настолько влиятелен, что, если бы только захотел, то вполне смог бы выслать деньги. Он был последней надеждой.

Второе апреля

Г-н Сингхания не ответил сам. Ответ, который, убил последнюю надежду на покупку здания в Нью-Йорке, прислал Бхактиведанте Свами его секретарь, г-н Ишвара Айер.

С сожалением вынужден сообщить Вам, что сэр Падампатджи в настоящий момент не заинтересован в строительстве храма Радхи-Кришны в Нью-Йорке. Что касается вопроса,

содержащегося в последнем абзаце Вашего письма, то сэр Падампаджи своевременно получил Ваши книги «Шримад Бхагаватам» из Вашей конторы в Дели.

Искренне Ваш.

* * *

Посмотреть со стороны: маленькая фигурка, идущая по улицам Манхэттена, в толпе других таких же фигурок, иностранец, у которого вот-вот закончится виза. Но это лишь внешний облик Бхактиведанты Свами. Ему приходилось очень тяжело, но сознание его не менялось. Он не жил в сознании Манхэттена, но всегда и во всем полагался на Кришну, как это было на борту «Джаладуты», когда он перенес два сердечных приступа, и только чтение «Чайтанья-чаритамриты» спасло ему жизнь.

Он уже добился успеха. Конечно, он мечтал открыть в Нью-Йорке храм для Радхи и Кришны, но успехом было уже то, что он постоянно помнил о Кришне, даже в Нью-Йорке, зимой 1965-66, независимо от того, признал его мир или нет. Не проходило и дня, чтобы он не работал над книгой Кришны, «Шримад Бхагаватам», чтобы не предложил пищу Кришне и не говорил о философии Кришны, изложенной в «Бхагавад-гите».

В «Бхагавад-гите» Господь Кришна говорит: «Для того, кто видит Меня во всем сущем, а все сущее – во Мне, Я никогда не потерян, и он никогда не потерян для Меня». Кришна заверяет Своих чистых преданных: «Мой бхакта никогда не погибнет». Бхактиведанта Свами никогда в этом не сомневался. Вопрос был в том, обратят ли американцы внимание на чистого преданного, вдруг оказавшегося среди них? В то время казалось, что никто не собирается воспринимать его всерьез.

Глава шестнадцатая

Долгожданная возможность проповедовать

И вот я в Нью-Йорке, величайшем, великолепнейшем городе мира, но сердце мое стремится во Вриндаван. Я буду счастлив вернуться в свой Вриндаван, в это святое место. Вы спросите: «Тогда почему вы здесь?». Потому что это мой долг. Я принес для вас послание. Мой господин, мой духовный учитель дал мне наказ: «Все, чему ты научился, ты должен донести до жителей западных стран». Поэтому, несмотря на все трудности и неудобства, с которыми мне пришлось столкнуться, я здесь. Я связан долгом.

из лекции Шрилы Прабхупады

Комната №307 вовсе не предназначалась для жилья, ашрама или лектория. Это был маленький, узкий кабинет, без мебели и телефона. В дверь было вставлено большое матовое стекло, как бывает в старых офисах, а над дверью находилась застекленная фрамуга. Свою постель Бхактиведанта Свами постелил прямо на пол перед импровизированным письменным столом – металлическим сундучком, за которым он писал. Спал он на полу. Здесь негде было готовить и даже мыться, поэтому каждый день ему приходилось ходить к доктору Мишре.

Пока Бхактиведанта Свами жил в ашраме, в комнате №501, все его расходы оплачивал доктор. Теперь же он мог рассчитывать только на себя. Все, что удавалось заработать от продажи книг, уходило на повседневные нужды и арендную плату, которая составляла семьдесят два доллара в месяц. Маленький пакетик молотого чили в супермаркете Вест Энда стоил двадцать пять центов – в десять раз дороже, чем в Индии. Постоянного дохода у него не было, расходы возросли, а бытовые условия ухудшились. Но зато теперь у него была своя комната. Здесь он мог проповедовать так, как считал нужным.

Бхактиведанта Свами приехал в Америку, чтобы рассказывать людям о Кришне, и пользовался для этого любой возможностью – будь то в компании, которая собиралась в гостиную у Агарвалов, или на собрании в Батлерском «Клубе Львов», на уроке санскрита у доктора Нормана Брауна, в Обществе йоги доктора Мишры или в Обществе Тагора. Но он не придавал большого значения чтению лекций перед теми, кто приходил послушать его один раз. Это было главной причиной, по которой он хотел иметь в Нью-Йорке собственное помещение. Он хотел дать людям возможность приходить к нему регулярно – приходить и петь Харе Кришна, принимать с ним прасад и слушать его лекции по «Бхагавад-гите» и «Шримад Бхагаватам».

Переехав из студии йоги в маленькую комнату внизу, Бхактиведанта Свами получил то, что искал – собственное помещение – но это место при всем желании нельзя было назвать храмом. На двери висела табличка с его именем, на тот случай, если кто-нибудь захочет его найти. Но кому он нужен? Храм должен привлекать людей к Кришне своим богатством и великолепием, а комната №307 была полной тому противоположностью – в ней царила ничем не прикрытая нищета. Даже человеку, который интересуется духовным знанием, вряд ли понравится сидеть на голом полу в комнате, похожей на узкий железнодорожный вагон.

Один из учеников доктора Мишры подарил Бхактиведанте Свами катушечный магнитофон, и Свамиджи записал несколько сольных бхаджанов, которые исполнил, аккомпанируя себе на маленьких цимбалах. Еще он записал на пленку длинное философское эссе «Введение в Гитопанишад». «Даже если никто не придет, – говорил ему Бхактисиддхант Сарасвати, – ты можешь проповедовать стенам». Но поскольку теперь, на новом месте, куда привел его Господь, у него появилась возможность свободно проповедовать, он решил три раза в неделю (по понедельникам, средам и пятницам) читать лекции для всех, кто придет его послушать.

Первыми слушателями Бхактиведанты Свами были, в основном, люди, которые слышали о нем или встречались с ним в студии йоги доктора Мишры. Несмотря на убогость обстановки в комнате, эти встречи стали для него источником новой жизни.

Восемнадцатое марта

Бхактиведанта Свами в письме к Сумати Морарджи поделился с ней своей радостью:

Меня очень вдохновили Ваши слова о том, что мне «нужно остаться там до полного выздоровления, и возвращаться только после того, как миссия будет выполнена». Я думаю, Сам Господь Бала Кришна продиктовал Вашей доброй душе эти слова.

Хочу порадовать Вас: мое здоровье поправилось, а моя миссионерская деятельность неплохо развивается. Я надеюсь, по милости Господа, осуществится и мой проект по открытию храма Шри Шри Радха-Кришны.

Сейчас, переехав из Батлера (штат Пенсильвания) в Нью-Йорк, я за семьдесят долларов в месяц снимаю комнату, где читаю лекции по «Бхагват Гите» и «Шримад Бхагватам», провожу санкиртан, а американские мужчины и женщины приходят меня послушать. Вы, должно быть, удивитесь, узнав, что, даже не понимая языка, они тем не менее внимательно слушают санкиртан. Движение, которое я начал здесь, для них совершенно ново, поскольку большинство американцев считают йогой индийскую гимнастику, которую здесь демонстрируют некоторые наши йоги. Они слушают меня, несмотря на то, что раньше никогда не слышали о религии бхакти, науке о Кришне. С моей точки зрения, это огромный успех.

* * *

За окнами комнаты №307 сгустились сумерки. Слова Бхактиведанты Свами перемежаются с приглушенными звуками автомобильных клаксонов, доносящимися с улицы, а иногда – с величественными аккордами туманного горна с Гудзона. В комнате пусто, но тепло. Бхактиведанта Свами читает лекцию по второй главе «Бхагавад-гиты».

Арджуна в растерянности. Он не может решить, сражаться ему или нет. Увидев перед собой родственников, с которыми ему нужно биться, он пришел в замешательство. Тогда он начал свой спор с Кришной.

Итак, суть в том, что Кришна – Верховная Личность Бога.

Бхактиведанта Свами говорит серьезным и убедительным тоном. Иногда, когда он обращается к слушателям особенно горячо, голос его повышается и срывается. Его благородная британская речь окрашена сильным бенгальским акцентом. Неожиданно он делает паузу и обращается к кому-то из слушателей.

Бхактиведанта Свами: Что это?

Человек: Где?

Бхактиведанта Свами: Что это за книга?

Человек: Это перевод «Бхагавад-гиты».

Бхактиведанта Свами явно недоволен тем, что кто-то во время лекции читает книгу. Едва ли это можно назвать почтением, которое, согласно «Шримад Бхагаватам», нужно оказывать мудрому учителю.

Бхактиведанта Свами: М-м... Нет... Вы можете слушать меня.

Человек: Я слушаю.

Бхактиведанта Свами: Да, лучше не отвлекайтесь. Просто слушайте.

Бхактиведанта Свами принимает на себя роль учителя, делающего ученику замечание. Конечно, никто из этих случайных гостей не обязан его слушаться. Ему нужно их внимание – и только. Пытаясь донести до них послание Кришны, он требует только одного: чтобы они были хотя бы внимательны – «Просто слушайте».

Вы слышали, что человек должен принять духовного учителя, но прежде – тщательно его испытать – как при выборе жениха или невесты. В Индии люди очень осмотрительны. Браки между юношами и девушками устраивают родители, которые очень осторожны в выборе жениха или невесты. Точно так же, каждый должен принять духовного учителя. Это необходимо. Согласно предписанию Вед, у каждого должен быть духовный учитель. Возможно, вы видели священный шнур. У нас есть такой священный шнур. Господин Коэн? Вы видели? Священный шнур.

Бхактиведанта Свами делает паузу. Его слушатели до сих пор не замечали тонкого белого шнура из нескольких нитей, пересекающего его грудь под рубашкой. На протяжении многих тысячелетий индийские брахманы носят такие шнуры, обвивающие торс по диагонали и ниспадающие с левого плеча на правое бедро. Повторяя три раза в день священную мантру Гаятри, брахман держит шнур в правой руке. Американцам все это кажется странным и диковинным – впрочем, как и сам Бхактиведанта Свами, в сером чадаре на плечах, сидящий на тонкой подушке, выпрямив спину и скрестив ноги. От слушателей, сидящих к нему почти

вплотную, его отделяет чемодан, сейчас заменивший ему кафедру. Маленький и хрупкий, он при этом почему-то полностью уверен в себе, что совершенно не вяжется с его положением иностранца в Нью-Йорке. Гости ощущают исходящую от него таинственную силу. Две аккуратные вертикальные полосы белой глины украшают его лоб, а его бледно-розовая одежда ниспадает свободными складками. Он останавливается лишь на несколько секунд – спросить, видели ли они когда-нибудь священный шнур.

Этот шнур указывает на то, что у человека есть духовный учитель. Согласно обычаям индусов, у замужней женщины тоже есть некоторые знаки, по которым видно, что она замужем. Здесь, разумеется, нет такой традиции. Она ставит на лоб красную точку, чтобы всем было понятно, что у нее есть муж. А в зависимости от способа укладки волос... Как называется эта линия?

Мужчина: Пробор.

Бхактиведанта Свами: Как?

Мужчина: Пробор.

Бхактиведанта Свами: Как это пишется?

Мужчина: П-р-о-б-о-р.

Бхактиведанта Свами: Пробор. Это тоже имеет значение. (Они знают язык, а Бхактиведанта Свами знает «Гиту»). Но он тоже неплохо владеет английским, тогда как они с «Гитой» практически не знакомы, и ему приходится все для них «разжевывать». Но иногда он все-таки обращается к ним по поводу какого-нибудь английского слова). Когда пробор посередине, значит, у женщины есть муж, и она – из порядочной семьи. Но если пробор вот здесь, тогда она проститутка. (Не касаясь головы, он делает по направлению ней легкое движение рукой, и этот незаконченный жест явно указывает на пробор сбоку). Кроме того, если женщина нарядно одета, это говорит о том, что муж ее дома. Если она одета скромно, значит, мужа дома нет. Понимаете? Одежда вдовы... Отличительных признаков много. Точно так же, священный шнур – признак того, что человек принял духовного учителя – так же, как красная точка говорит о том, что у женщины есть муж.

Хотя посетителей очень занимают эти рассказы об индийских обычаях, внимательный слушатель может уловить в словах Бхактиведанты Свами и более глубокий смысл: каждый должен принять духовного учителя. Случайным гостям это сложно понять. Зачем принимать духовного учителя? Наверное, это только в Индии? Но он говорит: «Каждый должен принять духовного учителя». В конце концов, кто такой этот духовный учитель? Может, Бхактиведанта Свами хочет сказать, что принятие духовного учителя – один из элементов культурной традиции индуизма, вроде шнура, пробора в волосах или одежды вдовы? Американским слушателям интересно слушать о культуре Индии – они похожи на людей, которые, сидя в мягком кресле, смотрят фильм об обычаях другой страны (без всякого, однако, намерения им следовать). У Свами есть такой шнур, но так поступают многие индусы, это их традиция; это вовсе не значит, что американцы должны носить такие же. Впрочем, верования этих индусов довольно любопытны...

Единственное, что движет Бхактиведантой Свами – проповедь Абсолютной Истины, в том виде, в каком он получил ее по цепи ученической преемственности. Но если кому-нибудь в этой комнате-вагоне и придет в голову вопрос: «Должен ли я предаться духовному учителю?» – то он почувствует исходящую от Свами силу – силу истинного гуру. Каждый может воспринимать его слова, как хочет.

Духовный учитель руководит каждым шагом в жизни ученика. Но, чтобы обеспечить такое руководство, духовный учитель должен быть совершенным. Иначе как он поведет ученика? Арджуна знает, что Кришна совершенен. Поэтому он принимает Его – шишьяс те ‘хам шадхи мам твам прапаннам.

Санскрит! Да здесь же никто не знает слова на санскрите! Но у Бхактиведанты Свами даже и вопроса такого не возникает – ну и что, что не знают – божественные звуки шастр очистят их! Изначальные слова мудрецов – пусть даже чуждые американцам – сразу же придают его проповеди вес и научность. Как же он может обойти их молчанием?

«Я предаюсь Тебе, прими меня Своим учеником», – говорит Арджуна. Дружеские беседы не помогут найти выход из затруднительной ситуации. Можно годами общаться по-дружески, но это не решит проблем. Итак, мы видим, что Арджуна принимает Кришну духовным учителем. Это значит, что он должен будет соглашаться со всем, что скажет ему Кришна. Ученик не может

ослушаться приказа духовного учителя. Поэтому нужно выбрать такого духовного учителя, чьи указания не заставят вас совершить ошибку.

Предположим, вы приняли духовным учителем не того, кого нужно, и он ведет вас в неверном направлении. Тем самым вы испортите себе жизнь. Поэтому следует принять такого духовного учителя, наставления которого помогут вам достичь совершенства. Таковы отношения духовного учителя и ученика. Это не простая формальность. Это серьезная ответственность, как для ученика, так и для духовного учителя. И... Да?

Студент: А если ученик до этого находился в невежестве...

Бхактиведанта Свами: Да. (Бхактиведанта Свами соглашается с серьезностью заданного вопроса. Именно для того, чтобы отвечать на подобные вопросы – вопросы «учеников, находящихся в невежестве» – он и покинул Индию и приехал сюда).

Студент: ...откуда ему знать, какого учителя выбрать? – Ведь у него нет необходимых знаний, чтобы принять мудрое решение.

Бхактиведанта Свами: Да. Поэтому, в первую очередь, человек должен искать духовного учителя, так же как вы, например, ищете какую-нибудь школу. По крайней мере, у вас должно быть хоть какое-то представление о том, как эта школа выглядит, чтобы вы не искали ее среди магазинов тканей. Если вы в таком невежестве, что не можете отличить школу от магазина тканей, тогда вам будет очень трудно. Вы должны хотя бы приблизительно представлять, что такое школа. То же самое относится к этому знанию:

тад-виджнанартхам са гурум эвабхигачхет
самит-паних шротрийам брахма-ништхам

Согласно этому стиху, духовный учитель нужен тому, кто проявляет интерес к духовному знанию. В «Шримад Бхагаватам» есть похожий стих: тасмад гурум прападйета джиджнасах шрейя уттамам. «Пытливый человек, жаждущий духовного знания, должен искать духовного учителя». Если у человека нет хотя бы предварительного духовного знания, то как же он сможет задавать духовному учителю вопросы?

Студент, кажется, вполне доволен ответом. Бхактиведанта Свами не готовился читать лекцию на какую-то определенную тему. Хотя речь его серьезна, содержательна и точна с научной точки зрения, она охватывает несколько философских тем. Но Бхактиведанта Свами не выбирает слова специально. Он точно знает, что? хочет сказать, – вопрос только в том, смогут ли понять его слушатели.

Но иногда в голосе его проскальзывают шутливые нотки, и тогда он сочувственно обращается к своим слушателям, посмеиваясь над трудностями, которые им сообща приходится разделять: «Вот, например, прошел снегопад, и весь Нью-Йорк завалило снегом, и это всем причиняет неудобства. Вы страдаете, но что вы можете поделать?» Порой он хвалит учеников доктора Мишры за их прилежание: «Итак, то, чему учит доктор Мишра – это очень хорошо. Он учит тому, что во-первых вам нужно понять «Кто я?». Это прекрасно, но узнать «Кто я?» можно и из «Бхагавад-гиты» – «Я не тело». Порой кто-то из гостей задает совершенно неуместный вопрос, но Свами терпеливо пытается его рассмотреть.

Внешне терпеливый, внутренне Бхактиведанта Свами страшно торопится. Иногда он говорит очень быстро – это выдает его желание как можно скорее заложить фундамент сознания Кришны на Западе. У него нет ни последователей, ни храмов – все, что у него есть – это книги. Он открыто говорит о своей гонке со временем: «Я пожилой человек. Я в любое время могу уйти». За этими лекциями о философии сознания Кришны стоит тревога и страстное, почти отчаянное желание убедить принять сознание Кришны хотя бы одну душу. Немедленно.

Все условности, которыми он был скован в Батлере или «Ананда Ашраме» доктора Мишры, позади. Теперь он может свободно говорить об Абсолютной Истине во всей ее полноте. Всю жизнь он готовился к этому, но даже сейчас он не переставая изучает своих западных слушателей, их реакцию, чтобы понять, как лучше представить им Кришну.

Мы должны всегда помнить, что Он – Бог. Он всемогущ. Никто не может превзойти Его в силе. Что же касается красоты, то когда Он был на поле битвы... Кто-нибудь из вас видел изображение Кришны? Вы видели? Кто-нибудь из вас когда-нибудь видел Кришну? О-о... Нет?

Голос Прабхупады замирает, он останавливается и испытующе смотрит на слушателей. Никто из них никогда не видел Кришну. Ни у кого из них нет ни малейшего представления о Кришне. В Индии сотни миллионов людей каждый день поклоняются Господу Кришне – вечному средоточию красоты и истины – созерцают Его прекрасный образ, запечатленный в Священных

писаниях, на картинах и в танце, и нет никого, кто не слышал бы о философском учении «Бхагавад-гиты», и Бхактиведанта Свами послан Им Самим. Но мужчины и женщины в комнате №307 просто недоуменно взирают на Свами.

Он говорит об истинном смысле посещения святых мест в Индии.

Человек должен отправиться в святое место, чтобы найти там ученого, сведущего в духовном знании, и общаться с ним. Как, например, я... Я живу во Вриндаване. Во Вриндаване есть много великих ученых и святых. Поэтому в такие святые места нужно ехать не только для того, чтобы омыться в озере или реке. Нужно быть достаточно разумным, чтобы отыскать там настоящего святого, который полон духовного знания, внимать его наставлениям и получить от этого благо. Если человек посещает места паломничества лишь для того, чтобы принять там омовение, но не питает интереса к ученым людям, проживающим в этих местах, то он ничем не лучше осла. (Смеется) Са эва го-кхарах. Го значит «корова», а кхара значит «осел». Вся современная цивилизация – культура коров и ослов. Каждый считает себя телом. Да, вы хотели что-то сказать?

Женщина: Это в местах, которые называют «скрытыми»?

Бхактиведанта Свами: Святыми... Да.

Женщина: Ага, так эти места «святые»?

Бхактиведанта Свами: Да.

Женщина: Правда ли, что места, где собираются святые и духовно зрелые люди, становятся более притягательным?

Бхактиведанта Свами: О, да, разумеется. Конечно. Потому-то такие места и притягивают сами по себе.

Женщина: Да, и когда...

Бхактиведанта Свами: Как, например, Вриндаван. Так и есть. Сейчас я в Нью-Йорке, величайшем, великолепнейшем городе мира, но сердце мое стремится во Вриндаван.

Женщина: Да. (Смеется).

Бхактиведанта Свами: Да. Здесь я не счастлив.

Женщина: Да, я понимаю.

Бхактиведанта Свами: Я буду счастлив вернуться в свой Вриндаван, в это святое место. Вы спросите: «Тогда почему вы здесь?» Потому что это мой долг. Я принес для вас послание. Мой господин, мой духовный учитель дал мне наказ: «Все, чему ты научился, ты должен донести до жителей западных стран». Поэтому, несмотря на все трудности и неудобства, с которыми мне пришлось столкнуться, я здесь. Я связан долгом. Если я уеду и буду жить во Вриндаване, лично мне будет там хорошо и удобно – никаких беспокойств, ничего такого. Но я пошел на этот риск в столь преклонном возрасте, поскольку меня связывает долг. Я связан долгом. У меня есть долг, который я должен исполнять, невзирая ни на какие неудобства.

Кто-то посторонний открывает дверь и нерешительно заглядывает в комнату.

Бхактиведанта Свами (прерывая лекцию): Да, да, заходите. Проходите сюда.

* * *

Роберт Нельсон, хотя и вырос в Нью-Йорке, с виду казался медлительным, грубоватым и простым деревенским парнем. Ему было двадцать лет. Он не примкнул к растущему движению хиппи, не увлекался марихуаной и прочими наркотиками и был не слишком разговорчив. Получив техническое образование в общественном колледже Стейтен Айленд, он пробовал найти себя в производстве грампластинок, но без особого успеха. Его интересовал Бог, и он посещал многие духовные собрания Нью-Йорка. Как-то вечером он забрел в Общество Йоги, чтобы послушать лекцию доктора Мишры, и там впервые увидел Бхактиведанту Свами.

Роберт: Он сидел на скамейке, скрестив ноги. Там собралось около пятидесяти человек, а доктор Мишра стоял и говорил на тему «Я есть Сознание». После лекции доктор Мишра представил нового гостя. «Среди нас находится Свамиджи», – произнес он, делая широкий жест рукой в сторону Свами. Это смотрелось очень артистично. Он представил его в конце своей лекции, которая шла около часа. Свами ничего не говорил. Он только спел одну песню.

Я подошел к нему. Он широко мне улыбнулся и сказал, что ему нравится, когда молодые люди принимают сознание Кришны. Он относился к этому очень серьезно. Он хотел, чтобы вся молодежь приняла сознание Кришны. Это мне понравилось. Это было разумно. Поэтому я захотел ему помочь.

Мы стояли и разговаривали около часа. У Мишры была библиотека, и мы смотрели картинки в его книгах – Арджуну, Кришну, колесницы и так далее. Потом мы просто ходили по комнате и рассматривали висевшие на стенах изображения разных свами. Было уже поздно, и Свамиджи попросил меня прийти к нему на следующий день, к десяти часам.

На следующий день Роберт Нельсон постучал в дверь комнаты №307, и Свамиджи пригласил его войти. Комната была совершенно не приспособлена для жилья – там не было ни туалета, ни душа, ни стульев, ни кровати, ни телефона, а стены были какого-то темного, унылого цвета. Бхактиведанта Свами показал Роберту трехтомник «Шримад Бхагаватам», который тот сразу же купил за шестнадцать с половиной долларов, а затем вручил юноше маленький листок бумаги с отпечатанной на нем Харе Кришна мантрой.

Роберт: Когда Свамиджи давал его мне, на лице его была такая широкая улыбка, словно он вручал мне целый мир.

Мы провели вместе целый день. В какой-то момент он сказал: «Нужно немного поспать», – и прилег рядом со своим столиком. Я сказал: «Я тоже устал» – и улегся в другом конце комнаты. Прямо на полу. Ничего другого не оставалось. Но спал он совсем не долго – около полутора часов, не более того. Весь остаток дня мы провели вместе. Он рассказывал мне о Господе Чайтанье и Его играх. Он показал мне маленькое Его изображение. Затем он начал говорить о преданных Господа Чайтаньи – Нитьянанде, Адвайте. У него был рисунок, на котором были изображены все пятеро: Они и еще двое; а также фотография его духовного учителя. Он постоянно цитировал что-то на санскрите, а потом переводил. Комнатой его жилище было нельзя назвать. Если бы вы это увидели, вам бы совсем не понравилось.

Роберт Нельсон не мог оказать Бхактиведанте Свами той помощи, которая была ему нужна. Господь Чайтанья говорит, что у человека есть четыре сокровища – жизнь, деньги, разум и слова, из которых, по крайней мере, одно он должен отдать на служение Богу. Жизнь свою Роберт Нельсон не был готов посвятить сознанию Кришны, денег у него было не слишком много, особым разумом он не отличался, да и, кроме того, был косноязычен. Да и знакомых, которым он мог бы что-то рассказать, у него практически не было. Но он полюбил Свами. Из восьми миллионов людей в городе он был практически единственным, кто проявил к нему серьезный интерес и хотел хоть как-то помочь.

Мистер Роберт, как называл его Бхактиведанта Свами, понимал кое-что в производстве пластинок, поэтому у него родился план выпустить пластинку с пением Свамиджи. Он объяснил, что сейчас чуть ли не каждый первый записывает свои альбомы, со всем, что только можно себе представить. Это приносит немалый доход или, по крайней мере, покрывает расходы. Поэтому убытков можно почти не бояться. Он полагал, что это принесет Свами известность, и изо всех сил старался его убедить. Бхактиведанта Свами не стал отговаривать Мистера Роберта, который горел желанием взяться за это служение.

Роберт: Мы пошли в студию звукозаписи, которая находилась на Сорок шестой улице. Мы вошли туда, и я взялся за переговоры. У человека, с которым я имел дело, в голове были одни деньги, он был скупой и очень противный. Мы принесли с собой магнитофонную запись и попытались договориться с этим типом. Сам Свами тоже с ним разговаривал, но этот человек сказал, что не будет выпускать пластинку с этой записью. Насколько я помню, он прослушал запись, но не захотел ее выпускать. Нас это расстроило. Но Свами почти ничего не сказал по этому поводу.

До того, как стать санньяси, Бхактиведанта Свами занимался бизнесом. Ему и в голову не проходило – ни с того ни с сего браться за новое дело – к тому же здесь, в чужой стране, по совету американца. Он приехал сюда не для того, чтобы зарабатывать деньги, а ради проповеди. Однако Роберту не терпелось послужить. Возможно, он не станет учеником-брахмачари, но у него есть желание служить Кришне. А если бы Свамиджи отказал, то этот искренний молодой человек, возможно, потерял бы к нему всякий интерес. Бхактиведанта Свами приехал сюда, чтобы говорить о Кришне и научить людей повторению Святого имени – а если мистер Роберт хочет ему посодействовать, организовав выпуск пластинок, это можно только приветствовать.

Мистер Роберт и Свами были совсем не похожи друг на друга: Бхактиведанта Свами – убеленный сединами ученый, возвышенный знаток «Бхагаватам» и санскрита, и Роберт Нельсон – нескладный тип, ни на что не способный, даже с точки зрения западной культуры. Гулять они ходили вместе – Свами, в своем зимнем пальто (с воротником из искусственного меха), в индийском дхоти и белых остроносых туфлях, и мистер Роберт – в старых штанах цвета хаки и

облезлом плаще. Бхактиведанта Свами ходил быстрым решительным шагом, сильно опережая неуклюжего, грузного увальня, который так старался ему помочь.

Мистеру Роберту приходилось помогать Свамиджи заводить знакомства с бизнесменами и агентами по недвижимости, хотя сам он отнюдь не отличался деловой хваткой. Он был очень простодушен.

Роберт: Однажды мы проходили мимо большого административного здания на Сорок второй улице и решили зайти. Цена за аренду была тысячи долларов за этаж. Я говорил с ответственным лицом, но совершенно не понимал, где мы возьмем такие деньги. Свами хотел найти просторное помещение, а я не знал, что сказать тому человеку.

Свамиджи хотел просторное помещение, но большое помещение – это большие деньги. У самого Свамиджи денег не было вообще, а у Роберта Нельсона – разве что пособие по безработице, но Бхактиведанту Свами это не останавливало. Если будет здание, это можно считать большим шагом на пути к выполнению его миссии. К тому же, так можно занять служением мистера Роберта. Если Кришна захочет, Он может сделать, дать, и устроить все что угодно – обыкновенным образом или же явив чудо. У Бхактиведанты Свами были свои доводы, а у мистера Роберта – свои.

Роберт: Здание находилось между Шестой (Авеню?) и Бродвеем, на Сорок второй улице. Это было местечко прямо под храм Кришны – то, что надо! Мы поднялись на второй этаж, поговорили с агентом и ушли. Кажется, он попросил то ли пять, то ли десять тысяч долларов в месяц. Мы до чего-то договорились, но цена была непомерной. И мы ушли. Когда он назвал цену, я сказал что-то в том смысле, что нам это не подходит. Нужно было остановиться.

В другой раз Роберт Нельсон отвез Бхактиведанту Свами к отелю «Колумбия», №70 по Сорок шестой Западной улице. В отеле был номер, который, по мнению Свами, вполне бы подошел для храма, но это в очередной раз было слишком дорого. Платить было нечем.

Иногда на свое пособие Роберт что-нибудь покупал для Свамиджи. Однажды он купил ему оранжевые футболки. Как-то раз он съездил в Вулвортовский универсмаг, где купил Бхактиведанте Свами кастрюли, сковородки и рамки для изображений Господа Чайтаньи и духовного учителя Бхактиведанты Свами.

Роберт:

Однажды я поинтересовался у Свами, как готовить чапати, а он и говорит: «Сто долларов, пожалуйста, за рецепт. Сто долларов». Я пошел, достал кое-какие деньги... Но не сто долларов. Но он все равно мне показал. Он учил меня готовить и постоянно твердил: «Мой руки, мой руки», и «Всегда ешь только правой рукой».

Свами производил впечатление на всех, с кем встречался. Люди отвечали ему улыбкой на улыбку. Иногда они обменивались добрыми, веселыми фразами, и это было здорово. Английская речь Свами была очень богатой. Я имею в виду словарный запас. Но иногда понимать его было немного сложно, поэтому приходилось помогать.

* * *

На Седьмой улице, в Нижнем Ист-Сайде в доме №64 находился макробиотический ресторан «Парадокс», где собирались последователи философии Джорджа Осава. В полуподвальном помещении, тускло освещенном свечами, стояли маленькие столики. Еда была недорогая и пользовалась хорошей репутацией, чай подавали бесплатно, можно было пить сколько хочешь. Это был не просто ресторан, а центр духовной и культурной жизни, место встреч – что-то вроде парижских кафе двадцатых годов или ресторанчиков Гринвич Вилледжа. Посетитель мог провести в «Парадоксе» весь день, ничего не заказывая, и никто бы ему слова не сказал. Завсегдатаи «Парадокса», принадлежали к некоему мистическому братству и все до одного увлекались восточными учениями. Когда до «Парадокса» докатилась молва о новом свами, поселившемся на окраине, у доктора Мишры, об этом быстро узнали все его посетители.

Свободный художник Харви Коэн и рабочий из «Парадокса» Билл Эпштейн были друзьями. Несколько раз побывав на лекциях Бхактиведанты Свами в студии йоги доктора Мишры, Харви с восторгом рассказал о новом свами Биллу и другим своим приятелям из «Парадокса».

Билл: Однажды вечером, когда я что-то делал в «Парадоксе», ко мне пришел Харви и сказал: «Я ходил к Мишре и встретился там с новым свами. Он такой классный!» Я увлекался макробиотикой и буддизмом, и поначалу мне было в высшей степени плевать на эту новость. Но

человеком Харви был обаятельным и сердечным и, казалось, горел этой идеей. Он сказал: «Почему бы тебе не съездить туда? Я хочу, чтобы ты его увидел».

И вот, я отправился на Семьдесят вторую улицу, на лекцию. Я вошел и сразу почувствовал исходящую от Свами силу. Он излучал поток какой-то мощной духовной энергии. В общем, он произвел на меня впечатление, хотя внешне выглядел бледным и слабым. Я подумал, что он, наверное, только приехал, и ему пришлось многое пережить. Он сидел и повторял мантру. Его четки лежали в маленьком мешочке. Говорил один из учеников доктора Мишры. Наконец, он дошел до Свами и представил его. Он сказал: «Мы – луны в сравнении с солнцем Свами». Так и сказал. Свами встал и заговорил. У меня не было каких-то конкретных мыслей по этому поводу. Единственное, что я знал тогда из индийской мудрости, это были труды Рамакришны. В тот момент я впервые услышал, что на землю Америки пришла религия бхакти.

Билл Эпштейн, в отличие от Роберта Нельсона, был человеком эффектным – романтиком с черными кудрями до плеч и бородой. Энергичный и красивый, он взял на себя обязанность сообщать завсегдатаям ресторана обо всех новостях в духовной жизни города. Заинтересовавшись новым Свами, он стал постоянно упоминать о нем в разговорах, которые вел в ресторане.

Билл: Я зашел через служебный вход и спросил у Ричарда, менеджера:

– Я хотел бы отнести Свами кое-какие продукты. Ты не против?

– Конечно. Бери что хочешь.

Я взял немного коричневого риса и кое-чего еще и понес это к Свами.

Я поднялся наверх и постучал. Никто не отозвался. Я постучал еще раз. Сквозь матовое стекло я видел, что внутри горит свет. Наконец, он услышал. Я ужасно боялся, поскольку никогда еще не принимал никакого учителя. Он позвал:

– Проходите! Проходите! Садитесь.

Мы начали беседовать, и он сказал:

– Первое, что делают люди, когда знакомятся – выражают свою любовь друг к другу. Они представляются и чем-нибудь друг друга угощают.

Он угостил меня долькой яблока и показал мне свой магнитофон, на который, по всей видимости, записывал свое пение. Затем он спросил:

– Ты пробовал когда-нибудь петь мантры?

Я ответил:

– Нет. Никогда.

Он включил для меня какую-то песню, и мы еще немного поговорили.

– Заходи еще, – сказал он напоследок.

Я ответил:

– Ладно. Если приду, то принесу вам еще продуктов.

Джеймс Грин, тридцатилетний преподаватель плотницкого мастерства из Союза Купера, глубоко увлекался восточной философией. Он жил в том же квартале, где находился «Парадокс» и много раз, ужиная в ресторане, слышал разговоры Харви Коэна и Билла Эпштейна о Свами.

Джеймс: Истинными зачинщиками всего этого были Харви и Билл. Я был как-то на вечере у Мишры – там Свамиджи только присутствовал, ничего не говорил. Учеников Мишры больше привлекала «телесная» сторона йоги. Это было одной из причин недовольства Свамиджи.

Его жилище на Семьдесят второй улице было очень мало. Он жил в узенькой комнатухе, в одном конце которой была входная дверь. Свамиджи садился в одном конце, а мы – в другом, и нам там было довольно тесно. Комната была не шире двух с половиной метров и очень темная. Он садился на свой тонкий матрасик, а мы – прямо на пол.

Мы не пели. Мы просто приходили, и он читал лекцию. В программе не было ничего, кроме лекции по «Бхагавад-гите». Я много читал, и, по-своему, как мог, искал учителя. Я не был выскочкой. Я просто слушал «Бхагавад-гиту» – похоже, только это от нас и требовалось. Я заходил туда еще не раз. Кажется, с того момента все и началось: людей приходило все больше и больше. Вскоре его комнатуха уже не могла вместить всех желающих, и пришлось искать новое место.

Компания из «Парадокса» была молодой и жадной до всего нового, не в пример пожилой, более консервативной публике, посещавшей до этого лекции Бхактиведанты Свами. В те дни вид молодого человека с длинными волосами и бородой был еще зрелищем непривычным, и когда такие люди стали приходить на лекции Свами в Вест-Сайде, люди постарше не на шутку встревожились. Один из них вспоминал: «Свами Бхактиведанта начал собирать вокруг себя

совсем другую публику. Он подбирал их где-то на Бауэри или на чердаках. Они приходили в нелепых шляпах, завернувшись в серые пледы – я их побаивался».

Дэвид Аллен, двадцатилетний искатель приключений из «Парадокса», переехал в город совсем недавно. Его привлекли эксперименты с наркотиками, о которых он вычитал в газетах. Первые слушатели лекций Свами показались ему «компанией нервных старух из Вест Сайда».

Дэвид: Тогда нас еще не называли хиппи. Но людям, которые до этого ходили на лекции Свами, мы казались странными. Им сложно было найти общий язык с новыми слушателями. Насколько я знаю, до этого большинство учителей из Индии собирали вокруг себя главным образом людей старшего поколения. Нередко они кормились за счет богатых вдовушек. Но Свамиджи сразу же переключился на аудиторию помоложе и победнее. После этого Билл Эпштейн и другие начали говорить о том, что Свами лучше переехать ближе к центру города, в Нижний Ист-Сайд. Там кипела настоящая жизнь, на окраинах такого не было. Центр города – вот, где он был нужен. Там все уже было готово. Там жизнь была ключом, и творились настоящие дела!

Глава семнадцатая

На Бауэри

Я не видел разницы между друзьями и врагами. Когда один мой друг узнал, что я собираюсь перебраться на Бауэри, он был в шоке. Но хотя я прошел через множество опасностей, мне никогда не приходило в голову: «Это опасно». Где бы я ни был, я всегда думал: «Это мой дом».

Шрила Прабхупада
Беседа, апрель 1966 года

Однажды, когда Бхактиведанты Свами не было дома, кто-то забрался в комнату №307 и украл его пишущую машинку и диктофон. Когда Бхактиведанта Свами вернулся, привратник сообщил ему о краже: неизвестный разбил стекло над дверью, проник внутрь, забрал ценные вещи и скрылся. Пока Свами слушал этот рассказ, в нем крепла уверенность, что преступником был не кто иной, как сам привратник. Разумеется, ничего доказать было невозможно, поэтому ему, разочарованному и огорченному, оставалось только смириться с потерей. Друзья принесли ему новые пишущую машинку и диктофон.

В одном из своих писем в Индию он написал, что его обокрали более чем на тысячу рупий (157 долларов).

Видно, что подобные преступления – обычное явление для Нью-Йорка. Такова материальная природа. Американцы ни в чем не знают недостатка: они зарабатывают в среднем по сто рупий в день. И все равно воруют – не хватает честности. Состояние общества оставляет желать лучшего.

Бхактиведанта Свами говорил Джозефу Фостеру, агенту по продаже билетов компании «Синдия», что через пару месяцев вернется в Индию. С тех пор прошло уже семь месяцев. И вот теперь, впервые после прибытия в Америку, Свами направился в билетные кассы «Синдии» в Бруклине. Он рассказал м-ру Фостеру о краже, на что тот ответил: «Добро пожаловать в наше общество», – и, в свою очередь, поведал, что совсем недавно у него угнали автомобиль. Он объяснил, что подобное в Нью-Йорке происходит на каждом шагу и рассказал об опасностях, с которыми здесь можно столкнуться. Рассказал он и о том, как не стать жертвой воров и хулиганов. Свами слушал, качая головой, а потом заключил, что американская молодежь зашла в тупик. Потом, помолчав немного, он сказал, что хочет вернуться в Индию и показал м-ру Фостеру экземпляр «Бхагаватам».

У Бхактиведанты Свами не было ни малейшего желания оставаться в этой комнате. Где гарантия, что привратник не обворует его еще раз? Харви Коэн и Билл Эпштейн посоветовали ему переехать в центр, уверяя, что там, среди молодежи, он найдет гораздо больше благодарных слушателей. Предложение казалось заманчивым. Тут-то Харви и предложил Свами свою «студию» на Бауэри.

До недавнего времени Харви работал на рекламную компанию «Мэдисон Авеню», а потом, получив наследство, перебрался в мансарду на Бауэри и стал «вольным художником». Однако Нью-Йорк его совершенно разочаровал. Пользуясь гостеприимством Харви, к нему зачастили приятели, употреблявшие героин, и недавно его мансарду ограбили. Он решил уехать в Калифорнию, а перед отъездом предложил свою комнату Свами и Дэвиду Аллену.

Дэвид Аллен слышал, что Харви Коэн хочет сдать свой чердак и уехать в Сан-Франциско. Они не были близко знакомы, но накануне отъезда Харви в один и тот же вечер случайно трижды повстречал Дэвида в трех разных местах Нижнего Ист-Сайда. Он принял это как знак судьбы, и понял, что квартиру нужно сдать именно ему. Так он и поступил, поставив, однако, условие, что Свами тоже будет жить там.

Когда Бхактиведанта Свами готовился к переезду, к нему зашел один знакомый – электрик, работавший в этом же доме, – зашел, чтобы отговорить. Бауэри – не место для порядочного человека, предупреждал он. Это просто вертеп. Да, он знал, что Свами обокрали, но переезд на Бауэри – не выход из положения.

Район Бауэри, где обосновался Бхактиведанта Свами, имел богатую историю. В начале семнадцатого века, когда Манхэттен назывался «Новый Амстердам» и управляла им голландская компания «Вест-Индия», Петер Минуит, губернатор Новых Нидерландов, проложил с севера на юг дорогу, которую называли Бауэри – из-за крестьянских усадеб (bouweries), расположенных по обеим ее сторонам. Это была пыльная сельская дорога, вдоль которой тянулись ряды изящных голландских коттеджей в старинном стиле и цвели персиковые сады, разбитые во владениях Питера Стуйвзанта. Бауэри стала частью государственной дороги на Бостон и сыграла важную стратегическую роль во время Американской Революции, так как была единственным «сухим» путем в Нью-Йорк.

В начале девятнадцатого века основное население Бауэри составляли немецкие иммигранты, а в середине столетия подавляющее большинство его жителей были евреи. Постепенно район превратился в центр театральной жизни города. Однако, как сказано в «Истории Нижнего Манхэттена», «после 1870 года начался знаменитый упадок Бауэри. Сомнительные аукционы; бары, где за пять центов подавали виски с какими-нибудь убийными каплями; умопомрачительные выставки; грязные и душные забегаловки с полчищами крыс и неизменной песенкой Чарльза М. Хойте – «Бауэри! Бауэри! – Я больше туда ни ногой!» – таким этот район навечно запечатлелся в сознании американцев. Притон отвратительнейшего порока».

Поэтому в реакции электрика, друга Бхактиведанты Свами, не было ничего удивительного. Бауэри и по сей день знаменит на весь мир как «Дно», куда скатываются опустившиеся, бездомные пьянчуги. Возможно, электрик, живший на окраине города, бывал там и видел, как эти изгои распивают спиртное, или без памяти валяются в канаве, или, шатаясь, пристают к прохожим и кланчат у них деньги.

Большинство бездомных на Бауэри – а всего таких было тысяч семь или восемь – спали в ночлежках, а утром должны были освобождать комнаты. Податься им было некуда, а заняться – нечем, поэтому они просто бесцельно слонялись по улицам, молча стояли на тротуарах, прислонившись к стене, или тащились по дороге куда глаза глядят. В холодную погоду оборванцы натягивали на себя все, что у них было, порой по два пальто зараз, и грелись вокруг костров, которые разводили в городских мусорных баках. По ночам те, кому не удалось попасть в ночлежку, спали на тротуарах, на ступенях, на углах улиц, а иногда забирались в выброшенные коробки, или рядом заваливались у входов в бары. Воровство было в порядке вещей – пока человек спал, его карманы могли проверить раз двадцать. Заболеваемость и уровень смертности на Бауэри были в пять раз выше, чем в среднем по стране; многие бездомные были ранены или носили следы недавних побоев.

Дом №94 на Бауэри, на чердаке которого поселился Бхактиведанта Свами, находился в шести кварталах к югу от улицы Хьюстона. Оживленный перекресток Хьюстона и Бауэри притягивал бродяг со всего города. Когда машины останавливались у светофора, оборванцы подходили к ним, протирали ветровые стекла и выпрашивали деньги. К югу от улицы Хьюстона тянулись кварталы перенаселенных многоквартирных домов с мрачными пожарными лестницами на фасадах. Все это были старые, узкие, трех- или четырехэтажные здания, в первых этажах которых располагались склады ресторанов, магазины осветительных приборов, бары и закусочные. Бауэри соединяла жилой район с деловым центром. По обеим сторонам улицы стояли ряды машин, а между ними с трудом продвигался поток транспорта. В будние дни среди заторможенных бродяг сновал, торопясь на работу или домой, рабочий люд. Почти все витрины магазинов были забраны железными решетками, что не мешало, однако, их владельцам зажигать внутри разноцветные огни для привлечения оптовиков и простых покупателей.

Бауэри, 94 – это не доходя два дома до улицы Гестера. На углу Гестер-стрит и Бауэри располагался просторный бар «Полумесяц», основными посетителями которого были все те же местные пьянчужки. Верхние четыре этажа того же дома занимала ночлежка «Пальмовый дом», с неоновой вывеской, подвешенной ко второму этажу на больших цепях и защищенной металлической решеткой. От входа в гостиницу, что располагалась в доме №92 (в которой вместо приемной был пустой грязный коридор, выложенный белым кафелем), подъезд дома №94 отделяло не больше двух метров.

Бауэри, 94 представлял собой узкое четырехэтажное здание, когда-то в незапамятные времена покрашенное в серый цвет, и, как полагается, с массивной черной пожарной лестницей на фасаде. На улицу вела выдавшая виды черная двустворчатая дверь, стекла которой были затянуты мелкой железной сеткой, а надпись «Студии – 3-й и 4-й» указывала на то, что эти этажи занимали

художники. В соседнем доме №96 на первом этаже располагался склад, поэтому его парадный вход закрывала ржавая железная решетка, а в доме №98 находилась еще одна пивная – «Гарольдс» – еще меньше и грязнее, чем «Полумесяц». Таким образом, весь квартал состоял из двух питейных заведений, ночлежки и двух домов с мансардами.

В шестидесятые годы в этом районе Нью-Йорка жить на чердаках только начинали. В то время городские власти разрешили художникам, музыкантам, скульпторам и прочим мастерам искусств (которым в обычных квартирах не хватало места) селиться в зданиях, построенных в девятнадцатом веке для промышленных предприятий. Городские службы приспособливали под жилье заброшенные заводы – устанавливали противопожарные двери, ванны, душевые кабинки, проводили отопление. Это давало художникам возможность недорого снимать просторные помещения, которые впоследствии стали называться студиями. Чердак Коэна на верхнем этаже дома №94 на Бауэри был просторным – почти тридцать метров в длину (с запада на восток) и около восьми метров в ширину – и светлым. Окна выходили на запад и на восток, на Бауэри; на крыше тоже было окно. Открытые потолочные балки находились на высоте шести метров от пола.

Харви Коэн использовал это помещение как мастерскую, поэтому вдоль стен тянулись полки для картин. В северо-западном углу располагались кухня и душ, а часть, предназначенная для жилья была отгорожена ширмами. Перегородка не касалась стен и не доходила до потолка, так что часть эта была открыта со всех сторон. Она находилась в четырех с половиной метрах от окон, смотревших на Бауэри.

За этой-то перегородкой и поселился Бхактиведанта Свами. Кровать и несколько стульев расположились около окна, а пишущая машинка на железном ящике – рядом с маленьким столиком, на котором стопкой лежали рукописи «Бхагаватам». На веревке сушились дхоти.

По другую сторону ширмы возвышался помост размером полтора на три метра, на котором Свами сидел во время киртанов и лекций. С этого помоста, находившегося в восточной части помещения, был виден весь чердак – огромный и пустой, если не считать двух ковров, старомодного деревянного стола и стоящей на мольберте картины Харви, изображавшей Господа Чайтанью, танцующего в кругу Своих спутников.

Чтобы попасть на чердак, нужно было войти в дом с черного хода, в единственную с западной стороны дверь, которая обычно была прочно заперта на засов, и подняться вверх на четыре лестничных пролета. Входная дверь чердака открывалась вовнутрь и вела в коридор, освещенный лишь красной лампой с надписью «ВЫХОД» над косяком. Чтобы попасть в открытое помещение чердака, нужно было пройти по коридору несколько шагов вправо. Гость, вошедший во время киртана или лекции, видел Свами в девяти метрах от себя, сидящим на возвышении. В те вечера, когда лекций не было, в студии царил мрак, если не считать красной надписи «ВЫХОД» в маленьком коридоре, да мягкого света, разливавшегося из-за ширмы, где работал Бхактиведанта Свами.

Бхактиведанта Свами жил на Бауэри, довольствуясь тусклым светом лампочки, точно так же, как и сотни бедолаг по соседству. Как и у них, у него не было ни постоянного дохода, ни постоянного места жительства, но сознание его было иным: он переводил на английский язык «Шримад-Бхагаватам», обращаясь ко всему миру через свои «комментарии Бхактиведанты». Где бы он ни жил – на четырнадцатом ли этаже многоквартирного дома на Набережной, или же в углу чердака на Бауэри, – его долг состоял в том, чтобы донести до всего человечества мысль, насколько нужно миру Сознание Кришны. Он работал над переводами и постоянно думал о том, как открыть в Нью-Йорке храм Господа Кришны. Мысли Бхактиведанты Свами были сосредоточены на выполнении вселенской миссии Господа, потому он не зависел от окружающей обстановки. Домом для него было не здание из кирпичей и дерева, – в любых обстоятельствах его единственным прибежищем был Кришна. «Мой дом повсюду», – говорил он своим друзьям из жилых районов. Но без Кришны весь мир для него – пустыня.

Он часто ссылался на утверждение Писаний, что люди живут под властью трех качеств природы – благодати, страсти и невежества. Жизнь в лесу – это жизнь в благодати, жизнь в городе протекает под влиянием страсти, а в таком отвратительном месте, как винный магазин, публичный дом или Бауэри – это жизнь в невежестве. Но жить в храме Вишну – все равно, что жить на Вайкунтхе, в духовном мире, не оскверненном тремя качествами материи.

Чердак на Бауэри, где Бхактиведанта Свами устраивал встречи и пел киртаны, тоже стал неземным местом. Когда Свами сидел в своем углу за перегородкой, склонившись над страницами

Шримад-Бхагаватам, его новое жилище ничем не отличалось от комнаты в храме Радха-Дамодары во Вриндаване.

Новость о переезде Свами на Бауэри быстро облетела завсегдатаев ресторана «Парадокс», и люди стали приходить к нему по вечерам, чтобы попеть. Киртаны приобрели особую популярность на Бауэри. Среди новых посетителей Свами преобладали в основном музыканты и художники, и неземная, духовная музыка находила в их сердцах гораздо больший отклик, нежели философия. Каждое утро Бхактиведанта Свами читал лекции по «Шримад-Бхагаватам», на которые приходили Дэвид Аллен, Роберт Нельсон и еще один юноша. Иногда он учил желающих готовить. Он был готов уделить время каждому, будь то любознательный посетитель или же сосед по комнате – любой мог свободно с ним побеседовать.

Хотя и Бхактиведанта Свами, и Аллен занимали каждый свою часть чердака, вскоре проповедь Свами заняла все пространство. С Дэвидом у них были хорошие отношения – поначалу Свами даже считал его своим будущим учеником.

27 апреля.

Бхактиведанта Свами написал друзьям в Индию о своих взаимоотношениях с Дэвидом Алленом.

Он посещал мои лекции на Семьдесят Второй Улице, и когда мою квартиру ограбили, предложил мне переехать к нему. Мы живем вместе, и я его учу. У него хорошие перспективы – он уже оставил почти все дурные привычки. В этой стране незаконные связи с женщинами, курение, пьянство, употребление в пищу мяса – явления вполне обычные. Кроме этого, у американцев есть и другие нечистые привычки – например, не принимать душ после туалета, а пользоваться туалетной бумагой. Но мне удалось убедить его отказаться от девяноста процентов вредных привычек и начать регулярно повторять маха-мантру. Итак, я дал ему шанс – похоже, он делает успехи. На завтра я запланировал раздачу прасада, поэтому сейчас он ушел в магазин, чтобы купить все что нужно.

Когда Дэвид впервые появился на Бауэри, это был славный студент – умный, высокий (под метр девяносто), симпатичный голубоглазый юноша двадцати одного года. Большинство его новых друзей в Нью-Йорке были старше и относились к нему, как к ребенку. Семья Дэвида проживала в Ист-Лансинге (Мичиган), и его мать ежемесячно платила сто долларов за аренду чердака. Богатого жизненного опыта у него не было, но где-то он вычитал, что, принимая галлюциногены, можно неслыханно расширить сознание, и не задумываясь ринулся в полный опасностей мир ЛСД. Он встретил Свами как раз во время радикальных перемен в жизни, и эта встреча оказала сильнейшее влияние на все его будущее.

Дэвид: У нас со Свами были просто замечательные отношения, но необычайная энергия от близкого общения с ним буквально переполняла меня, ошеломляла. Она подстегивала мое воображение – даже мои сны по ночам были наполнены яркими образами, связанными с сознанием Кришны. Свами начинал работать над своим переводом очень рано, и поднимался задолго до того, как просыпался я. Наверное, именно поэтому мое сознание и сны были наполнены такими мыслями – из-за таких тесных отношений. Еще это было связано с изучением санскрита. Мне безумно хотелось изучить санскрит. Этот язык, казалось, обладал какими-то мистическими свойствами. Особенно я это чувствовал, когда Свами переводил одно слово за другим.

В студии на Бауэри Бхактиведанту Свами продолжал навещать и его старый друг из «верхнего города», Роберт Нельсон. Его очень поразило дружеское общение Бхактиведанты Свами с Дэвидом, который, как было видно невооруженным глазом, многому у него научился. Мистер Роберт купил и подарил Дэвиду маленький ручной орган, напоминавший индийскую фисгармонию, чтобы тот подыгрывал на нем во время киртанов. Мистер Роберт приходил в семь утра и после лекции по «Бхагаватам» какое-то время непринужденно беседовал с Бхактиведантой Свами, излагая свои планы относительно записи пластинок и продажи книг. Нельсон хотел и дальше помогать ему. Они сидели в креслах у окна, и Роберт часами слушал, как Свамиджи рассказывает о Кришне и Господе Чайтанье.

Вскоре на Бауэри начали приходить и новые желающие познакомиться с Бхактиведантой Свами. Один из них, Карл Йоргенс, тридцатилетний чернокожий парень из Бронкса, учился в Корнелльском университете и самостоятельно изучал индийские религии и дзен-буддизм. Он экспериментировал с наркотиками как с «психохелическими средствами» и проявлял интерес к

музыке и поэзии Индии. Карл пользовался среди друзей авторитетом и пытался вызвать у них интерес к медитации. Он даже немного увлекался санскритом.

Карл: Я как раз закончил читать книгу под названием: «Чудо, которым была Индия». Оттуда я узнал значение слов «санньяси», «брахмачари» и т.д. Я помню – там было красочное описание санньяси, идущего по дороге в шафрановых одеждах. Это произвело на меня не просто поверхностное впечатление – это было нечто большее. И вот, однажды, холодным вечером, я собственными глазами увидел точно такого же санньяси. Я шел по улице Гестера, направляясь к Майклу Гранту, – кажется, мы собирались немного посидеть, покурить марихуану и, может быть, слегка помузицировать. Если свернуть с Бауэри налево, на Гестера, то по улице Грэнд можно добраться до дома Майка. Странно, что я вдруг решил пойти таким путем, ведь прямо по Грэнд было ближе. Но если бы я сократил, я, скорее всего, не встретил бы Свамиджи.

Итак, я решил пройти по улице Гестера, а затем свернуть налево. Вдруг у какого-то грязного подъезда я увидел человека в сияющих шафрановых одеждах. Проходя мимо, я понял, что это Свамиджи – он стучался в дверь, пытаюсь войти. У входа, прислонившись к косяку, валялись двое бродяг. Дверь была двустворчатой – одна ее половина была заколочена, а другая заперта. Бродяги лежали по обе стороны от Свамиджи, и один из них был уже мертв – такое случалось сплошь и рядом. Нужно было просто позвонить в полицию или в медицинскую службу, чтобы его увезли.

Поначалу я не заметил бродяг – я увидел их только когда подошел к Свамиджи ближе. Я спросил :

– Вы санньяси?

Он ответил:

– Да.

Мы разговорились. Он сказал, что собирается открыть храм. Он рассказал мне о Господе Чайтанье и обо всем остальном. Прямо тут же, на улице, он вылил на меня целый поток совершенно невероятных вещей. Но я до некоторой степени понимал, о чем он говорит, так как буквально недавно прочитал ту книгу и с глубоким интересом изучал индийскую религию. Я понял, что для меня эта неожиданная встреча – большая удача, и захотел ему помочь. Мы громко застучали в дверь и, в конце концов, поднялись вверх. Он пригласил меня на вечерний киртан. Я ушел, а чуть позже вернулся – на первый в моей жизни киртан. С тех пор я стал регулярно – три раза в неделю – его навещать. Однажды Свамиджи пригласил меня пожить с ним, и я прожил на у него на чердаке две недели.

Карл был неравнодушен к санскриту – может быть, именно поэтому Бхактиведанта Свами и начал давать уроки санскрита. Карл, Дэвид и еще несколько американцев под его руководством часами изучали древний язык. На черной доске, найденной на чердаке, Бхактиведанта Свами писал буквы алфавита, а ученики старательно переписывали их в свои тетрадки. Подходя к каждому, Свамиджи следил за правильностью написания, и поправлял произношение. Молодые люди учились у него не просто санскриту, но наставлениям «Бхагавад-гиты». Каждый день он просил их записать один из ее стихов алфавитом «деванагари», а потом - переписать латиницей и перевести на английский язык каждое слово. Но со временем их интерес к санскриту ослабел, и Бхактиведанта Свами прекратил эти занятия, чтобы больше времени уделять работе над переводом «Шримад-Бхагаватам».

Новым его друзьям эти занятия могли показаться обычными уроками иностранного языка, но, по сути дела, это были уроки бхакти. Бхактиведанта Свами приехал в Америку не как простой учитель санскрита – его Гуру Махараджа поручил ему обучать людей сознанию Кришны. Но, обнаружив у Карла и его друзей интерес к санскриту, он счел нужным его поддержать. Господь Чайтанья в юности тоже преподавал санскрит, но истинной его целью была проповедь любви к Кришне. На уроках каждое слово Он объяснял в связи с Кришной, а когда ученики запротестовали, просто закрыл школу. Точно так же, почувствовав, что интерес к санскриту у учеников скоро угаснет, Бхактиведанта Свами прекратил эти уроки. В конце концов, преподавание санскритской грамматики не входило в его миссию.

В соответствии с классической методологией ведической науки, чтобы овладеть грамматикой санскрита, юноше требуется десять лет. А приступать к изучению этого языка в тридцати-сорокалетнем возрасте уже явно поздно. Да и сами ученики, естественно, и не думали целых десять лет жизни тратить на санскритскую грамматику. А если бы даже и согласились, простое знание грамматики все равно не помогло бы им осознать духовные истины.

Бхактиведанта Свами решил, что его знание санскрита принесет гораздо больше пользы, если он просто будет переводить на английский стихи «Шримад-Бхагаватам», следуя санскритским комментариям духовных учителей прошлого – а иначе тайны сознания Кришны так и останутся скрытыми за строчками санскритских текстов. Деванагари, сандхи, спряжения глаголов, склонения существительных – то, чему учил он Карла Йоргенса – не прибавят американцам духовного ведического знания. Лучше уж использовать знание санскрита для перевода «Бхагаватам» ради миллионов будущих читателей.

Кэрол Бэкар выросла в семье иммигрантов-католиков, и Свамиджи, с его практикой повторения молитв на четках и чтением текстов из Священных писаний, воспринимался ею через призму католичества как святой. Иногда она провожала Бхактиведанту Свами в соседний Китайский квартал, где он покупал продукты. Он готовил каждый день, и иногда Кэрол с друзьями приходили к нему поучиться секретам приготовления пищи для Господа Кришны.

Кэрол: Обычно он готовил вместе с нами и всегда знал, кто как будет ему помогать. Он постоянно все мыл и следил за тем, чтобы каждый все делал правильно. Он был настоящим учителем. Обычно мы делали чапати вручную, но однажды он попросил меня раздобыть скалку. Я принесла ему скалку из дома, и она ему очень понравилась. Он поставил несколько человек раскатывать чапати и очень внимательно за ними следил.

У себя дома я готовила для него чатни. Он всегда благосклонно принимал наши дары, но не думаю, что когда-нибудь их ел. Возможно, он опасался, что мы можем добавить в них какие-нибудь запрещенные для него продукты. Обычно он брал то, что я приносила, и клал в буфет. Не знаю, что он потом делал с этими подношениями, но я уверена, что не выбрасывал. Никогда не видела, чтобы он ел что-то из того, что я готовила, хотя принимал все.

Свои вечерние программы Бхактиведанта Свами проводил, как и прежде, по понедельникам, средам и пятницам. Большинству его старых знакомых было неудобно добираться до его нового места жительства – к тому же оно находилось на Бауэри. У переднего входа, загородив проход, постоянно спали какие-то бездомные, и прежде чем преодолеть четыре лестничных пролета, гостям приходилось перешагивать через полдюжины бродяг. Но было здесь и нечто новое: этот чердак был местом, куда можно было прийти и, присоединившись к небольшой группе хиппи, смотреть, как Свами ведет киртан. В полутемном помещении курились благовония, которые он зажигал. Было немало и случайных гостей, которые не задерживались надолго. У одного из них, Гюнтера, остались очень живые воспоминания.

Гюнтер: Прямо с улицы вы попадали в комнату, полную аромата кутившихся благовоний. Там было очень спокойно. Если кто-то и разговаривал, то только шепотом. Свамиджи сидел у противоположной стены, погруженный в медитацию. Было ощущение огромного покоя, какого я никогда раньше не ощущал. В течение двух лет я учился на священника и очень интересовался медитацией, изучением Писаний и молитвой. Но здесь я впервые столкнулся с чем-то восточным, индийским. Кругом на полу были разложены подушки и циновки, на которых можно было сидеть. Кажется, там не было ни картин, ни статуэток – был только Свамиджи, благовония, подушки, и, разумеется, почтение к Свами, которое ощущалось во всех присутствующих.

Перед тем, как мы поднялись наверх, Карл со смехом рассказал нам о том, как Свами учил их правильно играть на ручных тарелочках. Я никогда раньше на них не играл, но когда пение началось, я постарался попадать в такт, вслед за Свамиджи – он ударял в них каким-то особым образом. Постепенно все входило в ритм, звук нарастал, но потом кто-нибудь сбивался с ритма, и Свамиджи спокойно грозил ему пальцем. Внимание рассеивалось и пение прекращалось. Не вставая с места, Свамиджи поправлял незадачливого игрока, и когда тот улавливал ритм, все начиналось снова. Через несколько минут... звон тарелочек и аромат благовоний уносили нас – Бауэри больше не существовало. Мы начинали петь Харе Кришна. Я никогда раньше не делал ничего подобного. У протестантов нет ничего, даже отдаленно напоминающего это. Может, у католиков есть что-то такое, «Аве Мария», но это не совсем то. Его пение действовало очень успокаивающе, было очень интересно сознавать, что ты можешь петь сам, а Свами показался мне очаровательным человеком.

Места на чердаке у Бхактиведанты Свами было не в пример больше, чем в узкой комнате на Семьдесят второй улице, но с покоем пришлось проститься – приходили скептики, а порой даже спорщики... Но у каждого Свами оставлял впечатление очень убежденного и счастливого человека. Было видно, что он имеет далеко идущие замыслы и самоотверженно пытается их осуществить. Он знал, что ему для этого нужно, и работал. В одиночку. «Это не под силу одному

человеку», – не раз говорил он, но продолжал делать все, что мог. Успех зависел от Кришны. Но ему уже начинал помогать Дэвид, и программы приобретали все больший успех.

Почти все друзья Бхактиведанты Свами, приходившие к нему на Бауэри, были музыкантами или друзьями музыкантов. Все они увлекались музыкой – музыкой, наркотиками, женщинами и духовной медитацией. Поскольку пение мантры «Харе Кришна» было одновременно и музыкой, и медитацией, программы Бхактиведанты Свами не могли не привлечь их. Свами подчеркивал, что все ведические мантры (или гимны) поются – в сущности, само слово «Бхагавад-гита» означает «Песнь Бога». Но слова ведических гимнов – это воплощения Бога в форме духовного звука. Аккомпанемент ручных тарелочек, барабана и фисгармонии был не более чем музыкальным сопровождением – играть на инструментах без пения имени Бога было бесполезно. Бхактиведанта Свами разрешал играть на любых инструментах, если только они не отвлекали от пения.

Кэрл: Это была разношерстная компания меломанов. Туда приходили несколько профессиональных музыкантов и много таких, кому просто нравилось играть или слушать. Были там и художники с чердаков. Вот, в общем, и все. Это были незабываемые киртаны. Однажды там состоялась красивая праздничная церемония. Кое-кто из нас пришел пораньше, чтобы к ней подготовиться. В тот день пришло человек сто.

Для этой компании звук был духом, а дух – звуком, музыка для них стала синонимом медитации. Но для Бхактиведанты Свами музыка без имени Бога была не медитацией, а чувственным наслаждением или, в лучшем случае, неким подобием искусственной медитации, которой занимаются имперсоналисты. Но он был рад, когда музыканты приходили, чтобы подыграть ему в киртанах, слушали его или ему подпевали. Бывало так, что какой-то музыкант где-то играл всю ночь напролет, а утром, проходя мимо, заходил со своими инструментами к Свами и пел вместе с ним. Он не возражал против их увлечения звуком; напротив, он давал им звук. В Ведах говорится, что звук – первоэлемент материального творения, источник звука – Бог, а Бог – это личность. И смысл своей деятельности Бхактиведанта Свами видел в том, чтобы побудить людей повторять трансцендентное имя Личности Бога. Неважно, как они приходили к этому – через джаз, фолк, рок или индийскую медитацию, – главное, что они начинали повторять «Харе Кришна».

Кэрл: Когда Свами пел, все буквально трепетали перед ним. На Бауэри из звона тарелочек рождалось что-то неземное. Он играл на фисгармонии, и многие аккомпанировали ему на ручных тарелочках. Иногда он играл на барабане. В начале он постоянно говорил о важности звука и о постижении Бога через звук. Именно это, я полагаю, и привлекало к нему музыкантов – его акцент на звуке как средстве достижения запредельного мира и Божества. Но он хотел большего. Он искал настоящих учеников.

Одним из его посетителей был Майкл Грант. Майку было двадцать четыре года. Его отец, еврей по национальности, владел магазином грампластинок в Портленде (Орегон), где прошло детство Майка. После окончания музыкальной школы языковых инструментов в Портленде и дальнейшего обучения музыке в штате Сан-Франциско Майк, который умел играть на пианино и многих других инструментах, переехал вместе с подругой в Нью-Йорк, в надежде серьезно заняться музыкой. Но карьера профессионального музыканта быстро его разочаровала. Особенно неприятно ему было играть в ночных клубах, где денежный интерес вынуждал потакать вкусам публики. В Нью-Йорке он вступил в союз музыкантов и работал аранжировщиком и агентом нескольких местных музыкальных групп.

Майк жил на Бауэри, в чердачной студии дома на углу улицы Грэнд. Это был большой чердак, где музыканты собирались помузицировать. Но чем серьезнее Майк уходил в сочинение музыки, тем дальше уходил он от социальной стороны музыкальной жизни и все больше погружался в чтение духовных, эзотерических и мистических книг. В городе Майк уже успел познакомиться с несколькими свами, йогами, новоявленными гуру, и сам занимался хатха-йогой.

С первой же встречи со Свами Бхактиведантой Майк, как и всегда, когда встречался с религиозными людьми, проявил интерес и открытость. Он считал, что человек по-настоящему религиозный не может быть плохим, но сам не торопился причислять себя к какой-то определенной религии.

Майк: Я чувствовал себя довольно уверенно и раскованно, поскольку уже не раз встречался с другими свами. Его одежда и внешность – старое лицо, смуглая кожа – для меня это не было в новинку. Но какой-то элемент новизны в этом все же был. Мне было очень любопытно с ним

встретиться. Когда я пришел в первый раз, то застал его поющим, но пение мантр я и раньше слышал – больше всего мне хотелось послушать, что он скажет. Я понял, что послание, которое он хочет до нас донести, для него важнее личного комфорта – иначе зачем бы он приехал в такое убогое место? Больше всего меня поразила бедность, его окружавшая. Это меня заинтриговало – те места, куда я заходил раньше, были прямой противоположностью – очень богатыми, как, например, «Центр Веданты» в престижном районе Манхэттена и другие. Там было много солидных пожилых людей, которые утопали в кожаных креслах, со своими курительными трубками. Здесь же была настоящая нищета. Все это возбуждало во мне любопытство.

Свами казался очень утонченным человеком с благородными манерами, и это тоже было интересно: как этот свами оказался здесь? Когда он заговорил, я сразу понял, что он очень образованный человек, и почувствовал в его голосе абсолютную убежденность. Иногда он делал очень смелые высказывания. Он говорил о Боге. Вот это и было чем-то новым – слушать, как кто-то говорит о Боге. Я всегда мечтал услышать о Боге из уст человека, которого мог бы уважать. Мне всегда нравилось слушать речи религиозных деятелей, но я всегда очень тщательно их оценивал. Слушая его, я подумал: «Похоже, этот человек действительно что-то знает о Боге». Впервые я встретил того, кто, как мне показалось, был истинным слугой Бога и вел глубокую духовную жизнь.

* * *

Бхактиведанта Свами читает лекцию.

Шри Кришна хотел вывести Арджуну в чистое сознание. Мы с вами в течение многих дней обсуждали, что не являемся материальными телами, что мы – сознание. Так или иначе, мы соприкоснулись с материей. Поэтому наша свобода ограничена.

Сейчас посетителей больше, чем когда он жил в пригороде. На чердаке гораздо просторнее: один только помост, на котором сидит Свами, почти такого же размера, что и его крошечный кабинетик на Семьдесят второй улице. Чердак, с его вечным полумраком и некрашеными балками, больше напоминает старый склад, нежели храм. Аудитория состоит большей частью из музыкантов, которые пришли, чтобы медитировать под мистические звуки его киртана.

По понедельникам, средам и пятницам Карл, Кэрл, Гюнтер, Майк, Дэвид, народ из «Парадокса» и другие приходят на его вечерние лекции, которые начинаются ровно в восемь часов. Программа состоит из получасового пения Харе Кришна, лекции по «Бхагавад-гите» (длящейся, как правило, сорок пять минут), ответов на вопросы и еще одного тридцатиминутного киртана. Все заканчивается около десяти вечера.

Сразу после завершения киртана Свамиджи начинает говорить.

Как существа духовные, мы вольны поступать, как хотим, и иметь то, что хотим. Мы чисты, никакой скверны – ни болезней, ни рождения, ни смерти, ни старости. И кроме этого, у нас есть много других духовных качеств.

Когда Свами говорит, он принимает чистую духовную форму. В ведических Писаниях сказано, что садху, святого, нужно воспринимать ушами, а не глазами. Если слушатели действительно хотят узнать Свамиджи, они должны его слушать. Сейчас он уже не тот пожилой индийский эмигрант, что живет на чердаке за перегородкой и там же сушит свою одежду и едва наскребает на еду. Он говорит как посланник Господа Кришны, пребывающий вне времени и пространства. Устами его говорят сотни духовных учителей, стоящих в цепи ученической преемственности. Он появился среди нью-йоркской богемы в 1966 году, и сказал, что 1966 год – временный и иллюзорный, но сам он вечен, и все остальные тоже вечны. Таково было значение киртана, и теперь он философски объясняет это, призывая своих слушателей полностью изменить свое сознание. Однако, зная, что они не смогут со всем согласиться, он просит их принять хотя бы то, что они могут.

Вам будет приятно узнать, что если человек встал на стезю духовной жизни, то в следующем рождении он непременно станет человеком. Единожды начавшись, карма-йога будет продолжаться. Даже если человеку не удастся дойти до цели, он ничего не теряет. Ничего. Итак, если кто-то приступает к йоге самоосознания, но у него плохо получается – если он соскальзывает с этого пути – повода для огорчения все равно нет – вы ничего не теряете. В следующей жизни вам предоставится еще одна возможность, и ваша следующая жизнь не будет обычной. Но тот, кто достиг успеха – о-о! Что уж говорить о нем! Он возвращается к Богу. Поэтому мы проводим эту лекцию, а вы, хотя у вас много дел, приходите сюда три раза в неделю и стараетесь понять. Все

это не пропадет. Даже если вы перестанете сюда ходить, впечатление уже никогда не исчезнет. Говорю вам, впечатление это никогда не исчезнет. Если вы делаете что-то практически, это очень-очень хорошо. Но даже если вы не делаете ничего, а просто смиренно слушаете и стараетесь понять, какова природа Бога – если вы просто слушаете и хотя бы что-то понимаете – даже тогда вы освобождаетесь от оков материи.

Он обращается к людям, глубоко погрязшим в богемной жизни. Он знает, что они не могут сразу отказаться от наркотиков; они приходят сюда вместе со своими девушками. Музыцировать, жить с подружкой, иногда медитировать и быть свободными – вот их стихия. Быть свободными. Прослушав лекцию, всю ночь они проведут, играя на своих инструментах среди пестрой богемы, с женщинами и наркотиками. Но что-то притягивает их к Свамиджи. Он владеет благостными вибрациями киртана, и они хотят ему помогать. Они рады помочь, потому что видят – у него больше никого нет. И Свами говорит им: «Это хорошо. Даже если вы добьетесь немногого, это будет благом для вас. Все мы – чистые души. Но вы забыли... Вы пали в круговорот рождения и смерти. Что бы вы ни сделали ради оживления своего первоначального сознания – это хорошо для вас. Вы ничего не теряете».

Основное внимание Свами уделяет тому, что он называет «приведением вашего сознания в соответствие с Высшим Сознанием». Кришна – это Высшее Сознание. А Арджуна, олицетворяющий индивидуальное сознание, должен поступать разумно, в согласии с Высшим Сознанием. Тогда он освободится от бремени рождения, смерти, старости и болезней.

«Сознание» – популярное в Америке слово. Тут и расширение сознания, и космическое сознание, и измененные состояния сознания, а теперь еще и приведение индивидуального сознания в соответствие с Высшим. Это и есть совершенство, как объясняет Бхактиведанта Свами. Это и есть любовь и мир, которых жаждет каждый.

Но рассказывая о любви и мире, он использует военные термины.

Они беседуют на поле боя, и Арджуна говорит:

– Я не буду сражаться. Я не буду воевать со своими родственниками и братьями ради какого-то царства. Нет, нет.

«О, как великодушен этот Арджуна, он не хочет применять насилие, – может подумать обычный человек. – Он отказался от всего ради своих родственников. О, какой прекрасный человек!» Так может подумать обыватель.

Но что говорит Кришна? Он говорит:

– Ты круглый дурак, первейший глупец.

Посмотрите: в глазах общества это очень хорошее, доброе дело, но Господь сурово осудил его. Вы должны разобраться, довольно ли Высшее Сознание тем, что вы делаете. Поступок Арджуны не был одобрен Господом Кришной. Он отказался воевать по собственной прихоти, идя на поводу у своих чувств. Впрочем, в конце концов, он вступил в бой, чтобы Кришна был доволен. Вот наше совершенство – действовать ради удовлетворения Высшего Сознания.

При этих словах в глазах некоторых слушателей появляется сомнение. Все они против войны, которую Соединенные Штаты ведут с Вьетнамом, и им трудно согласиться с услышанным. Они, как и Арджуна, хотят мира. Почему Свами одобряет войну?

Он объясняет: Да, это хорошо, что Арджуна не хочет сражаться, но Кришна, Высшее Сознание, приказывает ему вступить в бой. Значит, война Арджуны выше мирской этики. Она абсолютна. Если мы последуем примеру Арджуны и, отказавшись от понятий добра и зла, начнем действовать ради Кришны, а не ради себя – это и будет совершенством, потому что Кришна – это Высшее Сознание.

Хотя с философской точки зрения его ответ вполне обоснован, он не совсем нравится некоторым из слушателей. Им интересно, каковы его политические взгляды. Поддерживает ли он вторжение Америки во Вьетнам? Или он против? Но Бхактиведанта Свами не «голубь» и не «ястреб». Когда он приводит пример Кришны и Арджуны, он не руководствуется никакими политическими мотивами. Его тема проста и чиста: за пределами добра и зла есть Абсолют, и деятельность в гармонии с Абсолютом тоже выше добра и зла.

Но как же все-таки насчет Вьетнама – велит Кришна воевать там или нет? Нет, отвечает Свамиджи. Между войной во Вьетнаме и войной на Курукшетре большая разница. На Курукшетре Кришна присутствовал лично и Сам просил Арджуну сражаться. Вьетнам – совсем другое дело.

Но есть еще одно возражение: если он говорит о не Вьетнамской войне, то какой в этом смысл? В конце концов, сейчас 1966 год. Какое отношение имеет к ним все что он здесь излагает?

Свамиджи отвечает, что на самом деле все, что он говорит – очень важно и как нельзя более актуально. Вьетнамская война – это неизбежная карма, это всего лишь признак проблемы, а не сама проблема. Только эта философия – философия подчинения Высшему Сознанию – охватывает всю проблему.

Но у многих упоминание о войне вызывает такие эмоции, что они не могут ответить на призыв Свами предаться Высшему Сознанию, забыв о ситуации во Вьетнаме. Они уважают Свамиджи, понимая, что он ссылается на очень глубокую философию, но история об Арджуне и о войне все осложняет. Но Свами не оставляет классический пример основных наставлений «Бхагавад-гиты» – участие Арджуны в сражении.

Трудность в понимании вызвана не самим наставлением, а лишь примером. Свами намеренно приводит слушателям эту опасную аналогию. Он приехал не для того, чтобы присоединиться к движению пацифистов, и не разделяет их недальновидных представлений о мире. Он открыто заявляет: лучше воевать в сознании Кришны, чем жить в так называемом мире, но без осознания Бога. Да, пример труден для восприятия. Да, он заставляет задуматься. Но если они смогут принять его, то приблизятся к пониманию Абсолюта.

Трудно ли привести наше сознание в соответствие с Высшим Сознанием? Вовсе нет! Вовсе нет! Ни один нормальный человек не скажет: «Это невозможно!»

Он вовсе не предлагает им ради приближения к Высшему Сознанию отправиться на войну во Вьетнам или делать во имя Бога какие-то ужасные вещи. Он понимает – если духовная жизнь не будет привлекательнее, чем материальная, слушатели ее не примут. Он хочет преподнести идею воссоединения своего сознания с Высшим Сознанием как нечто практическое, нечто прекрасное и заманчивое для всех – то, что сможет и захочет сделать каждый. Он хочет вдохновить их, показав, что любой из них может заниматься тем, что нравится, – но ради Кришны. В конце концов, Арджуна был воином. Кришна попросил его не отказываться от своего дела, а продолжать, но делать это ради Всевышнего. Бхактиведанта Свами обращается к своим слушателям с такой же просьбой. Они могут начать с чего-то простого – например, предлагать Богу пищу.

Каждый должен есть. Бог тоже хочет есть. Почему бы вам сначала не предлагать свою пищу Богу? А потом вы поедите сами. Вы можете возразить: «Но если Бог заберет мою пищу, то как же я поем?» Нет, нет. Бог не заберет ее. Каждый день, приготовив еду, мы сначала предлагаем ее Кришне. Есть даже свидетель. Мистер Дэвид видел это. (Свамиджи смеется). Бог ест! Но ест духовно, поэтому даже после того, как Он поест, все остается на тарелке.

Итак, мы ничего не потеряем, если согласуем наши желания с Всевышним Господом. Мы просто должны научиться искусству – как это делать. Ничего не надо менять. Воин не станет артистом или музыкантом. Если вы военный, то им и оставайтесь. Если вы музыкант, то оставайтесь музыкантом. Если вы врач – оставайтесь врачом. Кем бы вы ни были, продолжайте делать свое дело. Но согласуйте. Если я ем, и это доставляет удовольствие Господу, то в этом мое совершенство. Если я сражаюсь, и Господь этим доволен, то это совершенство. Чем бы мы ни занимались, мы должны чувствовать, доволен ли Господь. Мы должны этому научиться. Это не труднее, чем любое другое дело. Мы должны отказаться от своих мыслей и планов; мы должны принять совершенные планы Верховного Господа и осуществлять их. Так наша жизнь станет совершенной.

Господь Чайтанья сделал все, чтобы нам было легко действовать на уровне сознания. Выпускают же, например, готовые конспекты школьных учебников – «Упрощенная программа обучения» – так же и Господь Чайтанья – Он рекомендует: продолжай выполнять свои обязанности, но при этом слушай о Кришне. Продолжайте слушать «Бхагавад-гиту» и петь Харе Кришна. Именно с этой целью мы и пытаемся организовать это Общество. Итак, вы пришли, и неважно, какой деятельностью вы занимаетесь. Все постепенно наладится, по мере того как благодаря слушанию наш ум будет очищаться. Продолжая следовать этому методу, повторяя имя Кришны, вы сами почувствуете, как очищается ваше сердце, и как заметно вы прогрессируете в духовном понимании, приближаясь к истинной сути чистого сознания.

Бхактиведанта Свами говорит от имени Высшего Сознания и как пример деятельности, согласованной с волею Всевышнего, приводит свою жизнь.

Я постоянно работаю – читаю, пишу, читаю, пишу, и так – круглые сутки. Просто когда я чувствую голод, то принимаю какую-то пищу. Когда мне хочется спать, я ложусь. А так, я не чувствую усталости. Можете спросить м-ра Дэвида.

Конечно, здесь даже не требуется подтверждения Дэвида Аллена: любой из постоянных посетителей Свами видит, что он поднялся над ограничениями этого мира. Его личная жизнь – превосходный пример исполнения воли Высшего Сознания. Бхактиведанта Свами всегда сохранял эту согласованность со Всевышним. Он в совершенстве поддерживал ее во Вриндаване, и у него не было никаких личных причин или мотивов, чтобы ехать в Америку и жить на Бауэри. Он приехал в Америку только ради блага других, и только ради блага других он говорит сегодня вечером. Его духовный учитель и Господь Кришна хотят, чтобы обусловленные души пока не поздно выбрались из своей иллюзии.

Говоря энергично, почти доходя до физического изнеможения, – крича, умоляя, смеясь, – он дает слушателям столько, сколько они способны воспринять. Как представитель Кришны, стоящий в цепи ученической преемственности, он может смело провозглашать, что каждый должен подчинить свою волю Всевышнему. Он может говорить так откровенно, как ему хочется, и столько, сколько они хотят слушать. Он – садху (в переводе с санскрита – «святой» или «тот, кто отсекает»). Он повторяет то самое послание, которое тысячелетиями передавали людям садху изначальной Ведической культуры. Он возрождает вечный дух ведической мудрости – разрушает узлы невежества и иллюзии.

Итак, всё есть иллюзия. С самого нашего рождения. И эта иллюзия настолько сильна, что освободиться от нее невероятно трудно. Всё – иллюзия. Рождение – это иллюзия. Тело – иллюзия. Телесные отношения и страна – иллюзия. Отец – иллюзия. Мать – иллюзия. Жена – иллюзия. Дети – иллюзия. Всё – иллюзия. И мы соприкасаемся с этой иллюзией, считая себя очень умными, очень учеными. Мы столько всего себе воображаем. Но когда приходит смерть – реальный факт – мы всё забываем. Мы забываем нашу страну. Мы забываем родственников. Мы забываем жену, детей, отца, мать. Все это уходит.

* * *

Майкл Грант: После лекции я подошел к нему. У меня было такое же ощущение, какое возникало на концертах известных исполнителей. Мне всегда хотелось после концерта подойти к певцам или к музыкантам – просто познакомиться с ними и посмотреть на них вблизи. После лекции у меня возникло такое же ощущение, и я подошел к Свами и заговорил. Но, в отличие от других, с кем я встречался, он никуда не спешил. Он мог уделить мне время. С другими мне удавалось обменяться лишь несколькими словами, их всегда интересовало что-то другое. Но этот человек проявил неподдельный интерес ко мне как к личности, и это настолько меня ошарашило, что я очень быстро исчерпал все темы для разговора. Я был поражен. Беседа наша закончилась только потому, что мне нечего было больше сказать. Это было прямой противоположностью встреч с исполнителями, которые торопились заняться чем-то другим. На этот раз я сам не смог продолжить разговор.

* * *

Бхактиведанте Свами нравилось гулять и осматривать окрестности. Прямо напротив его дома №94 по Бауэри, на противоположной стороне улицы находился «отель Фултон» – пятиэтажная ночлежка, а вокруг него – меблированные комнаты Нижнего Манхэттена, обитатели которых бродили по тротуару с раннего утра до темноты. Стаи голубей с шумом поднимались и перелетали с одной крыши на другую или опускались на улицу. Транспорт шел сплошным потоком. По Бауэри проезжали грузовики, едущие в Бруклин и обратно через Бруклинский и Манхэттенский мосты.

К северу Бауэри слегка понижалась, и взору Свами открывался вид на Манхэттен, до самой Четвертой улицы – рекламные плакаты, редкие чахлые деревья, уличные фонари и дорожные знаки. С Бауэри был виден «Кон Эдисон» и его знаменитая башня с часами, а если не было облаков, можно было рассмотреть верхушку Эмпайр Стейт Билдинг на Тридцать четвертой улице.

По утрам Бхактиведанта Свами одиноко бродил по окрестностям Бауэри. В том году майские дожди шли чаще обычного, и ему приходилось брать с собой зонтик. Иногда он гулял под дождем. Впрочем, он не всегда был один. Временами он брал с собой кого-нибудь из новых друзей и вел с ними беседу. Иногда он заходил в магазины за покупками. На соседнем рынке, в Китайском квартале, продавались горькая дыня, дал, хинг, мука из турецкого горошка и прочие продукты, обычные для индийской вегетарианской кухни. Спустившись с чердака и выйдя на улицу, он проходил несколько шагов к югу, до пересечения Бауэри и улицы Гестера. Повернув на

Гестер-стрит, он оказывался в Китайском квартале, который невозможно было спутать ни с каким другим районом – все вывески – на магазинах, рынках и даже на Манхэттенском Сберегательном банке были на китайском. Иногда он проходил еще на квартал дальше – там, на Канальной улице, располагался Центральный Азиатский продуктовый рынок и множество овощных и фруктовых палаток вдоль дороги. Ранним утром на тротуарах почти никого не было, но постепенно, по мере того как открывались магазины, улицы заполнялись местными рабочими, владельцами магазинов, туристами и бесцельно шатающимися бродягами. По обеим сторонам извилистых переулков Китайского квартала выстроились сотни маленьких магазинчиков, а вдоль тротуаров теснились припаркованные автомобили.

Иногда Бхактиведанта Свами доходил до Малой Италии, пересекающейся с Китайским кварталом на улице Малберри. Здесь бок о бок с закусочной «Клэмы от Умберто» и рестораном «Пулья», предлагающим саруссина а ла puglia, «кофе из Пульи», располагались «Китайские продукты из свинины» и универсам «Ми Джанг Ми».

Бхактиведанта Свами ходил в Китайский квартал и Малую Италию главным образом за покупками. Но кроме того, он присматривал местечко под будущий храм. Особенно понравилась ему башня Четхэм на одноименной площади. Иногда он прогуливался в противоположном направлении, доходя до Восточной реки и Бруклинского моста, но когда один из друзей сообщил Бхактиведанте Свами, что какой-то снайпер стреляет в гуляющих вдоль реки, он перестал туда ходить.

Бхактиведанту Свами ничуть не беспокоило, что он живет и ходит на прогулки в столь неблагополучном районе. Нередко, возвращаясь домой, он находил под дверью спящих или валяющихся в беспамятстве бродяг и вынужден был через них перешагивать. Иногда на него налетал какой-нибудь пьяный, который совсем не держался на ногах; бывало, какой-то бродяга бормотал ему вслед что-то невнятное или смеялся над ним, а те, кто были потрезвее, вставали и с шутовской галантностью уступали ему дорогу, когда он входил или выходил из дома №94 на Бауэри. Проходя мимо бродяг, он благодарил их за учтивость.

Разумеется, мало кто из обитателей Бауэри или других людей, встречавших Свами во время прогулок, знал что-то о невысоком пожилом индийском садху в шафрановых одеждах, державшем в руках зонтик и бумажный пакет с продуктами.

Иногда во время прогулок Бхактиведанта Свами встречал кого-нибудь из новых знакомых. Джен, подруга Майкла Гранта, не раз видела его на улице.

Джен: Он не раз встречался мне в людском потоке на улице. При нем всегда был зонтик. У него всегда было совершенно невозмутимое выражение лица. Свой послеобеденный моцион он совершал в одиночестве, время от времени перешагивая через пьяных. Встречаясь с ним на улице, я всякий раз немного нервничала. Он спрашивал: «Ты повторяешь мантру?» – Я отвечала: «Иногда». Тогда он говорил: «Вот и молодец».

* * *

Бхактиведанта Свами сидит, скрестив ноги и прислонившись спиной к полке, на которой стоят цветы в горшках; в цветущем, ниспадающем широкими свободными складками чадаре, он выглядит серьезным, почти печальным. Эта фотография и сопровождающая ее статья появились в июньском номере газеты «Вилледж войс». В статье говорилось:

Встречу мистического Запада и практичного Востока можно наблюдать в любопытном контрасте между А.Ч. Бхактиведантой Свами и его американскими последователями. Свами, культурный, высокообразованный семидесятилетний мужчина, живет здесь уже год, проповедуя философию мира, доброй воли, близости к Богу, а в практическом плане – собирая деньги на то, чтобы открыть в Америке свою церковь... Свами, как и его учение, производит впечатление человека благоразумного и прямого. Смысл его философии в том, что человечество может приблизиться к Богу, повторяя Его Святое имя.

Несмотря на то, что Свами приехал в Америку, стремясь отыскать корни безбожного материализма – болезни, которая, по его словам, уже поразила Индию, – он, тем не менее, остается реалистом. «Если и есть на земле место, где можно собрать деньги на строительство храма, то это здесь». Свами хочет основать в Америке Международное общество сознания Кришны, которое будет открыто для всех, в том числе и для женщин.

Автором статьи был журналист Говард Смит. Впервые о Свами он услышал от знакомого, который позвонил и рассказал ему, что на Бауэри поселился очень интересный индийский святой.

«К нему можно прийти в любое время, – сказал Говарду его знакомый, – он всегда на месте. Думаю, тебя это заинтересует. Я не удивлюсь, если в недалеком будущем он возглавит большое религиозное движение».

Говард Смит: Я поехал туда и поднялся на один из тех невообразимых чердаков, в которых обычно обитают художники. Пол был устлан старыми, вытертыми коврами, повсюду сидели хиппи, одетые кто во что горазд, в том числе и в то, что, по их мнению, было индийскими нарядами. Почти все сидели поодиночке, повернувшись к стене, словно им не было никакого дела до остальных. Они сидели, скрестив ноги, и каждый, казалось, был занят собой. Когда я вошел, никто не обратил на меня ни малейшего внимания.

Я увидел несколько рядов обуви перед входом и подумал: «Может быть, мне тоже нужно разуться», – но никто мне ничего не сказал. Я обошел вокруг ковра, надеясь, что хоть кто-нибудь обратит на меня внимание. Я хотел узнать, что все это значит, но не решался никого побеспокоить, потому что окружающие, казалось, были погружены в какие-то молитвы.

В дальнем углу я заметил полосатую занавеску из индийской ткани и направился туда. Я заглянул за нее и увидел – там, скрестив ноги, в одежде шафранового цвета, сидел Свами Бхактиведанта. На лбу и на носу у него были какие-то знаки, а руку он держал в мешочке с четками. Весь его облик был исполнен величия, но при этом он выглядел более доступным, чем все остальные, поэтому я обратился к нему:

– Здравствуйте.

Он поднял глаза. Я спросил:

– Свами Бхактиведанта?

Он ответил:

– Да.

Я представился:

– Меня зовут Говард Смит.

Я хотел сесть куда-нибудь и сказал:

– Простите, я должен разуться.

– А зачем? – спросил он.

Я ответил:

– Не знаю. Я заметил, что все оставили свою обувь там.

Тогда он сказал:

– Я не просил вас разуваться.

– Что делают все эти люди? – спросил я.

– Не знаю. Они и сами не знают, что делают. Я пытаюсь учить их, но, видимо, меня неправильно понимают. Они совершенно сбиты с толку.

Мы разговорились, и он сразу очень мне понравился. Дело в том, что до него я видел много других свами, но они не вызвали во мне глубокой симпатии. Я думаю, было бы несправедливо сваливать всех в одну кучу и говорить: «Эти индийские свами». Дело в том, что он был другой – совсем, совсем простой, – пожалуй, это и привлекло меня больше всего. С ним я чувствовал себя свободно, да и сам он производил впечатление человека открытого и честного – так, при первой же встрече он попросил у меня совета. Он был совсем новичок в нашей стране.

Я подумал, что у его идей есть все шансы стать реальностью, так как он явно был человеком дела. Он не витал в облаках и не напускал мистического тумана. Я догадывался, что душа его пребывает в заоблачных и мистических сферах, но в обычном разговоре это никак не проявлялось.

Потом он сказал, что слышал, будто наша газета пользуется хорошей репутацией, и ее читают в основном люди, которых может заинтересовать его проповедь. Я ответил, что это, пожалуй, верно. Он спросил меня, читал ли я книги об индийской культуре и знаю ли о ней что-нибудь, и я сказал, что нет, не знаю. Я и вправду не знал. Мы немного поговорили, и он рассказал мне, что у него есть книги на английском языке, которые он перевел еще в Индии. Он протянул мне их и сказал: «Если хотите знать больше, прочтите эти книги».

Мне было ясно, что я имею дело не с каким-то шарлатаном, которому приснилось, что он видел Бога и который теперь горит желанием поведать об этом людям. Он производил впечатление человека очень образованного, куда более образованного, чем я. И во мне вызвала симпатию его скромность. В общем, этот человек мне очень понравился

Он объяснил мне все, что я хотел знать – почему он так одевается, какой смысл имеют знаки на лбу и зачем нужен мешочек с четками. Мне очень понравились все его объяснения. Все было очень практично. Потом он стал рассказывать о храмах по всему миру и сказал: «Да, впереди у нас долгий путь. Но я очень терпелив».

* * *

Бхактиведанта Свами не терял надежды открыть, по выражению газеты «Вилледж войс», «свою церковь в Америке». Его лекции и киртаны привлекали людей, и, наконец, вокруг него образовался небольшой круг постоянных слушателей. Но на помощь из Индии рассчитывать не приходилось. Он продолжал переписываться с Сумати Морарджи, с духовными братьями и правительством Индии, но их ответы не очень обнадеживали.

В надежде, что Падампат Сингхания поддержит идею открыть храм Кришны на Манхэттене и выделит средства на строительство, Бхактиведанта Свами написал письмо в Государственный Сберегательный банк Индии, в Нью-Дели, с просьбой дать разрешение на вывоз для этой цели иностранной валюты.

Я хочу открыть культурный центр, и для этого желал бы получить валюту из Индии. Я считаю, что в наше время, время духовного забвения, распространение культуры любви к Богу как никогда актуально для всего мира.

Через месяц Банк Индии порекомендовал ему переадресовать запрос министру финансов правительства Индии через индийское посольство в Вашингтоне. Бхактиведанта Свами так и сделал, но прошел еще месяц, а от правительства не было ни слуху ни духу.

Один из духовных братьев посоветовал Свамиджи вернуться в Индию и лично обратиться в правительство за санкцией, но Бхактиведанта Свами не хотел уезжать из Америки. Он написал Сумати Морарджи:

Я не хотел бы сейчас ехать в Индию, чтобы потом снова возвращаться. Особенно я не хочу прекращать лекции, которые читаю три раза в неделю по вышеуказанному адресу, и прерывать обучение санкиртане и преданному служению Господу нескольких молодых американцев. Кое-кто из них очень искренне относится к этим занятиям, и в будущем они могут стать хорошими вайшнавами, отвечающими самым строгим требованиям.

Однажды Свами получил неожиданное письмо из Индии от заинтересованного человека по имени Мукти Брахмачари. Представившись учеником одного из духовных братьев Бхактиведанты Свами и напомнив, что в прошлом они были немного знакомы, Мукти выразил желание присоединиться к нему в Америке. Конечно, Свами все еще не терял надежды на помощь духовных братьев из Индии («Эта миссия не под силу одному человеку»), поэтому он пригласил Мукти в Америку и попросил, чтобы его гуру лично посодействовал получению санкции правительства на вывоз валюты за рубеж. В ответ Мукти подтвердил свое желание приехать, но выразил сомнение, что духовный учитель его отпустит. Мукти считал, что сначала ему следует приехать в Америку, а уже потом просить помощи у духовного учителя. Бхактиведанта Свами был раздосадован этим и немедленно ответил:

Разве проповедь в Америке – это мое личное дело? Шрила Прабхупада Бхактисиддханта Сарасвати хотел строить в других странах храмы для распространения послания Шри Шри Рупы-Рагхунатхи, а я стараюсь выполнить его желание здесь. Деньги есть, возможности открыты. Если встреча с министром финансов может поспособствовать этой работе, то почему мы должны ждать? Просто потому что ты не можешь поговорить со своим Гуру Махараджем и попросить его о помощи, боясь, что он запретит тебе ехать? Пожалуйста, не думай так. Отнесись к этому как к делу Шрилы [Бхактисиддханты Сарасвати] Прабхупады и постарайся сделать все необходимое. Не допускай даже мысли, что мои интересы в чем-то расходятся с интересами твоего Гуру Махараджа. Мы по мере наших сил выполняем волю Шрилы Прабхупады. Совместные усилия принесут гораздо больший эффект.

Брахмачари представил все эти соображения своему духовному учителю, который, как и опасался Мукти, запретил поездку. Хотя его гуру был духовным братом Бхактиведанты Свами, он не хотел принимать во всем этом участия и, к тому же, сомневался, что Падампат Сингхания действительно даст пожертвование.

Засомневался и Мукти Брахмачари: «Если ваша программа не bona fide, то обращаться к столь важному человеку, без сомнения, просто нелепо».

И в тот же самый день, когда пришло письмо про «нелепо», Свами Бхактиведанта получил последний удар от индийского правительства, которое отказало ему в помощи. Второй секретарь Индийского посольства в Вашингтоне, Пракаш Шах, писал:

Вследствие существующего дефицита иностранной валюты, правительство Индии не имеет возможности пойти навстречу Вашей просьбе о ее вывозе. Вы можете попытаться собрать пожертвования среди американских граждан.

Что и требовалось доказать: Бхактиведанте Свами придется работать самостоятельно. В его последнем письме к Мукти Брахмачари выражены глубокая вера и решимость.

Итак, разговор закончен, и нет больше нужды в помощи от кого-то еще. В попытках проповедовать мы не всегда достигаем успеха, но такие неудачи, несомненно, нельзя назвать нелепыми. С абсолютной точки зрения и удача, и поражение одинаково достойны славы. Даже первая попытка Господа Нитьянанды обратиться к Джагаю и Мадхаю окончилась, на первый взгляд, неудачно – Он даже был ранен. Но нет сомнений – все это не было чем-то нелепым. Эта игра от начала и до конца была божественной и духовной, и все, кто участвовал в ней, заслуживают славы.

Если сознанию Кришны вообще суждено было пустить корни в Америке, то это должно было произойти без помощи индийского правительства или индийских финансистов. Даже единственный индийский брахмачари – и тот не мог к нему присоединиться. Кришна давал понять Бхактиведанте Свами, что у Него другой план. Оставив надежды на финансовую помощь Сингхании, Бхактиведанта Свами должен был направить всю свою энергию на молодежь, которая приходила к нему в мансарду. Он писал Сумати Морарджи:

Я пытаюсь сейчас официально зарегистрировать небольшую группу, состоящую из моих здешних друзей и последователей, которая будет называться «Международное общество сознания Кришны».

* * *

Из всех своих друзей и последователей больше всего внимания он уделял своему соседу по комнате, Дэвиду Аллену. Он считал, что дает Дэвиду возможность стать первым настоящим вайшнавом в Америке. Когда-нибудь Свами вернется в Индию – и тогда он возьмет Дэвида с собой во Вриндаван. Он покажет ему храмовые богослужения и обучит его как проповедовать на Западе. Он просил Сумати Морарджи обеспечить бесплатный проезд для Дэвида и для него самого.

Вам очень понравится этот американский юноша. Он из хорошей семьи и, по меркам местной культуры, очень искренняя душа. Мои занятия посещают и другие, но мне хотелось бы взять с собой только одного из них.

«Я рад сообщить вам, – сказал Бхактиведанта Свами на одной из своих лекций, – что наш м-р Дэвид иногда говорит мне: «Свамиджи, если бы вы только знали, как я хочу побыстрее обрести духовное сознание». Изображая порыв Дэвида, Бхактиведанта Свами засмеялся – «Терпение, терпение, – говорю ему я. – Это обязательно произойдет. Если у тебя появилось такое желание, Господь непременно тебе поможет. Он в твоём сердце. Он просто хочет убедиться в твоей искренности. Тогда Он предоставит тебе все возможности для духовного развития».

Первое время Дэвид и Свами очень мирно уживались в одном помещении – Свами работал за перегородкой, а Дэвид просто слонялся по чердаку. Но наркотики Дэвид никак не хотел бросать – ни марихуану, ни ЛСД, ни амфетамины. Свами ничего не оставалось, кроме как терпеть. Он много раз говорил Дэвиду, что наркотики и галлюцинации не имеют ничего общего с духовной жизнью, но тот как будто не слышал его – он все больше и больше замыкался в себе.

Тем не менее, Бхактиведанта Свами надеялся превратить этот чердак в первый в Нью-Йорке храм Радхи-Кришны и рассчитывал на помощь Дэвида. Сидя на Бауэри, едва ли не самом убогом месте на Земле, Бхактиведанта Свами говорил о своем желании привезти из Джайпура или Вриндавана Божества, чтобы начать Им поклоняться – хотя бы и на Бауэри. Он думал, что Дэвид будет ему помогать. В конце концов, у Дэвида не было выбора – ведь они были соседями по комнате. Но сперва он должен был покончить с дурными привычками.

Бхактиведанта Свами пытался помочь Дэвиду, но тот стал совершенно невменяем. Он катился вниз, лишая Свами последней надежды использовать мансарду под храм. Иногда, даже не находясь под действием наркотиков, Дэвид расхаживал по комнате взад-вперед, а иногда казался глубоко погруженным в свои мысли. Однажды, приняв очередную дозу ЛСД, Дэвид совсем

обезумел. По словам одного из постоянных посетителей лекций Свами, Карла Йоргенса, «он просто спятил, и Свами пришлось иметь дело с сумасшедшим». К этому все и шло – «он был чокнутым, который ни в чем не знал меры». Но приступ настоящего безумия случился совершенно неожиданно.

Бхактиведанта Свами спокойно работал за пишущей машинкой, когда на Дэвида «накатило». Он начал стонать, расхаживая по пустому чердаку, потом принялся орать, выть и метаться по комнате, и, в конце концов, ворвался туда, где сидел Свами. Бхактиведанта Свами внезапно оказался лицом к лицу не с Дэвидом, – милым, славным Дэвидом, которого он собирался взять с собой в Индию, чтобы показать ему вриндаванских брахманов, – а с одуревшим от наркотиков безумцем с дико горящими глазами.

Свами попытался заговорить с ним. «Что случилось?» – спросил он, но Дэвиду нечего было ответить. Это была не обычная размолвка. Это было безумие...

Бхактиведанта Свами быстро спустился вниз, не задерживаясь ни на одном из четырех лестничных пролетов. Он не стал собирать вещи, и даже не решил, уходит ли насовсем или вернется назад. Времени на размышления не было. Потрясенный случившимся, он бежал из мансарды, от обезумевшего Дэвида. Бездомные бродяги, сидевшие на пороге, с обычной своей шутовской любезностью уступили ему дорогу. Они привыкли, что Свами то приходит, то уходит, то идет за покупками, то возвращается назад, и уже к нему не приставали. Однако сейчас он шел не за покупками. Куда – он и сам не знал. Он вышел на улицу, не зная, куда направиться.

Обратно на чердак он не вернется – это решено окончательно. Но куда идти? С крыши на крышу перелетали голуби, гудели автомобили, по улице слонялись вездесущие бродяги, пьяные от дешевого ядовитого зелья. Дом Бхактиведанты Свами внезапно превратился в ад, но улица за порогом была не лучше. Он был совершенно выбит из колеи. Можно было бы позвонить доктору Мишре, и они заберут его отсюда. Но он уже перевернул эту страницу своей жизни, и нашел нечто лучшее. У него есть молодые последователи, которые посещают его занятия и вместе с ним поют мантру. Неужели все кончено? После девяти месяцев, проведенных в Америке, его проповедь и киртан, наконец, нашли отклик в сердцах людей, и он не мог просто взять и бросить всё это.

А.Ч. Бхактиведанта Свами Махараджа, выдающийся ученый и преданный, которого во Вриндаване знал и уважал каждый, перед которым в Индии были открыты все двери и который в любой момент мог получить аудиенцию вице-президента и других высокопоставленных лиц, внезапно обнаружил, что в Америке у него нет ни одного влиятельного знакомого. Совершенно внезапно он оказался таким же бездомным, как эти уличные бродяги. В сущности, многие из них находились даже в лучшем положении, чем он – у них, по крайней мере, были постоянные койки в ночлежках. Они были кончеными, но худо-бедно устроенными людьми. Для того, кто шел по Бауэри без определенной цели – не в магазин и не домой – эта улица могла стать сущим адом. Это не то место, где можно постоять и подумать над тем, куда пойти и к какому другу попроситься на ночлег. Сейчас он шел не за покупками в Китайский квартал и не на короткую прогулку, после которой можно вернуться в свой угол. Путь назад был отрезан – у него больше нет своего угла.

Как же трудно проповедовать в Америке, среди сумасшедших! В стихотворении, которое он написал в день прибытия в Бостон, были строки, оказавшиеся пророческими: «О Господь, я не знаю, зачем Ты привел меня сюда. Теперь Ты можешь делать со мной все, что пожелаешь. Я догадываюсь, однако, что здесь у Тебя есть какое-то дело, иначе зачем бы Ты привел меня в это ужасное место?»

Что будет теперь с его лекциями? Что будет с Дэвидом? Может, стоит вернуться и попытаться с ним поговорить? У Дэвида это был первый приступ агрессивности, но напряженные ситуации возникали и раньше. Так, он имел привычку оставлять мыло на полу в душе, и Свами много раз просил Дэвида не бросать его там, поскольку это опасно. Но Дэвид пропускал его слова мимо ушей. Свами постоянно напоминал ему об этом, пока однажды Дэвид не рассердился и не накричал на него. Но настоящей враждебности между ними никогда не возникало. Даже сегодняшний инцидент произошел не на почве личной неприязни – парень сам был жертвой.

Бхактиведанта Свами быстро шагал по улице. У него было право на бесплатный проезд на кораблях «Снндии». Он мог бы вернуться домой во Вриндаван. Но духовный учитель велел ему приехать сюда. «По воле Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, – писал он, пересекая Атлантику, – святое имя Господа Гауранги станет известно во всех странах Запада». До наступления темноты нужно было где-то устроиться, чтобы иметь возможность продолжать

проповедь. Вот что значит работать без поддержки правительства, без помощи какой-либо религиозной организации, без покровителя. Это значит всегда быть уязвимым и незащищенным.

Бхактиведанта Свами встретил этот критический момент как испытание, посланное Кришной. «Бхагавад-гита» советует нам всегда искать защиты у Кришны: «Во всем полагайся на Меня и всегда действуй под Моим покровительством. Занимайся преданным служением и всегда помни обо Мне... Моей милостью ты преодолеешь все препятствия обусловленной жизни».

Он решил позвонить Карлу Йоргенсу, одному из постоянных посетителей его лекций, и попросить его о помощи. Карл слышал в трубке голос Свами – случилось нечто из ряда вон выходящее! – и тут же пригласил его к себе. Они с женой Евой жили рядом, на Центральной улице, в пяти кварталах к западу от Бауэри, недалеко от Китайского квартала. Он будет ждать.

Карл встретил Бхактиведанту Свами и повел к себе. Его чердак был меньше, чем тот, в котором до этого жил Свами. Он состоял из большой гостиной, кухни и спальни, отделенных друг от друга перегородками. Здесь было множество комнатных растений и диванных подушек. Жилище Карла было намного светлее, чем темный, как заводской цех, чердак на Бауэри. Пол был покрашен в ярко-оранжевый цвет (Карл говорил, что это напоминает корабельную палубу), стены и потолок были белыми, а комнату наполнял дневной свет, свободно проходящий сквозь потолочные окна. Карл и Ева отвели для Свами один из углов квартиры.

Все свои пожитки Бхактиведанта Свами оставил на чердаке Дэвида, куда возвращаться не собирался, и чтобы забрать самое необходимое, Карл направился туда. Большинство вещей (в том числе книги, чемодан и диктофон) Свами попросил оставить на месте.

Хотя пик безумия, вызванного у Дэвида сильнейшим воздействием ЛСД, к тому времени уже прошел, сам он все еще оставался неизменным. Когда Карл пришел, дверь оказалось запертой изнутри, и сначала Дэвид боялся открывать – кто бы там ни был – но, в конце концов, все-таки впустил Карла. Он плотно закрыл все окна, и на чердаке стояла страшная жара и духота. Билл Эпштейн, который тоже зашел в тот день в мансарду, охарактеризовал состояние Дэвида как «психоз, нервный срыв, вызванный наркотиками». И хотя Дэвид очень сожалел, что обрушил на Свами свой гнев, ни Билл, ни Карл не допускали и мысли, что Свами туда вернется. Было ясно, что его план превратить чердак в храм окончательно рухнул. Карл с Биллом собрали некоторые вещи Свами, а Дэвид остался на чердаке. Ему хотелось побыть одному.

Карл Йоргенс знал, каков стиль жизни Свами, и хотел создать ему все необходимые условия для жизни и работы. В углу чердачного помещения у Карла был небольшой рабочий кабинет, который он решил предоставить Свами. Карл освободил гостиную, чтобы гостям хватило места сидеть полукругом и соорудил из подушек возвышение. Жена Карла, которую совсем не радовал тот факт, что к ним переехал Свами, все же согласилась обшить для него индийской мадрасской тканью несколько подушек.

Первое время все шло гладко. Свами по-прежнему продолжал утренние и вечерние занятия, и на них приходили многие хиппи с Бауэри. Трое его постоянных гостей жили в этом же доме, а несколько других: Майкл Грант, Джеймс Грин, а также брат Карла – в ближайшем квартале. Один раз пришел даже Дэвид.

Дон Натансон (художник): Однажды я был на чердаке у Карла, когда Свами вернулся с прогулки. Я уже знал, что он живет здесь с тех пор, как сбежал от Дэвида. Приходили в основном музыканты. По утрам они наслаждались теплыми дружескими беседами с ним, что было само по себе странно – эти ребята фактически всю ночь не спали, а встречи начинались в шесть утра, и продолжались целый час. Он вел пение, играя на ручных тарелочках – да-да-да-а, да-да-да-а... Это было более чем странно – ведь все они сидели на наркотиках и были хорошо подкованы. Но какое-то время девять-десять человек из них приходили каждый день, и им было тут хорошо. Им очень нравилось приходить сюда по утрам.

Карл понимал, что хотя постоянные гости Свами быстро и легко подхватывают настроение киртана, они «пользуются этим, чтобы приправить собственные видения и экстаз», не имея намерения стать настоящими учениками или безраздельно предаться Господу Кришне. Свами был, в сущности, первым в их жизни духовным человеком. Они погружались в его киртаны и слова, даже не пытаясь их понять. Карл приглашал их: «Эй, проходите. Это не обман. Это подлинная реальность. Вам понравится. Это музыка. Это танцы. Это праздник». Карл видел, «как хорошо было им в присутствии Свами, когда они медитировали на его пение и угощались приготовленной им пищей. Ничего подобного они раньше не испытывали, за исключением, может быть, тех мгновений, когда их посещало творческое вдохновение».

Но для Карла и Евы скромное присутствие Свами создавало затруднения. Никогда за все время пребывания в Америке не был он столь непрощеным и нежеланным гостем. Студия Карла была рассчитана на то, чтобы жить вдвоем и пользоваться спальней, кухней и гостиной как заблагорассудится. Если им с женой хотелось покурить марихуану, отведать мясного или еще чего-нибудь в этом духе, это было их законное право. Это был дом Карла; здесь жил он с женой, со своими кошками и собаками. А теперь это жилье приходилось делить со Свами.

Для Евы положение почти сразу же стало невыносимым – присутствие Свами в их доме ее раздражало. Она была феминистка – свободная, белая женщина, с чернокожим мужем, с хорошей работой. Ей не нравилось то, как Свами смотрит на положение женщины. Она не читала его книг и не посещала лекций, но слышала, что он выступает против половых отношений, если их целью не является зачатие детей, а женщина, по его словам, должна быть скромной, целомудренной и помогать мужу в духовной жизни. Она знала о «четырех правилах» Свами – отказе от мяса, незаконного секса, одурманивающих средств и азартных игр – и была категорически против того, чтобы он навязывал им с Карлом свой образ жизни. И пусть даже не надеется, что она будет прислуживать ему, как служанка. Она чувствовала, что почти ко всем ее действиям Свами относится с неодобрением, и если бы ей вдруг пришлось обратиться к нему за советом, он наверняка попросил бы: отказаться от наркотиков, избавиться от кошек и собак, бросить пить и перестать пользоваться противозачаточными средствами. Будь на то его воля, Свами, наверное, заставил бы их есть только по расписанию и только то, что ему нравится. Ева была заядлой курильщицей, и ему, скорее всего, не нравилась ее компания. Она готовилась к столкновению.

Но Свамиджи не относился к людям, которые лезут со своим уставом в чужой монастырь. Он спокойно жил в своем углу, ничего не требуя и не проявляя недовольства. Даже в Батлере, когда хозяева в его присутствии ели мясо, он говорил: «Не беспокойтесь». Однако, чувствуя его необычайную духовную силу, Ева жалела, что Карл его встретил. Для Евы, женщины прямолинейной и независимой, Свами был противником – и она даже не пыталась скрыть своего отношения к нему. Когда он просил ее что-нибудь принести, она отвечала: «Возьмите сами».

Для Кэрол Бекар положение, в котором оказался Свами, казалось очень неловким и напряженным – «Ева была очень недовольна». Она жаловалась Кэрол, что платит за аренду чердака, работает, не покладая рук, а этот человек пытается изменить их образ жизни.

Кэрол: Ева не могла принять его учение и не могла стерпеть того, что Свами влияет на Карла. Сама она не чувствовала никакого принуждения, но ей казалось, что Карла Свамиджи принуждает.

Свами «влиял» на Карла – это и было главной причиной недовольства Евы. Их отношения завязались совсем недавно, и Карл понимал, что должен уделять ей больше времени. Он был полностью согласен с женой, но не мог отказать Свами. Его всегда интересовала индийская музыка, поэзия и индийские вероучения, а сейчас в его доме жил настоящий представитель индийской культуры, глубоко понимающий все ее грани. Свамиджи готовил у них на кухне свой обед, и Карл жадно ловил каждое его движение, горя желанием научиться индийскому кулинарному искусству. Еще Карл хотел научиться у Свами играть на барабане. Они подолгу беседовали.

Кэрол: Карл пытался притворяться кем-то, кем на самом деле не был, но так и не решился попросить Свами уйти. Я уверена, что Свами был достаточно проницательным, чтобы почувствовать напряжение. При первой возможности он хотел переехать в другое место.

Постепенно Карл зашел в тупик в своих взаимоотношениях со Свами. Он разрывался между ним и своей женой, но к жене все-таки тяготел больше.

Карл: Я не мог себе представить, чтобы мой чердак превратился в храм. Я держал кошек и собак, но он не хотел, чтобы они там жили. Он называл меня мясоедом, и в конце концов изменил нашу диету. Конечно, он бил по американской культуре, которой все это чуждо. А я должен был быть таким же как все. До этого я знакомился с Индией заочно, через книги или записи, но сейчас рядом со мной находился живой представитель Бога, и никогда еще мне не было так трудно, как в те дни.

Бхактиведанта Свами прекрасно чувствовал, какое напряжение вызывает его присутствие, хотя сам он не хотел никого стеснять. Конечно, если бы он вообще не приехал в Америку, тогда проблем и у него, и у Евы и ей подобных было бы меньше. Но его заботило не то, удобно ему или не удобно, нравится ли это Еве или нет – он просто хотел учить сознанию Кришны. Но чердак Карла, похоже, не совсем подходил в качестве опорного пункта для миссии Бхактиведанты Свами.

И все друзья говорили то же самое: лучше перебраться ближе к центру. Бауэри и Китайский квартал слишком далеко. Нужно найти новое помещение.

Смирившись с обстановкой – он воспринял ее как милость Господа – и стараясь никого не беспокоить, Бхактиведанта Свами день и ночь терпеливо говорил о сознании Кришны. Карл уверял, что новое место найдут быстро, особенно если за дело возьмутся несколько человек, – они объединят усилия и помогут с выплатой аренды.

Прошла неделя, но помещения для Свами так и не нашлось. Однажды он попросил Карла сходить с ним к Майклу Гранту, чтобы попросить его о помощи.

Майк: Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Говорил Карл:

– Мы сейчас гуляем со Свамиджи и думаем зайти к тебе.

– В такую рань?

– Ну, Свамиджи хочет поговорить с тобой.

Они были совсем рядом, поэтому мне пришлось поспешно одеться. Не успел я дойти до двери, они уже стояли у входа.

Я пригласил их войти, хотя был совершенно не готов к приему. Телевизор работал с прошлого вечера – там шли какие-то мультфильмы. Свами сел на диван между мной и Карлом. У меня жила кошка, и она тут же запрыгнула к Свамиджи на колени, но он быстро столкнул ее обратно на пол. Мы начали было разговор, но Свамиджи увидел, что показывают по телевизору и сказал: «Что за чушь!» Тут до меня дошло, что я забыл выключить телевизор, и там действительно показывают какую-то ерунду. Я быстро вскочил со словами: «Конечно. И правда чушь» – и выключил его.

Бхактиведанта Свами пытался объяснить Майку, как сложно ему жить с Карлом и Евой. Майк слушал. А Свами точно не хочет вернуться на Бауэри и жить с Дэвидом Алленом? Ведь если не считать одного неприятного инцидента, место там довольно-таки неплохое? Бхактиведанта Свами объяснил, что из-за увлечения ЛСД Дэвид сошел с ума и стал опасен. Майк недоверчиво посмотрел на Свами – Дэвид Аллен опасен? Бхактиведанта Свами рассказал: «В Индии есть одна старая поговорка – прими духовного учителя, сядь рядом, научись всему, чему только можно, затем убей его, оттолкни тело в сторону, займи его место и сам стань гуру». Слушая Свами, Майк начал понимать, что Дэвид и в самом деле опасен, поэтому вопросов больше не задавал.

Майк понял, что Свамиджи умоляет его о помощи. Они с Карлом сидели на диване, кивая головами в знак согласия. Свами смотрел на Майка, а Майк соображал.

«Итак, чем же помочь Свамиджи?» – вставил Карл.

Майк объяснил, что он пианист, и каждый день ему нужно репетировать. Дома у него были два пианино, две ударные установки, виброфон и много чего еще, к нему постоянно приходили друзья, и часами играли на своих инструментах. К тому же он жил с подружкой и держал кошку. Но Майк пообещал, что постарается помочь найти новое место. Свамиджи поблагодарил его и приготовился уходить.

Майк почувствовал, что теперь связан долгом. Он умел доводить дела до конца. Желая помочь Свами, на следующий же день Майк пошел в редакцию «Вилледж Войс», купил свежий номер, просмотрел объявления, и, обнаружив подходящее предложение, позвонил хозяину. Сдавался магазинчик на первом этаже дома по Второй авеню. Хозяин, м-р Гардинер, договорился с Майком о встрече. Карл и Свами тоже захотели на ней присутствовать. М-р Гардинер и Майк пришли первыми. Майк обратил внимание на необычную самодельную вывеску над витриной: «Бесценные дары». Как объяснил м-р Гардинер, она осталась еще с тех времен, когда здесь находился антикварный магазин. Майк представил Свами как духовного учителя из Индии, автора многих книг и знатока санскрита, и на хозяина это, похоже, произвело немалое впечатление. Когда приехали Карл и Свами, г-н Гардинер показал им магазинчик. Свами, Карл и Майк тщательно изучили его возможности. Помещение было нежилое, пустое и темное – электричество отключили, а стены нужно было заново перекрашивать. Для собраний оно годилось, а для проживания Свами – вряд ли. Но цена в сто двадцать пять долларов в месяц вполне устраивала. Тогда господин Гардинер показал им небольшую квартиру, на втором этаже того же здания, прямо за магазином, через двор. Еще семьдесят один доллар в месяц – и Свами преспокойно может там жить, однако сначала господин Гардинер должен сделать в квартире ремонт. Общая сумма составила сто девяносто шесть долларов. Они решили, что сумеют набрать такую сумму.

У Бхактиведанты Свами возникла идея сделать господина Гардинера первым официальным попечителем своего еще только зарождающегося общества сознания Кришны. Во время беседы он

подарил господину Гардинеру трехтомник своего перевода «Шримад-Бхагаватам». На титульном листе он сделал дарственную надпись и подписался «А.Ч. Бхактиведанта Свами». Получив эти книги в подарок от самого автора, господин Гардинер был чрезвычайно польщен. Он согласился стать попечителем нового общества сознания Кришны и ежемесячно вносить в кассу двадцать долларов.

Покраска квартиры заняла у господина Гардинера неделю. Тем временем Майк позаботился о том, чтобы включили электричество, воду и установили телефон. Вместе с Карлом они пошли по друзьям и собрали деньги на оплату аренды за первый месяц. Когда все было готово, Майк позвонил Свами.

И вот настало время переезда на новую квартиру. Несколько друзей из тех, кто был в то время свободен, поднялись вместе со Свами в мансарду на Бауэри. Они, может быть, еще не были готовы стать послушными учениками, но внести деньги за аренду и несколько часов потрудиться, чтобы помочь ему устроиться на новом месте, – это они делали с большим удовольствием.

В мансарде они собрали и упаковали вещи Свами и пошли пешком по Бауэри. Это было похоже на сафари – караван из шести человек, груженных вещами Свамиджи. Майкл тащил тяжелый магнитофон «Робертс», и даже сам Свами нес два чемодана. Все произошло так стремительно, что только на середине пути, когда у Майка заболела рука, он подумал: «Почему мы не взяли такси?»

Был конец июня, подернутое дымкой солнце высоко стояло над джунглями Бауэри и нещадно палило. Странная процессия, растянувшаяся на целый квартал, медленно, с остановками, шествовала по улице. Свамиджи еле-еле тащил свои чемоданы мимо казавшегося бесконечным рядом оптовых магазинчиков, снабжающих рестораны, и магазинов электротоваров, расположившихся между улицами Гранд, Брум и Спринг. Время от времени он останавливался и отдыхал, поставив чемоданы на землю. Наконец-то он уезжает с Бауэри!

Его знакомый электрик с Семьдесят второй улицы наверняка бы порадовался такому повороту событий, хотя квартира на Второй авеню ему бы вряд ли понравилась. По крайней мере, Свами больше не будет жить в этих трущобах. Он шел дальше – мимо бездомных, слонявшихся у дверей приюта Армии спасения, мимо открытых дверей забегаловок, останавливался у светофоров рядом с совершенно незнакомыми людьми и следил за продвижением вереницы идущих за ним друзей.

Художники и музыканты с Бауэри считали его «необыкновенно продвинутым». Они чувствовали, что за Свамиджи стоит духовная сила, и очень хотели помочь ему получить собственное помещение, где он смог бы развернуть духовную деятельность и проповедовать. Сейчас Свамиджи зависел от них, но они знали, что он находится на «более высоком уровне» и не нуждается ни в чьей защите, или, как он сам говорил, его хранит Бог.

Свами и его молодые друзья добрались до угла Бауэри и Хьюстон-стрит, повернули направо и направились на восток. Он шел, спокойно глядя вперед, и, наконец, увидел на расстоянии одного квартала южную оконечность Второй авеню. Дойдя до перекрестка, он свернет на Вторую авеню, пройдет еще квартал, пересечет Первую улицу и окажется прямо у своего нового дома. Как только он миновал вход в метро, показался магазин «Бесценные дары». Он перехватил чемоданы и зашагал быстрее. На углу Второй авеню и Хьюстон-стрит, выждав удобный момент, он поспешно пересек улицу – и вот уже показались зеленые кроны деревьев над высоким забором, который огораживал двор его будущего дома. Деревья росли в небольшом дворике между домами и тянулись вверх, словно разросшийся бурьян.

В здании, выходящем на улицу, находилось помещение, где Свами будет проводить программы, а в глубине двора находилось другое здание – там ему предстояло жить и работать над переводами. С северной стороны к дому примыкало массивное девятиэтажное помещение склада. В доме, где находился магазин «Бесценные дары», было всего шесть этажей, и рядом с этим огромным сооружением он казался карликом, прилепившимся к исполину. С юга к дому, в котором расположился новый храм Бхактиведанты Свами, не примыкало никаких строений; голая цементная стена выходила на автостоянку и бензоколонку «Мобил», на углу Первой и Второй авеню. Подойдя к магазину, Бхактиведанта Свами увидел два маленьких фонаря, которые украшали узкий вход в будущий храм.

Он не знал, что ждет его здесь. Но обнадеживало уже одно то, что эти молодые ребята, хотя и бывают иногда не в себе, все-таки могут влиться в движение санкиртаны Господа Чайтаньи. Кто

знает, может быть, этому дому суждено стать тем самым местом, где удастся, наконец, заложить фундамент Международного общества сознания Кришны.

Глава восемнадцатая

Подготовка почвы

Прибыв в США, Свами Бхактиведанта вскоре оказался в Первобытной Духовной Общине – другими словами, в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде – и в неприкосновенности перенес туда частичку атмосферы древней Индии. Он превратил бывший магазин в ашрам, где поклонялся Кришне и, всегда пребывая в ровном настроении, терпеливо пел, повторял мантру, объяснял санскритские тексты... и так, день за днем, утверждал сознание Кришны в психоделическом центре Восточной Америки... Выбрать в качестве объекта внимания и заботы Нижний Ист-Сайд, – какая доброта, и смирение, и разум!

Аллен Гинзберг

Из Введения к «Бхагавадгите как она есть» в издании Мак Миллана

Район, в который переехал Бхактиведанта Свами, был не таким нищим и убогим, как Бауэри, но и назвать его респектабельным тоже было сложно. Прямо напротив «Бесценных даров» располагался магазин похоронной фирмы «Памятники братьев Вейцнеров и Пэппера». В его тускло освещенной, мрачной витрине были выставлены надгробные плиты. С северной стороны к магазину братьев Вейцнеров примыкала «Закусочная Сэма», рядом с которой стоял четырехэтажный дом с вывеской «Студии», а за ним – «Памятники Бена Дж. Горовица» (тоже надгробия). У перекрестка находилось «Похоронное бюро Шварца», а в начале следующего квартала, в номере 43, располагалось «Похоронное бюро Провенцано Ланцы», о чем сообщала надпись на потрепанном полотняном навесе над тротуаром. Следом за ним разместилась мелкооптовая база «Космос», а пройдя еще несколько кварталов в сторону от центра, можно было увидеть броскую черно-белую вывеску театра «Вилледж-Ист».

По той же стороне улицы, что и «Бесценные дары», но на один квартал дальше, стояла церковь Рождества – старинное трехэтажное здание с позолоченным крестом на крыше, недавно покрашенное голубой краской. Шестиэтажный дом №26 на Второй авеню, с грязно-зеленой пожарной лестницей на фасаде, застенчиво жался к массивному девятиэтажному зданию «Несгораемого склада Никербокера».

Вторая авеню была главной транспортной артерией восточного Манхэттена, поэтому всякий раз, когда на пересечении Хьюстона и Второй загорался красный сигнал светофора, прямо напротив дверей магазинчика Бхактиведанты Свами останавливался поток грузовиков, такси и частных машин. С раннего утра и до позднего вечера с улицы доносился шум проносящихся мимо автомобилей, то и дело прерываемый скрипом тормозов – машины замирали, выстроившись плотными рядами, шум моторов сменялся нетерпеливыми гудками, потом – скрежет сцеплений, урчание набирающих обороты двигателей... и снова – шум несущихся мимо машин. Движение было сумасшедшее.

На первом этаже дома №26 по Второй авеню было два нежилых помещения, выходивших на улицу: в том, что слева, находилась прачечная-автомат, а в другом, справа, был когда-то магазин сувениров, но теперь оно пустовало. Комнаты были похожи друг на друга – обе с узкими входными дверями и большими витринами, обе выкрашены в какой-то тусклый цвет. Всего каких-то несколько недель назад двухметровую витрину «Бесценных даров» украшали спичечные коробки с фотографиями кинозвезд тридцатых и сороковых годов, теперь же о магазине напоминала лишь вывеска. Под витриной, на уровне тротуара, находилась железная двустворчатая дверь, за которой начиналась каменная лестница, ведущая в подвал и котельную. Широкий тротуар был вымощен плитами разных форм и размеров: в прошлом его неоднократно ремонтировали. В некоторых местах плиты потрескались и просели, а в трещинах и выбоинах скопилось пыль, в которой поблескивали мелкие осколки стекла. На краю тротуара угрюмо торчал черный пожарный гидрант. Между входом в прачечную и входом в бывший антикварный магазин находился парадный подъезд дома №26. За дверьми – вестибюль с рядами почтовых ящиков и домофонами, а дальше, за дверью, которая всегда была на замке – коридор, ведущий на лестницу и во двор.

Вход в антикварный магазин располагался слева от витрины – это была темная деревянная дверь со стеклом во всю высоту. За дверью – длинное, узкое и совершенно пустое помещение. Внутри, справа от входа, прямо под витриной, было возвышение – как раз такой высоты, чтобы на нем можно было сидеть. В дальнем углу этой пустой, грязной комнаты виднелись два зарешеченных окна с давно не мытыми стеклами, выходившие на задний двор. В левом углу находился небольшой умывальник, привинченный к кабинке туалета, дверь которого была обращена к выходу. Дверь в левой стене помещения соединяла его с коридором, ведущим во двор.

Двор, обсаженный кустарником и высокими деревьями, был вымощен бетонной плиткой. Во дворе, кроме садового столика, был еще цементный бассейн для птиц, скворечник на высоком шесте, а посередине – две клумбы, обсаженные живой изгородью. С севера и юга сад был обнесен высокими стенами, а спереди и сзади возвышались дома. Умиротворяющую ноту в эту картину вносил клочок голубого неба над головой.

Окна квартиры Бхактиведанты Свами, находившейся на втором этаже в заднем корпусе дома №26, выходили во двор. Здесь ему предстояло жить, работать и поклоняться Кришне. Друзья с Бауэри помогли ему навести порядок и благополучно устроиться на новом месте. В задней комнате – своем кабинете – Бхактиведанта Свами положил на пол у стены тонкую подушку, обернутую наволочкой с изображением слона, а перед ней поставил некрашенный металлический сундучок, служивший ему письменным столом. На сундучок он поместил пишущую машинку, а вокруг разложил бумагу и книги. Здесь будет его рабочее место. Рукописи, завернутые в шафрановую ткань, экземпляры «Шримад Бхагаватам» и несколько личных вещей Свамиджи разместил в шкафу напротив. Над своим рабочим местом он повесил индийский календарь с изображением Господа Кришны (юный Кришна играет на флейте, а позади Него – корова; Господь стоит на планете Земля, похожей на небольшой холм у Него под ногами). Лучи утреннего солнца, проникавшие сквозь окна в восточной стене, падали на пол, вырисовывая на нем четкую тень пожарной лестницы.

В соседней комнате не было ничего, если не считать изящного кофейного столика, который Бхактиведанта Свами превратил в алтарь. Он поставил на него обрамленное изображение Господа Чайтаньи и Его спутников, а на стену повесил плакат с четырехруким Господом Вишну и божественным змеем, Ананта Шешей. Здесь, как и в мансарде на Бауэри, он протянул веревку для сушки белья.

Обе комнаты недавно покрасили. Полы были выложены добротным паркетом, а недавно отремонтированная ванная и узкая кухня, оснащенная всем необходимым, были чистыми и вполне пригодными для пользования. Там, у окна Бхактиведанта Свами будет часто стоять, глядя на отделенную от двора стеной улицу. Он переехал сюда, даже не зная, удастся ли ему заплатить за аренду за следующий месяц.

Хотя Карл, Майк, Кэрл, Джеймс и Билл сами уговорили его переехать, теперь далеко не всем им было удобно его навещать. Но они надеялись, что придут и новые люди, которые ему помогут. Все в один голос заявили, что это место – самое лучшее, что только может быть. Да и ему, кажется, здесь было удобно. Билл сообщил посетителям «Парадокса» новый адрес Свамиджи.

* * *

История Нижнего Ист-Сайда столь же стара и так же исполнена перемен и человеческих слёз, как и история самого Нью-Йорка. За триста лет до приезда Бхактиведанты Свами Нижний Ист-Сайд был частью поместья Питера Стуйвзанта. Сегодняшняя достопримечательность, парк Томпкинс-Сквер, когда-то был солончаком, носившим название Стуйвзантовой топи.

В сороковых годах девятнадцатого века, когда тысячи ирландских эмигрантов бежали сюда от «картофельного голода», поразившего Ирландию, Нижний Ист-Сайд превратился в трущобы. За два десятилетия ирландцы успели стать образцовыми американцами – примером для следующего поколения иммигрантов – немцев. Постепенно численность переселенцев из Германии так возросла, что в Нью-Йорке именно они стали самой большой группой иностранцев. Затем из Восточной Европы (Польши и Украины) сюда потянулись евреи, и к 1900 году Нижний Ист-Сайд превратился в самое большое в мире еврейское гетто. Но евреи следующего поколения, в поисках более выгодных экономических условий, предпочли переселиться в пригороды, и гетто начало приходить в упадок.

В пятидесятых сюда, спасаясь от нищеты, устремились сотни тысяч пуэрториканцев, покинувших свой бедный остров или же перебивавшихся сюда из восточного Гарлема. Они, а

также чернокожие из Гарлема и Бедфорд-Стуйвзанта, в шестидесятые годы отправившиеся за ними вслед, составили новые группы иммигрантов, которые вместе с поляками и украинцами заселили трущобы Нижнего Ист-Сайда – район жилых зданий и оживленных улиц площадью в пять квадратных километров.

Затем, всего за несколько лет до приезда в трущобы Нижнего Ист-Сайда Бхактиведанты Свами, туда пришли новые обитатели. Несмотря на многочисленные социологические и культурологические исследования, до сих пор остается неясным, почему они вдруг появились здесь, словно огромная стая перелетных птиц или стадо животных, которые, подчиняясь зову природы, вдруг одновременно двинулись в путь, и почему спустя несколько лет исчезли.

Первые пришельцы в большинстве своем были молодыми художниками, музыкантами и интеллектуалами, вроде тех хиппи, что собирались у Бхактиведанты Свами на Бауэри. Затем появились молодые бунтари, выходцы из среднего класса. Поскольку найти здесь жилье было легче, а стоило оно дешевле, чем в соседнем Гринвич-Вилледже, они оккупировали Нижний Ист-Сайд, который агенты по недвижимости стали теперь называть Ист-Вилледжем. Многие из них даже не пытались найти себе жилье, а селились прямо в подъездах. Привлеченные дешевым жильем и перспективой богемной жизни, эти молодые отщепенцы, выходцы из среднего класса – авангард общенационального молодежного движения, те, кого средства массовой информации вскоре окрестят «хиппи», – двинулись в трущобы Нижнего Ист-Сайда, выражая протест против мещанских идеалов американского общества.

Словно повинувшись инстинкту, за старшими хиппи потянулись молодые беглецы-подростки, а следом за ними в Нижний Ист-Сайд пришла полиция, адвокаты, работники социальных служб, появились молодежные общежития и консультативные наркологические центры. На площади Св. Марка расцвела новая торговля – магазины для наркоманов, магазины плакатов, магазины грампластинок, художественные галереи, книжные лавки, в которых можно было купить все – от папиросной бумаги до одежды хиппи и психоделических светильников.

Хиппи приходили в Нижний Ист-Сайд в полной уверенности, что, как некогда их предки-иммигранты, нашли землю обетованную. Когда взорам иммигрантов, прибывавшим из Европы в Америку, наконец, открывался силуэт Манхэттена и статуя Свободы, гавань Нью-Йорка казалась им воротами в сказочную страну богатства и безграничных возможностей. Теперь, в 1966 году, американская молодежь со своими надеждами устремилась в Нью-Йорк, и образ только что открытой мистической земли – трущоб Нижнего Ист-Сайда – наполнял их сердца восторгом.

Соседство было беспокойное: с одной стороны – хиппи, с другой – пуэрториканцы, поляки и украинцы. «Коренное» население было возмущено появлением пришельцев, которых, в отличие от них самих, никто не заставлял жить в трущобах. И правда, многие из этих молодых людей были выходцами из семей иммигрантов, поколение за поколением боровшихся за то, чтобы занять место среди представителей американского среднего класса.

Тем не менее, миграция молодых людей в Нижний Ист-Сайд была такой же реальностью, как и в свое время переселение пуэрториканцев, поляков или украинцев, хотя причины ее, разумеется, были иными.

Хиппи отвергали мещанский образ жизни родителей, идиотский оптимизм телевидения и рекламы, отказывались от эфемерных целей и идеалов американского среднего класса. Они разочаровались в родителях, учителях, священниках, политических лидерах и средствах массовой информации, они были недовольны американской политикой во Вьетнаме. Их привлекали радикальные политические идеологии, рисовавшие Америку жестоким эгоистическим гигантом-эксплуататором, который должен либо измениться, либо погибнуть. Они искали подлинной любви, подлинного мира, подлинной жизни и подлинного духовного сознания.

В то лето, когда Бхактиведанта Свами переехал на Вторую авеню, 26, первая волна великого молодежного бунта шестидесятых уже докатилась до Нижнего Ист-Сайда. Здесь они обретали долгожданную свободу – свободу жить в простоте и бедности, выражая себя через искусство, музыку, наркотики и секс. Все только и говорили что о духовных поисках. ЛСД и марихуана стали ключами, открывшими доступ в новые сферы сознания. В моду вошли восточные культуры и религии. С помощью наркотиков, йоги, братства или просто свободы хиппи надеялись обрести просветление. Каждому полагалось сохранять непредвзятость и широту взглядов, у каждого была своя вселенская философия, замешанная на обрывках сведений из разных книг, опытах с наркотиками и собственных переживаниях. Даже если их жизнь казалась им бесцельной, по крайней мере, они гордились тем, что вышли из бессмысленной игры, где игрок продает свою

душу за материальные блага, поддерживая тем самым уже насквозь прогнившую социальную систему.

Итак, в 1966 году тысячи молодых людей бродили по улицам Нижнего Ист-Сайда – не просто одурманенные наркотиками или сошедшие с ума (хотя и таких было немало), а в поисках смысла жизни. Они презирали идеалы «истэблшмента» и жизнь, которую вели миллионы «добропорядочных» американцев.

Бхактиведанта Свами был удивлен тем, что в процветающей Америке оказалось столько разочарованной молодежи. Это лишний раз доказывало, что материальное благополучие, которым так гордилась Америка, не способно сделать людей счастливыми. Бхактиведанта Свами не пытался объяснить трагизм жизни окружающих социальными, политическими, экономическими или культурными факторами – ни трущобы, ни молодежные бунты сами по себе не имели первостепенного значения. Все это – лишь симптомы всеобщего несчастья, спасти от которого может только сознание Кришны. Он сочувствовал страданиям каждого из них, но ему было известно универсальное средство, которое поможет всем людям раз и навсегда избавиться от страданий.

До переезда в Нижний Ист-Сайд Бхактиведанта Свами не занимался изучением молодежного движения в Америке. Он никогда не задавался целью поселиться именно среди молодежи. Но в течение десяти месяцев, прошедших после его отъезда из Калькутты, силою обстоятельств, или, как он сам говорил, «по воле Кришны», он был вынужден постоянно переезжать с места на место. По указанию духовного учителя он приехал в Америку и по воле Кришны оказался в Нижнем Ист-Сайде. Здесь у него была та же миссия, что и на Бауэри, и в студии доктора Мишры, и даже в Индии. Он твердо следовал указаниям духовного учителя и стойко придерживался ведической философии – и это не могли поколебать радикальные перемены, сотрясавшие американское общество в середине шестидесятых. Если случится так, что вследствие изменений в культурном климате Америки эти молодые люди окажутся более восприимчивыми к его словам, он будет только рад. Это тоже зависит от Кришны.

Несмотря на революции хиппи, это время – из-за пагубного влияния века Кали – было, в сущности, самым неблагоприятным для духовного развития. На Бхактиведанту Свами была возложена задача, с которой не сталкивался никто из духовных учителей прошлого: попытаться пересадить ведическую культуру на самую неподходящую для этого почву. Поэтому он знал, что работа предстоит чрезвычайно трудная. И все же, в этот ужасный век, как раз накануне прибытия Бхактиведанты Свами в Америку, недовольство и протест против культуры Кали-юги погнало на улицы нью-йоркского Нижнего Ист-Сайда толпы молодых людей, искавших то, чего не могла дать им повседневная жизнь, – свободу выбора и духовное удовлетворение. Эта молодежь, сошедшая с проторенных путей материалистического образа жизни и собравшаяся теперь в Нижнем Ист-Сайде, – случайно ли, по своему ли выбору или по воле Провидения – и стала паствой Свами, который в своем магазинчике предлагал ей «бесценные дары» – киртаны и духовное руководство.

Переезд Свами прошел незамеченным. Соседи говорили, что помещение магазина сувениров рядом с прачечной занял какой-то приезжий. В витрине появилась странная картина, но никто не знал, что это значит. Некоторые прохожие замечали приклеенное к витринному стеклу объявление, содержащее приглашение на лекции по «Бхагавад-гите». Никто не знал, что такое «Бхагавад-гита», а те, кто знал, думали: «Наверное, магазин, где торгуют книгами по йоге, или что-нибудь в этом духе». Жившие по соседству пуэрториканцы иногда останавливались у витрины, разглядывая картину Харви Козна, а потом равнодушно отходили. Управляющего соседней автозаправочной станцией «Мобиль» меньше всего интересовало, кто куда вселился – для него это не имело ровным счетом никакого значения. Торговцев могильными плитами и владельцев похоронных бюро это тоже нисколько не заботило. Что до водителей бесчисленных легковых машин и грузовиков, проезжавших мимо, – для них дома, в котором поселился Свами Бхактиведанта, вообще не существовало.

Однако нашлись молодые люди, которых картина заинтриговала. Они подходили к стеклу и читали объявление. Некоторые из них даже слышали о «Бхагавад-гите», хотя картина с Господом Чайтаньей и танцующими людьми, как будто бы не имела к ней никакого отношения. Кое-кто подумывал о том, чтобы сходить на лекцию Свами Бхактиведанты – разведать обстановку.

Июль 1966 года

Говард Уилер торопился на Пятую улицу, к своему приятелю, в тихой квартире которого он рассчитывал немного отдохнуть. Он вышел из дома на улице Мотт, поднялся до Хьюстон-стрит, повернул направо и пошел на восток, через Бауэри, в сторону Второй авеню, мимо спотыкающихся бродяг и потока мчащихся машин.

Говард: Я перешел Бауэри и, не доходя до Второй авеню, увидел Свамиджи. С высоко поднятой головой, он неторопливо и беспечно шел по тротуару, держа руку в мешочке с четками. Для меня это было все равно, что встретить на улице знаменитого актера из любимого фильма. Определить его возраст было невозможно. На нем была традиционная шафрановая одежда санньяси и необычные белые остроносые туфли. Здесь, на Хьюстон-стрит, он казался джинном, выскочившим из лампы Аладдина.

Двадцатишестилетний Говард, рослый молодой человек с длинными темными волосами и густой бородой, носивший очки в черной оправе, преподавал английский язык в университете штата Огайо и только что вернулся из Индии, где пытался найти настоящего гуру.

Бхактиведанта Свами заметил Говарда, и они почти одновременно остановились.

– Вы из Индии? – первое, что пришло в голову, сказал Говард.

– Да, а вы? – улыбнулся Бхактиведанта Свами.

Говард: Я ответил, что нет, но недавно был там и очень интересуюсь Индией и философией индуизма. Он рассказал, что приехал из Калькутты и в Нью-Йорке уже около десяти месяцев. Глаза у него были ясные и добрые, как у ребенка, и даже стоя на тротуаре Хьюстон-стрит, по которой с ревом и гулом проносились грузовики, он излучал невозмутимое спокойствие, источник которого был неиссякаем и находился где-то очень далеко от грохотававшего вокруг нас мегаполиса.

В тот день Говард так и не дошел до своего друга. Он вернулся к себе, на Мотт-стрит, к Кейту и Уолли, своим соседям по комнате, и рассказал им (и всем, кого знал), о том, что по соседству неожиданно-негаданно поселился гуру.

Кейт и Говард уже бывали в Индии и теперь увлекались всевозможными духовными философиями. К ним частенько заходили друзья, чтобы побеседовать о просветлении. Среди них был восемнадцатилетний Чак Барнет.

Чак: Когда в квартире открывалась входная дверь, во все стороны по щелям разбегались тысячи тараканов. Запах буквально валил с ног, хотя Кейт, в принципе, как мог старался привести квартиру в порядок и избавиться от лишних жильцов. Уолли, Кейт, Говард и еще несколько парней – все жили в одной квартире. Не придумав ничего лучше, они, чтобы испытать и усилить духовные переживания, пользовались ЛСД, и считали, что наркотики помогают им медитировать. Как бы то ни было, Уолли, Говард и Кейт, как и все мы, искали совершенного духовного учителя.

Говард вспоминает, как по-своему открывал для себя духовность: «читал книги по восточной философии и религии, во множестве жег свечи и благовония, как «медитативные» средства принимал ганджу, мескалин, ЛСД... По правде говоря, это была скорей интоксикация, чем медитация. «Для нас слово «медитация» была скорее эвфемизмом, который мог как-то связать наркотический «кайф» с книгами, которыми мы увлекались».

Двадцатидевятилетний Кейт был сыном баптистского священника с Юга США. Кандидат исторических наук, получивший степень в Колумбийском университете, Кейт писал диссертацию на тему «Подъем Возрожденчества на Юге Соединенных Штатов». Кейт носил шорты из грубой хлопчатобумажной ткани, сделанные из старых брюк, сандалии и футболку. Для приятелей с Мотт-стрит он был чем-то вроде гуру.

Уолли было за тридцать. Он ходил в потертой одежде, носил бороду, был интеллектуален и весьма сведущ в буддизме. В армии Уолли служил радиомехаником, а теперь, как и большинство товарищей, сидел без работы. Он читал Алена Уоттса, Германа Гессе и тому подобных пропагандистов «духовного прозрения» и ЛСД.

В Индии Говард и Кейт посетили Хардвар, Ришикеш, Бенарес и другие священные города. Они заезжали в индийские храмы и испытывали на своей шкуре и гашиш, и дизентерию... Как-то вечером в Калькутте они встретили группу садху, поющих под аккомпанемент ручных тарелочек Харе-Кришна-мантру. Говард и Кейт, как, впрочем, и многие другие уроженцы Запада, полагали, что суть индийской философии выражена в доктрине Шанкары о безличном единстве: все сущее ложно, за исключением единого безликого духа. Они покупали книги, где говорилось, о том, что «во что бы вы ни верили и как бы ни выражали свою веру, это – истинный духовный путь».

По возвращении из Индии трое товарищей – Говард, Кейт и Уолли – принялись строить свою собственную систему философских воззрений – винегрет из всех мыслимых философий. Говард приправлял его мыслями из Уитмена, Эмерсона, Торо или Блейка; Кейт вставлял тексты из Библии, а Уолли подбросил немного мудрых высказываний из буддистских книг. Друзья разделяли взгляды Тимоти Лири, Томаса Кемписа и много кого еще. Всякий раз, когда кого-нибудь из них, вследствие экспериментов с ЛСД, посещало новое космическое прозрение, вся «философия» подвергалась полной переоценке.

Вот в какую компанию вернулся в тот июльский день Говард. Он стал возбужденно рассказывать товарищам о Свами – о том, как он выглядел и что говорил. Говард рассказал, что они со Свами так вот стояли и разговаривали, и что Свами живет недалеко, на Второй авеню, где собирается читать лекции.

Говард: Я дошел с ним до угла. Он указал на здание с магазинчиком на первом этаже дома между Первой и Второй улицей, рядом с заправочной станцией «Мобил». Раньше это была антикварная лавка. Над витриной красовалась вывеска «Бесценные дары». Тогда я еще не понимал пророческого смысла этих слов. «Как по-вашему, это хороший район?» – спросил он меня. Я сказал, что, на мой взгляд, район вполне приличный. Я понятия не имел, о чем он собирается говорить на «лекциях», но знал – все мои друзья будут рады, что по соседству поселился индийский свами.

Молва о новом Свами быстро разнеслась по округе. Карлу Йоргенсу и другим знакомым с Бауэри и Китайского квартала ходить сюда стало не так-то просто – у них было много других дел. А вот Рой Дюбуа, двадцатипятилетний сочинитель комиксов, который бывал у Свами еще на Бауэри, услышав, что тот переехал, решил непременно его навестить. Не забыли о Свами и Джеймс Грин с Биллом Эпштейном – они тоже намеревались прийти. Ресторан «Парадокс» по-прежнему собирал посетителей, многие из которых мечтали побывать на лекциях Свами. Другие, как, например, Стивен Гуарино, прочли объявление в витрине. Стиву было двадцать шесть лет, он занимался организацией помощи неблагополучным семьям в городском управлении социального обеспечения, которое находилось на углу Пятой улицы и Второй авеню, и, когда однажды в обеденный перерыв он шел с работы домой, то увидел в витрине объявление. В то время Стив как раз читал «Гиту» – дешевое издание, – и поэтому решил обязательно сходить на лекцию Свами.

В тот день, когда Говард вместе со Свами стоял возле витрины, он тоже обратил внимание на небольшое объявление:

ЛЕКЦИИ ПО БХАГАВАД-ГИТЕ
А.Ч. БХАКТИВЕДАНТА СВАМИ
ПОНЕДЕЛЬНИК, СРЕДА, ПЯТНИЦА
19:00 – 21:00

– Вы приведете своих друзей? – спросил Бхактиведанта Свами.

– Да, – пообещал Говард. – В понедельник вечером.

* * *

Был теплый летний вечер. Окна, выходившие во двор и входная дверь магазинчика были распахнуты настежь. На полу сидели молодые люди в черных джинсах и спортивных рубашках в широкую неяркую полоску. Свои стоптанные кроссовки они оставили у входа. Большинство из них жили в Нижнем Ист-Сайде, и, чтобы сюда попасть, никому не пришлось идти далеко. В небольшой комнате ничего не было – ни картин, ни мебели, ни ковра, ни даже стула – лишь несколько простых соломенных циновок. Посреди комнаты с потолка свисала единственная лампочка без абажура. Было семь вечера, собралось человек десять. Вдруг боковая дверь открылась, и в комнату вошел Бхактиведанта Свами.

На нем не было рубашки – его тело покрывала только шафрановая ткань, так что руки и часть груди оставались обнаженными. Кожа его была ровного золотисто-коричневого цвета, и, по мере того как гости разглядывали его – обритую наголо голову, уши с длинными мочками, серьезное лицо – он все больше и больше казался им похожим на Будду, погруженного в медитацию, каким его обычно изображают на картинах. Он был стар, но держался прямо и

выглядел бодрым и энергичным. Лоб его украшала вайшнавская тилака, нанесенная желтоватой глиной.

Заметив широкоплечего, бородатого Говарда, Бхактиведанта Свами улыбнулся:

– Вы привели друзей?

– Да, – громким басом ответил Говард.

– Очень хорошо.

Бхактиведанта Свами снял белые туфли, сел на тоненькую циновку, оглядел слушателей и знаком велел им сесть. Он раздал несколько пар литых латунных тарелочек и быстро показал, как отбивать ритм: раз-два-три-и-и... Он заиграл – раздался изумительный звон – и запел: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Теперь очередь была за ними.

– Пойте, – сказал он.

Некоторые уже знали эту мантру, постепенно ее подхватили другие – и после нескольких повторов пели все.

Большинство молодых людей и несколько присутствовавших здесь девушек не раз и не два отправлялись в психоделические путешествия, в надежде расширить сознание и получить доступ в иные сферы бытия. Очертя голову, они бросались в бурные, запретные воды ЛСД, мескалина и колдовских грибов. Готовые рискнуть всем, они не желали слушать никаких предостережений. Но в их безрассудной отваге было и кое-что положительное – стремление отыскать другие измерения своего «я» и выйти за пределы повседневности – даже если они не знали, что ждет их за этой гранью, и смогут ли они когда-нибудь вернуться назад, к комфорту обыденной жизни. Но какие бы истины они ни находили, ничто не приносило им удовлетворения, и каких был миров они ни достигали в своих психоделических путешествиях, они неизменно возвращались в Нижний Ист-Сайд. Теперь они решили попробовать мантру Харе Кришна.

Когда в руках у Свами внезапно зазвенели тарелочки, и он звучным голосом повел киртан, они тут же почувствовали, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Это был еще один шанс «улететь», и они охотно поддались настроению киртана. Они хотели полностью отключить свой ум, чтобы узнать все, что может дать им это пение. У многих мантра уже ассоциировалась с мистическими Упанишадами и «Гитой», вызывающими к ним таинственными словами: «Вечный дух... Отрицание иллюзии...» Но какой бы ни была эта индийская мантра, думали они, пусть она звучит... Пусть ее волны унесут нас далеко-далеко и высоко-высоко. Примем же ее, и ощутим ее действие. Чего бы это ни стоило, пусть она унесет нас с собой. Пение казалось довольно простым и естественным. Оно ласкало слух и никому не могло причинить вреда. Это было нечто совершенно потрясающее и ни на что не похожее.

Бхактиведанта Свами пел, погружившись в состояние внутреннего экстаза, но при этом не переставал наблюдать за своей пестрой аудиторией. Он распахивал целину. Теплый летний вечер наполнился мерным звоном тарелочек и усиливающимся распевом Харе-Кришна-мантры. Некоторых соседей это начало раздражать, а пуэрториканские детишки собрались перед входом и в полном восторге тарашили в дверной проем и витрину. Наступали сумерки.

Это казалось экзотикой, но всем было ясно, что Свами возносит какую-то древнюю молитву во славу Господа. Это был не рок и не джаз. Он – святой, санньяси – совершал публичное богослужение. Но сочетание было странное: в магазинчике Нижнего Ист-Сайда пожилой индийский свами поет древнюю мантру вместе с молодыми американцами-хиппи.

Бхактиведанта Свами продолжал петь. Его бритая голова была высоко поднята и слегка наклонена, а тело чуть-чуть подрагивало от переполнявших его эмоций. Охваченный чистой преданностью, он уверенно вел пение; молодежь подпевала. У витрины и у открытых дверей собрались случайные прохожие. Кое-кто из них выкрикивал насмешки, но звук киртана был слишком мощным – даже гудки автомобилей на его фоне казались слабым стаккато. Рев машин и рокот грузовиков как и прежде сотрясал улицу, но в магазинчике никто не обращал на это внимания.

Люди, собравшиеся в пустой комнате под тусклой лампочкой, пели мантру вслед за ведущим. Слабый, то и дело сбивающийся хор постепенно превращался в стройное созвучие голосов. Все хлопали в ладоши, надеясь проникнуть в тайны мантры и вкладывали в пение всю душу. Этот Свами устраивал не какой-то пробный показ продолжительностью в пять минут, на время он стал их лидером, проводником в царство неизведанного. Говард и Кейт были единственными, кому происходящее было не в новинку – они уже видели киртан в Калькутте. Но

пение в центре Нижнего Ист-Сайда, под руководством настоящего свами, было чем-то совершенно иным.

Их головы были набиты мешаниной из всякого рода фантазий и обрывков индуистских учений – они надеялись узреть в наркотиках лик Божий, считая, что «ОНО» суть ослепительно яркий безличный свет. У Бхактиведанты Свами уже была подобная аудитория на Бауэри, и он знал, что у этих молодых людей нет ни подобающего ученикам благоговения к тому, что они делают, ни понимания смысла происходящего. Но он позволял им петь так, как они того хотят. Со временем к ним придет смирение перед духовным звуком, они обретут знание, очистятся и ощутят экстаз от повторения и слушания мантры Харе Кришна.

Киртан закончился. Пение на время заставило их забыть об окружающем мире, но теперь Нижний Ист-Сайд вновь ворвался в комнату. Стоящие в дверях дети принялись болтать и смеяться. Снова стал слышен рев машин. Из соседней квартиры кто-то кричал, требуя тишины. Была половина восьмого. Полчаса пролетели как одна минута.

* * *

«Итак, сегодня мы начнем Четвертую главу – о том, что Господь Кришна говорит Арджуне».

Его лекция очень проста, но непоседливой молодежи даже она кажется слишком философской. Некоторые вообще не могут слушать, – при первых же словах Свами они бесцеремонно встают и, надев у входа обувь, возвращаются на улицу. Другие уходят, едва поняв, что пения больше не будет. И все же пока что это его лучшая аудитория. Остаются несколько человек – старые знакомые с Бауэри и несколько ребят с улицы Мотт – эти ищут гуру. Многие из слушателей уже читали «Бхагавад-гиту», но не стыдятся признаться, что ничего в ней не поняли.

За дверями – жаркий и шумный июльский вечер. У детей каникулы, и они торчат на улице дотемна. Рядом лает большая собака – «Гав! Гав! Гав!» – в ушах стоит гул машин, под окном визжат девчонки. Все это мешает читать лекцию. Но несмотря на то, что дети, машины и собаки отвлекают, Свамиджи хочет, чтобы дверь оставалась открытой. Стоит кому-нибудь закрыть ее, он спрашивает: «Зачем закрыли? Ведь могут прийти люди». Соперничая с неумолкающей какофонией улицы, он уверенно продолжает говорить, цитируя стихи на санскрите и стараясь завладеть вниманием слушателей, чтобы донести до них свое послание, столь важное и неотложное...

– Гав! Гав! Гав!

– И-и-и-и-и-и-и-и! Я-а-а-а-а-а-а-а!

Визжа, словно маленькие испанские ведьмы, девчонки действуют на нервы всему кварталу. Где-то неподалеку из окна раздается мужской голос:

– Брысь отсюда! Пошли вон!

Бхактиведанта Свами: Попросите их не шуметь.

Рой (один из юношей в храме): Сейчас он их прогонит.

Бхактиведанта Свами: Да-да, эти дети мешают. Попросите их...

Рой: Сейчас-сейчас. Он как раз это делает.

Бхактиведанта Свами: Они так шумят.

Рой: Он их уже прогнал.

Мужчина прогнал детей, но они вернутся снова. Как их прогонишь – ведь они здесь живут. И собака не перестанет лаять. А кто остановит машины? От этого никуда не деться. Бхактиведанта Свами использует машины в качестве примера: когда машина, проезжая по Второй авеню, на какой-то момент попадает в поле нашего зрения, мы, разумеется, не думаем, что она не существовала до того, как мы ее увидели, или перестанет существовать, как только скроется из виду. Точно так же, когда Кришна, покидая нашу планету, уходит на другую, Он вовсе не перестает существовать, даже если кому-то кажется, что это так. На самом деле Он просто исчезает из поля нашего зрения. Кришна и Его экспансии постоянно приходят на бесчисленные планеты в бесчисленных вселенных материального мира, а затем их покидают.

Пока Бхактиведанта Свами говорит, машины одна за другой с ревом и гулом проносятся мимо. Дверь открыта, и он словно стоит на берегу реки из угарного газа, нагретого асфальта, скрипа тормозов и нескончаемого потока транспорта. Он проделал долгий путь, приехав сюда с берегов Ямуны во Вриндаване, где на протяжении веков великие святые и мудрецы, собираясь

вместе, проводили время в беседах о Кришне. Но его слушатели живут здесь, в этих условиях, и потому он пришел сюда, на берег бурного потока машин, мчащихся по Второй авеню, чтобы во весь голос проповедовать им бессмертное учение.

Он не устает повторять: чтобы вы ни сделали в сознании Кришны, пусть даже совсем немного, это принесет вам вечное благо. Именно здесь, а не в студии доктора Мишры или на Бауэри, он стал призывать слушателей полностью принять сознание Кришны. Он убеждает их...

Любой может стать преданным и другом Кришны, как Арджуна. Вы удивитесь, узнав, что большинство старших учеников Господа Чайтаньи в обществе считались падшими. Господь Чайтанья возвысил Харидаса Тхакура до высочайшего положения в Своей духовной миссии, хотя тот родился в мусульманской семье. Так что ограничений нет ни для кого. Каждый может стать духовным учителем, при условии, что он сведущ в науке о Кришне. «Бхагавад-гита» – это наука о Кришне. И если кто-то в совершенстве ею владеет, он становится духовным учителем.

Эта духовная вибрация – Харе Кришна – поможет нам, очистив от пыли зеркало нашего ума. Наш ум покрыт материальной пылью. Вот, как, например, на Второй авеню из-за непрерывного потока машин все покрыто пылью. Так же и наша материальная деятельность приводит к тому, что в уме накапливается материальная пыль, и это мешает нам видеть окружающее в истинном свете. Этот метод, духовная звуковая вибрация – Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе – ее смывает. А когда пыль исчезнет, то так же, как вы видите отражение своего милого лица в зеркале, вы увидите, что по своему истинному положению вы – духовная душа. На санскрите это называется: «бхава-маха-давагни». Это слова Господа Чайтаньи. Изображение Господа Чайтаньи вы видели в витрине. Он танцует и поет «Харе Кришна». Итак, не имеет значения, чем занимался человек в прошлом и какие греховные поступки совершил. В начале он может не быть совершенным, но преданное служение его очистит.

Внезапно в дверь вваливается бродяга с Бауэри. Он насвистывает какую-то песенку и пьяным голосом что-то выкрикивает. Растерянные слушатели остаются на своих местах, не зная, что делать.

Пьяный: Как дела? Я щ-щас приду. Я кое-что принес.

Бхактиведанта Свами: Не мешайте. Сядьте. У нас серьезная беседа.

Пьяный: Я принесу ее сюда. В церковь. Ладно? Я мигом.

Мужчина одет неряшливо; у него седые волосы и короткая борода с проседью. От него на весь храм разит перегаром. Пошатываясь, он выходит и исчезает за дверью. Усмехнувшись, Бхактиведанта Свами возвращается к лекции.

Итак, не имеет значения, что человек делал раньше; если он посвящает себя сознанию Кришны – повторяет «Харе Кришна» и читает «Бхагавад-гиту» – его следует считать святым. Он – святая душа. Апи чет судурачаро. Даже если вследствие прежнего общения у него еще остаются дурные привычки – не беда. Это не важно. Так или иначе, человек должен стать сознающим Кришну, и тогда, постепенно, по мере его продвижения в сознании Кришны, он станет святым.

Привычка – вторая натура. Об этом есть история. Жил-был вор. Как-то раз он с друзьями отправился в паломничество. Когда наступила ночь, и все уснули, вор – а он всегда воровал по ночам – встал и хотел уже было кого-нибудь обокрасть, но потом подумал: «Ох, даже в святом месте меня не оставляет привычка воровать. Нет, не стану я этого делать». Вор взял чью-то торбу и переложил ее на другое место. Так продолжалось всю ночь – бедняга перекладывал мешки паломников с места на место. Но поскольку в нем проснулась совесть, и он находился в святом месте, он ничего не украл. Утром все проснулись и стали искать вещи:

– Где моя сумка? У меня пропала сумка.

– И у меня тоже.

Но тут кто-то закричал:

– Да вот же она!

Все стали возмущаться:

– Что происходит? В чем дело?

И тогда вор встал и сказал своим товарищам:

– Друзья мои, всю жизнь я промышлял воровством, и мне было трудно преодолеть свою привычку воровать по ночам. Но я подумал: «Я пришел в святое место, поэтому не должен воровать». Поэтому я просто поменял сумки местами. Пожалуйста, простите меня.

Такова сила привычки. Он и сам-то не хочет воровать, но привычка берет свое. Он решает больше не красть, но иногда срывается, просто в силу привычки. Так вот, Кришна говорит о таком человеке: если он решил бросить греховную деятельность и встать на путь сознания Кришны, но, по воле случая, совершил некий неблагоприятный с точки зрения окружающих поступок, это не стоит принимать во внимание. В следующем стихе Кришна говорит: кшипрам бхавати дхарматма: в скором времени он, несомненно, станет святым, ибо живет в согласии с сознанием Кришны.

Вдруг старый бродяга вваливается снова, громогласно извещая о своем приходе:

– Как дела?

Он что-то несет. Идя прямо по рядам слушателей, он пробирается вглубь комнаты, прямо туда, где сидит Свами. Он открывает дверь уборной, кладет туда два рулона туалетной бумаги, закрывает дверь и идет к раковине, кладет на нее несколько бумажных полотенец, а под раковину – еще два рулона туалетной бумаги и еще несколько полотенец. Распрямившись, он поворачивается в сторону Свами и слушателей. Свами смотрит на него и спрашивает:

– Как это понимать?

Бродяга молчит – он свое дело сделал. Свами смеется и благодарит гостя, который уже направляется к двери:

– Спасибо. Большое спасибо.

Бродяга выходит на улицу.

– Вот видите, – Бхактиведанта Свами обращается теперь к своей аудитории, – служить – это так естественно. Смотрите, человек на ногах не держится, но думает: «Тут что-то происходит. Сделаю-ка чего-нибудь для них». Видите, как это получается – само собой. Такова наша природа.

Молодые люди переглядываются. Круто! Такого они еще не видели! Сначала они пели под звон тарелочек, потом Свами, похожий на Будду, говорил о Кришне и пел молитвы, а теперь еще эта дурацкая история с пьяницей. Но Свами невозмутим – сидит как ни в чем ни бывало на полу, словно ничего на свете не боится, и говорит о своей философии, о душе, о том, что все мы станем святыми, даже этот старый алкоголик – и тот станет святым!

Проходит около часа, собака по-прежнему лает, а дети как визжали, так и визжат.

Свами просит своих слушателей, которые совсем еще младенцы в духовной жизни, стать настоящими самоотверженными проповедниками сознания Кришны:

– Из «Бхагавад-гиты» вы узнаете, что для Кришны нет никого дороже, чем те, кто проповедует людям этого мира послание «Гиты». Поэтому наш долг – проповедовать принципы «Бхагавад-гиты», чтобы дать людям сознание Кришны.

Бхактиведанта Свами говорит прямо, он не может ждать – пусть даже они и не готовы. Это крайне необходимо. Мир нуждается в проповедниках сознания Кришны.

Люди страдают из-за отсутствия сознания Кришны. Поэтому каждый из нас должен проповедовать сознание Кришны на благо всего мира. Господь Чайтанья, чье изображение висит на витрине нашего храма, был превосходным проповедником сознания Кришны. Господь говорит: «Я приказываю всем вам стать духовными учителями. Примите мой приказ». Господь Чайтанья повелевает нам отправляться во все страны и проповедовать сознание Кришны. Кришна ждет, когда мы возьмемся за эту миссионерскую деятельность, когда будем бескорыстно проповедовать «Бхагавад-гиту», ничего не придумывая и не ожидая награды – как она есть. Нас не должны привлекать мирские занятия, иначе мы не обретем Кришну. Но это не значит, что мы должны относиться к окружающим враждебно. Нет, наш долг – давать им совершенные наставления: станьте сознающими Кришну и...

Какой-то юноша уже не может сдержаться и начинает нести какую-то околесицу.

Бхактиведанта Свами: Нет. Не нужно сейчас мешать.

Парень (поднимается): Слушайте, вы... (Парень начинает выходить из себя, остальные пытаются его успокоить).

Бхактиведанта Свами: Нет-нет-нет. Нет, нет, нет, нет. Не сейчас. Нет, сейчас не время для вопросов.

Парень: Дайте мне сказать.

Бхактиведанта Свами: Нет. Сейчас вы не должны говорить.

Парень: Нет, подождите. Постойте.

Бхактиведанта Свами: Почему вы вмешиваетесь? У нас есть специально отведенное время для вопросов.

Некоторые из присутствующих: Да ладно, пусть говорит! Дайте человеку сказать! (Одни поддерживают парня, защищая его право высказаться, другие стараются заставить его замолчать)

Второй парень: У меня всего один вопрос. Пожалуйста... Сколько можно сидеть и молчать, ни о чем не думая? Сколько это может продолжаться?

Бхактиведанта Свами: Я еще не закончил. У нас будет время для вопросов, когда лекция подойдет к концу (обе группы в аудитории продолжают ссориться). Хорошо, меня радует ваше любопытство, но, пожалуйста, подождите. Потерпите немного, мы еще не закончили. Как только мы завершим лекцию – минут через пять-десять – я уделю внимание вашему вопросу. Потерпите. Сядьте. (Аудитория успокаивается, и Свами продолжает говорить).

Через пять минут...

Бхактиведанта Свами: Ладно. Этот джентльмен больше не может терпеть. Давайте на этом остановимся. Итак, что вы хотели спросить, сэр?

Парень: Практически мы стремимся уделять особое внимание тем, кого мы отождествляем с фактом самим по себе. Многим людям суждено объяснять вопросы «где» и «почему», касающиеся метафизической истины, что «я мыслю – следовательно, я существую».

Бхактиведанта Свами: Каков ваш конкретный вопрос?

Парень: У меня нет ответа на этот вопрос. Я могу только сказать, что пытаюсь... живу, дышу.

Бхактиведанта Свами: Да.

Парень: Так вот... способность – скажите, почему у меня ничего не получается? Могу я понять эти «где» и «почему»?

Бхактиведанта Свами: Хорошо.

Парень: Мне тяжело с вами. Мне трудно говорить.

Бхактиведанта Свами: Пока мы здесь, в материальном мире, у нас много трудностей.

Парень: Трудностей не много. Трудностей не много. Это величайший факт. У меня... Я знаю...

Бхактиведанта Свами: Да.

Парень: Я также знаю, что «где» и «почему» моего личного...

Бхактиведанта Свами: Да.

Парень: Я не приходил сюда. Но дайте, я объясню свое положение. В этом нет нужды... Я понимаю, что должен... Я думаю, разница в том, чтобы научиться... Вы обнаружите это бесчисленное множество раз по тому же признаку... Может быть, нам удастся примирить факт индивидуального существования в течение долгого времени, чтобы выяснить, почему...

Бхактиведанта Свами (поворачиваясь к одному из молодых людей): Рой, ты можешь ему ответить? Это общий вопрос. Можешь ответить?

Рой сочувственно оборачивается к бессвязно говорящему парню, а Свамиджи обращается к своим слушателям:

– На сегодня достаточно, – теперь его голос звучит устало и покорно, – давайте проведем киртан.

Нижний Ист-Сайд вновь затихает. Начинается пение: звенят бронзовые тарелочки, голос Свамиджи выводит мелодию, а аудитория ему подпевает. Это продолжается еще полчаса.

Девять часов. Собравшиеся сидят перед Свами. Один юноша приносит яблоко, деревянную чашку и нож. Пока присутствующие прислушиваются к своим ощущениям и пытаются оценить эффект пения, словно это какой-то новый наркотик, Свами режет яблоко пополам, потом на четыре части, потом на восемь, пока ломтиков не становится достаточно много. Он берет себе один и просит одного из ребят передать чашку по кругу. Свами запрокидывает голову, ловко отправляет в рот ломтик яблока, не касаясь пальцами губ, и долго, задумчиво жует. Его паства молча пережевывает маленькие кусочки яблока. Бхактиведанта Свами встает, надевает туфли и выходит через боковую дверь.

* * *

Когда Бхактиведанта Свами удалялся в свое жилище, а гости, выйдя через парадную дверь, расходились по домам, Дон и Рафаэль выключали свет, запирали дверь и, завернувшись в одеяла, устраивались на полу спать. Дон и Рафаэль как раз подыскивали себе жилье, когда услышали о «доме Свами». Любому, кто выказывал хотя бы небольшое желание стать его учеником,

Бхактиведанта Свами позволял жить в магазинчике и считать его своим домом. Конечно, за проживание и пищу Свами просил их вносить какую-то плату, но уж если у кого-то денег совсем не было – как у тех же Дона и Рафаэля – что ж... Пусть живут и помогают чем могут.

Дон и Рафаэль первыми откликнулись на предложение Свами. Им нравился и сам Свамиджи, и его пение, а вот философию и стиль жизни преданных они серьезно не воспринимали. Ни денег, ни работы у них не было, они носили длинные спутанные волосы и днем и ночью ходили в одной и той же одежде. Бхактиведанта Свами настаивал на том, чтобы, по крайней мере, пока живут здесь, они соблюдали установленные правила – не употребляли наркотики и алкоголь, не играли в азартные игры, отказались от незаконного секса и не ели мяса. Он понимал, что эту парочку сложно назвать серьезными учениками, но тем не менее позволил им остаться, надеясь, что со временем они станут серьезнее.

Часто в поисках ночлега в магазинчик заглядывал какой-нибудь незнакомый скиталец, и Дон и Рафаэль его пускали. Однажды в «Бесценных дарах» несколько ночей подряд спал на деревянной скамье пожилой седобородый индеец с забинтованными ногами, который принял христианство и сейчас шел пешком со своей миссией – известить мир о скором конце света. Порой в магазинчике находили приют до дюжины бродяг – Дон с Рафаэлем без проблем предоставляли им ночлег, объясняя, что Свами будет не против – при условии, что они рано встанут. Пристанище находили даже те, кого привлекала лишь возможность бесплатно поесть. После утренней лекции и завтрака они обычно снова «отчаливали» в майю.

Дон и Рафаэль были постоянными жильцами Свами, хотя, бывало, и пропадали куда-то на весь день, возвращаясь только чтобы поесть, поспать и поучаствовать в вечернем пении. Иногда они пользовались ванной. Порой случалось так, что целый день они без дела торчали в магазинчике, и когда кто-то заходил и спрашивал о лекциях Свами, рассказывали все, что знали. А знали они совсем немного. Они признавались, что по-настоящему не разделяют философии Свами, и последователями его себя не считают. А если кто-то чересчур уж донимал их расспросами о его учении, Дон и Рафаэль советовали: «Слушай, может тебе сходить наверх и поговорить с ним самим? Свами живет в квартире, во внутреннем корпусе. Сходи и поговори с ним».

Большую часть времени Бхактиведанта Свами проводил у себя на квартире. Иногда, выглядывая из окна, он замечал, что в ванной, рядом с маленькой уборной, забыли выключить свет. Сойдя вниз, чтобы попросить не жечь зря электричество, он порой заставлял своих жильцов болтающими или читающими лежа на полу. Бхактиведанта Свами бросал на них строгий взгляд и просил не оставлять свет включенным, объясняя, насколько важно не тратить попусту энергию и деньги Кришны. Бхактиведанта Свами носил кхади, домотканую одежду из грубого хлопка, которая казалась американцам немного странной. Даже шафрановые дхоти и чадар были необычны: неравномерно выкрашенные натуральным индийским красителем, эти выцветшие одежды не были похожи ни на что западное. Бхактиведанта Свами выключал свет. Парням нечем было возразить, и они не находили ничего умнее, чем просто бессовестно на него пялиться, пока он не уходил, больше не сказав ни слова.

Денег постоянно не хватало. На вечерних встречах Бхактиведанте Свами иногда жертвовали пять или шесть долларов мелочью и бумажками, а Дон обещал, что когда он поедет в Новую Англию собирать яблоки, он привезет для Свами денег. Рафаэль тоже уверял, что скоро разбогатеет. Бхактиведанта Свами просто ждал и во всем полагался на Кришну. Соседям он казался человеком-загадкой. Иногда он расхаживал по двору, между зданиями, взад-вперед и, опустив руку в мешочек, повторял на четках мантру.

Но чаще всего он сидел в комнате и работал. Как он сказал когда-то в одной лекции, еще на Бауэри: «Я все время работаю, читаю или пишу – всегда что-то делаю – круглые сутки». Одной только работы над переводом монументального «Шримад Бхагаватам» в шестидесяти томах, по четыреста страниц каждый, ему бы хватило, чтобы работать не вставая дни и ночи напролет. Каждую свободную минуту он посвящал работе – сидел за маленькой пишущей машинкой или переводил с санскрита на английский. Львиную долю работы он проделывал в ранние утренние часы, когда никто не мешал. Он внимательно просматривал комментарии ачарьев прошлого, на санскрите и бенгали, подбирал подходящие цитаты и, придерживаясь объяснений этих великих учителей, дополняя их собственным пониманием и духовным опытом и старательно сплетая воедино, печатал на машинке свои «комментарии Бхактиведанты». У него не было ни малейшего

представления, где брать средства на издание следующих томов, но работу он не бросал, веря, что все получится.

Но миссия его не ограничивалась переводом «Шримад Бхагаватам», поэтому много времени и сил он тратил на беседы с посетителями. Если бы работа над книгами была его единственной целью – зачем тогда было ехать в Америку и проходить через все связанные с этим трудности и опасности. Но сейчас к нему приходило много гостей, и он должен был беседовать с каждым, донося до них сознание Кришны – это было частью его миссии. Заходили, как правило, молодые люди, совсем недавно переехавшие в Нижний Ист-Сайд. У него не было ни установленных приемных часов, ни секретаря, который мог хоть как-то оградить его от частых посещений. В любое время дня и ночи Бхактиведанта Свами постоянно отрывался от своих переводов, чтобы поговорить с любым желающим. Отношения между соседями в этом районе были простыми, без церемоний, и нередко к нему забредали просто какие-то люди с улицы. Иногда приходили искренние и ищущие, но много было и таких, кто заглядывал просто от нечего делать, а порой – и одурманенных наркотиками или алкоголем. Приходили не только чтобы смиренно задавать вопросы, но и чтобы поспорить.

Однажды молодой хиппи, наглотавшийся ЛСД, поднялся к Свами и, усевшись напротив, заявил:

– Сейчас я выше вас. Я – Бог.

Бхактиведанта Свами слегка склонил голову и сложил ладони:

– Пожалуйста, примите мое почтение, – сказал он, а затем вежливо попросил «Бога» удалиться.

Другие честно признавались, что сошли с ума или одержимы духами и просто хотят избавиться от умственных страданий.

Лон Соломон: Я искал духовные центры – такие места – знаете – куда можно пойти – и тебя не выгонят (а не так как в магазинах), и где ты можешь реально поговорить с людьми и попытаться понять высшую истину. Я приходил в магазинчик Свами, и знал, что это – настоящий духовный центр. Там и в самом деле было что-то такое... Я сидел на наркотиках, и периодически меня посещала мысль – а ведь я, наверное, Бог, или что-то около (что, конечно, было весьма далеко от моего настоящего положения). На самом деле у меня были проблемы – и из-за сильнейших страданий я стал как ненормальный. Но стоило мне почувствовать малейшее желание увидеть Свами – меня как ветром несло к нему. Я не считал посещение его лекций обязательным для себя, но часто приходил просто так. Помнится, я там ночевал. Двери магазинчика для меня были открыты в любое время, и ночевать там мне всегда разрешали. Я хотел показать Свами, в каком плачевном состоянии нахожусь, чтобы он уж наверняка помог мне. Он предложил мне к нему присоединиться – и тогда он точно разрешил бы мои проблемы. Но я был к этому не готов.

Я был очень привязан к сексу, и хотел знать, что имеется в виду, когда он говорит о незаконном сексе – каково его определение? Он сказал: «Это значит секс вне брака». Но меня такой ответ не удовлетворил, и я попросил объяснить подробнее. Он предложил мне для начала подумать над ответом, который он уже дал, а на следующий день прийти, и обсудить этот вопрос более подробно.

На следующий день я явился с девушкой. Свами открыл дверь и сказал: «Я очень занят. У меня много работы, мне нужно переводить. Сейчас я не могу тебя принять». Это был первый (и единственный) раз, когда он не оказал мне радушного приема, не уделил внимания и не ответил на мои вопросы. Поэтому я сразу же ушел, вместе с подружкой. Он словно видел меня насквозь и безошибочно определил, что я пришел к нему, чтобы произвести впечатление на девушку. Он сразу заметил это – такое общение ему было не нужно. Но всякий раз, когда я действительно приходил к нему с проблемами, он мне помогал.

Иногда к Свами приходили юнцы, претендовавшие на роль ученых, чтобы проверить его знание «Бхагавад-гиты».

– Вы прочли «Гиту», – говорил Бхактиведанта Свами. – Итак, каков же ваш вывод? Если вы утверждаете, что знаете «Гиту», тогда вы должны знать, к какому заключению приходит Кришна.

Но большинству из них даже в голову не приходило, что Гита, оказывается, подводит к какому-то заключению. А если даже и подводит, то с какой это стати им строить вокруг этого вывода всю свою жизнь! «Гита» – духовная книга, значит, следовать ей совсем не обязательно.

Один молодой человек спросил:

– А по какой книге будут лекции на следующей неделе? Вы будете читать «Тибетскую книгу мертвых»? – как будто Бхактиведанта Свами был учителем религиоведения в колледже.

– В «Бхагавад-гите» есть все, – ответил Бхактиведанта Свами, – каждый ее стих можно изучать три месяца.

Были и другие вопросы:

– А как насчет Камю?

– А в чем его философия? – спрашивал Бхактиведанта Свами.

– Он говорит, что все есть абсурд и единственный философский вопрос – совершать или не совершать самоубийство.

– Это значит, что все – абсурд с его точки зрения. Материальный мир абсурден, но за пределами этого мира существует духовный мир. Это значит, что он не знает о существовании души. Душу нельзя убить.

Приверженцы разных мыслителей спрашивали у него:

– Что вы думаете о Ницше? О Кафке? О Тимоти Лири? О Бобе Дилане?

Бхактиведанта Свами спрашивал, в чем суть их философий, и почитателю того или иного интеллектуального героя приходилось ее пересказывать, а потом защищать своего кумира.

– Все это просто умственные игры, – говорил Бхактиведанта Свами. – В материальном мире все – обусловленные души. Ваше знание несовершенно. Ваши чувства – грубы и тупы. Что толку в вашем мнении? Мы должны получать знание из авторитетного источника, от Кришны.

– Вы хотите сказать, что никто из великих не сознает Бога? – спросил кто-то из слушателей.

– Они сознают Бога настолько, насколько они искренни. Но если нам нужно совершенное знание о Боге, мы должны обратиться к шаштре.

Желающих поспорить было немало, но пристальный взгляд Свами и его несокрушимая логика обычно заставляли спорщика задуматься и замолчать.

– Не является ли духовное наследие Китая более совершенным?

Порой ответом Бхактиведанты Свами было просто недовольное выражение лица.

– Вообще, лично я следую Веданте, – добавлял вопрошающий.

– А вы знаете, что такое Веданта? Вы знаете, как звучит первый афоризм Веданта-сутры? Знаете?

– Нет, я...

– Тогда как вы можете говорить о Веданте? Ведайш ча сарвайр ахам эва ведйах. Кришна говорит, что Он – цель Веданты. И если вы ведантист, тогда вы должны стать сознающим Кришну.

– А как вы относитесь к Будде?

– А вы следуете Будде?

– Нет.

– Вот именно что нет – вы просто болтаете. Но почему вы не следуете? Следуйте Кришне, следуйте Христу, следуйте Будде. Но не нужно впустую молоть языком.

– Это похоже на христианство. Есть ли разница?

– Это то же самое: любовь к Богу. Но кто такой христианин? Кто следует Христу? Библия учит: «не убий», но убивать христиане научились очень хорошо и делают это по всему миру. Вы знаете об этом? Христиане говорят, что Иисус умер за наши грехи – так почему вы по-прежнему грешите?

И как Бхактиведанта Свами был далек от американских представлений, так и посетители его были далеки от абсолютного знания. Кто бы ни приходил, Свами не тратил времени попусту – а сразу же переходил к философии, рассуждению и доводам. Он неутомимо выступал против атеизма и имперсонализма. Он говорил убежденно, доказывая существование Бога и универсальность сознания Кришны. Он говорил много и решительно, днями и ночами, рассматривая все возможные вопросы и виды философий.

Еще ему доводилось выслушивать суждения американцев на всевозможные темы. Он слышал, что молодежь Америки недовольна войной и состоянием американского общества. Один парень сказал ему, что не хочет жениться, потому что не может найти ни одной целомудренной девушки – легче иметь дело с проститутками. Другой признался, что когда мать была им беременна, она хотела сделать аборт, но в последний момент ее отговорила бабушка. Беседовал он и с гомосексуалистами. Однажды кто-то сказал ему, что в некоторых нью-йоркских кругах

считается шиком есть плоть недоношенных младенцев. На всех этих встречах Бхактиведанта Свами говорил людям истину.

Разговаривая с марксистами, он объяснял, что, хотя Маркс и считал все собственностью государства, на самом деле все принадлежит Богу. Только «духовный коммунизм», при котором в центре всего стоит Бог, приведет к успеху. Видения от ЛСД он называл обычными галлюцинациями и объяснял, как можно на самом деле увидеть Бога, и каков Он.

После первой же встречи подобные посетители уходили и больше не возвращались. Но некоторые из новых друзей остались. Они наблюдали, как Свами общается с гостями и им начинали нравиться его аргументы, заботливое отношение к посетителям и преданность Кришне. Было видно, что он действительно знает, как помочь людям. Всем без исключения, как средство решения проблем, он предлагал сознание Кришны, давая ровно столько, сколько они могли принять. И некоторые начали относиться к посланию Свами всерьез.

* * *

«Мы назовем наше общество «ИСККОН», – Придумав эту аббревиатуру, Бхактиведанта Свами весело рассмеялся.

Он начал подготовку к юридической регистрации Общества еще весной, когда жил на Бауэри. Но даже до того, как оформлять его официально, он уже говорил о «Международном обществе сознания Кришны», упоминал о нем в письмах в Индию и в интервью для «Вилледж Войс». Один из новых друзей Бхактиведанты Свами предложил название, которое, по его мнению, для жителей Запада звучало бы более привычно – «Международное общество сознания Бога», но Бхактиведанта Свами настоял: «Сознания Кришны». «Бог» – понятие расплывчатое, а «Кришна» – и точно, и научно. С духовной точки зрения «сознание Бога» звучало слабее и не указывало непосредственно на личность. А если жители Запада не знают, что Кришна – Бог, то Международное общество сознания Кришны расскажет им об этом, прославляя Его «в каждом городе и деревне».

Выражение «сознание Кришны» Бхактиведанта Свами позаимствовал из «Падьявали», книги, написанной в шестнадцатом веке Шрилой Рупой Госвами – так он перевел фразу кришна-бхакти-раса-бхавита – «наслаждаться сладчайшим вкусом преданного служения Кришне».

Но регистрация ИСККОН как некоммерческой религиозной организации, свободной от уплаты налогов, требовала денег и услуг юриста. У Карла Йоргенса уже был небольшой опыт в учреждении религиозных, политических и благотворительных организаций, и когда он познакомился с Бхактиведантой Свами на Бауэри, то вызвался помочь. Он обратился к знакомому юристу по имени Стивен Голдсмит.

Стивен Голдсмит, молодой еврей, работал адвокатом, был женат и имел двоих детей. Он владел собственной фирмой на Парк авеню и интересовался духовными движениями. Когда Карл рассказал ему о планах Свами, Стив сразу же загорелся этой идеей – зарегистрировать для индийского свами религиозное общество. Он пришел к Бхактиведанте Свами на Вторую авеню, 26 и обсудил с ним проблемы регистрации, освобождения от уплаты налогов, его иммиграционный статус и, кроме того, некоторые вопросы сознания Кришны. Г-н Голдсмит приходил к Бхактиведанте Свами еще несколько раз. Однажды он привел детей, и тем очень понравился «суп», приготовленный Свами. Он начал посещать вечерние лекции, на которых зачастую был единственным слушателем, который не «хипповал». Однажды вечером м-р Голдсмит пришел на лекцию и киртан Бхактиведанты Свами, подготовив все необходимые бумаги, чтобы собрать подписи учредителей нового Общества для завершения процедуры регистрации.

11 июля

Бхактиведанта Свами читает лекцию.

М-р Голдсмит, в широких брюках и рубашке с галстуком сидит на полу рядом с дверью и внимательно слушает, не обращая внимания на уличный шум. Бхактиведанта Свами только что закончил рассказывать о том, как своими атеистическими толкованиями «Бхагавад-гиты» ученые сбивают с толку простодушных людей. В знак почтения к уважаемому юристу, а может быть, чтобы м-ру Голдсмиту было легче понять, о чем речь, Бхактиведанта Свами знакомит его с темой лекции.

Я приведу пример из жизни, показывающий, как можно поставить все с ног на голову. Вот председатель нашего общества, г-н Голдсмит... Он знает, что благодаря умению толковать законы опытный юрист может многого добиться. Когда я жил в Калькутте, правительство издало закон о налогообложении, но один опытный юрист так истолковал этот закон, что правительству пришлось полностью его пересматривать – действиями этого юриста их планы потерпели крах. Итак, мы не хотим сорвать план Кришны, для осуществления которого была рассказана «Бхагавад-гита». Но некоторые самозванцы пытаются его испортить. Поэтому их действия незаконны. Да, г-н Голдсмит, вы можете задать вопрос.

Г-н Голдсмит встает, и, к удивлению присутствующих, делает краткое объявление с просьбой подписаться под уставом нового религиозного движения, возглавляемого Свами.

Бхактиведанта Свами: Все на месте. Вы можете собрать адреса прямо сейчас.

Г-н Голдсмит: Я соберу их прямо сейчас.

Бхактиведанта Свами: Да, пожалуйста. Билл, дай свой адрес. И Рафаэль, ты тоже. И Дон... Рой... г-н Грин.

На этом программа неожиданно обрывается, и те, кого попросили подписаться в качестве учредителей, собираются в круг посреди маленького магазинчика, ожидая возможности бегло просмотреть страницы документа, который юрист достал из дипломата, и поставить подпись на указанном месте. Но пока что ни один из них не решил посвятить себя сознанию Кришны.

Г-ну Голдсмиту нужно собрать необходимое количество подписей. Это горстка сторонников Свами, которые достаточно уважительно к нему относятся и хотят помочь. Первыми попечителями, которым предстоит занимать этот пост в течение года «до первого ежегодного собрания членов организации», стали Майкл Грант (который поставил подпись и дал свой адрес, даже не прочитав документ), подруга Майка, Джен, и Джеймс Грин. Никто из них не собирался всерьез брать на себя какие-то обязательства попечителя религиозной организации, но помочь Свами, дав возможность обрести законное существование только что родившемуся обществу, они были рады.

Вторая группа попечителей, согласно закону, вступала в должность через год. Ими стали Пол Гардинер, Рой и Дон. Попечителями с начала третьего года существования общества предстояло быть Карлу Йоргенсу, Биллу Эпштейну и Рафаэлю.

Никто из них толком не понимал, что это за официальный документ на пяти страницах, поняли только, что Свами учреждает какое-то Общество. Зачем? А затем, чтобы освободиться от налогов, если кто-то дает большое пожертвование, и ради прочих привилегий, которыми может пользоваться зарегистрированное религиозное общество.

Но тогда все это едва ли казалось нужным и даже существенным. Кто будет жертвовать? У кого из прихожан есть деньги? Да ни у кого. За исключением, может быть, м-ра Голдсмита.

Но Бхактиведанта Свами смотрит в будущее. Его планы гораздо шире, чем простое освобождение от налогов. Он пытается служить духовным предшественникам и исполнить древнее пророчество о том, что в эпоху Кали возникнет духовное движение, которое будет процветать в течение десяти тысяч лет. На фоне безумно долгой эпохи Кали (которая длится четыреста тридцать две тысячи лет), шестидесятые годы двадцатого столетия кажутся мгновением.

Веды говорят, что вселенское время движется циклично, проходя через четыре «сезона» (юги), худшая из которых – эпоха Кали – время, когда люди утрачивают свои духовные качества, и в итоге человеческое общество превращается в стадо животных, лишенных представления о том, каким быть человеку. Но ведические Писания, кроме того, предсказывают наступление «золотого века» духовной жизни, который начнется с приходом Господа Чайтаньи и продлится десять тысяч лет – как небольшой водоворот, движущийся вспять течению Кали-юги. Заглядывая на тысячелетия вперед, но при этом стоя обеими ногами на земле Второй авеню, Бхактиведанта Свами основал Международное общество сознания Кришны. Пока что за все отвечает только он один: платит за аренду, оформляет регистрацию, а самое главное – прокладывает путь для будущего всемирного сообщества преданных. Однако он не считал, что такое скромное начало как-то ограничивает размах его божественной миссии. Он знал, что все зависит от Кришны – и успех, и поражение. На все воля Всевышнего. Ему остается лишь делать попытки.

Цели общества, зафиксированные в свидетельстве о регистрации ИСККОН, раскрывали замысел Бхактиведанты Свами. Их было семь, как и в проекте устава Лиги преданных, основанной им в Джханси (Индия, 1954 год). Та попытка оказалась безуспешной, но цели остались прежними.

Семь целей Международного общества сознания Кришны:

а) систематически распространять в обществе духовное знание и обучать людей методам духовной практики, чтобы восстановить нарушенное равновесие в системе ценностей общества, а также обеспечить подлинное единство людей и установить мир во всем мире;

б) проповедовать философию сознания Кришны, изложенную в «Бхагавад-гите» и «Шримад Бхагаватам»;

в) объединить членов Общества и приблизить их к Кришне – изначальному существу, и тем самым дать членам Общества и человечеству в целом, представление о том, что каждая душа является неотъемлемой частицей Бога (Кришны);

г) распространять и поощрять движение санкиртаны – совместного пения Святого имени Господа, как тому учил Господь Шри Чайтанья Махапрабху.

д) построить для членов Общества и всех людей город в одном из святых мест, где проходили духовные игры Кришны;

е) объединить членов Общества в единую семью с целью обучения их более простому и естественному образу жизни;

ж) для достижения вышеупомянутых целей издавать и распространять периодические издания, журналы и книги.

Независимо от того, что думали о целях Общества первые попечители ИСККОН, для Бхактиведанты Свами эти цели были зримой реальностью. Как сказал г-н Рубен, машинист подземки, встретивший Бхактиведанту Свами в парке на Манхэттене в 1965 году: «Он как будто знал, что у него будут храмы, заполненные преданными... «Храмы и книги уже есть, – говорил он, – они существуют, только время отделяет их от нас».

«Распространение духовного знания» значилось в уставе под номером один. «Проповедь», – это слово, которое Бхактиведанта Свами употреблял чаще всего. Для него оно значило гораздо больше, нежели просто чтение лекций. Под проповедью он понимал славную и бескорыстную готовность пойти на любой риск ради Верховного Господа. Господь Чайтанья проповедовал, путешествуя по всей Южной Индии, вдохновляя тысячи и тысячи людей восторженно петь и танцевать вместе с Ним. Господь Кришна проповедовал «Бхагавад-гиту», стоя с Арджунной на колеснице на поле сражения, Курукшетре. Господь Будда проповедовал, Иисус Христос проповедовал – все чистые преданные проповедуют.

Своей проповедью ИСККОН должен был добиться того, что пока не удалось ни Лиге Наций, ни ООН – «подлинного единства и мира во всем мире». Труженикам ИСККОН предстояло принести в человеческое общество, глубоко пораженное материализмом и раздорами, мир и спокойствие. Им надлежало «систематически распространять духовное знание» – научное знание о Боге, не ограниченное узкими сектантскими представлениями. Это не было рождением новой религии: в июле 1966 года Бхактиведанта Свами пересадил на западную почву росток движения санкиртаны, вечной проповеди о Боге.

Члены общества должны сплотиться и, слушая «Бхагавад-гиту» и «Шримад Бхагаватам» и повторяя мантру «Харе Кришна», понять, что каждое живое существо – душа, вечно связанная с Кришной, Верховной Личностью Бога. Тогда они смогут донести это знание до «всего человечества» – главным образом через санкиртану, пение Святого имени Бога.

Еще ИСККОН должен был построить для членов Общества город в святом месте, посвященном Господу Кришне и Его духовным играм. Разве эта цель не выходит за пределы магазинчика? Безусловно. Бхактиведанта Свами никогда не мыслил узко, он «как будто знал, что у него будут храмы, заполненные преданными».

Он хотел, чтобы ИСККОН учил людей «простому, более естественному образу жизни». Бхактиведанта Свами помнил об индийских деревнях, где люди по сей день живут так, как когда-то жил Сам Кришна. Такая жизнь наиболее благоприятствует развитию духовного сознания.

Достигнуть первых шести целей можно было за счет седьмой: ИСККОН должен издавать и распространять литературу. Это было особое наставление, полученное Бхактиведантой Свами от Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Однажды, в 1932 году, во Вриндаване, на Радха-кунде, Бхактисиддханта Сарасвати сам сказал ему: «Если когда-нибудь у тебя будут деньги, печатай книги».

Разумеется, никто из подписавшихся под свидетельством о регистрации понятия не имел, каким образом мечта Свами сможет воплотиться в жизнь, но его «семь целей» не были обычной религиозной риторикой, призванной произвести впечатление на правительственных чиновников

штата Нью-Йорк. Бхактиведанта Свами действительно намеревался воплотить в жизнь каждый из пунктов этой программы.

Сейчас, конечно, условия работы оставляли желать лучшего. «Главное место богослужения, расположенное по адресу Вторая авеню, 26, в городе, округе и штате Нью-Йорк», на тот момент было единственным центром Международного общества сознания Кришны. Но всем, кто с ним общался, Бхактиведанта Свами давал понять, что живет не по этому адресу. У него было духовное зрение. Его Гуру Махарадж в свое время не побоялся покинуть святыне места, чтобы проповедовать в Калькутте, Бомбее и Дели. Но при этом, как говорил Бхактиведанта Свами, он не считал себя жителем ни одного из этих городов: совершенно поглощенный преданным служением, он всегда пребывал на Вайкунтхе, в духовном мире. Так же и «место богослужения в доме №26 по Второй авеню» уже не было каким-то нью-йоркским магазинчиком, бывшей антикварной лавкой. И магазинчик, и квартира теперь одухотворились и превратились в духовное небо. «Все человечество» могло прийти сюда, чтобы, независимо от расы или религиозных убеждений, найти здесь прибежище. Каким бы простым, тесным и бедным ни был этот магазинчик, Бхактиведанта Свами считал его «святым местом, посвященным Кришне и Его духовным играм». Это была штаб-квартира, издательство, место паломничества и центр, из которого армии преданных выйдут на улицы, чтобы петь Святыне имена Бога по всему миру. Всей Вселенной предстояло принять сознание Кришны из рук Международного общества сознания Кришны, которое здесь сейчас зарождалось.

* * *

Кейт был серьезным последователем Бхактиведанты Свами. После недельного посещения лекций на Второй авеню, Кейт оставил свою квартиру на Мотт-стрит и переехал туда. Он носил все те же оборванные джинсовые шорты и футболку, но теперь он помогал Свами готовить и ходил для него за покупками. В Индии Кейт научился уважительно относиться к святым людям и немного понимал принципы ученичества. Он все больше посвящал себя Свами, а друзья с любопытством за ним наблюдали.

Кейт: Я увидел, как он готовит, и спросил, могу ли я чем-то помочь. Он откликнулся на мое предложение с большой радостью. Сначала мы пару раз вместе сходили в магазин, но потом я эту обязанность практически полностью взял на себя. Он научил меня делать чапати, не пользуясь скалкой – просто расплющивая тесто пальцами. Мы каждый день пекли чапати, готовили рис, дал и карри.

Кейт стал верным слугой и поваром в доме Бхактиведанты Свами. А среди его друзей с Мотт-стрит только и разговоров было, что о взаимоотношениях со Свами. Всем казалось, что эти взаимоотношения вполне серьезные. Ребята знали, что Свамиджи – гуру, и, услышав, что ежедневно в 6 утра в своей квартире он собирается читать лекции, загорелись желанием их посещать.

Кейт: Я часто ходил вдоль Бауэри и искал для него цветы. Если цветов не находилось, я срывал какую-нибудь соломинку или пучок травы. Мне нравилось ходить туда по утрам.

Говард: Обычно я шел к Свами быстрым шагом, повторяя Харе Кришна и чувствуя себя хорошо как никогда. Нижний Ист-Сайд, словно в сказке, не выглядел в моих глазах мрачным и серым. Мне казалось, что тротуары и здания сверкают, а рано утром, когда на небе не было смога, оно было красноватым и золотистым.

Чак: Я приносил с собой виноград. Все это было так ново и необычно! Раньше я всегда прогуливался по направлению к Мак-Дугал-стрит, в сторону богемного, эстетического Нью-Йорка, – а сейчас я шел к Нижнему Ист-Сайду, деловой части города, где не было ни хиппи, ни художников, ни музыкантов – одни лишь строгие здания. Там, помимо праздничной атмосферы, было что-то такое, что неудержимо влекло к себе мои чувства и сердце.

Говард: Я шел всю дорогу, вплоть до самого подъезда, а затем нажимал на кнопку звонка с надписью «А.Ч. Бхактиведанта Свами». С жужжанием открывался электрический дверной замок, и через коридор я выходил в небольшой дворик, откуда тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить соседей, поднимался на второй этаж, в его маленькую квартиру.

Чак: Я входил в подъезд. Там на табличках над почтовыми ящиками были написаны имена. Я сразу находил имя «А.Ч. Бхактиведанта Свами», написанное на клочке бумаги, вложенном в одну из рамок. Я звонил и ждал. Через несколько секунд дверь издавала громкое жужжание,

замок открывался, и я входил внутрь. Миновав маленький садик, я поднимался по лестнице внутреннего корпуса.

Почти два месяца Бхактиведанта Свами читал лекции в этой комнате, служившей и рабочим кабинетом, и приемной для гостей. Для Кейта это были не просто лекции по философии – он испытывал на них сладостные мистические переживания.

Кейт: Звук его голоса, восходящее солнце... мы несколько минут пели, тихо хлопая в ладоши, а затем Свамиджи читал лекцию. Больше всего меня поражал его голос, особенно когда он повторял стих на санскрите. Когда я слушал его вживую, как он говорит... для меня это было музыкой.

Чтобы не беспокоить соседей, Бхактиведанта Свами просил ребят «петь потише», и в ладоши хлопать так, чтобы руки едва-едва касались друг друга. Он пел молитвы духовному учителю: самсара-даванала-лидха-лока. «Духовный учитель получает благословение из океана милости. Подобно тому, как облако, проливающее дождь, гасит лесной пожар, духовный учитель гасит пылающий огонь материального существования». Он пел, закрыв глаза, освещенный неярким утренним светом. Посетители – Кейт, Говард, Чак, Стив, Уолли – сидели, как завороченные. Свами никогда так не ценили, как сейчас.

Чак: Свами сидел в своей комнате. По утрам он не казался таким сияющим, как вечером. Напротив, он находился как будто где-то далеко отсюда. Казалось, он мог вечно так сидеть, неподвижный, как камень. Его глаза превращались в узкие блестящие щелочки. Он доставал свои тарелочки и легонько, о самую кромку, начинал отбивать ритм – раз, два, три-и-и, – а затем глубоким голосом запевал. Его пение было почти атональным. Мелодия звучала монотонно и не выражала ни радости, ни грусти – вечная песня, в которой нет сюжета. Мы старались подпевать, как могли, но Свамиджи несколько раз останавливался и просил: «Тише». Минут через тридцать киртан заканчивался. Тогда он открывал глаза и говорил: «Мы должны петь тише – соседи жалуются».

Закончив петь, Свами давал одному из ребят томик «Бхагавад-гиты» под редакцией доктора Радхакришнана и просил читать из нее вслух. Он поправлял ошибки в произношении санскрита и давал объяснение стихам. Поскольку людей было немного, времени вполне хватало на то, чтобы участие в обсуждении философии могли принять все. Порой лекция продолжалась часа полтора и охватывала три-четыре стиха.

Стив: Как-то раз Свамиджи упомянул, что манго – царь фруктов, и сказал, что в этой стране достать его не так-то легко. Мне пришла в голову мысль принести ему несколько плодов. На Первой авеню был магазин, где в холодильнике всегда хранился запас свежих манго, и каждый день, возвращаясь с работы, я покупал одно хорошее манго и приносил его Свамиджи. Я сделал это своей постоянной обязанностью.

Уолли: Я слышал, как мои друзья говорят: «Я делаю это для Свами». Поэтому однажды я тоже подошел к нему и спросил: «Что я могу для вас сделать?» Он попросил меня конспектировать его лекции.

Молодые люди были уверены, что их служение Свамиджи находится на духовном уровне, что это настоящее преданное служение. Они не сомневались, что, служа представителю Кришны, они служат Самому Кришне.

Как-то утром Бхактиведанта Свами сказал Говарду, что ему нужна помощь в распространении сознания Кришны. Говард ответил, что мог бы перепечатывать на машинке его рукописные переводы «Шримад Бхагаватам».

Говард: Первый стих начинался со слов: «О-царь». Естественно, у меня возник вопрос, было ли «О» именем царя, а слово «царь» – дополнением. Через некоторое время до меня дошло, что подразумевалось «О царь!». Но я ничего не исправлял, не получив его разрешения.

– Да, – говорил он. – Исправь.

Я показывал ему некоторые исправления и предлагал внести их в текст, если он не возражает. Я сообщил ему, что получил степень магистра английского языка и в прошлом году даже преподавал в университете Огайо.

– О, да, – сказал Свамиджи. – Исправляй. Сделай так, чтобы все было правильно.

Он давал им почувствовать, что значит преданное служение.

– Сначала преданный может быть несовершенен, – говорил он – но если он занят служением... Стоит ему начать, он сразу же получает возможность очиститься. Где бы вы ни были – в материальном или в духовном мире – вы всегда служите.

Но служение материального мира не может удовлетворить душу. Это под силу только бхакти, чистому служению – служению, посвященному Кришне. А лучшее служение Кришне – служение Его представителю.

Они быстро это усвоили. Это было не трудно, гораздо легче, чем медитировать, ведь служение – это активная деятельность. Ты действуешь, но действуешь для Кришны. Они помнили, как отнесся Свамиджи к бродяге с Бауэри, который принес в подарок туалетную бумагу.

– Вот видите, – сказал тогда он. – Человек на ногах не стоит, но думает: «Дай-ка послужу».

Но служение должно быть добровольным, от чистого сердца, без принуждения.

Уолли: Однажды Свамиджи спросил:

– Слушай, как ты думаешь, ты бы мог выйти на улицу с вайшнавской тилакой?

Я ответил:

– Ну, я бы чувствовал себя немного глупо, но если хотите, я могу.

Тогда Свамиджи сказал:

– Нет. Я не заставляю тебя делать то, что ты не хочешь.

Стив: Однажды, когда я в очередной раз принес ему манго, он сидел у себя в комнате в окружении преданных. Я дал ему манго и сел. Он сказал: «Очень хороший мальчик». Он сказал это, словно я был малышом, и все засмеялись. И я почувствовал себя не в своей тарелке. Но Свамиджи остановил их, сказав:

– Нет. Это настоящая любовь. Это сознание Кришны.

После этого уже никто не смеялся.

Когда Говард впервые вызвался помочь с редактированием, все утро он провел за работой в комнате Свамиджи.

– Если вам еще что-нибудь нужно напечатать, дайте мне знать, – предложил Говард. – Я мог бы взять работу на дом, на Мотт-стрит.

– Еще? Да у меня куча работы.

Бхактиведанта Свами открыл шкаф и достал две огромные пачки рукописей, завернутые в шафрановую ткань – переводы «Шримад-Бхагаватам» – тысячи страниц, напечатанных в один интервал. Ошеломленный, Говард не поверил глазам:

– Здесь же работы на целую жизнь!

Бхактиведанта Свами улыбнулся:

– О, да! На много жизней.

* * *

Из-за присутствия Свами, из-за его лекций и киртанов все стали называть магазинчик «храмом». Но это по-прежнему было пустое и убогое помещение. Идея как-то украсить его пришла в голову ребятам с Мотт-стрит.

Говард, Кейт и Уолли решили сделать Свами сюрприз, когда тот спустится на вечерний киртан. Уолли снял шторы, висевшие в их квартире, и отнес их в прачечную-автомат (вода, в которой их стирали, стала темно-коричневой от грязи), а потом покрасил их в пурпурный цвет. Квартиру на Мотт-стрит украшали плакаты, картины и большие декоративные шелковые панно, которые Говард и Кейт привезли из Индии. Ребята собрали все свои картины, gobelены, подставки для благовоний и прочую атрибутику, отнесли все это вместе с пурпурными шторами в магазинчик, и приступили к украшению зала.

Они соорудили деревянный помост, чтобы Свами было где сидеть, и обили его старой бархатной скатертью. За помостом, на задней стене, между окнами, выходящими во двор, повесили пурпурные шторы, а по бокам – пару оранжевых. Поверх одной из них, прямо над сиденьем Свамиджи, укрепили большую картину в овальной раме – изображение Радхи и Кришны, которое написал Джеймс Грин. Написать картину ему поручил Бхактиведанта Свами, дав в качестве образца суперобложку к «Шримад Бхагаватам» с грубым индийским рисунком. Фигуры Радхи и Кришны были нарисованы несколько схематично, но знатоки искусства из Нижнего Ист-Сайда, часто заходившие в магазинчик, считали эту работу выдающимся творением.

Кейт и Говард были не совсем уверены, одобрит ли Свами картины и репродукции, которые они привезли из Индии, поэтому повесили их у выхода, подальше от Свамиджи. Одна из репродукций, очень популярная в Индии, изображала Ханумана, несущего по небу гору для Господа Рамачандры. Молодые люди понятия не имели, кто такой Хануман. По форме его верхней

губы они предположили, что это кот. Другая репродукция изображала человека с шестью руками – в двух зеленых руках, он держал лук и стрелу; другая пара рук – голубоватых – держала флейту, а в третьей паре рук, золотистого цвета, были посох и чаша.

К вечеру все было готово: они обили тканью сиденье, повесили шторы, прибили декоративные шелковые панно, развесили картины и репродукции, и теперь украшали помост цветами и подсвечниками. Кто-то принес подушку, на которой Свами будет сидеть, и обитую выцветшей тканью спинку от мягкого кресла.

В дополнение к вещам, привезенным с Мотт-стрит, Роберт Нельсон решил пожертвовать ковер бельгийского производства в восточном стиле, который когда-то принадлежал его деду. Этот ковер он нашел в загородном гараже, и привез его на метро на Вторую авеню, 26. Даже Рафаэль и Дон приняли участие в украшении зала.

Все делалось в строжайшем секрете, и ребятам не терпелось увидеть реакцию Свами. В тот вечер, когда он вошел, чтобы начать киртан, и увидел только что украшенный храм (там даже курились благовония) он поднял брови в приятном удивлении.

– Вы делаете успехи, – сказал он, с широкой улыбкой оглядывая комнату. И добавил:

– Да. Это сознание Кришны.

Неожиданная радость Бхактиведанты Свами стала для ребят лучшей наградой за проявленное усердие. Он взошел на помост – все затаили дыхание, боясь, что он рухнет, – и сел, разглядывая преданных и убранство.

Он был доволен. Но сейчас лицо его стало необычайно серьезным, и, хотя они знали, что перед ними все тот же Свамиджи, смех застрял у них в горле, а в счастливых взглядах, которыми они обменивались, вдруг появилось беспокойство. Они увидели его серьезное лицо, и недавняя радость вдруг показалась им ребяческой. Как туча мрачной тенью внезапно закрывает солнце, так и радость Свами неожиданно сменилась серьезностью. Увидев это, ребята пришли в себя и решили стать такими же серьезными, как и он. Он взял караталы и снова улыбнулся широкой одобрительной улыбкой, от чего на сердце у них снова стало светло.

Храм оставался все тем же темным, маленьким магазинчиком, с неровным, потрескавшимся полом, под которым жили полчища тараканов. Но из-за того, что почти все украшения его были привезены из Индии, и из-за того, что на помосте восседал Свамиджи, любой гость, попадавший сюда, чувствовал, что пришел пусть в маленький, но настоящий индийский храм.

Майк Грант: Придя туда как-то вечером, я вдруг увидел на полу ковры, а на стенах – плакаты и картины. Все как-то неожиданно расцвело. Там было много народу. Я был поражен, как за считанные дни люди могли нанести столько замечательных вещей. Тем вечером, когда я увидел, как удивительно было все украшено, я перестал сомневаться в том, что у него все получится. Я подумал: вот оно – начало.

Бхактиведанта Свами осмотрел группу своих последователей. Он был тронут тем, что они предложили ему почетное место и украсили магазинчик Кришны. До этого ему не раз доводилось видеть, как преданные служат Кришне, но здесь он такого еще не видел. В Нью-Йорке всходили семена бхакти, и, как садовник, ухаживающий за нежными всходами, он, естественно, был тронут милостью Кришны. Глядя на развешанные по стенам картины и плакаты, он сказал:

– Завтра я посмотрю их и скажу, какие годятся, какие – нет.

На следующий день Бхактиведанта Свами спустился, чтобы оценить только что устроенный вернисаж. Одна акварель в рамке изображала мужчину, играющего на барабанах, и танцовщицу.

– Это пойдет, – одобрил Свамиджи.

Но другая, с изображением женщины, показалась ему более мирской, и он вынес приговор:

– Эта не годится.

Свами перешел к другой стене. Говард, Кейт и Уолли взволнованно следили за ним. Остановившись у картины с шестируким человеком, он сказал:

– О, это замечательно!

– Кто это? – спросил Уолли.

– Это Господь Чайтанья.

– А почему у Него шесть рук?

– Это значит, что Он одновременно и Рама, и Кришна. Эти руки Рамы, а эти – Кришны.

– А еще две руки? – спросил Кейт.

- Это руки санньяси.
- Свамиджи перешел к следующей картине:
- Это тоже очень хорошо.
- А кто это? – спросил Говард.
- Это Хануман.
- Он кот?
- Нет, – ответил Свамиджи. – Он обезьяна.

Священная «Рамаяна» прославляет Ханумана как отважного и верного слугу Господа Рамачандры. Господу Раме и его слуге Хануману поклоняются миллионы индусов. Об их подвигах ставят спектакли, снимают фильмы и пишут картины. Задав вопрос о Ханумане, парни с улицы Мотт обнаружили такое же невежество, как и пожилые дамы из пригорода, которые в ответ на вопрос Бхактиведанты Свами, видели ли они изображение Кришны, могли лишь в полном недоумении хлопать глазами. Мистики Нижнего Ист-Сайда не могли отличить Ханумана от кота. Они привезли из Индии – своей, опиумной Индии – изображение Господа Чайтаньи Махапрабху, не имея ни малейшего представления о том, кто Он такой. Но между этими парнями и почтенными дамами с семьдесят второй улицы было одно существенное различие: хиппи служили Свамиджи и пели «Харе Кришна». Они по горло были сыты материальной жизнью и не желали участвовать в гонке за прибавкой к зарплате, коей бредили «добропорядочные» американцы. Они раскрыли Свамиджи свои сердца, поверив его обещанию дать им совершенное сознание Кришны. Они чувствовали, что общение с ним возвышает и облагораживает их, и, несмотря на то, что в головах парней с Нижнего Ист-Сайда порядка было вряд ли больше, чем у бродяги с Бауэри, который пожертвовал туалетную бумагу, Бхактиведанта Свами видел, как Сам Кришна, находящийся в их сердцах, направляет их изнутри. Он знал, что пение и лекции о Кришне изменят их к лучшему.

* * *

Наступил август 1966 года. Бхактиведанта Свами чувствовал себя превосходно. Для него наступили счастливые дни. Нью-йоркцы сетовали на жару, но для того, кто привык к сорокоградусной жаре летнего Вриндавана, это не было проблемой.

– Прямо Индия, – говорил Свамиджи.

Он ходил без рубашки и чувствовал себя как дома.

Когда-то он думал, что в Америке ему придется сидеть на вареной картошке (потому что ничего, кроме мяса, там не будет), но здесь он с удовольствием ел тот же рис, дал и чапати, да и готовил в той же трехъярусной кастрюльке, которой пользовался в Индии... Да и работа над «Шримад Бхагаватам», с тех пор, как Бхактиведанта Свами переехал на квартиру на Второй авеню, шла без помех. А теперь Кришна еще и послал ему этих искренних молодых людей, которые готовили, печатали, каждый день слушали его лекции, пели Харе Кришна и просили – а не нужно ли что-то еще?

Бхактиведанта Свами по-прежнему был проповедником-одиночкой, который мог остаться, а мог и уйти. Он продолжал писать книги, общаясь один на один с Кришной, и ни в чем не зависел от молодых людей, которые собирались у него в магазинчике. Но теперь у него появилось духовное дитя – Международное общество сознания Кришны. Ищущие молодые люди (некоторые из них уже больше месяца ежедневно повторяли мантру) в духовном отношении были похожи на младенцев, еще не твердо стоящих на ногах, и он чувствовал, что обязан вести их за собой. Они уже считали его духовным учителем и доверили ему свою духовную жизнь. И пусть они не могли еще следовать многочисленным правилам и предписаниям, которых придерживаются брахманы и вайшнавья в Индии, начало было обнадеживающим. Как учил Рупа Госвами, главное заключается в том, чтобы «так или иначе» помнить о Кришне. Люди должны повторять мантру «Харе Кришна» и заниматься преданным служением. Все, что у них есть, они должны использовать в служении Кришне. И Бхактиведанта Свами в своей деятельности руководствовался этим основополагающим принципом сознания Кришны как никто другой до него за всю историю вишнуизма.

Хотя Свами и привлекал молодых людей к приготовлению пищи и печатанию на машинке, сам он при этом не стал работать меньше. Даже наоборот, ибо на каждого, кто предлагал ему свои услуги и помощь, приходилась сотня таких, которые хотели не служить, а спорить. В разговорах с ними, подчас крича и размахивая кулаками, Бхактиведанта Свами защищал Кришну от философии

майявады. Этим он также служил Шриле Бхактисиддханте Сарасвати Тхакуру. Он приехал в Америку не для того, чтобы доживать своей век в тишине и покое. И становилось ясно, что с каждым днем работы у него будет все больше, все больше сторонников, и все больше противников.

Сколько он сможет сделать, зависело от Кришны.

– Я уже немолод, – говорил он, – и могу в любой момент уйти.

Но если бы он «ушел» сейчас, можно было бы не сомневаться, что вместе с ним ушло бы и сознание Кришны, потому что пока Общество сознания Кришны держалось на нем одном. Это он вел киртаны, самозабвенно раскачиваясь из стороны в сторону, шел по двору в храм и обратно или же с улыбкой часами обсуждал философию – он был единственным творцом и хранителем пока еще крошечного оазиса сознания Кришны в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде.

Глава девятнадцатая

Высадка семян

– Значит ли то, что Вы сказали нам сегодня утром, – спросил Говард, – что мы должны считать духовного учителя Богом?

– Это значит, что он заслуживает такого же почтения, как Бог, поскольку является представителем Бога, – спокойно ответил Бхактиведанта Свами.

– Значит, он не Бог?

– Нет, – сказал Свами – Бог есть Бог. А духовный учитель – это Его представитель. Он подобен Богу, ибо может дать Бога искреннему ученику. Ясно?

Из беседы с Хаягривой

Август 1966 года.

Конечно, храм в помещении бывшего магазина и двухкомнатная квартира – и жилище, и кабинет по совместительству – лишь временный вариант. По крайней мере, это лучше чем ничего. Настоящий монастырь посреди городских трущоб. Слава об этом импровизированном храме быстро разнеслась по Нижнему Ист-Сайду. Тихий дворик с маленьким садиком – заповедником для птиц – и густыми деревьями оказался местом, словно специально предназначенным для жаждущих монашеского уединения, а дальняя комната Свами была внутренним святилищем монастыря. Каждая комната имела свой неповторимый облик, или, точнее сказать, обладала каким-то своим, особым характером, в зависимости от того, чем занимался в ней Свами.

Храмовая комната была залом для лекций и киртанов. Читая лекции, Бхактиведанта Свами всегда держался строго и официально. С самого начала, даже когда помост еще не соорудили и Свамиджи сидел перед гостями на соломенной подстилке, было件нятно, что он здесь для того, чтобы давать наставления, а не для того, чтобы обмениваться со случайными посетителями репликами. Вопросы разрешалось задавать только по окончании лекции. В течение сорока пяти минут слушатели сидели на полу, а Свами делился с ними знанием – чистым, совершенным знанием, подкрепленным логикой. Он опирался исключительно на авторитет Вед, цитировал санскритские стихи, вспоминал слова духовных учителей прошлого... Напрягая голосовые связки, чтобы перекричать уличный шум, с глубочайшей преданностью, читал он свои глубоко научные лекции. Было件нятно, что он давно уже в совершенстве постиг все наставления и выводы предшественников, и теперь готов отразить любые выпады.

В магазинчике он пел киртаны, не менее серьезные, чем лекции, но не такие официальные. На киртанах Свамиджи был снисходителен. Все желающие приносили с собой фисгармонии, деревянные флейты, гитары и подыгрывали в унисон основной мелодии, а иногда импровизировали. Кто-то принес даже старый контрабас со смычком, и любой гость, вдохновленный киртаном, мог взять смычок и подыграть. В какой-то канаве ребята подобрали выброшенную раму со струнами от старого пианино, которую принесли в храм и поставили у входа. Во время киртана гости, особо не стесняясь, перебирали пальцами струны, издававшие причудливые звуки. Рядом с помостом с потолка свисала большая оркестровая тарелка, которую несколько недель назад принес и повесил Роберт Нельсон.

Но и у экстравагантности были свои пределы. Иногда новичок брался за караталы и играл на них что-то, не слишком похожее на обычное «раз-два-три-и-и», и тогда Свамиджи обычно просил кого-нибудь его поправить, даже рискуя обидеть гостя. Пение Бхактиведанта Свами вел, ударяя одной рукой в небольшой бонго. Даже на этом маленьком бонго он настолько виртуозно отбивал бенгальские ритмы мриданги, что один местный барабанщик, мастер игры на конгах специально приходил на киртаны, чтобы только послушать «обалденные ритмы Свами».

Киртаны вызывали новые, сильные переживания. Такого кайфа они еще не испытывали! Расширив глаза и качая головами в такт пению, ребята переглядывались, сравнивая это со своим прежним опытом, полученным от наркотиков, и демонстрируя друг другу знаки одобрения:

– Классно! Круче, чем ЛСД!

– Да, слушай, я просто тащусь от этого!

Да и Свами был не против такого способа «расслабиться».

Он дирижировал в киртанах, действуя при этом как опытный гуру. Господь Чайтанья сказал: «Для повторения Святого имени нет жестких правил», и именно таким Бхактиведанта Свами принес это пение в Нижний Ист-Сайд. «Детский сад духовной жизни», – так однажды назвал он этот храм. Здесь он учил азбуке сознания Кришны, давая лекции по «Бхагавад-гите» и руководя совместным пением «Харе Кришна». Иногда, после заключительного киртана, он приглашал всех, кому интересно, в свои апартаменты, побеседовать.

В дальней комнате своей квартиры Бхактиведанта Свами обычно сидел один, особенно по ночам – в два, три, четыре часа, когда все спали. В эти часы в комнате стояла тишина, и он работал в одиночестве, особенно остро ощущая сокровенную близость своих отношений с Кришной. Он сидел на полу перед сундучком, заменявшим ему стол, и поклонялся Господу, перепечатывая переводы и комментарии к «Шримад-Бхагаватам».

Но в этой же комнате Свами иногда принимал гостей, и всякий, кто стучался в его дверь, мог войти и побеседовать с ним с глазу на глаз. Он отрывался от пишущей машинки и принимался говорить, слушать, отвечать на вопросы. Иногда он спорил, а иногда шутил. Посетитель мог просидеть с ним наедине полчаса, пока вновь не раздавался стук в дверь, и Свамиджи приглашал очередного гостя присоединиться к разговору. Гости приходили и уходили, а Свамиджи все так же сидел и разговаривал.

Чаще всего это были официальные визиты – гости задавали философские вопросы, а он отвечал – так же, как и после лекций в магазинчике. Но иногда, особенно по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям, когда в храме не было вечерних лекций, его вниманием завладевали те, кто проявил себя как наиболее серьезные его последователи. Часто они задавали ему личные вопросы: что он чувствовал, когда впервые приехал в Нью-Йорк? Что он делал в Индии? Были ли у него там ученики? Были ли члены его семьи преданными Кришны? Каким был его духовный учитель? С ними Бхактиведанта Свами говорил по-другому – спокойнее, задушевнее, с юмором.

Он рассказывал, как однажды утром в Нью-Йорке впервые увидел снег и подумал, что кто-то побелил дома. Он рассказывал, как выступал в церквях в Батлере (когда ребята спросили, что это были за церкви, он, улыбаясь, ответил: «Не знаю», – и они вместе рассмеялись). Он часто рассказывал о британском владычестве в Индии и об индийской политике. Он говорил, что заслуга освобождения Индии принадлежит не столько Ганди, сколько Субхас Чандре Бозу. Субхас Чандра Боз покинул Индию и сформировал Индийскую национальную Армию; он заключил соглашение с Гитлером, чтобы индийские солдаты, сражавшиеся за Британскую Индию и сдавшиеся в плен немцам, были возвращены в Индийскую Национальную Армию, дабы сражаться против англичан. И впоследствии именно силовая политика Боза, а вовсе не движение ненасилия Ганди, привела Индию к независимости.

Он рассказывал о своем детстве, которое пришлось на начало века, когда улицы освещались газовыми фонарями, а экипажи и трамваи на конной тяге были единственным транспортом на пыльных улицах Калькутты. Такие беседы очаровывали ребят куда больше, чем божественная философия «Бхагавад-гиты», и они чувствовали, как их привязанность к Свами растет. Он говорил о своем отце, Гоур-Мохане Дэ, чистом преданном. Гоур-Мохан был торговцем тканями, и его семья состояла в близком родстве с аристократическим родом Малликов из Калькутты. У Малликов был храм, в котором поклонялись Божеству Кришны, и когда отец подарил ему, еще совсем маленькому, Божество, он стал подражать поклонению Говинде в храме Малликов. В детстве он ежегодно проводил собственный фестиваль Ратха-ятры, в миниатюре воспроизводя грандиозный праздник в Джаганнатха-Пури, и друзья отца обычно шутили:

– Что ж это такое? Ты проводишь Ратха-ятру, а нас даже не пригласил?

– Да это просто дети играют, – отвечал отец.

Но соседи говорили:

– Дети? Да ты просто не хочешь нас приглашать, вот и оправдываешься, что это для детей.

Бхактиведанта Свами с нежностью вспоминал отца, который всегда был против того, чтобы сын становился «светским» человеком. Отец учил его играть на мриданге и молил всех садху, посещавших его дом, благословить сына, чтобы тот вырос преданным Радхарани.

Однажды он поведал им о первой встрече с духовным учителем. Рассказывал он и о своей фармацевтической фирме, и о том, как в 1959 году принял санньясу. Юноши слушали с жадным интересом, но темы, которых касался Свами, были настолько далеки от них, что, услышав слова «мриданга» или «санньяса», они спрашивали, что это такое, и тогда Свамиджи приходилось

делать пространные отступления и рассказывать об индийских специях, барабанах и даже об индийских женщинах. Но, о чем бы ни заходила речь, в конечном счете Бхактиведанта Свами озарял все светом шастр. Он не ограничивал время беседы, и каждый день мог говорить часами, если рядом находился хотя бы один настоящий, искренний слушатель.

В полдень гостиная Свами превращалась в столовую, а по вечерам – в место сокровенного поклонения Господу. Паркетный пол в этой небольшой, площадью около тринадцати квадратных метров, комнате всегда сиял чистотой. Кроме кофейного столика, стоящего между окнами, выходящими во двор, здесь не было никакой мебели. Теперь каждый день в полдень здесь собиралось человек десять-двенадцать, чтобы пообедать вместе со Свамиджи. Обед готовил Кейт, который все утро проводил на кухне.

Поначалу Кейт готовил только для Свами. Он научился замечательно варить в трехъярусной пароварке дал, рис и сабджи. Обычно этого хватало еще на одного-двух гостей, но вскоре гостей прибавилось, и Свамиджи велел Кейту готовить больше (разумеется, уже не в пароварке). Так что, в конце концов, готовил он уже на дюжину голодных молодых людей, а два нахлебника – Рафаэль и Дон – хоть и не очень-то интересовались философией Свами, каждый день с завидной пунктуальностью приходили к прасад, обычно приводя с собой еще одного-двух приятелей, которые случайно забредали в храм. Стив приходил прямо с работы, из отдела социальной защиты. Заходила и компания с Мотт-стрит. Бывали и другие гости.

На кухне всегда хранился запас традиционных индийских пряностей: свежий стручковый перец, свежий имбирь, семена кумина, куркума и асафетида. Кейт овладел основами приготовления пищи и обучил им своего приятеля Чака, который стал его помощником. Другие ребята часто стояли у дверей узкой кухоньки и наблюдали за тем, как над открытым огнем один за другим, как футбольные мячи, вздуваются похожие на блины чапати а затем ложатся сверху на дымящуюся стопку уже готовых.

Когда отборный рис басмати, разварившись, превращался во влажную, воздушно-белую массу, а сабджи булькало, кипя на медленном огне, кухонное колдовство достигало своего апогея – приходило время готовить «чаунк». Кейт готовил его в точности так, как показал ему Свамиджи. Он ставил на огонь металлическую чашечку, наполовину заполненную топленым маслом, и бросал туда семена кумина. Когда те становились почти черными, он добавлял чили, а когда перец тоже темнел, из чашки начинал валить удушливый дым – чаунк был готов. Кухонными щипцами Кейт снимал с огня чашку с кипящей трескучей смесью, дымящуюся, словно котелок ведьмы, и подносил ее к кастрюле с кипящим далом. Он приподнимал плотно закрытую крышку, быстрым движением вливал кипящий чаунк в дал и тут же закрывал кастрюлю... Пух! От соединения чаунка с далом происходил взрыв, который стоящие в дверях встречали громкими криками одобрения. Это означало, что обед готов. Завершающая операция была настолько непредсказуемой, что однажды крышка кастрюли с грохотом взлетела под потолок, а Кейт немного ошпарил руку. Иногда соседи жаловались на удушливый запах. Но преданным все это очень нравилось.

Когда обед был готов, Свамиджи, помыв в ванной руки и прополоскав рот, входил в гостиную – всегда босиком (кожа на его ступнях была мягкая и розовая) и в шафрановом дхоти, доходившем ему до лодыжек. Он шел к кофейному столику, над которым висело изображение Господа Чайтаньи, окруженного Своими спутниками. Его же собственные «спутники» полукругом стояли у стен. Кейт вносил большой поднос с чапати, разложенными стопками по дюжине, и ставил его на пол перед алтарным столиком. Потом он приносил кастрюли с рисом, далом и сабджи. Свамиджи начинал читать бенгальскую молитву, прося Господа принять пищу, а все собравшиеся, встав на колени и касаясь головой пола, старательно, слово за словом, ее повторяли. Ароматный пар, словно дым курящихся благовоний, поднимался к потолку перед изображением Господа Чайтаньи, а последователи Свами, склонив головы к деревянному полу, неуверенно повторяли молитву.

После этого Бхактиведанта Свами садился вместе со своими друзьями и ел тот же самый прасад, который ели они. Кроме того, он выпивал стакан горячего молока с бананом. Он нарезал банан о край металлического стакана так, чтобы ломтики падали прямо в молоко.

Все знали, что Свамиджи велит есть столько прасада, сколько влезет, и это создавало веселую, домашнюю атмосферу. Никому не разрешалось просто сидеть, ковыряясь в тарелке, или прикасаться к пище только из вежливости. Они ели со вкусом, – так, как этого хотел Свамиджи. Если он видел, что кто-то ест без удовольствия, он с улыбкой обращался к нему по имени:

– Почему не ешь? Давай, не стесняйся!

Он смеялся и говорил:

– Когда я плыл сюда на корабле, я думал: «Неужели американцы будут это есть?»

Когда молодые люди протягивали тарелки за добавкой, Кейт накладывал им по второй порции риса, дала, чапати и сабджи.

В конце концов, это была духовная пища, и есть ее нужно было много – прасад очищал, избавляя от влияния майи. Кроме того, эта была здоровая, вкусная и пряная пища – не чета американской. Это было так же здорово как киртан. От этой еды можно было запросто «улететь».

Они ели правой рукой, по-индийски. Кейт и Говард научились этому в Индии. Им уже доводилось есть подобные блюда, но, как они признавались Свами и всем его последователям, которые приходили пообедать, в Индии им никогда не приходилось пробовать такой вкусной еды.

Один из ребят, Стенли, был совсем еще юным, и Свамиджи, как любящий отец, всегда следил, чтобы он ел как следует. Мать Стенли встретила со Свами и сказала, что разрешит сыну жить в храме только при условии, что Свамиджи пообещает лично за ним присматривать. Свамиджи согласился и старательно вдохновлял юношу брать больше, так что постепенно у Стенли развился зверский аппетит, и он начал съедать по десятку чапати за один присест (он съедал бы и больше, но Свамиджи его останавливал). Но это ограничение – Стенли больше десяти не давать – было единственным. Обычно же только и слышалось: «Еще... берите еще». Когда, закончив есть, Свамиджи вставал и выходил из комнаты, Кейт с парой добровольцев шел на кухню мыть посуду, а остальные расходились по домам.

Иногда, по воскресеньям, Свамиджи сам готовил пир, состоявший из особых индийских блюд.

Стив: Свамиджи сам готовил прасад, а потом сам раздавал его у себя наверху, в гостиной. Я помню, как мы рассаживались рядами, а он босиком ходил между нами и ложкой накладывал каждому из разных кастрюль. Обычно он спрашивал, кому чего добавить: «Хотите еще этого?» – и с удовольствием нас угощал. Это были не обычные блюда, а сладости или острые закуски, вроде сладкого риса или качори, и вкус их был неповторим. И даже когда у каждого набиралось по полной тарелке, он снова обходил всех нас и предлагал добавку.

Однажды он подошел ко мне и спросил, чего бы я еще пожелал, – может, сладкого риса? В ту пору у меня были ложные представления о духовной жизни – я считал, что должен отказывать себе в том, что мне нравится больше всего, поэтому попросил простого риса. Но даже этот «простой» рис был восхитительным желтым рисом с жареными сырными шариками.

В те вечера, когда не было программ, в квартире Свамиджи стояла полная тишина. Он мог целый вечер оставаться один, печатая на машинке перевод «Шримад-Бхагаватам» или непринужденно беседуя с одним-двумя гостями до десяти вечера. Но в дни вечерних встреч – по понедельникам, средам и пятницам – в комнатах царил оживление. Он уже не был один. Новые последователи, перенявшие его проповеднический дух, всюю помогали ему, стараясь убедить людей в необходимости петь маха-мантру и слушать лекции по философии сознания Кришны.

В дальней комнате Свамиджи переводил «Бхагаватам» или беседовал с гостями, пока не подходило время принимать душ. Иногда ванная была занята, и приходилось ждать, пока она освободится. Он приучил своих последователей принимать душ дважды в день, и теперь это доставляло некоторые неудобства, так как приходилось делить ванную с ними.

После омовения он шел в гостиную, где вокруг него рассаживались собравшиеся ученики. Он садился на коврик, лицом к изображению Панча-таттвы, и, при помощи маленькой ложечки набрав в левую ладонь воды из металлической чашечки, разводил жидкую пасту из кусочка вриндаванской глины. Затем, окуная безымянный палец правой руки в желтоватую глиняную массу, он наносил на тело священные знаки вайшнавской тилаки. Глядя в маленькое зеркальце, которое он ловко удерживал большим пальцем и мизинцем левой руки, Свамиджи набирал немного жидкой глины и наносил на лоб вертикальную полоску, после чего правым мизинцем проводил по влажной глине от бровей к волосам – так, чтобы получились две ровные параллельные линии. Затем он наносил такие же знаки еще на одиннадцать мест на теле, а ребята сидели вокруг и наблюдали за его действиями, порой задавая вопросы, а порой делясь своим пониманием сознания Кришны.

Свами: Мой Гуру Махараджа обычно ставил тилаку без зеркала.

Преданные: И она была ровная?

Свами: Ровная или нет – неважно. Да, она была ровной.

После этого Бхактиведанта Свами садился и беззвучно повторял мантру Гаятри. Намотав на большой палец правой руки священный шнур брахмана, он садился, выпрямив спину, и молча шевелил губами. Его открытые плечи, руки и грудь были худы, но круглый живот слегка выдавался вперед. Кожа его была шелковисто-гладкой, как у юноши, только лицо несло отпечаток прожитых лет. Движения его рук были отточены и изящны.

Он брал в левую руку два медных колокольчика и, слегка позванивая, зажигал две ароматические палочки от стоящей возле изображения Господа Чайтаньи свечи. Палочками, от которых поднимался ароматный дым, он медленно описывал перед Господом Чайтаньей маленькие круги. Сосредоточенно глядя на картину и не переставая звенеть, он словно свивал из струй дыма ароматные спирали. Никто из присутствующих не понимал, что он делает, хотя происходило это каждый вечер. Таков был ритуал. В нем был какой-то смысл. Между собой ребята прозвали эту церемонию «колокольчики».

По понедельникам, средам и пятницам после «колокольчиков» наступало время вечернего киртана. Несколько преданных заранее спускались вниз, встречали гостей и рассказывали им о Свами и о мантре. Но без Свами программа начаться не могла. Никто из ребят не умел петь и играть на барабанах, и никому даже в голову не приходило самому вести киртан. Только в семь часов, когда он входил в храм, начиналась программа.

Приняв душ и надев чистые домотканые индийские одежды, с похожими на стрелки знаками вайшнавской тилаки на руках и на теле, Бхактиведанта Свами выходил из своей квартиры и спускался вниз, чтобы воспользоваться еще одной счастливой возможностью восславить Господа Кришну. Маленький храм был заполнен дикими и отнюдь не «брахманичными», простодушными молодыми американцами.

* * *

Дон был для Свами сущим наказанием. Он месяцами торчал в магазинчике, практически ничего не делая, а изменить свои привычки даже не пытался. Речь его была чрезвычайно претенциозна: он не просто говорил, он возглашал каждое слово, словно читал вслух какую-то книгу. Все предложения Дон проговаривал целиком, совершенно их не сокращая. Не то, чтобы он был интеллектуалом – просто для него это был способ изменить естественную манеру разговора. Речь Дона поражала окружающих своей вычурностью; многим казалось, что это результат чрезмерного увлечения наркотиками. Таким способом он пытался дать понять окружающим, что он – не обычное живое существо. Завязывать с марихуаной он даже и не думал, даже после того, как Свамиджи попросил об этом всех своих «постояльцев», иногда к нему заходила подружка, с которой они сидели вместе, интимно беседуя, а иногда даже целовались. Но он любил Свами. Однажды он даже дал ему денег. Дону нравилось жить в магазинчике, и Свамиджи не протестовал.

А вот другие жаловались. Как-то раз один из недавних гостей заглянул в храм и застал там Дона, одиноко сидящего в облаке дыма от марихуаны.

– Траву куришь? Но ведь Свами запрещает здесь курить!

Дон стал оправдываться:

– Я не курил. Ты не истину глаголешь.

Тогда парень полез в карман его рубашки и достал оттуда сигарету, набитую ганджой. В ответ Дон ударил его по лицу. Слух о происшествии быстро облетел остальных. Ребята засомневались – как вести себя в подобных случаях? Как бы поступил Свами? Что делать, если кто-то курит травку? Хотя преданному не полагается курить, может, иногда это нормально? С этими вопросами они отправились к Свамиджи.

Бхактиведанта Свами отнесся к происшествию очень серьезно. Особенно его расстроило, что Дон распустил руки.

– Он тебя ударил? – спросил он юношу. – Сейчас я сам пойду и дам ему по голове.

Но потом, тщательно все взвесив, Свами решил, что лучше просто попросить Дона уйти. Но тот уже сам ушел.

На следующее утро, во время лекции, он появился в дверях. Бхактиведанта Свами, сидевший на возвышении, участливо на него посмотрел. Но в первую очередь он беспокоился об ИСККОН.

– Узнай у него, – шепнул Свами Рою, сидевшему рядом, – есть ли у него марихуана. Если есть, то не пускай его сюда. Наше общество...

Бхактиведанта Свами – совсем как заботливый отец – беспокоился за жизнь своего ребенка – ИСККОН. Рой подошел к Дону и сказал, что если он хочет войти, то должен отказаться от наркотиков. Дон развернулся и ушел.

Рафаэль тоже не был горячим поклонником дисциплины. Высокий, молодой парень с длинными каштановыми волосами – он, как и Дон, старался остаться в тени и только время от времени заходил к Свами. Когда Свами ввел в обиход джапу и стал воодушевлять юношей повторять мантру, Рафаэлю эта затея не понравилась. Он говорил, что ему нравится хороший киртан, но повторять на четках он отказывается.

Однажды Свамиджи случайно захлопнул дверь квартиры, и ребятам пришлось взломать замок. Свамиджи попросил Рафаэля поставить новый. Время шло. Рафаэль целыми днями торчал в храме, читая стихи Рембо, либо без цели слонялся по городу, но времени, чтобы заменить замок, так и не нашел. Как-то вечером он вдруг направился к Свами на квартиру, открыл дверь (без замка) и пошел напрямик в дальнюю комнату, где по-домашнему, в окружении нескольких учеников, сидел Свамиджи и говорил о сознании Кришны.

Войдя, Рафаэль вдруг заговорил – громко, словно безумец, высказывая все свои сомнения, и, выливая все, что скопилось у него в голове:

– Что до меня, – сказал он, – я прямо не знаю, что происходит. То ли духовой оркестр играет, то ли черт знает что.

Преданные напряглись: он немного нарушил атмосферу преданности.

– Рафаэль очень простодушен, – улыбаясь, заметил Свамиджи, словно объясняя присутствующим поведение своего сына.

В конце концов Рафаэль все же отремонтировал этот злосчастный замок. Но однажды, после лекции, он подошел к помосту, на котором сидел Свами, и заговорил – возбужденно, нетерпеливо:

– Я не для того живу, чтобы торчать в храме и бормотать мантры на четках! Мой отец был боксером! Я создан, чтобы бежать по берегу моря, вдыхая воздух полной грудью...

Жестикулируя, Рафаэль продолжал выкрикивать свои нахальные сентенции – что-что, а это он умел (причем гораздо лучше, чем практиковать сознание Кришны). Вдруг громким голосом Бхактиведанта Свами прервал его:

– Так давай! Делай! Вперед!

Рафаэль съежился, но... остался.

Билл Эпштейн гордился своими отношениями с Бхактиведантой Свами – они были честными, без недомолвок. Хоть он и помогал Свами, рассказывая о нем людям и приглашая их в гости, становиться серьезным последователем он не собирался – и знал, что Свами это понимает. Да и себя Билл не тешил пустой надеждой по-настоящему «посерьезнеть»; он считал – если человек не готов с головой погрузиться во все это, то лучше и не начинать. Но Свамиджи такой подход не устраивал. Когда однажды, проведя несколько дней в гостях, Билл вновь появился в храме и заснул прямо на лекции, завернувшись с головой в одеяло, Свами принялся не то что говорить, а кричать, да так громко, что Билл просто не мог заснуть. Иногда он задавал слишком вызывающие вопросы. Свамиджи отвечал, а потом спрашивал:

– Ну что, доволен?

Билл сонно поднимал глаза и отвечал:

– Нет!

Свамиджи давал более подробный ответ и еще громче спрашивал:

– Ты доволен?

Так продолжалось до тех пор, пока Билл не бывал вынужден признать:

– Да, да. Я доволен.

Но именно Билл был первым, кто во время киртана в магазинчике встал и начал танцевать. Хотя Его руки были воздеты, совсем как на изображениях Господа Чайтаньи, некоторые ребята сочли его танец самолюбованием. Но Свамиджи, увидев, как Билл танцует, расширил глаза и с жаром выразил одобрение:

– Билл танцует в точности как Господь Чайтанья.

Иногда, вернувшись из своих походов, Билл приносил деньги, и пускай их было немного – он всё отдавал Свамиджи. Спал он в магазинчике, а день проводил на улице, приходя в храм лишь к обеду, либо на киртан, либо уже к вечеру, на ночлег. По утрам он обычно уходил собирать окурки. Для Билла Свами был частью движения хиппи и в этом качестве заслуживал

уважения за целостность своей натуры. Биллу не понравилось, когда ребята начали оказывать Свами знаки почтения (начиная с того, что отвели ему в храме место на возвышении), а когда они начали проявлять энтузиазм, соревноваться и даже соперничать друг с другом, он с отвращением от всего этого отказался. Он решил, что просто будет помогать Свами по мере возможности, и знал, что тот оценит все, что он сделает. Для него этого было вполне достаточно.

Карл Йоргенс помогал Бхактиведанте Свами в трудных ситуациях. Когда регистрировали Общество, он стал его попечителем, подписав Устав, а когда Дэвид вынудил Свами бежать с Бауэри, именно Карл его приютил. Но в те дни, когда им с Евой приходилось делить со Свами жилище, из-за возникшего напряжения, которое со временем так и не прошло, их отношения дали трещину. Он любил Свами и уважал его как настоящего индийского санньяси, но его философских выводов не принимал. Разговоры о Кришне и душе – дело хорошее, но отказ от наркотиков и секса – это уже чересчур. Теперь, когда Свамиджи поселился на новом месте, Карл решил, что сделал все от него зависящее и больше не нужен. Хотя и он помог Бхактиведанте Свами зарегистрировать Международное общество сознания Кришны, вступать в него он не собирался.

Киртаны на Второй авеню казались Карлу слишком людными, их атмосфера слишком отличалась от той почти семейной теплоты, которой он наслаждался на Бауэри. Аудитория разрослась, появился дух раскованности и даже развязности, которого раньше не было. Как и другие «старые друзья», Карл чувствовал себя неловко и не горел желанием вступать в новую организацию. Встречи на Бауэри, напоминавшие уединенную медитацию, казались куда более мистическими по сравнению с публичными программами на Второй авеню.

Кэрол Бекар тоже нравились спокойные киртаны. Ей казалось, что в неистовых танцах и пении люди просто дают выход личным разочарованиям. Несколько раз она становилась свидетелем каких-то неприятностей во время киртанов на Второй авеню. Однажды в магазин вломилась компания парней, специально чтобы подразнить танцующих: «Эй! Что за чертовщину вы там вытворяете!» Ее неотступно преследовала мысль, что в любую минуту в витрину может со звоном залететь камень. Да и парня, с которым она встречалась, все это нисколько не интересовало.

Джеймс Грин был в растерянности. Он видел, что почти все новички принимают перед Свами серьезные обязательства, но сам пойти на это не мог. Он ничего не имел против Свами и его нового движения, но жить предпочитал всё-таки один.

Роберт Нельсон, старый друг Свами, еще по студии доктора Мишры, никогда не терял своих добрых чувств к нему, но продолжал жить своей привычной жизнью, не следуя никакой мало-мальски серьезной дисциплине. Так уж получилось, что почти все, кто помогал Бхактиведанте Свами на Бауэри и в пригороде, стали отходить от него, как только он основал духовную организацию, а произошло это почти сразу же после переезда в дом №26 по Второй авеню. Появлялись новые люди, новые помощники... Карл, Джеймс, Кэрол и остальные почувствовали, что их место занимают другие, что долг их по отношению к Свами выполнен... Произошла «смена караула», и хотя «старая гвардия» по-прежнему хорошо относилась к Бхактиведанте Свами, члены ее начали постепенно от него отдаляться.

* * *

Брюс Шарф только что окончил нью-йоркский Университет и искал работу. Однажды бывший сосед по комнате рассказал ему о Свами, к которому он заходил на Вторую авеню.

– Они там поют, – рассказывал друг, – а когда танцуют, то просто что-то невероятное творится! И Аллен Гинсберг там был...

Друг продолжал:

– Свами сложно понять. Да и последователи его зачем-то записывают на магнитофон все, что он говорит. Зачем ему большой магнитофон? По-моему, это не слишком-то духовно.

Но Брюсу стало интересно.

Он был поклонником индийской культуры. Четыре года назад, когда ему едва исполнилось двадцать, он проработал одно лето стюардом на американском грузовом самолете и летал в Индию, где посещал храмы, покупал изображения Шивы и Ганеши, книги о Ганди и вообще чувствовал себя частью этой культуры. Вернувшись в Нью-Йоркский университет, он стал больше читать об этой стране и написал для семинара по истории доклад о Ганди. Он питался в индийских ресторанах, ходил на индийские фильмы и концерты и читал «Бхагавад-гиту». Даже мясо есть он

перестал. Брюс лелеял мечту, поступить на какие-нибудь курсы повышения квалификации и отправиться в Индию, а затем вернуться в Америку и преподавать восточные религии. Но все это время он не прекращал свои опыты с ЛСД.

Чаку Барнету было восемнадцать. Его мать развелась с отцом и недавно переехала в Гринвич- Вилледж. Она изучала в Нью-Йоркском Университете психологию.

От матери Чак переехал в квартиру на Двенадцатой улице в Нижнем Ист-Сайде, поближе к Аллену Гинсбергу и другим поэтам и музыкантам хиппи. Его полем деятельности был авангардный джаз, а инструментом – флейта, и он сотрудничал с несколькими профессиональными группами города. Уже шесть лет он занимался хатха-йогой, а недавно начал экспериментировать с ЛСД. В наркотическом полусне ему виделись лотосы и концентрические круги, но когда дурман проходил, его все сильнее захлестывала чувственность. Близкий друг Чака этим летом внезапно оказался гомосексуалистом, и Чак преисполнился цинизма и отвращения. Однажды кто-то сказал ему, что на Второй авеню, в центре, поселился индийский свами, и в один из августовских дней Чак оказался перед витриной бывшего магазина «Бесценные дары».

Стив Гуарино, сын нью-йоркского пожарного, вырос в городе и в 1961 году окончил Бруклинский колледж. Под влиянием отца он поступил на службу в военный флот, где два года с нетерпением ждал того дня, когда вновь станет свободным и вернется к друзьям с Нижнего Ист-Сайда. Наконец, через несколько месяцев после смерти президента Кеннеди, его с почетом уволили. Даже не навестив родителей, он напрямик направился в Нижний Ист-Сайд, – в это, как ему казалось, самое загадочное место в мире. Он писал рассказы и короткие романы, подражая Францу Кафке и ему подобным, и вскоре начал принимать ЛСД «чтобы исследовать сознание и с ним поэкспериментировать». Песня «A Love Supreme» Джона Колтрейна, джазового музыканта, убедила Стива в том, что Бог действительно существует. Чтобы заработать на жизнь, Стив пошел на работу в отдел социального обеспечения. Как-то днем, во время обеденного перерыва, в витрине магазина «Бесценные дары» он увидел объявление на небольшом листке бумаги: «Лекции по «Бхагавад-гите». А. Ч. Бхактиведанта Свами».

Чак: Когда, наконец, я нашел Вторую авеню и Первую улицу, я увидел через окно, что внутри вдоль стен сидят люди и что-то поют. Рядом со мной стояли и посмеивались какие-то типичные американские обыватели. Я повернулся к ним и со сложенными ладонями спросил:

– Это здесь живет Свами?

Они захихикали и ответили:

– Пилигрим, ваш поиск окончен.

Их ответ меня не удивил – я понял, что это правда.

Брюс и Чак жили друг от друга всего в двух кварталах, но знакомы не были. Последовав совету друга, Брюс тоже отправился в храм.

Брюс: Я искал Харе Кришна. Я вышел из дома и пошел по Авеню Б, намереваясь пройти пешком до Хьюстон-стрит. Добравшись до Первой улицы, я повернул вправо и шел до самой Второй Авеню. Вдоль Первой улицы тянулись все эти пуэрториканские бакалейные лавки, еще там была церковь – одна из тех, где собравшиеся стоят и громко поют, играя на бубнах. Когда я шел по Первой улице, у меня было такое ощущение, как будто я покидаю этот мир – так бывает, когда собираешься в аэропорт, чтобы сесть на самолет. Я думал: «Я оставляю позади часть себя и иду к чему-то новому».

Но на Второй Авеню найти Харе Кришна я не смог. Я прошел бензоколонку, миновал какой-то магазинчик – на нем было написано «Бесценные дары». Потом я вернулся и снова прошел мимо, но на этот раз заметил в витрине черно-белое объявление о лекциях по «Бхагавад-гите». У входа была гора обуви, и я тоже разулся, вошел и сел позади.

Стив: Я чувствовал, что это уже устоявшийся коллектив, что люди здесь уже явно не в первый раз. Я вошел и сел на пол. Парень, который представился Роем, был очень вежлив и дружелюбен. Он производил впечатление человека, уже не раз бывавшего на этих собраниях. Он спросил, как меня зовут, и я почувствовал себя легко и свободно.

Вдруг через боковую дверь вошел Свами. Он был в шафрановом дхоти, без рубашки – на нем был просто кусок ткани, вроде длинного шарфа, завязанный на правом плече и оставлявший открытыми руки, левое плечо и часть груди. Когда я увидел его, то сразу вспомнил Будду.

Брюс: На полу сидело человек пятнадцать. Один из них, с большой бородой, сидел справа, прислонившись к стене. Через некоторое время дверь открылась и вошел Свами, обернувшись, чтобы взглянуть, кто пришел на лекцию. И тогда он посмотрел прямо на меня. Наши глаза

встретились. Он как будто меня изучал. Этот момент запечатлелся у меня в памяти, словно на фотографии, – Свамиджи первый раз на меня смотрит. Наступило молчание. Он изящно поднялся на помост, сел, взял пару ручных тарелочек и начал киртан. Именно киртан произвел на меня самое сильное впечатление. Это была лучшая музыка из всего, что я слышал. И в ней был смысл. На ней можно было по-настоящему сосредоточиться, и само повторение слов «Харе Кришна» несло в себе какую-то радость. Я тут же понял, что это духовная практика.

Чак: Я вошел в магазинчик. Там, на жестком полу, на циновке из сухой травы сидел человек, который поначалу показался мне ни мужчиной, ни женщиной, но когда он взглянул на меня, я не смог выдержать его взгляд – такие у него были сверкающие и искрящиеся глаза. У него была золотистая кожа, большие уши и розоватого цвета щеки. На нем было три ряда бус – один на шее, другой чуть ниже, а третий – на груди. Высокий лоб над сияющими глазами был прорезан множеством морщин; его руки были тонкие и длинные, рот – большой, с полными, темно-красными губами. Он улыбался, и зубы его сверкали еще ярче, чем глаза. Он сидел, скрестив ноги, так, как я еще никогда не видел, ни в одной книге, ни у кого из знакомых йогов. Это была сидячая поза, но при этом его правая стопа не просто лежала на левом бедре, а была заведена за левый бок, а одно колено лежало прямо на другом. Ни у кого из людей не встречал я раньше подобного выражения лица и жестов, и я чувствовал, что во всем этом есть неизвестный мне смысл, корни которого – за пределами мира, в совершенно другой культуре и другом мышлении. На боку у него была родинка, а на лодыжке – круглая мозоль – вроде тех, что появляются у опытных каратистов на костяшках пальцев. Он был одет в неподшитый отрез материи цвета шафрана. Все в нем было экзотично, и выглядел он таким лучезарным, что, казалось, он не сидит в комнате, а проецируется из какого-то другого места. Он так сиял, что казалось, что смотришь какой-то цветной фильм. И тем не менее, он был с нами. Я слушал его. Он сидел прямо передо мной, но меня не покидало чувство, что если я попробую протянуть руку и прикоснуться к нему, окажется, что его здесь нет. В то же время, это ощущение не было каким-то тонким или абстрактным – присутствие Свами было в высшей степени реальным, но в то же время духовным.

После первого же визита в храм Чак, Стив и Брюс получили шанс встретиться со Свами в его квартире.

Стив: У меня был обеденный перерыв, и мне нужно было поскорее вернуться в офис. На мне был летний деловой костюм. Я думал, что у меня хватит времени, чтобы и сюда зайти, купить какие-нибудь книги, потом сходить пообедать и успеть вовремя вернуться на работу. В храме один из последователей Свами сказал, что я могу сходить поговорить с ним. Я поднялся наверх, где обнаружил его сидящим в гостинной в окружении нескольких парней. Прервав, по всей видимости, беседу, я спросил, можно ли купить три тома «Шримад-Бхагаватам». Один из преданных поднялся и достал книги из шкафа, стоящего напротив Свамиджи. Я взял их в руки – они были очень странного цвета, какого не встретишь в Америке – красноватые, цвета земли, как кирпич – и спросил, сколько они стоят. Свами ответил, что по шесть долларов каждый том. Я достал из бумажника двадцать долларов и отдал ему. Он, казалось, был единственным, у кого можно узнать о цене книг и кому отдать деньги – никто из присутствующих не вмешался. Они просто сидели и слушали.

– Эти книги – комментарии к Писаниям? – спросил я, пытаясь показать, что уже знаю кое-что о книгах.

Свамиджи ответил – да, это его комментарии.

Он сидел в непринужденной позе, улыбаясь, и притягивал к себе внимание. Он казался очень сильным и здоровым. Его улыбка обнажала красивые зубы, а ноздри при этом аристократически раздувались. Лицо его было полным и властным. Он носил индийские одежды, и сидел в такой позе, что можно было частично видеть его скрещенные ноги с гладкой кожей. Рубашки на нем не было – верхнюю часть тела прикрывала простая индийская хлопковая шаль. Тело у него было довольно худым, только живот немного выдавался вперед.

Когда я увидел, что Свамиджи вынужден сам продавать свои книги, я не захотел его беспокоить. Я быстро попросил оставить сдачу с двадцати долларов себе, взял книги – прямо так, не завернув и не положив в пакет – и собрался уходить. Но Свамиджи сказал: «Садитесь», – и жестом пригласил меня сесть перед ним, рядом с остальными. Его тон при этом изменился. Голос его был настойчив – он указывал, что торговля окончена, и теперь я должен сесть и слушать. Он сделал мне особое приглашение – побыть одним из его последователей, которые, насколько мне было известно, проводили с ним по многу часов в день, тогда как я был занят и не мог к ним

присоединиться. Я завидовал их свободе – они могли столькому у него научиться, находясь в его обществе и беседуя с ним. Вручив мне книги и пригласив сесть, он дал понять, что мне нужно его послушать, отбросив все остальные занятия, и у меня нет более важного дела, чем это. Но меня ждали на работе. Я не хотел спорить, но и остаться не мог.

– Простите, мне нужно идти, – решительно сказал я, – я на перерыве.

Говоря это, я уже продвигался к двери, и Свамиджи неожиданно ответил мне широкой, счастливой улыбкой. Казалось, ему понравилось, что я работаю, что молодой человек занят делом. Я пришел не потому, что мне нечем было заняться и некуда пойти. Одобрив мою решительность, он позволил мне уйти.

Чак: Один из преданных пригласил меня на личную встречу со Свами. Меня провели в коридор, за которым неожиданно открылся прекрасный маленький скверик со столом для пикника, купальней для птиц, скворечником и цветочными клумбами. Пройдя через двор, мы вошли в здание, в каких обычно живут люди среднего достатка. Мы поднялись по лестнице и вошли в совершенно пустую квартиру – в ней не было никакой мебели – только белые стены и паркетный пол. Миновав гостиную, мы прошли в следующую комнату, где на тонком хлопчатобумажном коврике, покрытом тканью с вышитыми слонами, откинувшись на подушку, прислоненную к стене, сидел Свами; он выглядел очень величественно и одухотворенно.

Однажды Брюс возвращался домой вместе с Уолли, и поделился с ним своей мечтой поехать в Индию и стать профессором восточной литературы.

– Зачем в Индию? – удивился Уолли, – Сама Индия сюда приехала! Свамиджи и так учит нас всем этим истинам. Зачем же ехать так далеко?

Брюс подумал, что Уолли, пожалуй, прав и решил отказаться от своей столь долго лелеемой мечты отправиться в Индию – по крайней мере, до тех пор, пока Свами здесь.

Брюс: Я направился в храм, чтобы лично встретиться со Свамиджи. Оказалось, что вход в его квартиру – со двора. Какой-то парень сообщил мне номер квартиры и сказал, что я могу запросто пойти и поговорить. Он сказал:

– Да, просто иди.

Миновав зал, я пошел дальше, через цветущий дворик. В Нью-Йорке такие дворы – большая редкость. Там было очень красиво. Во дворе за летним столиком сидел юноша. Он печатал на машинке и выглядел очень преданным и возвышенным. Я поспешил наверх и позвонил в дверь квартиры 2С. Через некоторое время дверь открылась, и я увидел Свами.

– Да? – произнес он.

Я сказал:

– Я хотел бы с Вами поговорить.

Он открыл дверь шире, отступил назад и пригласил меня:

– Хорошо, входите.

Мы вошли в гостиную и сели лицом друг к другу. Он сидел за своим рабочим столом – металлическим ящиком – на очень тонком коврике, покрытом шерстяным то ли одеялом, то ли покрывалом, с потрепанными краями и орнаментом из слонов. Он спросил, как меня зовут, и я представился: «Брюс». Тогда он заметил:

– А-а. В Индии, в период британского правления, был такой лорд – Брюс, – и начал рассказывать что-то о лорде Брюсе, который был генералом и участвовал в каких-то кампаниях.

Я почувствовал, что должен рассказать Свами о себе, и обнаружил, что слушает он с неподдельным интересом. Было необыкновенно уютно сидеть в его квартире, беседовать с ним, и видеть, что ему на самом деле интересно обо мне узнать.

Во время беседы он смотрел поверх меня, на стену, и говорил о Господе Чайтанье. Очевидно, он смотрел на какую-то картину или что-то подобное, но глаза его светились глубоким чувством любви. Я обернулся, чтобы понять, на что он так смотрит, и увидел картину в темной раме: Господь Чайтанья, танцующий в киртане.

Встреча со Свамиджи неизбежно превращалась в философскую дискуссию.

Чак: Я спросил его:

– А Вы можете научить меня раджа-йоге?

– О, – ответил он, – вот «Бхагавад-гита», – и протянул мне экземпляр «Гиты». – Открой последний стих шестой главы и прочти.

Я прочитал вслух:

– «Из всех йогов того, кто с верой и преданностью поклоняется Мне, Я считаю наилучшим».

Я не понял, что значит «вера» и «преданность», и сказал:

– У меня во лбу иногда появляется какой-то свет.

– Это галлюцинация! – резко ответил Свамиджи. Хотя сам он оставался спокойным, его слова меня словно громом поразили. – «Раджа» означает «царь» – «царская йога». Но эта йога – императорская.

Я понимал, что этой ступени совершенства он достиг не через химию или какие-то размышления, как водится на западе, – это было то, что я искал.

– Вы читаете лекции? – спросил я его.

Он ответил:

– Да, в шесть утра, я читаю лекции по «Гите». Приходи. И принеси какой-нибудь цветок или фрукт для Божеств.

Я заглянул в смежную комнату, абсолютно пустую, с деревянным паркетным полом, голыми стенами и крошечным столиком: на столике стояла картина, на которой были изображены пять фигур, похожие на людей, с воздетыми кверху руками. Таких рук и лиц я не встречал ни у одного смертного. Я чувствовал, что они на меня смотрят.

Когда я вышел на улицу, перед магазинчиком толпились люди. Я сказал:

– Вряд ли когда-нибудь я вернусь к ЛСД.

Я сказал это себе, но люди меня слышали.

Стив: Я хотел продемонстрировать свое уважение к духовной жизни Индии и сообщил Свамиджи, что читал автобиографию Ганди.

– Это было великолепно, – сказал я.

– А что в этом великолепного? – спросил Свамиджи.

Он задал этот вопрос в присутствии остальных. Хотя я был гостем, он ничуть не колеблясь оспорил мое заявление, поскольку я сморозил глупость. Я покопался в памяти, чтобы ответить на его вызов, что же «великолепного» в биографии Ганди, и вспомнил, как однажды, когда Ганди был еще ребенком, друзья убедили его поесть мяса, хотя он был воспитан как вегетарианец. В ту ночь он чувствовал, как у него в желудке кричит съеденный ягненок. Свамиджи сразу же отмел это, сказав:

– Большинство индийцев – вегетарианцы. Это не достижение.

Больше ничего, достойного славы, я вспомнить не смог, а Свамиджи продолжал:

– Его автобиография называется «Эксперименты с Истиной». Но природа Истины такова, что ее невозможно найти путем экспериментов. Истина – всегда Истина.

Это был удар по моему ложному эго. Но, хотя Свамиджи и нанес мне поражение, выставив меня в смешном виде, я посчитал это благом. Мне хотелось представить на его суд множество различных утверждений – просто чтобы услышать его мнение. Я показал ему «Бхагавад-гиту» в мягкой обложке, которую читал и постоянно носил с собой в заднем кармане. Свамиджи изучил то, что было написано на задней обложке – там говорилось что-то о «вечной вере индусов» – и начал разбирать эту фразу по частям. Он объяснил, что слово «индус» употреблено здесь ошибочно, и в самой санскритской литературе нигде не встречается. Еще он объяснил, что индуизм и «верования индусов» вовсе не вечны.

Брюс: Поведав Свами о своем желании жить духовной жизнью, я начал рассказывать о конфликте, который произошел у меня с одним из профессоров английской литературы. Он был последователем Фрейда и толковал характеры литературных героев и все прочее с точки зрения фрейдизма, пользуясь соответствующей терминологией. В основе всего он видел секс – в отношениях матери и сына, в отношениях одного человека к другому, и так далее. Я же воспринимал все в свете религии и во всем видел какой-то религиозный импульс и желание понять Бога. И сочинения свои я писал в том же духе, а он всегда говорил: «Религию тоже можно рассмотреть с точки зрения фрейдизма». Так что я не очень-то успевал по этому предмету. Я поделился своим возмущением со Свами, а он ответил:

– Ваш профессор прав.

Я был в шоке: я прихожу к индийскому свами, а он говорит, что профессор-фрейдист прав, что все зиждется на сексе, а не на религии! Когда я услышал это от него, мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног. Но затем он объяснил, что имел в виду. Он сказал, что в

материальном мире движущей силой является секс, и кто бы что ни делал, он делает это под влиянием сексуального импульса.

– Так что Фрейд прав, – сказал он. – Все основано на сексе.

Потом он объяснил, что такое духовная жизнь, и что такое жизнь материальная. Духовная жизнь отличается полным отсутствием полового желания. На меня это произвело глубокое впечатление.

Он не стал укреплять мои старые сентиментальные представления, а дал мне новые. Он дал мне наставления, и я должен был их принять. Говорить со Свами было очень приятно. Я видел, что он абсолютно естественен и очень благороден. Как он держал голову, как произносил слова – все было очень изящно, аристократично.

Ребята обнаружили, что Свами не только мудр, но и очень человечен.

Стив: Спустя несколько дней я пошел к Свами, чтобы рассказать, что читаю его книги. Особенно мое внимание привлек тот раздел, где Вьясадева, автор «Шримад Бхагаватам», признается, что неудовлетворен, и его гуру, Нарада, объясняет ему, что это потому, что Вьяса, написав такое множество книг, не удосужился написать произведение, полностью посвященное славе Кришны. Услышав это, Вьясадева написал «Шримад Бхагаватам».

Это запало мне в душу – ведь Вьясадева был писатель, а я тоже мнил себя писателем и тоже чувствовал внутреннее неудовлетворение.

– Это очень интересное место, об авторе, Вьясадеве, – говорил я, – он написал столько книг, но не был удовлетворен, потому что должным образом не прославил Кришну.

Хотя мое понимание сознания Кришны было еще очень слабым, Свамиджи широко раскрыл глаза, удивленный, что я говорю о столь возвышенных темах «Шримад Бхагаватам». Казалось, он был доволен.

Чак: Я пришел днем, и Свамиджи дал мне тарелку с прасадом. Я попробовал, и рот мне обжег перец. Свамиджи спросил:

– Слишком остро?

– Да, – ответил я.

Тогда он принес крошечную чашечку с молоком, взял немного риса с моей тарелки, покрошил кусочек банана, размешал все это пальцем и сказал:

– Вот, съешь. Это нейтрализует действие чилли.

Брюс: В нем не было никакой искусственности, он никогда не стремился произвести впечатление. Он просто был самим собой. В комнате Свами не было мебели, мы сидели на полу. Эта простота мне очень нравилась. Он был какой-то настоящий. У другого свами, что обосновался в пригороде, мы сидели в гостиной, в больших, мягких креслах, и квартира была заставлена роскошной мебелью. Но здесь был центр города, где жил простой свами, в простой домотканой одежде. У него не было костюма, который он прикрывал шафрановыми одеждами. Он не был церемонным, как другие свами. Неожиданно для себя самого я спросил, могу ли я стать его учеником, и он ответил утвердительно. Я был очень счастлив, потому что он разительно отличался от других свами. Раньше я хотел стать учеником свами из пригорода, потому что хотел кое-что от него получить – я гнался за знанием. Мною двигал эгоизм. Но сейчас я чувствовал настоящий эмоциональный порыв. Я чувствовал, что хочу стать учеником именно этого Свами. Я искренне хотел предаться ему, потому что чувствовал, что он велик, и то, что дает он, – чисто, не осквернено и просто чудесно. Это было подобно успокоительному бальзаму в чреве ужасной городской жизни. А в пригороде я чувствовал себя чужим.

Как-то наша беседа коснулась моего путешествия в Индию в 1962 году, и я начал рассказывать, как много оно мне дало, как затронуло. Я даже вспомнил, что у меня там осталась подруга. Мы заговорили об этом, и я сказал, что у меня с собой есть ее фотография – я всегда носил ее в бумажнике. Свамиджи попросил посмотреть. Я вынул фотографию, Свамиджи взглянул на фото и сказал с кислым выражением лица:

– О, она же некрасивая! В Индии есть гораздо более красивые девушки.

Услышав это, я сразу потерял к ней интерес. Мне даже стыдно стало, что я запал на девушку, которую Свами считал некрасивой. Не помню, чтобы после этого когда-либо смотрел на эту фотографию, и уж конечно, никогда больше не думал о ней.

* * *

Брюс был новичком и всего лишь неделю ходил в храм на собрания. Поэтому никто не сказал ему, что члены Ананда-Ашрама, группы йоги д-ра Мишры, пригласили Свами и его последователей провести день у них, за городом. Однажды утром Брюс вошел в магазин и услышал:

– Свамиджи уезжает!

Бхактиведанта Свами вышел из здания и сел в машину. Сильно встревожившись, Брюс решил, что Свами уезжает насовсем – в Индию!

– Нет, – успокоил его Говард, – мы едем в ашрам йогов, за город.

Но первый автомобиль уже отъехал, а в машине, где сидел Свами, свободных мест не было. Как раз в этот момент показался Стив. Все это время он сидел дома, ожидая, что ребята за ним зайдут, и в итоге опоздали оба.

Брюс позвонил одному своему другу в Бронкс и упросил его отвезти их в Ананда-Ашрам. Но когда они приехали к нему домой, тот вдруг передумал и отказался. В конце концов, он одолжил Брюсу автомобиль, и два новых последователя Свами направились в Ананда-Ашрам.

Когда они приехали, Бхактиведанта Свами и его спутники уже принимали прасад, сидя вокруг летнего столика под деревьями. Ананда-Ашрам был живописным местом: высокие покатые холмы, множество деревьев, голубое небо, зеленая трава и озеро. Опоздавшие подошли к Свами, сидевшему, как отец семейства, во главе стола. Кейт из большого котелка раздавал прасад. Заметив опоздавших, Свамиджи пригласил их присаживаться рядом, и Кейт наложил им прасада. Свами взял с тарелки Стива чапати, нагромоздил на него гору сахара, и Стив под общий смех впился зубами в это лакомство.

Бхактиведанта Свами говорил о дрессировщиках львов. Он рассказал, что однажды на ярмарке видел человека, боровшегося с тигром – они кубарем катились под гору. Ребята были удивлены – они редко слышали от Свамиджи что-то помимо философии. Но они были счастливы – дети города, которые выбрались на природу со своим гуру и прекрасно проводят время.

Стив: Я шел со Свамиджи по длинному пологому откосу. Я хотел, чтобы он посмотрел и оценил изображение Радхи и Кришны, которое я обнаружил в маленькой книжечке, «Нарада-бхакти-сутре». Я собирался сделать с него цветные репродукции, чтобы раздать всем ученикам. И когда мы гуляли по траве, я показал ему картинку и спросил, хороша ли она и можно ли сделать с нее копии. Он посмотрел на изображение, улыбнулся, кивнул и сказал:

– Да.

Брюс: Я гулял со Свами по территории Ашрама. Все были чем-то заняты, и мы гуляли вдвоем. Он говорил, что было бы хорошо построить здесь храм.

Бхактиведанта Свами шел по живописному участку, глядя на отдаленные горы и леса. Рядом шагала Кейт. Свами рассказывал, что д-р Мишра предложил ему построить храм – на острове посреди принадлежавшего ашраму озера.

– Каким вы себе его представляете? – спросил Кейт. – Каких размеров?

Свамиджи улыбнулся и сделал жест в сторону горизонта.

– Большой, до самого горизонта? – рассмеялся Кейт.

– Да, – ответил Свами.

Подошло несколько мужчин и женщин – посетителей Ананда-Ашрама. Одна женщина была в сари. Обращаясь к ее спутнице, Свами сказал:

– Женщина в сари выглядит очень женственно.

Был уже поздний вечер, когда несколько последователей Свамиджи собрались на берегу озера и стали откровенно говорить о Свами, размышляя, каковы его отношения с Богом и рассказывая о своих отношениях с ним.

– Свами, – сказал Уолли, – никогда не объявлял себя Богом или Его воплощением. Он называет себя слугой Бога и учит других любви к Богу.

– Но при этом он говорит, что духовный учитель неотличен от Бога, – возразил Говард.

Они стояли у самой кромки зеркально гладкой поверхности озера.

Рассуждать на эти темы, решили они, нет большого смысла. Ответы придут потом. Никто из них не имел большого запаса духовного знания, но укрепить свою веру им очень хотелось.

Кейт, Уолли и Говард направились в комнату для медитации. В комнате стояло кресло с изображением д-ра Мишры, который в тот момент был в Европе, но самым примечательным в ней был мигающий свет стробоскопа.

– Такое чувство, как будто я в центральном магазине на площади Святого Марка, – сказал Уолли.

– Что такое духовная медитация? – спросил Говард.

Один из последователей Мишры, одетый в белую куртку и белые брюки клёш, ответил, что гуру научил их сидеть и медитировать на свет.

– А Свамиджи говорит, что медитировать надо на Кришну, – сообщил Кейт.

Когда зашло солнце, все собрались в большом зале главного здания, чтобы посмотреть слайды. Это было разрозненная подборка слайдов, в основном, с видами Индии и Ананда-Ашрама. Музыкальным фоном служила запись популярного индийского ситариста. На некоторых слайдах были запечатлены храмы Вишну, и когда промелькнул первый такой кадр, Бхактиведанта Свами попросил:

– Дайте-ка посмотреть. Нельзя ли вернуть и еще раз посмотреть на этот храм?

Так повторялось несколько раз, когда он узнавал знакомые храмы Индии. Уже потом, когда показали несколько кадров с девушкой, одной из посетительниц Ашрама, демонстрирующей индийские танцевальные позы, один человек из местных пошутил:

– Верните, пожалуйста, этот кадр и дайте мне еще раз посмотреть на этот храм.

Плоская шутка явно предназначалась Свамиджи, но ни он, ни его последователи не засмеялись.

Затем он читал лекцию. Скрестив ноги, Свами сидел на кушетке, в самой большой комнате дома. Комната была забита людьми – и йоги из Ананда-Ашрама, и последователи Свами из Нижнего Ист-Сайда сидели на полу, стояли у стен или толпились в дверях. Он начал свою речь с критики демократии. Он сказал, что люди привязаны к наслаждению чувств, поэтому они выбирают лидером того, кто убедительнее других обещает удовлетворять их вожделение и жадность – именно в этом состоит их единственный критерий выбора лидеров. Сорок пять минут он говорил о важности сознания Кришны, а катушечный магнитофон бесшумно крутился, записывая его слова.

Потом он провел киртан, который сгладил все противоречия и позволил в этот вечер каждому увидеть в себе все лучшее. Несколько дней назад, в квартире на Второй авеню, Бхактиведанта Свами научил своих последователей танцевать. Они выстроились в ряд за его спиной, и он показал им простой танцевальный шаг. Подняв руки над головой, он выдвинул левую ногу вперед и немного вправо, а затем плавным движением вернул ее в исходную позицию. Затем, сделав подобное движение правой ногой влево, он вновь вернулся в исходное положение. Не опуская рук, Бхактиведанта Свами двигался вперед, и тело его покачивалось из стороны в сторону; левую ногу – направо, правую – налево, на «раз-два-три-и-и». Он показал им это движение и в обычном ритме, и в два раза медленнее. Кейт назвал этот шаг «Свами-степом», как будто это был новый бальный танец.

Ученики Бхактиведанты Свами начали танцевать, и очень скоро, ритмично двигаясь по кругу, танцуя и в экстазе раскачиваясь, а иногда – подпрыгивая и кружась, к ним присоединились остальные. Этот радостный киртан продолжался целый час, и Свами до предела вдохновил каждого. Один из посетителей ашрама принес контрабас, на котором тут же начал искусно импровизировать под мелодию Свами, в свинговом стиле, а другой гость подыгрывал на таблах.

Члены Ананда-Ашрама недавно разделились на две группы, отношения между которыми были довольно натянуты. Здесь были и представители старшего поколения – вроде тех пожилых женщин, что приходили на лекции Свами в элитном райне, – и молодежь, в основном, парочки хиппи. Но во время киртана все разногласия были забыты, и, как потом выяснилось, вовсе исчезли. Нравилось им это или нет, но практически все присутствующие были втянуты в танец.

Было уже поздно. Свами отправился отдыхать в комнату для гостей, а его ребята заснули на открытом воздухе, в спальнях мешках.

Говард: Я просыпался три или четыре раза и, лежа на спине, разглядывал звезды, которые каждый раз занимали новое положение. Я не чувствовал времени. Я был ошеломлен движением звезд. Затем, уже под утро, я заснул. Мне снилась группа преданных вокруг прекрасного золотого юноши. Облик его пленял всякого, кто на него смотрел. Его духовное тело излучало абсолютную красоту, невиданную в этом мире, и, потрясенный, я спросил:

– Кто это?

– Как, ты не знаешь? – удивился кто-то, – Это же Свами!

Я присмотрелся повнимательнее, но не заметил никакого сходства. Юноше было не больше восемнадцати, и он словно сошел с Вайкунтхи (из духовного мира). «Если это Свамиджи, – удивился я про себя, – то почему он не пришел на Землю в таком образе?» И голос, откуда-то изнутри меня, ответил: «Тогда люди следовали бы за мной из-за красоты, а не из-за учения». Ошеломленный, я проснулся. Сон ярко запечатлелся в моей памяти, словно это был не сон, а видение. Я ощущал необычайную свежесть, словно искупался в каком-то неизвестном живительном бальзаме. Я снова увидел, что созвездия переместились, и тускнеющие звезды уже меркнут в свете наступающей зари. Я вспомнил, как Свамиджи объяснял мне, что хотя сны в большинстве своем лишь продукт деятельности ума, сны о духовном учителе имеют особый духовный смысл.

Кейту в эту ночь тоже снился сон.

Кейт: Я видел Кришну и Арджуну на поле битвы Курукшетра. Арджуна задавал вопросы, а Кришна рассказывал ему «Бхагавад-гиту». Затем эта картина ушла, и образ сменился. Теперь там появился Свами, а я стоял перед ним на коленях, и продолжался все тот же диалог. Я понял, что время пришло, и теперь Свамиджи говорит то же, что и Кришна, а мы все находимся в положении Арджуны. Сон ясно показал, что слушать Свамиджи – это то же самое, что слушать Кришну.

Взошло солнце, прочертив разноцветными полосами утреннее небо над озером. Кейт и Уолли гуляли по ашраму, рассказывая Свами о том, как здесь было красиво.

– Нас не столько интересуют прекрасные виды, – ответил Свами, – сколько их прекрасный творец.

Позже... Возвращаясь в город, Бхактиведанта Свами сидел в фольксвагене рядом с Брюсом. Автомобиль двигался по выощейся черной ленте горного шоссе, под бескрайним небом, а мимо проносились сочные зеленые леса и высокие горы. Это была редкая удача для Брюса – везти Бхактиведанту Свами, – больше ни у кого из ребят Свами машины не было. Они всегда пользовались автобусом или метро. Свами, конечно, подобало иметь машину, на которой бы его возили, но сейчас это был всего лишь маленький фольксваген, и Брюс вздрагивал всякий раз, когда машину подбрасывало на ухабах. Пока они ехали по извилистой горной дороге, Брюс вспомнил, что в книге жены Олдоса Хаксли читал, какие места хороши для медитации. Согласно одной точке зрения, медитировать нужно вблизи большого водоема, из-за обилия отрицательных ионов в воздухе, согласно другой – в горах, поскольку там ты выше и, следовательно, ближе к Богу.

– Правда ли, что для духовного осознания лучше медитировать в горах? – спросил Брюс.

Праххупада ответил:

– Вздор. И речи не может быть о хорошем или плохом месте. Ты думаешь, Бог где-то высоко, на какой-то там планете, и обязательно нужно подняться повыше? Нет. Медитировать можно где угодно. Просто повторяй «Харе Кришна».

Через некоторое время дорога утомила Свамиджи, и он задремал, склонив голову на грудь.

Вместе со Свамиджи Брюс вошел в квартиру. Он распахнул перед ним дверь, приоткрыл окно, настолько, насколько счел нужным, и подготовил комнату – словно если бы был его личным слугой. Бхактиведанта Свами был доволен визитом в Ананда-Ашрам. Киртан имел успех, и один из приближенных учеников д-ра Мишры заметил, что последователи Бхактиведанты Свами произвели на него огромное впечатление: казалось, одним лишь пением они достигли высокого духовного уровня, в то время как сторонникам доктора было «гораздо сложнее практиковать все свои позы и контролировать дыхание».

* * *

Усиление военных действий Соединенных Штатов во Вьетнаме вызвало волну протеста. 29 июля американские самолеты сбросили бомбы на два главных населенных пункта Северного Вьетнама, Ханой и Хайфон, и некоторые союзники – Канада, Франция, Япония – выразили по этому поводу свое сожаление. Генеральный Секретарь ООН, У. Тант, открыто осудил политику США во Вьетнаме. Противостояние войне ощущалась повсюду – от Сената до возникших за последнее время пацифистских организаций. Диссиденты проводили марши мира, сидячие забастовки и митинги против войны и призыва в армию.

Со стороны религий протест обнародовал Папа Павел VI. Всемирный Совет церквей осудил вторжение Америки во Вьетнам, призвав к «прекращению войны как самому

эффективному шагу» на пути к переговорам. 6 августа, в годовщину бомбардировки Хиросимы, состоялись демонстрации во многих крупных городах Америки, в том числе и круглосуточные демонстрации за мир перед зданием Штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке.

На 31 августа было намечено начало еще одной двухнедельной демонстрации за мир, и м-р Ларри Богарт пригласил Бхактиведанту Свами и его последователей открыть это мероприятие «молитвой о мире». Ларри Богарт, сотрудник ООН, был уже давно знаком со Свами и когда-то предлагал помочь напечатать официальные бланки для Международного Общества Сознания Кришны. В верхней части бланка были изображены Радха и Кришна, нарисованные Джеймсом Грином, а имя м-ра Богарта фигурировало во главе списка попечителей Общества.

Бхактиведанта Свами принял приглашение м-ра Богарта. Он видел в этом возможность прилюдно петь «Харе Кришна», и очень радовался по этому поводу. Он объявил своей пастве, что в понедельник, тридцать первого числа, вместо обычных утренних занятий в 6.30, все должны собраться у Штаб-квартиры ООН на особый киртан.

31 августа.

Большинство ребят встретились в магазинчике и, прихватив с собой караталы, бубен и бонго, на автобусе отправились к месту сбора. Свамиджи с несколькими учениками поехал на такси. Одевание парней состояло, как обычно, из сильно поношенных теннисных тапочек, черных брюк (или джинсов) и футболки (или, как вариант, спортивной рубашки на пуговицах). Ранняя утренняя поездка в пригород привела ребят в хорошее расположение духа, но еще больше они воодушевились, увидев рядом со зданием ООН Свамиджи в ниспадающих складках шафрановых одеждах. Свамиджи запел, но к нему тут же подошли организаторы демонстрации и попросили прекратить. Это была «молчаливая демонстрация» – здесь предполагалась беззвучная молитва о ненасилии. Ребята были просто убиты этим известием, но Свамиджи подчинился запрету и начал тихо повторять «Харе Кришна», перебирая четки.

Перед толпой вышел какой-то священник и произнес короткую речь, в которой упомянул Ганди, а затем повернулся к Бхактиведанте Свами и предложил сказать несколько слов о мире. Тихим голосом Свамиджи заговорил; он держался прямо, а за его спиной неясно вырисовывались очертания небоскреба ООН. Он говорил о том, что мир должен принять как факт, что только Бог есть владыка всего и друг каждого, и только тогда воцарится настоящий мир.

М-р Богарт выделил Свами на молчаливую молитву два часа. Бхактиведанта Свами и окружающие его преданные тихо повторяли джапу, пока время, отведенное им по расписанию, не истекло. Затем они удалились.

Возвращаясь по переполненным улицам в центр, Свами сказал, что Нью-Йорк очень напоминает ему Калькутту. Он объяснял сквозь шум движущихся машин:

– Мы не имеем ничего общего с этими круглосуточными демонстрациями за мир. Мы просто хотим распространить культуру пения Харе Кришна – вот и все. Если люди приобщатся к этому пению, мир придет сам собой. Тогда им не нужно будет добиваться этого искусственными способами.

1 сентября

В газете «Нью-Йорк Пост» появилась фотография Свамиджи и его последователей возле здания ООН. Стив показал вырезку Свами:

– Посмотрите, Свамиджи. Они называют Вас «Сами Кришна»!

– Сами Кришна? Ну, пусть.

На фотографии некоторые ребята сидели, опустив голову на руки.

– Где здесь ты? – спросил Свами. Стив показал. – О, ты так повторяешь, опустив голову?

Бхактиведанта Свами принял участие в демонстрации, чтобы оказать любезность своему знакомому, мистеру Богарту, и теперь м-р Богарт, чтобы выразить признательность, позвонил ему и согласился посетить храм. Он хотел помочь Свами и обсудить возможность его дальнейшего сотрудничества с ООН – ведь тогда можно будет ходатайствовать перед высокопоставленными лицами о помощи этому движению индийской культуры и мира.

Бхактиведанта Свами считал предстоящий визит м-ра Богарта очень важным и пожелал лично приготовить для гостя прасад и оказать ему должный прием в лучших традициях гостеприимства. В назначенный день Свами и Кейт несколько часов колдовали на маленькой кухне, готовя лучшие индийские деликатесы. Внизу Бхактиведанта Свами оставил Стенли, строго-

настроено наказав – пока готовится пир для м-ра Богарта, наверх никого не пускать. Стенли кивнул, моргая своими «блаженными», устремленными вдаль, глазами.

Стенли расположился в храме. Там было несколько человек, но он объявил:

– К Свамиджи нельзя, никому нельзя.

Около двенадцати часов приехал Ларри Богарт – бледный, уже немолодой и хорошо одетый, по меркам Нижнего Ист-Сайда. Он сказал, что хотел бы встретиться со Свами Бхактиведантой.

– Простите, – сказал Стенли, и на его мальчишеском лице отразилась попытка произвести на незнакомца впечатление серьезностью приказа, – Свами сейчас занят и просил никого к нему не пускать.

М-р Богарт решил подождать. Стульев в магазинчике не было, и Стенли принес ему складной. День выдался жаркий. М-р Богарт несколько раз смотрел на часы. Прошло полчаса. Стенли сидел, напевая и бездумно уставившись в пространство. Через час м-р Богарт спросил, нельзя ли теперь повидать Свами. Стенли ответил, что нет, и м-р Богарт, обиженный, ушел.

Тем временем Свамиджи начал беспокоиться, удивляясь, почему м-ра Богарта до сих пор нет. Наконец, он послал вниз Кейта, и Стенли рассказал ему о человеке, которого он только что спровадил.

– Что?! – взорвался Кейт – Но это же был...

Через несколько секунд о произошедшем узнал Свамиджи. Он пришел в ярость. Он спустился вниз, в магазинчик:

– Дурак! Бестолочь!

В гневе он повернулся ко всем собравшимся и отругал их, но особенно досталось Стенли. Еще никто никогда не видел Свамиджи таким сердитым. Затем в негодовании он вышел и вернулся к себе.

Стенли и так в последнее время был не в лучшей форме, а сейчас его поведение стало еще более непредсказуемым. Мать Стенли знала, что последние несколько лет у ее сына были определенные проблемы, поэтому просила Бхактиведанту Свами внимательно за ним следить. Но теперь юноша перестал справляться со своими обязанностями и бросил мыть кухню и магазин. Часто его заставляли подолгу стоящим и на что-нибудь уставившимся. Он перестал регулярно повторять мантру, стал угрюмым и иногда поговаривал о самоубийстве. Ребята не знали, что с ним делать, и думали – может, лучше отослать его обратно, к матери.

Однажды Стенли пришел к Свамиджи. Он вошел и сел.

Свами: Да?

Стенли: Можно получить пятьдесят долларов?

Свами: Зачем?

Бхактиведанта Свами обычно держал все деньги у себя, и когда его ребятам что-то было нужно – пусть даже двадцать пять центов на автобус – они обращались к нему. Расточительным он никогда не был – даже, получив письмо, он очень аккуратно вскрывал конверт, чтобы использовать обратную сторону для записей. Поэтому он хотел знать, зачем Стенли понадобилось пятьдесят долларов. Стенли тихо ответил:

– Я хочу купить бензина и сжечь себя.

Свамиджи увидел, что в дверях стоит Чак, и попросил его немедленно позвать Брюса. Брюс примчался сию же секунду и сел на пол возле Свами и Стенли. Свами распорядился, чтобы Брюс (недавно назначенный ответственным за мелкие расходы) дал Стенли пятьдесят долларов, заставив того повторить, для чего ему нужны деньги.

– Но, Свамиджи, – запротестовал Брюс, – у нас нет таких денег!

– Вот видишь, Стенли, – Бхактиведанта Свами говорил очень спокойно, – Брюс говорит, что у нас нет таких денег.

Затем они позвонили матери Стенли.

Потом Свами вспоминал, что, когда Стенли попросил пятьдесят долларов на бензин, который стоил всего тридцать пять центов, он понял, что Стенли сошел с ума.

* * *

Кейт, как обычно, готовил на кухне завтрак, только сегодня рядом с ним у кухонной плиты стоял Свамиджи, наблюдая за своим подопечным.

Кейт на минуту оторвался от плиты:

– Свамиджи, можно мне стать Вашим учеником?

– Можно, – ответил Бхактиведанта Свами – Почему бы и нет? Тебя будут звать Кришнадасом.

В этом коротком диалоге впервые прозвучала просьба о принятии в ученики, и Свами впервые согласился дать посвящение. Но этим дело не ограничилось. Свамиджи объявил, что в скором времени проведёт церемонию посвящения.

– А что это такое – посвящение? – спросил кто-то из ребят.

Свамиджи ответил:

– Я объясню позже.

Прежде всего, им нужны были четки. Кейт сходил в кожгалантерейный магазин фирмы «Тэнди» и принес оттуда деревянные бусины, чуть больше сантиметра в диаметре, и моток шнура.

Свамиджи сказал, что мантру лучше всего повторять, перебирая четки – шнур с нанизанными на него ста восьмью бусинами. При этом работает осязание, и, кроме того, вы будете точно знать, сколько раз повторили мантру. Так поступают индийские вайшнав. У некоторых преданных в Индии, говорил Свамиджи, на нитке больше тысячи бусин, и на этих четках они повторяют по многу кругов ежедневно.

Он показал ребятам, как завязывать двойной узел после каждой из ста восьми бусин. Число 108 имеет особое значение: есть сто восемь Упанишад и сто восемь главных гопи – ближайших спутниц Господа.

Во время обряда посвящения, сказал он, ученик должен дать несколько обетов, один из которых – каждый день повторять на четках определенное число кругов мантры. Из ребят, пришедших к Свами, с десятков были готовы для посвящения, но никакой строгой системы отбора не было: посвящение мог получить каждый, кто хотел.

Стив: Хотя я уже и так делал все, что велел Свамиджи, я чувствовал, что получить посвящение – это огромная ответственность. Во мне еще сильна была тяга к независимости, и я был полон сомнений – получать посвящение или нет.

Друзья Свамиджи отнеслись к предстоящему обряду посвящения по-разному: для одних это было делом очень серьезным, для других – чем-то вроде новой игры или представления. За несколько дней до церемонии, когда Уолли и Говард нанизывали во дворе бусины на шнур, между ними состоялся следующий разговор:

Уолли: Это просто формальность. Ты признаешь Свамиджи своим духовным учителем.

Говард: И что дальше?

Уолли: Никто точно не знает. В Индии это обычное дело. Ты как, хочешь принять его духовным учителем?

Говард: Не знаю. Если уж на то пошло, духовный учитель он вроде неплохой, по крайней мере, мне так кажется. Я имею в виду, что и он, и его учение мне очень нравятся, поэтому в каком-то смысле он уже стал моим духовным учителем. Я просто не понимаю, что от этого изменится.

Уолли: И я не понимаю. Думаю, ничего не изменится. Это просто формальность.

* * *

8 сентября, Джанмаштами – день явления Господа Кришны.

Год назад Бхактиведанта Свами встречал день рождения Кришны в море, на борту «Джаладуты», которая только что вышла из Коломбо. Теперь, ровно год спустя, у него появилась небольшая группа последователей, которые поют с ним Харе Кришна. Сегодня он соберет их, чтобы вместе отметить этот день – петь, читать Священные писания, поститься, а потом они устроят праздничный пир. А на следующий день будет церемония посвящения.

В шесть часов Свамиджи спустился вниз и хотел было начать обычную утреннюю лекцию, как вдруг кто-то из ребят попросил его почитать немного из своих рукописей. Свами, казалось, немного смутился, но не стал скрывать своей радости от того, что его попросили почитать собственные комментарии к «Бхагавад-гите». Обычно он читал какой-нибудь стих из оксфордского издания «Бхагавад-гиты» в переводе д-ра Радхакришнана. Хотя в своих комментариях Радхакришнан излагал философию имперсонализма, переводы стихов, как сказал Свамиджи, были на девяносто процентов точными. Но этим утром, послав Роя наверх за рукописью, он в течение часа читал с напечатанных страниц.

Джанмаштами отмечается по особым правилам: в этот день нужно поститься, повторять и петь Святые имена, читать и беседовать о сознании Кришны.

– Если кто-то почувствует слабость, – сказал Свамиджи, – на кухне есть фрукты. Но лучше ничего не есть до полуночи, как это делают преданные в Индии.

Он рассказал, что в Индии миллионы людей – и индусы, и мусульмане – празднуют день рождения Господа Кришны. В этот день в каждом храме устраивают праздничные торжества и прославляют игры Господа.

– А теперь, – сказал он напоследок, – я объясню, что такое духовное посвящение. Это означает, что духовный учитель принимает ученика и соглашается взять на себя ответственность за него, а ученик принимает духовного учителя и соглашается почитать его, как Самого Бога.

Он замолчал. Воцарилась тишина.

– Есть ли вопросы?

Вопросов не было. Свамиджи встал и вышел из комнаты.

Преданные были ошеломлены. Что он сказал? Неделями до этого он твердил, что того, кто называет себя Богом, нужно считать догом.

– Я в шоке, – сказал Уолли.

– Все в шоке, – ответил Говард. – Как гром среди ясного неба.

Они вспомнили о Кейте. Он такой умный. Надо с ним посоветоваться. Но Кейт лежал в больнице. Поговорив друг с другом, они окончательно запутались. Последние слова Свамиджи поставили их в тупик. Наконец, Уолли решил сходить к Кейту в больницу.

Кейт внимательно выслушал все от начала и до конца: как Свамиджи велел поститься, как он читал свою рукопись, как пообещал объяснить смысл посвящения, и как все подались вперед, обратившись в слух... и тут Свамиджи «выдал»: «Ученик принимает духовного учителя и соглашается почитать его, как Самого Бога. Есть ли вопросы?» – и вышел.

– Теперь мы даже и не знаем, стоит ли получать посвящение, – признался Уолли, – нам ведь придется почитать его как Самого Бога.

– Да вы и так уже это делаете, соглашаясь со всем, что он вам говорит, – ответил Кейт и посоветовал поговорить со Свамиджи... до посвящения.

Вернувшись в храм, Уолли обсудил все с Говардом, и вдвоем они отправились к Свамиджи.

– Значит ли то, что Вы сказали нам сегодня утром, – спросил Говард, – что мы должны считать духовного учителя Богом?

– Это значит, что он заслуживает такого же почтения, как Бог, поскольку является представителем Бога, – спокойно ответил Бхактиведанта Свами.

– Значит, он не Бог?

– Нет, – сказал Свами – Бог есть Бог. А духовный учитель – это Его представитель. Он подобен Богу, ибо может дать Бога искреннему ученику. Ясно?

Да, теперь все стало ясно.

Целый день без еды – это требовало серьезного напряжения – как ума, так и тела. Джейн нервничала. Она жаловалась, что это просто невозможно, что она больше не выдержит, что ей нужно пойти поухаживать за своей кошкой... Бхактиведанта Свами попытался удержать ее, но она все равно ушла.

В тот день большинство кандидатов в ученики несколько часов подряд нанизывали на шнур ярко-красные деревянные бусины. Привязав один конец шнура к оконной решетке или к батарее, они нанизывали на него по одной бусине и завязывали тугой узел. На каждой из них они один раз повторяли мантру Харе Кришна. И то и другое было преданным служением – и повторение мантры, и изготовление четок для посвящения. Каждая бусина, каждый завязанный узел казались им событием чрезвычайной важности. Бхактиведанта Свами рассказывал, что в Индии преданные повторяют как минимум шестьдесят четыре круга мантры каждый день. Прочитать один круг – значит произнести мантру на каждой из ста восьми бусин. Его духовный учитель говорил, что каждого, кто не читает шестьдесят четыре круга мантры в день, следует считать падшим.

Вначале они подумали, что им тоже придется повторять по шестьдесят четыре круга, и были очень озадачены: ведь это займет целый день! Как ходить на работу, если тебе нужно прочитать шестьдесят четыре круга? Да и как это вообще возможно – повторять по шестьдесят четыре круга? Потом кто-то вспомнил, будто бы Свамиджи говорил, что для западного человека тридцать два круга в день уже достаточно. Уолли сказал, что Свамиджи говорил о двадцати пяти

кругах, — но даже это казалось им невыполнимым. Тогда Бхактиведанта Свами предложил минимум — шестнадцать кругов в день, но обязательно! Все, кто получают посвящение, должны будут дать такое обещание.

Целый день они нанизывали четки, повторяли мантру, читали. Кое-кто дремал. Так продолжалось до одиннадцати вечера, когда их позвали в комнату Свамиджи. Идя друг за другом по двору, они ощущали необычайное спокойствие, разлитое в воздухе. За забором, на Хьюстон-стрит, стояла тишина. Ночь была тихой и безлунной.

Подождав, пока ученики рассядутся на полу и начнут с удовольствием уплетать прасад, разложенный по бумажным тарелкам, Свамиджи присоединился к ним и стал рассказывать о явлении Господа Кришны. Кришна появился на Земле в этот вечер пять тысяч лет назад. Он родился у Васудевы и Деваки, в тюрьме царя Камсы, ровно в полночь. Васудева, отец Кришны, сразу же отнес Его во Вриндаван, где Его как собственного сына воспитал пастух Нанда Махараджа.

Бхактиведанта Свами говорил и о том, что для духовного роста необходимо очищение.

— Мало просто повторять священные слова, — сказал он, — нужно быть чистым внутри и снаружи. Духовное совершенство придет, если повторять святые имена в чистоте. Желание материальных удовольствий оскверняет живое существо. Но даже тот, кто осквернен, сможет очиститься, если будет следовать наставлениям Кришны и действовать только ради Него. У тех, кто только вступил на духовный путь иногда появляется желание расслабиться, но чтобы духовно расти, нельзя поддаваться этому искушению; мы должны постоянно умножать свои усилия и укреплять преданность.

* * *

Майкл Грант: Впервые я узнал о посвящении всего за день до церемонии. У меня были какие-то дела, связанные с музыкой, и какое-то время я не посещал программы в храме. Я шел по Второй авеню с одним из тех, кто готовился принять посвящение, и он сказал, что на завтра намечается какой-то обряд, который называют духовным посвящением. Я спросил его, что это такое, и он ответил:

— Насколько я понял, нужно признать духовного учителя Богом.

Я очень удивился, и никак не мог взять этого в толк. Но я не принял его слова всерьез. К тому же сказаны они были как бы случайно, мимоходом, и я подумал, что не так уж это и важно. Он небрежно спросил, не собираюсь ли и я поучаствовать, и я так же небрежно ответил: «Наверное. Почему бы и нет? Попробую».

Джейн не верила, что сумеет стать покорной ученицей, да и само слово «посвящение» ее как-то пугало. Свами, конечно, ей нравился — особенно нравилось с ним готовить, но... Но Майк ее убедил — раз он идет, то и она должна пойти с ним.

Карл Йоргенс уже кое-что знал об обряде посвящения и лучше других понимал, насколько это серьезно. Услышав о том, что Свамиджи дает ребятам посвящение, он удивился и не спешил к ним присоединяться. Он знал, что посвящение предполагает отказ от внебрачного секса, алкоголя, наркотиков, мяса, что у посвященного ученика появляются новые обязанности, связанные с распространением учения. С тех пор, как Свамиджи переехал на Вторую авеню, Карл несколько отдалился от него, но на церемонию посвящения все же решил прийти.

Билл Эпштейн никогда не считал себя серьезным учеником. Обряд посвящения был для него очередным представлением, устроенным Свами, и он считал себя вправе самому решать, как к этому относиться — серьезно или нет. Он полагал, что можно пройти посвящение, даже не принимая его всерьез. Он решил попробовать.

Кэрол Бекар удивилась, узнав, что кое-кто собирается получить посвящение, не намереваясь при этом бросать свои вредные привычки. С тех пор, как Свами переехал, она перестала ходить к нему регулярно и не чувствовала желания стать ученицей. Да и вряд ли Свами вообще будет давать посвящение женщинам, думала она.

Роберт Нельсон не забывал Свами и всегда как мог ему помогал. Но приходить он почти перестал, лишь иногда наносил дружеские визиты. Он вел независимую жизнь и по-прежнему проживал в пригороде, а на улицах Нижнего Ист-Сайда появлялся редко.

Джеймс Грин считал себя недостаточно чистым для посвящения: «Кто я такой, чтобы получать посвящение?» Но Свами попросил его принести кое-что в магазинчик.

– Я пришел, и все решили, что я тоже собираюсь пройти обряд посвящения. Тогда я подумал: «А почему бы, собственно, и нет?»

Стенли снова начал повторять мантру, безумие прошло. Он был очень привязан к Свами и его ученикам. Он спросил мать, можно ли ему получить посвящение, и та разрешила.

Стиву нужно было время, чтобы все обдумать.

Кейт лежал в больнице.

Брюс приходил сюда всего две недели, и ему было еще рановато.

Чак решил недельку отдохнуть от строгой храмовой жизни, и о церемонии ничего не знал.

Свами ни от кого не потребовал обрить голову или хотя бы просто подстричься и сменить одежду. Никто не предложил Свами традиционную гуру-дакшину – подношение, которое в знак великой благодарности делает учителю ученик. Все угощение Свамиджи пришлось готовить самому, и самому же делать все приготовления к церемонии – почти никто ему не помогал. Он прекрасно знал образ мыслей своих ребят и старался никого ни к чему не принуждать. Некоторые из учеников только после церемонии узнали (спросив его об этом), что все, кто получил посвящение, обязаны выполнять четыре правила – не есть мяса, не вступать во внебрачные половые связи, не употреблять одурманивающих веществ и не играть в азартные игры.

– Я очень рад, что вы все-таки спросили меня об этом, – сказал Свамиджи.

Церемония должна была стать настоящим ведическим жертвоприношением. Жертвенный огонь предстояло разжечь прямо у Свамиджи в гостиной. Посреди комнаты был сооружен жертвенный алтарь – возвышение из кирпичей высотой десять сантиметров и площадью в четверть квадратного метра, обмазанное глиной. Глину принесли со двора, а кирпичи – из заброшенного дома по соседству. Вокруг алтаря лежало одиннадцать бананов, стояли чашки с топленным маслом, семенами кунжута, цельными зернами ячменя, порошковые красители пяти разных цветов и запас щепок для костра. Рассевшись вплотную друг к другу на полу вокруг жертвенного алтаря, одиннадцать будущих учеников заняли почти всю комнату. Гости, столпившиеся в прихожей, с любопытством заглядывали в открытую дверь. Для всех, кроме Свами, происходящее было новым и непривычным, и вся церемония проходила под его руководством. Увидев, как ребята безуспешно пытаются нанести на лоб вайшнавскую тилаку, Бхактиведанта Свами терпеливо нарисовал пальцем каждому на лбу аккуратную, узкую букву «U».

Он сел перед алтарем и оглядел собравшихся. Они мало чем отличались от любой другой группы молодых хиппи Нижнего Ист-Сайда, которые могли собраться на любое другое мероприятие: духовное, культурное, музыкальное – какое угодно. Кто-то просто искал новых ощущений. Кто-то на самом деле был глубоко предан Свами. Но интересно было всем. Он попросил их в течение всей церемонии тихо повторять мантру Харе Кришна, и ровный гул их голосов сопровождал таинственные движения Свами – главного жреца, проводившего ведический ритуал.

Сначала он зажег двенадцать палочек благовоний, затем совершил обряд очищения водой: взяв в левую руку ложечку, он зачерпнул воды из небольшой чашки, и, налив три капли в правую руку, ее выпил. Эту процедуру он повторил трижды. В четвертый раз он не стал отпивать воду, а стряхнул ее на пол позади себя. Затем он пустил чашку с ложечкой по кругу, чтобы кандидаты в ученики сделали то же самое. Если кто-то наливал воду не в ту руку или неправильно ее отпивал, Свамиджи терпеливо его поправлял.

– А теперь, – сказал он, – повторяйте за мной.

Вслед за ним они слово за словом стали повторять ведическую очистительную мантру: ом апавитра...

Посвящаемые, запинаясь, старались повторить за ним слова, которых никогда раньше не слышали. Затем он перевел: «Любой человек, чистый или нечистый, даже если он прошел через все перипетии жизни, становится чистым внутри и снаружи, если помнит лотосоокого Господа, Верховную личность Бога». Свами трижды повторил обряд очищения водой – чашечка переходила от одного ученика к другому и снова возвращалась к нему, и снова он повторял мантру «ом апавитрах...» – а в комнате стоял монотонный гул голосов, повторяющих Харе Кришна... Затем он поднял руку – голоса стихли, наступила тишина. Он начал говорить.

После короткой лекции Свамиджи попросил преданных по очереди передавать ему свои четки и стал читать на них мантру – Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, которую вслед за ним повторяли все

присутствующие. Закончив на одних четках, он подзывал к себе их владельца и, держа четки в руке, показывал ему, как читать мантру. Потом он объявлял посвящаемому его духовное имя, ученик брал четки, кланялся и произносил:

нама ом вишну-падая кришна-прештхая бху-тале
шримате бхактиведанта-свамин ити наминэ

«Я выражаю свое почтение Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанте Свами, который очень дорог Господу Кришне, ибо нашел прибежище у Его лотосоподобных стоп».

Кандидатов в ученики было одиннадцать, и четок тоже было одиннадцать, так что повторение мантры продолжалось больше часа. Свамиджи дал каждому по нитке шейных бус, которые были, как он сказал, чем-то вроде ошейника, указывающего на то, что преданный – верный пес Кришны.

После того, как Уолли получил четки и новое имя, – Умапати – он вернулся на свое место рядом с Говардом и сказал ему:

– Классно! Здорово получать четки.

Все посвящаемые по очереди подходили к Свами за четками и получали духовные имена. Говард стал Хаягровкой, Уолли – Умапати, Билл – Равиндра-сварупой, Карл – Карлапати, Джеймс – Джаганнатхой, Майк – Мукундой. Джейн стала Джанаки, Рой стал Рая-Рамой, а Стэнли – Стрядхишей. Другой Стэнли, из Бруклина, который где-то работал, и Дженис, студент колледжа из Монреаля, хоть и не принадлежали к ближайшему окружению Свами, тоже пришли в этот вечер и вместе со всеми получили посвящение и новые имена – Сатьяврата и Джанардана.

Затем Свамиджи начал огненное жертвоприношение. Он посыпал земляное возвышение разноцветными порошками. Затаив дыхание, все следили за его магическими действиями – он взял несколько веточек и лучинок, окунул их в масло, поджег от пламени свечи и соорудил в центре земляного возвышения небольшой костер. Затем он смешал в чашке топленое масло, кунжут, ячмень и пустил ее по кругу. Каждый ученик, проходивший обряд, взял из чашки пригоршню смеси, чтобы бросить ее в огонь. Затем Свами стал читать молитвы на санскрите и попросил всех повторять за ним. Каждая молитва завершалась троекратным повторением слова «сваха». На этом слове ученики бросали в огонь по щепотке смеси масла, кунжута и ячменя. Свамиджи все подливал масла, подкладывал щепок в огонь и читал молитву за молитвой, пока костер не разгорелся. Звучали молитвы, лилось масло, огонь разгорался, и в комнате становилось все жарче и жарче.

Минут через двадцать Свамиджи попросил всех получивших посвящение положить в огонь по банану. Кучка из одиннадцати бананов почти погасила пламя, повалил густой дым. Некоторые из посвященных вскочили и, кашляя, выбежали в другую комнату, а гости поспешили выйти в прихожую. Но Свамиджи продолжал лить остатки масла в огонь и кидать в него зерна.

– Этот дым не ест глаза, – говорил он. – Другой ест, а этот – нет.

Даже когда от дыма глаза у всех наполнились слезами, он не разрешил открыть окна. Благодаря этому почти весь дым остался в квартире, и никто из соседей не жаловался.

Свамиджи широко улыбнулся, встал перед жертвенным огнем – пламенеющим языком Вишну, и, хлопая в ладоши, запел Харе Кришна. Раскачиваясь из стороны в сторону, он начал танцевать. Ученики присоединились к нему. Дым рассеялся. Он велел каждому ученику коснуться четками стоп Господа Чайтаньи на картине с изображением Панча-таттвы, которая стояла на столе, и после этого, наконец, разрешил открыть окна. Теперь, когда ритуал закончился, и воздух в квартире стал свежее, Свамиджи рассмеялся:

– Было так много дыма, что я боялся, как бы соседи не вызвали пожарную команду.

Свамиджи был счастлив. Он велел, чтобы всем преданным и гостям раздали прасад. Огонь, чтение молитв, обеты, повторение Харе Кришна – все это очистило атмосферу. Дело сдвинулось с места. В Западном полушарии появились первые посвященные ученики. Когда же праздник закончился, большинство учеников разошлись по домам, оставив своего духовного учителя наводить порядок после обряда посвящения.

* * *

10 сентября.

На следующее утро после посвящения Бхактиведанта Свами сидел в своей комнате, читая комментарии к «Шримад-Бхагаватам» – перед ним на столе лежал огромный том с санскритскими текстами. На Свами были очки в роговой оправе, которые придавали ему вид ученого. Он надевал их только когда читал, сразу становясь похожим на профессора, погруженного в глубокие размышления. В комнате была тишина, сквозь оконное стекло проникали теплые яркие лучи утреннего солнца.

Вдруг в дверь кто-то постучал.

– Да? Войдите.

Он поднял глаза и снял очки. В приоткрывшуюся дверь заглядывали Майк и Джейн (теперь Мукунда и Джанаки). Он сам их пригласил.

– Да, да, заходите.

Он улыбнулся, и двое энергичных, юных американцев вошли внутрь, прикрыв за собой дверь. В его выразительном взгляде сквозила улыбка. Они сели перед ним, и Бхактиведанта Свами шутливо обратился к ним, уже по новым именам.

– Итак, живете вы вместе, но во время посвящения вы приняли на себя серьезные обязательства. Как же с этим быть?

– Ну, – Мукунда казался озадаченным, – а разве в сознании Кришны нет любви?

Свамиджи кивнул.

– Да, вот и я о том же. Почему бы вам не пожениться?

Идея понравилась. Свамиджи тут же назначил день свадьбы – через два дня.

Он сказал, что приготовит большой пир и проведет церемонию бракосочетания прямо у себя в квартире и попросил ребят пригласить всех родственников. Но оба – и Мукунда, и Джанаки – были родом из Орегона, и родственники их не могли всё бросить и ехать в такую даль. Согласилась приехать только сестра Джанаки, Джоан.

Джоан: Я почти не представляла, что это будет за церемония. Я знала только, что они познакомились с каким-то свами, берут у него уроки санскрита и посещают его небольшой храм в бывшем магазинчике на Второй авеню. Когда я первый раз увидела Свами, он сидел у окна своей гостиной, освещенный солнечным светом и окруженный кастрюлями с прасадом, который он раздавал преданным, сидящим вдоль стен вокруг него. Я придерживалась макробиотической диеты и не горела желанием есть в полдень. Когда я вошла, Свамиджи спросил:

– Кто это?

Мукунда ответил:

– Это сестра Джанаки, Джоан. Она приехала из Орегона, на нашу свадьбу.

Свамиджи спросил:

– Ага, а где это – Орегон?

Мукунда ответил:

– Это почти пять тысяч километров отсюда, другой конец Соединенных Штатов.

Он удивился:

– О, вы ехали в такую даль? Очень хорошо. А когда приедут остальные?

Тогда я призналась:

– Я приехала одна, Свамиджи.

Он сказал:

– Не беда. Очень хорошо, что приехали. Пожалуйста, садитесь и отведайте Кришна-прасад.

Он предложил мне немного дала, влажное сабджи, йогурт, салат и чапати. Но из-за моего увлечения макробиотикой прасад мне не понравился – не лез в горло. Но глядя на этого сияющего человека, я понимала, что ему очень хотелось, чтобы я попробовала все, что он приготовил. Так что я съела все, но про себя решила, что обедаю с преданными в последний раз.

В конце концов я справилась, и Свамиджи тут же спросил:

– Хотите еще? Хотите еще?

Я ответила:

– Нет, спасибо. Я наелась. Все очень вкусно, но я больше не могу.

Наконец, прием прасада закончился, все отправились мыть посуду, а Свамиджи позвал к себе Мукунду, Джанаки и меня, чтобы подготовиться к завтрашней свадьбе.

Итак, когда мы сидели в его комнате, он достал из угла огромную кастрюлю, на стенках которой были следы засохшего сахарного сиропа. Я подумала: «Наверное, это его *pièce de*

resistance, но в меня больше не влезет». Но он достал из кастрюли гигантский, круглый, сочный гулабджамун. Я сказала:

– О, нет, я так наелась, больше не могу!

Но он настоял:

– Берите, берите, – и заставил меня протянуть руку и взять его.

Так вот, когда я съела гулабджамун, у меня не осталось и тени сомнения в том, что я здесь в последний раз.

Потом он стал объяснять, что по ведической традиции все необходимое для пышной свадебной церемонии готовят женщины той же семьи. А поскольку единственным таким родственником была я, то завтра я должна была прийти помогать ему готовить свадебный пир. Итак, на следующее утро, в девять, пока Джанаки украшала комнату для жертвоприношения, развешивая зелень и протягивая через всю комнату под потолком цветочные гирлянды, я отправилась наверх, к Свами.

Как только я появилась, он сразу же отправил меня за покупками, дав список из пяти-шести наименований. Одного из этих продуктов нигде не оказалось (хотя я спрашивала у многих) и, когда я вернулась, он спросил:

– Вы все купили, что было в списке?

Я ответила:

– Все, кроме одного.

Он уточнил:

– Чего именно?

Я объяснила:

– Никто не знает, что такое «тумар».

Он попросил меня помыть руки и, усадив меня на пол в гостиной, дал мне двухкилограммовый мешок муки, полкило масла и кувшин воды. Посмотрев на меня сверху вниз, он спросил:

– Вы можете сделать тесто средней мягкости?

Я хотела уточнить:

– Вы имеете в виду тесто как для печенья, или как для пирога с хрустящей корочкой, или чтобы получилось рассыпчатое тесто или как для рыбного пирога? Какую выпечку вы хотите сделать?

– Сколько вам лет? – спросил он.

Я ответила:

– Мне двадцать пять, Свамиджи.

– Вам двадцать пять, и вы не умеете делать тесто средней мягкости? В Индии это очень ловко делает любая девочка с пяти лет. Но ничего страшного, я вас научу.

Он ловко высыпал муку из мешка и кончиками пальцев втер в нее масло, пока вся смесь не стала похожа на крупные крошки. Затем он сделал в центре горки углубление, влил туда точь-в-точь требуемое количество воды и умело замесил однородное, гладкое, бархатистое тесто средней мягкости. Потом он принес на подносе вареный картофель, пальцами размял его и приправил специями. Он показал мне, как делаются картофельные качори – жареные индийские пирожки с начинкой из пряного картофеля. В тот день, с одиннадцати утра и до пяти вечера, я сидела в этой комнате и лепила картофельные качори. За это время Свамиджи приготовил еще пятнадцать вегетарианских блюд – причем каждое в таком количестве, что хватило бы человек на сорок, и все это он сделал один на маленькой, тесной кухне.

В тот день было жарко, и я вспотела. Я спросила:

– Свамиджи, можно стакан воды?

Он кивнул головой в сторону двери и сказал:

– Идите, помойте руки.

Я так и сделала, а когда вернулась, то у Свамиджи уже наготове был стакан воды. Он объяснил, что когда готовят пищу для предложения Верховному Господу, то нельзя даже думать о еде или питье. Выпив воды, я пошла, помыла руки и снова уселась. Около двух я спросила:

– Свамиджи, можно покурить?

Он снова кивнул головой в угол и сказал:

– Идите, помойте руки.

Я сходила, а когда вернулась, он рассказал мне о четырех принципах сознания Кришны. Я продолжала лепить качори, и где-то в половине третьего или в четыре в комнате стало совсем жарко, и я рукой вытерла со лба пот. Как раз в ту минуту Свамиджи вносил одно из своих блюд. Он взглянул на меня и велел:

– Пожалуйста, пойдите и помойте руки.

Я снова подчинилась, а когда вернулась, увидела, что для меня готово влажное бумажное полотенце. Он объяснил, что приготовление пищи для Кришны требует соблюдения определенных правил чистоты и аккуратности, которые отличаются от тех, к которым я привыкла.

Пришло около тридцати гостей. Комната была украшена так же, как в день посвящения – разве что более роскошно, да и пир был побогаче. Гостиную Свамиджи украшали сосновые ветки, а под потолком через всю комнату тянулись гирлянды из цветов и листьев. Пришли несколько новопосвященных с большими красными четками на шее. Теперь они дали обет – шестнадцать кругов каждый день – и повторяли их, как научил Свамиджи. Радостно и немного смущаясь, они называли друг друга новыми именами.

Джанак: Свамиджи сказал, что на свадьбе я должна быть в сари, а сари должно быть шелковым. Я спросила, какого цвета, и он сказал, что красного. Мукунда купил мне отличное сари и очень красивые украшения.

Все привыкли видеть Джанак, когда она, вместе с Мукундой, приходила в храм, в очень простой одежде, без всякой косметики. И все были поражены и немного смущены, увидев ее в ярко-красном сари, с украшениями и макияжем. Волосы невесты были подняты, уложены и украшены филигранной серебряной заколкой овальной формы, на руках блестели серебряные браслеты, а в ушах – серебряные серьги, купленные Мукундой в дорогом индийском магазине на Пятой авеню.

Бхактиведанта Свами посадил молодоженов напротив себя, по другую сторону жертвенного алтаря. Как и перед обрядом посвящения, он зажег благовония, попросил совершить очищение водой и прочел очистительную мантру. Он объяснил, каковы должны быть отношения между мужем и женой в сознании Кришны, как супруги должны помогать друг другу, и как – служить Кришне. После этого Свамиджи попросил Джоан официально отдать Джанак в жены Мукунде, Мукунда же повторял за ним:

– Я беру Джанак в жены, и буду заботиться о ней всю жизнь. Мы будем мирно жить в сознании Кришны и никогда не расстанемся.

После этого Бхактиведанта Свами обратился к Джанак:

– Принимаешь ли ты Шримана Мукунда дасу Брахмачари своим супругом? Согласна ли ты служить ему и помогать в его деятельности в сознании Кришны?

Джанак ответила:

– Да, я принимаю Мукунду своим мужем до конца жизни. Мы никогда не разлучимся, ни в счастье, ни в горе. Я буду всегда служить ему, и мы будем мирно жить вместе в сознании Кришны.

Никто, кроме Свамиджи, не имел ни малейшего представления о том, что происходит. Он читал мантры, которые все за ним повторяли; он подсказывал жениху и невесте, что говорить, где сидеть, что делать (да и поженились-то они, по большому счету, следуя его совету). Свамиджи приготовил чудесный пир, который ждал на кухне окончания церемонии.

Бхактиведанта Свами попросил Мукунду и Джанак надеть друг на друга цветочные гирлянды и поменяться местами. Он попросил Мукунду нанести на пробор в волосах Джанак красную краску и покрыть ее голову краем сари. Потом было огненное жертвоприношение, а в конце – пир.

Этот пир был гвоздем программы и имел огромный успех. Гости уплетали за обе щеки и просили добавки, восторгаясь неповторимым вкусом приготовленных блюд. Ученики Свами, привыкшие к простой пище – рису, далу, сабджи и чапати – просто опьянели и ели до отвала. Многие друзья Мукунды были любителями макробиотики и поначалу стойко избегали сладостей, но вскоре энтузиазм окружающих ослабил их сопротивление, и они были сражены наповал поварским искусством Свамиджи.

– Господи, да он же превосходный повар! – говорила Джанак.

Брюс, пропустивший инициацию, впервые увидел огненное жертвоприношение и попробовал качори, приготовленные Свами. Он тут же решил посвятить себя сознанию Кришны и при первой же возможности стать учеником Свамиджи. Почти все гости лично подходили к

Свами, чтобы поздравить и поблагодарить его. Он был счастлив и отвечал, что все произошло по милости Кришны и с Его благословения.

После церемонии новобрачные пригласили большинство преданных и гостей к себе домой. Настроение тем вечером у всех было приподнятое, и Хаягрива читал стихи. Затем кто-то включил телевизор, чтобы увидеть обозначенное в программе интервью с поэтом Алленом Гинзбергом. Ко всеобщей радости, Аллен заиграл на фисгармонии и запел Харе Кришна. Он даже сказал, что в Нижнем Ист-Сайде живет свами, который обучает мантра-йоге. Хоть сознание Кришны и было чем-то новым и неслыханным, теперь преданные увидели по телевизору киртан в исполнении всемирно известной звезды. Вечер прошел просто замечательно.

Вернувшись на квартиру, Бхактиведанта Свами с несколькими помощниками навел в комнате порядок. Он был доволен. Он закладывал основы своей миссии. Он дал посвящение ученикам, двоих из них поженил и накормил людей кришна-прасадам.

– Если бы средства позволяли, – говорил он ученикам – я бы устраивал такие праздники каждый день.

Глава двадцатая

«Вечный кайф»

Тем временем один старик, которому год назад перевалило за семьдесят, забрел в Нью-Йорк, в Ист-Вилледж, и принялся доказывать миру, что он знает, где искать Бога. Всего за каких-то три месяца этот человек, Свами А.Ч. Бхактиведанта, сумел убедить самую крутую в мире аудиторию – богему, хиппи, «ЛСДшников» и курильщиков травки – в том, что он знает путь к Богу: «забудь-обо-всем», «громко-пой», и «присоединяйся». Этот святой нового типа, при всем уважении к д-ру Лири, предлагает метод «расширения сознания», который слаще ЛСД, дешевле марихуаны, и которым совершенно не интересуются легавые. Как все это возможно? «Благодаря Кришне», – говорит Свами.

из газеты «Другой Ист-Вилледж», октябрь 1966.

Летом и осенью этого года Бхактиведанта Свами чувствовал себя хорошо – во всяком случае, так казалось. Работал он долго и усердно, и, если не считать четырех часов ночного отдыха, постоянно находился в действии. У него был сильный голос, и он мог часами говорить без усталости. Улыбался он широко и очаровательно, а пел громко и мелодично. Во время киртана он мог целый час выводить бенгальские ритмы мриданги на своем маленьком бонго. Он с аппетитом ел рис, дал, чапати и овощи, приготовленные на гхи. Лицо его светилось здоровой полнотой, а живот немного выдавался вперед. Иногда, будучи в веселом расположении духа, он барабанил по животу двумя пальцами и говорил, что раздающийся при этом звук указывает на хорошее состояние здоровья. Благодаря правильному и размеренному образу жизни, его золотистая кожа – в семьдесят-то лет! – сияла молодостью и здоровьем. Когда он улыбался, улыбка его лучилась такой энергией и жизнестойкостью, что ей бы позавидовал всякий житель Нью-Йорка, медленно увядающий от разгульной жизни. Он совсем не был похож на старика. И новые последователи Свамиджи, нимало не сомневаясь, считали эту бьющую ключом молодость одним из его чудес – так же, как и его пение, и его чудесного Кришну. Свамиджи не был обычным человеком. Он был духовен. Он мог все. Никому из его последователей даже в голову не приходило посоветовать ему сбавить темп. Никто и подумать не мог, что он нуждается в какой бы то ни было защите – они сами попевали едва за ним. За два месяца на Второй авеню, 26 он достиг всего, о чем раньше мог лишь мечтать. Теперь у него был храм, официально зарегистрированное общество, полная свобода проповеди и группа инициированных учеников. Когда в свое время один из духовных братьев спрашивал его в письме, как он собирается управлять храмом в Нью-Йорке, Бхактиведанта Свами ответил, что для этого нужны будут люди из Индии, но возможно, найдутся и один-два американца, которые смогут помочь. Это было прошлой зимой. Но Кришна поставил его в другие условия: он не получил никакой поддержки от духовных братьев, никаких пожертвований от индийских магнатов и никакой помощи от правительства Индии – успех пришёл к нему совсем с другой стороны. Он говорил, что это было «счастливое время» – после года тяжелой борьбы в одиночку Кришна послал ему и людей, и деньги.

Да, для Бхактиведанты Свами настали счастливые дни, но счастье его не было похоже на счастье стариков-пенсионеров, которые «на закате жизни» тихо увядают, окруженные призрачным комфортом. Это было счастье молодости, время расцвета, время новых сил и безграничных надежд на будущее. В семьдесят один год у него были планы безрассудного юноши. Он был похож на молодого великана, только что вставшего на ноги. Его проповедь имела успех – и он был счастлив, так же как счастлив был Господь Чайтанья, путешествуя по Южной Индии и распространяя пение Харе Кришна. Бхактиведанта Свами был счастлив как бескорыстный слуга Кришны, которому Господь посылал людей, готовых начать жизнь в преданном служении. Он был счастлив от того, что ему, наконец, удалось заронить в их сердца семя преданности и научить петь Харе Кришна, слушать о Кришне и трудиться ради распространения сознания Кришны.

Бхактиведанта Свами не сбавлял оборотов. После первого посвящения и свадьбы он был полон решимости сделать следующий шаг. Он был доволен тем что имел, но хотел большего. Это была настоящая духовная жадность – вайшнав не желает чувственного наслаждения, но для

Кришны хочет брать все больше и больше. Он входит иглой, а выходит плугом. Начав с чего-то малого, незначительного, Свамиджи собирался расширить Движение до головокружительных масштабов. По крайней мере, об этом он мечтал. Он не довольствовался пришедшим успехом и стабильным течением дел на Второй авеню, 26, а неудержимо стремился расширять ИСККОН, насколько это возможно. Таким его желание было всегда, и это записано в уставе ИСККОН: «дабы обрести истинное единство и мир во всем мире... как среди членов ИСККОН, так и в обществе в целом».

* * *

Как-то раз Свамиджи собрал всех своих учеников...

Он собирался предложить им одну вещь, и точно знал, что, стоит им попробовать – и им обязательно понравится! Но произойдет это лишь в том случае, если сам он пойдет с ними.

До Вашингтон-сквера от «Бесценных даров» было меньше километра.

Равиндра Сварупа: Он никогда не скрывал того, что делал. Обычно он говорил:

– Я хочу, чтобы каждый знал, что мы делаем.

И вот день «Д» настал. Свамиджи сказал:

– Мы идем петь в Вашингтон-сквер.

Мы перепугались. Зачем куда-то ходить, можно же петь здесь? Это казалось совершенно нелепым. Но он успокоил нас, сказав:

– Когда вы начнете, страх пройдет. Кришна вам поможет.

И мы тоскливо поплелись в сторону Вашингтон-сквера. Раньше-то мы никогда не «раскрывали» себя! Меня это сильно тревожило, и я догадывался, что другие чувствуют то же самое. Нам абсолютно не хотелось выставять себя напоказ.

В то светлое воскресное утро они вышли из храма на Второй авеню, и, во главе с Бхактиведантой Свами, зашагали через городские кварталы в сторону Вашингтон-сквера, направляясь в самое сердце Гринвич-Вилледжа. Свамиджи одним своим видом создавал сенсацию. Ни у кого из ребят голова не была обрита, никто не носил традиционную вайшнавскую одежду, но Свамиджи – и его шафрановое одеяние, и белые остроносые туфли, и высоко поднятая бритая голова – приводили людей в недоумение. Когда он шел один, это не производило такого впечатления: люди бросали в его сторону любопытный взгляд – и шли дальше. Но сегодня он двигался по городским улицам во главе группы молодых людей, едва за ним поспевающих. Он явно что-то затеял, и это вызвало переполох. Местная шпана выкрикивала насмешки, кто-то хохотал, кто-то свистел. Еще год назад, в Батлере, Агарвалы были уверены, что Бхактиведанта Свами приехал в Америку не ради последователей. «Он не захочет беспокоить общество», – думала Салли. Но сейчас он именно это и делал – ведя за собой своих первых учеников, он шел по улицам Нью-Йорка на первое в Америке публичное пение Святого имени.

В парке бесцельно проводили время сотни человек – и картинно-упаднические фигуры обитателей Гринвич-Вилледжа и других районов, и туристы из других штатов и стран – сплав лиц, национальностей, возрастов и интересов. Как обычно, у фонтана кто-то играл на гитаре, на лавочках целовались парочки влюбленных. Одни запускали летающие тарелки, другие играли на барабанах, флейтах и прочих инструментах. Кто-то просто выгуливал собаку, разговаривая со знакомыми и глазами по сторонам. Словом, в Вилледже был самый обычный день.

Бхактиведанта Свами нашел лужайку, на которой, несмотря на табличку «По газонам не ходить!», там и сям расположились кучки людей. Свамиджи сел на траву, а ученики один за другим расселись у него за спиной. Он достал свои бронзовые тарелочки и запел маха-мантру, а его ученики – поначалу неуверенно и робко, а затем все смелее – подхватили пение. Все оказалось не так плохо, как им казалось поначалу.

Джаганнатха: Это было потрясюще. Благодаря Свамиджи я испытал нечто удивительное. Пение позволило мне раскрепоститься и преодолеть присущую мне робость – я впервые пел маха-мантру на людях.

Собралась толпа зевак, однако присоединяться к пению никто не спешил. Через несколько минут сквозь толпу протиснулись двое полицейских.

– Кто здесь главный? – грубо спросил офицер.

Ребята посмотрели на Свамиджи.

– Вы что, не видели табличку?

Нахмутив брови, Свамиджи повернулся в сторону надписи «По газону не ходить», после чего встал, сошел с лужайки и сел прямо на раскаленный солнцем тротуар. Ученики последовали его примеру и расселись вокруг. Толпа слушала и не думала расходиться, и Бхактиведанта Свами пел еще полчаса. Еще ни один гуру в Америке не выходил на улицы, чтобы петь имена Бога.

Окончив киртан, Свамиджи попросил Хаягриву достать «Шримад Бхагаватам» и вслух прочитать введение. Четко проговаривая слова, Хаягрива начал: «Причиной социальной дисгармонии является беспринципность атеистической цивилизации. Но есть Бог, Всемогуший Господь, из Которого все исходит, Который все поддерживает, и в Которого все возвращается на покой...» Толпа молчала. Закончив, Свами и его последователи, окрыленные победой, вернулись в магазинчик. Они возмутили «американский покой».

* * *

Неподалеку, на Десятой Восточной улице, жил Аллен Гинзберг. Однажды он получил по почте любопытное приглашение:

Повторяйте трансцендентные звуки:

Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе

Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Повторяя эти звуки, вы очистите зеркало своего ума от покрывающей его пыли.

Международное общество сознания Кришны.

Встречи ежедневно в 7:00,

по понедельникам, средам и пятницам – в 19:00

Будем рады видеть Вас и Ваших друзей.

Свамиджи попросил ребят распространить эти листовки по всей округе. Как-то вечером, вскоре после того, как Аллен Гинзберг получил приглашение, он и его приятель, с которым они снимали комнату, Питер Орловски, подкатили к магазинчику на микроавтобусе «фольксваген». Харе Кришна Мантра пленила Аллена еще несколько лет назад, когда он впервые услышал ее на празднике Кумбха-мела в Аллахабаде, и с тех пор он часто пел эту мантру. Преданные были поражены, увидев в своем скромном магазинчике всемирно известного автора поэмы «Вопль» и корифея движения битников. Его проповедь свободного секса, марихуаны и ЛСД, его призывы привести в серые будни наркотические духовные прозрения, его политические взгляды, его исследования природы безумия, бунта и наготы и попытки сплотить единомышленников сделали его властителем умов американской молодежи, особенно той ее части, что обитала в Нижнем Ист-Сайде. Хотя в глазах обывателей Аллен выглядел личностью одиозной, имевшей скандальную репутацию, тем не менее, слава о нем гремела по всему миру, и он был, безусловно, самым известным человеком из всех, кто когда-либо появлялся в магазинчике.

Аллен Гинзберг: Казалось, что в Америке у Бхактиведанты не было друзей, что он один, совершенно один, что он, словно одинокий хиппи, нашел свое пристанище – местечко, которое ему по силам было оплачивать.

На полу, скрестив ноги, сидели несколько человек. Я думаю, большинство из них были хиппи Нижнего Ист-Сайда, которые забрели с улицы – творческие бородачи, уважающие определенного рода духовность. У некоторых взгляд уже совсем потух, но большей частью там сидели хорошие люди – бородатые, хипповые и любопытные. Спасаясь от мещанской жизни, они перебрались в Нижний Ист-Сайд и выглядели точь-в-точь как садху на улицах Индии. Это было очень похоже – весь этот период в истории американской богемы. Мне понравилось, что Свами Бхактиведанта избрал полем деятельности именно Нижний Ист-Сайд Нью-Йорка. Он обратился к самым низам общества. Он пришел в место, которое сильнее, чем любое другое в мире, напоминало окраины Калькутты.

Аллен и Питер пришли на киртан довольно рано – Бхактиведанта Свами еще не выходил. Они подарили преданным новую фисгармонию.

– Это для киртанов, – сказал Аллен, – небольшой подарок.

Аллен стоял в дверях и беседовал с Хаягривой. Он рассказывал ему, как пел Харе Кришна в разных уголках земли – на маршах мира, на поэтических чтениях, на демонстрации в Праге, в Союзе писателей в Москве.

– Светский киртан, – сказал Аллен – но все-таки Харе Кришна.

Тут вошел Свамиджи. Аллен и Питер уселись вместе с собравшимися и присоединились к киртану. Аллен играл на фисгармонии.

Аллен: Меня поразило, что он перенес Харе Кришна на Запад. Было ощущение, что из Индии пришло подкрепление. Я ездил по всему миру, распевая «Харе Кришна», но никогда до конца не понимал, зачем это нужно, и что это означает. С удивлением я обнаружил, что он поет на другую мелодию, хотя я считал, что мелодия, которую пою я – единственная и вселенская. Я настолько к ней привык, что, в сущности, самое большое расхождение с ним у нас было именно по поводу мотива – с годами мой мотив настолько закрепился у меня в голове, что другая мелодия просто выбивала меня из колеи.

После лекции Аллен подошел к Бхактиведанте Свами, все еще сидевшему на помосте. Он выразил ему почтение, сложив ладони и коснувшись его стоп, а Свамиджи в ответ кивнул и тоже приветственно сложил ладони. Они немного поговорили, и Свами ушел к себе. Аллен сказал Хаягриве, что ему хотелось бы зайти еще раз и побеседовать со Свамиджи подольше, и Хаягрива пригласил его прийти на следующий день к обеду.

– Тебе не кажется, что Свамиджи чересчур эзотеричен для Нью-Йорка? – спросил Аллен.

– Может быть, – подумав ответил Хаягрива.

Хаягрива попросил Аллена помочь Свамиджи: у того скоро истекал срок действия визы. Он приехал в страну с визой на два месяца, и с тех пор несколько раз продлевал ее, и это продолжалось уже год, но когда в последний раз он подал заявление о продлении, ему отказали.

– Нам нужен адвокат, специалист по иммиграции, – сказал Хаягрива.

– Я заплачу, – пообещал Аллен.

На следующее утро он принес чек и еще одну фисгармонию. Наверху, в квартире Свамиджи, он показал ему свою мелодию Харе Кришна, после чего они разговорились.

Аллен: Я немного робел перед ним, потому что не знал, кто он и откуда. У меня с собой была фисгармония, которую я хотел подарить преданным, и немного денег. Я подумал, как здорово, что он здесь и может объяснить смысл Харе Кришна мантры – это как бы подводило основу под мое собственное пение. Я знал, что делаю, но мне не хватало теологической подготовки, чтобы отвечать на вопросы, а у него такая подготовка была. И я подумал, что это просто здорово. Теперь я мог повсюду петь «Харе Кришна», а если кто-нибудь захочет узнать, что это такое, то я отошлю его к Свами Бхактиведанте. Если кого-нибудь заинтересуют технические тонкости или происхождение этой мантры, я могу отправлять их к Свами.

Он рассказал мне о своем учителе, о Чайтанье и цепи ученической преемственности, уходящей в глубь веков. Он очень много знал и постоянно думал о своей миссии. Он уже работал над своими переводами и, казалось, он сидит тут днями и ночами. По-моему, у него были помощники – то ли один, то ли два.

Бхактиведанта Свами принял Аллена очень сердечно. Прочитав стих из «Бхагавад-гиты», где Кришна говорит, что простые люди берут пример с великих личностей, он попросил Аллена и дальше петь Харе Кришна при любой возможности, чтобы его примеру последовали другие. Он рассказал, как Господь Чайтанья впервые в истории Индии организовал движение гражданского неповиновения, возглавив шествие с пением Харе Кришна в знак протеста против политики мусульманского правителя. Аллен был в восторге. Беседа со Свами доставила ему огромное удовольствие.

Но возникли между ними и разногласия. Когда Аллен выразил свое восхищение известным бенгальским святым, Бхактиведанта Свами сообщил, что «святой» этот – просто обманщик. Аллен был в шоке. Никогда до сих пор он не слышал, чтобы индийский свами столь резко о ком-либо отзывался. Ссылаясь на Веды, Свамиджи объяснил ему причину своей критики, и Аллен признался, что до сих пор наивно верил, что все «святые» святы на сто процентов. Но теперь он твердо решил, что не следует слепо верить в садху (включая, кстати, и самого Бхактиведанту Свами). Он решил оценить Свами более строго и беспристрастно.

Аллен: Я испытывал суеверное благоговение, которое, судя по всему, было вызвано обычной глупостью. Учение Свами пришлось весьма кстати – оно заставило меня пересмотреть подобное мое отношение. Но это же самое, в свою очередь, побудило меня поставить под сомнение и его собственный авторитет. Я перестал слепо ему доверять.

Аллен описал Свамиджи «божественное» видение, в котором ему явился Уильям Блейк в образе звука, в результате чего он осознал единство всего сущего. Некий садху во Вриндаване

сказал Аллену, что, значит, Уильям Блейк – его гуру. Но для Бхактиведанты Свами это было полной нелепицей.

Аллен: Для меня самым главным в нем, тем, что сводило на нет все наши разногласия, была исходившая от него доброта, самоотверженная, бескорыстная доброта, которая сродни абсолютной жертвенности. Это всегда покоряло меня, какие бы интеллектуальные вопросы или сомнения ни роились в моей голове, и какой бы циничной ни была точка зрения моего «эго». От него исходило какое-то неотразимое личное обаяние, рождавшееся из его преданности делу, и это обаяние сглаживало все наши разногласия. Даже если наши взгляды расходились, мне всегда было приятно с ним общаться.

Аллен ответил согласием на просьбу Бхактиведанты Свами – больше пить и постараться бросить курить.

– Вы на самом деле намерены сделать этих американских ребят вайшнавами? – спросил Аллен.

– Да, – радостно ответил Свамиджи. – Все они станут брахманами.

Аллен оставил чек на двести долларов, чтобы покрыть издержки, необходимые для продления визы, и пожелал удачи.

«Брахманами!» – Аллен не мог представить, что такое возможно.

* * *

23 сентября

На Радхаштами, в день явления Шримати Радхарани, вечной супруги Господа Кришны, Бхактиведанта Свами провел еще одну церемонию посвящения. Кейт получил имя Киртанананда, Стив стал Сатсварупой, Брюс – Брахманандой, а Чак – Ачьютанандой. И снова был праздник с жертвенным огнем в гостинной Свамиджи и большим пиром.

* * *

Бхактиведанта Свами проповедовал в самом сердце наркотической культуры, где молодежь отчаянно пыталась изменить свое сознание любыми доступными средствами – при помощи наркотиков или чего-то еще. Свамиджи обещал им, что, повторяя Харе Кришна, они с легкостью обретут высшее сознание, к которому так стремятся. Объясняя философию сознания Кришны, он неизбежно был вынужден проводить параллели с наркотическим опытом, хотя бы для того, чтобы показать, что эти пути совершенно противоположны. Он хорошо знал, что многие индийские «садху», принимают ганджу и гашиш считая, что это помогает им в медитации. Еще до его отъезда из Индии туристы-хиппи уже стали привычным зрелищем на улицах Дели.

Индия привлекала хиппи мистической культурой и доступностью наркотиков. Там они знакомились со своими индийскими «коллегами», уверявшими, что курить гашиш – это духовное занятие, а затем возвращались в Америку с этими ложными представлениями об индийской духовной культуре.

Это был целый образ жизни. В местных магазинах можно было купить всё необходимое. Марихуана, ЛСД, мескалин, кокаин, а также более сильные наркотики – героин и барбитураты – свободно продавались на улицах и в парках. Газеты андерграунда публиковали важнейшие новости из мира наркотиков, печатали комиксы, героем которых был «Капитан Кайф» и кроссворды, разгадать которые могли только «прожженные» наркоманы.

Бхактиведанте Свами приходилось объяснять им, что сознание Кришны гораздо выше пресловутых «полетов в мир ЛСД».

– Думаете, прием ЛСД может вызвать экстаз и расширить сознание? – спросил он однажды у собравшихся в храме. – Тогда представьте себе эту комнату, целиком заполненную ЛСД. Таково Сознание Кришны.

Посетители постоянно задавали ученикам Свамиджи один и тот же вопрос:

– Вы что, кайфуете от этого?

И преданные отвечали:

– Еще как! Можно «улететь» на первых же звуках. Сам попробуй!

Грег Шарф (брат Брахмананды) ЛСД не увлекался, но жаждал высшего сознания и решил попробовать пить мантру.

Грег: Мне было восемнадцать. Все, кто посещал храм, баловались ЛСД, и я подумал, может быть, мне тоже начать – ведь я хотел быть как все. И я спросил Умапати:

– Слушай, Умапати, как считаешь, может, мне ЛСД попробовать? Я в толк не могу взять, о чем вы тут все толкуете.

Он ответил:

– Нет, Свамиджи сказал, что ЛСД не нужно.

Так я и не попробовал ЛСД, и думаю, что правильно сделал.

Хаягрива: Вы слышали об ЛСД? Это наркотик в виде таблетки, который вызывает духовный экстаз. Как по-вашему, это поможет мне в духовной жизни?

Бхактиведанта Свами: Тебе ничего не нужно принимать для духовной жизни. Твоя духовная жизнь уже с тобой.

Если бы эти слова произнес кто-то другой, Хаягрива никогда бы не согласился с ним. Но Свамиджи был «абсолютно уверен», и «о том, чтобы не согласиться, и речи быть не могло».

Сатсварупа: Я знал, что сознание Свамиджи всегда возвышенно, и надеялся, что как-нибудь он сможет научить этому и меня. Однажды, оставшись с ним наедине, я спросил:

– Можно ли достичь такого духовного уровня, откуда невозможно упасть?

Он ответил «Да», и это убедило меня в том, что попытки обрести духовность с помощью ЛСД, приводящие к еще более глубокому падению, нужно заменить абсолютно духовной жизнью – такой, какую вел Свамиджи. Я видел, насколько он сам убежден в этом, и это убедило и меня.

Грег: В то время ЛСД считался духовным наркотиком, и Свамиджи был единственным, кто осмелился открыто выступить против него, сказав, что это чушь. Должно быть, это была первая битва, которую ему пришлось выдержать при попытке распространить свое движение в Нижнем Ист-Сайде. Даже те, кто регулярно посещал храм, считали, что ЛСД – это хорошо.

Пожалуй, самые шумевшие эксперименты с ЛСД в те дни проводили Тимоти Лири и Ричард Олперт, преподаватели психологии из Гарварда. Они изучали действие наркотиков, публиковали результаты своих исследований в научных журналах и пропагандировали применение ЛСД для достижения самоосознания и раскрытия заложенных в человеке способностей. После того как Тимоти Лири выгнали из Гарварда, он вознамерился стать общенациональным апостолом ЛСД и какое-то время возглавлял общину своих последователей в Мильбруке, недалеко от Нью-Йорка.

Когда члены мильбрукской коммуны узнали, что в Нижнем Ист-Сайде живет свами, ученики которого «улетают» от пения, они тоже решили походить в храм. Однажды вечером на киртан Свамиджи пришло с десятков хиппи из Мильбрука. Они все пели (не столько из любви к Кришне, сколько для того, чтобы испытать, какой кайф это приносит). После лекции лидер мильбрукцев задал вопрос о наркотиках. Бхактиведанта Свами ответил, что для духовной жизни наркотики не нужны, они не могут одухотворить сознание человека, а все религиозные видения, вызванные ими – просто галлюцинации. Постичь Бога не так-то просто – для этого недостаточно просто принять таблетку или выкурить сигарету. Повторение Харе Кришна, объяснил он, – это путь очищения, позволяющий снять материальную пелену с чистого сознания живого существа. Наркотики же делают эту пелену еще плотнее и мешают человеку достичь самоосознания.

– А сами-то Вы пробовали ЛСД? – вопрос прозвучал как вызов.

– Нет, – ответил Свамиджи – я никогда не употреблял ничего подобного, даже сигарет или чая.

– Если Вы никогда не принимали наркотиков, то как Вы можете судить о них?

Мильбрукцы оглядывали зал, победоносно улыбаясь. Двое или трое даже расхохотались и защелкали пальцами, полагая, что поймали Свами на слове.

– Я сам не пробовал, – ответил Свами, с царственным видом восседаая на своем помосте. – Но мои ученики перепробовали все – марихуану, ЛСД, – а потом все бросили. Вы можете послушать, что они сами скажут. Хаягрива, расскажи.

Хаягрива выпрямился и заговорил своим звучным голосом:

– Как бы высоко вы ни «улетели», накачавшись ЛСД, когда-нибудь вы достигнете пика и вынуждены будете спуститься назад. Это все равно что лететь на ракете в космос [один из обычных примеров Свамиджи]. День за днем ваш космический корабль будет лететь все дальше и дальше, он может удалиться от Земли на тысячи километров, но рано или поздно вы должны будете вернуться на Землю, ваше путешествие не может продолжаться бесконечно долго. ЛСД приносит ощущение полета, но всякий раз нам приходится возвращаться. Это не духовное

сознание. Достигнув духовного сознания, или сознания Кришны, вы продолжаете лететь. Поскольку вы идете к Кришне, вам не нужно больше возвращаться. Вы можете «улететь» навсегда.

Бхактиведанта Свами сидел у себя в дальней комнате вместе с Хаягривой, Умапати и другими учениками. Вечерняя программа только что закончилась, и визитеры из Мильбрука отправились восвояси.

– Свамиджи, сознание Кришны так прекрасно, – заговорил Умапати, – можно «лететь» все выше и выше и никогда не опускаться.

Свамиджи улыбнулся:

– Да, точно.

– Вечный кайф, – со смехом сказал Умапати, и другие тоже рассмеялись. Кто-то захлопал в ладоши, повторяя: «Вечный кайф, вечный кайф».

Беседа вдохновила Хаягриву и Умапати написать новую листовку:

ВЕЧНЫЙ КАЙФ!

Улети навсегда!

Практикуйте сознание Кришны.

Расширяйте свое сознание, повторяя

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ЗВУКИ

ХАРЕ КРИШНА ХАРЕ КРИШНА,

КРИШНА КРИШНА ХАРЕ ХАРЕ

ХАРЕ РАМА ХАРЕ РАМА

РАМА РАМА ХАРЕ ХАРЕ

Листовка объясняла превосходство сознания Кришны над всеми остальными способами «улететь». Там употреблялись такие выражения, как «забалдеть» и «кайф без ломки». Она выступала против «применения методов искусственной стимуляции для самопознания и расширения внутреннего видения». Кто-то пожаловался, считая объявление слишком «хипповским», но Свамиджи сказал, что в этом нет ничего плохого.

Грег: Когда эти наркоманы с Нижнего Ист-Сайда приходили потолковать со Свамиджи, он так стойко их терпел... Он говорил о философии, о которой они и слыхом не слыхивали. Когда люди принимают ЛСД, они погружаются в себя и не совсем адекватно воспринимают то, что им говорят. Поэтому когда Свамиджи говорил о чем-то, они его не понимали. И ему приходилось раз за разом повторять все заново. Он был очень терпелив, но никогда не подыгрывал их заявлениям, что ЛСД помогает осознать себя.

* * *

Октябрь 1966 года.

Томпкинс-сквер был главным парком Нижнего Ист-Сайда. С юга он граничил с Седьмой улицей, застроенной четырех-пятиэтажными многоквартирными домами из песчаника, а с северной стороны, по Десятой улице, стояли такие же дома, но немного приличнее, и очень старый домик, где разместилось местное отделение Нью-Йоркской публичной библиотеки. На Авеню «Б», куда выходила восточная сторона парка, возвышалась церковь Святой Бригиты, построенная в 1848 году, когда округу населяли одни ирландцы. Церковь, школа и дом священника занимали большую часть квартала. С запада парк был ограничен Авеню «А», вдоль которой расположились многочисленные кондитерские, торговавшие всякой всячиной: газетами, журналами, сигаретами и крем-содой. Кроме того, там было несколько баров, бакалейных лавок и пара славянских ресторанов, где фирменным блюдом был дешевый борщ и где за трапезой бок о бок сидели украинцы и хиппи.

На четырех гектарах парка росло много высоких деревьев, но не менее половины его площади было вымощено плиткой. Защищая газоны, вдоль дорожек тянулась массивная ограда из кованого железа, высотой чуть больше полутора метров. Извилистая лента забора, многочисленные дорожки и ворота делали парк похожим на лабиринт.

В то воскресенье погода стояла теплая, и в парке было многолюдно. Почти все скамейки вдоль дорожек были заняты. На них небольшими группами сидели и разговаривали пожилые

люди, в основном украинцы, одетые, несмотря на теплую погоду, в старомодные костюмы и свитера. В парке было полно детворы, в основном пуэрториканцев и негров, а также светловолосых, угрюмых детей из трущоб. Они носились на велосипедах, играли в мяч или пускали летающие тарелки. Площадки для игры в ручной мяч и баскетбол оккупировали подростки. И, как водится, повсюду бегали бездомные собаки.

От старых времен здесь сохранился миниатюрный мраморный бельведер (четыре колонны с крышей, а внутри – фонтанчик для питья). Надпись на нем гласила: «1891 год». На четырех его сторонах были начертаны слова «НАДЕЖДА», «ВЕРА», «МИЛОСЕРДИЕ», и «УМЕРЕННОСТЬ». Но чья-то рука намалевала на этом сооружении черной краской грубые рисунки, неразборчивые имена и инициалы. Сегодня скамью у бельведера заняли музыканты с латиноамериканскими барабанами конга и бонго, и весь парк пульсировал в такт их зажигательным ритмам.

Были здесь и хиппи, сильно выделявшиеся среди прочих. Бородатые представители местной богемы и их длинноволосые юные подруги в потертых джинсах тогда еще были непривычным зрелищем, и даже в «плавильный котел» Нижнего Ист-Сайда их присутствие вносило напряженность. Они были выходцами из зажиточных семей, и в трущобы их привела отнюдь не нужда. Из-за этого они часто ссорились с обездоленными иммигрантами. Всем известное пристрастие хиппи к наркотикам, их бунт против своих семей и материального благополучия и их авангардистские вкусы делали их презируемым меньшинством, предметом сарказма и насмешек окружающих. Но хиппи хотели только одного – делать то, что им хочется, вершить собственную революцию во имя «любви и мира», поэтому их обычно терпели, хотя и не признавали.

В Томпкинс-сквере собирались разные группы молодежи и хиппи. Одних объединяла дружба еще со школьной скамьи или употребление одних и тех же наркотиков, других – общая жизненная философия, схожие взгляды на искусство, литературу, политику или метафизику. Были тут и влюбленные. Были группы, членов которых на первый взгляд не связывало ничего, кроме общего стремления – делать все что заблагорассудится. Были и другие, жившие отшельниками – как одиночка, который сидит на скамейке в парке и анализирует эффект кокаина, глядя то вверх, на странно шелестящую зеленую листву деревьев и голубое небо над домами, то вниз – на мусор под ногами, а в это время ум его беспомощно мечется от страха к озарению, от отвращения к галлюцинациям, и так несколько часов, пока наркотический дурман не рассеется и он снова не превратится в обычного прохожего. Иногда они «зависали» в парке на всю ночь, а с первыми лучами солнца растягивались на скамейках, чтобы немного вздремнуть.

Особенно много хиппи было в парке по воскресеньям. Иногда они просто шли мимо, по дороге на площадь Св. Марка в Гринвич-Вилледже, или же на станцию «Лексингтон Авеню» на площади Астора, или к метро на углу улицы Хьюстона и Второй Авеню, или на Первую Авеню, к остановке автобуса, идущего из центра. Через парк было удобно попасть на Вторую Авеню, чтобы оттуда поехать в центр, или на Девятую, где можно было сесть на автобус, идущий через весь город. Многие приходили сюда просто так, чтобы выбраться из дома и посидеть с друзьями на свежем воздухе – покайфовать, поболтать или побродить по лабиринту парковых дорожек.

Но как бы ни были велики различия в интересах и наклонностях хиппи, Нижний Ист-Сайд был для всех них мистической страной. Это были не просто грязные трущобы – это было лучшее в мире место для экспериментов с сознанием. Несмотря на грязь, постоянную угрозу насилия и тесноту, в которой обитали жители здешних домов, Нижний Ист-Сайд оставался форпостом «революции расширения сознания». Если вы не жили здесь, не принимали психоделических средств или марихуаны, или, по крайней мере, вас не обуревала жажда найти свою свободную религию, то на вас ложилось клеймо невежественного ретрограда, задержавшегося на низшей ступени эволюции сознания и цепляющегося за идеалы «добропорядочных» американцев-материалистов. Именно эти поиски объединяли такую разноликую в остальном толпу хиппи Нижнего Ист-Сайда.

Вот сюда-то, на этот балаган, и пришел со своими учениками Свамиджи, чтобы провести киртан. Трое или четверо преданных пришли пораньше, выбрали в парке лужайку, расстелили ковер (подарок Роберта Нельсона), сели на него и, подыгрывая на караталах, запели Харе Кришна. Тут же к ним подкатили мальчишки на велосипедах и, затормозив у самого ковра и не слезая с седла, уставились на них с нахальным любопытством. Начали собираться прохожие.

Тем временем Свамиджи в сопровождении полудюжины своих учеников шел к парку, который находился в восьми кварталах от храма. Брахмананда нес фисгармонию и барабан Свами.

Вид Киртанананды, который по просьбе Свамиджи обрил голову и облачился в просторные развевающиеся одежды канареечного цвета, еще больше усиливал общее впечатление. Водители притормаживали у тротуара, а пассажиры вытягивали шеи и, разинув рот, смотрели на его вызывающий наряд и бритую голову. Когда преданные проходили мимо какого-нибудь магазинчика, покупатели, подталкивая друг друга, показывали на них пальцами. Люди высовывались из окон квартир, чтобы посмотреть на Свами и его группу, как на парад. Пуэрториканская шпана не могла сдержать бурной реакции.

– Эй, Будда! – вопили они. – Эй, пижаму снять забыл!

Они издавали пронзительные крики, подражая боевым кличам индейцев, которые слышали в голливудских вестернах.

– Эй, арабы! – заорал один шутник и принялся изображать нечто, что, по его мнению, было восточным танцем.

Никто на улице не имел ни малейшего представления не только о сознании Кришны, но даже об индийской культуре и обычаях, и в их глазах окружение Свами было всего лишь горсткой сумасшедших, «выпендривающихся» хиппи. Но как относиться к самому Свами, они не представляли. Он был другим. Однако и он вызывал подозрения. Впрочем, некоторые, как, например, Ирвинг Хольперн, коренной житель Нижнего Ист-Сайда, испытывал симпатии к этому иностранцу, который «похоже, был очень приличным человеком с добрыми намерениями».

Ирвинг Хольперн: Многих терялись в догадках, кто же такой этот свами. Поэтому в их головах роились самые нелепые подозрения – они, похоже, ждали, что эти люди вдруг лягут на подстилки, утыканные гвоздями, или что-то еще в таком духе. Но мишенью их враждебности стал приятный, спокойный, воспитанный и, сразу видно, доброжелательный человек.

– Хиппи!

– А кто это – коммунисты?

Пока молодежь насмехалась, люди среднего возраста и пожилые качали головами и разглядывали процессию холодно и осуждающе. Путь в парк был омрачен ругательствами, непристойными шутками и напряженностью, но на этот раз их никто не тронул. После успешного киртана в Вашингтон-сквере Бхактиведанта Свами регулярно высылал на улицы Нижнего Ист-Сайда «наряды» из трех-четырех преданных, которые пели, подыгрывая на ручных тарелочках. Один раз их закидали яйцами и воздушными шарами с водой, а иногда они сталкивались с хулиганами, готовыми к драке. Но пока на них так ни разу и не напали – просто глазели, насмехались и орали вдогонку.

Сегодня соседи решили, что Бхактиведанта Свами и его ученики вышли подурочиться: пройтись по улицам в диковинной одежде, чтобы привлечь к себе внимание и затеять переполох. Они считали свою реакцию совершенно естественной для нормального, уважающего себя обитателя американских трущоб.

Итак, сама дорога в парк уже превратилась в приключение. Однако Свамиджи оставался невозмутимым.

– Что они говорят? – спросил он пару раз, а Брахмананда повторял.

Свамиджи всегда ходил откинув голову назад, подняв подбородок, и это придавало ему вид благородный и решительный. Он обладал духовным зрением и видел, что все находится под властью Кришны, а любой человек был для него вечной душой. Но и без того, даже с мирской точки зрения, его не пугало городское столпотворение. В конце концов, он был выдавшим виды жителем Калькутты.

К тому моменту, когда появился Свамиджи, киртан продолжался уже минут десять. Сбросив свои белые туфли, словно у себя в храме, он сел на ковер рядом с учениками, которые, прекратив пение, выжидающе смотрели на него. На нем был розовый свитер, а на плечах – домотканый плед. Он улыбнулся и, оглядев учеников, задал им ритм: раз... два... три-и-и. Затем он стал громко хлопать в ладоши, продолжая считать: «Раз... два... три-и-и». Зазвенели караталы, сначала невпопад, но он держал ритм, хлопая в ладоши, и ребята подхватили и тоже начали хлопать и неумело звенеть тарелочками – неспешно и размеренно.

Он запел молитву, которую никто из них не знал. «Ванде ‘хам шри-гурох шри-юта-пада-камалам шри-гурун вайшнавамш ча». Его мелодичный голос, сладкий, как звук фисгармонии, передавал все богатство нюансов бенгальской мелодии. Сидя на ковре под раскидистым дубом, он пел таинственные санскритские молитвы. Никто из его учеников не знал ни одной мантры, кроме

Харе Кришна, но зато они знали Свамиджи. Они отбивали ритм, вслушиваясь в его пение, а в это время по улице грохотали грузовики и вдалеке слышался ритм барабанов конга.

Он пел – «шри-рупам саграджатам...», – а мимо пробегали собаки, тарасились дети, какие-то зубоскалы тыкали пальцами: «Эй, приятель, это что за пастор?» Но голос его был прибежищем, в котором можно было укрыться от противоречивой двойственности этого мира. Ученики продолжали звенеть тарелочками, а он солировал: «шри-радха-кришна-падан...»

Бхактиведанта Свами пел молитвы во славу чистой супружеской любви Шримати Радхарани к Кришне, возлюбленному гопи. Каждое слово, пронесенное через века ближайшими спутниками Кришны, было исполнено глубокого духовного смысла, который понимал только он один. «Саха-гана-лалита-шри-вишакханвитамш ча...» Они ждали, когда он начнет Харе Кришна, хотя пение и без того захватывало.

Люди все подходили и подходили – чего и хотел Свами. Он хотел, чтобы они пели и танцевали вместе с ним, а теперь того же хотели и ученики. Они хотели быть с ним. Они уже делали это вместе – возле ООН, в Ананда Ашраме, в Вашингтон-сквере... Казалось, это будет продолжаться вечно – они будут собираться, садиться и петь. А он всегда будет рядом.

Наконец, он запел – Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Они подхватили, сначала слишком низко и нестройно, но он еще раз повторил мелодию, и голос его звучал твердо и торжественно. Они отозвались уже смелее, звеня караталами и хлопая в ладоши – раз... два... три-и-и, раз... два... три-и-и. Он снова запел один, а они, ловя каждое слово, хлопали в ладоши, звенели тарелочками и старались поймать его взгляд, обращенный на них из глубин его мудрости, его бхакти. Ради любви к Свамиджи они оборвали все связи с окружающей действительностью и присоединились к его пению. Свамиджи играл на маленьком барабане, левой рукой держа его за ремешок и прижимая к себе, а правой отбивая замысловатые ритмы мриданги.

Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Прошло полчаса, но он не чувствовал усталости и по-прежнему пел, а заинтересованных зрителей становилось все больше и больше. Несколько хиппи присели на краешек ковра, скрестив ноги. Подражая преданным, они слушали, хлопали в ладоши и пытались подпевать. Маленькая группа участников киртана начала расти, а люди все подходили и подходили.

Как обычно, киртан привлек музыкантов.

Игвинг Хольперн: Я делаю флейты и играю на музыкальных инструментах собственного изготовления. Когда появился Свами, я подошел и присоединился к киртану, и он поприветствовал меня. Как только подходил новый музыкант и брал первую ноту, он поднимал руки в знак приветствия. Казалось, он стоял на сцене, за дирижерским пультом в Нью-Йоркской филармонии. Я имею в виду жест, знакомый любому музыканту. По этому жесту ты понимаешь, что человек хочет играть с тобой, и рад тому, что ты с ним играешь. Это был язык, на котором общаются музыканты – я сразу уловил это и очень обрадовался.

По всему парку слонялись одинокие музыканты, и, услышав, что есть возможность подыграть Свами, и что им будут рады, один за другим они потянулись к нему. Один саксофонист пришел просто потому, что хорошо звучали ударные, и ему захотелось подыграть. Другие, подобно Ирвингу Хольперну, видели в этом нечто духовное и получали удовольствие от приятных звуков. По мере того, как музыкантов прибывало, все больше собиралось и прохожих. Свамиджи солировал и пел вместе с хором, а только что подошедшие начали петь вместе с ведущим, и вскоре киртан превратился в несмолкающий хор. После полудня вокруг преданных толпилось уже более сотни человек, и дюжина музыкантов с латиноамериканскими барабанами, бамбуковыми и металлическими флейтами, губными гармошками, деревянными и металлическими трещотками, бубнами и гитарами играли вместе со Свами.

Ирвинг Хольперн: Весь парк просто пел. Музыканты внимательно вслушивались в слова мантры. Когда Свами пел Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, иногда слово «Кришна» звучало как «Кри-ше-на» – двусложное слово становилось трехсложным. Обычно это происходило на первой паре слов, и музыканты с точностью воспроизводили этот ритмический рисунок. Каждое слово Свамиджи произносил особому, и музыканты очень внимательно слушали его пение. Мы начали замечать, что одну и ту же короткую фразу Свами поет на разные мелодии, и пытались в точности ему подражать – как музыканты следуют взмахам дирижера или хор – голосу солиста. Это было классно – люди

толкали друг друга в бок и говорили: «Слышь?» Мы старались уловить и воспроизвести все тонкости звучания санскритских фраз, которые, похоже, ускользали от большинства слушателей, с энтузиазмом танцующих или погруженных в игру на инструментах. Иногда Свами добавлял новый ритм. То, как главный ударник (роль которого выполнял тогда Свами) играл на барабане – это было нечто...

Я говорил об этом с другими музыкантами, и все они согласились с тем, что Свами, должно быть, знает сотни и сотни мелодий, которые приходят из какого-то потустороннего источника истинного знания. Народ просто валом валил – только чтобы поучаствовать в этом музыкальном подарке, дхарме, привезенной из-за морей.

– Эй, – говорили они – вы только послушайте этого святого монаха!

На самом деле люди ожидали, что им вот-вот покажут какие-нибудь трюки, фокусы, сеанс левитации или что-нибудь в этом роде. Но когда вы начинали чувствовать всю простоту того, о чем говорил Свами – не важно, собирались ли вы серьезно этому следовать или вам просто понравилось, и вы хотели воздать ему должное, отведя ему в своем сердце какой-то уголок – все равно это поражало до глубины души.

Еще было интересно наблюдать, как люди воспринимают киртан. Некоторые думали, что это лишь прелюдия к какому-то событию. Другие – что это и есть само событие. Одним нравилась музыка. Другим – поэтично звучащие слова.

Вскоре подошли Аллен Гинсберг и Питер Орловски с друзьями. Аллен оглядел сцену и уселся посреди поющих. Поэт-патриарх – чернобородый, в очках, с лысиной, обрамленной черными кудрями – присоединившись к киртану, он необычайно поднял ее престиж в глазах окружающих. Бхактиведанта Свами, продолжая в экстазе петь и играть на барабане, заметил его и улыбнулся.

Репортер из «Нью-Йорк Таймс» подошел к Аллену с просьбой дать интервью, но Аллен отказался:

– Не следует мешать человеку, когда он занят поклонением.

«Таймс» пришлось подождать.

Аллен: Томпкинс-сквер был центром духовных противоречий тех дней – и это было просто здорово. Вдруг, совершенно внезапно, у людей, занятых философской болтовней и наркотиками, появилась возможность попеть, продолбить интеллектуальный лед и выйти к всепоглощающей бхакти – это было действительно потрясающе!

Негры и пуэрториканцы тоже частенько музицировали на улицах со своими барабанами, исполняя конгу. Но эти люди были ни на кого не похожи. Некоторые обрили головы, и это вызывало любопытство. В пении постоянно повторялись одни и те же слова, но и в этом была своя прелесть. Петь с ними было очень легко. Сцена была открыта для каждого. В этой практике не было никаких «тайных углов». Лица людей светились радостными, одобрительными улыбками, в глазах горело воодушевление, свидетельствующее о реальности такого способа общения – ибо построено оно на серьезной основе, а не на барабанной дробе.

Бхактиведанту Свами нужно было видеть. Он старался петь как можно громче, брови его были сдвинуты, лицо напряжено, вены на висках вздувались, а нижняя челюсть выступала вперед, когда он пел: «Харе Кришна! Харе Кришна!» – так, чтобы слышали все. В его облике было нечто притягательное. При том он вкладывал в пение все силы, так что иногда оно становилось напряженным, и весь вид его говорил о предельной сосредоточенности.

Не было это ни сеансом йоги в загородном ашраме, ни безмолвной демонстрацией за мир. Это был настоящий хэппенинг, организованный самим Свами. Это было нечто новое, небывалое, и в этом мог поучаствовать каждый. Местным жителям, похоже, понравилось. Собралась такая толпа, что даже торговец мороженым подкатил свой лоток поближе. Рядом со Свами расположилась компания белобрых ребятшек лет пяти-шести – они сидели просто так, от нечего делать, а неподалеку стоял, пристально уставившись на него, польский мальчик. Кто-то зажег на раскаленных углях в металлической жаровне ладан, и сладковатый дым обволакивал флейтистов, барабанщиков и поющих.

Свамиджи подал ученикам знак, и, поднявшись, они начали танцевать. Высокий, худой Стрядхиша танцевал, поднимая руки. Задние карманы у него были набиты листовками «Вечный кайф!». Рядом с ним, в черной водолазке, с большими четками на шее, раскачивался в танце Ачютананда, – его волнистые, почти курчавые длинные волосы совсем растрепались. Вслед за

ними встал Брахмананда. Они с Ачьютанандой встали лицом друг к другу, с воздетыми руками, как на картине с изображением киртана Господа Чайтаньи.

Те, у кого были фотоаппараты, протиснулись поближе. Ребята танцевали, переступая с ноги на ногу, и были похожи на ангелов. Они танцевали «Свами-степ» и их большие красные четки раскачивались в такт движениям.

Брахмананда: Я подумал, что, раз уж встал, то, пока Свамиджи играет на барабане, я должен танцевать. Я думал, что будет оскорблением, если я сяду, пока он играет. Я танцевал целый час.

Типично индийским движением головы Свамиджи выразил одобрение и поднял руки, приглашая остальных присоединиться к танцующим. Большинство его учеников начали танцевать, и даже несколько хиппи из толпы поднялись, тоже решив попробовать. Свамиджи хотел, чтобы в санкиртане пели и танцевали все. Танец представлял собой мерное покачивание из стороны в сторону, танцующие переступали босыми ногами по ковру, руки их были подняты вверх, пальцы протянуты к небу, раскинувшись над ветвями осенних деревьев. Тут и там в толпе отдельные люди впадали в экстаз: какая-то девушка, закрыв глаза, играла на кастаньетах и как замороженная, покачивала головой. На нее с осуждением смотрела пожилая полька в косынке, с высохшим морщинистым лицом. В толпе тут и там стояли группы пожилых женщин в платочках, некоторые из них были в солнцезащитных очках; они оживленно беседовали, показывая пальцем на то, что привлекало их внимание в киртане. Киртанананда был единственным, кто надел дхоти, что делало его похожим на Бхактиведанту Свами в молодости. Золотистые, теплые лучи послеполуденного осеннего солнца падали на фигуры танцующих, которые отбрасывали длинные тени.

Фисгармония не смолкала. Парень в военной куртке извлекал из деревянной флейты атональные импровизации. И все же звуки инструментов сливались в одну мелодию, а над ними снова и снова взмывал голос Свами. Так продолжалось несколько часов подряд. Свамиджи сидел прямо и только иногда, закончив строчку мантры, слегка передергивал плечами, прежде чем перейти к следующей. Его ученики сидели рядом, на том же самом ковре, и глаза их горели духовным экстазом. Наконец, Свамиджи остановился и поднялся.

Они поняли, что сейчас он начнет говорить. Было четыре часа дня, и теплое осеннее солнце все еще стояло высоко в небе. Вокруг царил атмосфера всеобщего умиротворения, а публика стала более внимательной – чувствовалось, что от внимательного слушания мантры люди успокоились. Он начал речь с того, что поблагодарил всех за участие в киртане.

– Пению Харе Кришна, – сказал он – положил начало Чайтанья Махапрабху, который жил пятьсот лет тому назад в Западной Бенгалии. «Харе» означает «О, энергия Господа», Кришна – это Господь, а Рама – тоже одно из имен Верховного Господа, которое означает «высшее наслаждение».

Ученики сидели у его ног и слушали. Рая-Рама смотрел на Свамиджи, закрываясь рукой от солнца, а Киртанананда слушал, склонив голову к земле, словно настороженная птица.

Свамиджи стоял под сенью раскидистого дуба, в классической позе оратора – выпрямившись и непринужденно сложив руки. Светлые шафрановые одежды ниспадали изящными складками. Дерево за его спиной пришлось как раз кстати и придавало всей сцене живописный вид; на толстом стволе дрожали солнечные блики. Дальше, в конце аллеи, возвышалась колокольня церкви Святой Бригиты. Справа стояла невысокая полная женщина средних лет, в платье и с прической, которые вышли из моды четверть века назад, слева была девица-хиппи в джинсах в обтяжку, а рядом с ней, скрестив на груди руки, – молодой негр в черном свитере. Рядом с ними стоял мужчина с ребенком на руках, за ним – бородатый молодой уличный садху с волосами, расчесанными на прямой пробор, и два вполне заурядных, коротко подстриженных парня со своими юными подругами. Многие из присутствующих, хотя и стояли недалеко от Свами, начали отвлекаться и смотреть по сторонам.

Бхактиведанта Свами рассказал о существовании трех уровней – чувств, ума и разума, выше которых находится духовный уровень. Пение Харе Кришна возвышает человека на духовный уровень, и это – самый легкий способ вновь обрести некогда утраченное нами вечное сознание, исполненное счастья. Он пригласил всех на программу на Второй авеню, 26 и завершил свою короткую речь словами:

– Большое спасибо. Пожалуйста, пойте вместе с нами.

Затем он сел, взял барабан и снова начал киртан.

Для семидесятилетнего человека было довольно рискованно несколько часов подряд бить в барабан и громко петь, но он пошел на этот риск ради Кришны. Все складывалось слишком хорошо, чтобы останавливаться. Он приехал из далекого Вриндавана, пережил тяжелые дни в обществе йоги, которое не имело ничего общего с Кришной, и всю зиму прозябал в неизвестности. Америка уже много сотен лет ждала имен Кришны. Мантра пришла в Америку не из восторженных отзывов Торо и Эмерсона на английские переводы «Гиты» и Пуран, и не из знаменитой речи Вивекананды об индуизме на Всемирном конгрессе религий в Чикаго в 1893 году. И теперь, когда он наконец-то принес сюда Кришна-бхакти, которая потекла, словно Ганга, несущая свои воды к морю, поток этот нельзя было останавливать. В сердце он чувствовал властное желание Господа Чайтаньи спасти падшие души.

Он знал – такова воля его духовного учителя и Господа Чайтаньи Махапрабху, хотя кастовые брахманы в Индии вряд ли одобрили бы его общение с этими неприкасаемыми – помешанными на наркотиках американскими мясоедами и их подружками. Но Свамиджи объяснял, что поступает в полном соответствии с Писаниями. В «Бхагаватам» ясно сказано, что сознание Кришны нужно нести всем народам мира. Любой человек – индивидуальная душа, и пение Святого имени Господа может поднять на высочайший духовный уровень любого, независимо от его происхождения. Какие бы грехи ни совершали эти люди, – они были достойны сознания Кришны. Томпкинс-сквер-парк тоже входил в планы Кришны; он был одним из уголков Земли, эти люди принадлежали к человечеству, а повторение Харе Кришна было дхармой нынешнего века.

* * *

Наступал вечер. Они шли домой – мимо магазинов и перенаселенных домов, в сопровождении десятка человек, у которых пение вызвало интерес. И снова в адрес Свами сыпались выкрики и насмешки, но спутники его все еще ощущали дух пережитого ими в парке экстаза, и это позволило им легко перенести издевательства. Бхактиведанта Свами был особенно спокоен. Серьезный, погруженный в свои мысли, с высоко поднятой головой – он шел и молчал. Но глаза его точно подмечали места, мимо которых они проходили. Он обменивался взглядами с людьми, когда шел по Седьмой улице, мимо церквей и похоронных контор, когда поворачивал с Первой авеню на Вторую – улицу с оживленным дорожным движением, когда шел по Второй авеню мимо винных и продуктовых магазинов, автоматических прачечных, гастрономов, итальянской христианской миссии «Иглесья Альянца», дворца «Межконтинентального Ресторана Кох-и-нур», мимо Церкви Рождества и, наконец, когда подходил к дому №26.

Там уже собралась толпа молодежи из парка, ожидавшая, когда придет Свами и откроет двери. Им хотелось побольше узнать о танце, о пении, о пожилom свами и его учениках, которые устроили в парке это прекрасное действо. Они вошли внутрь. Самые робкие и нерешительные остались на улице – они с независимым видом прохаживались по тротуару, ждали, курили, заглядывали в окно, пытаясь разглядеть картины на стенах. Войдя, Свамиджи сразу направился к своему возвышению и сел; столько народу в этом храме еще никогда не было. Он снова заговорил о сознании Кришны, и, когда он цитировал санскритские тексты, объясняя слушателям смысл того, что они только что видели в парке речь его лилась свободным потоком,. Он сказал, что каждый должен все время петь святое имя так же, как они делали это сегодня.

Девушка с длинными волосами, которая сидела рядом с помостом, и, казалось, пребывала в трансе, подняла руку и сказала:

– Когда я пою, я чувствую сильный прилив энергии к центру лба, а затем появляется гудение и красноватый свет.

– Просто продолжайте, – ответил Свамиджи. – Это пройдет.

– А к чему же тогда приводит это пение? –она, казалось, уже вышла из транса.

– Пение приводит к пению, – ответил он. – Вот, например, вы произносите имя своего любимого. Если вы сильно любите кого-то, вам хочется без конца повторять его имя, снова и снова, просто из любви.

Тут один из гостей заговорил, не поднимая руки:

– А может, это просто гипноз? Например, если я буду постоянно петь «Кока-Кола», не будет ли это то же самое?

– Нет, – ответил Свами. – Выберите любое слово и попробуйте повторять его хотя бы десять минут – вам станет противно. Но мы поем круглые сутки и не испытываем никакой усталости. Мы даже чувствуем прилив энергии.

Сегодня вопросы были серьезными. Все собравшиеся участвовали в киртане, и теперь искали философское объяснение тому, что испытали. Ученики Свами сочли это победой, а еще – почувствовали личную ответственность как хозяева и наставники для вновь пришедших. Свамиджи попросил Киртанананду приготовить для гостей прасад, и вскоре тот появился, неся в бумажных стаканчиках сладкий рис.

– Процесс повторения мантры предназначен для очищения ума, – сказал Бхактиведанта Свами. – У нас столько ложных представлений о том, кто мы, как устроен мир, кто такой Бог и каковы отношения между нами, Богом и миром. У нас столько заблуждений! Пение поможет нам очистить ум. И тогда вы поймете, что оно неотлично от Кришны.

Один парень, который пришел в компании с длинноволосой девушкой, залепетал что-то бессвязное: «Да. Нет. Я... Я... Я...»

Свамиджи: Да. Да. Да. Сначала нужно петь. Мы можем быть в каком угодно состоянии, это неважно. Если вы начнете петь, то первое благо, которое вы получаете, это чето-дарпанамарджанам: ум освободится от нечистоты. На следующем этапе отступят все страдания и невзгоды этого мира.

Юноша: Допустим. Но я не совсем понимаю, что такое материальный мир, потому что...

Свамиджи: Материальный мир полон страданий и скорби. Разве вы не понимаете этого? Вы счастливы?

Юноша: Иногда – да, иногда – нет.

Свамиджи: Нет. Вы несчастны. «Иногда» – это просто самовнушение. Больной говорит то же самое: «О, да, я чувствую себя хорошо». И что значит это самое «хорошо»? Он скоро умрет, и при этом чувствует себя хорошо?

Юноша: Я не претендую на какое-то высшее счастье.

Свамиджи: Нет, вы даже не представляете себе, что такое счастье.

Юноша: Оно может быть больше или меньше.

Свамиджи: Да, вы и вправду не знаете, что такое счастье.

Пожилой человек, стоящий у выхода со скрещенными руками: Да, разумеется, но благодаря страданиям и горю в нашей жизни (которая, по большому счету, сплошное страдание), нам кажется, что иногда мы испытываем счастье.

Бхактиведанта Свами: Нет. Просто существуют разные виды страданий. Это все понимают. И только из-за нашего невежества нас это не беспокоит. Взять, к примеру, человека, который уже давно страдает. Он забыл, что такое счастье. Точно так же, страдания присутствуют всегда. Например (он обратился к юноше и его подружке), представим, что вы молоды. Хотелось бы вам состариться?

Юноша: Я состарюсь в процессе...

Свамиджи: «Я состарюсь». То есть, вы вынуждены будете состариться, хотя сами вы этого не хотите!

Юноша: Я не собираюсь стареть под принуждением.

Свамиджи: Да! Вот именно! Именно под принуждением! Вас заставят.

Юноша: Я не понял – почему?

Свамиджи: Даже если вы не хотите стареть, вы все равно состаритесь! Вам никуда не деться!

Юноша: Это одно из условий...

Свамиджи: Да, и это условие приносит страдание.

Юноша: Мне не кажется, что оно приносит страдание.

Свамиджи: Это потому, что вы молоды. Спросите любого старика – как они все страдают! Понимаете? А больной человек – вы хотите болеть?

Юноша: Я бы не хотел углубляться в это.

Свамиджи: А?

Юноша: Я бы не хотел углубляться в это.

Свамиджи: Нет-нет. Просто ответьте на вопрос. Хочется ли вам болеть?

Юноша: А что такое болезнь?

Свамиджи: Просто ответьте.

Юноша: А что такое болезнь?

Свамиджи: О, вы никогда не болели? Вы никогда не страдали от болезней? (На лице Свамиджи появилось крайне недоверчивое выражение)

Юноша: У меня... Ну, у меня были свинка, корь и коклюш... Но они у всех бывают, и никто пока не умер. (Некоторые из слушателей смеются)

Свамиджи: Все могут страдать, но это не значит, что страданий нет. Мы должны признаться себе в том, что постоянно страдаем.

Юноша: Если б я никогда в жизни не испытывал счастья, то наверняка не представлял бы себе, что такое страдание.

Свамиджи: Это результат вашего невежества. Все мы страдаем. Мы не хотим умирать, но умираем. Мы не хотим болеть, но болезнь нас настигает. Мы не хотим стареть, но от старости никуда не деться. Мы много чего не хотим, но нас принуждают проходить через это, и любой нормальный человек признает, что это страдания. Но если мы привыкли к ним, то говорим, что все в порядке. Но ни один человек в здравом уме не желает заболеть. Он не желает стареть. И умирать тоже не хочет. Почему вы участвуете в движении за мир? Потому что война несет смерть. И люди боятся. Они устраивают демонстрации: «Нет войне!» Неужели вы думаете, что умирать приятно?

Юноша: Я никогда не испытывал...

Свамиджи: Испытывали. Но забыли. Вы уже много раз умирали. У вас есть такой опыт, но вы об этом забыли. Забыть – это не оправдание. К примеру, ребенок может забыть о какой-то неприятности. Но это не означает, что неприятности не было.

Юноша: Пожалуй, верно. Я согласен.

Свамиджи: Да. Итак, страдания существуют. Вам необходимо руководство осознавших себя личностей, духовных авторитетов. В «Бхагавад-гите», например, говорится: духкхалаям ашашватам – этот мир переполнен страданиями. Это нужно понять. Пока мы не поймем, что здесь полно страданий, не возникнет даже вопроса о том, чтобы отсюда выбраться. Человек, который этого не понял, не может считаться разумным. Животные, например, не понимают, что такое страдание. Они довольны жизнью.

Было уже совсем поздно, когда он, наконец, добрался до своей квартиры. Один из ребят принес ему чашку горячего молока. Кто-то заметил, что они, наверное, должны петь в парке каждую неделю.

– Каждый день, – ответил Свамиджи.

Хотя в комнате оставалось еще человек шесть, он прилег на свой тоненький матрас. Он говорил еще несколько минут, потом голос его стал стихать, фразы стали отрывочными... Казалось, он задремал. Было десять вечера. Они вышли на цыпочках, бесшумно затворив за собой дверь.

10 октября.

Было раннее утро. Солнце еще не взошло, и Свами еще не спустился. Сатсварупа и Киртанананда сидели в храме на полу и читали вырезку из утренней «Таймс».

Сатсварупа: Свами это видел?

Киртанананда: Да, несколько минут назад. Он сказал, что это очень важно и будет иметь историческое значение. Он особенно доволен, что статья появилась именно в «Нью-Йорк Таймс».

Сатсварупа (читает вслух): «ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СВАМИ ПОЮТ В ПАРКЕ, ЧТОБЫ ОЩУТИТЬ ЭКСТАЗ»

Пятьдесят последователей Свами, раскачиваясь, хлопали в ладоши в такт гипнотической музыке на представлении в Ист-Сайде.

Вчера днем, сидя под деревом в парке Нижнего Ист-Сайда и время от времени поднимаясь и танцуя, пятьдесят последователей индийского свами в течение двух часов повторяли молитву из шестнадцати слов ...

Это продолжалось более двух часов!

...молитву из шестнадцати слов под аккомпанемент тарелочек, бубнов, барабанных палочек, барабанов, колокольчиков и маленькой фисгармонии. Свами А. Ч. Бхактиведанта говорит, что это пение с многократным повторением одной и той же мантры – наилучший путь к осознанию себя в этот разрушительный век. Пока дети играли на холме Ховинга, на куче земли посреди Томпкинс-сквера...

Что за холм Ховинга?

Киртанананда: Я думаю, они пошутили – присвоили этому холму имя директора парка.

Сатсварупа: А-а...

... на холме Ховинга, на куче земли посреди Томпкинс-сквера, или гоняли на велосипедах по залитым солнцем дорожкам, толпа, окружившая поющих (около сотни человек!), раскачивалась и люди хлопали в ладоши в такт ритмичной, завораживающей музыке. «Это погружает в состояние экстаза», – сказал поэт Аллен Гинзберг, один из участников действия. «Во-первых, – объяснил он, – произнесение этих слогов позволяет контролировать дыхание, как в йоге. Это одно из объяснений с позиции физиологии.

Сатсварупа и Киртанананда (смеясь): Ну и наплел!

«Экстаз, возникающий от повторения мантры Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе...»

Киртанананда: Свами заметил, что это лучшая фраза в статье. Они напечатали мантру, и это делает совершенным все остальное. Каждый, кто прочитает ее, очистится – так же, как если бы участвовал в пении.

Сатсварупа (продолжает):

... заменил ЛСД и другие наркотики большинству последователей Свами», – отметил м-р Гинзберг. Он объяснил, что «Харе Кришна» произносится как «Хар-рэй», это имя Вишну, индуистского Бога, и означает оно «Приносящий свет». «Рама» произносится как «Раама», это воплощение Вишну как «Царевича долга».

Чего? Откуда он это взял? По-моему, это из какой-то энциклопедии.

«Поэтому это пение обращено к различным аспектам Бога», – сказал м-р Гинзберг.

Так. Почему так много о Гинзберге? Почему не о Свамиджи?

Другой участник, двадцатилетний Говард М. Уилер, бывший преподаватель английского языка из Университета штата Огайо, а ныне активный последователь Свами, говорит: «За два последних года я принял около пятидесяти доз ЛСД и дюжину доз мескалина, но сейчас все это бросил».

(Смех)

Свами просит своих последователей отказаться от «всех видов опьяняющих веществ, включая кофе, чай и сигареты», как сказал он в интервью по окончании церемонии. «В этом смысле мы помогаем вашему правительству», – добавил он. Он, однако, указал на то, что правительство, по всей видимости, недостаточно ценит эту помощь, поскольку Отдел Иммиграции недавно сообщил Свами Бхактиведанте, что срок его гостевой визы, выданной на один год, истекает, и он должен покинуть страну. Подано прошение о пересмотре этого решения.

Свами, смуглый мужчина с коротко стриженными волосами, в оранжево-розовых одеждах и розовом свитере, говорит, что когда он впервые повстречал своего учителя, или гуру, в 1922 году, то получил от него указание распространять культ Кришны в западных странах, на английском языке. «Поэтому в столь пожилом возрасте (71 год) я пошел на этот риск».

Сатсварупа: Они пишут, что мы будем приходить туда каждое воскресенье. «Среди его последователей есть также и работники социальной сферы». Похоже, это про меня.

Киртанананда: Я думаю, что эта статья привлечет много новых людей.

Свами спустился, чтобы прочитать лекцию. Утро было прохладное, поэтому он надел розовый свитер с высоким воротом, купленный для него учениками в магазине на Садовой улице. Ученики тоже носили похожие свитера – это стало чем-то вроде униформы. Ни словом не обмолвившись о статье в «Таймс», Свамиджи сразу же приступил к пению санскритских молитв. «Ванде ‘хам шри-гурох...» – «Я предлагаю поклоны моему духовному учителю...» Затем он запел Харе Кришна, и ребята подхватили.

– Пойте тише, – предупредил он.

Но не успел он это сказать, как из щелей в потолке начала капать вода. Сосед сверху не был горячим поклонником ранних утренних киртанов, и принялся стучать ногой по полу, давая понять, что потоп не случаен.

– Что там такое?

Свамиджи взглянул вверх, обеспокоенный, но с некоторой долей веселья. Ребята смотрели по сторонам – вода текла сразу в нескольких местах.

– Принесите какую-нибудь посуду, – попросил Свами.

Кто-то побежал наверх, в квартиру Свамиджи, чтобы принести с кухни кастрюли. Вскоре вода с потолка, из трех разных мест, капала в три посуды.

– Как он это делает? – недоумевал Умапати. – Неужели льет воду прямо на пол?

Бхактиведанта Свами попросил Брахмананду подняться и поговорить с соседом, пообещав, что киртан будет тише. Затем он попросил всех рассесться посреди капли и кастрюль и продолжать.

– Тише, – говорил он. – Тише.

Вечером храм был полон гостей.

– Всевышний Господь настолько добр, – говорил Бхактиведанта Свами, – что хочет общаться с вами. Вам следует принять Его. Постоянно пойте Харе Кришна... Это санскрит, и некоторые из вас не понимают слов. Но при этом пение Харе Кришна настолько привлекает, что, когда мы пели в парке, участие приняли все – и пожилые леди, и джентльмены, и юноши, и девушки... Но есть и недовольные. Например, каждый день нам поступают жалобы, что движение санкиртаны беспокоит кое-кого из наших соседей.

* * *

Равиндра-Сварупа шел по Второй авеню на утреннюю лекцию Свами. Вдруг из магазина «Джемс Спа Кенди энд Ньюс» выбежал его знакомый и сообщил:

– Слушай, а тут в газете про вашего Свами пишут! Ты видел?

– Ага, – ответил Равиндра Сварупа, – в «Нью-Йорк Таймс».

– Да нет! – сказал друг. – В сегодняшней газете.

Он вынул свежий номер «Другого Ист-Вилледжа», и на первой странице Равиндра-Сварупа увидел черно-белое фото Свами, стоящего в своих одеждах, с изящно сложенными на животе руками на фоне большого дерева в Томпкинс-сквер-парке. Свами обращался к небольшой кучке людей, расположившихся поблизости, а у его ног сидели ученики. За спиной его вырисовывался силуэт высокой колокольни церкви Св. Бригиты.

Заголовок взывал: «СКОРЕЕ СПАСИТЕ ЗЕМЛЮ!», а под ним красовалась мантра: ХАРЕ КРИШНА ХАРЕ КРИШНА КРИШНА КРИШНА ХАРЕ ХАРЕ ХАРЕ РАМА ХАРЕ РАМА РАМА РАМА ХАРЕ ХАРЕ. Внизу, под ней, была приписка: «См. центральный разворот». Изображение занимало всю первую страницу.

Равиндра-Сварупа взял газету и открыл ее на центральном развороте. Там оказалась длинная статья и большая фотография Бхактиведанты Свами. Фотографу удалось запечатлеть его счастливую улыбку; левая рука Свамиджи касалась головы. Друг вручил газету Равиндра-Сварупе, и тот поспешил в храм. Там он сразу же направился к Свамиджи, чтобы показать газету, и за ним увязались еще несколько ребят.

– Смотрите! – Равиндра-Сварупа протянул Свамиджи газету. – Здесь это самая крупная газета! Ее читают все.

Свамиджи широко раскрыл глаза.

– «Скорее спасите Землю», – прочитал он вслух и посмотрел на лица ребят.

Умапати и Хаягрива громко думали вслух, что бы это могло значить – «Скорее спасите Землю!» Очередной каламбур на тему экологии? Призыв к предотвращению угрозы ядерной войны? Или просто насмешка над проповедническим духом Свамиджи?

– Ну ладно, – сказал Умапати – в конце концов, это «Другой Ист-Вилледж». Там может быть что угодно.

– Свамиджи действительно спасает Землю, – сказал Киртанананда.

– Пытаемся, – ответил Бхактиведанта Свами, – Все по милости Кришны.

Он с серьезным видом надел очки, которыми обычно пользовался только во время чтения «Бхагаватам», и внимательно просмотрел страницу сверху донизу. Это было странное зрелище – Свамиджи с газетой в руках. Он начал перелистывать страницы и, увидев на центральном развороте свою фотографию, засмеялся. Затем замолчал и погрузился в чтение.

– Ну что ж, – сказал он, – читай вслух, – и отдал газету Хаягриве.

– Однажды... – начал Хаягрива.

Это была аллегория о нескольких богословах, которые убили в церкви пожилого человека, и газеты запестрели сообщениями, что Бог мертв. Но, говорилось дальше, некоторые люди не поверили этому. Они откопали тело и обнаружили, что это «был не Бог, а Его поверенный: организованная религия. В мгновение ока радостная новость разнеслась по свету. БОГ ЖИВ!.. Но где Он?» Хаягрива читал с выражением, а слушатели сидели как замороженные.

В специальном приложении к «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано обращение, предлагающее награду за любую информацию, которая могла бы пролить свет на местонахождение Бога. Это обращение подписали Мартин Лютер Кинг и Рональд Рейган, но ответа так и не поступило. Люди начали беспокоиться и задавать вопросы. «Бог, – говорили некоторые, – живет в кусочке сахара». Другие шептали, что священная тайна заключена в сигарете.

Тем временем один старик, которому год назад перевалило за семьдесят, забрел в Нью-Йорк, в Ист-Вилледж, и принялся доказывать миру, что он знает, где искать Бога. Всего за каких-то три месяца этот человек, Свами А.Ч. Бхактиведанта, сумел убедить самую крутую в мире аудиторию – богему, хиппи, «ЛСДшников» и курильщиков травки – в том, что он знает путь к Богу: «забудь-обо-всем», «громко-пой», и «присоединяйся». Этот святой нового типа, при всем уважении к д-ру Лири, предлагает метод «расширения сознания», который слаще ЛСД, дешевле марихуаны, и которым совершенно не интересуются легавые. Как такое возможно? «Благодаря Кришне», – говорит Свами.

Ребята разразились радостными криками и аплодисментами. Аччютананда принес извинения Свамиджи за язык статьи:

– Это газета хиппи.

– Ничего страшного, – сказал Свами. – Он написал как мог, но он говорит, что мы можем дать людям Бога. Люди говорят, что Бог мертв. Но это ложь. Мы не скрываем: «Бог здесь». Кто может это отрицать? Теологи и им подобные могут говорить, что Бога нет, но вайшнав даст вам Господа – бескорыстно, как то, без чего не обойтись: «Вот Бог». И он это заметил. Это здорово. Сохраните газету. Это очень важно.

Статья была длинной. «Циничный житель Нью-Йорка, – говорилось в ней, – может найти живое, зримое и осязаемое доказательство существования Бога на Второй авеню, 26 по понедельникам, средам и пятницам, с семи до девяти вечера». В статье описывались вечерние киртаны, приводились выдержки из лекций и упоминалось о «ритмичном, гипнотическом пении шестнадцати слов: Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе, которые часами поются под аккомпанемент бронзовых тарелочек, колокольчиков и сопровождаются хлопаньем в ладоши». Свамиджи отметил, что статья совершенна – просто потому, что в ней напечатана Мантра.

В статье приводились слова одного из учеников Свами:

Когда я шел по улице, я самостоятельно попытался повторять Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе – снова и снова, как советовал Свами. И вдруг все вокруг стало таким прекрасным – дети, пожилые мужчины и женщины... даже бродяги не казались противными, что уж говорить о деревьях и цветах. Ощущение было такое, словно я принял дюжину таблеток ЛСД. Но я знал, что это совсем другое. От этого не бывает «отходняка», да и делать это я могу в любое время, где захочу. Это всегда со мной.

Без всякого сарказма в газете упоминалось о строгих запретах Свами на кофе, чай, мясо, яйца и сигареты, «не говоря уже о марихуане, ЛСД, алкоголе и незаконном сексе». Было очевидно, что автор восхищён Свамиджи, «этим энергичным пожилым человеком, подлинным представителем философии персонализма, которая утверждает, что Единый Бог – личность, и что Его тело духовно». В конце статьи автор намекал, что подобные события будут происходить в Томпкинс-сквере каждый выходной. «Там, под сенью холма Ховинга, Бог живет в экстатическом танце и пении».

* * *

12 октября.

На этот день был намечен «Карнавал Любви», праздник, посвященный недавно принятому в Калифорнии закону, запрещающему хранение ЛСД. Устроители карнавала приглашали всех прийти в Томпкинс-сквер в ярких, необычных одеждах. Хотя преданные не имели никакого отношения к законам об ЛСД, они решили воспользоваться карнавалом как еще одной возможностью для распространения мантры Харе Кришна. Получив от Свами благословение, с ручными тарелочками и самодельным бубном, они отправились в парк.

На фоне других участников, пришедших на праздник в «вареных» футболках и джинсах с разводами, карнавальных костюмах и с разрисованными лицами, преданные, в темных джинсах и

легких куртках на «молнии», выглядели довольно скромно. На сейшн пришел даже клоун из цирка. Тьюли Капферберг из рок-группы «Фагз» нес американский флаг, звезды на котором складывались в слово Л-Ю-Б-О-В-Ь. Но по сути дела это был просто китч – сборище странных, обкуренных молодых людей, топтавшихся под деревом, под которым всего несколько дней назад пел и говорил Свамиджи.

Ученики Свамиджи протиснулись сквозь толпу, в самый центр, и запели Харе Кришна. Толпа окружила их. Все были настроены дружелюбно – праздник проходил спонтанно, и участники собрались здесь без определенной цели. Идея карнавала состояла в том, чтобы выразить любовь и устроить парад видений, которые вызывает ЛСД. Но ничего особенного не происходило: позади, на парковых скамейках сидели какие-то хиппи, созерцавшие мир сквозь цветные стекла очков, кто-то бродил с пучком курящихся благовоний... Но киртан быстро собрал вокруг себя толпу.

Киртанананда, в легкой вязаной шапочке на бритой голове, стоял рядом с Джаганнатхой, который играл на ручных тарелочках и, со своими очками в темной оправе и выющимися волосами, был похож на большую рогатую сову. Умапати, тоже игравший на караталах, казалось, задумался. Брахмананда сидел перед ними с закрытыми глазами и, широко раскрывая рот, пел «Харе Кришна». Рядом с ним расположился меланхоличный Рафаэль, а около него – Равиндра Сварупа с аскетичным, худым лицом. За происходящим наблюдал стоящий неподалеку полицейский.

Хиппи потихоньку втягивались. Их пригласили в парк, но там не оказалось ни центральной площадки, ни лекции, ни даже громкоговорителя... А тут они начали хлопать и раскачиваться в такт, присоединяясь к пению, словно пришли сюда именно за этим. Пение становилось все сильнее, и через час все присутствующие пустились в пляс. Взявшись за руки, поглощенные пением «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе», они прыгали и танцевали, окружив дерево и учеников Свамиджи. Для хиппи этот праздник стал настоящим Карнавалом Любви, ибо здесь они нашли любовь и мир, которые так искали – нашли их в пении мантры Харе Кришна. Мантра стала чем-то вроде гимна. Она наполнила жизнью и смыслом этот Карнавал Любви, тем смыслом, ради которого они здесь собрались. Они мало что знали о мантре, но приняли ее как что-то очень глубокое, находящее отклик в душе, как метафизический звук – и настроились на него. Даже клоун принялся петь и танцевать. Только полисмен оставался равнодушным и строгим, хотя и убедился в том, что новое мероприятие было исключительно мирным. Танец продолжался, и лишь наступившие сумерки положили конец Параду Любви.

Преданные поспешили назад, к Свамиджи, чтобы поскорее рассказать ему обо всем, что произошло. Он сидел за столом и переводил «Шримад-Бхагаватам». Хотя сам он не присутствовал на киртане, ученики действовали по его указанию, поэтому, даже не покидая своей комнаты, он занимался распространением пения «Харе Кришна». Сейчас он сидел, ожидая отчета.

С горящими глазами и сияющими лицами, они ворвались в комнату и слегка охрипшими голосами начали рассказывать о сегодняшних событиях. Старательно пели не только они – к преданным присоединились еще сотни людей, которые пели и танцевали в большом хороводе.

– Свамиджи, это надо было видеть! – восклицал Брахмананда осипшим от пения голосом. – Это было потрясающе, изумительно!

Бхактиведанта Свами переводил взгляд с одного лица на другое и постепенно сам стал похож на своих учеников – ликующих и полных надежды на то, что пение Харе Кришна никогда не прекратится. Они доказали, что это пение может повести за собой движение любви и мира. Оно может расти, и сотни людей примут в нем участие.

– Распространение этого пения зависит от вас, – сказал им Свамиджи. – Я уже старик, а вы молоды, и в ваших силах сделать это.

13 октября.

«Вилледж-Войс» поместила четыре фотографии с Карнавала Любви. В статье говорилось:

Центром празднества были мантры и священные песнопения из санскритской «Бхагавад-гиты». На три часа они стали лодкой, плывущей по волнам ритмичных напевов. Под аккомпанемент барабанов, флейт и бубнов, сделанных из пробок от газированной воды, пятнадцать учеников Бхактиведанты Свами, который привел их в действие, не выходя из

помещения бывшего магазина на Второй авеню, вели пение мантр, подобное волнам морского прибоя.

18 октября.

Было воскресенье, и они вновь отправились в Томпкинс-сквер. Как и в прошлый раз, Свамиджи играл на бонго. Он сидел на коврике, залитый светом осеннего солнца. Его проворные пальцы с обычной виртуозностью били по мембране, создавая причудливые ритмы. Мелодичным и от природы уверенным голосом он возносил молитвы учителям прошлого: Бхактивиноде, Гауракишоре, Бхактисиддханте – вековой ученической последовательности, живым представителем которой он являлся в это время, в шестидесятые годы двадцатого столетия, в этой далекой части света. Он пел их имена с уважением, почтением и любовью, как слуга, сидя под высоким дубом, среди лабиринта парковых изгородей, в окружении американских последователей.

И вновь свершилось чудо. На сей раз хиппи подключались гораздо смелее. Снова пришел Аллен Гинсберг, и вокруг собралось около сотни людей, привлеченных пением Бхактиведанты Свами: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Из сотен людей, проходивших мимо, некоторые задерживались ненадолго, а потом уходили, другие решали посидеть и попеть несколько минут, а кто-то остался до самого конца. И лишь немногие – очень немногие – оценили встречу со Свами как переломный момент в жизни.

Боб Коренз искал Свами. В тот день он прогуливался по парку с модно одетой женой и двухлетним сыном Эриком. Двадцатилетний Боб работал старшим инспектором в городском отделе социальной защиты Нью-Йорка. Он вырос в Вашингтоне, и там же встретился со своей женой. У него было полное лицо, высокий лоб, чистый голос и спокойный взгляд.

Боб: Когда я закончил университет Джорджа Вашингтона, я решил направиться в поисках высшей истины прямо туда, где, как я полагал, было самое сердце материального мира – в Нью-Йорк. Там я поселился неподалеку от первого в Ист-Вилледже магазина для наркоманов.

Боб не считал, что в должности социального работника приносит реальную пользу – его подопечные на протяжении многих лет не меняли ни убеждений, ни привычек. Они с женой частенько заходили в закусочные Ист-Вилледжа и посещали лекции Лири и Олперта по расширению сознания, а недавно приняли участие в марше мира. Боб чувствовал, что его надежды на степень магистра и лучшую квартиру бесперспективны, и искал чего-то другого.

Боб: Я слышал об «И-Цзин», книге, по которой можно предсказать направление жизни человека. Я нашел одного человека, который погадал мне на ней, и результатом был призыв: «Смело иди вперед сквозь тьму». Я воспринял это как добрый знак, духовное предзнаменование. Потом я купил номер «Другого Ист-Вилледжа» и увидел статью под заголовком «Скорее спасите Землю!» Там была фотография Свами. А еще до этого я читал в книге одного учителя сикхов, что без духовного наставника невозможно добиться никакого «высшего знания».

Каждое утро по пути на работу Боб проходил мимо магазинчика Свами. Однажды, заинтересовавшись, он приостановился и заглянул в окно, но увидел лишь пустую комнату, коврики из сухой травы на полу и кого-то из ребят. «Похоже, буддисты», – подумал он. Дверь была открыта, оттуда вышел какой-то юноша и пригласил его войти.

– Нет, спасибо, – ответил он, а про себя подумал: «Не хочу иметь ничего общего с буддистами» – и пошел на работу.

Однажды в магазине для наркоманов он взял один из томов «Бхагаватам» (в переводе Свамиджи), пролистал его и, решив, что это слишком сложно и для него недоступно, положил книгу обратно. Статья в «Другом Ист-Вилледже» подхлестнула его интерес. Он подумал, что, может быть, это последнее воскресенье, когда в парке будут петь – приближались холода. И Боб направился в парк, в надежде найти Свами и его поющих последователей. Его жена шла рядом, везя в коляске Эрика.

Вдруг до него долетел звон ручных тарелочек и ритмичное хоровое пение, доносившееся из южной части парка. Сообразив, что это и есть музыка Свами, он отправился на звук, а жена осталась покачать Эрика на качелях. Боб подошел поближе и, протиснувшись сквозь толпу, увидел группу киртана и сидящего под деревом Свами. Никем не замеченный, он застыл среди сотен слушателей.

«Я – причина всего, – думала девятнадцатилетняя Джуди Козловски. – Все, что я вижу, сотворено мною, я – Всевышний. Все принадлежит мне». Когда мысль о том, что она – Бог, овладела Джуди, она позабыла и своего отца, и все остальное. Но одно ее смущало: «Если я Бог, то почему не могу всем управлять? И почему мне так страшно принимать ЛСД?»

Джуди была студенткой Городского колледжа Нью-Йорка и специализировалась на изучении живописи и истории. Она брала уроки игры на гитаре у преподобного Гарри Дэвиса, блюзового певца и христианского проповедника, который обучал ее печальному искусству «соула». Но сегодня под воздействием ЛСД на нее снизошло откровение, что она – Бог. Она поссорилась с отцом, который казался ей непонимающим, холодным и далеким от нее, бросила родной дом в Бронксе и направилась в центр. Она собиралась навестить подругу, и ей надо было пройти через Томпкинс-сквер. Когда она вошла в парк, киртан был в самом разгаре, но из-за толпы она не могла ничего разглядеть. Она пробралась сквозь толпу и увидела нескольких мужчин, танцующих с поднятыми руками, у одного из которых была обрита голова, а другие были с бородами. Еще она увидела Свами – он сидел в центре ковра и играл на барабане.

Дэну Кларку исполнилось двадцать пять. Он был худощавым, энергичным, в очках с толстыми линзами в роговой оправе – авангардный кинорежиссер, его первый фильм назывался «Возрождение». Он был решительным противником войны во Вьетнаме и проходил альтернативную службу в детском приюте. Он состоял в СДО и в Антивоенной Лиге. Во время демонстрации протеста его арестовали и на неделю отстранили от работы за ношение пацифистского значка и черной повязки на рукаве. Он увлекался буддизмом, немного «приправляя» его наркотиками. «Все – это ничто, а ничто – это все» – таков был его лозунг, и он ходил, повторяя его постоянно, как мантру. Но (по крайней мере, психологически) он чувствовал, что ему не хватает духа преданности; медитация на пустоту быстро утратила вкус новизны.

Сегодня Дэн пришел в парк, чтобы отыскать Свами и услышать его пение, о котором он прочёл в «Другом Ист-Вилледже». Как-то вечером, несколько месяцев назад, он уже видел Свами, когда ждал автобуса на остановке напротив его дома. Тогда Дэн направлялся с другом на репетицию шоу, а друг на минутку зашел в «Закусочную Сэма». В тот момент на первом этаже в доме напротив он увидел индийца в оранжевых одеждах, с бритой головой, который читал лекцию небольшой группе молодых людей.

Дэн: Когда я увидел его, то представил, что перехожу улицу, вхожу в магазин, сажусь и разрываю все связи с этим миром. Но тогда я подумал: «Это просто мое воображение. В конце концов, я женат, я иду на репетицию, да и об этом Свами все равно ничего не знаю». И мы сели в автобус.

Но Дэн жил всего в нескольких кварталах от магазинчика, и частенько проходил мимо. Однажды на несколько минут он остановился у витрины, чтобы рассмотреть прикрепленную к стеклу обложку «Шримад-Бхагаватам».

Дэн: На ней был изображен овальный лотос, а вокруг него – планеты. Именно в этот момент мне в голову пришла идея о духовных чувствах. А когда я увидел в окне изображение Господа Чайтаньи и Его спутников, меня это просто сразило. Я подумал: «Да, это как раз то, что мне нужно – жизненная сила».

Они с женой шли по мощеной парковой дорожке. Дэн искал Свами, но не имел представления о том, как выглядит предмет его поисков. Он ожидал увидеть экзотические одеяния и услышать пение в буддистском стиле, но не нашел ничего подобного. Тогда он махнул рукой на свое намерение и стал просто бродить, наблюдая за гулявшими в парке людьми. Вдруг его внимание привлекла большая толпа, собравшаяся вокруг каких-то, как ему показалось, музыкантов. Ему понравились звуки их музыки: звенящее раз-два-три-и-и, раз-два-три-и-и – простой и в то же время такой яркий и притягательный ритм. Он увидел над толпой несколько поднятых рук и подумал, что в кругу, должно быть, танцуют фламенко. Но мелодия, которая сопровождала ритм, – это был явно не фламенко – захватила его и все больше влекла к поющим. Дэн, пробираясь сквозь толпу, подходил ближе и ближе, пока, наконец, не увидел тех, кто пел, а также танцующих и покачивающих вздымающимися руками людей. Этот танец показался ему некоей смесью индийского и азиатского танца. Все это, похоже, пришло из глубин древности. Дэн понял, что это и есть ребята из «Харе Кришна», но не увидел на них никаких необычных одеяний – были лишь привычные одежды жителей Нижнего Ист-Сайда. И где же Свами? Затем он заметил и его, сидящего в сторонке и играющего на маленьком барабане. Глаза его были закрыты, а брови сосредоточенно сведены.

Дэн: Свами не привлекал к себе внимания, и поначалу я не придавал значения какому-то пожилому индийцу, сидевшему сбоку. Не заметно было, что он играет какую-то особую роль в пении. Но постепенно мне открылось, кто он такой. Это был тот самый Свами, о котором я читал в газете и которого видел в магазинчике.

Через какое-то время он заговорил, но я не расслышал ни слова. На меня произвела впечатление его скромность, – он не пытался взобраться на пьедестал. Он не напускал на себя важный, напыщенный вид, но в нем чувствовалась настоящая внутренняя сила, и духовность, и знание.

Боб: У его ног сидели ученики. Они пели мантру, и я старался запомнить слова и подпевать. Один раз я уже слышал, как поют «Харе Кришна» на марше мира, и тогда это показалось мне чудесным. Затем Свами начал говорить. У меня создалось впечатление, что это какое-то неземное существо, и я подумал: «Это тот, кого я ищу». Он настолько отличался от всех остальных, что казался пришельцем из другого конца вселенной. Он очень мне понравился.

После второго киртана Свами и его ученики скатали ковер, собрали инструменты и ушли.

Боб вернулся туда, где жена качала на качелях ребенка, но образ Свами стоял перед его мысленным взором: «Он ни на кого не похож». Сильный акцент Свами мешал Бобу понимать его, но он все равно решил сходить на днях в магазинчик и послушать его выступление. «Это настоящий вождь», – думал он.

Дэн с женой пошли гулять по парку дальше, наблюдая за разными группами музыкантов. Его жена удивилась, что Дэн, обычно такой застенчивый, принялся танцевать на киртане. Он сказал, что, наверное, как-нибудь зайдет в магазинчик, чтобы послушать Свами.

Джуди стояла на одном месте, погруженная в свои галлюцинации. В руках она держала листовку «Вечный кайф!», которую перечитывала снова и снова. Пока она думала, что все это, наверное, пришло с другой планеты, к ней подошел какой-то человек и спросил:

– Не хотите ли сходить туда, где живет Свами?

Она кивнула.

В магазинчике один из преданных угостил Джуди прасадом – чапати, а затем пригласил ее к Свами. Она вошла в большую комнату, полную душистого дыма. Там стояли высокие цветочные вазы, а по полу были разбросаны семена кунжута. Она увидела Свами, склонившегося в поклоне перед небольшим портретом Господа Чайтаньи и Его спутников. Потом Свами поднялся и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Джуди решила, что он, наверное, кланяется самому полу. Все вокруг тихо повторяли мантру, перебирая четки, и хотя она не могла разобрать слов, все казалось ей очень мирным и спокойным. Один из учеников Свами сказал, что можно пройти вместе с ним в дальнюю комнату, и она с любопытством подчинилась. Свами сидел на коврикe и, казалось, излучал сияние. В комнате было еще с десяток человек.

Бхактиведанта Свами спросил, понравилось ли ей пение в парке, и она ответила:

– Я была очарована.

– Вы живете где-то рядом?

Джуди вспомнила, что она – всепроникающая Истина, и ответила, как ей казалось, очень таинственно:

– О, я живу о-о-оч-чень близко.

– Прекрасно, – сказал Свамиджи. – Тогда вы сможете приходить по утрам на наши киртаны и лекции.

Тут до Джуди дошло, что живет она не так уж и близко, в Бронксе, и чтобы посещать лекции Свами, ей придется добираться до храма часа полтора. Но она решила, что поскольку он ее пригласил, она придет. Потом ей пришло в голову: «Все это – плод моих мыслей». Но Свамиджи, словно услышав, заверил ее:

– Этот метод вовсе не является вашей выдумкой. Он очень древний, очень простой и возвышенный.

Он откинулся назад и добавил:

– Мы вечны, а все, что нас окружает – временно.

Джуди начала постепенно выходить из-под действия ЛСД. Когда она попрощалась со Свами, было уже поздно. Она хотела остаться на ночь, но ребята ей не позволили. Однако она твердо решила к ним присоединиться.

Бобу показалось совершенно естественным последовать тому, что он увидел в парке. Он начал ходить на вечерние программы, читать «Бхагаватам» и повторять мантру. Он вставил в

рамку картинку, вырезанную из суперобложки «Бхагаватам» (с изображением духовного мира) и поставил ее на свой маленький самодельный алтарь. Он предлагал картине цветы и сидел перед ней, повторяя «Харе Кришна».

Боба восхищали и философия, и книги, и лекции, и с самого начала его поразило то, что учение Свамиджи дает ответы на все вопросы. Он слушал с огромным вниманием и думал: «Если уж я принял его слова как истину, то буду и впредь принимать все, что он скажет. Не может быть так, что часть его слов – правда, а в остальном нужно сомневаться».

19 октября

В понедельник, после киртана в парке, Дэн пришел в храм, на вечернюю программу. Киртан был в самом разгаре. Первым делом ему бросилась в глаза рама со струнами от пианино, прислоненная к стене у выхода, на которой играли несколько человек. Один из ребят протянул ему деревянные палочки, после чего он сел и присоединился к киртану. Потом была лекция, которая показалась Дэну длинной и серьезной – о том, как половое желание становится причиной рабства и страданий. Храм был забит людьми, было душно, да и сама лекция шокировала Дэна – но он все равно остался, потому что знал – будет еще один киртан. Он чувствовал некий дискомфорт – так как все последователи Свами (в отличие от него) соблюдали целибат. Но киртаны настолько ему понравились, что он решил приходить сюда несмотря ни на что.

Свами был не совсем таким, каким Дэн ожидал его увидеть. Он представлял его себе таким беспечным дзэновским роши, смеющимся и сыплющим шутками, со сверкающими глазами и речью, полной парадоксов. Но оказалось, что Свами, напротив, был очень прям, речь его подчас бывала резкой, а уголки его рта были опущены, что придавало ему печальный вид. Дэн с восторгом окунулся в киртаны, думая, что они помогут ему в медитации на пустоту, но Свами снова и снова подчеркивал в лекциях, что Бог – личность. Дэн сопротивлялся. Мысленно он спорил со Свами. Он был приверженцем «радхакришнановской» интерпретации «Гиты», но Свами часто позволял себе безжалостные нападки на подобные «безличные» представления, и Дэн увидел, как постепенно рушится стена его имперсонализма, и в итоге вынужден был признать, что Свами абсолютно прав.

Джуди начала посещать и утренние, и вечерние лекции. Чтобы приходить вовремя, ей приходилось вставать в пять утра, и родители протестовали. Но Джуди не обращала на них внимания. Полтора часа она ехала на метро в центр, на собрания Свами, где была единственной девушкой.

Когда Свами узнал, что Джуди изучает живопись, он попросил ее рисовать для Кришны. Она установила в гостиной холст и под его личным руководством начала рисовать. Первым заданием, которое дал ей Свами, было нарисовать портрет его Гуру Махараджа, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Он дал ей фотографию и объяснил, как нужно рисовать: на шее Гуру Махараджа должна быть цветочная гирлянда, тилака должна быть желтоватой, не белой, и вокруг головы не должно быть никакого сияния или нимба.

Боб: Я начал повторять мантру и изучать «Шримад Бхагаватам», и, кроме того, посещал киртаны и лекции в магазинчике. Вечером, закончив киртан, Свамиджи брал пару яблок, которые лежали на краю помоста, пластмассовую чашку «под дерево», и нож. Очистив яблоки, он нарезал их в чашку и отдавал ее одному из учеников. Ученик предлагал первый кусочек Свами, и тот закидывал его в рот. Остальные кусочки яблока раздавались собравшимся. Я помню, как однажды он жевал свой кусочек яблока, и выплюнул семечки на пол. Они отскочили от стены и упали возле помоста. Я подумал: «Вот это да! Никто другой не осмелился бы так сделать».

Дэн оценивал манеры Свамиджи взглядом режиссера-эстета.

Дэн: Около возвышения, на котором он сидел, на стене висел умывальник. Он был так близко, что Свамиджи мог, наклонившись, достать его. Разрезав яблоко, он подбирал очистки и просто бросал их в раковину. Он делал это так небрежно... На меня это производило огромное впечатление.

А однажды пришел Брахмананда и попросил на что-то пятьдесят центов. Свамиджи протянул руку, взял свой маленький кошелек – знаете, такие, обычно защелкиваются небольшой металлической застежкой сверху – расстегнул его, очень внимательно посмотрел внутрь, а потом его рука поднялась, как птица, как орел, парящий над своей добычей. Но не бросилась вниз, а мягко опустилась, чтобы вынуть монету, и вновь взлетела, словно на воздушном шаре. Это было так грациозно – словно в танце или балете. Он вынул эту монету и, протянув руку, передал

Брахмананде. Я не мог поверить глазам. Когда кто-то просит у вас пятьдесят центов, вы просто роетесь в карманах и бросаете человеку монетку. Но Свами ко всему относился как к собственности Кришны, поэтому и к этой монетке он отнесся с вниманием.

Шли недели. Несколько преданных заговаривали с Бобом о посвящении, но он колебался. Он не знал точно, что такое посвящение, и ему казалось, будто преданные хотят, чтобы он получил посвящение, потому что работал и был семейным человеком. Бобу казалось, что они видели в нем зрелого человека, американца среднего класса и хотели, чтобы он вошел в их число. Жену Боба религия не интересовала, а его друзья вообще были категорически против. Он не мог уделять много времени общению со Свамиджи и с преданными – обычно он сидел в конторе, либо – дома с семьей.

Боб: Так вот, они спросили, не хочу ли я получить посвящение. Я сказал, что подумаю. Я не бросил курить. И не принял окончательного решения.

Первый по-настоящему личный разговор со Свами состоялся у меня тогда, когда я попросил о посвящении. До этого я так трепетал перед ним, что мне и в голову не приходило что-то ему сказать. Но я всегда хотел этого. Я был очень высокого мнения о себе и всегда думал: «Я должен решиться поговорить с ним. Наверное, стоит что-то предпринять». Но внутри мне всегда что-то мешало. Скорее всего, это был страх. Но вставал я рано и каждый день читал по тридцать два круга (большой частью в метро). Я боялся материального мира, поскольку мало общался с преданными, и хотел изолировать себя от него, повторяя больше кругов.

Джуди тоже думала о посвящении. Я спросил ее об этом, и она ответила: «Я подумаю». А потом сказала, что решила получить посвящение и отказаться от всех дурных привычек. Я начал подумывать, что, возможно, и я смогу отказаться от всего этого, поэтому я спросил, что делать, как обратиться к нему? И Киртанананда подсказал:

– Просто поднимись к нему в комнату.

Я был удивлен – все оказалось так просто!

Мысленно я подготовил небольшую речь: «Мой дорогой Свамиджи, не будете ли Вы так любезны принять меня в ученики и обучить меня сознанию Кришны?» Я отправился к нему в комнату без всякого приглашения и постучал в дверь. Изнутри донеслось:

– Войдите.

Я вошел. Он сидел за столом. Больше в комнате никого не было. Я почтительно поклонился, он вопросительно посмотрел на меня:

– Да?

И я сказал:

– Свамиджи, Вы примете меня в ученики?– только это и успел.

Я хотел было добавить: «и научите меня философии сознания Кришны», но он не дал мне закончить.

– Да.

Всё оказалось так просто! Я подумал: «Ну, больше говорить не о чем. Он меня принял». Я поблагодарил его, снова поклонился и вышел.

– Знаешь, тебе не следует заходить наверх, пока ты не получила посвящения, – сказал Ачьютананда.

Джуди волновалась. Она поднялась наверх, чтобы отнести на кухню несколько грязных кастрюль.

– Да, но это как раз то, о чем я собиралась поговорить со Свамиджи, – ответила она и направилась в комнату, где Свами беседовал с какими-то людьми.

– Свамиджи, а можно мне получить посвящение?

Он спросил:

– Ты знаешь четыре правила?

– Да.

– Сможешь их выполнять?

– Да.

– В таком случае ты получишь посвящение через две недели.

Дэн тоже подумывал о посвящении, но хотел немного подождать. Он повторял шестнадцать кругов и не пропускал ни одной лекции, несмотря на протесты жены. Дэн всегда с большим трудом принимал чей-либо авторитет, но сейчас он чувствовал, что Свами покорила его, и сейчас его имперсональный барьер рушится.

Две недели спустя Бхактиведанта Свами провел еще одну церемонию посвящения. Боб стал Рупанугой, а Джуди – Джадурани. Дэну нужно было еще немного потерпеть.

Глава двадцать первая

За пределами Нижнего Ист-Сайда

Мы были в шоке, узнав, что он уезжает. Нам и в голову не приходило, что Сознание Кришны когда-нибудь выйдет за пределы Нижнего Ист-Сайда, не говоря уже о Нью-Йорке. Я думал, что оно может существовать только здесь, и останется здесь навсегда.

Брахмананда

Слова «Харе Кришна» становились все более популярными – они постоянно звучали на киртанах в парке, появлялись на страницах газет. Хаягрива называл это «взрывом Харе Кришна». Хиппи Нижнего Ист-Сайда считали пение «Харе Кришна» «самой забойной вещью», и даже то, что ученики Свами не принимали ЛСД, совсем не уменьшало их популярности. Они пользовались репутацией святых, которые несут людям мирное пение и предлагают бесплатную еду и жилье. У них можно было попробовать самые изысканные вегетарианские блюда (если, конечно, прийти вовремя), а в их магазинчике на полке у дверей всегда стояли индийские книги.

В клубах местные музыканты играли мелодии, которые слышали от Свами во время киртанов в парке или храме. Нижний Ист-Сайд был районом художников и музыкантов, теперь же он стал еще и районом «Харе Кришна».

Бартон Грин: Эти песни очень нравились нашим музыкантам – «Кришна», «Говинда Джая Джая» и другие. Я и сам брал кое-что оттуда для своих альбомов. Много кто так или иначе обращался к их мелодиям. Сначала мы загорались новой идеей, потом интерес угасал... Но «Харе Кришна» – после этой краткой вспышки – так и не уходило из нашей музыки. Даже во всем этом тяжелом роке, который играли наши ребята, слышались эти духовные вибрации. Музыканты начинали становиться музыкантами–преданными.

Вечерние киртаны всегда собирали много народу. По вечерам у входных дверей стоял Брахмананда – он рассаживал посетителей по местам, до тех пор, пока в храме хватало места. Совместное пение и музицирование глубоко трогали собравшихся, но после киртана, когда подходило время лекции, люди начинали расходиться. Бывало так, что к ее началу в комнате оставалась едва ли половина слушателей, а были и такие, кто уходил прямо с середины лекции.

Однажды Аллен Гинсберг привел на программу в храме Эда Сандерса и Тьюли Капферберга из группы «Фагз». Эта местная группа приобрела популярность, специализируясь на непристойной лексике. Среди хитов Эда Сандерса были такие песни как «Богиня Трущоб Нижнего Ист-Сайда», «Групповое ощупывание» и «Я не могу «улететь»». У Эда была буйная рыжая шевелюра и огненно-рыжая борода. Во время киртана он играл на гитаре. Преданные были рады видеть у себя столь знаменитых гостей. Однако как раз в тот вечер Бхактиведанта Свами выбрал темой лекции иллюзорность сексуального наслаждения.

– Половое наслаждение жизнь за жизнью приковывает нас к материальному миру, – сказал он, а затем, по своему обыкновению, процитировал стих Ямуначарьи: – «С тех пор, как я осознал Кришну, при одной мысли о половых отношениях я отворачиваюсь и с отвращением сплевываю».

«Фагз» больше не приходили.

Казалось, что для человека, который хотел найти себе последователей среди хиппи Нижнего Ист-Сайда было не очень разумно плохо отзываться о сексуальном наслаждении. Но Бхактиведанта Свами не собирался менять свое учение в угоду хиппи. Когда однажды Умапати заметил, что американцев отпугивают слова о том, что секс предназначен только для зачатия детей, Свамиджи ответил:

– Я не могу менять философию в угоду американцам.

– А как насчет секса? – спросил однажды вечером из дальнего угла битком набитой комнаты юрист ИСККОН Стив Голдсмит.

– Сексом можно заниматься только со своей женой, – ответил Свамиджи, – но даже в этом случае есть ограничения. Секс нужен только для зачатия сознающих Кришну детей. Мой духовный учитель говорил, что готов вступать в половые отношения сотни раз – лишь бы рождались сознающие Кришну дети. Разумеется, в наш век это не так-то просто, поэтому он остался брахмачари.

– Но секс – огромная сила, – возразил м-р Голдсмит. – Невозможно преодолеть влечение мужчины к женщине.

– Поэтому в любой культуре существует институт брака, – ответил Бхактиведанта Свами. – Вы можете жениться и спокойно жить с одной женщиной, но нельзя превращать жену в машину для удовлетворения чувств. В половые отношения следует вступать не чаще одного раза в месяц, да и то – только для зачатия детей.

Хаягрива, сидевший слева от Свамиджи, рядом с большой музыкальной тарелкой, воскликнул:

– Раз в месяц?! – и шутливо добавил: – Да лучше уж совсем забыть об этом!

– Вот именно! Молодец! – рассмеялся Свамиджи, а за ним – и все собравшиеся. – Лучше всего вообще не думать об этом. Лучше просто повторять «Харе Кришна».

И он сделал движение рукой, как будто читал мантру на четках.

– Так мы избавимся от множества хлопот. Секс – что-то вроде чесотки, только и всего. Чем больше мы чешемся, тем сильнее зудит. Так что нужно просто терпеть и просить Кришну о помощи. Это нелегко. Секс – величайшее наслаждение, но и величайшая кабала.

Но Стив Голдсмит только качал головой. Свами посмотрел на него и улыбнулся:

– Вы все еще сомневаетесь?

– Просто... ну, доказано, что подавлять сексуальное влечение опасно. Существует теория, что войны происходят от того, что...

– ...люди едят мясо, – перебил его Бхактиведанта Свами. – Пока они едят мясо, они будут воевать. И пока человек ест мясо, он, будьте уверены, будет склонен и к незаконному сексу.

Стив Голдсмит был влиятельным другом ИСККОН и много помогал преданным. Но Бхактиведанта Свами не собирался поступаться философией сознания Кришны «в угоду американцам».

* * *

Снять на один вечер Джадсон-холл на Западной пятьдесят седьмой улице стоило двести долларов. Рая Рама подумал, что пришла пора для Свамиджи попытаться «достучаться» и до более образованных и искушенных ньюйоркцев. А поскольку Джадсон-холл был недалеко от Карнеги-холла, и здесь иногда проводились интересные концерты и лекции, он решил, что неплохо было бы начать отсюда. Свамиджи согласился, и Рая Рама распечатал объявления и расклеил их по книжным магазинам города.

В тот вечер, на который намечалось выступление, преданные прошеествовали по кварталам, где скопились увеселительные заведения. Они били в большой барабан и раздавали листовки, а к началу программы вернулись в Джадсон-холл.

Зрителей пришло семь человек.

Преданные чувствовали себя ужасно – они сбили с толку Свамиджи, да еще потратили сумму денег, равную месячной арендной плате.

– Свамиджи, если хотите, давайте отменим программу, – предложил Рая Рама.

Но Свами ответил:

– Нет, давайте петь и говорить.

И преданные вышли на сцену. Они пели и танцевали со своим духовным учителем, а затем сели возле него, и он заговорил. Голос его эхом разносился в пустом зале. По окончании лекции Свамиджи попросил задавать вопросы, и молодой человек, сидевший на шестнадцатом ряду, спросил, верно ли он понял, что цель Свами – исправление заблудшей и потерянной молодежи.

– Нет, – ответил Бхактиведанта Свами. – Все в этом мире – заблудшие и потерянные, даже так называемые «уважаемые люди». Просто все забыли Кришну.

После программы Свамиджи сидел у выхода, пока немногочисленные посетители покидали зал. Одна почтенного вида супружеская пара подошла к нему представиться, и Свамиджи выпрямился, сложив ладони, и улыбнулся. На программу пришла мать Брахмананды, и Свамиджи очень тепло с ней побеседовал. Но в целом преданные чувствовали себя подавленно – от того, что было так мало гостей.

– Простите, Свамиджи. Мы привели Вас сюда, но почти никто не пришел, – извинялся Рая Рама.

Но Бхактиведанта Свами удивленно вскинул брови и воскликнул:

– Никто? Разве вы не видели Нараду? Не видели Господа Брахму? Когда поют «Харе Кришна», даже полубоги приходят поучаствовать в киртане.

Вернувшись в храм, Свамиджи упрекнул Рая Раму:

– Я же говорил тебе – нужно назначить плату за вход. Когда людям что-то дают бесплатно, они думают, что это какая-то ерунда. Но стоит назначить цену в три или пять долларов, они начинают думать: «О, это что-то да значит!» В Бенгалии есть анекдот. Один человек ходил от дома к дому и бесплатно раздавал манго. И никто не хотел их брать, потому что все думали: «Почему он отдает их задаром? Наверное, испорченные». Тогда он стал просить за них три рупии, и люди решили: «Похоже, неплохие манго! И стоят-то всего три рупии – прекрасно!» Итак, когда люди видят, как что-то раздают бесплатно, им кажется, что это пустяк. Назначьте цену, и они будут думать, что это – здорово!

* * *

Бартон Грин был музыкантом. Он души не чаял в Свами и во время киртанов очень любил подыгрывать ему на раме от пианино.

Бартон Грин: Мы владели действительно мощным средством, как вырваться из этой душевной капиталистической скорлупы. Поэтому и было в нашей музыке столько жестокости и надрыва. Но когда постоянно «варишься» во всем этом, легко заработать нервный срыв. Поэтому классно было заходить к Свами, на Вторую авеню, и петь там в его магазинчике. На улицах царила майя и порок, а в храме мы по-настоящему расслаблялись. Мы так классно пели, и в нашей жизни все становилось на места. Мне нравилось сидеть со Свами и есть прасад, настоящую индийскую пищу, чапати, и беседовать с ним о том о сем, особенно когда в кармане почти ни гроша. Там всегда было хорошо.

Когда Бартон пригласил Бхактиведанту Свами на свой концерт в Театр Ратуши, Свами согласился.

Брахмананда: Нас было человек семь или восемь; в кедах и джинсах, вместе со Свамиджи, мы сели на метро и отправились в Ратушу. Мы вошли и заняли свои места. Концерт начался. На сцену вышел Бартон Грин, открыл верхнюю крышку рояля, достал молоток и изо всех сил начал колотить по струнам. Это продолжалось полтора часа. Мы сидели рядом со Свамиджи и на четках повторяли мантру. Зрителей было человек двадцать.

Потом был антракт, и Свамиджи захотел в туалет. Я отправился с ним и немного ему помог – включил воду в раковине, достал бумажное полотенце... И это простое служение показалось мне совершенством жизни! Свамиджи был так велик, что даже такие мелкие услуги, как эти, были для меня пределом мечтаний. Я чувствовал себя кем-то вроде его защитника, или личного телохранителя. Пока мы ехали в метро, я показывал ему, как оно устроено и отвечал на его вопросы. Наше общение было очень близким и неформальным.

Итак, когда мы вернулись на свои места, к нам подошел Бартон Грин и спросил у Свамиджи:

– Свамиджи, Вы довольны? Вам удобно? Вам понравилось?

Свамиджи вежливо ответил:

– Да.

Тогда Бартон сказал:

– Сейчас будет вторая часть.

Я прервал его и попытался объяснить, что Свамиджи устал, и ему уже пора спать – был одиннадцатый час. Но он настаивал, чтобы Свамиджи остался, и нам пришлось подчиниться.

Выходили поэты и читали свои стихи. Мы просидели там до пол-двенадцатого, после чего нам пришлось еще и добираться до дому на метро. И только несколько недель спустя я узнал, что у Свамиджи были свои причины поехать в Ратушу – он подумывал о том, чтобы арендовать ее под храм, и хотел осмотреть здание.

* * *

На Второй авеню, в десяти кварталах к северу от магазинчика, располагался театр «Врата» – небольшой зал со сценой.

Сатсварупа: Мы сняли его на один вечер. Мрачное место. Все покрашено в черный цвет.

Театр был почти пуст. На сцену мы поставили мольберт с картиной, изображавшей Панчататтву. Речь Свамиджи была посвящена исключительно описанию этой картины. Указывая на нее,

он рассказал про всю Панча-таттву: сначала он объяснил, что Господь Чайтанья – Верховная Личность Бога, явившийся в облике чистого преданного; по правую руку от Него – Господь Нитьянанда, непосредственно из Него изошедший, а справа от Господа Нитьяланды – Адвайта – воплощение Всевышнего Господа; по левую руку от Господа Чайтаньи стоит Гададхара, внутренняя энергия, и Шриваса – совершенный преданный.

Пока он рассказывал, я думал, что тема эта, быть может, слишком возвышенна для такой аудитории. Но я сидел с ним рядом, как и остальные преданные, и наслаждался возможностью быть так близко к Свамиджи.

После программы в театре «Врата» Свамиджи и его ученики пришли к выводу, что аренда театральных залов – пустая трата времени – лучше уж ходить в Томпкинс-сквер. Лучшего места для привлечения людей не найти, да и платить за это не нужно.

* * *

Было одиннадцать часов вечера, и свет в квартире Свамиджи горел только на кухне. Свамиджи не спал: он учил Киртанананду и Брахмананду готовить, поскольку завтра, в воскресенье, они собирались устроить пир для гостей. Киртанананда предложил назвать его «Пиром любви», и Свамиджи одобрил это название, хотя некоторым преданным поначалу было немного странно слышать: «Пир любви». По всей округе преданные развесили афиши и одно объявление поместили в окне храма. Свамиджи пообещал приготовить прасада как минимум на пятьдесят человек. Он сказал, что «Пир любви» должны стать важной составляющей деятельности ИСККОН. Он много раз говорил, что пища, предложенная Кришне, становится духовной, и всякий, кто ест ее, получает огромное духовное благо. «Прасад» значит «милость».

Помощники почтительно стояли возле Свамиджи, порой отступая, чтобы не мешаться, а порой – заглядывая через плечо, когда он смешивал специи, ставил на огонь посуду или просил что-то подать. Деревянной ложкой он помешивал сладкий рис в большой кастрюле – тут важно было не останавливаться – и медленно вливал в него молоко.

– Если пригорит, то будет безнадежно испорчен, – сказал он и вручил ложку Киртанананде.

Потом он научил их, как делать гхи, нагревая масло и отделяя твердые частицы от жира. Одновременно с этим они готовили яблочное чатни.

Свамиджи был молчалив. Но когда Брахмананда спросил, где это он научился так хорошо готовить, он рассказал, что усвоил эту науку, наблюдая, как готовит его мать. Он засмеялся и добавил, что это было совсем не похоже на то, как готовят на Западе – где вы достаете из холодильника кусок мяса, бросаете в кастрюлю, варите, солите и едите, как животное! А в Корее, сказал он, едят собак. Но люди должны питаться зерновыми, фруктами, овощами и молоком. Самое главное – они не должны убивать коров.

Пока Брахмананда резал яблоки, укладывая их в кастрюлю, где они должны были тушиться, а Киртанананда мешал сладкий рис, Свамиджи приготовил масалу – смесь специй, которую хотел добавить в горячие яблоки. Когда масала затрещала и задымилась на маленькой сковородке, в горячем топленом масле, они почувствовали знакомый терпкий запах перца чилли и семян кумина. Свамиджи наблюдал за тремя процессами одновременно – за приготовлением сладкого риса, яблочного чатни и поджариванием масалы. При этом он предупредил Киртанананду, что сладкий рис нужно мешать не переставая, не забывая скрести дно кастрюли; он взял из рук Киртанананды ложку и показал, как правильно. Он объяснил, что сладкий рис, чатни и еще кое-что можно приготовить заранее, но утром предстоит сделать много чего еще.

Несмотря на то, что лег Свамиджи очень поздно, на следующий день он поднялся чуть свет, и после утренней лекции вернулся на кухню. Теперь в его комнате сидело с полдюжины учеников, занятых приготовлением теста для пури и самос. Свамиджи показал им, как это делается, и Умапати какое-то время месил, попросту колотя мягкое тесто кулаками. У Брахмананды получалось лучше – он бросался на большой комок теста всей тяжестью своего борцовского тела.

Когда Свамиджи вошел в комнату, чтобы посмотреть, как идут дела, ученики с уважением подняли на него глаза. В его присутствии они всегда были очень серьезны. Он взял одно пури и рассмотрел его повнимательнее.

– Не пойдет, – сказал он. – Но еще немного – и будет совсем как надо.

Он опустил на корточки, посреди скомканных обрезков и бесформенных кусочков теста, возле своих незадачливых помощников, которые, хотя и старались изо всех сил, развели ужасный

беспорядок. Он взял небольшой кусочек теста, размял его пальцами, а затем ловко раскатал деревянной скалкой – получилось абсолютно круглое пури. Он продемонстрировал ученикам полупрозрачную, тонкую (но не слишком) лепешку из теста.

– Делайте так, – сказал он. – Но побыстрее.

Увидев, что тесто слишком жесткое, Свамиджи добавил немного топленого масла, а потом – немного молока и довел его до более мягкой консистенции.

– Все должно быть как следует, – сказал он.

С удвоенным усердием ученики принялись за работу. Кто из них слышал раньше о пури или самосах? Все это было так ново и так значимо – ведь это было частью преданного служения!

Свамиджи сам готовил большую часть блюд, одновременно наблюдая за своими помощниками. Он всегда был где-то поблизости. Он босиком переходил из кухни в гостиную или же в свою комнату. Но даже когда он был у себя, ученики видели его через окошечко в стене.

Свамиджи лично следил за приготовлением каждого из дюжины блюд. Одно за другим ученики относили их прямо в кастрюлях в зал и ставили перед портретом Господа Чайтаньи. Там были халава, дал, два вида сабджи, разноцветный рис, пури, самосы, сладкий рис, яблочное чатни и гулабджамуны, или сладкие шары – пули ИСККОН. Эти сладкие шары Свамиджи сам долго обжаривал на медленном огне в топленом масле, пока они не становились золотисто-коричневыми и вздувались, а затем шумовкой доставал их один за другим и клал для пропитки в сахарный сироп. Он знал, что эти золотистые, обжаренные в масле молочные шары, пропитанные сахарным сиропом, были любимым лакомством его учеников. Он называл их «пулями ИСККОН», потому что они были их оружием в войне против майи. Он даже распорядился, чтобы банка с «пулями ИСККОН», плавающими в сиропе, всегда стояла в гостиной, где ученики могли в любое время брать их, не спрашивая ни у кого разрешения. Каждый мог брать столько, сколько хотел.

Киртанананда внес в комнату начинку для самос – пасту из разваренного шпината и зеленого горошка, которую Свами обильно приправил специями. Свамиджи научил их, как делать самосы – это было целое искусство. Он взял полукруглую лепешку из теста, сделал из нее конус, положил внутрь ложку начинки, сомкнул края и защипнул – получилась самоса, готовая к жарке.

Ачютананда относил неумело слепленные пури на кухню, где в компании с Киртананандой жарил по две штуки за раз. Если все условия – температура масла, консистенция теста, размер, форма и толщина лепешки – были соблюдены, пури прожаривались всего за несколько секунд. Они всплывали на поверхность масла, раздуваясь, как воздушные шарики, после чего повара вынимали их и ставили на ребро в картонную коробку, чтобы стек избыток масла.

Когда последние приготовления к празднику были завершены, ученики Свамиджи смыли с рук засохшее тесто и спустились в храм. Они разложили на полу соломенные маты и приготовились встречать гостей. А Свамиджи и двое его помощников тем временем предлагали все блюда Господу Чайтанье, вознося молитвы парампаре.

На первый «пир любви» народу пришло немного, но у преданных праздничный прасад вызвал такой восторг, что малочисленность гостей несколько их не смутила. Они готовы были съесть все сами.

Сатсварупа: Свамиджи приготовил «брахманские спагетти». Это были спиральки из рисовой муки, обжаренные в масле и пропитанные сахарным сиропом. Еще там была халава, рис пушпанна с жареными сырными шариками, самосы, хрустящие жареные бобы мунг с солью и специями, пури, гулабджамуны. Все получилось очень «смачным», как выражался Хаягрива.»Да, – шутил он. – Все было очень смачно».

Праздничная трапеза производила очень сильное впечатление. Целую неделю мы укрощали чувства, следуя строгим правилам и контролируя язык. А пир был своего рода наградой. Свамиджи и Кришна давали нам возможность почувствовать вкус глубокого духовного экстаза, хотя мы все еще были новичками и по-прежнему находились в материальном мире. Прежде чем приступить к прасаду, я молился: «О Господь, пожалуйста, позволь мне все время оставаться в сознании Кришны, потому что здесь все так замечательно, а я такой падший. Позволь мне служить Свамиджи, позволь насладиться этим пиром в духовном блаженстве». Затем я начинал есть, переходя от одного вкуса к другому – чудесный рис, мои любимые овощи, хлеб – напоследок я всегда оставлял гулабджамуны, думая: «Захочу – возьму добавку, а то и не одну». Мы не спускали глаз с больших кастрюль, уверенные, что прасада хватит на всех. Каждый пир становился для нас

новым откровением. Мы откровенно наслаждались, ублажая свои чувства. Прасад играл очень важную роль в нашей жизни.

Постепенно народу стало приходиться все больше. Угощение было бесплатное, и пользовалось хорошей репутацией. Приходили, в основном, местные хиппи, но иногда являлись любопытствующие ньюйоркцы из более культурных слоев общества и даже родители преданных. Если места в храме для всех не хватало, гости располагались во дворе. Они брали бумажные тарелки с прасадом, шли в садик на заднем дворе и устраивались под пожарной лестницей, за садовым столиком или в каком-нибудь другом уголке, а поев, возвращались в храм за добавкой. Преданные стояли возле кастрюль с прасадом, и гости один за другим подходили к ним за очередной порцией. Соседям не очень нравилось, что во дворе собираются пирующие гости, и преданные старались как-то успокоить их, разнося по квартирам тарелки с прасадом. Хотя сам Свамиджи в храм не спускался, он тоже принимал прасад у себя в комнате и с удовольствием слушал сообщения об успехе своего нового начинания.

Однажды преданные так навалились на еду, что чуть было не съели все сами, забыв о гостях, и Киртанананде пришлось отчитать их за эгоизм. Постепенно все начали понимать, что воскресные пиры устраиваются не столько для их удовольствия, сколько для того, чтобы привлечь людей к сознанию Кришны.

* * *

Бхактиведанта Свами начал издавать журнал «Назад к Богу», когда жил в Индии. Хотя статьи для него он писал еще в тридцатые годы, первый номер вышел только в 1944 году, в Калькутте. Бхактиведанта Свами издавал свой журнал в одиночку, выполняя наказ своего духовного учителя, который велел ему проповедовать сознание Кришны на английском языке. В то время он имел собственную фармацевтическую фирму, и ему кое-как удавалось откладывать на издание журнала по четыреста рупий в месяц. Кроме того, каждый номер приходилось самому редактировать, печатать, финансировать и продавать. В те далекие годы «Назад к Богу» был основным литературным трудом Бхактиведанты Свами и главным орудием его проповеди. Он мечтал о массовых тиражах, думая о том, как распространить учение Господа Чайтаньи по всему миру, и даже составил список крупнейших стран, напротив каждой из которых указал количество экземпляров журнала, которые намеревался туда послать. Для финансирования этого проекта Бхактиведанта Свами собирал пожертвования, но то, что ему удавалось собрать, было каплей в море. Позднее, в 1959 году, он сосредоточил свои усилия на переводе и издании «Шримад-Бхагаватам». И вот теперь он решил возродить «Назад к Богу». Но на этот раз он мог поручить дело ученикам.

Грег Шарф, недавно получивший имя Гаргамуни, узнал, что какой-то загородный клуб в Квинсе продает мимеограф марки «А.Б. Дик». Эта новость заинтересовала Свамиджи, и вместе с Гаргамуни и Киртананандой он поехал в Квинс посмотреть станок, взяв напрокат автофургон. Станок был старый, но в хорошем состоянии. Управляющий клубом просил за него двести пятьдесят долларов. Свамиджи внимательно осмотрел станок и поговорил с управляющим, рассказав ему о своей духовной миссии. Управляющий сказал, что у него есть еще один станок и что ни тот, ни другой ему, в сущности, не нужны. Свамиджи ответил, что даст двести пятьдесят долларов за оба станка, раз клубу они не нужны, а управляющий должен помочь им, поскольку Свамиджи нужно печатать и распространять важное духовное послание, которое принесет благо всему человечеству. Управляющий согласился. Свамиджи велел Гаргамуни и Киртанананде погрузить оба станка в фургон.

Так у ИСККОН появилась своя типография.

Редактирование журнала «Назад к Богу» Бхактиведанта Свами поручил Хаягриве и Рая-Раме. В течение многих лет он считал «Назад к Богу» своим личным служением духовному учителю, но теперь он даст возможность заниматься изданием журнала молодежи – Хаягриве, который преподавал английский язык в колледже, и Рая-Раме, профессиональному писателю. Это будет уже их служение духовному учителю. Довольно скоро Хаягрива и Рая-Рама подготовили к печати первый номер.

Выдался свободный вечер – без публичного киртана и лекции. Свамиджи сидел у себя в комнате и работал над переводом «Шримад-Бхагаватам». Внизу вот уже несколько часов печатался первый номер «Назад к Богу». Рая-Рама набрал трафарет, и сейчас стоял над работающим станком и, волнуясь, проверял качество печати на каждой странице. При этом он

поглаживал бороду и время от времени хмыкал. Затем настало время разложить листы в нужном порядке и сброшюровать каждый экземпляр. Трафарета хватало на сто экземпляров, и вот все сто экземпляров, по двадцать восемь страниц в каждом, плюс передняя и задняя обложки, были разложены стопками на двух простых некрашенных скамейках, которые этим летом сколотил Рафаэль. Несколько преданных подбирали страницы и скрепляли их вместе, образовав конвейер. Они проходили вдоль стопок, брали из каждой по странице и передавали собранную стопку Гаргамуни. Он стоял, то и дело отбрасывая со лба длинные волосы, и скоросшивателем скреплял каждый номер журнала. Скоросшиватель и скрепки принес Брахмананда – из Отдела народного образования, где он работал. Даже Хаягрива, который, как правило, избегал любой черной работы, тоже был здесь и ходил вдоль «конвейера», подбирая страницы.

Внезапно боковая дверь приоткрылась, и ребята, к своему удивлению, увидели Свамиджи. Он посмотрел на них и, распахнув двери настежь, вошел в комнату. До этого он никогда не спускался в храм в свободные вечера. Они внезапно ощутили прилив любви к своему духовному учителю, и, разом упав на колени, поклонились ему.

– Не надо, не надо, – сказал он, подняв руку и пытаясь остановить их. Некоторые еще были в поклоне, а другие уже вставали. – Продолжайте.

Когда ребята поднялись, и увидели, что он стоит среди них, они растерялись и не знали, что делать. Но одно было ясно: Свамиджи спустился посмотреть, как они работают над журналом, поэтому, не говоря ни слова, они вновь быстро взялись за работу. Свамиджи прошелся вдоль стопок страниц, поглаживая их рукой, прикрытой складками чадара, пока не дошел до готового журнала.

– ИСККОН-пресс, – произнес он.

Обложку нарисовал Джаганнатха. Рисунок, сделанный пером, изображал Радху и Кришну и был похож на картину в храме его же работы. Это был незамысловатый рисунок, вписанный в концентрические круги. Первая страница открывалась девизом, которым многие годы был увенчан журнал Свамиджи: «Бог – это свет, невежество – тьма. Там, где есть Бог, нет места невежеству». На той же странице – Хаягрива не смог удержаться – с разрешения Свамиджи разместили высказывание Уильяма Блейка, выражавшее суть философии сознания Кришны:

Бог приходит – Он – свет святой
Для всех несчастных, объятых тьмой.
Но к тем, кто в свете лучей дневных,
Он придет как один из них.

В редакционном обращении говорилось о Блейке, Уитмене и Иисусе Христе, однако подчеркивалось:

...именно для того, чтобы учить этой науке (преданности Богу), и приехал в Америку Свами Бхактиведанта. Он принес простое послание: пение Святого Имени Бога: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе...»

Следуя указанию своего духовного учителя, Его Божественной Милости Шри Шримад Бхакти Сиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады, в 1944 году Свами Бхактиведанта начал издавать «Назад к Богу». Благодаря этому журналу, который выходил раз в два месяца и печатался с 1944 по 1956 годы во Вриндаване, Индия... Свами Бхактиведанта снискал славу ведущего теолога-персоналиста Индии. Этот выпуск знаменует собой начало публикации «Назад к Богу» на Западе.

Центральная статья номера – краткое изложение лекции Бхактиведанты Свами – была основана на заметках, сделанных Умапати.

Говорится, что, просыпаясь, мы должны тысячу раз ударить свой ум башмаком. То же самое нужно делать, когда мы отходим ко сну. И если ум задает вопросы вроде: «Зачем мне это «Харе Кришна»? Почему бы не принять ЛСД?» – мы должны поступить с ним точно так же. Однако, если мы постоянно помним Кришну, нам не нужно будет сражаться с умом – он станет нашим лучшим другом.

Еще там была статья Хаягривы «Вечный кайф». Хаягрива обильно цитировал Харта Крейна и Уолта Уитмена.

Нет ничего удивительного в том, что многие студенты хотят постоянно ловить кайф, принимая какие-то супер-наркотики... Возможно, тем самым они заявляют: «Мы не желаем иметь ничего общего с тем адом, который вы создали для себя». И галлюциногенные препараты становятся для них трамплином для полетов в иные миры... Но наркотические «полеты» не могут

длиться вечно. Они неестественны, поэтому временны... И остается лишь гадать, куда ведут все эти «путешествия».

Хаягрива подводил читателя к выводу, что Кришна-киртан – самый быстрый способ «улететь» и никогда не возвращаться.

Ваши друзья подумают, что вы сошли с ума. Это первый признак успеха. Пусть остальных сводят с ума старые эфемерные соблазны майи – женщины и золото... Вы же сойдите с ума по Реальности.

На задней обложке журнала разместили анонс новых статей Свамиджи «Кришна – Источник Наслаждения» и «Кто сумасшедший?», а также примечание:

Скоро выйдет в свет

«Гитопанишад», или «Бхагавад-гита как она есть»

Перевод и комментарии

Свами Бхактиведанты.

Первое и самое главное указание, которое Бхактиведанта Свами дал издателям, заключалось в том, чтобы выпускать журнал регулярно – каждый месяц. Даже если они не представляют, как продать тираж, или написали всего две страницы, они обязаны делать по одному номеру в месяц.

Он позвал Хаягриву к себе и вручил ему полное трехтомное издание своего «Шримад-Бхагаватам». На первой странице каждого тома он написал: «Шриману Хаягриве дасу брахмачари, с моими благословениями, А. Ч. Бхактиведанта Свами». Хаягрива был очень благодарен, но сказал, что у него нет денег, чтобы заплатить за книги.

– Не беспокойся, – ответил Свамиджи. – Работайте над журналом. Работайте на совесть, и сделайте его таким же читаемым, как «Тайм».

Бхактиведанта Свами хотел, чтобы в издании принимали участие все.

– Не ленитесь, – сказал он. – Напишите что-нибудь.

Он хотел сделать «Назад к Богу» трибуной проповеди своих учеников. В тот же вечер Брахмананда и Гаргамуни отправились на велосипедах развозить первый выпуск. Они заезжали в каждый наркомагазин Нижнего Ист-Сайда, и добрались даже до Четырнадцатой улицы и до Вест-Вилледжа, пока не развезли все сто экземпляров. Это был настоящий прорыв в проповеди. Теперь все его ученики могли участвовать в работе: печатать, редактировать, писать, набирать, продавать. Конечно, это по-прежнему была его проповедь, но сейчас он был уже не одинок.

* * *

«Всего за четыре месяца Общество разрослось настолько, что впору подыскивать помещение побольше маленького магазинчика на Второй авеню», – говорилось в редакционной статье второго выпуска журнала «Назад к Богу». Бхактиведанта Свами по-прежнему хотел купить в Нью-Йорке большое здание. В Гринвич-Вилледже недвижимость стоила слишком дорого, а о центре города вообще не могло быть и речи, но Свами постоянно твердил о том, что хочет купить здание. Его последователям трудно было представить, что сознание Кришны выйдет куда-нибудь за пределы Нижнего Ист-Сайда. Ну кого, кроме жителей Нижнего Ист-Сайда, может заинтересовать сознание Кришны? И у кого, скажите на милость, найдутся деньги на покупку дома в Манхеттене?

Но однажды Равиндра Сварупа познакомился с одним человеком – богатым наследником, евреем. Джентльмен этот симпатизировал молодежным движениям и согласился дать Свамиджи пять тысяч долларов в долг. Равиндра Сварупа оформил получение ссуды, и Свамиджи отложил эти деньги в фонд покупки помещения, куда он со временем добавил еще пять тысяч, собранные им из разовых пожертвований. Но для подходящих зданий, цена на которые никогда не опускалась ниже ста тысяч долларов, даже эта сумма выглядела смехотворной.

Свамиджи, в компании Брахмананды, отправился осмотреть здание на Шестой улице, когда-то принадлежавшее «Еврейскому Банку Провидения». Там был огромный вестибюль с бельэтажем, мраморные полы, да и сама атмосфера напоминала атмосферу храма.

Подвал Брахмананда предложил переделать под общежитие, а в бельэтаже Свамиджи мог бы поселиться сам. Свамиджи добавил, что просторный вестибюль можно использовать для проведения киртанов и лекций. Однако, выйдя из здания, он заметил, что оно стоит на углу, возле автобусной остановки. Это было не слишком удачное место. Он рассказал, что здание Гаудия

Матха у Бхаг-Базара в Калькутте тоже располагалось рядом с автобусной остановкой, и шум трогаящихся с места автобусов очень мешал.

Затем Свами осмотрел «Храм Эману-Эль», на той же Шестой улице Нижнего Ист-Сайда. Он был еще больше, чем здание банка, и когда ученики Свамиджи прошли по его комнатам – пустым, похожим на пещеры – они пришли в замешательство – трудно было представить, как можно использовать это здание, а уж тем более – справиться с его поддержанием, даже если бы и удалось его купить.

Свамиджи побывал еще в двух местах. В одном из зданий царила такая разруха, что здесь, казалось, побывали варвары, а другое, в столь же плачевном состоянии, было почти до потолка забито старой мебелью. Он спросил сопровождавшего его Рупанугу:

– Что ты думаешь?

Рупануга сказал:

– Чтобы привести все это в порядок, потребуется слишком много времени и денег.

И они ушли. Вернувшись домой, Свамиджи отправился в ванную и помыл ноги. Он сказал, что, по индийскому обычаю, после прогулки надо мыть ноги.

Вскоре преданные познакомились с м-ром Прайсом, элегантно одетым агентом по продаже недвижимости.

– Вам крупно повезло! – сказал м-р Прайс Брахмананде. – Вы зарегистрированы как религиозная организация, свободная от уплаты налогов. Вы даже представить себе не можете, сколько денег вам это сэкономит! Стольким людям приходится отказываться от покупки недвижимости, просто потому, что они не в состоянии заплатить налоги! Но о вас, ребята, заботится кто-то свыше, и у меня как раз есть на примете местечко для вас и вашего Свами.

М-р Прайс показал Брахмананде красивое трехэтажное здание неподалеку от Площади Святого Марка. Это было в центре, где обитала молодежь, но при этом в таком районе, где и уважаемые посетители чувствовали бы себя спокойно. Полы в доме были из полированной твердой древесины, а двери украшала резьба ручной работы. Кроме того, там был огромный зал, в котором можно было бы устроить алтарную. В 1824 году здесь останавливался маркиз де Лафайет, что делало здание еще более престижным и привлекательным.

Как-то вечером м-р Прайс зашел к Бхактиведанте Свами. Свамиджи сидел на полу за рабочим столом, а м-р Прайс – напротив, на складном металлическом стуле. На м-ре Прайсе был элегантный костюм и белая рубашка с накрахмаленными манжетами и запонками. Его дорогая одежда, покрытое ровным загаром лицо и белокурые волосы (многим преданным казалось, что это парик) странно контрастировали со скромным одеянием Свами. М-р Прайс называл Свамиджи не иначе как «Ваше превосходительство» и выражал бурное восхищение его деятельностью. Он с оптимизмом говорил о том, что, используя свои связи, надеется помочь Свами сэкономить много денег, избавить его от больших хлопот и найти для него именно то, что нужно.

В сопровождении нескольких учеников, Бхактиведанта Свами отправился с м-ром Прайсом осмотреть дом. Пока м-р Прайс, преданные и смотритель здания о чем-то разговаривали, Свамиджи, никем не замеченный, отошел в угол комнаты, где стояла старомодная швейная машинка. Он нажал на педаль машины, чтобы проверить ее исправность, а когда вновь подошел к группе беседующих, м-р Прайс сказал:

– Если вы сможете дать задаток в пять тысяч наличными, я смогу уговорить владельцев подписать контракт. Пять тысяч сейчас, и еще пять – в течение двух месяцев – по-моему, это не так трудно.

Свамиджи здание понравилось, и он сказал Брахмананде, что его нужно купить.

Брахмананда готов был отдать деньги сразу, но Бхактиведанта Свами сказал, что сначала нужно подписать контракт. В личной беседе с преданными м-р Прайс выказал себя человеком, который представляет интересы Свами и его движения, – казалось, он сулит им нечто большее, чем просто контракт: у преданных сложилось впечатление, что он хочет подарить им это здание. Такая перспектива казалась маловероятной, но из разговора следовало именно это. М-р Прайс хотел, чтобы преданные считали его своим другом, и однажды вечером пригласил их к себе домой.

Преданные пришли к нему и расселись в гостиной, обставленной книжными шкафами, но не с книгами, а с муляжами, изображавшими корешки расставленных рядами книг. Ребята чувствовали себя не в своей тарелке, но м-р Прайс словно не замечал этого и возобновил свои

славословия. Он похвалил статью Хаягривы, и тот был явно польщен и смущен. Он превозносил все, что было связано с преданными. Он даже рассказал им, как недавно умерла его собака:

– Без этого маленького, милого существа дом кажется пустым...

Это был странный человек – чересчур эмоциональный, с неиссякаемым запасом лести и похвал – и после первой же встречи с ним Свами насторожился, хотя и был заинтересован в покупке дома.

Брахмананда продолжал переговоры, и вскоре, по словам м-ра Прайса, владельца здания должны были потребовать от преданных доказательства их платежеспособности. Свамиджи велел преданным для заключения контракта нанять юриста.

– Одни беспокойства от этого м-ра Прайса! – сказал он. – Почему не купить дом у самих владельцев? Зачем все эти агенты?

– Так уж тут принято, – ответил Брахмананда.

* * *

Алан Колмен был музыкальным продюсером. В «Другом Ист-Вилледже» он прочитал заметку о свами из Индии и о мантре, которую тот привез. И когда на первой странице он прочитал текст мантры «Харе Кришна», она ему очень понравилась. Из статьи он понял, что от пения ее можно словить настоящий кайф. В статье приводился адрес Свами, и однажды вечером Алан с женой пришли в магазинчик.

Алан: За входной дверью стояло около тридцати пар обуви – люди сидели впереди, а обувь стояла сзади. Мы тоже разулись и сели. Все сидели, и было очень спокойно. Впереди, в центре, стояло кресло, и все взгляды были устремлены на него. Уже тогда мы почувствовали присутствие в комнате какой-то энергии. Никто не разговаривал, все смотрели на это кресло. Потом мы увидели Свами. Впервые. Он вошел и сел в кресло, и по комнате разлилась мощная духовная сила. Свами начал петь – это было прекрасно. Он энергично бил в небольшой барабан, издававший высокие и чарующие звуки. Один из преданных держал плакат с текстом, чтобы все могли подпевать. Потом преданные поднялись и начали танцевать – это был особый танец, со своим, особым шагом. Свами оглядывал комнату и улыбался, глядя на каждого, как бы поощряя всех принять в этом участие.

На следующий день Алан позвонил Бхактиведанте Свами с предложением записать его пение в студии, но трубку взял Брахмананда и, поговорив с ним, назначил встречу на вечер, и Алану с женой вновь пришлось ехать в Ист-Вилледж, который всегда считался местом не самым спокойным (ведь если вам нужны были приключения, идти следовало именно туда!)

Когда они вошли к Свами в комнату, они застали его за работой, за пишущей машинкой. Он тут же заинтересовался предложением Алана.

– Да, – сказал он, – мы должны сделать эту запись. Если это поможет распространить пение «Харе Кришна», то это наш долг.

Они условились о дне – через две недели, в декабре, – в студии звукозаписи «Адельфи», возле Таймс-сквер. На жену Алана произвело большое впечатление то, с каким энтузиазмом Свами принял их предложение: «В нем было столько энергии, столько целеустремленности!»

Вечером, за день до записи, в магазинчик вошел какой-то юноша с большим двусторонним индийским барабаном. В этом, казалось, не было ничего необычного – гости часто приносили с собой барабаны, флейты и другие инструменты, но на этот раз Свамиджи вдруг оживился. Парнишка сел и приготовился играть, но Свамиджи знаком велел дать барабан ему. Парень не двинулся с места – видно, хотел играть сам – но Брахмананда подошел к нему и сказал:

– Свамиджи хочет поиграть на барабане.

Молодой человек уступил.

Брахмананда: Свамиджи начал играть, и руки его буквально танцевали на мембранах. Всех так поразило, что Свамиджи умел на нем играть! До сих пор мы видели только бонго, и я думал, что это и есть настоящий индийский ударный инструмент. Но когда откуда ни возьмись появился этот двусторонний барабан, и Свамиджи начал играть на нем, как настоящий виртуоз, это вызвало экстаз в сотню раз больший, чем его игра на бонго.

После киртана Бхактиведанта Свами попросил молодого человека одолжить ему свой барабан на один вечер, для записи. Тот сперва заупрямился, но преданные пообещали на следующий же день вернуть инструмент, и парень согласился принести его завтра вечером. Когда он вышел из храма, преданные решили, что никогда больше не увидят ни барабана, ни его

владельца, но на следующий день, за несколько часов до отъезда Свамиджи в студию, парень со своим инструментом вернулся.

Был холодный декабрьский вечер. Свами, одетый в свое обычное шафрановое дхоти, твидовое пальто и пару серых туфель (которые уже давно заменили его старые резиновые туфли с загнутыми носками), сел вместе с пятнадцатью учениками и их инструментами в «фольксваген-вэн» Рупануги, и вся эта компания поехала в студию.

Брахмананда: Наша запись началась не сразу – до нас там была еще одна группа, и нам пришлось немного погулять по Таймс-сквер. Мы со Свамиджи просто стояли там и рассматривали уличную иллюминацию и рекламу индустрии наслаждений, как вдруг к нам подошла какая-то женщина и громко и размеренно спросила:

– Здравствуйте. Откуда Вы?

Свамиджи ответил:

– Я монах из Индии.

Тогда она сказала:

– О, чудесно! Рада познакомиться! – пожала руку Свамиджи и отошла.

В студии преданных восприняли как обычную рок-группу. Один из музыкантов спросил, как они называются, и Хаягрива, смеясь, ответил: «Певцы Харе Кришна». Конечно, большинство преданных не были настоящими музыкантами, но что касается инструментов, которые они принесли с собой – тамб'уры, большой фисгармонии, подаренной Алленом Гинсбергом, ударных – за несколько последних месяцев ребята неплохо набили руку. Не сомневаясь в своих способностях, они вошли в студию. Они просто следовали за своим Свами. Он знал, как играть, а они знали, как ему подыгрывать. Они не были обычными музыкантами, каких немало на белом свете. Да, они играли музыку, но это была не просто музыка – это была и медитация, и поклонение.

Бхактиведанта Свами уселся на коврик посреди студии и сидел там, пока инженеры настраивали микрофоны и рассаживали преданных по студии, с учетом их инструментов. Звукорежиссеры попросили, чтобы было только две пары каратал, и предложили добавить несколько пар палочек для отбивания ритма, а некоторым преданным пришлось просто хлопать в ладоши. У Рупануги любимым инструментом была пара медных индийских колокольчиков без язычков, и когда звукооператор их увидел, он подошел и попросил:

– Дай-ка послушаю.

Рупануга извлек из них звук, и оператор сказал, что сойдет. Равиндра Сварупа должен был создавать фон на фисгармонии, поэтому сел со своим микрофоном немного поодаль, а для тамбуры у Киртанананды был отдельный микрофон.

Когда все было готово, звукорежиссер подал преданным знак, и Свамиджи запел, подыгрывая себе на барабане. К ударам барабана присоединились звуки тарелочек, палочек и хлопки в ладоши. Пение продолжалось минут десять, пока из застекленной студии не вышел режиссер и не остановил их: Брахмананда хлопал слишком громко, нарушая гармонию. Режиссер вернулся в кабину, надел наушники, отрегулировал уровень записи и снова подал знак. На этот раз получилось лучше.

Вначале вступила тамбура с ее глуховатым и одновременно гулким звоном. Спустя секунду вступил с барабаном Свамиджи. Раздался его голос: «ванде 'хам ±r‡ гуру®...», после чего весь ансамбль – тамбура, фисгармония, бубенцы, караталы, колокольчики Рупануги – отдав швартовы, вышел в спокойное море святого имени ... лалит...-±r‡-ви±акх...нвит... ± ча...

Голос Свамиджи звучал очень мелодично. Ребята не просто делали запись – они играли с любовью. Игре сопутствовало ощущение успеха и единства – это был вечер, венчающий все предыдущие месяцы совместного пения.

... Шри-кришна-чаитанья, прабху-нитйананда...

Несколько минут Свамиджи пел молитвы один, а потом, после короткой паузы (музыка ни на секунду не прекращалась), все вместе запели мантру: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе. Это был настоящий Бхактиведанта Свами – столь же совершенный в музыке, как и в приготовлении прасада, и в чтении лекций.

Звукооператорам понравилось – если и дальше все будет в том же духе, будет здорово. Все звучало отменно – и барабаны, и голоса. Немного не хватало согласованности, но это была особая запись, не подготовленная заранее. «Певцы Харе Кришна» делали свое дело, и делали его отлично.

Алан Колмен был в восторге – это был настоящий звук! Не исключено, что пластинка будет пользоваться спросом.

Пропев мантру несколько раз, преданные немного расслабились, как будто играли в храме, уже не боясь ошибиться. Они просто пели, ритм ускорялся и вскоре стал более устойчивым. Иногда слово «Харе» звучало как бы со вскриком, но это было непосредственной реакцией на мелодию Свами, а не искусственным нагнетанием эмоций. Прошло десять минут. Пение становилось быстрее, громче и еще быстрее – Свамиджи отбивал на барабане все более причудливые ритмы, и вдруг... все остановилось, только тихо продолжала гудеть фисгармония.

Алан вышел из студии:

– Это было здорово, Свами! Просто здорово! Прямо сейчас будете записывать обращение к слушателям? Или вы устали?

Бледный, веснушчатый Алан Колмен с вежливым участием всматривался в лицо Свами через толстые стекла своих очков. Свамиджи казался усталым, но ответил:

– Нет, я не устал.

Потом, сидя в студии, преданные наблюдали, как Бхактиведанта Свами читает заранее подготовленную речь:

– Как объясняется на обложке пластинки...

Преданные с облегчением отметили, что, несмотря на акцент, текст он читает совершенно отчетливо, как профессиональный диктор.

– ...духовная вибрация, возникающая при пении Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе – это возвышенный метод возрождения нашего сознания Кришны.

Язык обращения был довольно сложен, и людям, которые привыкли уходить сразу после киртана, не дожидаясь, когда Свами начнет говорить, эта речь на пластинке вряд ли понравилась бы.

– Как живые души, – продолжал свою проповедь Свами – все мы по природе своей являемся существами, создающими Кришну. Но с незапамятных времен мы связаны с материей, и потому наше сознание осквернено ею.

Преданные смиренно слушали слова своего духовного учителя, одновременно пытаясь представить, какой эффект они могут оказать на слушателей. Нет сомнений – кто-то просто выключит пластинку при первом же упоминании о духовной природе.

Свамиджи продолжал читать, объясняя, что это пение может перенести человека с уровня чувств, ума и разума в духовные сферы.

– Мы видели это на практике, – говорил он. – Даже ребенок может участвовать в пении, даже собака... Однако вначале пение должно быть услышано из уст чистого преданного Господа.

И завершил свою речь словами:

– Поэтому в этот век нет более эффективного средства осознать свою духовную природу, чем пение маха-мантры: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Алан снова выскочил из студии.

– Это было здорово! – воскликнул он.

Он добавил, что речь его записали с небольшой реверберацией, чтобы она необычно звучала.

– Так, – он поправил пальцем очки, – на той же стороне, где речь, у нас осталось еще минут десять свободных. Может быть, еще споете? Или уже слишком поздно, Свамиджи?

Бхактиведанта Свами улыбнулся. Нет, не поздно. Он споет молитву своему гуру.

Пока ученики бродили по студии, наблюдая за своим учителем и техническими манипуляциями звукорежиссеров, Свами начал петь. Снова протяжно зазвучала фисгармония, за ней вступили барабаны, но на этот раз количество ударных инструментов было значительно меньше. Он пел без поправок, и закончил свое пение фортиссимо на барабане, пока затихала фисгармония.

Алан вновь вышел и поблагодарил Свами за терпение и столь отменное пение в студии. Свамиджи не вставал.

– Теперь мы точно устали, – признался он.

Вдруг по всей студии разнеслось пение «Харе Кришна», записанное с реверберацией. Когда Бхактиведанта Свами услышал запись своего пения, он ощутил такое счастье, что встал и начал

танцевать, раскачиваясь взад и вперед, слегка наклоняясь и вздевая руки – как Господь Чайтанья, когда был в экстазе. Запланированное выступление было закончено, но сейчас Свамиджи спонтанно показывал самое прекрасное представление этого вечера, вкладывая в него все свои чувства. Увидев его танец, полусонные ученики изумились. Они встали и присоединились к его танцу, двигаясь в той же манере. Даже звукооператоры в своей кабинке за стеклом тоже подняли руки и начали петь и танцевать.

– Сегодня вы сделали лучшую запись в своей жизни, – сказал Свамиджи м-ру Колмену, выходя из студии в пронизывающий манхэттенский вечер. Свамиджи сел на переднее сиденье «фольксвагена», а «Певцы Харе Кришна» со своими инструментами забрались в салон, и Рупануга повез их домой, назад в Нижний Ист-Сайд.

На следующее утро Бхактиведанта Свами не смог встать с постели – он совершенно обессилел. Киртанананда, его личный слуга, не на шутку встревожился – Свамиджи пожаловался, что у него сильно колотится сердце, и он не может двинуться с места.

Вот тут-то всем и стало ясно, что он постоянно действует на пределе сил. Киртанананда вспомнил, как летом и осенью, в парке и на поздних вечерних программах Свамиджи вел многочасовые киртаны; ученики же воспринимали это как само собой разумеющееся. Теперь же Киртанананда понял, что состояние здоровья Свамиджи было угрожающим. К обеду у него не было аппетита, хотя после полудня аппетит появился и Свами вернулся к своим обычным делам.

В тот же день пришло письмо от Мукунды из Сан-Франциско. Вскоре после свадьбы Мукунда и Джанаки уехали на Западное побережье. Мукунда писал, что хочет поехать в Индию изучать индийскую музыку, но, проведя несколько недель на юге Орегона, отправился в Сан-Франциско. У него появилась идея поинтереснее. Он хотел арендовать помещение и пригласить Свамиджи, чтобы тот приехал и начал движение «Харе Кришна» в сан-францисском округе Хейт-Эшбери, точно так же, как это было в Нижнем Ист-Сайде. Он говорил, что здесь есть замечательные возможности для распространения сознания Кришны. Услышав об этом, Бхактиведанта Свами тут же начал делиться с учениками своими обширными планами. Он сказал, что преданные должны открывать храмы не только в Сан-Франциско, но и по всему миру, охватывая одну страну за другой – включая Россию и Китай, и на разных языках печатать «Бхагавад-гиту». А он тем временем переведет на английский язык все тома «Шримад-Бхагаватам», и нескольких преданных возьмет с собой в Индию.

Преданные, услышав это, были потрясены. Даже Киртанананда, свидетель тревожных признаков ухудшения здоровья Свамиджи, забыл, о чем беспокоился сегодня утром. Если на то будет воля Кришны, думал Киртанананда, Свамиджи сможет сотворить все что угодно.

* * *

19 ноября

Утром, когда Свамиджи спустился в храм, чтобы прочитать утреннюю лекцию, вместо коричневой книги, которой он обычно пользовался, он нес с собой большую книгу красного цвета. Впрочем, перемены никто не заметил. Начал он, как обычно, с негромкого пения молитв духовному учителю, легонько аккомпанируя себе на бонго (соседи еще спали).

Погода стояла холодная, но благодаря паровому отоплению в храме было тепло. Сезон уличных киртанов закончился. С приходом зимы бурная летняя жизнь Манхэттена стихает, а значит уличная ребятня не будет больше мешать вечерним лекциям. И хотя утренние лекции всегда проходили тихо, даже летом, теперь, с приближением холодов, посетителей поубавилось: послушать Свамиджи собирался лишь узкий круг самых искренних учеников.

С тех пор, как на Второй авеню, 26 Бхактиведанта Свами основал ИСККОН, прошло уже четыре месяца. Он провел три церемонии посвящения, и теперь у него было девятнадцать учеников. Все они, за несколькими исключениями, стали серьезными его последователями. Теперь на своих утренних лекциях Свамиджи хотел научить их тому, как стать настоящими преданными.

В течение двадцати минут он вполголоса пел «Харе Кришна», напоминая ученикам, чтобы они не пели громко, а то соседи сверху снова затопят их – хотя в последнее время подобные случаи прекратились. Свамиджи всегда старался жить с соседями дружно, но все равно время от времени кто-нибудь посылал жалобу на преданных городским властям. Впрочем, до серьезных разбирательств дело не доходило. Иногда Бхактиведанта Свами помогал своему арендодателю, м-ру Чати, вынося за соседей мусор, или же просто протягивал ему руку. М-р Чати – крепкий, с «пивным» животом, одинокий польский иммигрант, жил на первом этаже, в своей квартире. М-р

Чати уважал Свамиджи за его возраст и ученость, а Свамиджи относился к нему по-дружески. Приходя к Свамиджи, м-р Чати никогда не снимал обувь, но Свамиджи говорил:

– Ничего страшного, ничего страшного.

А однажды, когда у Свамиджи в квартире засорилась канализация, он ходил к м-ру Чати принимать душ.

При всем при том Свамиджи считал м-ра Чати классическим примером глупого материалиста. Ведь для того, чтобы купить это здание, он потратил накопленные за всю жизнь личные сбережения, но при этом ему все равно приходилось тяжело работать. Свамиджи сказал, что глупо тратить деньги на такое ветхое здание, а потом работать как ослу, чтобы поддерживать его в сносном состоянии.

– Такова жизнь материалистов, – говорил он.

М-р Чати относился к Свами с уважением, но преданных не любил. Свамиджи сказал ученикам:

– Относитесь к нему так, будто он ваш отец.

Преданные так и поступали. Всякий раз, когда им приходилось сталкиваться с м-ром Чати, они говорили ему:

– Мы ваши сыновья.

Ученики, которые жили в храме, поднимались в шесть тридцать, принимали душ и собирались в алтарной. Потом понемногу подтягивались те, кто жил дома. Они снимали пальто и складывали их на подоконник. Женщины обычно бывали только на вечерних лекциях, но Джадурани приходила и по утрам и на утренних программах была, как правило, единственной девушкой. После завтрака она шла на квартиру Свами и в передней занималась рисованием. Пользуясь техникой для начинающих, она расчерчивала холст на квадраты и фрагмент за фрагментом переносила на него изображение с фотографии. Работа была трудоемкой, и иногда картина получалась непропорциональной. Но Джадурани искренне старалась, и Свамиджи это нравилось. Она нарисовала несколько картин с четырехруким Вишну, новую картину с Радхой и Кришной и картину с Господом Чайтаньей и Его спутниками. Когда картина с Господом Чайтаньей была закончена, Свамиджи велел повесить ее в храме.

– Теперь, – объявил он – никаких глупостей... Сюда пришел Господь Чайтанья.

После утреннего киртана Свами обычно говорил:

– А теперь повторите один круг, – и ученики вместе с ним начинали читать джапу. Все они давали обет повторять каждый день шестнадцать кругов, но первый круг всегда прочитывался утром, в присутствии Свами, так, чтобы он мог видеть каждого. Повторяя джапу, Свамиджи смотрел на Вторую авеню, которая ранним утром была почти пустынна, или на картины на стене; иногда он бросал озабоченные взгляды на кого-нибудь из преданных. Порой, казалось, он был даже удивлен, когда видел, как искренне, как старательно его ученики повторяют мантру – поистине, Святое имя способно освободить даже самых падших! Некоторые ученики, как и Свамиджи, носили четки в специальном мешочке, но когда по утрам они повторяли свой первый круг, то вслед за ним вынимали их и, обеими руками держа перед собой, повторяли с ним в унисон: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе – до тех пор, пока не прочитывали круг до конца.

Сегодня, закончив повторение джапы, он поднял вверх незнакомую красную книгу.

– Поскольку вы сделали некоторые успехи, – объявил он, – сегодня я буду читать «Чайтанья-чаритамриту».

«Чайтанья-...» – чего-чего? Никто не смог даже выговорить это слово. Они, конечно, слышали о Чайтанье, но книгу эту видят впервые. Правда, кто-то из преданных слышал – вчера вечером Свамиджи обмолвился, что начнет читать новую книгу под названием «Чайтанья-чаритамрита». Свамиджи поведал, как однажды Господь Чайтанья сказал одному из учеников, что Кришну понять невозможно, но Он, Чайтанья, может дать ему одну каплю сознания Кришны – и ученик сможет представить себе, что значит целый океан.

– Наберитесь терпения, – говорил Свамиджи. – Это произведет революцию. Но вам нужно набраться терпения.

Когда Свамиджи начал читать стихи на бенгали, Брахмананда включил катушечный магнитофон, а Сатсварупа и Умапати раскрыли тетради, приготовившись конспектировать. Атмосфера напоминала школьный урок – Свамиджи прокашлялся, надел очки и склонился над фолиантом, переворачивая его страницы. Всякий раз, надевая очки, он превращался в мудрого

ученого-вайшнава. Очки подчеркивали его преклонный возраст – вовсе не старческую немощь, но эрудицию, мудрость и глубокое понимание Писаний. Трудно было поверить, что иногда этот пожилой человек энергично играет на барабане в Томпкинс-сквере, а порой, совсем как деловой человек, занимается поиском нового здания.

Свамиджи начал читать и переводить историю о Санатане (Сатсварупа записал: «Сута», а Умапати – «Сонотан») и его брате Рупе, и о том, как они стали близкими спутниками Господа Чайтаньи. Это было простое историческое предание. Рупа и Санатана родились в Индии, в семье брахмана, но служили в правительстве мусульман, которые были тогда у власти. Даже имена они поменяли на мусульманские. Но когда Господь Чайтанья, совершая паломничество, пришел в их края, они встретились с Ним и твердо решили бросить материальную карьеру и последовать за Господом по пути чистой любви к Богу. Рупа, который был настолько богат, что золотом его можно было наполнить две лодки, оставил свой пост, раздал богатство, стал нищим странником и примкнул к Господу Чайтанье. Но Санатана столкнулся на своем пути с куда большими трудностями.

Наваб Шах, мусульманский правитель Бенгалии, полностью полагался на Санатану, который был очень хорошим руководителем. Но Санатана, ссылаясь на болезнь, совсем забросил свою работу. На самом же деле, каждый день он приглашал к себе дюжину брахманов, которые читали ему «Шримад-Бхагаватам». Наваб послал своего врача проведать, в каком состоянии здоровье его министра, и, узнав, что тот вовсе не болен, к удивлению Санатаны и брахманов, лично явился к нему домой. Наваб потребовал, чтобы тот немедленно приступал к работе, чтобы самому Навабу можно было спокойно ездить на охоту и собирать войска для похода в соседнюю провинцию. Санатана отказался, объяснив, что твердо решил посвятить себя изучению Писаний, и что теперь Наваб может делать с ним все, что пожелает. За эту дерзость Наваб посадил Санатану в тюрьму...

Свамиджи посмотрел на часы. Утренние лекции были короче вечерних – всего по полчаса, к тому же Рупануге, Сатсварупе и Брахмананде нужно было на работу. Поэтому Свамиджи прервал свой рассказ.

– Итак, мы продолжим завтра.

Свамиджи закрыл книгу, и, сказав еще несколько слов ученикам, встал и вышел из храма. Киртанананда последовал за ним, неся его книгу и очки.

Каждое утро в храме раздавали завтрак. Ачьютананда и Киртанананда по очереди готовили для преданных овсянку. В английском издании «Рамаяны» Сатсварупа как-то прочитал о том, как какие-то мудрецы готовили мистическую овсянку под названием «небесная каша». Название пришлось по душе, и вскоре свою овсянку преданные тоже начали называть «небесной кашей». Завтрак все обожали; он состоял из горячей «небесной каши» (в которую по вкусу добавляли сахарный сироп от гулабджамунов), горячего молока и фруктов. Вдобавок, каждый получал по «пуле ИСККОН».

Сегодня за завтраком все говорили о Рупе и Санатане. Умапати сказал, что «Чайтанья-чаритамрита» на английском языке продается в магазине, но Свамиджи вряд ли захочет, чтобы они ее читали.

– Мы услышим ее от самого Свамиджи, – сказал Киртанананда.

Хаягрива был заинтригован: ему не терпелось услышать продолжение.

– Подождем до завтра, – сквозь смех сказал он, – тогда и дослушаем, что там дальше случилось с... этим... как его?

– «Сантан...», «Сонотон...», «Санатана», – по-разному ответили преданные.

– Вот-вот. Подождем до завтра и послушаем. Выберется ли Санатана из тюрьмы?

Это была далеко не самая смирная компания. Собираясь вместе, ребята раскрепощались, особенно после сиропа. Ачьютананда пролил сироп на ковер, и Киртанананда сделал ему замечание. Джадурани молча доела завтрак и поспешила в комнату Свамиджи, рисовать очередную картину. Сатсварупа поправил галстук, и втроем – он, Рупануга и Брахмананда – они отправились на работу.

На следующее утро лекция по «Чайтанья-чаритамрите» началась с того, как Санатана, оказавшись в тюрьме, замыслил сбежать и присоединиться к Господу Чайтанье. Его брат Рупа послал ему записку, где говорилось, что у одного ростовщика он оставил для Санатаны большую сумму денег золотом. Санатана предложил их надзирателю в качестве взятки, сказав:

– Господин, я знаю, вы очень умный человек, а в Коране говорится, что если кто-то поможет своему ближнему встать на стезю духовной жизни, ему будет даровано очень высокое положение. Я иду к Господу Чайтанье, и если вы поможете мне убежать, то обретете духовное благо. Кроме того, вы получите денежное вознаграждение: я заплачу вам пять сотен золотых монет.

Надзиратель сказал:

– Хорошо. Но я боюсь царя.

Тогда Санатана посоветовал ему:

– Скажите, что когда я справлял нужду у реки, то упал в воду прямо в цепях и меня унесло течение.

За семьсот золотых монет надсмотрщик согласился помочь Санатане и спилил цепи. Санатана, в сопровождении своего слуги, окольными дорогами бежал до тех пор, пока к ночи не набрел на постоялый двор.

Постоялый двор этот принадлежал ворами, и тамошний астролог, посмотрев на ладонь постояльца, определил, что у того есть деньги. Когда Санатана попросил помочь ему перебраться через горы, поросшие джунглями, владелец постоялого двора сказал, что глухой ночью поможет ему бежать. Несмотря на то, что Санатана три дня не ел, и одежда на нем истрепалась, хозяева были с ним настолько обходительны, что тот заподозрил недоброе. Он спросил у слуги, есть ли у него деньги. Слуга сказал «да» – у него было семь золотых монет. Санатана тут же забрал деньги и отдал хозяину гостиницы, который той же ночью готовился их убить ...

Свамиджи посмотрел на часы. Лекция опять затянулась.

– Итак, завтра мы расскажем о том, – сказал он, закрывая книгу, – как Санатане удалось отделаться от разбойников.

Киртанананда, Брахмананда, Аччютананда, Гаргамуни, Сатсварупа, Хаягрива, Умапати, Джадурани, Рупануга, Дамодара (Дэн Кларк) – жизнь их полностью изменилась. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как центром ее стал Свамиджи. Все их дела вращались вокруг храма с его ежедневными лекциями, киртанами и прасадом.

Несколько месяцев тому назад съехали со своей квартиры и переселились в храм Брахмананда и Гаргамуни. В квартире Аччютананды обрушился потолок, буквально через несколько минут после того, как он вышел из комнаты, поэтому он тоже решил переехать. Хаягрива и Умапати привели в порядок свою квартиру на Мотт-стрит и использовали ее только для повторения джапы, сна и чтения «Шримад-Бхагаватам». В один из дней Сатсварупа объявил, что преданные могут ходить принимать душ к нему – его квартира находилась за углом, буквально в двух шагах от храма. На следующий же день туда переехал Рая-Рама, и квартира стала служить в качестве подсобного помещения. Джадурани по утрам продолжала приезжать из Бронкса. Свамиджи был, в принципе, не против, чтобы она жила во второй комнате его квартиры, но что подумают люди? Даже Рупануга и Дамодара, вкусами и манерами отличавшиеся от общей массы, каждый день с удовольствием приезжали на утренние лекции, и три раза в неделю – на вечерние. Они знали, что Свамиджи всегда у себя, и к нему всегда можно подойти.

Но положение самого Бхактиведанты Свами было довольно нестабильным. Иногда он говорил, что, если он не получит вида на жительство, ему придется покинуть страну. Он даже сходил к адвокату – там выяснилось, что тревога, вроде бы, оказалась ложной, и он, возможно, сможет остаться в Штатах на неопределенный срок. Еще преданные боялись, что он может уехать в Сан-Франциско. Иногда он говорил, что собирается туда, а потом передумывал. Свамиджи обещал, что если переговоры с м-ром Прайсом по поводу здания на Десятой улице пройдут успешно, он сделает своей штаб-квартирой Нью-Йорк и не поедет в Сан-Франциско.

Но на утренних лекциях, когда Бхактиведанта Свами рассказывал истории из «Чайтанья-чаритамриты», ученики забывали на время обо всех беспокойствах, и вечное, сокровенное знание полностью завладевало их вниманием. Для них Сознание Кришны означало борьбу, ведь нужно было строго следовать правилам Свамиджи – «не вступать в незаконные половые отношения, не принимать одурманивающих средств, не играть в азартные игры и не есть мяса». И пока они слушали его пение и лекции по «Чайтанья-чаритамрите», им удавалось придерживаться этих принципов. В своем сознании Кришны они зависели от него. Он находился в центре их совсем еще недолгой духовной жизни. Они знали Свамиджи, и это было все, что они знали о сознании Кришны. До тех пор, пока остается возможность приходить и видеть его, до тех пор, пока он рядом, сознание Кришны для них – вполне реальная вещь.

Они сидели на потертом ковре и смотрели на него, ожидая продолжения истории. Свамиджи прокашлялся и посмотрел на Брахмананду, сидевшего рядом с бесшумно работающим магнитофоном. Сатсварупа поставил в блокноте сегодняшнее число. Свамиджи начал читать стихи на бенгальском и пересказывать их смысл...

– Санатана забрал у слуги семь золотых монет и отдал их владельцу гостиницы.

– У тебя восемь золотых монет, – сказал астролог.

Санатана вернулся к слуге и узнал, что тот припрятал у себя еще одну монету.

– Зачем ты взял этот погребальный колокол в дорогу? – спросил Санатана. – Ты чересчур привязан к деньгам.

Он забрал у слуги золотой и велел ему отправляться восвояси. Затем он принес золотой владельцу гостиницы, но хозяин, признавшись, что хотел убить Санатану, сказал:

– Ты хороший человек. Забирай свои деньги.

Санатана отказался. Тогда хозяин дал Санатане четверых проводников. Они помогли ему пробраться через джунгли, а сами вернулись назад.

Оставшись один, Санатана почувствовал, что наконец-то свободен. Он избавился от слуги, от которого одни неприятности, и от разбойников. Вскоре он встретил своего двоюродного брата, который шел той же дорогой. Его брат был человеком богатым и нес с собой много денег – он собирался покупать коней.

– Пожалуйста, хотя бы на несколько дней останься со мной, – сказал он Санатане. – Ты ужасно выглядишь.

Брат знал, что Санатана собирается встать на стезю духовной жизни, и, чтобы хоть как-то помочь своему родственнику, предложил ему дорогое одеяло. Санатана принял подарок и продолжил свой путь.

Наконец, Санатана достиг Бенареса. Он сразу же направился в дом Чандрашекхары, где остановился Господь Чайтанья, и стал ждать у двери. Господь Чайтанья знал о приходе Санатаны, поэтому Он попросил Чандрашекхару открыть дверь и пригласить в дом преданного, который ждет на улице. Чандрашекхара вышел, но, увидев Санатану, одетого в лохмотья, принял его за безумного мусульманина-факира. Чандрашекхара вернулся к Господу Чайтанье и сказал, что никакого преданного на улице нет.

– Ну хоть кто-то там есть? – спросил Господь.

– Да, – ответил Чандрашекхара – какой-то несчастный факир.

Тогда Господь Чайтанья Сам вышел из дома и обнял Санатану. Слезы экстаза покатались по щекам Господа – Он знал, что, наконец, нашел того преданного, кому можно передать все Свое учение. Санатана тоже плакал от радости – мечта его жизни сбылась. Но поскольку после длительных скитаний Санатана был грязен и, кроме того, чувствовал себя недостойным, он попросил Господа не прикасаться к нему.

Господь ответил:

– Что ты! Прикасаясь к тебе, я очищаюсь; благословен тот, кто прикасается к истинному преданному.

На этом Свамиджи окончил очередное утреннее занятие и закрыл книгу.

Бхактиведанта Свами хотел как можно скорее завершить и опубликовать свой перевод и комментарии к «Бхагавад-гите» – это было одной из самых важных его задач. И однажды случилось нечто, что позволило ему ускорить работу над рукописью. Откуда ни возьмись в Нью-Йорк приехал какой-то парень по имени Нил, студент-практикант Антиохийского колледжа. Руководство колледжа разрешило ему отработать один семестр в ашраме Свами Бхактиведанты, о котором парень узнал из газет. Нил спросил, не может ли он чем-то помочь, упомянув, что хорошо печатает на машинке, и Свамиджи решил, что Сам Кришна послал ему этого паренька. Он сразу же взял напрокат диктофон и начал надиктовывать «Бхагавад-гиту». Хаягрива пожертвовал свою электрическую пишущую машинку, и Нил, устроив себе рабочее место в передней Свамиджи, приступил к работе. Печатал он по восемь часов в день. Это воодушевило Бхактиведанту Свами, и он почувствовал себя обязанным делать больше. Над «Бхагавад-гитой как она есть» он работал быстро, иногда дни и ночи напролет. Прошло уже пять месяцев с тех пор, как был основан ИСККОН, но на своих лекциях ему по-прежнему приходилось пользоваться переводом Радхакришнана. Но когда выйдет «Бхагавад-гита как она есть», говорил он ученикам, это будет очень ценным вкладом в движение сознания Кришны. Ведь наконец-то появится авторитетное издание «Гиты».

Ученики хотели знать все, что говорил или делал Свамиджи. Их вера и преданность ему крепла день ото дня. Они считали его представителем Бога, а его слова и поступки – безупречными. Если кто-то из учеников беседовал с ним наедине, то сразу после разговора его окружали духовные братья и сестры и выпрашивали у него обо всех подробностях встречи. И это было сознание Кришны! Джадурани особенно простодушно пересказывала все, что говорил или делал Свамиджи. Однажды он наступил на кнопку, которую она уронила на пол. Конечно, Джадурани осознала, насколько серьезным было это оскорбление, но и ей, и другим ученикам важнее показалась реакция Свамиджи, отражающая его духовное сознание. Молча и совершенно бесстрастно он нагнулся и вытащил кнопку из стопы, не издав ни звука. Однажды, когда она пыталась повесить над его рабочим столом картину, то случайно наступила на его подушку для сидения.

– Я совершила оскорбление? – спросила она.

Свамиджи ответил:

– Нет. Ради служения ты можешь стать даже мне на голову.

Брахмананда иногда рассказывал, что с глазу на глаз Свамиджи говорит ему о каких-то очень сокровенных вопросах сознания Кришны. Но когда он пересказывал, что же именно сказал Свамиджи, кто-то другой вспоминал, как читал о том же самом в «Шримад-Бхагаватам». Свамиджи говорил, что духовный учитель присутствует в своих наставлениях, и сам постарался вложить в эти три тома «Бхагаватам» все, что говорил сам. Преданные убеждались в том, что это правда.

Последователи Свамиджи ничего друг от друга не скрывали. Все знали, что Умапати на несколько дней ушел из храма, потому что ему не понравилось, как Свамиджи критикует буддистов; но потом он вернулся и после тяжелой и откровенной беседы со Свамиджи снова решил принять сознание Кришны. Все знали, что Сатсварупа уволился с работы, а когда пришел к Свамиджи и поставил его в известность, Свамиджи совсем этого не одобрил и велел ему продолжать зарабатывать деньги для Кришны и жертвовать их Обществу. И это должно стать его лучшим служением. И еще все знали, что Сатсварупа просил Гаргамуни состричь волосы – Свамиджи в шутку называл их «Шекспировские кудри Гаргамуни» – но Гаргамуни не соглашался.

Год подошел к концу. Свамиджи по-прежнему работал над рукописью «Бхагавад-гиты», по утрам читал «Чайтанья-чаритамриту», а по понедельникам, средам и пятницам проводил вечерние лекции по «Бхагавад-гите». И по-прежнему часто поговаривал о том, чтобы ехать в Сан-Франциско...

В канун Нового Года преданным пришла в голову идея: раз уж скоро наступит праздник, и люди выйдут на улицы, чтобы его отметить, то почему бы и им не устроить торжество в честь сознания Кришны.

Рупануга: И мы закатили огромный пир, на который пришло много народу – хотя и не так много, как по воскресеньям. Мы принимали прасад, а Свамиджи сидел на своем возвышении и тоже ел. Он велел, чтобы мы ели больше, и постоянно приговаривал: «Повторяйте Харе Кришна!» Мы слушали и то клали в рот прасад, то говорили «Харе Кришна», а он требовал, чтобы мы брали еще и еще. Я был изумлен. Он сидел и заставлял нас есть как можно больше! Он оставался с нами до одиннадцати вечера, но затем почувствовал усталость, и на этом вечеринка закончилась.

Каждое утро на страницах большой книги разворачивалась новая глава истории о Санатане. Читать и комментировать ее мог только он, Свамиджи.

Господь Чайтанья сказал Санатане, что за такую милость тот должен быть очень благодарен Кришне, на что Санатана ответил:

– Ты говоришь, что Кришна очень милостив, но я не знаю, кто такой Кришна. Это Ты спас меня.

В Бенаресе у Господа Чайтаньи было много друзей, и Он послал Санатану в дом одного из них, чтобы тот мог поесть, помыться, побриться и переодеться в новую одежду. Но Санатана отказался от новой одежды и не хотел ни от кого зависеть в отношении пищи. Теперь, приняв отречение, он ходил просить милостыню, каждый день в новом месте. Увидев это, Господь Чайтанья был очень доволен, но Санатана почувствовал, что Господу не нравится его дорогое, новое одеяло, поэтому он обменял его на старое. Довольный им, Господь Чайтанья сказал:

– Теперь ты отрелся от всего. По милости Кришны ты избавился от своей последней привязанности.

Санатана припал к лотосоподобным стопам Господа Чайтаньи и сказал:

– Я потратил все свое время на наслаждения. Родившись в низкой семье, я общался с порочными людьми. Я не способен к духовной жизни. Я даже не знаю, что благо для меня, а что нет. Люди называют меня ученым, но я – последний глупец, ведь несмотря на мою славу мудреца, для меня по-прежнему загадка, кто я такой.

Считая себя полным глупцом, Санатана спросил Господа:

– Кто я? Почему я попал в материальный мир? Почему я страдаю?

Свамиджи заострил внимание учеников на этом эпизоде. Он сказал, что именно в таком настроении должен обращаться к духовному учителю ученик.

Закончив историю о том, как Санатана присоединился к Господу Чайтанье, Свамиджи приступил к изложению наставлений, которые Господь дал Своему преданному. Сначала Господь Чайтанья объяснил, что живое существо не является материальным телом, оно – заключенная в него вечная душа. Затем, в течение двух месяцев, Господь Чайтанья наставлял Санатану в глубочайших и самых возвышенных истинах ведической мудрости. Он просветил Санатану в вопросах природы души и ее отношений с Кришной, рассказал о материальном и духовном мире. Он поведал ему о качествах полностью осознавшей себя личности и о запредельной этому миру сущности Господа Кришны и Его бесчисленных образов, проявлений, воплощений и божественных игр. Он рассказал о превосходстве метода бхакти-йоги над методами философских рассуждений и мистической йоги. Он открыл Санатане эзотерическое знание о духовных эмоциях душ, достигших чистой любви к Кришне. Ум Санатаны Госвами утонул в наставлениях Господа, которые были подобны океану сладости и великолепия. Закончив наставлять Санатану, Господь Чайтанья дал ему благословение, что все эти возвышенные наставления полностью проявятся в его сердце, и тогда он сможет писать духовные книги.

Два месяца Господь Чайтанья давал Свои наставления Санатане, и два месяца, начиная с середины ноября 1966 года, Бхактиведанта Свами рассказывал о них, прочитав в общей сложности более пятидесяти лекций по «Чайтанья-чаритамрите». Хотя в своих лекциях Свамиджи опирался на конкретные стихи, он никогда не ограничивался темами исключительно этих текстов, и никогда не готовился к лекции заранее.

* * *

Иногда, у себя в комнате, во время вечерних бесед Свамиджи спрашивал ребят, как дела у Мукунды, на Западном побережье. В течение нескольких месяцев ребята обсуждали поездку Свамиджи в Калифорнию как один из возможных вариантов его дальнейших действий. Наконец, в начале января 1967 года от Мукунды пришло письмо – он снял магазинчик на первом этаже дома, в самом центре района Хейт-Эшбери, на Фредерик-стрит. «Сейчас мы оборудуем его под храм», – писал он. Свамиджи объявил: «Я еду немедленно».

Мукунда писал о «сходке племен» в Хейт-Эшбери. Тысячи хиппи со всей страны стекались туда, где Мукунда снял магазинчик. Эта волна молодежного ренессанса была гораздо мощнее той, что захлестнула Нью-Йорк. Чтобы собрать средства на новый храм, Мукунда задумал устроить концерт «Мантра-рок-дэнс», в котором будут участвовать известные рок-группы. Гвоздем программы будет мантра «Харе Кришна» в исполнении Бхактиведанты Свами!

В письмо Мукунда вложил авиабилет, но некоторые ученики Свамиджи были против того, чтобы тот им воспользовался. Те, кто не мог поехать с ним, критиковали саму идею поездки. Они сомневались, что преданные на Западном побережье смогут как следует позаботиться о Свамиджи. Чтобы он выступал с рок-музыкантами? Похоже, Мукунда и его друзья принимают его за кого-то другого. К тому же, в Сан-Франциско не было даже подходящего храма. Не было там ни типографии, ни журнала «Назад к Богу». Зачем уезжать из Нью-Йорка, в какую-то там Калифорнию, да еще и принимать участие во всяких там сомнительных мероприятиях, неизвестно с кем? Как он может бросить их в Нью-Йорке одних? Что станет без него с их духовной жизнью?

Несколько недовольных робко, обиняками, высказали эти соображения Свамиджи, чуть ли не упрекая его за самую мысль оставить их, и даже намекая, что в случае его отъезда ни в Сан-Франциско, ни в Нью-Йорке дела не пойдут. Но они обнаружили, что Свамиджи уже окончательно все решил. Он не принадлежал Нью-Йорку. Он принадлежал Кришне. И если Кришна хочет, чтобы он куда-то ехал, то он поедет. Он ни к чему не был привязан и горел желанием отправиться в путь, чтобы повсюду распространять мантру «Харе Кришна».

Брахмананда: Мы были в шоке, узнав, что он уезжает. Нам и в голову не приходило, что Сознание Кришны когда-нибудь выйдет за пределы Нижнего Ист-Сайда, не говоря уже о Нью-Йорке. Я думал, что оно может существовать только здесь, и останется здесь навсегда.

В середине января преданные забронировали ему место в самолете и начали паковать его рукописи в чемоданы. Раначора, новый преданный, пришедший после киртана в Томпкинс-сквере, собрал достаточно денег, чтобы купить билет на самолет, и преданные решили, что он должен поехать вместе со Свамиджи в качестве его личного слуги. Свамиджи объяснил, что едет всего на несколько недель, и хочет, чтобы во время его отсутствия все шло своим чередом.

Пока ребята ловили такси, чтобы отвезти его в аэропорт, он ждал у себя в комнате. День был серый и холодный. В батареях шипел пар. Он возьмет с собой только небольшой чемодан – одежду и книги. Свамиджи открыл стенной шкаф и проверил, в порядке ли его рукописи. В его отсутствие за вещами в квартире присмотрит Киртанананда. Бхактиведанта Свами сел за рабочий стол. За минувшие шесть месяцев он провел за этим столом немало часов, печатая свои переводы «Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам». Здесь он сидел, беседуя с многочисленными гостями и последователями. Но сегодня он не будет разговаривать с друзьями или печатать рукопись, а просто посидит в одиночестве несколько минут, оставшихся до отъезда.

Это была его вторая зима в Нью-Йорке. Он начал движение сознание Кришны. За ним пошли несколько искренних молодых людей. О них уже хорошо знали в Нижнем Ист-Сайде – по многочисленным заметкам в газетах. Но это было только начало.

Именно для этого он покинул Вриндаван. Сначала Свамиджи не был уверен, удастся ли ему пробыть в Америке больше двух месяцев. В Батлере он впервые рассказал американцам о своих книгах. Потом в Нью-Йорке увидел, как идут дела у доктора Мишры и какое огромное здание занимают майявади. Они брали деньги, но даже не собирались открывать людям истинный смысл «Гиты». Но американцы оказались ищущими людьми.

Этот год был трудным. Его духовные братья не хотели помогать ему, несмотря на то, что он исполнял волю их Гуру Махараджа Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, и Господа Чайтаньи. Но поскольку Сам Господь Чайтанья хотел этого, он был уверен, что благословение Господа рано или поздно придет к нему, и ему удастся осуществить задуманное.

Здесь, на Второй авеню в доме №26, все шло довольно неплохо. Он начал движение, и ребята продолжают его дело. Некоторые из них уже жертвовали свой заработок. И это только начало.

Бхактиведанта Свами посмотрел на часы, надел зимнее твидовое пальто, шапку и башмаки, опустил правую руку в мешочек с четками, и снова стал читать мантру. Он вышел из квартиры, спустился по лестнице и прошел через двор. На дворе было морозно и тихо, деревья стояли совершенно голые, на ветвях не осталось ни одного листика. И он вышел на улицу.

Он уехал днем, когда Брахмананда, Рупануга и Сатсварупа были на работе. Не было ни трогательных объятий, ни прощальных речей...

Глава двадцать вторая

«Свами приглашает хиппи»

16 января 1967 года.

Когда самолет компании «Юнайтэд Эйрлайнз» пошел на снижение над заливом Сан-Франциско, Бхактиведанта Свами повернулся к Раначоре и сказал:

– Дома похожи на спичечные коробки. Представляешь, как это выглядит с точки зрения Кришны?

Бхактиведанте Свами шел уже семьдесят второй год, но на самолете он летел впервые. Раначора, девятнадцатилетний юноша в костюме и галстук, должен был исполнять обязанности его секретаря. Он получил посвящение совсем недавно, но собрал кое-какие деньги и очень хотел полететь со Свамиджи в Сан-Франциско. Во время полета Бхактиведанта Свами был немногословен. Он повторял: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе/ Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Держа правую руку в матерчатом мешочке для четок, он перебирал бусины и тихо повторял мантру. Когда самолет только-только поднялся над Нью-Йорком, он смотрел в иллюминатор, наблюдая за тем, как здания становятся все меньше и меньше, но затем самолет вошел в облака, которые показались Свамиджи океаном в небе. Он пожаловался, что от давления у него заложило уши, и больше ничего не говорил – только повторял имена Кришны. Теперь, когда самолет шел на посадку, он едва слышным голосом продолжал повторять – «Кришна, Кришна, Кришна...» – а в иллюминаторе, словно на карте, открывался вид на тысячи крошечных домиков, похожих на спичечные коробки, и улиц, растянувшихся во всех направлениях.

Когда в зале ожидания объявили о прибытии самолета компании «Юнайтэд Эйрлайнз», следующего рейсом №21 из Нью-Йорка, около пятидесяти хиппи сбились в кучу в предвкушении встречи. Они ощущали некоторый страх и неуверенность, не зная, чего ожидать и как выглядит Свами.

Роджер Сигал: Мы представляли собой довольно разношерстную толпу – даже для аэропорта Сан-Франциско. Мукунда был одет в мантию волшебника Мерлина, шотландской расцветки, Сэм носил марокканскую овечью накидку с капюшоном – от него даже пахло овчиной – а на мне было что-то наподобие синего в белую крапинку домотканого самурайского кимоно. Все были увешаны длинными нитками бус. Штаны из оленьей шкуры, сапоги, военные куртки, маленькие круглые темные очки – сан-францисская богема во всей красе.

Из всей толпы лишь несколько человек знали Свамиджи: Мукунда с Джанаки; Равиндра-сварупа и Рая-Рама – все они приехали из Нью-Йорка. Аллен Гинзберг тоже пришел на встречу. За несколько дней до этого он был одним из лидеров «Тусовки» в Голден-гейт-парке, где собралось более двухсот тысяч человек – «Сходка племен... на веселый совет и Танец Мира». Сегодня же Аллен приехал специально, чтобы встретить Свами Бхактиведанту, с которым он познакомился несколько месяцев назад в Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка.

Мукунда сказал, что Бхактиведанте Свами очень понравится, если все собравшиеся встретят его пением «Харе Кришна», когда он будет выходить из терминала. О Харе-Кришна-мантре хиппи уже были наслышаны. До них дошли известия о пении Свамиджи в нью-йоркском парке: местная божественная газета «Оракул» напечатала об этом статью. Еще несколько часов назад, перед тем, как длинной вереницей машин отправиться в аэропорт, эти хиппи, откликнувшись на листовку, которую распространял Мукунда, собрались в Голден-гейт-парке и больше часа пели мантру. Теперь многие из них – также вдохновленные листовкой Мукунды – стояли у выхода с благоговениями и цветами в руках.

Пассажиры, выходившие с самолета, поднимаясь по бетонированной площадке, с изумлением взирали на группу поющих хиппи с цветами в руках. Однако те пристально смотрели поверх этих обычных, усталых людей, ища взглядами особого пассажира, который должен был прилететь этим рейсом. Вдруг все они увидели идущего им навстречу Свами, с золотистой кожей, в ярком шафрановом одеянии.

Бхактиведанта Свами услышал пение еще до того, как подошел к терминалу, и начал улыбаться. Он был приятно удивлен. Окинув взглядом лица, он узнал лишь некоторых. Но пятьдесят человек встречали его пением «Харе Кришна», хотя он не сказал еще ни слова!

Мукунда: Едва завидев Свамиджи, мы сразу предложили ему поклоны – я, моя жена и друзья, которых я привел, – Сэм и Марджери. И тут же все собравшиеся последовали нашему примеру и склонились перед Свамиджи, поняв, что так надо.

Толпа хиппи выстроилась по обе стороны узкого прохода, по которому должен был пройти Свамиджи. Пока он шел мимо своих поклонников, десятки рук протягивали ему цветы и благовония. Он улыбался, собственноручно принимая дары, а Раначора шел рядом и за ним наблюдал. Вышел Аллен Гинзберг с большим букетом, и Бхактиведанта Свами изящным жестом принял цветы из его рук. Затем Свамиджи начал раздавать подарки обратно, всем, кто сумел до них дотянуться. Он продолжал идти вдоль терминала, а толпа молодых людей, не переставая петь, следовала за ним.

Во время небольшой паузы, в ожидании багажа, Бхактиведанта Свами рассмотрел каждого из тех, кто его окружил. Подняв открытые ладони, он жестом попросил собравшихся петь громче, и толпа запела с еще большей силой. Свамиджи, стоя в центре, мягко хлопал в ладоши и пел «Харе Кришна», а затем, грациозно подняв над головой руки, он начал танцевать, раскачиваясь из стороны в сторону.

Вызывая у служащих аэропорта и пассажиров смешанные чувства недовольства, изумления и безудержного веселья, группа встречающих окружала Бхактиведанту Свами, пока он не получил багаж. Затем они вышли на улицу, где ярко светило солнце, и проводили его до ожидающей его машины, черного «флитвуда» 1949 года выпуска. Бхактиведанта Свами, вместе с Мукундой и Алленом Гинзбергом, сел на заднее сиденье. До самого отъезда машины, Свамиджи, по-прежнему улыбаясь, продолжал раздавать цветы всем, кто пришел поприветствовать его как посланника, несущего сознание Кришны жителям Запада.

«Флитвуд» принадлежал Харви Коэну, который почти год назад предложил Свамиджи остановиться у него в мансарде на Бауэри. Харви вел машину, но поскольку на нем была шоферская кепка (купленная в магазине Армии спасения), черный костюм и борода, Бхактиведанта Свами его не узнал.

– А где Харви? – спросил Свамиджи.

– За рулем, – ответил Мукунда.

– О, это ты? Я тебя не узнал.

– Добро пожаловать в Сан-Франциско, Свамиджи, – улыбнулся Харви.

Бхактиведанта Свами был счастлив от того, что воля Бхактисиддханты Сарасвати и Господа Чайтаньи привела его еще в один западный мегаполис. Чем дальше на Запад, говорил Господь Чайтанья, тем более материалистичны люди. Но Он же предсказал, что сознание Кришны распространится по всему миру. Духовные братья Бхактиведанты Свами недоумевали по поводу пророчества Господа Чайтаньи о том, что имя Кришны когда-то будут петь в каждом городе и деревне. Они думали: может быть, стих этот – аллегория; иначе как это понимать – Кришна в каждом городе? Но Бхактиведанта Свами глубоко верил в слова Господа Чайтаньи и наставления своего духовного учителя. Не успел он приехать в этот город на дальнем Западе, а люди уже поют Святое имя. Они радостно встретили его цветами и киртаном. А по всему миру еще много подобных городов.

Помещение для храма, которое арендовали Мукунда и его друзья, находилось на Фредерик-стрит, в районе Хэйт-Эшбери. Подобно храму на Второй авеню, 26, в Нью-Йорке, это было маленькое помещение на первом этаже, с витриной, выходящей на улицу. Вывеска над витриной гласила: «ХРАМ ШРИ ШРИ РАДХИ КРИШНЫ». Кроме того, Мукунда с друзьями на третьем этаже примыкающего здания сняли для Свамиджи трехкомнатную квартиру. Это была маленькая, пустая, давно требующая ремонта квартирка с окнами на улицу. В сопровождении нескольких машин, битком набитых преданными и любопытствующей молодежью, Бхактиведанта Свами подъехал к дому №518 на Фредерик-стрит и вошел в магазинчик, который был украшен лишь несколькими гобеленами, развешенными на стенах. Сев на циновку, Свамиджи провел киртан и прочитал лекцию, в которой предлагал всем принять сознание Кришны. После выступления он вышел из магазинчика, вошел в соседнюю дверь и поднялся на два лестничных пролета в квартиру №32. Его сопровождали не только преданные и поклонники, но и журналисты из главных газет Сан-Франциско: «Кроникл» и «Икземинэр». Пока несколько преданных

готовили ему обед, а Раначора распаковывал чемодан, Свамиджи беседовал с корреспондентами, которые сидели на полу и делали пометки в блокнотах.

Журналист: Там, внизу, Вы говорили, что приглашаете принять сознание Кришны всех. Относится ли это к богеме с Хэйт-Эшбери и битникам?

Бхактиведанта Свами: Да. Мы приглашаем всех, включая вас и всех остальных, будь то наркоманы, хиппи, или кто угодно еще. Но как только они становятся учениками, они уже не те, кем были раньше.

Журналист: Что нужно, чтобы стать членом вашего движения?

Бхактиведанта Свами: Есть четыре необходимых условия. Я не позволяю своим ученикам жить с подружками. Я запрещаю все одурманивающие средства, включая кофе, чай и сигареты. Я запрещаю употреблять в пищу мясо. И еще я не позволяю играть в азартные игры.

Журналист: Распространяются ли эти заповеди на прием ЛСД, марихуаны и других наркотиков?

Бхактиведанта Свами: Я считаю ЛСД одурманивающим средством и никому из моих учеников не позволяю употреблять это или любое другое опьяняющее вещество. Я приучаю своих последователей рано вставать, каждое утро принимать душ и три раза в день посещать молитвенные встречи. В нашем движении практикуется аскетизм. Это наука о Боге.

Бхактиведанта Свами заметил, что журналисты в своих статьях, как правило, не пишут о его философии, но пользовался любой возможностью проповедовать сознание Кришны. Ничего, что корреспонденты не желают вдаваться в тонкости философии – этого желают его последователи.

– Большая ошибка современной цивилизации, – продолжал он, – состоит в том, что человек покушается на чужую собственность, считая ее своей. Это причина ненужных беспокойств. В конечном счете, все во Вселенной принадлежит Богу. Когда люди поймут, что Бог – владыка всего, что Он – лучший друг всех живых существ и цель всех жертвоприношений – тогда наступит мир.

Журналисты спросили Свами о его прошлом, и он вкратце рассказал о том, как приехал из Индии и начал свое движение в Нью-Йорке.

После ухода репортеров, Бхактиведанта Свами продолжил беседовать с молодыми людьми. Мукунда, отпустивший волосы и бороду, но с большими красными четками на шее (теми самыми, что Свамиджи дал ему при посвящении), представил нескольких друзей и пояснил, что все они живут вместе и хотят помочь ему донести сознание Кришны до молодежи Сан-Франциско. Жена Мукунды, Джанаки, спросила у Свамиджи, как он перенес перелет. Он сказал, что перелет прошел замечательно, если не считать того, что постоянно закладывало уши.

– Дома как будто спичечные коробки, – сказал он, показав их размер большим и указательным пальцами.

Прислонившись спиной к стене, он снял все гирлянды, которые ему сегодня предложили, пока на нем не остались только бусы – обычное недорогое украшение с маленьким колокольчиком. Свамиджи взял их в руку, полюбовался тем, как искусно они были сделаны, и немного поиграл ими.

– Это особый подарок, – сказал он, подняв голову, – потому что сделан с любовью.

Он продолжал рассматривать ожерелье, словно подарок этот был самым важным событием дня.

Когда принесли обед, понемногу досталось всем, но затем Раначора, беспокоясь о своем духовном учителе, несколько бесцеремонно попросил гостей покинуть помещение и дать Свамиджи возможность поесть и отдохнуть.

В коридоре и внизу, в магазинчике, все только и говорили, что о Свамиджи. Все были довольны. Всё, что Мукунда рассказывал о нем, оказалось правдой. Особенно всем понравились его слова, что на все можно смотреть с точки зрения сознания Кришны.

В тот же день, в одиннадцать вечера, местное телевидение сообщило в новостях о приезде Свамиджи, а на следующий день об этом же писали газеты. Вторую полосу «Икземинэр» занимала статья – «Свами приглашает хиппи», там же красовалась фотография переполненного храма, и несколько снимков Свамиджи, который выглядел очень серьезным. Бхактиведанта Свами попросил Мукунду прочитать статью вслух.

– «Долговязый Мастер веры, – начал Мукунда, – облаченный в развевающееся длинное одеяние и сидящий со скрещенными ногами на большом тюфяке...»

– Что это за слово – «долговязый»? – прервал Свамиджи.

Мукунда объяснил, что это значит «высокий и стройный».

– Не понимаю, почему они так написали, – добавил он. – Может, потому, что вы сидели очень прямо, вот они и подумали, что вы высокий.

Далее в статье описывались многочисленные встречающие в аэропорту как «длинноволосая, бородатая толпа в сандалиях».

Крупнейшая газета Сан-Франциско, «Кроникл», также опубликовала статью: «Свами на земле хиппи – святой открывает храм в Сан-Франциско». «Святой из Индии, – так начиналась статья, – о котором его друг и поэт-битник Аллен Гинзберг отозвался как об одном из самых консервативных лидеров своей веры, развернул успешную проповедь в самом сердце рая хиппи в Сан-Франциско».

Бхактиведанта Свами не согласился с тем, что его называли консервативным. Он возмутился:

– Консервативный? Почему?

– Наверное, в отношении секса и наркотиков, – предположил Мукунда.

– Да, правда, в этом смысле мы консервативны, – сказал Бхактиведанта Свами. – Но это просто значит, что мы следуем шастре. Мы не можем отступать от «Бхагавад-гиты». Но мы не консерваторы. Чайтанья Махапрабху был настолько строг, что избегал даже смотреть на женщину, а мы принимаем в это движение каждого, независимо от пола, касты, положения или чего-либо еще. Каждый может приходить и петь «Харе Кришна». Такова необыкновенная щедрость Чайтаньи Махапрабху, Его либерализм. Нет, мы не консервативны.

* * *

Бхактиведанта Свами поднялся с постели и включил свет. Был час ночи. Никто не будил его, он поднялся сам, даже без будильника. В квартире было прохладно и тихо. Завернувшись в чадар, он неподвижно сел перед своим импровизированным столом (чемоданом, полным рукописей) и с глубокой сосредоточенностью начал повторять на четках мантру Харе Кришна.

Прошел час. Бхактиведанта Свами отложил четки и вернулся к рукописям. Минуло уже два года с тех пор, как он издал книгу (третий и последний том Первой песни «Шримад-Бхагаватам»), но по-прежнему ежедневно работал – иногда над переводом и комментариями ко Второй песни, но в основном над «Бхагавад-гитой». В 1940 году, в Индии, он написал перевод и комментарий ко всей книге, но единственный экземпляр его рукописи исчез при загадочных обстоятельствах. Затем, в 1965 году, в Нью-Йорке, после нескольких месяцев жизни в Америке, в своей комнате на Семьдесят второй улице он вновь приступил к «Бхагавад-гите», написав введение. Сейчас уже тысячи рукописных страниц «Гиты» заполняли его чемодан, и если его нью-йоркский ученик, Хаягрива (в прошлом преподаватель английского языка) сможет отредактировать рукопись, а другие ученики найдут возможность опубликовать книгу, это будет большим шагом вперед.

Но в Америке издание книг было делом непростым – гораздо более непростым, чем в Индии. В Индии он был один, но за три года ему удалось напечатать три тома. Здесь же, в Америке, у него было много последователей, но большое количество учеников подразумевало и большую ответственность. При этом никто из них пока не проявил особого желания перепечатать рукопись, отредактировать ее и вступить в переговоры с американскими издательствами. Но, несмотря на туманные перспективы публикации «Бхагавад-гиты», Бхактиведанта Свами начал переводить еще одну книгу, «Чайтанья-чаритамриту», главное Священное писание вайшнавов, повествующее о жизни и учении Господа Чайтаньи.

Надев очки, Бхактиведанта Свами раскрыл книги и включил диктофон. Сначала он внимательно прочитывал бенгальские и санскритские тексты, затем брал микрофон, переключал диктофон на «запись» (загоралась маленькая красная лампочка), и начинал диктовать: «Когда Господь шел, пел и танцевал, ... (за один раз он произносил не больше одной фразы, щелкал переключателем, делал паузу, а затем диктовал снова) ... тысячи людей следовали за Ним, ... кто-то из них смеялся, кто-то танцевал, ... а иные пели... Некоторые падали ниц, предлагая Господу поклоны». Свамиджи то говорил, то останавливался, включая и выключая микрофон, при этом он сидел, выпрямив спину, иногда слегка раскачивался в такт словам и кивал головой. Временами он низко склонялся над книгами, внимательно изучая их сквозь очки.

Прошел час. Бхактиведанта Свами продолжал работать. Во всем доме свет горел у него одного. Ночную тишину нарушал лишь звук его голоса, да щелканье и жужжание диктофона. На нем был серый шерстяной чадар, накинутый поверх выцветшего розового свитера с высоким

горлом. Он недавно поднялся с постели, поэтому его шафрановое дхоти было мятым. Не умывшись и не приняв душ, он сидел, углубившись в работу. По крайней мере, в течение этих нескольких редких часов на улице и в храме Радха-Кришны было тихо.

Вся атмосфера – и темная ночь, и тишина, и его священные труды – была почти той же, что и в Индии, в храме Радха-Дамодары, ранним утром. Правда, тогда у него не было диктофона, но работал он в те же часы и над той же книгой, «Чайтанья-чаритамритой». Когда-то он уже начинал переводить стихи и писать к ним комментарии, а позднее написал по этой книге несколько статей, и вот теперь, занесенный в эту часть света, за тысячи километров от тех мест, где проходили игры Господа Чайтаньи, он приступил к первой главе нового, английского варианта «Чайтанья-чаритамриты». Он назвал эту книгу «Учение Господа Чайтаньи».

Свамиджи следовал своему устоявшемуся распорядку, ставшему для него очень важным: он поднимался ранним утром и трудился над посланием сознания Кришны, полученным по парампаре. Отложив в сторону все прочие дела, не обращая внимания на то, что творится вокруг, он погружался в неподвластную времени мудрость Вед. Это было самым важным его служением Бхактисиддханте Сарасвати. Желание издать как можно больше книг и широко распространить их побуждало его каждую ночь вставать и садиться за перевод.

Бхактиведанта Свами работал до рассвета. Затем он останавливался, приводил себя в порядок и спускался в храм на утреннюю программу.

* * *

Бхактиведанта Свами решил принять участие в музыкальном шоу «Мантра-рок-дэнс» в танцевальном зале «Авалон», несмотря на протесты некоторых своих учеников из Нью-Йорка, считавших, что со стороны сан-францисских преданных было не совсем тактично приглашать своего духовного учителя в подобное место. Танцзал – это ревущие электрогитары, грохочущие барабаны, бьющие в глаза огни прожекторов и сотни накачанных наркотиками хиппи. Кто в таком месте сможет услышать его чистое послание?

Однако в Сан-Франциско Мукунда и другие преданные уже несколько месяцев занимались организацией «Мантра-рок-дэнс», рассчитывая, что этот концерт привлечет тысячи молодых людей и принесет сан-францисскому храму Радхи-Кришны тысячи долларов. Поэтому, если в Нью-Йорке в разговорах с учениками Свамиджи и выражал сомнения, то здесь он обошел эту тему молчанием, решив не охлаждать пыл своих сан-францисских последователей.

Сэм Спирстра, друг Мукунды и один из организаторов «Мантра-рок-дэнс», рассказал о своем замысле Хаягриве, который только что прибыл из Нью-Йорка:

– Здесь, в Сан-Франциско, зарождается новое направление в музыке. «Грэйтфул дэд» уже записал свой первый диск. Их участие в вечере сделает нам рекламу, в которой мы сейчас так нуждаемся.

– Но Свамиджи говорит, что даже Рави Шанкар – это майя, – возразил Хаягрива.

– Да нет, все уже устроено, – заверил его Сэм. – Все группы соберутся на сцене, потом Аллен Гинзберг представит Свамиджи сан-францисской публике, Свамиджи скажет несколько слов и начнет петь «Харе Кришна», а музыканты к нему присоединятся. Затем он уйдет. В зале соберется около четырех тысяч человек!

Бхактиведанта Свами знал, что ничем не скомпрометирует себя: он придет, споет и сразу уйдет оттуда. Самое главное – познакомить с мантрой Харе Кришна как можно больше людей. Что плохого в том, что тысячи молодых людей, собравшихся на концерт рок-музыки, получат возможность слушать и петь имена Бога? Бхактиведанта Свами был проповедником и для того, чтобы проповедовать сознание Кришны, был готов отправиться куда угодно. Поскольку мантра Харе Кришна абсолютна, каждый, кто услышит или произнесет имена Кришны – в любом месте и при любых обстоятельствах – избежит рождения в низших формах жизни. Эти молодые хиппи тянутся к духовности, но не знают, где ее искать. Сбитые с толку, они принимают за духовные видения свои галлюцинации, но вместе с тем искренне стремятся к подлинной духовной жизни, как и их ровесники из Нижнего Ист-Сайда. Поэтому Бхактиведанта Свами решил принять участие в готовившемся представлении. Этого хотят его ученики, а он – их слуга и слуга Господа Чайтаньи.

Мукунда, Сэм и Харви Коэн уже встречались с организатором рок-концертов Четом Хелмсом, который согласился предоставить в их распоряжение свой «Авалон». Они договорились, что если им удастся заполучить на этот вечер знаменитые рок-группы, то вся выручка от концерта,

помимо гонорара музыкантам, расходов, связанных с обеспечением порядка, и некоторых других издержек, пойдет в фонд сан-францисского храма Радхи-Кришны. После этого Мукунда и Сэм отправились договариваться с рок-музыкантами, большинство из которых жило в окрестностях Сан-Франциско и Беркли. Одна за другой самые популярные команды Сан-Франциско: «Грэйтфул дэд», «Моби Грэйп», «Биг бразер энд Холдинг компани», «Джефферсон эйрплейн», «Квиксилвер мессенджер сервис» – дали согласие выйти на сцену со Свами Бхактиведантой за символическую плату – 250 долларов за вечер. Согласился и Аллен Гинзберг. Итак, все было готово.

Ни один рок-концерт в Сан-Франциско не обходился без живописных афиш, многие из которых рисовал «психоделический» художник по кличке «Мышонок». Афиши Мышонка отличались тем, что, глядя на них, трудно было сказать, где заканчивается шрифт и начинается фон. Художник применял несочетаемые цвета, что создавало эффект мерцания. Копируя его стиль, Харви Коэн разработал особенную афишу – СОЗНАНИЕ КРИШНЫ ПРИШЛО НА ЗАПАД – посреди красных и синих концентрических кругов простая – без ретуши и эффектов – фотография улыбающегося Свамиджи в Томпкинс-сквере. Преданные расклеили афиши по всему городу.

Чтобы обсудить программу фестиваля, Хаягрива и Мукунда встретились с Алленом Гинзбергом. Тот был уже хорошо известен как пропагандист мантры «Харе Кришна»; даже когда он шел по улице Хэйт, знакомые часто приветствовали его этими словами. Многие знали, что он посещает храм Радхи-Кришны и приглашает туда других. Но Хаягриве, который не уступал Аллену в длине волос и бороды, не давала покоя мелодия, на которую Аллен собирался петь «Харе Кришна»:

– Мне кажется, ваша мелодия трудновата для пения.

– Возможно, – согласился Аллен, – но это была первая мелодия, которую я услышал в Индии. Ее пела удивительная святая женщина. Я очень к ней привык и только на нее могу петь без ошибок.

До концерта оставалось несколько дней, когда Аллен пришел в храм на утренний киртан, а затем поднялся наверх, к Бхактиведанте Свами. Когда Аллен вошел, он увидел, что несколько преданных сидят со Свамиджи на полу и едят индийские сладости. Аллен и Свамиджи обменялись улыбками и приветствиями, и Свамиджи угостил его, отметив, что м-р Гинзберг встал очень рано.

– Да, – ответил Аллен. – С тех пор, как я приехал в Сан-Франциско, мой телефон звонит, не переставая.

– Это неизбежно для тех, кто становится известным, – сказал Бхактиведанта Свами. – Это несчастье постигло и Махатму Ганди. Где бы он ни оказался, вокруг него собирались толпы, которые скандировали: «Махатма Ганди ки джая! Махатма Ганди ки джая!» Человеку спать спокойно не давали.

– Что ж, во всяком случае, это заставило меня встать и прийти на утреннюю программу.

– Да. Это хорошо.

Беседа перешла в обсуждение предстоящей программы в зале «Авалон».

– Что вы думаете о том, чтобы петь на мелодию, более привычную уху западного человека? – спросил Аллен.

– Подойдет любая мелодия, – ответил Свамиджи. – Это не принципиально. Важно то, что это будет «Харе Кришна». Вы можете петь ее на мелодию вашей страны. Это не имеет значения.

Еще они обсудили значение слова «хиппи», и Аллен вскользь затронул тему употребления ЛСД. Бхактиведанта Свами ответил, что ЛСД вызывает зависимость, и человеку в сознании Кришны совершенно не нужен.

– Сознание Кришны решает все проблемы, – сказал он. – Больше ничего не нужно.

В программу концерта входило светомузыкальное шоу – произведение выдающихся мастеров Бена Ван Метера и Роджера Хильярда. Бен и Роджер умели мастерски сочетать вспышки света, кинофрагменты и слайды для создания в зале оптических эффектов, напоминающих видения от ЛСД. Мукунда дал им много слайдов о Кришне для демонстрации во время киртана. В один из вечеров Бен и Роджер пришли к Свамиджи в гости.

Роджер Хильярд: Это был удивительный человек. Он произвел на меня очень сильное впечатление. Не своим внешним видом, действиями или одеждой, а своей простотой. Он был безмятежен и очень остроумен, но было ясно, что это очень мудрый, здравомыслящий и образованный человек. Он владел даром находить общий язык с самыми разными людьми. Я думал: «Ему, наверное, здесь многое кажется странным. Шутка ли – приехать в Соединенные

Штаты и оказаться в центре Хэйт-Эшбери, в магазинчике, переделанном под ашрам, в компании странноватых парней». Но он хорошо вписывался, он был там – там, вместе со всеми.

Вечером, перед концертом «Мантра-рок», пока бригада рабочих устанавливала оборудование и проверяла аудиосистему, а Бен и Роджер настраивали прожектора, Мукунда проверял билеты на входе. Люди выстроились в очередь, которая растянулась на целый квартал и даже заворачивала за угол. Билет стоил два с половиной доллара. Сбор обещал быть полным. На концерт пришли практически все местные знаменитости. Специально отведенное место на сцене занял Тимоти Лири, пионер ЛСД. Пришел Свами Криянанда с тамбурой. Человек в котелке и костюме с шелковой лентой, на которой было написано «Сан-Франциско», отрекомендовался мэром города. В дверях Мукунда задержал прилично одетого молодого человека, у которого билета не оказалось. Но тут кто-то похлопал Мукунду по плечу:

– Пропусти его. Ему можно. Это Оусли.

Мукунда извинился и пропустил Августа Оусли Стенли Второго, национального героя и знаменитого первооткрывателя ЛСД.

Почти все пришедшие на концерт были одеты в яркие или необычные костюмы: индейские плащи, мексиканские пончо, индийские курты, «годс-айзы» – на многих были украшения из перьев и бус. Некоторые хиппи пришли со своими флейтами, лютнями, погремушками, барабанами, горнами, трещотками и гитарами. Сопровождаемые своими подругами, прошествовали «Ангелы ада» – нечесанные, с грязными волосами, в джинсах, сапогах и грубых холщовых пиджаках. Они были увешаны цепями и дымили сигаретами, на них были немецкие каски, эмблемы с гербами и прочие атрибуты, и только свои мотоциклы им пришлось оставить у входа.

Преданные на сцене начали «разминочный» киртан, танцуя так, как научил их Свамиджи. На сцене и во всех углах огромного зала курились благовония. Несмотря на то, что большинство присутствующих было одурманено наркотиками, в зале было спокойно: они пришли сюда в поисках духовных переживаний. Когда преданные запели, и со сцены полилась чудесная мелодия, некоторые музыканты стали подыгрывать им на своих инструментах. Вспыхнули разноцветные огни, и по потолку, стенам и полу в такт музыке побежали яркие цветные блики.

В начале девятого сцену занял «Моби Грэйп». С мощными электро- и бас-гитарами и двумя барабанщиками, они отыграли свой первый номер. Огромные динамики сотрясали зал своими вибрациями, и, когда песня закончилась, по залу пронесся рев одобрения.

Около половины десятого Свамиджи вышел из своей квартиры на Фредерик-стрит и сел на заднее сиденье «кадиллака» Харви Коэна. На нем было его обычное шафрановое одеяние, а на шее – гирлянда из гардений, сладкий аромат которых сразу же заполнил салон автомобиля. По дороге в «Авалон» он говорил о необходимости открывать новые центры.

В десять часов вечера Свамиджи в сопровождении Киртанананды и Раначоры поднялся по парадной лестнице «Авалона». Когда он вошел в зал, преданные, приветствуя его, затрубили в раковины. Кто-то стал отбивать барабанную дробь, и толпа расступилась, открывая ему проход на сцену. С высоко поднятой головой, он, казалось, не шел, а плыл в этом море толпящихся вокруг него странных людей.

Внезапно освещение изменилось. На стенах вспыхнули слайды с изображениями Кришны и Его игр: Кришна и Арджуна, мчащиеся на колеснице; Кришна, крадущий масло; Кришна, убивающий демона, который принял облик смерча; Кришна, играющий на флейте. Когда Свамиджи шел на сцену, приветствуя его, все встали со своих мест, зааплодировали и загудели. Он взошел на сцену и опустился на специально приготовленное для него сиденье. Толпа умолкла.

Взглянув на Аллена Гинзберга, Свамиджи произнес:

– Скажите несколько слов о мантре.

Аллен стал рассказывать собравшимся о своем понимании мантры «Харе Кришна», и о том, что она дает лично ему. Он рассказал, как Свамиджи открыл храм в Нью-Йорке на Второй авеню и пел Харе Кришна в Томпкинс-сквер-парке. Затем он пригласил всех присутствующих в храм на Фредерик-стрит.

– Тем, кто отходит от ЛСД, хочет стабилизировать свое сознание и подготовить его к возвращению, – сказал он, – я особенно рекомендую ранние утренние киртаны.

Затем заговорил Свамиджи. Он коротко рассказал историю мантры, и, взглянув на Аллена, произнес:

– Начинайте петь.

Аллен заиграл на своей фисгармонии и запел в микрофон – то была мелодия, которую он привез из Индии. Постепенно сидящие в зале подхватили ее и начали подпевать. По мере того, как киртан продолжался, люди пели со все возрастающим энтузиазмом. Музыканты из разных групп поднимались на сцену и присоединялись к пению. Раначора, в прошлом неплохой ударник, застучал на барабанах «Моби Грэйп». Вступили гитары, преданные и многие хиппи стали взбираться на сцену. Замелькали цветные блики, и в такт музыке по стенам и потолку запрыгали разноцветные огни. Проектор высветил на стене текст мантры: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Постепенно пение охватило весь зал, и некоторые хиппи, встав со своих мест и подняв руки, принялись танцевать.

Аллен Гинзберг: Мы пели Харе Кришна весь вечер. Это было потрясающе – полное раскрепощение! То был пик духовного энтузиазма Хэйт-Эшбери. Впервые в Сан-Франциско проходил концерт, в котором могли принять участие все. Любой мог танцевать и петь, а не просто смотреть, как поют и танцуют другие.

Джанак: Люди не знали, что они поют и зачем. Но, видя, как сколько людей – неважно, что большинство из них было одурманено наркотиками, – повторяют имена Бога, Свамиджи чувствовал себя счастливым. Ему очень нравилось, когда люди поют Харе Кришна.

Хаягрива: Стоя на сцене, прямо перед музыкантами, я почти ничего не слышал, но даже в этом шуме я смог различить звуки мантры Харе Кришна, которая звучала все громче и громче. На заднюю стену проецировалось огромное изображение Кришны в золотом шлеме с павлиньим пером и с флейтой в руках.

Затем Свамиджи встал, поднял руки и начал танцевать, жестом приглашая присутствующих к нему присоединиться. Тогда те, кто еще сидел, повставали со своих мест и начали танцевать и петь, раскачиваясь из стороны в сторону и подражая благородным движениям Свамиджи.

Роджер Сигал: Зал был похож на поле пшеницы, которая колышется на ветру. Это порождало в душе необыкновенный покой – в странном контрасте с атмосферой «Авалона», где обычно бушуют страсти. Пение Харе Кришна продолжалось более часа, и под конец все, кто был в зале, стали прыгать, кричать и даже плакать.

Кто-то поставил микрофон прямо перед Свамиджи, и его голос разнесся по залу, многократно усиленный мощными динамиками. Темп непрерывно возрастал. Свамиджи стал мокрым от пота. За сценой Киртанананда требовал прекратить киртан. Свамиджи слишком стар для таких вещей, говорил он, это может плохо кончиться. Но пение становилось все быстрее и быстрее, так что через некоторое время уже нельзя было разобрать слов, потонувших в усиленной динамикой музыке и хоре тысяч голосов.

Внезапно киртан кончился. Было слышно только гудение динамиков и голос Свамиджи, выражающего почтение своему духовному учителю: «Ом Вишнупада Парамхамса Паривраджакачарья Аштоттара-шата Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа ки джая!.. Слава всем собравшимся преданным!»

Свамиджи спустился со сцены и пошел к выходу, пробираясь сквозь плотный дым, повисший над залом, и толпу людей. Киртанананда и Раначора следовали за ним. Аллен объявил выступление следующей рок-группы.

Покинув зал и оставив позади себя толпу восхищенных зрителей, Свамиджи заметил: «Это не место для брахмачари».

Утром следующего дня храм был до отказа забит молодежью, слышавшей Свамиджи в «Авалоне». Практически все из них бодрствовали всю ночь. Следуя своему обычному утреннему распорядку, в семь утра Бхактиведанта Свами спустился в храм, чтобы провести киртан и прочитать лекцию.

Позднее, по дороге к побережью, сидя в машине с Киртананандой и Хаягривой, Свамиджи поинтересовался, сколько людей было на киртане в «Авалоне». Когда ему назвали цифру, он осведомился, сколько денег удалось собрать. Не в состоянии сказать точно, они предположили, что полторы тысячи.

Свамиджи сидел на заднем сидении и почти неслышно повторял мантру, глядя в окно с детской непосредственностью. Трудно было поверить, что еще вчера вечером он с триумфом шел по залитому вспышками света и грохочущему от бас-гитар и барабанов залу «Авалон», а тысячи хиппи, почтительно расступившись, рукоплескали ему и приветствовали его радостными возгласами. Несмотря на вчерашние фанфары, он остался таким же, как и всегда: отрешенным, простым и скромным, и в то же время серьезным и мудрым. У Киртанананды и Хаягривы

сложилось однозначное мнение – Свамиджи не принадлежит этому миру. Они знали, что, в отличие от них, он всегда думает о Кришне.

Они гуляли по дощатой дорожке проложенной по берегу океана, наслаждаясь прохладным ветерком и любясь гребешками волн. Киртанананда накинул на плечи Свамиджи чадар.

– Есть один замечательный стих на бенгальском, – прервал молчание Свамиджи. – Я помню его: «О, что это за голос, раздающийся с моря, который зовет и зовет: «Иди сюда, иди сюда...» ?».

Почти ничего не говоря, он долго гулял по дорожке с двумя своими учениками, часто глядя то на море, то в небо. По дороге он тихонько напевал какую-то мантру, которую Киртанананда с Хаягривой прежде никогда не слышали: «Говинда джая джая, гопала джая джая, радха-рамана хари, говинда джая джая». Свамиджи пел медленно, глубоким голосом. Он посмотрел на Тихий океан:

– Он спокоен, потому что велик.

– Кажется, что океан вечен, – добавил Хаягрива.

– Нет, – ответил Свамиджи. – В материальном мире ничто не вечно.

* * *

Поскольку в нью-йоркском храме почти не было женщин, люди часто спрашивали, может ли женщина вступить в движение сознания Кришны. Но в Сан-Франциско таких вопросов не возникало: многие парни, пожелавшие стать учениками Свамиджи, приходили к нему со своими подругами. Бхактиведанта Свами видел в этих юношах и девушках, горящих желанием повторять мантру и слушать о Кришне, искорку веры, которую нужно было раздуть в пылающее пламя преданного служения. Свамиджи не просил своих юных последователей бросить своих партнеров, – об этом не могло быть и речи, – но при этом непреклонно проповедовал принцип воздержания от незаконного секса. Решалась эта дилемма просто – заключением брака в сознании Кришны.

По традиции, санньяси не должен ни подготавливать, ни проводить церемонии бракосочетания, и, ссылаясь на индийские традиции, кто-то мог бы осудить Свамиджи за то, что он вообще позволял юношам и девушкам общаться друг с другом. Но главной целью Бхактиведанты Свами было распространение сознания Кришны. Как бы там ни было, кто из индусов когда-нибудь пытался пересадить семя индийской духовной культуры на почву Запада? Свамиджи понимал, что невозможно изменить американскую социальную систему и полностью изолировать мужчин от женщин. Но разрешить незаконные половые отношения означало бы пойти на компромисс, что тоже было недопустимо! Поэтому для большинства его новых последователей лучшим выходом из положения был грихастха-ашрам, – семейная жизнь в сознании Кришны. Муж и жена в сознании Кришны могут жить вместе и помогать друг другу в духовном развитии. Так они могут общаться, не нарушая при этом строгих правил. Если, как духовный учитель, он почувствует необходимость самому проводить свадьбы, он будет это делать. Но для начала они должны привлечься сознанием Кришны.

Джоан Кампанелла выросла в богатом районе Портленда, штат Орегон, отец ее работал поверенным в налоговой службе. У них с сестрой были личные спортивные автомобили и яхты для катания по озеру Освего. Джоан опротивела жизнь в женском общежитии Университета Орегона, и, полностью разочаровавшись, она бросила его на первом же году учебы и поступила в ремесленное училище, где изучала гончарное производство, ткацкое дело и каллиграфию. В 1963 году она переехала в Сан-Франциско и стала совладелицей магазина керамики. Хотя тогда у нее не было недостатка в друзьях, в особенности среди владельцев модных магазинов, музыкантов стиля «фолк» и танцоров, она оставалась отчужденной и погруженной в себя.

Через свою сестру Джейн Джоан познакомилась с Бхактиведантой Свами. Джейн отправилась со своим парнем Майклом Грантом в Нью-Йорк, где тот работал аранжировщиком. В 1965 году они встретились с тогда еще одиноким Свамиджи, который в то время жил на Бауэри, и получили у него посвящение (как Мукунда и Джанаки). Свамиджи попросил их пожениться, и они пригласили на свадьбу Джоан. Приехав к ним, та на один день окунулась в нездешний мир Свамиджи на Второй авеню, 26, где он на целый день занял ее работой, попросив сделать тесто и налепить пирожков «качори» для свадебного пира. Джоан работала в одной из комнат его квартиры, а Свамиджи в это время был на кухне, хотя иногда он заходил к ней и давал указания: во время приготовления не касаться одежды и тела, не курить, – пища будет предлагаться Господу Кришне, и должна готовиться в чистоте. Этих минут общения оказалось достаточно, чтобы Джоан

поняла, что Свамиджи – великий духовный учитель. Но обстоятельства заставили ее вернуться в Сан-Франциско, и там она «благополучно» забыла о сознании Кришны.

Через несколько месяцев Мукунда и Джанаки приехали на машине в Калифорнию, планируя оттуда отправиться в Индию. Но планы их поменялись, когда Мукунда получил от Свамиджи письмо с просьбой попытаться открыть храм Сознания Кришны в Калифорнии. Рассказывая о Свами Джоан и другим друзьям, Мукунда заметил, что у многих молодых людей это вызывает интерес. Затем Джоан вместе с Мукундой, Джанаки и парнем по имени Роджер Сигал поехала в орегонские горы, где они навестили своих общих друзей, Сэма и Марджори, живших в лесу, в дозорной башне.

Мукунда рассказал им о сознании Кришны, и шестеро друзей начали вместе повторять «Харе Кришна». Особенный интерес у них вызывало утверждение Свамиджи, что возвышение сознания возможно и без наркотиков. Мукунда с воодушевлением говорил, что Свамиджи попросил его открыть в Калифорнии храм, и вскоре он, Джанаки, Сэм, Марджори, Роджер и Джоан, ставшие отныне близкими друзьями, переехали на квартиру в Сан-Франциско, чтобы найти помещение и подготовить для Свамиджи базу.

Когда Свамиджи приехал, Джоан начала ходить на киртаны в храме. Она привязалась к нему и полюбила его пение, но особенно ей нравилось общаться с ним в неформальной обстановке. Свамиджи садился в кресло-качалку и, держа руку в мешочке с четками, повторял святые имена, а Джоан сидела рядом и заворочено следила, как движутся в мешочке его пальцы.

Однажды, во время приемных часов, когда Свамиджи сидел в своем кресле, а Джоан и другие примостились на полу, в прихожую через входную дверь прокрался кот Джанаки. Неслышно пройдя по коридору, он медленно стал подбираться к ногам Свамиджи. Затем он сел и, уставившись на него, замяукал. Преданным стало интересно, чем все это кончится. Свамиджи ласково погладил кота ногой по спине, приговаривая: «Харе Кришна, Харе Кришна. Вы кормите его предложенным молоком?»

Джоан: Я была тронута Свамиджи и его добротой – даже по отношению к кошкам, мне все больше и больше хотелось с ним общаться.

Джоан начала понимать, что служение Свамиджи – дело серьезное, но не хотела торопиться с посвящением, пока не почувствует полной уверенности. Иногда она плакала от экстаза, а иногда спала на лекциях. Поэтому и колебалась, думая в нерешительности: «Как я смогу жить так, как учит Свамиджи?»

Однажды вечером Свамиджи спросил:

– Когда ты собираешься получать посвящение?

Джоан ответила, что не знает, но ей очень нравится читать его книги и повторять «Харе Кришна». Она сказала, что ее тянет в горы, что ей хочется возвысить сознание, поэтому она подумывает о том, чтобы отправиться в Тибет.

Свамиджи, сидя в кресле-качалке, посмотрел на Джоан, примостившуюся у его стоп, и девушка почувствовала, что он видит ее насквозь.

– Я открою тебе путь в места, куда более высокие, чем Тибет, – сказал он. – Вот увидишь.

Джоан почувствовала, что Свамиджи известно о ней все. Она поняла: «Я его глазами должна увидеть, что такое сознание Кришны». Он пообещал, что возьмет ее в очень высокие сферы, но она должна увидеть это сама. Вот тогда-то Джоан и решила стать его ученицей.

Когда она сказала об этом Роджеру, тот остолбенел. Они вместе ходили на киртаны и лекции, но он по-прежнему сомневался. Может, для них будет лучше пожениться, но не получать посвящения? Но Джоан была настроена более решительно. Она объяснила другу, что Свамиджи здесь не для того, чтобы устраивать свадьбы; сначала Роджер должен получить посвящение.

Роджер вырос в Нью-Йорке. Он учился хатха-йоге у какого-то гуру, экспериментировал с галлюциногенами, и, как борец за права человека, ездил в южные штаты, принимая участие в негритянских демонстрациях за свободу. Крупного телосложения, общительный и дружелюбный, Роджер не имел недостатка в друзьях. Впервые он встретил Свамиджи в аэропорту, вместе с веселой компанией с Хэйт-Эшбери, и был поражен его царственным видом и отсутствием в нем самодовольства. Идея реинкарнации всегда ему нравилась, но услышав, как на своих лекциях Свамиджи объясняет этот феномен, он почувствовал, что нашел человека, который действительно знает ответы на все вопросы о жизни после смерти.

Однажды вечером, после программы в храме, Роджер вернулся к себе на квартиру и уселся на пожарную лестницу, чтобы обдумать слова Свамиджи. Свамиджи говорит, что мир ложен. «Но

мне он кажется реальным, – думал Роджер. – Если я ушибну себя за руку, я почувствую боль. Так какая же это иллюзия? Эта лестница реальна; иначе бы я провалился в пространство. И пространство тоже реально, ведь так?»

Роджер пришел к выводу, что Свамиджи понимает под словом «иллюзия» что-то другое. «Если я попробую пройти сквозь стену, – думал он – будет она реальной или нет? Может быть, она реальна лишь в моем уме?» Чтобы проверить это, он зашел в комнату, сосредоточился и попробовал пройти сквозь стену – бац! Не получилось. Роджер снова сел и задумался: «Что же все-таки имел в виду Свамиджи, когда говорил, что мир – иллюзия?» Об этом он решил спросить его при следующей встрече.

И спросил. На вопрос его Бхактиведанта Свами ответил, что мир на самом деле реален, ибо сотворен Богом, высшей реальностью. Но он иллюзорен в том смысле, что все материальное преходяще. Тот, кто принимает временный мир за постоянный и считает его единственной реальностью, находится в иллюзии. Свамиджи объяснил, что лишь духовный мир вечен и потому реален.

Роджер остался доволен ответом, но были и другие трудности: ему казалось, что Свамиджи слишком консервативен. Роджеру не понравилось, когда он сказал, в храме не место что домашним животным. Многие приходили в храм с домашними питомцами, но теперь перед входом стоял специальный столб, чтобы привязывать собак. Впускать их в помещение Свамиджи не позволял.

– Наша философия предназначена для людей, – говорил он. – Собаки или кошки ее не поймут, хотя, если они услышат «Харе Кришна», то в будущем родятся в более высоких формах жизни.

У Роджера были и другие причины для недовольства, связанные с философией Свамиджи. Свамиджи часто высказывался против пагубных привычек вроде курения, но Роджер жизни без них не мыслил. Особенно беспокоили его наставления об ограничениях в половой жизни. Но, хотя Роджер и не мог строго соблюдать все правила, он чувствовал, что его любовь к Свамиджи и Кришне начинает расти. Он понимал, что Свамиджи может многому научить его, но не сразу, в свой черед. Роджер признавал, что в глазах Свамиджи он просто малое дитя, ребенок, которого нужно кормить с ложечки; он знал, что должен стать покорным и принимать все, что бы Свамиджи ему ни давал.

Сэм Спирстра, высокий и стройный атлет (он был лыжником и даже участвовал в Олимпийских играх), с выющимися золотисто-рыжими волосами, был человеком творческим – писателем и скульптором. Он окончил колледж в Орегоне и в рамках фулбрайтовского обмена устроился в маленький швейцарский колледж, где получил степень магистра философии. Он был известной личностью – как выражался Мукунда, «ярким представителем матерого индивидуализма».

Когда Мукунда посетил Сэма в его дозорной башне в горах и рассказал ему о Свамиджи и сознании Кришны, того эти новые идеи заинтриговали. Жизнь для него к тому времени уже утратила всякий смысл, но рассказ Мукунды и Джанаки о Свамиджи вселил в него надежду. Проведя с Мукундой несколько дней, Сэм загорелся идеей помочь ему основать в Сан-Франциско храм сознания Кришны.

Сэм был знаком с местными рок-звездами, и именно он пригласил их выступить в «Авалоне» вместе со Свами Бхактиведантой, которого сам еще ни разу не видел. Первая их встреча состоялась в аэропорту, когда Свамиджи прилетел в Сан-Франциско; позднее Сэм клялся, что увидел тогда вспышку света, исходящую из тела Свамиджи.

Сначала Сэм боялся проронить даже слово, да и о чем говорить, не знал – Свамиджи был для него чем-то невиданным и казался очень возвышенным. Но на следующий день после выступления в «Авалоне», когда Мукунда рассказал Бхактиведанте Свами, что концерт организовал Сэм, Свамиджи попросил его позвать, чтобы узнать, сколько удалось собрать денег. Сидя напротив Свамиджи за его маленьким столиком, Сэм сообщил, что выручка составила полторы тысячи долларов.

– Ну что ж, хорошо, – сказал Свамиджи, – ты станешь казначеем, – и добавил: – Как ты понимаешь Бога?

– Бог один, – ответил Сэм.

– Зачем мы поклоняемся Богу? – спросил Свамиджи.

– Для того, чтобы стать единым с Ним.

– Нет, – сказал Свамиджи. – Ты не можешь стать единым с Богом. Бог, как и ты, всегда индивидуален. Но ваши интересы могут совпадать.

И рассказал Сэму о Кришне. После разговора Свамиджи предложил:

– Приходи сюда каждый день, я научу тебя вести бухгалтерию.

И Сэм стал приходить к Свамиджи, чтобы научиться бухгалтерскому учету.

Сэм: Мне всегда тяжело давался бухгалтерский учет, и я совсем не горел желанием этим заниматься. Но это был хороший повод каждый день видеться со Свамиджи. Он ругал меня, когда я тратил слишком много денег или когда не мог как следует подсчитать остаток по книгам. Мне очень понравилась его практичность и то, что он знал, как вести счета. С первых дней он стал для меня скорее другом, чем каким-то кумиром из высших сфер. Со всеми практическими вопросами я шел к нему. Каждый день, наблюдая за тем, как Свамиджи решает проблемы, я научился сам находить ответы на свои вопросы. Первое, что он меня попросил – жениться на моей подруге.

Квартира, в которой жили Мукунда и его жена, Джанаки, находилась в том же подъезде, что и квартира Бхактиведанты Свами, только ниже. Они были единственной парой инициированных учеников, которую Свамиджи поженил самолично. Мукунда носил свои большие красные четки на шее, в два ряда – они спускались до самого пояса. Переехав в Сан-Франциско, он успел отрастить длинные волосы и короткую черную бородку. В Хэйт-Эшбери, где царило так называемое «лето любви», он чувствовал себя как рыба в воде и познакомился со многими знаменитостями. Время от времени он подрабатывал в качестве музыканта, но большую часть времени тратил на содействие миссии Бхактиведанты Свами, встречаясь с разными людьми, с которыми он организовывал масштабные программы, вроде той, что была в «Авалоне». Ему превосходно удавалось вдохновлять людей помогать Свамиджи, хотя сам он ощущал, что пока еще не вручил себя ему окончательно. Он помогал потому, что ему это нравилось. Он не очень-то стремился выделяться из толпы своих многочисленных сан-францисских приятелей, поэтому он не строго придерживался принципов, установленных Свамиджи.

В их взаимоотношениях с Бхактиведантой Свами Мукунде больше нравилось занимать позицию товарища, нежели смиренного слуги, и тот отвечал ему взаимностью. Иногда, однако же, Свамиджи все-таки занимал позицию учителя. Однажды, когда он зашел к Мукунде в квартиру, то заметил на стене плакат с изображением матадора с плащом и шпагой, преследующего быка.

– Отвратительный плакат! – сказал Свамиджи, и на лице его отразились гнев и неприязнь. Мукунда посмотрел на плакат, впервые задумавшись над его содержанием:

– Да, и правда, – и сорвал его со стены.

Бхактиведанта Свами очень хотел научить кого-нибудь правильно играть на мриданге. Поскольку Мукунда был музыкантом, Свамиджи возлагал на него большие надежды.

Мукунда: В тот день, когда нам прислали барабан, я спросил, могу ли я поучиться на нем играть. Он ответил утвердительно. Я спросил, когда, и он сказал:

– Когда ты хочешь?

– А сейчас можно? – спросил я.

– Да.

Несколько удивленный его мгновенным согласием, я принес к нему барабан, и он показал мне основной ритм. Сначала он показал ги та та, ги та та, ги та та. Потом немного более сложный: ги та та, ги та та, ги та та гиии та.

Когда я начал отбивать этот ритм, то постоянно торопился, и он все время просил меня сбавить темп. Уйму времени он потратил на то, чтобы просто показать мне, как нужно бить по мембранам. В конце концов, до меня начало доходить, но он продолжал просить меня, чтобы я не ускорял темп, и при каждом ударе повторял слоги – ги та та. Он говорил, что эти слоги и барабан должны звучать одинаково. Я должен был извлекать именно такие звуки и всегда произносить слоги вслух.

Я был настроен решительно и начал играть очень медленно. Я насколько мог старался сосредоточиться. Вдруг до меня дошло, что Свамиджи стоит рядом и ничего не говорит. Я не знал, сколько он еще будет стоять молча, и мне стало неловко. Но я не останавливался. Когда же я набрался смелости, чтобы поднять голову и взглянуть ему в лицо, то к удивлению своему обнаружил, что он, закрыв глаза, одобрительно покачивает головой. Казалось, он наслаждался уроком. Для меня это было полной неожиданностью. Раньше я учился музыке и много лет брал уроки фортепьянной игры, но я не помню ни одного случая, когда учитель действительно наслаждался моей игрой. Я был поражен, что рядом со мной такой совершенный учитель, который

наслаждается процессом обучения – не потому, что это его школа или его собственный стиль, а потому, что он видит, как энергия Кришны передается от него к обусловленной душе, какой был я. Ему это доставляло настоящее наслаждение. Тогда я гораздо глубже понял, что Свамиджи – настоящий учитель, хотя тогда я абсолютно не представлял– что значит «духовный учитель».

Для Джанаки, жены Мукунды, сознание Кришны подразумевало личное общение со Свамиджи. До тех пор, пока он был рядом, у нее все было нормально. Она с удовольствием задавала ему вопросы, служила ему и училась готовить. У нее не было особого интереса к философии сознания Кришны, но в ней очень быстро развилась глубокая привязанность к духовному учителю.

Джанаки: Нас было несколько человек. Мы сидели у Свамиджи на квартире кружком. Я спросила, есть ли у него дети. Он посмотрел на меня так, словно я сказала нечто странное:

– А ты разве не моя дочь?

– Ну, да, – ответила я.

– А все они, разве не мои дети?

Его ответ был таким быстрым, что у меня не осталось никаких сомнений в серьезности его слов.

Каждое утро в течение нескольких часов, Свамиджи учил Джанаки, Джоан и еще некоторых преданных готовить. Однажды он нашел на кухне какие-то незнакомые ягоды и спросил у Джанаки, как они называются. Она сказала, что это земляника. Он сразу же забросил в рот одну:

– Очень вкусно, – и продолжил закидывать одну за другой, восхищаясь:

– Просто вкуснятина!

Однажды, когда Джанаки взбивала на кухне сливки, Свамиджи вошел туда и спросил:

– Что это?

– Это взбитые сливки, – ответила Джанаки.

– Что такое взбитые сливки?

– Это обычные сливки, – ответила она, – но когда их взбиваешь, они вспениваются и становятся плотными.

Свамиджи, всегда очень строгий в отношении правил на кухне (среди которых самым важным был запрет есть что-либо на кухне), тут же окунул свой палец во взбитые сливки, попробовал и сказал:

– Это йогурт.

Доброжелательно, с любовью (что всегда доставляло ей особое наслаждение), Джанаки поправила его:

– Нет, Свамиджи, это взбитые сливки.

Свамиджи не сдавался:

– Нет, это йогурт.

Он снова окунул палец в чашку и попробовал.

– О, очень вкусно.

– Свамиджи! – стала бранить его Джанаки. – Вы едите на кухне!

Свамиджи улыбнулся и покивал головой:

– Это нормально.

Джанаки: Однажды я сказала ему:

– Свамиджи, мне приснился потрясающий сон. Мы были на какой-то планете, на нашей планете, и там собрались все люди Земли. Все они были чистыми преданными и пели Харе Кришна. Вы сидели высоко над землей на особом троне, и весь народ хлопал в ладоши и пел Харе Кришна.

Свамиджи улыбнулся и сказал:

– О, какой замечательный сон!..

Девятнадцатилетняя Бонни Мак-Дональд и ее друг, двадцатилетний Гэри Мак-Элрой приехали в Сан-Франциско из Остина, где они жили и учились в Техасском университете. Бонни была стройной, красивой блондинкой и говорила, как многие южане, с приятным тягучим акцентом. Родилась и выросла она в Южном Техасе, в семье баптистов. Училась в средней школе, она стала атеисткой, но позже, путешествуя по Европе и изучая религиозное искусство и архитектуру величественных готических соборов, пришла к выводу, что великие мастера, сотворившие такие чудеса, не могли абсолютно заблуждаться.

Гэри был сыном офицера воздушных сил Соединенных Штатов. Его детство и юность прошли в Германии, на Окинаве и в других местах, разбросанных по всему миру, пока семья его, наконец, не обосновалась в Техасе. Из-за темных волос и густых бровей он всегда казался хмурым, за исключением тех случаев, когда улыбался. В университете он одним из первых отрастил длинные волосы и начал экспериментировать с наркотиками. Совместные опыты с ЛСД вселили в них с Бонни идею отправиться на поиски духовности, и, не предупредив ни родителей, ни учителей, они поехали в Калифорнию «в поисках того, кто мог бы научить их духовной жизни».

Несколько месяцев исканий, проведенных в общении с представителями разных религиозных течений и в изучении книг по эзотерике в Хэйт-Эшбери принесли одно лишь разочарование. Впрочем, они стали вегетарианцами. Гэри принялся самостоятельно учиться играть на электрогитаре, а Бонни каждый день уходила в Голден-гейт-парк, чтобы заняться особым видом йогической медитации, который сама же и придумала. Но постепенно эйфория проходила, и оба почувствовали, что из-за наркотиков начинают опускаться.

Они читали, что гуру приходит тогда, когда ученик к этому готов, и с нетерпением ждали того дня, когда к ним придет их гуру. Большую часть времени Бонни проводила в парках Сан-Франциско. Но однажды, перебирая на прилавке наркомагазина на Хэйт-Эшбери журналы, она наткнулась на «Назад к Богу», напечатанный на мимеографе нью-йоркскими учениками Бхактиведанты Свами. Особенно ей понравилась статья Хаягривы о Свамиджи. Описание его улыбки, сияющих глаз, остроконечных туфель и того, что он говорил, вселило в нее надежду, что, может быть, это и есть тот самый гуру, которого она искала. Когда она услышала, что этот самый Свамиджи открыл ашрам на Хэйт-Эшбери, то без промедления отправилась на поиски и искала до тех пор, пока не нашла храм на Фредерик-стрит.

Перед встречей со Свамиджи, Бонни и Гэри нервничали. Оба они были разочарованы, поскольку и в Сан-Франциско не нашли той истины, которую искали. Это осложнялось и переживаниями Гэри, что его могут забрать в армию. Об этих проблемах они и рассказали Бхактиведанте Свами при встрече.

Бонни: Он сидел в кресле-качалке и смотрел на нас, словно на сумасшедших – что было недалеко от истины.

– Приходите на мои лекции. Просто каждое утро и каждый вечер приходите на мои лекции, и все будет хорошо.

Нам трудно было поверить в такую панацею, но мы в своих поисках настолько запутались, что готовы были ухватиться за последнюю соломинку, и согласились.

Я рассказала ему, что объехала всю Европу, и он удивился:

– О, ты столько путешествовала!

На что я ответила:

– Да, я много путешествовала и много чем занималась, но так и не стала счастливой.

Это ему понравилось, и он подтвердил:

– Да, вот в том-то и проблема.

Мы начали ходить на его утренние лекции. Было трудно приезжать к семи утра, – мы жили далеко от храма, – но мы все равно приезжали каждое утро. Мы твердо решили: раз он нам велел, мы будем это делать. Однажды он спросил нас, чем мы занимаемся. Мы ответили, что раньше учились в художественном колледже, и тогда он предложил нам рисовать картины, изображающие Кришну. Через некоторое время мы попросили его дать нам посвящение.

После посвящения Джоан и Роджер стали Ямуной и Гуру-дасом. На следующий день состоялась их свадьба. Свадебной церемонией руководил Свамиджи. На нем была пышная гирлянда из листьев и цветов рододендрона. Он сидел на полу, на подушке, в храме, окруженный последователями и среди атрибутов для возжигания жертвенного огня. Перед ним была небольшая земляная насыпь для разведения костра. Он объяснил смысл семейных отношений в сознании Кришны и поведал о том, что муж и жена должны помогать друг другу и служить Кришне, поместив Его в центр своей жизни. Свамиджи неодобрительно отзывался об одежде западных женщин, и Ямуна по его просьбе надела сари.

Хотя в числе необходимых для церемонии ингредиентов Свамиджи назвал гхи (очищенное масло), преданные, посчитав, что это обойдется им чересчур дорого, заменили его топленым маргарином. Еще он попросил дрова для костра, и преданные принесли ему щепки от ящика из-под апельсинов. И теперь, когда Ямуна и Гуру-дас сидели перед ним по ту сторону земляного

холмика, он взял одну щепочку от расколотого ящика, окунул ее в то, что должно было быть гхи, и поднес к горящей свече, чтобы зажечь костер. Щепка вспыхнула, зашипела и погасла. Он взял другую и смочил ее в растопленном маргарине, но когда поднес к огню, она издала тот же «пшик-пшик» и с треском потухла. Предприняв четыре или пять неудачных попыток, Свамиджи поднял глаза и сказал:

– У этого брака очень вялое начало.

Ямуна заплакала.

Бонни и Гэри получили посвящение всего через две недели после того, как встретили Свамиджи. Бонни получила духовное имя – Говинда-даси, а Гэри стал Гаурасундарой. Несмотря на то, что они по-прежнему носили джинсы, (они надели их даже во время посвящения), и, по правде сказать, до конца не отдавали себе отчета в том, что происходит, они верили в духовного учителя. Они понимали, что из их голов еще не совсем выветрился наркотический дурман, но к посвящению отнеслись всерьез и стали строгими последователями Свамиджи. Гаурасундара выбросил всю марихуану и вместе с Говинда-даси они стали есть только то, что предложено Господу Кришне. Через две недели после посвящения Свамиджи провел для них свадебную церемонию.

Вечером в день свадьбы из Техаса приехал отец Говинда-даси. Он был против сознания Кришны и считал его совершенно чуждым американским обычаем. Подойдя прямо к возвышению, на котором сидел Бхактиведанта Свами, отец Говинда-даси спросил:

– С какой стати вы поменяли имя моей дочери? Зачем ей индийское имя?

Бхактиведанта Свами посмотрел на него, а затем лукаво взглянул на г-на Пателя, индийского гостя, стоявшего со своей семьей немного поодаль.

– Вам не нравятся индийцы? – спросил он.

Все, кто услышал слова Свамиджи, разразились смехом, за исключением отца Говинда-даси. Тот ответил:

– Ну, вообще-то нет. Люди как люди. Но почему у Бонни должно быть другое имя?

– Потому, что она сама попросила, – ответил Бхактиведанта Свами. – Если вы любите ее, то вам должно понравиться то, что нравится ей. Ваша дочь счастлива. Чем вы недовольны?

На этом спор закончился, и все оставшееся время отец Говинда-даси вел себя учтиво. Позже он вместе с дочерью и зятем наслаждался прасадом.

Говинда-даси: Мы с Гаурасундарой приступили к чтению трехтомного «Шримад-Бхагаватам» Свамиджи. Примерно тогда же Свамиджи велел мне нарисовать большие изображения Радхи и Кришны с коровой. Я рисовала каждый день с утра до вечера, а Гаурасундара вслух читал мне «Шримад-Бхагаватам» – один том за другим. Так продолжалось три месяца. В то время Свамиджи попросил меня написать его портрет – на фоне картины с танцующим Господом Чайтаньей. Он хотел, чтобы стопа Господа Чайтаньи касалась его головы. Я старалась. Портрет вышел довольно скверным, но Свамиджи все равно был очень им доволен.

Наиболее серьезные из последователей Свамиджи видели, что некоторые кандидаты в ученики не собирались выполнять тех обязательств, которые человек принимает на себя, получая духовное посвящение, и от которых его может освободить только смерть.

– Свамиджи, – говорили они – некоторые из этих людей приходят только за посвящением. Мы никогда не видели их раньше и не увидим потом.

Обычно Свамиджи отвечал на это, что вынужден идти на риск. Во время одной из лекций в храме он объяснил, что, получая посвящение, ученик избавляется от последствий греховных поступков, которые совершил в прошлом, однако до тех пор, пока ученик находится в материальном мире, ответственность за все его поступки ложится на плечи духовного учителя. Поэтому, сказал он, Господь Чайтанья предупреждал, что гуру не следует принимать слишком много учеников.

Однажды на вечерней лекции, когда наступило время вопросов и ответов, здоровый детина с бородой поднял руку и спросил:

– А можно мне получить посвящение?

Дерзкий вопрос незнакомца вызвал негодование у некоторых из последователей Свамиджи, однако сам Свамиджи оставался невозмутим.

– Да, – ответил он – но сначала вы должны ответить на два вопроса. Кто такой Кришна?

– Кришна – это Бог, – ответил парень после некоторого раздумья.

– Хорошо, – ответил Свамиджи – а вы кто?

Юноша снова задумался и немного погодя произнес:

– Я – слуга Бога.

– Замечательно, – сказал Свамиджи. – Завтра же вы получите посвящение.

Бхактиведанта Свами знал, что его американским ученикам будет трудно удержаться в сознании Кришны и достичь чистого преданного служения. Всю жизнь их учили только дурному, и, несмотря на свою формальную принадлежность к христианству и философские поиски, большая часть из них ровным счетом ничего не смыслила в науке о Боге. Они не знали даже того, что есть мясо и заниматься незаконным сексом плохо, хотя, когда он сказал им об этом, они сразу же согласились. И они сами пришли к нему и пели вместе с ним мантру Харе Кришна. Так как же мог он отвергнуть их?

Время покажет, сумеют ли они противостоять соблазнам вездесущей майи и удержаться в сознании Кришны. Некоторые из них падут – к этому склонны все люди. Но другие останутся. По крайней мере, те из них, кто серьезно следует его указаниям – повторяет Харе Кришна и старается не совершать греховных поступков, – добьются успеха. Однажды Свамиджи привел следующий пример: если свежие продукты не использовать, то через несколько дней они испортятся. Однако у нас нет оснований утверждать, что в будущем свежие продукты никто не использует и они наверняка испортятся. Конечно, в будущем некоторые могут пасть, от этого никто не застрахован, но Бхактиведанта Свами считал своим долгом занять учеников преданным служением уже сейчас. И он давал им метод, воспользовавшись которым, они смогут избежать падения.

Даже с точки зрения нью-йоркских учеников Свамиджи (не говоря уже о ведических нормах), преданные из Сан-Франциско не слишком строго следовали правилам и предписаниям духовной жизни. Некоторые из них продолжали ходить в кафетерии, ели пищу, не предложенную Кришне, и запрещенные лакомства, вроде шоколада или покупного мороженого. После киртана некоторые из них позволяли себе тут же, за дверью храма, выкурить сигарету, а некоторые получали посвящение, даже не зная толком, какие обязательства они на себя берут.

Киртанананда: Атмосфера в Сан-Франциско была гораздо более раскованной. Преданные любили заходить в закусочную на углу и выпивать там по чашке кофе с пончиком. Но Свамиджи нравилось, что в храм приходит так много людей. Ему очень понравилась программа в зале «Авалон». В Сан-Франциско было две категории преданных: одни неукоснительно следовали всем предписаниям, заботясь о собственной чистоте, другие же были не столь строги и требовательны к себе, но зато хотели как можно шире распространить сознание Кришны. Свамиджи был так великодушен, что принимал и тех, и других.

Майкл Райт, двадцати одного года, недавно вернулся из армии (он служил во флоте), а восемнадцатилетняя Нэнси Гриндл только-только окончила школу. Они познакомились в колледже в Лос-Анджелесе. Разочарованные, жаждущие чего-то, чему не жаль было бы посвятить свою жизнь, они приехали в Сан-Франциско, чтобы стать хиппи. Но вскоре обнаружилось, что у них очень мало общего с хиппи с Хэйт-Эшбери, которые создавали впечатление грязных, ленивых и ни на что не годных людей, заблудившихся в поисках своего «я». Поэтому Нэнси устроилась секретарем в телефонную компанию, а Майкл стал электромонтером. Тогда они и услышали о Свами с Хэйт-Эшбери и решили пойти посмотреть.

Шел вечерний киртан, во время которого неугомонные хиппи кружились, извивались и раскачивались кто во что горазд. Майкл и Нэнси уселись на пол в дальнем углу, больше впечатленные присутствием Свами, нежели киртаном. После киртана Бхактиведанта Свами читал лекцию, но акцент его показался им слишком сильным. Они хотели вникнуть в то, что он говорит – интуитивно чувствуя, что это нечто ценное – но тайны эти, казалось, были надежно скрыты за его индийским произношением, и упрятаны в книгу на чужом языке, которую он читал. Они решили прийти утром и попробовать послушать еще раз.

Когда они пришли на следующий день, гостей было меньше: человек десять преданных с четками на шее и несколько человек с улицы. На этот раз киртан показался Майклу и Нэнси более спокойным и благозвучным, и какое-то время они даже пели и танцевали вместе с остальными. Затем началась лекция, и на этот раз им удалось уловить какие-то из мыслей Свамиджи. Они остались на завтрак и познакомились с Мукундой и Джанаки, Сэмом и Марджори (которых теперь звали Шьямасундара и Малати), Ямуной и Гуру-дасом, и Говинда-даси и Гаурасундарой. Преданные им понравились, и они пообещали зайти вечером. Вскоре они уже регулярно ходили на утренние и вечерние программы, а Нэнси, вместе с другими девушками, посещала кулинарные курсы Свамиджи.

Майклу идеи Свамиджи пришлись по душе, но он никак не мог понять, зачем нужно обязательно предаваться духовному учителю. Он не принимал никаких авторитетов. Но чем больше он размышлял над этим, тем больше убеждался, что Свамиджи прав – старший все-таки нужен. «Каждый раз, когда я останавливаюсь на красный сигнал светофора, – рассуждал Майкл, – я принимаю авторитет». В конце концов, он пришел к выводу, что для успешного изучения духовных предметов, он должен принять авторитет духовного учителя. Но, поскольку подчиняться он все же не хотел, то оказался перед дилеммой.

Наконец, после двух недель посещения лекций Свамиджи, Майкл решил предаться ему и попробовать стать сознающим Кришну.

Майкл: Мы с Нэнси решили пожениться и стать учениками Свамиджи и членами его Общества. Мы обратились к преданным:

– Мы хотели бы увидеть Свамиджи.

– Конечно, – сказали они. – Просто поднимитесь наверх. Он живет на третьем этаже.

Мы были несколько удивлены тем, что для этого не потребовалось никаких формальностей. Мы постучали в дверь, и Раначора, слуга Свами, нас впустил. Мы вошли прямо в обуви, но он попросил нас ее снять.

Я даже толком не знал, о чем говорить со Свамиджи – я надеялся на Нэнси, рассчитывая, что она первой вступит в разговор – но, в конце концов, выпалил:

– Мы хотели бы стать членами вашего Общества сознания Кришны.

Он сказал, что это очень хорошо. Тогда я добавил, что на самом деле, мы пришли потому, что хотели бы пожениться. Мы знали, что он проводит церемонии бракосочетания, а одно из необходимых условий – то, что юноша и девушка могут жить вместе только после того, как по всем правилам обручатся. Свамиджи спросил меня, нравится ли мне философия и есть ли у меня работа. На оба вопроса я ответил утвердительно. Он объяснил, что сначала мы должны получить посвящение, а потом, через месяц, он нас поженит.

При посвящении Майкл получил имя Даянанда, а Нэнси стала Нандарани. Вскоре Свамиджи их поженил.

Нандарани: Мы знали, что наша свадьба станет большим событием. Каждый раз, когда Свамиджи проводил на Хэйт-Эшбери свадебные церемонии, на них собирались сотни людей, и храм был забит до отказа. На свадьбу приехали мои родители и родители Даянанды.

Свамиджи сказал, что готовить, по всем правилам, должна я. Он попросил меня утром в день свадьбы прийти к нему на квартиру и сказал, что поможет мне приготовить что-нибудь для свадебного пира. Итак, в то утро я надела свои лучшие джинсы и лучшую футболку и ботинки и пришла к Свамиджи. Я поднялась по лестнице и вошла, не сняв обуви. Свамиджи сидел в кресле-качалке. Увидев меня, он улыбнулся и сказал:

– О, ты пришла готовить.

– Да, – кивнула я.

Он перестал качаться и, ни слова не говоря, пристально посмотрел на меня:

– Прежде всего, сними ботинки.

Когда я сняла ботинки и старую кожаную куртку, Свамиджи встал и отправился на кухню. Он достал огромную кастрюлю, пригоревшую до такой степени, что дна практически не было видно. Он вручил мне ее и сказал:

– В этой кастрюле мы будем кипятить молоко. Ее надо помыть.

Раковины на кухне не было, был только крохотный круглый тазик. Поэтому я пошла в ванную, поставила кастрюлю в ванну и немного ее сполоснула. Я не предполагала, что нужно отскрести весь этот нагар со дна – он был слишком твердый. Когда я принесла кастрюлю назад, Свамиджи сказал:

– О, какая чистая! Правда, тут на дне немного пригорело. Отмой, пожалуйста.

Я согласилась, взяла нож и поплелась в ванную, чтобы попытаться соскоблить нагар. Я терла, терла, терла, терла... По локоть в пене, я перепачкалась сама и перепачкала все вокруг. Мне удалось счистить только половину черноты – остальное, казалось, намертво приросло ко дну. Я отнесла кастрюлю Свамиджи и сказала:

– Это все, что я могу сделать. Все остальное пригорело.

Он сказал:

– Да, да, ты очень хорошо постаралась. Теперь нужно только оттереть все, что осталось.

Опять я пошла в ванную и терла, терла, терла, терла... Был уже почти полдень, когда я вышла из ванной с совершенно чистой кастрюлей. Увидев результат моих трудов, Свамиджи засиял от счастья – кастрюля блестела! Он широко улыбнулся и сказал:

– О, вот это то, что надо.

От усталости я валилась с ног.

Затем Свамиджи пригласил меня на кухню и научил делать расагуллы. Мы вскипятили молоко, створожили его, а затем я села и начала катать из творога шарики. Их я складывала рядами на подносе. Все шарики полагалось делать совершенно одинаковыми. Если шарик получался не того размера, Свамиджи большим, указательным и средним пальцами вынимал его из ряда, и мне приходилось катать его заново, чтобы довести до стандартного размера. Так продолжалось до тех пор, пока не получился целый поднос совершенно одинаковых шариков.

Затем Свамиджи показал мне, как варить эти шарики в сахарном сиропе. Так, вдвоем, вместе с Малати и Джанаки, мы готовили на кухне, а Свамиджи пел.

В какой-то момент Свамиджи спросил меня:

– Ты знаешь, что означает твое имя?

Но я не смогла даже вспомнить, как меня теперь зовут. Во время посвящения Свамиджи как-то назвал меня, но, поскольку никто из нас не называл друг друга духовными именами, я не могла вспомнить своего имени. Я ответила:

– Нет, Свамиджи, а что оно означает?

Он сказал:

– Оно значит, что ты – мать Кришны.

Сказав это, он громко рассмеялся и продолжил перемешивать расагуллы. Я не знала, кто такой Кришна, и уж тем более, кто такая Его мать, и вообще какое отношение я к ним имею. Но мне было приятно, что Свамиджи видит во мне существо, заслуживающее внимания.

В тот день я закончила готовить в четыре часа, после чего вернулась домой, чтобы переодеться к свадьбе. Хотя я никогда не носила ничего, кроме старой одежды и джинсов, Свамиджи попросил своих учениц помочь мне надеть свадебное сари. Мы купили отрез шелка, который предполагалось сделать моим сари, и пошли к Малати. Она попыталась помочь мне его надеть, но поскольку оно все время с меня сваливалось, ей пришлось его на мне зашить. Потом они украсили меня цветами и отвели к Свамиджи. Он был счастлив. Он сказал:

– Вот так и должны выглядеть наши женщины. Никаких джинсов и платьев. Они всегда должны носить сари.

Но если честно, я была похожа на пугало – все время наступала на край одежды, так что девушкам даже пришлось зашить сари – но Свамиджи считал, что я выгляжу замечательно. Поскольку ткань была однотонной, Свамиджи заметил:

– В следующий раз покупайте с небольшой окантовкой, чтобы сари было двухцветным. Мне больше нравится, когда сари двух цветов.

Когда мы спустились вниз, Свамиджи встретился с моими родственниками. Он был с ними очень вежлив. Во время церемонии моя мать плакала навзрыд. Я была очень рада, что она получила милость, встретив Свамиджи.

Двадцатилетний Стив Болерт родился и вырос в Нью-Йорке. Живя среди хиппи в Сан-Франциско, однажды он прочитал в «Оракуле» о том, что к ним собирается приехать Свами Бхактиведанта. Ему было интересно встретиться с индийским Свами и, прочитав на улице Хэйт объявление, напечатанное Мукундой, вместе со своей подругой, Каролиной Голд, он поехал в аэропорт, чтобы его встретить. Почувствовав от пения Харе Кришна и от встречи со Свамиджи сильный духовный подъем, они стали регулярно приходить в храм на лекции и киртаны. Стив решил, что станет таким же, как Свами, поэтому они с Каролиной пошли к нему, и попросили дать им посвящение. Во время личной беседы они обсудили важность послушания духовному учителю и необходимость вегетарианства. Когда Свамиджи предложил им выбор – либо разойтись, либо пожениться, они ответили, что хотели бы пожениться. Свамиджи назначил дату посвящения.

Бхактиведанта Свами попросил Стива сбрить его длинные волосы и бороду.

– Это еще зачем? – запротестовал Стив. – У Кришны были длинные волосы, у Рамы были длинные волосы, у Господа Чайтаньи были длинные волосы и у Христа были длинные волосы. Почему я должен брить голову?

Свамиджи улыбнулся и ответил:

– Потому что сейчас ты идешь за мной.

На стене висел плакат с изображением Сурадаса, великого вайшнава.

– Ты должен обрить голову так же, – сказал Свамиджи, указав на Сурадаса.

– Сомневаюсь, что я к этому готов, – сказал Стив.

– Ну, ладно, ты еще молодой. У тебя еще есть время. Но хотя бы побрейся и подстригись как мужчина.

Утром перед посвящением, Стив сбрил бороду и подстриг волосы так, что спереди они были короткими, а сзади оставались длинными.

– Так сойдет? – спросил он.

– Сзади тоже, – ответил Свамиджи. Стив смирился.

Стив получил имя Субала, а Каролин – Кришна-деви. Через несколько дней состоялась свадьба.

Поскольку каждая новая церемония была еще одним поводом для киртана и раздачи прасада, это стало привлекать посетителей. С каждым разом все больше учеников получали духовные имена, все больше становилось супружеских пар. Духовная семья Свамиджи росла. В храме царила атмосфера небольшой дружной семьи, где все друг друга любят. С учениками Свамиджи общался очень близко, без всяких формальностей, сопровождающих обычно отношения старшего и младшего.

Ученики могли подходить к нему с любым вопросом. Любой мог поговорить с ним наедине, зайдя к нему на квартиру, где он сидел на подстилке, в лучах утреннего солнца, перед импровизированным столиком. Для Мукунды, Гуру-даса и Шьямасундары Свамиджи был другом. От Джанаки и Говинда-даси он порой готов был выслушивать нотации, почти как шалунишка-сын, а порой становился для них дедушкой, опытным наставником в кулинарных вопросах и стражем чистоты и порядка на кухне. И при этом для всех них он оставался непостижимым чистым преданным Господа Кришны, знающим все выводы ведических Писаний и, вне всякого сомнения, постигшим тайну перевоплощения. Он мог ответить на любой вопрос. Он мог вывести их за пределы материального мира, за пределы пристанища хиппи на Хэйт-Эшбери и привести их в духовный мир, к Кришне.

* * *

В семь вечера Бхактиведанта Свами, в шафрановом дхоти, вязаной кофте поверх старой шерстяной водолазки и чадаре, накинутом на плечи, вошел в храм. Он подошел к возвышению в дальней части комнаты и занял свое место. Сиденье из красного дерева, с подушкой наверху, возвышалось над полом на полметра и поддерживалось двумя деревянными подставками. Перед сиденьем стояла накрытая тканью и украшенная букетами кафедра, а на стене за возвышением висел индийский гобелен, поверх которого прикрепили картину, с санкиртаной Господа Чайтаньи, нарисованную неумелой рукой Харидаса.

Бхактиведанта Свами взял караталы, обернул их матерчатые тесемки вокруг указательных пальцев, и бросил взгляд на молодых последователей, которые, скрестив ноги, сидели на бургундском ковре. Мужчины были с бородами, почти все одевались очень экзотично, и носили длинные волосы, четки и амулеты. Лампочки под потолком были замаскированы под японские бумажные фонарики, с которых на ниточках свешивались навахские «божьи глазки».

Бхактиведанта Свами начал отбивать ритм – «раз-два-три-и-и» – а Шьямасундара – качать мехи фисгармонии. Несмотря на то, что фисгармония очень простой инструмент – миниатюрное фортепиано, на котором одной рукой играют, а другой качают мехи – никто в магазинчике на улице Фредерика не умел ей пользоваться, поэтому на ней просто «гудели». Еще одним важным инструментом для киртана была мриданга, двухсторонний индийский барабан из Индии, предназначенный для замысловатого ритмического аккомпанемента, но даже Мукунда знал только самый простой ритм, который совпадал с ритмом каратал, – раз-два-три-и-и.

У преданных были и другие инструменты: литавра (гордость храма), старый корнет Хаягривы, несколько раковин и рожок, который Хаягрива сделал, отлакировав кусок бурой водоросли, найденный им на морском пляже. Некоторые гости приносили с собой флейты, трубы и барабаны бонго. Но сейчас они отложили инструменты в сторону и просто хлопали в ритм Свамиджи, пока он пел вечерние молитвы.

В своих гимнах Свамиджи прославлял духовных учителей; к каждому великому вайшнавцу он обращался с отдельной молитвой. Сначала он пел стих, описывающий божественные качества Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, а затем, один за другим, – стихи, прославляющие

Гауракишору даса Бабаджи и Бхактивиноду Тхакура. Первая молитва называла Шрилу Бхактисиддханту «освободителем падших душ», другая прославляла Гауракишору даса Бабаджи как «олицетворение отрешенности», «всегда погруженного в чувство разлуки и великой любви к Кришне». Бхактиведанта Свами пел о Шри Чайтанье, златокожем Господе, распространяющем чистую любовь к Кришне. Он пел и о Господе Кришне, океане милости, друге страждущих, источнике творения. Свамиджи погрузился в бхаджан, тело его дрожало от переполнявших его экстатических переживаний. Юноши и девушки сидели на полу, покачиваясь из стороны в сторону и глядя на него во все глаза. А он закрыл глаза в медитации, и его изящные, ловкие пальцы виртуозно отбивали ритм на караталах. Они слышали в его голосе проникновенную печаль; это пение отличалось от всего, что они когда-либо слышали.

Затем он запел знакомую мантру – ту, ради которой они пришли – «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе», и все тотчас же к нему присоединились. Зазвучали рожки, барабаны, постепенно мелодию подхватили остальные инструменты, а потом, один за другим, участники киртана поднялись со своих мест и начали танцевать. Ученики Свамиджи тоже встали и начали раскачиваться, как научил их Свамиджи, делая шаг влево и шаг вправо, и иногда поднимая руки. Остальные танцевали так, как им нравилось. Иногда во время пения Свамиджи открывал глаза и окидывал танцующих взглядом. Он сидел неподвижно, но его голова и тело слегка подрагивали.

Через двадцать минут молодые танцоры, взмокшие от пота, уже вовсю прыгали и скакали, а Свамиджи продолжал петь, не снижая темп. Глаза его были закрыты, но эта дикая толпа легко подчинялась его караталам. Свамиджи никого не останавливал, и пение и танцы продолжались.

Конечно, киртаны хиппи отличались от пения индийских брахманов, но Бхактиведанта Свами не придавал этому значения – для него важна была преданность. Что он разрешал в своем храме, то принимал и Кришна. Это было его подношение Господу, которое он предлагал через духовного учителя, Бхактисиддханту Сарасвати. Свамиджи в этом не сомневался: пусть его молодые последователи пока еще не умеют играть на фисгармонии или мриданге, пусть они еще не знают, что в совместном киртане все должны повторять за ведущим, а не петь в унисон, как это происходило сейчас, пусть они пока не знают, как выражать почтение гуру – пусть они просто поют и танцуют, а он будет воодушевлять их, кивая головой: «Да».

Конечно, кое-кто – те, кто витал в облаках наркотических галлюцинаций, – вел себя немного диковато, но в основном, настрой киртану задавали ученики Свамиджи, – они танцевали с воздетыми вверх руками и внимательно смотрели на своего учителя. Сами во многом еще похожие на хиппи, они все-таки были учениками Свамиджи и хотели порадовать своего учителя, хотели следовать его наставлениям и обрести сознание Кришны. Несмотря на какофонию из звуков рожков и литавры, киртан звучал красиво; Хаягрива аккомпанируя пению мантры на корнете, иногда даже попадал в тон.

Бхактиведанту Свами не смущало, что их киртаны совсем не похожи на традиционные – он с любовью принимал от своих последователей это подношение. Он просто хотел, чтобы эти американские юноши и девушки пели. А то, что они одевались, как им вздумается, прыгали, как обезьяны, или исповедовали какую-то странную философию, его не особенно беспокоило. Они пели «Харе Кришна», поэтому, – по крайней мере, сейчас – были чисты. И хиппи тоже это чувствовали, и им это нравилось.

Бхактиведанта Свами мечтал увидеть, как весь мир запоем киртан, – именно так, как приснилось Джанаки. Он говорил, что тем или иным путем люди должны быть заняты в сознании Кришны. Это наставление дал один из главных последователей Господа Чайтаньи, Рупа Госвами. Он писал: тасм...т кен...пй уп...йна мана® к'ш^{тме} ниве±айет... «Так или иначе, сосредоточьте ум на Кришне; правила и ограничения потом». Это настроение Бхактиведанты Свами и Шрилы Рупы Госвами проистекало из твердой веры в очищающую силу святого имени; даже самый падший человек может постепенно стать святым, если будет повторять «Харе Кришна». Бхактиведанта Свами часто цитировал стих из «Шримад-Бхагаватам», подтверждающий, что даже люди, погрязшие во всех грехах, могут очиститься, приняв прибежище у преданных Господа. Он твердо верил, что каждый хиппи с Хейт-Эшбери достоин милости Святого имени, и считал своим долгом раздавать сознание Кришны всем и вся, не отвергая никого. Но при этом, живя среди млеччхов, он требовал соблюдения определенных норм поведения, и был непреклонен в том, что касалось чистоты его Общества сознания Кришны.

К примеру, если бесплатно кормить людей, то не обычной пищей, а прасадом – пищей, предложенной Кришне. Просто кормить голодных – пустая трата времени и сил, но если давать им прасад, они получают шанс освободиться от оков рождения и смерти. Хотя во время киртанов он позволял своим последователям свободно «самовыражаться» и не возражал даже против самых диких плясок, преобладать должен был звук Святого имени. Он никогда не допускал, чтобы киртан превращался в простое грохотание барабанов и пение каких-нибудь «этнических» песен. И никому не позволялось сходить с ума до такой степени, чтобы это мешало слушать или участвовать в пении другим.

Пытаясь «тем или иным путем» побудить этих людей петь «Харе Кришна», Свамиджи интуитивно чувствовал, что можно позволять, а что нет. Он был учителем, и ученики его не вмешивались, когда он разрешал какому-то самоуверенному, самовлюбленному и чересчур эмоциональному танцору прыгать по храму, а какому-нибудь «накачавшемуся» безумцу полемизировать с ним после лекции. Ну а если кто-то начинал слишком уж мешать, Свамиджи не стеснялся его «приструнить». Но такое случалось редко. Его главной задачей было, скорее, давать, а не запрещать.

Киртан продолжался более часа. Ребята, взявшись за руки, танцевали по кругу, а аромат курившихся в алтарной благовоний через парадную дверь выходил на улицу.

* * *

Утренние и вечерние киртаны уже принесли храму Радхи-Кришны добрую славу, а когда преданные начали ежедневно устраивать в храме бесплатные обеды, популярность его среди местных хиппи выросла еще больше. Свамиджи велел своим ученикам готовить и раздавать прасад, и это было единственное, чем они занимались в течение дня. По утрам они готовили прасад, а в полдень кормили всех, кто к ним приходил, – иногда по сто пятьдесят–двести хиппи с Хейт-Эшбери.

Перед утренним киртаном девушки ставили на плиту овсянку, и к завтраку вся комната наполнялась хиппи, большинство из которых не ложились спать всю ночь. Для некоторых из них каша и фрукты были единственной пищей за последние несколько дней.

Но главным событием дня был обед. Малати отправлялась за покупками и, где только можно, собирала пожертвования, чтобы купить пшеничной муки, нутовой муки, колотого гороха, риса и овощей. Из овощей она брала только те, которые продавали подешевле или вовсе давали бесплатно: картофель, морковь, репу, брюкву и свеклу. После этого каждый день повара готовили пряное картофельное пюре, чапати, дал из колотого гороха и какое-нибудь овощное блюдо – в расчете на двести человек. Готовить эти обеды им удавалось благодаря тому, что многие торговцы охотно жертвовали продукты на такое благое дело, как кормление хиппи.

Харшарани: Наши обеды собирали большую толпу людей с Холма хиппи, которые явно недоедали. Они были по-настоящему голодны. Приходили и другие, – те, кто помогал преданным, но еще не получил духовного посвящения. Мы ставили пластинку, которую Свамиджи и его ученики записали в Нью-Йорке. На этих обедах царила мирная, семейная атмосфера.

Харидас: Пишу принимали как внутри храма, так и снаружи, прямо на улице, потому что храм не мог вместить всех желающих. Но большая часть людей все-таки находилась внутри. Это было просто удивительно. Толпа людей набивалась в магазинчик, и мы усаживали их рядами, от стены к стене. Большинство из них просто ели и уходили. В других магазинах на Хейт-Эшбери продавалось все что угодно, от бус до пластинок рок-музыки, но мы в нашем магазинчике ничего не продавали, мы все раздавали даром.

И мы были рады всем. У нас хиппи могли укрыться от хаоса и безумия, которые царили вокруг. Наш храм был чем-то вроде больницы, и я думаю, что мы многим помогли, а некоторых, может быть, даже спасли. Я не имею в виду их души – я говорю сейчас об их умах и телах, которые мы спасли, потому что жизнь, которой они жили, была им просто неведома. Я говорю о закоренелых наркоманах, которые были никому не нужны, но нуждались в утешении и в поисках утешения забредали в храм.

Некоторые из них оставались с нами и становились преданными, другие ели прасад и уходили. Каждый день Свамиджи становился свидетелем, а зачастую и участником каких-нибудь чрезвычайных происшествий. Идея устраивать в храме обеды целиком принадлежала ему.

Мукунда: Однажды к нам приехала пообедать Армия спасения. Они вывалили на нас целый грузовик народу – человек тридцать или сорок.

Ларри Шиппен: Некоторые из этих бродяг просто цинично воспользовались возможностью поесть «на халяву». Они не испытывали к Свами никакого чувства благодарности, поскольку считали его эдаким ортодоксальным священником, а им больше нравилось все «неортодоксальное». Это было откровенным проявлением цинизма с их стороны.

Те, кого больше интересовала философия, и у кого были какие-то вопросы – люди, жаждавшие духовной пищи, – навещали Свамиджи в его квартире. К нему приходили люди, обеспокоенные войной во Вьетнаме и те, у кого были какие-то личные неприятности: кто-то был не в ладах с законом, кто-то страдал от последствий употребления наркотиков, от неурядиц в семье или школе.

Многих жителей Сан-Франциско беспокоил большой наплыв молодежи в город, что потому что это создавало почти неразрешимые социальные проблемы. Полиция и работники социальных служб беспокоились о состоянии здоровья хиппи, об их нищете и плохих условиях быта, особенно в Хейт-Эшбери. Некоторые зажиточные горожане боялись, что хиппи заполняют весь город. Поэтому местные власти приветствовали инициативу, которую взял на себя храм Свами Бхактиведанты, и когда появилась идея организовать совет, который помог бы найти выход из создавшейся ситуации, власти попросили Свами Бхактиведанту принять участие в его работе. Он согласился, но после первой же встречи потерял к дальнейшему сотрудничеству всякий интерес, поскольку никто не проявил серьезного интереса к его способам решения проблемы.

Магистр Субрамания: Многие влиятельные граждане Сан-Франциско были рады тому, что Свами Бхактиведанта работает с молодежью. Молодое поколение того времени находилось в поиске, им нужен был человек высоких духовный идеалов, который бы смог бы пробудить в них интерес и сказать, что можно делать, а что нельзя. Проблема была в том, что никто не мог указывать молодым людям, чем им заниматься, они совершенно отбились от рук. Они становились наркоманами и т.д. А Свамиджи говорил им, что делать, и они слушались его. Все ему были только благодарны. Особенно молодежь.

Харшарани: Врачи сломали голову, они не знали, как помочь людям, пристрастившимся к ЛСД. Ни полиция, ни бесплатные больницы не справлялись с наплывом наркозависимых. А Свамиджи полиция воспринимала как простого иммигранта.

Майкл Боуэн: Бхактиведанта обладал поразительной способностью, вселяя в людей веру в Бога, отучать их от наркотиков, особенно от амфетаминов, героина и ЛСД – всей этой дряни. Он вытаскивал даже безнадежных «ЛСДшников».

Харидас: Ранним утром полиция обычно проезжала по парку и подбирала спящих там подростков, которые сбежали из дому. Они задерживали их и пытались отправить обратно домой. Хиппи нуждались в любой помощи, которую им могли оказать, и они сами знали об этом. Храм Радхи-Кришны был для них чем-то вроде духовной гавани, и подростки это чувствовали. Они бесцельно слонялись по городу, жили на улице, им некуда было пойти и негде было отдохнуть, не боясь того, что люди причинят им зло. Многие из них буквально вваливались в храм. Я думаю, что храм наш многим спас жизнь; число жертв и несчастных случаев было бы гораздо больше, если бы не Харе Кришна. Это было все равно, что открыть храм на поле боя. Более неподходящего места для храма, пожалуй, не найти, но здесь храм был нужнее, чем где бы то ни было еще. И хотя раньше Свами никогда ни с чем подобным не сталкивался, он пришел туда с мантрой Харе Кришна и мантра его творила чудеса.

Бхактиведанта Свами знал, что помочь людям может только сознание Кришны. У других были свои средства, но Свамиджи считал, это «латанием дыр». Он знал, в чем истинная причина страданий – в отождествлении себя с телом. Как может человек помочь себе, (не говоря уже о других), не зная, кто он такой, не зная, что тело – лишь покрытие души, его истинного «я», которое может стать счастливым только в своем изначальном положении, положении вечного слуги Кришны? В каждом, кто обращается к Нему, Господь Кришна видит добродетельную душу. Даже небольшое служение не пропадет и может спасти человека в момент смерти. Зная об этом, Бхактиведанта Свами открывал двери каждому, даже самым ничтожным и жалким. Но чтобы бальзам сознания Кришны возымел свое действие, заблудшая душа должна была сначала на какое-то время остаться с преданными, петь, задавать вопросы, слушать и применять услышанное в жизни.

Как и обещал Аллен Гинзберг пяти тысячам хиппи, собравшимся в «Авалоне», ранние утренние киртаны в храме Радхи-Кришны вдыхали новую жизнь в тех, кто «отходил» от ЛСД и

хотел «стабилизировать сознание». Иногда по утрам в храм заходил сам Аллен, приводя с собой знакомых, с которыми провел бессонную ночь.

Аллен Гинзберг: В шесть тридцать мы отправились на космическую станцию Свами Бхактиведанты, чтобы попеть и подзаправиться сознанием Кришны. Там было около тридцати или сорока человек, все пели Харе Кришна на мелодию, которую придумали специально для утренних киртанов. Один паренек, увидев это, сперва немного напрягся, но потом расслабился и сказал мне:

– Знаешь, сначала я подумал: «Это еще что такое?» Но потом вдруг понял, что не нахожусь там, где мы были. Хотя я и был там, но меня там не было.

Но бывало и так, что «отходившие» влетали в храм прямо посреди ночи, совершая там вынужденную посадку.

Однажды преданные, спавшие в храме, были разбужены стуком в дверь, криками и огнями полицейских машин. Было два часа ночи. Когда они открыли дверь, в храм ввалился рыжий, бородатый хиппи.

– Кришна, Кришна! Помогите мне! – вопил он. – Не отдавайте меня им! Ради Бога, помогите!

Полицейский просунул в дверь голову и улыбнулся:

– Мы решили привезти его сюда, мы подумали, может быть, вы, ребята, поможете ему.

– Мне плохо в этом теле, – закричал хиппи, когда дверь за полицейскими захлопнулась.

Он начал лихорадочно повторять мантру, побледнев и обливаясь потом от страха. Остаток ночи преданные провели вместе с ним, утешая его и читая мантру, пока Свамиджи не спустился, чтобы провести утренний киртан и прочесть лекцию.

Преданные часто посылали молодых людей с их проблемами к Свамиджи. Практически кто угодно мог прийти к нему и отнять у него драгоценное время. Однажды, гуляя по Сан-Франциско, Равиндра-сварупа встретил человека, который утверждал, что, когда он был во Вьетнаме, к нему приходили марсиане. Этот человек, который только что выписался из госпиталя, сказал, что марсиане даже разговаривали с ним. Равиндра-сварупа рассказал ему о книге Свамиджи «Легкое путешествие на другие планеты», которая подтверждала существование жизни на других планетах, и посоветовал ему поговорить со Свамиджи, потому что тот наверняка сможет больше рассказать ему о марсианах. Знакомый Равиндра-сварупы пришел к Свами на квартиру.

– Да, – подтвердил Свамиджи – марсиане существуют.

Однако постепенно последователи Свамиджи стали более внимательными к своему духовному учителю и начали ограждать его от нежелательных, по их мнению, посетителей. Одним из таких людей был Кролик – наверное, самый грязный из всех хиппи в Хейт-Эшбери. Он постоянно ходил нечесанным, с грязными волосами, в которых кишели вши. Он одевался в перепачканные лохмотья, от его покрытого коростой тела исходило страшное зловоние. Он во что бы то ни стало хотел встретиться со Свамиджи, но преданные запрещали ему, не желая, чтобы своим зловонием он осквернил комнату Свамиджи. Однако в один из вечеров после лекции Кролик подкараулил Свамиджи у дверей храма. Как только тот вышел, Кролик спросил:

– Можно мне прийти поговорить с вами?

Свамиджи согласился.

Почти каждый вечер кто-нибудь приходил к Свамиджи, чтобы поспорить с ним. Один субъект всегда являлся с готовыми аргументами из какой-нибудь философской книги, которые зачитывал вслух. Свамиджи всякий раз одерживал над ним победу, но парень шел домой, готовил новые аргументы и возвращался назад со своей книгой. Однажды вечером, после того, как он представил очередной довод, Свамиджи молча смерил его взглядом, даже не удостоив ответом. Пренебрежение Свамиджи было его очередной победой, после чего парню не оставалось ничего другого, как просто встать и уйти.

Израэля, как и Кролика, в Хейт-Эшбери знали все. Свои длинные волосы он собирал в хвост на затылке и во время киртанов часто играл на трубе. Однажды после вечерней лекции Израэль поднялся и спросил:

– Мне нравится это пение, но что оно может дать миру? Что оно принесет человечеству?

Свамиджи ответил:

– А вы разве не из этого мира? Если вам оно нравится, то почему не может понравиться другим? Так что пойте громче.

Человек с усами, сидевший в глубине комнаты, спросил:

– Это правда, что вы – гуру Аллена Гинзберга?

Многие преданные знали, что вопрос этот с подвохом, и на него одинаково трудно ответить и «да» и «нет».

Свамиджи ответил:

– Я не считаю себя ничьим гуру. Я слуга всех живых существ.

Для преданных ответ Свамиджи сделал этот диалог трансцендентным. Свамиджи не просто дал умный ответ, с честью выйдя из затруднительного положения – в его ответе прозвучало глубокое и неподдельное смирение.

Однажды утром в храм на лекцию пришла супружеская пара. Женщина держала на руках ребенка, а у мужчины за плечами висел рюкзак.

Когда настало время вопросов и ответов, мужчина спросил:

– Скажите, что мне делать с умом?

Свамиджи дал ему подробный философский ответ, но мужчина продолжал твердить:

– Как мне быть с моим умом? Что мне с ним делать?

Обратив на него умоляющий, исполненный сострадания взгляд, Свамиджи сказал:

– У меня нет другого средства. Пожалуйста, повторяйте «Харе Кришна». У меня нет другого объяснения. И нет другого ответа.

Но мужчина не унимался. Наконец, одна из учениц Свамиджи, прервав его, сказала:

– Делайте что говорят. Попробуйте.

А Свамиджи взял в руки караталы и начал киртан.

Как-то вечером, во время лекции, в храм ворвался парень и объявил, что на Хейт-стрит вот-вот начнется бунт, и Свами должен немедленно выйти, обратиться к толпе и всех успокоить. Мукунда вмешался и сказал, что Свамиджи никуда не пойдет, там обойдутся и без него. Но юноша глядел Свамиджи прямо в глаза и словно ставил ему ультиматум: если Свамиджи сейчас не выйдет, начнется бунт, и вина за это ляжет на него.

– Да, я готов, – сказал Свамиджи, словно собирался выполнить его требование. Но никто никуда не пошел, и никакого бунта не было.

Обычно во время киртана по крайней мере один из присутствующих начинал танцевать любуясь собой и не обращая внимания на всех остальных, при этом порой доходя до такой степени неприличия, что Свамиджи приходилось его останавливать. В один из вечеров, еще до того как Свамиджи спустился вниз, какая-то девушка в мини-юбке во время киртана начала извиваться и кружиться. Кто-то из учеников Свамиджи поднялся к нему и спросил, что с ней делать. Тот ответил:

– Ничего страшного. Пусть она отдает свою энергию Кришне. Я скоро спущусь и посмотрю сам.

Когда Свамиджи пришел в храм и начал новый киртан, девушка, которая была невероятно худой, снова начала извиваться и кружиться по комнате. Свамиджи открыл глаза и увидел ее; он нахмурился и посмотрел на своих учеников, выказывая явное неудовольствие. Одна из женщин подошла к девушке и вывела ее на улицу. Через несколько минут девушка вернулась, одетая в мужские брюки, и танцевала уже более сдержанно.

Однажды Свамиджи сидел на своем месте, читая лекцию в битком набитом храме, когда одна упитанная девица, сидевшая у окна, вдруг вскочила со своего места и начала истошно кричать:

– Эй, вы! Долго вы еще собираетесь там сидеть? – вопила она. – Что вы еще намерены делать? А!? Вставайте! Вы хотите еще что-то сказать? Что вы собираетесь делать? Кто вы, вообще, такой?

Ее выходка была настолько неожиданной, а слова такими дерзкими, что все продолжали сидеть в полной растерянности, не зная, что предпринять. Без тени гнева на лице, Свамиджи спокойно сидел на своем месте, не говоря в ответ ни слова. Он казался уязвленным. Только преданные, сидевшие к нему ближе всех, слышали, как тихо, словно обращаясь к себе, он пробормотал:

– Какая тьма! Боже мой, какая непроглядная тьма!

В другой раз, во время одной из вечерних лекций какой-то парень подошел и сел на возвышение, рядом со Свамиджи. Он оглядел слушателей, и, прервав Свамиджи, заговорил:

– А теперь я хочу вам кое-что сказать.

– Подождите, пожалуйста, пока закончится лекция. Тогда вы сможете задать свои вопросы.

Парень подождал еще несколько минут, по-прежнему оставаясь на помосте, а Свамиджи продолжал лекцию.

Вдруг парень опять прервал его:

– Сейчас буду говорить я. Я хочу сказать то, что должен сказать.

Ученики Свамиджи, которые сидели среди слушателей, молча следили за происходящим, надеясь, что Свамиджи сам как-нибудь выйдет из этого неловкого положения. Никто из них ничего не предпринимал, все сидели и ждали, что будет дальше, а парень начал бормотать что-то бессвязное.

Тогда Свамиджи взял свои караталы:

– Ну что ж, начнем киртан.

В течение всего киртана парень продолжал сидеть рядом со Свамиджи, то безумно, то угрожающе глядя на него. Через полчаса киртан закончился.

Свамиджи, по своему обыкновению, взял яблоко и разрезал его на ломтики. Затем, взяв нож и ломтик яблока в правую руку, он протянул его парню. Тот посмотрел на Свамиджи, на нож и на яблоко. В комнате повисла мертвая тишина. Свамиджи сидел, не двигаясь, и с улыбкой глядел на юношу. Прошла долгая, напряженная минута, прежде чем парень протянул руку. Все присутствующие облегченно вздохнули, когда он взял с ладони Свамиджи кусочек яблока.

Харидас: Я всегда наблюдал за тем, как Свамиджи выходит из подобных ситуаций. Можете поверить мне, это было совсем не просто. Это было настоящей проверкой его силы и ума – как вести себя с этими людьми, чтобы не вызвать в них отчуждения или враждебности, не распалить их еще сильнее и не вызывать неприятностей. Он умел так направить их энергию, что они мгновенно успокаивались, подобно младенцу, которого достаточно немного покачать, чтобы он перестал плакать. Свамиджи обладал способностью добиваться этого словами, интонацией и своим терпением; он позволял людям в течение какого-то времени продолжать, давая им возможность выговориться, излить душу. Думаю, он сознавал, что его ученики не могли просто так сказать:

– Эй, послушай-ка, дружище, в храме себя так вести нельзя!

Положение было довольно деликатным.

То и дело кто-нибудь заявлял: «Я – Бог». От наркотиков на них нисходило «озарение» или начинались галлюцинации. Они старались привлечь к себе всеобщее внимание. Они хотели, чтобы их слушали, и чувствовалось, что у таких людей Свами вызывал озлобление. Временами они могли говорить вдохновенно и поэтично, но хватало их ненадолго, и речь их вскоре превращалась в бессвязное бормотание. Но Свами был не из тех, кто просто успокаивает слушателей. Он не собирался нянчиться с ними. Обычно он говорил:

– Что вы имеете в виду? Если вы – Бог, то должны быть всеведущим. Вы должны обладать качествами Бога. Вы и в самом деле всеведущий и всесильный?

Затем он перечислял разные качества, которыми должен обладать человек, чтобы быть аватарой, Богом. С помощью аргументов и логики он доказывал человеку, что тот заблуждается. Он обладал высшим знанием и втолковывал людям:

– Если вы – Бог, то должны суметь сделать то-то и то-то? Способны вы на это?

Иногда люди воспринимали это как вызов и пытались втянуть Свами в полемику. В такие минуты внимание слушателей сразу же переключалось на нарушителя спокойствия, а ему только этого и надо было. Порою возникали очень трудные ситуации. Я только сидел и удивлялся: «Интересно, как он справится с этим типом? Это крепкий орешек». Но Свамиджи было не так-то легко одолеть. Даже если ему не удавалось убедить своего оппонента, он убеждал слушателей, располагая их к себе, и это вынуждало человека замолчать. Свамиджи снова овладевал вниманием слушателей, показывая им, что этот человек не знает, о чем говорит. И тот чувствовал, что настроение в аудитории меняется, что его уже никто не желает слушать, никто не верит его болтовне, поэтому быстро умолкал.

Таким образом, Свамиджи переубеждал скорее слушателей, чем спорщика. И при этом он никогда не уязвлял человека. Ему удавалось это не только потому, что он превосходил всех по интеллекту. Главное было то, что в нем всегда жило сострадание к людям. Наблюдая за ним в подобных ситуациях, я осознавал, что он – великий учитель и великий человек. Свамиджи обладал удивительной способностью не задевать самолюбия человека, не причинять ему боли – ни физической, ни моральной, – так что, когда оппоненты его умолкали и садились на место, в них не

было ни гнева, ни раздражения, и они не чувствовали себя задетыми. Каким-то чудом Свами удавалось их перехитрить.

Зачастую Бхактиведанте Свами не давали покоя даже рано утром, когда он работал над книгами у себя в комнате. Однажды под его окна съехались полицейские машины и кареты скорой помощи с мигалками и сиренами: «Ангелы ада» устроили драку в магазине «диггеров», в здании напротив.

В другой раз, около половины второго ночи, когда Свамиджи надиктовывал свою книгу «Учение Господа Чайтаньи», какая-то девушка настойчиво постучала в дверь его квартиры. Сперва он не обратил на это внимания. С тех пор, как он приехал в Сан-Франциско, ему удалось написать немало страниц этой важной книги. В беседах Господа Чайтаньи с Рупой Госвами, Санатаной Госвами, Раманандой Раем и другими вайшнавами раскрывалось множество вопросов сознания Кришны, в «Бхагавад-гите» упомянутых лишь вскользь. На Западе почти никто не знал об учении Господа Чайтаньи, поэтому Бхактиведанта Свами хотел собрать все эти темы в одну книгу, которая будет самым полным изложением бхакти-йоги на английском языке. Такая книга будет иметь большую ценность для движения сознания Кришны. Но сейчас он не мог сосредоточиться из-за стука и женских криков. Поднявшись из-за стола, Бхактиведанта Свами подошел к двери, но открывать не стал:

– Кто там?

– Я хочу поговорить с вами, – ответила девушка.

– Приходите позже.

Он знал, что в Сан-Франциско, как и в Нью-Йорке, ему не дадут спокойно писать. Проповедь в Америке предполагала, что придется терпеть подобные вещи – какая-то сумасшедшая посреди ночи стучит в дверь и нарушает его экстатическую медитацию на игры Господа Чайтаньи. Потерянные души Хейт-Эшбери, мнящие себя «просветленными», молящие о помощи, нагло бросающие вызов – все они отвлекали внимание Свамиджи от его миссии – работы над переводами и комментированием Священных писаний. Свамиджи был один; не открывая двери, он велел незваной гостье идти домой. Он сказал, что должен работать и пообещал, что примет ее сегодня же, только позже.

Он готов был разговаривать с хиппи хоть весь день напролет, но ранние утренние часы предназначались исключительно для литературной работы. Проповедь обусловленным душам во время личных встреч была очень важна – он, собственно, и приехал, чтобы проповедовать. Но в эти утренние часы через свои книги он обращался лично к каждому жителю планеты – этой проповеди никто не должен был мешать.

Но девушка продолжала стучать и звать, и Свамиджи, наконец, сдался. Перед ним стояла девушка-подросток с остекленевшим взглядом. Она выглядела безумной. Он спросил, что ей надо. Девушка молчала.

– Говори, – сказал он.

Она вошла в его квартиру. Свамиджи увидел, как она беспомощна – создание, тонущее в океане майи – и снова и снова спрашивал, чего она хочет. В конце концов, широко раскрыв глаза, девушка закричала:

– Смотрите! Маха ула!

Решив разбудить Мукунду, который жил рядом, Свамиджи босиком вышел на лестницу, а девушка вышла за ним, захлопнув за собой дверь, – теперь Свамиджи не мог попасть к себе в квартиру. Сумасшедшая продолжала вызывающе пялиться на него. Он остался на лестничной площадке, в зловещей пустоте, среди закрытых дверей.

Вот поэтому бабаджи Вриндавана и повторяли святое имя, никогда не покидая своих лачуг: они не хотели, чтобы их беспокоили безбожники, (конечно, этим бабаджи и не снились подобные вторжения во мрак психоделической ночи Сан-Франциско).

Свамиджи постучал к Мукунде и громко позвал:

– Мукунда! Мукунда!

Мукунда вскочил и открыл дверь: увидев своего духовного учителя босиком на лестничной клетке, а позади него – девчонку с дикими глазами, он был в шоке. Но Свамиджи, казалось, это совершенно не взволновало: он оставался серьезным и отрешенным.

– Она ко мне постучалась, – пояснил он.

Свамиджи вкратце рассказал, что случилось, и объяснил, что теперь делать. В нем не чувствовалось ни гнева, ни испуга. Он попросил Мукунду не обижать девушку.

Мукунда вспомнил, как в Нью-Йорке Свамиджи пришлось спасаться бегством от своего соседа по чердаку, Дэвида Аллена, спятившего от ЛСД. Свамиджи и тогда оставался невозмутимым, хотя попал в неприятную и опасную ситуацию. Мукунда спустился и разбудил Хаягриву, у которого был ключ от квартиры Свамиджи. Бхактиведанта Свами вернулся к себе и продолжил работу над «Учением Господа Чайтаньи».

Мукунда выпроводил девушку на улицу и сказал ей, что Свами пожилой человек, и его нельзя беспокоить в такое время. Выпучив глаза, она сказала:

– Ты не готов, – и ушла восвояси.

В семь часов, когда Бхактиведанта Свами спустился в храм, чтобы прочитать утреннюю лекцию, девушка сидела среди гостей; теперь уже более спокойная. Она подошла к нему и извинилась. Позже, в тот день, Свамиджи, смеясь, рассказывал об этом случае, вспоминая о том, как он несколько раз просил девушку сказать, зачем она пришла. Широко раскрыв глаза, в подражание ей, он сказал:

– Смотрите! Маха ула! – и рассмеялся.

* * *

– В половине седьмого мы пойдем гулять, – сказал Свамиджи однажды утром. – Отвезите меня в парк.

Несколько учеников сопровождали его до Стоув-лейк – озера в Голден-Гейт-парке. Они хорошо знали эти места и вели Свамиджи по живописным дорожкам вокруг озера, через мост, по лесным тропинкам, через маленький ручеек; они хотели, чтобы, любуясь красотами природы, Свамиджи получил удовольствие.

Идя быстрым шагом по парку, он то и дело указывал на какое-нибудь дерево или останавливался, чтобы посмотреть на цветок.

– Что это за дерево? – спрашивал он. – Что это за цветок?

Ученики, как правило, не знали.

– Когда Чайтанья Махапрабху шел через леса Вриндавана, – сказал он – все кусты и деревья радовались, глядя на Него. В духовном мире даже растения обладают полным сознанием.

– А эти деревья, Свамиджи – насколько развито их сознание?

– О, у них есть душа, – ответил Бхактиведанта Свами, – но их сознание на время приостановлено. Их восприятие более ограничено.

Свамиджи на все смотрел через призму Священных писаний, и его замечания даже по поводу самых обычных вещей были исполнены глубокого духовного смысла. Шагая по парку, он размышлял вслух:

– Тот, кто хочет увидеть Бога, должен сначала обрести качества, необходимые для этого. Он должен очиститься. Как это облако, которое сейчас закрывает от нас солнце. Люди говорят, что «солнце скрылось», но оно на своем месте, просто наши глаза его не видят.

Как заправские экскурсоводы, преданные показывали Свамиджи самые живописные уголки парка. Они подвели его к лебедям, плавающим по зеркальной глади озера.

– «Шримад Бхагаватам», – сказал Свамиджи – сравнивает преданных с лебедями, а книги о Господе Кришне – с кристально чистыми озерами. Непреданных же, – продолжал он – как ворон, привлекают гниющие отбросы мирских тем.

Идя по дорожке, засыпанной гравием, он остановился и сказал:

– Посмотрите на эту гальку. Сколько тут камешков, столько существует вселенных. И в каждой вселенной – бесчисленные живые существа.

Преданные радовались, как дети, когда привели Свамиджи к ущелью, заросшему рододендронам – большие кусты были усыпаны белыми и розовыми цветами. Они чувствовали себя избранниками судьбы, которым выпала удача видеть Кришну глазами Свамиджи.

На следующее утро, когда Свамиджи снова захотел отправиться в парк, вместе с ним пошло уже гораздо больше преданных. От других они слышали, что во время прогулки у Свамиджи совсем другое настроение. Они уже хотели было показать ему новые тропинки вокруг озера, но он, ни слова не говоря, стал ходить взад и вперед по усыпанной гравием дорожке.

Через некоторое время группа учеников во главе со Свамиджи набрела на стаю спящих уток. Разбуженные шагами людей, утки закричали, захлопали крыльями и побежали прочь. Несколько преданных забежали вперед и стали разгонять их с дороги, чтобы Свамиджи мог пройти. В ответ утки обиженно закричали.

– Эй, утки! Кыш отсюда! – махнул на них преданный. – Не беспокойте Свамиджи!

Свамиджи тихо сказал:

– Как мы думаем, что они беспокоят нас, так и они думают, что мы беспокоим их.

Свамиджи остановился под раскидистым деревом и указал на птичий помет на земле.

– Что это значит? – спросил он, повернувшись к стоявшему рядом юноше.

Лицо Свамиджи было серьезным.

Юноша покраснел:

– Я... э-э... я не знаю.

Свамиджи молчал, задумавшись и ожидая объяснения. Преданные сгрудились вокруг него.

Пристально вглядываясь в узоры птичьего помета на земле, юноша думал, что Свами, вероятно, ждет, что он расшифрует некий скрытый смысл, который заключен в образовавшемся на земле рисунке, подобно тому, как люди предсказывают будущее, гадая на кофейной гуще. Он чувствовал, что должен что-то сказать.

– Это... э-э... экскременты, испражнения... э-э-э... птиц.

Свамиджи улыбнулся и повернулся к остальным, надеясь услышать ответ. Все как воды в рот набрали.

– Это значит, – сказал Свамиджи – что птицы (он говорил с сильным акцентом, и получалось «птыцы») жили на этом дереве больше двух недель, – он засмеялся. – Даже птицы привязаны к своим жилищам.

Когда они проходили мимо площадок для игры в шафлборд, где сидело несколько пожилых людей, игравших в шашки, Свамиджи остановился и повернулся к своим спутникам.

– Посмотрите, – сказал он – старые люди в этой стране не знают, куда себя деть и чем заняться. Поэтому они играют, как дети, бессмысленно растрачивая свои последние дни, которые человек должен посвятить развитию в себе сознания Кришны. Их дети уже выросли и ушли от них, и сейчас им самое время подумать о душе. Так нет же. Они заводят себе собаку или кошку и, вместо того чтобы служить Богу, служат догу. Этих людей можно только пожалеть. Но, если вы скажете им об этом, они не станут вас слушать. Их уже не свернуть с пути. Поэтому мы обращаемся к молодым, ищущим людям.

Когда Свамиджи с учениками проходил мимо пологой зеленой лужайки около Кезар-Драйв, ребята сказали ему, что это и есть знаменитый Холм хиппи. Ранним утром на пологом склоне холма и большом лугу, окруженном эвкалиптами и дубами, было тихо и спокойно. Но через несколько часов сотни хиппи соберутся здесь, разлягутся на траве, встретятся с друзьями и погрузятся в наркотический транс. Свамиджи предложил своим ученикам приходить сюда и проводить здесь киртаны.

Глава двадцать третья

Афера м-ра Прайса

К удивлению своему, нью-йоркские ученики Свамиджи обнаружили, что с его отъездом их духовная жизнь не остановилась, хотя поначалу им довольно тяжело было рано вставать и ездить в храм на утренние киртаны и лекции. Без Свамиджи все это казалось им бессмысленным. Но он сказал им, что нужно делать, и постепенно все поняли, что должны просто следовать его примеру или хотя бы подражать ему, как ребенок подражает своим родителям.

И со временем это принесло свои плоды! Поначалу преданные стеснялись говорить или вести киртаны и потому просто включали магнитофон с киртанами и лекциями Свамиджи, но вечером, когда в храм приходили гости, ребята чувствовали внутреннее побуждение читать лекции «вживую». Рая-Рама, Брахмананда, Сатстварупа и Рупануга по очереди давали короткие лекции и даже пытались отвечать на вызывающие вопросы все той же ниже-ист-сайдской богемы, которую, словно льва, полгода укрощал Бхактиведанта Свами. Все было довольно неустойчиво – Свамиджи явно не хватало – но при этом в храме ощущалось его присутствие. Преданные поняли, что и петь, и готовить, и раздавать прасад, и проповедовать можно самим.

Девятнадцатого января, через три дня после отъезда в Сан-Франциско, Бхактиведанта Свами написал своим нью-йоркским ученикам письмо. Эти ребята стали очень дороги ему, ведь теперь они – его духовные дочери и сыновья. Его родина, Индия, была далеко, но туда он даже и не думал писать. Будучи санньяси, он не испытывал ни малейшего желания поддерживать связь с членами своей семьи или родственниками. А что касается духовных братьев, то, неоднократно убедившись в их нежелании сотрудничать, Свамиджи не чувствовал потребности вступать с ними в переписку. Но, оказавшись в новом городе, среди новых людей и проведя первую успешную программу, Свамиджи захотел поделиться своей радостью с теми, кто больше всех горел желанием получить от него восточку. Кроме того, своим письмом он хотел подбодрить своих едва оперившихся учеников, которым он доверил движение сознания Кришны в Нью-Йорке.

Мои дорогие Брахмананда, Хаягрива, Киртанананда, Сатсварупа, Гаргамуни, Ачьютананда, Джадурани!

Пожалуйста, примите мое приветствие и благословения Гуру Гоуранги Гиридхари Гандхарвики. Вы уже знаете о нашем благополучном прибытии и о том, какой сердечный прием оказали нам местные преданные. М-р Аллен Гинзберг и еще человек пятьдесят или шестьдесят встретили нас в аэропорту, а когда я приехал к себе на квартиру, там нас ждали репортеры из газет, которые расспросили меня о моей миссии. Две-три газеты («Икземинер», «Крониклз» и т.п.) уже опубликовали статьи. Одно из газетных сообщений я прилагаю к этому письму. Хотелось бы, чтобы вы немедленно распечатали тысячу экземпляров этой статьи, а сто экземпляров как можно скорее послали сюда.

Я понимаю, что вам меня не хватает. Кришна даст вам силу. Физическое присутствие не столь важно – основой нашей жизни должен стать духовный звук, полученный от гуру. В этом залог успеха нашей духовной жизни. Если вы слишком остро переживаете разлуку со мной, то можете поставить на те места, где я обычно сижу, мои фотографии – это будет для вас источником вдохновения.

Я с нетерпением жду известий об окончательном результате переговоров по покупке здания. Я хотел бы провести торжественное открытие первого марта 1967 года. Для этого нужно сделать все быстро и слаженно.

Я так и не получил пленки для диктофона. А пленки с готовыми записями я отослал вам вчера. Пожалуйста, передайте мои благословения Шриману Нилу.

Шриман Раярама хорошо готовит и раздает прасад преданным, которых иногда набирается до семидесяти человек. Это очень воодушевляет. Я думаю, этот центр вскоре станет замечательным филиалом нашего общества. Здесь во всех отношениях хорошие перспективы.

Надеюсь, что вы живы и здоровы. Жду вашего скорого ответа.

Письмо помогло – особенно второй абзац. Брахмананда повесил его в магазинчике, на стене. Свамиджи ясно дал понять, что ученики его по-прежнему с ним неразлучны, а сам он – все

еще с ними, в Нью-Йорке. В этом было что-то необычное – служить духовному учителю в разлуке. Даже преданным в Сан-Франциско, которые видели Свамиджи каждый день, был еще неведом этот особый вкус. Занимаясь ежедневными делами, нью-йоркские преданные часто вспоминали письмо и размышляли над его словами: «Кришна даст вам силу. Физическое присутствие не столь важно – основой нашей жизни должен стать духовный звук, полученный от гуру. В этом залог успеха нашей духовной жизни».

Свамиджи написал, что они могут поставить на асану его фотографию, но ее ни у кого не было. Им пришлось попросить преданных из Сан-Франциско прислать им какой-нибудь снимок. Какой-то парень сделал несколько блеклых цветных фотографий и отправил их в Нью-Йорк. Одну из них преданные поставили на асану Свамиджи в его квартире. Помогло.

Для Бхактиведанты Свами письмо нью-йоркским ученикам было своеобразной вехой. В этом он видел основу своего всемирного движения: благодаря своим наставлениям, даже путешествуя из города в город, он мог одновременно находиться в разных местах.

Брахмананда, будучи управляющим нью-йоркского храма, часто звонил в Сан-Франциско.

– Пение и повторение мантры – это самое главное, – говорил он Хаягриве. – Мы всегда можем сесть и повторять. Мы начинаем понимать, что имел в виду Свамиджи, когда сказал, что служение в разлуке приносит больше наслаждения.

Бхактиведанта Свами регулярно (как минимум раз в неделю) писал ученикам в Нью-Йорк. Брахмананда, как правило, получал указания, касающиеся ведения дел: организовать покупку здания в Нью-Йорке; встретиться с м-ром Колменом и забрать у него пластинки с записью киртана; достать ленту с фильмом о преданных, который снял какой-то режиссер; изучить возможности издания «Бхагавад-гиты»... «Если мне будет помогать опытная машинистка, – писал Свамиджи Брахмананде, – мы сможем издавать по книге каждые три месяца. Чем больше у нас будет книг, тем больше нас будут уважать».

Сатсварупу Свамиджи просил транскрибировать пленки с текстом новой книги «Учение Господа Чайтаньи». Хотя Нил, который печатал для Свамиджи, поехал за ним в Сан-Франциско, на следующий день он куда-то исчез.

«У меня с собой три пленки, значит, у тебя должно быть пять, – писал Бхактиведанта Свами. – Только не потеряй». В своем письме Сатсварупа спрашивал о том, как ему обрести способность понимать духовное знание. «Ты искренний преданный Господа, – ответил Свамиджи, – поэтому Он, несомненно, наделит тебя необходимыми качествами, чтобы ты мог понимать духовные вопросы».

Рая-Рама получил письмо, в котором Бхактиведанта Свами вдохновлял его продолжать выпуск журнала: ««Назад к Богу» всегда останется той опорой, на которой будет держаться наше общество... ты должен постоянно думать о том, как его улучшить...»

Ачьютананда, один из самых молодых преданных (тогда ему было восемнадцать), теперь работал на кухне один. В письме, которое Бхактиведанта Свами адресовал пятерым преданным, его имя упоминалось пять раз. «Без Киртанананды на твои плечи, конечно же, ложится большая нагрузка, – писал он Ачьютананде. – Но чем больше ты служишь Кришне, тем сильнее становишься. Я надеюсь, твои духовные братья тебе помогают».

Гаргамуни, которому тоже было восемнадцать, Свамиджи советовал сотрудничать со старшими духовными братьями. Он спрашивал у Гаргамуни, навещал ли тот свою мать, и выражал надежду, что у нее все благополучно. Поскольку Гаргамуни был казначеем храма, Свамиджи наказывал ему: «При выписывании чеков будь предельно внимателен».

А Джадурани Свамиджи написал: «Я всегда вспоминаю тебя как самую замечательную девушку, поскольку ты с такой искренностью служишь Кришне!» Она сообщила ему, что ее бросил парень, и Свамиджи ответил: «Лучше выбери своим мужем Кришну. Он тебе никогда не изменит... Посвящай себя служению Ему круглые сутки и увидишь, какой счастливой ты станешь».

Рупануга написал Бхактиведанте Свами, что в Нью-Йорке температура опустилась ниже нуля, и два дня мело не переставая. Бхактиведанта Свами ответил:

Мне, конечно, было бы трудно перенести такую погоду, ведь я уже не молод. Я думаю, Кришна специально послал меня сюда, в Сан-Франциско, чтобы уберечь. Климат здесь совсем как в Индии, и я чувствую себя хорошо, хотя и не совсем – Нью-Йорк стал для меня родным домом, ведь там столько моих любимых учеников, таких как ты. Я тоскую по вас, так же, как и вы по мне.

Но благодаря сознанию Кришны все мы счастливы, где бы ни находились. Пусть Кришна всегда объединяет нас в трансцендентном служении Ему.

Слова духовного учителя и личный опыт прибавили веры молодым ученикам из Нью-Йорка. Для них служение в разлуке было духовной реальностью. Они делали успехи в повторении мантры на четках и продолжали поддерживать центр в своем городе. «Пока мы проводим хорошие киртаны – писал Бхактиведанта Свами, – у нас не будет никаких трудностей».

Но одна трудность все-таки оставалась – покупка здания. Пока Свамиджи был в Нью-Йорке, все шло гладко, но как только он уехал, начались проблемы. Вскоре после отъезда Бхактиведанты Свами в Сан-Франциско Брахмананда дал м-ру Прайсу тысячу долларов, и м-р Прайс пообещал преданным помочь приобрести здание. Услышав об этом, Свамиджи не на шутку встревожился.

По мнению местных преданных и попечителей, отдав тысячу долларов, вы пошли на необдуманный риск. Я знаю, что ты стараешься изо всех сил, но здесь ты допустил ошибку. Не думай, что я тобой недоволен. Это не так. Но мне говорят, что м-ру Прайсу никаких кредитов никто не предоставит. Он постоянно меняет тактику и под разными предложениями просто тянет время. Поэтому ты больше не должен платить ему ни цента сверх той суммы, которая уже заплачена. Если он снова попросит денег, категорически отказывай.

Бхактиведанта Свами помнил свою первую встречу с м-ром Прайсом – белокурым, элегантно одетым предпринимателем, с загорелым (несмотря на зимнее время) лицом, который называл его «Ваше Превосходительство». Одной этой фразы было достаточно, чтобы у Свамиджи пропало к нему всякое доверие. Бенгальцы говорят: «Чрезмерная преданность – признак вора». Свамиджи знал, что предприниматели вообще склонны к обману, а американские предприниматели – особенно. В том, что касалось денег, американские ученики Бхактиведанты Свами были просто малыми детьми, и он готов был шаг за шагом вести их, но сейчас, не советуясь с ним, они ввязались в нечестную игру, и не подписав никакого письменного договора, рисковали потерять большие деньги, принадлежавшие Обществу.

Бхактиведанта Свами присмотрел дом на улице Стьювзанта. Это старинное, хорошо сохранившееся здание благородных пропорций вполне подходило для его нью-йоркской штаб-квартиры. Оценивалось оно в сто тысяч долларов, и оставалось только раздобыть необходимую сумму. Но из Сан-Франциско Бхактиведанте Свами трудно было следить за ходом переговоров между Брахманандой и коммерсантами.

А ситуация усложнялась. Из писем и звонков Брахмананды выяснилось, что в сделке замешаны и другие люди. Помимо м-ра Прайса, в ней участвовал м-р Тайлер, владелец здания, адвокат м-ра Тайлера, на этот раз действующий от своего имени, а также адвокат ИСККОН, который тоже преследовал какие-то свои интересы.

Ученики Свамиджи, обычно послушные его указаниям, на этот раз пошли на поводу у коммерсантов, наслушавшись их обещаний (хотя духовный учитель предупреждал их не делать этого). Бхактиведанта Свами забеспокоился. Его проповедь в Сан-Франциско была омрачена опасениями, что коммерсанты обманут его Общество и помешают его планам относительно Нью-Йорка.

Поскольку у Свамиджи не было консультантов, к которым можно было бы обратиться, иногда он обсуждал эту проблему с Мукундой и другими преданными. Все соглашались, что сделка выглядела как-то уж очень подозрительно; Брахмананду, похоже, попросту водили за нос.

Однако сам Брахмананда считал м-ра Прайса человеком исключительным – ведь он был преуспевающим бизнесменом, да еще и горел желанием помочь! В отличие от прочих бизнесменов, не проявлявших никакого интереса к миссии Свамиджи, м-р Прайс был настроен вполне дружелюбно и охотно выслушивал все, что говорили ему преданные, а при встрече с ними приветствовал их «Харе Кришна!». Брахмананда не понаслышке знал, что финансовые возможности и социальный статус преданных оставляют желать лучшего. Почти все они когда-то были хиппи и практически не имели денег. А тут откуда-то взялся этот м-р Прайс, состоятельный человек, с алмазными запонками, который всегда был рад встрече, жал руку, хлопал по плечу, одобрительно отзывался о религиях Индии и нравственном образе жизни нью-йоркских преданных...

М-р Прайс приглашал их к себе и для каждого находил теплые слова. Хаягриве он сказал, что тот превосходный писатель, и что нет журнала лучше, чем «Назад к Богу». А что до его «самиздатовского» вида – так это даже добавляет ему притягательности, и смотрится он гораздо

лучше, чем многие популярные журналы! Он пообещал преданным подарить им свой кинопроектор. А в конце даже обмолвился, что если удастся покрыть кое-какие расходы, он просто передаст преданным здание.

Брахмананда встречался с м-ром Прайсом по несколько раз в неделю и всякий раз возвращался опьяненный большими надеждами. Благодаря покровительству этого богача, Движение сознания Кришны ожидал огромный успех. Вечером, после беседы с м-ром Прайсом, Брахмананда возвращался из его офиса и рассказывал преданным, что произошло на встрече. В свободные от публичных киртанов вечера преданные устраивали собрания – Свамиджи называл их ишта-гоштли – обсуждение слов духовного учителя. Но теперь главной темой этих собраний были переговоры с м-ром Прайсом.

В один из таких вечеров Брахмананда объяснил, зачем он отдал м-ру Прайсу тысячу долларов: м-р Прайс попросил «кое-что на предварительные расходы». Это было что-то вроде задатка. А еще ему требовалось съездить в Питсбург, посмотреть, не сможет ли он пожертвовать часть своего состояния на служение Кришне.

Кто-то из ребят спросил, дал ли он расписку, был ли подписан какой-нибудь договор. Свамиджи приучил их давать расписки – даже друг другу. Гаргамуни и Сатсварупа как казначей и секретарь аккуратно подписывали каждый чек, и чеки подшивались в папку. Это касалось даже таких вопросов, как «пятьдесят центов на шапочку» и «три доллара на тапочки». Брахмананда сказал, что говорил м-ру Прайсу о письменном договоре, но настаивать не стал. В любом случае, это было вовсе не так обязательно – скорее, даже нежелательно – ведь их отношения с м-ром Прайсом не были сугубо деловыми! М-р Прайс был доброжелателем, другом и благодетелем. Он собирался воспользоваться своими связями, чтобы помочь им заполучить здание. А тысяча долларов нужна ему для того, чтобы он мог доказать серьезность намерений преданных – что они не шутят и у них водятся деньги.

Кое-какие деньги у преданных действительно водились – десять тысяч долларов – половина из которых накопилась из небольших пожертвований, а вторую дал один богатый хиппи. Помимо пожертвований, у храма был постоянный ежемесячный источник дохода – четыреста долларов из зарплаты Брахмананды, который зарабатывал тем, что подменял учителей в школе, и четыреста долларов, которые получал Сатсварупа как работник службы социальной защиты.

Но о том, чтобы купить здание – какое бы оно там ни было – вообще речи быть не могло, и преданные это прекрасно знали. И было бы глупо в таком положении не положиться на м-ра Прайса, объяснял на ишта-гоштли Брахмананда. В конце концов, рассуждал он, Свамиджи сам вдохновлял их найти дом за сто тысяч долларов. Понятно, что он рассчитывал на чудо – кроме как на чудо надеяться было просто не на что. И чудом этим Брахмананда как раз и считал м-ра Прайса. Свамиджи хотел заполучить это здание. Не успел он прилететь в Сан-Франциско, как отправил в Нью-Йорк письмо: «Я с нетерпением жду известий об окончательном результате переговоров по покупке здания. Я хотел бы провести торжественное открытие первого марта 1967 года. Для этого нужно сделать все быстро и слаженно».

Преданные, собравшиеся на ишта-гоштли, с одобрением слушали объяснения Брахмананды и делились своим пониманием того, как действуют Кришна и Свамиджи. Кое-кто пытался возразить, но в главном сошлись все: отношения Брахмананды с м-ром Прайсом строятся правильно.

Вернувшись в Нью-Йорк, Киртанананда и Рая-Рама поговорили с Брахманандой, после чего тот отправился к м-ру Прайсу. Прайс пообещал, что в случае неудачи, по крайней мере, семьсот пятьдесят долларов он вернет (не считая расходов на поездку, связанную с интересами преданных). Но, как заверил м-р Прайс, неудачи не будет, и дом они получат.

Затем он сообщил Брахмананде последние новости: он нашел богатого финансиста, м-ра Холла, который уже почти согласился выплатить за здание его полную стоимость, все сто тысяч. М-р Прайс уже согласовал с ним этот вопрос (тот оказался его близким другом), и перспективы были многообещающими, но преданные, в свою очередь, тоже обязывались внести лепту в размере пяти тысяч. А остальное м-р Прайс согласился взять на себя.

Он назначил встречу на Парк-авеню своему другу, архитектору, и Брахмананда и Сатсварупа вместе с ними принялись рассматривать эскизы здания. Чтобы придать ему вид настоящего индийского храма, архитектор предложил добавить к фасаду арки, а если будет желание, то и купола. Храм получался просто изумительный! Разумеется, они даже не осмелились спросить, во что им это обойдется. Но и здесь м-р Прайс намекнул, что работы, возможно, будут

сделаны бесплатно. Под конец он налил себе и архитектору по стаканчику спиртного и того же предложил преданным (хотя знал наверняка, что они откажутся). Двое друзей чокнулись, улыбнулись и любезно провозгласили тост в честь друг друга и преданных: «Харе Кришна».

Спускаясь с преданными в лифте, м-р Прайс разглагольствовал о вере преданных в Бога. Он говорил, что кто-то может оспаривать существование Бога, но самое убедительное доказательство Его существования – личный опыт преданных.

– Вы испытали это на себе, – уверял м-р Прайс, – и это лучший аргумент. Это очень веское доказательство.

Ребята кивнули. Позднее, расставшись с ним, они со смехом вспоминали об их «возлиянии», но все еще не сомневались, что эти люди хотят им помочь.

Узнав о том, как разворачиваются события, Бхактиведанта Свами не разделил оптимизма своих учеников. Третьего февраля он написал Гаргамуни:

Вчера я разговаривал по телефону с твоим братом Брахманандой. Я рад, что м-р Прайс пообещал вернуть семьсот пятьдесят долларов в том случае, если продажа не состоится. Но ни при каких условиях вы не должны платить ему ни цента сверх того, что уже заплачено, – ни м-ру Прайсу, ни адвокату, – до тех пор, пока не будет подписан договор о продаже. Сейчас все это дело кажется мне каким-то темным, поскольку толком не понятно, за что мы заплатили тысячу долларов, – юристу за услуги или за недвижимость. Так дела не ведутся. Если нет договора, о какой сделке может идти речь? Если нет договора, зачем тратить столько времени и сил? Я этого не понимаю. И даже если договор был, то почему обстоятельства так быстро изменились? Это-то меня и тревожит. Если не было договора, зачем нанимать юриста? В любом случае, я прошу вас, прежде чем отдавать еще какие-то деньги, советоваться со мной. Но я надеюсь, что вам удастся успешно провести сделку без дальнейших проволочек.

Кроме того, Бхактиведанта Свами велел Гагамуни защитить те десять тысяч, что были в банке и ни в коем случае не выдавать никаких сумм, если при этом на счету останется меньше шести тысяч. Еще до всех этих событий Бхактиведанта Свами открыл счет, с которого преданные могли снимать деньги, но кроме него он открыл и свой личный счет. Теперь он попросил преданных перевести шесть тысяч долларов с их счета на свой. Он написал Брахмананде: «Я сам переведу эти шесть тысяч долларов, как только появится контракт на продажу дома».

Десятого февраля Бхактиведанта Свами написал Киртанананде:

Что касается здания, то я не ошибся в своих замечаниях о том, что четкого понимания в вопросе не было... В подобных сделках все должно быть четко и ясно. А здесь нет никакой ясности, все основывается лишь на доверии к м-ру Прайсу.

К первому марта ясность в этом деле должна быть достигнута, и давайте закроем этот вопрос. Думаю, это мое последнее слово. Вы уже взрослые ребята, примените свой разум и закончите эту сделку, не оттягивая ее на неопределенный срок. Однако, даже если мы не купим этот дом, не может быть и речи о том, чтобы прекращать нашу миссию на Второй авеню и переезжать в Сан-Франциско.

Пятнадцатого февраля Бхактиведанта Свами написал Сатсварупе:

Насколько мне удалось понять из писем Брахмананды, мы не сможем приобрести это здание по ряду причин. Главная причина в том, что у нас нет столько денег, и никто не собирается вкладывать в это здание наличные, поскольку оно требует ремонта и не рентабельно. Надежда на покупку этого здания – от начала и до конца утопия, а м-р Прайс просто кормит нас ложными обещаниями.

Все вы – просто наивные дети, у вас нет никакого житейского опыта. Этот хитрый мир в любое время может обвести вас вокруг пальца. Поэтому, пожалуйста, находясь в сознании Кришны, действуйте в этом мире осторожно. Когда Кришна захочет, здание само придет к нам.

Опасения Свамиджи подтвердились. Вскоре м-р Прайс написал ему с просьбой дать денег. Если м-р Прайса такой богатый, рассуждал Свамиджи, зачем ему просить деньги у него, Бхактиведанты Свами?

Семнадцатого февраля Бхактиведанта Свами написал м-ру Прайсу письмо, в котором намекнул, что перед совершением сделки у ИСККОН на руках должен оказаться контракт о продаже.

Если контракт будет подписан, я уверен, что мои ученики из Сан-Франциско и Нью-Йорка смогут собрать нужную сумму. Если же такого контракта нет, вся сделка висит в воздухе, и м-р Тайлер или его адвокат опять смогут изменить свои условия, как они это уже делали.

Намерения Бхактиведанты Свами были предельно ясны. Однако Брахмананда жаловался на плохую связь. Обстоятельства то и дело менялись, и Брахмананда не успевал получать от Свамиджи указания. А тот одно за другим посылал письма, и, хотя преданные должны были подчиняться всему, что он говорил, пока письмо шло, дела уже успевали принять совсем другой оборот. Свамиджи тоже иногда менял свое мнение, когда получал новые известия. Иногда Брахмананда звонил Свамиджи в Сан-Франциско, но не мог его застать. Он не рисковал передавать Свамиджи информацию через преданных, поскольку знал, что в Сан-Франциско скептически относились ко всей этой затее. Ведь если в Нью-Йорке появится здание, то храму Сан-Франциско придется пожертвовать тысячу долларов. А у калифорнийских преданных, конечно же, были свои планы, как расходовать средства для Кришны.

М-р Прайс попытался убедить нью-йоркских преданных, что, возможно, Свами не понимает, как ведутся подобные дела в Америке. Ведь Его Превосходительство (при всем к нему уважении) не может знать обо всех тонкостях товарно-денежных отношений в чужой стране. А просьба Его Превосходительства о контракте на покупку, была, по словам м-ра Прайса, столь же старомодной, как «юбка на обруче». Брахмананда и Сатсварупа не знали, что и сказать; эти замечания казались им богохульством. Но они уже попались в сети м-ра Прайса и продолжали с ним встречаться. Они ездили к нему, а после этого возвращались на метро на Вторую авеню, повторяя Харе Кришна.

Бхактиведанта Свами почти каждый день писал преданным в Нью-Йорк. Восемнадцатого февраля он написал Брахмананде письмо с пометкой «конфиденциально».

Итак, если ты считаешь, что он способен найти для нас деньги, если ты думаешь, что есть какая-то надежда, можешь продолжать переговоры. Но, ради Кришны, не давай ему больше ни цента, как бы он ни просил. Может быть, он честно старается, но у него ничего не выйдет. Таково мое мнение.

Пытаясь избежать дальнейших потерь в Нью-Йорке, Бхактиведанта Свами не прекращал свою активную проповедь в Сан-Франциско. Мукунда и его друзья организовывали для него много разных программ, и везде он встречал восторженный прием. В том же самом «конфиденциальном» письме Брахмананде он ярко описал «грандиозный успех» программ в колледжах на Побережье в Сан-Франциско. Эти программы, писал он, были подобны тем замечательным киртанам, что когда-то проводились в Томпкинс-сквере. Именно так следует распространять сознание Кришны, а не ввязываться в дела с хитрыми агентами по недвижимости.

Я вложил в конверт копию письма из Академии Гималаев. Почитай, как им нравится наше мирное движение. Поэтому мы не должны останавливаться. Ни один бизнесмен не возьмется помогать нам в нереальных планах, которые предлагает м-р Прайс. Мы должны действовать самостоятельно. Подводя итог, я скажу, что мы должны заключить договор с м-ром Тайлером о покупке здания в рассрочку и расширять наше движение, проводя как можно больше выездных программ.

Бхактиведанта Свами сделал все, что мог. Парням явно не хватало ума – они дошли уже до того, что не слушают его. Что ж... Деньги они собирали сами, и, если, несмотря на все его предостережения, все потеряют, что он может сделать? Поэтому он просто продолжил свою проповедь в Сан-Франциско и советовал нью-йоркским преданным также не сомневаться в том, что и им будет гарантирован успех, если они будут проводить киртаны.

Глава двадцать четвертая

Нью-Джаганнатха-Пури

Бхактиведанта Свами надел свитер с высоким горлом, закутался в чадар и в сопровождении нескольких учеников вышел из своей квартиры. Погода была прекрасная: синее безоблачное небо напоминало ему Индию. Часом раньше он послал нескольких учеников начать киртан, и только что одна девушка прибежала назад и взволнованно постучала в его дверь:

– Свамиджи, там столько народу!

Глиняные мриданги, которые он много месяцев назад заказал в Калькутте, наконец прибыли. Сегодня – фактически впервые в Америке – он будет играть на настоящей глиняной мриданге. Ребятам понравится. Он попросил обернуть мриданги тканью и предупредил преданных, чтобы были осторожны – глиняные барабаны очень легко бьются.

До парка было рукой подать. Свамиджи, как всегда, шел очень быстро, так что юные последователи едва за ним поспевали. Они прошли по улице Фредерика до Станьяна и повернули за угол у кондитерской лавки, которую облюбовали «Ангелы ада» (как, впрочем, и кое-кто из преданных). Выйдя на улицу Станьяна, они быстро прошли мимо автостоянки стадиона «Кезар», неясные контуры которого вырисовывались вдаль, а на перекрестке Станьяна и Уоллена Свамиджи, не останавливаясь и даже не взглянув на светофор, быстрым шагом вышел на проезжую часть. Один из ребят схватил его за руку:

– Стойте, Свамиджи – красный!

Но Свамиджи стремительно перебежал через дорогу.

Они пошли дальше, в сторону улицы Хэйт и скоро достигли парка. Миновав пруд с утками, фонтаном и растущей на островке ивой, они прошли мимо высоких красных деревьев и эвкалиптов, разливающих вокруг свой аромат. Были там и клены, и дубы, и ясени, и цветущие заросли кустарника, напоминающего азалию. Свамиджи сказал, что парк этот очень похож на Бомбейский, а город подобен святому месту, поскольку назван именем святого Франциска.

Пройдя пятиметровый тоннель со свисающими с потолка искусственными сталактитами, они оказались на дорожке, темной от высоких густых деревьев, обступивших ее с обеих сторон. Дорожка вела на луг, сплошь покрытый крошечными маргаритками и клевером и окруженный все теми же красными деревьями и эвкалиптами. До Свамиджи донеслись звуки каратал и гулкие удары литавр. Выйдя из-под сени деревьев, Свамиджи увидел покатый холм, усыпанный толпами молодых людей. Одни сидели, другие лежали и грелись на солнышке, третьи курили, четвертые запускали «летающие тарелки» или просто прогуливались; а у подножья холма его преданные проводили санкиртану.

Луг был посещаемым местом. Пролегающая рядом аллея вела в зоопарк и к теннисным кортам, поэтому по ней постоянно ходили туда-сюда люди. Но сегодня гуляющие толпились в одном месте, метрах в шестидесяти от поющих, и прислушивались к звукам киртана. Другие расположились ближе, метрах в пятнадцати, и слушали более внимательно. Сама группа киртана состояла из учеников Бхактиведанты Свами и нескольких десятков молодых хиппи, которые, сидя в тесном кругу или стоя рядом, пели, прихлопывая и покачиваясь в такт барабану и караталам.

Место киртана преданные украсили самодельными флагами. Это были полотнища размером примерно метр на метр, и каждый флаг символизировал какую-то религию. На трехметровом бамбуковом древке, воткнутом в землю, развевалось ярко-красное полотнище с мусульманской желтой звездой и полумесяцем. Рядом с ним колыбался флаг бледно-голубого цвета с темно-синей звездой Давида в центре. И тут же был желтый флаг с санскритской омкарой.

Ученики Свамиджи, с длинными волосами и в простой одежде, почти ничем не отличались от других танцоров и певцов, если не считать больших красных четок на шее. Несколько преданных танцевали, воздев руки к безоблачному небу, другие играли на музыкальных инструментах – караталах, литаврах и том, что принесли с собой преданные и хиппи. Хаягрива пришел со своим корнетом. Участвовали даже маленькие дети, и даже уличная собака с важным видом забежала в самый центр группы киртана. По воскресеньям лужайка у подножия Холма хиппи превращалась в сцену для всех любителей творчества, но сегодня гвоздем программы был киртан.

Свамиджи тоже присоединился к поющим. Неожиданно зайдя в круг, к удивлению и радости преданных, он сел и громким голосом запел, подыгрывая себе на мриданге.

Мукунда: Мы уже слышали, как Свамиджи играл на барабанах, и некоторые из нас ему подыгрывали, но когда он взял в руки глиняную мридангу из Индии, это было нечто совершенно иное. Было такое чувство, словно ты вновь встретил старого друга, которого не видел много, много лет. Это было в самую точку. Барабан звучал так красиво и естественно – а именно этого так не хватало нашим киртанам. Наш экстаз возрос во много раз, а Свамиджи был счастлив как никогда. То, как он держал барабан, с какой легкостью пальцы его воспроизводили на нем сложные ритмы, – все говорило о том, что барабан этот был как бы его старым, потерянным другом, которого он только что вновь обрел. Свамиджи играл на барабане так, как будто разговаривал с земляком. Вот тогда мы поняли, что такое настоящий киртан и как это должно выглядеть.

К Бхактиведанте Свами сразу же устремились взгляды всех присутствующих – уже одним своим возрастом и одеждой он выделялся из толпы: другие посетители парка были преимущественно молодыми людьми в джинсах, а Свамиджи уже перевалило за семьдесят, и, в отличие от остальных, он был одет в просторные шафрановые одежды. То, с какой радостью преданные приветствовали его, как они склонялись перед ним и с какой любовью на него смотрели, вызывало у остальных любопытство и уважение. Не успел он сесть, как его тесным кольцом окружили несколько детей. Он улыбнулся им и принялся стучать на мриданге, а они заворожено смотрели, как руки его выводят замысловатые ритмы.

Говинда даси: Приход Свамиджи придал нашему киртану завершенность и авторитетность, которых ей так недоставало. Теперь мы уже были не просто сан-францисскими юнцами, поющими «Харе Кришна» – с его приходом то, что мы делали, обрело историческую глубину и смысл. Теперь наш самостоятельный киртан как бы получил право на существование. Само его присутствие подтверждало то, что киртан имеет глубокие исторические корни. Вместе со Свамиджи в Голден-гейт-парк пришла вся династия духовных учителей и учеников.

После часового киртана Свамиджи остановился и обратился к толпе:

– Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Это звуковая вибрация, и мы должны помнить, что эти звуки духовны. Духовные звуки мантры обращены к каждому, даже к тем, кто не понимает смысла этих слов. Это сама красота. Даже дети откликаются на нее...

Свамиджи говорил минут пять, после чего снова начал киртан. Одна женщина, с длинными, растрепанными рыжими волосами и малышом на руках начала подпевать и пританцовывать, делая шаги вперед и назад. Какая-то парочка играла на бонгах. Субала, в облегающих вельветовых брюках и просторной белой рубашке, старался танцевать так, как учил Свамиджи, хотя при этом больше напоминал танцующего индейца. Маленькая девочка, не старше четырех лет, сидела, скрестив ноги, и с серьезным выражением лица пела, подыгрывая на караталах. Парень в больших, круглых солнцезащитных очках, стучал на кастаньетах. Равиндра-сварупа «гудел» на фисгармонии, медитативно покачиваясь взад-вперед. Позади него пел громогласный Хаягрива, так при этом раскачиваясь, что его длинные волосы и борода взметались в воздух. Рядом стояла девушка в обнимку с двумя парнями – все трое раскачивались в такт музыке и подпевали, счастливо и блаженно улыбаясь и наслаждаясь киртаном и солнцем. Какая-то девушка сидела и молча медитировала, другая – вызывающе танцевала, а рядом играл с двумя воздушными шариками пятилетний ребенок.

Свамиджи отложил мридангу, встал и, величаво и изящно переступая с ноги на ногу, заиграл на караталах.

Какой-то здоровенный негр танцевал со своей белой подругой так, словно оба они были в «Авалоне». Девушка так неистово трясла головой, что сквозь ее длинные, прямые волосы совершенно невозможно было разглядеть лицо. Справа от Свамиджи стояла светловолосая, сияющая Нандарани и тоже играла на караталах. Иногда Свамиджи прекращал петь и просто наблюдал за происходящим. Сжатые губы придавали ему строгий, но в то же время необычайно терпеливый вид.

Несколько молодых людей взяли за руки и, образовав хоровод, стали танцевать перед Свамиджи. Потом они окружили его: он же по-прежнему переступал с ноги на ногу, покачиваясь, и величественно хлопая в ладоши. Они танцевали вокруг него не разнимая рук, подпрыгивали, кружились и пели «Харе Кришна». Мягкий розовый цвет его одежды из кхади контрастировал с

пестрой одеждой хиппи. Необычный и удивительный, Свамиджи смотрел на поющих, словно благословляя их на исполнение киртана.

Танец этих молодых людей порой принимал причудливые и откровенно чувственные формы. Но именно так – через тело — они выражали себя. Они взлетали в воздух, подскакивая, как мячи. Иногда танцующие разрывали круг и, выстроившись гуськом, лавировали между шелковыми флагами и сидящими на траве людьми. Мускулистый парень вел за собой подругу с длинными черными косами и черной индейской повязкой на голове, а замыкал процессию юноша, который левой рукой держал за руку девушку, а правой подносил к губам деревянную флейту.

Свамиджи устал и сел на траву, рядом с медными литаврами. Прямой и серьезный, словно древний мудрец, он не прекращал играть на караталах и петь. Рядом в йогической позе сидела блондинка. Время от времени она нагибалась вперед – так, что лоб ее касался земли, и неясно было: то ли она молится, то ли демонстрирует свои способности. Другая девушка молитвенно протянула руки, выражая свои внутренние ощущения – физические и духовные – а ее золотые серьги слегка позвякивали. Какой-то мексиканец в клетчатой рубашке бил в тамтам. В толпе бегала белая овчарка, подходя то к одному человеку, то к другому.

Свамиджи выглядел добрым и благосклонным. Хиппи были в восторге. Среди танцующей, извивающейся, трясущейся и раскачивающейся молодежи он – единственный – держался в высшей степени благопристойно. Он совсем не был похож на страстных хиппи – движения его были величественны, как это свойственно людям его возраста.

Все происходящее на лугу, похоже, доставляло ему огромное удовольствие: ему нравилось смотреть на людей, танцующих вокруг и поющих «Харе Кришна», и, хотя восторг хиппи порой выражался в диких, чувственных формах, пение «Харе Кришна» сглаживало это впечатление, и на душе становилось светло и спокойно. Для Свамиджи главным было то, что киртан продолжается дальше и дальше. В шафрановых одеждах, которые неуловимо меняли свой цвет в лучах заходящего солнца, он смотрел на молодежь, как добрый любящий отец, никому ничего не запрещаая, но просто приглашая каждого присоединиться к пению.

Двадцатипятилетняя Линда Кац гуляла по парку, когда услышала звуки киртана. Там собралась огромная толпа, поэтому Линда без страха и стеснения подошла ближе. Ей понравилось, как поют, и она уже подумывала о том, чтобы присоединиться к общему веселью, как вдруг заметила Свамиджи, который вел киртан, и поразились, даже немного испугалась – никогда раньше она не видела такого серьезного человека. Вот это да!

Танцующие тоже ей понравились: и девушка с поднятыми руками и закрытыми глазами, похожая на раскачивающееся под ветром дерево, и красивый стройный юноша с вьющимися золотистыми волосами. Там же Линда заметила парня, которого знала по колледжу в Нью-Йорке. Этот чокнутый всегда носил светло-малиновую шерстяную шапочку.

Линда приехала в Сан-Франциско из Нью-Йорка всего несколько дней назад. У нее не было никаких определенных планов, если не считать желания найти учителя танцев и, если получится, окунуться в романтическую жизнь на Хэйт-Эшбери, о которой ходило столько слухов. Линда окончила Колумбийский университет, ее специальностью была древнегреческая литература, а кумиром – Сократ, который жил и умер во имя истины. Поняв, что ни один университетский профессор даже отдаленно не похож на Сократа, Линда решила сама начать жить во имя истины, посвятив себя науке, но вскоре ей это наскучило. Древнегреческая цивилизация оказалась мертвой идеей, а вовсе не живой истиной. Она ничего не давала сердцу.

Линда жаждала новых, волнующих ощущений и была готова очертя голову броситься в объятия сан-францисской богемы. Она приехала одна, сбросив модную одежду и облачившись в брюки клёш и старую футболку, но ей хотелось быть серьезной – и она никак не могла приспособиться к хиппи. Она чувствовала, что для того, чтобы влиться в их общество, ей нужно стереть с лица серьезное выражение и начать бессмысленно улыбаться. Поэтому даже в обществе сан-францисских хиппи она оставалась неудовлетворенной и потерянной.

Киртан в парке был самым прекрасным зрелищем из всего, что ей доводилось видеть. Танцующие раскачивались из стороны в сторону, воздев руки к небу, а в центре сидел и пел смуглый, седой и мудрый человек. Она подходила все ближе и ближе, и вскоре сама начала раскачиваться вместе с преданными в такт киртану. Потом она села и начала петь, желая понять, что все это значит.

Спустя час с небольшим, пожилой человек, наконец, остановил киртан, и Линда тут же разговорилась с какими-то преданными. Свами ушел, но несколько его последователей остались,

чтобы раздать листовки и приглашения на воскресный Пир Любви и собрать литавры и флаги. Один из них предложил Линде пойти с ними в храм.

Преданные казались ей чем-то похожими на хиппи, однако при том они не были просто лохматыми бродягами, как те хиппи, которых она видела раньше. С этими хотелось общаться. Маленький храм в бывшем магазинчике украшали полосатые хлопчатобумажные занавески и комнатные цветы, а когда Линда остановилась перед картиной с изображением поющих и танцующих людей, один из преданных объяснил ей:

– Это Господь Чайтанья со Своими преданными.

Кто-то дал ей прасада, и вечером Линда ушла, так и не повидав Свами.

На следующий день она приехала в храм к семи утра в надежде, что на этот раз ей удастся его увидеть. Она думала, что он заметил ее в парке и, может быть, вспомнит. Линда нарисовала портрет Свамиджи и хотела ему его показать. В то утро, все время, пока Свамиджи пел молитвы и вел киртан, она не сводила с него глаз. И когда он попросил присутствующих повторять вместе с ним на четках «Харе Кришна», она с радостью взяла у одного из преданных четки и попробовала повторять, как он. Когда Свамиджи начал читать санскритский текст, Линда была просто зачарована его звучанием. Если она не бросит изучать греческий, следующим ее языком непременно станет санскрит! Она слушала с неподдельным интересом, гордая тем, что, возможно, никто из присутствующих не понимал столько, сколько она.

Позже, в то же утро, она встретилась с Бхактиведантой Свами в его квартире.

Линда: В нашей первой беседе Свамиджи описал греческую культуру в двух предложениях. Он сказал, что первоисточником «Илиады» и «Одиссеи», а также философии Платона является «Шримад-Бхагаватам». Он меня заинтриговал. Конечно, я поверила ему, я не сомневалась, что все, что он говорит – правда. У меня не было сомнений. К тому же, он не возражал против моего преклонения перед Сократом. Он сказал, что Сократ тоже был преданным, но просто не показывал этого.

Затем он начал рассказывать мне историю, как Кришна украл масло, и я сказала:

– Да, я знаю. Я видела танец о Кришне, воришке масла.

Его это очень обрадовало, и он засмеялся:

– О, ты знаешь?

Эта встреча была для меня словно встреча со старым другом – у него я чувствовала себя как дома, в полной безопасности. Я поняла, что нашла то, что искала. Здесь я могла применить свой разум и задавать вопросы, которые интересовали меня еще в школе.

Бхактиведанта Свами дал Линде посвящение, назвав ее Лилавати. Видя ее горячее желание лично служить ему, он решил научить ее готовить и попросил приготовить для него обед. Он уже давал по воскресеньям уроки по кулинарии, на которых учил Джанаки, Говинда-даси, Нандарани и других преданных искусству готовить для Кришны. Теперь он пригласил на эти уроки и Лилавати. Он ходил туда-сюда по маленькой кухоньке, показывая девушкам, как месить тесто, готовить чапати, отмерять в правой ладони специи, резать овощи и жарить их в гхи с масалой. Это были простые блюда – рис, чапати, жареная цветная капуста с картофелем – но он хотел, чтобы девушки научились готовить их в совершенстве.

Мукунда: Однажды я пошел посмотреть, как Свамиджи учит готовить – просто из любопытства. Я вошел и встал в дверном проеме кухни. Женщины учились, а мне Свамиджи сказал:

– Ты что здесь делаешь?

– Э-э. Я просто пришел посмотреть на свою жену, – сказал я.

– Ты к жене своей собираешься вернуться или к Богу? – все засмеялись, и я, поняв, что я тут незваный гость, ушел.

Этот случай показал, насколько серьезен был Свамиджи. Во-первых, я понял, что не должен так привязываться к жене, а во-вторых, увидел, что то, как он общается с женщинами, совсем не похоже на обычные семейные отношения (зачастую чересчур фривольные). Это казалось чем-то священным. Он много часов проводил на кухне, обучая их, и это их очень вдохновляло.

Лилавати гордилась собой: у многих преданных не было даже диплома об окончании колледжа, не говоря уж об ученой степени. Иногда она печатала для Свамиджи, стирала его одежду или приносила по утрам в его комнату цветы. И вскоре именно ее он выбрал в качестве своего постоянного повара. Уже после нескольких уроков по кулинарии, Свамиджи сказал ей: «Ну

вот, теперь готовить будешь ты». С тех пор он заходил на кухню лишь время от времени, чтобы проверить, как у нее идут дела. Однажды, увидев, как она раскатывает чапати, он сказал: «О, ты очень хорошо научилась».

Правильно приготовить для Свамиджи обед – с нужным количеством специй и так, чтобы ничто не подгорело и было подано вовремя – было задачей не из легких. Под конец с Лилавати градом катил пот, и иногда она даже плакала от усталости. Но зато, когда она приносила Свамиджи обед, он просил ее поставить рядом еще одну тарелку, накладывал ей со своего подноса и приглашал отобедать с ним. Поначалу, в первые несколько дней, Лилавати расхваливала удивительный вкус прасада, на что Свамиджи улыбался или поднимал брови. Но постепенно она заметила, что он никогда не разговаривает во время еды, и кажется очень сосредоточенным, когда сидит, нагнувшись над подносом, со скрещенными ногами и правой рукой ест прасад.

Однажды, в экадаши, Лилавати пришла на кухню поздно, полагая, что в постный день готовить много не придется. Но когда она вошла на кухню, то увидела, что Свамиджи уже что-то увлеченно готовит. Что-то белое нагревалось в сковороде, а он быстро это помешивал и отскребал со дна.

– О, – сказал он, – а я тут думаю: «Куда подевалась эта девчонка?»

Лилавати чувствовала себя слишком виноватой, чтобы поинтересоваться, что Свамиджи готовит. Она просто быстро занялась овощами.

– Сегодня же пост, – сказала она, словно упрекая Свамиджи за то, что тот готовит.

– Пойми, – ответил он, – в сознании Кришны пост означает пир. Мы предлагаем это Кришне.

Лилавати по-прежнему не осмеливалась спросить, что это там такое белое и липкое кипит на сковороде. Вскоре он снял загадочное блюдо с огня и поставил на подоконник остывать.

– Скоро затвердеет, – сказал он, – и мы сможем нарезать его и раздать.

С этими словами он повернулся и вышел из кухни.

Когда Лилавати закончила и подала Свамиджи его «экадашный» обед, он попросил ее принести немного «того», с подоконника. Откусив кусочек, он остался доволен и попросил Лилавати позвать Мукунду и Джанаки, чтобы те тоже продегустировали новое блюдо.

Джанаки попробовала и воскликнула:

– Прелесть! Просто чудо! Потрясающе! Что это такое?

Повернувшись к Лилавати, Свамиджи спросил:

– Из чего это сделано?

– Не знаю, Свамиджи, – ответила она.

– Как не знаешь? Ты же стояла рядом со мной на кухне, и не помнишь?

Лилавати залилась краской:

– Свамиджи, я была очень занята и не видела ничего вокруг.

– Ты была без-умно занята, – ответил он и рассмеялся, и смеялся долго, пока Мукунда тоже не заразился его смехом. Лилавати стало стыдно еще больше.

Свамиджи попросил Джанаки определить на вкус, из чего сделано блюдо, но та не смогла сказать ничего определенного, кроме того, что оно сладкое. Затем он послал Лилавати вниз, за Говинда-даси и Гаурасундарой. Когда они пришли, Свамиджи попросил Лилавати:

– Принеси еще этого «просто чуда».

Снова, уже в присутствии четырех преданных, Свамиджи спросил у Лилавати:

– Итак, из чего же приготовлено это блюдо?

Та снова кинулась оправдываться, говоря, что была слишком занята и не заметила. Он опять засмеялся, и смеялся до тех пор, пока все остальные не захохотали вместе с ним. Затем он дал попробовать «просто чудо» Говинде даси и спросил, из чего, по ее мнению, оно сделано. Ответ последовал незамедлительно: из сахара, сливочного масла и сухого молока.

– Ого, – Свамиджи посмотрел на Лилавати, – она художник. Она разумна.

Для Лилавати весь этот эпизод был ужасным испытанием. Лишь потом она поняла, что Свамиджи пытался научить ее смирению.

* * *

В семь утра Бхактиведанта Свами спустился в храм и сел на возвышение. Рядом, на алтаре, стояла полуметровая статуэтка маленького Кришны, которую недавно принес Гурудаса. Левая рука Кришны покоилась на бедре, а правая сжимала посох. Гурудаса увидел Его в витрине

магазина импортных товаров и несколько раз подходил к директору и упрашивал продать ему статуэтку. Наконец, директор согласился и продал Кришну за тридцать пять долларов. Свамиджи дал Ему имя Картами-шайи, что значит «босс». Сегодня утром Свамиджи и Картами-шайи обнаружили в храмовой комнате всего шесть преданных, хотя вчера на вечерней программе яблоку негде было упасть.

– А где остальные? – спросил Свамиджи, и сам же ответил: – Спят? Нехорошо столько спать.

Он достал караталы и заиграл: «раз-два-три-и». Мукунда взял мридангу и начал ему подыгрывать, пытаясь вспомнить ритмы, которым недавно научил его духовный учитель. Не успел Свамиджи начать петь, как дверь распахнулась, и в храм ввалились несколько босых хиппи, от которых несло марихуаной. Оглядев алтарную, они уселись на пол, а Свамиджи тем временем запел «Гурваштакам», молитву духовному учителю.

Хотя никто из учеников не знал слов, всем нравилось слушать, как Свамиджи поет эту утреннюю молитву. Он пел не торопясь, выпевая каждый стих, несколько раз повторяя каждую строчку, сознательно входя в состояние чистой преданности своему духовному учителю.

Тут один из хиппи, молодой блондин с длинными, прямыми волосами и красной повязкой на голове, начал что-то бормотать, стонать и елозить на месте. Кто-то мягко попытался его успокоить, и парень ненадолго утих, но затем снова застонал. Свамиджи и его ученики давно уже привыкли к «обкуренным» хиппи, которые всю ночь где-то шлялись, а утром приходили в храм, порой принося с собой беспокойства. Впрочем, как правило, посетители вели себя смирно. Даже впадая подчас в странное состояние, они находили успокоение в пении «Харе Кришна» и пытались вобрать в себя энергию преданных. Но сегодняшний возмутитель спокойствия, казалось, был недоволен пением, словно оно как-то ему угрожало. Правда, вел он себя так, как будто сам пытался угрожать киртану.

Преданные захлопали в ладоши в такт с караталами Свамиджи, и когда тот запел «Харе Кришна», к нему сразу же присоединились несколько последователей, подхватывая и сольную, и хоровую части киртана. Серьезно глядя на взлохмаченную, заспанную молодежь, Свамиджи старался взбодрить слушателей, и преданные отзывались со всей решимостью.

Гости сидели в наркотической прострации – может, один или двое пытались петь со всеми. Но белобрысый парень с красной повязкой на голове упрямо продолжал мешать поющим своим вызывающим воем, словно пытаясь свести эффект пения на нет. Однако, невзирая на эти вопли, которые порой становились чересчур громкими и даже дикими, Свамиджи, а за ним и преданные, продолжали петь.

Мукунда и Хаягрива обменивались беспокойными взглядами, но выжидали, не зная, как тут поступить. Кое-кто был встревожен и даже напуган, но все помнили, как Свамиджи говорил недавно в своих лекциях, что опытные преданные остаются спокойными в любых обстоятельствах. Они следовали за ним не только в пении молитв, но и в реакции на этого назойливого гостя, поэтому ожидали знака.

А Свамиджи оставался спокойным. Несмотря на то, что киртан продолжался, не ослабевая, вот уже двадцать минут, безумие парня в красной повязке не проходило. По мере того, как киртан набирал силу, он все больше выходил из себя. Он вопил, как полоумный, издавая резкие крики, как рок-певец. Его возбуждение и гнев нарастали.

Когда преданные поднялись на ноги и начали танцевать, парень тоже присоединился к их танцу, но двигался он по-своему, крича и колотя себя в грудь. Мукунда заиграл на барабанах громче. Звуки стали нестройными – безумие диссонировало с пением. В конце концов Свамиджи завершил киртан.

Преданные склонили свои головы к полу, а Свамиджи речитативом прочитал санскритские молитвы в честь духовных учителей, Верховного Господа и святых мест.

– Слава собравшимся преданным, – сказал он в завершение.

– Харе Кришна, – откликнулись преданные.

– Слава собравшимся преданным.

– Харе Кришна.

– Слава собравшимся преданным.

– Харе Кришна.

– Большое спасибо, – сказал Свамиджи, а затем, как было заведено, попросил: – Повторите один круг.

Все сели, включая сумасшедшего хиппи. Преданные отложили в сторону барабаны и караталы, взяли свои большие красные четки и в унисон начали повторять джапу: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Повторив на бусине мантру один раз, они переходили к следующей бусине.

Удивленный таким поворотом событий, блондин громко проговорил:

– Улёт!

Когда звуки мантры наполнили комнату, парень вскочил на ноги и закричал:

– Пошли со мной!

Затем он крутанулся вокруг себя и, встав лицом к Свамиджи, завопил:

– Я БОГ! – Далее последовали громкие, продолжительные неистовые крики:

– УУУУУУУУ... ААААААА!... ОООООООО!

Он плакал, рычал, ревел, топал ногами. Словно пробуя голос, как малое дитя, он пытался издавать самые разные звуки. Вновь и вновь ударяя себя в грудь кулаками, он кричал:

– Я Бог!

Один из его приятелей вдруг заиграл на свирели.

Но Свамиджи продолжал повторять мантру, и преданные тоже пытались не останавливаться, не теряя присутствия духа, но в тоже время не сводя глаз с сумасшедшего и гадая, чем все это закончится. Затем парень издал последний пронзительный визг:

– Я БОГ! – и стремительно выбежав из комнаты, в гневе и отвращении хлопнул дверью и с воплями понесся по улице.

Магазинчик наполнился размеренной и спокойной джапой, и голос Свамиджи выделялся на фоне голосов преданных, повторяющих мантру. Минут через десять Свамиджи произнес: сарватма-снапанам парам виджайате шри-кришна-санкиртанам. «Слава совместному пению «Харе Кришна», стирающему грязь с зеркала ума и дарующему вкус нектара, которого мы всегда жаждем».

Свамиджи надел очки и открыл «Бхагавад-гиту» (по утрам он читал лекции по шестой главе). В комнате воцарилась тишина – все приготовились слушать. Ученики – а некоторые из них впитывали его наставления уже больше двух месяцев – внимательно поглощали неподвластное времени вечное послание парампары, которое в эти ранние утренние часы он передавал им, молодым людям, сидящим на ковре в маленьком магазинчике, в доме №518 по Фредерик-стрит на Хэйт-Эшбери.

Свамиджи читал лекцию о перевоплощении души. Глупцы, говорил он, стремятся к материальным приобретениям. Они не понимают, что со смертью тела всему этому придет конец. И нет ничего важнее духовной жизни, поскольку ее невозможно лишиться. Поэтому, даже если сознание Кришны дается с трудом, от него никогда не следует отказываться.

Бхактиведанта Свами снова подчеркнул, что преданный всегда остается невозмутим (что казалось весьма актуальным в свете утренних событий). Преданный всегда терпелив, объяснил он.

Свамиджи рассказал историю о Харидасе Тхауре – великом преданном и современнике Господа Чайтаны, которому пришлось вынести суровые побои от мусульманского судьи. Рассказывая историю, Свамиджи сымпровизировал диалог.

– Ты родился в такой хорошей семье, – сказал Харидасу судья, – а поешь «Харе Кришна»?

– Господин, – ответил Свамиджи за Харидаса, – ведь столько индусов стали мусульманами. Что плохого, если один мусульманин станет индусом?

Разыгрывая роли в диалоге, Свамиджи не менял в своем голосе ни тембра, ни акцента. Но, в совершенстве владея тонкостями искусства рассказчика, он ярко передавал характер каждого героя.

Судья угрожающе спросил:

– Ты смеешь со мной спорить?

Затем Свамиджи заговорил от автора:

– Итак, было решено, что Харидас подлежит наказанию. «Обзовите собаку и повесьте ее».

Свамиджи изобразил палачей, которые, хотя и беспрестанно избивали Харидаса, так и не смогли заставить его закричать от боли. В конце концов, обессилив, они сказали:

– Господин, вы должны были умереть, но мы видим, что вы живы. Теперь нас ожидает наказание.

Харидас: Чего же вы хотите?

Палачи: Мы хотим, чтобы вы умерли.

Автор: И тогда Харидас вошел в самадхи, и палачи принесли его к судье.

Судья: Бросьте его в воду. Не хороните его в земле. Он стал индусом.

Свамиджи закончил свой рассказ:

– Его били, а он продолжал повторять «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Он оставался безмятежен и непоколебим. Поэтому Господь Кришна говорит, что для человека высокого духовного уровня не существует страданий даже в этом мире, не говоря уже о другом.

Преданный ничего не теряет, объяснил Свамиджи, – даже если он не достигнет совершенства жизни или падет, то в следующей жизни снова родится человеком.

Чтобы проиллюстрировать свое утверждение, Свамиджи рассказал еще одну историю:

– Жил был царевич. Звали его Сатьяван. Астрологи предсказали ему раннюю смерть. Но одна девушка по имени Савитри полюбила его и захотела выйти за него замуж. Отец отговаривал ее: «Он же скоро умрет. Не выходи за него». Но она не послушалась и стала его женой. Пришло время, и юноша умер – лет через пять – и девушка осталась вдовой. Но любовь ее была так сильна, что она не отпускала его мертвое тело. И Ямараджа... Как по-английски называется тот, кто забирает после смерти тело или душу?.. Так вот, этот Ямарадж пришел, чтобы забрать к себе его душу. Но эта целомудренная девушка не отдавала тело своего мужа.

Свамиджи округлил глаза и голосом изобразил Ямараджа, бога смерти, который обратился к вдове Савитри:

– «Мой долг – забрать твоего мужа. Отпусти его. Иначе тебя тоже ждет наказание». Савитри отпустила мужа, но сама пошла за Ямараджей вслед.

Свамиджи слегка понизил голос – Ямараджа сжалился над девушкой:

– Дорогая моя, ступай домой. Я даю тебе благословение, что у тебя будет сын. Не убивайся по своему мужу.

Но Савитри не отставала. Ямараджа спросил:

– Зачем ты идешь за мной?

– Ты отбираешь у меня мужа, – ответил Свамиджи голосом Савитри. Хотя голос этот не похож был на женский, но в него Свами вложил и мысли, и чувства героини. – Откуда же у меня возьмется сын?

Свамиджи сказал:

– Ямараджа понял, что оказался в затруднительном положении, и вернул ей мужа.

– Итак, вы видите, существует определенный метод. Если вы примете сознание Кришны, тогда муж – то есть, человеческая форма жизни – вам гарантирован.

Преданные понимали мораль этой истории, но не могли взять в толк, какое отношение к их жизни имела эта женщина из истории. Но кто-то все же понял: если они примут сознание Кришны, их несчастная жизнь изменится к лучшему.

– Да, – продолжал Бхактиведанта Свами, – духовная жизнь – самая лучшая жизнь.

Он окинул сочувственным взглядом рассеявшихся перед ним на полу преданных.

– Если вы делаете что-то хорошее – это никогда не пропадет. Вы никогда больше не окажетесь в затруднении. И это замечательно.

Свамиджи закончил лекцию и спросил, есть ли вопросы. Одна девушка подняла руку:

– Вы говорите, что люди по глупости поклоняются фотографиям умерших – вы привели пример Джорджа Вашингтона и Ганди. Но разве фотография духовного учителя не может помочь полюбить его?

Свамиджи: Да, фотографии тех, кто находится на высоком духовном уровне, не отличны от них самих. Вот, к примеру, статуэтка Кришны – она не отлична от Самого Кришны. Изначальный Кришна и Его изображение – одно и то же. Или, например, когда мы поем «Харе Кришна»... Между Кришной и именем Кришны разницы нет. Понимаете? Вы думаете, что если мы не получаем от пения «Харе Кришна» какого-то духовного озарения, то просто зря теряем время? Нет. Мы не теряем времени зря. Мы пребываем в духовном восторге, потому что этой разницы нет. Точно так же, совершенный в духовном плане человек и его фотография – суть одно, поскольку и то, и другое находятся на абсолютном уровне. Вам ясно?

Говинда-даси (поднимает руку): Вы сказали, что человек в сознании Кришны, оставив тело, попадает на высшую планету?

Свамиджи: Нет. Если вы достигаете в сознании Кришны совершенства, то, покинув тело, отправляетесь напрямую к Кришне. Но если вы еще не совершенны, если вы прошли лишь какую-

то часть пути, вы получите возможность снова родиться человеком. Но тот, кто понял, что есть Кришна – как Он рождается, как действует – тот не возвращается в материальный мир. И что тогда? Куда он идет? Тйактва дехам пунар джанма найти мам эти. «Он идет ко Мне». Это значит – в духовную обитель Кришны.

Поэтому мы должны быть очень серьезны. Зачем сидеть и ждать очередного рождения – пусть даже в очень праведной и богатой семье или на другой планете? Благодаря человеческому телу вы можете достичь верха совершенства. Но чтобы прийти к этому, мы должны стараться и быть очень серьезными. Но мы несерьезны. Мы очень несерьезны. На самом деле, человеческая цивилизация подразумевает, что люди должны очень серьезно стремиться к достижению совершенства человеческой жизни – такова совершенная цивилизация. Именно этого сейчас и не хватает.

Несколько минут Свамиджи сидел молча, не двигаясь. Никто в аудитории не издал ни звука. Тогда он взял караталы и, громко заиграв на них, запел: говинда джая джая, гопала джая джая. Преданные повторяли за ним:

говинда джая джая
гопала джая джая
радха-рамана хари
говинда джая джая

Таково было желание Бхактиведанты Свами – чтобы уже в этой жизни его ученики полностью развили в себе сознание Кришны. И это было возможно – ведь могущество пения «Харе Кришна» не знает границ. А если что-то оставалось непонятным, он готов был объяснить. Говинда-даси не понимала; она думала, что цель преданного – райские планеты. Но теперь она поняла.

Он просил их стать серьезнее. Он знал, что иногда они ходят в закусочную за пончиками и время от времени позволяют себе покурить после киртана, и терпеливо всё это сносил. Но он не скрывал, что ждет, когда они по-настоящему станут серьезными. Если такого не случится, они, конечно могут попасть на какую-нибудь райскую планету этой вселенной; но что в этом хорошего? Жизнь человека предназначена для достижения совершенства, а прежде чем родиться человеком, требуется пройти через множество форм жизни. Поэтому они должны стать серьезными.

– Но, – сказал он, – мы не серьезны.

После киртана Бхактиведанта Свами вышел из храма и отправился к себе. Хаягрива повернулся к Харидасу и спросил, почему никто не выдворил этого сумасшедшего на улицу.

– В Нью-Йорке, – сказал Хаягрива, – Брахмананда сразу бы выставил его за дверь, не дожидаясь, пока тот разбуянится.

– С местными хиппи, – объяснил Харидас, – надо быть осторожными. Тактичными то есть. Здесь считается, что, если кто-то ходит под кайфом от ЛСД, то этим самым он выражает почтение к Богу, и его нужно терпеть. Они заходят, скажут и вопят, но мы их и пальцем не можем тронуть, ведь они – святые ЛСД. Если бы сегодня утром мы что-нибудь сделали этому парню, на нас бы ополчилась вся округа. «Диггеры», которые живут по соседству, очень шумные, но во время наших лекций они выключают свой музыкальный автомат. Они относятся к нам очень дружелюбно, дарят нам одежду и помогают украшать храм. Иногда туда заваливаются «ангелы ада» и поднимают ужасный шум, а бывает, что они даже сюда заходят. И тогда с ними нужно быть ласковыми. От них можно всего ожидать.

В то же утро несколько «ангелов ада» устроили в магазине «диггеров» драку. Через стены преданные слышали гулкие удары и крики – здоровенный негр бил троих «ангелов». Драка закончилась только с приездом полицейской машины и кареты скорой помощи.

После этого с десятков человек, обсуждая потасовку, зашли в храм. Харшарани поставила несколько дополнительных тарелок для гостей.

* * *

Мартовским днем восемнадцатилетний Уэйн Гандерсон шел по тротуару, как вдруг к его ботинку пристал какой-то клочок бумаги, который ветром несло по улице. Он попытался сбросить его прямо на ходу, но листок не отставал. Тогда Уэйн остановился и еще раз попробовал

отделаться от него, но безуспешно. Подняв его, Уэйн обнаружил, что это листовка – «Вечный кайф» – приглашающая на лекции Свами Бхактиведанты на улицу Фредерика, 518.

Уэйн, воспитанный молодой человек, работающий в почтовом отделении, приехал в Хэйт-Эшбери, как и многие другие, чтобы принять участие в революции. Он посещал рок-концерты и тусовки в парках, рылся в книгах и плакатах в «психоделических» магазинах, делил квартиру с подружкой (и еще одной парочкой) и принимал наркотики. Но сам он был тихим, вежливым и любил уединение. Одевался он не как все хиппи, а носил обычную чистую одежду и причудливую, странного вида спортивную кепку.

Листовка о Свами пришлась очень кстати – Уэйн как раз собирался в Индию на поиски гуру. Он решил зайти на Фредерик-стрит и посмотреть на Свами Бхактиведанту.

К своему удивлению, по указанному адресу он обнаружил простой магазинчик. Юношу особенно поразил портрет Свами в витрине – это был не улыбающийся, бородатый «йоги», а свами с обритой головой и суровым взглядом.

Уэйн вошел. Все было как и везде на Хэйт-Эшбери – повсюду сидели хиппи. Но Уэйн заметил нескольких человек, у которых на груди, словно гирлянды, висели большие красные четки. А в дальнем конце комнаты он увидел Свами. Когда тот запел «Харе Кришна», Уэйна это очень впечатлило, а лекцию он счел «решительной» и «основательной». Свамиджи постоянно подчеркивал: «Мы – не тела». А говоря о Кришне, описывал Его так, что казалось, будто он вас с Ним знакомит.

После нескольких визитов Уэйн набрался смелости и спросил:

– Можно ли заниматься хатха-йогой и в то же время практиковать сознание Кришны?

– Ну зачем тратить столько времени на тело? – ответил Свамиджи, и Уэйн почувствовал, что тот видит его насквозь. – Ведь вы – не тело.

Он сказал это так внушительно, что впечатлительному Уэйну захотелось провалиться сквозь пол.

– Тело не так важно, как душа, – объяснил Бхактиведанта Свами, – поэтому мы не должны уделять ему так много времени, преувеличивая его нужды.

Затем он улыбнулся и добавил:

– Более того, все виды йоги находят высшее выражение в сознании Кришны.

И Уэйн почувствовал, как улыбка Свамиджи внезапно вывела его из подавленного и удрученного состояния.

Несколько недель спустя он попросил о посвящении. Когда преданные велели ему подняться наверх и поговорить со Свами, Уэйн сначала поехал домой и заучил свои слова. Предполагая, что может сказать Свамиджи, он заранее подготовил ответы и «прокрутил» в уме всю беседу от начала до конца. Затем, волнуясь, он подошел к двери квартиры Бхактиведанты Свами.

Но не успел он постучать, как дверь распахнулась. На пороге стоял сам Свамиджи и смотрел на него – взгляд его был не суровым, как на портрете, а добрым – казалось, он ждал его прихода.

– Да, – сказал он, – проходи.

Это маленькое событие разрушило, словно карточный домик, всю заранее заготовленную беседу Уэйна. Он заключил, что Свамиджи может читать мысли, и, пытаясь выкинуть из головы все дурное, вошел в квартиру.

Свамиджи опустил в кресло-качалку, а Уэйн (вообще-то обычно он сидел на полу) – на единственный стул. Он тут же почувствовал себя неловко, поскольку понял, что правильнее было бы сесть у ног Свамиджи. Но ему не хватило решимости, чтобы исправить ошибку, поэтому он остался сидеть на стуле и нервно мял в руках свою спортивную кепку.

– Свамиджи, – сказал он, – я хотел бы стать вашим учеником.

Свамиджи не задумываясь согласился. Он спросил, сможет ли Уэйн следовать регулирующим принципам, и тот кивнул, хотя не совсем понимал, какие такие принципы Свамиджи имеет в виду, и тогда Бхактиведанта Свами спросил, чему ему тяжелее всего следовать.

– Ну, – ответил Уэйн. – Мне трудно отказаться от мяса.

Это была ложь – Уэйн уже был вегетарианцем. Но он стыдился признаться, что его настоящей проблемой было неконтролируемое сексуальное желание. Свамиджи засмеялся:

– Э, да это не проблема. Мы дадим тебе прасад. Ты можешь получить посвящение на следующей неделе.

Затем Уэйн спросил, сможет ли он поехать в Индию. Он думал, Свами обрадуется, что его новый последователь хочет посетить его родную страну. Но Свамиджи, похоже, это не понравилось:

– В Индию? Зачем в Индию?

Уэйн вспомнил... Ведь он хотел поехать в Индию только для того, чтобы найти гуру.

– М-м-м, – замялся он. – Чтобы выучить санскрит.

– Я научу тебя санскриту, – пообещал Свамиджи.

Итак, нужда ехать в Индию отпала, и на следующей неделе он получит посвящение от настоящего гуру – прямо здесь, в Сан-Франциско.

Преданные помогли Уэйну подготовиться к церемонии. Хаягрива одолжил ему свое дхоти, – отрез желтой ткани, который для Уэйна оказался слишком велик. Посредине магазинчика преданные подготовили место для жертвоприношения – земляное возвышение, дрова, цветные порошки и цветы.

Во время церемонии Уэйн волновался. Когда Свамиджи пел мантры, он не мог разобрать слов и поэтому просто наугад шевелил губами. А когда началось огненное жертвоприношение, он даже немного испугался: он не думал, что посвящение окажется таким серьезным делом. Он смотрел, как Свамиджи с серьезным видом разводит огонь и читает мантры, а когда тот назвал новое имя Уэйна (Упендра), юноша толком его не расслышал и еще больше разволновался. Затем церемония закончилась, Свамиджи встал и стремительно вышел.

Упендра: Кто-то напомнил мне, что я должен подняться наверх и сделать Свамиджи подношение. И я решил подарить ему свое детское одеяло и пляжное полотенце. Не то, чтобы у меня не было денег – просто эти вещи представляли для меня определенную ценность, и я хотел подарить их Свамиджи. Я поднялся к нему. Он сидел на краю своего матраса. Я вошел, поклонился и поднес ему свои дары. Он взял одеяло в одну руку, а полотенце в другую, и, посмотрев сначала на одно, а потом на другое, сказал: «Эти вещи бесполезны», – и бросил их на пол.

Мне стало очень больно, и я не мог вымолвить ни слова. Я просто сидел и молча страдал. Потом попросил прощения и вернулся к себе.

На следующий день я пришел к нему вечером. Мое пляжное полотенце и одеяло лежали на полу в его комнате, чтобы гостям было на чем сидеть. Я почувствовал удовлетворение, что он нашел моим подаркам какое-то применение.

Свамиджи подозревал Упендру в том, что тот не следует обетам, поскольку по-прежнему живет со своей подругой. Упендра чувствовал себя виноватым, но никак не мог оставить незаконный секс и прием наркотиков. Он хотел честно признаться в этом Свамиджи, но никак не мог себя заставить. Кроме того, он думал, что если даже и исповедует, то чем ему это поможет? Подруге Упендры сознание Кришны не нравилось, знакомиться со Свамиджи она не желала, а в храм приходила отказывалась. Поэтому Свамиджи решил, что вместо того, чтобы женить Упендру, он его спасет.

Свамиджи решил сделать из Упендры брахмачари. Хотя в Сан-Франциско у Бхактиведанты Свами насчитывалось порядка двадцати пяти учеников, едва ли кто-нибудь из них был настоящим брахмачари. Единственным, кто мог претендовать на это звание, был Джаянанда, который был немного старше других. Он работал таксистом и целый день, даже за рулем, повторял «Харе Кришна». А в свободное от работы время шел в храм, где готовил или выполнял любое другое служение, какое только мог найти. Иногда он приходил к Свамиджи и с другими преданными сидел в его комнате. Он был известен своим серьезным отношением к джапе: скрестив ноги и крепко закрыв глаза, обеими руками держа четки и раскачиваясь взад-вперед (так, что почти доставал до пола), позабыв об окружающем мире, он внимательно повторял мантру. Он был серьезен. Только так и можно было оставаться брахмачари. В Нью-Йорке у Свамиджи было с десяток брахмачари, но более легкомысленное настроение последователей в Сан-Франциско делало такой образ жизни менее приемлемым.

В традиционном обществе древней Индии жизнь брахмачари начиналась в возрасте пяти лет. Родители посылали своего сына в гурукулу (дом духовного учителя), где тот получал начальное образование, духовные наставления и под наблюдением гуру учился строгой нравственной дисциплине. Даже Господь Кришна, являя на земле Свои божественные игры, посещал гурукулу, смиренно служа Своему духовному учителю.

Главный принцип жизни брахмачари состоял в воздержании от секса. Соблюдая безбрачие, ученик развивал у себя сильную память и самообладание. А если, закончив обучение, он решал жениться, то и тогда его половая жизнь подчинялась дисциплине. Но хотя уклад брахмачарьи был необходим для здорового общества, Бхактиведанта Свами стал свидетелем того, как за несколько десятков лет в Индии произошло быстрое и практически полное его разложение.

В Америке в этом отношении все было гораздо хуже. В «Шримад-Бхагаватам» есть история о молодом брахмане, Аджамиле, который сошел с пути духовной жизни, увидев, как пьяный мужчина обнимает полуголую проститутку. В Америке же подобное было в порядке вещей. И как только молодой брахмачари выходил на улицу, он тут же сталкивался со множеством соблазнов. Но Свамиджи верил, что мантра «Харе Кришна» надежно защитит его учеников, даже в Америке, – если они будут регулярно ее повторять и искренне стараться следовать всем правилам. Сам Кришна их защитит.

Свамиджи попросил Упендру переехать к нему и стать его личным слугой, так как бывший слуга, Раначора, недавно бросил свое служение.

Хотя Раначора и считался брахмачари, он был слишком легкомыслен, а в Нью-Йорке даже соблазнил одну из девушек-преданных. Узнав об этом, Свамиджи поинтересовался у этой преданной, почему она связалась с ним, если не собиралась выходить за него замуж? Вопрос этот так обескуражил девушку, что она не нашла, что ответить. Свамиджи пристыдил ее: «Вы, девушки, не должны становиться дешевками», – и предоставил Раначоре еще один шанс. Но тот так и не образумился. На киртане в «Авалоне», во время которого Раначора играл на барабане, ему так понравился танцзал, что он под любым предлогом начал увиливать от своего служения, чтобы сходить в «Авалон» в поисках новых подруг. И однажды он ушел и не вернулся. Как сообщил Свамиджи один преданный, «он просто исчез в огне светомузыки». Впрочем, еще раз Раначора все-таки пришел – попросить у Свамиджи денег на дорогу домой, в Нью-Йорк.

Упендра, несмотря на всю свою слабость, тянулся к Свамиджи и любил его общество. Иногда, с одним или двумя преданными, он поднимался к нему, и они просто садились напротив своего духовного учителя, который в это время работал, сидя на тоненькой подушке за низким столиком. Свамиджи продолжал читать или писать, а Упендра, наслаждаясь его обществом, просто сидел и смотрел, как он работает. Минут через десять Свамиджи поднимал глаза и говорил:

– Ну хорошо, достаточно.

Ребята кланялись и уходили. Иногда Упендра ходил смотреть, как Свамиджи обедает, и тот брал со своей тарелки немного риса и овощей, заворачивал их в чапати и давал Упендре. Хотя прасад был тот же самый, что раздавали внизу преданным, Упендре казалось, что у Свамиджи гораздо вкуснее.

Однажды, когда Упендра был со Свамиджи наедине, тот спросил его:

– Ты живешь с девушкой и людьми, употребляющими наркотики?

Упендра еще раз убедился, что Свамиджи умеет читать мысли и знает о его жизни все.

– Да, – сознался он, – но я не занимаюсь...

– Это не хорошо, – перебил его Свамиджи.

– Свамиджи, но я не занимаюсь с ней сексом!

– Где есть парень и девушка, – сказал Свамиджи, – там будет и секс. Ты должен переехать и жить со мной.

Упендра просиял от счастья:

– Да, переезжаю прямо сейчас.

Прихватив кое-что со своей квартиры, а остальное – оставив подружке, он переехал к Свамиджи, в переднюю комнату. Так он стал его личным слугой.

Свамиджи попросил его не бросать работу. Упендра заканчивал примерно в полночь, после чего возвращался на квартиру. Свамиджи никогда не запирал дверь, зная, что он вернется. Обычно вскоре после того, как Упендра запирает дверь, забирается в спальный мешок и засыпал, его будил голос Свамиджи, который надиктовывал «Учение Господа Чайтаньи». Упендра снова задремывал и вставал около шести.

Теперь он всегда ходил радостный: он наслаждался близким общением с духовным учителем.

– Я хочу только одного, – часто говорил он другим преданным, – стать собакой Свамиджи.

Однажды Упендра читал про себя «Шримад-Бхагаватам»:

Эта тема столь совершенно изложена устами Шрилы Шукадевы Госвами, что любой искренний слушатель, со смирением внимающий этому посланию духовного мира, сразу же сможет ощутить его неземной вкус, совсем не похожий на извращенные вкусы материального мира. Мягкий и спелый, плод этот не падает случайно с высшей планеты, Кришна-Локи, но аккуратно передается по цепи ученической преемственности, неповрежденный, неизменный и по-прежнему спелый и сладкий.

– У тебя нет никаких вопросов? – спросил Свамиджи.

Упендра оторвал глаза от книги:

– Нет, Свамиджи, я согласен со всем, что вы говорите.

Наблюдая, как читает Упендра, Свамиджи улыбнулся и начал сильно раскачиваться в кресле-качалке. Затем он показал ему, как правильно держать книгу – на ладонях, «над коленями, но не на них». Этот совет еще больше разжег в Упендре желание порадовать духовного учителя чтением его книг.

Упендру по-прежнему беспокоили сексуальные желания, и он подумывал о том, чтобы жениться, хотя толком не представлял, что представляет собой семья в сознании Кришны. Как, недоумевал он, можно жениться на той, кого не любишь? И как это – любить без секса? Его так и подмывало спросить об этом Свамиджи, но он не решался и, набираясь смелости, ждал пока подвернется подходящий момент. Однажды, войдя в комнату Свамиджи, он увидел, что тот рассказывает по ней взад-вперед, от одной стены, с тремя большими эркерами, выходящими на Фредерик-стрит, до другой, где стояло его кресло-качалка. Упендра решил, что пришло время задать свой вопрос.

– Свамиджи, – начал он, – можно спросить?

– Да, – Свамиджи остановился.

– Если парень не спит с девушкой, то как он сможет научиться ее любить?

Свамиджи снова начал ходить взад-вперед, перебирая четки. Через минуту он повернулся и тихо сказал:

– Любить? Любовь предназначена для Кришны, – он подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу. – Тебе нужна девушка? Выбирай.

Свамиджи указал на женщин, идущих по улице:

– В этом мире нет любви. Любовь предназначена для Кришны.

Со временем Упендра начал замечать, что благодаря благотворному влиянию Свамиджи, сексуальные желания беспокоят его все меньше. Упендра понял, что он душа, а не материальное тело, а вечная природа души – любить Кришну, и что чистый преданный (каким был Свамиджи) уже отдал свою любовь Кришне.

Его желание стать слугой Свамиджи становилось все больше и больше. Он постоянно думал о том, какие для него покупать продукты, как сделать так, чтобы ему было удобно. Однажды, страстно желая послужить Свамиджи, Упендра посетил «Психоделический магазин». Он слышал, что недавно туда завезли печатные издания из Индии, поэтому зашел туда, выбрал несколько плакатов с изображением Господа Кришны и принес их духовному учителю.

В комнате Свамиджи, на его столике, Упендра вместе с другими преданными один за другим разворачивал плакаты, желая посмотреть на его реакцию. Казалось, что Свамиджи увидел фотографии старого друга. Он был доволен. Хаягрива высказал замечание по поводу некоторой безвкусицы индийских религиозных плакатов, но Свамиджи объяснил, что техника не имеет значения. Важно то, что это изображения Кришны, и выполнены они в соответствии с описаниями Вед. Для преданного они прекрасны, поскольку не отличны от Кришны.

Один плакат Свамиджи особенно понравился: Господь Кришна, освещенный светом луны, стоит на берегу Ямуны и играет на флейте. Этого Кришну называют Говиндой. Свамиджи поднял изображение и процитировал стих:

смерам бханги-трая-паричитам сачи-вистирна дриштим
вамши-ньястадхара-кишалайам уджджвалам чандракена
говиндакхьям хари-танум итах кеши-тиртхопакантхе
ма прекшиштхас тава яди сакхе бандху-санге 'сти рангах

Он взял лист бумаги и начал что-то писать, а преданные смотрели на него, затаив дыхание. Было слышно, как ручка царапает бумагу. Затем он прочитал:

«Мой друг, если ты все еще хочешь наслаждаться мирской жизнью, обществом, дружбой и любовью, пожалуйста, не смотри на юношу по имени Говинда, который стоит, изогнув в трех местах Свое тело, улыбается и играет на флейте, а губы Его освещает полная луна».

– Ямуна, ты можешь это красиво переписать?

Свамиджи знал, что Ямуна была профессиональным каллиграфом. Он попросил ее красиво переписать текст и вместе с плакатом повесить его в храме, рядом с асаной. Он хотел смотреть на плакат во время киртанов.

Упендра думал и молился: «Если я буду неуклонно служить Свамиджи, у которого столько любви к Кришне, то тоже поднимусь над материальным миром». Он понимал, что, поскольку он не может видеть Говинду так, как видит Его Свамиджи, то должен служить ему, чистому преданному Говинды, и так очиститься.

– Я просто хочу стать псом Свамиджи, – сказал Упендра, выходя из дверей.

* * *

Свамиджи строго-настрого наказал ученикам в Нью-Йорке не давать м-ру Прайсу ни цента, пока не будет готов договор купли-продажи. Он все еще надеялся купить это здание. Четвертого марта Свамиджи написал Брахмананде: «Я надеюсь, что когда снова приеду в Нью-Йорк, то войду в новый дом». А седьмого марта он написал Рая-Раме : «Я очень рад, что и у Брахмананды, и у тебя, и у всех остальных есть духовная смелость, чтобы идти на риск ради Кришны. Благодаря этому ваша слава в сознании Кришны возрастет». Но он не хотел, чтобы они попались на удочку ложных обещаний.

А м-р Прайс тем временем попросил преданных передать пять тысяч долларов его другу, финансисту, м-ру Холлу, который согласился добавить еще двадцать тысяч и отдать этот задаток м-ру Тайлеру, владельцу здания. М-р Прайс хотел, чтобы Брахмананда убедил «Его Превосходительство», что, если преданные всерьез рассчитывают получить здание, переговоры должны вестись именно так, и никак иначе.

Брахмананда написал Бхактиведанте Свами письмо с просьбой перевести на счет ИСККОН пять тысяч долларов, чтобы попечители Международного общества сознания Кришны могли в любое время брать деньги. Свамиджи согласился, но с условием, что подпись под чеком будут ставить двое: президент и секретарь – поскольку «главными ответственными лицами при покупке здания являются Брахмананда и Сатсварупа, а Киртанананда со своим кухонным отделом – лишь подспорье». Но Свамиджи предупредил, что чек должен быть выписан на имя продавца, м-ра Тайлера, а не м-ра Холла. «Деньги, как и общество, принадлежат вам, – писал Свамиджи, – и вы можете тратить их как сочтете нужным, но мой долг – как вашего вечного благожелателя – давать вам советы».

Вскоре м-р Прайс пригласил Брахмананду на встречу с м-ром Холлом, посоветовав ему сразу приготовить чек на пять тысяч. По дороге м-р Прайс объяснял, что м-р Холл, пожалуй, самый крупный агент по продаже недвижимости на всем Манхэттене – мульти-мульти-миллионер. Он владеет небоскребами и не привык размениваться по мелочам. Когда Брахмананда вошел к м-ру Холлу, то подумал, что офис у него точь-в-точь как в голливудских фильмах – конференц-зал раз в десять больше храмовой комнаты на Второй авеню. Во главе огромного овального стола восседал сам м-р Холл. В комнате стоял полумрак. Фигура хозяина, который сидел перед батареей телефонов, была освещена прожекторами. Во время беседы он несколько раз прерывался, поднимал трубки телефонов и разговаривал с людьми в разных частях страны.

– Молодой человек, – сказал м-р Холл Брахмананде, – мы хотим помочь вам приобрести здание. Это прекрасное здание, памятник архитектуры Нью-Йорка.

Тут с яхты в Карибском море м-ру Холлу позвонила какая-то подруга. Поболтав с ней, он снова вернулся к разговору с Брахманандой и м-ром Прайсом, которые сидели перед ним.

М-р Холл достал тщательно составленный контракт и попросил Брахмананду поставить подпись. Брахмананда помнил, что подписание контракта было тем условием, которое ставил им Свамиджи – и теперь контракт лежал перед ним. Не забывал он, правда, и о том, что эти пять тысяч были единственными их сбережениями, а дополнительного источника средств у них не было. Преданные тоже об этом знали. Но Свамиджи нужно было здание. Он и сам не раз предлагал им купить дома, стоившие не менее ста тысяч, хотя денег у него почти не было. Брахмананда всегда поступал так, как велел духовный учитель. Он решил, что подписание этого контракта станет испытанием его веры в Свамиджи и Кришну, и не стал утруждать себя

размышлениями о том, откуда возьмутся остальные деньги. Это было бы равносильно тому, как если бы он стал сомневаться в Свамиджи.

Сидя в офисе крупного финансиста, Брахмананда испытывал чувство благоговения. Миллионеры протянули им руку помощи. М-р Прайс во всем был готов содействовать Брахмананде, да и слова м-ра Холла свидетельствовали о том, что все идет как надо: «Мы купим вам этот дом». Мечта становилась реальностью – свою помощь им предлагал один из самых влиятельных жителей Манхэттена. И хотя у Брахмананды не было денег, м-р Холл без труда мог выкупить здание у его владельца. Быстро просмотрев контракт, Брахмананда поставил подпись. Сделка состоялась. Он вручил им чек на пять тысяч долларов.

Но как только Брахмананда и м-р Прайс вышли из офиса, в м-ре Прайсе произошла разительная перемена. Хотя он по-прежнему старался вести себя как друг Брахмананды, он вдруг сказал:

– Так... Теперь вы должны достать деньги.

За то время, пока они выходили на улицу, он, быстро и особо не стесняясь, свалил все свои обязанности на Брахмананду. Раньше м-р Прайс говорил, что они с м-ром Холлом очень хотят помочь и сами все устроят... А теперь выходило так, что преданным придется делать все самим. Брахмананда осведомился насчет юридической позиции сторон, но м-р Прайс объяснил, что все обязательства лежат только на обществе Кришны. А как же обещания? Как насчет богатого м-ра Холла, который так хотел помочь? Разве м-р Прайс откажет в помощи? М-р Прайс уверил Брахмананду, что и он, и м-р Холл действительно хотят помочь. Они делают все, что в их силах, но Брахмананда и другие преданные тоже должны делать все возможное и к концу месяца собрать задаток в двадцать тысяч. А что если они не смогут? Ответ м-ра Прайса не оставлял сомнений:

– Не заплатите до конца месяца – потеряете залог.

К тому времени, как Брахмананда доехал до Второй авеню, он понял, что его обманули. Он был сокрушен. Он рассказал о произошедшем преданным, но все, что они могли сказать ему: «Ну и зачем ты это сделал?» Брахмананда позвонил в Сан-Франциско. Теперь он понял, что за тип этот м-р Прайс. Чувствуя себя одураченным, он сообщил Свамиджи, что отдал пять тысяч долларов.

– Ты все отдал? – спросил Свамиджи.

– Да, – ответил Брахмананда и услышал, как Свамиджи повесил трубку.

Он хотел оправдаться, но Свамиджи просто бросил трубку.

Брахмананда тоже положил трубку. Он готов был провалиться сквозь землю.

На следующий день попечители собрались в квартире Свамиджи на экстренное заседание. Ребята сели в круг и попытались сообразить, что делать дальше. Гаргамуни позвонил Свамиджи, и тот посоветовал им остановить перечисление в банке.

– Свамиджи хитрый, как лиса, – улыбнулся Рая-Рама.

Гаргамуни позвонил в банк. Но было поздно; деньги по чеку были уже выплачены.

Они посоветовались со старым другом, м-ром Голдсмитом, но, по его мнению, шанса выиграть суд практически не было. Прайс и Холл не обязывались никому ничего платить; и если преданные к концу месяца не смогут собрать двадцать тысяч, то потеряют свой первоначальный взнос. Преданные могут подать на них в суд за мошенничество, но судебные издержки тоже влетят в копеечку.

Затем один за другим, Брахмананда, Сатсварупа, Киртанананда, Рая-Рама, Гаргамуни и другие преданные начали просматривать письма, которые все это время посылал им их духовный учитель. Они доказывали друг другу, что Свамиджи просил их не поддаваться на обман. Они начали понимать – самая большая их ошибка была в том, что они его не послушались. Он советовал не верить обещаниям этих мошенников. Он говорил, что чек нужно выписывать только на владельца, но никак не на финансиста.

Через несколько дней они получили от него письмо с дальнейшими указаниями. В письме он ругал их, но даже брань его была лучше, чем молча брошенная трубка телефона. «Но вы не следовали моим наставлениям, и потому попали впросак», – говорил он ребятам.

Рая-Рама он написал:

Все вы глупые мальчишки. Сколько раз я говорил, что до тех пор, пока не будет договора между м-ром Тайлером и м-ром Холлом, мы не должны выписывать чек. То, как вы подписали договор, похоже на свадьбу без жениха. Вы допустили ошибку, а теперь плачете.

Сатсварупе он написал:

Ты спрашивал, не может ли наш сан-францисский филиал выделить какие-то деньги для покупки здания. Где теперь твое здание и где покупка? А что касается переговоров с м-ром Прайсом и его компанией, в которые вы, глупые мальчишки, ввязались, я не знаю, как помочь вам исправить эту ошибку. Я могу надеяться только на то, что вам поможет Кришна.

В отличие от ребят и мистера Голдсмита, Свамиджи считал, что основания подать на бизнесменов в суд есть, и основания серьезные.

Я не юрист, но это вопрос здравого смысла. М-р Холл забрал деньги, и он должен помочь купить дом. Если денег, чтобы профинансировать покупку, у него нет, то обман налицо.

Преступники, сказал он, должны ответить перед судом; их участие в тайном сговоре и мошенничестве очевидно и доказуемо.

Из телефонного разговора с Брахманандой мне стало ясно, что это организованное жульничество, и вы должны быть решительными и никого не щадить. Мы не мстительны, просто мы не можем выбрасывать деньги Кришны на ветер.

Парни уже наломали столько дров, что Свамиджи засомневался, что они справятся с обманщиками. Но он велел им все-таки попытаться: «Либо заберем дом, либо вернем деньги. Что тут разбираться – это откровенный обман. Поступайте, как сочтете нужным».

Свамиджи в подробностях поведал историю этого случая в письме м-ру Голдсмицу, адвокату. Еще он написал письма финансисту, владельцу здания и м-ру Прайсу, угрожая, что предаст огласке все их махинации, включая то, что видел своими глазами: что юристы тоже участвовали в сговоре. Брахмананда практически не отдавал себе отчета в происходящем, но видно было, что Свамиджи не собирается бросать все на произвол судьбы. Было ясно, что ребята сглупили, но не менее ясно было и то, что бизнесмены смошенничали. И Свамиджи обещал доказать это в суде.

Отчитывая непутевых учеников и яростно преследуя мошенников, для своих глупых мальчишек Свамиджи по-прежнему оставался последним прибежищем. В письме, адресованном шести попечителям нью-йоркского филиала его общества, он пролил духовный свет на их темные головы.

Забудьте об этом. Примите как факт, что Кришна просто забрал у вас деньги за то, что вы хотели остаться в дураках. В будущем будьте очень осторожны и следуйте указаниям Кришны. Если вы будете поступать, как говорит вам Кришна, то Он даст вам все, что нужно. Выше нос! Бросьте горевать и повторяйте «Харе Кришна». Как я уже не раз говорил вам, мой Гуру-махарадж считал, что этот мир – не место для джентльмена. Его слова подтверждаются следующим стихом из «Шримад-Бхагаватам». Там говорится:

ясья асти бхагавати акинчана бхакти
сарвай гунайш татра самасате сура.
харау абхактасья куто махат гуна
маноратхен асато дхавато бахи

«Если человек лишен сознания Кришны, то в нем нет ничего хорошего. Каким бы воспитанным или образованным он ни казался, он не поднимается выше уровня ума, находясь под влиянием внешней энергии, и потому непременно будет создавать беспокойства. Однако тот, кто непоколебимо верит в Верховную Личность Бога, наделен всеми добродетелями полубогов». Иными словами, вы не должны на слово верить «джентльменам» этого мира, как бы хорошо они ни одевались. Исполняя нашу миссию, мы еще не раз столкнемся с подобными «джентльменами», но вести себя с ними мы должны столь же осторожно, как со змеями.

Никогда раньше ребята в Нью-Йорке не желали так сильно, чтобы Свамиджи вернулся. Хотя почти все их разговоры по-прежнему сводились к покупке здания, киртаны и лекции продолжались, и за последнее время к преданным присоединились еще двое юношей. Джадурани закончила несколько новых картин с Господом Вишну (которые теперь украшали храм) и с нетерпением ждала, когда Свамиджи вернется и их оценит. Преданные сделали для Свамиджи новое возвышение. Они понимали, что поступили глупо, но умоляли его вернуться. Он согласился и назначил дату своего возвращения в Нью-Йорк на девятое апреля. Тем временем в Сан-Франциско у него еще оставалось много дел.

* * *

Однажды Малати, вбежав в комнату Свамиджи, достала из своей продуктовой сумки какую-то вещь и поставила ее на стол перед Свамиджи.

– Что это, Свамиджи?

Взглянув на стол, Бхактиведанта Свами увидел деревянную фигурку сантиметров в десять высотой, с плоской головой, черным улыбающимся лицом и большими круглыми глазами. У фигурки были вытянутые руки и гладкий желто-зеленый торс. Ног видно не было.

Свамиджи тотчас же сложил ладони и склонил голову, выражая маленькой фигурке свое почтение.

– Ты принесла Господа Джаганнатху, Господа Вселенной, – сказал он, радостно улыбаясь. – Это Сам Кришна. Большое тебе спасибо.

Лицо Свамиджи засияло от радости, а Малати и другие не верили своим глазам: на их долю выпала большая удача – доставить Свамиджи такое удовольствие. Свамиджи объяснил, что это Господь Джаганнатха, одна из форм Кришны, Божество, которому тысячелетиями поклоняется вся Индия. Он сказал, что Джаганнатхе никогда не поклоняются одному; рядом с Ним всегда должны быть два других Божества: Его брат Баларама и сестра Субхадра.

Малати взволнованно призналась, что на «Кост-плас», в магазине импортных товаров, где она нашла маленького Джаганнатху, были и другие похожие на Него фигурки; тогда Свамиджи велел ей вернуться туда и их купить. Малати рассказала об этом своему мужу, Шьямасундаре, и вместе с ним они поспешили в магазин и купили две недостающие фигурки.

Чернолицего, улыбающегося Джаганнатху Свамиджи поставил справа. В центре он поместил самую маленькую фигурку, Субхадру, у которой был красный улыбающийся рот и прямоугольное черно-желтое туловище. У третьей фигурки, Баларама, с белой круглой головой, с глазами, подведенными красной краской, и ярко-красными губами, расплывшимися в счастливой улыбке, были такие же протянутые вперед руки, как у Джаганнатхи, и сине-желтое туловище. Свамиджи поставил его слева от Субхадры. Глядя на них, стоящих у него на столе, Свамиджи спросил, умеет ли кто-нибудь из преданных резать по дереву. Шьямасундара сказал, что это его профессия, и Свамиджи попросил его вырезать копии Джаганнатхи, Баларама и Субхадры около метра высотой.

Более двух тысяч лет назад, рассказал Бхактиведанта Свами, жил на свете царь по имени Индрадьюмна, преданный Господа Кришны. Махараджа Индрадьюмна хотел, чтобы у него было мурти Господа, изображающее Его таким, каким Он был, когда вместе со Своим братом и сестрой ехал во время солнечного затмения на колесницах к священному полю Курукшетра. Царь попросил Вишвакарму, знаменитого художника с райских планет, вырезать такие фигуры. Тот согласился, но с одним условием: никто не должен прерывать его работу. Шли дни. Царь томился в ожидании, а Вишвакарма работал при закрытых дверях. Однажды царь почувствовал, что больше не может ждать, и ворвался в мастерскую, чтобы взглянуть, как идет работа, и, верный своему слову, Вишвакарма исчез, оставив мурти всех трех Божеств незаконченными. Но, несмотря на это, царь был так доволен чудесными фигурами Кришны, Баларама и Субхадры, что решил поклоняться Им в том виде, в каком они были. Он установил их в храме, и с тех пор Им поклоняются с необыкновенной пышностью.

Начиная с того времени, продолжал Бхактиведанта Свами, Господу Джаганнатхе поклоняются повсюду в Индии, особенно в штате Орисса, в городе Пури, где находится огромный храм Господа Джаганнатхи. Каждый год во время грандиозного праздника Ратха-ятры тысячи паломников со всех концов Индии стекаются в Пури, чтобы поклониться Господу Джаганнатхе, Баларама и Субхадре и посмотреть на процессию, во время которой Божества едут по городу на трех огромных колесницах. Господь Чайтанья последние восемнадцать лет Своей жизни провел в Джаганнатха-Пури, и каждый год во время праздника Ратха-ятры Он в экстазе пел и танцевал перед Господом Джаганнатхой.

Видя в появлении Господа Джаганнатхи в Сан-Франциско волю Кришны, Свамиджи сказал, что преданные должны отнестись к этому ответственно: Господь Джаганнатха Сам пришел к ним, поэтому они должны оказать Господу подобающий прием и поклоняться Ему надлежащим образом. Если Шьямасундара сумеет вырезать фигуры, то Свамиджи сам установит их в храме, и преданные смогут поклоняться Божествам. Тогда Сан-Франциско, сказал он, можно будет переименовать в Нью-Джаганнатха-Пури.

– Джаганнатхах свами найна-патха-гами бхавату ме, – пропел Свамиджи. – Это мантра, обращенная к Господу Джаганнатхе. Джаганнатха значит «Господь Вселенной». «О, Господь

Вселенной, будь милостив, предстань перед моим взором». То, что Он соизволил прийти сюда, несомненно, хороший знак.

Шьямасундара купил три больших бруска бука, а Свамиджи сделал эскиз и указал на ряд деталей. Пользуясь маленькими фигурками как образцом, Шьямасундара рассчитал пропорции и размеры будущих Божеств и начал вырезать их на балконе своей квартиры. Тем временем другие преданные скупили всех оставшихся в «Кост-плас» маленьких Джаганнатх и завели моду носить Джаганнатху на цепочке вокруг шеи. Поскольку Господь Джаганнатха очень великодушен и милостив к самым падшим, объяснил Свамиджи, преданные вскоре смогут поклоняться Ему в своем храме. Поклонение Божествам Радхи и Кришны требует соблюдения очень строгих правил, и сан-францисские преданные еще не готовы к этому, но Господь Джаганнатха столь милостив, что поклонение Ему может быть довольно простым (для этого достаточно петь «Харе Кришна») и делать это могут даже неопиты.

День установления Божеств Бхактиведанта Свами назначил на двадцать шестое марта, годовщину явления Господа Чайтаньи. Преданные приготовят большой пир и начнут поклоняться Господу Джаганнатхе. Свамиджи велел преданным соорудить алтарь и рассказал, как это сделать.

Шьямасундара, желая поскорее закончить работу, занозил себе руку, и в рану попала инфекция. В итоге у него началось заражение крови, и он попал в больницу. Свамиджи сказал, что таким образом Сам Господь Джаганнатха забрал у Шьямасундары последствия его грехов.

Свамиджи объявил что двадцать шестого марта, в день явления Господа Чайтаньи, все утро они посвятят чтению историй о Господе Чайтанье и киртану, а вечером проведут церемонию установления Джаганнатхи. До вечера они будут поститься, а когда взойдет луна, прервут пост праздничным прасадом.

Утром, войдя в храм, Свамиджи увидел, какую работу проделали преданные. У задней стены, где раньше была вьясасана, стоял новый алтарь. Асану сдвинули вправо, к стене, и теперь он мог любоваться алтарем прямо не вставая с места. Сам алтарь представлял собой простую доску из красного дерева, закрепленную на высоте примерно двух метров между двумя толстыми деревянными колоннами. Над тем местом, где предполагалось поставить Божества, висел балдахин. Под алтарем расположилась картина Харидаса, изображающая Господа Чайтанью и Его преданных, фоном для которой служил занавес из полосатой индийской ткани. Под картиной, примерно в метре от пола, стояли на полочке подсвечники и атрибуты для поклонения Божествам.

Свамиджи занял свое место. Он, как обычно, провел киртан, а затем вместе с преданными повторил круг джапы. После этого он велел Хаягриве читать вслух биографический очерк о Господе Чайтанье из первого тома «Шримад-Бхагаватам». Несмотря на то, что читал Хаягрива громко и выразительно, многие преданные клевали носом. Свамиджи слушал очень внимательно и хотел, чтобы и другие тоже слушали о Господе Чайтанье, но, увидев, что кое-кто засыпает, прервал чтение и провел еще один киртан. Затем еще минут пятнадцать он повторял с ними джапу.

– Ну, ладно, – сказал он. – Почитаем еще. Кто будет читать?

Вверх взлетела рука Лилавати.

– Хорошо.

Он попросил ее пересесть ближе к возвышению, и кто-то подставил ей микрофон. Конечно, голос Лилавати контрастировал с глубокими интонациями Хаягривы, но это был еще один образец красивого академического чтения. Свамиджи был доволен ее четким произношением санскритских слов и фраз, и несколько раз похвалил ее: «О, очень хорошо». Восторженная Лилавати продолжала громко читать, исполненная решимости не дать никому заснуть.

Вечером в храм набилось столько преданных и хиппи, что яблоку было негде упасть. Это был особый день. Свамиджи сидел вместе со всеми, и в храме царил настрой праздника. Все взоры были устремлены на только что законченные Божества, которые стояли на алтаре – полке из красного дерева под желтым балдахином. Божества освещались огнями прожекторов. На Них не было ни одежды, ни украшений, но расписаны они были яркими цветами – черным, красным, белым, зеленым, желтым и синим. Они улыбались. Свамиджи тоже иногда смотрел на них, вскидывая глаза к высокому алтарю.

Он рассказывал о четырех общественных и четырех духовных укладах жизни, описанных в ведической литературе. У каждого человека, в соответствии с его качествами и склонностями, есть своего рода долг, определяющий род его занятий.

– Но высшая цель исполнения этого долга, – объяснял он, – удовлетворить Верховного Господа.

Даже если человек беден или имеет низкое происхождение – это не столь важно.

– Материальные качества не имеют ничего общего с духовной эволюцией. «Духовная эволюция» значит, что свой талант, способности и деятельность вы должны направить на удовлетворение Верховного Господа.

Свамиджи привел в пример Шридхара, бедного преданного Господа Чайтаньи, который зарабатывал (в пересчете на американские деньги) меньше пяти центов в день, и половину своего заработка жертвовал на поклонение Ганге. Но если человек богат, то и тогда он должен отдавать половину имущества на служение Господу. Свамиджи привел в пример Рупу Госвами, который половину своего достояния пожертвовал на сознание Кришны, четверть отдал семье, а еще четверть оставил на непредвиденные расходы.

Неожиданно Свамиджи вспомнил о деньгах, которые потеряли его ученики в Нью-Йорке:

– И двадцать пять процентов себе, на случай, если произойдет что-то непредвиденное... ведь, когда деньги уходят у меня из рук, я становлюсь беспомощен. Недавно мы потеряли шесть тысяч долларов – не здесь, в Нью-Йорке. Как только вы отдаете кому-то чек, деньги исчезают. Исчезают...

Свамиджи жестом изобразил, как, подобно птице, улетают из рук деньги. Вспомнив о неприятном, запутанном деле с м-ром Прайсом и своих глупых учениках, потерявших шесть тысяч, Свамиджи ненадолго замолк, но затем продолжил.

– Очень важно относиться к Бхагавану, Верховной Личности, с вниманием, – сказал он. – Кришна находится здесь, со Своей формой, цветом кожи, шлемом, со Своими советами и наставлениями. Его голос тоже здесь... И все это Кришна. Все это Кришна. Это совсем не трудно. Но если вы захотите сосредоточиться на безличном или на Сверхдуше в сердце, как это делают йоги, это будет очень тяжело. Это очень тяжело. Вы не сможете сосредоточиться на безличном. В «Бхагавад-гите» говорится: клешо 'дхикатарас тешам авьяктасакта-четасам – «Путь тех, кто привязан к безличной стороне Абсолютной Истины, очень труден». Это совсем не так легко и приятно, как петь, танцевать и пировать. Это очень трудно. И даже если вы будете усердно предаваться размышлениям о безличном, то все равно, проведя многие и многие жизни в тяжелой борьбе, вы неизбежно придете к Кришне.

Цитируя «Бхагавад-гиту», «Брахма-самхиту» и другие Священные писания, Свамиджи продолжал доказывать, что Кришна – Верховная Личность, Сам Бог. Первый шаг в духовной жизни, объяснил он, – слушать Самого Кришну. Но человек не станет лучше, если сначала он слушает лекцию, а потом, выйдя за дверь храма, обо всем забывает.

– Все, что вы слышали, рассказывайте другим, – попросил он и упомянул о том, как в журнале «Назад к Богу» его ученики пишут то, что слышали от духовного учителя. А чтобы говорить или писать об услышанном, необходимо глубоко размышлять... Выслушав о Кришне, вы должны подумать. А затем говорить. В противном случае, это не подействует. Итак, шротавьях киртитавьяш ча дхьяях пуджьяш ча. И вы должны поклоняться. Поэтому вам необходимы Божества. Мы должны думать, говорить, слушать, мы должны поклоняться (пуджьяш ча). Должны ли мы делать это от случая к случаю? Нет. «Нитьяда» – регулярно. Регулярно. Таков метод. Кто следует по этому пути, тот может понять Абсолютную Истину. Об этом ясно сказано в «Шримад-Бхагаватам». Большое спасибо. Есть ли вопросы?

Юноша поднял руку и, волнуясь, заговорил:

– Вы говорили о том, что мы должны повиноваться высшему закону и быть такими, как диктует нам наш внутренний дух? А что вы, ваш Бог, что он говорит вам? Я имею в виду... что он говорит вам? То есть, если вы много медитируете, вы чувствуете, что вы должны сделать ... что-то...

Свамиджи: Это не что-то. Это должно быть реальным фактом.

Юноша: Да, я имею в виду, что...

Свамиджи: Я говорю вовсе не про что-то.

Юноша: Да-да, но...

Свамиджи: Что-то – это нечто расплывчатое. Вы должны сказать, что представляет собой это что-то.

Юноша: Ну, скажем, будь... э-э...

Свамиджи: Вы не можете объяснить, значит не понимаете. Поэтому нам нужно учиться. Таков путь. Я имею в виду метод. Если вы хотите узнать что-то об Абсолютной Истине, то первое, что вам нужно – это вера. Затем вы должны размышлять. После этого – посвятить себя этому и слушать из истинного источника. Таковы методы. И когда вы придете к высшему знанию – сначала вы осознаете Брахман, затем Параматму, затем Верховную Личность – тогда вашей единственной обязанностью станет удовлетворение Господа, Верховной Личности. Это совершенство вашей деятельной жизни. Это метод. А вывод таков, что долг каждого, независимо от того, кем он является – удовлетворять Господа, Верховную Личность.

Как это делать? Мы должны слушать о Нем, говорить о Нем, думать о Нем, поклоняться Ему – и все это делать регулярно. Это поможет. Но если вы не поклоняетесь, не размышляете, если не слушаете, не говорите, а просто думаете про что-то, что то, то, что – то это что-то-не-пойми-что – не Бог.

Юноша: Я имел в виду, м-м, понимаете, я еще совсем молод. Я не знаю, что я имел в виду. Я не знаю, что...

Свамиджи: Не знаю... А я здесь для чего? Ты должен узнавать, следуя этим методам. Все мы «незнайки». Поэтому мы должны узнать. Таков путь.

Молодая женщина: Раз мы еще не понимаем высшего закона, раз мы еще молоды и нам это все в новинку, то как мы можем говорить об этом?

Свамиджи: Поэтому вы и должны слушать! Все начинается со «шротавьях»: вы должны слушать. Если вы не слушаете, то как вы сможете говорить? Поэтому мы даем вам возможность слушать. Слушайте, и тогда вы сможете говорить. Еще вы сможете размышлять. Мы даем вам все возможности слушать, обсуждать, размышлять, поклоняться. В этом смысл нашего Общества. Если вы не слушаете, то как вы сможете говорить? Первая задача – это шротавьях. Затем киртитавьяш ча дхьяе пуджьях ча нитьяда. Таковы наши методы. Вы должны слушать. Услышав – повторяйте, прославляйте Господа. А еще вы должны думать. Потом – поклоняться. Таковы методы.

Упендра: Свамиджи... то, что мы должны слушать... это я понимаю. Но говорим ли мы... или сначала мы должны достаточно долго слушать, а потом уж говорить?

Свамиджи: Нет. Зачем долго? Допустим, услышали две строчки – вот и повторяйте эти две строчки. И помимо прочего, слушайте «Харе Кришна». Вы можете повторять «Харе Кришна». В чем проблема? Шротавьях киртитавьяш ча. Вы должны слушать и повторять. То есть, если вы не можете удержать в голове все, о чем мы говорим на лекциях по «Бхагавад-гите» или «Шримад-Бхагаватам», то «Харе Кришна», по крайней мере, запомнить нетрудно. Это самый легкий метод. Слушайте «Харе Кришна» и повторяйте «Харе Кришна». Все остальное приложится.

Это может каждый. Даже ребенок может повторять «Харе Кришна». Что тут сложного? Слушайте «Харе Кришна» и повторяйте «Харе Кришна». Мы не даем вам какое-то сверхтрудное и мучительное задание. Все придет само собой. Мы даем вам все. Но если с самого начала вы чувствуете, что все – это трудно, то можете делать самое простое – повторять «Харе Кришна». На самом деле, вы уже это делаете. Слушание и повторение – этот метод вам поможет. Это основной принцип роста в духовной жизни. Не слушая, мы будем что-то выдумывать, попусту терять время и сбивать людей с толку. Но слушать нужно из авторитетных источников.

Бхактиведанта Свами остановился. Эта напряженная философская беседа шла уже сорок пять минут. Он не чувствовал усталости и вполне мог продолжать, но сейчас все-таки хотел бы провести церемонию установления Божеств. Теперь здесь было все что нужно для духовной жизни: храм, преданные, книги, Божества, прасад, и Свамиджи хотел, чтобы ребята этим всем воспользовались. Чего ради они должны жить как животные и считать духовную жизнь блужданием впотьмах в поисках «того-не-знаю-чего»? Им нужно воспользоваться милостью Кришны и при ее помощи достичь успеха и стать счастливыми. Ради этого Свамиджи был готов служить им без усталости.

Свамиджи: Хаягрива! Поди сюда.

Свамиджи велел преданным принести большую свечу на подносе. Обряд, который он собирался провести, был очень прост: преданные и гости должны были один за другим подходить к алтарю и круговыми движениями предлагать Божествам огонь.

– Зажги свечу, – приказал Свамиджи, – а затем во время киртана каждый должен подойти к Божествам и... – Свамиджи сделал круговое движение руками. – Понятно?

Хаягрива: Да-да.

Свамиджи: Да, во время киртана. Когда один преданный устанет, он должен передать свечу другому. Когда тот устанет, он передаст ее следующему, и так все время, пока идет киртан. Начинать прямо сейчас, вместе с киртаном. Понятно? Да... Начинать, а когда устанешь, передай свечу другому.

Свамиджи со своего места руководил действиями Хаягривы, направлявшегося к Божествам с зажженной свечой. От напряженного ожидания некоторые девушки нервно захихикали.

– Встань перед Божествами, – сказал Свамиджи. – Вот так. А теперь начнем киртан.

Свамиджи заиграл на караталах и запел «Харе Кришна» на уже ставшую популярной мелодию, которую он привез из Индии.

– Прямо перед Божествами, – обратился он к Хаягриве, жестом показывая ему, чтобы тот подошел ближе. Один за другим преданные и гости поднимались на ноги и начинали танцевать, подняв руки и раскачиваясь взад-вперед в такт музыке перед сияющими Божествами. Все пели. Под балдахином замигали цветные огни – синие, красные и желтые, высвечивая удивительные глаза Господа Джаганнатхи, Субхадры и Баларамы. Мукунда, который придумал это освещение, улыбнулся и взглянул на Свамиджи, ожидая его одобрения. Свамиджи кивнул и продолжал громко и энергично петь «Харе Кришна».

Молодые хиппи вдохновенно пели и танцевали, зная, что киртан обычно длится около часа. Некоторые из них помнили при этом слова Свамиджи о необходимости сосредоточить ум на личностной форме Верховного Господа. Они поняли его, когда, взглянув на Божества, он сказал:

– Вот Он – Кришна.

Другие мало что понимали, но думали, как все-таки здорово петь «Харе Кришна» и смотреть на улыбающиеся во весь рот, большеглазые Божества, стоящие на алтаре среди цветов и курящихся благовоний.

Бхактиведанта Свами с удовольствием наблюдал, как гости и преданные один за другим предлагали огонь Господу Джаганнатхе. Это была очень простая церемония установления Божеств. В больших храмах Индии установление Божеств – это сложная, тщательно разработанная процедура, она длится несколько дней, в течение которых высокооплачиваемые жрецы непрерывно проводят всевозможные ведические ритуалы. Но в Сан-Франциско не было ни брахманов-жрецов, которым можно было бы заплатить, ни возможности соблюсти многие другие формальности.

Индийские кастовые брахманы сочли бы того, кто доверил Господа Джаганнатху неиндусам и позволил им поклоняться Ему, святотатцем. Никому из присутствующих здесь, кроме самого Свамиджи, не разрешили бы даже войти в храм Джаганнатхи в Пури. Белые люди, жители стран Запада, могут увидеть Господа Джаганнатху только раз в году, когда во время праздника Ратха-ятры Он проезжает по городу на Своей колеснице. Однако все эти ограничения были всего лишь социальными условностями и не имели ничего общего с предписаниями шастр. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати позволял каждому, независимо от касты, расы или национальности, поклоняться Божествам и получать духовное посвящение, а Тхакур Бхактивинода, отец Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, мечтал о том дне, когда люди Запада вместе со своими индийскими собратьями будут петь «Харе Кришна».

Бхактиведанта Свами приехал на Запад, чтобы исполнить волю своего духовного учителя и осуществить предсказание Тхакура Бхактивиноды, превратив жителей Запада в вайшнавов. А для того, чтобы они стали настоящими преданными, им нужно дать возможность поклоняться Божествам. Без этого им будет гораздо труднее очиститься. Бхактиведанта Свами непоколебимо верил в указание своего духовного учителя и слова Священных писаний. Он знал, что Господь Джаганнатха особенно милостив к падшим, и молился о том, чтобы Владыка Вселенной не был оскорблен приемом, который Ему оказали в Нью-Джаганнатха-Пури.

Когда киртан закончился, он попросил Харидаса принести ему свечу. Свамиджи провел руками над огнем и коснулся ими лба.

– Поднеси каждому, – сказал он. – Всем. Пусть пожертвуют, кто сколько сможет. Возьми свечу и поднеси к каждому.

Он отдал свечу Харидасу, чтобы тот поднес ее всем собравшимся, и каждый мог коснуться руками огня, как он показал, а затем дотронуться до лба. Пока Харидас шел с огнем от человека к человеку, некоторые преданные стали кидать на поднос мелочь. Их примеру последовали другие.

После этого Свамиджи заговорил:

– «Бхагаватам» рекомендует слушать и повторять Святые имена, думать о Господе и поклоняться Ему. Церемония, которую мы проводим сегодня, приветствуя приход Джаганнатхи Свами, означает, что отныне это место является настоящим храмом. Так следует поклоняться Божествам. Это называется арати. Каждый день в конце киртана будет проводиться такое арати. Поклонение Божествам заключается в том, что мы берем от огня немного тепла и жертвуем немного денег, столько, сколько нам позволяют средства. Это совсем не трудно, и если вы станете делать это, то увидите, как ваше понимание Абсолютной Истины углубится. И еще одна просьба, с которой я хочу обратиться ко всем преданным: когда вы приходите в храм, приносите с собой какой-нибудь цветок и фрукт. Если вы можете принести больше фруктов или цветов – очень хорошо. А если нет, принесите в храм один фрукт и один цветок – это по силам каждому. И предлагайте их Божествам. Итак, я прошу вас, приходя в храм, всегда приносите что-нибудь с собой. Это не значит, что вы должны принести очень дорогой фрукт. Нет, любой. То, что вы можете себе позволить. Один плод и один цветок.

Он сделал паузу и оглядел присутствующих.

– А сейчас можно раздать прасад.

Гости расселись рядами на полу, и преданные стали разносить прасад, предложив первую порцию Свамиджи. Здесь были блюда, готовить которые их научил сам Свамиджи: самосы, халава, пури, рис, несколько блюд из овощей, фруктовое чатни, сладости – все, что обычно подают во время воскресного пира. Гостям нравился прасад, и они ели, сколько могли осилить. Пока преданные, в основном опытные в этом деле женщины, разносили добавку, гости отдыхали, наслаждаясь угощением и непринужденной беседой. Отведав все блюда, Свамиджи поднял брови:

– Отлично приготовлено. Да здравствуют повара!

Через несколько минут, когда пир еще вовсю шел, Свамиджи сказал в микрофон:

– Джаганнатха свами найна-патха-гами бхавату ме. Говард, повтори.

Хаягрива проглотил прасад, прокашлялся и громко повторил:

– Джаганнатха свами найна-патха-гами бхавату ме.

Свамиджи: Да, эту мантру нужно петь. Джаганнатха свами найна-патха-гами бхавату ме.

Какой-то парень спросил, что она означает. Хаягрива ответил:

– О...э-э, Господь Вселенной, пожалуйста, предстань передо мной.

Вдруг, заметив как пожилой, прилично одетый мужчина уходит, не получив тарелки с праздничным прасадом, Свамиджи разволновался:

– Ох, почему он уходит? Попросите его вернуться.

Какой-то парень побежал за ним, открыл входную дверь и позвал:

– Пожалуйста, не уходите. Свамиджи просит...

Мужчина вернулся, и Свамиджи попросил:

– Пожалуйста, пожалуйста, примите прасад, – и, повернувшись к раздающим, скомандовал, – положите сначала ему.

Рассевшись перед алтарем Господа Джаганнатхи, преданные и гости продолжали пировать под руководством Его слуги, Бхактиведанты Свами.

На следующий день преданные, не посоветовавшись со Свамиджи, сняли Джаганнатху с алтаря и понесли его в Голден-гейт-парк на киртан. В считанные минуты на лужайке у Холма хиппи собрались сотни людей и стали танцевать и петь вокруг Господа Джаганнатхи. Спустя несколько часов преданные вернули Его на алтарь.

Свамиджи был недоволен:

– Божества никогда не должны покидать храм. Божества не выходят на всеобщее обозрение. Это происходит только в особые дни. Недопустимо выставлять их в парке и позволять птицам на них испражняться. Если хотите посмотреть на Божества, то сами должны приходить к ним.

Присутствие Господа Джаганнатхи быстро преобразило храм. Преданные каждый день делали для Него гирлянды. Из Нью-Йорка пришли картины Джадурани с изображением Господа Вишну, а Говинда-даси написала большой портрет Свамиджи, который повесили над его сиденьем. Кроме того, преданные украсили стены индийскими плакатами с изображениями Кришны. От вспыхивающих, пульсирующих огней, освещавших Господа Джаганнатху, Его глаза, казалось, сверкали, а краски на Нем переливались, так что Он быстро оказался в центре внимания психоделического Хэйт-Эшбери.

Откликнувшись на просьбу Свамиджи, преданные и гости стали приносить на алтарь Господа Джаганнатхи цветы и фрукты. Хиппи приходили и приносили, что могли: пшеничный колосок, полкаравая хлеба, коробку соленого печенья, кусок сливочной помадки, свечи, цветы, фрукты. Прослышав, что прежде чем пользоваться чем-то самим, нужно сначала предложить это Богу, некоторые хиппи, перед тем как надеть новую одежду, стали приносить ее в храм и с молитвой предлагать Господу Джаганнатхе. Эти хиппи, хотя и не выполняли указаний Господа Джаганнатхи, хотели получить Его благословения.

Каждый вечер преданные проводили арати, как научил их Свамиджи, по очереди предлагая Господу Джаганнатхе огонь. Когда преданные спросили, могут ли они добавить к этой церемонии что-нибудь еще, Свамиджи ответил, что можно предлагать благовония. Он сказал, что в поклонении Божеству есть очень много различных деталей – столько, что преданным пришлось бы заниматься этим круглые сутки. Но если бы он рассказал им все сразу, они бы упали в обморок.

Беседуя с глазу на глаз с одним из своих учеников, Свамиджи сказал, что во время киртана в храме он думал о Господе Чайтанье, танцевавшем перед Господом Джаганнатхой. Он рассказал, как Господь Чайтанья пришел в Пури и танцевал перед Господом Джаганнатхой в таком экстазе, что мог вымолвить только: «Джаг... Джаг...» Господь Чайтанья думал: «Кришна, Я так давно хотел Тебя увидеть. И вот теперь, наконец, Я вижу Тебя». Когда Господь Чайтанья жил в Пури, к Нему каждый вечер приходило по пятьсот человек, и они устраивали огромный киртан. Его вели четыре группы преданных, и в каждой из них было четыре человека, игравших на мридангах, и восемь человек, игравших на караталах.

– Одна группа стояла слева от Господа Чайтаньи, другая – справа, – объяснял Свамиджи, – одна спереди, другая – сзади; а Сам Он стоял посередине, Все преданные танцевали и пели: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна». Так было каждый вечер, пока Господь пребывал в Джаганнатха-Пури.

Преданные понимали, какая пропасть отделяет их от Свамиджи. Он никогда не был хиппи. Наркотические иллюзии Хэйт-Эшбери, психоделические плакаты, рок-музыка, жаргон хиппи и слоняющиеся по улицам бродяги – все это было ему чуждо. Они знали, что он другой, но порой забывали об этом. Каждый день он проводил с ними так много времени – с ними он ел и шутил, на них полагался. Однако бывали моменты, когда они вдруг вспоминали, что за человек находится рядом. Когда они вместе стояли в храме перед Господом Джаганнатхой и пели мантру, он, в отличие от них, думал о киртанах, которые устраивал Господь Чайтанья в Пури. Когда Господь Чайтанья смотрел на Джаганнатху, Он видел Самого Кришну, и Его любовь к Кришне была так велика, что, охваченный ею, Он лишался рассудка. Так, как думал об этом Свамиджи, не мог думать никто из его учеников – и все же он оставался с ними, был их лучшим другом и духовным наставником. Он служил им – учил их молиться Господу, как молился сам, чтобы они тоже могли служить Кришне: «О, Господь Вселенной, будь милостив, предстань перед моим взором».

* * *

У Говинда-даси был вопрос к Свамиджи. Как-то раз он упомянул, что Господь Чайтанья плакал от разлуки с Кришной и однажды даже бросился в реку с криком: «Где же Кришна?» Она сомневалась, уместным ли будет ее вопрос, но ждала подходящего случая.

Однажды вечером, после лекции, когда настало время вопросов, все молчали, поэтому Говинда-даси подумала: «Это мой шанс», но все равно колебалась. Ее вопрос был не по теме, и, кроме того, она не любила задавать вопросы на публике.

– Нет вопросов? – Свамиджи оглядел аудиторию.

Говинда-даси показалось, что он разочарован. Свамиджи постоянно просил их задавать вопросы, чтобы не оставалось никаких сомнений.

Он снова спросил:

– Есть какие-нибудь вопросы?

Говинда даси: Э-э, не могли бы вы рассказать, как Господь Чайтанья спрашивал...

Свамиджи: М-м?

Говинда даси: ...спрашивал, где Кришна?

Свамиджи: М-м?

Говинда даси: Не могли бы вы рассказать о том, как Господь Чайтанья спрашивал, где Кришна, и падал в воду? Или это не...

Свамиджи улыбнулся: Да, да. Очень хорошо. Ты задала очень хороший вопрос. О, я очень доволен.

– Господь Чайтанья, – начал Свамиджи, – является совершенным олицетворением кришна-бхакти, преданным Кришны. Посмотрите, как Он жил. Он никогда не говорил: «Я видел Кришну». Никогда не говорил: «Я видел Кришну». Он с ума сходил по Нему. Таков философский метод Чайтаньи. Это называется вираха. Вираха значит «разлука»... «разлука»: «Кришна, Ты такой удивительный, Ты такой милостивый, Ты такой хороший. А я – последний негодяй и так полон греха, что не могу даже Тебя увидеть. Я не достоин Тебя увидеть». Если человек чувствует такую разлуку с Кришной – «Кришна, я хочу видеть Тебя, но такой падший, что не могу этого» – такое чувство разлуки обогатит его сознание Кришны. Чувство разлуки. Не так, что: «Кришна, я Тебя видел. Все. Замечательно. Я Тебя понял. Больше мне ничего не нужно. Дело сделано». Нет! Постоянно. Думайте так: «Я недостоин Его лицезреть». Это наполнит и обогатит вас сознанием Кришны. У Чайтаньи Махапрабху такое было – чувство разлуки. Это разлука, которую ощущает Радхарани. Когда Кришна уехал из Вриндавана, чтобы вернуться к Своему отцу, Радхарани охватили такие же эмоции – она постоянно сходила с ума по Кришне. А Кришна Чайтанья, Чайтанья Махапрабху испытывал то же самое, что и Радхарани. Это пример совершенного поклонения Кришне и обретения сознания Кришны. Итак, вы знаете, что Господь Чайтанья бросился в море: «Кришна, здесь ли Ты? Кришна, здесь ли Ты?» И его преемники, ученики Господа Чайтаньи, – Рупа Госвами, Санатана Госвами – продолжая эту традицию, тоже поклонялись Кришне в настроении разлуки. Есть один замечательный стих...

Свамиджи пропел:

хе радхе враджа-девике ча лалите хе нанда-суно кутах
шри-говардхана-калпа-падапа-тале калинди-ване кутах
гхошантав ити сарвато враджа-пуре кхедайр маха-вихвалау
ванде рупа-санатанау рагху-югау шри джива-гопалакау

Так же и эти Госвами, когда обрели зрелость в преданном служении – что они делали? Каждый день они ходили по Вриндавана-дхаме, словно сумасшедшие: «Кришна, где ты?» Вот вам пример. Очень хороший вопрос.

Свамиджи сделал паузу и, произнеся задумчивое «Ммм», замолчал. Молодежь тоже молчала и смотрела на него. Он сидел, скрестив ноги, на возвышении из красного дерева, на черной бархатной подушке. Руки его были сложены, а глаза закрыты. В этот момент его охватили глубокие экстатические переживания. Преданные, сидящие в храме, толком не понимали, что происходит, но видели, что Свамиджи вошел в глубокое духовное состояние. Они почувствовали, как атмосфера наполнилась благоговейным спокойствием преданности, и не сводили с него глаз.

Прошло полторы минуты. Бхактиведанта Свами произнес еще одно задумчивое «Ммм» и открыл глаза – они были полны слез. Он протянул руку и взял караталы, которые звякнули в его руках, но опять замер, и его внешнее сознание снова отключилось.

Прошла еще одна молчаливая минута. Стояла мертвая тишина, и время, казалось, текло очень напряженно и медленно. Прошла еще минута.

Спустя почти четыре минуты Свамиджи прокашлялся и, ударив в караталы, начал медленно отбивать ритм. Какой-то преданный монотонно «загудел» на фисгармонии. Постепенно наращивая темп, Свамиджи запел: говинда джая джая гопала джая джая / радха-рамана хари говинда джая джая. Минут через десять киртан закончился, и Свамиджи вышел из комнаты.

Преданные вставали с мест и расходились. Они приступали к своим повседневным делам – кто-то вслед за Свамиджи выходил из храма и шел на кухню, кто-то оставался побеседовать с друзьями... Они понимали, что их духовный учитель остро ощущает разлуку с Кришной. Они не сомневались, что он испытал глубокий экстаз, поскольку, находясь с ним рядом в этом долгом, необычном молчании, они ощутили отблеск той же любви к Кришне.

* * *

Ученики предложили Свамиджи провести киртан на пляже, и из-за этого во вторник вечером в храме не было ни киртана, ни лекции. Свамиджи сел в машину одного из преданных, на заднее сиденье; еще около десяти инициированных учеников и пара собак заняли места в других автомобилях, и все вместе они отправились на побережье. Когда машины прибыли на место,

несколько преданных побежали по берегу, чтобы набрать плавника и развести в тени песчаной дюны костер.

С океана дул прохладный вечерний ветер. На Свамиджи поверх хлопчатобумажной фуфайки с капюшоном было длинное клетчатое пальто. Во время киртана он хлопал в ладоши и танцевал, в то время как другие, взявшись за руки, водили вокруг него хоровод.

На закате преданные встали лицом к океану, и, подняв руки, что было сил запели: «Хари-и-и-и бол!» Но бушующий прибой и сильный ветер почти заглушили их киртан.

Собравшись вокруг костра, преданные закапывали в угли обернутые в фольгу клубни картофеля и яблоки с начинкой из коричневого сахара и изюма. Идея провести вечер у океана всецело принадлежала преданным, но Свамиджи с огромным удовольствием поучаствовал в этом веселом киртане по-калифорнийски.

Харидас и Хаягрива сочинили песню о мудреце Нараде Муни, и спели ее для Свамиджи.

Знаете ли вы, кто первый
Вечный космонавт в этой вселенной?
Кто первым разослал свои безумные, безумные позывные
По всем космическим станциям?
Он громко поет песни
Так, что планеты переворачиваются верх дном.
Но не спеши называть меня психом.
Я говорю о Нараде Муни,
Который поет
ХАРЕ КРИШНА ХАРЕ КРИШНА
КРИШНА КРИШНА ХАРЕ ХАРЕ
ХАРЕ РАМА ХАРЕ РАМА
РАМА РАМА ХАРЕ ХАРЕ

Свамиджи смеялся. Ему нравилось все, где была мантра «Харе Кришна». И он попросил их сочинить побольше подобных песен для соотечественников.

Гуляя вдоль берега, они набрали на старую, полуразрушенную ветряную мельницу.

– Мукунда, – сказал Свамиджи, – вы должны обратиться в правительство и сказать, что мы восстановим эту мельницу, если на этом месте нам позволят построить храм.

Мукунда было подумал, что он шутит, но потом заметил, что Свамиджи совершенно серьезен, и пообещал спросить.

На прогулке Свамиджи, в своем не по размеру большом пальто, застегнутом на все пуговицы, был центром внимания любящих учеников. Вдоволь нагулявшись, он вместе со всеми сел на большое бревно, чтобы отведать печеной картошки с маслом. Закончив, он бросил остатки собакам.

Небо темнело, высоко над океаном загорались звезды. Преданные столпились вокруг Свамиджи, чтобы провести последний киртан. Затем, как и в храме, они склонились до земли, а Свамиджи стал читать молитвы Господу и парампаре. Но закончил он так:

– Слава собравшимся преданным! Слава собравшимся преданным! Слава Тихому океану!

Все засмеялись. Свамиджи выполнил желание своих учеников: вместе они наслаждались вечерним киртаном и пикником на берегу океана. А они в свою очередь выполнили его желание: пели маха-мантру и постепенно становились преданными Кришны и счастливыми людьми.

* * *

Хаягрива сидел в комнате Свамиджи и выжидаяще на него смотрел. Несколько дней назад он нашел в библиотеке пьесу о Господе Чайтанье, которую показал Свамиджи. Но тот сказал, что ее содержание не заслуживает доверия, и сам решил сочинить сценарий для пьесы и позвал Хаягриву, чтобы его записать.

– Я дам тебе сюжет, – сказал Свамиджи. – А вам останется только обыграть его на сцене.

Готовясь рассказывать о событиях из жизни Господа Чайтаньи, Свамиджи пребывал в легком и веселом расположении духа. Он набросал пьесу из двадцати трех сцен и теперь хотел подробно рассказать о каждой. Хаягрива не успел толком сообразить, что Свамиджи собирается делать, и еще не был готов конспектировать, а Свамиджи уже начал описывать первую сцену.

– Первая сцена, – начал он. – По дороге движется санкиртана, такая же, как у нас с вами. Замечательная процессия с мридангами, караталами и рожком. А все вокруг подпевают. Нужно организовать очень хорошую процессию.

Во второй сцене появляется Кали, уродливый черный человек, облаченный в драгоценные царские одежды. Его царица тоже очень уродлива. Они встревожены. Они говорят между собой: «Началось движение санкиртаны. Как же теперь нам продолжать свои дела в эту Эпоху раздоров, Кали-югу?» В этом эпизоде в углу должны появиться двое-трое собутыльников, такая сцена... Олицетворенный Век Раздоров со своей супругой сидят в центре. В одном углу пьют, в другом кто-то заигрывает с женщиной. В оставшихся углах разыгрываются сцены убийства коровы и азартных игр. Вот так это должно выглядеть. А в середине Кали разговаривает со своей уродливой женой: «Мы в опасности. Началось движение санкиртаны. Что же делать?» На этом эта сцена должна закончиться.

Затем начинается прекрасная третья сцена – танец раса.

Тут Хаягрива прервал Свамиджи. У него были свои соображения о том, что он называл «драматической экспозицией».

– Я думаю, – сказал Хаягрива, четко артикулируя, – пусть это относится ко всему миру. Имена, конечно, можно оставить индийские, но, мне кажется, что описанную вами сцену с Кали и его супругой Порочностью, а также сцену с незаконным сексом и скотобойней можно изобразить на западный манер.

Свамиджи не возражал, однако боялся: не подумали бы зрители, что имеются в виду исключительно жители Запада – как будто только они занимаются незаконным сексом. Хаягрива хотел было ответить, но решил, что не время цепляться к словам, а Свамиджи не терпелось продолжить рассказ об играх Господа Чайтаньи.

Бхактиведанта Свами: Танец раса выглядит так: Кришна и Радхарани стоят в центре, а вокруг них – гопи. Ты помнишь, как недавно в парке люди танцевали с нами, взявшись за руки? Что-то вроде этого.

Хаягрива: Да, да.

Бхактиведанта Свами: Итак, один Кришна танцует с одной гопи. Такая сцена. Затем танец должен прекратиться, и Кришна вступает со Своими подругами в разговор. Кришна обращается к ним:

– Мои дорогие подруги, вы пришли ко мне глубокой ночью, но это нехорошо, поскольку долг каждой женщины – угождать своему мужу. Если вы приходите в такой поздний час, что же подумают ваши мужья? Поэтому, пожалуйста, возвращайтесь домой.

Гопи отвечают:

– Как Ты можешь так говорить? Мы всем сердцем стремились к Тебе, миновав столько трудностей! Не подобает тебе гнать нас прочь!

Вот в таком духе должна быть вся беседа: Кришна просит их вернуться домой, а гопи настаивают:

– Нет, давай продолжим!

Затем, когда танец раса заканчивается, гопи уходят, а Кришна говорит:

– Эти гопи – самое дорогое для Меня. Они такие искренние преданные, и ни мнение родных, ни боязнь потерять свое доброе имя их не остановили. Они пришли ко Мне. Чем же Мне им отплатить?

Итак, Он думал: «Я не смогу отплатить им до тех пор, пока Сам не встану на их место, чтобы понять Себя. Сам Себя Я понять не могу. Я должен встать на место гопи и почувствовать, как они любят Меня».

Придя к такому выводу, Он принял облик Господа Чайтаньи. Поэтому Кришна темного цвета, а Господь Чайтанья – такого же цвета, как гопи. Вся жизнь Господа Чайтаньи – иллюстрация любви гопи к Кришне. Все это нужно показать в этой сцене. Что-то хочешь спросить?

Хаягрива: Вот поэтому Он решил прийти как Господь Чайтанья?

Бхактиведанта Свами: Господь Чайтанья? Да.

Хаягрива: Для того, чтобы...?

Бхактиведанта Свами: Для того, чтобы как гопи оценить Кришну. Как, например у нас с тобой есть отношения. Ты личность, и я личность. Но если я хочу понять, почему ты так предан

мне, почему ты так любишь меня, то должен сам встать на твое место. Это естественно. Это и следует показать.

Свамиджи рассказывал и объяснял истории одну за другой. Большинство из них Хаягрива слышал впервые. Порой он не мог правильно записать или даже произнести имена; не знал он, кто была мать Господа Чайтаньи, и был ли Нитьянанда преданным. А когда Свамиджи рассказал историю о Кшира-чора-Гопинатхе, Божестве, которое украло для Своего преданного сгущенное молоко, то Хаягрива совсем запутался и понял так, что сгущенное молоко украл Сам Господь Чайтанья.

Бхактиведанта Свами: Нет. О, боже! Ты, что, не слушал? Чайтанья, увидев Божество, сел и стал смотреть на него, а тем временем Нитьянанда Прабху рассказывал историю о том, почему это Божество стали звать Кшира-чора-Гопинатхой. Ты, что, не следил за моим рассказом?

Хаягрива (пытаясь привести свои мысли в порядок): Нитьянанда?

Бхактиведанта Свами: Нитьянанда сопровождал Господа Чайтанью...

Хаягрива: Нитьянанда рассказывал это Господу Чайтанье?

Бхактиведанта Свами: Да, Божество звали Кшира-чора-Гопинатха. В этой истории (Свамиджи повторял уже в третий раз) говорилось, что когда-то Он украл для Своего преданного горшочек сгущенного молока.

Хаягрива: Ладно. Какое отношение это имеет к Господу Чайтанье?

Бхактиведанта Свами: Господь Чайтанья был в этом храме. В те времена путь из Бенгалии в Джаганнатха-Пури проходил через то место, где находился храм Кшира-чора-Гопинатхи. Поэтому обычно все посещали этот храм. Некогда этот храм посетил и Мадхавендра Пури. Именно ради него Божество и украло сгущенное молоко. С тех времен это Божество называют Кшира-чора-Гопинатха. Эта история была рассказана Господу Чайтанье. Слушая ее перед Божеством, Чайтанья Махапрабху радовался тому, что Бог настолько добр, что ради Своего преданного иногда даже ворует. Это очень важно. Нужно изобразить очень красивый храм, в который входит Господь Чайтанья, поющий «Харе Кришна». И затем Он видит поклонение, арати. Это тоже нужно показать. И небольшую историю. Этого достаточно.

Когда Свамиджи рассказывал историю о визите Господа Чайтаньи в храм Сакши-Гопалы, Хаягрива опять сбился.

– Ты следишь за моим рассказом? – спросил Свамиджи.

– Нет, – выдавил Хаягрива. – Нет.

В конце концов, Хаягрива перестал задавать вопросы и перебивать. Он практически ничего не знал ни о чертах характера, ни о роли героев, но стоило ему хотя бы немного узнать о них, он тут же пытался «втиснуть» их в рамки своей «драматической экспозиции». На самом деле, Свамиджи не только не возражал против вопросов Хаягривы, но даже приветствовал их, поскольку хотел, чтобы Хаягрива понял, как поставить пьесу. Однако сначала Хаягрива решил просто послушать.

Всего за час Свамиджи рассказал множество историй из первой половины жизни Господа Чайтаньи: о том, как, будучи пятилетним мальчишкой, Он дразнил брахманов на берегу Ганги, о Его движении гражданского неповиновения мусульманскому судье, о том, как в возрасте двадцати четырех лет Он принял обет отречения, о Его последней встрече с любимой матерью, о Его дороге в Пури и путешествии по Южной Индии, о Его встречах с учениками, такими как Сарвабхаума, Рамананда-Рая, Рупа Госвами и Санатана Госвами и о том, какие наставления Он им дал.

В конце концов, утреннее расписание Свамиджи вынудило его остановиться. Настало время омовения и обеда. Было решено продолжить на следующий день.

Во второй раз Хаягрива слушал внимательнее, и перед его воображением быстро, одна за другой, разворачивались трансцендентные игры Господа. Описывая каждую сцену, излагая слова и мысли Господа Чайтаньи и Его спутников, Свамиджи, казалось, сам был свидетелем тех событий. Особые чувства в нем вызвал рассказ о Господе Чайтанье и Харидасе Тхакуре.

– Харидас Тхакур родился в мусульманской семье, начал Свамиджи. – Так или иначе, он стал преданным и триста тысяч раз повторял: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Чайтанья Махапрабху сделал его ачарьей, великим учителем воспевания маха-мантры. Поэтому мы прославляем его словами – намачарья харидаса тхакура ки джая – поскольку он был возведен в ранг ачарьи, великого учителя повторения «Харе Кришна».

Когда Господь Чайтанья принял санньясу, Харидас решил:

– Мой дорогой Господь, Ты покидаешь Навадвипу. Чего стоит теперь моя жизнь? Либо возьми меня с собой, либо позволь умереть.

На это Чайтанья Махапрабху сказал:

– Нет. Зачем тебе умирать? Ты пойдешь со Мной.

Он взял его в Джаганнатха-Пури. Харидас считал себя выходцем из мусульманской семьи, поэтому никогда не входил в Храм Джаганнатхи. Но Чайтанья Махапрабху поселил его в доме Кашинатхи Мишры. Здесь Харидас повторял мантру, а Чайтанья Махапрабху посылал ему прасад. Так проходили его дни, и не было и дня, чтобы Чайтанья не приходил повидаться с Харидасом.

Свамиджи хотел, чтобы в пьесу вошла сцена ухода Харидаса Тхакура.

Хаягрива: Это тот самый Харидас, которого мусульмане бросили в реку?

– Да, – сказал Свамиджи.

На что у Хаягривы невольно вырвалось:

– Так значит, он умер в пятой сцене?

Вопрос смутил Свамиджи. Хаягрива вновь показал скудость своих духовных познаний – он говорил об уходе Харидаса, как о смерти обычного человека.

– Ладно, – понял свою ошибку Хаягрива. – Как же там было дело?

Бхактиведанта Свами: Это событие очень важно. Чайтанья Махапрабху был брахманом и санньяси. Согласно порядкам, царившим тогда в обществе, Ему не полагалось даже касаться мусульманина. Харидас Тхакур был мусульманином, и все же, когда он умер, Чайтанья Сам взял его тело на руки и с ним танцевал. Он похоронил его и устроил раздачу прасада.

Поскольку Харидас был мусульманином, он не входил в Храм Джаганнатхи – индусы очень строго следили за этим. Харидас был преданным, но он думал: «Зачем я буду создавать лишние беспокойства?» Чайтанье Махапрабху очень нравилось скромное поведение Харидаса. Даже став преданным, Харидас не требовал, чтобы его пустили в храм. Но Чайтанья Махапрабху каждый день Сам приходил к нему. Отправляясь к морю, Он сперва заходил к Харидасу:

– Харидас, что ты делаешь?

Харидас кланялся, а Господь садился и какое-то время с ним беседовал. Затем Чайтанья Махапрабху шел принимать омовение.

Так все и шло, пока однажды Чайтанья не увидел, что Харидас чувствует себя неважно:

– Харидас, как твоё здоровье?

– Да, господин, оно не очень... в конце концов, это всего лишь тело.

Через два дня Чайтанья Махапрабху увидел, что Харидас вот-вот оставит тело. Он спросил:

– Харидас, чего бы ты хотел?

Они оба понимали, о чем идет речь. Харидас ответил:

– Мой час близок. Если бы Ты милостиво согласился остаться передо мной...

Свамиджи полностью погрузился в напряженное переживание этой сцены, словно она разворачивалась у него на глазах. Он закрыл глаза и застонал. Воцарилось молчание. Затем он продолжил – медленно, запинаясь:

– Итак, Чайтанья Махапрабху стоял перед ним... и он оставил тело.

Он глубоко вздохнул и замолчал. Хаягрива сидел, уставившись в пол. Когда он поднял глаза, то увидел, что Свамиджи плачет.

Свамиджи быстро набросал последние эпизоды своего сценария.

– Теперь пиши, – сказал он Хаягриве, – а я добавлю или подправлю. Это был просто конспект, план. Разработка за тобой.

Хаягрива вышел. Материала было много, и он сильно сомневался, что когда-нибудь напишет эту пьесу. Но он был бесконечно благодарен Свамиджи за возможность поучаствовать в этой удивительной беседе.

* * *

Стэндфордский Университет.

Бхактиведанта Свами начал киртан. Он сидел в комнате отдыха для студентов, на столике для игры в бридж, и в маленький микрофон пел мантру. Ученики ему подыгрывали. Сначала собралось около двадцати человек, но постепенно зрителей становилось все больше и больше. Все пришедшие тоже присоединялись к пению. Комната преобразилась до неузнаваемости – более двухсот студентов, большинство из которых слышали мантру «Харе-Кришна» впервые, танцевали и пели, не хуже чем заправские хиппи с Хэйт-Эшбери. Киртан шел больше часа.

Затем, обращаясь к студентам, Свамиджи объяснил, что они только что испытали:

– Этот танец «Харе Кришна» – лучшее средство избавиться от иллюзорного представления о том, что вы – тело. Наше Общество пытается передать миру этот бесценный дар Господа. Толком не понимая слов, вы все же чувствовали восторг, побуждавший вас танцевать.

Затем Свамиджи ответил на вопросы. Все шло как всегда, пока кто-то не спросил, что Бхактиведанта Свами думает по поводу призыва студентов в армию. Свамиджи ответил, что раз они сами избрали себе такое правительство, какой толк теперь жаловаться, что оно гонит их на войну. Но некоторые из студентов, которые еще минуту назад пели и танцевали, подняли крик:

– Нет! Нет!

Свамиджи попытался обосновать свою точку зрения, но студенты в гнев стали кричать еще громче, и устроили настоящий бедлам. В конце концов Свамиджи взял караталы и снова запел. Бунтовщики ушли прочь.

На следующий день газета «Пало-Альто Таймс» поместила на первой полосе рассказ об этом событии, с большим заголовком и фотографией киртана.

Свами отмечает свой визит в Стэнфорд древним экстатическим танцем

Если вы не хотите отстать от моды, то уделите минуту этой статье. Появился новый танец, который грозит превратиться в повальное увлечение. Он называется «свами».

Не удивляйтесь, если он заменит фруг, ватуси, свим и даже старую добрую польку.

Почему? Потому что вы можете исполнять любые движения и в то же время ощутить настоящее счастье. Этот танец может избавить вас от иллюзии того, что вы и ваше тело неразделимы...

Пение начиналось спокойно, но, по мере того, как к нему присоединялось все больше людей, набирало силу.

Через полчаса длинноволосый юноша с тремя рядами красных бус на шее поднялся и начал танцевать. В экстазе он закрыл глаза, а руки поднял на высоту плеч, ладонями вверх.

Вскоре его примеру последовали две девушки. У одной на шее висели нанизанные на шнурок колокольчики.

К ним присоединился бородатый парень в ярко-розовой шапочке, при этом он не прекращал играть на бубне.

Свами стал петь в микрофон, чем вдохновил других петь и топать громче.

Симпатичная девушка в сари танцевала, словно погрузившись в гипнотический транс.

Невысокий, смуглый, опрятно одетый человек в костюме и галстуке сбросил туфли и присоединился к танцующим. То же самое сделал и молодой профессор математики. В уголке раскачивалась и кружилась красивая трехлетняя девочка со светлыми волосами.

Вскоре уже почти все пели и танцевали. Темп ускорился. На лицах выступил пот, в помещении становилось жарко.

Затем все закончилось.

Бхактиведанте Свами статья понравилась, и он попросил сделать с нее несколько копий.

– Как они называли танец? – смеялся он. – «Свами»?

Над фотографией киртана было напечатано: «Когда Свами Бхактиведанта поет свое гипнотическое «Харе Кришна», все присоединяются к нему в полном экстазе».

Преданные привезли Свамиджи в Христианский союз молодежи, где аудитория состояла почти исключительно из детей. Преданные украсили зал плакатами с изображениями Кришны и повесили большой плакат с маха-мантрой. Во время киртана дети тоже пели. Перед самой лекцией Гурудаса напомнил Свамиджи:

– Может, стоит говорить попроще – им всем от девяти до четырнадцати лет.

Свамиджи молча кивнул.

– Кто из вас самый умный? – начал он.

Никто не откликнулся. Но вот руку поднял какой-то двенадцатилетний мальчуган, подбадриваемый своими учителями и товарищами. Свамиджи поманил его к себе. На мальчике были очки с толстыми линзами, шорты и спортивная курточка, волосы его были аккуратно зачесаны назад. Указав на его голову, Свамиджи спросил:

– Это что?

Мальчуган чуть было не хмыкнул, услышав такой простой вопрос:

– Моя голова!

Тогда Свамиджи указал на его руку и спокойно продолжил:

– А это что такое?

– Моя рука! – сказал мальчик.

Затем Свамиджи показал на его ногу и спросил:

– А это что?

– Моя нога, – недоверчиво поглядывая, ответил мальчик.

– Верно, – сказал Свамиджи. – Ты говоришь моя голова, моя рука, моя нога – мое тело. Но где же ты сам?

Мальчик совершенно растерялся, не зная, что и сказать.

– Мы говорим моя рука, – продолжал Свамиджи, – но кто владеет этой рукой? Когда мы говорим моя рука, это значит, что эта рука кому-то принадлежит. Но где живет этот кто-то? Я не говорю: «Я – рука». Я говорю: «Моя рука». Итак, я и моя рука – это не одно и то же. Я нахожусь в своем теле, а вы в своем. Но я не являюсь своим телом, и вы не являетесь вашим. Мы отличны от тела. Быть по настоящему разумным – значит понимать, что есть «я».

«Психоделический магазин» на Хэйт-Эшбери был популярным местом встреч для хиппи, и Свамиджи неоднократно получал приглашения прочитать там лекцию. После «Мантра-рок-дэнса» местные хиппи повесили в окне вывеску «Ночь сознания», а в дальней части своего магазина открыли комнату для медитации. Но поскольку хиппи в этом магазине почти всегда находились в состоянии наркотического опьянения, ученики Свамиджи отговаривали его от визита туда. Но хиппи продолжали умолять, и, в конце концов, преданные смягчились и сказали Свамиджи, что, может быть, и стоит туда сходить.

Итак, в один из субботних вечеров Свамиджи и двое преданных вышли на Хэйт-стрит и направились в «Психоделический магазин». На улицах толпилась молодежь: хиппи, сидящие вдоль тротуара и торгующие папиросами с гашишем и прочими наркотическими принадлежностями; гомосексуалисты; безумно одетые хиппи с раскрашенными лицами. Тут и там парни и девушки собирались в небольшие группы, чтобы покурить марихуану, выпить, попеть и поиграть на гитарах – обычный вечер на улице Хэйт.

В «Психоделическом магазине» было не продохнуть от дыма табака и марихуаны, смешанного с алкогольными парами и запахом пота. Свамиджи вошел в комнату для медитации, задрапированную индийскими тканями, и сел. Комната была забита хиппи, многие из которых лежали на полу в «невменяемом» состоянии, глядя на него из-под полуопущенных век. Хотя говорил он тихо, само его присутствие каким-то образом удерживало их внимание. Аудитория была довольно вялой, но все же смогла по достоинству оценить его слова, и когда он закончил, те, кто был еще в сознании, выразили свое одобрение.

* * *

В субботу, первого апреля, незадолго до своего отъезда из Сан-Франциско, Свамиджи получил приглашение от Лу Готлиба, возглавлявшего «Ранчо «Утренняя звезда»» – коммуну хиппи-нудистов. Преданные сказали, что «Утренняя звезда» – это сообщество молодых людей, живущих в лесу. Эти хиппи стремились к духовному, выращивали овощи и поклонялись солнцу. Они брались за руки и слушали ветер. И, само собой разумеется, у них не было недостатка в наркотиках и свободном сексе.

Утром Лу заехал за Свами. Они немного побеседовали, и Свамиджи угостил гостя расагуллой (маленьким творожным шариком, пропитанным сахарным сиропом). Сразу же после этого они выехали в «Утреннюю звезду», расположенную примерно в ста километрах к северу от Сан-Франциско.

Лу Готлиб: Я попросил Свамиджи пристегнуть ремень. Но он отказался, сказав, что все в руках Кришны, или что-то вроде. По дороге я демонстрировал ему свои обширные познания, основанные на биографии Рамакришны. Тогда Бхактиведанта дал мне лучший совет из всех, дотоле слышанных мною. Мы говорили о Рамакришне, Вивекананде, Ауробиндо, о том, о сем. И он сказал, мягко положив руку мне на колено: «Знаете, когда вы уже встали на истинный путь, то все дальнейшие исследования в области сравнительного религиоведения – не что иное, как услаждение чувств».

Ранчо «Утренняя звезда» располагалось на территории бывшей птицефермы, в лесу из секвой, где деревья достигали в высоту шестидесяти метров. Часть земли была расчищена под поля. Там стояли палатки, несколько небольших хижин, весьма непрочных на вид, и два или три бунгало. Единственным приличным домом, стоявшим в стороне от других, был дом Лу (бывший

курытник). В коммуне постоянно проживало около ста человек, а по выходным, если была хорошая погода, это число увеличивалось до трехсот, за счет приезжавших поработать на земле или просто побродить нагишом и «побалдеть».

Свамиджи приехал прекрасным солнечным днем, в час полудни. Он хотел немного отдохнуть, и Лу предоставил в его распоряжение свой дом. Прогуливаясь возле домика, Свамиджи заметил несколько обнаженных мужчин и женщин, пропалывающих огород. Один из работающих, невысокий, коренастый юноша, Херби Брессак, прервал работу и подошел поздороваться.

Херби: Лу Готлиб представил меня. Тогда мы как раз сажали картошку. Он сказал: «Это Свами Бхактиведанта». Я вышел из сада и пожал Свамиджи руку. Я сказал: «Привет, Свами».

Он спросил меня: «Что вы делаете?» Я ответил, что мы сажаем картошку. Тогда он снова спросил: что я делаю со своей жизнью. Я ничего не ответил.

Через несколько минут Свамиджи был готов начать киртан. Вместе с Лу он вышел на холмистый луг, где на эстраде, сделанной из диких цветов, хиппи поставили для него деревянное сиденье. Свамиджи сел и начал петь. Члены коммуны, с нетерпением ожидавшие приезда Свами, с радостью приступили к совместной медитации.

Майк Морисси: Кто-то из нас был одет, кто-то – нет. Некоторые танцевали. Но Свами не смотрел на наши тела, он смотрел на наши души и давал нам милость, в которой мы так нуждались.

Киртан прошел на ура. На одного из членов коммуны он произвел такое впечатление, что он решил тут же одеться и вместе со Свами вернуться в Сан-Франциско. Лекция была очень короткой.

Сразу после лекции Свамиджи направился к автомобилю, пожимая руки и обмениваясь любезностями.

Хотя он мало говорил о философии, его киртан произвел на хиппи «Утренней звезды» огромное впечатление. Уходя, он сказал одному молодому человеку:

– Продолжайте повторять «Харе Кришна» мантру.

И они последовали этому совету.

Лу Готлиб: Свами был чрезвычайно умный человек, и хорошо знал свое дело. В нем не было и тени ханжества. Он не корчил из себя святого, не «возводил-молчаливо-глаза-к-небу». Единственное что я помню, это то, что находиться с ним было очень приятно. Было какое-то невероятное чувство уверенности и покоя. Не было никаких сомнений в том, что маха-мантра, единожды услышанная, навсегда останется в вашей голове и никогда не прекратит своего действия. Она вошла в каждую клетку тела, она пробуждает ДНК... все в таком духе. Вскоре после этого добрая половина хиппи из «Утренней звезды» начала серьезно повторять мантру. Те, кто это делал, были людьми очень открытыми, ищущими Бога. Их устремления были на тысячу процентов искренними, особенно если учесть обстановку, в которой они находились. Все они принимали наркотики, и в этом можно не сомневаться, но настолько же не подлежит сомнению то, что они бросили все это, соприкоснувшись с маха-мантрой.

* * *

Небрежно набросив на плечи чадар, Свамиджи остановился у открытой двери автомобиля и бросил прощальный взгляд на преданных и храм в магазинчике. Теперь это уже не просто магазинчик, а нечто куда более значительное: Нью-Джаганнатха-Пури. Он приехал сюда, выполняя волю Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Кто из его духовных братьев мог представить себе, до какой степени безумными окажутся эти американские хиппи, одурманенные наркотиками и кричащие: «Я – Бог!»? Столько юношей и девушек, несчастных и безумных, несмотря на все свое богатство и образование! Но сейчас, благодаря сознанию Кришны, некоторые из них обретали счастье.

В день его приезда в Сан-Франциско репортер спросил у него, почему он приехал именно в Хэйт-Эшбери.

– Потому что здесь можно недорого снять квартиру, – ответил Свамиджи.

Он хотел распространить движение Господа Чайтаньи – зачем еще ему было приезжать в этот обшарпанный магазинчик и жить рядом с китайской прачечной и бесплатным магазином «диггеров»? Журналисты спросили его, приглашает ли он принять сознание Кришны хиппи и богему.

– Да, – сказал он, – я приглашаю всех.

Но он знал, что, присоединившись к нему, они уже не будут такими, какими были до этого.

Сейчас преданные жили одной семьей. Если они будут следовать его наставлениям, то сумеют сохранить свою силу. Если они будут искренни, Кришна поможет им. В храме находится Господь Джаганнатха, и они должны поклоняться Ему с верой и преданностью. Повторяя мантру «Харе Кришна» и следуя указаниям духовного учителя, они непременно очистятся.

Вместе с несколькими учениками Свамиджи сел в машину и отбыл в аэропорт. За ними следовало несколько автомобилей, заполненных преданными.

В аэропорту преданные плакали. Но Свамиджи заверил их, что вернется, если они устроят праздник Ратха-ятры.

– Вы должны организовать шествие по главной улице города, – сказал он. – Сделайте все как следует. Мы должны привлечь много людей. В Джаганнатха-Пури этот праздник проводят каждый год. В это время Божество Джаганнатхи выходит из храма.

Свамиджи знал, что должен будет вернуться, чтобы сберечь нежные ростки преданного служения, которые он посадил в их сердцах. Если он не приедет, его ученики-неофиты вряд ли выживут в океане материальных желаний под названием «Хэйт-Эшбери». Он несколько раз повторил, что обязательно к ним вернется. Он просил их сотрудничать друг с другом: Мукунду, Шьямасундару, Гурудасу, Джаянанду, Субала, Гаурасундару, Хаягриву, Харидаса и девушек.

Всего два с половиной месяца назад он прибыл сюда, в этот аэропорт, где под пение «Харе Кришна» его встречала толпа молодых людей. Многие из них теперь были его учениками, хотя едва ли сознавали свою духовную природу и вряд ли исполняли принятые обеты. И все же, покидая их, Бхактиведанта Свами не чувствовал угрызений совести. Он знал, что некоторые из них уйдут из сознания Кришны. Но он не мог остаться здесь навсегда. У него было не так много времени.

Бхактиведанта Свами, отец теперь уже двух небольших семей преданных, нежно прощался с одной из них и направлялся на восток, туда, где его ждала другая – но в другом настроении, в настроении радости от предстоящей встречи.

Глава двадцать пятая

Наш учитель еще не закончил свой труд

Нью-Йорк.

Май 1967 года.

Казалось, ничто не предвещало того, что здоровье Свамиджи пошатнется. А если и были какие-то признаки, то никто не обращал на них особого внимания. Оставив своих сан-францисских учеников и вернувшись к преданным в Нью-Йорк, Свамиджи ни словом не обмолвился о том, что ему нужно немного сбавить темп. После пяти с половиной часов полета он лишь посетовал, что ему заложило уши, но выглядел вполне здоровым. Ни минуты не отдохнув после радостной встречи в аэропорту, он провел трехчасовую программу с лекцией и киртаном в храме на Второй авеню. Своим нью-йоркским ученикам он казался удивительно красивым и лучезарным, и они не сводили с него влюбленных глаз. Его присутствие, его взгляды и слова – все это укрепляло в них сознание Кришны. Его преклонный возраст – а ему было уже за семьдесят – был для них лишь одним из его божественных качеств. Свамиджи был их силой, но им никогда не приходило в голову подумать о его силе.

Сидя на новом возвышении, за обитой бархатом подставкой для книг, Свамиджи сказал:

– Пока меня не было, здесь стало лучше.

На свежевыкрашенных белых стенах висели новые картины. В остальном это был все тот же маленький магазинчик, где было основано Международное Общество сознания Кришны.

Он писал им, что хочет приехать в новое здание, но у них ничего не получилось. Мало того, по глупости своей они потеряли шесть тысяч долларов. Но он не стал напоминать им об этом, а сделал куда более важное наблюдение: несмотря на отсутствие духовного учителя, просто следуя его наставлениям, преданные духовно выросли.

Свамиджи радостно смотрел на свежевыкрашенные стены и сияющие лица учеников. Объясняя, как ученик прогрессирует в сознании Кришны, смиренно следуя духовному учителю, Свамиджи привел пример. Ученик механика может и не быть специалистом, но, завинчивая шуруп под личным наблюдением мастера, он действует, как специалист. Услышав это, многие преданные с облегчением вздохнули. Они знали, что отказаться от материальных желаний не так-то просто и что мгновенно стать чистыми преданными они не смогут. Брахмананда даже написал стихотворение, в котором признавался, что, если после многих жизней сможет внимательно повторить один круг мантры «Харе Кришна», то будет считать это своим величайшим успехом. Но Свамиджи объяснил, что даже ничего не понимая в любви к Кришне, но действуя под руководством чистого преданного, они будут действовать, как чистые преданные.

Но на следующее утро, когда фанфары по поводу приезда Свамиджи утихли, стало заметно, насколько все-таки преданные зависели от присутствия рядом духовного лидера. Количество посетителей сократилось до десятка верных друзей. Свамиджи молча вошел в магазинчик и запел. Но когда настала очередь преданных подпевать, и Свамиджи услышал их хор, он взглянул на них с удивлением и жалостью. Он услышал слабые голоса, больше похожие на кваканье, чем на пение, и ему все стало ясно – на самом деле за время его отсутствия они деградировали! Пока его не было, киртаны изменились, и теперь он слышал, что стало с преданными: сейчас это беспомощные души, квакающие безжизненно и безрадостно.

Свамиджи читал лекцию по «Чайтанья-чаритамрите».

– Когда я летел из Сан-Франциско, я заметил, что самолет летит над океаном облаков. Когда я плыл из Индии на корабле, то видел океан воды, а с самолета открывался вид на необозримый океан облаков. Над облаками сияло солнце, но когда в Нью-Йорке мы опустились под облака, на землю, все оказалось сумрачным и туманным. Но ведь солнце по-прежнему светит! Эти облака не могут закрыть весь мир. Они не могут закрыть даже Соединенные Штаты, а ведь Америка – просто песчинка во Вселенной. С самолета небоскребы кажутся совсем крошечными, и точно так же, с точки зрения Бога, вся эта материальная чушь совершенно незначительна. Как живое существо, я очень незначителен и всегда стремлюсь вниз. Но солнце не стремится вниз. Оно всегда над облаками майи...

Один недавно пришедший парень поднял руку:

– Почему один человек, одна душа, приходит к сознанию Кришны, а другая нет?

Свамиджи ответил, задав встречный вопрос:

– Почему одна душа оказалась на Бауэри, а другая – в храме Кришны? – Свамиджи выдержал паузу, но никто не ответил. – Потому, что один хочет быть здесь, а другой нет. Это вопрос свободной воли. Если мы правильно воспользуемся ею, то сможем отправиться к Кришне. В противном случае, мы останемся внизу, в материальном мире.

У каждого было что спросить. Весь день преданные заходили к нему в комнату, чтобы задать свои практические и философские вопросы. Они опять получили возможность близко с ним общаться. И снова Свамиджи указывал Ачйотананде, что готовить сегодня на обед, попутно объясняя, что опытный слуга – это тот, кто заранее знает, чего хочет духовный учитель, и тому даже не нужно просить об этом.

Зашел Сатсварупа, чтобы показать Свамиджи отпечатанную рукопись «Учения Господа Чайтаньи». Обязанности Сатсварупы оставались теми же, что и раньше, но сейчас, оказавшись лицом к лицу со Свамиджи, он понял, что должен печатать и редактировать еще прилежнее. Он попросил разрешения уволиться с работы, но Свамиджи не разрешил.

Джадурани по-прежнему занималась живописью в одной из комнат своего духовного учителя. Забыв о своей стеснительности, она засыпала его вопросами о том, как рисовать Кришну.

– Как Господь Вишну располагается в сердце? – спросила она. – Он сидит или стоит, или что делает?

Свамиджи ответил:

– О, чтобы узнать это, тебе придется заниматься медитацией тысячу лет.

Джадурани испуганно уставилась на него. Тогда Свамиджи ответил:

– Он стоит, – и Джадурани, счастливая, отправилась рисовать.

Когда однажды она пожаловалась на слабое здоровье, Свамиджи попросил Ачйотананду проследить, чтобы два раза в день она получала молоко. Через окно, выходящее в боковую комнату, где печатали, рисовали и иногда даже что-то строили, Свамиджи однажды наблюдал, как Джадурани работает над картиной, изображающей Господа Чайтанью в группе санкиртаны. Когда она начала писать в нижней части полотна маха-мантру, Свамиджи сказал через окно:

– Не пиши там маха-мантру.

– Но вы ведь сами мне велели ее здесь написать, – удивилась она.

– Я передумал. Маха-мантра не должна быть ниже Чайтаньи Махапрабху.

Один за другим к Свамиджи приходили его старые нью-йоркские ученики: Гаргамуни, казначей храма, который сообщил ему, что благовония и пластинки с мантрой «Харе Кришна» расходятся очень хорошо; Рая-Рама, редактор «Назад к Богу», который пожаловался на несварение желудка; Рупануга, у которого была хорошая работа, но которому никак не удавалось убедить жену принять сознание Кришны. Зашел даже м-р Чати, домовладелец, и пожаловался на поведение ребят.

Еще Свамиджи встретился с новичком – Майклом Блумертом. Майкл лечился у психиатра (результат разрушительных экспериментов с наркотиками). Когда он начал ходить в храм, его родители подумали, что Свамиджи – это очередная злая сила, но, встретившись с ним, миссис Блумерт убедилась в том, что это настоящий духовный учитель. Муж ее, однако, продолжал сомневаться.

– М-р Блумерт, – сказал Свамиджи, – ваша жена разумнее вас.

Тот сказал, что хочет, чтобы сын его помогал миру более конкретно – став врачом. Свамиджи возразил, сказав, что врачей и так уже предостаточно, и, несмотря на это, люди по-прежнему страдают. Но человек в сознании Кришны может полностью избавить людей от страданий; поэтому деятельность в сознании Кришны куда более ценна. М-ра Блумерта это не убедило, но все же он разрешил Майклу остаться с преданными и больше не ходить к психиатру. Несмотря на свое несогласие со Свами, он стал относиться к нему с уважением.

С Брахманандой Свамиджи обсуждал неотложный вопрос о получении постоянной визы. С тех пор, как в 1965 году он впервые въехал в страну, ему приходилось неоднократно продлевать визу, но сейчас иммиграционные службы отказали в дальнейшем продлении. Он не хотел уезжать из Штатов, но остаться мог только в том случае, если получит вид на постоянное жительство. Он подал заявление, но ответа пока не было.

– Ваше правительство не хочет, чтобы я оставался, – говорил он, – поэтому, возможно, мне придется вернуться в Индию.

Перспектива возвращения Свамиджи в Индию очень пугала преданных. Ученики с трудом согласились на то, чтобы он уехал проповедовать на другой конец Соединенных Штатов, что уж говорить о его возвращении на родину!.. Они боялись, что снова могут пасть в материальный мир. Он поддерживал их духовную жизнь. Что смогут они без него? И Свамиджи разделял их чувства.

Брахмананде удалось найти адвоката, который на какое-то время сумел оттянуть рассмотрение вопроса в иммиграционной службе, и угроза депортации миновала. Свамиджи поговаривал о поездке в Монреаль и получении вида на жительство в Канаде, но главным его намерением было оставаться в Америке и развивать то, что он начал.

Брахмананда рассказал Свамиджи о том, как идут дела с изданием «Бхагавад-гиты». Рукопись была готова, и сейчас они приценивались, думая, куда отдать книгу в печать, хотя достаточной суммы для публикации у них пока еще не было. Они еще не начинали серьезных поисков, но Свамиджи вдохновлял Брахмананду:

– Это моя единственная надежда – напечатать книги.

Брахмананда говорил и о тех шести тысячах долларов, которые он потерял, отдав м-ру Прайсу. Свамиджи настаивал на возбуждении дела против аферистов. Он посылал Брахмананду к различным адвокатам и попросил предупредить м-ра Прайса и м-ра Тайлера, что «Его Превосходительство» вернулся и собирается подать на них в суд.

Угрозы подействовали. М-р Тайлер отдал большую часть вложенных денег, а м-р Прайс вернул семьсот пятьдесят долларов из той тысячи, что хитростью выманил у Брахмананды. За услуги адвокатов пришлось заплатить еще тысячу. Это была потеря, но Свамиджи сказал, что когда имеешь дело с тигром, практически невозможно выйти из схватки невредимым. В письме Киртанананде, который в то время находился в Монреале, Свамиджи поведал об успешном окончании дела, связанного с аферой Прайса: «Сообщи тебе радостную новость – по милости Кришны мне удалось вернуть 4227 долларов... из 5000, которые угодили в утробу Сэра Жулика (Прайса)...».

Но вскоре появились некоторые признаки того, что Свамиджи следует внимательнее отнестись к своему здоровью. Впервые он плохо почувствовал себя в телестудии, когда принимал участие в телевизионном шоу Аллена Барка, который был известен тем, что к кому угодно мог повернуться спиной, курил и непристойно, иногда даже оскорбительно общался со своими гостями, а если это задевало гостя, м-р Барк старался окончательно вывести его из себя. Это было популярное шоу.

Прежде чем выйти в эфир, м-р Барк попросил у Свамиджи разрешения закурить. Свамиджи вежливо согласился. М-р Барк представил своего гостя как «настоящего свами». Когда он спросил, почему Свамиджи выступает против секса, тот ответил, что это неправда. Просто секс должен быть ограничен браком, и иметь своей целью появление сознающих Кришну детей. Но м-р Барк упорствовал, желая узнать, чем плох секс вне брака. Свамиджи ответил, что истинная цель человеческой жизни – осознать себя, а когда ум постоянно занят тем, где бы найти нового партнера, невозможно сохранять умиротворенное состояние ума, необходимое для самопознания. М-р Барк согласился. Он вел себя как никогда корректно и обходительно, а в конце назвал Свамиджи «очаровательным человеком».

По дороге в храм Свамиджи сказал, что свет софитов в студии вызвал у него сильную головную боль, и в какой-то момент ему показалось, что он не выдержит до конца съемки.

Затем, во время одной из лекций, Рупануга, сидевший недалеко от Свамиджи, заметил, как у того дрожит рука. Несколько месяцев назад, на другой день после записи пластинки, Свамиджи проснулся поздно и жаловался на перебои сердца и на то, что не может пошевелиться. Тогда за ним ухаживал Киртанананда.

– Если когда-нибудь я тяжело заболею, – сказал ему Свамиджи, – не зовите врача. И не кладите меня в больницу. Просто дайте мне четки и пойте «Харе Кришна».

Ученики считали, что не вправе ограничивать его. Правда, однажды Киртанананда все-таки попытался это сделать. Когда в «Авалоне» Свамиджи танцевал и прыгал, обливаясь потом, Киртанананда попытался настоять на том, чтобы киртан немедленно остановили, но преданные обозвали его параноиком.

Кроме того, Свамиджи не любил, когда его сдерживали. Да и кто они такие, чтобы сдерживать его? Он был полномочным представителем Кришны, способным преодолеть любые трудности. Он был чистым преданным и мог все. Разве сам он не говорил много раз, что чистый преданный поднялся над материальной болью?

Некоторое время назад Свамиджи написал письмо, утешая хворающую бабушку одного из своих учеников:

Все наши хвори происходят из-за нашего материального тела. Иногда, особенно в старости, мы вынуждены страдать от неудобств, связанных с телом, но если мы осознаем Бога, то не будем чувствовать боли. Поэтому лучше всего – постоянно повторять святое Имя Господа.

Но преданные думали, что Свамиджи может только давать добрые советы чьей-нибудь бабушке, а с ним самим ничего подобного никогда не случится. Конечно, иногда он называл себя стариком, но делал это в основном на лекциях, чтобы показать неотвратимость старости.

Преданным казалось, что у Свамиджи довольно крепкое здоровье. Его глаза блестели, отражая переживаемые им духовные эмоции, кожа была гладкой и золотистой, а улыбка свидетельствовала о здоровье и хорошем самочувствии. Однажды кто-то из учеников сказал, что улыбка Свамиджи источает такую энергию молодости, что невольно приходит на ум выражение «здоров, как бык». Свамиджи каждый день принимал холодный душ, выходил рано утром на прогулку по Нижнему Ист-Сайду, играл на мриданге и с аппетитом ел. И даже если бы ученики захотели, чтобы он не расточал свои силы, много ли они смогли бы сделать?

Некоторые, правда, пытались удержать его от участия в скандальном «Собрании во имя Всеобщей Любви», в театре «Ист-Виллидж», но не потому, что это могло повредить его здоровью – просто все боялись, что это помешает ему получить вид на жительство в США. Бхактиведанту Свами пригласили поучаствовать в этом шоу, наряду с Алленом Гинзбергом, Тимоти Лири и множеством рок-звезд. Сборы от концерта шли в фонд предвыборной компании Луиса Аболафии, баллотирующегося в президенты от «Любви и мира». Адвокат Бхактиведанты Свами, услышав, что Свамиджи собирается участвовать в концерте, предупредил, что это может плохо сказаться на решении посольства о его дальнейшем пребывании в стране. Некоторые ученики разделяли опасения адвоката и тоже возражали против намерения Свамиджи. Тот было согласился, но в день, на который было назначено шоу, передумал и решил пойти:

– Я приехал сюда, чтобы проповедовать сознание Кришны, – объявил он.

Пришло время выступить против лидеров ЛСД, претендующих на духовность. Незадолго до того Свамиджи говорил, что очень хочет попасть на это шоу, но не пойдет, поскольку ученики ему запрещают. Но тут он просто заявил, что пойдет, и точка!

Однако в самом конце мая Свамиджи почувствовал упадок сил. Он жаловался на перебои сердца. Надеясь, что через день-два эти симптомы пройдут, Киртанананда попросил Свамиджи отдохнуть и пока не принимать посетителей. Но тому становилось все хуже и хуже.

Киртанананда: Свамиджи начал жаловаться, что у него отнимается левая рука. В левой половине его тела начались подергивания, а левая рука и вовсе перестала ему подчиняться. Казалось, что это каким-то таинственным образом угнетает его и причиняет ему моральную боль.

Ачьютананда: Это случилось в воскресенье, за два дня до Дня поминовения?. После обеда мы должны были проводить большую программу в одном зале, в городе. Я поднялся, чтобы позвать Свамиджи – преданные были уже готовы. Он лежал на своем ложе, белый, как мел. Он сказал:

– Послушай мое сердце.

Я наклонился к его груди и слышал мелкую дрожь.

Я спустился вниз, но не хотел пугать ребят и поднимать панику. Я подошел к Киртанананде и тихо сказал:

– У Свамиджи небольшие перебои с сердцем.

Мы взбежали наверх. Свамиджи сказал:

– Массируйте здесь.

Я стал растирать ему грудь – он показал, как это делается.

– Другие пусть идут на программу, а Ачьютананда может остаться. Если что-нибудь случится, он позовет, – сказал Свамиджи.

Ребята ушли на программу, а я остался ждать. Один или два раза он подзывал меня и велел быстрыми движениями растирать ему грудь. Вскоре ему стало лучше, и к нему вернулся нормальный цвет лица. Я смотрел на него, открыв рот, и не знал, что делать. Он взглянул на меня и спросил:

– Чего сидишь без дела? Повторяй «Харе Кришна».

Вечером у него снова начались приступы, поэтому я лег спать в соседней комнате. А поздно ночью он снова позвал меня, и велел растирать ему грудь.

Киртанананда: Это произошло во вторник, в День поминовения. Я сидел в комнате Свамиджи. Внизу шел киртан, и в это время у него опять начались подергивания. Лицо Свамиджи вдруг напряглось. Он начал вращать глазами и внезапно откинулся назад. Я подхватил его. Он выдохнул: «Харе Кришна», – и все прекратилось. Я подумал, что это конец, но тут он снова стал дышать и повторять «Харе Кришна». Однако тело его больше не слушалось.

Брахмананда: Я был тогда вместе с Киртананандой. Это было воскресенье накануне Дня поминовения. Мы не могли понять, что происходит со Свамиджи. Он не мог сидеть, все время стонал, и никто не знал, в чем дело. Мы (я и Киртанананда) ухаживали за ним, делая все, что могли. Мне даже пришлось пойти и купить для него судно.

Левая сторона его тела была парализована. Он попросил повесить перед ним на стену фотографию его духовного учителя. Думая, что Свамиджи готовится оставлять тело и хочет в эти последние минуты сосредоточиться на своем духовном учителе, Ачьютананда прикрепил фотографию к двери, чтобы Свамиджи мог на нее смотреть.

Преданные собрались в передней комнате его квартиры, и Свамиджи велел им петь «Харе Кришна». Затем он попросил их молиться Нрисимхадеве – одному из вечных образов Господа Кришны.

Сатсварупа: Свамиджи сказал, чтобы мы молились Господу Нрисимхе, повторяя: «Мой учитель еще не закончил свой труд». Время от времени он разрешал нам по очереди растирать разные части его тела. Затем он попросил нас спуститься вниз, в храм, и всю ночь петь киртан.

Джадурани: Он научил нас, как молиться Господу Нрисимхадеве. Он слово за словом продиктовал молитвы, и я их записала, после чего позвонила в Сан-Франциско и Монреаль и по телефону продиктовала им эти слова. Свамиджи сказал:

– Вы должны молиться Кришне, повторяя: «Наш духовный учитель еще не завершил свой труд, поэтому, пожалуйста, позволь ему закончить».

Дамодара: Я вошел в храм. Внизу никого не было, и я просто сел, чтобы повторить несколько кругов мантры. Сверху спустился какой-то преданный. На нем лица не было, и я спросил, что случилось. Когда он рассказал мне, я бросился наверх. Все сидели во второй комнате, вдоль стен. Оттуда через окно в стене можно было видеть комнату Свамиджи. Все читали мантру. Джадурани пустила по рукам клочок бумаги, на котором было что-то написано. Свамиджи, объяснила она, хочет, чтобы мы читали эти молитвы.

Брахмананда: Мы принесли в комнату Свамиджи изображение Господа Нрисимхи. Все, кто там был, повторяли мантру. Когда Свамиджи вынужден был пользоваться судном перед изображением Господа Нрисимхи, он просил у Него прощения. Он понимал, что прямо перед ним сидит Господь Нрисимха. Я смотрел на Него как на картинку, а Свамиджи видел Самого Господа Нрисимхадеву.

Ему становилось все хуже, он чувствовал общую слабость. Мы не могли найти доктора – по случаю Дня поминовения все было закрыто. Я позвонил нашему семейному врачу, но его не оказалось дома. Все уехали отдыхать – в День поминовения все уезжают за город. Я никого не мог найти. Я обзвонил все больницы, всех врачей, я пытался и так, и эдак, но никого не смог найти. Наконец, позвонив в скорую помощь, я добился своего. Пришел врач. Это был старикашка с очень громким голосом. Увидев Свамиджи, он сказал:

– Мне кажется, этот человек слишком много молится. Я думаю, ему нужно делать какие-нибудь упражнения. По утрам он должен ходить на прогулки.

Ачьютананда: Знаниями этот доктор не отличался. Он заявил, что у Свамиджи простуда. Я спросил:

– Как простуда? У него же сердцебиение!

– Хммм, не знаю, что и сказать... Он пьет виски?

– Он не пьет даже кофе и чая, – сказал я.

– О-о-о, славно, славно. Ну-у, наверное, он простудился.

Дваракадхиша даса: Он вошел, окинул взглядом помещение, и то, что он увидел, ему явно не понравилось – это было видно невооруженным глазом. Он посчитал нас обыкновенным сборищем хиппи, и не мог дожидаться того момента, когда можно будет уйти. Он сказал, что у Свамиджи грипп. Более смехотворный диагноз придумать было сложно. Затем он попросил заплатить за визит. Мы заплатили, и он ушел, а Свамиджи стало только хуже.

Преданные вызывали другого доктора, который пришел и поставил диагноз. Он сказал, что у Свамиджи сердечный приступ средней тяжести, и его нужно немедленно госпитализировать.

Макс Лернер (адвокат, друживший с преданными): Мне позвонили и сказали, что у Свами легкий сердечный приступ, и нужна моя помощь. Они собирались положить его в больницу Бельвью, но я предложил устроить его в частную клинику (по крайней мере, попытаться). Через несколько часов переговоров с персоналом клиники «Бет-Израэль» мы привезли Свамиджи в больницу.

Брахмананда: На следующее утро после праздника пришлось вызвать карету скорой помощи. В клинике «Бет-Израэль» не было своей машины, и тогда я позвонил в одну из частных компаний. В клинике мы договорились, что привезем Свамиджи к девяти утра, но машины не было до полудня. Все это время Свамиджи стонал, не переставая. Наконец, приехала машина, а в ней – двое дюжих молодцов. Они обращались со Свамиджи, словно с мешком тряпья. Я подумал, что было бы лучше, если бы мы отвезли его на такси.

Никого, кроме Киртанананда, который остался в палате Свамиджи сиделкой, в клинику не пустили. Преданные вернулись в храм, чтобы исполнить просьбу своего духовного учителя – петь всю ночь. Киртанананда позвонил в Сан-Франциско и рассказал Хаягриве о том, что случилось – как Свамиджи неожиданно откинулся навзничь и вскрикнул «Харе Кришна!», как в течение полуминуты в нем не наблюдалось никаких признаков жизни... а затем – жадный вздох: «Харе Кришна! Харе Кришна!» Киртанананда попросил Хаягриву, чтобы сан-францисские преданные всю ночь пели и молились Господу Нрисимхадеве.

Тава кара-камала-варе накхам адбхута-шрингам

Далита-хираньякашипу-тану-бхрингам

Кешава дхрита-нарахари-рупа джая джагадиша харе

Господь Нрисимхадева, воплощение Господа Кришны в образе получеловека-полульва, приходил в незапамятные времена, чтобы спасти Своего чистого преданного Прахладу и убить демона Хираньякашипу. Свамиджи попросил своих учеников молиться Господу Нрисимхадеве, повторяя особую мантру и мысленно обращаясь к Нему: «Наш учитель еще не завершил свой труд. Пожалуйста, защити его». Ребята вернулись в храм и начали петь, но через несколько часов все уснули. Они хотели отдохнуть, а на следующий день снова поехать в больницу.

Харидас: Когда в Сан-Франциско мы слышали печальную новость, всех охватило горе. Люди плакали. Любовь нашу нельзя было описать словами. Все думали о Свамиджи, все наши мысли были только об одном: как помочь ему выкарабкаться, как дать ему сил. Все взывали к Кришне, Господу Чайтанье и любому, к кому только можно было обратиться с просьбой поделиться своей силой со Свамиджи. Люди приходили в храм и на четках повторяли молитвы. Все, независимо от вероисповедания и увлечений, посвящали свои молитвы выздоровлению Свамиджи. Все молились вместе с нами.

Хаягрива: Я никогда не забуду ту ночь. Мы включаем на алтаре Джаганнатхи освещение, зажигаем свечи и поем «Харе Кришна» в их мерцающем свете. Пение очень торжественно, а танец еще более торжественен. По улице Хэйт новости разлетаются быстро, и вскоре храм заполняется людьми, которые приходят, чтобы всю ночь петь с нами.

Мукунда и Джанаки позвонили в Нью-Йорк. Но ничего нового им не сообщили. У постели Свамиджи по ночам дежурит Киртанананда. Никого больше туда надолго не пускают. Больничный режим. Да, в Нью-Йорке все поют.

Мы поем до полуночи. Большинство гостей уходит, но никто из нас не чувствует сонливости. Волны киртана захлестывают нас. Мой ум переносит меня то к Свамиджи, то в Нью-Йорк, то в будущее, то в прошлое... Я вынужден насильно возвращать его в комнату, в настоящее, чтобы помнить, почему мы здесь, почему мы поем, почему умоляем Кришну дать нашему учителю еще немного времени и позволить распространить великое движение санкиртаны по всему миру.

Пение постоянно с нами, оно неотступно ведет нас за собой.

К двум часам ночи я начинаю уставать. Чтобы не заснуть, я меняю инструменты и играю то на мриданге, то на караталах, то на фисгармонии. Многие танцуют, прогоняя сон, девушки разносят прасад – нарезанные ломтиками яблоки. Сидеть у стены опасно, потому что стоит облокотиться, как сразу начинает клонить в сон. Мы так беспомощны!

«Харе Кришна» утешает. Пение освобождает от ненужных мучений. Оно помогает нам смягчить горе, снять напряжение, дает силы молиться и надеяться.

Между тремя и четырьмя утра наступает самое экстатичное время, брахма-мухурта, час перед рассветом. Если он переживет этот час, то непременно будет жить дальше.

И мы поем. Мы повторяем мантру на четках. «Харе Кришна» звучит непрерывно. Мы проводим традиционный утренний киртан в семь часов. Мы поем четырнадцать часов подряд! Мы стираем пыль с зеркала ума. Мы везде видим Кришну и Свамиджи. Мы не сомневаемся, что сейчас ему хорошо!

Сердце у Свамиджи болело всю ночь. На следующий день его состояние продолжало оставаться критическим. Он мог говорить, но очень тихо, и был слишком слаб, чтобы вести беседу. С недоверием относясь к врачам, он сам поставил себе диагноз: сердечный приступ, который поразил участок его мозга и вызвал левосторонний паралич. Массаж, сказал он, – единственное средство.

Утром первого июня в палату к Свамиджи пришли его ученики, чтобы помочь Киртанананде. Сменяя друг друга, они делали Свамиджи массаж, растирая его голову, грудь и ноги, как он им говорил. Это простое служение давало каждому возможность лично ему послужить.

Услышав, что не только нью-йоркские, но и сан-францисские преданные пели и молились всю ночь, Свамиджи выразил радость, но не сердечной улыбкой, как это было всегда, а слабым кивком головы и одобрительным звуком. Несмотря на слабость, он пребывал в полном сознании.

Врачи, а чаще всего санитары, брали у Свамиджи кровь, делали ему уколы и обследовали его. Они еще не поставили окончательный диагноз и собирались проводить какие-то исследования. Неожиданно вошел врач и объявил, что они решили сделать Свамиджи пункцию спинного мозга. Свамиджи был слишком слаб, чтобы обсуждать с ними все «за» и «против» этой операции. Он доверил себя заботам своих учеников и Кришны.

Врач не хотел, чтобы ему мешали. Он объяснил, зачем нужна эта процедура, но ни совета, ни разрешения спрашивать не стал. Все, кроме Киртанананды, который ни в какую не хотел уходить, должны были покинуть палату, на то время, пока врач будет делать пункцию. Ни сам Свамиджи, который был слишком слаб, ни его ученики, которые толком не знали, как себя вести в подобных ситуациях, не стали возражать врачу. Один за другим преданные выходили из палаты, а доктор тем временем готовил самую большую и страшную иглу из всех, какие им когда-либо приходилось видеть.

Когда им наконец разрешили вернуться, один из учеников осторожно спросил:

– Было больно, Свамиджи?

Свамиджи (его золотистое тело было одето в белую больничную пижаму и лежало на белых простынях) слегка повернулся к нему и сказал:

– Я терпелив.

Рупануга: Когда Свамиджи в первый раз положили в больницу, мне было очень тяжело. Я не знал, что делать. В таких делах у меня не было никакого опыта. Я совершенно растерялся и не знал, чем могу служить Свамиджи. Все это было очень страшно.

На карту была поставлена жизнь Свамиджи, но ученики были беспомощны и не знали, что делать, чтобы спасти его. Он лежал на кровати, словно отдав себя на их милость. Персонал клиники смотрел на него как на свою собственность – пожилой человек с больным сердцем, нуждающийся в обследовании. А для его учеников это было в сто раз хуже, чем дела с м-ром Прайсом и его компанией. Здесь на карту были поставлены не деньги, а сам Свамиджи! Давать ли согласие на ЭЭГ? И что это вообще такое – ЭЭГ? Нужна ли операция? Операция?! Но ведь Свамиджи просил их вообще не класть его в больницу. «Делайте мне массаж, – это все, что он просил, и еще: – Повторяйте «Харе Кришна»».

Когда Свамиджи упомянул, что предпочитает аюрведическое лечение, преданные предложили выписать врача из Индии. Однако, прикинув, сколько это будет стоить, Свамиджи решил сначала написать в Индию. Поскольку ни сидеть, ни писать он не мог, он медленно продиктовал письмо, адресованное Шри-Кришна Пандиту, который в течение нескольких лет сдавал ему комнату в своем храме в Дели. Сатсварупа перечитал письмо вслух, а затем прямо тут же, в палате, отпечатал его на машинке.

Это письмо я пишу из больницы. У меня внезапно разболелась голова, а в груди я почувствовал сильное сердцебиение. Когда я растираю грудь, то чувствую, что это отдается в левой руке, а когда растираю левую руку, то чувствую, как отдается в груди. Левая рука совсем не слушается. Поэтому я прошу Вас, если Вы знаете в Матхуре какого-нибудь хорошего ведического врача, который мог бы выслать мне необходимые лекарства, то купите их и вышлите авиапочтой на адрес нашего храма: ИСККОН, Вторая авеню, №26, Нью-Йорк. Симптомы проявляются

особенно ярко, когда у меня сильно болит голова. А левая рука дрожит каждые десять-пятнадцать минут. Боюсь, как бы это не оказалось болезнью вроде лакхьи. Мальчики очень хорошо обо мне заботятся, недостатка внимания я не ощущаю. И все же, в конце концов, это тело смертно. Я приехал сюда с великой миссией осуществить волю духовного учителя, но мое сердце предательски нанесло мне удар. Конечно, я не боюсь майи, я знаю, что майя не может коснуться меня, но если я умру, моя миссия останется незаконченной. Поэтому, пожалуйста, молитесь Прабху Господу Чайтанье и Вриндабан-Бихари, чтобы на этот раз Они спасли меня, поскольку моя миссия еще не завершена. Мне бы хотелось прожить еще немного. Они хотели вызвать опытного аюрведического лекаря, который может лечить такие болезни, но я им не разрешил. Однако если в этом есть необходимость и если Вы сможете найти мне опытного врача, который согласится сюда приехать, то мы вышлем необходимую сумму денег или купим ему авиабилет. Вы можете проконсультироваться по этому поводу с нашим управляющим в Дакке, Шакти.

Напоследок я хотел бы сообщить Вам, что предпочитаю аюрведическое лечение. Вы можете проконсультироваться с лекарем во Вриндаване, который является гаудия-вайшнавом. Он хорошо меня знает. Он продает мои книги.

Необходимо по возможности сделать еще две вещи: послать мне хорошие лекарства и инструкцию по их применению. Это было бы прекрасно. Но если нужно, чтобы я вернулся, я могу и вернуться. Пожалуйста, постарайтесь ответить как можно скорее, и на английском языке – мои ученики не знают хинди. Пока я в постели, я не могу читать писем. Пожалуйста, отнесите к этому письму, как к требующему безотлагательных действий. Посоветуйтесь с нужными врачами и сообщите, что мне делать. Бесспорно, в Матхуре много хороших аюрведических врачей, но и шарлатанов там не меньше. Постарайтесь избежать последних. Я бы вернулся в Индию прямо сейчас, но доктора говорят, что это опасно. Но если это необходимо, я вернусь тотчас же, как только наберусь сил, чтобы перенести все тяготы пути.

Я перечислю еще раз, на что жалуясь, чтобы Вы могли принять меры. Неожиданно, около четырех дней тому назад, у меня началась частая пульсация между сердцем и желудком. У меня был полный упадок сил, что-то вроде обморока – тогда я посоветовался с врачом, который прописал мне лекарство, но оно не помогло. Поэтому мои ученики положили меня в больницу, где один день лечения обходится им в 400 рупий. Так что жаловаться на отсутствие внимания мне не приходится. Медицинскую помощь мне предоставляют специалисты высокого класса, но я думаю, что аюрведическое лекарство – это именно то, что мне сейчас нужно. Поэтому я прошу Вас поскорее принять меры и ответить мне.

Надеюсь, что из письма Вы почувствуете всю серьезность моего положения. Вы можете показать мое письмо какому-нибудь другу, который хорошо знает английский, чтобы он правильно его прочитал и ответил. Для переписки на бенгали или хинди нет никакой возможности.

По милости Кришны, на второй день пребывания в больнице, ближе к вечеру, Свамиджи стало немного лучше. Сердце все еще болело, а выражение лица оставалось серьезным, без тени улыбки, но сил немного прибавилось. Ордinаторы, медсестры и врачи приходили по часам и безразлично его обследовали. Одного из врачей, казалось, заинтересовало, кто такой этот пациент, и по просьбе Свамиджи, Киртанананда включил для него магнитофонную запись лекции. Тот вежливо послушал, но сказал:

– Мне это ни о чем не говорит.

Врач сказал, что нужно сделать еще кое-какие анализы, и если все пойдет хорошо, то, возможно, через несколько недель Свамиджи выпишут. Свамиджи попытался рассказать ему о Кришне. Джадурани принесла в палату две свои картины – одну с Радхой и Кришной, а другую – с Господом Нрисимхой, получеловеком-полульвом, разрывающим демона Хираньякашипу. Тихим голосом Свамиджи объяснил, что эти картины изображают Бога с разных сторон:

– Здесь Он находится в любовных отношениях, а здесь мы видим, как Кришна, или Бог, проявляет гнев.

Врач извинился и сказал, что у него своя философия, а Свамиджи в таком состоянии не следует проповедовать; ему нужно отдыхать. Посоветовав ученикам не позволять своему гуру говорить, врач извинился и продолжил обход.

Когда Свамиджи стало немного лучше, он еще настойчивее начал выражать недовольство тем, что находится во власти медиков. Он сказал, что они бессильны. Всем управляет Кришна:

– Если Кришна хочет вас убить, то никто не сможет защитить вас. Но если Кришна захочет вас спасти, никто не сможет вас убить.

Дамодара: Я был в палате, когда пришел врач, чтобы проверить его нервную систему. Это была обычная процедура, когда вам резиновым молоточком стучат по колену. Свамиджи был явно раздражен приходом врача, который начал обстукивать его с ног до головы. Свамиджи сам мог поставить диагноз и назначить себе лечение, и его раздражало, что эти люди, которые явно толком не понимают, что делают, приходят и мешают его выздоровлению.

Аччютананда: Медсестра постоянно хлопала дверью, и Свамиджи при этом всякий раз вздрагивал. Он сказал: «Попросите ее не хлопать дверью». Но медсестра говорила: «О'кей», – и продолжала.

Понемногу Свамиджи начал садиться в кровати и принимать принесенный из храма прасад, дополняя его вегетарианскими блюдами из больничного меню. Он произносил молитву и предлагал больничную пищу изображению духовного учителя. Преданные садились у его стоп и наблюдали за тем, как правой рукой он смешивает морковь, зеленый горошек и картофельное пюре. А остатки своей пищи он всегда раздавал в руки ученикам.

Джадурани: Мы приносили ему много разных фруктов. Однажды мы сообщили, что принесли яблоки, но он был так слаб, что смог произнести только: «О», как будто не проявив никакого интереса. Мы добавили, что принесли апельсины, но в ответ опять услышали только «о». Он произнес еще очень много слабых «о» – казалось, ничто его не радовало. Наконец, я сказала:

– Мы принесли арбузы.

И лицо его вдруг осветилось:

– О-о-о!

Преданные сменяли друг друга у постели Свамиджи каждые четыре часа. Дежурили обычно по двое. Он не спал, но часами не говорил не слова. Массаж не прекращался ни на минуту, за исключением тех минут, когда он спал. Постепенно паралич левой стороны прошел.

Однажды, когда Свамиджи сидел на кровати, один ученик растирал ему ногу, а другой в это же время нежно, словно утешая своего духовного учителя, похлопывал его по затылку. Свамиджи заметил, что если бы не был болен, то счел бы такой массаж и растирание слишком фамильярным.

Дамодара: Одной рукой я растирал виски Свамиджи – большим пальцем один висок, а остальными – другой. Свамиджи все время повторял: «Сильнее! Сильнее! – и я нажимал сильнее. Я думал: «Ого, а стоит ли так сильно давить, он ведь болен». Но он настаивал: «Сильнее! Сильнее!»

Пурушоттама: Массируя голову Свамиджи, я запел: «Шри Кришна-Чайтанья...» Вдруг лицо его осветила прекрасная улыбка. И хотя пел я совсем недолго, ему это очень понравилось. Казалось, он верил, что мое пение «Шри Кришна-Чайтанья» поможет ему выздороветь.

Как только сил у Свамиджи прибавилось, ученики были уже тут как тут со своими вопросами. Пурушоттама спросил:

– Свамиджи, когда Писания говорят о «лотосных стопах» Кришны, что имеется в виду?

Свамиджи пропел стих:

самашрита е пада-паллава-плавам
махат-падам пунья-яшо мурарех
бхавамбудхир ватса-падам парам падам
падам падам яд випадам на тешам

После этого Свамиджи велел присутствующим преданным повторять за ним каждую строчку, пока они не выучили мотив и слова.

– В этом стихе из «Шримад Бхагаватам», – объяснил Свамиджи, сидя на кровати, – момент смерти сравнивается с огромным океаном. Он ужасен. Вы не знаете, где вы окажетесь в следующей жизни. И на каждом шагу в материальном мире вас подстерегают опасности. Но для того, кто принял прибежище лотосных стоп Господа Кришны, этот бескрайний и опасный океан рождения и смерти сокращается до размеров отпечатка телячьего копытца. Опасность есть, но преданный не обращает на нее внимания. Как, например, если какой-нибудь человек проедет в экипаже по маленькой лужице, он просто не обратит на нее внимания. Понимаете теперь, что значит «лотосные стопы»?

Все поняли.

Пурушоттама задал следующий вопрос:

– Почему люди говорят, что у Бога нет имени?

Свамиджи задал встречный вопрос:

– Если Бог есть все, почему у Него не должно быть имени? На самом деле, все имена описывают Кришну.

Свамиджи спросил Пурушоттаму, как звали его до посвящения.

– Пол, – ответил тот.

– Что значит Пол? – спросил Свамиджи.

– «Маленький».

– Да. Это Кришна. Он меньше мельчайшего.

Затем Сатсварупа предложил рассмотреть свое имя, Стивен (что значит «корона»).

– Да, – ответил Свамиджи, – Кришна – царь.

Но подобные дискуссии бывали редко. Обычно в палате стояла тишина. Свамиджи отдыхал, а дежурные преданные сидели на стульях по обе стороны его койки, читая книги или тихо повторяя на четках мантру. Однажды поздним вечером, когда на Манхэттен опустились сумерки, Свамиджи приподнялся на кровати и прервал длившееся целый час молчание:

– Я не знаю Кришну, но я знаю своего Гуру Махараджа.

В один из дней Брахмананда принес подробный отчет о финансовом состоянии нью-йоркского храма и начал читать его вслух. Дойдя до середины, он вдруг остановился, посмотрел на Свамиджи и сказал:

– Мне рассказывать во всех подробностях? Мне казалось, вы хотели, чтобы я обо всем вам докладывал. То есть, чтобы вы были в курсе дел.

Свамиджи ответил, что если Брахмананда сам может обо всем позаботиться, то ему не нужно сообщать все подробности.

Однажды утром, ко всеобщему удивлению, в палату, широко улыбаясь в большую седую бороду, зашел Свами Сатчидананда, знаменитый гуру хатха-йоги. На нем была шафрановая шелковая курта и брюки, какие носят йоги. Его сопровождал один из молодых американских учеников. Свамиджи сел на постели, улыбнувшись этой приятной неожиданности. Раньше они не встречались. Свамиджи предложил Свами Сатчидананде сесть на койку, а Джадурани попросил уступить место его ученику.

Свами Бхактиведанта и Свами Сатчидананда говорили на хинди, и никто из присутствующих не понимал, о чем они говорят. Но в какой-то момент, Свамиджи поднял руку и, сначала с равнодушием, а затем и с отвращением на нее посмотрел. Хотя говорил он на хинди, жесты и иронично-язвительное выражение его лица передавали скрытый смысл разговора: тело – материально, и поэтому ничего хорошего ожидать от него нельзя.

Свамиджи попросил Ачьютананду зачитать вслух отрывок из одного комментария к «Шримад Бхагаватам».

Если есть достаточно молока и злаков, если хватает фруктов, хлопка, шелка и драгоценных камней, то к чему нужно экономическое развитие в виде машин и станков? Могут ли машины и станки дать людям и животным жизненную силу? Могут ли машины производить злаки, фрукты и молоко, или драгоценные камни, или шелк? Неужели драгоценных камней, шелка, разнообразной пищи, приготовленной на гхи, а также злаков, молока и фруктов недостаточно, чтобы человек мог жить чистой, роскошной и здоровой жизнью? К чему вся эта искусственная и дорогая жизнь с кинотеатрами, автомобилями, радио, мясом и отелями? Принесла ли эта цивилизация какие-нибудь хорошие плоды, помимо собачьей грызни между людьми и нациями? Способствует ли эта цивилизация установлению равенства и братства, когда тысячи людей отправляются на адские заводы и поля сражений по прихоти одного человека?

Потом Свамиджи предложил поставить пластинку, которую он записал со своими учениками, и Свами Сатчидананда вежливо согласился. Но когда Свамиджи предложил перевернуть ее на другую сторону, гость сказал, что им пора. Он дал Свамиджи немного фруктов, а Свамиджи, приняв их, попросил учеников:

– Раздайте эти фрукты и угостите его нашими.

Когда Свами Сатчидананда поднялся и направился к выходу, Свамиджи, слегка пошатываясь, тоже встал с кровати.

– Нет, нет, нет, – запротестовал Свами Сатчидананда. – не беспокойтесь.

Когда он, в сопровождении Ачьютананды, вышел, Свамиджи снова лег на койку.

– А он на самом деле свами? – спросила Джадурани.

– Почему нет? – ответил Свамиджи. Но через несколько секунд, добавил, – «Свами» значит «тот, кто знает Кришну».

Больше об этом разговоров не было, но Свамиджи остался доволен неожиданным визитом.

Постоянные посещения юных последователей Свамиджи, с тилаками на лицах и арбузами в руках, с какой-то особенной пищей, цветами и изображениями Кришны, вызывали среди медперсонала особый интерес. Иногда работники больницы, заходили и задавали Свамиджи вопросы, иногда преданные рассказывали им о движении «Харе Кришна». Как-то одна из медсестер, проходя мимо палаты Свамиджи, спросила:

– Как называется высшая каста в индийской кастовой системе? Как их называют?

– Сознующие Кришну, – твердо ответил Свамиджи и попросил ученика угостить медсестру прасадом.

5 июня Свамиджи получил трогательное письмо, подписанное всеми его учениками из Сан-Франциско. Прочитав о том, как они всю ночь пели и молились о его выздоровлении, он продиктовал короткий ответ.

Мои дорогие юноши и девушки!

Я очень признателен вам за то, что вы молили Кришну спасти мне жизнь. Благодаря вашим искренним и горячим молитвам Кришна меня спас. Во вторник я наверняка должен был умереть, но ваши искренние молитвы сохранили мне жизнь. Сейчас я постепенно поправляюсь и возвращаюсь в свое обычное состояние. Теперь я могу надеяться, что мы снова встретимся и будем вместе петь «Харе Кришна». Я был рад получить сообщение о том, что вы не стоите на месте, и надеюсь, что вы сумеете постичь науку сознания Кришны. Мои благословения всегда с вами, продолжайте с верой повторять «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе».

На следующий день они получили посылку от Мукунды: магнитофонную ленту с записью «Шри рама джая рама джая джая рама» и других бхаджанов в исполнении сан-францисских преданных. Свамиджи продиктовал еще одно письмо, где говорил, что придет в Сан-Франциско, как только наберется сил для новых путешествий.

А пока, – писал он, – мне хотелось бы узнать, как вы готовитесь к празднику Ратха-ятры. Постарайтесь устроить пышную процессию, чтобы привлекательно и необычно представить Соединенным Штатам культуру сознания Кришны.

Как-то вечером несколько учеников Свамиджи собрались в храме на Второй авеню, 26. Усевшись в кружок на выцветшем ковре, они рассуждали о его болезни. Свамиджи говорил, что с началом сердечного приступа должен был умереть, поэтому громко произнес: «Харе Кришна!», чувствуя, что смерть близко. Киртанананда вспомнил, как Свамиджи однажды рассказал ему, что во время плаванья на «Джаладуте» жена капитана читала по его руке и сказала, что если он переживет свой семьдесят первый год, то будет жить до ста лет.

Мадхусудана недоумевал:

– Как с чистым преданным может произойти смертельный удар?

Киртанананда ответил, что считать Свамиджи неуязвимым – как чистого преданного – и потому не беспокоиться о нем – признак равнодушия. Конечно, страдания или уход чистого преданного нельзя сравнивать со страданиями обычных людей. Свамиджи часто приводил пример: иногда кошка носит в своей пасти котят, а порой в ту же пасть попадает мышь. Мышь чувствует дыхание смерти, а котенок – любовь и защиту. Поэтому, хотя смерть и пришла к Свамиджи, и все могло выглядеть так же, как и у обычных людей, Свамиджи не чувствовал ни страха, ни опасности.

По мере того, как ученики делились своим пониманием произошедшего, их сомнения, почему это несчастье случилось с их духовным учителем, начали рассеиваться. Сатсварупа поведал им о письме, которое печатал в клинике. В письме Свамиджи говорил, что не боится майи, и майя не может его коснуться. Но говорил он и о том, как подвело его сердце. Брахмананда вспомнил, как однажды слышал от Свамиджи, что гуру страдает за грехи учеников, поскольку ему приходится принимать на себя их карму. У Свамиджи уже около пятидесяти учеников, так что, может быть, это и есть истинная причина этого приступа. Они обсудили, как важно строго соблюдать все правила и не совершать грехов, которые бременем лягут на плечи их духовного учителя.

Еще одна причина болезни, сказал Киртанананда, в том, что таким образом Сам Кришна занял их всех в близком служении Свамиджи. Служа чистому преданному, человек обретает милость Кришны, поэтому Кришна дал им возможность делать Свамиджи массаж и оказывать ему личное служение – ради их же очищения.

Сатсварупа вспомнил, как Свамиджи писал в письме сан-францисским преданным, что должен был умереть, но спасся благодаря их молитвам. Киртанананде Свамиджи сказал, что, услышав молитвы преданных, Кришна пошел навстречу их желанию. Господь разрешил Свамиджи продолжать миссию – распространение сознания Кришны на Западе. Свамиджи хотел жить не ради себя, а ради того, чтобы продолжать свое дело.

Все согласились с мнением Киртанананды: считать, что Свамиджи – чистый преданный и потому не нуждается в любви и заботе – это своего рода имперсонализм. Они должны продолжать уход за ним, хотя ему уже лучше. Он доверился их заботе, и они должны отнестись к нему соответственно. Свамиджи говорил, что ученики для него – как отцы; поэтому теперь они не должны позволять ему долго и энергично играть на мриданге, часами петь в парке, разговаривать до поздней ночи и вообще делать что-то, что пагубно скажется на его здоровье.

Рая-Рама сказал, что, попросив его ответить на письма преданных с Западного побережья, Свамиджи заметил, что, видимо, никогда больше не сможет выдерживать напряженных публичных лекций, так что движение санкиртаны отныне ложится на их плечи. В своих письмах Рая-Рама объяснял, что это милость Кришны – то, что Свамиджи еще с ними и в затруднительных ситуациях может давать им советы; но сейчас они должны увеличить усилия для распространения сознания Кришны по всему миру.

Разговор постепенно переключился на то, как важно выполнять указания Свамиджи и становиться воистину сильными преданными. Все согласились с тем, что это возможно, если более тщательно изучать его книги и действовать в соответствии с его наставлениями.

Когда они рассказали Свамиджи о своей дискуссии, он отреагировал одной фразой:

– Кришна услышал ваши искренние молитвы и подумал: «Ну хорошо, пусть остается и занимается своей ерундой, раз столько преданных молятся за него».

* * *

Незадолго до болезни Свамиджи преданные запланировали провести большое мероприятие в Томпкинс-сквере, которое должно было состояться 4 июня, в воскресенье. Дирекция парка выделила им для этих целей эстраду и предоставила в их распоряжение усилительную аппаратуру. М-р Колмэн, продюсер пластинки «Харе Кришна», убедил их сделать этому мероприятию рекламу, а сам вступил в переговоры с телевизионными компаниями. Преданные заготовили плакаты с мантрой Харе Кришна, чтобы все, даже телезрители, могли петь вместе с ними.

Теперь Свамиджи был не в состоянии участвовать, но сказал, что фестиваль должен состояться во что бы то ни стало, а он составит особое обращение, которое Киртанананда должен будет зачитать публиче. С больничной койки он продиктовал короткое «Обращение к молодежи Америки А.Ч. Бхактиведанты Свами».

Четвертого июня в Томпкинс-сквере, вокруг эстрады собралось несколько сотен человек. Преданные играли на фисгармонии, караталах и мридангах и пели «Харе Кришна», а люди в толпе подпевали, подыгрывали на своих инструментах, а некоторые даже взобрались на сцену.

Киртанананда встал перед микрофоном и объявил, что Бхактиведанта Свами болен и в настоящий момент находится в больнице «Бет-Израэль», но хочет обратиться с посланием ко всем присутствующим. Бхактиведанта Свами и его киртаны были довольно известны в Нижнем Ист-Сайде, и когда Киртанананда начал читать, толпа приготовилась внимать его словам:

Мои дорогие, прекрасные юноши и девушки Америки!

Я приехал в вашу страну с большими надеждами и великой миссией. Мой духовный учитель, Ом Вишнупад Парамаханса Парибраджака Ачарья Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Махараджа попросил меня проповедовать этот культ Господа Шри Чайтаньи Махапрабху в западном мире. Так было брошено семя. Постепенно семя возшло и принесло плоды, и я был готов приехать на Запад. Я не знаю, чем меня так привлекла Америка. Но Кришна подсказывал мне из сердца – не ехать в Европу, а отправиться сюда. Итак, вы можете убедиться, что в вашу страну я приехал по наитию свыше. Приехав сюда и увидев, что часть молодежи обманута, сбита с толку и разочарована (в такой ситуации находится не только ваша страна – во всем мире к молодым людям относятся с пренебрежением, хотя они – цветы общества и будущая

его надежда) – я подумал, что если обращусь к американской молодежи со своим посланием, и они присоединятся к моему движению, оно распространится по всему миру, и все проблемы мира будут решены. Как бы мне хотелось самому быть сегодня с вами... Но Кришна не позволил мне этого, поэтому, пожалуйста, простите меня и примите мои благословения в письменной форме.

Эта санкиртана – пение и танцы – прекрасна, поскольку с самого начала поднимает всех на духовный уровень. Наше существование делится на несколько уровней: уровень тела, ума, интеллекта и души. Когда вы поднимаетесь на духовный уровень, разрешаются все проблемы, созданные потребностями тела, ума, интеллекта и эго. Поэтому я призываю вас отнестись к этому движению со всей серьезностью. Сам метод очень прост: мы просим вас приходить и петь вместе с нами, слушать о философии жизни, которой учил Господь Кришна, вкушать с нами прасад (пищу, приготовленную для Господа и предложенную Ему) и возвращаться домой умиротворенными, с освеженным умом. Такова наша миссия.

Конечно, у нас есть определенные ограничения, которые, по сути дела, даже не ограничения, но предоставление лучшей альтернативы. Не так давно во время своей телевизионной программы м-р Аллен Барк спросил меня:

– Свамиджи, почему вы так настаиваете на женитьбе?

И я ответил ему:

– До тех пор, пока человек не обретет мира в семье, как сможет он достичь каких-то осязаемых результатов в любой другой сфере жизни или области знания? Поэтому каждому следует вступать в брак, просто для того, чтобы быть счастливым и умиротворенным.

Все вы – славные, красивые, образованные юноши и девушки – почему бы вам не жениться и не жить в счастье? Если вы ведете спокойную и упорядоченную жизнь и питаетесь только прасадом Кришны, тогда ткани вашего мозга, необходимые для духовного осознания и понимания, будут развиваться.

Однако, даже если вы не согласны с этими простыми ограничениями, я все равно прошу вас присоединяться к нашему пению. Это может каждый. Постепенно, благодаря этому пению всё встанет на свои места, все ваши проблемы разрешатся, и вы обнаружите, что в вашей жизни открылась новая глава. На этой неделе я получил письмо от одной девушки из Нью-Джерси, которая испытала нечто подобное. Она пишет:

«Дорогой Свамиджи!

Вы меня не знаете. В прошлую субботу я присоединилась к Вашему шествию в Вашингтон-сквере.

Когда я впервые увидела Вашу группу, то подумала, что все вы сумасшедшие. Либо ненормальные, либо накурились каких-то наркотиков. Но, послушав и поговорив с некоторыми из вас, я поняла, что ошиблась. Вы и вправду верите в то, что делаете, и за это я восхищаюсь вами. Любопытство влекло меня дальше – я хотела разобраться, что к чему, поэтому пошла за Вами, и по мере того, как я шла, Ваше пение полностью меня захватило. Затем я почувствовала, как освободилась от всего, что мешало мне, и тоже начала петь. Я не знала, где нахожусь и куда иду, но меня охватил такой восторг, что мне было не до того, чтобы в этом разбираться. Только когда процессия остановилась, я поняла, где нахожусь.

К этому моменту у меня уже сложилось какое-то отрывочное представление о сознании Кришны. Один из ваших последователей пригласил меня в храм, и я пошла дальше, надеясь найти то самое, что заставляет испытывать такие чувства, и о чем я прежде никогда не слышала.

Пообедав с вами и почитав ваши книги, я ушла; но ушла не с пустыми руками. Я взяла с собой новое понимание жизни. Я поняла, какими пустыми и поверхностными были мои желания: новая одежда, большой дом, цветной телевизор – все это так ничтожно! Если б только люди открыли глаза на бесконечное наслаждение, которое Бог уже дал им, им не нужно было бы искать ничего большего.

Вы поистине счастливы. Вы можете обходиться без стольких вещей, но именно поэтому вы способны наслаждаться простыми, Самим Богом данными сокровищами этого мира. У вас есть вера, и поэтому вы богаты; и я благодарю вас за то, что вы поделились частью этого богатства со мной».

Итак, мы приглашаем вас – пожалуйста, пойте с нами – это так замечательно. Если хотите, приходите в наш храм, примите прасад и будьте счастливы. Это не очень трудно, просто повторяйте ХАРЕ КРИШНА, ХАРЕ КРИШНА, КРИШНА КРИШНА, ХАРЕ ХАРЕ, ХАРЕ РАМА,

ХАРЕ РАМА, РАМА РАМА, ХАРЕ ХАРЕ. Это спасет вас. Спасибо вам большое, да благословит вас Господь.

* * *

Свамиджи не терпелось покинуть клинику. Уже несколько дней он хотел выписаться оттуда.

– Они только и делают, что без конца меня колют, – жаловался он.

Кроме того, каждый день его пребывания в клинике увеличивал долги Общества. Преданные сняли небольшой коттедж на побережье в Лонг-Бранч, штат Нью-Джерси, чтобы поселить в нем Свамиджи до окончательного выздоровления. Киртанананда будет готовить, а Гаурасундара и его жена, Говинда-даси, приехавшие из Сан-Франциско, будут вести хозяйство и помогать Киртанананде. Но врач хотел еще раз сделать Свамиджи энцефалограмму и кое-какие анализы.

Однажды, когда в палате у Свамиджи сидели Киртанананда и Гаргамуни, к нему вошел врач и объявил, что Свами нужно спуститься вниз на рентген.

– А уколы делать будете? – спросил Свамиджи.

– Нет, – ответил доктор, – не беспокойтесь.

Когда медсестра привезла каталку, Свамиджи настоял на том, чтобы вез его Гаргамуни. Он по-турецки сел на каталку и просунул руку в мешочек с четками, а Гаргамуни, следуя за сестрой, выкатил его за дверь и привез в холл, где все трое вошли в лифт. Спустившись на третий этаж, они вошли в какую-то комнату, и медсестра оставила их одних. Гаргамуни чувствовал, что Свамиджи встревожился. Сам он тоже нервничал. Ему было очень странно и непривычно находиться со своим духовным учителем в таком месте. Затем вошла другая медсестра со шприцем.

– Надо сделать Свами маленький укольчик.

– Нет, – замотал головой Свамиджи.

– Простите, – решительно, сказал Гаргамуни, – мы не будем этого делать.

Медсестра рассердилась, но нашла в себе силы улыбнуться:

– Это не больно.

– Увези меня отсюда, – сказал Свамиджи, обращаясь к Гаргамуни.

Когда сестра стала настаивать, Гаргамуни, как это с ним часто случалось, решил идти напролом и загородил Свамиджи своим телом.

«Если понадобится, я буду драться», – думал он.

– Я не позволю вам этого сделать, – сказал он и выкатил каталку из комнаты, оставив позади ошарашенную медсестру.

Гаргамуни заблудился. Он оказался то ли на третьем, то ли на четвертом этаже, в лабиринте коридоров и дверей. Палата Свамиджи находилась на шестом. Плохо представляя себе, куда идти, Гаргамуни катил кровать по бесконечным коридорам, а на ней, читая на четках мантру, сидел Свамиджи.

Брахмананда вошел в рентгеновский кабинет через несколько секунд после бегства Гаргамуни. Интерн и медсестра стали жаловаться ему и рассказали о случившемся.

Брахмананда: Они считали это похищением. Свамиджи был их собственностью. Пока он лежал в клинике, он принадлежал им, и они думали, что могут делать с ним все что угодно. А Гаргамуни взял и похитил его.

Гаргамуни добрался до лифта. Разворачивать громоздкую каталку было трудно, и в спешке он врезался в стену. Оказавшись наконец в лифте, он понял, что забыл, на каком этаже находится палата Свамиджи. Он знал только одно: он защищает Свамиджи, а Свамиджи хочет, чтобы его забрали отсюда.

Когда Гаргамуни, наконец, добрался до палаты номер 607, врачи уже были там. Они сердито его отчитали.

– Мне наплевать, – сказал Гаргамуни. – Свами больше не хочет никаких уколов и анализов. Он хочет выписаться.

Пришел Брахмананда. Он успокоил своего младшего брата и помог снова уложить Свамиджи в постель.

Свамиджи сказал, что хочет отсюда уехать. Когда вошел врач, он сел на кровати и решительно заявил:

– Доктор, я чувствую себя хорошо. Мне больше нечего здесь делать.

С этими словами он пожал доктору руку, желая показать, что вполне здоров. Врач рассмеялся. Он сказал, что, хотя Свамиджи значительно окреп, ему нужно остаться в клинике еще на несколько дней – жизнь его все еще в опасности, и требуется тщательное медицинское наблюдение. Кроме того, ему еще раз нужно сделать электрокардиограмму.

Свамиджи по-прежнему чувствовал боли в области сердца, но сказал врачам, что его ученики нашли место на побережье, где он сможет отдохнуть и поправиться. Это очень хорошо, сказал доктор, и все же он не может позволить пациенту уйти из клиники прямо сейчас.

Однако Свамиджи уже все решил. Брахмананда и Гаргамуни вызвали такси. Они собрали вещи своего духовного учителя и помогли ему одеться. Когда на глазах у всего медперсонала они выводили его из палаты, кое-кто из врачей и медсестер попытался их остановить, но Брахмананда сказал, чтобы они не беспокоились: Свамиджи очень дорог им, и они сами сумеют о нем позаботиться. Они будут регулярно делать ему массаж, он будет много отдыхать и принимать все лекарства, которые прописали врачи. А отдохнув на побережье, он приедет к ним на осмотр.

Брахмананда: Врачи по горло были сыты всем этим. Они стали угрожать нам: «Он умрет». Они нас сильно напугали. Они говорили: «Он умрет, и виноваты в этом будете вы». Даже когда мы уже выходили на улицу, они сказали нам вслед: «Этот человек обречен». Это было ужасно.

Восьмого июня, в десять часов утра, они покинули клинику. Прежде чем отправиться в Лонг-Бранч, Свамиджи захотел сделать короткую остановку в храме на Второй авеню. Слегка пошатываясь, он вошел в храм и подошел к портрету своего духовного учителя, Бхактисиддханта Сарасвати, и его отца, Бхактивиноды Тхакура. В первый раз ученики Свамиджи видели, как он простерся на полу перед своим Гуру Махараджей. Они тоже пали ниц и в этот момент почувствовали, что любят его еще больше.

Когда Свамиджи приехал в свой домик на Лонг-Бранч, был уже час дня, и Киртанананда сразу же отправился готовить обед. В первый раз за последние девять дней Свамиджи, наконец, сможет принять полноценный горячий обед – рис, дал, чапати, сабджи – все, как обычно.

Он лег в постель, но вскоре встал и направился на кухню:

– Готово?

Киртанананда извинился и сказал, что поторопится. Через несколько минут Свамиджи вернулся. Он казался рассерженным:

– Что ты так долго возишься?

Киртанананда торопился, как только мог, но заставить дал вариться быстрее было не в его силах.

– Давай что есть, – велел Свамиджи. – Пусть сырое, мне все равно.

Киртанананда подал обед, и Свамиджи с наслаждением, с аппетитом здорового человека, приступил к трапезе. Киртанананда позвонил своему другу Хаягриве в Сан-Франциско:

– Он ел так, что за ушами трещало! Прямо приятно было смотреть.

Маленький одноэтажный коттедж находился в тихом пригороде, в нескольких минутах ходьбы от пляжа. Задний двор был обсажен деревьями и кустарником, а вокруг цвели благоухающие розы. Однако погода часто бывала ненастной, а небо пасмурным, и Свамиджи стал поговаривать о возвращении в Индию, чтобы поправить здоровье. Из Дели пришло письмо от Шри-Кришны Пандита, который отказал настоятельной просьбе Свамиджи прислать аюрведическое лекарство: «Вы находитесь так далеко! А если лекарство даст побочный эффект, кто будет это исправлять?» Свамиджи написал ему ответ, спрашивая, нельзя ли послать в Америку аюрведического врача, но это предложение представлялось непрактичным – было бы лучше, если б Свамиджи сам приехал в Индию. Он получил ответ от Свами Нараяны Махараджа, который писал, что поскольку никакой аюрведический врач в Америку не поедет, Свамиджи сам должен вернуться и лечиться в Калькутте. Нараяна Махарадж также вложил в конверт письмо для секретаря Свамиджи, Рая-Рамы: «Для беспокойств нет никаких оснований. Всегда произносите хари-наму (Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе, Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе) ему в уши. Господь устроит все наилучшим образом».

Но в Индию Свамиджи хотел поехать не только чтобы поправить здоровье. Он сказал Киртанананде и Гаурасундаре, что хочет открыть во Вриндаване Американский Дом – что-то вроде колледжа, в котором его американские ученики смогут изучать ведическую культуру, и затем по всему миру проповедовать сознание Кришны. Еще он сказал, что хочет дать некоторым из своих учеников: Брахмананде, Киртанананде, Хаягриве, – санньясу, и это он тоже сделает в

Индии. Однако его настоящее дело здесь, в Америке – только бы удалось поправиться! Ну куда же девалось солнце?

Говинда-даси лелеяла надежду лично послужить Свамиджи с тех самых пор, как впервые встретила его в Сан-Франциско. Она видела, насколько он бескорыстен. Никогда раньше она не встречала такой любви, какую питал Свамиджи к своим ученикам. Она никому не говорила о своей мечте, даже мужу, но Кришна исполнил ее желание, позволив им приехать в Нью-Джерси служить своему учителю. Нью-йоркским преданным казалось, что будет лучше, если заботиться о Свамиджи будет семейная пара, а Говинда-даси с Гаурасундарой были самым подходящим вариантом. Таковы были внешние причины, но Говинда-даси понимала, что на самом деле таким образом Кришна исполняет ее желание.

Служение Свамиджи приносило Говинда-даси полное удовлетворение. Сейчас, когда она могла полностью посвящать себя служению ему – тому, о чем она всегда мечтала – ничто другое ее не интересовало. Хотя ей нелегко было выполнять свои обязанности рядом с Киртананандой (тот, казалось, считал ее менее разумной – только потому, что она женщина, – и постоянно делал ей замечания), она была счастлива.

Говинда-даси: Свамиджи обычно сидел за столиком, на маленьком диванчике, а Гаурасундара, Киртанананда и я садились перед ним, и вместе, словно в семейном кругу, мы принимали прасад. За едой мы беседовали, и однажды разговор зашел о рисе. Киртанананда сказал:

– Белый рис – для людей, а бурый – для животных.

На это я ответила:

– Тогда я, наверное, животное, потому что мне гораздо больше нравится бурый рис.

Это так рассмешило Свамиджи, что он не мог остановиться, все смеялся и смеялся. Ему это показалось очень смешным. Сама я считала, что не сказала ничего особенного, но его это очень рассмешило.

Однажды, когда Свамиджи сидел во дворике, Говинда-даси увидела большого слизня, взбирающегося на стену. Она указала Свамиджи на него.

– Скажи бедняге «Харе Кришна», – велел он ей, и она начала повторять «Харе Кришна».

Каждый день Говинда-даси ходила в садик и, с разрешения соседей, срезала с десятков роз. Вернувшись, она ставила их в вазы по всей комнате своего духовного учителя. Однажды, когда она возвращалась от соседей, Свамиджи услышал ее громкое пение «Харе Кришна» и заметил, обращаясь к Гаурасундаре:

– Она такая простодушная!

Говинда-даси: Свамиджи говорил о Кришне так, будто Кришна находился в комнате. Меня это всегда поражало. Он часто рассказывал о деяниях Кришны: как Кришна делает то или это, какой Он замечательный, и о чем думает мама Яшода. Он рассказывал об этом и приходил в такое удивительное состояние, что вся комната наполнялась золотистым светом. При этом я чувствовала, что меня словно перенесли в другой мир. Это было что-то небывалое. Я толком не понимала, что происходит, но все это было так ново для меня! Я получила настоящий духовный опыт: я чувствовала присутствие Кришны, и в сердце появлялся чуть ли не проблеск памяти о Его играх!

Свамиджи играет на караталах, Свамиджи гуляет по пляжу, Свамиджи сидит в комнате или отдыхает – все, что он делал, казалось Говинда-даси замечательным. Каждое его слово и поступок внушали Говинда-даси все большую и большую любовь к нему.

Иногда Свамиджи навещали преданные с Манхэттена. Им было позволено приезжать на Лонг-Бранч лишь раз в неделю, и не более чем по двое. В основном, они видели его сидящим на кровати, но иногда им доводилось пройти с ним по побережью. Утреннее солнце, говорил он, могло бы пойти ему на пользу. Но небо продолжало оставаться пасмурным.

Однажды, когда Свамиджи вместе с Киртананандой, Гаурасундарой, Сатсварупой, Говинда-даси и Джадурани сидели на одеяле, расстеленном на песке, он заметил нескольких парней с досками для серфинга, пытающихся поймать волну.

– Они думают, что это счастье – играть в воде, – сказал он. – В этом и правда есть какое-то наслаждение, но это не ананда, наслаждение духовного мира. На Кришналоке все обладает сознанием – вода, земля. И все исполнено блаженства. Здесь все не так.

Преданные посмотрели вместе с ним на серфингистов, прыгающих по волнам.

– Да, – сказал Киртанананда, – и, помимо всего прочего, это еще и опасно. Доска в любой момент может выскользнуть и ударить по голове.

– Да, – сказал Свамиджи, – это не настоящая ананда. Прахлада Махараджа сказал, что материальный мир стирает его в порошок мельничным жерновом повторяющихся рождений и смертей. Он говорит, что в материальной жизни ему приходится либо разлучаться с тем, что ему дорого, либо встречаться с помехами, которых он не желает. Он хочет найти выход из этого положения, но принимает лекарство еще хуже, чем сама болезнь. Это как ЛСД – лечение хуже, чем болезнь.

Лицо Свамиджи осунулось и похудело, в остальном же он выглядел так же, как и до болезни. Он сидел, завернувшись в серый шерстяной чадар. Ребята знали, что он должен очень серьезно отнестись к своему здоровью и не переутомляться – теперь они уже никогда не забудут, что ему семьдесят два года. Возможно, никогда больше они не смогут так долго наслаждаться его обществом, как это было раньше – близкое общение с ним стало редким сокровищем.

Сидя на одеяле, совсем рядом со Свамиджи, Сатсварупа от имени преданных в Нью-Йорке задал ему вопрос:

– Свамиджи, можно ли носить кожаную обувь?

– Нет.

– А если кто-нибудь подарил нам кожаную обувь?

– Кожа означает насилие, – ответил Свамиджи. Он указал на ботинки Сатсварупы, сделанные из недорогого кожзаменителя. – У вас очень хорошая страна. Благодаря вашей технологии, вы можете легко купить такую обувь и не носить кожу.

Сатсварупа и другие преданные получили ответ на всю жизнь, а время и место стали ссылкой, как номер главы и стиха в Писании.

Джадурани помогала Говинда-даси собирать цветы. Разговаривая между собой, девушки слышали, как мужчины говорят, что женщины менее разумны, и очень расстроились. Позже Говинда-даси поделилась своими переживаниями со Свамиджи.

– Правда ли, – спросила она, – что поскольку мы – женщины, мы не можем продвигаться так же быстро, как брахмачари?

– Да, – ответил Свамиджи. – Если вы считаете себя женщинами, о каком духовном продвижении может идти речь? Вы должны помнить, что вы – души, вечные слуги Кришны.

Свамиджи дал Джадурани свою фотографию, чтобы та нарисовала с нее портрет. На снимке, сделанном еще в Индии, перед его отъездом в Америку, он стоял на фоне белой стены и казался очень серьезным.

– О, Свамиджи, – заметила Джадурани, – вы выглядите здесь таким несчастным!

– Н-е-ет, – задумчиво протянул он. – Нет. Я не несчастен. Это был миг экстаза.

Свамиджи обратил внимание Джадурани на картинку, висящую на стене: мама Яшода упрекает сына за то, что Тот ворует масло, а чуть поодаль за дерево прячутся двое смеющихся друзей Кришны. Свамиджи спросил:

– Ты думаешь, Кришна позволит себя поймать, а друзьям убежать?

Она посмотрела на изображение еще раз. Слова Свамиджи помогли ей догадаться, что друзей скоро тоже поймут. Неожиданно она почувствовала себя там, во Вриндаване. Они оба засмеялись.

Проведя со Свамиджи несколько дней, Сатсварупа и Джадурани, приехавшие из Нью-Йорка, должны были вернуться к своим обязанностям. Свамиджи отдыхал, но прямо перед их отъездом он проснулся, поэтому они вошли в его комнату. Лежа на кровати, Свамиджи слабым голосом произнес несколько слов, затем сел, и Гаурасундара начал делать ему массаж.

– Те, кто думает, что Бог мертв – безумцы, – сказал он.

Хотя никто не затрагивал эту проблему, Свамиджи считал, что разговаривать о Кришне всегда уместно. По мере того, как он обличал атеистов, голос его набирал силу:

– Это все равно, как если бы я пришел к врачу, и он, прослушав мое сердце и убедившись в том, что оно бьется нормально, измерил бы кровяное давление, которое тоже в порядке, послушал бы, как я дышу, и после этого, удостоверившись что я абсолютно здоров, в ответ на мой вопрос: «Ну что, доктор, как мое здоровье?», сказал бы: «Уважаемый, вы мертвы». Разве это не безумный диагноз?

Гаурасундара, продолжая растирать Свамиджи, удивленно посмотрел на присутствующих. Свамиджи говорил громким, уверенным голосом, словно обращался к большой аудитории, а не к нескольким посетителям, приехавшим навестить больного.

– Подобным образом, достаточно взглянуть на проявления жизни в этой вселенной! Солнце всегда встает вовремя, все планеты вращаются по своим орбитам – вокруг столько признаков жизни! А ведь вселенная – это тело Бога. Видеть эти признаки жизни и утверждать, что Бог мертв! Разве это не глупость? Какие негодяи! Я бросаю им вызов. Просто негодяи!

Несколько слабых слов вылились в мощную получасовую речь, направленную на то, чтобы воодушевить аудиторию на борьбу против всевозможных теоретиков атеизма. Хотя сначала Киртанананда предостерег его, напомнив ему о здоровье, Свамиджи отмахнулся, сказав:

– Все в порядке.

Но силы покинули его, и он снова был вынужден лечь в постель.

Преданные увидели, как Свамиджи сразу же пускает в ход силы, накопленные после полуденного сна. Видя, как он использует все для Кришны, они испытывали восхищение, но в то же время боялись. Но разве в их власти было его удержать? Более того, они тоже были повинны в состоянии Свамиджи – они жаждали слушать.

Когда Сатсварупа и Джадурани вернулись в Нью-Йорк, Брахмананда попросил их рассказать о Свамиджи всем остальным. Сатсварупа поведал, как спал с ним в одной комнате и почувствовал, как благотворно находиться рядом. Всю ночь он чувствовал свет и покой, и то, что Кришна где-то поблизости. Сатсварупа и Джадурани рассказали, как сидели со Свамиджи на побережье, и он рассказывал им про то, что на Кришналоке всё обладает сознанием. Они вспомнили, как Свамиджи сел на кровати и все свои силы потратил на проповедь, показывая, что и они должны поступать так же. Брахмананда оглядел преданных и засиял от радости:

– Посмотрите-ка! Вы только рассказываете о Свамиджи, а все чувствуют себя на вершине блаженства!

Свамиджи пробыл в Лонг-Бранч три недели. Но когда пришел ответ от Шри-Кришны Пандита, в котором тот говорил, что не сможет устроить приезд аюрведического врача в Америку, Свамиджи стал серьезно подумывать о возвращении в Индию. В Индии будет много солнца, и он сможет лечиться у аюрведических врачей. Но его планы менялись каждый день – Сан-Франциско, Монреаль, Индия, Нью-Йорк. Он попросил Киртанананду сообщить сан-францисским преданным, что приедет к ним, если они устроят праздник Ратха-ятры.

В конце июня Свамиджи вернулся в храм на Вторую авеню и поехал в клинику на осмотр. Врач был удивлен тем, что он почти совсем поправился, и не возражал против полета в Сан-Франциско. Итак, в поисках безоблачного неба, движимый желанием руководить своими учениками, которым предстояло провести первую в их жизни Ратха-ятру, Свамиджи заказал билеты для себя и Киртанананды, чтобы лететь в Сан-Франциско – Нью-Джаганнатха-Пури.

Глава двадцать шестая

Отъезд Свамиджи

В сан-францисском аэропорту Свамиджи улыбался, но говорил мало. Преданные, как и в первый раз, встретили его цветами и киртаном. Но теперь все было по-другому. Опираясь на трость, он прошел прямо к машине.

Джаянанда уже ждал Свамиджи со своим фургоном, чтобы отвезти его в небольшой загородный домик, который сняли специально для него в северном пригороде Сан-Франциско, Стинсон-Бич. Но Свамиджи сказал, что сначала хотел бы посетить сан-францисский храм Радха-Кришны, и Джаянанда повез его на Фредерик-стрит. Выйдя из машины, Свамиджи вошел в маленькое помещение бывшего магазинчика, заполненное преданными и гостями, которые с нетерпением его ожидали. Он поклонился улыбающемуся Джаганнатхе и, не сказав ни слова, вышел из дома, сел в машину и уехал в Стинсон-Бич.

Дорога проходила через прибрежные горы и была такой извилистой и крутой, что Свамиджи почувствовал тошноту. Он прилег на заднем сиденье, а Джаянанда сбавил скорость, но это мало помогло. Киртанананда понял, что Свамиджи будет очень трудно ездить из Стинсон-Бич в сан-францисский храм. Но, может быть, это и к лучшему – у него будет больше времени, чтобы восстановить силы.

Это был современный одноэтажный дом из шести комнат с японской крышей. «Парадизио» – гласила вывеска на фасаде. На лужайке перед домом, среди модных предметов садового интерьера, Свамиджи заметил статую Господа Будды – украшение сада. Войдя в дом, он обнаружил там Мукунду и Джанаки. Они поклонились, а Джанаки от радости даже всплакнула. Свамиджи улыбнулся, но продолжал медленно и молча осматривать дом. Большую гостиную, окнами выходящую на Тихий океан, украшали картины Джадурани: Радха и Кришна, Господь Вишну, Господь Чайтанья – а также индийские гравюры, изображавшие Джаганнатха-Пури. В спальне были раздвижные окна, из которых тоже открывался вид на океан, а на стене висел портрет Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати и изображение Радхи и Кришны. Свамиджи улыбнулся и сказал, что картины очень хороши.

Преданные согласились, что со Свамиджи следует остаться только Киртанананде и Упендре. Они хотели, чтобы его ничто не беспокоило, и он мог быстро поправиться.

В ту ночь у Свамиджи снова болело сердце. Всю ночь он не мог заснуть и не встал, как обычно, ранним утром, чтобы заняться переводом. В пять утра к нему вошел Киртанананда и слегка приоткрыл окно, чтобы до Свамиджи донёлся легкий океанский бриз. Повторяя джапу, Свамиджи сел на кровати, сосредоточенно глядя на стопы Господа Кришны и Шримати Радхарани. Гряда гор на востоке заслоняла утреннее солнце.

С тех пор, как у Свамиджи случился удар, Киртанананда каждый день, утром и вечером, делал ему массаж. Он энергично растирал голову Свамиджи, потом садился сзади и массировал ему спину, после чего переходил к груди, рукам и ногам. Нередко вся процедура занимала больше часа. После больницы Свамиджи каждый день стал совершать утренние прогулки, даже когда находился в Нижнем Ист-Сайде. И в это утро он тоже отправился на прогулку по пляжу, сопровождаемый Киртананандой и Упендрой.

Прогуливаясь по берегу, Свамиджи указал тростью на какую-то возню в песке.

– Взгляните, – сказал он, – жизнь есть повсюду. Нет такого места, где не было бы живых существ. А они говорят, что на Луне нет жизни!

Берег был каменистым, в море спускались скалы, о которые с грохотом, напоминающим раскаты грома, бились волны.

– Слышите этот звук? – спросил Свамиджи. – Это эхом отдается биение сердец гопи, когда они чувствуют разлуку с Кришной.

Он гулял в течение часа, пока его юные слуги не устали.

– Я вас утомил? Эти прогулки и массаж день ото дня спасают мне жизнь, – рассмеялся Свамиджи и продолжил гулять.

К одиннадцати часам солнце, наконец, выглянуло из-за гор, и Свамиджи, обернув голову полотенцем, сел на раскладной стульчик, чтобы принять солнечную ванну. Он продолжал твердить, что ему нужно больше солнца. После обеда небо опять затянуло облаками.

Вечером Свамиджи позвал Киртанананду в большую гостиную и провел с ним и Упендрой тихий киртан, спев «Харе Кришна» и «Говинда Джая Джая». Он водил их за собой по комнате по кругу. Перед изображением Кришны он всякий раз останавливался, слегка кланялся, сложив ладони, а затем поворачивался вокруг своей оси и шел дальше.

Восьмого июля, через два дня после прибытия Свамиджи в «Парадизио», к нему приехали Шьямасундара и Мукунда. На следующий день была назначена Ратха-ятра, и Шьямасундара с Мукундой – первые преданные, навестившие своего духовного учителя в Стинсон-Бич, – рассказали ему обо всех приготовлениях к празднику. Безусловно, идея праздника принадлежала Свамиджи, но и сан-францисские преданные постарались сделать все так, как он просил.

Мысль провести такой фестиваль осенила Свамиджи, когда однажды у себя в комнате, он смотрел в окно, выходящее на Фредерик-стрит. Увидев открытые грузовики, которые проезжали мимо, он подумал, что было бы неплохо поставить на такие грузовики Божества Джаганнатхи и провести Ратха-ятру на американский манер. Он даже набросал эскиз грузовика с балдахином на четырех колоннах, украшенного флагами, колокольчиками и гирляндами из цветов. Он вызвал к себе Шьямасундара: «Ты должен сделать такую колесницу для Ратха-ятры». Теперь позади храма на Фредерик-стрит стояла готовая колесница – желтый грузовик «херц», любезно предоставленный диггерами. На грузовике был установлен полотняный балдахин в форме пирамиды, закрепленный на полутораметровых колоннах.

Сидя со Свамиджи на пляже, Мукунда рассказывал ему, с каким энтузиазмом работают преданные, и как все хиппи в Хэйт-Эшбери только и говорят, что о шествии Господа Джаганнатхи, которое должно состояться на следующий день. Преданные хотели, чтобы праздничная процессия двигалась через Голден-гейт парк, но полиция разрешила пройти только по Фредерик-стрит, на юг, к морю. Мукунда сказал, что под балдахином преданные собираются поставить Божества. Джаганнатха будет смотреть вправо, Субхадра – назад, а Баларама – влево. Он хотел знать, правильно ли это. На самом деле, сказал Свамиджи, Божества обычно везут на отдельных колесницах, каждую из которых тянет за веревки вдоль по улице толпа людей. Может быть, когда-нибудь так и будет.

– Сделайте все, как следует, – предупреждал он, – и не торопитесь.

Преданные должны медленно вести грузовик по улице до пляжа и все время петь.

Мукунда и Шьямасундара на все лады расхваливали Джаянанду: он объездил весь город, собирая пожертвования – фрукты и цветы, нашел людей, которые помогли украсить колесницу, установил на грузовике усилители и развесил во всех магазинах рекламные плакаты. Он был неутомим и своим энтузиазмом заражал остальных. Женщины весь день делали чапати, чтобы завтра их можно было тысячами раздавать толпе. Преданные подготовили сотни воздушных шаров с надписью «Ратха-ятра Харе Кришна», собираясь выпустить их на улицах города, когда шествие начнется.

Когда преданные спросили, что еще нужно сделать, Свамиджи сказал, что процессия, киртан и раздача прасада – это все, что необходимо. Они должны дать людям возможность увидеть Господа Джаганнатху и услышать «Харе Кришна». Все время, пока процессия движется, они должны танцевать и петь перед колесницей.

– Но все нужно сделать как следует, – повторил Свамиджи. – Делайте все как можно лучше, и тогда Господь Джаганнатха будет вами доволен.

На следующий день после полудня Свамиджи сидел в гостиной, читая на четках мантру. С ним был Упендра, а Киртанананда готовил на кухне праздничное угощение. Вдруг Свамиджи услышал знакомый звон каратал и просто просиял от счастья. Глаза его широко раскрылись и, выглянув наружу, он увидел грузовик Ратха-ятры с Господом Джаганнатхой, Субхадрой и Баларамой и несколько десятков преданных и хиппи, горевших желанием его увидеть. Он вышел, чтобы поприветствовать их, и попросил внести Божества в дом и поставить их на пианино. Преданные и гости заполнили большую гостиную. Улыбаясь, Свамиджи обнял некоторых из них, другие пали ниц к его ногам. Несколько преданных стали помогать Киртанананде раскладывать по тарелкам приготовленные им праздничные блюда, а другие принялись наперебой рассказывать Свамиджи об успехе Ратха-ятры.

– Это было великолепно! Потрясающе! Это был замечательный день! – говорили они.

Растроганный, Свамиджи слушал о том, как прошел праздник. К процессии присоединилось множество хиппи. Мукунда, Харидас, Хаягрива и несколько женщин ехали на колеснице, и все инструменты, включая фисгармонию, на которой играла Ямуна, звучали через усилитель. Людям на улицах это очень понравилось. Полицейские, эскортировавшие процессию на автомобиле, хотели было поторопить преданных, но впереди собралась такая толпа, что колонна была вынуждена двигаться медленно – именно так, как просил Свамиджи. Субала все время танцевал как безумный, а Джаянанда прыгал, играя на караталах. С грузовика несколько женщин раздавали всем желающим кусочки апельсинов, яблок и бананов, а другие разбрасывали цветы. Толпа была в полном восторге.

Шьямасундара рассказал, как они поднимались по крутому холму – Шьямасундара был за рулем, а рядом с ним на переднем сидении сидел его пес, Ральф. Вдруг мотор заглох. Шьямасундара попытался снова завести его, но не смог. Затем отказали тормоза, и грузовик начал съезжать с холма! Наконец, его удалось остановить. Но когда он попытался двинуться вперед, мотор опять заглох, и грузовик вновь покатился под гору! Шьямасундара включал зажигание, и грузовик трогался, но затем двигатель замолкал, и машина снова катилась назад. Все забеспокоились. Наконец, грузовик поехал, и процессия продолжала свой путь до самого пляжа.

Свамиджи улыбнулся и сказал, что это игры Господа Джаганнатхи. То же самое было, когда Господь Чайтанья посетил Ратха-ятру в Джаганнатха-Пури. Тогда колесница тоже остановилась, как вкопанная, и никому не удавалось сдвинуть ее с места. Царь Ориссы приказал толкать колесницу и тянуть ее за веревки самым сильным борцам, но она не сдвинулась ни на сантиметр. И даже слоны не смогли заставить ее поехать. Тогда Господь Чайтанья Сам уперся головой в колесницу и подтолкнул ее, и только тогда она двинулась с места. Теперь Ратха-ятра пришла на Запад, а вместе с ней – и эти развлечения Господа Джаганнатхи.

Свамиджи заметил, что некоторых преданных нет на месте.

– А где Ямуна и Джанаки? – спросил он.

Преданные сказали, что какие-то хиппи раздавали леденцы, начиненные ЛСД, и некоторые преданные нечаянно съели их и теперь пытаются прийти в себя.

Субала рассказал, как после праздника они ехали сюда по автострате на украшенном цветами грузовике с балдахином – тридцать преданных и Божества; Джаганнатха, Субхадра и Баларама. Экипаж, на котором они проделали путь через горы, был, наверное, одним из самых необычных средств передвижения, которые когда-либо видел свет.

После того как гости уехали, Божества остались в доме со Свамиджи и его слугами. Свамиджи был доволен тем, что праздник удался. Пусть у его учеников не хватало опыта, зато у них была искренность. Как радовались бы Бхактисиддхант Сарасвати и Бхактивинода Тхакур, увидев первую американскую Ратха-ятру!

Весь мир живет в постоянной тревоге, объяснял Свамиджи преданным, собравшимся в тот вечер в его комнате. Обрести покой можно только в духовном мире. Цель сознания Кришны – помочь людям избавиться от тревог и вернуться в духовный мир, а такие праздники, как Ратха-ятра, помогают людям обрести сознание Кришны. Свамиджи был полон идей и планов, связанных с проведением праздников и фестивалей. «Если бы у меня были средства и люди, – сказал он, – я бы устраивал такие праздники каждый день». Сознание Кришны не знает границ, и праздник Ратха-ятры был еще одним свидетельством того, что люди на Западе хорошо его принимают.

Свамиджи написал Брахмананде в Нью-Йорк:

Дом – благородных пропорций, и расположен в исключительно живописном месте. Поэтому не приходится жаловаться ни на расположение, ни на сам дом. Единственная трудность в том, что я не могу ездить в храм – дорога очень извилистая и идет через горы. Но так или иначе преданные приезжают ко мне, и недавно в городе с большой пышностью прошел праздник Ратха-ятры. Более пятисот человек присоединились к процессии, направлявшейся к пляжу в сопровождении более двух десятков автомобилей. Преданные распространили тысячи чапати, а в конце Шри Джаганнатха, Субхадра и Баладева милостиво пришли сюда, в наш дом, где останутся на неделю, прежде чем вернуться обратно.

* * *

Свамиджи продолжал говорить о поездке в Индию. Решение, в сущности, уже было принято, оставалось только выяснить, когда и каким путем он поедет – западным, через Японию, или восточным, через Нью-Йорк. Хмурое небо и не по сезону холодная погода в Стинсон-Бич его

разочаровали. Здоровье Свамиджи оставалось слабым. Иногда он даже поговаривал о смерти. Неважно, где он умрет – в Америке или во Вриндаване, сказал он. Если вайшнав умирает во Вриндаване – на земле, где явился Кришна, – он возвращается к Кришне, в духовный мир. Но, когда Господь Чаитанья Махапрабху путешествовал по Индии, Его преданный, Адвайта, сказал Ему: «Где Ты, там и Вриндаван». Тот, кто все время поглощен мыслями о Кришне, всегда находится во Вриндаване. Поэтому, если он умрет, проповедуя сознание Кришны, то, где бы это ни произошло, он обязательно достигнет вечного Вриндавана в духовном небе.

И все же Свамиджи хотел поехать во Вриндаван. Это самое лучшее место на земле, чтобы умереть или выздороветь. Кроме того, он рассчитывал взять туда своих учеников, чтобы они могли там поучиться. Об этих планах он рассказал в письме к Сумати Морарджи, владелице паровой компании «Синдия».

Я собираюсь вернуться в Индию, как только наберусь сил для путешествия. Мне уже немало лет – в сентябре исполнится семьдесят два. Но работа, которую я начал на Западе, еще не закончена, и мне нужно научить нескольких американских юношей как проповедовать это учение по всему западному миру. Поэтому, если я вернусь в Индию, то возьму с собой нескольких учеников. Все они очень хорошие ребята, и достойны учиться. Поэтому ваша помощь в этом крайне необходима. Вы уже согласились бесплатно перевозить моих индийских последователей; точно так же, если бы вы разрешили бесплатный проезд для некоторых моих американских учеников, то они приехали бы в Индию, чтобы учиться у меня во Вриндаване. Суть в том, что в таком преклонном возрасте мне трудно сказать, когда смерть меня одолеет. И я хотел бы умереть, проведя последние дни своей жизни во Вриндаване.

Свамиджи пообещал Киртанананде, Хаягриве и другим, что возьмет их с собой и сам покажет святыне места, связанные с играми Кришны. Воспользовавшись средствами из фонда, созданного для строительства храма в Нью-Йорке, он мог бы открыть во Вриндаване Американский Дом.

Я могу приехать в Монреаль, чтобы провести там церемонию установления Радха-Кришна-Виграхи, потом – на шесть месяцев вернуться в Индию – там планируется строительство Американского Дома, чтобы во Вриндаване могли обучаться проповедники. Вриндаван – единственная духовная обитель во Вселенной, где сознание Кришны раскрывается само собой. Поэтому я лелею надежду на то, что некоторые из моих учеников смогут обучаться там проповеди даже в мое отсутствие. Я уже пожилой человек и серьезно болен: смерть может настигнуть меня в любую минуту. Поэтому я хочу оставить после себя опытных проповедников, чтобы они могли продолжать в западном мире дело распространения сознания Кришны. Это моя мечта. Я надеюсь, что все вы будете молиться Кришне, чтобы я смог как следует исполнить свой долг.

Когда Говинда-даси написала Свамиджи, что ей очень хочется снова служить ему, как это было в Нью-Джерси, он ответил, что собирается в Индию, где попытается построить Американский Дом. «Туда ты сможешь приехать и остаться навсегда. Ты и твой муж увидите, как замечательно поклоняться Кришне в мирной атмосфере Вриндавана».

Набираясь сил для путешествия, в Стинсон-Бич Свамиджи продолжал придерживаться своего обычного распорядка дня. Из Сан-Франциско к нему приезжали преданные, по одному или по двое. Как и прежде, он выходил на утренние прогулки, принимал солнечные ванны, когда солнце выглядывало из-за облаков, и проводил вечерние киртаны или чтения в гостинице. Все как всегда, все спокойно.

Упендра: Обычно он сидел в своем кресле с той стороны дома, которая выходила к морю. Ему нравилось наблюдать, как мы резвимся в воде. В первый раз я чувствовал некоторую неловкость, когда шел купаться, зная, что за мной наблюдает Свамиджи. Но я все-таки зашел в воду и начал мыться. Потом я оглянулся на Свамиджи и увидел, как он, сидя в своем кресле, делает движения руками вверх, словно плещется в воде. Он продолжал до тех пор, пока до меня не дошло – он хочет, чтобы я начал купаться по-настоящему. Когда я стал плескаться и прыгать в воде, он закивал головой и широко улыбнулся.

Мукунда: Я гулял со Свамиджи по пляжу, и когда он сел, я тоже сел напротив него. Тогда он спросил:

– Как ты понимаешь Кришну?

– Кришна – Бог, – сказал я. – Он – Высшее Существо. Наш долг – поклоняться и служить Ему.

Свамиджи был как будто доволен, но потом сказал:

– Ты должен повторять на четках шестьдесят четыре круга ежедневно.

Я был поражен и не знал, что ответить. Я не знал, должен ли я вообще отвечать. Я просто продолжал смотреть на него, а он смотрел на меня. Немного погодя он сказал:

– Ну, можешь повторять хотя бы тридцать два круга в день.

Я продолжал молчать. Тогда мне казалось, что даже шестнадцать кругов – это много. Я недоумевал, как смогу осилить тридцать два. Через некоторое время Свамиджи сказал:

– Тогда, в самом крайнем случае, ты должен повторять каждый день шестнадцать кругов.

– Да, Свамиджи, – обрадовался я.

Я знал, что могу, по крайней мере, постараться как-то выполнить это требование.

Однажды Свамиджи сказал Киртанананде, что хочет поиграть на пианино (Божества Джаганнатхи, которые в течение недели стояли на нем, уже вернулись в Сан-Франциско). Но когда Киртанананда с Упендрой отодвинули пианино от стены, до них донесся глухой стук падающего предмета.

– Что это? – спросил Свамиджи.

Киртанананда протиснулся за инструмент и достал какую-то картину в раме, завернутую в полосатую индийскую ткань. Он развернул ее – на ней был изображен Господь Нрисимхадева.

– Почему ее спрятали за пианино? – спросил Свамиджи.

Как раз в это время у Свамиджи гостила Джанаки, и она во всем созналась. Когда все в доме готовилось к приезду Свамиджи, кто-то прислал сюда эту картину, а Джанаки нашла ее и спрятала. Картина была очень страшной, объяснила она – Господь Нрисимха разрывает живот Хираньякашипу, и все вокруг забрызгано кровью.

Свамиджи терпеливо объяснил, что Хираньякашипу жалеют материалисты, преданные же приходят в восторг, когда видят, как Нрисимхадева разрывает его на части. Хираньякашипу, сказал он, терроризировал всю вселенную и узурпировал трон Индры, царя небес. Хираньякашипу мучил даже собственного пятилетнего сына Прахладу, чистого преданного Господа Кришны. Так что в играх Господа Нрисимхи нет ничего дурного. На самом деле, Хираньякашипу, убитый Господом, был освобожден.

Попросив преданных повесить изображение на стену, Шрила Прабхупада сел за пианино и начал играть. Преданные знали, что Свамиджи прекрасно играет на индийской фисгармонии, левой рукой качая мехи, а правой бегая по клавишам, но никогда не видели, чтобы он играл на пианино. Они и не подозревали, что он умеет. Но Свамиджи без запинки сыграл несколько мелодий индийских бхаджанов и играл минут пять.

Иногда по вечерам, несмотря на постоянные предостережения Киртанананды, Свамиджи давал лекции или устраивал дискуссии. И уж если у него появлялось желание говорить, никто не мог его остановить. Иногда он просил Киртанананду поспорить с кем-то из приезжих преданных. Один представлял позицию имперсоналиста или атеиста, а другой – точку зрения сознания Кришны. Свамиджи был судьей, но стоило диспуту начаться, он тут же вмешивался, вставал на сторону преданного и наголову разбивал атеиста или имперсоналиста. Преданным это очень нравилось. Свамиджи не мог удержаться в рамках роли молчаливого судьи или выздоравливающего пациента.

– Почему мы уделяем столько внимания имперсоналистам? – спрашивал Киртанананда. – Почему мы постоянно на них нападаем? Не лучше ли нам сосредоточить силы на войне с атеистами?

– Ты говоришь так потому, что сам имперсоналист, – сердито отвечал Свамиджи.

В другой раз он объяснил, что непреданные, вводящие в заблуждение невинных людей – демоны, и их нужно выводить на чистую воду.

Киртанананда возразил ему:

– Если мы будем называть их демонами, они никогда не подойдут к нам близко.

– Но они демоны, – ответил Свамиджи.

– Но мы не можем называть их демонами, Свамиджи.

– Да, они демоны! Пока ты не поймешь этого, ты не сможешь ни вот настолько продвинуться в сознании Кришны!

– А демоны могут стать преданными? – спросил Киртанананда.

– О, да, – ответил Свамиджи. – Даже демоны становятся преданными, если повторяют «Харе Кришна» и занимаются служением.

Большинство преданных вынуждены были оставаться в Сан-Франциско, лелея надежду на то, что когда-нибудь им выпадет удача навестить Свамиджи. От немногих, кто знал об этом из первых рук, они слышали, что Свамиджи собирается в Индию, чтобы, может быть, уже никогда не вернуться назад, и слышать это было мучительно больно. Один раз он уже стоял на пороге смерти, но так или иначе Кришна спас его, и он снова приехал к ним в Сан-Франциско, хотя и не мог уже, как прежде, жить вместе с ними. А теперь он строил планы уехать в Индию и, возможно, навсегда. Все это усиливало их любовь и тревогу.

Преданных мучили мысли о том, смогут ли они продолжать служить Кришне без Свамиджи. Кому-то из них пришла в голову мысль пригласить в Америку кого-то из его духовных братьев, чтобы тот занял его место, а если случится самое худшее, то и возглавил Международное общество сознания Кришны. Когда это предложение дошло до Свамиджи, он задумался над ним, но сразу ничего не ответил.

Мукунда: Мы сидели вдвоем в комнате Свамиджи, он был как никогда серьезен и молчалив. Глаза его были закрыты. Вдруг из них потекли слезы. Дрожащим голосом он проговорил:

– Мой духовный учитель не был обыкновенным духовным учителем.

Он помолчал, утер слезы и голосом, который задрожал еще сильнее, сказал :

– Он спас меня.

В этот момент я начал понимать, что значит «духовный учитель», и тут же отверг всякую мысль о том, что кто-то сможет заменить нам Свамиджи.

Через два дня Свамиджи сказал, что не станет просить никого из своих духовных братьев, чтобы они приехали и взяли заботу о его учениках на себя. Он сказал:

– Если этот человек скажет хоть слово по-другому, не так, как я, это посеет в вас сомнения и собьет с толку.

На самом деле, сказал он, подобная мысль является оскорблением духовного учителя.

Нескольким новым последователям из Сан-Франциско Свамиджи пообещал дать посвящение и попросил, чтобы они приезжали к нему по одному и оставались на ночь. Он не проводил никаких огненных церемоний, а просто беседовал с каждым, прося соблюдать четыре принципа и повторять шестнадцать кругов в день. Ученик клялся, и Свамиджи давал ему посвящение; он сидел на своей кровати, а ученик – перед ним на полу. Свамиджи тихо прочитывал мантру на четках ученика и называл его духовное имя.

Один из кандидатов в ученики страшно нервничал: склонившись перед Свамиджи, он не вставал.

– Можешь подняться, – сказал Свамиджи. – Итак, ты хочешь получить посвящение?

Парень сказал «да» и, не найдя, что еще сказать, начал повторять «Харе Кришна».

– Я прочитаю мантру на твоих четках, – объяснил Свамиджи.

Он читал около десяти минут и затем вернул ученику четки, сказав:

– Твое имя Анируддха.

– Что это значит? – спросил юноша.

– Это внук Кришны. У тебя есть еще вопросы?

Анируддхе ничего не приходило в голову – и от волнения он уже успел забыть, как его зовут – и Свамиджи отпустил его.

Позднее Свамиджи позвал Анируддху, но тот не понял, что зовут его.

– Анируддха, – сказал Киртанананда и посмотрел на него, – тебя зовет Свамиджи.

Другой ученик в тот же день получил имя Уддхава. На следующий день Свамиджи, отдохавший во дворе, позвал:

– Киртанананда! Упендра! Уддхава!

Он хотел прочитать им стих, на который наткнулся, изучая «Шримад-Бхагаватам». Киртанананда и Упендра пришли и сели у его ног.

– О, а где Уддхава? – спросил Свамиджи.

Упендра сообщил, что Уддхава пошел погулять по горам, посмотреть на коров и почитать для них «Харе Кришна». Упендра полагал, что Свамиджи будет приятно узнать, что его новый ученик забрался в горы почитать коровам мантру. Но Свамиджи огорченно покачал головой:

– Неугомонный!

Он хотел, чтобы новый ученик услышал стих.

Джаяти джаяти дево деваки-нандано 'сау
Джаяти джаяти кришно вришни-вамша-прадипах
Джаяти джаяти мегха-шьямалах комаланго
Джаяти джаяти притхви-бхара-нашо мукундах

Свамиджи прочитал перевод: «Слава Верховной Божественной Личности, Который известен как сын Деваки! Слава Верховной Божественной Личности, светочу династии Вришни! Слава Верховной Божественной Личности, Чье тело нежно, как цветок лотоса и излучает сияние только что народившегося облака! Слава Верховной Божественной Личности, который ходит по земле, чтобы избавить мир от бесчинств демонов, и кто может даровать освобождение каждому». Повторив текст и его перевод, Свамиджи сказал ученикам, что они могут вернуться к своим обязанностям.

* * *

Свамиджи сообщил Киртанананде, что окончательно решил ехать в Индию через Нью-Йорк и хочет сделать это как можно скорее. Киртанананда уложил его вещи и повез Свамиджи назад, в Сан-Франциско, где они должны были провести ночь и на следующее утро вылететь в Нью-Йорк.

В тот вечер в храме и даже в квартире Свамиджи царил лихорадочное возбуждение. В храме было тесно от преданных и гостей, которые собрались, чтобы увидеть Свамиджи перед его отъездом в Индию. Десятки людей хотели получить посвящение. Когда Киртанананда посоветовал Свамиджи побереечь силы и не спускаться в храм на вечернюю программу, Свамиджи настоял на том, чтобы, по крайней мере, присутствовать на киртане.

Когда он вошел в храм, преданные тотчас же прервали киртан и склонились перед ним в глубоком почтении. Воцарилась тишина... Он внушал им такое благоговение, какого они не знали раньше. Кто знает, может быть, они видят его в последний раз. Они наблюдали за ним во время киртана, когда он играл на караталах и пел вместе с ними. Те, кто еще не получил посвящения, хотели принять его своим духовным учителем – сегодня же, пока еще не поздно.

Свамиджи попросил микрофон. Никто не ожидал, что он будет говорить. Киртанананда, единственный, кто мог его удержать, не сказал ни слова – он сидел перед ним, как и другие, в смиренном ожидании. Тихим голосом Свамиджи стал говорить о своей миссии: по приказу духовного учителя он принес движение Господа Чайтаньи в Америку, и Кришна милостиво послал ему так много искренних душ.

– В Индии у меня остались дети, которые когда-то были моей семьей, – сказал он, – но мои настоящие дети – это вы. Сейчас я собираюсь ненадолго уехать в Индию.

Все неотрывно смотрели на Свамиджи, который сидел перед ними, прислонившись к стене, завешенной индийской тканью, и тихим голосом говорил. Внезапно дверь отворилась, и в храм вошел понурый Равиндра-сварупа. Все знали, что он хотел бросить сознание Кришны. Он не принял всерьез обеты, данные при посвящении, и хотел продолжать свой путь в одиночку. Ему не нужен был духовный учитель. Преданные отговаривали его, но парень стоял на своем. Все недовольно посмотрели в его сторону. Как мог он заявиться сюда накануне отъезда своего духовного учителя!

Равиндра-сварупа распростерся на полу в поклоне. Но не поднялся. Вместо этого он пополз к Свамиджи на четвереньках. Обычно Равиндра вел себя высокомерно и вдобавок был красив, носил длинные, взъерошенные волосы и бороду. Но сейчас он был весь какой-то жалкий, заплаканный и словно безумный. Он подполз к Свамиджи, сидящему на простом, всего из двух ступенек, возвышении из красного дерева, и Свамиджи с состраданием посмотрел на него:

– Подойди ко мне, мой мальчик.

Равиндра взобрался на ступеньки и положил свою лохматую голову Свамиджи на колено. Растроганные преданные наблюдали, как Свамиджи гладил Равиндру по голове, а юноша все плакал и плакал.

– Что случилось, сынок? Ты не должен быть таким несчастным.

Равиндра выкрикнул:

– Я хочу... – он зарыдал, – а-а... напрямую... а-а... прийти к Богу! Без посредников!

Свамиджи продолжал похлопывать и гладить голову юноши:

– Нет, оставайся с нами, если можешь. Не сходи с ума.

Рыдания Равиндры стихли, и Свамиджи продолжил, обращаясь одновременно к нему и к взволнованным слушателям:

– Я старик, – сказал он, – и в любую минуту могу умереть. Но я прошу вас об одном – пожалуйста, продолжайте движение санкиртаны. Вы должны стать смиренными и научиться терпению. Господь Чайтанья говорит, что преданный должен быть смиреннее травинки и терпеливее дерева. Чтобы распространять в мире философию сознания Кришны, нужны энтузиазм и настойчивость.

Вдруг Равиндра перестал плакать. Он вскочил на ноги, постоял немного – вид у него был несчастный – и, немного поколебавшись, вышел, хлопнув дверью.

Драматический уход Равиндра-сварупы из сознания Кришны потряс преданных. Свамиджи сидел неподвижно и говорил очень серьезно. Он призывал их сплотиться и, на благо себе и другим, развивать движение сознания Кришны. Они должны просто повторять то, что узнали от него.

Может быть, впервые они осознали, что являются частью проповеднической миссии, движения. Они были вместе не только для того, чтобы приятно проводить время и слушать красивые, ласкающие слух звуки. На них лежали обязанности перед Свамиджи и Кришной, которые они приняли на себя из любви.

Свамиджи вернулся к себе на квартиру, где вскоре началось столпотворение. Уже стемнело, а желающих получить посвящение было немало. Мукунда, Джаянанда и другие лидеры храма пытались определить, кто из желающих был наиболее достоин этого, и выбранных кандидатов по шесть человек впускали в комнату.

Свамиджи сидел за маленьким столом, повторяя мантру на четках каждого из них, после чего возвращал четки ученику и называл его духовное имя. Киртанананда просил его остановиться; остальные могли получить посвящение по почте. Но Свамиджи решил, что даст посвящение всем, кто пришел.

Мукунда и Джаянанда установили принцип очередности. Кто-то месяцами ждал посвящения и несомненно был искренен. Другим пришлось уйти.

Джон Картер: К концу лекции я твердо решил получить посвящение. И хотя ходили слухи о посвящении по почте, я знал, что хочу получить личную связь с духовным учителем, хочу, чтобы он лично посвятил, лично принял меня. Я подбежал к Мукунде и сказал:

– Сколько уже записалось? Я тоже хочу попасть в список.

Он сказал:

– Знаешь, Свамиджи не придерживается какого-то строгого порядка. Мы просто пытаемся выбрать самых искренних людей.

– Пожалуйста, внеси меня в список! – сказал я. – Я искренен, я действительно хочу получить посвящение!

Он записал меня и отнес список Свамиджи. Тот по одному начал вызывать кандидатов. Он вызвал первого, второго, третьего, но мое имя не называл, и я начал немного нервничать. Он назвал четвертого... Я заерзал, как на иголках... Затем, когда позвали пятого и опять не меня, я был совершенно раздавлен. Я думал: «О, он собирается в Индию, а затем – сразу к Кришне. Я упустил последний шанс! Все кончено. Жить больше незачем».

Я попытался добраться до вешалки, чтобы взять куртку и уйти прежде, чем другие увидят мои слезы. Я еще не начал плакать, но чувствовал, что вот-вот начну. Кое-кто похлопывал меня по спине и говорил:

– Ничего страшного. Он напишет тебе письмо и сообщит тебе твое имя.

Но в моей голове была единственная мысль: «Да-а-а, то, как он говорил сегодня, возможно никогда уже больше не повторится». Я едва держался на ногах. Я вышел на улицу и через автостоянку пошел к Голден-гейт-парку. Я шел по направлению к мосту и думал: «Я просто сброшусь вниз». Тогда я был еще новичком и не знал, что если совершаешь самоубийство, то становишься призраком. Мне казалось, что жизнь моя потеряла смысл.

Я наполовину пересек автостоянку, когда меня осенило: «А что, если он надумает принять еще одного, а меня в это время там не окажется?» Эта идея наполнила меня такой надеждой, что я развернулся и побежал обратно. И не успел я зайти в храм, как сверху сбегала Джанаки и сказала:

– Он примет еще одного.

И она схватила кого-то другого и с ним побежала наверх. У меня подкосились ноги, а из глаз брызнули слезы. Но там стояла Харшарани. Она вцепилась в мою руку и скомандовала:

– Пошли!

Она помчалась по лестнице, таща меня за собой, и ворвалась в комнату Свамиджи, даже не постучав.

Свамиджи взглянул на нас с изумлением. Она сказала:

– Свамиджи, вы должны дать этому юноше посвящение.

К этому времени я уже просто ревел, и Свамиджи засмеялся. Он сказал:

– Все хорошо. Не плачь. Все будет хорошо.

Он прочитал мантру на моих четках и назвал меня Дживанандой.

* * *

На следующее утро Свамиджи должен был расстаться со своими любящими последователями. Несколько машин, наполненных преданными, сопровождали его в сан-францисский аэропорт.

Нандарани: Некоторые были искренни, а кто-то плакал просто потому что это было правильно – плакать, когда уезжает духовный учитель. На самом деле, никто из нас толком не знал, кто такой духовный учитель.

Джанакки шутя вырвала из рук Свамиджи билет и паспорт.

– Теперь вы не сможете уехать, – сказала она.

– Ничего, – улыбнулся он. – У меня уже есть посадочный билет. Я индеец. Они пустят меня на родину.

Свамиджи повернулся к собравшимся вокруг него плачущим последователям:

– На самом деле, у меня есть только одно желание, и тот, кто исполнит его, доставит мне огромную радость. У меня есть храм в Нью-Йорке, Монреале и Сан-Франциско. Но у меня нет храма в Лос-Анджелесе.

Он очень просил их оставаться в сознании Кришны и проповедовать.

Они смотрели, как он повернулся и прошел на посадку, с тростью в одной руке и посадочным талоном в другой.

* * *

В Нью-Йорке преданным некогда было предаваться печали. Свамиджи телеграфировал Шри-Кришне Пандиту, что прилетает в Дели 24 июля, и Шри-Кришна Пандит должен подготовить для него комнату в своем храме в Чиппиваде. В телеграмме Свамиджи упомянул о своем намерении проконсультироваться с аюрведическим врачом, а затем отправиться во Вриндаван. Ему не терпелось вернуться во Вриндаван.

Накануне своего отъезда Свамиджи написал письмо Сумати Морарджи. В ответе на его последнее послание она согласилась предоставить бесплатный проезд на корабле до Индии... ему, но не его ученикам. «Поскольку я устроила Ваше путешествие в Америку, – писала она, – я считаю своим долгом позаботиться о том, чтобы Вы благополучно вернулись обратно, тем более, что Ваше здоровье оставляет желать лучшего». Но везти бесплатно его учеников она не согласилась.

20 июля Свамиджи написал:

Я очень хочу вернуться во Вриндабан, к лотосоподобным стопам Вриндабана-Бихари, Господа Кришны; и поэтому я решил без промедления вернуться в Индию. Я с удовольствием бы вернулся морем, как Вы любезно предложили мне в письме, но при настоящем состоянии моего здоровья это невозможно. Поэтому, по милости Кришны и при помощи одного здешнего друга, я получил билет на самолет и надеюсь вылететь отсюда в Нью-Дели в следующую субботу, и быть в аэропорту Палам 24-го, ровно в полвосьмого утра. Оттуда я поеду дальше, во Вриндабан, несколько дней отдохнув в Дели.

Я понимаю, что в настоящий момент вы не можете обеспечить бесплатный проезд моим ученикам. Но если вы не сделаете этого – по крайней мере, в ближайшем будущем – тогда моя миссия либо останется незаконченной, либо потерпит неудачу. Я вложил благодарственное письмо к одному из моих старших учеников (Брюсу Шарфу) от профессора Девиса Херрона, а также еще одно – от профессора Робертса из Нью-йоркского университета. Я думаю, эти письма убедят Вас в том, какой размах приобретает в западном мире мое Движение сознания Кришны. Святое имя «Харе Кришна» теперь поют не только в этой стране, но также, насколько мне известно, в Англии, Голландии и Мексике. И, возможно, оно распространится еще

шире. Я послал Вам одну грампластинку, которая, я надеюсь, уже дошла до Вас. Вам будет приятно услышать, с какой радостью принимает западный мир Святое имя.

Ачйотананда сказал Свамиджи, что хочет поехать в Индию, чтобы целиком посвятить себя учебе, набраться опыта и обрести привязанность к Кришне. От Свамиджи он слышал, что за два дня, проведенные во Вриндаване, человек может стать более сознающим Кришну, чем за десять лет в Америке.

– Как вы думаете, я смогу поехать? – спросил он.

– Можешь не сомневаться, – сказал ему Свамиджи, – следующая наша встреча будет во Врадже.

Преданные попросили Сатсварупу поменять место работы и переехать в Бостон, чтобы открыть там центр сознания Кришны. А Рупанугу просили сделать то же самое в Буффало. Когда эти двое учеников обратились к Свамиджи, чтобы узнать, что он думает об этих планах, он остался очень доволен. Свамиджи рассказал, что Субала собирается открыть центр в Санта-Фе, а Даянанда – в Лос-Анджелесе.

– Мантра «Харе Кришна» подобна большой пушке, – сказал он. – Стреляйте из нее, чтобы вас слышали все, и тогда майя в страхе побежит с поля битвы.

Преданным хотелось спросить: «А вдруг вы не вернетесь?» Они очень этого боялись. А что если Кришна оставит Свамиджи во Вриндаване? Что если Свамиджи никогда больше не вернется? Уцелеют ли они в этой битве с майей?

Но Свамиджи еще раньше заверил их, что того сознания Кришны, которое он уже дал им, хватит, даже если он никогда не вернется назад.

Всего за полчаса до отъезда в аэропорт Свамиджи сидел в своей комнате и начитывал четки девушке, которая в последний момент попросила дать ей посвящение. Затем, как бывало много раз до этого, он вышел из своей комнаты, спустился вниз, пересек внутренний двор и вошел в магазинчик.

Сидя на старом ковре, он говорил спокойно и проникновенно.

– Я уезжаю, но мой Гуру Махараджа и Бхактивинода остаются здесь, – он взглянул на изображения своего духовного учителя и Бхактивиноды Тхакура. – Я попросил их присмотреть за вами, моими духовными детьми. Дед всегда заботится о детях гораздо лучше, чем отец. Так что не беспокойтесь. Ни о какой разлуке не может быть и речи. Звук мантры крепко-накрепко связывает нас, даже если мое материальное тело находится где-то в другом месте. Что нам это материальное тело? Повторяйте «Харе Кришна», и я всегда буду с вами. Вы будете повторять мантру здесь, а я буду повторять ее там, и этот звук будет разноситься по всей планете.

Несколько преданных поехали со Свамиджи на такси – Брахмананда сидел на переднем сиденье, рядом с шофером, а Рая-Рама и Киртанананда – на заднем, вместе со своим духовным учителем.

– Когда Киртанананда увидит Вриндаван, – сказал Свамиджи, – ему будет трудно понять, как я смог променять его на Нью-Йорк. Там так чудесно! В отличие от Нью-Йорка, там нет ни одной машины, а здесь от них просто дегтясь некуда – туда-сюда, туда-сюда – вжжик! вжжик! А там только «Харе Кришна». Все жители от мала до велика поют и повторяют маха-мантру. Там тысячи и тысячи храмов. Я покажу их тебе, Киртанананда. Мы там все обойдем, и я покажу тебе все.

Брахмананда заплакал, и Свамиджи похлопал его по спине.

– Я знаю, что ты переживаешь разлуку, – сказал он. – Я тоже чувствую разлуку со своим Гуру Махараджем. Я думаю, это именно то, чего ждет от нас Кришна. Ты можешь приехать ко мне во Вриндаван, обучиться, и мы распространим это движение по всему миру. Рая-Рама, ты поедешь в Англию. Брахмананда, куда ты хочешь поехать – в Японию или в Россию? Все хорошо.

Преданные собрались в зале ожидания компании «Эйр-Индия» рядом с переполненным коктейль-баром. Свамиджи сел в кресло, на нем был свитер и чадар, аккуратно сложенный и переброшенный через плечо. Ученики плотным кольцом уселись у его ног. Он держал зонтик – совсем как два года назад, когда впервые приехал в Нью-Йорк. Несмотря на слабость, он улыбался.

Свамиджи заметил фреску, изображающую индийских женщин, несущих на голове большие кувшины, и обратился к одной молоденькой девушке, которая вместе со своим мужем Хамсадутой недавно переселилась в монреальский храм ИСККОН:

– Химавати, ты хотела бы поехать в Индию и научиться носить горшки с водой, как индианки?

– Да-да, – ответила она, – я поеду.

– Да, – сказал Свамиджи, – когда-нибудь мы все поедем туда.

Киртанананда держал в руках портативный проигрыватель на батарейках и две пластинки с мантрой «Харе Кришна».

– Киртанананда, – попросил Свамиджи, – может, поставим нашу пластинку? Людям понравится.

Киртанананда поставил пластинку очень тихо, но ее звук привлек внимание людей в коктейль-баре.

– Сделай погромче, – попросил Свамиджи, и Киртанананда прибавил звук.

Свамиджи стал качать головой в такт музыке.

Скоро преданные начали мурлыкать вместе с пластинкой, потом тихо напевать. Через несколько минут они уже пели во весь голос. Некоторые из них заплакали.

Хамсадута: Я сидел рядом со Свамиджи, и меня не покидала мысль: «Мой духовный учитель уезжает в Индию». И тут он сказал:

– Я хочу умереть во Вриндаване.

Все мы знали, что Свамиджи уезжает, но сейчас настала минута прощания. Я понимал, что еще ничего не сделал для своего духовного учителя. «Он даже не знает меня, – думал я. – У меня нет с ним никаких отношений. Я должен что-то сделать. Я должен что-то сделать прямо сейчас. Я должен хоть как-то послужить ему, чтобы найти себе место в его сердце. Что-то сделать». Я думал: «Но что я могу сделать?» Я плакал, а он даже не смотрел на меня, словно меня там вообще не было, будто я был для него как кресло или что-то в этом роде. Он постоянно оглядывался по сторонам, а я старался поймать его взгляд: вдруг что-нибудь да скажет!

Киртан становился все сильнее и сильнее, и все громче и громче мы плакали. Люди в зале ожидания смотрели на Свамиджи как на какую-то диковину. Он находился в центре внимания, но был совершенно спокоен, как будто сидел у себя дома и занимался чем-то привычным.

Когда пластинка кончилась, Хамсадута спросил:

– Свамиджи, можно мне собрать пожертвования?

Тот кивнул. Хамсадута встал и произнес короткую речь:

– Наша миссия – распространение сознания Кришны. У нас есть храм в Нью-Йорке. Мы всегда испытываем острую нужду в деньгах. Пожалуйста, помогите нам.

Позаимствовав у какого-то солдата фуражку, Хамсадута начал обходить людей, собирая пожертвования.

– Наше путешествие начинается очень благоприятно, – сказал Свамиджи. – У нас прошел хороший киртан, мы собрали хорошие пожертвования. Все это милость Кришны.

Когда пришло время идти на посадку, Свамиджи обнял каждого из своих парней. Они выстроились один за другим и по очереди подходили к Свамиджи, чтобы его обнять. Некоторых провожавших его девушек он погладил по голове.

Рупануга: Свамиджи обнимал ребят: Киртанананду, Брахмананду, Гаргамуни. Я никак не ожидал, что он позовет и меня. Я не думал, что нахожусь на одном уровне с другими преданными, поэтому был очень удивлен, когда Свамиджи двинулся ко мне и произнес мое имя: «Рупануга». Я встал и подошел к нему. Между нами было, может быть, не больше трех метров, но это расстояние показалось мне бесконечностью. Я обнял его, и это объятие было самым запоминающимся в моей жизни. Я сразу почувствовал силу Свамиджи. Он был так силен – хватка его была как у молодого человека – моего ровесника. Мне было двадцать семь, но он казался сильнее и моложе меня. Он стиснул меня в объятиях, а я в ответ крепко обнял его. Он был ниже меня, и я инстинктивно опустил свой подбородок в углубление на его левом плече. Обнимая его, я ощущал незабываемое блаженство и свет. Я почувствовал, что из моего лица исходит сияние, что-то яркое и чистое, какая-то энергия. Я открыл глаза и увидел, что на нас смотрит Киртанананда. Он стоял позади Свамиджи, в нескольких шагах, и я посмотрел ему прямо в глаза. Я был несказанно счастлив, и это мое блаженство каким-то образом отразилось в нем: он расплылся в широкой улыбке. А глаза его светились так, как будто из меня действительно исходила какая-то духовная энергия.

Эта сцена в аэропорту стала очень важной частью моей жизни. Потому что у меня, человека, которому всегда было трудно любить других, отъезд Свамиджи пробудил в сердце такую любовь, о существовании которой я никогда не подозревал. Когда вы чувствуете, что в вас

действительно развивается любовь к духовному учителю, вы ощущаете, что становитесь духовной личностью. Вот и я становился духовной личностью. Это был мощнейший поток чувств разлуки и печали расставания с духовным учителем – ведь мы все знали, что для нас нет никого дороже него. И никто из нас не был уверен, что когда-нибудь увидит его снова.

Сопровождаемый Киртананандой, чья голова была обрита – и выглядела довольно нелепо в сочетании с черным шерстяным костюмом, – Свамиджи медленно направился к выходу на посадку. Когда он скрылся из виду, преданные побежали на смотровую площадку, чтобы бросить последний взгляд на взлетающий самолет.

На улице моросил мелкий дождик. Преданные наперегонки бежали через влажную смотровую площадку. Внизу они увидели Свамиджи и Киртанананду, направлявшихся к самолету. Забыв о приличиях, они стали громко кричать. Свамиджи обернулся и помахал им рукой. Он поднялся по трапу, и на самом верху снова обернулся и поднял руки, а затем вошел в самолет. Преданные устроили неистовый киртан и пели до тех пор, пока трап не отъехал. Двери закрылись, и самолет стал разворачиваться. Преданные прилипли к перилам, но самолет обдал их горячей струей выхлопных газов, и им пришлось отойти назад. Со страшным ревом, мигая сигнальными огнями, самолет компании «Эйр-Индия» вырулил на взлетную полосу. Преданные продолжали петь «Харе Кришна», пока он не оторвался от земли и не превратился в маленькую точку в небе, а затем и вовсе скрылся из виду.

Глава двадцать седьмая

Снова в Индии: Часть первая

Самолет летел всю ночь, а наутро приземлился в Лондоне. Здесь Бхактиведанта Свами намеревался сделать остановку. Он зарегистрировался в гостинице аэропорта, принял массаж и лег отдохнуть. После полудня он встал, принял душ, а затем вместе с Киртананандой сел в самолет, следующий до Нью-Дели с остановкой в Москве. Самолет еще не успел взлететь, как вдруг один из членов экипажа объявил о «небольшой задержке, связанной с медицинскими профилактическими мерами». Какой-то пассажир, который сегодня сошел с этого самолета, оказался больным – по всей вероятности, оспой – и поэтому салон самолета необходимо было тщательно продезинфицировать. Свамиджи и Киртанананда остались в номере отеля «Эксельсиор» еще на одну ночь.

Ранним утром следующего дня, 24 июля, сидя в своем номере с кондиционером и телевизором (которыми он так и не воспользовался), Бхактиведанта Свами написал письмо в Нью-Йорк, Брахмананде.

Прими мои благословения. Я всегда помню о том, какое чувство разлуки ты испытываешь. Пожалуйста, исполняй свои обязанности как можно лучше, и Кришна во всем тебе поможет. Мы задержались на шестнадцать часов, и сегодня в девять утра вылетаем в Дели. На днях мне уделил внимание Г-н Б. К. Неру, посол Индии. Я попросил его о постоянной визе, и он обещал помочь, когда я вернусь. Пожалуйста, договоритесь о встрече с ним и сообщите, что я хочу подарить ему наш комплект «Бхагаватам» и другие книги. После этого съездите к нему в Вашингтон и лично преподнесите их ему. Может быть, я вернусь, как только наберусь сил. Пока здоровье меня не беспокоит, и я надеюсь уже сегодня вечером быть в Дели. Я напишу тебе еще, когда приеду во Вриндабан. Передай мою горячую любовь и благословения всем юношам и девушкам. Я возлагаю на мое движение очень большие надежды. Пожалуйста, оставайтесь стойкими, тщательно следуйте всем моим наставлениям, повторяйте «Харе Кришна», и Кришна даст вам силу.

Бхактиведанта Свами и Киртанананда прилетели в Москву. Здесь они погуляли по зданию аэропорта, разглядывая то, что Свамиджи назвал «пропагандистскими рисунками», и после часовой остановки снова сели в самолет и через восемь часов полета, около полуночи, прибыли в Дели.

Встретившее их тепло благотворно подействовало на Свамиджи – ведь именно за ним он сюда и приехал. Спертый, влажный воздух в здании аэропорта разгоняли вентиляторы. Свамиджи и Киртанананда стояли в медленно движущейся очереди, ожидая, пока одетые в униформу индийские чиновники, у которых, в отличие от их коллег на Западе, не было ни компьютеров, ни сноровки, проверят их паспорта и таможенные документы. Сразу за границей зоны иммиграционного и таможенного контроля стояла толпа людей, пришедших сюда, чтобы встретить своих друзей и родных. Они махали руками и окликали приехавших по именам.

Получив свой багаж и пройдя таможенный досмотр, Свамиджи и Киртанананда вышли из здания аэровокзала и остановились на тротуаре. Свамиджи уже снял свитер, но Киртанананда в своем черном шерстяном костюме по-прежнему изнывал от жары. Было два часа ночи. Прибывших пассажиров встречали любящие родственники и друзья; они обнимали их, иногда даже надевали на них гирлянды, усаживали в такси или в автомобили. Но Свами Бхактиведанту здесь никто не ждал. Как разительно отличалось это от недавней трогательной сцены прощания в нью-йоркском аэропорту, где вокруг Свамиджи были те, кто так его любил! Сейчас вместо любящих учеников, его осаждали таксисты и носильщики, готовые за плату отнести к машине его багаж. На хинди Свамиджи попросил одного из таксистов довезти их до Чиппивады в Старом Дели. Тот поставил вещи в багажник, а Свамиджи с учеником сели на заднее сиденье.

Маленькое такси «амбассадор» ехало по улицам, с давних пор знакомым Свамиджи. Магазины были закрыты, ночные улицы пустынные, и только изредка по ним проезжало случайное такси или моторикша, да кое-где можно было увидеть спящего на тротуаре человека или корову.

Всего несколько лет тому назад Свамиджи продавал на этих улицах «Назад к Богу», просил пожертвования и печатал свой «Шримад-Бхагаватам». В те дни он был один, практически без

денег и без крыши над головой. И все же он был счастлив – счастлив сознанием своей полной зависимости от Кришны.

Однако руководители Индии отвергли ведическую культуру и стали подражать Западу. И хотя некоторая часть индийского общества все еще придерживалась ведических традиций, в большинстве своем оно было отравлено пропагандой лжеучителей, которые не признавали Кришну Богом, Верховной Личностью. Поэтому Бхактиведанта Свами понимал, что должен уехать отсюда и пересадить ведическую культуру на почву Запада. Он строго следовал наказу своего духовного учителя, и время доказало его правоту; для сознания Кришны Запад оказался самой подходящей почвой.

Когда такси проезжало через Старый Дели по дороге к Чоури-базару, Свамиджи увидел типографии и бумажные лавки, сейчас закрытые. Днем эта улица бурлит от потока телег и тачек, но сейчас на дорогах было пусто – лишь несколько рикш спали тут же, в своих повозках, коротая ночь. Утром они выльют на себя ведро воды из колодца и снова впрягутся в лямку. Когда Бхактиведанта Свами наблюдал за тем, как печатался первый том его «Шримад Бхагаватам», он каждый день ходил по этим улицам, покупал бумагу, забирал гранки из типографии и, уже откорректированные, приносил их обратно. Первая Песнь была его большой победой.

От Чоури-базара отходят боковые улицы, которые ведут к узким переулкам Чиппивады. Металлические столбы на них преграждают путь автомобилям и рикшам.

Водитель остановил машину на пустой улице и обернулся, чтобы получить плату. Свамиджи достал из бумажника сорок рупий (те самые, которые он привез с собой на корабле в Америку в 1965 году), но водитель, взяв деньги, сказал, что сдачи не даст. Свамиджи запротестовал: проезд не стоил и половины этой суммы! Они стали громко препираться на хинди. Водитель спрятал деньги, так и не дав сдачи. Свамиджи понимал, что дозваться полицейского в столь поздний час будет нелегко, и, хотя это был самый настоящий грабеж, в конце концов отпустил машину.

– Обманщик! – сказал он.

Они с Киртананандой взяли багаж и, пройдя один квартал пешком, оказались у дверей храма Радха-Кришны в Чиппиваде.

Дверь была заперта. Они принялись громко стучать, а Свамиджи стал звать Шри-Кришну Пандита. Наконец на их зов вышел какой-то человек и, узнав Свамиджи, разрешил им войти. Он провел их наверх и отпер комнату. Свамиджи зажег свет.

Комната была пустой и пыльной. Яркая лампочка, свисавшая с потолка, освещала ее резким светом. На полу возвышалась пирамида из цемента высотой около метра, указывавшая на место, под которым располагался алтарь и Божества Радхи и Кришны (чтобы кто-нибудь случайно не совершил оскорбления, пройдя над Божествами). В стенном шкафу стопками лежали отпечатанные страницы и суперобложки «Шримад Бхагаватам» и бланки писем возможным членам Лиги преданных – все было так, как, уезжая, оставил Бхактиведанта Свами.

– В этой комнате я написал «Шримад-Бхагаватам», – сказал Свамиджи Киртанананде. – Здесь я спал, а тут стоял мой примус и печатная машинка. Я спал и печатал, готовил поесть и снова печатал, спал и печатал опять.

Киртанананде трудно было представить, что Свамиджи когда-то жил здесь, в этой убогой келье. В ней даже не было чисто.

Хотя Киртанананда совсем извелся в своем костюме и все время думал, когда же он, наконец, его снимет, первым делом он позаботился о том, чтобы раздобыть для Свамиджи тонкий матрас.

Пришли два врача-аюрведиста. Они в один голос заявили, что у Свамиджи большое сердце, но опасность уже позади. Врачи дали ему лекарства и велели строго соблюдать режим еды, работы и отдыха. Пришел Шри-Кришна Пандит – посидеть, поговорить – и Свамиджи рассказал ему о своем успехе в Америке и о молодых преданных из Нью-Йорка и Сан-Франциско. Свамиджи поставил для Шри-Кришны Пандита свою пластинку, и на ее звуки в комнату набилась целая толпа любопытных обитателей храма.

После полудня у Свамиджи начался кашель. Поначалу казалось, что в этом нет ничего серьезного, и он сказал, что завтра же отправится во Вриндаван. Но к вечеру кашель не проходил, и Свами так и не смог заснуть. Не помогли ни массаж, который пытался делать Киртанананда, ни прописанные аюрведическими врачами таблетки; всю ночь Свамиджи не сомкнул глаз, и когда наутро Киртанананда дотронулся до его лба, тот весь горел.

Врачи пришли снова. Температура у Свамиджи поднялась выше 40°C. Они дали ему каких-то отваров и аюрведических порошков, но Киртанананда наблюдал за всем этим скептически. Поскольку Свамиджи было очень трудно дышать лежа, Киртанананда сделал вывод, что у него воспаление легких. Поэтому он дал ему пенициллин, запас которого привез с собой. После полудня пришел пожилой сикх, доктор, который лечил средствами западной медицины, и сделал Свамиджи укол пенициллина. После этого Бхактиведанта Свами уснул и впервые за двадцать четыре часа отдохнул спокойно.

Пока Свамиджи спал, Киртанананда написал письмо своим духовным братьям:

Я знаю, вам хотелось бы услышать мое мнение о состоянии Его здоровья; и могу сказать вам напрямик, оно не очень хорошее. Результат, как и всегда, – но сейчас это очевиднее, чем когда бы то ни было – зависит только от Кришны. Пожалуйста, повторяйте ХАРЕ КРИШНА, потому что это единственное, что может Его спасти. Именно это спасало Его раньше, и это же может спасти Его сейчас. Я знаю, что Его задача еще не завершена, и по Милости Кришны Его можно снова уберечь.

Еще Киртанананда попросил нью-йоркских преданных позвонить в Сан-Франциско, Санта-Фе и Бостон, чтобы там тоже продолжали повторять «Харе Кришна», моля о здоровье Свамиджи. Он напомнил им о необходимости строго следовать всем наставлениям духовного учителя.

На следующий день температура у Свамиджи упала до 38°C. Он все еще был болен, но снова стал поговаривать о поездке во Вриндаван. Он надиктовал письмо своим агентам по продаже книг, фирме «Атмарама и Сыновья», требуя отчета о том, как идет продажа «Шримад-Бхагаватам». Приходили старые знакомые, но уходили разочарованные, обнаружив, что Свамиджи не в состоянии принять их приглашения. Бхактиведанта Свами просил их, чтобы вместо него они приглашали Киртанананду.

В течение всех этих дней Киртанананда ходил по домам благочестивых индийцев. Он доставал свой портативный проигрыватель, ставил пластинку, пел, танцевал, воздев руки, а затем произносил небольшую речь. Хозяева же воспринимали его как садху, восхищенные тем, что американец так серьезно принял сознание Кришны.

* * *

Первого августа, после шести дней, проведенных в Дели, Бхактиведанта Свами поехал во Вриндаван. Киртанананда написал в Нью-Йорк:

Мои дорогие братья и сестры,

ИМЕНЕМ КРИШНЫ из ВРИНДАБАНА приветствую вас.

Свамиджи явно лучше – особенно с тех пор, как мы добрались досюда – глаза его сейчас излучают какой-то особенный свет. Вчера утром (31-го) мы выехали из Дели на «Тадж-Экспрессе» и через два часа были в Матхуре. Мы ехали «особым третьим классом», и все было довольно терпимо – не было такой толкучки, как в обычном третьем классе. Так или иначе, мы уже здесь – устраиваемся. У Свамиджи две очень хорошие комнаты – достаточно прохладные – прямо за верандой, на которой проходят чтения «Бхагаватам». Так удобно! Единственная трудность для Него – то, что все эти индийцы хотят Его видеть, и все настолько настырны, что мне далеко не всегда удастся их выпроводить...

С материальной точки зрения Вриндабан – очень живописное место. Земля здесь очень ровная, и повсюду много деревьев, обезьян, павлинов и, конечно же, храмов. Но Вриндабан и очень беден. И люди, и храмы в упадке. Но если смотреть на этот город с духовной точки зрения, здесь очень много великих преданных, и так замечательно идти по улицам и видеть повсюду тилаки и людей, повторяющих на четках мантру. Если бы мне удалось развить в себе хотя бы частицу их преданности Кришне, это был бы успех всей моей жизни. Сильные чувства вызывает и звук храмовых колоколов, звонящих много раз на дню. Прошлым вечером я проиграл нашу пластинку Господу Дамодаре, здесь, в храме, а затем провел киртан с некоторыми местными преданными. Это было здорово. Вы, наверное, удивитесь, но должен признаться, ваши киртаны в Нью-Йорке нравятся мне больше.

Пробыв во Вриндаване всего один день и почувствовав себя немного лучше, Свамиджи начал строить планы своего возвращения в Америку. «Я всегда думаю о вас», – писал он преданным, обращаясь к ним как к своим «дорогим ученикам».

Я не могу бросить все, что начал на Западе. Я покинул вас всего на шесть месяцев и по истечении этого срока, а может быть, и раньше, приеду к вам снова. Киртанананда говорит, что, судя по внешнему виду, я поправляюсь. Я и сам это чувствую.

В Дели Бхактиведанта Свами получил письмо от Брахмананды, в котором тот сообщал, что компания «Макмиллан» заинтересовалась изданием его перевода «Бхагавад-гиты». Свамиджи написал Брахмананде, чтобы тот немедленно подписал контракт от его имени. Бхактиведанта Свами раздумывал, что лучше: напечатать книгу частным образом в Японии или в Индии, или же ждать, пока это сделает «Макмиллан». Его мало интересовали престиж и финансовые преимущества публикации у «Макмиллана»; главной его заботой было напечатать книгу как можно скорее.

Меня вполне устроят коммиссионные. Единственное, что доставляет мне радость – это видеть, как эти книги читают сотни и тысячи людей. Весь полученный доход будет направлен на строительство здесь Американского Дома.

Свамиджи остановился в своей старой комнате при храме Радха-Дамодары. Он был все еще очень слаб, и Киртанананда каждый день делал ему массаж и заботился о нем, хотя сам смертельно уставал и еле двигался от жары. Тем не менее, Свамиджи продолжал строить планы, один другого грандиознее, которые предстояло осуществить его только что появившемуся на свет движению сознания Кришны. Он вслух размышлял о томах «Шримад-Бхагаватам», которые уже готовы к публикации – если бы «Макмиллан» взялся напечатать их, а его ребята смогли бы действовать от его имени. Ведь нужно столько всего сделать! Он хотел вернуться в октябре, чтобы проследить за всем самому.

Температура воздуха поднялась до 43°C, и Свамиджи с Киртананандой были вынуждены целыми днями сидеть в доме с закрытыми дверями под вентилятором. Киртанананда едва справлялся со своими обязанностями, но зато Свамиджи считал, что тепло вселяет в него силы и восстанавливает здоровье. Через неделю начались муссонные дожди, и жара спала.

Десятого августа Киртанананда снова написал домой:

Боже, какая здесь жара! Но, наконец, начались дожди и принесли с собой облегчение. Поверьте, здесь было жарко. Но сейчас большую часть времени идет дождь, и это делает погоду более сносной для меня, но, к сожалению, не для Свамиджи. Вдобавок я подхватил неизбежную дизентерию, которая не отступает уже неделю.

Вчера начался пятидневный праздник «Джхулан», во время которого Радха и Кришна качаются на качелях, поэтому я обошел с полдюжины местных храмов. Некоторые из них имеют необычайно роскошное внутреннее убранство, хотя по большей части они невелики. И все же со всей прямоотой и искренностью могу сказать, что ни один из них не может сравниться по трансцендентной красоте и духовности с домом №3720 на Парк-авеню в Монреале, и я думаю, что даже Свамиджи согласился бы со мной в этом.

Письмо Киртанананды вселило надежду в преданных, оставшихся за океаном, подтвердив то, о чем они и сами догадывались: их духовную жизнь поддерживает не индуизм и не Индия, а Свамиджи и повторение «Харе Кришна».

Бхактиведанта Свами отвечал на все письма своих духовных детей. Письма шли из всех духовных центров, недавно открывшихся в шести городах Северной Америки.

Вриндабан – только для вдохновения, настоящее поле нашей деятельности – весь мир. Если даже я умру, вы – моя надежда, и вы сделаете это. Я очень люблю всех вас. Пожалуйста, продолжайте в том же духе.

Желая разобраться, почему Свамиджи, чистый преданный, страдает от серьезной болезни, из Нью-Йорка написал Брахмананда. Свамиджи говорил когда-то, что обусловленные души и даже начинающие преданные «подвержены атакам майи». Неужели майя напала и на него? Четырнадцатого августа Свамиджи ответил:

Не бойтесь того, что майя нападает на меня. Всем известно, что когда сражаются две враждующие стороны, кто-то может потерпеть поражение. Ваша страна и западный мир находятся во власти майи и гун страсти и невежества, и когда я объявил войну майе, это означало великую битву. Майя увидела, какого большого успеха я добился всего за один год – у меня появилось множество искренних, юных последователей таких, как ты. Майе был нанесен сокрушительный удар: молодежь западных стран прекращает заниматься незаконным сексом, принимать наркотические и опьяняющие средства, есть мясо и играть в азартные игры – дело майи, безусловно, серьезно от этого пострадало. Поэтому она воспользовалась моей старческой

слабостью и нанесла мне смертельный удар. Но Кришна спас меня; поэтому вместо того, чтобы превозносить майю, мы должны больше благодарить Кришну. Что касается состояния моего здоровья на данный момент, я думаю, что выздоравливаю: по крайней мере, ем я лучше, чем в Нью-Йорке. Поэтому, как только я буду хоть немного готов вернуться на поле битвы, я снова буду среди вас.

* * *

Бхактиведанта Свами представлял себе Американский Дом во Вриндаване местом, где его ученики могли бы жить и изучать санскрит и вайшнавскую литературу.

Когда с ним случился удар, он сказал, что Рая-Рама нужно будет завершить перевод «Бхагаватам», а Аччютананду, Гаурасундару и еще нескольких преданных он попросил начать изучать санскрит, бенгали и хинди, чтобы, если он не поправится, они продолжили его дело. Еще Свамиджи надеялся, что некоторые из старших учеников, такие как Брахмананда, Хаягрива и Рая-Рама, приедут в Индию, приобретут здесь участок земли и возведут Американский Дом. «Даже если я буду чувствовать себя хорошо, – писал он девятого сентября, – я все равно не буду в состоянии заниматься делами Американского Дома».

Бхактиведанта Свами решил обратиться к одному из своих духовных братьев, Свами Б.Х. Бону Махараджу, чтобы попросить его разместить некоторых учеников из Америки в своем Институте восточной философии. Институт Свами Бона Махараджа был провинциальным колледжем, в котором обучалось около трехсот студентов. Институт располагался во Вриндаване и относился к Агрскому университету. В Индии подобные учебные заведения называли «колледжами дипломированных специалистов». Выпускники подобных институтов могли найти более престижную работу и так улучшить свое экономическое положение.

Когда Свамиджи и Киртанананда посетили Свами Бона Махараджа в Институте восточной философии, тот принял их в чистой гостиной, обставленной стульями и кушетками. Был там и радиоприемник. Свами Бон, одетый в кожаные сандалии, шорты, которые просвечивали сквозь тонкое дхоти, и отглаженную рубашку с латунными запонками, производил впечатление человека мягкого и умудренного жизнью – образованный, с прямыми, аккуратно расчесанными на пробор седеющими волосами. Хотя он был жителем Вриндавана, в тридцатых годах он несколько лет провел в Англии, где был принят членами королевской фамилии и читал лекции в ряде колледжей. Но вскоре интерес к нему угас.

Когда в 1965 году Бхактиведанта Свами в одиночку сражался в Нью-Йорке, он писал Свами Бону, прося его о помощи. Но тот не ответил. Даже сейчас, когда Бхактиведанта Свами рассказывал ему о своей проповеди в Америке, Свами Бон не знал, что и сказать. Однако перспектива приезда американцев и обучения их в его институте очень его заинтересовала: иностранные студенты очень повысят престиж его заведения в глазах правительства. Он сказал, что, по всей вероятности, сможет принять этих студентов на учебу бесплатно.

Воодушевленный встречей с Боном Махараджем, Бхактиведанта Свами написал несколько писем своим ученикам, приглашая их приехать изучать санскрит.

Если вы хотите изучать санскрит, в этом институте для этого есть все возможности. Мы все предварительно оговорили, и есть надежда, что Свами Бон может дать нам участок земли для здания; впрочем, в любом случае, с помощью уже имеющихся в наличии средств, мы вполне сможем все организовать так, чтобы наши студенты, приезжающие сюда изучать санскрит и произведения Госвами, не испытывали никаких трудностей... Это очень хорошая возможность для наших учеников, и я буду рад узнать, многие ли из вас захотят приехать.

* * *

В день Джанмаштами, 28 августа, в храме Радха-Дамодары Бхактиведанта Свами дал Киртанананде санньясу. Таким образом, Киртанананда стал первым учеником Свамиджи, принявшим санньясу – теперь его звали Киртанананда Свами. На церемонии присутствовали сотни гостей, приехавших во Вриндаван на празднование дня рождения Господа Кришны, и многие из них подходили, чтобы поздравить юного санньяси. Кто-то сказал, что он похож на Господа Чайтанью. Свамиджи писал:

Скоро он вернется в Штаты и начнет проповедовать с еще большей энергией и успехом. А пока я постараюсь использовать этого «белого санньяси», чтобы сделать членами нашего Общества нескольких индийцев.

В начале сентября в Дели прилетел Ачьютананда. Какая-то индианка дала ему пять рупий, и он на поезде доехал до Матхуры, где ему показали дорогу к Кешаваджи-Гаудия-Матху. Нараяна Махарадж, друг Свамиджи, взял Ачьютананду под свою опеку и, показав ему зал, где в 1959 году Бхактиведанта Свами принял санньясу, посадил его на автобус до Вриндавана, дав в сопровождающие какого-то старичка. Вместе со своим попугчиком Ачьютананда подъехал на рикше к храму Радха-Дамодары.

Ачьютананда вошел в комнату Свамиджи и распростерся у его ног.

– О, – воскликнул Свамиджи, – и ты здесь!

Когда Ачьютананда поднял голову, он увидел, что лицо Свамиджи покрыто пятидневной щетиной, а одет он в обмотанный вокруг туловища кусок ткани, концы которого пересекались на груди и завязывались сзади на шее. Бхактиведанта Свами улыбался и выглядел совершенно здоровым.

Киртанананда Свами тоже поприветствовал Ачьютананду и показал ему свою новую данду.

Больше всего Ачьютананду поразило то, в какой убогой обстановке живет его духовный учитель во Вриндаване. Хотя в Нью-Йорке Свамиджи тоже носил простую одежду, он всегда имел царственный вид, всегда был гуру. Однако здесь он жил просто и скромно. Как-то раз он вышел из комнаты на веранду, чтобы вымыть руки, и все тело его тотчас облепили мухи. Киртанананду и Ачьютананду мухи просто сводили с ума (был сезон дождей), но Свамиджи как будто не замечал их и продолжал спокойно мыть руки.

Делясь друг с другом впечатлениями, Киртанананда и Ачьютананда сошлись в том, что Свамиджи не просто один из вриндаванских бабаджи. Таких, как он, больше не было. И уж конечно, совсем не похож на Свамиджи Гаурачанд Госвами, владелец храма Радха-Дамодары. Он носил очки с толстыми линзами и едва видел сквозь них. Когда Киртанананда и Ачьютананда однажды подошли к Божествам, Гаурачанд Госвами громко спросил их:

– Как они вам нравятся? Кто вам нравится больше?

– Они мне все нравятся, – сказал Ачьютананда.

– А мне нравится вон тот большой, с краю, – сказал священник, небрежно махнув рукой в сторону мурти Кришны. – Он чем-то напоминает мне генерала Чаудри.

Ученики Свамиджи переглянулись – что это за тип? – и вернулись к Свамиджи за разъяснениями.

– Это кастовые госвами, – объяснил Свамиджи.

Первые госвами, заложившие храмы во Вриндаване, например, Джива Госвами, основатель храма Радхи-Дамодары, поручили заботу о Божествах своим ученикам-домохозяевам. А эти кастовые госвами – потомки тех первых пуджари. Свамиджи также объяснил, что кастовые госвами являются владельцами храмов. Для них забота о храме и поклонение Божествам – это бизнес, на доходы от которого они содержат свои семьи. Всего несколько лет назад у каждого из Божеств, стоящих сейчас на алтаре, был собственный храм, земля, доходы и жрецы, но из соображений экономии госвами распродали недвижимость, упростили поклонение и объединили Божества.

Во Вриндаване было немало и других занятных персонажей: старая вдова Сараджини с обритой головой, шикхой и мозолистыми босыми ногами, которая спала в комнате у ворот храма, подметала кухню Свамиджи и стирала ему одежду; Панчудас Госвами, сын владельца храма, который постоянно жевал пан и целыми днями с заспанным видом слонялся по двору в шелковом дхоти с красной вышитой каймой; темнокожий старый бабаджи, который приходил по вечерам, все время смеялся и делал для Свамиджи сандаловую пасту; местный врач-травник Ванамали Кавираджа, с неизменной широкой улыбкой восседающий за конторкой в крошечной комнатке, уставленной сверху донизу маленькими пузырьками; знаменитый пандит, который изредка навещался к Свамиджи и носил оправленные в золото бусы из туласи и перстни с бриллиантами. Все эти люди были преданными – жителями священного Вриндавана. Но никого из них нельзя было поставить в один ряд со Свамиджи.

Киртанананда Свами даже огорчился, что во Вриндаване не оказалось ни одного человека, похожего на Свамиджи. Даже на земле, где все были индийцами и преданными, Свамиджи оставался неповторим. Никто не был так же прост и серьезен, как он, никто не обладал такой способностью распознавать фальшь, ни к кому так не влекло сердца людей, и никто не был так беззаветно предан Кришне. Вести их мог только он.

Как Киртанананда Свами с Ачютанандой с недоверием относились к некоторым обитателям Вриндавана, так и некоторые обитатели Вриндавана смотрели на них с подозрением. В один из дней по Вриндавану бродила парочка хиппи из Европы, и Ачютананда сопровождал их, показывая некоторые храмы. Но в храм Ранганатхи их не пустили. Ачютананда рассказал об этом Свамиджи, и тот ответил:

– Это потому, что ты ходил с этими глупцами.

Когда Бхактиведанта Свами проходил по улице, люди с почтением кивали ему, приветствуя:

– Дандават, Махарадж.

Но принимать за вайшнавов его американских последователей они не торопились.

* * *

Бхактиведанта Свами в сопровождении учеников вновь посетил Свами Бона.

Пока они ехали на рикше к Институту восточной философии, Свамиджи рассказал Ачютананде, что институт был основан Свами Боном как Вайшнавская академия, но позднее вошел в состав Агрского Университета, потому что не приносил никакого дохода. Теперь у Свами Бона появились деньги, но институт превратился в обыкновенную школу, не представляющую никакой духовной ценности.

Когда Бхактиведанта Свами и его ученики сидели в приемной Свами Бона, тот прозрачно намекнул им, что не собирается жертвовать землю для Американского Дома Бхактиведанты Свами, но ученики его вполне могут приезжать и учиться в его заведении. Ачютананда, предложил он, мог бы стать первым.

После этого Свами Бон повел их в главное здание, чтобы показать, как проходят занятия. Но вместо пандитов и изучающих санскрит брахмачари, которых они ожидали увидеть, ученики Свамиджи обнаружили там юношей с тонкими усиками и хихикающих девушек. Бхактиведанта Свами прочитал лекцию, а затем попросил Киртанананду поставить пластинку с «Харе Кришна». Через несколько минут Бон Махараджа попросил Киртанананду выключить пластинку, но Киртанананда, видя, как Свамиджи наслаждается записью, не послушался.

Ачютананда: Мы ходили по этому заведению, и я думал: «Это обычная школа! Я не хочу здесь учиться. Вот если бы я смог жить в храме Радха-Дамодары и там же изучать санскрит, то не жалел бы о времени, проведенном в Индии».

Они продолжали осмотр помещения, и, увидев общую спальню, Свамиджи засомневался, смогут ли его американские ученики жить в таких суровых условиях и при этом заниматься наукой. Не один, так другой из двоих его учеников постоянно был болен. Сначала Киртанананда Свами подхватил дизентерию, потом и у Ачютананды что-то случилось с желудком, а после этого оба ослабели от жары. «В общем, – писал Свамиджи Рупануге в Нью-Йорк – наши американские юноши, приехав сюда, первое время пребывают в весьма плачевном состоянии. Так что я не знаю, насколько успешными окажутся наши планы относительно Американского Дома во Вриндабане». Его юноши не отличались ни аскетизмом, ни прилежанием в учебе, и, кроме того, у Киртанананды Свами и Ачютананды развилась явная неприязнь к ректору Института восточной философии. Да и у самого Свамиджи, очевидно, были сомнения относительно этого места.

– Вы можете ходить сюда на занятия, – сказал он им, – но жить здесь не нужно. Живите в храме Радха-Дамодары, а сюда приходите учиться. Вы можете раздобыть велосипед и ездить на нем.

Постепенно идея немедленного основания во Вриндаване Американского Дома стала отходить на второй план. Бхактиведанте Свами необходимо было собственное место для учеников, а это требовало времени.

* * *

Регулярное лечение, массаж, отдых и тепло Вриндавана делали свое дело: Свамиджи почувствовал, что выздоравливает. Уже в середине сентября он заявил, что на девяносто процентов готов к возвращению в Соединенные Штаты. Он предполагал вернуться в конце октября.

Духовный брат Бхактиведанты Свами, Б.Р. Шридхара Махарадж, чей ашрам находился в Навадвипе (Западная Бенгалия), написал Свамиджи письмо, в котором приглашал его провести у них месяц Карттика и поучаствовать в праздновании его Вяса-пуджи. Свамиджи понравилась

идея посетить святую землю Навадвипы, где провел Свои детские годы Господь Чайтанья, и увидеться со своим духовным братом. Кроме того, ему хотелось заехать в Дели и узнать, как обстоят дела с изданием книг.

– Свамиджи, – спросил Ачьютананда, – когда Вы поедете в Навадвипу, мне, наверное, лучше остаться здесь, во Вриндаване, учиться?

– А ты разве не хочешь увидеть место, где родился Господь Чайтанья? – удивился Свамиджи.

Ачьютананда хотел, и Свамиджи вместе с Киртананандой Свами и Ачьютанандой покинули Вриндаван и вернулись в храм в Чипшиваде, в Дели.

Жизнь в этом храме для учеников Бхактиведанты Свами оказалась очень трудной. Дели был раскален, как сковородка, и был напрочь лишен того очарования, которым их так покорял Вриндаван. Воду давали только два часа в день, рано утром, и текла она тонкой струйкой. Они наполняли водой два глиняных кувшина (для комнаты Свамиджи) и несколько ведер, чтобы все трое могли помыться. Оставшуюся часть дня воды не было. По всему зданию свободно разливали мангусты.

– Они едят змей? – спросил Ачьютананда.

– Они едят змей, – ответил Свамиджи, – они едят мусор, они едят все что угодно.

Бхактиведанта Свами, для которого и жара, и отсутствие воды, и даже мангусты были в порядке вещей, оставался невозмутим. В соседней комнате, репетируя выступления на танцах, какие-то юные музыканты постоянно играли на электрооргане, барабанах бонго и электрогитарах мелодии из кинофильмов. Свамиджи и к этому отнёсся спокойно.

Шри-Кришна Пандит был очень высокого мнения о деятельности Бхактиведанты Свами в Америке и его английском переводе «Шримад-Бхагаватам». Будучи управляющим храма Радха-Кришны в Чипшиваде и секретарем активно действующего Общества индуизма, Шри-Кришна Пандит стремился популяризовать индуистскую дхарму и потому хотел, чтобы Бхактиведанта Свами выступил с лекцией в расположенном неподалеку храме Гаури-Шанкары, одном из самых популярных индуистских храмов Дели. Свамиджи согласился и взял с собой Ачьютананду (Киртанананда Свами 22 августа уехал на Запад).

Храм Гаури-Шанкары находился на Чанди-Чоук. После короткой прогулки по многолюдным улицам Старого Дели, Бхактиведанта Свами и Ачьютананда сняли свою обувь у дверей храма и вошли внутрь. Главным Божеством здесь был Господь Шива, но было и много других: Рама, Дурга, Кали, Радха-Кришна, Хануман. Перед пышно украшенными алтарями стояли толпы людей, глядя на Божества и вознося им молитвы.

О поклонении полубогам Ачьютананда узнал из рассказов Свамиджи на Второй Авеню, 26. Согласно «Бхагавад-гите», полубоги исполняют только материальные желания, и потому им поклоняются люди не слишком разумные. Вайшнав, говорил Свамиджи, с почтением относится к полубогам – он даже к муравью относится с почтением – но поклоняется только Верховной Личности – Кришне или Вишну.

Ачьютананда уже сам убедился в том, что имперсоналисты ввели индийцев в заблуждение, отрицая существование личностной ипостаси Бога и утверждая, что все виды поклонения ведут к одной цели. Большинство жителей Индии не понимали ни «Бхагавад-гиты», ни Кришны. Ачьютананда помнил об этом, когда вместе со Свамиджи кланялся у алтарей полубогов. После этого духовный учитель подвел его к алтарю Радха-Кришны.

– Посмотри-ка, – сказал он. – Кришна просто играет на флейте. А полубоги – кто-то держит лук и стрелы, кто-то – палицы, кто-то – еще какое-то оружие, но Радха и Кришна просто танцуют, и Кришна держит флейту. Поэтому Он – Верховный Господь.

В одной из комнат на нескольких подушках сидел грузный человек с огромной белой бородой. На нем была цветочная гирлянда, и Ачьютананде он напомнил Санта-Клауса.

– Свамиджи, кто это? – спросил Ачьютананда.

– Какой-то йог, – безразлично ответил тот.

В главном зале на стене висело большое изображение Господа Шивы. Зал был полон народа – женщины в цветных сари, мужчины в ярких тюрбанах... Посреди всего этого столпотворения Ачьютананда чувствовал себя под защитой Свамиджи. Они сели на возвышение, и Шри-Кришна Пандит представил толпе своего друга Бхактиведанту Свами. Свамиджи говорил на хинди около часа.

Возвращаясь домой, в Чиппиваду, Ачьютананда удивлялся, зачем Свамиджи отправился проповедовать в это странное место, где смешались столько видов поклонения. Но, даже не высказав свое сомнение вслух, он вдруг понял, что Свамиджи готов говорить о Кришне где угодно и кому угодно. Разве не приехал он в Нью-Йорк-Сити? А есть ли на свете место, где творился бы больший кавардак, чем в Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка?

Сидя на веранде, Бхактиведанта Свами видел вырисовывающийся на фоне вечернего неба купол мечети Джама. Однажды вечером, когда он сидел и тихо повторял джапу, а Ачьютананда, который еще не выучил наизусть Гаятри-мантру, сидел рядышком и про себя читал ее по бумажке, на веранду пришел какой-то индийский джентльмен и стал беседовать со Свамиджи. Ачьютананда закончил чтение Гаятри и сидел, слушая, как его духовный учитель говорит с незнакомцем на хинди. Ачьютананда смог различить только отдельные слова: какие-то упоминания об аюрведической медицине, адреса, индийские имена, города. Они проговорили несколько часов, и все это время Ачьютананда не переставая удивлялся, кто же этот господин, которому позволено так долго говорить со Свамиджи. Когда человек ушел, Ачьютананда спросил:

– Свамиджи, это Ваш духовный брат?

Свамиджи сказал:

– Нет.

– Он свами?

Свамиджи ответил:

– Нет.

– Это Ваш родственник?

– Нет.

– Но тогда кто же он?

– Это мой друг! – многозначительно ответил Свамиджи.

Иногда посетители приносили Свамиджи какие-нибудь пожертвования: одежду, фрукты а иногда даже готовые блюда в металлических тиффинах. Одна женщина средних лет, которая слышала речь Бхактиведанты Свами в храме Гаури-Шанкары, пришла к нему в Чиппиваду и попросила дать ей посвящение. Побеседовав с ней, он дал согласие и попросил Ачьютананду приготовить все необходимое для небольшого огненного обряда. При посвящении он дал ей имя Мукунда-даси. Она приходила каждый день, чтобы помыть его комнату, а когда увидела, что его деревянные сандалии износились, купила ему новые.

Чандрашекхар знал Бхактиведанту Свами уже много лет и в свое время практически выполнял обязанности его секретаря. Но он любил выпить, и, к тому же, Свамиджи подозревал, что за последние два года он стащил из его почтового ящика не менее двух тысяч рупий. Адрес Свамиджи в Чиппиваде был указан во всех его печатных изданиях, и люди посылали ему по этому адресу деньги за книги и за подписку на журнал «Назад к Богу». Даже в последние два месяца ученики писали, что вкладывают в конверты с письмами к Свамиджи деньги, но тот так ни разу ничего и не получил. Однажды он увидел Чандрашекхара и спросил:

– Где ключ от моего почтового ящика?

– Я полагаю... он у Вас, – ответил Чандрашекхар. – Или... м-может б-быть... у Шри-Кришны Пандита, – Чандрашекхар был пьян.

– Свамиджи, – в гневе сказал Ачьютананда, – может, стоит заявить в полицию?

– Нет, – покачал тот головой.

– Что ж, – сказал Ачьютананда, – если не наказать его по закону, тогда в следующей жизни его накажет Кришна.

– Точно, – согласился Свамиджи.

Чандрашекхар испуганно смотрел то на Свамиджи, то на его американского ученика.

– Тогда нам остается только одно, – сказал Ачьютананда, – я вызываю полицию?

– Нет, – сказал Свамиджи, – я его прощаю.

Но через несколько дней куда-то пропал проигрыватель, и Свамиджи вновь заподозрил в краже пьяницу Чандрашекхара.

Свамиджи взял Ачьютананду с собой в банк Бароды, где у него был открыт счет, чтобы обменять некоторую сумму в американской валюте. Когда они только подошли к дверям, вход им преградил охранник – пожилой человек в поношенной униформе, с дробовиком и большим патронташем. Он принял их за садху, пришедших просить подаяния. Свамиджи был разгневан. Он стал что-то громко говорить ему на хинди.

– У меня здесь счет! – горячился он.

В конце концов, охранник их впустил.

Свамиджи направился напрямиком к управляющему и стал жаловаться:

– Вы что думаете, если я садху, значит ко мне можно относиться как к попрошайке?

Свамиджи рассказал о своей организации в Америке и о счете в банке Бароды. Управляющий извинился и отчитал охранника.

Однажды Свамиджи отправил Ачьютананду в ресторан.

– Если хочешь посмотреть, насколько разнообразна индийская кухня, скажи официанту, что хочешь сладостей на десять рупий и на десять рупий соленых блюд – это называется «мишти» и «нимака». Посмотришь, сколько всего они тебе принесут.

Ачьютананда был болен и не мог даже представить себе, что съест много сладостей. Но все-таки задержался у ресторана и заглянул внутрь. Вернувшись в храм в Чиппиваде, он сказал Свамиджи, что видел пищу, хотя есть не мог.

– Да, но ты видел, какое там разнообразие, – заключил Свамиджи, и объяснил, что сознание Кришны наряду с индивидуальностью подразумевает разнообразие – в нем нет места скуке.

К Свамиджи присоединился еще один американский ученик – Рамануджа, с Хэйт-Эшбери. Свамиджи дал ему посвящение прямо перед отъездом из Сан-Франциско. Рамануджа щеголял густой черной бородой, которая очень не нравилась его духовному учителю. Свамиджи делал на этот счет осторожные намеки, но Рамануджа бороду не сбривал. Он носил с собой книгу о тибетском буддизме и не производил впечатления человека, утвердившегося в философии сознания Кришны. Но сейчас этот разболтанный, сентиментальный преданный приехал в Индию, готовый пуститься со Свамиджи в приключения.

* * *

Свамиджи нанес визит крупному делийскому промышленнику, г-ну Сетху Дальмии, чтобы обсудить с ним планы издания в Индии некоторых своих книг. Г-н Дальмия хорошо принял гостя, но его обещания о помощи звучали как-то неопределенно. Еще Свамиджи встретился с Хитсараном Шармой, секретарем г-на Дальмии, который работал в тесном сотрудничестве с Хануман-Прасад Поддаром из популярного религиозного издательства «Гита-Пресс». Свамиджи был уже давно знаком со всеми этими людьми – все они уже когда-то жертвовали на первый том его «Шримад-Бхагаватам». Свамиджи хотел, чтобы «Гита-Пресс» напечатала его «Гитопанишад» и «Шримад-Бхагаватам», и Хитсаран Шарма показал ему недавно опубликованную иллюстрированную «Гиту» в стихах на хинди. Свамиджи это задело.

– Но моя «Гита», мой «Бхагаватам», – сказал он, – это описание Бога. Это описание Кришны.

Г-н Шарма ответил, что не может себе представить, как «Гита-Пресс» сможет осилить объемные труды Бхактиведанты Свами. Однако Свамиджи все-таки рассчитывал на его посредничество при выпуске «Гитопанишад» на свои средства.

Одиннадцатого октября Бхактиведанта Свами написал Брахмананде:

Наши книги должны быть напечатаны во что бы то ни стало; мы и так уже столько времени потеряли на поиски подходящего издательства! Когда я был один, я сумел напечатать три тома, а за последние два года у меня не вышло ни одной книги. Это серьезное поражение. Если у меня будут одна или две искренние души, вроде тебя, и если мы сможем напечатать другие книги, наша миссия увенчается успехом. Я готов сидеть под деревом даже с одной искренней душой. Так я избавлюсь от всех своих болезней.

* * *

Преданные из Америки регулярно писали Свамиджи о том, что желают вновь увидеть его в добром здравии. Но он решил, что не покинет Индию до тех пор, пока лично не убедится в том, что «Гитопанишад» запущена в тираж. Издание «Гитопанишад» и получение вида на жительство в США – вот две ближайшие задачи, которые он поставил себе до возвращения в Америку. Но все-таки он часто думал о возвращении.

Как вы ощущаете разлуку со мной, так и я хочу вернуться как можно скорее. Я думаю, в настоящий момент мое состояние уже позволяет мне вернуться к вам, и, как было намечено прежде, я смогу сделать это в конце октября. Я обязательно вернусь, но до этого предстоит еще очень много сделать. Я еще не уверен, что получу вид на жительство. Лучше всего, если каждый

центр вышлет мне приглашения с указанием, что мое присутствие там крайне необходимо... В настоящий момент я только и думаю о том, чтобы начать печатать книги здесь, если компания Макмиллана за это не возьмется. Поэтому, пожалуйста, сообщите мне о результате переговоров с ними – да или нет. Если они не имеют серьезных намерений, сейчас же вышлите рукопись – неважно, завершена она или нет – по следующему адресу: Пандит Хитсаран Шарма, для передачи предприятию Дальмия, Дом «Синдия», Нью-Дели. После того, как отправите рукопись, сообщите мне, и я сделаю все необходимое.

Индийский друзья, приходившие к Свамиджи, жадно слушали его рассказы об Америке – стране миллионов автомобилей, скоростных шоссе и тысяч молодых людей, отвернувшихся от богатства своих отцов. Но гости не могли до конца оценить значение этой поездки. Не потому, что были слишком наивны, чтобы понять это, и не потому, что никогда не были на Западе – просто Америка Свамиджи состояла из его близких духовных отношений с учениками – как мог сторонний наблюдатель понять внутреннюю жизнь его храмов?

Кто, кроме Свамиджи и его учеников, мог это понять?

Мои мысли всегда с вами. Ваша страна стала для меня домом. А Индия для меня – чужая. Это потому, что моя духовная семья там, в Америке, а здесь у меня остались лишь материальные связи; мой настоящий дом там, где живет моя духовная семья.

Мечта Бхактиведанты Свами о всемирном обществе преданных, проповедующих и издающих книги – то видение, которое было у него еще до приезда в Америку – теперь становилась явью. Но пока все держалось на нем одном. Когда его не было рядом, ученики его оставались преданными только благодаря тому, что выполняли его указания и получали письма. Когда Даянанда и Нандарани уехали из Сан-Франциско в Лос-Анджелес, чтобы открыть там новый храм, то и поддержкой, и руководством для них были его наставления: «Где бы ни открывалось новое отделение нашего Общества сознания Кришны, это несказанно меня радует. Мои самые сердечные благословения с вами». Получив письмо от Свамиджи, они поняли, что поступили правильно. И не важно, что иногда они ссорились друг с другом, и что им не хватало денег, – главное, что Свамиджи был доволен.

Из Бостона написал Сатсварупа. Он и еще несколько преданных переехали из квартиры в помещение магазинчика, который сняли неподалеку от Бостонского университета. Когда Сатсварупа впервые вошел в новый храм, то на полу обнаружил письмо в авиаконверте, которое Свамиджи шестого октября послал им из Дели.

Догадываюсь, что в Бостоне вы нашли очень хорошее место и что там есть хорошие возможности распространять наше движение среди студентов. Без сомнения, наше движение вызывает огромный интерес в рядах американской молодежи, и если мы сможем успешно привлекать к нему студентов, то это движение, безусловно, распространится по всему миру, и тогда исполнится предсказание Господа Чайтаньи о том, что в каждой деревне и в каждом городе мира будут славить Господа за Его движение санкиртаны. Пожалуйста, вложите в это дело всю свою душу, и ваша жизнь увенчается успехом.

Это письмо произвело такой же эффект, как если бы сам Свамиджи приехал, лично открыл магазинчик и начал там проповедовать. Оно вдохновило Сатсварупу и ясно показало, что делать дальше. К тому же, письмо было обращено лично к нему. Там же Свамиджи писал:

Я жду не дождусь, когда вернусь и загружу тебя печатанием рукописей... Я надеюсь, что очень скоро мы снова встретимся и поможем друг другу в выполнении обязанностей в сознании Кришны. Сейчас я на 90% здоров и думаю, что без проблем смогу вернуться. Это письмо я печатаю сам. Вот уже два дня я предоставлен сам себе, поэтому в порядке эксперимента делаю все самостоятельно. Это доказывает, что у меня все в порядке. Пожалуйста, передай мои благословения всем юношам и девушкам в Бостоне.

В Нью-Мексико Субала пытался организовать к возвращению духовного учителя его публичное выступление, и Свамиджи воодушевлял его: «Если ты считаешь, что в первую неделю декабря я могу выступить на телевидении, то можешь смело договариваться об этом, потому что я собираюсь быть в вашей стране к середине ноября».

Бхактиведанта Свами написал в Монреаль, Джанардане, отвечая на его философские сомнения и призывая быть терпеливым с женой, которая отвергала духовную жизнь. А Рая-Раме, который редактировал журнал «Назад к Богу», он дал мудрое свидетельство другого рода:

Я очень счастлив, что поскольку он [«Назад к Богу»] доверен тебе, дело налаживается. Это означает, что Кришна дает тебе все больше и больше возможностей. Кришна такой замечательный

хозяин, что искреннему слуге Он дает все больше и больше возможностей для совершенствования.

Девятого октября, в день отъезда в Калькутту, Свамиджи оставил Шри-Кришна Пандиту письмо совсем иного содержания. Он предлагал Шри-Кришна Пандиту продать ИСККОНу его храм в Чиппиваде или, по крайней мере, заключить официальный договор на аренду в нем одной из комнат. Бхактиведанта Свами хотел использовать эту комнату как штаб-квартиру для издания своих книг. Однако в день отъезда Свамиджи Шри-Кришна Пандит куда-то исчез и Свамиджи оставил для него коротенькую, от руки написанную записку.

Если вопрос с комнатой не решится, то я могу больше не вернуться в Дели. Через Тихий океан, прямым рейсом из Калькутты, я полечу в США – г-н Шри Дальмия Сетх уже пообещал мне билет.

Глава двадцать восьмая

Снова в Индии: Часть вторая

Поезд на котором Бхактиведанта Свами должен был ехать в Калькутту, «Калка-Мэйл», подошел к перрону делейского вокзала. В билетах Свамиджи и двух его учеников были указаны номера мест, а номеров самих вагонов не было. Поэтому, пока Свамиджи караулил багаж, Ачьютананда и Рамануджа бегали из одного конца поезда в другой в поисках своего вагона.

После того, как нужный вагон наконец-то был найден, Ачьютананда развязал спальные принадлежности Свамиджи и застелил верхнюю полку. По маленькой лесенке Свамиджи взобрался наверх, удобно уселся на ватном одеяле и погрузился в чтение «Шримад-Бхагаватам», пока Ачьютананда и Рамануджа устраивались внизу. Ехать предстояло около суток.

Под конец путешествия несколько образованных бенгальцев завели со Свамиджи философскую беседу.

– Мы не поклоняемся никаким формам, – громким, глубоким голосом, на хорошем английском сказал один из них. – У нас есть омкара, выполненная в мраморе, ей-то мы и поклоняемся. Мы садимся и молимся ей.

– Ну, это тоже форма, – сказал Свамиджи.

Ему не хотелось прямо нападать на их философскую позицию.

– Мы занимаемся карма-йогой, – продолжал бенгалец, не обратив внимания на реплику Свамиджи, – потому, практикуя карма-йогу, можно оставаться самим собой.

– Но карма-йога – это не полное предание души, – возразил Свамиджи. – Необходимо подняться на уровень бхакти.

– Нет, нет, – возразил бенгалец. – Излишняя чувствительность вредна. Карма-йога...

– Карма-йога для дураков! – взорвался Свамиджи.

Молчание.

В разговор вступил другой пассажир, сидевший рядом.

– Очевидно, что Свамиджи очень учен, – сказал он. – Вам не подобает так спорить с ним.

Бенгалец, на которого Свамиджи накричал, поднялся и пересел на другое место. Позже он вернулся.

– Вы обиделись? – спросил его Свамиджи.

– Вовсе нет, – ответил он, – но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил так об учении «Гиты».

После этого бенгальцы разговорились с Ачьютанандой. При этом они достали сигареты и, особо не стесняясь, закурили, хотя при Свамиджи делать это не осмеливались (в присутствии садху курить не полагалось). Бенгальцы, говорил им Ачьютананда, приводя один из излюбленных примеров Свамиджи, очень сожалеют, что восточный Пакистан был отрезан от Бенгалии, но сознание Кришны может научить людей мыслить в масштабах всего мира и всей вселенной. Тогда ни о каком разделении не будет и речи. Бенгальцы оценили слова Ачьютананды, хотя и продолжали пускать дым ему в лицо все время, пока поезд с грохотом отсчитывал последние километры до Калькутты.

На калькуттской станции «Ховрах» Свамиджи встретили родственники – семья его сестры, и преданные из Госвами-Матха. Собралось человек пятьдесят. Они предложили Свамиджи цветочные гирлянды и сандаловую пасту, а затем вместе с учениками проводили к автомобилю. Ачьютананда и Рамануджа заметили, что сестра Свамиджи удивительно похожа на него, только ниже и полнее. Ее имя было Бхаватарини, но Свамиджи велел им называть ее Писима, «тетушка».

Проезжая по улицам, Свамиджи видел множество изображений богини Кали – десятирукой, восседающей верхом на льве. Калькутта отмечала самый большой религиозный праздник Бенгалии – Кали-пуджу, месяц торжеств в честь богини Кали. Повсюду трубили духовые оркестры и ревели репродукторы, город был украшен гирляндами огней, и на каждом шагу возвышались эстрады и шатры для выступлений.

Когда Свамиджи прибыл в дом Писимы в южной части Калькутты, родственники усадили его и провели в его честь церемонию арати, с почтением предложив ему традиционные атрибуты поклонения: благовония, горящую масляную лампаду и цветы. Кроме того, ему омыли стопы. Он

сидел, широко улыбаясь, в окружении толпы родственников, которые были очень горды его путешествием в Америку во имя Господа Кришны.

Когда члены семьи Свамиджи запели «Харе Кришна», женщины, находившиеся за пределами комнаты, вдруг протяжно заулюлюкали высокими, резкими голосами. Ачьютананда и Рамануджа были поражены.

Чтобы отпраздновать возвращение Бхактиведанты Свами на родину, Писима приготовила роскошный пир, в основном, на горчичном масле. И Свамиджи доставил ей удовольствие, почтив прасад, хотя чувствовал он себя не очень хорошо и немного устал от путешествия в поезде.

Наконец, празднество закончилось, и Свамиджи с учениками остались одни. Ему снова стало хуже – на этот раз из-за тяжелой пищи, которую приготовила его сестра. Он почувствовал тяжесть в сердце и послал за врачом. Тот показал Ачьютананде, как делать мягкий массаж, чтобы усилить циркуляцию крови и запретил Свамиджи есть сладкое.

Когда Свамиджи пошел на поправку, он начал по вечерам у себя в комнате регулярно читать лекции. Хотя говорил он по-английски (в основном ради учеников), его родственники и друзья быстро набивались в комнату. Но на улице бушевала Кали-пуджа, и шум праздника мешал лекциям. Рядом с домом Писимы располагался большой шатер, где по вечерам собирались толпы людей с окрестных улиц. В шатре продавали сладости, запускали фейерверки и нестерпимо громко крутили через мощный репродуктор песни Джулии Эндрюс из фильма «Звуки музыки».

Однажды вечером, после слов Свамиджи: «Единственное мое достоинство – это неуклонная вера в духовного учителя», – прямо за дверью разорвался огромный фейерверк. Слушатели терпеливо улыбнулись.

– Да, – сказал Бхактиведанта Свами, посчитав взрыв подтверждением сказанного, – это великое дело.

В один из вечеров Свамиджи говорил о том, что, согласно «Бхагавад-гите», люди, поклоняющиеся полубогам, поступают неразумно. Люди поклоняются Кали ради материальных плодов, сказал он, но поскольку все материальные плоды временны, такое поклонение по статусу ниже поклонения Кришне. Кали не способна освободить своего поклонника от рождения и смерти.

– Что же лучше? – спросил Ачьютананда, – поклонение христиан и иудеев, которое в основе своей имперсонально, или поклонение почитателей Кали не-Абсолюту?

– Поклонение Кали лучше, – сказал Свамиджи, – эти верующие хотя бы следуют ведической традиции. Им легче склониться перед Радха-Кришной или повторить «Харе Кришна», нежели христианам или иудеям. Есть шанс, что в будущем они станут преданными Кришны, если утратят свои материальные привязанности.

Свамиджи постоянно приглашал духовных братьев и их учеников поехать к нему в Америку. Иногда казалось, что делает он это просто для того, чтобы они больше думали о проповеди. Бхактисиддхант Сарасвати однажды упрекнул своих учеников в том, что ашрам Гаудия-Матха превратился в «бардак»; что члены его каждый день выходят на улицу и собирают милостыню, которой хватает на совместную трапезу, а проповедовать даже и не думают. Поэтому приглашения Свамиджи: «Езжайте в Америку. Вернемся туда вместе», – немного подстегивали их, даже если они не имели возможности с ним поехать. Во время посещения ашрама Бхактишаранги Госвами, Свамиджи увидел, что почти вся его аудитория состоит из пожилых вдов. Но и им он говорил то же, что и всегда.

Однажды к Свамиджи зашел его духовный брат, Харидаса Свами. Это был грузный и шумный человек, и говорил он очень быстро:

– Я очень счастлив видеть вас здесь после Америки. Это удивительно – Кришна – это *summum bonum*, причина всех причин. Я хочу, чтобы вы пришли ко мне в храм...

Когда Харидаса Махарадж вышел в другую комнату, Свамиджи повернулся к Ачьютананде:

– Он хочет, чтобы мы посетили его храм. Но чтобы добраться туда, мне придется взять рикшу, затем пересесть на трамвай, потом на поезд, а потом – опять на рикшу.

Зная состояние здоровья Свамиджи, Ачьютананда отрицательно покачал головой.

Когда Харидаса Махарадж вернулся, Ачьютананда сказал, что Свамиджи не сможет посетить его матх.

– Кто ты такой? – рассердился Харидаса Махарадж. – Ты просто брахмачари! Ты должен рисковать своей жизнью!

– Я готов рисковать своей жизнью, но я не могу рисковать жизнью своего духовного учителя.

Задетый за живое, Харидаса Махарадж ушел.

– Не переживай, – сказал Свамиджи. – Он просто любит поговорить.

Свамиджи нанес визит Б.П. Кешаве Махараджу, своему духовному брату, который в 1959 году возвел его в ранг санньяси. Свамиджи сидел на полу и говорил с ним на бенгали. Тот был уже стар и, очевидно, находился на смертном одре. Потом Свамиджи велел Ачьютананде спеть для Кешавы Махараджа. А тот попросил Бхактиведанту Свами посетить его ашрам Девананда-Матх в Навадвипе.

* * *

Бхактиведанта Свами хотел вернуться в США, уже имея вид на жительство, но его ученики в Америке никак не могли получить необходимое разрешение от американских иммиграционных властей. Бостонские преданные обратились к нескольким профессорам индологии Гарварда, но не смогли получить от них никаких официальных документов, подтверждающих важность миссии Бхактиведанты Свами. Все центры ИСККОН послали официальные приглашения А.Ч. Бхактиведанте Свами, а копии этих писем передали иммиграционным властям Соединенных Штатов. Однако для того, чтобы Свамиджи смог стать полноправным гражданином США, преданные должны были предоставить более серьезные основания, например, рекомендацию от правительства, или приглашение от какого-нибудь университета на постоянную работу.

Тринадцатого октября, Свамиджи написал своим ученикам в Монреаль:

Мне не терпится приехать к вам. Поэтому вы должны постараться сделать все от вас зависящее, чтобы получить на мое имя иммиграционную визу, на том основании, что я являюсь полномочным представителем вишнуизма «Шримад-Бхагаватам» и «Шримад-Бхагавад-гиты».

Наконец, не желая больше пребывать в неопределенности в ожидании постоянной визы, Свамиджи решил обратиться за временной. Вместе с Ачьютанандой они пришли в консульство США на шоссе Харрингтона, и там, в самом центре Калькутты, вдруг оказались в маленьком уголке Америки, где все сияло новизной и рациональностью: кондиционеры, охладители воды из нержавеющей стали, двери с электрической сигнализацией, американские флаги и вымпелы военно-морского флота США. Сидя перед секретарем Консульства, Свамиджи выглядел маленьким и очень смиренным.

– Я хочу получить визу, чтобы увидеться со своими учениками в Америке, – тихо сказал он.

– У вас есть какие-нибудь письма? – спросил секретарь.

Ачьютананда вручил ему письма из храмов. Секретарь просмотрел их и быстро выдал Свамиджи четырехмесячную визу. Когда они выходили из здания, Свамиджи обронил:

– Я получу еще какие-нибудь письма, и тогда визу можно будет продлить.

Девятнадцатого октября Свамиджи написал Хаягриве:

Я уже готовлюсь к возвращению в США, и позавчера получил временную визу. После того, как приеду из Навадвипы, я, вероятнее всего, воспользуюсь первой же возможностью вернуться в США.

А двадцать второго октября он написал Умапати:

Ты будешь рад узнать, что я уже получил временную визу в вашу страну и попросил своего тур-агента заказать мне билет на ближайшее возможное число. Я думаю, что к середине ноября уже буду с вами.

* * *

Двадцать четвертого октября Свамиджи, вместе с Ачьютанандой и Рамануджей, выехал в Навадвипу. Дорога на пригородном поезде заняла четыре часа, цветущая бенгальская провинция километр за километром раскрывала свою райскую красоту, и здоровье Свамиджи как будто улучшалось просто от приятного путешествия. К моменту прибытия в Навадвипу Ачьютананда и Рамануджа тоже почувствовали себя отдохнувшими от калькуттской суеты; впервые за последние несколько недель глаза им не заливал пот.

На вокзале Навадвипы Свамиджи встречала киртаном большая группа брахмачари, почти все – из Девананда-Гаудия-Матха Кешавы Махараджа. Все брахмачари были очень аккуратно одеты, все – в шафрановых одеждах совершенно одинакового оттенка, на лицах отчетливо выделялись ровные тилаки, а свежевыбритые головы с тщательно завязанными шикхами просто

сияли. Они предложили Бхактиведанте Свами и его спутникам гирлянды из ароматных, похожих на лотосы цветов и с благоговейным восторгом столпились вокруг них. Среди встречающих были и ученики Шридхары Махараджа, которые ждали с рикшами, чтобы отвезти Бхактиведанту Свами и его учеников в ашрам своего гуру. Между двумя группами было негласное соперничество за честь принять гостя, но Свамиджи уже пообещал Шридхару Махараджу, что посетит его ашрам. А членам Девананда-Матха он сказал, что посетит их сразу после визита в ашрам Шридхары Махараджа.

Выехав с вокзала, рикши вскоре повернули на шоссе, утопающее в буйной тропической растительности: банановые деревья, высокий бамбук. По обеим сторонам дороги росли экзотические цветы. Свамиджи увидел простых деревенских жителей, работающих рядом со своими глинобитными хижинами, а в отдалении – шпиль храма Шридхары Махараджа.

У внешних ворот ашрама Свами Бхактиведанту приветствовала группа санкиртаны, поющая «Харе Кришна» в сопровождении каратал и мриданг. Свамиджи вошел в храм, почтительно поклонился Божествам Радхи и Кришны, а затем пошел проведать своего духовного брата.

Шридхара Махарадж был очень стар, почти слеп и скован артритом. Большую часть времени он проводил в своей комнате или на веранде, двигаясь медленно и неуверенно. Это был аскетичный и добрый вайшнав. Глядя на Свамиджи и его учеников, он сердечно улыбался. На беглом английском он начал прославлять проповедь Бхактиведанты Свами в Америке, постоянно употребляя его выражение «сознание Кришны». Труд Свамиджи, сказал он, является исполнением пророчества Господа Чайтаньи о том, что в один прекрасный день сознание Кришны распространится по всему миру. Он смеялся, улыбался и хвалил Движение сознания Кришны, и в его словах не было даже и тени зависти.

– Итак, вам нравится выражение «сознание Кришны», – улыбнулся Свамиджи.

– Да, – ответил Шридхара Махарадж, – и ученикам Свами Махараджа тоже.

Он повернулся в сторону Аччютананды и Рамануджи:

– Вам достаточно приложить небольшие усилия, и ваша проповедь пойдет очень далеко.

Юноши были изумлены. Обо всем этом стоило написать домой: они сидят на крыше храма, среди тропического рая, со старым Шридхарой Махараджем, который превозносит миссию Свамиджи как величайший труд во имя Господа Чайтаньи, а рядом сидит он сам, расслабленный, улыбается, и смиренно отвечает на вопросы. Это было кульминацией всего путешествия.

Мой дорогой Сатсварупа!

Пожалуйста, прими мои благословения. Я уже получил приглашение из Гарвардского университета. Из него ясно, что они ожидают моего прибытия двадцатого ноября с шести до десяти часов вечера. Я могу приехать сразу же, как только позволит моя временная виза, но сейчас я жду ответа от Мукунды – чем окончились его попытки добиться для меня постоянной визы. Вчера все мы ездили в Навадвипу, в храм, который был основан одним из моих духовных братьев. Тут очень хорошо и просторно. Мой духовный брат, Б. Р. Шридхар Махарадж, предоставил в наше распоряжение прекрасный дом. Он согласился сотрудничать с нашим Обществом. Завтра мы будем проводить церемонию по случаю его дня рождения, и наши брахмачари смогут научиться тому, как правильно отмечать день рождения духовного учителя.

Вьяса-пуджа, празднование дня рождения Б.Р. Шридхары Махараджа выпала на двадцать седьмое октября. Его ученики установили на храмовой дороге пандал, а на саму церемонию пришло около сотни человек. Шридхара Махарадж сидел на вьясасане, а Бхактиведанта Свами и другие санньяси – все в цветочных гирляндах – на стульях рядом с ним. Бхактиведанта Свами говорил на бенгали. Некоторые из учеников Шридхары Махараджа, вдохновленные словами Бхактиведанты Свами о славе распространения сознания Кришны на Западе, произносили свои хвалебные речи в честь духовного учителя на английском. Шридхара Махарадж прочел (также на английском), очень глубокую, научную лекцию о сознании Кришны и чувствах. После лекции Бхактиведанта Свами сказал своим ученикам:

– У него огромный духовный опыт, но он держит его при себе.

Каждое утро перед восходом солнца Шридхара Махарадж посылал группу брахмачари проводить в окрестных деревнях киртаны. По просьбе Свамиджи Аччютананда и Рамануджа тоже присоединились к ним, и теперь уходили из храма до восхода солнца и возвращались уже затемно. Бхактиведанта Свами и Шридхара Махарадж обычно оставались в храме, но в один из дней они сели на рикшу и вместе с поющими учениками прошли по улицам Навадвипы.

Праздник в Девананда Матхе был большим событием. В отличие от ашрама Бхактишаранги Госвами в Калькутте, который посещали одни только вдовы, в Девананда-Матхе Б.П. Кешавы Махараджа было около двухсот брахмачари и двадцать санньяси. Однако некоторые брахмачари не жили там постоянно, поскольку ходили еще и в обычную школу. Поэтому атмосфера ашрама немного напоминала клуб. Однако, когда начался киртан и обход храма, в них приняли участие семьсот человек. Санньяси, безукоризненно одетые, у которых все элементы одежды, включая обернутые в ткань данды, были абсолютно однотонного шафранового цвета – ходили перед Божествами в танце взад и вперед. Около десяти санньяси танцевали вместе, и данды их, к восторгу брахмачари, одновременно вздымались вверх и опускались, раскачиваясь туда-сюда.

Свамиджи вместе с другими старшими преданными сидел на сцене и, так же, как и они, обращался к собравшейся аудитории. По его просьбе Аччютананда сказал несколько слов на бенгали, чем вызвал смех и аплодисменты. Шридхара Махарадж произнес очень серьезную речь на бенгали. Один санньяси из Девананда-Матха говорил от лица отсутствующего Б.П. Кешавы Махараджа. В восторженных выражениях он объявил, что хотя распространение движения Шри Чайтаньи Махапрабху по всему миру было предсказано уже давно, никто не знал, как это может осуществиться. А теперь это произошло – и всё благодаря Бхактиведанте Свами.

Вечером, после грандиозного пира, Бхактиведанта Свами вернулся в ашрам Шридхары Махараджа. Шридхара Махарадж заметил вскользь, что Девананда-Матх делает упор на количество, тогда как его ашрам стремится к качеству. Не очень понимая, что это значит, Аччютананда хотел было спросить об этом у Свамиджи, но решил подождать более удобного момента.

Проведя в Навадвипе девять дней, Свамиджи решил, что пора возвращаться в Калькутту – готовиться в обратный путь, в Соединенные Штаты. Он и двое учеников на рикшах добрались до Навадвипы и сели на утренний поезд до Калькутты.

В поезде Аччютананда робко задал вопрос, который не давал ему покоя:

– Свамиджи, о чем вы говорили со Шридхарой Махараджем?

– О, о многом, – отозвался Свамиджи. – Но если я скажу тебе, ты упадешь в обморок.

Помолчав немного, Свамиджи добавил:

– И все же... Я предложил ему стать президентом нашего Общества. Я знал, что он не согласится. Он все держит при себе. Так или иначе, тебе этого не понять. Не питай неприязни ни к кому из моих духовных братьев. Все они великие души. Просто есть определенные различия, касающиеся проповеди. Даже в мыслях не допускай недобрых чувств по отношению к ним. И в то же время, не общайся с ними слишком тесно.

Аччютананда предположил:

– Может быть, если бы эти двое санньяси объединились и позаимствовали один у другого качества ...

– Да-да, – сказал Свамиджи, – я вижу, ты меня понял.

* * *

Бхактиведанта Свами ехал в Калькутту только для того, чтобы подготовиться к отъезду в Америку. У него уже была временная виза, но он полагал, что если еще немного задержится в Индии, Мукунда в Сан-Франциско сможет добиться для него постоянного вида на жительство. Последние дни перед отъездом Свамиджи решил провести в доме своей сестры. Прошло немного времени, и вдруг он почувствовал, что Божества Радха-Говинды – Божества, которым он поклонялся еще в детстве – его зовут.

Когда Прабхупада был совсем еще маленьким, его и Субуддхи Малика, его двоюродного брата, слуга привозил в коляске во двор храма Радха-Говинды и подносил к алтарю, а как только Абхай научился ходить, его отец каждый день за руку подводил его к Божествам. Иногда Абхай приходил один и часами простаивал перед Божествами, глядя на Радху и Кришну, которые стояли перед ним во всей Своей красе: с миндалевидными глазами, роскошно одетые и украшенные. Желая доставить Им удовольствие, он, начиная с пятилетнего возраста, несколько лет подряд проводил праздники Ратха-ятры.

Всего две недели тому назад, когда Свамиджи останавливался в доме сестры, здоровье не позволило ему поехать на север Калькутты, чтобы посмотреть на Божества, поэтому в Навадвипу он отправился без Их благословения. Но сейчас, хотя он все еще был слаб и очень занят подготовкой к путешествию в США, он чувствовал, что Божества его зовут.

В течение последних ста пятидесяти лет храм Радха-Говинды поддерживали благородные Маллики – одна из ветвей рода, к которому принадлежал и сам Бхактиведанта Свами. Маллики владели целым кварталом на Харрисон-роуд (ныне шоссе Махатмы Ганди), и деньги, которые они получали от сдачи внаем здания, протянувшегося на целый квартал напротив храма, шли на поддержание пышного поклонения Радха-Говинде. В те дни Божествам поклонялись на великолепном алтаре, в огромном зале для киртанов, одеты Они были в шелка и украшены позолоченными коронами, усыпанными драгоценными камнями, и ожерельями.

В храм ходили все благочестивые вайшнавские семьи, жившие по соседству, а на Джанмаштами, день явления Кришны, приходили даже английские леди и джентльмены.

Но сейчас у Малликов остались лишь жалкие остатки произведений европейского искусства, да мебель, которой когда-то были обставлены их дома и храм – реликвии минувшей эпохи знатности и богатства. А храм Радха-Говинды пришел в запустение.

Свамиджи было больно смотреть на такое пренебрежение к Господу. Радха и Говинда уже не были центром жизни семьи Малликов. Поклонение Им по-прежнему продолжалось – его за деньги совершали профессиональные священники, – но навещали Радха-Говинду лишь редкие посетители. Всеобщее же внимание было приковано к золотому изображению богини Кали, стоявшему на большом алтаре в зале для киртанов. А Радху и Говинду, которые для многих поколений Малликов были членами семьи, отправили в одну из верхних комнат домовладения. Их одеяния потеряли блеск, а драгоценные короны и украшения исчезли. И никто уже не проводил для Них больших киртанов, как раньше, – лишь по утрам приходил нанятый за деньги брахман, чтобы под молчаливым наблюдением одной-двух вдов провести пуджу: натереть тела Божеств сандаловой пастой, аккуратно одеть Их в те простые одежды, что у Них еще остались, и повесить Им на шею гирлянды из жасмина.

Сознание Кришны в Индии умирало, умирало от пренебрежения (по крайней мере, здесь, в Калькутте). А во многих других местах – даже во Вриндаване – господствовала философия майавады, и древние величественные храмы превращались в жилища для голубей, обезьян и собак. Как ни печально было это наблюдать, но это только усилило убежденность Бхактиведанты Свами в необходимости возвращения на плодородную почву Запада. Здесь, в Индии, дух преданности угасал, но на Западе он только разгорался – в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Монреале, Бостоне...

Если чистое сознание Кришны умирает в Индии, почему бы не пересадить его в благодатную землю западных стран? Там оно расцветет. Оно распространится по всему миру и вновь вернется на родину. Когда Индия, во всем подражающая Западу, увидит, как процветающие американцы принимают сознание Кришны, она по-новому оценит свою древнюю культуру.

Бхактиведанта Свами был свидетелем того, как в Соединенных Штатах начинается революция сознания Кришны. Он не считал себя ее творцом; он был слугой Кришны. Господь Чайтанья хотел, чтобы каждый индеец участвовал в распространении сознания Кришны по всему миру. К сожалению, стихи Писаний, предрекающие появление всемирного Движения сознания Кришны, ставили в тупик даже большинство духовных братьев Бхактиведанты Свами. И они этого не скрывали.

Но скоро они увидят. Запад таит в себе огромный потенциал. Многим своим духовным братьям Бхактиведанта Свами показывал газетные статьи – «Паства Свами», поющая в Томпкинс-сквере, «Древний транс-танец» в Стэнфордском университете – и нескольких учеников привез с собой. И это было только начало. Впереди ждала большая работа.

Кто же будет помогать? Б.П. Кешава Махараджа умирал. Шридхара Махараджа не мог путешествовать. Кто еще? Большинство его сограждан были имерсоналистами, йогами или почитателями полубогов. Стоя перед Божествами Радха-Говинды и рассказывая Аччютананде и Раманудже о том, как он поклонялся Им в детстве и как Они первыми вдохновляли его на пути сознания Кришны, Бхактиведанта Свами глубоко осознал, что должен донести сознание Кришны до всего мира – пусть даже в одиночку. Разумеется, он был не один: его окружали ученики, и даже в его отсутствие они открывали новые центры. Вскоре он должен будет вернуться к ним и снова следить за развитием своего Движения.

Маллики относились к Бхактиведанте Свами скорее как к родственнику, чем как к духовному учителю. Для них он был просто «своим», земляком, добившимся какого-то успеха в Америке. Его друг детства, Нарендранатх Маллик, называл его Дада – «брат», и постоянно с ним шутил. Свамиджи и двум его последователям на время их пребывания в Калькутте Маллики с

радостью предоставили большую комнату на территории храма. Как обычно, Свамиджи постелил на пол циновку, поставил маленький столик, на котором он писал, а рядом разложил свое нехитрое имущество. В этой обстановке он мог изучать и писать книги, принимать гостей и отдыхать. Каждый день местные женщины приносили Свамиджи и его ученикам простой прасад.

Праздник Кали-пуджа привлекал в большой зал (где стояло божество Кали) огромные толпы людей, и Свамиджи регулярно читал там лекции по «Шримад-Бхагаватам». Кроме того, он выступал в домах разных семей рода Малликов. Хозяева, представители вымирающей бенгальской аристократии, предлагали Свамиджи и его ученикам прасад от Радха-Говинды: нарезанные фрукты, каштаны, протертый имбирь и бобы мунг, вымоченные в соленой воде.

Большинство из тех, кто приходил к Бхактиведанте Свами, не проявляли большого интереса к духовной жизни, но все хотели его благословений. Пришел один местный брахман, который зарабатывал тем, что ходил от лавки к лавке с несколькими цветками, чашкой воды и латунным сосудом, в котором держал сандаловую пасту и порошок кункумы. Пользуясь этими предметами, он каждый день раздавал владельцам магазинов благословения и получал за это несколько пайс. Зная, что Бхактиведанта Свами вайшнав, брахман пришел к нему, чтобы получить духовное благословение. Его лоб был украшен вайшнавской тилакой (двумя вертикальными линиями), а заодно и тилакой шиваитов (триемя горизонтальными линиями). После того, как он ушел, Аччютананда спросил:

– Свамиджи, кто это?

– Брахман, который делает свою работу за деньги – ответил Свамиджи. – Подходя к вайшнавам, он раздает им благословения, а, подходя к шиваитам, получает деньги. Он должен зарабатывать на жизнь.

Приходил другой человек, который заявил, что хочет обучить учеников Свамиджи хинди. Он попросил Свамиджи помочь ему добраться до Америки, но тот ответил:

– Ты должен принять санньясу. Тогда я возьму тебя в Америку.

После двух визитов этот человек исчез.

Однажды пришел кто-то из родственников Малликов – маленький, лысый человек с ясными глазами. Он принес с собой книгу, озаглавленную «Интересные исследования». Он задавал философские вопросы – простые вопросы о карме, гьяне и бхакти – но, не давая Свамиджи договорить, отвечал на них сам. В конце концов, когда он задал очередной вопрос, Свамиджи спросил:

– А каково ваше мнение на этот счет?

Посетитель дал общий ответ. Но когда Свамиджи начал объяснять, что Господь Кришна, рассказчик «Бхагавад-гиты» – это Верховная Божественная Личность, гость прервал его:

– Вы можете называть Бога Кришной, называйте Его Шивой, называйте Его...

– Нет, – сказал Свамиджи. – Кришна – это Верховный Господь, а все остальные – полубоги.

Гость занервничал и процитировал известного бенгальского имперсоналиста, учившего, что все боги и методы поклонения – суть одно и то же.

– Он выскочка, – сказал Свамиджи. – «Гита» учит другому. Что это за очередное учение? Суший бред.

– Если вы будете продолжать в том же духе, – рассерженно сказал индус, – я вынужден буду уйти. Пожалуйста, не критикуйте этого парамахамсу.

– Почему нет? – сказал Свамиджи. – Он выдумщик.

Индус поднялся и направился к выходу.

– Вы не знаете Кришну, – крикнул он и вышел из комнаты.

Свамиджи повернулся к Аччютананде и Раманудже и улыбнулся:

– Всякий раз, когда пытаешься рассказать им о Кришне, они возмущаются: «Почему только Кришна»? Но ведь это именно то, о чем говорит Он Сам. Маттах паратарам нанйат: «Нет истины превыше Меня». Эти негодяи имперсоналисты развалили Бенгалию.

Однажды какой-то гость дал Свамиджи пожертвование в двести рупий, и Свамиджи тут же попросил у пуджари старый комплект одежды Радхи и Говинды, и вместе с двумя сотнями рупий отдал их нескольким женщинам из храма, попросив их сделать для Радха-Говинды одежды расшитые золотом.

– Радха и Говинда заботятся о нас, – сказал он. – Вот и мы позаботимся о Них.

У Рамануджи была огромная борода. Он выглядел как обычный хиппи и поэтому везде, где появлялся, создавал неправильное представление о своем духовном учителе. Свамиджи сказал Аччютананде:

– Попроси своего друга побриться.

Аччютананда поговорил с Рамануджей, но тот не послушался.

Желая, чтобы его ученик сам пришел к решению сбрить бороду, Свамиджи не стал его больше ни о чем просить, но когда из Штатов пришел последний номер журнала «Назад к Богу», Свамиджи осенила идея. Две иллюстрации в журнале изображали, как Харидас Тхакур проповедует проститутке. Став преданной, проститутка обрила свою голову. Показав обе картинки Раманудже, Свамиджи спросил:

– Чем эта отличается от той?

– Не знаю, Свамиджи, – ответил тот.

– Нет, – сказал Свамиджи, снова указав на изображения. – Что изменилось на этой картинке?

– Девушка стала преданной.

– Да, – сказал Свамиджи, – а еще?

– А, она обрила голову!

– Да, – улыбнулся Свамиджи. – У преданных голова обрита.

– Вы хотите, чтобы я тоже обрил голову?

– Да.

Рамануджа побрился. Но через несколько дней снова начал отращивать волосы и бороду.

– Отныне, – сказал Свамиджи Аччютананде, – никаких легких посвящений. Они должны хоть что-то знать.

Рамануджа упорствовал. Свамиджи хотел, чтобы оба ученика после его отъезда остались в Индии и продолжали попытки основать во Вриндаване Американский Дом. Рамануджа написал о своих впечатлениях своему другу Мукунде в Сан-Франциско:

Пожалуйста, не сомневайся – мы делаем все возможное, чтобы отправить его [Бхактиведанту Свами] в Америку в ближайшее время, но это дурацкое индийское правительство постоянно чинит нам препятствия. Человек, который должен был выдать Свамиджи «пи-форму», разрешение на выезд от государственного банка, недавно утонул, поэтому это разрешение придется получать в Бомбее. Отъезд задержится. Здесь, в Калькутте, нам не приходится скучать – мы встречаемся с самыми разными людьми. Свамиджи заставляет Аччютананду и меня выступать с короткими речами. Я приобретаю в этом деле все больше и больше опыта. Думаю, он просит нас говорить, чтобы доказать аудитории, что мы, американцы, – настоящие вайшнав. И еще он хочет, чтобы каждый проповедовал сознание Кришны... Здесь очень трудно должным образом заботиться о здоровье Свамиджи. Взять хотя бы то, что в Индии каждый считает своим долгом угостить вас сладостями, а отказываться невежливо. Кроме того, нет отбоя от посетителей. Нет никакой возможности лечь спать раньше одиннадцати, а Свамиджи просыпается в три – у него срабатывает внутренний будильник. В этом отношении люди здесь очень невнимательны. Но если я или Аччютананда просим их уйти, они спрашивают у Свамиджи, нужно ли им уходить, и Свамиджи, естественно, говорит «нет». Его пульс по-прежнему учащен и иногда настолько, что это нас тревожит. Я советую тебе подыскать хорошего кардиолога, чтобы тот посмотрел Свамиджи... Пожалуйста, найди такого врача и прежде всего позаботься, чтобы Свамиджи мог побольше отдыхать. Слишком сильно ограничивать количество посетителей не стоит, потому что мы заметили, что, если подбирается хорошая компания, общением доставляет Свамиджи огромное удовольствие. Пожалуйста, сделай все возможное, чтобы снова привести в норму его пульс. Его колесница нуждается в ремонте, чтобы он мог оставаться на этой земле еще хотя бы с десяток лет.

* * *

Узнав о том, что Свамиджи собирается вернуться, преданные из разных городов Америки стали все более и более настойчиво просить его приехать в первую очередь в их город. Четвертого ноября Свамиджи написал Мукунде: «Ты говоришь, что мое отсутствие ощущается сейчас сильнее, чем когда бы то ни было, и я тоже считаю, что должен выехать немедленно». Жене Мукунды, Джанаки, он писал: «Каждую минуту я думаю о вас, и, поскольку вы попросили меня по возвращении из Индии приехать в Сан-Франциско, я постараюсь исполнить свое обещание. Я

думаю приехать сразу в Сан-Франциско». Под этим же письмом Ачьютананда внизу сделал приписку, сообщая о состоянии здоровья Свамиджи:

Свамиджи выглядит здоровым, он живет и работает по режиму, однако пульс у него продолжает оставаться учащенным. Вчера вечером он доходил до 95 ударов в минуту – это слишком много даже для него, потому что обычно его пульс колеблется между 83 и 86.

Свамиджи решил больше не ждать, пока Мукунда получит для него вид на жительство в США.

– Я хочу вернуться в вашу страну – туда, где чистый воздух и чистая вода, – сказал он Ачьютананде. – Каждый день я получаю письма от преданных, которые хотят, чтобы я вернулся в Америку. Я думал, что в мое отсутствие они могут сбиться с пути, и даже не хотел ехать в Индию. Но теперь я вижу, что движение сознания Кришны день ото дня ширится. Мне необходимо быть там и самому следить за его развитием. Поэтому я хочу вернуться в Америку.

Единственным препятствием была задержка с «пи-формой» – разрешением от Банка Индии, без которого индийский гражданин не мог выехать за границу.

Я готов вылететь в Америку, но как вы знаете, наше правительство очень нерасторопно. Хотя прошение о выдаче мне «пи-формы» было подано уже почти месяц назад, бюрократическая волокита продолжается до сих пор. Чтобы получить визу, мне потребовалось полчаса. Деньги, которые я провожу, были переведены в течении двух дней, но к сожалению, Сберегательный банк Индии без необходимости тянет резину. Я жду, что «пи-форма» будет выдана мне с минуты на минуту, и как только это произойдет, я отправлюсь в вашу страну.

Ожидая, что Свамиджи сначала посетит Сан-Франциско, Мукунда для верности послал в Калькутту телеграмму: «СВАМИДЖИ. БРАХМАНАНДА И Я СОГЛАСНЫ, ЧТОБЫ ВЫ ВЫЕЗЖАЛИ НЕМЕДЛЕННО. СООБЩИТЕ ДАТУ ПРИЕЗДА. МУКУНДА».

Свамиджи решил лететь через Токио, где он собирался на один день остановиться, чтобы узнать, «есть ли возможность открыть там центр». Из Токио он хотел позвонить Мукунде, чтобы сообщить ему точное время своего прилета в Сан-Франциско, но прошло еще три недели, а Свамиджи все еще ждал свою «пи-форму».

Тем временем из Нью-Йорка пришли хорошие новости. Компания «Макмиллан» серьезно заинтересовалась «Бхагавад-гитой», и контракт уже был в стадии разработки. Довольный Брахманандой, одиннадцатого ноября Свамиджи написал ему письмо, в котором поделился с ним своими планами распространения книг о сознании Кришны.

Если у нас будут книги, мы сможем, из одного лишь центра в Нью-Йорке или Сан-Франциско распространить наше движение по всему миру. Поэтому мы должны направить все усилия на издание «Назад к Богу» и таких ведических произведений, как «Шримад-Бхагаватам», «Чайтанья-чаритамрита» и т.д....

Чем больше Свамиджи думал о проповеднической деятельности, которая ожидала его в Америке, тем яснее видел, что он сделал до сих пор, что должен сделать еще и как это можно сделать.

Я не согласен с м-ром Альтманом в том, что мы развиваемся очень медленно. Вы знаете, что я основал наш центр на Второй авеню, 26 в одиночку. Я шел на риск, снимая помещение за двести долларов в месяц. В то время мне никто не помогал. Мукунда тогда был другом, на нем не лежала ответственность за поддержание центра. Со временем присоединились Киртанананда и Хаягрива, но и они не брали на себя ответственности. Но я поддерживал это начинание, завися лишь от Кришны, и Кришна послал мне все – и людей, и деньги. Подобно этому, если какая-нибудь искренняя душа откроет центр в любой части мира, Кришна во всем будет ей помогать. Никто не может проповедовать сознание Кришны, не будучи уполномочен Им Самим. Здесь не помогут ни образование, ни финансовые возможности – лишь чистота цели всегда помогает нам. Поэтому я хочу, чтобы ты [Брахмананда] оставался ответственным за центр в Нью-Йорке, Сатсварупа пусть отвечает за Бостон, Мукунда – за Сан-Франциско, а Джанардан – за Монреаль. Нандарани и Даянанда пусть возьмут на себя Лос-Анджелес, а Субал-дас – Санта-Фе. Таким образом все вы последуете моему примеру, тому, как я начинал на Второй авеню – когда и проповедь, и приготовление пищи, и литературная работа, и беседы с людьми, и пение – все лежит на одном человеке. Я никогда не стремился к большой аудитории. Я готов был петь даже если никто не приходил меня слушать. В основе пения мантры лежит принцип прославления Господа, а не привлечения толпы. Если Кришна услышит и Ему понравится, Он попросит собраться в этом месте каких-нибудь искренних преданных. Поэтому я и говорю, что можно открыть тысячи

центров, если найти для каждого из них по одной искренней душе. Больше людей, чтобы начать, нам не потребуется. Если есть одна искренняя душа, этого достаточно, чтобы заложить новый центр.

Двенадцатого ноября Бхактиведанта Свами написал Кришна-деви:

Скоро я приезжаю в Сан-Франциско. Я сообщу тебе точную дату приезда на следующей неделе. Я приеду очень скоро, чтобы увидеть вас, когда все будет готово. Надеюсь, что у тебя все хорошо.

Продолжали поступать сведения Ачьютананды о его здоровье:

Пожалуйста, передайте всем преданным на местах, чтобы хорошо о нем заботились. Его очень трудно удержать – он постоянно перенапрягается, но преданные должны строго за этим следить. Он до сих пор вынужден пить лекарства и принимать ежедневный массаж.

Двадцатого ноября Бхактиведанта Свами отправил морем в Нью-Йорк более восьмисот экземпляров первых томов «Шримад-Бхагаватам». На следующий день он, наконец, получил свою «пи-форму», и тут же забронировал билет на рейс авиакомпании «Пан-Америкэн». Он послал телеграмму Мукунде, что прилетает в Сан-Франциско двадцать четвертого ноября в 12:45.

Но отлет снова был отложен – на этот раз из-за забастовки, устроенной в Калькутте коммунистами. Люди не вышли на работу, автомобили, автобусы, рикши и поезда стояли, и то тут, то там вспыхивали беспорядки. По городу прокатилась волна убийств – и политических, и самых обычных. Все это время Свамиджи находился в храме Радха-Говинды.

Мое возвращение в вашу страну решено. Но из-за мелкой революции в Калькутте я пока не могу вылететь... Наши сан-францисские друзья, наверное, беспокоятся – я послал им две телеграммы, в одной сообщая о своем прилете, а в другой – о его отмене. Посмотрим, что будет дальше.

Прошло еще две недели. Сидя в своей комнате в ожидании окончания забастовки, Свамиджи получил письмо от Умапати – одного из тех преданных, который в сентябре 1966 года в Нью-Йорке в числе первых получил посвящение. Умапати вот уже полгода как бросил сознание Кришны, но теперь писал, что возвращается. Свамиджи ответил:

Мой долг – дать вам то, что нужно, и сделать это с должной серьезностью, а долг того, кто получает – действовать в соответствии с установленными духовными правилами. Когда ты покинул нас, я просто молился Кришне о твоём возвращении, поскольку таков мой долг. Я несу ответственность за возвращение к Кришне, в родной дом, всякой доброй души, которая обращается ко мне за духовным просветлением. Из-за сильного давления со стороны майи ученик может неправильно понять духовного учителя, но истинный духовный учитель никогда не отпускает ученика, однажды принятого им. Когда ученик неверно понимает духовного учителя, тот сожалеет о том, что не в состоянии защитить ученика, и сожалеет порой до слез. Я сам убедился в этом, когда еще был жив мой Гуру Махараджа. Один из его учеников принял санньясу, но в один прекрасный день пришла жена и силой увела его домой. Мой Гуру Махараджа очень сокрушался, и со слезами на глазах говорил, что не смог спасти эту душу. Поэтому мы должны всегда быть бдительными перед атаками майи, и единственное средство спасения – это повторение «Харе Кришна» без оскорблений.

Получив известия о ссоре в лос-анджелесском храме, Свамиджи написал Нандарани:

Я знаю, что в Лос-Анджелесе срочно требуется мое присутствие. Для этого сделано все возможное, и лишь обстоятельства не позволяют мне вылететь немедленно. Поэтому, пожалуйста, не беспокойтесь. Я приеду к вам в ближайшие две недели.

В конце первой недели декабря забастовка кончилась, и Бхактиведанта Свами снова забронировал билет на самолет.

Вы будете рады услышать, что я уже приобрел билет до Нью-Йорка через Токио и Сан-Франциско. Я вылетаю завтра утром в девять тридцать. Остановки – в Бангкоке и Гонконге. К вечеру буду в Токио. Сутки я пробуду там и четырнадцатого вечером вылечу в Сан-Франциско. В Сан-Франциско я прилечу в тот же день (четырнадцатого), в двенадцать сорок пять дня рейсом №846 компании «Пан-Америкэн». Вчера я послал телеграмму с этими сведениями и надеюсь благополучно и без опозданий добраться до места. Я так рад, что вы с Сатьябхамой стараетесь опубликовать «Учение Господа Чайтаньи»! Вы даже не представляете, как я рад услышать эту новость. Когда публикуется новая книга, я чувствую, будто завоевал империю. Поэтому старайтесь издавать как можно больше книг. Это поднимет престиж нашего общества и сделает его еще прекраснее. Имперсоналисты не могут сказать ничего существенного, но у них есть

деньги, и благодаря изданию огромного количества никуда не годной литературы, они обрели дешевую популярность. Можете себе представить, насколько могущественнее станет наше Общество, когда мы издадим в таких же количествах серьезные книги. Мы должны печатать книги не только на английском языке, но и на других, таких как французский и немецкий.

Когда, наконец, наступил день отлета, Свамиджи дал последние наставления Аччютананде и Раманудже.

– Молись Господу Кришне, чтобы я смог поехать в Америку, – попросил он Аччютананду.

– Как я могу? Ведь вы покинете меня.

– Нет, – возразил Свамиджи, – если ты будешь помнить мои наставления, мы всегда будем вместе. Проповедуя, ты станешь сильнее и сможешь глубже понять то, чему я тебя учил. Стоит нам перестать проповедовать, как все потускнеет и утратит жизнь. Даже здесь, в Индии, люди думают, что знают все, но на самом деле это далеко не так. Слушать о Кришне можно бесконечно. Бог безграничен. Так что никто не вправе заявлять: «Я знаю о Боге все». Тот, кто говорит, что знает о Боге все, на самом деле не знает ничего. Поэтому люди будут слушать тебя. Ничего не бойся.

Аччютананда: В аэропорту я попрощался со Свамиджи и предложил ему поклоны, а когда вернулся, то почувствовал пустоту. Я чувствовал себя очень одиноким и слабым. Я вернулся в свою комнату, где стояли Шри Шри Радха-Говинда и, читая на четках мантру, стал расхаживать взад и вперед. «Что же я буду проповедовать?» Подо мной мелькали черно-белые мраморные плиты пола, я наступал на трещины, и между трещинами, и на белый квадрат, и на черный, и так снова и снова. Затем я понял, что не вижу Радха-Кришну. Тогда я сел на пол прямо перед Радхой и Говиндой и стал смотреть на Их сияющие фигуры и глаза мои наполнились слезами.

* * *

Весь день, что Бхактиведанта Свами провел в Токио, ушел в основном на то, чтобы доехать до отеля, зарегистрироваться, принять душ, отдохнуть, поесть и на следующий день снова вернуться в аэропорт, чтобы вылететь в Сан-Франциско. Но он, тем не менее, успел переговорить с государственным секретарем, объяснив ему, что сознание Кришны является универсальной вселенской философией, оживляющей изначальное вечное сознание личности, и что человечество крайне в нем нуждается. Однако, секретарь высказал уверенность, что японское правительство не станет помогать религиозному движению.

Бхактиведанта Свами был раздосадован. Этот образованный на вид человек оказался настолько глуп, что принял Сознание Кришны за очередную секту. Бхактиведанта Свами хотел, чтобы разумные люди попытались понять сознание Кришны, понять, что «Гита» – это истинное знание, духовная наука, лежащая за пределами низшей сферы познания – познания с помощью чувств и ума. Но ему нужно было улетать. Японии придется подождать.

Для пассажиров и экипажа самолета Бхактиведанта Свами был обычным пожилым индийцем, одетым в шафрановые одежды. Сначала стюардессы даже не знали, говорит ли он по-английски, но, когда он попросил у них фруктов, они поняли, что он знает английский, и что это очень добрый и милый господин. Он спокойно сидел, надев очки, и часами, не отрываясь, читал старинную книгу, какое-то индийское Писание, или же в молитве шевелил губами, перебирая пальцами индийские четки в полотняном мешочке. Время от времени он отдыхал, укрывшись пледом и закрыв глаза.

Никто не знал, да и не хотел знать, чем он занимается, никто даже не подозревал, что в Сан-Франциско его с нетерпением ждут горячие молодые сердца и что нью-йоркское издательство «Макмиллан» уже готовится опубликовать его английский перевод «Бхагавад-гиты». Не знали они и того, что у него есть проповеднические центры в двух странах, и он планирует открыть их повсюду в мире. Пока тянулись часы полета, Свамиджи терпеливо сидел на своем месте, читая на четках мантру и думая о Кришне.

После десятичасового перелета самолет приземлился в Сан-Франциско. В потоке других пассажиров Бхактиведанта Свами медленно продвигался к выходу. Еще до того, как он дошел до здания аэровокзала, спускаясь по длинному приставному туннелю, он увидел Говинда-даси и других учеников, которые улыбались и махали ему руками из-за стеклянной стены. Когда он вошел в здание аэропорта и подошел к стеклу, его ученики упали на колени, выражая ему почтение. Когда они подняли головы, он улыбнулся им и продолжил свой путь по коридору, а они

пошли вместе с ним с другой стороны стеклянной перегородки. Вскоре, однако, он потерял их из виду, когда стал спускаться по лестнице, чтобы пройти иммиграционный и таможенный контроль.

Помещение на нижнем этаже, где пассажиры проходили досмотр, тоже было отгорожено стеклом, так что Свамиджи мог видеть, как его с нетерпением ожидают более пятидесяти преданных и друзей. Как только он взглянул в их сторону, они хором прокричали: «Харе Кришна!»

Преданные нашли, что Свамиджи выглядит замечательно. За шесть месяцев, проведенных в Индии, он загорел, помолодел и выглядел еще более неземным. Он улыбался и, приветствуя их, победно поднимал руки. Преданные плакали от счастья.

Стоя в очереди на таможенный досмотр, Свамиджи услышал киртан, который устроили преданные; стекло только отчасти заглушало звук. Таможенники не обращали на пение никакого внимания, хотя связь между ликующими певцами и одетым в шафрановые одежды пассажиром заметить было совсем нетрудно.

Свамиджи ждал в очереди, время от времени поглядывая на поющих учеников. Восемьсот томов книг и несколько ящиков музыкальных инструментов он отправил с почтой, так что с собой у него был только один чемодан, который он предъявил таможеннику для досмотра. Таможенник методично проверил его содержимое: хлопчатобумажные сари для девушек, шелковые гирлянды для Джаганнатхи, караталы, шафрановые дхоти и курты, терка для кокосового ореха и маленькие пузырьки с аюрведическими лекарствами.

– Что в них? – осведомился таможенник.

Пузырьки выглядели подозрительно, и он подозвал другого таможенника. Задержка. Ученики Свамиджи заволновались, видя, как тупоголовые чиновники роются в вещах Свамиджи, открывают плотно закрытые пузырьки, нюхая и проверяя их содержимое.

Таможенники как будто остались довольны. Свамиджи попытался закрыть чемодан, но не смог справиться с молнией. Опять задержка. Сгорая от нетерпения, преданные продолжали петь, наблюдая, как стоявший позади Свамиджи джентльмен помогает ему закрыть чемодан.

Свамиджи прошел к стеклянным дверям. Пение становилось все громче. Как только он шагнул за дверь, какой-то преданный затрубил в раковину, и рев ее разнесся по всему залу. Преданные надели на Свамиджи гирлянды, и, окружив его плотной толпой, со всех сторон протягивали ему цветы. Он утонул в их толпе, как любимый отец тонет в объятиях стосковавшихся по нему детей.

Глава двадцать девятая

Возможностей много, а времени нет

Монреаль

Август 1968 года

Свамиджи в своей комнате разговаривает с учениками:

– Итак, Аннапурна, есть новости?

Аннапурна – юная англичанка. Несколько месяцев назад отец написал ей из Англии, что, если преданные приедут туда, то он, может быть, предоставит в их распоряжение свой дом.

– Новости есть, – ответила она.

– Каковы же наши дальнейшие планы?

Девушка молчала.

– Написал твой отец что-нибудь обнадеживающее?

– Да, он меня поддерживает, но пишет, что не может предоставить нам дом.

Свамиджи был разочарован.

– Ничего не поделаешь. На все воля Кришны. Когда мы идем кому-то проповедовать, мы должны стоять перед ним со сложенными руками и говорить с великим смирением: «Дорогой господин, пожалуйста, примите сознание Кришны».

– Прабхупада, – сказал Прадьюмна, – недавно я читал одну книгу, написанную известным свами-атеистом.

– Мм?

– В конце книги были кое-какие письма, и я их просмотрел...

– Нам нет никакого дела до книг свами-атеиста, – отрезал Свамиджи.

– Его философию я не читал, – оправдывался Прадьюмна. – Мне просто было интересно, какую тактику он избрал для Америки. Он хотел проповедовать в Европе, и у него был богатый покровитель, который за полтора месяца объехал Францию, Англию, Германию, Швейцарию и Голландию, и везде договаривался о проведении лекций. Этот свами в основном так и ездил. У него было один-два влиятельных поклонника, которые все для него устраивали. Они организовывали лекции, и готовили общественное мнение...

– Ну, а ты сможешь делать то же самое? – спросил Свамиджи.

– Я подумал вот о чем: в Лондоне есть Королевское Азиатское Общество. И по-моему, Тхакур Бхактивинода был его членом.

– Но где санга самого Тхакура Бхактивиноды? – спросил Свамиджи.

– Ее, конечно нет, – продолжал Прадьюмна, – но все же можно поискать людей, с которыми вы могли бы завязать переписку. Они, возможно, захотят субсидировать ваше турне.

– Этот свами говорил что-нибудь о Кришне? – спросил Свамиджи.

– Нет.

Бхактиведанта Свами задумался. Остановиться в Англии ему будет негде. Прадьюмна может сколько угодно разглагольствовать о влиятельных представителях, которые едут заранее, чтобы подготовить почву, да только где их искать? Пока есть только одна робкая девушка, которая даже рот боится раскрыть, да ее отец, который не собирается им помогать, да еще Прадьюмна, который читает книги свами-атеиста и толкует о Королевском Азиатском Обществе, – то есть, ничего реального. Но отступать Бхактиведанта Свами не собирался. Недавно он попросил Мукунду и Шьямасундару отправиться в Лондон и попробовать открыть там центр ИСККОН. Они согласились и через несколько дней должны были приехать из Сан-Франциско в Монреаль.

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, духовный учитель Бхактиведанты Свами, хотел, чтобы сознание Кришны распространилось по странам Европы. Еще в тридцатые годы он отправил в Лондон своих самых опытных проповедников-санньяси, но те вернулись с пустыми руками, жалуясь на то, что научить млеччхов сознанию Кришны просто невозможно. У европейцев не хватало терпения даже на то, чтобы высидеть лекцию по вайшнавской философии. Один из санньяси встретился с лордом Шетландом, который с любопытством спросил:

– Свамиджи, а вы можете сделать меня брахманом?

Санньяси заверил лорда Шетланда, что, разумеется, может, но при условии, что тот откажется от мяса, одурманивающих средств, азартных игр и незаконного секса.

– Это невозможно! – воскликнул лорд.

Тот санньяси решил, что точно так же ответят и остальные европейцы, и, заключив, что вайшнавизм никогда не приживётся на Западе, вернулся в Индию. Но Бхактиведанта Свами верил, что его ученики непременно добьются успеха и помогут ему основать центры ИСККОН в Европе, так же как они сделали это в Северной Америке. Безусловно, успех этот несказанно обрадует Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати. Свамиджи рассказал ученикам притчу о человеке, который подобрал на дороге тыкву, а чуть позже нашел палку и струну. Сами по себе эти вещи были бесполезны, но, соединив их вместе, человек сделал вину и заиграл на ней прекрасную музыку. Точно так же, Бхактиведанта Свами, приехав на Запад, обнаружил там отверженных молодых людей, при том, что и сам он в Нью-Йорке тоже никому не был нужен. Но по милости Кришны их союз оказался удачным. Если его ученики сохраняют искренность и будут следовать его указаниям, в Европе их ждет успех.

Три молодые пары – Мукунда и Джанаки, Шьямасундара и Малати (со своей грудной дочкой Сарасвати) и Гуру-даса с Ямуной – приехали в Монреаль, горя желанием отправиться в Лондон. Эти супружеские пары основали храм в Сан-Франциско, где им довелось близко общаться со Свамиджи. Они помогли ему познакомить с киртаном, прасадом и Ратха-ятрой хиппи с Хэйт-Эшбери, а теперь им не терпелось помочь ему начать Движение сознание Кришны в Лондоне.

Прабхупада попросил их пару недель побыть с ним в Монреале, чтобы научиться искусству киртана. Пение «Харе Кришна» – не театральное представление, а выражение преданности, и вести его как следует смогут только чистые преданные, а вовсе не профессиональные музыканты, но, если ученики Бхактиведанты Свами хорошо овладеют техникой, лондонцам будет гораздо легче по достоинству оценить сознание Кришны.

Мысль о том, что его ученики поедут проповедовать в Англию, приводила Свами Бхактиведанту в восторг. Выступая с киртанами, они добьются гораздо большей популярности, чем йоги с их гимнастикой и медитацией на пустоту. Когда стало ясно, что проповедь в Лондоне – не такая уж пустая затея, Прабхупада стал делиться с учениками своими дальнейшими планами. Казалось, у него есть сотни готовых программ, как распространить сознание Кришны по всему миру – были бы только энтузиасты, которые согласятся ему помогать.

На ежедневных репетициях Свамиджи учил преданных петь Харе Кришна и другие песни преданности, сначала медленно, а потом постепенно наращивая темп. Он часто останавливал их и просил начать сначала. Внимательно слушая, как поет Ямуна, он время от времени прерывал ее и поправлял произношение.

Проведя в Монреале две недели, группа проповедников собралась на последнюю встречу со своим духовным учителем. Стремясь исполнить мечту Бхактисиддханты Сарасвати, Свамиджи посылал их в Лондон, чтобы открыть там проповеднический центр. Он рассказал ученикам, что санньяси, которых посылал в Англию Шрила Бхактисиддханты Сарасвати, лишь прочитали несколько лекций в разных местах, сфотографировались на память с лордами и леди, а затем вернулись в Индию. Но Прабхупада хотел, чтобы ученики его смело шли и пели Святое имя, вдохновляя на это других – ведь именно так поступал Господь Чайтанья, когда путешествовал по Южной Индии! «Чайтанья-чаритамрита» говорит, что каждый, кто видел Господа Чайтанью, наполнялся экстазом, начинал петь Святое имя и умолял об этом же других. И когда люди видели его, переполненного счастьем, их сердца также наполняло блаженство, и так волны экстатической любви к Кришне поднимались и расходились по всем сторонам света.

Прабхупада предсказывал, что, услышав как преданные поют «Харе Кришна», лондонцы сами станут преданными и начнут учить других, и сознание Кришны будет расширяться. Требовалось только одно – чтобы пение было чистым, лишенным всяких корыстных мотивов. Прабхупада всех заражал своим энтузиазмом, и с каждым сказанным словом вдохновение все больше и больше наполняло сердца его учеников.

Когда Мукунда спросил у Прабхупады, есть ли у него какие-то конкретные, практические указания, тот в ответ рассказал историю. В юности он как-то видел фильм с участием Чарли Чаплина. Действие происходило на торжественном балу, на открытом воздухе. Неподалеку от танцевальной площадки располагались аллеи со скамейками, на которых сидели и отдыхали

влюбленные парочки. И какие-то озорные мальчишки намазали одну из скамеек клеем. А один молодой человек и его подруга взяли и уселись на эту скамейку.

– Когда этот молодой человек встал, – смеясь рассказывал Свамиджи, – фалды его фрака разорвались.

Не подозревая о том, что произошло, парочка вернулась на бал, но теперь взгляды всех танцующих были прикованы к ним. Не понимая, почему он вдруг оказался объектом всеобщего внимания, молодой человек зашел в комнату для переодевания и в зеркале увидел, что фалды его фрака разорваны. Тогда он разорвал надвое весь фрак, до самого воротника, вернулся к партнерше и закружил ее в бурном танце.

Затем, словно не желая отстать от моды, разорвал свой фрак и другой мужчина и со своей партнершей тоже присоединился к танцу. А после этого, разорвав свои фраки, за ними устремились все танцующие.

К концу истории преданные хохотали как безумные. Постепенно смех утих, и все разошлись. Но только приехав в аэропорт, Мукунда, беседуя со Шьямасундарой, начал понимать, с какой гениальностью ответил Бхактиведанта Свами на его вопрос. Своей смелой, вдохновенной и уверенной проповедью они, несомненно, будут привлекать людей, но, как и в этой комедии, сразу «вольются в танец» не все. Возможно, поначалу на преданных будут смотреть, как на сумасшедших, но несмотря ни на что они будут нести людям сознание Кришны – величайший и редчайший дар, и разумные люди, которые сначала насмеялись над ними, постепенно его оценят.

В отличие от духовных братьев Бхактиведанты Свами, с их «мирной» тактикой, ученики его, следуя наказу духовного учителя, будут действовать совсем иначе – они будут устраивать в Лондоне публичные киртаны; и если духовные братья Бхактиведанты Свами во многом копировали англичан, то сам он хотел, чтобы англичане начали подражать вайшнавам. Чтобы появиться на улицах Лондона с обритой головой и в дхоти, нужна была смелость. Но сама мысль о том, что они будут петь, выполняя наказ Господа Чайтаньи, воодушевляла ребят. Люди последуют за ними – медленно, но верно, ибо такова воля Господа Чайтаньи.

* * *

Визит Бхактиведанты Свами в Монреаль выпал на начало лета 1968 года, шесть месяцев спустя после его возвращения в Америку. Живя в Индии, с июля по декабрь 1967-го он восстанавливал свое здоровье, а четырнадцатого декабря вернулся в Сан-Франциско. Пробыв там несколько недель, Свамиджи отправился в Лос-Анджелес, где небольшая группа его учеников открыла храм, взяв в аренду помещение магазинчика в квартале, где жили негры и испанцы среднего достатка. Магазинчик был пуст, а сам дом стоял на отшибе. Свамиджи пробыл там два месяца: читал лекции и проводил киртаны, давая своим ученикам силы и вселяя в них вдохновение. Шум в голове по-прежнему мешал ему работать, но в теплом, солнечном климате Южной Калифорнии он чувствовал себя превосходно и продолжал переводить «Шримад-Бхагаватам» – надиктовывать его текст на магнитофонные ленты и пересылать их в Бостон, чтобы там их перепечатали на машинке.

Однажды на квартиру к Бхактиведанте Свами пришел корреспондент журнала «Лайф» и взял у него интервью для очередного номера. Статья называлась «Год Гуру».

Вышедшая статья представляла Бхактиведанту Свами и его Движение наряду с другими гуру, и, хотя там была напечатана его большая цветная фотография и приводился положительный отзыв одного репортера о посещении нью-йоркского центра ИСККОН, Свамиджи остался недоволен тем, что его поместили в один ряд с псевдо-гуру, которые учили вымышленным формам йоги и медитации.

В мае, через несколько месяцев после отъезда из Лос-Анджелеса, Прабхупада впервые посетил центр ИСККОН в Бостоне, где несколько его учеников также обосновались в помещении бывшего магазинчика. Он прочитал много лекций в местных университетах, включая Гарвард и Массачусетский технологический институт, где, обратившись к аудитории, состоявшей из студентов и преподавателей, бросил вызов:

– Где в этом университете факультет, на котором преподается наука о различии живого и мертвого тел?

Но, к сожалению, эта фундаментальная наука, наука о живой душе, здесь не преподавалась.

После Бостона Бхактиведанта Свами приехал в Монреаль, и, проведя там три месяца, вылетел в Сизтл, где пробыл почти месяц. Затем он нанес короткий визит в Санта-Фе (штат Нью-

Мексико), где центр ИСККОН располагался в крошечном магазинчике, в одиноко стоящем здании.

Чтобы учить преданных, укреплять их веру и знакомиться с новыми людьми, Прабхупада постоянно путешествовал – из центра в центр, из города в город. На лекции его приходили толпы молодых людей, но Прабхупада видел, что жизнь многих из них уже загублена беспорядочными половыми связями и наркотиками. Все они были «детьми из богатых семей», но теперь стали хиппи, бесцельно слоняющимися по улицам. По милости Кришны, теперь некоторые из них получили шанс спастись.

Еще в Индии Прабхупада не переставал думать о том, как вернется в Америку и продолжит начатое дело. Индийцы, казалось, стремились только к одному – к всевозможным удовольствиям, которыми упивались американцы. Но многие молодые люди, разочаровавшиеся в богатстве своих отцов, вовсе не хотели жить в небоскребах или продолжать отцовское дело. Живя в Нью-Йорке и Сан-Франциско, Прабхупада видел тысячи молодых людей, ищущих альтернативу материализму. Разочарованные в жизни, они вполне были готовы к тому, чтобы воспринять духовное знание.

Его ученики, только-только начинавшие свой духовный путь, ничего не знали о духовной жизни и, зачастую очень мало знали о жизни материальной. Но поскольку они искренне приняли сознание Кришны, Бхактиведанта Свами был убежден, что недостатки не мешают их духовному росту. Красивые от природы, сейчас эти американские юноши и девушки были грязны и угрюмы. Однако мантра «Харе Кришна» постепенно возвращала их к жизни, подобно тому, как дожди возвращают к жизни землю Вриндавана, одевая ее покровом свежей листвы и травы. И, подобно павлинам Вриндавана, которые порой танцуют, охваченные восторгом, преданные, освободившись от оков материи, в экстазе танцуют и поют Святые имена. Когда один корреспондент спросил у Прабхупады, являются ли его ученики хиппи, тот ответил:

– Нет, мы не хиппи. Мы «хэппи» (счастливые).

Прабхупада был не просто лектором или официальным наставником – он был духовным отцом своих учеников. Они считали его своим настоящим отцом, и он видел, что они преданы ему и любят его гораздо больше чем кровные родственники. Эти молодые американцы – «цвет нации», как называл их Прабхупада – удостоились благословения Господа Чайтаньи и несли его своим соотечественникам. Прабхупада говорил своим ученикам, что именно от них зависит спасение их страны. Он дал им метод, но применить его они должны были сами.

Шрила Прабхупада любил своих учеников, а они любили его. Из любви к ним он дарил им величайшее сокровище, а они из любви к нему следовали его наставлениям. В этом и заключается сущность духовной жизни. На почве этой любви будет расти Движение сознания Кришны. Некоторые из его учеников пали, вернувшись к прежнему образу жизни, но Прабхупада искал те искренние души, которые останутся с ним до конца. Это самое главное, говорил он. Одна луна затмевает множество звезд на небосклоне, и, подобно этому, даже горстка искренних преданных может совершить чудеса. Искренние и разумные останутся, и Господь Чайтанья Махапрабху даст им силы исполнить Его желание – принести миру любовь к Кришне. Идя этим путем, преданные достигнут совершенства. Многие ученики чувствовали, что это происходит уже сейчас. Сознание Кришны приносило плоды, потому что они относились к духовной практике искренне, а Прабхупада заботливо и терпеливо ухаживал за ростками любовного служения Кришне, которые он посадил в их сердцах.

Лос-Анджелес

Октябрь 1968 года

Вернувшись из Индии, Прабхупада увидел, что в этом городе преданные живут и поклоняются Богу в престижном месте – на Холливуд-бульвар. Большая группа санкиртаны, организованная его учеником Тамала-Кришной, целыми днями пела на улицах «Харе Кришна» и в невиданных доселе количествах продавала журналы «Назад к Богу» – по двести журналов в день, на сумму более ста долларов.

Но вскоре после приезда Прабхупады владелец здания выгнал преданных. Не имея храма, они разбрелись по всему городу, однако почти каждый вечер собирались в чьем-нибудь гараже, и Прабхупада пел вместе с ними «Харе Кришна» и читал лекцию.

Но потом они взяли в аренду бывшую христианскую церковь на бульваре Ла-Сьенага. Бхактиведанта Свами упорядочил служение Божествам и поднял популярность воскресных пиров любви, и каждую неделю сотни гостей приходили на великолепно организованный праздник с

роскошным пиром. Эти программы в Лос-Анджелесе подсказали Бхактиведанте Свами идею о том, чтобы ввести что-то подобное во всех центрах ИСККОН.

* * *

Прабхупада собирался в Англию. Но сначала ему хотелось посетить ферму в Западной Виргинии недавно организованную его учениками, и теперь хорошо развивающуюся. Кроме того, он обещал преданным из Сан-Франциско в июле побывать у них на Ратха-ятре. И одних только этих поездок с лихвой хватило бы на то, чтобы занять все его время без остатка. Но Прабхупада никогда не забывал и о своих литературных трудах – переводе и комментировании ведических текстов.

В декабре, находясь в Лос-Анджелесе, Прабхупада начал работу над «Нектаром преданности», кратким изложением «Бхакти-расамрита-синдху» Рупы Госвами. «Нектар преданности» должен будет стать для всех его последователей учебным пособием, в котором подробно изложена теория и практика бхакти-йоги. Одновременно с «Нектаром преданности» Прабхупада начал работать над книгой «Кришна – Верховная Божественная Личность» – пересказом Десятой песни «Шримад Бхагаватам». Приходя в храм только по воскресеньям, большую часть времени он проводил в небольшом домике на окраине Беверли-Хиллз, где напряженно работал над этими важными книгами.

Самым грандиозным замыслом Прабхупады было издание шестидесятитомного «Шримад-Бхагаватам». Эту работу он начал в Индии, в 1959 году, и никогда не забывал о том, что пытается воплотить в жизнь этот грандиозный замысел уже на закате лет. Теперь же, когда Кришна дал ему все возможности и для переводов, и для путешествий, работа его шла полным ходом.

Прабхупадой двигало желание духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. А сколько времени у него осталось на осуществление миссии – на то воля Кришны. На все воля Кришны: «Если Кришна хочет убить тебя, никто не сможет тебя спасти; а если Кришна хочет спасти тебя, никто не сможет тебя убить». Но несмотря на то, что Прабхупада всегда пребывал в духовном сознании, неподверженном влиянию старости, он прекрасно понимал, что жить ему осталось не так долго. И все свое время он мечтал о духовном Движении, которое сплотит все народы и культуры, и ради этого Движения он начал гонку со временем.

Шрила Прабхупада сознавал неотложность своей миссии, и это было очень созвучно настроению проповедника-вайшнава, горячо стремящегося всех и каждого занять в любовном служении Кришне. Если сбитые с толку обусловленные души не обретут сознания Кришны, им неизбежно придется расплачиваться за греховную жизнь. И понимание неотложности начатого дела было выражением сострадания Прабхупады. Он хотел спасти закоренелых материалистов, не подозревающих о существовании души – ведь если они проживут свою жизнь в человеческом теле напрасно, им придется страдать миллионы лет, прежде чем они вновь получат шанс пробудить свое сознание Кришны и вернуться к Богу.

Сердечный приступ в 1967 году побудил Прабхупаду действовать быстрее. До приступа он мог позволить себе часами играть на барабанах, работать за двоих, но сейчас Кришна делал ему недвусмысленное предупреждение. Во время сердечного приступа, как сам он признавался, он должен был умереть, но молитва учеников – «Наш учитель еще не закончил свой труд. Пожалуйста, защити его» – спасла его, и Кришна позволил ему остаться. Однажды его сердце уже чуть было не остановилось – на борту «Джаладуты» в 1965 году – но и тогда Кришна спас ему жизнь.

Объем работы, которую предстояло сделать, был неимоверен: имея он в запасе много лет и хорошее здоровье, этого все равно бы не хватило. Бхактиведанта Свами знал, что в будущем многие придут ему на помощь, и Движение сознания Кришны, сплотившись, продолжит борьбу с силами майи ради спасения мира. Это предсказывал Сам Чайтанья Махапрабху, и Прабхупада знал, что так оно и случится. Но задача – заложить основу для осуществления столь масштабного дела – целиком и полностью ложилась на его плечи. И он работал без остановки, зная, что если не построить прочный фундамент, вся миссия может потерпеть крах.

С самых первых дней успеха Бхактиведанты Свами (в Нью-Йорке в 1966 году), Кришна показывал, что возможности распространения сознания Кришны безграничны. Но много ли у него времени? Только Кришна мог ответить на этот вопрос: все зависело от Него. Прабхупада всегда помнил о масштабах своей миссии, как и о том, что время, выделенное ему для ее выполнения, неудержимо стремится к концу.

– Я пожилой человек, – часто говорил он своим ученикам. – Я могу уйти в любую минуту.

* * *

Каждую неделю Прабхупада получал письма из Лондона. Шел декабрь 1968 года – преданные проповедовали там уже четыре месяца, – но храма у них по-прежнему было. Не было даже места, где можно было бы собираться и поклоняться Кришне. Их проповедь сводилась в основном к посещениям семей индусов, где они проводили киртаны и раздавали прасад. Прабхупада поощрял их, но, получив несколько подобных отчетов, пришел к выводу, что эта программа надежд не оправдывает. Преданным не стоит особо надеяться на индусов, сказал он. «Из-за многих лет иностранного владычества они потеряли ориентиры и утратили свою культуру... Я больше надеюсь на проповедь среди европейцев и американцев».

Для преданных его слова были как гром среди ясного неба, но они поняли, что духовный учитель прав. Твердо решив сменить тактику, преданные тут же взялись читать лекции в колледжах и университетах и петь на улицах. Они всю проповедовали англичанам и чувствовали, что находятся на верном пути. Когда Прабхупада получил письмо, где говорилось, что, хотя результаты их проповеди невелики, они «сеют семена», он ответил:

Что касается аналогии с семенами, могу вам сказать, что по этому поводу есть одна бенгальская поговорка – Сабуре Меоя Пхале. Это значит, что таким деревьям, как каштаны, гранаты – или другим фруктовым или ореховым деревьям – требуется долгое время, прежде чем они начнут плодоносить. Что-то, имеющее ценность, приходит к нам только ценой тяжелой борьбы и усилий. Сознание Кришны – ценнейший из всех плодов. Поэтому, чтобы достичь результата, мы должны проявлять терпение и энтузиазм. И тогда, даже если дела складываются не так, как мы хотели бы, нас это не расстроит. В любом случае, ваш добросовестный труд обязательно принесет плоды. Всегда полагайтесь на Кришну и продолжайте действовать с энтузиазмом, терпением и уверенностью.

* * *

Весной и летом 1969 года Бхактиведанта Свами продолжал свои поездки по центрам ИСККОН в Америке. Одну молодую пару из Лос-Анджелеса, Гаурасундару и Говинда-даси, он послал на Гавайи. Они пригласили его навестить их в сезон манго, и в марте он исполнил их просьбу, но, приехав, обнаружил, что манго здесь и не пахнет, а ученики его так толком ничего и не сделали. Оба они устроились на работу, чтобы добыть себе хоть какие-то средства к существованию.

Нью-Йорк,
9 апреля 1969 года.

Прабхупада отправился в Нью-Йорк, колыбель общества сознания Кришны, где его движение росло и развивалось уже около трех лет. Хотя центр этот давно уже встал на ноги, и его книги там всюду распространялись, Прабхупаде все равно приходилось время от времени наведываться туда, чтобы поддержать своих учеников. Его присутствие придавало им решимости и отваги. Семь месяцев они жили и проповедовали без него, но его визиты, – когда он сидел в своей комнате, тепло и сердечно общаясь с ними, – были для них жизненно необходимы. Ничто не могло сравниться с этими душевными встречами.

Много преданных, новых и старых, собралось в квартире Прабхупады на Второй авеню, 26.

– Был тут у меня один журналист из «Вестника Гонолулу», – сказал Прабхупада, – он задавал мне вопросы, а потом написал статью «Свами – маленький человек, но несет великое послание». Так оно и есть, я – маленький. Но мое послание – совсем не маленькое.

Брахмананда показал Прабхупаде глобус со значками, которыми были отмечены центры ИСККОН.

– Недавно открылся еще один, в Северной Каролине, – сказал он.

– Значит, всего их стало пятнадцать? – спросил Прабхупада.

Улыбаясь, он оглядел преданных.

– Я хочу, чтобы каждый из вас основал по центру. Разве это так трудно? Возьмите с собой мридангу. К вам присоединится кто-нибудь еще, он возьмет караталы. Когда я приехал сюда, Брахмананда и Аччютананда танцевали. А после пения «Харе Кришна» сотни людей придут к вам и с удовольствием будут петь и танцевать вместе с вами.

– Это касается и девушек? – спросила Рукмини.

– Какая разница? – ответил Прабхупада. – Кришна не делает различий – женское платье или мужское. Я имею в виду, что женское тело слабее, но в духовной жизни тело значения не имеет. Супруга Господа Нитьянанда, Джахнави-деви, замечательно проповедовала после Его ухода. Прежде всего, вы должны изучить философию. Вы должны уметь отвечать на вопросы. Кришна даст вам разум. Я ведь тоже не был готов отвечать на все эти вопросы, но Кришна дал мне разум.

Пробыв в Нью-Йорке восемь дней, Прабхупада отправился в Буффало. В университете штата Нью-Йорк в Буффало Рупануга вел официальный курс Кришна-йоги, и к нему записалось около шестидесяти студентов, которые регулярно повторяли на четках мантру «Харе Кришна». Там Прабхупада пробыл несколько дней, прочитал несколько лекций и дал посвящение ученикам, после чего отправился в Бостон, чтобы провести еще несколько обрядов посвящения и свадебных церемоний.

Колумбус, штат Огайо. 9 мая 1969 года.

Преданные организовали программу, на которой на сцене университета штата Огайо должны были выступить Прабхупада и Аллен Гинзберг.

С самых первых дней на Нижнем Ист-Сайде Аллен был другом движения сознания Кришны. Вскоре после приезда Прабхупады в Колумбус Аллен приехал к нему, и в течение нескольких часов они говорили о философии. Аллен, как и всегда, был очень дружелюбно расположен к Прабхупаде, но сомневался в том, что сознание Кришны сможет завоевать популярность среди американцев.

– Америка, – сказал он, – нуждается в едином, крупном религиозном движении, которое объединит всех.

– Ну вот вам Кришна – пожалуйста! – ответил Прабхупада. – Всепривлекающий. Вы можете сказать: «Почему я должен принимать именно Кришну?» Но поскольку вас интересует то, что объединит всех, то я и говорю: «Вот вам Кришна». Вас это может озадачить: «Почему именно Кришна?» А я скажу: «А почему нет?» Все, чего вы ждете от Всевышнего или Объединяющего, есть в Кришне.

Аллен сказал, что, если Прабхупада хочет, чтобы движение его стало популярным, то должен исключить из него все сектантские элементы индуизма, такие как одежда, пища и санскрит.

Сознание Кришны, ответил Прабхупада, не сектантская религия, не религия хинду. Господь Чайтанья говорил, что можно повторять любое имя Бога, главное – повторять. Что касается пищи – приемлема любая пища, при условии, что она приготовлена из вегетарианских продуктов. И американцы вовсе не обязаны носить вайшнавскую одежду и брить головы. А мантра «Харе Кришна» вполне понятна и отнюдь не является чем-то чужеземным.

Аллен не согласился. Мантра «Харе Кришна», на его взгляд, казалась американцам чем-то чуждым и незнакомым. Так, может быть, стоит подумать о какой-нибудь другой, более «американской» мантре.

– Это уже и так происходит сплошь и рядом, – ответил Прабхупада. – Одним нравится то, другим – это. И так будет до скончания века. А что касается нас, то мы ищем центр всего. И центр этот – здесь.

Около тысячи студентов заняли свои места в Хичкок-холле – еще тысяча расположились вдоль проходов и на сцене. Программа началась с киртана, который вел Аллен Гинзберг. Затем он познакомил аудиторию с Прабхупадой, и тот прочитал лекцию. Когда Прабхупада начал второй, заключительный киртан, студенты грянули за ним. Они пришли в такой неопишуемый восторг, что те, кто сидел в зале, повскакивали с мест и начали танцевать – кое-кто даже прыгал на креслах. К ним присоединились те, кто сидел между рядами и на сцене. Оказавшись в самой середине этого оглушительного киртана из почти двух тысяч голосов, Прабхупада начал танцевать. Стоя на возвышении для ораторов, с воздетыми вверх руками, он принялся подпрыгивать вверх. Он разбрасывал цветы из своей гирлянды, а студенты, в попытке поймать их, устраивали потасовки. Мощный, экстатичный киртан продолжался почти час, пока Прабхупада, наконец, не завершил его.

После этого вокруг Прабхупады столпились сотни студентов, засыпая его вопросами. Покидая зал, многие из них продолжали петь, а некоторые уходили, плача от неведомых духовных

переживаний. На следующий день об экстатическом вечере в Хичкок-холле говорил весь университет. Прабхупада был доволен. Он написал об этом событии в Лос-Анджелес:

Вчера в Университете штата Огайо у нас состоялась потрясающая встреча. Около двух тысяч студентов танцевали, хлопали в ладоши и вместе с нами пели. Итак, стало ясно, что студенты готовы принять нашу философию.

* * *

Новый Вриндаван, 21 мая 1969 года

В сопровождении Киртанананды Свами и Хаягривы, Прабхупада отправился на ферму Новый Вриндаван, расположенную в горах Западной Виргинии. Когда их автомобиль застрял на соседнем поле, неподалеку от въезда на территорию фермы, Прабхупада решил последние три километра пройти пешком. На ферму вела грязная грунтовая дорога, однако даже она скоро кончилась, и Прабхупада вместе со своими двумя проводниками пошел по тропинке, ведущей в лесную чащу.

Стояла середина мая, и листья на деревьях еще только распускались. Солнце, пробиваясь сквозь ветви, яркими бликами ложилось на ковер из пурпурных флоксов. Прабхупада быстро шагал впереди Киртанананды Свами и Хаягривы, которые едва за ним поспевали. Тропа то и дело пересекала извилистый ручей, и Прабхупада перебирался через него, ступая по камням. По этой дороге, заметил он, нетрудно проехать на воловьей упряжке. Лес был похож на джунгли, именно таким Прабхупада его себе и представлял. Это было то, что нужно.

В прошлом году в переписке с Киртананандой Свами и Хаягривой Прабхупада постоянно возвращался к теме Нового Вриндавана. В этой переписке был намечен курс на развитие в ИСККОН сельскохозяйственных общин. Прабхупада говорил, что хочет, чтобы общины эти были основаны на ведических традициях; люди в них будут жить просто, держать коров и обрабатывать землю. Преданным предстояло воплотить его идеи в жизнь, а на это уйдет немало времени, но с самого начала они должны строить свою жизнь по принципу «жить просто и мыслить возвышенно». Поскольку община будет отрезана от города, жизнь в ней поначалу может показаться не слишком комфортной и даже аскетической. Зато течь она будет мирно и спокойно, в ней не останется тревог, присущих противоестественной жизни урбанизированного общества, полной тяжелого труда ради удовольствий. И самое главное – члены такой общины будут служить Кришне и повторять Его имя.

Прабхупада говорил мало, он быстро и уверенно шагал по тропинке, словно был у себя дома. Они остановились у ручья, и Прабхупада присел на одеяло, которое Киртанананда Свами и Хаягрива расстелили для него на траве.

– Мы остановились из-за Киртанананды, – сказал Прабхупада. – Он устал.

Напившись воды из ручья и немного отдохнув, Прабхупада и его спутники продолжили путь.

Дорога повернула, и на склоне холма Прабхупада увидел участок земли, расчищенный под пашню. У подножия холма стоял небольшой каркасный дом и коровник. Эти ветхие строения, как объяснил Хаягрива, были единственными постройками на без малого пятидесяти гектарах земель Нового Вриндавана. Поскольку машины здесь не ездили, все дороги заросли высокой травой. У старого дома росла раскидистая ива. Поселение являло собой картину безмятежной, патриархальной жизни.

Прабхупаде понравился простой образ жизни в Новом Вриндаване, и его радовали любые, даже самые скромные вещи, которые предлагали ему преданные. Они подали ему молочную кашу из только что смолотой пшеницы, и он нашел ее восхитительной. Увидев на кухне земляной пол, намазанный коровьим навозом, он с удовлетворением заметил, что все это напоминает ему индийскую деревню.

Комната, в которой его поселили, находилась в мансарде, прямо над алтарной комнатой, и она тоже понравилась Прабхупаде. Он достал маленькие Божества Радхи и Кришны, с которыми путешествовал последние полтора месяца, и попросил своего слугу, Девананду, соорудить на столике у стены маленький алтарь. Тем временем Прабхупада сделал из двух чемоданов рабочий стол, поставил на него портрет духовного учителя и вернулся к привычному для себя распорядку дня.

Ближе к полудню ему делали во дворе массаж, после чего там же, стоя под импровизированным летним душем, он омылся теплой водой. Киртанананда Свами готовил для

Прабхупады его обычный обед – дал, рис и чапати, добавив к ним похожие на спаржу молодые побеги растущего в этих местах лаконоса. Прошлым летом Киртанананда Свами и Хаягрива собрали и закатали в банки ежевику, из которой теперь готовили для Прабхупады чатни. Чапати пекли из свежемолотой цельной пшеничной муки. Все готовили на дровах. Лучшим топливом для кухонной печи, говорил Прабхупада, является коровий навоз, за ним идут дрова, газ, и, наконец, электричество.

Большую часть дня Прабхупада проводил на воздухе, под хурмой, росшей метрах в тридцати от дома. Здесь он сидел и читал за низким столом, который сколотил один из преданных. Часто он поднимал глаза от книги и глядел вдаль – на горный кряж, возвышавшийся на другой стороне долины, – туда, где лес сливался с небом.

Ближе к вечеру преданные собирались под хурмой вокруг Прабхупады и беседовали с ним, пока не заходило солнце. В том, что Прабхупада живет с ними, они видели доказательство важности Нового Вриндавана. Если он, величайший преданный, вполне доволен, живя простой жизнью в этой лесной глуши и имея возможность повторять мантру «Харе Кришна», то они должны следовать его примеру.

Сравнивая Новый Вриндаван с Вриндаваном в Индии, Прабхупада говорил, что Новый Вриндаван в некотором смысле даже лучше индийского, поскольку в Индии сейчас слишком много людей с мирскими интересами. Пятьсот лет назад, когда Госвами, последователи Господа Чайтаны, восстанавливали места игр Кришны во Вриндаване, там жили только чистые преданные. Но в последние годы во Вриндаван стали отовсюду стекаться материалисты и имперсоналисты. Однако Новый Вриндаван будет принимать только тех, кто стремится жить духовной жизнью. В ведические времена, говорил Прабхупада, все были довольны и счастливы, живя именно так – в небольшой деревушке на берегу какой-нибудь реки. В фабриках и заводах не было нужды. Прабхупада хотел, чтобы весь мир принял ведический образ жизни, и Новый Вриндаван должен был стать образцом такой жизни на благо всех людей Земли.

Телефона в Новом Вриндаване не было, а за почтой приходилось идти пешком за три километра. В этом отношении, говорил Прабхупада, Новый Вриндаван ничем не отличался от индийского – современных удобств не было ни там, ни тут. Однако с точки зрения вайшнавской философии, утверждавшей, что современные удобства не стоят хлопот, связанных с их приобретением, все эти «трудности» были на самом деле преимуществами. Преданный довольствуется тем, что дарует ему природа, а все свое время и силы отдает духовной практике.

Единственная корова в Новом Вриндаване была смешанной породы, черно-белой масти, и звали ее Калия. Прабхупада пил ее молоко утром, днем и вечером.

– В последний раз я пил такое молоко шестьдесят пять лет назад, – сказал он.

Когда-нибудь, предсказывал Прабхупада, в Новом Вриндаване будет много коров, и у них будет столько молока, что оно, вытекая из вымени, будет увлажнять пастбища. Люди на Западе не понимают, какой великий грех они совершают, убивая коров, и ничего не знают о тяжелых кармических последствиях этого греха. Но Новый Вриндаван покажет миру, что люди должны заботиться о коровах и питаться их молоком, а не мясом. Опыт Нового Вриндавана должен будет показать все социальные, моральные и экологические преимущества такого образа жизни.

Прабхупада хотел, чтобы преданные построили в Новом Вриндаване коттеджи; он хотел, чтобы там было много домов, даже если в начале это будут примитивные постройки. Он набросал план простого строения из обожженной глины. Он даже хотел открыть там школу, где дети будут воспитываться в сознании Кришны; лучшим местом для такой школы, говорил он, является деревня.

– Город создан человеком, а деревня – Богом, – говорил Прабхупада, перефразируя английского поэта Купера.

Школьников нужно учить чтению, письму, арифметике и в то же время прививать им сознание Кришны, чтобы в будущем они стали чистыми преданными. В своих играх они будут подражать играм Кришны и Его друзей-пастушков: один из них будет делать Кришне массаж, а другой – бороться с Ним – все, как в духовном мире. Женщины в Новом Вриндаване, говорил Прабхупада, будут воспитывать детей, убирать храм, готовить для Божеств и сбивать масло.

У него было много планов, связанных с развитием Нового Вриндавана, и он давал преданным лишь общие идеи, опуская детали.

– Развивайте их, как вам подсказывает сердце, – говорил Прабхупада Киртанананде Свами.

Идеальная ведическая община, члены которой сами обеспечивают себя пищей и всем необходимым для жизни, – вот что хотел создать Прабхупада на этой земле. Если преданные в Новом Вриндаване не будут сами обеспечивать себя, говорил он, занимать такой большой участок земли не имеет никакого смысла.

Еще до поездки в Новый Вриндаван Прабхупада сказал Киртанананде Свами и Хаягриве, что они должны построить на этой земле семь храмов. Эти семь храмов будут называться так же, как главные храмы старого Вриндавана: храм Мадана-мохана, Говиндаджи, Гопинатхи, Радха-Дамодары, Радха-рамана, Шьямасундары и Радха-Гокулананды. Прабхупада сказал, что сам позаботится о Божествах Радхи и Кришны для каждого из этих храмов.

Наступило время неизбежного отъезда Прабхупады из Нового Вриндавана: письма из Лондона, Лос-Анджелеса и Сан-Франциско звали его в дорогу. В день отъезда Прабхупады преданные Нового Вриндавана шутили, что не позволят ему уехать. Киртанананда дошел до того, что пригрозил перегородить дорогу. Но Прабхупада одернул его:

– Ты не должен так себя вести с духовным учителем.

Сопровождаемый Киртананандой Свами и преданными из Нового Вриндавана Прабхупада шел по лесной тропинке. Окрестности Нового Вриндавана утопали в зелени, летний воздух был горяч и влажен. Прабхупада шел молча. Он приехал сюда, чтобы воодушевить учеников, но увиденное воодушевило его самого. Тут текла простая деревенская жизнь, какой жил Сам Кришна, завися от даров земли и коров. Эта корова по кличке Калия даёт такое чудесное молоко!

Коровы Нового Вриндавана всегда были необычными коровами: они знали, что их не убьют.

Пока что преданных здесь немного, но по милости Кришны когда-нибудь сюда приедут и другие. Прабхупада и Киртанананда Свами шли рядом по лесной тропинке. Они почти не разговаривали, но понимали друг друга без слов. Прабхупада не стал давать ему много конкретных указаний: несколько слов, оброненных в беседе или на прогулке, жест, выражение удовольствия или озабоченности на лице... Тем не менее, Киртанананда Свами понимал, что Новый Вриндаван очень дорог его духовному учителю, и столь же дорогим он должен стать для него самого. Прабхупада заверил его в том, что, поскольку преданные Нового Вриндавана повторяют «Харе Кришна», служат Божествам и заботятся о коровах, Кришна благословит их и пошлет им успех. Община уже добилась успеха, но Кришна и дальше будет устранять с пути преданных все препятствия и трудности.

Пройдя три километра, Прабхупада, окруженный учениками, остановился возле автомобиля, который должен был отвезти его в аэропорт в Питсбурге, откуда он собирался вылететь в Лос-Анджелес. Его чемоданы, которые привезли на запряженной лошадью повозке, погрузили в багажник машины, и Прабхупада сел на заднее сиденье. Под возгласы «Харе Кришна!» и «Прабхупада!» автомобиль выехал на сельское шоссе, а Прабхупада продолжал повторять на четках «Харе Кришна».

* * *

Прабхупада регулярно получал известия от шести учеников, которых он послал в Лондон. У них почти не было денег, и им пришлось поселиться парами отдельно друг от друга в разных частях города. Главным источником вдохновения были для них письма Прабхупады с его наставлениями. Они постоянно перечитывали их и мечтали о том дне, когда он сам приедет к ним в Лондон. Если в Сан-Франциско проповедь сознания Кришны была для них удовольствием, то в Англии с каждым днем им становилось все труднее. Будучи иностранцами, преданные не имели права устроиться на работу, а знакомых у них почти не было. Лишенные возможности жить вместе, они все же старались, как могли, поддерживать в себе моральный дух и сознание Кришны.

Ямуна: Я вынуждена была жить в ямайском гетто, на верхнем этаже одного из домов. Это был кошмар. Целыми днями я сидела и слушала запись пения Прабхупады. Это была прекрасная запись, которую он примерно тогда же сделал в Лос-Анджелесе. И я молилась ему: «Пожалуйста, приезжайте. Пожалуйста, приезжайте».

Мукунда: Его письма – вот что поддерживало в нас жизнь. Прабхупада писал: «Я еду». Два или три раза за письмо он обещал: «Я приеду в марте». А мы отвечали, что сначала хотим найти помещение. Мы действительно считали, что ему не стоит приезжать, пока не найдется подходящее помещение. Он написал моей жене: «Я хотел приехать в марте, но твой муж не мне разрешил. Что я могу поделать?»

Прошло уже четыре месяца как преданные в Лондоне не видели своего духовного учителя, но никто так и не мог сказать, когда ему можно будет приехать. Несмотря на то, что временами преданные начинали грустить и поговаривать о возвращении в Америку, у них все-таки хватало терпения продолжать. Прабхупада пообещал, что приедет в Лондон, когда там будет храм, и обещание это помогало им не забыть, что они лично ему служат. Преданные чувствовали, что всю работу делает их духовный учитель, а они – лишь его помощники. Это только внешне казалось, что его нет рядом – когда они читали, обсуждали или вспоминали его наставления, он всегда был с ними. Он постоянно направлял их.

Пробуя самые разные способы популяризации сознания Кришны, как-то раз Шьямасундара организовал программу, на которую пригласил многих влиятельных лондонцев. На его официальное приглашение откликнулось около ста человек. Среди них был один член парламента, несколько правительственных служащих, но в основном пришла молодежь.

Преданные устроили для гостей пир и показали им фильм со Шрилой Прабхупадой, гуляющим у озера Стоув в Голден-гейт-парке. Специально для такого случая Прабхупада записал на ленту свое обращение к жителям Лондона, и преданные сообщили гостям, что гвоздем программы будет его запись. Времени прослушать ленту заранее у них не было. Гуру-дас включил магнитофон, и все присутствующие услышали голос Прабхупады.

– Дамы и господа, я приветствую вас в этом счастливом 1969 году. Да благословит вас Шри Кришна, Верховная Божественная Личность за ваше любезное участие в этом счастливом вечере сознания Кришны.

Прабхупада делал запись в Лос-Анджелесе, в тишине своей комнаты, но пораженным преданным показалось, будто духовный учитель сам приехал в Англию и проповедует сознание Кришны.

– Господь Чайтанья говорил, что абсолютная Верховная Божественная Личность может низойти в этот мир в форме духовного звука. Поэтому, когда мы поем без оскорблений мантру «Харе Кришна», мы тотчас же соприкасаемся с Кришной и Его внутренней энергией. При этом сердце наше сразу же очищается от всей грязи.

Гости вежливо слушали о том, как Прабхупада говорит о мучительном переселении души из одного тела в другое, о ее освобождении через повторение мантры Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Сознание Кришны Прабхупада охарактеризовал как «божественно яркое и исполненное духовного наслаждения». Петь и повторять мантру «Харе Кришна», учил он, можно где угодно – на улице, в парке или дома. Завершил Прабхупада свою речь так:

– Но для того, чтобы собираться, нам нужно какое-то место. Поэтому во всех уголках мира, вне зависимости от культурных традиций, философии или религии той или иной страны, необходимо основывать храмы Движения сознания Кришны. Сознание Кришны настолько универсально и совершенно, что может понравиться каждому, кем бы он ни был. Поэтому я обращаюсь ко всем, присутствующим на этой встрече, с горячей мольбой – насколько это возможно помочь этому великому Движению. Еще раз благодарю вас.

Последовала пауза, а затем Прабхупада заиграл на фисгармонии и запел «Харе Кришна». После этого он сказал еще несколько слов.

– Мои ученики в Лондоне слезно умоляют меня приехать к ним, да и мне не терпится их увидеть. Поэтому при первой же возможности я отправлюсь в Англию и возьму с собой группу санкиртаны, которая действует сейчас в Лос-Анджелесе. Все вы встретитесь, и встреча эта принесет вам огромную радость. На этом я закончу.

Лишь спустя несколько недель после этого вечера преданные впервые попали на страницы газет. В популярной английской газете «Санди Таймс» была помещена статья известного журналиста Атикуса, а также фотография шестерых преданных и маленькой Сарасвати. В статье приводились слова Гуру-даса: «Харе Кришна – это песня, под которую танцует на вашем языке Сам Бог. Попробуйте постоянно напевать «Королева Елизавета», и увидите разницу». Автор отзывался о группе американских миссионеров как об «очень добрых людях, немного не от мира сего, но отнюдь не наивных». Упомянув об их отказе от незаконного секса и одурманивающих средств, он комментировал: «Скучная жизнь, подумаете вы, но, глядя на них, этого не скажешь. И то, что, возможно, сделает их популярными – это пение мантры». Через несколько дней та же статья появилась в сан-францисской газете «Кроникл», но уже под другим заголовком: «Песни Кришны потрясли Лондон». Прабхупаде заголовок понравился. Еще бы! Его ученики – грихастхи

– достигли успеха там, где потерпели неудачу его духовные братья-санньяси. В течение тридцати пяти лет нескольких образованных, ученых проповедников, учеников Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, путешествовали по всей Англии, читая лекции, но интерес к их словам проявил всего лишь один человек – пожилая английская леди по имени Элизабет Баутел.

Ямуна спросила у Прабхупады, можно ли им навестить миссис Баутел (ее духовное имя было Винода-вани-даси), и Прабхупада ответил: «Я могу сказать о ней только то, что это пожилая леди, и у нее есть дом, на который она повесила вывеску «Гаудия-Матх». Дальше этого дело не пошло». Если есть желание, сказал он, то к ней можно из вежливости съездить, а заодно узнать, не позволит ли она использовать свой дом для киртанов. Один из преданных побывал у нее – она жила в нескольких часах езды от города, но та, даже не открыв двери, заявила, что не будет с ним разговаривать, пока он не предоставит рекомендательное письмо из делийского Гаудия-Матха.

Таков был результат тридцатипятилетней проповеди нескольких санньяси.

А юным американским миссионерам, чтобы «потрясти Лондон», потребовалось всего четыре месяца.

Несколько месяцев преданным пришлось жить порознь, в разных концах города, но однажды им повстречался домовладелец, который бесплатно предоставил им в пользование пустующий склад в районе Ковент-Гардена. Преданные соорудили там временный алтарь, и вскоре к ним присоединились первые английские преданные. Новички сразу же безоговорочно приняли весь образ жизни преданных, включая дхоти и бритые головы, – им это очень понравилось.

Видя, как действует духовная сила Прабхупады, преданные пришли в такой восторг, что решили позвонить ему из офиса своего домовладельца. Телефон был селекторным и голос Прабхупады раздавался из маленького динамика на столе. Преданные расселись вокруг и стали внимательно слушать.

– Прабхупада, – сказал Мукунда, – у нас здесь появилось несколько новых брахмачари!

– О, а они умеют готовить чапати? – спросил из-за океана Прабхупада.

Преданные взорвались смехом, но затем стихли, чтобы слушать дальше.

– Пока нет, – сказал Мукунда. – Научим!

Преданные по очереди рассказывали Прабхупаде, как им его не хватает, на что он ответил, что тоже соскучился и что приедет сразу, как только у них появится помещение.

На протяжении трех месяцев преданные свободно пользовались складом в Ковент-Гардене, но потом хозяин сообщил им, что помещение понадобилось ему самому. Семейные пары снова оказались раскиданы по разным концам города, и чувство единства вновь их покинуло.

Каждую неделю Прабхупада посылал своим лондонским ученикам по два-три письма, хваля их за искреннюю решимость. Преданные регулярно собирались вместе, хотя бы для того, чтобы показать друг другу последние письма. Мукунде Прабхупада писал о своем желании проповедовать сознание Кришны на Западе, особенно в Лондоне.

Что касается меня, я хочу только одного – ускорить выполнение миссии своей жизни – распространить сознание Кришны в западной части света. Я по-прежнему твердо уверен, что если мне, с помощью тех юношей и девушек, что ко мне присоединились, удастся развить и укрепить это движение, это будет великим достижением. Я стар, и смерть уже стучалась ко мне в окно, но прежде чем я оставлю это тело, я хотел бы увидеть, что в своем понимании сознания Кришны вы крепко стоите на ногах. Я счастлив и горд, что вы, шестеро юношей и девушек, делаете все от вас зависящее – пусть даже пока вам и не удалось открыть хороший центр в Лондоне. Даже в далекую Индию донесли новости о том, что мои ученики делают для Кришны много полезного. Поэтому вы – моя гордость. Недавно я получил письмо от моего духовного брата, в котором он сообщил мне, что в Индии ходят слухи о том, что даже во Вьетнаме кто-то распространяет Движение сознания Кришны. Поэтому не нужно расстраиваться. Продолжайте свое дело, используйте те возможности, которые посылает вам Кришна, а для беспокойств нет повода. Все идет своим чередом. Но теперь вы разделены, и от этого страдает эффективность вашей работы. Попытайтесь собираться, как раньше, и тогда – неважно, будет у вас храм или нет – ваше движение будет развиваться. Открытие храмов имеет второстепенное значение, поскольку главная движущая сила в этот век – вовсе не храмовое поклонение. Главная движущая сила – Санкиртан. Иногда храм нужен, но как подспорье – для того, чтобы туда могли приходить люди. Постарайтесь сделать все, чтобы как можно быстрее поселиться вместе. Я с нетерпением жду того момента, когда вы вновь соберетесь вместе.

Ничто так не обязывало преданных исполнять свой долг, как слова духовного учителя – они всегда думали о нем. Прабхупада был в их сердцах. Выполняя его указания и пытаясь его порадовать, они действовали не по принуждению и не потому, что того требовали правила – ими двигала любовь. Удовлетворить духовного учителя – значит удовлетворить Самого Господа; но для искренних учеников радость Прабхупады сама по себе была целью.

* * *

Лос-Анджелес,
23 июня 1969 года

Из Нового Вриндавана Шрила Прабхупада направился в Лос-Анджелес, где установил Божества Радхи и Кришны. Хотя, как писал он лондонским ученикам, «главной движущей силой» сознания Кришны была санкиртана, без поклонения Божествам тоже было не обойтись. В своих книгах Прабхупада много говорил о важности поклонения Божеству, и в каждом из центров ИСККОН постепенно вводил все более и более высокие требования к храмовому поклонению. К тому времени Лос-Анджелес стал образцовым центром ИСККОН, поэтому именно здесь Прабхупада начал поклоняться Радхе и Кришне – со всей пышностью, чистотой и пунктуальностью.

В присутствии более чем сотни преданных и гостей, разместившихся в просторном зале, Прабхупада омыл и одел небольшие фигурки Радхи и Кришны и поставил Их на алтарь. Он приглашал Радху и Кришну явить Себя, чтобы его ученики могли Им служить. Доверяя своим ученикам Радху и Кришну, он свято верил, что они не допустят по отношению к Ним ни малейшей небрежности. Но если преданные по какой-то причине утратят энтузиазм, объяснял в лекции Прабхупада, то их служение превратится в поклонение идолу.

– Если уходит жизнь, это превращается в идолопоклонство. Если жизнь есть, если есть чувства, тогда вы будете помнить: «Где Кришна? Да вот же Он! О, я должен послужить Ему. Я должен Его одеть. Я должен послужить Радхарани. Она здесь. Нужно все делать очень хорошо и как можно лучше Ее нарядить». Если к вам приходят такие мысли, значит, вы в сознании Кришны. Но если вы думаете, что это кукла или идол из латуни, Кришна ответит вам тем же. Если вы думаете, что это латунный идол, тогда он навсегда останется для вас идиолом. Но если вы поднимаетесь на более высокий уровень сознания Кришны, тогда Кришна – этот же самый Кришна – будет с вами разговаривать. Этот Кришна будет разговаривать с вами.

С каждым приездом Прабхупады перед его учениками раскрывалось все больше и больше возможностей для служения – это помогало им сильнее привязаться к Кришне. Ответственность за это служение, говорил он, лежит на духовном учителе, и когда ученик наводит в храме чистоту или выполняет другую работу, то делает это как его помощник. Если что-то идет не так, это очень беспокоит гуру. Если по своей прихоти преданные что-то меняют в поклонении Божествам, или если храм приходит в запустение, то больше любого из них от этого будет страдать сам Прабхупада.

Заметив в ученике желание взять на себя часть проповеднической миссии, Прабхупада доверял ему более ответственное служение. Беспокойство в служении Кришне, сказал Прабхупада, приносит самое большое удовлетворение. Бхактивинода Тхакур говорил: «Беспокойства, с которыми я сталкиваюсь в преданном служении Тебе, я приму как наивысшее счастье».

Преданный, объяснял Прабхупада, счастлив, когда довольны духовные учителя-предшественники, а больше всего их радует проповедь падшим душам. И насколько преданные выполняют этот наказ, настолько будет удовлетворен их духовный учитель и они сами. Прабхупада привел пример Кришны и гопи. Гопи доставили Кришне удовлетворение в танце раса, и Кришна улыбнулся. Когда гопи увидели Его улыбку, их красота и счастье возросли в миллионы раз. Увидев, что гопи стали еще прекраснее, Кришна переполнился еще большим счастьем, отчего счастье и красота гопи снова возросли. Так бесконечно усиливается это любовное соперничество.

Чувство такого соперничества пронизывает даже отношения духовного учителя и ученика – каждый хочет служить другому, не стремясь получить служение в ответ. В центрах ИСККОН Прабхупада постоянно расширял сферу ответственности, и искренние ученики добровольно брали ее бремя на себя; от этого все чувствовали удовлетворение. Это и есть чистое преданное служение

– освободиться от материальных привязанностей и служить Кришне, как того желает духовный учитель и советуют Священные писания.

Когда Прабхупада говорил, что его ученики будут счастливы, служа Кришне, он опирался на собственный глубокий опыт. Всякий раз, когда в каком-то из храмов он устанавливал Божества, его собственный экстаз был намного сильнее, чем у любого из учеников. Ратха-ятра в Голденгейт-парке или любая другая публичная проповедническая программа воодушевляли его больше, чем кого бы то ни было. Он сильнее, чем любой из учеников, хотел, чтобы люди приходили в храмы, смотрели на Божества, пели и танцевали, а когда такое происходило, радовался больше всех. Если же кто-нибудь из его учеников уходил из Движения, он больше всех огорчался.

Не оставлял Прабхупада без внимания и практические моменты управления храмом. Его интересовала и величина расходов на имущество, и общественное мнение о преданных, и духовный рост каждого ученика в отдельности... И пусть ученики воспринимали Прабхупаду как самого возвышенного вайшнава и близкого слугу Господа Кришны – все равно они знали, что в любое время могут прийти к нему за практическим советом. Он был их вождем, но при этом – одним из них. Он был намного выше их, но всегда шел рядом. Лишь в редкие моменты они чувствовали себя далеко позади – как, например, в Лос-Анджелесе, во время установления Божеств – тогда Прабхупада заплакал, обращаясь лично к Кришне:

– Кришна, я самый дрянной и падший, но я принес это Тебе. Пожалуйста, прими.

За исключением таких редких мгновений, он проповедовал и выполнял служение плечом к плечу с учениками. И они это видели.

* * *

Сан-Франциско,
25 июля 1969 года

За день до начала Ратха-ятры Прабхупада сошел с трапа в сан-францисском аэропорту, где его встречала толпа из пятидесяти поющих преданных. Журналисты набросились на него с вопросом, который, по их мнению, был очень важным и актуальным:

– Свами, что вы думаете по поводу недавней высадки американцев на Луну?

– Что я должен сказать? Что-то лестное или правду? – спросил Прабхупада

Они попросили сказать правду.

– Эта пустая трата времени. От этого не будет никакой пользы, поскольку жить там все равно никто не сможет. Лучше было бы потратить это время на развитие сознания Кришны. Мы должны вырваться из этой вселенной и достичь духовного мира, который вечен, и в котором нет ни рождения, ни смерти, ни старости, ни болезней.

«Хроника Сан-Франциско» напечатала фотографию и статью: «Экстаз в терминале «Б».

В день Ратха-ятры перед высокой колесницей на улице Хэйт собрались сто преданных и толпа из тысячи человек. С возвышения на колеснице Джаганнатха, Субхадра и Баларама дарили собравшимся Свои улыбки. Окончательно убедившись, что усилители в норме, сидящие наверху музыканты начали киртан. В центре колесницы, прямо под алтарем, ждала прибытия Прабхупады обитая красной материей व्याсана.

Подъезжая на машине к месту сбора, Прабхупада слышал голоса преданных. Выходя из машины, он увидел, как все они опускаются на землю и почтительно склоняются перед ним. Сложив ладони и улыбнувшись, в знак приветствия он кивнул своим восторженным ученикам и с радостью окинул взглядом огромную толпу, которая к тому времени уже собралась вокруг него. Повернувшись в сторону колесницы, он посмотрел на восседающие на троне Божества. Это были те самые Божества, которые два года тому назад торжественно возглавили первую американскую Ратха-ятру. На Них были прекрасные одежды и бусы; разноцветные флажки и толстые гирлянды из гвоздик украшали Их колесницу. С каждым годом Ратха-ятра становилась все прекрасней. Прабхупада склонился перед Джаганнатхой, Субхадрой и Баларамой, и все его ученики последовали его примеру.

Когда Прабхупада занял свое место, киртан возобновился, и колесница, которую тянули за два длинных каната десятки мужчин и женщин, неторопливо покатила вперед. Медленно плыла она по направлению к парку, и с алтаря Божеств, под которым стояла व्याсана Прабхупады, из ведер с курящимся ладаном поднимались клубы ароматного дыма.

– Сколько людей идет за колесницей? – спросил Прабхупада Тамала-Кришну, который ехал с ним и вел киртан.

Тамала-Кришна перелез на другую сторону колесницы и попытался на глаз оценить размеры толпы.

– Пять тысяч!

– Пой «Джая Джаганнатха», – велел Прабхупада, и Тамала-Кришна с «Харе Кришна» перешел на «Джая Джаганнатха! Джая Джаганнатха!»

В течение всего шествия Прабхупада, опустив правую руку в мешочек с четками, невозмутимо наблюдал за праздником. Огромная толпа состояла в основном из молодых хиппи, но были там и бизнесмены в костюмах и галстуках, и пожилые люди с внуками, и семейные пары, и несколько бродячих собак – разношерстная воскресная толпа.

Вдруг преданные, шедшие впереди, закричали:

– Остановите колесницу! Остановите колесницу!

Впереди, у входа в парк, шоссе пересекал низкий арочный мост, и преданные едва-едва успели затормозить – десятиметровой высоты колесница застыла прямо перед ним. Хотя процессия, казалось, столкнулась с непреодолимым препятствием, киртан продолжался как ни в чем не бывало. В прошлом году они двигались по тому же маршруту, но тогда колесница была ниже (и все равно Шьямасундаре пришлось влезать наверх и отпиливать шпиль). Но в этом году Нара-Нараяна сконструировал складной купол, опускавшийся при помощи лебедки. Узнав об этом новшестве, Прабхупада спросил:

– Вы уверены, что механизм не подведет? Это может привести к катастрофе.

И вот настало время опускать купол, но... лебедка не сработала.

Колесница встала перед мостом, и вокруг Прабхупады и Господа Джаганнатхи собралась огромная толпа – по меньшей мере, тысяча голосов слилась под мостом в оглушительное эхо.

Прабхупада встал и, подняв руки, начал танцевать.

Бхавананда: Все словно с ума посходили. Звук был такой, что под этим мостом просто уши закладывало. Прабхупада танцевал, прыгая на колеснице.

Нара-Нараяна: Танцуя, он наступал на цветы. От прыжков гирлянда на нем разорвалась, и цветы стали падать вокруг. Он прыгал очень плавно, почти как в замедленной съемке.

Тамал-Кришна: Прабхупада прыгал, и люди просто с ума сходили, видя, что он совершенно счастлив. Он прыгал, не переставая, медленно поворачиваясь, пока не оказался лицом к лицу с Господом Джаганнатхой.

Затем Прабхупада сел, но колесница по-прежнему не двигалась. Толпа ревела.

– Чего им нужно? – спросил Тамала-Кришну Прабхупада.

– Мне кажется, они хотят снова увидеть ваш танец, – ответил тот.

– Ты думаешь?

– Да.

Тогда он встал и снова начал танцевать. Он поднял руки; белая шерстяная шапочка на его голове сдвинулась назад, а на правой его руке по-прежнему висел мешочек с четками из которого высовывался указательный палец; его длинные одежды колыхались.

Экстатический танец и пение продолжались. Минут через пятнадцать Нара-Нараяна наконец-то наладил лебедку, и купол опустился. Колесница двинулась вперед, прошла под мостом и въехала в парк. Толпа выросла до десяти тысяч человек – такого еще не было ни на одном празднике Сознания Кришны.

Бхавананда: Многие из тех, кто пришел на Ратха-ятру, находились под воздействием наркотиков. Мы, разумеется, наркотиков не принимали, но «улетали» куда дальше чем они – и понимали это. Все улыбались, смеялись, все чувствовали счастье, все танцевали, пели. Но особенно это касалось нас. Мы пели еще громче, смеялись еще сильнее и чувствовали себя еще более свободными. Мы ощущали полную свободу – свободу ходить с бритой головой, носить дхоти, трубить в раковину, кружиться на улице, взявшись за руки, прыгать... Господь Джаганнатха в экстравагантности превзошел даже хиппи, поскольку никто, кроме Него, не выглядел столь необычно. Хиппи пришли разодетые, с большими перьями в волосах и тому подобным, но все они меркли в сравнении с Джаганнатхой.

Процессия завершила свой путь на морском побережье, у танцевального зала под названием «Домашний пес», где преданные подготовили десять тысяч тарелок с праздничным прасадом из фруктового салата, яблочного чатни, халавы и ломтиков арбуза. Колесница остановилась, но пение продолжалось, и Прабхупада повел толпу к временной сцене с алтарем, которую преданные соорудили в причудливом интерьере танцзала. Нарисованную на стене

тибетскую мандалу закрывало гигантское шелковое полотно с Господом Чайтаньей, а на сцене стояли картины с Господом Вишну и Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати. С высокого алтаря над сидением Прабхупады смотрели Божества Джаганнатхи. На мраморной колонне стояла украшенная гирляндой статуя Господа Кришны.

Прабхупада заговорил, и толпа стихла. Он процитировал песню Нароттамы даса Тхакура: «Мой дорогой Господь Чайтанья, пожалуйста, будь милостив ко мне. Я не знаю никого, более милосердного, чем Ты». Указав на огромное шелковое полотно с изображением Господа Чайтаньи, Прабхупада рассказал о том, как из сострадания Господь распространяет святое имя Бога. Господь Чайтанья, сказал он, учил тому же, чему учил и Господь Кришна в «Бхагавад-гите»: «Мои дорогие сыновья, перестаньте мучиться в отвратительных условиях материального мира. Возвращайтесь ко Мне. Возвращайтесь домой. Наслаждайтесь вечной, блаженной жизнью, жизнью, исполненной знания».

Прабхупада объяснил, насколько просто сознание Кришны:

– Господь Чайтанья пришел пятьсот лет назад, чтобы восстановить чистые принципы «Бхагавад-гиты». Он показал, что даже если вы не разбираетесь в религии, просто повторяйте Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, и результат придет. Вот смотрите: когда мы пели «Харе Кришна», все, кто здесь собрались, охотно нам подпевали, но стоило мне заговорить о философии, как многие собрались уходить. Пение «Харе Кришна» приносит реальные плоды. Вы можете убедиться в этом. Мантра «Харе Кришна» настолько привлекательна, что любой человек в любом состоянии может поучаствовать в пении. И если он продолжает петь, то постепенно разовьет свою дремлющую любовь к Богу. Это очень просто.

Мы к каждому обращаемся с просьбой петь мантру «Харе Кришна» и принимать прасад. Если вы устали петь, можете принять прасад. И когда вы танцуете, эти физические действия «кришна-изируются». Эта простая практика позволяет достичь результатов всех упражнений йоги.

Поэтому пойте, танцуйте, ешьте прасад. Даже если вы еще не знакомы с нашей философией, этот метод все равно подействует, и вы достигнете высочайшего, совершенного состояния.

* * *

В самую трудную для лондонских преданных пору, в середине зимы, в их жизни наступил счастливый перелом: они познакомились с одним из «битлов» – Джорджем Харрисоном. Преданные уже давно думали о том, как привлечь внимание «Битлз» к мантре «Харе Кришна». Однажды они отправили в студию звукозаписи «Битлз», «Эппл» [«Яблоко»], яблочный пирог, на котором было написано «Харе Кришна», в другой раз послали туда заводное шагающее яблоко с напечатанной на нем мантрой «Харе Кришна». Они даже послали им магнитофонную запись одного из своих киртанов, но получили стандартный отказ. Поэтому, когда Шьямасундара неожиданно познакомился с одним из самых популярных рок-музыкантов мира, легендарным Джорджем Харрисоном, преданные решили, что эту встречу устроил для них Сам Кришна.

Шьямасундара, с обритой головой и в вайшнавской одежде, сидел в приемной студии «Эппл», где все время толпился народ. Он надеялся, что ему представится случай переговорить с кем-нибудь, кто был хоть как-то связан с «Битлз». В это время по лестнице спускался Джордж Харрисон, освободившийся после очередного совещания. Войдя в комнату, он увидел Шьямасундара. Подойдя к нему и сев рядом, Джордж спросил:

– Где же вы раньше были? Я уже два года пытаюсь найти людей из «Харе Кришна».

Шьямасундара и Джордж проговорили целый час, а вокруг них все это время сновали люди.

– Я действительно искал встречи с вами, – сказал Джордж. – Хочешь, приходи завтра ко мне?

На следующий день Шьямасундара отправился к Джорджу на обед, где встретился с остальными «Битлз»: Ринго Старром, Джоном Ленноном и Полом Маккартни. У каждого из них были вопросы, но особенный интерес проявлял Джордж.

Джордж: У меня была пластинка «Харе Кришна», на которой Шрила Прабхупада с преданными пел мантру «Харе Кришна». Пластинка эта была у меня уже года два. А купил я ее в ту же неделю, когда она вышла. Я был готов к этому. Так всегда бывает – рано или поздно ты натыкаешься на то, чего неосознанно ищешь. Я проигрывал ее снова и снова. Мы слушали ее

вместе с Джоном. Помню, мы целыми днями пели мантру, Джон и я, под гавайское банджо, когда плавали у греческих островов, – мы пели «Харе Кришна». Так что я начал петь мантру «Харе Кришна» задолго до того, как встретил Шьямасундара, Гуру-даса и Мукунду. Мне просто нравилось слушать мантру «Харе Кришна», и я был рад, что у меня есть эта пластинка.

И про Прабхупаду я тоже знал, потому что внимательно прочел все, что было написано на конверте. Я бывал в Индии, и по тому, как преданные были одеты, по их бритым головам мог сказать, откуда они такие. Я видел их на улицах Лос-Анджелеса и Нью-Йорка. Я прочитал множество книг и все время пытался найти йогов, так что воспринимал преданных вовсе не так как другие – не как больных, сбежавших из сумасшедшего дома Нет, я все понимал, я знал, что это очень нелегко, они гораздо аскетичнее, чем другие группы – они не пьют ни капли кофе и чая, не едят шоколада.

Шьямасундара стал регулярно встречаться с Джорджем, и вскоре они подружились. Джордж, который в то время повторял мантру, полученную от Махариши-Махеш-Йоги, впервые услышал от Шьямасундары о бхакти-йоге и ведической философии. Беседуя со Шьямасундарой, Гуру-дасом и Мукундой, он откровенно говорил о своих духовных поисках и своем понимании кармы.

Джордж: Один йог, с которым я познакомился в Индии, сказал мне: «Тебе повезло: у тебя есть все – молодость, слава, богатство, здоровье, и, тем не менее, тебе этого мало. Ты хочешь узнать что-то большее». Большинство людей даже не достигают того уровня развития, на котором человек начинает понимать, что за этой стеной есть что-то еще. Они лишь стараются взобраться на эту стену, чтобы вкусно есть, иметь уютный дом, все удобства и так далее. Но мне повезло больше, у меня все это уже было, и я осознал: жизнь к этому не сводится – тогда как большинство людей всю свою жизнь проводят в погоне за материальными благами.

После посещения Хэйт-Эшбери в 1967 году Джордж ощутил свою вину за ту роль, которую сыграл в распространении культуры ЛСД. До этого ему казалось, что хиппи Хейт-Эшбери – творческие, ищущие люди, но когда он увидел их, обезумевших, грязных и отчаявшихся – «филиал Бауэри на Западном побережье», – он почувствовал, что во всем этом есть и его вина. Он решил, что использует свое влияние на молодежь и будет писать и исполнять песни о чем-то более высоком, нежели наркотики и секс. В нем проснулся интерес к индийской духовности, который, как он чувствовал, был результатом кармы, накопленной за предыдущие жизни.

Джордж: С Кришной я чувствую себя как дома. Думаю, это идет из какой-то предыдущей жизни. Когда я впервые услышал об этом, у меня было такое ощущение, словно передо мной открывается дверь, но все это было похоже на головоломку, и мне надо было сложить отдельные кусочки вместе, чтобы получить законченную картину. Именно это и происходило, когда я встречался с преданными и со Свами Бхактиведантой, когда кто-то из преданных давал мне книгу и когда я слушал этот альбом. Так понемногу все начало складываться воедино.

Вот почему я сразу тепло отнесся к Шьямасундаре и Гуру-дасу, когда они впервые приехали в Лондон. Скажем прямо: если мне когда-нибудь придется выбирать, с кем быть, то я уж лучше буду с этими ребятами, чем с кем-то другим. Вот так. Я буду скорее с преданными, чем с так называемыми «добропорядочными» людьми, которые так гордятся своей «добропорядочностью».

Джордж вызвался помочь преданным приобрести в Лондоне собственное здание. Он и Шьямасундара говорили о том, что неплохо было бы записать пластинку с мантрой «Харе Кришна». Но Шьямасундара старался на него не давить.

Джордж был очаровательной звездой, «тихим, серьезным битлом», потрясающим гитаристом и певцом, перед которым были открыты двери всех сильных мира сего, президентов и королей. Но и в Шьямасундаре было свое очарование. Высокий, под метр девяносто, он был поразительно красив, несмотря на бритую голову. И кроме того он был вайшнавом, до конца преданным индийской духовности, которую так любил Джордж.

Когда Прабхупада услышал о Джордже, он очень серьезно отнесся к возможности его полного обращения в сознание Кришны. Доводя эту мысль до логического конца, Прабхупада уже видел мировую революцию в сознании людей – во главе с сознающими Кришну «Битлз».

Из твоего письма я понял, что м-р Джордж Харрисон сочувствует нашему Движению, поэтому, если Кришна и в самом деле доволен им, он сможет присоединиться к нам и распространять движение Самкиртана по всему миру. Волею судьбы «Битлз» оказались в центре внимания соседних европейских стран и Америки. Его привлекает наше движение Самкиртана, и,

если м-р Джордж Харрисон возьмется организовать большую группу самкиртана, в которую войдут «Битлз» и преданные ИСККОН, мы, несомненно, сможем изменить лицо мира, измученного махинациями политиканов.

Подружившись с Джорджем, лондонские преданные стали с еще большим волнением ждать приезда в Лондон Прабхупады. Теперь, когда с ним хотел встретиться человек, знаменитый во всем мире, они чувствовали, что у них есть еще одна возможность угодить Прабхупаде, и что их проповедь в Лондоне увенчается успехом.

Благодаря своему знакомству с сознанием Кришны, а также собственному духовному развитию, Джордж стал выражать преданность Господу Кришне в своих песнях. Читая «Бхагавад-гиту как она есть» с комментариями Прабхупады, он осознал превосходство личностной концепции Бога над безличной. Гуру-дас показал Джорджу стих в «Гите», где Кришна говорит о том, что Он является источником безличного Брахмана. Джорджу нравилась философия сознания Кришны, но из осторожности он не спешил высказывать безраздельную преданность Прабхупаде и Кришне. Поэтому и преданные вели себя с ним соответственно, стараясь не докучать ему.

11 января Шрила Прабхупада написал преданным в Лондон еще одно письмо, в котором поделился новыми мыслями о том, как Джорджу лучше всего служить Кришне.

Я очень рад, что мистер Харрисон сочиняет такие песни, как «Господь, которым мы так долго пренебрегали». Он человек вдумчивый. Когда мы встретимся, я объясню ему, что означает разлука с Кришной, и он сможет сочинять песни, которые наверняка понравятся людям. Эти песни нужны всем и, если они будут написаны и исполнены такими кумирами публики, как «Битлз», их ожидает огромный успех.

Позднее Джордж запишет несколько таких песен. Его песня «Мой нежный Господь» целых два месяца лидировала в Америке среди «сорокапятки», а альбом «Жизнь в материальном мире», который разошелся миллионным тиражом, в течение пяти недель удерживал первое место в хит-параде английского журнала «Билборд».

Прабхупада предостерегал преданных, советуя им не полагаться только на помощь Джорджа, а попробовать самим найти и снять дом. Однако Джордж искренне хотел помочь преданным и снова предложил им записать пластинку на студии «Эппл». Лондонские преданные давно уже мечтали о том, чтобы «Битлз» записали пластинку с пением мантры «Харе Кришна». Если бы «Битлз» сделали это, мантра, несомненно, стала бы известна во всем мире. Идея Джорджу понравилась, но он предпочитал, чтобы мантру пели преданные, а он выпустит пластинку под маркой «Эппл».

– Пусть лучше деньги достанутся вам, ребята, а не нам, – сказал он. – Давайте делать пластинку.

И вот преданные отправились к Джорджу домой, чтобы сделать пробу. Джордж записал наложение свою гитарную партию. Через несколько недель преданные пришли снова и прослушали запись. Джордж был готов сделать пробу в студии, и преданные договорились встретиться с ним и с его другом, музыкантом Билли Престоном, в студии «Трайидент» на Бульваре Св. Анны. Проба продолжалась несколько часов и прошла успешно. Джордж и Шьямасундара договорились о дате настоящей записи.

В день записи двенадцать преданных, в том числе несколько новичков-англичан, собрались в студии фирмы «ЭМИ» на Эбби-Роуд. Когда первая группа преданных подъехала к студии на «мерседесе» Джорджа, толпа подростков запела мантру «Харе Кришна» на мотив, ставший популярным благодаря рок-мюзиклу «Волосы». Пока Ямуна рисовала на лбах у инженеров звукозаписи вайшнавские тилаки, Малати принялась распаковывать корзины с прасадом, которые привезла с собой, а другие преданные развесили на стенах изображения Кришны и зажгли благовония. Студия «кришнаизировалась».

Пол Маккартни и его жена Линда сели за микшерный пульт, и запись началась. Работа спорилась, и первая сторона сорокапятки была готова меньше чем за час. Джордж играл на органе, а Мукунда на мриданге. Ямуна солировала, Шьямасундара подпевал, а голоса остальных сливались в стройном хоре. Чтобы не сбиться, преданные медитировали на Прабхупаду и просили его послать им духовную силу.

На четвертой пробе все прошло гладко. В самом конце Малати неожиданно для самой себя ударила в медный гонг. Затем они записали вторую сторону пластинки – молитвы Шриле Прабхупаде, Господу Чайтанье и Его спутникам, а также молитвы, обращенные к шести Госвами.

Позже Джордж наложением записал бас-гитару и другие инструменты. Все – и преданные, и звукооператоры – остались очень довольны.

– Успех обеспечен, – пообещал Джордж.

* * *

Пластинку запустили в производство, а преданные вернулись к своим обычным занятиям. Жили они по-прежнему в разных районах города. Прабхупада собирался приехать в начале сентября. Он сказал, что сначала поедет в Гамбург, а оттуда в Лондон, и обещал приехать, даже если у преданных к тому времени еще не будет храма. Однако всего за два месяца до приезда Прабхупады дело чудесным образом сдвинулось с мертвой точки.

Гуру-дас повстречал агента по продаже недвижимости, который предложил им здание на Бери-Плейс, недалеко от Британского музея. Преданные могли переехать немедленно. Идеальное месторасположение, сорок один фунт в неделю и возможность немедленного переезда – словом, лучше не придумаешь. Мукунда послал Прабхупаде письмо с просьбой дать ему денег на первоначальный взнос. Прабхупада согласился. Шьямасундара получил письмо от Джорджа на бланке корпорации «Эппл» с заверением в том, что фирма «Эппл» гарантирует оплатить аренду в том случае, если преданные не смогут выполнить свои финансовые обязательства. Через неделю у преданных уже было пятиэтажное здание в самом центре Лондона.

Однако, когда преданные переехали в свой новый центр на Бери-Плейс, городские власти заявили, что у них неправильно оформлены документы на вселение. Бюрократическая волокита грозила затянуться на недели, а то и на месяцы. У преданных снова не было места, где они могли бы жить и вместе поклоняться Кришне. Но Шьямасундара, уверенный в том, что все будет в порядке, начал ремонт алтарной, обшивая ее калифорнийской секвойей.

Узнав о положении преданных, Джон Леннон сказал Шьямасундаре, что они могут расположиться у него в Титтенхерсте, большом поместье под Аскотом, которое он не так давно приобрел. Он собирался там кое-что перестроить и, если преданные помогут ему сделать ремонт, он позволит им жить в своем поместье.

– А наш гуру сможет там остановиться? – спросил Шьямасундара.

Джон согласился, и преданные въехали в бывший флигель для прислуги в усадьбе Джона.

Всего за несколько недель до приезда Прабхупады пластинка «Харе-Кришна-мантра» увидела свет. По случаю ее выхода фирма «Эппл» устроила рекламное шоу с участием журналистов и фотографов. В ярко раскрашенном автобусе они подкатили к бело-голубому павильону, где собрались преданные вместе с Джорджем.

В первый же день было продано семьдесят тысяч пластинок. Через несколько недель преданные появились в популярном телевизионном шоу «Самые известные» и исполнили «свою песню».

Поместье Джона Леннона, ранее принадлежавшее семейству Кэдбери, занимало тридцать гектаров лугов и леса и состояло из большого особняка и многочисленных служебных построек. Джон со своей женой Йоко жил в большом доме, а Прабхупаде и преданным они отвели узкое здание, в котором раньше жила прислуга. В здании было четыре квартиры, и в нем поселилось около пятнадцати преданных; одну квартиру оставили для Прабхупады и его слуги.

Ленноны уже не в первый раз принимали у себя преданных. Несколькими месяцами раньше, в мае, преданные вместе с Джоном и Йоко пели «Харе Кришна» в их номере-люкс монреальского отеля «Куин Элизабет».

Джон хотел, чтобы преданные сорвали со стен в большом доме деревянные панели и заменили их на новые, а полы выложили черно-белой мраморной плиткой. Когда преданные начали ремонт, Ишана, который только что приехал из Канады, вместе с несколькими помощниками принялся переделывать старый концертный зал под храм, где должна была стоять вьясасана Прабхупады. Над квартирой Прабхупады, храмовой комнатой и вьясасаной преданные трудились днем и ночью. Они работали с таким рвением, что Джон и Йоко не могли не заметить, как сильно они любят своего духовного учителя. Когда преданные отправляли Прабхупаде в Германию магнитофонную запись, Ишана спросил Джона, не хочет ли он что-нибудь сказать их гуру. Улыбнувшись, Джон ответил, что хотел бы узнать секрет Прабхупады – как ему удалось завоевать такую любовь своих учеников.

Итак, сцена была готова. Настало время выхода главного героя. Чистый преданный Господа Кришны прибывал, наконец, в Англию. Шестерым преданным, пионерам сознания Кришны в Лондоне, пришлось выдержать долгую борьбу. Зато теперь казавшаяся когда-то несбыточной мечта становилась реальностью. Они нашли для Прабхупады жилье и приобрели храм в центре Лондона. Это было благословением Господа Кришны.

Глава тридцатая

Лондон: мечта сбылась

Лондон

11 сентября 1969 г.

Встречу Прабхупады в лондонском аэропорту Хитроу преданные организовали совместно с фирмой звукозаписи «Эплл» и немецкой авиакомпанией «Люфтганза». Когда он спустился по трапу самолета, его посадили в автомобиль и доставили в зал для почетных гостей, минуя пограничные и таможенные формальности. Когда Прабхупада вышел из автомобиля, преданные выбежали из здания аэровокзала и пали ниц прямо на мокрый тротуар, а он с улыбкой на них глядел. Поднявшись и стряхнув мокрую щебенку со своих дхоти и сари, юноши и девушки радостной толпой окружили Прабхупаду, входившего в зал ожидания.

В здании аэропорта Прабхупаду встречала толпа репортеров и фотографов, а также несколько десятков друзей преданных. Один из диванов в зале для гостей был накрыт чистой тканью, а по обе его стороны стояли букеты желтых гладиолусов. Прабхупада прошел к дивану и сел, а Шьямасундара надел на него гирлянду из белых и красных гвоздик. Прабхупада начал киртан.

Преданные не замечали ничего, что творилось вокруг – только Прабхупаду, и репортерам только и оставалось что стоять в сторонке и наблюдать, как они в восторге поют и танцуют. Не сдерживая эмоций, молодые люди самозабвенно пели «Харе Кришна», то и дело восклицая «Харибол!» и «Джая Прабхупада!», и трубили в раковины.

После киртана журналистам пришлось еще немного подождать – пока Прабхупада ласково беседовал с сидевшими перед ним преданными:

– А где Джанаки? – спросил он. – А, вот ты где. Как у тебя дела? Вибхавати, как твоя дочь? На самом деле, все вы – мои отцы и матери. Вы так заботитесь обо мне...

Преданным казалось, что в гостинице, кроме них и Прабхупады, никого нет. Они старались не пропустить ни одного его слова, ни одного движения. Их нисколько не интересовало, что подумают посторонние.

Наконец, Мукунда пригласил репортеров подойти поближе:

– Джентльмены, если у вас есть вопросы, вы можете задать их Прабхупаде.

Журналисты протиснулись сквозь толпу преданных:

- Что вы думаете об этом приеме?

Прабхупада: Мне все равно, как люди меня принимают. Меня больше интересует, как они принимают наше Движение. Это волнует меня больше всего.

Преданные, хором: Харибол!

Репортер: Это какой-то особый прием, или же вам каждый день оказывают такие почести?

Прабхупада: Нет, куда бы я ни приехал, меня везде встречают ученики. В странах Запада у меня около двадцати центров, главным образом в Америке. Американские юноши и девушки всегда так рады мне! И в Лос-Анджелесе, и в Сан-Франциско – везде они устраивали мне великолепный прием. На празднике Ратха-ятры около десяти тысяч юношей и девушек шли за мной целых одиннадцать километров.

Преданные: Харибол!

Корреспондент газеты «Сан»: Чему вы пытаетесь учить, сэр?

Прабхупада: Я пытаюсь учить тому, о чем вы забыли.

Преданные (со смехом): Харибол! Харе Кришна!

Корреспондент «Сан»: Чему же именно?

Прабхупада: Тому, что Бог существует. Кто-то говорит, что Бога нет. Кто-то – что Он умер. Кто-то заявляет, что Бог является чем-то безличным или представляет собой пустоту. Все это чушь. Я хочу убедить всех, кто сбит с толку, в том, что Бог есть. В этом и заключается моя миссия. Вы можете прийти ко мне с любой чепухой, и я докажу вам, что Бог есть. В этом смысл деятельности нашего Движения сознания Кришны. Мы бросаем вызов атеистам: Бог существует. Как мы с вами видим друг друга и общаемся друг с другом, так и с Богом можно встретиться лицом к лицу, если вы достаточно искренни и серьезны. Это вполне возможно. Но вы, к

сожалению, стараетесь забыть о Боге. Поэтому в вашей жизни так много страданий. Вот я и проповедую: осознайте Кришну и будьте счастливы. Не позволяйте безумным волнам майи, иллюзии, увлечь вас в бездну.

Один журналист поинтересовался, правда ли, что их пение является «важнейшим условием укрепления веры». Прабхупада дал ему развернутый ответ, объяснив, каким очищающим воздействием обладает пение «Харе Кришна». Он процитировал стих из «Шримад-Бхагаватам», где утверждалось, что у того, кто не обладает сознанием Бога, не может быть никаких хороших качеств.

– Испытайте любого из наших учеников, – предложил Прабхупада, – и убедитесь, какие замечательные качества развили они в себе и каких успехов достигли. Возьмите кого угодно и сравните с любым из этих юношей. Вы увидите, насколько отличаются их характер, чувства, сознание. Если вы хотите, чтобы в обществе воцарился мир, сделайте людей сознающими Бога, сознающими Кришну. Тогда все разрешится само собой. Без этого ваша так называемая Организация Объединенных Наций бесполезна.

Газетчики спрашивали о Билли Грэхеме, о высадке на Луну, о войне в Ирландии, о том, где сейчас его жена и дети... Они попросили его повернуться к ним лицом и защелкали фотоаппаратами. После этого, поблагодарив Прабхупаду они разошлись.

Прабхупада вышел из здания аэропорта и направился к сверкающему белому «роллс-ройсу», любезно присланному за ним Джоном Ленноном. Это был роскошно отделанный лимузин с затемненными стеклами и телевизором в салоне. Прабхупада, скрестив ноги, уселся на заднем сиденье. Преданные были так возбуждены, что никто из них даже не догадался сесть в машину вместе с ним, и шофер увез его в Титтенхерст одного. Всю дорогу Прабхупада молчал, лишь временами было слышно, как он читает мантру, а шофер так же безмолвно вел машину по извилистой дороге прочь от аэропорта.

Вот он и в Англии. Его отец, Гоур-Мохан, всегда противился любым попыткам отправить его в эту страну. Как-то один из дядьев Прабхупады сказал Гоур-Мохану, что сына непременно нужно отправить в Англию, чтобы там он выучился на адвоката. Но Гоур-Мохан не согласился. Если сын его поедет туда, эти люди, которые едят мясо, пьют вино и помешаны на сексе, окажут на него дурное влияние... И вот теперь, семьдесят лет спустя, Прабхупада все-таки приехал в Лондон – но не для того, чтобы попасть в зависимость от англичан, а для того, чтобы самому на них повлиять. Он приехал учить их тому, о чем они забыли.

Начало было многообещающим, Кришна проявил к нему особую благосклонность. Когда он жил в Нью-Йорке – один, без гроша в кармане – он считал это милостью Кришны. А теперь он ехал по Англии, в роскошном лимузине с личным шофером, и это тоже было милостью Кришны. Видя в этой поездке часть плана Господа, все свои помыслы Прабхупада сосредоточил на исполнении воли духовного учителя. И неважно, как сложатся обстоятельства.

Когда они свернули на трассу №4 ведущую в Слау, Прабхупада увидел заводы и склады, которые вскоре сменились равниной с фруктовыми садами, полями и пасущимися лошадьми. Пасмурная, прохладная погода напоминала о том, что скоро зима. Минут через двадцать они достигли богатых предместий Аскота, и вскоре слева показался высокий забор из красного дерева, окружающий имение Леннона.

Прабхупада приехал раньше своих учеников. Но те, кто остался в усадьбе, радостно встретили его и провели в комнату, приготовленную для него на втором этаже флигеля для слуг. В небольшой комнате было холодно и сыро. там стоял низкий рабочий стол, и весь пол был застлан коврами, принесенными из других комнат. Смежная комната, совсем пустая, была еще меньше. Прабхупада присел к столу.

– А где же все? – спросил он. Откинувшись к стене и взглянув в окно, он увидел, что на улице дождь.

После полудня к преданным заглянули Джордж, Джон и Йоко. К тому времени Прабхупада уже пообедал, и Шьямасундара пригласил их пойти с ним познакомиться. Джордж обернулся к Джону и спросил:

– Хочешь, пойдем?

Бородатый, в очках, с волосами до плеч, хозяин Титтенхерста не возражал. Проявила любопытство и Йоко. Все трое прошли в комнату.

Встретив гостей благосклонной улыбкой, Прабхупада, сидевший за столом, пригласил их войти и сесть. К нему пришли двое самых знаменитых людей Англии, и Кришна хотел, чтобы он

немного поговорил с ними. Прабхупада снял с себя гирлянду и передал ее Шьямасундаре, указав, чтобы тот надел ее на шею Джорджу.

– Спасибо, – сказал Джордж. – Харе Кришна.

Прабхупада улыбнулся:

– Это благословение Кришны.

– Харе Кришна, – повторил Джордж.

– Да, – сказал Прабхупада, – В «Бхагавад-гите» есть стих: яд яд ачарати шрештхас тат тад эветаро джанах / са ят праманам куруте локас тад анувартате. Смысл его в том, что обыкновенные люди всегда следуют примеру великих личностей. Яд яд ачарати шрештхах. Шрештхах значит «великие люди». Ачарати – «делают». Что бы ни делали великие люди, остальные всегда им подражают. Если великий человек говорит: «Это хорошо», – остальные с ним соглашаются и тоже начинают считать, что это хорошо. По милости Господа вы стали кумирами тысяч молодых людей. Они любят вас. И если вы дадите им что-нибудь действительно хорошее, весь мир изменится к лучшему.

Хотя Джордж и Джон были приблизительно того же возраста, что и большинство учеников Бхактиведанты Свами, он считал их «шрештхами», «великими людьми», которых уважают и с которыми считаются в обществе.

– Вы тоже стремитесь дать миру мир, – продолжал Прабхупада. – Время от времени я читаю ваши высказывания. Вы обеспокоены не меньше других. Каждый добродетельный человек должен желать дать миру мир. Нужно только знать, как это делается.

Он объяснил им «формулу мира», изложенную в «Бхагавад-гите»: обрести подлинный мир может лишь тот, кто признает Верховную Божественную Личность владыкой всего сущего, целью всех жертвоприношений и другом каждого живого существа.

После этого Прабхупада прямо сказал двум «битлам» о том, на что раньше только намекал: им следует изучить философию сознания Кришны и помочь распространить ее по всему миру.

– Я прошу вас: по крайней мере, постарайтесь как можно глубже вникнуть в эту философию, – сказал он. – Если понравится, примите ее. Вы ведь тоже хотите дать что-то миру. Попробуйте дать миру это знание. Вы читали наши книги, «Бхагавад-гиту как она есть»?

Джон: Я читал отрывки из «Бхагавад-гиты», но не знаю, чей это был перевод. Переводов так много!

Прабхупада: Да, все переводы разные, поэтому мы и предприняли это издание – «Бхагавад-гита как она есть».

Прабхупада объяснил, что материальный мир – это место страданий. Природа жестока. В Америке Президента Кеннеди считали самым удачливым и счастливым человеком, его уважали и почитали во всем мире.

– Но в один миг, – Прабхупада громко щелкнул пальцами, – его не стало. Все в этом мире бременно. Где он теперь? Если жизнь вечна, если живое существо вечно, то куда он отправился? Что делает? Счастлив он или страдает? Где он родился – в Америке или в Китае? Этого никто не знает. Несомненно только одно: он – душа, он вечен, и потому продолжает существовать.

Прабхупада рассказал им о переселении души, а затем снова обратился к ним с просьбой:

– Постарайтесь понять эту философию, и если она вам понравится, примите ее. Вы ведь стремитесь к чему-то прекрасному? Как вам мое предложение?

«Битлы» переглянулись, но ничего не сказали. Прабхупада, довольный, тихо рассмеялся:

– Вы умные ребята. Попробуйте разобраться сами.

Прабхупада поведал о том, какое важное место в Ведах отводится музыке.

– Самаведа, – сказал он, – полна музыки. Ее адепты буквально погружены в музыку. Через ее звуки они обращаются ко Всевышнему.

Он медленно пропел три стиха из «Шримад Бхагаватам»:

шри-прахрада увача
матир на кришне паратах свато ва
митхо 'бхипадйета гриха-вратанам
аданта-гобхир вишатам тамисрам
пунах пунаш чарвита-чарвананам

на те видух свартха-гатим хи вишнум

дурашайа йе бахир-артха-манинах
андха йатхандхаир упанийа манас
те 'пиша-тантриам уру-дамни баддхах

наишам матис тавад урукрамангхрим
спришатй анартхапагамо йад-артхах
махийасам пада-радждо-'бхишекам
нишкинчананам на вринита йават

«Махараджа Прахлада ответил: Люди, слишком привязанные к мирской жизни, совершенно не управляют чувствами, и потому постепенно скатываются в ад и раз за разом «жуют уже пережеванное». И ничто не пробуждает в них склонности служить Кришне – ни наставления других, ни собственные усилия, ни то и другое вместе. Люди, поглощенные мыслями о мирских наслаждениях, избирают себе вождя или гуру из числа таких же слепцов, как они сами, – слепцов, которые привязаны к внешним объектам, доступным для материальных чувств. Такие люди не способны понять, что цель жизни одна: вернуться домой, к Господу Вишну, и посвятить себя служению Ему. Как слепой, идущий за другим слепым, сбивается с пути и падает в яму, так и материалистичные люди, избравшие своим вождем такого же материалиста, запутываются в необычайно прочных веревках корыстной деятельности и погружаются в бездонную пучину материального бытия, где их снова и снова преследуют тройственные страдания. Пока они не осыплют свои тела пылью с лотосоподобных стоп вайшнава, всецело свободного от скверны мирского бытия, они не разовьют в себе привязанности к лотосным стопам Господа, которого славят за Его необычайные деяния. Очистить свою жизнь может лишь тот, кто, обретя сознание Кришны, укрылся под сенью лотосных стоп Верховной Божественной Личности». (Шримад Бхагаватам 7.5.30-32)

Прабхупада спросил гостей, какой философии они следуют.

– Следуем? – переспросил Джон.

– Да ничему мы не следуем, – сказала Йоко. – Просто живем.

– Мы занимались медитацией, – добавил Джордж. – Точнее, я занимаюсь медитацией, мантра-медитацией.

Они стали задавать вопросы – такие, которые Прабхупада слышал уже не раз. После того, как он рассказал им о природе Брахмана, всепроникающей духовной энергии Верховной Личности, Йоко выразила сомнение в том, что Брахман может сохранять чистоту и со временем не деградировать. Прабхупада посоветовал ей серьезно изучать духовную философию, чтобы глубже понять ее смысл.

Джону и Йоко, убежденным эклектикам, трудно было согласиться с тем, что Прабхупада говорил об авторитете Вед.

Джон: Все это нужно еще как следует профильтровать – как через песок – и тогда увидим, кто прав.

Прабхупада: Нет. Вы одно поймите. Почему эти люди – если Кришна не является высшим авторитетом, – почему они берут книгу Кришны и переводят ее? Подумайте сами.

Джордж: Я не говорю, что Кришна – не Всевышний. Я в это верю. Здесь какое-то недоразумение, связанное с переводом «Гиты» с санскрита на английский. Я уже говорил, что есть много переводов, и мы поняли так, будто вы хотите сказать, что только ваша версия, ваш перевод является авторитетным, а другие – нет. Но у нас не было расхождений по поводу того, кто такой Кришна.

Прабхупада: Хорошо. Если вы верите, что Кришна – Верховный Господь, если вы придерживаетесь этого мнения, значит, вам надо посмотреть, кто сильнее всех привязан к Кришне. Один круглые сутки прославляет Кришну, а другой ни слова о Нем не говорит. Разве такой человек может считаться преданным Кришны? Разве тот, кто не хочет даже произнести Его имя, может называть себя Его представителем? Если Кришна – истинный авторитет (с чем вы согласны), тогда нужно признать и авторитет тех, кто непосредственно служит Кришне и предан Ему.

Беседа длилась больше часа, после чего Прабхупада угостил Джона, Джорджа, Йоко и преданных, сидевших в комнате, прасадом. Если эти «шрештхи» примут сознание Кришны, это

принесет благо им и многим другим. Он исполнил свой долг, дав им такую возможность. Он рассказал им об учении Кришны, а принять его или отвергнуть – решать им самим.

Джон сказал, что его ждут дела, извинился и направился к выходу, за ним поднялись и остальные. Спускаясь по лестнице, Йоко повернулась к Джону и сказала:

– Посмотри, как просто он живет. А ты бы так смог?

Вечером Прабхупада общался со Шьямасундарой, Малати, Гуру-дасом, Ямуной, Мукундой и Джанаки – тремя семейными парами. После года разлуки они счастливы были вновь находиться рядом с духовным учителем, а он был счастлив быть с ними. В основе той любви, которой они обменивались, и того удовлетворения, которое приносило им это общение, лежало их общее желание – укоренить в этом стратегически важном городе Движение санкиртаны Господа Чайтаньи. Теперь, когда Прабхупада в Лондоне, темп их работы под его умелым руководством должен только увеличиться – отныне он каждый день может учить их, как лучше организовать в Лондоне проповедь, а они по мере необходимости могут ему отчитываться. Вдобавок, женщины получили возможность непосредственно ему служить – убирать квартиру, стирать и гладить одежду и готовить для него.

– Теперь в Англии никто не может позволить себе иметь такой дом, – сказал Прабхупада. – Англия уже не та. Теперь этим поместьем владеют юноши. И мы тоже здесь.

– Прабхупада, – сказал Шьямасундара, – вчера было продано пятьдесят тысяч экземпляров нашей пластинки.

– О! – глаза Прабхупады округлились. – Очень успешный бизнес!

Прабхупада сказал, что и силы, и деньги нужно направить на то, чтобы открыть в городе храм. Сейчас они расположились со всеми удобствами в богатом поместье в пригороде, и, естественно, должны сделать все возможное, чтобы как можно сильнее вовлечь этих «звезд» – своих хозяев – в служение Кришне. Но главная задача – открыть в Лондоне храм. Бхактисиддханта Сарасвати предпочитал строить храмы в городах с большим числом жителей. Конечно, если Джон подарит этот участок Кришне, и преданные, как и в Новом Вриндаване, смогут держать здесь коров и возделывать землю, то это другое дело. Нужно просто посмотреть, чего хочет Кришна.

Прабхупаду огорчало то, что некоторые его ученики вынуждены целыми днями работать над восстановлением поместья, чтобы иметь возможность здесь оставаться. Он сказал, что брахманы и вайшнавцы заняты очень важным и серьезным делом – они постигают духовное знание и учат этому других, поэтому заслуживают уважения и поддержки со стороны других. Условия их проживания в Титтенхерсте больше походили на бизнес, чем на благотворительность. Но это была временная ситуация – ее надо было просто перетерпеть.

Прабхупада обсудил со Шьямасундарой, Мукундой и Гуру-дасом трудности, возникшие у них в связи с получением разрешения на заселение и с ремонтом храма в центре города. Он сказал, что Шьямасундара прав, начав реставрацию храма; Кришна защитит вложенные в это дело средства. Узнав, что они договорились о серии публичных лекций, которые заставят его остаться в Лондоне на три месяца, Прабхупада улыбнулся. Он ответил, что будет счастлив остаться в Англии на любой срок и проповедовать, пока центр в Лондоне не откроется.

Прабхупада похвалил своих лондонских первопроходцев за успехи на том поприще, на котором его духовные братья-санньяси потерпели фиаско. Он объяснил им, что причина этого успеха в том, что они с верой повторяют «Харе Кришна». Они не были великими учеными или отрешенными монахами, но обладали твердой верой в Святое имя и в приказ духовного учителя. Прабхупада сказал, что и сам он не такой уж великий ученый, но у него есть непоколебимая вера, без которой не достичь успеха на духовном пути.

Преданный может отправиться куда угодно и сделать там очень многое, объяснял Прабхупада, но если сердце его не свободно от корыстных мотивов, ему не удастся посеять семя бхакти в сердцах других. Прабхупада вспомнил Шивананду, который в одиночку поехал в Гамбург и сейчас изо всех сил там старался, с верой в своего духовного учителя. Кришна благословил Шивананду, немного его вознаградив: в помещении бывшего магазина Шивананде удалось открыть храм. Пришли новые преданные, заинтересовался один профессор, гости приходят и поют «Харе Кришна». Даже в одиночку проповедник может достичь многого ради Кришны, если в нем нет стремления к удовлетворению чувств и желания получить выгоду, снискать почет или стать популярным.

Шрила Прабхупада поднялся рано – около часу ночи – и принялся надиктовывать свою новую книгу – «Кришна, Верховная Божественная Личность». Эта книга, начатая им восемь месяцев назад в Лос-Анджелесе, представляла собой изложение Десятой Песни «Шримад-Бхагаватам». Начав в 1959 году с Первой Песни, Прабхупада переводил стихи «Бхагаватам» один за другим – делал латинскую транслитерацию, потом пословный перевод, литературный перевод на английский, а в конце добавлял свой комментарий. Но эта новая книга была полностью на английском: переводы и комментарии в ней сплетались воедино, в удивительные духовные истории.

Прабхупада по-прежнему работал над основным переводом «Бхагаватам» – над Третьей Песнью, методично переходя от одного стиха к другому, и чтобы такими темпами дойти до Песни Десятой, понадобилось бы много лет. Но он не знал, сколько жизни ему отпущено, и сама мысль о том, чтобы уйти, не оставив в этом мире авторитетного и интересного изложения Десятой Песни, была для него нестерпимой. Десятая Песнь, в которой описываются игры Господа Кришны на Земле, является кульминацией «Шримад-Бхагаватам» и сладчайшим нектаром духовной литературы. У него набралось уже достаточно рукописных страниц, чтобы напечатать первый том со множеством цветных иллюстраций, которые он поручил нарисовать своим художникам. Однако печать такой книги стоила немалых денег, а их у Прабхупады не было. Но, полностью положившись на Кришну, он продолжал быстро переводить в тиши раннего утра.

В половине пятого пришел Пурушоттама, секретарь Прабхупады, в сопровождении Ямуна-даси. Он предложил Радха-Кришне – небольшим Божествам Прабхупады – арати а Ямуна, горя желанием научиться этому делу, за ним наблюдала. Прабхупада пропел молитвы, подыгрывая себе на фисгармонии.

Пока Прабхупада проводил свою мангала-арати, в храме на общую церемонию собралось около десяти преданных. Идя по влажной дорожке к храму, они чувствовали дуновение холодного воздуха и слышали звон колокольчика и пение Прабхупады. Сквозь предрассветный туман можно было разглядеть свет в его окне, на втором этаже, а само здание в темноте напоминало фонарь. Мистические звуки фисгармонии струились сквозь кроны деревьев.

Тем же утром, чуть позже, преданные принесли своему духовному учителю несколько статей из свежих газет, освещавших его прибытие в Лондон. «Дейли Скetch» под заголовком «Приезд Его Божественной Милости Абхай-Чарана Бхактиведанты Свами» напечатала тридцатисантиметровое фото Прабхупады, играющего на караталах. В газете «Сан» вместе с фотографией Прабхупады и преданных появилась статья «Счастье – это Харе Кришна». А «Дейли Миррор» напечатала фотографию малышки Сарасвати и одного из старших преданных.

Однако в «Дейли Телеграф» была статья несколько другого характера. Она называлась «Протесты против индуистского храма». «Министерство общественных зданий и их обслуживания расследует дело о реконструкции здания в Блумсбери для использования его под индуистский храм» – так начиналась статья. Соседи преданных на Бери-Плейс были явно недовольны ремонтными работами, которые проходили там последние две недели. В статье приводились слова члена Камденского совета: «Если им откажут в разрешении на перепланировку, они потеряют большие деньги».

Прабхупада сказал, что преданные должны сделать все от них зависящее, чтобы избежать проволок и препятствий, которые могли бы помешать открытию храма и установлению Божеств Радхи и Кришны. Он посоветовал им вести ежедневную планомерную работу с чиновниками, чтобы получить разрешение, а Шьямасундара тем временем пусть продолжает ремонтные работы на Бери-Плейс.

Искусство дипломатии было для Прабхупады делом не менее духовным, чем перевод книги «Кришна» или пение перед Божествами. Он был серьезен и строг; и ученики чувствовали это, когда внимательно, как будто видя их насквозь, он смотрел на них своим пронизательным взглядом, чтобы понять, усвоили ли они его наставления. Его суровость – неотъемлемое качество гуру – была важной составляющей их отношений с ним. Они были молоды и неопытны, а он ставил перед ними задачу, для выполнения которой требовался немалый опыт – как духовный, так и житейский.

Будучи скромными слугами и посланниками Прабхупады, его ученики впитывали в себя эту серьезность. Они тоже «тяжелели». Они тоже становились преданными слугами своего гуру. Невыполнение важного приказа по наивности или невнимательности было чревато духовной дисквалификацией. Прабхупада часто говорил им, что вайшнав – это не тот, кто удалился от

жизни, чтобы просто спать, есть и повторять «Харе Кришна». Нет, вайшнав сражается ради Кришны, как Арджуна или Хануман. И если преданный делает все, что в его силах, действует, полностью предавшись Кришне, Кришна поддержит и защитит его.

С рассветом для Прабхупады наступало время утренней прогулки. Холодная сентябрьская ночь укрыла зарю пеленой густого тумана. Низины в это время года были затоплены – даже на возвышенностях густая трава до середины утра оставалась мокрой.

– Этот климат мне совсем не подходит, – признался Прабхупада.

Но он слышал о красоте здешних мест и настоял на том, чтобы утром, как обычно, прогуляться.

Историю Титтенхерста можно проследить вплоть до семидесятых годов восемнадцатого столетия. Тогда поместье славилось разнообразием своих деревьев и кустарников – это была одна из самых необычных ботанических коллекций Англии. И по сей день эти места украшали величественные кипарисы, плакучие буки, тополя, королевские пальмы, красные деревья, разнообразные сосны, араукарии, вишни и яблони. Один кипарис в высоту достигал почти сорока метров, а красные деревья – и того больше. Кусты и лианы образовывали густые заросли. Рядом с главным зданием росли сотни рододендронов, там же симметрично раскинулся розовый сад и несколько фонтанов. Владелец поместья располагал и собственным прудом, в котором водились золотые рыбки и окуни, и несколькими теплицами для выращивания винограда и персиков. Хозяева сада, цветущего круглый год, из поколения в поколение заботливо ухаживали за ним: прошлый владелец содержал для этой цели два десятка садовников. Джон, однако, сознательно ничего не обрезал и не подстригал, позволяя растениям естественно разрастаться.

Прабхупада вышел в утреннюю дымку, ступив на высокую, мокрую траву. Он был одет почти во все черное – на нем была русская шапка-ушанка и высокие резиновые сапоги. Черное, до пят, пальто, подаренное ему преданными в Германии, покрывало его дхоти и свитер, лишь иногда приоткрывая краешек шафрановой ткани.

Прабхупада, в сопровождении нескольких учеников, прошел мимо фонтана, расположенного у главного здания, и вошел в рощу. Лозы и кусты подступали все ближе, тропинка сузилась и вывела их на открытый луг, который когда-то был ухоженным газоном, но теперь превратился в поле, покрытое зарослями высокой травы. Часть земли была перекопана экскаваторами – ходили слухи, что скоро здесь построят вертолетную площадку.

Покатый луг спускался к фруктовому саду. Деревья уже почти облетели, и первые лучи восходящего солнца играли на золотом осеннем ковре у ног Прабхупады. Он остановился под деревом и смотрел, как рассеянный солнечный свет окрашивает небо в золотистые тона.

– Когда я был маленьким, – сказал он, – у меня было много имен. Мой дядя по матери называл меня Нанду, потому что я родился на следующий день после явления Кришны, и в этот день был большой праздник. Меня называли Нанду, потому что я родился на день позже Кришны. А еще меня называли Говардхана. Моя сестра звала меня Коча. У меня было столько имен! В детстве все мы были очень красивыми. Детям всегда дают много имен. Но где сейчас все эти имена?

Он повернулся и пошел дальше, больше ни словом не обмолвившись на эту тему.

Прабхупада говорил об английской экономике, которая, по его мнению, шла на дно из-за обесценивания фунта. Многие английские лорды нажили свои состояния, эксплуатируя представителей других наций; теперь же, когда запас их хорошей кармы исчерпан, они пожинают горькие плоды своих грехов. Они так обеднели, что уже не в состоянии поддерживать свои роскошные поместья.

– В одном только саду у них было семнадцать работников, которые трудились день и ночь, – воскликнул Прабхупада, – а теперь они даже налоги не в состоянии заплатить и вынуждены продавать поместья! И все это попадает в руки шудр.

Ишана спросил Прабхупаду:

– Как я, человек столь низкого происхождения, мог прийти к сознанию Кришны?

– Это потому, что у тебя есть разум, – ответил Прабхупада.

– Не понимаю.

– Потому что ты разумен, – повторил Прабхупада.

Жена Ишаны, Вибхавати, спросила:

– Что значит духовный учитель?

– На самом деле, я не духовный учитель, – ответил Прабхупада. – Этот титул – просто формальность. Ты должна считать меня своим духовным отцом, своим вечным отцом.

Когда они проходили мимо трактора, Кулашекхара заметил:

– Удивительное изобретение – трактор, правда?

Прабхупада повернулся к нему:

– Трактор разрушил сельское хозяйство Индии.

– Почему? Ведь с его помощью можно выполнить работу десятерых человек.

– Да, – сказал Прабхупада. – В былые времена деревенские юноши были заняты обработкой земли, а потом появился этот самый трактор, который взял их обязанности на себя. Ребятам стало нечем заняться, и в поисках работы они подались в город, где попали в сети иллюзии.

Остановившись у пучка вырванной с корнем пожелтевшей травы, Прабхупада задал вопрос:

– Что в этой траве особенного?

Никто не ответил.

– Вся трава зеленая, – сказал он, – а эта желтая. В чем причина?

Ответа опять не последовало.

– Желтая трава сохнет, – объяснил Прабхупада, – потому что корни ее оторваны от земли. Точно так же, когда мы отрываем себя от Кришны, мы высыхаем.

Они дошли до места, где трава достигала в высоту почти двух метров. Остановившись около дороги, проторенной трактором, Прабхупада улыбнулся:

– О, мы сможем здесь пройти?

И, со своей тросточкой, быстро двинулся вперед, в заросли травы и сорняков высотой в человеческий рост. Он шел, пока не достиг невысокого холма, расчищенного под посев, и остановился около него. Окруженный несколькими учениками, он стоял, возвышаясь над морем травы. Кулашекхара поинтересовался, что за песню Прабхупада пел сегодня утром.

– Эта песня, – ответил Прабхупада, – о Господе Чайтанье Махапрабху. Он просыпается в это время, когда солнце уже встало, но еще не показалось на небе.

Туман постепенно рассеялся, и золотое сияние поднималось все выше и выше над горизонтом. Прабхупада поднял руки и начал раскачиваться из стороны в сторону:

– Вот так, – сказал он, – Чайтанья Махапрабху танцует по утрам.

Когда на обратном пути они шли мимо главного здания, то заметили, что сквозь стеклянную дверь парадного входа на них внимательно смотрит Джон Леннон. Прабхупада, с тросточкой, в черном пальто и в резиновых сапогах, был похож на сквайра, совершающего утреннюю прогулку. Время от времени останавливаясь, он внимательно изучал деревья, гладил их кору, растирал листья, сосредоточенно их рассматривая. В начале прогулки кто-то из преданных сорвал и подарил ему розу, и Прабхупада все еще бережно держал ее в руке. Он гулял около часа. Везде его взору открывались прекрасные пейзажи, и везде он давал своим последователям наставления о сознании Кришны.

Возвращаясь домой, Прабхупада встретил у входа маленькую Сарасвати. Взяв девочку за руку, он дошел вместе с ней до лестницы, и они остановились. Поднявшись до середины, Прабхупада заметил, что Сарасвати стоит в дверях и смотрит на него. Он поманил ее рукой и позвал:

– Иди сюда, – и она вскарабкалась по лестнице вслед за ним.

Когда Сарасвати вошла в комнату Прабхупады, он спросил:

– Ну что, ты уже выросла, чтобы пойти в гурукулу?

– Нет, – ответила она, покачав головой.

– Иди сюда, я поставлю тебе на лоб печать, а потом мы положим тебя в красный почтовый ящик и отправим в гурукулу.

Сарасвати заплакала:

– Малати! Малати! Не хочу! – а потом убежала и спряталась за маму.

– Ну, ну, Сарасвати, – стал уговаривать ее Прабхупада. – Иди ко мне на ручки, я угощу тебя прасадом.

Она подошла и села Прабхупаде на колено.

– Принеси-ка мне печать, Пурушоттама, – продолжал он дразнить девчушку. – Мы отправим ее в гурукулу.

Сарасвати снова завизжала и кинулась к Малати.

Шрила Прабхупада видел в Сарасвати чистую духовную душу, но поскольку пребывала она в теле маленького ребенка, он не учил ее философии, а просто играл с ней, кормил прасадом и обращался с ней, как любящий дедушка. Но, привязавшись к нему, она могла привязаться к Кришне!

После завтрака, когда солнце уже достаточно нагрело воздух, Прабхупада открыл окно, сел за фисгармонию и начал петь бхаджаны. Он играл и пел с закрытыми глазами, покачивая головой, а Ямуна сидела внизу на ступеньках и плакала от восхищения. Какое-то время Прабхупада пел, а затем остановился и окликнул Ямуну:

– Тебе нравится мой киртан?

– Да, – кивнула она, – очень.

– Это молитвы Нароттама-даса Тхакура, – сказал он. – Это не материальные звуки. Они пришли прямо из духовного мира. Здесь даже не обязательно понимать язык. Это как гром и молния. Каждый может услышать раскаты грома и всё прекрасно понять. Точно так же, звуки эти выше материи. Они гремят в вашем сердце, как гром. Почему бы тебе не приходить сюда каждый день, чтобы слушать, как я пою?

– Это было бы чудесно!

– Да, – сказал Прабхупада. – С сегодняшнего дня мы начнем записывать.

С тех пор каждое утро Прабхупада пел, а Пурушоттама и Ямуна приходили к нему в комнату и записывали его пение на магнитофон.

– Какой бхаджан Ваш самый любимый? – поинтересовалась Ямуна.

– А твой? – в ответ спросил Прабхупада.

– Молитвы «Шикшаштакам» Господа Чайтаньи.

– А мой любимый, – сказал Прабхупада, – «Хари хари випхале».

Он кратко пересказал по-английски содержание молитвы:

– «О, Господь Хари, я прожил свою жизнь бессмысленно. Я родился в теле человека, что случается столь редко, но не поклонялся Радхе и Кришне и потому сознательно пил яд». Молитвы Нароттама-даса Тхакура исполнены глубокого смысла.

Пурушоттама: Как-то Прабхупада сидел в своей комнате один. Я шел мимо и услышал, что он поет молитву, которую раньше я никогда не слышал. И я вошел. Конечно, все знают, как он поет, – он мог петь очень красиво, очень вдохновенно, – но никогда я не слышал, чтобы он пел так прекрасно, как тогда. Я слышал его голос много-много раз, во многих храмах, но никогда не было, чтобы он пел столь же красиво. Я почувствовал, что слышать его пение – большая честь для меня. Это было изумительно. Закончив, он просто встал и сказал:

– Ну что, пошли?

Кроме того, за восемнадцать дней Прабхупада пропел всю «Бхагавад-гиту» – по одной главе в день.

– Где бы ни пели «Бхагавад-гиту», – сказал он, – это место становится тиртхой (святым местом).

Пурушоттама писал в Соединенные Штаты о том, что делает Прабхупада.

Он много поет молитвы, большинство из которых мы записали на магнитофон. Должен признаться, эти записи его песен и молитв, которые он здесь поет – лучшее из всего, что я когда-либо слышал. Подождите, когда мы приедем, вы услышите это сами. Как говорится в «Бхагаватам»: «Испей этого нектара, о благородный, и ты освободишься от смертной оболочки».

Женщины, которые готовили для Прабхупады, подавали ему на десерт американские сладости: яблочный пирог, пончики и пирожные с глазурью. Прабхупада улыбался, но пробовал чисто символически. А однажды после обеда он сказал:

– Эти сладости очень хороши, но никто не приготовит для меня сандеш...

Никто из преданных не умел готовить сладости по-бенгальски, поэтому Прабхупада пригласил их на кухню, чтобы научить, как делать сандеш. Но, хотя они наблюдали очень внимательно, первый сандеш получился у них сухим и зернистым. Но Прабхупада все равно принял его, предпочтя эту сладость, которую любит Сам Кришна, западным.

Для преданных, живущих в Титтенхерсте, присутствие Прабхупады было еще одной возможностью видеть, как чистый преданный Кришны непрерывно: и телом, и умом, и словами – преданно Ему служит. Они были свидетелями того, как их духовный учитель каждое мгновение говорит и действует в сознании Кришны, и его личный пример подтверждал, что высочайший

уровень чистого преданного служения – отнюдь не выдумка. Находясь рядом с ним, ученики его были на верху блаженства и это вновь наполняло их решимостью.

Хозяевам поместья, Джону и Йоко, тоже выпала редкая возможность быть рядом с Прабхупадой, но они предпочитали держаться подальше. Живя в своем мире, они редко общались с преданными. А преданные все так же работали под началом управляющих Джона, и Джон был вполне доволен тем, что Прабхупада и его окружение живут у него. Когда главный садовник спросил Джона, как относиться к новым жильцам, тот ответил:

– Да пусть живут в свое удовольствие!

Иногда, услышав о том, какие дела творятся в хозяйском доме, Прабхупада высказывался по поводу того, как пагубно порой женщины могут влиять на мужчин. Но он не вмешивался в дела Джона и Йоко. У него были свои дела в сознании Кришны.

* * *

Прабхупада почти не видел Лондона: прямо из аэропорта его отвезли в Титтенхерст. Поэтому в один из дней он попросил Шьямасундара свозить его на экскурсию по городу. Прабхупада вырос в британской Калькутте и много слышал о славе Лондона – оплота Британской империи. И когда он воочию увидел многие из лондонских достопримечательностей, то был немало удивлен их небольшими размерами. По поводу Букингемского дворца он заметил:

– В Калькутте есть много домов и повыше этого.

Темза, которую в своих книгах воспевали английские писатели, которых он изучал в колледже, тоже разочаровала его:

– Это же просто канал! – говорил он. – Просто канал! Я-то представлял себе, что она больше, чем Ганга.

Но самой интересной достопримечательностью оказался дом №7 на Бери-Плейс. Власти города не так давно дали разрешение занять это помещение под храм – эта часть битвы была выиграна – теперь Шьямасундара и его помощники должны были закончить реконструкцию. Видя, что храм находится рядом с Британским Музеем и Музеем восковых фигур мадам Тюссо, Шрила Прабхупада преисполнился еще более сильным желанием, чтобы Шьямасундара как можно скорее подготовил храм к открытию.

* * *

В сентябре Прабхупада написал Сатсварупе о своей жизни в Титтенхерсте.

Здесь есть большой красивый зал, он бы точно подошел под алтарную. По определенным дням я даю здесь лекции, но никто из посторонних на них не приходит.

Прабхупада же хотел проповедовать именно «посторонним», а если уж они не хотят идти к нему, он готов был отправиться к ним сам. Его первое выступление, организованное преданными, состоялось в Ратуше Камдена – самом сердце Лондона – и собрал много посетителей – как англичан, так и индийцев. После короткой – не более пятнадцати минут – лекции начался оживленный обмен вопросами и ответами.

Женщина: Вы хотите сказать, что Кришна – это Бог, или что Кришна – это любовь?

Прабхупада: А как без любви Кришна может быть Богом?

Женщина: Нет, это я вас спрашиваю.

Прабхупада: Да. Это верный подход. Кришна означает «всепривлекающий». Если что-то привлекает всех, то обычно и вы это любите.

Мужчина: Тогда получается, что и человек, частица Верховного Существа, тоже заключает в себе всю любовь?

Прабхупада: Да, вы неотъемлемая частица Кришны. Вы хотите любить кого-то, и Кришна тоже хочет любить вас. Это обмен любовью. Но вместо того, чтобы любить Кришну, вы пытаетесь любить что-то другое. Вот в чем проблема. Любовь уже живет внутри вас, и так же живет она и в Кришне, и когда между вами и Кришной будет происходить этот обмен любовью, тогда жизнь ваша достигнет успеха.

Мужчина: Спасибо.

Индийская женщина: А насколько имеет значение то, что я поклоняюсь кому-то другому? Важно ли это – поклоняюсь я Кришне, Шиве, Христу или Будде? Имеет ли это значение?

Прабхупада: Если вы поклоняетесь Шиве, вы получите Шиву. Если вы поклоняетесь Кришне, вы получите Кришну. Почему вы пытаетесь достичь Кришны, поклоняясь Шиве? Как вы себе это представляете?

Индийская женщина: Я хочу спросить, имеет ли это значение?

Прабхупада: Если вы покупаете билет в Индию, то попадете в Индию. Как вы можете попасть в Америку?

Индийская женщина: Я говорю не о том.

Прабхупада: Именно о том. Об этом говорит и «Бхагавад-гита»: янти дева-врата деван питрин янти питри-вратах.

Индийская женщина: Но я имею в виду...

Прабхупада: То, что вы имеете в виду, вам понятно. Но почему вы не понимаете того, о чем говорится в «Бхагавад-гите»? Если вы поклоняетесь полубогам, таким как Шива или другие, вы к ним и попадете. Если же вы поклоняетесь Кришне, то отправитесь к Кришне. Неужели это сложно понять?

Индийская женщина: Вы считаете Шиву полубогом?

Прабхупада: Да, почему нет?

Индийская женщина: Но Кришна говорит, что неважно, какой путь поклонения вы выберете. Цель у всех путей одна, вы достигнете одной и той же цели. «Вы можете выбрать разные пути, но постепенно придете ко Мне».

Прабхупада: Попробуйте понять. Предположим, вам нужно на сорок первый этаж здания. И вы поднимаетесь – этаж за этажом. Цель – сорок первый, и поднявшись всего на несколько ступенек, вы не можете утверждать: «Я достигла цели, я на сорок первом этаже». Путь один – это правда – но вы должны достичь высшей цели. Вы не знаете высшей цели. Вы просто говорите, что к ней ведут все пути. Но вы не знаете, что эта цель собой представляет.

Какой-то молодой хиппи встал и закричал:

– Эй, Свамиджи!

Сидящие в зале обернулись и посмотрели в его сторону.

– Вы говорите, что если мы будем беспечными, то в следующей жизни станем собаками. Но я совершенно не прочь стать собакой в любой из следующих жизней.

– Примите мои благословения, – ответил Бхактиведанта Свами, и парень сел на место.

Единичные, нерегулярные лекции в разных частях города были еще одним свидетельством того, что в Лондоне нужен храм. Прабхупада уже был в подобном положении в 1965 году в Нью-Йорке. Тогда у него не было храма, люди приходили, вежливо слушали, а потом исчезали, и он никогда их больше не видел. Но чтобы обрести сознание Кришны, человеку нужно постоянно слушать о Кришне, а для этого необходим храм. Если бы Прабхупада смог открыть его в Лондоне, тысячи людей имели бы возможность приходить туда, слушать о Кришне, принимать прасад и любоваться красотой Господа, явившегося в прекрасной форме Божества. Храм дал бы гостям возможность постоянно и близко общаться с преданными Господа, а это очень важно. Но храма пока не было, и Прабхупада готов был давать лекции по всему Лондону. Учение Кришны, киртан Кришны и Его прасад несли людям абсолютное благо; они действовали независимо от внешних обстоятельств.

Конвей-Холл, расположенный на Ред-Лайон-сквер, в центре Лондона, представлял собой аудиторию на пятьсот мест. Договорившись, что в течение последующих трех месяцев Прабхупада сможет провести там двенадцати выступлений, преданные надеялись задержать его в Лондоне хотя бы на это время. Гуру-дас составил тематический план лекций и напечатал пятьдесят тысяч листовок. Входная плата составляла два шиллинга шесть пенсов.

В первый вечер в Конвей-Холле собралось около сотни человек. Прабхупада сидел на столе, на подушке, и вел киртан. Его ученики расселись на полу. Ямуна играла на фисгармонии, а Мукунда и Кулашекхара – на мридангах. Радха и Кришна Прабхупады стояли рядом с ним на алтаре, на отдельном столике. Транспарант с написанной на нем мантрой «Харе Кришна» висел позади них, на стене.

«Учение Вед» – так Гуру-дас озаглавил сегодняшнюю лекцию, и Прабхупада рассказывал о том, что понять ведическую науку можно лишь слушая осознавших себя святых. После лекции Прабхупады аудитория разразилась продолжительными аплодисментами. Прабхупада ответил на вопросы и попросил Ямуну спеть заключительный киртан. На следующий день Прабхупада

написал д-ру Шьям-Сундар-дасу Брахмачари в Индию: «Я говорил около часа, после чего они долго аплодировали в знак признания».

Во время киртана на втором вечере в Конвей-Холле Прабхупада встал и начал танцевать, а ученики присоединились к нему, танцуя в кругу, на сцене. Ишана играл на своей трубе, и даже Сарасвати, из-под короткого платяица которой выглядывал подгузник, прыгала в диком восторге. Программы в Конвей-Холле проходили каждую неделю, и танец Прабхупады стал неотъемлемой их частью.

В один из таких вечеров какой-то англичанин спросил:

– Почему вы не помогаете людям у себя, в Индии? Почему вы приехали в такую даль? Почему бы вам просто не обратиться к влиятельным политикам? У вас есть выдающиеся политики, которые могли бы помочь там.

Прабхупада: Вы – великий политик. Поэтому я обращаюсь к вам. Идёт?

Другой слушатель: Если это – абсолютная истина, почему из всего населения Лондона здесь собралось не так уж и много зрителей?

Прабхупада: Если вы продаете бриллианты, не ожидайте, что многие захотят их купить. Но если вы предложите битое стекло, то сбежится немало глупцов. Наше движение сознания Кришны – очень ценная вещь. Не думайте, что его примет каждый дурак. Сюда пришли искренние души. И вы, пожалуйста, тоже примите его.

Прабхупаду вдохновляла реакция англичан. Слушатели нередко подключались к пению и танцам.

В Лондоне все хорошо. Прошлым вечером прошла встреча в Конвей-Холле, на которой вместе с нами пели и танцевали несколько сот человек. После программы за кулисы пришел один журналист из крупнейшей лондонской газеты, чтобы подробнее разузнать о нашем Движении и написать в своей газете статью. Так что я очень воодушевлен, видя положительную реакцию людей и средств массовой информации на все, что мы делаем в Лондоне.

В конце октября Прабхупада выступил в Союзе Англо-говорящих. Аудитория состояла преимущественно из индийцев.

Он начал свою речь так:

– Хотя сегодня нас здесь собралось немного, это отнюдь не преуменьшает важности нашей встречи. У Индии есть послание миру. Все вы – уважаемые индийцы, вы живете здесь, в Лондоне, одном из крупнейших городов мира, а я приехал сюда с важной миссией. Это не та миссия, с которой обычно приезжают сюда или в любую другую страну индийцы – просить о чем-то. Я пришел кое-что дать. Поэтому, пожалуйста, постарайтесь мне помочь.

30 октября Прабхупада прочел лекцию в Оксфордской Ратуше. Он говорил об основах философии, но больше, чем обычно, цитировал санскрит. Его ученики не ожидали от оксфордских студентов большого энтузиазма, но зал, тем не менее, был полон. И когда Прабхупада встал и жестом призвал всех поднять руки и танцевать, отозвались практически все. Мукунда играл на огромном органе, и к пению присоединились сотни людей. Прабхупада поднял руки и начал подпрыгивать – высоко, словно пружина.

Вчера у нас была успешная программа в Оксфордской Ратуше. В ней приняло участие около трехсот пятидесяти человек – юноши, девушки, пожилые мужчины и женщины – и все без исключения танцевали и пели вместе с нами. После встречи многие молодые люди и джентльмены постарше подходили ко мне и благодарили.

Прабхупада получил приглашение на самую популярную в Англии телепередачу для полуночников «Ночная линия». Ведущий, привыкший к динамичным, остроумным диалогам, попытался вовлечь Прабхупаду в беседу в своем стиле, без долгих философских ответов.

– Свамиджи, – спросил он, – есть ли в вашей религии понятие ада?

– Да, – ответил Прабхупада. – Например, Лондон это ад.

Ведущий был сражен наповал. Он сам затеял эту игру, и на первой же минуте был отправлен в нокдаун, а Прабхупада продолжил:

– Здесь всегда сыро, облачно, и постоянно идет дождь. В Индии всегда солнечно.

Ведущий долго не мог сообразить, что ответить, и, видимо, почувствовав его смущение, Прабхупада добавил:

– Конечно, надо отдать должное англичанам – они смогли построить в таком климате очень развитую цивилизацию.

Затем последовали другие вопросы, и около часа Прабхупада рассказывал о философии и движении сознания Кришны. На следующий день лондонские газеты пестрели заголовками «Свами называет Лондон адом».

Альбом «Мантра «Харе Кришна» по-прежнему держался в списке самых популярных пластинок, не только в Англии, но и по всему континенту. Как-то раз одна голландская телекомпания за свой счет пригласила учеников Прабхупады в Амстердам, чтобы те приняли участие в их шоу. Им предоставлялось всего лишь несколько минут эфирного времени, но Прабхупада согласился.

– Пяти минут, – сказал он, – вполне достаточно. За пять минут мы расскажем обо всей философии сознания Кришны.

Прабхупада и его группа отправились на пароме из Дувра во Францию, через Ла-Манш, а оттуда – на поезде в Амстердам. Студия располагалась за городом, в современном здании с кондиционерами, селекторной радиосвязью, искусственными растениями и телевизором в каждой комнате. Окон, однако, в комнатах не было.

Служащий отвел Прабхупаду и его учеников в комнату без окон с покрашенными бетонными стенами.

– В Индии, – сказал Прабхупада, – комната, где нет окон и свежего воздуха, считается непригодной для жилья. Я хочу сидеть у окна.

Преданные обыскали все здание и, наконец, где-то на третьем этаже, в коридоре, отыскали окно. Прихватив с собой стулья, они вместе со своим духовным учителем отправились туда и сели у окна.

– Уже к двухтысячному году люди не будут видеть света Солнца, – сказал Прабхупада. – Им придется строить города под землей. Люди будут жить при искусственном свете и есть искусственную пищу, а солнечного света видеть не будут.

Появился продюсер, удивленный тем, что «Свами» тоже приехал для участия в программе. Сюрприз был приятным, и он пригласил Прабхупаду на свое шоу.

– Итак, что от вас требуется, – начал он. – Вы должны спеть вашу песню с пластинки – даже не обязательно вслух – мы включим вашу запись, а вы просто открывайте рот. Делайте вид, что играете на инструментах и поете.

После этого, сказал он, Прабхупада в течение двух минут может что-нибудь говорить.

До того, как выйти на сцену, Прабхупаде и его ученикам пришлось ждать за кулисами, наблюдая за тем, как музыканты из какой-то местной группы танцуют и делают вид, что играют на саксофонах, трубах и барабанах. Затем режиссер-постановщик внес стол с подушкой для Прабхупады, а вокруг него на полу усадил преданных.

Включились камеры, зазвучала запись, и преданные начали шевелить губами. Внезапно вокруг за клубились облака дыма от сухого льда – для создания в студии «мистического» эффекта. Преданные совсем исчезли в клубах углекислого газа, отчетливо было видно только Прабхупаду. Видя, что спецэффект не удался, продюсер жестом велел преданным встать и танцевать позади Свами.

Песня закончилась, и камера подъехала к Прабхупаде.

– У вас две минуты, Свамиджи, – напомнил продюсер.

Прабхупада заговорил:

– Только что мы пели мантру «Харе Кришна». Этот звук духовен, и между ним и Самим Господом нет разницы. Имя Господа и Его форма – это одно и то же. Пожалуйста, повторяйте эти возвышенные звуки, и вы достигнете совершенства жизни. Вы обретете счастье и поймете свою истинную природу вечных слуг Бога, Кришны. Этот метод называется «бхакти-йога», и мы просим каждого присоединиться к нашему пению. Большое спасибо.

Прабхупада был доволен, что пластинка с записью его учеников продолжала оставаться в Европе хитом.

Пластинка «Харе Кришна» расходуется очень хорошо. Вчера было продано пять тысяч экземпляров, на этой неделе она занимает по популярности двадцатое место. Прогнозируют, что на следующей она поднимется на третье место, а еще через неделю, может быть, и на первое. На эту запись возлагают большие надежды.

В письме Сатсварупе в Бостон Прабхупада написал:

Пластинка «Харе Кришна» прекрасно расходуется в Англии, и еще я слышал, что в Австралии среди первых пятидесяти мест она занимает четвертое.

«Мантра «Харе Кришна»» поднялась на вершину хит-парадов в Западной Германии и Чехословакии, и попала в первую десятку по всей Европе и даже в Японии. С доходов от этой записи преданные начали оплачивать счета и финансировать реконструкцию храма на Бери-Плейс.

Иногда преданные выступали на концертах с «профессионалами», а иногда их приглашали в ночные клубы. После одной такой особенно поздней программы в каком-то жутком ночном клубе Ямуна пошла к Прабхупаде и рассказала ему, что это было за место. Прабхупада позвал к себе преданных.

– В таких местах, – сказал он, – брахмачари делать нечего. Смысл в том, чтобы люди становились преданными. Нужно думать, куда вы идете! Если мы отправляемся куда-то с намерением проповедовать, но не можем там никого сделать преданным, какой в этом смысл? Именно так нужно рассуждать.

Он не запретил им проповедовать в ночных клубах, но просил быть поосторожнее.

Кто-то из преданных спросил, можно ли чередовать слайды о Кришне с «психоделическими» картинками. Прабхупада не разрешил. Кришна должен быть на троне, на алтаре, а если сознание Кришны пытаться «разбавить», оно превратится в идолопоклонство.

С тех пор, как в 1965 году Прабхупада покинул Индию, он никогда не проповедовал индийцам столь активно, как сейчас. Индийцы всегда приходили на его лекции, и пусть они не танцевали и не пели – все равно им нравилось сознание Кришны. Еще до приезда Прабхупады в Англию несколько индийцев вызывались помочь преданным, и сейчас большинство его случайных гостей в Титтенхерсте составляли именно индийцы. Они приходили вместе с семьями, сидели, непринужденно беседуя с Прабхупадой, и часто приглашали его к себе на обед.

Кедар Натх Гупта: Прабхупада согласился прийти к нам, и мы оказали ему очень теплый приём. Чтобы его послушать, у нас собралось и много других гостей. Он был очень рад узнать, что у нас есть семейные Божества Радхи и Кришны, которые мне подарила мать. Он сказал:

– Я очень рад, что пришел сюда и увидел Радху и Кришну.

Он прочитал очень хорошую лекцию, где сказал, что цель человеческой жизни – осознать себя. Он сказал, что человек должен быть любознательным, чтобы понять, кто он такой. Все, кто пришел его послушать, остались очень довольны его впечатляющей лекцией. После лекции я провел арати, мы предложили пищу Божествам, а затем раздали прасад. Прабхупада тоже поел. Ему очень понравился прасад в нашем доме. Когда он уходил, я спросил его:

– Когда я смогу увидеть вас в следующий раз?

Он ответил:

– Вы можете придти ко мне в любое время.

Иногда возникали и разногласия на философской почве, но Прабхупаде всегда удавалось находить убедительные аргументы. Индийцы уважали Прабхупаду и каждый раз приглашали его к себе в гости. Пришел один из самых известных и уважаемых лондонских индийцев, Прафуль Патель. Как и многие бизнесмены, он хотел помочь миссии Прабхупады.

Однако мало кто проявлял желание пожертвовать чем-то ради нее.

* * *

Вторая высадка американских астронавтов на Луну была намечена на середину ноября, через несколько недель. Полет на Луну уже несколько месяцев подробно освещался в прессе, и Прабхупада часто говорил на эту тему. Почти год назад он ответил на вопросы журналиста о возможности высадки людей на Луну:

– Иногда мы переезжаем из одного места в другое в автомобиле или летим на самолете. Но Луны невозможно достичь при помощи механических средств. Здесь требуется другой метод, описанный в ведической литературе. Для этого необходимы соответствующие качества. В соответствии с нашей литературой и нашей наукой это невозможно. Мы не можем попасть туда в теперешнем теле.

В Титтенхерсте, в беседах с учениками, Прабхупада часто говорил о высадке на Луну:

– Высадка на Луне – это надувательство, – сказал он однажды вечером в своей комнате. – Просто так на Луну не попасть. Луна, Чандралока – это обитель полубогов, существ гораздо более высокоразвитых, чем эти пьяницы, убийцы и поедатели коров, которые сейчас пытаются там поселиться. Не думайте, что это путешествие состоится – как, например, моя поездка из Индии в США. На Луну нельзя попасть так быстро. Это невозможно.

Ученики Прабхупады были согласны с его утверждениями. Он не просто высказывал свое личное мнение – таков был вердикт Ведических писаний. Поскольку авторитет Вед был для него выше авторитета современной науки, ученики следовали его примеру... Все, за исключением Пурушоттамы. Заметив его колебания, Прабхупада часто отпускал в его присутствии безобидные шутки. Кто-то спрашивал:

– А где Джанаки?

Прабхупада отвечал:

– А, Джанаки на Луне.

Все, кроме Пурушоттамы, смеялись.

Проблема Пурушоттамы не была для преданных загадкой – понятно, он американец и гордится тем, что его соотечественники покоряют космос. И преданные знали, что Прабхупада шутит именно поэтому. Пурушоттама всегда был в курсе последних научных достижений, и успех НАСА и «гигантский шаг для человечества», сделанный на Луне Нилом Армстронгом, произвели на него огромное впечатление.

Пурушоттама продолжал выполнять свои обязанности, но становился все более и более мрачным. Прабхупада заметил, что парень теряет энтузиазм. Как-то утром Пурушоттама и Ямуна сидели вместе с духовным учителем в его комнате. Пурушоттама не брился уже несколько дней, и на нем был тот же оранжевый свитер, в котором он спал. Ямуна же выглядела опрятно и чисто. Хотя у нее было всего два простых хлопчатобумажных сари, идя к Прабхупаде она всегда надевала чистую и выглаженную одежду. Глядя на своих слуг, Прабхупада сказал:

– Ямуна, у тебя столько сари! И все такие красивые!

Ямуна с изумлением посмотрела на Прабхупаду:

– У меня их не так много, Шрила Прабхупада.

– Нет, – сказал он. – Ты каждый день надеваешь новую одежду. Это так хорошо! Ты всегда выглядишь аккуратно и чисто – и тилака у тебя... Пурушоттама, как ты считаешь? У кого, как ты думаешь, тилака лучше всех?

Пурушоттама промолчал.

– Красивая тилака, – продолжил Прабхупада, – значит и человек красивый.

Тем же вечером, около шести часов, когда Ямуна готовила для Прабхупады пури и картофель, она услышала звон колокольчика, которым он вызывал слуг. Оставив гхи на огне, она бросилась в его комнату. Он поговорил с ней о лекции, которую собирался давать сегодня вечером, а затем спросил:

– Когда будет готов прасад – до лекции?

– Да, Шрила Прабхупада. Я... – тут Ямуна почувствовала запах горелого. – О! – от неожиданности она открыла рот. – Пожалуйста, простите меня, Прабхупада! Я оставила гхи на огне!

Она ринулась вниз по лестнице и обнаружила, что кухня полна копоти. В дыму она даже не видела кухонной плиты.

– Пурушоттама! Пурушоттама! – закричала она.

Появился Пурушоттама, и вместе они на ощупь пробрались сквозь дым. Пурушоттаме каким-то образом удалось погасить огонь еще до того, как он успел причинить серьезный ущерб.

Пурушоттама и Ямуна с головы до ног были покрыты копотью. Почернели их лица, оранжевый свитер Пурушоттамы, его дхоти и курта и сари Ямуны. Тут Прабхупада снова позвонил в колокольчик, и оба бросились вверх по лестнице, чтобы сообщить ему о пожаре. Когда на кухню спустилась Джанаки и обнаружила там полный бедлам, она тоже побежала в комнату Прабхупады, где перед ним стояли с ног до головы покрытые сажей Ямуна и Пурушоттама.

– Что там случилось? – воскликнула Джанаки.

Прабхупада серьезно взглянул на нее и сказал:

– Сегодня Пурушоттама летал на Луну.

– Чего? – не поняла Джанаки.

Прабхупада повторил:

– Да, наш Пурушоттама летал на Луну.

– Прабхупада, – сказал Пурушоттама. – Я же брахмачари! Почему вы так говорите?

– Брахмачари не запрещено летать на Луну. Каждый может туда попасть, – подмигнул Прабхупада.

Преданные часто встречались с Джоном и Йоко. Джон, которого поначалу интересовало исключительно деловое партнерство с преданными, со временем проникся к ним симпатией, однако друзья его советовали ему держаться подальше от Свами и его учеников. Поэтому он избегал близкого общения с ними.

Ишана-дас: Я работал на кухне, а Джон сидел за пианино. У него на кухне стояло пианино, большое такое, с которого соскоблили весь лак, оставив лишь голое дерево. Так вот, он сидел за пианино и, импровизируя, пел мантру «Харе Кришна». Он был действительно великим музыкантом и играл «Харе Кришна» в самых разных стилях: «блюграсс», классическом, в стиле рок-н-ролл и многих других. Он легко и свободно переходил от одной манеры к другой, все время напевая «Харе Кришна». У него это получалось совершенно естественно, и видно было, что в музыке он настоящий гений. Таким образом он меня развлекал, да и ему самому это доставляло огромное удовольствие. Но тут, в самый разгар этой вдохновенной музыкальной импровизации, этого пения «Харе Кришна», на кухне появилась его жена Йоко Оно в пеньюаре, или как он там называется, и страдальческим тоном произнесла:

– Ради Бога, Джон, у меня голова раскалывается. Пожалуйста, прекрати, и пойдем со мной наверх.

Джордж был другим. Его влекло к Прабхупаде. Когда один из преданных спросил его:

– Почему из всех «битлов» только вы заинтересовались сознанием Кришны? – Джордж ответил:

– Это моя карма. Духовность – одна из особенностей моего знака зодиака.

Джордж Харрисон: Прабхупада выглядел именно так, как я его себе представлял. Перед встречей с ним я испытывал смешанное чувство страха и благоговения. Но что мне понравилось в нем позднее, когда я стал чаще встречаться с ним – это то, что он относится ко мне скорее как к другу. Я чувствовал себя с ним легко и свободно, гораздо лучше, чем вначале, потому что во время нашей первой встречи я не понимал толком, о чем он говорит, и мне казалось, что я слишком приземлен даже для того, чтобы просто находиться рядом с ним. Но потом я расслабился, и мне стало гораздо легче. Он же всегда был очень сердечен со мной. Нельзя сказать, что он разговаривал со мной как-то по-особому, не так, как с другими. Он всегда говорил только о Кришне, и неважно, кто был перед ним. Он всегда оставался самим собой. Не так, что один раз он велит вам повторять мантру «Харе Кришна», а в следующий раз скажет: «Ах, нет, я ошибся», – нет, он всегда оставался одним и тем же.

Видеть его всегда было для меня удовольствием. Иногда я забежал к нему; даже если я не собирался этого делать, я все равно заходил, полагая, что просто должен зайти, и после встречи с ним у меня всегда было очень хорошо на душе. Я чувствовал, что он проявляет ко мне личный интерес. Каждая встреча с ним доставляла мне удовольствие.

Джорджа влекло к Кришне, и он любил петь «Харе Кришна». Еще до встречи с Прабхупадой он кое-что узнал о Кришне от Махариши-Махеш-Йоги, из автобиографии Парамахамсы Йогананды и своего путешествия по Индии. Но только после бесед с Прабхупадой он смог понять, что Господь Кришна является Абсолютной Истиной и началом всех начал,

Джордж: Прабхупада помог мне понять этот разносторонний метод, дающий человеку возможность приблизиться к Кришне. Например, прасад. Я считаю, что прасад – это очень важно, даже если это всего лишь тактический прием. Как в поговорке: путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Ну что ж, даже если это путь к вечной душе человека – так или иначе, метод действует. Что может быть лучше: вы пели и танцевали или просто сидели и разговаривали, и вдруг вам подносят угощение? Это настоящее благословение. А потом вы учитесь касаться Его или вкушать Его, и это тоже очень важно.

Кришна безграничен. Я был благодарен Прабхупаде уже за то, что он беседует со мной и изливает на меня весь этот поток новой информации. Ум сопротивляется, но это – тоже Кришна. Больше ничего и не нужно, достаточно знать, что все есть Кришна. Этот мир – тоже Его материальная энергия, Его вселенская форма. В книгах Прабхупады есть иллюстрация – Кришна в сердце собаки, коровы и человека. Это помогает вам осознать, что Кришна находится в сердце каждого живого существа.

Хотя Прабхупада, вероятно, учил и неким высшим аспектам философии, но самое глубокое, что лично я вынес из того, что он говорил, это то, что Кришна пребывает везде и во всем. Прабхупада рассказывал о разных аспектах Кришны и давал человеку возможность везде и

всюду видеть Кришну как личность. Я имею в виду, что на свете нет ничего, что не было бы Кришной.

Прабхупада считал Джорджа «славым юношей» и преданным Кришны. Согласно «Бхагаватам», какое бы положение ни занимал человек в материальном мире, если он не является преданным Господа и никогда не произносит Святые имена Бога, у него не может быть никаких достоинств. В Индии многие свами и йоги, даже считающие себя вайшнавами, не верили в святыя имена Кришны и не понимали их важности. Однако Джордж любил петь «Харе Кришна» и включал Святое имя Кришны в свои песни, которые во всем мире пользовались бешеной популярностью. Таким образом, сочиняя музыку, он служил Кришне, и это отличало его от остальных.

Мистер Джордж Харрисон производит впечатление очень умного юноши и к тому же, милостью Кришны, очень удачливого. В первый день он пришел ко мне вместе с Джоном Ленноном, и мы беседовали около двух часов. Он хочет говорить со мной еще, но сейчас он уехал в Ливерпуль, к своей больной матери.

Прабхупада не мог не видеть, что Джордж богат, а Господь Чайтанья строго наказывал преданным, ведущим жизнь в отречении, избегать общения с мирскими людьми. Но вместе с тем Господь Чайтанья учил, что преданный должен пользоваться любой возможностью для того, чтобы распространить сознание Кришны.

Если этот юноша будет помогать нашему движению, это может стать для нас хорошим подспорьем, ведь, в конце концов, он человек со средствами. В духовной жизни с богатыми людьми следует обращаться крайне осторожно. Иногда, в интересах проповеди, нам приходится иметь с ними дело. Строго говоря, Господь Чайтанья Махапрабху запрещал преданным в сознании Кришны общаться с подобными людьми, однако у нас есть указание Рупы Госвами о том, что для распространения сознания Кришны мы должны пользоваться любой благоприятной возможностью.

Прабхупада вел себя с Джорджем очень осмотрительно, и вместе с тем просил его повторять Святое имя, принимать прасад Господа и посвятить Ему все свое творчество.

Когда преданные в США услышали, что их духовный учитель тесно общается с «Битлз», некоторые из них стали преувеличивать близость их отношений, особенно с Джоном Ленноном. Прабхупада, узнав об этом, немедленно положил конец слухам.

Что касается буклета, который вы с Гаргамуни мне послали, во вступлении, подписанном вами, говорится о том, что я «лично даю Джону Леннону и Джорджу Харрисону уроки йоги экстаза». Это не очень хорошо. Конечно, Джордж Харрисон иногда приходит ко мне, и естественно, я даю ему наставления о бхакти-йоге. Но это утверждение в письме может навести на мысль, что они пригласили меня к себе специально ради этого. И если они это заметят, им это может не понравиться, а нам – навредить. Такие вещи не оглашаются, и я не понимаю, зачем вы это сделали. Так или иначе, если вы еще не успели распространить эти буклеты, то просто постарайтесь убрать ту часть текста, которая не соответствует действительности.

Джордж: Прабхупада никогда не говорил, что я должен перестать заниматься тем, чем я занимаюсь. Я слышал, что время от времени он говорил своим ученикам, что я – хороший преданный, ему нравились мои песни и многое другое из того, что я делал. Лично мне он этого никогда не говорил, но я часто слышал об этом от других. Мне также очень нравилось то, что я не чувствовал с его стороны никакого давления, он никогда не требовал, чтобы я присоединился к движению и посвятил сознанию Кришны все свое время. Думаю, если бы он все время давил на меня и говорил: «Почему бы тебе не бросить все, что ты делаешь, и не поселиться в одном из наших храмов?» – это только все испортило бы. Он ни разу не дал мне понять, что я другой, что я не из их круга. Никогда он не говорил ничего подобного.

Я считаю себя, так сказать, преданным в штатском. Что-то вроде того. Свои отношения с ним я видел так: я должен помогать ему, когда и чем могу, поскольку я знаком со многими влиятельными людьми. Так общаются между собой все хоть сколько-нибудь воспитанные люди – вы просто что-то пытаетесь сделать и чем можете друг другу помогаете.

Он всегда был доволен мной, потому что я постоянно старался чем-нибудь ему помочь. Я имею в виду не только помощь храму Кришны как таковому, а вообще все духовное, что я делал – мои песни или что-то еще – все это радовало Прабхупаду. Он всегда относился ко мне очень дружелюбно. Он постоянно повторял имя Кришны; иногда он и меня просил это делать – все

время или как можно чаще повторять «Харе Кришна». Думаю, как только человек начинает постоянно повторять мантру, он сразу ощущает на себе ее благотворное воздействие.

Есть такие гуру, которые всем дают понять, что они есть «нечто», но Прабхупада говорил: «Я – слуга слуги слуги Кришны», – и это действительно так и было. Он никогда не говорил: «Я – самый великий» или «Я – Господь Бог» и тому подобное. Он всегда считал себя слугой, и мне это очень нравилось. Я думаю, это признак духовности. Чем больше знает человек, тем глубже он понимает, что он слуга. А чем меньше он знает, тем легче ему возомнить себя даром Божиим всему человечеству.

Так что, хотя он был очень сильной и духовно развитой личностью, он всегда оставался смиренным и скромным. И я думаю, что это – самое важное, потому что, встречаясь с ним, вы могли учиться у него не столько слушая, что он говорит, сколько глядя на его пример, на то, как он живет и что делает.

* * *

Заголовок в «Дейли скетч»: «Люди Кришны обедают в доме Джона и Йоко». Фотограф запечатлел, как преданные сидят перед домом и принимают прасад.

Обед в Титтенхерст-Парке, старинном поместье Джона Леннона и Йоко Оно – гости Леннона расположились на солнышке.

Участники пикника – последователи индийского Свами, Его Божественной Милости Абхай-Чарана Бхактиведанты.

Они переняли восточные обычаи – начиная с одежд и бритых голов и кончая индийским карри, которое едят руками.

Все это как-то не вяжется с таким местом, как Титтенхерст-Парк, занимающим более двадцати гектаров земли в престижнейшем Саннингхиле, близ Королевского ипподрома, и обошедшемся Джону в 150 тысяч фунтов.

Прабхупада со своим окружением и Джон и Йоко со своим представляли собой поистине причудливое сочетание. Через два дня после приезда Прабхупады в Титтенхерст Джон и Йоко улетели в Канаду выступать с «Пластик Оно Бэнд» на фестивале «Возрождение рок-н-ролла» на стадионе «Варсити» в Торонто. В октябре Джон и Йоко записали «Свадебный альбом» и начали работу над фильмом «Цирк рок-н-ролла», а Джон записал свою «Cold turkey». Джон по природе своей был человеком застенчивым, но преданные, работавшие в усадьбе, скоро поняли, что у него доброе и щедрое сердце. Он приглашал преданных навсегда поселиться в Титтенхерсте и на его ферме. Все, что у него есть, говорил Джон, он готов разделить с ними.

* * *

Однажды Йоко спросила Ямуну, не сможет ли какая-нибудь чета преданных продублировать их с Джоном во время представления в Лондонском театре. Как-то раз они с Джоном уже выступали там, надев на себя одни лишь джутовые мешки, и должны были выступить вновь, но Йоко подумала, что, может быть, вместо них туда сходит молодая пара преданных. Люди, сказала она, не догадуются о подмене, а если даже и догадуются, то это только прибавит преданным популярности. Вежливо отказавшись, Ямуна объяснила, почему преданные не должны так поступать. Когда она рассказала об этом Прабхупаде, он был непреклонен: никто из его учеников на это не пойдет. Несколько дней после этого он с осуждением говорил о подобном проявлении похоти.

Однажды Джон пригласил Прабхупаду к себе, чтобы дать ему послушать недавно записанную им песню «Cold turkey». Несмотря на то, что подобная музыка ничуть не интересовала Прабхупаду, Джон непременно хотел, чтобы он ее послушал, а Прабхупада, пользуясь представившейся возможностью проповедовать знаменитости мирового масштаба, дал на это свое согласие. Зайдя в гостиную Джона, он присел на диван у камина. Лента в большом магнитофоне с шестнадцатью дорожками (на котором и была записана песня) уже была готова, и Джон принялся щелкать кнопками.

Магнитофон не работал. Джон, вращая ручки и нажимая кнопки, начал тихо ругаться. С Прабхупадой был только Пурушоттама, но за окном, спрятавшись в тени дерева, за происходящим наблюдали еще двое преданных. Заглянув внутрь и увидев, как Джон сражается с техникой, они захихикали.

– О, – сказал Прабхупада. – Ваша машина не работает. Ну, ничего страшного. Мы тоже сделали одну запись, и хотели предложить ее для вашего удовольствия.

Джон покорно согласился. Так Прабхупада был спасен от «Cold turkey».

Прабхупада не стал долго засиживаться в гостях. Уходя, он увидел на стене фото обнаженных Джона и Йоко в натуральную величину, а также черно-белые силуэты мужчины и женщины в разных сексуальных позициях. Вернувшись к себе, он заметил:

– Нам не стоит здесь оставаться.

Он попросил Мукунду найти ему квартиру в Лондоне. Реконструкция здания на Бери-Плейс шла полным ходом, и Прабхупада сказал, что предпочитает жить в городе, чтобы видеть, как продвигаются работы. Приятно было наслаждаться природой Титтенхерста, но образ жизни Прабхупады был несовместим с образом жизни его хозяев.

Как-то Джон и Йоко, оба одетые в черное, пришли к Прабхупаде. Считая его великим йогом, обладающим мистическими силами, они попросили его устроить так, чтобы после смерти Кришна помог им вновь воссоединиться. Прабхупада был разочарован.

– Это не мое дело, – ответил он. – Кришна дает вам жизнь, и Он же ее забирает, являясь в форме смерти. После смерти вы не сможете снова быть вместе. Когда вы вернетесь домой, к Богу, вы воссоединитесь с Кришной, но отношения мужа и жены – обычные мирские отношения. Со смертью тела они закончатся. Вы не сможете возобновить подобные отношения после смерти.

* * *

На краю поместья, в запущенном домике времен короля Георга, жил каменщик со своей женой. Нанятый Джоном для постройки в имении студии звукозаписи, каменщик был недавним обитателем Титтенхерста. Этот крепкий, плотный человек никогда не разговаривал с преданными, но, однажды вдруг спросил их, верят ли они в привидения.

– О, да, – ответил Кулашекхара. – Прабхупада говорил, что привидения существуют.

– Я не верю, – сказал каменщик. – Моей жене снятся какие-то сны, но сам я не верю в привидения.

Жена каменщика рассказывала, что иногда по ночам они с мужем слышат «нечто». Прошлой ночью, перепуганные, они прибежали в дом Джона и стали жаловаться ему на странные звуки: грохот цепей, стук башмаков и шум, «как будто по полу тащат чье-то тело». Каменщик своими глазами видел, как его жену кто-то сильно встряхнул за плечи, хотя кроме них в комнате никого не было.

Преданные рассказали об этом Прабхупаде, и он предложил:

– Скажите Джону, что если он захочет, мы прогоним этих привидений.

Мукунда послушался, но Джон уже вызвал знакомую колдунью, занимающуюся белой магией, чтобы та изгнала духов.

Когда колдунья отправилась в коттедж каменщика, за ней увязались несколько преданных. В гостиной, на камине, они обнаружили барельеф, изображающий человека, у которого изо лба вылетает привидение, а на противоположной стене по красному дереву панели были вырезаны какие-то рунические письмена.

– Это письмена древних ведьм, – покачив головой, сказала колдунья. – Я ничем не могу помочь.

Тогда Джон обратился с той же просьбой к преданным, и Прабхупада объяснил, что делать. Нужно было, сбрызнув двери в доме каменщика водой, предложенной Кришне, трубить в раковины и петь. Группа преданных отправилась в дом каменщика. Кулашекхара вел киртан. Через полчаса он вдруг почувствовал огромное облегчение – давящая атмосфера, царившая в комнате, рассеялась, и киртан набрал силу. Преданные вернулись к своим делам, заверив Джона, что привидения больше не появятся, а каменщик с женой могут спокойно вернуться домой.

Утром следующего дня, во время прогулки, Прабхупада шел мимо старого коттеджа.

– Ну, как там поживает привидение?

– Ничего не слышно, Прабхупада, – ответил Кулашекхара.

На следующее утро Прабхупада вновь спросил:

– Как там призрак? Они не хотят его вернуть?

Прабхупада рассказал, как много лет назад в Индии, когда он занимался фармацевтическим бизнесом, ночью он обнаружил в здании привидений.

– И что же вы сделали? – спросил кто-то из преданных.

– Я просто повторял «Харе Кришна», и привидения ушли.

Прабхупада расширил глаза и, жестикулируя обеими руками, изобразил перепуганных рабочих, прибежавших к нему из мастерской: «Бабаджи! Бабаджи! Там привидение! Привидение!» Преданные рассмеялись.

– На самом деле, – сказал Прабхупада, – здесь полно привидений. Особенно там, где конюшни. Они очень привязаны к этому месту. Но они не причинят вам никакого вреда, если вы будете просто повторять «Харе Кришна».

* * *

Прабхупада хотел как можно скорее уехать из Титтенхерста, и в конце октября некоторые преданные переехали на Бери-Плейс. Прабхупаде больше нечего было делать в Титтенхерсте. Г-н Леннон был влиятельным человеком, который проявил интерес к Кришне, но оставаться в его поместье не было смысла. Йоко и Дэн, ее бывший муж, который теперь работал у Джона менеджером, всюду старались убедить его избавиться от преданных. Дэн жаловался, что эти новые жильцы стремятся завладеть поместьем. Со своей стороны, преданные сетовали, что Дэн и Йоко выставляют их в ложном свете. С одной стороны были Дэн и Йоко, с другой – преданные. Джон оказался между молотом и наковальней; ему пришлось выбирать.

Джон сказал Мукунде, что сам он хорошо ладит с преданными, но окружающим его людям это дается с трудом. Он дал преданным еще пару недель на то, чтобы те переехали в новый храм, но преданные и так уже постепенно перебирались на Бери-Плейс. Мукунда нашел для Прабхупады квартиру недалеко от храма, и через несколько дней все должно было быть готово для того, чтобы Прабхупада туда въехал.

В день прощания с Титтенхерстом, уже уезжая, Прабхупада остановил машину и сказал:

– Я хотел бы сперва попрощаться с некоторыми друзьями.

В последний раз он прогулялся по парку, подолгу останавливаясь возле деревьев, и иногда трогая их листья, как он обычно делал это на утренних прогулках. После этого он уехал. На следующий день над Титтенхерстом пронесся свирепый ураган, выбивший в окнах стекла и вырвавший с корнем многие деревья.

* * *

3 ноября 1969 года.

Прабхупада въехал в свою меблированную квартиру на Бейкер-Стрит, что была в десяти минутах езды до храма на Бери-Плейс. Проведя в Лондоне два месяца, он жаждал увидеть открытие нового храма, и Шьямасундара трудился в поте лица, хотя работа продвигалась не очень быстро.

По поводу художественного оформления храма у Шьямасундары была одна идея, которая пришла к нему, когда он увидел фотографии Пещер Аджанты – южно-индийских храмов с резными каменными стенами и потолками. Он хотел добиться того же эффекта, но использовать для этого калифорнийское красное дерево, которое они с Мукундой год назад отправили в Англию. Узнав о его планах, Прабхупада спросил:

– К чему все эти искусства?

Но Шьямасундара уже настолько привязался к своей идее, что Прабхупаде пришлось дать согласие. Часть потолка была уже отделана, и пути назад не было.

День и ночь Шьямасундара трудился в поте лица, день за днем отделка становилась все более тонкой – стены и пол были выполнены из цельного красного дерева, а потолок пересекали деревянные арки. Шьямасундара внимательно следил за тем, чтобы каждая деталь находилась строго на своем месте. Черепашьим шагом продвигался он к цели, а преданные подшучивали над ним, говоря, что комната похожа больше на корабль, перевернутый вверх дном. Но Прабхупада вдохновлял его, говоря, что все очень красиво.

Прабхупада часто позволял своим ученикам действовать так, как они хотят. Он рассуждал так: они сами заработали деньги и теперь вправе тратить их для Кришны так, как сами сочтут нужным. Он не вмешивался в служение ученика, особенно если тот проявлял смекалку и упорство, и идеи его никому не мешали и не причиняли вреда. В конечном счете, все ученики Прабхупады полностью зависели от него, но часто он бывал снисходительным – «снисходительным на восемьдесят процентов», как сам он иногда говорил.

Особенно Шьямасундара преуспел в организации собственных масштабных проектов. Это он организовал концерт «Мантра-рок-дэнс» в Сан-Франциско, построил колесницы первой Ратхатры, завязал дружбу с Джорджем Харрисоном, а теперь работал над отделкой храма. Прабхупада все позволял, но бдительно, по-отечески, наблюдал за своим учеником.

Сверившись с ведическим календарем, Прабхупада назначил дату открытия храма – 14 декабря. И, несмотря на опасения Шьямасундары и других, что закончить работу к этому сроку будет невозможно, приказал немедленно напечатать приглашения. У преданных был еще непечатый край работы, а времени оставалось мало. Предстояло закончить не только алтарную комнату, но и комнаты Прабхупады на втором этаже, и кухню в полуподвальном помещении. Поняв, что времени в обрез, преданные принялись трудиться еще усерднее.

Прабхупаде не терпелось поскорее открыть храм, но желание напечатать первый том книги «Кришна» было не меньше. А денег не было.

По предварительным подсчетам издателей, на книгу требовалось около девятнадцати тысяч долларов. Прабхупада обратился к Шьямасундаре и велел ему попросить пожертвование у своего друга Джорджа. Шьямасундара заколебался – в этом отношении он всегда вел себя с Джорджем очень осторожно и никогда не просил у него денег. Но Прабхупада настаивал, и Шьямасундаре пришлось подчиниться.

Джордж поначалу дал согласие, но потом об этом пожалел. Шьямасундара расстроился – в конце концов, он с самого начала не хотел идти к Джорджу с подобной просьбой – Джордж не любил, когда у него просили денег. Когда Прабхупада услышал об этом, он пригласил его к себе.

Джордж пожаловался Прабхупаде, что люди постоянно зарятся на его деньги, но когда Прабхупада объяснил, насколько важна эта книга, и что пожертвование Джорджа будет преданным служением Кришне, Джордж отбросил свои сожаления и согласился даже написать к книге предисловие.

Джордж: Я никогда не считал себя достойным писать предисловие к книге Прабхупады. С одной стороны, поскольку я знаменит, это могло помочь, но с другой стороны, могло и помешать – не все хотели слушать то, что я говорю, и не все верили моим словам. Многие могли бы отвернуться только из-за того, что говорю это именно я. Знаете, если бы, например, я взял книгу, предисловие к которой написал Фрэнк Заппа или еще кто-то в этом духе, я бы подумал: «О Господи, похоже, это не для меня».

Поэтому мне казалось, что, хотя Прабхупада и обратился ко мне с этой просьбой, может быть, на самом деле он не очень-то и хотел, чтобы это делал я. Но это был как раз тот случай, когда я не мог просто отмахнуться – все были настроены серьезно: «Ты пишешь предисловие, и точка». Вот я его и написал.

Прабхупада захотел посмотреть на высадку людей на Луну. Преданные взяли напрокат телевизор и поставили его в комнату, где жил Прабхупада. Прабхупада принимал свой обычный массаж, сидя в кресле перед телевизором.

Пурушоттама объявил:

– Итак, Прабхупада, время приближается. Я включаю телевизор, и скоро мы увидим космонавтов в космосе.

Журналист вел передачу с мыса Канаверал во Флориде:

– Прямо сейчас вы увидите съемки этого исторического события.

Появилось изображение – вначале нечеткое, затем более ясное. Космический корабль опустился на поверхность Луны, и из него, плавно опускаясь на лунный грунт, высаживались космонавты. Пурушоттама был в восторге.

Дхананьджая: Я пытался массировать голову Прабхупады и в то же самое время смотреть передачу. Вдруг, в тот момент, когда из корабля вышли люди, Прабхупада велел мне сесть перед ним. Я обошел его кресло и сел. И как только я сел, Прабхупада начал массировать мою голову. Мне стало очень стыдно.

– Ты забыл, как правильно делать массаж? – спросил он. – Вот так.

Он массировал мне голову около двух минут.

Затем я снова встал за Прабхупадой и продолжил. В это время космонавты уже ходили вокруг корабля. Они взяли маленький американский флаг, воткнули его в поверхность Луны и прыгали. Закон притяжения на них явно не действовал, так как каждый раз, подпрыгнув, они повисали в воздухе и только потом медленно опускались. Все это сопровождалось их ликующими возгласами.

– Итак, Пурушоттама, – спросил Прабхупада, – они достигли Луны?

– Да, Прабхупада, – восторженно воскликнул Пурушоттама. – Они высадились!

Прабхупада улыбался.

Дхананджая: Прабхупада снова велел мне выйти вперед. Я обошел его и остановился. Я думал, он хочет, чтобы я помассировал его спереди, но он опять взялся за массаж моей головы и спросил:

– Ты что, не можешь научиться такой простой вещи, как массаж?

Я смотрел на экран и постоянно отвлекался. Я снова приступил к служению, но Прабхупада опять сказал:

– Ты все равно делаешь не то.

Я сказал:

– Прабхупада, я стараюсь как могу.

Он засмеялся и сказал:

– Ну ладно, продолжай.

Прабхупада спросил Пурушоттаму:

– Итак, что ты видишь?

– Они обследуют поверхность луны, – ответил тот.

– И что же там?

– Ну, выглядит все так, будто они приземлились в каком-то кратере. Почва там песчаная, с камнями. О, смотрите, они показывают тени от камней, которые лежат вокруг!

– Это все, что ты видишь? Людей там нет? Деревьев? Рек? Зданий?

– Нет, – ответил Пурушоттама. – Луна похожа на пустыню.

– Значит, они высадились не на Луне, – уверенно сказал Прабхупада. – Это не Луна.

Позднее, когда Малати принесла для Прабхупады обед, он сказал:

– Малати приготовила немного кичари для Кришны, и это гораздо более великое достижение, чем то, что сделали они.

Несмотря на то что в квартире Прабхупады и в храме на Бери-Плейс, 7 еще продолжался ремонт и царил шум и беспорядок, Прабхупада решил все же туда въехать.

– Мне не нужна комфортабельная квартира, – сказал он. – Я хочу только одного – жить с преданными.

Он переехал в храм в то время, когда пластинка расходилась плохо, и преданным приходилось покупать все необходимое по частям, когда появлялись деньги. Но, поскольку Прабхупада жил вместе с ними и наблюдал за их работой, все были довольны и счастливы.

Из Лос-Анджелеса приехал Тамала-Кришна. Он следил за ходом работ и вдобавок начал каждый день выводить преданных на улицы, чтобы петь и продавать «Назад к Богу». Ямуна с утра до вечера шила шторы. Ишана, Шьямасундара и остальные использовали для работ любой свободный час. В конце каждого дня Прабхупада ходил по всему зданию, чтобы посмотреть, как идет дело.

До открытия храма оставалась всего неделя, а Шьямасундара продолжал трудиться над отделкой потолка. К алтарю он даже еще и не приступил. Преданные снова пожаловались Прабхупаде на медлительность Шьямасундары, но Прабхупада ответил:

– Он хочет, чтобы все было красиво. Пусть работает.

Шьямасундара (на этот раз по собственной инициативе) попросил Джорджа пожертвовать на алтарь. Джордж дал две тысячи фунтов, и Шьямасундара подыскал кусок золотистого желтовато-дымчатого мрамора и два куска красного. У Прабхупады были вырезанные из дерева Божества Радхи и Кришны высотой почти полметра, но он не планировал их устанавливать – алтарь, который делал Шьямасундара, явно был предназначен для Божеств большего размера.

Однажды, когда реконструкция шла полным ходом, преданным позвонил некий господин Доял, представлявший в Лондоне крупное индуистское общество. Он сказал, что слышал, будто преданным нужны Божества Радхи и Кришны. У него как раз есть такие Божества, которые он мог бы пожертвовать. Услышав это, Прабхупада немедленно отправил Тамала-Кришну, Мукунду и Шьямасундару к господину Доялу домой посмотреть Божества.

Радха и Кришна в метр высотой были изваяны из белого мрамора. До этого преданные никогда не видели таких больших Божеств. Они почтительно склонились перед Ними и вернулись в храм. Когда преданные рассказали Прабхупаде о Божествах, он воскликнул:

– Сию же минуту везите меня туда!

Прабхупада вместе со Шьямасундарой, Мукундой и Тамала-Кришной подъехали к дому господина Дояла на автофургоне. Прабхупада вошел в гостиную и сел. Божества, покрытые тканью, стояли на столе, в углу. Тамала-Кришна хотел было снять с Них покрывало, но Прабхупада остановил его:

– Не нужно. Оставь.

Он сидел и разговаривал с господином Доялом, расспрашивая его о работе, о том, где он жил в Индии. Господин Доял познакомил его со своей семьей. Прабхупада непринужденно беседовал с хозяином, а преданные слушали.

– Свамиджи, – сказал, наконец, господин Доял, – я хочу показать вам свои Божества.

– Хорошо, – ответил Прабхупада, – я посмотрю Их чуть позже.

Прабхупада стал рассказывать ему о своей миссии, связанной с распространением сознания Кришны во всем мире. Через некоторое время господин Доял снова прервал его:

– Прошу вас, взгляните на Божества.

Он подошел к Ним и снял с Радхи и Кришны покрывало.

– О да, – сказал Прабхупада, почтительно сложив ладони.

Господин Доял объяснил, что заказал эти Божества в Индии для себя, но при перевозке у Радхарани откололся крохотный кусочек пальца, поэтому, согласно индуистской традиции, устанавливать Божества было нельзя.

– Тамала-Кришна, – произнес Прабхупада, – посмотри, Божества очень тяжелые или нет?

Взявшись одной рукой за основание, а другой – за плечо Радхарани, Тамала-Кришна немного Ее приподнял.

– Не очень, – сказал он.

– Шьямасундара, – попросил Прабхупада, – посмотри, тяжелый ли Кришна.

На самом деле, для одного человека Божества были явно тяжеловаты, но преданные уже разгадали намерения Прабхупады.

– Не очень, – сказал Шьямасундара, чуть-чуть приподняв Кришну над столом.

– Хорошо, – заключил Прабхупада, – я думаю, Они нам подойдут. Мы Их забираем. Фургон у нас есть.

Прабхупада внезапно встал и решительно направился к выходу, а преданные, осторожно неся Радху и Кришну, последовали за ним. Прабхупада поблагодарил господина Дояла.

– Но, Свамиджи, Свамиджи! – запротестовал господин Доял, которого этот внезапный исход застал врасплох. – Ради Бога! Мы все сделаем, мы сами Их доставим! Наше Общество привезет вам Божества!

Но Прабхупада уже вышел за дверь и шел с учениками к фургону.

– Да подождите же, – не унимался господин Доял. – Мы отреставрируем Божества, а потом вы сможете Их забрать.

– У нас есть специалист, – ответил Прабхупада, – Он сам Их отреставрирует.

Прабхупада убеждал господина Дояла и одновременно руководил действиями учеников. Он открыл дверь фургона, и Шьямасундара с Тамала-Кришной медленно и осторожно внесли туда Радху и Кришну. Тамала-Кришна встал на колени в багажном отделении, придерживая Божества, а Шьямасундара сел за руль.

– Трогай, – сказал Прабхупада.

Машина отъехала, и Прабхупада улыбнулся из окна господину Доялу и его семье, которые стояли на краю тротуара.

Не успел Шьямасундара проехать несколько кварталов, как Прабхупада попросил его остановиться. Обернувшись назад, он стал возносить молитвы: говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами... Он долго любовался Кришной, белым, с легким голубоватым отливом, и стоявшей рядом с Ним ослепительно белой Радхарани.

– Кришна так милостив, – сказал Прабхупада. – Посмотрите, как Он к нам явился!

После этого он велел Шьямасундаре не спеша ехать к храму.

Прабхупада внимательно следил за тем, как его ученики несли Божества на второй этаж. Преданные были изумлены, видя, в каком оживленном и взволнованном состоянии Прабхупада доставляет Радху и Кришну в Их храм. Он велел поставить Божества в свою комнату за занавеску и только после этого сел за рабочий стол.

Прабхупада улыбался.

– Кришна великий хитрец.

Он сказал, что в «Махабхарате» тоже описываются случаи, когда Кришне приходилось идти на разные уловки. Например, однажды случилось так, что Кришна принял решение встать на сторону того полководца, которого с утра увидит первым. Командующие обеих армий, Арджуна и Дурйодхана, ранним утром пришли к Кришне, когда Он еще спал. Они договорились, что один встанет у изголовья Кришны, а другой – у ног, и оба подождут, пока Кришна проснется. Дурйодхана решил встать рядом с головой Кришны, а Арджуна – в ногах. Кришна проснулся и увидел Арджуну.

– Это была уловка Кришны, – сказал Прабхупада. – И сегодня Он тоже хитро поступил.

Он рассказал, как Кришна обманывал маму Яшоду, когда та пыталась его утихомирить. Он убежал, а она погналась за Ним, поймала и попыталась связать Его веревками.

– Но каждый раз, когда она приносила веревки, – рассказывал Прабхупада, – их длины всегда чуть-чуть не хватало. Кришна легко может вытворять такие фокусы. И сегодня Он пошел на очередную хитрость. Они столько усилий приложили, чтобы привезти эти Божества сюда, думая, что установят Их в своем индуистском Центре. Но Кришна все это время хотел прийти сюда. И этот дефект на руке Божества – это просто Его уловка. И мы Их забрали.

– Прабхупада, – сказал Мукунда. – Вы похитили Кришну.

– Да, – ответил Прабхупада. – Как-то раз я зашел в банк, а у управляющего банком был один хитрый замысел. Но я сорвал его план. Тогда он мне сказал: «Господин Дэ, да вы, похоже, политик».

Прабхупада рассмеялся. Потом он вдруг стал серьезным и попросил преданных никому не рассказывать о том, что произошло. Многие не поймут, если узнают, что он установил Божества с дефектом. Преданные пообещали держать все в секрете, но у них не было сомнений, что любовь Прабхупады к Кришне выше индуистских традиций; Радха и Кришна пришли в Лондон по его желанию.

– Как же одевать такие большие Божества? – спросила Ямуна. – На Них уже есть одежды.

Прабхупада сказал:

– Принеси мне кусок ткани.

– Какой ткани, Прабхупада? Как должны выглядеть одежды?

– Как на изображениях, – ответил он.

– Но изображений так много, и все такие разные, – сказала она. – Иногда на Кришне бывает юбка в складочку, иногда дхоти, а иногда на Нем большая корона.

– Кришне очень идет шафрановый цвет, – сказал Прабхупада. – Так что принеси мне шелковое дхоти желтого или шафранового цвета.

Ямуна нашла шесть шелковых сари с серебряной и золотой каймой, и Прабхупада показал, какой рисунок лучше и как сделать короны. До церемонии установления оставалось всего несколько дней, поэтому Ямуна работала за швейной машиной почти без остановки. Несколько раз в день Прабхупада приходил, чтобы посмотреть, как продвигается работа.

Шьямасундара закончил почти весь главный алтарь. Оставалось доделать только алтарь Господа Джаганнатхи и закрепить над троном Радхи и Кришны балдахин. Балдахин и алтарь Джаганнатхи должны были опираться на четыре массивные деревянные колонны около двух метров высотой. Две задние колонны держали мраморную плиту, на которой установят Божества Джаганнатхи, а две передние служили опорой для большого бархатного балдахина Радхи и Кришны. Колонны были большие и тяжелые, и Шьямасундара называл их «слоновьиими ногами». Они уже стояли на месте, на алтаре, однако Шьямасундара еще не успел их закрепить. За день до установления Божеств надорвавшийся Шьямасундара не смог подняться и лежал в своей комнате на втором этаже.

В день открытия в храме собралось множество гостей, особенно индийцев, привлеченных рекламными листовками и расклеенными по городу афишами. Студия звукозаписи «Эппл» прислала в храм профессионального флориста, который украсил зал цветами. Съёмочная группа телевидения Би-би-си стояла наготове, собираясь заснять всю церемонию на видеопленку. В храмовой комнате шел киртан, в котором участвовало большинство преданных, а Прабхупада тем временем проводил за занавесом церемонию омовения Радхи и Кришны.

План был таков: после омовения Божества поставят на алтарь, и Ямуна начнет Их наряжать. После того как Их оденут, занавес откроется, и все собравшиеся смогут увидеть Шри Шри Радху и Кришну. Прабхупада прочитает лекцию, а затем начнется пир.

Однако из-за недосмотра Шьямасундары церемония установления Божеств чуть было не обернулась катастрофой.

Прабхупада завершил омовение Божеств, после чего Их установили на мраморном алтаре, и в этот момент «слоновьи ноги» неожиданно зашатались. Балдахин над Божествами накренился. Поняв, чем это грозит, Прабхупада в мгновение ока подскочил к алтарю и подхватил две тяжелые колонны. Неимоверным усилием ему удалось удержать колонны на месте.

– Уберите это отсюда! – закричал он.

Пока Прабхупада спасал Божества, удерживая руками колонны алтаря, преданные убрали балдахин, взяли колонны – по одному с каждой стороны, – и вынесли их из храма. Божества остались целыми и невредимыми.

В то время, пока Прабхупада спасал Радху и Кришну, посетители и журналисты, собравшиеся по другую сторону занавеса ждали, когда же, наконец, Божества откроют. Ни о чем не подозревавшие гости вдруг увидели людей, которые появились из-за занавеса, неся огромные колонны и балдахин. Как только они вышли, операторы Би-би-си бросились их снимать, решив, что это является частью ритуала.

Несколько преданных, стоявших с Прабхупадой за занавесом, были потрясены увиденным, но сейчас у них не было времени для восторгов и оправданий. Ямуна наряжала Божества, а Прабхупада ее торопил. Когда, наконец, все было готово, Прабхупада открыл главный занавес, и перед гостями, заполнившими храм, во всей Своей красе предстали Господь Кришна и Радхарани. Один из преданных начал арати, а Прабхупада, в шафрановом чадаре и с гирляндой из гвоздик на шее, стоял сбоку, с благоговением взирая на Радхарани и Кришну как Их слуга и защитник.

Праздник стал кульминацией нескольких месяцев напряженного труда. На самом деле, этому счастливому событию предшествовали многие годы планомерной подготовки. Сто лет тому назад Бхактивинода Тхакур мечтал о том дне, когда сознание Кришны придет в Англию, того же хотел и Шрила Бхактисиддхант Сарасвати. Открытие в Лондоне храма Радхи и Кришны, который будет проповедовать здесь сознание Кришны, было вехой в истории гаудия-вайшнавизма. Они исполнили наказ великих ачарий прошлого. Прабхупада послал приглашения некоторым своим духовным братьям, но никто из них, конечно же, приехать не смог. Но они, по крайней мере, должны обрадоваться, узнав, что осуществилась, наконец, мечта Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Теперь Прабхупаде было семьдесят три. За три последних года он сумел открыть двадцать один храм. Незадолго до этого Прабхупада велел нескольким своим ученикам сформировать руководящий орган ИСККОН, который должен был освободить его от административной работы и позволить ему полностью сосредоточиться на переводе книг о сознании Кришны. Эти книги нужно будет распространить по всему миру, они должны быть в каждом доме, во всех школах и университетах на благо всех людей мира. В своих книгах он будет жить вечно. Он сказал, что не знает, сколько времени ему отведено, но хочет продолжать служить своему Гуру Махарадже и стараться жизнь за жизнью радовать его своими усилиями.

Однако, вопреки желанию удалиться от активной деятельности и посвятить все свое время работе над книгами, сейчас ему приходилось устанавливать в новом храме Божества и защищать Их от халатности учеников. Не будь его здесь, церемония обернулась бы катастрофой. У него уже много учеников, которые работают не покладая рук но они по-прежнему нуждаются в его личном руководстве.

ИСККОН только начал расти. Прабхупада не хотел ограничиваться двумя десятками храмов – он намеревался открыть их как минимум сто восемь. Он только начал путешествовать по миру и издавать свои книги, и с каждым днем у него будет все больше и больше учеников. Будет расти престиж его движения, а вместе с ним – и противодействие со стороны атеистов. Сознание Кришны распространялось все шире, и впереди него шел Прабхупада.

– Я вижу впереди свет, – говорил он. – Это свет величия Кришны.

Он считал себя слугой духовного учителя, а светлое будущее его Движения было в руках Господа.

Прабхупада позвал Шьямасундару. Хотя он и сердился из-за катастрофы, которой только чудом удалось избежать, он понимал, что ученики его сделали все, что могли. Он сказал Шьямасундаре, что храм прекрасен и очень ему нравится. Затем он попросил, чтобы на входе повесили табличку с золотыми буквами на голубом фоне:

ХРАМ РАДХА-КРИШНЫ

Этот храм был построен благодаря самоотверженному труду и усилиям Шьямасундар-даса Адхикари.

В день отъезда из Лондона Прабхупада раздал ученикам кое-что из своих личных вещей – свитера, шарфы и т.д. Затем в одиночестве он спустился в храм, чтобы попрощаться с Божествами. Он долго лежал, распростершись перед ними на полу, затем поднялся и стал смотреть на Радху и Кришну.

Ямуна: Прабхупада смотрел на Божества с выражением безраздельной преданности. Он любил эти Божества. Он говорил об Их несравненной красоте и о том, как Они дополняют друг друга, как Радхарани иногда кажется более красивой, чем Кришна, но луноподобный лик и глаза Кришны сияют, затмевая красоту Радхарани. Увидев меня, Прабхупада мимоходом заметил:

– Если ты будешь делать то, чему я тебя научил, следовать указаниям, которые я тебе дал, и в соответствии с ними поклоняться Божествам, если будешь читать книги, которые мы напечатали, то этого будет вполне достаточно, чтобы ты смогла вернуться обратно к Богу. Тебе не нужно учиться ничему другому. Просто делай то, чему я тебя научил, и жизнь твоя станет совершенной.

Сказав это, он ушел – просто взял и ушел.

Глава тридцать первая

ИСККОН в опасности

Бостон

21 декабря, 1969 года

Не менее ста учеников и последователей Прабхупады собралось в зале ожидания международного аэропорта «Логан» в Бостоне. Из Нового Вриндавана с полным автофургоном преданных приехал Киртанананда Свами. Приехали преданные из Нью-Йорка, с огромным транспарантом:

«НЬЮ-ЙОРКСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИСККОН ПРИВЕТСТВУЕТ ШРИЛУ ПРАБХУПАДУ»

Собравшиеся поют «Харе Кришна», играют на барабанах и караталах. Почти на всех – поверх дхоти и сари – теплые пальто. Некоторые пришли с детьми, а то и вовсе – с грудными младенцами. Ошарашенные пассажиры, ожидающие своего рейса, во все глаза смотрят на это зрелище.

Самолет Прабхупады запаздывает, но преданные не прекращают петь, часто подпрыгивая с поднятыми руками. С минуты на минуту должна произойти встреча, которой все они ждут уже давно, и поэтому, позабыв о всяких приличиях, преданные поют так эмоционально, что впадают в почти неуправляемый экстаз. Появляется полицейский и обращается к самому большому из них, Брахмананде:

– Успокойте людей!

Пение стихает и превращается в бормотание джапы: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Самолет из Лондона наконец-то прибывает! Преданным не видно, как входят в застекленную зону иммиграционного и таможенного контроля пассажиры – стеклянная стена на два метра от пола выкрашена черной краской – и, не переставая петь, они пытаются заглянуть поверх нее. Ребята в сильном волнении – некоторые почти в истерике, задние напирают на передних. Вдруг они видят, как по ту сторону стены поднимается вверх рука Прабхупады с мешочком для четок! Они видят только руку и мешочек, но и этого достаточно, чтобы привести их в бешеный восторг.

Никого и ничего не боясь, они ударяют в барабаны и караталы и вновь взрываются киртаном: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Адвайта, с глазами, полными слез, бьет в караталы так, словно хочет их расколоть. Брахмананда, высоко подпрыгивая, чтобы заглянуть в кабинку таможенного контроля, вопит, не в силах сдержать слезы:

– Прабхупада! Прабхупада!

Пройдя все таможенные формальности, Шрила Прабхупада внезапно предстает перед учениками. Киртанананда Свами, который до этого вел себя довольно сдержанно, перепрыгивая через кресла, летит через весь зал ожидания к нему. Все толкаются и бегут, стараясь оказаться поближе к Прабхупаде.

После долгих часов перелета шафрановая одежда Прабхупады помята. На нем вязаный свитер. В левой руке он держит белый пластмассовый чемоданчик, а правую – с мешочком для четок – снова поднимает вверх. Из мешочка выглядывают его большой и указательный пальцы. Он дарит своим детям лучезарную улыбку. Обливаясь слезами радости, преданные кричат:

– Слава Прабхупаде!

Он идет к дивану, покрытому шафрановой тканью, и, напирая друг на друга, преданные ликующей толпой устремляются за ним. Он садится. Парамананда из Нового Вриндавана со своим новорожденным сыном – первым мальчиком, родившимся в ИСККОН – выходит вперед и протягивает его Прабхупаде, чтобы тот благословил ребенка. Прабхупада улыбается. Преданные бесконечно и беззастенчиво блаженствуют.

– А где Хаягрива? – спрашивает Прабхупада.

Вопрос летит над головами, и вот, сквозь толпу протискивается гигант Хаягрива, который, бормоча себе под нос молитвы, падает к стопам Прабхупады. Руководители центров ИСККОН один за другим подходят к своему духовному учителю и надевают на него гирлянду за гирляндой.

Прабхупада смотрит поверх голов преданных и видит репортеров с фотоаппаратами и озадаченных, любопытных и снисходительно улыбающихся зевак.

– Должно быть, какой-то политик, – высказывает предположение человек из толпы.

– Итак, – начинает Прабхупада, – духовному учителю следует поклоняться как Богу. Но если он вдруг начинает думать, что он и есть Бог, то от такого учителя нет никакого толку. Я прошу вас, пожалуйста, не считайте Сознание Кришны какой-то сектой...

Прабхупада объясняет, что Сознание Кришны – великая наука, в конечном итоге приводящая к чистой любви к Богу.

– Эти юноши и девушки никогда раньше не слышали о Кришне, – продолжает он, – но сейчас они с легкостью встали на этот путь, поскольку это естественно для каждого.

Прабхупада говорит, что уже не молод, но не сомневается в том, что даже после его ухода ученики продолжат Движение сознания Кришны. Сила этого Движения такова, что в сердце каждого может пробудить сознание Бога. После лекции Прабхупада встает и в сопровождении преданных выходит на улицу. Там уже ждет лимузин, который по свежему снегу отвезет его в храм.

С Прабхупадой ехали четверо счастливиц: Киртанананда, Брахмананда, Сатсварупа и Пурушоттама. Вел машину специально нанятый шофер-профессионал. Прабхупада говорил о Лондоне. Он рассказал, что это старый, аристократичный город, а храм располагается в очень престижном районе, рядом с Британским музеем.

– Он находится... как же это называется... в «нижнем городе».

Машина проехала мимо большого рекламного щита, приглашающего в ресторан и бар гостиницы «Континенталь». Увидев плакат, Прабхупада удивился:

– Чинтамани... чего? А, «Континенталь»!

Преданные переглянулись: «Чинтамани»! Прабхупада подумал, что на щите написано «Чинтамани», – так называются духовные драгоценные камни, из которых состоит земля Кришналоки. Прабхупада сам был чинтамани, чистым и непорочным. Теперь он приехал в холодный и грязный Бостон, но, где бы он ни оказался, он не переставая думал о Кришне. Какая удача находиться с ним рядом! Сатсварупа взглянул на шофера:

– Ведите осторожно.

Прабхупада устроился на заднем сидении и негромко, вполголоса, говорил, а преданные, развернувшись к нему, пытались разглядеть его в темном салоне автомобиля, трепеща от его непостижимого, но в то же время дружественного присутствия.

– На днях я сказал Джорджу Харрисону, что если он считает свои деньги своей собственностью, то это майя, – сказал Прабхупада.

Перед Летним Тоннелем лимузин притормозил у автомата, собирающего плату за проезд. Водитель бросил в щель монетку, и красный свет сменился на зеленый. Прабхупада спросил, не бывает ли так, что кто-нибудь проезжает не заплатив. Брахмананда ответил, что в таком случае срабатывает сигнализация. Летний Тоннель был мрачным местом, жутко действующим на нервы, но когда Прабхупада рядом, бояться нечего.

– Я попросил Джорджа отдать деньги Кришне, – продолжал он. – Отдать Кришне – вовсе не значит отдать мне. Не обязательно. Но, так или иначе, все свои деньги он должен потратить на Кришну.

– Но ведь единственный путь к Кришне – это вы, – сказал Брахмананда.

Услышав это, Прабхупада беспечно рассмеялся.

– Да, – согласился он, – по крайней мере, на Западе.

Ехать с Прабхупадой, слушать, как он говорит о всяких мелочах или же о вещах серьезных, любоваться его непостижимыми чертами лица или доброй улыбкой... Что же может быть лучше?! Это была редчайшая возможность.

– Я представляю чистое, истинное учение, – продолжил Прабхупада. – Кришна говорит в «Бхагавад-гите»: «Предайся Мне», а я говорю: «Предайтесь Кришне». Это очень просто. Многие свами приезжают сюда и выставляют Кришной себя, но все это никуда не годится. А я говорю: «Предайтесь Кришне». Я не говорю ничего нового и ничего не добавляю от себя. Кришна говорит: «Предайся Мне», и я говорю: «Предайтесь Кришне».

Прабхупада поинтересовался у Брахмананды, продолжают ли регулярно выходить все пятьдесят тысяч экземпляров «Назад к Богу». Брахмананда ответил, что продолжают.

– Хорошо, – кивнул Прабхупада.

Обратив взгляд на Сатсварупу, он спросил о том, как поживает наборная машина, и Сатсварупа сказал, что каждый месяц набираются сотни страниц. Киртанананду Свами Прабхупада спросил о Новом Вриндаване, добавив, что община непременно будет развиваться; единственный недостаток в том, что зимой туда невозможно будет проехать.

Все, кто сопровождали Прабхупаду, были полностью довольны этой короткой беседой. Они ехали, опьяненные духовным блаженством.

Большинство преданных добрались до храма на Бикон-стрит раньше, чем Прабхупада, и в радостном волнении ждали его там. Лимузин подъехал, и, как и в аэропорту, преданные не стеснялись бурных проявлений чувств, выражая таким образом свою любовь к духовному учителю. Прабхупада величественно прошествовал по дорожке, поднялся по ступенькам крыльца, вошел в вестибюль через парадную дверь и осмотрел пурпурные стены и дверные проемы, выкрашенные в розовый и зеленый цвет. Со всех сторон на него смотрели любящие глаза преданных, встречавших его радостными возгласами. Он улыбался.

В гостиной на втором этаже, ныне служившей алтарной комнатой, собралось более ста пятидесяти учеников и гостей. Прабхупада поднимался по лестнице, и фигура его постепенно вырастала перед взорами присутствующих. В левой руке он по-прежнему держал белый чемоданчик, а в правой – мешочек с четками. И хотя за окном стоял зимний вечер, на нем не было пальто, – только хлопчатобумажное дхоти, курта и свитер. От него, казалось, исходило сияние.

Прабхупада подошел к алтарю. Он замечал абсолютно все: и маленькие Божества Радхи и Кришны на троне под красным бархатным балдахином, и Божества Джаганнатхи, Субхадры и Баларама на полке, закрепленной над изображением Господа Чайтаньи и Его санкиртаны, и даже начищенные до блеска латунные предметы для арати на маленьком столике рядом с алтарем. Повернувшись к Пурушоттаме, своему секретарю, сопровождавшему его во время путешествия, Прабхупада спросил:

– Как считаешь, Пурушоттама? Очень красиво, правда?

Пройдя через комнату, Прабхупада сел на व्याсасану, обитую красным бархатом, и заговорил. Все обратились в слух. Прославив лондонский центр – то, как там поклоняются Божествам, как превосходно готовят пури для Радхи и Кришны, он повернулся к алтарю и сказал:

– Если вы будете чистить посуду Божеств, то сердце ваше тоже очистится.

Полируя до блеска атрибуты поклонения Божествам, сказал он, преданные очищают и сердце своего духовного учителя.

Когда он, полностью погрузившись в преданность Божествам, произносил эти слова, преданные вдруг осознали, как важен в их сознании Кришны этот момент.

– Кто сшил эти одежды? – спросил Прабхупада, бросив взгляд на маленькие одежды Радхи и Кришны, украшенные оборками.

– Шарадия, – откликнулись преданные.

Прабхупада улыбнулся.

– Спасибо тебе большое.

Он откинул голову и засмеялся:

– Шарадия по-прежнему ссорится с мужем?

Преданные и гости засмеялись, а Шарадия закрыла лицо руками.

– Не ссорься с ним, – сказал Прабхупада. – Он хороший парень. Любой, кто приходит к сознанию Кришны, хороший человек.

Затем он попросил, чтобы ему показали весь дом.

Когда Прабхупада пошел вниз, за ним увязалось не менее сотни преданных – всем было интересно узнать, какое впечатление произведет на него храм, и услышать его мнение. Хотя его окружала огромная толпа, он оставался спокойным и неторопливым. Он вошел в длинный зал, располагающийся прямо под алтарной – здесь печатались журналы. Комнату заполняли стопы бумаги, большой старый офсетный станок, машина для обрезки бумаги, фальцевальный аппарат... Пахло типографской краской. Адвайта, заведующий типографией, одетый в военную форму защитного цвета, поклонился Прабхупаде. Когда, с улыбкой на лице, он встал с пола, Прабхупада подошел и обнял его, обхватив руками его голову.

– Очень хорошо, – сказал он.

Стоя у печатного станка, Прабхупада сложил руки и вознес молитву своему духовному учителю: «Джая Ом Вишнупада Парамахамса Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Махараджа Прабхупада ки джая!»

Адвайта попросил Прабхупаду дать типографии духовное имя.

– «ИСККОН-Пресс», – будничным тоном произнес Прабхупада, как будто уже давно придумал это название.

– Поддерживайте станки в безупречной чистоте, – велел он, – тогда они прослужат долго. Это сердце ИСККОН.

– Вы сердце ИСККОН, Прабхупада, – сказал какой-то преданный.

– А это – мое сердце, – отозвался он.

Выйдя из главного цеха, Прабхупада пошел осматривать остальные типографские помещения. Протискиваясь, проныривая, привставая на цыпочки, преданные шли за ним по пятам.

Он заглянул в крохотную каморку, где работал преданный-наборщик. Сначала, сказал он, наборщики должны работать очень медленно, и со временем они станут хорошими специалистами. Повернувшись к Адвайте, он сказал:

– В Индии каждый, кто говорит на хинди, читает литературу издательства «Гита-Пресс». Точно так же, всякий, кто говорит по-английски, должен иметь книги «ИСККОН-Пресс».

Если сравнивать Прабхупаду с другими писателями, его литературное наследие было уже довольно существенным. Но Прабхупада не был обычным «писателем». У него была другая миссия – затопить мир литературой, прославляющей Господа Кришну. ИСККОН существовал уже три года, но ученики его только-только приступили к претворению в жизнь его планов по изданию и распространению духовной литературы.

Издание этих книг было важным шагом – первым шагом. Несколькими месяцами ранее Прабхупада писал:

Типография должна работать постоянно. Мы должны издавать горы литературы. Если типография будет работать слаженно, я дам вам столько материала, что каждые два месяца вы сможете издавать по книге. У нас нет недостатка в материалах для книг Движения сознания Кришны.

Перед самым приездом в Бостон, он писал:

Самкиртан и распространение журналов «Назад к Богу» и других наших книг – вот то, чем должно заниматься это движение. Храмовое поклонение стоит на втором месте.

Теперь ИСККОН ежемесячно печатал пятьдесят тысяч экземпляров «Назад к Богу», и Прабхупада считал, что это не предел.

Стоя в тесном, холодном подвале, окруженный преданными, печатными машинами и духовной литературой, Прабхупада делился своими мыслями о том, как, по его мнению, должно работать издательство «ИСККОН-Пресс». Он сказал, что магнитофонная лента, после того, как он ее надиктует, будет высылаться в Бостон для транскрибирования. На это должно уходить не более двух дней. В течение следующих двух дней кто-то должен отредактировать отпечатанные листы, затем второй редактор за два дня отредактирует их повторно. Редактор санскрита добавит диакритические знаки, и рукопись будет готова в набор.

Прабхупада сказал, что сможет ежемесячно надиктовывать пятнадцать магнитофонных лент, что составляет триста рукописных страниц. С такой скоростью «ИСККОН-Пресс» должен каждые два месяца выпускать по одной книге – то есть шесть книг в год. А книг Прабхупада хотел напечатать не менее шестидесяти. Поэтому, по крайней мере, в течение десяти ближайших лет у его книгопечатников не будет недостатка в работе. Он добавил, что, если бы его преданные просто без остановки печатали книги – даже если бы им при этом приходилось работать двадцать четыре часа в сутки посменно – он был бы «бесконечно счастлив». Он же готов, если потребуются, ради издания книг бросить все свои дела.

То был особый нектар, которого так жаждали преданные, работающие в издательстве. Издание книг было сердцем Прабхупады; для него не было ничего дороже.

Всю неделю, пока Прабхупада гостил в Бостоне, Пурушоттама оставался в должности его секретаря и слуги – просто из чувства долга. Однако его лондонские проблемы усугубились. Угрюмый, терзаемый сомнениями, за два дня до отъезда он пришел к Прабхупаде.

Пурушоттама: Еще в Лондоне я решил уйти. Я просто почувствовал, что хочу заняться чем-то другим. Но я был связан долгом, и мне пришлось остаться – в Лондоне Прабхупаде нужна была моя помощь. По крайней мере, я обязан был доставить его обратно в Штаты. Я знал, что кому-то

нужно его сопровождать, и чувствовал, что должен выполнить свой долг до конца, устроив все как следует. Поэтому я не мог просто взять и бросить все как раз в тот момент, когда он, находясь в чужой стране, во мне нуждался.

Я никому ничего не говорил. Я не критиковал его и все остальное. Я честно выполнял обязанности, но своим отношением ясно давал ему понять, что в последнее время отхожу от него все дальше. Я не кланялся ему. Я входил, но не кланялся.

Он вошел в комнату Прабхупады, не поклонившись. Он остался стоять. Ему было неловко садиться, поскольку то, что он хотел сказать, было очень серьезно. Прабхупада из-за своего письменного стола посмотрел на него:

– Да, Пурушоттама?

Пурушоттама: Я зашел к нему. Я знал, что собираюсь уходить, и мне было как-то очень тяжело говорить об этом. Но, так или иначе, я сказал ему, что у меня есть много вопросов – и по поводу Движения, и по поводу полета на Луну, и всего прочего. Я просто не верю в это. Он очень близко к сердцу принял все, что я сказал. Он отнесся ко мне с пониманием.

Он сказал:

– Если у тебя есть сомнения, почему ты не спросишь меня?

Я ответил:

– Вы сами говорите, что мы должны спрашивать только того, кому доверяем.

Его, похоже, это сильно задело. Он понял, о чем я говорю. Я почувствовал, что сделал ему больно. Я не хотел быть таким дерзким, но так уж получилось.

Он сказал:

– Да, я заметил, что в последнее время ты не в лучшей форме. У тебя какие-то проблемы?

– Что ж, я этого и не скрываю, – ответил я.

Я пытался подготовить его к тому, что собирался сообщить. Я хотел уйти в тот же день. Поэтому я сказал:

– Я хочу уйти.

Но он ответил:

– Ты так долго был со мной, а теперь тебе не терпится уйти? Даже на ночь не останешься?

И добавил:

– Останься хотя бы до моего отъезда.

Он должен был улететь через два дня, и я согласился:

– Ладно. На это время я останусь.

Я собирался вернуться в Нью-Йорк. На самом деле у меня не было даже денег на билет, и он дал мне и на самолет, и на автобус. Я был очень благодарен ему за это. Можно было бы занять деньги у кого-то еще, но он сказал:

– Возьми. Ты можешь вернуть их позже.

И я взял. На следующей неделе я вернул ему долг.

Он очень понимающе ко мне отнесся. На самом деле, я заметил, что он смотрит на мир как-то совсем по-особому, с любовью. Я чувствовал, что порой я начинаю смотреть на мир точно так же, и понял, что научился этому видению, этому сердечному отношению у Прабхупады. У него это было, и я словно позаимствовал частичку его отношения. Это одно из тех его качеств, о которых я всегда помню. И я знаю, что поверил в Бога именно благодаря его Движению. До нашей с ним встречи я не верил в Бога.

После того, как Пурушоттама ушел, Прабхупада говорил с Брахманандой о его сомнениях, возникших в связи с полетом на Луну, и – как следствие этого – его сомнениях в Сознании Кришны.

– Я могу понять, что он сомневался в моих словах, но как он мог не верить шастрам?

В Бостоне стояла скверная погода. Дождь сменялся снегопадом, а когда снегопад прекращался, снова шел дождь. Прабхупада пробовал гулять во дворе перед храмом, и Бхавананда держал над ним зонтик, внимательно следя за тем, чтобы он не поскользнулся на льду. Но через неделю отвратительная декабрьская погода Бостона усугубила простуду Прабхупады, и он отправился в Лос-Анджелес.

* * *

Лос-Анджелес
25 февраля, 1970 года

В благоприятный день явления Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура преданные Лос-Анджелеса получили разрешение войти в свой новый храм на Уоцека-авеню. В комнатах еще не убрали, а в большом зале не было никакой мебели; но преданные перевезли व्याсану Прабхупады из старого храма на Ла-Сьенаге, и Прабхупада попросил их поставить на нее большое изображение Бхактисиддханты Сарасвати. Стоя перед духовным учителем, Прабхупада предложил ему арати. Вокруг него собралось около пятидесяти учеников, которые пели «Харе Кришна» и танцевали в пустом зале.

После арати Прабхупада попросил учеников поднести изображению Бхактисиддханты Сарасвати цветы. Затем, все еще стоя перед व्याсаной, он сказал, что ему нечего предложить своему духовному учителю, кроме своих учеников, и зачитал вслух их имена.

Сев на низкую व्याсану, которая стояла рядом с व्याсаной Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, Прабхупада коротко рассказал о жизни своего Гуру Махараджа – сына Бхактивиноды Тхакура и великого ачарьи миссии Чайтаньи Махапрабху. Вспоминая о первой встрече со ним, он поведал о том, как Бхактисиддханта Сарасвати попросил его научить англо-говорящий мир сознанию Кришны. Этот новый храм, сказал Прабхупада, его духовный учитель послал преданным в подарок, чтобы они использовали его в служении Кришне. Он сказал, что они не должны привязываться к роскоши, но использовать это замечательное место для проповеди. Говоря об этом, Прабхупада заплакал.

– А теперь принесите прасад! – воскликнул он.

И начался пир. Преданные рядами сидели на полу, а Прабхупада с व्याсаны руководил действиями раздатчиков, прося их разносить добавку – тому преданному еще одну самосу, тому – еще чатни, и так далее. Он замечал каждого и вдохновлял всех есть как можно больше Кришна-прасада.

После полудня Прабхупада обошел здание. Помимо главного зала, который он попросил перестроить под храм, он осмотрел такой же по величине зал для лекций. Эти залы, плюс трехкомнатные апартаменты, просторные комнаты для преданных – для мужчин и женщин отдельно – автостоянка, лужайка перед домом – во всем ИСККОН не было храма более внушительного, чем этот.

– Нам самим ни к чему такой дом, – сказал Прабхупада президенту храма, Гаргамуни. – Мы готовы жить где угодно. Но в это прекрасное место могут приходить порядочные люди и учиться здесь сознанию Кришны.

Здание стоило двести двадцать пять тысяч долларов, а первый взнос должен был составить пятьдесят тысяч. Немногим более десяти тысяч у Прабхупады было в книжном фонде, но эти средства предназначались исключительно для издания книг. Поэтому, хотя обычно он не любил сам решать подобные вопросы, на этот раз ему пришлось сделать исключение, и он лично попросил другие храмы пожертвовать средства на новую «мировую штаб-квартиру» в Лос-Анджелесе. Он даже разослал президентам храмов по всему миру фотоснимки нового здания. Благодаря этому он собрал сумму для первого взноса, и в день явления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати ИСККОН стал законным владельцем храма.

Это был единственный храм, являющийся собственностью ИСККОН – все остальные помещения преданные снимали в аренду – и Шрила Прабхупада хотел сам заняться его отделкой. Услуги профессионалов обошлись бы недешево, но у Прабхупады было много учеников, жаждущих заняться реконструкцией здания. Карандхара немного разбирался в плотницком и слесарно-водопроводном деле и знал основы строительного мастерства. Со временем он вполне мог бы набить руку. Бхавананда, который был профессиональным дизайнером, загорелся энтузиазмом Прабхупады переделать невзрачную церковь в ослепительный дворец для Верховного Господа.

– Сначала подготовь мою квартиру, – велел Прабхупада Бхавананде, – чтобы я мог переехать, а уж тогда возьмемся и за алтарную.

Бхавананда: Мы прикинули, в какой части храма у Прабхупады будут апартаменты, и Карандхара сделал там ванную. Затем приехал Прабхупада и сказал:

– Здесь будет моя гостиная. А здесь спальня.

Зайдя в третью комнату, с застекленной крышей, он сказал:

– А здесь будет библиотека.

Как-то в Бостоне Прабхупада сказал мне, что ребенком жил во дворце с голубыми стенами, красным мраморным полом и оранжевой и золотистой отделкой – это был дом Малликов в

Калькутте. Поэтому мы выкрасили стены его гостиной в синий цвет, а пол я выложил белой плиткой. Шторы были из темно-оранжевого сатина с золотыми шнурами и бахромой. Прабхупаде очень понравилось такое сочетание цветов.

В спальне я спросил у него, куда поставить кровать, и он сказал:

– Поставьте в центр комнаты.

На пол мы положили ковер, и Прабхупада сказал:

– Теперь накройте ковер простынями. Так делают в Индии: красивые ковры накрывают простынями, а по особым дням простыни снимают. Иначе ковры быстро испортятся.

Я пошел и купил простыни. Когда я вернулся и начал застилать ковер в спальне, Прабхупада был в гостиной. Он вошел и сказал:

– Да, очень хорошо. Это мое очередное нововведение. Это для вас что-то невиданное – простыни на коврах.

Потом он сказал мне:

– Теперь постарайся сделать так, чтобы на простынях не было складок.

Я стоял на четвереньках, и Прабхупада тоже опустился на колени рядом со мной. Мы стали разглаживать складки, а когда дошли до конца, Прабхупада загнул край простыни под ковер. Он был очень счастлив, потому что это было наше собственное здание. До этого у нас не было своих зданий.

В храмовой комнате Прабхупада показал Карандхаре, где построить три алтаря. Он указал размеры и распорядился сделать перед каждым из них двустворчатые двери, а наверху, над ними, прикрепить символы Вишну: над алтарем Гуру и Гауранги – раковину; над алтарем Радхи и Кришны (в центре) – колесо и булаву; а над алтарем Господа Джаганнатхи – лотос. Вьясасану духовного учителя он попросил поставить у противоположной относительно алтарей стены храма. Стены должны были быть выкрашены в желтый цвет, который, по словам Прабхупады, соответствует гуне благодати. Потолок нужно закрыть куполом с люстрами.

Когда алтари были закончены, Прабхупада захотел перенести туда Божества, несмотря на то, что ремонт большей частью еще не был закончен. Построив тележку с зонтиком и украсив ее цветами, преданные торжественно перевезли Божества из старого храма на бульваре Ла-Сьенага в Их новый дом.

Бхавананда: В первый раз войдя в храмовую комнату после утренней прогулки, он направился к алтарю Гуру-Гауранги и поклонился. Мы тоже предложили поклоны. Затем он встал и подошел к Радхе и Кришне, и снова поклонился. Затем к Джаганнатхе. Мы шли за ним. Затем мы отступили назад, а он сел на вьясасану и сказал:

– Теперь встаньте лицом друг к другу, вдоль комнаты, от вьясасаны до Радхи и Кришны. Одни стоят с левой стороны, другие с правой. С одной стороны от вас будет гуру, с другой – Бог. Теперь идите друг другу навстречу, а потом расходитесь. Всегда оставляйте проход, – сказал он, – чтобы мне было видно.

Божество – это царь, сказал Прабхупада, а жители храма – Его личные слуги. Поэтому храм должен выглядеть как дворец.

Красивый храм играет важную роль в проповеди, объяснил он, поскольку большинство людей, особенно на Западе, не склонны принимать на себя трудности ради духовной жизни. Есть одна индийская поговорка: никто не слушает бедняка. Если бы преданные, сказал Прабхупада, пригласили людей посетить лекции по бхакти-йоге на таком-то пустыре, под таким-то деревом, никто бы не пришел. Но в чистое и красивое здание, с люстрами и удобными комнатами, придут многие, и это их очистит.

Храм предназначался для тех, кто хотел бы жить как преданный из общества сознания Кришны. Преданные, говорил Прабхупада, должны быть готовы жить и спать где угодно. Но как любящий и заботливый отец своих учеников, Прабхупада приложил много усилий, чтобы открыть большой храм и создать преданным приличные условия для проживания. Он строил дом для своей семьи. Забота о том, чтобы его духовным детям было где жить и заниматься преданным служением, составляла один из аспектов его миссии.

Особенностью нового храма был сад Шрилы Прабхупады. Преданные освободили от бетона большой участок земли на задворках, засыпали его землей, огородили шлакоблочной стеной и посадили цветами.

Карандхара: В саду, по периметру, я вскопал грядки и посадил несколько одиноких растений. Но Прабхупада сказал:

– Нет. Ты должен засадить все. Везде должно что-то расти. Засади землю сплошь. Пусть растет.

Он хотел, чтобы сад был покрыт буйной растительностью, словно джунгли. Как в тропиках, где зелень в изобилии растет на каждом шагу.

Шриле Прабхупаде всегда очень нравилось сидеть в саду по вечерам, когда воздух был напоен ароматом цветов и дул свежий, прохладный ветерок. Здесь обсуждались самые разные темы, как в «Шримад-Бхагаватам». Иногда это были оживленные беседы с гостями или преданными, иногда Прабхупада просто повторял мантру и почти ничего не говорил, иногда он просил кого-нибудь почитать книгу о Кришне.

Он рассказывал, что когда был маленьким, у его матери был сад на крыше дома, и он часто по вечерам поднимался туда и играл. Он не забыл об этом. Он всегда помнил о своих любимых детских играх и с наслаждением о них рассказывал. Много раз он повторял:

– У моей матери был сад на крыше нашего дома, и ребенком я забирался туда по вечерам и играл. Теперь я снова могу приходить в столь же замечательное место.

Под личным наблюдением Прабхупады храм в Лос-Анджелесе стал центром, образцовым для всего ИСККОН. Например, он научил преданных во время утренней лекции по «Бхагаватам» хором, слово за словом, повторять за ним санскритские мантры и попросил ввести этот вид обучения во всех его храмах. В мае 1970 года он написал письма каждому из двадцати шести президентов храмов Северной Америки и Европы, приглашая их приехать к нему в Лос-Анджелес.

Теперь я сосредоточил все свои силы на центре в Лос-Анджелесе, который в отношении поклонения Божествам, Аротики, Киртана и других важных элементов храмового служения является образцом для всех остальных центров. Поскольку сейчас я сократил свои путешествия, я хотел бы, чтобы вы, когда вам будет удобно, приехали сюда и побыли здесь несколько дней, чтобы самим все увидеть; я надеюсь, что после того, как вы получите от меня необходимые наставления, все наши центры одновременно поднимутся до того же уровня.

Почти все президенты храмов, которые приехали к Прабхупаде, были молодыми людьми в возрасте от двадцати до тридцати лет. Они приехали как с практическими, так и с философскими вопросами. В свои блокноты они записывали всё, начиная с храмового распорядка дня и кончая сочетанием цветов в интерьере храма. Они записывали мелодии киртанов и учились организации групп санкиртаны. И, что, возможно, было самым важным, – они записывали то, что делал Прабхупада, и то, что он им говорил. После этого президенты храмов возвращались в свои города – в Беркли и Гамбург, в Торонто и Сидней – светящиеся экстазом и готовые ввести в своих храмах все те новые элементы храмовой жизни, которыми они прониклись в Лос-Анджелесе, у Прабхупады, в его всемирной штаб-квартире.

Хотя Прабхупада по-прежнему говорил о расширении своего Движения, он, казалось, был вполне счастлив, живя в Лос-Анджелесе и проповедуя остальному миру через президентов храмов, группы санкиртаны и через книги. Однако по мере созревания новых планов Прабхупада вновь стал ощущать необходимость создания руководящего совета для управления всеми делами ИСККОН, в который бы вошли двенадцать тщательно подобранных учеников. Кроме того, он поговаривал о том, чтобы многим из них дать санньясу и взять их с собой в Индию, чтобы обучить там «ремеслу» странствующих проповедников. А чтобы обеспечить своевременное и качественное издание книг, он хотел сформировать особый комитет, ответственный за их публикацию.

Прабхупада счастливо жил в Лос-Анджелесе: решал вопросы по управлению всемирным движением, обучал растущую семью лос-анджелесских преданных повторять санскритские мантры, а в предраسمветные часы уединялся для работы над книгами.

Однажды из Лондона ему прислали пластинку. Лондонские преданные, которые ранее при поддержке Джорджа Харрисона уже записали один альбом, теперь выпустили еще один сингл, «Говинда». Песня состояла из стихов «Брахма-самхиты», которым их научил Прабхупада, и каждый стих оканчивался припевом говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами. Прабхупада попросил проигрывать эту запись во время утренней программы в храме. На следующее утро, когда он вошел в храмовую комнату, поклонился Божеству, и занял свое место на вясасане, чтобы начать лекцию, пластинка заиграла.

Прабхупада застыл в экстазе. Его тело задрожало, а из глаз потоками полились слезы. Переданные, почувствовав отголосок эмоций своего духовного учителя, начали повторять «Харе Кришна», как во время джапы. Мгновения казались им вечностью. Наконец, Прабхупада сказал:

– Говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами, – и замолчал.

Затем он спросил:

– У всех все в порядке?

В ответ последовало громогласное: «Джая Прабхупада!», – и он приступил к лекции по «Шримад Бхагаватам».

* * *

Вайшнавера крия-мудра вигье на буджхая. «Никто не может понять, что творится у вайшнава в сердце». Только чистый преданный может по-настоящему понять другого чистого преданного. Но, наблюдая за действиями Прабхупады, мы видим, что все, что он делал, было чистым преданным служением Господу Кришне. Он был совершенным примером того, как нужно посвятить себя Кришне. Он учил наставлениями и личным примером. Часто вдохновляя и даже прославляя своих учеников, он постоянно побуждал их еще активнее участвовать в радостном движении санкиртаны Господа Чайтаньи. Однако иногда он указывал и на ошибки учеников. И порой ошибки эти бывали тяжелыми и болезненными и для него, и для преданных.

Однажды, войдя в свои апартаменты в лос-анджелесском храме, Прабхупада увидел, что преданный, убиравший его комнату, поставил его фотографию вниз головой. Незначительная оплошность. Но это был признак того, что в сознании ученика что-то не так. Каждое утро преданные возносят духовному учителю молитвы, выражая ему почтение как прямому представителю Бога, но как мог искренний ученик не заметить, что поставил представителя Бога вверх ногами?

Затем случилось происшествие куда более серьезное. Прабхупада зашел в храм, поприветствовал Божества и приготовился принять чаранамриту – ароматизированную воду, которой омывали Божества. Он делал это ежедневно. После утренней прогулки он возвращался в храм и, пока звучала запись «Говинда», кланялся Божествам. Затем кто-нибудь из преданных наливал в его правую ладонь несколько капель чаранамриты, и Прабхупада ее выпивал. Об этом элементе преданного служения упоминалось в «Нектаре преданности». «Благоухающую цветами и благовониями воду, стекающую с Его лотосных стоп, собирают и смешивают с йогуртом. Так чаранамрита приобретает не только изысканный аромат и вкус, но и необычайную духовную ценность... Преданные, пришедшие поклониться Божеству, с великим смирением принимают три капли чаранамриты, испытывая при этом запредельное счастье».

Однако в то утро, приняв чаранамриту, Шрила Прабхупада нахмурился. Кто-то положил в нее соль! Он пересек храмовую комнату, сел на вьясасану и обратился к сотне преданных, заполнивших зал:

– Кто положил в чаранамриту соль?

Встала какая-то девушка в сари и, нервно улыбаясь, призналась, что это ее рук дело.

– Зачем ты это сделала? – серьезно спросил Прабхупада.

– Не знаю, – хихикнула она.

Прабхупада повернулся к Гаргамуни:

– Найдите ответственного.

Все присутствующие почувствовали гнев Прабхупады. Это неприятное происшествие омрачило чистую атмосферу храма. Ученик поклоняется Кришне, доставляя радость духовному учителю, Его представителю, но если гуру огорчен, это не делает ученику чести. Духовный учитель – не просто принцип; он – личность. И в данном случае – это Шрила Прабхупада.

Когда типография «ИСККОН-Пресс» неправильно напечатала имя Прабхупады на новой книге, его это очень возмутило. На обложке небольшой книжки в дешевом мягком переплете (одной из глав Второй песни «Шримад-Бхагаватам») было напечатано просто «А.Ч. Бхактиведанта». При этом традиционное «Его Божественная Милость» и «Свами Прабхупада» было опущено. Имя Шрилы Прабхупады было практически лишено его духовного значения. В другом издании «ИСККОН-Пресс» Прабхупаду называли просто «ачарьей ИСККОН», хотя сам он неоднократно подчеркивал, что он – ачарья-основатель. Много ачарьев и духовных учителей приходило до него, и в будущем придет много других, но Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада навсегда останется единственным ачарьей-основателем Международного общества сознания Кришны.

Масла в огонь подлил другой случай. Когда Прабхупада в первый раз открыл только что вышедший из-под станка томик с очередной главой из «Бхагаватам», переплет треснул и из книги выпало несколько страниц. Прабхупада рассердился не на шутку.

Услышав, что Прабхупада разгневан, бостонские преданные сразу осознали, что, неправильно напечатав имя своего духовного учителя, они допустили непростительную оплошность. Принижать положение духовного учителя – серьезное оскорбление, тем более, если это происходит на страницах книг. Причастность к этим оскорблениям стала для преданных тяжелым испытанием, и они поняли – для того, чтобы их духовный рост продолжался, они должны пересмотреть свои взгляды. Прабхупада порицал мотивы, лежащие в основе этих ошибок, и для учеников его замечания были весьма поучительны. Если не он, то кто объяснит им абсолютное положение духовного учителя?

Однажды, в начале утренней лекции по «Шримад Бхагаватам», Прабхупада окликнул одну из учениц:

– Нандарани!

Нандарани почтительно встала.

– Ты каждый день повторяешь шестнадцать кругов?

– Ну, я стараюсь, Прабхупада.

– Вот в этом-то и проблема, – сказал Прабхупада, повернувшись к президенту храма.

Если даже Нандарани, одна из старших и самых ответственных учениц, не повторяет мантру как следует, что уж тогда говорить о младших ученицах, которые находятся под ее началом. Виноваты были руководители. Прабхупада хвалил учеников за их напряженную работу над реконструкцией храма и за то, что каждый день они выходили на улицы петь и распространять журналы. Но если преданный не повторяет установленное количество кругов мантры, он пренебрегает самым важным наставлением духовного учителя.

Нандарани умолчала о том, что ей сказали руководители храма – что если она занимается служением, то мантру повторять не обязательно. И это при том, что при посвящении Прабхупада давал ученикам совершенно ясное указание – каждый день повторять по меньшей мере шестнадцать кругов!

Затем произошел еще один инцидент. Во время утренней лекции Прабхупада говорил о Сарвабхауме Бхаттачарье, спутнике Господа Чайтаны. Взглянув на преданных, он спросил:

– Кто такой Сарвабхаума Бхаттачарья?

Молчание. Прабхупада подождал.

– Что, неужели никто из вас не знает, кто такой Сарвабхаума Бхаттачарья?

Какая-то девушка подняла руку; она «что-то читала о нем» – вот и весь ответ.

– И вам не стыдно? – Прабхупада посмотрел на мужчин. – Вы должны быть лидерами! Если мужчины не двигаются вперед, то женщины тоже будут стоять на месте. Вы должны быть брахманами! Тогда и жены ваши станут брахманами. Но если вы не брахманы, то они-то что смогут сделать?

Не совершенствуясь в повторении мантры, сказал Прабхупада, и не читая книги о сознании Кришны, они никогда не обретут той чистоты, что необходима для проповеди послания Господа Чайтаны.

В то же самое время, когда все эти «Лос-Анджелесские странности» тяжелым грузом лежали у Шрилы Прабхупады на сердце, он узнал, что его ученики, которые остались в Индии, пишут какие-то странные письма. Это добавило ему беспокойств. В одном из таких писем, адресованных американским преданным, говорилось, что духовные братья Прабхупады возражают против его титула «Прабхупада», считая, что так можно обращаться только к Бхактисиддханте Сарасвати. Сами они называли Прабхупаду «Свами Махараджа». Кроме того, Прабхупаде стало известно, что кое-кто из его учеников говорит, что он не единственный духовный учитель. Еще они с увлечением читали книги Бхактисиддханты Сарасвати – словно желая найти там некие новые истины, которые Прабхупада им еще не открыл.

Прабхупада посчитал, что во всем этом таится огромная опасность для ИСККОН. Основа духовного роста – непоколебимая вера в духовного учителя, а в этих новых взглядах Прабхупада ясно усматривал несовершенное, относительное понимание положения гуру, прямо противоположное абсолютному. Подобные идеи могли разрушить все, что было им до сих пор создано; как минимум они могли сокрушить духовную жизнь тех, кто их разделял.

Ученики его в некоторых делах проявляли полное невежество, но он знал, что делают они это не из злых побуждений. Но эти письма из Индии занесли на Запад духовную болезнь, которой несколько его учеников заразились от его духовных братьев. Прабхупада встревожился уже тогда, когда духовные братья отказались посодействовать ему в приобретении земли в Маяпуре, месте

рождения Господа Чайтаньи. Хотя он просил братьев помочь его неопытным ученикам, те не согласились. Напротив, кое-кто даже пытался помешать. Прабхупада написал одному из духовных братьев:

Мне очень больно слышать, что некоторые из моих духовных братьев вступили в тайный сговор с целью не дать мне купить землю в Майяпуре.

Любую угрозу ИСККОН Прабхупада воспринимал близко к сердцу. Он терпеливо объяснял ученикам, почему он носит титул «Прабхупада» и почему ученик должен относиться к духовному учителю как к представителю Кришны, не пытаясь через него «перешагнуть» и обратиться к предшествующим духовным учителям. Но теперь всего лишь несколько фраз, неосторожно сказанных кем-то в Индии, подрывали веру некоторых его учеников. Возможно, именно эти предательские идеи и заразили ИСККОН, став причиной грубых ошибок в «ИСККОН-пресс» и отклонений в Лос-Анджелесе. Разговоры об относительном положении духовного учителя были ни чем иным, как происками майи, энергии иллюзии. Майя пыталась сбить преданных ИСККОН с толку. Такова ее работа: уводить обусловленные души от служения Кришне.

Последние события стали отвлекать Прабхупаду от работы над книгами. В Лос-Анджелесе его работа спорилась, и недавно он закончил второй и последний том «Кришны». Закончив последнюю главу, он тотчас начал диктовать на ту же магнитофонную ленту обобщенное изложение Одиннадцатой песни «Шримад Бхагаватам». Однако постепенно работа остановилась.

Карандхара: Чтобы переводить, Прабхупаде нужно было глубоко сосредоточиться. Он открывал два или три больших тома «Бхагаватам», а иногда и несколько других книг, поменьше, на которые он ссылался. Он сидел за столом, в очках, и говорил в свой диктофон. Он полностью погружался в чтение. Иногда он что-то записывал на листе бумаги, затем заглядывал в одну из своих книг, потом открывал другую, возвращался на предыдущую страницу, снова что-то записывал, а потом диктовал. Для такой работы требовалась предельная сосредоточенность. Мне кажется, именно поэтому Прабхупада работал по ночам, после вечернего отдыха. С часу или двух ночи до шести или семи утра он погружался в работу. В это время было тихо, и он мог сосредоточиться.

Но когда Прабхупаду стали беспокоить проблемы в ИСККОН, его работа застопорилась. Он много времени тратил на разговоры с преданными, которые приезжали из других мест, со мной, и другими посетителями. Затем ему требовалось время, чтобы все взвесить, обдумать, и он не мог сосредоточиться на переводе. Эти осложнения очень его беспокоили. Он размышлял над ними, а потом говорил:

– Я так и не смог сосредоточиться. Я думал об этой проблеме.

Духовный учитель страдает из-за ошибок учеников, но Прабхупада не был пессимистом. Он продолжал петь и давать в храме лекции, продолжал приглашать к себе, в образцовый центр в Лос-Анджелесе, лидеров своего Движения; однако если он замечал какие-то нездоровые настроения, то тут же старался их исправить. Например, когда Гуру-даса написал из Лондона о том, что они разрешили какому-то индийскому гостю сесть на व्याсасану Прабхупады и прочитать в храме лекцию, Прабхупада сразу же ответил, указав на ошибку.

Я удивлен, что ты позволил г-ну Парикху сесть на व्याсасану. Ты знаешь, что व्याсасана предназначена для представителя Вьясадевы, духовного учителя, но г-н Парикх не принадлежит к Парампаре, чтобы действовать как представитель Вьясы, а также не обладает глубоким знанием вайшнавских принципов. Из твоего письма я понял, что иногда, сидя на व्याсасане, г-н Парикх обсуждает философию Ауробиндо, поэтому я несколько удивлен, как ты мог это допустить. Я думаю, ты должен немедленно исправить все эти ошибки, как ты говоришь в двух последних строках своего письма: «Я думаю, что лучше было бы прекратить его лекции. Этот вздор нельзя допускать».

В письме из Парижа Тамала-Кришна задавал Прабхупаде философские вопросы о совершенстве духовного учителя, и Прабхупада ответил подробно, но строго.

Духовный учитель всегда освобожден. В какой бы жизненной ситуации он ни оказался, его нельзя считать обычным человеком. Положение духовного учителя достигается тремя путями. Первый называется «садхан-сиддха», когда душа достигает освобождения, следуя регулирующим принципам преданного служения. Того, кто достиг освобождения по милости Кришны или Его преданного, называют «крипа-сиддха». А последний, «нитья-сиддха», – это тот, кто никогда в течение своей жизни не забывает о Кришне. Таковы три вида совершенства жизни.

Что касается Нарады Муни, то в своей прошлой жизни он был сыном служанки, но позднее по милости преданных стал сиддхой. В следующей жизни он родился Нарадой и с благословения Господа получил возможность свободно передвигаться куда пожелает. Поэтому, несмотря на то, что в прошлой жизни он был сыном служанки, ему ничто не помешало достичь совершенства в духовной жизни. Подобным образом, любое обусловленное живое существо может достичь совершенного уровня одним из вышеуказанных путей и следуя яркому примеру Нарады Муни.

Не понимаю, почему ты спросил о моей прошлой жизни. Влияли ли на меня законы материальной природы? Даже если допустить, что законы материальной природы влияли на меня, мешает ли это мне быть Духовным Учителем? Как ты думаешь? Яркий пример – жизнь Нарады Муни; несмотря на то, что в прошлой жизни он был обусловленной душой, это не помешало ему стать Духовным Учителем. Этот закон применим не только к Духовному Учителю, но и ко всем живым существам.

Что касается меня, то я не могу сказать, кем был в прошлой жизни, но один опытный астролог рассчитал, что в прошлом я был врачом и вел безгрешную жизнь. Кроме того, это подтверждается словами «Бхагавад-гиты» «шучинам шриматам гехе йогабхрашта бхиджаяте», – йог, не успевший закончить свою практику, появляется на свет в богатой семье или становится сыном шучи, праведника. По милости Кришны, в этой жизни мне были предоставлены обе эти возможности – я родился у благочестивого отца и вырос в одной из самых богатых и знатных семей Калькутты (Кашинатха Маллик). Божество Радха-Кришны, которому поклоняется эта семья, призвало меня к Себе, и поэтому во время моего последнего визита в этот город я, вместе с моими американскими учениками, остановился в Его храме. Хотя у меня были все возможности предаваться четырем основам греховной жизни (поскольку я был членом очень знатной семьи) Кришна всегда хранил меня, и на протяжении всей своей жизни я не знал ни незаконного секса, ни одурманивающих средств, ни мяса, ни азартных игр. Так что, если рассматривать эту мою жизнь, мне на память не приходит ни одного случая, когда бы я не помнил о Кришне.

Прабхупада понимал, что некоторые из его лидеров совсем запутались в делах управления ИСККОН и пытаются взять власть в свои руки. В лекциях он только намекал на это, – например, на то, что преданные недостаточно повторяют «Харе Кришна» и мало читают. Поэтому большинство преданных не догадывались о беспокойствах своего духовного учителя. Но иногда, сидя в своей комнате или в саду, Прабхупада делился с учениками своими опасениями. Он хотел, чтобы ученики его руководили ИСККОН, но для этого они должны быть чисты. Только тогда он смог бы полностью погрузиться в написание книг. В июне он написал Брахмананде:

Теперь я хочу полностью посвятить свое время написанию и переводу книг, и нам необходимо добиться того, чтобы управление нашим Обществом могло осуществляться без моего участия. Я думаю, что для решения важных вопросов у нас должен быть сформирован центральный руководящий орган. Я уже говорил об этом с Гаргамуни. Поэтому, если ты успеешь к Ратхатре, то мы сможем встретиться в Сан-Франциско и предварительно все это обсудить.

* * *

В июле Прабхупада приехал в Сан-Франциско на четвертый ежегодный праздник Ратхатра. Это был самый большой фестиваль из тех, что когда-либо здесь проводились: тысячи людей прошли с колесницами через Голден-гейт-парк к пляжу. Прабхупада чувствовал себя неважно и присоединился к шествию только с середины. Окруженный сотней учеников, поющих «Харе Кришна» под аккомпанемент каратал и мриданг, он танцевал перед колесницами.

Потом Прабхупада изъявил желание ехать, как и в прошлом году, на колеснице, но некоторые ученики стали его отговаривать. Они сказали, что однажды на них уже напала шайка хулиганов, и Прабхупаде из соображений безопасности лучше не ехать на колеснице. Он какое-то время настаивал, но в конце концов уступил и поехал к пляжу на машине.

На пляже, в танцзале «Домашний пес» Прабхупада начал лекцию словами:

– Я хотел бы поблагодарить всех вас за то, что вы нас посетили. Хотя я не очень хорошо себя чувствую, я счёл своим долгом прийти, ведь вы столь любезно посетили наше празднование Ратхатры Господа Джаганнатхи. Я чувствую, что обязан был прийти сюда, чтобы увидеться с вами и к вам обратиться, – произнес он слабым голосом.

Позже, в своей квартире, Прабхупада выразил недовольство тем, что ему не позволили ехать на колеснице. Как глава движения «Харе Кришна» он должен был находиться там. Ученики

не просто отказали ему – некоторые из них сами демонстративно залезли на колесницу, как будто бы заняв его место.

Прабхупада попросил президентов храмов, съехавшихся на Ратха-ятру, собраться и обсудить вопрос создания управляющего органа ИСККОН. Преданные собрались, а затем сообщили о своем решении – главным руководителем должен быть один из них.

Они не поняли. Прабхупада объяснил, что сила заключается в единстве, а не в одном человеке. Какая необходимость в еще одном единоличном лидере – ведь в ИСККОН уже есть ачарья-основатель? Он попросил их собраться снова.

* * *

Вернувшись в Лос-Анджелес, Прабхупада объявил, что даст некоторым ученикам посвящение в санньясу. Община преданных оживленно готовилась к празднику. Прабхупада сказал, что санньяси должны будут покинуть свои храмы, путешествовать и проповедовать. Такого в ИСККОН еще не было – новость стала сенсацией и очень понравилась преданным.

Прабхупада давал санньясу наиболее зрелым из учеников, сказав при этом, что цель посвящения в санньяси – помочь им очиститься и избавиться от пут материальных желаний. Он назначил церемонию на конец июля, через две недели.

Как-то раз Прабхупада сидел в своей комнате в Лос-Анджелесе и беседовал с преданным, приехавшим из другого города. Преданный смиренно поинтересовался, почему Прабхупада не ответил на его вопросы, которые он задал в последнем письме. Но Прабхупада этого письма не помнил. Расспросив секретаря, он выяснил, что тот частенько показывает приходящую почту некоторым руководителям храмов, а те по собственному почину иногда «придерживают» те письма, которые кажутся им незначительными или, по их мнению, могут принести Прабхупаде беспокойство.

Прабхупада был вне себя от гнева. Как они посмели встать между ним и его учениками? Как им в голову могло придти принимать подобные решения? Как может ученик подвергать цензуре почту своего духовного учителя?

Хотя Прабхупада сделал выговор всем ученикам, которые имели отношение к этому случаю, на сердце у него стало еще тяжелее. Его все больше беспокоили признаки духовной болезни, занесенной письмами из Индии. В то время в Лос-Анджелесе Прабхупаде некому было довериться, чтобы рассказать обо всех этих случаях, свидетельствующих о серьезном принижении положения духовного учителя. Все эти тревоги отразились и на его физическом состоянии – он заболел и перестал есть.

Карандхара: Я тоже кое-что слышал, но в расстановке оценок все было как-то затушевано и приукрашено. Прабхупада тоже избегал много говорить на эту тему. Хотя однажды, когда я сидел у него в комнате, сразу после того, как его санньяси покинули Лос-Анджелес, он спросил меня, понимаю ли я, что происходит. Я ответил:

– Думаю, да, – но в действительности я знал совсем немного.

В это время с улицы донеслось пение преданных, вышедших на санкиртану. Прабхупада сидел за столом. Услышав киртан, он обернулся и с улыбкой посмотрел в их сторону. Затем он повернулся ко мне.

– Они невинны, – сказал он. – Не втягивай их в эти дела.

Карандхара так ничего и не понял, и недоумевал, в какие дела их не нужно было втягивать. Но он понимал, что над головами санньяси нависла тень.

Прабхупада пригласил в Лос-Анджелес трех доверенных учеников.

Рупануга: Я был в Буффало. Зазвонил телефон и кто-то сказал в трубку:

– Прабхупада на связи.

Я сказал:

– Что? Вы шутите!

Но это оказался не Прабхупада, это был его слуга, Девананда. Он сообщил:

– Шрила Прабхупада хочет, чтобы ты приехал в Лос-Анджелес.

Я спросил:

– Что случилось?

Он ответил:

– Ну, он не хочет... – затем выпалил: – Шрила Прабхупада сам тебе об этом скажет.

Шрила Прабхупада взял трубку, и стоило мне услышать его голос, я тут же предложил ему поклоны, а потом спросил:

– Шрила Прабхупада, что случилось?

Он спросил:

– Ты не знаешь разве, что я болен?

Я ответил:

– Нет!

Он сказал:

– Немедленно приезжай.

Тогда я попросил:

– Э-э, Шрила Прабхупада, можно мне переговорить с Деванандой?

Я толком не понимал, что происходит, поэтому спросил Девананду:

– Объясни, в чем дело!

Тот ответил:

– Шрила Прабхупада сказал, что поговорит с тобой, когда ты приедешь. Он сам все объяснит.

Бхагаван дас: Я только что вернулся с санкиртаны, и тут мне позвонил Рупануга. Он сказал, что Прабхупада сообщил ему по телефону о каких-то проблемах в Лос-Анджелесе, и теперь он едет туда. Он ни словом больше не обмолвился, но обещал позвонить, когда вернется.

Это вывело мой ум из равновесия. Сев в кресло, весь в поту, разгоряченный после санкиртаны, я погрузился в мысли о Прабхупаде и о том, что же такое могло случиться. Я позвонил в Лос-Анджелес секретарю Прабхупады, Девананде, который ответил мне, что не может сообщить по этому поводу ничего существенного. Я надеялся так или иначе разузнать о положении дел побольше, но, подождав немного, отправился в душ.

Я был в душе, как вдруг кто-то неожиданно заколотил в дверь.

– Прабхупада звонит. Он хочет с тобой поговорить.

Я был уверен, что это какое-то недоразумение – разве может такое быть, чтобы звонил духовный учитель? Но все же выскочил из душа, весь мокрый, схватил трубку и сказал:

– Алло?

Последовала долгая пауза. Затем неожиданно на другом конце провода раздался голос Прабхупады:

– Бхагаван-даса?

– Да, – ответил я. – Шрила Прабхупада, пожалуйста, примите мои смиренные поклоны. Чем я могу служить Вам? – я был как громом поражен.

Тут Прабхупада медленно произнес:

– Тебе многое предстоит сделать, но прежде всего ты должен немедленно явиться сюда.

Я сказал:

– Конечно, Шрила Прабхупада, я выезжаю немедленно.

После этого мы оба повесили трубку.

Мне удалось наскрести денег на билет до Лос-Анджелеса, и когда в Детройте я поднялся на борт самолета, выяснилось, что тем же рейсом летит Рупануга. Мы сели рядом и стали обсуждать, что же такое могло произойти в Лос-Анджелесе, что привело Прабхупаду в такое беспокойство.

Когда мы прибыли в аэропорт, нас встретил Карандхара. Он рассказал нам, что некоторые из старших преданных плетут против Прабхупады интриги, и что в этот день Прабхупада дал некоторым из них санньясу и отправил проповедовать.

Это настолько меня поразило, что я не мог даже представить, что делать. Войдя в комнату Прабхупады, мы увидели, что он очень встревожен – он постоянно тер голову и жаловался, что из-за заговора у него повысилось давление.

Тамала-Кришна: Я написал Шриле Прабхупаде из Парижа длинное письмо, в котором излагал наши планы по расширению проповеднической деятельности в Европе, и неожиданно получил от Его Божественной Милости телеграмму следующего содержания: «ПОЛУЧИЛ ТВОЕ ПИСЬМО 26 ИЮЛЯ. ПРИЕЗЖАЙ ЛОС-АНДЖЕЛЕС НЕМЕДЛЕННО». Я страшно удивился, и, помню, в тот же день освободился от всех дел и вечером уехал, хотя все в этом храме держалось на мне.

Приехав в Лос-Анджелес, я встретил там Рупанугу, Бхагавана, Киртанананду Свами и Карандхару. Я был полон энтузиазма и блаженства от грандиозных успехов на стезе санкиртаны и

думать не думал ни о каких проблемах. Но эти преданные были угрюмы, мрачны и серьезны, и попытались объяснить мне, что происходит. Но я так и не смог понять все до конца. Я приехал поздно вечером и в этот день не смог увидеть Шрилу Прабхупаду.

Ранним утром следующего дня, когда Прабхупаде сообщили о моем прибытии, он позвал меня к себе еще до мангала-арати. Я отправился к нему на квартиру, и, войдя, обнаружил там Прабхупаду, который сидел, опустив голову. Он поднял глаза, и я увидел, что он выглядит больным. Он казался изможденным и очень несчастным. Как только я поклонился, он тихо спросил:

– Тебе рассказали?

Конечно, я так и не понял всего, что мне рассказали, но ответил:

– Да, я кое-что слышал.

И Прабхупада спросил:

– Ты можешь мне помочь?

Я ответил:

– Да, Шрила Прабхупада.

Он спросил:

– Можешь забрать меня отсюда?

Я сказал:

– Да, Шрила Прабхупада.

Конечно, я не чувствовал себя в силах помочь Прабхупаде, но понял, что должен ответить «Да». Разве можно было сказать: «Нет, не могу». Но как я мог помочь? Это все равно, что пытаться поднять самую большую в мире тяжесть. Гуру такой тяжелый ... Но, тем не менее, я должен был согласиться.

Далее Прабхупада спросил меня:

– Куда ты увезешь меня?

Я предложил:

– Мы можем поехать во Флориду.

Он сказал:

– Нет, это недостаточно далеко отсюда.

Я ответил:

– Я могу забрать Вас в Европу.

Он возразил:

– Нет, это тоже будет не очень хорошо. Там тоже могут быть подобные проблемы.

В тот раз мы так и не решили, куда ехать. Но Прабхупада сказал:

– Здесь как будто пожар. Я должен немедленно уехать. Это похоже на пожар.

Прабхупада доверительно рассказал о обо всем Рупануге, Тамала-Кришне и Бхагавану: о том, как задерживалась его почта, о том, как неправильно было напечатано его имя, о том, как во время Ратха-ятры ему не позволили ехать на колеснице. Он упомянул об этих и других признаках того, что кое-кто хочет отодвинуть его на второй план, чтобы сделать недоступным для учеников. Он не хотел оставаться в Лос-Анджелесе, он не хотел оставаться в Соединенных Штатах, и даже в Европу ехать не хотел. Он хотел покинуть место, оскверненное оскорблениями учеников. Но до отъезда он хотел воплотить в жизнь свой замысел – создать руководящий орган для управления деятельностью ИСККОН. В связи с этим 28 июля 1970 года он продиктовал письмо следующего содержания:

Я, нижеподписавшийся, А.Ч. Бхактиведанта Свами, ученик Ом Вишнупады Парамахамсы 108 Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Махараджи Прабхупады, приехал в Соединенные Штаты 18 сентября 1965 года с целью начать здесь движение сознания Кришны. Целый год я жил, не имея пристанища. Я побывал в разных частях этой страны. Затем, в июле 1966 года я зарегистрировал это общество, назвав его Международным обществом сознания Кришны, сокращенно ИСККОН... Постепенно Общество росло, один за другим открывались его филиалы. В настоящее время у нас уже тридцать четыре отделения (список прилагается). Поскольку границы нашей деятельности расширились, я считаю нужным создать руководящий совет общества, в дальнейшем именуемый Джи-Би-Си. Я старею, мне уже 75, и в любую минуту я могу уйти из жизни, поэтому я считаю необходимым дать своим ученикам указания, касающиеся того, как управлять деятельностью Общества. Они уже управляют отдельными его центрами, во главе каждого из которых стоят президент, секретарь и казначей, и, по моему мнению, неплохо с

этим справляются. Однако мы хотим улучшить управление храмами, повысить уровень проповеди сознания Кришны, увеличить распространение книг и журналов, открыть новые центры и должным образом обучать преданных. Поэтому я решил установить следующие принципы, и надеюсь, что мои возлюбленные ученики милостиво их примут.

Далее Прабхупада перечислил двенадцать человек, которые должны были войти в состав Джи-би-си:

1. Шриман Рупануга-Дас Адхикари
2. Шриман Бхагаван-Дас Адхикари
3. Шриман Шьямсундар-Дас Адхикари
4. Шриман Сатсварупа-Дас Адхикари
5. Шриман Карандхар-Дас Адхикари
6. Шриман Хансадутта-Дас Адхикари
7. Шриман Тамала-Кришна-Дас Адхикари
8. Шриман Судама-Дас Адхикари
9. Шриман Бали-Мардан-Дас Брахмачари
10. Шриман Джагадиша-Дас Адхикари
11. Шриман Хаягрива-Дас Адхикари
12. Шриман Кришнадас Адхикари

Отныне эти лица являются моими непосредственными представителями. Пока я жив, они будут действовать как мои зональные секретари, а после моей смерти – как душеприказчики.

Далее Прабхупада объяснял, какую роль должны играть санньяси.

Я уже дал некоторым из своих учеников посвящение в санньясу, уклад жизни в отречении, и в этой связи на их плечи также ложится очень важная ответственность. Санньяси будут путешествовать по разным храмам нашего общества, проповедуя и просвещая членов этих общин ради их духовного прогресса.

Официальный документ, составленный Прабхупадой, определял основные направления деятельности секретарей Джи-Би-Си. Они должны регулярно путешествовать по храмам в зонах, за которые несут ответственность, и следить за тем, чтобы каждый преданный читал шестнадцать кругов мантры и следовал установленному расписанию, и чтобы в храмах поддерживались необходимые стандарты чистоты. Двенадцать секретарей Джи-Би-Си должны освободить его от забот, связанных с управлением, и самостоятельно решать текущие и назревающие в Обществе проблемы. Решить эти проблемы, объяснял Прабхупада в своем документе, будет возможно только в том случае, если в каждом храме преданные полностью посвятят себя преданному служению, следуя установленным правилам: подниматься рано утром, посещать мангала-арати в четыре тридцать; ходить на лекции по «Шримад-Бхагаватам» и повторять санскритские стихи; петь на улицах «Харе Кришна»; распространять «Назад к Богу» и прочую литературу о сознании Кришны. Такое строгое следование принципам сознания Кришны заменит все методы материального менеджмента. Представители Джи-Би-Си должны следить за тем, чтобы все преданные в их зонах были должным образом заняты служением. Тогда майя уйдет.

На следующий день Прабхупада написал еще один важный документ, в котором назначил Бхагавана, Рупанугу и Карандхару попечителями издательства «Бхактиведанта Бук Траст».

Финансы издательства «Бхактиведанта Бук Траст» будут использоваться для публикации моих книг и других печатных материалов, а также для строительства храмов повсюду в мире, в первую очередь трех храмов – в Майяпуре, Вриндаване и Джаганнатха-Пури.

С тех пор как в 1967 году Прабхупада вернулся в Америку, он часто повторял, что останется в Америке как приемный сын своих учеников. Теперь он делился новыми планами: он говорил о поездке в Индию и строительстве больших храмов ИСККОН. Для преданных, привыкших к маленьким помещениям, взятым в аренду, строительство монументальных храмов в Индии, о котором толковал Прабхупада, казалось чем-то непостижимым. Прабхупада сказал, что в Индии он научит своих учеников проповедовать и открывать храмы.

Прабхупада выбрал несколько человек (в том числе и двух новоиспеченных санньяси), которые будут сопровождать его в Индии. Он сказал, что в будущем возьмет больше – Индия обязательно должна стать важным местом проповеди сознания Кришны. Сатсварупе и Уддхаве в Бостон он написал:

Все вы мои дети, и я люблю вас, моих американских юношей и девушек, которых послал мне мой духовный учитель, и которых я принял в ученики. В 1959 году, перед тем, как приехать в

вашу страну, я принял санньясу. С 1944 года я издавал журнал «Назад к Богу». Приняв санньясу, я предпочитал писать книги и не пытался открывать храмы или принимать учеников, как это делали другие мои духовные братья в Индии.

Все это меня не очень интересовало, потому что моему Гуру Махарадже гораздо больше нравилось издавать книги, чем строить храмы или увеличивать количество учеников-неофитов. Как только Он увидел, что у Него стало слишком много незрелых учеников, Он немедленно решил оставить этот мир. Принимать учеников – значит брать на себя ответственность за их грехи.

В настоящее время в лагерь ИСККОН просочилась политика и дипломатия. Некоторые из моих любимых учеников, на которых я очень, очень надеялся, оказались втянутыми в это, попав под влияние Майи. Например, имели место некоторые случаи, которые я расцениваю как проявление неуважения. Так что я решил отойти от дел и переключить все свое внимание исключительно на написание книг.

31 июля в письме Брахмананде и Гаргамуни Прабхупада объяснил, почему он собирается поехать в Индию.

Чтобы показать моим ученикам-санньяси пример, я лично поеду в Японию, взяв троих санньяси с собой. Хотя это выше моих физических сил, я все равно отправлюсь туда, чтобы вы могли понять, какие обязанности налагает санньяса...

Я всем сердцем молю вас – не создавайте трещин в прочном теле нашего Общества. Пожалуйста, работайте сообща, отбросив личное честолюбие. Это поможет нашему делу.

В Ведах говорится, что к Духовному Учителю нельзя относиться как к обычному человеку, даже если Духовный Учитель иногда ведет себя как обычный человек. Обязанность ученика – принимать его как Сверхчеловека. Аналогия с солдатами и командиром, приведенная в начале вашего письма, вполне уместна. Мы находимся на поле битвы Курукшетра: на одной стороне Майя, на другой – Кришна. Поэтому нужно следовать правилам, установленным для сражения – а именно, подчиняться приказу командира. Иначе будет невозможно управлять военными силами и победить врага. Поэтому, пожалуйста, будьте мужественны. Пусть все делается должным образом, чтобы наша миссия продвигалась вперед и победила.

Прабхупада раскрывал свои планы поездки в Индию и в других письмах:

Наша жизнь очень коротка. Движение сознания Кришны предназначено не для того, чтобы удовлетворить чье-то честолюбие – это движение призвано нести благо всему миру. Поэтому я отправляюсь в Восточное полушарие, и начну с Японии. Мы поедем вчетвером – только санньяси. Я стар, но тоже поеду в составе этой группы, чтобы подать пример своим ученикам, которые недавно приняли отречение от мира.

Готовясь к поездке Прабхупады в Индию, его секретарь, Девананда – теперь Девананда Свами – задавал ему вопросы из иммиграционной анкеты, механически зачитывая вопросы и вписывая ответы Прабхупады в соответствующие поля.

– Совершали ли вы когда-либо преступления? – прочитал он.

Глаза Прабхупады расширились:

– Ты спрашиваешь своего духовного учителя, совершал ли он преступления? – он повернулся к Бхагавану: – Вот видишь, я просто окружен людьми, которым нельзя доверять. Это опасно.

Вечером перед отъездом Прабхупада сидел в саду.

– Не переживайте, – сказал он окружающим его ученикам. – Мы не отступаем назад. Мы движемся вперед. Я дам вам все. Я все поставлю на места.

Он объяснил, что его резкие слова и замечания имели своей целью просветить и предостеречь преданных, раскрыв им все хитрости майи.

Карандхара заметил, что руководители храма организовали все так, чтобы на завтра поехать с Прабхупадой в аэропорт могли лишь несколько преданных.

– Откуда взялись эти идеи? – удивился Прабхупада. – В «Шримад-Бхагаватам» говорится, что когда вас покидает святой, провожать его нужно как можно дальше – до тех пор, пока он не скроется из виду.

На следующий день Прабхупаду провожали все. Преданные пели и танцевали, идя за ним по длинным коридорам Международного аэропорта Лос-Анджелеса. Проведя с ними многие месяцы, теперь он уезжал. Преданные плакали.

В новых одеждах, с обритой головой, Прабхупада излучал свет. Высоко держа голову, он сидел в зале ожидания – никогда еще он не казался столь серьезным и непостижимым. Он начинал

новое рискованное предприятие во имя Господа Чаитаньи. Он говорил, что уже стар и может больше не вернуться, но ученики его должны со всей серьезностью продолжать расширять Движение сознания Кришны.

– Если вы будете следовать этой новой программе, – сказал он, – майя не сможет напасть на вас.

После этого он их покинул.

* * *

По пути в Японию, Прабхупада на одну ночь остановился на Гаваях, и к нему в мотель пришли Гаурасундара с Говинда-даси. Говинда-даси хотела, чтобы Прабхупада ненадолго задержался и установил в храме их Божества Радхи и Кришны. Прабхупада ответил, что если Гаурасундара согласен, то он останется на несколько дней и проведет церемонию установления.

– Мне надо посоветоваться, – ответил Гаурасундара.

На следующий день Прабхупада улетел в Японию, откуда написал Говинда-даси:

Я очень вдохновлен тем, что люди спрашивают обо мне и хотят услышать мои выступления. Я мог бы остаться на два или на несколько дней – я не спешу – но вы ничего не организовали. Я сам предложил Гаурасундаре установить Божества, и он ответил, что ему необходимо посоветоваться, но так и не сказал мне, к какому решению пришел и с кем это он должен был посоветоваться. Таково сейчас положение во всем ИСККОН. Очевидно, чьи-то злые языки делают свое дело, и в результате этого сложилась очень неблагоприятная ситуация. Я сильно страдаю от этого. Но еще есть время, чтобы спасти наше Общество от этой тлетворной пропаганды, и я надеюсь, что вы объединитесь и сделаете все, что для этого необходимо.

В аэропорту Токио Прабхупаду приветствовали руководители издательства «Дай Ниппон», которое выпустило книгу «Кришна, Верховная Личность Бога» и ежемесячно печатало двадцать тысяч экземпляров «Назад к Богу». На лимузине, любезно предоставленном компанией «Дай Ниппон», Прабхупаду и его свиту отвезли на маленькую частную квартиру в сорока пяти минутах езды от храма.

Прабхупада сильно кашлял. И это, и некоторые другие признаки свидетельствовали о плохом состоянии здоровья, причиной которого, по его словам, было поведение учеников. Но, несмотря на болезнь, он часами мог говорить о своей тревоге за судьбы ИСККОН, особенно с сопровождавшим его секретарем Джи-би-си, Тамала-Кришной.

Вскоре после прибытия в Японию секретарю Прабхупады позвонил преданный, который был на большом праздновании Джанмаштами в Новом Вриндаване. Новости заставили встревожиться. Преданный рассказал, что приезжали четверо новоиспеченных санньяси и проповедовали что-то странное. Преданные были в замешательстве. Санньяси заявили, что Прабхупада уехал из Америки, потому что отверг своих учеников. И себя, и остальных преданных санньяси винули в том, что никто из них не понял, что Прабхупада-то на самом деле был Самим Кришной!

Услышав это, Прабхупада сказал:

– Вот почему я и не поехал. Я знал, что это случится. Это имперсонализм.

Он объяснил, что такое майявада, искаженное представление о положении гуру и Кришны. Если кто-то говорит, что гуру – это Бог, или же сам гуру объявляет себя Богом – это философия майявады.

Для майявады духовное осознание означает постижение своего единства с Брахманом, всепроникающим духом. Несмотря на все свои аскезы, непривязанность к мирскому обществу, изучение «Веданта-сутры» и комментариев Шанкары, они ошибочно считают тело Кришны, Его имя и развлечения, служение Ему, а также Его преданных проявлениями майи, иллюзии. Поэтому их и называют майявади. Духовный учитель школы майявады не дает своему ученику Святое имя Кришны, не говорит о священных играх Господа или Его божественном образе – все это майявади считают майей. Вместо этого гуру раскрывает ученику единство всего сущего, учит его тому, что представления об индивидуальном существовании и эго – иллюзия. Майявади иногда сравнивают гуру с лестницей. Лестницу используют, чтобы достичь какой-то высоты, но когда необходимости в лестнице больше нет, ее просто отбрасывают.

Прабхупаде трудно было говорить; то и дело кашляя, он объяснял, в чем заключаются опасные заблуждения майявады. Имперсоналисты придерживаются упрощенных, мирских взглядов на гуру, на поклонение ему и на его наставления. Если кто-то говорит, что гуру – это Бог,

а Бог не является личностью, отсюда следует естественный логический вывод, что между гуру и учениками нет вечных личных отношений. В конечном счете, ученик становится равным духовному учителю, или, другими словами, осознает, что он тоже Бог.

Пользуясь аргументами из ведических Писаний, Прабхупада опроверг все утверждения майявади. Он объяснил, что индивидуальные души занимают положение вечных слуг Кришны, и эти отношения господина и слуги вечны. Поэтому служение Кришне – это духовная деятельность. Но только служение гуру позволит ученику полностью восстановить свои вечные отношения с Кришной. Ведическая литература подчеркивает первостепенное значение служения духовному учителю. Он – представитель Бога, прямой Его посредник, и никто не сможет приблизиться к Богу, минуя его. Господь Кришна говорит: «Тот, кто предан непосредственно Мне, на самом деле не Мой преданный. Мой истинный преданный – тот, кто предан Моему слуге (духовному учителю)».

Прабхупада мог «натаскивать» учеников часами. Он выдвигал доводы майявади и просил учеников их разбить. Если им это не удавалось, он опровергал эти утверждения сам. Он подчеркивал, что отношения между духовным учителем и учеником вечны – но не потому, что гуру – это Кришна, а потому, что он вечно остается ближайшим Его слугой. Истинный духовный учитель никогда не заявит, что он Кришна или что Кришна не является личностью.

Преданные начали понимать, что оскорбительное умаление положения Шрилы Прабхупады – порождение философии майявады. Майявади не видит никакой необходимости развивать преданность гуру; если все отношения в конечном счете иллюзия, зачем усиливать иллюзию? Если в основе отношений господина и слуги лежит иллюзия, то чем меньше ученик считает своего гуру господином, а себя – слугой, тем большего прогресса он достигает. Философия майявады была неуловимым, незаметным ядом.

По крайней мере, Прабхупада избежал необходимости лично присутствовать в Новом Вриндаване, чтобы выслушивать пустословие некоторых учеников, отравленных майявадой, и созерцать ужасающее невежество остальных. Вместе со своей небольшой группой он направлялся в Индию. А отсюда, из Токио, ему нужно постараться захватить как можно больше журналов «Назад к Богу» и книг «Кришна».

Прабхупада отметил день Джанмаштами у себя в квартире; преданные весь день читали ему книгу «Кришна». Если читать без перерыва, сказал он, то к концу дня можно прочесть всю книгу. Преданные украсили стены и потолок в комнате своего духовного учителя листьями и цветами, и Прабхупада сидел на своем тоненьком коврикe, слушая об играх Кришны. В девять вечера Прабхупада спросил преданных, которые целый день постились и читали, смогут ли они к полуночи дочитать книгу до конца. Они ответили, что не смогут.

– Тогда остановитесь, я буду читать.

Прабхупада открыл Десятую песнь «Шримад-Бхагаватам» на санскрите и следующие два часа читал санскритские стихи.

– Вы не понимаете санскрита, – сказал он. – Но я знаю, что вы можете его почувствовать. Эти стихи обладают такой силой, что, просто слушая их, можно очиститься.

Во время чтения Киртанананда Свами и Карттикея Свами готовили на кухне пир. В полночь преданные предложили Прабхупаде прасад в честь Джанмаштами. Попробовав лишь несколько кусочков, он наблюдал, как с аппетитом едят его ученики.

А на следующий день была Вьяса-пуджа, семьдесят четвертый день рождения Прабхупады, на который он отправился в токийский храм ИСККОН. В храме было всего две комнаты – в одной жили преданные, в другой проводилось поклонение; на полу лежали японские соломенные коврики. Прабхупада сел справа от алтаря, глядя на Господа Джаганнатху, а ученики расселись на полу и запели молитвы «Гурв-аштака» во славу духовного учителя. Никто из них не имел ясного представления о том, как проводить церемонию Вьяса-пуджи. Через какое-то время киртан закончился, и за ним последовало несколько до боли неловких мгновений, в течение которых преданные чувствовали, что сейчас нужно сделать что-то особенное. Но что?

Прабхупада, казалось, рассердился:

– У вас что, нет пушпа-ятры? Прасадам еще не готов?

Преданные переглянулись.

– Это не Вьяса-пуджа, – сказал Прабхупада. – Вы не были раньше на Вьяса-пудже? Вы не знаете, как праздновать Вьяса-пуджу, как выражать почтение духовному учителю?

Один санньяси заплакал.

– Тамала-Кришна, – позвал Прабхупада. – разве ты не видел, как я отмечал день явления моего Гуру Махараджа? Где пушпа? («Пушпа» на санскрите означает «цветы»).

Пушпа? Пушпа? Тамала-Кришна решил, что Прабхупада имеет в виду блюдо «пушпанна» – разноцветный рис.

– Я не знаю, – ответил он.

– Что это за Вьяса-пуджа без пушпы? – спросил Прабхупада.

– Мы можем сделать, – предложил Тамала-Кришна.

Он схватил Судаму.

– Прабхупада хочет прасада. Он хочет рис пушпанна.

Они бросились на кухню и поспешно начали готовить рис. Тем временем преданные попытались провести церемонию Вьяса-пуджи по-своему. Киртанананда Свами встал и начал читать вслух отрывок из введения к книге «Кришна, источник вечного наслаждения», в котором рассказывалась краткая биография Прабхупады. Но Прабхупада прервал его, отчитав своих учеников за выдумки и неправильные действия.

– Если не знаете, – спросил он, – почему не спросите меня, как правильно?

Присутствовавшие гости, японцы, ни слова не понимали по-английски, но видели, что духовный учитель беспокоится. Прабхупада объяснил, что в преданном служении все должно совершаться правильно, в соответствии с традицией, переданной по парампаре, без всяких выдумок.

– Завтра мы проведем Вьяса-пуджу еще раз, – сказал он. – А сейчас идите ко мне в комнату, я скажу вам, что делать.

На следующий день, проведя простую, традиционную церемонию, преданные пришли в полный восторг. Впоследствии они согласились: если духовный учитель недоволен, то и счастья быть не может; но если духовный учитель удовлетворен, то и ученика переполняет блаженство.

Фестиваль в Новом Вриндаване, посвященный Джанмаштами и Вьяса-пудже, превратился в кошмар. Здесь собрались сотни преданных с Тихоокеанского побережья, многие приехали из Калифорнии, а кто-то – даже из Европы. Они съехались сюда, ожидая счастливого праздника, но вместо этого обнаружили, что санньяси, недавно получившие у Шрилы Прабхупады посвящение, распространяют какую-то разрушительную философию.

Там и тут, неформально беседуя с преданными, санньяси объясняли, как те оскорбили Прабхупаду, и как он лишил их за это своей милости. Санньяси делились откровениями, что Прабхупада на самом деле был Самим Богом, но никто из учеников не признал в нем Бога и потому все они, и в первую очередь сами санньяси, виновны в умалении его положения. Поэтому-то Прабхупада и уехал в Индию – он «забрал милость» у своих учеников.

Преданные были убиты. Никто не знал, чем на это возразить. Проповедь санньяси омрачила все. И так и должно быть, заявляли они; все должны ощущать свою вину и понимать, что потеряли милость духовного учителя. Нет смысла пытаться поднимать друг другу настроение – тут не помогут ни пение «Харе Кришна», ни пир; каждый должен вкусить горечь этого лекарства.

Хотя Прабхупада дал своим ученикам три тома «Шримад Бхагаватам», а также «Бхагавад-гиту как она есть», «Нектар преданности», «Учение Господа Чайтаньи» и много другой литературы, никто из преданных не знал эти книги достаточно хорошо. Многие сомневались в правильности философии, которую проповедовали санньяси, но никто не знал Писаний настолько глубоко, чтобы немедленно ее опровергнуть. Преданные обратились к Джи-би-си – руководителям и защитникам ИСККОН, недавно назначенным Прабхупадой. Джи-би-си совместно с другими старшими преданными принялись внимательно изучать книги Шрилы Прабхупады, чтобы прояснить, что в них говорится о положении духовного учителя.

Потом Хаягрива объявил, что только что от Шрилы Прабхупады из Токио пришло письмо. Преданные собрались в пандале, чтобы послушать, и Хаягрива зачитал письмо вслух:

– «Мои дорогие сыновья и дочери...» – далее Прабхупада перечислял по именам почти всех, кто жил в Новом Вриндаване.

Преданные тут же почувствовали, как к ним возвращается надежда. Простые слова Прабхупады – «Мои дорогие сыновья и дочери» – принесли им огромное облегчение.

Хаягрива продолжал читать:

– «Пожалуйста, примите мои благословения».

Значит, Прабхупада их не отверг!

Шрила Прабхупада писал о том, как он доволен деятельностью преданных в Новом Вриндаване, и обещал их навестить. Он сказал, что скоро вызовет к себе в Индию и других учеников. Когда Хаягрива зачитывал описание того, какой будет проповедь в Индии, бурный поток проповеднического духа Шрилы Прабхупады увлек за собой сердца преданных. Они зааплодировали. Они были на вершине блаженства.

Затем Прабхупада непосредственно обратился к проблеме, вставшей перед ИСККОН: «Очистите Новый Вриндаван от не-вриндаванской атмосферы, которая туда проникла». В своем письме он обрушивался на учение майявады.

После этого Джи-би-си собрали всех преданных в храмовой комнате. Читая избранные места из «Нектара преданности», они доказали, что духовный учитель, хотя и не является Богом, заслуживает такого же почтения, как Бог, потому что он – Его доверенный слуга. Несколько старших преданных поделились своей убежденностью, вспомнив некоторые случаи из опыта своего общения с Прабхупадой, доказывающие, что он не отверг их – он был очень милостив. Кто-то сказал, что санньяси могут ощущать себя отвергнутыми из-за чувства вины, которое испытывают сами, но не должны распространять эту вину на других.

Однако ложное учение нанесло удар, и многим преданным требовалось теперь какое-то время, чтобы оправиться от него. Особенно были встревожены те, кто в день фестиваля пришел впервые. Но мрачная туча, нависшая было над Новым Вриндаваном, рассеялась благодаря своевременному письму Шрилы Прабхупады.

Санньяси признали, что что-то недопоняли.

Но затем Джи-би-си позвонили Киртанананде Свами в Токио и сообщили, что, хотя письмо Прабхупады положило конец большинству проблем, санньяси продолжают сохранять свои ложные представления. Услышав об этом, Прабхупада почувствовал, что опасения его подтверждаются.

Некоторые ученики отравились ядовитой философией, берущей начало в Индии, и в результате их сердца, несмотря на присутствие Прабхупады, переполнились материальными желаниями власти и обладания.

Обратившись к Тамала-Кришне, Судаме и трем сопровождавшим его санньяси, Прабхупада спросил, что, по их мнению, нужно делать. Философские упражнения последних дней были еще свежи в их памяти, и они высказали предположение, что любому, кто учит других философии майявады, нельзя позволять оставаться в ИСККОН. Прабхупада согласился и сказал, что, если эти санньяси продолжают проповедовать философию майявады, они не должны оставаться в его храмах – пусть уходят и «проповедуют» отдельно, сами по себе. Тамала-Кришна передал это решение членам Джи-би-си в США, и Прабхупада был доволен, что проблема улажена. Для этого он и создал Джи-би-си – чтобы справляться с подобными трудностями.

2 сентября Прабхупада написал Хамсадуте в Германию:

Что касается отравы, которая проникла в наше Общество, – это факт; и я знаю, где корень этого ядовитого дерева и насколько опасно отравлено практически все наше Общество. Но это не так важно. Махарадже Прахладе дали выпить яд, но он не подействовал. Точно так же Господа Кришну и Пандавов хотели отравить, но ничего не вышло. Я думаю, что так же, как это было в нашей парампаре раньше, яд, подсыпанный нашему Обществу, не подействует, если некоторые наши ученики разовьют в себе качества Махараджи Прахлады. Для этого я и наделил Руководящий Совет административной властью.

Хаягриве в Новый Вриндаван Прабхупада написал:

Я рад узнать, что Джи-би-си активно работают над исправлением губительной ситуации, которая подрывает сами основы нашего Общества. Все вы, члены Джи-би-си, пожалуйста, всегда оставайтесь в этом отношении очень бдительными, чтобы подобная отравка не мешала росту нашего Общества. Ваша проповедь в Новом Вриндаване, а также ваше тщательное и серьезное изучение нашей литературы очень вдохновляют. Пожалуйста, продолжайте с энтузиазмом следовать этой программе и восстановите прочность и единство нашего Движения.

С самого начала я непримиримо выступал против имперсоналистов, и во всех моих книгах подчеркивается этот момент. И мои устные наставления, и мои книги к вашим услугам. Теперь вы, члены Джи-би-си, должны обратиться к ним и составить себе ясное представление об этом предмете. Тогда больше не будет никаких проблем. Эти четверо санньяси могут лаять, но караван будет продолжать идти вперед.

Сатсварупе в Бостон Прабхупада написал:

Я очень счастлив, что вы не поддались на пропаганду этих санньяси о том, что я недоволен всеми членами Общества – я никогда не испытывал неприязни ни к кому из его членов.

Худшее позади, думал Прабхупада. Эта проблема уже несколько месяцев беспокоила его и мешала писать. Он не прекращал наставлять своих учеников, как ради их собственного блага, так и на благо всего движения. Болезнь собрала свою дань, и это было прискорбно. Но она заставила преданных обратиться к книгам Прабхупады, чтобы применить его учение в жизни, и результат этого был положительным. Теперь они должны раз и навсегда усвоить, каково положение духовного учителя, и больше не позволять ложным учениям или сантиментам уводить себя с истинного пути.

Главное, зачем Прабхупада приехал в Токио, были переговоры с фирмой «Дай Ниппон». Считая его выдающимся писателем и почтенным религиозным деятелем и монахом, они предоставили ему машину и квартиру. Каждое утро они посылали за Прабхупадой автомобиль, чтобы отвезти его в парк Императорского Дворца на утреннюю прогулку. Прабхупаде нравились аккуратно посаженные деревья и посыпанные гравием дорожки, и он одобрительно отзывался о привычках японцев. Когда он проходил мимо, пожилые женщины кланялись ему в пояс, другие же почтительно складывали ладони, понимая, что перед ними святой.

Наступило утро, на которое была назначена встреча с «Дай Ниппон». Прабхупада вышел из квартиры и вместе с Тамала Кришной и Деванандой Махараджей сел на заднее сиденье автомобиля, принадлежавшего компании. Пока машина ехала по утренним улицам, Прабхупада тихо читал Гаятри-мантру.

В «Дай Ниппон» Прабхупада и двое его учеников в сопровождении младшего служащего поднялись на лифте в просторную комнату с большим столом для совещаний. Служащий, сопровождавший Прабхупаду, радушно пригласил его к столу, и Прабхупада сел между Тамала-Кришной и Деванандой Махараджей. Вскоре появились шесть старших руководителей «Дай Ниппон», в том числе президент корпорации. Они встали за спинками кресел и по очереди, начиная с президента, склонились в традиционном японском поклоне и предложили Прабхупаде свои визитные карточки. Обращаясь к нему «Ваша Божественная Милость», они представились, назвали свои должности и сели.

– Для нас большая честь принимать Вас здесь, – начал президент. – Вы великий религиозный писатель, и для нас большая честь печатать Ваши книги.

После короткой речи президента подали чай. Прабхупада попросил горячего молока. Беседа лилась непринужденно. Прабхупада говорил о важности своей миссии и литературы о сознании Кришны. Однако никто не вел речи о делах, и вскоре директора «Дай Ниппон», извинившись, попросили разрешения уйти. Они встретятся вновь завтра утром.

В комнате остались лишь Прабхупада, двое его учеников и младший служащий, который привел их сюда. Прабхупада спросил молодого японца:

– Итак, какова цель вашей жизни?

Вместо ответа молодой человек собрал все визитные карточки, разложенные по столу перед Прабхупадой, и сложил их по порядку – сверху карточка президента, затем вице-президента и так далее, а свою карточку положил в самый низ. Затем театральным жестом он вынул свою карточку из-под остальных и положил поверх стопки – очень наглядный ответ на вопрос, заданный Прабхупадой.

Прабхупада улыбнулся и сказал, что стать президентом компании – это временное положение. Вся материальная жизнь временна. Цитируя «Бхагавад-гиту», он объяснил, что тело бrenно, а душа вечна. К какому бы положению ни стремился человек и с чем бы ни отождествлял себя, со всем этим ему рано или поздно придется расстаться, поскольку в основе этого стремления и этого отождествления лежит представление о себе как о теле. Поэтому цель жизни заключается не в том, чтобы стать временным президентом временной корпорации во временном мире, а в том, чтобы осознать взаимоотношения вечной души с Верховной Личностью Бога и достичь вечной жизни. Прабхупада говорил почти полчаса, а юноша вежливо слушал.

На следующий день Прабхупада снова встретился с менеджерами, и начались переговоры. Зал собраний был другой, стол поменьше; напротив Прабхупады сидели трое агентов по продажам за рубежом. Прабхупада назвал свою цену: один доллар тридцать пять центов за книгу.

– О, Ваша Божественная Милость, – воскликнул один из агентов – эта цена для нас неприемлема. Мы понесем большие убытки. Мы не можем себе этого позволить.

Они обосновали свои слова, указав цены на бумагу и другие расходы.

Прабхупада начал говорить о своей миссии. Распространение книг ИСККОН – это благотворительная деятельность на благо всего человечества. Преданные распространяют книги за любые пожертвования, которые могут дать им люди, и сам он не имеет от этого ни выгоды, ни почестей. Это духовное образование, это литература первостепенной важности.

– Так или иначе, – сказал Прабхупада в заключение, – обращайтесь по этому поводу к моему секретарю, – и откинулся на спинку кресла.

Дальше вести переговоры предстояло Тамала-Кришне.

Тамала-Кришна начал с того, что Прабхупада на самом деле был слишком щедр, потому что ИСККОН никогда не мог позволить себе платить так дорого, и назвал цену на сорок центов ниже той, которую предложил Прабхупада.

– Г-н Тамала, – агент еще больше расстроился. – Пожалуйста, пересмотрите свое предложение.

Последовал вежливый спор.

Неожиданно Прабхупада вмешался, заняв положение стороннего наблюдателя. Он сказал, что уладит противоречия, возникшие между его секретарем и торговцами.

– Я выслушал обе стороны, – сказал он, – и думаю, что цена должна быть один доллар двадцать пять центов за книгу. Вот и все.

– Да, Ваша Божественная Милость, – обрадовался торговец. – Это правильно.

После дальнейших переговоров Прабхупада согласился подписать контракт на повторную печать Первого тома и выпуск Второго тома «Кришны, Верховной Личности Бога», двух номеров «Назад к Богу», а также «Назад к Богу» на хинди и новой книги, «Шри Ишопанишад». ИСККОН должен был заплатить наличными всего лишь пять тысяч долларов, а «Дай Ниппон» соглашалась печатать в кредит.

У себя на квартире Прабхупада устроил для руководителей «Дай Ниппон» пир. Японцам особенно пришлись по вкусу самосы и пакоры. Они подарили Прабхупаде часы и все оставшееся время его пребывания в Токио продолжали заботиться о его удобствах. Прабхупада познакомился с одним юношей по имени Брюс – уроженцем Канады, но японцем по национальности. Брюс серьезно заинтересовался сознанием Кришны, и Прабхупада пригласил его поехать с ним в Индию, на что юноша с радостью согласился.

Глава тридцать вторая

Танцующие белые слоны

Калькутта

29 августа 1970 года

Прошло почти три года с тех пор, как Прабхупада последний раз был в Индии, и вот теперь он вернулся в Калькутту, свой родной город. Хотя время было позднее, и перелет из Токио занял долгих двенадцать часов, Прабхупада спускался по трапу самолета, сияя от радости. На летном поле его встречали Ачьютананда и Джаяпатака – единственные американские ученики Прабхупады в Индии. Завидев его, приближающегося к ним в своем шелковом шафрановом одеянии, они пали ниц. Прабхупада же, улыбаясь, обнял их. Ученики усадили его в убранный цветами автомобиль и сопроводили к зданию аэропорта, в зал для почетных гостей.

Некоторые духовные братья Прабхупады и старые калькуттские друзья тоже пришли его встретить; группа преданных из Чайтанья-Матха вела киртан. Прием был впечатляющим и праздничным: зал дрожал от пения «Харе Кришна». Прабхупада сел. Звуки киртана, многочисленные изображения Кришны, аромат благовоний и цветов жасмина в сочетании с божественным присутствием Прабхупады превратили унылое помещение аэропорта в райский уголок. Индийцы проталкивались сквозь толпу, чтобы надеть на Прабхупаду гирлянду. Когда гирлянд становилось слишком много, Прабхупада снимал их, но его тут же заваливали новыми и лица его из-за них почти не было видно. Американские преданные, как замороженные, наблюдали за бенгальскими брахмачари, выписывавшими на своих мридангах какие-то замысловатые экзотические ритмы. Люди толпились, стараясь протиснуться поближе, чтобы прикоснуться к стопам Прабхупады и попросить у него благословений, а Прабхупада улыбался – он был дома. Наконец, киртан подошел к концу, и тогда он заговорил:

– Я вернулся в этот город, где не был три года. Харе Кришна. Я исколесил весь мир и понял, что материалистический прогресс не поможет принести сюда счастье и покой. Я видел Японию – страну высокоразвитую в техническом отношении. Несмотря на это, там нет настоящего счастья. Но в Индии люди наслаждаются, слушая санкиртану, даже если не осознают ее важности. Мой совет индийцам – если вы будете добиваться успехов только в науке и технике, не уделяя внимания хари-наме, то навсегда останетесь отсталыми. В хари-наме заключена потрясающая сила...

Журналист: Вы сказали (я цитирую): «Даже коммунизм пуст, если лишен Кришна-намы». Что вы имели в виду?

Прабхупада: Почему только коммунизм? Без сознания Кришны все пусто. Что бы вы ни делали, в центре должен оставаться Кришна. Не имеет значения, кто вы – коммунист, капиталист или кто-то еще. Мы только хотим понять, является ли центром вашей деятельности Кришна.

Журналист: В данный момент в Бенгалии происходят большие беспорядки. Что бы вы могли посоветовать?

Прабхупада: Я советую повторять «Харе Кришна». Это совет обеим сторонам – и капиталистам, и коммунистам. От их враждебности не останется и следа, и все их проблемы решатся, если они последуют моему совету.

Собравшиеся, одобряя слова Прабхупады, закричали:

– Садху! Садху!

Направляясь в дом г-на Дас-Гупты на Хиндустан-роуд, Прабхупада сидел на заднем сидении автомобиля. За окном сменяли друг друга знакомые виды Калькутты. Однако сопровождавшим его иностранцам Калькутта казалась чужой и незнакомой. Слоняющиеся тут и там тощие коровы, уличные собаки, клячонки, нагруженные непомерной поклажей, босые рикшавалы, открытые магазинчики, торгующие экзотическими продуктами, плотные толпы пешеходов, беспощадная жара и невообразимое дорожное движение – все это было знакомо и понятно Прабхупаде, но повергло в культурный шок его учеников. Тамала-Кришна нервно поглядывал на водителя, который, сигналив, лавировал между другими автомобилями. Прабхупада тихо рассмеялся:

– Тамала-Кришна, как тебе нравится такой способ вождения?

Ачйютананда и Джаяпатака уже привыкли к Калькутте и научились ценить ее культуру. Они встречались с культурными бенгальцами из высших слоев общества, которые, несмотря на их американское происхождение, относились к ним как к садху. Оба проповедовали в домах горожан и пели на публике «Харе Кришна», собирая толпы любопытных. Однако пока им не удалось построить здесь прочного фундамента для ИСККОН. Но теперь приехал Прабхупада – уж он-то изменит положение, развернув свою чудесную проповедь, как это было в Америке! Ученики горели желанием служить ему как послушные орудия в его руках. Уполномоченный Господом Чайтаньей, он должен отныне стать для них животворящей силой, источником вдохновения.

Прабхупада прибыл в дом г-на Гупты почти в полночь. Множество людей хотели повидать его, и когда Девананда Махараджа попытался их прогнать, Прабхупада сказал:

– Нет, нет, пусть заходят.

Пришла Бхаватарини, сестра Прабхупады, и принесла массу особых, приготовленных лично ею блюд.

– Мы не можем есть на ночь! – запротестовал один из санньяси. – Уже слишком поздно!

– Нет, – сказал Прабхупада. – Мы должны съесть все. Что бы ни приготовила моя сестра, мы должны все съесть. Это ее любимое занятие. Ей нравится для меня готовить и меня кормить. Все должны принять прасад.

Преданные из Чайтанья-Матха тоже приготовили пир, и, пока Прабхупада почитал прасад, приготовленный сестрой, принесли прасад из Чайтанья-Матха. Он попробовал немного и заставил своих учеников съесть сколько влезет.

В час ночи Прабхупада сидел в своей комнате и разговаривал с Ачйютанандой, Джаяпатакой и Деванандой Махараджей. Он рассказал им, как необдуманные письма учеников из Индии привели к серьезным отклонениям в понимании положения духовного учителя во всем ИСККОН. Он процитировал стих «сакшад-дхаритвена самаста-шастраих» и объяснил его смысл:

– Гуру находится на одном уровне с Хари, Верховной Личностью Бога. Он не Бог, но самый дорогой слуга Бога.

Прабхупада продолжал проповедовать ученикам, рассеивая всевозможные ошибочные представления о положении духовного учителя. Он сказал, что недавние неприятности теперь позади, и преданные должны продолжать сотрудничать, с новыми силами и энергией.

Ачйютананда спросил, можно ли ему принять санньясу, сказав, что индийцы оказывают санньяси большее почтение. Прабхупада согласился, что санньяса поможет Ачйютананде в проповеди, и добавил, что Джаяпатака тоже должен стать санньяси. Церемония была назначена на Радхаштами, через неделю.

В газете «Амрита Базар Патрика» всю первую полосу занимали новости о прибытии Прабхупады. На фото был изображен гуляющий Прабхупада с мешочком для четок на руке, окруженный молодыми санньяси с дандами.

Множество высокопоставленных деятелей повидал Аэропорт Думдум, но такого пышного праздничного приема мы не видели никогда... Трудно представить, что этому человеку семьдесят пять, ибо после столь длительного путешествия он выглядит совершенно бодрым. Слегка улыбаясь, он благословил всех и каждого словами: «Хари Бол!»

Прабхупада написал преданным в Японию:

В Индии, с того самого момента, как мы вышли из самолета, наша проповедь не прекращается ни на минуту... Этот юноша, Брюс, делает успехи, и интерес его растет. Он уже пожертвовал ради Кришны своими волосами – это хороший знак.

В Калькутте было неспокойно. Террористическая группа коммунистов-наксалитов бесчинствовала, убивая крупных бизнесменов и угрожая жизни многих других людей. Многие богатые промышленники-марвари бежали из Калькутты в Дели и Бомбей. Кроме того, началось брожение в среде бенгальских студентов. Старшее поколение Западной Бенгалии, к которому принадлежало и большинство посетителей Прабхупады, было встревожено ростом терроризма и беспорядками. Прабхупада говорил им, что единственное их прибежище – это Кришна.

Люди очень встревожены. Все ждут, что я сделаю что-нибудь, и ситуация нормализуется, но я просто советую им повторять «Харе Кришна», поскольку духовный звук –единственная панацея от всех материальных болезней.

Прабхупада не видел необходимости придумывать какую-то специальную программу для решения социальных проблем Калькутты. Повторение мантры «Харе Кришна» было «единственной панацеей от всех материальных болезней». Вопрос заключался в том, как лучше

всего задействовать американских преданных, чтобы дать эту панацею индийцам. Прабхупада приехал в Индию с группой из десяти учеников и попросил лидеров западных храмов в течение месяца прислать еще двадцать человек. В типографии «Дай Ниппон» он заказал книг и журналов на шестьдесят тысяч долларов, а его санньяси ежедневно выходили на улицы города и устраивали киртаны.

Группу санкиртаны жители Калькутты приняли очень тепло. Молодые люди с Запада с обритыми головами, шикхами, с вайшнавскими тилаками и в шафрановых одеждах играли на караталах и мридангах, с заразительным энтузиазмом пели мантру «Харе Кришна», цитировали санскритские стихи из «Бхагавад-гиты» и признавали Господа Кришну Верховной Личностью. Для бенгальцев это было сенсацией, и они сотнями собирались посмотреть на западных вайшнавов. Прабхупада знал, что его ученики никого не оставят равнодушным, и все наверняка захотят их увидеть, поэтому он ласково называл их своими «танцующими белыми слонами».

Те самые преданные, которым так нравилось петь «Харе Кришна» на улицах Сан-Франциско, Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, выходили теперь на улицы Калькутты, в изнурительную жару, какой никогда не бывает в Америке, и каждый день по несколько часов пели на площади Дальхаузи. Вокруг плотным кольцом стояла толпа людей, иногда над ними подтрунивали, смеялись, иногда бранили, но чаще смотрели на них с неподдельным изумлением.

Прабхупада рассчитывал на то, что когда индийцы увидят молодых людей с Запада, принявших принципы сознания Кришны, их вера в свою собственную культуру укрепитя. Прабхупада рассказывал ученикам, как когда-то давно, во времена царствования Махараджи Юдхистхиры, Индия была государством сознания Кришны. Однако на протяжении последнего тысячелетия она находилась под иноземным владычеством: сначала ею правили Моголы, затем англичане. В результате интеллигенция и (хотя и в меньшей степени) народные массы Индии утратили уважение к собственной культуре. Индийцы преследовали теперь материалистические цели Запада, считая материалистическое мировоззрение куда более продуктивным и практичным, чем религиозные верования своих предков, которые стали казаться им наивными и сентиментальными.

Прабхупада хорошо понимал, что жители Запада, которые отреклись от мира и стали вайшнавами, произведут на индийцев сильное впечатление и помогут им вновь обрести веру в свою утраченную культуру. И дело здесь не в материальной тактике, но в духовной силе. Прабхупада подчеркивал, что преданные должны быть чисты и безупречны в своих поступках, и эта чистота станет их силой.

Пение Святых имен на площади Дальхаузи и на улице Чоуринджи продолжалось около десяти дней, после чего Прабхупада решил его прекратить. Уличный киртан – замечательная форма проповеди, но для Индии это не самый эффективный метод, сказал он. В Бенгалии много профессиональных групп, которые исполняют киртаны, и Прабхупада не хотел, чтобы на его учеников смотрели как на профессиональных артистов или попрошайек. Он хотел, чтобы проповедь открыла им доступ в круги интеллигентных, уважаемых индийцев. Так преданные узнали о его новых планах.

Он назвал свою новую программу «свободным членством». Его ученики должны обращаться к индийцам, заинтересованным в сотрудничестве с ИСККОН, с просьбой стать свободными членами Общества. Взнос размером в 1 111 рупий даст свободному члену ИСККОН много льгот, например, возможность получения книг Шрилы Прабхупады и право на бесплатное проживание в любом центре ИСККОН по всему миру.

Начало программе свободного членства было положено, когда Прабхупада объявил о ней, выступая в одном частном доме перед группой богатых бизнесменов. Прочитав лекцию, он предложил собравшимся стать свободными членами ИСККОН, и несколько калькуттских предпринимателей сразу же дали свое согласие.

Б. Л. Джаджу: Меня поразила простота и непосредственность Прабхупады. Он рассказал мне, как занимался бизнесом, и гуру его однажды сказал, что четыреста лет тому назад Чайтанья Махапрабху предрек, что мантру «Харе Рама, Харе Кришна» будут петь по всему миру. Прабхупада сказал, что в этом и заключается миссия, которую возложил на него его духовный учитель, и, чтобы исполнить ее, ему пришлось поехать в Америку.

Я не заметил в нем никакого чванства. Он держался очень просто. Он говорил со мной так, словно был моим братом, – о том, как он отправился в США, как начал проповедовать и как постепенно у него созрел план, как распространить сознание Кришны по всему миру.

Увидев его учеников, которые так резко изменили свою жизнь, я подумал: «Может быть, мне тоже стоит попробовать? Наверное, я тоже должен что-то сделать, исходя из своих скромных возможностей и не оглядываясь на других». Я обнаружил, что он как-то незаметно вошел в мою жизнь. На мою жену и даже на сына произвело сильное впечатление то, что эти белые люди, которые, как мы думали, никогда не смогут принять сознание Кришны, так изменились. Поэтому мы решили, что нам тоже нужно более строго следовать наставлениям «Гиты».

В домах свободных членов ИСККОН, на официальных выступлениях или в своей комнате – везде Прабхупада говорил о Кришне и сознании Кришны, опираясь на «Бхагавад-гиту» и «Шримад-Бхагаватам». Это никогда его не утомляло. Гость задавал вопрос, и Прабхупада начинал ответ с того, что просил одного из учеников прочитать соответствующий стих из «Гиты», а затем сам его объяснял. Если гость не соглашался и вел себя вызывающе, Прабхупада с ним спорил. Сидя за своим маленьким столиком и время от времени отпивая воды из лоты, Прабхупада мог говорить часами. Температура воздуха поднималась до тридцати восьми градусов, и Прабхупада сидел без рубашки, в простой накидке, которая оставляла открытыми руки, плечи и часть груди. Иногда преданным, находившимся рядом с ним, становилось дурно, их клонило в сон или было трудно сосредоточиться; иногда они извинялись и выходили, а вернувшись через несколько часов, обнаруживали, что он все еще проповедует. Гости тоже сменяли один другого. Но Прабхупада проповедовал целыми днями, до позднего вечера, лишь после обеда делая небольшой перерыв, чтобы вздремнуть. Предмет обсуждения никогда ему не надоедал, и он продолжал говорить, пока были заинтересованные слушатели.

Аудитория была разношерстной. Иногда он говорил с культурными и хорошо одетыми семейными парами, а иногда беседовал с каким-нибудь одиноким стариком. Обычно аудитория слушала его спокойно, но, бывало, кто-то и не соглашался, или, даже если людям нравились его речи, они чего-то недопонимали. Бывало, гость интересовался, почему это он критикует известных бенгальских святых и политиков, и Прабхупада, опираясь на «Бхагавад-гиту», объяснял, что истинным садху является тот, кто всегда прославляет Кришну.

В своей проповеди Прабхупада часто говорил о том, что представляло для слушателей особый интерес, – например, о политических бесчинствах в Калькутте или об упадке ведической культуры. Но темы, связанные с местными событиями, он затрагивал лишь постольку, поскольку это было актуально в данный момент; он не ограничивался одной только Индией. Он думал и о других людях и местах, о том, что творится по всему миру. Отвечая на письма, он тщательно обдумывал положение дел в Англии, Австралии, на Гавайях или в Новом Вриндаване. И кроме того, он не переставая думал о Кришне. Он горел желанием прославить Кришну на весь мир; Индия была лишь очередным этапом.

Преданным в Индии выпала особая удача – близко наблюдать, как Прабхупада проповедует. Их воодушевляли его глубочайшее терпение и доброта, и в то же время, на фоне его качеств им было легче увидеть собственные недостатки. Преданным, недавно приехавшим в Индию, практическая сторона жизни в Калькутте все еще доставляла много хлопот. Погода, болезни и культурный шок мешали им сосредоточить ум на сознании Кришны. Но присутствие Прабхупады, его проповедь и его личный пример напоминали им, что истинная реальность не зависит от тела.

Иногда преданные критиковали некоторых посетителей Прабхупады. Они встречали индийцев, которые в присутствии Прабхупады старались произвести впечатление людей очень набожных, но за пределами его комнаты курили и проявляли далеко не лучшие качества характера. Однажды, когда несколько преданных пожаловались Прабхупаде на лицемерие этих индийцев, Прабхупада привел им аналогию с пчелой и мухой. Он сказал, что пчела всегда ищет мед, муху же влекут к себе гноящиеся раны. Преданный должен уподобиться пчеле и видеть в других только хорошее, а не походить на муху и вечно искать недостатки.

Ученики Прабхупады обнаружили, что верный способ научиться жить в Индии, – в точности повторять все, что делает их духовный учитель. Принимая прасад в чьем-либо доме, они ели то же самое и в той же последовательности, что и он. Когда он заканчивал есть, они тоже заканчивали; когда он шел мыть руки, они шли за ним. Жизнь в Индии казалась ученикам Прабхупады странной и порой приводила их в замешательство, и у них не было того видения своей миссии в Индии, каким обладал он. Но, куда бы он ни шел, они следовали за ним, как утята за уткой.

Чем ближе становились преданные к Прабхупаде, чем глубже открывались им его неподражаемые качества, тем сильнее становилась их любовь к нему. Сидя в комнате на белом диванчике и откинувшись на белый валик-подушку, Прабхупада, казалось, излучал золотистое сияние и выглядел очень царственно, несмотря на незатейливую обстановку. Преданные видели, что ни в Лос-Анджелесе, где он жил в роскоши и изобилии, ни здесь, в Калькутте, на него не влияло внешнее окружение. Индия была его домом, но он не был рядовым индийцем, и даже не был одним из множества индийских садху. Он не имел себе равных. И он принадлежал им.

* * *

С первого дня своего пребывания в Калькутте Прабхупада думал о поездке в Майяпур, священное место рождения Господа Чайтаньи. Бхактивинода Тхакур, отец духовного учителя Шрилы Прабхупады, страстно желал, чтобы в один прекрасный день американцы и европейцы воссоединились с его братьями-бенгальцами в Майяпуре, повторяя вместе с ними Святые имена. Прабхупада хотел купить землю, чтобы открыть в Майяпуре центр для своих западных последователей и так сделать мечту своих предшественников реальностью. Он написал одному из духовных братьев:

Я хочу отправиться в Майяпур, чтобы выразить почтение нашему Возлюбленному Духовному Учителю Его Божественной Милости Шри Шриле Прабхупаде, а также произвести покупку земли. Так что, если Джагмохан Прабху будет сопровождать нас и поможет нам завершить сделку, это будет очень любезно с его стороны, и я надеюсь, что ты милостиво попросишь его об этом.

Последователи Господа Чайтаньи считают Майяпур, расположенный в ста восьмидесяти километрах к северу от Калькутты, местом, равным Вриндавану. Пять тысяч лет назад Господь Кришна жил во Вриндаване, являя там Свои детские развлечения, а пять сотен лет назад Господь Кришна явился в Майяпуре как Господь Чайтанья. Поэтому для гаудия-вайшнавов Майяпур и Вриндаван – два самых дорогих и самых святых места на Земле. Где же еще устроить мировую штаб-квартиру ИСККОН, как не здесь! Но, несмотря на неоднократные попытки на протяжении последних нескольких лет, Шриле Прабхупаде так и не удалось приобрести здесь землю.

В 1967 году Прабхупада приехал в Майяпур с Аччютанандой. Он присмотрел участок земли и попросил Аччютананду попытаться его купить. Но Аччютананда так и не смог ни о чем договориться с мусульманином, владевшим этой землей. У некоторых духовных братьев Прабхупады были в Майяпуре и храмы, и земля, но они не помогали, а некоторые, казалось, даже мешали. Прабхупада написал в Майяпур письмо, в котором просил одного из духовных братьев помочь Аччютананде купить землю, но получил ответ от его секретаря, в котором тот писал, что этот человек ничем не сможет ему помочь. «Чтобы получить землю в Майяпуре, надо быть очень удачливым», – заметил секретарь.

Прабхупада осуждал отсутствие духа сотрудничества в своих духовных братьях. Он терял терпение.

– Почему нам не удастся купить землю в Майяпуре? – спрашивал он учеников. – Это дело тянется уже триста лет!

Он снова написал одному из своих духовных братьев:

Что касается прославления Имени Шри Майяпура как Места рождения Господа Чайтаньи, мы регулярно делаем это в наших книгах и других изданиях. Если ты возьмешь на себя труд милостиво приехать сюда, я покажу тебе, как мы приумножаем славу Места рождения Господа Чайтаньи. Может быть, тебе известно, что я уже обращался к Его Святейшеству Шрипаду Тиртхе Махараджу с нижайшей просьбой выделить нам в Майяпуре небольшой клочок земли, чтобы построить там дом для моих западных учеников, но он ответил отказом. Шрила Бхактивинод Тхакур хотел, чтобы в Майяпур приезжали американские и европейские преданные, и теперь это его предсказание исполняется. К сожалению, они просто слоняются по улицам Калькутты, не имея своего места в Майяпуре. Как ты думаешь, это правильно?

В сопровождении небольшой группы людей Прабхупада отправился на поезде в Навадвипу, что на другом берегу Ганги, прямо напротив Майяпура. Там их встретили члены Девананда-Матха. Подъезжая на рикшах к Девананда-Матху, преданные были очарованы деревенской атмосферой Навадвипы. Был сезон дождей, все цвело и зеленело, и двигаясь по улицам, заросшим тропическими растениями, преданные чувствовали, как, наконец, оживают их

романтические представления об Индии. В Девананда-Матхе Прабхупаду и его учеников ожидал особый прасад и удобные комнаты.

Затем вновь пошли дожди. Они шли день за днем, и Ганга поднималась все выше и выше, так что пересечь стремительно несущуюся реку и попасть в Майяпур стало уже невозможно. Поскольку признаков того, что в ближайшее время дожди прекратятся, не было, Прабхупада решил уехать. Вместе с учениками он сел на ранний утренний поезд в Калькутту.

Железнодорожные пути были затоплены. Поезд вынужден был останавливаться снова и снова – один раз они стояли целых восемь часов. Жара и толпы пассажиров, снующих по вагону, превратили для преданных ожидание в пытку. Прабхупада попросил одного из своих учеников нанять рикшу или попытаться найти более приемлемый способ передвижения, но других вариантов не было. В конце концов, поезд тронулся в сторону Калькутты, но смог проехать не дальше следующей станции, где все пассажиры пересели на другой состав. Наконец, Прабхупада добрался до Калькутты и до дома г-на Дас-Гупты.

– Может быть, Господь Чайтанья не хочет, чтобы мы открыли нашу штаб-квартиру в Майяпуре, – сказал Прабхупада.

Этих двух целей достичь пока не удалось – открыть центр в Калькутте и приобрести землю в Майяпуре.

Прабхупада продолжал проводить программы в домах калькуттцев и принимать у себя гостей. Однажды к Прабхупаде пришел некий господин Дандхария, который рассказал ему о готовящемся в Бомбее Садху-Самадже – собрании самых влиятельных и именитых садху Индии. Садху-Самадж будет проходить на Чоупатти-Бич и обещает стать заметным событием в духовной жизни Индии. Господин Дандхария попросил Прабхупаду приехать, и Прабхупада принял его приглашение.

* * *

Бомбей

Октябрь 1970 года.

В ответ на просьбу Шрилы Прабхупады, чтобы к нему в Индию приехали и другие ученики, в Брюссель отбыла группа из двадцати американских преданных. Там они купили недорогие билеты на винтовой самолет до Бомбея. В аэропорту, пока преданные раздумывали, куда пойти, к ним, с письмом от Прабхупады, подошел г-н Кайлаш Шекшария, богатый бизнесмен из Бомбея, племянник г-на Дандхарии. На нескольких машинах г-н Шекшария отвез преданных в свой дом в богатом районе Бомбея на Марин-драйв. Он накормил их и разместил у себя.

Через два дня пришла телеграмма, извещавшая преданных и хозяина дома о том, что Прабхупада прибывает на следующий день. В бомбейском аэропорту Прабхупаду встретили с восторгом, после чего он вместе с г-ном Шекшарией отправился к нему.

Марин-драйв протекает вдоль побережья, и расположенные вдоль него дома принадлежат очень богатым людям. В резиденции г-на Шекшарии насчитывалось семь этажей. Первый этаж, с большими комнатами, выходящими на Аравийское море, он отвел для Прабхупады.

Прабхупада сказал, что Бомбей – самый материалистичный город в Индии. Это столица национального кинематографа, и ни в каком другом городе Индии не носит западную одежду так много людей. Считаюсь «воротами в Индию», Бомбей мог похвастаться наибольшим количеством промышленных предприятий и фирм и самой обильной рекламой. В космополитичном Бомбее, словно в плавильном тигле, сплелись всевозможные культуры и религии, но здесь не было ни террора наксалитов, как в Калькутте, ни напряженной политической обстановки, как в Дели. Правда, здесь не было и знатных семей, поклоняющихся Господу Чайтанье и Его Движению санкиртаны, но, как сказал Прабхупада, проповедь в Бомбее имеет свои преимущества. В этом богатом городе жило много состоятельных и благочестивых индийцев, которые благодаря мощному интеллекту быстро принимали хорошие идеи. Прабхупада предсказал, что в Бомбее сознание Кришны будет пользоваться успехом.

Первая возможность проповеди в этом городе появилась у Прабхупады на собрании садху, в пандале на открытом поле, в нескольких кварталах от дома г-на Шекшарии. Ученики Прабхупады, которые тоже были приглашены, приехали туда за несколько часов до своего духовного учителя. Увидев армию индийских садху, сидящих на сцене длинными рядами, преданные были потрясены. Одни садху носили бороды, другие брили голову, иные, с длинными, спутанными волосами, держали трезубцы, кто-то обмазал тело пеплом, а кого-то украшали четки

и знаки, нанесенные на тело глиной. Преданные были поражены, но многие из тех садху, увидев белых вайшнавов, были поражены не меньше.

Когда преданные вышли на сцену и начали киртан, публика стала подпевать и хлопать в такт. После этого, по совету г-на Шекшарии, преданные пошли с киртаном по улицам города, и многие участники собрания последовали за ними.

Тем вечером преданные вошли в пандал одновременно с Прабхупадой. Прабхупада сел на возвышение, а ученики расселись у его ног. После того, как трое учеников выступили с речью на английском, Прабхупада заговорил на хинди. Аудитория из более чем пятисот человек слушала в полном молчании. После лекции он спустился с помоста, и вокруг него собралась толпа людей, желавших коснуться его стоп и проводить до автомобиля.

Узнав о том, что его ученики провели на улицах Бомбея спонтанный киртан, Прабхупада попросил их каждый день петь на самых оживленных базарах города. Так они и поступили. Они приходили с киртаном в самые людные места и каждый день – сильные, молодые, цветущие и полные веры – по три-четыре часа пели на улицах.

Физически Прабхупада не ходил со своими учениками, но был с ними в своих наставлениях, а также когда провожал их утром и встречал вечером. Они пели, потому что он попросил их об этом. И они знали, что пение «Харе Кришна» – естественная деятельность души; каждый должен это делать. Преданные знали, что в конце жизни они вернутся домой, к Богу. Но еще больше их вдохновляло то, что в конце дня они вернутся на Марин-драйв, к Прабхупаде, который улыбнется и скажет им несколько теплых слов.

Западные преданные, поющие в городе, попали в поле зрения радиостанций и газет. В «Таймз оф Индия» от десятого октября говорилось:

Вот уже несколько дней на улицах Бомбея можно наблюдать группу американцев, членов Международного Общества сознания Кришны (ИСККОН) (среди них есть даже женщины с грудными детьми), которые поют «Харе Кришна Харе Кришна, Кришна Кришна Харе Харе» или «Харе Рама Харе Рама, Рама Рама Харе Харе» под аккомпанемент латунных тарелочек, кастаньет и барабанов (мриданг).

...Неужели материалистичный Запад, или, во всяком случае, его небольшая часть, наконец, принял духовность Востока? Я встретился с несколькими американскими участниками киртана (которые приехали в Бомбей на седьмую индийскую конференцию Бхарат-Садху-Самаджа, начинающуюся сегодня) и был поражен их искренностью и абсолютной преданностью своей вере. Я подумал, что даже вайшnavы Матхуры вряд ли были бы столь же искренни, как эти энтузиасты бхакти.

* * *

Песок на пляже Чоупатти был мелким и чистым. Народу собралось несколько тысяч. Садху расположились на сцене, среди них был и Прабхупада вместе со своими учениками. Спустились сумерки. Небо над Аравийским морем было затянуто облаками, и с моря дул легкий, приятный ветерок.

Уже были прочитаны две лекции по философии майявады, и, наконец, пришла очередь выступать Прабхупаде – последнему на сегодня оратору. Аудитория с нетерпением ждала его выступления. Его успех на Западе вызывал огромное любопытство, особенно теперь, когда он приехал в Бомбей, и его последователи ежедневно пели на улицах города. Ученики Прабхупады, измученные и раздраженные двухчасовым потоком красноречия на хинди, устали ждать, когда же очередь дойдет до Прабхупады. Однако вместо того чтобы обратиться к аудитории с речью, Прабхупада повернулся к ученикам и сказал:

– Начинайте петь!

Как только преданные запели, маленькая Сарасвати, дочка Шьямасундары, поднялась и начала танцевать. Вслед за ней стали танцевать и другие преданные. Когда киртан оживили звуки мриданг и каратал, танец и пение преданных стали, по-видимому, раздражать некоторых из сидевших на сцене садху, которые один за другим встали и покинули пандал. Однако публика встретила пение с энтузиазмом, многие вскочили и принялись хлопать в ладоши. После пяти минут бурного киртана преданные, охваченные единым порывом, спрыгнули на песок и направились к публике. Тысячи собравшихся на пляже людей поднялись со своих мест и начали танцевать вместе с преданными.

Охваченные неудержимой радостью и тронутые неподдельной кришна-бхакти этих чужеземцев, индийцы плакали. Никогда прежде здесь не случилось ничего подобного. Даже полицейские и журналисты пели и танцевали вместе со всеми. Над побережьем Чоупатти бушевал киртан «Харе Кришна» – так Прабхупада и его ученики показывали бомбейцам силу Движения санкиртаны, начатого Господом Чайтаньей.

Минут через десять киртан закончился, но возбужденная публика продолжала гудеть. Прошло минут пятнадцать, прежде чем народ расселся по местам, и можно было продолжать программу. Преданные сошли со сцены и сели на землю. Прабхупада остался на сцене один. Голос Прабхупады, усиленный динамиками, эхом разносился над Чоупатти Бич.

– Дамы и господа, меня просили говорить на хинди, но я как-то не привык говорить на хинди, поэтому организаторы этого собрания позволили мне говорить по-английски. Я надеюсь, вам не составит труда следить за моей речью, – ведь это Бомбей, где большинство людей владеет английским. Как сказал один из выступавших на этом вечере, Его Святейшество Свами Акханданандаджи, главное сейчас – отучить людей от дурных привычек и научить их вести праведный образ жизни – сад-ачару. В этот век, в Кали-югу, люди очень порочны.

Прабхупада говорил о силе Движения Господа Чайтаньи, которое способно очистить сердце каждого живого существа. Он рассказал о двух великих грешниках, Джагае и Мадхае, которых спас Господь Чайтанья.

– Сейчас мы спасаем всех джагаев и мадхаев, всех без исключения. Поэтому, если мы хотим мира, если мы хотим достичь уровня сад-ачары, то должны распространить хари-нама-маху-мантру по всему миру. Действенность этого метода доказана на практике. Американские и европейские вайшнавцы, которые приехали сюда и вместе с вами пели сейчас мантру «Харе Кришна», еще не так давно ели говядину, пили спиртное, предавались разврату и играли в азартные игры. Но, присоединившись к Движению сознания Кришны, они избавились от всех дурных привычек. Сад-ачара пришла к ним сама собой. Они не пьют ни чая, ни кофе, не курят, что, насколько я понимаю, явление редкое даже для Индии. Они отказались от всего этого. Почему? Потому что приняли сознание Кришны.

Прабхупада говорил не более пяти минут:

– Думаю, мне нет необходимости говорить долго. Вы сами видите, каковы плоды Сознания Кришны. Оно не является чем-то искусственным. Это сознание заложено в каждом из нас. Я не прибегал к помощи магии. Сознание Кришны живет в каждом живом существе, и нам нужно только разбудить его.

Публика отозвалась одобрительными возгласами и долго не смолкавшими аплодисментами. Сильнее и ярче, чем многоречивые майявади, Прабхупада показал самую суть духовной жизни – экстатическое пение Святых имен. И американские преданные были живым и наглядным доказательством его правоты.

На следующей неделе о Прабхупаде и его учениках говорил весь Бомбей. Они стали получать множество приглашений с просьбой выступить и провести киртан. В репортаже о Садху-Самадже «Таймс уикли» особо остановился на выступлении Шрилы Прабхупады и его учеников.

Группа из двадцати американцев, членов делегации «Харе Кришна», взошла на помост. Воздух сотрясли звуки мриданг, звон тарелок и пение маха-мантры. Раскачиваясь из стороны в сторону, с развевающимися на ветру шикхами, они пели «Харе Кришна»...

Один сидящий репортер, который всегда казался мне человеком трезвым и далеко не сентиментальным, голосом, прерывающимся от волнения, сказал:

– Ты понимаешь, что происходит? Скоро индуизм охватит весь Запад. Движение «Харе Кришна» возместит тот урон, который за многие века нанесли нашей культуре христианские священники.

Около двадцати пяти журналистов пришли на пресс-конференцию, которая проходила на пятом этаже резиденции г-на Шекшарии. Прабхупада с учениками сидел на большом матрасе и отвечал на вопросы, а преданные показали фильм о сан-францисской Ратха-ятре. Репортеры задавали вопросы о Новом Вриндаване. У преданных они спрашивали, почему те стали садху? Зачем оставили свою страну?

На следующий день пресса изобиловала рассказами о Прабхупаде и его Движении. «Таймс оф Индия» назвала свою статью так: «Сын американского миллионера находит прибежище в Обществе Кришны». В статье говорилось о том, как Гирираджа, чтобы присоединиться к движению Прабхупады, отказался от отцовского состояния. Одна газета цитировала его слова:

«Мой отец тяжело трудится и зарабатывает сказочные богатства. Но он постоянно ссорится с матерью, а моя сестра убежала из дому. Таким образом, несмотря на материальные удобства, никто не счастлив». Далее приводились слова Шьямасундары: «Мой отец очень богат, но каждую ночь он вынужден принимать снотворное». Были и другие статьи.

Но вскоре в колонке читательских писем «Таймс оф Индия» появились статьи и совсем другого содержания:

Насколько я понимаю, этих иностранных индусов из Движения «Харе Кришна» нельзя приравнивать к урожденным индийским брахманам и индусам. Их следует считать выходцами из низших каст. Важно отметить, что один из недавно обращенных садху, Шри-Гопал-даса, в прошлом Чарльз Поланд из Чикаго, утверждает, что раньше был строителем. Ввиду того, что эти западные адепты занимались работой шудр, их нужно рассматривать в рамках трех низших каст, в зависимости от их профессии.

В другом письме говорилось: «Движение «Харе Кришна» – мимолетная причуда горстки сентименталистов».

Праххупада сказал, что на эти письма необходимо ответить и лично продиктовал краткие варианты ответов, поручив конкретным ученикам составить опровержения. Через несколько дней ответы Праххупады появились в прессе.

В Индии в разных провинциях даже среди брахманов отсутствует социальная связь. Поэтому не столь важно, составляют ли они отдельный класс общества или нет. Например, среди практикующих юристов в разных штатах может не быть социального взаимодействия, но это совсем не значит, что они не являются квалифицированными юристами. Это культурное движение, и если весь мир принимает его, что с того, что его не принимают индийские брахманы... Мы не ставим своей целью общественное или политическое единение, но если люди примут Сознание Кришны, тогда объединение произойдет само собой, на всех уровнях: политическом, социальном и религиозном...

Тот факт, что один из наших юношей был строителем, еще не значит, что он принадлежит к сообществу шудр. Шудры – это класс людей, недостаточно разумных или неграмотных, не ведающих о смысле жизни. В Америке даже чрезвычайно культурный и образованный человек может устроиться на работу обычным строителем, поскольку для американца иметь работу считается честью. Поэтому, хотя юноша работает в Америке строителем, он не шудра.

Но даже если мы посчитаем, что он шудра, Господь Кришна говорит, что всякий, кто приходит к Нему, достоин самого высокого положения – вернуться домой, к Богу.

В письме, подписанном Гирираджей, Праххупада опровергает обвинение в том, что его движение – это «мимолетная причуда отдельных сентименталистов».

...Как можно считать наше Движение мимолетным, если еще пять тысяч лет тому назад эта наука была изложена в «Гите», а миллионы лет назад она была поведена богу солнца? Как можно называть это Движение мимолетным, когда мы выполняем санатана-дхарму, вечный долг живого существа? Разве могут люди просто из причуды уже пять лет не есть мяса, не употреблять одурманивающих средств, не вступать в незаконные половые отношения и не играть в азартные игры? Станут ли люди по какой-то причуде оставлять друзей, родственников, семьи и деньги, чтобы каждый день вставать в четыре часа утра и быть готовыми по просьбе своего духовного учителя немедленно отправиться в любую страну мира и проповедовать в любых условиях?

Во всех этих газетных заметках Праххупада видел возможность распространения Сознания Кришны. Он сказал, что, даже критикуя Движение сознания Кришны, газеты распространяют Святое имя Господа. А имя Кришны абсолютно.

Г-н Шекшария устроил особую программу, пригласив на нее многих почетных граждан Бомбея. Он рассчитывал, что придет около двухсот человек, но пришло гораздо больше. Это была элита Бомбея – женщины в дорогих шелковых сари, в золоте и драгоценностях, и мужчины в шелковых костюмах с высокими воротничками в стиле Неру или в белоснежных, накрахмаленных дхоти и куртах.

Праххупада провел с учениками киртан и прочитал лекцию. Он говорил мало, но очень серьезно:

– Все вы очень разумны. Все вы очень образованы. Все вы великие души. Я умоляю вас – я сжимаю в зубах солому с улицы, я умоляю вас – просто повторяйте «Харе Кришна». Пожалуйста, повторяйте «Харе Кришна».

После выступления Прабхупада ушел, а преданные показали слайды о деятельности Движения «Харе Кришна» по всему миру. Они также впервые обратились к присутствующим с просьбой стать свободными членами ИСККОН, и г-н Г.Д. Сомани, один из ведущих промышленников Индии, а также г-н Шекшария ответили согласием.

Хотя Прабхупада был счастлив, что число свободных членов ИСККОН растет, его беспокоило то, что груз его книг из «Дай Ниппон» до сих пор не прибыл. Преданные обещали свободным членам книги, но где они? С каждым днем проблема давала о себе знать все больше. Прабхупада узнал о забастовке в калькутском порту. Корабль с его книгами, по-видимому, прибыл, но, не получив возможности разгрузиться в Калькутте, покинул порт. Прабхупада беспокоился, что книги могут выгрузить в каком-нибудь другом индийском порту. Однако точное их местонахождение и условия, в которых они хранятся, оставалось неизвестным. Прабхупада был очень этим обеспокоен. Он решил послать в Калькутту самого ответственного ученика, Тамала-Кришну, чтобы тот попытался отыскать книги. Сам Прабхупада тем временем решил продолжать проповедь, полностью положившись на Кришну.

* * *

Амритсар

21 октября 1970 года.

В сопровождении группы учеников (семерых мужчин и двух женщин) Прабхупада отправился в двухдневное путешествие по железной дороге из Бомбея в Амритсар. Несколько лет назад он – одинокий проповедник – колесил на поездах по всей Индии, заезжая в Джханси, Дели, Канпур, Калькутту и Бомбей в поисках средств на издание «Назад к Богу». Теперь же, когда спустя каких-то пять лет, проведенных на Западе, он обрел поддержку своих искренних учеников, индийцы наконец-то обратили на него внимание.

Ачьютананда Свами, Джаяпатака Свами и Хамсадута держали позиции в Калькутте; Тамала-Кришна, Шьямасундара и еще несколько преданных – в Бомбее. Его ученики привлекали свободных членов и старались открыть в двух главных городах Индии постоянно действующие центры ИСККОН. Движение сознания Кришны только начинало свою деятельность в этой стране, и Прабхупада вместе с учениками с готовностью направлялся туда, где появлялась любая возможность для проповеди. В Америке он никогда не стремился жить с удобствами на одном месте, но всегда путешествовал, говоря о Кришне, встречаясь с новыми людьми и предлагая им принять преданное служение – точно так же он поступал и в Индии.

Поезд прибыл на станцию Курукшетра.

– Недалеко отсюда, – сказал Прабхупада, – место, где пять тысяч лет назад Господь Кришна поведал «Бхагавад-гиту». Они говорят, что этого места не существует – что это просто миф. Они говорят, что это аллегория, символ тела и чувств. Но вот – мы – на станции Курукшетра.

Солнце садилось, и небо над горизонтом окрасилось в ярко-оранжевый цвет.

– Как они могут говорить, что Курукшетра – это выдуманное место? – продолжал он. – Вот оно, перед нами. Испокон веков это место является историческим.

Поезд прибыл на станцию Амритсар. Здесь Прабхупаду встретили члены комитета «Веданта-Саммелан» и отвезли его и его учеников в парк в предместье города. Они показали ему большой пандал, который был возведен Ашрамом Никетан для «Веданта-Саммелана», и выделили Прабхупаде и его ученикам жилье – три небольшие комнаты. Прабхупада занял одну из них, две женщины другую, четверо мужчин кое-как разместились в третьей, а еще трое остались спать на открытом воздухе. В первую ночь в климате северной Индии преданным было холодно. Спальных принадлежностей не хватало, и никто из преданных не взял с собой теплой одежды.

На следующее утро в четыре утра преданные столпились в комнате Шрилы Прабхупады, чтобы принять участие в мангала-арати и киртане перед Божествами Радхи и Кришны – теми самыми, что последние полтора года путешествовали с Прабхупадой. Несмотря на суровые условия, преданные считали себя счастливчиками оттого, что могли находиться так близко к Прабхупаде и Радхе-Кришне. Прабхупада играл на мриданге и пел молитвы духовному учителю. Остальные подпевали. После этого он попросил пуджари раздать каждому преданному по кусочку фруктов и сладостей, предложенных Божествам. Солнце еще не взошло, и в комнате было прохладно. Когда преданные сгрудились на полу, под единственной лампочкой без абажура, Прабхупада попросил их читать вслух «Шримад-Бхагаватам».

В то же утро Прабхупада посетил «Веданта-Саммелан». На собрание пришли тысячи людей, и поскольку большинство из них не понимали английского, Прабхупада говорил на хинди. Его выступление понравилось всем, и члены комитета удостоили его чести быть председателем «Веданта-Саммелана».

Хотя программа проходила лишь несколько часов в день, по утрам и вечерам, Прабхупада не ограничивал свою проповедь несколькими часами; он проповедовал постоянно. Пока он сидел у себя в комнате, к нему нескончаемым потоком шли гости – сотни благочестивых индусов, стремившихся получить его благословения. Прабхупада указал ученикам, что в Индии еще остались следы ведической культуры:

– Посмотрите, как они относятся к святому человеку.

Как обычно, на Прабхупаду посыпалось множество приглашений посетить дома индийских семей. Он принимал столько приглашений, сколько было возможно – и даже больше, как казалось его ученикам.

Передвигался Прабхупада стремительно. Как только машины подъезжали к двери, он быстро выходил из комнаты и в мгновение ока садился в машину, не дожидаясь тех, кто еще не собрался. После каждой проведенной программы он снова садился в машину и ехал напрямик на следующую. Опоздавшие, обнаружив, что он уже уехал, прыгали в коляску велорикши и пытались его догнать. Стоило им неверно выбрать дорогу или не заметить поворот, и они рисковали пропустить следующую программу. И когда, наконец, они приезжали на место, то заставляли там Прабхупаду, который с невозмутимым видом читал лекцию по «Бхагавад-гите» или смеялся, принимая вместе с хозяином дома прасад.

Каждый день было, по меньшей мере, пять-шесть программ – индийцы упрашивали его: «Приезжайте в наш храм на даршан!», «Зайдите к нам на прасад!» А когда Прабхупада возвращался к себе в ашрам, там у дверей уже ждала длинная очередь гостей, желающих с ним повидаться.

Никто из преданных не мог угнаться за Прабхупадой с его темпом жизни и энтузиазмом. Казалось, энергия его неиссякаема. Его ученикам было просто не под силу по пять раз в день обедать в домах индусов, куда их приглашали. Они постоянно переедали, и некоторые из-за этого даже заболели. Прабхупада же превосходно справлялся с подобными ситуациями. Он умел полностью удовлетворить каждого хозяина, рассказать о Сознании Кришны, провести киртан, принять немного прасада и ехать дальше.

Однажды вечером Прабхупада посетил дом Баладева-Индры Сингха, потомка одной из древних царских династий Пенджаба. Г-ну Сингху было почти шестьдесят, но, несмотря на возраст, он по-прежнему был крепким пенджабским кшатрием – красивым, высоким, с большими черными усами. Он провел Прабхупаду и его учеников по своему богатому дому, с большими портретами предков – кшатриев в доспехах, шлемах и с мечами. В комнате, где хранились трофеи, увешанной шкурами и чучелами голов диких зверей, г-н Сингх показал Прабхупаде и его ученикам главный предмет своей гордости – огромную голову тигра. Прабхупада подошел поближе, чтобы посмотреть повнимательнее.

– Вы убили его? – спросил он.

– Да, – ответил г-н Сингх, и принялся рассказывать подробности.

– Этот тигр-людоед поубивал многих людей в соседней деревне, – объяснял он, – и я пошел и застрелил его.

Прабхупада округлил глаза и повернулся к ученикам:

– О, очень хорошо!

Позже, когда Прабхупада сидел в кресле, а хозяин дома – перед ним, на полу, г-н Сингх признался, что его кое-что беспокоит. Один астролог сказал ему, что в прошлой жизни, тысячи лет назад, он участвовал в битве на Курукшетре – но на стороне противников Кришны!

– Это невозможно, – ответил Прабхупада. – Все, кто участвовал в битве на Курукшетре, получили освобождение. Если бы вы действительно сражались на Курукшетре, то вас бы здесь сейчас не было.

Г-н Сингх не знал, радоваться ему или печалиться. Но Прабхупада заверил его:

– Ничего страшного. Не переживайте. Сейчас вы преданный Кришны.

Когда Прабхупада попросил г-на Сингха стать свободным членом ИСККОН, тот сразу же согласился. Он признался, что поначалу, когда Прабхупада и его ученики только пришли, он был настроен весьма скептически, но после нескольких минут общения со Шрилой Прабхупадой все

его сомнения и подозрения рассеялись. Он будет счастлив стать первым членом ИСККОН в Амритсаре.

Хотя преданные просили Прабхупаду сократить число визитов, он не сбавил темпа, сказав, что если им трудно, это отнюдь не значит, что трудно ему. Однажды вечером, после восьмой и последней в тот день программы, Прабхупада вернулся к себе незадолго до полуночи. Преданные с ног валились от усталости, и единственным их желанием было поскорее добраться до постели. Заметив, что в комнате Прабхупады горит свет, один из преданных подошел к его окну. Прабхупада сидел за столом, прислонившись к стене, и слушал магнитофонную запись одной из своих сегодняшних бесед.

* * *

Однажды после полудня Прабхупада и его ученики отправились посмотреть на знаменитый Золотой Храм сикхов. Экскурсовод провел их по храму и ответил на вопросы Прабхупады. Гид объяснил, что храм содержится на средства сикхов-бизнесменов. Сикхи гордятся тем, что в Амритсаре никто не голодает: каждый день они кормят далом и чапати десять тысяч человек. Это заинтересовало Прабхупаду, и он захотел посмотреть, как они проводят эту масштабную работу. Он увидел, как несколько мужчин раскатывают чапати и ловко кидают их на гигантскую сковороду, а другие, пользуясь длинными лопатками, переворачивают их, держат несколько секунд над горячими углями и затем складывают в стопки.

– Вот как нужно распространять прасад, – сказал Прабхупада.

Прабхупада поставил свою подпись в гостевой книге: «А.Ч. Бхактиведанта Свами». В строчке «Ваше вероисповедание» он поставил «кришнаит», а в графе «ваши комментарии» написал: «очень духовно».

Вместе с учениками Прабхупада посетил Рама-тиртха-саровару, озеро, где в былые времена находился ашрам великого мудреца Вальмики. Местность, окружающая озеро, была сухой и каменистой, со скудной растительностью. Они остановились у красивого гхата для омовения, со ступеньками, спускавшимися к воде. Преданные очень радовались выпавшей им возможности побывать на природе со своим духовным отцом и учителем. Трудно было себе представить лучшее место для общения с Прабхупадой, чем это тихое озеро с изумительным гхатом.

Практически ничего не зная о Господе Раме, преданные внимательно слушали своего духовного учителя, который рассказывал им о некоторых из игр Верховной Личности Бога в Его воплощении Господа Рамачандры. В Свои последние дни на земле, сказал Прабхупада, Рама изгнал Ситу, Свою жену и вечную спутницу. Одинокая, ожидающая ребенка, Сита нашла пристанище в ашраме Вальмики, где вскоре родила сына Лаву. Из сухой травы мудрец создал Сите еще одного сына и назвал его Куша.

Когда Сита узнала, что Рама послал по всему миру коня, чтобы бросить вызов правящим царям, она велела сыновьям поймать этого коня. Она подумала, что так они смогут захватить отца и привести Его к ней. К сожалению, исполняя свою миссию вдали от родного дома, мальчики узнали, что Господь Рамачандра оставил этот мир. Убитые горем, они вернулись к Вальмики. Чтобы уменьшить боль их разлуки, Вальмики спел им «Рамаяну», божественную песнь о деяниях Господа Рамы. Однажды, когда Сита гуляла, перед ней разверзлась земля, из которой она когда-то появилась, и Сита вернулась в нее.

Эти события, объяснил Прабхупада, стоя со своими последователями у Рама-тиртха-саровары, происходили не менее восьмисот тысяч лет тому назад. Преданным казалось, будто Прабхупада приоткрыл для них новое окно в духовный мир.

* * *

Организаторы «Веданта-Саммелана» снова и снова обращались к Прабхупаде и его группе с просьбой принять участие в программе в пандале, причем на главных ролях. Запланированные обсуждения были посвящены в основном философии майявады: Бог безличен, все пути равны и ведут к Единому Богу, все едино и все мы – Бог. Публика не может долго выслушивать подобные рассуждения, и организаторы «Саммелана» каждый день просили преданных проводить в пандале киртан. Прабхупада же, и без того загруженный проповедью, предпочитал проводить свои программы в частных домах.

Один преданный спросил Прабхупаду о девизе майявады, который увидел на плакате: – «Тат Твам Аси», под которым был приведен английский перевод: «И ты тоже есть То». Это,

пояснил Прабхупада, излюбленное высказывание имперсоналистов, которые ставят знак равенства между живым существом и Богом. Он подробно описал различия между ними и рассказал, как Бог, нисходя в этот мир, проявляет явные и недвусмысленные качества, выдающие в Нем Верховную Личность Бога.

– Эти йоги занимаются словоблудием, – сказал Прабхупада. – Они просто пускаются в умозрительные рассуждения о Веданте. Они никогда не придут ни к какому выводу. Многие годы и многие жизни они будут продолжать свои рассуждения, а мы осознаем Бога, просто кушая.

С этими словами Прабхупада взял со своей тарелки с прасадом сладость и закинул себе в рот.

Погруженный в активную деятельность в Амритсаре, Прабхупада не переставая думал о своих духовных детях, рассеянных по всему миру. Каждый день он писал им письма. Преданным в Калькутте он написал: «Страстно хочу узнать, как у вас дела, и удалось ли вам еще кого-нибудь записать в свободные члены». Он просил их официально зарегистрировать ИСККОН и постараться открыть в Калькутте постоянно действующий центр.

Своим ученикам в Бомбее он написал: «Я очень хочу узнать о положении дел в Бомбее; переехали ли вы в храм Рамы или какое-либо другое место».

Карандхаре в Лос-Анджелес письмо было следующего содержания:

Я надеюсь, что под твоим руководством дела в нашей всемирной штаб-квартире идут хорошо.

Пожалуйста, пришли мне общий отчет о ваших делах... а также о делах Руководящего Совета. Пожалуйста, передай мои благословения всем членам наших храмов. Как идет поклонение Божествам?

Отвечая Упендре на его письмо с Фиджи, он писал:

Что касается поклонения полубогам, то этим поглощено все индийское сообщество. Поэтому, пока наша проповедь не станет очень решительной и энергичной, остановить их будет очень трудно.

Написал он и Бхавананде, в Нью-Йорк:

Пожалуйста, регулярно проводите Самкиртан – это доставит мне огромную радость. Что касается нашего нового храма в Бруклине, то Кришна дал вам очень хорошую возможность служить Ему.

* * *

30 октября 1970 года.

Пробыв десять дней в Амритсаре, Прабхупада снова сел в поезд и отправился обратно в Бомбей. Он ехал с Гуру-дасом, в небольшом купе первого класса, а остальные преданные находились в другой части поезда. Вагон Прабхупады был рядом с локомотивом, и поэтому в него постоянно залетала сажа из трубы, так что Прабхупада очень скоро с головы до ног был испещрен маленькими черными точками.

Ямуна: Где-то между Амритсаром и Дели я решила сходить посмотреть, как там Шрила Прабхупада и не нужно ли ему чего-нибудь (поскольку иногда, когда поезд останавливался, он просил кого-нибудь купить ему на платформе свежих фруктов или еще что-то в таком духе). Мы с Каушалей прошли через несколько вагонов в вагон первого класса, где ехал Прабхупада. Он, словно царь, полулежал на нескольких подушках, согнув в колене одну ногу, и на его лице играла чудесная улыбка.

Мы поклонились, и Шрила Прабхупада подмигнул нам.

– Есть что-нибудь горячее поесть? – спросил он.

– Что вы имеете в виду? – спросила я. – Вы хотите, чтобы я принесла обед, Шрила Прабхупада?

– Нет, – ответил он. – Не совсем. Немного риса, немного горячего риса.

– Что вы имеете в виду, Шрила Прабхупада – из ресторана?

– Нет. Может быть, ты сама приготовишь мне горячий рис?

Я согласилась. У меня не было ни малейшего представления, как я буду готовить горячий рис, но мы с Каушалей нашли кухню. Там никого не было, за исключением двух индийцев, одетых в черные, запачканные куркумой шорты. Они стояли возле угольной печки и курили. Я не знала хинди, но, как могла, попыталась объяснить:

– Мой Гуру Махараджа хочет чавал, горячего риса.

Мужчины рассмеялись над нами, словно мы были сумасшедшие, и я подумала, что было бы неплохо найти кого-нибудь, кто даст нам разрешение. Но когда мы нашли заведующего рестораном, он был категорически против:

– Нет. Ни в коем случае. Вы не можете готовить на кухне.

Я сказала:

– Простите, но это для моего Гуру Махараджа. У нас нет выбора. Я сказала ему, что приготовлю рис, и должна исполнить обещание.

Но он опять повторил:

– Нет, это невозможно.

Тогда я нашла начальника состава и объяснила ситуацию.

– Если я не смогу сделать это для своего гуру, мне останется только выброситься из поезда.

Начальник отнесся к ситуации со всей серьезностью и сказал:

– Конечно-конечно, можете готовить на кухне все что угодно.

Он привел нас обратно и сказал шеф-повару и заведующему рестораном, что дает нам разрешение. Печь была гигантская, и я абсолютно не умела ею пользоваться. По всей кухне висели алюминиевые кастрюли самых разных видов. Мы, как смогли, вычистили одну из них, вскипятили воду и бросили в нее чавал. Мы приготовили огромное блюдо очень горячего риса с маслом, свежим лимоном и перцем и отнесли его через поезд в вагон Прабхупады.

– Ваш рис, Шрила Прабхупада! – сказала я, входя.

Его глаза загорелись и широко раскрылись. Он расплылся в широкой улыбке.

– О, пришли мои богини удачи, – сказал он. – Они принесли мне мой рис. Большое вам спасибо. Это как раз то, что я хотел.

Он съел с этого большого блюда очень много. Вместе с рисом он съел маленький качаури, пури и маленький пикуль. Он был очень доволен.

В тот же вечер поезд прибыл на делийский вокзал, с его толпами суетящихся пассажиров, уличными торговцами, нищими, киосками, торгующими закусками и напитками, газетными ларьками и носильщиками в грязных красных жилетках. Поезд должен был стоять двадцать минут.

Вдруг в купе Прабхупады вошел какой-то человек, представившийся Д. Д. Гуптой. Хотя Прабхупада раньше не встречал его лично, между ними велась переписка. Это был обычный делиец, без особого достатка, не особо влиятельный, но он очень хотел помочь. Предложив Прабхупаде коробку сладостей, он предложил ему остановиться в Дели. У Прабхупады, однако, были другие планы: он уже послал преданным в Бомбей телеграмму о своем приезде.

Прабхупада взглянул на Гуру-даса. Тот чувствовал себя на вершине блаженства оттого, что получил возможность близкого общения со своим духовным учителем. Они двенадцать часов провели в одном купе, вместе принимали прасад, беседовали друг с другом. Несколько минут назад Прабхупада говорил о важности сельского хозяйства и объяснял, что нехватка продуктов питания вызвана плохим управлением, а не скудными дождями и землей. Гуру-даса был счастлив и уже настроился на то, что проедет с Прабхупадой и вторую половину пути, и представлял как вместе они вернутся в Бомбей.

– Этот человек нас приглашает, – сказал Прабхупада. – Остайся и попробуй что-нибудь сделать.

– Остаться?

Но времени на расспросы и обсуждения, что ему делать в Дели, не оставалось; поезд вот-вот отъедет. Гуру-даса сказал, что останется, но ему понадобится помощь. Они быстро оговорили состав команды: Ямуна (жена Гуру-дасы), Гирираджа, Дурлабха, Брюс и Гопал. Гуру-даса побежал, чтобы сообщить новость своей жене и брахмачари.

Преданным не составило большого труда собрать свои скромные пожитки и сойти с поезда, но им было грустно оттого, что они покидают общество Шрилы Прабхупады. Когда поезд тронулся, они в почтении склонились перед ним, напротив его окна и помахали ему на прощанье, прося о милости. Эта их аскеза, возможно, была лишь малой толикой того, через что пришлось пройти Прабхупаде, когда он впервые приехал в Америку.

* * *

Бомбей
Ноябрь 1970 года.

Следующий месяц Прабхупада с учениками провел в храме Сита-Рамы Манохарлала Агарвала в Чембуре. В действительности, это был дом г-на Агарвала, но поскольку он поддерживал поклонение Божествам Сита-Рамы, он называл его Рам-Шаранам, «находящийся под защитой Господа Рамы». Прабхупада занял одну комнату, а его ученики – две другие, по соседству с кухней и ванной. Храм Сита-Рамы находился в загородном местечке, где было тихо и спокойно, поэтому Прабхупада вновь принялся усиленно работать над «Шримад-Бхагаватам», переписываться с центрами ИСККОН и воспитывать небольшую группу сопровождавших его учеников. Он очень надеялся, что Кришна даст возможность ИСККОН упрочить свои позиции в Индии.

Сейчас мы обретаем широкую известность. Говорят, атмосфера в Бомбее пропитана сознанием Кришны. Это факт, и влиятельные члены бомбейской общественности высоко оценили наше Движение...

В настоящее время меня признают больше, чем других свами. Люди видят: что же это за свами такие? Они не идут к людям. Есть одна бенгальская поговорка: шакал – царь в маленьком лесу. История такова, что однажды шакал стал лесным царем, на некоторое время одурачив других животных. Но при этом он оставался шакалом, и, в конце концов, был уличен в обмане.

Хотя г-н Агарвал почитал за честь, что Прабхупада принял приглашение и стал его гостем, сам Прабхупада понимал, что, в конечном счете, это принесет всем неудобства. Нелегко – даже для богатого человека – каждый день принимать и кормить более десятка гостей, да и преданным трудно целыми днями ютиться в крошечных комнатухах в условиях тропической жары, нарушенного режима дня и частых болезней.

Если бы у преданных в Бомбее было свое место, свой центр ИСККОН, проблема была бы решена. Прабхупада как настоящий санньяси был готов останавливаться где угодно, жить подаянием и переезжать с места на место столь часто, сколь это необходимо: так он жил многие годы – до того, как отправился в Америку. Но сейчас у него двадцать духовных детей, помогающих ему в Индии, – и подъезжают все новые и новые. Они еще незрелы. Он хотел видеть их рядом – ведь, наблюдая за его действиями, они смогут впить в себя дух проповеди в Индии.

Когда одна индуистская организация в центре Бомбея попросила нескольких преданных посетить их трехдневную программу, Прабхупада дал свое согласие. А когда программа закончилась, руководители организации предложили преданным остаться у них на неопределенный срок, но Прабхупада был против:

– Нет. Они там будут просто есть и спать.

Пусть уж лучше живут с ним, в тесном Рам-Шаранаме.

В 1964 году г-жа Сумати Морарджи, состоятельный директор паровой транспортной компании «Синдия», пожертвовала Прабхупаде деньги на издание третьего тома «Шримад-Бхагаватам», а в 1965 году предоставила ему бесплатный проезд в Америку. Теперь она пригласила его прочитать лекцию в «Доме «Синдия»», рядом с побережьем Джуху.

Сидя на сцене, Прабхупада и Сумати Морарджи делились воспоминаниями, отмечая успех Прабхупады.

– Я не надеялась, что Вы вернетесь живым, – сказала г-жа Морарджи. – Но я так рада вас видеть!

Прабхупада уже не был тем бедным садху, которого г-жа Морарджи встретила шесть лет тому назад. Он вернулся с триумфом, и Сумати Морарджи, ее друзья и сотрудники ее компании с огромным удовольствием слушали о Движении сознания Кришны на Западе.

Перед лекцией Прабхупады Тамала-Кришна официально представил его аудитории.

– Пять лет назад Шрила Прабхупада отправился из этого города на Запад. У него практически не было денег. Он поехал в Нью-Йорк и там, в парке, под деревом, пел «Харе Кришна». Вскоре он открыл храм, где продолжал петь и читать лекции по ведической философии. К нему приходило много людей и один за другим он открыл новые центры: в Сан-Франциско, Монреале, Бостоне и так далее. Теперь у него много учеников и более сорока храмов. В каждом храме проходит санкиртана, совершается поклонение Божествам и распространяется прасад. Индия посылала на Запад множество послов и министров, но ни один из них не может похвастаться тем, что побудил американцев бросить есть мясо, рыбу и яйца и вдохновил их повторять «Харе Кришна». Все мы в долгу перед Шрилой Прабхупадой, поскольку он пришел, чтобы облегчить страдания всех падших душ...

Прабхупада пропел три стиха их «Брахма-самхиты» и попросил аудиторию подпевать припев: Говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами. После получасового выступления он, вместе с Сумати Морарджи и почетными гостями, принял прасад. Он встретился с д-ром С. Бали и его женой – известной танцовщицей и киноактрисой Вайджаянти-Малой. Ему достаточно было сказать им несколько слов – и они стали свободными членами ИСККОН.

Вайджаянти-Мала: Свами Прабхупада проповедовал так просто, что даже заурядному человеку легко было понять значение нашей великой философии и нашего великого учения. Он не только проповедовал великую культуру Господа Кришны, но помогал людям из других уголков мира по-настоящему понять значение и ценность этой культуры. Благодаря этим простым, но в то же время великим поучениям Кришны, он распространил это послание в таких масштабах, что просто диву даешься – неужели один человек может столько сделать! Он не только читал проповеди, не просто, понимаете ли, разговаривал – он открыл столько центров по всему миру! Просто поразительно, что он смог сделать это, невзирая на всяческие трудности. Я думаю, ему помогло его упорство и настойчивость..

Общественный ажиотаж, который ученики Прабхупады вызвали своим пением на улицах Бомбея и в Садху-Самадже, постепенно утих; газеты уже не пестрели заметками о западных садху. Но поток уважаемых жителей Бомбея, ищущих общения с Прабхупадой, не иссякал. Его достижения последних пяти лет, проведенных в Америке, вызывали уважение и внимание со стороны индийской интеллигенции, и каждый день он принимал важных гостей, которые считали его знатоком Сознания Кришны.

Индийцы относились к Прабхупаде как к особенному святому. Даже в этой культуре, где к свами и святым людям принято относиться с почтением, его считали особенным. Посетители умоляли его посетить их дома и освятить их своим присутствием. И это полностью совпадало с намерением Прабхупады: он хотел, чтобы индийцы начали повторять «Харе Кришна», слушать философию «Бхагавад-гиты» и почитать прасад Господа. Он хотел, чтобы они оценили чистоту Движения сознания Кришны, стали пожизненными членами ИСККОН и помогли ему открыть в Бомбее большой центр.

Проповедуя индийцам, Прабхупада часто побуждал их вернуться к своей почти забытой духовной культуре.

– Наша культура – это культура сознания Кришны, – говорил он бомбейцам. – Но мы забываем об этом и чересчур погружаемся во все материальное. Господь Ришабхадева говорит, что это не хорошо, поскольку, согласно закону кармы, вы будете вынуждены получить другое тело. Но в то же время вам нельзя прекращать упорную борьбу за материальную жизнь. Кришна не советовал Арджуне так поступать. Он оставался в своем положении и действовал в сознании Кришны.

Прабхупада заключал:

– Я умоляю. У меня на Западе сорок два храма, и в каждом – от пятидесяти до ста учеников. Предстоит напечатать еще тысячи книг. Пожалуйста, помогите моему Движению.

Манохарлал Агарвал, принимавший Прабхупаду в Рам-Шаранаме, нередко часами сидел со своим гостем, задавая вопросы о духовной жизни. Особенно интересно г-ну Агарвалу было слушать о деятельности Прабхупады в Америке: как ему удалось обратить столько христиан в бхакт Рамы? Действовал ли он в одиночку или у него были помощники? Как он одевался? Как обращался к людям? Прабхупада вспоминал о своей ранней проповеди в Нижнем Ист-Сайде в Нью-Йорке и говорил о том, что все это происходило по воле Кришны.

Г-н Агарвал усомнился, смогут ли западные люди долгое время оставаться в сознании Кришны.

– Теперь, в лучах вашего сияния, – сказал он, – пока вы физически, в своем теле, находитесь здесь, они могут продолжать соблюдать все эти ограничения. Но когда ваше личное влияние прекратится, когда вы оставите этот мир, то не испортятся ли все эти люди, повстречавшие вас?

– Нет, – твердо сказал Прабхупада.

– Ваше утверждение очень смело, – ответил г-н Агарвал, – но не могли бы вы сказать мне, на чем оно основано?

Прабхупада напомнил ему, что все его ученики получили посвящение в мантру «Харе Кришна» а, согласно ведическим Писаниям, постоянное повторение Святого имени Господа спасет даже самые падшие души и защитит их от повторного падения. Прабхупада предсказал, что

до тех пор, пока его ученики будут продолжать повторять мантру, как им было предписано, они не падут жертвами майи.

Однажды г-н Агарвал спросил, как долго Прабхупада и его ученики собираются у него гостить. Прабхупада сказал, что с превеликой радостью пожил бы в его доме еще, но постарается немедленно найти другое место. Г-н Агарвал стал уверять, что и не думал просить Прабхупаду уехать, что дом его принадлежит Прабхупаде, а не ему. Он умолял его не уезжать.

Прабхупада сказал, что это напомнило ему случай из «Чайтанья-чаритамриты», и рассказал историю о Харидасе Тхакуре, великом преданном Господа Чайтаньи. Харидас Тхакур жил в пещере, где денно и нощно повторял «Харе Кришна». Его часто навещали паломники, но, узнав, что в той же пещере живет питон, они боялись заходить внутрь. Хотя пещера вполне устраивала Харидаса Тхакура, он не хотел причинять неудобства своим посетителям и поэтому пообещал, что в тот же день уйдет из пещеры и не вернется. Однако не успел он сказать это, как у всех на глазах из недр пещеры выполз огромный питон. Проползая мимо Харидаса Тхакура, змея склонила голову к земле и уползла. Сверхдуша в сердце питона побудила его покинуть пещеру, чтобы Харидас Тхакур мог там оставаться.

Рассказав эту историю, Прабхупада рассмеялся.

– Агарвалджи, – сказал он, – ты сказал то же самое. Ты сказал, что уйдешь сам, а мы останемся. Но, нет, нет – мы уйдем. Мы уйдем.

Глава тридцать третья

Предстоит большая работа

Индор

3 декабря 1970 года

Ученикам Прабхупады Индия по-прежнему казалась чудесным сном. Поезд мчал их мимо деревень и полей, а они во все глаза таращились в окна, – все было совсем не таким, как у них на родине. По обеим сторонам железной дороги росли кусты, усыпанные желтыми цветами, а на многие километры вдоль полотна раскинулись поля – пшеница, рис, сахарный тростник и разные виды дала. Мимо проплывали маленькие деревеньки – глинобитные хижины с соломенными крышами и тростниковые домики с крышами из черепицы. Иногда над этими простыми жилищами возвышался деревенский каменный храм. Мальчишки-пастушки с посохами пасли на травянистых берегах извилистых речушек свои стада. Коровы на пастбищах, волы, работающие на древних полях, сохнувшие на солнце лепешки из коровьего навоза – местное топливо, дым, поднимающийся от кухонных печей и запах теплой земли – преданные приехали в Индию, чтобы благодаря общению с Прабхупадой по достоинству оценить эту простую и мирную жизнь.

Прабхупада с учениками направлялся в Индор, город с населением в четыреста семьдесят пять тысяч человек, расположенный к северо-востоку от Бомбея, в Мадхья-Прадеш, центральном штате Индии, в тринадцати часах езды по железной дороге. Организаторы Гита-Джаянти-Махотсавы, фестивалю в честь «Бхагавад-гиты», пригласили Прабхупаду и его учеников посетить их конференцию и публичное собрание.

В Индоре Шрила Прабхупада с учениками разместился в предоставленных им квартирах рядом с Гита-Бхаваном, местом празднования Гита-Джаянти-Махотсавы. Устроители фестиваля выделили Прабхупаде одноэтажный дом с газоном и садиком, а учеников поселили неподалеку.

Преданные ходили по территории Гита-Бхавана и отмечали, как много свами и садху съехалось из разных уголков Индии, чтобы поучаствовать в Махотсаве. Они осмотрели огромный пандал, сцену, принадлежащую Гита-Бхавану, глазную больницу и диораму. Диорама показалась ученикам довольно эклектичной смесью всевозможных духовных идей, которую Прабхупада часто называл «мешаниной». В ней в один ряд стояли фигуры Кришны, Будды, Иисуса, Вивекананды, Рамакришны, а также полубогов и животных. Преданные восхищались энергией и воображением авторов экспозиции, но недоумевали, чего ради нужно было сваливать в одну кучу всех этих персонажей.

В первый вечер фестиваля Прабхупада был поставлен в списке выступающих последним. Для учеников, которые сидели с ним на сцене, этот вечер превратился в пытку – в течение многих часов они вынуждены были выслушивать выступления на хинди. От скуки они начали терять терпение. Но еще неприятнее было осознавать – эти ораторы излагают ошибочные взгляды майавади. Шрила Прабхупада сидел с суровым лицом и ждал. Его рука была опущена в мешочек с четками, голова высоко поднята вверх, а губы шептали мантру «Харе Кришна».

Когда, наконец, ему предоставили слово, он начал с того, что на Западе он распространяет учение «Гиты» таким, как оно есть. «Бхагавад-гиту», сказал он, можно должным образом понять только в цепи ученической преемственности, как это сделал Арджуна, первый слушатель «Бхагавад-гиты». «Гита» предназначена для преданных Кришны, а непреданные не должны давать ей собственных толкований. Он сказал, что ложные интерпретации «Гиты» – не что иное, как обман под маской религии. Еще он сурово раскритиковал псевдо-воплощения Бога.

Прабхупада закончил выступление и попросил учеников начать киртан. Все получилось непринужденно и радостно. Прабхупада начал танцевать вместе с учениками. Толпа ожила и принялась ритмично хлопать в ладоши. Хамсадута спрыгнул со сцены, и, продолжая играть на мриданге, стал воодушевлять участников собрания присоединяться к пению и танцам. Вслед за ним спрыгнули еще несколько преданных, и вскоре на ноги поднялись сотни людей, раскачиваясь, хлопая в ладоши и подпевая: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Это была настоящая Гита-Джаянти-Махотсав: здесь звучало Святое имя Кришны, и все радостно объединились в киртане.

Организаторы пандала были так довольны выступлением Прабхупады и его учеников, что на следующий день пришли к нему в бунгало. Прабхупада посетовал на то, что пришлось долго ждать своей очереди, а учеников его не следовало заставлять в течение многих часов выслушивать речи на языке, которого они не понимают. Когда Прабхупада намекнул, что в выступлениях прослеживались серьезные отклонения от учения «Гиты», директор Гита-Бхавана ответил:

– Мы не отдаем предпочтения какому-то одному пути. Последователи школы Шанкары и другие тоже приходят в наше Общество. Мы не разделяем мнения, что Шри Кришна – единственный Бог или что-то вроде этого. За Ним стоит энергия...

От этих слов Шрила Прабхупада вспыхнул. Что это за прославление «Гиты», когда выступающие не принимают Кришну таким, каким Он описан в «Гите»? «Гита» провозглашает Кришну высшей истиной: маттах паратарам нанъят. Прабхупада посоветовал руководителям Гита-Бхавана попытаться понять смысл «Бхагавад-гиты». Руководители не изменили своего мнения, но оказались достаточно разумны, чтобы понять, что Прабхупада – великий пандит и святой, поэтому внимательно слушали. Кивая головами, они сказали, что принимают его точку зрения. После того, как они удалились, Прабхупада продолжил:

– Они считают, что есть нечто превыше Кришны или что в Кришне есть некий дух, которому мы должны предаться. Но они не знают, что, как внутри, так и снаружи Кришна абсолютен, вечен и полон блаженства.

Прабхупада сказал, что организаторы Гита-Джаянти-Махотсавы пригласили его просто чтобы привлечь побольше людей. Но они больше не заставят его сидеть и выслушивать все эти выступления майявади. Отныне они с учениками будут приходить туда только чтобы выступить и спеть, а потом уйти.

Однако на следующий вечер, несмотря на заверения организаторов пандала, Шриле Прабхупаде снова пришлось ждать до конца программы, прежде чем он смог прочитать лекцию и провести киртан. На этот раз людей собралось еще больше, чем накануне: люди явно ждали Шрилу Прабхупаду и его иностранных учеников. Когда, в конце концов, подошла очередь Прабхупады, он прочёл лекцию, а затем попросил учеников начать киртан.

Во время киртана один из членов Гита-Бхавана жестом попросил преданных спрыгнуть в толпу, как это случилось вчера. Но то, что накануне вышло само собой, нельзя было повторить искусственно, просто для увеселения толпы. Однако устроитель настаивал. Он подошел к сцене, привстал на цыпочки и начал хватать танцующих преданных за ноги, стараясь стянуть их в толпу. Преданных это раздражало. Хватая всех без разбору, мужчина потянул за сари одну из женщин. Шрила Прабхупада тоже танцевал, но, увидев, что происходит, он ринулся к краю сцены, размахивая перед лицом грубияна караталами и крича:

– Прекратите немедленно!

Мужчина уgomонился, и Прабхупада с учениками продолжили киртан. Хотя для толпы этот случай прошел почти незамеченным, ученики были поражены видом рассвирепевшего, словно лев, Прабхупады.

Устроители фестиваля вновь остались довольны лекцией Прабхупады и киртаном, но Прабхупада передал им свое заявление, что не будет больше, ожидая своей очереди, выслушивать другие выступления. Ему надоело выслушивать разные мнения о «Бхагавад-гите», не соответствующие выводу самой «Бхагавад-гиты» – «предайся Кришне, Абсолютной Истине!» Одни говорили, что «Гита» иносказательна, другие – что Кришна как историческая личность никогда не существовал, третьи же просто пользовались популярностью «Гиты» для популяризации своих политических или социальных идей. Человек, имеющий собственную философию, сказал Прабхупада, должен написать собственную книгу, а не использовать как средство для пропаганды своих идей «Бхагавад-гиту», Священное писание, почитаемое миллионами людей во всем мире. Почему конференция, посвященная Гита-Джаянти, должна превращаться в обсуждение каких-то умозрительных философий? «Бхагавад-гита» утверждает, что она сама есть суть знания, и цель ее – принести благо всему миру, и нет худшего вреда, чем ложные толкования «Гиты». Прабхупада чувствовал, что присутствие на такой программе его учеников и его самого выглядит как молчаливое одобрение оскорбительных выступлений.

Когда настал третий вечер фестиваля, Прабхупада с учениками подошел к сцене пораньше, рассчитывая на обещание организаторов, что им позволят выступить первыми. Но когда поднялся и начал говорить другой лектор, Прабхупада встал и, сопровождаемый учениками, сошел со сцены. Это крайне взволновало руководителя фестиваля, поскольку люди приходили в основном

именно на киртан. Он умолял Прабхупаду вернуться, но Прабхупада отказался. Однако он пообещал каждый вечер присылать туда учеников; они будут выступать с речью и проводить киртан.

* * *

Ученикам Шрилы Прабхупады особенно нравились его утренние лекции в Индоре. Не только потому, что они общались с ним в тесном кругу – с Прабхупадой в его комнате сидело всего десять учеников – но и потому, что история из «Бхагаватам», которую он рассказывал, была захватывающе интересной. Никогда раньше они ее не слышали.

– Мы говорим об Аджамиле, брахмане, жившем в Каньякубдже, ныне известной под названием Канпур, – начал Прабхупада и поведал историю Аджамилы, время от времени останавливаясь, чтобы прочитать санскритский текст, рассказать подробности или прояснить мораль истории.

Аджамила, молодой брахман, строго следовал принципам религии, пока не потерял голову от страсти к проститутке. Читая лекцию, Прабхупада заговорил об обманщиках, которые выступали на Гита-Джаянти-Махотсаве:

– Есть множество тем для обсуждения, но здесь о них не говорят. Легко делать то, что хочется – просто медитируйте и станете Богом. Столько обмана по всему миру! Эти так называемые йоги говорят: «Медитируйте, и как только осознаете себя, станете Богом». Как только не толкуют «Бхагавад-гиту»! А наивная публика принимает эти так называемые объяснения за подлинное знание. Кто-то говорит, что «курукшетра» это тело, а «панча-пандава» (пятеро Пандавов) – чувства. Но это не объяснение. Разве можете вы объяснить «Бхагавад-гиту» такой, какая она есть, если вы ее не понимаете? Это же курам на смех!

В своей второй лекции Прабхупада продолжил рассказывать о жизни Аджамилы: о том, как он бросил свою целомудренную жену и стал жить с проституткой; как содержал ее нечестными способами; о том, что она родила от него десять детей и о том, как он жил с нею в грехе до восьмидесяти лет. Эта история, сказал Шрила Прабхупада, произошла тысячи лет назад.

– В то время был только один Аджамила, но в наши дни вы обнаружите много таких аджамил, поскольку мы живем в эпоху Кали.

Аджамила души не чаял в своем младшем сыне, Нараяне. И когда, лежа на смертном одре, старик увидел, как к нему приближаются посланники смерти, он закричал, зовя своего сына: «Нараяна!»

Прабхупада продолжал:

– Он находился при смерти, поэтому для него было совершенно естественным звать своего любимого сына: «Нараяна! Нараяна! Нараяна! Подойди сюда! Пожалуйста, подойди сюда!» Это естественно. Я помню – когда умирал мой отец, меня дома не было. Поэтому, чтобы меня увидеть, он на день отложил свою смерть. Он все время спрашивал, пришел ли Абхай-Чаран. Вот так. Такова отцовская любовь. Так же и Аджамила звал: «Нараяна! Нараяна!»

Нараяна – одно из имен Кришны. И Прабхупада сказал, что, согласно «Бхагавад-гите», если человек помнит Нараяну или Кришну в момент смерти, то достигает освобождения. Состояние ума человека в момент смерти определяет его следующее рождение. Преданный, поскольку в момент смерти он сознает Кришну, отправляется в духовный мир; а материалист, поскольку поглощен чувственными удовольствиями и умственными рассуждениями, вынужден жизнь за жизнью рождаться в материальном мире. Прабхупада привел пример:

– Один калькуттский джентльмен был довольно состоятельным дельцом. Он производил операции с ценными бумагами. И перед смертью он кричал: «Камархати! Камархати!» И в результате, скорее всего, родился крысой на мельнице в Камархати! Такое возможно. Ваши мысли в момент смерти перенесут вас в следующее тело.

Аджамила произнес имя Господа и благодаря этому очистился от всех грехов, хотя и звал всего лишь своего сына. Но поскольку жизнь его была греховна, посланники Ямараджи, бога смерти, все же пришли за ним, чтобы подвергнуть его наказанию.

– Умирая, Аджамила увидел, как к нему идут три свирепых и очень страшных существа с веревками в руках. Иногда умирающий кричит – это потому, что он видит, что кто-то пришел забрать его к Ямарадже. Он видит и страшно боится. Аджамила тоже испугался. У помощников Ямараджи всклокоченные волосы, и шерсть на их теле стоит дыбом. Итак, в момент смерти Аджамилы слуги Ямараджи пришли, чтобы его забрать.

Прабхупада остановился:

– Мы поговорим об этом позже, – и закончил лекцию.

* * *

В Индоре Прабхупада начал принимать свободных членов, и этим по его поручению занялся Хамсадута. Он не имел в таких делах опыта и вообще сомневался, что кто-нибудь согласится отдать тысячу сто одиннадцать рупий.

Хамсадута: Однажды Прабхупада велел мне пойти с одним соседом на рынок, взяв с собой книги – у него было три тома «Кришны» – и попробовать записать в ИСККОН нескольких свободных членов. «Просто показывай им книги, – сказал он, – и рассказывай, что это плод нашей работы. Затем проси их любезно помочь нашей миссии, став свободным членом ИСККОН за тысячу сто одиннадцать рупий». Я думал, что никто не согласится дать тысячу рупий за две-три книги, поэтому просто не стал ничего этого делать. Я просто ушел от этой темы. На следующий день Прабхупада дал мне то же самое наставление, но я снова палец о палец не ударил. На третий день он сказал, что я должен снова туда пойти, поэтому я зашел за соседом, и он отвел меня к продавцам тканей.

Мы пошли в магазин к самому богатому торговцу тканями в Индоре. Он не говорил по-английски, поэтому сосед, сопровождавший меня, переводил. Я говорил: «Скажи ему то. Скажи ему это». Мой попутчик все переводил. Затем, исчерпав все слова, я сказал: «Теперь попроси его дать чек на тысячу сто одиннадцать рупий». Переводчик передал мою просьбу, и торговец тотчас же достал чековую книжку и выписал чек.

Затем мы посетили другого торговца – и произошло то же самое. Мы пошли к третьему, и он тоже стал свободным членом ИСККОН. Так в первый же день я записал трех свободных членов. Когда я вернулся и рассказал об этом Прабхупаде, тот был в восторге.

Посылая учеников, а иногда сам выходя на проповедь, Шрила Прабхупада вскоре записал в свободные члены ИСККОН больше десятка жителей Индора. Прабхупада, Хамсадута и Гирираджа посетили царя Индора и тоже предложили ему стать свободным членом, но тот отказался. Преданные расстроились, и в машине, по дороге в Гита-Бхаван, Хамсадута спросил у Прабхупады:

– Правильно ли я представил ваши книги?

– Мои книги подобны золоту, – ответил Прабхупада. – Не важно, что ты говоришь о них. Тот, кто знает им цену, купит их.

* * *

Поскольку посетители часто спрашивали Прабхупаду и его учеников о том, что они думают о разных духовных учителях, Прабхупада подсказал ученикам, как правильно отвечать на подобные вопросы. Он сказал, что если учитель не является подлинным последователем ведических Писаний, то нужно отвечать: «Какой Свами?» Показав таким образом, что ему ничего не известно об этом учителе, ученик давал понять, что значительность этого учителя отнюдь не велика. Затем преданный должен был спросить: «Какова философия этого свами?» Получив объяснение, он, не задевая самого человека, мог опровергнуть представленную философию.

Прабхупада говорил, что в Индии множество гуру-майявади, и они часто путешествуют группами с одного религиозного собрания на другое. Хотя каждый из них по-своему индивидуален, все они преследуют главным образом одну цель – чапати.

– А на каждую чапати, – сказал он, – претендуют много майявади. Поэтому между ними существует конкуренция.

* * *

Одним из частых гостей Прабхупады был Вайрагхи-Баба – образованный индус, который бывал в Америке и бегло говорил по-английски. Он регулярно участвовал в киртанах, пел и танцевал вместе с преданными на сцене. Но, приходя к Прабхупаде, этот человек вел себя с ним довольно фамильярно, – по мнению учеников Прабхупады, даже слишком. Но Прабхупада его терпел.

Однажды преданные застали Вайрагхи-Бабу за обедом и заметили, что он пьет чай. Один из преданных бесхитростно, но с легким вызовом спросил, почему он пьет чай.

– О, я авадохута, – ответил Вайрагхи-Баба.

Преданные, которые никогда раньше не слышали этого слова, сообщили об этом случае своему духовному учителю.

– Авадхута, – объяснил Прабхупада, – это тот, на кого не распространяются регулирующие принципы. Обычно так называют Нитьянанду Прабху?. Для преданных Его необычайные игры – объект наслаждения, и подражать им нельзя.

Прабхупада неодобрительно отозвался о том, что Вайрагхи-Баба пьет чай, а особенно ему не понравилось, что тот назвал себя авадхутой.

Однажды вечером преданные небольшой группой сидели вместе с Прабхупадой в его комнате.

– Шримати Радхарани превосходно готовит, – сказал Прабхупада. – Она умеет и петь, и танцевать, но самое главное Ее служение – готовить для Кришны. Матушка Яшода лично зовет ее к себе в дом готовить для Кришны и пастушков. Они садятся в ряд, и она кормит их прасадом.

Тут вошла индийская женщина, которая принесла им чидву – жаренный картофель со специями, кешью и изюмом. Шрила Прабхупада съел немного, а остальное раздал преданным.

– Тебе нравится? – спросил он, поворачиваясь к Ямуне.

– О, очень, очень вкусно, – ответила та.

– Да, – сказал он, – ты должна научиться готовить это блюдо. Мне оно очень нравится. Мой Гуру Махараджа тоже любил картофельную чидву и иногда просил, чтобы ее подавали ему вечером. Он ее обожал.

– Шрила Прабхупада, – спросил один преданный, – можем ли мы печатать фотографии, где вы без тилаки?

– Да, – ответил он, – моего Гуру Махараджа снимали и без тилаки. Вы видели ту фотографию, где он сидит за рабочим столом и, оторвавшись от работы над книгами, смотрит в объектив?

– Да, – ответил преданный, – я ее видел. А еще я видел вашу фотографию, на которой вы смотрите точно с таким же выражением лица, как у вашего Гуру Махараджи на том снимке.

– Ты увидел только блеск, – поправил Прабхупада. – Он – золото, а я железо. Железо не может быть золотом, а то, что видел ты – всего лишь отблеск настоящего золота.

Однажды днем к Прабхупаде пришел знаменитый астролог и предложил посмотреть его ладонь.

– Нет, – ответил Прабхупада, – я покончил с этим. Но вы можете посмотреть ладони моих учеников.

Астролог изучил ладони нескольких присутствующих там преданных, сделал предсказания и ушел. Преданные повернулись к Прабхупаде, не зная, как это воспринимать.

– Как только вы начинаете во время арати хлопать перед Божествами в ладоши, – сказал, улыбаясь, Прабхупада, – все линии на вашей ладони меняются.

Шрила Прабхупада рассказал ученикам о случае, свидетелем которого был, живя во Вриндаване. Каждый день одна бенгальская вдова ходила к Ямуне на омовение. И каждое утро она возвращалась оттуда с кувшином воды для того, чтобы пуджари храма Радха-Дамодары могли омыть Божества. Прабхупада сказал, что иногда он открывал для этой женщины ворота, поскольку тоже вставал очень рано. Она входила и будила пуджари.

– Хотя зимними ночами во Вриндаване очень холодно, – сказал Прабхупада, – не было и дня, чтобы эта женщина не принесла воды. За свое служение она вернется к Богу. Тот, кто не может вставать рано утром, относится к духовной жизни не очень серьезно. Вставать нужно до брахма-мухурты – это очень благоприятное для духовной жизни время. И тот, кто серьезен в духовной жизни, всегда будет стараться это делать.

Однажды Прабхупада сидел на улице, перед своим домиком, и повторял на четках мантру, как вдруг, громко произнося имена Кришны, к нему приблизился незнакомец и, неожиданно для всех, упал на землю и начал кататься по ней и плакать, словно переживая сильнейший экстаз. Прабхупада, не говоря ни слова, спокойно сидел и наблюдал за происходящим. Незнакомец продолжал плакать и кататься в пыли, выкрикивая Святые имена, но Прабхупада уже не обращал на него никакого внимания. Через несколько минут незнакомец поднялся и отправился восвояси, явно разочарованный.

В другой раз, рано утром, когда Прабхупада сидел с учениками в своей комнате, к ним вошел какой-то господин и со слезами на глазах объявил, что его мать при смерти. Преданные

посмотрели на Прабхупаду – тот оставался невозмутим. Он не пытался ни успокоить человека, ни проповедовать ему. Он сказал ему лишь несколько добрых слов.

Прабхупада был непредсказуем. Он всегда оставался в сознании Кришны и всегда действовал в согласии с гуру и шастрами. Но с точностью предвидеть, как он поведет себя в той или иной ситуации, было невозможно. Однако все, что он делал, было правильно и основано на сознании Кришны, и он всегда учил своим примером.

* * *

В последнее утро в Индоре Прабхупада продолжил историю об Аджамиле. Он объяснил, что, несмотря на свою в высшей степени греховную жизнь, благодаря тому, что Аджамила произнес Святое имя, он тотчас же обрел освобождение.

– Итак, Аджамила в момент смерти просто вспомнил о младшем сыне, которого звали Нараяной. В имени Нараяна заключена вся мощь Верховной Личности Бога, Нараяны. В этом и состоит секрет движения нама-санкиртаны. Повторяя Святое имя Нараяны, вы немедленно соприкасаетесь с Верховной Личностью, Богом. Нама, имя Господа, не материально – оно духовно. Между Кришной и Его именем нет разницы. Жалобным голосом Аджамила позвал своего сына Нараяну: «Пожалуйста, подойди. Я умираю». Он очень боялся ямадудов. Тогда Кришна послал вишнудутов спасти его. Вишнудуты, каждый с четырьмя руками, выглядели в точности как Господь Нараяна. Серьезным голосом они сказали ямадutam: «Что вы делаете? Прекратите! Вы не можете забрать этого человека к Ямарадже».

На этом лекция закончилась – как и само пребывание Прабхупады в Индоре. Ему и его ученикам снова предстояло отправиться в путь – на этот раз в Сурат, что в Гуджарате, чтобы провести там программы. К ним должны были присоединиться преданные из Бомбея. Прабхупада приехал в Индор на Гита-Джаянти-Махотсаву, но на деле получилось, что Махотсава составила лишь малую часть его проповеди в этом городе. Он встретился с сотнями людей, у него появились новые друзья и свободные члены ИСККОН. Он вошел в жизнь индорцев, и надолго останется в их сердцах.

Баба Балмукунд: В этом Гита-Бхаване я видел многих садху и великих святых. И Шрилу Прабхупаду я встретил там же. Он и его проповедь произвели на меня огромное впечатление. Именно благодаря тому, что Прабхупада показывал реальность бхакти, благодаря тому, что он был чистым бхактой, он смог изменить людей Запада и дать им другую одежду, другую диету, полностью изменить их культуру и открыть им настоящую бхакти. Это было его величайшим достижением. Пусть говорят что хотят, но в том, что касается бхакти Господа Кришны, он совершил чудо. Он сделал то, чего не могли сделать ни Свами Вивекананда, ни Свами Рам-Тиртха, ни другие. Это было чудо.

* * *

Сурат

17 декабря 1970 года.

Словно в чудесном сне, играя на караталах и мридангах, преданные шли по улице с киртаном, а по обеим сторонам на многие кварталы выстроились тысячи людей. Зрители стояли на крышах домов, теснились в окнах и дверях, а некоторые даже присоединялись к шествию. На перекрестках полиция останавливала движение, пропуская только группу санкиртаны. Грунтовую дорогу, недавно подметенную и политую водой, украшали ведические символы, нарисованные рисовой мукой. По обеим сторонам дороги стояли зеленые, только что срезанные банановые деревья, а над головами участников киртана через узкую улочку ярким, пестрым навесом были протянуты женские сари.

Г-н Бхагубхай Джаривала, в доме которого остановился Прабхупада, объявил в местных газетах, по каким маршрутам будет ежедневно двигаться праздничное шествие, и теперь каждый день, проходя по разным частям города, преданные устраивали киртаны. Процессию возглавляли более двадцати учеников Прабхупады, в то время как тысячи индийцев пели и ликовали, а женщины с крыш домов осыпали преданных цветочными лепестками.

Процессию то и дело приходилось останавливать, потому что люди целыми семьями выходили на улицу, чтобы надеть на преданных гирлянды. Иногда гирлянд оказывалось так много, что за ними уже нельзя было разглядеть счастливых лиц преданных, и те раздавали гирлянды толпе. Никогда еще они не встречали такого приема.

– Это город преданных, – сказал Прабхупада.

Он сравнил население Сурата с горящей сухой травой, по которой распространяется пламя. Сознание Кришны заложено в этих людях от природы, но прибытие Шрилы Прабхупады и его группы санкиртаны явилось тем факелом, который зажжет этот город духовным огнем.

Казалось, каждое утро на улицы выходит все население Сурата, потому что уже к семи часам утра туда, где должно было проходить шествие, стекались десятки тысяч людей. Мужчины, женщины, рабочие, торговцы, служащие, старики и молодежь, дети и подростки – все жители города собирались, чтобы принять участие в шествии. Запрудив улицы, они ожидали участников киртана, и когда преданные, наконец, появлялись, всех охватывало ликование.

Прабхупада участвовал в утренних шествиях лишь дважды, предпочитая все это время оставаться в доме господина Джаривалы. Каждое утро, в тот момент, когда преданные выходили из дома, он появлялся на балконе своей комнаты на втором этаже. По утрам было холодно, и многие преданные были простужены, но когда они видели Прабхупаду, который со своего балкона благословлял их, у них словно прибавлялось сил. Прабхупада махал им рукой вслед, и преданные с киртаном выходили на улицу.

Кроме мриданг и каратал, у этой санкиртаны не было ничего – ни флагов, ни оркестра, ни ратхи (колесницы) – одна лишь только группа вдохновенных преданных, исполняющих киртан. И не было ни официального пандала, ни Садху-Самаджа, ни Веданта-Саммелана, ни Гита-Джаянти-Махотсавы – а был лишь целый город преданных Кришны, с нетерпением ожидавших появления американских вайшнавов, поющих «Харе Кришна».

Почести, которые им воздавали за то, что они пели «Харе Кришна», были прямой противоположностью тому отношению, к которому они привыкли на Западе. В Гамбурге, Чикаго, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе преданных оскорбляли, им угрожали арестом, на них нападали, осыпали насмешками или просто игнорировали. Разумеется, временами их терпели и даже хвалили, но никогда не чествовали.

Ежедневная уличная санкиртана отнимала много сил, поскольку маршрут был продолжительным и часто приходилось останавливаться. От пения у многих преданных болело горло, многие мучались расстройством пищеварения, неизбежным в Индии. Но они всё были готовы принять как милость Господа Чайтаньи, который позволил им вовлечь в Свое движение санкиртаны весь город.

Вскоре из-за океана в Сурат приехали еще двадцать преданных, а также один американский фотограф, Джон Гризер, который отправился с ними по поручению редакции журнала «Азия». Каждый день Джон выходил снимать шествия с киртаном и вскоре почувствовал, что это стало чем-то большим, нежели просто работой по заказу журнала.

Жители Сурата, в глубине души считавшие себя бхактами Кришны, относились к Прабхупаде как к великому святому. К его ученикам, в которых они узрели подлинные вайшнавские качества, они также относились как к святым. Одежда преданных, их поведение, образ жизни представляли собой чистую бхакти-йогу, а киртан их был истинным поклонением Святому имени. Жители Сурата знали, что, почитая преданных Господа Кришны, они почитают Самого Господа, и, хотя преданность Кришне лежала в самом сердце их культуры, никогда еще они не выражали ее столь интенсивно, как сейчас.

После нескольких дней шествий мэр Сурата, г-н Вайкунтха-Шастри, распорядился закрыть все школы и объявил в городе праздник. Теперь все беспрепятственно могли радоваться милости Господа Чайтаньи и вместе с преданными петь мантру «Харе Кришна». По всему городу были развешаны транспаранты на гуджарати: «Приветствуем американских и европейских преданных Кришны» и «Приветствуем участников движения «Харе Кришна»».

Преданные возвращались в дом г-на Джаривалы уставшими, но счастливыми. Прабхупада их ждал. Увидев его, они кланялись.

Чидананда: Приветствуя нас, Прабхупада стоял у нижней ступеньки лестницы. Мы были на верху блаженства; сплошь увешанные цветочными гирляндами, мы широко улыбались. Мы были очень счастливы оттого, что нас так хорошо приняли. Казалось, что Прабхупада говорил нам: «Вот видите, как замечательно сознание Кришны! Посмотрите, какие вы счастливые!» Он стоял и улыбался. Он был счастлив нашим счастьем.

Преданные возвращались в дом г-на Джаривалы не одни: за ними шли сотни индийцев, жаждущих увидеть их духовного учителя. Шрила Прабхупада, его ученики и шумная толпа суратских преданных заполнили комнату Прабхупады. Гости – те, кому удалось протиснуться

внутри, – расспрашивали об ИСККОН и его деятельности, в то время как оставшиеся снаружи напирали, чтобы войти. Толпа вокруг дома выросла настолько, что перегородила движение транспорта. Прабхупада отвечал на вопросы, а люди все прибывали и прибывали. К счастью своему, они осознали величие Прабхупады и хотели быть с ним. Когда желание их стало еще больше, а пыл их возрос, Прабхупада встал с места и вышел на балкон. Воздев руки, толпа взревела: «Харе Кришна!»

Затем Прабхупада вернулся в комнату, но люди и не думали расходиться, и он попросил своих учеников попробовать их успокоить. Несколько учеников вышли на улицу и стали отвечать на вопросы и говорить, что Прабхупада выйдет к ним снова.

Бхагубхай Джаривала познакомился с движением Прабхупады несколько лет тому назад, в Сан-Франциско. Тогда он пожертвовал сан-францисскому храму серебряное мурти Кришны. Теперь члены семьи Джаривалы, чтобы разместить своих гостей, переехали в скромные комнаты на крыше дома, остальные комнаты предоставив Прабхупаде и его ученикам. Будучи гостеприимными хозяевами, они не хотели отпускать преданных.

За обедом и по вечерам Прабхупада принимал прасад вместе с преданными и гостями. Преданные усаживались в два ряда на полу, а Прабхупада сидел во главе, на стуле, за столом. Г-н Джаривала и члены его семьи обслуживали гостей. Часто на обеды приходили почетные горожане. Среди них были г-н Чандра Десаи, премьер-министр Гуджарата; г-н Вайкунтха Шастри, мэр Сурата; министр образования Гуджарата и другие.

Прасад готовился в лучших традициях кухни гуджарати, и когда какое-то блюдо приходилось Прабхупаде особенно по вкусу, он просил одну из учениц научиться у госпожи Джаривала его готовить. Эти обеды и ужины с Прабхупадой были для учеников еще одной возможностью поближе пообщаться с духовным учителем. Будь они в какой-то другой стране мира, им едва ли выпала бы такая возможность.

В полпятого утра Прабхупада проводил перед Радхой и Кришной киртан и арати и читал лекцию по «Шримад-Бхагаватам». Комната наполнялась гостями, включая членов семьи Джаривалы. Как правило, на публичных программах в городе Прабхупада говорил на хинди, но на этих утренних встречах ради своих учеников всегда говорил по-английски. Он продолжал читать лекции об Аджамиле – главным образом, о его падении из-за дурного общения и о том, как благодаря повторению Святого имени он был освобожден. Все ученики Шрилы Прабхупады стремились повторять «Харе Кришна» чисто и хотели вернуться к Богу, поэтому для них эти темы были крайне насущными. Он говорил о них.

– Любой, кто произносит имя Кришны, тотчас же освобождается от всех последствий греховных поступков. Такова сила имени Кришны. Но проблема в том, что, освободившись, мы снова совершаем ошибки. В имени Кришны заложена сила – как только вы произносите Имя, то сразу же освобождаетесь от всей скверны. Но если человек думает: «Я повторяю «Харе Кришна», поэтому, даже если я совершу грех, он будет нейтрализован моим повторением», – то это величайшее оскорбление. Как, например, иногда люди по воскресеньям ходят в христианские церкви, исповедуются, и им прощаются их грехи. Но затем, вернувшись из церкви, они совершают тот же грех, надеясь: «На следующей неделе я снова схожу в церковь, покаюсь, и грех будет мне прощен». Такое отношение недопустимо... Если вы встали на духовный путь и в то же время продолжаете грешить, вы не сможете духовно расти.

Городские программы Прабхупады пользовались популярностью. Городские власти отвели под фестивальную площадку один из центральных перекрестков Сурата, перекрыв улицы и направив транспорт по другим дорогам. Там построили сцену, оснастив ее усилительной аппаратурой, и каждый вечер перед этими подмостками собирались тысячи людей. Порой толпа была настолько огромной и шумной, что Прабхупаде было трудно говорить. Поэтому обычно он начинал с киртана. А когда после киртана толпа смолкала, он просил одного или двух своих учеников сказать несколько слов, после чего говорил сам. Если народ опять начинал шуметь, то он говорил:

– Ну, хорошо, давайте проведем киртан.

Иногда он просто сидел и раздавал тысячам людей сахарные леденцы. Люди шли к нему, чтобы коснуться его стоп и получить кусочек прасада.

Гириаджа: Вся территория в районе этого квартала была заполонена людьми. Шрила Прабхупада и сознание Кришны просто свели их с ума. Хотя площадь была огромной, каждый

клочок пространства был занят людьми, которые сидели на крышах, выглядывали из окон, сидели на лежащих тут и там цементных блоках.

Программа Прабхупады нравилась абсолютно всем. Пожилым – потому что там был святой Шрила Прабхупада со своими заграничными учениками. Интеллектуалам – потому, что Шрила Прабхупада говорил о глубокой философии. А детям – потому, что они могли бегать и танцевать на киртане.

Мадри-даси: На одной из программ они окружили нас такой толпой, что мы даже не могли выйти из машин – так они жаждали увидеть Шрилу Прабхупаду. Там было столько народу! Прабхупада сказал:

– Хорошо, следующий вечер будет исключительно для женщин.

Но, хотя на следующий вечер пришли только женщины, народу было ничуть не меньше, чем всегда, и Прабхупада прочитал удивительную лекцию.

Брюс: На одной программе было так шумно: все говорили без остановки, поэтому Прабхупада просто начал петь «Брахма-самхиту». Так прошла вся программа. Он просто пропел «Брахма-самхиту» и уехал.

Чидананда: Перед выездом на эту программу Прабхупада выглядел как генерал, готовящийся к бою. Он выходил из комнаты, безупречно одетый, светящийся, готовый выйти и сражаться с майей. В городе нас ждали тысячи и тысячи людей. Я не знал, что делать с такой толпой. Я просто терялся. Но Прабхупада вызывал майю на поединок. Он приезжал туда, чтобы вложить во всех этих людей веру, и чем больше прибывал народ, тем сильнее он становился.

Прабхупада проповедовал и в окрестных деревнях. Вместе с г-ном Джаривалой, несколькими учениками и Божествами Радхи и Кришны он садился в машину и ехал в Бардоли или Меол. Деревенские жилища представляли собой крытые соломой постройки из обожженной глины, с обмазанными коровьим навозом стенами и полами. В честь визита Прабхупады деревенские жители рисовали на земле перед входом в свои дома узоры из рисовой муки, а улочки по обочинам украшали глиняными горшками, банановыми листьями и кокосами.

Г-н Н.Д. Патель: Прабхупада произвел на жителей моей деревни большое впечатление. Они говорили, что пением «Харе Кришна» он творит чудеса. «Он, несомненно, святой чудотворец, – говорили люди. – Столько людей Запада стали преданными благодаря имени Господа!» Людям очень нравилось то, насколько практичным было бхакти Прабхупады. Его лекции производили очень хорошее впечатление не только на вайшнавов, но и на многих христиан и парсов. Даже некоторые дружелюбно настроенные мусульмане начали верить, что Господь Кришна – Господь всех.

Никто из святых прошлого не распространял так эту философию. Конечно, у нас в деревне все вайшnavы, но мы верили в Сурьяджи, Дургу, Тхакураджи и так далее. Но после того, как Прабхупада объяснил нам, что такое «Гита», кто такой Господь Кришна, все мы начали петь «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Люди были под таким впечатлением, что даже после встреч с Прабхупадой, в его отсутствие, громко пели маха-мантру и приветствовали друг друга словами «Харе Кришна, Харе Кришна». Провожая Прабхупаду, ему и каждому преданному жителю на прощанье говорили «Харе Кришна!»

Когда программ в городе не было, Прабхупада сидел в комнате и принимал посетителей. Члену парламента, пришедшему с визитом, Прабхупада сказал, что куда бы он ни отправился, везде он сталкивался с представлением, что Индия – это нищая и отсталая страна-попрошайка. Послы из Индии, сказал он, только усилили эти представления, приезжая в страны Запада и прося подачек: «Дайте риса, дайте денег, подайте милостыню». Индия, объяснил он, обладает величайшим сокровищем духовной культуры и знанием «Бхагавад-гиты». Прабхупада принес это богатство на Запад и щедро его раздавал. Он не был попрошайкой.

Ямуна: В Сурате Прабхупада все время повторял джапу, – принимал ли он посетителей, ехал ли на машине, гулял, стоял или сидел. Его рука была опущена в шафрановый мешочек, и пальцы постоянно перебирали четки. Он всегда был вайшnavом – чистым преданным Кришны, всегда опрятным, с красивой, аккуратной тилакой, а рука его всегда была в мешочке с четками. Когда он сидел, принимая людей, то можно было поразиться его непостижимой красоте. Шрила Прабхупада говорил, что людей, которые жертвуют собой ради других, называют великодушными. Именно таким был Шрила Прабхупада во время своих игр в Сурате. Каждому, с

кем он встречался, он давал Кришну. Благодаря своей великой силе, он был способен изменять сердца людей.

Каждое утро на лекции по «Шримад-Бхагаватам» Прабхупада рассказывал очередной эпизод из истории Аджамилы. Иногда он указывал на деградацию индийской культуры, приводя конкретные примеры, с которыми сталкивался во время путешествия по Индии.

– Мне очень жаль, но я должен сообщить вам, что в вашем городе я видел два храма Рамы – они называются Рама-Мандир – но там нет Рамы. Вас обманывают, а вы соглашаетесь. Там не поклоняются Божеству Рамы, там стоит фотография какого-то человека по имени Шри Рама. И люди настолько глупы, что даже не задаются вопросом, зачем это нужно. В Индоре я посетил Гита-Бхаван, где говорилось много разной чепухи. Еще я видел Гита-Самити: там не было ни одного изображения Кришны, но был светильник. Все это делается под именем дхармы. Вчера вечером этот юноша сообщил мне, что какой-то свами будет распространять свою «Бхагавад-гиту», но согласно самой «Бхагавад-гите», этот свами – первостатейный глупец. Он распространяет свою «Бхагавад-гиту», а люди берут ее и платят. Вот что сейчас происходит. И такое наблюдается по всему миру. Под именем дхармы (религии) людям предлагают адхарму (безверие).

Индийская культура, объяснил Прабхупада, пала так же, как пал Аджамила. У индийцев остается единственная надежда – вернуться к своему, принадлежащему им по праву, сознанию Кришны.

– Итак, всему миру – не только Индии – не узнать покоя до тех пор, пока вы не реорганизуете всю общественную систему. А это возможно только благодаря Движению Сознания Кришны. Посмотрите, как опустился этот человек [Аджамила]. Похотливые люди не обращают внимания на окружающих, они не считаются со старшими, они делают это на дороге, на улице, на морском берегу, где угодно, в кинотеатре... Вот что происходит. Сейчас это рекламируют и в кино для привлечения публики. Раньше в Индии такого не было. Но они распространяют в обществе эти глупости, чтобы люди становились все более похотливыми. Если человек становится похотливым, значит он катится в ад. Если вы хотите открыть врата к освобождению, тогда вы должны посвятить себя служению махат – чистым преданным. Если хотите открыть врата, ведущие к адскому существованию, то общайтесь с теми, кто накрепко привязан к женщинам.

Затронув вопрос о скотобойнях, он продолжал порицать открытое поощрение обществом незаконного секса. По поводу незаконных половых отношений он сказал, что то, что было редкостью во времена Аджамилы, теперь стало обычным делом.

– Как молодым людям защитить себя? Они не обучены. Этот Аджамила прошел обучение, но все равно пал. Во многих парках, таких как Голден-гейт-парк, я видел юношей с девушками в машинах... Здесь же говорится, что такое поведение свойственно шудре, но никак не представителям высших каст. Итак, просто постарайтесь понять. Они думают, что прогрессируют. Но они не прогрессируют. Они деградируют. Деградирует весь мир, и Индия катится за ним. Эта история говорит о том, как из-за дурного общения человек опускается на дно.

Прабхупада сделал в Сурате все, что хотел. Он дал людям Святое имя, и они с радостью его приняли. Население Сурата было не готово к тому, чтобы радикально изменить свою жизнь и начать жить так, как жили преданные ИСККОН, но люди эти по достоинству оценили то, что Прабхупада превратил жителей Запада в преданных Господа Кришны и проповедовал людям чистое учение Священных писаний, призывая их повторять мантру «Харе Кришна». Они приветствовали Прабхупаду, не просто подчиняясь догме или исполняя ритуал. Прием, который оказали Прабхупаде и его ученикам жители Сурата, свидетельствовал о том, что они понимают важность духовной жизни и признают авторитет Прабхупады и ИСККОН.

А ученикам Прабхупады посещение Сурата дало представление о том, каким был бы мир, если бы все люди на земле стали преданными.

* * *

Аллахабад

Январь 1971 года.

Кумбха-мела – самое большое скопление людей на Земле. Каждые двенадцать лет в Аллахабаде, у Тривени, места слияния трех святых рек – Ганги, Ямуны и Сарасвати – собираются со всей Индии садху и паломники. В благоприятный час, сулящий поклоняющемуся освобождение от круговорота рождения и смерти, около пятнадцати миллионов людей входят в

священные воды этих рек. Ежегодно, в месяц Магха (декабрь-январь), тот же праздник празднуется в меньшем масштабе и называется Магха-мела. Январь 1971 года, однако, выпал на середину двенадцатилетнего цикла от одной Кумбха-мелы до следующей. Эта Мела называется Ардха-кумбха-мела. Праздник обещал собрать миллионы людей, и Шрила Прабхупада решил воспользоваться этой благоприятной возможностью для проповеди и посетить Мелу со своими учениками.

В Сурате ученики сели на поезд, следующий до Аллахабада, а Прабхупада в сопровождении Тамала-Кришны, Хамсадутты, Нанда-Кумары и еще нескольких преданных отправился ненадолго в Бомбей, а оттуда – в Калькутту. В Калькутте Прабхупаду ждали приятные новости – партия его книг, напечатанных в «Дай Ниппон», благополучно прибыла из Японии и хранилась на складе компании «Синдия». Еще он купил шестидесятисантиметровые латунные Божества Радхи и Кришны, чтобы отвезти Их с собой в Аллахабад. Одиннадцатого января он написал:

... завтра утром мы собираемся в Аллахабад на фестиваль Ардха-Кумбха-Мела. Мы поедем группой из сорока сильных преданных. Туда же на месяц Магха ожидается прибытие семи миллионов человек.

Из Сурата в Аллахабад на поезде выехали около двадцати пяти преданных. Остальные – новая группа из США и Англии – ожидали со дня на день. Первая группа прибыла после двадцатитрехчасового путешествия на поезде. Сойдя с поезда, они ничего не увидели, кроме тумана. У преданных был адрес брахмачари-ашрама, где они смогут остановиться, пока в лагере Мелы не будут установлены их палатки. Слабо представляя, что ждет их впереди, преданные набились в несколько одноконных танг и поехали к указанному в записке брахмачари-ашраму. Они слышали, что в Кумбха-мелу наступает самое благоприятное время для омовения в Тривени, но вода будет ледяная. Сквозь утренний туман они видели идущих вдоль дороги паломников, погонщиков, восседающих на верблюдах, и охранников с винтовками. Прибыв к ашраму на восходе, они узрели перед собой священную Гангу.

На следующее утро преданные выехали на велорикшах к лагерю Мелы, влившись в текущий к Тривени поток паломников. Проезжая мимо железнодорожной станции Рам-Бхаг, преданные увидели дорожный знак, гласивший: «До слияния Ганги и Ямуны и палаточного лагеря пять километров». Вскоре перед ними открылся палаточный город – хотя всего лишь неделю назад здесь была пустая равнина. Над маленькими и большими палатками, над гигантскими пандалами с колыхающимися на ветру флагами гремела усиленная громкоговорителями разноголосица музыки, объявлений на разных языках, бхаджанов и чтения молитв.

Преданные сошли с колясок, расплатились с рикшами и вместе с потоком паломников двинулись вперед. Сначала они шли по траве, затем по песку и, наконец, по глине. Музыка из динамиков и монотонное повторение мантр стали громче. Вдоль всего пути сидели нищие, прокаженные, больные, страдающие слоновьей болезнью и уродцы.

Оргкомитет Мелы предоставил ИСККОН хорошее место рядом с одними из входных ворот, и несколько опытных преданных наняли для возведения палаток рабочих. Пандал ИСККОН был большим и ярким. Рядом стояли три палатки поменьше – одна для мужчин, другая для женщин, а третья для Шрилы Прабхупады. Шаткое сооружение из гофрированной жести служило кухней. Прабхупада должен был приехать на следующий день, и преданные поспешно укладывали сено и раскатывали дари (большие ковры из грубого хлопка). Посреди этой холодной и пустой песчаной равнины преданным приходилось все делать самим: разводить костры, доставать овощи и стирать одежду. Как контрастировало всё это с тем, что было совсем недавно: ведь всего несколько дней назад в доме пожизненного члена ИСККОН им служили как принцам!

И вот они посреди религиозного праздника. Это было впечатляющее зрелище – море людей, странные картины, странные звуки. Без Прабхупады ученики терялись. Весь день в одной и той же позе сидели йоги, вокруг которых собирались толпы зевак, курили ганджу шиваиты с трезубцами в руках, в простой красной одежде, с четками из рудракши и со спутанными волосами. Мимо них двигалась процессия со слонами, за которыми шествовали двумя длинными вереницами обнаженные садху. На ложе из колючек возлежал аскет. Были там и другие образцы исключительной отрешенности, которых больше не встретишь нигде на Земле. И, конечно же, были здесь многочисленные индуистские секты, звуки мантр и молитв которых поднимались в воздух и смешивались с утренним туманом и дымом десяти тысяч костров, нависшим над палаточным городом.

Когда на следующий день Прабхупада прибыл в лагерь ИСККОН, преданные были в восторге. Они наперебой стали рассказывать ему о разных диковинах Мелы. Один из них рассказал про гуру на слоне и добавил:

– На самом деле, это вы должны ехать на слоне!

– Нет, – ответил Прабхупада, – я бы поставил на слона Радху и Кришну.

Присутствие Прабхупады напомнило ученикам, что духовная жизнь – это не что-то экзотическое или ошеломляющее – духовная жизнь проста и практична. Общаясь с Прабхупадой, преданные потеряли всякий интерес к мистической йоге, ведическим ритуалам и материальным благословениям. Преданные знали, что паломники, пришедшие на Мелу получали великое духовное благо, но, как сказал им Прабхупада:

– Пойти в святое место – значит найти и слушать святого человека. Место становится святым благодаря присутствию святых душ.

Преданные поняли – чтобы получить величайшее духовное благо, нужно слушать Шрилу Прабхупаду.

Сидя с учениками у себя в палатке, Прабхупада поведал им о величии Ардха-кумбха-мелы. Он сказал, что в течение миллионов лет это место считается одним из самых святых мест в Индии. Во время нисшествия Господа в облике Черепахи, когда демоны и полубоги пахтали нектар бессмертия, капля этого нектара упала сюда. С тех пор каждые шесть или двенадцать лет определенные благоприятные планеты образуют на небесах кувшин, и, как говорят, кувшин этот, наполненный нектаром бессмертия, изливает его на Тривени. Сюда, в Аллахабад, приходили Господь Рамачандра и Хануман, здесь Господь Чайтанья поведал Рупе Госвами науку преданного служения. Прабхупада сказал, что сам он тоже жил в Аллахабаде со своей семьей, а в 1932 году Шрила Бхактисиддханта Сарасвати дал ему посвящение в аллахабадском Гаудия-Матхе имени Рупы Госвами. Что же касается Мел, то всякий, кто омовается в благоприятное время, когда из рая льется прана, непременно вознесется на райские планеты либо получит освобождение.

Джон Гризер: Я общался с другими так называемыми гуру. Они были очень имперсональны. Казалось, им нет никакого дела до людей, особенно до жителей Запада. У них была некая неприязнь, какое-то презрение, несмотря на то, что некоторые из них тоже имели западных учеников. Прабхупада был совсем другой. Было видно, что его не столько интересует облик, сколько философия человека, его сознание. И конечно, он всегда старался вложить сознание Кришны в каждого, с кем встречался.

Прабхупада сказал, что хотя большинство присутствующих на Меле святых и садху – шарлатаны, есть там и много совершенных йогов, возраст которых порой достигает трёхсот-четырёхсот лет. Эти йоги живут в труднодоступных районах Индии, появляются, чтобы принять участие в Меле, а затем возвращаются в свои уединенные жилища.

– Я сам видел, – сказал он, – как они входят в Гангу и оказываются в семи священных реках. Они входят в Гангу, а выходят из реки Годавари. Затем они входят в Годавари и появляются из реки Кришны, и так далее.

Поэтому преданные должны почтительно относиться к каждому, кто пришел на Мелу.

– Так это действительно правда, – спросил один из преданных, – что просто омываясь здесь, они достигают освобождения?

– Да, – сказал Прабхупада, – это правда. Они приходят сюда за освобождением. Но мы пришли не за освобождением. Мы пришли, чтобы проповедовать. Мы заняты в чистом преданном служении Кришне, поэтому мы уже освобождены. Освобождение нас не интересует. Мы пришли, чтобы проповедовать преданное служение.

Когда на следующее утро Прабхупада встал, температура была близка к нулю. В его палатке обогревателя не было. Прабхупада пошел в пандал, чтобы провести киртан на мангала-арати, и когда он сел на व्याсасану, один из учеников протянул ему одеяло, которое Прабхупада обернул вокруг себя. Большинству преданных было трудно вставать и омываться в такой холод. Одни пошли на Гангу, другие омывались у соседнего насоса, а третьи вообще отказались вставать.

Гирираджа: Программа была очень суровой, поскольку по ночам было очень холодно, а мы должны были вставать в четыре утра, омываться и идти на мангала-арати. Поэтому лишь стойкие преданные, такие как Тамала-Кришна и Хамсадута, вставали рано – в три или в три тридцать – и шли из лагеря до самой Ганги, чтобы принять утреннее омовение. Но те из нас, кто жил в палатке брахмачари, не были столь же стойкими и, как правило, когда наступало четыре часа, и нужно

было вставать, снаружи было так холодно, что мы предпочитали оставаться в своих спальных мешках.

Шрила Прабхупада тоже стал замечать, что некоторые из нас опаздывают на мангала-арати, а некоторые и вовсе не появляются. Это очень расстроило его, поскольку он знал, насколько важна для нас мангала-арати. Поэтому, несмотря на то, что Прабхупада немного болел, однажды утром он встал в четыре часа, вышел в гамчхе, сел под насос и омылся ледяной водой – специально, чтобы побудить нас вставать, омываться и приходить на мангала-арати. На нас это подействовало очень сильно – нам было так стыдно, что мы просто не могли больше просыпаться.

После киртана Прабхупада прочел лекцию по «Шримад-Бхагаватам», продолжив историю об Аджамиле. Эта история, в которой прославляется Святое имя Господа, казалась особенно актуальной. Святое имя было настолько могущественно, что, лишь единожды произнеся его, Аджамилу спасся. Поэтому пение Святого имени более благотворно, чем прана, стекающая с небес.

Наступил рассвет, и небо посветлело – но лишь немного. Сырой густой туман с реки, смешиваясь с дымом костров, навис над лагерем. Пошел дождь. Преданные не были готовы к такой погоде. Они и представить себе не могли, что протянут здесь еще две недели, когда доставать и готовить пищу было настолько трудно, а гигиенические условия, мягко говоря, оставляли желать лучшего.

Однако, Прабхупада, разделявший с учениками все эти аскезы, был выше неудобств. Если сквозь облака проглядывало солнце, он садился на улице и принимал свой массаж. Потом он омылся, сидя на корточках в гамчхе, окуная свою лоту в подогретую воду Ганги и выливая ее на себя. Он казался таким удовлетворенным, что это вселяло в преданных силу. Он не жалуется, так почему они должны жаловаться?

Рано утром Прабхупада выводил преданных петь. Он надевал серый шерстяной чадар и «шапочку Свами» с наушниками, завязанными под подбородком, а ученики натягивали все теплые вещи, какие только у них были – свитера, шапочки, чадары. Прабхупада вел группу танцующих учеников через этот густонаселенный палаточный город. Для других паломников эти киртаны были источником радости. Как ни странно, среди всего этого экзотического столпотворения йогов, отшельников и голых садху наибольший ажиотаж вызывали именно Прабхупада и его ученики. И это была проповедь. Хотя пели мантры и читали в своих палатках лекции и другие группы, ничего подобного тому, что делал Прабхупада, не было. Это была единственная санкиртана, и все были ей рады. Прабхупада, величественный, но радостный, шел во главе процессии, которая постепенно росла: индийцы присоединялись к киртану западных садху.

Прабхупада посылал преданных на санкиртану каждое утро. Пока группа киртана шла от лагеря к лагерю, многие паломники подбегали и падали ниц в поклонах, выражали почтение и жертвовали деньги. Ведомые такими сильными и опытными уличными певцами и мридангистами как Мадхудвиша, Динанатха и Хамсадута, преданные забывали о холоде и аскезах.

Прабхупада подчеркивал важность пения: киртан должен быть всегда, говорил он. Философия и лекция не дадут такого же эффекта, как эти киртаны, поскольку обычные люди их не понимают. Господь Чайтанья никогда не давал публичных лекций, но всегда проводил киртан.

Благодаря киртанам, в большой пандал ИСККОН устремлялись толпы людей, желающих посмотреть на Божества Радха-Кришны и принять прасад. На всей Меле Божество Кришны было только у ИСККОН, и тысячи людей выстраивались в очередь, чтобы на Него взглянуть.

По утрам Прабхупада читал лекции на английском, а по вечерам – на хинди. Его вечерние киртаны в пандале проходили с оглушительным успехом. Западные садху с женами и маленьким ребенком были объектом всеобщего любопытства.

Кроме того, Прабхупада организовал массовую раздачу прасада и поставил Реватинандану и нескольких помощников почти без остановки готовить на двух маленьких очагах в импровизированной кухне. Готовить порой приходилось на семьсот человек. Гостей угощали овощным блюдом и халавой или пури. Прабхупада был доволен тем, как работает ИСККОН на Меле.

А тем временем везде, куда бы нас ни приглашали во время путешествий по Индии, наша программа имеет огромный успех. Сейчас мы приехали на Ардха-Кумбха-Мелу в Праяг (Аллахабад) и среди всех групп на этом огромном фестивале, мы, бесспорно, пользуемся наибольшей популярностью.

Своими лекциями об Аджамиле Шрила Прабхупада вдыхал жизнь в замерзших, а зачастую и больных преданных. Возможность слушать духовного учителя была им наградой за все аскезы. На каждой утренней лекции Прабхупада продолжал подчеркивать важность чистого повторения Святых имен.

– Чистое повторение хари-намы означает, что когда вы произносите Святое имя Кришны, вы видите Кришну, осознаете качества Кришны, вспоминаете о Его играх. Таково чистое повторение мантры «Харе Кришна». Об этом говорится в комментарии Шрилы Дживы Госвами – чистый преданный, повторяющий мантру «Харе Кришна», тотчас осознает наму, рупу, гуру и лилу?. Просто благодаря повторению Имени, Кришна открывается ему во всей Своей полноте. Вы почувствуете форму Кришны. Вы будете вспоминать о Его качествах: «О, как замечательны качества Кришны; Он так великодушен». Затем вы будете вспоминать о Его лилах, Его играх: «О, Кришна просветил Арджуну. Кришна играл со Своими пастушками. Кришна искусно общался с гопи, со Своей мамой, Яшодой». Обо всем этом вы будете помнить. Таково совершенство повторения Святого имени.

Прабхупада многократно подчеркивал, что единственная причина, побудившая его приехать с учениками на Мелу – возможность прославить Господа Кришну, так, чтобы другие могли понять важность Движения сознания Кришны. Но если преданные хотят дать сознание Кришны другим, то сначала они должны осознать Кришну сами. Думать о Кришне вполне возможно, сказал он, и привел в пример индийских женщин, которые носят на головах большие кувшины с водой. Так же, как они научились удерживать кувшин в равновесии, и при этом ходить и совершать другие движения, преданный должен всегда помнить Кришну, несмотря на свою деятельность и беспокойства ума. А наилучший способ помнить Кришну – это всегда повторять Святое имя.

– Я помню, один из учителей в нашей школе говорил, что если вы думаете: «Я сдам экзамен на «отлично»», то сдадите на «хорошо». Если вы думаете: «Я сдам экзамен на «хорошо»», то, возможно, сдадите на «удовлетворительно». А если вы думаете: «Авось как-нибудь сдам на тройку», то провалитесь. Это значит, что если вы настраиваетесь на большее, чем способны, то, возможно, сдадите экзамен. А по поводу повторения мантры «Харе Кришна» Чайтанья Махапрабху сказал, что мало повторять в течение часа – нет, этого недостаточно. Необходимо практиковать, и это на своем примере показал Харидас Тхакур (который ежедневно повторял Святые имена почти двадцать четыре часа в сутки). Но поскольку мы так не можем, мы должны всегда быть заняты в служении Кришне. Так мы будем помнить о Кришне.

Прабхупада сказал, что повторение «Харе Кришна» в точности подобно рыку льва. Так же, как львиный рык распугивает всех животных, пение «Харе Кришна» кладет конец последствиям всех грехов человека. Однако он вновь и вновь предупреждал преданных о том, как важно избегать самого опасного оскорбления – совершения грехов в расчете на силу Святого имени.

– Даже если вы пали, вы ничего не теряете. Таково утверждение Нарады. Если человек приходит к Кришне и искренне выполняет преданное служение, но затем снова падает, он все равно вернется. Мы видели это на практике. Некоторые из наших учеников пали. Но все то искреннее служение, которое ученик совершил, останется на его вечном счету. Придет день, и он спасется – так же, как Аджамила.

В последний день пребывания Прабхупады в Аллахабаде к нему в палатку пришел г-н Гоуркишор, и пригласил его в Бенарес. Как председатель сорок пятого ежегодного фестиваля в ознаменование посещения Бенареса Господом Чайтаньей, г-н Гоуркишор попросил Прабхупаду посетить фестиваль в качестве почетного гостя. Прабхупада ответил, что ему нездоровится и что, возможно, вместо него смогут поехать его ученики, но г-н Гоуркишор настаивал до тех пор, пока Прабхупада, наконец, не согласился. Однако сначала Прабхупада хотел посетить Горакхпур.

* * *

Горакхпур

3 февраля 1971 года.

Ардха-кумбха-мела закончилась. Преданные разъехались: кто в Дели, кто в Бомбей, а кто в Калькутту. Прабхупада с оставшимися преданными отправился в Горакхпур, что в десяти часах езды по старинной узкоколейной железной дороге. Прабхупада ехал туда по приглашению своего единственного в Горакхпуре ученика, д-ра Р.П. Рао (Рамананды), исследователя в области химии. Рамананда встретил Прабхупаду в Сан-Франциско, где в 1967 году получил посвящение, а затем

вернулся на родину, к жене и четырем детям, чтобы преподавать химию в университете Горакхпура.

Прабхупада с учениками въехал в тесные комнаты скромного дома Рамананды, и в тот же вечер послушать Прабхупаду собралось около ста человек. Прабхупада уже думал над тем, чтобы на территории Горакхпурского Университета построить храм Радхи-Кришны, а также ввести в официальную учебную программу курсы и степени по сознанию Кришны – степень бакалавра, магистра и доктора философии. Он представлял себе, как выпускники будут разъезжаться из университета по всему миру, чтобы учить сознанию Кришны в школах, колледжах и храмах. Он вдохновил Рамананду и его друзей организовать комитет по введению в университете курса сознания Кришны и дал посвящение дюжине учеников. Поскольку все они клялись, что воздерживаются от незаконного секса, одурманивающих средств, участия в азартных играх и от рождения являются вегетарианцами, он опустил установленный полугодовой испытательный срок. Он попросил их ежедневно повторять шестнадцать кругов и сделать свой город сознающим Кришну. В его отсутствие они должны поддерживать в доме Рамананды действующий центр ИСККОН и пытаться ввести в Университете курс Сознания Кришны.

* * *

Бенарес

6 февраля 1971 года.

Г-н Гоуркишор очень рассчитывал на участие Прабхупады в предстоящем празднике. Кульминацией недельного празднования посещения Господом Чайтаньей Бенареса, по словам г-на Гоуркишора, должно было стать шествие, и Прабхупада со своими учениками должны сыграть в нем важную роль. Газетные статьи, листовки и передвижные радиорубки объявляли по всему городу о приезде Шрилы Прабхупады и его «иностранных учеников». Преданные чувствовали себя какими-то эстрадными артистами, которые приехали выступить по контракту. Единственное, чего не доставало, так это гонорара.

В день процессии Прабхупада ехал в серебристой карете – вроде тех, что обычно используют в пышных свадебных кортежах. Карета была запряжена двумя белыми лошадьми с серебряными коронами и в расшитых пополах. Во главе парада двигалась платформа на колесах с двухметровой статуей Господа Чайтаньи из желтой древесины дерева ним. За ней следовала колонна богато украшенных слонов. Один слон нес транспарант «Харер Нама Эва Кевалам», другой вез актеров, одетых Господом Рамой и Ситой, с третьего махали толпе артисты, изображавшие Радху и Кришну, а на четвертом покачивалась картина с Господом Чайтаньей и Его спутниками, совершающими санкиртану. Следом за слонами шел грузовик с открытым кузовом, на котором ехали дети, изображающие поющих и танцующих Господа Чайтанью и Нитьянанду. Затем с танцами и киртаном шли несколько профессиональных групп, а также «иностранные ученики» Прабхупады.

Вслед за преданными на своей колеснице ехал Шрила Прабхупада. Двое преданных шли по обе стороны колесницы, обмахивая духовного учителя чамарами. Он сидел, опустив правую руку в мешочек с четками, а левой опираясь на трость. На нем были шелковое дхоти и шелковая курта с перламутровыми пуговицами. Его лоб украшала широкая полоса сандаловой пасты. Он не махал рукой, не улыбался, не глядел по сторонам, а спокойно сидел, повторяя на четках «Харе Кришна».

За колесницей Прабхупады шла группа музыкантов, играющих на шахнах, а за ними еще несколько групп киртана. Завершала парад еще одна статуя Господа Чайтаньи, которую несли восемь мужчин.

Оргкомитет фестиваля объявил, что праздник посетили триста тысяч человек – в два раза больше, чем ожидалось, если бы Прабхупада и его иностранных учеников не было. Однако парад закончился, Прабхупада свое дело сделал – показался на публике, собрал огромные толпы... Больше от него ничего не требовалось. Он устал. Вместе с учениками его отвезли в соседнюю дхармашалу, где их ждал пир. Прабхупада выглядевший очень серьезным, сразу же отправился к себе на квартиру и вернулся к заведенному распорядку.

Однажды к нему зашел один студент Университета Бенареса, повстречавший Прабхупаду на аллахабадской Меле. Отец юноши в качестве подарка для Прабхупады дал ему биографию Господа Чайтаньи, и когда юноша показал Прабхупаде фотографию своего отца, Прабхупада сказал:

– Да, твой отец преданный. Почему бы и тебе не получить посвящение?

Парень колебался. Они прогуливались с Прабхупадой в саду, и Прабхупада сказал:

– От своего отца ты получил семя преданного служения. Теперь ты должен его возвращать.

– Но как я могу обрить голову? – спросил юноша. – Я же учусь в университете.

– Нет, это обычай. Ты должен один раз побрить голову, а потом можешь носить короткие волосы.

– Но как я буду носить тилаку? Надо мной будут смеяться.

Прабхупада посоветовал юноше не бояться критики. Он должен стать солдатом Кришны. Так же, как правительство награждает своих героев, Кришна наградит Своего преданного за то, что тот терпит ради Него трудности и критику.

– А как насчет гуру-дакшины? – спросил студент.

– Гуру-дакшина – это просто формальность, – сказал Прабхупада. – В прежние времена был такой обычай, что когда кто-то получает посвящение, он идет по домам. Это символизирует то, что ты стал слугой своего гуру, что ты готов просить для него милостыню. Так что гуру-дакшина – это любое пожертвование, которое ты можешь дать.

Студент вернулся домой, рассказал обо всем отцу, и тот сказал, что завтра день явления Господа Нитьянанда – благоприятный день для духовного посвящения.

На следующий день, в Нитьянанда-Трайодаши, Шрила Прабхупада дал юноше посвящение, назвав его Ниранджана-даса. Когда Прабхупада спросил, есть ли у него вопросы, тот сказал, что хочет узнать о своих вечных отношениях с Кришной: слуга он, друг или родитель?

Прабхупада ответил, что основа всех духовных взаимоотношений с Господом Кришной – это служение. Повторяя «Харе Кришна», Ниранджана будет становиться все чище и все больше будет понимать свои отношения с Кришной. Ниранджана спросил, как он сможет понять свои отношения.

– Не перепрыгивай, – сказал Прабхупада. – От отца тебе досталась шраддха (вера), а теперь ты общаешься с преданными и повторяешь Святое имя. Постепенно ты все поймешь.

Ниранджана согласился потерпеть.

Прабхупада попросил Ниранджану организовать для него в университете лекцию, и тот, при поддержке своего дяди, профессора философии, договорился, что Прабхупада прочитает лекцию утром, в день своего отъезда из Бенареса.

В день отъезда Прабхупада встретился с Джоном Гризером, американским фотографом, который присоединился к группе Прабхупады в Сурате. Джон сбрил усы и серьезно подумывал о будущем. Сейчас он пришел, чтобы попрощаться с Прабхупадой – до Бомбея, где они снова встретятся через несколько недель.

Джон нашел Прабхупаду во дворе – тот наслаждался солнцем и ел из глиняного горшочка гур (финиковый сахар). Прабхупада попросил разбить горшочек и раздать кусочки Джону и остальным преданным, и пока Джон слизывал гур с глиняного черепка, Прабхупада рассказывал о своем детстве в Калькутте.

Джон: На ритмичном английском, с акцентом, Прабхупада рассказывал о своих детских днях, проведенных в Калькутте. В его рассказе это был красивый город, не такой перенаселенный и грязный, как сегодня. Школьником он любовался великолепными викторианскими зданиями из белого мрамора, окруженными величественными деревьями и просторными лужайками.

Неожиданно Прабхупада посмотрел на меня и рассмеялся:

– Ну-с, Джон, – сказал он, – я думаю, Кришна тебя поймал.

Я сказал, что и сам в последнее время так думаю, и сейчас Шрила Прабхупада лишь подтвердил мои подозрения.

Когда Прабхупада уезжал из Бенареса, чтобы вернуться в Горакхпур, многие из его учеников ошиблись и поехали не на тот вокзал.

Пока Прабхупада и несколько его последователей сидели на вокзале в ожидании поезда, Каушалья спросила:

– Как вам Бенарес, Шрила Прабхупада?

– Нормально, – равнодушно ответил он.

– Вы хорошо отдохнули? – спросила она, пытаясь вспомнить о каких-то приятных моментах его визита.

– Я могу отдыхать в любое время, – сказал Прабхупада, – но мне нравится быть со своими учениками.

Прабхупада, окруженный сумками и чемоданами, сидел на скамье, а Тамала-Кришна и Шьямасундара тем временем сломя голову носились по перрону от билетных касс к поезду и обратно. До отправления оставалось совсем мало времени, но где же остальные? Прабхупада наблюдал, как его духовные сыновья спорят с проводником, доказывая тому, что поезд не отправится, пока не подойдут остальные преданные.

– Не ведают, что творят, – сказал Прабхупада и улыбнулся.

* * *

Горакхпур
10 февраля 1971 года.

Услышав, что Прабхупада хочет проповедовать в Горакхпуре, Хануман-Прасад Поддар, известный руководитель печатного издательства «Гита-пресс», предложил ему воспользоваться одним из своих домов. Это был двухэтажный дом (в котором г-н Поддар жил раньше) под названием Кришна-Никетан. Г-н Поддар, который теперь лежал, прикованный к постели, в другом своем горакхпурском доме, познакомился с Прабхупадой в 1962 году и по достоинству оценил его миссию.

Получив приглашение занять Кришна-Никетан, Прабхупада согласился сразу. Он сказал, что они поступили неправильно, упаковав после Ардха-кумбха-мелы Божества Радхи и Кришны, которые он привез из Калькутты. Им уже поклонялись, поэтому служение Им не должно прекращаться.

– Завтра Божества должны быть установлены, – сказал он и возложил ответственность за подготовку к церемонии на Каушалю и Нанда-Кумару.

Видя, что Нанда-Кумаре и Каушалье нужны помощники, Прабхупада созвал всех учеников, и вскоре уже двадцать американских преданных спешно готовились к завтрашнему празднику. Прабхупада велел преданным вымыть алтарную комнату – от потолка до пола – и возвести алтарь, и сам принял участие в приготовлениях. Химавати он попросил пожертвовать лучшее сари, и в качестве занавеса повесил его перед столом, служившим алтарем. Он сказал, что за алтарем нужно сделать фон, и Каушалья, стоя на столе, брала у него из рук кусочки цветной ткани и укрепляла их на стене. Когда фон был готов, Прабхупада взял покрывало, купленное одним преданным в Аллахабаде, и накрыл им стол-алтарь.

Вечером Прабхупада оглядел алтарную комнату.

– Замечательно, – сказал он.

Прабхупада удалился к себе в комнату, а двое преданных остались на всю ночь шить одежды для Радхи и Кришны. На следующее утро Божества поставили на алтарь и преданные вновь приступили к служению Им, шесть раз в день предлагая бхогу и арати.

Впервые с тех пор, как преданные приехали в Индию, они снова оказались в атмосфере храма ИСККОН. Жизнь их вновь стала упорядоченной и спокойной. Потеплело, и многие преданные, здоровье которых пошатнулось в Аллахабаде, почувствовали облегчение. Горакхпурский храм располагался за городом и занимал несколько гектаров сельскохозяйственных угодий; это было спокойное место. В течение дня Прабхупада отдыхал, и солнце проникало сквозь окно и согревало его тело.

Вечерами на киртан и лекцию Прабхупады собирались гости. Читая лекцию по Шестой Песни «Шримад-Бхагаватам», Прабхупада часто ссылался на комментарий Шридхары Свами, написанный в двенадцатом столетии. Шридхара Свами говорил, что благодаря одному только повторению Святого имени – без всяких регулирующих принципов – человек сможет достичь освобождения. Как же это понять? Шридхара Свами отвечает, что регулирующие принципы все-таки существуют. Суть в том, что повторение Святого имени настолько могущественно, что может немедленно даровать освобождение. Но из-за того, что мы склонны падать вновь, нам даются регулирующие принципы...

– Мы должны ежедневно, утром, днем и вечером, с преданностью и верой повторять мантру «Харе Кришна». Так можно избежать многих страданий – просто благодаря повторению Святого имени. Поэтому необходимо быть очень внимательными и делать это с верой. Вы должны знать, что как только вы произносите Святое имя, на вашем языке начинает танцевать Кришна. Насколько же внимательны и почтительны мы должны быть!

Каждый вечер, читая лекции, в качестве комментируемого текста Прабхупада брал отрывки из комментариев Шридхары Свами.

– Итак, Шридхара Свами приводит пример: не зная о существовании хорошего лекарства, человек пробует тысячи и тысячи других. Подобным же образом, великие поборники религиозных принципов, ничего не зная о мантре «Харе Кришна», совершают многочисленные сложные ритуалы. Но на самом деле в них нет необходимости. Все что нужно – и это Шридхара Свами подчеркивает снова и снова – просто повторять мантру «Харе Кришна», не утруждая себя всякими ритуальными церемониями...

В своем комментарии Шридхара Свами приводил массу цитат из Священных писаний о высшем благе повторения Святых имен Кришны.

– Затем Шридхара Свами говорит: акхила-чештитам. Это значит, что любые попытки прославить Кришну приравниваются к повторению Святого имени. Когда вы выходите, чтобы проповедовать и распространять это движение, люди могут подумать, что вы не повторяете Святое имя. Предположим, вы проповедуете свободному члену ИСККОН – эта проповедь так же хороша, как и повторение мантры «Харе Кришна», потому, что это – акхила-чештитам. Жизнь должна быть отдана служению Кришне.

Общаясь с индийской аудиторией, Шрила Прабхупада рассказывал о своей проповеди на Западе. Однажды вечером он вспоминал эпизоды из своей личной жизни, рассказывая о том, как духовный учитель при первой их встрече сразу же велел ему проповедовать послание Господа Чайтаньи англо-говорящему миру.

– Тогда я поспорил с ним. Я говорил, что мы –зависимая нация. Кто будет слушать наше послание? Он разбил мои доводы. Да. Он был ученым. А кто был я? Я был юнец. Поэтому я принял свое поражение. – И Прабхупада тихонько рассмеялся.

Прабхупада рассказывал о тех временах, когда у него в Аллахабаде был свой бизнес и о том, как он снова встретил духовного учителя и получил посвящение. Он рассказал, как в 1944 году начал печатать «Назад к Богу», о том, как принял санньясу, и как, наконец, в 1965 году отправился в Америку. Он вспомнил о том, как тяжело было первое время в Нью-Йорке, как к нему присоединились первые последователи, когда он начал в магазинчике на Второй авеню свое Движение.

– Итак, по большому счету, все началось в 1968. Что-то я делал и раньше, в 1966-м, но в 1967-м сильно заболел, поэтому вернулся в Индию. Потом, в 1968-м я снова приехал в Америку. В сущности, активная миссионерская деятельность началась с 1968-го года. С 1968-го, 69-й, 70-й, а сейчас 1971 год. Итак, за три-четыре года все эти филиалы разрослись, и теперь, благодаря нашей проповеди, о Движении «Харе Кришна» знают практически по всей Европе и Америке.

Каждое утро, до восхода солнца, Прабхупада садился в храмовой комнате перед учениками и читал лекцию по «Шримад-Бхагаватам». И каждое утро стабильно выключался свет, погружая всех во тьму. Это были типичные для Индии перебои с электричеством, и Прабхупада молчал, пока какой-нибудь преданный не зажигал рядом с его вьясасаной две свечи и две свечи на алтаре. Длинные тени сливались с золотистым отблеском Божеств Радхи-Кришны, и Прабхупада, в очках и с открытым «Шримад-Бхагаватам» в руке, казался удивительно таинственным.

Однажды утром Шрила Прабхупада спел новую песню, «Джая Радха-Мадхава».

– Я научу вас этой песне, – сказал он.

Произнеся первую строчку, он попросил преданных несколько раз ее повторить. Так, строка за строкой, он прочитал все слова песни.

Джая радха-мадхава кунджа-бихари
Гопи-джана-валлабха гири-вара-дхари
Яшода-нандана браджа-джана-ранджана
Ямуна-тира-вана-чари

– Выучите ее к завтрашнему дню, – велел он ученикам.

Но запомнить песню удалось немногим, поэтому на следующее утро Прабхупаде снова пришлось построчно зачитывать слова. На вечерней лекции он объяснил значение этого стиха.

– «Джая радха-мадхава кунджа-бихари». Кришна наслаждается во Вриндаване. В этих словах предстает истинный образ Господа – Он просто наслаждается. Вриндавана-лила Кришны совершенным образом отображает суть Верховной Личности Бога – Он просто наслаждается.

– Все обитатели Вриндавана – гопи, пастушки, Махараджа Нанда, Яшода – все только и думают о том, как доставить радость Кришне. У них нет иной цели. У жителей Вриндавана нет иной цели, кроме как порадовать Кришну. Да и у Самого Кришны нет другой цели. Яшоданандана браджа-джана-ранджана ямуна-тира-вана-чари. Он становится маленьким сыном Яшоды, и единственная цель Его – доставлять радость обитателям Вриндавана.

– Яшода-нандана браджа-джана-ранджана ямуна-тира-вана-чари. Он гуляет в лесу Вриндавана по берегу Ямуны. Таков истинный образ Верховной Личности Бога.

– Но Брахма, Индра, великие полубоги, также бывают сбиты с толку. Порой они не могут понять, как этот пастушок может быть Верховной Личностью, Богом. У некоторых из нас тоже появляются такие мысли. Но для тех, кто так думает, существуют доказательства верховного положения Кришны. Гопи-джана-валлабха гири-вара-дхари. Хотя Он все время занят тем, что радует обитателей Вриндавана, когда возникает необходимость, Он, будучи семилетним ребенком, может поднять холм Говардхана, или будучи трех месяцев от роду, убить Путану.

– Каждый день во Вриндаван приходило множество демонов. Кришна с друзьями ходил в лес пасти телят и коров, и каждый день Камса посылал какого-нибудь демона убить Кришну. Агхасура, Бакасура, Дхенукасура – их было много.

– Итак, Кришна, помимо всего прочего, играет роль пастушка. Но при том Он никогда не перестает быть всемилостивым Верховным Господом. Таков Бог. Бог – это не плод воображения. Бог есть Бог. Бога нельзя выдумать. Мы должны об этом знать.

На следующий день Прабхупада снова спел «Джая Радха-Мадхава», а преданные пели за ним вслед. Затем он продолжил объяснять смысл песни. Радха и Мадхава, сказал он, наслаждаются в рощах Вриндавана Своими вечными любовными играми.

Вдруг он замолчал. Его закрытые глаза наполнились слезами, и он начал слегка покачивать головой. Тело его задрожало. Прошло несколько минут. В комнате воцарилась мертвая тишина. Наконец, он вернулся во внешнее сознание и сказал:

– Сейчас просто пойте «Харе Кришна».

После этого Божества Радхи и Кришны в Горакхпуре стали называть Шри Шри Радха-Мадхава.

Каждый день, пока Прабхупада читал лекцию по «Шримад-Бхагаватам», Каушалья, стараясь не помешать, мыла в храме пол. Однажды утром Прабхупада прервал лекцию.

– Посмотрите на эту девушку, – сказал он.

Каушалья в это время, сидя на корточках, терла тряпкой пол в противоположном конце комнаты.

– Это первоклассное служение.

На следующий день во время лекции Прабхупада подозвал Каушалью:

– Обычно ты так замечательно моешь пол, но сегодня это похоже на купание вороны.

Прабхупада затряс рукой, словно расплескивая в разные стороны воду.

– Ты не умеешь мыть пол. Я тебя научу.

Прабхупада сошел с व्याсаны и направился в другой конец комнаты. Преданные последовали за ним.

– Где ведро?

Каушалья принесла ведро. Прабхупада попросил тряпку. Она протянула ему свою. Он опустил на корточки и начал тереть.

– Вот как ты моешь пол, – сказал он. – Ты тратишь много воды. А ты делай это по частям. Мыть каждый участок нужно два раза: сначала мокрой тряпкой, а затем выжатой.

Преданные с удивлением наблюдали за ним. Прабхупада повторил процедуру несколько раз: сначала он мыл участок пола мокрой тряпкой, а затем вытирал его насухо, стараясь не наступать ногами на чистый пол.

– Видишь? – сказал он. – Вот как нужно.

Когда Тамала-Кришна предложил Прабхупаде поехать в Бомбей, чтобы заняться большой проповедью, тот ответил:

– Сначала посмотрим, хочет ли Кришна, чтобы мы были в этом городе.

Хамсадуте тоже не терпелось проповедовать, и Прабхупада послал его с группой брахмачари в Алигарх и Агру.

Казалось, что в Горакхпуре почти ничего не происходит, но у Прабхупады на этот город были определенные планы. Он по-прежнему договаривался с руководством университета о том, чтобы ему выделили землю для строительства храма.

Если наша попытка закончится удачно, то случай Горакхпура будет уникальным во всем мире, и вскоре этому примеру последуют многие другие колледжи... А если у нас получится открыть факультет сознания Кришны, тогда студенты смогут получать ученые степени в сознании Кришны и проповедовать по всему миру.

У Прабхупады было три цели: получить возможность обратиться к студентам Горакхпурского Университета, ввести киртаны на предприятиях и ввести киртаны в домах горожан. Но главным препятствием было то, что местное население не проявляло большого рвения в подобных делах. Многим нравились вечерние лекции Прабхупады, но реально жертвовать время, средства и энергию на служение Кришне людям было сложнее. Но, по крайней мере, здесь хотя бы был действующий храм Радха-Кришны, и Прабхупада надеялся, что директора «Гита-пресс» навсегда отдадут ИСККОН «Кришна-Никетан».

Прабхупада продолжал по утрам и вечерам читать лекции. Три вечера подряд он говорил об одном стихе из «Чайтанья-чаритамриты», опровергающем доводы майявади о том, что высшее проявление Абсолютной Истины – это безличный Брахман.

– Философы-майявади говорят, что Абсолют безличен и нет другой энергии помимо него. Но аргумент Чайтанья Махапрабху состоит в том, что у Абсолютной Истины множество энергий. Представьте себе владельца большого предприятия. Если владелец говорит: «Я присутствую на этом предприятии повсюду», – то это правильно. Возьмите, к примеру, Бирлу. Люди говорят: «Фабрика Бирлы». Называют его имя. Хотя Бирла – это человек, и он не присутствует лично на этой фабрике, но все говорят: «Фабрика Бирлы». Это значит, что там присутствует энергия Бирлы, деньги Бирлы. Если фабрика терпит убытки, страдает Бирла. Если фабрика работает успешно, прибыль идет Бирле. Поэтому в этой фабрике есть энергия Бирлы. Подобным же образом, все творение – это проявление Кришны. Все есть Кришна, Его энергия. Он представлен в Своей энергии. Это называется одновременное единство и различие, ачинтья-бхеда-абхеда-таттва.

Упомянув о проповеди в Америке, Прабхупада сказал, что Запад на девяносто девять процентов пребывает в гунах невежества и страсти. Хотя Америка – богатейшая нация на земле, ее молодежь, к ужасу родителей и правительства, становится хиппи. Итак, несмотря на богатство, они несчастны. Однако они готовы воспринять духовное знание.

– Такова беспричинная милость Господа Чайтанья. Теперь вы сами видите, в каком экстазе эти юноши поют Святое имя. Они сразу же поднимаются на духовный уровень. Не только здесь, они поют везде – в каждом храме. Преимущество этих юношей и девушек в том, что у них нет в голове мешанины. Без всяких надуманных толкований они соглашаются с тем, что Кришна – Верховная Личность Бога, и без обиняков принимают наставления Господа Чайтанья. Поэтому они прогрессируют. Им повезло, что ум их не забит всяческими измышлениями. Они оставили все прочие дела и приняли Кришну Верховной Личностью. Поэтому в Индии мы тоже можем так делать. Что нам мешает? Мы должны это делать. Просто примите: кришнас ту бхагаван сваям.? И предайтесь Ему».

Прабхупада отпраздновал день явления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати в Горакхпуре. На утреннем собрании он сказал:

– Мы должны праздновать этот день и со всем почтением молиться Бхактисиддханте Сарасвати Госвами: «Мы служим Вам, поэтому дайте нам силу. Наделите нас разумом. Мы действуем под руководством Вашего слуги». Так мы должны молиться. И я думаю, что вечером мы должны раздать прасад. Придет много гостей, и им можно будет раздать прасад.

Прабхупада сказал, что на подношение цветов в полдень нужно пригласить свободных членов и других друзей. Один из преданных спросил про пир.

Прабхупада: Пир значит пури и халава, а также овощи и чатни. Этого хватит – четыре блюда. Сделайте все просто.

Тамала-Кришна: Прабхупада! Вы хотите, чтобы мы приготовили пир для вашего Гуру Махараджа днем? Отдельный поднос с праздничным подношением?

Прабхупада: Не нужно отдельного подноса. Традиция такова, что все, что мы хотим предложить Божеству, предлагается гуру. А гуру предлагает своему гуру. Так это доходит до Кришны. Мы не предлагаем пищу Радха-Кришне напрямую. Нет. У нас нет на это права. Да и Кришна так не примет. Для чего у нас стоят изображения ачарий? На самом деле, вы должны

предлагать подношение гуру, а он предложит своему гуру, который предложит своему... и так далее. Таким образом оно дойдет до Кришны. Такова традиция. Вы не можете обращаться к Кришне или к предшествующим ачарьям напрямую. Это невозможно.

В один из дней Прабхупада посетил Хануман-Прасада Поддара. Г-н Поддар перенес тяжелую болезнь, но смог сесть и немного поговорить с гостем. Основатель журнала «Кальяна», в котором печатались отрывки из «Махабхараты» и других произведений ведической классики, Хануман-Прасад Поддар был всемирно известным покровителем индийской религиозной мысли. Его недорогое издание «Бхагавад-гиты» на хинди распространялось миллионными тиражами, так что даже бедный человек мог приобрести эту книгу. Г-н Поддар подружился с Прабхупадой, когда тот приехал к нему в Горакхпур в 1962 году и показал свою рукопись первого тома «Шримад-Бхагаватам». Оценив важность работы, г-н Поддар дал Прабхупаде хорошую рецензию, чем помог ему получить пожертвование на выпуск книг от делийского промышленника г-на Дальмии. Теперь, почти десять лет спустя, Прабхупада показывал г-ну Поддару свои новые книги – «Кришна, Верховная Личность», «Учение Господа Чайтаньи», «Нектар преданности» и журнал «Назад к Богу». Г-н Поддар был впечатлен. Оба они выразили друг другу признательность за проделанную работу.

Г-н Сурьякант Фогла: Хануман-Прасад Поддар был моим дедушкой. Когда к нему приехал Прабхупада, он был сильно болен и лежал наверху, в постели. Есть вещи, которые невозможно объяснить словами, но они общались на языке глаз. Мой дед глазами выражал благодарность, любовь, уважение, и Прабхупада таким же образом выражал взаимные чувства. Те, кто там были, могли легко заметить и оценить то, как они понимают друг друга. Там было много учеников Прабхупады, и все они при виде встречи и беседы этих двух великих святых людей едва сдерживали слезы.

Они говорили о духовном мире и восхваляли славные деяния друг друга. Мой дед говорил, что то, что сделал Прабхупада для мира, незабываемо. Поскольку перенести нашу индийскую культуру в страны Запада – эта заслуга полностью принадлежит нашему возлюбленному Прабхупаде. Он был единственным, кто смог принести за границу Радха-Кришну и Святое имя, и сделал это так, как не удавалось еще никому и никому не удастся в будущем.

Поскольку г-н Поддар был болен и слаб, примерно через полчаса Прабхупада уехал. Он провел в Горакхпуре две недели, и теперь хотел отправиться в Бомбей. Оставив двух учеников поклоняться Божествам и развивать в Горакхпуре проповедь, Прабхупада уехал.

* * *

Новая штаб-квартира ИСККОН в Бомбее расположилась в четырехкомнатной квартире на седьмом этаже «Акаша-Ганга-билдинга». Арендная плата составляла около трех тысяч рупий в месяц, а постоянного дохода у преданных по-прежнему не было. Но, поскольку здание находилось в многолюдном и престижном районе, Прабхупада решил пойти на риск. Такая штаб-квартира была необходима ему как база для проповеди, которую он хотел развернуть в Бомбее, и следующим шагом в его проповеднической деятельности должна была стать грандиозная одиннадцатидневная программа в пандале.

– Если уж идти на охоту, – говорил Прабхупада, – то охотиться надо на носорога. Если ничего не выйдет, люди просто скажут: „Этого и следовало ожидать“. Если же вам повезет, все удивятся. Никто не останется равнодушным.

Когда Прабхупада рассказал преданным о своих планах устроить грандиозный праздник в пандале, им стало совершенно ясно, что вся их проповедническая деятельность держится исключительно на вдохновении Прабхупады. Без него они никогда не решились бы на столь дерзкое предприятие, как предстоящий фестиваль в Бомбее. Часто «американских и европейских учеников» Прабхупады упоминали вместе с ним, как бы ставя их в один ряд, однако сами преданные всегда помнили о том, что они – всего лишь неразумные слуги, пытающиеся хоть как-то помочь настоящему чистому преданному Господа Кришны. Хотя Прабхупада ценил своих учеников, они понимали, что он является полномочным представителем Кришны. Он пользовался их абсолютным доверием и был звеном, соединяющим их с Кришной, все его слова и действия были насыщены духовной энергией. Кришна безграничен, и Шрила Прабхупада, самый близкий друг Кришны, был вправе требовать от них безграничного служения Кришне. В служении Кришне не было ничего невозможного. «Невозможно», говорил Прабхупада – слово из лексикона дураков.

Однако когда Прабхупада рассказал им о своих планах, связанных с фестивалем в пандале, преданные засомневались. Удастся ли им собрать деньги? Смогут ли они поставить такой огромный шатер? Где они возьмут столько продуктов? И кто приготовит столько прасада? Прабхупада только посмеивался над ними.

– Вы американцы, – сказал он, – но какой от этого толк, если вы не можете сделать ничего выдающегося?

Прабхупада говорил, что Бомбейский пандал откроет перед ними замечательные перспективы, позволив соединить американскую изобретательность с индийской духовностью. Он сравнил Америку и Индию со слепым и хромым. Порознь каждый из них совершенно беспомощен, но, объединив усилия, они смогут добиться успеха – слепой будет нести хромого на плечах, а хромой указывать слепому путь. Америка, поглощенная материализмом и забывшая о Боге, подобна слепому. А Индия, пострадавшая от иностранных нашествий, нищеты и ложных толкований философии Вед, похожа на хромого. Америка – это технический прогресс и богатство, а Индия – духовное знание. Задача Движения сознания Кришны – соединить эти две силы и изменить мир к лучшему. Одним из практических шагов на этом пути должен был стать фестиваль в Бомбее.

Прабхупада разделил обязанности: Шьямасундара займется рекламой, Тамала-Кришна – сооружением пандала, Гирираджа – сбором средств, а Мадхувидья – разработкой программы фестиваля. Вдохновленный словами Прабхупады об «охоте на носорога», Шьямасундара организовал широкую рекламную кампанию, с огромными афишами и протянутыми над улицами транспарантами, которые возвещали:

«Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада и его американские и европейские ученики. Наука о Боге – лекции на английском языке. Раздача прасада и бхаджаны – фестиваль «Харе Кришна» на Кросс-Майдан с 25 марта по 4 апреля».

Гирираджа: Шрила Прабхупада взял Бомбей штурмом. Весь город с волнением ожидал начала фестиваля «Харе Кришна». Мы развесили на всех главных перекрестках города транспаранты, все стены оклеили афишами, по несколько на каждой стене и дали огромные рекламные объявления в газеты с чудесным изображением Шрилы Прабхупады на фоне земного шара и подписью: «Беседы о Бхагавата-дхарме. Фестиваль «Харе Кришна». Всемирно известный проповедник культа бхакти, Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами».

День ото дня рекламная кампания набирала силу, и каждый день происходило что-то новое. Наконец, за два дня до фестиваля мы установили огромный щит у вокзала Виктория, в самом оживленном месте в центре Бомбея. К этому времени в Бомбее уже не осталось ни одного человека, который бы не знал о фестивале. Каждый бомбеец знал, где и когда он будет проходить, поэтому на щите огромными буквами были написаны только два слова – «Харе Кришна». К тому времени уже все всё знали, так что этого было вполне достаточно, два огромных слова – «Харе Кришна».

Затем Шьямасундара раздобыл огромный воздушный шар, наполненный гелием и закрепил его на длинной веревке на Кросс-Майдан. Воздушный шар парил над городом, и к нему был прикреплен вымпел с надписью «Фестиваль «Харе Кришна»». Это была чисто американская изобретательность и чисто американский размах.

Вдохновленные инициативой Шьямасундары, преданные загорелись духом состязания и с огромным энтузиазмом принялись за работу в своих направлениях. Когда Прабхупада созвал заседание свободных членов и спонсоров бомбейского ИСККОН, результат оказался неутешительным – пришло чуть больше десяти человек. Да и те, услышав о грандиозных планах Прабхупады, засомневались. На фестиваль требовалось более ста тысяч рупий! Хотя некоторые сомневались в том, что преданные действительно сумеют организовать такую крупномасштабную программу, горстка смельчаков – Садаживатлал, Чандулал Бахл, Картикея Махадевия, Кайлаш Шекшария, Рамчанд Чабрия, Г.Д. Сомани и другие – поклялись, что приложат все усилия, чтобы помочь собрать средства.

Прабхупада принимал в организации пандала активное участие и советовал ученикам остерегаться обмана в деловом общении. Каждый вечер преданные отчитывались ему, и он подробнейшим образом расспрашивал их обо всем что случилось за день. Он хотел, чтобы все было самого высокого уровня: место, качество работы, цена. Он хотел знать все: где будет кухня? Все ли преданные работают в полную силу? Всех ли внесли в список приглашенных? Разосланы

ли приглашения? Как насчет уборных? Во сколько обошлась усилительная аппаратура? Острым и критичным разумом он исследовал каждую деталь.

Успешно шла работа по сбору средств, за которую отвечал Гирираджа. Он собрал пожертвования с бизнесменов и напечатал памятный буклет. Но, переутомившись, он пришел к Прабхупаде, ища у него утешения.

– Можем ли мы применять в сознании Кришны силу? – спросил он.

Прабхупада нахмурился:

– Нет. Мы не можем применять силу.

– Но если мы видим, что кто-то из рабочих ленится и не исполняет своих обязанностей?

– Нет, – ответил Прабхупада. – Мы не можем применять силу.

– Ну, а как насчет записи свободных членов?

– Силу мы применять не можем, – повторил Прабхупада. – Но мы можем применить хитрость.

Он рассказал историю об одном мальчике, который не хотел учить арифметику. Как только учитель писал на доске « $1+1=...$ », мальчик упрямо не хотел отвечать. Поэтому учитель нарисовал на доске корову и спросил мальчика:

– Если у хозяина одна корова, и он покупает еще одну, сколько у него будет коров?

– Две, – отвечал мальчик.

Так учитель начал учить мальчика арифметике, хотя тот и не хотел.

– Итак, люди могут не хотеть служить Кришне, – объяснил Прабхупада, – но мы можем обхитрить их и сделать так, что они, сами того не зная, будут служить Кришне. Но мы никогда не должны их заставлять. Все эти люди бизнесмены. Они всегда подсчитывают доходы и убытки. Но в то же время они благочестивы и хотят прийти к Кришне. Поэтому ты должен убедить их, что, жертвуя эти деньги, они приближаются к Кришне и таким образом получают гораздо больше. И это правда. Стоит им в этом убедиться, и они всё дадут.

Прабхупада заказал (на пожертвование Р.Д. Бирлы) в Джайпуре две пары больших Божеств из белого мрамора. Одну пару должны были установить в бомбейском храме, а другую поставить для поклонения в пандал, после чего выслать в один из храмов на Западе. Но преданные беспокоились о том, будут ли Божества закончены к сроку. Были и другие причины для беспокойств, продолжавшихся до самого открытия фестиваля. Сооружение пандала, раздача прасада, сидячие места, звук – трудно было сказать, будет ли все это готово в срок и хватит ли на это денег. Но, предводительствуемые Прабхупадой, преданные работали слаженно и с твердой верой в Кришну.

Им сопутствовал успех. Днем на открытие пришло десять тысяч человек, а вечером – двадцать тысяч. Преданных было около сотни, включая тех, кто только что приехал с Запада, но огромная сцена вмещала всех и каждому позволяла свободно танцевать в киртане. На сцене, на великолепном алтаре с золотым куполом, утопая в цветах, стояли Радха и Кришна. В центре сцены возвышалась большая красная व्याсана с балдахином для Прабхупады. На сцене находился стенд с его книгами. Высокий и просторный пандал, вмещающий более тридцати тысяч человек, освещался рядами ламп дневного света, а сцена светилась разноцветными пульсирующими огнями.

В программе были киртан, прасад, лекция и слайды, потом снова киртан и снова прасад. Несмотря на свою искушенность и стремление подражать западу, бомбейцы, в глубине души преданные, были в восторге от программы – от Радхи и Кришны, киртана и прасада. Особенную привлекательность пандалу придавало то, что организаторами и участниками программы были жители Запада.

Повара готовили прасад там же, на территории пандала. Они готовили на каменном угле, помешивая большими веслами в огромных двухметровых чанах кичари и халаву. Каждый вечер преданные раздавали тысячи порций.

Кульминацией каждого вечера было появление Прабхупады. Он садился на व्याсану, а маленькая Сарасвати подходила и надевала ему на шею гирлянду. Толпа взрывалась радостными возгласами и аплодисментами. Обычно Прабхупада ждал, пока наступит тишина, но этого никогда не случалось. Поэтому он просто начинал говорить, и его голос звенел, усиленный мощными динамиками. Свою первую лекцию он назвал «Крах современной цивилизации; сознание Кришны – единственная надежда».

Сосредоточенно полуприкрыв глаза, Прабхупада обращался к огромной толпе, собравшейся его послушать. Прославляя Кришну и критикуя Его врагов, он говорил с особой силой. Он обличал правителей, не признающих Кришну, и гуру, не поклоняющихся Кришне. Он подчеркивал необходимость распространения послания Кришны по всему миру, а его духовные братья из бомбейского Гаудия-Матха сидели и почтительно слушали.

– Вы видите воочию, что по всему миру люди принимают принципы «Бхагавад-гиты» – Кришна, Верховный Господь. Все эти юноши и девушки, которые сейчас танцуют в сознании Кришны – еще четыре года назад они ничего не слышали о Кришне. Конечно, некоторые из них были знакомы с «Бхагавад-гитой», поскольку «Бхагавад-гита» – очень широко читаемое произведение. Но несмотря на то, что в последние сто или двести – или даже больше – лет «Бхагавад-гиту» читают по всему миру, из-за того, что ее представляли в неверном свете, ни один человек не стал бхактой Кришны. Однако с тех пор, как «Бхагавад-гиту» объясняют такой, какая она есть, всего за четыре года, появились сотни и тысячи бхакт Кришны. Такова суть нашей деятельности – представить вещь такой, какая она есть, не давая никаких ложных интерпретаций...

– Такова наша миссия. Это индийская культура. Люди тянутся к этой культуре, культуре Кришны. Поэтому вы должны научиться представлять «Бхагавад-гиту» как она есть. И тогда благодаря культуре Кришны Индия завоюет весь мир. Об остальном можете не беспокоиться. Но нам не терпится получить от других помощь. Наше правительство едет в Америку: «Пожалуйста, дайте нам пшеницу. Пожалуйста, дайте нам денег. Пожалуйста, дайте нам солдат». Это просто попрошайничество. Но у нас есть то, что мы можем им дать. Выклянчивая подачки, вы не делаете чести своей стране.

Гирираджа: Проповедуя бомбейцам, Прабхупада вкладывал в слова всю свою силу. Каждый вечер пандал заполнялся по меньшей мере двумя десятками тысяч людей. Шрила Прабхупада проповедовал очень энергично, особенно подчеркивая необходимость строго следовать принципам религии. Он знал, что собравшиеся здесь люди – индусы, но они не следовали принципам собственной религии. Прабхупада говорил с необыкновенным напором, и я видел: многим собравшимся то, о чем он говорил, будет очень трудно принять.

– У нас есть, что дать всему миру. Это сознание Кришны... Почему вы пренебрегаете сокровищем ведического знания? Суть Вед изложена в «Бхагавад-гите». Поэтому если мы просто поймем «Бхагавад-гиту» как она есть, мы тотчас же постигнем науку о Боге. И поскольку мы – неотъемлемые части Бога, мы страстно стремимся соединиться с Богом. Именно этого мы ищем. Анандамайя 'бхьясат. Бог – анандамайя (по природе полон радости), и мы, будучи неотъемлемыми частями Бога или Кришны, тоже анандамайя. Но мы ищем ананду (радость) в другом месте, в материи. Поэтому мы терпим неудачу. Единственный выход – принять Сознание Кришны, тогда вы будете счастливы. Итак, таков долг каждого индийца – понять эту науку.

Гирираджа: В то время я думал, что, если бы Прабхупада захотел польстить аудитории или поступиться чем-либо в своей философии, он смог бы собрать миллионы последователей. Но поскольку он проповедовал так смело и напористо, так бескомпромиссно, публике это не всегда нравилось: это было слишком сильным ударом по их чувственным удовольствиям и сантиментам.

– Это наука. Это не что-то догматичное и ложное. Это наука, поведана она Самим Господом, и изучена всеми ачарьями. Кришна говорит: «ачарьопасанам» – мы должны постигать это знание через ачарий. Ачарьяван пурушо веда: тот, кто не следует по стопам ачарий, не может ничего понять. Кришна также говорит: тад-вигьянартхам. Об этом говорится в «Катхопанишад»: тад-вигьянартхам са гурум эва бхигачхет. Кришна говорит: «тад виддхи пранипатена парипрашна севая». Итак, везде дается одно и то же наставление: «Обратись к тому, кто стоит в цепи учителей – эвам парампара праптам – и попытайся изучить «Бхагавад-гиту как она есть». Тогда ваша жизнь будет возвышенной. Тогда вас ждет успех в жизни. Такова наша миссия.

Гирираджа: Люди были без ума от Прабхупады и ИСККОН. Однажды вечером мы показывали слайды о Ратха-ятре в Сан-Франциско, и это привело публику в неописуемый восторг. Когда же Прабхупада объявил перед десятитысячной аудиторией о том, что собирается устроить Ратха-ятру Джаганнатхи в Бомбее, зал разразился шумной овацией.

Каждый день фестиваля в пандале заканчивался триумфом. Туда приходили самые влиятельные граждане Бомбея, и все происходящее производило на них огромное впечатление. Бизнесмены в белоснежных рубашках со своими элегантно одетыми женами вместе со всеми пели Харе Кришна. Для сотен тысяч бомбейцев добраться до пандала на Кросс-Майдан не составляло особого труда. Одни внимательно слушали лекцию и задавали глубокие вопросы о преданном

служении, другие приходили просто взглянуть на Божества, попробовать прасад или послушать киртан. В любом случае, А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада и преданные «Харе Кришна» внесли в жизнь города свежую струю. Фестиваль стал крупнейшим событием в Бомбее.

В один из вечеров Прабхупада на глазах у нескольких тысяч зрителей провел ведическую церемонию бракосочетания и обряд духовного посвящения. В брак вступали Вегаван, преданный из Швеции, и Падмавати-даси из Австралии. Оба совершенно очаровали публику: она в нарядном красном сари, с индийскими украшениями и даже с кольцом в носу, а он – в белоснежном дхоти и курте, с обритой головой. Одновременно с ними получили духовное посвящение шесть брахмачари.

Гирираджа: На публику все это произвело сильнейшее впечатление. Прежде всего, их поразил сам вид иностранных преданных, иностранных садху, которые к тому же на глазах у десяти тысяч человек получали духовное посвящение и даже проходили обряд бракосочетания – для бомбейцев это было сенсацией. Во время церемонии Шрила Прабхупада объявил юношу и девушку мужем и женой и упомянул при этом, что она из Австралии, а он – из Швеции. Сказав это, он заключил: «Вот это и есть настоящая Организация Объединенных Наций». Раздался взрыв аплодисментов. Это была самая эффектная и удивительная программа.

В последний вечер фестиваля преданные понесли Божества Радхи и Кришны на паланкине к берегу океана. Там, перед двадцатипяти тысячной толпой Прабхупада прочитал лекцию и провел киртан.

На следующий день «Индиан Экспресс» сообщала:

«ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ФЕСТИВАЛЯ ХАРЕ КРИШНА».

Это было великолепное торжественное закрытие одиннадцатидневного фестиваля «Харе Кришна», который собирал на Кросс-Майдане в южном Бомбее тысячи преданных.

Вечером украшенные мурти Радхи и Кришны в роскошной ратхе торжественно провезли по шоссе Диргаум от пандала до Чоупатти.

Процессию возглавляли десятки мандал нама-санкиртаны со всего города с громким восторженным пением маха-мантры «Харе Кришна», а за ними, в элегантной карете, запряженной лошадьми, следовал Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Пока преданные везли ратху по шоссе, толпы людей на тротуарах пели «Харе Кришна».

В Чоупатти метровые Божества в ослепительных одеждах, украшениях и гирляндах установили на величественную «симхасану» (трон), пожертвованную движению «Харе Кришна» храмом Мадхав-Бауг и храмом Мумба-деви.

Во время праздника Прабхупада каждый день, утром и вечером, читал лекции по «Гите» и «Шримад-Бхагаватам». В шатрах, разбитых специально для праздника, более тридцати иностранных учеников Прабхупады проводили киртан, аратику и показывали фильмы.

Через несколько недель, перед тем как отправиться в проповедническое турне по главным городам России, Прабхупада обратится к жителям Бомбея со своей последней публичной речью.

Фестиваль «Харе Кришна» должен был надолго остаться в памяти бомбейцев, и в своем письме свободным членам ИСККОН Прабхупада уверяет, что это только начало.

По милости Их Светлостей Шри Шри Радхи и Кришны, наш недавний фестиваль на выставочной площади Кросс-Майдан прошел с огромным успехом, и в Бомбее заметно возродился дух бхакти. Я хотел бы передать свои особые благословения всем вам за то, что вы объединились с нами в служении.

Как вы, возможно, знаете, я планирую открыть в этом самом перспективном городе уникальный образовательный центр Сознания Кришны, где сотни людей из других стран смогут обучаться ведическому образу жизни. В то же время центр будет готовить для прачара (проповеднической деятельности) в зарубежных странах индийских юношей и девушек. Мы построим классы, мастерские, общежития, кухню для массовой раздачи прасада, лекционный зал, библиотеку и прекрасный храм для прославления Радхи и Кришны.

Сейчас мы стоим на пороге осуществления этого важного проекта и с радостью сообщаем вам, что в этом направлении уже сделаны некоторые шаги.

Вы согласитесь со мной, что этот проект напрямую зависит от вашего активного и непосредственного участия, поэтому я умоляю вас уделить свое драгоценное время Кришне и, несмотря на свою крайнюю занятость, посчитать своим долгом поспособствовать этому делу. Есть предложение провести собрание в понедельник, второго апреля 1971 года, в шесть тридцать вечера по адресу: Акаш-Ганга, седьмой этаж, шоссе Бхулабхай-Десай дом №89, Бомбей-26. На

встрече мы обсудим планы и придадим им окончательную форму, чтобы направить наши объединенные усилия на достижение цели. Для преданных Кришны это также будет хорошей возможностью встретиться, получить даршан Божеств и поделиться своими идеями и советами о том, как ускорить свой духовный рост.

Я очень хочу снова встретиться с вами, поэтому, пожалуйста, не считите за труд посетить нашу встречу; чтобы распространить Сознание Кришны среди миллионов и миллионов наших дремлющих братьев и сестер, нам еще многое предстоит сделать!

Тот факт, что такое множество людей признавало истинность ИСККОН и Движения санкиртаны, доказывал, что Шрила Прабхупада представлял учение Господа Кришны во всей его чистоте. Это не было какое-то сектантское учение – оно предназначалось для каждого гражданина мира. Он учил любви к Кришне – вселенскому принципу, ценному для всего человечества. В своих лекциях в пандале он сокрушался о том, что хотя Индия известна как колыбель религии, где общество испокон веков было пропитано сознанием Бога, лидеры Индии становятся атеистами и коммунистами. Трудно было предсказать, смогут ли индийцы, испорченные чувственными наслаждениями и сбитые с толку всевозможными псевдорелигиозными учениями, отличить истину от обмана. Но, по крайней мере, в Бомбее эта программа в пандале прошла с огромной отдачей, и Прабхупада был доволен.

Программа Прабхупады была той же самой, что и везде: пение, танцы, прасад, поклонение Божествам, слушание о Кришне. Это была программа Господа Чайтаньи, хоть и слегка приспособленная к местным условиям. Эта санкиртана была единственным действенным лекарством от болезни современного общества. Но все же многие принимали его неохотно. Поэтому Прабхупада как бы наклеил на пузырек этикетку: торжественный вечер! веселье! музыка! и гвоздь программы – молодые вайшнавизмы из Америки и Европы! – хотя само лекарство осталось тем же.

Этикетка была проста, и в ней не было никакого обмана; в Бомбее все прекрасно знали, что фестиваль «Харе Кришна» в пандале проходил в духе их собственного ведического наследия. Они прекрасно понимали, что лидер «Харе Кришна» был великим ачарьей, принадлежавшим к древней традиции. Но все это было представлено так зрелищно и привлекательно, что бомбейцы были покорены.

Мадхувиджа: Никто не думал, что Прабхупада уедет из Индии. В Индии все Движение держалось на нем одном. Он всему давал силу. Все происходило только благодаря ему. На Западе Прабхупада давал идею, а преданные работали над ее воплощением; Прабхупада лишь наблюдал, но сам не принимал в проектах активного участия. Но в Индии Прабхупада был в самой гуще событий. Он проверял счета. Он был настолько вовлечен в индийские проекты, что Шри-Кумара, бомбейский казначей, каждый день ходил к Прабхупаде и показывал ему документы. Он активно участвовал во всем. Все Движение в Индии держалось на Прабхупаде. Поэтому никто и не предполагал, что Прабхупада действительно оставит нас.

Глава тридцать четвертая

Паривраджакачарья реактивного века

Май 1971 года

Шрила Прабхупада готовился совершить длительное кругосветное путешествие. Хотя окончательный маршрут еще не определился, общий план был ясен: Прабхупада собирался в течение нескольких месяцев посетить целый ряд стран, после чего совершить турне по США, затем поехать в Лондон, а оттуда вернуться в Индию. Некоторое время назад он отправил учеников проповедовать в Австралии и Малайзии и теперь хотел их навестить. Кроме того, он хотел съездить в Москву и ждал разрешения от советского правительства. Сначала он распространял свое Движение в Америке, посещая самые крупные города страны и проповедуя; он оставил там несколько верных учеников, которые должны были продолжать его дело, и теперь намеревался расширить поле своей деятельности на весь мир.

Путешествовал Шрила Прабхупада в настроении великого преданного Нарады Муни, вечного странника. В Пятой песни «Шримад-Бхагаватам» Шрила Прабхупада так перевел его слова: «Я путешествовал по всему миру, всем довольный, свободный от гордости и зависти... По милости Всемогущего Вишну я и поныне путешествую повсюду, как в духовном мире, так и в трех сферах материального мира. Мне открыты все пути, потому что я неуклонно занят преданным служением Господу. Так, путешествуя повсюду, я постоянно пою хвалу Господу, играя на своей вине. Этот инструмент подарил мне Сам Господь Кришна, и наполнен он духовным звуком».

В своих комментариях к «Бхагаватам» Шрила Прабхупада пишет:

«Следуя обету паривраджакачарья, т.е. путешествуя в одиночку по лесам, горам, городам и деревням, странствующий отшельник должен на своем опыте познать все разнообразие творения Господа и так обрести силу ума и веру в Бога, и в то же время нести людям послание Всевышнего. Отринув всякий страх, санньяси должен идти на этот риск, и самый яркий пример санньяси нынешней эпохи – Господь Чайтанья, который прошествовал через джунгли центральной Индии, просвещая даже тигров, медведей, змей, оленей, слонов и многих других обитателей джунглей.

В век Кали, объяснял Прабхупада, санньяса особенно трудна. Однако человеку, который дал обет отречения от семейной жизни, не стоит подражать таким Паривраджакачарьям, как Нарада или Господь Чайтанья. Он может поселиться в каком-нибудь святом месте и все свое время и силы посвятить слушанию и постоянному повторению Священных писаний, оставленных великими ачарьями, такими как шесть Госвами Вриндавана.

При этом сам Прабхупада путешествовал именно как странствующий монах-миссионер, паривраджакачарья. Несмотря на то, что он уже достиг того высокого уровня, когда чистый преданный может просто жить во Вриндаване и постоянно повторять «Харе Кришна», сейчас он путешествовал на благо всего мира. Подобно Нараде, он странствовал повсюду. Как точно выразился один индийский корреспондент – он был «паривраджакачарьей реактивного века».

Несколько брахмачари, не так давно получившие от Шрилы Прабхупады посвящение, уже несколько месяцев проповедовали в тропиках, на полуострове Малайзия. Удача улыбалась им: в Малайзии жило порядка миллиона индусов, многие из которых имели деньги и влияние. Во время одной из программ в Куала-Лумпуре, в индуистском храме, один врач из Южной Индии и его жена, юрист по профессии, выразили преданным свою признательность и в качестве пожертвования предложили ИСККОН дом и землю. Приехав на место и убедившись, что предложение серьезно, преданные сообщили об этом Прабхупаде, и он тут же решил их посетить.

В сопровождении своего ученика Вегавана, Прабхупада вылетел из Бомбея в Куала-Лумпур. Он вез с собой Радху и Кришну, Божества, которым поклонялись в бомбейском пандале, поскольку следующим городом его маршрута был Сидней, где в новом храме он планировал Их установить. Господь Кришна ехал в багажном отделении, в деревянном ящике, а Шримати Радхарани, завернутая в ткань, покоилась на коленях Вегавана. Вскоре после прибытия в Куала-Лумпур Прабхупада уже сидел перед большой аудиторией в доме своих гостеприимных хозяев и читал лекцию.

Я очень рад сообщить вам, что мы быстро добрались до Малайзии, и по приезде у меня состоялась замечательная встреча, после чего мы выехали за город. Вчера весь день я был очень занят.

Два дня Прабхупада гостил в доме богатого синдхского торговца. Дом у купца был большой и роскошный, с толстыми коврами и большими зеркалами. Но, узнав, что хозяева его – мясоеды, Прабхупада отказался что-либо есть в их доме, кроме фруктов и молока, несмотря на то, что ученики сами были готовы для него стряпать. Путешествуя по Малайзии, ученики считали, что принимать пищу в домах мясоедов допустимо, если готовить прасад в посуде, в которой не готовилось мясо. Но у Прабхупады были более строгие требования.

В одной из комнат дома размещалась большая коллекция мраморных Божеств; здесь рядами стояли около пятидесяти пар Божеств Лакшми-Нараяны и Радха-Кришны. Однако видно было, что Божества здесь – скорее музейные экспонаты, нежели объекты поклонения, поэтому на Прабхупаду коллекция не произвела особого впечатления.

Прабхупада читал лекции в здании муниципалитета Куала-Лумпура и в храме Лакшми-Нараяны, в основном для индийцев. Он объяснял, что люди должны объединиться на духовной основе.

– Посмотрите на ООН, – сказал он. – У них все больше и больше флагов. Но при этом происходит все больше войн. Движение сознания Кришны – вот что будет настоящим ООН.

Прабхупада привез с собой слайды о деятельности ИСККОН и попросил одного из учеников прокомментировать слайд-шоу, время от времени подсказывая, что говорить. Когда появился кадр с лондонской Ратха-ятрой на Трафальгарской площади, Прабхупада подсказал преданному:

– Нет больше лорда Нельсона. Теперь будет Лорд Джаганнатха.

Встретившись с четой, предлагавшей в дар землю, Прабхупада выяснил, что договор содержит несколько важных условий. Врач и его жена сказали, что они отдадут ИСККОН большой участок земли рядом с главной автомагистралью, а храм на нем построит их строительная компания. Однако если за эти два года компания не закончит строительство, врач с женой заберут землю обратно. Прабхупада всегда был готов рассмотреть любые серьезные предложения о пожертвовании земли, поэтому принял договор, даже с этими оговорками. Но он знал, что у таких предложений, как правило, слишком много условий. Врач и его жена уже намекнули, что управлять храмом будут «индийские брахманы», а ИСККОН отведут лишь алтарь с краю.

Как-то Прабхупада беседовал с врачом (тот был гинекологом), и разговор зашел о контроле рождаемости. Прабхупада объяснил, что это греховно и привел пример. Если кто-то отравит воздух в комнате, где они с врачом сидят, то у них выбор: либо покинуть комнату, либо умереть. Подобным образом, объяснил Прабхупада, использовать противозачаточные средства – значит отравлять чрево, лишая душу прибежища, принадлежащего ей по праву.

Как и хозяин дома, где остановился Прабхупада, врач ел мясо, хотя преданные настойчиво просили его от этого отказаться. Прабхупада был мягок.

– Попробуйте прекратить есть мясо, – вдохновлял он.

Встреча состоялась в экадаши, и Прабхупада решил полностью воздержаться от еды, вновь демонстрируя свое крайнее нежелание принимать пищу в доме мясоеда.

* * *

Сидней

9 мая 1971 года.

В Сиднее Прабхупаду не ждали. Первая телеграмма, которую они получили, сообщала, что он приезжает, но в следующей говорилось, что «приезд Прабхупады откладывается». Затем пришла третья телеграмма, в которой сообщалось о приезде Бали-марданы, секретаря Джи-би-си в Австралии. Поэтому, получив четвертую телеграмму с одним только словом – «Приезжаю», датой и номером рейса, преданные решили, что речь идет о Бали-мардане, а не о Прабхупаде. Взяв с собой небольшую гирлянду, преданные поехали в аэропорт. Когда же двери таможенной зоны открылись, и оттуда вышел сам Прабхупада, все просто остолбенели от изумления.

С белым дипломатом в левой руке и тросточкой в правой, в легком чадаре, наброшенном на плечи, Шрила Прабхупада вошел в здание аэропорта. Репортеры, приготовившиеся взять

интервью у Бали-марданы, бросились вперед, и один из них спросил, зачем Прабхупада приехал в Австралию.

Прабхупада мягко ответил, что он ездит повсюду, подобно коммивояжеру. Коммивояжер разыскивает покупателя везде, где только можно – так и Прабхупада путешествует по всему миру в поисках людей, достаточно разумных для того, чтобы воспринять его философию.

– Не имеет значения, куда я приехал – в Австралию или куда-то еще, – говорил он. – Границы устанавливают правительства: „Это – Австралия», – но для нас весь мир – земля Кришны.

Сиднейский храм, как и самый первый храм ИСККОН, представлял собой магазинчик в нижнем этаже дома на главной деловой улице города. На зеркальной витрине магазинчика одна девушка из преданных нарисовала Радху и Кришну. Прабхупада вошел в единственную комнату и обнаружил, что в ней нет ничего, кроме простого деревянного алтаря с маленькими Божествами Джаганнатхи и большой, обтянутой тканью вьясаны. Пол был покрыт старым ковром. В комнате висел синеватый дымок – это в подвале, на кухне, какой-то преданный неистово жег семена тмина, чтобы приправить обед Прабхупады.

Сохраняя серьезное молчание, Прабхупада не спеша направился к задней двери, чтобы заглянуть во двор. Когда он увидел у стены груды мусора и досок, серьезность на его лице сменилась суровостью.

– Что это такое? – спросил он.

Кто-то попытался объяснить. Безуспешно.

Преданный принес стакан молока.

– Слишком горячее, – сказал Прабхупада, и преданный с молоком ушел.

Прабхупада сел на большую вьясану и оглядел лица. Никто из полутора десятков местных преданных никогда раньше его не видел. А посвящение получили (по почте) всего лишь несколько человек. Они ничего не умели. Ковер грязен, сказал он; его нужно заменить. Почему на алтаре нет цветов? Он привез Божества Радхи и Кришны, но перед тем, как преданные начнут поклонение, все должно стать безупречно чистым. Чтобы поклоняться Радхе и Кришне, преданные должны стать брахманами.

Прабхупада увидел, что австралийские преданные практически ничего не знают о сознании Кришны. Первые приехавшие в Австралию преданные, Упендра и Бали-мардана, открыли центр, и уехали, навещая его лишь изредка. Таким образом, австралийский храм населяли исключительно преданные-новички, предоставленные сами себе. Поскольку никто из сиднейских преданных не умел как следует читать лекции, то на лекциях преданные читали сокращенное издание «Бхагавад-гиты как она есть» – единственную книгу Прабхупады, которая у них была. Однако их непоколебимая вера в Прабхупаду восполняла недостаток опыта. Они считали его чистым преданным, непосредственно связанным с Богом, принимали его книги как непреложную истину, а Кришну – как Верховную Личность Бога. Но многих практических вещей они просто не знали – не знали, как готовить прасад, как читать лекции, как поклоняться Божествам. Они знали, что Прабхупада хочет, чтобы они пели «Харе Кришна» и распространяли на улицах Сиднея журнал «Назад к Богу», и делали это каждый день. Несмотря на частые аресты, они продолжали заниматься санкиртаной. Искренность у них была, не доставало только практических навыков.

Преданный принес Прабхупаде обед. Приготовлено было ужасно – чапати наполовину подгорели, наполовину были сырыми, овощи приправлены неправильно. Прабхупада отругал повара:

– Если не умеешь готовить, почему не сказал мне? Я бы научил.

И пошел на кухню. Одна преданная пыталась приготовить качори, но безуспешно. Хотя технологию она знала – тесто раскатывать тонко, начинку класть точно в центр, а концы ровно слепить друг с другом – ни у нее, ни у других сделать качори как следует не получалось. Прабхупада, взяв те же тесто и начинку, тут же продемонстрировал искусство приготовления идеального качори.

Преданные пожаловались, что им трудно делать чапати. У них не было открытого огня, только электроплитка. Чапати всегда получались либо сухими, либо сырыми или подгорелыми и никогда не вздувались. Однако оправдания только раздражали Прабхупаду, и он показал, как даже на электрической плитке можно испечь прекрасные чапати. У него они замечательно вздувались. Затем, комментируя свои действия, он показал поварам, как готовить простое овощное блюдо.

После того, как он вышел из кухни, преданные снова попытались сделать чапати. Они не вздулись. Казалось, только Прабхупада владел этим магическим искусством.

Шрила Прабхупада привез в Австралию Радху и Кришну, на то имелись свои причины – одни были очевидны, другие столь глубоки, что только сам он, да Радха с Кришной могли их понять. Конечно, он всегда стремился расширить свое Движение, в котором поклонение Божествам играло не последнюю роль, и это была одна из причин: сделать местных преданных сильнее и укрепить свое Движение в Австралии.

Но кроме того, Прабхупада любил эти Божества. Они возглавляли торжества в бомбейском пандале, а когда программа заканчивалась, он забирал Их к себе в комнату, где мог весь день ими любоваться. Он привез их из Бомбея в Сидней через Малайзию, и предполагал установить Их в этом недавно открывшемся центре ИСККОН. Бесконечная чистота его сердца и глубокая решимость пойти на любой риск ради Их Светлостей Шри Шри Радхи и Кришны непостижимы. Все, что делал Шрила Прабхупада, было настолько серьезным, что стороннему наблюдателю подчас не под силу было увидеть в его поступках глубокий смысл. Кришнадаса Кавираджа писал о Господе Чайтанье: «Я не понимаю глубокого смысла деяний Шри Чайтаньи Махапрабху. Я лишь внешне пытаюсь их описать».

Когда Прабхупада приехал в храм, чтобы провести церемонию посвящения и установления Божеств, преданные опять были не готовы. Комнату, практически пустую, украшала лишь одна маленькая ваза с цветами, а гирлянд для Божеств преданные не сделали. Прабхупада был недоволен. Однако храм был забит до отказа: гости и преданные толпились у открытых дверей и заглядывали в окно с улицы. Группа операторов с телевидения, включив искусственное освещение, от которого становилось жарко, снимала празднование.

Пока преданные в спешке делали гирлянды, Прабхупада провел церемонию посвящения. Всего было пятнадцать посвященных. Некоторым он давал первое посвящение, некоторым второе, а некоторым сразу оба. Затем он с любовью омыл Радху и Кришну и совершил огненное жертвоприношение. Одевая Божества, он сделал замечание, что одежды изготовлены плохо и преданные должны немедленно сшить новые. Божества он назвал Шри Шри Радха-Гопинатхой.

Вайбхави. Он принял в ученики всех, кто был в храме, даже парня, который жил с нами меньше недели, а узнал о сознании Кришны за неделю до того, как переехал в храм; посвящение получили даже те, кто не жил в храме – буквально все, кто был там и занимался хоть каким-то служением. Прабхупада хотел, чтобы сознание Кришны утвердилось в Австралии, и потому принимал в ученики всех подряд. Он давал одновременно первое и второе посвящение, так как после установления Божеств в храме должно появиться хотя бы несколько брахманов.

Но мы тогда совсем ничего не знали. Мы просто были еще не готовы. Даже алтарь был не закончен. Прабхупада объяснил мне, что мы должны сделать для Божеств гирлянду из цветов. И я просто с ног сбилась в поисках цветов и нитки для гирлянды.

То же самое повторилось со священными шнурами. Священных шнуров у нас не было. При посвящении в брахманы Прабхупада должен был дать мужчинам священные шнуры, но никто из нас не знал толком, что это такое. Поэтому мне пришлось сбегать и купить моток какой-то бечевки, и, пока Прабхупада проводил обряд, я сидела в стороне и делала священные шнуры по образцу того, который снял с себя Бали-мардана.

Я сделала пять шнуров и тут пришла моя очередь. После жертвоприношения, когда я вышла из комнаты Прабхупады, где он дал мне мантру Гаятри, преданные сказали мне:

– Теперь ты брахман, поэтому ты тоже должна носить священный шнур.

Они сказали, чтобы я сделала шнур для себя, но я не стала, так как кто-то вспомнил, что женщинам шнур не полагается. Мы совсем ничего не знали.

В Сиднейской Начальной Школе, элитном учебном заведении для мальчиков, Прабхупада, во главе процессии, состоявшей из его учеников, двухсот школьников и нескольких учителей, прошел с киртаном по школьному двору. Одни дети обезьянничали и смеялись, другие пели, а третьи молча следовали за процессией. Учителя с улыбкой наблюдали за шествием. Киртан завершился в большом зале, в котором стоял ряд стульев. Прабхупада сел в изящное, резное, похожее на трон кресло директора школы в центре и заиграл на караталах, продолжая петь «Харе Кришна». Заметив, что ему подпевают всего лишь несколько школьников, он остановился и посмотрел на сидящих перед ним детей.

– Ну-с, все вы замечательные мальчики. Почему вы не поете с нами «Харе Кришна»? Разве это трудно? Неужели вы не хотите попробовать спеть? Харе. Скажите Ха-ре.

– Харе, – раздалось несколько голосов.

Прабхупада: Все пойте: «Харе».

Дети, слабо: Харе (некоторые захихикали.)

Прабхупада повторил вместе с ними всю мантру, слово за словом. Но дети по-прежнему молчали.

Прабхупада: Всего лишь три слова: Харе, Кришна и Рама. Разве трудно? Еще раз – Харе.

Дети: Харе.

Поддразнивая и подзадоривая их, Прабхупада удивленно спросил:

– Э, да вы не можете петь? Вы что – все немые?

Дети взорвались смехом.

– Как это так? Вы не можете спеть три слова? Ну вы даёте! Пойте! Харе!

– Харе.

– Кришна!

– Кришна!

Прабхупада запел, ритмично ударяя в караталы, а дети повторяли за ним: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Спустя какое-то время Прабхупада закончил киртан. Сидя в своем роскошном кресле, он улыбнулся детям:

– Три слова: Харе, Кришна и Рама. Вы знаете, кто такой Бог? Может ли кто-нибудь из вас встать и сказать мне, кто такой Бог?

Сначала дети молчали, затем начали перешептываться. Наконец, встал один двенадцатилетний мальчик. Его одноклассники засмеялись и захлопали в ладоши.

– Спасибо, – сказал Прабхупада. – Подойди сюда.

Мальчик подошел.

– Ты знаешь, кто такой Бог? – спросил Прабхупада.

– Да, – ответил мальчик. – Бог – это самоосознание, и Бог находится в бессознательном уме.

– Спасибо.

Дети снова зааплодировали.

– Нет, подожди. Не уходи, – сказал Прабхупада. – Теперь ты должен объяснить, что ты имел в виду. Что такое самоосознание?

Мальчик: Это высвобождение способностей бессознательного ума и созерцание себя...

Прабхупада: Ты думаешь, что ум бессознателен?

Мальчик: Ум бессознателен.

Прабхупада: Чтобы понять бессознательное, ты должен понять, что такое сознание.

Мальчик: Я говорю не о сознании, а о бессознательном.

Прабхупада: Пока ты не понял, что такое сознание, как ты можешь описать бессознательное?

Мальчик: Бессознательное. Ид.

Прабхупада: Бессознательное – это отрицательная сторона сознания. Итак, объясни, что такое сознание. Тогда мы сможем понять бессознательное.

Мальчик: Сознание?

Прабхупада: Да. Попробуй понять, что такое сознание. Тогда ты поймешь, что такое бессознательное. Сознание пронизывает все тело. Предположим, я ущипну тебя в любом месте. Ты почувствуешь боль. Это и есть сознание. Ощущение боли и наслаждения – это сознание. Но это сознание индивидуально. Я не могу почувствовать боль и наслаждение твоего тела. Так же и ты не можешь почувствовать боль и наслаждение моего тела. Поэтому твое сознание индивидуально и мое сознание индивидуально. Но есть другое Сознание, которое может чувствовать боль и наслаждение как твоего тела, так и моего. Об этом говорится в «Бхагавад-гите». Ты слышал название «Бхагавад-гита»? Ты? А ты?

Другой мальчик: Да.

Прабхупада: Кто сказал «да»? Пожалуйста, подойди сюда. Спасибо. Очень хорошо. По крайней мере, один из вас знает, что такое «Бхагавад-гита». В «Бхагавад-гите» говорится, что...

И Шрила Прабхупада начал объяснять разницу между материальным телом и душой, а также между индивидуальной душой и Сверхдушой, Кришной.

– Вы – индивидуальный сознающий тело. Я сознаю свое тело. Каждый сознает свое тело. Но есть другая Личность, которая говорит: «Я знаю всё обо всех телах». Например, я знаю что-то о своем теле или что-то об этом мире. Подобным образом, есть другая атма (душа), высшая атма, которая знает все об этой Вселенной. Иногда Ее называют Богом или Параматмой или Кришной, по-разному, в зависимости от языка.

Рассказав о близких отношениях души с Кришной как с вечным Повелителем и о страданиях, которые она испытывает из-за того, что забыла об этих отношениях, Прабхупада закончил свою лекцию.

– Эту науку необходимо ввести в каждой школе и в каждом колледже, чтобы с самого начала дети понимали, кто такой Бог, как Он велик, каковы наши с Ним отношения и как мы должны жить. Наше Движение сознания Кришны учит этому. Не думайте, что это какая-то секта. Благодаря нам люди начинают сознавать Бога. Не важно, к какой религии вы принадлежите. Если, следуя принципам религии, человек углубляет свое сознание Бога, это и есть лучшая религия. Таков наш девиз, и мы проповедуем его по всему миру.

– Поэтому я прошу учителей с самого начала вкладывать в учеников сознание Бога. Тогда их будущая жизнь будет очень спокойной, процветающей и перспективной. Спасибо вам большое. Харе Кришна.

Также Прабхупада согласился выступить в Придорожной Часовне, что в старой части Сиднея. «Часовня» выполняла роль центра духовной помощи наркоманам и проституткам. Организатор центра, молодой блондин, одетый как хиппи, встретился с Прабхупадой в храме и сопровождал его в церковь. Молодой человек с гордостью рассказывал, как Придорожная Часовня помогает наркоманам. Однако Прабхупада понял так, что церковь попросту снабжает наркоманов наркотиками.

В часовне какой-то скептик из аудитории бросил Прабхупаде вызов. Прабхупада объяснял, что пение Святых имен Бога – единственное, что может реально помочь людям, но циник спорил:

– Что хорошего в этом пении «Харе Кришна»?

– Оно спасает вас от смерти! – с силой ответил Прабхупада.

12 мая 1971 года.

В Сиднее Прабхупада написал предисловие к готовящейся к выходу «Бхагавад-гите как она есть». Компания Макмиллана уже согласилась напечатать книгу без сокращений. Контракт был подписан, книга подготовлена к печати; оставалось только написать предисловие.

В предисловии Прабхупада указал, что, хотя его считают зачинателем Движения сознания Кришны в Америке, на самом деле «родоначальник этого Движения – Сам Господь Кришна». Отдавая все заслуги своему духовному учителю, Прабхупада говорил, что его единственная собственная заслуга состоит в том, что он старался представить «Бхагавад-гиту» такой, какая она есть, не давая ей никаких ложных интерпретаций.

Вместо того, чтобы удовлетворять свои материальные чувства, человеку следует удовлетворять чувства Господа. Таково высшее совершенство жизни. Этого хочет и требует от нас Сам Господь, и каждый должен понять эту ключевую мысль «Бхагавад-гиты». Наше Движение сознания Кришны ставит своей целью донести эту истину до всех людей земли, и, поскольку мы передаем содержание «Бхагавад-гиты» как оно есть, без искажений, каждый, кто, изучая ее, действительно стремится извлечь для себя благо, должен воспользоваться помощью, которую предлагает людям Движение сознания Кришны, чтобы понять содержание «Бхагавад-гиты» на практике, под непосредственным руководством Самого Господа. Поэтому мы надеемся, что, изучая «Бхагавад-гиту» в том виде, в каком она представлена на страницах этого издания, люди получат величайшее благо, и если хотя бы один из них станет чистым преданным Господа, мы будем считать свою задачу выполненной.

Как Прабхупада объяснил в предисловии, он издавал полный вариант «Гиты», «чтобы упрочить позиции Движения сознания Кришны и создать фундамент для его дальнейшего развития». Он будет идти к этой цели, издавая такие книги, как «Бхагавад-гита». Но также ему придется, как говорил Господь Чайтанья, проповедовать «в каждом городе и деревне» – либо самому, либо с помощью своих представителей, учеников. И куда бы он ни отправился, везде он будет передавать «Бхагавад-гиту» всем, кто согласится слушать.

Назавтра Прабхупада покинет Австралию и отправится в Калькутту, на большой фестиваль в пандале, затем в Москву, Париж, Лос-Анджелес...

В «Бхагавад-гите» Господь Кришна говорит, что нет Ему слуги дороже, чем тот, кто учит «Бхагавад-гите» преданных. Что бы ни делал Прабхупада: писал ли он предисловие к книге, читал ли лекцию проституткам и наркоманам, учил ли юношу правильно печь чапати или планировал крупномасштабные проекты – всегда он учил «Бхагавад-гите» и потому всегда был самым дорогим слугой Господа Кришны.

Сложив ладони, Прабхупада стоял перед Божествами Радха-Гопинатхи. Пробыв в Сиднее меньше недели, он собирался уезжать. Он знал, что сиднейские преданные не отвечают требованиям, предъявляемым к тем, кто поклоняется Радхе и Кришне. Знал он и о том, что сам идет на риск, доверяя поклонение Им неопитам. Однако, будучи ачарьей, наделенным особыми полномочиями, и представителем Господа Чайтаньи, он должен был сажать ростки сознания Кришны везде, где они только могут укорениться. Мир нуждался в сознании Кришны. Прабхупада был уверен, что, если ученики его будут следовать его наставлениям – повторять Святое имя Кришны и соблюдать заповеди, они быстро очистятся.

Однажды он провел такую аналогию: если в материальной жизни человеку, прежде чем занять место судьи, необходимо стать высококвалифицированным юристом, то в сознании Кришны искреннему преданному позволено сначала «занять место», то есть стать брахманом, а уж потом по милости Святого имени и духовного учителя обрести необходимые качества. Но у преданных в Сиднее не было совсем никакого опыта, поэтому Прабхупада вынужден был обратиться к Радхе-Гопинатхе с необычной просьбой: «Я оставляю Вас в руках млеччхов. Я не могу взять ответственность на себя. Пожалуйста, руководите этими юношами и девушками Сами, дайте им разум, чтобы они могли как следует Вам поклоняться».

* * *

Калькутта

13 мая 1971 года.

Прабхупада прибыл на десятидневный калькуттский фестиваль в пандале вовремя. По его указанию Гирираджа и Тамала-Кришна приехали в Калькутту, чтобы организовать такой же фестиваль, как в Бомбее. Прабхупада написал Джаяпатаке Свами, президенту калькуттского храма ИСККОН.

Если в пандале на фестивале Сан Киртана будет возможность для приготовления пищи в больших количествах, мы будем ежедневно распространять прасад. Попробуй это организовать. Пури, халава, китри – все что можно, но чем больше, тем лучше. Тамала-Кришна и Гирираджа знают, как это сделать.

Посетителей было даже больше, чем в Бомбее: каждый день приходило от двадцати до тридцати тысяч человек, включая парламентариев и других высокопоставленных гостей. Это было одно из самых масштабных религиозных мероприятий в истории Калькутты; весь город почувствовал мощь Движения «Харе Кришна».

С самого утра преданные начинали продавать в киоске книги Прабхупады, петь на сцене киртан и раздавать прасад. Вечерняя программа открывалась около шести тридцати долгим и мощным киртаном, который достигал своей кульминации, когда на вечернюю арати Радха-Кришне приезжал Прабхупада. Лекции он читал на бенгали, реже – на английском. Затем преданные показывали слайды о Сознании Кришны во всем мире, а потом Прабхупада отвечал на вопросы аудитории. После программы люди спешили получить горсточку прасада – пищи, предложенной Божествам.

Террористы-наксалиты угрожали Прабхупаде смертью. Эта прокоммунистически настроенная молодежь уже действовала в Калькутте в 1970 году, когда Прабхупада там был, но до сих пор они его не трогали. Действуя по заведенному сценарию, они встречались с влиятельными бизнесменами в их домах или на улице и принуждали их содействовать своим политическим целям. А если бизнесмен отказывался, наксалиты сжигали его дом или предприятие, а иногда даже убивали. Наксалиты, добивавшиеся того, чтобы вся Бенгалия отвернулась от религиозных традиций и приняла коммунизм, видели, что Прабхупада возрождает в Калькутте религиозный дух. Пандал ИСККОН, собирающий гигантские толпы, по их мнению, подрывал основы коммунизма.

«Уйди или умри», – гласила записка, которую получил Прабхупада. Он сообщил о записке полиции, но та тут же призналась в собственном бессилии и отказалась помочь. Наксалиты, сказали они, держат в страхе всю Калькутту. Однако Прабхупада угрозам не поддавался: никуда он

отсюда не уйдет! Даже если они на него нападут – что для вайшнава может быть лучше, чем оставить тело, проповедуя славу Господа?

На следующий вечер, приехав, чтобы выступить перед людьми, Прабхупада заметил рядом со сценой группу вызывающе шумных молодых людей – наксалитов. Они протестовали против того, чтобы некоторые из высоких особ занимали место на сцене. Когда один из молодых радикалов закричал, что они сами хотят танцевать на сцене, преданные пригласили их подняться и присоединиться к киртану. Наксалиты отступили, но продолжали кричать и нарушать спокойствие, начав греметь складными деревянными стульями, выкрикивать свои лозунги и угрожая сжечь пандал. По толпе пронесся нервный шумок, беспокойство усилилось. Потерпев неудачу в попытках успокоить молодчиков, некоторые преданные стали им угрожать. Среди слушателей началась толкотня и потасовка. «Чинтамани-пракара-садмасу калпа-врикша- / лакшавритешу сурабхир абхипалайнтам...» Усиленный мощными динамиками, голос Прабхупады разнесся по пандалу. Оставаясь безучастным к тому, что происходит в толпе и полагаясь только на Кришну, он начал петь молитвы из «Брахма-самхиты», и через несколько минут все утомонились. Те, кто хотел уйти, ушли, а те, кто хотел остаться, заняли свои места. Когда толпа успокоилась, Прабхупада начал лекцию.

Он получил еще несколько записок «уйди или умри», а на следующий вечер наксалиты вернулись, снова угрожая сжечь пандал.

– Позовите их, – сказал Прабхупада. – Я хочу с ними встретиться.

Преданные считали, что это опасно, но Прабхупада настоял. В маленькой комнате за пандалом Прабхупада беседовал с враждебно настроенной молодежью. Сначала они были раздражены и говорили грубо, но, по мере того, как Прабхупада объяснял им ведическую концепцию коммунизма – с Кришной в центре – у них проснулся интерес, и они согласились больше не мешать программам Прабхупады.

Ачйотананда Свами: В последний вечер десятидневной программы на торжественное закрытие пришло более сорока тысяч человек. Я вышел, чтобы купить тростникового сока. Когда я выходил, пандал был заполнен до отказа, но, выйдя на улицу, я увидел, что через четверо главных ворот люди продолжают реками стекаться в пандал. Я подумал, что здесь не обошлось без мистической силы Кришны, поскольку шатер был уже полон, а люди по-прежнему тысячами входили внутрь. Я подумал, что Кришна, должно быть, растягивает пространство до бесконечности.

Кульминацией вечера стала большая процессия по Парк-стрит, начавшаяся в пандале и закончившаяся у храма ИСККОН на Альберт-Роуд. Божества Радха-Говинды принесли на паланкине в храм и установили на алтарь. Когда арати окончилась, оставшаяся толпа разошлась.

В тот вечер Ачйотананда Свами стоял в калькутском храме рядом с Прабхупадой.

– Прабхупада, – заметил он. – Кто-то вложил флейту в руки Кришне другим концом.

Прабхупада взглянул на Божество. Кришна действительно держал флейту наоборот.

– Кришна всемогущий, – сказал он, повернувшись к Ачйотананде Свами. – Он может играть и с другого конца.

Шрила Прабхупада продолжал бороться за то, чтобы получить участок земли в Майяпуре. Оставив всякую надежду на помощь духовных братьев, он вел переговоры с мусульманскими фермерами в Майяпуре через своих бенгальских друзей. Вернувшись из Австралии, Прабхупада послал в Майяпур Тамала-Кришну с указанием не возвращаться, пока земля не будет куплена. Миссия Тамала-Кришны прошла успешно, и через шесть дней, купив в Майяпуре девять бигх земли – больше гектара – он вернулся к Прабхупаде в Калькутту.

Однако преданным трудно было понять, зачем Прабхупаде земля в Майяпуре. Один из преданных специально съездил из Калькутты в Майяпур, чтобы посмотреть на новую собственность ИСККОН. Вернувшись, он спросил Прабхупаду:

– Что же мы там будем делать? Это просто большое пустое поле. Там же ничего нет!

– Поскольку там нет заводов и машин, – ответил Прабхупада, – ты думаешь, что там нечего делать. Но в Майяпуре мы будем петь «Харе Кришна». Мы построим там большой храм, и преданные со всего мира смогут собираться там и петь «Харе Кришна» в месте рождения Господа Чайтаньи.

28-го мая Прабхупада написал:

Вы обрадуетесь, узнав, что мы купили в Майяпуре, месте рождения Господа Чайтаньи, около двух гектаров земли и предполагаем провести там хороший двухнедельный фестиваль,

который начнется в Джанмаштами. Тогда же мы зложим и первый камень в фундамент. Я хочу, чтобы все наши старшие ученики приехали на это время в Индию. У нас сейчас пятьдесят филиалов, поэтому, на торжества должен приехать по крайней мере, один преданный из каждого центра.

* * *

Июнь 1971 года.

Прабхупада готовился к поездке в Москву в течение нескольких месяцев. Помимо желания проповедовать русским людям, у него была конкретная цель – он собирался встретиться с русским профессором-индологом Г. Г. Котовским. Профессор Котовский заведовал кафедрой Индии и Юго-Восточной Азии в Институте востоковедения Академии Наук СССР, и Прабхупада переписывался с ним уже около года.

Кришна-дас из Западной Германии, при поддержке д-ра Бернгардта из Гамбургского Университета узнал имена некоторых других русских ученых-индологов. Письмо Кришна-дасу, написанное в декабре 1970 года раскрывает планы Прабхупады по проповеди в России.

Я очень воодушевлен, видя твой энтузиазм проповедовать наше послание русским людям, и твоя идея разослать письма с помощью д-ра Бернгардта просто замечательна. Он влиятельный ученый и знает цену нашему Движению. Поэтому, если ты организуешь для меня эту поездку, я готов. Посмотрим, чего хочет Кришна... Если мы сможем поехать в Россию с нашей Всемирной группой санкиртаны, то я уверен, это всем очень понравится, и люди увидят, что настоящее движение за мир – это пение Святых имен «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Поэтому попытайся сделать это.

Шрила Прабхупада научил Кришна-даса тому, как лучше всего заводить и поддерживать знакомство с русскими индологами.

Ты можешь задавать им такие вопросы: Какова конечная цель жизни? Что вы считаете высшей целью жизни? В чем различие между человеком и животным? Почему во всех цивилизованных обществах принята та или иная религиозная система? Каковы ваши представления об изначальном Творении? Так, с помощью наводящих вопросов, можно узнать их позицию. Мы готовы пойти на диалог даже с атеистом, при условии, что у него есть определенная философская позиция. Таким образом, попытайся вытянуть из профессоров какие-нибудь ответы. Если сможешь, в конце концов, открыть в Москве центр, это будет твоей большой заслугой. Что же касается изучения русского языка, то это не обязательно, но если ты захочешь его выучить, я не возражаю. Я очень хочу, чтобы в России появился храм, и на данный момент я нацелен на то, чтобы открыть центр в Москве.

В марте 1971 года профессор Г.Г. Котовский ответил на письмо Кришна-даса.

Спасибо вам за информацию о турне Свами Бхактиведанты. Если он приедет в Москву, то советские ученые, занимающиеся исследованиями индийской культуры, будут очень рады встретиться с ним в Институте востоковедения Академии наук СССР. Буду благодарен, если вы предоставите информацию о дате прибытия Свами Бхактиведанты и сроках его пребывания в СССР.

Прабхупада ответил профессору Котовскому лично.

... мне кажется, что вам и вашему университету будет интересно послушать о культуре и философии Кришны. Эта культура и философия Кришны является наидревнейшей в мире и во вселенной. По крайней мере, с исторической точки зрения этой культуре не менее пяти тысяч лет.

Возможно, вы знаете, что я начал это культурное движение в 1966 году, и оно уже распространилось по всему миру. В Индии культура Кришны настолько популярна, что даже в буклетах с расписанием рейсов компании «Эйр Индия» правительство предлагает иностранцам посетить Вриндаван, её колыбель. Я даже вложил для вас страничку из последнего апрельского расписания «Эйр Индия», где вниманию людей представлена культура Кришны.

Я посвятил свою жизнь распространению этой культуры Кришны по всему миру. Я думаю, что если вы предоставите мне возможность говорить о великой культуре и философии Кришны в вашей стране, то вам очень понравится эта простая программа. Эта культура задумана столь безупречно, что любой разумный человек ее оценит.

После года проповеди в Восточном полушарии Прабхупада хотел вернуться на Запад, и планировал сначала лететь в Москву, а потом в Европу. Прабхупада и его попутчики, Шьямасундара и Аравинда, без труда получили туристические визы в Россию. Это будет

заблаговременно оплаченная и контролируемая государством пятидневная поездка с четким расписанием, установленным Советским туристическим бюро.

Капитан Лал, пилот самолета, следующего до Москвы, счёл Прабхупаду важным пассажиром и во время полета вышел к нему. Они поговорили о Движении Прабхупады, о том, сможет ли он читать лекции в Москве, и о Бомбее, где Прабхупада пытался купить землю. Капитан Лал пригласил Прабхупаду в кабину самолета, и Прабхупада сел в капитанское кресло, задавая технические вопросы о приборах и самолете. Они договорились еще раз встретиться в Москве.

Прабхупада, его секретарь и слуга быстро и без помех прошли таможенный досмотр и советский паспортный контроль, после чего представитель государственной туристической компании доставил их на лимузине в гостиницу «Националь». Гостиница, расположенная неподалеку от Красной площади, Мавзолея Ленина и Кремля, была дорогая, но скверная. Прабхупаду поселили в темной и тесной комнате, где едва помещались кровать и два стула. Комната Шьямасундара и Аравинды находилась в другом конце коридора, поэтому Прабхупада решил, что Аравинда должен перебраться к нему, создав тем самым еще большую тесноту.

Аравинда сообщил администратору гостиницы, что питаться в ресторане гостиницы они не могут и будут готовить себе сами. Администратор вначале заупрямилась, но в конце концов разрешила им пользоваться кухней для горничных.

Одна проблема была решена, теперь надо было раздобыть продукты, на поиски которых Прабхупада послал Шьямасундара. Через улицу Шьямасундара обнаружил молочный магазин, где можно было купить молоко и кефир, но ему нигде не удавалось найти фруктов, овощей и риса. Прабхупада снова послал его на поиски. На этот раз Шьямасундара отсутствовал почти целый день и вернулся лишь с парой кочанов капусты. На следующий день Прабхупада послал его за рисом. Когда через несколько часов Шьямасундара принес рис, Прабхупада увидел, что это был дешевый северокорейский сорт, очень твердый. Прабхупада попросил фруктов, и Шьямасундаре пришлось обегать весь город, прежде чем он отыскал, наконец, черешню.

Прабхупада оставался спокойным и невозмутимым и придерживался своего обычного распорядка дня. Он рано вставал и сразу садился за переводы; утром, когда еще было прохладно, он выходил на прогулку по пустынным московским улицам. Завернувшись в шафрановый чадар, Прабхупада шел быстрым шагом, а Шьямасундара иногда забегал вперед, чтобы его сфотографировать.

Однажды утром, проходя мимо Мавзолея Ленина, они увидели, что к нему уже выстраивается очередь.

– Ты только посмотри, – сказал Прабхупада, – вот их Бог. Люди не понимают разницы между телом и душой и принимают тело за саму личность.

Прабхупаде нравилось, что на улицах не было интенсивного движения: троллейбусы, велосипедисты, но в основном пешеходы. Проходя мимо старинных нарядных зданий, он видел, как пожилые женщины поливают из шланга широкие улицы.

– Хороший обычай, – сказал он.

Русские, судя по всему, жили более размеренной и упорядоченной жизнью, чем американцы. Эти простые, привыкшие к трудностям люди, не испорченные безудержным гедонизмом, который восторжествовал в Америке, наверняка были благодатной почвой для сознания Кришны, но, лишённые духовной пищи, они выглядели мрачными и недовольными.

Прабхупада поручил Шьямасундаре организовать встречу с профессором Котовским. «Интурист» выделил им машину, гида, и все вместе они поехали к профессору, кабинет которого располагался в старинном белом особняке, принадлежавшем Академии Наук.

Увидев Прабхупаду, русский профессор – человек средних лет, одетый в серый костюм, – встал из-за заваленного бумагами письменного стола и пригласил Прабхупаду в свой небольшой кабинет. Профессор Котовский держался несколько неуверенно и был более осторожен, нежели в своих письмах. Когда Шьямасундара упомянул о желании Прабхупады выступить с лекцией перед учеными Академии Наук, профессор Котовский ответил категорическим отказом, сказав, что этого им никогда не разрешат. Прабхупада был явно разочарован.

Однако мгновение спустя Прабхупада, как ни в чем не бывало, уже беседовал с Котовским. Он держался как обычно, скромно и вежливо, сидя на конторском стуле с прямой спинкой, а профессор сидел напротив него за своим столом. Шьямасундара включил магнитофон, профессор подозрительно покосился на него, но ничего не сказал.

Прабхупада: На днях в газете „Московские новости» я прочел, что в Москве прошел съезд коммунистов, на котором его председатель заявил: „Мы готовы перенять опыт других, чтобы совершенствоваться». Я думаю, что ведическая концепция социализма или коммунизма может в значительной мере усовершенствовать идею коммунизма.

Профессор Котовский внимательно и вежливо слушал рассказ заморского гостя о том, как в ведическом обществе грихастха обеспечивает пищей всех, кто живет в его доме, даже ящериц, и как он, прежде чем самому приняться за еду, выходит на улицу и созывает всех голодных.

– Таким образом, – продолжал Прабхупада, – в ведической концепции коммунизма есть очень много ценных моментов. И я полагаю, что эти идеи можно было бы распространить среди мыслящих людей вашей страны. Именно поэтому я так хочу перед ними выступить.

Тут у профессора Котовского проснулся академический интерес.

– Вы знаете, это интересно, – четко, но с сильным акцентом произнес он по-английски. – В нашей стране люди проявляют огромный интерес к истории древней мудрости.

Он немного рассказал о своих достижениях и достижениях своих коллег, в частности, о недавно подготовленной ими брошюре, в которой освещаются исследования советской науки в области индологии. Он пообещал подарить экземпляр Прабхупаде.

Профессор Котовский: Вам будет интересно узнать, что мы опубликовали не все, но некоторые из Пуран, некоторые части «Рамаяны», восемь томов «Махабхараты» на русском языке, а также второе издание «Махабхараты», полностью переведенное разными людьми. «Ману-самхита» также полностью переведена и опубликована с санскритскими комментариями. Интерес к подобной литературе настолько велик, что все эти публикации были проданы за неделю. На сегодняшний день тираж полностью разошелся. Через месяц эти книги уже невозможно будет найти в книжных магазинах. Вот какой огромный интерес к древней ведической культуре у читающей публики Москвы и СССР!

Прабхупада: Среди всех этих Пуран «Шримад-Бхагаватам» названа Маха-пураной.

Он рассказал о своем переводе «Шримад-Бхагаватам» – «зрелого плода дерева желаний Вед». Если профессору интересно, то он мог бы показать ему несколько книг.

Профессор Котовский сказал, что в Московской и Ленинградской библиотеках хранятся почти все главные санскритские тексты индийской культуры. Там есть не только древние тексты, но и литература по современным исследованиям индуизма.

– Индуизм, – перебил Прабхупада, – это очень сложная тема.

И оба они рассмеялись. Профессор Котовский согласился, что индуизм – это нечто большее, чем просто религия – это образ жизни. Но Прабхупада объяснил, что термин «индуизм» – это пример неправильного употребления слова. Ведическую культуру правильнее называть термином «варнашрама». Прабхупада вкратце рассказал о четырех укладах: брахманах, кшатриях, вайшьях и шудрах.

Профессор Котовский: Вы говорите, что четыре класса есть в любом обществе, но их не так легко различить. Например, в любом обществе можно без труда расположить представителей общественных классов и профессиональных групп в четырех категориях, но трудность возникает тогда, когда дело имеешь, например, с социалистическим обществом. Как в нашей стране или других социалистических странах вы сможете разделить класс производителей и класс рабочих?

Прабхупада приветствовал вопросы профессора, хотя базировались они на позициях советской социалистической идеологии. Он понимал, что профессор является не столько ученым, сколько винтиком советской академической системы. Подобно тому, как одна политическая сторона пытается выведать секреты другой, противоборствующей стороны, профессор расспрашивал у Прабхупады об индийской культуре для того, чтобы его правительство смогло внедриться в нее со своей идеологией. За показным интересом профессора Котовского к ведической культуре Прабхупада видел идеологию коммунистической партии, диаметрально противоположную ведической философии. И, тем не менее, он тактично продолжал излагать полученную по парампаре философию сознания Кришны, стремясь убедить профессора Котовского ссылками на Священные писания, логикой и аргументами.

Цитируя «Бхагавад-гиту», шастру, с которой профессор был немного знаком, Прабхупада сказал, что творец четырех классов общества – Господь Кришна. Профессор Котовский не согласился, приведя в качестве довода теорию советских ученых, согласно которой система варнашрамы была внедрена в ведическую культуру лишь недавно. Он также высказал свое мнение, что в социалистическом обществе в варнашраме нет необходимости.

Профессор Котовский: Существует большая разница между социалистическим обществом и всеми обществами, ему предшествовавшими, потому что в современном западном обществе вы можете разделить все общественные и профессиональные классы на четыре категории – брахманов, кшатриев, вайшей (или фабрикантов) и шудр или трудящихся. Но в нашем обществе нет вайшей, поскольку на наших заводах есть администраторы или директора – их можно назвать кшатриями – и шудры, сами рабочие, но у нас отсутствует промежуточный класс.

Прабхупада: Об этом говорится: калау шудра-самбхавах. «В этот век практически все люди – шудры». Есть такое утверждение. Но если будут только шудры, общественная система будет нарушена. Несмотря на то, что ваша страна – государство шудр, у вас все равно есть брахманы. От этого никуда не деться. Если вы не разделите общество на эти классы, в результате получится анархия. Таков научный вердикт Вед. Вы можете относиться к классу шудр, но чтобы поддерживать общественный порядок, вам необходимо будет обучить некоторых шудр, сделав из них брахманов. Государство не может целиком зависеть от шудр.

Прабхупада привел традиционную аналогию, сравнив общественный организм с телом человека. Необходимы все части тела, не только ноги, но и живот, руки и голова.

– В противном случае, – сказал он, – тело не будет как следует функционировать. Пока этот недостаток не восполнить, в обществе будут беспокойства.

Чего не хватает современному обществу, говорил Прабхупада, так это понимания смысла человеческой жизни.

– Люди не знают о том, что существует следующая жизнь, – сказал он. – Нет такой отрасли знания или науки, которая занималась бы изучением того, что происходит с человеком после смерти его тела.

Профессор Котовский возразил – вежливо, но решительно:

– Свамиджи, – сказал он, – когда умирает тело, вместе с ним умирает и его обладатель.

– Нет, – тут же отрезал Прабхупада. – Об этом факте вам должно быть известно. Почему в университете нет такого факультета, который бы научно исследовал этот факт? Я предлагаю его ввести. Такого факультета явно не хватает. Может быть, правы вы, а может, и я. Но должен быть факультет, который изучит этот предмет. Недавно один канадский врач-кардиолог поверил, что душа есть. Я переписывался с ним. Он твердо убежден, что душа существует.

Прабхупада продолжал приводить доводы:

– Мы получаем знание из авторитетных источников.

Профессор возразил, сказав, что все необходимо подтверждать эмпирически. Однако, не успев договорить, он прекратил спор и спросил:

– Много ли филиалов у вашего Общества во всем мире?

Прабхупада заговорил об ИСККОН, о том, что Общество имеет по всему миру шестьдесят четыре филиала, о том, что следующей его остановкой будет Париж, где его ученики недавно открыли новый центр, и о том, что к его Движению проявляют интерес главным образом американские юноши и девушки. Он рассказал о четырех запретах (на мясо, незаконный секс, одурманивающие средства и азартные игры) и о книгах, которые он опубликовал. Все это время, пока Прабхупада рассказывал о деятельности своего Движения, профессор одобрительно кивал головой.

Начав снова сравнивать сознание Кришны с коммунизмом, Прабхупада сделал вывод, что две эти философии вполне согласуются друг с другом. В обеих подчеркивается принцип подчинения авторитетному руководству. Преданный подчиняется Кришне, а коммунист – Ленину.

Прабхупада: Мы живем, подчиняясь, не так ли? Вы не согласны с этим?

Котовский: В какой-то мере подчиняемся.

Прабхупада: Да, в полной мере.

Котовский: Например, приходится подчиняться обществу. Всему народу.

Прабхупада: Да, народу, или государству, или царю, или правительству, или чему-нибудь еще, но вам неизбежно приходится подчиняться.

Котовский: Единственная сложность в том, что мы не можем подчиняться правительству или царю. Между подчинением царю, то есть одному человеку, и подчинением обществу существует принципиальная разница.

Прабхупада: Нет, меняется лишь окраска, но принцип остается. Принцип подчинения остается. Подчиняетесь ли вы монархии, демократии, аристократии или диктатуре – вы должны подчиняться; это факт. Нельзя жить, никому не подчиняясь. Это невозможно. Поэтому мы учим

людей подчиняться Всевышнему, который всячески нас защищает. Кришна говорит: сарва-дхарман паритьяджя. Итак, мы неизбежно подчиняемся. Никто не может сказать: «Я никому не подчиняюсь». Ни один человек. Разница только в том, кому он подчиняется. В конечном счете, мы должны подчиниться Кришне. Поэтому в «Бхагавад-гите» Кришна говорит: бахунам джанманам анте джнанаваан мам прападьяте – «После многих жизней, проведенных в подчинении кому угодно и чему угодно, когда человек становится по-настоящему мудрым, он подчиняется Мне».

Профессор Котовский согласился. Но подчинению должна сопутствовать революция, сказал он. Например, Французская Революция была протестом против некой формы диктатуры, но при этом сама революция обернулась другой формой диктатуры, подчинением народу.

– Здесь нужно поставить точку, – настаивал профессор. – Подчинение должно сопровождаться революцией против подчинения другим людям.

Прабхупада: Да, подчинению будет положен конец, когда вы подчинитесь Кришне. Это и будет точка – больше не нужно будет никому подчиняться. Все другие формы подчинения придется менять с помощью революции. Но когда вы приходите к Кришне, тогда вам больше ничего не нужно – вы удовлетворены. Я приведу вам один пример: ребенок плачет, и люди по очереди берут его на руки. Но он никак не унимается. Однако, как только младенец попадет на руки к своей матери...

Котовский: Он перестает плакать...

Прабхупада: Да, наступает полное удовлетворение. Таким образом, подчинение во всевозможных формах будет существовать и далее. Суть всех этих форм подчинения – подчинение майе (материальной иллюзии). Но, в конце концов, вы должны подчиниться Кришне и тогда вы будете счастливы.

Прошло всего три дня, а миссия Прабхупады в Москве как будто была выполнена. Встреча с профессором Котовским состоялась, делать больше было нечего. Власти ничего не разрешают. Ему не позволили привезти книги, а теперь отказали в возможности выступить публично. Разговаривать с русскими иностранцам было нельзя. Поехать он никуда не мог, разве что на групповую экскурсию. Так, лишенный возможности проповедовать, он сидел в своей комнатухе, принимал массаж, совершал омовения и ел то, что удавалось приготовить Шьямасундаре. Он диктовал письма, повторял на четках «Харе Кришна» и переводил «Шримад-Бхагаватам».

В тесном автобусе Прабхупада вместе с другими туристами отправился на экскурсию по Москве. Он видел русских старушек, идущих в церковь, и милиционера, стоящего у входа. Вскоре, однако, поездка утомила его, так что экскурсоводу пришлось поймать для него такси и попросить шофера отвезти его в гостиницу «Националь».

Шьямасундара по-прежнему большую часть дня проводил в поисках свежих продуктов. Услышав, что на каком-то рынке можно купить апельсины, он отправился туда через весь город. Его бритая голова, белое дхоти и курта привлекали всеобщее внимание, прохожие провожали его взглядами, а на обратном пути, когда уже стемнело, его остановили люди в форме, с красными повязками на рукавах, судя по всему, приняв его за местного ненормального. Схватив его и заломив ему руки за спину, они заорали на него по-русски. Шьямасундара разобрал только слово «документ» и сказал в ответ:

– Дакумьент – отель! отель!

Поняв, что Шьямасундара – турист, они его отпустили. Он вернулся в гостиницу и рассказал Прабхупаде о том, что произошло.

– Без сознания Кришны Россия погибнет, – заключил Прабхупада.

Однажды Шьямасундара стоял в очереди за кефиром. Неожиданно человек, стоявший за ним, на чистом английском спросил его о йоге.

– Я очень хочу с вами поговорить, – сказал он Шьямасундаре и сообщил ему свое имя и адрес и время, когда они могут встретиться.

Когда Шьямасундара рассказал об этом Прабхупаде, тот ответил:

– Нет, это шпик. Не ходи.

Два молодых человека: сын индийского дипломата, работавшего в Москве, и его друг, молодой москвич – прогуливались по улице Горького (рядом с Красной площадью), и вдруг увидели странное зрелище. Выделяясь из безликой городской толпы удручающе одинаковых, серых людей, прямо на них шел высокий молодой человек с бритой головой, с длинным «хвостиком» рыжеватых волос, в развевающихся белых одеждах. Это был Шьямасундара. Для

сына индийского дипломата одежды Шьямасундары были не в диковинку, и он подошел к нему. Шьямасундара улыбнулся и сказал:

– Харе Кришна, брат.

Они разговорились. Индийца звали Нараяна. Русский, Иван, немного говорил по-английски и, насколько мог, старался следить за разговором. А разговор становился все более и более серьезным.

– Не хотите ли подняться к нам и познакомиться с моим духовным учителем? – спросил Шьямасундара.

Польщенные, юноши тут же последовали за Шьямасундарой, который привел их в «Националь». Войдя в номер, они увидели Прабхупаду, который сидел на кровати, довольный и улыбающийся. Аравинда массировал ему стопы. Шьямасундара тут же поклонился Прабхупаде. Иван был в полном восторге.

– Заходите, – сказал Прабхупада.

Все трое сели у его ног. Обратившись сначала к Нараяне, Прабхупада спросил, как его зовут и чем занимается его отец. Нараяне Прабхупада понравился, и он вызвался принести ему свежих овощей. Его отец занимал высокое положение в индийском посольстве и получал продукты из Индии.

Иван же казался даже более заинтересованным, чем его индийский друг, и Прабхупада стал объяснять ему философию сознания Кришны, а Нараяна переводил. Иван расспрашивал обо всем с почтением и благоговением, а Прабхупада, отвечая на его вопросы, старался сообщить ему максимум основных сведений о сознании Кришны, насколько это было возможно за один раз. Прабхупада объяснил разницу между духовной душой и телом, рассказал о вечной взаимосвязи души и Кришны, Верховной Личности Бога. Он говорил о «Бхагавад-гите», о своих храмах в разных странах мира, о юношах и девушках, которые стали его учениками и теперь занимаются бхакти-йогой.

Прабхупада упомянул также и о своем желании проповедовать в России, где есть все условия для распространения сознания Кришны, поскольку русские люди восприимчивы к новым идеям и не испорчены чувственными удовольствиями. Он хотел через библиотеки, читальные залы или любым другим путем познакомить Россию с литературой сознания Кришны. Философию сознания Кришны, сказал он, в России нужно проповедовать самым образованным людям, однако из-за правительственных ограничений делать это следует осмотрительно. У преданных не будет возможности петь и танцевать на улицах, но они могут негромко петь, собираясь друг у друга на квартирах. Тут Прабхупада очень тихо запел, и молодые люди подхватили его киртан.

Иван впитывал в себя философию сознания Кришны с той жадностью, с какой набрасывается на пищу изголодавшийся человек. Молодые люди проговорили с Прабхупадой несколько часов, однако им нужно было идти, и они пообещали, что завтра придут снова.

Шьямасундара познакомился с Иваном и Нараяной поближе. Иван изучал в институте восточную философию и был к тому же очень умным и любознательным молодым человеком, которого интересовало все, что происходит в мире. Он был поклонником «Битлз», и Прабхупада рассказал ему о своем знакомстве с Джорджем Харрисоном и Джоном Ленноном. Иван и Шьямасундара долго проговорили о чаяниях и надеждах молодежи за пределами России. Шьямасундара объяснял ему, что сознание Кришны является главным принципом, который лежит в основе всех прочих методов духовного самоосознания. Он рассказал Ивану об основных принципах бхакти-йоги, в частности, об обязательном повторении шестнадцати кругов мантры «Харе Кришна», и подарил ему свой экземпляр «Бхагавад-гиты как она есть».

Прабхупада научил Ивана делать чапати и готовить рис, и попросил его перестать есть мясо. Иван с готовностью принял все: и повторение «Харе Кришна», и новую диету. Прабхупада обучал его так, чтобы после его отъезда тот мог заниматься бхакти-йогой самостоятельно. Скоро Иван почувствует, как в нем происходят перемены и как он духовно растет, а спустя некоторое время будет готов получить духовное посвящение. Иван пообещал рассказать о Сознании Кришны своим друзьям. За последние два дня своего пребывания в Москве Прабхупада постарался передать Ивану все, что только мог. Во встрече с этим пытливым и умным русским юношей Прабхупада увидел истинный смысл своей поездки в Россию.

Прабхупада привел следующий пример: чтобы узнать, готов ли рис, повару достаточно попробовать одно зернышко. Точно так же, познакомившись с одним русским юношей, Прабхупада мог судить о том, что русские люди не удовлетворены жизнью в образцово-

показательной стране победившего социализма. Иван был готов принять сознание Кришны, а это значит, что миллионы людей в России тоже к этому готовы.

Чанакья Пандит говорил, что один распутившийся цветок может оживить целый лес, а огонь, охвативший одно дерево, может сжечь весь лес. С марксистской точки зрения, Иван был тем самым загоревшимся деревом, которое, распространив среди других сознание Кришны, сокрушит коммунистическую идеологию. А с точки зрения Прабхупады, он был тем благоуханным цветком, аромат которого донесется до многих людей. Поездка Прабхупады в Россию оказалась не напрасной. Она дала ему счастливую возможность посеять семена сознания Кришны в этой забытой Богом стране.

Так Шрила Прабхупада принес Движение Господа Чайтаньи еще в одну страну мира. Чайтанья Махапрабху некогда предсказал, что движение санкиртаны придет в каждый город и каждую деревню мира, однако на протяжении столетий Его слова оставались лишь предсказанием. За то время, которое прошло со дня приезда Прабхупады в Америку в 1965 году, ему удалось посеять семена сознания Кришны в самых разных местах, одно невероятнее другого. И из всех мест Россия была, пожалуй, самым невероятным. Но все же во время короткого, проходившего под надзором властей визита в Москву он посеял в Советском Союзе семена сознания Кришны. Он был подобен игле, а все, кто был хоть как-то связан с Прабхупадой, как нить, следовали за ним.

Профессор Котовский посоветовал Прабхупаде не просиживать целыми днями в старомодной гостинице, а посмотреть город – это гораздо интереснее. Он не понимал, что Прабхупада был так же трансцендентен к Москве, как и к любому другому месту в материальном мире. Он приехал сюда, и Кришна послал ему искреннюю душу, принявшую от него дар сознания Кришны. Это не было результатом хитроумной диверсии против советского правительства, а произошло благодаря присутствию чистого преданного Кришны, который искренне желал своей проповедью доставить Господу удовольствие. Отозвавшись на чистое желание Прабхупады, Кришна послал ему одного юношу, от которого это желание передастся другим. Ничто, даже «железный занавес», не могло преградить путь сознанию Кришны. Служить Кришне – естественная склонность души, а Кришна всегда стремится исполнять чистые желания Своего преданного, и никто не в силах этому помешать.

В прощальном письме профессору Котовскому Прабхупада попытался побудить его продолжить с ним переписку.

Вы хотели посмотреть конспекты моих лекций, поэтому я приложил к письму список тем, и, если хотите, я буду рад послать вам статьи по этим темам.

1. Ведический взгляд на социализм и коммунизм.
2. Научная оценка бесклассового общества.
3. Знание в авторитетной традиции.

В письме Тамала-Кришне Прабхупада коротко рассказал о своем визите в Москву.

Город хорошо спланирован. Большие дома, широкие дороги. Днем на улицах много автобусов и машин, а метро гораздо лучше, чем в Америке и Англии. На станциях метро очень чисто. Улицы также моются каждый день. Но здесь трудно найти вегетарианские продукты; мы по-прежнему готовим пищу в моей многоярусной кастрюльке, которая спасает нам жизнь. Мы говорили с одним маститым профессором, г-ном Котовским, а Шьямсундар встречался со множеством известных писателей и музыкантов. С нами сотрудничают двое юношей; один индеец, другой русский. Есть хорошие перспективы для открытия центра, хотя атмосфера здесь не очень благоприятна. Посольство не помогает. Итак, наш визит в Москву оказался не очень успешным, но на будущее есть надежда. Завтра я на один день отправляюсь в Париж, затем на Ратха-ятру в Сан-Франциско, а потом вернусь в Лондон.

* * *

Париж

25 июня 1971 года.

Только что приехав из аэропорта Орли, Шрила Прабхупада лежал на кушетке в конференц-зале индийского туристического агентства. Кроме него, в комнате были еще двое учеников – Арадхана и его жена, Шантану, которые приехали с ним на такси. Поскольку вскоре должна была начаться пресс-конференция, Прабхупада сказал, что хочет отдохнуть, и закрыл глаза.

В аэропорту парижские иммиграционные служащие долго не выпускали Прабхупаду. Все это время его с нетерпением ждали около тридцати европейских преданных, которые никогда его

прежде не видели. Они заметили его, когда он шел от самолета в здание аэропорта – он нес свою данду, к которой был привязан зонтик. Он помахал им рукой, в которой держал мешочек с четками, но затем скрылся из поля зрения преданных за тонкой перегородкой и только через два часа иммиграционная служба его пропустила.

Парижские преданные не догадались подготовить для Прабхупады машину, поэтому, когда он спросил о ней, несколько преданных бросились ловить такси. Когда такси нашлось, Прабхупада вместе с Арадханой и Шантану поехал в индийское туристическое агентство. Остальные преданные остались – они подъедут позже.

Открыв глаза после короткого отдыха, Прабхупада увидел перед собой Арадхану, Шантану и Шьямасундару. С минуты на минуту ожидалось прибытие репортеров и остальных преданных. Когда Прабхупада сел, Шантану предложила ему манго, и Шрила Прабхупада улыбнулся.

Йогешвара: Я сидел за дверью перед комнатой Прабхупады и ел то, что он оставил – кожуру от манго. Сердце в моей груди бешено колотилось. Я не представлял, что будет дальше. Я получил посвящение полтора года назад, но еще ни разу не встречался лично с духовным учителем – но теперь он был здесь, прямо за дверью!

Вдруг дверь приоткрылась и из нее показалась голова Шьямасундары. Заметив, что я сижу снаружи, он повернулся назад и сказал:

– Здесь сидит какой-то преданный. Может, пригласить его, Шрила Прабхупада?

Я заглянул за дверь. Шрила Прабхупада, отдохнувший и исполненный царственного величия, сидел на диване, а рука его покоилась на колене. Отвечая на вопрос Шьямасундары, он жестом руки пригласил всех войти. Впервые в жизни я увидел его жест – само совершенство! Я вошел и сразу же растянулся в поклоне на полу. Вот тогда я понял: «Сейчас я с духовным учителем!»

Постепенно из аэропорта начали подъезжать преданные, и комната заполнилась. Пока Прабхупада тепло беседовал со своими учениками, вдохновляя их продолжать проповедовать и рассказывая им о недавней поездке в Москву, подъехали журналисты. Практически никто из преданных не встречался раньше со своим духовным учителем, и Лочанананда начал одного за другим представлять их Шриле Прабхупаде.

Хари-виласа: Я подъехал поздно и когда вошел, испытал смешанное чувство удивления, радости, самодовольства и изумления оттого, что встретил чистого преданного Господа. Я вошел вместе с Гханашьямой, который начал переводить некоторые книги Прабхупады на французский. В комнате почти не было свободного места и Гханашьяма сразу же сел где-то сзади. Тогда я был президентом храма и очень этим гордился. Поэтому через всю комнату я протиснулся к тому месту, где находился Прабхупада и сел прямо перед ним. Я посмотрел на него, ожидая, что он посмотрит на меня, улыбнется, окажет какой-нибудь знак внимания, но он словно меня не замечал.

Лочанананда представлял Прабхупаде всех преданных. Он сказал:

– Это Гханашьяма, переводчик.

– Где? – спросил Прабхупада, и все обернулись, чтобы посмотреть на Гханашьяму, сидящего у стены.

– Пожалуйста, попросите его встать, – сказал Прабхупада.

Гханашьяма встал. Прабхупада посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

– О, спасибо тебе большое.

Я сразу же почувствовал себя немного неловко и подумал: «Что я наделал? Я пролез вперед всех и жду, что меня заметят».

Затем Лочанананда сказал:

– А это Хари-виласа. Он президент храма.

Прабхупада даже не посмотрел на меня. И я понял: да, я совершил большую ошибку. И поскольку он сразу указал мне на мой серьезный недостаток, я начал понимать: «Это мой духовный учитель».

Журналисты задавали вопросы, и, несмотря на то, что подчас они были поверхностными, Прабхупада видел в них возможность пролить свет на философию сознания Кришны и терпеливо отвечал. Конференция продолжалась целый час.

Выйдя из Индийского туристического агентства, Прабхупада обнаружил, что опять никто не позаботился о машине, чтобы отвезти его в храм. Пока преданные бегали по улице, пытаясь поймать такси, Прабхупада ждал, стоя на тротуаре, перед кафе.

Полагая, что после напряженной пресс-конференции и долгого перелета из Москвы Прабхупада устал, кто-то из преданных предложил:

– Шрила Прабхупада, не желаете ли присесть? – и выдвинул из-под столика кафе один из стульев.

– Что это за место?

– Летнее кафе, – ответил преданный.

– Что люди здесь делают? Курят и пьют?

– Да, Шрила Прабхупада, это кафе. Здесь подают алкогольные напитки.

– Нет, – ответил Прабхупада. – Гуру не должен сидеть в таком месте.

Приехав в храм, Прабхупада омылся и принял прасад. Завтра он должен был лететь в Лос-Анджелес, поэтому его однодневный визит в Париж был заполнен публичными мероприятиями. После короткого отдыха он снова выехал на проповедь.

Преданные арендовали театр «Олимпия» – огромный зал вместимостью более двух тысяч мест. Но из-за того, что преданные начали рекламировать лекции Прабхупады лишь за два дня до программы, пришло всего сорок человек. Но Прабхупада, как ни в чем не бывало, прочитал лекцию и провел киртан. После этого он отправился на телестудию, чтобы дать интервью.

Когда Прабхупада вернулся в храм, был уже час ночи. Шьямасундара сказал преданным, которые весь день ездили с Прабхупадой, что те должны отдохнуть шесть полных часов. Но на следующее утро Прабхупада встал как обычно, и в пять утра потребовал объяснить, почему не проводится мангала-арати. Он послал своего слугу разбудить преданных, и когда те заторопились в алтарную, чтобы начать утреннее поклонение, Прабхупада вышел на утреннюю прогулку.

На прогулке Прабхупаду сопровождали Шьямасундара, Аравинда и Хари-виласа, президент парижского храма. Весеннее утро было солнечным и Прабхупада, шагающий со своей тростью, казался очень величественным.

– Шьямасундара, – спросил Прабхупада, – почему все домохозяева в майе?

Так и не дождавшись от Шьямасундары ответа, Прабхупада ответил сам:

– Это нормально. Таково их положение – находиться в майе.

Он сказал, что когда приехал в Америку, то сначала хотел давать посвящение в санньясу. Но, увидев, что на Западе юноши и девушки свободно общаются друг с другом, он решил сначала позволить своим ученикам жениться и завести ребенка, после чего жена могла уехать с ребенком во Вриндаван, а муж – принять санньясу. Рассмеявшись, Прабхупада сказал, что, погрязнув в семейных делах, мужчина все больше привязывается к дому, банковскому счету, скоту и многому другому.

В конце своей прогулки Прабхупада заговорил о Париже.

– Здесь правят три вещи, – сказал он. – Вино, женщины и деньги. Как думаешь, Хари-виласа? Правда?

– Да, Прабхупада, бесспорно – вино, женщины и деньги.

Прабхупада добавил, что хотя эти привязанности очень сильны, Движение сознания Кришны может преодолеть их влияние.

Он сказал, что дома в пригороде Парижа, с их очаровательными огороженными дворами, просто превосходны. Но все это используется ради бессмысленного чувственного наслаждения. Француз может жить в превосходном доме с садом, иметь жену, счет в банке и машину, но, не обладая духовным знанием, он всегда будет привязан к своему дорогому имуществу и после смерти его сильная привязанность заставит его родиться тараканом, крысой или собакой в собственном доме.

Прабхупада спросил Хари-виласу, как, по его мнению, идет проповедь. Хари-виласа ответил, что она, как ему кажется, будет успешной, но, возможно, было бы хорошо, если бы у храма была возможность зарабатывать больше средств, открыв какой-нибудь бизнес.

– Твое дело проповедовать, – ответил Прабхупада. – Если есть домохозяева, то они могут открыть дело.

Когда Прабхупада и его попутчики вернулись в храм, они увидели, что преданные с нетерпением ждут, утренней лекции Прабхупады по «Бхагаватам». Но времени уже не было. Прабхупада должен был немедленно ехать в аэропорт. Он возвращался в Америку.

Глава тридцать пятая

«Этот далекий край»

Хотя Шрилы Прабхупады не было в Америке около года, по милости Кришны Движение его расцвело, а преданные еще сильнее полюбили своего духовного учителя. Получая отчеты и фотографии с триумфального турне Прабхупады по Индии, ученики его загорались желанием усилить собственную проповедь. К каждому американскому центру присоединялись все новые и новые преданные, и старшие передавали им учение Прабхупады. Сотни новичков, принявших своим духовным учителем Шрилу Прабхупаду, с нетерпением ожидали посвящения.

Как же это отличалось от того, первого приезда в Америку в 1965-м! Тогда он бродил по холодным улицам один, не имея ни денег, ни храма, и никто даже не обращал на него внимания. Порой ему думалось: не бросить ли все и не вернуться ли на корабле в Индию? Но он сохранял непоколебимую веру, и теперь, менее чем шесть лет спустя, в десятках центров ИСККОН по всей Америке, ему поклонялись сотни учеников и восторженными толпами бежали ему навстречу.

Лос-Анджелес

26 июня, 1971 г.

Год назад Прабхупада покидал Лос-Анджелес, обеспокоенный «политической» неразберихой в местном храме. Вернувшись сюда, он увидел, что преданные оправились. Теперь они с верой выполняли его указания: пели на улицах, распространяли «Назад к Богу» и поклонялись Божествам Рукмини-Дваракадхиши. В пышно украшенном храме Лос-Анджелеса Прабхупада провел большую церемонию посвящения, приняв несколько десятков новых учеников.

25-го июня Шрила Прабхупада вылетел в Сан-Франциско, чтобы принять участие в пятой ежегодной Ратха-ятре. В аэропорту его встречали около двухсот последователей.

– Сколько у вас преданных? – спросил репортер.

– Не счесть, – ответил Прабхупада. – Некоторые это признают, некоторые – нет. Признайте, что вы слуга Господа Кришны, и ваша жизнь станет успешной.

Проведя два дня в Сан-Франциско, Прабхупада вернулся в Лос-Анджелес и 16 июля вылетел в Детройт. Секретарем Джи-Би-Си по Среднему Западу был Бхагаван-дас. Энергично проповедуя, он открыл центры в Сент-Луисе, Чикаго и некоторых других городах. В аэропорту Детройта Прабхупаду встречали более трехсот преданных, причем большинство из них его ни разу в жизни не видели.

Сурешвара: Чтобы приветствовать Шрилу Прабхупаду в аэропорту «Метро», в Детройт съехались преданные из восточной Канады и со всего Среднего Запада. В центре зала для встреч стоял красно-золотой трон. Преданные в ожидании Прабхупады танцевали и пели «Харе Кришна». Когда самолет, наконец, приземлился, океан блаженства вышел из берегов. К самолету приставили трап, но Шрилы Прабхупады все еще не было видно. Я начал волноваться – когда же он войдет? Внезапно раздался общий крик, слышались рыдания. Я оглянулся. Преданные уже кланялись.

Урукрама: Шрила Прабхупада вошел в зал. Он сиял, как солнце, и все тотчас распростерлись на полу, но не так, как это обычно бывает во время общего поклона – в тот миг словно какая-то неодолимая сила бросила нас на колени. Поднявшись, я не мог поверить своим глазам. Прабхупада! Почти все плакали.

Индрадьумна: В первый раз я увидел Прабхупаду через объектив фотоаппарата и подумал, что на своих фотографиях он выглядит точно так же. До этого я видел его только на снимках, и теперь он был точно таким же, только двигался. Преданные со слезами падали ниц. Это была трансцендентно и эмоционально. Я смотрел на старших преданных – как они любят Шрилу Прабхупаду! – и чувствовал себя недостойным и грешным.

Урукрама: Прабхупада производил впечатление могущества, но в то же время был нежен и мягок, как прекрасный цветок. Он шел очень медленно, и преданные образовали для него проход. Он подошел к Киртанананде Махарадже, надел на него гирлянду и обнял его. Киртанананда Махараджа обливался слезами. Рядом со своим духовным отцом он казался малышом. Затем

Прабхупада направился к Бхагавану и потрепал его по голове. Он обнял Бхагавана, и тот тоже заплакал как маленький ребенок, встретивший отца после долгой разлуки.

Вишвакарма: Я опоздал. Когда я вошел, я боялся даже посмотреть на Шрилу Прабхупаду, потому что считал себя слишком падшим, чтобы смотреть на чистого посланника Бога. Поэтому я стоял позади преданных, боясь поднять глаза. Наконец я понял, что это глупо, ведь созерцать лик чистого преданного Кришны – совершенство глаз. Я поднял голову и увидел его сидящим на вьясасане; он пил воду из стакана. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так пил воду – не касаясь стакана губами. Вода серебряной струйкой лилась из стакана прямо в рот и в горло Шрилы Прабхупады. В несколько глотков он опустошил стакан. Он казался величественным мудрецом из духовного мира. Все преданные пели, а он, улыбаясь, оглядывал их, и улыбка его выражала большое удовольствие. Все были переполнены неземной радостью. Я, как и большая часть присутствовавших преданных, не мог сдержать слез.

Прабхупада заговорил.

– Мне очень приятно, что столько преданных, юношей и девушек, приняли участие в этом великом Движении, Движении сознания Кришны. Это очень важное Движение, поскольку оно исправляет человеческую цивилизацию. Великий порок современной цивилизации в том, что люди принимают свое тело за себя самого. И поскольку ошибка эта лежит в основании, все остальное тоже ошибочно. Отождествление этого тела с самим собой – источник всех проблем. Но великие философы, ученые, богословы и мыслители не понимают, что здесь не так.

Недавно я был в Москве. У меня состоялась хорошая беседа с профессором индологии, профессором Котовским. И он сказал: «Свамиджи, после смерти этого тела всему приходит конец». Я был поражен, что ученый профессор, занимающий очень ответственный пост, не имеет ни малейшего представления о душе и теле – об их различии, о том, как душа переселяется из одного тела в другое...

Тут по громкоговорителю объявили, что холл необходимо освободить для пассажиров следующего рейса.

– Они говорят о нас? – спросил Прабхупада. – Пора кончать? Хорошо. Поехали.

Тем вечером в храмовой комнате центра ИСККОН в Детройте Шрила Прабхупада занял свое место на вьясасане перед Божествами Господа Джаганнатхи, Субхадры и Баларама. Один из преданных вел киртан, а Прабхупада играл на караталах, оглядывая зал, заполненный учениками. Он кивал головой, наслаждаясь их пением и танцем. После киртана он прочитал лекцию.

– Посмотрите, как формируется их характер, как они очищаются, как лица их начинают светиться! Это практика. Поэтому я прошу вас: воспользуйтесь благами этого центра. Приходите сюда. Им управляет один из моих лучших учеников, Бхагаван-дас. Он и другие помогут вам. Пожалуйста, приходите регулярно в этот храм, воспользуйтесь этой возможностью.

После лекции Прабхупада спросил, есть ли вопросы. Руку поднял Бахулашва.

– Шрила Прабхупада, что вас больше всего порадует?

– Повторяйте Харе Кришна, – ответил Прабхупада, и преданные встретили его слова спонтанным «Джайа! Джайа!»

Прабхупада: Нет ничего проще. Вы поете. Я очень этому рад. Вот и все. Я приехал в вашу страну, чтобы петь Харе Кришна, и чтобы и вы пели вместе со мной. Повторяя Святые имена, вы помогаете мне. Это приносит мне удовлетворение.

Но и само это желание – порадовать меня – замечательно. Это очень хорошее желание. Порадовать меня совсем не сложно. Чайтанья Махапрабху сказал: «Следуя Моему наказу, каждый из вас должен проповедовать и стать духовным учителем». Каков же этот наказ? «Кого бы ты ни встретил, говори ему о Кришне».

Прабхупада подчеркнул, что если человек хочет проповедовать и представлять Кришну, то он не может искажать Его послание, но должен повторять то, что говорит Сам Кришна.

– Я здесь впервые, – продолжал Прабхупада. – Однако до меня здесь все организовал Бхагаван-дас. В чем его заслуга? Он делал все, как я ему сказал. Вот и все. В этом чудо. В Лос-Анджелесе дела тоже идут очень хорошо. Мой ответственный ученик там – Карандхара. Он тоже сейчас здесь. Он просто действует согласно моим наставлениям, и у него все получается очень хорошо – просто отлично. Все, кто приходит, очарованы храмом, храмовой жизнью и учениками... Так и надо. Это называется «система парампары». Не выдумывайте ничего от себя.

Когда вечером Прабхупада выходил из храма, к нему подошла мать одного из его учеников:

– Знаете, эти юноши в полном смысле слова вам поклоняются!

– Да, – ответил Прабхупада, – такова наша традиция. Я тоже поклоняюсь своему Гуру Махарадже.

Преданные, окружавшие Прабхупаду, посмотрели друг на друга и понимающе улыбнулись. Хотя женщина эта хотела показать, что подобное отношение учеников есть нечто совершенно исключительное и необычное, Прабхупада не обратил на это никакого внимания. Ученик должен поклоняться гуру. Такова традиция вайшнавов и здесь нет ничего удивительного.

* * *

У Шрилы Прабхупады было столько центров в США, что посетить каждый было просто невозможно. За тот год, что он провел в Индии, в Америке открылось много центров – на Западном побережье, во Флориде, в Техасе, на Среднем Западе и на Востоке США. Прабхупада сказал, что у него больше поместий и домов, чем у состоятельного бизнесмена. И если бы ему пришлось заезжать в каждый из них, шутил он, то и за целый год ему не удалось бы объехать их все. Особенно он любил упоминать о ежемесячных расходах своих центров перед индусами.

Прабхупада с гордостью говорил о расцвете ИСККОН, но никогда не гордился собой и не помышлял использовать ИСККОН для собственного наслаждения. Когда он посещал какой-нибудь очередной центр, квартиру для него обычно готовили в последнюю минуту; часто его беспокоили шумные соседи или неумелые повара. В его семьдесят пять постоянные путешествия едва ли благоприятствовали здоровью и удобству.

Прабхупада никогда не впадал в самодовольство от того небольшого успеха, которого достигло его движение, и никогда не приписывал этот успех себе. Напротив, он говорил, что успех приходит по милости духовного учителя и его предшественников. Влияние ИСККОН в мире было по-прежнему небольшим; люди считали его маленькой, экзотической религиозной сектой. Но благословениями предшествующих ачарьев общество ширилось и развивалось. Прабхупада давал посвящение все большему числу учеников, и здесь возможности были безграничны.

Один из величайших последователей Господа Чайтаньи, Джива Госвами, предупреждал, что духовный учитель не должен принимать слишком много учеников; ученики-неофиты, когда их много, могут стать для духовного учителя причиной страданий. Тем не менее, в 1971 году, во время летнего турне по США Прабхупада дал посвящений больше, чем когда-либо. Как уполномоченный представитель Господа Чайтаньи, он хотел, чтобы число преданных росло. Он сознавал степень риска, но знал также, насколько мир нуждается в преданных. В «Нектаре преданности» он написал:

Есть еще одно соображение: не увеличивая числа учеников, невозможно расширять Движение сознания Кришны. Поэтому санньяси, принадлежащий к школе Чайтаньи Махапрабху, может пойти на риск и принять в ученики человека, не совсем готового им стать. Позже, по милости истинного духовного учителя такой ученик сможет постепенно подняться. Однако, если духовный учитель увеличивает количество учеников только из соображений престижа или желания почестей, в собственной практике сознания Кришны он неизбежно падет.

Для проверки готовности ученика к посвящению Шрила Прабхупада всегда руководствовался следующими правилами: кандидат должен был по меньшей мере полгода следовать четырем заповедям и ежедневно повторять как минимум шестнадцать кругов, а также иметь рекомендацию от президента храма и местного секретаря Джи-Би-Си. Прабхупада принимал любого, кто отвечал этим требованиям, и надеялся, что ученик останется искренним и будет соблюдать данные при посвящении обеты.

Хотя учеников у Прабхупады становилось все больше, каждый из них был глубоко тронут его личным отношением к себе. Продолжительным общением с ним наслаждались лишь немногие, большинство учеников видели его только издали, однако каждый из них чувствовал: «Прабхупада мой». Каждый мог сказать: «мой духовный учитель». Каждый мог произнести «Прабхупада» и почувствовать себя рядом со своим дорогим другом и благожелателем – тем, кто спасал его от смерти. Они знали, что Прабхупада – прямой представитель Кришны и самый могущественный ачарья миссии Господа Чайтаньи. Искренние ученики не сомневались в том, что имеют с Прабхупадой духовную связь, которую не могут прервать или ограничить ни физические, ни географические обстоятельства. Если они подчинялись наказам Прабхупады, Кришна изнутри помогал им расти. Если они были искренни, Кришна помогал им становиться более достойными учениками духовного учителя.

Любовь, которую питали к Прабхупаде преданные, не была неким туманным чувством. Он занимал их служением Кришне, и они непосредственно ощущали духовный результат. Однако понять личность Шрилы Прабхупады, глубину любви его учеников к нему или то, насколько они были ему обязаны, мог только преданный. Неудивительно, что люди в аэропорту Детройта не понимали, почему преданные, встречая Шрилу Прабхупаду, выражали такой безумный, неистовый восторг.

* * *

Нью-Йорк
19 июля, 1971 г.

После Детройта Прабхупада посетил Бостон, а затем – Нью-Йорк, где его также встретила большая толпа преданных. Газета «Нью-Йорк Дэйли Ньюс» посвятила его приезду иллюстрированную статью под названием «Свами, как они вас любят!»

Бхавананда, президент нью-йоркского храма, оформил алтарную комнату бруклинского центра в ярких тонах. Вьясасана Прабхупады была настоящим шедевром из клетчатой и полосатой ткани разных цветов: пурпурного, ярко-белого, черного и красного. Прабхупаде она очень понравилась.

Двести преданных – многие из которых уже больше года ждали посвящения – съехались в бруклинский храм, и Прабхупада проводил церемонии посвящения пять дней подряд, принимая каждый день по два десятка учеников. Юноши и девушки подходили друг за другом к Прабхупаде, сидящему на разноцветной вьясасане, чтобы получить свои четки и духовные имена. Те, кто получал брахманское посвящение, по одному входили в комнату духовного учителя и принимали от него мантру Гаятри.

Мадхумангала: Я вошел в комнату Прабхупады и поклонился. «Подойди сюда», – сказал он. Я подошел и сел рядом с ним. Он начал учить меня мантре Гаятри, а я смотрел на него снизу вверх. В окно, прямо за его головой, светило солнце. Он казался горой, Гималаями, а я был камешком. Он был очень большим, а я – крошечным.

Риктхананда: Прабхупада повернулся ко мне лицом, и глаза его показались мне бездонными, прекрасными озерами. Я знал, что он всегда сосредоточен на Кришне и в глазах его отражалось то счастье, которое он испытывал. Он сказал мне что-то, а я ответил: «Нет, сэр». Я не мог обратиться к нему по-другому, и, кажется, ему понравилось, что я назвал его «сэр». Очень ясным, мягким, ровным голосом он начал учить меня мантре Гаятри. Затем он взял священный шнур и грациозно, точным движением, надел его мне на плечо, обернув вокруг шеи. «Теперь, – сказал он, – ты брахман».

Дайви-шакти: Прабхупада дал мне маленький листок бумаги с написанной на нем мантрой Гаятри. Он читал ее мне с закрытыми глазами. Следуя за ним, я повторяла всё слово за словом. Однако, когда он дошел до третьей строки, вместо «гурудевайя» он произнес слово из пятой строчки. Я не знала, что делать – повторять за ним или прочесть то, что написано на листке. Я прочитала так, как было написано, и Прабхупада, поняв, что оговорился, сразу же поправился. Но потом я вдруг поняла, что не столь уж важно, как мы произносим мантры. Прабхупада был поглощен мыслями о Кришне, поэтому, несмотря на, казалось бы, допущенную ошибку, он все равно оставался совершенным. Я поняла, что настоящее совершенство преданного служения состоит в том, чтобы следовать Прабхупаде.

Получив мантру Гаятри, я спросила Прабхупаду, могу ли я задать ему вопросы. Он сказал: «Да». «Шрила Прабхупада, – спросила я, – до сих пор я не могла служить вам с неослабным вниманием. Что я могу сделать, чтобы служить вам?» Я молилась о том, чтобы он занял меня каким-нибудь особым личным служением ему. «Повторяй «Харе Кришна», – сказал он. «Может быть, что-то еще?» – спросила я. «Ты замужем?» – спросил он в ответ. – «Да». – «Служи своему мужу».

Я призналась: «Мы не ладим друг с другом». Тогда он посоветовал: «Будь пуджари – столько всего можно делать!»

Его ответ избавил меня от всех моих проблем. В первую очередь я должна была повторять «Харе Кришна». Но помимо этого у меня была возможность заниматься и другими видами служения. Если не получится одно, можно попробовать другое – «Столько всего можно делать». Когда он произнес эти слова, я избавилась от всех своих беспокойств.

В Нью-Йорке Прабхупада читал очень серьезные лекции по «Шримад-Бхагаватам», в которых подчеркивал, что преданность Кришне проявляется через преданность Движению сознания Кришны. В отличие от других чтецов «Бхагаватам», Прабхупада мог предложить слушателям Движение – общество и образ жизни в сознании Кришны, что давало любому заинтересованному человеку практическую возможность приступить к преданному служению Богу.

На чей-то вопрос о том, как большому грешнику освободиться от кармы, Прабхупада дал простой ответ:

– Приходите и живите с нами. Вот и все. Разве трудно? Наши ученики живут с нами. Просто приходите и живите с нами, и вы освободитесь от всей кармы. Разве это трудно? Так давайте! Мы дадим вам пищу и кров, мы дадим вам замечательную философию. Если вы хотите жениться, мы дадим вам хорошую жену. Что вам еще нужно? Приходите и живите с нами! Больше ничего не требуется.

В лекциях Прабхупада вновь и вновь подчеркивал этот момент: если человек, стремящийся удовлетворить духовные потребности, живет и служит с преданными ИСККОН, то и материальные его потребности будут удовлетворены.

– Эти юноши и девушки в сознании Кришны – в шестидесяти центрах – живут в самых лучших домах. Они едят самую лучшую пищу. Они пребывают в самом лучшем сознании. У них самые лучшие надежды. Все самое лучшее. Даже их тела. Какое еще материальное счастье вам нужно? У них есть жены, дети, счастье, дом – все в полной мере. Для человека, сознающего Кришну, материальное счастье – ничто. Материальное счастье будет валяться у него в ногах и просить: «Пожалуйста, возьми меня, пожалуйста, возьми меня». Ему не нужно даже молить о нем. Просто оставайтесь твердыми и просите Кришну: «Пожалуйста, займи меня служением Тебе». И тогда удовлетворение придет само собой. Не беспокойтесь о материальном счастье.

Нанда-кишора спросил: «Что произойдет с человеком на улице, если мы дадим ему одно «просто чудо»? или какой-нибудь прасад?»

Прабхупада: Произойдет чудо – просто чудо. (Смех преданных). Он никогда в жизни не пробовал таких чудесных сладостей. Поэтому давайте ему это чудо, и поскольку он съест эту чудесную сладость, когда-нибудь он придет в ваш храм и станет чудесным человеком. Поэтому это «просто чудо». Вот и продолжайте раздавать это «простое чудо». Ваша философия – просто чудо, ваш прасад – просто чудо, сами вы – просто чудо. И ваш Кришна – просто чудо. Весь этот путь – просто чудо. Поскольку Кришна чудесен, путь этот тоже чудесен. Кто будет это отрицать?

Киртанананда Махараджа: Прабхупада – просто чудо!

Пока Прабхупада находился в Нью-Йорке, планируя через несколько дней вылететь в Лондон, его секретарь сообщил, что многие центры США по-прежнему состояются за право принять его у себя. Прабхупада не раздумывая ответил, что если какой-нибудь центр соберет на его лекцию хорошую аудиторию и оплатит дорожные расходы, а также пожертвует тысячу долларов, тогда он мог бы заехать в этот центр перед тем, как лететь в Лондон.

Услышав об этом, преданные из Гейнсвилла (Флорида) решили принять трансцендентный вызов Прабхупады. Президент храма, Хридаянанда, попросил непосвященного преданного, Дэвида Либермана, найти спонсора в Университете Флориды, готового заплатить тысячу долларов за прием и лекцию Прабхупады. Дэвид обошел в университетском городке все студенческие организации, и в конце концов нашел спонсора.

Прабхупада согласился принять их приглашение, хотя секретарь сообщил ему, что самолет два часа простоят в Атланте, а затем нужно будет лететь в Джексонвилл, а оттуда до Гейнсвилла еще полтора часа езды на машине.

* * *

Атланта

29 июля, 1971 г.

Десять жителей недавно открывшегося храма в Атланте организовали для Прабхупады прием во время его двухчасовой остановки в аэропорту. Они приготовили роскошный пир и украсили зал для почетных гостей фруктами, цветами и гирляндами.

Билл Огл: Хотя внешне Шрила Прабхупада был небольшим, своим появлением он сразу же привлек внимание всего аэропорта Атланты. Когда он шел, с высоко поднятой головой, грациозно, с каждым шагом переставляя свою трость, все взгляды были устремлены на него. Этот аэропорт –

один из самых оживленных в стране, но все, кто заметил Прабхупаду, изумленно провожали его взглядом. Служащие аэропорта по собственной инициативе начали освобождать для Прабхупады проход. Но самое поразительное – то, что он был так покорен нам, своим незначительным ученикам!

Прабхупада вошел в зал для особо важных гостей, а вместе с ним – ученики и еще человек двадцать приглашенных индийцев. Подойдя к переносной вьясасане, которую поставили на мраморный стол, Прабхупада засомневался: та казалась неустойчивой. Но преданные уверили его, что она выдержит. Прабхупада взошел наверх, сел и начал киртан. После киртана Прабхупада минут пятнадцать говорил.

– Это не сентиментальное пение. Оно основано на солиднейшей философии, на ведических Писаниях. У нас есть множество книг, и вы можете приобрести их в нашем книжном магазине. Где книги?

Повисла пауза. Преданные подготовили всё: фрукты, цветы, кресло, пир, пригласили индийцев – но забыли про книги Прабхупады. Прабхупада ожидал ответа на заданный вопрос. Наконец, старший ученик, Джанамеджая, проговорил:

– Прабхупада, обычно у нас есть книги.

– Хмм, – произнес Прабхупада. И снова долгое молчание.

– Итак, – Прабхупада посмотрел на слушателей, – есть ли вопросы?

Прабхупада непринужденно беседовал с индийцами, расспрашивая, как их зовут и из каких они мест. Индийцы – в большинстве своем молодые семейные люди – относились к Прабхупаде с почтением, как к дедушке или почтенному свами. Один индиец, которому на вид было лет тридцать пять, сказал, что в настоящее время защищает докторскую диссертацию по биологии.

– О, биология, – сказал Прабхупада, – Хмм, бедные лягушки.

Все присутствующие, кроме биолога, разразились смехом.

– Нет, нет, – возразил смущенный биолог. – Почему «бедные»?

– Да потому что вы их убиваете, – ответил Прабхупада.

– Но это ведь ради прогресса, – стал оправдываться биолог. – Это же стоит того! Ради научного развития...

– Хорошо, – сказал Прабхупада. – Если я сейчас попрошу вас, пожертвуете ли вы своим телом ради прогресса науки?

Все опять засмеялись.

– Да! Да! Пожертвую! – воскликнул мужчина. Но чем больше он протестовал, повторяя: «Да! Пожертвую!» – тем смешнее казался, и тем громче смеялись собравшиеся.

– Сколько всего видов жизни на земле? – спросил Прабхупада.

– Пятьдесят миллионов, – ответил биолог.

– О? И вы все их видели?

– Нет.

– Сколько вы видели?

– Может быть, тысяч пять...

– Вы ошибаетесь, – сказал Прабхупада. – Есть 8 400 000 видов жизни. Мы опираемся на научное знание Вед.

Билл Огл: Когда Прабхупада принял прасад, мы показали ему спектакль «Брахман и сапожник». Я играл Вишну. Это был кошмар. Я должен был играть Вишну, а моя жена – Лакшми. Я лежал, как Господь Вишну на картинах, а жена растирала мои стопы. Прабхупада неотрывно смотрел на меня, и мне казалось, что он думает про себя: «Кто этот негодяй в роли Вишну?» Я думал: «Какой ужас. Зачем я это делаю?» Мне очень стыдно было находиться перед Прабхупадой в таком виде.

Джаясена играл Нараду Муни. За весь спектакль он поклонился, наверное, раз сто, не меньше. Поскольку там был Прабхупада, Джаясена постоянно кланялся всем и вся. И хотя он был Нарадой Муни, он поклонился и сапожнику. Со стороны индийцев послышался ропот. Они недоумевали, как Нарада Муни, такой великий святой, мог отвешивать поклоны сапожнику – человеку столь низкого сословия.

В этот момент Прабхупада прервал спектакль и начал объяснять:

– На самом деле, – сказал он, – нет ничего зазорного в том, что Нарада Муни кланяется сапожнику, ведь сапожник этот – вайшнав. Любой вайшнав, как никакой брахман, имеет право принимать поклоны.

Прабхупада рассказал историю, и мы продолжили спектакль. Было очень здорово.

Когда Прабхупада выходил из холла, чтобы сесть в самолет до Джексонвилла, женщина в инвалидном кресле, мать одного из преданных в Атланте, поднялась и бросилась к ногам Прабхупады. Со слезами на глазах она воскликнула:

– Я умираю от рака. Спасите меня! Спасите меня!

Шрила Прабхупада нагнулся и положил руку ей на голову:

– Все хорошо, – успокоил он ее. – Все хорошо.

Когда Прабхупада, в гирляндах из магнолий и красных роз, шел по коридору к самолету, преданным он казался величественным, словно царь. Он излучал золотистое сияние и выглядел могущественным, но скромным. Преданные чувствовали духовную силу и каждый обещал себе следовать учению Прабхупады. В последний раз они взглянули на него, когда он шел по аэродрому к маленькому самолету, который должен был доставить его в Джексонвилл. Ветер раздувал его шафрановое шелковое дхоти и курту. Он обернулся и помахал преданным рукой.

* * *

Гейнсвилл

29 июля, 1971 г.

Шрила Прабхупада спросил, с какой скоростью едет машина и сколько времени займет дорога до Гейнсвилла. «Сто километров в час, – ответил водитель. – На дорогу уйдет полтора часа». Прабхупада рассматривал природу вдоль шоссе – сосновые леса, болота, экзотических птиц. Порой он замечал броненосца, добывающего себе пищу рядом с дорогой. В каналах вдоль дорог росли дикие лотосы и лилии, яркое солнце согревало чистый воздух.

Поездка в Гейнсвилл была незапланированной – это была особая проповедническая программа. Прабхупада оставил своего секретаря, Шьямасундару, в Нью-Йорке и взял с собой только Аравинду, слугу. Он приехал всего на один день, чтобы принести милость Господа Чайтаньи еще в один город. В аэропорту Прабхупада казался серьезным, но, заметив преданных, он широко улыбнулся и, обратившись к Хридаянанде, спросил: «Куда?» Он был словно духовный воин, который просит направить его к месту сражения.

Прабхупада прошел по усыпанному цветочными лепестками проходу в храм – арендованное здание рядом со студенческим городком Университета Флориды. С минуту он постоял в храмовой комнате, рассматривая картину, изображавшую Господа Чайтанью и Его преданных. Картина была написана неумело, но передавала искреннее чувство. Хридаянанда спросил, не хочет ли Прабхупада отдохнуть, и тот кивнул. Пока преданные пели киртан, Прабхупада, отдохнул в своей комнате и, вернувшись в маленькую алтарную, сел на большую व्याсасану, обитую синим бархатом. Помимо учеников Прабхупады из Гейнсвилла, Майями, Таллахасси и Нового Орлеана, в храме собралось много студентов и других гостей.

– Мне очень приятно видеть здесь столько юношей и девушек, – начал Шрила Прабхупада, – в этом удаленном уголке мира, столь далеко от места рождения Господа Чайтаньи.

Прабхупада прочитал лекцию о спасительной милости Святого имени Господа. Он рассказал, как один из его учеников присутствовал при смерти своей матери.

– Благодаря тому, что он рассказывал ей о Кришне и о Движении «Харе Кришна», ее последние слова, обращенные к сыну были таковы: «Где же твой Кришна? Он сейчас здесь?» И в этот момент она умерла.

За то, что она произнесла Святое имя и думала о Кришне, сказал Прабхупада, она отправится в духовный мир.

Руку подняла молодая корреспондентка студенческой газеты

– Я вижу, практически все, кто здесь присутствует, молоды, – сказала она. – Почему?

Прабхупада ответил вопросом:

– Почему в университете столько молодежи?

Девушка немного подумала:

– Ну... наверное, потому что это возраст для учебы.

– Да, – сказал Прабхупада. – И это же – возраст для осознания Кришны. Старую собаку новым трюкам не выучишь.

Программа, ради которой приехал Прабхупада и за которую Университет Флориды заплатил ему тысячу долларов, планировалась после полудня на территории университета, на Площади Америки. Когда Прабхупада приехал, рядом с временной сценой уже собрались сотни

студентов, рассеявшихся тут и там на траве, в тени ароматных магнолий. Небо было затянуто тучами, предвещавшими дождь.

Студенты все подходили и подходили, слушателей собралось уже человек пятьсот. Прабхупада еще не начал лекцию, как вдруг заморосило, и Хридаянанда поднялся на сцену, чтобы держать над ним зонт.

Сев на вьясасану, Прабхупада мягко сказал в микрофон: «Кто-то курит», и студенты вежливо потушили свои сигареты. Однако, не успел он начать, как затыкала чья-то собака. Прабхупада остановился: «Что там за собака?» Собака продолжала настойчиво тявкать. «Она тоже просит слова». В конце концов, лай прекратился – прекратился и дождь. Но Хридаянанда продолжал держать зонт над головой Прабхупады.

По дороге назад в храм, в машине, Прабхупада попросил послушать запись своей лекции. Услышав лай собаки, он рассмеялся.

– Прабхупада, – сказал Хридаянанда, – лекция была удивительной. Всем понравилось: студентам, преданным, профессорам.

– Хорошо, – сказал Прабхупада. – Харе Кришна.

Но это была не последняя проповедническая программа в тот день. Вечером Прабхупаду ожидало теле-интервью.

Репортер прочитал вступительное слово, а затем представил Шрилу Прабхупаду, рассказав о том, как Веды описывают Кришну, и о том, что Шрила Прабхупада состоит в цепи учителей, берущей начало от Господа Чайтаньи. В своем вступительном слове Прабхупада сказал:

– Движение сознания Кришны пытается пробудить в людях изначальное сознание того, что все мы – неотъемлемые частицы Кришны.

Репортер спросил Прабхупаду:

– Кто ваш духовный учитель? – И Прабхупада, смиренно склонив голову, произнес полное имя своего Гуру Махараджа:

– Ом Вишнупада Парамахамса Паривраджакачарья Бхактисиддханта Сарасвами Госвами Махараджа Прабхупада.

Репортер, видимо, был любителем полемики.

– Сэр, позвольте спросить, чем учение любви к Богу, которое проповедуете вы, отличается, или, возможно, лучше учения о любви к Богу, которое распространялось в этой стране и в остальном мире в течение многих столетий?

Шрила Прабхупада: Это учение самое авторитетное. Это факт. Мы следуем по стопам Господа Чайтаньи. Согласно авторитету ведической религии, мы считаем Его Самим Кришной. Представьте, что вы специалист в своем деле. Если кто-то работает под вашим руководством, вы лично учите его: «Делай так и так», – и это авторитетно. Поэтому когда Господь Чайтанья учил сознанию Бога, это значит – Сам Бог этому учил.

Прабхупада ответил в позитивном ключе, избегая сектантских диспутов, в которые пытался вовлечь его репортер. Однако тот не унимался, снова и снова пытаясь вывести Прабхупаду на спор. Видимо, он хотел представить своего гостя невежественным и высокомерным сектантом, настроенным против Америки. Но Прабхупада вновь и вновь подчеркивал, что он совершенно не против других религий и что каждый может повторять то Святое имя Бога, которое признает его религия.

Репортер: Но с вашей стороны, наверно, все-таки есть некоторый элемент недовольства тем, как люди исповедовали религию в этой части мира до вашего приезда. Иначе в вашем пребывании здесь не было бы смысла.

Шрила Прабхупада: Не только в этой части мира. Практически во всех уголках планеты люди не проявляют большого интереса к Богу. Им больше интересны собаки.

Прабхупада отвечал твердо, опираясь на сильные философские аргументы. Но телерепортер, используя все свои профессиональные способности, снова попытался найти какой-нибудь изъян.

Репортер: Сэр, мне кажется, что, согласно вашим книгам, вы очень сильно подчеркиваете взаимоотношения между индивидуумом и Богом.

Шрила Прабхупада: Да. Об этом говорят все традиции.

Репортер: Да, но вы больше подчеркиваете именно эти отношения, нежели отношения между одним индивидуумом и другим. Я так понял?

Шрила Прабхупада: Прежде всего, мы должны установить наши утраченные взаимоотношения с Богом. Затем мы сможем понять и свои отношения друг с другом. Если упущен центр, связи практически нет. Вы американец, и другой человек американец, и вы оба чувствуете себя американцами, поскольку есть центр – Америка. Итак, пока вы не осознаете Бога, вы не сможете понять меня, а я вас.

Репортер: Я думаю, в нашей части мира, на западе, в религии огромный акцент ставится на то, как помочь одному человеку найти отношения с другим – на этике религии. А в Движении сознания Кришны...

Шрила Прабхупада: Нас не заботит, как один человек общается с другим.

Репортер: Разве это не одна из сторон вашего Движения сознания Кришны?

Шрила Прабхупада: Нет, это не важно. Мы знаем, что, стоит человеку понять, как общаться с Богом, он естественным образом будет хорошо общаться и с другими.

Репортер: Но возьмем, к примеру, христианство. Вам известно о десяти заповедях? В этих десяти заповедях ставится серьезный акцент на отношениях между одним человеком и другим: «Не укради. Не убий». И так далее.

Шрила Прабхупада: Я часто говорю, что Иисус Христос никогда не говорил и не имел ввиду, что заповедь «не убий» относится только к людям. Где доказательство? Иисус Христос никогда не говорил, что «не убий» относится только к людям. «Не убий» никого из живых.

Репортер: Никого из живых?

Шрила Прабхупада: Никого из живых. Это религия.

Репортер: Так эта заповедь еще никогда не трактовалась.

Шрила Прабхупада: Вы толкуете ее по-своему, но Христос сказал: «Не убий». Он никогда не говорил: «Не убий человека». Почему вы так трактуете его слова?

Прабхупада дал своему оппоненту то, чего тот хотел – полемику – но такая полемика не входила в планы репортера. Поэтому он быстро сменил тему, спросив о том, как по поведению можно распознать истинного последователя сознания Кришны.

Прабхупада: Он совершенный джентльмен. Вот и все... Поэтому я запрещаю своим ученикам есть мясо.

Репортер: Есть мясо?

Шрила Прабхупада: Да. И поэтому я запрещаю незаконную половую жизнь. Поэтому я запрещаю одурманивающие средства. Они даже не курят, не говоря уж о других вещах.

Когда Прабхупада сказал, что тот, кто соблюдает эти четыре правила, становится совершенным джентльменом, ведущий поинтересовался, есть ли в этой религии место женщинам. Прабхупада ответил, что женщины и мужчины соблюдают одинаковые правила и следуют одним и тем же принципам. Репортер спросил, доволен Прабхупада своей работой или нет, и Прабхупада сказал, что доволен, поскольку к нему присоединяется все больше и больше преданных. Это вызвало у репортера сомнение, поскольку из двухсот миллионов американцев в телестудии присутствовало всего около двадцати преданных.

– Если вы продаете бриллианты, – ответил Прабхупада, – вы не можете ожидать, что за ними выстроится очередь.

Напоследок репортер спросил, нет ли у Прабхупады серьезных претензий к американскому обществу.

Шрила Прабхупада: Мне не на что пожаловаться. Американская молодежь замечательная. Я, скорее, очень даже рад, что эти юноши и девушки стремятся к чему-то хорошему. Они разочарованны. Поэтому сейчас, когда у них появилась возможность получить самое лучшее, они приходят.

Ведущий попросил Шрилу Прабхупаду и его последователей спеть «Харе Кришна», и через полминуты эфир закончился. Горячие студийные прожектора погасли и операторы тут же начали что-то обсуждать. Репортер вежливо попрощался со Шрилой Прабхупадой – у него не было желания продолжать беседу – но Шрила Прабхупада продолжал проповедовать. Для него не имело значения, снимают его или нет. В ведущем он видел не просто служащего телекомпании, но человека, которому можно дать милость Кришны.

Они сидели близко друг к другу, и Прабхупада наклонился к ведущему и сказал:

– Позвольте задать вам вопрос. Если вы больны и хотите вылечиться, как это лучше всего сделать? Вы к кому пойдете лечиться: к другу или к врачу? К другу пойдете?

– Да, – ответил ведущий.

Прабхупада покачал головой.

– Вы пойдете к другу?

– Да.

Репортер слушал рассеянно, поэтому Прабхупада терпеливо повторил свой пример.

– Попробуйте понять, – сказал он. – Если вы больны, куда вы пойдете: к врачу или другу?

Ведущий так и не понял, что Прабхупада имеет в виду, и поэтому тот ответил сам:

– Нет, вы не пойдете к другу. Вы пойдете к врачу – к тому, кто знает ответ. Это и есть духовный учитель.

Они еще немного поговорили и, наконец, Прабхупада и преданные ушли.

Время шло к полуночи, и Прабхупада удалился к себе в комнату. В этот приезд в Гейнсвилл он согласился дать посвящение пяти достойным кандидатам и даже взял их четки для джапы. Но день прошел, а церемония так и не состоялась, и четки лежали у Прабхупады. Джозеф и Сэм из Нового Орлеана, Дэвид Либерман с женой Адриенной, и паренек по имени Гэри из Гейнсвилла не находили себе места. Не смыкая глаз, они все гадали, проведет ли Шрила Прабхупада церемонию посвящения утром, перед отъездом.

Аравинда сообщил им, что утром времени на церемонию не будет, но он может спросить у Шрилы Прабхупады, когда тот вернет им четки. Оставив преданных беседовать о Шриле Прабхупаде, он пошел к нему в комнату. Вернувшись, ко всеобщему удивлению, он объявил: «Прабхупада отдаст вам четки прямо сейчас. Он собирается дать вам посвящение у себя в комнате». Преданные взволнованно поспешили в комнату Шрилы Прабхупады.

Прабхупада сидел на кровати. На нем не было рубашки – только дхоти, которое он подвернул до бедер и подоткнул под себя, словно набедренную повязку или гамчху. Тело его было гладким и сияющим. Преданные расселись на полу вокруг его кровати, а он взял их четки и начал начитывать.

Прабхупада протянул четки Гэри:

– Итак, теперь твое имя Дхарма-дас. Это значит «тот, кто строго следует всем религиозным принципам».

Дхарма: На самом деле, я очень нервничал, буквально трясся, потому что боялся сделать что-то не так. Я так нервничал, что не мог даже нормально слушать. Но я был счастлив от того, что Шрила Прабхупада меня принял. Конечно, я знал, что теперь даже речи быть не может о том, чтобы уйти из Движения. Вообще-то я никогда не собирался уходить, но в тот момент я официально был зачислен в члены ИСККОН. Даже если бы я и помышлял об этом раньше, теперь об этом не могло быть и речи.

Затем настал черед Джозефа из Нового Орлеана.

– Как его зовут? – спросил Прабхупада у Аравинды. Аравинда прочитал по листку: «Бхагавата-дас». Прабхупада улыбнулся и сказал:

– О, Бхагавата-дас. Очень хорошо. Есть два «Бхагаваты»: книга бхагавата – «Шримад-Бхагаватам» и «Бхагавад-гита» – и человек бхагавата, который в совершенстве следует этому учению. Он является живым воплощением книги бхагавата. А ты – Бхагавата-дас. Это значит, что ты слуга книги бхагавата и личности бхагавата.

Бхагавата: Я всегда хотел получить имя, которое бы значило, что я слуга гуру. Поэтому, услышав свое имя, я очень обрадовался. Прабхупада протянул было мне четки, но затем отвел руку и спросил: «А каковы четыре регулирующих принципа?» Я назвал их, и он сказал: «Очень хорошо».

Затем он опять протянул мне четки, но снова отвел руку и спросил: «Сколько кругов ты повторяешь?». Я был очень горд, потому что уже пять месяцев повторял в день по двадцать кругов, поэтому выпрямился и сказал: «Полагается повторять шестнадцать кругов, Шрила Прабхупада. Но я повторяю двадцать».

Шрила Прабхупада отвернулся от меня и сказал: «Это хорошо». Словно говорил мне: «Не хвастайся». Затем он повернулся ко мне: «Вот твои четки».

Протягивая четки Дэйву, Прабхупада сказал: «Тебя зовут Амарендра. Это значит «лучший среди бессмертных». Адриенне он дал имя – «Гаятри-даси», а Сэму – «Суврата».

Когда Суврата потянулся за четками, Прабхупада заметил, что на нем нет кантхималы. Он отдернул четки и спросил:

– У тебя нет кантхималы? Где твоя кантхимала?

Прабхупада повернулся к Бхагавата-дасу:

– У тебя тоже нет кантхималы?

Бхагавата подумал, что сейчас у него отберут четки, и прижал их к животу. Прабхупада повернулся к находившимся в комнате старшим преданным и начал строго их отчитывать:

– Что с вами? Вы же лидеры, как вы можете об этом не знать? Разве вы не знаете, что при посвящении надо надевать кантхималу?

Старшие преданные были напуганы гневом Прабхупады.

– Простите, Прабхупада, – сказал кто-то. – Завтра на ягье кантхималы будут.

– Да, – сказал Прабхупада, – нельзя проводить огненную ягью без кантхимал. Обязательно должны быть кантхималы.

Хотя была уже полночь, Прабхупада спросил, нет ли у преданных вопросов. Бхагавата-дас поднял руку.

– Почему, хотя мы находимся на духовном уровне, на нас иногда действуют гуны материальной природы?

– Это как если ты на корабле, – ответил Прабхупада. – Если ты на корабле, я не могу сказать, что ты не на корабле. Так? Итак, ты на духовном корабле. Поэтому ты на духовном уровне. Нельзя сказать, что это не так. Но волны дают о себе знать, они раскачивают корабль. – Прабхупада жестом показал как качается палуба.

– Итак о корабль бьются волны материальной природы, – продолжал он, – и его раскачивают. Но когда ты становишься опытным капитаном, то даже в самый сильный шторм ты твердо стоишь на ногах и управляешь судном, и оно не качается.

– Как же стать опытным капитаном? – спросил Бхагавата.

– Став вдохновенным, искренним, убежденным, решительным и терпеливым, – ответил Прабхупада, но, заметив на лице Бхагаваты беспокойство, добавил, – Ты должен быть терпелив. Все придет в свой черед.

Сидя на кровати, в непринужденной позе, в подвернутом дхоти, Прабхупада отвечал на вопросы Бхагаваты так, чтобы все преданные были полностью довольны. А те и так уже были довольны – просто тем, что находились рядом с Прабхупадой. Но ответы на вопросы могли вдохновить и удовлетворить не только их, но и всех остальных преданных. Они передадут слова своего духовного учителя другим, и тогда все смогут размышлять над этими наставлениями.

У Амарендры тоже был вопрос. Вопрос был таким же, как и сам Амарендра – напористым и пылким (до того, как стать преданным, Амарендра был лидером студентов-радикалов). Он хотел столь же напористо распространять сознание Кришны.

– Шрила Прабхупада, – спросил Амарендра. – Как заставить людей принять сознание Кришны? Что говорить им во время проповеди? Что сказать такого, чтобы заставить их принять?

В его мощном, сильном голосе слышался призыв к действию.

– Просто вежливо проси их повторять «Харе Кришна», – ответил Прабхупада. – Примут они или нет – это их дело. Это касается только их и Кришны. Ты свое дело сделал. Просто попросив их: «Пожалуйста, повторяйте «Харе Кришна»», ты уже исполнил свой долг перед Господом,

– Как отвлечь свой ум от майи и привлечь его к Кришне? – спросил Радха-валлабха.

– Ты должен тащить ум, – сказал Прабхупада. – Ты должен притягивать его назад к словам «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе». Ты должен притягивать ум к звуку.

– Ну, хорошо. – Прабхупада окинул всех взглядом. – Все довольны?

– Да, Шрила Прабхупада, – хором ответили преданные. – Спасибо вам большое.

И преданные оставили Прабхупаду отдыхать. Все понимали, что это был самый великий день в их жизни, и они его никогда не забудут.

Прабхупада вместе с несколькими учениками ехал в легковом автомобиле в аэропорт Джексонвилла. Остальные преданные ехали следом в фургоне, взяв с собой व्याсасану для духовного учителя, чтобы установить ее в аэропорту. По дороге Шрила Прабхупада отдыхал, закрыв глаза, а ученики на заднем сиденье доедали остатки его прасада.

Хридаянанда: Это была моя идея – привезти в аэропорт व्याсасану. Я думал: «Как может мой духовный учитель сидеть на том же месте, где сидят карми?» У меня это просто в голове не укладывалось. Как может Прабхупада посадить свое лотосоподобное тело, как может он сесть на то же место, на которое садятся карми? Я был очень этим встревожен. Вясасану сделал Амарендра, а у него все получалось массивным, как танк. Вясасана весила, наверное, килограмм двести. Ее можно было нести только вчетвером-впятером.

Итак, сначала приехал Прабхупада. Вьясаны еще не было. Он уже подошел к своему посадочному выходу, а вьясану еще не принесли. Я места себе не находил, потому что не хотел, чтобы он садился в обычное кресло. Я считал, что если я посажу его в обычное кресло, то тем самым нанесу ему страшное оскорбление. Выглянув в длинный коридор аэропорта, я увидел шестерых брахмачари (причем половина из них – босиком), которые волокли вьясану Прабхупады. Более нелепую сцену было трудно себе представить. Прабхупада, не веря своим глазам, смотрел на это с отвращением. В конце концов, взмыленные и стонущие брахмачари дошли и «бухнули» вьясану перед Прабхупадой. Прабхупада презрительно взглянул на нее, прошел мимо и сел в обычное кресло.

Преданные расселись у стоп Прабхупады, Хридаянанда начал проповедовать людям, которые подошли посмотреть на этот спектакль, и пытался распространить им книги Шрилы Прабхупады. Внимание Прабхупады было больше устремлено на проповедь Хридаянанды, нежели на преданных, сидевших у его ног.

* * *

Посетив в течение чуть более месяца ряд городов, Шрила Прабхупада направлялся в Лондон. Было уже очевидно, что полем его деятельности стал весь мир. В путешествиях он нашёл практическое воплощение своего убеждения, что сознание Кришны нужно давать людям по всей планете.

Благодаря интенсивным путешествиям и смелой проповеди Прабхупады, старая идея о том, что «Бхагавад-гита» и Кришна предназначены только для индусов, зазвучала как анахронизм и предрассудок. Прабхупада устранил расовые, религиозные, национальные, половые и классовые барьеры. Индийская поговорка о том, что свами не должен пересекать океан, превратилась в суеверие. Возможно, так индусы хотели уберечь неокрепших свами, но это, безусловно, не могло помешать распространению послания Абсолютной Истины.

Чайтанья Махапрабху желал, чтобы имя Его звучало в каждом городе и каждой деревне, и ни один постулат Вед не мог этого запретить. Конечно, Ведические писания советуют преданному жить в уединенном месте и избегать мирян, а также не беспокоить умы невинных и не проповедовать неверующим. Согласно указаниям Вед, преданный не должен даже смотреть в лицо безбожника. Однако, подобные правила предназначены лишь для защиты и очищения новичков; бесстрашный ачарья, действующий из высшего принципа сострадания, выше подобных правил. Подтверждая этот высший принцип, Господь Кришна пообещал: «Мой преданный никогда не погибнет». Приняв в сердце наказ Господа Чайтаньи, искренний проповедник защищен от оскверняющего влияния этого мира, несмотря на частое общение с мирскими людьми. Такой проповедник обращается к мирянам – даже с риском для своей духовной жизни, но в ответ Кришна его защищает.

Прабхупада был милостив к каждому человеку, где бы тот ни оказался. Поэтому он и был джагад-гуру, духовным учителем всего мира. Быть джагад-гуру не значит считать себя лучше всех остальных – лучшим гуру в мире. Джагад-гуру значит, что проповедник сознания Кришны, подобно Нараде Муни, путешествует повсюду, повсюду проповедует и повсюду принимает учеников. И именно таков был Шрила Прабхупада.

Прибыв в один американский аэропорт, Шрила Прабхупада сказал, что в былые времена йоги путешествовали тремя способами: на коврах-самолетах, на голубях и с помощью мантры.

– Тогда зачем вы прилетели сегодня Американскими авиалиниями? – с вызовом спросил корреспондент.

– Чтобы не отличаться от вас, – ответил, улыбаясь, Прабхупада.

Но в том, что вместо мистической силы Прабхупада пользовался реактивным самолетом, чуда было не меньше. Чудо заключалось в том, что он путешествовал без остановки, и куда бы не прилетел, всегда говорил о сознании Кришны, вдыхал веру в неверующих и превращал падших людей Кали-юги в чистых вайшнавов.

Шрила Прабхупада не только самоотверженно путешествовал из сострадания к другим, но и работал над написанием многотомных духовных произведений. Его ученики в шестидесяти пяти центрах по всему миру с благодарностью помогали ему, доказывая, что сами смогут проповедовать на местах, чтобы он мог уверенно продолжать открывать новые рубежи сознания Кришны и работать над новыми духовными книгами. Особенно они хотели освободить ему больше времени для перевода «Шримад-Бхагаватам», поскольку таково было его желание.

Прабхупада часто говорил, что если бы он мог все свое время отдать переводу «Шримад-Бхагаватам», то оставался бы на одном месте. Однако позволить себе долгие перерывы в путешествиях он не мог. Даже если он находил спокойное место, подходящее для углубленной работы над «Бхагаватам», долг звал его в дорогу, и вновь он отправлялся в путь – знакомиться с новыми людьми, начинать где-то санкиртану, чтобы обеспечить беспрепятственное развитие своему Движению.

Поэтому Прабхупада так организовал распорядок своего дня, чтобы, где бы он ни оказался, по меньшей мере несколько часов в день переводить «Шримад-Бхагаватам». Он возил с собой портфель с санскритскими изданиями «Бхагаватам» и комментариями ачарьев, а также чемодан с диктофоном, и, где бы он ни был, он просыпался посреди ночи, садился с диктофоном и книгами на санскрите и бенгали за столик, и принимался за работу, переводя стихи на английский и начитывая свои «комментарии Бхактиведанты». Таким образом, активные путешествия и перевод могли продолжаться одновременно.

Глава тридцать шестая

В каждом городе и деревне

Лондон

Август 1971 г.

Из Флориды, этого «далекого края», Прабхупада вернулся в Нью-Йорк и через три дня вылетел в Лондон. Там он заболел. 14 августа он написал Тамала-Кришне:

Я болею – уже четыре дня. Солнца нет. Почти все время пасмурно и идет дождь. Это отразилось на моем здоровье, потому что раньше я страдал ревматизмом.

Прабхупада говорил, что хочет прекратить путешествовать и отойти от управления: «Это тело состарилось, оно уже дает о себе знать», но у него не было полной уверенности в том, что его управляющие смогут руководить Обществом – без его присмотра.

Прабхупада выговаривал своему секретарю, Шьямасундаре, браня его и других региональных секретарей за то, что те не издают и не распространяют в достаточном объеме его книги.

– Почему нет книг? – требовательно спрашивал он.

Шьямасундара только втягивал голову в плечи, не зная, что и сказать. В конце концов, он пообещал связаться с духовными братьями из Би-Би-Ти.

– Зачем мы создали издательство? – горячился Прабхупада. – Чем они там занимаются? У нас нет запаса больших книг?! Книг на других языках тоже нет – и это после стольких лет болтовни и прожектерства. Почему до сих пор не напечатано полное издание «Бхагавад-гиты как она есть»?

– Ну, – отвечал Шьямасундара, – потому что они...

– Нет! Это твоя ответственность, – кричал Прабхупада. – Почему ты до сих пор ничего не сделал?

Прабхупада обрушивался на всех секретарей Джи-Би-Си в лице одного – того, который сидел перед ним. В обязанности Джи-Би-Си входило следить за тем, чтобы постоянно пополнялся запас книг, регулярно печатался журнал «Назад к Богу», аккуратно оплачивались счета и в храмах царил здоровая духовная атмосфера.

– Наше дело, – объяснял Прабхупада, – распространять сознание Кришны в сфере образования. Пусть приходит любой философ, ученый или преподаватель – у нас достаточно книг. Но если вы будете работать спустя рукава да спать, то это делу не поможет. Учитесь решимости у меня, старика: умереть, исполняя долг – большая честь – это все равно что для полководца встретить смерть на поле боя. Арджуне было сказано: «Если ты даже и погибнешь, то все равно окажешься в выигрыше».

Так медленно печатать – да это просто стыд и срам! Зачем мне переводить, если вы не печатаете? Вы просите: «Удалитесь от дел и переводите». А чего ради я должен переводить, а? Никто никогда не увидит эти переводы! Я могу написать тома книг! В Японии есть издательство «Дай Ниппон», они согласны печатать в кредит! Почему же вы не печатаете? Вечно одно и то же: «Будет сделано. Будет сделано». А дальше-то что? Зато жаловаться эти лидеры умеют: «Либо он, либо я».

Этому безобразию пора положить конец. Если отец кормит семью, долг сыновей – ему служить. Я ваш отец, и даю вам все необходимое. Почему же вы не служите мне, не печатаете книги? Если человек прочитает только одну книгу и поймет ее, этого будет достаточно, чтобы он осознал Кришну. Неужели вы не понимаете, как это важно?

Они все время спрашивают: «Авторитетна ли такая-то книга?» У них, видишь ли, нет времени прочитать одну из моих книг, но они постоянно спрашивают о книгах моих духовных братьев. Что же дальше-то будет? Первая песнь «Шримад-Бхагаватам» еще даже не отредактирована и не откорректирована. Что уж говорить о печати! А столько книг еще не напечатано! Так вот, скажи им: на еду из фонда Би-Би-Ти не тратить ни копейки!

Однажды из Нью-Йорка позвонил Адвайта, менеджер «ИСККОН пресс», – позвонил, чтобы сообщить хорошую новость: через неделю они собираются послать в «Дай Ниппон» негативы пяти больших книг. Кроме того, «ИСККОН-пресс» отправил в Европу груз немецких

«Ишопанишад». Другие книги на иностранных языках вот-вот должны были выйти из печати. Прабхупада был доволен, и Шьямасундара сообщил своим духовным братьям, секретарям Джи-Би-Си:

Для Прабхупады, скажу я вам, это лучшее лекарство, чтобы укрепить пошатнувшуюся веру в нас. Дела идут на поправку, но он все же просит нас регулярно отчитываться о проделанной работе: ему нужна полная и ясная картина ситуации с книгами.

Узнав о том, что книги его выходят в свет, Прабхупада, здоровье которого по-прежнему оставляло желать лучшего, заметно прибодрился, и продолжил свою работу над переводом и комментариями.

Раначора: Как-то раз я засиделся допоздна, до часу ночи. Я вошел и увидел, что в гостиной Прабхупады горит свет. Я слышал его голос: он говорил в диктофон. Стараясь не шуметь, чтобы Прабхупада не узнал, что я не сплю в столь поздний час, я на цыпочках поднялся по лестнице. Но, проходя мимо его двери, я не устоял перед соблазном послушать, о чем он говорит. Я даже попытался заглянуть в замочную скважину, но ничего не мог разглядеть и просто стоял и слушал, как Прабхупада диктует «Шримад-Бхагаватам».

Вдруг он неожиданно замолк. Сначала я предположил, что Прабхупада обдумывает формулировку следующей фразы. Но потом я понял, что он почувствовал, что за дверью кто-то подслушивает его, и в испуге стал подниматься вверх, стараясь не издавать никаких звуков, хотя ступеньки предательски скрипели. Был час ночи, и все вокруг спали – не только храм, но и весь Лондон – в час-то ночи! Не спал только Прабхупада; он переводил. Говорил он тихо, но в его голосе слышалась великая сила и решимость. В течение всего дня он нес на своих плечах груз управления и встреч с разными людьми, а ночью, в те редкие часы, когда наступали покой и тишина, он бодрствовал и диктовал.

В Лондоне Прабхупада приступил к работе над книгой о западных философах, начиная с Сократа. Каждое утро Шьямасундара предоставлял Прабхупаде краткий обзор основных положений того или иного философского направления, а Прабхупада в течение нескольких часов рассматривал его ключевые моменты в свете сознания Кришны. И каждый день Шьямасундара транскрибировал утренние беседы и подготавливал материал по очередному философу.

14 августа Шрила Прабхупада отмечал Джанмаштами, день рождения Господа Кришны. На следующий день, в юбилей семидесятипятилетия Прабхупады, по почте ему пришла книга в мягкой обложке, с благодарственными письмами учеников. Во многих поздравлениях на Вьясапуджу ученики прославляли Шрилу Прабхупаду за его постоянные путешествия ради спасения падших душ во всем мире и за широту его милосердной проповеди.

В этом году Вы путешествовали по Индии, лично проповедуя и управляя Движением и своим примером являя нам смысл слова «ачарья». А теперь Вы путешествуете и вдохновляете преданных в центрах США и Европы.

В этот день Вьяса Пуджи 1971 года мы, Ваши родные дети, собрались у Ваших стоп, чтобы, насколько это возможно, выразить свои чувства. Вашими благословениями все мы, объединившись и освободившись от ссор и интриг, устремимся вперед, как единый великий ИСККОН, чтобы служить своими мыслями, словами и делами Вашей Миссии. Позвольте же нам распространять эти Ваши книги – всеблагое послание Кришны, милостиво доставленное в страны Запада. Позвольте нам, оставив в прошлом все обиды, сотрудничать и строго соблюдать регулирующие принципы, оставаясь Вашими чистыми представителями. Позвольте нам прославить чистую санкиртану и распространение журналов ради Вашего удовольствия. Слава Шриле Прабхупаде!

Все Ваши ученики молятся о том, чтобы Вы оставались с нами еще много лет, и о том, чтобы с нашей помощью Вы смогли уделять время написанию «Бхагаватам», а мы бы продолжали миссию Вашего Гуру Махараджа.

Но здоровье Прабхупады не улучшалось.

«Последние дня четыре или пять я болел; сейчас мне немного лучше, но болезнь все еще дает о себе знать. Я не могу спать больше двух часов подряд, а днем у меня иногда кружится голова. Но в остальном все в порядке. Как и прежде, я повторяю «Харе Кришна» и регулярно работаю над книгами».

Шьямасундара: Мы с Аравиндой спали прямо возле комнаты Прабхупады. Как-то ночью, лежа на нижнем ярусе кровати, я вдруг услышал: «Шьямасундара!» Зов был такой настойчивый, что я вскочил, стукнувшись головой о верхний ярус, и опрометью бросился к двери Прабхупады.

Распахнув дверь, я едва успел подхватить его, теряющего сознание прямо у порога. Лицо его было совершенно серым, и он был легкий, как куколка. Я перенес его на кровать, с ужасом думая: «Господи, что творится?»

Он весь дрожал. Я включил на полную мощность электрообогреватель, подвинул его к самой постели, укутал Прабхупаду в несколько одеял и стал ждать. Прабхупада не шевелился, глаза его были закрыты. Наконец, он пришел в себя и еле слышно прошептал:

– Шьямасундара, принеси черного перца.

Он объяснил, как приготовить из него пасту и попросил втереть ее ему в лоб.

Я бросился на кухню, приготовил пасту и нанес ее ему на лоб. Затем я спросил:

– Вы... Что случилось?

Кажется, он ничего не ответил. Глаза его были закрыты. Он, казалось, уснул.

Я прилег на полу возле кровати. Спустя какое-то время я услышал:

– Можешь возвращаться к себе. Со мной все в порядке.

В тот день Прабхупада оставался в постели часов до восьми-деяти утра, а когда встал, то выглядел совершенно как обычно. Его дух был настолько силен, что он мог подниматься даже после таких страшных приступов. Я уверен: все происходящее не имело физического объяснения. Он полностью поправился, хотя ночью явно был на волосок от смерти.

* * *

Как-то раз, повстречав индуса, господина Р. Б. Пандью из Момбасы, что в Восточной Африке, Прабхупада между прочим пожаловался на свое здоровье. Г-н Пандья сказал, что в Момбасе, где всегда тепло и солнечно, и дуют благодатные морские бризы, у него есть дом на берегу океана – идеальное место, чтобы поправить слабое здоровье. Он предложил Прабхупаде отправиться туда и жить там сколько душе угодно. Прабхупада впервые всерьез задумался о поездке в Африку – не столько для поддержания здоровья, сколько для проповеди сознания Кришны. Три месяца назад он отправил в Восточную Африку Брахмананду Свами и Джаганнивасу, и эта его поездка должна была воодушевить их, а, кроме того, подготовить почву для проповеди на африканском континенте.

Сначала Прабхупада отправил из Лондона в Момбасу Бхавананду и Нара-Нараяну, которые должны были оценить, можно ли ему там жить, как предлагал господин Пандья. Когда Бхавананда и Нара-Нараяна прибыли на место, Брахмананда Свами, трудившийся в Восточной Африке всего лишь с одним помощником, был несказанно рад встрече с ними, равно как и известию о том, что в скором будущем к ним приедет и сам Прабхупада. Ранее Брахмананда Свами проповедовал во Флориде, но Прабхупада попросил его отправиться в Пакистан. Вместе с другим преданным, Джаганнивасой, они тотчас же пустились в путь. Самолет доставил их в Париж, а из Парижа на Восточном Экспрессе они проехали через всю Восточную Европу. Узнав о военных действиях в Пакистане, Прабхупада написал Брахмананде Свами во Флориду, желая отговорить его от поездки, но адресата письмо не застало. По дороге в Пакистан, в Турции, Брахмананда и Джаганниваса были арестованы за попытку организовать публичные киртаны и несколько дней провели под стражей по подозрению в христианском миссионерстве.

В конце концов, они достигли Пакистана, где местные студенты плевали на них, оскорбляли, обвиняли в шпионаже и даже угрожали. Бывали дни, когда на улицах с их лбов силой стирали вайшнавские тилаки и предупреждали, что если они еще раз появятся на улице, их просто зарежут. Местные индусы уговорили Брахмананду и Джаганнивасу как можно скорее покинуть страну, и те нехотя согласились и направились в Бомбей, чтобы встретиться со своим духовным учителем.

Тем временем, в какой-то бомбейской газете Прабхупада прочел сообщение, что пакистанские солдаты в Дакке убили четырех миссионеров Сознания Кришны. «Я очень беспокоюсь за Брахмананду, – писал он. – Из-за этих дурных известий меня целый день не покидает тревога».

Услышав, что Брахмананда Свами вернулся в Бомбей, Прабхупада пожелал сию же минуту увидеться с ним. Как отец, вновь обретший потерянное дитя, он заключил Брахмананду в объятия и сказал: «Ты рисковал жизнью, исполняя мой наказ». Спустя несколько дней Прабхупада велел ему: «Отправляйся в Африку. Если ты сделаешь это, наша миссия охватит все континенты».

И теперь Брахмананда с нетерпением ждал приезда любимого духовного учителя.

* * *

Найроби

9 сентября 1971 г.

Набросив на плечи шерстяной чадар и взяв в руки неизменный белый пластмассовый дипломат, с которым он путешествовал по свету, Прабхупада сошел с трапа Боинга-747 Восточно-африканских авиалиний. Вместе с секретарем и слугой он прошел, опираясь на трость, по летному полю к зданию терминала. Войдя внутрь, он сел на стул, покрытый тканью, и присоединился к киртану, а встречавшие его индийцы и африканцы почтительно столпились вокруг.

Кул Бхушана, журналист и друг Брахмананды Свами, задал Прабхупаде несколько вопросов. Он спросил, чему тот приехал учить, и Прабхупада ответил: «Современные люди забыли о своих отношениях с Кришной, т.е. с Богом, и потому страдают. Кто бы вы ни были – индус, мусульманин или буддист, это неважно – не восстановив отношений с Господом, вы не сможете обрести счастье».

– Вы приехали только к индусам? – спросил г-н Бхушана.

– Нет, – ответил Прабхупада, – ко всем.

Г-н Бхушана: Восточная Африка, и особенно Кения, – одно из немногих мест, где люди наслаждаются гармонией в межрасовых отношениях. Так что же ваша миссия может дать Кении?

Шрила Прабхупада: Истинное братство возможно только там, где люди пребывают в сознании Бога. В противном случае мир будет непрочным.

Г-н Бхушана: Чтобы не ограничиваться одними лишь индусами, но достучаться и до африканцев, вашим ученикам потребуются особые усилия. Не правда ли? Здесь это очень важно.

Шрила Прабхупада: Наш метод всегда один и тот же. Он настолько эффективен, что подходит для всех. Мы не придумываем для каждого нового места новый способ. Метод всегда один и тот же – он универсален и привлекателен для каждого.

Переночевав в Найроби, Прабхупада и сопровождающие его преданные на маленьком винтовом самолете отправились в Момбасу. Мистер Пандья был в отъезде. Его семья, хоть и без особого энтузиазма, но все же приняла Шрилу Прабхупаду. Большой дом был построен по современному проекту – с закругленными углами, окнами в виде иллюминаторов и просторной гостиной с верандой, выходящей на океан.

Стоя у окна своей комнаты, Прабхупада любовался зеленовато-голубым морем, безоблачным синим небом и белым песчаным берегом в обрамлении пальм.

– Брахмананда сказал мне, что это место – одно из самых красивых в мире, – сказал Прабхупада, обернувшись к присутствующим. – Теперь я вижу, что он прав.

Прабхупада приехал в Момбасу с хроническим кашлем, но прогулки по берегу океана и горячее африканское солнце быстро поправили его здоровье. Как и в Лондоне, Прабхупада продолжал при помощи Шьямасундары каждый день разбирать постулаты философов-классиков. Следуя хронологическому порядку, он перешел от Сократа к Декарту.

Шьямасундара: Он (Декарт) говорит: «Я мыслю, следовательно, существую». Прежде всего, он обнаружил это: «Я существую». В определении истины он опирался на эту установку, ведь в его времена не было единого авторитета, на который бы опирались все.

Прабхупада: Не велика мудрость. И тысячи лет назад было немало тех, кто понимал, что он существует. Это называется атманам маньяте джагат: глупцу все окружающие кажутся глупцами. Декарт не первый человек, постигший существование индивидуального «я». Кришна говорит: ахам. Ахам эвасам эвагре: «Я был в начале, и Я останусь, когда все исчезнет». В свою очередь мы тоже говорим: «Я существовал до того, как было сотворено это тело, и буду существовать, когда оно умрет». Это понятие «я» есть как у Бога, так и у нас. В чем же новизна?

Почувствовав себя лучше, Прабхупада снова был готов проповедовать. Момбаса, в отличие от столицы страны, Найроби, была слишком мала для проповеди, поэтому он вернулся в столицу.

Найроби.

18 сентября 1971 г.

В Найроби Шрила Прабхупада преподавал урок того, как должен проповедовать санньяси. В течение месяца он неукоснительно следовал ведической традиции, останавливаясь в домах принимающих его индийцев не более чем на три дня. Несмотря на хорошую пищу и комфортабельные условия проживания, по истечении положенного времени, он переезжал в другую семью. Таковы правила для санньяси, говорил Прабхупада. Это необходимо, чтобы не привязываться к комфорту и не причинять хозяевам неудобств.

Для Шрилы Прабхупады не было никакой необходимости соблюдать эти элементарные нормы – ведь он был парамахамсой, санньяси высшего уровня сознания Кришны. Его тело, ум и речь были всецело заняты в служении Господу, и потому он не питал привязанности к материальным удобствам. И все же, подавая ученикам пример, он строго следовал ведической традиции. Эта традиция называется мадхукари, что значит «пчела». Взяв с цветка немного нектара, пчела тут же перелетает на другой. Такая система кратких визитов дала Прабхупаде возможность вовлекать в сознание Кришны большее число семей и принимать множество приглашений.

Куда бы ни приезжал Прабхупада, везде он вел себя как безупречный гуру и уважаемый садху. При этом он тепло и по-дружески общался с хозяевами, становясь, по существу, старшим членом семьи. Хозяева предоставляли ему лучшую комнату в доме (обычно свою спальню), а хозяйка с помощницами готовила для него изысканные блюда. Благодаря своему естественному сознанию Кришны, Прабхупада выглядел представительным и солидным, манеры его были неизменно аристократичны, а скромность его очаровывала хозяев. Очень скоро он стал другом и гуру многих семей в столице Кении.

Западные ученики извлекли немало уроков из общения с Прабхупадой в Найроби. Как-то раз господин Деваджи Дхамиджи пригласил Прабхупаду освятить алтарную в его доме. Когда Прабхупада приехал, мистер Дхамиджи предложил ему сесть на оленью шкуру.

– Мы не садимся на оленью шкуру, – сказал Прабхупада. – Хотя она чиста, наши вайшнавцы не носят оленьи шкуры и не сидят на них. Это в традиции йогов.

Бхавананда: Тогда мистер Дхамиджи пригласил Прабхупаду сесть на диван, покрытый чистой белой тканью. Прабхупада сел, и ему начали омывать стопы. Я впервые наблюдал за тем, как Прабхупаде омывают стопы – сначала молоком, а затем водой с розовыми лепестками. Потом на стопы нанесли чандану и осыпали их порошком красной кункумы, рисовой мукой и цветами жасмина. Пальцы на его ногах стали красными от кункумы, к ним прилипли зернышки риса и маленькие белые цветочки жасмина. После этого он прочитал лекцию. Никогда прежде я не обращал внимания на стопы гуру. Лишь теперь я понял, что стопы гуру имеют особое значение. И они изумительно прекрасны.

Прабхупада не удовлетворяла проповедь одним только индийцам. Он хотел проповедовать и африканцам. Но индийцы и африканцы в Кении жили совершенно изолированно друг от друга. Однако, поскольку осознавший Кришну человек не делает телесных различий, Прабхупада говорил, что долг индийцев – поделиться своей духовной культурой с африканцами.

Прабхупада убеждал Брахмананду Свами, что его главная задача в Африке – приобщить к сознанию Кришны коренное население страны. Вспоминая пережитое в Турции и Пакистане, Брахмананда Свами с опаской относился к идее публичных киртанов в Найроби. Кроме того, большинство африканцев говорили на суахили, принадлежали к другой культуре и были, как правило, слишком бедны, чтобы покупать книги. Брахмананда Свами пребывал в полной растерянности, не представляя, как им проповедовать. Общаться с индийцами было куда проще и естественней.

Но Прабхупада хотел проповедовать африканцам.

– Это же африканская страна! – говорил он. – Они здесь хозяева, значит, им и нужно проповедовать!

В этом, как и во всем остальном, что касалось сознания Кришны, Прабхупада показал собственный пример. Он решил воспользоваться для этого храмом Радхи-Кришны, который находился в районе, населенном преимущественно африканцами. В храме был зал, двери которого выходили на шумную улицу, и Прабхупада посоветовал преданным устроить в помещении киртан, а двери оставить открытыми. Преданные сделали, как он велел, и через пять минут зал начал заполняться людьми. Храм находился в бедном районе города, и пришедшие были грязны и неграмотны. Однако они оказались чрезвычайно любопытны и с радостью присоединились к киртану, улыбаясь, хлопая в ладоши и радостно танцуя.

Брахмананда Свами вышел из зала и направился к дому неподалеку, в котором остановился Прабхупада.

– Зал полон, – сообщил он, – но вам приходить не обязательно, мы продолжим программу сами.

– Нет, я должен пойти.

Брахмананда Свами попытался отговорить его.

– Я пойду! – повторил Прабхупада. – Ты ведешь меня или нет?

Когда Брахмананда Свами со Шрилой Прабхупадой вошли в храм, зал был забит еще плотнее, чем несколько минут назад. В мрачной, слабо освещенной алтарной Прабхупада, в своем шелковом шафрановом одеянии, казалось, сиял. Люди с любопытством глядя на него, расступились, образовав проход. Поднявшись на сцену, Прабхупада провел киртан, а потом заговорил. Хотя слушатели, чьим родным языком был суахили, не понимали ни слова, они вели себя уважительно. А киртан привел их в полный восторг.

Члены индийской общины с тревогой восприняли идею Прабхупады открыть двери храма для африканцев. Кое-кто специально пришел, чтобы посмотреть, чем все это закончится. Однако проникнутая состраданием программа Прабхупады произвела впечатление и на индийцев. Простое с виду действие оказалась способно стереть культурные границы.

Такую задачу – дать сознание Кришны африканцам – поставил Прабхупада перед миссией Брахмананды Свами. Для этого не требовалось ничего особенного: всего лишь бесплатно раздавать прасад и книги и петь «Харе Кришна» под аккомпанемент барабанов и каратал. Прабхупада не хотел, чтобы сознание Кришны в Найроби превратилось в одно из индуистских религиозных обществ. Индусы могут помогать пожертвованиями, но проповедовать Брахмананда Свами должен африканцам.

Когда к Прабхупаде в Найроби приехали несколько темнокожих американских учеников, он сказал им:

– Четыреста лет назад ваших предков увезли отсюда в рабство. А теперь – подумать только! – вы вернулись в Африку наставниками!

Прабхупада организовал в Найроби первый киртан на открытом воздухе. Преданные устроили его в парке Камакунджи, под самым большим деревом – одним из символов независимости Кении. Когда преданные начали киртан, вокруг собралась большая толпа, и многие присоединились к пению. Кое-кто даже пустился в пляс в духе африканских ритуальных танцев. Из толпы вышел паренек и предложил переводить проповедь Брахмананды Свами на суахили. Преданные раздавали сладкие бунди, чем несказанно порадовали пришедших. В целом, начинание имело грандиозный успех.

Прибежав к Прабхупаде, Брахмананда Свами рассказал ему об удивительном киртане в парке. Его переполняли те самые же чувства, что и в 1966 году, когда он отчитывался об успехе первого киртана в Вашингтон-Сквер, в Нью-Йорке. Сейчас, как и тогда, Брахмананда Свами вновь последовал совету Прабхупады, и результаты оказались блестящими. Словами и личным примером всего за несколько дней Прабхупада перенес акцент с проповеди индийцам на проповедь африканцам.

На вечернюю лекцию Прабхупады в университете Найроби собралось две тысячи студентов-африканцев; у окон и дверей толпились сотни людей, которым не досталось места в зале. Бхута-Бхавана, темнокожий ученик Прабхупады из Америки, произнес короткое вступление, сказав несколько фраз на суахили. «Харамбай», – начал он, что значит «Добро пожаловать, братья, давайте работать сообща». Затем слово взял Прабхупада.

– Весь мир погряз в стремлениях и скорби. Вы, африканцы, стремитесь жить так, как живут люди в Европе и Америке. Но европейцы потеряли свою империю. Сейчас они скорбят. Получается, что одни стремятся, а другие скорбят...

Мы прибыли на африканский континент, чтобы все разумные люди Африки познакомились с этой философией и распространяли ее. Уж если совершенствоваться, так делать это всерьез. Не подражайте американцам и европейцам, которые живут как кошки и собаки. Эта цивилизация обречена. Атомная бомба уже наготове. Очередная война обратит в руины небоскребы и разрушит все вокруг. Попробуйте посмотреть на вещи с точки зрения реальности, учитывая подлинную цель человеческой жизни. Этому учит Движение сознания Кришны, и мы предлагаем вам приобщиться к нему и постараться постичь его философию. Большое спасибо.

Аудитория взорвалась аплодисментами, приветствуя Прабхупаду стоя. Такая реакция в очередной раз показала, что послание Кришны, невзирая на политические, географические или социальные препоны, всегда находит дорогу к людским сердцам. Сойдя с трапа самолета в аэропорту Найроби, Прабхупада сказал корреспонденту, что намерен проповедовать африканцам. Так и случилось. Он передавал им то же знание и тот же метод преданного служения, что предлагал и американцам, ибо желания тех и других могли реализоваться только в сознании

Кришны. Сознание Кришны работало повсюду, где только находились искренние и разумные люди, желавшие его распространять.

Прабхупада продолжал проводить выездные программы. Принимая участие в популярном теле-шоу «Мамбо Лео», он показал изображение Господа Чайтаньи, который танцевал и пел в окружении преданных. Ведущий поинтересовался, почему на картине изображены только белые.

– У индийцев кожа разных цветов, – ответил Прабхупада.

– А кто нарисован в центре? – спросил ведущий.

– Шри Чайтанья Махапрабху, – объяснил Прабхупада, – Сам Бог.

– Какой еще Бог! – возмутился тучный ведущий. – Что вы имеете в виду? Это же обычный человек!

Прабхупада возмутился еще сильнее ведущего.

– По-вашему Бог не может прийти в облике человека? Кто Ему помешает?

В одной из многочисленных лекций, прочитанных им в Найроби, Прабхупада подчеркивал, что мир во всем мире возможен только на духовном уровне, а сознание Кришны – единственная сила, способная погасить существующие конфликты.

– К примеру, индусы, живущие в Африке, могут быть по-своему довольны жизнью, тогда как африканцы не удовлетворены. Когда одни довольны, а другие сетуют, возникают предпосылки для противостояния. И лишь на основе сознания Кришны, занявшись любовным служением Верховной Божественной Личности, ум и душа обретают покой.

Прабхупада продолжал описывать свои планы помощи африканцам.

– Мы прибыли в Африку для того, чтобы просвещать людей. Не только индийцев или приверженцев индуизма, но и коренное население. Я рад, что наши последователи выходят здесь на улицы с санкиртаной, как это происходит повсюду – в Лондоне, Нью-Йорке и других крупных городах мира. И Движение это находит отклик в сердцах как местной молодежи, так и старшего поколения.

Таким образом, для Движения сознания Кришны не существует границ. Сегодня оно пришло на эту землю, и я призываю всех желающих приобщиться к нашей миссии. Не сомневаюсь, что африканские юноши и девушки примут в нем участие – в этом мы уже успели убедиться. Среди моих учеников в Америке много африканцев.

Пусть никто не говорит, что не может служить Богу, потому что слишком занят, или беден, или оттого, что он черный или белый. Нет. Чистым преданным служением может совершенно свободно заниматься каждый.

Прабхупада обратился к аудитории с просьбой помочь преданным в организации проповеднического центра в Найроби.

– Нам необходимо постоянное место. Без него мы не сможем расширять это Движение. Мы нуждаемся в срочной помощи. Предоставьте нам помещение, и вы увидите, как хорошо пойдут дела. Вы уже познакомились с нашим Движением и убедились, что повсюду в мире ему сопутствует успех. Африка – не исключение. Мы – не секта и не делим людей на африканцев и американцев.

Находясь в Найроби, Прабхупада услышал о новом законе, принятом в Танзании, согласно которому через десять лет вся частная собственность в стране должна автоматически перейти к государству, тогда как бывший владелец получит от правительства только десятипроцентную компенсацию. Прабхупада назвал закон типичным для Кали-юги. Вместо того, чтобы защищать людей, государство принимает законы, не считаясь с их интересами и мнением. Ведическая история гласит, что в стародавние времена мудрецы и брахманы наказали царя-нечестивца Вenu, ибо садху обязаны следить за справедливостью царской власти. Но в сегодняшнем мире политика бессистемна, а управление обществом лишено философской основы.

– Наш долг – бороться с этим, – объяснял ученикам Прабхупада. – Сейчас нас пятьсот человек. Каждому отпущено по пятьдесят лет. Только подумайте, сколько всего мы успеем сделать! Но для этого нужно отдать этому делу всего себя, без остатка, как это сделал я. Вайшнавов порой называют бездельниками. Но Арджуна и Хануман были воинами-вайшнавцами. Мой Гуру Махараджа говорил, что о нашем успехе можно будет говорить только тогда, когда верховный судья будет носить тилаку. Мои духовные братья довольствовались жизнью в храме, скудной едой и повторением мантры, но наш девиз – сначала работа, самадхи потом.

Лингвистически термин «самадхи» означает транс – полное погружение в мысли о Кришне и отрешенность от всех материальных желаний. Как правило, под этим словом подразумевается

уединенная медитация, когда йог, достигнув высокого уровня, уходит в тихое место, чтобы посвятить себя непрерывной медитации и повторению мантр. Но Прабхупада на своем примере показывал, что сложившаяся в мире ситуация не терпит отлагательства – преданному некогда уединяться для медитации. Наоборот, он должен изо всех сил трудиться, чтобы распространять Движение сознания Кришны на благо людям и себе самому. А потому ученики Прабхупады, будучи слугами своего духовного учителя, должны активно трудиться, а уж потом, на склоне лет, в пору духовной зрелости они смогут уединиться в святом месте, чтобы постоянно петь и слушать о Кришне.

Особое значение Прабхупада придавал активной деятельности. Что он под этим понимал? Проповедь сознания Кришны сама по себе – самадхи, по крайней мере, так это было для Шрилы Прабхупады. Самадхи не ограничивается сидением в уединенном месте. Истинное значение этого слова подразумевает полное погружение чувствами, умом и разумом в любовное служение Кришне. Даже в самадхи можно оставаться активным – путешествовать, проповедовать, распространять журналы «Назад к Богу» и петь на улицах. Всегда думая о Кришне и действуя ради Него, преданный становится лучшим из йогов. То же говорит и Кришна Арджуне: «Всегда помни обо Мне и в то же время сражайся». Шрила Прабхупада был олицетворением «активного» самадхи – слушая и памятуя о Кришне, прославляя Его, и, как солдат, сражаясь за Господа Чайтанью.

Проповедь Прабхупады в Найроби была особенно деятельна. Принеся сознание Кришны в очередной город земного шара, он показал пример Брахмананде Свами, как распространять сознание Кришны на африканском континенте. А Шьямасундара сообщал своим духовным братьям из Джи-Би-Си о потрясающем успехе Прабхупады.

Его Божественная Милость со скоростью молнии подготавливает еще одно обширное поле для нашей деятельности. Люди полны любопытства и серьезных вопросов...

Как-то, поздно вечером, после очередного проповеднического марафона, Прабхупада попросил поесть: «Видите, я проголодался. Но не давайте мне молчать. В проповеди – вся моя жизнь...»

Но Найроби был всего только одним городом, в одной стране, на одном континенте, а Прабхупада мечтал, чтобы сознание Кришны пришло во все города и деревни мира. Успеет ли он за свою жизнь сделать все – объехать все города, напечатать и распространить книги на всех языках, построить величественные храмы? Нет. Но в отпущенный ему срок человеческой жизни он хотел успеть сделать как можно больше, чтобы обеспечить будущее созданному им Движению сознания Кришны. Он критиковал присущее политикам представление, что, стоит им отойти от дел, как все, ради чего они работали, развалится. Такие политики, как правило, держатся за свои места и до последнего вздоха сидят в своих кабинетах. Прабхупада, в отличие от них, не имел личных амбиций, зная, что все плоды его деятельности принадлежат Кришне. Как истинный санньяси, он отринул мир с его брэнной славой. Но это отнюдь не сделало Прабхупаду ленивым.

Он выполнял свою миссию, уже находясь на склоне лет, и Господь Кришна вознаграждал его за старание. Прабхупада же, в свою очередь, продолжал распространять Движение сознания Кришны. Зная, что Господь Кришна желает затопить любовью к Богу весь мир, Шрила Прабхупада взялся за дело всерьез, начав с магазинчика в Нью-Йорке. Кришна ответил, послав нескольких последователей и достаточно денег, чтобы внести арендную плату. Всякий раз, когда Прабхупада что-то задумывал, Кришна спешил откликнуться. Так появился второй центр ИСККОН, за ним третий, четвертый... Началось издание книг. Шрила Прабхупада в настроении любовного обмена с Кришной умножал свои усилия.

Но теперь он был уже не один: Прабхупада поручил работу ученикам. И те из них, кто действительно хотели ему помочь, должны были принять тот же дух самоотверженности.

Участвуя в осуществлении широкомасштабных планов Прабхупады, ученики порой становились жертвой сомнений; поддерживать даже единственный храм в городе было труднейшей задачей для горстки преданных, а Прабхупада хотел открыть как минимум сто таких храмов. Он хотел, чтобы начатое им Движение прожило тысячи лет, и был уверен, что до тех пор, пока ученики его хранят чистоту, оставаясь в цепи ученической преемственности, им будет сопутствовать успех.

Хотя нынешняя эпоха Кали – время, когда люди почти не питают интереса к духовной жизни, считается наихудшей из всех, Прабхупада не сомневался в пророчествах ачарьев прошлого, согласно которым сознание Кришны откроет Золотой век и охватит весь мир своим

влиянием. Да, это худшее из времен, но под воздействием Святого имени Кришны оно станет лучшим. Пение Святого имени – религия века, и люди Кали-юги смогут обрести освобождение, просто повторяя «Харе Кришна».

Шрила Прабхупада был послан Самим Кришной, о чем свидетельствует вся его деятельность. Это было ясно еще в детстве, когда пятилетним мальчиком он проводил праздники Ратха-ятры. А в 1968-1971 годах, когда он активно расширял Движение сознания Кришны, это уже не вызывало никаких сомнений. Прабхупада сравнивал ИСККОН с Варахой, воплощением Кришны, который сначала был размером с большой палец, но тут же вырос настолько, что заполнил собой половину вселенной.

Бурный рост ИСККОН обеспечили не современные средства связи и передвижения и не организаторские способности ачарьи-основателя. С материальной точки зрения, Прабхупада совсем не был похож на человека, способного управлять международным движением, постоянно разъезжать по миру, писать многотомные труды и вдохновлять тысячи учеников на всех континентах. Он довольствовался простой, упорядоченной жизнью и не проявлял никакого интереса к таким элементам мирской культуры, как музыка, мода, спорт, политика, искусство, еда – всему тому, что не связано с Кришной. Он трудился и путешествовал, движимый одним лишь горячим желанием даровать миру подлинную духовную культуру, посадить саженцы этой культуры там, где простиралась пустыня безбожной цивилизации.

Поэтому, приняв во внимание тот факт, что Прабхупада не был заинтересован ни в чем материальном, нетрудно понять, что его стремление проповедовать по всему миру и развивать духовное движение носило всецело духовный характер. Он действовал, полностью подчинившись воле Господа Кришны, Верховной Личности Бога.

Шрила Прабхупада считал себя всего-навсего незначительным слугой своего духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, чье послание он старался донести до людей. Это послание, бывшее посланием Самого Господа Кришны, передавалось по цепи ученической преемственности: «Все мы – духовные души, вечные слуги Кришны, Верховной Личности Бога. Мы впали в забвение и вынуждены жизнь за жизнью страдать в материальном мире. Но, повторяя «Харе Кришна», можно возродить утраченные отношения с Богом».

Несмотря на первые успехи Прабхупады в Америке, кое-кто из его индийских духовных братьев склонен был принижать проделанную им работу. По их мнению, у Бхактиведанты Свами просто оказался подходящий характер, чтобы возиться с западными молодыми людьми – отбросами общества. В действительности же (и опыт Прабхупады это доказывает), молодые люди, среди которых он проповедовал, не были слишком восприимчивы, и нельзя сказать, что он приехал как раз вовремя и был радушно встречен толпами послушных учеников, жаждавших услышать «Шримад-Бхагаватам». Успех Прабхупады – в его упорстве, безграничном терпении и сострадании.

Успех пришел не потому, что настало время реактивных самолетов (хотя Прабхупада с радостью воспользовался этим преимуществом современной цивилизации), и не потому, что удачно сложились обстоятельства. Нельзя сказать, что Шрила Прабхупада смог принести ведическую культуру на Запад благодаря неким благоприятным социальным или историческим условиям. Нет. Это была воля Кришны и искренность Его слуги.

«Чайтанья-чаритамрита» гласит, что, не имея кришна-шакти, – особой силы, дарованной Господом, – невозможно распространять святое имя.

Кали-калера дхарма – кришна-нама санкиртана

Кришна-шакти вина нахе тара правартхана

«Главная религиозная традиция века Кали – повторение Святого имени Кришны. Не получив от Кришны полномочий, никто не сможет распространять Движение санкиртаны». (Ч-ч. Антия, 7.11) Этот текст, посвященный Шри Чайтанье Махапрабху, справедлив и в отношении Его слуги, Шрилы Прабхупады. Без воли Кришны Шрила Прабхупада не сумел бы вдохновить повторять «Харе Кришна» такое количество людей.

Личность, наделенная особыми духовными полномочиями (кришна-шакти), согласно ведической литературе именуется шакти-авеша-аватарой. Хотя термин «аватара» чаще относят к воплощениям Самого Господа, словом шакти-авеша-аватара называют тех, кто уполномочен Господом исполнять в этом мире особую миссию.

В ведической литературе описываются разные шакти-авеша-аватары. Так, царь Притху обладал властью управлять государством в сознании Бога; четыре Кумара были наделены

энергией духовного знания, а Нарада Муни – энергией преданного служения. Господь Будда, имя и качества которого описаны в «Шримад-Бхагаватам», также был шакти-авеша-аватарой. Более того, ачарьи-вайшнавцы признают шакти-авеша-аватарами и наделенных божественными силами святых посланников не-ведической культуры, таких как Христос и Мухаммед.

То, что в 1968-1971 годах сделал Шрила Прабхупада, подтверждает его положение шакти-авеша-аватары, который исполнил пророчества Писаний.

Притхивите ачхе йата нагаради грама
Сарватра прачара хайбе мора нама

«Движение Господа Чайтаньи, санкиртана, придет в каждый город и каждую деревню мира».

Даже с точки зрения истории религий, проповедь Прабхупады была исполнением миссии Господа Чайтаньи, пришедшего в Западную Бенгалию за пятьсот лет до появления сознания Кришны на Западе. Ведическая литература и ачарьи вайшнавцев сходятся во мнении, что Господь Чайтанья – это Сам Кришна, Верховная Личность Бога, нисшедшая в Кали-югу в облике чистого преданного. Подобно Господу Кришне, явившемуся со Своей полной экспансией, Господом Баларамой, в эпоху Кали Господь Чайтанья пришел с Господом Нитьянандой – воплощением Господа Баларамы. Шрилу Прабхупаду можно рассматривать не только как уполномоченного представителя Бога, но и как особое проявление Господа Нитьяланды. Согласно философии гаудия-вайшнавцев, Господь Кришна являет Себя обычным людям через Господа Нитьяланду. Для того чтобы постичь Бога, индивидуальной душе нужна Его помощь. Эта помощь приходит по беспричинной милости Господа Нитьяланды, которого по этой причине именуют изначальным гуру. Хотя Господь Нитьянанда является прямой экспансией Господа Чайтаньи, Его главная роль в служении Господу Чайтаньи – спасение падших душ.

Господь Нитьянанда и Его представитель – духовный учитель – не подвергают изменениям Священные писания или наставления Господа Кришны, но делают их более доступными и понятными людям. Господь Чайтанья благословил Господа Нитьяланду проповедовать Святое имя, стучась в каждую дверь. Эта решительная и сострадательная проповедь, свойственная Господу Нитьяланде, отличала и Шрилу Прабхупаду. Этим же духом Шрила Прабхупада наделил и своих учеников, которые выходили на улицы городов мира, желая поделиться милостью Святого имени Бога с каждым.

Наибольшую славу Господу Нитьяланде принесло спасение двух братьев-пьяниц, Джагая и Мадхая, которые напали на него, когда Он попытался благословить их Святым именем. Однако во времена Господа Нитьяланды – Прабхупада неоднократно подчеркивал это – было всего двое таких грешников: Джагай и Мадхай, тогда как сегодня «джагаями» и «мадхаями» наводнен весь мир. А Прабхупада брал таких джагаев и мадхаев в ученики. В полной мере проявляя сострадание Господа Нитьяланды и презрев опасность, он давал Святое имя, невзирая на лица.

Даже Сам Господь Нитьянанда во время Своего пребывания в Индии не обращался к такому количеству падших душ, находящихся на столь низком духовном уровне и в столь отдаленных уголках мира, как сейчас это делал Прабхупада, Его доверенный представитель. Сейчас Господь Нитьянанда вершил Свои деяния через его посредство. Являясь носителем милости Гаура-Нитай (Господа Чайтаньи и Господа Нитьяланды), Шрила Прабхупада благословлял мир любовью к Господу.

Однако сам он ни публично, ни в кругу учеников никогда не называл себя великим посланником Господа, но всякий раз лишь подчеркивал свою принадлежность к цепи ученической преемственности, передающей авторитетное знание. И учеников он вдохновлял занимать ту же позицию: «Мы хотим подготовить множество чистых преданных, чтобы другие люди получили такое же благо от общения с ними. Так чистых преданных будет становиться все больше».

Прабхупада знал, что проповедь сознания Кришны не может быть бизнесом. В Индии немало профессиональных толкователей и декламаторов «Шримад-Бхагаватам», однако они не способны призвать материалистов к преданному служению Господу. Только чистый преданный может изменить сердце безбожника.

При этом себя Прабхупада никогда не считал чистым преданным, но лишь слугой чистого преданного, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати – своего Гуру Махараджа.

Главной целью Прабхупады, о достижении которой он горячо молил Господа, было успеть создать крепкую семью чистых преданных, которая была бы способна распространить учение парампары и уберечь его от искажений. Он подчеркивал, что все проповедники Движения сознания Кришны могут стать чистыми преданными, если будут исполнять заповеди чистой жизни, избегать греховной деятельности и неизменно повторять «Харе Кришна». Только в этом случае, говорил Прабхупада, преданные смогут менять сердца людей.

18 октября 1971 года

Проведя в Африке пять насыщенных событиями недель, Прабхупада приготовился к путешествию в Индию. Он собирался посетить Бомбей, Калькутту и Дели. Дав мощный импульс развитию ИСККОН в Индии – получив землю в Майяпуре, открыв центры в Бомбее, Калькутте и Нью-Дели, – он предусмотрительно оставил несколько групп учеников и в других частях Индии. Проводя фестивали, киртаны и раздавая прасад, ИСККОН быстро завоевывал признание индийцев. Свободные члены предлагали им свое служение и всегда от этого выигрывали – они помогали поддерживать центры ИСККОН, а в награду получали новые книги и журналы.

Но это было только начало. Утвердиться в какой-либо стране – будь то Индия, Африка, Америка или Россия – было само по себе огромным достижением, но одного этого было недостаточно. Хотя для миссии Господа Чайтаньи многое уже удалось сделать, гораздо больше оставалось впереди. Проповедь сознания Кришны – не та работа, которую в какой-то момент можно считать законченной.

Конечно, в каком-то смысле метод этот уже совершенен и полон сам по себе. Проповедь Прабхупады всегда достигала цели – даже в Индии, когда он боролся в одиночку, стараясь донести свое послание через газету «Назад к Богу», «Лигу преданных» и переводы «Шримад-Бхагаватам». Он всегда неуклонно следовал духовному наказу Бхактисиддханты Сарасвати и Кришны, и потому всегда добивался успеха. Движение сознания Кришны было совершенным, и сейчас, по воле его создателя, Господа Чайтаньи Махапрабху, его совершенство стало очевидным. Но деятельность, блаженство, самадхи самоотверженного и бескорыстного служения этой миссии были бесконечны и неисчерпаемы. Сегодня ИСККОН утвердился в Африке, а завтра Прабхупада летит в Бомбей, где Кришна уже обеспечил ему плацдарм. Так, следуя желанию Кришны, он и будет колесить по миру, посылая учеников, распространяя книги и свою миссию, пока не достигнет каждого города и деревни.

Глава тридцать седьмая

«Земля ваша»

Калькутта

Март 1971 года

Полночь. Шрила Прабхупада сидит на подушке за низким письменным столом. Преданные давно спят – во всем доме свет горит только у него. Перед ним на столе – диктофон и том «Шримад-Бхагаватам» с комментариями на бенгали. Между двумя вазочками с розами и астрами небольшая фотография в рамке – его духовный учитель Бхактисиддханты Сарасвати. На полу перед столом – широкая циновка, покрытая белой хлопчатобумажной тканью, на которой несколько часов назад сидели преданные и гости.

Сейчас он один. Обычно он ложится в десять, а часа через три или четыре встает и начинает переводить, но сегодня он не отдыхал, его «Бхагаватам» так и лежит нераскрытым, диктофон зачехлен.

Он отправил двух учеников – Тамала-Кришну и Бали-мардану – в Майяпур, чтобы они купили там землю. Прошло шесть дней, а от них – ни слуху ни духу. Он велел им не возвращаться, пока сделка не будет закончена, но шесть дней – срок более чем достаточный. Он уже начал беспокоиться, мысль об этих двух учениках постоянно преследовала его.

Легкий ветерок доносит через открытое окно запах дерева ним. Становится прохладно, и Прабхупада набрасывает на плечи тонкий чадар. Поглощенный своими мыслями, он сидит, откинувшись на круглую белую подушку, и почти не замечает знакомой обстановки комнаты. Рядом – глиняный кувшин с водой для питья и туласи в горшке на низкой деревянной подставке. Электричества почти не бывает ни днем, ни ночью, а сейчас его включили, и мошкара вьется вокруг голой лампочки над головой. Потолок патрулирует ящерица, которая время от времени бросается к лампочке, чтобы схватить какую-нибудь мошку.

Почему Тамала-Кришна и Бали-мардана задерживаются? Дело не в шести днях – он пытается приобрести землю в Майяпуре уже много лет, и на этот раз все складывается как нельзя лучше. Он дал Тамала-Кришне и Бали-мардане четкие и ясные указания, и по его расчетам ребята уже должны были вернуться. Их задержка наводит на мысль о каких-то затруднениях или даже опасности.

Земля, которую они хотят купить, – это участок в 9 бигхов [2,25 га] на Бхактисиддханты-Роуд, в полутора километрах от места рождения Господа Чайтаньи Махапрабху. Братья Сек, фермеры-мусульмане, поначалу запросили очень высокую цену, и лишь недавно одному калькуттскому адвокату, хорошо знающему Навадвипу, удалось договориться с ними о приемлемой цене. Братья Сек согласились на четырнадцать с половиной тысяч рупий, и Прабхупада распорядился снять деньги со своего счета в банке в Кришнанагаре. Затем Тамала-Кришна и Бали-мардана отправились в Майяпур, а Прабхупада остался в Калькутте. Он продолжал заниматься делами, но мысли его то и дело возвращались к ученикам, пропавшим в Майяпуре. Он поручил им очень важную миссию, и, беспрестанно думая о них, своей заботой благословлял учеников.

Прабхупада очень хотел открыть в Майяпуре центр ИСККОН; это желание разгоралось в нем тем сильнее, чем больше становилось его Движение. Сам он без труда мог посещать Майяпур или жить там – это было не трудно. Но чтобы пригласить туда учеников, нужна была земля. Духовный учитель наказал ему проповедовать на Западе; теперь, когда Общество сознания Кришны добилось успеха, западным ученикам нужен был центр в Майяпуре, где они могли бы жить, поклоняться Господу и получать от пребывания в Святой дхаме великое благо. Бхактисиддханты Сарасвати придавал Майяпуру огромное значение, и у некоторых его учеников-санньяси здесь были храмы. Почему бы и Международному Обществу сознания Кришны не принять прибежище в Майяпуре?

Прабхупада с самого рождения знал о величии Господа Чайтаньи и Его дхамы, Шри Майапура. Во-первых, он вырос в Калькутте, где о Господе Чайтанье знает каждый, а во-вторых, отец его, Гоур-Мохан Дэ, был чистым преданным Господа Чайтаньи, и поэтому с детства Прабхупада пел бенгальские песни о Гауре и Нитае и Их играх на земле Гауды. Особенно глубоко

он проникся философией и деяниями Господа Чайтаньи в 1922 году, после встречи с духовным учителем.

Господь Чайтанья провел в Майяпуре и Навадвипе первые двадцать четыре года Своей жизни, однако спустя почти пять столетий места Его игр были забыты, место рождения Господа утеряно, а само Его учение стало объектом ложных толкований и злоупотреблений. Несмотря на идущую от Самого Господа ученическую преемственность чистых преданных, движение санкиртаны Господа Чайтаньи и Его чистое учение оставалось в тени, вплоть до Бхактивиноды Тхакура, отца Бхактисиддханты Сарасвати. Бхактивинода Тхакур много писал и проповедовал для того, чтобы восстановить интеллектуальную, нравственную и духовную целостность вайшнавизма Чайтаньи. В поисках точного места рождения Господа он вдоль и поперек исследовал Навадвипу, и, опираясь на свидетельства Вед, доказал, что в Навадвипе в минувшие эпохи являли свои деяния многие воплощения Вишну.

Бхактивинода Тхакур не только документально подтвердил былую славу Навадвипы, но и предсказал ее славное будущее, когда религия, основанная на учении Господа Чайтаньи, распространится по всему миру, и европейские и американские вайшnavы будут огромными толпами съезжаться сюда, чтобы вместе со своими бенгальскими братьями петь «Джая Шачинандана!» Придет время, писал Бхактивинода Тхакур, и на земле Навадвипы, на равнинном берегу Ганги, поднимется величественный храм, возвещающий миру славу Господа Чайтаньи.

Бхактисиддханта Сарасвати, исполняя желание своего отца и предшественника, Бхактивиноды Тхакура, проповедовать учение Господа Чайтаньи и славу Навадвипа-дхамы, основал Гаудия Матх. Он попросил одного своего богатого ученика пожертвовать деньги на возведение храма в месте рождения Господа Чайтаньи и построил зал для киртанов в том самом месте, где проводил Свои киртаны Господь Чайтанья. Сам он также поселился в Майяпуре. Бхактисиддханта Сарасвати построил по всей Индии шестьдесят четыре храма, но главная его мечта состояла в том, чтобы побудить примкнуть к Движению Господа Чайтаньи англо-говорящий мир, поэтому самым важным делом он считал публикацию и распространение литературы о сознании Кришны.

Теперь, сидя в своей комнате в калькуттском храме, Шрила Прабхупада размышлял о том, как осуществить великую мечту Бхактисиддханты Сарасвати и Бхактивиноды Тхакура. Для этого нужно было предпринять ряд практических шагов, и он был согласен начать даже с тех скромных возможностей, что были ему ныне доступны. Преданный не должен строить «воздушные замки», ожидая, что Кришна сотворит чудо и сделает все за него.

Прабхупада не был пассивным мечтателем. Все долгие годы упорного труда в одиночку в Индии он неуклонно стремился на Запад, и Кришна в конце концов исполнил его желание. В Америке Прабхупада проповедовал, довольствуясь теми обстоятельствами и теми скромными возможностями, которые давал ему Господь, и постепенно, шаг за шагом, достиг успеха и воплотил свою мечту, создав всемирное Общество преданных. Он всегда помнил о великой цели, и каждый шаг по направлению к ней приносил ему все более глубокое удовлетворение и приближал его к исполнению Миссии.

Прабхупада рассказывал историю о бедном горшечнике, который мечтал развить свое дело и сказочно разбогатеть. Однажды ему приснилось, что у него много земли, и много домов, и красивая жена. Предположив, что жена, возможно, будет ссориться с ним, горшечник рассердился и сказал: «Если жена будет скандалить, я пну ее!» Дернув во сне ногой, он разбил свои единственные два горшка и остался ни с чем.

Что бы ни делал Прабхупада – писал ли книги, читал или проповедовал – он непрестанно думал о том, как распространить сознание Кришны, исполнив мечту предшествующих ачарьев. Теперь ему не терпелось сделать следующий шаг, именно поэтому он и бодрствовал глубокой ночью, думая о двух учениках и их важной миссии.

Прабхупада сидел, погруженный в размышления, тишину нарушали лишь привычные ночные звуки. Скребется в стене мышь, на веранде храпит какой-то брахмачари, да где-то вдалеке ночной сторож совершает свой обход, стуча по земле палкой. Машины здесь не ездят – только деревянные рикши изредка громыхают по изрытой выбоинами мостовой.

Прабхупада боится, как бы ребят его не ограбили. Отправляя их в Майяпур, он показал Тамала-Кришне, как хранить деньги в самодельном матерчатом поясе. Но сумма большая, а грабеж в Навадвипе – не такая уж и редкость. А может, их задержало что-то другое? Иногда при

заключении крупной земельной сделки суд требует, чтобы чиновник зарегистрировал каждую купюру: ее достоинство, серию и номер. А может, поезд сошел с рельсов...

Вдруг на лестнице послышались шаги. Кто-то открыл входную дверь и теперь шел по веранде. В дверь тихонько постучали.

– Кто там?

Вошел Тамала-Кришна и распростерся перед Шрилой Прабхупадой ниц.

– Ну, какие новости?

Тамала-Кришна поднялся и торжествующе посмотрел на него:

– Земля ваша!

Прабхупада со вздохом облегчения откинулся назад.

– Слава Богу, – сказал он. – Можете идти отдыхать.

* * *

Лондон, август 1971 года

Прабхупада попросил верховного комиссара Индии в Великобритании пригласить премьер-министра Индиру Ганди на церемонию закладки первого камня храма ИСККОН в Майяпуре. Прабхупада уже распорядился, чтобы на церемонию прибыли все секретари Джи-Би-Си и попросил преданных пригласить на нее многих известных людей Калькутты. Он написал своим ученикам в Индии, что если Индира Ганди не согласится присутствовать на церемонии, они должны уговорить приехать, по крайней мере, губернатора Бенгалии Шри С.С. Дхавана.

Тем временем в Лондоне Прабхупада встретился с несколькими учениками – профессиональными архитекторами и проектировщиками. Он хотел, чтобы они занялись проектом будущего майяпурского храма. Нара-нараяна строил колесницы для Ратха-ятры и разрабатывал дизайн храмовых интерьеров, Раначора изучал архитектуру, а Бхавананда был профессиональным дизайнером. Но, поскольку Прабхупада уже продумал план застройки Майяпура, ученикам его оставалось только сделать чертежи и макет. Сам он намеревался немедленно начать собирать деньги и обеспечить этому проекту поддержку в Индии. Преданные, которым доводилось слышать о планах Прабхупады, считали их самым грандиозным начинанием ИСККОН.

На утренних прогулках по Рассел-Сквер Прабхупада, указывая то на одно, то на другое здание, спрашивал, какой они высоты. Наконец, однажды утром он объявил, что главный храм в Майяпуре должен быть не менее 90 метров высотой! Наводнения во время муссонных дождей и песчаные почвы Майяпура – все это создаст большие трудности, сказал он. Здание придется строить на специальном фундаменте, наподобие плавучей платформы. Впоследствии это подтвердил и инженер-строитель.

Прабхупада сказал, что в первую очередь необходимо построить большую четырехэтажную гостиницу. Его замысел не укладывался в рамки какого-то определенного архитектурного стиля, но по внешнему виду будущее здание больше всего напоминало строения, характерные для Раджастанхана. Он хотел, чтобы оно было розовато-красного цвета, со множеством арок и широкими мраморными верандами на всех этажах, кроме первого. Здание должно было протянуться с востока на запад, по ходу солнца – так, чтобы прямые солнечные лучи никогда не падали на фасад. В летний зной ветер с юга принесет сюда приятную прохладу. В доме должно быть проведено электричество и установлены вентиляторы. Просторные, хорошо проветриваемые комнаты будут оборудованы современными туалетами, душами и обставлены мебелью.

Гостиницу нужно построить как можно скорее, говорил Прабхупада, а затем сразу приступать к строительству других зданий. Он хотел построить жилые помещения на пятьсот преданных, огромный, на несколько тысяч человек, зал для принятия прасада, большую кухню и гошалу для коров, которые будут пастись на окрестных лугах. Со временем ИСККОН приобретет прилегающие участки земли и разобьет там парки с клумбами, деревьями и кустарниками, фонтанами, аллеями и беседками.

Главное сооружение – величественный Майяпур-Чандродая-мандир – будет достигать в высоту более 90 метров и, вероятно, обойдется в десятки миллионов долларов. Своими масштабами проект Прабхупады поразил как архитекторов, так и преданных: будущий храм затмит американский Капитолий и Собор Св. Петра в Риме. В центральном куполе храма разместится трехмерная модель Вселенной, в основу которой ляжет описание, взятое из Вед. Модель будет изображать не только материальную Вселенную, но и духовный мир.

Войдя в главный зал и взглянув наверх, человек увидит планеты, расположенные в соответствии с описанием, приведенным в «Шримад-Бхагаватам»: сначала низшие, затем средние, к числу которых относится и Земля, затем райские, и, наконец, Брахмалоку – высшую планету материального мира. Над Брахмалокой посетители увидят обитель Господа Шивы, а над ней – духовное небо, брахмаджьоти. В духовном сиянии брахмаджьоти парят излучающие свет планеты Вайкунтхи, на которых живут вечно освобожденные души. А на самом верху будет высшая планета, Кришналока, где Господь в Своей изначальной вечной форме наслаждается играми со Своими ближайшими спутниками.

В храме также будет сооружен миниатюрный дворец, где среди шелков и колонн, украшенных серебром, золотом и драгоценными камнями, будут стоять Божества Радхи и Кришны. Майяпур-Чандрода-мандир и город Майяпур станут штаб-квартирой ИСККОН.

Но почему это невиданное архитектурное чудо должно появиться в такой глуши? Потому, объяснял Прабхупада, что Майяпур – вовсе не глушь. Он лишь кажется глухим и удаленным местом. Материалистам все важное представляется чем-то далеким и незначительным. Душа и следующая жизнь кажутся им необыкновенно далекими, а тело и сиюминутные чувственные наслаждения – самым важным и существенным. Построив Храм Ведического планетария в Майяпуре, Шрила Прабхупада привлечет внимание людей, зараженных болезнью материализма, к истинной основе бытия.

Любой непредубежденный гость будет очарован красотой города ИСККОН в Майяпуре и ощутит, что попал в духовный мир. А живущие в Майяпуре преданные, благодаря постоянному пению Святых имен и обсуждению философии сознания Кришны, смогут убедить любого мыслящего посетителя в том, что учение Господа Чайтаньи Махапрабху – высшая истина. Преданные расскажут гостям о философии Абсолютной Истины, и те смогут соприкоснуться с подлинным духовным знанием, не ограниченным узкими рамками сектантской религиозной догмы. Более того, непрерывные киртаны, пение «Харе Кришна» и светящиеся радостью лица преданных, занятых разнообразным служением Господу, убедят их в том, что бхакти-йога – самый простой и естественный метод медитации на Верховную Личность Бога. Даже короткого пребывания в городе ИСККОН в Майяпуре будет достаточно, чтобы человек стал преданным Господа и начал в экстазе петь Святые имена и танцевать.

Шрила Прабхупада хотел показать, как с помощью бхакти-йоги можно одухотворить мир, связав материальные ценности с Верховной Личностью, Кришной. Так почему бы этому духовному проекту не затмить все достижения материалистов?

* * *

Услышав от верховного комиссара Индии, что премьер-министр не сможет участвовать в церемонии закладки первого камня в Майяпуре, Прабхупада расстроился. Тем не менее, он принял это как волю Кришны и сказал, что для проведения церемонии пригласит какого-нибудь влиятельного вайшнава – в крайнем случае, сделает это сам. «В целом, – писал он, – таково было желание Господа Чайтаньи, чтобы священный акт закладки первого камня проводился не каким-нибудь мирянином, но вайшнавом».

Наступил сезон дождей, и Ганга вышла из берегов, затопив всю землю ИСККОН. Ачйютананда Свами построил хижину из бамбука и соломы, где вскоре предстояло остановиться Прабхупаде, но вода поднялась так высоко, что Ачйютананде Свами пришлось жить на балочных перекрытиях. Он написал Прабхупаде, что, если бы не дорога Бхактисиддханты, урон был бы намного больше. Прабхупада ответил:

Да, дорога Шрилы Бхактисиддханты спасла нас. Мы всегда должны уповать на спасительную помощь Его Божественной Милости Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Махараджа Прабхупады. Всегда молитесь Его лотосоподобным стопам. Какого бы успеха в проповеди миссии Господа Чайтаньи по всему миру мы не достигли, это только по Его милости.

* * *

Нью-Дели
10 ноября 1971 года.

Машина выехала из толпы перед терминалом аэропорта. Прабхупада сидит на заднем сиденье и разговаривает с делийскими учениками. Его трость покоится на колене, а рука опущена в мешочек с четками...

Пока машина ехала по широким проспектам Нью-Дели, Прабхупада снял с себя две длинные цветочные гирлянды и положил их рядом с собой на сиденье. Полдень, стоит приятная осенняя погода. Прабхупада приехал из Калькутты как раз к началу десятидневного фестиваля ИСККОН в пандале. Программа должна начаться на следующий день.

Один из преданных сказал, что прием в аэропорту, который оказал Прабхупаде мэр Нью-Дели, г-н Ханс Радж Гупта, был вполне подходящим. Прабхупада улыбнулся.

В своей речи, обращенной к мэру Гупте и людям, собравшимся в фойе аэропорта, Прабхупада сказал, что долг Индии – трудиться на благо всего мира. Он поведал о том, как в двадцатипятилетнем возрасте встретил своего Гуру Махараджа и получил от него наказ нести послание Господа Чайтаньи всему англо-говорящему миру. Объясняя, почему он не мог отправиться на Запад раньше, чем ему исполнилось семьдесят, он сказал: «Я пытался стать хорошим инструментом для проповеди послания Господа Чайтаньи». Теперь, когда Движение сознания Кришны распространяется по всему миру, возникла необходимость в сотнях и тысячах проповедников. «И чернокожие люди танцуют, – сказал Прабхупада. – И они спрашивают индийцев: «Почему вы и ваши свами не даете нам этот великий метод?»»

Дели был третьим по счету городом Индии, который Прабхупада посетил с тех пор, как месяц назад вернулся из Африки. Путешествие началось в Бомбее. Начало было трудным. Шьямасундара не позаботился взять с собой медицинскую справку, подтверждающую, что Шриле Прабхупаде были сделаны нужные прививки, и иммиграционные служащие отказали Прабхупаде во въезде в Индию, отправив его на десятидневный карантин в клинику бомбейского аэропорта.

Запертый в своем номере, к которому прилегал веранда с видом на сад, Прабхупада смирился с тем, что некоторое время ему придется пожить в менее насыщенном режиме, и все же, каждое утро после завтрака он продолжал беседовать со Шьямасундарой о ведущих западных философах: Шьямасундара представлял какую-то из философий, а Прабхупада разбирал ее с точки зрения Вед. Затем, всего за день до окончания карантина, пришла справка, и Прабхупаду выпустили. Он тотчас же отправился в Калькутту, чтобы провести там серию программ с киртанами и лекциями в парке Дэш-Прия. В Калькутте Прабхупада пробыл две с половиной недели. Он был очень доволен тем, что храм ИСККОН располагается на Альберт-Роуд, в самом сердце бывшего европейского района.

– Я возвращаю сахабов (европейцев) в район сахабов, – говорил Прабхупада. – Но на этот раз они приезжают как вайшнав. Вы ни в коем случае не должны терять это место.

Некоторые из калькуттских преданных пожаловались Шриле Прабхупаде на плохое управление храмом и на скудное питание из-за недостатка средств. Когда Прабхупада спросил об этом руководителей храма, один из них ответил:

– Шрила Прабхупада, я просто стараюсь исполнить вашу волю.

– Разве моя воля – доставлять всем преданным беспокойства? – спросил Прабхупада.

Прабхупада быстро уладил все споры, распорядился улучшить питание и даже порекомендовал избирать служащих храма демократическим путем. Он также добавил, что поскольку сознание Кришны – очень важная миссия, преданные должны сотрудничать, несмотря на расхождение во мнениях. Материальный мир подобен океану, сказал он, и волны будут всегда.

Во время визита в Калькутту Прабхупада поделился своими планами на Майяпур. Нараяна сделал уменьшенную копию здания, которое ИСККОН будет строить на новой земле, и Прабхупада показывал макет всем своим гостям и просил их о помощи. Видя, насколько Прабхупада поглощен этим проектом, Гирираджа вызвался помогать ему всеми возможными способами.

– Мне кажется, это два ваших самых заветных желания, – сказал Гирираджа, – распространение книг и строительство храма в Маяпуре.

– Да, – с улыбкой ответил Прабхупада. – Да, спасибо тебе.

Когда Прабхупада приехал в дом г-на Рам-Ниваса Дандарии в Нью-Дели, там его уже ждал репортер, желавший взять у него интервью.

– Я так понимаю, – сказал репортер, – что под Кришной вы имеете в виду некий вечный принцип.

– Я имею в виду не принцип, – ответил Прабхупада. – Я имею в виду личность, такую же, как вы и я.

Прабхупада стал объяснять, что Господь Кришна – это Верховная Личность, как вдруг завывли сирены.

– Гасите свет! Гасите свет! – закричали репортер и остальные люди в доме.

Уже несколько недель люди пребывали в ожидании войны между Пакистаном и Индией; воздушные налеты и объявления тревоги стали в Дели обычным явлением.

– Сэр, – напряженно сказал репортер во мраке комнаты, – вот лицо реальности. Нам угрожает война с Пакистаном. Уродливая реальность предстает перед нами в звуках сирены.

– Мы всегда стоим перед лицом уродливой реальности, – сказал Прабхупада. – Постоянно. Даже если не будет бомбежки. Все равно, если вы выйдете на улицу, нет никакой гарантии, что вы вернетесь обратно. Таким образом, вы всегда стоите перед лицом уродливой реальности. Почему вы говорите об этом только когда бомбят? Это лишь одно из уродливых лиц реальности. Только и всего.

Репортер: Да, но в момент...

Прабхупада: Разве вы не осознаете, что стоите перед лицом уродливой реальности круглосуточно? Падам падам яд випадам. Опасность подстерегает нас на каждом шагу.

Репортер: Я знаю, сэр, но это всеобщая национальная опасность. Можете ли вы предложить что-нибудь в качестве средства защиты?

Прабхупада: Сознание Кришны – это наше единственное средство защиты. Примите его, и вы будете счастливы.

Репортер: Сэр, я полагаю, кто-то должен встретиться с Яхьей Ханом (президентом Пакистана).

Прабхупада: Ну и что вам даст встреча с Яхьей Ханом?

Репортер: А кто пытается убить меня? Не он ли?

Прабхупада: Ну, предположим, Яхья Хан вас не убьет. Будете ли вы тогда в безопасности? Тогда какой прок идти к Яхье Хану? Вы умрете сегодня или завтра. Если вы хотите спасти себя, идите к Кришне. Вот что мы предлагаем. Даже если вы отправитесь к Яхье Хану, и он откажется от войны, неужели вы думаете, что будете жить вечно? Что толку угождать Яхье Хану? Угождайте Кришне, чтобы обрести вечное спасение. Почему бы вам не делать это?

Репортер: Я лишь думал в отношении национальной безопасности. Я понимаю вашу мысль...

Прабхупада: Поймите, что вы всегда в опасности.

Репортер: Да, сэр, мы согласны. Покойный Эйнштейн говорил о том же...

Прабхупада: Такова наша позиция, и Кришна говорит: «Я спасу тебя». Поэтому пойдёмте к Кришне. Зачем ходить к Яхье Хану?

Репортер: Просто потому, что он беспокоит нас, только и всего.

Прабхупада: Ваш ум все время беспокоит вас, потому что он всегда с вами. Ваше тело всегда беспокоит вас. Разве не страдаете вы от болей в теле? Почему вы не идёте к Яхье Хану, чтобы избавиться от боли? Вы всегда в опасности. Как вы этого не понимаете?

Репортер: Мы понимаем, что это национальное бедствие.

Прабхупада: Это лишь признаки. Люди пытаются на время облегчить симптомы болезни. Мы же предлагаем наилучшее лекарство. В этом разница. Симптоматическое лечение не поможет вам. Вам нужно полноценное лекарство.

джанма карма ча ме дивьям
эвам йо ветти таттватах
тйактва дехам пунар джанма
найти мам эти со 'рджуна

«Вылечить» – значит прекратить цикл рождения и смерти. Именно этого мы и хотим. Это благо дает сознание Кришны. Йам прапья на нивартанте тад дхама парамам мама. Придя к Кришне, вы уже не вернетесь в этот материальный мир.

Репортер: Сэр, я задам очень гипотетический вопрос. Предположим, сотня чистых, сознающих Кришну святых занимаются совместной медитацией и обсуждением Писаний, но вот приходит кто-то и бросает бомбу...

Прабхупада: Те, кто сознает Кришну, не боятся бомбы. Увидев летящую бомбу, они подумают, что вот, Кришна пожелал, чтобы кто-то бросил бомбу. Человек в сознании Кришны никогда ничего не боится. Бхайам двитийабхинивешатах сйат. Боится тот, кто допускает мысль, что что-то может существовать вне Кришны. С другой стороны, у того, кто знает, что все исходит из Кришны, нет причин для страха. Если летит бомба, он говорит: «О, это Кришна». Таково

отношение преданного. Он думает: «Кришна хочет убить меня бомбой. Прекрасно. Я погибну». Это сознание Кришны.

Репортер спросил, неужели вайшнав не станет сражаться и встретит смерть, не сопротивляясь. Прабхупада ответил, что вайшнав станет сражаться, но будет делать это согласно указаниям Кришны, как Арджуна и Хануман. Затем Прабхупада продолжил объяснять, что сознание Кришны – единственное решение. Воздушная тревога закончилась.

Несколько учеников Прабхупады организовали в Нью-Дели программу в пандале, наподобие тех массовых фестивалей, которые Прабхупада уже проводил в Индии. Тамала-Кришна, Теджас и Гуру-дас заручились поддержкой влиятельных жителей Дели, включая мэра и членов Делийского Комитета по организации торжественных встреч, и те дали разрешение на проведение программы и написали рекомендательные письма другим важным лицам, к которым преданные затем обратились за пожертвованиями.

Все, с кем преданные встречались, относились к Шриле Прабхупаде благожелательно. Он вызывал в людях уважение – особенно при личной встрече. Некоторые индийцы расходились с преданными в философских взглядах, однако все без исключения были поражены тем, что благодаря Прабхупаде люди Запада начали следовать индуистской дхарме и сознать Бога, и они проявляли искреннее уважение к стараниям Прабхупады распространить учение «Бхагавад-гиты» по всему миру.

Индийцы глубоко почитали Прабхупаду как садху. Все, что он говорил, основывалось исключительно на Священных писаниях. Он являл собой пример полного предания Господу Кришне. Он был выше политики и сектантства; он был человеком во всех отношениях духовным и вызывал в людях естественное уважение к себе. Каждый, независимо от личных философских или религиозных убеждений, видел в нем истинного представителя индийской культуры, настоящего садху и гуру.

Среди важных лиц, давших согласие выступить во время десятидневного фестиваля, были Шри Ханс-Радж Гупта, мэр; Х. Баччан, известный индийский поэт; Шри Шьяма-Чаран Гупта, председатель Делийского совета метрополии; Шри Ч. Б. Агарвал, известный оратор; Шри Випин-Чандра Мишра, судья Верховного Суда Дели; д-р Атма-Рам, известный ученый; полковник Б. Р. Мохан, бывший мэр, промышленник из Лакнау; Шри Л. Н. Шакалани, влиятельный промышленник; Шри Адитья Натх Джха, вице-губернатор Дели; Шри Джагдживан Рам, Министр обороны Индии; и его превосходительство Джеймс Джордж, верховный комиссар Канады. Гуру-даса также доброжелательно принял Кеннет Китинг, посол США в Индии, который неоднократно уважительно отзывался о Движении сознания Кришны. Посол Китинг с сожалением сообщил, что во время мероприятия его не будет в городе.

Для десятидневного фестиваля преданные выбрали превосходное место на площади Коннат, в торговом центре Нью-Дели. Они натянули большой тент и провели освещение. Фестивальная программа открылась в шесть утра киртаном и арати перед мраморными Божествами Радхи и Кришны из Джайпура, которые прибыли накануне и теперь стояли на украшенном цветами алтаре на большой сцене. Сначала посетителей было немного, но когда после полуденного киртана и арати преданные начали раздавать кришна-прасад, гостей прибавилось. Вечерняя программа началась с вдохновенного киртана, который достиг кульминации, когда на сцену поднялся Шрила Прабхупада.

Для благочестивых жителей Дели вечерний праздник Движения «Харе Кришна» был событием торжественным. Поскольку месторасположение и время были выбраны идеально, а за вход не надо было платить, толпа выросла до нескольких десятков тысяч человек; многие пришли специально для того, чтобы посмотреть на молодых американских вайшнавов.

Когда приехал Прабхупада, сотни людей устремились вперед, чтобы прикоснуться к его стопам и получить благословение. Ученики, образовав вокруг него кольцо, вели его через толпу. Прабхупада, закутанный в серый шерстяной чадар, в «шапочке свами», небрежно сдвинутой на затылок, со свойственным ему аристократизмом неторопливо продвигался к сцене. Когда, наконец, он сел на вьясасану, публика постепенно успокоилась.

Первым выступил мэр Нью-Дели, Шри Ханс-Радж Гупта. Он встречался со Шрилой Прабхупадой в начале 1960-х, когда Прабхупада обратился к нему за пожертвованием для публикации первого тома «Шримад-Бхагаватам». Разглядев в Прабхупаде человека «искреннего и близкого к Богу», мэр помог ему, и позже Прабхупада подарил ему два первых тома «Шримад-Бхагаватам». Г-н Гупта был впечатлен тем, с каким успехом Прабхупада распространял на Западе

вайшнавизм. Представляя на хинди Шрилу Прабхупаду, он стал говорить о философии сознания Кришны, которую почерпнул из «Бхагаватам» Прабхупады.

Г-н Гупта отметил, что за пять лет работы в должности мэра Дели ему много раз приходилось принимать почетных гостей и выступать с речами, но, как правило, все это было не более чем формальностью. Сегодняшнее событие, сказал он, является исключением, ибо в жизни своей он не встречал никого, кто бы мог сравниться со Шрилой Прабхупадой. Мэр прославил Прабхупаду за «огромную работу на благо Индии и всего мира». «Он одарил любовью также и меня, и это тронуло меня больше, чем что-либо еще», – сказал мэр Гупта.

Затем заговорил Прабхупада. Вначале он спросил у аудитории, на каком языке ему лучше говорить – на хинди или на английском. Многие предпочли хинди и лишь некоторые – английский, но Прабхупада объявил:

– Я буду говорить по-английски, поскольку мои ученики присоединились ко мне, будучи американцами и европейцами. Они последовали за мной, и должны понимать то, что я говорю. Если я буду говорить на хинди, они не поймут. Поэтому я буду говорить на английском.

– Дамы и господа, – продолжил Прабхупада, – благодарю вас за то, что вы любезно согласились принять участие в этом Движении сознания Кришны. Сейчас мы споем одну духовную песню – «Джая Радха-Мадхава Кунджабихари». Как вам известно, вечная спутница Кришны – Шримати Радхарани, энергия наслаждения Кришны. Кришна – Верховная Личность Бога. Желая наслаждаться, Он проявляет Свою энергию наслаждения, известную как Радхарани.

Пропев «Джая Радха-Мадхава», Прабхупада в течение получаса объяснял науку о Кришне, приводя из «Бхагавад-гиты» цитаты о том, почему Кришна приходит в материальный мир, как жизнь за жизнью перевоплощаются души, и о том, что человеческая жизнь – это возможность пробудить свою любовь к Кришне.

– В этом и состоит религия, – сказал Прабхупада, – просто предайтесь Кришне. Станьте кришнаитом... Вам не требуется ни церковь, ни мечеть. Ничего не надо – просто сядьте и повторяйте «Харе Кришна». Это самый легкий метод.

Вторя Шукадеве Госвами, древнему рассказчику «Шримад-Бхагаватам», Прабхупада осудил образ жизни материалистов, которые «тяжко трудятся, как собаки», не думая о самопознании. Он подчеркнул, что Индия – это сокровищница мудрости, и долг индийцев – распространять эту мудрость по всему миру. Но, к сожалению, индийцы забыли о своем истинном долге.

В заключение Прабхупада сказал:

– В этой связи можно многое сказать о Движении сознания Кришны. В последующие десять дней я попытаюсь вас с ним познакомить. Это лишь начало. Я прошу вас приходить к нам сюда. Мы ничего не берем за вход. Мы зависим от Кришны. Если Кришна захочет, мы получим все необходимое. Мы полностью преданы Ему. Он может поддержать нас, а может и уничтожить. На все Его воля. Мы не возражаем. Мы не занимаемся бизнесом, у нас нет корыстных интересов. Мы просим вас приходить и присоединяться к этому Движению. Это не сектантская организация. В нашем Движении сознания Кришны много индусов, христиан, иудеев, мусульман и сикхов. Мы проповедуем одно слово – «Кришна», одно писание – «Бхагавад-гиту», и одну мантру – «Харе Кришна». Повторяйте «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Большое спасибо.

Когда Прабхупада сходил со сцены, люди вновь устремились к нему, чтобы коснуться его стоп. Ученики Прабхупады, конечно же, не сомневались в величии своего духовного учителя, но во время таких событий, когда они слышали его могущественную проповедь и видели, как его окружают толпы поклонников, величие его становилось самоочевидным.

Пробираясь к машине, Прабхупада оставался спокойным и смиренным, но окружавшим его ученикам приходилось стараться изо всех сил, чтобы защитить его от давки в волнующейся толпе. Некоторым, несмотря на старания учеников, удавалось прорвать заслон и они, нырнув между ногами преданных, простирались перед Прабхупадой в поклоне.

– Знаете, почему они мне поклоняются? – сказал вдруг Прабхупада, обернувшись к идущим рядом ученикам. – Потому что я свободен от полового желания.

В течение десяти вечеров Шрила Прабхупада читал в пандале лекции. Во многих из них он говорил о дхарме (религии) в связи с Движением сознания Кришны.

– Это Движение сознания Кришны – высшая система йоги. Очень научный метод. Не думайте, что это движение сентименталистов. Оно авторитетно и подтверждается Ведическими

писаниями. Можно видеть, какие результаты оно приносит. Религия есть преданность Богу. Эти юноши и девушки приняли эту истинную религию. Это Движение чрезвычайно важно, и мы даем возможность каждому достичь в жизни успеха. Поэтому мы обращаемся к вам со смиренной просьбой – примите сознание Кришны.

Вечером пятого дня, после того как судья Мишра во вступительной речи коснулся вопроса религии, Шрила Прабхупада дал определение этого понятия в своей лекции. ««Религия» означает «изначальное положение». Согласно английскому словарю, понятие «религия» определяется как «вероисповедание». Но, в соответствии с Ведами, религию нельзя поменять, как бывает с вероисповеданием, ибо это – закон, данный Самим Богом. Дхармой может являться только преданность лотосным стопам Кришны. Таково мнение Самого Кришны. Человек должен обратиться к Богу без скрытых мотивов.

Почему же не предаться сразу? Будьте разумны. Настоящая религия означает предаться прямо сейчас. Зачем ждать много жизней? Мы всех вас просим серьезно попытаться понять путь сознания Кришны. Примите его, и станете счастливы.

Видя, как индийцы отказываются от своей дхармы, чтобы стать материалистами, Шрила Прабхупада сурово порицал их за эту серьезную ошибку и призывал ее исправить.

– Если вы действительно хотите помочь своей нации, Индии, тогда вы должны принять культуру сознания Кришны. Это прославит вашу страну. Куда вам тягаться с западным миром в сфере технологий! Развитие технологий – задача запада. У вас другое призвание. Ваше преимущество в том, что после многих и многих жизней, совершив множество добрых дел, вы родились на этой земле – в Бхарата-варше.

Индия очень бедна. Куда бы я ни поехал, везде мне говорят, что я из очень бедной страны. Индия сама создает себе такую репутацию – наши правители выпрашивают у других стран подачки. Нас считают цивилизацией попрошаек. В Университете Беркли один индийский студент не захотел даже знакомиться с Движением «Харе Кришна». Он был единственным студентом, который отказался слушать. Он сказал: «Свамиджи, какая мне польза от вашего Движения «Харе Кришна»? В другом месте одна девушка спросила меня: «Свамиджи, кто такой Бог?» И я спросил ее: «Ты индианка? Как не стыдно тебе называться индианкой? Ты спрашиваешь, кто такой Бог, хотя родилась на земле Индии, на земле Бога». Индия – это земля, на которой явился Господь Кришна. Так что вы можете родиться индийцем, но если вы не следуете дхарме, в чем тогда разница между вами и животными?»

Однажды вечером, когда Прабхупада говорил, из толпы вышел какой-то американский хиппи и направился прямоком к сцене. Это был длинноволосый нечесаный блондин, в майке и высоких кожаных ботинках. На груди у него висела на цепочке миниатюра в рамке, изображающая Вишну, Брахму и Шиву. Когда парень попытался влезть на сцену, преданные столкнули его обратно, но Шрила Прабхупада их остановил. Он попросил преданного принести подушку и поставить перед парнем микрофон.

– Да? – сказал Прабхупада.

– Вы осознали себя? – с вызовом спросил хиппи. – Вы осознали душу в глубинах своего бытия?

– Да! – ответил Шрила Прабхупада.

Юноша не ожидал такого ответа, но затем последовал очередной вызов:

– А теперь скажите мне вот что. Когда была написана «Бхагавад-гита»?

– Вы ответьте на мой вопрос, – сказал Шрила Прабхупада. – Каков метод получения знания из «Бхагавад-гиты»?

– Нет, – настаивал хиппи. – Вы мне ответьте – когда была написана «Бхагавад-гита»? В лекции вы говорили, что она была написана пять тысяч лет назад, но другие свами говорят, что ей лишь полторы тысячи лет. Ответьте на мой вопрос. Я первый спросил!

Шрила Прабхупада в гневе повысил голос:

– Я не твой слуга. Я слуга Кришны. Это ты должен ответить на мой вопрос!

Завязался горячий спор: хиппи кричал на Шрилу Прабхупаду, Шрила Прабхупада отвечал ему тем же. В конце концов, преданные увели парня со сцены.

Этот инцидент смутил присутствующих. Многие встали с мест и начали расходиться.

– Почему ваш Гуру Махарадж разгневался? – возмущенно спрашивали у преданных некоторые посетители. – Он должен был ответить на вопрос.

Этот случай вызвал недовольство и у некоторых чиновников, которые оказывали поддержку программе в пандале. Они боялись, что поведение Шрилы Прабхупады произвело на публику плохое впечатление. Однако те, в ком была какая-то преданность, остались на своих местах, чтобы послушать, что сам Прабхупада на это скажет.

Преданные недоумевали, зачем он посреди лекции пригласил на сцену какого-то чокнутого хиппи, да еще и дал ему микрофон и подушку и вступил с ним в ожесточенный спор на повышенных тонах? И все это на глазах у двадцатитысячной аудитории!

Бхавананда: Один человек, оказавший нам поддержку в организации пандала, выразил свое несогласие: «О, Свамиджи разгневался. Это нехорошо». Но мне казалось, Шрила Прабхупада сделал это намеренно. Тем вечером он долго говорил о том, как правильно понять «Бхагавад-гиту», затем попросил этого хиппи подняться на сцену. Нам это было непонятно. Мы не могли это объяснить.

Гирираджа: На самом деле, Шрила Прабхупада использовал этот случай, чтобы проиллюстрировать метод постижения «Бхагавад-гиты». Когда хиппи ушел, Прабхупада закончил лекцию, подчеркнув, что к Кришне или к Его представителю следует обращаться со смирением, служа и вопрошая, а не с вызовом. Весь этот случай был тому примером и доказательством.

Ядубара: Многие из присутствующих неверно поняли смысл происходящего. Поэтому некоторые ушли. Те же, кто понял, почему Шрила Прабхупада так поступил, видели, что хиппи был просто негодяем, и Прабхупада применил свой трансцендентный гнев весьма к месту.

Теджас: Когда все закончилось, Прабхупада сказал нам: «Гопи испытывали вожделение к Кришне, а Арджуна ради Кришны выражал гнев. Поэтому нет ничего плохого в том, что ради Кришны преданный гневается». Но многие люди в толпе не понимали этого, не понимали, что преданный – не бесчувственный болван. Индийцы привыкли к йогам-имперсоналистам, не выражающим никаких эмоций. Посетители пандала в большинстве своем были последователями имперсонализма.

В последний вечер у Шрилы Прабхупады состоялась личная беседа с Джеймсом Джорджем, верховным комиссаром Канады.

Г-н Джордж: Вы привлекли столько канадцев и американцев.

Прабхупада: Не я их привлек, а Кришна.

Г-н Джордж: Верно.

Прабхупада: Кришна привлекает всех. Я же просто помогаю им привлечь Кришну. Таков мой долг. Это можно сравнить с тем, как магнит притягивает железо. Если железо ржавое, магнит не сможет его притянуть. Поэтому моя обязанность – устранить ржавчину. Это называется чето-дарпана-марджанам, очищение сердца.

В настоящий момент каждый из нас пребывает в сознании «я – тело». Поскольку вы родились в Канаде, вы думаете, что вы канадец. Поскольку я родился в Индии, я думаю, что я индеец. А он родился в Америке, поэтому считает себя американцем. Но мы не американцы, не канадцы и не индийцы. Мы – живые существа.

Г-н Джордж: Понять это не сложно. Но вот как произвести эту перемену в сознании, например, на Западе? Я полагаю, в этом и есть ваша миссия?

Прабхупада: Речь не идет о том, Восток это или Запад. Это философия, наука. Например, в математике два плюс два равняется четырем. Это выражение одинаково как для Запада, так и для Востока. Это не так, что на Западе два плюс два равняется пяти, а на Востоке – трем. Два плюс два равняется четырем везде.

Прежде всего люди должны понять, что мы не являемся телами. Это основа и, поняв это, мы сможем углублять свое духовное знание. Если же мы не познали дух, можно ли говорить о более глубоком духовном знании?

После беседы г-н Джордж сопровождал Прабхупаду до сцены и представил его собравшимся.

– Несколько лет я ждал возможности встретиться с этим свами и узнать, чем же он привлекает столько наших молодых людей в Канаде и Северной Америке. Я очень рад присутствовать здесь по вашему приглашению, и особенно я рад встретиться со Свамиджи. Я думаю, что, как он сам недавно мне сказал, происходит нечто в самом деле удивительное. Делает ли он это сам, или же (как он сам говорит) это делается через него – не столь важно. Что-то действительно происходит, и каждый, кто сомневается в этом, должен оказаться сегодня здесь, чтобы увидеть это своими глазами. Это происходит не только здесь, в Дели, но и в Торонто и

Кливленде, в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке – повсеместно. Что же это? Я не знаю, как он отвечает на этот вопрос. Про себя же могу сказать, что где-то в глубине души просыпается желание поиска.

В своей лекции Шрила Прабхупада сравнил материальное тело с машиной, управляемой водителем – душой. Он рассказал о естественном положении души как слуги Кришны. Обращаясь к г-ну Джорджу, Прабхупада закончил:

– Здесь присутствует наш уважаемый Верховный комиссар Канады. Я прошу вас – раз уж вы приехали в нашу страну, пожалуйста, попытайтесь понять эту философию. Я тоже путешествовал по вашей стране, Канаде, и, как вы уже упомянули, у нас там пять филиалов: в Монреале, Торонто, Ванкувере, Гамильтоне и Оттаве. Наши ребята трудятся изо всех сил. Они распространяют культуру, эти книги, и я получаю очень вдохновляющие отчеты. К нам приходит много молодежи. Это очень научное Движение. Поэтому я прошу вас, сообщите вашему правительству о том, что оно должно предоставить этим юношам возможность распространять в вашей стране это Движение сознания Кришны. Спасибо вам большое. Харе Кришна.

* * *

После успешного десятидневного фестиваля в пандале, который посетили семьсот тысяч человек, Шрила Прабхупада решил свозить своих учеников на короткую экскурсию по Вриндавану. Совершая проповедническое турне, он объехал Амритсар, Сурат, Индор, Горакхпур, Аллахабад и Бенарес, но во Вриндаван так и не попал. Однако, поскольку на праздник в Дели съехалось множество его учеников, он решил, что сейчас самое время поехать во Вриндаван, который находится совсем рядом.

Преданные разместились в двух машинах: Шрила Прабхупада с четырьмя учениками – в «Амбассадоре» госпожи Камалы Бакши, а остальные сорок преданных – во взятом напрокат автобусе. Выехав из Дели, они ехали мимо заводов, полей, рощ и деревень, растянувшихся вдоль шоссе Дели – Агра. Всю дорогу Прабхупада молчал. Когда через пару часов они достигли окраины Вриндавана, он велел водителю заехать в центр маленького поселка, где был колодец с пресной водой. Здесь Прабхупада с учениками напились, позавтракали свежими фруктами и продолжили свой путь. Перед самой дорогой Чхатикара, ведущей прямо во Вриндаван, автомобиль, в котором ехал Прабхупада, сломался.

Теджас: Когда машина Прабхупады сломалась, остаток пути он проехал с нами на автобусе. Мы относились к нему очень благоговейно, хотя наше общение было очень тесным – мы жили с ним, ездили в одном автобусе. Прабхупада никогда не возражал против такой близости. В те дни мы действительно были как одна семья – Прабхупада знал каждого из нас, и каждый из нас знал Прабхупаду и мог лично с ним поговорить – но, несмотря на это, мы относились к нему очень благоговейно.

Во Вриндаване Прабхупаду, его секретарей, а также женщин из их группы разместил в своем доме господин Г. Л. Сараф. Его дом назывался Сараф-Бхаван. Остальные преданные остановились в соседней дхармашале.

Для Прабхупады поездка во Вриндаван была не просто паломничеством. Он приехал сюда, чтобы подыскать участок земли для храма ИСККОН. Во время своего последнего посещения Вриндавана в 1967 году Прабхупада в первую очередь хотел отдохнуть и восстановить силы, но даже в тот раз он уже присматривал место для своих учеников. Он думал было построить во Вриндаване Американский Дом, чтобы его ученики могли жить в идеальной атмосфере Вриндавана, овладевать культурой сознания Кришны, а затем отправляться проповедовать. Однако, пробыв во Вриндаване два месяца и убедившись, что надежд на создание там Американского Дома практически нет, он уехал.

Но на этот раз он ехал во Вриндаван как всемирно известный посол этого города и прославленный проповедник культа Радхи-Кришны и Вриндавана в странах Запада. Прабхупада вместе со своими зарубежными учениками побывал во многих индийских городах, устраивая киртаны, выступая с лекциями по «Шримад-Бхагаватам» и рассказывая людям о сознании Кришны, так что об успехах Движения «Харе Кришна» знала уже вся Индия. Поэтому, когда Прабхупада и сорок его учеников приехали во Вриндаван, весть о его прибытии мгновенно разнеслась по всему городу.

Муниципалитет Вриндавана организовал для него официальный прием на который пригласили уважаемых людей города и садху, и представитель городских властей прославил Шрилу Прабхупаду и его достижения:

– О великая душа! Сегодня все мы, жители Вриндавана, бриджабаси, приветствуем вашу светлость в этом святом месте, во Вриндаване, и это большая честь для нас. Много лет вы жили в храме Радхи-Дамодары и поклонялись Ее Величеству Шримати Радхарани в медитации, а теперь задались трансцендентной целью освободить весь мир. Мы имеем возможность убедиться в вашем совершенстве, видя перед собой этих иностранных преданных, и необычайно горды тем, что вы сумели сделать их такими чистыми преданными.

О великий проповедник ведической культуры, в былые времена множество свами отправлялись в другие страны, но ваша удивительная проповедь движения санкиртаны и совершенной философии традиции бхакти в странах запада является единственным средством достижения мира и процветания для людей этого века. Вы проповедуете религию и культуру, поэтому пусть же всегда сияет ваше святое имя.

Говоря без утайки, мы чувствуем, как тесно мы связаны с вами. Приветствовать вас доставляет нам огромное удовольствие. Вы один из Бриджабаси – в этом нет сомнения. Мы уверены, что, куда бы вы ни отправились, воспоминания о Шри Вриндавана-дхаме вас не покидают. Культура, религия, философия и трансцендентная обитель Шри Вриндавана-дхамы путешествуют вместе с вами. Благодаря великому посланию вашей светлости, люди по всему миру становятся тесно связаны с Вриндавана-дхамой. Мы нисколько не сомневаемся, что благодаря одной лишь вашей проповеди духовное послание Вриндавана распространится по всему миру. Пусть же успех всегда сопутствует вам на этом благородном поприще!

Затем заговорил Шрила Прабхупада. Он начал с того, что рассказал, как Международное Общество сознания Кришны пытается установить дайва-варнашраму – создать общество, сознающее Бога, в котором каждый сможет найти свое место.

– Мы не должны думать, что Кришна принадлежит индусам или индийцам. Кришна – для всех. Эти иностранцы принимают сознание Кришны, понимая, что Кришна – для всех. Они не просто следуют религиозным принципам, какие есть, например, в индуизме, исламе или христианстве. Все это – религии, к которым мы принадлежим на основе семейных и национальных традиций. Если я называюсь индусом, то это не столько религия, сколько моя религиозная принадлежность. Я родился в семье индусов, поэтому называю себя индусом. Поскольку я родился в Индии или в Америке, я называю себя индийцем или американцем. Но наше Движение сознания Кришны – не самоотождествление. Сознание Кришны – это сарвопадхивинирмуктам. Сознание Кришны начинается тогда, когда человек освобождается от всех самоотождествлений и обозначений. Пока я остаюсь индусом, или мусульманином, или христианином, о сознании Кришны не может быть и речи.

Итак, эти юноши и девушки, или дамы и господа, что присоединились ко мне, отказались от своих обозначений. Они уже не американцы, не канадцы и не австралийцы. Они считают себя вечными слугами Господа Кришны. Никак иначе невозможно избавиться от скверны материи. Пока в нас остается материальная грязь, мы должны, в соответствии с шаштрой, следовать системе общественных и духовных сословий – брахманов, кшатриев, вайшьев, шудр, брахмачари, грихастх, ванапрастх и санньяси. Все это – материальные обозначения. Движение сознания Кришны помогает подняться над этими материальными обозначениями, чему и учатся эти юноши-иностранцы.

Когда я только начал свою проповедь в Нью-Йорке, на Второй авеню, 26, меня приходило послушать с полдесятка ребят. Как это выглядело? Я просто пел, пел мантру «Харе Кришна» и читал стихи из «Бхагавад-гиты», а они терпеливо слушали. А я знаю, что если кто-то терпеливо слушает Святое имя Кришны или повествования о Его играх, то – шринватам сва-катхах кришнах – Кришна очищает его изнутри.

Так произошло и с этими юношами и девушками. Я говорю «юноши и девушки», потому что в западных странах отсутствует принцип разделения полов: и женщины, и мужчины одинаково свободны. В нашей стране по-прежнему есть ограничения, в том смысле, что юношам и девушкам не позволяется общаться свободно, хотя сегодня и это уже имеет место. Но в европейских странах таких ограничений нет. Поэтому отделить юношей от девушек там невозможно. Их много приходит на наши программы. Я пел в Томпкинс-сквере, и эти юноши и девушки окружали меня, танцевали и пели «Харе Кришна». Некоторые из них до некоторой степени преуспели в духовной жизни, очистились и обратились ко мне: «Свамиджи, пожалуйста, примите меня в ученики».

Но я ставлю перед ними условие – тот, кто хочет стать моим учеником, должен освободиться от четырех видов греха: незаконных отношений с женщинами, мясоедения, приема одурманивающих средств и азартных игр. Только на этих условиях я принимал юношей и девушек в ученики. В соответствии с панчаратрика-виддхи, после того как они духовно созреют, я, следуя указаниям моего Гуру Махараджа, Его Божественной Милости Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады, даю им священный шнур. Это называется упанаяна-самскара. Согласно шастре, теперь их нельзя считать потомками семей млеччх и яванов, поскольку теперь они очистились. Об этом говорит и Шукадева Госвами в «Шримад-Бхагаватам», и вы об этом знаете:

кирата-хунандхра-пулинда-пулкаша
абхира-шумбха йаванах кхасадаях
йе 'нйе ча папа йад-апашрайашрайах
шудхйанти тасмаи прабхавишнаве намах

Так как же очиститься? Приняв прибежище у истинного духовного учителя. Итак, все они очистились согласно панчаратрики-виддхи, и многие из них получили священный шнур.

Прабхупада объяснил, что Святое имя способно возвысить любого, какого бы низкого происхождения тот ни был. Он привел в пример Харидаса Тхакура, который, хоть и родился в мусульманской семье, стал ачарьей Святого имени. Прабхупада также обсудил динамику Движения сознания Кришны, рассказав о том, как, согласно принципу юкта-вайрагьи Рупы Госвами, Международное Общество сознания Кришны использует в служении Кришне плоды материального прогресса.

– В странах Запада люди живут очень богато. Ученики принимают меня в таких апартаментах, которые не снились и губернатору. Помню, когда-то давно я имел возможность остановиться в резиденции губернатора в Лакнау. В то время губернатором был Бишванатх Дас, мы были с ним лично знакомы. И я помню ту богато обставленную квартиру, где мне довелось переночевать. Но сейчас мои ученики предлагают мне все то же самое. И мы не можем отказаться, поскольку таков уровень жизни в Америке. Вы не можете сказать: «Нет, я не буду спать в этой удобной квартире. Я лягу на улице. Я санньяси». Тогда вас перестанут уважать. Таков уровень жизни в Америке. Поэтому Рупа Госвами говорит, что вы не должны привязываться к вещам, но если вам необходимо использовать их для служения Кришне, следует их принять.

Люди служат майе, но мы всё хотим занять в служении Господу. Таково Движение сознания Кришны. Поэтому мы пользуемся самолетами, диктофонами, телетайпом. Мы пользуемся даже пылесосом. Так заведено. В каждом центре у нас есть новые автомобили. Мы не можем без них обойтись. В Европе или Америке приличные люди практически не ходят по улице пешком. Там так заведено. Поэтому мы тоже вынуждены пользоваться всем этим, но мы не должны к этому привязываться. Наша привязанность должна быть направлена только на Кришну, и ради служения Кришне мы можем использовать все. Таково Движение сознания Кришны.

Прабхупада закончил свою речь просьбой о выделении земли, поскольку хотел построить во Вриндаване храм для своего общества.

После церемонии к Прабхупаде подошел местный житель, г-н С., продавец запчастей для автомобилей, и предложил Прабхупаде участок земли, который его семья держала для достойных религиозных целей. Прабхупада улыбнулся. Не успел он приехать во Вриндаван, как Кришна уже предоставляет ему возможность построить центр ИСККОН. Прабхупада поблагодарил г-на С. за его служение Господу Кришне – это пожертвование поможет в развитии Движения сознания Кришны и принесет благо самому жертвователю, г-ну С.

Прабхупада прекрасно знал, что за этим официальным приемом и торжественными речами уважаемых людей Вриндавана скрывается глубокая настороженность и даже подозрительность, особенно со стороны кастовых госвами, владельцев главных храмов Вриндавана. Многие жители Вриндавана, хотя и признавали иностранных учеников Шрилы Прабхупады преданными (впрочем, так себе преданными), но отказывались считать западных вайшнавов настоящими брахманами, санньяси и пуджари. Это ложное представление возникло из-за распространенной среди индусов догмы, что брахманами могут стать только те, кто родился в семьях кастовых брахманов.

Однако Прабхупада строго следовал по стопам своего духовного учителя, который принимал всех – независимо от пола и социального положения. Когда в 1932 году Бхактисиддхант Сарасвати повел по Вриндаван больше толпы последователей, некоторые из гордых кастовых брахманов не пускали парикраму в свои храмы. Паломников забрасывали

камнями, а местные торговцы отказывались продавать им продукты. Тогда Бхактисиддханта Сарасвати встретился с этими кастовыми брахманами и с позиции Писаний доказал им, что душа, будучи трансцендентной, свободна от обозначений, и всякий, кто стал вайшнавом, достоин называться брахманом. Но предрассудки все же остались.

Вслед за Шрилой Бхактисиддхантой Прабхупада утверждал, что титул «госвами» не может передаваться по наследству. Госвами – это тот, кто управляет своими чувствами, и никто не может присваивать себе этот титул лишь на том основании, что родился в семье так называемых госвами.

Первыми госвами были шесть Госвами Вриндавана: Шри Санатана, Шри Рупа, Шри Рагхунатха Бхатта, Шри Джива, Шри Гопала Бхатта и Шри Рагхунатха даса Госвами. Все они жили в отречении, поэтому никто не сомневался в том, что они были достойны носить этот титул. Почти пятьсот лет назад эти шестеро Госвами разыскали во Вриндаване утерянные со временем места игр Кришны и построили там первые большие храмы. Поклонение Божеству в своих храмах они поручили своим женатым ученикам, и теперь потомки этих первых священников заявляли свои исключительные права на положение вриндаванских храмовых госвами. В «Нектаре преданности» Прабхупада описал, через какую борьбу прошел его духовный учитель, пытаясь решить этот вопрос:

... после ухода Господа Нитьяланды, великого спутника Господа Чайтаньи, священники объявили себя его потомками и стали называться кастой госвами. В дальнейшем они заявили, что только члены их касты, именуемой Нитьянанда-вамша, имеют право практиковать и проповедовать преданное служение. Таким образом, какое-то время они наслаждались своей монополией, пока могущественный ачарья сампрадаи гаудия-вайшнавов, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур, не разгромил их, камня на камне не оставив от их идей. В течение некоторого времени шла ожесточенная борьба, которая увенчалась полной победой Бхактисиддханта Сарасвати, и с того времени раз и навсегда установлено, что преданное служение не является прерогативой избранного класса людей.

Поэтому Прабхупада был против идеи кастовых госвами о «праве рождения». И кастовые госвами боялись движения Прабхупады, поскольку оно угрожало их наследственному социальному превосходству. Но при этом, во время триумфального возвращения Прабхупады, проповедавшего западному миру славу Вриндавана, никто не выступал против его попыток построить храм. Несогласные молчали и даже возносили цветистые хвалы.

Участок находился на окраине Вриндавана, в Рамана-рети (буквально «дивные пески»). Прабхупада отметил, что расположен он возле оживленной Чхатикара-роуд – главной дороги Вриндавана и автомагистрали, ведущей в Агру и Тадж-Махал. Рядом с участком пролегал маршрут парикрамы, по которому ежегодно проходили миллионы паломников, совершая обход Вриндавана, посещая храмы и святые места.

Большую часть Рамана-рети покрывали дикие заросли. Кроме того, там было несколько ашрамов и заброшенных полей. Пять тысяч лет назад Кришна играл здесь со Своим братом Баларамой и друзьями-пастушками, и потому атмосфера здесь, как и во всем Вриндаване, была особой – она была насыщена любовью к Богу.

Хотя городские власти поговаривали о том, чтобы предоставить ИСККОН землю под храм бесплатно, Прабхупада с большей серьезностью отнесся к предложению г-на С. Г-н С. сообщил, что эту землю у них просят многие садху, но они с женой еще не приняли окончательного решения. Они хотели отдать землю тем, кто в кратчайший срок возведет на ней храм Радхи-Кришны. Прабхупада заверил мистера С., что сделает это, и мистер С. сказал, что отныне Прабхупада может считать землю своей.

Прабхупаде и раньше приходилось слышать подобные обещания, которые на деле чаще всего оказывались пустым звуком. Однако это предложение выглядело весьма заманчивым, поэтому Прабхупада назначил учеников, которые должны были остаться во Вриндаване, чтобы заключить с мистером С. сделку.

Тем временем Прабхупада повел своих учеников в паломничество по многочисленным святым местам Вриндавана. Они побывали на Варшане (месте рождения Шримати Радхарани), в Гокуле (месте первых игр Кришны), на Радха-кунде, на Говардхане и во всех главных храмах Вриндавана. На Говардхане Прабхупада сказал преданным, чтобы те не ступали на холм ногами и не брали с собой камни – ведь Говардхан не отличен от Кришны! Там же Прабхупада отвел преданных в небольшой храм, где показал им следы Кришны. След был очень большим. Если

стопа Кришны была такой большой, изумились преданные, то, должно быть, Сам Он был ростом метра два с половиной.

– Да, – сказал Прабхупада. – Люди были тогда намного выше.

Придя на Бинду-саровару, озеро, где проходила первая встреча Радхи и Кришны, недалеко от Говардхана, преданные бросились купаться, а Прабхупада стал омываться из ведра на соседнем поле. Когда после омовения Прабхупада принимал прасад, откуда-то появилось несколько бездомных собак, и преданные принялись отгонять их, кидая в них камни и крича, но Прабхупада остановил их.

– Оставьте их в покое, – сказал он и стал бросать собакам прасад со своей тарелки.

На Варшане, в месте рождения Радхарани, преданные несли Прабхупаду по многочисленным крутым лестницам, ведущим к храмам, на паланкине. Оказавшись на вершине холма, Прабхупада посмотрел на другой холм вдаль.

– Видите тот холм? – указал он. – С него спускался Кришна. А Радха спускалась с этого холма, и посередине они встречались. Там был лес. Это особое место, потому что там встречались Радха и Кришна.

В каждом святом месте Прабхупада садился, проводил киртан, затем подходил к Божеству и кланялся, после чего кратко описывал связанные с этим местом игры Кришны.

Динадаядри: Местные жители, посчитав, что ученики Прабхупады (раз уж они американцы!) – должно быть, люди не бедные, постоянно кланчили у него денег. Прабхупада давал им по чуть-чуть, но попрошайек было так много, что стоило дать одному, как вокруг тут же собиралось человек пять, которые преграждали ему проход. В некоторые храмы они нас не пускали.

Затем Прабхупада повел свою группу в то место рядом с Ямуной, где Кришна явил Своей матери у Себя во рту все вселенные. Прикоснувшись к воде, Прабхупада сказал:

– Слишком холодна для меня, старика. Но вы искупайтесь. Я окроплю свою голову несколькими каплями.

Женщин он отвел в отдельное место для омовения, где купались индийские женщины. Преданные попрыгали в воду и стали плавать. Они весело плескались, а Прабхупада стоял на берегу и наблюдал за ними. Вдруг, ко всеобщему восторгу, он тоже надел гамчху, подошел к воде, побрызгал себе на голову и по колено вошел в воду, после чего нырнул и принялся купаться и плескаться с остальными.

Провести преданных по известным храмам Вриндавана Шрила Прабхупада попросил своего старого друга Хитсарана Шарму, а сам решил остаться у себя на квартире в доме г-на Сарафа. Но в храм Радха-Дамодары, где он жил несколько лет, работая над «Шримад-Бхагаватам» и журналом «Назад к Богу» перед тем как в 1965 году уехать в Америку, он решил сводить своих учеников лично.

В храме Радха-Дамодары Прабхупада рассказал ученикам о своих планах построить во Вриндаване храм ИСККОН и посоветовал пуджари Радха-Дамодары отдать храм его обществу.

– Мы приведем его в идеальное состояние, – сказал Прабхупада, – и сделаем для Божеств серебряный трон. Здесь будут принимать прасад от пятидесяти до ста преданных. Это будет уникальное место. Если хотите, мы сделаем это. А нет – построим где-нибудь собственный храм. Мы готовы вложить деньги. Если вы дадите нам возможность, деньги пойдут сюда. Мы хотим устроить здесь огромный фестиваль, потому что это храм Дживы Госвами. Здесь жили Рупа и Джива Госвами. У нас есть книги. С нами все сотрудничают.

Ямуна деви даси: Его Божественная Милость часто намекал о своем желании, чтобы его комнаты в Радха-Дамодаре всегда содержались в хорошем состоянии. Он очень любил эти комнаты. Однажды вечером в Сараф-Бхаване Прабхупада выразил желание на сутки остановиться в своих комнатах в храме Радха-Дамодары. Для всех нас это было очень волнующее событие, и мы его с нетерпением ждали. В храм Радха-Дамодары с ним отправились трое или четверо преданных, которых выбрал он сам.

Сева-кунджа, где располагался храм Радха-Дамодары, находится довольно далеко от Сараф-Бхавана. Как-то рано утром, бродя по улицам Вриндавана, я вышла к храму Радха-Дамодары. Из спальни Шрилы Прабхупады сквозь деревянные ставни и решетчатые окна из красного песчаника пробивался свет. Прабхупада ходил взад-вперед и повторял мантру. Вдруг, к моему великому удивлению, деревянные ставни распахнулись, и часть двора озарилась светом.

Прабхупада стоял в своей комнате под одинокой электрической лампочкой. Увидев меня, он спросил:

– Как ты сюда попала?

– Пешком, – ответила я.

– О, так нельзя. Это очень опасная улица. Много диких собак. И бандиты. В этом квартале могут убить даже за обычную лоту (сосуд для воды).

С одной стороны, Прабхупада меня бранил, но с другой стороны, казалось, был доволен.

– Ты что, джапу повторяешь? – спросил он.

– Да, Шрила Прабхупада.

– Очень хорошо. Иди к самадхи Рупы Госвами и повторяй там.

Затем, около четырех утра, в храм на утреннее арати начали подтягиваться другие паломники. Пока мы повторяли на четках мантру, Прабхупада вышел к нам и сказал, что этот уголок в храме Радха-Дамодары является чем-то вроде ступицы колеса духовного мира – это самый центр. Он попросил нас всегда содержать его комнаты в хорошем состоянии и ежедневно их убирать.

Радханатха: В Бомбее у меня произошла короткая встреча со Шрилой Прабхупадой, после чего я в одиночестве отправился жить во Вриндаван. Я жил там вместе с местными бриджабаси около шести месяцев и именно во Вриндаване я по-настоящему привязался к сознанию Кришны. Я жил очень просто – прямо на берегу реки, вместе со всеми бабаджи. Я знаю, что семя было посажено во время той первой встречи со Шрилой Прабхупадой.

Однажды во Вриндаван приехал большой автобус, полный американских преданных, поющих киртан, и я подумал: «Ну, вот мы и снова встретились». Первое, о чем я спросил: «А Прабхупада приедет?» Они сказали: «Да, Прабхупада здесь. Завтра утром он будет читать лекцию».

Я уже полюбил во Вриндаване многих гуру – и духовных братьев Прабхупады, и преданных из других сампрадаев, но тем утром, когда я пришел на лекцию по «Бхагаватам» и услышал, как Прабхупада поет «Джая Радха-Мадхава», я просто сел и не мог оторваться. Я никогда не видел никого, кто обладал бы такой любовью к Кришне. Все великие люди, которых я встречал в Индии, как-то померкли в моих глазах, когда я услышал, как поет «Джая Радха-Мадхава» Прабхупада. Он был настолько серьезен, и преданность его была столь сильна, что я не мог даже представить себе, что такое возможно.

Время от времени он продолжал поглядывать на меня, слегка кивая, потому что, как мне кажется, он помнил меня по Бомбею. Затем он заговорил, с любовью прославляя Вриндаван. Он говорил о том, как удивителен Вриндаван, какая здесь духовная атмосфера и насколько внимательными и осторожными должны быть преданные, чтобы получить благо от пребывания во Вриндаване.

С того дня я стал думать: «Это мой Гуру Махарадж» – я пришел к такому выводу, просто слушая его. Его лекция была настолько ясной и содержательной, что затмила все философии и всех учителей, с которыми мне доводилось встречаться до этого. Я видел, насколько безупречен в своем поведении был Прабхупада, я видел, что ученики его действительно оставляют греховную жизнь. Я каждый день ходил к нему на даршаны, хотя жил по-прежнему на берегу Ямуны.

Все жители Вриндавана прославляли Прабхупаду. Они так гордились им, потому что все они влюблены во Вриндаван. Они любят Кришну, любят Вриндаван, потому что во Вриндаване живет Кришна. Там такой дух. Они поклоняются самой земле Вриндавана. И они говорили мне, что очень благодарны Прабхупаде. Большинство из них называли его: «Свами Бхактиведанта». Они говорили: «Это величайший святой, потому что он дарит Вриндаван всему миру. Благодаря ему весь мир узнает о славе Вриндавана».

Затем однажды Прабхупада и его ученики отправились в один ашрам в Рамана-рети. Я опоздал и пришел, когда Прабхупада уже готовился уезжать. Он уже подходил к такси, и многие бриджабаси во весь рост простирались перед ним на земле, предлагая дандават. Я чувствовал себя таким незначительным – просто человеком в толпе, и когда Прабхупада проходил мимо меня, я также упал в дандавате.

Однако, когда я поднял голову, я увидел прямо перед собой стопы Прабхупады. Я подумал: «Боже мой, Прабхупада прямо надо мной». Я очень медленно поднял глаза. Прабхупада смотрел на меня. Пару секунд он смотрел мне в глаза, а потом спросил:

– Так сколько ты уже живешь во Вриндаване?

– Около шести месяцев, Шрила Прабхупада, – ответил я.

Он вновь посмотрел на меня, заглянув мне прямо в глаза: он был очень серьезен и преисполнен сострадания.

– Тебе здесь нравится?

– Я никогда в жизни не бывал в столь удивительном месте, – сказал я.

И вдруг его серьезное лицо расцвело прекрасной улыбкой. Его глаза засветились, и он смотрел на меня пять или десять секунд. Для меня эти секунды тянулись очень долго – я не мог поверить, что мне выпала такая милость. Он ответил:

– Очень хорошо. Вриндаван – удивительное место. – И прошел к машине.

Для меня это была особая встреча. Из-за того, что я жил во Вриндаване и держался обособленно, многие преданные постоянно говорили мне, что я в майе. Мне казалось, что преданные не понимают меня, и я обижался на них, считая, что они не могут оценить по достоинству местную атмосферу. Но слова Прабхупады избавили меня от всех страхов в отношении Движения «Харе Кришна». В моей жизни эта встреча сыграла особую роль. Важно было не столько то, что сказал Прабхупада, сколько его личная духовная забота обо мне. С тех пор я стал каждый день ходить на его лекции и даршаны, и в моей голове не осталось сомнений. Он сильно убедил меня в сознании Кришны, во всех отношениях.

Когда Прабхупада уехал, преданные сказали мне, что я должен присоединиться к ним и пойти на парикраму по всей Индии. Они сказали, что Прабхупада лично меня пригласил. Я был несказанно благодарен ему за милость, но в то же время я был очень привязан к Вриндавану. Я сказал преданным, что просто хочу остаться здесь, а если когда-нибудь они вернуться, я мог бы служить Прабхупаде здесь, но покидать Вриндаван я не хочу.

Вскоре после этого истек срок моей визы. Я должен был уехать из страны. Но перед тем как уехать, я услышал от некоторых бриджабаси (от бабаджи), что Свами Бхактиведанта основал на Западе Новый Вриндаван. Они говорили: «Если ты должен покинуть Вриндаван, поезжай в Новый Вриндаван. Что бы ты ни делал, не покидай Вриндаван. Новый Вриндаван не отличен от старого, потому что Свами Бхактиведанта создал Вриндаван на Западе». Они сказали это с большой гордостью. Поэтому я уехал в Новый Вриндаван.

Прабхупада обучал своих учеников этике жизни во Вриндавана-дхаме.

– В святой дхаме, – говорил он, – если даже один из вас попьет воды из кувшина не так как подобает и его осквернит, это все заметят. Не давайте повода критиковать себя за нечистоту, иначе обвинять будут меня. Обязанность ученика – следовать этикету, невзирая на неудобства. Я отдаю столько сил этой группе в Индии, потому что хочу научить вас здесь жить.

Прабхупада написал своим ученикам на Западе о своем успешном паломничестве по Вриндавану:

В настоящее время я нахожусь во Вриндаване с сорока преданными, и каждый день мы ходим на парикраму по святым местам. Завтра мы вернемся поездом в Дели. Представители власти и местные жители оказали нам хороший прием. Они просто изумлены, видя, с каким воодушевлением поет наша ГСК на улицах города. Мэр публично объявил, что я сотворил чудо. В сущности, они понимают, что до того, как я отправился в западные страны, никто там о Вриндаване даже не слышал. Теперь, чтобы посмотреть на деревню Кришны, сюда приезжают сотни паломников и хиппи из вашей страны. Преданные Вриндавана поняли, что теперь, благодаря моей проповеди, Вриндаван известен по всему миру, поэтому они все очень признательны своему земляку Свамиджи.

* * *

Дели

1 декабря 1971 года

Вернувшись в Дели, Шрила Прабхупада вместе с сорока учениками, сопровождавшими его во Вриндаване, остановился в Бирла-Мандире. Прабхупаду разместили в небольшом доме в дальнем углу английского сада, отведенном для важных гостей.

Тем временем, по мере нарастания угрозы тотальной войны между Индией и Пакистаном, политические волнения продолжали беспокоить столицу. Беспокойства не обошли стороной даже мирный Вриндаван, что всего в ста пятидесяти километрах от Дели и в пятидесяти километрах от Агры, где располагалась огромная военная база. Однажды ночью, когда Шрила Прабхупада жил в Сараф-Бхаване, местные власти объявили воздушную тревогу. Шрила Прабхупада и преданные

заперлись в доме, свет погас, и все окна завесили одеялами, так чтобы снаружи нельзя было заметить даже свет свечи.

Однако, несмотря на сложную политическую обстановку и военную угрозу, Прабхупада приехал в Дели проповедовать. Во второй же день своего пребывания в столице он посетил американского посла в Индии, Кеннета Китинга.

Шрила Прабхупада объяснил м-ру Китингу основы философии сознания Кришны: различие между материальным телом и душой, пребывающей в теле.

– На вас полосатый пиджак, – сказал он м-ру Китингу, – но я не могу называть вас «г-н Полосатый Пиджак». Тем не менее, именно так мы друг к другу и обращаемся. Мы отождествляем себя с этим телом. – И Прабхупада поведал о том, как душа последовательно воплощается в восьми миллионах четырехстах тысячах видах жизни.

– Очень интересно, – заметил г-н Китинг. – Я верю в переселение души.

– Это факт, – сказал Прабхупада. – Как, например, этот ребенок переселяется из одного тела в другое, – он показал на Сарасвати. – Точно так же, когда я оставлю свое тело, то переселюсь в другое. Это целая наука.

Я вижу, как американские юноши и девушки, хотя и происходят из приличных семей, становятся хиппи. Они испытывают разочарование, несмотря на все созданные им условия и престижные университеты. Им уже не мила сытая и богатая жизнь. Итак, современное человеческое общество находится в опасном положении, потому что все сбито с толку и неудовлетворены.

– У вас так же много последователей и среди индийцев? – спросил м-р Китинг.

– Да, что касается индийцев, то все они принимают Кришну Верховной Личностью Бога.

– Что ж, – добавил г-н Китинг, – я очень впечатлен искренностью этих молодых американцев.

– Каждый, – сказал Прабхупада, – стоит ему только понять науку сознания Кришны, тотчас же ее примет.

– Когда здесь был Свами Раджанандаджи, – сказал г-н Китинг, – я попросил его объяснить, как он понимает, что такое Бог, и, подумав с минуту, он ответил «Я бы сказал, что Бог – эта нить, соединяющая одного хорошего человека с другим». Это определение показалось мне очень интересным.

– Об этом говорится в «Бхагавад-гите», – подтвердил Прабхупада. – Подобно тому, как в жемчужном ожерелье все жемчужины нанизаны на нить, каждый из нас зависит от Бога – не только хорошие люди. Веданта-сутра дает совершенное определение: джанмадй асяа йатах. «Бог есть начало или источник всего». Что скажете?

– Впечатляет, – ответил м-р Китинг.

– Другое определение Бога, – продолжил Прабхупада, – это то, что Он всех привлекает. У каждого до какой-то степени есть привлекательные стороны: богатство, сила, слава, красота, отрешенность, мудрость. Вы, например, посол – представитель своей страны. В этом смысле вы привлекательны. Иногда кто-то хочет увидеть меня: «Можно увидаться со Свамиджи?» Итак, каждый в некотором смысле привлекателен. Но Бог – это Тот, кто в полной мере обладает всеми привлекательными чертами.

Через некоторое время посол Китинг вежливо извинился и попрощался: ему нужно было идти на запланированную встречу.

– Я посол, и должен переместиться из высших сфер в сферу мирскую. Я очень признателен вам за ваш визит.

Шрила Прабхупада: Я тоже хочу спуститься с небес на землю. В следующий раз, когда я вернусь в США, я хотел бы встретиться с Президентом.

– Я могу написать ему письмо, – предложил г-н Китинг. – Буду рад вам помочь.

Прабхупада улыбнулся:

– Вы всему миру стараетесь помогать обрести мир и счастье. Но вместо того, чтобы становиться счастливыми, люди в вашей стране становятся хиппи. Значит, допущена какая-то ошибка. Сознание Кришны – это возможность исправить ошибку. Поэтому давайте сделаем что-то весомое, научное, чтобы люди были счастливы.

Тем вечером Прабхупада написал об этой встрече одному из своих учеников.

Тебе, наверное, будет приятно узнать, что сегодня утром я встретился в Дели с американским послом в Индии, г-ном Кеннетом Китингом. Он очень уважает наше Движение. Он пообещал помочь мне устроить встречу с вашим Президентом, когда я вернусь в вашу страну, возможно, в конце весны. Я попросил его помочь нашему Движению, поскольку помощь эта спасет вашу страну от великой опасности, превратив хиппи в «хэппи» (счастливых)... Поживем – увидим.

На следующий день, заметив во время утренней прогулки по улицам Дели мальчишку на велосипеде, продающего газеты, Прабхупада попросил одного из преданных купить у него газету. Прабхупада прочитал заголовок: «Объявлено военное положение; сбиты три вражеских самолета». Он попросил преданного зачитать заметку вслух.

Пакистан начал массированную атаку на западном фронте. Пакистанская армия разбомбила семь индийских аэродромов и пересекла нейтральную территорию в Пунче... Вечером Премьер-министр в своем обращении к нации по радио охарактеризовала это вторжение как тотальную войну против Индии, объявленную Пакистаном... Ранее Президент уже объявил о чрезвычайном положении в стране.

Чрезвычайное положение имело международные последствия. Америка сократила поставки в Индию и поддерживала Пакистан. С одной стороны Индия чувствовала угрозу со стороны Китая, с другой – поддержку СССР.

– Эта война долго не продлится, – сразу сказал Шрила Прабхупада. – Она скоро закончится. А Пакистан проиграет.

Тем же вечером по радио он услышал послание Индиры Ганди.

Я обращаюсь к вам в минуту великой угрозы для нашей страны и нашего народа... Сегодня война в Бангладеш превратилась в войну против Индии. Это накладывает на меня, мое Правительство и народ Индии огромную ответственность. У нас нет другого выбора, кроме как готовиться к войне.

Это не встревожило Прабхупаду. Война не была единственной «уродливой реальностью»; рождение, смерть, старость, болезни и множество других материальных страданий были неизбежны в любом случае – есть война, нет войны... Однако Прабхупада продолжал следить за новостями и какое-то время Шьямасундара покупал для него по три-четыре газеты.

Пожив несколько дней в Бирла-Мандире, Прабхупада с группой учеников переехал в дхармашалу в Камала-Нагар – район старого Дели. Там Прабхупада читал свои «фронтовые лекции», как впоследствии их называли преданные. Прабхупада обращался к ученикам при свете свечей, а за окном, завешенным одеялами и покрашенными черной краской газетами, ревели, низко проносясь над землей, боевые самолеты.

– В этот век Кали очень сильна тенденция к войне, – говорил он, – и население становится таким греховным, что накапливает ядерное вооружение, чтобы в конечном счете уничтожить человечество.

Иногда Прабхупада предоставлял слово кому-то из учеников. Гостей не было, потому что во время воздушной тревоги по улицам никто не ходил. Бывало, по вечерам полиция стучала в дверь, требуя потушить даже свечи.

«Из-за войны в Индии, – писал в письме Прабхупада, – наши программы свелись к минимуму. Что ни вечер, то воздушная тревога».

Не только в Дели, но и в других городах Индии ученики Прабхупады сталкивались в своей проповеди с трудностями. Поскольку Майяпур находился близко от Бангладеш, местные власти приказали преданным уехать.

Однако, как и предсказывал Прабхупада, война продолжалась недолго. 17 декабря Прабхупада прочитал в «Индиан экспресс» заголовок: «НИЯЗИ СДАЮТСЯ: БАНГЛАДЕШ СВОБОДЕН. Индия решила на одностороннее прекращение огня на Западе». Прабхупада был рад этому. Он доверительно сообщил преданным, что война закончилась так быстро благодаря их публичной санкиртана-ягье в пандале месяц назад.

Однако в той же газете, на той же странице был и другой заголовок: «Премьер-министр обвиняет в войне США». Индира Ганди обвинила в развязывании войны Президента Никсона. Американские преданные не могли спокойно ходить по улицам, чувствуя со стороны индийцев недоверие, а ежедневная пропаганда в прессе лишь подливала масла в огонь. «Сегодня в Индии ведется интенсивная пропаганда против Америки, – писал Прабхупада. – Все потому, что в войне против Индии Америка выступила на стороне Пакистана».

Дели превратился в эпицентр политических волнений, и Прабхупада решил разослать оставшихся с ним преданных в другие места. Хотя ученики его были людьми совершенно мирными и не проявляли никакой политической активности, некоторых он отослал в Калькутту, а другие отправились с ним в Бомбей. Волна Движения Господа Чайтаньи приближалась, и воспрепятствовать ей не могла никакая политика.

Глава тридцать восьмая

Никто не считается с бедняком

С 1965 по 1970 год Шрила Прабхупада уделял максимум внимания укреплению позиций Движения сознания Кришны в Америке. Он рассчитывал, что если американцы примут сознание Кришны, за ними последует весь мир. Свою проповедь англоговорящим людям он начал в Индии, однако шестьдесят лет борьбы в одиночку убедили Прабхупаду, что индийцы либо поглощены политикой, забыв о своем духовном наследии, либо настолько испорчены бедностью, что не способны всерьез воспринять сознание Кришны. Поэтому проповедь в Индии оказалась безуспешной.

Но в Соединенных Штатах ему сопутствовал успех. Америка оказалась плодородной почвой для посева сознания Кришны, хотя жители Запада казались Прабхупаде грубыми и невежественными. Он часто говорил, что, если где-то и сохранились остатки цивилизации – так это в Индии, в сердце изначальной ведической культуры.

Начиная с 1970 года своей интенсивной проповедью и многочисленными поездками Прабхупада дал понять, что намерен утвердить сознание Кришны не только в Америке, но и по всему миру, и главным образом – в родной Индии. Хотя проповедь была одинаково важна и в Соединенных Штатах, и в Индии, в Америке она могла продолжаться и без его непосредственного участия; американские ученики самостоятельно продолжали начинание своего духовного учителя.

Но в Индии Прабхупада не мог доверить управление ИСККОН ученикам: слишком часто и легко попадались они на удочку индийцев. Половина работы, по словам Прабхупады, шла насмарку просто из-за того, что преданных попросту водили за нос. Например, за проведение программы в пандале с них запросто могли взять в несколько раз больше положенного. Таким образом, развивать ИСККОН в Индии можно было только под прямым руководством Прабхупады.

В начале 1970 года Шрила Прабхупада, как подобает образцовому санньяси, с небольшой группой американских учеников отправился в путешествие по Индии, желая открыть для ИСККОН новое поле для деятельности. Он мечтал построить в Индии несколько крупных храмов, по меньшей мере, три: во Вриндаване, Майяпуре и Бомбее, и еще в 1967 году он пытался открыть во Вриндаване для своих учеников Американский Дом. Майяпур, место рождения Господа Чайтаньи, был крайне важен для вайшнавов, а Бомбей – крупнейший город страны – называют «воротами Индии». Когда Прабхупада строил грандиозные планы, даже ближайшие его ученики не могли постичь размаха его виденья. Но он знал, чего хочет, и во всем полагался на Кришну. Постепенно, шаг за шагом, он осуществлял задуманное.

Строительство храмов Прабхупада считал второстепенным по отношению к изданию и распространению книг. Практика сознания Кришны состоит из двух параллельных направлений, подобных рельсам железной дороги. Один из них – бхагавата-марга; другой – панчаратрики-виддхи. Бхагавата-марга включает в себя философию сознания Кришны, слушание и повторение Святых имен, а также распространение послания Кришны. Панчаратрики-виддхи – это правила и предписания в поклонении Божествам в храме. Из этих двух наиболее важна бхагавата-марга.

Прабхупада знал, что великие освобожденные души, подобные Харидасу Тхакуру, просто благодаря постоянному повторению «Харе Кришна» могут пребывать в совершенном сознании Кришны, но молодые западные преданные, с их беспокойной природой и привычками, принесенными из греховного прошлого, нуждаются в особом очищении при помощи поклонения Господу в храме. Именно очищение посредством тщательной ритуальной практики поклонения Божествам было одной из целей, ради которых Прабхупада хотел строить в Индии храмы.

Кроме того, храмы необходимы и для проповеди. «Никто не будет слушать бедняка», – не раз говорил Прабхупада. А потому, чтобы привлечь людей к сознанию Кришны, он планировал строить по всему миру величественные храмы и прежде всего – в Индии, где традиции храмового поклонения сохранились до наших дней. Да, строительство храмов и поклонение Божествам второстепенно по отношению к изданию и распространению книг, но это отнюдь не повод пренебрегать этими делами. Прабхупада готов был уделить строительству храмов в Майяпуре, Вриндаване и Бомбее всё необходимое внимание.

Бомбей

Ноябрь 1971 года

Вот уже год преданные жили в двух квартирах на седьмом этаже Акаш-Ганга-билдинга, в самом центре Бомбея, но Прабхупаде этого было мало. Ему была нужна земля под строительство с перспективой дальнейшего расширения. И настроен он был весьма решительно. Вместо обычных утренних прогулок Прабхупада теперь ездил на автомобиле по городу в поисках подходящего места.

Поскольку большинство свободных членов ИСККОН жило в аристократическом районе на Малабарском холме, ученики Прабхупады считали, что это самое подходящее место для будущего храма. Несколько раз Прабхупада поднимался на вершину холма и ходил, осматривая земельные участки и крупные здания, в которых мог бы разместиться храм. Но по разным причинам ни один из этих домов ему не подходил.

И вот в ноябре некий господин Н. предложил ИСККОН купить у него два гектара земли в Джуху, на самом берегу Аравийского моря. Едва прибыв на место, Шрила Прабхупада вспомнил, что уже был здесь несколько лет назад. В августе 1965 года, за несколько недель до поездки в Америку, некоторое он время жил в «Синдия-Колони». Вечерами в доме владелицы судоходной компании «Синдия» госпожи Сумати Морарджи он читал и комментировал для нее и ее гостей «Шримад-Бхагаватам». Несколько раз он проходил мимо этого участка земли, отмечая про себя, какое это удачное место для ашрама и храма Радхи-Кришны. Хотя на тот момент мысли его были заняты предстоящим отъездом из Индии, он не забыл про это местечко в Джуху. И вот он снова здесь, на той земле, которую заметил еще несколько лет назад. Прабхупада расценил этот факт как знамение Кришны.

Участок зарос бурьяном, кустарником и кокосовыми пальмами, а в дальней его части стояло несколько жилых домов. Он выходил на Джуху Роуд, главную транспортную магистраль, ведущую в центр города, который находился в двадцати девяти километрах к югу от Джуху. А до широкого песчаного пляжа на берегу Аравийского моря было и вовсе рукой подать.

Место было хорошее – тихое, но в то же время не слишком отдаленное. Неподалеку на берегу стояло несколько пятизвездных отелей, а рядом велось строительство новых гостиниц и квартир. Прабхупада прошелся по берегу, и идея покупки земли стала казаться ему еще более заманчивой. Здесь было много загородных вилл, в которых зажиточные индийцы проводили выходные, а на пляже по выходным отдыхали тысячи жителей Бомбея. Кроме того, каждое утро сотни горожан начинали рабочий день с прогулки по широкой, протяженной прибрежной полосе. Но несмотря на постоянное обилие отдыхающих, берег оставался чист. Ласковый прибой и простор неба влекли сюда людей. Это было идеальное место не только для отелей, но и для центра сознания Кришны.

Прабхупада мечтал о земле в Джуху, и, хотя ученики продолжали показывать ему дома на Малабарском холме, решение уже было принято. Ученики уважали его желания, но перспектива поселиться так далеко от центра, на заброшенном пустыре, где не было ни храма, ни даже пристойного жилья, немного их пугала.

Г-н Н., владелец двух гектаров земли, назвал вполне приемлемую цену, да и сам производил впечатление человека доброжелательного и искреннего. Но такие сделки всегда рискованны, а в данном случае у Прабхупады даже было основание ему не доверять. Через своего юриста он выяснил, что некоторое время назад г-н Н. уже договорился о продаже этого земельного участка компании К., однако впоследствии расторг договор. Компания подала на г-на Н. в суд, и если Верховный суд Бомбея решит вопрос в пользу компании, то земля перейдет к ней. Г-н Н. заверял секретаря Прабхупады, что компания К. не сможет выиграть дело, но в любом случае ИСККОН может задержать какую-то часть платежей до тех пор, пока тяжба с К. не закончится.

Г-н Н. был в Бомбее видной фигурой. В прошлом шериф города (весьма уважаемая полицейская должность), а ныне – издатель одной из крупнейших в Бомбее ежедневных газет на английском языке, он был богат (ему принадлежало несколько земельных участков в Джуху и в самом Бомбее) и влиятелен – словом, не тот человек, с которым можно бороться. Чтобы отважиться на покупку земли в Джуху при таких обстоятельствах, нужно было обладать немалой смелостью.

В конце декабря Прабхупада встретился с супругами Н. Их усадьба располагалась на берегу, и визит этот дал ему возможность лишний раз оценить красоту этого райского уголка, окруженного пальмами, склоняющимися к морю. «Теософская колония», где жили супруги, представляла собой поселок из дорогих особняков, с роскошными лужайками и цветниками и множеством экзотических птиц. По обе стороны дороги, ведущей к владениям г-на Н., росли деревья ашока, а двор окружали росшие вдоль массивного каменного забора пальмы. Прабхупаде и несколькими его ученикам открыл садовник.

Г-н Н. был невысок, коренаст, с коротко остриженной лысеющей головой и следами оспы на круглом лице. На вид ему было лет пятьдесят. Госпожа Н., с необычной для индианки короткой стрижкой, была светлокожа. Прабхупада принес с собой цветочные гирлянды и прасад Божеств Радха-Кришны из бомбейского храма ИСККОН и вручил их хозяевам. Г-н Н. с супругой пригласили гостей на террасу с видом на живописный сад.

Шрила Прабхупада откровенно сказал хозяину, что земля в Джуху ему нравится, но у него очень мало денег. Однако г-н Н., казалось, был расположен к Прабхупаде и заявил, что хочет продать землю именно ему. Они быстро пришли к устной договоренности. Г-же Н. условия показались чересчур мягкими, и она попыталась было вмешаться, но муж ее остановил.

Прабхупада и г-н Н. договорились о задатке в двести тысяч рупий, после внесения которого ИСККОН сразу получает право на владение землей. Оставшуюся сумму, которая составляла миллион четыреста тысяч рупий, ИСККОН выплатит позднее, по частям. Затем Прабхупада обсудил условия выплаты задатка. Он предложил заплатить пятьдесят тысяч рупий сразу, и еще пятьдесят – чуть позднее, после чего ИСККОН получит право занять землю. Как только они уплатят оставшиеся сто тысяч рупий задатка, господин Н. передаст ИСККОН документ на собственность. Г-н Н. согласился.

Шрила Прабхупада был очень осторожен в таких делах и тщательно продумывал все детали. Он часто говорил, что, если бизнесмен уверяет вас: «Сэр, ради вас я остаюсь без прибыли», – ясно, что он лжет. Поэтому еще в первые годы существования ИСККОН, в Нью-Йорке, когда г-н Прайс, агент по недвижимости, строил из себя благодетеля преданных, Прабхупада был начеку. Однако вопреки всем его предостережениям, этому пройдохе удалось обмануть преданных. Сейчас, как и тогда, Прабхупада был весьма осмотрителен, но он очень хотел купить землю в Джуху и потому шел на риск.

Прабхупада уже имел подобный опыт. В 1953 году, в Джханси, он занял здание, не имея на то законных прав и финансовых возможностей. В США, в свой первый храм в Нью-Йорке, он переехал, не зная, чем будет платить за аренду в следующем месяце. То же было и с самым большим на тот момент храмовым зданием ИСККОН – церковью на Уоцека-Авеню в Лос-Анджелесе. Движение никогда не достигло бы такого размаха, если бы раз за разом он не шел ради Кришны на риск. Когда преданные из Бостона написали Прабхупаде, что сняли большой дом за тысячу долларов в месяц, надеясь зарабатывать эту сумму усиленной продажей «Назад к Богу», Прабхупада остался очень доволен и даже ставил их в пример другим. Так что риск бомбейской покупки не был для него чем-то необычным.

Убедившись, что возможность приобретения здесь земли вполне реальна, Прабхупада начал делиться своим видением грандиозного бомбейского проекта с учениками. 22 декабря он написал Ямуне:

Здесь, в Бомбее, у нас появилась неплохая перспектива купить совсем недорого большой земельный участок в Джуху, в центре богатого района. Мы разобьем здесь лагерь и немедленно приступим к строительству храма. Позднее мы построим здесь же большую гостиницу и школу. Еще у нас есть хорошая возможность приобрести замечательную виллу в Бомбее. Таким образом, мы создадим штаб-квартиру в Бомбее, а также построим центры во Вриндаване и Майяпуре.

Преданные во всем мире были в восторге от планов Прабхупады, связанных со строительством бомбейского центра, и только бомбейские преданные испытывали смешанные чувства. Представить себе, как на этом диком, заросшем участке земли поднимется храм, было непросто, как непросто было вообразить и пятизвездный отель ИСККОН, о котором толковал Прабхупада. Жилые дома в глубине участка были полностью заселены, и, согласно индийским законам, никто не имел права выселить оттуда жильцов. Если преданные обоснуются здесь, им придется построить временные жилища или даже временный храм, а тут полным-полно комаров и крыс. Джуху – небольшой, удаленный район, и здесь у ИСККОН нет богатых покровителей. Хотя Прабхупада (и торговцы землей) предсказывали, что Джуху будет расти и развиваться, на тот

момент это был всего лишь небольшой поселок на две тысячи человек. Жизнь в Джуху будет резко отличаться от жизни в комфортабельном Акаш-Ганга-Билдинге в центре Бомбея.

– Мы – западные люди, – объяснял Прабхупаде Тамала-Кришна, – и не сможем жить в таких условиях. Мы привыкли к ручкам на дверях и к водопроводу.

– Неужели вы не хотите очиститься? – удивился Прабхупада.

Когда бомбейские преданные узнали о разговоре Тамала-Кришны с Прабхупадой, слова «Неужели вы не хотите очиститься?» глубоко запали им в душу. Они поняли, что призыв Прабхупады к большему аскетизму был продиктован лишь заботой об их высшем благе. И тогда преданные увидели в проекте Джуху не нудную тяжелую работу, а возможность совершить духовный подвиг. Их духовный учитель придавал большое значение проекту ИСККОН в Джуху, и проект этот был грандиознее и чудеснее, чем все они могли в тот момент себе представить.

Прабхупада понимал, что требует от своих учеников больших жертв, но не мог поступить иначе. Ради проповеди сознания Кришны преданный должен быть готов терпеть множество лишений, но, какие бы аскезы ни возлагал на своих учеников Шрила Прабхупада, сам он всегда был готов на большее. Он не считал, что жизнь на неосвоенной земле будет для его учеников чрезмерно трудной, при условии, что они будут поддерживать чистоту и повторять «Харе Кришна», однако понимал, что им самим, уроженцам Запада, такая жизнь может показаться нестерпимой.

Но, как бы то ни было, проповедник должен идти на жертвы – не из гордости и не напоказ, а для того, чтобы расширять Движение сознания Кришны. Порой служить Кришне легко и радостно, а порой трудно. Но, что бы ни случилось, преданный должен исполнять свой долг в умонастроении преданного слуги своего духовного учителя.

Прабхупада советовался с учениками, делился с ними своим видением развития ИСККОН в Бомбее. Хотя абсолютно все ученики были готовы принять все, что он скажет, некоторые из них все же сомневались в успехе и пребывали в нерешительности, но, видя, сколь категорически настроен их духовный учитель, они забыли все свои сепаратистские настроения. Вскоре Прабхупада отправился в Джайпур, чтобы в течение недели проповедовать в храме Радха-Говинды.

Джайпур

12 января 1972 года

Джайпур – это древний город в штате Раджастан. Время от времени кто-нибудь из учеников Прабхупады наведывался сюда, чтобы купить мраморные Божества Радхи и Кришны для храмов ИСККОН в Индии или других странах. Преданные из центров ИСККОН в Детройте, Торонто, Далласе, да и во всей Европе мечтали установить у себя Божества Радха-Кришны, и с разрешения Шрилы Прабхупады заказывали мурти в Джайпуре.

Именно с таким поручением прибыли в Джайпур в январе 1972 года две женщины из нью-йоркского храма: Каушалья и Шримати. Обнаружив, что у Шримати нет паспорта, власти, заподозрив ее в шпионаже (ведь в это время шла война с Пакистаном), запретили им выезжать из города, пока не придут по почте ее документы. Девушки, воспользовавшись этой возможностью, каждый день посещали храм Говиндаджи и время от времени проводили перед ним уличные киртаны. Каждый день они беседовали с П.К. Госвами, настоятелем храма, а также джайпурскими бизнесменами и другими влиятельными людьми города (почти все жители Джайпура регулярно посещают своих любимых Радху и Говинду).

Джайпурцы были тронуты преданностью учениц Прабхупады. «Чем мы можем помочь вашему Движению?» – спросил как-то один из них, и девушки ответили: «Пригласите Шрилу Прабхупаду». Тогда несколько уважаемых джайпурцев составили программу предполагаемого визита, распределили обязанности и расходы, а девушки написали в Бомбей Прабхупаде, приглашая его приехать в Джайпур проповедовать. Он согласился.

По просьбе Шрилы Прабхупады, к нему в Джайпур съехались преданные из Дели и других крупных индийских городов. Прабхупада занял маленькую комнату в храме Говиндаджи, а ученики его поселились в соседнем доме.

Прабхупаде место понравилось. Единственное беспокойство доставляли обезьяны – тучи обезьян, крупных, с черными, как уголь, мордами и длинными цепкими хвостами. Прыгая по деревьям и карнизам, они время от времени стремительно бросались вниз и хватали все, что плохо лежит. Женщин, которые готовили для Прабхупады, дерзкие набеги обезьян буквально выводили

из себя – ведь ловкие твари ухитрялись таскать из кухни овощи и даже воровать прямо с огня чапати. В конце концов, преданные пожаловались Шриле Прабхупаде.

– Не становитесь им друзьями, не становитесь и врагами, – посоветовал он. – Если подружитесь, они не дадут вам покоя. Если станете врагами – начнут мстить. Лучше просто сохранять нейтралитет.

Но обезьяны продолжали разбойничать на кухне. И повара снова обратились к Прабхупаде.

– Что ж, – сказал Прабхупада, – если вы хотите избавиться от обезьян, я знаю один способ. Купите лук со стрелой и убейте обезьяну, которая сидит на вершине дерева. Когда она упадет, подвесьте ее вниз головой на ветке, а рядом привяжите лук и стрелу. Для остальных это будет уроком.

Прабхупада знал, что стрелять в обезьян в Джайпуре запрещено, и не ждал, что ученики его станут это делать. Однако совет он давал с самым серьезным видом. В действительности, этим он косвенно советовал им не расстраиваться из-за каких-то обезьян.

Прабхупада и его ученики сразу же влились в атмосферу Джайпура, напоенную преданным служением. Поскольку храм Радха-Говинды находился под покровительством царской семьи, его ежедневное посещение было для всех жителей города практически обязательным. Утром и вечером толпы восторженных горожан текли сюда, чтобы поклониться Божествам Радхи и Кришны.

Эти Божества некогда принадлежали Рупе Госвами из Вриндавана. Около пяти веков назад, когда правитель династии Моголов напал на храм Говиндаджи во Вриндаване, царь Джайпура предоставил Божествам прибежище в своих владениях. При встрече с Божествами в Радха-Говинда-Мандире верующие выражали сильные и искренние чувства. Продвигаясь к алтарю, они громко восклицали: «Джайо! Джайо! Говинда! Говинда!» Когда занавес алтаря начинал закрываться, они устремлялись вперед, чтобы в последнее мгновение увидеть божественные образы. Шрила Прабхупада избегал больших толп перед алтарем и следовал привычному распорядку: рано поднимался и работал над переводом «Бхагаватам».

Беседуя с Каушалей и Шримати Прабхупада похвалил их за организацию программы в пандале:

– Вы, так славно трудитесь, расширяя Движение Господа Чайтаньи. Только посмотрите! Не имея мужей, вы при этом продолжаете проповедовать.

Он сказал, что западные женщины не похожи на индийских, которые обычно сидят дома.

Однако потом Прабхупада обнаружил, что ученицы не сумели предусмотреть всех тонкостей. До начала программы оставалось всего два дня, но никто так и не позаботился о том, чтобы установить большой навес. Прабхупада сказал, что организаторская работа – не женское дело. Услышав такую оценку, девушки расстроились. Когда же они показали напечатанное ими приглашение на фестиваль, Прабхупада рассердился еще больше.

– Не по стандарту, – сказал он.

Вместо «Международное Общество сознания Кришны» в приглашении было только «А.Ч. Бхактиведанта Свами и его иностранные ученики».

– Что это значит? – закричал Прабхупада.

– Что, Шрила Прабхупада? – не поняла Каушалья.

– Иностранные! Почему «иностранные», а не «американские и европейские»? Ведь именно это привлекает людей – то, что вы американцы и европейцы! Да что с вас возьмешь? Вы всего лишь женщины!

Девушки в слезах выбежали из комнаты.

Шьямасундара помог Каушалье и Шримати напечатать новые приглашения, и они вернулись к Прабхупаде. Но сейчас его настроение было совсем иным. От гнева не осталось и следа. Наоборот, он был очень ласков. В конце концов, ученицы старались изо всех сил. С обезоруживающей откровенностью Прабхупада заговорил о том, как трудно быть духовным учителем.

– Я ругаю вас, потому что это мой долг. Слово «ученик» предполагает обучение, и я обязан вас учить. Я ни на кого не сержусь, но по отношению к вам, моим ученикам, я обязан это делать, чтобы воспитывать вас.

Он утешил девушек, сказав, что они были искренни, только недостаточно опытни, поскольку не получили надлежащего воспитания. Присутствующих преданных удивила та искренность, с которой Прабхупада делился с ними тем, что чувствовал как их духовный учитель.

В последнюю минуту, ценой невероятных усилий, преданные раздобыли-таки пандал и успели установить его до начала программы. В день открытия состоялось праздничное шествие по улицам города, во главе которого был Прабхупада, восседающий на паланкине под огромным, богато украшенным зонтом. В процессии участвовали нарядно убранные слоны, духовые оркестры и толпы преданных из Индии, Америки и Европы, исполнявших киртан.

Первая программа Шрилы Прабхупады начиналась утром, сразу после даршана Говиндаджи, когда из храма выходила огромная толпа людей. Люди спешили в храм взглянуть на Радха-Говиндаджи, а затем шли в большой пандал «Харе Кришна», который располагался рядом с храмом. Утром в день открытия Прабхупада провел абхишеку – омовение мраморных Божеств Радхи и Кришны. Он нарек эти Божества, которые вскоре должны были отправиться в нью-йоркский храм, именами Радха-Говинда. Затем один из учеников Шрилы Прабхупады провел огненное жертвоприношение, а Прабхупада прочел лекцию на хинди. В программу остальных дней входили утренние и вечерние лекции, киртаны и раздача прасада.

* * *

Проповедуя в Джайпуре, Шрила Прабхупада продолжал посредством переписки с учениками решать вопросы ИСККОН по всему миру. Давая по две лекции в день, встречаясь со множеством гостей и полностью отдаваясь делам, мысленно он пребывал в других городах и думал о тех проблемах, что существуют там. Он руководил своим Движением на многих фронтах. Прибыв на место, Прабхупада разбивал там свой «лагерь» – точно полководец, который перемещается с одного участка на другой, следя при этом за ситуацией на всем фронте. Проповедь в Джайпуре была лишь малой частью его всемирной миссии.

В письмах в Калькутту он торопил своих учеников, побуждая их скорее взяться за освоение земли в Майяпуре, поскольку в марте, в день прихода Господа Чайтаньи, планировал провести там грандиозную церемонию открытия храма. К сожалению, правительство запретило иностранцам въезд в Надию по причине ее соседства с Бангладеш.

– Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы добиться разрешения на въезд, – просил он своих учеников в Калькутте, – все мы должны собраться там в день явления Господа Чайтаньи.

Вновь и вновь он высказывал свое отношение к запрету, наложенному властями.

Не вижу никаких проблем в том, что мы прибудем как обычные паломники, развернем свой лагерь и начнем непрерывный киртан. И все убедятся в том, что мы – искренние преданные Господа Чайтаньи, а не пакистанские шпионы.

Прабхупада писал в Найроби, вдохновляя учеников своими благословениями:

Продолжайте усердно трудиться ради удовольствия Бога, и все вы к Нему вернетесь.

Президенту храма в Сан-Диего Прабхупада написал:

Отрадно слышать, что количество распространенных книг день ото дня растет. Я получаю эти добрые известия из всех храмов Общества, и это радует меня больше всего.

Прабхупада часто думал о земле в Бомбее. В письмах и беседах он часто обсуждал эту тему со своими представителями на местах. Сделка не была завершена, и Прабхупада с нетерпением ждал того момента, когда ученики внесут положенную плату и смогут занять землю.

* * *

Секретарем Джи-би-си по Индии был назначен Тамала-Кришна, хотя, по мнению некоторых преданных, эти обязанности выполнял сам Шрила Прабхупада. Секретари в других частях света были уполномочены действовать самостоятельно, однако в Индии Прабхупада лично вникал во все детали и большинство решений принимал сам. И все же во многих важных вопросах он полагался на Тамала-Кришну как на свое доверенное лицо. Прабхупада направлял его из одного индийского центра в другой, чтобы помочь местным преданным справиться с юридическими, организационными и проповедническими проблемами.

В Бомбее, перед отъездом в Джайпур, Тамала-Кришна обратился к Прабхупаде с просьбой разрешить ему принять санньясу, отрешенный уклад жизни. Ранее Прабхупада удостоил санньясы лишь нескольких учеников, и пояснил, что отныне их обязанности – «путешествовать и проповедовать». Санньяса подразумевала не только уход от жены и семьи, но и отказ от всех административных постов. Создавая управляющий орган, Джи-би-си, Прабхупада дал нескольким из учеников санньясу, умышленно не назначив никого из них, даже весьма способных, на пост секретарей Джи-би-си, поскольку роли президентов храмов или секретарей Джи-би-си должны

были исполнять грихастхи, тогда как обязанность санньяси – проповедовать, странствуя по свету. Вот почему Шрила Прабхупада так долго не решался дать Тамала-Кришне санньясу, тем самым лишаясь секретаря Джи-би-си в Индии.

В принципе, он не имел ничего против санньясы Тамала-Кришны. Если молодой человек был действительно готов отречься от семейной жизни и посвятить свой разум и энергию проповеди сознания Кришны, Прабхупада всегда шел ему навстречу. Человечество остро нуждается в науке о Кришне и даже сотен санньяси для этой цели будет недостаточно. Поэтому как мог он не оценить просьбу о санньясе от одного из своих ведущих учеников?

Сначала он решил испытать Тамала-Кришну на решимость.

А тот был настроен серьезно. Не получая от Прабхупады согласия, он применил следующую тактику: утром, не говоря ни слова, он сел рядом со своим духовным учителем. Тогда, в Бомбее он вошел в комнату Прабхупады, пропел перед Божествами мангала-арати и молча сел у его стоп.

Прабхупада знал характер своего ученика – тот был не только решительным, но и упрямым. После нескольких дней безмолвного и красноречивого присутствия Тамала-Кришны в своей комнате по утрам Прабхупада, наконец, согласился всерьез рассмотреть его просьбу.

Он беспокоился о судьбе Мадри-деви-даси, жены Тамала-Кришны. Она была привлекательной, интеллигентной девушкой, посвятившей свою жизнь сознанию Кришны. Тамала-Кришна женился на ней по собственной воле всего год назад. Мадри была духовной дочерью Шрилы Прабхупады, и он пытался оградить ее от чрезмерных беспокойств. Даже будучи домохозяевами, Тамала-Кришна и его супруга жили аскетично и, путешествуя со Шрилой Прабхупадой по Индии, имели совсем немного времени и возможностей для занятий личной жизнью.

Находясь в Бомбее, Тамала-Кришна узнал от Шьямасундары, что в письме Брахмананде Свами в Африку Прабхупада упомянул, что Тамала-Кришна, возможно, примет санньясу. Словно пришпоренный, оставив жену в Бомбее, Тамала-Кришна поспешил к Прабхупаде в Джайпур. Перед отъездом он попросил у нее первый трехтомник «Шримад-Бхагаватам» с автографом Шрилы Прабхупады.

– Зачем он тебе? – насторожилась Мадри.

– Читать буду, – попытался успокоить супругу Тамала-Кришна. Но та почувствовала недоброе:

– Неправда! Ты хочешь уехать насовсем.

Заверив жену, что обязательно вернется, он отправился в Джайпур.

Прибыв к Прабхупаде, Тамала-Кришна возобновил свои молчаливые визиты. Когда лидеры Джи-би-си встречались с Прабхупадой в его комнате, они обычно садились поближе, чтобы получить необходимые наставления, и только Тамала-Кришна оставался за дверью. Когда Прабхупада впервые увидел это, он сказал:

– Тамала-Кришна, ты за дверью? Очень хорошо.

Преданные посчитали, что Прабхупада хвалит его за смирение.

Как-то Прабхупада обратился к Тамала-Кришне, назвав его «Тамала-Кришна Махарадж». Преданные были изумлены, а женщины из числа близких подруг Мадри, бывшие тогда в Джайпуре, рассердились на Тамала-Кришну, обвиняя его в лицемерии.

Не дожидаясь разрешения Прабхупады, он упрямо шел к своей цели. Он даже приготовил санньяса-данду и покрасил одежду в шафрановый цвет. Возмущению женщин не было предела – ведь Мадри была далеко и даже не могла высказать свое мнение. Собравшись вместе, женщины явились к Шриле Прабхупаде и выложили ему все начистоту. Прабхупада терпеливо и доброжелательно выслушал их аргументы, а затем пригласил Тамала Кришну.

– Твоя жена – моя духовная дочь и ученица. Я должен подумать и о ней. Не знаю, как поступить, ведь она окажется в очень трудном положении.

Тамала-Кришна начал было спорить, но Прабхупада успокоил его и призвал к терпению. Спор о санньясе Тамала-Кришны стал яблоком раздора среди преданных в Джайпуре. Мужчины были «за», женщины выступали «против». Прабхупада думал.

На протяжении всей фестивальной недели утренние и вечерние лекции Прабхупады посещали толпы людей. Сначала он пел молитвы из «Брахма-самхиты», а потом читал лекцию на хинди. Джайпурцы прониклись уважением не только к Прабхупаде, но и к его ученикам. В этом

городе жители яснее, чем где-либо, видели в преданных подлинных садху, а не чужаков и иностранцев.

– Это город преданных Радха-Говиндаджи, – заключил Прабхупада.

Начальник полиции – частый гость фестиваля – был радушен и почиттелен. Когда Прабхупада с учениками шли по улицам города, полицейские отдавали им честь и останавливали движение, позволяя им пройти. Люди приглашали Прабхупаду в свои дома и принимали его, как царя.

Нескольким женщинам из числа своих учениц Прабхупада поручил понаблюдать за тем, как в Джайпуре поклоняются Божествам. Они сообщили, что Божества переодевают трижды – утром, вечером и на ночь. Рассказали они и о том, как жрец предлагает Божествам ароматические масла при помощи палочек с ватным наконечником, которые позже, вместе с цветочными гирляндами с Божеств, отдает молящимся в обмен на свежие гирлянды. Эти ритуалы поклонения – часть традиции, сказал Прабхупада, и их можно ввести во всем ИСККОН.

Каждый вечер Прабхупада выступал в пандале с речью и часто его представлял кто-нибудь из уважаемых людей города. В один из вечеров, выражая чувства искренней признательности и уважения к Прабхупаде и его Движению, его представила царица Джайпура.

После каждой вечерней лекции Прабхупада оставался на слайд-шоу о деятельности ИСККОН по всему миру, и как-то, во время показа слайдов, он подозвал к себе Тамала-Кришну, который сидел неподалеку.

– Сейчас не время получать санньясу, – тихо сказал он, – твоя жена будет слишком сильно страдать.

Прабхупада откинулся на спинку вьясасаны, а Тамала-Кришна попытался переварить услышанное. Затем он наклонился к Прабхупаде и решительно произнес:

– Она все равно будет страдать, Шрила Прабхупада. Получу я санньясу сейчас или потом – она будет одинаково несчастна. Она никогда на это не согласится! А если боль неизбежна, пусть лучше она придет сейчас. Освободите меня. Она переживет.

Ничего не ответив, Прабхупада задумался. Тем же вечером, после программы в пандале он позвал к себе своих учеников-санньяси, Субалу, Мадхудвишу, Гаргамуни и Девананду, а также своего личного секретаря Шьямасундару и самого Тамала-Кришну. Собрав их, Прабхупада спросил присутствующих:

– Тамала-Кришна хочет принять санньясу. Каково ваше мнение? Должен ли он это сделать?

Все ответили положительно. В конце концов, уступил и Прабхупада.

– Подготовьте все необходимое, – сказал он.

– Все давно готово, – объявил Тамала-Кришна.

– Тогда завтра утром мы должны провести церемонию.

На следующее утро, в пандале, перед жертвенным огнем Прабхупада провел особую церемонию, предложив Тамала-Кришне санньяса-данду. Женщины возмущались поступком Тамала-Кришны, но было уже поздно.

Завершив обряд, Прабхупада пригласил Тамала-Кришну Махараджа к себе.

– Ты отказался от замечательной жены и высокого положения, потому я дарю тебе титул «Госвами». Теперь, в настроении шести Госвами Вриндавана, ты можешь проповедовать по всему миру и принимать учеников.

Неожиданно Прабхупада засмеялся:

– Я испытывал тебя, проверяя твою решимость. Что ты намерен делать теперь?

– Пойду странствовать с дандой, – ответил Тамала-Кришна, – один, без попутчиков, пешком буду ходить по Индии из города в город и рассказывать о Кришне, как Господь Чайтанья.

– Замечательно, – согласился Шрила Прабхупада.

Тамала-Кришна поклонился и вышел. Но не прошло и часа, как Прабхупада позвал его снова.

– Твое решение – не лучший вариант. Возьми помощников и все необходимое, без этого тебе не обойтись, – сказал Прабхупада и назвал двух брахмачари, которые должны были отправиться на проповедь вместе с Тамала-Кришна Махараджей.

Также он дал молодому санньяси первое задание. Прямо из Джйпура Прабхупада собирался на фестиваль в Найроби, а в Ахмедабаде его ждала другая программа.

– Ты поедешь в Ахмедабад вместо меня, – велел он Тамала-Кришне.

На церемонии посвящения в санньясу Прабхупада дал Тамала-Кришне Госвами санньяса-мантру – особый стих, который описывает самоотверженную преданность санньяси-вайшнава, долг которого – занять в любовном служении Кришне тело, ум и речь. В этом отличие санньяси-вайшнавов от санньяси-имперсоналистов, занятых размышлениями о Брахмане и уединенной медитацией. Санньяси-вайшнав, принявший прибежище у лотосных стоп Кришны, пересекает океан невежества, помогая перебраться через него другим.

Шрила Прабхупада собственным примером показал, как странствует по свету санньяси-вайшнав, делая все, что в его силах, чтобы от имени Господа Кришны спасти падшие души. Быть санньяси-вайшнавом – значит приезжать в места, подобные Джайпуру, и проповедовать. Это значит поклоняться Говиндаджи в храме и отправлять Божества Радха-Говинды преданным Нью-Йорка. Это значит предоставить женщинам равные возможности стать чистыми преданными, осознавшими Кришну. И еще это значит помочь мужчине оставить семейную жизнь ради высшей цели санньясы.

Шрила Прабхупада был выше материальных обозначений варнашрамы, выше положения санньяси, но в то же время он был образцовым санньяси, призывающим многих других принимать санньясу и следовать по его стопам. Он говорил, что его последователи могут сделать больше, чем он: иметь больше последователей, издавать больше книг, открыть больше центров ИСККОН.

* * *

Бомбей

24 января 1972 года

В Бомбее Прабхупаду ждало разочарование. Преданные не рассчитались с г-ном Н. и ни на шаг не продвинулись в освоении участка в Джуху. Мадхудвиша Свами, которого Прабхупада оставил там вместо себя, честно признал свою неспособность нести ответственность за столь сложный проект. Ранее эта задача была возложена на Тамала-Кришну, но теперь он принял санньясу и ради странствий и проповеди сложил с себя полномочия секретаря Джи-би-си. Прабхупада остался в Бомбее без представителя. Прабхупада и так уже исполнял львиную долю обязанностей, но за всем уследить не мог, как не мог и постоянно оставаться в Бомбее.

Подыскивая опытного ученика, способного возглавить проект в Джуху, Прабхупада подумал о Брахмананде Свами, который в тот момент проповедовал в Найроби. Прабхупада решил слетать в Африку и пригласить Брахмананду Свами в Бомбей. Действовать нужно было немедленно, чтобы ИСККОН как можно скорей мог вступить во владение землей. Если преданные уже поселятся на этой земле, то даже если г-н Н. вдруг передумает, избавиться от них ему будет непросто.

Прихватив с собой Божества Радха-Кришны, Прабхупада без промедления вылетел в столицу Кении. Мурти, которые он отправил в Найроби до того, были повреждены при перевозке, поэтому на этот раз, чтобы нести метровые мраморные Божества, Прабхупада взял с собой в дорогу атлетически сложенного Мадхудвишу Свами. По специальному разрешению службы аэропорта Мадхудвиша Свами, неся на руках Божество Кришны весом сорок пять килограммов, вошел в самолет вместе с Прабхупадой и поставил мурти рядом с его креслом. Затем он покинул борт и вернулся с Радхарани.

Большую часть полета Прабхупада дискутировал с Мадхудвишей Свами, выступавшим с позиций имперсоналиста. Как всегда, Прабхупада вышел из спора победителем.

– Вот так ты становишься проповедником, – говорил он. – Ты должен уметь защищать любую из двух сторон спора и побеждать. Так действовал Господь Чайтанья.

После первого визита Шрилы Прабхупады в Найроби четыре месяца назад, Брахмананда Свами с несколькими американскими преданными сняли дом в предместье. Они приобщили к Движению нескольких африканцев, но пока не имели ни храма, ни ашрама. Сами с трудом следуя простой программе, они не были готовы оказать Шриле Прабхупаде достойный прием.

В аэропорту Прабхупада столкнулся с обычным для Найроби явлением: никто не приехал его встретить. Местные преданные даже не были уверены, что он приедет. Секретарь Прабхупады телефонным звонком уведомил Брахмананду Свами о готовящемся визите Прабхупады в Кению и о том, что самому ему надлежит устроить встречу Прабхупады с президентом страны и организовать большой фестиваль в пандале. Однако никто так и не сообщил Брахмананде Свами, когда же именно прилетает Прабхупада.

В аэропорту Прабхупада с Мадхудвишей Свами бережно погрузили Божества в такси и отправились по адресу центра ИСККОН. Прибыв на место, Прабхупада позвонил в дверь. Открыв дверь и увидев на пороге своего духовного учителя, Брахмананда Свами с криком «Прабхупада!» распростерся в поклоне.

– Что случилось? – спросил Прабхупада, стоя рядом с Божествами. – Почему никто нас не встретил? – Но Брахмананда Свами не мог ничего сказать.

Как только Прабхупада прибыл в Найроби, его помощник, Мадхудвиша Свами, слег с гепатитом. Своего постоянного секретаря, Шьямасундару, Прабхупада оставил в Индии заниматься юридической стороной покупки земли в Майяпуре, и потому сейчас он оказался без помощника.

В Найроби Прабхупада имел обыкновение в полдень принимать душ и надевать свежую одежду. Но однажды, выйдя из душевой, он не смог найти своих вещей. По словам Брахмананды Свами, африканский слуга постирал их и повесил на веревку, а когда Брахмананда Свами пришел за ними, их на месте не оказалось. Вероятно, их украл. Прабхупада воспринял это спокойно.

Вечером того же дня, когда преданные ИСККОН-Найроби собрались в храме на вечернюю лекцию по «Бхагавад-гите», Прабхупада увидел на африканских юношах отдельные детали своей одежды: на одном была курта, на другом – фартук санньяси, на третьем – дхоти. Он указал на них Брахмананде Свами, и тот немедленно вывел их из комнаты и потребовал вернуть украденное. Получив все назад, Прабхупада только рассмеялся, не принимая это оскорбление всерьез.

Но что всерьез огорчило Прабхупаду в Найроби – так это качество пищи. Попробовав белую маисовую кашу, он назвал ее пищей для свиней, а твердый белый нут – годным лишь для лошадей. Тогда Харикрипа, чернокожий преданный из Америки, отправился на кухню, сварил овощи без всяких специй и принес Прабхупаде. Тот назвал это блюдо пищей для собак.

– Когда же ты перестанешь быть неотесанным африканцем?! – рассердился Прабхупада и сам отправился на кухню.

Около десятка преданных наблюдали за тем, как он готовит комплексный обед – дал, рис, чапати и сабджи. Еды хватило на всех, и преданные остались довольны. Однако неумелые повара и воровство продолжали беспокоить Прабхупаду в течение всей недели его пребывания в Найроби.

Брахмананда Свами видел, что Прабхупаду больше всего заботит его бомбейский проект.

– Единственная причина моего приезда, – сказал Прабхупада Брахмананде Свами, – привлечь к этому проекту тебя.

Однажды он спросил у Брахмананды Свами:

– Какой город в Индии самый важный?

– Калькутта? – предположил Брахмананда.

– Калькутта? – переспросил Прабхупада, с удивлением глядя на него. – Разве ты не знаешь, что на первом месте стоит Бомбей, на втором – Дели, и только за ними идет Калькутта?

Прабхупада вдохновлял Брахмананду Свами поехать с ним и заняться бомбейским проектом. Это будет уникальный комплекс ИСККОН – сочетание религии и культуры в виде величественного храма, международного отеля, театра и диорамы. Видя горячее желание своего учителя, Брахмананда Махарадж согласился передать свои обязанности в Найроби другим преданным и помочь Прабхупаде в Бомбее.

Визит Прабхупады в Найроби оказался полезным для бомбейского проекта еще по одной причине. Разглядывая с Чьяваной и Брахманандой Свами отель «Хилтон» в Найроби – современное здание с парными круглыми башнями – Прабхупада оценил дизайн и решил подсказать своему архитектору использовать эту идею в проекте гостиницы и храма в Бомбее.

Прабхупада, Брахмананда Свами, Бхагавата и один африканский преданный гуляли в городском саду Найроби. Когда африканского преданного представили Прабхупаде, юноша спросил:

– Если я захочу жениться, вы мне позволите?

– Конечно, – ответил Прабхупада.

– Но Прабхупада, – продолжал юноша. – Жених должен заплатить за невесту ее отцу. Таков местный обычай.

Прабхупада ответил, что это полностью противоречит ведической традиции, в которой отец невесты дарит приданое своему зятю. Услышав это, молодой человек заволновался.

– А вы дадите мне денег, когда я соберусь жениться? Ведь сейчас я не зарабатываю, а тружусь только на вас. Когда я захочу обзавестись семьей, вы дадите мне денег?

Прабхупада покачал головой.

– Не беспокойся ни о деньгах, ни о невесте. Когда придет время, я сам подыщу тебе американскую девушку, и ты возьмешь ее в жены.

Когда бы Прабхупада ни оказывался в своем совсем еще «незрелом» храме в Найроби, всегда ему приходилось сталкиваться с неопытостью учеников и всяческими отклонениями. В ашраме брахмачари Прабхупада увидел разбросанные по всей комнате книги, какие-то доски и банки из-под краски. На замечание Прабхупады президент храма Харикрипа стал оправдываться:

– Я говорю им, но меня никто не слушает.

Тогда Прабхупада нагнулся и поднял с пола несколько дощечек.

– Если они не хотят этого делать, – сказал он, – делай сам! Положи-ка это вон туда. – И Прабхупада начал наводить порядок, подключив всех присутствующих. Через пять минут в комнате было чисто.

Фестиваль Всемирного Движения «Харе Кришна» на городском стадионе Найроби с равным успехом можно было назвать и удачным, и провальным. Хотя Брахмананда Свами предварительно встретился со многими высокопоставленными людьми из правительства и дипломатами, и все они обещали прибыть на праздник, никто из них так и не явился. Исключение составил только господин И. Комора, министр образования Кении. Однако на праздник пришло несколько сотен простых людей, которые участвовали в киртане, слушали Прабхупаду и принимали прасад.

Хотя лидеров кенийского общества преданные пригласили для того, чтобы возвеличить тем самым славу Кришны, их высокий гость использовал благоприятную возможность, чтобы воспеть хвалу родной Кении. Однако деятельность Прабхупады и Движения сознания Кришны министр оценил высоко, а относительно «Бхагавад-гиты» сказал:

– Высокоученый основатель вашего Движения сделал эту великую книгу доступной на английском языке и снабдил исчерпывающим комментарием.

Шрила Прабхупада участвовал и в других программах в Найроби и его окрестностях. Он советовал в проповеди африканцам делать упор на пении «Харе Кришна», проводя многолюдные киртаны. Господь Чайтанья, по словам Прабхупады, никогда не говорил о философии с обычными людьми, но только с учеными, такими как Санатана и Рупа Госвами.

– Просто пойте «Харе Кришна», – сказал он. – Людям понравится.

Шрила Прабхупада установил в Найроби Божества Радха-Кришны и назвал кенийский храм Кирата-шуддхи, «место очищения аборигенов». Однако войдя в храмовую комнату вскоре после установления, он был в шоке, увидев, что Божества сдвинуты со Своего традиционного места в центре алтаря. Кришна стоял у самой лестницы, далеко слева, Радхарани – далеко справа.

– Кто это сделал? – вскричал Прабхупада.

Бхагавата вбежал в алтарную и также застыл в изумлении.

– Кто развел Радху и Кришну на десять миль друг от друга? – возмущался Прабхупада. – Вы что, не знаете? Сколько раз вам объяснять?

Тут появился Бхута-бхавана, признавший свою вину.

– Почему Божества не на месте? – спросил Прабхупада.

– Я не знаю, как это получилось, – оправдывался Бхута-бхавана. – Я торопился на фестиваль и, наверное, просто забыл.

– И что? – допытывался Прабхупада, – значит, Их можно выставить на улицу?

Бхута-бхавана замер, не зная, что сказать.

– Поставь Божества рядом, – смягчился Прабхупада. – Они не должны отдаляться друг от друга больше, чем на десять сантиметров. Сделай, как положено.

Спустя неделю Прабхупада покинул Найроби и вернулся в Бомбей. Он летал в Африку, чтобы позвать Брахмананду Свами, и это ему удалось.

– Если бы ты не взял на себя руководство бомбейским проектом, – сказал Прабхупада Брахмананде, – я не смог бы двигаться дальше и вкладывать столько денег. Но сейчас вопрос решен.

Прабхупада вновь почувствовал надежду.

Бомбейский проект, по его убеждению, должен был занять важное место не только в ИСККОН, но и среди всех храмов Индии. Многие детали проекта Прабхупада уже обдумал, но

для того, чтобы реализовать их, ему нужны были компетентные ученики. Он до сих пор оставался единственным лидером Движения, шаг за шагом воплощая в жизнь его новые этапы. Ученики шли следом, но впереди всегда был он. И хотя он поручал ученикам ответственность за те или иные проекты ИСККОН, порой они были не способны взять ее на себя. Шрила Прабхупада отправился в Найроби, помня бенгальскую поговорку, которую часто цитировал: «Когда собрался делать дело, надейся только на себя». Именно поэтому он самолично поехал в Найроби за Брахманандой Свами, чтобы доставить его в Бомбей. Вместе с тем, поездка его во многом помогла как преданным, так и всему населению Найроби.

* * *

Бомбей

8 февраля 1972 года

При встрече Прабхупада напомнил г-ну Н., что хотел бы занять участок сразу после уплаты второго взноса в пятьдесят тысяч рупий. Г-н Н. строго придерживался условий договора, и Прабхупада передал дела своему адвокату г-ну Д. для юридического оформления процедуры.

Хотя Прабхупада принимал все административные решения сам, он все же хотел, чтобы практическими делами занимались секретари Джи-би-си. Он считал, что должен отдавать все свои силы переводу книг.

– Если Джи-би-си будет справляться с делами, – сказал он своему секретарю Шьямасундаре, – тогда голова моя освободится от забот, и я смогу посвятить все свое время книгам. Я могу дать вам столько книг – Веды, Упанишады, Пураны, «Махабхарату», «Рамаяну» – всё. В нашей сампрадае Госвами создали великое множество произведений о преданном служении. Но административная работа отнимает у меня слишком много времени. Я мог бы погрузиться в философию, но вместо этого голова моя день и ночь занята всевозможными проблемами, и это мешает мне заниматься настоящим делом.

Помимо того, что Прабхупада непосредственно руководил индийскими проектами, ему ежедневно приходилось отвечать по меньшей мере на десяток писем, приходивших от преданных со всех концов света.

– Почему они все время пишут мне и задают столько вопросов? – спросил он секретаря.

– Преданные предпочитают спрашивать лично вас, – ответил Шьямасундара, – так как секретари Джи-би-си не всегда могут дать вразумительный ответ.

– Теперь они знают все, – ответил Прабхупада. – Я дал вам все. Если они сами не знают ответа, то могут найти его в моих книгах. Я уже стар. Дайте мне возможность спокойно заниматься философией. Целыми днями читать письма, отвечать на них и заниматься бизнесом – куда это годится? Избавьте меня от лишних хлопот! Пусть теперь этим занимаются Джи-би-си.

Но это оказалось невозможным. Как только Прабхупада чувствовал, что кого-то из преданных обманывают, он сразу же вмешивался в дело сам. А ученики все писали и писали, спрашивали о важных делах и консультировались по административным вопросам. Он был не вправе разочаровывать их. Желание Прабхупады отойти от дел и посвятить себя литературной деятельности так и оставалось несбыточной мечтой. Если ИСККОН суждено было расти и развиваться, то он едва ли мог надеяться на отдых.

После встречи с г-ном Н. Прабхупада собрался в Южную Индию, в Мадрас, на пятидневную программу в пандале. Далее путь его лежал в Калькутту, Майяпур и Вриндаван. Он готовился к отъезду, а мысль о том, что скоро ИСККОН завладеет землей в Джуху, наполняла его счастьем, и он часто делился своими планами с преданными.

ИСККОН воздвигнет прекрасный храм и создаст общину преданных Кришны – первый город ИСККОН. Состоятельные люди будут покупать квартиры в кооперативных домах ИСККОН, а преданные должны будут развивать этот комплекс и им управлять. Со временем, набравшись опыта, они смогут осуществлять подобные проекты и в других городах. Бизнесмены и люди разных специальностей смогут, как преданные, селиться в этом сообществе семьями и отдавать своих детей в школы ИСККОН.

Прабхупада часто говорил о строительстве международной гостиницы для иностранных гостей и путешествующих бизнесменов, наподобие «Холидэй-Инн», в которой один этаж будет отведен для бесплатного проживания свободных членов ИСККОН. Рестораном в отеле будут управлять опытные повара-брахманы, умеющие готовить десятки видов великолепного прасада, и

Божествам Радха-Расавихари ежедневно будут предлагать пятьдесят два блюда. Далее этот прасад будут раздавать гостям и жителям городка.

Чтобы направить работу в нужное русло, Прабхупада поручил преданным немедленно организовать на новом участке массовый десятидневный фестиваль. Но сначала Брахмананда Свами по договору должен был внести остаток платежа и прибыть на новое место со всеми преданными и Божествами Радха-Расавихари. Далее они должны были разбить большой шатер-пандал и провести полноценную программу по примеру тех, что уже проводились в Бомбее, Калькутте и Дели. Прабхупада хотел, чтобы все было готово через две недели, к его возвращению.

* * *

Хотя в наиболее полном виде изначальная ведическая культура сохранилась в Южной Индии, о чем Прабхупада не раз говорил, сам он не был там уже несколько лет. Южная Индия подарила миру таких великих ачарий, как Шанкара, Рамануджа и Мадхва. Господь Чайтанья Махапрабху во время своего паломничества также счел Южную Индию наиболее благодатным местом.

В конце ноября 1971 года, сразу после большого фестиваля в Дели, в канун первой поездки Прабхупады с учениками во Вриндаван, Ачьютананда Свами, Брахмананда Свами и Гирираджа вызвались отправиться в Мадрас, чтобы подготовить там для Шрилы Прабхупады проповедническую программу. Узнав об их планах, Прабхупада удивился:

– Вы не поедете с нами во Вриндаван?

– ИСККОН – это и есть Вриндаван, – ответил Ачьютананда Свами.

– Ты прав, – согласился Прабхупада, – мой Гуру Махарадж был того же мнения.

– Но что бы вы хотели от нас? – спросил Гирираджа. – Какое служение важнее?

– Я хочу, чтобы вы подготовили фестиваль в Мадрасе, – ответил Прабхупада, – Мне это было бы приятно.

Мадрас

11 февраля 1972 года

В сопровождении двадцати учеников Прабхупада прибыл в Мадрас и сразу же принял участие в уличном шествии. Парад возглавляли нарядно украшенный слон и марширующий оркестр, а за ними с киртаном следовали преданные. Прабхупада ехал в старом, украшенном цветами американском лимузине и был в центре всеобщего внимания.

Прабхупада остановился в доме г-на Баллу, мадрасского бизнесмена. Три вечера подряд в большом зале, заполненном пятью тысячами слушателей, Прабхупада читал лекции на английском языке. Как-то вечером он рассказал историю из «Чайтанья-чаритамриты» о неграмотном брахмане, которому Господь Чайтанья Махапрабху воздал должное за его непоколебимую преданность своему духовному учителю и «Бхагавад-гите». На следующее утро газета «Хинду», одна из двух крупнейших газет города, опубликовала подробное изложение этой лекции. Опубликованы были и последующие лекции. Другая влиятельная газета поместила более общий обзорный материал о приезде А. Ч. Бхактиведанты Свами и его шествии с западными учениками.

После массовой трехдневной программы была проведена еще одна крупная встреча для специально приглашенных гостей. Устроил ее г-н К. Вира Свами, главный судья Мадраса. На церемонии присутствовали юристы, государственные служащие и другие выдающиеся люди города. Несколько тысяч человек собрались под навесом, где Прабхупада рассказывал о Рупе и Санатане Госвами из Вриндавана, которые оставили высокие государственные посты, чтобы присоединиться к движению Чайтанья Махапрабху. Так Прабхупада косвенно призывал всех влиятельных людей Мадраса примкнуть к Обществу сознания Кришны.

Для Прабхупады не было секретом, что его почтенная аудитория тяготеет к имперсонализму – глубоко укоренившемуся убеждению в верховенстве безличного Брахмана – и представлению, что все боги индуистского пантеона есть не что иное как равноправные проявления Единого. Завершая встречу, Прабхупада призвал гостей признать Кришну Верховной Божественной Личностью.

– Повторите за мной, – попросил он. – Кришна – Верховная Личность Бога.

Его призыв был так смиренен и в то же время так настойчив, что некоторые слушатели действительно громко повторили за ним: «Кришна – Верховная Личность Бога».

Присутствовавший в зале г-н Кастури, редактор и издатель газеты «Хинду», привел подробное изложение речи Прабхупады в утреннем номере газеты.

В дополнение к обычным репортажам, в одном из отелей Мадраса Прабхупада провел пресс-конференцию. Удовлетворенный сообщениями в прессе, он пошел дальше, обратившись к журналистам, заполнившим зал.

Гирираджа: Прабхупада общался с ними не так, как обычно говорят с репортерами. Газетчика, как правило, отличает шаблонное представление о себе самом, а дающий интервью имеет стереотипное понимание того, кем является он. А потому, отвечая на вопрос журналиста, человек беспокоится о том, как слова его будут поданы в газете. Но Прабхупада – я видел это – разговаривал с корреспондентами как с душами, как с живыми людьми и потенциальными преданными Кришны. Хотя журналисты вели себя с Прабхупадой в свойственной им манере, сам он общался с ними совсем по-другому, вдохновляя такими словами:

– Репортаж, который вы сделали, замечателен. Да благословит вас Кришна. Пожалуйста, помогите расширить наше Движение.

Журналисты задавали Прабхупаде вопросы и слушали его ответы, на ходу соображая, как из них состряпать привлекательный для читателей материал. Но Прабхупада видел в этих людях лишь частицы Господа, стремящиеся к сознанию Кришны, и отвечал им в этом ключе.

Все три дня, что Прабхупада провел в городе, люди явственно ощущали присутствие Движения «Харе Кришна». Прабхупада почти не спал – даже после затяжных вечерних лекций, используя ранние утренние часы для своих переводов. Он переезжал с места на место, превосходя своей кипучей энергией молодых учеников.

Г-н Балу, принимавший Прабхупаду, был не только удачливым бизнесменом, но и человеком весьма религиозным. Он встретил Прабхупаду очень радушно и приветливо, как того требует ведический этикет. Прабхупада отметил, что мистер Балу содержит собственный храм с прекрасными Божествами Радха-Кришны и большой сад туласи. Когда преданные, сопровождавшие Прабхупаду, спросили мистера Балу, почему его Божества так часто одеты в черное, он ответил, что в ином случае он не смог бы на них смотреть, – столь они ослепительны. Кроме того, он не считал нужным простирается перед своим Божеством ниц, ибо, как он сказал, они с супругой приходятся Кришне отцом и матерью, а где это видано, чтобы отец кланялся сыну?

Прабхупада и хозяин дома относились друг к другу с уважением. Но как-то вечером мистер Балу и его жена пришли к Прабхупаде с просьбой рассказать им о раса-лиле. Прабхупада ответил, что раса-лила, будучи самой возвышенной духовной темой, предназначена исключительно для освобожденных душ. Только человек, полностью лишенный материальных желаний, достоин касаться этой темы.

– Но Свамиджи, – настаивал мистер Балу. – Мы с женой сгораем от нетерпения, вы должны поведать нам о раса-лиле.

Прабхупада еще раз объяснил особое положение танца раса, повторив, что только тот, кто начисто лишен привязанности к жене, семье, дому и деньгам, вправе о нем слушать. Но мистер Балу молитвенно сложил руки и вновь заговорил о том же:

– Свамиджи, моя жена и я умоляем вас, пожалуйста, поведайте о раса-лиле.

Тогда Прабхупада ответил:

– Что ж, возможно, вы и достойны слушать о раса-лиле, но сам я не считаю себя достойным говорить о ней. Поэтому, пожалуйста, попросите об этом кого-нибудь другого.

Прабхупада лично встречался с разными влиятельными гражданами Мадраса. Если лидеры общества станут сознающими Кришну, говорил он, то своим примером они смогут дать сознание Кришны всему населению. Он не льстил своим именитым гостям и ни в чем не шел с ними на компромисс, но всегда старался вложить сознание Кришны во всякого, с кем встречался.

Прабхупада беседовал и с главой администрации Мадраса, К. К. Шахом, стойким майявади и последователем Шанкарачарьи. Вооружившись терпением, он пытался научить его сознанию Кришны, но губернатор неуклонно возвращался к своей философии. Когда же Прабхупада попросил его посодействовать Движению сознания Кришны, тот ответил, что как губернатор ничем не может помочь, поскольку вся власть сосредоточена в руках премьер-министра.

В Мадрасе жил и пожилой ученый, в прошлом – известный политик, автор нескольких книг и переводов из ведической философии, но тоже имперсоналист. Прабхупада пришел к нему с визитом, однако тот был парализован и не мог даже говорить. Он сидел в инвалидном кресле, и все тело его дрожало. Какое-то время Прабхупада говорил о персонализме «Гиты», и глаза

больного то и дело загорались, но сам он не мог произнести ни слова, издавая лишь нечленораздельные звуки. Ранее Прабхупада уже подвергал критике его перевод «Гиты», из которого следовало, что, хотя Кришна призывает предаться Ему, в действительности мы должны предаться не Кришне лично, но безликому, вечному принципу в Кришне. Эта встреча, по-видимому, произвела на Шрилу Прабхупаду сильное впечатление, так что в последующие дни он нет-нет да и вспоминал о жалкой судьбе старого ученого майявади, который теперь вел жизнь растения.

Говорил Прабхупада и с В. Радж-Гопала-Ачарьей (Раджаджи), первым главой исполнительной власти Индии после обретения независимости. Друг Махатмы Ганди, он был очень популярен в народе как религиозный политик. Несмотря на преклонный возраст (Раджаджи перевалило за девяносто), он был очень активен и с большой симпатией отнесся к Движению Прабхупады. Его тревожило лишь одно: Прабхупада создал такую огромную организацию, что есть вероятность того, что ее члены будут отождествлять себя больше с организацией, нежели с Кришной. Если это случится, то они могут опять опуститься до материализма и ложного самоотождествления. Прабхупада ответил, что Кришна абсолютен, а значит Он и Его организация неотличны друг от друга. Поэтому отождествлять себя с организацией Кришны значит отождествлять себя с Самим Кришной. Раджаджи был удовлетворен ответом Прабхупады и, завершив приятную беседу, они расстались друзьями.

Прабхупада получил приглашение посетить дом Верховного Судьи Вира Свами. Они сблизились, и судья изъявил желание как можно скорей присоединиться к Движению сознания Кришны. Он проникся к последователям Прабхупады симпатией – особенно к трехлетней Сарасвати, и даже подарил ей пятнадцатисантиметровое серебряное мурти Кришны, играющего на флейте.

Однажды вечером, при встрече с Вирой Свами, Прабхупада заметил, что Сарасвати слишком мала для такого дорогого серебряного мурти, потому ему пришлось забрать его себе, а взамен он собирается дать ей другое. Но во время их разговора в комнату влетела Сарасвати и с криком бросилась к матери:

– Кришна ушел!

Прабхупада подозвал ее к себе:

– Сарасвати, где твой Кришна?

– Не знаю, – ответила встревоженная Сарасвати. – Его кто-то забрал.

– Так где же Кришна? – повторил вопрос Прабхупада.

– Не знаю, – снова сказала Сарасвати.

– Может быть, он под подушкой? – предположил Прабхупада.

Сарасвати подбежала к подушке, на которую указал Прабхупада, и посмотрела под ней. Кришны там не оказалось

– А на полке его нет? – подсказал Прабхупада.

Сарасвати подбежала к полке. Она озиралась по сторонам, вглядывалась в лица преданных, проверяла их руки, заглядывала за спины, ища Кришну повсюду. Где же Кришна?

Пристально глядя на Сарасвати, Прабхупада продекламировал стих о шести Госвами: хе радхе враджа-девике ча лалите хе нанда-суно кутах.

– Это настроение Госвами, – сказал он. – Они никогда не говорили: «Я увидел Бога, и теперь я доволен». Нет, они восклицали: «Где же Радха? Где Кришна? Где же Вы? На Говардхане или под сенью деревьев на берегу Ямуны? Где Вы?» Так они выражали свои эмоции в сознании Кришны.

В глазах Сарасвати стояли слезы. Тогда один из преданных намекнул ей:

– Так где же Кришна, Сарасвати? У кого Он?

Глаза Сарасвати распахнулись.

– У Прабхупады! – закричала она и побежала к Прабхупаде, уверенная, что именно он взял Кришну. Прабхупада протянул руку за спинку своего кресла и достал маленькое мурти Кришны, похожее на то, серебряное, которое он у нее забрал.

– Вот тебе Кришна, Сарасвати, – сказал Прабхупада.

Счастью Сарасвати не было границ. Присутствующих преданных поразили обмен духовными эмоциями между Прабхупадой и маленькой девочкой, в которой тот сумел пробудить чувство разлуки с Кришной. После этого Прабхупада продолжил рассказывать верховному судье об этом настроении разлуки.

Сотни лет Мадрас сотрясали религиозные и социальные раздоры, и Прабхупада часто обращался к этой проблеме. Один из подобных конфликтов разыгрался между брахманами и не-брахманами. Поскольку рожденные в брахманических семьях узурпировали право на высокие государственные и религиозные посты, не-брахманы создали мощную политическую оппозицию, издав законы, запрещающие, к примеру, религиозные изображения и тому подобное. Толкуя с мирских политических позиций священную «Рамаяну», они тем самым совершали оскорбление Господа Рамы.

Беседуя с учениками, Прабхупада рассуждал:

– Разве верховный судья – обязательно брахман? Не думаю, он может быть и кшатрием. В любом случае скажите ему, что нам не составит труда разрешить проблему между брахманами и не-брахманами. Мы каждому дадим возможность стать брахманом. Для этого достаточно просто следовать нашим принципам, и мы посвятим его в брахманы.

Прабхупада напомнил предсказание шаштр, что в Кали-югу в семьях брахманов будут рождаться демоны. Вот где корень разногласий. Так называемые брахманы, став лидерами общества, не удовлетворяют людей. Но всякий, кто следует четырем регулирующим принципам, повторяет «Харе Кришна» и получает посвящение в вайшнавизм, может стать брахманом. Тогда эта проблема будет решена.

Начать нужно с того, сказал Прабхупада, что сделать брахманом Верховного Судью, Виру Свами. Г-н Вира Свами сам признался, что страстно желает получить от Шрилы Прабхупады посвящение. Единственной проблемой для него станет отказ от чаепития. Узнав об этом, Прабхупада в порядке исключения обещал дать судье посвящение даже в том случае, если тот будет позволять себе немного чая.

Некоторые из мадрасских кастовых брахманов осуждали Прабхупаду за то, что тот посвящает в брахманы низкородившихся жителей Запада, и на встрече в доме одного из местных брахманов кто-то из гостей обратился к Прабхупаде:

– Ваши ученики, Свамиджи, плохо произносят санскрит. Даже мантра «Харе Кришна» звучит порой не совсем точно.

– Согласен, – ответил Прабхупада, – как раз за этим мы сюда и прибыли: набраться знаний в общении с вами.

В Южной Индии Шриле Прабхупаде пришлось столкнуться и с другой затянувшейся враждой – враждой между шиваитами (поклонниками Господа Шивы) и вайшнавами (поклонниками Господа Вишну). Шиваиты традиционно придерживаются имперсональной философии, толкуя Бога как безликое Единое, проявленное во множестве форм, в том числе как Шива и Кришна. А поскольку все проявления Абсолюта, в конечном счете, суть одно, споры по поводу того, какой образ Бога лучше – просто ребячество. Сталкиваясь с приверженцами этой философии, ученики Прабхупады испытывали немало трудностей. Диспут, состоявшийся между Гирираджей и состоятельным шиваитом, г-ном Рамакришной, закончился взаимной обидой. Однако когда Гирираджа встречался с жителями Мадраса, те часто спрашивали у него: «Знакомы ли вы с г-ном Рамакришной? Это очень хороший человек, и к тому же знаток религии». Это устыдило Гирираджу, и он предпринял еще одну попытку завоевать расположение г-на Рамакришны.

Они снова поговорили, но взаимопонимания не нашли. Тогда Гирираджа попросил Прабхупаду лично побеседовать с г-ном Рамакришной. Прабхупада согласился.

Г-н Рамакришна обратился к Прабхупаде:

– Свамиджи, мы неоднократно беседовали о преданности Господу Кришне и Господу Шиве. Что вы думаете по этому поводу? Кто выше – Кришна или Шива?

Прабхупада ответил, что в истинном значении термин «бхакти» (т.е. «преданность») не может относиться к поклонению Господу Шиве. «Бхакти» означает служение, лишённое всякой корысти, тогда как пуджа подразумевает желание получить что-то взамен. Потому понятие «бхакти» применимо только к Кришне.

– Но разве не может быть так, – возразил мистер Рамакришна, – что бхакта Господа Шивы поклоняется ему только из чувства преданности, не желая материального вознаграждения?

– Такое возможно, – согласился Прабхупада, – но крайне редко. Как, например, если человек заходит в магазин, торгующий спиртным, естественно предположить, что он намерен выпить, хотя бывают и исключения.

Прабхупада привел пример гопи, которые поклонялись богине Катьяйни из чувства преданности Кришне, а не из желания материального вознаграждения. Подобно этому, когда человек поклоняется Господу Шиве без корыстных мотивов, исключительно с целью служения Господу Кришне, тогда его можно считать бхактой. Но люди, как правило, приходят к Господу Шиве только с корыстными целями. Хотя г-н Рамакришна обычно был склонен оспаривать эти аргументы, на этот раз ответ Прабхупады его удовлетворил.

Но самый острый конфликт в Мадрасе произошел у Прабхупады не со смарта-брахманами, майявади или шиваитами, а с собственными духовными братьями. Некоторые из них по достоинству оценили беспрецедентную проповедь, которую Шрила Прабхупада осуществлял от имени Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, другие же преисполнились зависти. Один из них написал Прабхупаде в Мадрас:

Многоуважаемый Свамиджи!

12-го числа текущего месяца я послушал вашу лекцию о Бхакти в Раджисвари-Калайана-Мандапе и преисполнился сомнений относительно следующих моментов:

Ваши ученики танцуют, распевая мантру «Харе Кришна». (I) Неужели они действительно опьянены Богом, как Господь Чайтанья? (II) И вы, Свамиджи, действительно ли свободны от своего эго? Если «да», то почему вы говорите: «Я бросаю вызов»? Почему слова «я» и «мое» не сходят у вас с языка? (III) Почему вы сидите на мягкой подушке, что непозволительно настоящему йогу? – Разве Господь Чайтанья сидел на подушках? (IV) Почему вы носите кольцо и золотые наручные часы? Неужели вы не освободились от материальных привязанностей? (V) Посетили ли вы храм Господа Чайтаньи-Кришны в Гаудиа-Матхе? Если нет, то почему? Ведь там поддерживается чистейшая вайшнавская традиция, там живут праведные Свамиджи, там живет Господь Кришна. А вместо мелодичного пения вы исторгаете лишь резкий хрип [!], лишенный благозвучия. Да есть ли в вас хоть что-нибудь святое? – Сомневаюсь. Вас невозможно слушать без отвращения.

Злобный и ядовитый тон этого письма очень удивил Прабхупаду, и хотя ему было больно, он давно уже привык к равнодушию и оскорблениям духовных братьев. И все же он запретил своим ученикам вступать с ними в перепалку. Разумнее всего – просто их избегать. Тех, кто критикует усилия Движения по распространению сознания Кришны, он назвал людьми бесполезными. Они ничем ему не помешают : «Собака лает, караван идет».

Разительным контрастом этому злобному письму стало послание от Триданди Свами Б.В. Пури Махараджа, другого духовного брата Шрилы Прабхупады. Пури Махарадж, как называл его Прабхупада, жил в небольшом ашраме в Вишакхапатнаме, на берегу Бенгальского залива, между Мадрасом и Калькуттой. Узнав, что Прабхупада направляется в Калькутту, Пури Махарадж пригласил его к себе.

Предлагая бесчисленные Сатсанга-Дандабаты Твоим лотосным стопам, смиренно прошу принять это послание... Жители Вишакхапатнама ждут не дождутся возможности получить даршан твоего святейшества... Мы несказанно рады и с нетерпением жаждем услышать Санкиртану и божественное послание из твоих святых уст. Надеемся, что движение Санкиртаны в Мадрасе привлекает тысячи горожан. Еще раз, предлагая дандабаты всем Вайшнавам, твой дасану Б.В. Пури.

* * *

Вишакхапатнам

17 февраля 1972 года

Широкий, белый, искрящийся песчаный пляж и теплые, чистые воды Бенгальского залива придали визиту Шрилы Прабхупады в Вишакхапатнам особый вкус. Маленький ашрам Пури Махараджа стоял в пяти минутах ходьбы от океана, и каждое утро в сопровождении полутора десятков учеников Прабхупада совершал долгие прогулки по берегу.

Ямуна: Я не помню, чтобы он отказал кому-то в возможности поучаствовать в прогулке. Зная, в какое время Шрила Прабхупада выходит на прогулку, все мы выходили из комнат на улицу и следовали за ним к побережью. Прогулки были живыми, освежающими и полными бесед о Кришне. Так или иначе, всем нам удавалось послушать Шрилу Прабхупаду.

Гуру-даса: Я не пропускал ни одной прогулки. Но однажды, сидя в храме, я вдруг увидел Прабхупаду и преданных, которые направлялись к берегу. Я бросился вдогонку, даже не успев

надеть обувь (а берег был покрыт ракушками и острыми камнями). Видя, как я ковыляю по неровной дороге, высоко поднимая ноги, Прабхупада участливо спросил:

– О, тебе больно ступать? Почему ты босой?

– Прабхупада, – ответил я, – когда вы рядом, я не чувствую боли.

Прабхупада остановился:

– Так может, перережешь себе горло?

Все засмеялись, и я вместе с ними.

– Тапасьи и так хватает, зачем придумывать лишнюю? – подвел итог Прабхупада.

Гурукрипа: Прабхупада без устали говорил о философии. Я многого не понимал, многое не мог запомнить, но все равно слушал и слушал. Идя за Прабхупадой по берегу, я думал про себя: «Пусть я пока не могу следовать его учению или примеру, но хотя бы буду идти по его следам на песке».

Вишакха: Иногда за нами увязывалась какая-нибудь собака и нас облаивала. Мы удивлялись, видя, как легко Прабхупада обращал ее в бегство, резко взмахнув тростью. Однажды дорогу перед нами переходила корова, и Прабхупада остановился, чтобы ее пропустить, а потом рассказал нам, как вскоре после принятия санньясы какая-то корова его боднула.

Теджас: Во время одной из утренних прогулок Прабхупада заговорил о собаке. Он вспомнил шлоку из Чанакьи Пандита о пяти положительных качествах собаки, в том числе – ее преданности и неприхотливости. Так и мы, сказал Прабхупада, должны стать собаками Кришны. Далее разговор зашел о пуджари. Учителя и пуджари, сказал он, не должны получать зарплату. Они должны служить в духе чистой преданности Богу. То же относится к кшатриям. Ошибка нынешнего руководства в том, что кшатрии работают за деньги. Так, одну за другой, Прабхупада затрагивал очень многие темы.

Нанда-кумара: Шрила Прабхупада советовал нам купаться в океане. «Идите на пляж», – часто говорил он. Однажды я спросил:

– Шрила Прабхупада, когда я прихожу на пляж, теплое солнце, вода и песок приносят моему телу ощущение материального комфорта. Как я должен воспринимать то, что вы посылаете нас туда? Насколько я знаю, духовный учитель не советует ученику того, что возвращает в нем привязанность к материальному миру. Он дает ему лишь то, что помогает помнить Кришну. Но, приходя на пляж, я, на мой взгляд, просто услаждаю чувства. Какое духовное благо несет для меня ваш наказ?

– Свет солнца – это Кришна, вкус океанской воды – это тоже Кришна, все, что нас окружает – это Кришна. Как можно о Нем забыть? Он повсюду, – сказал Прабхупада.

Панчанджанья: Я был совсем еще новичком и как-то спросил Прабхупаду:

– Что вы думаете о плавании, Шрила Прабхупада? Это не майя?

– Господь Чайтанья всегда плавал. Он также играл в мяч, – ответил Прабхупада, – так что иди и плавай. Только не забывай о Кришне.

Ашрам Пури Махараджа был простым одноэтажным строением из восьми комнат. Предложение Пури Махараджа занять комнату рядом с его собственной Прабхупада расценил как дружеский жест. В обществе своих духовных братьев, Пури Махараджа и Ананды Брахмачари, Прабхупада разговаривал на родном бенгальском и чувствовал себя как дома. Пури Махарадж сказал, что высоко ценит деятельность Прабхупады и его западных последователей.

Ученики Прабхупады уже были знакомы с традиционным обменом приветствиями между учениками одного гуру. Они наблюдали его в Бомбее, когда Прабхупада поднялся со своей вьясасаны, чтобы предложить поклоны духовным братьям. Но в Вишакхапатнаме их взору предстали еще более теплые отношения. Они в первый раз увидели, что Прабхупада чувствует себя легко и комфортно, живя с духовными братьями под одной крышей. Еще они чувствовали, что к ним относятся не как к чужим, не смотрят на них свысока и не считают чужаками. Под руководством Шрилы Прабхупады они постигали ценное искусство смиренного и дружеского общения между вайшнавами.

Духовный брат Прабхупады, Ананда, с энтузиазмом готовил прасад и предлагал его не только Шриле Прабхупаде, но и всем его ученикам. Он был немолод, но заботился о преданных с величайшим смирением и заботой. Он почти не говорил по-английски, но ученики Прабхупады видели, какую любовь питают друг к другу Ананда и Прабхупада. Общение Ананды с учениками Прабхупады происходило в основном через приготовленный им прасад.

Каждое утро все собирались на веранде. Мужчины усаживались в одном крыле, женщины – в другом, а Ананда быстро шел по проходу и раздавал прасад. Прабхупада тем временем сидел в конце крыла, в деревянном кресле, перебирал четки, и наблюдал, как преданные принимают прасад. Он давал ашраму деньги, и Ананда регулярно готовил роскошные пиры: картофель, обжаренный в молотых специях, рис, йогурт, дал, три вида сабджи, картофельные чипсы, чатни, малпуры, раджкели, сандеш, кхир и так далее – все было очень вкусно и приготовлено просто идеально!

Прабхупада, сидя во главе двух рядов преданных, вдохновлял всех принимать прасад:

– Положи ему еще!

Он расхваливал кулинарный талант Ананды и с улыбкой наблюдал за вкушающими преданными. Когда все наедались до отвала, Прабхупада громко декламировал према-дхвани. Преданные в ответ кричали: «Джайя!»

После очередного пира Прабхупада пригласил к себе учеников.

– Видите, как он готовит? Он сам все готовит, сам раздает и не садится, пока не накормит всех до полного удовлетворения. Так должен вести себя настоящий вайшнав. Ему доставляет большее удовольствие служить другим, нежели себе.

Преданные пировали два раза в день. Вечером на прасад приходило много гостей, после чего все пели киртан и слушали лекцию Шрилы Прабхупады.

Однажды Шрила Прабхупада с учениками отправился в знаменитый храм Господа Нрисимхи, Шри Симхачалам, что стоит на вершине горы, в восьми километрах севернее Вишакхапатнама. К храмовому комплексу, расположенному в естественном амфитеатре на горном склоне, поднимаются тысячи каменных ступеней. Прабхупада рассказал, что ныне храм этот находится в ведении последователей Рамануджи. Для вайшнавов он представляет собой особую святыню, ибо его во время паломничества в Южную Индию почтил своим присутствием Сам Господь Чайтанья.

Шрила Прабхупада предпочел подняться к храму на автомобиле, по дороге, петлявшей между садами манго, хлебного дерева, кешью и ананасовых плантаций. В храме они встретили местного брахмана, который показал Прабхупаде и его ученикам весь храмовый комплекс. Здания были сложены из черного гранита и украшены вырезанными в камне изображениями Вишну и Его деяний, особенно в образе Господа Нрисимхи. Переходя от здания к зданию, Прабхупада временами садился в паланкин, который по крутым ступеням поднимали четыре человека.

Подойдя к громадному баннывому дереву в нижней части храмового комплекса, он отметил, что дереву, вероятно, несколько тысяч лет. Пока он стоял под сенью дерева, его слуга, Нанда-кумара, протянул ему цветок чампаки. Высунув из мешочка с четками большой и указательный пальцы, Прабхупада взял цветок и с любовью посмотрел на него.

– У этого цветка, – сказал он, – цвет Господа Чайтаньи. Этот цветок любят во всей Индии. Он удивительно красив и необычайно ароматен. – Все утро Прабхупада не выпускал из рук маленький золотисто-шафрановый цветок.

Когда Прабхупада с учениками вошли во внутреннее святилище, где пребывало Божество Нрисимхи, их проводник поведал, что история этого мурти уходит в далекое прошлое, ко временам Прахлады Махараджа. Однажды, в глубокой древности, этот холм посетили царь Пурурава и его супруга Урваши. Они и выкопали это мурти, которое явилось Урваши во сне. Господь наказал, чтобы Ему поклонялись на этом холме, но давать даршан Он будет только раз в году, в месяц Вайшакха. Все остальное время Божество должно быть целиком покрыто слоем натертой сандаловой пудры, смешанной с камфорой и другими благовониями. Поэтому сейчас, покрытое толстым слоем сандала, Божество было похоже на глыбу. Прабхупада объяснил, что сандаловая паста позволяет «охладить» Божество.

Мадхавананда: Настроение, в котором Прабхупада посещал храм Нрисимхи в Вишакхапатнаме, очень напоминало его настроение во Вриндаване. Выйдя из машины, он стал очень серьезен. Мы вошли внутрь храма и увидели тоннель. Мы стали спускаться вниз. Стены были толщиной больше метра, и мы прошли по тоннелю десятки метров, прежде чем попасть во внутренние покои. Божество напоминало холмик из сандаловой пасты. Едва мы вошли в алтарную, Прабхупада велел:

– Начинайте петь мантру Нрисимхе.

Мы запели: тава кара-камала-варе накхам адбхута-шрингам и принялись обходить Божество. Затем мы встали перед Ним, и Прабхупада поклонился.

Гурукрипа: Когда мы вошли в комнату Божества, Прабхупада попросил нас петь молитвы Нрисимхе. Он всегда проявлял такую преданность. Этим он отличался от нас – не только своей ученостью, но и преданностью. В местах, подобных этому, он становился молчаливым и серьезным, но речь его вселяла глубокий покой и умиротворение. Стоило ему заговорить, мы это ощущали. Вновь и вновь Прабхупада убеждал нас в сознании Кришны, но делал это не преднамеренно, а просто оставаясь самим собой. И в таких местах это становилось заметно.

Прабхупада стоял перед Божеством вместе с нами, а мы даже не могли ничего разглядеть – только холмик из сандала. Тут же мы дали пожертвование одному брахману с длинными мочками и серьгой. Там, как никогда раньше, мы испытали чувство преданности. Прабхупада был немногословен – главным образом потому, что только духовный уровень человека позволит ему оценить подобные места. И не столь важно было знать подробности истории этого места (да и известно о нем было немного). Прабхупада лишь следил за тем, чтобы мы сохраняли должное уважение и не совершили никаких оскорблений.

По вечерам Прабхупада читал лекции – иногда в школах, а иногда в клубах Вишакхапатнама. На программу в зале Рамакришны собралось более тысячи человек, и Прабхупада, танцуя, увлек за собой весь зал. Преданные образовали вокруг него круг, и киртан продолжался целый час.

На одну из программ приехал на мотоцикле один бородатый американский антрополог, желающий послушать лекцию и киртан Прабхупады. Позднее американец рассказал ему, что приехал в Индию, чтобы изучать примитивные племена. Прабхупада назвал его затею пустой тратой времени.

– Зачем изучать примитивных людей? – возразил он антропологу, – изучайте возвышенных. – И поведал такую историю.

Один бедняк испек початок кукурузы, и начал выдергивать по одному зернышку и класть в рот. Так прошло несколько часов. Он занимался этим от нечего делать, чтобы скоротать время. Подобным образом, изучать антропологию – значит убивать время.

– Не лучше ли, – спросил Прабхупада, – исследовать человека или группу людей, у которых есть чему поучиться?

Днем Прабхупада сидел на открытом воздухе и наслаждался жизнью. На нем не было курты, и тело его отсвечивало золотистым блеском. Он пил свежавыжатый сок сахарного тростника и приговаривал:

– Здесь как на Вайкунтхе. Здесь такой прохладный, освежающий ветерок!

Прабхупада часто гулял, повторял мантру, беседовал о Кришне, слушал киртаны и наблюдал за деятельностью храма.

Вновь и вновь он уговаривал Пури Махараджа поехать проповедовать на Запад или хотя бы приехать в Майяпур на международный фестиваль преданных. Ему казалось, что, увидев всех его западных учеников, Пури Махарадж захочет присоединиться к нему в проповеди. И Пури Махарадж согласился съездить с ним в Майяпур и Калькутту. Так, в конце этой райской недели в Вишакхапатнаме, Прабхупада с учениками и Пури Махарадж засобирались в дорогу.

Гурукрипа: Мы прибыли на станцию заранее, но поезд уже стоял. Был страшный зной. Пять или шесть преданных пели киртан. Шьямасундара взобрался на кокосовую пальму и сорвал один из чудесных плодов. Спустившись вниз, он вскрыл его и протянул Прабхупаде. Прабхупада отпил немного сока и передал Шьямасундаре, который тоже утолил жажду.

– Передай кокос поющим, – велел Прабхупада.

Но все участники киртана испытывали такую жажду, что каждый, не думая о соседе, пил сколько хотел, и только потом передавал орех дальше. Однако сок не иссякал. Я наклонил кокос, и сок потек мне на рубашку. Я пил и пил, но сок не кончался. Мы были изумлены. Прабхупада улыбался, а мы продолжали киртан. И было нам прохладно и хорошо.

Шьямасундара: Теплым индийским вечером мы выехали из Вишакхапатнама в Калькутту. Мы с Прабхупадой ехали в первом классе, в двухместном купе. Прабхупада шутил, говорил о том, о сем, прослушивал магнитофонные записи. Наконец, около десяти тридцати вечера он лег спать, и я выключил свет. Однако около полуночи Прабхупада поднялся и разбудил меня:

– Шьямасундара, запиши.

И полился поток мыслей, такой ясный и последовательный, что я не сомневался: когда мы думаем, что Прабхупада спит, он на самом деле не спит, а размышляет о том, как лучше и больше служить Кришне.

Глава тридцать девятая

«Я построю для вас прекрасный храм»

Прабхупада отложил церемонию закладки первого камня в Майяпуре до Гаура-пурнимы (дня явления Господа Чайтаньи) – 29 февраля 1972 года. Он попросил учеников организовать большой праздник с пандалом и бесплатным пиром для гостей. На этот праздник должны были съехаться его ученики со всего мира.

Я очень хочу в нынешнем году провести это мероприятие со всеми своими учениками... Это очень важный день, и его празднование будет нашим служением Шриле Бхактивиноде Тхакуру и Его сыну Шриле Бхактисиддханте Сарасвати Тхакуру. Так что, пожалуйста, подготовьтесь к нему как следует.

В декабре, когда между Индией и Пакистаном разгорелась война за Бангладеш, индийское правительство запретило иностранцам оставаться в северных районах Западной Бенгалии – именно там, где расположен Майяпур. Преданным пришлось уехать, и вернулись они лишь через несколько недель, когда война закончилась. Они продолжили прерванную подготовку к фестивалю, и за несколько дней до Гаура-пурнимы к ним приехал их духовный учитель.

Увидев транспарант на бамбуковых шестах: «Добро пожаловать, Шрила Прабхупада!», Прабхупада было усомнился:

– Не знаю, понравится ли это моим духовным братьям.

Он уже слышал, что некоторые из его духовных братьев были против того, чтобы его именовали тем же титулом, что и их духовного учителя, Бхактисиддханту Сарасвати Прабхупаду. На самом деле, сам Прабхупада не принимал этого титула. Этим именем, несколькими годами ранее, в Америке, его почтили ученики. В мае 1968 года в Бостоне Прабхупада, в очередной раз диктуя секретарю письмо, заметил, что «Свамиджи» – далеко не самое почтительное обращение к духовному учителю.

– Тогда почему же мы называем вас «Свамиджи»? – удивился секретарь.

– К духовному учителю, – продолжал Прабхупада, – обычно обращаются, называя его Гурудева, Вишнупада или Прабхупада.

– Можно мы будем называть вас «Прабхупада»? – спросил секретарь.

– Да, – ответил Прабхупада, и с тех пор ученики стали звать его уже не «Свамиджи», а «Прабхупада».

Один из преданных выяснил у Прабхупады, что значит этот титул, и вскоре в журнале «Назад к Богу» появилась статья следующего содержания:

Прабхупада

В ведических религиозных кругах титул «Прабхупада» является знаком глубочайшего уважения. Этот титул указывает на то, что обладатель его – великий святой, которому поклоняются другие святые. Это слово имеет два значения: первое – тот, у чьих стоп (пада) сидят Прабху (словом «Прабху», т.е. «господин», называют друг друга ученики Гуру). Второе значение – тот, кто всегда пребывает у Лотосных Стоп Кришны (Верховного Учителя).

В цепи ученической преемственности, по которой передается человечеству сознание Кришны, есть ряд учителей, чей духовный уровень дает им право носить титул «Прабхупада».

Шрила Рупа Госвами Прабхупада исполнял волю своего Учителя, Шри Чайтаньи Махапрабху, и потому он и его близкие спутники, Госвами, носят этот титул. Шрила Бхакти Сиддхант Сарасвати Госвами Тхакур следовал воле Шрилы Бхактивиноды Тхакура, поэтому к нему также обращаются как к Прабхупаде. Наш духовный учитель, Ом Вишнупада 108 Шри Шримад Бхактиведанта Свами Махараджа, проповедуя в Западном мире послание любви к Кришне, исполняет волю Шрилы Бхакти Сиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады, поэтому мы, смиренные американские и европейские слуги Его Божественной Милости во всех центрах Движения Санкиртаны, следуя по стопам Шрилы Рупы Госвами Прабхупады, решили обращаться к Его Милости, нашему Духовному Учителю, с титулом «Прабхупада», на что он дал нам свое милостивое согласие.

Все ученики с радостью приняли новый титул своего гуру, и никто не мог предположить, что у кого-то это может вызвать зависть. Да разве мог Прабхупада «перешагнуть» через своего духовного учителя? Он всегда был его смиренным слугой.

Члены ИСККОН не видели ничего зазорного в том, чтобы называть своего духовного учителя Прабхупадой. И ничто не могло их остановить – он и правда был их Прабхупадой. Даже на приглашениях на праздник Гаура-пурнимы они напечатали: А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Но Прабхупада знал, что у его критично настроенных духовных братьев это вызовет недоумение.

Осматривая жилье для преданных, Прабхупада увидел две просторные белые брезентовые палатки – одну для мужчин, другую – для женщин, освещенные лампами дневного света. Большой шатер-пандал стоял, окруженный другими палатками, а маленькая палатка позади пандала служила кухней. Небольшую огороженную территорию со всех сторон обступали рисовые поля, поэтому земля была слегка влажной, а в самих полях, залитых водой, жили и плодились огромные комары, обычно появлявшиеся на закате. Условия жизни в Майяпуре были крайне просты, но многие из собравшихся на праздник преданных уже полтора года путешествовали по Индии, живя то в грязных дхармашалах с голыми стенами, то в холодных палатках, вроде тех, что были в Аллахабаде. Преданные ехали в Майяпур не за комфортом, а для того, чтобы служить своему духовному учителю. В будущем, благодаря их усилиям, множество преданных сможет собираться в Майяпуре и жить в просторных домах со всеми удобствами, как задумывал Прабхупада.

Хорошо понимая, что люди Запада не привыкли к спартанским условиям жизни в Индии, Прабхупада хотел создать здесь для своих учеников все удобства, чтобы те чувствовали себя как дома и никакие бытовые трудности не мешали их служению и духовной практике. Поэтому он побуждал их строить в Майяпуре дома с водопроводом, электричеством и другими удобствами.

Прабхупада поселился в простой, крытой соломой хижине с земляным полом, площадью около тринадцати квадратных метров. Тоненькая перегородка отделяла главную комнату от помещения для слуг. Впереди находилась небольшая веранда, позади – садик, где Прабхупаде делали массаж. Там же стоял ручной насос для омовения и уборная. Когда преданные стали извиняться перед Прабхупадой за столь скромное жилище, он ответил, что любит естественную простоту.

– Даже если бы вы построили для меня роскошные хоромы, – сказал он, – я все равно предпочел бы жить здесь.

Живя в Майяпуре столь просто и непритязательно, Прабхупада говорил, что ему видится здесь великолепный город. Божества Радхи-Мадхавы (которым он поклонялся на Ардха-кумбхамеле в Аллахабаде, в 1971 году) стояли сейчас в палатке; а он толковал о мраморном дворце. Мечтал он и о первоклассном отеле, где будут жить гости и преданные, хотя пока мог предложить им совсем немного. Живя просто и счастливо в своей соломенной хижине, он собирал там учеников и делился с ними своими замыслами. По его просьбе преданные сделали небольшой макет здания, которое предстояло построить первым, и чертежи будущего Храма Человеческого Взаимопонимания. Прабхупада хотел, чтобы в городе, который они построят, были кварталы для каждого из четырех сословий, на которые делится общество варнашрамы.

Татпара: Когда Прабхупада ездил по странам Запада, с ним встречались разные влиятельные лица, но в Майяпуре он просто по-дружески общался с учениками, иногда пил сок или чему-то учил. Он жил просто, по-деревенски. Часто преданные с запада представляют Прабхупаду только в одном образе – как великого царя. Но, приезжая в Индию, он становился совершенно другим человеком. Он смеялся и разговаривал с нами, как близкий друг.

Бхавананда: В своей хижине Прабхупада сидел на бамбуковом помосте. Внутри не было ничего, кроме кровати и нескольких циновок на полу. Там он чувствовал себя счастливее, чем где бы то ни было. Еще мы поставили там вентилятор, и Прабхупада очень этому обрадовался. Ему нравилось в Майяпуре, потому что все было очень просто. Уборная была на улице, но он вовсе не был против. Он наслаждался буквально всем. В то время он назначил управляющими Майяпура Джаяпатаку и меня. Право подписи банковского поручения, чтобы снимать со счета деньги на строительство здания, он дал четверем преданным. В Индии, чтобы просто открыть счет, нужно приложить немало усилий. Мы видели, как строг был в этом отношении Прабхупада. Он знал, насколько это рискованно – ведь стоило вам не заполнить какие-то бланки, банк мог запросто придержать ваши деньги, а если вы захотели, например, закрыть счет, то чиновники просто могли

вам этого не позволить. Мы были наивны и неуклюжи, словно дети, поэтому Прабхупаде приходилось учить нас бухгалтерии и менеджменту.

Джананиваса: В первый раз придя посмотреть на Божества, Прабхупада спросил: «Кто одевает Божества?» Кто-то ответил: «Джананиваса». Божества стояли на простом, ничем не украшенном кафельном постаменте. Мы просто поставили Их туда, но Прабхупада смотрел на Них с такой любовью! Обычно каждый день он приходил на даршан. Однажды он зашел в комнату Божеств, а меня там не было. Пришли какие-то индийцы, и я побежал в соседнюю комнату, которая находилась всего в трех метрах, чтобы принести им «Назад к Богу». Когда же я вернулся, перед Божествами стоял Прабхупада и получал даршан. И он сказал мне:

– Ты всегда должен быть тут. Люди приходят, а с Божествами никого нет.

– Шрила Прабхупада, я только за журналом сбегал. Это в двух шагах, – ответил я, но он посмотрел на меня, словно говоря: «Опять ты оправдываешься», – и, повернувшись к Бхавананде, распорядился:

– Этому юноше, Джананивасе, нужна помощь. Он ведь обычный человек и не может за всем поспеть.

В пятидневную программу празднования Гаура-пурнимы были включены круглосуточные киртаны. Их проводили группы преданных, сменявшие друг друга каждые два часа. По утрам преданные собирались вместе и с киртаном шли в одно из святых мест Навадвипы: к дереву ним, под которым родился Господь Чайтанья, в дом Шриваса Тхакура, где Господь Чайтанья и Его спутники проводили ночные киртаны, к месту, где Кази попытался остановить санкиртану Господа Чайтаньи, в дом Бхактивиноды Тхакура... Прабхупада рассказывал преданным, что Бхактивинода Тхакур часто стоял перед своим домом, устремив взгляд на другой берег Джаланги – туда, где теперь находилась земля Шрилы Прабхупады.

Целыми днями, а особенно по вечерам, преданные толпились на помосте полосатого оранжевого шатра. Посреди сцены, на традиционной бенгальской симхасане, сделанной из резных банановых стволов и украшенной разноцветной фольгой и цветочными гирляндами, стояли Божества Радхи-Мадхавы. Прабхупада предоставил своим ученикам возможность самим выступать перед публикой. Главным оратором был Аччютананда Свами, говоривший на бенгали.

Люди шли непрерывным потоком, и преданные распространяли «Назад, к Богу» на бенгали, английском и хинди. По вечерам они показывали слайды или фильмы. Из своего окна Прабхупада с особым удовольствием наблюдал за раздачей прасада. Ему нравилось смотреть, как сотни сидевших рядами жителей соседних деревень ели с круглых тарелок, сделанных из листьев, кичари.

– Делайте это всегда, – говорил Прабхупада ученикам, – всегда раздавайте прасад.

Хотя храм еще не был построен, проповедническая деятельность Прабхупады в Майяпуре уже имела огромное значение. Другие, расположенные по соседству матхи тоже отмечали Гаура-пурниму. Как правило, все их празднование сводилось к тому, что туда съезжались калькуттские вдовы, которые, внося плату, несколько дней жили в храме и посещали святые места Навадвипы. Но программа в пандале, которую организовал Прабхупада, была яркой, динамичной и привлекала больше всего посетителей. Место рождения Господа Чайтаньи Махапрабху без проповеди – это бессмыслица, говорил Прабхупада. Люди приезжают в Майяпур только на празднование Гаура-пурнимы, в другое время здесь почти никого не бывает.

– Что важнее, – спрашивал Прабхупада, – место, где родился Господь Чайтанья, или Его деятельность? Его деятельность, карма. Его деятельность важнее, чем Его джанма – место рождения.

Господь Чайтанья пел мантру «Харе Кришна» и раздавал людям любовь к Богу, тем же самым должны заниматься в Майяпуре и преданные.

В день Гаура-пурнимы в Майяпур прибыли десять санньяси, духовных братьев Прабхупады, чтобы вместе с его учениками и сотнями собравшихся здесь гостей принять участие в церемонии освящения и закладки первого камня. Прабхупада был с ними очень любезен и дружелюбен. Он радовался тому, что они собрались, чтобы вместе отпраздновать закладку всемирного центра Международного Общества сознания Кришны.

Сидя на подушке рядом с жертвенным алтарем и повторяя на четках мантру, Прабхупада дал первое посвящение шести бенгальским преданным и санньясу молодому ученику из Америки. Затем выступили духовные братья Прабхупады и в своих речах дали высокую оценку деятельности Прабхупады в странах Запада.

Наконец, все собрались вокруг ямы площадью в два квадратных метра и глубиной четыре с половиной метра. По краям ее лежали различные предметы, которые, согласно священным писаниям, следовало заложить в шахту: пять видов цветов, пять видов злаков, пять видов листьев, пять различных металлов, пять видов фруктового сока, пять видов красящих порошков, пять видов фруктов и пять видов драгоценных камней. Духовный брат Шрилы Прабхупады, Пури Махараджа, спустился по лестнице в яму, чтобы возложить на украшенный цветами кирпичный алтарь кокосовые орехи и листья банана в сосуде.

Следом за ним в яму спустился Прабхупада, держа в руках коробку, в которой находилось мурти Ананта-Шеши – золотое, с рубиновыми глазами. Рано утром у себя в хижине Прабхупада показывал это мурти нескольким ученикам из своего ближайшего окружения.

– Это – Господь Ананта, – сказал он, – змей, на котором покоится Господь Вишну. Он будет держать храм на Своей голове.

Прабхупада установил Ананта-Шешу на алтаре и по лесенке поднялся наверх. Затем, счастливый, Прабхупада пригласил всех кидать в яму свои пожертвования – цветы, деньги, а в конце – горсть земли.

Хотя в день Гаура-пурнимы духовные братья Прабхупады в один голос славили его деятельность, через несколько дней некоторые из них пришли к нему выразить свое недовольство по поводу его титула «Прабхупада». Прабхупада попросил своих учеников выйти. Когда они вышли, один из духовных братьев-санньяси стал выговаривать Прабхупаде, обращаясь к нему на бенгали:

– На каком это основании вы носите титул «Прабхупада»? Вы не имеете права! Это титул нашего Прабхупады! Вы не можете присваивать это имя себе!

– Я не присваивал его, – ответил Прабхупада. – Ученики называют меня «Прабхупада». Что я могу поделать?

Тогда санньяси начал критиковать Прабхупаду за то, что тот не сотрудничает с ними в их проповеди, что дает людям Запада священный шнур и санньясу...

Но главное, духовные братья требовали объяснений, почему он носит титул «Прабхупада».

– Брахмананда Махарадж! – позвал Прабхупада. – Принеси мне мой почтовый бланк.

Когда Брахмананда Свами вернулся с бланком письма, Прабхупада показал его духовным братьям. В шапке бланка было написано: «Триданди Госвами А.Ч. Бхактиведанта Свами». Ни намек на «Прабхупаду». Это подтверждало, что сам он не называл себя этим титулом. Это простое свидетельство немного успокоило его духовных братьев, и он пригласил их принять вместе с ним прасад, который раздавали его ученики.

Позже, в своей хижине, Прабхупада завел с учениками разговор о зависти. Он сказал, что преданный может судить о своем духовном росте по тому, насколько он освободился от зависти. В духовном мире нет зависти: хотя все спутники Кришны стараются служить Ему как можно лучше, и порой это напоминает соперничество, каждый только радуется стараниям других. Если Кришна доволен служением Радхарани или другой дорогой Ему гопи, другие гопи не завидуют ей, напротив, они думают: «О, как чудесно она служит Кришне. Я тоже должна предложить Кришне какое-нибудь замечательное служение, чтобы он был доволен еще больше!» Зависть – это признак материализма.

Прабхупада хотел, чтобы его духовные братья поменяли свои взгляды и не возражали против того, что ученики называют его Прабхупадой. Еще он жалел, что некоторые из них не могут искренне оценить его труд. Если через него столь успешно действует их духовный учитель, почему они так беспокоятся? Почему бы им не оценить его усилия и не радоваться тому, что миссия Господа Чайтаньи успешно распространяется? Они должны понимать, что это действует сам Бхактисиддханта Сарасвати. Это и их работа, их ответственность, и они должны признать, что Бхактиведанта Свами Махараджа успешно с этой работой справляется. Если на церемонии они признали его достижения, почему бы им не согласиться и с тем, что для сотен жителей Запада, спасенных им от ада, он вполне мог быть Прабхупадой – тем самым единственным преданным, который – они были в этом уверены – всегда пребывает у лотосоподобных стоп Кришны.

Если же принять во внимание количество изданных и распространенных книг о науке сознания Кришны, преданных, получивших посвящение и занятых в преданном служении, открытых храмов – с ним не мог сравниться никто. Конечно, в каком-то смысле, все духовные братья Прабхупады, кто следовал основным наставлениям Бхактисиддханты Сарасвати, повторял «Харе Кришна» и избегал греховой жизни, были одинаково достойны похвалы. Но если уж

анализировать всё столь полно и тщательно, надо учесть и результаты проповеди! Помимо прочего – кто раздавал милость Господа Нитьянанда и от имени Бхактисиддханты Сарасвати достигал таких потрясающих результатов – результатов, которые доселе казались невозможными? Согласно «Чайтанья-чаритамрите», если проповедник способен распространять мантру «Харе Кришна», следует считать, что он уполномочен Богом.

Прабхупада, несомненно, был уполномочен, но вел себя очень смиренно, хотя никто ему не помогал. Он неоднократно приглашал своих духовных братьев присоединиться к нему на Западе в роли равноправных проповедников Движения сознания Кришны. Почему они не приехали, чтобы помочь ему в миссии их духовного учителя, вместо того, чтобы жаловаться на своего духовного брата, исполняющего миссию Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати?

Однако судить его духовных братьев ученики Прабхупады были не вправе, и сам он строго предупреждал их об этом. Они должны относиться к ним как к ученикам Бхактисиддханты Сарасвати, которые в этом смысле находятся на одном уровне с их духовным учителем. Однако ученикам Прабхупады было больно видеть, как принижают положение их гуру. Они могли смириться и не перечить, но легко ли им было с нежностью и любовью относиться к тем, кто критиковал их духовного учителя и его Движение сознания Кришны?

Праздник продолжался пять дней. По его окончании Прабхупада уехал во Вриндаван, где планировал провести еще одну церемонию закладки фундамента. Участок в Майяпуре по-прежнему находился в первозданном состоянии, и Прабхупада настоятельно просил учеников в Индии продолжать сбор средств, необходимых для постройки храма.

Мы задумали построить в Майяпуре грандиозный храм, и если вы все вместе сумеете воплотить этот план в жизнь, этот храм не будет иметь себе равных во всем мире. Это будет всемирный центр духовной культуры. В Майяпур будут приезжать учиться люди из всех стран мира, и мы дадим достойный отпор атеизму и коммунизму, насаждением которых занимаются философствующие мошенники. Итак, мы должны взять на себя эту великую миссию, и ни на минуту не забывать об ИСККОН. С этой просьбой я обращаюсь к каждому из вас.

* * *

Февраль 1972 года.

В отсутствие Прабхупады преданные во Вриндаване так и не смогли уговорить г-на С. дать ИСККОН официальное разрешение на использование земли. Прабхупада настойчиво просил одного из своих индийских учеников, Кширодакашайи, подписать у г-на С. официальную бумагу. Кширодакашайи обратился с этой просьбой к г-ну С., но, видя его нерешительность, решил переговорить с г-жой С., а затем с ними обоими.

Супруги С. остановились на том, что, поскольку сами они не могут принять решение, последнее слово остается за Самой Шримати Радхарани. Г-жа С. попросила Кширодакашайи взять два листка бумаги и написать на одном «да», а на другом «нет». Она сложила листки вчетверо и, положив их перед семейными Божествами Радха-Кришны, попросила Кширодакашайи выбрать один из листков. Кширодакашайи взял листок и в присутствии четы С. и Радхи с Кришной развернул его – на листке было написано «да».

Как обрадовался Прабхупада, когда услышал эту новость!

Я очень доволен, что ты смог получить у семьи С. землю для Кришны. Теперь давайте совместными усилиями построим во Вриндаване замечательный центр.

В марте 1972 года Прабхупада вернулся во Вриндаван, чтобы подписать контракт с г-ном С. и провести церемонию закладки первого камня. Прабхупада договорился с госвами из храма Радха-Дамодары, чтобы те разрешили его ученикам жить на их территории, пока будет строиться храм в Рамана-рети.

Ямуна: Так случилось, что утром, когда госвами должны были подписать с Прабхупадой договор о сдаче комнат, во Вриндаване отключили свет. Пишущая машинка секретаря Прабхупады работала на электричестве, но я сказала Прабхупаде, что когда-то училась каллиграфии. У меня были с собой перья для письма, и Прабхупада сразу же написал черновик договора. Я отнесла его в другую комнату, села и переписала договор, выводя все прописные буквы золотом. Через пятнадцать минут мы положили бумагу перед Шрилой Прабхупадой.

Прабхупада с гордостью поднял документ, показал его госвами и сказал:

– Вот видите, мои ученики мастера на все руки.

С этого момента преданные могли жить в верхних комнатах над апартаментами Шрилы Прабхупады и входить в его комнаты, чтобы там убираться. Для Прабхупады подписание договора о сохранении его комнат в храме Радха-Дамодары было важным событием.

Для подписания контракта о передаче ИСККОН участка земли в Рамана-рети Прабхупада и г-н С. встретились в магистрате города Матхуры. В присутствии адвокатов они совершили все формальности. В том, что ему удалось приобрести во Вриндаване такой хороший участок земли, Прабхупада видел милость Кришны. Он написал в Америку секретарям Джи-би-си и попросил их прислать как можно больше людей для участия в новом проекте. Он поделился с ними своими намерениями «создать здесь уникальный центр для возрождения духовной жизни Вриндавана с благословения Рупы и Дживы Госвами».

Прабхупада сказал Кширодакашайи:

– Я хочу, чтобы в ознаменование этого события приготовили много прасада и пригласили на пир всех жителей Вриндавана.

Через два дня Прабхупада провел церемонию закладки первого камня в Рамана-рети. Он снова спустился в ритуальную яму и поместил там Господа Ананту, на голове которого должен был покоиться храм.

А поздно ночью на их участок было совершено нападение. Пожилая вдова-индианка, которая пользовалась в округе репутацией святой, разгневалась на г-на С. за то, что тот не отдал землю ей, о чем она его неоднократно просила, и ночью подослала туда гундов, чтобы те разрушили кирпичный фундамент, заложенный на церемонии, и осквернили яму, где лежали цветы и культовые предметы. Гунды раскопали яму, насыпали в нее мусора и похитили знак, оповещавший о смене владельца земли.

Прабхупаде сообщили о случившемся, когда он сидел у себя в комнате в храме Радха-Дамодары. Он очень рассердился и велел ученикам немедленно обратиться в полицию. На следующую ночь землю охраняло несколько полицейских, и когда наемные гунды явились вновь, полиция предупредила их, что если они еще раз осквернят это место, их арестуют. На том все и кончилось.

Прабхупада часто говорил, что, став преданным, человек тем самым наживает себе много врагов. Этот инцидент еще раз подтвердил то, в чем Прабхупада был убежден и раньше: как только ИСККОН приобретает землю, на ней следует немедленно строить храм. Или, по крайней мере, обнести участок забором, построить временные хижины и жить на этой земле, пока идет подготовка к строительству храма.

Теджас: «Здесь будет храм Кришны и Баларамы», – сказал Прабхупада. Мы не совсем понимали, что он имеет в виду. Мы все думали, что это произойдет еще не скоро. Рамана-рети – такая глушь! Вокруг ни души. Место совсем дикое, и, вдобавок ко всему, там орудовали бандиты. Мы считали, что, если построить храм здесь, сюда никто не придет. Но Прабхупада сказал: «Туда, где есть Кришна, придет каждый».

Секретарь Прабхупады Шьямасундара писал своему духовному брату о только что приобретенном земельном участке во Вриндаване:

Сегодня рано утром, до завтрака, Прабхупада благополучно завершил дело с передачей нам участка земли площадью в пол-гектара в Рамана-Рети – рощице, где Кришна играл со Своими друзьями. Это в десяти минутах ходьбы от храма Радхи-Дамодары. Прабхупада сам обмерял землю (веревкой от москитной сетки), сам вел переговоры, сам набросал план участка, сам составил договор, сам пошел в магистрат Матхуры, подписал, поставил печать и сам доставил документ во Вриндаван. Прабхупада просит вас **СРОЧНО ПРИСЛАТЬ ИЗ АМЕРИКИ В ИНДИЮ НЕ МЕНЕЕ ПЯТИДЕСЯТИ (50) ЧЕЛОВЕК!!!** Наконец-то у нас в Индии есть настоящее дело: грандиозные проекты в Майяпуре, Вриндаване и Бомбее. Все земельные участки куплены, обо всем договорено, и все это Прабхупада сделал сам. Но нас здесь слишком мало, чтобы поднять такое большое дело – это самые крупные проекты за все время существования нашего Общества. У нас не было дела более великого, чем освоение этих трех мест, и, поверь мне, эти три проекта Прабхупаде пока дороже всего остального.

* * *

За тот месяц, пока Прабхупады не было в Бомбее (он уехал 10 февраля), преданные в назначенный срок выплатили г-ну Н. 50 000 рупий. Постепенно в Джуху перебралось несколько преданных. Жили они в палатке, где по ночам им не давали спать крысы и комары. Пытаясь

расчистить заросли бурьяна, они наткнулись на груды пустых бутылок и выгребную яму. Без Прабхупады решимости у них заметно поубавилась.

Но тут приехал Брахмананда Свами, которого Прабхупада назначил руководить бомбейским проектом. Он вернулся из Калькутты, где был вместе со Шрилой Прабхупадой, и заразил бомбейских преданных своим энтузиазмом. Им предстояло расчистить землю и немедленно поставить пандал. До этого Брахмананде Свами никогда не приходилось ставить пандалы, но он заключил договор с подрядчиком на строительство нескольких домиков из пальмовых листьев (чхатаи) для преданных и установку шатра для проведения фестивалей. Однако до начала строительных работ преданные должны были как следует расчистить землю.

Г-н Сетхи, сосед и свободный член ИСККОН, нанял бригаду рабочих, чтобы вырубить дикие заросли. Пришли на помощь и некоторые другие свободные члены Общества из Бомбея. Сам г-н Н. прислал одного из своих помощников, г-на Матара, чтобы тот руководил работами по расчистке земли. Работали и преданные, готовясь к возвращению Прабхупады.

Вскоре в «Харе-Кришна-лэнд» прибыли Шри Шри Радха-Расавихари. Они приехали на такси с преданными, державшими Их на коленях. Пока Их временной обителью стал шатер. До этого Божества находились в Бомбее – с тех самых пор, как преданные привезли их на программу в пандале, что проходила на Кросс-Майдане. В честь того события по набережной Чоупатти состоялась праздничное шествие, и когда преданные вернулись, Радха-Расавихари во всем великолепии ожидали их на богато украшенном паланкине. Беломраморный Кришна держал серебряную флейту, а Радхарани благословляла всех поднятой ладонью правой руки. Они были прекрасны.

Затем Радха-Расавихари переехали в Акаша-Ганга-билдинг, где преданные постепенно довели поклонение Им до надлежащего уровня. Когда Прабхупада отдал указание перевезти Радху-Расавихари в Джуху сразу же, как только будет выплачен первый взнос, преданные удивились:

– Зачем Божествам переезжать до того, как все будет готово? Не лучше ли Им подождать, пока мы построим храм?

– После того, как Божества установлены, Их уже никто не сможет оттуда убрать, – ответил Прабхупада.

Прабхупада лучше, чем кто-либо другой, знал, как следует поклоняться Радхе-Расавихари, но сейчас самым важным было закрепить на этой земле. Как иначе, рассуждал он, можно возвести Радху-Расавихари на царский трон в храме, если Они Сами не утвердят за Собой право собственности, поселившись в Джуху? Прибытие Радхи-Расавихари создало для преданных дополнительные трудности, поскольку теперь они должны были во что бы то ни стало проводить утреннюю пуджу и шесть раз в день готовить для Божеств на своей примитивной кухне. Даже шатер для Радхи-Расавихари был установлен не очень прочно и колыхался на ветру.

Однако Шрила Прабхупада рассматривал переезд как своего рода духовный тактический прием. Он был уверен, что все, кто имеет отношение к проекту – он сам, владельцы земли, муниципалитет Бомбея – согласятся, что, раз Кришна уже поселился здесь, то эта территория теперь принадлежит Ему. Но, поскольку Прабхупаде приходилось просить потерпеть неудобства Самого Господа Кришну, он молил Радха-Расавихари: «О Господь, пожалуйста, останься здесь, и я построю для Тебя великолепный храм».

К возвращению Прабхупады в Бомбей Радха-Расавихари уже были установлены на помосте пандала. Народу на программы собиралось не так много, как в центре Бомбея, – не более пятисот человек каждый вечер, но Шрила Прабхупада был доволен. Фестиваль проходил на их собственной земле, и это было только начало.

Каждый вечер Прабхупада читал в пандале лекции, участвовал в киртанах и церемонии арати для Радха-Расавихари. Панчадравида Свами собрал пожертвования: пять тонн дала, риса и муки, поэтому преданные каждый день готовили кичари на сто двадцать пять человек, которое раздавали бесплатно. Вечером Прабхупада лично раздавал с подноса Божеств халаву, и толпа, включая состоятельных бизнесменов с их женами, устремлялась вперед, чтобы получить из его рук прасад. Прабхупаде так понравился фестиваль, что он велел преданным сохранить шатер и регулярно проводить здесь подобные программы.

Жил Прабхупада, как и остальные преданные, в палатке, пока г-н Ачарья, один из самых дружелюбно настроенных жильцов многоквартирных домов, что стояли на участке, не предложил ему остановиться у него.

Уже через несколько дней после приезда в Джуху Прабхупада был готов провести церемонию закладки фундамента и первого камня. Это было еще одним тактическим ходом, который он предпринимал, чтобы закрепить за собой право на землю. Но дело было не только в тактике: он хотел как можно скорее построить здесь храм. Не пристало Радха-Расавихари стоять в палатке, Им подобает находиться в защищенном месте, на мраморном алтаре, на симхасане из серебра и тикового дерева; рядом должны стоять мурти двух гопи, Лалиты и Вишакхи, а над храмом – возвышаться мраморные купола высотой более тридцати метров. Тысячи людей будут каждый день приходить в храм на даршан и прасад.

И вот однажды утром, в самый разгар фестиваля, Прабхупада вместе с преданными, жившими в Джуху, провел простую и скромную церемонию закладки первого камня. Выкопав глубокую яму, они обложили ее дно кирпичом. Спустившись в нее, Прабхупада установил там Божество Шеши, а потом, сидя на скромном возвышении, он стал бить в медный гонг, сопровождая киртану; преданные же по очереди подходили и бросали в яму пригоршни земли, пока яма не наполнилась доверху, а дым от жертвенного костра тем временем медленно поднимался к небу.

Услышав, что Брахмананда Свами согласился заплатить подрядчикам за сооружение пандала сорок тысяч рупий, Прабхупада очень рассердился. Опять та же история: глупые западные ученики позволяют себя обманывать. Прабхупада отказался платить такую сумму: четырех тысяч им за глаза хватит. Когда подрядчики пришли разбираться, Прабхупада сказал, что денег у него мало и они должны быть довольны тем что дают. Те были возмущены, но Прабхупада разгневался и отрезал:

– Какие могут быть возражения? Вы и так имеете пятьсот процентов прибыли!

Когда они ушли, Прабхупада сказал:

– Стоит им нас увидеть, они сразу же думают, что у этих американцев денег куры не клюют. Мы пытаемся что-то сделать в Индии, но как только начинаем тратить деньги, то переплачиваем по пятидесяти процентов, и только потому, что вам, американцам, не хватает опыта. Что тут поделаешь? Индийцы хотят выудить у вас деньги и безбожно врут.

Жители соседних домов жаловались на громкие киртаны, раздающиеся во время фестиваля из громкоговорителя. Они и так устали от того, что их арендодатель, г-н Н., тянул с ремонтом зданий, порой заставляя их неделями сидеть без воды, когда ломался водопровод, и неожиданное и вынужденное соседство с двумя десятками американских преданных лишь усилило их недовольство. Некоторые из соседей были христианами и к вайшнавизму относились с неприязнью, опасаясь, что дети их могут вновь стать индусами. Некоторые жители обвиняли преданных в посягательстве на их личную жизнь, другие критиковали их за то, что они ссорятся друг с другом, а третьи – за то, что неженатые мужчины живут слишком близко от незамужних женщин, хотя и в отдельных помещениях.

Однако некоторые из соседей видели, что западные вайшnavы трудятся изо всех сил, искренне поклоняясь Радхе и Кришне. И никто из жильцов не критиковал Прабхупаду, поэтому, когда Прабхупада был там, он мог их успокоить и уладить любой конфликт. Но Прабхупада знал, что, стоит ему уехать, ситуация может легко измениться.

Прабхупада готовился к длительному кругосветному путешествию – с востока на запад. Сначала он собирался поехать в Австралию и Японию, затем посетить Гавайские острова, потом США, может быть, Мексику и, наконец, Европу. В Индию он планировал вернуться не раньше чем через полгода, и потому хотел, чтобы в его отсутствие дела в Бомбее шли ровно и гладко.

За несколько дней до его отъезда к нему пришел Мадхудвиша Свами:

– Это место меня не очень вдохновляет. Я думаю, мне нужно сменить обстановку.

Прабхупада спросил, куда бы он хотел поехать, и Мадхудвиша ответил, что думает об Австралии. Прабхупада сказал:

– Да, я как раз еду туда. Поехали со мной.

Брахмананда Свами сообщил ему, что с тех пор, как он уехал из Найроби, проповедническая деятельность там практически прекратилась. Прабхупада согласился, что Брахмананде следует вернуться к исполнению своих прежних обязанностей.

И снова Прабхупаде пришлось искать того, кто мог бы возглавить его бомбейский проект. На этот раз он остановил свой выбор на Гирирадже, молодом брахмачари, который очень успешно проповедовал в Индии, привлекая в ИСККОН больше всего свободных членов. Поскольку самое главное для руководителя данного проекта, рассуждал Прабхупада, – уметь собирать

пожертвования и находить свободных членов, и поскольку Гирирадже это хорошо удастся, то, несмотря на молодость и неопытность, он обладает основными качествами, необходимыми для того, чтобы справиться с возложенными на него обязанностями. Прабхупада уже убедился в том, что Гирираджа прост, послушен и готов отдать все свои силы осуществлению бомбейского проекта.

Гирираджа: Шрила Прабхупада спросил:

– Справишься, Гирираджа?

– Да, Шрила Прабхупада, как пожелаете, – ответил я.

На самом деле, меня это не очень обрадовало, но я понимал, что нужно быть преданным своему духовному учителю и делать все, что тот скажет. И согласился. Прабхупада сказал, что хорошее управление – значит делать все, что требуется. Позже, когда я пришел к Шриле Прабхупаде, он, сидя за письменным столом, сказал мне:

– Теперь ответственность за проект полностью на тебе.

Услышав эти слова, я вздрогнул, так как не привык брать на себя ответственность.

Когда Прабхупада был в Бомбее, к нему на лекции приходил молодой архитектор из Голландии Ханс Кильман, которого заинтересовало сознание Кришны. Прабхупада убедил Ханса стать преданным и помочь им построить в Бомбее городок «Харе Кришна». Под руководством Прабхупады Ханс тут же начал делать архитектурные эскизы будущих зданий.

Ханс: Прабхупада сказал:

– Теперь слушай внимательно. Господь Кришна послал тебя сюда. Ты должен спроектировать для Него эти храмы. Ты должен делать это очень искренне и не бояться.

Я полностью предался. В тот момент я почувствовал настоящий экстаз. На его столе лежала стопка фотографий; он дал их мне и сказал:

– Посмотри.

Я посмотрел – это были фотографии нового храма Говиндаджи во Вриндаване. Он сказал:

– Я хочу, чтобы ты спроектировал такой храм.

Я спросил у него:

– Какого размера, Шрила Прабхупада?

Он дал мне лист бумаги для пишущей машинки и попросил меня набросать на нем эскиз. Затем он дал мне фотографии, карандаш и линейку, провел меня в соседнюю комнату и усадил за стол. Там уже сидели двое: Прадьюмна, со всеми своими санскритскими книгами, и Шьямасундара, печатавший письма. Неожиданно для себя самого, я, со своими чертежами, оказался между ними.

Прабхупада сказал Гирирадже и другим преданным, что для строительства храма необходимо собрать шестьдесят четыре лакха рупий. Преданные понятия не имели, где достать такую огромную сумму, но Прабхупада подсказал им несколько идей. Он, например, предложил заручиться финансовой поддержкой влиятельных людей через бхент-наму, продажу гостиничных номеров в пожизненное пользование. Были и другие пути.

Однако сначала нужно было закрепить за собой землю. Они уже жили здесь, но прежде чем они смогут приступить к строительству, им нужно получить официальный документ, удостоверяющий их права на землю. Поскольку господин Н. уже просрочил с выдачей договора, Прабхупада велел Гирирадже немного надавить на него, чтобы тот поторопился с оформлением и немедленно выдал купчую.

В своей последней бомбейской лекции Прабхупада говорил о шести Госвами Вриндавана и их горько-сладком экстазе разлуки с Кришной. Некоторым его ученикам показалось, что говорит он об этом, потому что сам собирается на долгое время уехать.

На следующий день, в аэропорту, пока Прабхупада ожидал своего рейса в Австралию, состоялось радостное прощание. Сидя в окружении преданных в зале для особо важных персон, Прабхупада наблюдал за тем, как Мадхудвиша Свами ведет экстатический киртан.

– Если вы будете продолжать проводить такие киртаны, – сказал Прабхупада преданным, – наш бомбейский проект увенчается успехом.

Увидев, что г-н Н тоже пришел попрощаться, Прабхупада воскликнул:

– О, г-н Н., и вы здесь! Вы становитесь одним из нас!

* * *

Прабхупада обладал удивительной способностью видеть изначальную духовную природу материального мира и трансформировать часть этого мира в духовную энергию, так что даже самому обыкновенному человеку открывалась духовная реальность. На это были направлены все усилия Прабхупады. Часто трансценденталисты стараются удалиться от материального мира, так как боятся растратить духовную силу. Веды предписывают трансценденталисту избегать общения с материалистами и не иметь ничего общего с деньгами. Но, следуя принципам Шрилы Рупы Госвами, Прабхупада считал, что все материальное можно одухотворить, используя в служении Кришне. Следуя этому принципу, опытный преданный, даже если он действует в материальном мире, ни на минуту не утрачивает связи с духовной энергией. Для такого преданного, по сути дела, не существует ничего материального.

Ведические писания называют великого преданного Нараду Муни, способного превращать материалистов в преданных, чинтамани, философским камнем. Подобно тому как чинтамани превращает железо в золото, Нарада превратил звероподобного охотника в чистого вайшнава. Веды прославляют Нараду за духовные подвиги, которые он совершил в давно минувшие времена, и Шрила Прабхупада достоин не меньшей славы за чудеса, совершенные им в наше время. Снова и снова применяя на практике сознание Кришны, он доказывал, что способен заставить даже самого закоренелого материалиста отречься от всего материального и превратить его в деятельного преданного Господа. И вот теперь, завербовав в лагере майи горстку преданных, он собирался с их помощью превратить часть материального мира в животворящий дух. Силой своих трансцендентных пророческих слов он стремился превратить камень и человеческую энергию в величественные духовные храмы.

Заносчивые материалисты иногда упрекают трансценденталистов в бездеятельности, но Прабхупаду в этом никак нельзя было обвинить – он ни минуты не сидел сложа руки. Напротив, критиканы с иронией называли его капиталистом в одежде санньяси. Но таких обвинений Прабхупада не боялся – он выполнял волю великих ачарьев прошлого. Об этом он писал в «Шримад-Бхагаватам» еще до своего приезда в Америку в 1965 году:

«Поэтому все мудрецы и преданные Господа говорят о том, что искусство, наука, философия, физика, химия, психология и все прочие отрасли знания должны быть целиком поставлены на службу Господу».

Прабхупада хотел превратить целые области материального мира в мир духовный. Ему было ясно, что, предприняв попытку построить духовный город в Джуху, он начал генеральное наступление на позиции майи. Всего за несколько месяцев он столкнулся с великим множеством трудностей и препятствий, которые пытались помешать осуществлению его планов, а сколько их еще впереди! Сражение только начинается.

Его ученикам работа эта порой казалась изнурительной и напряженной; и это сбивало их с толку. Ведь они встали на путь духовной жизни, чтобы обрести счастье, а не беспокойства. Однако присутствие Прабхупады и его слова поддержки помогали им оставаться стойкими. Он знал, что, стоит им вкусить нектара бескорыстной преданности Кришне, они уже никогда не согласятся на что-то меньшее. Он ободрял их, напоминая слова таких великих духовных учителей, как Бхактивинода Тхакур, который сказал: «Я принимаю за величайшее счастье те трудности, с которыми мне приходится сталкиваться в преданном служении Тебе».

Глава сороковая

Кругосветное путешествие. Мысли о Бомбее не идут из головы

Прабхупада путешествовал с тремя учениками: Шьямасундарой (секретарем), Прадьюмной (службой и по совместительству редактором санскрита) и Нанда-кумарой (поваром). Первая их остановка была в Сингапуре, где эмиграционные власти безо всяких объяснений отказали Прабхупаде во въезде в страну. Индийские друзья в Сингапуре организовали для Прабхупады лекцию и успели разослать по почте сотни приглашений, но Шрила Прабхупада, огорченный и обиженный, вынужден был продолжить свой двенадцатичасовой перелет до Сиднея.

1 апреля 1972 года.

Перед поездкой в Мельбурн Прабхупада намеревался на несколько дней остановиться в Сиднее. Хотя Движение сознания Кришны в Австралии было совсем еще молодым, Прабхупада увидел здесь позитивные сдвиги: несколько преданных уже были готовы к посвящению, Прабхупаду приглашали на радио и телевидение, а на его утренние лекции в храме собиралось много заинтересованных гостей.

Это был его второй визит в Австралию. В первый раз, когда он сюда приехал, почти год назад, он установил здесь Божества Радхи-Гопинатхи и молил Их: «Вот, я оставляю Вас в руках млечх. Сам я не могу взять на себя эту ответственность. Пожалуйста, руководите этими юношами и девушками и дайте им разум, чтобы они могли поклоняться Вам как следует». Теперь, вернувшись спустя год, Прабхупада увидел, что Божества красиво одеты и о Них хорошо заботятся, и почувствовал себя счастливым. Проведя в Сиднее несколько дней, заполненных лекциями и программами Прабхупада полетел дальше, в Мельбурн.

Упананда: В Мельбурне Прабхупада выступил с лекцией в здании муниципалитета, куда собрались все местные хиппи. Пришел туда и один человек по прозвищу «чародей». Раньше он был профессором университета, а потом подал в отставку и начал заниматься всякой чепухой. Он был очень умён, носил черный плащ и трико, и имел группу последователей. Как только настало время для вопросов, он встал и заговорил – поначалу очень уважительно:

– Простите, Ваша Божественная Милость. Я слушал вашу лекцию, и в этой связи хотел бы кое-что сказать. Я верю в то, что я – Бог, что я – центр вселенной. И примерно в следующем году я это докажу.

– Это нормально, – сказал Прабхупада. – Все так считают. Чем вы отличаетесь от остальных?

На самом деле, «чародей» устроил весь этот спектакль только потому, что хотел выделиться – и одеждой, и всем остальным. А Прабхупада вывел его на чистую воду, показав, что он всего лишь один из глупцов-материалистов. Все начали смеяться и заплотировали.

Окленд

14 апреля 1972 года

Преданные в Новой Зеландии открыли храм всего за несколько недель до приезда Прабхупады. Он провел в нем два дня, установив Божества Радха-Кришны.

Бхуриджана: Прабхупада установил большие мраморные Божества, хотя пуджари было, прямо скажем, немного – всего одна девушка. Но Прабхупада настаивал – Божества нужно установить и хорошо о Них заботиться. Он потребовал, чтобы преданные немедленно изготовили сразу много комплектов одежды. Преданные соорудили временный деревянный алтарь и повесили занавес. Занавес упал. Все шло наперекосяк. В конце концов, преданные совсем запутались и расстроились.

Тогда за дело взялся Шрила Прабхупада. Он сказал:

– Поставь это сюда. А это поставь назад. Ты делай так, а ты делай так.

Он полностью взял ситуацию в свои руки. Преданные снова повесили занавес, а Прабхупада сказал:

– Уберите отсюда вьясасану.

Они вынесли вьясасану, потому что она была слишком большой для такой маленькой комнаты – даже для людей места не оставалось. Прабхупада просто положил на пол мягкую подстилку и сидел на ней.

На один вечер Прабхупада заехал в Гонконг, где прочитал лекцию на программе, устроенной Бхуриджаной и его женой Джагаттарини.

Бхуриджана: Мы научили индийских детей петь молитвы духовному учителю. Когда Прабхупада приехал, они для него их спели. Он посмотрел на меня, и было видно, что он очень доволен. Затем он сказал:

– Твоя жена говорит, что здесь никто не проявляет интереса к сознанию Кришны, а у тебя здесь столько учеников!

– Это у вас много учеников, Прабхупада, – сказал я.

В конце лекции Прабхупада спросил, есть ли вопросы, и руку поднял маленький индийский мальчик. Он спросил:

– А кто поджег лес? – мальчик хотел узнать про пожар в Кришна-лиле, о котором рассказывается в книге «Кришна».

Прабхупада понял вопрос по-своему – он подумал, что речь о материальном мире, подобном бушующему лесному пожару, про который поется в молитве духовному учителю. Поэтому Прабхупада сказал:

– Никто его не поджигал. Он горит сам собой – так же, как в лесу пожар может начаться от того, что друг об друга трутся два бамбуковых ствола. Но благодаря повторению «Харе Кришна» мы можем выбраться из этого лесного пожара материальной жизни.

В Японии преданные разместились в старом жилом доме на ферме, в холмистом пригороде Токио. Шрила Прабхупада поселился в гостинице неподалеку, установил в храме Божества Радхи-Кришны и дал санньясу лидеру ИСККОН в Токио, Судаме.

Прабхупада сказал, что чувствует «пульс своих учеников», и недавно заметил в ведущих менеджерах Общества тенденцию слишком погружаться в управление и пренебрегать проповедью. Он говорил своему секретарю, что члены Джи-би-си не должны просто протирать штаны в офисах, стараясь сосредоточить власть в своих руках, напротив, они должны стать отрешенными, принять санньясу, путешествовать и проповедовать. С этой мыслью он дал санньясу двум секретарям Джи-би-си, Тамала-Кришне и Судаме. Теперь он советовал им не стараться избавиться от административных обязанностей, а поступать, как он – проповедовать, но в то же время заниматься управлением в своих зонах, не особо привязываясь к своим постам и возможностям.

Шьямасундара: Стены гостиничного номера, в котором остановился Прабхупада, были сделаны из рисовой бумаги, поэтому там было очень холодно. Климат оказался ничуть не мягче северного, но при этом в здании полностью отсутствовало центральное отопление. Однажды я пришел в комнату Прабхупады на мангала-арати, завернувшись в одеяло.

– Вам не холодно, Шрила Прабхупада? – спросил я.

Было видно, что ему не нравится холод, но это не помешало его служению Кришне.

Нанда-кумара: На воскресном пиру собралось около тридцати японских преданных. Почти все они были молоды. Каждый принес по цветку, чтобы положить к стопам Прабхупады, и предложил ему полный дандават. Они были очень почтительны. Прабхупада отметил, что это хороший знак – «юноши и девушки умеют уважать святого человека».

Бхуриджана: Мы договорились о проведении программы в Кобе. Там жило много индийцев и синдов. Дорога из Токио до Кобы отняла у нас много времени. Хотя в доме не было лифта, хозяева разместили Прабхупаду на третьем этаже. Для Прабхупады это было тяжелое испытание, но он только поднял подбородок и без остановки поднялся наверх.

Программу организовали просто ужасно: наряду с Прабхупадой в качестве лектора посадили выступать какого-то санньяси-майявади. Прабхупада вызвался говорить первым и говорил по-английски. На программе было немало индийцев – около ста человек, и Прабхупада очень ясно и решительно объяснил им, что Кришна – Бог.

Затем заговорил на хинди санньяси. Прабхупада сидел, закрыв глаза, и повторял джапу. Вдруг он посмотрел на нас и сказал: «Немедленно начинайте киртан». Мы встали, и прямо посередине лекции запели. Как только киртан закончился, Прабхупада тотчас же уехал.

Когда мы вернулись, Прабхупада рассказал нам, что произошло:

– Сначала он проповедовал хорошо. Но затем он начал говорить о панчопасане, пяти ипостасях Абсолюта. А когда он сказал, что Верховный Господь в конечном счете безличен, я уже не мог этого стерпеть.

Прабхупада добавил:

– Выходя из дома я превращаюсь во льва, а дома я овечка.

В Токио у Прабхупады также были дела, связанные с издательством «Дай Ниппон». Он был очень рад, что руководство компании настолько ему доверяет, что выдало в кредит несколько сотен тысяч долларов, заручившись лишь его устными обязательствами. Один из администраторов «Дай Ниппон» даже смиренно обратился к нему с вопросом о своем сыне, умершем полтора года назад. Он хотел узнать, вернулся ли тот к Будде.

Молодой японский руководитель, который переводил вопросы своего пожилого коллеги и ответы Прабхупады, пояснил:

– С тех пор он стал очень религиозен.

– Это был его старший сын? – спросил Прабхупада.

– Самый младший. Ему было двадцать лет.

Коллеги обменялись короткими репликами.

– Он спрашивает, как избавиться от печали по смерти сына.

– О, да, – сказал Прабхупада. – Суть в том, что, что бы ни случилось, успех будет зависеть от того, насколько нами доволен Кришна. Это я уже объяснял.

Он рассказал историю о Сандипани Муни, духовном учителе Кришны и Баларамы. Лишившись сына, Муни обратился к двум своим ученикам:

– Мои дорогие мальчики, я потерял своего юного сына. Если вы вернете его, я буду счастлив.

И Кришна отправился на планету Ямараджи и вернул учителю сына.

– Поэтому постарайтесь удовлетворить Кришну и Он даст вам благословения. Ваш сын будет благословлен. Молитесь Кришне, и где бы ни оказался ваш сын, он будет счастлив. Вы верите в перевоплощение души?

Молодой японец перевел вопрос старику. Старик кивнул. Прабхупада продолжил:

– Да. Ваш сын наверняка где-то снова воплотился. Поэтому если вы будете молиться Кришне, ваш сын будет счастлив. Он получит благо.

Когда Карандхара, секретарь Жи-би-си по западу Соединенных Штатов, прибыл в Токио, чтобы помочь в переговорах с издательством «Дай Ниппон», Прабхупада заговорил с ним о новом проекте в Бомбее. Кроме того, он написал два письма Гирирадже, вдохновляя его как можно скорее начать в Бомбее строительство зданий ИСККОН. Он хотел, чтобы Гирираджа построил храм по образцу известного храма Говиндаджи в Джайпуре, а рядом – современную многоэтажную гостиницу. «И тогда это будет идеальный проект в Джуху».

Прабхупада сказал, что Ханс (ныне Сурабхи) должен до июня закончить чертежи и согласовать их в муниципальном совете, чтобы работы с закладкой фундамента можно было начать до наступления сезона дождей. «Не думаю, что это возможно, – написал Прабхупада, – но если ты попробуешь, это будет замечательно».

Гавайи

6 мая 1972 года

Во время своего недельного пребывания в Гонолулу Прабхупада установил там пять Божеств Панча-таттвы: Господа Чайтанью, Господа Нитьянанду, Шри Адвайту, Шри Гададхару и Шри Шриваса, а в местном центре йога-медитации прочитал лекцию по йоге. На утренних прогулках по пляжу он обсуждал ложные выводы дарвинизма. Пляж Вайкики, сказал Прабхупада, не так красив, как Джуху.

Нанда-кумара: В то время все преданные на Гавайях носили майки и одежду ярких цветов, и у них были очень длинные, толстые шикхи. Прабхупада сказал:

– Шикха гаудиа-вайшнава – не больше четырех сантиметров в диаметре. Шикхи большего размера носят в другой сампрадае. И их нужно завязывать в узел.

Я сказал об этом преданным, и все они вернулись чистенькие, аккуратненькие, в шафрановых куртах и с шикхами нужного размера.

Говинда-даси: Прабхупада остановился в большом доме со стороны Макапу, на острове Оаху, прямо у океана – изумительное место. Утром Прабхупада гулял по пляжу, а когда

возвращался с прогулки, то садился на деревянную скамью в каменистом внутреннем дворике. Мы рассаживались вокруг, а он читал короткую утреннюю лекцию. Затем, прохаживаясь по своей комнате, он повторял мантру.

Однажды вечером, когда он повторял джапу, я вошла к нему, и он спросил:

– Закончила свои шестнадцать кругов?

– Да, Шрила Шрила Прабхупада, шестнадцатый дочитываю, – ответила я.

– Хорошо, – сказал он.

Прабхупада много думал о центре в Бомбее. Он попросил меня набросать архитектурный эскиз зданий в Бомбее по его описаниям. К счастью, один друг-архитектор очень хорошо нарисовал эскиз и Прабхупада остался им доволен.

Прабхупада получил письмо от Мандакини-деви-даси – ученицы из Франции, которая собиралась выйти замуж за преданного, живущего в Советском Союзе, чтобы помогать ему в проповеди сознания Кришны. Прочитав письмо, Прабхупада счастливо улыбнулся. Мысль о том, что Движение сознания Кришны в России набирает силу, доставляла ему огромную радость. Затем он повернулся к Говинда-даси и сказал:

– Проповедуй, пока молода. А когда состаришься, удались во Вриндаван и повторяй «Харе Кришна». Для того мы и строим эти центры в Индии. Ты не сможешь удалиться от дел и уединенно жить в святом месте, если в достаточной мере не проповедовала. Ум будет тебя беспокоить. А если проповедовала, то сможешь удалиться от дел и повторять «Харе Кришна» – поэтому проповедуй как можно больше.

Хотя порой Прабхупада мог уделить тому или иному преданному всего один день или даже минуту, этого короткого общения было достаточно, чтобы преданный получил вдохновение на всю жизнь. Преданные понимали, что хотя Прабхупада нисходит в их жизнь и дает эти краткие наставления, которые становятся самыми важными событиями в их жизни, сам он выше тех обстоятельств – места и времени – в которых они вместе с ним находятся. Он размышлял о чем-то более глубоком, а силу его молитв Кришне они пока были не способны осознать.

На Гавайях Прабхупада получил письмо от Гирираджа, которое заставило его усомниться в способности его бомбейских менеджеров договориться с хитрым г-ном Н. Описывая фактическое положение дел, Гирираджа сообщал, что только что выплатил г-ну Н. 7500 рупий. Прабхупада спросил: «За что?» Гирираджа ответил, что считает это частичным взносом в счет тех двух лакхов в год, которые нужно будет выплачивать г-ну Н. – после того, как будет подписан договор о купле-продаже. Но зачем же платить г-ну Н., если документ о передаче права собственности еще не получен? Прабхупада начал беспокоиться о своем «Харе-Кришна-лэнде».

Вновь и вновь он возвращался мыслями в Бомбей, Вриндаван и Майяпур, но много о проблемах не говорил. Напротив, приехав в очередной пункт своего назначения, он благословлял своим вниманием как преданных, так и гостей. Если он читал лекцию по «Шримад-Бхагаватам», то полностью сосредотачивался на этом, если разговаривал с гостем или давал наставления ученику, то без остатка отдавал себя собеседнику. Он был необычайно искусен в своем преданном служении Кришне, а проявлялось это в том, что, приняв на себя огромную ответственность за многих людей и управление всемирной организацией, он нес ее милостиво и изящно, всегда появляясь перед преданными на утренних прогулках или в храме чистым и свежим, словно только что распустившийся лотос. Он был прост и открыт, и каждый видел, насколько чисты его мотивы. Но в то же время он был непостижимо серьезен. Он просто служил Кришне всегда и везде: поднимаясь вместе с учениками на лифте в Гонконге, или с любопытством отмечая особенности японской культуры, или прогуливаясь по морскому побережью под гавайским небом.

* * *

Лос-Анджелес

18 мая 1972 года

Когда прошел слух, что Шрила Прабхупада хочет, чтобы секретари Джи-би-си проповедовали, а не сидели в офисах, четыре члена американского Джи-би-си страстно пожелали стать санньяси, и теперь ожидали прибытия Шрилы Прабхупады в Лос-Анджелес.

Сатсварупа: Прабхупада сказал, что поскольку мы принимаем санньясу в расцвете юности, у нас есть все возможности сделать гораздо больше, чем он. Он сказал, что принял санньясу на закате жизни, но «лучше поздно, чем никогда». Мысль о том, что мы можем сделать больше, чем

Прабхупада, насмешила всех. Один за другим, мы подходили к व्याсасане, и Прабхупада, вручая нам триданدى, говорил: «Теперь проповедуй, проповедуй, проповедуй».

Сразу после этого Прабхупада позвал нас наверх, к себе. Мы спросили, не даст ли он нам какие-нибудь особые наставления. Он сказал, что в жизни санньяси есть два ограничения. Первое: увидев богатого человека и его состояние, мы не должны думать: «О, я оставил все, но как бы я хотел всем этим наслаждаться!» Второе: заведя красивую женщину, мы не должны думать: «У меня была красивая жена, и сейчас я вижу эту красивую женщину. Я мог бы наслаждаться ею». Другими словами, ни в коем случае нельзя сожалеть о том, что мы приняли санньясу.

Джагадиша: Прабхупада попросил всех членов Джи-би-си собраться в Лос-Анджелесе, и там некоторые из них получили санньясу. Там же мы распределили между собой зоны проповеди. У нас состоялась одна особая встреча с Прабхупадой. Все члены Джи-би-си собрались в его комнате, и Прабхупада, оглядев всех нас, спросил:

– Уверены ли вы? Искренни ли вы?

Мы молча сидели перед ним, и за две долгих минуты никто не проронил ни слова. Для меня это было одним из самых тяжелых в жизни испытаний – Прабхупада испытывал нас: «Уверены ли вы? Искренни ли?»

Прабхупада говорил, а ученики вслушивались в каждое слово:

– Что касается меня, – сказал он, – то я уверен. Поэтому я действую так активно. Это факт. Я упорно тружусь, потому что это факт, а не вымысел. В этом я лично убежден. Когда кто-нибудь говорит: «Вы верите?», я отвечаю: «Нет, для меня это не вопрос веры. Это реальность». Итак, при помощи книг, аргументов, проповеди, диспутов вы должны вселять веру в других. Но сами вы убеждены в том, что проповедуете? Если нет, то дело не пойдет. Прежде всего, нужен энтузиазм. Не будьте как мертвые. Вы должны трудиться больше меня. Только живые могут проповедовать.

Итак, всеми делами будут управлять местный президент и казначей храма. Джи-би-си могут лишь следить за тем, чтобы все работало. Но главная заповедь управления состоит в том, чтобы каждый член Общества повторял шестнадцать кругов и следовал принципам. В этом наша духовная сила.

Теперь всё в ваших руках. Я так и задумывал – отдать все в руки американцев. Но вы должны быть духовно сильны. Если же вы хотите быть управляющими только внешне, то это не хорошо. Да и нет необходимости путешествовать просто так – как туристы. Путешествуя, вы должны приносить серьезный вклад в развитие Общества. У Ленина была лишь горстка людей, но он обрел власть над целой страной. Распространение сознания Кришны зависит от вас. Не будьте инертны. Идите и проповедуйте. Ваша обязанность – доносить до людей: «Мои дорогие американские братья, у вас столько богатств и возможностей наслаждаться! Используйте их для Кришны! В противном случае, все придет в упадок».

В Лос-Анджелесе, своей штаб-квартире, Шрила Прабхупада встретился со многими лидерами американского ИСККОН и увидел широкий спектр деятельности своего общества. Он прослушал новую пластинку, выпущенную на собственной студии преданных «Золотая Аватара». Бхаджаны о Кришне были исполнены под аккомпанемент гитар и других западных инструментов.

– Это даже лучше, чем Джордж Харрисон, – одобрил пластинку Прабхупада.

Он посетил художественную студию, где преданные рисовали иллюстрации к его книгам, и дал несколько рекомендаций.

Ананга-манджари: Прабхупада ходил по храму и осматривал разные офисы. В одном офисе Карандхара показал Прабхупаде новый компьютер.

– Прабхупада, – сказал он, – смотрите: набираем «Рупа Госвами», и компьютер автоматически высвечивает все, что вы когда-либо говорили или писали о Рупе Госвами.

Перед этим Прабхупада смотрел на компьютер без особого интереса, но когда Карандхара произнес имя Рупы Госвами, Прабхупада поднял брови и сказал:

– Вот как? Да, все можно использовать в служении Кришне.

Затем мы вышли оттуда и подошли к телексу. Прабхупада сел перед ним в кресло, все столпились вокруг, и Карандхара объяснил, что может делать этот аппарат.

– Он может послать сообщение аж в самый Нью-Йорк и принять ответ – и все в одну минуту, Шрила Прабхупада.

Карандхара набрал на телексе: «Харе Кришна. Слава Шриле Прабхупаде. Пожалуйста, ответьте».

Ответа не последовало, поэтому он повторил попытку еще раз. Ответа снова не было. Тогда он еще раз послал сообщение, но на этот раз следующего содержания: «Слава Шриле Прабхупаде. Шрила Прабхупада сидит рядом с телекомом. Пожалуйста, ответьте».

Вдруг на глазах у Прабхупады аппарат начал выдавать ответ. В сообщении говорилось: «Дорогой Шрила Прабхупада, пожалуйста, примите наши самые смиренные поклоны у ваших лостосоподобных стоп. Мы жаждем увидеть Вашу Божественную Милость в Нью-Йорке через три дня».

– Джая! Харибол! – громко произнес Шрила Прабхупада.

Увидев, что сообщение из Нью-Йорка было подписано многими преданными, Прабхупада улыбнулся и сказал:

– Очень хорошо.

Как раз в то время распространение книг Прабхупады в Америке вышло на новый уровень, и Прабхупада принимал последние отчеты. С самого начала своей проповеди на Западе он подчеркивал, что издание и распространение его книг – самый важный метод проповеди сознания Кришны. Он сказал, что его духовный учитель наказал ему печатать и распространять книги и этому наставлению он следовал «слепо».

Бхактисиддханта Сарасвати был доволен, если ученик распространял хотя бы несколько экземпляров его журнала, и в первые годы существования ИСККОН Шрила Прабхупада также радовался тому, что его ученики ежемесячно распространяли несколько сотен экземпляров журнала «Назад к Богу». Постепенно в некоторых преданных проявилось желание увеличить распространение духовных книг. В 1968 году в Лос-Анджелесе Тамала-Кришна каждый день выходил на центральные улицы города с большой группой киртана. Преданные не только пели и танцевали, но и ходили среди людей и распространяли журналы «Назад к Богу» – по сотне в день. Это обрадовало Прабхупаду и он попросил преданных увеличить распространение.

В распространении книг Прабхупада видел не только лучший метод проповеди, но и неплохой источник дохода. В Индии традиция такова, что брахмачари из гурукулы должен ходить от дома к дому и собирать милостыню. Но на Западе это не приветствуется.

– Но любой джентльмен даст четвертачок за журнал «Назад к Богу», – сказал Прабхупада.

Несмотря на то, что Прабхупаду все больше занимали индийские проекты, он продолжал вдохновлять своих учеников, особенно западных, распространять его книги:

– Пожалуйста, расширяйте программу распространения книг среди населения, а также пытайтесь разместить наши книги и журналы в библиотеках. Больше всего я заинтересован в распространении книг.

В 1971 году он написал Нью-Йоркским преданным:

Мне особенно приятно слышать, что вы стали распространять больше книг и журналов. Продолжайте в том же духе. Каждый раз, когда человек читает что-то о Кришне из авторитетного источника, жизнь его в какой-то степени меняется. Эти книги являются прочной основой нашей проповеди, поэтому я хочу, чтобы они были доступны каждому в как можно большем количестве. Пожалуйста, попробуйте это осуществить.

Преданным из Австралии он писал:

То, что вы распространяете все больше моих книг и журналов – самая лучшая новость. Это наилучшая деятельность – распространять авторитетные знания о Кришне. Наша проповедь твердо опирается на эти книги. Ни у одного другого движения нет такой солидной, авторитетной основы.

А преданным из Африки Прабхупада написал:

Распространение книг и журналов – наша самая важная деятельность. Без книг наша проповедь не имеет солидной основы. Особенно африканцы хотят наших книг.

Шрила Прабхупада сказал, что если будет достаточно книг, то во всем остальном ИСККОН преуспеет.

Наше Общество практически построено на книгах. Одна книга не очень впечатляет. Хотя конечно, «лучше иметь слепого дядю, чем никакого», поэтому очень хорошо, что вышла одна книга, и несколько номеров «Назад к Богу» выходят на других языках. Но теперь постарайтесь выпускать по меньшей мере четыре или пять новых книг в год на нескольких языках, а также регулярно, каждый месяц, «Назад к Богу»... в полной мере примите на себя эту огромную ответственность за издание книг на иностранных языках.

Еще в 1968 году, когда в Нью-Йоркский храм прибыли десять тысяч экземпляров «Учения Господа Чайтаньи», Брахмананда Свами недоумевал, как они смогут распространить столько книг в твердых обложках о высокой философии Господа Чайтаньи. Но в 1970 году, с выходом другой книги – «Кришна, Верховная Личность Бога», некоторые преданные в Сан-Франциско начали ходить от двери к двери, от человека к человеку и продавать книги. Они продавали не по одной и не по две, а по двадцать, тридцать и даже по сорок книг в день. Вскоре количество распространяемых книг Шрилы Прабхупады возросло и в других храмах. Затем молодые преданные начали путешествовать в микроавтобусах, целый день проводя на улицах и распространяя книги, и деятельность эта погружала их в величайший экстаз.

Затем началось соревнование. Однажды Кешава заявил, что лучше всех книги распространяют в Сан-Франциско, и преданные из Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Денвера и Далласа приняли вызов. Началась «лихорадка санкиртаны». Шрила Прабхупада находился в центре всей этой деятельности, и уверял, что распространение книг, вне сомнения, приоритетное направление его миссии.

Большое значение Прабхупада придавал и тому, чтобы все преданные регулярно изучали его книги. Они предназначались не только для публики; преданные также должны читать и знать их. Иначе как они смогут проповедовать? В Лос-Анджелесе, в алтарной комнате, каждый день Прабхупада произносил вслух очередной санскритский стих из «Шримад-Бхагаватам», а преданные хором повторяли за ним. Затем каждый по очереди читал этот стих, а остальные хором ему вторили.

Хридаянанда Госвами: В 1972 году, приехав в Лос-Анджелес, Прабхупада ввел традицию совместного повторения санскрита на лекциях по «Бхагаватам». Благодаря этому преданные в Америке стали серьезнее и немного цивилизованнее. А перед тем они вели себя немного буйно. Группы санкиртаны шли на всевозможные дикости: распространяли книги всю ночь напролет, спали где попало, ели что попало. Еще раньше жизнь в храмах была более спокойной и скучной – тогда преданные не продавали много книг. Но позже санкиртана стала столь неистовой, что начинала чем-то напоминать родео, какая-то дикая санкиртана, объездка диких лошадей, да и только. Но тут приехал Прабхупада и ввел это пословное повторение санскритских мантр, и преданные стали следовать более серьезной и упорядоченной программе.

Первого июня Шрила Прабхупада вылетел из Лос-Анджелеса в Мехико. Он сказал, что вернется через несколько недель.

* * *

Первые три дня пребывания Прабхупады в Мехико были насыщены лекциями. Он выступал в Национальном университете Мехико, в Масонской ложе, Теософском Обществе, а также на телевизионном шоу, которое смотрело около тридцати миллионов зрителей. В последующие два дня он проводил в храме церемонии посвящения. Мехико чем-то напоминает Индию, сказал он, – люди благочестивые и климат тропический. Когда утром он возвращался с прогулки в парке Чапультепек, вместе с ним в храм приходило много местных жителей. Они признавали в нем святого и хотели получить его благословение.

Чит-сукхананда: В воскресенье днем в храмовой комнате собралось более пятисот человек. После лекции Шрила Прабхупада вернулся к себе в комнату, а в алтарной шел мощный киртан: пятьсот-шестьсот человек громко пели: «Джая Прабхупада! Джая Прабхупада! Джая Прабхупада! Джая Прабхупада! Прабхупада! Прабхупада! Прабхупада! Прабхупада!» Они пребывали в полном блаженстве – казалось, что стены храма вот-вот рухнут. Я был в комнате Шрилы Прабхупады, и он спросил:

– Что это? Киртан? Они так шумят!

Я сказал:

– Они поют ваше имя.

Затем я спустился, чтобы посмотреть, что происходит. Все люди ждали возможности проникнуть в комнату Прабхупады. Казалось, чтобы его увидеть, они готовы взять ее штурмом. «Прабхупада! Прабхупада!» – продолжали кричать они. Я поднялся к Шриле Прабхупаде:

– Прабхупада, они хотят вас видеть.

И Прабхупада сказал:

– Что ж, пусть войдут.

Я сразу же организовал все для того чтобы все могли войти. В комнату Прабхупады вели две двери, поэтому люди заходили в одну, слева, и выходили через другую, справа. Один за

другим, цепочкой, они проходили мимо Шрилы Прабхупады, как во время большого парада, и говорили ему разные теплые слова. Многие просто говорили на испанском: «Ваша Божественная Милость, Ваше Святейшество, пожалуйста, благословите меня, дайте мне Ваше благословение». Все просили его благословений. Попад в комнату, каждый кланялся. Все были очень смиренны, у многих, когда они видели великого святого Шрилу Прабхупаду, на глаза наворачивались слезы. Они говорили ему: «Пожалуйста, дайте нам ваши благословения».

Прабхупада спросил меня:

– О чем они говорят?

– «Дайте мне благословение», – сказал я.

Его рука была опущена в мешочек с четками. Он поднимал на них указательный палец и говорил:

– Харе Кришна. – Это приводило их в восторг.

Прабхупада также посетил Куэрнавачу, где на центральной городской площади, перед многотысячной аудиторией, прочитал лекцию. Люди терпеливо слушали перевод на испанский.

Чит-сукхананда: Как раз в то время мы выпустили первую книгу, «La Conciencia de Krishna Es el Sistema Mas Elevado de Yoga» («Сознание Кришны – высшая система йоги») и как раз во время лекции на площади Прабхупада увидел, что приехал Хаихая-дас с только что напечатанными «La Conciencia de Krishna Es el Sistema Mas Elevado de Yoga» в красных обложках. Шрила Прабхупада так обрадовался тому, что книга напечатана, что прервал лекцию и сказал:

– Теперь вы все можете купить эту книгу и ее прочитать.

Так и произошло: люди подходили к Шриле Прабхупаде, чтобы купить книги. Мы привезли всего пятьдесят экземпляров, и все они были проданы лично Шрилой Прабхупадой. Люди просили его поставить автограф, и он подписал почти все пятьдесят штук.

После программы на площади Шрила Прабхупада прочитал лекцию в гостинице, а затем должен был поехать в дом к одному преданному в Куэрнавачу, чтобы принять прасад и отдохнуть. Но Шрила Прабхупада предпочел вернуться в храм в Мехико. До храма он добрался где-то около восьми вечера – с восьми утра до восьми вечера он не ел ни крошки, только выпил немного воды. Мы предлагали ему фрукты и еще что-то, но он ничего не хотел.

Когда он вернулся к себе в комнату, глаза его блестели, а лицо сияло широкой улыбкой.

– Вот так можно стать счастливым. Трудиться весь день для Кришны, – сказал он и попросил только чашку горячего молока с пури и чашку сахара. С огромным удовольствием он макал пури в сахар и запивал молоком.

– Это наша жизнь – служение Кришне. Весь день работать для Кришны, а вечером принять немного прасада.

* * *

Вернувшись в Лос-Анджелес, Прабхупада стал вдохновлять преданных искать новые виды деятельности в сознании Кришны. Однако мысли его снова и снова возвращались в Бомбей. Он послал Гирирадже телеграмму, требуя без проволочек осуществить передачу собственности.

Получив телеграмму, Гирираджа пошел к г-ну Н. и обнаружил там еще одну проблему. После того, как Прабхупада подписал договор о купле, правительство Индии приняло закон, обязывающий г-на Н. заплатить подоходный налог в размере пяти лакхов рупий за передачу собственности. Г-н Н. сказал Гирирадже, что поскольку в настоящий момент он не располагает такой суммой, ее должен заплатить ИСККОН, а он присовокупит ее к сумме задатка. Но у бомбейского ИСККОН такой суммы не было, и г-н Н. посоветовал Гирирадже взять кредит или привлечь средства из храмов ИСККОН в США. Он пообещал, что не будет никому продавать землю.

Гирираджа попытался получить кредит в банке, но у него не было необходимых ценных бумаг, чтобы подтвердить свою кредитоспособность. Он обратился с просьбой выступить гарантами перед банком к нескольким свободным членам, но те не смогли помочь ему с получением ссуды, хотя настроены были благожелательно.

Гирираджа начал сомневаться в честности г-на Н. В юридических вопросах Гирираджа разбирался слабо, но характер и действия г-на Н. постепенно перестали внушать ему доверие. Из бесед со свободными членами Гирирадже стало известно, что в деловом мире г-н Н. пользуется дурной славой. Договор о продаже того же самого участка, который г-н Н. заключил с компанией К. еще до начала их отношений с ИСККОН, был в конце концов аннулирован, потому что

компания К. не получила разрешения от муниципалитета на разделение земли на участки, а это было одним из условий договора с г-ном Н. – компания К. должна была получить разрешение на использование земли от правительства. По словам некоторых бизнесменов, с которыми общался Гирираджа, г-н Н., используя свои политические связи, настроил правительство против компании К.

Г-н Н. казался весьма полезным: он предлагал преданным участок по хорошей цене и даже присылал рабочих его расчищать. Вместе со своей супругой он часто посещал лекции Прабхупады. Однако во многом он вел себя непоследовательно.

Узнав из письма об этих проблемах, Прабхупада посчитал, что решить их можно. Если правительство обложило сделку налогом, преданные должны разобраться с этим вопросом и снова попытаться получить кредит. Прабхупада чувствовал, что г-н Н., конечно, хитёр, но позиция ИСККОН сильна. Гирираджа, не поддаваясь на хитрости г-на Н., должен упорно идти вперед. Прабхупада посоветовал ему обратиться за финансовой поддержкой к г-же Сумати Морарджи и другим спонсорам.

Это уникальный храм, и если вы, юноши и девушки из Америки и Европы, проявите свои удивительные и превосходные организаторские способности, то она без колебаний окажет вам полное доверие. Поэтому, зная, что перед вами стоит такая огромная задача, вы всегда должны действовать в духе благожелательности и сотрудничества. Я постоянно думаю о нашем участке в Джуху, и хочу, чтобы он превратился в образцовую для всего мира общину сознания Кришны.

Портленд, Орегон.

8 июня 1972 года

Из Лос-Анджелеса Прабхупада ненадолго съездил в Портленд, где на встречу с ним собралось пятьдесят учеников из Сан-Франциско, Сиэтла, Ванкувера и Портленда. Из Портленда он поехал на машине в Юджин, где в огромном зале, перед аудиторией, состоящей в основном из хиппи, прочитал лекцию.

В США не было ни одного храма, который не хотел бы пригласить Шрилу Прабхупаду, и Прабхупада, хотя и не мог побывать везде, был всегда готов нанести короткий визит и прочитать лекцию даже в самых отдаленных местах. Порой, в откровенной беседе со своим личным секретарем, он говорил, что этой проповедью должны заниматься ученики, а не он сам; но затем, когда в очередном месте, благодаря усилиям вдохновленной группы преданных, появлялась еще одна возможность прочитать лекцию, Прабхупада, ко всеобщему удивлению, соглашался туда отправиться.

Вернувшись на четыре дня в Лос-Анджелес, Прабхупада полетел затем в Нью-Йорк, где провел неделю, а затем на две недели отправился в Лондон. В Лондоне, в храме на Бери-Плейс, его несколько раз навещали Джордж Харрисон и Рави Шанкар. Джордж спросил, нужно ли ему обрить голову и попытаться жить, как остальные преданные. Прабхупада попросил его продолжать карьеру певца.

– Если ты велишь публике петь «Харе Кришна», – напомнил ему Прабхупада, – они будут петь «Харе Кришна».

20 июля

Из Англии Прабхупада вылетел в Париж, где прочитал лекцию и провел церемонию посвящения в Люксембургском саду, на открытом воздухе. Это зрелище привлекло сотни людей, в основном студентов-радикалов из ближайшего университета.

– У вас, французов, революционная история, – начал свою речь Шрила Прабхупада, – потому что вы стремитесь найти лучший способ жизни.

Когда слова его перевели на французский, толпа студентов разразилась одобрителными возгласами и аплодисментами. Шрила Прабхупада продолжил:

– Поэтому вы должны интересоваться сознанием Кришны. Это революционное Движение, призванное возродить наше изначальное сознание Бога.

В Париж приехало около тридцати преданных из Германии, и большинство из них, как и множество преданных из Англии, Амстердама и Парижа, получили в тот день в Люксембургском саду посвящение. В Париже Прабхупада также принял участие в четырехдневном фестивале, который проходил в снятом для этой цели зале, где он каждый вечер с удовольствием читал лекции и вел киртаны.

25 июля

В Амстердаме Прабхупада установил Божества Господа Джаганнатхи, Господа Баларамы и Субхадры и в Вондельпарке, перед несколькими тысячами хиппи, читал свои лекции. В один из дней на программе в Вондельпарке кто-то из преданных попытался проповедовать собравшейся молодежи, но Прабхупада вдруг попросил своих учеников остановить его.

— Эти люди бесполезны. — сказал он. — Просто пойте киртан.

Позднее он написал одному ученику на Западе:

Здесь, в Европе, мы видим, что многим и многим хиппи противна материальная жизнь, но в то же время они настолько опустились, что уже не слушают нашу философию, а просто насмеяются. Поэтому нашим преданным следует очень хорошо изучить философию, чтобы развеять их сомнения, и прочно утвердиться в сознании Кришны. Но что касается проповеди общей массе людей, особенно хиппи, то лучше будет не столько проповедовать философию, сколько тем или иным образом побудить их повторять мантру «Харе Кришна», а если кто-то из них проявит интерес, они могут купить одну из наших книг. Им может помочь только одно — если они будут вместе с нами петь.

29 июля

В Эдинбурге Прабхупаду встречали около десятка репортеров из различных шотландских газет.

Кишора: Эдинбург — это гордый, консервативный город, пронизанный традициями, но Прабхупада держался с репортерами очень смиренно, и беседа их была очень доброжелательной. Он расхваливал их, говоря, насколько замечательна их страна и как прекрасен Эдинбург — какие в нем красивые здания.

— У вас здесь два колледжа? — спрашивал он.

— Да, да, два. — гордо отвечали они.

— Так у вас, должно быть, много студентов?

— Да, да.

— Эдинбург богатый город?

— О, да. Очень богатый.

Прабхупада сказал:

— Что ж, у вас столько студентов и столько красивых зданий. У вас такие возможности для наслаждения.

— Да, да, — кивали репортеры. — Все это есть.

— Тогда почему столько ваших студентов становятся хиппи? — в лоб спросил их Прабхупада.

Они переглянулись: никто не мог на это ответить. И Прабхупада начал объяснять, что одними лишь зданиями невозможно дать людям ни счастья, ни удовлетворения.

— Камень и окна, — сказал он. — В них ли счастье?

В Глазго Прабхупада выступил с лекцией в Вудсайд-холле, перед почти тысячной аудиторией.

Кишора: Прабхупада сидел на сцене на вьясасане. Зал был переполнен — люди толпились даже на балконах. Когда Прабхупада приехал, студенты встретили его как поп-звезду. Они свистели и выкрикивали одобрительные возгласы. Недолго думая, Прабхупада перешел к бескомпромиссной проповеди основ «Бхагавад-гиты», рассказывая о том, как Арджуна обрел успех в преданном служении, убив всех друзей и родственников. Под конец лекции я начал немного беспокоиться, опасаясь, что людям не понравится столь «тяжелая» лекция. Но они лишь кричали «Браво!» и аплодировали.

Когда пришло время задавать вопросы, с заднего ряда через весь зал по проходу прошел какой-то человек и, глядя на Прабхупаду, встал прямо перед сценой. Несколько минут он гордо говорил: «Я то. Я это», — и в конце концов заявил:

— Я Бог.

Таков был вывод его короткого монолога. Толпа смолкла, а я подумал: «Что сейчас будет?»

Прабхупада посмотрел на него и какое-то время сохранял молчание. Наконец, он сказал:

— Итак, вы Бог. Вам больше нечего сказать?.. Вы не Бог — вы дог.

— Браво! — взорвалась толпа. Все повскакивали со своих мест, рукоплеская.

Мужчина посмотрел на Прабхупаду и... улыбнулся. Сказав лишь несколько слов, Прабхупада разгромил его наголову. Пройдя через весь зал, слушатель вернулся на свое место, и на этом все закончилось. Самым замечательным было то, что происходило это на глазах у всего зала. Все поняли, что Бог – не дешевка.

Затем мы провели киртан. Танцевал весь зал. В то время на входе не было никакой охраны, поэтому вся уличная детвора того беспокойного района Глазго, где проходила программа, беспрепятственно пролезла в зал. Дети тоже принялись петь и танцевать. Некоторые мальчишки попытались взобраться наверх, чтобы петь вместе с Прабхупадой, и преданные начали сталкивать этих грязных оборванцев со сцены, но Шрила Прабхупада остановил их:

– Не делайте этого. Все эти дети преданные. Пусть поют.

В конце, когда Прабхупада приготовился покинуть зал, он напомнил мне одну знаменитость. Сходя со сцены он улыбался и махал рукой, а публика кричала: «Нет, нет, нет! Еще, еще, еще!»

1 августа

Вернувшись в Лондон и услышав, что туда приезжает Сумати Морарджи, Прабхупада вместе с группой своих учеников поехал в аэропорт, чтобы ее встретить. Он поделился с ней своими планами постройки «Харе Кришна-лэнда» в Джуху и рассказал о своем желании учредить совет попечителей, который состоял бы из свободных членов бомбейского отделения ИСККОН, и Сумати Морарджи согласилась стать председателем этого совета. Он должен будет регулярно собираться и давать свои рекомендации по управлению бомбейским проектом ИСККОН. Каждый попечитель также должен внести солидную сумму на развитие той или иной части «Харе Кришна-лэнда». Прабхупада попросил г-жу Морарджи сделать пожертвование на храм. Г-на Кханделвала он попросил пожертвовать на библиотеку, а г-на Н. – на два других крыла.

Однако Прабхупаду беспокоило то, что г-н Н. до сих пор не подписал договор о продаже. Прабхупада начал сомневаться в чистоте его намерений, как и в компетентности Гирираджа. Если единственным препятствием был этот налог в пять лакхов – Прабхупада ведь уже сказал Гирирадже, чтобы тот обратился к богатым друзьям ИСККОН и получил ссуду. Что тут сложного? Но из сообщений Гирираджа выходило, что путь этот «невозможен». 27 августа Прабхупада послал Гирирадже телеграмму: «ПОДПИСАН ЛИ ДОКУМЕНТ ПЕРЕДАЧИ ИМУЩЕСТВА ЕСЛИ НЕТ ПОДПИШИ НЕМЕДЛЕННО СООБЩИ ДЕТАЛЯХ».

Гирираджа снова пошел к г-ну Н., хотя заранее знал, чем все закончится. Однако г-н Н. еще больше усложнил ситуацию, напомнив Гирирадже, что ИСККОН еще не получил разрешение уполномоченного по делам благотворительных организаций. ИСККОН как общественная благотворительная организация не мог получить в собственность землю без этого разрешения. В очередной раз г-н Н. свалил на плечи ИСККОН бюрократический груз.

В кабинете уполномоченного Гирираджа узнал, что должен был подать заявление на выдачу разрешения за шесть месяцев до подписания договора о продаже земли. Для Гирираджи и других преданных в Бомбее дело с покупкой участка превратилось в огромный гордиев узел.

* * *

Новый Вриндаван, Западная Вирджиния

30 августа 1972 года

До Джанмаштами оставалось всего два дня. Чтобы повидаться со Шрилой Прабхупадой, сюда приехали более трехсот учеников. День явления Шрилы Прабхупады всегда отмечается в день, следующий за Джанмаштами, явлением Кришны, и в этом году, когда в святом месте с Прабхупадой собралось столько учеников, событие это обещало стать особенно благоприятным.

Прабхупада согласился каждый вечер читать лекции в павильоне, который специально по этому случаю был установлен на вершине одного из многочисленных холмов Нового Вриндавана. Цикл лекций был озаглавлен «Проповедь Бхагавата-дхармы», и на примере этих встреч Прабхупада показал своим ученикам, как они должны проводить подобные фестивали в других уголках страны. Благодаря лекциям по бхагавата-дхарме и распространению книг во всем мире возрастет очистительная сила Движения сознания Кришны.

Все эти дни Прабхупада провел в маленьком деревянном домике в лесу Нового Вриндавана. Он регулярно встречался с посетителями, а по вечерам читал лекции. Каждый вечер

преданные с киртаном поднимали Прабхупаду на паланкине на высокий крутой холм, а после программы спускали его вниз, освещая дорогу фонарями и факелами.

Сурешвара: Тропа, ведущая вниз от павильона, шла по спирали к храму. Я пришел туда, когда уже смеркалось и увидел, как Шрила Прабхупада торжественно плывет в паланкине по морю преданных. Сотни преданных спускались с холма с оглушительным, реющим киртаном, поднимая облака пыли. Эта сцена была настолько захватывающей, что напоминала одну из массовых сцен легендарных исторических фильмов – «Десять Заповедей» или «Исход», но процессия с Прабхупадой впечатляла намного больше, поскольку была духовна. Когда паланкин Прабхупады поравнялся со мной, я просто распростерся в пыли. Шествие проходило очень бурно, но с чувством преданности.

Бату-Гопала: Это был маленький паланкин, который несли четыре человека. В нем были веревочные поручни за которые Прабхупада мог держаться, но ехать в нем ему было не очень-то удобно. Зато выглядело это очень эффектно. Преданные – с факелами, фонариками, керосиновыми лампами – и Прабхупада в паланкине – спускаются вниз по тропе. Сотни преданных. Оглушительный киртан. Я попытался подойти поближе к Прабхупаде, чтобы на него взглянуть.

Джахнава-деви-даси: Было темно, и мы шумной рекой текли вниз с крутого холма. Казалось, ноги наши не касаются земли. На половине пути я поравнялась с паланкином и оказалась рядом со Шрилой Прабхупадой. Но в тот момент я поняла, что быть рядом с Прабхупадой – нечто намного большее, чем просто быть рядом с его телом – я поняла, что мне нужно стать намного серьезнее в сознании Кришны, чтобы почувствовать себя ближе к нему.

В ночь на Джанмаштами Прабхупада отправился в храм и слушал там чтение книги «Источник вечного наслаждения», о рождении Господа Кришны. Около двух утра он заметил, что преданные клуют носом.

– Вы устали, – сказал он, улыбнувшись, и закончил программу.

Шум бомбейского сражения доносился до Прабхупады даже среди такого большого праздника. Ему принесли письмо от Гирираджа, в котором тот извещал, что получить кредит в пять лакхов рупий, чтобы уплатить государству, ему не удалось, а правительство в разрешении отказало. Еще он написал о своем подозрении, что дело о решении уполномоченного по делам благотворительных организаций не обошлось без участия г-на Н.

У Прабхупады был экземпляр договора купли продажи и, внимательно изучив его, он в очередной раз убедился в том, что позиция его сильна, ибо он занимает землю согласно условиям договора. Он заплатил два лакха рупий, как и было обещано, но г-н Н. не передал ему документ на право собственности. Теперь потребовались дополнительные деньги, и Прабхупада велел Гирирадже заплатить их и получить документ. Что касается разрешения от уполномоченного, то об этом в договоре ничего не говорилось. Действия г-на Н. приводили в недоумение Гирираджу, но не Прабхупаду, который усмотрел в них откровенный обман. Он послал Гирирадже телеграмму: «ВОЗЬМИ ДЕНЬГИ ПОД ЗАЛОГ БАНКЕ ЗАПЛАТИ Н». Затем, не дожидаясь ответа от Гирираджи, он послал еще одну телеграмму: «ПОЧЕМУ ТЫ ГОВОРИШЬ ПЕРЕДАЧА СОБСТВЕННОСТИ НЕВОЗМОЖНА? В ДОГОВОРЕ ПРОДАЖИ ВСЕ ЯСНО. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НЕОБХОДИМО ПОЛУЧИТЬ НЕМЕДЛЕННО СОГЛАСНО УСЛОВИЯМ ДОГОВОРА ПРОДАЖИ».

В день своего явления Шрила Прабхупада поднялся на холм, в павильон, чтобы прочитать лекцию. Стояла прекрасная августовская погода. Прабхупада сел на красную вьясасану, стоявшую на сцене рядом с Божествами Радхи-Дамодары и Господом Джаганнатхой. Аудитория состояла из сотен учеников и гостей – всего на программу собралось около тысячи человек. Фестиваль стал важным событием в Движении «Харе Кришна», поэтому на ферму приехали репортеры из «Нью-Йорк Таймс» и других газет, а также съемочная группа с телевидения.

Прабхупада объяснил, что стороннему наблюдателю легко может показаться странным поклонение преданных духовному учителю, однако никто не должен думать, что духовный учитель считает себя Богом. Прабхупада сравнил духовного учителя со сборщиком налогов. Как сборщик налогов собирает деньги от имени царя, так же и духовный учитель принимает поклонение, но только от имени Господа Кришны. Каждый должен служить и поклоняться Верховному Господу, а духовный учитель лишь «собирает» поклоны и почести, действуя от имени Бога, Который рассматривает всякое почтение, оказанное духовному учителю искренним учеником, как поклонение Себе.

Прабхупада окончил лекцию, и тридцатishестичасовой пост завершился своей кульминацией – роскошным пиром. После программы Прабхупада вернулся на задний двор своего домика, где у него состоялся разговор с несколькими преданными.

Хридаянанда Госвами: Прабхупада принимал массаж, сидя на соломенной подстилке во дворе своей хижины, как вдруг к нему подкатились клубком два маленьких котенка. Они боролись, кувыркались и катались по земле. Я сразу подумал: «О! Они же грязные, оскверненные. Я должен их прогнать». Маленьким пушистым комком котят закатились прямо на подстилку Прабхупады, к его стопам. Прабхупада же вдруг начал щекотать их под шейкой. Он смеялся и почесывал их по грудке. Затем он повернулся ко мне и весело сказал:

– Вот видишь. Даже у них есть любовь.

Шрутакирти: Я отвечал за кухню и был так занят, что у меня не было времени даже взглянуть на Прабхупаду. Он жил там неделю, а я почти его не видел. Я был так расстроен! Я делал свое служение, даже не имея возможности увидеть Прабхупаду – каждый день готовил до полуночи. Мне было очень грустно.

Но вот, за день до отъезда Прабхупады ко мне подошел Киртанананда Махараджа и сообщил:

– Ты будешь слугой Прабхупады.

Я не поверил своим ушам:

– Не может быть! Вот здорово! Нет, это ужасно! – так я разволновался.

Затем он сказал:

– Завтра утром вы едете в Питсбург.

Я подумал: «Вот это да! Так быстро! А я и не знал ничего».

На следующее утро Киртанананда Махарадж привез меня к домику, где жил Прабхупада. Он провел меня в комнату Прабхупады и сказал:

– Это Шрутакирти. Он будет вашим слугой.

Прабхупада посмотрел на меня, и я поклонился. Киртанананда Махарадж сказал:

– Он очень хорошо готовит, Прабхупада.

– Превосходно, – сказал Прабхупада.

– Но он никогда не делал массаж, – сказал Махарадж.

Я действительно ни разу в жизни никому не делал массаж. И тогда Прабхупада сказал:

– Ничего. Любой это сможет. Это очень просто.

Сатья-нараяна: Я был с группой преданных. Мы путешествовали по стране на стареньком автобусе и проповедовали. В автобусе у нас были Божества, кухня и душ. Когда мы подъехали, Прабхупада сидел во дворе, возле своей хижины. Когда он вошел в наш автобус, мы приняли его, как положено в настоящих храмах – предложили ему чаранамриты. Он осмотрел все и сказал, что в нашем Обществе должны быть сотни таких автобусов. Это не было для него каким-то грандиозным событием, но он остался очень доволен.

Сатсварупа-даса Госвами: Я видел, как к тому домику спускались старшие преданные, чтобы обсудить со Шрилой Прабхупадой неотложные вопросы. У меня не было таких вопросов, на которые бы он не ответил в своих письмах, но я начал беспокоиться, что все ходят к нему, а я нет. Наконец, мое беспокойство возросло настолько, что я решил, что просто пойду и повидаясь с Его Божественной Милостью.

Когда я подошел к двери, слуга Прабхупады охотно меня пропустил, и через секунду я уже сидел перед Шрилой Прабхупадой. Он принимал массаж. Я сказал ему, что у меня нет каких-то конкретных вопросов и что пришел я просто потому, что очень хотел его увидеть. Прабхупада ответил, что мне надо получше учиться, а не ходить к нему просто так. Он сказал, что уже ответил на все в своих книгах. На самом деле, это очень меня вдохновило. С одной стороны, он говорил мне, что как старший преданный, я должен быть уверен в том, что ответы на все вопросы можно найти в его книгах. Я не должен был из своего беспокойства делать вывод, что мне чего-то не хватает и искать личной встречи с гуру.

Но раз уж я пришел, Шрила Прабхупада спросил меня:

– Чем занимаешься?

Когда Шрила Прабхупада сказал это, мне стало совершенно ясно, что он относится ко мне так, как я того заслуживал – как к последнему глупцу. Я только что получил посвящение в санньясу, но пришел к Прабхупаде со своим помощником и просил уделить мне внимание. В ответ на мою просьбу он окинул меня взглядом, а вопросом своим он, казалось, давал мне понять, что я

ничего не делаю для распространения сознания Кришны, или делаю очень-очень мало. Именно так я истолковал его вопрос: «Чем занимаешься?»

Я ответил, что, следуя его письменному указанию, я езжу по своей зоне из храма в храм и пытаюсь воплотить на практике его желание, чтобы ученики на утренних лекциях изучали «Шримад-Бхагаватам». Раньше я был абсолютно уверен в том, что строго следую наказам, которые он дал мне в письме. Но к моему удивлению, в той комнате в Новом Вриндаване он начал говорить, что посещение храмов – вовсе не самая важная деятельность. Он сказал, что доволен программой Вишнуджаны Махараджи, который путешествовал на автобусе, и попросил меня делать то же самое.

– Значит, ваше наставление о том, чтобы я посещал разные храмы, не так важно? Я должен пересесть на автобус? – сразу же откликнулся я.

Это стало раздражать Прабхупаду, и он сказал:

– Я не имею ввиду, что поскольку одно важнее другого, то другое совсем не важно. Все важно. Не думай, что если я говорю, что путешествовать на автобусе важно, это значит, что не нужно путешествовать по храмам. У Кришны все важно – и Его голова и Его стопа.

Несмотря на то, что фестиваль в Новом Вриндаване полностью занимал внимание и время Прабхупады, он продолжал нести бремя забот о Бомбее. Назначив нескольких секретарей Джи-би-си ответственными за Движение сознания Кришны в разных частях мира, сам он фактически исполнял функции Джи-би-си по Индии. Поэтому, где бы он ни путешествовал, особое внимание он уделял индийским проектам.

Он являл собой идеальный пример секретаря Джи-би-си. Добросовестно посвящая себя практическим делам, он всегда оставался трансцендентным – во всем зависел от Кришны и не переставая проповедовал. Отослав Гирирадже телеграмму или выслушав доклад секретаря о проблемах в Бомбее, он сразу же возвращался к установленному распорядку и активной проповеди. Он принимал утренний массаж, омывался, методично и изящно наносил тилаку, в безмолвном равновесии повторял мантру Гаятри, принимал прасад, отдыхал в течение часа, а вечером, после активного дня, шел в храмовую комнату, где садился на व्याсасану, пел «Джая Радха-Мадхава» и говорил о чистом сознании Кришны.

8 сентября

После Нового Вриндавана Прабхупада отправился в Питсбург, где провёл успешную программу в большом зале сирийской мечети. Еще он встретился с католическим епископом, которого спросил:

– Почему христиане убивают коров на скотобойнях, нарушая тем самым заповедь «Не убий»?

Прабхупада часто задавал этот вопрос христианским священникам и никогда не мог получить удовлетворительного ответа. Эта встреча не была исключением.

На встрече с учениками у себя в комнате Прабхупада подчеркивал важность выездных проповеднических программ. Своим новоявленным санньяси он посоветовал брать пример с их духовного брата, Вишнуджаны Свами, который на автобусе путешествовал из города в город, проводил фестивали и распространял книги и журналы.

* * *

9 сентября

Преданные из Далласа приобрели там большую церковь с прилегающими постройками, чтобы организовать там гурукулу – первую в истории ИСККОН детскую школу. В 1971 и 1972 годах, путешествуя по Индии, Прабхупада посылал далласским учителям множество писем, указывая им общее направление в организации начальной школы сознания Кришны.

Мы будем учить детей не только основным дисциплинам, чтению и письму, но также будем давать им истинное духовное знание о том, как жить совершенной жизнью. В какой другой школе им смогут предложить такое замечательное образование?... Вчера вечером в нашем делийском пандале я говорил о необходимости обучения сознанию Кришны во всех наших школах и колледжах. Это, конечно, революционная идея. Но мы видели, какие плоды приносит атеистическое образование – молодые люди один за другим превращаются в хиппи. Какой прок в этих небоскребах, если молодежь не будет их поддерживать? Необходимо восстановить древнюю традицию гурукулы – ведь это идеальный пример образовательной системы, предназначенной для

воспитания великих людей – здравомыслящих и ответственных лидеров, которые знают, в чем заключается истинное благо для их соотечественников. В давние времена все великие души получали такое воспитание. Теперь ваш долг – донести эту идею до граждан вашей страны. Пожалуйста, подойдите к этому делу с трезвой головой, и очень скоро мы увидим, какое практическое благо получают ваши соотечественники.

Эти письма убедили далласских преданных в том, что они делают для удовлетворения Шрилы Прабхупады самую важную работу. Школа получила поддержку других членов ИСККОН, и многие родители послали в нее своих детей. К приезду Шрилы Прабхупады в школе числилось около пятидесяти учеников.

Прабхупада сказал, что погода в Далласе напоминает ему Калькутту, хотя жара причиняла ему некоторые неудобства. С презрением отозвавшись о кондиционерах, он снял с себя куртку и сел на лужайке, собрав вокруг себя совсем еще неопытных, но полных энтузиазма учителей. Он рассказал о самой лучшей образовательной системе, которую знал с детства: когда один учитель занимается с классом из пятидесяти учеников разного возраста и с разными способностями. Один за другим ученики подходят к столу учителя, который занимается с ними и дает очередное задание, а затем возвращаются на свое место, чтобы работать самостоятельно.

Учителя гурукулы, в частности, были озабочены и озадачены тем, как воспитывать детей, не наказывая их, и Прабхупада, не колеблясь, решил все их проблемы. Он сказал, что ученики должны одновременно и бояться, и любить своих учителей. Чтобы поставить непослушного ребенка на место, учитель может строго посмотреть на него, но ни в коем случае не должен применять физическую силу.

На следующий день Шрила Прабхупада пришел в класс и уселся перед учениками. Взяв в обе руки по указке, он пошутил, сказав, что одна указка – чтобы бить учеников по головам, а другая – по рукам. Дети и учителя рассмеялись, видя веселое настроение Прабхупады. А когда он спросил, не хочет ли кто-нибудь получить указкой, учителя и ученики бросились вперед, подставляя свои руки под милостивые шлепки Шрилы Прабхупады.

Чтобы продемонстрировать технику преподавания, Шрила Прабхупада попросил выйти добровольца. Вызвался Дваракадхиша. Прабхупада взял своей божественной рукой руку мальчика и помог ему несколько раз написать первую букву санскритского алфавита.

Новости из Бомбея настигли Прабхупаду и в Далласе. Один преданный, который недавно оттуда вернулся, сообщил Прабхупаде, что Гирираджа поговаривает о том, чтобы уйти с поста президента центра. Подавленный неудачными попытками договориться с г-ном Н., адвокатами и правительством и изнуренный склоками между преданными, он посчитал себя недостойным этого ответственного поста.

Боль Гирираджи стала болью Прабхупады, потому что больше всего он переживал за свой проект в Джуху. И поговорить об этом ему было не с кем, поскольку преданные в Америке почти ничего не знали о том, что происходило в Бомбее.

Спать было трудно – стояла страшная жара, но и сосредоточиться на переводе «Шримад-Бхагаватам» Прабхупада не мог. Поэтому до глубокой ночи он беседовал с секретарем о Бомбее. Догадываясь о замыслах г-на Н., делясь своей озабоченностью судьбой «Харе-Кришна-Лэнда» и удивляясь тому, что преданные утратили мужество и почувствовали сомнения, он взвешивал все «за» и «против», рассматривая проблему с разных точек зрения. Это продолжалось до самого утра, когда, наконец, он отложил этот вопрос в сторону.

Позже он написал еще одну телеграмму:

«ПОКУПАЙ ЗЕМЛЮ НЕМЕДЛЕННО ПО ВОЗМОЖНО НИЗКОЙ ЦЕНЕ Н. ПООБЕЩАЛ ЗАПЛАТИТЬ ЕСЛИ ОН ЭТОГО НЕ СДЕЛАЕТ МЫ МОЖЕМ ЗАПЛАТИТЬ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО 15000 НЕ БРОСАЙ ПРЕЗИДЕНТСТВО ДО МОЕГО ПРИЕЗДА».

Большие Божества Радхи и Кришны прибыли из Нью-Йорка в Даллас на трейлере. Находясь в Индии, Прабхупада специально выбрал эти Божества для гурукулы в Далласе и отправил их в Соединенные Штаты. Кришна был величественным – высокий, больше, чем остальные Божества ИСККОН, с необыкновенно крупными руками, ногами и головой. Кто-то говорил, что этому Божеству несколько сотен лет, и ваяли Его по какой-то древней традиции. Преданные в Далласе не были готовы к установлению Божеств Радха-Кришны, но Прабхупада дал им два дня на подготовку к церемонии, которую собирался провести сам.

Джахнава-деви-даси, никого не спросив, удалила с Божеств краску и принялась Их перекрашивать. Узнав об этом, Прабхупада пришел в ярость. Он вызвал к себе президента центра

в Далласе, Сатсварупа-даса Госвами, и потребовал объяснений. Сатсварупа сказал, что это произошло по его глупости, но ведь Джахнава и его не спросила!

Тогда Прабхупада позвал Джахнаву и в гневе закричал на нее. Джахнава заплакала.

– Зачем ты это сделала? – спрашивал он.

– По глупости, – захлебываясь от слез, ответила девушка.

– Глупость, – подтвердил Шрила Прабхупада, – самоубийственная глупость! Когда же ты, наконец, поумнееешь? Итак, что теперь будем делать?

– Шрила Прабхупада, – еле слышно ответила Джахнава, – я позвонила в Лос-Анджелес Барадраджа и он сказал, что если я воспользуюсь определенной краской...

– Барадраджа! – закричал Прабхупада. – Кто такой Барадраджа? Я твой духовный учитель, и я сижу перед тобой. Почему не спросить меня?

Раздосадованный, он повернулся к другим ученикам, сидевшим в комнате.

– Так, что будем делать?

Одна из женщин сказала, что, если использовать быстросохнущую краску, то до начала церемонии можно успеть расписать Божества, как раньше.

– Да, – сказал Шрила Прабхупада. – Сделайте это немедленно.

Всю ночь не смыкая глаз, Джахнава аккуратно раскрашивала Божества так, как Они были расписаны до того. Работу она закончила рано утром. Кришна был сказочно прекрасен, хотя свежая краска на Его теле местами еще липла.

Утром на прогулке вокруг озера Уайт-Рок, во время беседы на различные философские темы, Прабхупада повернулся к Сатсварупе Махараджу и спросил, как идет подготовка к церемонии установления. Когда Сатсварупа сказал, что не уверен, до конца ли высохла краска на Кришне, Прабхупада резко остановился. Если Божества не готовы, сказал он, нет смысла дольше оставаться в Далласе. Повернувшись к секретарю, Прабхупада попросил его поменять дату вылета на возможно более раннюю. Сатсварупа попросил прощения и сказал, что, может быть, еще удастся провести все по первоначальному плану. Это успокоило Прабхупаду, и он продолжил прогулку, сменив тему разговора.

Позднее, у себя в комнате, Прабхупада говорил с Сатсварупой наедине, продолжая тему утренней лекции о мирской жизни. Легко и непринужденно Прабхупада толковал о глупости обусловленных душ.

– Они считают, что если завели большую семью и трудятся ради мирских благ, то им не нужно думать о смерти или следующей жизни.

Говоря эти слова, Прабхупада отрицательно покачал головой, выражая свое несогласие с позицией материалиста-скептика.

Все ученики Прабхупады заметили в нем одну поразительную черту: где бы он ни оказался, сознание его всегда было поглощено духовным. Проводил ли он бессонную ночь в переживаниях и разговорах о Бомбее, бранил ли преданных за то, что они перекрасили Божество – ум его неотступно занимали те или иные размышления в сознании Кришны. Те преданные, что находились рядом, порой наблюдали его необыкновенное сознание Кришны с почтительного расстояния. Иногда, когда того требовало служение, они могли близко соприкасаться с ним в решении каких-либо вопросов. А иногда они ощущали на себе его личное требовательное внимание. Никто не мог предположить или точно предвидеть, как поведет себя Прабхупада в своем неуклонном и серьезном служении духовному учителю.

Сидя в одной комнате с Сатсварупой Махараджем, Прабхупада начал напевать себе под нос санскритскую строфу из утренней лекции по «Бхагаватам», грихешу гриха-медхинам...

– Как Божество? – неожиданно спросил он.

Сатсварупа предположил, что краска на Божестве уже высохла. Прабхупада встал и направился в комнату, где Джахнава осматривала перекрашенное Божество. Продолжая вполголоса напевать стих, он тихо встал перед Радхой и Кришной.

– Да, – сказал он. – Теперь то, что нужно.

Церемония установления Радхи и Кришны прошла тем же утром, чуть позже. Сидя на вьясасане в храмовой комнате, Прабхупада повторял молитвы из «Брахма-самхиты». Затем, после того, как Радху и Кришну поспешно одели, он предложил Им первое арати. Несмотря на спешку и скудное убранство алтаря, Прабхупада казался довольным. Позднее, вернувшись к себе в комнату, Прабхупада написал на листе бумаги: «Радха-Калачандаджи, Божество Далласа, 12 сентября 1972 года – А.Ч. Бхактиведанта Свами». Калачандаджи, сказал он, значит «черная луна».

Прабхупада готовился вернуться в Индию западным путем, поэтому еще раз посетил свою штаб-квартиру в Лос-Анджелесе. Однако, не успев приехать, он тут же написал преданным в Бомбей, прося их не смотреть на Джуху просто как на источник бесконечных неприятностей. Они должны помнить, что это особое место, где будет осуществлен великий замысел. За него стоит биться.

... с нетерпением жду вашего сообщения о том, подписан ли документ о передаче земли, и каково его содержание. Пожалуйста, как можно скорее пришлите мне заверенную у юриста копию. Тогда я смогу, наконец, вздохнуть с облегчением. Как только документ будет подписан, вы можете тут же начинать строительные работы. Скоро, самое позднее в октябре, я вернусь в Индию, и мне хотелось бы видеть, что строительство в Бомбее, Майяпуре и Вриндаване идет полным ходом. Бомбейский проект – один из самых важных проектов ИСККОН в мире, и я надеюсь на то, что вы и все те, кто сейчас находится в Бомбее, постройте величественный храм.

Секретарь Прабхупады показал ему новый рекламный буклет, напечатанный компанией «Эйр Индия», в котором раздел об искусстве был посвящен исключительно Кришне во Вриндаване. Прабхупаду обрадовало то, что «Эйр Индия» предлагает туристам посетить Индию для знакомства с культурой Кришны. Это еще раз подтверждало его идею, что в будущем «Харе Кришна лэнд» и другие его индийские проекты станут важными достопримечательностями для туристов, желающих окунуться в атмосферу настоящей ведической культуры.

Каждое утро Прабхупада спрашивал о новостях из Бомбея. Из всех писем в первую очередь Прабхупада прочитывал те, что приходили оттуда – особенно от Гирираджи. В начале октября он получил от него длинное послание.

Материальная природа не поддается нам, все продвигается медленно, хотя г-жа Морарджи, г-н Муним, банк и г-н Н. уверяют, что работают максимально быстро. Мало того, их уже утомили мои постоянные напоминания о срочности этого проекта и о вашем желании закончить все дела с оформлением договора.

Гирираджа не сообщал ничего нового; договор по-прежнему оставался не подписан.

Хотя Гирираджа сказал, что не намерен бросать свои обязанности, Прабхупада, прочитав письмо, пришел к выводу, что ему должны помочь другие старшие преданные, находящиеся в Индии. Поэтому он написал Тамала-Кришне Госвами и Бхавананде, во Вриндаван, прося их немедленно отправиться в Бомбей и попытаться ускорить подписание договора.

Тамала-Кришну Госвами Прабхупада попросил снова взять на себя обязанности менеджера по Индии.

... Гирираджа испытывает трудности, как следует из его письма. Поэтому я думаю, что ты должен возобновить свою деятельность как Джи-би-си и проследить за тем, чтобы все дела в Индии шли хорошо.

Прабхупада написал Гирирадже о том, что к нему приедут помощники, а также напомнил, что тот должен сотрудничать с советом попечителей.

Мне очень тяжело решать на расстоянии, что делать в трудной ситуации, поэтому я полностью полагаюсь на вас, своих доверенных, старших учеников, и надеюсь, что вы все дела завершите наилучшим образом.

Прабхупада снова и снова говорил руководителям бомбейского проекта о необходимости строго соблюдать условия договора о купле-продаже. Преданные должны заставить господина Н. придерживаться первоначального соглашения.

Прабхупаду беспокоило отсутствие вестей от его адвоката, господина Д. Две недели назад он отправил господину Н. и господину Д. телеграммы, прося их сообщить о причинах задержки, но ни от одного из них ответа пока не получил. Тогда он написал другому адвокату, своему другу в Бомбее, и попросил выяснить, в чем дело. И вот в Лос-Анджелес пришел ответ: господин Д. отказался вести его дела. Через пару дней после этого убийственного известия Прабхупада получил официальное письмо из конторы господина Д., уведомлявшее его о том же.

Из всех последних бомбейских новостей эта была самой плохой. Прабхупада убедился, что г-н Н. с самого начала вынашивал коварный и хитрый план. И дело не в бюрократических проволочках. Г-н Д. состоял в заговоре с г-ном Н. Оба оказались мошенниками. Запахло настоящим сражением. ИСККОНу придется подать в суд и предъявить г-ну Н. иск. Битва была неизбежна, но Прабхупада знал, что закон на его стороне.

Перед отъездом из Лос-Анджелеса Прабхупада продумал дальнейшую тактику. Он написал Гирирадже, чтобы тот дал объявление в газету, что ИСККОН заключил с г-ном Н. договор купли-продажи на землю в Джуху.

Затем он отправился в Беркли.

6 октября

Заехав ненадолго в Беркли, Прабхупада встретился там с группой профессоров Калифорнийского университета и установил в местном храме Божества Радхи-Кришны. Но мыслями он был в Бомбее. Он написал Тамала-Кришне Госвами:

Г-н Н. и г-н. Д. мутят воду. Гирираджа попал в беду. В житейских вопросах он ребенок, поэтому немедленно отправляйся к нему на помощь... Но не забывай – ты должен заплатить деньги в регистрационном бюро, а не отдавать их в руки г-ну Н. или его адвокату... Действуй по закону, в противном случае нам придется принимать меры – подавать в суд для привлечения г-на Н. к административной, либо к уголовной ответственности.

На помощь преданным в Бомбее Прабхупада решил послать Карандхару, которого считал очень опытным в подобных делах. Он хотел отправить туда еще и Шьямасундару, но тот был в Лондоне, где должен был принять в дар от Джорджа Харрисона большое поместье. Однако Прабхупада попросил Шьямасундару сразу же после завершения дел в Лондоне вылетать в Бомбей. Прабхупада готовился к бою. Он не позволит себя обмануть!

На обратном пути в Индию Прабхупада вновь посетил Гавайи, а затем, 11 октября, в первый раз побывал в Маниле, где несколько его учеников организовали для него проповеднические программы – в храме и в гостинице «Интерконтиненталь».

В Маниле Прабхупада внимательно взвесил свою позицию относительно собственности в Джуху и пришел к выводу, что выиграет дело. Он перечислил свои доводы в письме Гирирадже:

1. Мы выполнили все условия договора.
2. Г-н Н. целенаправленно затягивал дело, чтобы обмануть нас, как до этого обманывал других.
3. Но на этот раз он нас не обманет, потому что мы завладели землей и установили на ней наши Божества Радха-Кришны.
4. Поэтому, не теряя ни минуты, мы должны обратиться в суд, чтобы заставить его немедленно оформить передачу земли.
5. Даже если суд затянется на долгое время, мы не отступим.
6. Не подав заявления в суд, мы ни о чем с ним не договоримся.
7. Но я думаю, мы сможем выплатить 14 лакхов, чтобы избавиться от этого негодяя.
8. Но без суда мы не сможем этого сделать, иначе сами окажемся стороной, нарушившей договор. Поэтому мы должны судиться, и только потом идти на какой бы то ни было компромисс.

Глава сорок первая

Битва за Бомбей

Вриндаван

17 октября 1972 года

Прабхупада приехал во Вриндаван, чтобы провести здесь месяц Карттика (с 16 октября по 14 ноября).

Он намеревался ежедневно читать лекции около самадхи Рупы Госвами во дворе храма Радха-Дамодара, взяв за основу «Нектар Преданности» – свой собственный перевод книги Рупы Госвами «Бхакти-расамрита-синдху». Путешествуя по Западу, Прабхупада приглашал всех своих учеников провести месяц Карттика вместе с ним во Вриндаване, и теперь здесь собралось несколько десятков преданных из Америки, Европы, Индии и других стран мира.

Прабхупада был озабочен тем, как идет строительство его храма во Вриндаване, поэтому вместо того, чтобы сразу отправиться в Бомбей, он сначала приехал сюда, а для решения проблем в Бомбее послал туда нескольких ответственных учеников. Теперь, словно генерал, находящийся на другом фланге, он ожидал известий от своих лейтенантов из Бомбея. Прабхупада поселился в двух своих комнатах в храме Радха-Дамодары, а его ученики остановились неподалеку в старом здании бывшего дворца Махараджи Бхаратпура на берегу Ямуны.

Знакомя своих учеников с Вриндаваном, Прабхупада в то же время представлял жителям Вриндавана своих учеников. В 1932 году во время паломничества Бхактисиддханты Сарасвати и его последователей местные жители отказывались считать низкорожденных людей вайшнавами. Сейчас Прабхупада и его западные ученики столкнулись с таким же отношением. Однако Прабхупада надеялся, что если ученики построят чудесный храм для Кришны и Баларамы, это смягчит сердца местных жителей, и они примут его учеников. Прабхупада терпеливо сносил невоспитанность и медлительность своих учеников и смиренно просил жителей Вриндавана, приходивших к нему, быть столь же снисходительными к их недостаткам и видеть в них настоящих преданных Кришны; в конце концов, они оставили греховную жизнь и регулярно повторяют Святые имена Бога.

Прабхупада читал лекции утром и вечером. Сидя на простой асане высотой чуть больше полуметра, при свете простой электрической лампочки, подвешенной у него над головой, Прабхупада обращался к своим ученикам и нескольким заинтересованным гостям.

Некоторые преданные ожидали, что находясь во Вриндаване, Прабхупада будет обсуждать с ними очень возвышенные духовные темы, такие как раса Кришны с гопи. Но они ошиблись. Напротив, один из учеников читал «Нектар Преданности», а Прабхупада вставлял продолжительные философские комментарии о том, как обрести чистую любовь к Кришне, последовательно проходя ступени бхакти-йоги.

Хотя Прабхупада обращался в основном к своим ученикам, он также подчеркивал, что индийским брахманам следует принять западных вайшнавов. Отстаивая свою точку зрения, он приводил множество цитат, доказывающих, что рождение в той или иной семье, – это просто материальное обозначение, которое никак не влияет на духовную жизнь. Подчеркивая, что суть Сознания Кришны в проповеди, он настоятельно просил присутствующих учеников продолжать расширять Движение.

Сердца учеников Прабхупады трепетали от этих бесед, от того, что он так доверительно общался с ними в своих комнатах в храме Радха-Дамодара, который он называл «своим вечным домом», – в том самом месте, где он начал воплощать свой план создания Движения Сознания Кришны. Ученики слышали, как рано утром он поднимается и начинает переводить «Шримад-Бхагаватам» и диктовать свои комментарии. Во время арати он открывал ставни своей комнаты и смотрел на Божества. Иногда преданные видели, как он гуляет на террасе, повторяя джапу. Они всегда могли обратиться к нему с вопросом, а он всегда был готов дать им совет и помочь в решении их личных проблем.

* * *

Прибыв в Бомбей, Тамала Кришна Госвами, Шьямасундара и Карандхара узнали от Гирираджи, что положение еще ухудшилось. Увидев в газете заметку о том, что ИСККОН заключил договор на владение землей в Джуху, господин Н. пришел в ярость. Даже когда Гирираджа пришел к нему со смиренно сложенными руками и пал ему в ноги, он не успокоился. Под предлогом того, что преданные не получили документа о выкупе земли в шестимесячный срок, он отказался от всех своих обещаний и аннулировал все договоры о купле-продаже. Он заявил, что два лакха рупий, которые он получил от преданных, теперь принадлежат ему, и что преданные должны немедленно освободить землю.

По приказу г-на Н. в «Харе-Кришна-Лэнде» перекрыли воду. Через несколько дней у входа на территорию «Лэнда» появился хулиган, который размахивал длинным ножом всякий раз, когда мимо проходили преданные. Друг господина Н. напечатал листовку о скандальном поведении американских преданных «Харе Кришна», которая распространялась на соседней железнодорожной станции Виль-Парле. Некоторые преданные уже покинули Джуху, а другие собирались уехать, но все же около тридцати человек еще оставались в Бомбее.

Прежде всего Карандхара предложил найти нового адвоката. Он поехал к лучшим юристам Бомбея и нанял специалиста по земельным сделкам и передаче имущества. Затем старшие ученики Прабхупады и их адвокат встретились с господином Н. в его офисе. Господин Н. ни в чем не хотел идти навстречу, поэтому адвокату пришлось применить угрозы. Битва в суде была неизбежна.

По мере того, как Тамала-Кришна Госвами, Карандхара, Бхавананда и Шьямасундара обсуждали проект Джуху, он казался им все более и более неосуществимым. Даже без вероломства господина Н. жить в Джуху было очень тяжело. Преданные с Божествами жили в невыносимых условиях. Крыша протекала, цементный пол крошился. Территория преданных кишела крысами, мухами, тараканами, бездомными собаками и комарами, а иногда в лагерь наведывались и ядовитые змеи. Преданные постоянно болели тропическими болезнями, особенно малярией и желтухой.

Поэтому они колебались, даже несмотря на то что новый адвокат ИСККОН уже был готов передать дело в суд. Господин Н. заявил, что преданные — а не он — преступники, и их присутствие на его земле незаконно, поскольку они не получили разрешения от председателя благотворительной комиссии. Он пригрозил, что предъявит ИСККОНу иск за причиненный ущерб. Казалось, еще один шаг, — и он применит силовые меры. Учитывая все это, лидеры, которым Прабхупада поручил уладить сложное дело в Джуху, решили, что ИСККОНу лучше освободить территорию. Они вместе составили письмо и отправили во Вриндаван Шьямасундару, чтобы тот лично передал его Шриле Прабхупаде.

Шрила Прабхупада сидел в своей комнате в храме Радха-Дамодара. Прочитав письмо из Бомбея, он отложил его в сторону и вышел в открытый двор. День близился к концу, пели птицы, преданные сидели на полу на хлопковой циновке «дхарри» в ожидании лекции. Прабхупада сел на простое возвышение и запел «Джайя Радха-Мадхава».

Прадьюмна читал вслух, а Прабхупада останавливал его там, где считал нужным, и давал свое объяснение. Он говорил о том особом благе, которое приносит проживание во Вриндаване, и предупреждал, что не стоит приезжать в Дхаму, чтобы зарабатывать деньги или совершать оскорбления. Однако, если оскорбление совершает житель Вриндавана, то он не лишается благ проживания в Дхаме при условии, что «никогда не покинет пыли Вриндавана».

Спустилась ночь, Прабхупада продолжал читать лекцию при тусклом свете электрических лампочек. Время от времени входили и выходили паломники, с интересом наблюдая, как «Свамиджи» читает лекцию на английском своим западным ученикам.

После ответов на вопросы Прабхупада вернулся в свою комнату, беседуя по пути с владельцем храма Гаурачандом Госвами. Несколько преданных задержались в комнате Прабхупады, а сквозь ставни окон с любопытством заглядывали многочисленные индусы, чего никогда не случалось раньше, до того как жилец этих комнат, Бхактиведанта Свами, уехал в Америку.

Наконец, оставшись один, Прабхупада задумался о Бомбее. Он переживал все происходящее за сотни миль так, словно события разворачивались прямо здесь, во Вриндаване. Достав копию договора, подписанного им и господином Н., Прабхупада позвал своего секретаря и начал диктовать письмо своим старшим ученикам в Бомбее.

Он начал свое письмо, словно юрист, пункт за пунктом логично отвечая на вопросы. Одной из причин, побуждавших учеников отказаться от земли, было то, что член благотворительного

комитета не дал им разрешения. На это Прабхупада ответил, что они в таком случае должны попытаться вернуть деньги и оставить землю. Однако их первый довод не показался ему достаточно веским, поскольку благотворительная комиссия не отказывается выдать разрешение, а просто задерживает его. Хотя господин Н. упоминал о шестимесячном сроке на получение разрешения от члена комиссии, Прабхупада указал, что пункта о временных рамках не было в оригинале их договора.

Другой довод учеников в пользу их отказа от земли состоял в том, что, по словам господина Н., преданным не удалось получить документ о передаче имущества в шестимесячный срок, как говорилось в изначальном договоре о купле-продаже. Прабхупада ответил, что согласно договору, «право аннулировать договор остается за покупателем, а не за продавцом». Но главный довод состоит в том, что господин Н. в шестимесячный срок получил от нас чек на сумму сто тысяч рупий в качестве задатка, поэтому договор купли-продажи был соблюден.

...мы считаем, что договор о передаче имущества был г-ном Н. выполнен, и не хотим его аннулировать, но мы немедленно прекращаем сделку. Хватит. Он пытается обманом избежать этого. Он надавил на вас, и вы немного испугались. Он одурачил вас, и вы подумали, что его положение в суде гораздо выгоднее вашего, и что вам придется отдать ему деньги. Но это обман. Никаких денег он больше не получит. Больше не платите ему. Прежде всего подайте на него в суд... Нам нечего бояться. Наша позиция очень и очень прочна.

И даже если господин Н. угрожает расправой, то это тоже не причина для отступления. Преданные находятся на участке по своему законному праву и должны прибегнуть к помощи полиции.

Поэтому мне кажется, что вы, ребята, слишком робки, чтобы хорошо вести такие дела. Можете делать все, что хотите. Нужно немедленно возбудить против него уголовное дело, а вы не делаете этого, так как он дурачит вас. Он сотрясает воздух и угрожает вам, а вы по своей глупости верите ему и пляшете под его дудку. Но я не собираюсь этого делать.

В конечном итоге Прабхупада посоветовал преданным обратиться к судье и сказать: «Мы передали господину Н. деньги, а он теперь угрожает нам физической расправой, чтобы согнать нас». Преданные не должны бояться.

Прабхупада приехал во Вриндаван не только для того, чтобы давать лекции, — он хотел начать строительство нового храма. И даже вести из Бомбея не отвлекли его от этого. Он попросил преданных каждый день проводить шествия с санкиртаной от храма Радхи-Дамодары до участка земли в Рамана-рети, который принадлежал преданным. Прабхупада и сам время от времени выезжал на это место, где по-прежнему было только несколько соломенных хижин, проволоочная ограда и небольшой запас строительных материалов. Субала, который отвечал за строительство, работал медленно и неохотно, поэтому Прабхупада отозвал Тамала-Кришну Госвами из Бомбея, чтобы возложить ответственность за вриндаванский проект на него.

Ранним утром Субала выехал из Рамана-рети, где он жил, и, найдя Прабхупаду на крыше храма Радха-Дамодара, сказал ему:

– Прабхупада, мне очень тяжело. У меня нет времени читать книги, я не могу как следует повторять свои круги, я не могу помнить о Кришне. Я только и думаю, что о подрядчике, который нас обманывает да о чеках за работу и за строительные материалы. Это просто невыносимо. Все эти мысли мешают мне помнить о Кришне.

– А ты думаешь, Арджуна на поле битвы Курукшетра просто медитировал на Кришну? — ответил Прабхупада. — Ты думаешь, Арджуна сидел в йогическом трансе, а Кришну оставил сражаться вместо себя? Нет, он воевал. Он убивал во имя Кришны. Как Арджуна думал обо всех этих воинах, которых ему предстояло убить по воле Кришны, так же и думать о чековой книжке, о рабочих, о подрядчиках — все это служение Кришне. Ты не должен беспокоиться, что у тебя нет возможности думать о Кришне напрямую. Арджуна не сидел перед Кришной в трансе, медитируя на Его образ. Он служил Кришне. И то, что ты делаешь — тоже служение Кришне. Твоя жизнь наполнена служением Кришне, это очень хорошо.

Но Субала все же не был удовлетворен. Он жаловался, что другие преданные с ним не сотрудничают. Он хотел удалиться в уединенное место во Вриндаване, чтобы посвятить остаток жизни джапе, перспектива отдаться проповеди в ИСККОН его не привлекала.

– Что значит «никто не слушает»? — спросил Шрила Прабхупада. — Ты думаешь, проблема в них? Нет, проблема в тебе, — Прабхупада повысил голос. — Не думай, что если твою проповедь никто не слушает, то ты должен уходить, хлопая дверями, и прятаться за джапу. Нет, наша

традиция не такова. Чтобы люди слушали нас, мы должны обладать соответствующей квалификацией. Ты знаешь историю о господине Бичеме?

Субала покачал головой.

– Никто не покупал его лекарство, – продолжал Прабхупада, – и это очень беспокоило его. Но он все равно старался, и однажды один посетитель его магазина спросил, нет ли у него порошка Бичема; Бичем так разволновался от того, что наконец хоть кто-то попросил его лекарство, что от волнения умер. Подобным образом, лучше потратить всю свою жизнь и умереть ради того, чтобы сделать сознающим Кришну хотя бы одного человека. Наш метод – достичь такой же степени погруженности в проповедь Сознания Кришны, будь то во Вриндаване или в любом другом месте. Мы должны спасти всех этих асуров, не позволив им разрушить мир.

Подчеркивая важность активного служения и практических результатов, Шрила Прабхупада в точности следовал учению и примеру своего духовного учителя. Бхактисиддхантасарасвати говорил, что джапа в уединенном месте без проповеди – обман. Преданное служение подразумевает практическую деятельность для Кришны. Простой и практичный метод контроля чувств – это занять их полностью в служении Кришне. Прабхупада сказал Субале, что активное служение – это высшая йога; об этом он неоднократно писал в своих книгах.

В недавно опубликованной Второй песни «Шримад-Бхагаватам» он написал:

Здесь ясно сказано, что днем обитатели Вриндавана работали, не покладая рук, поэтому ночью, после тяжелого трудового дня они крепко спали. А потому у них практически не было времени на медитацию или на другую духовную деятельность. Но на самом деле все, что они делали, было в высшей степени духовно, ибо было связано с Господом Шри Кришной. Кришна был центром их деятельности, и поэтому их так называемые житейские дела в материальном мире были насыщены духовной энергией. Таково преимущество метода бхакти-йоги. Следует исполнять свои обязанности ради Господа Кришны – тогда все наши поступки будут наполнены мыслями о Кришне – высшим проявлением транс духовного самоосознания.

Прабхупада, насколько это было в его силах, старался занять каждого ученика таким служением, которое не противоречило бы психофизическим особенностям его натуры. Но что-то делать для Кришны должен был каждый. Поскольку Прабхупада хотел построить во Вриндаване храм, любой, кто вызвался помочь ему в этом, – неважно, был он обучен или нет, обладал ли склонностью к строительству или нет – становился очень дорог ему и Господу Кришне.

Когда семейная пара, Гуру-дас и Ямуна, согласились остаться во Вриндаване, чтобы помочь своему духовному учителю построить храм, тот поблагодарил их и рассказал о своем замысле:

– Если вы сможете построить для меня во Вриндаване хороший храм, я буду вечно вам благодарен. Мы – всемирное Движение Кришны, и если во Вриндаване у нас нет хорошего храма, то какой тогда от нас толк? Вриндаван – это земля Кришны, и в будущем многие наши ученики будут приезжать туда вместе с туристами и другими нашими благожелателями. Мы должны предоставить им достойное место... Я знаю, что у вас нет опыта руководства строительными работами, и не думаю, что такая работа придется вам по вкусу, но поскольку вы искренне преданы Кришне, Он даст вам нужные силы и разум для выполнения этой задачи. Это именно то, чего мы хотим – продвижение в сознании Кришны.

В конце месяца Карттика, ко времени отъезда Прабхупады и большинства его учеников из Вриндавана, отношения между его учениками и местными жителями наладились. Ежедневная санкиртана, которую устраивали преданные в Рамана-рети, а также сам Прабхупада произвели на бриджабаси немалое впечатление. Хотя Прабхупада и жалел о потраченном времени – ведь с того момента, когда г-н С. предложил им землю, прошел целый год – он был полон надежд.

Проекты ИСККОН развивались по всему миру, и в каждом отдельном случае – ценой больших усилий. Единственным источником средств для преданных была продажа книг; небольшой доход приносила также фабрика благовоний «Духовное небо». Архитектурного плана храма во Вриндаване у Прабхупады еще не было, но он решительно настроился собрать все необходимые материалы и средства при помощи своего книжного фонда и преданных. Однажды он пришел на строительную площадку и попросил одного из учеников замешать немного цемента. Своей рукой он произвел первую закладку бетона в фундамент.

* * *

Хайдарабад
11 ноября 1972 года

Прабхупада приехал в Хайдарабад, на программу в пандале. Его лекции пользовались огромным успехом, и, где бы он ни показывался – садился ли в машину или выходил из нее – тут же его окружали люди, желающие коснуться его стоп. Хайдарабад сжигала засуха, но через несколько дней после приезда Прабхупады начались дожди. Одна газета предположила, что засуха кончилась благодаря энергичному харинама-киртану Шрилы Прабхупады и его учеников, и Прабхупада с этим согласился.

В Хайдарабаде состоялась его встреча с г-ном Н., который приехал туда из Бомбея. Шьямасундара, по-прежнему поддерживающий с г-ном Н. теплые отношения, из-за нежных чувств, которые тот питал к его трехлетней дочери, Сарасвати, пошел к нему и убедил поговорить с Прабхупадой. Г-н Н. согласился, однако, в страхе, что Прабхупада воспользуется мистической силой и заставит его поступить вопреки собственной воле, привел с собой своего гуру, надеясь, что тот нейтрализует духовную силу Прабхупады.

Все трое – Г-н Н., его гуру и Шьямасундара – прибыли в дом Панилала Притхи, где остановился Прабхупада. Встреча проходила в непринужденной обстановке: Прабхупада беседовал со своими гостями за прасадом. В какой-то момент он вдруг зевнул, и гуру г-на Н. сказал:

– О, Свами, вы, должно быть, утомились. Нам не следует вас сейчас беспокоить. Отдохните, а поговорить мы можем и позже.

– О, да, – согласился Прабхупада, – я очень устал.

С его позволения г-н Н. и его гуру вышли в соседнюю комнату.

Через несколько минут Прабхупада позвал к себе в комнату Тамала-Кришну Госвами.

– Когда кто-то спрашивает, не устал ли ты, – сказал он ученику, – значит, устал он сам. Если заглянешь в соседнюю комнату, то увидишь, что они спят.

Он попросил Тамала-Кришну осторожно разбудить г-на Н. – так, чтобы не потревожить его гуру – и привести к нему.

Войдя на цыпочках в комнату, Тамала-Кришна и впрямь увидел, что и г-н Н. и его гуру спят на кушетках. Он подошел к г-ну Н., коснулся его руки и шепотом произнес:

– Г-н Н., г-н Н., проснитесь. Прабхупада хочет поговорить с вами. Поторопитесь!

Г-н Н. очнулся и, даже не вспомнив про своего друга-гуру, покорно пришел в комнату Прабхупады.

Два часа Прабхупада разговаривал с г-ном Н., и к концу их беседы был составлен новый договор купли-продажи. Пока Прабхупада с г-ном Н. обсуждали последние юридические формальности, Тамала-Кришна и Шьямасундара в другой комнате составляли и печатали документы. Под громкий храп своего гуру г-н Н. подписал договор.

Позднее в тот же день Тамала-Кришна признался Шриле Прабхупаде:

– Я настолько взбудоражен всем этим, что даже не могу как следует повторять свои круги.

– Ничего удивительного, – ответил Прабхупада. – Иногда и со мной такое бывает, когда я взволнован.

– Но, несмотря на все это, я чувствую, что духовно расту, – сказал Тамала-Кришна.

Прабхупада кивнул.

– Раньше я думал, как бы избежать трудностей, – продолжил Тамала-Кришна. – Но сейчас я понимаю, что не должен бояться.

– Да, – сказал Прабхупада, – мы должны приветствовать трудности. Они дают нам возможность духовно расти.

Днем Шьямасундара и Тамала-Кришна Госвами вместе с г-ном Н. вылетели обратно в Бомбей. Согласно новым условиям договора, ИСККОН должен был уплатить г-ну Н. пять лакхов рупий в счет правительственного налога, а г-н Н., в свою очередь, должен был оформить документ о передаче собственности. Однако новые условия были ограничены временем – тремя неделями – поэтому преданным нужно было работать в ускоренном режиме. Прабхупада вскоре сам собирался приехать в Бомбей, чтобы подвести, наконец, окончательную черту под этим вопросом.

* * *

Бомбей
25 ноября 1972 года

Прабхупада приехал в Бомбей в надежде закончить дела по передаче земли, но г-н Н. по-прежнему задерживал сделку, несмотря на новый договор. Было очевидно, что это выжидание – часть его замысла против ИСККОН. Шрила Прабхупада прождал в Бомбее много дней, и, в конце концов, выехал в Ахмедабад, чтобы принять участие в публичной программе в пандале. Он наказал ученикам получить документ о праве собственности на новых условиях или, в противном случае, забрать внесенный задаток в два лакха рупий.

Однако, пока Шрила Прабхупада отсутствовал, Шьямасундара, Тамала-Кришна Госвами и остальные начали говорить между собой, что даже если им и удастся завладеть участком в Джуху, развивать там «Харе-Кришна-Лэнд» по замыслу Прабхупады будет практически невозможно.

– Даже если мы получим землю, – рассуждал Шьямасундара, – как мы сможем построить в этих джунглях большой храм и гостиницу? Это просто утопия!

А их духовный учитель тем временем, находясь в Ахмедабаде, продолжал сражаться за бомбейский проект. Он попросил приехать в Ахмедабад г-на Н. и г-на Д., чтобы уладить все вопросы, но те отказались.

В Бомбее же преданные узнали, что если они захотят вернуть задаток, а также сумму их взноса в счет частичной оплаты налога на прибыль (пяти лакхов), новый договор придется расторгнуть. Они были в замешательстве, а время истекало.

Однажды утром из Бомбея в Ахмедабад прибыла одна из учениц Прабхупады, Вишакха-деви-даси. Прабхупада вызвал ее и попросил немедленно вернуться в Бомбей с поручением. Обеспокоенный тем, как бы его старшие ученики в Бомбее не приняли ошибочное решение отказаться от земли, Прабхупада попросил Вишакху передать им, чтобы те ни при каких обстоятельствах не расторгли договор с г-ном Н.

– На самом деле, – сказал он, – это не женское дело, но все остальные здесь либо заняты организацией пандала, либо совсем еще новички, чтобы браться за такую задачу.

Вишакха села на ближайший поезд и на следующее утро уже была в Бомбее. Но то, чего так боялся Прабхупада, уже произошло: договор купли-продажи расторгли. Они были уверены, что покупать эту землю будет ошибкой, и юристы поддержали их в этом, сказав, что если преданные хотят вернуть деньги, то должны немедленно расторгнуть договор. Каково же было смутение преданных, когда они узнали о решении Прабхупады! Теперь у них не было ни законного положения, ни прав на землю. Но самое главное, им не удалось исполнить волю духовного учителя! Гирираджа позвонил Прабхупаде в Ахмедабад, чтобы рассказать о случившемся.

– Бхактиведанта Свами у телефона, – поднял трубку Прабхупада.

Гирирадж стал говорить, что из Ахмедабада приехала с поручением преданная.

– Да, да, – торопил его Прабхупада, – и в чем дело?

В конце концов, Гирирадж все-таки выдавил из себя, что договор купли-продажи аннулирован... Прабхупада молчал. Затем голосом, выражающим одновременно и гнев, и покорность, он произнес:

– Тогда все пропало.

«Я буду последним, кто отдаст «Харе Кришна Лэнд» этому мошеннику г-ну Н.», – писал Прабхупада одному из свободных членов перед самым своим отъездом из Ахмедабада в Бомбей. Прабхупада сразу же задумался, как исправить ошибку учеников. Деньги еще не перечислены, поэтому, возможно, еще не все потеряно.

Г-н Н. не в состоянии был понять, почему Прабхупада так решительно сражается за этот участок в Джуху. Нельзя сказать, что Прабхупада скрывал свои мотивы, но только преданный может понять мысли и поступки другого преданного. Г-н Н. относился к Прабхупаде так же, как к компании К. Он обманул компанию К., и теперь собирался обмануть ИСККОН. Он мог предполагать только, что Прабхупада и ученики его движимы тем же мотивом, что и он сам; он же понимал только один мотив – обогащение.

На самом деле, даже ученикам Прабхупады было трудно понять причину неуклонной решимости своего духовного учителя. Проповедь сознания Кришны в Бомбее – таков был его главный мотив. Шрила Прабхупада говорил:

– Мой Гуру Махараджа наказал мне проповедовать сознание Кришны на Западе, и я сделал это. Теперь я хочу проповедовать в Индии.

Бомбей был самым важным городом – воротами Индии. И здесь, в Бомбее, Кришна, так или иначе, привел Прабхупаду на эту землю, где он начал проповедовать и куда пригласил Божества

Радхи и Кришны. По мнению Прабхупады, земля эта подходила для воплощения его замысла – большого величественного храма и международной гостиницы.

Бомбей был важным городом, и здесь должны проводиться крупные фестивали, грандиозное храмовое поклонение, массовая раздача прасада и разнообразные программы о ведической культуре. Участок в Джуху идеально подходил для школы, театра, библиотеки, жилых помещений – одним словом, для городка «Харе Кришна». Так как же Прабхупада мог отступить, отдав это все жулику, который пытался обмануть его? Прабхупада говорил, что у сознания Кришны всегда найдутся противники, но это не значит, что преданные должны сдаваться. Проповедник должен быть терпелив, а порой, когда исчерпаны все остальные средства, а на карту поставлены интересы Кришны, он должен сражаться.

Еще одной причиной, почему Прабхупада не хотел отказываться от этого участка земли, было его обещание Божествам Радха-Расавихари. Он пригласил сюда Кришну, он молился:

– Дорогой Господь, пожалуйста, останься здесь, и я построю для Тебя прекрасный храм.

Когда Прабхупада был в отъезде, и один преданный из Бомбея написал ему, что о Божествах не заботятся, Прабхупада в ответном письме потребовал исправить это «безобразие». Божество Кришны – не каменная статуя, но Сам Кришна, который отвечает Своему искреннему преданному взаимностью.

Итак, если очевидной и внешней причиной решимости Прабхупады сохранить «Харе-Кришна-Лэнд» было его желание использовать эту землю для миссионерской деятельности, то внутренняя причина заключалась в его личном обязательстве перед Их Светлостями Шри Шри Радха-Расавихари. Разумеется, для г-на Н. и его сообщников все это оставалось за пределами понимания, и более того – даже ученики Прабхупады не могли понять этого до конца. Прабхупада пригласил Радху и Кришну в спартанские условия, но обещал Им, что в будущем сотворит для Них чудо. Радха и Кришна ответили на его просьбу, Они терпеливо ждали, раздавая вечные благословения Своим преданным, пока Прабхупада сражался за исполнение этого обещания.

Пятьсот лет назад у каждого из шести Госвами Вриндавана было свое Божество, для которого каждый из них возвел прекрасный храм. Но Прабхупада имел благословение установить множество Божеств и поддерживать служение Им. В штаб-квартире на Западе это были роскошные Рукмини-Дваракадхиша, в Нью-Йорке – Радха-Говинда, в Далласе – огромные Радха-Калачандаджи, в автобусе с Киртананандой Свами и Вишнуджаной Свами путешествовали по Америке Радха-Дамодара, Лондон был благословлен Радха-Лондон-ишварой, Майяпур – Радха-Мадхавой, а Австралия – Радха-Гопинатхой. Все это были Божества Прабхупады, принимавшие его поклонение, формы арча Радхи и Кришны, явившиеся по просьбе Своего чистого преданного, чтобы облагодетельствовать начинающих преданных в городах всего мира.

Шрила Прабхупада устанавливал множество Божеств, и это был один из его главных подвигов. В какой бы храм он ни приехал, всегда он почтительно вставал перед Божествами, получая Их благословения, а потом простирался перед Ними в поклоне.

– Будьте смиренны, – наставлял он преданных. – Всегда помните, что вы имеете дело с Кришной.

А порой он не мог скрыть в себе признаки восторженной любви к Божествам. Он поклонялся всем Им через своих представителей, своих многочисленных учеников, но в случае с Радха-Расавихари он участвовал в поклонении более непосредственно. Взяв управление Движением в Индии под свою ответственность, он считал себя обязанным лично позаботиться об Этих Божествах.

Прабхупада бился за землю с таким самозабвенным рвением, что иногда казалось, будто он сражается ради сражения. Порой он даже сравнивал г-на Н. с демоном Камсой из «Шримад-Бхагаватам», который предпринимал неоднократные попытки убить Кришну. Как Камса посылал множество подчиненных ему демонов расправиться с Кришной, так же и г-н Н. прибегал к услугам своих демонических представителей: юристов, друзей и просто хулиганов. Уничтожая демонов, Кришна являл Свои игры, лилы, – и наслаждался ими. А Прабхупада, верный слуга Кришны, всецело был поглощен этой борьбой. Он всегда оставался начеку, сохраняя боевой дух, и, когда г-н Н. обманул, а точнее, напугал преданных, заставив их отступить, Прабхупада ничуть не поддался его угрозам. Он тут же ринулся в бой – ведь вызов был брошен Кришне и Его миссии.

Никогда еще Прабхупада не подвергался таким угрозам и не встречал такого активного сопротивления. В Дели, когда он продавал свои журналы «Обратно к Богу», ему часто приходилось выслушивать грубости, а в Америке его игнорировали и порой перебивали, не давая

говорить. Но до сих пор пока еще никто не предпринимал серьезных попыток остановить его проповедь. Однако здесь нашелся демон, который активно пытался обмануть его, остановить проповедь, разогнать преданных и вывезти Божества. Прабхупада вынужден был сражаться, и те ученики, кто понимал его, должны были присоединиться к нему в этой борьбе.

Прабхупада был для бомбейских Божеств и ИСККОН покровителем и опекуном. Как он писал в «Нектаре преданности», многие великие преданные состоят в вечных отношениях с Кришной, действуя как Его защитники. Когда, будучи еще ребенком, Кришна сражался со змеем Калией, родителей Кришны охватило трансцендентное беспокойство. Они видели, что их ребенок оказался в кольцах змея и, опасаясь за жизнь Кришны, хотели защитить Его. Вечные мать и отец Кришны всегда боятся, что Кришна может повстречаться с опасностью, и когда это происходит, их естественное беспокойство стократ усиливается. Это проявление самой сильной любви к Кришне. Шрила Прабхупада тоже пребывал в настроении защитника Радха-Расавихари и своего Движения сознания Кришны.

Прабхупада прекрасно знал, что Кришна является верховным защитником, и никто не может помешать Его воле, но, испытывая естественное желание распространять славу Кришны, он боялся, что демон, г-н Н., причинит Кришне вред.

Желание Прабхупады защищать и его беспокойство распространялось и на его учеников. Хотя с глазу на глаз он часто отчитывал и поправлял их, повинаясь чувству долга, при посторонних он защищал и прославлял своих учеников. Когда д-р Патель, врач из Бомбея, начал критиковать преданных за то, что те не борются с комарами, Прабхупада сказал, что его ученики – освобожденные души и не отождествляют себя с телом, поэтому такие мелочи их не беспокоят.

Прабхупада видел в своих учениках родных детей, неискушенных в жизни; они не знали, как вести себя с мошенниками и могли легко поддаться на обман. Но если сын наивен, то отец должен быть проницательным и способным защитить свою семью. Как покровитель преданных и миссии Кришны, Прабхупада хотел создать для своих учеников хорошие жилищные условия, чтобы они могли служить Кришне с удобством и даже не без роскоши. Тому же учил и духовный учитель Прабхупады, Бхактисиддханта Сарасвати, когда говорил, что проповедники сознания Кришны должны иметь все самое лучшее, поскольку они совершают лучшее служение для Кришны. Поэтому и стремился с такой решимостью Прабхупада построить городок «Харе Кришна» в Бомбее. Он не намерен был становиться отшельником, не носящим одежд, которому все безразлично в этом мире. Он чувствовал ответственность за тысячи своих учеников, а потому брал на себя столько беспокойств.

Г-н Н. не знал, какие мотивы движут Шрилой Прабхупадой. Не мог он представить себе и всех последствий брошенного им Кришне и Его чистому преданному вызова, несмотря на то, что самые известные произведения индийской классики – «Бхагавад-гита», «Шримад-Бхагаватам», «Рамаяна» – описывают, насколько это опасно. Прабхупада сражался на стороне Кришны; поэтому г-н Н. противостоял Самой Верховной Личности Бога.

Расторгнув договор, ученики Прабхупады ослабили юридическое положение ИСККОН. Но Прабхупада верил, что если преданные просто останутся на участке, то сохранят сильную позицию. В то же время он наказал ученикам усилить проповедь. Преданные не должны думать, что не смогут проповедовать без храма, поэтому по его просьбе был проведен еще один большой фестиваль в пандале в центре Бомбея. Успех был огромен: каждый вечер в пандале собиралось по двадцать тысяч человек.

Со вступительными речами выступали такие важные гости как г-н Р.К. Ганатра, мэр Бомбея. Преданные принимали в мероприятии самое активное участие: они организовывали все от начала до конца, устраивали рекламу, готовили и раздавали прасад, распространяли книги Шрилы Прабхупады и проповедовали в палатке вопросов и ответов. Фестиваль в пандале был нужен для того, чтобы вывести преданных из хандры, возникшей из-за затянувшейся тяжбы и суровых условий жизни в Джуху.

В последнюю неделю января 1973 года Прабхупада встретился с г-ном Н. в доме г-на Махадеви. Хотя адвокаты Прабхупады возбудили против г-на Н. уголовное дело, Прабхупада хотел попытаться решить вопрос без суда. Он всегда был любезен и учтив с г-ном Н., и тот, казалось, отвечал ему тем же. Но на этот раз все было по-другому. Не было ни улыбок, ни дружеских слов. Диалог носил сугубо официальный характер. По прошествии нескольких минут Прабхупада попросил своих учеников выйти из комнаты.

Говоря на хинди, г-н Н. начал обвинять Прабхупаду и преданных в связях с ЦРУ.

– Я приду в понедельник, – отрезал он, – с чеком на два лакха вашего задатка.

– Хорошо, – ответил Прабхупада. – Если вы не хотите расставаться со своей землей, мы освободим ее. Но хорошенько подумайте, прежде чем решиться на это.

– Вы смеете называть себя хозяевами земли, – продолжал свои обвинения г-н Н., – но вы – просто головная боль для всего района. Вы встаете в четыре утра и так далее...

– Мы не объявляем себя хозяевами, – ответил Прабхупада. – Настоящий хозяин – Кришна, а не я. Кришна уже находится на Своей земле. Почему вы так беспокоите нас? Просто берите деньги и отдайте нам землю. Или, если хотите, чтобы мы съехали, то подготовьте чек.

До сих пор Прабхупада сдерживал себя, но сейчас он рассердился по-настоящему.

– Несите свой чек, и завтра же утром мы освободим участок! Нет, мы съедем сегодня же! Верните наши деньги. У вас есть деньги?

– Я собственноручно уберу Божества! Я снесу ваш храм и выкину Божества! – прокричал г-н Н. и бросился вон из комнаты.

На той же неделе г-на Н. увезли в больницу с тяжелым сердечным приступом. Через две недели он умер. Услышав о смерти г-на Н., Прабхупада помолчал, а затем процитировал стих, который Прахлада Махараджа произнес сразу после смерти своего отца-демона, Хираньякашипу: модета садхур апи вришчика-сарпа-хатъя. «Даже святой радуется, когда убивают змею или скорпиона».

Г-жа Н., хоть и не столь искушенная в юридических вопросах, продолжила сражение, а ее адвокаты, предвкушая большие гонорары, с еще большим пылом добивались изгнания ИСККОН с территории. В апреле 1973 года ИСККОН подал иск в Верховный суд. Шел месяц за месяцем, но решение так и не было принято.

Прабхупада не решался начать на участке строительство, поскольку не имел ни документа о праве собственности, ни гарантии, что получит его. Он успел совершить путешествие на Запад, вернуться в Индию, однако вопрос с землей все еще не был решен. Теперь ИСККОН в Бомбее жил спокойно, однако развитие приостановилось, и никто не знал, чем все это дело закончится.

Но однажды г-жа Н., никого не предупредив, перешла в яростное наступление. Утром первого июня, когда преданные занимались своими повседневными делами, на участок в Джуху приехал грузовик с бригадой рабочих, которые готовились разрушить храм. Каким-то образом г-же Н. удалось убедить власти города выдать ей разрешение на снос храма – скромной постройки из кирпича и железобетона. Гирираджа пытался показать ответственному служащему бумагу, подтверждающую права ИСККОН, но чиновник не захотел ничего слушать и отдал команду сносить храм. Вскоре прибыло еще несколько грузовиков, и рабочие, числом около ста, вооружившись сварочными аппаратами и кувалдами, принялись за работу.

Одни забрались по лестницам на крышу храма и стали крушить ее кувалдами, другие при помощи сварочных аппаратов резали стальные опоры. Согласно плану, бригада должна была одну за одной повалить стальные опоры зала для киртанов, постепенно продвигаясь к комнате Божеств, где находились Радха и Расавихари. Преданные пытались остановить вандализм, но вскоре на место прибыли полицейские и, работая парами, стали хватать протестующих за руки и за ноги и уносить прочь. На глазах у местных жителей полицейские тащили за волосы женщин. Кто-то радовался, другие смотрели с сочувствием. Однако, страшаясь полиции, никто не решался вступиться за преданных.

Один преданный, Манишви, побежал к телефону и позвонил г-ну Махадеви, и тот вместе со своим другом, г-ном Винодой Гуптой, поспешил в «Харе Кришна Лэнд», где стал свидетелем того, как полиция оттаскивает за волосы последнюю преданную. Она пыталась закрыть двери алтаря, чтобы защитить Божества, но трое полицейских скрутили ее. Г-н Махадевья бросился в дом сочувствующего жильца, г-на Ачарьи, и позвонил своему брату Чандре Махадеви, состоятельному предпринимателю и другу Бала Тхакура, лидера одной из самых влиятельных политических партий Бомбея.

Г-н Чандра Махадевия сообщил Балу Тхакуру о чрезвычайной ситуации: при подстрекательстве индуски и по приказу муниципального чиновника, также индуса, сносится храм Господа Вишну. Г-н Тхакур в свою очередь позвонил управляющему муниципалитетом, который, признавшись, что не слышал ни о каком распоряжении разрушить храм, связался с местным административным ведомством, пославшим наряд разрушителей. Ведомство отправило своего представителя остановить произвол. Служащий прибыл около двух часов дня, как раз в то время,

когда наряд резал последний столб и пытался снести крышу над Божествами. Представитель передал ответственному приказ остановить снос, и тот объявил бригаде отбой.

Во время нападения Прабхупада был в Калькутте, и когда преданные дозвонились до него, он попросил их собрать местных сторонников и свободных членов ИСККОН и публично огласить свой протест. Также необходимо призвать к ответу ответственных за вандализм. Этот случай только поможет им в борьбе с г-жой Н. и ее сторонниками!

Прабхупада назвал нескольких свободных членов, которые, по его мнению, согласятся помочь. Г-н Сада Дживатлал, руководитель «Хинду-вишва-паришад», должен помочь им сделать это событие достоянием гласности, поскольку его организация была призвана защищать индуистскую дхарму и разрешать подобные проблемы. Г-н Сетхи должен помочь предотвратить дальнейшее насилие. Это происшествие, сказал Прабхупада, – часть плана Кришны; преданным нечего бояться.

На следующее утро на обложке журнала «Свободная пресса» появилась фотография разрушенного храма с заголовком: «НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ХРАМ РАЗРУШЕН МУНИЦИПАЛИТЕТОМ»

Преданные начали отвечать на очерняющие их публичные заявления. Г-н Сада Дживатлал превратил свою контору в центре города в штаб ИСККОН; объединив усилия, они с преданными развернули широкую кампанию. Несмотря на враждебную пропаганду, многие индийцы были возмущены насилием, а муниципальные власти единодушно осудили чиновников, ответственных за нападение на индуистский храм. С шести утра до девяти вечера преданные обзванивали газеты, писали письма и объявления и связывались с потенциальными доброжелателями.

Г-н Винода Гупта, член политической партии «Джан-Сангх», выступавшей за сохранение индуистской культуры Индии, в содружестве с Картикеей Махадевией и другими, учредили комитет «Спасите храм». Г-н Гупта напечатал свою листовку, объявляющую ИСККОН истинно индуистской организацией. Гирираджа встретился с государственными чиновниками и заручился их поддержкой, а многие почетные горожане, признавая подлинность Движения «Харе Кришна», начали выражать симпатию и предлагать свою помощь.

Так план г-жи Н. и ее адвокатов обернулся против них самих. Они думали, что имеют дело с горсткой молодых иностранцев, но вскоре обнаружили, что сражаются против самых влиятельных граждан Бомбея.

Шрила Прабхупада предсказывал, что исход будет положительным. Через несколько дней после происшествия он написал:

Разрушение муниципалитетом нашего храма лишь укрепило нашу позицию. Постоянный комитет муниципалитета осудил необдуманные действия местных властей и согласился восстановить навес за свой счет. Мало того, временная постройка будет стоять на участке, пока суд не примет решение относительно того, кто является владельцем земли. При данных обстоятельствах мы должны немедленно восстановить навес над Божествами. Свободный участок нужно сейчас же обнести изгородью из колючей проволоки. И, если возможно, следует сразу же возвести перед Божествами временный пандал из наших материалов. Если это будет сделано, я приеду в Бомбей и начну «Бхагават-параюну» вплоть до решения суда. Таково мое желание.

Кроме того, Прабхупада попросил Гирираджа во всех подробностях осветить для свободных членов ситуацию с разрушением храма в его ежемесячном бюллетене «Харе Кришна». Прабхупада сам написал для бюллетеня статью, рассказывая о своем Движении и событиях, приведших к нападению на храм. Он осудил бомбейский муниципалитет, «дерзнувший разрушить наш храм вопреки закону и религиозным принципам». Он сообщал, что бомбейская клика сговорила согнать преданных с принадлежавшей им земли, не возвращая им денег, и попросил благожелателей и свободных членов Движения сознания Кришны протянуть ему руку помощи в этот трудный час. Однако на призыв его откликнулись лишь с десятков свободных членов ИСККОН.

В Бомбее было несколько сот свободных членов, которые пожертвовали 1111 рупий и теперь получали книги Прабхупады; когда же потребовалось личное участие в разрешении конфликта, лишь единицы выразили желание помочь. Однако эти несколько человек проявили себя там, где невинные, наивные и не имеющие связей ученики Прабхупады были бессильны.

Преданные начали ощущать во всей цепи происходящих событий милость Кришны, видя, как свободные члены оказывают Прабхупаде и Господу Кришне ценное служение. В прошлом Прабхупада не раз останавливался в домах многих свободных членов, и, слушая его проповедь, те

убеждались в его искренности и благородных целях его Движения. Эти друзья и свободные члены – такие как Бхагубай Пател, Бехарилал Кханделвала, Бриджратан Мохатта, д-р Ч. Бали и другие – действовали не просто из собственных религиозных чувств, но из глубокого уважения и любви к Прабхупаде.

Гирирадж, при содействии Сада Дживатлала, попытался убедить муниципальный совет санкционировать восстановление храма. Однако при этом он узнал, что в тот же день (пятницу) г-жа Н. подала заявление в суд на выдачу судебного запрета на реконструкцию храма. Судья Наин сказал Гирирадже, что не хочет удовлетворять просьбу г-жи Н., и слушание по делу преданных назначил на понедельник. Это означало, что с утра субботы до утра понедельника у преданных два дня на то, чтобы отстроить храм заново.

Преданные рассудили, что, хотя у них нет фактического разрешения на восстановление храма, закон, тем не менее, не запрещает им этого делать. Но если судья Наин вынесет решение против них, восстановить храм будет очень сложно. Поэтому они решили осуществить задуманное за выходные. Г-н Лал, бывший подрядчик, помог преданным достать строительные материалы: кирпич, раствор, асбестовые плиты – а г-н Сетхи прислал бригаду рабочих. В пятницу, в восемь вечера, каменщики принялись за работу и, не прерываясь, проработали всю ночь, невзирая на дождь. В понедельник утром, узнав о новом храме, судья объявил:

– То, что построено – построено. Никто не имеет права разрушать храмы.

Когда эта новость дошла до Прабхупады, он посчитал это окончательной победой. Храм восстановлен, а симпатии общественности явно на стороне ИСККОН.

Глава сорок вторая

Строительство Майяпура

Майяпур, 1 июня 1973 года

Прабхупада переселился в новое здание, хотя оно пока еще не было достроено. Он занял две смежные комнаты на втором этаже, одна из которых стала его кабинетом, а другая – спальней. Тем временем в алтарной комнате и в других частях здания продолжались строительные работы.

В день переезда Прабхупады налетел ураган: небо заволочло огромными черными тучами, и поднялся сильный ветер. Однако ненастье длилось недолго, и причиненный ущерб был весьма незначителен.

Я только что приехал в Майяпур и очень надеюсь, что пребывание в его духовной атмосфере поможет мне восстановить силы и здоровье. Каждая минута, проведенная здесь, дарует несказанное блаженство.

По вечерам в комнату к Прабхупаде приходил пуджари из храма, Джананиваса. Он приносил глиняный горшок с раскаленными углями и ладан и тщательно окуривал комнату. Делал он это для того, чтобы выгнать насекомых, но Прабхупада считал, что это, кроме всего прочего, очищает атмосферу.

Иногда его беспокоил стук молотков, доносившийся со стройки, но в общем на новом месте было спокойно. Преданных в Майяпуре было мало, и Прабхупада проводил время, занимаясь переводами, принимая гостей или беседуя с учениками, руководившими строительством майяпурского центра. Чаще всего он делился своими соображениями с Бхаванандой Махараджей и Джаяпатакой Махараджей и с их помощью осуществлял свои планы.

Преданные, жившие вместе с Прабхупадой, считали себя слугами в его доме. Разумеется, все храмы ИСККОН принадлежали ему, однако в Майяпуре это ощущалось особенно сильно. Обычно в каждом из центров ИСККОН деньги на его содержание добывали преданные, но в Майяпуре этим занимался сам Прабхупада. Он учредил фонд «Майяпур-Вриндаван траст», который складывался из пожертвований его учеников и процентов от банковских вкладов. Если преданные напрасно расходовали деньги и энергию, или же зданию наносился какой-то ущерб, Прабхупада всегда принимал это близко к сердцу. Теперь, лично присутствуя здесь, он часто обходил стройку, давал подробные указания и требовал, чтобы преданные исправили недоделки. Красновато-розовое здание казалось огромным небесным кораблем, а Шрила Прабхупада был его капитаном. Как капитан корабля, он проходил по его широким верандам-палубам и отдавал своим помощникам строгие приказы, следя за тем, чтобы все было в полном порядке, как на настоящем корабле.

Как-то раз он прогуливался по веранде возле своей комнаты. Другие комнаты были заперты, и, проходя мимо них, Прабхупада открывал ставни на окнах и заглядывал внутрь. Вдруг он резко повернулся к Шатадханье, который находился поблизости (на тот случай, если Прабхупаде что-нибудь понадобится).

– В комнате работает вентилятор, хотя там никого нет, и дверь заперта, – сказал Прабхупада. – Кто это сделал?

Шатадханья понятия не имел.

– Кто бы это ни был, – продолжал Прабхупада, – он негодяй! Пусть знает, что он негодяй!

В течение двух последующих дней Прабхупада неоднократно с досадой вспоминал о случившемся.

Однажды после сильного ливня со шквалистым ветром мраморная, четырехметровой ширины веранда перед комнатой Прабхупады оказалась залита водой. Бхавананда Свами собирал воду с мраморного пола большой резиновой шваброй, которую смастерил один преданный, а Прабхупада, стоял в дверях и за ним наблюдал.

– Так и надо мыть мрамор, – сказал он. – Не натирать воском, а просто заливать каждое утро водой, а потом эту воду сгонять. Тогда он отполируется и станет блестеть, как стекло.

К тем преданным, которые посвятили свою жизнь воплощению майяпурского проекта, Прабхупада проявлял особую благосклонность и был глубоко им признателен. Однажды вечером

он вызвал к себе Бхавананду и стал расспрашивать его о том, как живут преданные. Внезапно из глаз его потекли слезы:

– Я знаю, как вам, ребятам с Запада, здесь трудно, – сказал он. – Вы так преданы моему делу! Я знаю, что у вас нет даже прасада. Когда я думаю, что вы не можете достать даже молока, что вы оставили обеспеченную жизнь, бросили все, приехали сюда и безропотно сносите эти тяготы и лишения, я чувствую себя в неоплатном долгу перед вами.

Бхавананда: Рабочие-мраморщики жили в хижинах из пальмовых ветвей у самой стройплощадки. Возле строящегося здания гостиницы стояла колонка – здесь мы мылись, и отсюда же рабочие брали воду, чтобы приготовить раствор. Чуть поодаль стояли два туалета, один – женский, а другой – мужской. Это были просто две ямы в земле, огороженные соломенными щитами. В бурю, под проливным дождем, нам приходилось тащиться в туалет, утопая в грязи. А кругом полно змей. Дикое место! Одно слово – стройка. Нормальные люди на стройках не живут, а мы – жили. Мы приехали сюда ради Шрилы Прабхупады. И это пошло нам на пользу. Ни ванны, ни других удобств – только голые цементные полы.

Преданные терпеливо сносили все трудности жизни в Майяпуре, который в ту пору был всего лишь стройплощадкой, но порой трудности начинали казаться им невыносимыми. Однако Прабхупада легко переносил неудобства и старался воодушевить учеников.

– Майяпур – чудесное место. Здесь можно жить, питаясь воздухом и водой.

Бхавананда: Мы выдерживали все эти испытания, поскольку приняли их как приказ Шрилы Прабхупады. О дезертирстве никто не помышлял. Разве мог я думать о чем-то другом? Я принял это как приказ: «Берите Майяпур. Я дарю вам Майяпур. Берите его, развивайте и наслаждайтесь». Мы и не думали куда-то уходить.

Вокруг простирались рисовые поля. Добираться от границы участка до храма (а это около двухсот метров), приходилось по земляным гребням, разделяющим залитые водой рисовые поля. Кухня, сооруженная из стволов бамбука с натянутым на них брезентом, располагалась тут же, неподалеку от входа.

Преданным большей частью приходилось сидеть без света, так как электричество постоянно отключали. Вечерами они зажигали керосиновые лампы. Прабхупада требовал, чтобы преданные каждый день разбирали эти лампы, подрезали фитили и мыли стекла.

– Придет день, – говорил он, – когда вы будете выращивать клещевину и из ее семян выжимать масло для ламп.

Прабхупада показал преданным, как строить простые жилища. Он хотел, чтобы со стороны дороги они обнесли участок стеной с воротами, а к стене пристроили комнатухи – «лачуги», как он их называл. В этих хижинах и жили бы преданные. Он сказал, что на территории нужно посадить кокосовые пальмы и бананы.

Добывание денег, выкуп земли, найм рабочих и закупка строительных материалов требовали постоянных усилий и сопровождались бюрократическими препонами, бумажной волокитой, взятками, нехваткой продовольствия и т. п. Прабхупада не выносил небрежности и расточительства. Здание, которое получилось изящным, солидным и практичным, и впрямь было подарком Господа. Жизнь в доме Кришны предполагает тесные и сладостные отношения с Ним: преданные должны думать о служении Кришне, а не о комфорте, не забывая при этом, для чего построено это здание, для чего предназначена и сама жизнь. Хлопнуть дверью – не великий, казалось бы, проступок, но это чрезвычайно раздражало Шрилу Прабхупаду и свидетельствовало о чьей-то рассеянности и небрежности. Прабхупада говорил, что, когда он слышит, как кто-то хлопает дверью, сердце его разрывается. Как-то раз, выйдя из комнаты, Прабхупада спросил у преданных:

– Кто хлопает дверью? Вы не понимаете, откуда взялось это здание: вы думаете, что оно возникло само собой, и его не цените.

Но гораздо чаще Прабхупада был нежным как роза, близким и чутким. Майяпур-дхама – это святая обитель, Голока Вриндавана, а потому, живя здесь со своим духовным учителем, преданные пребывали в духовном мире. Легче, чем в любом другом месте земли, в Майяпуре они могли войти в его комнату повидаться с ним, а иногда и сам он заглядывал к ученикам. Они трудились, читали или беседовали – и вдруг дверь открывалась, и входил Прабхупада. Он спрашивал, как они себя чувствуют и как им дается привыкание к местному климату:

– Вам, наверное, тяжело здесь? Я думаю, Индия – слишком жаркое место. Как вы считаете?

Здание гостиницы еще не было достроено, но к преданным уже приезжало много гостей – главным образом для того, чтобы поговорить с Прабхупадой. Каждый день он часами просиживал с гостями, беседуя о сознании Кришны. Одни приезжали, чтобы узнать о его Движении, другие – только для того, чтобы поговорить о себе и своей философии. Порой он сетовал на то, что тот или иной человек напрасно отнял у него время, но во встрече никому не отказывал. Как-то раз к Прабхупаде приехал из Калькутты один состоятельный индеец, господин Бриджратан Мохатта с женой – дочерью мультимиллионера Р.Д. Бирлы. Шрила Прабхупада сделал все, чтобы принять гостей как подобает: он сам составил меню и проинструктировал учеников относительно того, как обслужить господина Мохатту и его супругу. Угощение прасадом – важная часть вайшнавского этикета, и Прабхупада обращал особое внимание на то, чтобы преданные первым делом предлагали гостям прасад.

– Вы должны всегда быть готовы предложить гостю воду, горячие пури, жареные баклажаны бхаджи и сладости, – говорил Прабхупада.

Даже если гости стеснялись, Прабхупада настаивал, чтобы они поели как следует. Несмотря на то что госпожа Мохатта принадлежала к одной из самых состоятельных семей Индии, она осталась довольна простым гостеприимством Шрилы Прабхупады и его учеников. Комната, где их поселили, была не доделана, сланцевый пол не отполирован, вокруг кипела работа. Все, что смогли предложить гостям преданные – это подушка и матрац на голом полу, но те были благодарны и весьма признательны.

Бхавананда: В Майяпуре Шрила Прабхупада раскрыл нам многие особенности индийской культуры. В 1970 году, в Лос-Анджелесе, он однажды попросил меня сшить вместе несколько простыней и покрыть ими ковер в его комнате. А потом опустился рядом со мной на четвереньки, и мы вместе с ним расправили все складки.

О том же самом он попросил нас в Майяпуре. Мы устелили пол в его комнате матрасами, а вдоль стен положили подушки-валики.

– Сделайте из простыней белые чехлы, – сказал он, – и меняйте их каждый день.

Когда к Шриле Прабхупаде приходили бенгальцы, они сидели на этих матрасах вдоль стен, опираясь на подушки.

Это выглядело очень аристократично.

Вся обстановка в здании указывала на то, что Прабхупада – махант, хозяин дома, ачарья. Кроме того, родовитые бенгальцы видели, что он старается воссоздать атмосферу, в которой жила в начале века старая бенгальская аристократия. Прабхупада помнил это со времен своей юности, проведенной в семье Малликов. Все это стремительно исчезало. К тому времени от старой культуры практически ничего не осталось, поскольку все аристократические семейства выродились и разорились.

Вечерами, когда в комнату на свет лампочки слетались тучи насекомых, Прабхупада говорил о них как об удивительных творениях Бога.

– Эта маленькая мошка, – рассуждал он как-то вечером, – и пилот, и самолет в одном лице. Они сотнями кружат в воздухе, но столкновений не происходит: у Господа все устроено совершенно. Благодаря присутствию в их сердцах одной и той же Сверхдуши, они никогда не сталкиваются. Пусть ученые-материалисты попробуют создать летательный аппарат со встроенным пилотом – самолет, который никогда не терпит крушения. А то как у них получается: когда один самолет, управляемый человеком, оказывается вблизи двух других, пилотам приходится быть предельно осторожными.

Прабхупада, откинувшись на белый валик, сидел на слегка приподнятой асане, а вокруг, на мягких циновках, устланных простынями, расположились преданные. И духовный учитель, и его ученики наслаждались беседами о Кришне. Преданные желали слушать Прабхупаду и исполнять его волю, а он хотел обучать их.

– И все же, – продолжал он, – насекомые не совершенны. Они летят на огонь, а это значит, что их манит к себе смерть. В этом они похожи на материалистов, которые возводят небоскребы, но не ведают, что ждет их в момент смерти. Генри Форду и другим капиталистам пришлось умереть. Но сколько людей хотят стать как они! Они в точности как эти маленькие мотыльки, от которых к утру остаются лишь кучки трупов.

Часто во время бесед с Прабхупадой свет неожиданного гас, и преданные приносили керосиновые лампы. Каждый вечер, во время разговора, приходил пуджари и окуривал комнату

ароматным ладаном. Слабый отблеск масляных ламп освещал вырезанный из тикового дерева барельеф Радхи и Кришны, висящий на стене напротив письменного стола Прабхупады.

В этот приезд Прабхупада поделился с учениками планами дальнейшего развития центра ИСККОН в Майяпуре. Преданные уже знали, что это колоссальный проект, который обойдется в миллионы долларов. У них уже был один дом, но это только начало. В общем плане дом этот почти терялся. Прабхупада говорил о гигантском храме с огромным куполом, возвышающимся над трансцендентным городом. В майяпурском Чандродая-мандире разместится крупнейший в мире планетарий, где будет представлена модель Вселенной, построенная по описаниям, приведенным в Ведах.

Чтобы осуществить этот проект, Прабхупада хотел обучить учеников ведическим ремеслам, которые в Бенгалии к тому времени уже вымирали. Бхактисиддхант Сарасвати проявлял огромный интерес к использованию диорам для изображения лил Кришны и Господа Чайтаньи, и Прабхупада хотел, чтобы его ученики научились этому у майяпурских художников.

В июне, чтобы научиться искусству изготовления глиняных фигур для диорам, в Майяпур приехали Барадраджа, Адидева, Мурти и Ишана. Прабхупада также хотел, чтобы кто-нибудь из его учеников научился делать мриданги. Каждый день к ним стал приходить гончар, который учил Ишану лепить и обжигать глиняные корпуса мриданг. Преданные превратили бывшую соломенную хижину Прабхупады в мастерскую, а Прабхупада стал приглашать в Майяпур других своих учеников.

Майяпур сам по себе чудесное место, ибо это трансцендентная родина Господа Кришны. И если сюда приедут талантливые люди с Запада, и построят здесь город, то Майяпур станет поистине уникальным местом на земле.

По словам Прабхупады, построив в Майяпуре трансцендентный город, его ученики осуществят волю ачарий прошлого. В будущем население города составит пятьдесят тысяч человек, и он станет духовной столицей всего мира. С гигантским храмом в центре и отдельными кварталами для брахманов, кшатриев, вайший и шудр, город будет служить примером для всех остальных городов мира. Настанет день, когда мегаполисы будут лежать в руинах, и человечество станет искать прибежища в городах, построенных по образу и подобию Майяпура. Возведение Майяпура откроет новую эру в истории мира – эру сознания Кришны. Возрастет влияние Шри Чайтаньи Махапрабху и исполнится Его предсказание: «Имя Мое будет звучать в каждом городе и каждой деревне мира».

Прабхупада говорил, что в будущем добираться до Майяпура станет гораздо легче: по мосту из Навадвипы, на катере вверх по Ганге из Калькутты, а на самолете – из всех уголков земли. Миллионы бенгальцев с рождения почитают Господа Чайтанью и без труда воспримут сознание Кришны как родную культуру в ее чистом виде. В Индии говорят: «Что делает Бенгалия, то делает и вся Индия». А потому, если бенгальцы, вдохновленные примером американских вайшнавов, встанут на путь сознания Кришны, за ними последует вся Индия, а когда сознание Кришны восторжествует в Индии, ее примеру последует весь мир.

– Я дал вам царство Бога, – сказал Прабхупада своим управляющим в Майяпуре. – Возьмите же его, постройте здесь город и наслаждайтесь этим царством.

Весь июнь Прабхупада мирно и счастливо прожил в недостроенном здании Майяпур-чандродая-мандира. С самого Лос-Анджелеса его мучил кашель, не поддававшийся лечению во время поездок по странам Запада, но в Майяпуре болезнь отступила.

В Майяпуре я чувствую себя гораздо лучше. Огромное преимущество этих мест – открытый воздух и легкий, приятный ветер, благотворно влияющий на любые болезни легких... Майяпур куда лучше Лос-Анджелеса: здесь можно вволю надышаться свежим воздухом. Климат не слишком жаркий, правда, немного влажный, но в целом весьма приятный. Местоположение нашего Мандира выбрано чрезвычайно удачно. Посетители отмечают, что даже в изнурительный зной он хранит прохладу.

Прабхупада обращал особое внимание на этот освежающий ветерок, дующий сквозь здание, называя его «ветром Вайкунтхи». А если порой налетал ураган, то частые всполохи в небе, похожие на неоновую рекламу, даже его делали прекрасным. Однажды, во время очередного урагана, внутри здания завыл ветер. Увидев открытые двери и окна в комнате Прабхупады, Шатадханья бросился их закрывать, но Прабхупада, сидящий за письменным столом, его остановил:

– Не надо, оставь открытыми.

– Но на улице буря, – запротестовал Шатадханья.

– Оставь, – повторил Прабхупада.

Ветер проносился по комнате со скоростью больше восьмидесяти километров в час.

– Нет на земле другого такого места! – улыбаясь, воскликнул Прабхупада, а ветер трепал его шафрановые одежды.

Как-то раз, стоя на кровле здания, Прабхупада смотрел в сторону места рождения Чайтаньи Махапрабху, расположенного в километре от храма.

– Им принадлежит место рождения Чайтаньи Махапрабху, – сказал он Бхавананде Махараджу, – но, на самом деле, разве это важно? Разве Кришна знаменит тем, что родился в Матхуре? – Нет. Его прославили деяния. Так и Чайтанья Махапрабху – Он прославился не тем, что родился в Майяпуре, а своими делами, проповедью Движения санкиртаны. Майяпур-чандродая-мандир – это проповедь Чайтаньи Махапрабху. Поэтому я хочу, чтобы наше место благодаря деяниям Чайтаньи Махапрабху стало столь привлекательным, что всем захотелось бы сюда приехать!

* * *

Еще в Калькутте, перед поездкой в Майяпур, Прабхупада пригласил в свою комнату несколько старших учеников.

– Меня часто просят перевести «Чайтанья-бхагавату», – сказал он ученикам. – Но я решил взяться за перевод «Чайтанья-чаритамриты». Как вам такая идея?

– Конечно, Прабхупада! – воскликнул Бхавананда Госвами. – Здорово!

Много лет назад Прабхупада уже написал несколько статей по «Чайтанья-чаритамрите» и впоследствии перевел некоторые из ее стихов, сопроводив их комментариями. В 1968 году он издал краткий обзор некоторых важных положений «Чайтанья-чаритамриты», назвав его «Учение Господа Чайтаньи». Поселившись в Майяпуре, Прабхупада заново взялся за перевод и комментирование «Чайтанья-чаритамриты» Кришнадаса Кавираджа, начиная с седьмой главы. Работа над книгой спорилась, и Прабхупада пообещал, что ко дню явления Господа Чайтаньи (который приходился на март) опубликует целый том. Торопясь издать всю «Чайтанья-чаритамриту», он даже отложил на время работу над «Шримад-Бхагаватам».

В одном из первых текстов Седьмой главы Кришнадаса Кавираджа говорит: «Я в почтении склоняюсь перед Верховным Господом Кришной, который проявил Себя в пяти лицах: в образе преданного, в образе Своей экспансии и воплощения в облике преданных, а также в образе чистого преданного и энергии преданности». В век Кали, пишет Прабхупада, человек может обрести любовь к Кришне только по милости Панча-таттвы или Господа Чайтаньи. Нужно поклоняться Шри Чайтанье Махапрабху, повторяя панча-таттва-мантру: шри-кришна-чайтанья прабху-нитьянанда шри-адвайта гададхара шривасади-гаура-бхакта-вринда. Прежде, чем приступать к повторению Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе – следует произнести эту мантру. «При повторении маха-мантры «Харе Кришна», – пишет Прабхупада, – можно допустить десять оскорблений. Но когда мы повторяем панча-таттва-маха-мантру, оскорбления не принимаются во внимание. Сначала необходимо принять прибежище Шри Чайтаньи Махапрабху, запомнить панча-таттва-маха-мантру, а затем начать повторение маха-мантры «Харе Кришна»».

Один за другим стихи седьмой главы утверждают миссию Шрилы Прабхупады и свидетельствуют, что в своем учении он неуклонно следует методу Господа Чайтаньи Махапрабху.

Следует понимать, что достоинства Кришны – это сокровищница божественной любви. Когда Он приходил на землю, Он принес эту сокровищницу с Собой, но держал ее запечатанной. Когда же явились Шри Чайтанья Махапрабху и Его спутники – Панча-таттва, Они сломали печать и разграбили эту сокровищницу, чтобы насладиться вкусом божественной любви к Шри Кришне. И чем больше Они упивались ею, тем сильнее становилась их жажда.

Шри Панча-таттва танцевала снова и снова, и нектарная любовь к Богу становилась все более доступной для людей. Члены Панча-таттвы танцевали, громко восклицали, смеялись и пели, словно безумные; так они раздавали любовь к Богу.

Комментируя эти стихи, Прабхупада писал:

В наше время участники Движения сознания Кришны придерживаются того же принципа, и благодаря пению и танцам это Движение снискало популярность во всем мире. Однако не

следует забывать, что подобное пение и танцы не принадлежат материальному миру. Это духовная деятельность, и потому чем больше человек занимается ею, тем явственнее он ощущает нектар божественной любви к Богу.

Под словами «Движение сознания Кришны» Прабхупада подразумевал не только своих учеников и Общество сознания Кришны, но и то Движение, что было начато Господом Чайтаньей. Между Движением Господа Чайтаньи Махапрабху и Движением сознания Кришны Прабхупады нет разницы, так же как нет разницы между изначальной Личностью Бога и Божеством Кришны в храме.

Раздавая людям любовь к Богу, Чайтанья Махапрабху и Его спутники не рассуждали, достоин человек такого дара или нет, и не думали, нужно дарить людям эту любовь или не нужно. Они не ставили никаких условий. Везде, где было возможно, Панча-таттва одаривала всех без исключения любовью к Богу.

Этот стих был прямым подтверждением наставления, которое Шрила Прабхупада получил от своего духовного учителя, Бхактисиддханты Сарасвати, о том, что каждый, независимо от происхождения, может стать вайшнавом, брахманом и санньяси, и данный стих Священного писания недвусмысленно свидетельствовал об этом. Но, как и его духовный учитель, Прабхупада не раз подвергался нападкам со стороны кастовых брахманов Индии. Теперь же, вооружившись аргументами, Прабхупада бросал вызов завистливым критикам.

Находятся невежды, которые препятствуют миссии Господа Чайтаньи, критикуя Движение сознания Кришны за то, что в нем европейцы и американцы получают посвящение в брахманы и санньяси. Однако, как явствует из этих стихов, проповедник, распространяя любовь к Богу, не должен принимать во внимание, кто ее получает: европеец, американец, индус, мусульманин или кто-то еще. Движение сознания Кришны нужно распространять повсюду, где есть возможность, и, если благодаря этим усилиям люди становятся вайшнавами, их следует почитать больше, чем брахманов, индусов или индийцев. Чайтанья Махапрабху желал, чтобы имя Его стало известно в каждом городе и деревне на земном шаре. Сейчас учение Чайтаньи Махапрабху распространяется по всему миру, и как не признать искренних последователей этого учения настоящими вайшнавами, брахманами и санньяси? Завистливые люди порой возмущаются этим, выдвигая глупые аргументы, но преданные, участники Движения сознания Кришны, не обращают на них внимания. Мы строго следуем принципам, установленным Панча-таттвой.

Обвиняли Шрилу Прабхупаду и в том, что его акцент на активной миссионерской деятельности якобы чужд традиционной индийской духовности и даже его духовные братья порой позволяли себе подобные высказывания. Но особенно негодовали имперсоналисты. Людям, по их мнению, нужно позволить исповедовать религию так, как им хочется; религия – явление внутреннее, духовное, и активная проповедь здесь неуместна. Проповедь и обращение в свою веру – метод христиан, а не индуистов. Однако в Седьмой главе Ади-лилы «Чайтанья-чаритамриты» Сам Шри Кришна Чайтанья, Верховная Личность Бога, раскрывает свое сердце и настроение идеального проповедника.

Хотя члены Панча-таттвы взломали сокровищницу любви к Богу и, наслаждаясь ее содержимым, стали раздавать его другим, запасы любви в этой чудесной сокровищнице не только не иссякли, но увеличились во сто крат.

Поток любви к Богу разлился повсюду и поглотил всех: стариков, молодых, женщин и детей.

Движение сознания Кришны затопит весь мир, и воды этого потопа покроют всех: и честных, и мошенников, и хромых и слепых, и немощных, и убогих.

Когда пять членов Панча-таттвы увидели, что любовь к Богу затопила весь мир и уничтожила в живых существах семя материального наслаждения, они преисполнились безграничной радости.

Чем сильнее дождь любви к Богу, проливаемый Панча-таттвой, тем мощнее наводнение, и постепенно оно затопит весь мир.

В таком же духе Шрила Прабхупада воспитывал и своих учеников в Международном Обществе сознания Кришны. Он часто повторял эти слова Господа Чайтаньи, чтобы придать Его преданным сил. Члены Движения сознания Кришны должны быть уверены, что их чистая проповедь непременно увенчается успехом. У Прабхупады не было в этом никаких сомнений. Это подтверждалось словами шастр, словами Верховного Господа, да и личный опыт Прабхупады тоже служил тому подтверждением. А потому он писал:

Наше Движение сознания Кришны было основано силами одного человека, и никто не обеспечивал нас материально, но теперь мы распоряжаемся тысячами долларов по всему миру, и Движение растет день ото дня. Так что о нехватке средств говорить не приходится. Если мы будем, невзирая на критику завистников, придерживаться наших принципов и следовать по стопам Панча-таттвы, наше Движение легко преодолет все препятствия, чинимые так называемыми свами, санньяси, религиозными деятелями, философами и учеными, ибо оно духовно по своей сути и потому выше любых материальных соображений. Те, кто проповедует сознание Кришны, не должны бояться этих глупцов и невежд.

Стихи Седьмой главы описывают, как сознание Кришны наводняет весь мир. А поток милости Господа Чайтаньи, разливаясь по всему миру, смывает все заявления о том, что европейцы и американцы не могут стать брахманами или санньяси. Ничто не сможет остановить это наводнение.

Слова Кришнадаса Кавираджа умножили желание Прабхупады основать форпост своей организации на родине Господа Чайтаньи – там, откуда началось Его Движение санкиртаны. Панча-таттва явилась в Навадвипе, и, поднявшись оттуда, волна любви к Господу покатились дальше.

Обычно после сезона дождей в Шридхаме Майяпуре начинается большое наводнение. Это символ того, что место рождения Господа Чайтаньи станет источником наводнения любви к Богу, которое затопит мир и поможет всем: старикам, молодым, женщинам и детям. Движение сознания Кришны, начатое Шри Чайтаньей Махапрабху, столь могущественно, что способно затопить целый мир и заинтересовать все классы общества темой любви к Богу.

В Седьмой главе Ади-лилы Прабхупада нашел и множество других доказательств истинности своего Движения, основанного на принципах, изложенных в учении и явленных в деятельности Господа Чайтаньи. Кришнадаса Кавираджа говорит, что принятие Господом Чайтаньей санньясы было некоей уловкой, целью которой было освобождение отдельных слоев общества, которые, в противном случае, не выражали бы Ему почтения. В комментарии Прабхупада объясняет, что он тоже искал возможности поделиться благами сознания Кришны с как можно более широкими кругами общества – и потому, к примеру, принимал в Движение сознания Кришны женщин. «Поэтому очень важно, – писал он, – чтобы проповедник строго следовал правилам и ограничениям шастр, но при этом искал новые способы проповедовать в полную силу и освобождать падшие души».

* * *

27 июня 1973 года

Из Майяпура Прабхупада отправился в Калькутту. В письме Тамала-Кришне Госвами он писал:

...Шьямасундар просит меня приехать в Лондон, чтобы встретиться с очень влиятельными людьми в новом поместье, которое подарил нам Джордж... Но прежде чем вернуться в Европу или Америку, я хочу окончательно уладить дела в Бомбее. Если вы найдете в Бомбее подходящее место, где я смогу остановиться на несколько дней, я приеду немедленно, и уже оттуда поеду в Лондон.

Обдумывая свой маршрут, Прабхупада несколько дней провел в храме на Альберт-Роуд. Он принимал всех, кто к нему приходил, так что комната его часто была полна народу – перед ним, теснясь на белых простынях, сидели как местные бенгальцы, так и ученики. По вечерам он обычно отправлялся к кому-нибудь в гости, чтобы проповедовать сознание Кришны, даже если для этого по узким, запруженным людьми, улицам города нужно было проехать не один километр.

Сестра Шрилы Прабхупады, Бхаватарини (которую преданные называли Пишимой), тоже заходила в калькуттский храм проведать своего любимого брата и, как обычно, для него готовила. Но однажды, поев приготовленных ею качаури, через несколько часов Прабхупада почувствовал резкую боль в животе. Он закрылся у себя в комнате и лег в постель. Его ученики не на шутку встревожились. Слуга Прабхупады, Шрутакирти, войдя к нему, обнаружил, что он корчится от боли.

– Шрила Прабхупада, что с вами?

– Живот, – простонал Прабхупада. – Этот качаури с кокосовой начинкой – не был как следует прожарен.

Приступ продолжался всю ночь. Несколько преданных безостановочно массировали тело Прабхупады, особенно в области живота, однако каждый вздох его сопровождался стоном. Рядом стояла Пишима, но учеников Прабхупады пугало ее присутствие; они опасались, как бы она, невзирая на болезнь Прабхупады, не приготовила ему еще чего-нибудь.

Прабхупада велел принести с алтаря и поставить возле его постели изображение Господа Нрисимхи, и некоторые преданные испугались, что Прабхупада может умереть. На следующее утро, видя, что болезнь не отступает, они послали за местным кавираджей (аюрведическим врачом).

Старый кавираджа поставил диагноз: острая кровавая дизентерия. Он оставил лекарство, но оно не помогло. Тогда Прабхупада позвал Бхавананду и попросил приготовить для него пури с маленьким паталом (индийский овощ, похожий на небольшой кабачок) и солью. Бхавананда запротестовал: в таком состоянии для Прабхупады нет ничего хуже жареной пищи. Но Прабхупада ответил, что это – лекарство от кровавой дизентерии, которое в детстве давала ему мать. Потом он позвал сестру и попросил приготовить пури и патал ее. Через несколько часов после еды Прабхупада послал за Бхаванандой. Он чувствовал себя гораздо лучше.

– Мать была права, – сказал он.

От Шьямасундары пришла длинная телеграмма, в которой он расхваливал возможности для проповеди в Лондоне. Прямо в аэропорту Прабхупаду посадят в вертолет и доставят на главное место событий – самую большую Ратха-ятру из всех, что когда-либо устраивали в ИСККОН. Шествие пройдет по Пиккадилли к центру города и завершится в огромном павильоне на Трафальгарской площади. Миллионы англичан, со слов Шьямасундары, включая очень-очень важных особ, с нетерпением ждут встречи с Прабхупадой. Удалось даже договориться, что Прабхупада наставит в сознании Кришны наследного принца Чарльза, старшего сына королевы.

Прабхупада понимал, что Шьямасундара кое-что приукрасил, но все равно загорелся желанием снова проповедовать в Англии. Джордж Харрисон подарил преданным большое поместье в сорока пяти минутах езды от Лондона, и в день Джанмаштами Прабхупада планировал установить там Божества Радхи и Кришны. Но даже сейчас, когда до Джанмаштами оставалось чуть больше месяца, вдохновленный приглашением Шьямасундары, Прабхупада захотел немедленно вылететь в Лондон, невзирая на то, что по-прежнему был ослаблен дизентерией.

Прабхупада вызвал к себе тех секретарей Джи-би-си и санньяси, что были с ним в Калькутте, а когда ученики собрались, расположившись перед ним на полу, он, сидя в постели, спросил у них совета. Ученики единодушно заключили, что для отдыха и восстановления сил ему нужно поехать в края с мягким, благоприятным для здоровья климатом – в Лос-Анджелес или на Гавайи. Прабхупада согласился, что Гавайи – лучшее место с идеальным климатом, где его никто не побеспокоит. Но...

– Я должен вернуться на Запад, – вдруг решительно заявил он, выпрямив спину, – и не на Гавайи, а в Лондон. И не отдыхать, а проповедовать! Нужно ковать железо, пока горячо. Так, кажется, говорят англичане. Только тогда железу можно придать требуемую форму. Люди Запада давно пресытились материальной жизнью. Поэтому мы хотим дать им духовное знание.

Силой этих аргументов Прабхупада тут же убедил преданных.

– На Западе есть две лжетеории, – продолжал он. – Согласно одной из них, жизнь происходит из материи, а другая утверждает, что после смерти ничего нет и поэтому, пока есть возможность, нужно брать от жизни все. Все материально, заявляют они. С ростом Движения сознания Кришны коммунистам придет конец. Люди говорят, что стремятся к единству, но у них не хватает ума, чтобы понять, как этого единства достичь. Сначала они создали огромную, неповоротливую Лигу Наций, а теперь – ООН – и все без толку. Но вот простой способ – Ратха-ятра, которая сейчас распространяется по всему миру. «Джаганнатха» значит «Господь Вселенной». И нашему ИСККОН удалось сделать Господа Джаганнатху Богом всего мира. Поэтому я еду на Запад, чтобы дать все это людям.

Хотя физически Прабхупада был слишком слаб, чтобы лететь в Лондон, где его ожидала активная проповедь, ученики согласились на его поездку, восприняв это как очередное чудо, сотворенное Кришной.

* * *

Лондон, 7 июля 1973 года

Паравидха: В тот день в Лондоне проходила Ратха-ятра. Я увидел, как Прабхупада входит в храм. Физически он выглядел не очень крепким. Меня это очень поразило, но тогда я понял, что сила его имеет духовную природу.

Дхруванатха: Мы встречали Прабхупаду у Мраморной арки на площади, где обычно проходят парады. Оттуда должно было начаться шествие. Вьясасана, стоявшая на колеснице, была украшена цветами, и все думали, что Прабхупада просто сядет на нее, да так и поедет по улицам, как было на других Ратха-ятрах. Но, приехав, Прабхупада, к нашему великому удивлению и радости, отказался сесть на вьясасану. Он сказал, что будет танцевать и возглавит шествие!

Йогешвара: Преданные принесли лестницу, чтобы Прабхупада смог подняться на колесницу и сесть на вьясасану, но он велел убрать ее и зашагал впереди, во главе танцующей процессии.

Дхирашанта: Я подвернул ногу и не мог идти, поэтому ехал на колеснице и очень хорошо видел Прабхупаду. Реватинандана Махараджа пел в микрофон, сидя на колеснице, но минут через пятнадцать Прабхупада велел преданным передать, чтобы Реватинандана Махарадж и другие спустились с колесницы и шли вместе с ним по улице, ведя киртан.

Реватинандана: Когда Прабхупада увидел на колеснице вьясасану, он сказал: «Нет-нет, я простой преданный. Я пойду вместе с остальными». Это был мощный, захватывающий киртан. Вел Хамсадута, вел я, вел Шьямасундара – так, сменяя друг друга, разные преданные вели этот фантастический киртан. А Прабхупада с караталами в руках находился в самой гуще киртана от начала и до конца. Он танцевал, переступая вперед-назад, прыгал и снова танцевал.

Рохини-нандана: Колесница двигалась очень медленно, Прабхупада шел метрах в десяти впереди нее, возглавляя шествие, а преданные, которые вели киртан, сидели наверху и пели в микрофоны. Прабхупада велел всем слезть и окружить его, и все вместе они пели «Харе Кришна». Он то и дело оборачивался, величаво вскидывал руки и восклицал: «Джая Джаганнатха!» Временами мы отрывались от процессии, и тогда он поворачивался назад и ждал, пока колесница подойдет ближе. Иногда он танцевал, а иногда стоял, воздев руки к небу.

Шарадия-даси: Прабхупада танцевал. Сделав несколько шагов, он оборачивался, поднимал руки и смотрел на Божества. В течение нескольких минут он танцевал, внимательно глядя на Божества, а потом снова поворачивался и шел дальше. Так он протанцевал всю дорогу. Преданные, взявшись за руки, окружили его, защищая от толпы. Это было чудесное, неземное действо. Прабхупада смотрел на Божества снизу вверх, а все преданные следовали за ним.

Судурджая: Прабхупада нас поразили. Мы не знали, болен он или нет, чувствует ли он слабость, головокружение или нет. Временами он казался совсем больным, а временами выглядел, как восемнадцатилетний юноша. Он нас поражал. В руке он держал трость, но не опирался на нее, а поднимал вверх, в танце. Вскоре ко мне подошел Шьямасундара и сказал:

– Слушай, добром все это не кончится. Прабхупада очень болен. Я хочу, чтобы ты ехал за ним на машине. Будь в полуминуте ходьбы от него, чтобы в случае чего мы могли бы тут же посадить его в машину.

Прабхупада шел по Парк-лейн, и временами преданные, тащившие колесницу, просто не поспевали за ним. Тогда он оборачивался, поднимал руки и восклицал: «Харибол!» Так повторялось несколько раз. Он шел так быстро, что порой ему приходилось останавливаться и ждать остальных. Преданные танцевали, погода стояла прекрасная, толпа ликовала.

Дхруванатха: Прохожие, казалось, приросли к земле и во все глаза смотрели на Прабхупаду. Человек в таком возрасте, а танцует и прыгает, как юноша, – потрясающе! Через каждые пять минут Прабхупада поворачивался и глядел на Джаганнатху. Преданные расчищали проход, чтобы никто не загораживал от него Божества и он мог видеть Джаганнатху, Балараму и Субхадру во всем Их великолепии. Однако через некоторое время появились полицейские. Они сказали, что нам нельзя останавливаться. Мы должны идти без задержек, так как пробки на улицах начали принимать угрожающие размеры. Преданные кричали, пели и танцевали – шум стоял невероятный!

Шрутакирти: Когда Прабхупада танцевал, к нам то и дело подходили «бобби», искавшие кого-нибудь из наших руководителей. В конце концов, они обратились ко мне:

– Скажите вашему главному, чтобы он сел. Он всех заводит. Люди слишком возбуждены, и мы не можем сдерживать толпу.

– Ладно, – сказал я, но Прабхупаде ничего говорить не стал.

Тогда они подошли еще раз:

– Вы должны сказать ему, чтобы он сел.

– Ладно, – ответил я, и осторожно тронул Прабхупаду за плечо.

Все это время он пребывал в полном блаженстве, танцевал перед колесницей и заводил остальных. Движением рук он призывал преданных танцевать еще и еще. Он был движущей силой всего праздника. Я сказал:

– Прабхупада, полицейские хотят, чтобы вы сели. Они говорят, что вы нарушаете порядок.

Прабхупада взглянул на меня, отвернулся и продолжил танцевать как ни в чем не бывало. Полицейских он полностью игнорировал, и они ничего не могли с ним поделать. Прабхупада так и не прекратил танцевать, но они ничего ему больше не говорили.

Паравидха: Я продавал «Назад к Богу» все время, пока длилось шествие. Я совсем выдохся и едва поспевал за процессией. Зато Прабхупада все время шел впереди и танцевал, как юноша. Его духовная энергия меня потрясла.

Дхруванатха: Когда мы вышли на площадь Пиккадилли, Прабхупада неожиданно остановил шествие. Пиккадилли, конечно же, была запружена народом. Мы стояли минуты три, а Прабхупада все танцевал и танцевал, окруженный толпой преданных.

Рохини-нандана: Когда мы вышли на Пиккадилли, Прабхупада разошелся вовсю. Он прыгал и скакал. Колесница остановилась. Это было очень похоже на то, как Господь Чайтанья возглавлял шествие Ратха-ятры, описанное в «Чайтанья-чаритамрите». Так вот, колесница встала, и Прабхупаде пришлось ждать, пока она его нагонит.

Йогешвара: Когда мы, наконец, добрались до Трафальгарской площади, и Прабхупада увидел большой шатер и все прочее, что сделали там преданные, он снова воздел руки к небу. Всю дорогу он шел пешком и танцевал – по меньшей мере, час – всю дорогу от Гайд-парка до Трафальгарской площади.

Рохини-нандана: Когда Прабхупада пришел на Трафальгарскую площадь, он тут же сел на небольшую вьясасану, установленную на цоколе колонны Нельсона, и прочитал лекцию о Святом имени Кришны. И это – сразу по окончании часового марафона с пением и танцами!

На следующий день газеты пестрели благожелательными отзывами о празднике, и Прабхупада написал об этом одному из своих учеников в Лос-Анджелес:

Ты, я думаю, будешь рад узнать, что Ратха-ятра в Лондоне прошла с огромным успехом. «Дейли гардиан» поместила на первой странице фотографию нашей колесницы и написала, что на Трафальгарской площади мы затмили собой памятник лорду Нельсону. Здоровье мое в порядке, я каждый день гуляю и читаю утренние лекции.

В другом письме Прабхупада писал:

Англичане приняли наш праздник очень тепло. Меня это так воодушевило, что я шел пешком и танцевал всю дорогу от Гайд-парка до Трафальгарской площади.

В Поместье Бхактиведанты Шрила Прабхупада вернулся к своему обычному распорядку. «Лучшего места, чем Поместье Бхактиведанты, не найти, – писал он. – Здесь тихо и спокойно, а деревенька – аккуратная и чистая». Комната Прабхупады на втором этаже легко вмещала до пятидесяти посетителей, а ее большие окна выходили в просторный парк.

Прабхупада говорил, что если преданные вычистят пруды и приведут территорию Поместья в порядок, он готов навсегда поселиться здесь, чтобы в тишине спокойно заниматься переводами. Он посоветовал приобрести несколько коров и выделить землю под сельскохозяйственные нужды.

Преданные лишь недавно поселились в поместье и только начали ремонтировать строения и убирать территорию, но Прабхупада указал место, где в будущем можно было бы построить тридцатизэтажный храм – крупнейшее здание во всем Лондоне. Он поделился с преданными своими планами остаться в поместье еще месяца на два и в день Джанмаштами установить здесь Божества Радха-Кришны; кроме того, Прабхупада хотел лично проследить за строительством храмовой комнаты и алтаря.

Ежедневно, около шести утра, Прабхупада отправлялся на часовую прогулку. Он не ограничивал число попутчиков, и, случалось, до двадцати преданных шли за ним следом, ловя каждое его слово. Глядя вдаль, Прабхупада сказал, что Лэчморская вересковая пустошь напоминает ему Вриндаван.

Прабхупада спускался по тропинке к месту под названием Раунд Буш, переходил пшеничное поле, а затем возвращался назад, к Лэчморской пустоши и Поместью. Всякий раз его приветствовал местный полицейский, подружившийся с преданными. Прабхупаде особенно

нравилась чистота деревушки. Он указывал даже на мелкий мусор, который замечал на территории Поместья. Эта деревня, говорил он, гораздо аккуратнее американских городов.

Шьямасундара сулил Прабхупаде много встреч с интересными людьми, а Прабхупада, в свою очередь, обещал оставаться в Англии до тех пор, пока поток их не иссякнет. Каждый вечер к Прабхупаде на пару часов заходили один-два человека – ученые, представители духовенства, иногда знаменитости. Больше всего Прабхупаде хотелось донести философию сознания Кришны до разумных людей. Как выдающийся философ, принадлежавший к вайшнавской парампаре, он во всей полноте осознал суть ведических писаний, таких как «Гита» и «Бхагавадам». Прабхупада готов был к любым выпадам и аргументам философов-атеистов и знал, чего ждать от христиан, майявади, безбожников и кого бы то ни было еще. Если гость упоминал имя философа или ученого, принадлежащего к незнакомой Прабхупаде школе мысли, Прабхупада просто спрашивал: «Какова его философия?» И всякий раз на проверку выходило, что так называемая «новая» философия оказывалась старой, как мир, банальной мирской философией – разве что в новой вариации – и Прабхупада с ходу опровергал ее или же доводил до логического совершенства с позиций сознания Кришны.

Прабхупада горел желанием прославлять Кришну и повторять Его послание, и с неиссякаемым энтузиазмом вновь и вновь приводил одни и те же аргументы, к которым прибегал всегда. Он сравнивал себя с коровой, дающей молоко на любом пастбище. Везде: в Индии, Америке или Англии – он делился с людьми подобным нектару молоком «Бхагавад-гиты».

Каждый день Прабхупады проходил под знаком философии: диктовка «Чайтанья-чаритамриты» в ранние утренние часы, утренняя прогулка, лекция по «Бхагавад-гите», беседы с гостями... В Шотландии один человек с вызовом бросил ему, что нет никакой необходимости говорить о Боге с позиции философии.

– О чем же тогда я должен говорить? Сказки рассказывать? – ответил на это Прабхупада.

Философия необходима, и прежде всего – так называемым интеллигентам, умы которых – клубок противоречий. Кроме того, рассказывать людям о Кришне, считал Прабхупада, – значит, проявлять к ним любовь.

Движимый состраданием к падшим, Прабхупада без устали передавал послание Кришны и не боялся повторов. Его по-настоящему возмущали мыслители-атеисты, дурачащие людей. Материализм и имперсонализм лишают людей шанса найти средство избавления от страданий, и стоило кому-нибудь начать отстаивать доктрину майявады, как Прабхупада вспыхивал огнем. Он не мог стерпеть этого и считал своим долгом устранить заблуждения. Когда после очередной лекции в поместье какой-то молодой человек упомянул, что кто-то назвал повторение «Харе Кришна» «небольшим блефом», Прабхупада возмутился:

– Кто сказал «блеф»? Кто этот глупец? Кто этот негодяй?

Он был готов сразиться с этим атеистом, чтобы прославить Кришну.

Славить Кришну было естественным побуждением Прабхупады, и потому он был способен работать и работать без остановки. Он хотел только одного – дать людям сознание Кришны – и только в этом видел цель своей жизни. Желание это давало ему силы и вдохновение. Даже отдыхая в тиши своей комнаты, он всегда говорил о сознании Кришны.

Преданные приглашали к Шриле Прабхупаде многих известных британцев, и встречи эти оставляли у них хорошее впечатление. Среди них были экономист Эрнст Шумахер и философ сэр Альфред Джулс Айер. Узнав от Шьямасундары, что г-н Айер слывет знаменитым философом, Прабхупада уточнил:

– В чем же его философия?

– Вообще-то он не верит в существование Бога, – ответил Шьямасундара.

– Я докажу ему, – сказал Прабхупада, – Я спрошу у него, что он понимает под «существованием Бога» и попрошу его привести все аргументы против бытия Бога.

Прабхупаде нравилось встречаться с философами и «загонять их в угол».

Историк Арнольд Дуайен был стар и немощен, и Прабхупада сам нанес ему визит. Дуайена интересовала проблема жизни после смерти, и он спросил Прабхупаду о карме. Большинство людей, сказал он, боятся смерти. Прабхупада согласился и добавил, что по расчетам одного астролога один из недавних индийских лидеров родился в теле собаки.

– Поэтому люди боятся, что попадут в низшие формы жизни, – сказал Прабхупада.

На вопрос профессора о том, можно ли изменить карму, Прабхупада ответил:

– Да. Но только при помощи бхакти, преданности Богу.

Арнольд Дуайен: На Западе лишь немногие задумываются об этом.

Прабхупада: Им не хватает разума. Это не хорошо. Но если они примут сознание Кришны, то смогут продолжать трудиться и жить в городах. Нужно только изменить сознание. Тогда у них ни в чем не будет нужды.

У профессора Тойнби Шрила Прабхупада спросил, о чем тот пишет книгу. Ученый ответил, что его книга о влиянии античной Греции на жизнь Греции современной.

– Греки пришли из Индии, – решительно заявил Прабхупада. – Когда-то ведическая культура господствовала во всем мире. Постепенно от нее отделилась новая культура, так же как Пакистан отделился от Индии.

Прабхупада рассказывал, как в будущем правители опустятся до уровня воров и мерзавцев, единственным занятием которых станет эксплуатация граждан. Возникнет нехватка продуктов питания, а народ, изнемогая под бременем всевозможных налогов, будет искать спасения в лесу. Свободу сохранят только люди, сознающие Бога. Будущее человечества – океан пороков и несчастий, но в нем есть спасительная соломинка – имена Кришны, просто повторяя которые человек сможет обрести освобождение. Уже сегодня, говорил Прабхупада, разочарованные во всем хиппи бросают семьи и состояние своих отцов, ища умиротворения в горах и лесах. Это прообраз будущего.

Арнольд Тойнби: Политики Индии по-прежнему руководствуются Ведами?

Прабхупада: Нет. Они их отбросили. Современным правителям Веда не указ, они выкинули их в воду. Я начал проповедь среди индийцев и американцев. В последующие десять тысяч лет влияние сознания Кришны будет только возрастать. Затем мрачная картина Кали-юги предстанет во всей своей красе. Но десять тысяч лет – немалый срок. Поэтому мы исполняем свой долг во имя Кришны.

Арнольд Тойнби: Вы много путешествуете?

Прабхупада: По всему миру.

Как-то раз Прабхупаду посетил молодой бородатый священник, активно участвующий в социальной работе и Прабхупада вступил с ним в спор относительно Библии и мясоедения. Во время дискуссии Хамсадута и Прадьюмна приводили подходящие к месту цитаты из Библии, запрещающие употребление мяса. Когда священник ушел, Прабхупада позвал к себе Хамсадуту и сказал:

– Мы напрасно вели разговор, ссылаясь на Библию. Лучше обращаться к «Гите». Какой прок призывать их к сотрудничеству или компромиссу? Их не переубедишь. Что толку встречаться со священниками?

Он сказал, что тот, кто желает есть мясо, всегда найдет в Библии какую-нибудь цитату в свое оправдание, к примеру, завет Бога с Ноем после потопа.

– Люди даже не ведают, какие ужасы творятся на скотобойне. Этого никто не видит, – добавил он.

Утром, во время прогулки, Прабхупада продолжил обсуждать свой разговор со священником:

– Они убивают, прикрываясь религией. «Бхагаватам» призывает отбросить эту псевдо-религию и просто поклоняться Богу.

Преданный: Вчера вечером священник сказал, что Иисус ел мясо.

Прабхупада: Значит, Иисус противоречит сам себе. Он же сказал «Не убий». Никто не должен подражать ишварам. Нищий бродяга в Индии курит ганджу и объявляет себя преданным Шивы. Но мы не вправе подражать могущественным полубогам. Кроме того, священник сказал, что Библия не говорит «не убий», она, дескать, имеет в виду «не убий человека». Но я ответил ему, что если слова эти в переводе с древнееврейского означают «не убий человека», значит, Иисус проповедовал людям четвертого, десятого сорта – убийцам. И это соответствует действительности – они ведь убили его? Такие люди – что они могут понять о Боге? Священник ничего не смог мне на это ответить. Он молчал.

Когда к Прабхупаде пришел другой священнослужитель, разговор зашел на ту же тему.

– Значит, вы оправдываете убийство? – спросил его Прабхупада.

– Увы, это мир падших людей, – ответил священник.

– Да, это мир падших, но мы не обязаны быть среди падших, – возразил Прабхупада.

Священник сослался на завет Бога с Ноем.

– Может быть, Ною во времена потопа и можно было это делать, но это не значит, что вы можете всегда делать то же самое. В тот момент, чтобы выжить, можно было есть все, но сейчас, когда в изобилии столько здоровой пищи, в скотобойнях нет нужды. Кришна в «Бхагавад-гите» говорит: «Защищайте коров; это обязанность вайшьи».

Хотя Прабхупада соглашался встречаться с христианами, в частных беседах он признавал, что дискутировать с ними – только попусту тратить время.

– Они никогда с нами не согласятся, даже если потерпят поражение, – говорил он. – Наилучшая форма публичной проповеди – пение «Харе Кришна», например, на фестивалях Ратхатры. Пойте, танцуйте, принимайте прасад и каждого приглашайте к нам присоединиться.

– В любом случае, – говорил Прабхупада, – они не следуют даже собственному учению. Один юноша пришел ко мне и сказал, что хочет поговорить. Он сказал: «Я – христианин», но я ответил ему: «Чтобы называться христианином, ты не должен убивать».

Как-то раз Прабхупаде нанес визит некий житель Калькутты. Но, стоило ему заговорить о Кришне, Прабхупада его остановил:

– Понять Кришну очень сложно. Сначала нужно попытаться осознать, что нам грозит родиться еще раз.

– Но христиане говорят, что следующего рождения нет, – возразил гость. – В конце жизни душа отправляется либо в ад, либо в рай.

– Когда вы говорите, что душа направляется в рай, – поправил гостя Прабхупада, – это и есть следующая жизнь. Однако наука о Кришне предназначена только для самых совершенных из многих тысяч людей.

Иногда в лондонском храме останавливался некий г-н Кумар. Он тоже пришел к Прабхупаде и засыпал его вопросами. Он говорил, что хочет трудиться для ИСККОН, но ему нужны деньги, чтобы послать в Индию свою мать.

– Нет, – ответил Прабхупада, – наши преданные работают двадцать четыре часа в сутки, не получая за это ни копейки.

Г-н Кумар предложил несколько способов по улучшению ИСККОН. Преданные, по его мнению, должны повышать свой образовательный уровень, и в первую очередь, по части санскрита, чтобы стать настоящими учеными.

Прабхупада не согласился:

– Единственное, в чем мы нуждаемся, – это верность и преданность, – сказал он. – Я сам не великий знаток санскрита, но как-то тяну. И даже специалисты дают положительные отзывы. Духовный учитель моего Гуру Махараджа (Гауракишора-дас Бабаджи Махарадж) вообще был неграмотным. Однако ученик его, Бхактисиддхант Сарасвати Прабхупада, был величайшим ученым своего времени. При этом любое слово, сказанное Гауракишорой, во всем соответствовало шаштре. Мы не считаем, что нужно тратить время на изучение чего бы то ни было, чтобы стать специалистом и только потом проповедовать. Наш принцип – проповедуйте то, что знаете. Лекция утром, лекция вечером, а также чтение книг. Этого вполне достаточно.

Как-то раз преданные принесли Прабхупаде вырезку из газеты со статьей оксфордского профессора Д. Зэхнера. Выступая на религиозно-научной конференции, тот назвал Господа Кришну и учение «Бхагавад-гиты» «безнравственными». Доктор предположил, что именно «Бхагавад-гита», где Кришна называет душу бессмертной, повлияла на некоего знаменитого убийцу, который, дескать, прочитав эту книгу, решил, что можно убивать. Шрила Прабхупада был возмущен невежеством профессора. На утренней прогулке он продиктовал своему секретарю те аргументы, которые нужно было включить в письмо доктору Зэхнеру.

Джордж Харрисон, общаясь с Прабхупадой, всегда вел себя очень смиренно, так же, как остальные его ученики. Однажды Прабхупада с Джорджем вместе принимали прасад – самосы, халаву, овощи, сметану и пури – приготовленные специально для них. Во время прасада Прабхупада рассказал, что некоторые вриндаванские панды (профессиональные гиды, показывающие паломникам святые места) любят поесть. Как то раз один из них так объелся, что чуть не умер, но сына своего поучал: «Во всяком случае, я умираю от переедания, а не от голода. Смерть от голода – бесславная смерть». Разговаривая с Джорджем, Прабхупада улыбался и благодарил его за подаренное поместье.

– Ты видел мою комнату? – спросил Прабхупада. – Дом-то на самом деле твой, но комната – моя.

– Нет, нет, – запротестовал Джордж, предпочитая играть роль смиренного ученика. – Это дом Кришны и ваша комната.

Когда Джордж признался Прабхупаде, что, приняв сознание Кришны, он стал терять друзей, Прабхупада сказал ему, что не стоит из-за этого беспокоиться. Он прочел Джорджу отрывок из «Гиты», где Кришна говорит о том, что постичь Его можно, только занимаясь преданным служением.

– В будущем, – сказал Джордж, – ИСККОН так разрастется, что ему понадобится свой управленческий аппарат.

Прабхупада: Я разделил мир на двенадцать зон, в каждой из которых у меня есть свой представитель. До тех пор пока они будут следовать духовным принципам, Кришна будет им помогать.

Перед уходом Джордж пообещал Прабхупаде, что окажет ему содействие в приобретении новых храмов. Позже Прабхупада заметил: «На Джорджа низошла милость Кришны».

В один из дней к Прабхупаде заскочил старый знакомый – Аллен Гинсберг. В выцветшей рубашке и джинсах с подтяжками, он принес маленькую индийскую фисгармонию.

– Ты не бросил повторять «Харе Кришна»? – спросил его Прабхупада.

– А как же, – ответил Аллен, – я повторяю «Харе Кришна» и кое-что еще.

Аллен спросил Прабхупаду, не хочет ли тот услышать его игру и пение? Прабхупада кивнул. Аллен заиграл на фисгармонии и запел «Ом». С каждым повтором его голос звучал все ниже и ниже: «Оооом!» Когда он закончил, Прабхупада засмеялся.

– Ты, конечно, можешь петь все, что вздумается, но только не бросай «Харе Кришна». Все остальное – сгодится, при условии, что ты повторяешь «Харе Кришна».

Затем Прабхупада созвал всех преданных, чтобы вместе с Алленом провести громкий и радостный киртан.

Джордж Харрисон убедил другого известного поп-певца и музыканта, Донована, встретиться с прославленным лидером Движения Харе Кришна. Донован пришел с другом, тоже музыкантом. Они прихватили с собой двух подружек в мини-юбках. В неловком молчании Донован сидел перед Прабхупадой. Прабхупада заговорил:

– В Ведах есть стих, где сказано, что музыка является высшей формой воспитания.

Он стал объяснять, как музыкант может служить Кришне.

– Поступайте так же, как и ваш друг Джордж, – сказал Прабхупада. – Мы будем давать вам темы, а вы – сочинять песни.

Прабхупада сказал, что в служении Кришне можно использовать все, даже деньги.

– Но ведь деньги материальны, – вмешалась в разговор подруга Донована.

– Что вы знаете о материальном и духовном? – ответил Прабхупада.

Он обернулся к Доновану:

– Вы понимаете, о чем я говорю?

Донован скромно ответил, что он туповат, но пытается. Подруга Донована наклонилась и что-то прошептала ему на ухо, после чего Донован встал и сказал:

– Нам пора.

Прабхупада стал настаивать, чтобы они сначала хотя бы попробовали прасад.

Как только за гостями закрылась дверь, раздался взрыв хохота. Прабхупада сказал:

– Она подумала... – и, не договорив, дал возможность закончить фразу ученикам.

– Да, – сказал Йогешвара, – она подумала, что если его привлечет Кришна, то она его потеряет.

Прабхупаде так понравилось проповедовать именитым гостям, что он захотел продолжать делать это повсюду. «В какое бы место я ни приехал, – писал он в письме к одному из преданных, – мои ученики должны устраивать для меня встречи с влиятельными людьми, и я буду рассказывать им о Движении сознания Кришны».

Он жил в поместье Джорджа Харрисона уже целый месяц, а до праздника Джанмаштами и церемонии установления Божеств оставалось еще несколько недель. Поэтому, когда Бхагаван попросил Прабхупаду приехать в Париж и установить там Божества Радхи-Кришны, Прабхупада охотно согласился.

* * *

Париж, 9 августа 1973 года

Преданные устроили для Шрилы Прабхупады официальный прием в ратуше. В присутствии мэра Парижа и представителей его администрации Шрила Прабхупада заявил, что если главы правительств не пытаются привить своим подданным подлинное сознание Бога, их нельзя назвать ответственными руководителями. На следующий день в репортаже об этой встрече какой-то журналист утверждал, что Свами подверг критике даже Наполеона Бонапарта.

Бхагаван: В Париже мы только что переехали в наш новый храм на Рю-ле-Суэр, 4, и нам прислали Божества Радхи-Кришны, высотой больше метра. Прабхупада велел Прадьюмне читать мантры и омывать Божества молоком, йогуртом и так далее, а сам, сидя на вьясасане, наблюдал за происходящим и давал указания. Я помогал Прадьюмне, но в какой-то момент обернулся и увидел, что Шрила Прабхупада стоит рядом и набирает жидкости в ладонь и умащает ими лотосоподобный лик Шримати Радхарани. Когда Божества поставили на алтарь, Шрила Прабхупада провел арати, а я помогал ему, подавая атрибуты, которые он предлагал Божествам.

Установив Божества, мы прошли к Шриле Прабхупаде в его комнату и стали уговаривать его дать нашим Божествам имена. Он откинулся на стуле и сказал, что наших Божеств будут звать Радха-Париж-ишвара. Затем он объяснил, что индийцы ездят в Англию за образованием, а в Париж – за удовольствиями. Он рассмеялся и сказал, что Кришна приехал в Париж, чтобы найти Себе здесь гопи, молодых француженок, потому что француженки считаются самыми красивыми на свете.

– Радхарани – такая красавица, – сказал Прабхупада. – Совсем как парижанка. Вот Кришна и приехал сюда, чтобы найти здесь эту самую красивую из гопи. Поэтому Его будут звать Париж-ишвара.

* * *

15 августа

Прабхупада вернулся в Лондон, где получил последнюю корреспонденцию из Индии; в деле о покупке земли для ИСККОН в Хайдарабаде появились юридические сложности. Прабхупада написал своему ученику Махамсе ответ, в котором предостерег его от «второго Бомбея». Получив информацию, что работа по строительству храма во Вриндаване продвигается успешно, Прабхупада ответил:

Я с радостью узнал, что вы всецело поглощены проектом вриндаванского храма и все время думаете, как свершить задуманное. Я тоже постоянно молюсь Кришне о том, чтобы Он даровал вам разум сделать все как следует.

В письме ученику на Гавайи Прабхупада извинялся за задержку с ответом.

Я был очень занят покупкой земли в Джуху у г-на Н. Недавно он скончался, но до этого успел создать массу проблем... Они не решены до сих пор. Но я надеюсь, что вскоре все будет улажено.

Послание в Бомбей, Тамала-Кришне Госвами, свидетельствовало, насколько сосредоточен был Прабхупада на происходящих там событиях. Хотя преданные фактически вступили во владение землей и даже отремонтировали временный храм, юридически они все еще не были там собственниками.

Если госпожа Н. не собирается продавать нам землю, каков будет наш следующий шаг? За попытку выселить нас с земли мы возбудили против нее уголовное дело, но чем это кончилось? А если она не только не собирается продавать нам землю, но и не намерена возмещать нам материальный ущерб, и ко всему прочему делает попытки прогнать нас? Как нам тогда поступить? От нее столько хлопот...

Ученикам в Майяпуре Прабхупада написал:

Да, строительные работы в Майяпуре к моему возвращению должны быть полностью завершены. Когда я приеду в следующий раз, прошу избавить меня от плотников с их постоянным стуком. Мне хотелось бы остаться в Майяпуре подольше, но шум строительных работ заставил меня уехать. Я приеду, когда строительство закончится, и ни днем раньше.

Прабхупада ответил на множество писем из Америки, где преданные с возрастающим энтузиазмом распространяли книги. Их письма содержали серьезные вопросы, ответить на которые мог только их духовный учитель: насколько важно распространение книг? могут ли преданные носить в общественных местах обычную западную одежду, чтобы лучше распространять книги? что важнее: петь на улицах или распространять книги? можно ли ездить по стране на автобусах или автофургонах? позволительно ли путешествовать в фургонах с

Божествами? В письмах преданные делились с Прабхупадой своим пониманием проблемы, но при этом почтительно ожидали его решения.

Движение сознания Кришны было уже немаленьким и обладало огромным потенциалом к дальнейшему росту. Авторитет Прабхупады внутри ИСККОН был столь высок, что одно письмо, полученное от него, становилось руководством к действию на многие годы вперед. Сам он, казалось бы, спокойно сидел в своей комнате в Поместье, привычно совершал омовения, принимал пищу, по вечерам встречался с гостями. Однако в это же самое время он руководил тысячами юношей и девушек по всему миру, посылая их на войну с майей.

Я не имею ничего против ношения западной одежды при распространении книг. Нет необходимости постоянно ходить в вайшнавской одежде, но шикха и тилака должны быть всегда. Но вы можете носить парики или головные уборы. Мы должны принимать все, что способствует сознанию Кришны. Иногда, в целях распространения книг, мы можем применять эти средства – главное не забывать свои принципы. Так или иначе, распространяйте книги, и если вам удастся хотя бы немного вдохновить людей на повторение Святого имени, то неважно, что на вас надето.

Преданные продолжали задавать вопросы, желая прояснить, насколько применим принцип «цель оправдывает средства» к их попыткам исполнять наказ Прабхупады распространять книги в огромных количествах. Шрила Прабхупада, свободный от всякой корысти, отвечал на их вопросы с позиций чистого сознания Кришны.

Что касается вопроса о путешествующих группах санкиртаны и продажи книг, – да, нам нужны деньги. Продажа книг – вот реальная проповедь. Кто расскажет лучше, чем книга? Купив книгу, человек найдет время, чтобы ее просмотреть. Настоящая проповедь – это продажа книг. Вы должны научиться тому, как продавать книги, не вызывая у человека раздражения. Что даст ему ваша трехминутная лекция? Но если человек прочитает хотя бы страницу, жизнь его может измениться. Однако мы никого не хотим раздражать. Если вы ведете себя навязчиво и человек отворачивается – это ваш провал. Ни вы не продали книгу, ни он не смог остаться с вами. Но если он покупает книгу, то это по-настоящему успешная проповедь. Таково мнение моего Гуру Махараджа. Когда кто-то из его брахмачари продавал хотя бы один или несколько экземпляров журнала, Гуру Махараджа был очень им доволен и говорил: «Ты просто молодец». Поэтому распространение литературы – наша истинная проповедь. Если вы не можете правильно представлять эти книги, то должны винить в этом только себя. Но успех вашей проповеди будет определяться тем, сколько книг вы продадите. Если вы хотите что-то продать человеку и вдохновить его дать на служение Кришне какие-то деньги, вам нужно немного рассказать ему про то, что вы продаете. Купить книгу для человека – большая удача, ведь благодаря этому он получает шанс познакомиться с духовным знанием. Но если вы так назойливы, что люди шарахаются, значит, у вас не хватает разума.

Советы Прабхупады ученикам были столь глубоки, что письма его оказывали то же действие, что и его личный приезд. При помощи переписки он руководил жизнью и деятельностью своих учеников по всему миру. Каждый день, по утрам, секретарь зачитывал письма вслух, и Прабхупада, как правило, сразу диктовал ответ. Он часто говорил, что вани – наставление, полученное от гуру, важнее, чем вапух, его личное присутствие. Своими письмами он прокладывал и освещал для своих искренних последователей путь сознания Кришны.

В Америке того времени проповедь велась преимущественно посредством распространения книг, тогда как в Индии – через возведение храмов. Обе формы проповеди для Шрилы Прабхупады были одинаково важны. И хотя планы его охватывали весь мир, он считал себя лишь смиренным слугой своего духовного учителя. Сидел ли он, наслаждаясь покоем, на лужайке своего английского поместья, поддразнивая какого-нибудь малыша, или отправлял одного из своих верных солдат «сбрасывать тысячи и миллионы книг на колени обусловленным душам», вкладывал ли все свои силы в очередную фразу комментария к «Шримад-Бхагаватам» или тревожился о том, как бы г-жа Н. в Бомбее в очередной раз не навредила им, – всегда он пытался служить своему Гуру Махараджу.

Прабхупаде позвонили из Бомбея. Гирираджа просил его срочно приехать и лично договориться с госпожой Н. о покупке земли в Джуху. Гирираджа проконсультировался с их новым адвокатом, г-ном Бакхилом, и тот сказал ему, что Прабхупада должен лично присутствовать при оформлении документа о передаче земли. Другой адвокат ИСККОН, г-н Чхандавал, посоветовал то же самое – Шрила Прабхупада должен немедленно приехать в Бомбей. Поэтому Гирираджа позвонил Прабхупаде, умоляя его приехать и окончательно договориться обо

всем с госпожой Н. Прабхупада согласился. Он собирался пробыть в Лондоне неделю до Джанмаштами, а затем вернуться в Бомбей.

21 августа

На церемонии празднования Джанмаштами присутствовал М. Расготра, посол Индии в Великобритании. Он представил Шрилу Прабхупаду гостям и высоко оценил его выдающийся труд. Прабхупада выступил с речью, в которой рассказал, что приход Кришны – это ключ к миру для всего запутавшегося человечества.

– В Индии, как нигде, – говорил Прабхупада, – у нас есть огромные возможности осознать Бога. Все уже есть, но мы не хотим взять. Где же найти лекарство от нашей болезни? Мы жаждем мира, но не принимаем того, что действительно приносит нам мир. В этом наша болезнь. Движение сознания Кришны старается пробудить в каждом сердце дремлющее сознание Кришны. А иначе, как бы могли эти европейцы, американцы и прочие жители этой планеты, которые еще четыре-пять лет назад ничего не слышали о Кришне, воспринять Его учение столь глубоко? Это возможно лишь потому, что сознание Кришны живет в сердце каждого.

Прабхупада цитировал молитвы из «Брахма-самхиты», описывающие верховное, вечное положение Кришны на Его нетленной планете, Кришналоке.

– Но Кришна присутствует повсюду, – объяснял он, – и, если вы преданы Ему, вы можете к Нему приблизиться. Когда вы делаете шаг навстречу Кришне, Он делает десять шагов навстречу вам. Мы просто должны Его принять. Поклонение Божеству в храме подразумевает поклонение самому Кришне, Верховной Божественной Личности. Он милостиво согласился принять видимый и доступный нам образ. Не думайте, что мы установили мраморную статую. Негодяи скажут: «Язычество». Нет, мы поклоняемся Самому Кришне. Мы не способны воспринять гигантскую или всепроникающую ипостаси Кришны, потому, идя нам навстречу, Кришна принимает облик Божества в храме. Занимайтесь служением Кришне круглосуточно. В этом смысл установления Божества.

* * *

Бомбей, 15 сентября 1973 года

На следующий день после своего приезда Шрила Прабхупада встретился с адвокатами г-жи Н. и выслушал их предложения. В деле появились обнадеживающие моменты, и все же договоренности не получалось. Реакция общественности на попытку госпожи Н. разрушить храм изменила ее настрой. Своему адвокату она сказала, что если Прабхупада сразу заплатит ей оставшиеся 12 лакхов рупий, то она отдаст ему землю. Прабхупада был готов согласиться на ее предложение, но не хотел ничего предпринимать до тех пор, пока не удостоверится в серьезности намерений госпожи Н.

С ней регулярно встречался бомбейский адвокат и свободный член ИСККОН г-н Аснани, убеждая ее пойти Прабхупаде навстречу. То же самое советовали ей и ее адвокаты. Однако Прабхупада жил в Бомбее уже несколько недель, а встретиться с г-жой Н. ему все никак не удавалось. Однажды господин Аснани уже приехал к ней, чтобы отвезти ее к Прабхупаде, но она сказала, что больна. Каждый день г-н Аснани обещал Прабхупаде: «Госпожа Н. придет завтра», и Прабхупада не мог скрыть своего разочарования, понимая, что дело опять откладывается. Видя такое положение дел, его секретари заявили г-ну Аснани, что они не сомневаются в его добрых намерениях, но склоняются к тому, чтобы передать дело другим адвокатам. Г-н Аснани попросил дать ему сорок восемь часов на то, чтобы уладить дело и оформить передачу земли.

Он приехал к г-же Н. в один из ее домов, где она поправлялась после болезни.

– Матаджи, – сказал он умоляющим голосом, – мой Гуру Махараджа завтра уезжает. Если вы не приедете сегодня вечером, дело с землей может затянуться еще на год.

Госпожа Н. согласилась. Около 9 часов вечера они вдвоем подъехали к дому господина Богилала Пателя, где Прабхупада должен был проводить киртан и читать «Бхагаватам». Прабхупада был на крыше и готовился начать лекцию, но, услышав о приезде г-жи Н., он прервал программу и спустился к себе в комнату, где должен был состояться их разговор. После короткой беседы Прабхупада извинился перед г-жой Н. и, поднявшись на крышу, начал лекцию.

Вернулся он около полуночи, в сопровождении слуги и секретаря. Г-жа Н. все еще ждала. Разрыдавшись, она упала Прабхупаде в ноги.

– Простите меня за все, что я вам сделала, – сквозь слезы проговорила она. – Пожалуйста, простите меня.

Она пообещала сделать все так, как того хотел Прабхупада.

Прабхупада смотрел на нее с состраданием – он понимал, что творилось у нее на душе.

– Вы мне как дочь, – сказал он. – Не беспокойтесь. Я позабочусь о вас. Я буду заботиться о вас до конца ваших дней.

Прабхупада сказал, что принимает все ее условия и готов выплатить оставшиеся 12 лакхов рупий плюс 50 000 рупий компенсации за просрочку.

Прабхупада и г-жа Н. назначили окончательную дату подписания документа о передаче земли – 1 ноября. Вскоре после встречи с нею Прабхупада покинул дом Богилала Пателя и переехал к г-ну Сетхи, где ему пришлось серьезно потрудиться, чтобы решить оставшиеся проблемы – в частности, попросить компанию К. отозвать свой иск.

Затем он переехал в дом г-на Ч.М. Кхатау, что находился всего в двух кварталах от Харе-Кришна-Лэнда. Там Прабхупада поселился в летнем домике – простой хижине с бамбуковым каркасом и стенами из «чхатай» (пальмовых листьев). Обычно подписание документов о передаче собственности происходило в кабинете регистратора, в центре города, но на этот раз мистер Аснани пригласил регистратора к Прабхупаде.

В половине седьмого вечера Шрила Прабхупада сидел за своим низким письменным столом в простенке между окнами, прислонившись спиной к стене. Здесь же находились г-жа Н. со своими адвокатами, чиновник-регистратор, господин Аснани, супруги Сетхи и человек восемь преданных. В переполненной комнате было жарко и душно. Регистратор готовил документы для подписи, а г-жа Н. тем временем сидела по правую руку от Прабхупады. Шрила Прабхупада был серьезен. Тишину в комнате нарушало только шуршание бумаг да скрип пера. Подготовка и подписание документа заняли чуть больше двадцати минут. Прабхупада передал г-же Н. деньги, после чего она подписала документ о передаче земли. ИСККОН вступил в законное владение землей.

Гирираджа: Когда подписывали документы, в комнате стояла мертвая тишина. Каждому из присутствующих казалось, что происходит событие чрезвычайной важности – как будто две великие мировые державы подписывают мирный договор. После того как г-жа Н. подписала документ, все молча наблюдали за тем, как передают бумаги. Она заплакала. Тамала-Кришна Госвами тихо спросил, почему она плачет, и госпожа Н. ответила, что как раз в этот день к ней приходил господин Матар и сказал, что нашел на эту землю покупателя, который готов был заплатить на много лакхов больше, чем платим мы. Глядя на госпожу Н., мы думали, что сейчас она, наверно, вспоминает все, что произошло за это время – все совершенное ею зло и смерть мужа. За этой минутой стояли месяцы напряженной борьбы. Поэтому для Прабхупады, преданных и тех, кто поддерживал Прабхупаду, все происходившее в этот вечер было осуществлением их многолетней мечты.

Шрила Прабхупада попросил учеников сообщить об окончании дела в газеты. Он пригласил всех пройти в зал перед его кабинетом, чтобы принять участие в пире. Циновки были расстелены в два ряда, преданные принесли тарелки из листьев и расставили их перед гостями, после чего стали предлагать сидящим в два ряда гостям разнообразные блюда.

Прабхупада не садился.

– Ну что же, приступим! – сказал он после того, как преданные раздали прасад.

Преданные приготовили несколько блюд – рис, дал, пакоры самых разных видов (из картофеля, цветной капусты, баклажанов), картофельное сабджи, пападамы, бурфи, сабджи из цветной капусты, ладду, чамчам (молочные сладости), кхир с вермишелью, халаву и лимонный напиток. Настроение у всех было радостное и приподнятое.

Госпожа Уорриер (жительница Харе-Кришна-Лэнда): После подписания купчей все преданные прокричали: «Джая!» Все были очень счастливы. Потом Прабхупада рассказал нам о бомбейском проекте. Он сказал, что все здесь будет из мрамора. Кто-то спросил, неужели это возможно. Прабхупада объяснил, что это вполне реально и осуществимо. Он представил проект столь наглядно, что все были поражены тем, как он его описывал. Этот храм станет восьмым чудом света. Люди со всего мира будут приезжать, сюда только для того, чтобы увидеть этот храм. Он станет одной из достопримечательностей Бомбея. Прабхупада представил весь проект так, словно мысленным взором уже видел его, и добавил, что когда строительство закончится, мы увидим нечто такое, чего и представить себе не можем. Это будет нечто потрясающее!

Пир закончился поздно, и когда все разошлись, Прабхупада вернулся в свою комнату, сел за рабочий стол и, откинувшись назад, воскликнул:

– Славная была битва!

Позднее Прабхупада вспоминал об этой битве как о доказательстве того, что у человека в сознании Кришны нет проблем.

– На покупку земли в Бомбее мы потратили от восемнадцати до двадцати лакхов рупий, – рассказывал Прабхупада несколько месяцев спустя, путешествуя по Европе, – но реально она стоит пятьдесят лакхов. Кто-то удивляется, другие завидуют. Но если вы приедете туда, то убедитесь сами, что место это – необыкновенное. Это просто райский сад, площадью около двух гектаров, с шестью строениями. На самом деле, когда мы приходим в сознание Кришны, у нас не остается никаких проблем.

Проект, без сомнения, был очень перспективен, но как Прабхупада мог столь свободно говорить, что проблем не существует? Дело в том, что он видел, как Кришна Сам решает проблемы Своих преданных. Когда Прабхупаде нужны были деньги, они пришли – причем в таком количестве, которое он никогда бы не собрал в обычных условиях. Кришна устранил и грозных противников. В борьбе с такими людьми как супруги Н. Прабхупада не мог полагаться ни на стабильный источник дохода, ни на политическое влияние. Он полагался только на Кришну, поэтому у него не было проблем. Все проблемы в мире созданы непреданными, не желающими соблюдать законы Бога.

– Любой, кто встал на путь бхакти-йоги, – говорил Прабхупада, – может понять, что все его проблемы решены. Мы убеждаемся в этом на практике.

Тем не менее, Прабхупаде нередко приходилось терпеть козни непреданных. Два года жизни он потратил на то, чтобы сохранить для служения Кришне землю в Джуху. В Бомбее, или где бы то ни было, он беспокоился о том, как бы помочь своим неопытным ученикам, неспособным противостоять коварным уловкам противника. Это было тяжелое испытание, проверка на стойкость и мужество, но Прабхупада не поддавался влиянию майи, иллюзии, и потому у него «не было проблем».

Своим примером Прабхупада показал: того, кто неукоснительно следует принципам бхакти-йоги, не затрагивают гуны природы, и майя не властна над ним. Той духовной науке, которой на своих лекциях и в беседах он постоянно обучал других, он неуклонно следовал сам. Он верил в сознание Кришны, и все его проблемы решались. В «Бхагавад-гите» Кришна обещает, что тот, кто предан Ему, легко преодолеет все препятствия. Преданный понимает, что трудности, порожденные майей, можно преодолеть, предавшись Кришне и указаниям Его представителя, гуру.

Теперь, когда земля принадлежала ИСККОН, Прабхупада мог продолжить осуществлять задуманное. Пытаясь построить здания и распространять сознание Кришны, он, несомненно, столкнется с препятствиями, созданными майей, но самое трудное уже позади. Величественный храм Шри Шри Радха-Расавихари будет построен. Когда-нибудь и преданные, и гости, приезжающие в «ворота Индии», Бомбей, смогут останавливаться в первоклассном отеле Харе-Кришна-Лэнда, чтобы окунуться в духовную атмосферу храма. А преданные, если не забудут пример и наказ Прабхупады, смогут с успехом использовать Харе-Кришна-Лэнд в духе служения Кришне. Не напрасно Прабхупада терпел и надеялся на Кришну.

Благодаря своему терпению, Шрила Прабхупада явил миру не только возможности проповеди в Харе-Кришна-Лэнде, но и величественный живой пример поведения садху. В «Шримад-Бхагаватам» Господь Капиладева так описывает святого:

титикшавах каруниках сукридах сарва-дехинам

аджата-шатравах шантах садхавах садху-бхушанах

«Садху терпелив и милосерден, он – друг всех живых существ. У него нет врагов, он умиротворен, строго следует предписаниям шастр и наделен всеми добродетелями».

Будучи терпеливым (титикшавах), садху не боится трудностей, порожденных материальной природой. Борясь за землю в Джуху, Прабхупада сталкивался с врагами и проблемами, но никогда не опускал рук.

– Вы должны терпеть, – порой говорил он ученикам.

Но садху не только терпелив, но и сострадателен (каруниках). Когда полиция напала на временный храм ИСККОН, Прабхупада мог бы посчитать это знаком, что пора бы освободить участок и бросить помогать этим неблагодарным людям, давая им сознание Кришны. «Зачем нам

такие беспокойства? Чего ради нам так стараться?» У него уже было около ста храмов за пределами Индии. Если бомбейцам не нужно сознание Кришны, может быть, покинуть их, предоставив их самим себе?

Нет. Как истинный садху, Прабхупада был сострадателен. Он приехал с посланием милосердия, посланием сознания Кришны, а потому должен был терпеливо доносить его до каждого. Заблудшие люди, подобно животным, жили исключительно ради наслаждений, а значит, по закону кармы, в следующем воплощении им были уготованы страдания. Предвидя их горькую участь, Прабхупада не мог не помогать этим падшим душам, и даже людская неблагодарность не могла его остановить.

«Шримад-Бхагаватам» описывает садху как сухридах сарва-дехинам: того, кто думает исключительно о благе всех остальных. Свободный от национализма, он не считает себя индийцем, американцем и даже просто человеком, но лишь вечной духовной частицей, призванной действовать на благо всех живых существ.

«Шримад-Бхагаватам» называет садху аджата-шатру, тем, кто никогда ни с кем не враждует. Несмотря на то, что завистливые люди могут объявлять себя врагами садху, он остается лучшим другом каждого и всех пытается привести к Кришне. Видя, как старается Прабхупада распространять сознание Кришны, недоброжелатели чинили ему препятствия. Но, как он достойно показал в Бомбее: «Что поделать? Нужно терпеть». Строительство здания еще не началось, но Прабхупада уже в полной мере явил качества, украшающие садху. Оставаясь спокойным (шанта), полагаясь на Кришну, он вышел из этой битвы победителем. И перед тем, кто служит такой великой душе, утверждает «Шримад-Бхагаватам», открываются врата к освобождению.

Глава сорок третья

Храм Кришны и Баларама. Начало

Апрель 1972 года

Шрила Прабхупада постоянно думал о строительстве Кришна-Баларам-мандира. В апреле 1972 года он попросил своего ученика Сурабхи, который делал проект бомбейского центра, нарисовать эскизы для храма во Вриндаване, в стиле индийского Ренессанса. Прабхупаде нравился новый храм Говиндаджи, что неподалеку от первоначального, построенного Рупой Госвами. Ему нравился его открытый двор, окруженный аркадой, и его фасад со ступенями, ведущими в зал для даршанов. Он выразил желание, чтобы храм ИСККОН воспроизводил некоторые архитектурные особенности храма Говиндаджи. С помощью архитектора из Вриндавана Сурабхи сделал чертежи проекта, и Прабхупада его одобрил.

Это будет самый величественный храм во Вриндаване. Многие высокопоставленные лица из Дели, которые также являются преданными, будут рады возможности провести с нами выходные. Они словно побывают на Вайкунтхе. Вы должны построить нечто выдающееся. Иначе это будет позором для вас, молодых американцев. Построив замечательный храм, вы оправдаете мнение и об Америке, и об Индии. Вриндаванский проект – один из самых важных проектов ИСККОН.

Несмотря на постоянную связь с Прабхупадой по почте, Гурудас сделал несколько серьезных упущений: не вырыл колодец и не получил разрешения от городских властей, хотя Прабхупада неоднократно просил его об этом. Летом 1972 года Прабхупада писал:

Я с самого начала говорил, что хочу построить во Вриндаване храм, похожий на храм Говиндаджи. Я столько раз писал тебе, но ты так ничего и не сделал. Ну да ладно, проект Сурабхи мне нравится.

Через две недели Прабхупада вновь написал Гурудасу:

Я хотел построить храм, похожий на храм Говиндаджи. Неужели это так сложно, что ты уже шесть месяцев ходишь и ходишь по разным инженерам? Любой заурядный инженер способен составить проект и его согласовать. К чему тратить столько времени на лишнюю переписку?

Строительство храма во Вриндаване – не такое уж трудное дело, думал Прабхупада, и потому бесконечные проволочки причиняли ему немало беспокойств. Он боялся, что преданные и архитекторы сделают здание слишком дорогим. Он велел строго придерживаться одобренных им планов, пусть даже здание окажется чуть дешевле, чем планировалось в начале. Он хотел, чтобы всеми работами руководил опытный ученик, который не дал бы себя обмануть.

Еще в апреле 1972 года Прабхупада выразил желание, чтобы главными Божествами в его храме во Вриндаване стали Кришна и Баларама. «Кришна будет черным, а Баларама – белым, и стоять Они будут так, как на обложке журнала «Назад к Богу». Он хотел, чтобы при входе висела вывеска «Шри Кришна-Баларам-мандир».

Одной из причин, по которой Прабхупада хотел установить в своем храме Божества Кришны и Баларама, было то, что большинство вриндаванских храмов были посвящены Радхе-Кришне; храм ИСККОН должен был стать единственным в своем роде. Другая причина заключалась в том, что участок, принадлежавший ИСККОН, располагался в роще Рамана-рети, на мягких песках которой пять тысяч лет назад Кришна и Баларама наслаждались Своими детскими играми. В Рамана-рети подобало прославлять детские игры Кришны и Баларама и поклоняться им.

Хотя с того дня, когда Кришна появился во Вриндаване, минули тысячелетия, атмосфера в нем почти не изменилась: пейзажи и звуки – все осталось таким же, как было. Все так же бегали по песку или сидели на крышах и деревьях павлины, все так же ворковали голуби, куковали кукушки, хлопали зелеными крыльями попугаи... Таковы вечные звуки и картины вриндаванского леса. В своей книге «Кришна – Верховная Личность Бога» Прабхупада описывал игры Кришны, Баларама и Их друзей-пастушков в Рамана-рети и подобных ей местах.

«Мои дорогие друзья, посмотрите на этот чудесный берег! Посмотрите, как слетаются на аромат цветущих лотосов пчелы и птицы, наполняя этот прекрасный лес своим жужжанием и щебетом. Как чист и мягок здесь песок! Лучшего места для игр нам просто не найти!»

«Шримад-Бхагаватам» учит, что вриндаванские игры Кришны и Баларама с Их друзьями-пастушками – суть наивысшее духовное откровение, лежащее далеко за пределами представлений о Боге в обычном религиозном смысле. Высшая Истина, которую одни воспринимают как безликий Брахман, другие – как Всемогущего Бога, а третьи – как простого смертного, предстает в образе вечного и самого дорогого друга пастушков Вриндавана. Лишь после многих и многих жизней, посвященных праведности, удостоились они такой чести – присоединиться к исполненным любви играм Кришны и Баларама в Рамана-рети.

Сооружая храм Кришны и Баларама, Прабхупада хотел дать возможность всем – будь то иностранные туристы, гости из Дели или его ученики – насладиться мирной, духовной атмосферой Рамана-рети. Он уже получил письмо из крупного международного туристического агентства, в котором его просили предусмотреть в проекте гостиницы номера для туристов, чтобы гостиницу ИСККОН можно было включить в официальные маршруты по «духовной» Индии. В страну постоянным потоком стекаются туристы, желающие увидеть святые места Индии, но, к сожалению, большинство из тех мест, которые они обычно посещают, не освящены авторитетом ачарий и наводнены мошенниками, поэтому центр ИСККОН будет иметь огромное значение. Прабхупада писал:

Вы должны создать европейский проповеднический центр и приглашать туда всех туристов и хиппи, которые приезжают во Вриндаван. Угощайте их прасадом, привлекайте к участию в киртанах, уборке храма, предлагайте им прочесть наши книги, – словом, дайте им шанс стать преданными.

Была еще одна важная причина, побудившая Прабхупаду сделать Кришну и Балараму главными Божествами своего храма во Вриндаване. Господь Баларама является первой экспансией Господа Кришны, и в своем воплощении Санкаршаны Он держит на Себе все вселенные. Поэтому вайшнавцы поклоняются Балараме ради обретения духовной силы. «Вы можете обращаться к Господу Балараме с просьбой дать вам недостающие силы», – говорил Прабхупада. Будучи источником духовной силы, Господь Баларама известен также как изначальный духовный учитель.

Как и в других больших храмах ИСККОН, во вриндаванском храме Прабхупады будет три алтаря. Кроме Кришны и Баларама, здесь предполагалось установить Божества Господа Чайтаньи и Господа Нитьянанда. Господь Чайтанья – это Сам Кришна, а Господь Нитьянанда – это Господь Баларама. Об этом Кришна-Баларам-мандир возвестит всему миру. Господа Нитьянанда чаще всего называют крипа-аватарой, ибо в этом облике Господь наиболее милостив к падшим. Таким образом, поклонение Кришне и Балараме и Господу Чайтанье и Господу Нитьянанде будет говорить о важности проповеди сознания Кришны другим. Кроме того, Прабхупада хотел установить в своем храме Радху-Шьямасундару вместе с двумя гопи, Их спутницами, – Лалитой и Вишакхой.

Шрила Прабхупада не мог позволить себе все время жить во Вриндаване, но в его отсутствие работа по строительству храма замедлялась. Гурудас, президент храма, не располагал большими средствами и не знал толком, как ими распоряжаться. Прабхупада называл его «Чертовски-дешево Бабу» – так индийцы называют людей с Запада, которые полагают, что выгодно, «чертовски дешево» купили товар, не подозревая, что на самом деле их обманули.

Прабхупада не мог в расходовании средств полностью полагаться на учеников, поэтому учредил сложную систему, при которой даже в его отсутствие все чеки на строительство храма ИСККОН во Вриндаване должны были выписываться только с его личного разрешения. Когда Гурудасу нужны были деньги, Теджас, президент делейского храма, приезжал во Вриндаван и подтверждал целесообразность вложений. Затем чек посылался на подпись Шриле Прабхупаде, а когда он возвращался в Дели, Теджас ставил свою подпись и отдавал его Гурудасу.

Хотя Прабхупада, как правило, предпочитал не обременять себя управлением храмами, он все же настаивал на том, чтобы ни одна рупия не была потрачена на строительство во Вриндаване без его разрешения. Но даже при таком контроле Гурудас умудрялся транжирить деньги: брал их под строительство, а использовал на другие нужды – причем торговцы его, как правило, обманывали.

С тех пор, как Прабхупада в последний раз приезжал во Вриндаван на Карттику в 1972 году, прошло уже больше года, и все это время он руководил строительством храма по переписке. Движение сознания Кришны стремительно росло и развивалось на всех континентах, поэтому

Прабхупаде приходилось много путешествовать. Но три проекта – в Бомбее, Вриндаване и Майяпуре – были главными темами его переписки и основными объектами его капиталовложений.

Одной из причин его нечастого появления во Вриндаване было то, что в своих письмах Гурудас лучился оптимизмом и обещал, что храм можно будет открыть уже на Джанмаштами 1973 года. Сурабхи, отвечавший за строительство, прекрасно знал, что работа продвигается чересчур медленно, однако Гурудас в своих письмах Прабхупаде вдохновенно рисовал картину скорого завершения и открытия мандира. Прабхупаду радовали хорошие вести и, хотя у него были некоторые сомнения, он просил Гурудаса сдерживать свое обещание.

Если ты сможешь закончить работу к следующему Джанмаштами, то сделаешь великое дело, и я приеду к вам из любой точки мира, чтобы установить Божества. Но теперь, чтобы сдержать свое обещание, тебе из всех сил придется трудиться не покладая рук. В противном случае я очень разочаруюсь и очень сильно на тебя рассержусь.

Преданных, принимавших участие в строительстве, Прабхупада предупредил, что если они действительно хотят сдержать слово, то должны усердно работать, чтобы закончить до начала сезона дождей в июне.

Однако для любого, кто побывал на стройплощадке во Вриндаване, было очевидно, что вовремя строительство не закончится. Пока что будущий храм представлял собой сетку фундамента с торчащими из него прутьями стальной арматуры. Жили здесь всего лишь трое или четверо преданных, которым с грехом пополам удавалось организовать рабочих и изыскать денежные средства и строительные материалы. Лето в тот год выдалось на редкость жарким, поэтому каждый день в послеобеденные часы измученные зноем преданные были вынуждены просто лежать в своих хижинах. Цены на цемент и сталь повысились вдвое. Однако Гурудас продолжал посылать отчеты о блестящих успехах, и Прабхупада вдохновлял его продолжать со всей решимостью.

Но Прабхупада умел читать и между строк, поэтому предупреждал Гурудаса:

Я лишь хочу, чтобы работа спорилась, и деньги не улетали на ветер. Средства должны использоваться только на строительство.

Постепенно разговоры об открытии храма на Джанмаштами смолкли, но Прабхупада не выразил по этому поводу недовольства. Напротив, он продолжал вдохновлять преданных не снижать темпов и просил их, чтобы к его приезду в октябре 1973 года они закончили хотя бы его комнату.

Однако когда Прабхупада приехал, апартаменты его были еще далеки от завершения, и ему пришлось неделю провести в доме своего вриндаванского друга. Он не отстранил Гурудаса от должности, но попытался научить его грамотно вести дела и бухгалтер. Своему секретарю Джи-би-си по Индии, Тамала-Кришне Госвами, он направил просьбу выделять на вриндаванский проект больше средств.

Итак, я приехал во Вриндаван. Что касается строительства: почему средства поступают столь нерегулярно? Теджияс пишет, что за последние три месяца ты послал 5000 рупий, а затем – вообще ничего. Как им продолжать строительство?

Вдохновленные приездом Прабхупады, преданные воспрянули духом и организовали на своем участке небольшой фестиваль, разбив шатер и украсив столбы фундамента банановыми деревьями и цветами. Несколько вечеров на лекцию Прабхупады собиралось около пятидесяти местных жителей, которые рассаживались на складные стулья между лентами фундамента. Прабхупада был непоколебим в своем желании. Как всегда, он хотел построить храм, а горстка его учеников во Вриндаване были уверены, что их миссия – этот храм возвести. Они понимали, что храм, который они строили, не был каким-то местным проектом: он был важен для всего мира. День официального открытия был назначен на следующий Джанмаштами, в августе 1974 года.

Несмотря на свой большой опыт архитектора и строителя, Сурабхи никогда не имел дела с такими необычными постройками и сомневался в том, что храм будет достроен за год. А Теджас был не особо уверен в том, что вовремя будут собраны средства. Гурудас же, уже умудренный опытом, заверял Прабхупаду, что преданные уложатся в срок.

Субала хотел было остаться во Вриндаване, но только при условии, что его освободят от всех дел, связанных с управлением, и дадут спокойно повторять мантру и гулять по рощам. Это было неприемлемо, поэтому он давно уехал на Запад. Те же, кто героически оставался на стройке, знали, что, по крайней мере, на данный момент, их истинная духовная практика во Вриндаване

состоит из тяжелого труда, беспокойств и борьбы со всевозможными препятствиями. Они должны были оставаться чистыми инструментами в служении чистому преданному Господа Кришны.

В феврале 1974 года, путешествуя по южным штатам Америки, Прабхупада написал Гурудасу, что хотел бы приехать во Вриндаван сразу, как только будет готова его квартира и спросил, когда это случится. Гурудас узнал у Сурабхи, и тот сказал, что через месяц. Со свойственным ему оптимизмом Гурудас предложил Прабхупаде приехать через три недели, но Прабхупада ответил телеграммой, что приедет через две!

К тому времени у дома Прабхупады не было ни крыши, ни пола, – только часть внешней стены. Сурабхи объявил строительный марафон и нанял две бригады рабочих, которые работали в две смены – днем и ночью. Две недели они трудились без остановки, решительно нарушая все мыслимые технологические нормы. Они штукатурили и красили одновременно, поэтому стены оставались сырыми. За несколько дней до приезда Прабхупады они настелили временный пол, положив на землю ряд кирпичей, слой коровьего навоза и укрыв все это коврами и простынями. Погода стояла холодная, а отопительной системы в доме не было.

Прабхупада приехал утром; преданные собрались в его доме. Счастливый, он сидел за своим письменным столом, хваля их за успехи. Он сказал, что если они будут продолжать в том же духе, то смогут закончить работы до Джанмаштами.

Почти сразу после приезда у Прабхупады появились признаки простуды, но он не желал даже слушать о том, чтобы переехать в другое место.

– Это мой первый дом, – сказал он. – И я останусь здесь.

Большая комната, сложенная из кирпича и камня, была простой и строгой. Большую часть дня в ней царил полумрак, но Прабхупада считал ее своим Вриндаванским домом. Вскоре к нему стали заходить местные именитые гости, и он тепло принимал их, часами обсуждая с ними сознание Кришны. Здесь же по вечерам он читал лекции и вел киртаны.

Во Вриндаване Прабхупада столкнулся еще с одной проблемой. Гурудас сообщил ему, что г-н С. попросил вернуть ему пятнадцать метров пожертвованной земли, утверждая, что строительство ведется недостаточно быстро, и что он и не думал отдавать под храм переднюю часть участка, а планировал использовать ее для магазинов, а может быть, даже для бензоколонки. Прабхупада встревожился. Если г-н С. заберет часть территории, то план храма будет испорчен, а пожертвование окажется просто насмешкой. Что проку в земле, если к ней нет доступа?

Расспросив Гурудаса о подробностях, Прабхупада узнал, что тот все еще не получил документов на землю. Это очень встревожило Прабхупаду, но он невозмутимо и внимательно продолжал руководить действиями ученика. Он попросил Гурудаса немедленно получить у регистратора документы и обнести территорию высокой кирпичной стеной. Г-н С. тогда был в отъезде, и секретарь Прабхупады телеграфировал ему: «ХАРЕ КРИШНА. ПРАБХУПАДА ВРИНДАВАНЕ ДО 13. ДАВАЙТЕ ДОГОВОРИМСЯ ПЕРЕДНЕМ УЧАСТКЕ КАК БЫЛО ОБЕЩАНО».

Г-н С. послал ответную телеграмму: «ПЕРЕДНИЙ УЧАСТОК ЗЕМЛИ БУДЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ДЛЯ ДРУГИХ ЦЕЛЕЙ КАК БЫЛО РЕШЕНО РАНЕЕ. ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ».

Неужели Прабхупаду ждет второй «Бомбей»? Однако действия г-на С. стали еще одним стимулом срочно довести строительство до конца, о чем Прабхупада неоднократно просил. Если бы земля была уже огорожена, а храм построен, то у г-на С. не возникло бы и мысли забрать землю назад. Не до конца понимали тогда ученики Прабхупады причину его настойчивости. Он не давал им послабления и порой был строг и требователен – подчас даже слишком требователен, но тому были серьезные основания. Это была война с недремлющей майей. Поэтому малейшее промедление могло очень дорого обойтись преданным. Вопросов типа: «Зачем торопиться? К чему такая спешка?» лучше было не задавать. Задать подобные вопросы мог только человек наивный и ленивый. До тех пор, пока во Вриндаване не появится храм Движения сознания Кришны, всегда остается опасность, что он не появится никогда.

Прабхупада написал своему другу в Калькутту.

Это высказывание С. сильно меня взволновало. Он сам сказал мне, что пожертвовал нам землю по велению Шримати Радхарани. Мы уже вложили в строительство храма сотни тысяч рупий, а теперь, если он займет переднюю часть земли под свои цели, то храм не будет виден... Пожалуйста, поговори с г-ном Н.С., братом К., и реши этот вопрос, чтобы мы могли продолжать строительные работы. Пожалуйста, отнесись к этому делу как к не терпящему отлагательств.

Прабхупада воспользовался отсутствием г-на С. во Вриндаване как возможностью поговорить с его братьями и адвокатами. То, что было отдано во имя Шримати Радхарани, сказал он им, ни в коем случае нельзя забирать обратно. Те согласились (по крайней мере, на тот момент), что позиция г-на С. достаточно слаба. Тем временем, рабочие спешно возводили вокруг участка четырехметровую стену.

4 утра. Прабхупада молча сидит в полумраке холодной комнаты, при свете маленькой настольной лампы. Он поднялся с постели в два часа утра и пришел в гостиную, чтобы диктовать комментарии к «Шримад-Бхагаватам». На нем вязаная шапочка, закрывающая уши, и свитер, на плечи его наброшен серый шерстяной чадар. Слуга, сидящий за двойной дверью его комнаты, заглядывает внутрь, интересуясь, что делает его духовный учитель. За время последнего турне по Соединенным Штатам у Прабхупады появился новый слуга-секретарь, Сатсварупа-дас Госвами. Несмотря на холод, новый помощник Прабхупады счастлив находиться во Вриндаване, рядом с духовным учителем.

Прабхупада позвонил в колокольчик. Слуга быстро поднялся, открыл двери и вошел в комнату. Он увидел, как, серьезный и таинственный, Прабхупада сидит за письменным столом в дальнем углу просторной комнаты, и как искрятся его красивые, глубокие глаза. Кланяясь, Сатсварупа подумал о том, какая великая удача – находиться здесь, рядом с духовным учителем. Поднявшись, он увидел, что Прабхупада слегка кивает, и почувствовал, что учитель понимает его счастье.

Сидя на полу, по другую сторону стола, Сатсварупа посмотрел на Прабхупаду. Испытывая благоговейный страх, он сосредоточился, ожидая его указаний, боясь только, что не справится.

– Возьми книгу «Кришна», второй том, – велел Прабхупада.

Слуга побежал, снял книгу с полки, вернулся и снова сел.

– Читай историю о царе Нриге, – сказал Прабхупада.

Указания Прабхупады были лаконичны, и не требовали разъяснений. Слуга несколько замешкался, предполагая, что учитель попросит еще что-нибудь. Он открыл книгу и выжидающе посмотрел на Прабхупаду:

– Вслух?

Прабхупада кивнул и слуга начал читать.

Вскоре Сатсварупу начал мучить вопрос, почему в столь ранний час Прабхупада попросил его читать, вместо того, чтобы, как обычно диктовать «Шримад-Бхагаватам». Пока Сатсварупа читал, Прабхупада сидел неподвижно, и трудно было понять – доволен ли он и слушает ли вообще. В этой тишине Сатсварупа, отчетливо слыша свой собственный голос, внимательно следил за повествованием.

А в истории говорилось о том, как царь Нрига жертвовал коров брахманам, и как однажды одна из этих коров заблудилась и пришла назад, в стадо царя Нриги, а тот, не зная об этом, отдал ее другому брахману. Однако, когда новый хозяин коровы уводил ее, явился первый хозяин и потребовал ее вернуть. Между двумя брахманами завязался спор. Представ перед царем Нригой, они заявили, что забрать отданную в качестве милостыни корову обратно – значит совершить великий грех. Озадаченный царь Нрига смиренно предложил каждому из брахманов по сотне тысяч коров в обмен на эту. Однако те не согласились, ибо согласно законам Ману, никто, даже правитель, не имеет права забирать у брахмана его имущество. Возмущенные, брахманы ушли, а царю Нриге в следующей жизни пришлось родиться ящерицей.

Читая эту историю, слуга вдруг заподозрил, что Прабхупада попросил его прочитать эту историю, чтобы уличить в обмане его, своего собственного слугу. В панике он пытался вспомнить, не допускал ли он подобного оскорбления, украв что-нибудь у духовного учителя. Он ничего не мог припомнить, пока, наконец, в памяти его не всплыл случай, когда он взял пару носков, которую кто-то подарил Прабхупаде. Прабхупаде постоянно что-нибудь дарили – носки, шарфы и прочее, – а он, как правило, раздавал все это ученикам, оставляя себе лишь самое необходимое. Во Вриндаване было холодно, поэтому Сатсварупа, не имевший носков, взял себе одну дешевую пару, уверенный, что его духовный учитель не захочет их носить. Он предполагал, что Прабхупада не будет против, но сейчас его, похоже, вывели на чистую воду.

История закончилась, но Прабхупада продолжал молчать; слуга тоже. «Может быть, Прабхупада спит?» – подумал Сатсварупа, не смея ничего сказать и боясь даже пошевелиться. Прабхупада тоже не двигался. Сатсварупа уставился в книгу, временами бросая взгляд на учителя и ожидая каких-либо указаний. Прошло минут пять. Наконец Прабхупада произнес:

– Теперь возьми эту главу и перепечатай ее.

Слуга кивнул и поднялся, чтобы выйти из комнаты. Но смысл этой просьбы оставался для него непонятен. Зачем нужно было читать этот рассказ, да еще и перепечатывать его? Прабхупада снова заговорил:

– Я хочу продиктовать одно письмо.

Сатсварупа снова сел, достал блокнот и приготовился записывать.

Письмо было обращено к г-ну С. Прабхупада говорил, что г-н С. пожертвовал землю, но затем пожелал забрать обратно переднюю часть участка длиной в пятнадцать метров. Прабхупада напомнил г-ну С., что, согласно изначальному договору, тот отдал всю землю с повеления Шримати Радхарани. Как же мог он теперь требовать ее назад? Г-н С. должен любезно пересмотреть свое намерение. Для этого Прабхупада прилагал историю из «Шримад-Бхагаватам» о царе Нриге. Г-ну С. следует прочесть ее и подумать о последствиях.

Слуга Прабхупады облегченно вздохнул. Однако, по-прежнему чувствуя себя виноватым, он сделал вывод, что впредь не должен столь легкомысленно относиться к вещам духовного учителя. К тому же он извлек еще один урок: его представления о Прабхупаде были полностью субъективны. Даже находясь рядом с ним, Сатсварупа не всегда верно понимал его мысли и мотивы. Он чувствовал, что был, наверное, не единственным учеником, допускающим порой эту ошибку. Можно пытаться оценить те или иные качества Шрилы Прабхупады, но полностью понять его невозможно. Даже секретари Джи-би-си и другие старшие преданные, работающие с Прабхупадой «в одной упряжке», не могли проникнуть в его замыслы. Лучшее решение – всегда следовать наставлениям Шрилы Прабхупады, подумал Сатсварупа Махараджа, и, вернувшись в смежную комнату, принялся за перепечатку истории царя Нриги.

На рассвете Прабхупада вышел из своего дома на пыльную дорогу, чтобы отправиться на утреннюю прогулку; преданные вриндаванского отделения ИСККОН отправились вместе с ним. По дороге он вспомнил о жалобе одного из преданных на постоянные перебои с электричеством. Преданный сказал, что Индия преуспела в духовном знании, а Запад – в материальном, поэтому их нужно объединить.

– Да, – согласился Прабхупада, – такова моя миссия. Объединить их.

Прабхупада дошел до Чхатикара-роуд, что проходила перед их участком, и зашагал по ней по направлению к Дели. Вдоль дороги росли большие деревья ним.

– Материальная сторона жизни тоже необходима, – продолжал Прабхупада. – На Западе даже для бритья люди используют механизмы. Это хорошо, но ради чего они это делают? Ради того, чтобы удовлетворить зуд ничтожного и отвратительного полового желания. Они используют свой разум как кошки и собаки.

Прабхупада замолчал. Воспользовавшись паузой, один из преданных спросил:

– Прабхупада, как понять, что Вриндаван – обитель Кришны? Ведь мы видим, что это место находится под сильным влиянием материалистов – здесь столько грязи!

– Это потому, что ваши чувства нечисты, – ответил Прабхупада. – Но когда глаза ваши будут умащены бальзамом любви, тогда вы увидите Вриндаван. Не судите о Вриндаване по внешним признакам.

По дороге Прабхупаде часто встречались люди, приветствовавшие его и его учеников возгласами: «Джая Радхе!», «Харе Кришна!» Некоторые даже снимали обувь и простирались перед Прабхупадой в поклоне, а он в ответ складывал руки и, кивая головой, здоровался: «Харе Кришна».

Утренний воздух еще не прогрелся; ученики и Прабхупада плотной группкой шли мимо полей, ашрамов и рощ. Со всех сторон доносилось пение птиц: воробьев, попугаев, кукушек, голубей и павлинов. На полях, в ожидании жатвы, колыхался высокий сахарный тростник. Вскоре раскидистые нимовые деревья сменились низкорослой колючей акацией; на пастбищах паслись коровы и буйволы. Через полчаса Прабхупада повернул назад.

На обочине дороги, у небольшого костра грелся человек в простом белом одеянии бабаджи. Прабхупада сказал, что Шриниваса Ачарья в своей «Шад-госвами-аштакам» дал определение истинной отрешенности. Песня прославляет шестерых Госвами, которые оставили правительственные посты и стали нищими странниками. Оставив себе только один комплект одежды, они постоянно размышляли о Кришне и гопи.

– Вриндаван – это дар Рупы и Санатаны Госвами, – сказал Прабхупада. – Они написали много книг, чтобы бедные люди могли ими воспользоваться и стать сознающими Кришну. В наше

время во Вриндаване можно встретить столько подражателей Рупы Госвами! Но они не должны рядиться в его одежды, особенно если не могут отказаться от привычки курить сигареты. Бхактисиддханта Сарасвати всегда говорил об этом – не стоит делать резких скачков и по собственной прихоти менять одежду. Мы должны пытаться слушать об Абсолютной Истине от осознавшей себя души.

Особенно те его ученики, которые живут во Вриндаване, сказал Прабхупада, должны стать госвами. В любом ашраме – грихастхи или санньяси – они должны вести простую и строгую жизнь и круглые сутки служить Кришне.

Прабхупада сидит у себя в комнате и обсуждает с Гунарнавой финансовые вопросы.

– Где счета? – спросил Прабхупада.

– Я сохраняю все копии, Прабхупада, – ответил Гунарнава, показывая Прабхупаде, прикрепленные к кассовым чекам счета. – Оригиналы у Теджаса в Дели.

– Это просто слова, – ответил Прабхупада. – Я аудитор, а не А. Ч. Бхактиведанта Свами. Понимаешь? Аудитор желает видеть счета, ему не нужны твои оправдания.

В течение дня Прабхупада вызывал к себе Гурудаса, Сурабхи, г-на Лахади (инженера), и даже подрядчика, г-на Алибучса. Несмотря на то, что подрядчик был мусульманином, Прабхупада попросил его:

– Пожалуйста, работайте как следует, потому что это храм Кришны. Если будете очень стараться, Кришна вас благословит.

Недостатка в деньгах не будет, заверял Прабхупада. Каждый месяц до завершения строительства он будет перечислять им по десять тысяч долларов – сборы с храмов в Америке.

– Закончите к Джанмаштами? – спросил он.

– Да, – твердо ответил Гурудас. – Закончим.

* * *

Майяпур

Март 1974 года

По дороге из Калькутты в Майяпур, Прабхупада, как обычно, остановился в уютной и тенистой манговой роще, где, сидя на соломенной подстилке, позавтракал свежими фруктами. Его сопровождали несколько учеников и его сестра Бхаватарини. Прабхупада позаботился о том, чтобы прасада досталось всем. Затем он вернулся в машину и караван продолжил путь в Майяпур.

На подъездах к Майяпур-чандродая-мандиру, в Шривасангане, что в трех километрах от участка ИСККОН, машина Прабхупады натолкнулась на «заставу» ожидавших его преданных. Четыреста учеников из Америки, Англии, Европы, Южной Америки, Австралии, Индии и других стран с киртаном пошли за машиной Прабхупады, которая неторопливо двигалась в сторону Майяпур-чандродая-мандира.

Прабхупада улыбался. Выглядывая с заднего сиденья, он узнавал многих верных учеников, а те стремились поймать его милостивый взгляд. Окруженная со всех сторон плотным кольцом преданных, машина медленно миновала ворота и направилась по длинной аллее к храму. Вдоль дороги и вокруг зданий храмового комплекса цвели яркие бархатцы и цветы тагар, прибавляя встрече радости.

Храм был закончен и сиял блеском мраморных полов, свежей краской стен и хрустальными люстрами, подвешенными за несколько дней до приезда Прабхупады. Предложив поклон Божествам Радха-Мадхавы, осыпанным золотом, Прабхупада повернулся, прошел через алтарную, сел на व्याсасану и обратился к первому международному (в полном смысле этого слова) собранию учеников. Он приветствовал их в Майяпуре, торжественно объявив, что сегодня предсказание Бхактивиноды Тхакура сбылось.

– Джая! Джая Шрила Прабхупада! – торжественно закричали преданные.

Бхактивинода Тхакур писал:

О, когда же придет тот день? Когда счастливые англичане, французы, русские, немцы и американцы возьмут в руки знамена, мриданги и караталы и пойдут с киртаном по улицам своих городов?

Пророчество Бхактивиноды Тхакура сбылось. Он предсказывал: «Вскоре на земле явится великий святой, который распространит движение Господа Чайтаньи по всему миру». Этим великим святым, способным зажечь в сердцах людей, независимо от их национальности и

происхождения, желание встать на путь преданности и созвать их за тысячи миль от родины, в Майяпур, был Шрила Прабхупада. И хотя себя он считал лишь инструментом в руках ачарий, для учеников он был самым олицетворением милости Господа Нитьянанда. Как говорит «Чайтанья-чаритамрита», йадьяпи амара гуру – чайтаньера даса / татхапи джане ами танхара пракаша: «Хотя я знаю, что мой духовный учитель – слуга Шри Чайтаньи, я также знаю и то, что он – полное проявление Господа».

Оставив храмовую комнату, Прабхупада поднялся в свои апартаменты, довольный тем, что теперь это здание соответствует своему назначению, предоставляя прибежище сотням его духовных детей. Он начал встречаться с ведущими учениками из разных стран, решал проблемы и выслушивал вдохновляющие отчеты о распространяемых книгах. Он попросил, чтобы, пользуясь возможностью пребывания в святой дхаме, преданные проводили в храмовой комнате круглосуточный киртан, останавливаясь только на время лекций по «Шримад-Бхагаватам».

Преданные были несказанно счастливы встретиться друг с другом в дхаме. Те, кто уже пожил в Индии: Джаяпатака Свами и Ачйотананда Свами – водили группы преданных на парикраму (паломничество) по святым местам Навадвипы. По плану, первую половину времени своего пребывания в Индии преданные должны были провести в Майяпуре, а затем, через десять дней, отправиться во Вриндаван.

Почти все собравшиеся в Майяпуре преданные проповедовали в тех частях света, где особенно сильны гуны невежества и страсти. Каждый день им приходилось иметь дело с материалистами, и это неизбежно их изнуряло. А паломничество было для них возможностью очиститься. Они не могли похвастаться ни происхождением, ни знанием Вед, но Прабхупада принял их, что свидетельствовало об их преданности: они были достойны понять смысл дхармы. Омывшись в живительных водах Ганги и Ямуны, они разъедутся по всему миру, и с новыми силами и чистотой продолжат свою проповедь.

Способность паломника понять суть религии описана в одной из песен Нароттама-даса Тхакура:

гаурангера санги-гане, нитья-сиддха кари' мане,
се ййя враджендра-сута-паша
шри гауда-мандала-бхуми, йеба джане чинтамани,
тара хайя враджа-бхуме васа

«Те, кто осознал, что между вечными спутниками Господа во Вриндавана-дхаме и в Навадвипе нет разницы, удостоиваются служения сыну Махараджи Нанды (Кришне). Такие удачливые души воспринимают святую дхаму как объект своего служения, ибо по милости совершенных спутников Навадвипы они обрели духовное прозрение. Поэтому те, кто преисполнен вдохновения, духовными очами могут увидеть философский камень святой Навадвипы. Тогда они поселяются в Навадвипе, и, сознавая ее тождественность Вриндавану, служат Господу в своих вечных духовных телах».

Однако главным поводом приезда преданных в Майяпур было общение с духовным учителем. Прабхупада постоянно путешествовал, и ученики могли видеть его лишь изредка, когда он в очередной раз заезжал в их храм, да и то ненадолго. Здесь же, в Майяпуре или Вриндаване, они каждый день могли видеть его на утренних прогулках или в храме, и это было самым лучшим, что было в фестивале.

Счастье же Прабхупады от пребывания в Майяпуре во много раз усиливалось благодаря большому собранию его интернациональной семьи. Именно этого он и хотел. Майяпур предназначался для преданных. Прабхупада даже допускал мысль, что все преданные могли бы надолго поселиться здесь и просто повторять «Харе Кришна» и проводить киртаны, однако признавал, что с точки зрения всемирной проповеди это было бы непрактично. Ему доставляло огромное наслаждение сидеть в комнате над храмовой залой и слушать мощные раскаты киртана.

– Бхактивинода Тхакур говорил, – однажды заметил он, – что во всех четырнадцати мирах нет ничего ценного, кроме пения Святых имен.

По просьбе Прабхупады в Майяпуре собрались и секретари Джи-би-си, чтобы обсудить всемирную проповедническую деятельность и издать способствующие этому резолюции. Это было их первое заседание с участием Прабхупады, который определил правила проведения собрания. Он сказал, что собрание не должно сводиться к одним лишь разговорам: необходимо вносить предложения, которые после обсуждения должны ставиться на голосование, а все резолюции должны протоколироваться.

– Наметьте план на год, – сказал он, – и твердо придерживайтесь принятых решений. В следующем году вы сможете опять встретиться и снова все обсудить.

Прабхупада не любил длительных заседаний, но был доволен тем, с какой серьезностью секретари Джи-би-си подходят к обсуждению вопросов повестки, желая помочь растущему Движению сознания Кришны.

Одним из главных событий майяпурского фестиваля стало получение сигнальных экземпляров недавно напечатанного тома «Чайтанья-чаритамриты». Книга охватывала с седьмой по одиннадцатую главы Ади-лилы и содержала цветные иллюстрации, нарисованные учениками Прабхупады. Особую важность представляла девятая глава, описывающая славу движения санкиртаны, начатого Господом Чайтаньей. Стих за стихом, глава эта красноречиво доказывала истинность Движения Шрилы Прабхупады.

Кришнада Кавираджа повествует, что Навадвипа-дхама была тем самым местом, где Господь Чайтанья посадил семя «древа» сознания Кришны. В одном стихе он говорит так: «Каждая большая ветвь древа Чайтаньи пустила по двадцать побегов; они заполнили всю вселенную». Своим лаконичным комментарием Шрила Прабхупада подвел итог этому стиху: «Наше Международное Общество сознания Кришны является одной из ветвей на древе Чайтаньи».

Перевод и комментарий Прабхупады к «Чайтанья-чаритамрите» – плод этого древа Чайтаньи. Это не был обыкновенный академический комментарий, но безупречный во всех отношениях литературный труд, отвечающий учению парампары. «Чайтанья-чаритамрита» подчеркивала, что желание Господа Чайтаньи повсюду распространить преданное служение должно стать желанием каждого. Книга не оставляла сомнений относительно того, чего Прабхупада ожидал от членов Движения сознания Кришны.

У проповедников Движения санкиртаны должна быть одна цель – продолжать свою безграничную проповедь. Именно в таком духе Шри Чайтанья Махапрабху начал Свое движение санкиртаны.

Этот том содержит один из важнейших стихов «Чайтанья-чаритамриты»: бхарата-бхумите хаила манушья-джанма йяра / джанма сартхака кари' кара пара-упакара. «Тот, кто родился человеком на земле Индии, должен сделать свою жизнь совершенной и трудиться на благо людям». В своем комментарии к этому стиху Прабхупада говорит об особом благочестии индийцев, всегда готовых принять участие в санкиртане. Он сожалеет о том, что нынешние руководители Индии уводят людей от Бога, лишая их веры в следующую жизнь и способности отличить добрый поступок от греха. Ведь первый долг индийцев – обучать ведическим принципам весь мир.

«Если бы все индийцы, – писал Прабхупада, – последовали совету Господа Чайтаньи Махапрабху и встали на этот путь, Индия преподнесла бы всему миру неповторимый дар и заслужила бы всеобщее уважение». Более того, помочь Движению сознания Кришны – обязанность не только индийцев, но и каждого человека: «Надо не колеблясь признать, что лучшей формой благотворительности для всех людей в мире является пробуждение в каждом человеке сознания Бога, или сознания Кришны».

Целую неделю Прабхупада жил с учениками в Майяпуре, каждый день читая лекции и часами беседуя с небольшими группами преданных. В день Гаура-пурнимы он спустился к Ганге и окропил голову священной водой, а ученики ныряли в воду с высокого берега и плавали. На следующий день он отправился во Вриндаван, где намеревался вновь встретиться с преданными и познакомить их с Дхамой.

* * *

Многие западные преданные, не привыкшие к жизни и путешествиям в Индии, страдали от несварения и дизентерии, а некоторые переживали культурный шок и даже ностальгию. Однако это не остановило их, и, хотя и помятые и растрепанные, они проделали долгий путь из Майяпура в Калькутту, а затем добрались до Дели и, наконец, оказались во Вриндаване.

Поскольку Вриндаванский храм и гостиница по-прежнему представляли собой стройплощадку, преданным пришлось остановиться в расположенном неподалеку Фогель-Ашраме, а Прабхупада, как и раньше, поселился в своих комнатах рядом с недостроенным Кришна-Баларам-мандиrom. Каждый день преданные виделись с ним на утренних прогулках и

лекциях по «Бхагаватам», которые Прабхупада порой читал и по вечерам, под навесом во дворе Фогель-Ашрама.

Прабхупада удивился, заметив, что на первую вечернюю встречу, которая прошла в его комнате, пришло не так много учеников. Ему сказали, что некоторые из преданных отправились посмотреть знаменитые древние храмы Вриндавана и прочие места паломничества, другие пошли на базар, а третьи попросту спят.

– Приведите их сюда, – сказал раздосадованный Прабхупада. – Идти в паломничество – значит идти к садху. Я сижу здесь, почему они где-то слоняются?

Услышав об этом, преданные сбежались в комнату Прабхупады. На этот раз их было так много, что попасть внутрь удалось далеко не всем.

Прабхупада заговорил о тапасье, аскезе.

– Тапасви во Вриндаване, – сказал он, – ходят нагими даже в холодную погоду. Они решительно настроены больше не рождаться в материальном мире.

Прабхупада рассказал, в каком положении находится живое существо во чреве матери, перед тем как появиться на свет: оно словно брошено в океан со связанными руками и ногами, и живущие в утробе черви кусают его, причиняя невыносимые страдания. Обманутые майей, мы думаем, что счастливы, и потому снова и снова вынуждены входить в лоно матери, объяснял Прабхупада. И пусть в этой жизни мы богаты и находимся в человеческом теле, но в следующей вполне можем стать насекомыми, свиньями или собаками.

– Поэтому жизнь наша предназначена для тапасьи, – сказал Прабхупада. – Но в этот век мы не можем совершать суровые аскезы. Наша аскеза состоит в том, чтобы пытаться помочь исправиться этим бедным безумцам. Нужно добровольно идти на трудности ради Кришны. Кришна приходит, чтобы спасти падшие души, и если вы немного Ему поможете, Он будет вами доволен. Кришна приходит Сам, посылает Своих преданных, оставляет нам книги, но мы все равно безумно жаждем чувственного наслаждения. Поэтому наша аскеза – пытаться помочь падшим душам исправиться.

Проповедь Прабхупады вдохновила тех учеников, чей долг заключался в том, чтобы проповедовать жителям разных стран. По просьбе Прабхупады они приехали в Индию, посетили Майяпур и Вриндаван, но настоящие дела ждали их на родине – там они должны были спасать души сограждан, и проповедь Прабхупады наполняла их решимостью.

Позднее один из преданных пожаловался Прабхупаде, что с преданными порой тяжелее, чем с материалистами. Он упомянул известный случай с преданным по имени Макхана-чора.

– Это твоя аскеза, – сказал Прабхупада. – Твоя аскеза в том, чтобы помогать Макхана-чоре. Мы должны брать на себя эти беспокойства. Здоровому человеку не доставляет никакого удовольствия возиться с сумасшедшим, но мы черпаем радость в служении Кришне.

Прабхупада вспомнил, как ради Кришны оставил мирную жизнь во Вриндаване, променяв ее на всевозможные трудности и беспокойства, и пошел на риск, в преклонном возрасте поехав в Америку... Так и ученики его должны быть готовы к любым трудностям ради проповеди сознания Кришны.

– В самой работе мало удовольствия, – сказал он. – Но когда мы видим, сколько людей становятся преданными, мы испытываем огромное наслаждение.

Обходя храмы Вриндавана, преданные с жадностью впитывали в себя атмосферу древнего города. Но настоящий нектар ждал их в комнате Прабхупады, где тот говорил о Вриндаване.

– Вриндаван предназначен для парамахамс, – рассказывал он. – Если у вас сохраняется материалистичный дух, вишайя, вы не сможете увидеть Вриндаван. Это можно проверить по тому, насколько вы избавились от склонности переедать, спать и заниматься сексом. Не думайте, что, просто приехав во Вриндаван, уже станете госвами. Тот, кто приезжает во Вриндаван с сознанием материалиста, родится здесь в теле собаки или обезьяны. Таково наказание. Но собаки здесь тоже вайшнавы.

– Люди приезжают во Вриндаван, чтобы избавиться от материальных беспокойств и семейной жизни. Не нужно бояться. Не нужно беспокоиться о том, что с вами может случиться. Во Вриндаване есть много преданных, которые остаются невозмутимы и в жару, и в холод. Но, к сожалению, здесь можно встретить и таких, которые говорят о гопи, но имеют привычку курить биди. Это сахаджи. Мы должны уметь отличать преданного, по тому, как он себя ведет. Если человек жаждет денег, биди, или женщин, но при этом говорит о гопи, каков его уровень? Шри Чайтанья Махапрабху никогда не говорил о гопи на людях. Настоящий вайшнав – не тот, кто ест

прасад и спит, а тот, кто следует совету Вриндавана-чандры (Кришны) и несет Его послание всем. В этом Его послание. Это Вриндаван. Поклоняйтесь Вриндавана-дхаме. Никого здесь не оскорбляйте. Отнеситесь к этому месту как к чинтамани-дхаме, как к Кришне. Нароттама-дас Тхакур говорит, что в сознании вишайи невозможно увидеть Вриндаван. Мы должны принять прибежище у Гаура-Нитай, очиститься от желания еды, сна и совокупления. Только тогда вы увидите Вриндаван. Не совершайте здесь оскорблений. Вриндаван оказывает на человека необыкновенное влияние.

Прабхупада рассказал об уникальной особенности Вриндавана – преданное служение, совершенное здесь, дает эффект в сто раз больший, чем служение в любом другом месте. Однако тот же принцип распространяется и на оскорбления. Поэтому обычным людям рекомендуется останавливаться в святых местах, подобных Вриндавану, не более, чем на три дня. В противном случае, они могут «расслабиться» и вернуться к своим греховным делам.

– Лучше приехать, очиститься, а на четвертый день уехать, – сказал Прабхупада. – И самое серьезное оскорбление – заниматься здесь незаконным сексом. Бесполезно играть с Кришной в прятки. Он все видит Своими глазами. Солнце – Его глаз. Кришна находится в вашем сердце. Кришна знает все. Те, кто хочет стать преданными, должны быть искренни. Лучше даже не пытаться обманывать, потому что Кришна знает все. Будьте правдивы с Кришной и Его представителем. Проповедуйте послание «Бхагавад-гиты как она есть». Станьте духовными наставниками.

После вечерней беседы Прабхупада вспомнил, как во время его лекции некоторые из сахаджий вышли из комнаты.

– Они столь возвышенны, – сказал он, – что хотят слушать исключительно о поцелуях и объятьях Радхарани и Кришны. А мои слова для них – просто банальность.

Прабхупада объяснил, что его стиль – разбирать на каждой лекции по одному стиху, но слова его не отличны от слов Кришны. Он сказал, что его Гуру Махараджа в течение трех месяцев читал лекции по первому стиху «Шримад-Бхагаватам», чем вызвал огромное восхищение людей.

Однажды Прабхупада узнал, что один из его учеников оставил общество преданных ИСККОН и поселился на Радха-кунде, среди бабаджи. Прабхупада рассердился и тут же послал за ним. Когда ученик приехал, Прабхупада, одетый в одно только дхоти, вышел и стал строго его отчитывать, говоря, что обезьяны во Вриндаване тоже живут просто, но интересуются только едой и сексом.

– Не превращайся в обезьяну! – говорил Прабхупада, дрожа от гнева. – Почему ты не живешь со мной?

– Бабаджи предоставили мне возможность спокойно повторять Святые имена.

– Возвращайся ко мне! – воскликнул Прабхупада. – Я предоставлю тебе все возможности. Не становись обезьяной!

Видя заботу Прабхупады, юноша подчинился.

От вриндаванских учеников Прабхупада узнал, что на него жалуются некоторые из местных госвами. Статья, прочитанная ими в журнале «Назад к Богу», показалась им оскорбительной. Автор статьи (Хаягрива) писал, что те вриндаванские госвами, которые непопулярно себя ведут, в следующей жизни родятся здесь свиньями и собаками. Прабхупада ответил, что это верно. Статья, сказал он, относится не к тем госвами, которые живут во Вриндаване сейчас, а к любому госвами, ведущему здесь греховную жизнь. Это было не просто чье-то мнение, а авторитетное заключение первых госвами Вриндавана.

Хотя Ямуна-даси тоже жила во Вриндаване, вместе со своим мужем, Гурудасом, Прабхупада редко видел ее. Однажды он послал за ней и спросил, почему она не ходит на его лекции и не служит ему. Ямуна призналась, что не делает этого из страха, видя, что последнее время Прабхупада только и делает, что всех ругает (имелась в виду, в частности, жесткость, проявленная им при строительстве храма во Вриндаване). Прабхупада сказал, что только благодаря его жесткости храм все еще строится. Но Ямуна все равно боялась.

– Ты можешь бояться духовного учителя, – сказал Прабхупада, – но это не значит, что ты можешь не видаться с ним.

Он рассказал, как однажды Господь Баларама заставил прийти к Себе реку Ямуну. Преданные почувствовали, что, рассказывая, как была напугана Ямуна, Прабхупада имел в виду и свою ученицу. Погруженный в игры Господа Баларама, Прабхупада поведаль, как, опьяненный

медом, Господь приказал Ямуне предстать перед Ним, но та не послушалась, и тогда Баларама изборозил ее берега Своим плугом, насильно заставив ее притечь к Нему.

– Точно так же, – сказал Прабхупада, – я заставлю тебя приходить и видеться со мной.

Ямуна-даси согласилась прекратить свои глупые капризы и начала приходить и готовить для своего духовного учителя.

Хотя днем во Вриндаване пригревало солнышко, по утрам было холодно. В свитере, шерстяном чадаре и пушистой шерстяной шапочке, застегивавшейся под подбородком на пуговицу, Прабхупада в предрассветный час вел своих учеников на утреннюю прогулку вдоль Чхатикара-роуд. Лидеры ИСККОН и санньяси старались не пропустить ни единого его слова. Он шел так долго, что многие преданные уставали, а некоторые даже шутили, что Прабхупада собрался дойти пешком до Дели. С восходом солнца воздух постепенно начинал нагреваться.

Некоторые ожидали, что во Вриндаване Прабхупада будет больше говорить о тех местах, где являл Свои игры Кришна, или о Его отношениях с гопи, что он захочет посетить места игр Господа, но Прабхупаде, казалось, больше удовольствия доставляло слушать о проповеди учеников или строительстве Кришна-Баларам-мандира. Часто, когда преданные спрашивали о Вриндаване, Прабхупада говорил, что Вриндаван в упадке, и критиковал некоторых местных бабаджи за лицемерие. Иногда он говорил об особом зрении, которое требуется человеку, чтобы увидеть истинный Вриндаван. Вриндаван – там, где живет чистый преданный, говорил он. Прабхупада подчеркивал, что первостепенный долг преданных – уезжать из Вриндавана и проповедовать.

Основной поток на дороге составляли пешеходы, воловь упряжки и рабочие, везущие на велосипедах молоко; лишь изредка, сигналя на ходу, мимо проносился автомобиль. Почти каждый прохожий почтительно приветствовал Прабхупаду возгласом «Джая Радхе!» или «Харе Кришна!» Иногда они поднимали руки или, склонив голову, произносили «намасте». Один раз навстречу преданным попался какой-то молодой человек на велорикше. Перед тем, как поравняться со Шрилой Прабхупадой, он остановил рикшу, спустился, и, сняв обувь, распростерся на дороге в поклоне. Прабхупада улыбнулся:

– Очень хороший юноша, – и, помолчав немного, добавил: – Таков Вриндаван.

Для Прабхупады незамысловатый обычай простых жителей этих мест оказывать почтение святому был выражением самой сути Вриндавана. Вриндаван был одним из немногих оставшихся в Индии городов, где даже самый обычный человек при встрече повторяет имена Радхарани и Кришны. Полностью понять природу этого необычайного явления – значит понять Вриндаван.

Кто-то из преданных спросил Прабхупаду: если во Вриндаване столько падших душ, в чем смысл утверждения, что родиться во Вриндаване может только освобожденная душа?

– В книге «Кришна» говорится, – сказал преданный, – что жителям Вриндавана не нужен духовный учитель: их духовный учитель – Кришна.

– Да, – ответил Прабхупада. – У них превосходный духовный учитель. Но можно принять духовного учителя, и при этом не повиноваться ему. Тогда зачем он нужен? Если жители Вриндавана творят Бог весть что, то они падшие. Однако это не отменяет их везения. Они просто неправильно распорядились своей счастливой судьбой.

Земля была очень сухой. Прабхупада сказал, что Вриндаван начинает напоминать пустыню, и дальше будет еще хуже. Виной тому греховная жизнь.

– Даже на Западе, – сказал он, – в Америке, в Германии, много зелени. А здесь ее почти нет.

Преданные спросили:

– Разве Запад не более греховен, чем Вриндаван?

– Да. Я приехал к вам на Запад, и вы ничего не знали о Кришне. Вы даже не знали, что есть мясо и заниматься незаконным сексом плохо. Но когда я попросил вас прекратить все это, вы меня послушались. Но Вриндаван – земля Кришны, и они занимаются этим здесь. А это еще хуже. И Кришна Сам наказывает их.

Утренние прогулки Прабхупады по Вриндавану были не менее увлекательны и поучительны, чем его лекции. На двух утренних прогулках подряд он делился подробным и продуманным планом открытия в ИСККОН колледжа варнашрамы. «Бхагавад-гита» говорит о том, что общество должно делиться на четыре уклада, соответствующих природе и роду занятий человека – брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Прабхупада говорил, что члены Движения сознания Кришны выше варн и ашрамов, но, тем не менее, идеально исполняя свои обязанности этих социальных укладов они должны учить этому других. Не каждый станет брахманом, но

каждый может достичь того же совершенства, исполняя предписанный долг – ради удовлетворения Кришны.

– Мы будем учить и воинскому искусству, – сказал Прабхупада изумленным ученикам. – Солдаты будут носить тилаку и маршировать под «Харе Кришна, Харе Кришна». Они могут маршировать под звуки военного оркестра и сражаться.

Прабхупада считал, что учредить варнашрама-дхарму несложно. ИСККОН должен начать с колледжа, действующего по принципам варнашрамы.

– Безработицы быть не должно, – сказал он. – Мы предлагаем: «Почему вы сидите без дела? Идите на поле. Возьмите плуг. Возьмите быка. Работайте! К чему сидеть, сложа руки?» Это цель Движения сознания Кришны. Никто не должен сидеть и спать. Они должны найти себе занятие. Какая такая безработица? Работайте, либо как брахман, либо как кшатрий, либо как вайшья.

Например, тело наше все время работает: нога работает, рука работает, мозг, желудок... Что же такое безработица? Прекратите безработицу и увидите – весь мир превратится в спокойное место. Никто не будет жаловаться. Все будут счастливо повторять «Харе Кришна». Например, это поле. На нем никто не работает. Все уехали в город, работать на заводах. Проклятая цивилизация!

Когда фестиваль во Вриндаване уже подходил к концу, один из преданных на утренней прогулке обронил, что скоро преданные разъедутся по своим центрам.

– Да, – сказал Прабхупада, и остановился. – Да. Это наша истинная обязанность – ехать и проповедовать.

В день, когда преданные готовились к отъезду в Дели, откуда они должны были разлететься по своим городам, во Вриндаван из Бомбея приехал Гирираджа. Он привез плохие новости: Бомбейский муниципалитет отказал в разрешении начать строительство храма. По словам Гирираджа, им требовалось два разрешения: разрешение на строительство согласно установленным нормам и разрешение от комиссара полиции. Чтобы подписать разрешение, полиция должна учесть два условия: храм не должен создавать препятствий для движения автотранспорта и не вызывать напряжения на социальной и религиозной почве. Муниципалитет задерживал выдачу разрешения, объясняя это отсутствием разрешения от полиции. А в полиции говорили, что разрешение выдают только с санкции муниципалитета. Гирираджа пытался жаловаться, но тогда комиссар полиции написал письмо, в котором вежливо отказался выдать разрешение. По мнению комиссара, своими киртанами храм будет «нарушать общественный порядок».

Шрила Прабхупада был крайне обеспокоен отчетом Гирираджи.

– Немедленно опротестуй это, – сказал он Гирирадже на следующий день, во время утренней прогулки. – Такое правительство никуда не годится. Чистые преданные все время проводят киртан, а власти называют это нарушением общественного порядка. Поступил бы он хотя бы как порядочный человек и попросил не использовать усилитель, чтобы люди могли отдыхать... А вместо этого он говорит, что киртан – это нарушение порядка.

Прабхупада сказал, что в Бомбее немало образованных людей, которые также не согласятся с подобными выводами.

– Ты должен заручиться поддержкой всех вайшнавов, – продолжил Прабхупада. – В «Бхагавад-гите» говорится: сататам киртаянто мам: человек должен всегда повторять имя Кришны. Шри Чайтанья Махапрабху говорил: киртаниях сада харих. А этот негодяй говорит «бхаджан нарушает общественный порядок». Ммм? Разве нельзя настроить общественное мнение против этого? По какому праву он так говорит? Он мог бы выразиться и повежливее, скажем: «Бхаджан может быть хорош для преданных, но у других он может вызвать беспокойства. Поэтому мы не можем разрешить это». Можно же так сказать! К тому же все равно они не смогут остановить бхаджан! А он что говорит? Бхаджан – нарушение общественного порядка. Пение «Харе Кришна» – культура Индии! Мы должны поднять общественное мнение, организовать группы киртана и бороться с этим.

Один из секретарей Джи-би-си предложил следующее: вместо того, чтобы возвращаться на Запад, некоторые из преданных, прибывших во Вриндаван, могут поехать в Бомбей и организовать там акции массового протеста, как когда-то сделал Господь Чайтанья, который выступил против Кази, посмеявшегося остановить в Навадвипе движение санкиртаны. Сначала Прабхупада поддержал дух учеников, но, поразмыслив, решил, что бороться с правительством глупо. Преданным все равно не удастся победить, да и людям это может не понравиться.

Прабхупада посоветовал проводить массовые программы с киртанами и проповедовать бомбейцам в позитивном ключе, убеждая их в ценности сознания Кришны.

– Осознав важность сознания Кришны, – сказал Прабхупада, – бомбейцы позаботятся о том, чтобы храм был построен.

Не медля ни минуты, Прабхупада выехал в Бомбей. Перед отъездом он дал Гурудасу и остальным преданным во Вриндаване последнее наставление:

– Идеальный госвами должен оставаться здесь, чтобы бросать вызов госвами-притворщикам. Но если вы тоже станете притворщиками, то не сможете этого сделать.

* * *

Бомбей

20 марта 1974 года

Шрила Прабхупада собрал у себя учеников и свободных членов ИСККОН, чтобы обсудить отказ комиссара полиции в выдаче ИСККОНу разрешения на строительство храма в Харе-Кришна-Лэнде. По иронии судьбы, участок ИСККОН граничил с большим кинотеатром, поэтому каждый вечер, до и после просмотра, на дороге выстраивалась длинная вереница автомобилей, создавая затор. Машины постоянно сигналили, и сотни пешеходов сновали взад-вперед. Если кинотеатр не вызывал у соседей и городских властей никаких беспокойств, чем, как не предвзятым отношением можно объяснить то, что они называют киртаны Кришны нарушением общественного порядка?

Хотя проблема носила частный характер – администрация не выдавала преданным разрешения – Прабхупада, однако, в своей проповеди руководствовался более глобальным подходом и говорил о том, как в Кали-югу правительство притесняет религию.

– Правительство считает, что религия – опиум для народа, – говорил он. – Они думают, что религия – это сентиментальность. Они хотят открывать скотобойни и убивать этих «вредных» бродячих коров. Почему они не поддерживают эти храмы и наш бхаджан? Да потому что не видят в религии никакой ценности. С их точки зрения, в ней нет никакого толку.

Некоторые из бомбейских друзей Прабхупады советовали ему, воспользовавшись поддержкой политической партии индуистского толка Джан-Сангх, сформировать сильную политическую коалицию. Но Шрилу Прабхупаду больше интересовало, как использовать сложившуюся ситуацию для проповеди.

– Я считаю, что нам нужно активнее проповедовать, – сказал он. – Проводите собрания в больших залах, чтобы люди поняли, насколько важно наше Движение. Развесьте объявления о том, что мы будем говорить на разные темы, и я приду и буду говорить.

Пусть председателем собрания будет какой-нибудь уважаемый человек. Пусть люди скажут свое мнение: «Да, здесь должен быть храм». А мы докажем это цитатами из шаштр. «Бхагавад-гита» говорит о том же: чатур-видха бхаджанте мам джанах сукритино 'рджуна. Слово бхаджана, корень слова бхаджанте, указывает на праведников, сукритинах. По другую сторону стоят душкритинах, негодяи. Итак, бхаджан, как говорит «Бхагавад-гита», предназначен для праведных людей. «Бхагавад-гита» пользуется огромным уважением по всему миру. И при этом он смеет называть бхаджан нарушением общественного порядка? Подлый невежда! Мы должны ясно донести до людей важность бхаджана. «Бхагавад-гита» может решить все материальные проблемы, но индийцы ее не принимают.

Мои ученики тоже могут сказать свое слово: «Пожалуйста, присоединяйтесь к нам. Мы – иностранцы, но знаем, что Кришна – совсем не то, что вы о Нем думаете. Почему же вы, индийцы, лишаете себя этого знания? Примите свою культуру! Мы приняли Кришну, и Кришна говорит, что просто благодаря киртану можно очиститься от всей скверны. Почему бы и вам не присоединиться? Что в этом плохого? Об этом говорит ваша шаштра, и мы приняли эту культуру. И от этого нам стало только лучше. Почему же вы, образованные люди, столь бесчувственны?» Вот как должны мы строить свою проповедь!

Шрила Прабхупада не захотел вступать в прямое противоборство с властями, но выражал свое несогласие с решением комиссара полиции, советуясь с людьми, что можно сделать в этой ситуации. Он внимательно рассмотрел эту проблему со всех сторон и взвесил все «за» и «против». В какой-то момент он сказал, что если ИСККОН не получит разрешение на строительство храма, надо построить гостиницу.

– Я пытаюсь добиться разрешения на храм, – сказал он. – Но если вы его не даете – мы будем строить гостиницу.

– Нужно спереди построить гостиницу, а сзади – храм, – предложил Тамала Кришна Госвами.

– Да, – ответил Прабхупада и дал своим людям дальнейшие указания, как работать с оппозицией.

Как и в случае с покупкой земли, противостояние это грозило перерасти в затяжную войну, но Прабхупада всегда оставался выше проблем, даже когда приходилось сражаться. Находясь в Бомбее, он, как обычно, придерживался своего ежедневного распорядка и наслаждался мягким тропическим климатом.

Несмотря на то, что ИСККОН владел несколькими многоквартирными домами на участке в Джуху, преданные не могли воспользоваться ни одним из них, поскольку все они были заняты. Но недавно жильцы освободили одну из квартир, и преданные подготовили ее для Прабхупады. И хотя квартира была скромной – две комнатухи с маленькой кухней – у Прабхупады, наконец, появилось в Харе-Кришна-Лэнде собственное жилье.

Прабхупаде нравилось сидеть на узкой веранде своей квартиры и на солнышке принимать массаж. Осматривая Джуху, с его высокими кокосовыми пальмами, длинные листья которых приятно шелестели на ветру, Прабхупада говорил, что Харе-Кришна-Лэнд – просто райский уголок. Преданные были счастливы.

Однажды, принимая массаж, Прабхупада увидел, как подрядчики, которым он позволил за определенную плату снимать с деревьев кокосы, срезают заодно и листья, чтобы продавать их на рынке. Вскочив с места, Прабхупада закричал:

– Чайтьягуру!

На зов Прабхупады прибежал преданный, ответственный за участок.

– Я глаз не могу сомкнуть! – жаловался Прабхупада. – Кроме меня никто этого не замечает! Вас просто надувают!

Каждое утро во время прогулки по пляжу Джуху к Прабхупаде присоединялись несколько индийцев. И всякий раз, когда Прабхупада начинал критиковать так называемых великих политиков и духовных лидеров Индии, разоблачая их незнание «Бхагавад-гиты», индийцы приходили в беспокойство и заводили спор, чем, в свою очередь, приводили в беспокойство учеников Прабхупады.

Однажды, когда Прабхупада плохо отозвался о некоем национальном герое, один из индийцев, работающий врачом, возразил ему и подверг критике утверждение Прабхупады о том, что Кришна – Абсолютная Истина, Верховная Личность Бога. Врач (его поддержали и другие индийцы) заявил, что Абсолютная Истина – понятие растяжимое, а в конечном счете все едино. Преданные едва сдерживались, но Прабхупада не переставал относиться к этим людям по-дружески.

Однако следующим утром Прабхупада сказал ученикам, что, в действительности, эти люди – майявади.

– Отныне давайте делать так, – решил он. – Мы пойдем по берегу, но не будем ни о чем говорить, а просто будем повторять «Харе Кришна». И если им захочется поговорить, в ответ мы будем только повторять мантру. Если хотят, пусть гуляют дальше.

– Прабхупада, – сказал один из преданных. – Им это не понравится!

– Даже если они не повторяют «Харе Кришна», а только слушают, это принесет им благо, – сказал Прабхупада. – Философия майявады очень опасна. Шри Чайтанья Махапрабху говорил, что тот, кто слушает ее, обречен.

Кто-то спросил, зачем майявади притворяются кришна-бхактами. Прабхупада ответил, что так они хотят снискать себе дешевую славу свободомыслящих людей. Но если женщина считает себя либеральной и становится доступной для любого мужчины, то, хоть это и выглядит либеральным, ничего хорошего в этом нет.

– На прогулке мы будем читать книгу «Кришна», – сказал Прабхупада. – Я гуляю с учениками! Если они хотят, пусть присоединяются и слушают. Но если им так уж хочется задать вопросы, пусть научатся принимать то, что отвечает гуру, вместо того, чтобы с ним спорить. Правильно?

На следующую прогулку «спорщики» не пришли, но Прабхупада все равно попросил Гирираджа почитать вслух книгу «Кришна». Вдруг вдаль Прабхупада заметил своих старых

знакомых, которые шли по направлению к ним. Но на полпути «спорщики» вдруг свернули в сторону – видимо, чтобы избежать встречи с Прабхупадой. Один из них, правда, подошел и от имени всей группы сообщил Прабхупаде, что они не будут больше с ним гулять; посоветовавшись, они решили, что беседы с ним заканчиваются одной лишь полемикой и критикой.

– Индия богата святыми, – добавил парламентар.

– Я полицейский, – ответил Прабхупада, – и мой долг – поймать вора.

Но через несколько дней «спорщики» возобновили прогулки с Прабхупадой, и дискуссии продолжились в том же духе. Это беспокоило некоторых учеников, но Прабхупада был только рад возможности указать своим друзьям на их ошибки и, словно старший брат, учил их сознанию Кришны.

Завтрак Прабхупады состоял из фруктов и орехов. Около одиннадцати утра он усаживался на веранде в одной гамче, а слуга начинал растирать его горчичным маслом. Во время массажа Прабхупада часто беседовал с одним или двумя учениками из Бомбея и наставлял их по поводу текущих дел. После обеда он час или два отдыхал, а потом, поднявшись, выпивал стакан свежего кокосового молока или сока сахарного тростника. Вечером он встречался с гостями и около десяти вечера ложился отдыхать. Вставал он около часа ночи, садился за письменный стол под москитной сеткой, напоминающей маленький шатер, и диктовал свои переводы и комментарии к «Чайтанья-чаритамрите», пока не подходило время утренней прогулки.

Несколько раз на дню Прабхупада вызывал к себе Гирираджу и других ответственных лиц, чтобы обсудить с ними возможность добиться разрешения на строительство храма. Навещая Джуху, бомбейские друзья Прабхупады часто обнаруживали его на крыше. Он сидел на простой подстилке из белого полотна, и, откинувшись на белые валики, проповедовал философию «Бхагавад-гиты». Он просил посетителей помочь ему заложить фундамент сознания Кришны в Бомбее.

Однажды во время массажа Прабхупада признался своему слуге:

– Большинство людей в моем возрасте отходят от дел. Я больше не хочу руководить. Я хочу писать книги.

Прабхупада спросил, есть ли на земле такое место, где он в течение полугода мог бы побыть один, где никто не будет ему мешать, и где он не будет получать никаких писем.

Слуга Прабхупады предложил Тегеран. Прабхупада подумал над этим, но потом вспомнил о Новом Вриндаване. Махатма Ганди, заметил он, не мог даже спать по ночам – люди везде донимали его, хотя он путешествовал инкогнито.

В тот же день из Парижа пришло письмо от Бхагавана. Он приглашал Прабхупаду совершить поездку по центрам ИСККОН в Европе, и Прабхупада тут же загорелся и сказал, что едет.

– Но еще утром, – напомнил ему слуга, – вы хотели уйти на покой и жить в одиночестве.

Прабхупада засмеялся:

– Только не в этой жизни. Уж лучше я буду проповедовать и умру на поле боя. Для воина смерть на поле битвы – славная смерть. Разве нет?

Для Прабхупады стало обычным делом пару раз в год облетать земной шар. Обращаясь к своему духовному учителю, он писал: «Обычаи запрещают индусам пересекать океан, но Вы посылаете своих преданных проповедовать на другие континенты». Смысл этого запрета был в том, чтобы защитить индийцев, не дав им покинуть святую землю Индии, ибо многие из них, уехав за границу, оставили родную культуру. Когда Прабхупада был еще ребенком, один из его дядьев советовал отправить его в Лондон, чтобы выучить на адвоката, но отец Прабхупады не позволил; он не хотел, чтобы сын перенимал греховные привычки Запада. Прабхупада приехал в Лондон много лет спустя – но уже как проповедник, для того, чтобы изменить нравы грешников. С этой целью вайшнав не только может, но и должен путешествовать.

Перед тем как отправиться в турне по Европе, Прабхупада позвал к себе в комнату нескольких преданных и велел им также путешествовать и проповедовать. Он сказал, что, пока они молоды, то должны делать это, а когда состарятся и «созреют» в сознании Кришны, то могут отправиться в Майяпур, чтобы, удалившись от дел, просто повторять «Харе Кришна».

– Что касается меня, – добавил Прабхупада, – то я не настолько зрел.

Воцарилось молчание. Затем один из преданных отважился спросить:

– Но, Шрила Прабхупада, если даже вы считаете себя недостаточно зрелым, можем ли мы даже думать о том, что уже созрели и можем бросить все дела?

Прабхупада улыбнулся и сказал, что они должны сами это решить. Но лично он не созрел еще для жизни в уединении.

– Тогда мы тоже никогда не созреем, чтобы удалиться от дел, – заключил Тамала-Кришна Госвами.

* * *

18 апреля

Перед отъездом в Европу Прабхупада решил ответить на приглашение своих учеников из Южной Индии и посетить трехдневный фестиваль в пандале в Хайдерабаде. Не успел он, однако, прилететь в аэропорт Хайдерабада, как группа репортеров попросила его провести пресс-конференцию.

Прабхупада согласился. Один из репортеров открыл конференцию «техническим» философским вопросом, пытаясь выяснить, к какой школе принадлежит Прабхупада – к адвайте или двайте. Древняя история Южной Индии настолько славилась философскими спорами между вайшнавами и последователями Шанкары, что даже обычный репортер интересовался сравнительной философией.

В ответ на вопрос Прабхупада усмехнулся:

– Что проку обсуждать подобные вопросы? – бросил он. – Двайта, адвайта... Кришна говорит: аннад бхаванти бхутани. Анна значит «злаки». У людей нет зерна. Зерно растет благодаря дождю, а дожди рождаются из жертвоприношения. Поэтому совершайте жертвоприношения. Вам нужно разделить общество на четыре сословия. Вы можете принадлежать к чему угодно – к двайте или адвайте, но без зерна вам не прожить.

Секретарь Прабхупады написал в Париж Бхагавану о расписании и местонахождении Прабхупады.

Ты можешь связаться с нами, пока мы здесь до 29-го или 30-го апреля. Потом мы вернемся в Бомбей. Твоя идея проводить фестивали звучит неплохо. Здесь преданные провели трехдневный фестиваль. Вчера вечером собралось около тысячи человек. Они тихо просидели всю лекцию, а затем ринулись к сцене, чтобы получить благословения Шрилы Прабхупады. Преданные установили на сцене Божества, выясасану, и раздали много прасада.

25 апреля

Из Хайдерабада Шрила Прабхупада полетел в Тирупати. Здесь, в горах Тирумалы, стоит самый богатый храм Индии, в котором обитает Божество Вишну по имени Баладжи.

Настоятели храма с почестями встретили Шрилу Прабхупаду и его группу, предоставив им два домика на горном склоне. По правилам храма, перед тем как увидеть Божество, нужно простоять длинную очередь – каждый день храм посещает пятнадцать тысяч человек, и каждому удастся получить лишь очень короткий даршан. Не-индусов в храм обычно не пускают, но Шрила Прабхупада и его ученики удостоились особой чести – получить личный даршан Баладжи.

По обе стороны от входа в длинное святилище стояли две большие скульптуры Джая и Виджая, привратников Вайкунтхи. В конце залы помещался алтарь с Божеством. Единственным источником света в святилище были факелы на стенах и в руках пуджари. Приближаясь по коридору к Божеству, многие паломники по традиции восклицали: «Говинда!» Но Прабхупада, войдя, запел: «Говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами».

Позже, вернувшись к себе в домик, Прабхупада сказал:

– Тот факт, что миллионы людей стремятся попасть к Баладжи на даршан, доказывает, что, несмотря на пропаганду правительства, народ по-прежнему тянется к Богу. Пусть многие из них идут туда, чтобы просить денег или избавления от страданий, но они призывают к святому имени: «Говинда!»

Один преданный спросил Прабхупаду, почему Божество носит имя Баладжи.

– Бала-джи, – ответил Прабхупада, – значит «ребенок» – Кришна-пастушок, а не Господь Вайкунтхи.

Прабхупаде понравилось жить в домике и принимать прасад от Божества. Он посоветовал преданным строить в Новом Вриндаване такие же домики, и чтобы храмы ИСККОН строились по примеру храма Баладжи, – с золотым куполом и большими возможностями для приема посетителей.

Как-то один из служащих храма в гостях у Прабхупады сказал, что их храм в Тирупати собирает около сорока лакхов рупий в месяц. Прабхупада спросил, на какие цели идут собранные деньги. Узнав, что большая часть денег направляется на реконструкцию зданий, Прабхупада ответил, что реставрация храма – дело хорошее, но проповедь послания Кришны по всему миру лучше.

– Баладжи – это Кришна, – сказал Прабхупада. – И мы должны всем нести Его послание. И чтобы научить нас этому, Он низошел как Чайтанья Махапрабху. В Лондоне я видел много старых заброшенных церквей. Если нет проповеди, как в храмах будет поддерживаться жизнь?

Тогда священник с гордостью заявил, что они строят еще один храм, в котором будет установлена панчопасана (пять божеств, поклонение которым рекомендовал Шанкарачарья). От удивления Прабхупада широко раскрыл глаза:

– Но ведь ваш ачарья, Рамануджа, никогда не советовал поклоняться панчопасане!

В течение двух дней своего пребывания в Тирупати Прабхупада каждый день по три-четыре раза ходил взглянуть на Господа Баладжи. И всякий раз пуджари выводили из алтарной всех остальных посетителей, чтобы при свете факелов Прабхупада сколько душе угодно мог любоваться пышно украшенным драгоценностями загадочным Божеством.

* * *

Бомбей

29 апреля

До поездки в Рим оставалось несколько дней, а перед Прабхупадой встала новая проблема, касающаяся его и его индийских проектов. Тамала-Кришна Госвами после четырех лет административной деятельности в Индии попросил Прабхупаду позволить ему уехать в Америку; ему не терпелось попробовать себя в разных формах проповеди. Его духовный брат, Вишнуджана Свами, доставил Прабхупаде большое удовольствие, организовав в Штатах проповедническую группу, путешествующую на автобусах, и убедил Тамала-Кришну в том, что эта форма проповеди наиболее эффективна. Шрила Прабхупада, хоть и неохотно, но принял его предложение. Идея была хороша – как для проповеди в Америке, так и для самого Тамала-Кришны. Но что делать с Индией? Прабхупада снова был поставлен перед фактом, что единственным управляющим ИСККОН в Индии является он сам.

Он внимательно изучил недавний отчет по расходованию средств на строительство в Майяпуре. Беспокоясь о том, чтобы все деньги расходовались очень осторожно и исключительно по назначению, Прабхупада написал Джаяпатаке Свами:

Деньги, выданные на покупку земли, должны расходоваться только для покупки земли; если я послал деньги на строительство кухни, тратить их нужно только на это.

Если покупаешь землю, использовать ее нужно по назначению... И если вы действительно выращиваете какое-то зерно и овощи, нужны ли в таком случае дополнительные средства на содержание людей? Если на содержание каждого человека выделяется по 100 рупий, какая необходимость покупать землю для выращивания пищи? Насколько мне известно, в настоящий момент там живет только 20 человек, соответственно, для их содержания требуется 2000 рупий. Мне трудно разобраться во всех твоих планах, но таков мой приблизительный подсчет.

В своем длинном письме ты пытаешься мне объяснить все это, но у меня пока нет времени его прочитать. Пока продолжай следовать вышеуказанному принципу: тратить деньги только по назначению. Тогда все будет четко и ясно.

Предыдущее письмо Шрилы Прабхупады несколько разочаровало Бхавананду и Джаяпатаку. Им казалось, что духовный учитель на них сердится. Но Прабхупада успокоил их:

Я знаю, что вы искренне трудитесь не покладая рук. Мне незачем ругать вас, но мой долг как главы организации и вашего духовного учителя, – замечать ваши ошибки. Даже Господь Чайтанья считал себя глупцом перед духовным учителем. Чувствовать себя глупцом перед гуру – хорошее качество ученика, ибо в таком случае духовный учитель может помочь ему исправиться. Но если ученик считает себя во всех отношениях совершенным, у него нет никаких шансов исправиться. Не расстраивайтесь, когда я указываю вам на недостатки. Это моя первейшая обязанность. Чанакья Пандит говорит: учитель должен указывать на недостатки ученикам, родитель – сыновьям, и для них это только хорошо.

Также Прабхупада внимательно изучил, на что тратятся деньги во Вриндаване, где президентом был Гурудас, а финансовым инспектором (в Дели) – Теджас. Оценив последний запрос Теджаса, Прабхупада ответил:

Я прилагаю к этому письму список чеков, которые ты попросил послать заказной почтой. Я не посылаю только один чек, на 3000 рупий, вриндаванскому портному Лалит-Прасаду за одежды для Божеств. Все необходимое для Божеств должны отдельно собрать Гурудас и Ямуна. Это не должно оплачиваться из фонда на строительство, как ты попросил. Кроме того, я посоветовал Гурудасу не платить никаким портным, а попросить изготовить одежды для Божеств наших преданных.

В бухгалтерском отчете Прабхупада нашел серьезное несоответствие, на которое указал Теджасу и попросил исправить.

Согласно моей кассовой книге, после того как я выписал последний чек на сумму 17 600 рупий, на счету осталось всего 18 745 рупий и 81 пайса. Но ты написал, что остаток составляет 100 313 рупий 64 пайсы. Где же остальное? Вышли подробный отчет.

Гурудас и Теджас заверили Прабхупаду, что Кришна-Баларам-мандир будет готов к открытию в июле 1974 года. Прабхупада сам составил текст для пригласительных билетов, которые попросил напечатать и разослать именитым гостям.

Ачарья-основатель и члены Международного Общества сознания Кришны просят Г-на... и Г-жу... оказать им честь и посетить церемонию открытия храма Кришна-Баларамы с 8 по 10 августа и отведать прасадам.

Гуру-дас Адхикари (Президент храма)

А.Ч. Бхактиведанта Свами (Ачарья-основатель)

Сурабхи-дас Адхикари (Секретарь)

Три оставшиеся месяца – с мая по июль – Прабхупада планировал провести в поездках. Перед отъездом он дал разрешение переместить фонд строительства из Дели во Вриндаван. Через три месяца он вернется, чтобы принять участие в грандиозной церемонии открытия.

Глава сорок четвертая

Здесь будет храм

В своем турне по Европе Шрила Прабхупада планировал посетить Рим и Женеву. В обоих городах преданные уже подготовили места, где он должен был читать лекции, а также запланировали для него встречи с видными людьми.

Храм в Риме представлял собой маленький домик на оживленном перекрестке близ площади Лоди. По улице бесконечным потоком неслись автомобили, наполняя комнаты Прабхупады шумом.

– Надеюсь, шум машин не сильно вас беспокоит, – извинился Дхананджая, президент храма.

– Нет, – ответил Прабхупада, – мне нравится этот шум. Это значит, что здесь – оживленный район Рима. Это очень хорошее место.

Прабхупада выступил с речью в зале гостиницы «Вилла Боргезе». В зале на пятьсот мест собралось больше тысячи человек. Прабхупаде понравились восторженные итальянцы: складывалось впечатление, что они пришли сюда получить благословения Папы. Будучи благочестивы от природы, итальянцы, однако, не понимали, как правильно служить Господу. Это, сказал Прабхупада, было единственным их недостатком.

Хотя преданные заранее договорились о встрече Прабхупады с Папой, тот внезапно заболел, поэтому Прабхупада встретился с кардиналом Пиньедоли, ответственным за связи с нехристианскими организациями.

Во время перелета в Женеву Прабхупада и его секретари рассматривали покрытые снежными шапками Альпы.

– Очень опасное место, – отметил Прабхупада, когда самолет пролетал над пиками. – Много самолетов потерпели здесь крушение.

Мэр Женевы устроил для Прабхупады официальный прием. Все прошло гладко, по дипломатическому протоколу. Когда же церемония закончилась, мэр задал почетному гостю откровенный вопрос:

– Если все станут такими, как вы говорите, не повредит ли это экономике?

– Нет, – ответил Прабхупада и произнес тот же стих, который цитировал корреспондентам в Хайдерабаде: аннад бхаванти бхутани. Зерно появляется благодаря дождям, которые, в свою очередь, выпадают благодаря жертвоприношению Вишну.

По мнению Прабхупады, если бы люди возделывали землю и держали коров, у них не было бы никаких экономических проблем. Преданные Кришны легко могут работать во всех сферах человеческой деятельности, а еще могут научить тому, как организовать общество согласно принципам сознания Бога.

По дороге в храм Прабхупада спросил:

– Как вам мои ответы?

Один преданный высказал подозрение, будто мэр отнёсся к преданным, как к попрошайкам.

– Вот поэтому, – сказал Прабхупада, – я и говорил ему о земледелии. Мы не попрошайки. Мы даем высшее знание. Я подарил ему экземпляр «Бхагавад-гиты», высшее знание. А он ничего не смог нам дать. Так кто же из нас попрошайка?

Прабхупада принял приглашение выступить в Международной Организации здравоохранения при ООН, а у себя в храме принял индолога Жана Харберта и еще нескольких ученых и профессоров.

В Женеву к Прабхупаде приехал один из его старших учеников, Карандхара, из-за своей неспособности строго следовать четырем заповедям четыре месяца назад оставивший Движение. Прежде он был ведущим руководителем ИСККОН в Соединенных Штатах, и очень помог Прабхупаде установить отношения с издательством «Дай Ниппон», координировал распространение книг и собирал средства со всех американских храмов. Теперь, когда отошедшего Карандхару терзало раскаяние, и в сердце его произошла перемена, он послал

Прабхупаде телеграмму, где говорил что хочет вернуться и снова предаться его лотосоподобным стопам. Шрила Прабхупада с радостью согласился, и Карандхара тут же вылетел в Женеву.

Проговорив с ним несколько часов, Прабхупада решил, что он как никто другой подходит для трудной должности представителя Джи-би-си по Индии. Он попросил его отправиться в Бомбей и помочь преданным выхлопотать разрешение на строительство. Прабхупада пошел на этот смелый шаг, полностью доверяя своему ученику и сознавая, насколько остро Движение сознания Кришны в Индии нуждается в лидере. Он попросил секретаря немедленно напечатать письмо президентам храмов в Хайдерабаде, Бомбее, Калькутте, Майяпуре, Дели и Вриндаване о назначении Карандхары новым секретарем Джи-би-си по Индии.

«Словно гора с плеч, – писал Прабхупада. – Пожалуйста, тесно сотрудничайте с ним и сообщая помогайте индийцам становиться сознающими Кришну».

Париж

8 июня

Две с половиной тысячи человек гостей и пятьдесят преданных ожидали приезда Шрилы Прабхупады в парижский Ля-Саль-Плейель.

Спев киртан, Прабхупада начал лекцию с того, что попросил одного из преданных зачитать несколько строк из Библии, из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было Бог». Затем Прабхупада рассказал слушателям о силе Святого имени – духовного, нематериального звука. Но практически вся аудитория состояла из радикально настроенных студентов, которые пришли на лекцию с единственной целью – поскандальить, и приведя аналогию, которая их возбудила, Шрила Прабхупада дал им для этого хороший повод. Он сравнил жизнь обусловленной души в материальном мире с наказанием за нарушение законов государства. Как только он сказал, что непокорные граждане будут наказаны, студенты принялись свистеть и что-то выкрикивать. Прабхупада говорил на английском, а его ученица, Джйотирмайи-деви-даси, переводила в микрофон. Когда раздались крики, Прабхупада повернулся к ней и спросил:

– Что они говорят?

– Им не понравился ваш пример, – ответила она, – Они не любят местное правительство.

Тогда Шрила Прабхупада ответил возмущенным студентам:

– Вам может не нравиться правительство, но факт остается фактом – если вы нарушаете законы, вы будете наказаны.

Он говорил об абсолютных законах кармы, но студенты-радикалы восприняли его речь в узко политическом смысле и продолжали кричать. Один из студентов вскочил и выпалил по-французски:

– Вы можете говорить о духовном, но что до меня, я бы никогда не сел на трон и не стал бы требовать от людей, чтобы они склонялись к моим ногам!

На этих словах слушатели взорвались аплодисментами, засвистели и хором принялась скандировать: «Par terre! Par terre! Par terre!» Прабхупада попросил перевести. Джйотирмайи сказала, что они требуют: «Спускайся!»

Отвечая на этот вызов, Прабхупада решительно произнес в микрофон:

– Я могу разговаривать с вами и на полу, но от этого что вы не станете лучше меня понимать. Если вы знаете науку сознания Бога, то тоже можете сесть на व्याсасану, и люди будут склоняться к вашим ногам.

Решительные слова Прабхупады заставили зал замолчать – возмутители спокойствия, казалось, были удовлетворены его ответом. Вдруг на сцену вспрыгнул какой-то чернокожий парень и обратился к залу. Сначала он защищал Прабхупаду и преданных, затем принялся критиковать их, а в конце вообще понес какую-то околесицу. Прабхупада повернулся к ученикам, сидящим на сцене, и сказал:

– Ладно, начинайте петь.

Преданные поднялись, взяли в руки барабаны и караталы и начали мощный киртан. Большинство присутствующих в зале присоединились к пению, и возмущенные крики потонули в его звуках.

Возвращаясь после этого шумного мероприятия на машине в храм, Прабхупада попросил преданных впредь не предлагать ему во время публичных программ садиться на व्याсасану, а класть простую подушку. Еще ему показалось, что говорить о философии при таком скоплении

людей бессмысленно. В оставшееся время своего пребывания в Париже он встречался с небольшими группами людей, которые действительно хотели его послушать.

Франкфурт

18 июня

Встретив Шрилу Прабхупаду, Хамсадута с большой группой преданных на двадцати автомобилях повезли его на окраину города, где на холме, в замке Шлосс-Реттерсхоф, располагался местный центр ИСККОН.

– Сердце радуется, когда слышу мридангу в немецкой деревушке, – сказал Шрила Прабхупада.

Преданные провели Прабхупаду по Шлоссу. Центр замка занимала большая зала высотой в два этажа. Выходившая в нее галерея второго этажа вела в комнаты Прабхупады. Пока Шрила Прабхупада отдыхал в своих апартаментах, преданные, съехавшиеся из всех центров Германии и из Амстердама, устроили внизу небывалый киртан. Через полчаса к перилам подошел Хамсадута и жестом пригласил преданных подняться в комнату Прабхупады.

Непостижимым образом в апартаменты Прабхупады втиснулась огромная толпа, те же, кто не поместился, стояли в коридоре и наблюдали, как, сидя в расслабленной позе, Прабхупада непринужденно общается с преданными.

– Всю жизнь я тяжело трудился, – сказал он. – Я не любил праздности. Преданное служение – значит быть всегда занятым в служении Кришне. Мы не должны уподобляться калькуттским слугам. Даешь им поручение, а они идут в парк Дальхаузи и спят весь день. И когда поздно вечером такой слуга приходит домой, хозяин спрашивает: «Где ты шатался?» А он отвечает: «Трудился для вас не разгибая спины». Мы не должны быть такими. Понимаете?

Прабхупада рассмеялся и преданные тоже рассмеялись, хотя большинство из них практически не понимали английского. Затем Прабхупада вспомнил пророчество Господа Чайтаньи, что имя Его будет слышно в каждом городе и деревне. Сейчас, когда преданные проводят киртаны в немецких деревушках, это предсказание сбывается.

– Но, к сожалению, – добавил он, – люди противятся этому, подобно человеку, которого пытаются спасти.

Он привел пример человека, который запускает с крыши воздушного змея. В ответ на предупреждение прохожего «Осторожней! Ты можешь сорваться!», он начинает сердиться и кричит: «Что? Отстань! Ты не даешь мне разбежаться!» Никакой порядочный человек, сказал Прабхупада, не станет молчать, если увидит, что другому угрожает опасность, даже если тот с ним спорит.

Немецкие ученики Прабхупады сопровождали его на всех программах в близлежащих городках, и хотя принимали Прабхупаду, как правило, довольно прохладно, это лишь придавало преданным решимости посвятить свою жизнь служению духовному учителю и Кришне. Читая публичные лекции, он садился на маленькую подушку, чтобы не вызывать негодования у людей, не понимающих традиции почитания гуру.

На одной из программ состоятельный бизнесмен, двое сыновей которого стали учениками Прабхупады, задал ему вопрос:

– Как нильский крокодил может жить в немецкой реке? Иными словами, как вы можете пересаживать на германскую почву чуждую ей культуру Индии, с ее обычаями и одеждой?

– Вы можете осознать Кришну в галстuke и костюме, – ответил ему Прабхупада.

– Не является ли пение мантр самовнушением? – спросил другой мужчина.

– Нет, – категорически ответил Прабхупада, – это очищение.

Примерно в таком же русле проходили все программы – люди скорее бросали вызов нежели искренне вопрошали.

Во Франкфурте Прабхупаду навестили две знаменитости, проявившие интерес к его учению: бенедиктинский монах отец Эммануэль и барон фон Дюркгейм – известный немецкий философ и духовный писатель. Обоим гостям пришлось по душе философские выкладки Прабхупады, и в течение нескольких дней они сопровождали его на утренних прогулках.

* * *

Следующим пунктом назначения Шрилы Прабхупады была Австралия. Расписание его кругосветного турне включало три фестиваля Ратха-ятры в трех городах: сначала в Мельбурне,

через неделю – в Чикаго, и еще через два дня – в Сан-Франциско. Затем Прабхупада планировал посетить Лос-Анджелес, Даллас и Новый Вриндаван и к 25 июля вернуться во Вриндаван, где две недели спустя должно было состояться открытие Кришна-Баларам-мандира.

Он много говорил о том, что на открытие Кришна-Баларам-мандира во Вриндаван слетится множество преданных со всего мира, чтобы отметить это событие вместе с ним. 17 июля он написал Джаяхари из Германии в Лондон:

Сейчас я путешествую по Европе. За последние недели я провел множество программ в Риме, Женеве, Париже, а теперь и в Германии. Поэтому у меня нет времени внимательно изучать твои проекты и принимать решение. Самое лучшее, если по завершении этого турне ты сам приедешь ко мне на личную встречу. Я планирую прибыть во Вриндаван на Джанмаштами, чтобы принять участие в церемониях открытия нашего храма Кришна-Баларамы. Если ты сможешь приехать ко мне во Вриндаван, я буду рад обсудить с тобой перспективы твоей занятости в преданном служении.

После двадцатичетырехчасового перелета из Франкфурта в Австралию Прабхупада сошел на землю в аэропорту Мельбурна. Преданные посадили его в нанятый ими «Роллс-ройс», и это сразу же бросилось в глаза местным репортерам. «БОЖЕСТВЕННАЯ МИЛОСТЬ ПРИКАТИЛА НА РОЛЛСЕ» – гласил один из заголовков. В статье говорилось: «Поклонами встретили вчера своего лидера шестьдесят молодых кришнаитов. Однако официальные лица Мельбурна приняли его довольно холодно».

Другая статья начиналась так: «Сегодня в Талламарине основателя эскапистской секты «Харе Кришна» Бхактиведанту Свами Прабхупаду встретит «Роллс-ройс» с шофером». В другой газете была опубликована большая фотография улыбающегося Шрилы Прабхупады с заголовком через всю полосу «Е.Б.М. ПРИЕХАЛ СЮДА, ЧТОБЫ ДОСТАВАТЬ НАС». Вот как она начиналась:

«Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, основатель Движения Харе Кришна, приехал в Австралию, чтобы спасти нас от собачьей жизни. Без духовного знания, предупреждает ЕБМ, мы так и будем «мыслить как собаки»».

Пресса осветила не только приезд Прабхупады в аэропорт. На следующий день, когда преданные готовили колесницы для Ратха-ятры, случилось сенсационное происшествие, попавшее на первую полосу «Геральда».

ГРУППА КРИШНАИТОВ ПРИ ПОМОЩИ БАЛДАХИНА СПАСАЕТ ЖЕНЩИН ВО ВРЕМЯ ПОЖАРА

ВЧЕРА в Мельбурне монахи из секты «Харе Кришна», воспользовавшись разрисованным парусиновым балдахинот от своей религиозной колесницы, дали возможность пяти кричащим от ужаса женщинам благополучно выпрыгнуть из охваченного пожаром трехэтажного дома.

Статья сопровождалась двумя большими фотографиями, на которых преданные «Харе Кришна» держат брезентовый балдахин.

Средства массовой информации могли не оценить любви, которую ученики питали к Шриле Прабхупаде, но этот благородный поступок оценили все. Вот что написал обозреватель газеты «Австралиец»:

Более всего впечатляет то, что для спасения пострадавших был использован СВЯЩЕННЫЙ покров, а не какая-то обычная простыня. Покров сшили специально для завтрашнего религиозного праздника в Мельбурне.

С напускной скромностью обозреватель выражал сомнение в том, что после всего происшедшего преданные смогут посадить под этот «священный покров» Его Божественную Милость А.Ч. Бхактиведанту Свами Прабхупаду.

Дело в том, что Свами не похож ни на одного из этих ваших обычных свами. Он – основатель «Харе Кришна», и последователи называют его Господом Вселенной. Один из преданных сообщил, правда, что покров все-таки будет использован на празднике.

Благодаря этому случаю праздник получил хорошую огласку. Завтра Господь Джаганнатха – Господь Вселенной – и Его чистый преданный, Шрила Прабхупада, двинутся в процессии Ратха-ятры по центральным улицам Мельбурна. Прабхупада сказал, что независимо от реакции газетчиков – позитивной или негативной – святые имена «Харе Кришна» на страницах печати принесут читателям большое благо.

Амогха: Прабхупада встретил Господа Джаганнатху на городской площади, рядом со зданием муниципалитета. На колеснице была установлена вьясасана, но Прабхупада предпочел

идти перед Божеством Господа Чайтаньи пешком, возглавив ехавшие одна за другой три колесницы. На Прабхупаде была золотистая шерстяная шапочка, персиковый свитер с высоким воротником и сияющие шелковые дхоти и курта. Плечи его покрывал белый шелковый чадар, а грудь украшала гирлянда из орхидей и желтых цветов. В Мельбурне стояла зима, и было довольно холодно, но он пел и танцевал, воздев руки.

У нас было одиннадцать новых мриданг. Кроме того, трое играли на больших барабанах. Мы окружили Прабхупаду. Все были счастливы, все били в барабаны и пели «Харе Кришна», а Прабхупада шел с нами по городу и тоже пел. Наделенный какой-то неземной силой, твердыми шагами он прошел через весь город, до конца Свонсон-стрит.

Сабхапати: Погода в тот день не выдалась. Прабхупада подъехал к колеснице, стоявшей на углу Свонсон-стрит и Бэрк-стрит, и возглавил парад. Он прошел больше трех километров. Сначала киртан вели три разные группы, но когда на Ратха-ятру приехал Прабхупада, все собрались вокруг него. Он шел впереди процессии, перед четырехметровым мурти Господа Чайтаньи, за которым следовали три колесницы. Время от времени Прабхупада останавливался и, обернувшись, смотрел на Господа Чайтанью. Он просто стоял и минуту или две смотрел на Господа, а затем снова поворачивался и вел шествие дальше. Для нас это были поистине счастливые минуты, – казалось, что Прабхупада покорила Мельбурн, покорила Австралию.

Гаура-Гопала: В течение всего шествия я не отходил от Прабхупады. Я играл на барабанах. На протяжении всего пути он пел на один и тот же мотив. Он поднимал руки и танцевал.

Вайкунтханатха: В какой-то момент во время шествия Прабхупада попросил меня: «Дай мне воды». Я запаниковал, потому что взять мне ее было негде. Я просто положился на Кришну и со всех ног бросился к какому-то дому, где попросил воды. Мне дали стакан, и я бегом вернулся к Шриле Прабхупаде. Однако, бегая за водой, я заметил большую радугу. И действительно, начинал капать дождик. Радуга была очень отчетливой. Одним из концов она упиралась прямо в то большое здание, где Ратха-ятра должна была закончиться.

Хари-шаури: В том месте находились огромные выставочные павильоны, один из которых, высотой двадцать пять метров, мы взяли в аренду. Колесницы с опущенными куполами въехали внутрь зала, после чего купола вновь подняли. Затем вошел Шрила Прабхупада, и все заняли свои места. В зале присутствовало около тысячи человек. Шрила Прабхупада сел на व्याсасану на колеснице и прочитал лекцию.

Сабхапати: Хотя погода была холодная и противная, в здании Выставки собралось около тысячи человек. Прабхупада прочитал короткую лекцию: он поблагодарил всех за участие в движении санкиртаны Господа Чайтаньи Махапрабху.

На следующий день газеты Мельбурна сообщали о Ратха-ятре: «День латунных тарелочек и мантр», «Свами едет на колесницах». В одной из газет написали: «Вам нечего бояться Кришны, – уверяет священник».

Появление молодых людей из «Харе Кришна» на улицах Мельбурна – не повод для страха или насмешек, – сказал вчера преподобный Гордон Пауэлл из Шотландской церкви.

Он сказал, что появление этой секты, возможно, свидетельствует о том, что молодое поколение вновь качнулось в сторону духовных ценностей и традиционных добродетелей.

Статья положительно отзывалась о позиции преданных, «выступающих против махрового материализма», и описывала шествие Ратха-ятры. Преподобный Пауэлл, главный епископ англиканской церкви в Мельбурне, нанес Шриле Прабхупаде визит, после которого на своей воскресной проповеди заявил, что кришнаиты не должны вызывать у людей тревоги. Шрила Прабхупада придал заявлению епископа большое значение.

Во время своего недельного пребывания в Мельбурне Прабхупада принял участие в массовом мероприятии в Ратуше. Вдохновленные им, преданные провели киртан с участием тысячи человек, которые танцевали в кругу перед Божеством Господа Чайтаньи. Он также посетил Колледж св. Паскаля, францисканскую семинарию, где был радушно принят местными монахами. Семинаристы задавали разумные философские вопросы. Один из них спросил, как Прабхупада относится к их основателю, Святому Франциску Ассизскому. Семинарист вкратце рассказал, что Святой Франциск рассматривал все мироздание в связи с Богом и называл создания природы не иначе как Брат-дерево, Сестра-птица и т.д. Такое отношение Святого Франциска, ответил Прабхупада, говорит о его сильнейшем сознании Бога.

В тот же вечер в своей комнате Прабхупада встретился с наместником ордена римско-католической церкви в Австралии, преподобным Дж. А. Келли. Прабхупада проиграл запись своей

утренней лекции в колледже св. Паскаля, после чего святой отец спросил, может ли он сфотографироваться с Прабхупадой для местной религиозной газеты. Этот факт также не прошел незамеченным для журналистов: «Свами призывает к согласию».

Обычно тихий, монастырь Римско-католического теологического союза вчера наполнился звуками мантры «Харе Кришна»...

«Если вы любите Бога и служите Ему, ваша религиозная принадлежность не имеет значения», – сказал Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада.

«Мы должны освободиться от болезни материализма, иначе мы всегда будем испытывать нужду».

По окончании диалога двадцатипятилетний президент студенческого совета францисканской семинарии, Патрик Мак-Клор сказал, что во многих вопросах мнения обеих сторон совпадают.

«В частности, мы единодушны в необходимости отвергнуть материализм», – сказал он.

Г-н Мак-Клор заявил, что эта неформальная встреча свидетельствует об открытости и толерантности церкви.

«Может быть, и нам есть чему у них поучиться», – отметил он.

1 июля

В Мельбурне Прабхупада продиктовал письмо Гурудасу во Вриндаван. До запланированного открытия Кришна-Баларам-мандира оставалось менее шести недель, а регулярных отчетов из Вриндавана Шрила Прабхупада по-прежнему не получал. Он же хотел, чтобы к началу праздничной церемонии все было готово.

Мой дорогой Гурудас,

Пожалуйста, прими мои благословения. Через два дня я покину Австралию и вылечу в США. А сейчас я хотел бы дать тебе некоторые наставления по поводу проведения церемонии установления на Джанмаштами во Вриндаване.

Самое главное, церемонию должны проводить наши люди. Мы не должны зависеть от тех, кто брезгует даже есть с нами, считая нас людьми низшего сорта. По всему миру: в Париже, Нью-Йорке, Австралии и т.д., – наши юноши и девушки превосходно поклоняются Божествам, чем я очень горжусь. У нас нет оснований полагать, что, проводя церемонию во Вриндаване, мы не сможем справиться без индийских госвами. Пойми это и не сомневайся. Пусть они приходят как гости, но мы все сделаем своими силами.

Ты также можешь договориться о выступлении актеров «Хе Говинда» и наших актеров. Нужно досыта кормить прасадом всех, кто будет приходить в течение дня. Кухня должна работать без остановок. Позаботьтесь о том, чтобы подготовить необходимый запас риса, атта [муки] и гхи. Особую заботу нужно оказать свободным членам и гостям, пришедшим по приглашению. Мы сами управимся со своими делами. Если придут – хорошо, нет – сами управимся. С нашей стороны все должно быть сделано как следует.

Обязательно пригласите всех важных чиновников Матхуры и Вриндавана. А также Госвами и духовных братьев. Еще пригласите местных Маравати и Партхак. Разослав приглашительные билеты общего содержания, мы пригласим практически всех. Мы пригласим всех жителей Вриндавана увидеть Божества и принять прасад. Особый прием нужно оказать свободным членам, г-ну Бирле и другим уважаемым гостям. О деньгах не беспокойтесь. Все нужно сделать по высшему разряду. Кришна даст нам необходимые средства, поэтому постарайтесь устроить пышную церемонию. «Пышная» – значит: обильный прасад и великолепное убранство храма. Украшение могут взять на себя Ямуна, Мадара и Джаятиртва, они умеют это делать. Прадьюмна может проследить, чтобы все делалось строго по шастрам...

Ко мне приходил г-н Джай Пурна из Карнапура, поэтому ему тоже нужно послать приглашение. Пригласите всех жителей местных ашрамов и санньяси. Никаких известий от Пранава; я послал ему телеграмму, но не получил ответа.

Организуйте все совместными усилиями. Только не ссорьтесь, – это единственное, о чем я беспокоюсь. Я вылечу во Вриндаван 25 июля. А пока жду от тебя ответа в Лос-Анджелесе.

Твой вечный благожелатель,

А.Ч. Бхактиведанта Свами

Тогда как Гурудаса получал по поводу предстоящей церемонии личные наставления, остальные преданные – кому бы ни писал Прабхупада – получали его приглашения на открытие Кришна-Баларам-мандира. В письме Чьяване Махарадже в Западную Африку он писал:

Ты хочешь увидеть меня, и мне тоже нужно обсудить с тобой некоторые важные вопросы, поэтому лучше всего, если мы встретимся с тобой в конце июля, во Вриндаване, в Индии. Сегодня я вылетаю в Соединенные Штаты, на Ратха-ятру в Чикаго и Сан-Франциско, но в конце июля буду во Вриндаване. Там в день Джанмаштами у нас будет большой праздник – мы откроем наш храм Кришна-Баларамы, установив в нем Божества. Поэтому ты тоже должен приехать туда, чтобы помочь с проведением церемоний. Поэтому, до встречи во Вриндаване в конце июля.

Неприятный эпизод со студентами-радикалами в Ля-Саль-Плейель в Париже практически полностью повторился на программе с участием Шрилы Прабхупады в университете Ля-Троб, в Мельбурне. Вход был бесплатным, и вновь собралась огромная толпа студентов, а ученики приготовили для Прабхупады традиционную вьясасану. Преданные провели на сцене киртан и представили Шрилу Прабхупаду, который заговорил об азах духовной науки – отличии души и тела, и о том, как нуждаются люди в подобном образовании. Но не успел он проговорить и десяти минут, как в со своего места вскочил какой-то молодой человек и принялся осыпать Шрилу Прабхупаду руганью.

– И чем вы объясните свой «Роллс-ройс»? – добавил он.

Спокойная поначалу, аудитория взволновалась. Трое самых задиристых учеников Шрилы Прабхупады встали со своих мест и направились в конец зала – туда, откуда раздавался голос. Шрила Прабхупада замолчал и стал терпеливо ждать. Когда крики прекратились, он продолжил.

– Как я уже объяснил, в материальной жизни мы меняем одно тело на другое. Это незавидное положение. Никто не хочет умирать, но каждому приходится...

Через пять минут ругательства возобновились. Трое учеников Шрилы Прабхупады вытолкали возмутителя спокойствия в заднюю дверь. В потасовке один из студентов вынул из ботинка нож, но преданный его разоружил.

Атмосфера накалилась, разговоры пошли на повышенных тонах, а кое-кто уже направился к выходу. Взяв микрофон, Мадхухвиша Свами умолял студентов сохранять спокойствие и продолжать слушать Шрилу Прабхупаду. Некоторые из студентов, казалось, вот-вот готовы были броситься в драку, и преданные опасались за безопасность своего духовного учителя, но Прабхупада хотел продолжать и спросил, есть ли вопросы.

Студент: Я христианин, и хотел бы знать, каково ваше мнение об Иисусе Христе.

Шрила Прабхупада: Мы, как и вы, почитаем Иисуса Христа, потому, что он представитель Бога, сын Бога. Мы тоже говорим о Боге, поэтому глубоко уважаем его.

Вопрос: Вы тоже сын Иисуса?

Шрила Прабхупада: Да, я слуга Иисуса. Я не Иисус.

Вопрос: Я хочу знать, есть ли у вас сила Иисуса?

Шрила Прабхупада: Нет. У меня нет силы Иисуса.

Вопрос: Что ж, а у меня она есть! (смех) Потому что я христианин.

Шрила Прабхупада: Замечательно. Вы христиане. Мы кришнииане. Это почти одно и то же (смех и аплодисменты).

Студент: У меня еще один вопрос. Я верю, что Иисус скоро вернется. Иисус, а не Кришна. Что вы, ребята, собираетесь делать, когда увидите Иисуса? (смех)

Шрила Прабхупада: Мы встретим его с распростертыми объятиями. Добро пожаловать. Это очень хорошая новость, что Иисус возвращается.

Студент: Иисус не гонялся за славой. Он носил простые сандалии и был распят между двумя ворами. А ваше священство разъезжает на «Роллс-ройсе» и сидит на мягком кресле, и все вы гонитесь за деньгами – вы, кришны, вы хотите денег.

Шрила Прабхупада: Я не хочу денег.

Студент: И вы говорите, что насилие есть насилие, это ваша вера. Иисус подставлял другую щеку и ожидал от своих последователей того же.

Шрила Прабхупада: Движение сознания Кришны – не сентиментальная религия. Это наука и философия.

Прабхупада объяснил, что понимание науки о Боге выше христианства или индуизма. Истинная цель – научиться любить Бога.

Второй студент: У меня вопрос насчет Кришнамурти. Кришнамурти подчеркивает, что, проповедуя в западном мире, вы должны говорить на языке, понятном западному человеку, и вести себя соответственно, не так как вы говорили бы в Индии. Вместо того, чтобы сидеть на возвышении и одеваться в монашеские одеяния, Кришнамурти носил западную одежду и сидел на стуле. Что вы думаете об этом?

Шрила Прабхупада: На самом деле, человек, сознающий Бога, не является ни жителем Запада, ни жителем Востока. Поэтому преданный, где бы он ни оказался, соглашается на любой прием. Эти преданные подготовили для меня почетное место, и я его принял. Если бы они посадили меня на пол, то и тогда бы я охотно согласился. Я не возражаю ни против того, ни против этого. Но если преданные оказывают достойный прием и почести, то это хорошо для них самих, потому что мы должны почитать Верховного Господа Бога и Его представителя. Времена изменились. Студенты не учатся почтению. Но это не соответствует традиции. Согласно ведической традиции, представителя Бога следует почитать как Бога.

Другой студент (громко): Считаете ли вы свое Движение главным средством просвещения, исходящим сегодня от Соединенных Штатов? Какую конкретно роль играет ваше Движение в департаменте психологической войны Белого дома? Придете ли вы четвертого июля на нашу демонстрацию протеста против Соединенных Штатов, чтобы попытаться решить настоящие политические проблемы?

Снова поднялся крик. Мадхудвиша Свами взял микрофон.

– Я могу ответить, если хотите. Движение Наше берет начало не в Соединенных Штатах, а если у вас паранойя по поводу того, что все идет из США, то, это, извините, ваши проблемы, а не наши (аплодисменты). И во-вторых. Наш духовный учитель начал Движение сознания Кришны в Штатах, потому что у него был бесплатный билет до Америки. Если бы вы послали ему бесплатный билет, он, наверное, приехал бы сначала в Австралию. Он старается распространять любовь к Богу. Он не пытается начать какое-то политическое движение. Он хочет пробудить у людей революционное сознание. Я полагаю, вас интересует революция. Нас тоже интересует революция. Но нас интересует революция, которая поможет людям почувствовать мир в душе – будь они коммунисты, марксисты или кто угодно. Мы пытаемся помочь людям обрести счастье, кем бы они ни были.

Речь Мадхудвиши Свами еще больше всколыхнула аудиторию. Суматоха усилилась, и студенты по всему залу начали что-то выкрикивать. О мирной философской дискуссии уже не могло быть и речи. Теперь преданные беспокоились лишь о том, чтобы вывести Прабхупаду из зала целым и невредимым. Прабхупада поднялся с вьясасаны и в сопровождении учеников вышел через боковую дверь. На улице, перед входом в зал, собралась большая толпа студентов, но Прабхупада благополучно сел в ожидавшую его машину. Когда он медленно проезжал сквозь толпу, какая-то девица пнула машину ботинком. Пока преданные садились в фургоны, студенты швыряли в них камни. В конце, когда, покидая территорию университета, преданные проезжали под пешеходной эстакадой, студенты облили машины сверху черной краской.

Почти всю дорогу Прабхупада молчал. Казалось, он чувствовал отвращение. Он сказал, что впредь будет читать лекции только там, куда его пригласят – больше никаких мероприятий со свободным входом!

* * *

Из Мельбурна Шрила Прабхупада полетел в Чикаго, с остановкой на Гавайях. По расписанию он мог провести в Чикаго не более двух дней, в течение которых должен был посетить первую в этом городе Ратха-ятру.

Он очень хотел, чтобы в больших городах мира проводились Ратха-ятры. Большие толпы людей зачастую не способны слушать философию сознания Кришны, не приходя в беспокойство, гнев, а порой даже в ярость, но каждый может насладиться и очиститься, участвуя в фестивале Ратха-ятры. В «Нектаре преданности» Шрила Прабхупада писал, цитируя «Бхавишья-пурану»: «Тот, кто присоединяется к процессии, идущей за колесницами Ратха-ятры, когда те пересекают его путь, перед ним или позади него – даже если он низкого происхождения – несомненно, обретет богатства, равные богатствам Вишну».

В Джаганнатха-Пури, в Индии, на родине поклонения Джаганнатхе, жители Запада могут лицезреть Господа Джаганнатху только раз в год, во время фестиваля Ратха-ятры, когда Божества выходят из храма и едут на своей колеснице. Да и много ли западных людей поедут в

Джаганнатха-Пури? Но, проводя Ратха-ятру на главных улицах городов, Шрила Прабхупада и его Движение сознания Кришны каждому давали возможность увидеть Господа Джаганнатху. Обычному американцу или австралийцу праздник этот мог показаться странным и непонятным, но с точки зрения Господа Джаганнатхи и Его последователей он был абсолютно логичен. Джаганнатха, «Господь вселенной», Он – для каждого, независимо от национальности или вероисповедания.

Ратха-ятра 1974 года в Сан-Франциско была восьмой по счету. И теперь, благодаря исходящему от Прабхупады вдохновению, преданные начинали проводить эти фестивали все в новых и новых городах. Шрила Прабхупада хотел придать этому виду проповеди наибольший вес, поэтому приложил все усилия и приехал в Чикаго, где никогда раньше не был – просто для того, чтобы в течение часа ехать на колеснице Господа Джаганнатхи по Стейт-стрит. Прабхупада чувствовал, что, проводя Ратха-ятры в городах всех континентов, его ученики одержат победу над лже-религией. Просто наслаждаясь праздником, пением, танцами, пиром и глядя на Господа, люди непроизвольно пленятся Кришной.

Прабхупада стоял в центре Чикаго перед огромной, богато убранной колесницей, желая занять на ней свое место, на котором он должен будет сидеть во время процессии. Но лестницы почему-то не оказалось, и ему пришлось подождать, пока преданные сбегают за ней в хозяйственный магазин. Наконец он поднялся на колесницу и сел на вьясасану.

Улицы города были запружены тысячами людей, спешащих на работу. Многие члены большой индийской диаспоры Чикаго пришли, чтобы получить благословения Господа и отдать дань хорошо знакомой им традиции. Сотни учеников Прабхупады съехались со всего Среднего Запада; они тянули за канаты величественную колесницу, вели киртан и распространяли прасад и журналы «Обратно к Богу» на одной из самых оживленных улиц Америки.

Шествие возглавляли несколько полицейских на мотоциклах. Их настроение, правда, едва ли можно было сравнить с настроением царя Ориссы, который по традиции возглавляет шествие Ратха-ятры в Индии. Каждый год, заняв положение скромного слуги и взяв в руки метлу с золотой ручкой, царь подметает перед Господом Джаганнатхой дорогу. Чикагской полицией руководил другой мотив – как можно быстрее закончить это дело. С мрачными, озабоченными лицами они старались обеспечить нормальное движение транспорта. Они знали, что у преданных есть официальное разрешение на проведение шествия, но постоянно заставляли их тянуть колесницу быстрее и грозились вообще прекратить парад.

Однако, по милости Кришны, проехав несколько километров, колесница, благополучно вышла на центральную площадь города, и все, включая чикагских полисменов, облегченно вздохнули. Посреди небоскребов и городского шума Шрила Прабхупада обратился к собравшейся толпе. Сразу после лекции преданные начали киртан и раздачу прасада. Прабхупаде праздник понравился.

* * *

Сан-Франциско

7 июля

Тысячи людей прошли за тремя колесницами весь маршрут по Голден-гейт парку, длиной в несколько километров. Шрила Прабхупада ехал на второй колеснице, под божеством Субхадры. На нем была та же, что и в Австралии, золотистая шерстяная шапочка, просторный, белый вязаный свитер и гирлянда из красных роз. Несмотря на продолжительное путешествие, Прабхупада излучал энергию и здоровье. С чувством великого удовлетворения он окинул взглядом трансцендентный океан преданных и гостей.

В своей речи перед десятитысячной аудиторией Прабхупада сказал, что американцы должны стать лидерами проповеди сознания Кришны во всем мире.

– Я знаю, что присутствующие здесь американские дамы и господа образованы и разумны, – сказал он, – и я в большом долгу перед американцами, которые помогли мне сделать это Движение популярным по всему миру. Основав движение «Харе Кришна», Шри Чайтанья Махапрабху сказал: бхарата-бхумите хаила манушья-джанма яра / джанма сартхака кари' кара пара-упакара. Этими словами Он выразил Свое желание, чтобы каждый, кто, родился в Бхарата-варше, Индии, проникся идеей ценности Движения сознания Кришны и распространял его по всему миру на благо всего человечества. Он предсказывал, что Движение сознания Кришны будет известно во всех деревнях и городах мира.

Поэтому при вашей поддержке, при вашей помощи Движение это становится известным по всему миру. Недавно я был в Мельбурне, в Австралии. Там мы тоже проводили подобный праздник, в котором участвовали несколько тысяч человек. Они пели и танцевали вместе с нами. Затем я поехал в Чикаго, где состоялось то же действо. А сегодня утром я приехал сюда и просто счастлив видеть, что и вы присоединяетесь к этому Движению.

Прабхупада говорил с полужакрытыми глазами, слегка ударяя пальцами по своим караталам. Он уверенно выбирал слова, которые эхом разносились по парку. Прабхупада попросил аудиторию не считать сознание Кришны какой-то сектой; оно предназначено для каждого, ибо истинная природа нашего «я» духовна. Пение Святого имени и танец – не обычное действо, объяснял он.

– Это доступно каждому, кто будет просто повторять маха-мантру: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Большинство из вас молоды, я же стар и в любую минуту могу умереть. Поэтому я прошу вас отнестись к этому Движению всерьез. Поймите его сами, а затем проповедуйте его в своей стране. Люди во всем мире следуют и подражают во всем Америке. Я много путешествую и вижу, что другие страны строят небоскребы и всячески стараются не отстать от вашей страны. Поэтому, если вы согласитесь осознать Кришну и петь, и танцевать в экстазе, испытывая эмоциональную любовь к Богу, за вами последует весь мир. Так этот мир превратится в Вайкунтху, духовное царство, в котором больше не будет беспокойств. Спасибо вам большое.

* * *

Гурудас разослал во все центры ИСККОН письма, приглашая преданных приехать на открытие Кришна-Баларам-мандира во Вриндаване. Он пригласил свободных членов Общества из Бомбея и Калькутты и забронировал для них места в поезде. Прабхупада тоже пригласил своих учеников приехать во Вриндаван на празднование Джанмаштами. Выступая с лекцией перед сотнями преданных в Лос-Анджелесе, он сказал:

– Я приглашаю всех вас приехать во Вриндаван на церемонию открытия Кришна-Баларам-мандира.

Прабхупада также разослал приглашения своим духовным братьям. Когда один из них, Шридхара Махараджа, согласился приехать, Шрила Прабхупада в ответном письме написал, что разместит его со всеми удобствами, и объяснил, как легче всего добраться из Калькутты до Вриндавана. Он также рассказал Шридхаре Махарадже о своей проповеди.

Ты будешь рад узнать, что наши книги расходятся очень хорошо. В прошлом году мы продали около четырех миллионов книг, а в этом году то же количество было продано за шесть месяцев, и у нас есть все основания ожидать, что по сравнению с прошлым годом объем продаж удвоится. Единственная сложность в том, что мы – растущая всемирная организация, и чтобы сохранить ее status quo, требуются хорошие навыки управления. Итак, по милости Кришны все идет хорошо.

Что касается проповеднических поездок, мне стало несколько сложнее с этим – у меня та же проблема с сердцем, что и у тебя. Но я все равно путешествую, для того лишь, чтобы вдохновить этих молодых ребят и девушек, которые столько ради меня делают!

15 июля, за десять дней до предполагаемого приезда во Вриндаван, Прабхупада написал почти одинаковые письма всем своим ученикам-санньяси, приглашая их приехать, чтобы обсудить с ними те личные и деловые вопросы, решение которых откладывалось из-за его занятости во время напряженной поездки.

Я сердечно приглашаю тебя посетить нашу церемонию открытия во Вриндаване – все наши санньяси будут там. Я хочу, чтобы и ты, как санньяси, принял в этом участие.

Когда Карандхара, недавно назначенный на роль Джи-би-си по Индии, поделился своими сомнениями по поводу того, что все будет готово вовремя, Прабхупада ответил ему из Лос-Анджелеса:

Мы обязаны провести фестиваль со всей пышностью. Он не должен быть скромным. Если нужны деньги, они будут. Обязательно нужно приготовить для всех гостей настоящий пир. Запланируйте это, и я выделю все необходимые средства. Нужно без остановки раздавать праздничный прасад.

Что касается того, что храм не будет готов к сроку, то это – твоя ответственность. Что я могу поделать?

Несмотря на решительный ответ Карандхаре, нотка неуверенности в послании его старшего управляющего по Индии обеспокоила Прабхупаду. Он написал Сурабхи, ответственному за строительство храма во Вриндаване: «Я несколько обеспокоен письмом Карандхары, который сообщил, что работы, скорее всего, продолжатся даже во время нашего фестиваля».

Приехав в Лос-Анджелес, Прабхупада узнал о том, что запланированная на конец месяца Ратха-ятра в Лондоне отменена властями города; прошлогоднее шествие, сказали чиновники, сильно мешало движению транспорта. Прабхупада настаивал на том, чтобы преданные выразили свой протест против такого ущемления городской администрацией своих прав.

– Это же дискриминация на религиозной почве! – сказал он и посоветовал, чтобы сочувствующие индийцы – жители Лондона – пошли к послу и попросили его обратиться к королеве.

А чтобы доказать, что христианам нечего бояться Движения сознания Кришны, можно сослаться на недавнее заявление преподобного Пауэлла из Мельбурна.

– Значит, запрет полиции означает, что нужно отменить весь религиозный церемониал? – спрашивал Шрила Прабхупада. – Как это понимать? Из-за каких-то технических осложнений они остановили отправление нашего культа?

Прабхупада добавил, что если городские власти не снимут запрет, преданные должны просто поставить колесницу в Гайд-парке и провести фестиваль без шествия.

– После церемонии, – сказал Прабхупада, – мы поставим Божества на паланкин и пойдем на Трафальгарскую площадь. Ратха останется стоять в парке. Пусть стоит. А мы поставим Божества на паланкин и пойдем на Трафальгарскую площадь. Так что получите разрешение полиции, идите на площадь и протестуйте. Они не имеют права чинить препятствия. Люди должны увидеть ратху. И люди должны знать, что ее остановили негодяи-чиновники из полиции.

Прабхупада несколько раз повторил свое указание. Он был серьезен:

– Мой Гуру Махарадж любил повторять: прана ачхе янра сеи хету прачара – проповедовать может тот, в ком есть жизнь. Мертвец проповедовать не может. Поэтому станьте живыми, не будьте мертвецами. Как все мои духовные братья – они мертвецы, и потому мне завидуют. В них нет жизни. Если вы хотите жить легкой жизнью, показывать Божества, а затем идти спать, тогда это Движение гроша ломаного не стоит.

Прабхупада не мог спокойно слушать о том, как чинят препятствия проведению такого важного фестиваля, как Ратха-ятра.

– Мы будем во всем законопослушны, – сказал он, – но провести этот фестиваль мы просто обязаны. В прошлом году они видели, как десятки тысяч людей в течение трех часов стояли под открытым небом на Трафальгарской площади. Они не идут в церковь. Они увидели, что в этом что-то есть. Иначе почему люди проявляют такой интерес?

Брахмананда Свами: Да, как, например, в сан-францисской газете они признали: «Это самый популярный фестиваль».

Прабхупада: Да, в Сан-Франциско пятнадцать тысяч людей, не проронив ни слова, слушали мою лекцию. Поэтому они понимают, что в этом Движении что-то есть. Но какие-то партии чинят нам препятствия, т.к. догадываются, что в противном случае им придет конец.

В день отъезда из Лос-Анджелеса Прабхупада обратился к собравшимся в храме преданным, вдохновляя их оставаться верными сознанию Кришны. Он поделился с ними своими предчувствиями: надо спешить. Ради учеников – ради того, чтобы они оставались сильными – он постоянно путешествует. И если, следуя несложной программе, которую он им дал, ученики сохраняют решимость, успех им будет гарантирован.

– Так или иначе, – сказал Прабхупада, – мы познакомили с этим образом жизни западные страны. И вы настолько разумны, что сразу прониклись этим. Поэтому не снижайте уровня. Тогда жизнь ваша будет успешной. Это совсем не трудно. Только не отклоняйтесь. Тогда вы пакка. «Пакка» значит «твердый»: мам эва е прападьянте майям этам таранти те. Если вы будете сохранять в сознании Кришны твердость, майя не коснется вас.

Такова моя просьба. Я путешествую по всему миру. Сейчас я собираюсь посмотреть, как идут дела в Далласе и Новом Вриндаване. Как я могу не путешествовать? Я начал это Движение. Я хочу убедиться, что с ним все в порядке. Не отклоняйтесь. Только об этом прошу вас. (Прабхупада заплакал) Тогда вы останетесь тверды. Спасибо вам большое.

18 июля 1974 года

До Шрилы Прабхупады дошло письмо Карандхары, в котором тот писал, что уходит с поста Джи-би-си по Индии. Для него это была слишком большая ответственность – ведь он совсем недавно вернулся в сознание Кришны. Он продолжит следовать духовной программе, но только не в роли Джи-би-си.

И вновь Шрила Прабхупада столкнулся с препятствием. Призвав к себе в комнату несколько секретарей Джи-би-си, он спросил их:

– Что делать? Что нам с этим делать? Может, просто бросить все эти затеи с индийскими проектами?

– Но Шрила Прабхупада, – ответили преданные, – эти проекты в Индии так дороги вам!

– А что делать? – пожал плечами Прабхупада.

Никто из преданных, живших во Вриндаване (кроме Гурудаса) не верил, что здание будет закончено к заранее намеченной торжественной церемонии открытия. Работы шли, как обычно, медленно, и, за исключением зала для даршанов, вся территория по-прежнему представляла собой строительную площадку. В храме не было ни алтарей, ни Божеств. Теджас считал, что Гурудас просто боится прогневить Прабхупаду и потому не решается признаться ему, что к намеченному сроку здание вряд ли будет готово. Дату уже назначили, и Прабхупада не принимал никаких оправданий. «Все должно быть закончено к Джанмаштами, – писал он. – Об отсрочке не может быть и речи». Гурудас признался Прабхупаде, что к Джанмаштами храм не будет завершен полностью, но все же полагал, что церемония открытия состоится, несмотря на кое-какие недоделки.

Из-за отсутствия постоянного секретаря Джи-би-си по Индии Прабхупада не получал точных отчетов о ходе строительных работ во Вриндаване. Когда в апреле Тамала-Кришна Госвами оставил должность секретаря Джи-би-си по Индии и уехал проповедовать на Запад, прошло целых три месяца, прежде чем Прабхупада заменил его Карандхарой. А теперь, пробыв на этом посту всего несколько недель, Карандхара тоже сложил с себя обязанности. Поэтому для Прабхупады Гурудас был единственным источником информации. Близился конец июля, и преданные готовились ехать во Вриндаван – навстречу провалу.

* * *

Вриндаван

4 августа 1974 года

Когда машина Прабхупады подъехала к территории ИСККОН в Рамана-рети, группа преданных вышла приветствовать его киртаном и цветами. Человек двадцать пять преданных из разных храмов со всего света уже собрались на торжественную церемонию открытия. Вместе с вриндаванскими преданными они радостной толпой окружили своего духовного учителя. Пешеходных дорожек еще не было, Прабхупада шел вдоль недостроенных стен, мимо куч песка и кирпича, направляясь к алтарной зале. Даже здесь еще не приступали к отделочным работам, и до завершения строительства было еще очень и очень далеко. Кругом валялся строительный мусор.

– Что это? – возмутился Прабхупада, обойдя стройплощадку. – Тут ничего нет. Где храм? Вы говорили мне, что храм готов.

Белые как мел, Гурудас, Сурабхи, Гунарнава и все, кто отвечал за строительство, молчали, не в силах выдать из себя ни слова.

Прабхупада был в ярости.

– И это вы собираетесь открывать?

Приехавшие во Вриндаван преданные тоже начали перешептываться: «Ничего ведь не готово. Чего открывать-то?»

– Но Прабхупада, – сказал один из них, – сюда уже едут преданные со всего света.

– Немедленно остановите их! – сказал Прабхупада. – Никакого открытия не будет!

Мыльный пузырь лопнул. Прабхупада развеял иллюзорные надежды строителей на то, что они успеют подготовиться к торжественному открытию. Гнев Прабхупады был страшен, и окружавшие его преданные уже не выглядели такими беззаботными и веселыми.

– И вы собрались открывать этот храм? – криво усмехнулся Прабхупада.

– Алтарь готов, – сказал Харикеша, который приехал на открытие из Японии. – Мы можем установить Божества и...

– Вы не можете открывать храм в таком виде! – закричал Прабхупада. – Храм не готов!

Прабхупада направился к своему дому, сопровождаемый руководителями вриндаванского проекта и еще несколькими лидерами ИСККОН. Остальные предпочитали просто не попадаться ему на глаза. Жена Сурабхи, боясь гнева Прабхупады, побежала молиться Кришне.

Придя в свою комнату, Прабхупада дал волю гневу. Он кричал на Гурудаса, ругая его за халатность. Он кричал на Сурабхи. Он кричал на всех. Никто не осмеливался сказать в свое оправдание ни слова. Все стояли бледные и подавленные.

Вдруг Прабхупада спросил:

– Нельзя ли все же как-нибудь открыть храм? Можете вы, по крайней мере, достроить комнаты Божеств? – обернулся он к Сурабхи. – Это позор для нашего Общества. Что подумают люди? Мы же повсюду раструбили об этом!

– На самом деле, никто еще ни о чем не знает, Шрила Прабхупада, – с опаской сказал Сурабхи, подставляя себя под очередной удар.

– Что? – Голос Прабхупады несколько изменился. – Ты хочешь сказать, что вы никого не оповестили? И приглашений не разослали?

– Еще нет, Прабхупада. Во всяком случае, жители Вриндавана ничего не знают. Они и не ждут открытия, поскольку каждый, кто здесь был, понимает, что открывать нечего. Они знают, что ничего не готово.

– Это фарс, – Прабхупада помрачнел. – Это полный провал.

Он негодуяще оглядел своих вриндаванских управляющих.

– Мы должны открыть храм. Нельзя ли хоть что-нибудь сделать, чтобы открыть храм на Джанмаштами?

– Шрила Прабхупада, – сказал Сурабхи, – даже резные двери для алтаря еще не готовы. Их еще вырезают.

Прабхупада спросил у Ямуны о Божествах. Та сообщила, что одежду и украшения для Них уже купили, но троны еще не готовы.

– Каково твое мнение? – спросил ее Прабхупада.

– Не мне судить об этом, – сказала Ямуна, – но, хотя я не имею права говорить, на мой взгляд, открыть храм практически невозможно. У нас нет даже пуджари.

С чувством полной безнадежности Прабхупада сказал:

– Тогда не будем открывать. Но мы же столько людей пригласили со всего света. Я ничего не знал. Решайте теперь вы.

– Когда мы сможем его открыть? – спросил Прабхупада. – Может, на Дивали? Когда будет Дивали?

– В октябре, Шрила Прабхупада.

– А может, в день явления Бхактисиддханты Сарасвати? – предложил один преданный. – Это конец декабря.

Прабхупада молчал, недовольный. Заговорил Сурабхи:

– Нам нужно шесть или даже семь месяцев.

Наконец, Прабхупада предложил открыть храм на Рама-навами, в апреле, – тогда праздник совпадет по времени с ежегодной встречей преданных в Майяпуре и Вриндаване.

Сурабхи высказался снова. Умудренный горьким опытом строительства в Индии, он был настроен весьма скептически.

– Это зависит от того, будет ли у нас цемент, Шрила Прабхупада, – сказал он. – Мы должны просить его у правительства. Это было главным препятствием, помешавшим нам закончить строительство к вашему приезду. Мы могли бы успеть за три месяца, будь у нас цемент.

– Ладно, – махнул рукой Прабхупада, поняв, что нет смысла назначать дату окончания. – Храм будет готов к следующему Джанмаштами, – в голосе его слышался сарказм, – А если будет цемент, можно закончить и за три месяца.

Позже, при личных встречах, Прабхупада продолжал высказывать свое недовольство. Больше всего досталось Гурудасу. Ни на один свой вопрос Прабхупада не получил удовлетворительного ответа. Просмотрев бухгалтерские книги Гурудаса, Прабхупада еще сильнее его отругал. А увидев чек оплаты проживания Гурудаса в дорогом отеле Джайпура, Прабхупада долго не мог успокоиться. Гурудас слушал с отсутствующим видом. После разговора он вернулся в свою комнату, и сидел там до тех пор, покуда Прабхупада снова его не вызвал.

Прабхупада заговорил о необходимости заменить президента вриндаванского храма и предложил на эту должность Харикешу. Гурудас и его жена, сказал он, могут отвечать за

гостиницу (которая являла собой в тот момент пока только котлован). Он снова позвал Гурудаса и спросил его, как насчет того, чтобы взяться за управление вриндаванской гостиницей. Прабхупада посоветовал ему посетить гостиницу Джайпурьи во Вриндаване, чтобы понять, как она функционирует.

– Но Прабхупада, – сказал Гурудас, – в гостинице Джайпурьи берут такую низкую плату! Я уверен, что их субсидируют.

– Г-н Джайпурья – марвари, – ответил Прабхупада. – Его гостиница отнюдь не убыточна. Он делает на ней большие деньги. Это искусство управления. И этому ты должен научиться.

Но Гурудас совсем уже обессилел от жизни и работы в Индии, где все было настолько трудно... да и к индийским проектам Прабхупада предъявлял особо строгие требования. Вместе с женой Гурудас подумывал о том, чтобы уехать из Вриндавана.

Прабхупада продолжал давить на Сурабхи, по несколько раз в день вызывая его к себе.

– Почему резные двери Божеств еще не установлены? – допытывался он.

– Я пытаюсь, Прабхупада, – отвечал Сурабхи. – Столько дел!

– Тем не менее, – говорил Прабхупада, – ты должен это сделать. Эти наемные рабочие тебя обманывают. Не позволяй им водить себя за нос. Преданным стоит большого труда собирать деньги. Это деньги Кришны, и тратить их можно только на Кришну. Береги эти деньги и следи за тем, чтобы они не попали в руки мошенникам. Я не хочу, чтобы подрядчики наживались на наших проектах. И я хочу, чтобы здание было облицовано мрамором. Где мрамор?

– А где можно взять мрамор? – спросил Сурабхи.

– Почему ты задаешь мне эти вопросы? – закричал Прабхупада. – Ты специалист, а не я! Я не знаю. Воспользуйся своим разумом!

Гнев, который Прабхупада обрушил на своих учеников, длился недолго. Это была вполне естественная реакция на их глупость. Он одновременно воспитывал и испытывал их. Но трансцендентное нетерпение и разочарование Прабхупады из-за того, что его преданное служение во Вриндаване до сих пор не началось, было гораздо более глубоким. Он хотел построить здесь величественный храм во славу Движения сознания Кришны – храм, который упрочит авторитет сознания Кришны во всем мире. Это было его служением своему духовному учителю, и к тому же он дал обещание Кришне. А строительство до сих пор не закончено.

Что же касается неудачи, которую потерпели ученики Прабхупады, то все бремя ответственности за этот провал ему придется взять на себя. Ученики были орудием в его служении Кришне. Если орудия работают плохо, страдает прежде всего он сам: когда человеку отказывают руки или ноги, страдает от этого все тело. Неспособность учеников исполнить его желание была его неудачей. Поэтому срыв открытия Кришна-Баларам-мандира причинил Прабхупаде трансцендентную боль.

Переживания Прабхупады, хоть и духовные, тем не менее, были вполне реальны; они отнюдь не были притворством в воспитательных целях. И успокоить его было не так-то легко – преданные не могли отделаться дешевыми словами «утешения». Чтобы помогать ему надлежащим образом, ученики должны были понять его трансцендентную волю, и, исходя из этого, служить ему. Прабхупада добивался от учеников практического, конкретного служения. Чтобы удовлетворить его, сантиментов было недостаточно – требовался тяжелый, приземленный труд. Преданное служение – это активная деятельность. Прабхупада хотел, чтобы, работая над этими проектами, ученики помогали ему служить его Гуру Махарадже. Он придавал этим проектам серьезнейшее значение, так как знал, что в случае успеха они избавят мир от страданий.

Достать цемент было огромной проблемой. Сурабхи, Гунарнава, Теджас и другие постоянно ломали над этим голову. Казалось, во всей Индии не осталось ни грамма цемента. Месяцами они ждали разрешения от правительства. Ежедневно, с тех пор как Прабхупада приехал на «открытие» храма, преданные ездили в Матхуру, автобусом или на рикше, в надежде раздобыть хотя бы несколько мешков цемента.

Случалось, что их обманывали. В одной из партий из двадцати мешков в цемент чего-то подмешали, и когда они попробовали залить им колонну, она дня четыре не затвердевала и в конце концов раскрошилась. Когда же им, наконец, удалось купить достаточно цемента, чтобы завершить работы, все были уверены, что обязаны этим только присутствию Прабхупады.

Прабхупада велел Гунарнаве учитывать каждый мешок по мере их прибытия. Машины с грузом шли непрерывным потоком, с восьми утра до половины десятого вечера. В каждом грузовике сидело по четыре кули (грузчика), которые перетаскивали тяжелые мешки на спинах и

складывали их под навесом. Гунарнава весь день стоял с блокнотом и ручкой, отмечая каждый полученный мешок. Несколько раз Прабхупада выходил из дома и с серьезным видом наблюдал за происходящим. Вечером, когда все было кончено, он вызвал к себе Гунарнаву.

– Сколько получили мешков? – спросил Прабхупада. Гунарнава назвал точную цифру.

– Все заперли? – спросил Прабхупада.

– Да, Шрила Прабхупада.

Прабхупада говорил о цементе так, как будто речь шла о партии золота.

12 августа

В день своего явления Прабхупада внезапно почувствовал сильную слабость. Это случилось в полдень, когда он сидел за письменным столом в гостиной своего дома. Он лег на подушку, на которой сидел, и положил голову на один из валиков. На следующий день он почувствовал такую слабость, что не мог ни ходить, ни стоять. У него пропал аппетит, а температура поднялась до сорока градусов. Пришел местный врач и, осмотрев Прабхупаду, поставил диагноз – малярия. Он выписал лекарство, но после одного или двух приемов Прабхупада отказался его пить. Пришел второй врач и выписал другие лекарства.

– Прекратите приводить этих врачей! – сказал Прабхупада. – Никакой врач меня не вылечит!

Шел август – сезон дождей – и многие преданные заболели. Когда Шрутакирти, недавно вернувшийся к своему служению в качестве личного слуги Прабхупады, подхватил малярию, его вызвался заменить Куладри, приехавший на открытие храма. Но и он заболел малярией. Помимо малярии, преданные страдали желтухой, дизентерией и всевозможными расстройствами пищеварения.

Облачная, жаркая и влажная погода способствовала размножению тысяч всевозможных насекомых. Несколько дней подряд небо было затянуто тучами, тогда как температура держалась выше тридцати градусов. Затем выходило солнце и становилось невыносимо жарко и душно. Для здоровья это время во Вриндаване самое неблагоприятное.

Узнав, что состояние Прабхупады ухудшается, преданные помрачнели и испугались за жизнь своего духовного учителя. Они вынесли кровать Прабхупады в открытый дворик перед домом, где было прохладнее. Слуги делали ему массаж или обмахивали веером. Шли дни, но Прабхупада по-прежнему ничего не ел, не считая нескольких виноградинок или долек апельсина. Он сказал, что так умер его отец – отказавшись от пищи.

Эти замечания Прабхупады еще больше напугали учеников, и они стали ходить в самадхи Госвами, молиться о выздоровлении своего духовного учителя.

Однажды Харикеша, тихонько напевая «Харе Кришна», провел возле комнаты Прабхупады всю ночь. Прабхупаде это понравилось.

– Вот что действительно дает нам жизнь, – сказал он, – киртан.

С того дня преданные по очереди стали вести непрерывный киртан.

Прабхупада сказал, что причиной его болезни были грехи лидеров ИСККОН, восемьдесят процентов которых не строго следовали правилам и ограничениям. Даже во Вриндаване некоторые из преданных не каждый день вставали в четыре утра. Прабхупаде трудно было говорить, поэтому он лишь вкратце упомянул о причине своей болезни. Но даже эти скупые слова болью отдались в сердцах учеников. Чтобы понять, кто виноват, каждый преданный должен был держать ответ перед самим собой. С мыслью «Боже мой, что мы наделали?» все ученики во Вриндаване сразу же начали тщательно следовать всем предписаниям.

На утренних лекциях по «Бхагаватам» эта тема регулярно обсуждалась в свете книг Шрилы Прабхупады. Во время посвящения Кришна забирает все последствия греховных деяний преданного. Однако, будучи представителем Кришны, духовный учитель также берет на себя часть кармы ученика. Будучи безграничным, Кришна не подвержен влиянию кармы, тогда как духовный учитель, несмотря на свою безупречную чистоту, не является безграничным. Поэтому, принимая на себя часть последствий грехов ученика, духовный учитель иногда болеет. Джива Госвами предупреждает, что гуру не должен принимать слишком много учеников, в противном случае он рискует взять на себя слишком много кармы. Порой духовный учитель болеет не только из-за прошлой кармы учеников, но и из-за тех грехов, которые ученики совершают уже после посвящения.

Прабхупада говорил, что «оплошность» его в том, что он принимает слишком много учеников – но у него нет выбора. Ведь только так можно распространить сознание Кришны. Он говорил, что иногда духовному учителю приходится страдать, чтобы ученики поняли: «Наш гуру страдает из-за наших грехов», что на любого потенциального оскорбителя действует отрезвляюще. Но сейчас Прабхупада впервые столь определенно возлагал всю вину за свою болезнь на последователей. Нарушая самые основные наставления своего духовного учителя, они причиняли ему великие страдания. Они понимали, что их духовный учитель болен не простой малярией, и знали, что необходимо исправиться и молиться Кришне о здоровье Прабхупады.

Состояние Прабхупады оказалось настолько критическим, а значение его слов было так серьезно, что секретарь Прабхупады, Брахмананда Свами, подумал, что об этом надо сообщить всему Международному Обществу сознания Кришны. Поскольку Прабхупаде понравился круглосуточный киртан, Брахмананда Свами подумал, что подобную практику можно ввести в каждом храме ИСККОН. Он разослал несколько телеграмм, и вскоре все храмы мира охватил круглосуточный киртан, во время которого преданные молились Кришне о выздоровлении своего духовного учителя.

Это напомнило некоторым из старших учеников 1967 год, когда они всю ночь вели киртан и молились, чтобы Прабхупада оправился от сердечного приступа. В тот раз он попросил их петь гимн, посвященный Господу Нрисимхадеве, и молиться: «Наш духовный учитель не закончил свой труд. Пожалуйста, защити его». Услышав искреннюю мольбу преданных, сказал Прабхупада, Кришна спас ему жизнь. Теперь, спустя семь лет, преданных значительно прибавилось, и все они молились о выздоровлении Прабхупады; однако, как говорил он сам, стало больше и тех, кто своим неподобающим поведением причиняет ему боль. Эти слова – «Восемьдесят процентов моих старших учеников не следуют правилам и ограничениям; поэтому я и страдаю», – Брахмананда не рискнул рассылать. Уж слишком они были суровы.

Прабхупада приехал во Вриндаван на праздник, но праздник не состоялся. Теперь он был очень болен, и слуге приходилось носить его до уборной и обратно на руках. За массаж и другое личное служение для него взяли разные преданные, которые делали все очень искренне. Ради него они вели круглосуточный киртан – он же просто полагался на Кришну и ждал, пока ему полегчает, и он сможет продолжать свою работу.

Пока Прабхупада мужественно переносил тяготы болезни, принимая ее как милость Кришны, до него дошло известие, что его собирается посетить губернатор Уттар-Прадеша. Когда губернатор Акбар Али Хан, мусульманин по вероисповеданию, посещал окрестные города и деревни, один из его знакомых, друг Прабхупады, Сетх Бисенчанд, посоветовал ему заехать в храм.

Прабхупада подумал, что губернатор, возможно, согласится помочь преданным, – по крайней мере, в таких вопросах, как получение от правительства разрешения на покупку стали и цемента. Поэтому, невзирая на болезнь, он настоял, чтобы преданные устроили губернатору прием во дворе храма, куда сам Прабхупада намеревался выйти и лично его поприветствовать. Лежа на спине, слабым голосом Прабхупада распорядился приготовить пир и расставить во дворе столы и стулья.

Преданные умоляли своего учителя позволить им все сделать самим и сказать губернатору, что гуру их очень болен, но Прабхупада был непреклонен.

– Поскольку он нанес нам визит, – сказал Прабхупада, – я должен выйти и встретить его.

Шрутакирти одел Прабхупаду в свежее шелковое дхоти. Прабхупада попытался нанести на лоб вайшнавскую тилаку, но даже это стоило ему большого труда и заняло больше пяти минут. Перед выходом Прабхупада спросил слугу:

– Я поставил тилаку?

Из-за лихорадки Прабхупада почти бредил и не мог стоять. Вместе с другими преданными Шрутакирти вынес его прямо в кресле на улицу, на середину двора, где ученики подготовили несколько столов с прасадом и книгами Прабхупады.

Перед самым приездом губернатора прибыл целый взвод полицейских и солдат, которые окружили канатом участок перед храмом и держали его свободным от транспорта и людей, пока не приехал сам Акбар Али Хан. Гунарнава раскатал от края участка до храма длинную красную ковровую дорожку, а преданные выстроились по обе ее стороны и, взяв в руки караталы и мриданги, запели киртан. Когда губернатор приехал, Сурабхи предложил ему гирлянду, которую тот сразу же снял и прошел по красной дорожке во двор. Прабхупада встал.

Преданные были поражены, видя, что Прабхупада стоит прямо и пожимает губернатору руку. Немного постояв, они сели. Все присутствующие, кроме гостей знали, что у Прабхупады практически нет сил. Они видели, как дрожит его тело, но он, тем не менее, старается улыбаться и быть обходительным со своим гостем. Преданные не находили себе места, чувствуя, что в любую секунду жизнь Прабхупады может оборваться, однако, глядя на своего духовного учителя, продолжали участвовать во всем этом дружественном притворстве. Приглашенный губернатор произнес речь о том, что будущее Индии – это промышленность.

Затем встал Прабхупада и, опираясь на стул, произнёс ответную речь. В глазах его стоял мрак, и ему с трудом удавалось сосредоточить зрение. Хотя в последние две недели Прабхупада почти не говорил, речь его продолжалась двадцать минут. Все это время губернатор вежливо слушал. После этого Прабхупада сел и вместе с губернатором и его пятнадцатью министрами почтил прасад, а когда Акбар Али Хан уехал, преданные отнесли Прабхупаду в его комнату, где, обессиленный, горя в сорокаградусном жару, он упал на кровать и потерял сознание.

Когда гости со своим военным эскортом отбыли, на территорию ИСККОН вернулась обычная спокойная атмосфера, и преданные возобновили у постели Прабхупады свой тихий киртан. Изумленные силой и решимостью своего духовного учителя, они осознали, сколь мало делают они сами для сознания Кришны.

Спустя две недели температура, наконец, спала. Самое трудное было позади. Сезон дождей подходил к концу, но проблем, связанных со строительством храма, меньше не стало.

Однако не убавилось и решимости у Прабхупады. Его ученики были настроены во что бы то ни стало преодолеть все бюрократические проволочки и, невзирая на тяжелые условия труда, продолжать свое дело. Теперь уже никто не решался пренебрегать правилами духовной жизни.

Прабхупада уже не говорил о своей болезни, и в храмы по всему миру сообщили, что он пошел на поправку и можно остановить круглосуточные киртаны и вернуться к обычному распорядку. Прабхупада тоже вернулся к своим повседневным обязанностям, связанным со строительством храма.

Одно стало ясно: Прабхупада полностью духовен. И преданные работали с ним по духовному контракту, – контракту, основанному на любви и доверии. Он брал на себя их карму, а они обещали следовать его наставлениям. И теперь, даже после того, как они своими неудачами разочаровали его, контракт оставался в силе. В ответ на такую его беспричинную милость, ученики продолжали выполнять его указания. Где бы иначе они черпали духовную силу? Прабхупада же и не думал останавливаться. Ему пришлось болеть из-за своих учеников, но он и не помышлял отказываться от них.

Спустя более чем две недели Прабхупада вернулся к переводам. Работал он быстро и уже дошел до беседы Господа Чайтаньи с Санатаной Госвами, описанной в Мадхья-лиле. Начав с того самого места, на котором остановился до болезни, Прабхупада опять стал рано вставать и изучать бенгальские переводы и комментарии. Он включал диктофон и слабым, хриплым шепотом начинал говорить. Но по мере того, как он работал, голос его становился сильнее, и через час он уже говорил как обычно. Вплоть до отъезда из Вриндавана он работал необыкновенно быстро, наговаривая в день по две кассеты.

* * *

Бомбей

С ноября 1974 по январь 1975 года Шрила Прабхупада находился в Бомбее. Все эти три месяца он упорно и настойчиво пытался получить разрешение на строительство прекрасного храма Радха-Расавихари. Его личное участие в этом проекте произвело огромное впечатление на Гирираджа и других преданных, посвятивших свою жизнь «Харе-Кришна-Лэнду». Шрила Прабхупада пишет в «Бхагавад-гите»: «У преданного нет другой цели, кроме того, чтобы действовать в сознании Кришны ради удовлетворения Господа. При этом, занимаясь чем-либо, преданный должен думать только о Кришне: «Кришна велел мне сделать это дело». Тогда он, естественно, будет думать о Кришне... Это указание Кришны мы получаем по цепи ученической преемственности, от истинного духовного учителя».

Шрила Прахупада каждому ученику давал возможность участвовать в том или ином местном проекте и посвятить свою жизнь распространению сознания Кришны людям, что живут вокруг. Полем деятельности самого Прабхупады был весь мир. Прабхупада был подобен императору, желающему наградить обширными владениями своих верных сыновей. Однако эти

участки и проекты он раздавал не для того, чтобы ученики становились материальными собственниками (что всегда преходяще), но ради служения Господу. Ведь все принадлежит Кришне, а потому каждый проповедник мог жить в том или ином владении Кришны, чтобы стараться освободить из лап майи местных жителей. Бомбейский «Харе-Кришна-Лэнд» был одним из главных проектов Прабхупады, но начало у него было медленным, словно Кришна, прежде чем позволить этому проекту проявиться, хотел убедиться в том, что преданные выдержат многочисленные проверки на верность указаниям Прабхупады.

Хотя на территории ИСККОН стояло несколько жилых домов, закон запрещал преданным выселять из них жильцов. Однако не было такого закона, который запрещал бы владельцу надстроить на своем здании дополнительный этаж! Поэтому Шрила Прабхупада попросил г-на Сетхи, верного свободного члена ИСККОН и строителя-подрядчика, надстроить над двумя домами по этажу. Г-н Сетхи с готовностью взялся за выполнение этого поручения и выхлопотал разрешение на строительство.

Когда все было готово, на эти этажи заселились брахмачари, там разместились офисы и книжный склад. Преданные наконец-то смогли съехать из соломенных хижин, где жили с того самого дня, когда перебрались на участок. Это не только избавило их от необходимости делить свое скверное жилье с крысами, но и позволило снести хижины, что было необходимым условием для выдачи разрешения на строительство храма.

Другой же причиной, по которой власти города отказывались давать разрешение, было то, что бхаджан в храме мог стать источником беспокойств для окружающих. Вот эту-то проблему и нужно было решать в первую очередь. Увидев рисунок Прабхупады, изображающий будущие храм и гостиницу, полиция согласилась с тем, что в таком большом храме киртан не будет создавать столько шума, как сейчас. Поэтому, с условием, что ИСККОН снесет соломенные хижины и расширит подъездную дорогу, обеспечив жильцам свободный доступ к задней части участка, власти согласились принять генеральный план «Харе-Кришна-Лэнда» и снять свою претензию относительно «нарушения общественного порядка». Каждое требование властей включало в себя множество весьма спорных нюансов, нуждающихся в уточнении; и все это напоминало затянувшуюся игру в шахматы, но Прабхупада был человеком опытным, внимательным и решительным. Он решил на несколько месяцев остаться в «Харе-Кришна-Лэнде», чтобы помочь Гирираджу, г-ну Сетхи и другим.

В течение всего времени пребывания в Джуху Прабхупада настойчиво требовал от преданных, живущих на территории «Харе-Кришна-Лэнда», поддерживать проведение духовных программ. Несмотря на то, что храма еще не было, на воскресные пиры приходило от пятисот до семисот гостей. Гирираджа сообщил Прабхупаде, что праздник Джанмаштами в Бомбее прошел с огромным успехом: несколько тысяч человек пришли на участок ИСККОН, чтобы получить даршан Божеств и принять прасад.

Решение Прабхупады провести в Бомбее три месяца свидетельствовало о том, что ему очень дорог «Харе-Кришна-Лэнд». Ведь в последнее время Прабхупада не останавливался в храмах дольше чем на неделю! И исключением не были даже Нью-Йорк и Лос-Анджелес. «Харе-Кришна-Лэнд» был его любимым детищем, и когда ему грозила опасность, Прабхупада тревожился и старался его оградить, когда же приходил успех, то гордился и радовался и хотел поделиться своей радостью со всем миром.

Прабхупада, казалось, был доволен тем, что на участке начались хоть какие-то строительные работы. Он попросил г-на Сетхи обнести территорию кирпичной стеной, несмотря на то, что по ночам ее время от времени частично обрушивали гунды.

– Стройте что-нибудь, – умолял Прабхупада. – Хоть по кирпичику, но стройте.

Приобретая землю в Бомбее, Прабхупада знал, насколько важно обосноваться на ней – даже до официального заключения сделки. Теперь же он настаивал на строительстве, хотя окончательное разрешение еще не было выдано.

– Работы должны идти – говорил Прабхупада, – хватает у вас рабочей силы и кирпичей или нет. Начните хотя бы что-то, чтобы было видно, что мы приступили.

Из Вриндавана пришло известие, что строящийся храм недавно посетил губернатор Уттар-Прадеша, д-р Чханна Редди. Услышав об этом, Прабхупада решил пригласить его на открытие Кришна-Баларам-мандира.

Ваше Превосходительство,

...Предполагаемая дата открытия – Шри Рам-Навами, День рождения Господа Рамачандры. Возможно, дата эта не изменится. Мы зависим от того, какими темпами будет продолжаться строительство. Если Вы любезно дадите свое согласие, в наших пригласительных билетах будет указано имя Вашего Превосходительства как почетного гостя, который проведет церемонию открытия.

Вы уже являетесь нашим членом, равно как и великим преданным Господа Кришны, поэтому для нас будет великой честью, если вы примете наше предложение.

Вместе с приглашением губернатору Прабхупада послал во Вриндаван письмо для Сурабхи.

...К концу марта работы должны быть закончены на все сто процентов. Не обманывает ли вас подрядчик? Если да, то стройка никогда не закончится. Деньги будут уходить, как вода в песок. По фотографиям я вижу, что сделано не так много. Что делать?

Мне не нужны оправдания. Я хочу видеть готовый храм. Если ты сомневаешься, скажи об этом честно.

Прабхупада продолжал получать приглашения со всего мира – намечалось очередное кругосветное путешествие. Хридаянанде Госвами, который приглашал его в Мехико и Каракас, Прабхупада написал:

...Да, я очень хочу туда. Сейчас мы в Бомбее. Мы пытаемся получить от правительства разрешение на строительство храма. И, по всей вероятности, на следующей неделе мы его получим. Если все пройдет удачно, я сразу же вылету в Гонолулу, а оттуда я могу напрямую направиться в Мехико, затем в Каракас, а затем, к концу января, – в Австралию. Если дела в Бомбее не уладятся, мне, возможно, придется остаться здесь до середины января, а затем, в середине или в конце января, я на месяц слетаю в Австралию.

К середине января 1975 года городские власти выдали, наконец, разрешение на строительство. На радостях Прабхупада тотчас же объявил о церемонии закладки первого камня. Церемонию закладки фундамента и первого камня он провёл еще в марте 1972 года, когда преданные только-только заняли землю. Однако он хотел провести еще одну церемонию, тем самым ознаменовав начало строительства. Поэтому он задумал устроить праздник и пригласить в Бомбей всех свободных членов и друзей ИСККОН.

Шрила Прабхупада готовился к путешествию, и на этот раз с особой настойчивостью внушал своим представителям в Бомбее, что строительство должно идти без проволочек. И хотя власти, несомненно, вновь попытаются помешать проекту, по милости Кришны преданные преодолеют все препятствия, как это бывало в прошлом. Для этого, однако, требовалась твердая решимость. Такова была награда тем, кто трудился для Прабхупады в «Харе-Кришна-Лэнде» – перед лицом трудностей они обретали решимость и веру в то, что, продолжая свое служение, они доставляют радость Кришне и Его чистому преданному.

* * *

В феврале-марте 1975 года Шрила Прабхупада совершил очередное кругосветное путешествие. Сначала он двинулся на восток, в Лос-Анджелес, через Токио и Гавайи. В дороге он получил известие, что губернатор Редди согласился посетить церемонию открытия храма во Вриндаване на Рама-навами. Он также получил обнадеживающее письмо от Сурабхи, который обещал, что на этот раз открытие храма обязательно состоится. «Я рад, что ты надеешься закончить все вовремя, – писал Прабхупада. – Именно этого я и хочу».

Затем Прабхупада отправился в Мехико и Каракас. И вновь, отвечая на почту, он всех приглашал на скорую встречу во Вриндаване. В ответ на письмо одного свободного члена из Индии, который спрашивал, какие зарубежные храмы ИСККОН ему стоит посетить, Прабхупада написал:

20-го марта я буду в Калькутте, где мы с Вами можем встретиться, и я Вам все расскажу. Я также приглашаю Вас на наш майяпурский фестиваль – церемонию в честь дня явления Шри Чайтаньи Махапрабху, а также на торжественное открытие храма Кришна-Баларамы во Вриндаване в день Рама-Навами. В церемонии будут принимать участие губернатор штата Уттар-Прадеш и множество других почетных гостей. Я надеюсь, что Вы со своей женой, сыном и матерью также приедете, чтобы вдохновить нас своим участием в этом фестивале.

После Южной Америки Прабхупада совершил короткое турне по Соединенным Штатам – Майами, Атланта, Даллас, Нью-Йорк – и все это – за один месяц. Затем он отбыл в Лондон, после

чего направился в Тегеран, и 16 марта вернулся в Индию. Это было восьмое кругосветное путешествие, которое Прабхупада совершил за минувшие десять лет.

* * *

Рано поутру 23 марта Шрила Прабхупада в колонне из пяти автомашин выехал из калькуттского храма в Майяпур. Прабхупада ехал в первой машине, за ним в трех машинах следовали его ученики-санньяси, а замыкал караван автомобиль с сестрой Прабхупады, Бхаватарини, и другими женщинами. Как обычно, Прабхупада попросил остановиться в манговой роще.

Дайви-шакти даси: Они сели в круг, как пастушки. В центре сидел Прабхупада и завтракал фруктами. Был экадаши, и я приготовила для Прабхупады изысканный торт из фиников и кокоса. Прабхупада открыл свой металлический судок и, увидев в нем торт, спросил:

– О, что это? Кто готовил?

Ачьютананда Свами сказал Прабхупаде, что торт приготовила я, и он тут же, нахваливая, начал его есть. Затем они помыли руки, и мы продолжили свой путь в Майяпур.

Майяпур, 23 марта 1975 года

На праздник в этом году съехалось почти пятьсот преданных со всего света. Везде – на утренних прогулках по близлежащим полям, в храме Радха-Мадхавы или на лекциях по «Чайтанья-чаритамрите» – Прабхупада был в центре внимания. Каждое утро после лекции он в сопровождении учеников обходил алтарь. По обеим сторонам алтаря висели бронзовые колокола. Обходя Божества, Прабхупада подходил к одному из них и, дергая за веревку, несколько раз звонил. А вокруг бушевал киртан. Затем, с тростью в руке, он обходил алтарь сзади и звонил в колокол, висевший на другой стороне.

Обступив его со всех сторон, преданные прыгали и пели: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». С довольной улыбкой на лице, Прабхупада продолжал обход храмовой комнаты: он снова подходил к первому колоколу и с силой в него ударял. Обойдя вокруг алтаря пять или шесть раз, он, счастливый, уходил из храма, а киртан все продолжался и продолжался... Встречаемый яркими лучами утреннего солнца, он поднимался по широкой лестнице и шел в свою комнату.

По меньшей мере два раза во время утренних лекций на фестивале Прабхупада впадал в транс. Однажды он выражал свою признательность ученикам за то, что те, не пожалев столько денег, приехали из далекой Америки, Европы и Австралии, чтобы заниматься служением и участвовать в майяпурском фестивале.

– Все вы молоды, – говорил он. – У вас столько возможностей! А я уже старик и у меня нет возможности...

На этих словах он вдруг замолк. В зале воцарилась такая тишина, что пятистам его ученикам показалось, будто время остановилось. Все ждали. Наконец, один из учеников запел «Харе Кришна», и тогда, вернувшись во внешнее сознание, Шрила Прабхупада произнес: «Харе Кришна» и, попросив преданных петь киртан, ушел к себе в комнату.

Ежегодное собрание Джи-би-си и на этот раз проходило под руководством Прабхупады. Он лично утверждал или изменял все его решения. ИСККОН и в самом деле разрастался, но, как сказал однажды Прабхупада своему другу, престарелому Гопала-Ачарье в Мадрасе: «Кришна и общество Кришны не отличны друг от друга. Думая об обществе Кришны, преданные не забудут о Кришне».

Настаивая на том, чтобы каждый год преданные совершали паломничество по святым местам Индии, Прабхупада укреплял духовную основу ИСККОН – созданной им трансцендентной организации. Он хотел, чтобы в святых дхамах были воздвигнуты центры ИСККОН, где преданные могли бы собираться. Он молился об этом и за это сражался. Он хотел, чтобы всегда – ныне и в будущем – последователи его имели возможность жить в очищающей атмосфере Майяпура и Вриндавана. Постепенно, шаг за шагом, планы его обретали реальные черты; Движение Господа Чайтаньи спасало мир.

* * *

Вриндаван, 16 апреля

Когда Прабхупада приехал, чтобы провести, наконец, церемонию открытия Кришна-Баларам-мандира, то был приятно удивлен, увидев три высоких купола, возвышавшиеся над храмом. Их построили за те восемь месяцев, которые прошли со времени его последнего визита. В его отсутствие преданные отстроили также четырехэтажный международный отель. Сурабхи не уходил со стройки ни днем, ни ночью, следя за тем, чтобы строительные работы были закончены вовремя.

Высокий центральный купол и два боковых – по одному над каждым алтарем – поражали своим великолепием. Благородство их форм настраивало на возвышенный лад и наводило на мысль о существовании сфер бытия, лежащих за пределами материального мира. Мощь и красота куполов напоминала человеку, что под ними находится Сам Верховный Господь. Храм должен нести людям знание, избавляя их от оков невежества, и купола красноречиво возвещали миру о его предназначении. Величественно возвышаясь над Вриндаваном, купола эти, которые было видно издалека, стали символом культа Кришны и Баларамы.

Каждый купол венчал медный калаш, состоявший из трех шаров, символизировавших нижние, средние и высшие планеты, а на верхушке каждого из них была укреплена вечная Сударшана-чакра, вращающийся диск – оружие Господа Вишну. Сударшана-чакра – это Сам Кришна. Один только вид этого чудесного символа на куполе мандира наполнял сердца преданных ликованием. Даже гости при виде его застывали в благоговении. Над чакрами реяли медные знамена победы.

Обходя законченное здание, Прабхупада глаз не мог отвести от куполов.

– О, – сказал он, – какие красивые получились купола! А?

И он повернулся к сопровождавшим его преданным.

– Великолепные! – сказал Хамсадута.

– Да, Прабхупада, – добавил Тамал-Кришна Госвами, – Сурабхи славно потрудился.

– Точно, – улыбнулся Прабхупада. – Все хвалят Сурабхи.

Прабхупада повернулся к Сурабхи, который в течение нескольких недель хронически недосыпал.

– Только я этого делать не буду. Я все время критикую вас, потому что это моя работа – я должен постоянно критиковать учеников.

Около шестисот преданных из разных центров ИСККОН со всего земного шара приехали во Вриндаван, чтобы принять участие в ежегодном паломничестве по святым местам. Кульминацией праздника должно было стать установление Божеств и открытие храма во Вриндаване. Спешно делались последние приготовления – преданные чистили, убирали украшали храм, стряпали. Приехало много свободных членов ИСККОН и гостей, они разместились в отдельных комнатах новой гостиницы на сорок номеров. Наконец-то мечта Прабхупады сбылась! Он создал самый, наверное, красивый и величественный храм во Вриндаване. Во всяком случае, это был храм, где, как ни в каком другом вриндаванском храме, царила атмосфера самоотверженной преданности и проповеднический дух. Кроме того, он построил один из лучших в округе отелей, готовый принять гостей, приезжающих сюда за кришна-бхакти.

Осматривая территорию вокруг храма, Прабхупада вошел во внутренний дворик. Его чистый мраморный пол сверкал на солнце. Это вам не случайно арендованное помещение, приспособленное под храм (как это было в Америке), это – настоящий храм, подобный храмам Вайкунтхи, описанным в «Шримад-Бхагаватам».

– Это рай земной, – сказал Прабхупада. – Я думаю, это самый лучший храм во всей Индии.

Улыбаясь, Прабхупада стоял перед деревом тамала, раскинувшим свои старые ветви в углу двора. Он вспомнил, как преданные хотели его срубить, но он этому воспрепятствовал. Деревья тамала связаны с играми Шримати Радхарани и встречаются очень редко. Во Вриндаване их осталось, пожалуй, всего три: одно здесь, другое – в Сева-кундже, а третье – во дворе храма Радхи-Дамодары. Дерево тамала разрослось, и Прабхупада сказал, что это свидетельствует об искренней преданности тех, кто живет в храме.

Убедившись, что храм действительно готов, Прабхупада пошел к себе, в дом, который находился между храмом и гостиницей. Его ждало еще много дел: многие из приехавших сюда учеников надеялись встретиться с ним и обсудить свои проблемы.

Так в Рамана-рети – там, где не было храма – чистый преданный произнес: «Пусть здесь будет храм и сева, преданное служение!» И заброшенный пустырь превратился в место паломничества. Такова сила желания чистого преданного.

Шрила Прабхупада часто говорил о своем преданном служении в Индии: «Вриндаван – мой дом, Бомбей – контора, а Майяпур – то место, где я поклоняюсь Верховной Личности Бога».

Бомбей – деловая столица Индии. И у Прабхупады тоже было там свое «дело» – чистое преданное служение Кришне – поэтому в Бомбее он главным образом решал административные вопросы сознания Кришны в Индии. Прабхупада сделал Бомбей индийским филиалом международного ИСККОН. Юридически остальные центры Движения сознания Кришны в Индии были филиалами бомбейского ИСККОН. В Бомбее, как ни в каком другом городе Индии, Прабхупада, благодаря своей проповеди, обрел среди адвокатов и бизнесменов многих друзей Общества и его свободных членов. Поэтому всякий раз, посещая Бомбей, он обращался к ним за помощью – не только в отношении бомбейского центра, но и в отношении остальных дел в Индии.

Бомбей был современным городом, не уступавшим многим западным городам ни в уровне офисных зданий, ни в профессионализме специалистов. Поэтому Прабхупада хотел, чтобы именно здесь находилось индийское отделение его книжного издательства, которое будет выпускать его книги на хинди, а также английские издания для распространения в Индии. Бомбей, в отличие от Вриндавана и Майяпура, был не дхамой, а шумным и богатым городом. Здесь жили самые состоятельные друзья ИСККОН. И хотя в Бомбее Шрила Прабхупада по-прежнему оставался ко всему трансцендентным и делал то же, что и везде – читал лекции по «Бхагавад-гите» и «Шримад-Бхагаватам», поклонялся Божествам – этот город он называл своей конторой. Но, пусть это и была контора, он хотел построить здесь храм.

– Майяпур, – говорил Прабхупада, – то место, где я поклоняюсь Верховной Личности Бога.

Храм, который Прабхупада замыслил построить в Майяпуре, должен будет стать самым грандиозным из всех храмов в его Движении. Он и его преданные будут с такой пышностью поклоняться в этом храме Верховному Господу, что всему миру захочется приехать в место поклонения Прабхупады, Майяпур-чандроая-мандир.

«Шримад-Бхагаватам» повествует, что предписанным методом поклонения Господу для этой эпохи является санкиртана, пение Святых имен Бога. Санкиртана началась в Майяпуре – изначальной дхаме Господа Чайтаньи. «В век Кали, – гласит «Шримад-Бхагаватам», – Господь Кришна приходит в теле золотого цвета как Господь Чайтанья, чтобы петь «Харе Кришна». По-настоящему разумные люди будут поклоняться Ему в этом облике». Шрила Прабхупада хотел, чтобы поклонение Чайтанье Махапрабху в месте Его рождения не имело себе равных. Тем самым он хотел исполнить предсказание предшествующих ачарий, прозревавших, как на равнинах Навадвипы поднимется величественный ведический город.

Майяпур можно считать местом поклонения Прабхупады еще и потому, что здесь широко и активно проповедовал его духовный учитель, Бхактисиддханта Сарасвати, и здесь же находится его самадхи. Проповедническая миссия Шрилы Прабхупады целиком и полностью была посвящена служению Бхактисиддханте Сарасвати, и потому проповедь Прабхупады в Майяпуре была поклонением его духовному учителю. Майяпур был источником и символом проповеди сознания Кришны, поскольку именно в Майяпуре Господь Чайтанья и Нитьянанда начали движение санкиртаны, которое сейчас Прабхупада распространял по всему миру.

Желая проповедовать движение любви к Кришне по всему миру, Шри Чайтанья Махапрабху во время Своего пребывания на Земле организовал движение санкиртаны. С этой целью он послал Рупу Госвами во Вриндаван, Нитьянанду в Бенгалию, а Сам отправился в Южную Индию. Однако проповедь Своего Движения в остальном мире он оставил Международному Обществу сознания Кришны.

Вриндаван – это дом Прабхупады. Религиозные люди Индии, равно как и западные теологи и религиоведы считали Прабхупаду садху-вайшнавом из этого святого города. Начав проповедовать в Нью-Йорке, Прабхупада часто представлялся «человеком из Вриндавана».

– Вот я оказался здесь, в Нью-Йорке, – как-то сказал он, – величайшем городе мира, но сердце мое стремится во Вриндаван. Я был бы счастлив вернуться в мой Вриндаван, в это святое место.

Жители Вриндавана тоже относились к Прабхупаде как к своему земляку, вернувшемуся в родной городок с победой. Оставив в 1954 году семейную жизнь, он уехал жить во Вриндаван –

сначала в храм на Кеши-гхате, а затем – в храм Радха-Дамодары. Приняв в 1959 году санньясу, он не уехал из Вриндавана и, даже отлучаясь, оставлял эти две комнаты в Радха-Дамодаре за собой.

Вриндаван – это родина сознания Кришны, место детских игр Господа. Здесь, исполняя волю Господа Чайтаньи, открывали святыне места, писали духовные книги и строили храмы шесть Госвами. Во Вриндаване, где тысячи местных жителей ходят с мешочками для четок, повторяют «Харе Кришна» и носят тилаку и одежду вайшнавов, любой преданный может почувствовать себя как дома. Вриндаван принадлежит Радхе и Кришне, что и по сей день признают местные жители.

В конечном счете, Вриндаван открывается только чистому преданному. Вриндаван – вечная обитель святых душ в их вечных отношениях с Кришной. Вриндаван в Индии – это духовная копия Голоки Вриндаваны, вечной планеты Кришны в духовном мире, куда, завершив свою жизнь в этом мире, стремятся попасть чистые преданные. И для Прабхупады как для чистого преданного Господа Вриндаван был родным домом. Иногда он говорил, что если слишком сильно заболит, то вместо того, чтобы лечь в больницу, он отправится во Вриндаван, где проведет свои последние дни. Чтобы распространять славу Вриндавана, Прабхупада уехал оттуда, но, подобно путешественнику, находящемуся вдали от родного дома, он всегда думал о возвращении.

Глава сорок пятая

Пожалуйста, распространяйте книги

Сан-Франциско,
5 июля 1970 года

Шрила Прабхупада прибыл в Сан-Франциско на Ратха-ятру 1970 года. День был холодный и ветреный, но в шествии Господа Джаганнатхи через Голден-гейт-парк приняло участие около десяти тысяч человек. Шрила Прабхупада танцевал на улице в многотысячной толпе участников праздничной процессии. В зале на городском пляже он выступил с речью перед огромной аудиторией, а потом наблюдал, как его ученики раздают вегетарианский прасад тысячам гостей. Когда же ему принесли стопку сигнальных экземпляров первого тома книги «Кришна, Верховная Личность Бога», лицо его просияло от счастья.

Окруженный преданными и просто любопытными, Прабхупада держал в руках экземпляр своей книги, любуясь красочным изображением Радхи и Кришны на обложке. Том был большого формата, 18 на 27 см. На глянцевой серебристой суперобложке большими ярко-красными буквами было написано: «Кришна». Шрила Прабхупада с благоговением взирал на духовное чудо, которое держал в руках.

Зрители, стоявшие рядом, с трудом сдерживали натиск толпы и старались не толкнуть Шрилу Прабхупаду, заглядывая ему через плечо, но, когда он улыбнулся и открыл том, они не могли удержаться от восхищенных возгласов. Он же внимательно разглядывал иллюстрации, печать, бумагу, переплет.

— Очень хорошо, — произнес он наконец.

Прабхупада наугад раскрыл книгу и погрузился в чтение, а потом поднял глаза и громко объявил, что книга эта бесценна; только что она вышла в свет, и прочесть ее должен каждый. Держа один экземпляр в руке (другие лежали стопкой перед ним), он сказал, что все желающие могут подойти и купить книгу.

Толпа заволновалась, со всех сторон к Прабхупаде потянулись руки с десятидолларовыми купюрами, люди просили: «Мне, мне!» В мгновение ока Прабхупада распродал всё, не оставив даже экземпляра для себя.

То, что Прабхупада продавал книги о Кришне, стало для преданных самым большим событием праздника. Небольшими кучками они собирались вокруг купленных книг и говорили об играх Кришны и о том, какое влияние окажут эти книги на американский народ.

Брахмананда рассказал, как в 1967 году Прабхупада отдал сигнальный экземпляр «Учения Господа Чайтаньи». Он сидел у себя в комнате на Второй авеню в Нью-Йорке. Когда принесли книгу, Шрила Прабхупада беседовал с Сатьявратой, учеником, который к тому времени перестал ходить в храм из-за мелких ссор с духовными братьями. Когда Прабхупаде принесли экземпляр «Учения Господа Чайтаньи», Шрила Прабхупада с любовью оглядел его и тут же подарил Сатьяврате.

Брахмананда был поражен, увидев, что Шрила Прабхупада так легко отдал единственный экземпляр новой книги. Он сам участвовал в ее издании и знал, сколько труда вложил в нее Прабхупада и с каким нетерпением целый год ожидал ее выхода в свет. Но как только книгу принесли, он тут же отдал ее, и кому? Ученику, который даже вряд ли даже следовал четырем заповедям! Сатьяврата взял книгу, поблагодарил Шрилу Прабхупаду и ушел. Больше его никто не видел.

Шрила Прабхупада хотел, чтобы его ученики распространяли книги о сознании Кришны с таким же энтузиазмом, как и он, но никто из них не знал, как это делать. Одно дело — распространять журналы и просить за них небольшое пожертвование, а другое — продать большую книгу в твердом переплете. Когда в апреле 1967 года весь тираж «Учения Господа Чайтаньи» пришел в Нью-Йорк, преданные наняли грузовик, погрузили на него книги и привезли их на Вторую авеню. Затем они разослали книги в центры ИСККОН в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Бостоне, Монреале и т.д. Там они и лежали.

Преданные пытались давать рекламу в журналы, относили книги в книжные магазины на комиссию, но их никто не покупал. Как продавать большие книги в твердом переплете, оставалось

тайной, пока не произошло одно важное событие, неожиданно подсказавшее им разгадку этой тайны.

Однажды – дело было в 1971 году – двое брахмачари, возвращаясь в храм после киртана в центре Сан-Франциско, остановились у бензоколонки недалеко от храма, чтобы заправиться. Когда заправщик подошел к машине за деньгами, один из преданных показал ему книгу о Кришне. Работник заинтересовался, и тогда оба преданных стали проповедовать ему, восхваляя сознание Кришны. В конце концов они предложили заправщику взять книгу в уплату за бензин, и тот, неожиданно для них самих, согласился.

Удивленные тем, что произошло, и окрыленные успехом, на следующий день эти брахмачари взяли несколько книг «Кришна» и встали у входа в продуктовый магазин. И снова удача – на этот раз они продали две книги.

Кешава, президент храма в Сан-Франциско, позвонил в Лос-Анджелес секретарю Джи-Би-Си по Калифорнии (и своему духовному брату) Карандхаре и рассказал обо всем, что произошло.

– Это какое-то чудо! – воскликнул Кешава.

Карандхара одобрил их действия и вдохновил продолжать эксперимент. Вскоре в храме Сан-Франциско появилась группа из шести преданных, которые каждый день ходили от дома к дому и предлагали людям книги. Один из них, Буддхиманта, стал продавать по пять книг в день, и преданные в других храмах, особенно в Лос-Анджелесе, Сан-Диего и Денвере, решили последовать его примеру. И каждый, кому удавалось продать книгу, испытывал при этом неопишемую радость.

Преданные, занимающиеся распространением книг, в один голос говорят об особом чувстве, которое они испытывают, продавая книги Шрилы Прабхупады. Это чувство не похоже на ту радость, которую ощущает молодой человек, случайно открыв какой-то удачный прием продажи, сулящий большую выгоду. Разница в том, что, распространяя книги, преданный служит Кришне, и служение это позволяет ему ощутить духовный экстаз, который не идет ни в какое сравнение даже с самой сильной материальной радостью.

Обыкновенный бизнес и дело, которым занимались преданные, продавая книги Шрилы Прабхупады, отличаются друг от друга так же, как материальная жизнь отличается от духовной. И всякий, кто пытается оценить духовную жизнь с материальной точки зрения, никогда не поймет ее смысла. Бхактисиддханта Сарасвати сравнивал попытки понять природу экстаза в сознании Кришны с попытками ощутить вкус меда, облизывая снаружи банку, в которой он находится.

Юноши и девушки, бравшиеся за распространение книг Прабхупады в Америке, знали, что, дав им сознание Кришны, Шрила Прабхупада спас их от адской жизни, и хотели помочь ему принести сознание Кришны другим. И проповедуя подобным образом – распространяя его книги – они ощущали экстаз, духовный экстаз.

К середине 1971 года храмы продавали уже сотни экземпляров книги «Кришна» в неделю. Карандхара, управляющий Книжным фондом Прабхупады, начал рассылать ежемесячный информационный бюллетень санкиртаны по храмам Северной Америки. Получал его и сам Шрила Прабхупада. В бюллетене печатались данные о распространении книг в каждом храме, и это порождало дух соревнования. Декабрьский бюллетень Карандхары за 1971 год, подытожив результаты года, призывал преданных удвоить усилия.

В последнее время преданные храма в Сан-Франциско, распространяя книги на улицах города, продают в среднем по двадцать экземпляров книги «Кришна» в день. В чем секрет их успеха? Кешава Прабху говорит:

– Просто теперь для нас распространение книг важнее всего. Нужно только захотеть и приложить максимум усилий. Куда бы мы ни шли, мы всегда берем с собой журнал «Назад к Богу» и книги «Кришна». Выходим ли мы на улицу с группой санкиртаны, идем ли от двери к двери или же направляемся в прачечную или магазин – мы всегда берем с собой книги.

Чего только мы ни придумывали, чтобы увеличить распространение книг, но опыт свидетельствует о том, что самое лучшее – просто взять книги в руки и идти от двери к двери, неся людям эту Беспричинную Милость. Задайте себе вопрос, сколько часов в день мы тратим на распространение книг Шрилы Прабхупады, дороже которых для него нет ничего?

Но итог годовой санкиртаны подвела не заметка в бюллетене, а письмо Прабхупады, которое он написал Кешаве, «королю» распространения книги «Кришна».

Мне все время сообщают, что никто не может превзойти преданных из сан-францисского храма в распространении книг. Иногда они продают до семидесяти книг «Кришна» в день. Если

это правда, то, вернувшись в США, я обязательно остановлюсь в твоём храме. Распространяя мои книги, вы воодушевляете меня в работе над переводами. Вы помогаете мне выполнить наказ, который дал мне мой Гуру Махараджа, и я безмерно благодарен вам за это. Я уверен, что за ваш труд Кришна благословит вас миллион раз.

Надеюсь, что ты и все мои горячо любимые ученики из сан-францисского храма пребываете в добром здравии и хорошем расположении духа.

Это письмо было разослано во все центры ИСККОН. Прабхупада всегда давал преданным благословения, но никто не мог припомнить случая, чтобы он сказал преданному, что Кришна благословит его «миллион раз»!

Хотя в своих письмах Прабхупада обычно наставлял какого-то определенного ученика, часто наставления эти были полезны всем, и письма Прабхупады ясно указывали преданным на то, что главной их задачей является распространение книг.

Я очень рад слышать, что вы увеличиваете распространение наших книг и журналов. Это также свидетельствует о вашей активной проповеднической деятельности. Чем шире будет ваша проповедь, тем больше книг вы будете продавать. Больше всего я хочу, чтобы мои книги распространялись повсеместно.

Прабхупада лелеял надежду, что духовная литература со временем вытеснит мирскую. «Нужно, чтобы в каждом доме была хотя бы одна книга о сознании Кришны, – рассуждал он, – ведь если человек прочтет всего одну страницу, он сможет встать на путь, ведущий к совершенству». «Если хотя бы один процент читателей станет преданными, – писал он, – мир изменится». Рекламные агентства, рассылающие рекламу по почте, рассчитывают на отклик пяти процентов получателей, но Шрила Прабхупада не рассчитывал даже на это. Он надеялся на то, что хотя бы один процент людей, получивших его книгу, станет чистыми преданными. То же самое говорит и Господь Кришна в «Бхагавад-гите»: «Из многих тысяч людей едва ли один стремится к совершенству, а из тысяч тех, кто достиг совершенства, едва ли один на самом деле знает Меня». Следовательно, чтобы весь мир стал сознающим Кришну, необходимо распространить миллионы экземпляров духовных книг.

Шрила Прабхупада хотел, чтобы его ученики поняли, почему так важно распространять его книги, и наставлял их в своих письмах.

О том, кто такой Бог, можно сказать в четырех словах: Кришна – это Верховный Повелитель. Если вы сами непоколебимо верите в эту истину и с энтузиазмом проповедуете ее другим, то непременно добьетесь успеха, и ваше служение принесет величайшее благо всем живым существам.

Джаядвайте он писал:

Эти книги и журналы – главное оружие нашей проповеди, они помогут нам одержать победу над невежеством, которым вооружена против нас майя. Чем больше мы напечатаем таких книг и чем больше распространим их по всему миру, тем больше будет у нас шансов спасти мир от самоуничтожения.

В письме к Джагадише Прабхупада писал:

Меня очень порадовало твое сообщение о распространении книг, поскольку оно показывает, что ты считаешь своим долгом заботиться о том, чтобы все больше и больше людей читали наши книги. По сути дела, это – прочная основа нашей проповеднической деятельности. Ни у какого другого религиозного движения нет такой надежной опоры в проповеди. Если человек познакомится с нашей философией, философией сознания Кришны, у него не останется никаких сомнений.

Прабхупада по-прежнему требовал, чтобы преданные уделяли внимание всем основным видам деятельности Движения сознания Кришны, включая поклонение Божествам, публичные киртаны и выступления с лекциями. Все программы являются важными, но все они по возможности должны сопровождаться распространением книг. Одному санньяси, который занимался в основном чтением публичных лекций, Прабхупада писал:

Распространяй как можно больше книг. Если человек услышит нашу проповедь, это, конечно, поможет ему. Но, если он купит книгу, вся жизнь его может перевернуться. Поэтому распространение книг – самая лучшая проповедь. Продавай книги, устраивай киртаны в общественных местах – школах и колледжах, проповедуй.

Ту же самую мысль он подчеркивал в письме к Бхагаван-дасу во Францию: «Что даст людям твоя трехминутная проповедь? Но, если они приобретут хотя бы одну книгу, это может перевернуть их жизнь».

* * *

В этот период взлета распространения книг, один из новопосвященных санньяси – учеников Шрилы Прабхупады выдвинул собственную теорию, что преданные гораздо больше времени должны тратить на изучение философии. Этот санньяси открыто проповедовал в нью-йоркском храме, что книги Шрилы Прабхупады необходимо читать по пять-восемь часов ежедневно. В то время нью-йоркский храм жил по новому распорядку, введенному Шрилой Прабхупадой: преданные посещали утреннюю программу, каждый день выходили в город петь киртаны и распространять книги, а вечером возвращались в храм на вечернюю лекцию по «Бхагавад-гите». Теперь же, благодаря проповеди этого санньяси, в храме возникли разногласия, и преданным пришлось срочно звонить в Лос-Анджелес своему духовному учителю. Узнав от своего секретаря подробности, Прабхупада тут же ответил:

Мой ответ таков: санкиртана, или пение на улицах, не должна прекращаться; это самая важная наша программа. Движение Господа Чайтаньи – это движение санкиртаны. Вы можете отводить два часа на повторение шестнадцати кругов, два часа на совместное чтение, а остаток времени проводить на санкиртане. Мы должны делать и то, и другое – и читать, и распространять книги. Но распространение книг – наша главная проповедь. Читайте книги вместе, во время лекций: час утром, час вечером. Этого достаточно. Можно читать и в свободное время, если оно есть. Но не так, что вы читаете с утра до вечера. Один час – утром, на лекции по «Бхагавате», и один час – вечером, на лекции по «Бхагавад-гите» или «Нектару преданности». Этого достаточно.

* * *

Январь 1972

«Всегда старайся находить новые места для распространения моих книг», – писал Шрила Прабхупада Джагадише. И преданные их нашли – торговые центры, аллеи и автостоянки. Теперь, каждый день преданные общались с огромным множеством людей.

Направляясь в места гуляний и торговые центры, преданные проникали в самое сердце американского общества, встречаясь с верующими и безбожниками, богатыми и бедными, черными и белыми. Продавать книги было по-прежнему трудно, но преданные, не останавливаясь ни перед чем, продолжали таскать тяжелые сумки и распространять то, что, по их убеждению, могло решить все проблемы.

В глазах преданных посетители торговых центров были живыми мишенями материальной энергии – людьми, живущими ради чувственных и умственных усад, а потому – обреченными на бесславную смерть. Любой серьезный преданный философски, с позиций «Бхагавад-гиты», легко мог объяснить незавидное положение материалиста, но, выходя с книгами на улицы города, преданные непосредственно видели эту жестокую реальность. И по милости Прабхупады, они трудились изо всех сил, чтобы донести до заблудших душ забытую ими суть духовного знания.

Затем преданные сделали еще одно открытие. Оказалось, что книги можно распространять, путешествуя из города в город. В Лос-Анджелесе нескольким брахмачари вдруг показалось, что, оставаясь в храме, они теряют время, которое могли бы потратить на распространение книг, и, недолго думая, они загрузили книгами «Кришна» автофургон и отправились в путь. Приезжая на новое место, брахмачари разбивали лагерь и с неделю жили там простой жизнью, распространяя книги столько часов в день, сколько душа пожелает. Такая форма «путешествующей санкиртаны», благодаря той атмосфере, в которой преданные могли полностью погрузиться в любимое дело, дала распространению книг еще один серьезный толчок. Новую форму проповеди быстро освоили по всему миру, и Шрила Прабхупада ее одобрил.

Я очень рад слышать от тебя эти прекрасные новости о путешествующей группе в Англии. Думаю, отношение местного населения к Движению сознания Кришны становится все лучше и лучше. Они приглашают вас остановиться в своих домах, берут книги, а некоторые становятся преданными – для меня все это добрые знаки. Просто продолжайте в том же духе, останавливаясь в каждой деревне, в каждом городе Англии, Шотландии или в других местах, таких как Ирландия. Останавливайтесь на какое-то время, распространяйте книги и проводите уличные киртаны, отвечайте на вопросы, бесплатно раздавайте листовки или короткие информационные листки.

Распространяйте, где возможно, прасад – хотя бы простой, штучный, и, если люди проявят интерес, просите их организовать в школах или в чьем-нибудь доме или зале лекцию. Таким образом, всегда оставайтесь свободны от беспокойств по поводу своего будущего, свободны от желания спокойной, безмятежной жизни. В своих планах всегда полагайтесь только на милость Кришны. Просто продолжайте проповедовать Его послание и продавать Его книги всем, кто проявляет интерес. А если люди не проявляют интереса или настроены недоброжелательно, не тратьте время зря – ведь есть еще столько мест, куда можно пойти!

Когда по стране начали колесить путешествующие группы, Шрила Прабхупада сказал, что открытие новых центров уже не является первостепенной задачей. Услышав, что президент храма в Ванкувере купил для путешествующей группы автобус, Прабхупада написал:

Думаю, мы все больше становимся похожи на гигантское партизанское движение в войне с майей. Путешествие на автобусах – лучшее средство изгнать майю и упрочить позиции сознания Кришны по всему миру.

Прабхупада радовался, когда узнавал, что президенты храмов и зональные лидеры тоже присоединяются к выездным группам санкиртаны. В ведическом обществе военачальник должен был сражаться на передовой, а не отсиживаться в укрытии. Уже имея несчастье наблюдать, как некоторые из его старших учеников увязли в болоте нескончаемых административных дел, Прабхупада советовал им всем путешествовать и проповедовать, повсеместно распространяя книги.

По большому счету, это общество, ИСККОН, обязано своим существованием моим постоянным путешествиям. Даже будучи стариком, я никогда не сидел на месте. Нет. Следуйте же моему примеру и широко проповедуйте по всему миру, как это делал Чайтанья Махапрабху.

Когда один преданный из Калькутты обратился к Шриле Прабхупаде за разрешением оставить семейную жизнь, чтобы ездить с путешествующей группой санкиртаны, Прабхупада ответил, что бросать семью нет надобности. Господь Чайтанья учил: для того, кто всецело поглощен служением Кришне, не имеет значения, санньяси он или грихастха. Семейный человек тоже может время от времени путешествовать и распространять книги – с женой или без нее.

К концу 1972 года информационный бюллетень ББТ, на этот раз составленный помощником Карандхары, Рамешварой, сообщал о новом подъеме в распространении книг.

Сегодня, когда уже 25 путешествующих групп санкиртаны бороздят просторы страны во благо сотен тысяч обусловленных душ, распространение книг продолжает рваться в заоблачные выси! С середины сентября мы распространили свыше 15 000 ПОЛНЫХ КОМПЛЕКТОВ ТРЕХТОМНИКА «КРИШНА»! А с середины августа мы распространили более 9000 «БХАГАВАД-ГИТ» В МЯГКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ и более 950 «БХАГАВАД-ГИТ» В ТВЕРДОМ! Компания «Макмиллан» также распродала 20 000 ГИТ (через коммерческие точки) и сейчас печатает второй большой тираж, готовясь к рождественскому ажиотажу!

Другой рекорд распространения книг был установлен в конце 1972 года. В предшествующем году преданные воспользовались предрождественскими днями и ходили по домам, предлагая людям книгу «Кришна», однако тогда никто из них даже не подозревал, сколь важным может стать для них канун Рождества.

Рамешвара: Это произошло 22 декабря 1972 года. В тот день в Лос-Анджелесе мы случайно открыли Рождественский марафон. Разумеется, мы обратили внимание на то, что народу в магазинах заметно прибавилось, и магазины торговали до полуночи. Я стоял у магазина «Бурбанка Зоди». Тогда у нас в Лос-Анджелесе шло оживленное соревнование по распространению, с призами, накал которого уже переходил в лихорадку.

Весь день я носился, как угорелый, выручил около 350 долларов и распространил 650 журналов. В десять вечера я был уверен, что установил в ИСККОН новый мировой рекорд и что в этот день его уже никто не побьет. Хотя магазин был открыт до полуночи, людей стало заметно меньше, и я подумал: «Пожалуй, пора домой. Все наверняка уже вернулись. Еще никто никогда не возвращался позже восьми. Все будут ждать одного меня. Мне не следует заставлять других ждать». Так ум мой уговаривал меня вернуться в храм.

К одиннадцати часам магазин практически опустел. Я сел в машину и поехал назад. По дороге я проехал еще один «Зоди», который назывался «Голливуд Зоди», на углу Сансет и Вестерн. Я никак не мог решить, заходить туда или нет, потому что внутри толпился народ, а сам магазин работал до полуночи. Но в конце концов я все-таки решил вернуться в храм, так как

думал, что все остальные преданные уже, наверное, вернулись и ждут меня, чтобы узнать, сколько я распространил книг. Поэтому я не стал останавливаться.

Когда я, наконец, приехал в храм, было уже без десяти двенадцать. Я ворвался в штаб санкиртаны, но там сидел только секретарь, Мадхукантха. Я спросил:

– Неужели все уже спят?

– Да нет, еще никто не вернулся, – ответил он.

Я приехал первым! Так мы открыли Рождественский марафон. Это произошло совершенно стихийно. Никто не говорил нам, что мы должны распространять книги допоздна. Все получилось само собой.

Наконец, к половине первого ночи преданные вернулись в храм. Мы сидели все вместе и рассматривали карту санкиртаны. Нам было не до сна – слишком уж мы были возбуждены. Каждый думал: «Где еще можно найти много обусловленных душ, чтобы продать им книги?» Мы шумели и хохотали, как пьяные, даже разбудили Карандхару, который спал в соседней комнате, в своем кабинете. Он вошел, пошатываясь и протирая со сна глаза, но когда увидел нас и понял, что происходит, то рассмеялся и отправил нас всех спать, сказав:

– Готовьтесь к завтрашнему дню.

Так мы устроили трехдневный марафон – 22, 23 и 24 декабря.

Никто за всю историю нашего Движения никогда еще не распространял столько книг. До этого большой удачей считалось продать 25-40 книг в день, но во время марафона мы распространяли по пять-шесть тысяч ежедневно. Всего за три дня наш храм распространил почти восемнадцать тысяч книг и журналов.

В то время Шрила Прабхупада находился в Бомбее, откуда не мог отлучиться из-за трудностей, возникших с передачей земли. Владелец участка наотрез отказался его продавать и пытался выселить преданных с территории, несмотря на то, что Шрила Прабхупада уже установил там Божества Радхи-Кришны. Эти вопросы причиняли Шриле Прабхупаде немалые беспокойства, но он продолжал исполнять свои ежедневные обязанности: совершать утренние прогулки, вечерами читать лекции по «Нектару преданности», отвечать на письма и получать из своих центров по всему миру последние новости. Он даже успевал готовить почву для проведения в Бомбее фестиваля с пандалом, запланированного на январь.

Когда Прабхупаде сообщили о ходе распространения книг в Лос-Анджелесе и других городах США, он очень удивился и обрадовался. Несмотря на то, что у него было множество дел, он отложил их и, торжествуя, наслаждался победой, которую одержали в Америке распространители его книг. Он немедленно вызвал своего личного секретаря и продиктовал ответы.

Мой дорогой Рамешвар!

Я получил твое письмо от 27 октября 1972 г. и с огромным удовлетворением прочитал о том, сколько книг вы распространили за три дня, 22-24 декабря 1972 г. Просто невероятно, что один храм смог в течение трех дней продать 17 000 книг! Это свидетельствует о том, что люди в вашей стране начали, наконец, относиться к Движению сознания Кришны более серьезно. Иначе разве стали бы они покупать наши книги? Но они видят, как искренне и серьезно преданные относятся к распространению учения сознания Кришны. Удивленные и восхищенные этим, они покупают наши книги. Такого мир еще не видел. Поэтому я очень доволен всеми юношами и девушками из Лос-Анджелеса и других городов мира, которые осознают и высоко ценят уникальность нашей духовной литературы и, невзирая ни на какие трудности, добровольно идут распространять книги. Уже одно это делает их достойными вернуться домой, к Богу.

В тот же день Прабхупада продиктовал письмо Карандхаре.

Я никогда не думал, что мы сможем распространить столько книг. Я считаю это благословением Кришны за ваши искренние труды во имя Господа. В сущности, в этом и заключается секрет моего успеха. Сам я не делаю ничего особенного, но те, кто помогает мне, действуют от чистого сердца. Все это – их заслуга. Только благодаря этому мы одерживаем во всех странах мира – там, где другие потерпели неудачу – победу за победой. В нынешний век лицемерия и лжи даже капля искренности – большая редкость. Но мне так повезло, что Кришна послал мне вас – замечательных юношей и девушек, которые трудятся с такой искренностью. Передай, пожалуйста, всем им мою глубокую благодарность.

Письма благодарности за Рождественский марафон от Шрилы Прабхупады и его слова о том, что преданные непременно вернутся к Богу, придали мощный импульс вступающему в новый

1973 год движению санкиртаны. Преданные продолжали искать новые приемы и места распространения книг. Каждый день преданные устанавливали новые рекорды, а на будущее строили еще более грандиозные планы.

В февральском бюллетене за 1973 год Рамешвара опубликовал письмо от студента колледжа, который прочел одну из книг Шрилы Прабхупады. ИСККОНовская служба «Книга – почтой» ежемесячно получала сотни подобных писем.

Сэр:

Неделю назад преданные Кришны (из Денвера, если не ошибаюсь) побывали в Университете Арканзаса, где они распространяли книги. Один молодой человек обратился ко мне и стал настойчиво убеждать купить экземпляр «Бхагавад-гиты» в переводе Прабхупады; Сначала я был настроен несколько скептически (столько людей наживаются на продаже собственных версий «откровения»!) и попросил его оставить меня в покое. Но он настаивал, и я, в конце концов, согласился.

Сейчас я читаю «Гиту», и еще не дошел до конца, но уже понял, что это стоящая книга; мой ум, приученный к логике и эмпиризму, похоже, хоть и немного, но наслаждается ее духовным содержанием; я обсуждаю прочитанное с другими и замечаю, что запоминаю некоторые отрывки...

Такого интереса, какой по-настоящему разожгла во мне эта книга, говоря без преувеличений, я не испытывал ни от христианской, ни от дзен-буддистской литературы, ни от книг о «второстепенных» формах йоги, коих я прочел немало.

Скажу коротко. Я уверен, что нашел, наконец, начало.

Рамешвара продолжал бить в барабан санкиртаны:

На самом деле, невозможно до конца измерить эффект от нашего распространения книг. Если бы было известно, сколько книг мы распространяем каждый месяц, нас поместили бы во все списки бестселлеров страны! Например, как многим из вас известно, новая «ГИТА» уже разошлась в большем количестве, чем любое другое издание «ГИТЫ», когда-либо увидевшее свет. Компания Макмиллана уже продала десятки тысяч экземпляров, а сами мы продали более 27 000 со времени выхода книги в свет в августе прошлого года.

Когда денежные поступления в Книжный фонд увеличились, Шрила Прабхупада одобрил планы своих доверенных лиц напечатать большие тиражи книг и хранить их на складе, чтобы у храмов круглый год был необходимый запас для распространения. Однако, даже несмотря на склады, удовлетворить потребности храмов в книгах было трудно.

Такие маленькие и «ходовые» книги, как «По ту сторону рождения и смерти», «На пути к Кришне», «Раджа-видья» и «Совершенство йоги» печатались десятками тысяч. Выходя на улицы, распространители брали с собой много разных книг: «Шри Ишопанишад», «Бхагавад-гиту», «Шримад-Бхагаватам», «Кришна, Верховная Личность Бога», а также набор маленьких книг, журналы «Назад к Богу» и недорогие буклеты «Кришна, источник наслаждения» и «Мантра «Харе Кришна».

* * *

Том Бодри жил со своей женой в Санта-Крус, Калифорния. Посетив фестиваль в Беркли, посвященный явлению Господа Чайтаньи, где он весь день участвовал в киртане, и, прочитав «Бхагавад-гиту» Шрилы Прабхупады, понял, что должен стать его учеником. Он начал повторять мантру и попытался пробудить интерес к сознанию Кришны у своей жены и друзей. Когда в центр в Санта-Крус прибыла путешествующая группа брахмачари, он сообщил жене и друзьям, что хотел бы присоединиться к Движению, но те восприняли эту идею весьма скептически. Но как-то раз он явился домой с обритой головой и в дхоти.

Том Бодри: Я начал каждый день ходить с преданными на уличные киртаны. Но постепенно я стал все чаще отделяться от группы, чтобы продавать в торговых центрах маленькие книги. Когда однажды я вернулся в храм, один из брахмачари, Сарвабхаума, упрекнул меня. Он спросил, сколько больших книг я продал. Я сказал: «Ни одной».

– А сколько ты брал с собой? – поинтересовался он.

– Ни одной, – признался я.

– Тогда ты в мае, – заключил он. – У тебя не было с собой больших книг? Как же ты намереваешься их продавать? Прабхупада хочет, чтобы мы продавали большие книги.

Я подумал про себя: «Вот так так! Я, оказывается, в мае». И сказал:

– А как продавать большие книги?

– Молись Прабхупаде, – ответил Сарвабхаума. – Прабхупада даст тебе милость.

Я подумал: «Что ж, звучит разумно. Именно так всё и работает в сознании Кришны» – и пошел домой.

Я думал об этом и молил Прабхупаду даровать мне способность распространять большие книги. Я молился весь вечер, а потом уснул. Когда утром я встал, ответ уже был у меня в голове. Я достал одну из больших книг, «Учение Господа Чайтаньи», и положил ее в сумку, вместе с маленькими книгами. Но, начав распространять, я совсем о ней забыл.

Вдруг ко мне подошла женщина и спросила:

– А что это у вас там за большая книга в сумке?

И тогда, вспомнив Прабхупаду и свои молитвы, я ответил:

– Это «Учение Господа Чайтаньи».

Я дал ей книгу и она заплатила за нее три доллара. Вернувшись в храм, я рассказал преданным о том, как Прабхупада продал книгу.

Прагхоша: По вечерам я ходил в детройтский храм на лекции и попутно выполнял разную работу, помогая преданным приводить храм в порядок. Каждый вечер я красил стены и наблюдал за тем, как преданные возвращаются с санкиртаны. Они выглядели возбужденными и радостными, и мне всегда было любопытно, что же они там делают, если возвращаются в таком настроении. Стоя на стремянке, я красил и прислушивался к их разговорам, пока они сидели на полу и пили горячее молоко. Они рассказывали, как постучали в один дом, и потом произошло то-то и то-то... И мне было очень интересно.

После того, как я переехал в храм и прожил там около недели, кто-то спросил меня, не хочу ли и я попробовать распространять книги. И я пошел, – надел дхоти, нанес тилаку и прямо в таком виде вышел на улицу. Я подходил к людям, заговаривал с ними, давал приглашение и книгу, рассказывал о ее содержании, показывал портрет Прабхупады и просил пожертвовать немного денег. Радость, которую я при этом испытывал, невозможно описать. Выходя на улицу и распространяя книги, я ощущал великое блаженство. Никто из нас не мог толком объяснить, почему мы испытывали от этого такой экстаз.

По ночам мы долго не могли уснуть. Все брахмачари жили в одной большой комнате; лежа на полу в спальных мешках, мы перешептывались друг с другом: «Что ты говорил людям?» Иногда мы болтали целые ночи напролет: бывало, потушим свет и говорим, говорим, рассказываем, что мы говорили людям о книгах Прабхупады.

Джагаддхатри-деви даси: Моим первым служением была уборка храма. Я мыла всё. Через окно я наблюдала, как брахмачари набивались в машины, чтобы отправиться на санкиртану, и все время мечтала о том, чтобы и мне выпала такая удача. В конце концов, в нашем храме были сформированы две путешествующие группы: одна из мужчин, другая из женщин, и мы на целое лето отправились распространять книги по ярмаркам штата Вашингтон. Между мужской и женской группами самопроизвольно началось соревнование за первенство в распространении книг.

Сура: Я присоединился к сознанию Кришны в Сиэтле, в 1973 году, и в первый же день меня послали распространять книги. От преданных из Лос-Анджелеса мы часто слышали о письмах Прабхупады. Центральная тема этих рассказов всегда была одна: Прабхупада хочет, чтобы его книги распространялись. Слушая об этом, начинающие преданные загорались желанием тоже участвовать в санкиртане. Мы хотели быть солдатами в армии распространения книг Прабхупады.

Мы поехали на ярмарку в городе Спокан. Лидер храма в Спокане написал Прабхупаде письмо, в котором сообщил ему о наших результатах и просил приехать. Прабхупада ответил, что приехать не сможет, но преданные должны поехать на ярмарку и проповедовать там от его имени. «Исполните мою миссию, – сказал Прабхупада, – каждый мужчина и каждая женщина в Соединенных Штатах должны получить мою книгу». Как раз этого мы и ждали – Шрила Прабхупада сам признался, что именно доставляет ему радость. Результаты нашего распространения книг повышались. Мы никогда еще не получали столько наслаждения и радости. Для нас это не было аскезой. Некоторые из преданных думали: «Да-а, санкиртана – тяжелая штука». Мы же говорили: «Ты что, спятил! Ходить на санкиртану и продавать книги – самое большое на свете удовольствие!» Это действительно было удовольствием, но не для тела, а для души – ведь через это служение мы чувствовали связь с духовным учителем и Кришной. Именно так я воспринимал эту деятельность. И когда я в первый раз встретил Прагхошу, то увидел, что он

действительно предан этому делу, что он по-настоящему любит Прабхупаду, потому что очень хочет удовлетворить его, распространяя книги.

Прагхоша: Мы распространяли книги в Санта-Барбаре, Калифорния. Преданные уже много раз приезжали туда, но люди в этом городе слишком гордые. Я отправился туда вместе с двумя брахмачари. В какой-то из дней мне за семь часов удалось распространить всего лишь одну книгу. До этого за всю мою жизнь преданного со мной ничего подобного не случилось. Однако я напрог все силы и не останавливался. Но в какой-то момент я почувствовал, что больше не могу. Я пытался дать книгу одному человеку, но он просто вызверился на меня самым унижительным образом. Я так хотел, так старался, но этот человек меня полностью опустошил. Мне захотелось дать ему в нос. Я не выдержал и, усевшись на старый телефонный столб, который лежал вдоль улицы, расплакался.

Пришел один преданный и застал меня в таком состоянии, словно я только что потерял самого дорогого друга.

– Прабху, что случилось? – спросил он меня.

– Не знаю, – сказал я. – У меня не получается. Ни один не берет. Я хожу здесь уже семь часов. Знаешь, сколько книг я распространил? Одну.

Тогда он сел рядом и стал проповедовать мне, и я взял себя в руки.

На следующий день я старался пуще прежнего. С сумкой через плечо, я все утро бегал от одного человека к другому. Я предложил книгу одной девушке, и она сказала, что денег у нее нет, но мне она с удовольствием заплатит. Я был молодым и наивным и сначала не понял, что она имеет в виду. Но когда до меня дошло, я воскликнул: «Харе Кришна!» и, выхватив у нее книгу, сорвал с головы парик и бросился на другую автостоянку. Я весь день бегал от одного человека к другому и изо всех сил молился Кришне. К концу дня я распространил огромное количество книг.

Лаванга-латика-деви даси: Когда я впервые приехала в Лос-Анджелес, то услышала от Шримати слова Шрилы Прабхупады, что весь день сидеть в храме – это майя. Прабхупада хотел, чтобы мы выходили и от двери к двери распространяли журналы. От других преданных я научилась распространять книги. Там было очень много опытных преданных, знающих тонкости этого искусства, и я просто следовала по их стопам. Я говорила и делала то, что говорили и делали они. И потом мне стало легче. Когда человек брал книгу и давал пожертвование, я видела, как действует Господь Чайтанья. Я видела, как все происходит по воле внутренней энергии Кришны.

Том Бодри переехал из Санта-Круса в Лос-Анджелес. Общась с Рамешварой и другими распространителями книг, он вскоре стал лидером. В июне 1972 года он получил посвящение и был назван Трипулари-дасом. Каждый день Трипулари ходил на стоянку возле супермаркета, недалеко от храма, и продавал по паре сотен «Легких путешествий на другие планеты». Однажды вечером он и еще несколько распространителей книг зашли в Калифорнийский университет на Лонг-бич и попали на лекцию одного популярного учителя йоги.

Рамешвара: Я помню тот момент, когда они вернулись в храм. Я сидел в алтарной комнате и читал лекцию по «Бхагавад-гите», как вдруг посреди лекции дверь распаивается, и входят они – Трипулари в своей уличной одежде и девушки в сари. Они просто влетели в храм. По тому, как светились их лица я понял, что произошло нечто необыкновенное. Они же просто утратили дар речи. Они были чем-то крайне изумлены. Я быстро закончил лекцию, потому что всем не терпелось узнать, что же все-таки произошло. Трипулари рассказал нам, что только что продал семнадцать «Бхагавад-гит» – семнадцать объемистых томов в твердом переплете – за два часа. Лилашакти распространила тринадцать, Вриндавана и Тилака по одиннадцать, а Макана-Лал – девять. Никто еще не распространял так много. Нашему изумлению не было границ – как можно продать столько больших книг!

Спустя несколько дней, утром, Трипулари сел на машину и отправился на санкиртану. Он ехал по автостраде Сан-Диего и вдруг увидел указатель на аэропорт Лос-Анджелеса. Он решил попытать удачи там. Продав в тот день пять-шесть книг, он понял, что аэропорт – замечательное место для распространения. Он начал ездить туда регулярно и вскоре уже распространял от тридцати до сорока книг в день, отдавая порой по шесть томов «Шримад-Бхагаватам» в одни руки.

11 апреля, 1973 года

Шрила Прабхупада летел из Нью-Йорка в Лос-Анджелес. Его встречала толпа ликующих преданных.

Трипулари: Прабхупада прилетал в два пополудни, и все преданные собирались его встретить. Шла пасхальная неделя – лучшее время для распространения в аэропорту. Кроме меня, в аэропортах никто еще не распространял. Все шло неплохо, и к половине второго я продал около тридцати книг. Затем я переоделся в дхоти и прошел в зал ожидания, чтобы встретить Его Божественную Милость. Войдя в здание терминала, Прабхупада посмотрел на меня и улыбнулся, а я просто растаял от счастья.

Мы с киртаном дошли до самого выхода и все преданные засобирались обратно в храм. Тогда я подумал: «Зачем мне возвращаться в храм со всеми преданными? Мой долг остаться здесь и распространять книги. Это мое служение Прабхупаде». В тот день я был единственным, кто не вернулся в храм. Я остался и распространил шестьдесят семь книг. По возвращении я узнал, что Карандхара рассказал Прабхупаде обо мне и о том, как я распространяю книги. Узнав об этом, я так воодушевился, что всю ту неделю продолжал распространять каждый день.

В Лос-Анджелесе Шрила Прабхупада выходил на утренние прогулки – либо на берег Тихого океана, либо в парк Чевииот-хилз. Каждое утро его сопровождали несколько учеников, а также Тудам Сингх – ученый, готовившийся к защите докторской диссертации по органической химии в Калифорнийском университете. Шрила Прабхупада регулярно обсуждал с д-ром Сингхом научную теорию происхождения жизни из материи. День за днем Прабхупада разоблачал теорию Дарвина как глупую и ненаучную.

Солнце только-только появлялось на горизонте, а Прабхупада с небольшой группой учеников уже шагал по берегу. Воздух был прохладен, Шрила Прабхупада шел в длинном шафрановом пальто с капюшоном, а его ученики, в свитерах и шерстяных чадарах, следовали за ним, слушали и задавали вопросы.

Однако большей частью Прабхупада беседовал с д-ром Сингхом, который играл роль ученого-материалиста. Д-р Сингх выставлял атеистические аргументы, а Шрила Прабхупада опровергал их с позиций Писаний и логики.

– Я заявляю ученым, – говорил он, – если жизнь происходит из химических элементов, и ваша наука настолько продвинута, почему вы не можете создать жизнь биохимическим путем в своих лабораториях?

На одной из таких утренних прогулок старшие преданные представили Прабхупаде Рамешвару и тот, по просьбе преданных, начал рассказывать о распространении книг. Он упомянул, что иногда распространители встречаются с имперсоналистами и убеждают их купить экземпляр «Бхагавад-гиты как она есть».

Шрила Прабхупада остановился и с серьезным выражением на лице повернулся к Рамешваре:

– Что вы им говорите? – спросил он.

Рамешвара стал рассказывать Прабхупаде о некоторых особенностях своей техники распространения.

Послушав немного, Прабхупада сказал:

– Нашим преданным тоже необходимо изучать эти книги.

В то утро, когда к группе учеников на утренней прогулке присоединился и Трипулари, Прабхупада говорил мало. Только когда они уже шли назад, к машине, кто-то из преданных сказал:

– Прабхупада, Трипулари здесь.

Прабхупада повернулся и улыбнулся:

– А-а. Как книги?

В первый раз Трипулари выпала удача напрямую говорить с духовным учителем, и ему захотелось сказать сразу о многом. От волнения и радости он принялся торопливо делиться своими откровениями. Но Прабхупада прервал его:

– Это лучшее служение человечеству, – и процитировал «Бхагавад-гиту», – «И нет для Меня дороже преданного, чем тот, кто проповедует это послание».

Никто из распространителей книг в Лос-Анджелесе не общался со своим духовным учителем лично – исключение составили только Рамешвара и Трипулари, которым выпала удача несколько коротких мгновений поговорить со Шрилой Прабхупадой. Но близость отношений преданных с духовным учителем не зависела от его физического присутствия.

Трипулари: Я всегда общался со Шрилой Прабхупадой на расстоянии, не прекращая своего служения. Многих старших преданных Прабхупада обучал лично, но мне не удалось пройти

такую подготовку. Шрила Прабхупада учил меня главным образом из сердца. Я думаю, это относится ко всем распространителям книг. Все они питают к Прабхупаде очень глубокие, интимные чувства, хотя личного контакта с ним у них практически не было. Их связь с Прабхупадой и реальное ощущение того, что они знают Прабхупаду очень близко, непосредственно связаны с тем служением, которое Прабхупада называл своей жизнью, – он хотел видеть, как книги его распространяются по всему миру.

* * *

Шрила Прабхупада любил сидеть в своем саду, где росли розы, жасмин, азалии, жимолость, мята, ползучая виноградная лоза, бархатцы и банановые деревья. Ему нравилось слушать плеск воды в фонтане. Дворик с газоном, цветами, кустарниками и креслом для Шрилы Прабхупады был огорожен высокими стенами из шлакобетона. Когда к Прабхупаде приходили важные гости, преданные приносили для них кресла. Сами ученики рассаживались на газоне, на тонких циновках, и смотрели на Шрилу Прабхупаду, сидевшего на возвышении. К вечеру жизнь в их квартале стихала, и до Прабхупады доносились звуки киртана из храма и шум пронесившихся по Венис-бульвар машин. По соседству располагалась школа карате, и Прабхупаде приходилось терпеть крики тренирующихся бойцов.

Час-полтора Прабхупада слушал чтение книги «Кришна, Верховная Личность Бога»; ученики же сидели вокруг, на траве, и наслаждались этими неземными мгновениями. Кришна-лила приносила Прабхупаде полное удовлетворение. Он сидел, выпрямив спину и высоко подняв голову, и был погружен в медитативное настроение. Это были минуты непринужденного общения, но присутствие Прабхупады делало их какими-то особенными и многозначительными. Время от времени он прерывал чтение, чтобы вставить свой комментарий. С наступлением темноты он заканчивал чтение и по гравийной дорожке выходил из сада, минуя главное здание храма, после чего поднимался в свою комнату на втором этаже.

Шриле Прабхупаде так нравился садик в Лос-Анджелесе, что он захотел разбить точно такой же в своей штаб-квартире, Майяпуре.

Что касается дома в Майяпуре, я хотел бы посоветовать вам разбить сад на крыше. На крыше дома вы можете насыпать слой земли толщиной в пятнадцать сантиметров и засадить ее туласи и красивыми кустарниками. Мне очень нравятся сады. Например, здесь, в Лос-Анджелесе, преданные разбили для меня чудесный сад, и я провожу здесь каждый вечер. Пожалуйста, разбейте красивый сад в Майяпуре.

Около десяти вечера Шрила Прабхупада обычно шел к себе в спальню и ложился на кровать, а его слуга, Шрутакирти, массировал ему стопы. Прабхупада закрывал глаза и расслаблялся. Тем временем Рамешвара стоял внизу у лестницы и ждал, что спустятся секретарь или слуга с каким-нибудь известием от Прабхупады.

Рамешвара: Я боялся заходить в комнату Шрилы Прабхупады, поэтому ждал внизу, просто болтался там на всякий случай – вдруг он что-нибудь скажет. Шрила Прабхупада часто что-нибудь говорил, и это передавали мне. Затем каждое утро преданные санкиртаны окружали меня и спрашивали: «Что он сказал?» Они умоляли меня поделиться нектаром. Это было незабываемое ощущение. Мы все чувствовали особую, непосредственную связь с Прабхупадой.

Ожидая за дверью, я пребывал в неземном блаженстве, размышляя, что наша санкиртана – подношение чистой любви нашему духовному учителю. В то время преданные только-только начали ездить по аэропортам. Кроме преданных в Лос-Анджелесе никто во всем ИСККОН тогда еще не распространял книги в аэропортах, поэтому для нас это было чем-то особенным. Никто еще не распространял столько больших книг, как мы. В какой-то момент, увидев один из моих ежедневных отчетов санкиртаны, Шрила Прабхупада поинтересовался:

– Кто такой Рамешвара?

Прабхупада каждый день просматривал эти экстатические отчеты, которые я снабжал нектарными выдержками из Ади-лилы его «Чайтанья-чаритамриты», которая только что вышла. Он понял, что преданные – в экстазе, и спросил:

– Кто они?

Он видел, что мы без ума от санкиртаны. Она вовсе не была для нас ненужным бременем или тяжелым трудом. Он заметил, что для нас это, по-видимому, было совсем не трудно. Напротив, это было здорово, и мы пребывали в полном восторге. И в основе нашей деятельности лежала целая философия. Мы были целиком поглощены философией «Чайтанья-чаритамриты» –

что Господь Чайтанья нисходит вместе со Своими приближенными, чтобы распространить любовь к Богу, не обращая внимания на то, кто достоин ее, а кто нет. Эти стихи мы включали в наши ежедневные отчеты. Таким был дух того времени, и Прабхупаде это нравилось.

По мнению Шрутакирти, время вечернего массажа было особенным, потому что в это время с плеч Шрилы Прабхупады спадал груз ежедневных дел, связанных с управлением. Шрутакирти приносил из сада несколько распустившихся цветов ночного жасмина, которые во время массажа Прабхупада клал возле своей головы. В эти минуты он был еще более спокоен и расслаблен, чем даже во время чтения книги «Кришна». Дела были сделаны, и трудный день остался позади. Всего три часа отдыха – и Прабхупада вновь возьмется за работу, но сейчас... Сейчас он лежал на спине, и либо был погружен в раздумья, либо тихонько повторял «Харе Кришна».

Порой Шрила Прабхупада откладывал массаж на более позднее время и повторял на четках мантру, медленно прогуливаясь взад-вперед по своей спальне или сидя на кровати, но чаще всего он ложился на спину, а Шрутакирти массировал ему ноги. Если он и говорил о чем-то со своим слугой, то только не об управлении ИСККОН. Он мог посмотреть на картину на стене и сказать:

– Как прекрасен Кришна! Как можно не привлечь к ИМ?

Иногда он говорил о своем детстве или еще о чем-нибудь. Но даже в минуты отдыха Прабхупада всегда с большим удовольствием выслушивал результаты санкиртаны, поэтому иногда он читал ежедневные отчеты Рамешвары или просто говорил что-нибудь о проповеди сознания Кришны.

Однажды вечером, прочитав очередной вдохновляющий отчет Рамешвары, Прабхупада пожелал написать на его оборотной стороне небольшое послание. Датировав письмо 20 апреля 1973 года, он написал:

Мои дорогие юноши и девушки, вы так тяжело трудитесь ради распространения славы лотосоподобных стоп Господа Кришны, что мой Гуру Махарадж будет очень доволен вами. Мой Гуру Махарадж непременно дарует вам в тысячи раз больше благословений, чем мне, и мысль об этом приносит мне удовлетворение. Слава собравшимся преданным.

А.Ч. Бхактиведанта Свами

PS. Каждый должен присоединиться к группе санкиртаны как можно скорее.

Получив это бесценное послание, написанное рукой Шрилы Прабхупады, Рамешвара, который только что, стоя под лестницей, безропотно ожидал какого-то самого незначительного знака внимания, со всех ног бросился в храм, чтобы громко поделиться этим счастьем с теми, кто еще не спал.

Трипурари: Каждое утро после мангала-арати возле входной двери храма собиралась небольшая группа преданных, поскольку во время утренней джапы в храме разговаривать не позволялось. Рамешвара повторял джапу в дверном проеме. Он стал подзывать нас к себе, и вскоре у дверей столпилась кучка преданных. Рамешвара показал нам записку Прабхупады. Видя, что мы разговариваем во время джапы, некоторые преданные стали выражать неудовольствие. Они посчитали, что мы отвлекаем их, что мы не погружены в служение, не повторяем джапу. Но на самом деле мы глубоко погрузились в мысли о санкиртане, а когда вернулись к своей джапе, то стали повторять ее с желанием идти к людям и удовлетворить Прабхупаду.

В считанные дни о словах Прабхупады – «Каждый должен присоединиться к группе санкиртаны как можно скорее» – узнали во всех остальных храмах. И хотя вскоре Прабхупада улетел из Лос-Анджелеса и вернулся в Индию, послание его осталось и еще больше укрепило веру преданных.

* * *

Летом 1973 года преданные обнаружили, что на концертах всего за несколько часов можно распространить сотни книг «Кришна». Теперь ее издали в мягкой обложке в трех томах с предисловием Джорджа Харрисона, что особенно привлекало молодежь. В июле Рамешвара писал Прабхупаде в Лондон о том, что храм в Лос-Анджелесе распространяет по две тысячи экземпляров «Кришны» в неделю, а на одном концерте преданные за два часа распространили шестьсот книг.

Преданные из Лос-Анджелеса решили, что Трипурари и другие ведущие распространители книг должны ездить по храмам Америки и делиться опытом. Рамешвара писал Прабхупаде: «По милости Шри Шри Рукмини-Дваракадхиши [Божества в храме Лос-Анджелеса] мы можем

отправить в другие центры много преданных. Это – истинное богатство Новой Двараки». Третьего августа Шрила Прабхупада написал ответ:

Распространение книг, вне всякого сомнения, является самым важным из всего, что мы делаем. Храм – это не просто место, где едят и спят, а база, откуда мы посылаем наших солдат сражаться с майей. Сражаться с майей – значит сбрасывать на колени обусловленных душ тысячи и миллионы книг. Как на войне, когда бомбы градом сыплются с неба...

Мне тоже нравится ваш план разослать лучших распространителей по храмам Америки, чтобы они учили других. Только обучая других, преданный по-настоящему прогрессирует в сознании Кришны. Продолжайте и дальше осуществлять свою программу, чтобы каждый преданный в нашем движении овладел искусством распространения книг. Я одобряю ваши действия.

В июльском бюллетене ББТ преданные опубликовали письмо одной женщины, которая недавно купила несколько книг Прабхупады. Письмо было написано на фирменном бланке американской авиакомпании TWA.

В аэропорту Сан-Франциско, перед самым моим отлетом в Лондон, один из ваших последователей дал мне книгу «Кришна»... Я никогда не чувствовала себя такой счастливой и польщенной или, лучше сказать, удостоенной такой чести...

Я так устала от этой бешеной погони за материальным успехом, и хочу высшей жизни без материальных богатств и игр.

На обратном пути из Лондона, в аэропорту Чикаго, она купила другую книгу, «Раджавидья», и теперь просила еще.

«Эти книги прекрасны», – заключала она.

По мере того как Трипулари путешествовал, обучая других своим методам санкиртаны, все больше преданных, следуя его примеру, стали носить на санкиртане парики и обычную одежду. В светской одежде обращаться к людям стало намного легче, а потому повысились шансы распространить больше книг. Однако некоторые преданные этого не одобрили.

В сентябре 1973 года несколько учеников-санньяси вынесли этот вопрос на суд Шрилы Прабхупады во время его утренней прогулки по Джуху в Бомбее. Прабхупада обратил внимание, что многие люди, гуляющие по побережью Джуху, всегда выражают почтение преданным – они смиренно складывают ладони и говорят: «Харе Кришна». Это признак истинного вайшнава, сказал Шрила Прабхупада: всякий, кто видит его, сразу вспоминает о Кришне. Поэтому преданные должны постоянно иметь отличительные знаки вайшнава, такие как тилака, шикха и кантхимала, чтобы люди могли видеть: «Вот люди из «Харе Кришна»».

Тогда один из санньяси сообщил, что сейчас в Америке во время распространения книг преданные надевают парики и одежду хиппи. Сам же он в своем храме не допускал ничего подобного, так как считал, что когда люди даже не знают, что разговаривают с преданным – это провал. Если преданный захочет распространять книги, заключил он, Кришна непременно поможет ему найти такое место, где он сможет делать это не маскируясь.

Шрила Прабхупада повернулся к преданным, и спросил их мнения. Один из них предположил, что маскировка в Америке – вынужденная мера, в противном случае преданным запретили бы распространять книги в некоторых местах. Прабхупада выслушал мнения и вынес вердикт: «маскировку» нужно немедленно прекратить.

– Мы не собираемся идти в наших стандартах ни на какие уступки, – сказал он. – Мы должны строго придерживаться наших принципов. Эти длинные волосы и кармическая одежда говорят о тенденции к возвращению в хиппизм. Поскольку вы были хиппи, в вас по-прежнему живет эта склонность. Поэтому это нужно прекратить.

Возвращаясь в храм, Прабхупада увидел бедняка, который сидел на обочине и прилюдно опорожнял кишечник.

– Он не изменяет своим стандартам, несмотря на мнение окружающих, – сказал Прабхупада. – Если они придерживаются своих норм, почему мы не можем придерживаться своих?

После прогулки секретарь Прабхупады, Тамала-Кришна Госвами, составил письмо за своей подписью. Прабхупада на пометке «одобрено» тоже поставил свою подпись. В письме говорилось, что все преданные санкиртаны должны всегда носить тилаку, дхоти, кантхималу и шикху и в результатах распространения полагаться на Кришну, а не на парики и джинсы. Однако в конце письма был постскрипtum: «Прочитав письмо, Шрила Прабхупада добавил «Если хотят, то могут

носить куртки и штаны... Но тилака, шикха и бусы должны быть обязательно»». Прежде Шрила Прабхупада уже обращался к этой теме в своих письмах. Джагадише из Канады он писал, что не возражает против того, чтобы преданные носили западную одежду, включая парики или шапки. «Мы должны принимать все, что благоприятствует практике сознания Кришны», – писал Прабхупада. «Иногда мы можем делать это, чтобы помочь в распространении книг». Но в феврале 1973 года он написал Рупануге, что не хочет, чтобы преданные одевались как хиппи.

Это нужно прекратить. Мы никому не должны давать повода называть нас хиппи, однако в особых обстоятельствах для того, чтобы распространять книги, преданные могут одеваться благопристойно, как леди и джентльмены.

Сколько людей, столько мнений.

Шрила Прабхупада просил не обременять его обсуждением всех организационных частностей. Его секретари сами должны были обсудить все между собой и представить ему свои выводы для принятия окончательного решения. «Таким образом, – писал Прабхупада, – Я смогу сосредоточиться на переводе «Шримад-Бхагаватам»».

Письмо из Индии дошло до Карандхары в Лос-Анджелес, но перед тем как запретить ношение на санкиртане западной одежды, он хотел, чтобы Прабхупада послушал по этому вопросу его мнение. Он подробно описал плюсы ношения западной, светской одежды при продаже книг. Основное, против чего возражал Прабхупада, – заключил он, – это неблагопристойный вид преданных, которые выглядят, как хиппи. Но в Лос-Анджелесе, – сообщал он Прабхупаде, – распространители выглядят очень чисто, опрятно и презентабельно. Если распространители книг будут выходить на люди с обритой головой и в дхоти, то результаты распространения уменьшатся примерно на две трети. «Если где-то преданные впадают в крайности, – писал он, – то нужно работать над этим, а не останавливать всю программу».

На этот раз Шрила Прабхупада высказался в пользу ношения западной одежды.

Да, вы можете продолжать распространять книги так, как делали это раньше. В этом нет ничего плохого. Я думал, наши люди превращаются в хиппи, но теперь, с твоих слов, я понимаю, что это не так. Поэтому я не возражаю. Наше главное дело – распространять книги, и, судя по отчетам, которые я получаю со всего мира, мы делаем в этом успехи.

Вскоре между преданными возникло еще одно разногласие по поводу методов распространения книг. Несколько человек написали секретарю ИСККОН, жалуюсь, что их заставили купить книгу либо обманом, либо под нажимом. На это преданные отвечали по-разному.

Распространители книг опирались на приказ Прабхупады – распространять как можно больше книг. Несколько жалоб от людей, – возражали они, – это не повод ослаблять напор распространения. Они цитировали высказывания Шрилы Прабхупады, что противодействие санкиртане лишь указывает на ее чистоту и истинность. Шрила Прабхупада объяснил этот момент в своих книгах, в главе, посвященной описанию одного исторического события – попытке мусульманского правительства остановить санкиртану Господа Чайтаньи. Вот что он писал:

Мы должны помнить, что такие события происходили и в прошлом, пятьсот лет назад, и тот факт, что это по-прежнему продолжается, свидетельствует о том, что наше движение санкиртаны подлинно, ведь если бы санкиртана была чем-то заурядным и материальным, демоны не стали бы против нее возражать.

Американцы много против чего возражают: против уличных киртанов, одежды преданных, философии сознания Кришны и даже пищи. Недовольные находились всегда. Самое главное, – говорили распространители, – спасение обусловленных душ, стремительно приближающихся к своему адскому существованию в следующей жизни. Но если человек купит книгу и прочтет хотя бы одну страницу, жизнь его может измениться.

Однако у других преданных, включая президентов храмов, жалобы эти вызывали беспокойство. Кто-то вспомнил, что Прабхупада уже касался этой темы в 1970 году.

Делайте все с большим энтузиазмом. Все наши действия должны быть открыты настолько, чтобы никто не критиковал нашу миссию. Все мы должны быть примерными вайшнавами. Если все будет делаться честно, в сознании Кришны, тогда Господь Кришна с готовностью предоставит нам все возможности, чтобы помочь нашему искреннему служению.

Шрила Прабхупада хотел, чтобы распространители книг следовали его наказу, но не давал им разрешения делать все, что заблагорассудится, и заявлять, что это – ради Кришны.

Проповедники должны уметь не только побудить людей взять книгу, но и оставить у них хорошее впечатление.

Распространители книг оправдывались, что действуют как могут, но будут стараться работать над собой. Если другие преданные думают, что могут лучше, пусть на своем примере покажут, как распространять книги, ни у кого не вызывая беспокойств. Распространять книги день за днем, с утра до вечера, очень тяжело. Ум и чувства людей и без того уже раздражены работой, правительством или личной жизнью. Поэтому неудивительно, что порой какой-нибудь невинный преданный выводит их из себя.

К сомнительным приемам проповеди чаще всего прибегали именно распространители книг. Они представлялись студентами и говорили, что помогают молодежи отказаться от наркотиков, или что книги решают проблемы современности. И это не было неправдой, но, порой преданные слишком это подчеркивали.

Зрелый преданный мог проповедовать более прямо. Трипулари, например, говорил, что книги эти повествуют о древней цивилизации, люди которой умели жить правильно. Он назывался представителем организации, имеющей по всему миру общины, являющие человечеству пример альтернативного образа жизни. Проповедуя людям, Трипулари и другие распространители умели лично подойти к каждому человеку и ненавязчиво поговорить с ним о философии. Они быстро заводили дружбу с незнакомцами и убеждали их брать книги, но к распространению подключалось все больше преданных, и многие из них не имели никакого опыта.

Философия Шрилы Прабхупады была очень проста, но разные преданные продолжали толковать ее по-разному. Не касаясь конкретных методов, Прабхупада лишь ставил акцент на честном распространении книг и вдохновлял распространителей не прекращать действовать; главное – распространять книги.

Но преданные нажимали на Прабхупаду, желая получить дальнейшие разъяснения. С одной стороны были распространители книг, обеспокоенные тем, чтобы роль распространения книг не преуменьшалась, с другой стороны – другие ответственные лидеры ИСККОН, озабоченные тем, что сомнительные методы проповеди могут помешать развитию Общества. Отвечая на вопросы Бали-марданы из Нью-Йорка, Прабхупада написал письмо, ставшее особенно важным для всего Движения.

Настоящая проповедь – это продажа книг. Ты должен уметь продавать их так, чтобы не вызывать у людей раздражения. Что даст твоя трехминутная лекция? Но если он прочтет хотя бы одну страницу, в его жизни может произойти переворот. Однако мы не хотим никому докучать. Если из-за ваших агрессивных приемов человек по вашей глупости уходит, это ваш провал. И человек ушел, и книгу вы не продали. Но если он покупает книгу – это по-настоящему успешная проповедь.

Позиция Прабхупады была ясна: книги продавать необходимо, но делать это нужно правильно. И чтобы ни у кого не оставалось сомнений, Прабхупада повторил, что распространение книг – лучшая проповедь. «Успех вашей проповеди определяется тем, сколько книг вы продали, – писал Прабхупада. – А искусство состоит в том, чтобы продавать много книг, при этом не вызывая у людей раздражения».

Книги продолжали издаваться миллионными тиражами, и многие люди слали письма благодарности. Лишь изредка кто-то жаловался. Но в самом ИСККОН споры относительно методов распространения не утихали. Шри-Говинда, президент центра ИСККОН в Чикаго, вызвался побеседовать с преданными, прибегающими к запрещенным приемам, и Прабхупада его поддержал.

Я не советую вам пускаться в обман, ради успешной продажи книг. Если просто описывать удивительные качества Кришны, это не будет обманом! Но все остальное, основанное на лжи, не поможет нам научиться правдивости. Если мы с одними будем правдивы, а с другими – нет, в такой философии нет ничего хорошего. Наоборот, брахманы всегда должны быть правдивы, даже с врагами. В наших книгах столько хорошего, что если вы просто искренне расскажете об этом людям, они их купят. Именно этому искусству вы должны учиться, а отнюдь не хитрости. Убеждайте людей проповедью Абсолютной Истины, а не уловками. Это гораздо более высокий уровень сознания Кришны.

* * *

Каждый день десятки преданных – и мужчин, и женщин – шли на улицы распространять книги. В один из ноябрьских дней преданные храма в Нью-Йорке побили мировой рекорд, распространив 13 200 книг. В тот же день они распространили 15 000 порций прасада. По общим итогам за 1973 год всем ИСККОН было продано 4 миллиона 169 тысяч книг. Получив эти данные, Прабхупада ответил Рамешваре:

Я верю в твои слова, что в следующем году показатели будут намного больше, чем в прошлом. Такова природа духовной энергии – она всегда увеличивается, при условии, что мы прилагаем усилия.

В начале января 1974 года Шрила Прабхупада вновь вернулся в Лос-Анджелес. Утром он прочитал лекцию по «Шримад-Бхагаватам», особо остановившись на распространении книг.

– Никакая книга во всей вселенной не сравнится с «Шримад-Бхагаватам», – сказал он. – Каждое слово в этой книге несет благо всему человечеству. Каждое слово. Именно поэтому мы так настаиваем на распространении книг. Так или иначе, если книга эта оказывается у человека в руках, он обязательно получит благо. В конце концов, он подумает: «Я столько заплатил – надо посмотреть, что там написано». И если он прочтет хотя бы шлоку, его жизнь станет успешной! Всего одну шлоку, одно слово! Удивительная книга! Поэтому мы придаем этому столь большое значение: пожалуйста, распространяйте книги, распространяйте книги, распространяйте книги».

* * *

1974 год начался, как казалось, с серьезного препятствия. Верховный суд выступил против пацифистов, распространявших в частных парках свои политические агитки, и отныне представители некоммерческих организаций (в том числе и религиозных) могли проводить агитацию только с разрешения владельца парка. В результате преданным был запрещен вход во многие парки, где они прежде часто бывали.

Однако конституция, запрещающая преданным находиться на частных территориях, позволяла им продавать книги в местах, принадлежащих муниципалитету. Преданные ИСККОН начали судебный процесс против муниципального аэропорта Лас-Вегаса и сразу же его выиграли, поскольку аэропорт ущемлял их право на свободу слова. Благодаря этому процессу началась новая эра распространения книг – преданные получили возможность законно проводить санкиртану во всех главных аэропортах страны.

Они восприняли это как подтверждение того, что Кришна, желая увеличить распространение книг, действует через Прабхупаду. Еще ни один духовный учитель прошлого не распространял ведические Писания в таких количествах. Это еще раз доказывало, что Шрила Прабхупада наделен особыми полномочиями от Самого Кришны. И тех, кто старался следовать его наказу, Кришна также наделял полномочиями. Но только в том случае, если они сами желали пройти испытание на преданность и отрешенность.

Прагхоша: Однажды я распространял книги в аэропорту. Подошел к одному темнокожему человеку и сказал: «Простите, сэр...» И вдруг – БАЦ! Он ударил меня прямо в лицо и сбил меня с ног. Вихрь мыслей пронесся у меня в голове. Я отчетливо услышал слова Трипурари, которые он произнес утром на лекции: «Мы должны быть решительны...» И я сказал себе: «Что ж, ладно, просто встану и буду продолжать». Я поднялся и ощутил вдохновение оглядеться и попытаться предложить одну из книг следующему прохожему.

В другой раз ко мне подошла семейная пара. Муж не хотел иметь со мной никаких дел, но жена его, увидев, что книга на духовные темы, остановилась и спросила:

– О чем книга?

– О рождении, смерти и о том, что за пределами этого мира, – прямо ответил я.

– О, – воскликнула она, и, повернувшись к мужу, попросила: – Пожалуйста, купи!

– Не хочу, – сказал муж. – Пошли.

– Ну пожалуйста! – сказала она.

– Покупай сама, – отрезал муж и отошел.

Женщина спросила:

– Не могли бы вы немного об этом рассказать ?

Я рассказал, а затем спросил:

– Откуда вы?

– Я из Рочестера, – ответила она.

Она поведала, что едет из клиники Мейо, что неизлечимо больна раком и скоро умрет.

– Я безумно хочу прочитать эту книгу, – сказала она.

Она дала мне десять долларов и, сказав «большое спасибо», убежала.

Позже она вернулась, отыскала меня и, пожав мне руку, поблагодарила. Подобные случаи, каждый день происходившие с преданными, заставляли нас чувствовать себя эмиссарами или представителями чего-то очень необыкновенного. Благодаря этому мы еще больше привязались к Шриле Прабхупаде и к служению его делу. Мы были свидетелями этих чудес.

Кешава-Бхарати: Я распространял книги в аэропорту Сан-Франциско. Я считал этот аэропорт особенно трудным местом и думал, что, окажись я сейчас в Лос-Анджелесе, скорее всего, смог бы распространять не хуже Трипулари. Я был слишком горд. Однажды мне предоставилась возможность распространять книги вместе с ним.

Я человек общительный и легко схожусь с людьми – и мне совсем не трудно подходить к ним и заводить с ними разговор. Но прошло полчаса, час... Трипулари распространил пять книг, затем десять... А я никого так и не смог... не то что остановить, но даже руку пожать! Это было немыслимо! Но я знал – это потому, что я слишком горд. Прошел еще час, но никто так и не остановился и не подал мне руку. Я зашел в тупик – ведь я хотел раздавать книги Прабхупады! В конце концов, разочарованный, я просто сел, едва сдерживая слезы.

Подошел Трипулари и начал мне проповедовать. Он сказал, что в такие минуты надо молиться Господу Чайтанье и Нитьянанде и не переживать. Я так и сделал, и тогда, один за другим, десять или пятнадцать человек подошли и заговорили со мной. Некоторые купили книги. Позже, обсуждая этот случай, мы пришли к выводу, что мы – просто инструменты в руках Господа Чайтаньи. Так мы и развивали философию санкиртаны. Благодаря распространению книг мы осознали, кто такой Прабхупада, и стали ценить его еще больше.

Лаванга-латика: Целый день я стояла на верхней площадке лестницы, а мимо проходили тысячи и тысячи людей. Мы распространяли сотни и сотни книг. Проповедуя, мы цитировали выдержки из книг Прабхупады. Трипулари часто говорил о лебедях, способных отделять молоко от воды. Разговаривая с людьми, мы часто обращались к подобным аналогиям. Мы говорили, что великие мудрецы прошлого знали, как отделить молоко от воды, умели извлекать суть. Трипулари также говорил, что иллюстрации в книгах – окна в духовный мир. «Сияя, словно солнце, эта книга рассеивает тьму невежества в этот век Кали», – говорили мы.

Я обнаружила, что самый лучший способ распространять книги – говорить словами самого Прабхупады. Прабхупада сказал, что, прочитав человеку хотя бы одну строчку, мы можем в сотни раз ускорить его духовный рост. Однажды какой-то преданный пожаловался Прабхупаде, что люди иногда выбрасывают книги. Но с другой стороны мы понимали, что Прабхупада хочет, чтобы эти книги распространялись в широких масштабах. Не так, что мы должны давать книгу только тому, кто, по нашему мнению, достаточно разумен, чтобы ее прочитать. Ведь Прабхупада сказал, что если они прочтут хотя бы одну строчку, жизнь их сильно изменится. Поэтому мы понимали, что Прабхупада хотел массового, широкого распространения. Он не хотел, чтобы мы распространяли книги исключительно достойным людям.

Сура: Мы с Вайшешикой продавали книги в аэропорту. Он подходил к людям и говорил: «Здравствуйте, сэр, как поживаете? Слава движению Шри-Кришна-санкиртаны, которая несет благословение всему человечеству и очищает сердце». Он читал молитвы Господа Чайтаньи, «Шикшаштаку», прямо из книги, и люди, как это ни странно, покупали у него книги. На обложке книг был изображен Кришна или Его преданные. Многие из нас не могли понять, что заставляет людей покупать эти, такие непривычные для них, книги. Но Прабхупада хотел, чтобы мы их распространяли. Он просил нас рассказывать людям о достоинствах этих книг. Когда преданные спрашивали Прабхупаду, что нужно говорить, чтобы продать книгу, Прабхупада отвечал: кршне сва-дхамопагате, – он читал стих, в котором говорится, что «Шримад-Бхагаватам» сияет, как солнце, и появился, чтобы в эпоху мрака дать людям истинную религию. Вот мы и повторяли этот стих, и вера в силу этих слов помогала нам распространять книги.

Мы выходили на улицу и видели, какое сильное впечатление производит на людей сознание Кришны. Они понимали, что преданные искренни и серьезны, и это действовало на них. Каждый день на санкиртане мы убеждались, что людям нравятся книги Прабхупады. Бывали, конечно, и такие, кому мы не нравились, но Прабхупада предупреждал, что трудности будут всегда. Таким образом, опыт распространения книг только подтверждал то, о чем говорил Шрила Прабхупада. Он говорил, что распространитель книг иногда сталкивается с трудностями, потому

что одни люди принимают его благосклонно, а другие не принимают вообще, но преданный должен терпеливо сносить любое отношение к себе.

В аэропорту мы встречали преподавателей, юристов, людей самых разных профессий, которые останавливались и с нами разговаривали. Они спорили, и нам все время приходилось защищать книги Прабхупады и его Движение, выступая от имени Прабхупады. Это совсем не то, что стоять на автостоянках и выпрашивать у женщин 50 центов за пачку благовоний, как мы делали, когда были детьми в сознании Кришны. Сейчас мы представляли книги Прабхупады филологам, беседовали с майявади, научными работниками, бизнесменами, с интеллектуалами из Чикаго, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Сан-Диего. Это были искушенные, хорошо подкованные люди. И, поскольку нам приходилось вступать с ними в духовное противостояние и отстаивать наше Движение, мы сами стали глубже понимать книги Прабхупады и научились так их подавать, что могли убедить даже тех, кто не хотел поддаваться убеждению. Нам пришлось засесть за книги Прабхупады.

* * *

В 1974 году появились несколько новых групп санкиртаны. Прежде Трипурари путешествовал как представитель Лос-Анджелеса, а сейчас, с разрешения Шрилы Прабхупады, он организовал отдельную группу от «Бхактиведанта Бук Траст» (ББТ), состоящую из ведущих распространителей. Распространители ББТ продавали книги в аэропортах страны, чем способствовали большому подъему в распространении.

«Я полностью одобряю твою программу», – писал Трипурари Прабхупада. Когда Трипурари спросил, можно ли ему принять санньясу, Прабхупада ответил, что он уже делает больше, чем любой санньяси. В одном письме Прабхупада назвал его «олицетворением распространения книг».

Новый большой шаг в распространении книг был сделан, когда в Америку вернулся Тамала-Кришна Госвами, который в течение четырех лет был зональным секретарем Шрилы Прабхупады в Индии. Вместе со своим другом Вишнуджаной Свами он организовал группу санкиртаны «Радха-Дамодара», которая ездила по всей Америке на автобусе вместе с Божествами Радхи-Кришны, распространяя книги и устраивая фестивали.

Тамала-Кришна Госвами: Мы организовали группу «Радха-Дамодара», желая как можно больше людей сделать преданными. Мы проводили фестивали с пением «Харе Кришна» и распространением прасада. Кришна посылал нам множество замечательных молодых людей, и мы толком не знали, чем их занять. Затем пришло неожиданное письмо от Шрилы Прабхупады, в котором он говорил, что киртан распространения книг лучше уличного киртана. Это духовное наставление кардинально изменило тактику группы «Радха-Дамодара». С того момента я стал все больше концентрироваться на распространении книг, и это все больше нравилось Прабхупаде. Я провел четыре года в Индии, но там мы главным образом вдохновляли людей становиться нашими свободными членами. Зато сейчас, когда я снова был в Америке, Шрила Прабхупада напоминал мне, что проповедовать – значит распространять его книги. Поэтому я очень хотел, чтобы наша группа стала распространять столько книг, сколько распространяет весь ИСККОН вместе взятый. Я день и ночь думал, как распространять еще больше книг и затопить духовной литературой всю Америку. Шрила Прабхупада написал мне, что таково было его истинное желание – превратить всех американцев в вайшнавов.

До появления группы «Радха-Дамодара» главный метод распространения книг состоял в том, что человеку, в зависимости от величины пожертвования давалась большая, средняя или маленькая книга. Но Прабхупада сказал, что распространять большие книги – куда важнее. Поэтому я постоянно ломал голову над тем, как поднять распространение больших книг. Люди охотно давали нам скромные пожертвования, но редко кто жертвовал столько, чтобы его можно было вознаградить большой книгой. И тогда Кришна подсказал мне идею – если несколько человек дадут по небольшому пожертвованию, то, по меньшей мере, одному из них можно дать большую книгу, а остальным – по журналу «Назад к Богу» или по брошюре. Такой подход позволил нам неизмеримо увеличить распространение больших книг. Прабхупада полностью одобрил эту идею. Если в книжный фонд поступали средства на издание новых тиражей, Шрила Прабхупада никак не ограничивал нас в скорости распространения и величине пожертвований за книги. Таким образом наша группа «Радха-Дамодара» за один месяц смогла распространить пятьдесят тысяч больших книг.

Шрила Прабхупада уделял группе «Радха-Дамодара» особое внимание. Он разрешил ББТ дать этой группе ссуду на покупку новых автобусов. Так была создана армия санкиртаны, которая путешествовала на переоборудованных автобусах фирмы «Грейхаунд». К концу 1974 года у группы «Радха-Дамодара» было уже три автобуса, автофургоны и много людей. Прабхупада называл эти автобусы «передвижными храмами» и призывал преданных «Радха-Дамодары» продолжать распространять книги, заверив их, что своим служением они доставляют удовольствие Господу Чайтанье. «Я рад, что вы осознали насколько важны мои книги, – писал Прабхупада. – Ведь потому я и настаиваю на том, чтобы наши книги были у каждого».

Шрила Прабхупада хотел, чтобы группа «Радха-Дамодара» расширила свою деятельность, приобретя сотни автобусов и исполнив тем самым волю Шри Чайтаньи Махапрабху – нести сознание Кришны в каждый город и деревню мира. С радостью и одобрением наблюдал он за духовным соревнованием между храмом в Лос-Анджелесе, группой ББТ во главе с Трипурари и группой «Радха-Дамодара».

В 1974 году была сформирована еще одна группа санкиртаны, которая распространяла книги в библиотеках. Все началось с того, что Хридаянанда Госвами отправил нескольких брахмачари из своей передвижной группы санкиртаны распространять книги в престижных университетах Новой Англии. Они попробовали продавать полные комплекты книг Шрилы Прабхупады профессорам, и уже с самого начала им сопутствовал большой успех.

Шрила Прабхупада уже давно вынашивал эту идею: еще до приезда в Америку он ходил по индийским библиотекам с томами Первой песни «Шримад-Бхагаватам». Его труды в Новом Дели не пропали даром: Библиотека Конгресса США приобрела несколько экземпляров его книг. Теперь его мечта увидеть свои книги во всех библиотеках и университетах США становилась реальностью. Спустя несколько месяцев от профессоров стали поступать положительные отзывы, а некоторые даже заказывали книги Прабхупады для своих курсов. «Мне очень нравится эта программа подписки, – писал Прабхупада. – Попробуйте довести количество заказов до пятидесяти тысяч».

Еще одна группа, появившаяся в 1974 году, называлась «Нама-хатта». Это была группа брахмачари под руководством двух санньяси. Эта группа путешествовала и распространяла книги, жертвуя свои доходы на проекты Шрилы Прабхупады в Бомбее, Майяпуре и Вриндаване.

В сентябре 1974 года Шрила Прабхупада несколько недель болел, и отчеты о распространении книг были для него лучшим лекарством. «Всякий раз, получая отчет о продаже моих книг, – писал он преданным библиотечной группы, – я чувствую прилив сил. Даже сейчас, больной и слабый, я черпаю силы из вашего отчета». Тогда же он написал Рамешваре:

Что касается данных по распространенным книгам, пожалуйста, продолжайте действовать в том же духе. Это единственное, что приносит мне успокоение. Когда я слышу, как замечательно мои ученики распространяют книги, я становлюсь бодрым и энергичным, словно юноша.

Шрила Прабхупада выздоровел, и к концу 1974 года его ББТ также обладал отменным здоровьем. Между храмами вновь началось яростное соревнование за победу в рождественском марафоне. ББТ сообщал Прабхупаде, что за год в Америке было продано приблизительно 387 тысяч книг в твердом переплете, что на 67% превышало показатели прошлого года. Журналов «Назад к Богу» было продано на 89% больше – четыре миллиона. Храмы выкупили у американского ББТ в общей сложности 6 миллионов 668 тысяч единиц литературы – на 60% больше прошлого года.

Эти новости придавали Шриле Прабхупаде «бодрости и сил». К началу 1975 года у Прабхупады и его движения были все основания надеяться, что в текущем году и без того головокружительные результаты 1974 года будут удвоены и утроены.

* * *

Шрила Прабхупада создал свой «Бхактиведанта Бук Траст» в 1972 году, придав ему статус независимой организации, чтобы обеспечить постоянное издание и распространение своих книг. ББТ был создан исключительно на благо Международного Общества сознания Кришны, но как самостоятельная организация.

Устав ББТ предполагал, что деньги, вырученные от продажи книг храмам ИСККОН, должны распределяться доверенными лицами на два фонда: один – на издание книг, а другой – на приобретение имущества ИСККОН и строительство храмов. Прабхупада был уверен, что если принцип «пятьдесят на пятьдесят» будет строго соблюдаться, Кришна обеспечит ИСККОН успех.

Он вновь и вновь подчеркивал этот принцип в своих беседах, письмах и даже в комментариях к «Шримад-Бхагаватам».

Шрила Прабхупада наделил своих доверенных представителей ББТ полномочиями составлять планы издания книг, которые он утверждал сам. Он установил нормы и руководящие принципы, которым должны были следовать доверенные лица ББТ, но любые изменения должны были согласовываться с ним.

Сам же Прабхупада изменений очень не любил. Он сам выбирал формат книги и устанавливал требования к иллюстрациям, давал советы относительно размера того или иного тиража и определял правила отгрузки и ценовую политику – практически в каждой сфере деятельности ББТ он выдвигал свои требования. Прабхупада вмешивался даже тогда, когда тот или иной храм затягивал с выплатами ББТ за книги.

Нехорошо, когда такие большие храмы, которые должны быть примерами для всего Общества, не платят по счетам. Это никуда не годится. Я пытаюсь освободиться от административных дел, но если президенты и Жи-би-си становятся источником таких неприятностей, то как я могу обрести покой? Нужно, чтобы все работало, как часы, тогда я буду спокоен.

Он был строгим управляющим. «В соответствии с ведическим наставлением, – говорил он, – промедление недопустимо при пожаре, оплате долгов и болезни. От них нужно избавляться любыми средствами».

Распространение книг (среди всего прочего) Шрила Прабхупада рассматривал как надежную экономическую базу ИСККОН. Можно заниматься и другим бизнесом, но лучше всего – распространять книги, ибо это одновременно и проповедь, и хороший источник дохода. Вот что Прабхупада писал об этом президентам храмов:

Меня очень обрадовало твое сообщение о том, как хорошо распространяются наши книги. Это наш главный бизнес. Уделяйте этому должное внимание, и вы никогда не будете испытывать недостатка в средствах.

И в другом письме:

Относительно того, что руководители Общества настаивают на необходимости заниматься бизнесом, я могу сказать, что, прежде всего, вы должны понять, что такое бизнес. Бизнес должен способствовать проповеди. Проповедь нуждается в финансовой поддержке. И бизнес необходим только для этого и ни для чего другого. Насколько я понимаю, для того, чтобы обеспечить наше Движение средствами, достаточно распространять книги.

Шрила Прабхупада следил и за всеми ссудами, что выдавал храмам ББТ; любой секретарь Жи-би-си или президент храма, обращающийся за ссудой или займом, должен был делать это только через него. В 1973-74 годах он выделил большие ссуды на строительство, покупку и ремонт храмов на Гавайях, в Далласе, Сиднее, Чикаго и Ванкувере. Еще один займ он дал группе «Радха-Дамодара», на покупку «передвижных храмов» (автобусов), и Южной Америке – на издание книг. Киртанананда Махараджа каждый год получал пятьдесят тысяч долларов на Новый Вриндаван. При этом Прабхупада всегда отклонял заявки на финансирование проектов, которые, по его мнению, противоречили целям ББТ. Шестого ноября он написал Рамешваре:

Нет, мы не будем выделять средства ББТ ни на какие другие цели, кроме тех, что оговорены в уставе. Все другие займы – будь то на коров, оборудование или рестораны – должны быть возвращены. Ссуды выдаются только на издание литературы и строительство храмов, и ни на что другое.

В 1974 году Шрила Прабхупада начал направлять средства ББТ на строительство своих главных храмов в Индии – во Вриндаван, Майяпур и особенно в Бомбей. Рамешвара сообщил об этом особом назначении ББТ преданным:

Шрила Прабхупада лично следит за всеми индийскими программами и расходами... Даже если одна-единственная рупия тратится неразумно, он чувствует беспокойство и строго (по милости своей) отчитывает преданных – «... эти деньги заработаны по?том многих преданных, почему же ты так неэкономно их расходуешь?» Шрила Прабхупада хочет, чтобы наш вриндаванский храм, ШРИ ШРИ КРИШНА-БАЛАРАМА Мандир был закончен к Джанмаштами. Еще Прабхупада хочет открыть храм в Шри Майяпуре... В этой связи сделаю одно интересное замечание: мне сказали, что в Индии на 10 пайс можно купить 1 кирпич! 10 пайс – это один цент. Подумайте только: на каждый полученный вами пенни в Индии можно купить кирпич. В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЭТИХ ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ ПРОЕКТОВ ВАЖЕН КАЖДЫЙ ПЕННИ!

«Эти места в Индии, – писал Прабхупада, – исполнены духовного могущества. Построив храмы в Майяпуре и во Вриндаване, мы обеспечим сохранение чистоты нашего Движения».

В октябре 1974 года Шрила Прабхупада написал Хамсадуте, секретарю Джи-би-си по Германии: «Когда выходит очередное издание на каком-либо языке, это стократно наполняет меня силой». Исполняя наказ Бхактисиддханты Сарасвати проповедовать и издавать книги на английском языке, Прабхупада пошел дальше, включив в свою миссию проповедь на всех языках, во всех странах мира. В 1972 году Шрила Прабхупада написал одному из своих европейских учеников: «Больше всего я хочу, чтобы мои книги издавались и распространялись по всему миру в огромных количествах». Хотя Прабхупада всегда писал на английском, начиная с 1968 года, когда центры ИСККОН открылись и в других странах, он заговорил об издании своих книг на других языках.

Когда в 1972 году из печати вышло немецкое издание «Бхагавад-гиты», Шрила Прабхупада написал Хамсадуте: «Ты поступил правильно, напечатав «Бхагавад-гиту» на немецком, и я очень ценю это великое служение». К 1973 году по Германии путешествовали уже несколько групп санкиртаны, распространяя несколько сот «Бхагавад-гит» в неделю. Хамсадута пообещал, что будет переводить на немецкий по одной книге в месяц. Осенью 1974 года, узнав о шести недавно вышедших томах немецких переводов, Прабхупада написал: «Для меня это очень радостная весть. Спасибо тебе. Наводни Европу книгами на немецком».

Шрила Прабхупада говорил, что, издавая новую книгу, он всякий раз чувствует себя так, словно завоевал целую империю. Его книги были основой духовной революции, которая преобразит в конце концов лицо мира и спасет человечество от разрушительного влияния века Кали.

«В больших количествах издавайте книги на испанском», – просил Шрила Прабхупада. Когда Хридаянанда Госвами стал зональным лидером в Южной Америке, Шрила Прабхупада велел ему в первую очередь сосредоточиться на издании и распространении книг. Открытие храмов было второстепенной задачей. «Еще до того, как у меня появились большие храмы в США, я также издавал книги, – писал Прабхупада. – Ты можешь следовать по стопам предшествующих ачарий».

В Мехико Хридаянанда Госвами открыл испанское отделение ББТ и поставил распространение книг задачей номер один. В начале 1974 года, когда испанское ББТ подготовило к печати первый том «Шримад-Бхагаватам», «Бхагавад-гиту» и книгу «Кришна, Верховная Личность Бога», Прабхупада написал:

Если издавать наши книги по философии сознания Кришны на разных языках, то можно распространить наше Движение среди населения всего мира, особенно в странах Запада. Мы сможем буквально обратить мировые нации в нации, сознающие Кришну.

Когда на испанском языке были напечатаны сто тысяч экземпляров журнала «Назад к Богу», Шрила Прабхупада написал: «Теперь раздавайте их всем и каждому». Преданные, распространяющие книги на испанском, по своим показателям вышли на второе место в мире после Америки.

Бхагаван, представитель Шрилы Прабхупады в южной Европе, издавал книги на французском и итальянском. В начале декабря 1972 года он напечатал французский перевод книги «Легкое путешествие на другие планеты». А к началу 1974 года уже три группы санкиртаны ежедневно распространяли во Франции по тысяче книг, включая французскую «Бхагавад-гиту как она есть». К тому времени Бхагаван уже напечатал первый номер «Назад к Богу» на итальянском, и к печати готовилось французское издание «Шри Ишопанишад».

Преданные знали, что в какие бы уголки мира они ни направлялись, программа была всегда одна – проводить киртаны, повторять джапу, соблюдать четыре заповеди и издавать и распространять книги Шрилы Прабхупады. Осваивая земли Южной Африки, преданные-пионеры действовали строго в соответствии с желанием своего духовного учителя, и он ответил им: «Ваш отчет о том, что за два дня вы распространили в Кейптауне 110 «Гит», очень меня воодушевил».

Шрила Прабхупада часто думал о том, чтобы напечатать книги на русском. Он написал Министру образования и культуры СССР письмо с предложением напечатать «перевод произведения древней ведической классики под названием «Бхагавад-гита», уже выпущенный «известным лондонским издательством М.С.С. Макмиллан Компани». Со своими учениками он также обсуждал идею издания русских переводов в Америке.

Всякий раз, при встрече с человеком, заинтересовавшимся сознанием Кришны и хорошо знающим какой-то иностранный язык, Шрила Прабхупада просил его помочь с переводами. В 1972 году он написал:

Я очень рад узнать, что вскоре некоторые из моих книг выйдут на японском. Без книг и журналов, на какие авторитетные источники нам опираться в проповеди?

Одному преданному из Америки, проповедующему в Индонезии, Шрила Прабхупада написал подобное письмо:

Я несказанно рад, что ты нашел для перевода книг юношу, знающего китайский. Да, население Китая огромно, и нам необходимо постепенно распространять свои знания среди китайцев. А делать это нам предстоит главным образом посредством широкой продажи наших книг на китайских языках. Так что это величайшее служение для Кришны.

Позже, узнав, что китайский юноша, Яшомати-сута, перевел на китайский три главы «Бхагавад-гиты», Прабхупада велел преданным немедленно выпустить эти три главы в форме небольшой книги.

Австралийская ятра ИСККОН к 1974 году вышла на передовые позиции и состязалась за мировое лидерство с храмом Лос-Анджелеса и группой «Радха-Дамодара». К осени 1974 года пять-шесть ведущих распространителей Австралии и Новой Зеландии ежедневно продавали более двадцати книг каждый. Как и в Америке, с 1973 по 1974 год австралийские центры увеличили свои показатели более чем вдвое.

В Англии в 1970 году, на заре американской санкиртаны, книг еще не было. Но через год, когда английские преданные начали распространять книгу «Кришна», Шрила Прабхупада написал: «Все мои ученики из лондонского центра очень разумны. Они должны объединить усилия вокруг одной цели – широкой продажи книги «Кришна» по всей Великобритании». К 1974 году английские преданные уже доблестно распространяли книги. В одну из наиболее продуктивных недель они распространили шестьсот «Учений Господа Чайтаньи», четыреста «Шримад-Бхагаватам» и тысячу журналов «Назад к Богу».

Индия стояла особняком. Здесь по инициативе Шрилы Прабхупады книги расходились благодаря программе свободного членства. Богатые индийцы были более склонны покупать книги, понимая, что это одно из условий их членства, которое давало им такие привилегии, как возможность бесплатного проживания в храмах ИСККОН всего мира. Но Шрила Прабхупада хотел, чтобы в Индии, как и везде, книги его распространялись в колледжах, библиотеках, и как среди знаменитостей, так и среди простых людей.

К концу 1974 года ученики Прабхупады уже были готовы выпустить «Назад к Богу» на хинди и бенгали. Услышав, что западные преданные в Индии жалуются на недостаточную занятость, Шрила Прабхупада ответил: «Приятно слышать, что каждый день вы продаете много книг «Кришна». Все наши люди должны выходить с книгами. Недостатка в занятости нет». Своему секретарю Джи-би-си в Индии он написал: «Занимай их всех в распространении книг и набирай группу санкиртаны».

«В Индии мы не сможем развиваться без книг», – писал Шрила Прабхупада Теджасу, президенту храма в Дели. Своих лидеров в Индии он учил строго придерживаться принципа «пятьдесят на пятьдесят». «Половина средств, собранных благодаря свободному членству и другим программам, должна поступать в ББТ, а другая половина должна идти на строительство и другие проекты». По распоряжению Прабхупады американское отделение ББТ должно было жертвовать Индии книги, и к 1974 году индийским центрам было передано книг на сумму триста тысяч долларов. Хотя в издании и распространении книг Америка была и пионером, и лидером, Прабхупада предвидел, что в будущем книги его будут печататься и распространяться в мировых масштабах – больших, чем даже в Соединенных Штатах.

* * *

Шрила Прабхупада вдохновлял своих учеников на духовное соревнование. В 1971 году он с удовольствием наблюдал, как держит первенство по распространению книги «Кришна» Кешава из храма в Сан-Франциско. Прабхупада обещал, что, если Кешава обгонит своего брата, Карандхару, то он из Лос-Анджелеса переедет в Сан-Франциско. Год за годом он продолжал разжигать дух соперничества, раздувая огонь распространения книг. Он вдохновлял лидеров присылать ему отчеты, а в ответ писал им письма, тем самым еще больше распаляя дух санкиртаны.

Преданные во всем ИСККОН с нетерпением ждали очередных строк из письма Прабхупады, которые еще больше вдохновили бы их на служение. После январской лекции Шрилы Прабхупады в 1974 году, на которой он подчеркнул «Распространяйте книги, распространяйте книги, распространяйте книги», несколько присутствующих там преданных тут же дали обет посвятить этому наставлению всю свою жизнь. А когда из своей комнаты в Лос-Анджелесе Прабхупада отослал то письмо, написанное им самим – «Каждый должен присоединиться к группе санкиртаны как можно быстрее» – одной этой строки хватило, чтобы пробудить дух самопожертвования и преданности в сердцах многих учеников, увидевших свое предназначение в том, чтобы посвятить жизнь исполнению этого наказа.

Рамешвару волна океана санкиртаны подхватила с самого начала, однако своим письмом Шрила Прабхупада окончательно определил его служение:

Начни программу распространения наших книг по всему миру. Наши книги получают высокую оценку в ученых кругах, и мы должны воспользоваться этой возможностью. Любым своим успехом мы обязаны только распространению книг. Поэтому продолжай, и пусть твой ум ни на мгновение не отклоняется от этой цели.

Когда лондонские преданные сообщили Шриле Прабхупаде о своих успехах в продаже книг и журналов, тот ответил им, приглашая поучаствовать в соревновании:

Я слышал, что преданные из Сан-Франциско каждый день продают не менее 75 книг «Кришна», и меня это очень радует. Пусть вам передастся этот дух трансцендентного состязания. Советуйтесь с Даянандой и другими европейскими преданными и станьте в распространении книг первыми.

В письме ученику-санньяси, проповедующему в Шотландии, где преданные, возможно, не до конца представляли себе масштабы распространения книг в США, Шрила Прабхупада привел последние сводки из Нью-Йорка со своим комментарием: «Нью-Йорк возглавляет список».

Весь ИСККОН Шрилы Прабхупады вдохновлял бить рекорды прошлых лет: «Так или иначе мы должны удвоить и утроить распространение книг, насколько это возможно. Сделайте это». Сразу после создания библиотечной группы ББТ Прабхупада дал указание составлявшим ее преданным поднять количество заявок до пятидесяти тысяч. Он просил расширять группу «Радха-Дамодара», чтобы в будущем они приобрели сто автобусов. Борьба между Лос-Анджелесом, группой «Радха-Дамодара» и Австралией достигла особого накала, а Шрила Прабхупада вдохновлял их всех, словно маэстро, добивающийся от оркестра фортиссимо.

Шрила Прабхупада не давал легкомысленных, голословных наставлений. Он прекрасно знал, какой решимостью должны обладать его ученики, и на какие жертвы идти, чтобы достичь этих, казалось бы, недостижимых целей. Он хотел, чтобы они работали так же, как и он – отдавая всех себя, без остатка. Он хотел, чтобы они старались делать все возможное. Он говорил, что руководствуется логикой «охоты на носорога». Если, пытаясь подстрелить носорога, охотник потерпит неудачу, никто не будет его критиковать, но если у него это получится, все будут изумлены.

Прабхупада написал Рупануге:

Твои отчеты о санкиртане очень вдохновляют, особенно про ту девушку, Гаури-даси, которая установила планку для всех женщин ИСККОН – 108 больших книг. Просто удивительно. Раньше это считалось невероятным, но теперь, по милости Кришны, все стало возможным. Вдохновляй их всех продолжать повышать результаты.

Некоторых преданных смущали возбужденные призывы духовных братьев и сестер к участию в соревновании. Это напоминало им соперничество между людьми в материальном мире, о котором они хотели забыть раз и навсегда. Однако Шрила Прабхупада объяснил, как следует относиться к этой трансцендентной борьбе:

У живого существа нельзя отнять склонность к соперничеству и извлечению прибыли. Вы не сможете искусственно от этого избавиться. В России мы своими глазами видели, что отсутствие в обществе конкуренции и рыночной экономики отнюдь не сделало людей счастливыми. Мало того – они все равно этим занимаются. Мы не можем сказать, что к нам это не относится. Единственная разница между нами и остальными в том, что свою прибыль мы направляем на наслаждение Кришны и, состязаясь друг с другом, думаем о том, как лучше удовлетворить Кришну. Даже Гопи соревнуются между собой, стараясь доставить Кришне удовольствие. Они даже завидуют друг другу. Но зависть эта не материальна. Она духовна. Гопи думают: «О, у нее получилось лучше, чем у меня. Чудесно! Но теперь я постараюсь сделать нечто

еще более удивительное». Поэтому я доволен вашим желанием соревноваться с духовными братьями, чтобы, печатая наши книги, распространять Движение сознания Кришны по всему миру.

Часто какая-нибудь выездная группа санкиртаны активно распространяла книги в чужом городе, чем вызывала беспокойства у руководителей местного храма. Об этой проблеме, разумеется, сообщили Шриле Прабхупаде и попросили его охладить пыл соревнования. Тогда Прабхупада написал письмо двум своим ученикам – Кешаве и Бхутатме, которые путешествовали по разным храмам – от Сан-Франциско до самого Лондона – и распространяли книги с таким рвением, что беспокоили местных преданных.

В конечном счете, пусть президент местного храма сам определяет, насколько благотворно пребывание в его храме вашей группы. Считайтесь с этим: если он согласится, вы можете остаться; в противном случае, если он посчитает, что в данный момент это неблагоприятно, он может попросить вас уехать. Но чтобы избежать подобных недоразумений, лучше заранее советоваться с ответственными представителями Джи-би-си. Наше Движение строится на сотрудничестве, и в центре всего стоит Кришна и проповедь Его Движения, и мы должны продолжать продавать как можно больше книг. Однако вам следует обо всем взаимно договариваться и делать свое дело как можно лучше, никого не раздражая. Это настоящее искусство.

Наблюдая за успехами лучших распространителей книг, некоторые преданные порой начинали завидовать или чувствовать собственную никчемность и неспособность удовлетворить Шрилу Прабхупаду. Узнав об этой проблеме, Шрила Прабхупада ответил: «Соперничество должно быть всегда. Оно дает жизнь. Жизнь немыслима без соревнования... Совершенное общество не пытается упразднить дух конкуренции, однако от зависти следует избавиться – перед Кришной все слабы».

Но любое состязание имеет свои пределы, как объяснил Прабхупада одному сомневающемуся брахмачари из Флориды.

Важно не столько количество распространенных книг, сколько то, что мы служим Кришне в меру наших сил и в своих результатах зависим от Него. Пытаясь достичь огромных результатов, мы не должны доводить себя до такого состояния, чтобы потерять свое сознание Кришны. Если ты испытываешь подобные чувства, не путай их с завистью, но считай их косвенным признанием служения своих духовных братьев. Это духовные чувства. В материальном мире, когда кто-то в чем-то нас превосходит, мы злимся и строим ему козни, но в духовном мире, видя, как кто-то выполняет служение лучше нас, мы думаем: «О, у него так здорово получилось! Помогу-ка я ему в его служении».

* * *

Соревнование могло быть и было хорошим стимулом, но кроме того, неустанно распространяя книги Шрилы Прабхупады, участники Движения сознания Кришны постигали самую суть любовного служения Кришне в разлуке с Ним, что является высшим проявлением духовного экстаза. «Не пытайтесь увидеть Бога, – говорил духовный учитель Шрилы Прабхупады, – старайтесь поступать так, чтобы Бог увидел вас». Другими словами, смиренно исполняя волю слуги того, кто сам является слугой слуги Кришны, ученики Прабхупады неизбежно должны были удостоиться благосклонного внимания Кришны.

Шрила Прабхупада говорил, что самый надежный способ привлечь внимание Кришны – помочь другому человеку встать на путь сознания Кришны. Поэтому распространители книг ощущали особую связь с духовным учителем, и это побуждало их продолжать служить ему, распространяя книги.

Санджая: С философской точки зрения мы понимали, что, выходя распространять книги, мы делаем то, чего хочет от нас духовный учитель. Мы знали это. С этим было все ясно. К тому же мы были идеалистами в истинном смысле этого слова: мы верили, что эти книги и журналы изменят мир. Приняв сознание Кришны, начинаешь ясно видеть, как жалок этот мир, как он осквернен, как завистливы люди и как ужасна материальная жизнь. Ты видишь это совершенно отчетливо. Ты чувствуешь, что сам ничего не можешь изменить, но при этом знаешь, что, если человек возьмет в руки книгу Прабхупады и заглянет в нее, его жизнь изменится – эти книги одухотворяют ее. И это не вызывало у нас никаких сомнений. Мы понимали, что с распространением сознания Кришны в мире произойдут глобальные перемены. Более того,

Прабхупада говорил, что человеку достаточно даже просто прикоснуться к одной из этих книг, чтобы жизнь его изменилась. Мы верили в эти книги и верили в Шрилу Прабхупаду.

Кешава-Бхарати: Давая человеку книгу, чувствуешь, как Прабхупада откликается. Ощущение, когда продаешь человеку книгу, разительно отличается от того, что испытываешь, когда продаешь, например, пачку благовоний или еще что-нибудь в таком духе. Весь день, пока мы распространяли книги, мы чувствовали связь с Прабхупадой. Мы не ощущали себя обделенными его вниманием из-за того, что некоторые преданные были ближе к Прабхупаде физически. Распространители книг всегда ощущали душевный подъем. Мы читали о Харидасе Тхакуре, который выходил на улицу и катался по земле, умоляя людей петь Святые имена. В таких историях мы черпали вдохновение.

Вайшешика: У нас были книги Прабхупады и его письма. И еще мы знали, что если распространишь много книг, то твое имя попадет в бюллетень, и представляли, как его прочитает Прабхупада. Я просто пытался не отстать от других. Бывало, что за два часа у меня не брали ни одной книги, тогда как у всех остальных они просто разлетались. Я старался, но люди просто плевали мне в лицо. Они издевались, и это было невыносимо. Порой я просто уходил куда-нибудь и плакал. Было очень тяжело. Но я знал, что распространение книг доставляет наслаждение Прабхупаде, и поэтому хотел принимать в нем участие.

Мы думали о том, сколько времени Прабхупада провел за диктофоном, чтобы написать эти книги. Мы всегда помнили, что он спит всего лишь несколько часов в день и жертвует всем ради того, чтобы писать книги. Поэтому мы тоже старались отставить в сторону все прочие дела и заниматься только распространением книг. Прабхупада говорил, что преданный должен проникнуться духом шести Госвами, поэтому мы каждый день пели обращенные к ним молитвы. Мы ощущали настоящую связь с Прабхупадой. В самом начале один преданный как-то сказал мне:

– Ты знаешь, где Прабхупада? – и сам же ответил: – Он в своих книгах.

Такое настроение было у каждого из нас. Мы все время чувствовали связь с ним.

Джагаддхатри-деви-даси: Распространяя книги Прабхупады, я понимала, что это – самое лучшее, что я могу для него сделать. Я помогала ему исполнить волю его духовного учителя, и потому он был мной доволен. Но еще больше он был доволен, если я делала это хорошо. Я много раз слышала о том, что Бхактисиддхант Сарасвати был счастлив, когда кому-то из его учеников удавалось продать хотя бы один журнал, ибо это и есть дух санкиртаны – идти к обусловленным душам и нести им милость. Вот что важно.

Я всегда хотела помогать другим. Мне нравится быть полезной людям. А это было самой лучшей формой помощи людям. Ты помогаешь им вернуться домой, к Богу. Это было моим главным стимулом. И, приводя другие живые существа к Кришне, мы очищались сами.

Трипурари: Больше всего меня вдохновляло величие Прабхупады – его неуклонность в следовании своему духовному учителю. Это был наказ его Гуру Махараджа, поэтому он это и делал. Я никогда не отличался особой ученостью или разумом. Я никогда не считал себя слишком умным или талантливым. Я не владел практически никакими профессиональными навыками и был не очень образован. Я рассуждал так: «Я общаюсь с самыми падшими людьми, при этом сам я куда более падший». Я просто делал то, чего хотел Прабхупада, и лишь потому, что он этого хотел. Я молил его помочь мне осознать, почему он так хочет распространять книги. Затем изнутри ко мне приходило вдохновение, и всякий раз, когда я рассказывал о распространении книг, оно прорывалось наружу.

Тот день, когда все преданные вернулись с Прабхупадой в храм, а я остался в аэропорту, очень сильно повлиял на мою духовную жизнь. Я чувствовал очень тесную связь с Прабхупадой. Но наиболее близкое общение с ним я ощущал, когда следовал его наставлениям и просто приступал к своей работе, служа духовному учителю, а не пытаясь наслаждаться им.

Вриндавана-виласини-деви-даси: Когда Прабхупада прочитал ту знаменитую лекцию в Лос-Анджелесе – «Распространяйте книги, распространяйте книги, распространяйте книги» – мне сразу захотелось за это взяться. Мы считали, что все письма, которые Прабхупада посылал Рамешваре, адресованы «Рамешваре и Компании», т.е. всем нам. Ведь мы считали, что мы вечные распространители книг – мы одна команда. И я тоже хотела быть частью этой команды. Это была вечная группа санкиртаны Господа Чайтаньи, и все хотели в ней участвовать. Эта санкиртана проходит на каждой планете, в каждой вселенной. Я знаю, что это нравится Шриле Прабхупаде.

Я воспринимала распространение книг как битву на Курукшетре. Это настоящая битва, но в ней участвует Кришна. Вторая Курукшетра. Я уверена, что подобные чувства испытывают все распространители книг. Ты чувствуешь, что Кришна находится рядом и Он победит. Просто нужно принять у Него прибежище. Ты можешь не выиграть эту конкретную битву, но победа в войне будет за тобой. Поэтому я всегда чувствовала связь с Прабхупадой – ведь в своих книгах он говорил нам о великих преданных, у которых мы можем принимать прибежище. Это все по его милости. Он дал нам эти книги, и он лично присутствует в них.

Сура: Мы были настолько преданы распространению книг, что не хотели заниматься ничем другим. С самого утра мы ехали в аэропорт и распространяли до пол-восьмого, а иногда до восьми вечера, прерываясь разве что на двадцать минут, чтобы поесть, и иногда еще на двадцать минут, чтобы почитать. Мы действительно чувствовали, что Шрила Прабхупада нас защищает.

Однажды в аэропорту мне дали бюллетень ББТ. И, может быть, я просто устал, а, может быть, я такой сентиментальный, но, читая высказывания Прабхупады о распространении книг, я был тронут до глубины души. Там, в аэропорту, я был один, и я даже заплакал от мысли, что преданные по всему миру – так прекрасны, так великодушны, что они так тяжело трудятся, распространяя книги. Всем сердцем я благодарил Прабхупаду и Движение сознания Кришны. Меня тронули его слова о распространении книг. Мы думали только об одном – книги, книги, книги, – и стоило Прабхупаде сказать что-нибудь о распространении книг, мы просто с ума сходили. Такова была наша связь с Прабхупадой. Мы не были важными «шишками», которые сидели с Прабхупадой на заседаниях и удостоивались его личного внимания. Может, нам иногда и удавалось пристроиться к какому-нибудь санньяси на утреннюю прогулку с Прабхупадой, но в основном мы ощущали связь с ним через распространение его книг. Любые его слова о распространении книг были для нас как воздух.

Лаванга-латика-деви-даси: Я слушала лекции Шрилы Прабхупады и знала, что он всегда ссылается на эти книги – «Шримад-Бхагаватам» – и всегда призывает нас нести это знание другим. Это делало нашу жизнь очень простой. Мы просто знали, что Шрила Прабхупада хочет от нас именно этого. Он всегда говорил нам: «Я даю вам знание и, получив его, вы должны нести это знание другим». Шрила Прабхупада приехал в Америку, чтобы проповедовать вместе со своими учениками. И мы должны делать это, потому что этого хочет Прабхупада. Он потратил столько времени на то, чтобы перевести книги, которые мы должны распространять. Мы просто хотели распространить их, хотели, чтобы у людей были эти книги.

* * *

Вриндаван, Индия
20 апреля 1975 года

На торжественной церемонии открытия Кришна-Баларам-мандира Шрила Прабхупада установил Божества. На праздник собралось около тысячи его учеников, а в качестве почетного гостя приехал губернатор штата Уттар-Прадеш. После долгих лет упорного труда торжественное открытие храма стало настоящим триумфом Шрилы Прабхупады и его Движения. Проведя первое арати, Прабхупада прямо от алтаря Кришны и Баларамы обратился к собравшимся. Он сказал, что это – международный храм, куда смогут приезжать люди со всего света. Здесь они смогут поклоняться Божествам и найдут покровительство Гауры-Нитая, Кришны-Баларамы и Радхи-Кришны.

Позже, в тот же вечер, Шрила Прабхупада сидел в своей комнате с несколькими членами Джи-би-си. Было жарко, он расстегнул куртку, его вытянутые босые ноги выглядывали из-под низкого столика. Он отдыхал. Ученики сидели вокруг него в неярком свете настольной лампы.

– Это важная веха, – сказал Прабхупада, – но надо идти вперед, а не поживать на лаврах.

Предстояло еще многое сделать для того, чтобы храм и гостиница работали нормально.

Шрила Прабхупада думал не только о Вриндаване – он смотрел дальше:

– Строительство храмов настолько важно, – говорил он, – что я готов истратить много лакхов рупий на то, чтобы открыть храм, подобный этому. Но каким бы важным ни было сооружение храмов, издание книг еще важнее.

Эти слова стали очередным подтверждением того, что книгопечатание имеет первостепенную важность. Даже в разгар торжеств по случаю открытия вриндаванского храма Прабхупада подчеркивал, что придает большее значение изданию книг.

Однако Шрила Прабхупада, казалось, был недоволен: его редактор санскрита уже в течение нескольких месяцев держит у себя рукопись «Чайтанья-чаритамриты». Хмуро глядя на учеников, он заявил, что давно закончил работу над «Чайтанья-чаритамритой», но, несмотря на это, она до сих пор не издана. Он также давно завершил все четыре тома Четвертой песни «Шримад-Бхагаватам» и приступил к Пятой, но опубликован пока только первый том Четвертой песни.

Один из присутствовавших при этом преданных, не уловив смысла того, о чем говорил Прабхупада, заметил, что Прабхупада скоро поедет на Гавайи и там сможет писать в тишине и покое. Прабхупада ответил, что задержка с публикацией его рукописей отбивает у него всякую охоту переводить дальше.

Издательство ББТ, которое несколько лет находилось в Нью-Йорке, теперь должно было перебраться в Лос-Анджелес, а новым директором был назначен Рамешвара. Рамешваре ничего не было известно о задержке с публикацией рукописи «Чайтанья-чаритамриты», впервые он услышал об этом только здесь, во Вриндаване. Он пообещал Прабхупаде, что немедленно займется размещением издательства в Лос-Анджелесе и начнет печатать «Чайтанья-чаритамриту».

Закончив работу над рукописью «Чайтанья-чаритамриты» за восемнадцать месяцев, с 1973 по 1974 год, Шрила Прабхупада совершил настоящий подвиг, поскольку одновременно с этим ему приходилось заниматься многочисленными административными делами и много путешествовать. Он был вынужден решать серьезные проблемы, возникшие из-за того, что некоторые руководители ИСККОН ушли со своих постов; кроме того, он сам, по сути дела, выполнял обязанности Джи-би-си по Индии, а также занимался другими делами, связанными с управлением. Он разрешил ББТ выдать много крупных ссуд и одобрил планы по расширению и развитию ИСККОН во всех частях света. Помимо этого ему приходилось регулярно отвечать на огромное количество писем, каждый день принимать посетителей и везде, куда бы он ни приезжал, читать лекции по «Бхагаватам». Заниматься переводами ему удавалось только по ночам: он вставал в час ночи и напряженно работал в течение двух или трех часов. И так каждый день.

Пока Шрила Прабхупада был в Австралии, Рамешвара и Радхаваллабха в Лос-Анджелесе попытались организовать новый офис ББТ. Прабхупада ждал, когда же, наконец, законченная им «Чайтанья-чаритамрита» будет опубликована. Из Австралии он писал:

Я полностью закончил «Чайтанья-чаритамриту» (в 12 частях), но напечатаны пока только три, а теперь уже практически закончена Пятая песнь. Почему эти книги все еще не вышли? Это наша первейшая обязанность. Эти книги (17 томов) должны быть немедленно напечатаны. К чему эти проволочки? Американское издательство переплетает книги лучше, чем «Дай Ниппон», поэтому часть книг можно напечатать в США, а часть – в Японии, но эти «зависшие» переводы должны быть изданы в самое ближайшее время. Когда я вижу, что столько книг ждут печати, у меня пропадает всякое желание переводить. И наоборот – когда книги выходят, это вдохновляет меня переводить все больше и больше. Подробнее мы поговорим об этом на Гавайях. Сейчас вы вместе с Хамсадуттой должны ускорить процесс издания. Это ваша обязанность. То же самое относится к продаже. Об этом попросите Трипурари Махараджа и других. Сейчас там у вас живут Бхавананда Свами и Гаргамуни Свами, которые могут превосходно справиться с этой задачей. Объединив усилия, ускорьте печать насколько возможно. «Чайтанья-чаритамрита» должна быть готова немедленно.

В Лос-Анджелесе Рамешвара лишь недавно закончил все формальности, связанные с арендой нового здания для издательства. Художники ББТ только что переехали, а редакторы, корректоры и другой персонал должны были прибыть в ближайшее время. Издательство приобрело электронное наборное оборудование, и преданные учились им пользоваться. Плотники снесли стены, чтобы соорудить фотолабораторию и темную комнату. Пришлось даже установить дополнительный водопровод. Издательство нужно было запустить в течение месяца, к июню, на который был намечен визит Шрилы Прабхупады.

В мае, к приезду Прабхупады на Гавайи, в Лос-Анджелесе полным ходом шла подготовка к запуску. Секретарь Шрилы Прабхупады часто звонил в Лос-Анджелес:

Прабхупада сердится. Он постоянно говорит о том, что книги еще не изданы. Советую вам к его приезду быть во всеоружии.

Рамешвара и Радхаваллабха тщательно изучили вопрос о необходимых условиях и трудностях, связанных с изданием рукописи «Чайтанья-чаритамриты», которая, по их подсчетам, должна была занять семнадцать томов. Они пришли к выводу, что одна из главных проблем – отсутствие опытного редактора бенгали.

Большая часть текстов «Чайтанья-чаритамриты» написана на бенгальском языке. Редакторы ББТ, хотя и были сведущи в санскрите, бенгали владели плохо, отчего работа двигалась медленно. Вдобавок ко всему, Шрила Прабхупада хотел, чтобы в книгах было множество иллюстраций, и художественному отделу требовалось много месяцев на то, чтобы удовлетворить его требования.

Никогда еще ББТ не отставало так от Шрилы Прабхупады. Напрягая интеллект, думая о том, как быстро и продуктивно издавать книги, Рамешвара и Радхаваллабха составили интенсивный график работы. Если по старому графику они издавали одну книгу за три-четыре месяца, то согласно новому плану, они должны были каждый месяц выпускать по книге. При таком темпе они со временем смогут догнать Шрилу Прабхупаду. Рамешваре не терпелось представить этот план своему духовному учителю, когда тот приедет в Лос-Анджелес.

Звонки от секретаря Прабхупады участились. Прабхупада узнал об аренде зданий под издательство, но до него также дошла информация, что на фасаде здания ББТ не написано его имя. Он всегда настаивал на сохранении ученической преемственности ИСККОН, предвидя, что в будущем кто-нибудь может заявить на власть в ИСККОН или на владение собственностью Общества свои права. Торопясь подготовить здания в срок, менеджеры ББТ упустили эту существенную деталь.

20 июня 1975 года

Преданные в Лос-Анджелесе встретили Шрилу Прабхупаду ликованием. Его сопровождали ведущие санньяси и секретари Джи-би-си: Киртанананда Свами, Вишнуджана Свами, Брахмананда Свами, Тамала-Кришна Госвами и другие. Позднее, сидя у себя в комнате – в одной из своих самых любимых комнат во всем ИСККОН – Прабхупада лишь вскользь коснулся проблемы задержки с изданием книг. Он выглядел слегка расстроенным, но на эту тему говорил мало. Однако он был очень рад снова увидеть храм и Божества – Рукмини-Дваракадхишу.

По прибытии в Лос-Анджелес Прабхупада произнес небольшую речь, в которой объяснил, почему так настаивает на том, чтобы преданные быстрее печатали его книги.

– Я не обладаю необходимой квалификацией, – говорил он, сидя на обитой плюшем вьясасане, – я просто стараюсь удовлетворить моего гуру – только и всего. Мой Гуру Махарадж однажды попросил меня: «Если у тебя когда-нибудь будут деньги, печатай книги». Он сказал это в личной беседе, мы просто шли и разговаривали с ним. При этом присутствовали некоторые из моих духовных братьев, игравшие важную роль в Гаудия-матхе, – это было на берегу Радха-кунды. Гуру Махарадж сказал мне: «С тех пор, как мы построили мраморный храм в Багхбазаре, у нас начались раздоры. Все думают только об одном – кто какую комнату займет. Поэтому я хочу продать храм, снять мрамор и напечатать книги». Так я услышал от него самого, что он очень любит книги. Он сам мне сказал: «Если у тебя когда-нибудь будут деньги, печатай книги». Поэтому я все время спрашиваю вас: «Где книги? Где книги?» Помогите же мне, прошу вас. Печатайте как можно больше книг на всех языках земли. Распространяйте их по всему миру. Тогда Движение сознания Кришны будет расти и шириться само собой.

На следующее утро, гуляя по Венис-бич, Шрила Прабхупада предъявил преданным небывалый ультиматум. Окруженный учениками, он шел, втыкая палку в мягкий песок.

– Семнадцать неизданных томов, – начал он. – Это большая проблема для нашего Движения.

– Да, Прабхупада, – отвечал Рамешвара. Он был внимателен и озабочен. Другие преданные сочувственно кивали головами. Нужно что-то делать.

– Да, – продолжал Прабхупада, – их надо издать немедленно.

– Да, Прабхупада, – послушно ответил Рамешвара.

– Я думаю, их можно издать за два месяца, – подвел итог Шрила Прабхупада.

Рамешвара подумал, что ослышался. Издательство только что открылось. У художников даже освещения в комнатах нет. Два месяца – это абсурд, это невозможно. Теперь самое время рассказать Шриле Прабхупаде об их планах по ускорению выпуска книг. Рамешвара подошел ближе.

– Шрила Прабхупада, – начал он, – мы уже обсуждали этот вопрос. Теперь, когда издательство, наконец, устроилось на новом месте, я думаю, мы сможем ускорить выпуск ваших книг в четыре раза. Мы надеемся, что сможем выпускать не одну книгу в четыре месяца, а каждый месяц издавать по книге.

Рамешвара и Радхаваллабха шли по одну сторону от Прабхупады, а Тамала-Кришна Госвами и Брахмананда Свами – по другую.

– Одну книгу в месяц, – медленно произнес Шрила Прабхупада, словно размышляя вслух и обдумывая его слова. – То есть больше года. Слишком медленно.

Преданные посмотрели на Рамешвару и Радхаваллабху, а те переглянулись.

– Вы должны выпустить все книги за два месяца, – повторил Шрила Прабхупада. Теперь оба менеджера поняли, что не ослышались, но были совершенно ошеломлены, и все еще не могли поверить своим ушам.

– Шрила Прабхупада, – сказал Рамешвара, – я считаю, что это невозможно. Может быть, нам удастся работать быстрее...

Внезапно Шрила Прабхупада остановился. Воткнув папку глубоко в песок, он повернулся к Рамешваре и сказал без гнева, но очень серьезно:

– «Невозможно» – слово из лексикона дураков.

Тут Рамешвара понял, что на карту поставлена вся его духовная жизнь. Сказать «невозможно» теперь значило бы, что он не верит представителю Кришны, не верит в могущество Бога. Он должен отбросить свои материальные расчеты, свой практицизм, логику и здравый смысл.

Пока Рамешвара и Радхаваллабха стояли, лишившись дара речи, Шрила Прабхупада зашагал дальше. За ним потянулись остальные. Двое преданных поспешили догнать их, но теперь все смотрели на них, будто говоря: «Бросьте свои сомнения, ребята. Вы должны это сделать». Рамешвара спросил Шрилу Прабхупаду, можно ли поговорить об этом с другими преданными в издательстве и потом доложить ему.

– Конечно, – ответил Прабхупада. – Делайте все, что надо.

Рамешвара и Радхаваллабха ушли, а Шрила Прабхупада и остальные пошли дальше вдоль берега океана.

Вернувшись в храм, Шрила Прабхупада решил осмотреть новые помещения ББТ – корпуса художников и редакторов. Проходя по веранде второго этажа, Прабхупада заметил внизу, между двумя зданиями, полуметровую полоску голой земли. Недовольный, он попросил засадить ее травой.

В комнате макетирования на световом столе лежал диапозитив с маленьким Кришной, несущим туфли Нанды Махараджа. Увидев его, Шрила Прабхупада засмеялся. Он одобрил новую наборную машину, которая была намного производительней старой, а когда преданные продемонстрировали ее в действии, Прабхупада сказал, что в Индии он мечтал о таком издательстве. В кабинете Радхаваллабхи Прабхупада сел в кресло руководителя производства и взглянул на большой стенд, отображающий все ступени изготовления книги. Он посмеялся и сказал:

– Для таких, как я, это лишь усложняет дело.

Шрила Прабхупада зашел в каждую комнату обоих зданий и осмотрел все оборудование.

– Вся эта современная техника хороша, – заключил он, – при условии, что с ее помощью они смогут выпустить семнадцать томов за два месяца; в противном случае их оборудование, как и технические средства ученых, пытающихся долететь до Луны, – бесполезно.

Всю утреннюю службу в храме Рамешвара и Радхаваллабха провели пытаясь сосредоточиться на чтении джапы и лекции Прабхупады, но думали только об одном – как организовать выпуск семнадцати томов за два месяца. И когда они встретились с работниками издательства, в них уже жила уверенность, что это реально, как если бы они вдруг поняли, что, согласившись на это, смогут рассчитывать на помощь свыше. Если очень постараться, это можно сделать. Они изложили свой план и убедили остальных.

– Сделаем, – сказал Рамешвара, придя к Шриле Прабхупаде.

– Угу, – последовало в ответ.

– Но у нас есть некоторые условия, – добавил Рамешвара.

Чтобы редактирование на бенгальском шло гладко, редакторы должны иметь возможность регулярно консультироваться со Шрилой Прабхупадой. Прабхупада без раздумий согласился. Он готов оставаться в Лос-Анджелесе столько, сколько потребуется, чтобы издатели уложились в двухмесячный срок. Другим условием, которое выдвинул Рамешвара, было то, что художники готовы работать на пределе человеческих возможностей, но качество при этом не гарантируют.

– Лучше слепой дядя, чем никакого, – ответил Шрила Прабхупада.

Когда Рамешвара сказал, что у художников будет много технических вопросов, Прабхупада согласился уделить им время и ответить на все их вопросы. Он согласился и с тем, чтобы в качестве иллюстраций наряду с картинами использовались фотографии святых мест в Индии, связанных с лилами Господа Чайтаньи.

После встречи со Шрилой Прабхупадой Рамешвара и Радхаваллабха почувствовали, что у них появился шанс. Выйдя из его комнаты, они стремглав бросились вниз по лестнице. Марафон начался!

Глава сорок шестая

Проповедь Америке: часть первая

Несмотря на свое обещание остаться в Лос-Анджелесе, Шрила Прабхупада вскоре решил продолжить ранее запланированное путешествие. Считая себя обязанным заботиться о духовном благополучии своих учеников в разных частях страны, он отправился в поездку по тринадцати центрам ИСККОН в США и Канаде. В путешествии его сопровождала небольшая группа учеников-санньяси.

Денвер

27 июня 1975 года

Шрила Прабхупада был приятно удивлен, увидев, что храм Кришны в Денвере находится в кирпичном здании бывшей церкви. Просторную храмовую залу заливал свет послеполуденного солнца. Прабхупада полюбовался маленькими золотистыми образами Радхи и Кришны на алтаре, прошел в заднюю часть зала и сел на вьясасану, а ученики омыли ему стопы. Местные преданные, не привыкшие к столь близкому общению с духовным учителем, совершили эту традиционную церемонию довольно неуклюже, но с радостью и энтузиазмом.

Дашаратха, сидевший на полу перед Шрилой Прабхупадой, аккомпанируя себе на фисгармонии, запел «Охе вайшнава тхакура». Шриле Прабхупаде понравилось его пение и, когда бхаджан закончился, он спросил:

– Ты понимаешь смысл этой песни?

Дашаратха ответил:

– «О почтенный Вайшнав, о океан милости, пожалуйста, будь милостив к своему слуге».

Другой преданный добавил:

– «Я молюсь о том, чтобы обрести сень твоих лотосных стоп».

– Да, – подтвердил Прабхупада и заговорил об авторе песни, Нароттама-дасе Тхауре. Он процитировал другую его песню: чхадия вайшнава-сева ништара паечхе кеба.

– Движение сознания Кришны предназначено для ништары, – сказал он. – «Ништара» – это тот, кто освобожден из плена майи. Когда мы слушаем эти песни вайшнавов – это и есть освобождение.

Хотя преданные знали и о Нароттама-дасе Тхауре, и об освобождении, на этот раз они слушали с особым вниманием. Перед ними сидел воплощенный Вайшнав-Тхакур, который пришел, чтобы научить их, как обуздывать чувства, чтобы вложить в них силы распространять движение санкиртаны, и благословить их, как пишет Нароттама-дас Тхакур, «каплей веры, позволяющей обрести великое сокровище Святого имени».

– Так радостно видеть этот храм! – обратился Шрила Прабхупада к слушавшим его сорока преданным. – Вы купили его? Замечательно. Очень хорошее место. И преданные тут очень хорошие. Наш путь очень прост – мы посвящаем свою жизнь служению вайшнав, и, опираясь на его указания, совершаем шраванам-киртанам – слушаем и говорим о Вишну. И еще воздерживаемся от греховной деятельности. Тогда наша жизнь увенчается успехом. Не требуется быть очень ученым или богатым. Не обязательно иметь благородное происхождение.

Чтобы возить Шрилу Прабхупаду в парк, один из друзей денверского храма одолжил преданным свой «линкольн-континенталь», на котором когда-то ездил президент Ричард Никсон.

Брахмананда Свами указал Прабхупаде на некоторые интересные особенности автомобиля, вроде пуленепробиваемого стекла.

– Что, пули тоже ожидаются? – засмеялся Прабхупада.

Брахмананда заметил, что мировые лидеры всегда живут в тревоге. Прабхупада согласился – в материальном мире опасности – на каждом шагу.

Тут же он вспомнил индийских политиков – Индиру Ганди и Джаяпракаша Нараяна – резко выражая свое с ними несогласие.

– Они оба несчастны, – сказал Прабхупада. – Я думаю написать им с позиции «Бхагавад-гиты». Как вы думаете, имеет это смысл?

Когда Шрила Прабхупада упомянул о том, что Индира Ганди время от времени навещает Анандамайи (своего гуру), Брахмананда вспомнил, что тот благосклонно отзывается о повторении «Харе Кришна».

– Так что вы думаете? – спросил Прабхупада своих санньяси: Тамала-Кришну, Бхавананду и Сатсварупу. – Написать? А? Сегодня вечером я набросаю черновик письма. Приходите – посмотрим. Давайте попробуем. Мы всем желаем только блага, а «Харе Кришна» – единственное лекарство от всего зла. Пара-духкха-духкхи. Люди страдают.

Преданные согласились, что написать письмо – идея хорошая, но усомнились, воспользуются ли их советом политики, и станут ли вообще читать подобные письма.

Затем Прабхупада спросил, как воспринимают сознание Кришны жители Денвера.

– По воскресеньям в храм приходит много людей, – ответил Сатсварупа. – Много приходит.

– Значит, есть хорошие перспективы, – заверил Прабхупада.

– Книжки тоже хорошо расходятся.

Прабхупада кивнул.

– Это самый важный критерий успеха. Успех там, где хорошо расходятся книжки. Люди пребывают в дремучем невежестве, и потому считают, что эта временная жизнь есть всё. Более ужасное положение даже трудно себе представить. Мы же пытаемся объяснить, что такое настоящая жизнь.

Наконец, машина подъехала к парку, где росло много высоких, старых сосен, кленов и дубов. Выйдя из машины, Прабхупада повернулся в сторону пруда, и вдалеке увидел силуэты Денвера и Скалистые горы. С пруда доносились голоса уток и гусей.

Подъехала вторая машина с преданными, и Прабхупада с учениками зашагал по мощеной дорожке вдоль озера.

– Чудесный парк, – отметил Прабхупада, – и совсем не далеко.

Вскоре они подошли к большому зданию в современном стиле – Музею естествознания.

– Это значит, что ни о чем, кроме теории Дарвина здесь не говорят, – сказал Прабхупада. – Вся их цивилизация основана на дарвиновской теории. Много ли вы знаете? Знаете ли вы естество солнца – как оно было создано, как появилось? Может ли Дарвин рассказать нам о природе солнца, или луны, или неба? Где это естествознание? Естество-то есть, но где ваше знание о нем? Вы просто воображаете: «Был некий сгусток материи, который превратился в солнце, луну. И я тоже появился подобным образом». Что вы по-настоящему знаете? Как возник космос?

Солнце поднималось, и его ослепительные золотые лучи быстро прогревали воздух. Преданные сообщили Прабхупаде, что Денвер находится на высоте полутора километров над уровнем моря, что очень полезно для здоровья. Прабхупада сказал, что климатом Денвер напоминает ему Пенджаб, высокогорный штат Индии. От преданных он также узнал, что Колорадо именуют «страной коров», так как основная отрасль промышленности штата – мясное животноводство.

Миновав зоопарк и место, где стояла пушка времен Гражданской Войны, Прабхупада спустился с холма и полюбовался разноцветными клумбами, просторными газонами и растущими повсюду высокими соснами. Хотя воздух был не по-июльски прохладен, солнце светило необычайно ярко, и парк представал во всей своей естественной красе. Золотые лучи, казалось, омывали Шрилу Прабхупаду, а он шел своей быстрой походкой, закутавшись в серый чадар, и время от времени что-нибудь говорил ученикам.

Прабхупада упомянул Гопала Агарвала, в доме которого он остановился в 1965 году, когда впервые приехал в Америку. Отец Гопала, рассказывал он, был очень богатым матхурцем, а Гопал уехал в Америку, чтобы стать там простым электротехником. Прабхупада сказал, что, останься он в Индии, дела его шли бы намного лучше. Жена Гопала, Салли, говорила: «Мой муж – потерянный ребенок своих родителей».

– Ради этой современной жизни люди готовы трудиться в поте лица сутки напролет, – говорил Прабхупада. – А чтобы вернуться к Богу, им понадобилось бы куда меньше усилий. Просто для того, чтобы купить хорошую машину, иметь красивую жену и несколько детей, они так тяжело трудятся! Но если человек посвятит себя сознанию Кришны и будет прилагать те же самые усилия, он вернется к Богу. И что в этом дурного? У нас столько преданных в сознании Кришны! Что тут плохого? У нас столько преданных, сознающих Кришну, и чем они хуже

обычных карми? А? Разве вы несчастны? Как вы думаете? Ведь всем их усилиям придет конец. После смерти они родятся кошкой, собакой или деревом.

Преданный: Шрила Прабхупада, мы пытаемся объяснить это людям, но они, даже если внешне и соглашаются, ничего в этом направлении не делают!

Прабхупада: Поэтому нужно постоянно их тормозить. Если кто-то спит, вы должны настойчиво его звать: «Мистер Джон! Мистер Джон! Просыпайтесь, негодяй вы этакий! Чего вы спите? Вам выпала возможность родиться человеком! Сейчас же вставайте! Примите сознание Кришны и решите все свои проблемы!»

Преданный: Некоторые говорят, что если мы сами хотим следовать этому – да бога ради! Но не нужно проповедовать и навязывать это другим. У каждого свой путь.

Шрила Прабхупада: Но ведь ты – человек, негодяй! И ты спишь! А мы пытаемся тебя разбудить. Предположим, ребенок идет туда, где ему грозит опасность. И поскольку мы люди, мы говорим: «Стой, стой, не надо туда!» Мы пытаемся спасти его. Это наш долг – делать добро другим. Такова миссия Чайтаньи Махапрабху. А не то что: «Этот человек катится в ад, ну и пусть себе катится. Главное, что у меня все хорошо». Это не по-человечески.

Преданный: Часто, Шрила Прабхупада, они считают, что мы избегаем материальной жизни. Они говорят, что мы не работаем, что мы должны зарабатывать на жизнь.

Прабхупада (обращаясь к воображаемому оппоненту): «Негодяй! У тебя нет денег. Иди, работай». Но мы богачи! Мы сыновья Кришны! К чему мне работать как ты, осел? Только осел будет работать без нужды. А мы не ослы.

«Бхагавад-гита», сказал Прабхупада, утверждает, что Господу Кришне принадлежит всё. И слугам Кришны не нужно тяжело трудиться, подобно ослам. Тяжелый труд – удел ослов, а не людей. В «Шримад-Бхагаватам» об этом говорит Ришабхадева. Он объясняет Своим сыновьям, что человеческая жизнь предназначена не для рабского труда ради куска пищи и половых утех. Это удел свиней.

Прабхупада: Скажите им, что они работают как свиньи, а мы живем как люди. В этом разница. Если человек не трудится как осел, не живет как свинья, значит, он уходит от жизни?

Шрила Прабхупада решительно развивал эту тему. Он приводил очень сильные доводы, при этом очаровательно давая понять, сколь удачлив тот, кто стал слугой Верховной Личности Бога. Прабхупада шел стремительной походкой, и столь же стремительной была его логика сознания Кришны. Пытаясь не отставать от Прабхупады и от хода его мысли, преданные не могли сдержать улыбок и смеха.

Прабхупада: Я изучал экономику. Нас учили теории Маршала. Он говорит, что человеческая природа такова, что, пока человека не вынуждают обстоятельства, он не будет работать. С этого начинается экономика. Если у человека достаточно еды, он не будет работать. Поэтому если у нас хватает пищи, зачем нам работать? Что тут скажешь? Это не стремление уйти от мира, это стремление выйти на свет. Не работать и иметь все необходимое для жизни – разве плохо? Но каторжный труд ради удовлетворения элементарных нужд – это удел свиней и собак.

Преданный: Они не верят в то, что это возможно.

Прабхупада: Посмотри на нас, негодяй! Видишь? Раскрой глаза! Посмотри – мы не занимаемся бизнесом. У нас нет запасов еды. И, тем не менее, мы не беспокоимся. Мы не знаем, что будем есть вечером, однако нас это не тревожит. Я приехал в вашу страну вообще без средств к существованию.

Довод Прабхупады состоял в том, что человек может легко решить свои экономические потребности, если будет держать коров и возделывать землю. Он сказал, что, стремясь поддержать свое существование, люди создали избыточную, сложную систему, забыв при этом о цели жизни. Когда кто-то из преданных сказал, что не у каждого есть возможность получить землю, Прабхупада ответил, что причина тому одна – плохое управление. В Америке достаточно земли.

Преданный: Шрила Прабхупада, нас обвиняют в паразитизме.

Шрила Прабхупада: Нет. Паразит – это тот, кто пытается наслаждаться чужой собственностью. Но мы не наслаждаемся чужой собственностью! Мы наслаждаемся собственностью нашего отца. Ишавасьям идам сарвам. Владелец – Кришна! О каком паразитизме речь? Мы послушные сыновья Кришны. А Кришна говорит: «Не работайте. Я дам вам все». На самом деле Кришна говорит: «Зачем так тяжело трудиться? Просто предайтесь Мне, и Я окажу вам защиту – дам вам все, что хотите». Поэтому мы и даем все. О каком паразитизме речь?

Преданные хорошо знали, что кого-кого, но Прабхупаду в паразитизме обвинить было трудно. Управляя всемирным Обществом сознания Кришны, он постоянно путешествовал и каждый день поднимался посреди ночи, чтобы переводить «Шримад-Бхагаватам». И ученики его трудились столь же напряженно. Но они не работали как работают животные и подобные животным люди – ради преходящих вещей. Они не работали на жутких предприятиях, разрушающих лучшую часть человеческой природы. Они не работали, как ослы, и не заявляли, что у них нет времени на повторение Святого имени Бога.

Прабхупада: Замечательный парк, но сюда никто не ходит. А мы, кришнаиты, пользуемся этой возможностью. Так кто уходит от жизни – они или мы? Посмотрите, как они глупы. Они работают в поте лица, а возможностями не пользуются. Мы ими пользуемся. Так что наша линия такая – вы работайте изо всех сил, а мы придем и будем пользоваться вашими достижениями. Это не уход от жизни, это разум.

Для преданных этот пример Шрилы Прабхупады стал радостным откровением, и они рассмеялись над очевидной истиной. Ведь действительно – они с удовольствием гуляли со своим духовным учителем по парку, но кроме них, в парке никого не было.

Прабхупада: Но если мы предложим: «Приходите, присоединяйтесь к нам», – они откажутся. Они скажут: «Нет, нам нужно работать». Мы всех просим: «Приходите сюда», – но они не придут. Они просто завидуют. Поэтому и говорят, что мы уходим от жизни и живем за чужой счет. Они видят, что у нас столько машин, они видят радостные лица преданных. Мы хорошо питаемся, у нас нет проблем. Но когда мы просим их прийти, для них это очень трудно. Если мы просим их повторять «Харе Кришна» и танцевать – о, что может быть труднее! Зайдя к нам, они увидят, что у нас нет чая, нет вина, нет мяса, нет сигарет. Поэтому можно сказать, что мы уходим от всего этого. Но мы не уходим от счастья. Они от него уходят.

Когда в Денвере у Шрилы Прабхупады появлялось свободное время, ученики собирались в его комнате, и иногда он разыгрывал с некоторыми из них полемику.

Шрила Прабхупада: Все должно из чего-то возникать. Никто не может это отрицать. И вот наш вызов: «Знаете ли вы, что есть Абсолютная Истина?»

Брахмананда: Мы знаем, что Абсолютная Истина существует, но в данный момент не можем точно сказать, что это такое.

Прабхупада тут же ответил, что если человек признаёт, что не знает Абсолютную Истину, у него нет оснований отвергать ведическую концепцию Абсолюта. Он не может отрицать, что Абсолютная Истина – это Кришна.

– Если вы не знаете философии, – сказал Прабхупада, – то должны согласиться выслушать того, кто знает.

Сатстварупа: Да, логичный аргумент, и мы должны, по крайней мере, выслушать вас. Но мы уже слышали столько разных объяснений истины. Почему мы должны принимать ваше?

Прабхупада: Это все равно что сказать: «Я уже видел столько фальшивых монет! Почему я должен верить в то, что бывают настоящие?» Раз существуют фальшивые монеты, значит, существуют и подлинные. Наша беда в том, что мы не можем отличить настоящие монеты от фальшивых.

Другой санньяси привел довод, что объяснение истины с позиции сознания Кришны догматично, ведь существует множество истин и множество богов. Но Абсолютная Истина одна, ответил Шрила Прабхупада, потому что Бог один. У Бога нет соперников. Если человек не соглашается с тем, что Кришна – Бог, тогда он должен указать на того, кто больше соответствует этому положению. Но если вы не знаете, кто такой Бог, вы не можете отрицать Кришну.

– Если вы так говорите, – продолжил Прабхупада, – тогда вас можно обвинить в догматизме. Вы ничего не знаете о Боге, и при этом голословно утверждаете, что Кришна – не Бог.

Тех, кто отрицает верховное положение Кришны, Прабхупада сравнил с совами, которые днем закрывают глаза, чтобы не видеть солнечного света. Такие люди требуют показать им Бога, но когда Бог лично предстает перед ними или посылает Своего чистого представителя, они ничего не видят.

На следующей утренней прогулке в Денвере Тамала-Кришна Госвами сказал, что некоторые преданные читают книги о здоровом питании, а потом отказываются есть прасад, предложенный Божеству в храме. Шрила Прабхупада сразу ответил, что это не хорошо. Он подтвердил, что пост благоприятен для здоровья, но преданные не должны становиться слабыми. Им нужно обязательно принимать прасад и выполнять свои обязанности.

Когда один из преданных сказал Прабхупаде, что чувствует вялость после тяжелой зерновой пищи и потому ест только фрукты, Прабхупада сказал, что это нормально – ведь фрукты тоже предлагаются Божеству. Ядубара упомянул, что семейные преданные в Лос-Анджелесе, вместо того, чтобы принимать прасад Божеств, часто готовят пищу у себя дома, и Бхавананда Госвами в ответ рассказал, как чудесно было на Майяпурском фестивале, когда сотни преданных садились в ряд и вместе принимали прасад.

Прабхупада: Да, а что в этом сложного? Чапати, рис – простая безвредная пища. Не вижу проблемы.

Харикеша: Многие преданные ссылаются на вас. Они говорят, что есть злаки нет необходимости, и что вы будто бы сказали, что злаки предназначены для животных.

Прабхупада: Но я сам ем злаки.

Харикеша: Я им так и сказал.

Прабхупада: Они говорят: «Прабхупада сказал». И вы верите этому.

Прабхупада велел преданным особо не прислушиваться к советам по оздоровлению тела, если эти советы вынуждают их отказаться от почитания прасада Господа.

Прабхупада: Поэтому следуйте принципу принятия прасада. И будь что будет.

Тамала-Кришна: Умрем, но с прасадом!

Прабхупада: Да. (Смеется). Таков преданный. Но готовить мы должны первоклассную пищу. Кто станет жаловаться, если еда будет первоклассной?

Вернувшись с прогулки, Шрила Прабхупада продолжил обсуждать тему прасада на лекции по «Шримад-Бхагаватам»:

– Я узнал, что мы не принимаем прасад – особенно грихастхи. Нет. Это не хорошо. Принимать прасад надо.

Прабхупада объяснил, что бхакти-йога начинается с обуздания языка – с киртана и джапы и принятия кришна-прасада.

– Поэтому в наших филиалах, – продолжил он, – преданные принимают прасад вместе. Это очень хорошо. Почему вам не нравится принимать прасад в храме? Что в этом плохого? Нет, это не хорошо. Каждый должен принимать прасад... Это называется прасада-сева, служение, а не наслаждение прасадом. Прасад значит служение. Прасад не отличен от Кришны, и его следует почитать так же, как Самого Кришну. Поэтому нужно иметь веру в то, что он не материален. Если вы привязаны к Движению сознания Кришны, если вы привязаны к служению, то вы должны принимать прасад – первоклассный прасад. Прасад нравится всем.

* * *

2 июля 1975 года

В самолете, на пути из Денвера в Чикаго, Прабхупада бегло просмотрел статью в журнале «Тайм», посвященную проблеме преступности. На обложке журнала было написано: «Преступность: почему она возникает и как с ней бороться?» Когда самолет приземлился в аэропорту «О’Харе», Прабхупаду встретили журналисты и радостные преданные.

– Ваша Божественная Милость, – сказал, выйдя вперед, Шри Говинда, президент чикагского храма, – вот мисс Джонс из телекомпании Эн-Би-Си.

– Здравствуйте, – улыбнулась мисс Джонс, и несколько других репортеров протянули к Прабхупаде свои микрофоны. – Не могли бы вы сказать, в честь какого события вы решили посетить Чикаго?

– Только что я прочёл статью в журнале «Тайм», – ответил Прабхупада.

Он поднял правую руку в назидательном жесте, а левой рукой оперся на трость.

– Статья на четырех или пяти страницах, – продолжил он. – «Преступность: почему она возникает и как с ней бороться?» Если вы серьезны, вы можете воспользоваться методом и советами, которые предлагаем мы. Тогда вы сможете положить преступности конец.

– Вы знаете, как остановить преступность?

– Да. Знаю.

– Расскажите об этом поподробнее.

Шрила Прабхупада кивнул.

– Наш совет таков. Необходимо все менять. Общество, политику, образование, культуру – все. Если вы придете к нам, мы можем во всех подробностях рассказать вам, как это сделать.

Мисс Джонс оставила эту тему и спросила, как Прабхупада относится к оказанному ему приему. В окружении толпы преданных, напивавших со всех сторон и рвущихся услышать и увидеть своего духовного учителя, она, казалось, совсем оробела.

– По милости Бога, – сказал Шрила Прабхупада, – куда бы я ни приезжал, меня всегда так встречают.

– У вас не бывает более спокойных встреч?

– Спокойных? – Прабхупада задумался. Окруженный преданными и журналистами, он стоял посреди суеты шумного аэропорта, а вокруг текли бесконечные потоки людей.

– Разумеется... Вся наша проповедь спокойна, – ответил он. – Да. Мы распространяем сознание Бога. Это самое спокойное Движение. Люди должны хорошо его изучить.

– Спасибо, – сказала мисс Джонс. С нее было довольно.

Но Прабхупада вставил последнее слово:

– Моя миссия – остановить в вашей стране преступность. В этом суть моей деятельности. Вы читали статью в «Тайм» «Преступность и как с ней бороться»? Если вы воспользуетесь моим советом, то с преступностью можно будет покончить.

– Мир переполнен преступниками, – продолжил Прабхупада, сидя на заднем сиденье автомобиля, который выезжал из аэропорта. – Преступность значит папи, – греховное занятие.

Прабхупада говорил так, словно сидел не в машине с учениками, а по-прежнему общался с журналистами.

– Если вы боретесь с преступностью, опираясь на одни лишь законы, то не добьетесь успеха. Избавьте людей от греховной деятельности. Но при этом сами будьте примером. Не так, что только преступников нужно отучать грешить, а сами вы при этом можете совершать преступления – содержать скотобойни и убивать детей во чреве матери. Вы сами преступники. Все государство.

Шрила Прабхупада приготовился к массажу. По ежедневному расписанию он принимал массаж в 11:30, перед омовением и прасадом. Сегодня из-за перелета обычный распорядок был нарушен, и все же он хотел по возможности ему следовать. Упендра побежал за горчичным маслом и циновкой.

– Итак мы можем решить эту проблему, – обратился Прабхупада к сидящим рядом ученикам. – Почему бы не пригласить их послушать о нашем решении? Мы можем организовать на эту тему большое собрание: «Преступность: почему она возникает и как с ней бороться?» Очень подходящая тема для встречи.

Прабхупада продолжал разбирать тему преступности с точки зрения сознания Кришны. Пока в обществе нарушаются законы природы, сказал он, преступность неизбежна. И суть в том, что, по словам «Тайм», лидеры государства не знают, что делать с растущей преступностью и открыто это признают.

– Теперь, – сказал он, – если лидеры действительно думают о благе страны, наш долг – предоставить им решение.

Сознание Кришны может решить все проблемы, часто говорил Шрила Прабхупада, и сейчас он горел желанием взяться за решение конкретной задачи – борьбу с преступностью. Власти страны расписались в собственном бессилии, и если они искренни, то, должны согласиться с решением, которое предлагает им Сознание Кришны. Прабхупада горел желанием проповедовать правительственным чиновникам; сознание Кришны предназначалось прежде всего для них. «Бхагавад-гита» гласит, что именно раджариши, святые цари, должны распространять среди подданных учение «Гиты». Но серьезны ли нынешние вожди народов? Шрила Прабхупада хотел получить ответ на этот вопрос. Сам он был серьезен и предполагал, что здесь, в Чикаго, ему вполне может представиться возможность проповедовать лидерам общества о том, как покончить с проблемой преступности.

Сидя в своей комнате с группой учеников, Шрила Прабхупада попросил найти один стих из «Бхагаватам», который начинается со слов камасья нендриа-притих.

Харикеша зачитал: «Материалистичная цивилизация, совершенно сбитая с толку, движется в ложном направлении, сосредоточив все свои усилия на удовлетворении чувств, являющемся конечной целью всех сфер жизни такого общества. Это все больше заметно в политике, общественной деятельности, альтруизме, филантропии, и, наконец, в религии и даже в поисках спасения. В сфере политики лидеры сражаются друг с другом ради удовлетворения своих чувств».

– Теперь это происходит и в Индии, – прервал Шрила Прабхупада. – Все это было предсказано. Я уже говорил об этом моменте в комментарии. Дальше.

Харикеша продолжил: «Избиратели поклоняются так называемым лидерам лишь тогда, когда те обещают им чувственные удовольствия. А когда чувства избирателей не получают должного удовлетворения, лидеров свергают. Лидеры всегда разочаровывают избирателей, не удовлетворяя их чувства».

– Они устраивают массовые протесты и шествия, но никто не сможет удовлетворить их, потому что руководители не знают, как это сделать. Эти негодяи понятия не имеют. Я всегда говорил, что они негодяи. Теперь они спрашивают: «Что делать?» Их ждет масса проблем. «Что делать?» – и это лишь начало. В мире воцарится хаос – если они не примут сознание Кришны. Они еще не раз спросят: «Что делать?» Просто скажите им, что средство есть. Настало время для проповеди. Они задумываются. Они еще не проснулись, но уже начинают задумываться, что делать. Они еще слепо идут за чувственным наслаждением, но дело дошло уже до вопросов: «Что делать?»

Теперь настало время проповедовать. Среди всех организаций, всех людей, мы – единственные, кто может предоставить решение. Только мы. Поэтому пусть они воспользуются нашим знанием и применят его на практике. Теперь у всех санньяси появилась возможность проповедовать.

Чикагский храм ИСККОН располагался в пригороде под названием Эванстон. Четвертого июля, на следующий день после приезда Прабхупады, к нему на квартиру с визитом приехал мэр Эванстона, Эдгар Вэйнмэн Младший.

Прабхупада тут же вспомнил статью из «Тайм».

– Нужно воспитывать достойных людей, – сказал он, – и это решит проблему.

Он кратко рассказал мэру о четырех «естественных» сословиях ведического общества, указав на то, что современное общество настолько деградировало, что люди опустились до уровня самого низкого, четвертого, класса, и опускаются дальше. Единственная надежда – воспитывать людей первого и второго классов.

– Несомненно, нужен новый подход, – согласился Вэйнмэн. – Нынешние средства себя не оправдывают.

Менее чем через полчаса Шрила Прабхупада уже был готов сделать смелое заявление. До этого Джагадиша, секретарь Джи-Би-Си в Чикаго, упомянул, что напротив, через дорогу, пустует очень большое муниципальное здание. Шрила Прабхупада решил попросить мэра пожертвовать это здание им. Он объяснил гостю, что сознание Кришны положит конец преступности и наркомании и попросил Харикешу прочитать письмо доктора Стилсона Джуды, автора книги ««Харе Кришна» и контркультура». В своем письме доктор Джуда дал положительную оценку сознанию Кришны за то, что оно «превращает наркоманов-хиппи в любящих слуг Кришны и человечества».

– Если нам предоставят возможности для работы, мы сможем остановить наркоманию и преступность, – сказал Прабхупада.

Мэр согласился, и Шрила Прабхупада обратился к нему со своей просьбой.

– Я подумал, – сказал Прабхупада, – о том, что прямо напротив нас находится очень хороший дом, Меривуд – большой дом. Вы знаете об этом здании?

Мэр ответил, что это в этом здании планируется разместить мэрию Эванстона. Шрила Прабхупада этого не знал и немного растерялся. Мэр рассказал, что городские службы, которые долгое время располагались в девяти разных местах, теперь смогут работать вместе в одном здании.

– Но то, о чем говорю я, куда более важно! – сказал Прабхупада. – Городская служба работает, а преступность продолжает расти. Так почему не предоставить нам небольшие возможности?

Тактично отказавшись от своего обещания, мэр Вэйнмэн вежливо объяснил, что ему необходимо поговорить с представителем городской администрации.

– Если благодаря поддержке властей у нас будет хорошее место, – продолжал Прабхупада, – наша простая программа будет заключаться в том, чтобы делать из хиппи-наркоманов преданных, как отмечает профессор Джуда. Мы всех пригласим к нам, чтобы петь мантру «Харе Кришна» и принимать прасад. Я начал это Движение в Нью-Йорке в одиночку. И ко мне постепенно пришли эти юноши. Мой метод был таков: я пел и давал им прасад. Это понравится

всем. Они будут читать эти книги. Вы можете убедиться в этом на практике, посмотрев на этих преданных. Я бедный индиец. Я никак не мог их подкупить. У меня нет денег.

Прабхупада засмеялся.

– И они посвятили свою жизнь этой цели. А теперь я хочу делать то же самое, но в широком масштабе.

В качестве практической альтернативы решения этого вопроса Прабхупада предложил отдать Движению сознания Кришны часть здания хотя бы на один год. Он еще немного рассказал о действенности метода сознания Кришны, но мэр уже ничего не мог добавить. Прабхупада попросил принести прасад и спросил, не хочет ли мэр поговорить еще о чем-нибудь.

– Нет, не думаю, – ответил мэр, – но мне хотелось бы узнать о вашем Движении больше. Было очень приятно беседовать с вами. Мне очень понравилось.

После того, как мэр ушел, один из учеников Прабхупады спросил, зачем им такое большое здание. Чикагский храм был достаточно велик, и в нем отнюдь не было тесно.

– Моя идея в том, – сказал Прабхупада, – что я хочу привлечь внимание властей. Если они согласятся сотрудничать, мы сможем продвигать наше Движение с большей силой.

– Но разве нельзя делать то же самое с храмом, который уже есть? – спросил преданный.

– Пока мы делаем это в небольшом масштабе, – объяснил Прабхупада. – И дело идет. Но если мы заручимся поддержкой властей, то сможем развернуть крупномасштабную деятельность.

Идея борьбы с преступностью, высказанная Прабхупадой, заинтересовала лейтенанта Дэвида Моузи, представителя по связям с общественностью из департамента полиции Чикаго. Шрила Прабхупада изложил ему свое простое предложение. Правительство должно предоставить ИСККОН большое здание, где преданные могли бы регулярно проводить киртаны и распространять прасад, и тогда люди постепенно очистятся. Лейтенант Моузи, как и мэр Вэйнмэн, отнесся к Прабхупаде с почтением и слушал с интересом.

– Вы не сможете остановить преступность одними лишь законами, – сказал Шрила Прабхупада, – надо очищать сердца. Законы и сейчас прекрасно известны ворами и убийцами, однако они все равно идут на преступление, потому что сердца их не чисты. Мы же предлагаем метод очищения сердца.

– Это очень сложная задача, сэр, – сказал лейтенант Моузи.

Прабхупада ответил, что это не так сложно; и он уже делает это в небольших масштабах.

– Есть проблема: «в чем причина преступности и что делать?», – сказал он, – и мы предлагаем ответ. Поэтому воспользуйтесь этой возможностью. В чем корень преступности? Наш ответ – в том, что люди безбожны. Что же делать? Пойте «Харе Кришна» и принимайте прасад. Хотите – попробуйте. А нет – мы будем продолжать делать свое дело сами. Как, например, бедный врач – он тоже лечит. Но если ему предоставить возможности, он может открыть большую больницу. Таково наше предложение. Мы уже делаем это, но если правительство поможет нам, то мы сможем открыть большую больницу. Ведь сама проблема уже весьма велика. Если бы это было не так, они не стали бы спрашивать «Что делать?»

Член законодательного собрания штата Иллинойс, Джон Портер, пришедший со своей женой, также спрашивал про лекарство от преступности. Однако его лично больше интересовала духовная жизнь. Он спросил, может ли человек расти духовно, не живя в храме? Шрила Прабхупада ответил, что может, если повторяет «Харе Кришна», а это можно делать повсюду. Кроме того, он должен читать книги Движения сознания Кришны.

М-р Портер спросил и о том, как сознание Кришны объясняет такие идеи христианской теологии, как первородный грех и спасение. Однако Шрила Прабхупада не стал пускаться в разговоры о сравнительном религиоведении, но подчеркнул, что необходимо строго соблюдать заповеди, данные Богом или Его представителем.

– Самое главное, – сказал Прабхупада, – понять Бога.

М-р Портер вряд ли мог помочь преданным получить новое здание, однако он смиренно вопрошал о духовной жизни. В своей безграничной проповеди сознания Кришны Прабхупада был беспристрастен. Если кто-то задавал искренние вопросы, кем бы он ни был – членом законодательного собрания или преступником – Шрила Прабхупада всегда был готов дать ему милость Господа Чайтаньи.

Во время визита в Чикаго Шрила Прабхупада должен был провести несколько важных программ. Тамала-Кришна Госвами и Вишнуджана Свами приехали в Чикаго специально для того, чтобы повидаться с ним и порекомендовать на посвящение семьдесят пять новичков, которые

присоединились к странствующей группе «Радха-Дамодара». В конце недели в центре Чикаго планировалось провести Ратха-ятру с участием Прабхупады.

Каждое утро в большом зале храма в Эванстоне Прабхупада читал лекцию перед несколькими сотнями преданных. Прабхупада говорил о жизни Аджамилы. Каждый день он рассказывал новые подробности истории о грешнике Аджамиле, который в момент смерти призвал имя Бога, Нараяны. На четвертый день Прабхупада поведал о том, почему Аджамила назвал одного из своих сыновей Нараяна.

– Суть в том, что, по милости Бога, в начале своей жизни Аджамила встал на путь сознания Кришны и получил духовное посвящение. Затем, много лет спустя, Кришна подсказал ему: «Ну, вот. Назови своего младшего сына Нараяной. Так как ты будешь чувствовать привязанность к этому телу, ты будешь звать его: «Нараяна, Нараяна, пожалуйста, иди сюда. Нараяна, покушай. Нараяна, попей». Так ты будешь повторять имя Нараяны».

Вдруг Шрила Прабхупада замер и умолк. Такое случалось и раньше, но редко. Он погрузился в транс, и в комнате воцарилась мертвая тишина. Преданные видели, что Прабхупада переживает сильные духовные эмоции. Многие чувствовали, что, когда он произнес «Нараяна», то лицом к лицу увидел Самого Нараяну; увидел Кришну, Который показывал, насколько Он доволен Своим чистым преданным.

Кришна, несомненно, был очень доволен Прабхупадой, и хотя Прабхупаду целиком поглощали дела по управлению своим Движением в материальном мире, Кришна всегда оставался с ним, вселяя в него уверенность. Преданным этот случай позволил убедиться в реальности духовного мира и в том, что Прабхупада принадлежал именно ему, а в материальный мир пришел лишь на время, чтобы дать сознание Кришны другим. Большинство преданных только-только начинали свой духовный путь, и из-за скудости духовного опыта их все еще влекло к материальному. Но сейчас, в этом экстатическом трансе своего духовного учителя, они смогли увидеть духовный мир.

Примерно через минуту Шрила Прабхупада вернулся во внешнее сознание.

– Хорошо, – сказал он. И, как и всегда, заканчивая лекцию, – Большое спасибо.

Преданные начали мелодичный киртан. Этот необычайный момент они навсегда сохранили в своих сердцах.

Телевидение и пресса весьма положительно осветили пресс-конференцию Шрилы Прабхупады в чикагском отеле «Шератон». Устроившись на подушке, на возвышении, в окружении своих санньяси, Прабхупада выступал перед группой журналистов, которые терпеливо его выслушивали. Он назвал свою лекцию «Беседа о духовном положении живого существа» и рассказал о том, что страдания в материальном мире неизбежны, а также о том, как, научившись любви к Богу, подняться над ними и вернуться в вечный духовный мир. Он сказал, что те, кто старается достичь этой духовной цели – люди первого класса, и описал четыре естественных сословия общества. В заключение он попросил задавать вопросы.

Один из репортеров возразил, сказав, что учение о четырех общественных классах противоречит всей американской традиции, но Шрила Прабхупада ответил, что для этого требуется всего-навсего дать людям надлежащее образование. Америка обучает врачей, инженеров, юристов. С таким же успехом Америка могла бы воспитывать и людей первого класса.

Журналистка: Какое место в этой социальной структуре занимают женщины? Вы говорите только о мужчинах.

Прабхупада ответил, что женщина помогает мужчине, своему мужу. Если женщина верна мужчине первого класса (брахману), она тоже становится человеком первого класса. Если она выходит замуж за человека второго класса (кшатрия), то принадлежит ко второму классу. Если она выходит за человека третьего класса (вайшью), то принадлежит к третьему классу. В соответствии со статусом своего мужа она относится к первому, второму, третьему или четвертому классу.

Журналистка: Вы имеете в виду, что она не достойна относиться к первому, второму или третьему классу, пока не вышла замуж?

Шрила Прабхупада: Да, женщина нуждается в защите. В детстве ее должен защищать отец, в юности – муж, а в старости – старшие сыновья.

Журналистка спросила, не считает ли Прабхупада, что Индира Ганди переживает политические трудности потому, что является женщиной, и поэтому неспособна занимать свой пост.

– Пытаетесь подвести меня под чрезвычайное законодательство? – рассмеялся Прабхупада и процитировал Чанакью Пандита: «Никогда не доверяй женщине или политику».

Прабхупада произвел сенсацию, и уже через несколько часов чикагские радио- и телеканалы транслировали его пресс-конференцию, подчеркивая главным образом его высказывания о женщинах. Одна женщина, член городского управления, ранее планировавшая встретиться с Прабхупадой, позвонила, чтобы сказать ему, что отменяет встречу из-за его предубеждения против женщин. В тот же день Прабхупаде позвонили с телевидения и спросили, не сможет ли он вечером дать интервью.

Пока чикагские журналисты писали свои сюжеты для вечернего и утреннего выпусков, слова Прабхупады были подхвачены компанией «Юнайтед-Пресс-Интернейшнл», «Ассошиэйтед-пресс», а также различными телеграфными агентствами. Шрила Прабхупада хотел, чтобы его послание сознания Кришны достигло как можно большего числа людей, поэтому он прилетел в Чикаго с конкретной идеей – сообщить о своем методе борьбы с преступностью. Но неожиданно нашлась тема, оказавшаяся для людей куда более привлекательной. В центре Америки, где господствовал дух феминизма, Прабхупада имел смелость заявить о реальном положении женщин в обществе.

Преданные бурно обсуждали между собой эту тему и горели желанием глубже изучить философию сознания Кришны, чтобы представлять ее в верном свете.

Они сетовали, что никто из репортеров так и не проник в эту тему глубоко и не позволил Прабхупаде высказать идеи о духовном равенстве. Тем не менее, Прабхупада был приятно удивлен, когда вечером услышал, какой ажиотаж его выступление вызвало в средствах массовой информации. Он был готов рассказать им еще больше.

– Почему только женщины должны беременеть? – говорил он, повторяя свой аргумент перед небольшой группой преданных у себя в комнате. – Мужчина уходит, а женщина вынуждена заботиться о детях и просить у правительства подачки. И это независимость?

Преданный: Эта независимость привела к контрацепции. Они говорят: «Я не хочу иметь детей».

Прабхупада: Это значит, что вы совершаете еще один грех. И будете наказаны!

Преданный: Шрила Прабхупада, теория о равноправии женщин сбита с толку всю западную цивилизацию!

Прабхупада: О каком равноправии может идти речь? Прежде всего, ответьте мне на этот вопрос. Как бы то ни было, я основываюсь не только на своем мнении. Когда мы говорим, мы говорим с позиции шаштр. «Ману-самхита» повествует о зависимом положении женщин. Например, царица Кунти не была обычной женщиной. Она была образована и благородна.

Брахмананда Свами: Это один аргумент. Некоторые женщины в нашей традиции тоже были духовными лидерами. И одна из них – Кунти.

Прабхупада: И я говорю, что даже Кунти зависела от сыновей. Таково мое утверждение. Ее сыновья были изгнаны. Но когда они отправились в лес, она последовала за ними, потому что считала: «Я вдова. Я завишу от своих сыновей и буду с ними, где бы они ни оказались». Еще один пример – Сита, жена Господа Рамачандры. Отец Господа Рамачандры попросил его уйти в лес. Но Ситу никто не просил уходить в лес. Однако она предпочла пойти за мужем. Когда муж сказал ей: «Тебя никто не гонит. Останься дома», – она ответила: «Нет. Я завишу от тебя. Куда ты, туда и я». Такова ведическая культура.

Преданный: Ее целомудрие – великая добродетель. Но сейчас все по-другому.

Прабхупада: Сейчас, может быть, и по-другому, но я говорю о ведических принципах. В любых обстоятельствах, если только муж не сошел с ума или что-то в таком же духе, жена остается ему верной. Даже когда муж уходит из дома, ванапрастха, жена идет с ним. Только когда он принимает санньясу, жена больше не сопровождает его.

Во всех прочих случаях, в жизни грихастхи или даже ванапрастхи, жена – постоянный попутчик и помощник мужа. Гандхари – ее муж был слеп. Выходя замуж, Гандхари была зрячей, но добровольно лишила себя зрения, надев на глаза повязку. Ведическая литература приводит множество подобных примеров. Жена всегда остается верной помощницей своему мужу. В этом ее совершенство. Американцам может не нравиться такая идея, но это уже другой вопрос.

На квартиру к Прабхупаде приехала бригада телерепортеров – четыре женщины и один мужчина. Было видно, что репортаж готовится серьезный. Пока операторы готовились к съемке,

Прабхупада невозмутимо сидел за своим низким столиком, а на полу перед ним расположились несколько учеников.

Сначала репортер спросила Прабхупаду о его методах решения проблем в Америке. Сравнивая общество с человеческим организмом, Прабхупада ответил, что, хотя все части тела важны, самой важной частью является голова. Если голова плохо работает, человек (или общество) считается сумасшедшим. Поэтому есть потребность в воспитании людей первого класса.

– Какое место в этих четырех классах занимают женщины? – спросила журналистка. Шрила Прабхупада терпеливо повторил, что положение женщины, которая зависима от мужчины, определяется положением ее мужа.

И началось... Вопросы превратились в вызовы.

– Вы думаете, я ниже вас? – репортер явно пыталась представить Прабхупаду женоненавистником, но тот говорил только о чистой философии.

– С духовной точки зрения все равны, – сказал он.

При этом он подчеркнул различие мужчины и женщины на материальном уровне.

– Например, – сказал он, – женщины могут рожать детей, а мужчины – нет. Разве может мужчина забеременеть?

Журналистка: А если женщины не зависят от мужчин?

Прабхупада: Тогда происходит разрушение, разрушение общества. Поэтому и столько разводов в западных странах – просто женщина не хочет подчиниться мужчине.

Журналистка: Что вы можете посоветовать женщинам, которые не хотят зависеть от мужчин?

Прабхупада: Это не мой совет, так советуют Веды – женщина должна быть целомудренной и верной мужу.

Шрила Прабхупада вновь вернулся к аргументу о том, что мужчины, в отличие от женщин, не способны рожать детей.

– По закону природы, – сказал он, – как только у вас появляются дети, вам необходима поддержка мужа. Иначе у вас будут трудности.

Журналистка: Многие женщины с детьми не имеют поддержки мужей. У них нет мужа.

Прабхупада: Тогда они вынуждены зависеть от кого-то другого. Вы не можете это отрицать. Вас поддерживает правительство. Но для правительства это затруднительно. Если жену и детей поддерживает муж, правительство избавляется от большого социального груза. Проблема в том, что когда мужчина и женщина вступают в связь, женщина беременеет, а муж уходит. И в итоге бедная женщина оказывается в тяжелом положении, с ребенком на руках. Она вынуждена просить подачек у правительства. Вы считаете, это хорошо? Идея Вед в том, что женщина должна быть замужем за мужчиной, а мужчина должен заботиться о жене и детях, чтобы они не становились бременем для правительства и общества.

Журналист: А как насчет женщин, у которых нет детей?

Прабхупада: Это тоже неестественно. Иногда они используют противозачаточные средства. Они убивают детей – аборт. Это тоже плохо. Все это греховная деятельность. За это человеку приходится расплачиваться страданиями.

Атмосфера накалялась. Репортер-феминистка всячески пыталась унижить Прабхупаду за его возмутительные высказывания, а он оставался непреклонен и снова и снова указывал на пороки материалистической цивилизации.

Прабхупада не относился к женщинам предвзято, как к классу, и в Движении сознания Кришны предоставлял женщинам те же возможности, что и мужчинам. Причисляя его к сторонникам «половой дискриминации», репортер превратно понимала его слова – на самом же деле он действовал из сострадания. По мнению Вед, женщины должны быть защищены от эксплуатации мужчинами. И даже сознавая, что слова его не находят отклика у людей, Прабхупада не переставал проповедовать, надеясь на то, что в конце концов истина восторжествует и разумные люди его поймут. Ведь главное – освобождение, а не то, кем мы временно являемся по своему социальному или половому статусу.

После отъезда съемочной группы Прабхупада продолжил обсуждать затронутую тему. Он сказал, что, проявляя гнев, они признают свое поражение. Они не желают соглашаться с логикой.

Прабхупада: Эмансипация привела не к успеху, а к бедствию. Женщины, завися от пожертвований правительства, вынуждают его повышать налоги, чтобы удовлетворять их

потребности. Если это не проблема, о чем тогда вообще говорить? По закону природы, если муж заботится о жене и детях, эта проблема сразу решается. Но мужчина пользуется возможностью и уходит, бросая беременную женщину на произвол судьбы. И та попадает в трудное положение, равно как и правительство.

Преданный: А ребенок вырастает преступником.

Прабхупада: Да, это еще одна проблема. Так что они недальновидны. Поэтому мы должны принять совет Кришны. Мы распространяем это знание для того, чтобы вы могли получать от Кришны советы, и тогда вы будете счастливы.

Сатсварупа: Шрила Прабхупада, если мы говорим об этом на телевидении и в прессе, и это раздражает людей, если все будут приходить в гнев, как эта журналистка, хороша ли для нас такая проповедь?

Прабхупада: Нет. Тогда нам нужно просто петь «Харе Кришна». Но «Бхагавад-гита» рассказывает обо всем – и о варна-санкаре, и о людях первого класса и о людях второго класса... Если хотите продвигать это Движение сознания Кришны вперед, то говорить на эти темы нужно обязательно. Но если им не нравится, тогда лучше петь «Харе Кришна». Ничего не обсуждайте. Если не хотите слушать «Бхагавад-гиту», давайте вместе петь «Харе Кришна», больше мы ничего не требуем. Но все эти темы обсуждаются в «Бхагавад-гите». Там говорится, что когда общество состоит из нежеланного потомства и количество таких детей растет, жизнь превращается в ад. Поэтому если вы хотите плодить обитателей ада, то можете не обсуждать эти темы. Но если вы понимаете, что это плохо, тогда говорите об этом.

Сатсварупа: Как брахманы мы должны быть правдивы. В Гонконге вас спросили, что вы думаете о том гуру, который называет себя Богом. Вы сказали, что не можете молчать и высказали все, что думали.

Прабхупада: Да, я сказал, что он великий обманщик. Что я мог еще сказать? И сейчас это подтвердилось. Как я говорил в книге «Легкое путешествие на другие планеты», эта экскурсия на Луну – просто ребячество, и теперь это тоже доказано. Теперь они больше не говорят о высадке на Луну. Потому что они неудачники.

На следующий день преданные повезли Шрилу Прабхупаду на утреннюю прогулку в парк Лойолы. По дороге один из преданных читал вслух статью из утреннего номера «Чикаго трибьюн». «Простите меня, если мой репортаж не очень удался, – начиналась статья, – Ведь я женщина».

Так в эту среду сказал мне Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, семидесятисемилетний основатель Международного Общества сознания Кришны. Его Общество ставит своей целью достижение мира во всем мире путем любви к Богу и отказа от всего материального. Свами сидел, скрестив ноги, на дорогой подушке в арендованном им конференц-зале чикагского отеля «Шератон», окруженный живыми цветами, микрофонами и курящимися благовониями. Он прибыл в Чикаго для того, чтобы в субботу, в половине второго дня принять участие в параде Кришны по Стейт-стрит, по которой он будет ехать на украшенной цветами платформе. После парада он вылетит в Филадельфию, где его ждут очередные празднества и философские беседы. Рассуждая о философии, время от времени он поглядывал на свои золотые часы. Рядом с ним преклоняли колени пятеро его верных учеников.

Далее автор обвиняла Шрилу Прабхупаду в мужском шовинизме. «Он говорит, что женщинам в системе классов отводятся только роли дочерей или жен. Незамужние женщины, надо полагать, не относятся ни к какому классу».

Сидя на заднем сидении, Шрила Прабхупада тихо рассмеялся и заметил:

– Это факт. Она проститутка, не более. Если говорить о классах, она проститутка. По-другому и не скажешь.

Преданный продолжил:

Сейчас Свами живет в Лос-Анджелесе, где обучает своих последователей. Средства к существованию они получают с продажи его книг, журналов и благовоний. Он сообщил, что у него около 10 000 последователей.

– Не так много, – говорит он. – Трудно найти людей первого класса.

Что поделаешь: половина населения – женщины.

– Что ж, это неплохо, – сказал Прабхупада, и высказал позитивный взгляд на роль женщин в сознании Кришны. – Наша программа будет такой: в гурукуле в Далласе будут воспитываться достойные мужчины. А девочки будут учиться двум вещам: целомудрию, верности своему мужу,

а также поварскому искусству. Если у них будут эти качества, я обещаю найти им хороших мужей. Так что попытайтесь это обеспечить.

В парке к Прабхупаде присоединились несколько групп преданных, приехавших туда на машинах. Прабхупада, в сопровождении дюжины учеников, пошел по тропинке сквозь чащу высоких тенистых деревьев на берегах озера Мичиган. По узкой дорожке можно было идти только по двое-трое в ряд, поэтому большинство преданных шли по траве, стараясь держаться на таком расстоянии, чтобы слышать своего духовного учителя.

– Обычного образования вполне достаточно, – говорил Прабхупада. – Азбуки. А если девушка получает высшее образование, а потом становится проституткой, это полная несуразица. Чтобы стать проституткой, высшее образование не требуется. Поэтому в гурукуле Далласа легко можно организовать все это. Учите девушек быть верными, целомудренными женами, учите их хорошо готовить. Пусть учатся поварским премудростям. Разве трудно – учить этим двум качествам? Столько историй о великих женщинах: Дамаянти, Парвати, Сита! Наши девочки должны о них читать. И к пятнадцати-шестнадцати годам они должны выходить замуж. Если они благовоспитанны, им будет несложно найти хорошего мужа. Если женщина целомудренна, то, даже если она не очень красива, муж будет ее любить. Поэтому обучайте их этому.

Перед тем как повернуть назад, Шрила Прабхупада остановился и предложил посидеть всем вместе на траве. Один из учеников расстелил для Прабхупады свой шерстяной чадар, и все расселись вокруг него. Ученики были несказанно рады неожиданной и редкой возможности близко пообщаться с духовным учителем, и оценка телевидения и «Чикаго Трибьюн» в эти минуты уже казалась им чем-то далеким и несущественным. Как порой хотелось преданным, чтобы эти репортеры и журналисты в такие минуты оказались рядом с ними и увидели, что Шрила Прабхупада совсем не такой, как они думают.

Шрила Прабхупада заговорил о правильных отношениях между мужчинами и женщинами.

– Женщины и мужчины должны жить раздельно, – сказал он. – Это тоже важно. Масло и огонь не должны соприкасаться. В противном случае, масло растает. Вы не сможете это остановить.

Преданный: Шрила Прабхупада, в комментарии к «Шримад-Бхагаватам» вы говорите, что пятьдесят лет назад в Индии в домах у семейных людей были отдельные помещения – для мужчин и для женщин, и в течение дня муж не видел свою жену. Должны ли мы в нашем Движении стремиться к такому же уровню?

Прабхупада: Да, это хорошо. В примере говорится, что масло и огонь следует держать друг от друга как можно дальше, в противном случае, масло растает. Мужчина сравнивается с маслом, а женщина – с огнем. В общении между ними есть ограничения, даже если мужчина приходится отцом, братом или сыном. Матра свасра духитра ва. Кто-то может сказать, что к дочери, матери или сестре половое влечение не возникает. Но шастра говорит, нет – такая возможность остается. Поэтому они не должны сидеть вместе. Кто-то может сказать, что эта рекомендация дана только для людей десятого класса. Но в следующей строке шастра говорит «нет»: видвамшам апи каршати. Это относится не только к негодяю, без роду и племени, но даже к человеку первого класса, ученому – даже он может попасть под влияние женских чар. Балаван индрия-грамо видвамшам апи каршати. Чувства настолько сильны, что могут толкнуть на дурной путь даже великого ученого.

Господь Брахма почувствовал влечение к собственной дочери – вот вам пример. Господь Шива был пленен Мохини-мурти. Чайтанья Махапрабху сказал: «Даже деревянное изваяние женщины пробуждает во мне желание». Прабхупада рассмеялся.

– Он говорит так в назидание нам, что это вполне возможно. Ну что, пошли?

Возвращаясь к машине, Прабхупада спросил, есть ли какие-то новости об Индире Ганди и вообще об Индии. Некоторые ее меры вызывали бурные споры, что усиливало политическую оппозицию ее власти. Последние новости сообщали, что она ввела чрезвычайное положение.

– Если Индира Ганди воспользуется моим советом, – сказал Прабхупада, – я смогу сохранить ей пост, и она еще сможет сослужить великую службу Индии. На ее сторону сразу встанет все население страны.

– А что бы вы ей посоветовали? – спросил Брахмананда Свами.

– Первым делом, – сказал Прабхупада, – я бы переловил всех мошенников, спекулирующих на государственном продовольствии, и раздал бы зерно бесплатно. И народ сразу будет ей благодарен. На тайных складах хранятся огромные запасы зерна! Они не продают его, не назначив

высокую цену. Вот что происходит. Она сразу же может завоевать расположение народа – нужно только повесить нескольких спекулянтов, чтобы другим неповадно было. Люди голодают, а она говорит, что у нее есть какая-то программа по ликвидации бедности. Вот в чем беда. Если сейчас она раздаст беднякам продукты и товары, ее тут же полюбит все население. А спекулянтов нужно примерно наказать, тогда никто не будет спекулировать. Но для того, чтобы оставаться на своем посту, ей потребуется духовное знание, в противном случае, ее ждет очередное бедствие. Если она хочет оставаться руководителем, то она должна быть духовным человеком. Она должна стать вайшнави.

* * *

Филадельфия

11 июля 1975 года

Как правило, приезды Прабхупады всегда выливались в многолюдные, спонтанные мероприятия. Всякий раз перед приездом Прабхупады в какой-либо город, численность населения местного храма, благодаря притоку преданных из других центров, резко возрастала. Кроме совсем немногих учеников – нескольких женщин, готовивших для Прабхупады прасад, и мужчин, укладывавших в его комнате последнюю плитку и готовивших колесницу к Ратха-ятре – все ехали в аэропорт, чтобы его встретить.

Встречи в аэропортах обычно проходили очень бурно, под ритмичный звон ручных тарелочек, бой мриданг и пение более чем сотни счастливых преданных. Прабхупада не останавливал преданных, если только они не теряли над собой контроль. Как представитель Кришны, он был рад восторженной встрече, и, подобно вице-королю, принимающему дары от имени короля, принимал цветы и поклоны. По его милости, всякое славословие и почитание направлялось непосредственно Самому Кришне.

Встреча в аэропорту Филадельфии не была исключением, и Прабхупада был доволен. С любовью глядя на преданных, он узнавал знакомые лица своих духовных сыновей и дочерей. Преданные подходили к нему с гирляндами, а репортеры – с фотоаппаратами, микрофонами и блокнотами. И пусть у них не было желания прославить его, они все равно будто служили ему, предлагая возможность проповедовать.

Одна журналистка спросила:

– Я слышала, по мнению некоторых людей, Движение сознания Кришны, относится к женоненавистническим или расистским в силу того, что у преданных или в самих ведических писаниях прослеживается предвзятая позиция по отношению к женщинам и темнокожим. Интересно, что вы на это скажете.

Репортер говорила очень быстро, поэтому Брахмананде Свами пришлось повторить вопрос:

– Она говорит, что вы принижаете женщин и негров.

Прабхупада: В духовном смысле мы относимся ко всем одинаково. В материальном смысле, один является слугой, другой господином. Куда от этого деваться? Вы думаете, что каждый станет господином и слуг не будет? На материальном уровне? В материальной жизни кто-то становится отцом, кто-то – сыном, кто-то – хозяином, кто-то – слугой, кто-то мужчиной, кто-то – женщиной. Что с этим поделаешь? Но с духовной точки зрения все равны.

Снова была поднята та же тема, что и в Чикаго, и вновь посыпались вызывающие вопросы.

Репортер: То есть все, что происходит на материальном уровне, неважно?

Прабхупада: На материальном уровне различия неизбежны. Но когда вы поднимаетесь на духовный уровень и во всем видите душу, для вас не существует различий. Вы можете носить красную рубашку, я – рубашку другого цвета. В этом смысле мы непременно будем разные. Столько на свете мужчин и женщин, и все по-разному одеты. Вы не можете сказать, что в плане одежды они все равны. Но если принимать во внимание не одежду, а живые существа, то они равны. Мы проводим эту разницу на материальном, а не на духовном уровне.

– Я хотел бы задать вопрос, – сказал другой репортер. – Что такое вы даете этим людям, что вызывает у них такую бурную эмоциональную реакцию?

Прабхупада: Это происходит потому, что они получили духовное образование. Мы поднялись над материальными представлениями и потому не делаем различий между американцами, индийцами, черными, белыми. Такой разницы нет. Каждый является слугой Бога. Понятно?

Другой репортер сказал, что на свете есть множество гуру и спросил, почему Прабхупада считает свое учение истинным.

Прабхупада: Потому что мы говорим истину. Мы не обманываем, объявляя себя Богом. Мы знаем истинное положение вещей – Бог велик, и все мы – Его слуги.

Вопрос был задан в типичном для репортеров вызывающем и непочтительном тоне, но Прабхупада отвечал спокойно, объясняя свое положение в связи с Кришной.

– Как я могу называть себя Богом? – спросил он и склонил голову. – Нет, мы не обманщики. Мы говорим правду. Это и привлекает людей. Если я вру, мне, конечно, какое-то время могут верить, но это не продлится долго.

Репортер: Завтра состоится ваш праздник. Как он будет проходить?

Прабхупада: Праздник? Это возможность вспомнить о Кришне, Господе. Вместе со своими братом и сестрой Он посетил Курукшетру – так называется одно из мест в Индии. В память об этом событии мы и отмечаем этот праздник Ратха-ятры.

Вместе с Киртананандой Свами, Брахманандой Свами и Равиндра-Сварупой, президентом филаделфийского храма, Шрила Прабхупада сел в арендованный «кадиллак».

– Ну что, опять тот же вопрос? – сказал Прабхупада. – Как вам мои ответы?

– Да, – сказал Брахмананда. – Вы очень хорошо ответили.

Прабхупада: Разница есть на материальном уровне. На вас одна одежда, на мне другая. Но в духовном отношении разницы нет.

Шофер оглянулся и посмотрел на заднее сиденье.

– Если хотите больше воздуха, ручка регулятора рядом с вами.

– Можно включить кондиционер, Шрила Прабхупада, – сказал Брахмананда.

– Хорошо, – ответил Прабхупада. – Но естественный кондиционер лучше.

Преданные открыли окна.

Прабхупада вспомнил, что уже дважды бывал в Филадельфии. В 1969 году, вместе с несколькими преданными он приезжал сюда из Нью-Йорка, чтобы прочитать лекцию в университете Темпл. А в первый раз, в 1965 году, он приехал сюда из Батлера (Пенсильвания), чтобы в Университете Пенсильвании встретиться с профессором Норманном Брауном. Равиндра-Сварупа сказал, что сам был студентом Темплского университета, и посещал лекции Свами Никхилананды через год после того, как там выступал Шрила Прабхупада.

Равиндра-Сварупа: Студенты вас помнили. Они рассказали мне, как вы спросили Свами Никхилананду: «Итак, вы изучаете Веданту. Но что такое Веданта?» И никто не смог вам ответить. Тогда вы сказали, что веда значит «знание», а анта значит «цель». То есть Веданта значит «цель знания», и это – Кришна. Для них это было открытием, несмотря на то, что они прослушали многочасовой курс лекций по Веданте.

Прабхупада: В этом-то и проблема. Глупцы играют роль лидеров. Невежда становится учителем. Как в данном случае: человек не знает, что такое «веданта», и, тем не менее, преподает Веданту. Это же азбучная истина. «Веда» значит «знание», а «анта» – «цель». Должна быть конечная цель. Но современный путь познания состоит в том, чтобы без конца что-нибудь изучать, но так и не прийти к цели. Разве не так? Как вы думаете?

Равиндра-Сварупа: Да, это факт. Никаких выводов.

Машина ехала мимо огромной автомобильной свалки.

– Машина, – сказал Прабхупада.

Киртанананда: Вот цель их знания – груда металлолома.

Прабхупада: Да. Они все время что-нибудь разрушают, а потом строят. И на этом все кончается. Они не спрашивают: «Зачем ломать и строить? Почему это не может существовать всегда?» У них не возникает таких вопросов. И они не могут решить эту проблему. Они думают, что ломать и строить – естественно. Но мы даем знания об иной природе, где не нужно ломать и строить, где все вечно. Но они не верят, что такое возможно. Мы сообщаем об этом, о том, что вы можете жить вечно. Это величайший дар человечеству. Человек хочет жить вечно, но не знает, как. Он готов тратить свои силы на бессмысленное строительство небоскребов, но палец о палец не ударит, чтобы создать себе вечное тело. Мы повсюду говорим об этом на наших лекциях, но у них не хватает разума это понять.

Машина петляла по серпантину вдоль берега реки Шуйлкил. Когда за окном показался парк Фэйрмонт, преданные сказали Прабхупаде, что он занимает пятьсот гектаров земли. Прабхупада

спросил Киртанананду Свами, как далеко Новый Вриндаван, и между ними завязался разговор. Когда Прабхупада спросил о том, как поживают грихастхи, Киртанананда ответил:

– В Новом Вриндаване у нас очень хорошие семейные пары. Очень хорошие семьи.

– Это очень важно, – сказал Прабхупада. – Грихастхам необходима спокойная жизнь.

Центр ИСККОН размещался в перестроенном двухэтажном здании. Преданные заполнили всю храмовую комнату, а те, кто не поместился, стояли в прихожей, стремясь увидеть входившего Прабхупаду.

– Спасибо вам большое за теплый прием, – сказал Шрила Прабхупада, сидя на вьясасане в храмовой зале. – Журналисты спрашивали меня, почему мы подчеркиваем разницу между мужчинами и женщинами, между черными и белыми? Но мы видим различия отнюдь не в этом.

Шрила Прабхупада объяснил, что попытки уравнивать всех на материальном уровне всегда терпят фиаско, так же, как это случилось с попыткой объединить все нации. «Бхагавад-гита» утверждает, что тот, кто обладает беспристрастным видением, понимает, что тела отличаются друг от друга, но рассматривает всех существ как единых духовно.

– Если мы сторонники дискриминации женщин или черных, почему тогда в нашем храме все мы радуемся, как дружная семья? Потому что на самом деле мы равны на духовном уровне. Мы не говорим: «Ты женщина, поэтому не можешь стать моей ученицей». Или: «Ты черный, поэтому не можешь стать моим учеником». Нет, наши двери открыты для всех. Но чтобы люди правильно нас поняли, вы можете просто утверждать следующее: если вы стремитесь к равенству и хотите относиться ко всем одинаково, то должны подняться на духовный уровень и обрести сознание Кришны. На материальном уровне это невозможно. Но цель должна быть одна. Если же ваши попытки не делать различий искусственны, то рано или поздно это закончится.

Как, например, в вашей стране у черных и белых равные права. Но почему тогда между ними происходят столкновения на расовой почве? Потому что это – равенство на материальном уровне. Мы хотим сказать, что такое равенство возможно только если вы поднимитесь на духовный уровень. Вы можете убедиться в этом на практике. Когда здесь идет киртан – сын танцует, отец танцует, черный танцует, белый танцует, молодой танцует, старый танцует. Можете сами убедиться – все танцуют. И это не какой-то искусственный танец, как у дрессированной собаки, нет, они чувствуют духовный экстаз.

Закончив эту тему, Прабхупада спросил, есть ли вопросы.

Равиндра-Сварупа: Какое лучшее средство против скептицизма?

Прабхупада: Скептицизм – жульничизм (смех). Мы не собираемся иметь дело с жуликами. Мы будем иметь дело с разумом. Скептики ничему не верят – у них все ложно. Они настолько разочарованы, что считают все ложным. И мы не собираемся иметь дело с подобными людьми. Что толку? В этом ведь заключается скептицизм? Что такое скептицизм?

Равиндра-Сварупа: Разочарование и больше ничего.

Прабхупада: А в чем причина разочарования? Мы говорим: поднимитесь на духовный уровень и будете счастливы. Мы хотим освободить скептика от разочарования. Иногда от сильного разочарования человек совершает самоубийство. Мы говорим: «Почему вы разочарованы? Поднимитесь на духовный уровень и будьте счастливы!» Поэтому мы не собираемся принимать его философию, скептицизм. Мы хотим выволить его из жалкого положения. Такова наша миссия.

– Живое существо, душа, счастливо по самой своей природе. Ни о каком разочаровании и речи быть не может. Посмотрите на изображения Кришны. Насколько Он счастлив! Гопи счастливы, пастушки счастливы, Кришна счастлив. Просто счастье. Где здесь разочарование? Поэтому поднимитесь на этот уровень, и тогда вы тоже будете счастливы. Идите к Кришне и танцуйте вместе с Кришной, ешьте вместе с Кришной. Мы даем это знание. Какое может быть разочарование? Идите к Кришне. Кришна лично приходит сюда, чтобы показать, насколько Он счастлив во Вриндаване. И Он приглашает: «Идите ко Мне».

Какое-то время Прабхупада продолжал свое эмоциональное описание счастья в сознании Кришны, а затем спросил:

– Вас это устраивает?

– Да! – дружно закричали преданные. В присутствии Шрилы Прабхупады не было места ни разочарованию, ни скептицизму.

В Филадельфию Шрила Прабхупада приехал главным образом для того, чтобы поучаствовать в Ратха-ятре. Преданные в Филадельфии проводили Ратха-ятру с 1970 года, хотя

первые праздники проходили здесь более чем скромно. На самом первом фестивале преданные несли маленькие Божества на украшенном ящике из-под сигар. Они поставили Божества на алтарь на берегу реки Шуйлкил и провели киртан, в то время как гости разлеглись вокруг на солнышке и мирно закусывали. В следующем году праздник был побольше: тридцатисантиметровые Божества несли на паланкине. И хотя до грандиозности было по-прежнему далеко, Шрила Прабхупада похвалил преданных.

Я очень рад узнать, как замечательно вы провели фестиваль Ратха-ятры. В следующем году вы можете провести праздник как того требует традиция, с колесницей – как мы делаем это в Сан-Франциско и Лондоне. Тогда будет просто замечательно. Даже если колесница будет маленькая, это ничего. Главное, вы сможете провести праздник.

Сразу после того, как в храм пришел ответ от Шрилы Прабхупады, президентом храма стал Равиндра-Сварупа, который твердо решил в 1972 году провести настоящую Ратха-ятру. И преданные сделали это – колесница была маленькая, но это была настоящая колесница, и во время процессии ее везли по парку Вашингтон-сквер. В 1973 году они построили большую колесницу, а на помощь им приехали преданные из других городов. И вновь пришел ответ от Шрилы Прабхупады.

На Ратха-ятре должны быть либо одна, либо три колесницы. То, что одна из телекомпаний захотела снять о Ратхаятре специальный репортаж – очень хорошая новость. Эти праздники хороши тем, что люди видят – сознание Кришны – настоящее удовольствие. Все остальное искусственно. Мне очень понравились ваши планы проведения Ратхаятры.

Летом 1974 года Равиндра-Сварупа написал Прабхупаде о проповеди в Филадельфии и послал ему несколько фотографий местных Божеств Джаганнатхи. Увидев фотографии, Шрила Прабхупада был растроган.

Я хочу сотню раз поблагодарить тебя за ваше превосходное поклонение Божеству. Я убедился в этом, глядя на цветные фотографии, которые ты мне прислал. Я тоже поклонялся Господу Джаганнатхе с самого своего детства. Когда мне исполнилось шесть лет, отец подарил мне ратху, и я проводил Ратха-ятру у себя во дворе. Теперь, когда я вижу, как пышно вы поклоняетесь Господу Джаганнатхе в западном мире, меня переполняет радость. Еще раз спасибо тебе за поклонение Божеству в Филадельфийском храме. Что касается церемонии Ратхаятры, вы должны продолжать ее проводить, и в следующем году я приеду и приму участие в празднике. Но ваша церемония должна произвести впечатление на жителей города. Я уверен, что вас ждет успех.

В 1975 году Шрила Прабхупада написал филадельфийским преданным из Денвера: «Да, я прилетаю в ваш город в пятницу утром, 11 июля 1975 года из Чикаго. Я с нетерпением ожидаю встречи с профессорами». Поэтому, когда преданные из Чикаго попытались уговорить Прабхупаду остаться на их фестиваль, запланированный на то же время, тот отказался.

Сразу после прибытия Шрилы Прабхупады, в Филадельфию начались дожди, которые шли всю пятницу и субботу. Когда подошло время утренней прогулки, дождь все еще лил, и Прабхупада сказал:

– Сегодня я поеду на утреннюю прогулку.

Сев в машину вместе с некоторыми из своих санньяси и членов Джи-Би-Си, он поехал в парк Фэйрмонт. В субботу дождь продолжался до самого начала Ратха-ятры.

Маршрут шествия начинался на площади Независимости, проходил по Уолнат-стрит до Бродвея, огибал здание мэрии и заканчивался на травянистом скате за Филадельфийским Музеем изобразительных искусств. Прабхупада въехал в город, где на середине маршрута должен был присоединиться к процессии. Дождь прекратился, но над головой по-прежнему угрожающе нависали свинцовые тучи.

Двенадцатиметровая колесница величественно плыла по Уолнат-стрит. Когда парад дошел до Одиннадцатой улицы, Шрила Прабхупада, который вышел из машины в двух кварталах от колесницы, направился к Господу Джаганнатхе. Его сразу же окружила большая группа преданных, а те, кто сидел на колеснице, могли видеть, как он идет. Две группы соединились, и киртан усилился. Подойдя к колеснице, Шрила Прабхупада опустил на колени и поклонился Господу Джаганнатхе, коснувшись лбом дороги.

Прабхупада сказал, что эта колесница – лучшая из всех, что были. Особенно ему понравились большие, крепкие колеса, изящно украшенные маленькими круглыми и ромбовидными зеркалами.

Взобравшись на колесницу, Прабхупада занял свое место под Божествами; в первый раз за целый день облака разошлись, и в просвет выглянуло солнце.

Люди выбегали из офисов и магазинов, выстраивались вдоль тротуаров или выходили на дорогу, чтобы присоединиться к процессии. Когда колесница объезжала здание Ратуши, звук пения преданных усилился, эхом отражаясь от высоких зданий. Никогда еще прежде Ратха-ятра в Филадельфии не собирала столько людей.

Пикетчики – христианские фундаменталисты с большими плакатами «Образумьтесь! Спасайтесь!», «Покайтесь или сгорите!» – казались жалкими на фоне огромной толпы и бушующего киртана. Дождавшись благоприятного момента, когда Шрила Прабхупада, казалось, был полностью удовлетворен, один из преданных на колеснице нагнулся к нему и спросил, что он думает о празднике. Прабхупада ответил, что, по его мнению, американские вайшнавцы обрели твердую почву под ногами и на Западе.

К концу парада в парке за зданием музея собралась целая толпа людей, которые ждали, что будет дальше. Шрила Прабхупада занял свое место на сцене и заговорил в микрофон:

– Дамы и господа, прежде всего я хотел бы поблагодарить вас, жителей этого великого города, Филадельфии. Вы так добры и с таким рвением участвуете в этом Движении! Поэтому я в большом долгу перед вами. Особенно перед теми американскими юношами и девушками, которые оказывают мне огромную помощь в распространении этого Движения сознания Кришны в западных странах.

Прабхупада объяснил, что все живые существа вечны по своей природе, но, попав в материальные тела, становятся подвержены страданиям, связанным с рождением, смертью, болезнями и старостью. Душа в человеческом теле может сделать выбор: вернуться в духовный мир или страдать, перерождаясь в материальном мире.

– Но зачем оставаться в материальном теле и вновь и вновь продолжать рождаться? – спросил Прабхупада. – Давайте обречем изначальное, духовное тело. Вот что нужно. И это разумно.

Прабхупада объяснил науку повторения мантры «Харе Кришна» и пригласил каждого это попробовать.

– За мантру «Харе Кришна» мы не берем никакой платы, – сказал он. – Мы поем и повторяем ее везде, как вы видели на этой Ратха-ятре. Пение «Харе Кришна» – наш единственный метод. И тысячи людей пользуются этим методом – просто повторяют мантру «Харе Кришна». Вы и сами можете убедиться в силе мантры «Харе Кришна». Она очень могущественна. Вы никогда не устанете ее повторять. Можете убедиться в этом на практике. Вы можете петь ее двадцать четыре часа в сутки, и не почувствуете усталости. Поэтому говорится: голокера према-дхана. Этот звук исходит из духовного мира.

Шрила Прабхупада рассказал о сокровенном значении Ратха-ятры: как на Курукшетре Радхарани встречается с Кришной и пытается увезти Его во Вриндаван.

– Этот праздник вызывает сильные духовные переживания, – сказал он, – которыми могут насладиться те, кто достиг высокого духовного уровня.

Завершив речь, Прабхупада пригласил присутствующих ознакомиться с литературой сознания Кришны и попытаться ее понять.

Преданные приготовили полтонны халавы и огромное количество овощей, сладостей и фруктового напитка и с необычайным проворством раздавали эти блюда собравшимся. Полностью довольный, Прабхупада вернулся в свой дом, а преданные продолжали пировать, петь и принимать тысячи гостей, посетивших фестиваль.

На следующий день после Ратха-ятры комната Шрилы Прабхупады наполнилась гостями, включая нескольких родителей его учеников и двух корреспондентов – мисс Сэнди Никсон, независимого журналиста, и мисс Джонс из «Филадельфия инкуайерер» – ту самую, с которой Шрила Прабхупада общался в аэропорту. Увидев на шее мисс Никсон четки для джапы, Прабхупада сказал:

– Она преданная. Она повторяет мантру.

Мисс Никсон сказала, что пишет книгу о популярных гуру, и у нее есть полтора десятка вопросов к Шриле Прабхупаде.

– Я собираюсь задать вам вопросы, – сказала она, – но большей частью я, возможно, отвечу на них сама.

Она, казалось, понравилась Шриле Прабхупаде (возможно, потому что на шее у нее были четки), но некоторых преданных передернуло от ее заявления, что она заранее знает ответы на вопросы, которые хочет задать.

– Как развивалось сознание Кришны? – спросила мисс Никсон.

– Сознание Кришны уже находится в глубине сердца каждого, – ответил Шрила Прабхупада. – Вы видели, как во время всего шествия они пели и танцевали в экстазе. Думаете, они притворялись? Нет. Никто не может притворно петь и танцевать часами напролет. Это значит, что в них пробуждается сознание Кришны.

Шрила Прабхупада терпеливо и внимательно отвечал на каждый вопрос – о Христе, о гуру, о повседневной жизни преданных. Говоря о язвах безбожного общества, он упомянул убой коров.

– Это невинное животное, – сказал он. – Корова просто ест траву, данную Богом, и дает молоко. Благодаря молоку мы живем. А в знак благодарности мы перерезаем ей горло. Это цивилизация? Что вы скажете?

– Я согласна на сто процентов, – ответила мисс Никсон. – Но хочу, чтобы вы сказали об этом вместо меня. Разумеется, я задаю вопросы ради других – тех, кто не понимает сознания Кришны.

Преданные снова переглянулись. Иногда Прабхупада никак не реагировал на отношение человека или его странности, но это не значило, что он их не замечал. Порой он просто не обращал внимания на то, как человек выражает свои мысли, или не отвечал на очередную глупость, вроде уверенности г-жи Никсон в собственной осведомленности относительно сознания Кришны. И если собеседник переходил на банальные темы или мирское философствование, Прабхупада часто просто не придавал этому значения. Однако, в разговоре он всегда сохранял с человеком личный контакт, обращаясь к истинным интересам собеседника. Он знал, что Мисс Никсон не знала ответов на свои вопросы и понимал, что, хотя на шее у нее надеты – на время – четки, она задает вопросы без подобающего ученику смирения. Однако, чтобы просветить и ее, и ее читателей, из своего сострадания он ей отвечал.

– Что вы думаете по поводу равноправия женщин? – пустилась Мисс Никсон в дальнейшие расспросы.

Прабхупада молчал, поэтому преданные повторили: «Она хочет узнать о равноправии женщин. Как вы относитесь к движению за равноправие женщин?»

– Я не хочу об этом говорить, – сказал Шрила Прабхупада, – потому что....

Серьезное выражение на лице Шрилы Прабхупады медленно сменилось улыбкой, и он засмеялся. И все засмеялись. Всем уже были знакомы его чикагские реплики. Он не желал начинать очередной спор, но хотел внести в этот вопрос ясность.

– Раз уж вы спросили, я могу объяснить, как сообразительные мужчины обманывают глупых женщин. В вашей стране они дали вам свободу. Свобода подразумевает равные права. Правильно? Равные права у мужчин и у женщин.

Мисс Никсон: Они пытаются осуществить это.

Прабхупада: Хорошо, пытаются. Но вы, женщины, не понимаете, что эти «равные права» есть не что иное, как обман. Я поясню: женщина и мужчина встречаются, становятся любовниками, вступают в связь, женщина беременеет, а мужчина сбегает. И теперь простушка сама должна заботиться о ребенке и просить у правительства подачки: «Пожалуйста, дайте денег!» Вот вам и независимость. Итак, вы согласны, что это независимость? Или когда женщина пытается убить ребенка. Вы думаете, такая независимость хороша? Каков ваш ответ?

Шрила Прабхупада посмотрел на обеих женщин, ожидая ответа. Теперь он спрашивал их.

Мисс Джонс: Каков мой ответ на вопрос, собираюсь ли я убить ребенка? В этом вопрос?

Прабхупада: Да, сейчас они убивают – аборт.

Мисс Джонс: Что ж, ей самой решать.

Прабхупада: Вы решили убить своего ребенка. Это хороший выбор?

Мисс Никсон: Трудно представить себе более страшное преступление.

Шрила Прабхупада (обращаясь к г-же Джонс): А вы думаете, это хорошо?

Мисс Джонс: Мне кажется, это сложный вопрос.

Прабхупада: Поэтому я и говорю, что под видом независимости вас они обманывают. Вы просто этого не понимаете. Они обманывают вас, а вы думаете, что независимы.

Мисс Никсон: Они забывают об ответственности, которая приходит со свободой.

Прабхупада: Да. Мужчины не берут на себя ответственность. Они уходят. Они наслаждаются и уходят. А женщина всю ответственность должна брать на себя. Она должна выбирать: убить ребенка или жить на подачки. Вы думаете, просить подаяния хорошо? Например, в Индии женщины, несмотря на свою бедность, все равно не становятся независимы. Они остаются под опекой мужа, а он берет всю ответственность на себя. И ей не приходится ни убивать ребенка, ни выпрашивать деньги на его содержание.

Так где независимость? Когда вас содержит муж или когда вы становитесь свободной, и вами наслаждаются все желающие? Нет тут никакой свободы. И все же они думают, что свободны. Это значит, что мужчины под каким-то предлогом обманывают женщин, только и всего. Так что, обманутые независимостью, они добровольно позволяют противоположному полу себя обманывать. Таково положение вещей.

Прабхупада объяснил, что Движение сознания Кришны уважает и высоко ценит женщин.

– Но чтобы защитить их от подобной эксплуатации, – сказал он, – мы говорим: «Поступайте так, делайте так. Выходите замуж, устройтесь в жизни. Не гуляйте где попало». Мы учим их этому. Но что касается сознания Кришны, мы распространяем его, не делая никаких различий. Никто не говорит: «Вы женщина, разумны вы или не очень, поэтому не можете приходить к нам». Мы так не говорим. Мы приветствуем женщин, мужчин, бедных, богатых – всех. Потому что на духовном уровне все равны. Вот что такое равноправие.

Затем вопросы начала задавать мисс Джонс. С самого приезда Шрилы Прабхупады в Чикаго ей казалось, что он купается в роскоши.

– Вы говорите, что очень незначительны, – начала она, – что вы не Бог. И тем не менее, мне, как человеку постороннему, кажется, что преданные относятся к вам так, словно вы и в самом деле Бог.

Прабхупада: Да, таков их долг. Взять, к примеру, правительственного служащего. Сам он не является важным лицом, но пока он выполняет правительственное задание, его следует уважать так же, как и само правительство. Таков этикет. Даже если к вам подходит обычный полицейский, вы вынуждены его уважать – потому что он представитель власти. Но это не значит, что вы оказываете знаки почтения ему лично. Если он подумает: «Я стал правительством. Люди меня уважают», – тогда он просто глупец. Но этикет предполагает, что когда приходит представитель властей, вы должны принимать его с теми же почестями, что и само правительство.

Мисс Джонс: Меня удивляют многочисленные красивые вещи, что преданные вам преподносят. Например, из аэропорта вас увезли на большом, шикарном автомобиле. Чем вы это объясните?

Прабхупада: Они учатся уважению. Если вы уважаете правительство, то должны с уважением относиться к представителю этого правительства. Если вы почитаете духовного учителя, как Бога, тогда вы должны предлагать ему удобства, достойные Бога. А иначе, как еще ученик выразит свое отношение к учителю, как к Богу? Мысленно? Нет. Это должно выражаться и в действии.

Мисс Джонс: Простите, что вы сказали?

Прабхупада: Если преданный относится к духовному учителю, как к Богу, он должен практически это доказать. Бог ездит на золотой машине, и если духовному учителю предложат обычную машину, этого будет недостаточно, потому что к нему необходимо относиться, как к Богу. Что для Бога эта машина?

Преданные рассмеялись над смелой логикой Прабхупады. Они никогда раньше так не думали: если гуру – представитель Бога, то чего придирается, если ему предлагают какой-то «кадиллак», машину материального мира?

Прабхупада: Всех этих даров все равно недостаточно. Если Бог придет к вам домой, вы повезете его на обычной машине или приготовите для него золотой автомобиль? Вы хотите сказать, что они предложили мне дорогой автомобиль, но я утверждаю, что и этого недостаточно. Если относиться к духовному учителю как к Богу, ему следовало бы оказать гораздо более пышный прием. Смотрите на вещи реально.

Мисс Джонс все это показалось отнюдь не смешным. Появились новые вопросы, а тон ее стал более вызывающим. Прабхупада объяснил ей, что для того, чтобы видеть ситуацию как она есть, она должна обладать духовным зрением.

– Но поскольку у вас нет глаз, вы завидуете, видя, как они сажают меня в дорогую машину. Поэтому вам необходимо прозреть. Слепой не может видеть. Чтобы видеть, нужно вылечить глаза.

У г-жи Джонс был еще один вопрос. Она сказала, что один из самых сложных вопросов в понимании сознания Кришны – это Божества. Как тот, кто воспитывался на Западе, может поверить в то, что Божества представляют Бога?

Сначала Шрила Прабхупада объяснил, что душа в теле – и есть наше истинное «я».

– Поэтому, – сказал он, – также, как вы не можете увидеть дух, вы не можете увидеть и Высший Дух, Бога. Но из милости Своей Он является перед вами запечатленным в камне или дереве, чтобы вы могли видеть Его.

Вопросы закончились, и репортеры поблагодарили Прабхупаду, который переключил внимание на других гостей. Когда отец одного из преданных сказал, что сам он не исповедует никакой религии, Шрила Прабхупада намеками дал понять, что это глупость. Отец согласился. Однако мать этого преданного была более набожна, и Прабхупада похвалил ее, сказав, что сын перенимает качества матери.

– Свами, я хотел бы попросить, не могли бы вы за меня помолиться? – заговорил другой гость.

– Я молюсь за каждого, – тихо ответил Прабхупада. – Таков мой долг. В противном случае, зачем бы я сюда приехал?

Другая женщина обратилась к Прабхупаде:

– Как мать я хочу горячо поблагодарить вас. Моя дочь Джой нашла сознание Кришны. Ее порекомендовали на получение посвящения, которое состоится завтра.

Прабхупада: Мы рекомендуем это каждому. Каждый американец должен пройти посвящение. Такова наша рекомендация. Чем раньше вы примете это предложение, тем лучше для вас. Вы познаете Бога и полюбите Его. Разве это трудно? Если кто-то заинтересовался этим, почему другие не могут?

Прабхупада снова посмотрел на отца, который причислял себя к неверующим.

– Ваш сын заинтересовался, – сказал он. – Почему отец не интересуется? В чем причина?

Вечерний даршан продолжался еще несколько часов. В конце Прабхупада раздал прасад.

Когда ушел последний гость, несколько женщин-преданных спросили Прабхупаду об истинном положении его учениц. Он улыбнулся.

– Когда женщина становится сознающей Кришну, – сказал он, – ее мозг сам собой увеличивается.

Преданные засмеялись.

Когда он улыбнулся, преданным все стало ясно: кем бы ни был человек, мужчиной или женщиной – став преданным, он становится разумнее. Прабхупада был выше проблемы прав мужчин и женщин, а потому временные роли людей, основанные на телесных различиях, не мешали ему видеть истину. Он понимал, что критерий разума определяется не материальными понятиями – полом, расой или национальностью – но тем, насколько сильно стремление человека к духовной жизни.

В ответ на вопрос одной из преданных на ту же тему, Прабхупада ответил:

– Разумеется, ты не женщина. Ты преданная.

Шрила Прабхупада согласился встретиться с несколькими профессорами – знакомыми Равиндра-Сварупы. Равиндра получил степень бакалавра по философии в университете Пенсильвании и степень магистра гуманитарных наук в Университете Темпл, где продолжал писать диссертацию на степень доктора. В свое время он ушел из Университета, считая его частью мира майи, и полностью посвятил себя сознанию Кришны, но Прабхупада вдохновил его вернуться и продолжить научную карьеру.

Беседуя в Филадельфии с учениками, Прабхупада всегда выступал против индуктивного подхода в науке. На одной из утренних прогулок Равиндра-Сварупа сказал:

– Прабхупада, индуктивный метод, подобно вам также подвергали критике Джон Стюарт Милль и Бертран Рассел, но они стали скептиками. Они говорили, что знания вообще не существует.

– Это еще одна глупость, – ответил Шрила Прабхупада. – Очередная теория: «Раз у меня не получилось, значит, знания не существует».

Доктор Йогеш Патель, индийский ученый, специалист в области буддизма, получивший западное образование, преподавал в Темплском Университете религиоведение. Как-то раз, после полудня, д-р Патель в сопровождении двух аспирантов, зашел к Прабхупаде, когда тот у себя в комнате беседовал с учениками. Равиндра-Сварупа представил гостей.

Прабхупада: Вы преподаете индуизм?

Д-р Патель: Да.

Прабхупада: Что же такое индуизм?

Д-р Патель: Не знаю. Вы скажите мне, что такое индуизм.

Прабхупада: Как не знаете? Как же вы можете преподавать индуизм, если не знаете, что это такое? Здесь присутствует наш д-р Сварупа-Дамодара. Он тоже доктор наук. Давайте послушаем его мнение. – (Повернувшись к Сварупа-Дамодаре): – Что вы думаете по этому поводу? Он преподает, но не знает, что.

Сварупа-Дамодара: Обманщик, Шрила Прабхупада. Такого человека называют «обманщиком».

Прабхупада: Итак, вы слышали его мнение? Вы обманщик.

Д-р Патель рассердился и повысил голос. Тотчас же между ним и Шрилой Прабхупадой разгорелся горячий спор.

Д-р Патель: Научите меня! Если я сказал, что не знаю, что такое религия, тогда научите меня.

Прабхупада: Духовный учитель вам не слуга. Сначала обрейте голову, как мои ученики, тогда я вас научу. Вы должны кланяться духовному учителю и предаться ему. Тогда он откроет вам истину.

Д-р Патель ответил, что он поклонился Прабхупаде, когда только вошел в комнату.

Прабхупада: Тогда мое первое наставление вам таково: прекратите обманывать.

К этому моменту оба – и Шрила Прабхупада, и д-р Патель – разговаривали на повышенных тонах. Большинство преданных просто онемели. Некоторые, вроде Брахмананды Свами, почувствовали желание каким-то образом побыстрее закончить эту встречу.

Прабхупада: Вы спросили меня, что такое религия. Мой ответ таков: сарва-дхарман паритьяджъя. Кришна говорит: религия – это шаранам враджа – полное предание.

Д-р Патель: Что вы понимаете под «преданием»?

Прабхупада: Вы не знаете, что значит предание? Дайте словарь, посмотрим.

Д-р Патель (крича): Нет! Я хочу знать этимологическое значение санскритского слова «предание»!

Прабхупада: Вам не нужен духовный учитель. Вам нужен учитель санскрита. Мы не можем больше попусту тратить на вас время.

Воспользовавшись удобным моментом, Брахмананда Свами наклонился к д-ру Пателю и попросил его выйти, пока тот «не опустился до оскорблений». Д-р Патель и Брахмананда Свами встали и вместе покинули комнату.

Шрила Прабхупада дрожал от гнева. Старшие преданные с упреком смотрели на Равиндра-Сварупу. Как мог он привести такого типа на встречу с Прабхупадой? Равиндра-Сварупа был ошеломлен и напуган. Никогда прежде он не видел Прабхупаду в таком гневе.

На следующее утро, проведя ночь без сна, Равиндра-Сварупа подошел к Прабхупаде с заранее подготовленными извинениями.

– Шрила Прабхупада, – начал он. – Я очень прошу вашего прощения за то, что вчера привел к вам этого профессора. Я и не предполагал, что он такой негодяй.

Шрила Прабхупада удивленно посмотрел на него:

– О, ничего страшного, – Прабхупада, выдержал паузу и с тихим удовлетворением добавил: – По крайней мере, мы как следует его наказали.

К Прабхупаде приходил еще один преподаватель индуизма, д-р Томас Хопкинс, но его отношение было совсем другим: с самого начала они с Прабхупадой почувствовали взаимопонимание. Д-р Хопкинс спросил Прабхупаду о связи «Бхагавад-гиты» с «Шримад-Бхагаватам» и Прабхупада ответил, что к изучению «Бхагаватам» приступают после изучения «Гиты». «Бхагаватам» начинается там, где заканчивается «Гита».

Д-р Хопкинс: Если бы кто-нибудь попросил вас поделиться, скажем, одним или двумя стихами из вашего труда, какие бы стихи вы привели?

– Об этом говорится в двух стихах, – ответил Прабхупада. – Дхармасья хй апаваргасья...

Прабхупада попросил зачитать перевод: «Любая предписанная деятельность (дхарма) предназначена, несомненно, только для достижения окончательного освобождения. Ею ни в коем случае не следует заниматься ради материальной выгоды. Более того, тот, кто занимается таким

высшим служением, никогда не должен использовать материальные достижения для более изощренного удовлетворения своих чувств».

Прабхупада попросил прочитать комментарий и пояснил подробнее, что люди гонятся лишь за материальными благами, пренебрегая истинной целью жизни.

Д-р Хопкинс: Вы думаете, что это самое важное послание для человечества?

Прабхупада: Это самое важное послание, потому что вы не материальное тело. Предположим, у вас есть рубашка. Если вы будете беречь только рубашку, но при этом пренебрегать самим человеком, свидетельствует ли это о большом разуме? Подобным образом мы – души, а тела подобны одежде. Все в этом материальном мире озабочены только телом. Никто не ведаёт о душе и ее потребностях.

Казалось, д-ру Хопкинсу понравилось такое широкое определение вайшнавизма. В ответ на вопрос о Шиве, Прабхупада объяснил, что, хотя Господа Шиву не следует ставить на один уровень с Господом Вишну, он является лучшим из вайшнавов, главным преданным Вишну и ему можно поклоняться как вайшnavу.

На вопрос о Господе Рама Шрила Прабхупада, к удовлетворению профессора, ответил, что Рама – инкарнация Кришны. Прабхупада объяснил, что Мадхва, Рамануджа и Вишну Свами были «великими ачарьями». Тогда д-р Хопкинс спросил о Тукараме, святом из Махараштры.

Прабхупада: Да, Тукарам считал Вишну Верховным Господом. Он следовал методу Чайтаньи Махапрабху – санкиртане, и принимал Чайтанью Махапрабху своим гуру. Поэтому между Тукарамом и Чайтаньей нет разницы.

Д-р Хопкинс: Значит, Господь Виттхала – это Господь Кришна?

Прабхупада: Господь Виттхала – это Вишну.

Д-р Хопкинс: А Альвары из Тамил-Наду, Адиваси – вы также принимаете их учения? Иными словами, с одной стороны – учение вайшнавов, с другой – все остальные учения?

Прабхупада: Да. Вайшнав и не вайшнав. В этом разница: персоналист и имперсоналист.

Д-р Хопкинс: Почитателей Шивы вы относите к имперсоналистам?

Прабхупада: Да, к имперсоналистам. Шанкарачарья говорил, что Абсолютная Истина, в конечном счете, имперсональна, и верующий может вообразить Абсолютную Истину личностью лишь для того, чтобы облегчить себе поклонение.

Д-р Хопкинс сказал, что, по его мнению, некоторые из почитателей Шивы все-таки являются персоналистами, но Прабхупада объяснил, какова, согласно Шанкаре, истинная психология шиваитов.

– «Сейчас я преданный, – сказал Прабхупада, – но как только я достигну совершенства, я стану Единым». Такова их теория. На начальном, несовершенном уровне, я поклоняюсь воображаемому образу Бога, но когда я стану совершенным, необходимость в поклонении отпадет, и я стану Единым.

Было заметно, что как ученый, д-р Хопкинс остался очень доволен услышанным объяснением философии Господа Чайтаньи Махапрабху. Когда Прабхупада упомянул, что смартабрахманы также имперсоналисты, д-р Хопкинс удивился.

– Выявить, кто из них имперсоналист, а кто нет, очень сложно, – сказал Прабхупада. – Большинство из так называемых вайшнавов – имперсоналисты.

Д-р Хопкинс: То есть главный критерий, чтобы определить, кто является серьезным преданным, а кто нет, не в том, что человек предан сейчас, а в том, что он стремиться быть преданным всегда.

Прабхупада: Да, он должен быть нитья-юкта. Это значит «всегда».

Размышляя над этим критерием, д-р Хопкинс спросил о положении Шри Ауробиндо, который, казалось, был выше имперсонализма. Прабхупада согласился.

– Он говорил, что помимо философии Майявады есть кое-что еще, – объяснил Прабхупада. – Бхакти. Но Ауробиндо не понимал, что это такое, ибо не обучался этому у осознавших себя душ. Он все хотел понять сам.

Д-р Хопкинс: То есть его проблема заключалась в том, что он хотел достичь этого своими усилиями?

Прабхупада: Да. Он не пошел путем гуру-парампары. Поэтому путь его будет долгим.

Наконец, д-р Хопкинс сказал, что ему пора, и поблагодарил Прабхупаду за то, что тот уделил ему время и поделился знанием.

– Почему бы вам тоже не присоединиться к нам? – спросил Прабхупада. – К нам присоединяется все человечество.

Д-р Хопкинс ответил, что является давнишним другом преданных и подозревает, что это может закончиться тем, что в конце концов он примет санньясу. Прабхупада сказал, что человек становится санньяси не когда меняет одежду, а когда все посвящает Кришне.

* * *

15 июля 1975 года

Из Филадельфии Шрила Прабхупада вылетел прямым рейсом в Сан-Франциско. Прабхупада и Упендра летели в первом классе, а Брахмананде Свами, Харикеше и Прадьюмне достались места в классе для туристов. С ними летела Вишакха-деви-даси, которая фотографировала Шрилу Прабхупаду.

После того, как самолет поднялся на крейсерскую высоту, из кабины самолета вышел мужчина в форме. Он сразу же заметил Шрилу Прабхупаду, который сидел у окна, и подошел к нему. Когда он наклонился к Прабхупаде и спросил, как тот себя чувствует, Прабхупада почувствовал, что человеку хочется поговорить, и попросил Упендру встать и уступить место мужчине.

– Вы старший пилот? – предположил Прабхупада.

– Нет, – ответил мужчина. – Я инспектор полетов, слежу за пилотом и командой. Могу я задать вам философский вопрос?

Прабхупада кивнул, явно довольный желанием инспектора.

– Действительно ли все сотворено Богом?

– Да, – сказал Шрила Прабхупада и процитировал «Веданта-сутру»: джанмадй асья ятах. – Все сущее изшло из Бога.

– Тогда что такое зло? – спросил инспектор. – Это тоже творение Бога?

– Для Бога нет ни добра, ни зла, – объяснил Прабхупада. – Все есть добро. Добро – это грудь Бога, а зло – Его спина. Грудь и спина одинаково важны. Если у меня заболела спина, я точно так же обращаю на это внимание, как если у меня заболит грудь. Хотя это спина, она не менее важна, чем грудь.

Значит ли это, что между злом и добром нет никакой разницы? Нет. Для Бога не существует зла. Как, например, для солнца не существует тьмы. Это только мы воспринимаем и тьму, и свет. Если вы повернетесь к солнцу спиной, вы увидите тьму. Если повернетесь лицом – тьма исчезнет.

Мы сами создаем тьму, как только меняем свое положение. Если вместо того, чтобы стоять к Богу лицом, я отворачиваюсь от него, меня окружает тьма. В противном случае, тьмы бы не было. На самом солнце темноте нет места.

Поэтому Бог всеблаг. Но для нас, когда мы забываем о Боге, наступает тьма. А когда мы постоянно находимся в сознании Бога, тогда все становится добром. Вы довольны ответом?

Инспектор сказал, что все понял и полностью согласен с ответом. Он хотел было задать следующий вопрос, но тут к ним подошел прилично одетый, но изрядно подвыпивший пассажир и стал что-то бормотать. Шрила Прабхупада посмотрел на него и спросил:

– Вы боитесь смерти?

Пьяный запнулся, протрезвел и отошел.

Инспектор полетов вернулся к своим вопросам. Он понимал, что встреча с Шрилой Прабхупадой была редкой возможностью.

– Не могли бы вы сказать мне, как обрести покой? – спросил он.

Шрила Прабхупада процитировал «Бхагавад-гиту»: бхоктарам ягья тапасам..., и жестом попросил Вишакху принести «Гиту». Преданные пошептались между собой и выяснилось, что «Гиты» ни у кого с собой не было.

Услышав об этом, Прабхупада рассердился, но в присутствии гостя сдержал свои чувства. Он объяснил инспектору, что человеку необходимо понять, что Бог является верховным повелителем, верховным наслаждающимся и лучшим другом каждого; только тогда он сможет обрести мир.

– По глупости своей, – сказал Прабхупада, – мы заявляем, что земля принадлежит нам. Поэтому нам нет покоя. На самом же деле, всем владеет Бог.

После того как Шрила Прабхупада и инспектор с удовольствием поговорили, инспектор попросил разрешения удалиться, а напоследок пожал Прабхупаде руку.

Прабхупада подозвал Прадьюмну. С пылающими трансцендентным гневом глазами он отругал Упендру и Прадьюмну за то, что у них не было с собой «Бхагавад-гиты» и наказал впредь всегда иметь эту книгу при себе. Прадьюмна сказал, что хотя у него не было «Бхагавад-гиты как она есть», он вспомнил, что взял с собой «Бхагавад-гиту» какого-то другого автора. Это еще больше рассердило Прабхупаду. Он приказал Упендре никогда больше не путешествовать без трех книг: «Бхагавад-гиты как она есть», первых томов «Чайтанья-чаритамриты» и «Шримад-Бхагаватам».

Беркли

15 июля 1975 года

Менее чем за две недели Прабхупада объехал США с запада на восток и обратно. Новую штаб-квартиру ИСККОН в Беркли – большой церковный комплекс – он посетил впервые. Как обычно, в Беркли на встречу со своим духовным учителем съехались сотни преданных из разных центров Западной США.

В своей приветственной речи он главным образом говорил о положении гуру. Только тому, кто обладает непоколебимой верой в Кришну и гуру, объяснил он, открывается суть ведической мудрости.

– Посторонние могут счесть гуру очень гордым человеком, – сказал Прабхупада, – ведь он принимает от ученика почести. Но правда состоит в том, что учеников необходимо учить этому – как выражать почтение духовному учителю.

Шрила Прабхупада неоднократно сталкивался с подобным непониманием. В 1974 году в Париже студенты-радикалы, возмущенные тем, что он сидит на возвышении, не дали ему говорить. «Гуру, за счет своих учеников наслаждающийся всевозможными материальными удобствами», – так зачастую американские репортеры рисовали образ Прабхупады. Но Прабхупада стоял на своем: несмотря на обилие шарлатанов, дискредитирующих само понятие «гуру», всякий, кто искренне желает познать трансцендентную науку, должен обратиться к истинному гуру, представителю Бога.

– Долг духовного учителя, – говорил Шрила Прабхупада, – защищать учеников от падения. Вот я, например, путешествую по всему миру, два-три раза в год. Мой долг – следить за тем, чтобы ученики, избравшие меня своим гуру, не сошли со своего пути. Вот о чем я беспокоюсь.

Как же можно стать гуру или представителем Кришны? Каждый ведь может сказать: «Я представитель Кришны. Я гуру». Нет. Истинный критерий приводит Чайтанья Махапрабху: амара агья гуру ха... а тара еи деша – «Стань гуру по Моему указанию». Итак, гуру – это тот, кто исполняет наказ Шри Чайтаньи Махапрабху. Это не самозванец.

Шрила Прабхупада сказал, что иногда люди говорят, будто он сотворил со всем миром чудо.

– Но, – признался он, – я не могу сказать, что я удивительный человек. Однако я знаю одно: я повторяю слова Кришны. И всё. Я ничего не добавляю и не меняю. Я представляю «Бхагавад-гиту» как она есть. Именно в этом моя заслуга.

Вновь и вновь Прабхупада подчеркивал, что гуру должен повторять послание Кришны. Но если так называемый гуру хочет быть обманщиком, то это другой вопрос. Всегда будут и обманщики, и те, кто хочет быть обманутым. Обычно такие «гуру» принимают учеников, не прося их прекратить греховную деятельность. Это обман.

– Если я скажу: «Что хотите, то и делайте, – сказал Прабхупада, – просто возьмите эту мантру и заплатите мне сто двадцать пять долларов», – им это понравится. Если бы я так обманывал, то владел бы уже миллионами долларов. Но я не хотел этого. Пусть у меня будет один ученик, но такой, который следует моим наставлениям. Мне не нужны миллионы. Экаш чандраш тамо ханти на ча тарах сахасрашах. Если в небе светит луна, ее достаточно, чтобы осветить все, и не нужны миллионы звезд. Моя позиция такова: я хочу, чтобы хотя бы один мой ученик стал чистым преданным. Конечно, у меня много искренних и чистых преданных. Мне повезло. Но я был бы удовлетворен, даже если бы нашел лишь одного. К чему миллионы звезд?

Из-за недостатка жилой площади местные власти не разрешали преданным использовать храм в Беркли как жилое помещение. Но поскольку подходящего жилья в округе не нашлось,

преданные решили разместить Шрилу Прабхупаду и сопровождавших его преданных в храме на то время, пока он будет гостить в Беркли. Они надеялись, что городские власти об этом не узнают.

Но в первый же день, в два часа ночи в храм нагрянула полиция. Шрила Прабхупада уже встал и переводил «Бхагаватам». Полиция громко постучала во входную дверь, что располагалась рядом с его комнатой. В ту ночь в храме дежурил молодой парень Майк, который должен был получить посвящение через несколько дней. Он открыл дверь, и в глаза ему ударил свет трех фонариков. Полицейские вошли и показали свои удостоверения.

– Вы не имеете права здесь спать, – грубо сказал один из них.

– Я не сплю, – сказал Майк.

– Не рассказывай сказки. Мы видели тебя в спальном мешке.

– Нет, – запротестовал Майк. – Я просто лежал здесь, потому что охраняю моего духовного учителя.

Шрила Прабхупада хорошо слышал, что происходит за дверью. Другие преданные, которые проводили ночь в одном здании с Прабхупадой, вышли из своих комнат и пытались объяснить полицейским, каким особенным событием является визит их духовного учителя. Один из полисменов принялся ходить по дому, заглядывая с фонариком за углы и открывая двери. Все, кто находился в доме, человек пять или шесть, вышли в холл к полицейским.

– А где старик? – спросил один из полисменов.

Бахулашва, президент храма, попросил их не беспокоить Шрилу Прабхупаду. Но полицейские и не думали любезничать и вели себя откровенно нагло. Один из них постучал в окно комнаты Прабхупады.

– Не беспокойте его, – потребовал Бахулашва. – Он пожилой человек. Он не спит. В эти часы он работает над книгами, а все эти люди – его сопровождающие. Они остановились здесь, чтобы ему помогать. Мы не нарушаем правила.

Внезапно один из стражей порядка открыл дверь, ведущую в комнату Прабхупады, и своим фонариком посветил Прабхупаде в лицо. Все трое заглянули внутрь. Шрила Прабхупада посмотрел на них. Он казался озабоченным, но оставался невозмутимым. Полицейские посветили фонариками в углы его простой, тускло освещенной комнаты и, не проронив ни слова, закрыли дверь.

Спор между полицейскими и преданными продолжился. Преданные утверждали, что не используют здание под жилье, а полицейские констатировали нарушение пунктов закона и делали записи в блокноте. В конце концов, полицейские удалились, но предупредили, что вернутся снова.

Этот случай оторвал Прабхупаду от работы примерно на полчаса. Но когда в доме вновь наступила тишина, он продолжил переводить стихи «Шримад-Бхагаватам» и начитывать на диктофон свои комментарии.

Прабхупада согласился провести пресс-конференцию. Он всегда был рад возможности обратиться к представителям прессы, так как знал, что даже если в своих заметках они акцентировались на негативном или поднимали спорные вопросы – если в статье сообщались хоть крупицы истинного знания, от нее все равно было больше пользы, чем вреда. Ни одна статья не обходилась без упоминания Святого имени Кришны, проповеди Прабхупады или «Бхагавад-гиты». Подробности, касающиеся самого Прабхупады, как правило, были не оскорбительны. Он уже не ждал, что пресса будет уделять философии сознания Кришны много внимания, хотя временами случалось и такое. Он часто просил репортеров передавать его слова точно, ничего не вырезая и не давая неверных интерпретаций.

Однако репортеров, казалось, больше интересовали банальности. В 1968 году один корреспондент в Монреале обратил внимание на то, что на Прабхупаде американская обувь – «Первосвященник в мокасынах «Хаш Паппи»». Однако для Прабхупады пресс-конференции и интервью были формой проповеди.

На пресс-конференцию, которая проходила в храме, собралось около дюжины репортеров и фотографов. Брахмананда Свами попросил корреспондентов записывать вопросы на листках бумаги, чтобы один из преданных мог зачитывать их Прабхупаде. Прабхупада обратился к фотографам с просьбой не снимать во время конференции, так как это отвлекало внимание людей.

Преданный: Шрила Прабхупада, не могли бы вы пояснить причины появления оппозиции Движению Харе Кришна в этой стране?

Прабхупада: Против чего оппозиция? В чем причина? Если они верующие – христиане или иудеи – мы предлагаем им взывать к Святому имени Бога. Для чего создавать оппозицию? Есть ли какие-то основания для протеста? Против чего они возражают?

Преданный: Некоторые недовольны тем, что последователи секты «Харе Кришна» беспокоят людей на улицах или в аэропортах.

Прабхупада: Аэропорт сам по себе – сплошное беспокойство. Шум, катастрофы. Если они могут терпеть это, почему бы не стерпеть какую-то мелочь? Это указывает на отсутствие терпения. Вокруг сплошные беспокойства, а их страшно волнует наше пение. Мы не поем в аэропортах, мы просим: «Это очень хорошая книга – она принесет вам благо. Если хотите, можете взять». Что в этом плохого? Скажите мне, что плохого? Если я даю вам что-то хорошее, разве это плохо? Прочитайте любую книгу – у нас их пятьдесят – и найдите в ней хоть какой-нибудь недостаток. Если бы мы распространяли плохие книги, приносящие обществу вред, у вас были бы все основания возражать. Но убедитесь сами. Принесите сюда все наши книги, и вы убедитесь. Откройте на любой странице, и вы обязательно найдете что-нибудь хорошее. Почему вы не хотите, чтобы такие книги распространялись на благо всего общества? Что в этом плохого?

Преданный: Людям порой не нравится, что преданные просят пожертвования. Дело не в распространении книг, а в том, что за них просят деньги. И это беспокоит людей.

Прабхупада: Но человек платит. Если он чувствует беспокойство, то зачем платит? Если человека что-то беспокоит, он не платит. Но если он видит, что книга хорошая, он говорит: «Хорошо. Возьму». Почему это вас беспокоит? Если им не нравится, почему они покупают? Они платят деньги, свои кровные. Думаете, они раздражаются и в то же время платят?

Своим разумным доводом Прабхупада рассмешил репортеров, и они стали напрямую задавать ему вопросы.

Репортер: Что случится с вашим Движением в Соединенных Штатах, когда вы умрете?

Прабхупада: Я никогда не умру.

Преданные: Джая! Харибол!

Прабхупада: Я буду жить в своих книгах, и вы будете пользоваться ими.

Репортер: Почему Движение Харе Кришна не участвует в социальных протестах?

Прабхупада: Мы лучшие социальные работники. Люди – глупцы и негодяи, но мы учим их прекрасной идее, сознанию Бога. Мы лучшие социальные деятели. Мы положим конец преступности. Какую социальную работу делаете вы? Разводите хиппи и преступников – это не социальная работа. Социальная работа означает, что население становится мирным, мудрым, разумным и сознающим Бога – людьми первого класса. Вот что такое социальная работа. Если вы порождаете людей четвертого, пятого, десятого классов, что это за социальная работа? Мы таких людей не порождаем. Вот, посмотрите, люди первого класса. У них нет никаких дурных привычек – они не вступают во внебрачные отношения, не пьют, не курят, не едят мясо, не играют в азартные игры. Вот это – социальная деятельность.

Когда один из репортеров спросил, как Движение Харе Кришна влияет на политическую обстановку, Прабхупада ответил:

– Если распространить сознание Бога, люди разовьют в себе самые замечательные качества.

Вспомнив беседу на утренней прогулке по городку Калифорнийского университета в Беркли, Прабхупада добавил:

– Студенты изучают психологию, но в результате от разочарования бросаются с башни. Поэтому там поставили стекла.

Бахулашва пояснил, что Прабхупада имел в виду:

– В шестидесятые годы, желая покончить с собой, студенты из университетского городка в Беркли бросались вниз с башни. И в целях безопасности башню застеклили.

Прабхупада объяснял, что таково их образование: выучившись, студенты налагают на себя руки.

Брахмананда: Шрила Прабхупада, один из журналистов хочет узнать о фестивале Ратхаятры. Почему он проводится здесь, в западном мире?

Прабхупада: Богу принадлежит все, в том числе и западный мир. Или есть возражения? Если вы говорите, что западный мир принадлежит Богу, что в этом плохого? Если люди Запада забыли о Боге, и Бог Сам приходит, чтобы напомнить им о Себе, что тут не так?

Репортер: Но для чего нужны большие колесницы и все остальное?

Прабхупада: Большая колесница указывает на то, что Бог тоже очень большой. Ему нужна очень большая колесница (смех). Почему Он должен ехать на маленькой колеснице?

Прабхупада говорил, пока не ответил на все вопросы. Как журналисты представляют его слова – это уже на их совести. Прабхупада использовал эту возможность, чтобы прославить Господа Кришну и рассказать о своем Движении. Чтобы он ни делал – участвовал в пресс-конференции, массовом празднике, беседовал с кем-то или переводил книги – цель его всегда оставалась одной и той же.

На утренней прогулке по студенческому городку в Беркли Прабхупада недвусмысленно заявил, что ядерная война неизбежна. Преданные подняли тему о распространении ядерного оружия: «В России очень много оружия, в Китае тоже много, и в Соединенных Штатах...»

Прабхупада: Теперь у всех. В Индии то же самое.

Преданный: Все они боятся к нему прибегать.

Прабхупада: Им придется. Так уж устроила природа. (Смеется). Все вы умрете – так устроено природой.

Тамала-Кришна Госвами: Когда кто-нибудь обретает силу, он хочет ее испытать. Как, например, был один демон. Господь Шива дал ему такую способность, что любая голова, к которой он прикоснется, отпадет.

Прабхупада: Да, например, в вашей стране столько машин, что даже такой бедняк, как я, постоянно пользуется машинами – и шаг по земле сделать трудно. И поскольку машин так много, то и приходится их использовать, никуда не денешься. Точно так же, все это оружие должно быть использовано. Это естественное следствие. Они должны будут им воспользоваться.

Бахулашва: Вот почему они устраивают войны, – чтобы использовать оружие.

Прабхупада: О, да.

Преданный: Единственная проблема в том, что один человек, применив ядерное оружие, может уничтожить все человечество. Поэтому все боятся к нему прибегать.

Прабхупада: В любом случае, они должны будут его использовать. В этом нет сомнения. Поэтому мы можем сказать, что война будет. Это не астрология. Это естественный вывод.

Преданный: Она закончится всеобщим истреблением.

Прабхупада: Что ж, всеобщим или частичным, проживем – увидим. Но они должны будут воспользоваться им.

Преданный: Если возникнет угроза ядерной войны, не легче ли будет нам распространять сознание Кришны?

Прабхупада: Нет. Угроза уже существует. Но они настолько глупы, что не боятся этого. Угроза уже есть. Умрут все – в этом проблема. Но кого это интересует? Они пытаются избежать этого, но не могут предпринять какие-либо меры противодействия.

Ядубара: Значит, война нужна для того, чтобы они что-то поняли?

Прабхупада: Нет, война уже идет. Но они настолько глупы, что не делают правильных выводов. Негодяи. Поэтому их называют мудха – все негодяи.

Тамала-Кришна: Очень трудно проповедовать таким глупцам, Прабхупада.

Прабхупада: Да нет, просто пойте «Харе Кришна». Этого достаточно.

Редко Шрила Прабхупада был столь бескомпромиссен в своих выводах по поводу ядерной войны. Годом ранее, на прогулке в Майяпуре, он уже говорил о Третьей мировой войне, и разговор этот для всего ИСККОН стал сенсацией. Но прежде он всегда предлагал альтернативу: если население Земли примет сознание Кришны, совокупная карма может измениться к лучшему. Однако сейчас он сказал, что война неизбежна.

За время пребывания в Беркли Шрилу Прабхупаду посетили: Йоги Бхаджан, основатель «ННН Foundation»?, Свами Чидананда, президент «Общества божественной жизни» и лидер джайнов Свами Сушил Муни, президент Всемирного Религиозного Братства. Свами Сушил носил белый тюрбан и белую повязку, закрывающую рот – традиция джайнов, которые, следуя принципу ненасилия, стараются избегать убийства даже микробов, обитающих в воздухе. Йоги Бхаджан был одет, как подобает сикху – на нем был белый тюрбан и белые просторные одежды. Он пришел в сопровождении западных учеников, одетых точно так же, как он. Разные свами и йоги нередко наносили Шриле Прабхупаде визиты, и он всегда радушно встречал их в своих простых апартаментах, несмотря на то, что порой не соглашался с их философией.

Йоги Бхаджан навещал Шрилу Прабхупаду еще на Гавайях и даже пригласил его на конференцию по объединению человечества, в которой принимало участие множество садху.

Тогда Шрила Прабхупада решительно заявил, что просто собрать людей на конференцию – еще не означает их объединить. Истинное объединение происходит только в том случае, если участники встречи соглашаются принять авторитетную науку о Боге, о которой сообщают богооткровенные писания. На этот раз свами пришли, чтобы пригласить его на вторую Конференцию по объединению человечества.

Свами Сушил и Свами Чидананда с особым восторгом прославляли Шрилу Прабхупаду и его ИСККОН.

– Ваше Движение – это нечто уникальное, – сказал Свами Чидананда. – Оно распространилось по всему миру. По всему миру у вас много тысяч последователей. Мы не способны это описать. Потрясающе! Вы сотворили чудо, и в таком возрасте! Без Божьего благословения ничего не сделаешь. За месяц было издано и распространено шесть лакхов журналов – невероятно!

Свами Сушил добавил:

– Вам удалось установить здесь первоначальные принципы, не приспособивая их к современным условиям. Если бы не ваш ашрам в Бенгалии, мы ничего не смогли бы сделать. Теперь, когда мы знаем, что там есть ашрам Чайтаньи Махапрабху, нам не нужно беспокоиться о том, где остановиться. Но что самое поразительное – вы ни в чем не идете на компромиссы.

Они упомянули об ужасном грехе убийства коров, и Шрила Прабхупада рассказал, как его Движение защищает коров в Новом Вриндаване. Когда Свами Сушил спросил, как Прабхупаде удалось пробудить в молодых людях интерес к Богу, Прабхупада привел пример самого популярного магазина сладостей в Дели – единственного, где все делалось на чистом гхи.

– Если вы предлагаете что-то хорошее, – сказал Прабхупада, – недостатка в покупателях не будет.

Он также отметил, что его учение основано исключительно на «Бхагавад-гите», на преданности Кришне.

Когда Свами Сушил спросил, каким образом Прабхупада побудил своих последователей принять у Кришны прибежище, Прабхупада ответил:

– Это сделал Бог. Бог говорит: мам экам шаранам вradжа. Наш долг – просто принять у Него прибежище. Господь Чайтанья говорит: яре декха таре каха кришна-упадеша. Это значит, что, кого бы ты ни встретил, просто проповедуй учение Кришны как оно изложено в «Бхагавад-гите». Это не моя личная упадеша. Это упадеша Кришны. Мы все глупцы. Мы не можем дать никакой упадешы. Итак, каково учение Кришны? Мы просто снова и снова повторяем: «Кришна говорит: «Поступай так», – и мы поступаем, как Он говорит». Таков наш секрет. Я делаю это сам и учу этому всех этих людей. Я категорически против любой вымышленной религии. Эвам парампара-прапта – так же, как говорит Кришна.

В ответ на вопрос Свами Сушила о том, как объединить людей, Прабхупада процитировал стих из «Шримад-Бхагаватам», где перечисляются всевозможные человеческие расы и объясняется, что все они могут очиститься, приняв прибежище у чистого преданного Кришны.

Гости Прабхупады снова пригласили его на свою конференцию, и Свами Сушил добавил:

– Мы были очень рады встретиться с вами сегодня, и хотели бы в будущем пригласить вас на нашу встречу по йога-дхарме.

– Мы придем, – сказал Прабхупада. – А что у вас за общество?

– Оно называется «Всемирное Религиозное Братство», – сказал Свами Чидананда. – Йогиджи организовал Конференцию по объединению человечества.

– Мы уже его приглашали, – сказал Йоги Бхаджан, имея в виду предыдущее приглашение.

Свами Чидананда: Но сейчас вы проводите уже вторую конференцию.

Йоги Бхаджан: Да, вторая встреча в Мехико. Мы снова пригласим его туда.

Шрила Прабхупада улыбнулся и сказал:

– Я же говорил вам, что никакого единства не получится.

Это откровенное замечание рассмешило их.

– Вы говорите, – вспоминая про анализ Прабхупады, сказал Свами Чидананда, – что до тех пор, пока все не станут сознавать Бога...

– Если Бог захочет, – сказал Йоги Бхаджан, – все станут сознавать Бога. Что тут сложного?

– Бог Сам говорит, – сказал Шрила Прабхупада, – духкхалаям ашашватам – страдания действительно имеют место. Вы не можете оставаться в этом мире. Вы должны уйти. Основные

проблемы – рождение, старость, болезнь и смерть. Мы не торопимся решать эти проблемы, но это – настоящие проблемы.

– А что мы можем поделать с рождением, старостью, болезнью и смертью? – спросил Свами Чидананда.

Шрила Прабхупада продолжал проповедовать «Бхагавад-гиту». Гости же, не вступая в открытую полемику, держали себя почтительно, считая его великим духовным лидером, способным распространять дхарму индуизма.

– Он велик, – сказал Йоги Бхаджан. – Вот чему я хочу научиться. И как у него это получается?

Беседа приняла другое направление, и Прабхупада упомянул, что Йоги Бхаджан происходит из общины сикхов, которая славится отважными бойцами.

– Британцы, – сказал Шрила Прабхупада, – потерпели поражение благодаря сикхам. Я сам это видел. Только благодаря сикхам. Сикхи – кшатрии. Некоторые из них – брахманы, брахмана-кшатрии.

Свами Сушил: Да, я говорил некоторым из своих учеников: «Идите к Прабхупададжи, и он сделает из вас брахмана-кшатриев».

Прабхупада: Да, давайте сотрудничать. Вы возьмете на себя работу кшатриев, а мы – работу брахманов. Чтобы быть брахманами, нужна голова, а чтобы быть кшатриями – сила.

Когда речь зашла о ненасилии, Шрила Прабхупада заявил, что, если человек не сознает Бога, он неизбежно будет совершать химсу, насилие.

Йоги Бхаджан: Да, когда в них просыпается разум, они вспоминают о Боге.

Прабхупада (смеясь): Здесь, на Западе, одна только химса, и ничего больше.

Гости рассмеялись в ответ.

После беседы они сфотографировались, и Шрила Прабхупада пригласил их вместе с ним и некоторыми из его учеников принять кришна-прасад. Он пригласил своих гостей посетить Ратха-ятру, которая была запланирована на следующий день в Сан-Франциско, и те согласились.

20 июля 1975 года

Эта Ратха-ятра была не только на тот момент самой большой в ИСККОН, но и собрала наибольшее число преданных. Их было даже больше, чем на прошедшем недавно международном фестивале в Майяпуре. На этот раз, помимо всего прочего, на фестивале Ратха-ятры были киоски с прасадом, выставки с предметами поклонения Божествам, сувениры и книги Прабхупады. К процессии по Голден-гейт-парку, в которой участвовало более восьмисот преданных, присоединились тысячи людей.

Строители колесниц решили заменить традиционные деревянные колеса стальными, и это вызвало трудности. Шрила Прабхупада предупреждал их:

– Это ваша американская болезнь – все время что-то менять. Не меняйте старый проект.

Но они уже все поменяли. Прабхупада ехал на колеснице Субхадры с деревянными колесами, и потому не испытывал никаких неудобств. Однако две другие колесницы передвигались не так гладко; они начали вибрировать, да так сильно, что прямо во время процессии спицы колес пришлось усиливать дополнительными опорными брусками. Вскоре колеса начали деформироваться. Они скрипели и грохотали – так, словно вот-вот развалятся. Но каким-то чудом, ценой невероятных усилий, все три колесницы благополучно дошли до финиша.

В разгар праздника один из преданных спросил Шрилу Прабхупаду, посещал ли он когда-нибудь Ратха-ятру в Джаганнатха Пури.

– Нет, – ответил Прабхупада, – у меня была своя Ратха-ятра.

Глава сорок седьмая

Проповедь Америке: часть вторая

Лос-Анджелес

22 июля 1975 года

С того дня, когда Прабхупада дал Би-Би-Ти наказ издать за два месяца семнадцать книг, прошло три недели. Рамешвара и Радхаваллабха докладывали, что все отделы работают круглосуточно, и преданные полны решимости уложиться в срок. Большинство сотрудников издательства в половине пятого утра шли на мангала-арати, прочитывали положенные круги, а затем до поздней ночи работали, порой принимая пищу только раз в день.

Им в помощь были приглашены редакторы, художники, фотографы, составители предметных указателей, наборщики, корректоры и макетчики со всего ИСККОН. Все работали слаженно, стремясь во что бы то ни стало исполнить желание Прабхупады.

«Кингспорт-пресс», одно из крупнейших издательств в стране, согласилось отложить все прочие заказы, чтобы освободить печатные станки и переплетные мастерские и круглые сутки трудиться над изданием этих семнадцати томов. Нью-Йоркская бумажная компания дала обязательство в срок поставлять издательству необходимое количество бумаги по умеренной цене. Главный фотограф Би-Би-Ти был командирован в Индию снимать места игр Господа Чайтаньи, особенно в Бенгалии и Ориссе.

Шрила Прабхупада не жалел времени на встречи с редакторами бенгальских текстов и художниками. Ученики по несколько раз в день обращались к нему с вопросами о точном употреблении санскритских и бенгальских терминов. Это было важно не только с точки зрения лингвистики: каждое слово Писаний требовало толкования с позиции предыдущих ачарий и духовного опыта Прабхупады. Прабхупада предупредил учеников-редакторов, чтобы в сомнительных случаях они не допускали никакой самостоятельности, а обращались за советом к нему.

Художники, как правило, спрашивали, как должен выглядеть тот или иной сюжет согласно духовному видению Шрилы Прабхупады. Желая наилучшим образом написать иллюстрации, они засыпали его бесконечными вопросами. Прабхупада называл трансцендентные картины своих учеников окнами в духовный мир, и художники не хотели затуманивать их своей фантазией.

Как-то раз Рамешвара зашел к Шриле Прабхупаде с эскизами одной из художниц, в квалификации которой опытные мастера сомневались. Рисунки принадлежали Гаури-деви-даси, распространительнице книг, обладавшей некоторыми способностями к рисованию, которую подключили к марафону по изданию книг по причине острой нехватки художников. Рамешвара показал Шриле Прабхупаде ее картину, изображавшую храм Гундича.

– О, очень красиво, – вынес свою оценку Прабхупада.

Один из старших художников указал на некоторые технические огрехи, на что Прабхупада ответил:

– Лучше слепой дядя, чем никакого, – и добавил, что, помимо всего прочего, картина передает дух преданности, который читатели оценят.

Одним своим присутствием в Лос-Анджелесе Шрила Прабхупада значительно ускорял темп марафона по изданию «Чайтанья-чаритамриты». Даже лишенные возможности ходить с Прабхупадой на утренние прогулки и посещать его лекции и чтения в саду, сотрудники издательства чувствовали экстаз. Они трудились целыми сутками, пытаясь осуществить то, чего их духовный учитель хотел больше всего на свете, и потому не прекращали работы даже ради личных встреч с ним, ибо считали это проявлением эгоизма. Они и так чувствовали себя на вершине блаженства, отдавая всю свою энергию Кришне.

Издательство работало день и ночь. Часто можно было наблюдать, как в два-три часа утра преданные, обессиленные, засыпают прямо за столами или печатными машинками или валятся рядом со своими мольбертами.

Корректоры с трудом выдерживали скорость, с которой им приходилось просматривать тексты. Художник, сраженный сном, мог прикорнуть возле незаконченной картины, а проснувшись, обнаружить ее на чьем-нибудь мольберте, уже завершенной.

Хронически недосыпающий Рамешвара дирижировал всеми, включая фотографа в Индии, типографию и бумажную фирму. Некоторые вопросы по изданию книг он решал непосредственно с Радхаваллабхой.

Радхаваллабха определял сроки и старался любой ценой выдержать их. Сотрудники издательства повсюду ощущали присутствие своего директора, который вдохновлял их, обеспечивал их материалами и удовлетворял все их нужды, умоляя, а порой и заставляя выполнять норму. Но однажды вечером он решил устроить себе небольшой перерыв и пришел в комнату Прабхупады, где сидело несколько преданных. Прикрыв глаза и слегка покачивая головой, Прабхупада слушал запись бхаджана в собственном исполнении. Открыв глаза и заметив среди других Радхаваллабху, он сказал:

– Я задерживаю вас... – и вновь закрыл глаза.

– Нет, нет, Прабхупада. Вы нисколько нас не беспокоите, – сказал один из преданных.

Но другой преданный повернулся к Радхаваллабхе и сказал:

– По-моему, Прабхупада обратился к тебе.

Радхаваллабха понял, что имеет в виду его духовный учитель: пора возвращаться к работе. Он почувствовал, что Прабхупада словно прямо говорит ему: «Что ты сидишь здесь и смотришь на меня? Возвращайся к работе!»

Шрила Прабхупада был доволен искренностью учеников. Он потребовал, чтобы те за два месяца издали семнадцать книг, а они, вместо того, чтобы попытаться объяснить ему, почему это невозможно, восприняли его указание совершенно серьезно – им и в голову не пришло отвергнуть или попытаться каким-либо образом его изменить. Вместо того, чтобы изменить указание своего духовного учителя, они изменили свою жизнь. Спокойные повседневные труды сменились работой на пределе сил и возможностей, отчего и они, и Прабхупада получали огромное удовлетворение. Как говорил Прабхупада, они делали это для того, чтобы угодить Господу Чайтанье и ачарьям прошлого.

Шрила Прабхупада решил продолжить свое турне по Америке, посетить Лагуна-Бич и Сан-Диего, а затем поехать в Даллас. Оттуда он направится в Новый Орлеан и заедет на расположенную неподалеку ферму ИСККОН на Миссисипи. Далее – Детройт, Торонто, Бостон, Нью-Йорк, а затем – Европа и Индия.

С точки зрения Прабхупады, такие поездки были крайне необходимы для распространения сознания Кришны. В свой последний приезд в Беркли он сказал:

– Я совершаю подобные путешествия два-три раза в год. Я должен следить за тем, чтобы ученики, принявшие меня своим гуру, не пали. Это моя главная забота.

Прабхупада заботился не только о своих учениках, но и обо всех живущих на земле. Ему больно было видеть людей, населяющих страны Запада – деградировавших, погрязших в невежестве. Он хотел помочь англоязычному миру, как велел ему духовный учитель. Именно это желание руководило им два года назад в Калькутте, когда, несмотря на тяжелую болезнь, он полетел в Лондон, чтобы принять участие в празднике Ратха-ятры. Это было его неотступным желанием: проповедовать на Западе, где люди, введенные в заблуждение надуманными философскими теориями, отрицают существование Бога, а чувственные наслаждения возводят в культ. Большинству людей нелегко будет избавиться от невежества и дурных привычек, но Прабхупада говорил, что, если ему удастся сделать чистым преданным хотя бы одного человека, он будет считать, что добился успеха.

В течение нескольких месяцев Прабхупада напряженно работал над важными проектами в Индии, а потом возвращался на Запад, чтобы снова путешествовать и проповедовать. И то, и другое было одинаково необходимо – и претворение в жизнь его замыслов в Индии, и поездки по странам Запада. Когда Йоги Бхаджан и его окружение в Беркли выразили свое удивление тем, что Прабхупада, путешествуя по всему миру, лично заботится о своих учениках, тот признался, что это нелегко, и потому он пытается обучить этому искусству своих секретарей Джи-би-си, чтобы те могли руководить его Движением. Однако сейчас, до тех пор, пока силы не оставят его, он будет путешествовать.

Лагуна-Бич
25 июля 1975 года

Лагуна-Бич находилась в двух часах езды к югу от Лос-Анджелеса. Когда Прабхупада прибыл в храм – дом на берегу океана – он был полон гостей и приезжих преданных. Прабхупада занял место на заново обтянутой вьясасане, и несколько лидеров храма по очереди омыли ему стопы.

По ходу лекции Прабхупада заговорил о наркотиках:

– Есть ли среди вас хоть один, кто мог бы сказать о себе: «Я управляю всем?» Кто-нибудь может ответить на этот вопрос? Вы можете считать себя хозяевами положения, но в действительности зависите от наркотиков...

Городок Лагуна-Бич пользовался дурной славой центра подпольной торговли наркотиками.

Прабхупада не пытался тешить людей слащавой сентиментальной духовностью, и без колебаний развеивал все иллюзии. Омыть стопы духовного учителя – дело хорошее, но чтобы называться истинным преданным, необходимо еще и строго следовать всем правилам и ограничениям. Нужно сделать выбор, кому подчиняться – наркотикам или Кришне.

Прабхупада остановился в соседнем с храмом доме. Первым его посетил Риши-дас, который перестал следовать данным при посвящении обетам и отошел от сознания Кришны. Отпустив длинные, вьющиеся волосы и бороду, в тот день он мимоходом зашел в храм, чтобы нанести короткий визит бывшему духовному учителю. Прабхупада тепло принял его, и они обменялись улыбками и рассмеялись. Однако Риши держался нахально, почти вызывающе, без тени раскаяния, и Прабхупаде горько было видеть состояние юноши, которого несколькими годами ранее он посвятил в санньясу.

В первые годы Прабхупада даже плакал, когда дорогой ему ученик оставлял Движение. В то время падение ученика было большой редкостью, чем-то неслыханным. Но в дальнейшем таких примеров становилось все больше и больше, в том числе и среди членов Джи-би-си и санньяси. В 1967 году, когда одна из первых учениц, Кришна-деви-даси, оставила мужа (Субалу) и сбежала с любовником, Прабхупада утешал Субалу, напоминая, какая это редкая удача – стать преданным Кришны.

– Удивительно не то, что Кришна-даси ушла, – говорил он, – а то, что мы пока еще в сознании Кришны.

Хотя, как могло показаться, преданные уходили по самым разным причинам, Прабхупада считал, что все они оказались обмануты иллюзией. «Дезертир» мог объяснять свой уход чем угодно: интересом к новой религии, благоприятной возможностью заняться бизнесом и т.п., но заканчивалось это, как правило, одним и тем же – ученик бросал строгий путь самоосознания и окунался в наслаждение чувств.

Случай с Риши не был исключением. На вопрос Прабхупады, что он делает со своей жизнью, Риши рассмеялся и ответил, что играет на саксофоне. Спрашивать о шестнадцати кругах и четырех регулирующих принципах просто не было смысла. Между тем Риши пытался уверить Прабхупаду, что с ним все в порядке:

– Сейчас я чувствую себя более свободным.

– Ты считаешь, у тебя есть свобода? – переспросил Прабхупада.

– Какая-то есть, – ответил Риши. – Я учусь и работаю.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать девять.

– Свободен ли ты не становиться старше?

– Нет.

– И в чем же твоя свобода?

– Меня это не волнует, – ответил Риши с коротким смешком.

– Понятно, а вот я об этом думаю. Мне семьдесят восемь. Я не хочу умирать, но все равно придется. И тебе придется состариться, хотя никому не хочется стареть.

Опираясь на философию сознания Кришны, Риши пытался поспорить с Прабхупадой, говоря, что старость, конечно, неизбежна, но, согласно закону переселения души, после смерти он вновь обретет свободу. К тому же свобода заключается не только в этом.

Но Прабхупада стоял на своем:

– Смерть неотвратима. Никто не хочет стареть – все жаждут молодости. Даже старики ходят на пляж, чтобы поправить свое здоровье. Я хочу быть молодым, но не могу. Так где же свобода?

Прабхупада говорил долго – ради блага Риши и ради блага других преданных, присутствующих в комнате. Люди, одурманенные майей мнят себя свободными. Но алкоголик или наркоман, валяющиеся на улице, тоже считают себя свободными, хотя за свои деяния они предстанут перед строгим судом материальной природы. Преступник бросает вызов законам штата, но его ждет тюрьма. Кто же тогда может назвать себя свободным?

– Потому Кришна и говорит: – объяснил Прабхупада, – «отдай свою маленькую свободу Мне».

Слова Прабхупады о ложной свободе попали не в бровь, а в глаз. Не прошло и двух часов, как он развенчал все ложные представления, имевшие место в Лагуна-бич. Риши продолжал улыбаться и спорить, но в глазах Прабхупады он был лишь сбившимся с пути мальчишкой. У Прабхупады не было никакого желания с ним спорить – он лишь хотел помочь заблудшему ученику. Однако Риши, воспользовавшись своей незначительной свободой, бросил представителю Кришны вызов и сделал выбор в пользу молодости, наркотиков и музыки.

Тут двери комнаты отворились.

– Это профессора из числа наших прихожан, Шрила Прабхупада, – объявил Прабхупаде один из преданных.

Прабхупада приветствовал новых гостей и усадил их напротив себя, на подушки.

– Мы с этим юношей беседуем о свободе, – сказал он. – Я утверждаю, что никто из нас не свободен. Мы все находимся в постоянной зависимости. А каково ваше мнение?

Один из профессоров поддержал Прабхупаду, и разговор продолжался еще более часа.

Когда встреча подходила к концу, к Прабхупаде подбежал Саумья, трехлетний сын Упендры. Прабхупада дал ему несколько монет со стола, и мальчик побежал к матери, чтобы передать деньги ей.

– Когда я был ребенком, – погрузился в воспоминания Прабхупада, – если у меня появлялись деньги, я отдавал их маме. Но когда я на нее обижался, то требовал их вернуть. Иногда я таскал деньги из маминого кошелька, чтобы сходить в кино на Чарли Чаплина.

Больше всего ему нравилась сцена из фильма «Тяжелые времена», где Чарли Чаплин сидит за столом с ножом и вилкой, и собирается съесть ботинок.

* * *

Сан-Диего

27 июля 1975 года

В предрассветных сумерках автомобиль со Шрилой Прабхупадой мчался по автостраде в направлении Сан-Диего. Прабхупада спешил на праздник в парке Бальбоа. Дорога пролегла через Сан-Клементе, где в то время проживал экс-президент Америки Ричард Никсон. Прабхупаде было известно о разоблачении Никсона и его отставке, и он часто упоминал об этом в лекциях – иногда для того, чтобы проиллюстрировать, что даже самые могущественные люди не застрахованы от беспокойств и потерь, а иногда – чтобы показать, насколько необходимо правильно обучать людей обязанностям четырех естественных сословий общества.

Кто-то из преданных заметил, что Никсон живет здесь как изгой, презираемый согражданами.

– Тогда вы должны попытаться проповедовать ему, – сказал Шрила Прабхупада. – Если он потерял все, и ему остается только сокрушаться, возможно, он сможет услышать послание Абсолютной Истины.

Аналогичный подход Прабхупада пытался применить и к Махатме Ганди.

В Парке Бальбоа Прабхупада с удовлетворением увидел установленные преданными палатки и разноцветные тенты, а также сцену, которую соорудили на лужайке. Но стоило ему начать лекцию перед большой толпой народа, как из толпы раздался мужской крик. На вопрос Прабхупады, чего хочет этот человек, один из преданных ответил:

– Он говорит, что ему мало секса раз в месяц, Шрила Прабхупада.

– Он нарушает порядок, – сказал Прабхупада в микрофон.

После нескольких напряженных мгновений, Прабхупада продолжил лекцию.

– Неудивительно, что этот человек заговорил о сексе – весь мир околдован сексом.

Прабхупада решил построить речь вокруг неожиданно поднятой проблемы. Он процитировал утверждение Прахлады Махараджи, что все хитросплетения материальной жизни берут свое начало в сексуальном удовольствии, которое, в сравнении с духовным наслаждением, убого и отвратительно.

– Подлинное счастье, – заверил Прабхупада, – лежит за пределами чувств. Любое наслаждение грубых органов чувств носит временный характер, тогда как вечное наслаждение находится за пределами материального мира.

– Итак, этот человек, – продолжал он, – говорит, что хочет секса хотя бы раз в месяц. Это дозволено. Через пять дней после окончания у жены месячных супруги могут вступить в связь ради зачатия благочестивых детей.

Чтобы описать процесс очищающих половых отношений в браке, Прабхупада употребил специальный ведический термин гарбхадхана-самскара. Преданные поразились, что перед толпой сексуально раскрепощенных жителей Южной Калифорнии Прабхупада заговорил о том, что секс допустим только в браке и предполагает ответственность. Как правило, если он и касался этой темы, то только в письмах к домохозяйкам. Но, уж коль скоро американцы помешаны на сексе, Прабхупада против него не возражал. Он лишь настаивал, чтобы семейные люди ограничивали половые отношения и брали ответственность за появившихся в их результате детей, ибо безответственный секс приводит к страданиям.

– Мы не отвергаем половую жизнь, – объяснял он, – но следует подходить к ней ответственно. В противном случае, человек ввергается в бездну греховных деяний. Секс дозволяется только раз в месяц – таково предписание Вед, поскольку менструации у женщин происходят один раз в месяц. Половые отношения предназначены для зачатия достойных детей, а не для чувственного удовольствия. Лишь в том случае, если люди упорядочат свою сексуальную жизнь, мир не превратится в ад. Секс никто не отменяет, но только его регулируемая форма приводит к рождению здорового потомства и счастливой жизни.

Сейчас особое время. Если вы способны воспитать сознающих Кришну детей, вы исполните великое служение: мы нуждаемся в поколении людей, сознающих Кришну. Иначе мир превратится в ад. История знает великие империи – Римскую, Греческую, позднее империю Моголов и Британскую. Знает Наполеона, Гитлера и Муссолини. Но все эти могучие государства и великие люди пришли и ушли. Остались лишь имена. Я приехал в Америку, потому что слышал, как прекрасна ваша страна. Она и в самом деле прекрасна – ваши города, здания... и ваша молодежь. Большинство из моих последователей – уроженцы Америки. И они помогают мне расширять наше Движение.

Я хорошо изучил американцев. У вас доброе сердце. Единственное, чего вам не хватает – это сознания Кришны. За неимением его, при всех своих богатствах вы не чувствуете удовлетворения. Я слышал, что один из трех американцев регулярно обращается к психиатру. Почему? Почему вы несчастны? Почему вы должны быть несчастны? Вам дано все – пища, земля, деньги, разум – всего в достатке. С чего бы вам быть несчастными? Вы должны попытаться найти причину. А причина – в отсутствии сознания Кришны, сознания Бога, без которого никому не обрести счастья.

Аудитория притихла и слушала с большим вниманием. Прабхупада говорил минут сорок, касаясь разных аспектов философии сознания Кришны и под конец призвал американцев тесно сотрудничать с Движением сознания Кришны и тем самым обрести счастье. Его проповедь была встречена аплодисментами, а преданные весь оставшийся вечер продолжали петь, танцевать и угощать гостей прасадом.

Один индийский гость объяснял Прабхупаде, почему Индия вынуждена наращивать свое ядерное вооружение и военные силы. Но Прабхупада не принял его доводов. Причина, по его мнению, заключалась в отсутствии прирожденных кшатриев. Мужчины лишились доблести, поэтому у руля стоит женщина.

Газеты того времени пестрели материалами об американском торговом судне «Mayaguez», захваченном без предупреждения в двадцатикилометровой зоне территориальных вод Камбоджи. В ответ президент Форд занял жесткую позицию, отдав американской морской пехоте соответствующий приказ. В ходе операции по освобождению судна погибло пятнадцать морских пехотинцев, пятьдесят были ранены, а ВВС США нанесли по Камбодже бомбовый удар. Прабхупада поддержал тактику американского правительства по защите своих граждан за рубежом:

– Да, Америка должна быть сильной, – подтвердил он. – Но в первую очередь ей нужно принять сознание Кришны. Если бы американцы действительно были нацией, сознающей Кришну, то могли бы заявить: «Если хоть один волос упадет с головы нашего гражданина, мы применим силу».

Шрила Прабхупада говорил уверенно, делаясь своим видением могущественной Америки, ведущей весь остальной мир в сознании Кришны. Эти слова пробуждали в преданных чистые патриотические чувства, подобные тем, что были присущи людям древней ведической культуры, когда миром правили лидеры, сознающие Бога.

Следующим утром, перед выездом в аэропорт, Шрила Прабхупада отправился на прогулку в Парк Бальбоа.

– Вот счастливики, – произнес он, наслаждаясь пением птиц, – клюют плоды, да распевают по утрам.

Рамешвара: Когда мы объясняем людям, что в следующем рождении они могут получить тело птицы или животного, они не имеют ничего против – ведь эти создания явно счастливее людей.

Прабхупада: Просто вы, негодяи, не знаете, что, вернувшись домой, к Богу, можно стать куда более счастливым! Вы не знаете об этом.

Преданным нравилось подсказывать Прабхупаде темы для обсуждения и выслушивать его комментарии. Перескакивая с предмета на предмет, преданные то приводили ужасающие примеры деградации современного общества, то выступали в роли агностиков, чтобы рассеять собственные сомнения, а то и просто обращали внимание своего духовного учителя на какие-нибудь виды или звуки. Но, о чем бы ни заходила речь, Прабхупада неизменно учил преданных тому, как воспринимать окружающий мир с духовной точки зрения, и тем самым являл им собственную чистоту и человеколюбие. Когда один из преданных сказал, что Бальбоа был первым человеком, увидевшим Тихий океан, Прабхупада сначала удивился, а потом усмехнулся.

– Здесь и до него были люди. Они просто этого не знают. Тихий и Атлантический океаны упоминаются в «Кумара-самбхаве», книге Калидасы-Кави. И Тихий, и Атлантический. Но эти глупцы – полные невежды. Они заявляют: «Я – первооткрыватель!»! Как будто до них никого не было. Ишь ты!

Прабхупада похвалил преданных за организацию фестиваля в парке и предложил им проводить такие программы каждый день.

– Вы так богаты, – посмеиваясь, говорил он, – вы сможете. Устройте нескончаемый праздник. Скажите людям: «Приходите. Отведайте прасад. Пойте «Харе Кришна»». Как, например, – как это называется? кто мне сказал? – постоянный массаж.

Тамала-Кришна Госвами: Да, есть салоны, где массаж делают круглосуточно.

– Круглосуточно, – рассмеялся Прабхупада, – вот так и у нас должно быть: бесплатный прасад, круглосуточно. Заходите. И не потому, что люди голодны.

Прогуливаясь по лугу, преданные увидели человека, стоящего на голове.

– Это кто-то из наших? – спросил Прабхупада.

– Нет, это йог, – рассмеялись преданные.

– Он хочет стать бессмертным, – пояснил Рамешвара.

– Нет, они так поддерживают здоровье, – уточнил Прабхупада.

Тамала-Кришна: Это полезно для здоровья?

Прабхупада: Да. Это называется ширшасана, стойка на голове. Есть много разных асан – ширшасана, падмасана, йогасана.

Тамала-Кришна: Мы их не практикуем.

– Да. Нам некогда. Мы слишком много спим, – язвительно заметил Прабхупада, рассмешив преданных. – Но в общем-то, занятия йогой – дело неплохое. Благодаря йога-асанам можно поддерживать хорошее здоровье.

Удивленный лестным отзывом Прабхупады о хатха-йоге, один из преданных задал вытекающий из всего вышесказанного вопрос:

– А если у нас будет свободное время, можем мы это делать?

Прогулка тем временем подошла к концу и Прабхупада с учениками вернулись к машинам. Шрила Прабхупада хмыкнул, как бы признавая, что ученик своим вопросом поймал его на крючок.

– Харе Кришна, – сказал он, и, садясь в машину, добавил: – Нет нужды.

Даллас

28 июля 1975года

- Свами, какова цель вашего визита? – спросил Прабхупаду корреспондент в аэропорту.
- Это мой дом, – ответил Шрила Прабхупада. Его ответ очень обрадовал учеников.
- Здесь много моих детей и внуков. Я приехал их навестить.

О гурукуле в Далласе Прабхупада упоминает даже в комментариях к «Шримад-Бхагаватам». Он пишет, что в собственной школе в Далласе, штат Техас, Движение сознания Кришны готовит юное поколение вайшнавов. На тот момент в ней проходили обучение более сотни мальчиков и девочек, и Шрила Прабхупада в своих поездках по Америке очень любил туда заезжать. Это был один из тех проектов ИСККОН в Штатах, в осуществление которых Прабхупада почти не вмешивался. Однако во время своих визитов он встречался с учителями, у которых всегда были вопросы. Поскольку это была первая подобная школа на Западе, а преданным очень хотелось, чтобы она действовала именно так, как того хотел Прабхупада, они советовались с ним об учебной программе, методах преподавания, правилах гигиены, досуге и т.д.

В 37-градусную жару мальчики ходили без рубашек, и Шрила Прабхупада включил в своей комнате вентилятор. Едва прибыв в свои апартаменты, Прабхупада пригласил к себе всех детей, вместе со взрослыми. Один за другим они входили в комнату, протягивали руку, а Прабхупада давал каждому по большой расагуле.

Вечерами он усаживался в кресло-качалку на газоне за храмом, и преданные обмахивали его большим опахалом из павлиньих перьев, а в листве деревьев громко стрекотали цикады. Он сидел среди цветущих туласи, в окружении учеников, и слушал чтение книги «Кришна». И для учителей это был не менее значимый урок по управлению гурукулой, чем все его ответы на их сложные вопросы. Вся жизнь гурукулы должна быть основана на повторении и слушании о Кришне.

Когда Брахмананда Свами читал историю о спасении Кришной своей возлюбленной Рукмини, Прабхупада неожиданно прервал его, сказав, что когда они взойшли на колесницу, и на них напали царевичи, Рукмини взяла в руки вожжи и сама управляла колесницей. Тем временем Кришна стрелял из лука и так разгромил врагов. Преданные были поражены. Многие из них хорошо знали книгу «Кришна» – но о подобных деталях в ней не упоминается. Никогда прежде они не слышали, что Рукмини сама управляла колесницей, и совершенно не представляли ее себе в такой роли. Но Прабхупада подтвердил, что она действительно бесстрашно правила колесницей на протяжении всего боя.

Слушая Прабхупаду, Даянанда, директор гурукулы, попытался сесть поудобнее и вытянул вперед ногу. Прабхупада повернулся к нему и строго сказал:

- Не клади ноги рядом с туласи. Она – чистая преданная.

Когда Брахмананда читал молитвы, описывающие Кришну как создателя материальных элементов, Прабхупада вставил:

- Если мы не верим, что небо сотворил Кришна, тогда кто это сделал?

Синее небо Техаса уже темнело в вечерних сумерках. Гости и преданные взглянули на него и вновь повернулись к Прабхупаде.

– Согласно «Бхагавад-гите», – сказал он, – Кришна сотворил небо – бхумир апо 'нало ваюх кхам. Мы должны изучить это – ахам сарвасья прабхавах. Небо – величайшая в материальном творении стихия, и его создал Кришна. Постигайте Его в этой ипостаси. Не увлекайтесь отношениями Кришны с гопи – вы только запутаетесь. Но чем лучше вы поймете Кришну, тем более стойким Его последователем вы сможете стать. Неавторитетные толкователи никогда не изображают Кришну созидающим небо. Их интересует только Кришна, танцующий с гопи. Так они пытаются найти оправдание собственной похоти.

Две далласские газеты поместили репортаж о приезде Прабхупады. «Даллас-таймс-геральд» опубликовала фотографию сидящего Прабхупады в гирлянде из роз, указательный палец его правой руки назидательно поднят. «Босоногий свами собирает восхищенную толпу последователей Кришны», – гласил заголовок.

Помимо упоминания о том, что Шрила Прабхупада был босой (на самом деле он носил обувь, но снимал ее, когда садился «по-турецки»), статья сообщала о полемике, развернувшейся вокруг преданных Кришны в Далласе. Это было связано с нотой протеста ИСККОН против

руководства аэропорта Далласа, наложившего запрет на распространение книг и сбор пожертвований на его территории.

– Полезная литература. Пусть продолжают в том же духе, – прокомментировал Прабхупада, ознакомившись со статьей. Читая ее, люди наберутся разума и будут знать свои конституционные права. В противном случае, они останутся мишенью для правонарушителей и не будут знать, что делать.

Больше всего интереса у Шрилы Прабхупады вызвало сообщение о том, как газетчики перефразировали его ответ на вопрос об индийских политиках.

...по словам Свами «госпожа Ганди склонна к духовности, и если она полностью ее разовьет, то положение улучшится».

От демократии не будет большой пользы, если те, кто стоит у руля общества, лишены духовных ценностей. Махатма Ганди был, по сути, диктатором, но в то же время – человеком высоких моральных качеств, поэтому люди приняли его. И диктатура может быть полезной, если во главе ее стоит духовно развитая личность».

Шриле Прабхупаде много раз приходилось отвечать на вопросы об Индире Ганди. Американское руководство критиковало ее новый правительственный курс, а комментаторы (в частности, в Чикаго) пытались истолковать высказывания Прабхупады в отношении женщин как критику премьер-министра Ганди. Но и в Чикаго, и в Далласе Прабхупада подчеркивал, что не проявляет большого интереса к политике, и дал понять, что без Кришны политика бесполезна.

Стремясь установить с индийским правительством дружеские отношения, Прабхупада избегал публичной критики политических лидеров Индии. Он неоднократно говорил о своем желании встретиться с премьер-министром, чтобы заверить госпожу Ганди в том, что Движение сознания Кришны делает доброе дело, направленное на благо Индии и всего мира, и просить ее содействия. Преданным всегда было трудно получать индийские визы. Им постоянно приходилось прерывать свое служение и покидать страну, чтобы открыть новую визу и вернуться обратно. Это требовало серьезных расходов. Отдельным преданным (главным образом из района Майяпура) было предложено вообще выехать из страны по причине обострения отношений с Америкой, недовольной политикой правительства Индиры Ганди. Недавно преданные из Дели сообщили Прабхупаде, что готовят его встречу с премьер-министром. Поэтому Прабхупаде понравился хороший отзыв об Индире Ганди, помещенный в «Даллас-таймс-геральд», и он попросил сохранить эту статью.

Утром в день отъезда в Новый Орлеан Прабхупада с учениками гуляли по берегу озера Уайт-Рок. В какой-то момент Прабхупада отстал от основной группы преданных и сказал слуге:

– Мне что-то нездоровится.

Несколько санньяси заботливо обступили его.

– И вчера я чувствовал себя неважно, – добавил Прабхупада.

– Может быть, это от жары, Шрила Прабхупада?

– Не знаю, от чего, но сейчас у меня болит голова и спазмы.

– Может, стоит отложить поездку?

Прабхупада промолчал. Он не исключал, что сильная жара могла ослабить пищеварение, но на вопрос, доволен ли он пищей, ответил:

– Не совсем. Повара постоянно меняются, и это нехорошо.

Брахмананда высказал предположение, что другая причина болезни Прабхупады – постоянные перелеты из города в город. Но когда он вновь предложил отменить визит в Новый Орлеан, Прабхупада сказал:

– Нет, нет, – и продолжил прогулку.

* * *

31 июля

По пути в Новый Орлеан разразилась буря. Шрила Прабхупада и Упендра, летевшие в салоне первого класса, смотрели в окно, когда за десять минут до предполагаемого времени посадки объявили: «Пристегните ремни!»

Неожиданно самолет резко пошел на снижение. Пассажиры вцепились в подлокотники кресел. Упендра, от страха лишившийся дара речи, подумал: «Даже если я погибну, ничего – ведь Прабхупада рядом». Падение лайнера прекратилось столь же внезапно, но теперь он стал

раскачиваться с боку на бок. Ящики для багажа, расположенные над креслами, сами собой раскрылись и на пол и на головы пассажиров посыпались их вещи.

– Почему так трясет? – спросил Прабхупада Упендру.

– Буря, – ответил Упендра. Он видел, что Прабхупада спокоен – точнее, слегка раздражен – не более, чем если бы задержался его обед.

Под проливным дождем пилоту все же удалось посадить самолет, избежав катастрофы. Всеобщий вздох облегчения сменился одобрительными возгласами пассажиров и аплодисментами. Шрила Прабхупада был все так же невозмутим и спокойно спросил Упендру, далеко ли до храма.

Под проливным дождем Шрила Прабхупада с сопровождающими его учениками подъехал к большому поместью на бульваре Эспланады. Нитьянанда, президент новоорлеанского храма, за две недели предупрежденный о приезде Прабхупады, наскоро перекрасил и привел в порядок все здания – как на территории поместья, так и на ферме у Миссисипи. Он объехал все рынки города, но так и не нашел горькую дыню, которую, как ему сказали, Прабхупада каждый день ел для улучшения пищеварения. Поэтому он обратился к одному из секретарей Прабхупады с просьбой привезти из Далласа несколько дынь. Как Нитьянанда, так и все новоорлеанские преданные были уверены, что как нельзя лучше подготовились к приезду Прабхупады.

Пока, опираясь на трость, Прабхупада медленно поднимался по широкой мраморной лестнице, преданные бросали вниз с третьего этажа лепестки цветов. Весь путь от машины до подножья व्याсаны, длиной в 75 метров, был устлан белой тканью в метр шириной. Прабхупада склонился перед Божествами Гаура-Нитай, Радха-Радхаканты и Господа Джаганнатхи и уже сел было на व्याсану, но, подумав, что утро закончилось, решил не начинать лекцию, а отправился к себе на квартиру, в соседнее здание.

Едва Прабхупада вошел в приготовленные для него апартаменты, как ему представили чиновника муниципалитета, который от лица мэрии Нового Орлеана пришел его поприветствовать. Прабхупада с благодарностью принял символический ключ от города и свиток с приветственным посланием высокому гостю. Воспользовавшись благоприятной возможностью, он тут же начал проповедовать своему гостю, видя в нем, однако, не представителя власти, а одну из обусловленных душ.

Когда приветственная суматоха утихла и Прабхупада смог, наконец, совершить омовение, принять прасад и немного отдохнуть, он пригласил к себе Нитьянанду. Тот вошел и поклонился. Грудь Прабхупады украшала свежая гирлянда, а лоб его был умащен сандаловой пастой. Оставшись с духовным учителем один на один, Нитьянанда испытывал смущение и трепет. Прабхупада взял со своего стола альбом с фотографиями фермы на Миссисипи:

– А знаешь, – сказал он, – я ведь приехал специально, чтобы увидеть вашу ферму.

На следующее утро перед рассветом Шрила Прабхупада выехал на ферму. Опять шел дождь. Дорога занимала два часа. К вечеру он собирался вернуться в Новый Орлеан, а на следующий день лететь в Детройт.

Полоса дождя закончилась только в районе Кэрриера (шт. Миссисипи). Из окна автомобиля Прабхупада смотрел на простиравшуюся перед ним холмистую местность. Ферма ИСККОН представляла собой чистый участок земли на возвышенности, окруженный сосновым бором. Прежний владелец использовал свои угодья под ранчо для разведения лошадей. Все постройки были в хорошем состоянии: современный кирпичный дом из четырнадцати комнат, большой амбар и несколько сараев. Прабхупаде место понравилось: оно напоминало Бенгалию.

Желая пообщаться со своим духовным учителем, на ферму устремились большинство преданных Нового Орлеана. Все они столпились в храмовой комнате, ожидая лекции по «Бхагаватам». Но, стоило Прабхупаде заговорить, как в комнату налетели тучи мух, которые с жужжанием стали садиться ему на голову и на тело. Кто-то из преданных пытался отогнать их чамарой, но безуспешно.

– Подойди ближе, – сказал Прабхупада. – Чамара специально предназначена для отпугивания мух. И ничего страшного, если она коснется тела.

К концу лекции Прабхупада заговорил о сельскохозяйственной общине.

– У вас хорошее место, хотя конечно, я видел не все. Грихастхи могли бы приезжать сюда, строить небольшие дома, выращивать злаки и овощи и получать от коровы молоко. Так вы сможете производить натуральные продукты и экономить время. Зачем ездить за сотнями миль в город, а потом обратно и принимать на себя столько хлопот, без которых вполне можно обойтись?

Оставайтесь здесь, сами выращивайте себе пищу, сами изготавливайте одежду. Живите мирно. Экономьте время и повторяйте «Харе Кришна». Вот настоящая жизнь, а не эти огромные суматошные города, где у людей ни на что нет времени. Чтобы увидеться с другом, надо проехать пятьдесят километров, чтобы посетить врача – восемьдесят, а чтобы добраться до работы – сто пятьдесят. Это что, жизнь? Конечно нет. Довольствуйтесь необходимым. Жизнь преданного – это прайоджана. Пользуйтесь лишь тем, что действительно необходимо, не создавая искусственных потребностей.

Шрила Прабхупада протестовал против чрезмерного использования механизмов: «Повсюду машины, машины, машины...» Он просил преданных показать практический пример простой жизни и прогресса в сознании Кришны. Если это удастся, люди будут стараться следовать за ними.

Хотя Нитьянанда и другие преданные жили на ферме уже много месяцев, слова Прабхупады стали для них руководством к действию и высветили цель всего проекта, точно вдохнув в него новую жизнь.

После лекции Прабхупада отправился к себе в комнату. Туда же пришли Брахмананда Свами, Сатсварупа-дас Госвами, Харикеша, Джагадиша и Упендра. Когда разговор зашел о варнашраме, Прабхупада послал за Нитьяландой.

– Попробуйте не использовать машин. Делайте все сами, с помощью животных, – посоветовал он ему.

На вопрос Нитьяланды, должны ли домохозяйства трудиться сообща или только своими семьями, Прабхупада ответил:

– Конечно, они должны работать вместе. Иначе какой смысл жить общиной?

Объясняя Упендре, как использовать молоко, Шрила Прабхупада рассказал об индийской деревенской традиции:

– Подобно Махарадже Нанде, многие жители в деревнях Индии занимаются разведением коров. Все надоенное за день молоко они сливают в большой котел, стоящий на медленном огне. Вся семья может пить молоко вволю. Все молоко, оставшееся к вечеру, сквашивают в йогурт и на следующий день используют для разных нужд. Оставшийся йогурт сохраняют про запас. Когда накапливается избыток старого йогурта, его сбивают в масло. Остающаяся после сбивания жидкость называется пахта. С ней вместо дала можно есть чапати. Это вкусно и очень полезно. А масло они перетапливают в гхи. Ни капли отходов.

Шрила Прабхупада сказал, что все могут пить столько молока, сколько нужно, а гхи можно поставлять в рестораны ИСККОН в крупных городах. Еще фермы могут снабжать рестораны творогом для приготовления сандеша, расагул и других блюд. Прабхупада подчеркивал, что ферма должна быть хорошо организована, и в ее жизни должны участвовать представители всех сословий: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Лень и праздность недопустимы.

– В противном случае, – сказал он, – люди будут осуждать нас за то, что мы уходим от реальности, чтобы есть и спать.

– Значит, использование техники нужно немедленно прекратить? – спросил Нитьянанда.

– Мы не против техники, – стал объяснять Прабхупада, – вы можете ею пользоваться. Но нельзя допускать, чтобы из-за техники люди оставались без работы. Вот в чем дело. Вы можете использовать механизмы, но в первую очередь обеспечьте работой каждого человека. Если у вас много рабочих рук, зачем вам техника?

В ведической культуре, объяснил Прабхупада, кшатрии взимали налоги и защищали жителей, а шудры трудились на полях и занимались ремеслами. Женщины готовили пищу, пряли, ткали и делали молочные продукты. А мясо разрешалось есть только людям низкого социального статуса, например сапожникам, использующим шкуры мертвых коров.

– Не так, что профессор такой-то-такой-то питается мясом. Вот до чего докатилось современное общество! Учитель – значит «брахман», а он мясо ест! Это ужасно! – негодовал Прабхупада. – Итак, делайте как я сказал, и организуйте все как надо. Я могу что-то подсказать, но жить мне осталось недолго. Если вы сумеете это осуществить, то сможете изменить весь мир. Если сможете изменить Америку, изменится весь мир.

Шрилу Прабхупаду переполнили эмоции, глаза его наполнились слезами.

– Это наш долг, – сказал он. – Чайтанья Махапрабху так объяснял пара-упакару: «Спасайте людей! Если не можете спасти всех, помогите, кому можете». Таково предназначение человеческой жизни. Это и есть сознание Кришны – выводить блуждающих во тьме к свету. Но не

думайте: «Сознание Кришны – моя профессия. Она дает мне пищу и кров». Такие представления бытуют среди индийцев. Этого не должно быть. Это пара-упакара, сознание Кришны. Тогда Кришна будет очень доволен. Ведь Он Сам нисходит на землю, чтобы дать это благо людям – так насколько же больше Он будет доволен, если это будете делать вы! Например, когда я объезжаю свои центры и вижу, что мои ученики делают успехи, и все идет хорошо, насколько же я доволен! Ведь тогда я смогу сохранить силы и посвятить остаток жизни написанию книг! Подобным образом, Кришна будет очень доволен вами, когда увидит, что, действуя от Его имени, вы пытаетесь спасти этих негодяев. Главное качество вайшнава – это пара-дукха-дукхи. Ему больно видеть страдания других. Таков истинный вайшнав.

С этими словами Прабхупада поднялся и покинул комнату.

Когда Харикеша сказал, что на то, чтобы приготовить обед, ему потребуется два с половиной часа Прабхупада ответил:

– Ты просто не умеешь готовить. Я тебе покажу – управлюсь за час.

– За час? – недоверчиво переспросил Харикеша. – Быть такого не может!

Прабхупада снял куртку и вошел в маленькую кухню. Преданные столпились в дверях и заглядывали внутрь. Прабхупада посмотрел на часы и засек время:

– Итак, сейчас двенадцать.

Он воспользовался своей «трехэтажной» латунной кастрюлей – той самой, которую привез в Америку еще в 1965 году. В нижнюю секцию Прабхупада налил воды и положил бобы мунг, в среднюю насыпал рис, а верхнюю заполнил нарезанными овощами: зеленым горошком, кусочками кабачка, картофеля и цветной капусты. Поставив пароварку на слабый огонь, он налил в сковороду немного гхи и тоже поставил ее на плиту. Затем нарезал баклажаны и обжарил их в горячем гхи, предварительно обваляв в куркуме и соли. Потом он замесил тесто и принялся раскатывать чапати. Время от времени он посматривал на часы, и через сорок пять минут снял с кастрюли крышку и перевернул ее вверх дном, чтобы в дальнейшем использовать как маленькую сковородку. Он налил в нее гхи, поджарил горькую дыню, а затем ловко бросил по щепотке кумина, аниса, чили и асафетиды. В конце Прабхупада слегка полил тушеные овощи лимонным соком. Через несколько минут обед был готов.

Прабхупада снова взглянул на часы.

– Прошел всего час, – сказал он, – а мы приготовили девять блюд. С этими словами он покинул кухню, а слуги принялись сервировать его поднос. Прабхупада попросил угостить прасадом всех, кто наблюдал как он готовит.

К пяти вечера Прабхупада отправился осматривать ферму. В коровнике он увидел телят, которые сосали молоко.

– А как вы используете быков? – спросил он.

– Чтобы пахать? – неуверенно, как ученик у доски, предположил Нитьянанда.

– Правильно, – подтвердил Прабхупада, – для вспашки земли и перевозки грузов. Каждый плуг могут тянуть два быка, и занимайте обработкой земли больше людей.

Пройдясь по сенокосным лугам, Прабхупада спросил, почему скошенная трава до сих пор не убрана. Нитьянанда объяснил, что сено не просохло после дождя. Прабхупада предостерег преданных, что дожди могут испортить сено, и его нужно побыстрее убрать. Зайдя на делянку сахарного тростника, площадью в гектар, они прошли один ряд и углубились в густые заросли, возвышающиеся на метр над их головами. Перейдя на другую сторону поля, преданные вышли на опушку соснового бора.

– Эти заросли – дар природы, – заговорил Прабхупада. – Вы срубаετε деревья, строите из них дом, а остатки древесины используете на дрова. Высвободившуюся землю можно вспахать и выращивать на ней пищу. Вот и все. Все естественно.

Прабхупада выразил сожаление, что современное человечество вырубает деревья, чтобы печатать горы бесполезных газет. Еще он осмотрел фруктовый сад, посаженный преданными на гектаре земли – мандарины, персики, груши и инжир, а также двадцать пять больших ореховых деревьев pekan.

Обнаружил Прабхупада и упущения. Специально по случаю его приезда Нитьянанда выставил в ряд всю имеющуюся в наличии сельхозтехнику: два трактора, большую силосоуборочную машину, сенокосилку, сенокосилки, ворошилки, воздухоудку и фургон. Но, увидев, что техника стоит под открытым небом, Прабхупада потребовал объяснения. Нитьянанда ответил, что построить навес пока не успели.

– А тем временем машины выйдут из строя, – сказал Прабхупада. – Пока вы его строите, техника заржавеет и придет в негодность.

Он произнес поговорку на хинди и перевел ее:

– Пока женщина наряжалась, чтобы пойти на ярмарку, та уже успела закончиться.

Преданные засмеялись, но Нитьянанда был серьезен.

– Или используйте машины по назначению, – продолжал Прабхупада, – или продайте, пока они в рабочем состоянии. Но не оставляйте их ржаветь.

Далее Нитьянанда повел Прабхупаду на поле площадью десять гектаров, где выращивали сорго. Зерно шло на корм скоту, а солома – на приготовление силоса.

– Все, что здесь растет, используется только для животных? – спросил Прабхупада. – Для людей ничего?

– Но коровы дают нам молоко, – объяснил Нитьянанда.

– Только для этого? – продолжал Прабхупада. – И вы не выращиваете злаки? Почему?

Дальнейших комментариев не потребовалось. Когда осмотр фермы подходил к концу, Прабхупада снова спросил Нитьянанду:

– Так для чего нужны быки?

– Чтобы пахать землю, – отчеканил Нитьянанда как прилежный ученик.

– Точно. Этого мы и хотим. Чтобы вспахивать поля и возить грузы. И пока наши люди не получают воспитания в сознании Кришны, они будут рассуждать: «Что еще за глупости – ухаживать за коровами. Лучше поехать в город, зарабатывать деньги и есть этих коров».

Устанавливая в своих храмах Божества Радхи и Кришны, Прабхупада давал подобное наставление: если преданные утратят энтузиазм, поклонение Божествам вырождается в формальный ритуал, и преданные будут только сердиться на духовного учителя за то, что тот повесил на них это бремя. Так и в общине – если преданные не используют надлежащим образом быков и молоко, они, в конце концов, захотят избавиться от животных. Но если преданные следуют наказам Прабхупады, то и сами они и их коровы и быки будут счастливо жить бок о бок, доставляя наслаждение Кришне.

Уже несколько лет Шрила Прабхупада давал практические советы для развития разных сфер Движения сознания Кришны, но во время посещения фермы на Миссисипи он впервые дал такое множество практических наставлений по построению общества варнашрамы. Довольный многообещающими перспективами этой общины сознания Кришны, Прабхупада вернулся к себе и сказал, что готов ехать обратно в Новый Орлеан. Так, в служении Кришне, прошел насыщенный, плодотворный день. Ему на смену шел другой.

* * *

Детройт

2 августа 1975 года

Альфред Форд, праправнук Генри Форда, увлекся сознанием Кришны после того, как встретился с некоторыми из учеников Шрилы Прабхупады в Детройте и прочел «Бхагавад-гиту как она есть». Он начал следовать принципам сознания Кришны и каждый день читать по шестнадцать кругов мантры. А теперь, получив духовное посвящение, стал учеником Шрилы Прабхупады, Амбаришей. Сегодня он приехал в аэропорт на белом лимузине «линкольн-континенталь» для того, чтобы встретить своего духовного учителя. Увидев его, Амбариша вышел из машины и поклонился. Как обыкновенный шофер, он открыл заднюю дверцу, усадил Шрилу Прабхупаду и вернулся на свое место.

– У нас, преданных, тоже есть машины, – сказал Прабхупада, когда они тронулись, – но мы ездим на них в храм или на распространение книг. В служении Кришне можно использовать все. Вот сын богача, Альфред Форд. Мы дали ему некоторое духовное знание, и он счастлив.

Ученицей Шрилы Прабхупады стала также Элизабет Рейтер, ныне Лекхашраванти-девидаси, дочь профсоюзного лидера из Детройта, Уолтера Рейтера. Амбариша рассказал Прабхупаде, что Форды и Рейтеры всегда враждовали друг с другом, но теперь двое их потомков рука об руку трудятся в сознании Кришны. Шриле Прабхупаде нравилась скромность этих двух учеников, и, хотя он в каком-то смысле выделял их среди других преданных, он никогда не придавал особого значения их происхождению. Амбариша и Лекхашраванти считали себя смиренными слугами вайшнавов.

По дороге в храм Прабхупада проехал мимо большого, современного здания, перед которым развевались флаги многих стран. Огромная вывеска гласила: «Международная штаб-квартира, Форд».

Один из преданных повернулся к Амбарише и спросил:

– Ты здесь работаешь?

С заднего сиденья раздался голос Прабхупады:

– Нет, он здесь хозяин.

Когда они проезжали мимо большого реконструируемого здания, Прабхупада спросил:

– А это что?

– Это здание называют центром возрождения Детройта, – объяснил Амбариша.

– Им никогда не возродиться, – ответил Прабхупада.

Детройтский храм разместился в старом кирпичном доме, храмовая комната находилась на третьем, чердачном этаже. Скоро истекал срок аренды, и Говардхана, президент храма, подыскивал новое место. Он показал Прабхупаде фотографии подходящих зданий, среди которых был также и особняк покойного владельца автомобильных заводов, миллионера Лоуренса Фишера. Говардхана предположил, что здание, вероятно, будет преданным не по карману, и к тому же расположено в плохом районе.

Однако Прабхупаду это предложение заинтересовало. Вообще, как правило, все, что преданные считали в недвижимости плохим, Прабхупада находил вполне приличным или, по крайней мере, легко исправимым. О высокой преступности в этом районе он сказал:

– Вам нечего бояться. Пойте «Харе Кришна» и угощайте людей прасадом. Приглашайте всех соседей, воров и жуликов, на прасад и киртан, и у вас никогда не будет краж.

Преданных, однако, это не убедило. Они стали объяснять Прабхупаде, что Детройт – столица американского преступного мира, и что район трущоб, где находится особняк, славится притонами наркоманов, грабежами и убийствами. Но Шрила Прабхупада повторил, что им нечего бояться.

– Я жил на Бауэри, – сказал он и стал вспоминать, как бродяги мочились под его дверью и валялись на пороге, но когда он приходил домой, они поднимались и говорили:

– Пожалуйста, сэр. Проходите, сэр.

– Покупайте дом, – сказал Прабхупада, – круглые сутки пойте в нем «Харе Кришна», а если придет вор, мы скажем ему: «Сначала отведай прасада, а потом бери все, что хочешь». Много ли с нас возьмешь?

Шрила Прабхупада вместе с Говардханой, Амбаришей и несколькими членами Джи-би-си поехали смотреть особняк. Их встретили хозяин и дама, которая представилась агентом по продаже недвижимости.

По мере того, как хозяин водил их по дому, дом этот нравился Прабхупаде все больше и больше. Роскошное здание, окруженное высокой каменной стеной, стояло на участке площадью полтора гектара. Вокруг дома был разбит небольшой парк, но все: и парк, и фонтаны, и плавательный бассейн – пришло в запустение. Некоторым преданным здание с его экстравагантным декором в стиле 20-х годов показалось кричаще-безвкусным, но Шрила Прабхупада видел, что в нем заложены огромные возможности.

Как только он вошел в вестибюль и увидел узорчатую итальянскую плитку и мраморные арки, на лице его заиграла улыбка. Войдя в холл, они увидели высокий потолок, украшенный лепниной в классическом стиле в виде листьев и розеток с расписанными вручную алебастровыми цветами. Они перешли в большой бальный зал с мраморным полом и высоким сводчатым расписным потолком, изображавшим синее сумеречное небо с облаками и звездами. Особое освещение создавало впечатление, что нарисованные звезды светятся. В конце зала возвышались три высокие мраморные арки – совсем как на эскизе алтаря, который Прабхупада сделал для своих храмов. Там можно было установить три алтаря, и бальный зал превращался в храм практически без переделок. Хозяину Прабхупада ничего не сказал о возможностях бального зала, но для преданных это было очевидно.

Затем они прошли на лодочный причал, который находился тут же, в здании. Здесь могли разместиться несколько яхт. От причала отходил канал, который впадал в протекавшую поблизости реку Детройт. Прабхупада заметил, что преданные могли бы приобрести яхту и использовать ее для проповеди.

Один за другим обходя великолепные залы особняка, Прабхупада и его спутники любовались резными колоннами из камня, расписными полами, итальянскими и греческими изразцами, потолками, украшенными росписью с позолотой. Во многих комнатах висели старинные хрустальные люстры. Гостиные, библиотеки, столовая, бильярдная, музыкальный салон, две спальни для хозяев и спальни для гостей – все поражало пышностью и великолепием.

– Тут каждая комната стоит всей суммы, – тихо сказал Прабхупада, обращаясь к преданным.

Владелец говорил о мавританском, испанском, греческом, итальянском и даже индийском влиянии. Он отметил, что две витые колонны с резьбой, которые они видели в столовой, вывезены из старинного европейского замка. Куда бы ни взглянул Шрила Прабхупада, всюду он видел роскошь: мраморный комнатный фонтан, стена, выложенная глазурованной плиткой, карнизы с ручной росписью. Даже просторные ваннные комнаты были выложены блестящим импортным кафелем и отделаны золотом.

Ознакомительный осмотр подошел к концу. Прабхупада и его ученики, а также хозяин с агентом по продаже недвижимости прошли во внутренний дворик и расположились за столом под тентом возле плавательного бассейна. Прабхупада уже сказал ученикам, что хозяин должен подарить это здание ИСККОН для миссионерских целей, и попросил Брахмананду Свами обратиться к нему с этой просьбой. Поскольку хозяин цену пока не называл, Прабхупада начал первый.

– Мы – нищие, – сказал он серьезно, но не без юмора. Амбариша и Упендра от неловкости потупили глаза. – У нас нет денег, – без смущения продолжал Прабхупада. – Поэтому мы просим вас: пожалуйста, пожертвуйте нам это здание.

Хозяин с недоумением посмотрел на своего агента и нервно засмеялся.

– Об этом не может быть и речи, – сказал он. – Я не могу этого сделать.

Агент тоже была потрясена и расстроена.

– Он не может, – прошептала она.

– Я не могу отдать его вам, – объяснил хозяин, – потому что, содержа этот дом, несу убытки и должен вернуть свои деньги. Этот дом – основная часть моего состояния.

– Ладно, – сказал Прабхупада, – сколько вы хотите?

– Ну, – ответил владелец, – мне нужно по крайней мере триста пятьдесят тысяч долларов.

Из преданных никто не решался сказать ни слова. Немного поразмыслив, Прабхупада ответил:

– Мы дадим вам триста тысяч наличными.

– Я должен подумать, – сказал хозяин.

Агент по продаже недвижимости встала и заявила, что сделки такого рода, как правило, не совершаются непосредственно с владельцем. Но Прабхупада оставил ее слова без внимания и заговорил с хозяином о том, какой красивый у него особняк, после чего встал и вместе со своими учениками вышел в сад, чтобы немного пройтись.

Говардхана спросил Прабхупаду, понравился ли ему дом.

Прабхупада сказал:

– Да, а кому же он не понравится?

– Амбарише не нравится, – сказал Говардхана.

– Правда?

Амбариша сказал, что считает этот особняк майей.

– Да, – согласился Прабхупада, – но майя – это тоже Кришна. Все можно использовать в служении Кришне.

Они вернулись из сада и прошли к своим машинам. Прабхупада спросил Амбаришу:

– Ну так что, это можно сделать?

– Да, Прабхупада, можно.

Как только они вернулись, Амбариша и Лекхашраванти стали совещаться. Наследство, которым располагала Лекхашраванти, было не слишком велико, но сто двадцать пять тысяч долларов она дать могла. Остальное должен был внести Амбариша.

На следующий день к Шриле Прабхупаде пришел хозяин особняка. С ним были две дамы, и все трое были навеселе. Он сказал, что принимает предложение Прабхупады. Прабхупада улыбнулся и еще раз подтвердил свою готовность купить дом.

После их ухода Прабхупада не скрывал своего торжества.

– Только посмотрите, – сказал он, – у меня не было ни цента, а я предложил ему триста тысяч наличными. И Кришна послал нам деньги.

Прабхупада сказал владельцу особняка: «Я – санньяси, и денег у меня нет». Даже теперь, получив от своих учеников триста тысяч долларов, он все равно оставался без денег. Через несколько дней он уехал в Торонто, не взяв себе ни цента. Все принадлежит Кришне, и все должно использоваться в служении Ему.

Торонто

7 августа, 1975 года

Несмотря на мучительную зубную боль и опухшую щеку, Шрила Прабхупада продолжал читать лекции, давать интервью и выполнять свои ежедневные обязанности. Он не мог жевать и ел только протертые фрукты. Когда преданные посоветовали ему обратиться к дантисту, он попросил их не волноваться – ведь к трудностям ему не привыкать.

Храм Торонто располагался в небольшом доме старой постройки, и Прабхупада хотел помочь канадским преданным переехать в другое место. Все агенты по недвижимости предлагали изумительное здание церкви в центре города. Президент храма, Вишвакарма, осмотрел здание, но владельцы запросили за него почти полмиллиона долларов, да еще и с большим задатком. Когда эту церковь увидел Прабхупада, он решил во что бы то ни стало приобрести здание. Если потребуется, он может отдать в качестве ссуды для храма Торонто всю выручку Би-би-ти за два месяца. Прабхупада отправил Уттамашлоку с предложением купить церковь за 300 000 долларов, но владельцы отвергли его вариант, заявив, что отказывались и от гораздо больших сумм.

Но Прабхупаду не покидала мысль приобрести это здание и он поделился своей мечтой с собранием индийцев, а когда программа подходила к концу, и гости просили Прабхупаду приехать еще раз, чтобы их благословить, он решил воспользоваться случаем и предложил присутствующим оказать помощь в сборе пожертвований для покупки здания под храм Кришны. Прабхупада обещал вернуться в Торонто, если сделка состоится. Тогда многие из присутствовавших индийцев дали слово оказать свое содействие.

* * *

В Торонто североамериканское турне Прабхупады неожиданно прервалось. Из Дели пришла телеграмма от Теджаса. Он сообщал, что, если Прабхупада хочет встретиться с Индирой Ганди, то должен немедленно приехать в Индию. В телеграмме не было никаких разъяснений, а секретарю Прабхупады так и не удалось дозвониться до делийского храма. Но Прабхупаде больше ничего и не нужно было знать. Как только появляется благоприятная возможность, говорил он, преданный должен действовать не мешкая.

Харикеша так распланировал поездку, чтобы они смогли остановиться на ночь в Монреале. Оттуда они полетят в Париж, где Прабхупада сможет отдохнуть перед тем, как отправиться в Дели. Как только весть о скором отъезде Прабхупады распространилась среди преданных, многие из тех, кто жил в Торонто, устремились к нему повидаться и получить последние указания. Из Лос-Анджелеса позвонил Рамешвара. Он требовал, чтобы Харикеша показал Прабхупаде список вопросов по Пятой песни «Шримад-Бхагаватам», в последнюю минуту возникших у редакторов. Однако все их вопросы касались описания структуры вселенной, и Прабхупада отказался на них отвечать, назвав их бессмысленными. Он велел Би-би-ти просто печатать все как есть.

Вернуться в Индию Прабхупаду заставляла не только перспектива встречи с премьер-министром Индирой Ганди, но и незавершенное строительство – в первую очередь, храма в Бомбее. Брахмананда Свами считал, что Прабхупада ждал лишь повода, чтобы прекратить поездку по странам Запада, вернуться в Индию и лично руководить строительством храмов. Прабхупада только что продиктовал письмо Сурабхи во Вриндаван, в котором выражал недовольство по поводу того, что без него дело не движется.

Ты только тем и занимаешься, что пишешь мне письма. Пока меня нет, ты ничего не можешь сделать и лишь забрасываешь меня письмами. Как бы там ни было, будь осторожен и следи за тем, чтобы в этой сделке [с покупкой земли] не было никаких тайных махинаций. Это очень рискованно, так что будь начеку. Пожалуйста, регулярно извещай меня о ходе строительства в Бомбее. Я очень беспокоюсь и буду рад, если смогу получать от тебя регулярные отчеты.

Преданных из Бостона, Нью-Вриндавана и Нью-Йорка известие о внезапном отъезде Прабхупады повергло в уныние – ведь теперь он не посетит их храмы! Они явственно почувствовали, что Шрила Прабхупада может оставить их в любой момент. Он не давал обязательств оставаться с ними, а они, в свою очередь, не должны расценивать его присутствие как нечто само собой разумеющееся. У них есть его наставления, и этого достаточно. Однако ученики по-прежнему ожидали от него принятия ряда важных решений. Так, преданные Бостона ожидали, что Прабхупада вместе с ними осмотрит новое здание, после чего, опираясь на его наставления, они смогут взять на себя ответственность за исполнение его воли даже в его отсутствие.

Преданные, которые успели принять Прабхупаду в своих храмах, лишь теперь до конца осознали ценность каждой минуты общения с ним и то, как важно черпать радость в личной встрече с духовным учителем, помнить об этом и следовать полученным от него наставлениям. Распространители книг знали, как важна для Прабхупады их деятельность, и это было для них лучше всякой награды. Сотрудники издательства в Лос-Анджелесе и не рассчитывали на долгое пребывание Прабхупады в Америке; они выполняли возложенную на них миссию – выпуск семнадцати книг за два месяца – и трудились день и ночь.

Путешествуя по Соединенным Штатам и Канаде, Шрила Прабхупада пребывал в настроении истинного странствующего санньяси. Своим примером он показывал членам Джи-биси, что их обязанность – не просто просиживать в офисах и управлять, но и путешествовать и проповедовать. Странствовать, подчеркивал Прабхупада, не означает бесцельно колесить по миру в поисках наслаждений. Путешествующий проповедник должен приносить Обществу сознания Кришны реальную пользу, что и продемонстрировал сам Прабхупада в гурукуле Далласа, на ферме на Миссисипи, на фестивале Ратха-ятры. В Детройте он приобрел особняк для преданных, в Торонто собирал у индийцев пожертвования для покупки прекрасного здания церкви. В Чикаго он явил пример бескомпромиссной проповеди на такие животрепещущие темы, как преступность и равноправие женщин. Конечно, ученикам не пристало тягаться с Прабхупадой или подражать ему, но перед ними всегда был образец его самоотверженной проповеди для Кришны.

Несмотря на выступления Прабхупады во многих городах Америки, большинство жителей этой страны не признавали его положения. Журналисты брали у него интервью, но их газетные статьи были настолько поверхностны, что не привлекали большого внимания. Для журналистов он был лишь очередной знаменитостью в бесконечном ряду лиц и событий. Господь Кришна в «Бхагавад-гите» признает, что из тысяч людей едва ли один стремится к совершенству. В неустанных поисках этого единственного Шрила Прабхупада являл весь свой энтузиазм и готовность проповедовать каждому. На Ратха-ятре и других массовых празднествах он предлагал миллионам людей хотя бы попробовать первый вкус той духовной жизни, которая могла перед ними открыться. Даже краткий миг общения с чистым преданным мог избавить их от тяжелой доли в их будущем воплощении.

Среди сотен тысяч тех, кто получил благо от короткого участия в массовых мероприятиях, в каждом городе находилось несколько счастливых, чья жизнь после знакомства со Шрилой Прабхупадой в корне менялась. Профессор Томас Хопкинс из Филадельфии, член Законодательного собрания Джон Портер из Чикаго, инспектор полетов в самолете до Сан-Франциско, благодарная мать из Филадельфии и многие другие признавались, что их встреча со Шрилой Прабхупадой стала судьбоносной.

Прабхупада часто называл особую причину своих поездок по миру. «Мой долг, – говорил он в Беркли, – встречаться с учениками, принявшими меня своим гуру, и не допустить их падения. Я стремлюсь им помочь».

Но особенно тепло слова его прозвучали в Далласе: «Здесь много моих детей и внуков, и я приехал с ними повидаться». Прабхупада был для своих учеников духовным отцом, а каждый центр ИСККОН был ему родным домом.

Объезжая свои центры на Западе, Шрила Прабхупада испытывал удовлетворение от того, что Движение его ширилось. Параллельно набирала силу и оппозиция, но Прабхупада видел в этом лишь еще одно доказательство истинности ИСККОН. Его изначальный план оставался неизменным и, путешествуя по миру, он постепенно претворял его в жизнь. Америка имела шанс стать страной, осознавшей Кришну – по крайней мере, ученики Прабхупады делали для этого все возможное. А если им это удастся, весь мир ожидает духовный подъем благодаря духовному влиянию Америки.

Прабхупаде нравилось проповедовать в Штатах.

– Большинство моих учеников, – говорил он, – уроженцы Америки и любезно помогают мне в расширении нашего Движения.

Но когда из толпы в Сан-Диего мужчина крикнул, что ему нужно больше секса, чем это позволено в сознании Кришны, Прабхупада сделал вывод, что хотя американцы добры по своей природе, из-за недостатка сознания Кришны они все больше запутываются, разочаровываются и деградируют.

Шрила Прабхупада прибыл в Америку в 1965 году, чтобы посеять семена сознания Кришны, и исполнил задуманное. Сейчас, имея центры по всей стране и всему миру, он убедился, что планы его не останутся голубой мечтой. Но понимал Прабхупада и то, что может не дожить до времени, когда сознание Кришны станет доминирующей силой в Америке и во всем мире.

– Эта работа не под силу одному, – говорил он, призывая американцев, индийцев и жителей всех стран и континентов принять участие в распространении миссии Господа Чайтаньи.

Однако лишь немногие соглашались ему помочь. С ними-то Прабхупада и работал. Поэтому поездки по миру были для него также возможностью укрепить организацию, пока это было в его силах. Его жизнь была отдана другим, и он не надеялся прожить долго. Он хотел продолжать проповедовать, расширять ИСККОН, спасая как можно больше потерянных душ. Он старался убедить своих искренних последователей и всех тех, кто читал его книги, что каждый человек должен принять на себя ту же миссию и жить ради блага других, распространяя сознание Кришны.

Глава сорок восьмая

В родной Индии

Помимо встречи с Индирой Ганди, у Прабхупады были, конечно, и другие причины вернуться в Индию. Свои поездки по центрам Запада он чередовал с периодическим пребыванием в родной стране. Движением своим Шрила Прабхупада руководил, путешествуя из храма в храм, однако в течение последних, по меньшей мере, пяти лет большую часть времени он посвящал Индии.

Его грандиозные проекты в Майяпуре и Вриндаване, призванные возвысить авторитет Движения сознания Кришны, были еще далеки от завершения, а «Харе-Кришна-Лэнд» в Бомбее по-прежнему представлял собой стройплощадку. В отличие от Америки и Европы, где Шрила Прабхупада вдохновлял преданных братья за управление самим, реализацией индийских проектов он вынужден был руководить лично. Иначе его западные ученики легко становились жертвами обмана и теряли присутствие духа. Необходимость постоянного контроля над ситуацией вынуждала Прабхупаду часто наведываться в Индию.

Кроме того, его тянуло в Индию. Он испытывал глубокое духовное влечение к святым дхамам. Вриндаван он считал своим домом, а Майяпур был местом его поклонения. В городах, подобных Бомбею, Прабхупаду привлекала уникальная возможность общаться со множеством людей и вдохновлять их на служение Кришне, а запланированная встреча с главой индийского правительства была редкой удачей, почти невозможной в странах Запада.

Помимо прочего, Индия была тем местом, где Прабхупада чувствовал себя дома, где он отдыхал душой. Отклоняя приглашения посетить отдельные города Соединенных Штатов, он писал: «Я не смогу приехать в Атланту. В Индии столько неотложных дел, да и здоровье не позволяет мне так много путешествовать». Прабхупада часто называл своим особым домом и Нью-Йорк, и Лондон и Лос-Анджелес, а Америку именовал своей отчизной. Но когда однажды один из преданных сказал, что родной дом Прабхупады все-таки в Индии, Прабхупада ответил на это:

– Мой родной дом – подобные лотосам стопы Кришны.

Как бы то ни было, по какой-то причине (или по ряду причин), Прабхупада обнаруживал стойкое предпочтение к пребыванию в Индии.

В Бомбее Прабхупада выразил недовольство медленным ходом работ в «Харе-Кришна-Лэнде». Дожди затопили фундамент, а то немногое, что было сделано, оказалось низкого качества. Строительство, сказал Прабхупада, должно завершиться за шесть месяцев, но, оценив происходящее, он произнес пугающие слова: «Закончите его, по крайней мере, пока я жив».

Сурабхи и Мурти показали ему проекты других храмов. Один заинтересованный человек из Неллора, что под Хайдарабадом, обещал пожертвовать землю, и преданные работали над проектом храмового комплекса, включающего в себя библиотеку и общежития. Прабхупада проекты одобрил. Здания самих храмов, по его требованию, должны были строго соответствовать указаниям шастр, но вспомогательные помещения могли включать в себя и элементы современной архитектуры. Кроме того, он просмотрел и одобрил проекты храмов в самом Хайдарабаде и на острове Фиджи.

Ранним утром следующего дня Шрила Прабхупада позвал Сурабхи и Мурти и снова стал с интересом расспрашивать во всех деталях об их планах. Времени у него было немного, поскольку он готовился к встрече с премьер-министром, и уже на следующий день выехал в Дели.

Нью-Дели

22 августа 1975 года

В 9:15 утра Шрила Прабхупада вместе с несколькими старшими учениками подъехал к резиденции премьер-министра, где их подвергли тщательному досмотру. За два дня до этого был убит премьер-министр Бангладеш, и ходили слухи, что следующей жертвой станет Индира Ганди, поэтому ее резиденция была оцеплена вооруженной охраной. Охранники у ворот заявили, что иностранцев не впустят, пройти может только Шрила Прабхупада. Один часовой открыл ворота, а

другой усадил Шрилу Прабхупаду в машину, которая доставила его к парадному входу в резиденцию премьер-министра.

А преданные, между тем, с беспокойством ожидали у ворот. Обычно Прабхупада везде ходил в сопровождении учеников. Подобно любящим родителям, ученики его беспокоились о нем, и в любой момент готовы были прийти ему на помощь.

Мелким, неразборчивым почерком Шрила Прабхупада набросал в маленькой записной книжке список вопросов, которые хотел обсудить с госпожой Ганди.

1. Разрешить иммиграцию пятистам иностранцам.
2. Все члены парламента – брахманы, имеющие духовное посвящение.
3. Санджая – царь.
4. Закрыть скотобойни.
5. Повторение Святых имен.
6. Мясо есть только дома, не в общественных местах.
7. Наказание за проституцию.
8. Никакой религиозной проповеди кроме «Бхагавад-гиты как она есть».
9. Все правительственные служащие должны участвовать в киртане, по меньшей мере, два раза в день.
10. Поддерживать сознание Кришны во всем мире.

Самый насущный вопрос стоял в списке первым: госпожа Ганди должна предоставить европейским и американским ученикам Прабхупады постоянные визы в Индию. Всего несколько недель назад в Майяпуре нескольким преданным-иностранцам было приказано покинуть страну. В течение многих лет Прабхупада обращался за постоянными визами к губернаторам, членам парламента и другим влиятельным людям, с которыми ему приходилось встречаться. Для того, чтобы продлить визу еще на полгода, преданным каждый раз приходилось выезжать из страны. Их беспрестанные поездки туда и обратно приносили немалые убытки, а вынужденные перерывы в служении создавали серьезные помехи в работе ИСККОН в Индии. Вот почему Прабхупада хотел, чтобы Индира Ганди разрешила пятистам ученикам-иностранцам постоянно оставаться в Индии.

Другие пункты в списке Шрилы Прабхупады отражали точку зрения Священных писаний. Следуя этим указаниям, премьер-министр одухотворила бы свое правление, подобно великим раджариши ведической цивилизации. Это были те же принципы духовного правления, которые Прабхупада проповедовал всегда и везде. Он был глубоко убежден в том, что если главы государств и правительств будут их придерживаться, на земле наступит эра покоя, процветания и счастья. Индире Ганди импонировала авторитарная форма правления, поэтому ей необходимо было руководствоваться в своих действиях предписаниями Вед. Тогда правление ее будет наиболее эффективным и принесет народу Индии благо.

Правительственный чиновник открыл дверь автомобиля, в котором сидел Шрила Прабхупада, и провел его в дом, прямо в кабинет премьер-министра. Когда Прабхупада вошел в комнату, госпожа Ганди встала ему навстречу. Хотя премьер-министр приняла его любезно и предложила сесть, он сразу понял, что она встревожена и боится за свою жизнь. Она сама призналась в этом и добавила, что сейчас не самое удачное время для встречи. Прабхупада чувствовал, что она предпочла бы вообще не встречаться с ним и приняла его только потому, что уже обещала. То, что она все-таки согласилась, говорило об ее склонности к духовной жизни, однако он понял, что сейчас не время обсуждать с ней задуманную им обширную программу действий.

Госпожа Ганди высоко оценила деятельность Шрилы Прабхупады по всему миру.

– Они – хорошие ребята, – ответил Прабхупада и попросил ее помочь с получением постоянных виз. Она согласилась, но снова заговорила о своих тревогах. Вскоре их беседа закончилась, и Шрила Прабхупада удалился.

Несколько дней спустя, все еще находясь в Нью-Дели, Шрила Прабхупада получил письмо от Рамешвары. Невероятно, но все шло к тому, что Би-би-ти в Лос-Анджелесе все-таки удастся выполнить указание Шрилы Прабхупады – издать за два месяца все семнадцать томов. Наборщики, редакторы, художники и рабочие экстатически завершали свой марафон, уложившись в график! Когда из типографии пришли первые книги, преданные преподнесли их Рукмини-Дваракадхише. Они плакали от счастья, снова и снова повторяя мантры, обращенные к Шриле Прабхупаде. Они чувствовали силу приказа духовного учителя и видели себя орудиями исполнения этой, на первый взгляд, невыполнимой задачи.

Сегодня наш наборщик закончил последние тома «Чайтанья-чаритамриты». В следующую среду, 20 августа, все тома уйдут в печать. Мы уже начали набирать Пятую песнь, которая будет сдана в типографию ко дню Вьяса-пуджи.

В конце письма они обещали прислать книги не позднее октября. Письмо подписали около шестидесяти преданных: «Ваши недостойные слуги из ИСККОН-пресс». От их имени Рамешвара заявил:

У нас не осталось никаких других желаний, кроме как миллионными тиражами выпускать Ваши трансцендентные книги и распространять их в каждом городе и деревне мира.

На следующий же день Шрила Прабхупада ответил им из Дели.

Что касается вашего желания издать все двенадцать песней, вы их получите – в этом нет никаких сомнений. Кришна непременно исполнит ваше горячее желание.

21 августа, в день явления Господа Баларамы, Рамешвара прислал Шриле Прабхупаде телеграмму.

МИЛОСТЬЮ ГОСПОДА БАЛАРАМЫ НИТЯНАНДЫ ПОСЛЕДНИЙ ТОМ ЧАЙТАНЬЯ-ЧАРИТАМРИТЫ СЕГОДНЯ СДАЕТСЯ ТИПОГРАФИЮ ВАШЕЙ МИЛОСТЬЮ И БОЖЕСТВЕННЫМ ПОВЕЛЕНИЕМ СВЕРШИЛОСЬ.

Несмотря на то, что Шрила Прабхупада уехал во Вриндаван, преданные сумели отправить ему сигнальные экземпляры первых томов «Чайтанья-чаритамриты» ко дню его восьмидесятилетия, 31 августа. Как только Прабхупада вернулся с церемонии, проводившейся в храме, во Вриндаван приехал преданный, который привез с собой последние шесть томов.

С наслаждением и чувством глубокого удовлетворения Шрила Прабхупада стал рассматривать новые книги. Ему понравились иллюстрации, и он сразу погрузился в чтение повествований об играх Господа Чайтаньи. Он почувствовал небывалый прилив вдохновения и даже сказал вриндаванским преданным, что подумывает о том, чтобы отказаться от всех поездок, остаться во Вриндаване и все свое время посвятить переводу книг. Преданные в издательстве ИСККОН так искренне отозвались на его просьбу, что Прабхупаде еще сильнее захотелось ответить им взаимностью. В письме «моему дорогому Рамешваре и компании» он писал:

Вы со всей серьезностью отнеслись к изданию и распространению этих книг. В этом – успех нашей миссии. Вы подошли к этой работе очень серьезно, и я знаю, что мой Гуру Махарадж доволен вами, поскольку именно этого он и хотел от вас. Благодаря тому, что вы сделали, все вы вернетесь домой, к Богу.

Однако желание Прабхупады обосноваться во Вриндаване и просто переводить «Шримад-Бхагаватам» пока оставалось только мечтой. Сейчас, находясь здесь, он не столько писал, сколько решал накопившиеся организационные вопросы. Четыре месяца назад он председательствовал на грандиозной церемонии открытия Кришна-Баларам-мандира, а теперь ему приходилось наглядно демонстрировать, как, согласно традиции, должен функционировать храм. Кришна-Баларам-мандир представлял собой ведический храмовый комплекс, расположенный в одном из известнейших святых мест, а потому постоянно находился на виду у местных священников и пандитов, искушенных в храмовых традициях.

Прибыв во Вриндаван, Шрила Прабхупада мгновенно выявил нарушения. Так, он обнаружил, что в гостинице, предназначенной для гостей, а не для преданных, проживают его семейные ученики со своими детьми. Прабхупада сказал, что это неправильно, и семьям было предложено подыскать себе жилье поблизости или же покинуть Вриндаван. Недостатки обнаружились и в управлении финансами, и в поклонении Божествам, и в уровне чистоты, и в поведении преданных... Вдобавок ко всему, требовалась переделка водопровода и системы канализации.

Почти каждый аспект храмовой жизни и каждый преданный требовали особого внимания Прабхупады. Даже в малейшем нарушении он усматривал корень всех проблем и тотчас на него указывал. Порой, получив выговор Прабхупады, ученики чувствовали себя уничтоженными – ведь они относились к его словам со всей серьезностью, как если бы те исходили от Самого Кришны.

Прабхупада был очень строгим прорабом. В шастрах говорится, что вайшнав «нежен, как роза, и грозен, как молния», но во Вриндаване Прабхупада проявлял качества скорее молнии, чем розы. Иногда новички воображают, что духовный учитель должен быть неизменно спокоен и удовлетворен происходящим, и именно это свидетельствует о его запредельном сознании, однако Прабхупада проявлял разные эмоции – в том числе и гнев.

Согласно «Бхагавад-гите», материальная форма гнева (кродха) возникает тогда, когда похоть (кама) не находит полного удовлетворения, поэтому истинный садху, лишенный похоти, не подвержен гневу.

Но вайшнавский поэт Нароттама-дас Тхакур утверждает, что в служении Кришне можно использовать и гнев. Он приводит в пример Ханумана, вечного слугу Господа Рамы, обрушившего свою ярость на Равану и других демонов, врагов Господа. А Рупа Госвами в «Бхакти-расамрита-синдху» говорит, что преданный не вправе безропотно сносить поношения в адрес Кришны или Его слуг – вайшнавов. В таких случаях трансцендентный гнев вполне оправдан. Кришна специально разжигал гнев в опустившем оружие Арджуне, призывая его сражаться. Битва на Курукшетре была всецело духовна, тогда как отказ Арджуны от сражения – материален.

Среди сентименталистов и имперсоналистов, однако, существует мнение, что садху не должен поддаваться гневу. Когда на фестивале в Дели, в большом пандале, Шрила Прабхупада позволил себе гневные слова в адрес оскорбителя Кришны, многие из присутствующих пришли в замешательство, а кое-кто даже покинул собрание.

Но ученики Прабхупады относились к его гневу с пониманием и даже приветствовали его – теоретически. На практике же вытерпеть это было далеко не просто. Духовный учитель должен пробивать ложное эго ученика, чтобы занять его в чистом преданном служении, поэтому гнев гуру полезен для ученика. Согласно Чанакье Пандиту, к сыновьям и ученикам нельзя проявлять снисхождения. Поблажки их только портят.

Однако во Вриндаване гнев Прабхупады носил не только воспитательный характер – того требовали обстоятельства: он хотел заложить прочный фундамент для своего храма и надеялся, что ученики достаточно преданы ему, чтобы вынести боль наказания и правильно его воспринять – как милость.

Предметом особой заботы Прабхупады было присутствие учеников на утренней программе. Он строго спрашивал с президента за регулярные «прогулы» отдельных преданных. Он говорил, что мангала-арати очень важно, и посещать его должен каждый. Не меньшее значение Прабхупада придавал и пунктуальности. Так, мангала-арати может проводиться в разное время, в зависимости от сезона, но всегда должно начинаться за полтора часа до восхода солнца.

Утренние прогулки Прабхупада планировал таким образом, чтобы вернуться в храм за несколько минут до открытия алтаря и получить даршан Божеств. Как-то поутру, стоя в окружении преданных перед закрытым алтарем, Прабхупада взглянул на часы.

– Сколько сейчас времени? – спросил он у Акшаянанда Свами. Зная пунктуальность Прабхупады, Акшаянанда ответил:

– Семь часов тридцать минут тридцать секунд.

– Как трудно быть брахманом – уже на тридцать секунд опоздали, – покачивая головой с видом покорности судьбе, сказал Прабхупада. – Почему они так долго одевают Божества?

– На это уходит полтора часа, – пояснил Акшаянанда.

– Они просто лентяи.

– А за какое время это нужно делать, Шрила Прабхупада?

– Максимум за полчаса, – ответил Прабхупада.

Акшаянанда поразился – он не знал пуджари, который уложился бы в столь короткий срок – и промолчал.

– А что тут сложного? – уверенно сказал Прабхупада. – Полчаса, самое большее.

Едва прибыв в храм, Прабхупада заметил, что дворик перед главным входом недостаточно чист.

– Почему здесь не убрано? – строго спросил он. – Вы должны до рассвета навести здесь порядок. Я хочу, чтобы дворик был чист.

Комендант храма, молодой австралиец английского происхождения Хари-шаури, считался ответственным за чистоту, однако большую часть работы ему приходилось выполнять самому. Узнав о замечании Прабхупады относительно дворика, он твердо решил, что будет поддерживать порядок сам. Сразу после окончания мангала-арати он выбежал во дворик, выливал на ступени и вымощенную каменными плитами площадку ведро воды и принимался неистово орудовать большой шваброй – так чтобы к приходу Прабхупады все сияло. К возвращению Прабхупады с прогулки все дорожки вокруг храма были чисты. Шрила Прабхупада ничего больше не говорил по поводу дворика, и это было расценено как хороший знак.

Многих усилий стоило Прабхупаде приучить преданных вовремя звонить в колокол на храмовой колокольне, и вообще звонить в колокол в храмовой зале. Прабхупаде очень хотелось, чтобы своим звоном большой колокол отбивал каждые полчаса и час. Звонить должен был храмовый сторож, чхаукидар, а Гунарнаве было поручено его контролировать. Но перебои со звоном неделя за неделей продолжались (особенно по ночам, когда чхаукидар имел привычку засыпать).

Для Шрилы Прабхупды этот беспорядочный звон был свидетельством невысокого уровня управления вриндаванским храмом.

– Я сужу о здешних порядках по звону колокола, – давал понять он.

Если ночной сторож спит, а управляющие храма не в состоянии выполнить простое требование, разве смогут слаженно функционировать храм и гостиница, со всеми их проблемами? Пытаясь решить вопрос с колоколами, Акшаянанда Свами и Гунарнава уже несколько раз сдавались – тем более, на них и без того висело много других обязанностей.

Но Шрила Прабхупада был неумолим. Когда звон запаздывал хотя бы на несколько минут, он сразу начинал выяснять причину. Ночами не спал, как правило, один только Прабхупада, но он сразу же будил Акшаянанду или еще кого-нибудь и делал им выговор за то, что колокол молчит. Как-то раз, в полночь, Прабхупада поднял Харикешу – секретаря, сопровождавшего его в поездках.

– Слышишь? – спросил он.

Харикеша напряг слух.

– Нет, не слышу.

– В самом деле не слышишь? – повторил вопрос Прабхупада.

– Простите меня, но – нет.

– В этом-то и проблема! Иди. Разбуди чхаукидара и заставь его отзвонить!

В темноте Харикеша отправился к звонарю, разбудил его и заставил ударить в колокол, а затем вернулся спать. Уснул и звонарь.

В половине первого ночи Прабхупада снова позвонил в колокольчик.

– А сейчас ты что-нибудь слышал?

– Нет, Прабхупада, – ответил Харикеша.

– Тогда иди и разбуди его снова!

Но звонить в колокол нужно было не только вовремя, но и правильно. Языки тяжелых бронзовых колоколов приводились в движение с помощью веревки. Прабхупада хотел, чтобы храмовый колокол звонил непрерывно в течение всего арати и киртана, и чтобы ввести это в практику, Гунарнаве потребовалось несколько недель.

С колоколом, что был под куполом храма, были особые проблемы, поскольку веревка, привязанная к его языку, терлась о каменную стену, отчего быстро рвалась. Толстый канат, который достал Гунарнава, лишь нарушал чистоту звучания и делал звук неровным, и Прабхупада сразу же это заметил. Гунарнава повесил цепь – оказалось слишком тяжело, нейлоновую веревку – порвалась. Вриндаван был небогат хорошими материалами, поэтому любые переделки приводили к простоям, порой по несколько дней. Задача казалась неразрешимой.

Тогда Прабхупада предложил Гунарнаве попробовать воспользоваться блоком. Но тот почему-то пренебрег его советом, решив, что веревка будет слетать со шкива. Когда кто-то из преданных все же купил блок, Гунарнава велел вернуть его в магазин.

Когда Прабхупада, пригласив к себе Гунарнаву, поинтересовался, где блоки, тот ответил, что они негодились.

– Негодяй! – рассердился Прабхупада. – Я прошу тебя купить блоки, а ты сдаешь их обратно!

Гунарнава попросил прощения и тут же сбегал за блоком. Но и он не помог. Тогда Гунарнаву осенила идея использовать кронштейн с отверстием. Следующим утром, выйдя из комнаты, Прабхупада прошел к фасаду храма, чтобы проверить колокол. Для Гунарнавы и других вся эта возня с колоколом становилась уже невыносимой.

– Давайте-ка послушаем, как звучит колокол, – сказал Прабхупада.

Что есть сил натягивая веревку, кто-то из преданных стал бить в колокол.

– Нет, не годится, – заключил Прабхупада.

Когда Гунарнава показал ему деревянный кронштейн с отверстием, Прабхупада одобрил идею. Гунарнава даже попытался улучшить работу устройства, смазав отверстие маслом. На какое-то время это помогло, затем веревка вновь оборвалась.

Беседы на утренних прогулках, как правило, касались организационных и административных вопросов. Прабхупада наставлял преданных в том, как избежать обмана, сохранить и накопить деньги, поддерживать в храме чистоту и т.д. Для учеников эти утренние прогулки не всегда были приятным времяпрепровождением – ведь слова Прабхупады были обращены к конкретным лицам и, как правило, носили характер критики.

Однажды утром Гунарнава пригласил Прабхупаду посмотреть на новую витрину с книгами. Искренне желая порадовать своего духовного учителя, преданные разместили витрину прямо внутри главного входа в храм, снабдив ее встроенной подсветкой и прилавком.

Организованная экспозиция была для управляющих храма предметом гордости. Подсветка работала, книги были расставлены очень аккуратно. Гопала Кришна, секретарь Джи-би-си по Вриндавану, также присутствовавший при осмотре витрины, в разговоре с Прабхупадой поделился мнением, что храм этот – первоклассный, и дела в нем идут хорошо. Вслед за ним достоинства витрины стали расхваливать Акшаянанда Свами, Гунарнава и другие. Но все это время молчавший Прабхупада неожиданно вспылал.

– Вы говорите, что все замечательно, но я-то вижу, что все из рук вон плохо! Взгляните-ка туда! – и он ударил тростью об пол, затем поднял ее, указывая вверх.

– Я преодолел шесть тысяч миль, чтобы ткнуть вас носом в птичье гнездо?

Присутствующие преданные, подняв головы, и впрямь увидели в люстре большое птичье гнездо с торчащей соломой. Только сейчас все заметили, насколько это грязно и неприглядно.

В своих письмах и книгах Шрила Прабхупада неоднократно объяснял, что одна из обязанностей духовного учителя – вскрывать недостатки учеников, даже если они незначительны. Перед лицом духовного учителя настоящий ученик всегда чувствует себя глупцом, лишенным духовного знания, а потому принимает полученные от учителя замечания как милость.

Как-то раз Шрила Прабхупада пригласил к себе руководителей храмов. Жалуясь на непомерные расходы во Вриндаване (а сейчас – и в Бомбее, где строительство только начиналось), он ждал от них не эмоций, а практических советов.

– Вы проматываете деньги здесь, – говорил он, – а Сурабхи – там. Как это остановить? Что вы предпримете?

Никто не знал, что сказать. Воцарилось долгое молчание.

– Станем сознающими Кришну! – наконец предложил Акшаянанда.

– Непрактичное предложение! – громко резюмировал Прабхупада. Акшаянанда Свами регулярно получал «удары молнии», но это ничуть не умаляло его желания общаться с духовным учителем. На одной из утренних прогулок Прабхупада говорил, что климат во Вриндаване очень суров – как летом, так и зимой, когда холоду сопутствуют дожди.

– Но Прабхупада, – сказал Акшаянанда, – даже если с неба хлынут потоки испражнений, мочи, гноя и крови, мы ведь все равно должны остаться во Вриндаване?

Прабхупада озорно улыбнулся:

– О, а что – обещают?

Преданные расхохотались.

В другой раз Акшаянанда Свами спросил:

– Правда ли, что, согласно шастрам, тот, кто опорожняет кишечник один раз в день – это йоги, тот, кто два – бхоги (чревоугодник), а тот, кто три – роги (больной)?

– Правда, – подтвердил Прабхупада, продолжая шагать, и немного погодя добавил. – Только не пытайтесь опорожнять кишечник раз в день.

– Аччха! – ответил Акшаянанда.

Шрила Прабхупада улыбнулся:

– Думаешь, что если испражняешься раз в день, значит ты йог?

Хари-шаури нечасто общался со своим духовным учителем. Но однажды во Вриндаване Прабхупада пригласил его к себе, чтобы указать на одно серьезное нарушение. Дело было в том, что, будучи комендантом храма, Хари-шаури попросил незнакомого пожилого человека не есть в храме прямо перед Божеством. Старик обиделся, и за него вступился какой-то молодой бенгалец крикнувший Хари-шаури, что тот не имеет права критиковать в храме кого-либо. Хари-шаури попытался не обращать на него внимания, но бенгалец не унимался, угрожая вышвырнуть его из

храма и срезать ему шикху. Дело закончилось тем, что Хари-шаури заломил юноше руку и велел чхаукидару его выдворить. Весть о случившемся быстро достигла Прабхупады, и он послал за Хари-шаури. «Это не к добру, – подумал Хари-шаури. – Духовный учитель впервые зовет меня к себе, да еще и по такому неприятному вопросу».

Прабхупада не стал сразу отчитывать Хари-шаури, а попросил его изложить собственную версию случившегося. Благодарный, Хари-шаури начал свой рассказ. Когда он дошел до того места, где пожилой человек пожелал обратиться к кому-то из старших, а он, Хари-шаури, указал на себя как на коменданта храма, Шрила Прабхупада его прервал.

– Хммм, – Прабхупада пронзительно посмотрел на ученика. – Комендант храма не значит «верховный главнокомандующий». И с чего ты взял, что перед Божествами нельзя вкушать прасад?

Хари-шаури не смог вспомнить точно и смущенно пробормотал:

– По-моему, я прочел это в одной из ваших книг, Шрила Прабхупада.

– Хммм, – Прабхупада вновь взглянул на него.

Он понимал, что оплошность ученика вызвана невежеством. Он не так давно приехал в Индию и не сознаёт, к каким последствиям могут привести его действия. На самом деле, учитывая тонкость отношений между преданными ИСККОН и жителями Вриндавана, Хари-шаури должен был стерпеть оскорбление. Это была ошибка, продиктованная незнанием, но неведение не служит оправданием.

– Ты совершил тяжкое оскорбление, – заключил Прабхупада. – Юноша пойдет и расскажет людям, как иностранцы выгнали его из храма. Это никуда не годится.

Прабхупада строго взглянул на Хари-шаури и приказал:

– Узнай, где он живет, и приведи его сюда. Уговори его вернуться.

Хари-шаури сбился с ног, весь день разыскивая молодого бенгальца, который предположительно остановился в гостинице в Матхуре. Но поиски были тщетны. Не солоно хлебавши, он вернулся в храм. К нему тотчас прибежал преданный – сказать, что Прабхупада зовет его к себе.

– О-ох-ох, – тяжело вздохнул Хари-шаури, – теперь уж мне точно несдобровать....

Комната Прабхупады была полна народу.

– Юноша сам пришел, – сказал Прабхупада, и, посмотрев вокруг, Хари-шаури вдруг увидел среди гостей молодого бенгальца.

– Харе Кришна, – сказал юноша и улыбнулся. Они обнялись, и стали друг перед другом извиняться.

– А теперь угости его фруктами, – сказал Прабхупада Хари-шаури, указывая на стоящую на полу корзину фруктов. Отпустив ребят, он продолжил проповедовать собравшимся гостям. Неприятность была улажена, но лишь усилиями Прабхупады, который сам изменил настроение бенгальца.

Дайви-шакти, одной из учениц Прабхупады во Вриндаване, также посчастливилось навлечь на себя критические замечания своего учителя. Она возглавляла преданных, убиравших апартаменты Прабхупады. Как-то раз он заметил, что зеркало протерто недостаточно тщательно, и спросил, кто за это отвечает.

– Дайви-шакти, – сказал слуга.

– Разве может она одна уследить за всем? – ответил Прабхупада. Замечание было сделано в мягкой форме – гораздо более снисходительно, чем в отношении руководителей храма, но Дайви-шакти восприняла это как указание быть намного более внимательной к деталям в своем служении.

Повар с кухни Божеств, Кишори-деви-даси, обратилась к Шриле Прабхупаде с некоторыми вопросами по своему служению.

– Готовь для Кришны, как для молодого человека с хорошим аппетитом, – посоветовал он.

– Кришне нужно подавать десять пури, четыре чапати, много риса, две самосы, две качаури, две вады и по две сладости каждого вида. Блюда нужно подавать горячими. Ну, вот, теперь ты должна всех научить готовить. Поделись со всеми полученным знанием.

В обязанности Кишори также входило в полдень приносить для Шрилы Прабхупады гирлянду. Чтобы гирлянда была прохладной, Кишори сбрызгивала ее водой. Два дня Прабхупада молчал, но на третий – не выдержал.

– Унеси гирлянду. Зачем ты брызгаешь на нее водой? Это очень неприятно.

Другой преданный, Вишала, придумал для себя весьма экстравагантное служение. Он вставал у ворот и, когда Прабхупада проходил мимо, громко декламировал санскритские стихи. Как-то утром Прабхупада приблизился к воротам в грозном расположении духа, а Вишала по своему обыкновению вышел ему навстречу, громко читая стихи.

– Почему бы тебе не заняться чем-нибудь полезным? – отрезвил его Прабхупада. – Убери-ка эту лужу!

Ежедневно Шрила Прабхупада дегустировал блюда, которые готовились для постояльцев гостиницы, и часто давал советы, как улучшить их качество. Нава-йогендра каждый день приносил Прабхупаде из ресторана поднос и записывал его отзывы по каждому блюду. На следующий день повара должны были учесть замечания Прабхупады.

Так происходило во всех подразделениях храма. Даже сидя в машине, он спрашивал преданных:

– Вы регулярно ее смазываете? Ухаживаете, как положено?

– Другие храмы – тоже мои дома, но вдали от родного дома, Вриндавана, – говорил Прабхупада.

Тем же, кто решался поселиться с ним рядом, приходилось мириться с его неусыпным контролем и беспощадной критикой. Они должны были быть готовы к тяжелому труду и аскезам. Но особые аскезы влекут за собой и особые благословения! Когда кто-то из преданных попросил позволения сложить с себя свои обязанности во Вриндаване и отправиться на Запад, чтобы основать там ферму, Прабхупада ответил, что даже если он организует двадцать ферм, это не будет настолько важным, как если бы он остался во Вриндаване. В конце концов, для тех, кто выстоял, трудности обернулись нектаром. Как говорил Бхактивинода Тхакур: «Сталкиваясь с трудностями в служении, я обретаю в них источник счастья».

На Радхаштами Шрила Прабхупада заложил первый камень в фундамент большой гурукулы, примыкающей к Кришна-Баларам-мандиру. В будущем, говорил он, гурукула должна принимать до пятисот учеников со всех концов земли. Величественный храм с гостиницей, а впоследствии и гурукула, по планам Прабхупады, привлекут во Вриндаван, под сень Господа Кришны огромное количество людей. Ради этой цели Прабхупада был готов пожертвовать всем – даже спокойной жизнью, посвященной литературным трудам. Но и от своих учеников он ожидал немалой жертвы.

* * *

Постоянные разъезды, сказал Шрила Прабхупада, становятся для него все более обременительными. Такова была одна из причин его возвращения в Индию. Но это вовсе не означало, что отныне он собирался сидеть на одном месте. Ведь если он прекратит поездки, созданная им организация утратит свою жизнеспособность. А потому он собирался путешествовать и дальше, невзирая ни на какие неудобства. Ученики со всех концов света постоянно просили его приехать, и вот недавно Пушта-Кришна Свами пригласил Прабхупаду в Южную Африку. Заручившись согласием своего духовного учителя, Пушта-Кришна быстро запланировал на октябрь большую трехнедельную программу в Дурбане и Йоханнесбурге, состоящую из десяти фестивалей и других мероприятий.

Прабхупаду просили приехать и преданные с Маврикия, где преобладает индусское население. Они сообщали, что с ним хочет встретиться сам премьер-министр. Прабхупада принял их приглашение. Он покинул Вриндаван и направился в Африку, с краткими остановками в Дели, Ахмадабаде и Бомбее.

Маврикий

1 октября 1975 года

Оказавшись в стороне от административных хлопот, Прабхупада с удовольствием принялся проповедовать заинтересованной аудитории. Знакомство с прессой и правительственными чиновниками Маврикия прошло весьма успешно, хотя большинство вопросов на публичных программах выдавали недостаток искреннего интереса к духовному знанию.

– Необходимо ли быть вегетарианцем?

– А правда, что душа скрывается в третьем глазе?

– Вы, кажется, чересчур догматичны. Неужели вы несколько не сомневаетесь в своей философии?

Но в целом публика была почтительна и считала Прабхупаду подлинным духовным лидером. Его визит продлился неделю.

Дурбан
5 октября

Это был первый приезд Прабхупады в Южную Африку. На протяжении двух лет преданные безуспешно пытались добыть ему визу, однако правительство с опаской относилось к иностранным миссионерам, и бюрократические проволочки затягивались на долгие месяцы. Преданным даже пришлось послать властям несколько книг Прабхупады для ознакомления.

Каждый вечер в течение недели Шрила Прабхупада давал публичные лекции. Аудитория всякий раз насчитывала не менее тысячи слушателей, большинство из которых составляли индусы, но было немало и белых. После лекции в университете Дурбана, Вествилле, один из преподавателей попытался дискредитировать философию Прабхупады.

– Это всего лишь точка зрения индуизма! – заявил он.

Прабхупада попытался еще раз объяснить, что принципы сознания Кришны универсальны и научны, но оппонент стоял на своем. Ректор университета, профессор С. П. Оливер, напротив, воспринял выступление Прабхупады доброжелательно, и после лекции между ними состоялась продолжительная беседа.

– Мне думается, вы правы, – начал доктор Оливер, – но из всей сегодняшней аудитории лишь несколько человек поняли, что то, что вы старались объяснить, есть научная реальность.

Йоханнесбург
12 октября

Встреча Шрилы Прабхупады в аэропорту Йоханнесбурга стала для Южной Африки событием, доселе невиданным: белые люди кланялись индийцу! Ученики арендовали для Прабхупады желтый «мерседес-бенц» и, не встретив никаких возражений, припарковали его в месте, предназначенном лишь для машин государственных чиновников и других высокопоставленных лиц. Когда Шрила Прабхупада вышел в вестибюль, преданные осыпали его лепестками цветов, а несколько молодых европейцев из толпы склонились перед ним. Впечатленные такой торжественностью, полицейские отдали Шриле Прабхупаде честь и почтительно открыли перед ним дверцу его «мерседеса».

В Йоханнесбурге, как и в Дурбане, лекции Прабхупады имели большой успех. Он очень хотел, чтобы на этих программах распространялись его книги, и даже подходил к книжным киоскам, чтобы спросить у учеников, как идет торговля. Ему хотелось, чтобы книги брали не только индусы, но и европейцы.

Прабхупада резко выступал против расовой дискриминации, однако, в отличие от Махатмы Ганди, арестованного в Южной Африке за откровенные высказывания, во всем ссылался на авторитет Священных писаний.

– Что это еще за деление на белых и черных? – возмущался он. – Это чепуха – мировоззрение, основанное на отождествлении себя с телом!

В Южной Африке заявления подобного рода могли быть с легкостью восприняты как политическая провокация, однако все присутствующие по достоинству оценили слова Прабхупады, понимая, что говорит он исключительно с духовного уровня.

Риддха, один из южноафриканских учеников Прабхупады, спросил у него с глазу на глаз, как быть с проявлениями расизма в Йоханнесбурге.

– Есть только один способ, – объяснил Прабхупада, – всеобщая хари-нама-санкиртана.

На вопрос Риддхи об организации сельскохозяйственной общины он ответил:

– Не торопитесь в деревню, проповедуйте в городах.

В целом, Прабхупада был очень доволен тем, что сделали за столь короткий срок в Южной Африке его ученики.

Пока Прабхупада проповедовал в Йоханнесбурге, Рамешвара со своей командой сдержали слово и вскоре вручили своему духовному учителю два тома Пятой песни «Шримад-Бхагаватам». Взяв книги с собой на лекцию в Университет, Шрила Прабхупада зачитывал цитаты из них, когда говорил о наставлениях Господа Ришабхадевы. Он начал со стиха, в котором Ришабхадева призывает своих сыновей не растрчивать жизнь на чувственные удовольствия.

Маврикий
24 октября

Прабхупада приехал на Маврикий, чтобы встретиться там с премьер-министром страны. В качестве дружественного жеста премьер-министр предоставил Шриле Прабхупаде на время его пребывания на острове машину с шофером. В один из дней Прабхупада решил отправиться на прогулку за город. Когда он уже собрался было сесть в машину с правой стороны, Пушта-Кришна Свами попросил:

– Шрила Прабхупада, сядьте, пожалуйста, с другой стороны. Так безопаснее.

Прабхупада послушно перешел на другую сторону. С полчаса они ехали по живописной местности, мимо полей сахарного тростника, затем дорога пошла в горы, возвышавшиеся над океанским побережьем. В одном месте они остановились и немного прошли по краю нависшего над морем утеса. Когда они вернулись к машине, Брахмананда Свами открыл было дверь с правой стороны, но Прабхупада, повторяя слова Пушта-Кришны, сказал:

– Нет, с другой стороны безопасней..

Через несколько минут, когда черный «ситроен» Прабхупады заходил на поворот, впереди показался «фольксваген», мчавшийся им навстречу по той же полосе. Прабхупада сидел за Пушта-Кришной, а Брахмананда – за шофером. За секунду до появления «фольксвагена» Шрила Прабхупада уселся на сиденье, поджав под себя ноги, упер трость в пол и оперся на нее.

Увидев летящий на них «фольксваген», шофер резко затормозил и свернул влево, но «фольксваген» повернул в ту же сторону. Машины столкнулись лоб в лоб. Пушта-Кришна ударился головой о ветровое стекло и пробил его. Шофер тоже ударился головой о стекло – лицо его заливала кровь.

Шрила Прабхупада с окаменевшим лицом продолжал сидеть на заднем сиденье. Брахмананда, в шоке, неожиданно обнял Прабхупаду, словно хотел защитить, хотя опасность уже миновала.

Затем Брахмананда выскочил из машины, чтобы остановить кого-нибудь из проезжавших мимо водителей. Пушта-Кришна вылез и открыл заднюю дверцу. Он увидел, что лицо у Шрилы Прабхупады все в кровоподтеках, нога кровоточит, а вокруг рассыпаны осколки стекла. Прабхупада молчал, и непонятно было, как он себя чувствует. Внезапно Пушта-Кришна осознал, что разбитая машина стоит прямо на повороте – положение весьма опасное. Он вышел на дорогу и встал рядом с Брахманандой, чтобы предупредить водителей и по возможности кого-нибудь из них остановить.

«Ситроен» и «фольксваген» были разбиты всмятку, мужчина и женщина, ехавшие в «фольксвагене», ранены. Вскоре преданным удалось остановить несколько машин, и пострадавшим оказали помощь, после чего Прабхупада с преданными пересели в одну из них и поехали обратно в храм.

Харикеша уже начал волноваться, недоумевая, почему Шрилы Прабхупады так долго нет, и тут совершенно неожиданно вошел Прабхупада – какой-то деревянной походкой, не говоря ни слова. Заметив, что все трое ранены, Харикеша воскликнул:

– Боже мой! Что случилось? Что случилось?

Но Шрила Прабхупада все так же молча прошел к себе и сел. Один из преданных принес бинты, чтобы перевязать самые заметные раны: подбородок, руку и ногу Прабхупаде, а также голову Пушта-Кришне и Брахмананде.

С момента аварии Шрила Прабхупада не проронил ни слова. Наконец он заговорил:

– Асанн апи клеша-да аса дехах, – и тут же перевел. – «Как только мы получаем материальное тело, на нас сразу же обрушивается множество неприятностей». Мы сидели себе спокойно в машине и вдруг – авария.

Он вкратце рассказал обо всем, что произошло, а Брахмананда Свами вспомнил, как перед самой аварией Прабхупада оперся на свою трость и благодаря этому избежал более серьезных ранений.

– Возьмите немного камеди и куркумы, – сказал Прабхупада, – смешайте их с небольшим количеством щелока и разогрейте.

Прабхупада снова говорил – цитируя «Бхагаватам» и давая практические медицинские советы. Но преданные все еще были напуганы происшедшим, и Прабхупада попросил их устроить киртан. Кришна спас их, сказал он. Учитывая, что обе машины разбились вдребезги, ранения были, в общем-то, пустяковые.

Прабхупада восседал, как герой битвы (раны на его теле в трех местах смазали желтой мазью), а Харикуша читал вслух из «Чайтанья-чаритамриты» – «Уход Харидааса Тхакура».

Затем Шрила Прабхупада заговорил об опасности путешествий и о том, целесообразно ли для него так много ездить. Его миссия – перевод «Шримад-Бхагаватам» и другой вайшнавской литературы – слишком важна для него, чтобы он мог позволить себе рисковать жизнью, разъезжая на автомобилях. Раньше он хотел посетить Найроби и только после этого вернуться в Бомбей, но теперь решил туда не ехать. Он сказал, что вообще не хотел уезжать из Бомбея, но, поскольку преданные в Африке организовали так много разных мероприятий, ему пришлось поехать. Авария, по-видимому, была знаком, указывающим на то, что ему пора возвращаться в Индию.

На следующее утро Прабхупада, как обычно, вышел на утреннюю прогулку. Он только слегка прихрамывал на левую ногу. Брахмананда Свами и Пушта-Кришна Свами ковыляли следом. Он снова заговорил с учениками о том, стоит ли ему ехать в Найроби или лучше вернуться в Индию. Чьявана, президент ИСККОН в Найроби, настаивал на том, чтобы Прабхупада все-таки туда поехал. Преданные ждут его, говорил он, и уже запланировали несколько программ с его участием. Если Прабхупада не придет сейчас, они еще долго его не увидят. Другие же категорически отвергали саму мысль о том, чтобы просить Шрилу Прабхупаду продолжать поездку теперь, когда он получил травму; Прабхупада должен ехать прямо в Бомбей.

Прабхупада выслушал обе стороны. Слова Чьяваны о том, что его отказ огорчит преданных в Найроби, повлияли на Прабхупаду сильнее, чем доводы о необходимости оправиться после аварии, и он решил ехать в Найроби.

Однако, пробыв там всего несколько дней, Прабхупада снова заторопился в Индию. Ему сообщали о неурядицах в бомбейском храме, о том, что рабочие, кладовщик и чхаукидары, сговорившись, воруют с его участка стройматериалы. Когда Шрила Прабхупада услышал об этом, он так расстроился, что даже прекратил переводить. Он даже есть перестал. За тысячи миль от Бомбея Прабхупада ощущал боль острее, чем находившиеся там преданные. Многие из них даже не подозревали о том, что их стройматериалы разворовывают. Когда Брахмананда Свами спросил Прабхупаду, почему он ничего не ест, тот ответил:

– Как я могу есть, когда меня обкрадывают?

* * *

Бомбей, 1 ноября

Самолет Шрилы Прабхупады прилетел из Найроби в Бомбей в час ночи. Несмотря на столь позднее время, у храма его встречали самые активные из свободных членов Общества, его ученики и даже некоторые жильцы стоявших на участке домов. Они проводили Прабхупаду до дверей его комнаты; Прабхупада подтвердил, что авария была серьезной, и даже показал шрам на колене. Он сказал, что рад вернуться в Бомбей. В письме из Бомбея он писал:

Авария была очень серьезной, но Кришна спас нас... Пожалуй, я на какое-то время останусь здесь – пока не закончится строительство храма на этой земле.

Отделение ИСККОН в Бомбее было конторой Шрилы Прабхупады, и он тут же взялся за дело. Он уволил инженера, обвинив его в халатности, простоях и краже стройматериалов. Сначала Прабхупада не хотел договариваться ни с одной из строительных компаний, а решил, что строительством должен руководить Сурабхи, который разделит работу между разными субподрядчиками, однако система эта себя не оправдала.

Шрила Прабхупада хотел ее изменить, но не знал, с чего начать.

– Мы пришли в сознание Кришны для того, чтобы жить в вечном блаженстве, – говорил он Сурабхи, – но вместо вечного блаженства я пребываю в вечном беспокойстве.

Он обратился к Сурабхи, Гирирадже и другим с просьбой что-нибудь предпринять.

Вскоре после этого один из свободных членов Общества, инженер-строитель, осмотрев стройку, сказал Шриле Прабхупаде, что храм и гостиницу можно без труда закончить за шесть месяцев. Тогда Прабхупада обрушился на Сурабхи, который утверждал, что шести месяцев недостаточно.

«Теперь я останусь ни с чем, – подумал Сурабхи, – и потеряю свое служение».

Затем другой свободный член Общества, господин Омкар Пракаш Дир, главный инженер в ЕСС (самой крупной и самой авторитетной строительной компании Индии) пришел на воскресный пир и заодно осмотрел стройку. Ужаснувшись низкому качеству работ, он заявил, что через два-три года здесь все развалится.

Гирирадже понравилась идея заключить договор с крупнейшей и самой компетентной строительной компанией Бомбея. Он поговорил с Прабхупадой, который проявил к этому плану большой интерес. Сурабхи сначала обиделся, решив, что у него отбирают работу, но после встречи с господином Диром тоже загорелся новой идеей.

Договор с ЕСС был подписан, господин Дир представил график работ, строительство было разбито на этапы, и в графике указывались сроки окончания каждого из этапов. Шриле Прабхупаде понравился их профессиональный подход к делу, хотя затраты на строительство, конечно, возросли. Зато теперь можно было надеяться, что работа будет выполнена на высоком профессиональном уровне и в сжатые сроки, а это было важнее всего.

В Бомбее Прабхупада оставался до конца ноября. Строительство шло быстро. Они могут себе позволить не экономить на мелочах, – объяснял он Сурабхи. Храм должен стать таким чудесным бриллиантом, чтобы взглянуть на него приезжали люди со всей Индии. На стройке во Вриндаване Прабхупада недоумевал: «Зачем так дорого? Нельзя ли попроще?» Зато здесь он спрашивал: «А почему не дороже?» Мраморный храм должен поражать воображение роскошью и красотой. Отель нужно сделать высшего класса, с прекрасно обставленными номерами и отличным рестораном. А концертный зал с системой кондиционирования воздуха станет одним из лучших в Бомбее.

– Почему полы не мраморные? – спросил Прабхупада о номерах в отеле.

– Это обойдется слишком дорого, – ответил Сурабхи.

– О деньгах можешь не беспокоиться, – сказал Прабхупада. – Можно положить на пол мрамор? Тогда так и сделай.

Сурабхи сделал, но попытался сэкономить на полах в коридорах и положил там более дешевый камень. Увидев это, Прабхупада остался недоволен.

– Все должно быть мраморным, – сказал он.

Деньги на строительство храма в Бомбее поступали, главным образом, от продажи книг в Америке, и Шриле Прабхупаде регулярно докладывали о ходе их распространения. 18 ноября Рамешвара прислал телеграмму с хорошими новостями.

ОТПЕЧАТАН 1 МЛН ЭКЗЕМПЛЯРОВ «НАЗАД К БОГУ» ПРЕДАННЫЕ КАК С УМА ПОСХОДИЛИ ОБЕЩАЮТ РАСПРОСТРАНИТЬ ВСЕ ЗА МЕСЯЦ ВЫШЛА ГИТА НА ИСПАНСКОМ ЭТО СОТНИ МИЛЛИОНОВ К ВАШИМ ЛОТОСНЫМ СТОПАМ ВСЕ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО ПО ВАШЕЙ МИЛОСТИ

Когда президент денверского храма ИСККОН спросил в письме, можно ли преданным открыть ювелирное дело, Шрила Прабхупада ответил отрицательно.

Зачем им заниматься бизнесом? Это испортит атмосферу. Мы будем заниматься только одним бизнесом – продавать книги. Как только вы из-за этого бизнеса станете карми и начнете гоняться за прибылью, вашей духовной жизни придет конец. Такого рода бизнес поощрять ни в коем случае не следует. Если мы будем заниматься бизнесом вместо санкиртаны, в этом не будет ничего хорошего. Санкиртана – это замечательно; грихастхи могут заниматься каким-нибудь другим бизнесом, но только при условии, что будут отдавать ИСККОН не менее 50 процентов. И все же самый лучший бизнес – это санкиртана.

Прабхупада считал, что с помощью распространения книг можно финансировать не только строительство храма в Бомбее, но и гораздо более грандиозный проект в Майяпуре. Распространение книг не только приносит немалый доход – это еще и наилучшая проповедь. У Прабхупады была особая формула – американские деньги плюс духовная культура Индии – и он вдохновлял Рамешвару развивать санкиртану в США согласно этому принципу.

У Америки есть деньги. По примеру взаимовыручки слепого и хромого, Индия и Америка могут прекрасно сотрудничать. Если мне удастся встретиться с Индирой Ганди, я расскажу ей о том, сколько иностранной валюты мы посылаем в Индию. Получив твое воодушевляющее заверение, что с ростом распространения книг возрастут и отчисления Би-би-ти, мы попробуем построить храмы на Курукшетре и в Джаганнатха Пури. Пока мы вкладываемся только в индийские проекты, но со временем будем строить храмы по всему миру. Это значительно поднимет духовный статус Америки.

Всегда и во всем полагайтесь на Гуру и Кришну, и вы обязательно добьетесь успеха.

Глава сорок девятая

Индия. Объединение ИСККОН

В течение 1975 года Шрила Прабхупада все чаще перепоручал решение административных проблем Руководящему Совету (Джи-би-си), особенно на их ежегодном собрании в Майяпуре. С самого начала существования ИСККОН Прабхупада говорил: «Одному человеку эта работа не под силу». Чтобы снять с себя непосильную ношу единоличного управления растущей всемирной организацией, он и создал Джи-би-си. «Всегда помни, – писал он одному из членов Джи-би-си, – ты один из тех лидеров, на которых я возложил эту ответственность... и задача твоя велика».

В развитии своего Движения Прабхупада усматривал явление необыкновенное, и его небывалый успех – прямое подтверждение тому, что его скромные усилия отмечены милостью Господа Чайтаньи. ИСККОН был его служением Гуру Махарадже, и ученики теперь должны поддерживать это Движение и расширять его, посвящая это служение своему духовному учителю. Прабхупада говорил, что, прежде, чем уйти из этого мира, он хотел бы воздвигнуть сто восемь великолепных храмов. А поддерживать в них жизнь – дело его искренних последователей. Своему представителю Джи-би-си по Австралии он писал:

Все храмы – в Мельбурне, Лондоне, Париже, Бомбее – просто великолепны. Все очень ярко и роскошно. Божества – показатель искренности служения. Теперь обязанность Джи-би-си – все это поддерживать. Их долг – воодушевлять и поддерживать преданных.

Проповедник сознания Кришны неизбежно сталкивается с трудностями, поэтому многие садху проповеди предпочитают проживание в святом месте. Но Бхактисиддханта Сарасвати и великие ачарьи сампрадаи Господа Чайтаньи стремились познакомить с преданным служением Господу как можно большее число обусловленных душ.

Однако, чтобы идти по этому пути, необходимо набраться терпения. Финансовые трудности, национальные и правительственные ограничения, невежественные или демонические враги чистой преданности Богу, зависть, личные амбиции и ссоры среди начинающих преданных, борьба с соблазнами незаконного секса и наркотиков, падения в этой борьбе – эти и многие другие препятствия во много крат усложняют миссию проповедника. Однако Шрила Прабхупада знал, что бороться все равно надо – даже если ему удастся спасти из круговорота рождения и смерти всего одну душу.

Но Прабхупада хотел, чтобы старшие ученики сражались вместе с ним. И когда он увидел, что некоторые из старших членов его Движения уже набрались опыта и искренности, он попытался передать дела им, чтобы самому больше сосредоточиться на миссии своей жизни – работе над двенадцатью Песнями «Шримад-Бхагаватам». Преданные постоянно горячо упрашивали Прабхупаду больше переводить и писать – ведь так они смогут читать и распространять больше его книг. Шрила Прабхупада отвечал, что старается изо всех сил, но такую работу нельзя делать механически – для нее требуется высокая концентрация и спокойствие ума. Однако осаждаемый десятками угрожающих и сложных проблем, писать спокойно он не мог.

Когда один из членов Джи-би-си, ответственный за гурукулу, написал Шриле Прабхупаде о своем плане, согласно которому все центры ИСККОН должны поддерживать образовательную систему, Прабхупада ответил: «Что касается налогообложения центров для содержания гурукул, этот вопрос необходимо решить в Джи-би-си».

Когда в стокгольмском центре возникли разногласия, и преданные вынесли свою проблему на суд Прабхупады, он ответил: «Этот вопрос необходимо решить на расширенном заседании Джи-би-си». И добавил: «Все наши ученики должны будут стать гуру, но им не хватает качеств».

Привязанность к сексу, ненужные перемены и ссоры среди духовных братьев – все это Шрила Прабхупада называл «болезнями» Запада. Сознание Кришны – путь к совершенству, и упорно и искренне следуя этим путем, преданные непременно добьются успеха.

Однако Прабхупада замечал, что болезни Запада порой одолевают его учеников, и, казалось, даже члены Джи-би-си не в состоянии их остановить. И все же, пока они не избавят его от этой головной боли, как сможет он заняться чем-то более возвышенным?

– Член Джи-би-си, – сказал он, – должен управлять так, чтобы не было никаких жалоб, и я мог спокойно заниматься переводами.

Он пояснил этот принцип в Четвертой Песни «Шримад-Бхагаватам».

Когда ученики подрастают и становятся способными проповедовать, духовный учитель должен удалиться от активных дел и уединиться, чтобы писать книги и совершать нирджана-бхаджану. Тогда он пребывает в молчании, совершая преданное служение...

Сейчас преданные Международного Общества сознания Кришны исполняют служение проповедников в разных частях света. Теперь они могут позволить своему духовному учителю удалиться от активной проповеди. На последнем этапе жизни духовного учителя проповедь должны взять в свои руки его ученики.

Но это было сродни попыткам обуздать ветер. Лишь только наваливались трудности, преданные тут же бежали к Прабхупаде, словно дети к отцу. Порой какой-нибудь ученик просил Прабхупаду писать книги и тут же сваливал ему на голову очередную серьезную проблему. Один из американских лидеров сообщал Прабхупаде, что некоторые преданные не следуют принципам. При этом он упрашивал его остаться в Индии и спокойно продолжать литературную работу. Прабхупада ответил:

Если старые привычки вернутся, всему придет конец. Как я смогу сосредоточиться на работе над книгами, если мой ум приходит в беспокойство от всего этого? Это невозможно. Лучше ни о чем не сообщайте и позвольте мне уединиться во Вриндаване.

Порой Шрила Прабхупада произносил фразу «позвольте мне уединиться во Вриндаване» так, словно собирался отказаться от управления своим Обществом – постоянным источником проблем. Но все знали, что он никогда не оставит ИСККОН – ведь он уже принес свою жизнь на алтарь спасения мира, руководя Движением сознания Кришны. Но когда же, наконец, созреют его ученики? Шрила Прабхупада писал: «Я хочу, чтобы Джи-би-си избавили меня от всякого бремени, связанного с управлением, а это значит, что им необходимо управлять так, как это делаю я». И часто говорил: «Делайте, как я».

Когда однажды ему сообщили о спорах и разногласиях среди секретарей Джи-би-си, он перепоручил решение этих вопросов им самим.

Я учредил Джи-би-си, чтобы мирно управлять делами, а вы уже переругались. Как я могу спокойно переводить? Пока все это нужно приостановить, а когда мы встретимся в Майяпуре, то сможем обсудить эти проблемы на расширенном заседании Джи-би-си. Вопросы, касающиеся «Духовного неба» и всего остального в этом роде, должны подождать до нашего заседания в Майяпуре.

Шрила Прабхупада продолжал возлагать на Джи-би-си ответственность за управление ИСККОН. К худу или к добру, он хотел, чтобы все его ученики признали полномочия руководящего органа. Прабхупада верил, что когда члены Джи-би-си собираются вместе, работая под его началом, то могут решить любые проблемы. А вот смогут ли они освободить его и дать ему спокойно писать книги? Сомнительно.

В 1975 году между некоторыми членами ИСККОН (включая отдельных членов Джи-би-си), начались споры того том, могут ли семейные преданные, грихастхи, становиться в Обществе духовными лидерами. Несмотря на то, что философия сознания Кришны недвусмысленно утверждает, что любой преданный, независимо от ашрама, может очиститься и обрести необходимую для этого квалификацию, спор разгорался.

В сентябре один из санньяси и членов Джи-би-си прилетел из США во Вриндаван только для того, чтобы сообщить Прабхупаде, что другой член Джи-би-си, грихастха, не достоин занимать руководящий пост. Однако Шрила Прабхупада отложил этот вопрос до ежегодного заседания Джи-би-си. А когда на следующий день от Рамешвары пришло письмо, в котором тот умолял Прабхупаду продолжать переводы, тот ответил, что и рад бы работать над книгами, но когда к нему, преодолев 16 000 километров, прилетает санньяси, чтобы пожаловаться на своего духовного брата, то... «Что я могу поделать?»

Если все вы, лидеры, не можете сотрудничать друг с другом, как вы можете ожидать, что другие будут сотрудничать с вами? Между вами могут быть расхождения, но все равно вы должны сотрудничать, в противном случае – как сможете вы избавить меня от стольких проблем и необходимости принимать решения?

К приближающемуся третьему ежегодному международному фестивалю и заседанию Джи-би-си назрел уже целый список накопившихся проблем, поднятых недовольными. Шрила Прабхупада должен был приехать в Майяпур 17 января, почти за два месяца до собрания Джи-би-си и слета преданных. На фестиваль собирались съехаться около тысячи его учеников, чтобы

радостно петь и танцевать в киртанах, посещать лекции и парикрамы. Ожидалось также разрешение вопросов. Прабхупада с самого начала ясно дал понять, что лучший способ устранить противоречия – это не сплетничать о них и не требовать принятия решений от него, а довериться Джи-би-си. Сам Прабхупада собирался поддерживать принятые Джи-би-си решения, или, если на то будет необходимость, поправлять их, поэтому искренние последователи должны, не колеблясь, следовать им.

Решения принятые на майяпурском заседании будут оставаться в силе в течение всего следующего года. Решение по любому вопросу будет приниматься большинством голосов членов Джи-би-си. Я не желаю принимать какие-либо решения без их вердикта. Единственное, чем я недоволен, это тем, что, хотя я назначил Джи-би-си, чтобы снять с себя административное бремя, жалобы и ответные жалобы продолжают стекаться ко мне. Как я могу быть спокоен? Поэтому лучше всего – подождать до майяпурского заседания и на нем сообща решить, что делать дальше. Если возникают какие-то отклонения, они будут рассматриваться на встрече Джи-би-си в Майяпуре. Как может один человек управлять делами всемирной организации?

17 января 1976 года

По пути из Калькутты в Майяпур Прабхупада остановился в манговой роще, чтобы позавтракать фруктами, вадой, орешками и сладостями. Не успев еще доехать до Майяпура, он уже наслаждался мирной атмосферой бенгальских деревень. Вскоре он будет в Майяпур-Чандродая-мандире, своем особом месте поклонения Верховной Личности Бога.

Более пятидесяти взрослых преданных и тридцать бенгальских мальчиков – учеников гурукулы – ожидали Шрилу Прабхупаду у ворот. В первый раз Прабхупада увидел огромный купол, недавно возведенный над воротами. Через ворота на уровне груди была протянута шестиметровая толстая цветочная гирлянда, перед которой стоял Бхавананда Госвами с небольшой шелковой подушкой, на которой покоились ножницы. Выйдя из машины на яркое солнце, Прабхупада взял ножницы и, улыбаясь, перерезал гирлянду, освятив тем самым новые ворота. Когда ворота распахнулись, со всех сторон раздались одобрителные возгласы, и Прабхупада, сопровождаемый восторженным киртаном, вошел на территорию комплекса. Направляясь к храму Радха-Мадхавы, Прабхупада повсюду видел распутившиеся цветы. Из глиняных горшков с курящимся ладаном поднимался ароматный дым, а женщины, стоя на веранде второго этажа дождем сыпали на приближающегося Прабхупаду розовые лепестки. Главное здание было изумительно украшено. Шагая под оранжевым шелковым зонтом, окруженный преданными и бурным киртаном Святого имени, Прабхупада казался царем-триумфатором.

Войдя в храм, украшенный десятками свисающих с потолка гирлянд, Прабхупада предстал перед золотыми образами Радхи и Мадхавы и распростерся перед ними в поклоне. Он чувствовал себя так, словно находился на Вайкунтхе. Благодаря усилиям преданных, сказал он, Кришна улыбается.

Позже, в тот же день, во время массажа, слуга Прабхупады Хари-шаури высказал мнение о том, что Майяпур – самое подходящее место для того, чтобы удалиться от дел.

– Вриндаван, либо Майяпур, – ответил Прабхупада. – Нигде более. Разумеется.

После полудня Прабхупада осматривал территорию и здания. Ему понравился просторный зал для прасада, рассчитанный на тысячу двести человек. Он заметил, что своими размерами это помещение напоминает ему железнодорожный вокзал в Бомбее. Заметив грязь на ведущих на кухню ступенях, он принялся строго отчитывать учеников, и один из преданных объяснил, что обычно ступеньки чистые, но сейчас тот преданный, который их всегда моет, читает джапу.

– Вы повторяете джапу, – сказал Прабхупада, – а здесь уже триста лет никто не убирал! Сначала наведите чистоту, а потом читайте джапу. Да они просто спят под предлогом джапы!

Он сказал, что всякий, кто обнаруживает присутствие гуны невежества, но ничего не предпринимает, чтобы исправить ситуацию, тоже находится под влиянием невежества.

Шрила Прабхупада спустился к Джаланги, чтобы посмотреть на катер, на котором преданные путешествовали из деревни в деревню. Поднявшись на борт, он стал расхваливать простую жизнь в путешествиях и проповеди. Потом Прабхупада посетил гошалу, посмотрел на телят и коров и выпил чашку сока сахарного тростника, выращенного на земле ИСККОН – это был первый его урожай в сезоне.

Пока Шрила Прабхупада шел через поля к тому месту, где в будущем должен будет вырасти город Майяпур, Сурабхи рассказывал о том, где можно разместить различные здания.

Прабхупада посоветовал показать план государственным чиновникам Западной Бенгалии и попросить их выделить необходимую землю.

Шрила Прабхупада продолжал думать о городе Майяпуре, и через несколько дней составил письмо главному секретарю правительства Западной Бенгалии, в котором просил того помочь с приобретением земли.

Не следует считать ИСККОН сектантской религиозной организацией, писал он секретарю. Наставления, которые Кришна дает в «Бхагавад-гите», начиная с того, что «мы не тело» – научны, а посему не принадлежат той или иной религии. Прабхупада заверял, что программы ИСККОН – особенно та, что планируется в Майяпуре – благодаря духовному образованию решат национальные и международные проблемы. Он упомянул некоторые стороны проекта, представляющие для главного секретаря особый интерес: вложение в проект иностранного капитала, приток в Майяпур туристов и вовлечение в строительство и обслуживание города тысяч местных работников. Только глупец мог отказаться от такого предложения.

Проект будет расти вширь от расположенного в центре здания культурной экспозиции. Центральное выставочное здание является первой фазой комплексного плана застройки. В этом здании разместится самый большой в мире планетарий под названием «Храм взаимопонимания». Сооружение будет иметь более тридцати этажей в высоту, и в нем с помощью прожекторов, макетов, диорам и фресок будут наглядно представлены все уровни вселенского творения, все многообразие условий жизни и все планетарные системы во всех подробностях. Там будут работать ежедневные выставки и экскурсии для гостей. На верхние уровни экспозиции посетителей будет поднимать движущийся эскалатор. Выставка планетария, отображающая различные уровни существования в этом мире и за его пределами, будет основана на научном исследовании ведических текстов, прежде всего, «Шримад-Бхагаватам». «Храм взаимопонимания» будет окружен дорожками, арками, садами и фонтанами. Четырехэтажные здания – каждое до трехсот метров в длину – будут стоять по периметру центрального участка со всех четырех сторон. В этих корпусах будет преподаваться основные и специальные дисциплины – начиная с азов и кончая аспирантурой.

В своем письме Шрила Прабхупада упоминал о трудностях в покупке земли для проекта ИСККОН, связанные с тем, что местные землевладельцы поднимают цены намного выше рыночной стоимости. Если правительство поможет приобрести землю по рыночным ценам, тогда ИСККОН сможет сразу же приступить к работе, торжественно начав ее в день явления Господа Чайтаньи Махапрабху, 16 марта 1976 года.

Одновременно с этим Прабхупада предпринимал и собственные попытки приобрести землю, необходимую для начала работ. На развитие майяпурского проекта уйдет много средств и много лет работы, но он того стоит, ибо с неиссякаемой силой будет проповедовать миру славу Господа Чайтаньи. Майяпур станет известным местом, куда люди будут съезжаться со всего мира, чтобы посмотреть на уникальное современное воплощение вечной ведической мудрости.

Прабхупада объяснил ученикам, что, хотя по традиции санньяси не связывается с деньгами, преданный всегда желает соединить Лакшми (богиню удачи, которую представляет богатство) с Нараяной (Богом). Он сказал, что известная поговорка «никто не слушает бедняка» справедлива, и если бы он приглашал людей на лекции А. Ч. Бхактиведанты Свами в чистое поле Майяпура, никто бы не пришел. В первую очередь это относится к людям Запада, которым легче слушать о Кришне в удобной, красивой обстановке. Поэтому, по замыслу Прабхупады, посетителям духовного города ИСККОН нужно предоставлять хорошее жилье. Постепенно такое динамичное представление сознания Кришны во всей его многогранности – художественной, философской и гуманитарной – произведет глубокое впечатление на весь мир.

Прабхупада попросил Сурабхи нарисовать генеральный план города Майяпур. Проработав всю ночь, Сурабхи набросал предварительный эскиз, отображающий отдельные городские районы для брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. На эскизе были нарисованы храмы, школы, улицы, тротуары, жилые здания, коттеджи, стадион и аэропорт, а также элементы самообеспечения, такие как ветряки, оросительные системы и сельхозугодия.

Когда Сурабхи принес эскиз на демонстрацию, Прабхупада принимал массаж. Его золотистое тело блестело от горчичного масла, а Хари-шаури бережно, но сильно растирал его голову, спину, грудь и конечности. Прабхупада сидел расслабленный и молчаливый, прикрыв глаза в медитации. Но когда вошел Сурабхи с эскизом Майяпура, он оживился. Эскиз Прабхупаде понравился, и он проговорил о нем около часа. Теперь Сурабхи должен был подготовить чистовой

проект и обратиться с ним к профессиональным архитекторам и в соответствующие правительственные службы. Преданные, приезжающие в Майяпур, тоже должны видеть этот проект. Сказочный и многообещающий, город Майяпур скоро станет реальностью.

Ближе к началу фестиваля начали прибывать санньяси, надеясь поближе пообщаться со Шрилой Прабхупадой, до того, как нахлынет основной поток преданных. Главной темой обсуждений среди них были споры вокруг роли мужчин-грихастх в ИСККОН и влияния женщин и детей на тех, кто находится в статусе санньяси и брахмачари. Некоторые санньяси предлагали структурировать ИСККОН более четко – а именно, отделить «отреченных» и проповедников от людей семейных. Они стали излагать свою точку зрения Шриле Прабхупаде, а тот выслушивал и поправлял их. Однажды на утренней прогулке Джаяпатака Свами спросил, каким требованиям должен отвечать человек, желающий принять санньясу.

– Чтобы стать санньяси, – ответил Прабхупада, – человек проходит три других ступени – становится брахмачари, грихастхой, а затем ванапрастхой. Шаг за шагом. Но если ему по силам, он может сразу принять санньясу. В этом случае критерий тоже очень прост. Если вы полностью сознаете Кришну, то можете сразу же получить право на это положение – брахма-бхуя калпате. Как только вы полностью посвящаете себя сознанию Кришны, то сразу же поднимаетесь даже выше положения санньяси.

Хари-шаури, грихастха, спросил, не является ли искусственное принятие отречения другой формой чувственного наслаждения.

– Как только мы что-то выдумываем от себя, – ответил Прабхупада, – это чувственное наслаждение. Когда мы думаем: «Я хочу исполнить свое желание», – это чувственное наслаждение. При этом я могу сидеть под деревом или во дворце – но в основе того и другого лежит принцип наслаждения чувств. Недавно я говорил о хира-чоре и кира-чоре. «Хира» значит «алмаз», а «кира» значит «огурец». Один думает: «Украду-ка я огурец», а другой думает: «Украду-ка я алмаз». Но и в том и в другом случае имеет место склонность к воровству. Человек может подумать: «Я краду всего лишь огурец. Ничего страшного», – но в глазах закона и тот, и другой – преступники. Поэтому, если мы что-то выдумываем: «Да, у меня есть склонность красть, но ведь я украду не алмаз, а всего лишь кира», – это выдумки ума. Такой человек – вор.

Джаяпатака Свами: Значит ли это, что жизнь грихастхи в сознании Кришны позволяет нам красть кира?

Прабхупада: Да, кира-чора. Охотник за проститутками – это хира-чора, а домохозяин – кира-чора. Только и всего.

Хари-шаури снова спросил, является ли чувственным наслаждением искусственное отречение. Среди учеников бытовали различные мнения, и они хотели от Прабхупады четкого и ясного ответа – так, чтобы одна из сторон не могла ссылаться на отдельные его высказывания, выдавая их за вселенские истины.

– Отречение – не искусственная вещь, – сказал Прабхупада. – Это процесс. Мы должны оставить наслаждение чувств. Поэтому следуйте этому процессу, чтобы измениться. Как иногда в клубах здоровья человека учат плавать на суше, так ведь? Он не в воде, а пока лишь воспроизводит движения пловца, но это нужно, чтобы научиться.

Даянанда: Но иногда тот, кто отрекся от мира, становится слишком гордым. Как это понимать?

Прабхупада сказал, что для того, чтобы развить в себе отречение, его необходимо практиковать.

– Каждый должен посещать мангала-арати, – сказал он. – Это обязательное требование. В противном случае, вы лишаетесь прасада. Если вы больны, тогда вам и есть не следует. Не должно быть такого, что под предлогом болезни вы просыпаете мангала-арати, а потом, во время прасада, обедаетесь.

Стремления «радикалов», жаждущих отделить грихастх от санньяси, не находили у Прабхупады отклика. Напротив, он придавал большое значение истинным качествам и практике каждого отдельного преданного.

На другой утренней прогулке Хридаянанда Госвами рассказал Прабхупаде о спорах между санньяси.

Хридаянанда: Мы думали, что в городах было бы хорошо организовать центры для проповедников. А женщин и детей гораздо легче содержать на фермах. Там они могут понемногу работать и выращивать себе пищу.

Прабхупада: Да. Они могут жить на фермах и делать какую-то работу.

Гурукрипа Свами: Но они не будут этого делать, Шрила Прабхупада!

Прабхупада: А вы не допускайте этого. Если они не следуют правилам и ограничениям, какой в этом смысл?

Другой санньяси сказал, что когда в больших общинах собирается вместе много семейных людей, на всех распространяется дух лени. А если вместе собираются много брахмачари (ради проповеди!), все сразу наполняется жизнью.

Прабхупада: В любом случае, каждый должен быть занят. Это главное. Праздники не должно быть места. Никогда не поощряйте лень. Если мы содержим лентяев, всему придет конец.

Преданный: Шрила Прабхупада, я слышал, вы как-то говорили, что наше Общество – не общество влюбленных, однако это по-прежнему имеет место.

– Да, я видел во Вриндаване, – ответил Прабхупада, имея в виду непристойное поведение двух своих учеников.

Последовали и другие жалобы. Один из лидеров стал говорить, что храм не должен нести на себе бремя содержания одиноких женщин с детьми. Другой пожаловался на то, что, продавая книги, брахмачари на самом деле поддерживают семейных людей.

Опираясь на философию и практику, Прабхупада отвечал, что все отклонения следует устранить. Чувственным уладам, лени и пропускам храмовых служб не должно быть места. Но вину за эти злоупотребления нельзя возлагать на какую-то определенную группу.

Вскоре после прибытия в Майяпур, Прабхупада затронул эту проблему в переписке. Из Калькутты ему написал Г-н Чаттерджи. Он сообщал о своей проповеди поклонения Господу Чайтанье и поделился желанием показать Прабхупаде некоторые из своих статей. «Я говорю о том, что мы можем увидеть нашего Бога, Гаурангу, приняв санньясу, – писал г-н Чаттерджи. – Грихастхи же могут достичь Бога благодаря нам-санкиртане». Шрила Прабхупада поддержал своего друга следующим ответом.

Ваша тема верна. Есть множество таких преданных Господа Чайтанья как Адвайта Ачарья, и даже Господь Нитьянанда, которые были грихастхами. Господь Чайтанья оставил жизнь грихастхи. Понимание Кришны – вот что все определяет. Будь человек грихастхой или санньяси – во внимание принимается лишь то, насколько он знает Кришну. Шрила Нароттама дас Тхакур пел: «грихе ва ване та 'тхаке, хе гауранга боле даке». Господь Чайтанья говорит: «Киба випра, киба ньяси, шудра Кене ная, еи Кришна таттва ветта, сеи гуру хая». Брахман, санньяси или шудра – кем бы ни был человек – зная науку о Кришне, он может стать духовным учителем. (Ч.ч. Мадхья 8.128) Так что, пожалуйста, приезжайте, и мы обсудим ваши статьи.

Отдыхая у себя в комнате, Шрила Прабхупада попросил своего временного секретаря Даянанду прочитать ему несколько последних писем. Первое было от одного президента храма, которому с трудом удавалось руководить преданными. Прабхупада попросил Даянанду изложить основные моменты письма.

– Он говорит, – сказал Даянанда, – что преданные не умеют себя вести, и он пытается их критиковать. Но они его не слушают.

– Одна лишь критика – это не наш подход, – заметил Прабхупада. – Наш подход – показывать пример.

Даянанда записал это, чтобы позднее напечатать ответ Прабхупады.

– Шрила Прабхупада, – продолжал Даянанда, – он спрашивает о своей семейной жизни.

– Укреплять половую и семейную жизнь не входит в обязанности гуру, – сказал Прабхупада. – Эти мужчины и женщины Запада несчастны. Они женятся, но не находят счастья. Поэтому я рекомендую образ жизни брахмачари и санньяси.

В комнате с Прабхупадой были и другие преданные. Джагад-гуру, брахмачари, сказал:

– У них столько проблем, потому что нет воспитания.

– Как бы то ни было, – сказал Прабхупада, – они несчастливы. Поэтому я рекомендую брахмачарью и санньясу.

Шрила Прабхупада уже сталкивался с беспокойствами, когда стал свидетелем примера неподобающих семейных отношений во Вриндаване. Теперь, услышав эти слова от домохозяина, задававшего неуместные вопросы по поводу семейной жизни, он вновь вспомнил о Вриндаване и попросил позвать своего секретаря Джи-би-си по Вриндавану, Гопала-Кришну, который недавно прибыл в Майяпур.

– Это не бесплатная гостиница для влюбленных! – начал Прабхупада, не успев Гопал-Кришна войти в комнату. – Вриндаван – не место для шуток. Они должны быть серьезны по отношению к Кришне, и тогда я дам им все. Не думайте о деньгах, распоряжайтесь. В деньгах недостатка нет! Чего недостает – так это хорошей организации. Почему столько детей в храме? Храм – не приют для незамужних женщин. А чтобы дети не носились сломя голову по всему храму, они постоянно должны быть чем-то заняты!

Шрила Прабхупада сказал, что если матери безответственны и хотят заботиться только о своих детях, их нужно выслать из Вриндавана. Какие-то две женщины могут взять на себя ответственность за детский сад и заботиться сразу обо всех детях, чтобы другие могли работать.

– Что это такое? – возмущался Прабхупада. – Ворковать на крыше под луной – и думать, как бы удрать?

Он сказал, что во Вриндаван приезжают люди со всей Индии, и потому центр ИСККОН должен стать во всех отношениях идеальным. В противном случае, люди подумают, что ученики его – обычные хиппи, и тогда в храм не придет никто. Майяпур, где уже была организована гурукула, являл собой хороший пример заботы о детях.

– Мы хотим, чтобы у нас были дети, – говорил Прабхупада, – но воспитайте их так, чтобы они стали драгоценными камнями, а не превратились в испорченных детей, хиппи, варна-санкару.

Что касается санньяси, строгие высказывания Прабхупады по поводу безответственной жизни грихастх лишь подогревали их аргументы. Некоторые из них посчитали даже, что грихастхи вообще не должны жить в храмах. В тот вечер, собравшись в комнате Прабхупады, санньяси заговорили с ним о положении семьи и детей в ИСККОН.

Один из санньяси сообщил, что ему запрещают проповедовать в некоторых храмах, потому что он выступает против брака и отдает предпочтение жизни брахмачари. Другие жаловались на то, что здания, на которые были потрачены огромные суммы денег, грихастхи используют главным образом в качестве жилья. От этого страдает проповедь, говорили санньяси, а если брахмачари чувствует сексуальное возбуждение, ему сразу советуют жениться.

Прабхупада почувствовал напор возмущенных санньяси и заметил наметившееся между ашрамами противостояние. Все это должно решаться Джи-би-си, сказал он, и никто не должен действовать вопреки их решениям. Однако к тому, что сказали санньяси, он отнесся с пониманием. Семейные люди, посоветовал он, могут служить в сельскохозяйственных общинах и жить в сознании Кришны на самообеспечении.

– Вся наша проповедь направлена на развитие отречения от материальной жизни, – сказал Прабхупада, – на то, чтобы полностью прекратить половую жизнь. Грихастха – уступка тем, кто не может полностью от нее отказаться. В противном случае, брак не требуется. Это просто ярмо на шее. Законный секс или незаконный – его последствия всегда создают трудности.

7 марта

Наконец, все члены Джи-би-си были в сборе. Процедура заседания предполагала составление повестки, обсуждение каждой темы и принятие решений путем голосования. В конце каждого дня члены Джи-би-си шли в комнату к Шриле Прабхупаде и зачитывали принятые за день решения, а он либо одобрял их, либо вносил поправки. Большая часть первого дня заседания ушла на распределение зон и обязанностей среди членов Джи-би-си. О результатах сообщили Шриле Прабхупаде, и тот их одобрил.

Прабхупада также обратился к проблеме грихастх и санньяси, сказав, что преданные должны привязаться к семье Кришны, а не семье «свиней». Жизнь санньяси подразумевала отказ от ложной семьи, но не от семьи Кришны! Общество сознания Кришны основано на отречении, сказал Прабхупада, поэтому все искренние преданные сродни санньяси. Одежда – белая или шафрановая – не играет большой роли, хотя идеальный грихастха должен, в конечном счете, официально принять санньясу. Он сказал, что все его ученики должны стать гуру, и каждый должен принять тысячи учеников, как это сделал он, тем самым повсюду распространяя сознание Кришны.

– Обсудите это на Джи-би-си, – сказал он, – и примите решение. Вынесите этот вопрос на повестку и проголосуйте. Но если вы создадите партию брахмачари, партию грихастх, партию санньяси – тогда все пропало. Все должно делаться в открытую. Мы должны работать для Кришны. К чему распускать эти слухи – шу-шу-шу? Это не очень хорошо.

На следующее утро, на прогулке по полям Майяпура, член Джи-би-си и его вице-председатель, Мадхудвиша Свами, спрашивал у Шрилы Прабхупады, как подготовиться к очередному заседанию.

Мадхудвиша: Темы, которые мы собираемся сегодня обсудить на совете, касаются роли санньяси, брахмачари и грихастх в ИСККОН. В восемнадцатой главе «Бхагавад-гиты», в одном из ваших комментариев, вы говорите, что санньяси не должен отговаривать молодого человека от вступления в брак. С другой стороны, мы понимаем, что санньяси должен вдохновлять молодого человека оставаться брахмачари. Мне кажется, здесь есть некоторое противоречие.

Прабхупада: Нужно учитывать время и обстоятельства. Как, например, Кришна говорит: ниятам куру карма твам: «Всегда выполняй свой предписанный долг». А в конце Он говорит: сарва-дхарман паритьядж्या мам экам шаранам враджа. Выбирайте сами. Это не противоречие. Это зависит от времени и условий.

Мадхудвиша: Но есть ли какой-то окончательный вывод?

Прабхупада: Истинная цель в том, что ты должен стать вечным слугой Кришны. Идешь ли ты путем кармы, гьяны или йоги – не важно. Конечная цель – достижение Кришны. Арджуна обрел благосклонность Кришны, сражаясь и убивая. Харе Кришна.

Больше Прабхупада не сказал ни слова. Он специально создал Джи-би-си чтобы решать подобные проблемы, и в своих письмах и книгах давал секретарям Джи-би-си личные указания. Теперь они должны были применять полученные наставления в соответствии со временем и местом.

Джи-би-си собрались и заседали весь день. К вечеру у них был список решений, касающихся различных ашрамов в ИСККОН. Незамужние женщины с детьми не должны жить в храмах ИСККОН. Семейные пары не должны проживать в храмах ИСККОН даже в том случае, если живут раздельно. Еще до вступления в брак преданные должны иметь источники средств к существованию и не ожидать, что смогут жить «за счет» ИСККОН. Вступив в брак, домохозяин становится материально ответственным за свою жену вплоть до принятия санньясы.

Как правило, когда перед Прабхупадой в его комнате зачитывались решения, он был немногословен. Чаще всего одобрением служил кивок головы – в редких случаях его сопровождал комментарий. Но, услышав слова о том, что незамужние женщины с детьми не должны жить в храмах, он произнес задумчивое «Хммм», и добавил:

– Что касается моего мнения, меня волнует лишь то, чтобы они не тратили свою ценную человеческую жизнь впустую.

Он говорил не как власть имущий глава общества, способный наложить вето на резолюцию, но смиренным тоном чистого преданного.

– После продолжительной борьбы, – продолжал он, – они обрели человеческую форму жизни, и я не хочу, чтобы они упускали эту возможность. Я не могу проводить различия – мужчина, женщина, ребенок, богатый, бедный, образованный, глупый... Пусть все приходят и принимают сознание Кришны, чтобы их человеческая жизнь не прошла напрасно.

Хотя у членов Джи-би-си, как правило, всегда находилось множество аргументов, услышав такие слова своего духовного учителя, они не проронили ни слова.

Наконец, заговорил Тамала-Кришна Госвами, избранный на пост председателя Джи-би-си сроком на один год:

– Да, Шрила Прабхупада, – сказал он. – Мы аннулируем это решение.

Не одобрил Прабхупада и резолюцию о том, что муж до конца своей жизни должен оказывать жене финансовую поддержку, пока не примет санньясу.

– Каждый из вас должен стать гуру, – сказал он. – Как у меня есть пять или десять тысяч учеников, так и у каждого из вас пусть будет по десять тысяч. И пусть древо Чайтаньи ветвится! Но вы должны быть духовно сильны. Это значит повторение кругов и следование четырем правилам. Мы делаем это не напоказ. Это не материальная вещь. Повторяйте Святое имя и следуйте четырем правилам, а в безвыходных ситуациях молитесь Кришне. У нас должен быть энтузиазм, вдохновение. Если мы утратим вдохновение, все ослабнет. В преклонном возрасте я покинул Вриндаван. У меня не было денег, ничего не было. Но я подумал: «Попробую».

– Вы по-прежнему полны энтузиазма, Шрила Прабхупада, – вырвалось у Бхагавана.

– Да, – Прабхупада улыбнулся. – Я чувствую вдохновение. Я не считаю себя стариком.

– Порой нам кажется, что это мы старые, – добавил Бхагаван.

– Никто не старый, – сказал Прабхупада. – На ханьяте ханьямане шарире. Мы должны придерживаться этого принципа благодаря духовному росту в сознании Кришны. Пхалена паричияте. Судите по плодам, а не по одежде. Так вы сможете понять уровень человека. Но, создавая партии, вы все разрушите. Иногда, в старости, человек сникает, однако я полон энтузиазма.

Прабхупада сказал, что доволен большинством решений – по ним видно, что Джи-би-си окрепло и готово, наконец, освободить его для работы над переводами. Он сказал, что в течение всего года преданные должны строго следовать решениям Джи-би-си, и без его санкции не должны вводиться никакие изменения. Любые необходимые изменения можно внести на следующем заседании.

Затем председатель Джи-би-си попросил всех членов принять решение по последнему оставшемуся в повестке дня пункту. Прения по этой проблеме уже проводились, но поскольку решение принято не было, председатель устроил голосование. Все проголосовали за, подняв правую руку. И Шрила Прабхупада также поднял руку. Ученики рассмеялись, очарованные таким жестом Прабхупады.

– Да, – сказал Прабхупада, – Я просто следую Джи-би-си. Как вы скажете, так я и буду делать.

Узнав о решениях Джи-би-си, многие президенты храмов выразили несогласие. Они знали, что Прабхупада одобрил решения, но сочли, что некоторые санньяси так могут истолковать эти резолюции, что они приведут к расколу в Обществе. Многие президенты храмов, будучи грихастхами, чувствовали против себя дискриминацию. Они хотели, чтобы и им предоставили возможность высказаться.

Прабхупада знал о недовольстве президентов и поднял эту тему на следующей утренней прогулке. Окруженный санньяси, членами Джи-би-си, президентами храмов и другими учениками, он заговорил, пытаясь наладить отношения в своей духовной семье:

– Я слышал, – сказал он, – что чрезмерная критика в адрес грихастх может вызвать беспокойства. Мм?

– Да, – признался Мадхувидша.

– Итак, – сказал Прабхупада, – Я думаю, что грихастхам самим нужно организовать небольшой комитет и четко определить, что они будут делать. Это лучше, чем что-то им навязывать. Ведь в этот век никто не может строго следовать всем ограничениям шастр.

Тамала-Кришна не согласился с тем, чтобы грихастхи пересматривали решения Джи-би-си.

– Разве хоть в одном из наших решений, – возразил он, – мы диктуем грихастхам, как жить? Решения говорят лишь о том, как должно функционировать наше Общество! Там не говорится о том, как должны жить грихастхи! А что касается спорных моментов, Прабхупада уже поправил нас!

– Думаю, можно принять по этому вопросу дополнительное решение, – продолжал Прабхупада. – Создайте небольшой комитет из трех-четырех грихастх, и пусть сами решают, как им жить.

Меняя тему, Прабхупада спросил о том, когда будет строиться пандал. На сегодня ожидалось прибытие трехсот пятидесяти преданных с Запада. Необходимо установить пандал со сценой, и вечером должна начаться праздничная программа с театральными представлениями. Но преданные были настолько увлечены проблемой грихастх и санньяси, что им не терпелось продолжать ее исследовать.

– В этом разница между духом наслаждения и духом отречения? – спросил Пушта-Кришна Свами, возвращаясь к прежней теме.

– Мм? – переспросил Прабхупада.

Несмотря на заданный вопрос, он сохранял нейтралитет и не собирался вставать на сторону одной из партий. Он высказал свое мнение по поводу того, что нужно делать, но его метод обучения был осторожным и постепенным. Он прекрасно знал, как трудно удовлетворить столь разные интересы своих горячих последователей. Многие годы он сам принимал окончательные решения и обучал учеников тому, как, действуя сообща, двигаться вперед. В очередной раз они поставили вопрос так, что решить его мог только он – если ученики послушаются.

Пушта-Кришна: Например, как мы уже обсуждали, у брахмачари и грихастх разные склонности. Брахмачари стремятся к отречению. Если брахмачари перестает жить как брахмачари

и становится грихастхой – это указывает на то, что он больше склоняется к духу наслаждения. По крайней мере, до какой-то степени. Как же быть в этой ситуации?

Прабхупада: Если вы хотите наслаждаться, кто вас остановит?

Тамала-Кришна: Но мы же не можем это поддерживать! Мы не можем поддерживать его наслаждения. Он сам должен взять за это ответственность!

Прабхупада: Согласно разным положениям и отношениям, существуют четыре ашрама – брахмачари, грихастха, ванапрастха, санньяса. Это значит, что все находятся на разных уровнях. Существуют разные уровни, но у всех ашрамов одна общая цель – избавиться от склонности к наслаждению. Вот чего мы хотим достичь.

Пушта Кришна: В «Шримад-Бхагаватам» мы читаем, что Шукадева Госвами приходил к семейным людям по утрам. Он задерживался у них на столько времени, сколько необходимо для того, чтобы дать им немного духовного знания, и взять молока. Из этого следует, что санньяси и люди, жившие в отречении, как правило, не испытывали особого желания общаться с домохозяевами из-за этого самого духа наслаждения и того общения, к которому он приводит. Поэтому и в нашем Обществе мы видим, что тем, кто склонен хранить целибат, общение с теми членами нашего Движения, в ком еще присутствует этот дух наслаждения, кажется несколько пагубным для духовной жизни.

Прабхупада: И что вы предлагаете? Выгнать их?

Мадхувидиша: Если у них не будет общения, они никогда не очистятся.

Тамала-Кришна: Нет, это не создаст проблем – ведь все собираются вместе для общения. Они собираются в храме на киртан, на лекции, на прасад... Эти программы для всех. Представители всех ашрамов должны участвовать в общих программах. Этого никто не отменял. Но жить они должны отдельно.

Прабхупада: Вы, даже живя в храмах, жалуетесь, что супруги разговаривают друг с другом.

Скромно и, казалось, даже с некоторой робостью, Прабхупада направлял ход беседы. Лучше, чем слова, он слышал мысли учеников, разделившихся на фракции.

Тамала-Кришна: Да, они говорят не о «Шримад-Бхагаватам».

Прабхупада: Это везде так.

Бхагавата: Иногда поступают жалобы, что со стороны брахмачари наблюдается слишком сильный фанатизм. Но разве это не является качеством брахмачари – здоровое презрение к чувственному наслаждению?

Прабхупада: Не понимаю.

Преданные тесным кольцом окружили Прабхупаду и его ученика, который поднял важный вопрос.

Пушта-Кришна: Он говорит, что иногда брахмачари и даже санньяси могут проявлять сильную антипатию к женщинам и семейной жизни. И порой грихастхи критикуют санньяси и брахмачари, называя это фанатизмом. Грихастхи говорят, что это тоже проявление духа наслаждения, потому что санньяси думает о том же самом, только с неприязнью. Поэтому вопрос Бхагаваты таков: «Что лучше – сохранять нейтралитет или проявлять неприязнь?»

Прабхупада: Все это фанатизм. Истинное единство – в продвижении в сознании Кришны. Калау настй эва настй эва... В Кали-югу мы не можем строго всему следовать – ни вы, ни я. Если я буду критиковать вас, вы начнете критиковать меня – мы с вами далеко уйдем от истинной жизни в сознании Кришны.

Пушта-Кришна: Итак, можно ли сказать, что если мы не сознаем Кришну, то все равно найдем себе объект для критики – если не семейную жизнь, то что-нибудь другое?

Прабхупада: Да. Мы всегда должны помнить, что, кем бы человек ни был – грихастхой, брахмачари или санньяси, никто не может строго следовать всем правилам и ограничениям. В Кали-югу это невозможно. Если я только и буду делать, что указывать вам на недостатки, а вы будете указывать мне на мои – мы просто перессоримся, и наше дело пострадает. Поэтому Чайтанья Махапрабху рекомендовал хари-наму, пение мантры «Харе Кришна» – и все устроится. В противном случае, духовное развитие невозможно. Мы только запутаемся во всяких деталях. Это называется ниямаграха. Кажется, я уже объяснял это.

Мадхувидиша: Да, в «Нектаре наставлений».

Прабхупада: Ниямаграха не нужна. Нияма значит «регулирующие принципы», а ааграха значит «не принимать». Термин аграха имеет прямо противоположное значение – чрезмерное пристрастие к регулирующим принципам, но без духовного продвижения. И то, и другое

называется ниямаграха. Общий принцип таков – ниямаграха нежелательна. Если мы продвигаемся в сознании Кришны, пользуясь простым методом повторения святых имен двадцать четыре часа в сутки – киртаниях сада харих – тогда все устроится само собой.

В Кали-югу вы не найдете примеров идеального следования всем правилам; это очень сложно. Как, например наш поэт, Ален Гинзберг, всегда упрекал меня: «Вы, Свамиджи, очень консервативны и строги». Я сказал ему: «Я совсем не строг и отнюдь не консервативен. Если бы я был консервативным, то не смог бы прожить здесь ни минуты». Поэтому я совсем не консервативен. Как-то я жил с одним юношей, Карлом Йоргенсом. Я готовил себе пищу и видел, что он хранит в холодильнике мясо для своей кошки. И, тем не менее, я держал свою пищу в том же холодильнике. А что делать?

Они говорили еще около часа, и Прабхупада дал очень четкие указания. Вопрос по-прежнему не был исчерпан. Однако стало ясно, в чьих руках власть.

Тем же утром, в колонне автобусов, следующих из калькутского аэропорта к окрестностям Майяпура подъезжали триста пятьдесят преданных. Большинство из них приехали в Майяпур в первый раз, и радость их с лихвой окупала усталость от долгого пути с Запада. Сбросив бремя мирских забот, они приехали в Индию, чтобы посетить Шридхаму Майяпур и вновь увидеть Шрилу Прабхупаду.

Через три часа пути автобусы достигли Майяпура. Вскоре после того, как они, сигналив почти без остановки, выехали на извилистую дорогу Бхактисиддханты, преданные один за другим увидели храмы Гаудиа Матха, Шривас Анган, самадхи Бхактисиддханты Сарасвати и место рождения Господа Чайтаньи Махапрабху. Деревенские жители – кто пешком, кто на рикшах, буйволы, козы и коровы поспешно освобождали дорогу. Люди с любопытством и удивлением глазели на огромную группу западных бхакт, приехавших отпраздновать Гаура-пурниму.

Наконец, на плоской равнине Майяпура преданные увидели очертания прекрасного розоватого Майяпур-Чандродая-мандира – дома, который построил для них Шрила Прабхупада, дома, о котором они столько слышали. Когда автобусы подъехали к воротам территории ИСККОН, преданные бурно выразили свой восторг, увидев новые купола и цветочные лужайки. Их желание видеть Шрилу Прабхупаду усилилось. Им еще предстояли некоторые формальности, связанные с регистрацией и получением комнаты, кое-какие сложности с размещением – но все это были мелочи. Они были дома, среди своих духовных братьев и сестер. Вскоре они смогут совершить омовение в Ганге и узнать расписание парикрам по святым местам.

Преданные отдыхали, встречались с друзьями со всех уголков земного шара, делились друг с другом последними новостями и слушали предупреждения опытных паломников о сильном течении Ганги и о том, как избежать дизентерии и избавиться от комаров. К началу вечера все они уже въехали в свои комнаты и приняли прасад. В маленькой комнатке над парадными воротами музыканты заиграли на шахнае вечернюю рагу. Небо потемнело, и преданные стали собираться в залитом светом храме на гигантский киртан.

Все эти преданные тяжело трудились по всему миру, и приезд в Майяпур был для них наградой за аскезы и терпеливое служение. Здесь они могли отдохнуть и насладиться духовной жизнью. Здесь им не нужно было ни за что отвечать. Единственная их обязанность здесь – это поклоняться Божествам, посещать лекции своего духовного учителя, петь и повторять «Харе Кришна» и просто думать о Кришне в вечной обители Господа Чайтаньи.

Услышав, что в Майяпуре – месте его поклонения – собралось почти шестьсот преданных, Прабхупада был очень доволен. Он спросил, хватает ли им прасада и мест, и достаточно ли насыщена и разнообразна фестивальная программа. Иначе, сказал он, если преданным нечем будет себя занять, они начнут болеть или сплетничать. Он сказал, что каждый должен повторять «Харе Кришна», посещать парикрамы и участвовать в кришна-катхе.

Некоторые из вновь прибывших, особенно президенты храмов, сразу оказались втянуты в раскол вокруг проблемы грихастх и санньяси. Теперь, когда все президенты храмов собрались вместе, общее недовольство заставило их провести особое заседание. Им не понравились решения, ограничивающие роль грихастх в ИСККОН, и в обсуждениях они выявили конкретного виновника всех своих бед. Большинство жалоб исходило от президентов храмов Северной Америки и касалось путешествующей группы санкиртаны «Радха-Дамодара», возглавляемой Тамала-Кришной Госвами. Конфликт назревал уже в течение года, с тех пор, как Тамала-Кришна организовал эту группу. За год она выросла до ста пятидесяти человек, которые путешествовали по всей Северной Америке и распространяли книги.

Прабхупада хвалил группу за их работу, приносящую американскому Би-би-ти от тридцати до сорока процентов денежных средств. Члены группы «Радха-Дамодара» жили вместе с духовно зрелыми санньяси, воспитывали в себе аскетизм и отрешенность и были решительно настроены хранить целибат и не вступать в брак.

Группа «Радха-Дамодара» была все рекорды по распространению книг и побеждала все остальные зоны и храмы. Их, бойцов отборных частей армии санкиртаны, по всему миру признавали лидерами в распространении книг. На майяпурский фестиваль приехало более восьмидесяти членов группы, которым было выделено отдельное крыло в лучшем здании.

Однако в пылу своего отречения и распространительской доблести, некоторые брахмачари из «Радха-Дамодары» стали свысока смотреть на жизнь в храме и на семейных людей. Эта материалистическая установка в конце концов привела к тому, что некоторые стали судить о достоинствах преданного по белому (если он был грихастхой) или шафрановому (если он был санньяси или брахмачари) цвету одежды. «Всякий, кто носит белое, просто не может быть духовно развитым преданным». Этот предрассудок, по мнению президентов храмов, развился в умах, по крайней мере, некоторых незрелых членов «Радха-Дамодары».

Однако самое большее недовольство было вызвано скорее практическими, нежели философскими причинами. Президенты утверждали, что группа «Радха-Дамодара» уводит из их храмов людей. Президенты храмов делились друг с другом историями и приводили многочисленные примеры в подтверждение тому, что их преданных действительно подстрекали бросить служение в храме и присоединиться к «Радха-Дамодаре». По мнению президентов, чтобы убедить преданных – лучших брахмачари – оставить свои обязанности в храме Прабхупады и влиться в группу «Радха-Дамодара», авантюристы из этой группы использовали философию превосходства санньяси над грихастхами. И часто это приводило к серьезным проблемам.

Президенты храмов считали, что проповедь группы «Радха-Дамодара» чересчур фанатична и основана на корыстных мотивах. Разногласия обострялись настолько, что порой храмы запрещали группе «Радха-Дамодара» посещать их города, а в некоторых храмах санньяси из этой группы не разрешалось читать преданным лекции. Однако члены «Радха-Дамодары» воспринимали эти запреты как очередное подтверждение мелочности и обусловленности домохозяев.

Шрила Прабхупада оставался в стороне от обсуждения этой острой темы и продолжал выполнять свои обязанности, принимать гостей и следить за тем, как осуществляется управление майяпурским храмом и фестивалем. Каждый день Прабхупада читал в храме лекции, и все были довольны. Однако со своими слугами и секретарями он делился беспокойствами, которые доставлял ему раскол. Его волновал гнев президентов храмов, и однажды вечером он не смог даже задремать – настолько был обеспокоен.

– Это очень серьезно, – сказал Прабхупада Хари-шаури во время массажа, – раскол между санньяси и грихастхами. Все будет испорчено.

Хари-шаури сравнил этот раскол с расколом, разрушившим Гаудия-Матх.

В другой раз, сидя в своей комнате, Прабхупада взял в руки красивую закладку для книг, которую сделала для него одна брахмачарини.

– Такое замечательное служение, – сказал он. – Можно ли от такого отказаться? Я никогда не отказывался от их служения лишь из-за того, что они женщины.

Пришел Рамешвара и показал Прабхупаде некоторые из последних изданий Би-би-ти. Разговор начался с издания книг, но быстро перешел на проблему санньяси и грихастх. Когда Рамешвара начал высказывать свое мнение, Прабхупада пригласил на обсуждение этой темы других санньяси и членов Джи-би-си.

Рамешвара защищал интересы храмов, рассказывая о тех финансовых и практических проблемах, которые возникали в храмах, из которых группа «Радха-Дамодара» уводила преданных. С их уходом распространение книг в храмах ослабевало. После настойчивых уговоров присоединиться к странствующей группе даже верные храмовые преданные не хотели довольствоваться одним лишь сбором средств для поддержания храма, без возможности распространять книги. Храмовым преданным тоже хотелось вкусить нектара санкиртаны, но это становилось все труднее из-за агрессивной тактики распространения, которой пользовались путешествующие группы. Рамешвара попросил Прабхупаду развеять ложные представления о том, что грихастхи не обладают достаточной духовной зрелостью, чтобы руководить брахмачари.

Прабхупада упомянул о санньяси Чхота Харидасе, которого Господь Чайтанья отверг лишь за то, что тот несколько секунд пообщался с женщиной. Но тот же Господь Чайтанья обнял грихастху, Шивананду Сену, когда узнал, что его жена беременна. Прабхупада сказал, что хотя Господь Чайтанья по-разному строил отношения с санньяси и грихастхами, и те и другие отношения были духовны. Он вдохновлял грихастх выполнять семейные обязанности и растить сознающих Кришну детей.

Обращаясь к присутствующим санньяси, Прабхупада сказал, что им не пристало так заострять внимание на деятельности домохозяев – ибо это значит лишь то, что санньяси думают о сексе больше чем грихастхи. Целыми днями думая о семейной жизни, санньяси оскверняются.

Чтобы проиллюстрировать это, Прабхупада рассказал историю. Как-то раз двое брахманов собирались перейти через реку, как вдруг рядом появилась женщина, которой тоже нужно было переправиться на другой берег. Один из брахманов предложил ей переправиться на его спине. Второй брахман был потрясен таким предложением своего приятеля, но ничего не сказал. Перебравшись на другой берег, женщина сердечно поблагодарила брахманов и пошла своей дорогой. Брахманы продолжили путь, но второй все говорил и говорил об этом случае и никак не мог остановиться.

– Ты позволил женщине забраться к себе на спину и прикоснуться к своему телу! – не унимался он.

В конце концов, первый брахман поправил его:

– Я нес ее на спине всего десять минут, а ты уже три часа несешь ее в своей голове!

Президенты храмов попросили Джаядвайту – брахмачари, искушенного в философии сознания Кришны – представить их жалобу Шриле Прабхупаде. К нему присоединились несколько сочувствующих членов Джи-би-си, а поскольку большая часть камней была брошена в огород «Радха-Дамодары», стремясь отстоять честь своей группы, на встречу пришел Тамала-Кришна Госвами. Многие из членов «Радха-Дамодары», приехавшие в Майяпур в поисках духовного счастья после года тяжелого служения на санкиртане, услышав критику в свой адрес, хотели отплатить обидчикам той же монетой. Над счастливой духовной атмосферой фестиваля нависла угроза «политического» раскола.

Джаядвайта объяснил Прабхупаде, что президенты храмов считают идею о некомпетентности грихастх и их неспособности руководить брахмачари лишь уловкой. По их мнению, истинная цель – это люди и деньги. Подстрекая храмовых брахмачари бросить трудиться под началом грихастх, санньяси группы «Радха-Дамодара» переманивали их к себе, вынуждая бросить служение в храмах.

Тамала-Кришна согласился, что если подобные ложные идеи имеют место, то этому нужно положить конец, но настаивал на том, что его группа не исповедует подобных идей. Прабхупада сказал, что брахмачари, как правило, помогает санньяси, а санньяси проповедует. Положение же грихастхи вполне подходит для того, чтобы управлять храмом. Поэтому если у брахмачари есть желание путешествовать с санньяси, это нормально.

– Но если на него возложены какие-либо обязанности, – сказал Прабхупада, – он должен остаться.

Суть в том, пояснил он, что все преданные должны думать о себе как о слугах шести Госвами. Проблема возникает только оттого, что мы забываем: «я – слуга Кришны».

– Нет такого, что какое-то служение предназначено исключительно для грихастхи или для санньяси, – продолжал Прабхупада. – Каждый должен быть кришна-дасом. О служении судят по результатам. Зачем делиться на партии? Еи кришна таттва-ветта, сеи «гуру» хая. Бхактивинода был грихастхой. Бхактисиддханта был санньяси. Можно ли говорить о том, что один лучше другого? Нет. Не должно быть никаких угроз. У нас всемирная организация.

Прабхупада вновь и вновь ссылаясь на стих киба випра, киба ньяси, шудра кене ная / еи Кришна-таттва-ветта, сеи «гуру» хая, опровергая утверждение, что духовный уровень преданного определяется его ашрамом. Прабхупада подчеркивал, что всякий, кто знает науку о Кришне, кто полностью занят служением Кришне – чистый преданный.

Санньяси, говорил Прабхупада, может проповедовать, но может также и управлять. Грихастха может управлять, но может и проповедовать. Хотя Прабхупада говорил об этом и раньше, сейчас он расставлял все точки над «и».

Подобную дискриминацию необходимо прекратить. Это не сознание Кришны. А Джи-би-си должны аннулировать все решения, ущемляющие грихастх.

Прабхупада утверждал, что единственный истинный критерий – является ли человек кришна-дасом, слугой Кришны. Если человек предан, то должен с охотой, прилежно выполнять любое необходимое служение. Он рассказал, как однажды, около пятидесяти лет назад, когда он был управляющим в калькутской лаборатории Бозе, служащие устроили забастовку. Тогда он сказал оставшимся работникам: «Что ж, будем паковать сами». Вместе они взялись за простую работу, и на этом забастовка закончилась. Подобным образом, преданный готов делать любое необходимое служение.

– Мы должны быть очень упрямыми слугами Кришны, – сказал Прабхупада.

Прабхупада заметил, что, вероятнее всего, он первый настоящий санньяси, который проводит для учеников свадьбы. Он сказал, что, безусловно, не поощряет нарушение регулирующих принципов, но самое главное – это служение Кришне. Если ради этого необходимо провести свадьбу, это нужно сделать.

– Но, как правило, различие в том, что санньяси посвящает себя только проповеди, – сказал он. – И никто не должен мешать санньяси проповедовать. Если кто-то за что-то отвечает, пусть он продолжает это делать. А если возникают какие-то отклонения, попытайтесь их устранить. Нет дыма без огня.

Прабхупада не только выявлял и улаживал возникающие разногласия, но еще и возвышал преданных до уровня решительного и вдохновенного сознания Кришны. Он не вставал на сторону той или иной партии и ради их примирения не шел ни на какие компромиссы в философии. Он взывал к разуму учеников. Более того, он проникал в их сердце и наполнял их удовлетворением и искренним желанием сотрудничать друг с другом.

Закончив свою речь, Шрила Прабхупада попросил присутствующих отвечать. Джаядвайта сказал, что, по его мнению, президенты будут полностью удовлетворены решениями Прабхупады. Тамала-Кришна сказал, что довольны будут и Джи-би-си, и теперь, по милости Прабхупады, каждый может продолжать действовать с должным пониманием.

Преданные покидали комнату Прабхупады в приподнятом расположении духа, готовые сообщать участие во вдохновляющем и свободном от политики фестивале Гаура-пурнимы.

На следующее утро Прабхупада отправился на утреннюю прогулку по крыше здания Майяпур-чандродая-мандира. Стоило ему начать кругами ходить по крыше, к нему тут же присоединились более десяти преданных – большей частью президенты храмов и санньяси.

Президенты храмов чувствовали себя победителями. Прабхупада отстоял их позицию и устранил перекосы в понимании философии. Ситуация выправилась. События вокруг раскола лишь усилили веру преданных в их духовного учителя. Теперь они еще явственнее осознавали, насколько это мудро – следовать его указаниям, не попадаясь в ловушку собственной заносчивости.

Во время прогулки Панчадравида Свами, радуясь, что конфликт разрешился, в шутку задал Прабхупаде каверзный вопрос.

– Шрила Прабхупада, – заговорил он, – я одного не могу понять. В «Чайтанья-чаритамрите» есть история о Сакши-Гопале – Божестве, которое пришло, чтобы быть свидетелем для молодого брахмана – в том, что юноша служил пожилому брахману, и тот пообещал отдать ему руку своей дочери. Если парень был таким чистым преданным, почему он попросил Божество преодолеть такое огромное расстояние просто ради того, чтобы жениться? Почему он не захотел оставаться холостым? И почему он заставил Божество прийти только ради своей свадьбы?

Важны были не столько слова, сколько тон, в котором Панчадравида задал свой вопрос, шутки ради разыгрывая из себя ортодоксального санньяси. В ответ Прабхупада мгновенно вошел в настроение и ответил ему в том же духе:

– Мы не против брака. Мы против незаконного секса. Но поскольку ни одна женщина вас теперь не получит, вы всех призываете не жениться. Вот какая за этим стоит психология.

Преданные дико расхохотались.

– Это называется философией кислого винограда, – сказал Шрила Прабхупада. – Поскольку вы ни одной женщине не достанетесь и никому вы не нужны, поэтому вы чувствуете такую отрешенность и считаете, что теперь никто не должен жениться.

Утром Гаура-пурнимы, дня явления Господа Чайтаньи Махапрабху, Шрила Прабхупада читал лекцию по стиху из «Бхагаватам», который произнес Прахлада Махараджа, обращаясь к Господу Нрисимхадеве. Стих (ШБ 7.9.38) косвенно указывал на явление Шри Чайтаньи Махапрабху:

Таким образом, о Господь, Ты многократно воплощаешься в этом мире в образе человека, животного, великого святого, полубога, рыбы или черепахи, чтобы оказать поддержку обитателям разных планет вселенной и уничтожить демонические принципы в каждую из эпох. Поэтому, о мой Господь, защити принципы религии. Воплощаясь в век Кали, Ты не называешь Себя Верховной Личностью Бога, поэтому Тебя величают Три-югой, то есть Господом, который является в трех югах.

Удобно усевшись на вьясасане, Шрила Прабхупада посмотрел поверх очков на длинный зал, заполненный сидящими преданными. Двое преданных обмахивали его большими чамарами. Под потолком сверкали многочисленные стеклянные люстры. В противоположном конце зала стояли образы Радха-Мадхавы и Господа Чайтаньи.

– Итак, этот стих определенно указывает на Шри Чайтанью Махапрабху, – сказал Прабхупада. – Он – аватара. Чайтанья Махапрабху есть Верховная Личность, Бог, но Его называют чханна. «Чханна» означает «скрытый», «косвенный». Потому что Он явился как преданный.

Шрила Прабхупада объяснил, почему в Кали-югу Верховный Господь является в роли преданного.

– Когда приходил Господь Кришна, Он наставлял каждого: «Предайся Мне». Но что говорили люди: «Кто это смеет такое требовать? По какому праву? С какой это стати я должен все оставить?» Но Бог, Верховное Существо, должен приказывать. Таков Бог. Мы же рассуждаем по-другому: «Кто этот человек? Почему он требует? Зачем мне предаваться ему?»

Весь метод сознания Кришны основан на покорности, предании себя Кришне, объяснил Прабхупада. Но предаться Кришне можно только в том случае, если мы покоряемся Его преданному, Его представителю.

– Итак, Шри Чайтанья Махапрабху явился в этот день, чтобы даровать милость падшим душам, которые настолько глупы, что не могут принять сознание Кришны. Он учит их собственным примером. Учит с помощью киртана.

Позже, этим же утром, Прабхупада вновь спустился в алтарную комнату – на этот раз чтобы провести посвящение. Пятнадцати преданным предстояло стать брахманами, двадцать пять получали первое посвящение, а семеро – санньясу. Шрила Прабхупада снова процитировал стих, ставший лейтмотивом всего фестиваля: киба випра, киба ньяси, шудра кене ная: «Не имеет значения, кем является человек – грихастхой или санньяси. Он должен стать гуру. Как? Еи кришна-таттва-ветта. Тот, кто сведущ в принципах сознания Кришны, кто понимает Кришну – тот может стать гуру. Гуру – это пост, который дается санньяси и брахманам. Не став брахманом, никто не может стать санньяси, а санньяси – гуру для всех ашрамов и всех варн. Итак, для проповеди нам требуется множество санньяси. Повсюду люди страдают из-за недостатка сознания Кришны».

Шрила Прабхупада предупредил молодых людей, чтобы те очень строго следовали принципам санньясы. Он также подчеркнул, что все его ученики должны развивать в себе качества, необходимые гуру. Он процитировал:

– Яре декха таре каха кришна-упадеша. Где бы вы ни жили, в этой местности или в той – не важно. Живете вы дома или под деревом – не важно. Станьте гуру – каждый. «Как же мне стать гуру? У меня нет необходимых качеств». Чайтанья Махапрабху сказал, что вам не требуется никаких качеств. Нужно лишь одно – повторяйте наставления «Бхагавад-гиты» – больше ничего не нужно. Яре декха таре каха кришна-упадеша. Станьте гуру. Не интерпретируйте кришна-упадешу, как это делают негодяи и глупцы. Представляйте «Бхагавад-гиту» как она есть. Тогда вы станете гуру. Вы можете стать гуру в своей семье, вы можете стать гуру в своем обществе, в своей нации – где бы вы ни находились. И, если возможно, выходите и проповедуйте эту миссию «Бхагавад-гиты». Поэтому наше Движение называется Обществом сознания Кришны. Примите все, что говорит Кришна, и проповедуйте. Станьте гуру.

В день Гаура-пурнимы все постились до восхода луны и большинство преданных ходили на Гангу, чтобы совершить в ней омовение. Джаяпатака Свами сказал преданным, что, согласно шастре, тот, кто омовается в Ганге в Маяпуре во время Гаура-пурнимы, освободится от рождения и смерти. В конце дня на территорию комплекса стали в огромных количествах прибывать паломники. Люди ежегодно съезжались со всей Западной Бенгалии, чтобы посетить храмы Майяпура, особенно место рождения Господа Чайтаньи Махапрабху, а теперь и Майяпур-Чандродая-мандир ИСККОН.

В Калькутте люди видели плакаты, рекламирующие проводимый ИСККОН фестиваль Гаура-пурнимы. Вести о самом длинном здании в Западной Бенгалии и «золотом» Божестве Радха-Мадхавы быстро разнеслись среди десятков тысяч сельских жителей. Преданные встречали гостей прасадом и продавали им книги под названием «Гитар-ган» – сделанное Шрилой Прабхупадой стихотворное переложение «Бхагавад-гиты» на бенгали.

К вечеру через парадные ворота текли людские потоки – одни входили, другие выходили. Толпы людей поднимали облака пыли, воздух наполнился звуками велосипедных звонков, женским пением, дружеской болтовней и раскатами идущего в храме киртана. Большинство посетителей проходили через храм, посещали фотовыставку и какое-то время смотрели на киртан или шли на театральное представление в пандал, установленный перед храмом. Хотя число посетителей достигало ста тысяч, атмосфера оставалась спокойной: люди двигались без давки и спешки, сохраняя предписанный традицией дух уважения к святому месту.

Дхруванатха: Самый сильный восторг на фестивале мы испытывали тогда, когда после утреннего приветствия Божеств Шрила Прабхупада обходил храм. По обе стороны комнаты Божеств висели два колокола и с каждым обходом Прабхупада подходил к ним, и кто-то из преданных подавал ему веревку. Преданные пели и танцевали в полном восторге, а Прабхупада в такт киртану бил в колокол и одновременно, подняв левую руку, побуждал преданных петь и танцевать еще сильнее.

Анакадундубхи: Шрила Прабхупада сидел на веранде, любуясь просторами Майяпура. Я заметил, что он наблюдает за мальчишками, которые пасут коров. Он с увлечением рассматривал окрестности. Затем кто-то протянул ему небольшой бинокль, и он стал осматривать дали Майяпура, подняв один палец вверх. Он казался полководцем. Он смотрел на дом Бхактивиноды Тхакура, затем он заметил место рождения Господа Чайтаньи. Он внимательно взгляделся в него и сказал:

– Там почти никого нет. У них никого нет.

Сатсварупа-дас Госвами: Однажды Прабхупада созвал членов Джи-би-си. Это было после полудня, и мы заметили, что он очень счастлив. Из храма до него доносились звуки киртана. Он сказал, что все должны приезжать в Майяпур и петь здесь двадцать четыре часа в сутки.

– Здесь столько места! Замечательная утренняя лекция – наставления Прахлады Махараджа, которые он давал миллион лет назад. Это говорил пятилетний мальчик. Согласно Бхактивиноде Тхакуру, пение Святого имени – единственное утешение души. Оно не материально. Аджамилу призвал имя Нараяны и спасся.

Прабхупада сказал, что преданные должны приезжать в Майяпур группами, чтобы здесь всегда находилось пятьсот человек. Тогда один преданный сказал:

– В Америке преданные тоже пытаются петь больше – двенадцать часов в день, они пытаются сделать так, чтобы киртан продолжался круглые сутки.

– Да, – сказал Прабхупада, – этот киртан должен проходить везде. Вместо резолюций, революций, заседаний, трений, прений – и никаких решений, лучше уж петь.

Гопавриндапал: Моей обязанностью было охранять Прабхупаду. Он вставал около полуночи или в час ночи. Его комната была наверху, а я находился этажом ниже. Он долго повторял джапу, прохаживаясь взад-вперед по балкону. Я его не видел – был замечен лишь силуэт его бритой головы. Он делал около десяти шагов в одном направлении и столько же – в противоположном. Я наблюдал за ним три часа. Я сидел и повторял свою джапу, наблюдая, как взад и вперед перемещается голова Прабхупады. Иногда он начинал повторять громче. Мне это напомнило Бхактисиддханту Сарасвати – Шрила Прабхупада много раз рассказывал нам о балконе, по которому взад-вперед гулял его духовный учитель, размышляя о том, как распространять Движение сознания Кришны. Прабхупада тоже прогуливался по балкону, погруженный в эти раздумья.

Анакадундубхи: В комнате Прабхупады на стене висело прекрасное изображение Радхи и Кришны, вырезанное на сандаловой дощечке – такое же, как на обложке книги «Кришна». Радхарани, обняв Кришну рукой, держит Его флейту, а Кришна, обняв Ее, держит Свою накидку. Когда в комнате не было гостей, Прабхупада просто сидел и смотрел на эту резную картину. Она ему очень нравилась. Когда я надевал ему гирлянду, он носил ее во время даршана часа полтора, после чего вставал и, сняв ее с себя, шел в ванную. Затем он возвращался и подносил гирлянду Радхе и Кришне. Порой я приносил ему гирлянды, сплетенные из очень ароматных маленьких белых цветочков, которые мне давал Джананивас. Прабхупада брал эту маленькую гирлянду и с

изумительным изяществом надевал ее на Радха-Кришну. Это был пример совершенного поклонения Божеству.

Джананивас: Прямо перед выходом Прабхупады я подошел к нему и спросил: «Ладану, Шрила Прабхупада?» В тот момент в комнате никого не было, и он просто повторял джапу. Я занес курящийся ладан, и комнату наполнил дым. Дым окутал все, но Прабхупада не открыл окон. Он посмотрел на меня и сказал:

– Этот дым создает такую замечательную атмосферу для постижения души. Это просто замечательно. Просто замечательно.

Затем он снова стал повторять джапу.

Пушта-Кришна: Когда майяпурский фестиваль наконец закончился, я спросил Прабхупаду, не устал ли он. Прабхупада сказал:

– Устал? Столько людей приезжают сюда послушать о Кришне! Проповедь придает сил!

Глава пятидесятая

Хромой и слепой

Со времени издательского марафона летом 1975 года, Би-Би-Ти старалось не отставать от Шрилы Прабхупады. Между Прабхупадой, его издательством и распространителями книг происходило дружеское духовное соревнование. В ноябре 1975 года Прабхупада написал одному из передовых распространителей:

В Би-би-ти утверждают, что успевают печатать все мои переводы, и что вы сможете справиться с распространением всех книг по мере их выхода. Хорошо, конечно. Однако я опережаю их по темпам перевода. Теперь они должны мне Шестую Песнь «Шримад-Бхагаватам». Я уже работаю над седьмой.

Однако в последние месяцы Шрила Прабхупада переводил все меньше – главным образом, из-за того, что был занят управлением. Он лично следил за строительством храма в Бомбее, целый месяц вплотную занимался проектом во Вриндаване, всеми силами пытался устранить серьезный раскол в ИСККОН – все это отнюдь не способствовало его литературной продуктивности. Как-то в Майяпуре, устав от постоянного шума хлопающих дверей, он горько посетовал, что этот звук, от которого у него «разрывается сердце», мешает ему сосредоточенно переводить. Он говорил, что порой ему приходится размышлять над одним комментарием два-три дня, прежде чем его записать.

На самом деле литературная работа Шрилы Прабхупады была далеко не только переводом. Да, он делал литературный и пословный перевод стихов, однако глубочайшая медитация – то, что Прабхупада сам называл своим «личным экстазом» – это были его «Комментарии Бхактиведанты». Ему было намного легче составлять комментарии и переводить стихи, если он мог размышлять о них в течение дня, а не только тогда, когда в час ночи садился за диктофон. Он не просто переводил книгу, он переносил чрезвычайно серьезное и сложное ведическое знание в контекст современной эпохи, чтобы сделать его понятным западному читателю – задача огромная, требующих неимоверных усилий.

Чтобы наилучшим образом донести до людей мира послание «Шримад-Бхагаватам», Шрила Прабхупада нуждался в соответствующей обстановке. Поэтому после майяпурского фестиваля он так построил график своих путешествий, чтобы примерно через месяц оказаться на Гавайях. Там он надеялся найти благоприятные условия для своей литературной работы. По окончании фестиваля в Майяпуре секретарь Прабхупады, сопровождавший его в поездках, Пушта-Кришна Свами, заранее отправил на Гавайи письмо:

Прабхупаде необходимо много переводить, поэтому не устраивайте никаких проповеднических программ. И если возникнет необходимость встречаться с гостями, то на это нужно выделить не более полутора часов, между пятью и половиной седьмого вечера. Если все организовать как следует, то Прабхупада задержится у вас на какое-то время, чтобы поработать над переводами.

Поскольку маршрут Прабхупады включал еще одно турне по США, его секретарь заранее написал Киртанананде Свами в Новый Вриндаван:

Прабхупада еще немного приоткрыл себя. Он сказал, что с течением времени испытывает все меньший интерес к встречам с посетителями. Он упомянул, что Ауробиндо принимал посетителей только раз в году – на свой день рождения. Хотя Прабхупада сейчас полагает это невозможным, я спросил его, куда он предпочел бы поехать, чтобы какое-то время посвятить переводам. Он назвал Новый Вриндаван и добавил, что поедет туда после Ратха-ятры в Нью-Йорке.

Гавайи

3 мая 1976 года

Быстро посетив несколько городов Индии и сделав остановки в Мельбурне, Окленде и на Фиджи, Шрила Прабхупада прибыл, согласно графику, на Гавайи. Здесь он сразу же принялся продуктивно писать. Преданные тщательно учитывали продолжительность записи, которую он делал каждую ночь, по цифрам на счетчике диктофона. В их глазах счетчик этот отсчитывал

проливающиеся на все человечество благословения. В Индии Прабхупада диктовал не более чем на сто единиц в день, а порой и вообще ничего. Однако на Гавайях объем его работ возрос до двухсот, и даже до трехсот единиц – и так день за днем. Хари-Шаури, слуга Прабхупады, сопровождающий его из Вриндавана, записал в своем дневнике: «Сейчас Прабхупада переводит как никогда раньше. Прошлой ночью он опять надиктовал на 290 единиц».

Храм находился в тихом районе, его окружал сад площадью около двух гектаров. На заднем дворе горделиво высился большой баньян, а в палисаднике перед домом росли самые большие в ИСККОН кусты туласи. Преданные выращивали собственные овощи, а цветы, манго и кокосы росли повсюду в таком изобилии, что их можно было брать бесплатно. Погода стояла солнечная, изредка прерываемая дождями.

Прабхупаде нездоровилось. Он не мог спать больше полутора часов ночью и одного-двух часов днем, но, будучи трансцендентным, воспринимал свою бессонницу как возможность уделять больше времени литературной работе. Несмотря на приоритет переводов, он продолжал читать лекции в храме, ходить на утренние прогулки, устраивая на берегу обсуждения, и каждый день отвечать на почту. И все равно на Гавайях ему жилось куда легче, чем во Вриндаване или Калькутте, где нужно было часами общаться со старыми друзьями и новыми почитателями. Здесь он большую часть времени проводил один, если не считать нескольких опытных помощников.

Пробыв в Гонолулу около недели, Прабхупада, гуляя однажды утром вдоль пляжа Вайкики, объявил, что сегодня собирается закончить последний комментарий к Седьмой песни. Хари-шаури выразил свой восторг по этому поводу, а Прабхупада сказал:

– О, я мог бы закончить очень быстро, но я должен переводить так, чтобы вам было понятно. Для того, чтобы представить эту книгу обычным людям, мне нужно глубоко и тщательно размышлять над ее содержанием.

Вечером, около девяти часов, Прабхупада позвал Хари-шаури и сказал, что не будет принимать вечерний массаж, так как хочет закончить Седьмую песнь. Закрыв дверь и вернувшись к своему столу, он проработал всю ночь до пяти утра. По завершении Седьмой песни он продиктовал заключительное слово.

Закончено в ночь на Вайшакхи-шукла Экадаши, десятого мая 1976 года в храме Панчататтвы, Нью-Навадвипа (Гонолулу), по милости шри-кришна чайтанья прабху нитьянанда шри-адвайта гададхара шривасади-гаура-бхакта-вринда. Таким образом, мы можем с радостью повторять: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе».

Прабхупада немедленно приступил к Восьмой Песни, начав с молитвы:

«Прежде всего, позвольте мне предложить свой смиренный почтительный поклон лотосоподобным стопам моего духовного учителя, Его Божественной Милости Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады». Прабхупада объяснял, что в 1935 году, на Радха-кунде его духовный учитель сказал ему, что издавать книги важнее, чем строить храмы. Он последовал этому наставлению, в 1944 году начав выпускать свой журнал «Назад к Богу», а в 1958 году приступил к работе над «Шримад-Бхагаватам». Напечатав в Индии первые три тома «Шримад-Бхагаватам», он отправился в Штаты. Это было в августе 1965 года.

Я все время пытаюсь издавать книги, как советовал мне мой духовный учитель. В этом, 1976 году я закончил Седьмую Песнь «Шримад-Бхагаватам». Краткое изложение Десятой Песни уже опубликовано под названием «Кришна, Верховная Личность Бога». Однако Восьмая, Девятая, Десятая, Одиннадцатая, Двенадцатая Песни ждут своего часа. Поэтому сегодня я молюсь своему духовному учителю, прося его наделить меня силой закончить эту работу. Я не являюсь ни великим ученым, ни великим преданным; я просто смиренный слуга своего духовного учителя, и, насколько это в моих силах, пытаюсь удовлетворить его, издавая эти книги при поддержке моих учеников в Америке. К счастью, ученые по всему миру дают хорошую оценку этим изданиям. Давайте же, объединив усилия, печатать все больше и больше томов «Шримад-Бхагаватам» для удовлетворения Его Божественной Милости Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура.

Прабхупада сказал, что излагает «Бхагаватам» понятным для обычных людей языком. Это не означает, что книгам его недостает глубины; они представляют собой чистую суть. Но, в духе самого «Бхагаватам», Прабхупада опускал все внешнее и отвлекающее внимание, выбирая из комментариев предшествующих ачарий то, что сильнее всего могло побудить его читателей приступить к чистому преданному служению. В начале «Шримад-Бхагаватам» автор, Шрила Вьясадева, утверждает, что «Бхагаватам» исключает все материалистические формы

религиозности и предлагает только чистое преданное служение, поэтому его называют зрелым плодом древа ведического знания. Как «Бхагаватам» сам по себе есть суть духовного знания, так и Шрила Прабхупада в своих переводах и комментариях, выполненных в том же духе, передает чистое послание, без всяких измышлений и отклонений.

Согласно «Шримад-Бхагаватам», кришнас ту бхагаван сваям: Господь Шри Кришна – это Верховная Личность, Бог, источник всех воплощений и причина всех причин. И на каждой странице Прабхупада раскрывает читателю эту истину. Хотя некоторые санскритологи не соглашались с тем, что Прабхупада делает акцент на Кришне, его «кришнаизация» санскрита была не прихотью, а строгим следованием древней традиции парампары. Подавляющее большинство университетских ученых, которые серьезно читали книги Прабхупады, оценили ту верность парампаре, с какой был выполнен его перевод. Отзывы поступали со всего мира.

«...Для тех, кто не обладает знанием санскрита, эти книги превосходным образом передают послание Бхагаватам». Д-р, Алака Хеджиб, факультет санскрита и индологии, Гарвардский университет.

«...Это глубоко прочувствованная, с размахом задуманная и прекрасно исполненная работа. Не знаю, что прославить больше – этот перевод «Бхагавад-гиты» с его смелым методом объяснения, или бесконечное богатство содержащихся в нем идей. Я никогда еще не встречал труда по Гите, который отличался бы такой величавостью звучания и стиля... Эта книга на долгие годы займет важное место в интеллектуальной и этической жизни современных людей». Д-р. Шалиграм Шукла, профессор языковедения, Университет Джорджтауна.

«...Впервые мы получили доступное издание этого великого религиозного и исторического произведения. Благодаря научному комментарию Шри Бхактиведанты, ученые-индологи, а также последователи традиции сознания Кришны получают возможность сравнить оригинальный текст с современным английским переводом и познакомиться с глубоким духовным значением этой книги».

«...Всякий, кто внимательно прочитает этот комментарий, почувствует, что в нем, как и в других своих трудах, Шри Бхактиведанта гармонично сочетает горячую преданность, эстетические чувства преданного с рациональным подходом ученого. Автор ни разу не позволил себе исказить изначальный смысл текста в угоду той или иной доктрине».

«...Эти прекрасно изданные тома станут желанным пополнением библиотек всех тех, кто изучает индийскую духовность и религиозную литературу, независимо от того, чем вызван их интерес – мотивацией ученого, преданного или просто читателя». Д-р. Дж. Брюс Лонг, факультет востоковедения, Корнеллский университет.

«Это английское издание в переводе А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады просто превосходно. Оно снабжено оригинальным написанием санскритских и бенгальских стихов с их английской транслитерацией, пословным и литературным переводом и подробными комментариями, чем свидетельствует о глубоком понимании темы автором». Д-р. О.Б.Л. Капур, почетный председатель и профессор в отставке, факультет философии Государственного колледжа усовершенствования специалистов, Гьянпур, Индия.

Ведическая литература предлагает различные духовные пути и формы йоги, поэтому пока комментатор не осознал высшее заключение Вед, он может легко упустить суть учения «Бхагаватам». В действительности, комментаторы-имперсоналисты всегда пытались воспользоваться этим писанием, чтобы обосновать свои измышления о полном равенстве индивидуальной души и Всевышнего, невзирая на то, что подобная мысль в корне противоречит цели «Шримад-Бхагаватам». Как комментатор ведических произведений, Шрила Прабхупада выделялся даже среди вайшнавских ученых, ибо находился в цепи ученической преемственности, идущей от Шри Чайтаньи Махапрабху, прославляемого как патита-павана, спаситель самых падших. Как последователь и уполномоченный представитель Господа Чайтаньи, Шрила Прабхупада верно и безупречно продолжал традицию спасения падших душ и восстановления их изначального сознания Кришны.

Таким образом, для Прабхупады сделать «Бхагаватам» «доступным», означало не упростить его, а помочь читателю осознать необходимость отречения от мира иллюзии и устремления к вечному освобождению в сознании Кришны. Благодаря Прабхупаде, духовная истина, которая прежде была скрыта даже от аскетов, практикующих йогу, и ученых брахманов, знатоков санскрита, становилась доступной обычному читателю. «Старое вино в новых мехах», – говорил Прабхупада.

Аргументы вайшнавов против имперсонализма были записаны еще Мадхвачарьей и Рамануджачарьей, и впоследствии на их основе Господь Чайтанья сформулировал философию ачинтья-бхедабхеда-таттвы – «одновременного единства и отличия». В каждую эпоху эти вечные истины приходилось утверждать заново, но в традиционных спорах между вайшнавами и имперсоналистами обе стороны всегда опирались на авторитет ведических писаний.

Однако в наше время люди настолько деградировали, что проповедник уже не может просто ссылаться на авторитет ведических писаний – такой аргумент никого не убедит. Поэтому и анализирует Шрила Прабхупада в своих трудах и теорию случайного происхождения жизни, и теорию эволюции Дарвина, и теорию химической эволюции. Его железная логика не оставляет от них камня на камне, он неопровержимо доказывает, что жизнь происходит из жизни, а не из мертвой материи. Одну из своих первых книг, «Легкое путешествие на другие планеты», Прабхупада посвятил «ученым мира» и даже изложил приводимые в этой книге стихи из «Бхагавад-гиты» на научном жаргоне, в терминах «материи и антиматерии». Чтобы утвердить вывод Вед, он искусно прибегал к шастре и логике.

В своих книгах Прабхупада также боролся с ложными учениями псевдо-йогов, самозванных гуру и «воплощений», которые в Кали-югу, век лжи и лицемерия, наводнили как Индию, так и Запад. Кроме того, в своих сочинениях он подверг критике различные политические институты, проанализировал причины падения монархий и неудач демократии и объяснил, почему в разных странах мира диктаторские режимы все больше и больше угнетают население. Политика налогового гнета, правительственная пропаганда, призывающая людей переселяться в города для работы на заводах и фабриках, и отказ от простой сельской жизни – все эти темы он рассматривал в свете Священных писаний.

Путешествуя по миру, Шрила Прабхупада видел всю глубину деградации человеческого общества: сексуальную свободу, новомодное увлечение наркотиками, безжалостное убийство животных на бойнях и мясоедение. В одном из комментариев к «Бхагавад-гите» он особо останавливался на угрозе ядерного уничтожения мира.

Таких людей называют врагами человечества, ибо, в конечном счете, они откроют или изобретут нечто такое, что принесет гибель всему живому. Этот стих косвенно предсказывает открытие ядерного оружия, которым так гордится современный мир. Война может разразиться в любую минуту, и тогда атомное оружие превратит землю в пустыню. Все это делается исключительно для уничтожения мира, о чем свидетельствует данный стих. Причиной того, что люди изобрели это оружие, является их безбожие; такое оружие не принесет людям ни мира, ни процветания.

Беспощадно и справедливо, как и подобает настоящему ачарье, Прабхупада изобличал пороки современного мира. Его бескомпромиссность подкупала. Он отнюдь не был робким ученым, указывающим на туманные исторические факты. Однако во всех его произведениях звучала смиренная просьба, обращенная к сердцу читателя. Как слуга слуги Кришны, он умолял каждого принять сознание Кришны и вернуться в свое изначальное состояние вечного бытия, исполненного блаженства и знания.

Книги Прабхупады были практичны. Но для того, чтобы написать их, требовались внимание и глубокая медитация. Он сочетал вдумчивость ученого-текстолога с практицизмом трансцендентного социального и политического реформатора. Было издано уже множество переводов «Бхагавад-гиты», выполненных разными учеными, и, тем не менее, ни один их читатель не стал преданным Кришны. Однако, благодаря его «Бхагавад-гите как она есть» тысячи людей становились преданными.

Шрила Прабхупада не только переводил и комментировал ценные ведические произведения; он приехал на Запад и развернул свою деятельность в Нью-Йорке, чтобы побудить людей начать жить по Ведам, а потому получил личный опыт приобщения самых материалистичных людей к отрешенности и преданному служению. Его книги отражали этот практический опыт. Составляя свои комментарии, он делился собственными успехами и неудачами в попытках привить материалистическому обществу духовные принципы.

В Шестой Песни «Шримад-Бхагаватам» он рассказывает о том, как Дакша проклял Нарад Муни за то, что тот наставил его сыновей в чистом сознании Кришны. Считая Нарад своим врагом, завистливый отец проклял его вечно скитаться, не имея своего жилища. В своем комментарии Шрила Прабхупада пишет, что также проклят родителями своих учеников; поэтому,

несмотря на многочисленные центры по всему миру, вынужден постоянно перемещаться и проповедовать.

В Седьмой Песни, повествуя о том, как издевался Хираньякашипу над своим сыном Прахладой, Шрила Прабхупада написал о трудностях, с которыми сталкиваются преданные ИСККОН, распространяя книги среди современных «хираньякашипу».

Так Прабхупада наполнял свои книги личными размышлениями чистого преданного, всецело посвятившего свое тело, ум и речь служению Бхагавану. Шрила Прабхупада был бхагаватой, ибо слово бхагавата относится не только к повествованиям о Верховном Господе, но также и к преданному Господа. Поэтому, читая его книги, человек обретал вдохновение служить обоим бхагаватам – книге и личности.

За две недели, проведенных на Гавайях, Шрила Прабхупада существенно продвинулся в Восьмой Песни, диктуя по триста единиц ежедневно. Его здоровье также улучшилось, хотя спал он по-прежнему мало.

– Конечно, – задумчиво говорил Прабхупада, – с духовной точки зрения, спать мало – очень хорошо.

Когда ему сообщили о конфликте между одним президентом храма и его секретарем Джи-би-си, Шрила Прабхупада увидел в этом еще один пример того, как подобные размолвки могут сильно помешать его литературной работе – самой важной части его проповеди. Поэтому он составил письмо ко всем членам Руководящего Совета.

Мои дорогие ученики, члены Джи-би-си!

Пожалуйста, примите мои благословения. За последние десять лет я создал основу, и сейчас мы стали больше самой Британской империи. Даже Британская империя не достигала такого размаха, какого достигли мы. Они владели лишь частью мира. Что же касается нас, то мы продолжаем расширяться и должны продолжать делать это до бесконечности. Однако напоминаю вам, что я обязан закончить перевод «Шримад-Бхагаватам». Это величайший вклад; благодаря нашим книгам мы снискали уважение в обществе. У людей уже нет веры ни в церковь, ни в храмовое поклонение. Те дни остались в прошлом. Конечно, мы должны поддерживать храмы, поскольку это необходимо для воспитания нашего духа. Одной интеллектуальностью не обойтись; у нас должна быть практическая возможность очищения.

Поэтому я прошу вас постепенно снять с меня груз административной ответственности, чтобы я мог закончить перевод «Шримад-Бхагаватам». Если я буду вынужден постоянно участвовать в управлении, то не смогу работать над книгами. Эти книги – документ, и я должен очень серьезно размышлять над каждым словом. Если голова моя будет занята управлением, я не смогу это делать. Я не должен уподобляться негодяям, которые своими сочинениями обманывают публику. Поэтому работа эта не будет закончена, если мои назначенные помощники – Джи-би-си, президенты храмов и санньяси – не станут сотрудничать. На посты Джи-би-си я избрал самых достойных, и не хочу, чтобы Джи-би-си проявляли неуважение к президентам храмов. Разумеется, вы можете советоваться со мной, но если страдает главный принцип, то как мы сможем продолжать? Поэтому, пожалуйста, помогайте мне в управлении, чтобы я мог спокойно закончить «Шримад-Бхагаватам», который станет нашим вкладом в дело мира на века.

Продолжая в полную силу работать над «Шримад-Бхагаватам» на Гавайях, Прабхупада приступил к написанию еще одной книги. Хаягрива, старший ученик и редактор Прабхупады, предложил ему свою помощь в составлении серии критических диалогов о западных философах. Такой же проект Прабхупада начинал уже со своим бывшим секретарем, Шьямасундарой, но тот, перестав выполнять свои обязанности в ИСККОН, потерял все магнитные записи и уже набранные тексты многочисленных интервью, которые взял у Прабхупады.

Хаягрива предложил начать все заново, с Сократа и Платона. Замысел состоял в том, что Хаягрива будет представлять на суд Прабхупады резюме философии того или иного западного мыслителя, а Прабхупада будет тут же давать свой отзыв с точки зрения Вед – положительный или отрицательный.

Прабхупада и его ученики были в восторге от диалогов, которые они вели раньше, и Прабхупада даже придумал им название – «Диалектический спиритуализм». Но после потери записей проект прекратил свое существование. Теперь же Хаягрива, бывший профессор английского языка в колледже и бессменный редактор журнала «Назад к Богу» в Америке, спрашивал разрешения прилететь на Гавайи, чтобы возобновить работу над книгой по философии и провести время со Шрилой Прабхупадой.

Как и некоторые другие ученики, Хаягрива перестал строго следовать регулирующим принципам. Шрила Прабхупада уже смирился – реальность состояла в том, что некоторые из учеников, даже дав обеты при посвящении, не справлялись с натиском чувств и сходили с пути активного преданного служения в ИСККОН. В ранние годы, когда какой-нибудь преданный оставлял Движение, он и его последователи всякий раз испытывали сильное потрясение. Но подобные неприятные случаи повторялись, иногда даже со старшими и доверенными учениками, и Прабхупада научился переносить их более спокойно, хотя всегда переживал так, как будто утратил сына или дочь, особенно если ученик или ученица верно ему служили. Он никогда не переставал любить их и всегда был готов принять их обратно.

Так было и с Хаягривой, дорогим его сыном, который пришел к Шриле Прабхупаде летом 1966 года в Нью-Йорке. Он старательно служил ему, однако не смог следовать простым, но строгим принципам сознания Кришны. Теперь, изведав превратности материальной жизни, он решился прийти к своему любимому духовному учителю.

Хаягрива вошел в комнату Прабхупады и остановился.

– Это ваш старый Хаягрива, Прабхупада, – сказал он и, рыдая, упал перед ним на пол.

Прабхупада дал ему гирлянду и спросил, как поживает он сам и его семья. Затем, в присутствии других преданных Прабхупада рассказал, как Кришна послал ему Хаягриву, чтобы тот помог ему распространить Движение сознания Кришны по всему миру.

Хаягрива сказал, что никогда, ни на один день не забывал Прабхупаду.

– И я тоже никогда не забывал о тебе, – ответил Прабхупада. – Я думал: «Неужели Хаягрива ушел?» Так я думал...

Голос Прабхупады оборвался, глаза его наполнились слезами, он не мог продолжать и, наконец, попросил всех покинуть комнату.

Прабхупада стал ежедневно встречаться с Хаягривой, иногда проводя с ним по два-три часа. Он снова приступил к «Диалектическому спиритуализму», параллельно работая над Восьмой песней «Шримад-Бхагаватам». Хаягрива же вернулся в свое изначальное положение – у лотосоподобных стоп Шрилы Прабхупады.

Хотя Прабхупада просил Джи-би-си самим решать все вопросы, он продолжал находиться в курсе проблем, о которых ему неохотно, но сообщали его помощники. Однажды от Мадхудвиши Свами, живого и энергичного члена Джи-би-си, ответственного за центры ИСККОН в одном из штатов США, пришла телеграмма: Мадхудвише было очень трудно сохранять твердость в сознании Кришны. В большинстве случаев, падения учеников Прабхупады были связаны с чувственностью. Почти никогда ученики не восставали против Прабхупады, и крайне редко кто-либо из них отвергал философские основы сознания Кришны. Они просто становились жертвами соблазнов майи.

В телеграмме Мадхудвиша объявлял о своей отставке с поста Джи-би-си. Он хотел продолжать преданное служение, но чувствовал, что вынужден отстраниться от управления вследствие своей духовной слабости. Телеграмма не содержала никаких подробностей, но до Прабхупады дошли слухи, что Мадхудвиша вступил в связь с женщиной и оставил храм. Прабхупада сказал, что именно этот аргумент выдвигают его духовные братья в своих возражениях против того, чтобы жители Запада принимали санньясу – они не могут следовать строгим обетам. Он сказал, что один его духовный брат из Германии также стал причиной разлада из-за своих интимных связей с женщинами.

– Что я могу поделать? – с горечью сказал Прабхупада. – Мне приходится работать с людьми третьего класса – глупцами и негодяями. Движение живо только по милости Кришны.

Прабхупада послал телеграмму, в которой просил Мадхудвишу приехать поговорить. Хотя он сдерживал свои эмоции, преданные заметили, что он очень расстроен. Это свидетельствовало о его сильной отеческой привязанности к своему духовному сыну, который совершил удивительное служение, ученику, которого он годами терпеливо обучал. И снова возможность освободить Прабхупаду от активного управления показалась сомнительной.

Шрила Прабхупада говорил, что пытается занять глупцов, негодяев – всех – в распространении сознания Кришны. Ему не удавалось найти строгих последователей, – что ж поделаешь? Если преданный не может следовать обетам санньясы, говорил Прабхупада, он может стать грихастхой. Но никто не должен уходить. Хари-шаури упомянул историю из «Чайтанья-чаритамриты» о Господе Чайтанье и Чхота-Харидасе. Из истории следует, сказал он, что падшему санньяси очень трудно вновь обрести милость Господа Чайтаньи.

– Падшего санньяси, – ответил Прабхупада, – называют ванташи, тем, кто ест собственную блевотину.

– Тогда, если они опять станут грихастхами, как им обрести милость Господа Чайтаньи? – спросил Хари-шаури.

– Если духовный учитель предоставляет эту возможность, – ответил Прабхупада, – Кришна соглашается на это. В будущем он снова сможет стать санньяси.

Раньше подобное уже происходило, и Прабхупада упомянул несколько случаев, когда он просил павших санньяси жениться и продолжать свое служение.

– Разумеется, это позор, – сказал он, – но что тут поделаешь? Мои духовные братья и санньяси в Индии критикуют меня за то, что я посвящаю западных людей в брахманы и санньяси, устанавливаю на Западе Божества и позволяю женщинам жить в храмах. Но благодаря всему этому я распространяю сознание Кришны, а они, при всей своей строгости, ничего не делают. Если я начну проводить различия, то опять останусь один, как раньше во Вриндаване, и «снова стану мышкой».

– Похоже, – сказал Хари-шаури, – пройдет несколько жизней, прежде чем мы сможем очиститься.

– Если человек искренен, – ответил Прабхупада, – то может очиститься даже за одну жизнь.

В тот вечер Прабхупада готовился всю ночь провести за переводом, но мысли о Мадхувиде не шли у него из головы. Однако он приступил к переводу текстов главы под названием «Слон Гаджендра попадает в беду». Глава повествует о царе слонов, Гаджендре, обитавшем на райских планетах. Однажды он купался в реке со своими женами, как вдруг на него напал крокодил. Крокодил сомкнул челюсти на ноге Гаджендры, и слон, несмотря на свою огромную силу, никак не мог освободиться из цепкой хватки крокодила, находясь в воде.

– И вот, – диктовал Прабхупада, – из-за того, что крокодил втянул слона в воду, и тот сражался с ним много долгих лет, его физическая сила, сила чувств и ума иссякли. Крокодил же, как обитатель вод, становился все сильнее, и чувства его работали все лучше.

– Я могу сделать свою работу очень быстро, – говорил Прабхупада, – но я должен размышлять над тем, как донести это послание до понимания обычных людей.

Как было передать важность этого события, которое произошло миллионы лет назад с двумя животными на райской планете? Как пересказать этот случай ясным и понятным языком, подчеркнуть суть важных санскритских слов и комментариев ачарий парампары, таких как Вишванатха Чакраварти, Санатана Госвами и Бхактисиддханта Сарасвати? В тиши и уединении своей комнаты, Шрила Прабхупада начал диктовать свой комментарий.

– Сражаясь друг с другом, слон и крокодил находились в неравном положении. Слон, хотя и был чрезвычайно силен, оказался в чуждой ему среде – в воде. В течение тысячи лет этой схватки он не получал пищи, и потому физические его силы иссякли, а это притупило его ум и чувства. Крокодил же, наоборот, не испытывал никаких трудностей. Вода – естественная среда его обитания. Он получал в ней достаточно пищи, и потому ум и чувства его были активны и бодры. Таким образом, слон постепенно слабел, а крокодил становился все сильнее.

Из этого мы можем извлечь хороший урок: в нашей борьбе с майей мы должны избегать положения, при котором не сможем сохранить должный энтузиазм и силы. Общество сознания Кришны, по сути дела, объявило войну иллюзии, под влиянием которой живые существа деградируют, забыв о подлинных ценностях человеческой цивилизации. Воины общества сознания Кришны должны всегда быть полными сил, бодрости и энтузиазма. А для этого они должны жить в естественных для себя условиях.

Условия эти не для всех одинаковы: то, что естественно для одного, неестественно для другого, поэтому существуют разные категории варнашрамы – брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры, а также брахмачари, грихастхи, ванапрастхи и санньяси. В нынешнюю эпоху, Кали-югу, людям настоятельно не рекомендуется принимать санньясу...

Исходя из этого, мы можем понять, что санньяса-ашрам в наш век запрещен потому, что люди недостаточно сильны. Шри Чайтанья Махапрабху показал миру, что санньяси можно стать и в двадцать четыре года. Однако даже Ему Сарвабхаума Бхаттачарья советовал быть крайне осторожным, ибо далеко не всякий может хранить обеты санньясы в столь юном возрасте. Ради расширения проповеднической миссии мы разрешаем молодым людям давать обет отречения, но опыт показывает, что они не созрели для санньясы.

Разумеется, если человек считает, что не готов к санньясе, в этом нет ничего дурного. Тот, кого сильно беспокоит половое желание, должен принять тот уклад жизни, в котором половые отношения разрешены: ему следует вести семейную жизнь. Если мы ослабили, занимая некое положение, это еще не значит, что нужно вовсе перестать бороться с крокодилом майи. Нужно просто найти прибежище у лотоса стоп Кришны, как это сделал Гаджендра. При этом человек может оставаться грихастхой и вести семейную жизнь, если его удовлетворяют занятия сексом. Главное, не отказываться от борьбы. Шри Чайтанья Махапрабху поэтому советовал: стхане стхитах шрути-гатам тану-ван-манобхих. Каждый может оставаться в том ашраме, который ему наиболее подходит; вовсе не обязательно принимать санньясу. Если человека обуревают половые желания, он может вступить в грихастха-ашрам и вести семейную жизнь, но надо продолжать борьбу. Если человек принимает санньясу преждевременно, не достигнув трансцендентного состояния, санньяса ничего ему не даст. Если человек не готов стать санньяси, ему лучше жить в грихастха-ашраме и в полную силу продолжать бороться с майей. Самое важное – не отказываться от борьбы и не покидать поля боя.

Непосредственно столкнувшись с силой иллюзии, Шрила Прабхупада делился своим пониманием. Взяв случай Мадхудвиши, и опустив не имеющие принципиального значения частности, он превратил его в бессмертное наставление для людей всего мира.

Прабхупада считал своим долгом укрепить своих учеников, защитить их от падения. Даже если они вступали в грихастха-ашрам, крокодил чувственного наслаждения по-прежнему оставался очень силен. Незаконный секс – это «хроническая болезнь» западных людей. Они воспитывались на незаконном сексе и находились от него в зависимости, а общество лишь содействовало этому. Изменить эти устоявшиеся взгляды – задача чрезвычайно сложная. Поэтому Прабхупада не мог всецело посвятить себя переводам – ему придется продолжать путешествовать и проповедовать, чтобы поддерживать учеников и делать из них сильных проповедников.

Когда-то Прабхупада оставил свою литературную деятельность в храме Радхи-Дамодары во Вриндаване ради того, чтобы проповедовать на Западе, и теперь он мог точно так же покинуть свой писательский затвор на Гавайских островах для того, чтобы снова отдаться проповеднической деятельности. В любом случае он был готов продолжать писать везде, куда бы ни приехал. С самого начала он планировал пробыть на Гавайях только месяц, а не оставаться там навсегда. Его ученикам необходимо было видеть его, ибо он вселял в них силы и вдохновлял на служение, и собирался делать это до последнего вздоха.

* * *

Сначала Прабхупада хотел посетить центр ИСККОН в Лос-Анджелесе. Сейчас это была большая, процветающая коммуна преданных. Ему предстояло увидеть новую храмовую комнату с мраморными арками и галереей великолепной духовной живописи, полюбоваться роскошным поклонением Божествам Рукмини-Дваракадхиши, побывать в студии звукозаписи «Золотая аватара», оборудованной по последнему слову техники, и музее «Фэйт»? где были выставлены диорамы, иллюстрирующие учение «Бхагавад-гиты». Он будет сидеть в саду и слушать книгу «Кришна», гулять по Венис-бич с доктором Сварупа-Дамодарой и обсуждать с ним научные теории. И, безусловно, он даст новый импульс уже и без того мощному движению распространения книг. Однажды, сидя в машине, он сказал: «В течение следующих десяти тысяч лет мои книги будут сводом законов, по которым будет жить все человечество».

Затем он остановится на несколько дней в Детройте, в особняке, который приобрел около года назад. Прабхупада хотел посмотреть, как преданные заботятся об этом сказочном подарке Кришны, а также посоветовать им превратить свой храм в образцовый островок сознания Кришны. Сам Прабхупада к жизни в особняке был равнодушен: из-за постоянных путешествий его жизнь была трудна независимо от того, где он останавливался. Особняки, богатство, американские деньги и технические достижения предназначались лишь для удовлетворения Кришны.

Из Детройта Прабхупада поедет в Торонто, где год назад он вдохновил преданных и индийскую общину купить большую городскую церковь. За несколько месяцев это удалось осуществить, и теперь преданные ожидали приезда Прабхупады.

Он также поедет в Новый Вриндаван, где преданные уже два года с нетерпением ждут его возвращения. Они хотят, чтобы он сел на новую величественную вьясану, которую они вырезали для него, полюбовался Божествами – Радха-Вриндаваначандрой, а также посмотрел на

дворец, который они для него возводят. Они хотят увидеть его снова вместе с его дорогим учеником, Киртананандой Свами. Он снова будет пить молоко коров Нового Вриндавана, и учить преданных варнашрама-дхарме. Он будет превозносить простую жизнь и безжалостно критиковать безумие урбанизированной цивилизации с ее переразвитой промышленностью.

Четвертого июля 1976 года на двухсотлетие независимости Соединенных Штатов, Шрила Прабхупада должен был оказаться в храме ИСККОН в Вашингтоне, где ему предстояло вести киртан на площадях перед миллионами людей; а шестого июля в Вашингтоне он отметит десятилетнюю годовщину образования ИСККОН.

Затем он поедет в Нью-Йорк на первую «полномасштабную» Ратха-ятру в этом городе. Он остановится в новом «небоскребе» ИСККОН – двенадцатиэтажном здании в центре Манхэттена.

Шрила Прабхупада однажды сказал, что больше всего он опасается ссор между учениками, приводящих к серьезным расколам в его Движении. Поэтому он путешествовал, чтобы, пользуясь своим огромным влиянием, устранять всякую разобщенность. Он видел, что даже те, кого он наделял большой ответственностью, могли снова пасть жертвой чувственного наслаждения. Но видел он и то, что его личное общение с учениками придает им сил.

Он призывал человечество зависеть от Бога, Кришны, Верховной Личности и решительно противостоял всеобщему разложению общества. Двухсотлетняя Америка забывала Бога, но ИСККОН Шрилы Прабхупады дышал юностью, неся этой и другим странам чистое сознание Бога. Прабхупаде особенно пришелся по душе последний номер журнала «Назад к Богу». На обложке был запечатлен преданный, поющий «Харе Кришна» на фоне красно-бело-синего выставочного стенда, посвященного двухсотлетию Независимости. Заголовок гласил: «Провозглашение нашей зависимости от Бога».

Прабхупада был полностью убежден в конечной победе движения санкиртаны Господа Чайтаньи. Несмотря на свой преклонный возраст – восемьдесят лет – он был вожаком и самым сильным преданным. Приезжая в каждый следующий город, он приносил с собой жизнь и силу. Поэтому он продолжал путешествовать.

Нью-Йорк, 9 июля 1976 года

Машину вел Джаянанда. В салоне, кроме Прабхупады, сидели Тамала-Кришна Госвами и Рамешвара Свами. Они встретили Шрилу Прабхупаду и Хари-шаури в аэропорту Ла-гуардия. Когда автомобиль приближался к Манхэттену, Прабхупада спросил:

– Ну как, у вас все в порядке?

Тамала-Кришна ответил, что все еще только начинается.

– Вы увидите, что работа кипит, – сказал он.

– Да, – ответил Шрила Прабхупада, – постарайтесь организовать все как следует. Кришна дает нам все. Мы ни в чем не испытываем недостатка. Если мы будем трудиться искренне, с чистым сердцем, Кришна даст нам разум и все остальное. Его милостью можно достичь всего. Это Кришна – Он может дать вам все.

Когда их автомобиль подъезжал к колоссальному Бруклинскому мосту, Шрила Прабхупада спросил:

– Это Бруклинский мост, не так ли? Когда-то я приходил сюда и сидел там, внизу.

– У воды? – спросил Тамала-Кришна. Преданные обожали слушать рассказы о том, как Шрила Прабхупада когда-то начинал в Нью-Йорке, совсем один. – Вы сидели у воды?

– Да, там, у реки, – сказал Прабхупада. – Я жил тогда на этой Бауэри. Недалеко отсюда. Вот я и приходил на набережную, гулял, сидел под мостом и думал: «Когда же я вернусь в Индию?»

Он засмеялся. Он расспрашивал их о других местах Нью-Йорка – о станции метро «Фултон-стрит» и об улице Ратуши – как расспрашивают о старых друзьях.

Тамала-Кришна рассказал Прабхупаде, что новый центр ИСККОН расположен недалеко от «Эмпайр-стэйт-билдинг», и из окон его комнаты на одиннадцатом этаже открывается прекрасный вид на это сооружение.

– Наше здание, – сказал Тамала-Кришна, – находится в самом центре района театров, ресторанов и всевозможных увеселительных заведений.

– В Нью-Йорке, – сказал Прабхупада, – я чувствую себя в каком-то смысле как дома, потому что вначале приехал именно сюда. Я бродил по улицам этого города и безвыездно жил здесь с сентября 1965 по июль 1967 года.

– Сегодня утром Тамала-Кришна Махараджа читал лекцию, – сказал Рамешвара Свами. – Он говорил, что мы еще не понимаем до конца, как повезло этому городу – ведь вы приехали именно сюда.

– Да, когда я решил, что поеду за границу, – сказал Прабхупада, – я не собирался ехать в Лондон, я хотел приехать именно сюда. Обычно все едут в Лондон, но я подумал: «Нет, я поеду в Нью-Йорк».

– В ногу со временем, – заметил Тамала-Кришна.

– Ну, уж не знаю, – рассмеялся Прабхупада. – Это Кришна подсказал мне. Я мог бы поехать и в Лондон. Лондон ближе. Но я подумал: «Нет, я поеду в Нью-Йорк». Иногда мне даже снилось, что я в Нью-Йорке.

Они ехали по Манхэттену, и Шрила Прабхупада вспоминал былые времена. Он говорил о студии йоги доктора Мишры, о своей комнате в доме номер 100 на Семьдесят второй улице, где у него украли магнитофон и пишущую машинку, и об универсаме в Вест-Энде, где он покупал фрукты.

– Мне кажется, я иногда забредал в этот район, – сказал Прабхупада, глядя в окно, – просто так, без всякой цели. Да, просто гуляя по Второй авеню.

Выражая признательность своему старшему ученику, который уверенно и молчаливо вел машину, Прабхупада сказал:

– Наш Джаянанда водил такси и пел «Харе Кришна», и однажды принес мне пять тысяч долларов. Мы напечатали на эти деньги «Бхагавад-гиту» – по-моему, в издательстве Макмиллана.

– Затем вы поручили ему продать весь тираж «Учения Господа Чайтаньи», – сказал Тамала-Кришна. – Я помню.

– Правда, продал я не слишком много, – подал голос Джаянанда. Прабхупада рассмеялся, Джаянанда же вновь замолчал, внимательно следя за дорогой.

– Я подумал, что именно он более всего достоин быть вашим водителем, – сказал Тамала-Кришна.

– Он напевал мантру за рулем, – сказал Прабхупада. – Очень хороший парень.

Машина петляла по Манхэттену. Вдруг какой-то таксист что-то закричал им.

– Что он говорит? – спросил Прабхупада.

– Он говорит, что у вас хорошая машина, – сказал Тамала-Кришна. – Это хорошо, что она им нравится.

– Предложи ему, – засмеялся Прабхупада, – «Почему бы тебе не прийти к нам? Зачем ты водишь такси? Приходи к нам».

– Эта машина сделана на заводах Форда, под «кадиллак», – сказал Рамешвара. – Они не понимают, потому что мы-то говорим, что не гонимся за материальным богатством. Они не понимают, почему тогда мы разъезжаем на таких машинах.

– Они считают, что мы не имеем права критиковать, – сказал Прабхупада. – Но нам требуется все это. Например, когда человек жив, то его украшения, красивая одежда и т.д. имеют смысл. Но если он умер – все это бесполезно. Подобным образом, без духовного сознания мы мертвы, ибо тело мертво. Все движется только благодаря присутствию души. Если вы следите за одним лишь телом, значит, вы украшаете труп. Какой в этом смысл? Понимаете?

Тело важно, поскольку в нем есть душа. Если украшать тело, в котором есть жизнь, то все это оценят. Но если вы украшаете труп, все скажут: «Что за дурак!» Точно так же, без духовного знания эта мертвая цивилизация рассматривает жизнь только с позиций материального тела. Это смехотворно. С этим мы не должны мириться. Примите сознание Кришны, тогда все обретает ценность. Как если к единице добавить ноль, получится десять. Добавьте еще ноль – получится сто. Но без единицы это просто нули. Это пустое место.

– Эта «единица» – Кришна, – сказал Тамала-Кришна.

– И представитель Кришны, – добавил Рамешвара.

Когда они доехали до Пятдесят пятой улицы, преданные показали Прабхупаде здание ИСККОН, по боковой стене которого сверху вниз шли золотые буквы – «Харе Кришна». На фасаде развешалось желтое полотнище с изображением поющего и танцующего преданного Господа Чайтаньи. Над тротуаром выдавался навес с броской надписью: «Центр Харе Кришна». Увидев машину с Прабхупадой, сотни преданных, собравшихся у входа, начали скандировать его имя.

Это была самая большая встреча преданных ИСККОН после фестиваля в Майяпуре. Многие приехали в Нью-Йорк издалека, только чтобы увидеть Шрилу Прабхупаду; в здании разместилось свыше шестисот преданных. Киртан был оглушительный. Прабхупада, довольный, стоял возле Божеств Радхи-Говинды. На третьем алтаре поставили картину, изображающую Господа Джаганнатху, Балараму и Субхадру. Прабхупада сказал, что ему не терпится увидеть Их во время Ратха-ятры.

Когда Прабхупада сел на большую зеленую вьясасану, он некоторое время не мог говорить от переполнявших его чувств.

– Прежде всего, я должен поблагодарить всех вас за то, что вы привезли меня в новый храм, – начал он. – Потому что, когда я впервые приехал сюда, я хотел открыть здесь, в Нью-Йорке, храм, и я думал, как это сделать.

Он рассказал о своих первых беспомощных попытках купить небольшой, «семь с половиной на тридцать метров» участок на Манхэттене, и как из этого ничего не вышло, поскольку он не смог достать денег.

– Мне негде было жить, – продолжал он. – Что уж говорить о храме – у меня не было даже крыши над головой. Тогда я подумал, что, наверное, придется возвращаться в Индию. Почти каждую неделю я ходил в парходную компанию. Это долгая история, как я приехал сюда с намерением открыть в Нью-Йорке храм. В то время, десять лет назад, в 1965 году, это было невозможно. И вот по милости Кришны и по милости моего Гуру Махараджи вам удалось приобрести такое чудесное здание. Поэтому я должен от всей души поблагодарить вас за то, что вы открыли этот храм.

Позже в своей лекции Прабхупада подчеркнул, как гуру и Кришна спасают обусловленные души от вечных страданий в материальном мире.

– Не теряйте этой возможности, – говорил он. – Не будьте глупцами, идущими на поводу у так называемых ученых, философов или политиков. Примите сознание Кришны. А это возможно только гуру-кришна-крипая. По милости гуру и по милости Кришны вы можете достичь успеха. Таков секрет.

ясья деве пара бхактир
ятха деве татха гурау
тасьяйте катхита хй артхах
пракашанте махатманах
(Шветашватара Упанишад 6.23)

Итак, эта гуру-пуджа не является самовозвеличиванием. Это истинное учение. Вы каждый день поете, гуру-мукха-вакья читтете кария айкья. Честно признаюсь вам, некоторым успехом в этом Движении сознания Кришны, которого мне удалось достичь, я обязан лишь тому, что просто верил в слова моего Гуру Махараджа. Продолжайте и вы в том же духе. Тогда успех нам гарантирован. Большое вам спасибо.

Затем Шрила Прабхупада обошел все двенадцатиэтажное здание. Он был немногословен, но одобрил почти все, что увидел. Было видно, что, управляя зданием от его имени, ученики делали все как подобает. Его апартаменты с гостиной и спальней были хорошо обставлены.

– Так что, мне снова остаться в Нью-Йорке? – спросил он, сев за свой письменный стол.

Ади-кешава Свами, президент храма, сказал:

– Вы вернулись с триумфом, Шрила Прабхупада.

– Да, – ответил Прабхупада, – я чувствую себя именно так.

Преданные рвались продемонстрировать все достоинства его относительно тихой квартиры с замечательным видом на улицу.

– Это очень спокойное место для переводов, – сказал Рамешвара Свами.

– О, да, – сказал Шрила Прабхупада. – Когда ушел мой Гуру Махараджа, я остался один. Но он послал мне столько гуру, которые заботятся обо мне. Вы представители моего Гуру Махараджи.

– Мы – гуру-дасы, – сказал преданный.

– Вы заботитесь обо мне, – продолжал Прабхупада, – и я вам очень обязан. Иногда я вспоминаю свое детство. Отец очень, очень баловал меня. Я писал об этом. Хотя мой отец не был очень богатым человеком, он давал мне все, что я хотел. Он никогда меня не наказывал. Он любил меня всем сердцем. Затем, разумеется, у меня появились друзья, я женился. По милости Кришны все меня любили. И я приехал в эту чужую страну один, не имея ни друзей, ни знакомых. Но

Кришна послал мне столько отцов, которые любят меня, и в этом смысле я счастливчик. Я спокойно коротаю последние годы своей жизни – это величайшая милость Кришны. Все возможно по Его милости. Итак, мы должны держаться за лотосы стоп Кришны. Тогда все возможно.

В течение всех десяти дней, пока Прабхупада был в Нью-Йорке, преданные пребывали в состоянии эйфории. Они ликовали. Городские власти дали им разрешение провести Ратха-ятру на Пятой авеню. Прабхупада как-то сказал, что Нью-Йорк – это самый важный город в мире и что небоскреб в этом городе мог бы стать для мира маяком сознания Кришны. И вот теперь у ИСККОН был свой небоскреб на Манхэттене, они готовят Ратха-ятру на Пятой авеню, и Прабхупада с ними.

Однажды утром Прабхупада отправился посмотреть на строящиеся колесницы. Джаянанда со своей командой показал ему усовершенствованную конструкцию гигантских колес. Джаянанда, неизлечимо больной лейкемией, целиком погрузился в служение, за которое Прабхупада и все преданные полюбили его: организацию Ратха-ятры и строительство колесниц.

Прабхупада ездил на утренние прогулки в Центральный парк. Проходя мимо знакомых дворов, он вспоминал старые времена – 1965 и 1966 годы. Однажды утром к нему в машину подсел Киртанананда Свами.

– У меня остались самые лучшие воспоминания о тех днях, – говорил Киртанананда. – Особенно утренние лекции, Шрила Прабхупада, когда вы сидели за письменным столиком. Солнце еще только появлялось на горизонте, и вы говорили около часа.

– Да, – отвечал Прабхупада, – там были только Хаягрива, ты и ...

Прабхупада и Киртанананда вспомнили некоторых из тех первых преданных: Умапати, Карл Йоргенс, Джим Грин, Рая-Рама, Сатсварупа, Брахмананда.

– В то время, – сказал Прабхупада, – Киртанананда Махараджа съедал одну чапати.

– И больше ничего? – удивился Тамала-Кришна.

– Я предлагал ему, – вспомнил Прабхупада, – но он брал не больше одной или двух. Позднее он стал съедать их по дюжине. А тот парень, Стрьядхиша, съедал по меньшей мере двадцать чапати. Я говорил ему: «Стрьядхиша, хочешь еще?» «Да», – отвечал он. Я давал ему четыре штуки. Он съедал и их. А потом еще четыре.

– В те дни, – сказал Киртанананда, – мы все ели с подноса Прабхупады. Тогда был только один поднос с прасадом, и Прабхупада раздавал каждому понемногу, и все были довольны.

– Обычно я оставлял немного прасада про запас, – добавил Прабхупада. – Если кто-нибудь приходил, я его угощал.

– После лекции, – вспоминал Киртанананда, – вы всегда раздавали какой-то прасад. После киртана и лекции.

– Да, – сказал Прабхупада, – я хлопал в ладоши. На встречах я собирал не меньше шести и не больше двадцати долларов. Три раза в неделю.

Прабхупада торжествовал, что те времена, когда ему приходилось бороться за выживание, уже в прошлом, но воспоминания о тех днях вызывали в нем особенные, сладостные чувства. Настроение тех первых дней, когда, предоставленный сам себе, он чувствовал себя беспомощным, во всем полагаясь на Кришну, сменялось в нем удовлетворением, которое он испытывал сейчас, окруженный сотнями верных учеников. Сегодня, вспоминая старые добрые времена, он претворял в жизнь те изначальные цели, ради которых основывал ИСККОН в Нью-Йорке, и превращал его в «маяк нашей всемирной миссии».

Вечерами, на закате, Шрила Прабхупада вместе с учениками сидел на крыше своего небоскреба. Здание находилось в центре города, но здесь, на Вест-сайте было не так шумно, как в центральном Манхэттене. Сверху взору Прабхупады открывался весь Манхэттен, а легкий ветерок с Гудзона приносил облегчение от июльской жары.

Однажды вечером преданные рассказали Шриле Прабхупаде о том, какие грязные дела творятся в городе. Они рассказали о проституции и порнографии, о жестокости и насилии, об извращенных гастрономических прихотях любителей полакомиться плотью человеческих эмбрионов.

– Это значит, – сказал Прабхупада, – что мы и в самом деле проповедуем животным.

Однажды вечером на крыше Рамешвара Свами попросил Шрилу Прабхупаду раскрыть свой план покорения мира с помощью сознания Кришны. Прабхупада молчал.

– Не раскрою, – наконец, сказал он. – Потому что если я расскажу о своих планах, они могут быть испорчены.

У него есть план, сказал он, но ученики еще не готовы к нему.

Шествие Ратха-ятры – трех колесниц высотой около пятнадцати метров – началось у Гранд-Арми-Плаза на Пятой авеню и двинулось в сторону центра. Молодые люди, девушки в сари, индийцы, ньюйоркцы – сотни людей, взявшись за веревки, тянули огромные колесницы. Балдахины из желтого, зеленого, красного и синего шелка, колыхаясь на ветру, медленно и величаво плыли на юг. День выдался замечательный, и сотни поющих и танцующих преданных и тысячи зрителей завершали картину шествия. Маршрут проходил через пятьдесят кварталов по Пятой авеню, «самой важной улице в мире», к парку Вашингтон-Сквер.

Прабхупада присоединился к процессии на Тридцать четвертой улице. Как только он подошел, чтобы взойти на колесницу Субхадры, его толпой окружили преданные, а полицейские и зрители застыли, пораженные их искренним преклонением перед представителем Кришны. Сокровенный смысл Ратха-ятры состоит в желании гопи вернуть Кришну во Вриндаван, однако главной причиной ликования преданных было возвращение в Нью-Йорк Шрилы Прабхупады.

Праздник стал достойной кульминацией десятилетия проповеднической деятельности Шрилы Прабхупады в Нью-Йорке. Когда он впервые приехал сюда, у него не было ни денег, ни своего угла, ни места, где он мог бы собирать людей и рассказывать им о Кришне. А сейчас, восседая на колеснице, он ехал по фешенебельной Пятой авеню в шествии Ратха-ятры, и у его Божеств, Радхи-Говинды, был Свой небоскреб. В 1965 году он был один, а теперь его сопровождали шестьсот учеников, громко поющие Святые имена Господа и несущие благо миллионам обусловленных душ.

Джаянанда шел перед колесницей Субхадры и правил с помощью рулевого рычага. Удобно расположившись на колеснице, Прабхупада время от времени с любовью смотрел на Джаянанду, который, держа руль левой рукой, а правую подняв вверх, бурно радовался Ратха-ятре Прабхупады и вдохновлял остальных тянуть за канаты и петь «Харе Кришна».

Когда процессия достигла парка Вашингтон-Сквер, он был уже запружен народом. Там соорудили временные подмостки, где разместились Шрила Прабхупада и Божества. Киртанананда Свами представил Шрилу Прабхупаду всем собравшимся, и Прабхупада поднялся, чтобы произнести речь.

Начав со смысла этого праздника Ратха-ятры, Шрила Прабхупада рассказал историю о том, как две тысячи лет назад по просьбе царя Ориссы были вырезаны Божества Джаганнатхи. Божества остались незаконченными, поскольку царь раньше срока побеспокоил скульптора, и тот ушел. Но царь решил: «Я все равно буду поклоняться этому незаконченному Божеству».

– Итак, преданный предлагает, – продолжал Прабхупада, – а Кришна принимает... если это предложено с любовью и преданностью. Он говорит в «Бхагавад-гите»: патрам пушпам пхлам тоям / йо ме бхактъя праяччхати. Кришна говорит, что если кто-либо предлагает Ему с любовью и нежностью маленький цветок, немного воды, небольшой плод, «Я съем это, Я приму это».

Это значит, что даже самый бедный человек в мире может поклоняться Богу. Нет никаких препятствий – ахайтуки апратихата – преданному служению не могут помешать никакие материальные условия. Нет никаких ограничений по касте, вероисповеданию, стране или нации. Каждый может поклоняться Верховной Личности Бога в соответствии со своими возможностями.

Наше Движение сознания Кришны ставит своей целью обучить людей поклонению Верховной Личностью Бога. Такова наша миссия, поскольку, не имея отношений с Богом, не восстановив нашей связи с Богом, мы не можем быть счастливы.

– Все живые существа, – объяснял Прабхупада, – дети верховного отца, Кришны, Бога. Но лишь в человеческой форме жизни мы можем понять свои отношения с Ним. Если человек неправильно воспользуется своей жизнью и не поймет своего долга перед Кришной, жизнь его будет прожита зря.

Поэтому, пожалуйста, не воспринимайте это Движение сознания Кришны как некую сектантскую организацию. Оно представляет науку о Боге. Попробуйте понять науку о Боге. Либо просто примите это Движение, либо попробуйте понять его с помощью философии и науки. У нас есть множество книг. Пожалуйста, воспользуйтесь преимуществами этого Движения, именно для этого мы и распространяем столько книг. Попробуйте трезвой головой понять это Движение. В этом наша единственная миссия. Большое спасибо.

Когда Прабхупада уехал, чтобы вернуться в храм, на площади начали распространять прасад, а актеры уже готовились к выходу со своим спектаклем «Кали и Его супруга, Грех».

Вечером о шествии и празднике доброжелательно сообщили все крупнейшие телекомпании, а утром вышли газеты с фотографиями и репортажами. Больше всего Прабхупаде понравился разворот в «Нью-Йорк дейли ньюс», где несколько фотографий было помещено под шапкой: «Пятая авеню, где Восток встречается с Западом».

– Пошлите эту статью во все храмы, – сказал Прабхупада. – Отправьте ее Индире Ганди. Заголовок просто замечательный. Они уловили самую суть. «Восток встречается с Западом». Как я всегда говорил, хромой встречается со слепым. Вместе они могут все, а поодиночке – ничего. Один хромой, а другой – слепой. Но если они объединятся – индийская культура и американские деньги, – то смогут спасти весь мир.

Прабхупаде прочитали вслух статью из «Нью-Йорк Таймс», где рассказывалось о том, что в шествии участвовали сотни индийцев, «которые радовались, видя, что сохранить свою веру можно даже в Нью-Йорке». В статье приводились слова «одного индийского иммигранта», который сказал: «Мы любим Нью-Йорк, Америку. Это самое прекрасное место в мире. Никакая другая страна не позволила бы нам так свободно отмечать наши праздники».

– Так оно и есть, – сказал Прабхупада, – я всегда это говорил. «Таймс» первой написала о моей деятельности, когда я стал петь в Томпкинс-Сквер-Парке.

На площади, где проходил праздник, преданные накормили прасадом семь тысяч человек. И даже уже поздно вечером, когда они возвращались назад со своими колесницами, сотни людей следовали за ними, распевая мантру. Преданные уже обсуждали, что нужно сделать, чтобы в следующем году праздник получился еще лучше. Было бы неплохо отвести места представителям прессы, а Прабхупада предложил снять небольшой домик в центре города и назвать его Гундича. Господь Джаганнатха мог бы находиться там целую неделю, а затем преданные могли бы устроить еще одно шествие – праздник возвращения Господа Джаганнатхи в храм на Пятьдесят пятой улице.

– Вчера, – рассказывал Тамала Кришна Госвами, – мы весь вечер убирали площадки в парке. И одна женщина, которая живет по соседству, подошла к нам и сказала: «За все время, что живу здесь, еще ни разу не видела такого замечательного праздника». А директор парка в интервью телекомпании Си-би-эс говорил: «Мы гордимся тем, что этот парк был основан сотни лет назад, когда Америка была религиозной страной, и что духовная жизнь в Парке Вашингтон-Сквер продолжается до сих пор».

– Так, может быть, стоит попросить мэра построить там для нас храм? – сказал Прабхупада.

Преданные рассмеялись. Но Прабхупада говорил вполне серьезно.

Здоровье Шрилы Прабхупады стало ухудшаться, что часто случалось с ним во время напряженных поездок. Особенно плохо он почувствовал себя в Нью-Йорке. Его дальнейший маршрут пролегал через Лондон, Париж, Тегеран и Бомбей и заканчивался в Хайдарабаде, где он должен был провести церемонию открытия нового храма ИСККОН. Старшие преданные умоляли его немного отдохнуть, прежде чем ехать в Англию и Индию. В этот приезд он провел один день на ферме ИСККОН в Пенсильвании, где ему очень понравилось, и преданные предложили ему поехать туда месяца на два-три, чтобы он мог поправить здоровье и писать книги. Каждый день они умоляли его остаться. Когда он услышал, что все члены Джи-би-си в Нью-Йорке считают, что он должен отложить поездку, то сказал: «Хорошо, я не поеду».

Однако Прабхупада не был слугой Джи-би-си, он был слугой Кришны. Билеты на самолет уже были куплены, и потому он решил продолжать путешествие.

Утром в день его отъезда несколько преданных пришли к нему, чтобы в последний раз попытаться уговорить его остаться с ними. Прабхупада ничего не ответил, хотя было ясно, что он не изменил своих намерений. Слуги паковали его чемоданы, все было готово к отъезду. Тем не менее, даже когда он уже вышел из комнаты и направлялся к лифту, несколько человек продолжали идти за ним, умоляя его не уезжать.

– Ну, пожалуйста, Прабхупада, – говорил Рамешвара Свами, – измените свое решение.

До этого момента, несмотря на физическую слабость и мольбы учеников, Шрила Прабхупада пребывал в веселом расположении духа. Но теперь лицо его изменилось.

– Не уезжайте, – произнес один из преданных. Другой добавил: – Оставайтесь, отдохните.

Прабхупада обернулся. Его взгляд был очень глубок. Больше, чем когда-либо, он показался им пришельцем из другого мира.

– Я хочу, чтобы вы благословили меня сражаться ради Кришны, – сказал он, – подобно Арджуне.

Все молчали. Этот великий завет навсегда врезался им в память. На первом этаже двери лифта открылись и сотни преданных, ожидавших Шрилу Прабхупаду, с радостными возгласами проводили его к машине.

По дороге в аэропорт преданные снова заговорили о пороках Кали-юги.

– Но вы должны продолжать проповедь, – посоветовал им Прабхупада. – Вы должны попытаться спасти этих людей.

Шрила Прабхупада покидал Америку, но преданные знали, что пока они следуют его наставлениям, он с ними. Кроме того, он все равно вернется – даже если сейчас и покидает их. Он летает из Индии в Нью-Йорк, затем возвращается в Индию, а затем снова на Запад. Он постоянно путешествует между Востоком и Западом, связывая воедино две культуры – хромого и слепого. Он сражается, как Арджуна, и постоянно путешествует, как Нарада Муни, прославляя Верховную Личность Бога, Кришну. Он никогда не остановится, и его искренние последователи всегда будут с ним.

Глава пятьдесят первая

Повторяйте «Харе Кришна» и сражайтесь

Бомбей, 8 января 1977 года

Шрила Прабхупада вышел на утреннюю прогулку еще до рассвета. И ему, и преданным был хорошо знаком этот маршрут: через «Харе-Кришна-лэнд» к дороге. Выйдя за ворота, нужно было повернуть налево, потом направо, и один квартал пройти до пляжа. Светало. В предрассветных сумерках едва можно было отличить землю от моря и неба, но постепенно небо на горизонте окрашивалось в нежные цвета восхода, и взорам преданных открывалась необъятная гладь Аравийского моря, на горизонте стремящаяся слиться с еще более необъятной гладью неба, на котором мерцали и таяли последние звезды. Маленькая группа преданных во главе с Прабхупадой шла по широкой полосе пляжа. Слева от них выстроились в ряд склонившиеся к морю пальмы, а справа шумел прибой.

Шрила Прабхупада был одет в шелковые курту и дхоти, на плечах у него был серый шерстяной чадар, а на ногах – парусиновые туфли персикового цвета. Он шел стремительно, слегка опираясь на трость. При каждом шаге он выбрасывал ее вперед, втыкал в песок перед собой и поднимал снова, как бы отбивая ритм. Он держался прямо, высоко поднимая голову.

Вскоре вдоль берега потянулась вереница бомбейцев – в большинстве своем богатых жителей Джуху, вышедших на утреннюю прогулку. Несколько торговцев кокосами уже прикатили сюда свои тележки и в ожидании первых покупателей срезали с отборных плодов макушки. Шрила Прабхупада любил гулять в ранние утренние часы и, в каком бы уголке земли ни находился, если позволяла погода, всегда выходил на прогулку. Однако пляж в Джуху был одним из его любимых мест.

По дороге к ним присоединились доктор Патель, в белой рубашке и брюках, а также несколько его друзей – большей частью врачей и юристов. До этого Шрила Прабхупада молчал, но теперь заговорил:

– Как все замечательно! – он указал на пляж перед собой. – Посмотрите на небо – каким чистым и прекрасным его создал Кришна! Пурнам идам.

Он показал тростью на высокие изящные пальмы.

– Дерево называется врикша. Врикша-йони, или рождение в форме дерева, считается неудачным. Но и врикши по воле Кришны сотворены столь великолепно, что ими можно любоваться.

– Все они – представители Кришны, – сказал д-р Патель. – Как совершенно!

– Пурнам, – сказал Прабхупада, цитируя «Ишопанишад». – Пурнам идам, пурнам адах.

Солнце поднималось над горизонтом, заливая своим светом все вокруг. Шрила Прабхупада проповедовал против атеистического мировоззрения, провозглашающего, что у этого сложного материального творения нет творца.

– Творение Бога, – говорил он, – совершенно и законченно, ибо исходит из Него, Который есть пурнам, совершенный. Андантара-стха параману чаянтара-стхам / говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами. Параману значит «меньше атома». Шесть параману составляют один ану. Это размер атома – шесть параману. Господь присутствует и в параману.

– Он создал его, – добавил д-р Патель, – а затем в него вошел. Так говорит Веда.

– Да, – согласился Прабхупада, – там находится Параматма. Человеческая жизнь предназначена для понимания этих вопросов и прославления Господа. А они проживают свою жизнь напрасно, подобно свиньям.

Прабхупада снова замолчал, продолжая лишь тихо повторять «Харе Кришна». Стало совсем уже светло; многочисленные индийцы, гуляя или совершая пробежку, приветствовали Шрилу Прабхупаду – по-разному, но всегда почтительно. По меньшей мере, они говорили «Доброе утро», на что Шрила Прабхупада, как правило, отвечал «Харе Кришна».

Вдруг Шрила Прабхупада снова заговорил:

– Против нас готовится крупный заговор.

– Кто его готовит, церковь? – поинтересовался д-р Патель.

– Нет, не церковь, – ответил Прабхупада.

– Общество?

Прабхупада протянул задумчиво: «Мммм», – и добавил:

– Теперь они решительно настроились покончить с нашим Движением.

Он не стал вдаваться в подробности, и ни д-р Патель, ни другие так и не смогли выяснить, что он имеет в виду. Доктор сказал, что, по крайней мере, в Индии заговор против сознания Кришны невозможен.

– Поэтому я и хотел начать свое движение в Индии, – ответил Прабхупада. – Я просил многих своих друзей: «Отдайте мне хотя бы одного из ваших сыновей!» Но никто не соглашался. Они говорили: «Свамиджи, что пользы от того, что мой сын станет вайшнавом или брахманом?» Они не хотят считаться с нашим Движением и думают, как бы его остановить.

Ревностный патриот, доктор Патель воскликнул:

– Эти американцы – вечно они раздувают пропаганду!

– В любой стране есть и хорошее, и плохое, – заметил на это Прабхупада. – Кришна говорит: манушьянам сахасрешу. Из многих тысяч людей едва ли один стремится к совершенству. Кали-юга!

Прогулка продолжалась, но Шрила Прабхупада ни словом больше не обмолвился на эту тему, переключившись на материалистичных домохозяев, главным удовольствием которых является половая жизнь. Он сказал, что полное удовлетворение духовной жизнью куда выше отвратительного наслаждения сексом.

Прабхупада погулял еще полчаса и повернул назад, чтобы к семи часам успеть в храм на приветствие Божеств. Некоторые из преданных, уставшие от быстрой ходьбы, плелись в хвосте, но Шрила Прабхупада продолжал идти уверенным шагом, а его золотистое лицо выражало торжество самоосознания.

Прабхупада заговорил о важности сат-санги, общения с преданными, и д-р Патель и тут не преминул вставить свое «веское слово»:

– Вместо того, чтобы практиковать сат-сангу, люди ходят на Кумбха-мелу! – и рассмеялся, словно это была удачная шутка.

Но Прабхупада поправил его.

– Нет, – сказал он. – Кумбха-мела – это и есть сат-санга. Если вы идете на Кумбха-мелу с желанием встретить мудрого человека, то это правильно. В противном случае, ят-тиртха-буддхих салиле на кархичит, са эва го-кхара. Если человек думает, что это салила, вода, что просто совершать омовение в воде – это и есть Кумбха-мела, тогда он – го-кхара, корова или осел. Однако, если он думает: «Здесь собралось столько святых людей. Мне непременно нужно воспользоваться их мудростью», – тогда он разумен.

С тех пор как Шрила Прабхупада приехал в Бомбей, его уже много раз спрашивали о предстоящей Кумбха-меле в Аллахабаде. Магх-мела отмечалась каждый год, но, согласно астрологическим подсчетам, каждые 12 лет происходит еще более благоприятное событие: Кумбха-мела. И каждая двенадцатая Кумбха-мела (случающаяся лишь раз в 144 года) была особенно благоприятна. И праздник этот выпадал именно на 1977 год. По прогнозам правительства, в этом году под Аллахабадом, в месте слияния священных рек, должно было собраться двенадцать миллионов человек. Шрила Прабхупада сказал, что тоже примет участие в празднике.

– Итак, сэр, вы собираетесь отправиться на Кумбха-мелу на поезде? – поинтересовался д-р Патель.

Шрила Прабхупада ответил, что ему нравится путешествовать на поезде, но д-р Патель возразил, что это плохо отразится на его здоровье и вообще будет для него очень суровым испытанием. Он предупредил, что в Аллахабаде сейчас очень холодно, а если Прабхупада захочет уехать с Мелы пораньше, это будет затруднительно из-за большого скопления народа.

– Я попрошу кого-нибудь из своих друзей в тот день привезти мне воду из Аллахабада, – рассмеялся д-р Патель. – Я буду совершать омовение здесь.

Друзья д-ра Пателя тоже упомянули о трудностях, ожидающих Прабхупаду в Аллахабаде во время Мелы: суровой погоде и толпах людей. Но Шрила Прабхупада был непоколебим. Он хорошо знал Аллахабад – ведь он жил там со своей семьей с 1923 по 1936 год.

– В 1925 году, – вспомнил Прабхупада, – я был на Меле. Помню, я прикоснулся к воде, и она была такой холодной, что сводило все тело. Но затем... Вы погружаетесь в нее – раз... два... три – и сразу выходите, и все в порядке.

Прабхупада вспомнил и Мелу 1928 года, на которой он был со своим младшим сыном.

– Я оказался в самом центре толпы, – вспоминал он. – Людей было столько, что я боялся: стоит только толпе засуетиться – и моему ребенку конец. Но, по милости Кришны, все обошлось.

– Каково значение Мелы? – спросил Прабхупада его слуга, Хари-шаури. – Это как-то связано с каплями нектара от Мохини-мурти?

– На самом деле, это религиозное собрание, – ответил Прабхупада. – В этом святом месте собираются всевозможные религиозные группы, чтобы проповедовать свои философии. Индия – страна религии. Они знают, что духовная жизнь важнее материальной. Такова Индия. Сейчас они стали больше думать о материальном, но вообще Индия предназначена для духовной жизни.

Без пяти семь Шрила Прабхупада ушел с пляжа. Подходя к «Харе-Кришна-лэнду», он смотрел на массивные башни гостиницы ИСККОН и еще более высокие и величественные купола храма. Здания были еще не закончены: предстояло облицевать мрамором купола и завершить отделочные работы во многих других местах. Прабхупада хотел поскорее открыть храм, но Сурабхи Махараджа, руководивший строительством, постоянно ссылался на разные обстоятельства, поэтому назначить дату открытия никак не удавалось.

Неприятности, связанные со строительством храма в Бомбее, начались у Прабхупады еще в 1971 году, когда он подписал с господином Н. контракт о покупке земли, и с тех пор преследовали его буквально на каждом шагу. Однако сейчас торжества в честь установления Божеств Радхи-Расавихари в одном из самых великолепных храмов Индии были уже не за горами. Преданные по-прежнему поклонялись Радхе-Расавихари под временным навесом, поставленным еще в 1971 году, но теперь позади него возвышалось великолепное здание храма, что возвещало о скором переезде Расавихари в Его новый бомбейский дворец. Кришна благословлял искренний труд Шрилы Прабхупады и его учеников. Шрила Прабхупада продолжал ездить по всему свету, следя за развитием деятельности ИСККОН на всех направлениях, но неизменно возвращался в Бомбей. Он видел, что рабочие тянут время, и понимал, что нередко они мошенничают, о чем преданные порой даже не подозревают. На этот раз он тоже собирался ненадолго здесь задержаться, чтобы дать советы, а затем продолжить свое путешествие.

Вернувшись на землю ИСККОН в Бомбее, Шрила Прабхупада пришел к Божествам, чтобы вновь увидеть Их чарующую красоту. Иногда он говорил, что из всех Божеств ИСККОН Радха-Расавихари – его самые любимые. Скоро он исполнит данное Им обещание – храм для Них уже почти готов, хотя временами Прабхупада сомневался, доведется ли ему присутствовать при его открытии. Ему было уже за восемьдесят, и его одолевали хронические болезни.

Приближение смерти, разумеется, не было для Прабхупады неожиданностью – с тех пор, как в 1965 году он начал проповедовать на Западе, ему не раз приходилось бороться с тяжелыми недугами. Но, хотя он часто говорил о том, что хочет отойти от дел, его ученики даже представить себе этого не могли. Да, им любой ценой надо как можно скорее довести до конца строительство и открыть храм в Бомбее, да, им нужно дать своему духовному учителю возможность отойти от дел и закончить, наконец, «Шримад-Бхагаватам». Но они были уверены, что Кришна непременно позволит ему остаться с ними, по крайней мере, до тех пор, пока он не завершит два этих дела.

Каждый месяц члены Джи-би-си по очереди приезжали к Шриле Прабхупаде, чтобы послужить ему, исполняя обязанности его секретаря, чтобы учиться под его непосредственным руководством и иметь возможность лично с ним общаться. В январе 1977 года секретарем Прабхупады стал Рамешвара Свами. Прабхупада искренне обрадовался, когда однажды рано утром Рамешвара, прилетевший в Бомбей прямо из Лос-Анджелеса, вошел к нему в комнату. Прабхупада считал его опытным руководителем, особенно в сфере издания и распространения книг о философии сознания Кришны, которым в проповеднической деятельности Прабхупада отводил главное место.

Как подобает смиренному слуге в присутствии духовного учителя, Рамешвара Свами сказал:

– Шрила Прабхупада, вы неплохо выглядите. Вы хорошо себя чувствуете?

– Сейчас хорошо, потому что ты здесь, – рассмеялся Шрила Прабхупада.

Через минуту они уже обсуждали вопросы проповеди и организации ИСККОН. Прабхупада сказал Рамешваре, что самая лучшая стратегия – это вкладывать деньги в издание еще большего количества книг. Как только появляются деньги, предупредил Прабхупада, они тут же обрастают налогами и становятся причиной головной боли. Поэтому лучше сразу же тратить их на печатание книг.

– Печатай книги, продавай их и расходуй деньги, – говорил Шрила Прабхупада. – Следуй этому принципу и распространяй книги. Такова наша главная проповедь. Так или иначе, мы должны нести книги от двери к двери и их распространять. Тогда наша проповедь успешна. Любой, кто их читает, несомненно, получит благо. На земле нет больше подобных книг. Это новая революция в человеческом обществе.

Когда Шрила Прабхупада спросил Рамешвару Свами, что нового, тот поведал ему, каким нападкам подвергается Движение сознания Кришны в Америке. Шрила Прабхупада уже знал о них – это и был тот самый «заговор», о котором он упомянул на утренней прогулке. В США необычайно активизировалось злобное антикультовое движение, участники которого сваливали Движение «Харе Кришна» в одну кучу с другими недавно появившимися религиозными течениями. Шрила Прабхупада был хорошо осведомлен о деятельности «депрограмматоров», которые похищали преданных и подвергали их интенсивной психологической обработке. Но он уже доказал, что не боится этого. Он заверил преданных, что Кришна защитит их, и в конечном счете Движение сознания Кришны от этого только выиграет.

Самой важной битвой, на которой вот уже несколько месяцев подряд были сосредоточены мысли Шрилы Прабхупады, был судебный процесс в Нью-Йорке, где президента храма, Ади-Кешаву Свами обвиняли в том, что он применяет методы психологического давления на преданных и насильно удерживает их в храме. Родители двух совершеннолетних преданных выдвинули это обвинение после того, как нанятым ими депрограмматорам не удалось заставить их детей отречься от сознания Кришны. Помощник генерального прокурора решил воспользоваться этим судебным процессом, чтобы объявить «крестовый поход» против сект, и использовал все имевшиеся в его распоряжении юридические и административные рычаги. Поборники гражданских прав и свобод были возмущены его действиями и обещали преданным, что их противникам никогда не удастся выиграть дело, однако преданные были далеко не так уверены в исходе судебного разбирательства. Процесс ставил под вопрос само право Движения «Харе-Кришна» называться религией, а также оспаривал право совершеннолетних преданных оставаться в Движении против воли их родителей. Подвергалось сомнению и то, что участники Движения «Харе-Кришна» сделали свой выбор сами, а не присоединились к нему в результате психологического давления и «промывания мозгов». Когда Шрила Прабхупада, находившийся во Вриндаване, впервые услышал об этом процессе, он написал преданным письмо, которое прозвучало как труба, зовущая к битве с силами иллюзии.

Что касается авторитетности нашего Движения, вы можете использовать следующие аргументы. «Бхагавад-гита» выдержала множество изданий и продолжает издаваться. Наши книги древнее Библии. В Индии есть миллионы храмов Кришны. Пусть судьи и присяжные заседатели прочтут наши книги и ознакомятся с мнением известных ученых и профессоров. Что же касается второго пункта обвинения, о власти родителей над своими детьми, то по этому поводу у меня есть несколько вопросов. Хотят ли родители, чтобы их дети становились хиппи? Так почему же они их не остановят? Хотят ли родители, чтобы их дети занимались проституцией и употребляли наркотики? Почему же они не препятствуют этому?

Сейчас они почувствовали силу нашего Движения. Сначала они думали: «Эти люди как пришли, так и уйдут», – но теперь видят, что мы не собираемся уходить. Мы устроили пожар, и он будет пылать. Его невозможно потушить. Можно пригнать много пожарных команд, но и они не смогут погасить этот огонь. Книги для «промывания мозгов» уже существуют. Даже если они запретят Движение, оно будет развиваться подпольно. Нашим главным делом и единственной пропагандой является распространение книг. Идите от двери к двери. Начинается настоящая битва. Кришна вас защитит. Итак, повторяйте «Харе Кришна» и сражайтесь.

Беседуя со Шрилой Прабхупадой в Бомбее, Рамешвара Свами рассказал ему, что для защиты сознания Кришны на нью-йоркском процессе, в Америке организован общенациональный комитет профессоров и богословов, и что многие юристы и психологи на их стороне.

– Кришна проливает столько милости! – сказал Шрила Прабхупада. – Кришна Сам хотел, чтобы все это случилось. Ведь и к Самому Кришне слава пришла тогда, когда Он убил множество демонов – а не просто лежал на коленях матери Яшоды. Он начал их убивать с того самого времени, когда был еще грудным ребенком. Так Кришна доказал, что Он – Верховная Личность Бога. Даже Кришне пришлось сталкиваться с противодействием – что уж говорить о нас! Прахлада Махараджа тоже прошел через это. Стоит вам заговорить о Боге, тут же появляются противники. Иисуса Христа распяли на кресте. Они еще добры к нам: они не распинают меня или

кого-то из моих людей. Но нужно быть готовым и к этому. Нитьянанда Прабху пострадал, Харидаса Тхакура били на двадцати двух базарных площадях. Вот как бывает.

– Они к каждому американцу пристают с вопросом: «Что такое «Харе Кришна»?» – сообщил Рамешвара.

– Мы от этого только выигрываем, – сказал Шрила Прабхупада. – Они повторяют «Харе Кришна».

– Тем не менее, чтобы победить их, нам приходится прикладывать огромные усилия, – добавил Рамешвара.

– О, да, – сказал Прабхупада. – Это необходимо. Вы не должны спать. Кришна никогда не говорил Арджуне: «Я твой друг. Я Бог. Приляг, отдохни. Я все сделаю Сам». Нет! Вы должны сражаться! Вот чего хочет от вас Кришна! Он сказал: «Сражайся и помни обо Мне. Тогда я сделаю все». Так мы можем помнить Кришну всегда.

Материалисты, объяснил Прабхупада, никогда не смогут примириться с тем, что Движение сознания Кришны выступает против внебрачных половых связей, употребления в пищу мяса и приема одурманивающих средств. То, что кто-то способен отказаться от всего этого, кажется им настолько неправдоподобным, что они не могут найти этому разумного объяснения. Они не в состоянии поверить, что причиной такого отказа может быть подлинный духовный опыт. Вспоминая о предыдущем процессе, Шрила Прабхупада сказал:

– В Германии нас тоже обвиняли, что вот, мол, сидит в Лос-Анджелесе старик и заставляет этих мальчишек собирать для него деньги. Они думают, будто я обладаю способностью влиять на психику людей и подчинять их своей воле – они добывают деньги, а я наслаждаюсь жизнью.

Шрила Прабхупада вспоминал, как еще в 1969 году, когда его храм в Лос-Анджелесе купил несколько автомобилей, и число преданных стало расти, соседи начали им завидовать. Прабхупада сказал, что ведь и соседей он приглашал вступить в общество сознания Кришны, но те всегда отвечали отказом. Прабхупада говорил, что чем больше шума поднимает оппозиция, тем популярнее становится сознание Кришны. Он также заключил, что людям не нравится его бескомпромиссная проповедь.

– Я всех ругаю, – сказал он, – говорю, что все они собаки и свиньи. ООН я называю сворой лающих собак. Но это же правда! А в Чикаго я сказал: «Женщины, вы не можете быть независимы». Поэтому я стал объектом агрессивной критики.

Под конец беседы с Рамешварой Шрила Прабхупада сказал, что преданные должны быть предельно бдительны и защищать Движение сознания Кришны, опираясь на свой разум. Но кроме того они должны понимать, что все это происходит не без участия высшей воли. Это противостояние доказывало авторитетность ИСККОН. Порой даже Сам Господь Кришна оказывался в беде – когда Он сражался с Калией и другими врагами, или когда маленьким упал в Ямуну.

– В этом прелесть Вриндавана, – сказал Прабхупада. – Узнав, что Кришна нырнул в Ямуну, чтобы сразиться с Калией, мать Яшода, Нанда, друзья и родственники были вовсе этому не рады. Ни капельки. Жизнь покинула их. Но при этом в центре всего происходящего был Кришна. Это Вриндаван. Что бы ни происходило, Кришна всегда в центре. Мы примерно в таком же положении. Они пытаются очернить Кришну – это оппозиция, но оттого, что Кришна в центре, я счастлив. Вот и все. Такова красота этого Движения. Хотя для нас это трудные времена, тем не менее, Кришна остается центром.

Шрила Прабхупада с группой учеников хотел отправиться в Аллахабад на поезде. Но когда один из преданных пошел покупать билеты, выяснилось, что все они давным-давно проданы, и до самой Кумбха-мелы нет никакой возможности забронировать билеты до Аллахабада. Но один из друзей Шрилы Прабхупады, г-н Гупта, состоял в центральной железнодорожной службе Индии, на руководящей должности, и, по просьбе Прабхупады, специально для него и его учеников организовал отдельный вагон в следующем до Аллахабада поезде.

Ранним утром 11 января Шрила Прабхупада сел на поезд в Бомбее. Дорога до Аллахабада занимает целые сутки. Вместе с ним в купе первого класса ехали Рамешвара Свами, Джагадиша и Хари-шаури. Поезд только-только отъезжал от станции, а Прабхупада уже проповедовал.

Рамешвара вспомнил о недавней радиопередаче в Калифорнии, в которой ему довелось участвовать – как один лютеранский священник назвал там Кришну секс-символом, потому что у Него множество жен и подружек-гопи.

– Но даже если допустить, что Кришна интересуется сексом, – возразил Прабхупада, – и если секс так плох, то почему они им интересуются?

– Он говорит, что секс не приличествует Богу, – ответил Рамешвара. Шрила Прабхупада сидел на своем месте, а ученики расположились на сиденье напротив. Временами громкий стук колес заглушал голос Прабхупады.

– Если у Бога нет секса, – рассудил Прабхупада, – тогда откуда он взялся? Бог сотворил все. Разве секс исключение?

Шрила Прабхупада объяснил, что секс есть и в материальном, и в духовном мире, а материальное сексуальное наслаждение – лишь искаженное отражение изначального, чистого секса, который существует во Всевышнем. Но по сути, сексуальное наслаждение Кришны прямо противоположно материальному сексу, так же, как реальный объект противоположен своему отражению.

– Вы не умеете сражаться, – выговаривал преданным Шрила Прабхупада.

Он был возбужден и горел желанием показать ученикам, как расправляться с оппонентами. Он часто называл своего духовного учителя «симха-гуру» («гуру-лев»), и сейчас, глядя на него, ученики поняли, что значит это выражение.

– Чем больше будет у нас противников, – сказал он, – тем сильнее должна быть наша защита.

– Шрила Прабхупада, – спросил Рамешвара, – можем ли мы допустить мысль, что когда-нибудь Движение сознания Кришны будет управлять городами и нациями мира?

– О да, – ответил Прабхупада.

Рамешвара поинтересовался, как удастся преданным осуществить такой грандиозный замысел. Система управления будет упрощена, объяснил Прабхупада – ведь жители городов будут жить чистой, естественной жизнью. Так не останется необходимости в тяжелых и греховных сторонах безбожной формы правления, что разрешит множество проблем. Прабхупада привел пример автономных сельскохозяйственных общин, где люди в местном масштабе производят все необходимое для жизни, однако добавил, что простой жизнью люди будут довольны только в том случае, если получают духовные знания и испытают высший вкус сознания Кришны.

Рамешвара спросил, сможет ли Америка стать сознающей Кришну, если лишь небольшая часть сознающих Кришну людей обретет влияние в правительстве, тогда как основная масса людей останутся карми.

– Нет, – ответил Прабхупада. – Вы можете подавать сознание Кришны так, чтобы все они стали преданными. К примеру, мы можем начать раздавать прасад и петь на больших заводах. Они сразу же станут преданными. Их сердца очистятся: чето-дарпана-марджанам.

– Но не станем ли мы похожи на Россию, – не унимался Рамешвара, – где всем заправляет лишь небольшая группа людей?

– Нет, это не так. Качества людей изменятся.

– Это значит, – предположил Рамешвара, – что говорить о правительстве, сознающем Кришну, можно только когда все население начнет сознать Кришну?

– Нет, – поправил Прабхупада. – Вы можете сформировать правительство, находясь в меньшинстве. Но люди должны видеть пример.

С одной стороны вопрос о том, как преданные будут управлять миром, был не столь уж актуален, ведь в настоящий момент политическое влияние преданных было совсем незначительно. Однако, отвечая на все эти вопросы, Прабхупада определял своему Движению цели и тактику на будущее. Рамешвара Свами совмещал в себе качества практичного руководителя и мечтателя, а потому хотел во всех подробностях выяснить, каким Прабхупада видит мир будущего – мир, сознанный Кришну.

У Шрилы Прабхупады были ответы на все его вопросы, но он подчеркивал, что и общественное, и политическое управление будет осуществляться не посредством установления новых норм и правил, а с помощью чистого сознания Кришны. Если люди будут повторять Святые имена, слушать и изучать Священные писания, то сердца их изменятся, и тогда можно будет говорить об управлении на основе принципов сознания Кришны.

Когда поезд миновал густонаселенный Бомбей и выехал в сельскую местность, Шрила Прабхупада стал смотреть в окно, любясь открывающимися видами.

– Мы выехали в поля, – сказал он. – Как прекрасно! Только что мы ехали по перенаселенной территории – ад, сущий ад. А теперь просторы полей. Как они прекрасны!

– Въезжая в город, начинаешь чувствовать, как он давит на сознание, – сказал Хари-шаури.

– Да, – согласился Прабхупада, – а когда выезжаешь из города, он похож на свалку. Повсюду мусор, люди живут в адских условиях. А теперь взгляни, как прекрасны эти поля – не налюбуешься. Поэтому организуйте фермерские общины.

Когда Рамешвара сказал, что для организации общины требуется большой стартовый капитал, Прабхупада ответил, что преданные должны показывать пример, и тогда и другие естественным образом последуют успешной модели.

Рамешвара упомянул, что хотя в Америке президенты храмов ИСККОН и стремятся вдохновить примкнуть к Обществу как можно большее число людей, они вынуждены признать, что большинство их не способно следовать установленным нормам.

– Поэтому-то и нужны фермы, – сказал Прабхупада.

– Может быть, нужно вдохновлять людей привносить сознание Кришны в свой дом, – предположил Рамешвара, – чтобы они старались превратить свой дом в храм?

– Нет, – возразил Прабхупада. – Пусть едут на ферму, в Новый Вриндаван.

Если люди не склонны к аскезам, сказал он, тогда пусть со своими женами и детьми приезжают на ферму и уютно живут там в собственных домах. На ферме у них будет полно работы. Прабхупада сказал, что со временем безработица заставит все больше людей искать пристанища в сельскохозяйственных общинах Сознания Кришны.

– То есть, – предположил Хари-шаури, – следует ожидать, что материальные условия станут еще хуже, чем сейчас?

– Может да, а может быть и нет, – сказал Прабхупада. – Нас это не волнует. Наша задача – организовать идеальное общество.

Хотя перед выездом из Бомбея Прабхупада не завтракал, он говорил еще четыре часа, а затем попросил Хари-шаури подать обед. Остальные преданные вышли из купе.

Хари-шаури носил все личные вещи Прабхупады в двух небольших сумках: в одной лежали три смены одежды, а в другой – посуда Прабхупады: поднос, чашка, ложка, металлический судок, а также тилака и зеркальце. Эти две сумки были единственной поклажей, с которой Прабхупада путешествовал по всему миру. Несмотря на свое положение главы состоятельной международной организации, он обходился минимумом вещей и путешествовал налегке.

Какие бы пожертвования он ни собирал, какую бы прибыль с распространения своих книг ни получал, какой бы собственностью ни обладал – он все делал во имя ИСККОН. Однако, когда в путешествии в пыльном поезде наступало время обеда, слуга подавал ему изысканный вегетарианский пир в серебряных мисках на серебряном подносе. Прабхупада не оставлял себе ничего, но Кришна обеспечивал его всем.

По-турецки усевшись на своем месте, Шрила Прабхупада показал слуге, какие блюда ему нужно положить из секций стального нержавеющей судка – сабджи, пури, фрукты и сладости. Выбрав себе блюда и начав есть, Прабхупада настоял на том, чтобы Хари-шаури тоже принял прасад. Закончив, Хари-шаури раздал остатки обеда Прабхупады остальным, а Прабхупада лег отдыхать.

После полудня в купе Прабхупады собралось еще больше учеников. Он продолжал проповедовать, большей частью отвечая на вопросы, поднятые Рамешварой Свами.

– Что касается промывания мозгов, – сказал Рамешвара, – то они заявляют, что наш образ жизни предполагает изоляцию от мира.

– Да, – сказал Прабхупада, – нам невыносимо с вами общаться. Ни один уважающий себя человек не станет общаться с бродягами. Вороны не захотят жить с утками и белыми лебедями, а белые лебеди не захотят жить с воронами. Это естественное разделение. Свояк свояка видит издалека.

Рамешвара: Существует пять или шесть условий устройства организации, способствующих «промыванию мозгов». Нас обвиняют, что мы ставим членов нашего Общества именно в такие условия.

Прабхупада: Да, мы промываем людям мозги, вымываем отсюда все плохое и оставляем хорошее. Это наша работа. Мы отмываем мозги от всякой мерзости. Ваши мозги забиты разной дрянью – вы едите мясо, занимаетесь недозволенным сексом, играете в азартные игры. Вот мы их и промываем. Чето-дарпана-марджанам. Шринватам сва-катхах кришнах пунья-шравана киртанах хридий антах-стхо хй абхадрани. Абхадрани значит «плохое». Вы же убираетесь у себя в комнате? Что в этом плохого? Если вы наведете в комнате чистоту, разве станет человек в здравом уме

упрекать вас за это? Но вы так нечистоплотны, что обвиняете нас: «Зачем вы смываете эту грязь?» Мы отмываем грязь, а вы протестуете. Таков ваш интеллектуальный уровень. Однако разумные люди всегда убирают мусор. Это закон цивилизованного общества – наводить чистоту. Именно этим мы и занимаемся.

С точки зрения ведической цивилизации, все вы – неприкасаемые. Но мы пришли, чтобы вас коснуться. Так вымойтесь же, сначала вы должны смыть с себя всю эту грязь. В Индии собака считается неприкасаемым животным, но она – ваш лучший друг. Следовательно, вас тоже нельзя касаться, поэтому нам приходится промывать вам мозги. Пока мозги у вас не промыты, вы не сможете понять Кришну. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Вы спите с собакой, едите с собакой, собака – ваш лучший друг, так кто же тогда вы? Вас необходимо отмыть, отскрести.

Рамешвара: Но они утверждают, что в Америке принято получать образование в различных областях – науке, музыке, искусстве и литературе. Подобное представление о культуре берет свое начало в эпохе Возрождения в Европе. Но мы, члены Движения Харе Кришна, отворачиваемся от всего этого и читаем только книги о Кришне.

Прабхупада: Все остальное культурой не является. То, что подвержено переменам, не может называться культурой. Это – манодхарма, измышления. Да, мы хотим положить конец всей этой бессмыслице. Такова наша миссия. Те, кто достаточно разумен, уже приняли нашу культуру. Теперь очередь за вами.

Рамешвара привел контраргумент о том, что дети в сознании Кришны не готовы к поступлению в общеобразовательные школы и университеты, но Шрила Прабхупада ответил, что в этом их спасение.

– А что если позже они захотят пойти по другому пути? – спросил Рамешвара.

– Они стали сознавать Кришну с самого начала, – ответил Прабхупада. – Это совершенство жизни. Они с самого начала своей жизни совершенны. А вы идете в школу, поступаете в колледжи, но превращаетесь в самых нецивилизованных людей, подобных кошкам и собакам, оголяетесь и занимаетесь сексом на улицах. Какой же прок от такого образования? Закройте эти колледжи и университеты! Как только их не станет, жизнь людей улучшится.

Рамешвара: Если вы утверждаете, что члены вашего Движения – люди воспитанные и культурные, говорят они, почему же тогда преданные приезжают в аэропорты и пристают чуть ли не к каждому пассажиру?

Прабхупада: Они не пристают. Они просвещают. Когда вору советуют: «Брось воровать» – он считает, что к нему пристают, но на самом деле ему дают добрый совет.

Рамешвара: Они называют это вмешательством в личную жизнь. Каждый человек имеет право думать, как ему угодно.

Прабхупада: Вот именно. Поэтому у меня есть право думать так, как я считаю нужным, и продавать книги.

Рамешвара: А если я не хочу слушать вашу философию, зачем вы мне ее навязываете?

Прабхупада: Мы не навязываем. Это хорошая философия. Мы убеждаем: «Возьмите эту книгу, и она принесет вам благо». И они получают благо. Тем, кто их читает, наши книги приносят огромное благо. Почему вы на громадных стендах рекламируете всякую ерунду: «Приходите и покупайте»? А? Почему вы навязываете нам свои так называемые блага? Почему?

Схватка продолжалась несколько часов. Рамешвара приводил доводы против движения сознания Кришны, а Шрила Прабхупада разбивал их один за другим. Он называл эти аргументы «ребяческими» и «глупыми» и беспощадно критиковал породивший их материалистический образ мыслей. Пользуясь логикой и аргументами священных писаний, он доказывал, что у непреданного нет никаких добродетелей, и по уровню развития он стоит ниже животного, поскольку у него отсутствует сознание Бога. Такой человек не имеет права критиковать других, и критика его свидетельствует лишь о том, что он не знает, в чем заключается цель человеческой жизни.

Поезд делал остановки в Манмаде, Джалгаоне и Кхандве, а также других небольших городках и полустанках. В беседах Прабхупада и его ученики не заметили, как прошел день. Защищая Движение сознания Кришны, Прабхупада позабыл обо всем на свете. Он наслаждался сражением, которое вел от имени Господа Чайтаньи. Безусловно, слова Прабхупады были в первую очередь обращены к ученикам, но также в них звучало и сострадание ко всем живым существам, и преданность Движению сознания Кришны.

– Они тратят уйму денег на вооружение, – говорил Прабхупада. – Они не совершают ягью, тогда откуда взяться дождям? Будут войны и разрушения. Это никуда не годная цивилизация. Они

всех обманывают – убийцы души. Слепой ведет слепого. Даже в трудные времена мы должны продолжать свое дело ради служения Кришне. Пусть собаки лают – нам все равно. Если мы искренни перед Кришной, победа будет за нами. Внешний результат не столь важен. Мы должны действовать согласно указаниям Кришны.

Разумеется, мы хотим получить хороший результат, но даже если его нет, мы не будем тревожиться. Мы должны быть искренни перед Кришной в том, что приложили все усилия и не обманывали. Таков наш долг. Как слуги, мы не должны обманывать господина – есть результат или нет. Преданный не огорчается, если результат не приходит: «Не беда». Чайтанья Махапрабху говорит: «Я принес хари-наму в Бенарес, но здесь все майявади. Если они не примут ее – не беда. Я заберу ее обратно». Но мы должны приложить все усилия как заправские агитаторы: «Пожалуйста, примите это». Такова наша миссия. Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе...

Шрила Прабхупада начал было повторять джапу, но потом принялся разбирать очередной вопрос. Рамешвара Свами, стремясь укрепить собственные убеждения и способность проповедовать, продолжал подогревать дискуссию.

– Очень часто, – сказал он, – они говорят: «Нам вообще дела нет ни до какой религии. Но ведь это форменное промывание мозгов и самовнушение. Вы по столько часов в день повторяете эту мантру...»

– Какая вам разница! – резко оборвал Прабхупада. – Это мое дело. Почему вас так это беспокоит?

Рамешвара: Но, занимая этих молодых людей многочасовым повторением мантры, вы не даете им возможности самостоятельно мыслить.

Прабхупада: Вы воры. Вы пришли, чтобы украсть. Чего ради я должен позволять вам это? Они повторяют мантру, а вы называете это промыванием мозгов. Вы можете попросить их не повторять, вы имеете на это право. Но вы не можете им запретить.

Рамешвара: Но они утверждают, что молодые люди отказываются свободно мыслить.

Прабхупада: Мы готовы поспорить. Вы сами же хотите отнять у них свободу, а обвиняете в этом нас.

Прабхупада сказал, что сначала необходимо определить – что же такое истинная религия.

– Мы утверждаем, – сказал он, – что религия – это закон, данный Богом. И неважно, каким именем Его называют. Если мы говорим: «Кришна», это не значит, что Он не Бог. Поэтому перед тем как бросать сознанию Кришны вызов, нужно устроить большой диспут и установить, что является истинной религией. Мы говорим, что Бог один, и всякий данный Им закон является религией.

Рамешвара: Но христиане, ссылаясь на Библию, говорят, что если бы Господь захотел, чтобы мы верили в Кришну, Он сказал бы нам об этом на горе Синай или же устами Иисуса Христа. Однако Иисус говорил: «Аз есмь путь».

Прабхупада: Так-то оно так, но Иисус Христос не открыл вам большего – и не потому, что Он был глуп, а потому что вы – негодяи. Вы не способны следовать даже одной-единственной его заповеди: «Не убий». И поскольку вы негодяи, вам не дано его понять. Поэтому он и ушел от вас, нечестивцев. Ведь вы не следуете ни одной из его заповедей. Так что же вы можете понять? Вот он и не сказал вам ничего больше.

Рамешвара: Еще они говорят, что вы разрушаете семьи.

Прабхупада: Ничего страшного. Мы становимся членами семьи Кришны.

Хари-шаури: Но если вы действительно являетесь последователем Бога, почему вы разрушаете семьи? Разве вы не должны всех любить?

Рамешвара: Одна из заповедей гласит: «Чти отца своего и мать свою».

Прабхупада ответил, что любовь преданного к своим родителям выражается в том, что он дает им сознание Кришны.

Хари-шаури: Моя мама это подтвердила. Когда я жил дома, я вел себя невыносимо. Но потом она увидела, что я стал очень хорошим.

Прабхупада: Многие так говорят. Родители Хаягривы тоже.

Рамешвара: Мои родители тоже так думают. Раньше я вообще не мог поддерживать с ними отношения, но сейчас, став преданным, я по-настоящему хочу им помогать.

Прабхупада: Многие отцы и матери выражают нам благодарность. Никто из наших учеников не ведет себя непочтительно по отношению к матери и отцу. Почему? Я никогда не

говорил, что нужно перестать уважать родителей. Мать Брахмананды была на церемонии его посвящения, и я сказал ему: «Сначала коснись стоп своей матери, а потом уже кланяйся мне». И сначала он поклонился своей матери. Я сказал ему: «У тебя хорошая мать. Иначе, как мог у нее родиться такой сын?» Я всегда так говорю. Я никогда не поощряю неуважение. В особом случае, если мать и отец демоны, сын может прекратить с ними общаться. Но мы никогда не поощряем своих последователей разрушать семьи.

Рамешвара: Я думаю, мы исчерпали все аргументы.

Прабхупада (не желая останавливаться): Прежде всего, вы сказали, что мы ограничиваем своих членов в пище. Где вы это видели?

Рамешвара: Да, это один из их аргументов – мы позволяем преданным есть лишь два раза в день. Мы не даем им мяса, поэтому они испытывают дефицит белка.

Прабхупада: Каждый сам решает, что ему есть. Если ему нравится такая пища, то вы не имеете права его принуждать от нее отказаться. Если вы так поступаете, то это и есть принуждение. У каждого свои вкусы. Если ему нравится есть два раза в день, почему вы настаиваете на трехразовом питании? Это его выбор.

Рамешвара: А спят они всего по четыре-пять часов – очень мало.

Прабхупада: Да, потому что это пустая трата времени.

Рамешвара: Но ведь от недосыпания сильно слабеет ум.

Прабхупада: Негодяй! Если вам нечем заняться, то и спите себе на здоровье! Наполеон спал час-два – он был очень занятым человеком. И эти люди очень заняты в сознании Кришны. Великие люди не спят много. Сон – пустая трата времени. Человек, который не спит больше, чем необходимо – великий человек.

Рамешвара Свами возразил, сказав, что на стороне оппозиции стоят психологи, которые выдвигают против Движения свои обвинения. На это Прабхупада ответил:

– У нас тоже есть психологи.

Проговорив все послеобеденное время до вечера, Прабхупада велел преданным отправляться спать. В десять вечера он лег, и Хари-шаури стал растирать ему ноги.

– На самом деле, – заключил Шрила Прабхупада, – у них нет ни одного сильного аргумента. Следовательно, все это просто план Кришны, который хочет помочь нам заявить о себе. В результате мы приобретем еще большую известность.

Он сказал, что, нападая на преданных, противники дают им еще одну возможность проповедовать. Но, чтобы правильно себя вести на судебных процессах, а также противостоять другим серьезным противникам, преданные должны знать, как проповедовать. Они должны всегда оставаться духовно сильными. Так, в поезде, по дороге в Аллахабад, он весь день и всю ночь готовил учеников к сражению.

Аллахабад

12 января

Поезд прибыл на станцию в девять утра. На перроне Шрилу Прабхупаду встречали пять или шесть учеников-санньяси с группой киртана из пятидесяти преданных. Они пригнали из Дели машину Прабхупады, на которой он проехал то небольшое расстояние, что отделяло станцию от лагеря Мелы. Улицы были запружены тысячами паломников – пеших и на рикшах, поэтому автомобиль Прабхупады продвигался вперед с большим трудом. Асфальтовая дорога кончилась, и людские потоки выплеснулись на песчаные равнины, окружающие Тривени (место слияния Сарасвати, Ганги и Ямуны). Всего за несколько дней здесь вырос целый палаточный город. Два миллиона паломников уже расположились в лагере, но каждый день люди продолжали приходить сюда миллионами. У каждого религиозного общества Индии был здесь свой городок из нескольких палаток, огороженный бамбуковой оградой.

Пока машина медленно продвигалась вперед, Прабхупада заметил группу своих учеников, шествующих между лагерями с хари-нама-киртаном, и улыбнулся. Проехав почти через весь запруженный людьми город, к дальнему концу Тривени, он, наконец, достиг лагеря ИСККОН. Палатки ИСККОН, большая часть которых была разбита всего за полчаса до приезда Шрилы Прабхупады, располагались недалеко от железнодорожного моста на острове Гангадвипа; а место омовения в Тривени находилось отсюда в двадцати минутах ходьбы. Организаторы фестиваля предоставили преданным необходимые минимальные условия: простые туалетные сарайчики на

улице, водопровод и «кухню», состоящую из брезентовой загородки, ямы в земле и нескольких кирпичей.

Эти аскезы, обычные для Кумбха-мелы, не были для Шрилы Прабхупады неожиданностью, но ему не понравилось удаленное расположение лагеря. Еще больше его рассердило то, что до их лагеря не доходили электрические провода. Как люди смогут приходить по вечерам на программу, если не будет света? Он позвал Бхагавату и Гуру-даса, ответственных за организацию лагеря ИСККОН.

– Кто взял эту землю? – закричал он.

– Когда я сюда приехал, – объяснил Бхагавата, – здесь было чистое поле. Мне сказали: «Мы помещаем вас на этот остров. Здесь останутся губернатор, Калапатри Махараджа и Махариши Махеш Йоги». Я и подумал, что вы тоже будете здесь со всеми этими знаменитостями.

Шрила Прабхупада рассмеялся:

– У тебя нет опыта, поэтому они тебя надули. Ладно, ты просто не знал.

Однако когда Прабхупада узнал, что Бхагавата и Гуру-дас не подготовили достаточного количества продуктов для массового распространения прасада, он не на шутку разгневался и снова вызвал Бхагавату.

– Почему сегодня вечером нет раздачи прасада? – требовательно спросил он.

– Ну, как сказать, Прабхупада... – пробормотал Бхагавата. – Я не знаю. Продуктов не купили.

– Почему не купили? – сердился Прабхупада. – Что с вами такое? Вы, американцы, большие транжиры, умеете тратить деньги, направо и налево. Так почему вы не купили продуктов? Почему не запаслись рисом, далом и пшеницей? Почему у вас нет запаса? Что с вами? Где ваши мозги? Вы тратите пять рупий на такси туда и пять рупий обратно, чтобы купить риса на одну рупию. Вот весь ваш разум! Глупцы! Всякий раз, когда вам что-то нужно, вы едете в магазин и покупаете. Вы не понимаете, что можно сразу купить побольше и постепенно это расходовать. Вы не приучены так думать. И почему вы выбрали место под железнодорожным мостом? Почему вы допустили эту ошибку? От поездов столько шума! Этот пандал – полный провал. Здесь не раздают пищу...

Прабхупада отчитывал Бхагавату минут двадцать и только потом его отпустил.

Через некоторое время Прабхупада вновь позвал Бхагавату.

– Бхагавата Махараджа, – начал он, хотя Бхагавата не был санньяси, – если можешь, попытайся провести свет. Этим ты послужишь хорошую службу. Сможешь?

Бхагавата ответил, что постарается, и к вечеру в лагере ИСККОН уже горел свет, хотя электричество, как и во всех остальных лагерях, часто отключали.

В первый вечер людей в пандале ИСККОН собралось немного; погода стояла холодная, сырая и ветреная. Шрила Прабхупада решил, что лучше просидеть всю ночь за столом, чем лежать в холодной постели. Надев на себя всю свою одежду – свитера, пальто с капюшоном, чадар и перчатки – он сидел за столом в темноте. От керосинового обогревателя толку почти не было. Рамешвара Свами тоже почти всю ночь не спал, снова и снова зажигая горелку обогревателя, которая каждые несколько минут гасла от налетавшего порывами ветра.

К утру Шрила Прабхупада был сильно простужен, у него начался насморк и слезились глаза. Он не ходил омываться на реку, а пользовался ледяной водой из насоса, установленного у его палатки. Руки и ноги у него опухли, как это бывало раньше во время болезни. Преданные просили Прабхупаду не жить в лагере, но тот и не думал уезжать; он хотел проповедовать. Постепенно люди узнавали о его местонахождении и приходили с ним повидаться, поэтому он хотел остаться и проповедовать. Кумбха-мела, сказал он, предоставляет преданным возможность проповедовать, а не просто омываться в Ганге.

Преданные набились в палатку Шрилы Прабхупады, чтобы провести ему гуру-пуджу и послушать лекцию по «Шримад-Бхагаватам». У них не было для него гирлянды, но он ничего не сказал по этому поводу. К концу его короткой лекции поднялось солнце. Прабхупада попросил Хари-шаури вынести его походную койку на улицу, где бы он мог отдохнуть, а позже принять на солнце массаж.

Во время массажа Прабхупада посмотрел на железнодорожный мост и сказал, что помнит его еще с тех пор, когда жил в Аллахабаде. Он сказал, что в 1930-м году на этом самом острове Гангадвипа под этим мостом был кремирован его отец.

В тот же день, после полудня, прибыла группа преданных из Майяпура, и некоторые из них сразу пожаловались Прабхупаде на то, как плохо организован пандал ИСККОН. Прабхупада попросил их попытаться спасти программу, распространив как можно больше книг, и преданные принялись распространять книги Прабхупады на языке хинди.

Преданные проводили харинамы и распространяли книги вдоль главной дороги, проходя вдоль лагерей поклонников Шивы, сидевших вокруг своих костров в одних каупинах (набедренных повязках). Со спутанными волосами, с телами, вымазанными пеплом, они попыхивали гашишем из курительных трубок чхилам. Напротив, по другую сторону дороги, располагались лагеря вайшнавов из сампрадаи Рамануджи, которые были не менее отрешенными тьяги, что и шиваиты, и даже внешне походили на них, но вели себя более дружелюбно; они радостно приветствовали преданных возгласами: «Харе Кришна, Харе Рама».

Преданные были поражены благочестием миллионов паломников. Увидев приближающуюся группу киртана, многие из них простирались в поклоне. Другие катались по земле или собирали пыль с того места, по которому прошли преданные, и клали ее себе в рот. Хотя многие из паломников были явно бедны, они бросали в кувшин, который нес один из преданных, хотя бы несколько пайс. Каждый, кто жертвовал рупию, получал книгу. Вскоре книги стали весьма популярны, и люди приходили за ними, уже зная, как они называются. Некоторые бросали монеты прямо из толпы, а санньяси ловили их в свои фартуки. К концу дня преданные распространили около семи тысяч книг.

Всю следующую ночь Шрила Прабхупада опять просидел за столом, а Рамешвара Свами тщетно пытался заставить обогреватель гореть. Хари-шаури положил на письменный стол диктофон и все необходимое для работы, но переводить Прабхупада не стал.

Четырнадцатого января, на третьи сутки пребывания Шрилы Прабхупады в Аллахабаде, началось омовение – основная ритуальная часть Кумбха-мелы, что предоставляло особые возможности для распространения книг. Группа киртана ИСККОН из пятидесяти человек и нескольких индийских учеников гурукулы ходила по всей территории лагеря Мелы и везде встречала очень радушный прием. В половине второго дня, в благоприятное для омовения время, преданные двинулись с киртаном по направлению к Тривени. Полицейские создали для них свободный проход до самой воды. К вечеру они распространили восемь тысяч книг, и Прабхупада в первый раз со времени своего прибытия выразил свое удовлетворение их успехом. Некоторым санньяси он наказал оставаться на Меле до тех пор, пока не распространятся все книги.

На следующее утро, несмотря на плохое самочувствие, Прабхупада отправился на прогулку. Он шел не торопясь, в окружении двадцати с лишним учеников. Хотя роста он был небольшого, а окружали его высокие санньяси, паломники Кумбха-мелы, легко узнавая в нем именитого ачарью, пробивались сквозь ряды преданных и предлагали ему дандаваты. Прабхупада всегда останавливался и позволял людям прикасаться к своим стопам, несмотря на возражения учеников. В книгах он писал, что если к стопам преданного прикасаются грешники, он может заболеть, но сейчас Прабхупада не противился этому, хотя уже был болен.

Шрила Прабхупада хотел оставаться на Меле до 21 января, но ученики постоянно уговаривали его уехать в более благоприятное для здоровья место. Они очень волновались, поскольку редко видели своего духовного учителя таким больным.

– Но ведь мое единственное желание, – возражал он, – в том, чтобы как можно больше людей получили знание!

Среди паломников распространился слух, что Шрила Прабхупада, гуру Движения «Харе Кришна», остановился в лагере на Гангадвипе, и они потянулись к нему. Он сказал, что, приходя на Кумбха-мелу люди ожидают увидеть здесь всех святых и духовных учителей Индии, поэтому он считает, что обязан остаться здесь до 21-го января.

Рамешвара Свами попытался как-то отговорить его:

– Шрила Прабхупада, – сказал он, – если Вы будете писать книги, это будет намного важнее, чем давать этим людям даршан. Здесь Вас увидят лишь несколько тысяч человек, но если Вы будете продолжать писать, мы распространим миллионы Ваших книг. Тогда миллионы людей получат Ваш даршан. Здесь нет условий для работы над книгами. Погода слишком холодная, а у Вас слабое здоровье. Давайте отправимся в Бхуванешвар, где тепло и есть хорошая вода.

Раньше Шрила Прабхупада уже упоминал Бхуванешвар в связи с водой Бинду-саровары, которая считается особенно целебной. Аргумент Рамешвары, что переводы гораздо важнее, чем пребывание в Аллахабаде ради блага нескольких тысяч паломников, также пришелся ему по душе.

Преданным его личного круга – секретарю, слуге и повару – было очень больно смотреть на то, каким аскезам подвергает себя их учитель с его подорванным здоровьем.

В конце концов, Прабхупада уступил. Он позвал Гуру-даса и Бхагавату и в последний раз отчитал их за никудышнюю организацию пандала. Затем, в полдень пятнадцатого января он приготовился к отъезду.

Рамешвара Свами с Гурудасом отправились на вокзал за билетами, но обнаружили, что все места выкуплены на несколько недель вперед. Надеясь на то, что для Шрилы Прабхупады будет сделано исключение, они пошли в местную канцелярию железной дороги, которая представляла собой роскошно обставленный мебелью реконструированный вагон. Там они неожиданно встретили своего бомбейского друга, г-на Гупту, и рассказали ему о болезни Прабхупады и о его желании немедленно выехать в Калькутту.

Г-н Гупта позвонил в Бомбей и договорился, чтобы к поезду из Бомбея до Аллахабада прицепили дополнительный вагон первого класса. Преданные горячо поблагодарили г-на Гупту, а тот предложил устроить для Шрилы Прабхупады большое путешествие по всей Индии, в роскошном вагоне, подобном тому, в котором они находились. Преданные, которым это предложение показалось заманчивым, тут же расспросили его о том, как можно купить или арендовать такой вагон. Но чудо уже свершилось: у Прабхупады был вагон, который увезет его из толчеи Кумбха-мелы в Калькутту.

Дорога от Тривени до железнодорожной станции была изнурительной: в толпе паломников машина продвигалась очень медленно, но, в конце концов, Прабхупада с группой учеников прибыл на станцию, где служащие помогли ему и ученикам разместить багаж и занять свои места. Преданные сочли, что именно так и нужно выражать почтение чистому преданному Господу, самому важному человеку на земле; однако это был исключительный случай. Шрила Прабхупада был доволен и попросил своего секретаря напечатать г-ну Гупте, который заботился о Прабхупаде, «как отец о своем сыне», благодарственное письмо. Он пригласил г-на Гупту и его семью на предстоящий фестиваль Гаура-пурнимы в Майяпуре.

По дороге в Калькутту Прабхупада неоднократно высказывал недовольство по поводу плохой организации пандала ИСККОН на Кумбха-меле. Тысячи гостей уходили из пандала «Харе Кришна», не получив прасада. Решительно настроенный не повторять подобных ошибок в будущем, он продиктовал письмо:

«Всем президентам храмов ИСККОН».

Пожалуйста, примите мои благословения. Позаботьтесь о том, чтобы в каждом храме был достаточный запас прасада для распространения. Пусть этим всегда будут заняты два-три искусных повара. Каждый гость должен получить прасад. Пусть повара обязательно готовят на десять-двадцать порций – пури и сабджи. Дополнительно можно делать халаву и пакоры. Всех гостей нужно прежде всего угощать прасадом. Когда человек приходит в храм, его необходимо сразу же накормить. Пока двадцать порций раздаются, повара должны готовить еще двадцать про запас. Если к концу дня прасад останется, его могут принять наши преданные – так ничего не пропадет. Оправдания «все кончилось», «еще не готово», «нет продуктов» и так далее не принимаются. Это указание обязательно к выполнению.

Храмом управляет Шримати Радхарани, Лакшмиджи; о какой нехватке может идти речь? Наша философия такова – если кто-то пришел, пусть примет прасад и поет «Харе Кришна» и будет счастлив. Кришна дает все. Кришна не беден, так почему мы должны отказывать людям? То, что я сказал, необходимо выполнять любой ценой. Ничего сложного в этом нет. Просто нужно все хорошо организовать. В конце дня вы можете продать или раздать остатки прасада. Если мы верим, что Кришна поддерживает каждого, обеспечивая людей всем необходимым, чего ради нам скупиться? Это значит, что мы теряем веру в Кришну и считаем исполнителями и благодетелями себя. Мы не сомневаемся, что Кришна даст нам все необходимое! Пусть хоть весь мир придет к нам – мы накормим всех. Поэтому, пожалуйста, делайте это как следует. И начните прямо сейчас.

Шрила Прабхупада попросил зачитать ему отзывы о его книгах, опубликованные в статье «Движение сознания Кришны авторитетно». Его секретарь читал одну рецензию за другой – профессора прославляли работу Прабхупады и просили его продолжать издавать эти, столь ценные, книги. Выслушав отзывы, Прабхупада лег отдыхать.

– Перо сильнее меча! – провозгласил Рамешвара Свами.

– Да, – ответил Шрила Прабхупада. – Это революция. С этой мыслью я и пишу. Коммунисты изменили жизнь всего мира своей пустой литературой и ложными обещаниями. Почему же нам не устроить революцию на основе абсолютного знания?

18 января 1977 года

Пару дней Прабхупада отдыхал в Калькутте, приходя в себя от сильного переохлаждения на Кумбха-меле. Насморк у него прошел, но отеки на руках и ногах не проходили. Не уходили и другие болезни. С внешней точки зрения Прабхупада болел диабетом, страдал плохим пищеварением, а также общим упадком сил, свойственным восьмидесятилетнему телу. В таком состоянии постоянные путешествия, тяжелая работа, частые лекции и утомительная административная деятельность были крайне нежелательны.

Но Прабхупада, казалось, не зависел от состояния своего физического тела. Как правило, он был безразличен к своему слабому здоровью, хотя иногда и справлялся о методах лечения. Ради того, что, по его мнению, способствовало улучшению проповеди, он нередко игнорировал рекомендации врачей и даже свои собственные выводы о том, что будет лучше для его здоровья. Раньше, живя во Вриндаване, Прабхупада чувствовал себя лучше, когда пил свежую колодезную воду, поэтому сейчас он подумал, что ему поможет вода из знаменитой Бинду-саровары близ Бхуванешвара. Кроме того, недавно ИСККОНу здесь пожертвовали небольшой участок земли за городом. Ученик Прабхупады, Гаура-говинда Свами, уроженец Ориссы, соорудил там две простых хижины и планировал начать строительство храма.

Путешествие на поезде из Калькутты в Бхуванешвар заняло двенадцать часов и предоставило Рамешваре Свами еще одну возможность углубиться в исследования. Тридцатидневный срок его пребывания на посту секретаря Прабхупады почти истек, и вскоре ему предстояло вернуться в Лос-Анджелес к своим обязанностям в американском Би-би-ти. Он приехал в Индию с твердым намерением выпытать у Прабхупады, начнется ли новая мировая война, и если начнется – то как будет идти распространение книг и как установить новый мировой строй – сознание Кришны. Прабхупада уже ответил на многие его вопросы, но они были неисчерпаемы.

«Пури-экспресс» выехал из Калькутты около десяти вечера. После массажа Шрила Прабхупада улегся на нижней полке, а Хари-шаури с Рамешварой заняли места на двух полках напротив. Около полуночи Прабхупада включил над своей полкой свет, сел и начал тихо повторять на четках мантру. Через несколько минут проснулся Рамешвара и увидев, что духовный учитель сидит, поклонился и тоже сел, в надежде и ожидании. Прабхупада тут же заговорил о неизбежности войны между Россией и Америкой. Даже если Америка примет сознание Кришны, война неизбежна – только так можно остановить коммунистическое безбожие. На вопрос Рамешвары, застанет ли войну сам Прабхупада, тот ответил, что сказать трудно. И добавил, что это зависит от того, будут ли преданные распространять его книги и журналы «Назад к Богу». Несмотря на строгую цензуру литературы в России, книги сознания Кришны все равно проникли туда и сразу же стали популярны. Это начинало пугать коммунистических лидеров, но у них все равно оставалось некоторое уважение к индийской культуре. Прабхупада сказал, что благодаря нарастающему распространению книг, Америка, а вслед за ней – и весь мир, начнут сознать Кришну.

– Поэтому продолжай проповедовать все больше и больше, – сказал он. – Оппозиция и обвинения в промывании мозгов указывают, что они признают наше движение как культуру. Им может это нравиться, а может и нет, но они признают, что это что-то неизменное.

Прабхупада сказал, что у него нет никакой политической цели, но он знает, что индийская культура в сочетании с американскими деньгами могут спасти мир.

– Вы должны мыслить в масштабах всего мира, – сказал он, – не только одной нации. Такова наша проповедь. Таков долг Джи-би-си.

Проговорив с Прабхупадой еще два часа, Рамешвара был полностью удовлетворен полученными наставлениями. Раньше он уже задавал некоторые из своих вопросов о распространении книг и войне, но Прабхупада предпочитал на них не отвечать. Однако теперь, словно отец, дающий наставление верному сыну, он поделился с ним некоторыми своими размышлениями.

Условия жизни на участке ИСККОН в Бхуванешваре были очень просты: две маленькие глинобитные хижины с соломенной крышей. Шрила Прабхупада занял комнату размером два с

половиной на три с половиной метра в одном из домиков, а его слуга и секретарь расположились по другую сторону стены. За несколько дней до их приезда на участок было проведено электричество, поэтому Хари-шаури поставил на стол Прабхупады лампу и диктофон.

Второй маленький дом, в восьми метрах от хижины Прабхупады, представлял собой временную алтарную комнату. Между двумя домиками был натянут потрепанный брезентовый навес, под которым стояла вьясасана, чтобы Прабхупада мог читать лекции на открытом воздухе, а еще на участке были установлены две взятые напрокат палатки, в которых могли жить преданные, съехавшиеся сюда на время визита своего духовного учителя.

За домом Прабхупады, в некотором отдалении, стояла его уборная, состоявшая из туалета и отдельного места для омовения.

Шрила Прабхупада был отнюдь не против простых условий; они ему даже нравились. Хотя он был болен и ради личного удобства мог поселиться в любом из своих комфортабельных зданий на Западе – в поместье в Лондоне, замке в Париже, пентхаузе в Нью-Йорке – здесь он чувствовал себя совсем как дома и радовался жизни в незатейливой саманной хижине на уединенном клочке земли в пыли Ориссы.

Сидя на улице на вьясасане, Прабхупада обратился к небольшой группе преданных и нескольким местным крестьянам. У Шри Чайтаньи Махапрабху, сказал он, было два излюбленных места: Бенгалия и Орисса. В Ориссе (Джаганнатха-Пури) Он провел восемнадцать лет Своей жизни. Он посетил Вриндаван и Южную Индию, но затем вернулся сюда и остался здесь со Своими близкими спутниками – Шри Раманандой Раем, Сарвабхаумой Бхаттачарьей и Шикхи-Махити. Прабхупада ссылался на Священные писания, предсказывавшие, что духовное движение этой эпохи зародится в Уткале или Ориссе. Он сказал, что для Гаудия-вайшнавов Орисса является особым местом, к тому же здесь, в Пури, родился его Гуру Махараджа.

– Теперь у нас появился здесь небольшой участок, – сказал он. – Пусть на строительство центра уйдет время, это не имеет значения – медленно, но верно мы можем его развивать. Это особенно важно в связи с тем, что Бхуванешвар скоро станет столицей Ориссы. В будущем сюда будут съезжаться толпы туристов, чтобы посмотреть на местные достопримечательности. Ухватятся ли местные жители за эту возможность – зависит от них самих.

Прабхупада поговорил с Гаура-говиндой Свами и попросил его оповестить людей, что после полудня он будет проводить личные встречи, а вечером – регулярные программы с киртаном, лекцией и прасадом. В тот вечер посетителей было совсем немного. ИСККОН в Ориссе почти не проповедовал, и Прабхупаду здесь знали не так хорошо. Гости – местные крестьяне, деревенские жители и дети бедняков – пришли главным образом на бесплатный прасад. Прабхупада сообщил аудитории, что может говорить на трех языках – английском, бенгали и хинди, но язык ория не знает. Поэтому он решил говорить на английском и попросил Гаура-говинду переводить. Он произносил несколько фраз, а затем ждал, пока Гаура-говинда переведет их на язык ория.

– В этом материальном мире, – сказал Прабхупада на вечерней лекции, – люди все время пытаются игнорировать главенствующее положение Верховной Личности Бога. В настоящий момент так называемые ученые только и делают, что оспаривают Его высшую власть. Естественно, Движению приходится сталкиваться с множеством препятствий, потому что в настоящий момент практически весь мир состоит из безбожников. Даже в нашей стране, в Индии, где Верховная Личность Бога, Кришна, поведал «Бхагавад-гиту», предпринимаются те же самые попытки. Важные ученые, важные политики берут в руки «Бхагавад-гиту», чтобы выставить себя великими знатоками этого писания. Но комментарии, которые они пишут, отрицают существование Кришны.

Прабхупада говорил минут десять. Вопросов не было.

Жаркие дни и прохладные ночи благотворно сказались на здоровье Прабхупады. Отдохнув несколько часов, он поднимался и начинал переводить «Шримад-Бхагаватам» – впервые с тех пор, как уехал из Бомбея на Кумбха-мелу. Работа над Девятой Песней близилась к завершению.

Гаура-говинда Махараджа запланировал церемонию закладки первого камня нового храма на второе февраля – день явления Господа Нитьяланды. Прабхупада согласился остаться до этого времени и уехать на следующее утро.

Из-за слабеющего здоровья Шрила Прабхупада не мог есть жареную пищу, и его искусные повара из Бхуванешвара, Палика-деви-даси и Шрутирупа-деви-даси, заботливо готовили

питательный и вкусный прасад без гхи. Иногда Прабхупада просил приготовить для него какие-то жареные блюда, а потом жаловался, что повара не хотят его слушать.

Сидя вместе со Шрилой Прабхупадой в хижине, Рамешвара Свами, Гаргамуни Свами и Бхавананда Госвами обсуждали случаи депрограммирования. Они говорили, что враги ИСККОН настолько фанатичны, что Прабхупаде опасно ехать в Америку. Однако Шрила Прабхупада прервал их, сменив тему.

– Самая актуальная проблема, – сказал он, – это мое здоровье. У меня не работает пищеварение, и от этого опухают руки и ноги.

– Это сказывается на ваших переводах? – спросил Рамешвара Свами.

– Не сказывается, – сказал Прабхупада. – Переводы идут. Я перевел семнадцать томов. На переводах это не может сказаться.

Он протянул руку и включил диктофон. Преданные услышали несколько секунд его последнего перевода двадцать четвертой главы Девятой песни.

– Мы знаем, что вы невысокого мнения о врачах, – сказал Рамешвара Свами.

– Я хочу умереть без врача, – ответил Прабхупада. – Возможно, я серьезно болен, но не вызывайте врачей. Повторяйте «Харе Кришна». Не беспокойтесь. Каждому суждено умереть. Позвольте же мне умереть спокойно, без врача. Все эти лекарства, уколы и рецепты, то, сё... Повторяйте «Харе Кришна» и положитесь на Кришну. Нартасья чагадам уданвати... – это стих Прахлады Махараджи. Найдите его – в Седьмой песни.

Хари-шаури достал с книжной полки Прабхупады второй том Седьмой песни «Шримад-Бхагаватам», быстро нашел нужный стих и зачитал:

«О мой Господь Нрисимхадева, о Всевышний, воплощенные души, которые считают себя телом и потому не устаиваются Твоей заботы и внимания, не способны улучшить свое материальное положение. Пытаясь с помощью различных средств облегчить свои страдания, они иногда добиваются в этом некоторого успеха, однако успех этот недолговечен. Отец и мать бывают не в силах защитить своего ребенка, врач и лекарства иногда не могут облегчить страдания больного, а лодка в океане не может спасти утопающего».

– Это факт, – сказал Прабхупада.

– В конечном счете, да, – согласился Гаргамуни Свами. – Но, возможно, мы можем принести вам какое-то временное облегчение. Ведь когда вы болеете, мы чувствуем...

– Да, – согласился Прабхупада. – Но не соглашайтесь ни на какие сильнодействующие средства. Тогда уж лучше вовсе не лечиться. Лучше повторять «Харе Кришна».

– Шрила Прабхупада, – сказал Бхавананда, – в прошлом, когда вам нездоровилось, преданные во всех храмах, по всему миру, начинали петь «Харе Кришна». Это был особый, дополнительный киртан. Может, нам снова следует ввести это?

– Нет, – сказал Прабхупада, – только не ради моего здоровья. Проводите киртан как проводили. Тот первый приступ на Второй авеню был почти смертельным. Ты, кажется, был при этом?

Прабхупада повернулся к Гаргамуни, и они стали вспоминать о приступе в 1967 году.

Хари-шаури сказал, что недавно гомеопат выписал особое лекарство, и Прабхупада согласился его принимать. Гаргамуни вспомнил, что у его отца были похожие отеки, но из-за диабета.

– Так у меня и есть диабет! – воскликнул Прабхупада.

Гаргамуни Свами вспомнил, что отец его каждое утро делал себе укол инсулина.

– Да, многие люди по меньшей мере раз в день принимают инсулин, – согласился Прабхупада, хотя было очевидно, что сам он не намеревается это делать.

Лечился Прабхупада главным образом с помощью диеты, но даже в этом был не очень строг. В Бхуванешваре для Гаргамуни Свами и его команды готовил индийский повар по имени Шантилал, который щедро сдабривал пищу пряностями и гхи. Иногда Прабхупада просил подать ему то, что готовит Шантилал, и это крайне беспокоило его слуг и поваров, хотя они ничего не могли с этим поделать. Гаргамуни тоже недавно переболел, и когда Прабхупада в первый раз увидел его с Шантилалом, то сказал:

– А я думал, ты болеешь.

– Да, – ответил Гаргамуни, – но должен же я что-то есть! Шрила Прабхупада, вы питаетесь очень просто. Вы совсем не принимаете пряную пищу?

– Иногда приходится есть и со специями, – ответил Прабхупада. – Иначе никакого вкуса. А без вкуса какой прок в жизни?

Войдя в шутливое настроение, Прабхупада с Гаргамуни Свами выразили друг другу свое соболезнование по поводу того, что не смогут перестать есть вкусный прасад.

– Лучше умереть, – рассмеялся Гаргамуни Свами, а за ним и Прабхупада.

В последний день своего служения в качестве секретаря Шрилы Прабхупады Рамешвара Свами вошел в его хижину и снова спросил о грядущей войне.

– Вы несколько раз говорили, – начал он, – что вооруженный конфликт между Россией и Америкой неизбежен.

– Нет, – сказал Прабхупада. – Если они поймут сознание Кришны – и та, и другая сторона – войны не будет. Мы уже издаем книги на русском языке.

На вопрос Рамешвары, что случится, если многие города мира будут разрушены бомбардировкой, Прабхупада ответил, что люди опомнятся и начнут жить простой деревенской жизнью, по примеру сельскохозяйственных общин ИСККОН.

– Это будет для них хорошим уроком, – сказал он.

– То есть, война тоже сыграет свою роль в распространении сознания Кришны?

– О, да. Паритраная садхунам винашая ча душкритам. Война означает конец их греховной деятельности. Прекратите это!

– Значит, после войны у нас появится возможность повлиять на людей?

– Мы воспользуемся любой возможностью, – сказал Прабхупада. – Мы самые ловкие. Анукульена кришна. Это называется анукула – то, что благоприятствует распространению сознания Кришны – и мы сразу это принимаем, независимо от того, как к этому относится общество – хорошо или плохо. Все, что способствует распространению сознания Кришны, хорошо.

Рамешвара сказал, что Движению сознания Кришны необходимо сильно вырасти, прежде чем оно сможет оказывать то влияние, о котором говорит Прабхупада.

– Оно вырастет, – сказал Прабхупада. – Оно уже растет. Просто наши люди должны быть очень искренни и строги, и тогда оно вырастет. Никто не сможет нам воспрепятствовать. Это факт. Мы просто должны быть очень строги и искренни, и тогда никто не сможет нам воспрепятствовать.

– Мы единственные, кто знает, что нужно делать после войны, – сказал Рамешвара.

– Да, – согласился Прабхупада. – Мы имеем ясное представление. Мы не выдвигаем никаких теорий, а всегда представляем только факты, и сейчас это претворяется в жизнь. Как, например, мы учредили наши фермы. Постепенно эти идеи осуществляются. Пока фермы еще не до конца организованы, но есть надежда, что благодаря им люди заживут спокойно. Мы вполне можем на это надеяться.

Через несколько дней к Шриле Прабхупаде потянулись гости из Бхуванешвара. Как-то вечером, во время беседы в его комнате один из гостей спросил:

– Так все-таки, Свамиджи, что же такое Бог?

От изумления Шрила Прабхупада широко раскрыл глаза:

– Что такое? – воскликнул он. – Вы из Индии, и не знаете, кто такой Бог? Воистину, Кали-юга – эпоха деградации.

Шрила Прабхупада подверг невежественного гостя острой критике и объяснил, что индийцы обладают особыми преимуществами – ведической литературой и культурой; поэтому каждый индеец должен знать Бога.

Вечером следующего дня Прабхупада прочитал свою первую публичную лекцию, на которую собралось около 150 человек. Он начал так:

– Вчера вечером один человек спросил: «Кто такой Бог?»

Шри Бхагаван, объяснил Шрила Прабхупада, Сам нисходит в «нашу страну», Бхаратаваршу, и дает Свои наставления, признанные ачарьями. В этом смысле Индия – благословенная страна.

– Но сегодня, – продолжал Прабхупада, – наша молодежь спрашивает: «Кто такой Бог?» Почему это произошло? Потому что мы превращаемся в общество животных.

Прабхупада сказал, что всякий человек, считающий себя телом, – всякий, кто отождествляет себя с семьей, страной или расой – по определению ведической шастры, не лучше коровы или осла. Он снова и снова предупреждал индийцев, что они не должны позволять себе

опускаться настолько, чтобы даже не знать, кто такой Бог. К сожалению, когда после лекции настало время для вопросов, кто-то снова спросил:

– Я хочу понять значение слова «Кришна».

– Вы не знаете, что значит «Кришна»? – резко спросил Прабхупада. – Не знаете?

Мужчина произнес что-то на языке ория, а затем сказал на английском:

– Этимологическое значение.

– «Кришна», – ответил Прабхупада, – значит «всепривлекающий». Криш, каршати. Да, Кришна значит привлекательный, привлекающий всех. С этим ладно, но вы – вы не знаете Кришну? Вот до чего мы докатились – наши люди настолько опустились, что спрашивают, кто такой Бог, кто такой Кришна. Человек изучил Седьмую песнь Рамаяны и спрашивает: «Кому Сита приходится отцом?» Вот что происходит. Мы родились в стране, где Кришна рассказал обо всем, но теперь мы спрашиваем: «Что значит Кришна? Кто такой Бог?» Какое плачевное состояние!

Направляясь на машине на утреннюю прогулку в парк, Прабхупада увидел плакаты и транспаранты, сообщающие о приезде в город Санджая Ганди. Особенностью политической программы Санджая Ганди был курс на всеобщую грамотность. Глядя из окна на запущенную, бесплодную землю, Прабхупада сказал:

– Какой прок в грамотности, когда люди прозябают в нищете и голоде?

Он сказал, что местный народ приходит на вечерние программы ИСККОН только для того, чтобы получить немного кичхари – не потому что это прасад, а потому, что они голодны. Если после многих лет обучения в школе они выучатся грамоте, но по-прежнему будут зарабатывать слишком мало и заниматься все тем же ремеслом, тогда какой в этом прок? Не для такого образования предназначена жизнь. Прабхупада с сожалением отметил, что столько земли пропадает! Увидев нескольких человек, бегущих трусцой, он заметил, что хотя большинству людей не хватает денег и пищи, некоторые индийцы живут в огромных домах, переедают, а потом бегают, пытаясь избавиться от лишнего веса.

– Ну, сделает он людей грамотными, – говорил Прабхупада, – а они пойдут в движение наксалитов и поубивают богатых. Нет. Всех нужно занять работой на земле.

Прабхупада сказал, что его последователи из ИСККОН тоже должны работать – праздность приведет к тому, что они начнут распускать сплетни и падут жертвами сексуальных желаний.

С самого начала своего пребывания в Бхуванешваре Шрила Прабхупада неоднократно говорил о поездке в Джаганнатха-Пури, что в часе езды оттуда. Он питал надежду когда-нибудь и в Пури построить большой центр и хотел подыскать для него подходящий участок земли. Прабхупада сказал, что не был там с 1958 года. Поскольку его западным ученикам не позволяли входить в храм Джаганнатхи, Прабхупада решил тоже туда не ходить. Но ему все же хотелось побывать в Пури, чтобы подыскать там участок земли.

В один из дней рано утром Прабхупада выехал на своей машине в Пури, что на берегу Бенгальского залива. Он осмотрел в этом городе несколько участков, но они либо находились в бедных районах, либо расположенные на них здания были слишком ветхими, либо и то, и другое вместе. Вместе с учениками Прабхупада прогуливался по берегу, а волны с шумом накатывали на песок.

– Я катался здесь на волнах, – рассмеялся он. – Я приехал сюда в 1920-м или 1921-м году. В то время я был женат. Я женился в 1918-м. Я приехал сюда после того, как сдал экзамен на степень бакалавра. Я прыгал от радости. Накатывали волны, и я бросался в них. С тех пор прошло пятьдесят семь лет. Они говорят, что смены тела не происходит, но где теперь то тело? Теперь я хожу с палкой. А тогда я катался на волнах. Я по-прежнему здесь. Я помню. Но тело уже другое. Разве это трудно понять? Я тот же самый. Иначе как бы я помнил все это? Но от того тела ничего не осталось. Татха дехантара-праптих. Почему эти негодяи не могут понять такую простую философию?

Один день Шрила Прабхупада провел в одноэтажной гостинице на берегу океана. Его посетил один из его духовных братьев из местного Пурушоттама-Гаудия-Матха, Шьямасундара Брахмачари. После него пришел член комитета пуджари храма Джаганнатхи, Шри Севашива Ратх. Прабхупада говорил с ним о том, что преданным ИСККОН необходимо тоже предоставить возможность посещать храм Джаганнатхи. Не позволять западным вайшнавам входить в храм – значит действовать под влиянием предрассудков и невежества. Поскольку члены Движения сознания Кришны всецело посвятили себя духовной жизни, их не следует считать недостойными только лишь на основании их происхождения или расы. Севашива Ратх отнесся к этому с

пониманием и согласился со Шрилой Прабхупадой; он пообещал помочь и сделать все от него зависящее. Он рассказал Прабхупаде о своей книге, недавно вышедшей в свет, и пригласил его следующим вечером посетить небольшое собрание в пандале, посвященное презентации его книги. Прабхупада согласился.

Вечером Прабхупада сидел на веранде своего номера. Наблюдая за тем, как Шантилал готовит в задней части автофургона Гаргамуни обед, Прабхупада почувствовал аромат поджаренных на гхи специй. Он позвал Гаргамуни Свами и велел, чтобы ему подали поднос с блюдами, которые приготовит Шантилал. Вскоре Прабхупада уже наслаждался обедом, состоящим из риса, дала, пури и приправленных специями сабджи и чатни. Он сказал, что Шантилал – изумительный повар, и все преданные ИСККОН должны научиться у него этому искусству. Если бы мясоеды попробовали такой прасад, сказал он, то бросили бы все свои греховные привычки.

В тот вечер, сидя у себя в комнате с несколькими учениками, он вспоминал о том, как в 1965 году приехал в Америку и перенес на корабле два сердечных приступа.

– Они говорят, – сказал Прабхупада, – что после третьего приступа человек непременно умрет. На корабле у меня было два приступа, а в Нью-Йорке третий – меня парализовало. Левая сторона отнялась. Я не знаю, как мне удалось выкарабкаться. Одна девушка, жена капитана, изучала астрологию. Она сказала: «Свами, если вы переживете свое семидесятилетие, то жить вам до ста лет».

На этих словах Шрила Прабхупада и его ученики засмеялись.

– Ну, вот, – продолжал Прабхупада, – так или иначе я пережил свое семидесятилетие. Я не знаю, смогу ли... Говорят, что я доживу до ста лет. Но тот семидесятый год был очень тяжелым. Три сердечных приступа и паралич. У меня не было семьи. В то время никого из вас не было рядом. Я был один. Я ни на кого не надеялся. Но на корабле я увидел, что Кришна намерен спасти меня. Ведь я ехал с Его миссией.

Преданные регулярно сообщали о случаях с «промыванием мозгов» и депрограммированием. В тот вечер один из преданных упомянул, что иногда оппозиция берет показания у кого-нибудь из бывших учеников Прабхупады, критикующих Движение.

– Его исключили из Общества, – объяснил Прабхупада, – потому что он был негодяем. Мой Гуру Махарадж его вышвырнул. Так чего же стоят его показания? Ничего нет удивительного в том, что кто-то будет на нас доносить. Во время проповеди такое случается. Нельзя рассчитывать на то, что дорога будет гладкой.

Преданные согласились, а кто-то добавил, что Иисуса предал именно один из его ближайших учеников.

Текущие проблемы Шрила Прабхупада сравнил с трудностями, которые он переживал, когда впервые приехал в Америку. Он вспомнил о том, как в 1967-м чуть не умер, и о том, как, вернувшись в Индию, поправился. Но даже вернувшись обратно в Америку, заметил Прабхупада, он часто не мог уснуть по ночам из-за шума в ушах.

– Пока существует тело, – сказал Прабхупада, – оно будет причинять нам множество неприятностей. Кришна говорит, что они будут приходить и уходить. Не обращайтесь внимания. Агамапайино ‘нитьяс тамс титикшасва бхарата. Нас ожидают бесчисленные препятствия: телесные страдания, умственные страдания, враги... Что тут поделаешь? Придется терпеть. Таков материальный мир. Нельзя ожидать, что все будет гладко и радостно. Это невозможно. Если Кришна сказал это Арджуне, то что уж говорить о нас! Кришна никогда не говорил: «Я сделал чудо. Тебе не придется страдать». Он не давал Арджуне никаких таблеток. И мы не должны давать. Современные гуру предлагают: «Я дам тебе магического пепла, и все твои проблемы уйдут». Но что предлагал Кришна? Он просил: «Нет, терпи». Он не говорил: «Ты осёл. Я дам тебе пепел». И Арджуна никогда не просил: «Почему ты просишь меня сражаться? Дай мне пепла. Я его развею». Он не был настолько глуп, чтобы просить Кришну явить для победы над врагами какое-нибудь волшебство. Он сражался по-настоящему. Это «Бхагавад-гита». Поэтому смотрите в лицо реальности и зависьте от Кришны. Таков наш долг. Не ждите никаких фокусов, никакого пепла и чудес.

Утром следующего дня Шрила Прабхупада наблюдал с веранды, как преданные плавают в Бенгальском заливе. Подозвав Хари-шаури, он сказал, что тоже хотел бы искупаться в океане и спросил ученика, что тот по этому поводу думает. Хари-шаури и другие преданные сочли это хорошей идеей. Морская вода очень полезна для здоровья, сказали они. Прабхупада решил

попробовать, и после массажа, завернувшись в гамчху и прихватив полотенце, спустился к воде. Пляж находился примерно в девяноста метрах от отеля, поэтому к тому времени, когда Прабхупада дошел до воды, за ним уже бежали все преданные в гамчхах.

Те, кто уже был в воде, увидев на берегу Прабхупаду, столпились вокруг него. Набегающие волны ластились к его лодыжкам, а Хари-шаури черпал ладонями воду и лил ее на тело Прабхупады – на его руки, грудь и голову – смывая оставшееся после массажа горчичное масло. Вскоре остальные преданные тоже начали почтительно выливать на Прабхупаду горсти воды. Стоя почти по колени в воде под яркими солнечными лучами, ласкающими его золотистое тело, Прабхупада смеялся, а преданные продолжали присоединяться к этому действию.

Для учеников это было подобно абхишеке, или омовению Божества, и когда Гуру-крипа Свами запел подобающие этому случаю молитвы – чинтамани-пракара-садмасу – к нему присоединились остальные преданные. Шрила Прабхупада наслаждался. Иногда он наклонял голову вперед и закрывал глаза, показывая, что лить нужно также и на голову. Когда на мгновение он потерял равновесие, Хари-шаури тут же его подхватил. Увязнув в глинистом дне, Прабхупада поднял одну ногу; она была в глине. Он пошевелил пальцами, и один из учеников стал лить на нее воду, смывая глину. Затем Прабхупада нагнулся, набрал океанской воды в рот и выплюнул ее. Самым проворным оказался Гуру-крипа Свами, который успел поймать ее в ладонь и выпить.

Омывая Прабхупаду и нежно потирая его тело, преданные наполнялись экстатическими чувствами. Минут через десять Прабхупада вышел из воды, переоделся и зашагал обратно в гостиницу, где двое преданных усадили его в удобное кресло и подняли в комнату для полуденного отдыха.

После полудня Севашива Ратх снова пришел к Прабхупаде – на этот раз в сопровождении еще одного брахмана из Пури. Они дали Прабхупаде прасад Джаганнатхи и пропели «Джаганнатхаштакам». Прабхупада молча, с благодарностью слушал, как брахманы исполняют знаменитые молитвы, каждая из которых заканчивается словами джаганнатхах свами найна-патха-гами бхавату ме («О, Господь вселенной, пожалуйста, яви мне Себя») Когда брахманы закончили петь, Прабхупада сказал:

– Итак, эти европейские и американские вайшнавцы жаждут, чтобы джаганнатхах свами найна-патха-гами бхавату ме. Сейчас, если вы посодействуете, они смогут увидеть Джаганнатху Свами. Они горячо стремятся к этому – джаганнатхах свами найна-патха-гами.

Севашива Ратх вновь выразил свое сочувствие по поводу того, что преданным не позволяют входить в храм Джаганнатхи. Кроме того, он рассказал Прабхупаде о своей недавно изданной книге – сборнике избранных стихов «Шримад-Бхагаватам», переведенных Джаганнатхадасом на язык ория. Севашива дополнил стихи своим комментарием, и вечером должна была состояться презентация этой книги. Прабхупада снова пообещал прийти и выступить с речью перед брахманами и религиозными деятелями Пури.

В тот вечер Шрила Прабхупада был почетным гостем пандала, установленного на берегу моря. Вместе с ним с радостным киртаном на сцену взошли его ученики. Прабхупада занял свое место. Когда киртан закончился, один из управляющих храма Джаганнатхи вышел вперед и надел на Шрилу Прабхупаду гирлянду. Затем Севашива объявил:

– Мы благодарим А.Ч. Бхактиведанту Свами Прабхупаду за его любезное согласие освятить это событие, которое мы отмечаем сегодня, дабы воздать дань Его Святейшеству Джаганнатха-дасе Госвами, современнику Господа Чайтаны.

Неожиданно человек пять брахманов, сидевших на возвышении, встали и сошли со сцены, чтобы присоединиться к группе людей, поющих киртан перед алтарем на соседнем поле. Преданным показалось странным, что люди эти покинули собрание как раз перед выступлением Шрилы Прабхупады.

– Спасибо вам большое, – начал было Шрила Прабхупада, как вдруг усилительная система отключилась. Шрила Прабхупада подождал, пока один из его учеников, электрик по специальности, устранил неполадку, затем заговорил вновь; несмотря на громкие киртаны неподалеку, голос его, усиленный динамиками, был отчетливо слышен:

– Итак, мы делаем смиренные попытки распространять культуру Джаганнатхи Свами. Джаганнатхах свами найна-патха-гами бхавату ме.

По просьбе Севашивы Прабхупада должен был говорить исключительно о его новой книге, и в личной беседе Прабхупада сказал ученикам, что люди эти пригласили его послужить их

личным интересам. Но Прабхупада использовал эту возможность, чтобы говорить не об ориссском Джаганнатха-дасе, а о Господе Джаганнатхе. Он подготовил особое обращение.

– Вам всем будет приятно узнать, – продолжал он, – что в 1967 году я начал Ратха-ятру в Сан-Франциско, и фестиваль этот проводится там регулярно уже в течение девяти или десяти лет. Теперь, по решению правительства, день Ратха-ятры, двадцатое июля, официально считается там праздничным днем. В этом празднике принимают участие не только мои последователи, но и люди со стороны. Праздник собирает от десяти до двенадцати тысяч людей, и всем им мы раздаем прасад. Они очень признательны нам за это. В газетах пишут, что никогда люди не испытывали такого счастья, как на фестивале Ратха-ятры. Полиция говорит, что массовые скопления людей в странах Запада всегда являются источником беспорядков, и удивляется, что толпы, собирающиеся на Ратха-ятру, не бьют витрины.

Затем мы начали проводить Ратха-ятру в Лондоне. В Лондоне, на Трафальгарской площади – самой знаменитой площади в городе – стоит большая колонна, которая называется Колонна Нельсона. Наша ратха была такой высокой, что, по мнению газеты «Гардиан», затмила собой Колонну Нельсона. Затем мы учредили Ратха-ятру в Филадельфии. А в прошлом году – в Нью-Йорке. Мы также проводим Ратха-ятру в Мельбурне, Сиднее и в Париже.

Так Ратха-ятра приходит в одну страну Запада за другой, и так Джаганнатха Свами привлекает сердца западных жителей.

Вдруг на сцене какие-то люди громко заговорили между собой на языке ория. Прабхупада остановился, повернулся и спросил:

– Что такое?

Разговоры прекратились, и он продолжил.

– Итак, люди будут приезжать в ваш Джаганнатха-Пури со всех уголков мира. Это благотворно с разных точек зрения. С точки зрения туризма это будет выгодно правительству. Если люди хотят увидеть Джаганнатха-Пури, Джаганнатху Свами, это тоже хорошо. Но, к сожалению, вы не позволяете заходить в храм иностранцам. Как это исправить? Этот камень преткновения нужно устранить. Вы хотите, чтобы Джаганнатха Свами жил только в вашем доме, и не раздаете Его милость. Он – Джаганнатха. Он не просто Пуринатха или Орианатха. Он – Джаганнатха. В «Бхагавад-гите» Кришна утверждает: бхоктарам ягья-тапасам сарва-лока-махешварам. Таково определение джаганнатхи – сарва-лока-махешварам. Так почему вы запрещаете обитателям сарва-лока получить даршан Джаганнатхи? Шри Чайтанья Махапрабху никогда не одобрял подобных вещей. Шри Чайтанья Махапрабху говорил: притхивите ачхе ята нагаради грама / сарватра прачара хаибе мора нама. Если дело уже сделано, и люди захотели сюда приехать, почему бы вам их не впустить? В чем причина? Это не очень хорошо.

Шрила Прабхупада продолжил настаивать, что иностранцам, принявшим вайшнавизм, нужно позволить входить в храм Господа Джаганнатхи. Господь Чайтанья, сказал он, осуждал оскорбления вайшнавов. Именно поэтому, он, Прабхупада, и приехал в Пури – чтобы попросить настоятелей снять этот унижительный запрет и отнестись к иностранным преданным по-дружески. Он пригласил руководителей Пури посетить храмы Джаганнатхи и Радха-Кришны по всему миру и самим убедиться в том, что иностранцы действительно стали чистыми вайшнавами, строго избегающими греховной жизни.

– У нас запрещены незаконный секс, употребление мяса и рыбы, яиц, прием одурманивающих средств, азартные игры, – сказал Прабхупада. – Почему вам не признать в них вайшнавов и не оказать им достойный прием? Такова моя просьба. Я надеюсь, что здесь присутствует множество настоящих ученых и преданных. Они должны приложить все усилия, чтобы снять это недальновидное ограничение. Давайте же плечом к плечу помогать Джаганнатхе проповедовать культ бхакти на благо всего мира.

Когда Прабхупада закончил лекцию, Хари-шаури наклонился к нему и спросил, не хотел бы Прабхупада ответить на вопросы. Но Севашива быстро подошел к Прабхупаде и сказал:

– Нет, не нужно вопросов.

Севашива взял маленькую книгу в бумажной обложке, которая должна была стать главной темой вечера.

– «Бхагавата» Джаганнатхи, – сказал Севашива, и протянул ее Шриле Прабхупаде, попросив его сделать то, что предполагалось – представить книгу. Шрила Прабхупада безразлично посмотрел на книжку в своей руке, и сказал в микрофон:

– Итак, что я должен сделать? Я, конечно, не знаю языка ория, но говорят, что это «Бхагавата» Джаганнатхи. Так вот, сегодня эта книга увидела свет.

Прабхупада положил книгу и встал, чтобы уйти. Аудитория заплодировала.

В сопровождении учеников, Шрила Прабхупада покинул залитый светом пандал и пошел по песку в соседний храм Гаудия-Матха, где преданные провели киртан. Затем они провели киртан еще в одном храме Гаудия-Матха, Пурушоттама-Матхе.

На киртане в Пурушоттама-Матхе Прабхупада сидел в кресле. Собравшись уходить, он попробовал было встать, опираясь на трость, но вдруг, не успев распрямиться до конца, осел обратно в кресло. Хари-шаури пришлось поднимать его под руки. Ничего не сказав, Прабхупада медленно вышел из зала и сел в машину. Не все заметили этот короткий обморок, но обеспокоенный Хари-шаури, вернувшись в номер, написал об этом в письме своему духовному брату, назвав этот случай «еще одним признаком стремительного ухудшения здоровья Шрилы Прабхупады». Разумеется, слушая выступление Шрилы Прабхупады от имени Господа Джаганнатхи, Господа вселенной, никто из пандитов Пури не заметил, что у него проблемы со здоровьем.

Бхуванешвар,

30 января.

Не было и трех утра, когда Шрила Прабхупада начал диктовать Десятую песнь «Шримад-Бхагаватам». Один из его слуг, спавших в соседней комнате, через стену услышал это и в радости разбудил остальных. Перегородка между двумя комнатами была около двух метров высотой, и между соломенной крышей и верхним краем стены оставался большой зазор. Через этот зазор свет из комнаты Шрилы Прабхупады попадал в соседнюю комнату, а голос его, хотя и приглушенный, был отчетливо слышен. Он диктовал краткий обзор каждой главы Десятой песни.

– Первая глава, состоящая из шестидесяти девяти стихов, – говорил он, – описывает горячее желание Махараджи Парикшита узнать о воплощении Господа Кришны. Она также повествует о том, как Камса убил шестерых сыновей Деваки, в страхе принять смерть от ее восьмого ребенка. Вторая глава содержит сорок два стиха...

Ничего не выдумывая, не внося никаких изменений, добавлений и ничего не опуская (что свидетельствовало о его верности традиции передачи знания по парампаре) Прабхупада терпеливо описывал каждую из девяти глав, и в словах его чувствовалась та же абсолютная вера, какой обладал Шукадева Госвами, изначальный рассказчик «Бхагаватам», передавая это знание Махарадже Парикшиту пять тысяч лет назад. «Просто произнося и повторяя Кришна-катху, – говорил Прабхупада, – человек очищается от осквернения Кали-юги. В этом состоит миссия сознания Кришны: слушать о Кришне и избавляться от пут материи». Сидя на своих одеялах, преданные внимательно слушали; им уже не уснуть – ведь они стали свидетелями события, имеющего поистине историческое значение.

Десятая песнь открывается описанием событий, происходивших пять тысяч лет назад, когда весь мир находился под гнетом демонических правителей. Прабхупада сравнивал те времена с нынешней ситуацией в мире. Голос его звучал нечетко, но сильно. Он был абсолютно уверен в своей миссии.

– Не признавая высшей власти Верховного Господа, – диктовал Прабхупада, – демоны провозглашают себя независимыми царями и президентами и, наращивая военную мощь, беспокоят весь мир. Когда беспокойства становятся невыносимы, приходит Кришна. В наше время демонические государства всего мира пытаются любыми способами укрепить военную власть и тем самым создают в мире невыносимую атмосферу. Поэтому Кришна приходит в форме Своего имени в Движении «Харе-Кришна», которое непременно облегчит бремя земли. Философы, религиозные деятели и все население в целом должны со всей серьезностью присоединиться к этому Движению, ибо никакие искусственные планы и изобретения не помогут установить на земле мир.

Шрила Прабхупада был подобен полководцу в штабной палатке, а ученики – его пехотинцам. Они знали, что первыми слышат о его стратегических планах, прежде чем сведения эти по цепочке будут переданы на передовые позиции фронта. Они трепетали. Они верили, что так же, как Кришна одолел демонических правителей, Движение сознания Кришны одолеет демоническую культуру нынешней эпохи.

Позже, на утренней прогулке, один из учеников сказал Прабхупаде, что преданные хотят повесить на дверь табличку с его именем, гласящую, что, здесь, 30-го января в 2:50 утра, Шрила Прабхупада приступил к работе над Десятой Песней. Прабхупада был приятно удивлен, узнав, что преданные его слышали.

– В словах Десятой Песни можно услышать флейту Кришны, – сказал он, – а главы с Двадцать девятой по Тридцать четвертую – Его улыбающееся лицо.

Недавно Рамешвару Свами сменил на посту секретаря Прабхупады Сатсварупа-дас Госвами, который также входил в состав Джи-би-си. Однажды вечером, сидя в комнате Прабхупады, Сатсварупа сказал:

– Шрила Прабхупада, когда я приехал сюда, Рамешвара Махараджа упомянул, будто вы говорили о том, как сознание Кришны приобретет в США огромное влияние, но мне очень трудно себе это представить, поскольку сейчас картина прямо противоположная.

– Это так, – сказал Прабхупада, – но наше Движение только-только пустило корни. Его надо поливать и защищать, и тогда оно принесет плоды. Вы должны его защищать. Нужно, чтобы люди узнали о нас из наших книг, и мы должны рассказать им об этих книгах.

– Значит, это произойдет не в одночасье?

– Нет, Движение будет расти постепенно. Семя уже посеяно. Теперь нужно оберегать его, неся в каждый дом все больше и больше книг о сознании Кришны.

И снова Прабхупада заговорил о предстоящем процессе в Нью-Йорке:

– По крайней мере, скажите им, чтобы они прочли наши книги. Это наше условие. Наша защита должна строиться так: сначала прочтите эти книги, а потом уже и судите. Прочтите их все, а потом выносите приговор. Дайте им все восемьдесят четыре тома.

Шриле Прабхупаде понравилась мысль о судьях и адвокатах, читающих его книги. Он говорил совершенно серьезно и настаивал, чтобы преданные заставили чиновников прочесть эти книги в качестве судебного доказательства. Шрила Прабхупада продолжал:

– Кришна говорит: сарва-дхарман паритйаджйа – «Предайся Мне и оставь все другие религии». Здесь может возникнуть вопрос: «Зачем нам предаваться Кришне?» Об этом можно спорить хоть три года. За этим вопросом неизбежно последуют другие: Кто такой Бог? Что представляет собой творение? Каково наше место в нем? Почему нужно предаться Богу? и т.д. и т.п. Что вы об этом думаете?

– Да, на суде мы должны как можно больше рассказать о наших книгах, – сказал Сатсварупа. – Я напишу в Нью-Йорк и попрошу их уделить этому максимум внимания.

– Принесите в суд все наши книги, – сказал Прабхупада. – Как-то в Калькутте жил один знаменитый адвокат, господин Гхош. Однажды в качестве доказательства он принес на процесс кипу книг. Судьи, которые были его друзьями, стали над ним подтрунивать: «Что же это вы, г-н Гхош, целую библиотеку сюда принесли?» «Да, уважаемые, – ответил г-н Гхош, – я хочу научить вас праву». – Шрила Прабхупада засмеялся и повторил: – Да, уважаемые, я хочу научить вас праву.

Прабхупада хотел, чтобы на нью-йоркском процессе ученики его применили ту же самую тактику. Если судья станет возражать и скажет: «Зачем вы принесли сюда все эти книги? Чтобы отвлечь мое внимание?» – преданные ответят ему: «Вы должны нас выслушать. Пусть это займет двенадцать лет, но выслушать нас вы обязаны. Таков закон». Это был явно не самый легкий путь, но преданные знали, что они должны попробовать. Таково было конкретное указание Шрилы Прабхупады по поводу того, как вести процесс.

– Мы должны сказать, – говорил Прабхупада, – что мы никому не пытались промывать мозги. Мы действовали в строгом соответствии с указаниями шаштр. Вот наши доказательства. Мы ничего не придумали сами. Пусть они прочтут все наши книги. Думаю, именно так вам нужно строить свою защиту.

– Наша защита уже изложена в этих книгах, – сказал Хари-шаури.

– Показать им отдельные главы? – спросил Сатсварупа. – Или настаивать на том, чтобы они прочли все наши книги?

– Все до единой! – воскликнул Прабхупада. – От корки до корки! Наша защита – это восемьдесят четыре тома!

– Но они скажут, – вмешался Гуру-крипа Свами, – что, прочитав эти книги, они тоже подвергнутся промыванию мозгов.

– Это мой долг, – отвечал Прабхупада. – Вы пытаетесь промыть мозги мне, а я – вам, и этому не будет конца. Это борьба. Схватка. Вы испытываете свою силу, а я – свою. Иначе что же это за борьба? Вы вправе не соглашаться со мной, а я имею право не соглашаться с вами. Теперь давайте мериться силами.

Второго февраля, в день явления Господа Нитьянанда, Шрила Прабхупада провел в Бхуванешваре церемонию закладки первого камня. В течение дня прасад приняли около тысячи человек. На праздник пришел Севашива Ратх и выступил с речью. После него выступил ученик Прабхупады, Сварупа-Дамодара, а потом и сам Прабхупада. После праздника Прабхупада с учениками обсуждали вопрос об управлении бхуванешварским центром, и некоторые из учеников-санньяси признались Прабхупаде, что не видят здесь больших перспектив.

– Почему нет? – удивился Прабхупада. – Это же столица Ориссы! Люди приезжают сюда. У нас в каждом городе должен быть центр! Даже если центр небольшой, кто-то должен здесь жить и работать! Даже если люди приходят каждый вечер только чтобы поесть кичхари, то это тоже проповедь.

Один из преданных сказал, что участок слишком далеко от центра, и что Орисса – слишком бедный штат. Возможно, будет лучше попытаться построить большой храм в Джаганнатха-Пури. Шрила Прабхупада ответил, что можно и там, но Бхуванешвар – тоже важное место. Местный ученик Прабхупады, Гаура-говинда Свами, сказал Прабхупаде, что как только ежегодное паломничество в Индию подойдет к концу, все преданные разъедутся, и сам он останется один с одним-двумя брахмачари. Сам же он в первую очередь настроился на перевод книг Прабхупады на язык ория, поэтому попросил Прабхупаду выделить ему помощника для управления храмом.

– Где наш толстяк? – спросил Прабхупада. – Приведите-ка его сюда.

Один из преданных побежал за Бхагаватой. Он нашел Бхагавату в палатке для гостей, где тот делился с преданными своими планами поехать в Нью-Йорк. Когда он услышал, что его хочет видеть Шрила Прабхупада, то подумал, что это связано с церемонией закладки первого камня, поскольку он был за нее ответственным. Но, войдя к Прабхупаде, он почувствовал, что над его головой нависла угроза.

Шрила Прабхупада улыбнулся и спросил у Бхагаваты, как у него дела.

– Все хорошо, Шрила Прабхупада.

– Не хотел бы жить здесь и управлять этим местом?

– Что вы, Шрила Прабхупада, я не думаю, что смогу здесь остаться! Тут слишком тяжело!

– Не мог бы ты остаться здесь, чтобы построить это здание?

– Я мог бы... Но это очень трудно. Я уже со всеми договорился, что поеду в Нью-Йорк.

Бхагавата с волнением стал рассказывать Прабхупаде о телеграмме, которую получил из Нью-Йорка, от Ади-кешавы Свами, в которой тот приглашал его приехать и возглавить в храме важный отдел проповеди.

– Нью-Йорк? – сказал Шрила Прабхупада. – В Нью-Йорке и так полно народу. Тебе не нужно ехать в Нью-Йорк. Ты должен остаться здесь.

Бхагавата возражал: он-де не сможет сработаться с Гаргамуни Свами, который был Джи-би-си в этой части Индии. Прабхупада ответил, что переведет Гаргамуни в Бангладеш; он не будет больше отвечать за ИСККОН в Ориссе. Прабхупада сказал, что сам будет курировать Бхагавату.

В качестве еще одного аргумента Бхагавата сослался на свое слабое здоровье и повышенную потребность во сне.

– Это очень хорошее место для здоровья, – парировал Прабхупада. – Просто справляй нужду в поле, подмывайся с помощью лоты, потом чисти лоту глиной. Та же лота может служить тебе ковшиком для омовения. Так ты всегда будешь чистым и здоровым.

Наконец, Бхагавата выдвинул последний аргумент.

– Шрила Прабхупада, – сказал он, – признаться честно, я даже не повторяю свои круги. Я думаю, мне лучше поехать в Нью-Йорк – там у меня будет хорошее общение, и я смогу укрепнуть в садхане.

– Это не страшно, – ответил Прабхупада. – Ты тяжело трудишься. Поэтому, если иногда ты не успеваешь повторять все круги, ничего страшного. Если у тебя много работы, ты можешь наверстать свои круги в другое время.

– Шрила Прабхупада, – сказал Бхагавата-дас, – я понимаю, что, как говорится в «Гурвашакам», если духовный учитель доволен, значит, доволен и Кришна.

– Да, – улыбнулся Прабхупада.

– И если вы хотите, чтобы я остался здесь, значит, я должен остаться.

– Да, я хочу, чтобы ты остался здесь, работал со свободными членами, строил храм и помогал в организации местного отделения.

Хотя Прабхупада заложил в фундамент храма первый камень, у центра не было ни средств, ни спонсоров, ни организованной общины. Все, что было у преданных, – вера в Шрилу Прабхупаду.

Поезд Шрилы Прабхупады должен был отходить на следующий день, в 11 вечера. Дождаясь отъезда, Прабхупада сидел в своей маленькой хижине и беседовал с учениками. Они обсуждали самые разные темы – начиная с политики Второй Мировой войны и кончая Десятой Песнью «Шримад-Бхагаватам». В какой-то момент Шрила Прабхупада заговорил о том, что человек не в силах изменить законы природы. Он не должен заявлять, что обладает какими-либо знаниями или возможностями, если ему не удастся положить конец страданиям, вызванным рождением, смертью, болезнями и старостью.

– Мое положение указывает на мою карму, – объяснил Прабхупада. – Даже если я живу в роскошном Бхактиведанта Мэноре, я испытываю те же самые страдания, что и здесь, в этой хижине. Если я думаю: «Я в Мэноре. Я счастлив», – то это глупо. Но именно так они и думают. Тогда, почему, спрашивается, они умирают? Они должны остановить это. Можете ли вы, мои ученики, помочь мне в старости? Вы можете делать все от вас зависящее, но вы должны признаться, что это выше ваших возможностей. Но как только вы вернетесь домой, к Богу, все будет решено.

Еще Прабхупада говорил о диетах. Гхи было ему противопоказано, но есть одну лишь вареную пищу – все равно что голодать. Он сказал, что может поститься.

– Если вы не будете кормить меня три дня, я выдержу.

Гаргамуни рассказал Шриле Прабхупаде, что знает человека из Калькутты, который в свои девяносто сохранил здоровье благодаря, как он объяснял, своей строгой диете, состоящей из одних фруктов. Гаргамуни посоветовал Прабхупаде сесть на такую диету, и Прабхупада согласился.

Прабхупада рассказал о том, как питался его духовный учитель. Бхактисиддханта Сарасвати, сказал он, ел очень мало, но не только фрукты. Ему нравились соленые блюда, а его любимое блюдо готовилось из муки турецкого горошка и арахиса, жаренных в гхи. Когда беседа закончилась, и преданные заговорили между собой о том, что теперь Прабхупада будет питаться одними фруктами, Хари-шаури с любовью заметил:

– Он и раньше так говорил, но никогда этого не сделает.

В ночном поезде до Калькутты Прабхупаде не давали спать двое пьяных в соседнем купе. Всю ночь они вопили, обращаясь друг к другу: «О, доктор Мукерджи!», «О, господин Чаттерджи!» Прабхупада с отвращением заметил, что это – фамилии именитых бенгальских брахманских семей, но сейчас люди эти спиваются. Джаганнатха-Пури, – сказал он, – тысячелетиями был святым местом, но за каких-то несколько лет он перестанет быть таковым. Пури превращается в морской курорт, где отдыхают люди, подобные д-ру Мукерджи и г-ну Чаттерджи, лишенные понимания духовной жизни.

Поезд прибыл на станцию Ховра, но перед тем, как сойти на перрон, Прабхупада еще несколько минут посидел на своем месте. Сквозь вокзальный гул отчетливо доносились крики уличных торговцев – «Чай! Чай!»

– Ох уж это современное общество! – вздохнул Прабхупада. – Даже смотреть на их лица невозможно без боли – настолько они опустились. Просто видя их лица, вы оскверняетесь. Вчера ночью они так шумели! И при этом они думают, что счастливы, что наслаждаются жизнью.

– Но мы должны идти на риск, – сказал Сатсварупа, – идти и проповедовать?

– Да, – подтвердил Прабхупада. – Если вы заняты проповедью, это осквернение вас не коснется. Иногда йоги уходят в Гималаи, только чтобы не видеть лиц порочных людей. Они занимаются йогой в уединенном священном месте. А иначе, что это такое? Просто «Чай, чай, чай», сигареты, биди, пустая болтовня, выпивка? Нет, ведическая культура еще жива в Индии. По утрам в деревнях люди делают омовение. В городах тоже... по крайней мере, те, кто вырос в деревнях. Обратите внимание – в Бомбее многие бедняки по утрам моются. Видели? Они моют пол, моются сами.

С этими приятными мыслями о чистой жизни в ведической деревне, Шрила Прабхупада покинул вокзал, проходя сквозь гул и толпы людей. Он прекрасно знал Калькутту – лучше, чем

любой его ученик. Его не удивляли бедность, хаос и политические лозунги. Это был его родной город. Но здесь у него не было никаких мирских связей. Он заехал всего на несколько дней – проповедовать. Затем он отправится в Майяпур.

Майяпур, 7 февраля 1977 года

Свыше восьмидесяти мальчиков-бенгальцев, учащихся гурукулы, и около сотни других преданных приветствовали Прабхупаду у главного входа в Майяпур-Чандродая-мандир. Владения ИСККОН утопали в цветах, и свежеевыкрашенное здание храма сияло, словно красноватые лучи восходящего солнца. Новое здание, длинный жилой корпус, было почти готово.

– Назад к Богу, – тихо сказал Прабхупада, когда машина въехала в ворота и стала медленно приближаться к храму.

Через три недели сюда съедутся сотни преданных со всего мира, чтобы вместе с Прабхупадой отметить праздник Гаура-пурнимы, день явления Господа Чайтаньи. Бхавананда Госвами и Джаяпатака Свами, назначенные Шрилой Прабхупадой ответственными за ИСККОН в Майяпуре, провели его через толпу преданных и учеников гурукулы в комнату Божеств, где он склонился перед сияющими золотыми образами Шри Шри Радха-Мадхавы.

Позднее, сидя у себя в комнате на втором этаже, Шрила Прабхупада хвалил преданных за то, что они так хорошо убрали территорию и разбили такой чудесный парк. Его комната, украшенная множеством цветов, была похожа на сад.

– Эти цветы – ваш первый успех, – сказал Прабхупада. Расслабившись, он откинулся назад. Он пребывал в том особом, благодушном настроении, которое приходило к нему всякий раз, когда он оказывался в милом его сердцу Майяпуре.

– Служа Кришне, – сказал он, – вы хотите что-то сделать, и Его это очень радует. Мы хотим, чтобы у нас были цветы для служения Кришне, и Кришна их дает. Все, чего мы желаем, нужно нам для Него, а не для собственного удовольствия. В служении Кришне можно делать очень многое – этому учил Бхактисиддханты Сарасвати.

Шрила Прабхупада сказал, что до Бхактисиддханты Сарасвати вайшнавы уединенно жили во Вриндаване и не проповедовали. Бхактисиддханты Сарасвати был первым, кто показал, что чистый преданный может использовать в проповеди самые современные средства, и ради служения Кришне может жить в дворцах и ездить на автомобилях.

– Люди могут завидовать преданным из-за того, что те живут в роскошных зданиях, – сказал Прабхупада, – но Бхактисиддханты Сарасвати Тхакур говорил, что в роскошных зданиях должны жить только преданные. Только преданные. Например, правительственные служащие живут в самых лучших домах. Подобным образом, преданным тоже надо предоставлять все возможности. Не нужно бросаться в крайности и утопать в роскоши, но пусть у вас будет хорошая пища, хорошее жилье, удобства – и повторяйте «Харе Кришна». Такова наша миссия. Это не безжизненный путь. Особенно вы, американцы и европейцы, – вы не привыкли к тяготам индийской жизни. Вы должны получить необходимые вам удобства и служить Кришне. Этого я и пытаюсь достичь.

Прабхупада поблагодарил присутствующих преданных за усилия в сознании Кришны и снова повторил свою знаменитую формулу – американский интеллект и американские деньги в сочетании с индийской культурой превратят весь мир в рай.

Затем Шрила Прабхупада пожелал осмотреть новое здание, которое, по словам Джаяпатаки Свами, было самым длинным зданием Западной Бенгалии, – оно протянулось больше, чем на двести метров. Прабхупада сказал, что оно похоже на поезд. Он осмотрел все комнаты и напомнил, что к празднику они должны быть готовы. Проходя по веранде, он заметил:

– Прямо как на Пятой авеню.

Следующие несколько дней прошли спокойно. Ближе к полудню Прабхупаде делали массаж на крыше, сплошь уставленной цветами в горшках и кадках. Однажды, стоя у своей комнаты, на веранде, он смотрел вниз на газон, где одна из его учениц собирала цветы для Божеств.

– Это и есть храм, – сказал он, – здесь все время что-нибудь да происходит. И с каждым сорванным цветком она приближается к Богу.

Прабхупаде особенно нравилось, что Майяпур-Чандродая-мандир постоянно расширяется и становится все краше. Стоя на балконе, он любил смотреть, как в храм приезжают гости и как работают преданные, претворяя в жизнь все новые и новые планы.

Однако со здоровьем у Прабхупады по-прежнему не ладилось; причиной этого, по его словам, являлся дисбаланс питты и ваю (желчи и воздуха). Однажды утром на вопрос слуги о том, как он себя чувствует, Прабхупада ответил:

– Очень плохо.

Впрочем, иногда после «очень плохого» утра наступал вполне сносный день.

Преданные знали, что болезнь Прабхупады вызвана не материальными причинами, и все же она их очень беспокоила. За последние годы он пережил несколько кризисов, но преданные понимали, что болезни его духовны, и течение их определяет Сам Кришна. Когда в 1974 году, во Вриндаване, Прабхупада тяжело заболел, он сказал, что причиной болезни является то, что его ученики недостаточно строго следуют принципам сознания Кришны. Его ученики поняли тогда, что если их действительно беспокоит здоровье духовного учителя, они должны неукоснительно следовать всем его указаниям. Он по-прежнему готов был рисковать: принимать новых учеников, ездить и проповедовать, но его ученики должны были постараться избегать того, что могло бы повредить его здоровью. Большинство из них надеялось, что его здоровье скоро поправится. Да и сам Шрила Прабхупада мало думал о своей болезни – он был слишком поглощен мыслями о том, как распространить Движение сознания Кришны.

Через несколько дней после приезда в Майяпур Шрила Прабхупада, сначала на машине, а затем на пароме, отправился в Навадвипу, чтобы посетить ашрам своего духовного брата, Бхактиракшаки Шридхары Махараджи. Когда Прабхупада поднимался по крутым каменным ступенькам, ноги у него подкосились, и он упал. К счастью, Хари-шаури шел рядом и успел его подхватить. За последние две недели это был уже второй случай. Оба раза это случилось с ним во время проповеди, но и в тот, и в другой раз он продолжал активно проповедовать и заниматься обычными делами, даже не вспоминая о случившемся.

В Бхуванешваре Шрила Прабхупада пообещал Сварупа-Дамодаре, что после майяпурского фестиваля отправится вместе с ним в Манипур. Прабхупада сказал, что Манипур – независимая страна на севере Индии – упоминается в ведической литературе. В Манипуре родилась Читрангада, одна из жен Арджуны. Этой страной правили кшатрии, сознающие Кришну. Вдохновляемый Сварупа-Дамодарой, который сам родился и вырос в Манипуре, Шрила Прабхупада загорелся желанием отправиться туда и попытаться возродить там сознание Кришны. Но с его неуклонно слабеющим здоровьем эта поездка представлялась сомнительной.

Хари-шаури, уже восемнадцать месяцев непрерывно путешествующий со своим духовным учителем, сомневался, что здоровье его улучшится. Да и в каком-то смысле, под началом Прабхупады Движение сознания Кришны распространилось настолько широко, что, возможно, уже не нуждалось столь остро в его путешествиях – по крайней мере, он мог бы теперь не тратить на это дело столько сил, сколько отдавал ему в последние десять лет. Возможно, следует прекратить поездки. Однажды, прошлым летом, во время путешествия по Соединенным Штатам, Прабхупада сказал, что захотел поехать туда лишь для того, чтобы вдохновиться тем, как замечательно его ученики справляются с управлением. Он обычно говорил, что заложил фундамент и возвел каркас здания Движения сознания Кришны; теперь же его последователям оставалось лишь его заполнить. Он часто говорил, что дал материалистическому обществу лекарство; и теперь оно будет распространяться и действовать. Он говорил, что зажег пожар, который отныне будет распространяться по всему миру. Поэтому, несмотря на всегдашнее его беспокойство за Движение, у него была вера, что его Общество ждет успех.

Однажды утром, после завтрака, Прабхупада стоял на веранде и смотрел на раскинувшийся перед ним Майяпур. Обернувшись к Хари-шаури, он сказал:

– В сущности, даже если я умру прямо сейчас, в этом не будет большой беды. Я заложил основу, и чтобы добиться успеха, вам нужно просто надлежащим образом поддерживать и продолжать все начатое мной.

Эти слова расстроили Хари-шаури, и он ничего не ответил. Немного помолчав, Прабхупада добавил:

– Но я все-таки хотел бы закончить «Шримад-Бхагаватам».

Ничто не беспокоило Шрилу Прабхупаду в Майяпуре, пока с Запада не начали приезжать члены Джи-би-си, неся с собой последние вести об ожесточенном сопротивлении, с которым столкнулось сознание Кришны в Америке. Тамала-Кришна Госвами и Брахмананда Свами, прилетевшие из Нью-Йорка, сообщили, что процесс, на котором Ади-кешаве Свами будет предъявлено обвинение в «зомбировании», состоится в конце марта, и судья разрешил Ади-кешаве

увидеться с духовным учителем. Они рассказали, что несколько преданных были похищены, и в некоторых случаях родители получили на это законное разрешение властей.

– На что жалуется оппозиция? – спросил Прабхупада. Как и в споре с Рамешварой Свами, он снова принялся защищать Движение сознания Кришны, а ученики засыпали его аргументами материалистов. Он делал это не ради забавы; он обучал преданных. Он должен был ответить на все те аргументы, которые лишали их мужества и сил. Но, кроме того, он был главным защитником сознания Кришны.

– Они говорят, что мы – зомби, – сказал Брахмананда.

– Зомби? – спросил Прабхупада. – Что это такое?

– Зомби – это как робот, – ответил Хари-шаури. – У нас нет мозгов. Мы подобны машинам. Они говорят, что мы лишены свободы выбора.

– С детьми точно так же, – ответил Прабхупада. – Но отец им не позволяет. Дети хотят играть; им не хочется идти в школу. Отцу это не нравится. Разве отец ограничивает свободу ребенка? Каждый отец так поступает. Правительство так поступает. Почему правительство ограничивает преступников?

Прабхупаде было интересно услышать и другие новости, и Тамала-Кришна Госвами рассказал ему о новой ферме ИСККОН в Пенсильвании и о ресторане в Нью-Йорке. Брахмананда Свами поведал о новой ферме в Африке, а затем, вместе с Тамала-Кришной, они поделились своими впечатлениями о делах в «Харе-Кришна-Лэнде» в Бомбее. Они также сообщили об успехах Гопала-Кришны, который издавал книги Прабхупады на разных языках Индии.

– Так вот, – сказал Тамала-Кришна. – Что начинается: они пытаются повлиять на Конгресс Соединенных Штатов, чтобы тот выпустил поправки к законам, дающие родителям право подвергать детей психологической обработке, если их поведение не соответствует нормам. Если родители полагают, что ребенок не в своем уме, то даже если ему пятьдесят, а родителям – семьдесят, у них будет право поместить ребенка в психиатрическую клинику.

– Это очень опасно, – сказал Прабхупада.

Они рассказали Прабхупаде о преданной, похищенной в аэропорту, во время распространения книг. Суд дал родителям девушки законное право на месяц поместить ее в специальный центр в Аризоне, созданный депрограмматорами. Они также рассказали, что в состав группы лоббистов, выступающих за похищения, входят влиятельные группы христиан и иудеев, которые зашевелились, увидев, что другие движения, включая Движение сознания Кришны, уводят молодежь от религии их предков. Тамала-Кришна предположил, что судебный процесс против ИСККОН в Нью-Йорке, вероятнее всего, закончится признанием ИСККОН авторитетным движением. Защитники прав человека в Америке встревожены угрозой, нависшей над конституционной свободой, поэтому этот процесс вызывает у них большой интерес, давая возможность проверить, насколько в стране соблюдается принцип свободы вероисповедания. Тамала-Кришна сказал Прабхупаде, что за последнее десятилетие это самый значительный прецедент, и что Американский союз за гражданские права считает этот процесс одним из важнейших.

– В двух штатах приняты резолюции, узаконивающие деятельность депрограмматоров, – сказал Брахмананда Свами. – Их даже освободили от уплаты налогов, что указывает на поддержку со стороны правительства.

– Да, – сказал Прабхупада. – Они боятся, что люди из сознания Кришны могут захватить власть.

– Точно, – согласился Тамала-Кришна Госвами, – некоторые из них говорят, что организация сознания Кришны очень сильна, и мы хотим захватить власть над всем миром.

Шрила Прабхупада рассмеялся:

– Это правда. Что ж, посмотрим. Это битва между Кришной и демоном. Давайте же исполнять свой долг и повторять «Харе Кришна»; все будет хорошо. На свете было немало демонов. Прахлада Махараджа был пятилетним мальчиком, а его отец – великим демоном. Однако Прахлада Махараджа победил. Точно так же – все вы подобны Прахладе Махараджу. И сейчас идет битва. Пойте Харе Кришна. Доверьтесь Кришне. Вы победите. Нрисимхадева придет. «Яд» сознания Кришны уже действует. Это хорошо. Если мы победим, это будет великая победа.

Во время беседы погас свет, и комната Прабхупады, как и все здание, погрузилась во тьму. Через минуту в комнату вошел преданный с керосиновой лампой. Прабхупада начал вспоминать о том, что электричество появилось в Индии, когда он был совсем еще маленьким мальчиком.

Сначала, сказал он, не каждая семья могла себе это позволить. Человек считался богатым, если у него в доме была хорошая газовая лампа. В уличные фонари вставляли угольную дугу, и фонарщик, менявший угольные электроды, бросал перегоревшие прямо на мостовую.

– Меня электроды, – сказал Прабхупада, – фонарики выбрасывали старые, а мы, дети, их подбирали.

– А что вы с ними делали? – полюбопытствовал Тамала-Кришна.

– Играли, – рассмеялся Шрила Прабхупада. – Мы радовались тому, что что-то нашли. Вот так электричество появилось в нашей жизни, нам тогда было по десять-двенадцать лет.

– Но до этого вы все равно могли читать? – спросил Брахмананда.

– Да, – ответил Прабхупада, – с помощью такой же лампы.

Прабхупада вспоминал, как отец его покупал керосин для ламп. Он не был богат, но, закупаая товары и продукты оптом, он хорошо обеспечивал семью.

– Жизнь в то время была простая, – заключил Прабхупада, – но цивилизованная.

Санньяси стали рассказывать Прабхупаде о том, что в Аргентине установилась военная диктатура, и новое правительство официально запретило Движение сознания Кришны. Были конфискованы книги на двадцать тысяч долларов, а преданных подвергли арестам. Жителей Аргентины бросали за решетку и расстреливали прямо на улицах.

– Все приходит в упадок, – сказал Прабхупада.

– И очень быстро, – добавил Брахмананда.

Шрила Прабхупада: Что ж, это даст толчок сознанию Кришны – яда яда хи дхармасья гланих. (Б.г. 4.7) Не расстраивайтесь. Кришна будет действовать через Свое движение и уничтожит всех этих демонов. Как это произойдет, вам пока не ведомо, но это произойдет. Останемся же настоящими солдатами. Вот и все. А если вы погибнете в бою? Сражаться – значит стоять до конца, с решимостью победить или умереть. Ведь это сражение с майей. Зачем бояться смерти? Когда идет битва, солдат должен знать: «Либо я погибну, либо меня ждет победа». Джива ва мара ва. Для настоящих преданных нет разницы между жизнью и смертью. При жизни они служат Кришне, а после смерти они продолжают служить Кришне. Джива ва мара ва. Тьякта дехам пунар джанма наити мам эти. (Б.г. 4.9) Он отправляется к Кришне. Так что же мы теряем? Мы трудимся для Кришны, а если погибает, то отправляемся к Нему. Что мы теряем?

Через несколько дней к Прабхупаде в Майяпур приехал Ади-кешава Свами. Ему было всего двадцать три года, и события последних недель ложились на его плечи тяжким грузом. Несмотря на возражения адвоката, отчаявшийся, он приехал в Индию, чтобы повидаться со своим духовным учителем. Во время предварительного слушания дела он надевал костюм и носил обычную прическу, но перед Шрилой Прабхупадой предстал с обритой головой и в шафрановых одеяниях. Прибыли и другие санньяси. Все они собрались в комнате Прабхупады, страстно желая получить его указания.

– Это Движение не промывает мозги, – начал Прабхупада, – мы даем их. Прежде чем говорить о промывании мозгов, нужно их иметь. Но у вас их нет. Вам неведом смысл жизни. Вы не можете объяснить разницу между мертвым и живым человеком. У вас столько ученых и философов, но вы не знаете этого! Так где же ваши мозги? Прежде всего, докажите, что они у вас есть. Тогда уж поговорим и о промывании. Это движение не промывает мозги, оно их дает! К сожалению, у вас они отсутствуют. Отсюда и неверные выводы. Этот момент объясняется в «Бхагавад-гите». Как ты считаешь? Мы промываем мозги или даем мозги?

– Да, – сказал Ади-кешава, – это хорошее замечание.

Прабхупада сказал, что преданные должны друг с другом посоветоваться, написать письмо и послать его в суд. Его главный аргумент базировался на том, что большинство людей не понимает элементарной истины о душе. Люди нуждаются в знаниях, и Движение сознания Кришны предоставляет самое важное знание о душе. Поэтому оно дает мозги.

Ади-кешава принял на себя роль противника преданных.

– Хм, – сказал он. – У меня есть мозг, и он функционирует. В противном случае, как мог бы я сейчас с вами разговаривать? Как бы я смог отвечать вам?

– Но чем ваш разговор отличается от лая собаки? – спросил Прабхупада. – Собака тоже лает. В чем разница? Она говорит на другом языке, вот и все. Собака лает, а вы говорите. В чем разница?

Ади-кешава: Но они говорят: «У нас есть искусство. У нас есть наука».

Прабхупада: У вас может быть все что угодно. Но вы не можете ответить на самый главный вопрос.

Диспут продолжался, и другие преданные, присутствовавшие в комнате Прабхупады, тоже попытались подвергнуть его логику испытанию. Но Прабхупада твердо стоял на своем: если человек не знает, в чем разница между мертвым и живым, если он не знает о душе, – значит, мозгов у него нет. Когда преданные заговорили о вере в Священное писание, Прабхупада сказал, что он опирается не на Священное писание, а на логику. Он наголову разбивал все аргументы преданных. Обучая своих последователей защите при помощи решительных аргументов, Прабхупада не обнаруживал ни малейших признаков слабости или болезни.

– Они говорят, что подобная дискуссия выходит за пределы интеллекта, – сказал Ади-кешава.

– Если вы говорите, что она выходит за рамки вашего интеллекта, – ответил Прабхупада, – значит, у вас нет мозгов.

Общаясь с Прабхупадой, Ади-кешава постепенно преисполнился силы и убежденности.

– Они говорят, – продолжал он, – что когда человек становится преданным, он теряет индивидуальность. Но на самом деле, они и сами не знают, кто они такие. Поэтому наш аргумент будет следующим: «Что значит «потеря индивидуальности»? Вы даже не знаете, кто вы такой. Что же тогда вы теряете?»

– Да, – подхватил Прабхупада с большим воодушевлением. – Кто вы? Вот этого-то вы и не знаете! Мы учим тому, что, отождествив себя с этим телом, вы-то как раз и потеряли индивидуальность!

– Большая часть их обвинений, – сказал Ади-кешава, – основана на неверных представлениях о нашем Движении. Например, они говорят, что мы недоедаем и недосыпаем. Однако у нас есть результаты исследований, сделанных их же учеными, которые утверждают, что питание у нас вполне полноценное.

Шрила Прабхупада: Как мы тогда существуем, если плохо питаемся? Десять лет недоедать? Тогда почему мы еще живы? Вы не знаете, что такое хорошая пища, но результат-то вам должен быть понятен! Корова съедает гору травы, а человек – небольшую тарелку. Если корова скажет: «Почему ты так мало ешь? Посмотри на меня!» – где здесь логика?

– Точно, – согласился Ади-кешава, – никакой логики.

Прабхупада: Итак, если вы подобны коровам и ослам, то обжирайтесь на здоровье. Но это не значит, что я тоже должен обжираться.

– Но где доказательства? – спросил Тамала-Кришна Госвами. – Они могут потребовать доказательства существования души.

– Доказательство следующее, – ответил Шрила Прабхупада. – Если в теле отсутствует принцип, побуждающий тело к действию, попробуйте его заменить, если знаете как. Замените жизнь. Если не можете, значит мозгов у вас нет.

Прабхупада заявил, что во время смерти, несмотря на то, что все части тела на месте, нечто существенное теряется.

– Но вы же не видели это «нечто», – возразил Тамала-Кришна.

– Вижу или нет, – парировал Прабхупада, – я это замечаю! Почему человек мертв? Чего-то не хватает!

– Ну, – предположил Тамала-Кришна, – тело подобно машине!

– Машину можно заменить! – вспыхнул Шрила Прабхупада. – Почему же тогда не принести новое тело и не заменить им мертвое? Поэтому у вас и нет мозгов! Ведь мы говорим совсем о разных вещах!

Прабхупада сказал, что в суде нужно изложить эту философию о душе.

– Это будет очень интересно, – сказал он. – Процесс затянется, и мы сможем раскрыть всю нашу философию. Разве не так? Обдумайте все как следует, снова и снова, и сражайтесь. Скажите им: «Что вы можете увидеть? Вы не видите даже то, что находится за этой стеной. Значит ли это, что там ничего нет? Почему вы полагаетесь на свои зрительные способности, негодяй? Это у вас нет мозгов». Я считаю, что это прекрасная возможность рассказать обо всей нашей философии. Вам следует воспринимать эту ситуацию только так. Вам нужно самим достаточно утвердиться в понимании этой темы. Это проверка ваших знаний.

Преданные рассказали Прабхупаде, как критики изучали «Шримад-Бхагаватам» и пытались придаться к преданным, уцепившись за их философию. В суде они представили утверждение Прабхупады о том, что люди не были на луне.

– Лично я с вами не летал, – сказал Шрила Прабхупада. – Тогда с чего мне вам верить? Если рассуждать практически, то я там не был. Если это просто новости, почему я должен с вами соглашаться? Люди верят каким-то газетам – только и всего! Почему же тогда и нам не верить ведической литературе? Ведическая литература – величайший авторитет. Ее принимали ачарьи.

Затем преданные заговорили о том, как родители и депрограмматоры оправдывают свои насильственные методы.

– Они пускают пыль в глаза судьям, – сказал Тамала-Кришна Госвами, – играя на чувствах, потому что все питают естественное сочувствие к отцам и матерям.

– Почему бы вам не процитировать шаштру, – предложил Шрила Прабхупада, – о том, что он не является отцом – пита на са сьят... Найдите этот стих.

Прадьюмна достал с полки книгу и в мгновение ока нашел нужную страницу. Он зачитал: гуру на са сьят сва-джано на са сьят, пита на са сьядж джанани на са сьят / дайвам на тат сьят на патиш ча са сьян, на мочаед ях самупета-мритьюм. «Тот не должен становиться духовным учителем, мужем, отцом, матерью или полубогом, которому поклоняются простые смертные, кто не способен вызволить своих подопечных из круговорота рождения и смерти».

– Поэтому какой же он отец? – спросил Прабхупада. – Какой в этом смысл?

Ади-кешава Свами: Порой они настаивают на том, что...

– А вы стойте на своем, – перебил Прабхупада, – у нас есть своя позиция. Мы будем основываться на нашей точке зрения. Если отец не может освободить сына от круговорота рождения и смерти, он не отец.

Шрила Прабхупада был непреклонен и не уступал ни в чем. Наконец, он заключил:

– Если вы попытаетесь давать советы негодяю, это его лишь разозлит. Такова реальность. Но мы все равно должны исполнять свой долг. Что тут поделаешь? Это трудная задача. Поэтому, если вы хотите очень быстро удовлетворить Кришну, неустанно проповедуйте: я идам парамам гухьям мад-бхактешв абхидхасьяти. У нас своя задача – удовлетворить Кришну. Такова наша миссия. Поэтому, несмотря на множество трудностей, мы должны делать свое дело. Мудхо 'ям набхиджанати локо мам аджам авьяям. (Б.г. 7.25) Все они мудхи. И теперь нам представилась возможность преподать им урок.

Позже у Шрилы Прабхупады состоялся личный разговор с Ади-кешавой Свами.

– Мне сказали, что ты отрастил волосы, – сказал Прабхупада.

Ади-кешава признался, что это правда, но больше он так не сделает. Он сказал, что хочет пойти в суд и с гордостью заявить, что он – сын Прабхупады и преданный. Прабхупада сказал, что тоже хочет, чтобы Ади-кешава пошел в суд в одеяниях санньяси и с санньяса-дандой в руке. У него должна быть тилака и бритая голова, и он должен проповедовать. Шрила Прабхупада рассказал, что когда он впервые приехал в Америку, ему тоже посоветовали носить западную одежду. До этого Ади-кешава уже получал от Прабхупады наставления в письмах, но сейчас духовный учитель лично велел ему принести в суд все книги и представить их в качестве доказательства. Он наказал ему бесстрашно проповедовать.

Ади-кешава упомянул, что чиновник из индийского посольства сказал, что в случае необходимости индийское правительство предоставит ему политическое убежище. Для Шрилы Прабхупады это было приятной новостью. Когда Ади-кешава признался, что порой теряет силу духа и чувствует одиночество в этой затянувшейся судебной тяжбе, Прабхупада сказал, что он может брать с собой помощников. Но Ади-кешаве нужна была главным образом поддержка духовного учителя; он хотел его милости. И Прабхупада, как отец, успокаивал и воодушевлял своего юного, еще неокрепшего сына, отправляющегося на битву. «Не бойся», – ободрял его Прабхупада. Несколько раз он звал Ади-кешаву к себе в комнату, чтобы дать ему еще и еще милости – подсказать логический аргумент, посоветовать, как вести себя в суде. Но главный совет Прабхупады, который больше всего убедил и успокоил Ади-кешаву, состоял в том, что тот должен проповедовать, а Кришна его защитит.

Сатсварупу на посту секретаря сменил Тамала-Кришна. Ранним утром, в последний день служения Сатсварупы, сразу после работы над «Шримад-Бхагаватам», Шрила Прабхупада позвал его к себе и попросил приготовить ему на завтрак огурец, вымоченный мунг-дал и фрукты. Сообщив, что только что он надиктовал стихи и комментарии, объясняющие тему реинкарнации,

он перемотал ленту и включил воспроизведение. Это были философские аргументы отца Кришны, Васудевы, который пытался убедить Камсу в вечности души. Васудева утверждал, что в момент смерти душа меняет одно тело на другое, так же как человек, идущий по улице, переступает с одной ноги на другую. Слушая запись, Прабхупада «прошагал» по диктофону двумя пальцами, изображая идущего человека.

Запись продолжалась:

В настоящее время Движение «Харе-Кришна» сталкивается с сильным противостоянием и обвинением в «промыывании мозгов». Но так называемые ученые, философы и другие лидеры стран Запада, по существу, сами лишены мозгов. С помощью знания Движение «Харе-Кришна» пытается возвысить таких глупцов, давая им возможность воспользоваться преимуществами человеческого тела. К сожалению, вследствие своего дремучего невежества они считают, что в Движении «Харе-Кришна» людям промывают мозги. Им невдомек, что не обладая сознанием Бога человек вынужден продолжать переселяться из одного тела в другое.

Все те аргументы, которые Прабхупада использовал в диспутах со своими санньяси, теперь войдут в бессмертные «Комментарии Бхактиведанты». Пройдет время, закончится процесс, и никто о нем даже не вспомнит, а истинное понимание Прабхупады будет торжествовать вечно.

22-го февраля в калькутском аэропорту Думдум совершил посадку Боинг-747 авиакомпании «Эйр-Индия» с тремястами пятьюдесятью преданными на борту. Это был специальный рейс – все пассажиры были вайшнавами. Самолет летел из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, а затем в Лондон, подбирая при каждой посадке все новых и новых преданных. Для Калькутты это было историческое событие: Боинг-747 приземлялся здесь впервые. По этому случаю в аэропорт прибыли мэр, местная полиция, руководители компании «Эйр-Индия» и представители средств массовой информации. Один из преданных сказал репортеру, что этот аэробус с Запада принес в Калькутту милость Господа Чайтаньи и Шрилы Прабхупады. Десять автобусов, заполненных преданными двинулись в Майяпур.

Вскоре в Майяпур-Чандродая-мандире закипела духовная жизнь; фестиваль Гаура-пурнимы был в самом разгаре. Вечером на «Рамаяну» в исполнении нью-йоркского театра «Лицедеи Вайкунтхи» пришел сам Шрила Прабхупада. Зрители смотрели на него не меньше, чем на сцену, и любовались им.

В день открытия в пандале выступил представитель правительства, который официально объявил о начале фестиваля. Он перерезал ленточку, и вместе со Шрилой Прабхупадой они прошли по длинному коридору первого этажа нового здания, осматривая фотовыставку, посвященную центрам ИСККОН по всему миру. Дойдя до середины коридора, Шрила Прабхупада остановился, покачал головой и сказал:

– Невероятно.

Министр был также поражен масштабами проповеди гаудия-вайшнавизма, которую вел Шрила Прабхупада. Затем Прабхупада вместе со своим гостем поднялся на сцену.

Министр прочитал заготовленную заранее вступительную речь, где он восхвалял известного свами-имперсоналиста, называя его божественным воплощением. Имя Господа Чайтаньи он упомянул лишь вскользь, заметив, что не знает точно, был ли Чайтанья Махапрабху воплощением Бога, но уверен, что Он принес миру благо.

Затем выступил Шрила Прабхупада. Он старался поправить ошибочное мнение, прозвучавшее в речи министра, ссылаясь при этом на Священные писания. Шрила Прабхупада говорил на бенгали, поэтому большинство учеников не понимали его, хотя суть была ясна. Позже, сидя у себя в комнате с несколькими преданными, Шрила Прабхупада вспомнил церемонию открытия и начал смеяться. Ударяя правым кулаком в левую ладонь, он говорил:

– Я его сокрушил!

До Гаура-пурнимы оставалось всего несколько дней, и в центр ИСККОН каждый вечер приходили тысячи бенгальских паломников. Они потоком текли в храмовый зал, чтобы принять участие в киртане и получить даршан Радхи-Мадхавы, а потом осматривали фотовыставку ИСККОН. Это был самый большой и самый организованный фестиваль из всех, которые когда-либо до этого проходили в Майяпуре. Несмотря на противодействие, с которым преданные сталкивались в Америке, Движение Господа Чайтаньи развивалось во всем мире. Более пятисот преданных, съехавшихся в Майяпур со всех континентов, были неопровержимым доказательством крепости растущего Движения сознания Кришны.

Рамешвара Свами вернулся в Индию с последними данными о тиражах недавно изданных книг Прабхупады. Только на английском языке было напечатано 43 450 000 экземпляров книг и журналов. А общий тираж книг Прабхупады на двадцати трех языках мира, включая русский, составил 55 314 000, и свыше 90 процентов этого тиража было уже распродано. Рамешвара преподнес Шриле Прабхупаде новую, недавно напечатанную книгу – первую часть Девятой песни «Шримад-Бхагаватам». Радхаваллабха сообщал, что следующее издание «Бхагавад-гиты» будет напечатано таким большим тиражом, что для него потребуется семьдесят шесть вагонов бумаги. Услышав столь ошеломляющие цифры, Прабхупада и преданные рассмеялись.

Прабхупада поблагодарил преданных за их упорный труд.

– Это благословение моего Гуру Махараджа, – сказал он. – Он так этого хотел! И поскольку мы стремимся исполнить его волю, он посылает нам свои благословения.

Шрила Прабхупада по-прежнему много работал: воодушевлял преданных, писал и проповедовал. Однако вскоре после того, как преданные съехались на праздник, он опять тяжело заболел. Его режим работы требовал непомерного напряжения сил, и, тем не менее, он продолжал заниматься делами.

Члены Джи-би-си, собравшиеся в Майяпуре на ежегодную трехдневную встречу, навещали Прабхупаду каждый день. Он выслушал их предложения и, внося кое-какие поправки, утвердил. Последним пунктом в списке резолюций Джи-би-си стояло проведение во всех храмах ИСККОН круглосуточных киртанов из-за болезни Прабхупады. Преданные уже делали это в 1974 году, когда Прабхупада тяжело болел.

– Да, – сказал Прабхупада, услышав об этом решении, – пение Святого имени – единственное лекарство от всех болезней.

В день Гаура-пурнимы Шрила Прабхупада дал первое посвящение более чем двумстам ученикам, и еще сто получили второе посвящение. Весь день через ворота сплошным потоком двигались люди; с четырех утра до позднего вечера все дороги были переполнены, а киртаны собирали толпы внимательных слушателей.

После полудня Шрила Прабхупада принял у себя Таруна Канти Гхоша, министра внутренних дел Бенгалии, ответственного, в числе прочего, и за государственную полицию. Прабхупада разговаривал с ним у себя в комнате и нашел, что тот очень благосклонно расположен к ИСККОН и философии сознания Кришны.

Шрила Прабхупада решил не ехать вместе с преданными на вторую часть фестиваля, во Вриндаван, а остался в Майяпуре, поэтому некоторые из руководителей ИСККОН перед отъездом приходили к нему в комнату, чтобы принести свои поклоны. Харикеше Свами, пришедшему вместе с Ади-кешавой Свами, Прабхупада сказал, что поскольку люди в коммунистических странах сильно страдают, он должен раздавать им книги бесплатно. Повернувшись к Ади-кешаве, он сказал, что хотя он возложил на хрупкие плечи своего ученика большую ответственность, тот должен победить.

– Итак, вы – Харикеша и Ади-кешава, – сказал он, – братья Кеша. Идите же и проповедуйте! И пусть вам сопутствует успех.

С такими же теплыми словами обращался Шрила Прабхупада и к другим членам Джи-би-си, разъезжавшимся по вверенным им зонам.

Через несколько дней на территории ИСККОН осталось лишь несколько приезжих преданных, и в Майяпуре вновь воцарилась тишина.

Около двух недель спустя «Таймс оф Индия» опубликовала на первой полосе сообщение из Нью-Йорка о решении суда. В то время Шрила Прабхупада все еще находился в Майяпуре. Получив газету, Тамала-Кришна Госвами сразу же отнес ее Прабхупаде и по его просьбе прочел заметку вслух:

ДВИЖЕНИЕ «ХАРЕ КРИШНА» – ИСТИННАЯ РЕЛИГИЯ

Вашингтон, 18 марта.

Вчера судья Верховного суда Нью-Йорка объявил Движение «Харе Кришна» истинной религией. Он отклонил оба обвинения, предъявленных руководителям Движения «Харе Кришна»: в «незаконном лишении свободы» и «попытке вымогательства». Эти обвинения были выдвинуты разгневанным отцом одного молодого человека, утверждавшим, будто его сына и еще одного ученика незаконно удерживают в этом Движении и промывают им мозги. «Главный вопрос, который должен был решить суд, – заявил судья, отклоняя обвинение, – заключался в том, будет ли двум предполагаемым жертвам и обвиняемым позволено исповедовать ту религию, которую

они выбрали сами, и ответ на этот вопрос может быть только утвердительным». Судья, господин Джон Ли, заявил: «Движение «Харе Кришна» – истинная религия, которую испокон веков исповедуют в Индии. Меррил Крешауэр и Эдвард Шапиро вольны следовать догматам своей веры, и их неотъемлемое право на это не может быть поспорено. Закон об отделении церкви от государства должен соблюдаться. Америка должна оставаться правовым государством. Обвинение, выдвинутое Большим жури, и форма этого обвинения являются вопиющим нарушением конституционных прав обвиняемых». Судья сказал, что у суда создалось впечатление, будто «обвинение с самого начала исходило из ошибочной предпосылки, которая привела его к ложному заключению. В протоколе не отражено ни одной попытки со стороны обвиняемых ввести суд в заблуждение или обмануть его». Судья заявил: «Нетрадиционность верований и обрядов не может служить основанием для ограничения свободы совести, так же как и мнение общества или отношение к этим верованиям более традиционных религий. Без многообразия религий и права в поисках пути к Богу следовать голосу собственной совести свобода вероисповедания будет пустым звуком, а не правом, предусмотренным конституцией. Эта попытка, независимо от того, была ли она прямой, осознанной или неосознанной, является покушением на самое основное и незыблемое право наших граждан – свободу совести». В последние месяцы Движение «Харе Кришна» подвергалось преследованиям со стороны различных группировок, и это решение суда, как ожидается, должно положить конец нападкам, которым в течение нескольких последних месяцев подвергалось это Движение в Америке.

– Моя миссия увенчалась успехом, – сказал Шрила Прабхупада. – Я приехал в Америку в 1965 году. И вот теперь, через двенадцать лет, нас наконец-то признали. Я в одиночестве скитался по улицам со своими книгами. И никому до меня не было никакого дела.

Присутствовавший на встрече Сварупа-Дамодара говорил с Прабхупадой об Институте Бхактиведанты и о проповеди в Манипуре. Были и другие вопросы. Но Прабхупада снова и снова возвращался к новостям из Нью-Йорка.

– Для нас это самый благоприятный знак, – говорил он, – «Движение «Харе Кришна» – истинная религия».

Шрила Прабхупада планировал переехать в Бомбей. Тамала-Кришна Госвами сказал, что в Бомбее собирается много старших преданных. Они приехали туда из Вриндавана и ожидают Прабхупаду.

– Поэтому я еду, – сказал Прабхупада, – невзирая на большие неудобства. Я еду.

– Вы хотите остановиться в Бомбее? – переспросил Тамала-Кришна. – На сколько?

– Я нигде не хочу останавливаться, – ответил Прабхупада. – Я хочу работать. Я останавливался в больших дворцах, больших городах. У меня нет иного желания, кроме желания работать.

– Как долго вы хотите работать в Бомбее? – поправился Тамала-Кришна.

– Пока есть работа, – сказал Шрила Прабхупада. – А ей нет конца. Нам нужно организовать наш Бомбей. Работа – это наша жизнь. Я не знаю, как долго. Как можно дольше. Кришна посылает нам хорошие возможности. И мы должны отнестись к этому серьезно. Это не шутка – «Движение «Харе Кришна» – истинная религия».

В присутствии Прабхупады преданные обсуждали важность решения суда. Они выражали свою признательность судье и упомянули, что он был самым старшим и уважаемым человеком в суде и считался консервативным. Шрила Прабхупада велел послать ему благодарственное письмо: «Да благословит Вас Бог за такое справедливое решение. Долгой жизни Вам в служении Богу».

– Честные и искренние люди, как правило, с пониманием относятся к нашему Движению, – сказал Сварупа-Дамодара. – Только завистливые ...

– Нас не волнует, что думают завистливые, – перебил Прабхупада. – Нам нет до этого никакого дела. Я не обращал на это внимания – много раз, даже на мнение моих духовных братьев. Меня это и сейчас не заботит. Я буду продолжать свою работу. Зачем об этом беспокоиться? Мы делаем свое дело, получив наказ свыше, вот и все. Не бойся. Мы работаем не для личного наслаждения. Готовься к поездке в Манипур. Мы едем.

Сварупа-Дамодара сказал, что поедет в Дели и попытается получить разрешение на въезд, но это будет непросто, поскольку иностранцев в Манипур, как правило, не пускают. Он сказал, что приедет к Прабхупаде в Бомбей, как только выхлопочет разрешение.

– Работайте не покладая рук, – сказал Прабхупада. – Вы все молодые люди. И вам как-то удастся оживить эту мертвую лошадь. Последние две недели мне казалось, что я мертв. Меня

посещали такие мысли – жизнь кончилась. Конец может прийти в любое время, и в этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что я еще жив. А если я умру, удивляться не стоит. Никто не расстроится. Все подумают: «О, но ведь он был стариком – восемьдесят два года». Но если я смогу прожить на несколько дней больше, это будет чудо. А если умру, удивляться никто не станет.

– Кришна удивителен, – сказал Тамала-Кришна Госвами.

– Кришна всегда удивителен, – ответил Прабхупада.

– И вы удивительны, – добавил Бхавананда Госвами.

– Я удивителен, пока служу Кришне, – ответил Прабхупада. – В противном случае, от меня нет никакого толку. Если я могу служить Кришне, тогда, конечно, я удивителен.

Шрила Прабхупада сказал, что Кришна – самый удивительный и может все. Сам Прабхупада жив и полон энергии только потому, что Кришна – такой удивительный.

– Если бы Кришна не был удивительным, – сказал он, – разве смог бы я все это осуществить? Кто я такой? Мы не хотим дешевой славы. Мы хотим стать по-настоящему удивительными, служа Кришне. Такова наша миссия. Кришна, несомненно, удивителен. Кто может быть удивительнее Него? Маттах паратарам наньят. Всегда помните, Кришна удивителен. Не воспринимайте Кришну легкомысленно, как одного из вас. Это глупо. Кришна всегда удивителен. Он – самая удивительная личность, и Он может сотворить любое чудо.

Шрила Прабхупада высказал еще несколько одобрительных замечаний по поводу решения суда. Он сказал, что боялся, как бы суд не затянулся на четырнадцать лет, но он не занял и четырнадцати часов. Кришна явил чудо.

* * *

22 марта

Старшие преданные в Майяпуре считали, что Шрила Прабхупада слишком слаб, чтобы путешествовать, и ему следует остаться здесь и восстановить силы. Кроме того, из Бомбея поступали противоречивые сообщения. Зная, что комнаты Прабхупады еще не готовы, Сурабхи Свами послал Прабхупаде телеграмму, в которой просил его не приезжать, пока он не закончит работу. Но Гириаджа и другие организовали для Шрилы Прабхупады лекционную программу в пандале на Азад-майдане, и Гириаджа уже послал Прабхупаде приглашение. Прабхупада подумал, что не вправе упускать эту возможность проповедовать, и решил ехать. Он велел своему секретарю отправить из Майяпура в Бомбей телеграмму следующего содержания.

ПРАБХУПАДА ПРИБЫВАЕТ ВО ВТОРНИК В 13.50 КОМНАТЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ В ЛЮБОМ СОСТОЯНИИ

Однако, когда Прабхупада прилетел в Бомбей, он был настолько слаб, что не смог даже сойти по крутому трапу, и служащие аэропорта помогли ему спуститься вниз на гидравлическом лифте. Когда он ступил на землю, преданные бросились ему на помощь. Выглядел он плохо, но, увидев собравшихся в аэропорту учеников, радостно улыбнулся.

Уже сидя в машине, Шрила Прабхупада спросил про бомбейский храм, и Хари-шаури сказал, что его апартаменты еще не готовы: там нет туалета, нет водопровода, нет дверей и окон, а рабочие шлифуют полы. Прабхупада отклонил все оговорки и сказал, что поселится там, несмотря ни на что. Это очень встревожило тех преданных, которые знали, в каком состоянии находится здание. Они не могли себе представить, как в таком помещении можно жить. Но Прабхупада был настроен решительно.

Хари-шаури выразил свое удивление по поводу того, что Прабхупада все-таки решил приехать.

– Да, – ответил Прабхупада, – до вчерашнего вечера никто не мог предположить, что такое возможно. Однако, так или иначе, мы здесь.

Прабхупада путешествовал и проповедовал, ибо только этим он и жил. Он распространял Движение сознания Кришны более тридцати лет – сначала в Индии, потом в Америке, а потом и по всему миру. Пока Кришна дает ему хоть какие-то силы, он будет продолжать. Он намеревался читать в городе публичные лекции и наблюдать за тем, как строится «Харе-Кришна-лэнд», самый величественный из его храмов. Хотя храм еще не закончен, он поселится в нем и научит преданных его использовать.

Подъезжая на машине к «Харе-Кришна-лэнду», Прабхупада увидел высокие башни гостиницы ИСККОН и огромные, еще не законченные, купола храма. На фоне этих гигантских

сооружений хижина, служившая временным убежищем для Шри Шри Радха-Расавихари, казалась крошечной. Божества жили в этом сарайчике с 1971 года, когда Прабхупада перевез Их туда, пообещав, что построит для Них прекрасный храм. После больших трудностей и долгой борьбы это обещание вот-вот будет исполнено, и скоро Радха-Расавихари переедут в один из самых великолепных и роскошных храмов Индии.

Работы в «Харе-Кришна-лэнде» шли полным ходом. Около двухсот мастеровых разных специальностей под руководством Сурабхи Свами и его помощников строили храм и гостиницу. Двенадцать человек резали красный камень на плиты для облицовки бетонных стен отеля, около пятидесяти мраморщиков тесали мрамор для декоративных колонн и арок в храме, а каменщики и отделочники трудились в здании театра. Большая часть работ была закончена, но все по-прежнему выглядело голо, словно обнаженный скелет. В гостинице еще не было ни окон, ни дверей, не говоря уже о мебели и шторах, храм тоже был не достроен. Бригады строителей работали быстро, уделяя основное внимание комнатам Шрилы Прабхупады на верхнем этаже одной из башен отеля. Но даже и эти комнаты были далеки от завершения, поэтому Читракара, как ему наказали Сурабхи Свами и Гирираджа, повел машину Прабхупады мимо отеля на зады участка, к старым жилым домам, где Прабхупада обычно останавливался в одной из квартир.

Там в счастливом предвкушении встречи его ожидали преданные. Они подготовили все необходимое для проведения арати и церемонии омовения стоп. Комнаты, в которых преданные прибирались полдня, были украшены гирляндами из лилий и наполнены ароматом курящихся благовоний. У входа в дом преданные устроили киртан с мридангами и караталами, а несколько брахмачарины приготовились бросать цветочные лепестки перед Шрилой Прабхупадой, когда тот выйдет из машины и направится наверх. Но Шрила Прабхупада был настроен иначе.

– Я никогда больше не войду в эту квартиру, – сказал он. – Отведите меня в мои новые апартаменты.

Читракара повторил то, о чем Шрила Прабхупада уже слышал:

– Ваши апартаменты еще не готовы, Шрила Прабхупада. Нужно еще несколько дней.

– Позови Сурабхи Махараджу, – сказал Шрила Прабхупада. Он был непреклонен. Встречавшие его преданные недоумевали, почему Шрила Прабхупада не выходит из машины. Читракара уже было повез Прабхупаду обратно в отель, когда появился Сурабхи.

– Почему мои апартаменты не готовы? – спросил Прабхупада из окна автомобиля.

Стараясь не отставать от машины, Сурабхи на бегу объяснил, что на это необходимо еще несколько дней, и с жаром попросил Шрилу Прабхупаду на это время остановиться в старой квартире.

– Делай то, что я тебе говорю! – закричал Прабхупада. Машина остановилась.

– Если я не въеду туда прямо сейчас, – не понижая голоса, сказал Прабхупада, – вы никогда не закончите! Я хочу туда сию минуту!

– Да, Шрила Прабхупада, – и Сурабхи ринулся в здание гостиницы, чтобы попробовать запустить лифт.

Тем временем, узнав о желании Прабхупады, собравшиеся преданные тоже побежали наверх, чтобы вместе с Прабхупадой отметить его новоселье.

Шрила Прабхупада чувствовал, что время его ограничено, и понимал, что если он не будет настойчив, проволочки будут продолжаться бесконечно. По вине землевладельца и правительства строительство и без того уже затянулось на несколько лет. Комиссар полиции даже после покупки земли продолжал считать киртан «нарушением общественного порядка» и на долгие месяцы задержал строительство, не выдавая разрешения. Но, несмотря на многочисленные препятствия и проволочки, Прабхупада упорно продолжал борьбу и победил. Нет, он не вернется на старую квартиру. Теперь, приехав сюда, он вдохнет в новый бомбейский храм жизнь.

Лифт не работал. Поэтому преданные усадили Прабхупаду в паланкин и понесли его на пятый этаж, в новые комнаты. Квартира была завалена рабочим мусором, а полы намазаны густой скользкой мастикой, которой мраморщики пользовались для полировки. Несколько работавших в комнате мастеров недоумевали – почему им мешают работать? Преданные ввалились внутрь с барабанами, караталами и атрибутами для проведения арати, но, увидев беспорядок, застыли в нерешительности, не зная, что делать дальше. В комнате ничего не было – ни мебели, ни стола, ни места для сидения.

Однако Шрила Прабхупада, осмотрев весь этот хаос, сказал:

– Я останусь здесь.

Один из преданных снял с себя шерстяной чадар и положил его на пол в отдаленной сухой части комнаты, и Шрила Прабхупада сел прямо на него.

– Теперь можете делать, что хотите, – сказал он.

Преданные разделились: одни принялись оттирать пол, а другие побежали на поиски пригодной мебели, чтобы устроить для Шрилы Прабхупады письменный стол, сиденье и кровать. Трясущимися руками Сурабхи Свами омыл Прабхупаде стопы, и пока преданные, стараясь не упасть на скользком полу, пели шри-гуру-чарана-падма, предложил ему арати. Окинув довольным взглядом комнату и преданных, Шрила Прабхупада широко улыбнулся и сказал:

– Большое вам спасибо.

Когда церемония приветствия закончилась, Шрила Прабхупада остался в комнате наедине со своими секретарями. Он сказал, что новые апартаменты ему нравятся. Он провел в них ночь, но на следующий день согласился на неделю переехать в дом г-на Картикеи Махадеви, который жил недалеко от пандала, где Прабхупада в течение недели собирался читать лекции. Тем временем Сурабхи собирался закончить его квартиру.

Без посторонней помощи Шрила Прабхупада не мог ни стоять, ни ходить. Из дома г-на Махадеви преданные выносили его на паланкине в машину, из машины они несли его в комнату за сценой пандала, а оттуда – на сцену, где Бхавананда Госвами помогал ему расположиться на व्याсасане.

По сравнению с прошлыми фестивалями в пандале, собиравшими порой по тридцать тысяч человек за день, этот был небольшим – каждый вечер на программы приходило до тысячи человек. Главной причиной тому были недавно прошедшие в Индии выборы – люди погрузились в политику. 22 марта, после поражения в парламенте партии «Индийский национальный конгресс», премьер-министр Индира Ганди подала в отставку, и через день-два должны были состояться выборы нового премьера от партии Джаната. Посетителей могло быть гораздо больше, но многие бомбейцы сидели у приемников, либо же посещали политические митинги или были заняты разговорами о национальной политике и отставке Индиры Ганди. Однако те немногие, кто пришёл на программу, оказались очень заинтересованы. Прабхупада не выказывал недовольства. Слабым голосом, усиленным динамиками, он говорил:

– Бхавананда Свами прочтет два или три стиха из «Шримад-Бхагаватам», главного предмета изучения в нашем Движении сознания Кришны. Первый стих начинается с таравах ким на дживанти.

– «Разве деревья не живут?» – громко прочитал Бхавананда. – «Разве кузнечные мехи не дышат? И разве животные вокруг нас не едят и не выпускают семя?»

Он прочел комментарий Шрилы Прабхупады, а затем следующий стих: «Люди, подобные собакам, свиньям, верблюдам и ослам, превозносят тех, кто никогда не внимает повествованиям о трансцендентных играх Господа Шри Кришны, несущего избавление от всех бед». Бхавананда прочитал длинный комментарий к этому стиху, и Шрила Прабхупада начал лекцию. Он объяснил, что душа жизнь за жизнью меняет тела, но, как правило, люди не знают этих азбучных истин.

– Но, хотя бы в Индии, – сказал он, – необходимо немедленно изменить такое положение дел.

Пусть не каждый усвоит это духовное знание, но, по крайней мере, общество должно быть устроено идеально. И в этом и заключается цель Движения сознания Кришны – воспитать идеальных брахманов, которые могли бы направлять и просвещать остальное общество.

– Не из числа так называемых политиков, – сказал Шрила Прабхупада. – Это индийская цивилизация. В былые времена даже Господь Рамачандра – царь и Сам Бог – исполняя обязанности правителя, всегда советовался с учеными брахманами, мудрецами и святыми. Общество должно быть разделено на сословия. В Движении сознания Кришны еще много работы. Не думайте, что это лишь повторение «Харе-Кришна». Повторение «Харе-Кришна» – это первое условие, потому что если вы повторяете маха-мантру Харе-Кришна, ваше сознание постепенно очистится.

Прабхупада рассказал, как ему удалось преодолеть оппозицию в Америке, и насколько серьезно люди в этой стране относятся к сознанию Кришны. Когда он поделился своим планом объединить американские деньги с индийской культурой, слушатели зааплодировали.

– Самое главное – это знание, – заключил Шрила Прабхупада. – Поэтому не прячьте знание в своих книгах, распространяйте его. Единственное, о чем я прошу, – это чтобы лидеры Индии

примкнули к этому Движению и воспользовались возможностью принести всему миру благо. Большое спасибо.

Аплодисменты перешли в продолжительную овацию.

Несмотря на слабый голос и неспособность двигаться, Прабхупада излучал силу, которой не мешали никакие телесные недуги. На самом деле, сейчас его присутствие ощущалось внушительнее, чем когда-либо. Эта сила, очевидно, была чистой энергией души, на которую не действовали телесные ограничения. Гирираджа Свами объявил, что пришло время для вопросов – желающие могут подойти к сцене и задать свой вопрос в микрофон.

Женщина: Не слишком ли трудна и обременительна духовная жизнь?

Прабхупада: А сейчас вам легко? Почему бы вам не взять на себя это бремя ради достойной цели? Вы обременяете себя всевозможной ерундой – это вам не трудно. Почему не сделать то же самое ради чего-то стоящего? Это было бы разумно.

Ответы на вопросы только придавали Прабхупаде сил, хотя он оставался неподвижен и даже не жестикулировал. Его ответы были короче, чем обычно. Казалось, он бережет силы, но в каждом его ответе чувствовались огромная решимость и убежденность.

К сцене подошел хорошо одетый индеец средних лет и спросил:

– Свамиджи, насколько в жизни важно здоровье? Как бы вы посоветовали людям поддерживать здоровье? И как это связано с вашей миссией?

Прабхупада: Что такое здоровье? Прежде всего, вы должны понять, что каким бы здоровым вы ни были, вам придется умереть. Какую проблему вы тогда решите? Кришна говорит: джанма-мритью-джара-вьядхи духкха-дошанударшанам. Это не моя выдумка. Вы можете пытаться сохранить здоровье, но по закону природы вам придется умереть. Чем же вы можете помочь себе? Ведь, в конце концов, вам придется встретиться со смертью. Поэтому, пока у вас есть материальное тело, о здоровье и речи быть не может. Вы обречены страдать. Вы можете быть великим ученым, но закон природы все равно сработает. Пракритех крияманани. Глупцы, введенные в заблуждение ложной гордостью, думают: «Я улучшаю свое здоровье...» Он ничего не улучшает. Он полностью во власти материальной природы. Он не может действовать независимо. Таков закон природы.

Другой человек спросил, может ли Прабхупада решить «на основе этой религии» политические проблемы.

– Да, – ответил Прабхупада. – Когда мы станем сознающими Кришну, все проблемы будут решены.

– Существует ли простой способ понять душу? – спросил другой. – Я хотел бы понять душу.

– Это очень просто, – ответил Прабхупада, – но вас так по-дурацки учат, что вы не можете ее понять.

Шрила Прабхупада коротко рассказал, что тело создано из материальных элементов, но существует еще и высший элемент.

– Это может понять каждый, – сказал он. – В «Бхагавад-гите» все объясняется. Но людям не хватает серьезности, чтобы понять.

Утром, после первой лекции в пандале, Шрила Прабхупада сидел у себя с Картикеей Махадеви, Тамала-Кришной Госвами и Бхаванандой Госвами. С тех пор, как в Майяпуре у Прабхупады сильно расстроилось здоровье, он часто часами сидел в одиночестве и безмолвии, а если что-то и говорил, то голос его звучал хрипло или вяло. Однако во всем остальном общение с ним оставалось таким же, как и всегда: он говорил только о Кришне.

Со всевозрастающей решимостью Шрила Прабхупада критиковал мудх, не соглашающихся с тем, что Кришна – Верховная Личность. Он порицал материалистическую цивилизацию, называя ее «собачьей цивилизацией» или «муравейником». Собака бежит на четырех ногах. А человек мчится на четырех колесах; но если он не знает цели жизни, он ничем не лучше собаки. И люди, и муравьи строят высокие сооружения, но если человек не знает о душе и Кришне, то, несмотря на гордые небоскребы, его цивилизация – не более чем перехваленный муравейник.

– Если придет больше людей, – обещал Прабхупада, – я все расскажу про эту муравьиную цивилизацию. Здоровье – вздор. Какое здоровье? Его просто вышвырнут из тела в одночасье, вот и все.

Шрила Прабхупада имел в виду вопрос, который задал мужчина в пандале.

– Кто может сказать, что он здоров, если ему все равно придется умереть? – спросил Прабхупада. – «Я такой здоровый, что завтра умру». Вот и все их здоровье.

– Почти все вопросы, – заметил Тамала-Кришна Госвами, – касались тела.

Прабхупада: Кришна говорит: на ханьяте ханьямане шарире. Это здоровье. Не умирать со смертью тела – вот что значит здоровая жизнь. А так, что это за здоровая жизнь? Телу конец – и всему конец. На самом-то деле конца нет, но людей держат в невежестве. Они думают, что со смертью тела все заканчивается, но это неправда. Кришна ясно говорит: на джаяте мритяте ва кадачин. (Б.г. 2.20) Если вы не задаетесь этим вопросом, то как это возможно? Но ведь это самый важный вопрос.

Прабхупада упомянул, что, несмотря на организацию здравоохранения при ООН, всем все равно придется умереть.

– О каком здоровье речь? – удивлялся он. – И такие глупости творятся по всему миру. Поэтому, организуйтесь. Откройте им реальность и распространяйте ее – медленно, но верно.

– Значит, мы не должны проявлять нетерпение и ради популярности идти на компромиссы? – спросил Тамала-Кришна Госвами.

– О нетерпении не может быть и речи, – сказал Шрила Прабхупада. – Вы владеете алмазом. Если вы продаете алмаз, и его никто не покупает, это не значит, что его нужно выбросить. Вы должны понимать: «Если я покупаю алмаз, то должен заплатить соответствующую цену». Вот что я хочу утвердить. Зачем терять культуру Индии? Это глупо. Я не дешевый патриот. Я лишь хочу дать индийскую культуру всему миру. Я не собираюсь обманывать людей, рассказывая им всякую чушь с «Бхагавад-гитой» в руке. Я хочу представить «Бхагавад-гиту» как она есть. Такова моя миссия. Зачем мне вас обманывать?

– Мы попытаемся как следует исполнить ваш наказ, – сказал г-н Махадевия.

– Почему мы должны позволять этим негодяям-политикам разрушать великую индийскую культуру? – сказал Прабхупада. – Их нужно остановить. Сознание Кришны всеобъемлюще. Например, проблема экономики: аннад бхаванти бхутани. Кришна говорит: «Выращивайте пищу». Это практично. Но, путешествуя, я видел, как миллионы служащих едут получать образование. А кто выращивает пищу? Всех этих служащих необходимо где-то размещать, в этих «пчелиных сотах», и обеспечивать питанием. Это – цивилизация? Толпы людей едут туда. Сползаются, как муравьи. А приезжаешь в деревню, там пусто. Никто не хочет производить пищу. Все хотят жить в городах, в этих муравейниках, и ходить в кино, бордели, клубы, и научиться пить спиртное и всем этим остальным «джентльменским манерам». И это – цивилизация? Люди утратили цель жизни! Вы не знаете, зачем вы ходите в офис, почему едите. В людях поддерживают животное сознание, сознание собак. Прививают им это сознание в университетах. Дашь собаке еду, и та виляет хвостом.

– О, да, – согласился г-н Махадевия. – Когда устраиваешься на работу, то на пять рабочих мест – пятьдесят претендентов.

– И это образование? – подхватил Прабхупада. – Лучше вообще не получать образования. Необразованные люди могут купить картофеля на пять рупий, сесть где угодно, и съесть его, а эти, потратив уйму денег, не могут устроиться на работу и заработать на еду, и потому сидят на шее у родителей. Затем они создают какую-нибудь политическую партию – наксалитов или еще что-нибудь в этом роде – и присоединяются к политическому движению и помогают Индире Ганди, за что и получают денежки.

– Но этому уже пришел конец, – сказал г-н Махадевия. – Этот план полностью провалился.

Как и многие индийцы, г-н Махадевия надеялся, что с избранием нового правительства ситуация улучшится.

– Нет, – ответил Прабхупада, – придет другой. Безработица останется. Когда я был ребенком, мы покупали горчичное масло по три анны, а сейчас его продают по тринадцать рупий за килограмм. Думаете, со сменой правительства оно снова подешевеет до трех анн? А если нет, какой в этом толк? Испражнения есть испражнения, с какой бы стороны вы их не брали – сверху или снизу.

В комнату вошли несколько преданных и подсели к остальным, а Прабхупада стал вдохновлять их на проповедь. Он сказал, что правительство не сможет облегчить жизнь людей – это под силу только сознанию Кришны. Кришна и Его преданные – для всех, а не для какой-то одной нации или одного человека.

– Люди прозябают во тьме, – сказал Прабхупада. – А политики содержат их, как собак, свиней и верблюдов, собирая их голоса и пробиваясь в руководители. Однако вчера вечером, когда я назвал их собаками, свиньями и верблюдами, никто не возразил. Никто не вышел и не сказал: «Вы употребляете слишком резкие выражения». Потому что это факт.

– Больше всего им понравилась ваша идея насчет «американских денег и индийской культуры», – сказал Хридаянанда Госвами. – Они рукоплескали.

– Да, это моя миссия, – сказал Прабхупада. – Я как раз это и делаю. Я везу из Америки деньги. Мне никто не платит. А ведь это не шутка. Десять лакхов рупий. Кто еще ввозит столько?

– Даже большие экспортеры столько не приносят, – подтвердил Гопала-Кришна.

– И они будут только рады, – сказал Прабхупада. – У них есть деньги, и они получают культуру. Я пытаюсь объединить нации. Это настоящее дело, не то, что ООН – сплошь негодяи, воры и обманщики, псы лающие. Я пытаюсь создать настоящую ООН. Давайте же сотрудничать.

Эти слова Шрилы Прабхупады придали его ученикам сил, и они решили, что при помощи сознания Кришны будут так или иначе противостоять силам невежества. Прабхупада сказал, что они должны двигаться вперед медленно, но верно, как это делал он. Он начал с малого и поначалу «скитался» по улицам Нью-Йорка, а до этого жил один в храме Радха-Дамодары. Но теперь у него был храм в Бомбее – дворец, куда тысячи гостей будут приходить, чтобы посмотреть на Божества и поучаствовать в культурных программах.

– Делайте это с энтузиазмом, – сказал Шрила Прабхупада. – Вы все молоды.

– Источник нашего энтузиазма – Вы, Шрила Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна.

– Я стар, – еле слышно произнес тот.

Но преданные не верили этому; Шрила Прабхупада был нава-яувана – он всегда был духовно молод.

Каждый вечер Шрила Прабхупада просил кого-нибудь из преданных обсуждать какой-нибудь стих и комментарий к нему. Старшие ученики – такие как Хридаянанда Госвами и Гирираджа – читали лекцию, после чего говорил Прабхупада. Он продолжал толковать о том, как важно, чтобы Индия несла миру свое послание истины, и о том, какие случаются беды, когда люди, особенно индийцы, этим пренебрегают. Вдохновившись его смелыми утверждениями, некоторые преданные смастерили большую вывеску и повесили ее снаружи пандала: «Современная цивилизация обречена на неудачу. Единственное решение – Сознание Кришны».

В вечерних лекциях Шрила Прабхупада советовал слушателям не принимать сторону никакой политической партии. Сегодня человек занимает пост премьер-министра, а завтра ему конец, говорил он. Хотя каждую лекцию Прабхупада начинал с извинений, что из-за слабого здоровья он не может много говорить, каждый вечер он убедительно доказывал, что сознание Кришны – это единственное решение. Отвечая на вопросы после лекций, Прабхупада часто «взрывался».

– При пении мантры вы произносите имена Рамы и Кришны. Но я не вижу здесь ни одного изображения Рамы. В чем причина? – спросил какой-то мужчина.

– Вы не видите, но ведь вы слышите? – ответил Прабхупада.

– Я не вижу! – настаивал мужчина.

– Но вы и не слышите! – взорвался Шрила Прабхупада, и стал объяснять, что слушание – это самый лучший способ понять то, что недоступно зрению.

Другой человек спросил, как действовать в материальном мире религиозному человеку. Прабхупада ответил:

– Поэтому вы и должны понять свое духовное положение. Но поскольку вы глупцы и негодяи, вы думаете: «Я – тело».

Чтобы понять это знание, сказал он, необходимо пройти обучение у духовного учителя.

Шрила Прабхупада понимал, что у большинства задававших вопросы не было серьезных намерений за ним следовать, поэтому иногда, подобно старшему брату, он просто отчитывал их за глупость. Пусть они задают философские вопросы – это все равно глупо, ведь они не собираются следовать его советам! Но Шрила Прабхупада продолжал предлагать алмаз сознания Кришны, невзирая на то, что вопрошающие не обладали достаточной искренностью, чтобы его купить. Он все равно предлагал его людям, причем огромной ценой своего физического здоровья.

Когда один из гостей риторически попросил Прабхупаду милостиво просветить его в науке о душе, Шрила Прабхупада ответил:

– Я уже объяснил, что вы – душа, заключенная в тело.

Шрила Прабхупада подробно объяснил, что чувства выше мертвой материи, ум выше чувств, разум выше ума, а душа – выше всего этого.

– Это требует обучения, – сказал он, – образования. Вы можете получить его – книги есть, учителя тоже. К сожалению, духовное образование вас не привлекает. Вас привлекает технология – как забивать гвозди.

Каждый вечер программу в пандале открывал какой-нибудь почетный гость. В один из вечеров, после выступления Дж. М. Ганди, верховного судьи Бомбея, Бхавананда Госвами зачитал первые два стиха и комментарий Шрилы Прабхупады из Пятой песни «Шримад-Бхагаватам», содержащей учение Господа Ришабхадевы. После короткой лекции Шрила Прабхупада согласился ответить на вопросы.

– Если Бог повсюду, – спросил один из гостей, – то почему люди не ощущают Его присутствия?

– Потому что у них недостает разума, – ответил Шрила Прабхупада. – В большинстве своем они негодяи. Манушьянам сахасрешу. Это слова самого Бога: «Из миллионов людей лишь один пытается достичь совершенства. Из многих миллионов, достигших совершенства, лишь один может понять Бога». Значит, понять Бога не так просто. Но если мы хотим, Бог нам поможет. В этом суть.

У следующего слушателя было несколько вопросов.

– Мой первый вопрос таков. Я не думаю, что Бог против секса. Я серьезно. Я слышал много лекций, и в них все время подчеркивалось, что Бог будто бы против секса. Но я считаю, что это не так.

– Бог совсем не против секса, – ответил Прабхупада. – Кто вам такое сказал? Бог говорит: *дхармовируддхо камо 'сми*: «Я есть секс, не противоречащий регулирующим принципам религиозной жизни». Бог никогда не говорит: «Прекратите секс». В противном случае, зачем был бы нужен грихастха ашрам? Ашрам подразумевает наличие сознания Кришны. Превратите семейную жизнь в ашрам и следуйте правилам и ограничениям ашрама. Тогда в сексе нет ничего плохого. В противном случае, вы будете связаны законами природы.

Затем тот же мужчина сослался на комментарий Прабхупады, зачитанный Бхаванандой Госвами, в котором Прабхупада критикует тех, кто подобно свиньям, живет исключительно ради наслаждения чувств.

– Одно из ваших главных утверждений, – сказал мужчина, – состояло в том, что человек садится на электричку, стоит там два часа, доезжает до места своей работы, работает с девяти утра до пяти вечера, возвращается назад, ест, занимается сексом, и на этом его день заканчивается. Я встречал много людей, которые тяжело трудятся, хорошо воспитывают детей, имеют секс, но ведут хорошую жизнь. Что в этом плохого?

– Если ничего плохого, – сказал Прабхупада, – тогда да, пожалуйста. Но такая жизнь не очень приятна.

Мужчина продолжал:

– Поскольку, я вижу, что даже собака...

Шрила Прабхупада прервал его, но ответ его был спокойным и смиренным.

– Если вам нравится такая жизнь, если вы считаете, что это хорошо, то это – ваше дело. Но я не считаю, что трудиться в поте лица ради куска хлеба – это хороший образ жизни.

– Нет, – сказал мужчина, – с этим я согласен.

Тут Шрила Прабхупада резко повысил тон:

– Согласны так согласны. Тогда почему вы спорите? Ну, все, хватит.

У мужчины были еще вопросы, но Тамала-Кришна передал микрофон другому.

– Согласны ли вы, что Бог – это просто концепция? Если нет, то пожалуйста, логически это обоснуйте.

Прабхупада: Почему я должен соглашаться с тем, что Бог – это просто концепция?

– Потому что я хочу логических обоснований.

– Вы не знаете логики. Сначала научитесь логике.

– Но, тем не менее, я хотел бы, чтобы вы объяснили это логически.

– Да, но вы должны быть способны это понять. Есть хозяин. Например, вы не можете логически доказать, что ребенок появился без отца.

Шрила Прабхупада объяснил, что все, что нас окружает, рождается из земли, а землю Веды называют матерью. Но ребенок не может появиться без отца; если есть мать и ребенок, то значит, должен быть отец. Поэтому Бог есть отец всего.

Ученики Шрилы Прабхупады умоляли его не перенапрягаться, поэтому, когда приехал Сварупа-Дамодара, Шрила Прабхупада попросил прочитать вечернюю лекцию его. Научный подход, с которым Сварупа-Дамодара преподносил сознание Кришны, всегда производил на Прабхупаду большое впечатление. По мнению одного из преданных, речь Сварупа-Дамодары была слишком «технической» для аудитории, но другой преданный ответил, что даже если никто из присутствующих не смог по достоинству оценить его выступление, Шриле Прабхупаде оно понравилось, а значит, прошло успешно. После лекции Сварупа-Дамодары последовала пятиминутная лекция Шрилы Прабхупады, после которой он сразу уехал, даже не ответив на вопросы.

Вечером следующего дня Прабхупада не выступал совсем. Он сидел на сцене, а выступали два ведущих кардиолога Индии, д-р Кешаррао Датеи и д-р Шарма. Приняв от д-ра Датея гирлянду, Шрила Прабхупада молча и терпеливо сидел на вьясасане, радуясь тому, что такие именитые бомбейцы оказали честь Движению сознания Кришны. Д-р Датеи говорил о сердечных заболеваниях и о том, что средство против них – свобода от беспокойств. Затем он прославил Шрилу Прабхупаду и его Движение. После коротких выступлений врачей Сварупа-Дамодара прочитал еще одну научную лекцию с показом слайдов, а позднее Шрила Прабхупада поделился с ним и другими преданными:

– Эта научная программа дает мне еще больше сил проповедовать сознание Кришны.

– Похоже, что за последние годы вы стали придавать большее значение науке, чем прежде, – предположил Тамала-Кришна Госвами.

– Это необходимо, чтобы убедить современных людей, – сказал Прабхупада. – Возможно, я первый, кто бросил вызов этим самозванцам-ученым.

– О, да, – сказал Сварупа-Дамодара. – Все их боятся, кроме Шрилы Прабхупады. Сказать по правде, пока я не встретил Шрилу Прабхупаду, я и не догадывался, что проблема настолько серьезна. Я никогда об этом не думал.

– Поэтому я так серьезно к этому отнесся, – сказал Прабхупада. – Каждое утро я искал тебя и спрашивал: «Где этот ученый?» Я думал: «У меня появилась возможность убедить ученого, и это принесет свои плоды». Такова была моя цель. Поэтому я так тебе докучал.

– Это ваша невероятная милость, Прабхупада, – сказал Сварупа-Дамодара.

– Потому что я не умею говорить научным языком, – сказал Прабхупада, – а он умеет. Поэтому я хотел его обучить.

Гирираджа пригласил встретиться со Шрилой Прабхупадой одного из вновь избранных членов Парламента от партии «Джаната». Зная, что г-н Ратан Сингх Раджда страстно желает встретиться с лидером Движения «Харе-Кришна», Гирираджа пришел к нему на политический митинг в парке Шиваджи и договорился о встрече.

– Когда я пришел туда, – позднее рассказывал Прабхупаде Гирираджа, – он попросил меня сесть вместе с ними на помосте. И я сел. Я неправильно поступил?

– Почему неправильно? – ответил Прабхупада. – Он оказал тебе честь.

Гирираджа сказал, что г-на Раджду попросили выступить на митинге первым, чтобы он успел встретиться с Шрилой Прабхупадой до отъезда на следующий день в Дели, где у него планировалась встреча с центральным правительством. Гирираджа объяснил, что г-н Раджда является членом Парламента от южного округа Бомбея, самого престижного района, и раньше он помогал ИСККОН в суде против попытки разрушить храм.

Г-н Раджда вошел в комнату и, склоняясь перед Шрилой Прабхупадой, почтительно сложил ладони. Он сказал, что однажды уже видел Шрилу Прабхупаду, но с тех пор девятнадцать месяцев провел в тюрьме. Шрила Прабхупада, казалось, был удивлен:

– В тюрьме?

Г-н Раджда объяснил, что сидел за решеткой во время чрезвычайного положения, объявленного Индирой Ганди. В тюрьму были брошены более 150 000 «патриотов», сказал он, включая Дж. К. Пракаша и нынешнего премьер-министра, Морарджи Десаи.

– Когда Гирираджа сообщил мне, что вы здесь, – продолжал г-н Раджда, – я сказал ему, что непременно хотел бы попросить даршан.

– Эта попытка решить проблему материальными методами..., – медленно начал Прабхупада. – Например, во время правления Индиры Ганди мы чувствовали некоторую угрозу. Теперь у нас другое ощущение. Это материальный подход. Материальные методы решения проблем могут дать временное облегчение, но не приносят вечного блага.

Г-н Раджда ответил:

– Пока мы не применим подход адхьятмика, вечного блага можно не ждать.

Г-н Раджда явно был знаком с изложенным на санскрите ведическим знанием, а также понимал ценность встречи со святым человеком. Однако Прабхупада стоял на своем мнении, что люди не понимают духовной жизни. Он объяснил, что материальное тело соткано из различных стихий, но живое существо от них отлично.

– Пока мы не осознаем этот факт, – сказал он, – который досконально изложен в «Бхагавад-гите», эти материальные средства никогда не сделают нас счастливыми.

Г-н Раджда понял, что имеет в виду Прабхупада, но уверял его, что последние выборы повлекли за собой великие перемены.

– Основное отличие в том, – сказал он, – что раньше правители совсем не придерживались нравственных принципов.

Он полностью соглашался – или хотел согласиться – со Шрилой Прабхупадой, но все же стояли они на разных позициях. Оба утверждали, что правительству необходима духовность, но г-н Раджда был убежден в том, что в его политической партии подобная духовная реформа уже проведена, тогда как Шрила Прабхупада продолжал критиковать тех, кто говорит о Боге, при этом не ведая природы души. Он не конкретизировал, на кого направлена эта критика – на прошлую или нынешнюю политическую партию – замечания его, казалось, относились к обоим. Любого, кто не обладает духовным знанием, кто пытается действовать на материальном поприще, не отличая духа от материи, ждет один и тот же бесславный конец.

– Нет, – сказал г-н Раджда, – большинство правителей прошлого были коммунистами. Они называли религию опиумом. Они вообще не верили в Бога.

– Поэтому, – сказал Прабхупада, – они что-то говорят, мы что-то говорим, он что-то говорит, вы что-то выдумываете. Но никто не понимает реальности. Вот в чем проблема. Пока вы не поймете реальности, ваши советы не приведут к решению. Так происходит по всему миру. На те видух свартха-гатим хи вишнум. (Ш.Б. 7.5.21) Все это внешнее, материальное. Земля, вода, огонь, воздух, эфир, ум, разум. Но никто не знает, что превыше этого существует еще один элемент. Пока вы не придете к этому знанию, о благе для человечества не может быть и речи. И это знание доступно в Индии.

Шрила Прабхупада увидел, что г-н Раджда пришел к нему, движимый искренними и серьезными мотивами, и потому хотел убедить его всецело принять сознание Кришны, если он действительно желает привнести в правительство принципы дхармы и нравственности. Настоящая дхарма начинается тогда, когда человек признает самой важной целью жизни самоосознание. Просто поставив на правительство штамп «религиозное», он не добьется успеха.

– Теперь у нас появилось хорошее правительство, – признал Шрила Прабхупада. – Очень хорошо. Теперь вы должны воспользоваться возможностями, доступными в Индии. Здесь есть «Бхагавад-гита». Если вы будете руководствоваться «Бхагавад-гитой», то принесете благо всему обществу. Вот чего вы не знаете. Это недостаток. Даже великие лидеры выставляют себя учениками «Бхагавад-гиты», но ничего не понимают, хотя там все ясно написано. Есть ли такой индийский лидер, который не знает «Бхагавад-гиты»? Каждый знает. Даже Морарджи Десаи, когда его арестовывали, сказал: «Подождите, только дайте дочитать «Бхагавад-гиту»». Так ведь было дело?

– Да, – ответил г-н Раджда.

Шрила Прабхупада: Дайте дочитать «Бхагавад-гиту», а потом уж и беспокойте.

Г-н Раджда добавил, что даже в тюрьме г-н Десаи скрупулезно изучал «Бхагавад-гиту».

– А сейчас, – продолжал Прабхупада, – он говорит: «Джаната – мой Бог». Разве не так он сказал недавно?

Г-н Раджда признал, что Морарджи Десаи действительно говорил это, но позднее уточнил, что он имел в виду.

– Обязанность правительства – воспитывать в людях сознание Бога, – возразил Прабхупада.

– Это очень просто. Сам Бог объясняет, как можно Его сознать. Это очень просто: ман-мана бхава мад-бхактах. (Б.г. 9.34) Если даже ребенок может это делать, то почему не лидеры? И тогда

люди последуют их примеру. Почему они не делают этого, почему не признают Бога? Отнеситесь к этому серьезно. Делайте это. Тогда все будет хорошо. Но они оспаривают существование Бога и при этом читают «Бхагавад-гиту». Вот всё их отношение.

Шрила Прабхупада рассказал г-ну Раджде, как буквально в одиночку ему приходилось распространять Движение сознания Кришны. Он много лет трудился на Западе, а теперь принес это Движение в Индию.

– Сотрудничайте с нами, – сказал он. – Вы так добры; вы пришли ко мне. У вас есть желание. Так давайте же отнесемся к этому серьезно.

Эти слова, казалось, до слез тронули г-на Раджду.

– Да, сэр. Да, сэр. Правильно, – ответил он.

– Дело серьезно, – сказал Прабхупада, – но никто не хочет воспринимать его всерьез. «Бхагавад-гита» – знаменитая книга. Все берут «Бхагавад-гиту» и говорят: «Я изучаю «Бхагавад-гиту». Но когда лидеры общества будут действительно подавать пример, другие последуют за ними.

– Именно так, – согласился г-н Раджда. – Нужно прилагать серьезные усилия. Пустословием делу не поможешь. Верно.

Г-н Раджда напомнил Прабхупаде, что помогал храму в Джуху, когда его пытались снести.

– Вы оказали огромное служение, – сказал Прабхупада. – Храм не только не разрушен – он стоит.

– Стоит, – подтвердил г-н Раджда, – и он очень красив.

Г-н Раджда упомянул о возможности встречи между Шрилой Прабхупадой и Морарджи Десаи. Он сказал, что мог бы устроить ее, когда Прабхупада будет удобно.

– Моя жизнь предназначена для этого, – сказал Прабхупада. – Мне в любое время удобно. В настоящий момент мне нездоровится, но я приехал. Я просто стараюсь, и буду стараться до последней минуты своей жизни. Если я могу принести этим людям какую-то пользу, я готов. Что такое эта жизнь? Она закончится сегодня, завтра или послезавтра. Но нужно жить ради этой цели, в этом смысл. А иначе, деревья тоже живут – тысячи лет. Какой в этом толк?

Г-н Раджда подтвердил, что непременно устроит встречу. Он встретится с премьер-министром и договорится о времени.

– Итак, – сказал Шрила Прабхупада, – за вашим избранием видится воля Кришны.

– Его благословениями, – сказал г-н Раджда.

– Оправдайте же Его благословения, – сказал Шрила Прабхупада. – Окажите Ему какое-то служение.

На последней вечерней программе в пандале вступительное слово прочитал главный министр Махараштры. Однако Шрила Прабхупада не приехал. Когда преданные предложили продлить программу в пандале еще на неделю, Прабхупада согласился, но сказал, что переедет в свою квартиру в «Харе-Кришна-лэнде», которая должна была быть уже готова.

Перед тем как переехать на новое место, Шрила Прабхупада поговорил с г-ном и г-жой Махадевия. Он попросил одного из преданных купить красивое сари и подарил его г-же Махадевия.

– Я жил у вас, и это всего лишь мой подарок на память, в знак благодарности, поэтому не отказывайтесь.

Г-ну Махадеви он подарил свой магнитофон, его дочери Прити – сари, а слугам дал денег. Госпожа Махадевия была польщена, но возразила, сказав, что им было очень приятно принимать у себя Прабхупаду, и к тому же это их долг, дань традиции. До этого Шрила Прабхупада включал магнитофон в присутствии г-на Махадеви, и тот не мог надивиться на то, как он воспроизводит звук. Но сейчас, когда Шрила Прабхупада подарил этот магнитофон ему, он запротестовал:

– Нет, Прабхупада, я не просил вас дарить мне этот магнитофон. Я просто говорил, что это хорошая штука.

– Нет, нет, – настаивал Прабхупада, – это вам. Пожалуйста, возьмите.

Вступив в свою великолепную резиденцию в «Харе-Кришна-лэнде», Шрила Прабхупада вслух заметил, что превзойти Сурабхи Свами не может никто.

– Думаю, нигде на земле у меня нет больше такого жилища, – сказал он. – Лос-Анджелес и Нью-Йорк, а также Лондон и Париж – большие, огромные города, но даже там мне не предоставляли таких роскошных, поистине царских апартаментов.

Оглядев большую комнату, вся обстановка которой была тщательно продумана, Шрила Прабхупада сказал:

– Прямо как моя комната в храме Радхи-Дамодары. В одном углу я пишу, в другом отдыхаю, а в третьем принимаю прасад.

Это сравнение показалось преданным немного странным, потому что комната в храме Радхи-Дамодары была всего лишь крошечной кельей. И, тем не менее, Шрила Прабхупада видел существовавшую между ними связь: начало во Вриндаване и кульминация в Бомбее. Но, где бы ни находился Прабхупада, он всегда оставался самим собой: и тут, и там он смиренно съедал немного прасада, писал книги и строил грандиозные планы распространения сознания Кришны.

Вместе с несколькими учениками и доктором Шармой Шрила Прабхупада обсудил свой распорядок дня в Бомбее. Он сказал, что каждый день будет спускаться на даршан Божеств и раз в неделю, по воскресеньям, давать лекцию. Посетителей у себя в комнате он будет принимать только в исключительных случаях.

– Обычно, – сказал он, – люди приходят и спрашивают: «Как поживаете? Как самочувствие?» – и болтают порой по полчаса. Какой смысл тратить на это время? «Как вы себя чувствуете?» И так понятно, что я плохо себя чувствую.

– Если хотят, они могут приходиться по утрам в храм, – предложил Тамала-Кришна Госвами.

– Да, – согласился Прабхупада. – Если они действительно хотят меня видеть, я буду спускаться в храм. И они смогут видеть меня там в течение получаса. А что до разговоров, то все эти вопросы «Как поживаете? Как себя чувствуете?» совсем ни к чему. Это не разговор.

– Вместо этого, – предложил Гаргамуни Свами, – они могут купить внизу ваши книги.

– Да, – сказал Прабхупада, одобрительно кивая головой, – Это пустая трата времени. Я не желаю больше отвечать на эти бесконечные «Как поживаете?»

Прабхупада сказал, что, избежав бессмысленной траты времени и сил, он сможет уделять больше внимания работе над книгами. Преданные заверили его, что такой распорядок дня понравится всем, и преданные будут рады тому, что Прабхупада работает над Десятой Песнейю.

– Думаю, я смогу начать работу прямо сегодня, – объявил Прабхупада. – Теперь у меня есть удобная комната, полная свобода, и ничто мне не мешает.

То, что Прабхупада не сможет выходить на утренние прогулки, было ясно без слов. Всякому, кто знал обычный распорядок дня Шрилы Прабхупады, нужно было примириться с его новым образом жизни, – без прогулок по утрам и почти без лекций. Кто-то предположил, что, может быть, Прабхупада захочет гулять на крыше, но, казалось, что даже это будет ему слишком трудно.

– Нет, на один этаж я смогу подняться, – сказал Шрила Прабхупада. – Не сейчас, но смогу. Вы так стараетесь окружить меня комфортом, что я не знаю, смогу ли я отплатить вам. Но я буду из всех сил стараться. Долг перед вами невозможно отплатить – вы так добры! Поэтому я могу только молиться Кришне, чтобы Он дал вам Свои благословения, чтобы вы неуклонно продолжали преданно служить Ему и проповедовать Его послание по всему миру. Никак иначе я отплатить не смогу. Без вашей помощи я ничего не смог бы сделать. Вы очень добры. Пожалуйста, продолжайте сотрудничать. Это Движение предназначено для пара-упакара (чтобы делать другим добро). Я получил отчеты из остальных наших храмов – они делают большие успехи. Ведь так? Другие храмы, за пределами Индии, у них очень хорошо идут дела.

Сварупа-Дамодара, который недавно приехал с Запада, рассказал о том, на какой высокий уровень поставлено в храмах преданное служение.

Прабхупада сказал, что для работы ему нужна тишина. Он рассказал короткую историю о женщине, которая беспокоила мужа звоном браслетов. Муж снял один браслет, но звон продолжал его беспокоить – динь-динь-динь. Он снял еще один и еще, пока не остался только один. Звона больше не было. Прабхупада умолял своих секретарей не собираться и не болтать у него под дверью.

– Сидите по одному, – сказал он, – и читайте книги. Тогда шума не будет. Как только вас становится двое – дзинь-дзинь-дзинь. Этого мне не надо.

– Этого не будет, – пообещал Тамала-Кришна. – Если кто-нибудь придет ко мне, я буду выходить на улицу.

– Да, – кивнул Шрила Прабхупада, – так и делай. Здесь всегда должно быть тихо и спокойно.

– Это ваше жилище, – сказал Тамала-Кришна. – Никто не должен приходить.

– Время от времени мы будем видеться с нашими учениками, – продолжал Шрила Прабхупада. – Но самое главное – тишина. Тогда все будет хорошо. Я смогу свободно работать.

Прабхупада продолжал расхваливать свою новую квартиру. Комнаты хорошо проветривались и были очень светлыми. Он сказал, что другие здания ИСККОН – такие как поместье Бхактиведанты в Лондоне – тоже очень хороши, но большую часть года там холодно, и нельзя открыть окна и двери.

– Приходится сидеть, закупорившись в четырех стенах, – сказал он. – В Детройте и Лондоне тоже невозможно открыть окна.

Здесь же, в Бомбее, температура была идеальной, а из окна комнаты Прабхупады открывался красивый вид на прибрежные пальмы.

Проходили дни, но большинству преданных, живших в Бомбее, так и не удавалось повидаться со своим духовным учителем. Они привыкли, что прежде он всегда спускался по утрам и около часа гулял вместе с ними по пляжу Джуху. Они привыкли, что он приходил на приветствие Божеств, читал лекции, а после полудня они могли получить его даршан. Он всегда был доступен, особенно в Индии, позволяя каждому приходить к нему почти в любое время. Он всегда тепло принимал их и с глубоким пониманием выслушивал их проблемы или вопросы. Поэтому преданным было невыносимо терпеть невозможность видеть Прабхупаду, тем более зная, что он рядом. С ним оставалось лишь двое-трое секретарей, а другие преданные, приходя к Прабхупаде, чувствовали, что своим присутствием обременяют его, и при первой же возможности уходили.

Однажды утром, неожиданно для всех, Шрила Прабхупада пришел в алтарную. Преданные убрали с вьясаны его портрет, чтобы Прабхупада мог сесть. Он не предупредил, что придет, поэтому многие преданные отсутствовали. Но когда разнесся слух, что Прабхупада спустился, преданные тут же сбежались в алтарную.

После гуру-пуджи Шрила Прабхупада обратился к собравшимся. Он попросил прощения, что не может спускаться чаще, и сказал, что хочет приготовить и раздать преданным пир. Он сказал, что в воскресенье приготовит пир и пригласит их всех к себе.

– Я каждый день буду приходить в храм, – сказал он, – и буду здесь до восьми часов, чтобы мы могли видеться и беседовать, если возникнут какие-то вопросы. Так будет каждый день. А в воскресенье вы можете выделить для этого какое-то особое время. Я буду читать лекции по вечерам. Посмотрим, чего хочет Кришна, как Он пожелает. Но пока расписание таково.

Увидев смирение Прабхупады и его способность читать их мысли, преданные почувствовали прилив экстатической любви к нему. Некоторые из них уже думали, что он забыл о них, что у него нашлись более важные дела, но сейчас он вселил в них новую веру. Несмотря на кажущуюся неспособность активно работать, он в полной мере отвечал своим ученикам взаимностью. Он дал им понять, что точно так же, как он управляет ими, ученики тоже управляют им, при помощи своего преданного служения.

Затем Шрила Прабхупада рассказал о важности гуру-пуджи, разобрав некоторые из слов этой песни, которую преданные каждое утро поют во время этой церемонии.

– Итак, нам необходима према-бхакти, – сказал он. – Према бхакти джаха хоите авидья винашаджате, дивья-гьяна. Что же это за дивья-гьяна?

Прабхупада объяснил, что обязанность духовного учителя – пробудить дивья-гьяну, высшее знание о душе. Ученик поклоняется гуру, потому что тот открывает ему дивья-гьяну. У непреданных дивья-гьяна проявиться не может. Такие люди считают себя телом: американцем, индусом или мусульманином.

– Итак, мы поклоняемся гуру, – говорил Прабхупада, – потому что он дает нам высшее знание. Не знание о том, как есть, спать, заниматься сексом и защищаться. Такое знание, как правило, дают политики и общественные лидеры: как есть, спать, как совокупляться и обороняться. Гуру не имеет с этим ничего общего. Он обладает дивья-гьяной, высшим знанием. Вот что требуется. Эта форма человеческой жизни дает возможность разбудить живое существо: дивья-гьяна хриде прокашито. Если человек остается во тьме и не обретает дивья-гьяны, его жизнь потеряна. Помните об этом. Это очень рискованно – снова оказаться в волнах рождения и смерти. Мы не знаем, что нас ожидает, куда мы пойдём. Это очень серьезно. Сознание Кришны – это дивья-гьяна. Это не обычное знание.

Вы должны всегда помнить эти слова: дивья-гьяна хриде прокашито. И поскольку духовный учитель просвещает ученика дивья-гьяной, тот чувствует себя ему обязанным. Ясья

прасадад бхагават-прасадо / ясья апрасадан на гатих кутто 'пи. Итак, эта гуру-пуджа столь же важна, как и поклонение Божеству. Это не дешевое обожание. Это путь просветления, обретения дивья-гьяны. Большое вам спасибо.

Прабхупада напоминал своим ученикам не только о том, что не забыл о них, но и о том, что они не должны отсутствовать на гуру-пудже и прекращать думать о духовном учителе с почтением – пусть тот и не в состоянии лично предстать перед ними.

Большую часть времени Шрила Прабхупада проводил в одиночестве, в своей комнате. В течение дня он садился то за один стол, то за другой: за одним он диктовал «Бхагаватам», за другим принимал прасад, за третьим – изредка беседовал с гостями. Работа над книгами шла особенно плодотворно. Поднимаясь в час или два ночи, он диктовал по девяносто, сто, а иногда почти по двести единиц счетчика в диктофоне. Сейчас он делал больше, чем за многие прошедшие месяцы.

Но аппетита у него почти не было. Он не мог есть ничего тяжелого, а порой не мог выпить и чашки молока. Его поварами были Палика-даси а иногда – Кширачора-гопинатха, преданный из Бенгалии. Шриле Прабхупаде нравилась шукта Кширачора-гопинатхи, которую тот делал из нимовых листьев, баклажана, горькой дыни, картофеля, батата и йогурта.

Однажды утром Шрила Прабхупада попросил апельсинового сока, но апельсинов на кухне не оказалось. Гопинатха побежал за ними, но когда вернулся, Шрила Прабхупада уже звонил в колокольчик. Гопинатха бросился к нему в комнату.

– Я сейчас. Я быстро.

Прошло несколько минут, но сока не было, и Шрила Прабхупада снова позвонил в колокольчик. Когда Гопинатха, наконец, принес выжатый сок, Прабхупада был в гневе:

– Я болен, и у меня нет аппетита, но когда у меня появляется небольшой голод, мне приходится ждать тебя часами!

Он сказал, что уже не хочет сока, но Гопинатха все равно поставил стакан на стол.

Шрила Прабхупада взял сок и выпил его.

– Ты так хорошо мне служишь, – тихо сказал он. – А я все время тебя отчитываю. Когда человек стареет, то становится вспыльчивым.

Получив от Прабхупады выговор, Гопинатха совсем не обиделся, но эти смиренные слова словно ножом полоснули ему по сердцу. От переполнивших его эмоций Гопинатха почти не мог говорить. Взяв себя в руки, он выдавил сквозь слезы:

– Шрила Прабхупада, пожалуйста, не говорите так. Я делаю ошибки, и кто меня поправит, если не вы?

Подобные короткие контакты часто происходили между Шрилой Прабхупадой и его помощниками, но часто он становился более молчаливым и погруженным в себя, чем когда-либо раньше. Он много времени проводил за повторением джапы и чтением, и лишь по особым случаям встречался с гостями.

Однажды Шрила Прабхупада согласился встретиться с г-ном Коши, заместителем редактора журнала «Каррент». Без тени почтительности г-н Коши начал задавать провокационные вопросы с откровенным намерением собрать скандальный материал. Прабхупаду заинтересовала идея дать интервью для журнала, поскольку это была возможность обратиться ко многим людям, но он совершенно не собирался угождать редактору или опускаться до компромиссов. В последнее время, как и в бомбейском пандале, Прабхупада был предельно откровенен и бескомпромиссен. Всем, кто обращался к нему, он говорил о Кришне и о том, в какой иллюзии они пребывают, не принимая Его. Г-н Коши спросил Прабхупаду, почему его признали сначала в других странах, а только потом – в Индии.

– Потому что индийцы настолько бедны, что не могут купить алмаз, – сказал Шрила Прабхупада. – Этот алмаз им необходим, но они настолько обеднели сердцем, и так плохо образованы, что не могут понять, как его купить.

– Плохо образованы? – переспросил г-н Коши.

– Да, – ответил Прабхупада. – Они учат: «Вы – тело. Прыгайте, как кошки и собаки». Все. И это национализм? «Вы – тело. Прыгайте, подобно кошкам и собакам». Как стая ворон – «кар, кар, кар!». Вот чему их учат. Соберитесь в стаю и каркайте. Но в «Бхагавад-гите» вы не найдете слова «национализм». Все это заимствованные слова.

– Вот как! Какова же ваша альтернатива? – поинтересовался г-н Коши.

– Мы проповедуем интернационализм, – сказал Прабхупада. – Мы приглашаем всех. Присоединяйтесь к сознанию Кришны. Здесь есть и христиане, и индусы. Африканцы, мусульмане – все. Это настоящая организация объединенных наций. Если бы они думали: «Я американец», – то чего ради пошли бы за бедным индийцем? По всему миру индийцев называют нищими, это факт. Но на самом деле мы не нищие. Если мы совершенствуем свое знание, «Бхагавад-гиту», то мы – богатейшая нация. Мы можем со всем миром поделиться этими дарами.

Прабхупада посетовал, что ученые и политики строят из себя знатоков «Бхагавад-гиты», при этом даже не зная, в чем разница между телом и его владельцем. Они не усвоили даже начальных уроков «Бхагавад-гиты».

– Так каково же решение? – спросил г-н Коши.

– Решение? – закричал Прабхупада. – Учитесь этому!

– Но они не хотят, – возразил г-н Коши.

– Тогда их ждет ад, – констатировал Прабхупада. – Что тут поделаешь? Если вы хотите перерезать себе горло, то можете это сделать. Кто вас спасет? Но наш долг – предупредить: «Не совершайте самоубийство».

Г-н Коши поднял вопрос об употреблении чая и кофе; он не понимал, почему это греховно. Прабхупада объяснил, что это – одурманивающие средства.

– Но ведь таких, как я, миллионы, – сказал г-н Коши.

– Миллионы нолей, – сказал Шрила Прабхупада, – это еще не единица. Ноль есть ноль. Если сложить много миллионов нолей, единицы не получится.

Г-н Коши хотел было узнать, почему Прабхупада столько внимания уделяет Кришне, если в пантеоне сотни богов, но Прабхупада резко его оборвал.

Следующий вопрос касался промывания мозгов.

– Против нас выдвигают столько обвинений! – сказал Прабхупада. – Но сейчас дело рассматривается в суде.

– Вам ведь не требуются признания никаких судов, не так ли? – спросил г-н Коши.

– Требуются, – усмехнулся Прабхупада, – Лично мне-то не требуются. Вам требуются.

– Да, пока их не будет, – согласился г-н Коши, – будут сомнения.

– Потому что вам это очень важно, – продолжил Прабхупада, – суды и судьи. Для нас все это не имеет никакого значения. Нам важен Кришна. Всё. Мы знаем, в чем состоит наш долг.

Далее Шрила Прабхупада рассказал, что оппозиция в Америке возникла потому, что очень многие молодые люди принимают сознание Кришны.

– Молодежь принимает его, – сказал Прабхупада. – Они проповедуют. Они посвятили этому свои жизни. Следовательно, они разумные люди. Они понимают, что не должны умирать. Сознание Кришны предназначено не для забавы стариков.

– Конечно, – согласился г-н Коши, – но причина этого – вы.

– Не я, – возразил Прабхупада. – Кришна. Я просто распространяю. Мой долг – распространять. Всё.

Г-н Коши спросил Прабхупаду, доволен ли он тем, как распространяется его Движение.

– Почему бы мне не быть довольным? – ответил Прабхупада. – Я ничего не выдумываю. Я этим не занимаюсь.

Перескакивая с темы на тему в поисках интересного материала для журнала, г-н Коши спросил:

– Как у вас со здоровьем?

– Так себе, – ответил Прабхупада. – Есть здоровье, нет его – это лишь материальная машина. Это не важно. Просто, если машина хорошая, то легче работать. Вот и все. А так, хорошо машине или плохо – не суть важно.

– Что происходит, когда машина останавливается?

– Если ваша машина остановилась, – объяснил Прабхупада, – вы садитесь в другую машину. Всё. Зачем мне сокрушаться: «О, я теряю машину, теряю машину?» Поэтому Кришна говорит: «Если ты сожалеешь о машине, ты глупец. Это не подобает пандиту».

Г-н Коши: Как обычно проходит ваш день? Во сколько вы встаете и как проводите свой день?

– Как я могу ответить? – сказал Прабхупада. – У меня столько дел!

Тамала-Кришна, почувствовав, что все заслуживающие внимания вопросы исчерпаны, сказал:

– Шрила Прабхупада, я хотел бы внести предложение. Если у него еще есть какие-то вопросы, то мы сами могли бы ответить на них, а если какие-то вопросы останутся без ответа...

– Нет, – сказал Прабхупада, – он не ищет ответа на духовные вопросы. Он будет задавать вопросы о политике. А нам нет дела до политики.

Г-н Коши проигнорировал замечание секретаря Прабхупады и продолжил интервью.

– Понимаете, – сказал он, – когда я вижу, как эти молодые парни танцуют на улице, это порой действует мне на нервы. Насколько необходимо это пение?

– То, что пища для одного, для другого – яд, – лаконично ответил Прабхупада.

– Нет, нет, – сказал г-н Коши, – за всем этим должна быть какая-то цель.

– Да, – кивнул Прабхупада, – таков метод духовного прозрения в этот век.

На вопрос г-на Коши о незаконном сексе Прабхупада ответил, что секс должен иметь место только в браке, ради зачатия детей.

– Не считаете ли вы, что детям нужно предоставить свободу добровольно выбирать, во что верить?

– Вы хотите предоставить свободу своим детям? – спросил Прабхупада.

– Я вас спрашиваю, – ответил г-н Коши.

– Нет, нет, – сказал Прабхупада, – чего вы добьетесь, позволив ребенку свободно играть с бритвой? Он перережет себе горло, вот и все.

– Ну, а когда подрастет?

– Когда подрастет – да, – согласился Прабхупада. – Это предписано. Когда ребенку исполняется шестнадцать лет, он может делать, что хочет. Но не раньше.

Наконец, г-н Коши приготовился закругляться.

– Каково ваше послание миру? – спросил он Прабхупаду.

Прабхупада и преданные рассмеялись.

– Вы снова спрашиваете об этом! – воскликнул Шрила Прабхупада. – Прочитав Рамаюну, вы спрашиваете меня, чей отец Сита. Я уже все сказал.

Перед тем, как г-н Коши ушел, Прабхупада попросил его:

– Напишите хорошую статью.

– Можете об этом не беспокоиться, – ответил г-н Коши. – Это моя работа.

Шрила Прабхупада наказал, чтобы перед уходом г-на Коши обязательно угостили прасадом.

В надежде получить от Шрилы Прабхупады прямые указания, ученики продолжали приезжать в Бомбей. Конечно, большинство из них могли получить их через секретаря, чтобы не отвлекать Прабхупаду вопросами типа «Как вы себя чувствуете?», однако с некоторыми учениками Прабхупада встречался лично. Он по-прежнему участвовал (по крайней мере, через секретаря) в решении большинства важных вопросов, связанных с Движением и его лидерами. Из писем он узнал о планах Атреи Риши распространить сознание Кришны в Карачи, в Пакистане, и сказал, что его планы разумны. Он просмотрел и одобрил фильм Ядубары. Он встретился с Хамсадуттой Свами и попросил его развивать проповедь на Шри-Ланке. Он от всей души одобрил желание Прабхавишну проповедовать в Дакке, в Бангладеш. Услышав о том, что в Хайдарабаде нужны были сильные проповедники, он попросил отправиться туда приехавшего к нему ученика Шридхару Свами. Он встретился с Локанатхой Свами и вдохновил его продолжать путешествия на воловьей повозке и проповедь в индийских деревнях. Локанатха привез Шриле Прабхупаде перевод его книги «Совершенство йоги» на язык маратхи, и Шрила Прабхупада попросил Локанатху немного почитать ее вслух, хотя сказал, что не знает этого языка. Когда пуджари бомбейского храма ИСККОН спросил, настоящие ли у них шалаграма-шилы, Шрила Прабхупада, взглянув на Них, подтвердил, что Они настоящие, и рассказал, как Им нужно поклоняться.

Время от времени Прабхупада пытался – правда, как правило, безуспешно – снять с себя некоторые административные заботы, связанные, например, с задержкой окончания строительства в Бомбее. Он слышал шум работ, подчас громкий, но больше всего его беспокоил не шум, а медленный ход строительства. Иногда он часами сидел, не проронив ни слова, а потом вдруг говорил слуге или секретарю, что его очень огорчают простои.

– Вы добросовестные работники, – говорил Прабхупада преданным, которые отвечали за строительство, – но вам явно не хватает сообразительности. Я вижу, что строительство не движется. По-вашему, я должен закрывать на это глаза? Можно и так, но я все-таки кое-что

смыслу в этих делах. Как же я могу притворяться, что ничего не вижу? Все, что они вам рассказывают – это одни отговорки.

Шрила Прабхупада рассматривал кандидатуры разных руководителей, но, найдя в каждом из них недостатки, приходил к выводу, что они не способны ускорить строительство. Когда Тамала-Кришна предложил обратиться к кому-нибудь из свободных членов, имеющих опыт в строительстве, Прабхупада согласился. Поэтому к нему привели г-на Мохатту, инженера и свободного члена ИСККОН.

На тот момент строительная компания требовала оплатить все просроченные счета, в противном случае отказываясь продолжать работу, но Шрила Прабхупада сказал, что не заплатит больше ни по одному из счетов, пока работа не будет закончена; только когда все будет готово, он заплатит сразу за всё. Хотя некоторые из преданных больше склонялись к тому, чтобы оплатить хотя бы часть счетов, чтобы работа могла беспрепятственно продолжаться, г-н Мохатта сразу же оценил доводы Прабхупады и начал строить свои отношения с подрядчиками в том же ключе. Это ему удалось, и Прабхупада успокоился. Таким образом, хотя Прабхупада мечтал о том, чтобы отойти от дел, он по-прежнему не был уверен, что может себе это позволить.

У Шрилы Прабхупады не было постоянного врача. Время от времени приходил какой-нибудь кавираджа, ставил диагноз и прописывал лекарство, но Прабхупада никогда не принимал их всерьез. Он не считал их настоящими врачами, и, если лекарство было горьким или давало плохой эффект, он тут же прекращал его принимать. Все было в руках Кришны, и никакой врач не мог ничего изменить. Прабхупада говорил об относительных достоинствах аюрведических и гомеопатических лекарств, но медицина, как и другие мирские темы, интересовала его очень мало.

Прабхупада стал просить читать ему газеты. Большая часть новостей была посвящена низвержению партии Конгресса и обещанным реформам партии Джаната. Время от времени Прабхупада давал свои отзывы:

– Вот негодяи: что бы они ни делали, получают одни неприятности. Мандах сумандаматах – их представления очень и очень плохи. Их представления о религии, обществе и политике никуда не годятся.

И делал вывод:

– Прodelки этих глупцов и негодяев – вот о чем пишут газеты.

Прабхупада велел Тамала-Кришне и другим писать письма и статьи в ответ на некоторые газетные материалы. В одной из передовиц журналист критиковал официальную систему образования как разлагающую сознание детей. «Работники образования и ученые, – писал корреспондент, – должны изучить этот вопрос и предложить свои варианты решения проблемы».

Шрила Прабхупада: Эти негодяи не знают, что именно таким и будет безбожное общество и безбожное образование. Эти учителя дают советы, ведут за собой, но сами являют дурной пример. Они не знают, в чем здесь изъян. Вы можете написать им: «Вы, лидеры, не знаете, в чем причина. А причина в следующем – харав абхактасья кутто махад-гуна / маноратхенасати дхавато бахих. Без сознания Бога не может быть и речи об образовании и воспитании хороших качеств. Вы не знаете об этом и просто разводите руками. Все это образование и пропаганда направлены на то, чтобы сделать мир безбожным, хотя «Бхагавад-гита» содержит самое научное знание о Боге». Напишите им. Дайте им затрещину: «Вы не знаете».

Другая статья, под заголовком «Сто миллионов хариджан избрали нового мессию» сообщала о годовщине смерти д-ра Амритсара, борца за права неприкасаемых. Автор статьи выражал свое сожаление по поводу притеснений, которым подвергаются неприкасаемые, или «хариджаны», как называл их Махатма Ганди, и предлагал лидерам и народу Индии попытаться найти решение этой сложной проблемы. Шрила Прабхупада попросил Тамала-Кришну написать редактору и рассказать ему, как сознание Кришны помогает возвыситься даже самым опустившимся людям.

– Мы поможем им возвыситься и вернуться к Богу, кем бы они ни были, – сказал Прабхупада. – Проблема в том, что Ганди начал это движение хариджан, не меняя самих людей, а лишь повесив на них ярлык «хариджаны». Эта идея обречена на провал. Можно искусственно дать им денег и признать их, но это ничего не изменит. Вы должны изменить человека. А этого они делать не собираются. Мы не должны обесценивать слово «хариджана», что значит «личный спутник Бога».

Прабхупада сказал, что некоторые из старших преданных должны регулярно писать на рекомендуемые им темы. Они должны все больше участвовать в управлении, писать статьи и читать лекции, пользуясь услышанными от него аргументами.

– Теперь вы должны стараться сами управлять нашей всемирной организацией, все члены Джи-би-си, – сказал Прабхупада. – Предположим, меня не будет. Управляйте как следует. Не нужно самостоятельности, приводящей к хаосу, управляйте по-настоящему. Я пока еще здесь и буду задавать направление. Не испортите. Наша организация пользуется уважением. Ценой пота и крови. Я начинал в весьма скромных условиях, но теперь Движение занимает очень высокое положение. Не разрушайте его. Такова моя просьба. Расширяйтесь. Это будет зависеть от вашего характера, поведения и проповеди. Все удивляются, что я начал без всякой помощи. Мое единственное достояние состояло в моей искренности. Все это знают. Иначе, как бы все это стало возможно?

Дни текли мирно, в комнату Шрилы Прабхупады часто залетал ласковый, прохладный ветерок, ум его по-прежнему оставался острым и ясным, но здоровье не улучшалось. Приехавший из Майяпура Бхавананда Госвами с любовью ухаживал за своим духовным учителем, но вскоре ему пришлось вернуться в Бенгалию, чтобы заниматься проповедью. Шрила Прабхупада сказал, что Бхавананда, вне всякого сомнения, лучше всех делает массаж и ухаживает за своим гуру, но обязанности личного слуги не так важны, как проповедь.

Упендра, который приехал, чтобы стать личным секретарем Шрилы Прабхупады, был удивлен тем, насколько изменилась его диета. Он уже не мог готовить кичхари, которое раньше так любил его духовный учитель. Часто Прабхупада даже не говорил, что чего-то хочет, но лишь указывал на свою мысль или желание кивком головы, взглядом, щелчком пальцев или звуком «Мм».

Из своей комнаты Прабхупада слышал, как кричат кукушки и вороны, как стучат молотки мраморщиков; как вдаль проезжают и сигналият машины и велосипедисты. Он слышал, как звенит колокольчик пуджари и как трубит раковина, возвещающая о начале арати, как преданные в храме поют киртаны и бхаджаны.

Однажды утром, когда Прабхупада разговаривал с Тамала-Кришной и Гирираджей, заиграла запись «Говинда», означающая, что, как и во всех остальных храмах ИСККОН, Божества дают утренний даршан.

– Сознание Кришны такое замечательное, – сказал Прабхупада. – Я борюсь в этом мире в одиночку, а эти так называемые разумные люди не приходят. У них свои дела. Почему? Если это действительно благотворно для общества, почему я должен действовать в одиночку? Я-то буду продолжать свои попытки, пока жизнь не оставит меня. Никто мне не мешает. Но что же это за разумные люди? Мы будем продолжать ставить эту запись: говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами. Люди могут слушать, могут не слушать. Мы не возражаем.

Гирираджа был президентом бомбейского храма в самые тяжелые его дни и давно ждал того времени, когда Прабхупада поселится в своих величественных апартаментах и начнет принимать у себя мировых лидеров. Теперь, когда этот великолепный центр ИСККОН стал реальностью, Гирираджа никак не мог примириться с тем, что Прабхупада живет в уединении. И вот, он спросил у Прабхупады, можно ли приводить к нему влиятельных гостей, и Прабхупада согласился.

Гирираджа уже устроил его встречу с г-ном Радждой, а сейчас со Шрилой Прабхупадой готов был встретиться еще один член Парламента, г-н Рам Джетхмалани. Однако у г-на Джетхмалани было много сомнений, и он признался Гирирадже, что не уверен, действительно ли Кришна существует или Он всего лишь плод воображения. Больше всего его интересовало, как улучшить жизнь людей в трущобах. Однако, поскольку Шрила Прабхупада был гуру всемирного Движения, он решил все-таки нанести ему официальный светский визит. После встречи с Прабхупадой он планировал объехать членов избирательного округа Бомбея, чтобы поблагодарить их за то, что они отдали за него свои голоса на недавних выборах.

Шрила Прабхупада хотел просвещать политических лидеров, опираясь на наставления «Бхагавад-гиты». Если это было невозможно, он старался добиться от них какой-то помощи, например, организовать выдачу иностранным преданным особых виз или урегулировать местные проблемы между бомбейским храмом и муниципальным бюрократическим аппаратом.

Гирираджа представил Шрилу Прабхупаду г-ну Джетхмалани. Услышав о том, что гость его желает улучшить условия жизни в трущобах, Прабхупада ответил:

– Что ж, с помощью метода Чайтаньи Махапрабху мы с легкостью можем помочь хариджанам выбраться из их низкого положения.

Он описал Господа Чайтанью и Господа Нитьянанду как основоположников Движения «Харе-Кришна». Цель Их Движения, – сказал он, – устранить страдания всех грешных людей, дав им мантру «Харе Кришна».

– Но у подобного заявления, – сказал Прабхупада, – должны быть основания. Вы юрист, – Прабхупада доверительно кивнул своему гостю. – И вам нужны свидетельства.

– Вижу, вы меня не обвиняете, – согласился г-н Джетхмалани.

– Нет, не обвиняю, – сказал Шрила Прабхупада. – Это факт. Как можно утвердить закон без подтверждений, без доказательств?

Прабхупада привел свое свидетельство: песню Нароттама-даса Тхакура, в которой говорится о двух великих грешниках, Джагае и Мадхае, обретших спасение благодаря Движению «Харе Кришна». Это произошло пятьсот лет назад, сказал Прабхупада, но и сегодня можно воочию увидеть, как в Движении «Харе Кришна» пьяницы и развратники становятся святыми.

– Сознание Кришна такое замечательное, – сказал он. – Каждый может возвыситься. Что уж говорить про хариджан? Мы можем возвысить и их.

Г-н Джетхмалани спросил, почему «Бхагавад-гита» не ставит акцент на служении обществу.

– Нет нужды, – ответил Прабхупада. – Это животное представление о жизни. Собаки собираются вместе и поднимают лай: «ва-ва-ва-ва-ва!» Человек тоже так может. Но в чем тогда разница между животным и человеком?

– С другой стороны, я не видел, чтобы животные служили друг другу, – сказал г-н Джетхмалани. – Только люди это делают.

– А что толку в таком служении? – спросил Прабхупада. – Что вы можете сделать? Какое служение вы оказали? Вы ничего не можете сделать против законов природы. Для Индиры настали тяжелые времена. Что вы можете поделать? В один день всему пришел конец. Законы природы очень строги. Вы ничего не сможете с этим поделать. Вы испытываете ложную гордость оттого, что хотите помочь, но это невозможно. Пракритех крияманани (Б.г. 3.27) Единственное служение, которое вы можете оказать, – это понять, что вы не тело, но душа. Вот в чем ваш долг. Это дхарма.

Г-н Джетхмалани возразил, что, тем не менее, окружающие нас люди испытывают множество физических страданий. Прабхупада согласился, что сочувствовать им хорошо, но чтобы устранить страдания, необходимо делать что-то реальное.

– Поэтому вы прежде всего должны понять, как остановить страдания, – сказал Прабхупада. – И тогда делайте то, что требуется. В противном случае, что толку стараться, если вам не известен метод? Духкхалаям ашашватам. (Б.г. 8.15) Я думаю, вы читали «Бхагавад-гиту»?

Г-н Джетхмалани сказал, что читал. Он по-прежнему не мог понять, как «Бхагавад-гита» может быть столь практичной, но почтительно слушал Шрилу Прабхупаду, восхищаясь его непоколебимой верой. Однако через несколько минут он вдруг засобирился.

– В любом случае, – сказал он, – я буду поддерживать связь с вашим Гирираджей.

Продолжая проповедовать, Прабхупада попросил принести г-ну Джетхмалани прасад.

– Сэр, – сказал г-н Джетхмалани, – позвольте мне откланяться, с вашего благословения. Я надеюсь, что вскоре мы...

– В своей проповеди сознания Кришны мы не руководствуемся никакими сектантскими мотивами, – сказал вдруг Прабхупада. – Это объединение на духовном уровне. Постарайтесь это понять.

Г-н Джетхмалани сказал, что надеется быть чем-то полезным Движению Прабхупады.

– Да, – кивнул Прабхупада, – это очень нужно – чтобы вы хотели сотрудничать.

– Все что прикажете, в любое время! – воскликнул г-н Джетхмалани.

– Держите его в курсе дел, – велел Шрила Прабхупада, – и принесите прасад.

Сначала г-н Джетхмалани попросил, если возможно, принести прасад в машину, так как он торопится и не хочет опоздать на общественное собрание. Но Прабхупада настаивал: не подобает так оказывать почтение прасад Господа.

– Пожалуйста, не торопитесь, – просил он.

Г-н Джетхмалани сказал, что не хотел бы есть в присутствии Прабхупады, но Прабхупада настоял и объяснил, что это проявление взаимной любви. Но когда перед г-ном Джетхмалани

поставили полные тарелки с прасадом, он не знал, как и благодарить. С утра он был так занят, что не успел поесть, и прасадам показался ему очень вкусным.

– Вот настоящее служение человечеству, – сказал Прабхупада, с наслаждением глядя, как ест его гость, – давать им знание.

Прасад подействовал на г-на Джетхмалани расслабляющее и, став более общительным, он начал расспрашивать Прабхупаду о том, как тот проводит свое время, а также о разных причинах, побудивших жителей Запада принять сознание Кришны.

Гириаджа упомянул о сомнениях г-на Джетхмалани в том, что Кришна реально существует и не является вымыслом.

– Почему вымысел? – спросил Прабхупада. – Он описан в истории, в Махабхарате.

Прабхупада привел исторические свидетельства реального существования Кришны, почерпнутые из шастр, а г-н Джетхмалани смиренно слушал его, продолжая есть. Подошла очередь сладостей.

– В Северной Индии, – сказал Прабхупада, – сначала подают сладости. Люди наедаются сладостями до полного удовлетворения.

– Самый верный способ отбить аппетит – это поесть до еды сладостей, – сказал г-н Джетхмалани.

– Точно, – согласился Прабхупада, и оба они рассмеялись.

– Я очень рад, что вы приняли прасад, – сказал Шрила Прабхупада, – Я доволен. Поэтому я и хотел, чтобы вы поели при мне. Это великое наслаждение.

На этой приятной дружеской ноте Прабхупада расстался со своим гостем. Г-н Джетхмалани пообещал, что встретится с Гириаджем, если у преданных возникнут проблемы. Гириаджа был на вершине блаженства: его мечта о том, что Прабхупада будет жить в бомбейском храме и превращать высокомерных политиков в кротких преданных, сбывалась.

Прабхупада снова и снова повторял, что лидеры ИСККОН должны готовиться к тому, что им придется продолжать дело без его непосредственного руководства. Однажды, вспоминая свой первый год в Нью-Йорке, он вдруг заговорил о будущем:

– Только, пожалуйста, ничего не испортите. Теперь все зависит от вас, моих старших учеников. Я могу уйти от вас. Здоровье у меня плохое, я стар. Так что в этом не будет ничего удивительного. Теперь дело за вами, вы – Джи-би-си, вы – молодые, вы – американцы, у вас есть опыт и сноровка. Разума вам не занимать, так что постарайтесь ничего не испортить. Пусть Движение развивается. У вас так много прекрасных мест! Дел хватит на всех. Даже если я уйду, ничего страшного не случится. Свои идеи и наставления я изложил в книгах, вам нужно только суметь увидеть их. Я думаю, что сделал свое дело. Или нет? Как по-вашему – да или нет?

– Да, вы сделали все. Но мы все-таки хотим, чтобы вы закончили «Бхагаватам», Шрила Прабхупада.

– Это я сделаю, – сказал Прабхупада. – А если даже и нет, тоже ничего страшного. Вы все знаете. Теперь вы сами можете распоряжаться всеми финансами, и, пожалуйста, освободите меня от административной работы. Я прошу вас только об одном – ничего не испортите. Иногда я ругал вас, но делал это только для того, чтобы вы ничего не испортили.

Прабхупада сказал, что будет счастлив, если дела ИСККОН под руководством его лидеров пойдут хорошо.

– А я буду продолжать писать книги. Ладно?

Он сказал, что есть ему теперь не надо. Поскольку у него нет никаких физических нагрузок, нет смысла подавать ему на обед чапати и рис.

Гириаджа возразил было, что преданным доставляет удовольствие видеть, как Прабхупада наслаждается прасадом, но Шрила Прабхупада не обратил на его слова никакого внимания и сказал:

– Для того, чтобы мозг продолжал работать, мне будет достаточно немного фруктов или молока.

Однако такие настроения – когда Прабхупада намекал на скорый уход и заводил речь о необходимости отойти от дел и поститься – длились недолго. В эти минуты он становился практичным, здравомыслящим реалистом, но вскоре опять возвращался к делам, обещая и впредь заботиться об учениках и о своем Движении. Поговорив недолго на подобные темы, он снова принимался яростно обличать глупость ученых и политиков.

Шрила Прабхупада сказал, что если человек не может принять простой логики, доказывающей, что Бог есть, это упрямство и даже безумие.

– Но эти животные, – сказал он, – слывут видными учеными, философами, теологами, и так далее, и тому подобное. Мы должны остановить их. На мам душкритино мудхах прападьянте нарадхамах. Таковы качества неверующего. Он либо душкритинах, либо нарадхама, мудха или майяяпахрита-гьяна. Майяяпахрита-гьяна – это люди высокообразованные, но лишённые знания. Асурам бхавам ашритях – они не верят в существование Бога. Поэтому, как лидеры сознания Кришны, вы должны ставить этих негодяев на место.

Гирираджа: На самом деле, это даже приятно – критиковать их.

– Да, – рассмеялся Прабхупада. – Это приятный спорт.

Во время беседы в комнату вошел Кширачора-Гопинатха со свежей газетой.

– О чем пишет пресса? – спросил Прабхупада. – О чем говорят все эти негодяи? Газета – это сборник высказываний негодяев.

Гопинатха зачитал заголовки: «Честное заявление главному министру Конгресса... Проблемы вынуждают провести выборы ассамблеи».

– Опять выборы! – воскликнул Прабхупада. – Как будто выборы изменяют их качества! Пусть остаются негодяями, просто на выборах заменяют одного негодяя другим. Пусть остаются негодяями и набирают голоса. Об этом написано в «Бхагаватам»: швавид-варахоштра кхараих самстутах. Население состоит из швавид-варахоштра, и эти люди отдают свой голос за еще одно большое пашу (животное). Да, это демократия. Эти избиратели сами пашу, животные, и выбирают очередное большое пашу. Вот что происходит. Эти негодяи не понимают, что если вместо тигра выбрать льва – что изменится? Только название. Раньше президентом был тигр. Теперь лев. Оба животные. Но где же человек? Вот что происходит. И поскольку они пашу, то и говорят: «О, теперь нами правит лев. Тигр смещен. Теперь будет лев». Вот что творится. Я прав?

Шрила Прабхупада продолжал пристально интересоваться положением дел в своем Движении. Его беспокоило известие, что преданные, работающие на Би-би-ти в Лос-Анджелесе, получают зарплату. Он ясно изложил свои принципы и попросил своего секретаря довести их до сведения всех преданных.

– Сознание Кришны означает вайрагья-видья, отрешенность и знание, – твердил он. – Они пользуются возможностями храма ради наслаждения собственных чувств. Понимаешь?

Прабхупада сказал, что в храме должны жить брахмачари и санньяси. Но если грихастха выполняет нужное служение, храм должен предоставить ему квартиру.

– Но зачем платить зарплату? – спрашивал Прабхупада. – Кто заговорил о зарплате? Куда делась вайрагья, отрешенность? Эти зарплату нужно прекратить. Если хотят зарплату, пусть работают в другом месте. А так, под именем вайшнавизма, он получает деньги, живет припеваючи и наслаждается свои чувства. Итак, все вы, мои служащие, должны обдумать это и принять необходимые меры.

Прабхупада рассказал, что Господь Чайтанья вел жизнь идеального домохозяина с женой и матерью, однако оставил все это ради вайрагьи. За это Сарвабхаума Бхаттачарья прославил его: «Ты, Верховная Личность, явился как Шри Кришна Чайтанья, чтобы научить отречению и преданному служению».

В течение нескольких недель Гирираджа и его знакомый политик, г-н Раджда, обсуждали вопрос организации встречи Шрилы Прабхупады со вновь избранным премьер-министром Индии, Морарджи Десаи. Когда об этом сообщили Шриле Прабхупаде, главный вопрос состоял в том, соглашаться ли Шриле Прабхупаде ехать на встречу с премьер-министром в город.

– Но это проявление неуважения с его стороны, – возмутился Прабхупада. – Это значит, что он не знает, как оказывать честь святому человеку. Тогда встречаться с ним бесполезно. Если у него нет уважения к святому, если он думает, что он более велик, тогда в этом визите нет смысла.

– Да, в таком случае встреча с самого начала пойдет в неверном русле, – сказал Тамала-Кришна. – Он сам должен приехать к вам, Шрила Прабхупада. Шастры изобилуют примерами, когда великие люди приходили к святым.

– Чайтанья Махапрабху отказывался даже встречаться с царем Ориссы, – сказал Прабхупада, – не говоря уж о том, чтобы к нему идти.

Прабхупада объяснил, что ему ничего не нужно от премьер-министра, но ради блага общества он мог бы дать ему некоторые советы. Он сказал, что иногда, в трудные времена, святой

человек может обратиться к царю. Он привел пример Гопинатхи Паттанаяки, преданного Господа Чайтаньи. Желая спасти его, преданные обратились к Господу Чайтанье, умоляя Его вмешаться в конфликт. Но Господь Чайтанья показал, как трудно ему иметь дело с представителями царской династии. Усвоив эти наставления, Гирираджа продолжил работу по организации встречи.

Пятого мая, около полуночи, Гирирадже позвонил г-н Раджда и сообщил, что встреча с Морарджи Десаи назначена на семь тридцать следующего утра. Премьер-министр планировал провести в Бомбее всего один или два дня, остановившись на Марин-драйв, у своего сына. Зная, что Прабхупада не хочет ехать на встречу, Гирираджа все же решил посоветоваться с ним, полагая, что туда может поехать кто-то из его старших учеников. Не желая беспокоить Прабхупаду, он на цыпочках зашел в коридор его квартиры и украдкой заглянул в комнату. Прабхупада сидел за своим столом и работал. Он поднял глаза и, увидев Гирираджу, жестом пригласил его войти.

– Шрила Прабхупада, – сказал Гирираджа, – Простите, что беспокою вас в этот час, но мне только что позвонил Ратан Сингх Раджда.

Гирираджа рассказал, что утром Морарджи Десаи готов встретиться с преданными в своей резиденции. Шрила Прабхупада объяснил, что хотел бы вначале выяснить, не желает ли Морарджи Десаи сам приехать и встретиться с ним в Харе-Кришна-лэнде.

– Это не значит, что я так горд, – объяснил он, – что не могу поехать к нему сам. Но если он не настроен почтительно, встречаться с ним нет смысла.

Прабхупада сказал, что это определит, насколько правильным является отношение премьер-министра. Он согласился с тем, что Тамала-Кришна Госвами и Гирираджа должны поехать вперед и встретиться с премьер-министром сами.

Гирираджа: Эта встреча со Шрилой Прабхупадой была одной из самых напряженных и уникальных в моей жизни, хотя мне очень часто доводилось встречаться с ним. Мы были вдвоем, в полночь. Все, кроме нас, спали. Все лампы были выключены, и в этой просторной комнате находились только мы одни. Прабхупада сидел за своим мраморным столиком, а я – на полу, у его стоп.

Я сказал:

– Прабхупада, простите, что беспокою вас посреди ночи.

– Ничего, – сказал Шрила Прабхупада. – На самом деле, из-за этой болезни я не могу толком спать по ночам. Даже если хочу, не могу. Из-за болезни у меня нет аппетита. Я так стар! Разумеется, о сексе и речи быть не может, да и о защите тоже, поэтому я, наверное, уже достиг освобождения.

Конечно, я знал, что Шрила Прабхупада был освобожденной душой, и не потому что тело его было больным, как смиренно объяснял он, а потому что он пребывал в духовном сознании. Он всегда работал по ночам – не потому что был болен и страдал бессонницей, а потому что был предан своему Гуру Махарадже и Господу Кришне. Но он сказал об этом с таким юмором, что я был полностью очарован этой встречей и, поклонившись, отправился спать.

На следующее утро Тамала-Кришна Госвами и Гирираджа заранее тщательно подготовились к встрече с премьер-министром. Перед уходом они спросили у Прабхупады, какие книги ему подарить. Прабхупада ответил:

– «Бхагавад-гиту», книгу «Кришна» и «Учение Господа Чайтаньи».

– На хинди? – спросил Гирираджа.

– Нет, – нахмурился Прабхупада, – на английском.

Преданные сели в машину и направились на квартиру к г-ну Раджде, чтобы вместе с ним поехать на встречу с премьер-министром Десаи в его резиденции на Марин-драйв. Прибыв к дому г-на Раджды, Гирираджа двадцать минут звонил в дверной звонок, пока хозяин, наконец, не появился на пороге. Г-н Раджда сказал, что преданным нужно подождать еще минут пять, пока он оденется и поест. К сожалению, когда они прибыли на Марин-драйв, было уже восемь. Они опоздали на полчаса! Как только они вошли, Премьер-министр сказал:

– Вы сильно опоздали.

У него уже были гости, и он сказал, что сможет уделить преданным лишь несколько минут. Он повторил, что ждал их с 7:25. Преданные молчали, не зная, что и ответить. Они принесли свои извинения и вручили ему книги Прабхупады. Г-н Десаи был немногословен и вскоре попросил у преданных разрешения вернуться к своим делам.

Когда преданные вернулись, Прабхупада стал горячо расспрашивать их, чем закончилась встреча. Услышав, что они опоздали, он очень расстроился.

– Очень плохо, – сказал он и заметил, что Морарджи Десаи известен своей пунктуальностью.

Из-за своей халатности они упустили замечательную возможность. Когда преданные объяснили, что опоздали по вине г-на Раджды, Прабхупада попросил их рассказать подробнее. Преданные сказали, что главное, что интересовало Морарджи Десаи, это почему они опоздали.

– Вы сказали, что опоздали из-за Ратана Сингха Раджды? – спросил Прабхупада.

Гирираджа и Тамала-Кришна покачали головами. Прабхупада сморщился:

– Почему же вы не сказали, что это из-за него, что вы приехали вовремя, а он вас задержал? Я знаю, вы думаете, что он наш друг, и не хотели в присутствии премьер-министра его подводить, но теперь все испорчено.

Стыдясь собственной глупости, преданные молча сидели перед Прабхупадой. С минуту Шрила Прабхупада размышлял.

– Так или иначе, – сказал он, – эти люди никогда не изменят своих взглядов.

Временами Шрила Прабхупада заводил речь о том, чтобы поехать в какое-нибудь более благоприятное для здоровья место. Был май, и в Бомбее стояла нестерпимая жара. Приближался сезон дождей. Он хотел поехать в Кашмир, воздух и вода которого славились своими целебными свойствами, но преданным никак не удавалось найти там для него подходящее жилье, да и погода была еще слишком прохладная. Но однажды к нему пришел Шриман Нараян, бывший губернатор Гуджарата.

– Вам необходимо позаботиться о своем здоровье, – сказал он. – Я надеюсь, сейчас вы почувствуете себя лучше.

– Что вы, машина-то старая, – засмеялся Прабхупада. – Чем больше ее лечишь, тем хуже она работает. Но работу я не прекращаю. Работа не останавливается. Мое главное дело – писать книги, и его я не брошу никогда.

В комнате было еще несколько гостей-индийцев, и они стали рекомендовать Прабхупаде места со здоровым климатом: Шринагар, Кашмир, Дехрадун, Масаури, Шимла, Хардвар.

– Да, вода в Хардваре хорошая, – сказал Шриман Нараян, – но еще лучше она в Хришикеше, где течет Ганга. Если город стоит на берегу Ганги, значит, вода там отличная. Чистая вода Ганги.

Шрила Прабхупада отнесся к этим предложениям серьезно и повернулся к своим ученикам.

– Да, тогда мы едем в Хришикеш. В это время года там очень хорошо. Собираем чемоданы.

Так выбор пал на Хришикеш, и Прабхупада решил уехать из Бомбея через неделю.

Глава пятьдесят вторая

«Свое дело я сделал»

Первая неделя в Хришикеше выдалась совершенно идиллической и неземной: погода стояла изумительная, и появилась надежда на то, что Прабхупада скоро начнет есть и поправляться. Но на восьмую ночь налетел страшный ураган, а вместе с ним пришло и резкое ухудшение здоровья. Прабхупада сам говорил, что конец близок, и попросил немедленно отвезти его во Вриндаван, на тот случай, если Кришна захочет забрать его из этого мира.

Живя в Хришикеше, преданные, да и сам Шрила Прабхупада, пребывали в прекрасном настроении. Когда они переправлялись на лодке через Гангу, Прабхупада попросил, чтобы воду для питья набирали посредине реки. Прабхупаде очень понравился домик, который предоставил ему хозяин, и иногда он даже выходил на кухню и учил преданных готовить. Слух о приезде А.Ч. Бхактиведанты Свами мгновенно облетел этот городок, населенный паломниками и туристами, и Прабхупада согласился давать даршаны ежедневно, с пяти до шести часов вечера. К назначенному времени комната заполнялась народом. Каждый день приходило до сорока-пятидесяти человек: хиппи, просто люди с Запада, проявляющие интерес, а также индийцы, приехавшие сюда в паломничество или проводящие в Хришикеше отпуск. Хотя голос Шрилы Прабхупады был совсем слаб, говорил он напористо и постоянно подчеркивал важность «Бхагавад-гиты».

Когда какой-то американский хиппи стал задавать ему вопросы, в которых слышался скепсис, Прабхупада ответил:

– Ты никогда не поймешь этого, потому что ты сумасшедший.

А когда одна дама заявила, что высшей добродетелью, по ее мнению, является забота о ближнем, Прабхупада ответил:

– Проявлять такое сострадание, – все равно что дуть на фурункул, надеясь тем самым его вылечить.

С Прабхупадой в Хришикеше было всего несколько учеников, и поездка эта привела их в восторг. Прабхупада не просто учил их готовить, но и рассказывал при этом разные истории. Как-то он сказал, что готовить не умеет только лентяй, и в качестве примера рассказал бенгальскую притчу о двух лентяях. Жил-был царь. Однажды он решил собрать всех лентяев своего царства в богадельню и накормить их. Народу пришло много, и каждый клялся и божился: «Я – лентяй». Тогда царь велел своему министру поджечь богадельню, и все, кроме двух человек, выскочили из горящего дома. И один из этих двоих сказал: «Что-то спину припекает». А второй посоветовал: «А ты перевернись на другой бок». Тогда царь сказал: «Вот это настоящие лентяи. Кормите их».

Однако вечером 15 мая Шрила Прабхупада не мог ни спать, ни переводить. Ураган, предвестник сезона дождей, повредил линии электропередачи и оставил Хришикеш без электричества. Поскольку вентиляторы не работали, а ставни на окнах из-за ветра пришлось закрыть, в комнате стало очень жарко и душно.

В пять часов утра Шрила Прабхупада позвал Тамала-Кришну Госвами и сказал, что чувствует слабость, и целый час Тамала-Кришна делал Прабхупаде массаж. Ветер не стих даже под утро и по-прежнему нес с собою песок.

Ураган продолжался и на следующую ночь, и света опять не было. Тамала-Кришна спросил Прабхупаду, почему у него так отекли руки и ноги, и тот раздраженно ответил:

– Что ты беспокоишься? Это мое тело, а я и то не волнуюсь.

Но затем добавил:

– С материальной точки зрения, это не предвещает ничего хорошего. Продумай, пожалуйста, что нужно сделать, чтобы передать все дела Джи-би-си. Я хочу, чтобы без меня все шло своим чередом. Составь завещание, а я его подпишу.

Теперь он напрямую говорил о том, на что раньше лишь намекал.

В половине второго ночи Прабхупада неожиданно позвонил в колокольчик. На зов его пришли Тамала-Кришна и Кширачора-гопинатха. Лежа под москитной сеткой, Прабхупада произнес:

– Как я уже говорил, симптомы не предвещают ничего хорошего. Я хочу немедленно уехать во Вриндаван. Если мне пришло время умирать, то пусть это произойдет во Вриндаване.

Поскольку он хотел уехать тотчас же, преданные всю ночь паковали вещи и готовились к отъезду. Билеты на поезд заказать не удалось, поэтому решили ехать на машине.

Шрила Прабхупада ехал на заднем сиденье маленького «амбассадора», и время от времени ложился на бок. У его стоп на полу сидел Упендра. Тамала Кришна ехал впереди, рядом с Дамодара-Пандитом, опытным водителем, который вел машину быстро, но с величайшей осторожностью. Дамодара-Пандит часто смотрел в зеркало заднего обзора и всегда встречал внимательный взгляд своего духовного учителя. Заметив на дороге продавца огурцов, Прабхупада попросил Дамодару остановить машину. Огурцы, сказал он, хорошо утоляют жажду.

Через четыре с половиной часа они достигли Дели, где остановились в центре ИСККОН в Ладжпат-Нагаре. Было очень жарко. Преданные смочили пол на крыше водой, и Шрила Прабхупада прилег там на раскладушке.

К пяти часам следующего утра они были готовы выехать во Вриндаван. В делийском храме преданные принесли Прабхупаде огромный поднос с прасадом от Божеств, но он взял с него лишь чуть-чуть.

– Еде конец, – сказал он. – Я столько молился Кришне о том, чтобы освободиться от необходимости есть и спать, и наконец-то это произошло! От совокупления и защиты я уже давно отказался. Теперь с материальной деятельностью покончено.

Когда машина выехала за город, Тамала-Кришна заметил, что Шрила Прабхупада как будто успокоился.

– Похоже, вы счастливы, что едете во Вриндаван, – сказал он.

– Да, – ответил Прабхупада. – Вриндаван – мой дом, а Бомбей – моя контора.

Когда они свернули с шоссе Дели–Агра, Прабхупада впервые увидел каменный указатель с надписью «Бхактиведанта Свами Марг». Вскоре они встретились с Гунарнавой, который поджидал их, сидя на мотоцикле. Радостный и возбужденный, Гунарнава помчался вперед, чтобы сообщить преданным в Кришна-Баларам-мандире, что Прабхупада уже едет. У ворот храма собралась большая группа преданных, в том числе и все дети из гурукулы, которые устроили большой киртан. Они пели и танцевали, приветствуя Прабхупаду. Четверо преданных внесли Прабхупаду на паланкине в храм, где он поклонился Божествам – Кришне и Балараме, а после церемонии арати, устроенной в его честь, произнес перед собравшимися преданными короткую речь.

– Если уж умирать, – сказал он, – то лучше всего здесь.

Глядя на него и слыша столь неожиданные слова, некоторые преданные заплакали.

– Да, – продолжал он, – ничего нового я вам уже не скажу. Все, что я мог сказать, я сказал в своих книгах. А вы старайтесь понять то, что в них написано, и продолжайте начатое мною дело. С вами я или нет – не так важно. Кришна живет вечно, и индивидуальная душа, живое существо, тоже живет вечно, но киртир ясйа са дживати. Кто служил Господу, остается жить во веки веков. Я научил вас служить Кришне, а тот, кто живет с Кришной, будет жить вечно. Смерть этого тела не имеет никакого значения. Тело для того и предназначено, чтобы умереть. Так что служите Кришне и живите вечно.

Хотя слова эти не подлежали дальнейшему обсуждению, Шрила Прабхупада продолжил беседовать с гостями, которые остались с ним в комнате после того, как преданные разошлись. Г-н Бозе, удалившийся от семейных дел, рассказал Прабхупаде, что живет теперь в Кришна-Баларам-мандире, на что Прабхупада ответил:

– Тебе не подходит этот образ жизни.

Но г-н Бозе выразил твердую решимость, и тогда Прабхупада добавил:

– У тебя очень хорошая семья, так что надежда есть.

Он стал вспоминать о том, чем занимался в Хришикеше, и рассказал, что его всемирное Движение набирает силу и что судья в Нью-Йорке принял решение в их пользу.

Затем разговор зашел о привидениях, и Прабхупада вспомнил про дом Локанатхи Маллика в Калькутте, в котором жили духи. В Лакнау ему тоже приходилось жить в «доме с привидениями».

– Я не боюсь духов, – сказал он. – Я «духонепробиваемый». В Англии тоже полно призраков. Как правило, они настроены враждебно, могут даже убить. Иногда можно увидеть, как они входят в уборную или сидят на колонне. Предлагая предкам пинду, можно освободить их от пребывания в телах привидений. Когда-то в Майяпуре водились призраки мусульман, но сейчас они ушли. Мы изгнали их пением «Харе Кришна».

Прабхупада зажил по своему старому распорядку: утром он совершал короткую поездку на машине по Бхактиведанта Свами Маргу, наслаждаясь свежестью и прохладой утреннего воздуха и дорогой, вдоль которой росли деревья ним и кустарники (но даже такие прогулки на машине давались ему с трудом!); каждое утро, вернувшись с прогулки, он с преданностью и любовью смотрел на Кришну и Балараму, после чего садился или ложился отдыхать у себя в гостиной, а позже поднимался вверх, на открытую веранду своего дома, где стояли его письменный стол, кресло и кровать. Здесь, чтобы создать прохладу, преданные поливали полы водой. В гостиной был установлен кондиционер.

Шрила Прабхупада по-прежнему был вынужден участвовать в управлении своим Движением, поэтому он попросил своего секретаря сообщать ему, как идут дела в ИСККОН.

– Стань моими глазами, – велел он.

Очень сильно беспокоили его мысли о незаконченном строительстве в Бомбее.

– Я столько трудился, чтобы довести начатое до конца, – говорил он Тамала-Кришне. – И теперь, если Божества не будут установлены при моей жизни, это станет для меня ударом.

Однако управление ИСККОН доставляло ему слишком много беспокойств, и Прабхупада сказал Тамала-Кришне:

– Вы должны полностью избавить меня от управления.

Но когда Тамала-Кришна заметил, что Прабхупада порой сердится, если его не извещают о положении дел в его Обществе, Прабхупада сказал, что лучше не извещать.

– Считайте, что я умер, – предложил он.

Тамала-Кришна понял, что отныне руководители ИСККОН должны решать все проблемы сами – так, словно Прабхупада уже покинул этот мир. Они должны снять с него этот груз ответственности, чтобы ничто не мешало ему думать о Кришне и Балараме. Прабхупада подтвердил мысли Тамала-Кришны.

– Дайте мне такую возможность, – попросил он.

Через день после своего приезда во Вриндаван Шрила Прабхупада писал:

Я поехал в Хришикеш в надежде поправить здоровье, но вместо этого немного ослаб. Теперь я вернулся домой, во Вриндаван. Если что-то случится, по крайней мере, я буду здесь, во Вриндаване.

Шрила Прабхупада послал за Тамала-Кришной Госвами:

– Есть два пути, – сказал он, – пытаться выжить и готовиться к смерти. Лучше подготовиться к худшему. Сделай так, чтобы рядом со мной всегда находились три или четыре человека. Нужно, чтобы киртан и чтение «Бхагаватам» не прекращались. Сейчас я попытаюсь есть. Парикшит Махараджа не пил даже воды.

Видя, в каком состоянии находится Шрила Прабхупада, Тамала-Кришна упомянул о необходимости составить завещание. Прабхупада согласился. Завещание, сказал он, это достаточно просто. Под словами, которые он произнесет, должны подписаться в качестве свидетелей несколько человек. Он вспомнил, как когда-то его духовный учитель буквально за несколько часов до операции по удалению грыжи составил очень простое завещание, на клочке бумаги. И хотя на операцию он так и не пошел, несколько лет спустя завещание это послужило в качестве доказательства в суде, когда разбиралось дело о заговоре некоторых из его учеников.

– Он был основателем, – сказал Прабхупада, – нужно принимать все, что бы он там ни завещал.

Тамала-Кришна, спросил почему Гуру Махарадж Прабхупады не пошел на эту операцию, и Прабхупада ответил:

– Каждый видит жизнь по-своему. Он считал, что врача подкупили, чтобы его убить.

– Да, – сказал Тамала-Кришна, – ведь, бывало, кому-то действительно назначали награду за его жизнь. На самом деле, Шрила Прабхупада, вы и ваш Гуру Махараджа – величайшие враги цивилизации этого века.

– Такова миссия Чайтаньи Махапрабху, – объяснил Прабхупада. – Бхарата-бхумите хаила... Такова культура Индии. Мир во тьме. Люди рискуют жизнью, переходя из одного тела в другое. Человек не знает, что вечен и что через несколько лет этот кадр сменится. Эта жизнь подобна кадру в киноленте. Вот о чем печется вайшнав. Что делают эти негодяи? Они прыгают, как обезьяны, убивая время. Таково сострадание вайшнава, пара-духкха-духкхи.

Когда в комнате Шрилы Прабхупады собралось еще несколько преданных, Тамала-Кришна поведал им о недавнем решении Прабхупады:

– Итак, Шрила Прабхупада говорит, что лучшее лекарство – это «Шримад-Бхагаватам» и киртан. Он больше не нуждается в докторах, которые обещают спасти ему жизнь. Мы не должны их приводить. И никаких посторонних.

– А лекарства для тела тоже не нужны? – спросил кто-то из преданных.

– О, единственное, что я принимаю, – подал голос Шрила Прабхупада, – это «Йогендра-рас».

– Какие только лекарства он не перепробовал! – сказал Тамала-Кришна. – Каждый врач назначает что-то свое, и Прабхупада пытается все это пить. Но одно действует неизменно: «Шримад-Бхагаватам» и киртан.

– Бхаваушадхач чхотра-mano-бхирамат, – Прабхупада снова и снова цитировал эту шлоку. – Это приносит наслаждение слуху и уму: бхаваушадхач чхотра-mano-бхирамат, ка уттама-шлока-гуанувадат. Прославляйте Бхагавана, и это все оценят – все, кроме животных.

По просьбе Шрилы Прабхупады преданные начали петь киртаны, собираясь группами не более четырех-пяти человек, а также читать «Бхагаватам». Они делали это постоянно и независимо от того, где в это время был Прабхупада – у себя в комнате, на веранде или на крыше. Утром, с пяти до десяти, и вечером, с трех до девяти, он сидел с закрытыми глазами, погрузившись в киртан – «лекарство от болезни материального существования, приносящее наслаждение уму и слуху».

Тамала-Кришна пообещал Прабхупаде, что больше не будет читать ему никаких писем и не будет водить к нему посетителей. Прабхупада давно хотел этого, и сейчас это наконец-то свершилось!

Завещание нужно было написать не потому, что конец уже наступил, но чтобы «приготовиться к худшему». Еще нужно было разобраться с делами, не откладывая их на последнюю минуту. Прабхупада хотел оградить свое Движение от возможных неприятностей, и потому должен был позаботиться о том, чтобы вся собственность ИСККОН осталась во владении его учеников и Общества, и чтобы в будущем указания его не вызывали кривотолков. Все это необходимо было зафиксировать в завещании. Все секретари Джи-би-си должны собраться во Вриндаване, чтобы уладить дела и побыть рядом с ним. Тогда, разделившись со всем этим, Прабхупада сможет свободно писать книги, ни о чем не беспокоясь.

Позднее Тамала-Кришна спросил Шрилу Прабхупаду, нужно ли понимать его новые решения так, что он больше не будет бороться за свою жизнь, и Шрила Прабхупада косвенно подтвердил это.

– Поэтому, – сказал он, – я и не хочу уезжать из Вриндавана. Если, по воле Кришны, я выживу, тогда посмотрим. Иначе...

Хотя секретарь больше не читал ему писем и не сообщал новостей, Прабхупада продолжал беспокоиться.

– Что там с храмом Радхи-Дамодары? – спрашивал он.

Он много лет снимал там комнаты, но владельцы храма уже не раз пытались поставить его права под сомнение. Это было одной из множества проблем, о которых он постоянно думал – он всегда беспокоился о поддержании своей проповеди по всему миру. Прабхупада посоветовал ученикам постоянно жить в этих комнатах; тем самым они помешают владельцу использовать их в иных целях. Даже во время отдыха, мирно лежа на своей кровати, Прабхупада часто мысленно возвращался к этим проблемам.

Тамала-Кришна решил еще раз удостовериться, что Прабхупада и в самом деле хочет, чтобы члены Джи-би-си съехались со всего мира во Вриндаван. Это будет связано с большими расходами и определенными трудностями, поэтому он хотел убедиться, что Прабхупада действительно этого желает. Когда же Шрила Прабхупада еще раз подтвердил это, Тамала-Кришна, видевший свой долг в исполнении любых желаний своего духовного учителя, тоже склонился в пользу этой идеи.

– Они любят вас, – сказал он, – и я уверен, что все они захотят приехать и побыть с вами.

– Ваша любовь ко мне, – ответил Шрила Прабхупада, – проявится в том, насколько хорошо вы будете сотрудничать друг с другом и поддерживать единство нашего общества, когда меня не станет.

Вся комната была убрана гирляндами из роз и жасмина. Группа преданных негромко исполняла мелодичный киртан. Шрила Прабхупада часами молчал, а если и говорил, то был, как

правило, краток. Как всегда, слова его касались одних и тех же тем, и все так же были исполнены чистого сознания Кришны. Вспоминая недобросовестных подрядчиков в Бомбее, он сказал:

– Грешно не только обманывать, грешно и позволять себя обманывать. Через сколько трудностей пришлось пройти мне и моим ученикам, чтобы собрать эти деньги, а теперь их разворовывают! Я не могу этого допустить!

Подобные комментарии Шрила Прабхупада делал, как правило, лежа в постели. Стоило ему начать говорить, как некоторые из преданных-сиделок тут же подходили ближе, чтобы не упустить ни единого слова, и даже киртан иногда прекращался.

Прабхупада по-прежнему просыпался среди ночи и переводил «Шримад-Бхагаватам». Он всё так же принимал массаж и совершал омовение, так же выслушивал от своего секретаря новости. Он почти прекратил утренние прогулки на автомобиле и не получал даршан Божеств. Есть он практически перестал. Он попросил перенести его постель из нижней комнаты наверх. Там он иногда сидел за письменным столом.

Тамала-Кришна прочитал Прабхупаде послание Гирираджи, которое больше походило на исполненную любви молитву, чем на обычное письмо. Гирираджа цитировал стих Махараджи Прахлады из «Шримад-Бхагаватам»:

О мой Господь, о Верховная Личность, лелея в сердце постоянно сменяющие друг друга материальные желания, я шел той же дорогой, что и все, шаг за шагом приближаясь к темному колодцу, кишашему змеями. Но Твой слуга Нарада Муни милостиво сделал меня своим учеником и поведал, как достичь трансцендентного положения. Поэтому, моя первейшая обязанность – служить ему. Как могу я перестать служить ему?

Шрила Прабхупада очень любил Гирираджу за его добросовестное и бесстрашное служение, поэтому выслушал молитву с глубокой признательностью. Закрыв глаза, он словно пил каждое слово.

Тем вечером Шрила Прабхупада поднялся с постели, чтобы принять члена Парламента, Шри Ситарам Сингха. Прабхупада был признателен высокому гостю за то, что тот навестил его, однако беседовал с ним на абсолютном уровне, громя мирские иллюзии. Вначале он напал на узколобых политиков с их «партийными линиями», затем обрушился на тех из них, кто проповедует ненасилие, которое, по их словам, описано в «Бхагавад-Гите». В такие минуты преданные, окружающие Шрилу Прабхупаду, почти забывали о том, что он готовился оставить этот мир. Когда г-н Сингх ушел, Прабхупада сказал:

– Я могу продолжать говорить, но, если Кришна пожелает... Всего того, что я дал, уже достаточно.

Шрила Прабхупада обладал безграничным желанием говорить о Кришне и давать сознание Кришны другим. Но сколько он еще проживет, сколько еще сможет дать – зависело только от Господа. Если Господь выделит ему время, он не остановится и будет продолжать исполнять волю Кришны в материальном мире. Но если Кришна захочет забрать его к Себе, он с радостью примет и это. Но даже если ему и суждено вскоре оставить этот мир, он не может просто подавить в себе свое жгучее сострадание, свой проповеднический дух. Более всего он желал, чтобы то, что он начал – всемирное Движение за спасение страждущих душ – продолжалось.

Тамала-Кришна Госвами известил всех секретарей Джи-би-си: Шрила Прабхупада может в любой момент покинуть этот мир и хочет, чтобы все они были рядом с ним, во Вриндаване. Члены Джи-би-си оставили свои дела и поспешили к Прабхупаде. Большинство из них в последний раз виделись с ним в феврале, во время ежегодного собрания в Майяпуре. Тамала-Кришна сообщил им о недавних переменах в жизни Шрилы Прабхупады – о том, как, проповедуя в Бомбее, он прекратил есть; о поездке в Хришикеш, где ему стало хуже; о том, как, чувствуя, что конец близок, он приехал во Вриндаван. Рассказал он и о том, что Шрила Прабхупада попросил постоянно давать ему одно только лекарство: Святое имя, а также собрать всех членов Джи-би-си и санньяси, чтобы те для него пели. Он рассказал о том, что ради сохранения собственности ИСККОН и продолжения существования организации будет составлено завещание. Не забыл Тамала-Кришна упомянуть и о том, что, как сказал Прабхупада, их любовь к нему будет выражаться в их сотрудничестве, направленном на поддержание целостности ИСККОН после его ухода.

Тамала-Кришна Госвами испытывал смешанные чувства. В это печальное время Шрила Прабхупада, казалось, испытывал облегчение от того, что отныне не нужно бороться за жизнь, и Тамала-Кришна сказал, что не может не радоваться тому, что Шрила Прабхупада наконец-то

освободился от всех забот. Один из членов Джи-би-си, Бхавананда Госвами, прибывший одним из первых, рассказал остальным о своей встрече с духовным учителем. Тогда он сказал Шриле Прабхупаде, что с одной стороны грустно, что тот уходит, но с другой стороны, радостно оттого, что уже скоро он покинет этот отвратительный материальный мир и встретится с Кришной. Прабхупада подбодрил его, добавив, что его ученики не вызывают в нем той досады, которую под конец жизни пришлось испытать его Гуру Махарадже из-за недостойного поведения старших учеников. Прабхупаде, напротив, нравилось находиться в обществе своих последователей; он чувствовал, что они делают все от них зависящее, чтобы выполнить его наказ. Но предупреждал он их и о том, чтобы они не испортили ИСККОН и не допустили раскола, превратившись в очередной Гаудия Матх.

Лидеры ИСККОН разделились на небольшие группы и по очереди дежурили у постели Прабхупады, исполняя киртан и читая для него книги. Он часто сидел на своей кровати, в большой нижней комнате с высокими потолками и полом из черного камня. Украшенная цветами и фотографиями Божеств ИСККОН в рамках, комната была неярко освещена, и в ней, благодаря кондиционеру и потолочным вентиляторам, было приятно, несмотря на сильную жару.

Иногда Прабхупада тихо подхлопывал в такт киртану. Он всегда с готовностью выслушивал отчеты своих учеников о проповеди. Главное, что изменилось в Прабхупаде – это его внешний вид. Как отметил кто-то из Джи-би-си, он стал похож на великого аскета из «Шримад-Бхагаватам» – совсем как Дхрува Махараджа или Рангидева, совершавшие великие аскезы и погруженные в глубокую медитацию на Абсолютную Истину.

Слушая киртан или «Шримад-Бхагаватам», Шрила Прабхупада либо сидел, либо лежал на кровати. Теперь, когда его постоянно окружали заботливые ученики, он выглядел счастливее. Некоторые из преданных, находившиеся с ним во Вриндаване до приезда секретарей Джи-би-си, заметили, что он почувствовал себя куда бодрее. Возможно, эта разительная перемена произошла благодаря искренним молитвам всех его учеников.

Бхавананда Госвами и Джаяпатака Свами привезли Шриле Прабхупаде отчет о его любимом майяпурском проекте. Бхавананда сказал, что храм бурлит от духовной жизни, а ученики гурукулы повторяют «Харе Кришна» даже подметая дорожки. Только что началась работа над новой резиденцией Шрилы Прабхупады: с фонтанами, террасой и большим прудом.

– Строить еще не начали? – спросил Шрила Прабхупада.

Джаяпатака Свами ответил, что проект уже готов, и архитекторы сказали, что проблем не возникнет: можно строить даже в сезон дождей.

– Сколько времени на это потребуется? – от имени Шрилы Прабхупады спросил Тамала-Кришна.

– Шесть месяцев.

– Шрила Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна, – вы привязаны к этой планете любовью своих преданных.

– М-м-м. Ну, ладно, – задумчиво проговорил Шрила Прабхупада.

Одной этой фразой выразив свое решение пожить еще немного, Шрила Прабхупада, однако, сказал Бхавананде:

– На жизнь надежды нет. Поэтому я и создал сюда Джи-би-си. Если я смогу умереть во Вриндаване... Кришна может сделать все что угодно, но мое физическое состояние не оставляет никакой надежды.

– Но ведь Кришна – Парамешвара, – возразил Бхавананда.

Прабхупада рассмеялся:

– А вот это уже другой вопрос.

Если Кришна пожелает, он будет жить. Но Прабхупада хотел, чтобы ученики осознали критическое состояние его здоровья.

– Мозг функционирует, – сказал он, – а тело уже не слушается. Не волнуйтесь. Все умрут – рано или поздно. Я ведь уже старик. Сожалеть не о чем. Все в руках Кришны.

Бхавананда, в котором эти слова убили всякую надежду и оптимизм, жалобным голосом беспомощного ученика спросил:

– Что же нам теперь делать, Шрила Прабхупада?

– Вы можете молиться Кришне, – ответил тот. – Кришна всемогущ. Но самое главное – ничего не напортите после моего ухода. Сохраните Майяпур.

Джаяпатака Свами рассказал несколько интересных историй о своей недавней проповеди индусам и мусульманам в Дакке.

– Многие годы в Бангладеш не было садху, – уверенно и торжествующе рассказывал Джаяпатака, хотя сидел, словно ребенок, на полу возле кровати, в ногах у Шрилы Прабхупады. – Люди с таким желанием слушают о сознании Кришны! Собралось десять тысяч человек! Это было самое масштабное мероприятие за весь период их колониальной истории – и для индусов, и для мусульман. Мусульманам тоже интересно. Они же ничего не знают о Господе Чайтанье! Многие просят у нас книги о жизни Господа Чайтаньи. Им так нравится читать!

– Эта книга, «Учение Господа Чайтаньи», – перебил Шрила Прабхупада хриплым, но полным живого интереса голосом.

Джаяпатака рассказал о планах строительства храма в Бангладеш.

– Приходит много молодежи. Они задают очень разумные вопросы, – говорил он. – Он спрашивают о том, как мы поклоняемся Божествам, о гуру, о хари-наме. Очень разумные вопросы. Никто не распускает слухов о ЦРУ. Мы не слышали, чтобы кто-то о нас плохо отзывался. Зависти нет, есть горячее желание разобраться, поскольку их религиозные права до некоторой степени нарушаются, и их вера в Кришну постоянно подвергается проверке.

– Что насчет мусульман? – поинтересовался Шрила Прабхупада.

– В одном месте, в Дакке, – ответил Джаяпатака, – когда Прабхавишну давал лекцию, какой-то мусульманин, услышав его речь, подошел и сказал: «Ваша проповедь идет в ногу со временем. Мой район населен, главным образом, индусами, но когда к ним приезжают их садху, их проповедь кажется мне старомодной и совершенно неприемлемой. Однако ваша проповедь очень вдохновляет». И организовал нам программу. В конечном итоге, все мусульмане, которых мне приходилось встречать, заинтересовались сознанием Кришны – просто потому, что мы очень хорошо его представили. Они спрашивают: «Вы индусы?» Мы отвечаем: «Нет, мы вайшнав. Вайшнав – это тот, кто верит только в одного Бога. Нет никого равного Ему. И вы верите в то же самое».

– Это факт, – сказал Прабхупада. – Асамаурдхва. Нет никого, кто мог бы сравниться с Богом или Его превзойти.

– К нам присоединятся многие молодые люди – и индусы, и мусульмане, – продолжал Джаяпатака Свами. – Я уверен. Но сейчас мы работаем над регистрацией Общества и ищем место.

– У вас еще нет места? – удивился Прабхупада. – Найдите его и зарегистрируйте Общество.

Прабхупада добавил, что Джаяпатака должен делать все очень серьезно, а в конце одобрительно добавил:

– Растем!

Когда подошла очередь группы Рамешвары Свами петь киртан, тот принес Шриле Прабхупаде последнее издание трехтомника «Кришна» и сообщил о том, как продаются его книги.

– Следи за здоровьем, – сказал Шрила Прабхупада. – Живи как можно дольше. Сознавай Кришну. Тогда в следующей жизни ты вернешься домой – к вечной жизни. Ни обмана, ни политики, ни личных амбиций, ни тени желания личного освобождения. Итак, может ли кто-то указать, что мы пытаемся услаждать свои чувства? Кто-нибудь? Можете вы сказать: «Вот мое личное чувственное наслаждение?» В сознании Кришны этому нет места. Всё наше желание – жить с преданными и выполнять миссию наших предшественников. В этом наше единственное стремление. Невозможно жить, ни к чему не стремясь. Но наш истинный личный интерес – исполнять желание Кришны. Итак, делай это очень внимательно, и если хотя бы четверть населения Америки примет вайшнавизм, изменится весь мир...

– Сейчас в Америке, – воодушевленно заговорил Рамешвара, – показатели распространения книг превзошли прошлогодние, и мы пытаемся их удвоить. Пока не удвоили, но уже распространили больше, чем в прошлом году.

– Они удвоятся, – заверил его Шрила Прабхупада.

– По вашей милости, – добавил Рамешвара.

– Да, – сказал Прабхупада. – Будьте вдвойне благословлены.

На этих словах преданные радостно рассмеялись.

Затем Шрила Прабхупада повернулся к Киртанананде Свами:

– Итак, Новый Вриндаван строится. Будь счастлив.

– Мы не сможем быть счастливы, если вас не будет с нами, – сказал Киртанананда.

– Я всегда с вами, – ответил Шрила Прабхупада. – Когда я вижу, что все успешно развивается, я счастлив. Даже в этом теле. Тело есть тело. Мы получим еще одно.

– Это ведь Пуру отдал свою молодость отцу? – спросил Киртанананда.

– Царь Яяти обменялся с ним на свою старость, – кивнул Шрила Прабхупада.

– Вы же тоже можете это сделать! – сказал Киртанананда.

– Нет, зачем? – ответил Шрила Прабхупада. – Вы – мое тело. Вы сами можете все делать. Разницы нет. Как, например, когда я работаю, мой Гуру Махараджа со мной, Бхактисиддханта Сарасвати. Физически его может и не быть, но он присутствует в каждом нашем действии.

– В «Бхагаватам», – добавил Тамала-Кришна, – вы говорите, что если человек следует своему гуру, то гуру вечно живет с ним.

– Итак, я не собираюсь умирать, – подвел итог Прабхупада. – Киртир ивья са дживати. Тот, кто делает что-то великое, живет вечно. Он не умирает. Человек вынужден принимать следующее тело в соответствии со своей кармой, но к преданным это не относится. Преданный всегда рождается в теле ради служения Кришне, поэтому для него проблемы не существует.

Рамешвара Свами сообщил Прабхупаде, что последний том Девятой песни уже в печати, а первый том Десятой песни выйдет в печать через две недели. Шрила Прабхупада спросил, где дешевле печатать книги на хинди – в Индии или Америке, и разговор переключился на это.

– Во всем мире обусловленные люди страдают, – сказал Шрила Прабхупада. – Но вам, преданным, не страшны никакие опасности. Киртанананде Махарадже это хорошо известно. Ему нечего бояться, пока он продолжает свою программу в Новом Вриндаване. Дела идут к лучшему. Они едят высококачественную, питательную пищу. Как называется это место в Пенсильвании?

Они общались, как в старые добрые времена: Шрила Прабхупада выслушивал отчеты лидеров, поправлял их и воодушевлял делать больше, уверяя, что Кришна им поможет.

Рамешвара Свами, чтобы доставить удовольствие Шриле Прабхупаде, рассказывал о том, в каких огромных масштабах распространяются книги о сознании Кришны.

– К концу этого года, – сказал он, – мы продадим, как минимум, шестьдесят пять миллионов книг о Кришне. Сейчас мы продаем не менее пятнадцати-двадцати миллионов книг в год.

– Да, – сказал Прабхупада. – Они спрашивают: «Почему вы такое внимание уделяете Кришне?», – но это единственное послание. И оно будет распространяться еще шире. Люди будут интересоваться.

Шрила Прабхупада продолжал говорить, временами переводя разговор на свое нынешнее состояние.

– В чем проблема? – спросил он. – Мы говорим о Кришне. Даже если вдруг болезнь свалит меня, что тут страшного? Кришна твадия-пада-панкаджа... Обычно смерть сопряжена с капхавата-пита, удушьем. Но если вы умираете во время киртана, это большая удача. Не когда вам делают уколы, и вы лежите на операционном столе – не в такой атмосфере, а во время кришна-киртана. Вот это и есть славная смерть – когда вы умираете не в кислородной маске, охваченный беспокойством. Повторяйте «Харе Кришна». Бас. И позволь мне умереть, Кришна. Никогда не беспокойтесь. Повторяйте «Харе Кришна». У вас столько книг, которые учат вас повторять Святое имя! Прочитайте-ка мне что-нибудь из этой книги. – Шрила Прабхупада протянул руку, открыл «Шримад-Бхагаватам» и дал его Рамешваре, который начал читать.

Один за другим прибывали секретари Джи-би-си. Атрея-Риши привез из Ирана гранаты и сладкие лимоны, а также хорошие новости о ресторане ИСККОН в этой стране. Шрила Прабхупада с горячим интересом выслушал отчет Атрея-Риши и немного поговорил о Ближнем Востоке – о том, как там лучше всего представлять сознание Кришны. Киртанананда Свами привез из Нового Вриндавана молочные продукты, а один санньяси из Таиланда – фрукты и цветы.

Когда в комнату вошел Ади-кешава Свами, Прабхупада просиял. Он с великим удовольствием выслушал его отчет о том, какое впечатление произвело на индийцев всего мира решение американского суда. Сварупа-Дамодара по прибытию показал Прабхупаде рукописи трех брошюр, научно и математически доказывающих, что сознание Кришны – это Абсолютная Истина. После каждой встречи и отчета Шрила Прабхупада просил продолжать киртан. Он замолкал, и час за часом слушал негромкое пение преданных: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Единственным музыкальным инструментом, сопровождающим пение, были маленькие караталы, издающие

тихий, приятный звон. Преданные пели вполголоса, но внутренне были неотрывно сосредоточены на преданности Шриле Прабхупаде и на Святом имени, следя за тем, чтобы ничто не отвлекало их духовного учителя от слушания маха-мантры.

Близко общаясь со Шрилой Прабхупадой посредством киртана, преданные открывали для себя глубокие духовные переживания. Они понимали, что то была их самая важная связь с духовным учителем – быть рядом с ним и петь «Харе Кришна», джая шри-кришна-чайтанья, читать ему «Шримад-Бхагаватам»... Шрила Прабхупада хотел слушать духовный звук, и в то же время обучал своих последователей. После его ухода у них, вне всякого сомнения, останется глубокое понимание важности мантры «Харе Кришна» и «Шримад-Бхагаватам», и они пойдут раздавать эту милость другим. Он учил их тому, как стать чистыми преданными. Он отдавал им часть себя, прося их петь попроще и читать его книги, ничего не выдумывая, чтобы позже, проповедуя сознание Кришны, они всегда об этом помнили. Пока они будут продолжать петь просто и проповедовать без всяких измышлений, Шрила Прабхупада всегда будет с ними. Он готовил их, независимо от того, когда ему предстояло уйти – сейчас или позже.

Порой во время киртана между Шрилой Прабхупадой и его учениками происходил немой обмен чувствами. Он мог просто взглянуть на одного из своих преданных, и тот чувствовал откровение и прилив любви. Ученика вдруг озаряло понимание того, насколько чист и сострадателен Шрила Прабхупада. Преданный мог вспомнить, как Шрила Прабхупада спас его, приведя в сознание Кришны. Эти киртаны давали членам Джи-би-си еще одну возможность очиститься и в очередной раз предаться, в надежде, что Господь их примет. Они просили у Кришны благословения и сил принять все, что ждет их впереди.

– Не оставляйте меня, – сказал однажды Прабхупада.

– Вы чувствуете себя лучше? – спросил Тамала-Кришна.

– Да, я чувствую себя немного лучше. Продолжайте давать мне это лекарство.

По просьбе Шрилы Прабхупады преданные оставались с ним с половины второго ночи до половины четвертого утра и читали ему в это время книгу «Кришна – Верховная Божественная Личность». Обычно в это время он сидел на крыше, в своей постели. Темноту рассеивал свет нескольких лампочек без абажура, а тишину нарушал лишь голос преданного, читающего книгу. Шрила Прабхупада спросил Рупанугу о проповеди в Вашингтоне. Тот дал короткий ответ, а затем, вместе с Балавантой, заговорил о депрограммировании. После этого Рупануга сказал, что написал «Молитву великим учителям», и попросил у Шрилы Прабхупады разрешения прочитать ее.

О, старшие вайшнав!

О, сострадательные ачарьи

Святого Имени!

О, великие учителя,

Повелители нашей судьбы!

Смилуйтесь над нами!

(Мы не способны складывать молитвы, но сейчас особый случай!)

Шастра учит нас, что духовный учитель может проявить признаки плохого здоровья по трем причинам: из-за недостойного поведения учеников; чтобы дать возможность ученикам оказывать ему личное служение; чтобы проявить признаки экстаза (хотя сам он милостиво говорит, что произошло это лишь из-за его старости, а также из-за пренебрежения собственным здоровьем – он слишком тяжело трудился, чтобы спасти нас).

Но мы не станем гадать о помыслах ачарий.

Пожалуйста, выслушайте нашу просьбу! Мы молим о милости нашего Деда, Бхактисиддханту Сарасвати Тхакура, всегда доброго к своим духовным внукам.

Мы молим о непреходящем сострадании Шестерых Госвами, прославившихся во всех трех мирах спасением обусловленных душ. Мы просим благословения у Господа Чайтаньи Махапрабху, бесконечно великодушного Господа, Верховной Личности.

Мы молимся Радхарани, Царице Вриндавана, защитнице молодого ростка нашей бхакти.

И мы обращаемся с молитвой к Самому Шри Кришне, к которому не можем даже обратиться без помощи нашего Шрилы Прабхупады.

Мы, падшие слуги Его Божественной Милости, умоляем всех наших Учителей – пожалуйста, дайте Шриле Прабхупаде еще немного времени! Времени, которое необходимо, чтобы наполнить это Движение силой. Времени, чтобы закончить «Шримад-Бхагаватам». И

позвольте нам подольше находиться у лотосоподобных стоп Его Божественной Милости, дабы по его милости стать чистыми преданными.

Мы умоляем вас – эти десять лет пролетели так быстро, а мы еще так далеки от совершенства (Вам известно, что прошло лишь десять миллисекунд вечного времени).

Поэтому, пожалуйста, продлите его пребывание на Земле, чтобы нам не сойти с духовного пути!

О святые вайшnavы!

О Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур,

Наш вечный дед,

О, Шесть Госвами Вриндавана,

О, Радхарани, Мать бхакти,

О, Господь Чайтанья Махапрабху,

Господин всех,

О, Господь Кришна, конечное прибежище нашей любви,

О, Ачарьи-вайшnavы –

Пожалуйста, смилуйтесь над нами:

Пожалуйста, не забирайте пока Шрилу Прабхупаду!

Пожалуйста, внимлите этой мольбе отчаявшихся!

– В любом случае, – сказал Прабхупада, – я не против остаться, и я не против уйти.

Он сказал, что есть бенгальская поговорка: если дхенки (молотилка для пшеницы) отправится в рай, что она там будет делать? Молотить пшеницу. Молотилка так устроена: она будет молотить, куда бы ее ни занесло. И точно так же, где бы ни находился чистый преданный – в материальном или духовном мире, – он всегда будет служить Кришне. Говоря об этом, Шрила Прабхупада указал на отсутствие корыстных желаний. Еще он дал понять, что хотя все зависит от Кришны, Кришна может прислушаться к молитвам преданных. Эти слова Шрилы Прабхупады убедили их, смиренно считавших себя новичками, что их молитвы удержат духовного учителя с ними и что, несмотря на свое положение вечного, возвышенного спутника Кришны, он предпочтет остаться со своими, совсем еще неоперившимися, учениками.

– Мой Гуру Махарадж досадовал, – говорил он, – но мне нравится быть в вашем обществе.

Один ученик-санньяси прочел свою молитву-обращение к Верховному Господу с просьбой позволить Прабхупаде дожить до ста лет. Услышав об этом, Шрила Прабхупада широко открыл глаза и улыбнулся. Однако он еще раз подтвердил, что не боится смерти; он всегда на Вайкунтхе, где бы ни оказался – а особенно здесь, во Вриндаване, погруженный в киртан своих учеников.

Тамала-Кришна Госвами сказал Прабхупаде, что утром в храме он молился Кришне и Балараме. Кришна сотворил столько чудес, сказал он, поэтому не будет ничего удивительного, если Он сохранит Прабхупаде жизнь, а Баларама, поддерживающий все мироздание, не ослабеет, если поделится со Шрилой Прабхупадой частичкой своей силы.

– Таким образом, – сказал Тамала-Кришна, – все мы можем молиться Кришна-Балараме о вашем спасении. Пусть мы незначительны, но, может быть, Они к нам прислушаются.

– Нет, – сказал Прабхупада. – Все вы чистые преданные, лишённые иных мотивов.

Шрила Прабхупада считал молитвы своих учеников проявлением их искренней любви; с духовной точки зрения они были совершенно уместны, но все, в конечном счете, зависит от Кришны, у Него Свой план. Прабхупада сказал, что в любом случае с ним все будет хорошо. Он рассказал историю о мудреце, который дал разные благословения разным людям. Царевича мудрец благословил на долгую жизнь, поскольку после смерти тому предстояло понести наказание за свое сладострастие, аскета мудрец благословил умереть немедленно, чтобы избавиться от тягот сурового воздержания и обрести плоды благочестия. Но когда мудреца попросили благословить чистого преданного, тот сказал, что поскольку преданный уже обрел лотосоподобные стопы Кришны, для него нет разницы между жизнью и смертью.

Прабхупада лучше учеников знал, что мог бы сделать еще очень многое, останься он в этом мире, однако он хотел понять желание Кришны. Он видел явные признаки того, что жизнь его подходит к концу (по крайней мере, с точки зрения состояния его физического тела), и это само по себе указывало на то, что Кришна хочет, чтобы он вскоре покинул этот мир.

Посоветовавшись, члены Джи-би-си решили, что помимо подписания завещания, которое закрепит собственность ИСККОН за учениками Прабхупады, и переоформления на их имя всех банковских счетов, остаются вопросы, которые, пока не поздно, обязательно нужно обсудить со

Шрилой Прабхупадой. На эти вопросы, – например, о том, кто в будущем будет давать посвящения ученикам, – необходимо было получить ясные и недвусмысленные ответы, иначе после ухода Шрилы Прабхупады эти вопросы станут источником всевозможных недоразумений и причиной смуты.

Комитет, избранный из членов Джи-би-си, предстал перед Шрилой Прабхупадой, когда тот сидел на кровати в большой комнате на первом этаже. Говорить от имени комитета должен был Сатсварупа-дас Госвами, но он смущался и робел. Стоять перед Шрилой Прабхупадой и задавать ему вопросы о том, как поступить в случае его смерти, со стороны могло показаться бестактным.

Но другого выхода не было. Шрила Прабхупада сам просил, чтобы члены Джи-би-си приехали во Вриндаван и позаботились о подобных вещах. Кроме того, ощущать себя в присутствии духовного учителя глупым и сконфуженным – абсолютно естественно для ученика, а миссия учеников Шрилы Прабхупады – продолжать его Движение – настолько серьезна, что в обсуждении столь важного вопроса неловкость совершенно неуместна. Однако Шрила Прабхупада оставался Шрилой Прабхупадой, и, несмотря на свою слабость, он, как и раньше, внушал им благоговейный трепет. Если бы вопросы ему не понравились, это было бы страшно.

– Шрила Прабхупада, – сказал Сатсварупа, – остальные члены Джи-би-си попросили нас прийти к вам и задать несколько вопросов. Мы все – члены Джи-би-си первого состава, каким его создали вы. Наш первый вопрос касается секретарей Джи-би-си. Мы хотим знать, как долго они должны занимать этот пост?

Медленно, глухим голосом Шрила Прабхупада проговорил:

– Они должны оставаться на своем посту пожизненно. Я отобрал в Джи-би-си лучших учеников, и сменять их нельзя. Если же найдутся другие достойные кандидаты, их тоже нужно будет включить в состав Джи-би-си.

Пользуясь возможностью, Шрила Прабхупада порекомендовал записать в члены Джи-би-си Васудеву, представителя с Фиджи.

– Добавьте его, – сказал Прабхупада. – Но менять Джи-би-си не нужно.

Сатсварупа спросил, что делать, если член Джи-би-си сам оставляет свой пост. Прабхупада ответил, что тогда Джи-би-си должен поставить на его место другого.

– Наш следующий вопрос, – продолжал Сатсварупа, – касается того, как давать в будущем посвящения, особенно когда вас уже не будет с нами. Мы хотим знать, как проводить первое и второе посвящение.

– Да, – сказал Шрила Прабхупада, – я порекомендую некоторых из вас. После того, как мы решим все вопросы, я порекомендую некоторых из вас исполнять обязанности ачарьи.

– Это называется ачарья-ритвик? – вмешался Тамала Кришна.

– Да, – кивнул Прабхупада, – ритвик.

– Тогда каков статус того, кто дает посвящение? – спросил Сатсварупа.

– Он гуру, – сказал Прабхупада.

– Но он делает это от вашего имени, – уточнил Сатсварупа.

– Да, это формальность. Поскольку в моем присутствии ученик не должен становиться гуру. Поэтому от моего имени, по моему указанию – амара агья гуру. Он становится настоящим гуру, но по моему указанию.

– То есть, они могут считаться и вашими учениками, – сказал Сатсварупа, имея в виду тех, кто получил посвящение от имени Прабхупады у ачарьи-ритвика.

– Они их ученики, – ответил Шрила Прабхупада, говоря теперь о посвящениях после своего ухода. – Они являются учениками того, кто дает им посвящение. А мне они приходится «внучатыми» учениками. Когда я скажу вам стать гуру, вы станете настоящими гуру. Вот так. И они станут учениками моего ученика.

Присутствующие члены Джи-би-си остались довольны тем, что ответ Шрилы Прабхупады на этот сложный вопрос был совершенно ясен и недвусмыслен. Позднее он изберет некоторых из них и велит им действовать в качестве дикша-гуру.

То, о чем он неоднократно писал в своих комментариях, теперь предстояло претворить в жизнь: его ученики сами станут гуру, и у них будут свои ученики.

Затем Сатсварупа спросил Шрилу Прабхупаду о Би-би-ти:

– В настоящее время без вашего просмотра и одобрения не может быть опубликован ни один перевод. Поэтому на будущее мы хотим знать, какова должна быть система издания тех переводов, которых вы, может статься, уже не увидите?

– Это мы должны продумать досконально, – ответил Прабхупада. Он согласился с тем, что в будущем его ученики могут продолжать переводить книги с санскрита, однако предостерег: – Среди моих учеников, я думаю, лишь немногие смогут переводить, как следует.

– Поэтому, Шрила Прабхупада, – сказал Киртанананда Свами, – мы считаем, что вы не можете оставить нас так скоро.

– Я не хочу, – сказал Прабхупада, – но вынужден. Что я могу поделать?

– Если вы не хотите, – сказал Киртанананда, – значит, и Кришна этого не захочет.

Шрила Прабхупада стал перечислять основные качества, необходимые переводчику вайшнавской литературы, написанной на санскрите. Прежде всего, он должен быть осознавшей себя личностью.

– Иначе, если просто переводить буквально, ничего не выйдет. Мои комментарии нравятся людям потому, что основаны на практическом опыте. Тот, кто не осознал себя, никогда этого не добьется.

– Одного образования мало, – добавил Бхагаван.

– Господь Чайтанья говорит: амара агья гуру – продолжал Шрила Прабхупада, – Тот, кто понимает наказ Чайтаньи Махапрабху, может стать гуру. Им может стать и тот, кто понимает указания своего гуру в парампаре. Поэтому я выберу некоторых из вас.

Прабхупада несколько раз подчеркнул этот момент – он выберет тех, кто может стать гуру. И повторил: «Не нужно менять Джи-би-си. Но если есть достойный кандидат, члены Джи-би-си могут избрать его путем голосования».

– Конечно, если кто-то падет, – предположил Тамала-Кришна, – как это уже бывало...

– Тогда их нужно заменить, – договорил Прабхупада. – Все они должны быть идеальными ачарьями. В начале, ради того, чтобы дело двигалось, мы смотрели на это сквозь пальцы, но сейчас мы должны быть очень осторожны. Если человек отклоняется, его можно заменить.

Ответы были получены, и члены Джи-би-си молча сидели перед Шрилой Прабхупадой, ожидая дальнейших указаний, но в то же время беспокоясь о том, как бы не утомить его своим присутствием.

– Ну, что же, Шрила Прабхупада, – сказал, наконец, Тамала-Кришна, – группа киртана готова. Можно им войти?

Шрила Прабхупада уже продиктовал Тамала-Кришне Госвами основные пункты своего завещания. Высшим руководящим органом ИСККОН должен стать Джи-би-си. Каждое владение ИСККОН будет закреплено за тремя попечителями, которых назначит Джи-би-си. Счета Прабхупады в разных банках перейдут в собственность ИСККОН, а его бывшей жене и сыновьям будет назначена небольшая пенсия.

Пока члены Джи-би-си заседали, чтобы подготовить детальный проект завещания и оформить его у юриста, у Шрилы Прабхупады произошла встреча, которая заставила его беспокоиться о своем Обществе. К нему пришел Госвами одного из храмов Вриндавана. Гость начал восхвалять его, но во время беседы как бы невзначай спросил:

– А кто будет распоряжаться собственностью после вашего ухода?

Как только гость ушел, Шрила Прабхупада позвал Гопала-Кришну. Подошли также Тамала-Кришна и Бхавананда.

– В Индии легко заметить скрытую тенденцию, – сообщил Шрила Прабхупада.

– Скрытую тенденцию, – не понял Тамала-Кришна.

– Имеет место скрытая тенденция, – повторил Прабхупада. – После моего ухода у вас захотят все отнять.

– Вот те на! Это разговор с гостем натолкнул Вас на такой вывод? – спросил Тамала-Кришна.

– Я давно это понял, – ответил Прабхупада. – Как вы собираетесь защищаться?

Кому, как не Прабхупаде, напоминать им о житейской мудрости!

– Вы приказали нам учредить имущественный трест с пожизненными членами, – начал Тамала-Кришна. – На самом деле вся Индия с завистью смотрит на наши здания. Потому что это лучшие здания.

– Они завидуют нашему престижу, – сказал Шрила Прабхупада. – Нашему положению. Всему. У нас все по высшему классу.

Составляя завещание, Шрила Прабхупада хотел защитить свой ИСККОН. Он говорил, что у преданного нет ни капли корысти – он делает все только для Кришны. Однако, сохраняя свою

чистоту, он не должен быть наивным. ИСККОН – разветвленная, растущая организация со своей собственностью и капиталами, которые должны полностью направляться на служение Кришне. Шрила Прабхупада призвал членов Джи-би-си не терять бдительности.

Пока секретари Джи-би-си обсуждали между собой детали завещания, Шрила Прабхупада, лежа в постели, беспокоился о судьбе имущества ИСККОН. Он даже не пытался есть, а Упендре приходилось растирать ему грудь. Позднее в тот же день, окруженный мелодично поющей группой преданных, он вновь заговорил об угрозе.

– Это большой заговор, – начал он. – Они очень опасны.

Тамала-Кришна, знавший, о чем говорит Прабхупада, сказал:

– Что нужно сделать немедленно – это переписать имущество на попечителей.

– Так и нужно сделать, – согласился Шрила Прабхупада. – Очень хорошо.

В том, о чем просил Прабхупада, не было ничего сверхъестественного, но подойти к этому надо было серьезно и квалифицированно. Другими словами, Шриле Прабхупаде придется все делать самому. Он не хотел больше связываться с вопросами управления, однако могли ли его ученики гарантировать ему в этот момент – момент сильнейшей тревоги – что имущество и фонды Общества будут в безопасности?

Тамала-Кришна попытался успокоить духовного учителя, уверяя его в том, что Джи-би-си справится с этой задачей.

– Мы перепишем всю собственность, – сказал он, – особенно здесь, в Индии.

– Шрила Прабхупада, – вмешался Бхавананда Госвами, – нужно назначить попечителей.

– Попечители не назначены, – проговорил Прабхупада. – Где же попечители? Я уже составил предварительный список попечителей – для книжного треста. Составьте его по тому же принципу.

– Да, – кивнул Тамала-Кришна. – Предварительный список будет строиться по тому же принципу. Вы одобрите его, а потом скажете нам, кого из них вы хотели бы видеть в роли попечителей.

– О, вы сами можете выбрать людей из своего состава, – сказал Прабхупада. – Зачем загружать этим меня?

Когда Тамала-Кришна заметил, что самыми важными в Индии являются три места – Бомбей, Вриндаван и Майяпур, Шрила Прабхупада ответил:

– Все важно, – а затем добавил: – Среди вас нет сильных людей. Вот в чем проблема.

– Это факт, – признал Тамала-Кришна.

– Все вы мои дети, – сказал Шрила Прабхупада, с любовью, но без чувства облегчения. – А в этом деле требуется очень сильная личность. Вот этого-то и не хватает. Я вынужден сам оговаривать каждую мелочь. Так или иначе, выбирать нам не из чего. Сядьте и изберите попечителей. Принцип я дал. Зарегистрируйте доверительное управление имуществом. Из всех вас какой-то разум есть у Рамешвары. В общем, делайте все, что от вас зависит. В противном случае, очень сильное подводное течение... Они ожидают ваших действий.

Тамала-Кришна заверил Прабхупаду, что они немедленно проведут заседание:

– Мы обсудим эти моменты.

– Да мы уже все обсудили! – сказал Прабхупада. – Действуйте.

– Я имел в виду, – уточнил Тамала-Кришна, – что мы приступаем к выполнению.

– Хорошо, – сказал Прабхупада. – Не откладывайте.

В такие минуты становилось совершенно ясно: приближается день, когда детям Прабхупады придется повзрослеть и взять на себя руководство и управление созданным им Обществом, самим защищать его и расширять его границы. Может быть, для них эти встречи были последней возможностью учиться непосредственно у Прабхупады и быть рядом с ним, повторяя Святые Имена, последней возможностью пообещать ему полностью посвятить себя исполнению его желаний, связанных с будущим ИСККОН. Шрила Прабхупада, казалось, сомневался в том, что дети его воспользуются этой возможностью, но это его сомнение не обескураживало их, а наоборот, побуждало предпринимать решительные действия, чтобы доказать свою верность и умение.

В тот вечер комитет Джи-би-си предоставил Шриле Прабхупаде предварительный вариант завещания, обеспечивающий защиту всей собственности ИСККОН силами конкретных попечителей. Рамешвара вслух прочитал завещание Прабхупаде, и тот сделал лишь несколько замечаний.

– Теперь никто не сможет смошенничать, – сказал Рамешвара.

– Да, – согласился Прабхупада, – насколько я вижу.

Иногда он хранил молчание, даже в отношении очень волнующих его вопросов. Он руководил своим Джи-би-си как мог, но теперь ему больше всего хотелось принимать лекарство святого имени. Однако работа была сделана на славу, и он остался доволен. Когда члены комитета выходили из комнаты, он тихо воскликнул:

– Джая будущим руководителям ИСККОН!

А позднее, оставшись наедине со своими слугами, он заплакал и сказал, что теперь может спокойно уйти.

Через несколько дней окончательный вариант завещания был заверен у нотариуса. Документ начинался так: «Руководящий Совет (Джи-би-си) становится верховным руководящим органом для всего Международного Общества сознания Кришны». Далее в завещании оговаривались все вопросы собственности и управления в ИСККОН. Большинство из двадцати трех членов Джи-би-си по-прежнему находились во Вриндаване, но их главная задача была выполнена.

Здоровье Шрилы Прабхупады, казалось, немного улучшилось, – преданные и Прабхупада приписали это благословение постоянному киртану. Шрила Прабхупада даже съел (и успешно переварил) кое-какую жареную пищу, и снова заговорил о том, чтобы по утрам начать переводить. Члены Джи-би-си, каждого из которых в своей зоне ждали неотложные административные дела, почувствовали, что пора возвращаться домой. Кроме посменного пения в комнате Шрилы Прабхупады (как правило, два раза в день по три часа), у них не было во Вриндаване другого служения. Вдобавок к этому, стояла невыносимая, под пятьдесят градусов, жара. И когда некоторые из них выразили желание вернуться и продолжить прерванную деятельность, Прабхупада согласился с этим. Пробыв вместе неделю, они, один за другим, начали разъезжаться. В течение следующей недели почти все члены Джи-би-си уехали из Вриндавана, и Шрила Прабхупада остался там со своей небольшой свитой. Преданные из храма Кришны-Баларамы круглосуточно вели киртан.

* * *

Наступил июнь, во Вриндаване стояла обычная для этого времени жара. Небо, раньше ярко-голубое, с приближением сезона дождей затуманилось. С полудня до четырех часов дня земля так накалялась, что по ней невозможно было ходить босиком, и жители Вриндавана сидели дома, а делами занимались только утром или под вечер. Днем невозможно было даже есть, так как от жары пропадал аппетит. Ямуна обмелела, и ее вода, ставшая горячее, уже не приносила облегчения. Коровы ходили тощие, поскольку вся трава выгорела, и есть им было нечего. Налетавшие то и дело горячие, сухие ветры подымали над Вриндаваном тучи пыли. Мухи и комары дохли прямо на лету. Одной из немногих прелестей этого лета был аромат цветов бенгальской айвы, которая обвивала ограду садика Прабхупады и, несмотря на палящий зной, продолжала цвести.

В начале июня появилась некоторая надежда на то, что Шрила Прабхупада все-таки выздоровеет. Он попросил возобновить утренние поездки на автомобиле, и, когда его снесли вниз, к машине, он сказал: «Скоро я смогу спускаться сам». Приехал его старый друг из Аллахабада, доктор Гхош, который поставил Прабхупаде диагноз: беспокойство за Движение сознания Кришны и преданных. Он велел Шриле Прабхупаде регулярно измерять кровяное давление, прописал ему множество лекарств и назначил специальные процедуры. Шрила Прабхупада согласился с диагнозом, но предписаниям следовать не стал. Он чувствовал себя лучше после массажа, который делали ему слуги. Если так пойдет и дальше, говорил Прабхупада, то уже через месяц-полтора он поправится. Но тут же подчеркивал: «Я не уеду из Вриндавана до тех пор, пока полностью не выздоровею».

Однажды утром Шрила Прабхупада захотел увидеть Божества, и ученики быстро отнесли его в кресле-качалке к Кришне и Балараме. Сидя в своем кресле под деревом тамала, Прабхупада смотрел на божественных Братьев, и по щекам его струились потоки слез.

– Как красиво Они одеты! – проговорил он.

Созерцая Кришну и Балараму, Прабхупада светился от счастья, наслаждаясь прохладой тени дерева тамала.

– Подрядчик хотел срубить это дерево, – вспомнил он, – но я не позволил. Этих деревьев осталось совсем мало. Миряне этого не знают.

Шрила Прабхупада начал каждое утро спускаться к Божествам, и постепенно событие это превратилось в ежедневную храмовую церемонию, в которой принимали участие преданные ИСККОН и гости. Он сидел в кресле-качалке под деревом тамала, один из преданных вел киртан, а Прабхупада вместе с другими преданными ему подпевали. Для учеников это пение вместе с Прабхупадой во двореике его храма в Рамана-рети во Вриндаване стало сутью духовного мира.

Хотя тело Прабхупады казалось больным, он оставался таким же живым, как и прежде, и каждое утро замечал, кто был на службе, а кого не было. Преданным полюбилась эта особая возможность общения с духовным учителем, когда он сидел в своем кресле-качалке и смотрел на Кришну и Балараму. Жители Вриндавана и паломники тоже собирались вокруг Прабхупады, часто принося ему пожертвования, которые складывали к его стопам. Глубоко сосредоточенный на Кришне и Балараме, Шрила Прабхупада выглядел серьезным, но в то же время простым; один из секретарей обмахивал его большой чамарой, маленькие гурукулята энергично перед ним танцевали, а паломники подходили к нему непрерывной вереницей и предлагали его стопам свои поклоны и рупии.

Иногда он сидел в садике, примыкающем к его большой комнате. Один преданный построил там гипсовый фонтан в форме большого, розового лотоса, и, когда Прабхупада сидел в этой маленькой беседке, в окружении цветущей лозы, плеск воды приятно его успокаивал. Иногда через забор в сад пробиралась обезьяна, намереваясь что-нибудь украсть, и Прабхупада просил ее прогнать. Все остальное время он сидел, погруженный в молчание, лишь изредка заговаривая с одним или двумя учениками.

Однажды, сидя в саду, Шрила Прабхупада вспомнил о том, какой простой, но цивилизованной была жизнь во времена его детства. Он рассказал о разных церемониях, которые соблюдала во время беременности его мать, дабы устранить опасности, связанные с рождением ребенка. Он хотел говорить об этом, хотя голос его был тих и слаб.

– О детях так заботились! – вспоминал он. – А теперь эти негодяи убивают их. Самая нецивилизованная жизнь. Двуногие животные. Даже сегодня в отдаленных деревнях Индии еще можно наблюдать спокойную жизнь. У них вдоволь зерна и молока, чтобы жить, ни о чем не беспокоясь, и повторять «Харе Кришна». А они едут туда, чтобы проводить эту стерилизацию...

Шрила Прабхупада имел в виду идею Индиры Ганди о принудительной стерилизации.

Один из присутствующих преданных недавно приехал из Западной Бенгалии, где путешествовал на корабле по Ганге, проповедуя и распространяя в деревнях прасад. Шрила Прабхупада начал рассказывать ему, как деревенские жители пекут на открытом огне простые хлебные шарики из атты – муки грубого помола.

– И на том же огне... Он называется кханди и разводится на лепешках из сухого коровьего навоза, – сказал Шрила Прабхупада. – Они ставят на него котелок и варят в нем дал. Через некоторое время вы смотрите – если разварился – очень хорошо! Затем эти шарики нужно жарить в гхи. Получается отменно.

Прабхупада непринужденно говорил под тихий плеск фонтана, воркование и хлопанье крыльев голубей и зеленых попугаев. Он вспомнил гороскоп, составленный при его рождении:

– Через семьдесят лет этот ребенок отправится за пределы Индии и откроет множество храмов.

По собственному признанию, он поначалу не понимал, что ему действительно придется куда-то ехать, но когда, наконец, он отправился в США, у него не было даже мысли когда-нибудь возвращаться назад. Он сказал, что, если бы не приступ, случившийся с ним в Соединенных Штатах в 1967 году, то он бы не вернулся.

– Значит, Кришна этого хотел, – заключил он. – Я не думал возвращаться. Поэтому я получил вид на жительство.

– Вы сожалеете, что вернулись в Индию? – спросил Тамала-Кришна Госвами.

– Нет, – сказал Прабхупада. – Мой план был остаться. Но у Кришны были Свои планы. Перед тем как вернуться (в 1970 году), я говорил с Дваракадхшишей (Божеством Кришны в храме ИСККОН в Лос-Анджелесе): «Я приехал сюда проповедовать. Не понимаю, зачем Ты тянешь меня обратно». Вот что было, когда я покидал Лос-Анджелес. Я был совсем не рад. Но у Него были Свои планы.

– Неплохие планы, – вставил Тамала-Кришна.

– Кришна сказал, – продолжал Шрила Прабхупада, – «Езжай во Вриндаван, Я дам тебе место еще лучше. Ты жил во Вриндаване в уединении, и Я попросил тебя уехать. Теперь ты должен вернуться. Но Я дам тебе место получше». И Он дал мне храм, в сотни раз лучше любого другого места. Разве не так?

На передней полосе «Таймс оф Индия» появилась статья под заголовком «Шрила Прабхупада серьезно болен». Выслушав эту статью, Шрила Прабхупада прокомментировал:

– Если бы они не считали Бхактиведанту Свами важной персоной, то не напечатали бы такого.

Гирираджа написал Шриле Прабхупаде, что в бомбейский храм во множестве звонят сочувствующие Движению и желают получить более подробную информацию. Через несколько дней «Таймс оф Индия» опубликовала на третьей странице отчет одного из преданных, под заголовком «Шриле Прабхупаде стало лучше».

Так что же, спашивали звонившие, Шрила Прабхупада действительно «серьезно болен» или ему уже «лучше»?

– Я могу жить, могу умереть, – говорил он. – В любом случае, Кришна со мной.

Но затем он раскрыл секрет:

– Я попросил Кришну дать мне силы продолжать до самой смерти. Солдат должен умереть в битве, на поле брани.

По просьбе Шрилы Прабхупады Тамала-Кришна сам отвечал на всю корреспонденцию, подписываясь под ней как секретарь. В одном письме он написал:

В сложившихся обстоятельствах у меня нет возможности читать письма Шриле Прабхупаде, я лишь сообщаю ему о хороших новостях. Поэтому я рассказал ему о вашей успешной программе в Ратуше, а также о других ваших проповеднических программах.

Письма эти имели такую же ценность, как и письма от самого Прабхупады, так как часто содержали его высказывания.

Однажды вечером Шрила Прабхупада вызвал к себе всех своих санньяси, что на тот момент были во Вриндаване. Он сказал, что устал, но как отец, счастливый от того, что его дети рядом, прибавил:

– Вы все должны быть со мной. Тогда мне становится легче.

Однажды, сидя со Шрилой Прабхупадой, Тамала-Кришна заговорил об играх Кришны, изображенных на картине, висящей справа от обеденного столика. На картине был нарисован Кришна, обедающий со Своими друзьями-пастушками. Шрила Прабхупада взглянул на картину и, закрыв глаза, погрузился в размышление об этой лиле, а потом произнес:

– Это высшее совершенство жизни. Я пришел к выводу, что все, что делается без Кришны – пустая трата времени. Что они скажут на это?

Духовные эмоции Прабхупады перетекали одна в другую. Некоторым пришедшим к нему ученикам он говорил:

– Мне кажется, я совершенно бесполезный человек, хотя и принимаю столько служения. Я никогда не смогу вам отплатить. Я бедняк во всех отношениях, материальном и духовном.

– Шрила Прабхупада, – возразил Тамала-Кришна, – служить вам – наше единственное желание.

– Я знаю, – ответил Прабхупада, – и это единственная причина, по которой я еще жив. По всему миру наше дело продолжается только благодаря вашему искреннему служению.

Но бывало и так, что Прабхупада все же отчитывал какого-нибудь нерадивого ученика. Когда, одевая Прабхупаду, Упендра подал ему лунги, оказавшуюся слишком короткой, Прабхупада назвал его «глупцом и негодяем», а когда Тамала-Кришна, простудившись, однажды утром не пришел к духовному учителю, тот раскритиковал его:

– Я никогда не отлынивал от своих обязанностей, чем бы ни занимался, – сказал он, – даже в бизнесе. Д-р Бозе меня за это очень ценил. Он разрешал мне подписывать чеки на суммы по сорок тысяч рупий. Я никогда не был ленив или небрежен в своих обязанностях. Я честно делал свое дело и всегда пытался довести его до совершенства. Небрежность я проявил только тогда, когда у меня появилась молодая жена. Вот тогда я запустил учебу. Но это было вызвано обстоятельствами. Потом я стал пренебрегать женой. Отец говорил, мне повезло, что я не люблю свою семью. Кришна очень часто меня спасал. Материальная жизнь переменчива.

Однажды утром Шрила Прабхупада проснулся раньше обычного.

– Я видел сон, – поделился он с одним из своих слуг. – Большая толпа пьяниц и поющих Святое имя. Пьяницы эти были безумны. Некоторые из них тоже начинали петь. Но они не могли прекратить драться. Они полностью потеряли рассудок.

– Вы тоже там были? – спросил Тамала-Кришна.

– Да, я тоже там стоял.

– А из тех, кто пел, никто не становился пьяницей?

– Те, кто поют Святое имя, не могут пасть, – сказал Шрила Прабхупада. – Их имена уже в списке – на возвращение домой, к Богу. Они члены семьи Кришны.

После собрания Джи-би-си во Вриндаване Сварупа-Дамодара побывал в Манипуре и в Калькутте, и теперь спешил во Вриндаван, чтобы увидеться со своим духовным учителем. Услышав о прибытии Сварупа-Дамодары, Прабхупада тотчас же попросил его позвать. Как и всегда, Шрила Прабхупада принял его с особой теплотой, уделив ему много времени и внимания. С самой первой встречи со Сварупа-Дамодарой, тогда еще Тоудамом Сингхом, доктором наук в области органической химии из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, Прабхупада с огромной заботой поддерживал свои отношения с ним.

Тоудам вырос в Манипуре, но, закончив высшую школу, переехал в Штаты, чтобы продолжить свое образование в Калифорнийском Университете. Однажды внимание его привлекли преданные, поющие на улицах Лос-Анджелеса «Харе Кришна», и он пришел в храм. Познакомившись со Шрилой Прабхупадой, он ни капли не сомневался, что встретил истинного духовного лидера. Первое время Тоудам сохранял статус представителя мира эмпирической науки, и Шрила Прабхупада приглашал его на утренние прогулки по Венис Бич.

Каждый день Шрила Прабхупада втягивал Тоудаму в спор об источнике жизни. Желая вступить в полемику, он оглядывался по сторонам и спрашивал:

– Где ученый?

Заметив Тоудаму, он начинал с вопроса:

– Итак, что они говорят?

Тоудам выдвигал предположение, что жизнь возникла случайно, путем химической эволюции, а Шрила Прабхупада разбивал этот аргумент, демонстрируя ошеломляющую логику и здравый смысл.

Регулярно общаясь со Шрилой Прабхупадой и читая «Бхагавад-гиту как она есть», Тоудам постепенно начал больше склоняться к сознанию Кришны, нежели к науке, и, в конце концов, получил у Прабхупады посвящение и имя Сварупа-Дамодара-дас. С одобрения Шрилы Прабхупады, он вскоре получил степень доктора наук и пообещал служить Шриле Прабхупаде своими научными лекциями и литературными работами, развенчивающими современную атеистическую науку.

Шрила Прабхупада прекрасно знал о могущественном влиянии науки на сознание людей и был готов дать бой ее безбожной пропаганде. Он знал, что «Бхагавад-гита» – наивысшая наука, и видел, насколько вопиюще предвзяты многие современные научные представления. За всем этим сложным техническим жаргоном и верой в научную методологию скрывалось элементарное невежество ученых относительно источника и смысла жизни.

Сварупа-Дамодара и еще несколько преданных, имеющих ученые степени, учредили Институт Бхактиведанты и поддерживали тесный контакт с академическими кругами, чтобы утвердить научную основу сознания Кришны. Шрила Прабхупада был особенно доволен, когда на большой научной конференции Сварупа-Дамодара бросил вызов лауреату нобелевской премии, утверждавшему, что жизнь есть явление, возникающее на определенном уровне химической сложности.

– Если я предоставляю вам необходимые химические элементы, – спросил его Сварупа-Дамодара, – вы сможете создать жизнь?

– Не знаю, – смутился ученый.

В своих беседах и лекциях Шрила Прабхупада вновь и вновь ссылался на этот случай.

Шрила Прабхупада часто хвалил работу Сварупа-Дамодары и Института Бхактиведанты и заверил их, что Би-би-си будет выделять им средства для выпуска печатных изданий, для исследований и строительства зданий. В свое время он дал им ряд доводов, а теперь они излагали их научным языком.

Сварупа-Дамодара приехал, чтобы еще раз пообщаться со Шрилой Прабхупадой. Предложив поклоны, он подарил ему несколько розовых лотосов. Шрила Прабхупада взял один и

развернул его лепестки; остальные он отдал своему секретарю для Божеств. Еще Сварупа-Дамодара привез несколько спелых ананасов, и Прабхупада тут же попросил стакан свежего ананасового сока.

Сварупа-Дамодара занимался подготовкой научной конференции во Вриндаване, посвященной вопросу происхождения жизни. Он встречался с учеными и профессорами, многие из которых заинтересовались его подходом и пожелали принять в ней участие. Он прочитал Прабхупаде проспект, объявляющий о предстоящей конференции, который Прабхупада молча выслушал, сказав в конце:

– Слава Сварупа-Дамодаре!

Позднее, во второй половине дня, между ними снова состоялся разговор. Казалось, силы и желание разговаривать со Сварупа-Дамодарой о поражении материалистической науки у Прабхупады находились всегда.

Общение с учеными вселяло в Сварупа-Дамодару надежду, что возможности этого проекта велики.

– Думаю, им интересна наша программа, – сказал он. – В противном случае, они не стали бы тратить на нее время. Некоторым из них наш подход видится уникальным.

– От других подобных предложений не поступает, – сказал Шрила Прабхупада. – Они считают Бога какой-то мистикой. Особенно эта теория Дарвина... Они сами стали как животные, и такими же считают всех остальных. Этот негодяй убедил их: «Вашим дедом была обезьяна». Как они могли стать отпрысками обезьяны?! Но такие идеи все еще имеют место. Великий негодяй этот Дарвин! И теория его по всему миру возводится в ранг наивысшего принципа антропологии! Поэтому на этой конференции ученые должны высказать аргументы против теории Дарвина.

С приездом Сварупа-Дамодары во Вриндаван пришли дожди, знаменовавшие собой конец лета и начало сезона дождей, и пока Прабхупада разговаривал со своим учеником, по крыше колотил сильный ливень. Прабхупада сказал, что ведическая теория эволюции была изложена в «Падма-пуране» за тысячи лет до Дарвина.

– Если нам удастся привлечь на свою сторону серьезных ученых, – сказал Сварупа-Дамодара, – хотя бы нескольких, этого будет достаточно.

– Именно об этом я и прошу, – подтвердил Прабхупада.

Чувствуя, что Шрила Прабхупада, должно быть, устал от двухчасового разговора, в беседу вмешался Тамала-Кришна:

– Может, пригласить группу киртана, Шрила Прабхупада?

Но Шрила Прабхупада поправил его:

– То, что происходит сейчас, и есть киртан. Люди должны понять, что такое киртан. Любые темы о Кришне – это киртан. Шукадева Госвами достиг совершенства с помощью киртана, но какой это был киртан?

– Он рассказывал «Бхагаватам», – подсказал Тамала-Кришна.

– Да, – кивнул Прабхупада. – Вы думаете, что киртан – это барабаны и караталы. Но киртан – это все, что мы здесь делаем. Это не имеет ничего общего с материей. Мы не говорим о том, как расширить бизнес и наслаждаться женщинами и вином. Наша цель не в этом. Ка уттамашлока-гуньянувадат. Мы пытаемся утвердить Кришну – вот киртан. Шраванам киртанам вишнох. Понимаешь?

Восприняв эти слова как намек, Сварупа-Дамодара продолжил говорить об ученых, выказавших интерес к теме конференции – «Происхождение жизни».

– Я думаю, нашу конференцию можно назвать «Вриндаванская конференция Бхактиведанта-вигьяна», – предложил он.

– Нет, – возразил Шрила Прабхупада. – Они неправильно поймут. Они будут думать, что Бхактиведанта не гьяни. Они не примут это всерьез, потому что Бхактиведанта Свами не является ученым.

Один из учеников сказал, что слово «Бхактиведанта» на самом деле указывает на высшую науку, и Шрила Прабхупада согласился. Но обычному человеку, сказал он, очень трудно понять бхакти.

– Почему бы не назвать ее «Жизнь происходит из жизни»? – спросил Прабхупада, и Сварупа-Дамодара тут же согласился.

– Сделайте что-нибудь неординарное, – велел Прабхупада. – Мы не просто какие-то там фокусники, как другие йоги: у нас есть деньги, есть разум, а я могу дать вам вдохновение.

В своих высказываниях Шрила Прабхупада часто намекал, что состояние его здоровья не представляет особой важности ни для него самого, ни для его последователей. И это само по себе стало важным уроком, касающимся физического тела гуру (вапух) и его наставлений (вани). Физическое тело духовного учителя не вечно, но в форме своих наставлений он доступен искреннему ученику всегда. И общение это столь же реально и лично, как и физическое общение. На самом деле, экстаз служения в разлуке даже сильнее. Шастры утверждают, что тело чистого преданного духовно, но его физическое присутствие в материальном мире ограничено временем. Шрила Прабхупада объяснял это на примере Бхактисиддханты Сарасвати, говоря, что уход его означает лишь смену места, в которое он отправился, чтобы служить Кришне. В своей книге «Нектар наставлений» Шрила Прабхупада говорил своим ученикам о значении тела духовного учителя.

Чистый преданный, сознающий Кришну, пребывает в своем изначальном состоянии и потому не отождествляет себя с телом. О нем нельзя судить с материальной точки зрения. Не следует обращать внимания на низкое происхождение преданного, цвет его кожи, на то, что тело его уродливо, поражено болезнью или немощно. Такие недостатки, возможно, бросятся в глаза обыкновенному человеку, но несмотря на все кажущиеся изъяны, ничто и никогда не осквернит тела чистого преданного. Оно подобно водам Ганги, которые в сезон дождей порою несут пузыри, пену и грязь, но которых, однако ничто и никогда не оскверняет. Люди, обладающие развитым духовным разумом, совершают омовение в Ганге, не обращая внимания на состояние воды.

Преданным, находившимся подле Прабхупады, не казалось, что здоровье его ухудшается; как бы он ни выглядел, он лишь давал им еще одну возможность служить себе. Хотел он есть или нет, доволен был или недоволен, хорошо себя чувствовал или плохо – они отвечали ему так, как подобает верным и любящим ученикам. И это их настроение становилось тем заметнее, чем больше Шрила Прабхупада зависел от их помощи. Он сказал, что остается в этом мире только для того, чтобы удовлетворить искреннее желание своих учеников служить ему. Но при этом, он не прекращал подчеркивать, что служение его физическому телу не так важно, как следование его наставлениям.

Когда двое санньяси прощались с Прабхупадой, он улыбнулся своей чудесной улыбкой и сказал:

– Я могу остаться, а могу уйти, но в своих книгах я буду жить вечно.

Услышав, что всего за одну неделю преданные распространили сорок тысяч книг в твердом переплете, он сказал:

– Если распространение книг возрастет, я никогда не умру. Я буду жить вечно.

Тамала-Кришна заметил, что отчеты по распространению книг не становятся для Прабхупады причиной головной боли, и Прабхупада широко улыбнулся:

– Да! Я живу этим!

Но однажды, сидя в саду с Тамала-Кришной, Сварупа-Дамодарой и другими, Шрила Прабхупада заметил в одной из своих уже напечатанных книг ошибку и очень разволновался. Тамала-Кришна читал стих из Первой Песни, который начинался: Мунайах садху пришто 'хам, и Шрила Прабхупада попросил его прочесть пословный перевод.

Тамала-Кришна начал:

– Мунайах – о мудрецы; садху – это уместно; приштах – спрошенный....

– Садху?.. – переспросил Шрила Прабхупада.

Он заметил ошибку, по невнимательности допущенную редакторами санскрита. «Садху» значит «преданный», а не «уместно». Шрила Прабхупада очень рассердился и резко отругал «негодных редакторов санскрита».

– Полуобразованность опасна, – сказал он. – Чуть-чуть выучатся чему-то и уже мнят себя великими учеными. Думают: «Я все устрою!» А сами пишут вздор!

Ошибка так его взволновала, что он говорил о ней полчаса. Он приказал Тамала-Кришне немедленно написать в Би-би-ти и прекратить эти выдумки своих учеников, которые под видом редактирования вносили в его книги изменения. Преданные были изумлены, увидев Прабхупаду в таком гневе; ведь изначально предполагалось, что он будет наслаждаться чтением «Шримад-Бхагаватам» в умиротворенной атмосфере своего сада. Это серьезное дело, сказал он, из-за одной ошибки меняется весь смысл.

– Если ошибку допускают признанные ачарьи, – сказал он, – ее не следует исправлять. Это называется арша-прайога. Так ачарьям выражается почтение.

Своей бурной реакцией на эту оплошность Шрила Прабхупада еще раз подчеркнул огромную важность своих книг.

– Все, что я хотел сказать, – объяснял он, – я сказал в своих книгах. Если я выживу, то скажу немного больше. Если вы хотите узнать меня, читайте мои книги.

Особенное удовольствие доставляли Шриле Прабхупаде письма от Гханашьямы, который распространял книги в коммунистических странах Восточной Европы. Гханашьяма был членом библиотечной группы Би-би-ти, которая систематически объезжала страны мира и размещала полные комплекты «Шримад-Бхагаватам» и «Чайтанья-чаритамриты» в университетских библиотеках. Отважная подпольная проповедь Гханашьямы в коммунистической Европе имела успех, и, услышав его отчет, Прабхупада совершенно преобразился:

– Мои книги – вот настоящий коммунизм, – воодушевленно провозгласил он. – Я пишу для всего человечества. Моя философия направлена на объединение человеческого общества на основе сознания Кришны. И сейчас это действительно становится явью. Почему темнокожий человек столько трудится для меня и для всех этих белых людей? Сколько энергии в этом парне! Проповедует, можно сказать, в джунглях. Люди подписываются у него на книги, при этом даже не понимая языка!

Прабхупада сказал, что единственное лекарство для него сейчас – это киртан. А киртан, объяснил он, – это еще и проповедь по всему миру. Казалось, для Прабхупады, который практически ничего не ел, киртан Святого имени и проповеднические отчеты учеников стали и пищей, и лекарством.

Вечером того же дня, когда пришло письмо от Гханашьямы, Прабхупада узнал, что приехал Гопала-Кришна и привез с собой несколько книг на хинди, только что вышедших из печати. Прабхупада лежал в постели, но, услышав эти новости, поднял брови и велел:

– Принесите немедленно!

Вошел Гопала Кришна с книгами, и Прабхупада в порыве радости тотчас же поднялся и сел на кровати.

Когда-то, несколько лет назад, Шрила Прабхупада открыл в Далласе (шт. Техас) большую гурукулу (начальную школу сознания Кришны). Но когда в 1976 году правительство штата стало налагать на нее слишком много ограничений, Прабхупада посоветовал перенести гурукулу для мальчиков во Вриндаван, в Индию.

Школу нужно перенести в нашу новую гурукулу во Вриндаване. Там будут созданы все условия для духовного развития брахмачари. Жить во Вриндаване – высшее совершенство, а вырасти во Вриндаване – величайшая удача. Если человек прожил в Матхура-Мандале хотя бы две недели, ему гарантировано освобождение.

Во Вриндаване никто не будет налагать на школу никаких ограничений, правительство только поддержит этот проект. Тысячи родителей пошлют туда своих детей, чтобы те воспитывались и как люди, и как преданные. Лучшей атмосферы, чем во Вриндаване, не найти, а Кришна-Баларам-мандир – самый удивительный храм в мире.

К июню 1977 года здание вриндаванской школы для мальчиков было почти закончено, и преданные, заведующие гурукулой, намеревались открыть ее уже в ближайшем будущем. Они обсуждали, подо что будут использоваться комнаты, и в том числе – какие из них будут отведены под кабинеты и жилье для персонала. И, хотя Шриле Прабхупаде не сообщали об этих подробностях, он как будто был в курсе всего происходящего. Однажды утром он сказал своему секретарю, что хотел бы осмотреть новое здание, от подвала до крыши, и после даршана Кришны и Баларамы его понесли в кресле на обход.

Довольный постройкой, он отметил:

– По милости Кришны, все сделано замечательно.

Второй этаж представлял собой одну широкую веранду по внутреннему периметру, на которую выходило множество комнат.

– Управляющим, – объяснил Тамала-Кришна, – выделяется одна комната для жилья и одна для работы.

– Очень удобно, – заметил Прабхупада.

Он все выслушал, все осмотрел, дал несколько советов, – разбить цветочную клумбу во дворе, построить фонтан...

– Думаю, другого такого здания во Вриндаване не найти, – заключил он.

Когда Прабхупада с учениками спустился на первый этаж, Акшаянанда Махараджа, один из управляющих храма, сказал Прабхупаде:

– Свой офис я хочу сделать здесь.

– Замечательно, – сказал Прабхупада. – Но теперь, хотя у нас и появилось большое здание, мы не должны думать: «Одной ногой я буду стоять здесь, другой – там». Тогда управление пойдет из рук вон плохо. Не делайте этого. Каждый дюйм используйте по назначению.

– Вы сказали, чтобы в гурукуле училось пятьсот учеников, – сказал один из учителей. – Поэтому как можно больше места в этом здании мы отвели для детей.

– Да, да, – сказал Прабхупада. Именно это он и хотел подчеркнуть.

Но затем вмешался еще один преданный:

– Ещё у нас здесь будут комнаты для администрации храма и гурукулы.

– Нет, – покачал головой Прабхупада. – Здесь вы должны поселить детей. Иначе какой прок от такого большого здания? К чему нам на четырех учеников двадцать руководителей?

Хотя порой шум стройки заглушал тихий голос Прабхупады, и замечания свои ему приходилось высказывать в промежутках между осмотром комнат и этажей, то, что он говорил, было совершенно недвусмысленным и ясным.

– У нас появилось большое здание, – говорил он. – Поэтому везите сюда учеников. Это главный принцип.

– В первую очередь нужно привезти учеников ИСККОН, – сказал кто-то из учителей.

– ИСККОН, ФИСККОН... – ответил Прабхупада, – главное, приглашайте учеников.

Каламбур Прабхупады рассмешил преданных. Но он был серьезен.

– Это цивилизация ракшасов, – сказал Прабхупада, и принялся подражать крику типичного уличного торговца, – «До рупья! До рупья!» – И никакого знания. Кришна говорит: татха дехантара-праптих, – но все, что они могут понять, – это две рупии, четыре рупии. Куда они отправятся в следующей жизни, им неизвестно. Они не понимают вечности жизни и думают только о том, как наслаждаться сейчас. Они не понимают ни строчки из «Гиты», но при этом заявляют: «Я читал «Гиту»!» Вот в каком невежестве они прозябают, и так называемое университетское образование этому способствует! Итак, нашу гурукулу ждет успех. Но на это может уйти время.

Осмотрев гурукулу, Прабхупада, перед тем как вернуться к себе в комнату, попросил преданных еще раз поставить его кресло на пол. В присутствии большинства преданных, проживающих в Кришна-Баларам-мандире, включая учеников гурукулы, Прабхупада подчеркнул один важный момент.

– Вы думаете об управлении, – сказал он, – тот управляющий, тот начальник, в каких комнатах нам разместиться... Но я спрашиваю вас: кем вы будете управлять? Приведите его! В Бенгалии есть такое суеверие, что нельзя спать головой на север. Но один человек сказал: «А у меня нет головы. Какая мне разница, как ложиться – на север или на юг?» Вот и ваши беспокойства по поводу управления подобны этому. Подумайте, прежде всего, кем вы будете управлять? Думать только о кабинетах да начальниках не хорошо. Сначала привезите учеников. Тогда школа будет иметь успех.

В полдень Шрила Прабхупада сказал, что хочет поговорить с персоналом гурукулы. Они собрались в его комнате, и он дал им все наставления, какие только мог дать полномочный лидер всемирной организации движения Господа Чайтаньи.

– Наша следующая обязанность, – начал он, – идти к преуспевающим бизнесменам и говорить им: «Ваши дети должны научиться хорошему поведению, воспитать в себе хороший характер и преданность. Чанакья Пандит говорил: «Что толку зачинать детей, подобных кошкам и собакам?» Они должны получить образование и следовать бхакти-маргу. Мы научим этому ваших сыновей». Вдохновляйте их на это.

В нынешнем обществе, сказал он, даже сын премьер-министра может оказаться распутником. Демон Хираньякашипу не хотел, чтобы его сын Прахлада был преданным. Он хотел, чтобы тот стал его подобием – обманщиком и политиканом; и всё сегодняшнее общество состоит из маленьких хираньякашипу.

– Но наша задача – воспитывать прахладов, – продолжал Шрила Прабхупада. – Здесь можно удобно разместить, по меньшей мере, двести пятьдесят учеников. Неужто вы не можете собрать со всего мира и со всей Индии двести пятьдесят учеников? Какие вы тогда руководители? Проповедуйте так: «Я припадаю к вашим стопам! Я сотню раз восхваляю вас! Пожалуйста,

выслушайте меня!» Вот так вдохновляйте на это людей. Вы должны собрать учеников, а не только устраивать себе кабинеты.

Прабхупада сказал, что если гурукула добьется успеха, а ИСККОН еще больше наберет вес в глазах общества, правительство будет обращаться в ИСККОН за советом и не позволит самозванным брахманам и кшатриям, не имеющим должных качеств, обманывать народ.

– Сейчас это пока лишь мечта, – признал Прабхупада, – но это необходимо сделать. У меня в голове столько идей, но жизнь моя подходит к концу. Поэтому сохраните эти идеи. Особенно вы, ведь вы еще молоды...

* * *

В июле наступил сезон дождей. Уже в начале месяца на небе стали скапливаться тучи, а к середине июля дожди лили уже каждый день. Воздух был напоен ароматом цветов дерева кадамба, а после дождя к нему примешивался горьковатый луковый запах цветов нима. Павлины, распустив хвосты, в упоении танцевали, призывая своих подруг. Порою дождь заставлял Прабхупаду на открытой веранде, сидящим на кровати или за рабочим столом. Тогда слуги бросались к нему и поскорее уносили его в дом. Временами, когда из-за дождя Прабхупада не мог находиться в саду, он сидел на крылечке и любовался садом оттуда. Но благом было уже то, что пятидесятиградусная жара спала, и дышать стало намного легче.

Прабхупада спокойно отдыхал, занимался своими обычными делами и ждал, когда выяснится, чего же от него хочет Кришна. Он часто просыпался в шесть утра и, открыв глаза, видел у своей постели Тамала-Кришну. Он протягивал руки, показывая, что хочет сесть. Тамала-Кришна или другой слуга легонько поглаживали его по спине, а Шрила Прабхупада говорил о том, что больше всего беспокоило его в тот момент.

Из преданных мало кто приезжал во Вриндаван, и гостям редко позволяли увидеться с Прабхупадой. Здоровье его не улучшалось, но майский кризис миновал. Однако он по-прежнему почти ничего не ел, и потому сил у него не прибавлялось. Главным его лекарством был киртан, «Шримад-Бхагаватам» и «Чайтанья-чаритамрита».

Одной из проблем, над которыми Шрила Прабхупада думал в эти дни, была концепция модели вселенной для ведического планетария. Его ученик Амбариша, правнук Генри Форда, пообещал пожертвовать средства на строительство величественного музея-планетария в одном из главных городов США: в Детройте или Вашингтоне. Шрила Прабхупада хотел представить строение Вселенной таким, как оно описано в Пятой Песни, но до сих пор никто так и не смог предложить законченной модели. Пытаясь совместить описание «Шримад-Бхагаватам» с представлениями современной астрономии, преданные, бравшиеся за это дело, часто заходили в тупик. В Бомбее они привели к Прабхупаде некоего «ведического астронома», но тот не смог нарисовать даже простую диаграмму. Современные ученые не признают концепцию «Бхагаватам», описывающую землю как Джамбудвипу, – остров, окруженный концентрическими океанами и островами, – как не располагают они и сведениями о необыкновенно высоких горах, о которых сообщает ведическая литература. Однако Шрила Прабхупада просил преданных не идти на поводу у своих западных предрассудков, но попытаться понять вселенную так, как она описана в «Бхагаватам».

Это было невероятно сложно. Шрила Прабхупада признался:

– Когда я писал об этом, то подумал, что не смогу выполнить эту работу сам, если кто-нибудь мне не поможет.

– Как же вы тогда писали? – удивился Тамала-Кришна, и Шрила Прабхупада ответил:

– Мне помог Кришна. Не знаю... – Он засмеялся. – Этот некто был Кришна. Он помог.

У преданных возник неизбежный вопрос:

– Но как объяснить это ученым?

– Мы не должны потакать ученым, – ответил Шрила Прабхупада. – В своих описаниях мы должны опираться на шаштру. Если они могут это понять, то поймут. Иначе... Удовлетворять так называемых ученых – не наша задача. Мы описываем то, что существует в реальности.

Тамала-Кришна предположил, что строительство этого планетария повлечет за собой крах западной цивилизации.

– Да, – сказал Прабхупада, – я хочу разоблачить их. Их единственный интерес – делать деньги, и ради этого они идут на обман. Если вы сможете построить этот планетарий, это будет наш триумф!

В начале июля некоторые из преданных во Вриндаване работали над эскизами Вселенной согласно «Шримад-Бхагаватам». Однако они были немало озадачены тем, как относиться к снимкам Земли, сделанным при помощи спутника, которые явно противоречили описаниям «Шримад-Бхагаватам». Шрила Прабхупада ответил, что ученые ограничены своей обусловленностью и не могут выйти за рамки определенной позиции. Тогда Тамала-Кришна сказал, что описания «Шримад-Бхагаватам» все равно не согласуются с тем, что Земля – это шар, что в наше время легко доказать, облетев вокруг нее. Но Прабхупада настаивал на отсутствии противоречий.

– Ты основываешься на предрассудках, – сказал он. – Ты обусловлен предвзятым мнением о реальности, подобно быку, который ходит по кругу, привязанный к жернову. Его привязали, и он просто ходит по кругу. Все связаны. Они не могут выйти за рамки своих представлений, и, подобно этому быку, не могут двигаться, как им захочется.

Они наврали и про полет на Луну – так как же им верить? Они хотят описать вселенную, но как им верить? Если человек обманул один раз, ему уже нельзя верить. Порядочный человек скажет: «Я не знаю». Но они не порядочные. Это класс бездельников. Как им можно верить? Раньше они говорили, что мир плоский. Затем Галилей сказал, что он круглый, за что его чуть не повесили. Ни они не знали наверняка, ни он не знал. Но наше знание не меняется, потому что оно совершенно. Если что-то меняется, то оно уже не совершенно.

Через несколько дней к Прабхупаде снова пришла группа преданных и сообщила, что вопрос о том, как соотнести описание Джамбудвипы в «Бхагаватам» с фактом шарообразности Земли (что можно подтвердить, долетев в западном направлении из Лос-Анджелеса в Индию), так до сих пор и не решился. Шрила Прабхупада твердо ответил, что пока не стоит задаваться этим второстепенным вопросом. И назвал Тихий океан «каплей воды». Описания «Бхагаватам» нельзя вместить в узкие рамки мирских представлений.

Прабхупада вспомнил, как, вернувшись с Вайкунтхи, Нарада Муни рассказал простому башмачнику, что Господь Нараяна продевает слона через угольное ушко. «О, как велик Нараяна!» – воскликнул башмачник. А образованный брахман сказал: «Сказки». Тогда Нарада спросил у башмачника: «Почему ты веришь, что Нараяна продевает слона через игольное ушко?» – «А почему нет? – ответил башмачник. – Я сижу под деревом баньян. На нем столько ягод! А в ягодах – множество семечек, каждое из которых превратится в огромный баньян».

Шрила Прабхупада сказал, что путем экспериментальной логики человек не сможет понять непостижимое.

– Для нас все представляет собой непостижимую истину, – сказал он, – но эти негодяи хотят показать, что все постижимо. Не гордитесь своим так называемым образованием. Оно бесполезно.

Однажды, когда Шрила Прабхупада сидел в саду, выслушивая от своего секретаря последние новости, на высокой стене показались несколько обезьян, которые сверху смотрели на преданных. Шрила Прабхупада часто просил преданных прогонять их, а однажды даже велел повесить на дереве за шею искусственную обезьяну, чтобы напугать остальных. Но те по-прежнему приходили. Иногда, завидев обезьяну, Шрила Прабхупада вспоминал о Дарвине. Однажды он рассказал о том, как Кришна водил с обезьянами дружбу, скармливая им масло и играя с ними в лесу.

По верху стены бегали маленькие бурундучки; временами во двор влетала пара зеленых попугаев, громко чирикавая и хлопая крыльями в кустах, а затем вспархивала в небо.

Вдруг неподалеку опустился большой павлин и расправил свой пышный сине-зеленый хвост, словно позируя для удовольствия преданных. Брахмачари обмахивал веером молчаливо сидящего Шрилу Прабхупаду. Однако у Тамала-Кришны было одно дело, которое, по его мнению, не требовало от Шрилы Прабхупады много сил. Сидя у стоп своего духовного учителя, он затронул важную тему.

– Шрила Прабхупада, – начал он, – в последнее время мы получаем множество писем от людей, желающих получить посвящение. До этого момента, в связи с вашей болезнью, мы просили их подождать.

Поскольку гуру вынужден принимать карму своих учеников, а также в виду слабого здоровья Шрилы Прабхупады Тамала-Кришна предложил ему пока не инициировать новых последователей.

Шрила Прабхупада ничего не сказал; вриндаванскую тишину нарушал лишь плеск воды в фонтане. Затем он заговорил. Он назвал трех своих учеников и добавил:

– Эти трое могут это делать.

Тамала-Кришна уточнил, должны ли теперь американские преданные обращаться с просьбой о посвящении непосредственно к этим трем его ученикам.

– К тому, кто ближе, – сказал Прабхупада, и назвал еще трех старших учеников в Европе. – Пятеро, шестеро человек могут разделить. Пусть обращаются к тем, кто ближе.

На вопрос Тамала-Кришны, относится ли это к обоим посвящениям – первому и второму, Прабхупада ответил утвердительно.

– Таким образом, преданным не нужно обращаться к вам с просьбами дать им первое и второе посвящение, – заключил Тамала Кришна. – Они могут писать тому, кто находится недалеко от них. Но все эти люди по-прежнему считаются вашими учениками? Тот, кто дает посвящение, делает это от вашего имени?

– Да, – ответил Прабхупада.

Тамала-Кришна спросил, не хочет ли Прабхупада порекомендовать на эту роль кого-то из Индии, и тот добавил еще одно имя. Шрила Прабхупада попросил еще раз огласить список, и Тамала-Кришна назвал семь имен.

– Все, – сказал Прабхупада. – Теперь распределяйте. На данный момент семь.

Затем он вспомнил еще двоих.

– Ну вот, меня ждать не нужно, – сказал Прабхупада, – если вы считаете, что кто-то достоин это делать, я не возражаю. Оставляю это на ваше усмотрение.

Шрила Прабхупада ни слова больше не сказал, и, помолчав немного, Тамала-Кришна спросил, не хочет ли Прабхупада послушать киртан. Легким жестом Шрила Прабхупада выразил согласие и преданные, ожидавшие возможности спеть для него, вошли в комнату.

На следующее утро Шрила Прабхупада добавил к списку еще два имени, определив таким образом одиннадцать учеников, которые будут действовать в качестве ритвиков, или представителей ачарьи. Шрила Прабхупада не хотел, чтобы те, кто присоединился к ИСККОН совсем недавно, слишком долго ждали возможности получить посвящение. Теперь его одиннадцать учеников могут продолжать проводить церемонии посвящения по своему усмотрению.

10 июля

Тамала-Кришне позвонил Гопала-Кришна. На майяпурский храм напала группа из трехсот бандитов. Пятеро преданных получили ранения и попали в больницу. Бхавананда Госвами стрелял из дробовика и ранил двух нападавших. Полиция, приехавшая только через два часа после вызова, арестовала Бхавананду и бросила его за решетку. Это обеспокоило Шрилу Прабхупаду:

– Если мы воспользовались своим ружьем, защищаясь от бандитов, что в этом плохого? – возмущался он.

Позднее, в тот же день, Прабхупада выслушал версию нападения в изложении «Хиндустан Таймс». Согласно сообщению корреспондента, на территорию ИСККОН забрели несколько коров, и преданные их поколотили. Это рассердило деревенских жителей, они пошли жаловаться в храм, и там по ним открыли огонь. Двое получили ранения. В статье упоминалось имя Бхавананды Госвами, а в конце было сказано, что основатель храма, А.Ч. Бхактиведанта Свами при происшествии не присутствовал.

Шрила Прабхупада выслушал статью, сделал несколько комментариев и продолжил свою обычную послеполуденную работу над книгами. Но ближе к вечеру он подозревал Тамала-Кришну.

– Я опасаюсь большого заговора, – сказал он. – В последней строке говорилось, что ачарьи-основателя не было. Они сожалеют. Они были бы рады арестовать меня и посадить в тюрьму.

Тамала-Кришна поднял газету на смех, сказав, что она излагает факты предвзято.

– Не похоже на правду, – сказал он, – чтобы преданные били коров. Преданные не бьют коров.

Через несколько дней от Гопала-Кришны пришло письмо, в котором излагались факты, связанные с нападением в Майяпуре. Около пятидесяти мусульман крали с земли ИСККОН урожай, и когда Нитай-чанда попытался остановить их, они напали на него и поранили ему голову в трех местах. Позднее, когда Нитай-чанда находился в храмовом лазарете, эти же самые люди нагрянули туда и избили его, а помимо этого, сорвали с одной из женщин одежду. А в это время

на комплекс напали еще 250 человек – они сломали ворота, перерезали телефонные и электрические провода и испортили водяные насосы. Пытаясь отпугнуть шайку, Бхавананда выстрелил в воздух, но, видя, что бандиты не расходятся, открыл огонь на поражение, ранив двоих.

Во время нападения бандиты сломали одному из учителей гурукулы обе руки и избili многих преданных. Через два часа приехала полиция и порекомендовала преданным написать заявление в полицейский участок Кришнанagara, что в тридцати километрах от Майяпура. Когда преданные прибыли туда, их тут же арестовали, а двум серьезно пострадавшим преданным даже отказали в медицинской помощи. Бхавананда Госвами по-прежнему сидит в тюрьме. Прабхупада сказал, что это заговор, организованный с целью выжить из Майяпура преданных ИСККОН.

– Они хотят, чтобы по всей Бенгалии воцарилось безбожие.

Тамала-Кришна предположил, что этот случай неблагоприятно отразится на проповеди ИСККОН в деревнях, но Прабхупада ответил:

– Нет, очень скоро эти события сыграют в нашу пользу. Я думаю, центральное правительство предпримет меры. Это подобно нападкам Камсы на Кришну. Кришна непременно победит. Никто не может одолеть Кришну. Будь я там, они обвинили бы меня в том, что я отдал приказ стрелять, и взяли бы меня под арест. Сейчас я уже старик и не могу активно сопротивляться. Поэтому действовать должны вы, но действовать осторожно и внимательно.

Прабхупада продолжал обдумывать и комментировать этот инцидент.

– Гундам не нравится Чайтанья Махапрабху, – сказал он. – Они говорят, что Чайтанья Махапрабху делал людей слабовольными. В Ориссе говорят, что после встречи с Чайтаньей Махапрабху Махараджа Пратапарудра утратил свою силу кшатрия. Он был могущественным царем, но, встретив Чайтанью Махапрабху, превратился в слабака.

– Что мы отвечаем на это? – спросил Тамала-Кришна.

– А что вы можете ответить? – сказал Шрила Прабхупада. – Если они приходят к подобному выводу, значит, они не понимают духовную жизнь. Они говорят, что утверждение Господа Чайтаньи – на дханам на джанам – разрушительно. Мы не хотим этого, а они хотят. Что вы можете ответить таким людям? Все хотят этого, а мы говорим, что не хотим. Как прийти к взаимному согласию с такими людьми? В вашей стране тоже говорят: «Что плохого в незаконном сексе? Что плохого в алкоголе и сигаретах?» Они говорят, что мы промываем мозги. Разве не так? Наше Движение очень трудно развивать. Однако мы делаем это, потому что на то есть милость Кришны.

Видя, как взволнован Прабхупада, Тамала-Кришна спросил:

– Вы будете переводить сегодня днем, Шрила Прабхупада?

Но Прабхупада продолжал обсуждать поднятую тему.

– Молодая, красивая женщина глубокой ночью приходит к Харидасу Тхакуру, чтобы предложить ему свое тело, но он отказывается. Кто это оценит?

– Мы оценим, – сказал Тамала-Кришна.

– Вы-то оцените, – согласился Прабхупада, – но в современном обществе кто оценит это?

Прабхупада заговорил о неизбежном разногласии между преданными и непреданными:

– В их понимании молодой мужчина не может жить без молодой женщины, однако Чайтанья Махапрабху говорит: «О, вы хотите молодую женщину? Это опаснее, чем пить яд!»

Говоря о майяпурских преданных, которые готовы были отдать за Кришну свои жизни, Прабхупада задохнулся от переполнявших его чувств и заплакал.

– Кришна защитит их, – сказал он, – наших людей в Майяпуре.

Он вспомнил, как Харидаса Тхакура также бросили в тюрьму, а затем били, и как пытали Махараджу Прахладу, пока не появился Господь Нрисимха.

– Не беспокойтесь, – со слезами на глазах говорил Шрила Прабхупада так, словно все его майяпурские преданные в этот момент стояли перед ним. – Кришна защитит вас. Мы делаем все от нас зависящее, насколько позволяет наш разум. Чайтанья Махапрабху хотел, чтобы это Движение проникло в каждый уголок мира. Мы ограничены.

Пытаясь облегчить печаль Прабхупады, Тамала-Кришна принялся читать последний отчет Гханашьямы, распространявшего книги в Восточной Европе. Сообщение о его замечательных достижениях отвлекло внимание Прабхупады от Майяпура. Он улыбнулся и сказал:

– Вот это жизнь.

Тамала-Кришна продолжил:

Куда бы мы ни приезжали, люди либо уже знают о Вас, либо горят желанием узнать о Кришне и о Вас, читая Ваши книги. Любой, кто распространяет ваши книги в коммунистических странах, подтвердит мои слова – нигде больше люди так не ценят ваши книги.

Тамала-Кришна оторвался от письма и добавил от себя:

– Он был везде, Прабхупада, и говорит, что в коммунистических станах ваши книги ценят больше, чем где-либо еще.

– Да, – подтвердил Шрила Прабхупада, – они изголодались.

Через несколько дней по почте пришел полный и подробный отчет Джаяпатаки Свами с места событий в Майяпуре. Местные майяпурские индулы были возмущены произошедшим и организовывали сбор подписей в поддержку храма ИСККОН. Вопреки ложным сообщениям в прессе, людям постепенно стали известны достоверные факты. В ярких красках Джаяпатака описывал, как Бхавананду и других преданных в цепях вели в суд, а жители Навадвипы выражали им почтение. Он рассказывал, как преданные, по-прежнему находясь в тюрьме, постоянно повторяли там «Харе Кришна».

В целом отчет был оптимистичным. В Майяпуре по-прежнему продолжалось распространение прасада, распространение книг в Западной Бенгалии увеличивалось, а проповедническим группам повсюду оказывали теплый прием. Предсказание Шрилы Прабхупады сбывалось: инцидент оборачивался в пользу преданных. Враги думали, сказал он, что, нападая на преданных Кришны, они выкапывают ужа, а то оказалась кобра.

В июле работа над «Шримад-Бхагаватам» шла особенно хорошо. Шрила Прабхупада по-прежнему диктовал рано утром, а также во второй половине дня, и за месяц закончил работу над восьмой и девятой главами Десятой Песни. Работа приносила ему огромное наслаждение. Переводя «Шримад-Бхагаватам», он совершенно забывал о своем физическом состоянии. Ему не могли помешать ни перебои сердца, ни слабость. Прабхупаде трудно было даже сидеть, но стоило ему начать работать, и его уже нельзя было остановить.

Забыв о своем теле, Прабхупада с микрофоном в руках терпеливо и обстоятельно рассказывал о том, как семейный жрец Нанды Махараджи, Гаргамуни, проводил для маленького Кришны обряд наречения именем. В комментариях Шрила Прабхупада часто делился с читателем личным опытом и собственными мыслями.

Такова миссия Господа, Верховной Личности. Та же миссия и у преданных. Тот, кто исполняет эту миссию пара-упакара, кто трудится ради блага людей, по словам Самого Кришны, Верховной Личности, очень и очень дорог Ему (на ча тасман манушьешу кашчин ме прия криттамах). Подобным образом, Чайтанья Махапрабху просил людей, и в особенности жителей Индии, заниматься пара-упакарой. В целом, обязанность чистого вайшнава – действовать на благо других.

Работая то в предутренней прохладе, на веранде, то в послеполуденной влажной жаре, Шрила Прабхупада открывал миру безграничное ведическое знание, как это делали его предшественники – шестеро Госвами и Кришнадаас Кавираджа, когда, живя во Вриндаване, они прославляли Кришну и Господа Чайтанью. Однако Шрила Прабхупада был первым великим ачарьей, который сделал книги о философии сознания Кришны доступными для людей всего мира, независимо от их происхождения и наклонностей. В то самое время, когда он работал над последними главами «Шримад-Бхагаватам», тысячи юношей и девушек по всему миру проповедовали от его имени откровение Вед. Они, его ученики, все время помнили о том, что их духовный учитель, больной, работает во Вриндаване над комментариями к Десятой песни, и молили Господа Кришну, чтобы Он даровал ему много лет жизни и позволил завершить работу над «Шримад-Бхагаватам».

Комментируя детские игры Господа Кришны, Шрила Прабхупада описывал совершенно запредельное этому миру состояние сознания, не имеющее ничего общего с материальными представлениями о детстве и старости.

Все эти игры Кришны и великое наслаждение, которое испытывали матери, трансцендентно; в них нет и тени материального. В «Брахма-самхите» это описывается как ананда-чинмая-раса. В духовном мире тоже есть переживания, плач и другие чувства, похожие на таковые в материальном мире, но поскольку эти чувства принадлежат духовному миру, отражением которого является мир материальный, они приносят матери Яшоды и матери Рохини духовное наслаждение.

Сейчас Шрила Прабхупада писал об особенно сладостных эпизодах из игр Кришны. Он с упоением описывал, как Кришна крадет масло и кормит им обезьян, как являет матери Яшоды Свою вселенскую форму... Рассказывая о неспособности матери Яшоды постичь вселенскую форму Кришны, Шрила Прабхупада своим комментарием пролил свет на все непостижимые ситуации, включая ту, в которой находился сам.

Ей (матери Яшоды) не оставалось ничего иного, как только выразить Господу свое почтение. Не следует даже пытаться понять изначальную причину всего с помощью логики и аргументов. Когда мы сталкиваемся с той или иной необъяснимой проблемой, нет иного выхода, кроме как предаться Верховному Господу и выразить Ему свое почтение. Тогда мы займем самое надежное положение. Именно так и поступила в данном случае мать Яшода. Что бы ни случилось, изначальная причина – это Господь, Верховная Личность. А когда нет возможности определить непосредственную причину происходящего, мы должны просто предлагать свои поклоны лотосным стопам Господа. Мать Яшода пришла к выводу, что чудеса, увиденные ею во рту ее ребенка, были как-то связаны с Ним, но обнаружить их явную причину она не смогла.

Шрила Прабхупада глубоко ценил и с радостью восхвалял чистую преданность матери Яшоды своему маленькому Кришне, и называл ее эмблемой всех чистых преданных Господа – особенно обитателей Вриндавана, которые испытывают к Господу спонтанную любовь.

– Чистые преданные, живущие во Вриндаване, – писал он, – свободны от телесных представлений.

Такие преданные целиком посвящают себя служению Господу, испытывая к Нему величайшую привязанность, прему. Господь Чайтанья, – говорил Прабхупада, – называл прему, или чистую любовь в отношениях с Кришной, высочайшим совершенством жизни. «И мать Яшода, – писал Шрила Прабхупада, – по всей видимости, величайшая из всех преданных, достигших этого совершенства».

Шрила Прабхупада хотел, чтобы все, что он написал, было напечатано и распространено; это было его служением Гуру Махарадже. Он получал огромное удовлетворение, когда слышал, что книги его продолжают распространяться по всему миру. Харикеша Свами, член Джи-би-си по Северной и Восточной Европе, сообщал, что огромными тиражами печатает книги на тринадцати языках. Не успев дослушать это сообщение до конца, Шрила Прабхупада воскликнул:

– Да благословит тебя Бхактисиддханта Сарасвати Махараджа! Ты – самый замечательный внук Бхактисиддханта Сарасвати! Продолжай в том же духе!

Гопала-Кришну, секретаря Джи-би-си по Индии, он точно так же побуждал быстрее переводить его книги на хинди и издавать их, все время увеличивая тиражи, и всякий раз, когда Гопала-Кришна приходил к своему духовному учителю без новой книги, тот бранил его за нерасторопность. Поэтому Гопала-Кришна стал приходиться к Прабхупаде только тогда, когда мог принести с собой новую книгу. Когда в середине июля Гопала-Кришна принес ему экземпляр второй части Первой Песни «Шримад-Бхагаватам» на хинди, Шрила Прабхупада просиял от счастья, а потом сказал:

– Теперь он не придет, пока не выпустит еще одну книгу, потому что я каждый раз его ругаю: «Где книги? Где книги?»

20 июля

Прибыл Абхирама и рассказал Шриле Прабхупаде о положении дел в Майяпуре. Однако в отчете его не было ничего нового, поэтому позже Шрила Прабхупада спросил Тамала-Кришну, зачем Абхирама на самом деле приехал. Тамала Кришна объяснил, что тот решил заняться бизнесом, но пребывал в нерешительности, в каком городе ему лучше обосноваться – в Бангалоре или в Бомбее.

Вечером, перед сном, лежа в постели под москитной сеткой, Шрила Прабхупада вновь позвал Тамала-Кришну. Он был озабочен тем, как бы Абхирама, под предлогом поисков возможностей для бизнеса, не отошел от сознания Кришны. Шрила Прабхупада сказал, что сам когда-то был независимым грихастхой – так же, как и Бхактивинода Тхакур.

– Но у нас была другая цель, – сказал он. – А эти неофиты, если прекратят связь с храмом и перестанут посещать службы, со временем потеряются.

Тамала-Кришна ответил, что именно по этой причине он и посоветовал Абхираме начать свой бизнес в Бомбее.

– На самом деле, – сказал Тамала-Кришна, – я нахожу, что у грихастх нет желания жить независимо от храмов.

Он объяснил, что в бомбейском храме грихастхи имеют возможность снимать квартиры достаточно близко от храма, чтобы посещать мангала-арати и другие службы.

– Да, – согласился Шрила Прабхупада. – Стоит этому прекратиться, как яд карми отравит их. Он может заниматься своим бизнесом. В этом нет ничего плохого. Но он должен сохранять связь с преданным служением.

Разговаривая, Шрила Прабхупада лежал неподвижно, лишь слегка приподняв голову.

– Как, например, Абхирама построил этот дом, – продолжил он, снова откинувшись на подушку. – Это нормально, тем более, дом его стоит на территории храма. Так Абхирама будет в безопасности. Но если сейчас, получив такую подготовку и достигнув таких успехов в духовном развитии, он уедет, если они [преданные] потеряются, это станет великой потерей для Общества. Стольких трудов нам стоит воспитать одного вайшнава! И если после этого он уйдет – как Шьямасундара – это великая потеря. Идея в том, чтобы оставить привязанность к материальному миру и усилить привязанность к Кришне. В этом и есть совершенство. И это можно делать постепенно, в зависимости от нашего положения. Но цель именно в этом.

Шрила Прабхупада сказал Абхираме, что, занимаясь бизнесом в Бомбее, он может жить рядом с храмом, и это благоприятно скажется на его духовной жизни.

– Грихастхи не должны зависеть от Общества, – сказал он. – В то же время они не должны быть независимы от него.

Рассмеявшись над кажущимся противоречием, Шрила Прабхупада пояснил:

– Наше Общество не может содержать семьи. В будущем семей будет очень много. Как мы будем их содержать? В то же время, оставшись без связи с Обществом, они заразятся ядом карми.

Шрила Прабхупада заключил, что проблема грихастх решится, если те найдут себе квартиру рядом с храмом, либо, если это возможно, будут жить в храме.

– Они не должны жить совершенно независимо, – заключил он. – Это создаст опасность в будущем.

Прабхупада сказал, что хочет идеальных, сознающих Кришну грихастх.

– Как, например, Бхактивинода Тхакур, – сказал он. – Есть много примеров. Я сам был грихастхой. Я поклонялся Божеству, и все было замечательно. Будучи грихастхой, я издавал «Назад к Богу». Моей целью было сознание Кришны. Ввиду определенных обстоятельств я не мог оставить семейную жизнь. Это другой вопрос. Но нужно не потерять связь с преданным служением, каковая есть у тех, кто живет в храме. Эту связь будет легче поддерживать, если жить рядом с храмом или в самом храме. Но если домохозяин обособляется, это опасно.

Даже после того, как Тамала-Кришна рассказал о некоторых отрицательных сторонах проживания грихастх в храмовых зданиях, Шрила Прабхупада стоял на своем:

– В любом случае, вопросы эти требуют внимания и решения. Вы не можете выдвигать слишком жесткие требования в отношении грихастх. Каким-то образом необходимо все это урегулировать. Мы не можем их терять.

Прабхупаду сильно тревожило, когда он видел, как после нескольких лет обучения в сознании Кришны семейные пары уходят – только потому, что перестают посещать храм. Это грозило огромными потерями, и он, пытаясь избежать их, наставлял сейчас одного из своих представителей Джи-би-си. Прабхупада сказал, что если не устранить эту опасность, «нашему Обществу можно не надеяться на будущее».

Присутствовавший при этом разговоре слуга Шрилы Прабхупады, Упендра, спросил Прабхупаду о том, насколько мужчина ответствен за содержание своей жены и семьи. Прабхупада ответил, что если мужчина не способен поддерживать семью, он не должен жениться. Он не должен ждать, что храм будет делать это за него.

– Почему мы должны содержать грихастху? – объяснял Шрила Прабхупада. – На какие деньги? Но все это необходимо продумать. Я могу дать лишь общие указания.

Прабхупада привел пример, что если грихастха помогает поддерживать в храме пышное поклонение, то это тоже проповедь, и храм вполне может рассмотреть вопрос о содержании его семьи.

– То есть, основной принцип – ни при каких обстоятельствах никого не терять, – заключил Тамала-Кришна.

– Да, – подтвердил Прабхупада. – Иначе, в чем тогда проповедь? Мы уподобимся Александру Великому. Он покорял другие страны, но стоило ему отправиться на поиски новых побед, он тут же терял завоеванную территорию. Предположим, завоевав Бомбей, я отправляюсь в Карачи, и, находясь там, теряю власть над Бомбеем. Так было с Александром Великим. Когда нет должного правления... Так, например, была потеряна Британская империя. Они просто не справились с управлением.

– Значит, и мы не должны слишком быстро расширяться, – предположил Тамала-Кришна, – если организация нашего Движения не на высоте.

– Поэтому я придаю такое значение продаже книг, – продолжал Прабхупада.

Он хотел, чтобы руководители уяснили основные принципы его плана, ведь именно на их плечи ляжет ответственность за его практическое выполнение.

– По крайней мере, при моей жизни не делайте из меня Александра Великого, – смеялся он. – Они говорят мне: «Вы великий, великий, великий». Но пока я жив, не превращайте великого в маленького.

– И даже после, – сказал Тамала Кришна. – Мы никогда не сделаем вас таковым. Мы не должны так поступать.

– Тогда, – сказал Прабхупада, – вот моя просьба. Люди признают, что я велик. Не превращайте меня в маленького. Я не причиню вам много беспокойств, но я немогущ. Что я могу поделать?

– Похоже, что, даже если вы немогущи, – ответил Тамала-Кришна, – это лишь дает нам возможность больше служить вам.

– Спасибо вам, – сказал Прабхупада. – Что я могу поделать? – и, тихо рассмеявшись, добавил: – Я вынужден предоставлять вам эту возможность.

– Вы даруете нам милость, – сказал Тамала-Кришна.

– Ладно. Продолжайте, – ответил Прабхупада, отпуская преданных.

– Джай, Прабхупада! Спасибо вам за ваши милостивые наставления!

22 июля

Утром Тамала-Кришна сообщил Прабхупаде, что завтра Господь Джаганнатха прошествует по Пятой авеню Нью-Йорка.

– Господь Джаганнатха так добр к млеччхам! – сказал Прабхупада. – Большинство жителей Ориссы – млеччхи, однако им позволено быть пуджари! Услышав, как один преданный критикует жителя Ориссы, Господь Чайтанья дал ему пощечину: «Как смеешь ты критиковать Моих слуг?» Он так добр! Я молился Кришне: «Пожалуйста, благослови всякого, кто оказал Тебе небольшое служение». И Кришна действительно благословляет. Он не забывает даже небольшое служение.

Тамала-Кришна спросил:

– Радхарани тоже обращается к Кришне с подобной молитвой?

– Да, – ответил Прабхупада. – Радхарани говорит: «Мне недостает искренности. Вот Твой настоящий слуга». Это и есть маха-бхава. Кришна становится слугой Своего слуги. Поэтому первая обязанность ученика – быть покорным своему гуру.

– Шрила Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна, – все ваши ученики безмерно благодарны вам.

Шрила Прабхупада погрузился в мысли о своих преданных, и его переполнил экстаз... Закрыв глаза и покачивая головой, он проговорил сквозь слезы:

– О, ваша любовь ко мне... Я живу ради вас! Все идет своим чередом – деньги приходят, уходят – и мне не нужно ни о чем беспокоиться. Я в таком долгу перед вами! Я принимаю от вас столько служения!

– Это мы в долгу перед вами, – сказал Тамала-Кришна. – Мы никогда не сможем отплатить вам этот долг, Шрила Прабхупада.

– Это брихат-мриданга, – продолжал Прабхупада. – Я бью по ней в этой комнате, и звук ее раздается на десять тысяч миль вокруг. Наши враги диву даются: «Как этот старик еще продолжает?»

Шрила Прабхупада с благодарностью вспоминал о том, как во многих городах люди наслаждаются праздниками Ратха-ятры, созерцанием Господа Джаганнатхи, танцами и пением. Он вспоминал прошлые Ратха-ятры, в том числе Ратха-ятру в Сан-Франциско в 1969 году, когда

несколько преданных радостно танцевали вокруг дерева. Вспомнил он и много других удивительных событий из истории ИСККОН.

К концу июля здоровье Прабхупады опять ухудшилось, и вновь он заговорил о том, что конец может наступить в любую минуту.

Уже в течение полугода Тамала-Кришна непрерывно исполнял обязанности личного секретаря Прабхупады. Он стал его глазами и ушами, его поверенным – особенно в вопросах, касавшихся управления ИСККОН, он стал и его наперсником, делившим с ним все духовные переживания. И как верный слуга, он решил попробовать еще одно лекарство. В последнее время Шрила Прабхупада много раз говорил о своей глубокой любви и преданности ученикам, занимающимся проповеднической деятельностью, и это навело Тамала-Кришну на мысль, что если Прабхупада съездит на Запад и увидится со своими учениками, такая поездка вдохнет в него новую жизнь...

Он сказал об этом Прабхупаде.

– Но если я буду умирать, – возразил Прабхупада, – я хотел бы, чтобы это случилось во Вриндаване.

Тамала-Кришна на это сказал, что Шриле Прабхупаде еще рано думать о смерти. Если он поедет на Запад, увидит преданных, попробует прасад, приготовленный из продуктов, выращенных на фермах ИСККОН, то непременно откликнется на преданность своих учеников, и к нему вернуться аппетит и силы. Тамала-Кришна напомнил, как в мае, когда Шрила Прабхупада тоже чувствовал себя плохо, во Вриндаван съехались члены Джи-би-си, и тогда он ответил на их любовь взаимностью, укрепившись в желании жить.

– Вы можете поступить так, – посоветовал Шрила Прабхупада. – Занимаясь повседневными делами, вы можете молиться Кришне: «Если Ты желаешь, чтобы он остался, пожалуйста, излечи его. Если нет, пожалуйста, заberi его. Мы всецело преданы Тебе. Теперь только от Твоего желания зависит, будет ли он жить или оставит этот мир».

Шрила Прабхупада показывал, что не мирская печаль лишает его желания жить. Он уже говорил, что будет с Кришной в любом случае. Выбор, оставаться или уходить, зависит не от него, но от Кришны. Он произнес молитву царя Кулашекхары из «Мукунда-мала-стотры»: «Мой дорогой Кришна, позволь мне умереть здесь и сейчас, чтобы лебедь моего ума запутался в стебле лотоса Твоих стоп. Пусть это произойдет сейчас, пока я еще чувствую силы. В противном случае, в минуту последнего вздоха, когда удушье сдавит мое горло, как смогу я думать о Тебе?»

Однако, как любящий ученик, Тамала-Кришна продолжал умолять Шрилу Прабхупаду не думать об уходе. У него в этом мире осталось столько незаконченной работы; он ведь еще не увидел, как в бомбейском храме устанавливают Божества Радха-Расавихари!

Шрила Прабхупада согласился с этим и добавил:

– У меня есть еще одно желание. Я вижу, как люди страдают от агностицизма. Эти негодяи страдают, но не знают причины. Я хочу избавить мир от агностицизма.

Тамала-Кришна заверил Шрилу Прабхупаду, что если он отправится на Запад, агностицизм будет уничтожен. Преданные и сейчас уже трудятся изо всех сил, выполняя наставления Шрилы Прабхупады, но если он окажется рядом с ними, проповедь их усилится бесконечно. Тамала-Кришна перестал играть пассивную роль – просто сидеть и ждать, когда духовный учитель позвонит в колокольчик и что-нибудь попросит; теперь он пытался побудить Шрилу Прабхупаду отправиться в путь, а, увидев, что тот не отрицает эту возможность, преисполнился еще большего энтузиазма.

– Когда я во Вриндаване, – сказал Прабхупада, – я вижу, что это трансцендентное место. Кришна явил мне эту милость. И оказавшись в одном из наших центров, я вижу, что там тоже Вайкунтха – Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Париж или Лондон.

Тамала-Кришна предложил план путешествия: Шрила Прабхупада посетит Лондон, остановится в поместье Бхактиведанты, увидит Радха-Лондон-ишвару; затем отправится в Нью-Йорк, где в небоскребе ИСККОН встретится с преданными и Радха-Говиндой; затем будет ферма в Пенсильвании, и наконец, Лос-Анджелес, где он сможет посмотреть новые диорамы об играх Кришны.

– Остаться во Вриндаване – это сентиментальность, – согласился Шрила Прабхупада и мрачно пошутил: – Если я умру в Нью-Йорке, вам придется похоронить меня на крыше... Там ведь нет больше места. Если я буду умирать среди вас... Вы все люди с Вайкунтхи. Мне приснилось,

что ко мне пришли люди с Вайкунтхи, чтобы меня забрать. Все они были белые, с бритыми головами. Ваши сограждане не могут поверить, что вы смогли так измениться.

Шрила Прабхупада сказал, что нужно проконсультироваться с астрологом и выяснить, насколько сейчас для него благоприятны путешествия, а также, сможет ли он вылечиться и как долго еще проживет.

– Я родился в четыре часа дня, – сказал Шрила Прабхупада. – В Нандотсаву. Относительно даты вы можете проконсультироваться со старым Панджикой. Это был вторник. Я готов ехать на Запад.

Тамала-Кришна процитировал тридцать седьмой стих из второй главы «Бхагавад-гиты», в котором Кришна призывает Арджуну к сражению: «Либо ты погибнешь в бою и достигнешь райских планет, либо победишь и насладишься царством на земле». Шрила Прабхупада сказал, что цитата вполне к месту.

Всю ночь и весь следующий день он обдумывал это предложение.

– Тамала готовит серьезную прогулку, – заметил он, обращаясь к другим слугам.

– Я молился Кришне: «Зачем эта медленная смерть?», – сказал Прабхупада Тамала-Кришне. – И тогда ты процитировал этот стих. По крайней мере, мои ученики будут знать, что я приехал с риском для жизни. Они – наше будущее. Я должен вдохновлять их. Кришна приказывал Арджуне, а я – слуга Арджуны. Я не настолько ограничен, чтобы считать эту страну своей. Все принадлежит Кришне. Почему я должен ограничивать Кришну?

Тамала-Кришна продолжал вдохновлять Прабхупаду:

– Там, среди преданных, готовых ради распространения сознания Кришны и ради вас пожертвовать жизнью, вы почувствуете прилив бодрости. Вам не нужно будет много говорить – достаточно просто присутствовать. Вы просто увидите преданных, а они – вас. Это не слишком вас утомит! Да и погода сейчас в Лондоне замечательная. Август – прекрасное время.

Прабхупада повернулся к Упендре и сказал:

– От одних только его слов мое состояние уже меняется. Просто слушая его, я ощущаю прилив сил.

– Шрила Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна, – я уверен, что поездка на Запад поможет вам поправить здоровье.

– Да услышит Кришна твои слова, – ответил Шрила Прабхупада.

Остаток дня он провел, слушая «Чайтанья-чаритамриту», которую по очереди читали ему преданные. В какой-то момент, чувствуя огромное счастье, он сказал им:

– Всегда читайте мне «Чайтанья-чаритамриту»! Эти три книги! Никакие книги мира не сравнятся с ними! Я могу с гордостью говорить об этом. Мне выпала честь представлять эти книги всему миру, и люди принимают их без оглядки.

Прошел день. Еще глубже обдумав идею путешествия, Шрила Прабхупада упомянул некоторые из ее слабых сторон. Он сказал, что куда бы он ни отправился, его физическое состояние отправится вместе с ним.

– Но здесь вы в последнее время не работали над переводами, – напомнил Тамала-Кришна.

– А кто сказал, что я никогда больше не буду переводить? – возразил Прабхупада. – Любая деятельность сопровождается периодами отдыха и активности.

Он сказал, что, согласно аллопатической медицине, у него останется надежда только в том случае, если он ляжет в больницу и пройдет интенсивный курс лечения. Однако Аюрведа предлагает особые лекарства. Прабхупада сидел на балконе и беседовал со своим секретарем в солнцезащитных очках, которые носил даже поздно вечером и в зашторенной комнате. Для учеников это было еще одной причиной для беспокойств: Прабхупада начинал терять зрение. При таких обстоятельствах перспектива путешествия на Запад представлялась весьма сомнительной. Почему он не может остаться во Вриндаване, рассуждали некоторые из преданных, где все как будто создано для того, чтобы ему было удобно?

Преданные разослали письма трем астрологам и в тот же вечер получили на них ответы. Некоторые из астрологов предлагали совершенно абсурдные методы, не учитывающие положения Шрилы Прабхупады, но все сходились в одном: следующие два месяца будут в его жизни самыми трудными, поэтому поездок лучше избегать. Один астролог рекомендовал Шриле Прабхупаде носить голубой сапфир.

– Итак, дело не безнадежно, – сказал Прабхупада, выслушав все рекомендации. – По крайней мере, в последующие пять недель внимательно следите за моим здоровьем. Пока никаких поездок. Достаньте голубой сапфир и повторяйте «Харе Кришна».

В последний день июля губернатор Тамил-Наду, Шри Прабхудас Патвари во время своего посещения Вриндавана нанес визит Шриле Прабхупаде. У губернатора было всего полчаса, но все это время Прабхупада энергично ему проповедовал. Когда Шрила Прабхупада рассказал о состоянии своего здоровья, губернатор тут же пригласил его приехать в Мадрас и остановиться в Радж-Бхаване (поместье губернатора), где, по словам губернатора, работали лучшие доктора во всей Южной Азии. Но Прабхупада не стал углубляться в разговоры о своем теле, а ловко использовал его в качестве примера, иллюстрирующего философию сознания Кришны.

– В конце концов, – говорил он, – пока у нас есть тело, нам придется джанма-мритью-джара-вьядхи (рождаться, умирать, стареть, болеть). Это слова «Бхагавад-гиты». Люди должны попытаться остановить цикл рождения и смерти. Когда Вишвамित्रа Махараджа встретился с царем Дашаратхой, тот спросил его: «Пунар-джанма-джаяя: ты великий святой, ты пытаешься победить рождение и смерть. Преуспел ли ты на этом пути?»

Затем Прабхупада использовал пример своего здоровья для другого: чтобы объяснить концепцию варнашрама-дхармы. Он сравнил брахманов с головой, кшатриев с руками, вайший с животом, а шудр с ногами.

– Если все они в хорошем состоянии, значит, со здоровьем все в порядке, – сказал он. – В настоящий момент я страдаю, у меня не работает живот. Ни одной частью тела пренебрегать нельзя. Все части должны быть на месте, взаимодействовать друг с другом и быть здоровыми. Такова цель этого Движения, и долг правительства оказать нам защиту.

Шрила Прабхупада упомянул, с какими трудностями недавно столкнулись преданные в Майяпуре, и попросил губернатора о содействии.

– Мы непременно сделаем это, – пообещал губернатор Патвари. – Завтра я встречаюсь с премьер-министром, и мы обсудим этот вопрос.

Губернатор признал, что пресса представила факты в ложном свете. Он заверил, что в Мадрасе есть все условия для религиозной деятельности и упомянул нескольких свами, которые делают хорошее дело. Об одном из них он сказал:

– Он повсеместно пропагандирует «Гиту» самым замечательным образом.

– Многие пропагандируют, – откровенно ответил Прабхупада. – Но если вы не против, я скажу, что всем этим людям не ведом истинный смысл «Гиты».

«Бхагавад-гиту», сказал он, следует понимать как она есть, и прежде всего ее должны принять раджариши, правительственные лидеры.

Губернатор вновь сказал, что было бы замечательно, если бы Прабхупада приехал в Мадрас, и тот, казалось, принял его предложение всерьез и поблагодарил губернатора. Наконец, Прабхупада попросил о содействии в получении разрешения на постоянное проживание в Индии для нескольких своих учеников.

– Они никогда не сделают ничего плохого, – пообещал он. – Они никогда не будут участвовать в политике.

– Я знаю, – сказал губернатор. – Знаю.

– Пожалуйста, постарайтесь помочь, – попросил Прабхупада.

Позднее, когда Прабхупада упомянул, что уже почти решил отправиться в Мадрас, он и его слуги начали обсуждать все за и против поездки в Мадрас и другие места на планете. Хотя сейчас без посторонней помощи он не мог переместиться даже на несколько метров, но если на то будет желание Кришны, он готов отправиться в путь.

* * *

В июле 1977 года началась чатурмасья – особое для благочестивых индусов время. В это время жители Вриндавана уделяют больше времени чтению Священных писаний и посещению святых мест. В конце месяца, когда деревья и кустарники покрылись новым зеленым нарядом, во Вриндаван и в Кришна-Баларам-мандир устремились толпы паломников. Грязь и дождь не мешали их ликованию; люди облегченно вздохнули после изнурительной жары и с нетерпением ждали Джхулана-ятры – праздника, во время которого Радху и Кришну качают на качелях. Джхулана-ятра – самый большой праздник во Вриндаване, и в 1977 году он пришелся на середину августа.

Местные газеты регулярно печатали сообщения о состоянии здоровья Шрилы Прабхупады. Жители Вриндавана и окрестных деревень искренне беспокоились о нем, поэтому многие из них приходили в Кришна-Баларам-мандир не только по случаю праздника, но и потому, что волновались за Шрилу Прабхупаду. Те, кто приходил в храм к 9 часам утра, могли видеть его во время утреннего даршана Божеств.

Аппетита у Шрилы Прабхупады по-прежнему не было – последние шесть недель он почти ничего не ел. Он спал, принимал массаж, сидел и переводил, уже не соблюдая никакого режима. Чувствуя приближение кризиса, он разрешил преданным во всех храмах ИСККОН читать простую молитву: «О Господь Кришна, если Тебе будет угодно, исцели, пожалуйста, Шрилу Прабхупаду». Каждое утро он представлял перед Божествами. В темных солнцезащитных очках, он сидел в кресле-качалке, выпрямившись и молитвенно сложив ладони, а двое слуг, – один впереди, другой сзади, – осторожно несли качалку из его комнаты в храм. Сначала они ставили кресло перед Господом Чайтаньей и Нитьянандой, потом – перед Кришной и Баларамой, а затем – перед Радхой и Шьямасундарой. После этого они выносили его на середину внутреннего двора, под дерево тамала, и опускали кресло на черно-белый мраморный пол.

Шрила Прабхупада сидел лицом к Кришне и Балараме, а преданные рассаживались вокруг него и начинали киртан. В начале киртана двое мальчиков из гурукулы вставали, подходили к нему и, подняв руки, начинали танцевать, так, что их хлопчатобумажные чадары развевались в такт танцу. Обычно Прабхупада ничего не говорил и даже не улыбался, но через некоторое время он снимал с себя гирлянды и отдавал какому-нибудь преданному, а тот надевал их на шею танцоров. Затем выходили два других мальчика, и тогда первые надевали на них гирлянды, которые дал им Шрила Прабхупада, а сами садились на место. Танец и пение продолжались в течение получаса. Вокруг собирались гости, пришедшие в храм, и многие из них клали деньги к стопам Прабхупады, покоившимся на расшитой шелковой подушке.

Решимость Шрилы Прабхупады отправиться на Запад крепла с каждым днем. Один из астрологов сказал, что где-то в районе четвертого сентября, предварительно показавшись врачу, Шрила Прабхупада может совершить путешествие – но только с целью лечения.

– Я отправлюсь на нашу ферму в Пенсильвании, – решил он, и в нем, казалось, проснулась надежда. Он не принимал заключения астрологов как бесспорные; он советовался с ними больше из любопытства. Астрология – тоже часть ведического знания, но расчеты современных астрологов зачастую весьма сомнительны. Когда из Дели приехал Абхирама, с прогнозом от очередного астролога, Шрила Прабхупада выслушал его, продолжая внимательно и безмолвно повторять на четках мантру.

– Его главная мысль, Шрила Прабхупада, – сказал Абхирама, – что проблемы у вас будут еще шесть месяцев, особенно в первую неделю сентября, а затем – в некоторых числах октября и ноября. Продолжительность вашей жизни – восемьдесят два года, пять месяцев и одиннадцать дней, то есть закончиться она должна 28 февраля 1978 года. Это по времени рождения и расположению звезд. Но он определенно сказал, что по милости Кришны всё может измениться. И если вы переживете 1978 год, то он ясно видит впереди еще четыре-пять лет жизни.

Когда Абхирама закончил, Шрила Прабхупада молчал несколько минут, а затем сказал:

– По всем подсчетам моя жизнь закончилась. Это не важно. Если мой конец настанет сейчас, это будет славная смерть.

– Но если вы будете жить, это тоже будет достойно славы, – добавил Тамала-Кришна.

– Да, – согласился Шрила Прабхупада. – Посмотрим, чего хочет Кришна.

Другие гороскопы тоже говорили о предстоящем неблагоприятном периоде, связанном со входом Сатурна в восьмой дом. Для Шрилы Прабхупады это был знак, что состояние его находится в самой критической своей точке. В любом случае, предначертана судьба звездами или Кришной – кто в силах ее изменить? Все в руках Кришны. Но Шрила Прабхупада по-прежнему склонялся к поездке на Запад.

– Если я смогу поработать еще немного, – говорил он, – наше Общество станет гораздо сильнее. Я хочу получше укрепить фундамент ИСККОН.

Однако разговоры Прабхупады о поездке совпали с ухудшением его состояния. Он стал меньше говорить. Когда Тамала-Кришна попробовал было побудить его взяться за перевод, Прабхупада ответил:

– Я возьмусь за него, когда у меня будет настроение. Не пытайся меня принуждать. Сейчас мне тяжело и тревожно. Перевод не делается механически.

Паломники, собравшиеся на Джхулана-ятру, в большинстве своем были крестьянами из Раджастхана. И мужчины, и женщины были одеты в яркие, разноцветные одежды, руки и босые ноги женщин украшали тяжелые золотые и серебряные браслеты, позвякивавшие при ходьбе. В городе прибавилось нищенствующих садху. Покрытые пеплом или глиной, с ярким тилаком, они стали привычным зрелищем на улицах Вриндавана. Ямуна во многих местах разлилась, и течение ее стало таким быстрым, что мало кто отваживался в ней купаться. Каждый день тысячи посетителей приходили в Кришна-Баларам-мандир, который стал одним из самых популярных храмов Северной Индии. На вечернее арати в Кришна-Баларам-мандире собиралось столько народу, что живущие там преданные не могли даже войти в храм. Им приходилось стоять в самом конце двора, за многолюдной толпой. Мальчики из гурукулы, встречая гостей, предлагали им журнал «Обратно к Богу» на хинди, и каждый из них за вечер продавал по двести-триста экземпляров, что очень радовало Шрилу Прабхупаду.

С Запада приехали несколько учеников Шрилы Прабхупады, желая побыть с ним и надеясь оказать ему какое-нибудь скромное служение. Прабхупада сидел на постели в своей темной, прохладной комнате. Один из прибывших, Мадхудвиша, более чем на год уходил из сознания Кришны, но теперь он стоял перед Прабхупадой с обритой головой и тилакой вайшнава.

– Не оставляй нас, – с чувством попросил Прабхупада. – Ты можешь стать грихастхой, но не оставляй нас.

Сатсварупе Прабхупада сказал:

– Мне понравился твой журнал («Назад к Богу»), особенно статья «Шрила Прабхупада свидетельствует».

Шрутакирти, прибывший с Гавайев, показал Прабхупаде свечи, которые они производят и продают, чем очень его рассмешил.

– У вас, жителей Запада, – сказал Прабхупада, – нет недостатка в деньгах. Но я научил вас тому, как ими распоряжаться.

Более получаса Прабхупада с любовью общался с учениками.

Затем Тамала-Кришна сказал преданным, что, похоже, в зависимости от того, кто окружает Прабхупаду, и какие новости ему сообщают, планы его постоянно меняются; он объявил, что Прабхупада хочет поехать на Запад.

В тот же вечер Шрила Прабхупада позвал к себе «Тамалу и остальных», и преданные собрались и поднялись к нему на балкон, не зная, чего и ожидать. Шрила Прабхупада лежал в постели.

– Сядьте, – попросил он. – Я просто хочу посмотреть на всех вас. Это придает мне жизненных сил.

С любовью и добротой он посмотрел на рассеявшихся вокруг него преданных, а воздух тем временем наполнялся ароматом ладана, что раздувал в горшке с углями Упендра, чтобы отгонять комаров. В храме началось вечернее арати, и до маленького балкона доносились звуки киртана. Один за другим собравшиеся ученики начали растирать тело Прабхупады. Шрутакирти и Сатсварупа массировали ему ноги, а Тамала-Кришна – голову. Еще один преданный обмахивал его веером. Прабхупада лежал на спине, умиротворенно закрыв глаза.

– Все вы вайшнав, – произнес он. – Будьте милостивы ко мне.

Шрила Прабхупада открыто выражал свое желание слышать только хорошие новости. Это вдохновляло его не останавливаться. Он не хотел слушать ничего другого. Днем секретарь читал ему письма, и Прабхупада позволил присутствовать при этом и другим преданным. Однажды, когда они вошли к нему в комнату, он сказал:

– Если в этом мире есть хотя бы один вайшнав, он может освободить весь мир.

– Вы и есть тот самый один вайшнав, Шрила Прабхупада, – сказал Сатсварупа.

– Вы станьте вайшнавами, – ответил он. – Каждый из вас. Почему нет?

– Мы можем попытаться, – сказал Гуру-крипа Свами.

– Да, пытайтесь, – сказал Шрила Прабхупада. – Но следуйте. Не подражайте.

– Сегодня у нас есть письмо о распространении книг, – прервал их Тамала-Кришна, – отчет за месяц.

– Это поистине хорошие новости, – сказал Прабхупада и очень внимательно стал слушать, как Тамала-Кришна зачитывает сводку Би-би-ти. Это радовало и увлекало его. Слушая о достижениях своих учеников, время от времени он покачивал головой и улыбался. Затем он выслушал длинное письмо Гханашьямы о его триумфальном распространении книг в Восточной

Европе, а письмо от Туласи-даса, который развивал фермерскую общину сознания Кришны в Южной Африке, он прокомментировал:

– Когда я слушаю это письмо, грудь моя раздувается от гордости за то, что у меня есть такие ученики, и они выполняют такую работу.

В другом письме преданный написал молитву, в которой говорил, что все его духовные братья молятся за Прабхупаду, и выражал надежду, что Кришна ответит на их молитвы.

– Непременно, – сказал Прабхупада. – Я и живу-то только вашими молитвами. Последние шесть месяцев я ничего не ел, поэтому я, должно быть, и живу лишь за счет ваших молитв.

Узнав из письма из Южной Африки, что преданные молятся за него, он сказал:

– Думаю, мне придется остаться. Кришна очень добр. Он бхакта-ватсала. Столько преданных молятся, их ожидания не могут не оправдаться. Думаю, именно в этом причина моего вдохновения отправиться в путь. В таком состоянии обычно готовятся к смерти, но я собираюсь в путешествие. Не думаю, что это просто чувства. Кришна действительно присутствует в Движении сознания Кришны. Куда бы я ни поехал, посещая наши храмы, Вриндаван не покидает меня.

Панчадравида Свами написал, что готов обменять свою молодость на старость Шрилы Прабхупады.

– Мы одного возраста, – сказал Прабхупада. – Тело не имеет ничего общего с атмой. В мире Вайкунтхи мы одного возраста. Жизнь там всегда нова, мальчики всегда остаются молодыми – нава-яувана. Внешняя одежда не влияет на душу.

Продолжая отвечать на письмо Панчадравиды, Прабхупада продиктовал:

– Пусть Кришна дарует тебе долгую жизнь. Проповедуй сознание Кришны. Ты наша надежда на будущее.

Преданные, которые не видели Прабхупаду вот уже несколько месяцев, теперь могли, как в старые добрые времена, сидеть с ним и слушать, как он отвечает на письма, как учит их одерживать победу в сознании Кришны. Слушая его речь, они успокаивались. Но когда они покидали его комнату, он тихо произнес:

– Это мои последние дни.

Однажды, получив особенно захватывающий отчет со Шри Ланки, от Хамсадуты Свами, Тамала-Кришна решил рано утром принести его Шриле Прабхупаде. Прабхупада только что принял омовение и сидел на балкончике, готовясь в девять тридцать получить в храме даршан. На нем были две гирлянды: одна из туласи, от Кришна-Баларамы, а другая – из свежих цветов. Он облокотился на мягкий валик и слушал.

В своем письме Хамсадута сообщал о диспуте, произошедшем между ними и известным в Коломбо атеистом, д-ром Ковуром. Тамала-Кришна начал читать письмо, но Прабхупада сразу же захотел услышать ответ д-ра Ковура. Тогда Тамала-Кришна достал вложенную в письмо газетную вырезку и зачитал: «Дас и Свами спросили, могут ли ученые создать из пластикового яйца курицу. Не знаю, известно ли им, но ученые создали около десяти элементов, таких как фермий, плутоний, эйнштейний...»

– Негодай, – прервал Прабхупада. – Ты только сотрясаешь воздух. Где курица, мошенник? Курица даже лучше ученого. Она каждую неделю откладывает яйцо, а ты просто мелешь, и мелешь, и мелешь чепуху, только и всего. Какой от тебя толк? Мы считаем, что никакого. Даже курица важнее тебя.

Тамала-Кришна продолжал: «Мы создали более десяти элементов, которые даже Бог...»

– Да кому нужно ваше создание? – снова перебил Прабхупада. – Яйца откладываются и без него!

– Нет, он говорит, – Тамала-Кришна продолжил читать, – что «даже Бог не мог создать их, потому что Ему неизвестна технология их создания».

– Плевать Бог хотел на твою болтовню, – ответил Прабхупада. – Не нуждается Он в твоём творении. Он и без твоего творения может сделать все. Достанется же тебе от Бога по зубам за то, что горишь несурезицу! Так ему и скажите.

– Я уверен, Хамсадута это уже сказал, – ответил Тамала-Кришна. – Скоро мы прочитаем его ответ. Так или иначе, этот ученый продолжает: «Известно ли этим двум людям об успехе ученого со Шри Ланки, д-ра...»

Прабхупада: Кому какое дело до этого ученого?

«Лауреата Нобелевской премии за синтез аминокислот...»

– Лауреат Нобелевской премии, – саркастически усмехнулся Шрила Прабхупада. – Еще один мошенник получил Нобелевскую премию. Получил от другого мошенника. Сури-сакши матта. В винной лавке свидетель – пьяница. Если в винной лавке произойдет инцидент, и владелец магазина приведет нескольких свидетелей, то какой от них толк? – все они пьяны. Как только поймут, что ты пьян, выставят за дверь.

Прабхупада прерывал чтение письма почти на каждом предложении. Уже много недель преданные не видели его в таком возбуждении. Когда Тамала-Кришна прочитал ответ Хамсадуты, Прабхупада остался доволен, увидев, что ученик его прибегает практически к тем же аргументам, что и он сам.

– Он выдвигает очень сильные доводы, – сказал Прабхупада. – Это проповедь!

Шрила Прабхупада пребывал в нерешительности по поводу своей поездки на Запад. Тому было две причины: формальности с паспортом и американским видом на жительство, а также неуверенность, вызванная предсказаниями астролога. Разумеется, основной причиной было здоровье, но порой он, казалось, был готов махнуть на все рукой и приказать своим слугам везти его в Лондон. Он уже послал Абхираму в Калькутту, чтобы тот решил проблемы с его документами. Срок его вида на жительство в США истек, а для продления ему требовалось лично явиться в делийское консульство. Паспорт и временная виза Прабхупады должны были быть готовы через четыре-пять дней. Один из аюрведических врачей, иногда навещавших Прабхупаду, сказал ему, что он должен подождать еще с неделю, но для того не было ничего мучительнее, чем постоянно откладывать путешествие, на которое ему с таким трудом приходилось собирать свою волю. Узнав, что консул США настаивает на собеседовании – что казалось практически неосуществимым – он не мог найти себе покоя. Прележав несколько часов, он, наконец, позвал Тамала-Кришну и сказал:

– Я хочу поехать. Сможете меня понести? Как, я не знаю, но постарайтесь, доставьте меня. Я не вижу резона оставаться здесь. Психологически я в полной готовности. Не бойтесь. Я не боюсь. Умру я здесь в храме или там – все это Вайкунтха.

Тамала-Кришна попросил Шрилу Прабхупаду сначала обсудить это с несколькими из присутствующих членов Джи-би-си, но когда днем преданные собрались в комнате Прабхупады, тот сказал:

– Обсуждать тут нечего. Я всё решил. Немедленно собирайтесь в дорогу.

Но на этом трудности не закончились. Врач попросил Прабхупаду подождать еще неделю, да и сам Прабхупада не хотел покидать Индию без вида на жительство в США. Он послал Бхавананду в Калькутту, чтобы тот попытался получить нужные документы. Все эти нерешенные проблемы не давали Прабхупаде сделать выбор – отправляться в Англию или подождать.

– Я планирую остаться в Америке, – сказал он. – Я не вернусь, пока не закончу «Бхагаватам». И кроме того, я хочу там все организовать. Американские ребята такие замечательные. Если я укреплю фундамент, Движение выдержит испытание временем. Отправляемся. Врач так и будет говорить, что нужно подождать четыре дня, пока не подействует лекарство, а затем еще немного подождать... Таков их метод.

Наконец, Абхирама сообщил из Калькутты, что паспорт Шрилы Прабхупады готов, и американское консульство в Калькутте поможет ему получить вид на жительство в США. Тамала-Кришна побежал наверх, чтобы сообщить об этом духовному учителю:

– Хорошие новости!

Шрила Прабхупада лежал в постели, но, услышав это известие, медленно захлопал в ладоши и сказал:

– Принеси мне хорошую весть, и ты продлишь мне жизнь!

Мыслями он был уже в Лондоне.

– Там такие красивые Божества! – сказал он. – Радха-Лондон-ишвара – невинный мальчик, вот кто Он такой.

Тамала-Кришна напомнил Шриле Прабхупада, как они заполучили эти Божества.

– Да, – сказал Прабхупада, – никто не ожидал. Я было отчаялся, но Кришна сказал: «Вот Я. Забери Меня».

Шрила Прабхупада вспомнил Бхактиведанта-Мэнор:

– Там под окнами моей комнаты такая чудесная лужайка! Я думаю, грядут хорошие времена. Мадхувидиша вернулся, и Гаурасундара вернулся – блудный сын. Это благоприятные знаки.

Голос Прабхупады, поначалу тихий и слабый, постепенно набирал силу.

– От ошибок никто не застрахован, – сказал он, имея в виду падение некоторых своих учеников. – Но их можно исправить, а в будущем быть очень внимательным, чтобы их не повторить. Кришна никогда не забывает того, кто оказал Ему пусть даже небольшое служение.

– Вы тоже никогда не забываете, Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна.

– Как я могу забыть? Вы помогли мне исполнить миссию Господа Чайтаньи и моего Гуру Махараджа! Я все время прошу Кришну наделить вас силой. Я незначителен. Я ничего не могу. Но я молюсь Кришне о том, чтобы Он даровал вам силу.

Прабхупада вспомнил о том, что он думал, когда устанавливал Божества в Австралии: «Как эти млеччхи и яваны будут обращаться с Божеством?» Но, приехав в следующий раз, он увидел, как хорошо его ученики Им поклонялись.

– Старайтесь делать все хорошо, – сказал он, – и Кришна вам поможет. Во всех своих делах я опираюсь на этот принцип. Я просто пытаюсь в меру своих способностей выполнять все, чему научил меня мой Гуру Махараджа.

Шрила Прабхупада, уносимый волнами духовных эмоций, продолжал говорить, увлекая за собой своих любящих учеников.

– Когда я отправляюсь в Америку, – сказал он, – особенно в Лос-Анджелес и Нью-Йорк, то чувствую себя как дома.

Вспомнив Нью-Йорк, он погрузился в воспоминания о своих первых днях в Америке.

– Я был словно уличный мальчишка, – рассказывал он. – Я гулял то тут, то там, рассматривая достопримечательности. Это был Нью-Йорк. Однажды утром я увидел, что все стены стали белыми. «Почему они побелели? Кто побелил их?» – подумал я. Я спустился по лестнице и увидел, что все завалено снегом. Я спустился с зонтиком и пошел под снегопадом покупать пакет молока. Тогда я жил на чердаке. Там все время было темно. Но меня это не волновало. Трудности меня не волновали. Я хотел лишь проповедовать. Иногда люди трогали меня, например, бродяги на Бауэри, но никто не был настроен враждебно. Все относились по-дружески. Даже бродяги. Когда я пытался пройти в свое здание, бездомные, которые лежали у меня на пути, вставали и пропускали меня. Я не видел разницы между друзьями и врагами.

Прабхупада рассказал, в каком шоке был один из его друзей, когда услышал, что он переезжает в Бауэри. «О, Свамиджи, – сказал он, – вы переехали на Бауэри? Это жуткое место!»

– Я прошел через много опасностей, – продолжал Прабхупада, – однако я никогда не думал: «Здесь опасно». Где бы я ни находился, я считал это место своим домом.

Шрила Прабхупада вспоминал случайные подробности о своих первых усилиях в проповеди на Второй авеню, 26.

– Я трудился изо всех сил, – сказал он. – Читал лекции в семь утра и в семь вечера. Я готовил прасад и угощал всякого, кто ко мне приходил. Помнишь, Сатсварупа? Ты приносил манго и другие фрукты. Ты каждый день приходил. Те дни прошли. Теперь я счастлив, вспоминая их. Помните того парня, Стрьядхишу? Он съедал столько чапати... Ему всегда было мало. Каждый раз, когда он просил добавки, я давал ему сразу по четыре штуки. Киртанананда, Аччютананда. Семьдесят пять человек приходили на воскресный пир!

Прабхупада вспомнил первый храм в Сан-Франциско, первый храм в Лос-Анджелесе, поездку в Сиэтл, вспомнил, как он понуждал Гаурасундару отправиться на Гавайи, как получил письмо с Гавайев от Говинда-даси, которая писала, что идет сезон манго, и как Прабхупада приехал туда, и «это был сезон крыс, и всю ночь они бегали по стропилам»...

– Сознание Кришны – это новая жизнь, – сказал Шрила Прабхупада. – В этом нет сомнения.

Он вернулся к предстоящему путешествию и сказал, что мог бы спать на трех стоящих в ряду сиденьях самолета. Но он предупредил преданных смотреть в оба, чтобы по приезде в Америку его не похитили. Раньше он считал, что Кришна, возможно, препятствует его поездке в Америку, чтобы оберечь его от нападков демонов, но теперь он поедет в любом случае.

Прабхупада готов был покинуть Индию, но проволочки и беспокойства продолжались. Из Калькутты вернулся Балаванта, но Прабхупада вовсе не обрадовался ему и строго спросил, почему тот вернулся без Абхирамы? Балаванта сказал, что просто хотел побыть со Шрилой Прабхупадой и подумал, что Абхирама и без него справится с последними формальностями в получении вида на жительство. Прабхупада отругал Балаванту, сказав, что служить гуру куда лучше, чем просто быть с ним.

Затем Тамала-Кришна поехал в Дели за билетами. Двумя днями позже узнав, что, возможно, Тамала-Кришна и другие американцы смогут покинуть Индию лишь через несколько дней, Шрила Прабхупада сказал, что готов выехать немедленно, не дожидаясь их, взяв слугой одного лишь Шрутакирти.

Потом Прабхупада узнал о забастовке в лондонском аэропорту, а затем, в ночь накануне запланированного отъезда, его состояние снова ухудшилось. Многие преданные убеждали его не ехать. Но, как это ни удивительно, из Дели привезли его паспорт и билеты, и в полночь 28 августа, после шестимесячного пребывания во Вриндаване, Шрила Прабхупада и его группа на нескольких машинах выехали из главных ворот Кришна-Баларам-мандира по направлению к Дели.

Когда они отъезжали, к Прабхупаде подошел его вриндаванский друг, Бисан Чандра Сетх, и принялся громко протестовать:

– А если, случись что, ты оставишь тело за пределами Вриндавана? Что в этом хорошего?

Прабхупада сказал г-ну Сетху, что ученики очень любят его, и потому он не может так легко отказать им в их просьбе. Но если путешествие это станет слишком трудным, он тут же вернется. Он сказал, что просто полагается на Кришну.

В дороге Прабхупада лежал на матрасе на заднем сиденье своей машины. Через два часа езды по дорогам, сильно пострадавшим от наводнения, они прибыли в аэропорт Дели. Шрила Прабхупада ждал в машине. Стояло теплое раннее утро, и преданные приоткрыли двери. Бхавананда Госвами, которого только что выпустили из тюрьмы в Бенгалии, приехал как раз вовремя, чтобы успеть повидать Шрилу Прабхупаду. Он подошел к машине и приложился головой к его стопам.

– Как ты? – спросил Прабхупада. Бхавананда сообщил, что в Майяпуре все налаживается. Все местные жители, включая садху, на стороне ИСККОН и против напавших на храм разбойников.

Перед регистрацией Шрилу Прабхупаду перенесли в зал ожидания. Его и его группу провожали около десяти преданных. В группе Прабхупады было четыре человека: Тамала-Кришна, Упендра и Прадьюмна со своей женой Арундхати. Шрила Прабхупада сел прямо на диванчик в зале, молча перебирая в своем мешочке четки. Его руки и босые ноги, обутые в сандалии, немного опухли. Он осмотрелся и едва заметно кивнул каждому ученику в знак признания.

Преданные чувствовали, что Шрила Прабхупада не хочет ни о чем говорить. Они испытывали восторг и полное удовлетворение просто от того, что они – с ним рядом. Он уже все сказал им в своих книгах и отдал им всего себя без остатка. Поэтому они пели и с любовью смотрели на него до самого последнего момента, когда он въехал на каталке в салон самолета.

Глава пятьдесят третья

Великий воин Кришны

Всё время продолжительного перелета Шрила Прабхупада был серьезен и молчалив. Во Вриндаване слуги еще могли как-то облегчить его тяжелое положение, но сейчас они были беспомощны. Их окружали сигаретный дым, громкая болтовня и пьяный смех. Тамала-Кришна, при всем своем желании, не знал, что сделать для Шрилы Прабхупады, о чем его спросить. Шрила Прабхупада не любил, когда его спрашивали о самочувствии.

Слуги Прабхупады понимали, что не способны до конца понять мысли своего духовного учителя, да и Писания не советуют пытаться постичь мысли Вайшнава. Но они знали, что служение их – всячески помогать духовному учителю: обеспечивать тишину, омыwać и одевать его, носить в храм на даршан Кришны-Баларамы. Однако сейчас они были лишены возможности делать все это. Теперь, более чем когда-либо, Шрила Прабхупада находился в руках Кришны. За несколько месяцев до этого, в Бхуванешваре, он сказал, что, несмотря на все свое желание, ученики не в силах избавить его от беспокойств, причиняемых старостью. Он привел пример: даже когда он доберется до своих роскошных апартаментов в поместье Бхактиведанты, это не значит, что там ему не придется терпеть неудобства. Однако Тамала-Кришна, будучи очень опытным и чутким к желаниям Прабхупады слугой, несколько раз подходил к своему духовному учителю и заговаривал с ним.

– Шрила Прабхупада, – говорил он, – когда вы приедете в Лондон, преданные будут очень рады вам.

– Да, – отвечал Шрила Прабхупада, – хорошо, что мы едем...

Однако большую часть времени Шрила Прабхупада молчал и размышлял о Кришне и о том, как нести миру любовь к Кришне.

Полет оказался на редкость изнурительным. В Риме рейс задержали на четыре часа, и Шриле Прабхупаде пришлось все это время ждать в зале аэропорта. Когда же, наконец, они подлетели к Лондону, первый пилот сообщил, что посадка невозможна из-за забастовки, поэтому самолет еще несколько часов кружил над городом. Наконец, спустя двадцать часов после вылета из Дели, самолет приземлился в аэропорту Хитроу.

Сотрудники таможенной и иммиграционной служб, а также наземная команда авиакомпании «Бритиш Эйруэйз» позволили Шриле Прабхупаде, сидящему в кресле-каталке, быстро пройти все формальности. Вскоре его уже окружала толпа восторженных учеников, и, сев в белый «роллс-ройс», он направился в Бхактиведанта-Мэнор.

Какой контраст – после мирной и духовной атмосферы Вриндавана оказаться в Лондоне с его аэропортом и ведущими в город переполненными магистралями! Но Шриле Прабхупаде не в новинку было внезапно покидать Индию, с ее климатом и духовной культурой, и лететь на Запад. Уже несколько лет он почти регулярно перемещался с Востока на Запад, с севера на юг, из одной страны в другую; он оказывался то среди снегов, то в тропиках, то в городах, то в джунглях; среди людей с белой кожей, людей с темной или желтой кожей. Он не был индуистским деревенским гуру, которого могут привести в изумление сотни несущихся по шоссе автомобилей, дымящие заводские трубы, небоскребы и люди-мясоеды, бешено гонящиеся за богатством и успехом. Шрила Прабхупада не переживал никакого «культурного шока».

Шок, однако, пережили его лондонские ученики, которые даже представить себе не могли, что Прабхупада так исхудает и что в таком состоянии человек вообще способен путешествовать. Для преданных встреча в аэропорту оказалась тяжким испытанием. Даже те, кто следил за сообщениями из Вриндавана о состоянии здоровья Прабхупады, эмоционально не были готовы к такой перемене. Прабхупада оставался таким же трансцендентным, как и всегда, даже, пожалуй, более трансцендентным, чем обычно, но, преданные были поражены произошедшей в нем переменой. Теперь он казался могущественным мудрецом, который для блага всего человечества совершал продолжительные аскезы и возвысился над своим телом, хотя все еще в нем пребывал.

Прибыв в Бхактиведанта-Мэнор, Шрила Прабхупада пересел из машины в паланкин и направился в храмовую залу, где его ждали около трехсот учеников и последователей. В последнюю минуту узнав о приезде своего духовного учителя, преданные из всех европейских

центров ИСККОН устремились в Англию. Когда Шрила Прабхупада появился в алтарной, ученики, встречавшие его киртаном, испытали глубокое потрясение, и в первую секунду, когда они увидели его, такого истощенного, в темных солнцезащитных очках, киртан почти смолк. Но в то же время преданные испытывали радость и блаженство, понимая, что он, несмотря на такие трудности, все-таки приехал на Запад, чтобы побыть с ними и вдохновить их. Долгие месяцы они молились за него. Над вьясасаной Прабхупады висел плакат с написанной на нем молитвой: «Мой дорогой Господь Кришна, если Ты так желаешь, пожалуйста, исцели Шрилу Прабхупаду».

Желая выразить свои чувства духовному учителю не только словами, английские преданные вышли на первое в мире место по трансцендентному распространению книг. Когда несколько недель назад они узнали, что Шрила Прабхупада подумывает о том, чтобы приехать в Англию, им трудно было допустить, что в его физическом состоянии подобное возможно. Они слышали, что в любую минуту он может покинуть тело, однако потом им сообщили, что Прабхупаде стало лучше и он едет в Лондон. Но, даже получив подтверждение о приезде Прабхупады, преданные не до конца в это верили. И все же это произошло.

Занавес алтаря был открыт, и Шрила Прабхупада созерцал Радха-Гокулананду. Несколько преданных стояли перед ним, и едва заметным жестом руки он попросил их отойти. Он сидел, не меняя выражения лица и полностью поглощенный созерцанием пышно украшенных Божеств Радха-Гокулананды, которым он дал имя четыре года назад, когда призвал Их низойти и принять поклонение английских преданных.

Не произнеся ни единого слова, Прабхупада отправился в свою комнату наверх, а преданные – все, кто только мог – устремились за ним вслед. Он всегда говорил, что в этих комнатах чувствует себя как дома. Ему приятно было вновь увидеть из своего окна просторную лужайку и озеро с утками. Преданные сели перед ним со сложенными ладонями, понимая всю серьезность этой встречи. Они уже отдали свои жизни Шриле Прабхупаде, и никакое другое обремененное в слова подношение не могло сравниться с их верностью.

Перед Шрилой Прабхупадой поставили большой серебряный поднос с прасадом. Он взял молочную сладость, попробовал ее, затем кусочек манго. Сотня преданных, набившихся в комнату, и те, кто заглядывал в дверной проем, не сводя глаз ловили каждое его движение. Стояла полная тишина. Затем Шрила Прабхупада поднял глаза и улыбнулся.

– Что же, – наконец, сказал он, – у всех все хорошо?

– Джая, Шрила Прабхупада! – последовал теплый ответ.

Напряжение, вызванное переменой во внешности Шрилы Прабхупады, вдруг исчезло, и всем просто захотелось, чтобы Прабхупада чувствовал себя уютно и порадовался их служению.

Остаток дня Шрила Прабхупада провел один. Он отдыхал. Тамала-Кришна в храмовой комнате читал лекцию, рассказывая о том, что даже с таким огромным риском Шрила Прабхупада все же предпочел путешествовать, нежели оставаться инвалидом. Он рассказал, как в связи с забастовкой в лондонском аэропорту кто-то посоветовал Шриле Прабхупаде отправиться в Тегеран, Италию или Францию, но тот ответил: «Я хочу в Лондон». Шрила Прабхупада приехал, чтобы принять у вас прибежище, говорил Тамала-Кришна. Согласно шаштре, объяснил он, преданный должен жить во Вриндаване, особенно под конец жизни, но, следуя наказу своего духовного учителя проповедовать на Западе, Шрила Прабхупада, исполненный решимости довести эту миссию до конца, вернулся на Запад.

Преданные были глубоко тронуты тем, что Шрила Прабхупада приехал именно к ним – что было отчасти и в знак признательности за их проповедь. Они решили ответить ему взаимностью и на время его пребывания в Англии организовали марафон по распространению книг, полагая, что если своей проповедью докажут ему свою преданность, то он, возможно, останется у них подольше.

На следующий день в два часа утра в комнату Шрилы Прабхупады вошли Бхагаван и Тамала-Кришна, чтобы поухаживать за ним. Шрила Прабхупада только что проснулся и очень рад был увидеть Бхагавана, одного из своих лидеров из южной Европы. Вот ради этого он и приехал на Запад – побыть в обществе своих проповедников, чтобы в общении с ними черпать вдохновение.

– Тамала привез меня с таким трудом! – рассказывал Шрила Прабхупада. – Но это было правильное решение. Я подумал: какой смысл умирать? Лучше приехать. И Кришна-Баларама верили меня заботам Радха-Гокулананды.

Бхагаван показал Шриле Прабхупаде несколько только что напечатанных книг: итальянскую «Бхагавад-гиту как она есть», очередной том «Шримад-Бхагаватам» на французском и несколько книг на голландском. По количеству распространенных книг, – сообщил он, – Европа обогнала Америку.

– Тамала, ты слышал? – спросил Прабхупада. – Вот моя жизнь! Подойди сюда.

Шрила Прабхупада погладил Бхагавана по голове, и слезы потекли у него из глаз.

– Нет у тебя никаких проблем, – сказал он Бхагавану.

Как раз в это время, трудясь от имени Шрилы Прабхупады, Бхагаван переживал тяжелый период, но когда духовный учитель сказал ему: «Нет у тебя проблем», – он понял, что, если упорно продолжать, то все будет в порядке. Пока он занят преданным служением, проблем у него нет. Этих слов Прабхупады Бхагавану было достаточно; он уже всей душой принял наказ Прабхупады, но сейчас этот наказ и любовь духовного учителя еще глубже вошли в его сердце. Шрила Прабхупада пребывал в настроении чистой благодарности. Он не делал больше никаких критических замечаний, как это нередко бывало раньше, он просто хотел быть со своими преданными и их вдохновлять.

– Печатайте книги, – говорил Шрила Прабхупада. – Эти книги – целиком и полностью милость моего Гуру Махараджа. Ни один автор мира не написал столько книг – ни Шекспир, ни Мильтон, ни Диккенс. И никакие их книги не пользуются такой же популярностью и признанием.

Утром Прабхупада спустился в храм, и все преданные получили возможность побыть в его обществе.

– Все преданные здесь – люди с Вайкунтхи, – сказал Шрила Прабхупада. – Они красивы и опрятны. Гокулананда так прекрасен! Я бы с радостью умер в этой атмосфере – созерцая Гокулананду в обществе преданных.

Преданные обратили внимание, что в своих темных солнцезащитных очках, свежeweгглаженных шелковых курте с дхоти, с чистой и четкой тилакой на лбу Шрила Прабхупада выглядит просто великолепно. Он плавно скользил по лестнице в паланкине, который бережно несли двое крепких учеников, затем садился на व्याсасану и смотрел, как его ученики проводят киртан Святого имени. Говорил Прабхупада крайне редко, поэтому обмен чувствами между ним и его учениками сводился, главным образом, к тому, что они пели для него киртан, а он был им за это признателен.

Внешне эта признательность Шрилы Прабхупады почти никак не выражалась. Однако те, кто стоял или танцевал рядом, замечали, как на уголках его глаз, прикрытых очками, выступают и бегут по щекам слезы. Все преданные пели и танцевали, радуясь тому, что Шрила Прабхупада просто хочет быть с ними. Они знали, что хотя он чистый преданный, черпавший удовлетворение в самом себе, любовь его учеников очень его вдохновляет. Кто знает, может, своим неиссякаемым энтузиазмом служить и славить Кришну под его началом, они разожгут в нем желание остаться в этом мире и продолжить проповедь!

Преданные потом в один голос рассказывали, что в эти минуты Радха-Гокулананда, казалось, устремляли Свои взоры исключительно на Шрилу Прабхупаду, а он отвечал Им тем же. Некоторые чувствовали, что, глядя на Шрилу Прабхупаду и Радха-Гокулананду, они видят духовный мир, Кришну и Его чистого преданного. Для этого не нужно было ни слов, ни каких-то особых внешних проявлений – достаточно было того, что давал им Шрила Прабхупада, одаривая их своим присутствием в алтарной.

Каждое утро киртаны нарастали со все большим энтузиазмом. Тамала-Кришна попросил преданных не петь песню гуру-пуджи, поскольку она вызывала у Шрилы Прабхупады слишком сильные эмоции. Поэтому они начинали с мантры Панча-таттвы, а затем пели «Харе Кришна». Через полчаса киртан и танцы бушевали вовсю, и Шрила Прабхупада иногда постукивал в такт большими пальцами рук. Это легкое телодвижение придавало киртану еще больше огня. Затем, подняв один палец, Шрила Прабхупада приводил в состояния экстаза сотни преданных; все начинали прыгать. Преданные чувствовали, что, участвуя в киртане и танце, они молятся за здоровье и долгую жизнь своего духовного учителя. Шрила Прабхупада сидел неподвижно, но преданным были известны его желания, и потому многие из них продолжали подпрыгивать высоко вверх, почти касаясь люстр. После неистового часового киртана, Шрила Прабхупада садился в паланкин и плыл над головами преданных к себе наверх.

Узнав о том, что Шрила Прабхупада получает множество приглашений в Америку, лондонские преданные заволновались. Понимая, что это, может быть, последняя их возможность

видеть его, они хотели, чтобы он остался с ними навсегда. Если им удастся распространить невероятное количество книг, тогда, возможно, он проживет еще какое-то время и подольше задержится в Бхактиведанта-Мэноре. Они считали за огромную честь, что из всех остальных храмов Шрила Прабхупада предпочел именно Бхактиведанта-Мэнор и, беседуя между собой, пришли к выводу, что Радха-Лондон-ишвара и Радха-Гокулананда, должно быть, его любимые Божества. Понимая, что сами они не способны помочь Шриле Прабхупаде и оставить его у себя – разве что своим служением и участием в киртанах – преданные чувствовали беспомощность. Несмотря на их усилия, все зависело от Кришны.

Шрила Прабхупада как-то поделился со своим секретарем, что мысли об Индии доставляют ему беспокойство, и он не испытывает ни малейшего желания возвращаться туда.

– В Индии правительство чинит препятствия любому моему проекту, – жаловался он. – Мне изо всех приходится сил напрягать мозги.

Он сказал, что Индия утратила свою культуру.

– Теперь они думают, что каждый – Бог, и не понимают бхакти, учения «Бхагавад-гиты». Все, начиная с членов Парламента и кончая бродягами, подозревают меня в том, что я привел с собой ЦРУ. Как они ошибаются!

С тех пор как Шрила Прабхупада приехал в Лондон, эмоции его стали намного более заметны, нежели раньше. Если раньше он сдерживал свои чувства, то теперь либо не хотел, либо не мог. Часто он плакал от экстаза. Из-за переполнявшей его любви к Кришне на глазах его в любую секунду могли появиться слезы – когда он слушал киртан, смотрел на Божества или когда ему рассказывали о служении кого-нибудь из преданных. Слезы стекали по его щекам, делая его лицо еще более прекрасным. Иногда у него вырывался долгий, глубокий стон: «Ммм», – не из-за телесной боли (ведь он говорил, что у него все вполне хорошо), а из-за переполнявших его духовных эмоций, экстаза его любви к Богу.

Через несколько дней Шрила Прабхупада получил хорошие известия о том, как идут дела с его видом на жительство в США. Балаванта уехал в Вашингтон и теперь звонил, чтобы сообщить, что отныне Шрила Прабхупада может беспрепятственно продлить срок действия своего вида на жительство. Все служащие, с которыми встречался Балаванта, были настроены дружелюбно и приглашали Шрилу Прабхупаду вернуться. Тамала-Кришна рассказывал об этом, пока Шрила Прабхупада сидел на циновке, а Упендра массировал его слабое тело. Тотчас на глаза Прабхупады навернулись слезы, и прерывающимся голосом он сказал:

– Америка сделала мне столько добра – дала мне деньги, людей, все. Я не отождествляю себя с этой страной, но поскольку они предоставили мне столько возможностей, я не могу не чувствовать себя обязанным. Я хочу сделать их счастливыми, а через них – и весь мир.

Шрила Прабхупада с нетерпением ждал возможности отправиться в Америку, вскоре после дня Джанмаштами, который приходился на шестое сентября, через две недели после его прибытия в Англию.

– Я хочу пожить еще немного, – сказал он, – чтобы довести начатое мною дело до конца.

– Вы намерены вдохновлять преданных своим личным присутствием, – спросил Тамала-Кришна, – или у вас есть какой-то план?

– У меня есть план, – ответил Шрила Прабхупада. – Я хочу ввести варнашраму. На нашей ферме в Пенсильвании главная проблема жизни – пища – уже решена.

Шрила Прабхупада вновь и вновь с наслаждением вспоминал письмо Гханашьямы, который проповедовал в Восточной Европе, поэтому, когда тот приехал в Англию, Тамала-Кришна привел его к Шриле Прабхупаде. Подозвав Гханашьяму ближе, Прабхупада легонько шлепнул его по голове.

– Такова система парампары, – сказал он. – Мой Гуру Махарадж подталкивал меня, я подталкиваю вас, а вы подталкиваете других. Как поезд.

На следующий день, по просьбе Тамала-Кришны, Гханашьяма пришел в комнату Шрилы Прабхупады и прочитал ему свой последний – самый длинный – отчет. Он рассказал о некоторых сложностях, с которыми ему пришлось столкнуться в своей проповеди, и о том, как он их преодолевал. Но настроение Прабхупады переменилось, и он напомнил ученику, что своим успехом мы обязаны только Кришне.

Затем прибыл Харикеша Свами, секретарь Джи-би-си по северной и Восточной Европе. Он вошел к Прабхупаде в комнату и распростерся в поклоне. Глаза Шрилы Прабхупады наполнились слезами, он потянулся к своему ученику и потрепал его по голове. Харикеша заплакал.

Харикеша рассказал о том, что открывает свое издательство, чтобы печатать книги Шрилы Прабхупады на европейских языках.

– Очень хорошо, – сказал Прабхупада. – Любому отцу приятно видеть, что его поместьем хорошо управляют, и я не исключение. Находите здания и печатайте книги.

Харикеша Махарадж привез с собой почти всех германских распространителей книг и устроил им отдельную встречу со Шрилой Прабхупадой. Преданные, большинство из которых никогда раньше не встречались со своим духовным учителем, собрались в его комнате, переполненные чувства глубокой признательности за эту возможность. Шрила Прабхупада процитировал стих «яре декха таре каха «кришна-упадеша»» и спросил:

– Так что же значит «кришна-упадеша»?

Сначала все молчали, но затем кто-то из ребят ответил:

– Нужно повсеместно проповедовать.

– Нет, – сказал Шрила Прабхупада, – что значит «кришна-упадеша»?

Снова никто не ответил. На этот раз другой преданный процитировал: «сарва-дхарман паритьяджъя мам экам шаранам враджа» (Бг. 18.66) Шрила Прабхупада согласился с этим и несколько минут говорил о предании Кришне. Посчитав это подходящим моментом, Тамала-Кришна достал стопку цветных фотографий, которые только что прибыли из Лос-Аджелеса. Эта был подробный рассказ в картинках о недавно прошедшей в Лос-Анджелесе Ратха-ятре. Фотографии восемь на десять были яркими и красочными. Рассматривая их одну за другой и слушая комментарии своего секретаря, Шрила Прабхупада протяжно и низко застонал, и на глазах у него выступили слезы.

Утром того дня, за несколько часов до этой встречи, Шрила Прабхупада, проснувшись, неожиданно заговорил о Ратха-ятре, которую он, будучи еще ребенком, проводил в Калькутте. А сейчас он рассматривал фотографии величественной процессии и фестиваля, организованных его учениками. Увидев фотографию колесниц, за которыми следовала огромная толпа людей, Шрила Прабхупада поднял брови и сказал:

– Мы никогда еще не видели таких колесниц!

Другая фотография демонстрировала длинные очереди людей, желающих посмотреть на экспозицию «Смена тела» – диораму, изображающую переселение души.

– Я говорил вам, что так и будет! – воскликнул Прабхупада. – Я счастлив видеть это!

Фотографии Ратха-ятры произвели на Шрилу Прабхупаду такое впечатление, что он не стал принимать свой обычный массаж.

– Не сейчас, – сказал он сдавленным голосом, и в безмолвной задумчивости просидел два часа.

В день Джанмаштами преданные наняли «роллс-ройс» и отвезли Шрилу Прабхупаду в храм на Бери-плейс в центре Лондона, повидать Их Светлостей Шри Шри Радха-Лондон-ишвару. Прабхупаду на паланкине внесли в здание и поднесли к Божествам. В окружении преданных, поющих его имя и имена Радхи и Кришны, он медленно снял солнцезащитные очки – глаза его были полны слез.

На обратном пути Тамала-Кришна напоминал Шриле Прабхупаде истории о его проповеди в Лондоне.

На следующий день была Вьяса-пуджа, восемьдесят второй день рождения Шрилы Прабхупады. И снова после пробуждения он вспомнил свое детство и то, как дядя назвал его Нандулалом, поскольку родился он на следующий день после рождения Кришны, в тот день, когда Нанда Махараджа раздавал брахманам подарки. Шрила Прабхупада спустился в храм и после ликующего киртана, в котором участвовали сотни преданных, принял, не попробовав ни кусочка, трехъярусный полутораметровый торт. Он заметил, что преданные поставили только восемьдесят одну свечу, поскольку считали его годы по западной традиции, поэтому к торту добавили еще одну свечку. По просьбе Шрилы Прабхупады Тамала-Кришна произнес речь.

На следующий день здоровье Шрилы Прабхупады внезапно ухудшилось и он даже не смог спуститься в храм. Это был первый кризис с тех пор, как он приехал в Англию. Его планы сразу же изменились. Вместо того, чтобы ехать в Америку, как планировалось ранее, Прабхупада попросил, чтобы его отвезли обратно в Индию, в Бомбей.

– Если я проживу еще несколько дней, – сказал он, – то мне хотелось бы присутствовать на открытии бомбейского храма. Мы можем подождать здесь, а потом полететь в Бомбей. Я вложил в

этот храм столько сил! Если я увижу его открытие, то смогу умереть спокойно. А если выживу, то снова приеду сюда.

Затем кризис, казалось, миновал, но Шрила Прабхупада уже не чувствовал себя в состоянии лететь в Нью-Йорк. Ему захотелось послушать мнения астрологов.

– Смеха ради, – сказал он.

Астрологи предсказывали, что несколько последующих дней будут для него самыми трудными.

Узнав о том, что Шрила Прабхупада отказался от поездки в Америку, преданные совсем потеряли надежду на то, что их духовный учитель поправится и проживет еще много лет. Прабхупада чувствовал, что больше не в силах путешествовать и должен вернуться в Бомбей и Вриндаван. В течение нескольких последующих дней, возобновив свои утренние посещения храма, он ожидал от Кришны знака.

Из Африки приехал Брахмананда Свами, и Шрила Прабхупада, улыбаясь от удовольствия и прихлопывая в ладоши, наблюдал как грузный Брахмананда, первый ученик, который танцевал для него одиннадцать лет назад в Нью-Йорке, снова прыгал в экстатичном танце перед своим духовным учителем.

Позже Тамала-Кришна спросил Шрилу Прабхупаду, о чем он молился в то утро, когда так пристально смотрел на Божества. Прабхупада ответил:

– Я молил Радха-Гокулананду занять меня в служении Шри Шри Радха-Расавихари.

Шрила Прабхупада захотел вернуться в Индию, а для слуг его желание было приказом.

– Если я выживу на этот раз, – сказал он, – мы пойдем на парикраму по Вриндавану. Вы можете понести меня в паланкине.

В аэропорту пришлось ждать, и Тамала-Кришна надел на Шрилу Прабхупаду наушники, чтобы тот мог послушать запись киртана. Прабхупада слушал, медленно покачивая головой, пока, наконец, его, сидящего в инвалидном кресле, не пропустили на борт самолета.

* * *

14 сентября

Вместе со своей группой Шрила Прабхупада благополучно прибыл в Бомбей, где его проводили от самолета до ожидавшей его машины и отвезли в «Харе-Кришна-лэнд» в Джуху. На этот раз лифт работал. Оказавшись в своих апартаментах на пятом этаже, Шрила Прабхупада сразу лег отдыхать.

По зову Прабхупады прибежал Гирираджа – прибежал и сел на полу у его постели. Прабхупада рассказал ему, как во Вриндаване г-н Сомая, очень уважаемый бомбеец, известный им обоим, пришел к его постели и, сочувствуя его положению, заплакал. Затем Прабхупада рассказал Гирирадже о своем счастливом пребывании в Лондоне, особенно упомянув киртаны, которые, по его словам, были замечательны. Когда Гирираджа спросил, не будет ли ему мешать стук зубил и молотков, доносящийся со стройки храма, Прабхупада ответил, что для него это музыка. После этого он лег и уснул.

В конце дня, когда Прабхупада проснулся, Тамала-Кришна спросил, не беспокоил ли его шум.

– Эти звуки несколько меня не беспокоят, – ответил Прабхупада, – я вижу, что работа подходит к концу. Заметь разницу: в Лондоне я не находил себе места, здесь же все по-другому. Просто мне нравится Бомбей. Из городов Индии он больше всего мне нравится.

Шрила Прабхупада хотел получить от некоторых своих бомбейских учеников-санньяси отчеты. От Гаргамуни Свами он услышал хорошие новости о том, как группа его продает полные собрания «Шримад-Бхагаватам» и «Чайтанья-чаритамриты», а также другие книги в библиотеках и университетах по всей Индии.

– Я посыплю свою голову пылью со стоп всякого, кто проповедует в мусульманских странах, – сказал Шрила Прабхупада.

Локанатха Свами рассказал Шриле Прабхупаде о своих триумфальных путешествиях на воловьей повозке по индийским деревням, чем по-настоящему его обрадовал.

Через пару дней после возвращения в Индию Прабхупада перестал следовать простому режиму, предписанному ему врачом в Англии. По словам врача, Прабхупада был трудным пациентом, а когда Тамала-Кришна попытался доказать, что Шрила Прабхупада изо всех сил старается с ним сотрудничать, врач ответил, что единственное, в чем Шрила Прабхупада

согласился уступить – это отложить свое путешествие с четверга на пятницу. Шрила Прабхупада коротко засмеялся и сказал:

– Так я выехал даже раньше – во вторник. Сверх-уступка. Когда он захотел взять анализ крови, я понял, что сейчас начнется аллопатическое лечение.

В течение нескольких последних недель Шрила Прабхупада принимал заменитель пищи «Комплан», но теперь решил от него отказаться.

– Какой прок в искусственной пище, – говорил он, – когда есть естественная? Вам, жителям Запада, нравится консервированная, мороженая, испорченная пища. Вы поедите, а потом храните остатки своей еды по семь месяцев, и вам это нравится. И любите пить холодное молоко. Этот «Комплан» – не свежая пища. Я попробую питаться молоком и фруктовым соком. Больше ничего искусственного!

Шрила Прабхупада планировал остаться в Бомбее еще на пять недель и подождать торжественной церемонии открытия храма, запланированной на день Рама-виджая Дашами. Но сильно окрепнуть он уже не надеялся. Хотя он и высказался в пользу свежей пищи, принимал он на самом деле лишь немного фруктового сока и мунг-джала (воды, в которой вымачивали бобы мунг).

На своих четках для джапы, которые он теперь не снимал с шеи, Шрила Прабхупада начал постоянно повторять Святое имя. Повторял он и во время массажа, безмолвно перебирая четки; и даже когда он спал, четки оставались у него на шее.

Когда Тамала-Кришна спросил Шрилу Прабхупаду о его самочувствии, то получил краткий ответ:

– Кризис.

Через несколько дней он назвал имя одного бомбейского врача и посоветовал привести его, однако, выслушав доводы Тамала-Кришны о том, что сейчас не лучшее время, чтобы приглашать очередного врача, Шрила Прабхупада отказался от этой идеи.

Тамала-Кришна высказал уверенность, что Шрила Прабхупада благополучно доживет до открытия бомбейского храма и затем отправится во Вриндаван. Эти слова, казалось, доставили Шриле Прабхупаде огромное облегчение, и, с любовью погладив Тамала-Кришну по голове, он сказал:

– Да исполнятся твои слова. Благослови меня, чтобы я сосредоточил свой ум.

Тамала-Кришне было приятно видеть, что Прабхупада воодушевился, хотя он не и чувствовал себя достойным благословлять своего святого духовного учителя. Но такого рода отношения, в которых Тамала-Кришне и некоторым другим преданным порой приходилось брать на себя роль советников Шрилы Прабхупады, продолжались уже несколько недель. Ученики чувствовали себя в этой роли неловко, однако, поскольку Шрила Прабхупада сам был инициатором таких отношений, они считали это своим сокровенным служением. Прабхупада открыто говорил: «Вдохновляйте меня», – и во многом полагался на заботу и разум своих учеников. Иногда он превращался в маленького ребенка, который тянул руки к своим ученикам, прося поднять и нести его. Но ученики понимали ситуацию правильно, а если и нет, Прабхупада напоминал им, что сознательно предоставляет им эту возможность лично послужить ему, ибо любовь к Кришне можно обрести только служа чистому преданному Кришны. Такое близкое служение было всецело духовным, но врачам, приходившим по вызову со своими лекарствами и предписаниями, понять этого было не дано.

До последнего дня Шрила Прабхупада учил своих последователей тому, как готовиться к неизбежной смерти. Он учил их высотам преданного служения, проверяя, желают ли они служить не только потому, что их обязывает к этому формальное положение преданных, но из чувства спонтанной любви – любви, которая порой выше правил и ограничений. О присутствии этой любви свидетельствовало, например, желание учеников не смыкая глаз дежурить всю ночь у постели Шрилы Прабхупады, помогая ему отправлять даже самые элементарные телесные нужды; проверялась она и тогда, когда Прабхупада подвергал их суровому испытанию, поручая им решать, должен ли он бороться за жизнь или же ему лучше спокойно умереть. Именно в виду близости этих отношений Тамала-Кришна, неуверенный в том, что будет лучшим решением, и привел свои доводы против просьбы Шрилы Прабхупады позвать бомбейского врача. Он был всецело озабочен здоровьем своего учителя, постоянно думал об нем и ради него готов был на все.

Прабхупада всегда сохранял за собой авторитет духовного учителя для всех своих учеников, и они об этом знали. Они могли возражать ему, выдвигать свои предложения – ведь он

сам вдохновлял их выходить за рамки традиционного этикета и служить ему от всего сердца, порой даже вынуждая их его бранить. Но когда в том появлялась необходимость, Прабхупада оставлял последнее слово за собой, словно напоминая ученикам о своем высшем и абсолютном положении. Лишь во имя служения его воле жили и действовали его ученики. Шрила Прабхупада говорил, что остается в этом мире только благодаря решимости и полному преданию своих учеников – только потому, что они горячо молятся о том, чтобы он остался с ними, чтобы боролся за жизнь.

Прабхупада продолжал жить в этом мире не благодаря «Комплану» или лечебному воздействию массажа. На самом деле, он был настолько истощен, что массаж уже не был массажем как таковым, но больше был похож на успокаивающую ласку, и делать его могли только верные, преданные слуги. Когда однажды Тамала-Кришна спросил Прабхупаду, не чувствует ли тот, что может остаться еще на пять недель, подождав до открытия храма, Прабхупада ответил:

– Если ты меня вдохновишь.

Несмотря на свое состояние, Шрила Прабхупада всегда оставался самим собой: решительным в проповеди сознания Кришны, чутким к другим, веселым и всецело преданным Кришне. Когда из Англии приехал Абхирам и воскликнул, что апартаменты Шрилы Прабхупады в Бомбее достойны Индры, царя рая, Шрила Прабхупада ответил широкой и продолжительной улыбкой. Когда Тамала-Кришна после нескольких часов отсутствия вернулся к Прабхупаде и объяснил, что просто отдыхал, восстанавливая силы после путешествия, Шрила Прабхупада поддразнил его:

– Ты уже отдыхал в самолете. Ты просто любишь поспать, особенно в машине.

Когда Тамала-Кришна спросил Прабхупаду, не хотел бы тот встретиться с какими-нибудь важными гостями, Прабхупада ответил, что встретился бы разве что с г-ном Бхогилалом Пателем и г-ном Махадевицей, если те смогут прийти. Через несколько минут, словно по вызову, явился г-н Махадевия, и его отвели к Прабхупаде. Разговорчивый г-н Махадевия, казалось, был настолько потрясен внешним видом Шрилы Прабхупады, что не мог беседовать свободно, как всегда. Однако по просьбе Прабхупады он рассказал немного о текущей политической обстановке в Индии.

Прабхупада проявил необычайный интерес к словам г-на Махадевии и даже попросил приподнять себя на кровати.

– Они упускают суть, – сказал он. – Весь мир. Это болезнь тела. Одна партия не лучше другой. Это испражнения – не важно, с какой стороны. Что они могут сделать?

Хотя Прабхупада был не в состоянии спускаться в храм, к Радха-Расавихари, каждый день он просил принести ему Их изображение, на которое с любовью смотрел. Еще он слышал киртаны, исполняемые во время арати в храме. Как-то, в один из дней, он попросил прикрепить обрамленную фотографию Радха-Расавихари на столбик своей кровати, чтобы постоянно на них смотреть.

Однажды утром, проснувшись, Прабхупада заявил:

– Страдает каждое живое существо. От Брахмы до муравья – все несчастны.

Произнеся это, он закрыл глаза и снова погрузился в сон. Через какое-то время он опять проснулся и сказал:

– «Даиви хй эша гуна-майи / мама майя дуратья» (Б.г. 7.14)

– Вы думали об этом во сне? – спросил Тамала-Кришна.

– Да, – ответил Прабхупада. – Я видел сон.

Из Англии приехал Брахмананда Свами и Прабхупада говорил с ним о том, как старшие ученики должны поддерживать всё то, что он им дал.

– Не ожидайте, что тело мое будет таким же молодым, как у вас, – сказал он. – Не ожидайте, что я буду жить вечно. Все в руках Кришны.

Слушая Прабхупаду, Брахмананда испытывал и наслаждение, и боль одновременно. Он сказал, что апартаменты Прабхупады прекрасны и что не только эти комнаты, но и всё в Движении сознания Кришны создано для наслаждения Шрилы Прабхупады.

– Я ничего не могу забрать с собой, – ответил Прабхупада. – Я оставляю все вам. Пользуйтесь.

Из Майяпура приехал Джаяпатака Свами и попросил Шрилу Прабхупаду подписать официальное заявление по поводу недавнего нападения на центр ИСККОН в Майяпуре. Тамала-Кришна сказал, что Прабхупада уже подписал свое завещание, передавая все, что числилось на

нем, ИСККОН; он не хотел более иметь ничего общего с административными делами, и Шрила Прабхупада подтвердил это, сказав:

– Теперь нет иного пути, кроме как полностью избавить меня от всех дел, связанных с управлением.

Прабхупада хотел погрузиться в слушание Святого имени и «Шримад-Бхагаватам». Ему нравилось сидеть в постели, в очках для чтения, смотреть на фотографию Радха-Расавихари и слушать, как преданные читают ему «Бхагаватам». Он проводил в этой медитации долгие часы, слушая о Кришне и глядя на Него. Ему нужно было только это лекарство. Те, кто был с ним рядом, понимали, что он выше мыслей о теле, а чтение приносит ему наслаждение и огромное облегчение. Тамала-Кришна предложил сделать эти чтения ежедневными, и Шрила Прабхупада подтвердил:

– Это самое важное. Читайте как можно больше.

Однажды вечером Тамала-Кришна и Брахмананда напомнили Прабхупаде, как когда-то он покупал в Бомбее землю. Когда те говорили, с каким терпением и как успешно он преодолел множество препятствий, Прабхупада лежал, вслушиваясь в каждое слово, но в какой-то момент прервал их:

– Собака.

Преданные остановились, не зная, кого он имеет в виду – владельца участка или одного из политиканов? Но Шрила Прабхупада объяснил. Он сказал, что когда жил в доме г-на Сетхи, тот каждое утро возил его на своей машине к берегу моря, и ему приходилось делить заднее сиденье автомобиля с большой немецкой овчаркой г-на Сетхи. Шрила Прабхупада продолжал говорить, и постепенно Тамала-Кришна с Брахманандой поняли, что битва Прабхупады не закончилась. Он боролся, стараясь обрести силу снова проповедовать ради Радха-Расавихари, если Они того пожелают. Закончив рассказ, Тамала-Кришна поклонился и сказал:

– Слава великому солдату Кришны!

Шрила Прабхупада планировал остаться в Бомбее до открытия храма, а после этого отправиться на парикраму вокруг Вриндавана, но теперь он подумывал о том, чтобы поехать во Вриндаван раньше. Он попросил присутствующих в Бомбее членов Джи-би-си и некоторых других лиц собраться у него, чтобы принять за него окончательное решение. Тамала-Кришна, Брахмананда, Сурабхи, Гопала-Кришна, Хари-шаури, Гирираджа, Упендра, Абхирама и Куладри вошли в комнату и расселись вокруг Шрилы Прабхупады.

Тамала-Кришна начал приводить аргументы в пользу поездки во Вриндаван. Он адресовал свои доводы Прабхупаде и отметил, что даже если тот останется в Бомбее, в своем нынешнем состоянии он не сможет посещать никакие церемонии. Более того, Прабхупада слыл могущественным проповедником, и будет не очень хорошо, если вдруг аудитория увидит его в таком состоянии. К тому же, сказал Тамала-Кришна, Прабхупада может посетить храм и после его открытия. Выслушав его доводы, Прабхупада промолчал.

Брахмананда Свами сказал, что Шрила Прабхупада определенно должен ехать во Вриндаван.

Следующим заговорил Хари-шаури. Он признался, что ему трудно принять решение, это зависит от того, чего сам Прабхупада больше хочет: остаться в Бомбее или поддержать здоровье.

– Поддержать здоровье, – ответил Прабхупада, и Хари-шаури сразу же сказал, что тогда он за возвращение Прабхупады во Вриндаван.

Гопала-Кришна считал, что Прабхупаде лучше остаться в Бомбее и уезжать только после открытия. Как можно уехать из Бомбея, когда уже столько сделано и приглашено столько важных гостей? Сурабхи тоже был за то, чтобы Прабхупада остался в Бомбее, поскольку хотел, чтобы тот увидел открытие храма. Уехав во Вриндаван, сказал Сурабхи, Прабхупада, скорее всего, уже не вернется.

Затем настала очередь Гирираджи. Каждый новый день в Бомбее Прабхупаде дается с трудом, сказал он, и каждый последующий день будет еще более трудным. Шум со стройки не прекращался. Поэтому, заключил Гирираджа, ждать еще три недели очень рискованно. Слушая Гирираджу, Шрила Прабхупада одобрительно кивал головой. Но в остальном он не вмешивался в обсуждение и больше слушал, лишь изредка задавая вопросы. Преданные чувствовали напряжение, осознавая важность этой встречи. Затем в пользу поездки во Вриндаван высказался Абхирама. Упендра признался, что не знает, как лучше.

Если Прабхупада спрашивал их мнения, чтобы принять решение на основании большинства голосов, то ответ был очевиден – из Бомбея надо уезжать. Стук молотков и зубил не прекращался даже во время их разговора и почти заглушал голос Прабхупады.

Кроме того Прабхупада хотел поговорить о выборе наилучшего курса лечения. Недавно ему написал его друг, д-р Гхош, и Прабхупада попросил Тамала-Кришну зачитать письмо вслух. Тамала-Кришна огласил совет д-ра Гхоша: Прабхупаде нужно лечь в больницу для детальной диагностики и лечения. Почти как беспристрастный судья, открывающий прения, Прабхупада объявил:

– Итак, что в этом предложении нас не устраивает?

Тамала-Кришна сказал, что врачи, скорее всего, назначат внутривенное питание. Прабхупада ответил:

– Что толку в искусственном питании, когда ничего не усваивается?

Приводя аргумент в защиту клинического лечения, Тамала-Кришна сказал, что хотя сама по себе аюрведическая медицина совершенна, современные аюрведические лекари утратили эту науку и большей частью превратились в шарлатанов, тогда как в сфере аллопатической медицины, пусть и несовершенной, есть много опытных врачей. Прабхупада согласился.

– Что ж, Прабхупада, – сказал Упендра, – врач нужен, но он должен приходить сюда, к вам. Ни в коем случае не ложитесь в больницу.

Абхирама был еще более решительно настроен против больницы. Они уже знали, что Прабхупаде не нравится эта затея, и на самом деле он уже твердо решил вернуться во Вриндаван. Они сочли, что только по доброте душевной и из милосердия он спрашивает их совета и даёт им возможность самим принять решение. По крайней мере, им казалось, что он полагается на их заключение. Однако некоторые из них испытали жуткое и тягостное чувство от мысли, что его благосостояние могло стать предметом их дискуссии.

В конце концов, Прабхупада подвел итог:

– Больница ничего не гарантирует, но мы считаем, что там люди обладают новейшими научными знаниями. Мой духовный брат Тиртха Махарадж на себе испытал все эти методы лечения, и ученики его очень гордились тем, что он умер, получая лучшее медицинское обслуживание, основанное на научных исследованиях. Однако моему Гуру Махарадже не нравилось, когда ему делали уколы. Он возражал: «Зачем эти уколы?» Лечь в больницу – значит, отдаться на милость ученым-материалистам. Они будут творить что захотят. Они не дают никакой гарантии, и мы ни в чем не можем быть уверены. А если поехать во Вриндаван, то что бы там ни случилось, пусть этим руководит Кришна. Лечь в больницу, – значит, полагаться на удачу. Поехать во Вриндаван – я не возражаю. Но есть дилемма – я и не умираю, и не живу.

Когда Тамала-Кришна спросил, был ли вриндаванский кавираджа хоть чем-то лучше, чем бомбейский врач, Прабхупада ответил:

– Лучше или хуже, но муж какой-то нужен.

Тогда Тамала-Кришна выдвинул новый аргумент. Он сказал, что пока Прабхупада находится в Бомбее в ожидании открытия, у него есть стимул жить. Но если он вернется во Вриндаван, это будет значить, что он приехал умирать. С этой точки зрения Прабхупада должен остаться в Бомбее, ибо так у него будет стимул к жизни. Шрила Прабхупада улыбнулся и сказал:

– Это просто сантименты.

Теперь, когда Прабхупада сам выразил свою убежденность, другие варианты отпали сами собой. Не было и речи о том, чтобы им управляли ученики; это мог делать только Кришна. Учеников пугали некоторые предложения, и, несомненно, пугала идея голосовать за Прабхупаду, поэтому, когда он вынес вердикт, некоторые из них нервно засмеялись, испытав чувство облегчения.

– Вриндаван, – сказал Шрила Прабхупада. – В путь.

– Да, Прабхупада, – сказал Сурабхи.

– Но, Шрила Прабхупада, – начал Тамала-Кришна, – что будет с местными преданными? Они так верно служили вам. Как же они смогут открыть храм без вас? Когда преданные узнают, что вы уезжаете во Вриндаван, все они захотят поехать за вами. Они не останутся здесь. Они побросают все свои дела и поедут с вами во Вриндаван.

– Да, пусть едут, – сказал Шрила Прабхупада. – Я не возражаю.

Тамала-Кришна заметил, что если тысячи преданных поедут с Прабхупадой, то это плохо скажется на деятельности ИСККОН по всему миру. Прабхупада еще раз повторил, что не имеет

возражений. Тамала-Кришна спросил, обязательно ли приезжать всем членам Джи-би-си, и Прабхупада ответил утвердительно.

Больше вопросов не было, и преданные попросили разрешения уйти, чтобы не откладывая начать подготовку к поездке Прабхупады во Вриндаван. С Прабхупадой в комнате остался только Куладри.

– Итак, Куладри, – спросил Прабхупада, – что ты думаешь?

Куладри беспокоило, что некоторые преданные, казалось, возражали желанию Прабхупады и даже оспаривали его.

– Шрила Прабхупада, – сказал он, – я правда не понимаю. Как они могут вот так давать вам советы? Я чувствую себя так, словно я вмешиваюсь. Я даже не должен быть здесь. Но мне кажется, вы ожидаете решения от Кришны, оставаться вам или уходить.

– Что? – переспросил Прабхупада.

– Мне кажется, вы ждете решения от Кришны? – повторил Куладри. – Но если вы собираетесь ждать, что решит Кришна, это можно делать и во Вриндаване!

Прабхупада улыбнулся и закрыл глаза.

– Да, – сказал он, – это очень хороший совет.

Глава пятьдесят четвертая

Дома, во Вриндаване

Из Бомбея Прабхупада приехал в Матхуру на поезде. Брахмананда на руках перенес духовного учителя из вагона в ожидавшую его машину, и уже через двадцать минут Прабхупада снова был во Вриндаване.

Преданные в Кришна-Баларам-мандире расстроились, увидев, насколько ухудшилось состояние Прабхупады за последний месяц. В комнате его все было по-прежнему, добавилась только большая двуспальная кровать. Он лег, а преданные задернули шторы и притушили свет. Минут пять он лежал, закрыв глаза и не двигаясь.

– Вот вы и дома, Шрила Прабхупада, – сказал, наконец, Тамала-Кришна.

Шрила Прабхупада продолжал лежать неподвижно. Потом, медленно подняв к груди руки и сложив ладони, он сказал:

– Спасибо.

Ему как будто стало легче.

– Теперь вы под защитой Кришны и Баларамы, – добавил Тамала-Кришна. Шрила Прабхупада улыбнулся и слегка кивнул головой.

– Да, кришна твадийа-пада-панкаджа-панджарантам, – ответил он, имея в виду молитву царя Кулашекхары: «О Кришна, позволь мне умереть сейчас, чтобы лебедь моего ума запутался в стеблях лотосов Твоих стоп. Иначе как, испуская последний вздох, я смогу думать о Тебе?»

Хотя состояние Шрилы Прабхупады было критическим, мысли его, как и прежде, оставались полностью сосредоточены на Кришне – Его имени, Его образе, Его играх и преданном служении Ему. Прабхупада сказал, что в половине десятого пойдет в храм повидаться с Кришной и Баларамой, как делал это прежде, но слуги посоветовали ему пока отдохнуть и отложить посещение храма до завтра.

– Я сделаю, как вы хотите, – согласился Прабхупада.

Тамала-Кришна спросил Прабхупаду, не хочет ли он, чтобы послали за кавираджей.

– Вы сами говорите, Прабхупада, лучше или хуже, но муж какой-то нужен.

Шрила Прабхупада кивнул.

– Распоряжайтесь... А мне позвольте думать о Кришне и Балараме.

Около четырех часов дня, когда преданные читали ему вслух «Шримад-Бхагаватам», Прабхупада спросил, отбил ли время храмовый колокол. С самого открытия храма в 1975 году он настаивал на том, чтобы колокол у главных ворот отзванивал каждые полчаса и час. Президенту храма никак не удавалось найти такого сторожа, который бы не спал всю ночь и исправно звонил в колокол. Но Шрила Прабхупада так настаивал на этом, что руководство храма в конце концов справилось с этой проблемой. Для Шрилы Прабхупады это было больше, чем просто хорошая традиция; это был показатель эффективности всей системы управления храмом. Если преданные не могут наладить даже бой в колокол, как же они справятся со всем остальным?

Сейчас Шриле Прабхупаде вдруг показалось, что колокол прозвонил не вовремя. Тамала-Кришна предположил, что, возможно, Прабхупада услышал звон какого-то другого колокола, и преданные вернулись к «Бхагаватам», но Шрила Прабхупада снова забеспокоился о колоколе под куполом храма. Хари-шаури поднялся с места, чтобы сходить проверить, и тут же колокол начал громко звонить – раз...два...три...четыре – пробив верное время.

– Вот о чем я беспокоюсь, – сказал Прабхупада. – О том, чтобы управление в этом большом храме было на должном уровне. Если этого не будет... Всему конец.

– Думаю, будет, – сказал Тамала-Кришна. – Мы слишком обязаны вам, чтобы позволить развалиться тому, что вы создали.

– Пожалуйста, позаботьтесь об этом, – попросил Прабхупада.

Шрила Прабхупада все-таки позвал Акшаянанду Свами и, только тот вошел в комнату, спросил его:

– Так будет колокол звонить или нет?

Акшаянанда пообещал тщательно следить за этим, приняв это наставление со всей серьезностью, как, возможно, последнее указание духовного учителя.

Вошел пуджари и вручил Прабхупаде большую ароматную гирлянду из туласи (прасад от Кришны-Баларамы), и Прабхупада снова погрузился в «Бхагаватам».

Ближе к вечеру, оставшись наедине с Тамала-Кришной, он поделился с ним своими мыслями по поводу последних двух недель.

– Спасибо тебе, – сказал он, – что ты свозил меня в Лондон и благополучно довез обратно. Это делает тебе честь. Спасибо тебе за это. Я в таком состоянии – мешок костей – а ты все равно это сделал. Кришна тебя благословит.

Хари-шаури привез из Дели еще один гороскоп для Шрилы Прабхупады. Астролог советовал, чтобы в течение двадцати одного дня десять брахманов повторяли определенную мантру Господу Шиве.

– У нас есть маха-мантра, – не одобрил этого предложения Шрила Прабхупада. – В других мантрах нет необходимости.

– Действительны ли эти гороскопы для преданных, Шрила Прабхупада? – поинтересовался Хари-шаури.

– Нет, – ответил тот. – Не тратьте деньги на эту астрологию.

Шрила Прабхупада верил только в Святое имя. Тамала-Кришна посоветовал снова начать круглосуточный киртан, и Прабхупада сказал:

– Вот это дело! А эти астрологи – карми. С карми мы не имеем ничего общего.

* * *

В ответ на зов Шрилы Прабхупады все двадцать три члена Джи-би-си один за другим снова приехали во Вриндаван. На сердце у них было тяжело, но, приходя к Шриле Прабхупаде, они с радостью рассказывали ему об успехах проповеднической деятельности, которой занимались от его имени. Шрила Прабхупада с большой радостью выслушивал их сообщения и, несмотря на свое состояние, старался, как мог, воодушевить лидеров ИСККОН на служение.

Одним из первых прибыл Хамсадута Свами со Шри-Ланки. Шрила Прабхупада наказал ему развивать там сельскохозяйственные общины, как это делал в Новом Вриндаване Киртанананда Свами.

– Иногда я говорю им во время проповеди, – рассказывал Хамсадута, – «Что это за страна? Это же земля раджариши, а в правительстве заправляет какая-то женщина!»

– Не лезь в политику, – предупредил его Прабхупада. – Наше дело – культура и философия.

С Гирираджей Прабхупада обсудил вопросы, связанные с банком. Поскольку вриндаванский банк неохотно выдавал деньги со счета ИСККОН, у Гирираджи возникла необходимость посоветоваться с духовным учителем. Тот тут же дал мудрую и практичную стратегию решения проблемы, но попросил впредь не занимать его подобными вопросами. Присутствующие при этом преданные были изумлены тем, как по-прежнему мастерски Прабхупада решает подобные проблемы. Когда Гирираджа извинился перед Прабхупадой за то, что втягивает его в эти дела, тот ответил:

– Вот я и говорю: делайте все необходимое.

В сущности, Прабхупада созвал членов Джи-би-си для того, чтобы, находясь подле него, они пели Святое Имя. Сейчас, больше, чем когда бы то ни было, он нуждался не во врачах, а в лекарстве Святого Имени Господа. Услышав, что его друг, доктор Гхош, собирается открыть во Вриндаване клинику и мог бы назначить ему лечение, Прабхупада наотрез отказался от этого предложения:

– Эти врачи пропишут мне что-нибудь, что, по их мнению, спасёт меня, но я не хочу, чтобы меня спасали. Пусть доктор Гхош открывает свою клинику, только я в ней лечиться не буду.

Тамала-Кришна спросил, не позвать ли на худой конец кого-нибудь из местных, вриндаванских врачей.

– Нет, – ответил Прабхупада, – я согласен только с одним твоим предложением – я хочу все время слышать киртан.

Тамала-Кришна согласился, что киртан – самое лучшее средство, потому что таким образом мы взываем о помощи к Кришне.

– Не надо молить Кришну о моем спасении, – ответил Шрила Прабхупада, – просто дайте мне умереть.

Прабхупада попросил приподнять его.

– Если Хамсадута не устал, – сказал он, – пусть он еще попойет.

Когда Харикеше сказали по телефону, что он должен немедленно приехать во Вриндаван, «приготовившись к худшему», он тут же связался с типографией, в которой печаталось несколько новых книг, и сказал, что к завтрашнему дню ему во что бы то ни стало нужны сигнальные экземпляры. Поэтому, поднимаясь на борт самолета, улетающего в Индию, он нес с собой только что отпечатанные тома Второй песни «Шримад-Бхагаватам» на немецком языке, три тома «Кришны» (тоже на немецком) и «Шри Ишопанишад» на сербскохорватском. Однако, когда во Вриндаване он подошел к дверям комнаты Шрилы Прабхупады, один из преданных сказал ему, что сейчас не время нести Шриле Прабхупаде книги.

– Почему? – не понял Харикеша.

– Это идет вразрез с тем настроением, которое мы пытаемся здесь создать, – объяснил преданный.

– Ты что, с ума сошел? – воскликнул Харикеша. – Для Прабхупады нет ничего дороже книг!

Войдя к Прабхупаде, он показал ему семь новых книг. Прабхупада тут же взял первый том трилогии «Кришна», подержал его в руках, посмотрел на изображение Радхи и Кришны на обложке и заплакал. Он протянул руку, пытаясь погладить Харикешу по голове, но тот отвел руку Шрилы Прабхупады, считая себя недостойным такой милости.

– Здесь, во Вриндаване, он целыми днями сидел за пишущей машинкой, – сказал Шрила Прабхупада, имея в виду то время, когда Харикеша был его секретарем. – Я сказал: «Отправляйся отсюда». У меня было десять слуг. Ты подумал, что я разжаловал тебя и гоню прочь. Нет. Теперь-то ты понял?

– Да, Шрила Прабхупада, понял, – промолвил Харикеша, глотая слезы.

– Он такой умный, думал я, – рассказывал Шрила Прабхупада. – Чего ради он должен сидеть здесь и гнить за пишущей машинкой?

Прабхупада оглядел каждую книгу.

– Печать и оформление прекрасные, – заключил он и спросил, каким тиражом напечатаны эти книги. Харикеша ответил:

– Трехтомник «Кришна» – сто двадцать тысяч, Вторая песнь «Шримад-Бхагаватам» – шестьдесят тысяч и «Ишопанишад» – десять тысяч.

– Сможете распространить «Ишопанишад»? – спросил Прабхупада.

Харикеша заверил Прабхупаду, что они обязательно распространят эту книгу в Югославии.

– Тогда печатай еще, – велел тот.

Еще некоторое время они обсуждали планы издания книг. Поистине, книги эти были для Прабхупады дороже жизни. Как только Харикеша с новыми книгами вошел в комнату, Прабхупада ощутил глубочайший экстаз, который передался и Харикеше, и всем находившимся там преданным. Все знали, что эмоции, которые они сейчас испытывают, являются проявлением особой, духовной любви, связывающей их с духовным учителем, и до тех пор, пока они будут искренни, любовь эта постоянно будет жить в их сердцах.

– Теперь вы просто обязаны поправиться, – сказал Харикеша, – выздороветь.

– Выздороветь? – переспросил Шрила Прабхупада, – Я не имею к этому телу никакого отношения.

На одном из круглосуточных киртанов присутствовал Брахмананда Свами, и Шрила Прабхупада подозвал его к себе. Он хотел дать ему последнее наставление относительно Африки. Прабхупада лежал на кровати, и, чтобы услышать его слова, Брахмананде пришлось наклониться к самому рту своего духовного учителя. Все, кто находился в комнате, затихли и тоже подошли ближе.

– Вместе с Нава-йогендрой, – хриплым шепотом произнес Прабхупада, – вдвоем. Южная Африка тоже. Местное население постепенно принимает. Попытайтесь вернуть Пушта-Кришну. Он очень опытен. Действуйте в Африке сообща. Проводите санкиртану. Все европейцы, американцы, африканцы. Туласи-дас тоже очень опытен. Организация Объединенных Наций под флагом Господа Чайтаньи. Это возможно. В противном случае, попытка создать ООН окажется бесполезной.

– Когда вы впервые приехали в Нью-Йорк, вы тоже об этом говорили, – Брахмананда вдруг вспомнил свои первые дни со Шрилой Прабхупадой, – вы тогда ходили в ООН. Я пришел на киртан в самый первый день. А на следующий день вы пошли на антивоенную демонстрацию

перед зданием ООН и пели там «Харе Кришна» и говорили, что сознание Кришны – единственный способ объединить нации.

– Да, это так, – подтвердил Прабхупада. – Попробуйте обрести защиту Чайтаньи Махапрабху, и вам будет сопутствовать успех. Другие же просто зря потратят свое время, их ждут разочарование и следующая жизнь, исполненная страданий.

Прабхупада сменил тему, но Брахмананда остался доволен. Теперь служения ему хватит на много жизней.

В комнату вошел Куладри и от лица Киртанананды Свами поднес Шриле Прабхупаде дары: чек на 8000 долларов, кольцо с сапфиром и золотой медальон, усыпанный сапфирами и рубинами.

– Что ж, почему бы теперь не подыскать мне и невесту? – неожиданно рассмешил преданных Прабхупада, разрядив торжественность царившей в комнате атмосферы. Надев кольцо на палец, Шрила Прабхупада велел позаботиться об остальных ценностях.

Куладри сказал, что кроме того он привез от Киртанананды Свами просьбу:

– Киртанананда Махарадж говорит, что раньше вы просили нас молиться Кришне. Но он чувствует себя недостойным обращаться к Кришне прямо. Поэтому он просит вас милостиво помолиться за нас Кришне – мы ведь не можем молиться Кришне сами. Мы не знаем Его. Но если попросите вы, Кришна обязательно исполнит ваше желание. Поэтому не могли бы вы попросить Кришну оставить вас с нами? Шрила Прабхупада, мы хотим, чтобы вы приехали, если это возможно, во дворец, что мы строим в Новом Вриндаване.

– Мне очень хотелось бы приехать, – сказал Шрила Прабхупада. – Но пока я не окрепну, как я это сделаю?

– Еще мы привезли сладости и мороженое, – сказал Куладри.

Он знал, что Прабхупада не может есть, но попросил, чтобы он хотя бы попробовал. Прабхупада согласился, и ему на язык положили маленький кусочек мороженого.

– Отменно, – сказал он.

Позже приехал сам Киртанананда, и Прабхупада попросил его рассказать, как дела в Новом Вриндаване.

– Все замечательно, Прабхупада, – начал Киртанананда. – Ваш дворец почти готов. К нам уже съезжаются посетители, жаждущие взглянуть на него. Через пару месяцев он будет закончен. Недавно пришла одна женщина с сыновьями и сказала одному из них: «Я не могу передать свои чувства. Это просто чудо».

– Да, – сказал Прабхупада, – там чудесно. – и после минутного раздумья добавил:

– Хмм... Посмотрим, в каком дворце я окажусь...

Шрила Прабхупада попросил Киртанананду забрать свои ценные подарки и использовать на Новый Вриндаван.

– Вам нужны деньги, – сказал он, – поэтому заberi их и пусти в дело. Это моя просьба.

– Спасибо вам большое, – сказал Киртанананда. – Но больше всего мы хотим вас.

– Да, я тоже, – сказал Шрила Прабхупада. – Если я выживу, я бы очень хотел поехать к вам и у вас пожить. Для меня это будет великой радостью.

Киртанананда достал фотографии дворца и Прабхупада немного приподнялся на постели, чтобы их рассмотреть.

– Ты исполняешь мою мечту, – сказал он. – Новый Вриндаван. Я мечтал об этом. Он сделал невероятное. Он – первый ученик – с самого начала. Когда я жил еще в том магазинчике, он принес ковры, скамью, какой-то гонг, какие-то лампы.

Находясь во Вриндаване, Гириаджа встречался с Прабхупадой несколько раз, большей частью обсуждая с ним вопросы управления, и, кроме того, регулярно дежурил в группе непрерывного киртана в комнате Прабхупады. Но однажды, желая получить полное благо от пребывания в Святой дхаме, он отправился по храмам Вриндавана, а в конце дня решил заночевать на крыше здания гурукулы. Вдруг посреди ночи его разбудил какой-то преданный, сказав, что Прабхупада зовет его к себе. Гириаджа стремглав бросился вниз, понимая, что духовный учитель может в любую минуту уйти, и любые слова его могут стать последними. Он вошел в комнату Прабхупады, предложил поклоны и подошел поближе к кровати.

– Как ты думаешь, это Движение сможет жить без меня? – спросил Прабхупада.

Гириаджа был изумлен. Неужели Прабхупада позвал его посреди ночи, чтобы спросить об этом?

– Я думаю, – ответил Гирираджа, – что пока мы искренни и продолжаем повторять «Харе Кришна» и следовать принципам, это Движение будет успешным.

Шрила Прабхупада молчал. Когда он заговорил, каждое слово, казалось, стоило ему огромных усилий. Он произнес слово «организация», а затем добавил:

– Организация и разум. Нужно ли что-то еще?

Гирираджа почувствовал, как сердце его разрывается от желания закричать: «Шрила Прабхупада, останьтесь с нами». Но вместо этого он сказал:

– Нет.

– Хорошо, – сказал Прабхупада, и Гирираджа поклонился и вышел.

Покинув комнату Прабхупады, Гирираджа задумался над его словами – «организация и разум». Казалось, Прабхупада требовал любви и преданности; он не верил, что ИСККОН может выжить лишь за счет организации и разума. Гирираджа думал, что, возможно, это были последние слова Прабхупады, обращенные к нему.

Парамананда, президент храма на ферме Прабхупады в Пенсильвании, носящей название «Гита-нагари», тоже приехал пообщаться с духовным учителем.

– Организуй эту ферму, – сказал ему Шрила Прабхупада. – Простая жизнь. Жизнь людей предназначена для осознания Бога. Попытайся помочь им.

– Мы всегда очень явственно ощущаем ваше присутствие, Шрила Прабхупада, – сказал Парамананда. – И это лишь благодаря вашему учению и наставлениям. Мы постоянно размышляем над вашими наставлениями.

– Спасибо тебе, – сказал Шрила Прабхупада. – Это и есть истинное присутствие. Физическое присутствие не важно.

Парамананда привез письмо от своей жены, Сатьябхамы. Тамала-Кришна спросил, зачитать ли его, и Прабхупада согласился. Тамала-Кришна прочитал:

Дорогой Шрила Прабхупада,

Пожалуйста, примите мой самый смиренный поклон. Слава Вашей божественной милости.

Эта шаль сделана из шерсти наших овец. Она спрядена и соткана в Гита-нагари. Это самая первая шаль, сделанная нами. Делая ее, я постоянно думала о вас, о том, что я готовлю вам подарок. Но на самом деле, это вы сделали мне подарок, заняв меня в преданном служении. Шрила Прабхупада, я всегда молю о том, чтобы Господь Нрисимхадева защитил вас и позволил вам остаться с нами, чтобы закончить свои книги. Но я думаю, что сегодняшний дождь – это слезы полубогов, оплакивающих ваш предстоящий уход. Я тоже плачу. Даже Кришна оплакивал уход деда Бхишмы. Поэтому у меня есть право плакать. Я не такой великий философ, чтобы говорить, что вы всегда присутствуете в своих книгах и учении, хотя и знаю, что это так. Мне будет очень не хватать вас, Шрила Прабхупада, если вы уйдете. Я молю о том, чтобы всегда оставаться вашей смиренной служанкой и преданной.

Ваша смиренная ученица,

Сатьябхама-даси

– Поблагодарите ее, – сказал Шрила Прабхупада, и протянул руку к шали. – Сделано из нашей шерсти...

– Вы будете отдыхать, Шрила Прабхупада? – намекнул Тамала-Кришна.

– Ммм, – протянул тот. – Можно прикрыть ноги, – и жестом руки он указал, что выкрашенную в шафрановый цвет шаль можно использовать как одеяло. Когда он ложился, в глазах его блеснули слезы.

* * *

Шрила Прабхупада все больше и больше склонялся к тому, что пришла пора уходить из этого мира. Когда Тамала-Кришна заметил вслух, что Прабхупада мало пьет, тот ответил, что ему просто не хочется.

– Не знаю, что и сказать, Шрила Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна. – Это сбивает с толку. Мне остается надеяться, что Кришна сам что-то сделает.

Тамала-Кришна снова предложил привести врача.

– Вы же сами сказали, что муж какой-то нужен, – напомнил Тамала-Кришна. – Мы должны обратиться к врачу. Я по-прежнему в это верю. В конце концов, мы же не врачи.

– Да, – согласился Прабхупада, – но мы и так пользуемся услугами врача, аюрведой – то есть, «йогендра-расой».

– Разумеется, но вы только начали его принимать, – сказал Тамала-Кришна. – А завтра вы можете передумать. И в каком положении мы тогда окажемся?

– В положении вдовы, – засмеялся Прабхупада, и добавил:

– На самом деле, Кришна – муж всех.

Преданным, что находились с Прабхупадой, было очень трудно примириться с тем, что он настроился на скорый уход. Однажды во время киртана Упендра спросил, не хочет ли Прабхупада пить. Услышав отрицательный ответ, кто-то из преданных заплакал, поняв, что без еды и, уж тем более, без питья Прабхупада не задержится с ними надолго. Преданные старались покорно смириться с желанием своего духовного учителя и понимали, что он все больше склоняется к тому, чтобы оставить этот мир. Они приезжали, чтобы принять это, окружая его киртаном и ограждая от любых неудобств, связанных с их проблемами или запросами. Любое его желание становилось их желанием. Но мысль о его уходе была по-прежнему почти нестерпима.

Чувствуя свое бессилие, они искали утешения в философии. Рупануга сказал, что Прабхупада подобен послу иностранной державы, которого теперь отзывают назад. Джаядвайта сказал, что Прабхупада научил своих учеников тому, как нужно жить, а теперь учит их тому, как нужно умирать. Еще кто-то сказал, что в духовном мире Прабхупаду ждут друзья куда лучше. Разговаривая между собой, преданные все время подчеркивали, что сейчас самое важное – работать сообща, и обсуждали будущее ИСККОН. Однако легче им от этого не становилось.

Тем не менее, понемногу они свыклись с горькой неизбежностью. Все свидетельствовало о том, что Прабхупада окончательно решил уйти из жизни, и потому преданные чувствовали себя все более и более подавленными. В редкие светлые минуты на смену подавленности приходила торжественная грусть.

Шрила Прабхупада сказал, чтобы они попросили Нараяну Махараджу, ученика санньяса-гуру Прабхупады, рассказать им о том, как проводить обряд погребения вайшнава. Он указал также, где должна находиться его усыпальница-самадхи, и попросил, чтобы после его смерти во всех главных храмах Вриндавана устроили пир за счет ИСККОН.

Жизнь как будто текла своим чередом. Наступил октябрь, погода стояла чудесная. Мальчики из гурукулы по-прежнему ходили на занятия. В храме, как обычно, шли службы в честь Кришны-Баларамы. Только теперь перед храмом рабочие начали расчищать место для самадхи Прабхупады.

По прошествии нескольких дней, в течение которых Прабхупада ничего ни ел и не пил, Тамала-Кришна еще раз, на этот раз мягче, повторил свою попытку:

– Вы ничего не хотите сегодня попить?

– Позволь мне пить хари-нама амия виласу, – ответил Шрила Прабхупада.

– Джая Шрила Прабхупада! – воскликнул Хари-шаури. – Хари-нама – это сладчайший нектар.

– Ниврита-таршаир упагияманам бхаваушадхат, – процитировал Прабхупада. – Это бхаваушадха, хари-киртан.

Джаядвайта закончил стих:

– Бхаваушадхач чхотра-mano ‘бхирама.

– Ах, – с одобрением произнес Прабхупада. – А чаранамрита – это диета. Диета и лекарство. Позвольте мне питаться этим.

Несмотря на свой пост, Шрила Прабхупада спросил, получают ли преданные прасад. В храм съехалось уже более ста преданных, и ожидалось, что придут еще.

– Что сейчас раздают? – спросил Прабхупада.

– Что раздают? – переспросил Тамала-Кришна. – Вы имеете в виду прасад? Вчера был экадаши, поэтому сегодня преданным раздавали овсянку с гуром и фруктовый салат из гуавы и бананов. Это то, что раздавали сегодня утром. А обед обычно очень плотный и очень хороший. Это лучший прасад из всего, что нам до сих пор доводилось пробовать в Индии. Повар, Айодхьяпати, превосходно готовит. Хотите знать, что он готовит на обед?

Прабхупада слегка кивнул.

– Он готовит алу-сабджи с соусом из дала, – рассказал Тамала Кришна, – каждый день делает бинди, очень хорошо приправленные, а также дал, роти, рис, яблочное чатни и дахи-райту.

Прабхупада спросил, кто помогает Айодхьяпати. Он не хотел, чтобы преданные нанимали поваров.

– Готовят только преданные, – сообщил Тамала-Кришна. – И готовят очень вкусно. И все – 125 преданных – садятся и принимают прасад вместе. Гости из гостиницы тоже едят вместе с нами. Все принимают прасад вместе.

– Всем нравится? – улыбнулся Прабхупада.

– Да, да! – хором подтвердили преданные, собравшиеся у его кровати.

– Это хорошо, – сказал Прабхупада.

– Вы идеальный отец, Шрила Прабхупада, – сказал один из преданных. – Вы всем нас обеспечили. Жильем, едой, всем. И вы научили нас духовному знанию.

Прабхупада снова издал низкое «Ммм», после чего сказал:

– Пойте. Все вместе, – и собравшиеся преданные с удовольствием начали киртан.

В комнате было темно. Единственным источником света был ночник у изголовья кровати Шрилы Прабхупады. Преданные тихонько пели, сопровождая себя лишь на одной паре крошечных каратал, чтобы не сбиться с ритма. Трипурари Свами растирал стопы Шрилы Прабхупады, Бхагатджи – его правую ногу, а Тамала-Кришна – левую руку. Вдруг дверь открылась, и в комнату вместе с двумя своими учениками вошел Нараяна Махараджа из Девананда-Сарасвати-Матха. Ученики Прабхупады тут же усадили его рядом с постелью, и Шрила Прабхупада заговорил, но так тихо, что Нараяне Махарадже пришлось близко наклониться к его губам. Видя, что сейчас начнется разговор, пятнадцать или двадцать преданных, сидевших в комнате, придвинулись поближе.

Шрила Прабхупада начал:

– Шрила Прабхупада (Бхактисиддханта Сарасвати) говорил, что мы должны проповедовать в Европе и Америке. Таково было его желание. Он хотел, чтобы все мы сотрудничали ради проповеди.

– Да, это так, – согласился Нараяна Махарадж.

– Я ни минуты не тратил зря, – продолжал Шрила Прабхупада. – Я пытался делать все, что от меня зависит, и в какой-то мере это принесло успех.

От сильных чувств голос Шрилы Прабхупады прерывался.

– Если трудиться сообща, – продолжал он, – то, как говорил Шри Чайтанья Махапрабху, притхивите ... У санкиртаны огромные возможности. Моя жизнь подходит к концу. Я хочу, чтобы вы простили мне мои ошибки. Мои духовные братья... Когда проповедуешь, порой разгораются какие-то споры, возникает непонимание. Может быть, я совершил какие-то оскорбления. Пожалуйста, попроси их простить меня. Когда я уйду, соберитесь вместе и решите, как провести в память обо мне утсаву или праздник. Сколько мы должны? Что ты об этом думаешь?

– Какие бы наставления вы ни дали мне, – ответил Нараяна Махараджа, – я последую им с абсолютной искренностью. Я считаю вас своим гуру.

Нараяна Махараджа сказал, что все, что создано Шрилой Прабхупадой, необходимо защитить, и это – долг каждого. Он пообещал помогать, насколько это в его силах. Шрила Прабхупада спросил, где сейчас его духовные братья, имеющие храмы в Матхуре и Вриндаване, и Нараяна Махараджа ответил, что большинство из них в отъезде.

Что до просьбы Прабхупады о том, чтобы его духовные братья простили ему оскорбления, Нараяна Махарадж сказал:

– Все это мелочи. Если во время этой вашей всемирной проповеди и возникли какие-то мелкие недочеты и упущения, какое это имеет значение? Это нормально. Вы действовали на благо всего человечества. У вас не было личных интересов. Вы все делали во имя Бога.

Он посоветовал Шриле Прабхупаде не тревожиться. У него достойные ученики, которые позаботятся о Движении; поэтому сейчас Прабхупада должен «думать только о Господе».

Затем Нараяна Махараджа попросил одного из своих спутников, Шешашаи Брахмачари, спеть бхаджан «Шри-рупа-манджари-пада». Шешашайи Брахмачари сладко запел, и все погрузились в его пение. Шрила Прабхупада лежал не двигаясь. Затем Нараяна Махараджа сам спел один бхаджан, и закончил его припевом «Джая Гурудева! Джая Прабхупада!»

После небольшой паузы Нараяна Махараджа снова заговорил, на этот раз об учениках Шрилы Прабхупады.

– Скажите им, чтобы они никогда не действовали из эгоистических интересов, – попросил он. – Они должны привести вашу миссию к успеху.

Шрила Прабхупада медленно повернул голову и посмотрел на преданных, которые при этом его движении придвинулись еще ближе. Затем он медленно поднял руку, словно призывая их к вниманию, и произнес:

– Не ссорьтесь друг с другом. Я дал вам указания в книгах.

Сказав это, он опустил руку.

В комнату вошел духовный брат Прабхупады, Индупати. Заслышав его приветствие, Шрила Прабхупада повторил свою просьбу:

– Я хочу попросить у тебя прощения за все мои оскорбления. Я никого не хотел обижать, но во время проповеди приходится иногда говорить что-то такое, что может обидеть других. Простишь меня?

– Да, да, – сказал Индупати.

– Махараджа, вы не совершали никаких оскорблений! – воскликнул Нараяна Махараджа. – Мы никогда даже и не думали, что вы сделали что-то не так. Напротив, благословите нас. Мы нуждаемся в этом! Вы никогда не делали ничего плохого. А если кто-то считает ваши действия оскорбительными, он сам виноват.

Нараяна Махараджа нежно взял Шрилу Прабхупаду за правую руку и пощупал его пульс. Через минуту он сказал:

– Пульс в порядке. Вы в ясном сознании. Если по воле Господа вам суждено уйти, вы уйдете совершенным образом.

Пообещав снова вернуться, Нараяна Махарадж попросил разрешения удалиться и вместе с Индупати и своими брахмачари покинул комнату.

Ученики Шрилы Прабхупады молча отошли от кровати, не желая заводить никаких бесед, чтобы без необходимости не утомлять духовного учителя. Они были благодарны Нараяне Махарадже, но это было лишь еще одно последнее прощание. Не дав атмосфере отчаяния сгуститься, они снова повели мелодичный киртан.

Однажды, ранним октябрьским утром (тогда Шрила Прабхупада все еще продолжал отказываться от пищи и воды) Упендра обратился к учителю с невинной, но несколько дерзкой жалобой.

– Как вы можете отказываться пить? – спросил он.

– А что в этом плохого? – удивился Шрила Прабхупада. – Я не испытываю от этого никаких неудобств.

Упендра объяснил, что если Шрила Прабхупада не будет пить, то произойдет обезвоживание организма. Но Прабхупада ничего не ответил, и Упендра вышел из комнаты.

– Может, попьете воды? – попросил Абхирам.

Шрила Прабхупада подумал немного и сказал:

– Обсудите между собой и решите, чего вы от меня хотите.

Обсудить? Казалось, он говорит о чем-то большем, чем просто о питье воды.

– Обсудить возможность вашего выздоровления? – уточнил Абхирам.

– Я не хочу, – ответил Прабхупада.

– Вы не хотите выздоравливать, Шрила Прабхупада?

– Не хочу, – подтвердил тот, и Абхирам вышел в приемную секретаря, где сидели некоторые из членов Джи-би-си.

Он послушно доложил им о том, что только что сказал Шрила Прабхупада – Джи-Би-Си следует обсудить между собой возможность его выздоровления. Но эти слова Абхирама не были для преданных новостью. Они прекрасно знали, что Прабхупада уже не предпринимает никаких попыток бороться за жизнь. Они уже опустили руки. Шрила Прабхупада хотел уйти, «спокойно умереть». Ученики пытались вдохновить его пить, но он решительно настроился поститься до последнего часа. Согласны они или нет, это уже происходит. Поэтому слова Абхирама не повлекли за собой никаких дискуссий.

Днем Прабхупада позвал Тамала-Кришну, оторвав его от обеда. Тамала Кришна незамедлительно прибыл в комнату Прабхупады, и с ним туда вошли еще несколько членов Джи-би-си. Они приблизились к ложу Прабхупады, чтобы услышать, что он хочет сказать им.

– Если я захочу выжить, – начал он, – то, разумеется, мне нужно будет что-то сделать.

Он говорил медленно и с трудом.

– Невозможно выжить, не принимая никакой пищи. Но для меня борьба за жизнь сопряжена с такими тяготами... Поэтому я решил просто спокойно умереть.

Его голос стих. Пораженные услышанным, ученики молчали. Они сели, невидяще уставившись на Прабхупаду, лежавшего с закрытыми глазами. Иногда тот издавал звуки, вроде «mmm»... Только после нескольких минут, тянувшихся, казалось, очень долго, Тамала-Кришна собрался с духом, и спросил Прабхупаду, нужно ли продолжать петь.

К этому времени, закончив обед, в комнате уже собрались преданные и начали мелодичный киртан. Тамала-Кришна наклонился к Прабхупаде и заверил учителя, что его бывшей семье будет обеспечено регулярное денежное содержание. Прабхупада это одобрил.

– Не волнуйтесь, – сказал Тамала-Кришна. – Я прослежу, чтобы все они были довольны. Им не придется ни о чем сожалеть. Вы обеспечили всех, Шрила Прабхупада.

Через несколько минут Прабхупада перенес свое внимание на Хари-шаури, который тихо плакал у его изголовья. С некоторой суровостью в голосе Прабхупада спросил:

– Почему ты хочешь, чтобы я продолжал жить?

Хари-шаури не мог говорить. Он почувствовал, что, если он попросит Прабхупаду остаться, это будет оскорблением, поскольку тот уже решил уходить. Хари-шаури не мог сдерживать своих чувств, но и говорить «Останьтесь и боритесь за жизнь» не хотел. Ни он, ни кто другой не хотели, чтобы Прабхупада уходил. Тамала-Кришна почему-то не уловил смысла последнего высказывания Прабхупады, обращенного к Хари-шаури, поэтому он наклонился к Прабхупаде и полувопросительно произнес:

– Они хотят, чтобы вы продолжали жить?

– Если я сам хочу умереть, – проговорил Шрила Прабхупада, – то это очень спокойная смерть. Пойте дальше.

Когда киртан возобновился, Тамала-Кришна попросил разрешения удалиться. Прабхупада спросил, почему он хочет уйти, и Тамала-Кришна ответил, что хотел бы кое-что обсудить.

– Обсудить, – произнес Шрила Прабхупада. – Они хотят, чтобы я остался, а я хочу спокойно умереть. Я не могу творить чудеса. Чтобы жить, необходимо поддерживать физическое тело. Но как оно может существовать без пищи? Это фанатизм.

– Все в руках Кришны, – сказал Тамала-Кришна.

Глаза Шрилы Прабхупады были закрыты, но тут он вдруг открыл их и сказал:

– Кришна хочет, чтобы я поступил, как захочу. Выбор за мной. Кришна предоставил мне полную свободу.

Некоторых преданных его слова потрясли. Они были поражены переменой, происшедшей в нем. Но Брахмананда заговорил как смирившийся ученик.

– Не имеет значения, будете ли вы жить или умрете, Прабхупада, – сказал он. – Вы всегда будете с Кришной, а мы всегда будем с вами, потому что мы будем следовать вашим наставлениям.

– Умру ли я или останусь в живых, – сказал Прабхупада, – я всегда буду слугой Кришны. Поэтому, раз Брахмананда заверил меня, что наше Движение в любом случае будет жить, тогда мне лучше спокойно умереть.

Преданных, склонившихся над Прабхупадой, ужаснули эти едва слышные слова. Спустя несколько минут тяжелого молчания киртан возобновился. Прабхупада, казалось, отдыхал.

Через несколько минут в приемной собрались все присутствующие во Вриндаване члены Джи-би-си и старшие санньяси. Брахмананда чувствовал себя последним негодяем из-за опрометчиво сказанной фразы. Преданные еще не оправились от последних слов Прабхупады: Кришна предоставил ему свободу поступать так, как он пожелает. Эти слова были подобны удару молнии. Этими словами – «Кришна оставил выбор за мной» – Прабхупада повернул мысли преданных в другом направлении. Абхирама напомнил им: Прабхупада хотел, чтобы они обсудили вопрос об его выздоровлении – вот они и начали эту дискуссию. Но внезапная перемена в настроении Прабхупады сбита их с толку.

Тогда заговорил Киртанананда Свами, самый старший ученик Прабхупады, и речь его была ясной и логичной.

– Если Кришна предоставил Шриле Прабхупаде свободу выбирать, значит, и нам Он предоставил эту свободу. Поэтому мы должны воспользоваться ею и попросить Шрилу Прабхупаду остаться.

Один за другим преданные стали высказываться за то, чтобы попросить Шрилу Прабхупаду остаться. Да, конечно, Движение сознания Кришны будет существовать и без его физического присутствия, но оно будет уже не тем.

– К тому же, Прабхупада не закончил перевод «Шримад-Бхагаватам», – вспомнил Брахмананда.

– Да, – подхватил другой преданный, – мы должны попросить Шрилу Прабхупаду остаться еще по меньшей мере лет на пять или десять!

– Пять или десять? Мы должны попросить его остаться на сотню лет!

– Но здесь не присутствуют все Джи-би-си, чтобы принять решение.

– Ну и что?! Разве будет кто-то из Джи-би-си против того, чтобы Прабхупада остался?

Они были единодушны. Они хотели, чтобы Прабхупада остался, и они должны были высказать свое желание ему. Настроение последних нескольких дней неожиданно поменялось. Отчаяние больше не терзало их; преисполнившись оптимизма и энтузиазма, они надеялись, что теперь Шрила Прабхупада останется с ними.

– Почему мы должны считать, что у него нет никакой надежды на выздоровление? – горячился Киртанананда. – Мог же Иисус возвращать мертвых к жизни, и даже мирские йоги на это способны. Поэтому нет сомнений, что Шрила Прабхупада тоже сможет, если захочет.

Далее решительно заговорил Брахмананда:

– Мы не понимали, что Прабхупада на самом деле нужен нам! Мы должны понимать это! Мы просто не имеем права терять Прабхупаду даже на секунду!

Около половины четвертого двадцать преданных вошли в комнату Шрилы Прабхупады и столпились вокруг его кровати. Шрила Прабхупада лежал недвижно, с закрытыми глазами, но знал, что они здесь. Как представитель группы, Киртанананда Свами наклонился над кроватью Шрилы Прабхупады, но губы его задрожали, глаза наполнились слезами и, не выдержав, он заплакал, уронив голову на кровать. Шрила Прабхупада протянул руку, но не мог найти Киртанананду.

– Кто? – произнес он.

– Киртанананда, – хором ответили преданные.

Шрила Прабхупада положил руку на голову Киртанананды и нежно погладил его.

– Ммм? Итак, что же вы хотите? – спросил он.

Никто не мог ничего сказать – все ждали Киртанананду. Брахмананда гладил его по спине, пытаясь успокоить, а Тамала-Кришна вдохновлял собраться с духом и сказать что-нибудь. Наконец, после долгой эмоциональной паузы Киртанананда поднял голову. Он посмотрел на Шрилу Прабхупаду и взмолился:

– Если Кришна дал вам выбор, то не уходите! Вы нужны нам!

– Это ваше единодушное мнение? – спросил Шрила Прабхупада. – Вы обсудили?

Он поднял руку и описал ею в воздухе круг, словно указывая на собравшихся преданных.

Затем эмоционально и с воодушевлением заговорил Брахмананда Свами:

– Мы собирались вместе, Шрила Прабхупада. Мы хотим, чтобы вы остались, чтобы руководили этим Движением и закончили «Шримад-Бхагаватам». Мы говорили о том, что вам нужно остаться еще по меньшей мере лет на десять. Вы сделали только половину работы!

Шрила Прабхупада слушал очень внимательно, не делая ни единого движения, но при словах «половину работы» нахмурился и сказал:

– Нет.

Через какое-то время он произнес задумчивое «хмм». Глаза его были по-прежнему закрыты, и казалось, что он советуется с Кришной. Несколько раз он произнес «хмм». Все замерли в нерешительности, не решаясь сказать, подумать или сделать что-либо, кроме как неотрывно смотреть на Шрилу Прабхупаду. Затем, не открывая глаз, Прабхупада зевнул, обнажив свои золотые зубы.

– Ладно, – сказал он.

Наверное, никто прежде не делал выбора между жизнью и смертью столь небрежно! В ту минуту преданные вдруг осознали, что Шрила Прабхупада абсолютно независим и может сам решать, оставаться ему или уходить, а сами они настолько утратили веру, что считали его уход неизбежным, и думали, что отложить его не способен никто – даже он сам. Но сейчас он явил им свою удивительную неземную природу простым зевком – «Ладно», – как будто выбор между жизнью и смертью был для него чем-то пустяковым. Харикеша издал короткий смешок. Он смеялся так только тогда, когда Шрила Прабхупада делал что-то и впрямь сверхъестественное, необъяснимое и неподражаемое.

– Джая Прабхупада! – воскликнул он.

Прабхупада в очередной раз доказал свое непостижимое положение. Преданные нервно и неуверенно рассмеялись. Не зная, смеяться им или плакать, они снова замолчали, ожидая от Прабхупады дальнейших действий.

– Что же, дайте мне попить, – сказал он, и преданные ответили на это дружным:

– Джая Прабхупада!

Он останется. Он сам сказал это. Все почувствовали огромное облегчение.

– Слава Шриле Прабхупаде!

– Это настоящая любовь, – ответил Прабхупада.

Атмосфера изменилась. Изменился сам Шрила Прабхупада. Слуги подняли его, и на глазах у всех он выпил целый стакан виноградного сока. Теперь, вместо того, чтобы уменьшать свои силы (что он делал последние несколько дней), он вновь возвращался к жизни. Он снова лег.

– Большое спасибо, – сказал он. – Харе Кришна.

– Харе Кришна, – ответили ему преданные.

Именно этого и хотел Прабхупада. Он пробудил в них эмоции и усилил их привязанность к себе, ввергнув своих учеников в состояние духовного горя. Теперь они хотя бы приблизительно, хотя бы чуть-чуть понимали, какую боль испытывали гопи от разлуки с Кришной. Шрила Прабхупада позволил ученикам испытать высочайшие чувства преданности и показал им, что на самом деле их жизни были в его руках.

После продолжительной паузы он попросил:

– Клубника, вы привезли ее?

– Да, Шрила Прабхупада, – отозвался Тамала-Кришна, – замечательная клубника.

– Я поем немного клубники, – сказал он.

– Шрила Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна, – в Бомбее вы дали Кришне слово, что придете к Нему в Его новый большой храм, и так и не сдержали своего обещания.

Прабхупада весело и широко улыбнулся.

– Вы назначили день открытия бомбейского храма, – сказал Брахмананда. – Первое января. Поэтому мы хотели бы пригласить вас туда, Шрила Прабхупада. Это ваш храм. Вы попросили Кришну прийти туда. Когда мы все сдались, вы продолжали сражаться.

– Да, это была славная битва, – сказал Прабхупада, улыбаясь. – Построить большой храм после такого жаркого дела – это огромный успех.

– Не думаю, что Кришна придет в этот храм, – подхватил Тамала-Кришна, – если вы сами, Шрила Прабхупада, не откроете Ему двери.

Прабхупада по-прежнему улыбался.

– Хорошо, – сказал он. – Но пение прекращать не нужно. Все должно идти своим чередом.

Обращаясь к Киртанананде, Прабхупада спросил:

– Когда будет готов дворец Киртанананды?

– В начале весны, – ответил тот, – как только немного потеплеет. У вас будет возможность немного восстановить силы, потом поехать в Бомбей на открытие храма, а уж потом вы можете открыть и ваш дворец. У нас около семидесяти пяти писем от преданных Нового Вриндавана, и все они умоляют вас приехать. Они говорят, что жизнь их оборвется, если вы не приедете.

– Дайте мне немного отдохнуть, – попросил Прабхупада, – а потом я поем клубники.

Позже в тот же день он говорил уже громче и, помимо прочего, цитировал стихи, в том числе стих из «Ишопанишад» о том, что тот, кто признает Верховную Личность Бога, может прожить сотни лет. Он сел и выпил немного овощного бульона. Потом он полчаса проговорил с Гирираджей, обсуждая с ним банковские вопросы и постоянно его переспрашивая, чтобы убедиться, что тот усвоил; не меньше разговаривал он и с Рамешварой Свами – здесь речь шла о проповеди сознания Кришны в Иране.

Новость о том, что Прабхупада решил жить, быстро разнеслась по всему миру. Преданные повеселели и чувствовали глубокую благодарность своему духовному учителю. Сильнее всего это ощущалось во Вриндаване, где атмосфера печали была перед тем особенно тяжела. С еще большим вдохновением они стали говорить о проповеди. Было понятно: всеми своими поступками Шрила Прабхупада наставлял учеников. Прежде преданные говорили, что Шрила Прабхупада учит их умирать, но сейчас они поняли, что он учит их жить – питаясь любовью. Он делал это, усиливая их любовь к нему.

Некоторые из преданных чувствовали, что наставление, которое давал им сейчас Шрила Прабхупада, было самым важным его наставлением – главной движущей силой во всех его

действиях. В основе сознания Кришны лежит не что иное, как любовь. Шрила Прабхупада писал в своих книгах: према пум-артхо махан: «Любовь к Кришне – это высшая цель жизни». Преданный может вернуться в духовный мир только развив чистую, беспримесную любовь к Кришне. Некоторые преданные говорили, что Прабхупада оставался в материальном мире только ради того, чтобы любовь учеников стала еще сильнее и чище; чтобы дать им возможность оказывать ему сокровенное служение во Вриндаване. Другие же считали действия Шрилы Прабхупады слишком серьезными, чтобы понять их, а посему просто принимали их как ачинтью, нечто непостижимое. Но и те, кто сам был свидетелем происходящего, и те, кто знал об этом понаслышке, понимали одно – словами «это настоящая любовь» Шрила Прабхупада ответил на зов любви своих учеников.

Глава пятьдесят пятая

Последний урок

Несмотря на свое обещание пожить еще немного, Шрила Прабхупада говорил, что жизнь его все-таки в руках Кришны – все в Его руках! То, что у него была свобода выбора, вовсе не означало, что он абсолютно независим. Напротив, при всех обстоятельствах чистый преданный добровольно вверяет себя Кришне. В настроении гопи – величайших преданных – Господь Чайтанья Махапрабху молился: «Ты можешь грубо обнять меня или разбить мое сердце, не показываясь передо мной – что бы Ты ни делал, Ты всегда остаешься моим Господом».

Поскольку отношения между Господом и Его чистыми преданными всегда необычайно личностны, как Господь, так и Его преданные свободно выражают свои желания и волю. В Своей детской лиле Кришна иногда разбивает горшок с маслом в доме Своей матери Яшоды, а иногда позволяет ей схватить и связать Себя веревками. В любом случае, воля Господа и воля преданного находятся в вечной гармонии, хотя порой это выражается в форме любовной ссоры. Так и сейчас, даже пообещав своим преданным остаться и бросить вызов смерти, Шрила Прабхупада по-прежнему зависел от желания Кришны.

Шрила Прабхупада уже выразил свою покорность воле Кришны, в молитве, которую ученики его должны были возносить Господу: «Мой дорогой Господь Кришна, если Тебе угодно, пожалуйста, исцели Шрилу Прабхупаду». И хотя таким образом он подсказывал своим последователям, о чем можно просить Кришну, словами «если Тебе будет угодно» он напоминал им, что в конечном счете все зависит от Кришны, и просил их подчиниться Его воле. В 1967 году, в аналогичном случае, он дал своим ученикам другую молитву: «Мой учитель еще не завершил свой труд». Позже он говорил, что Кришна ответил на эту молитву, исполнив желание преданных. Сам Шрила Прабхупада отвечал на молитвы преданных, и Кришна оставил выбор за ним. Но как преданная душа, Шрила Прабхупада ждал дальнейшего развития событий, всегда оставаясь чутким к воле Кришны. Он выразил это в словах, обращенных к Киртанананде, когда тот пригласил его в Новый Вриндаван посмотреть на построенный для него дворец: «Посмотрим, в каком дворце я окажусь».

В любовных отношениях между Верховным Господом и Его чистым преданным порой возникают конфликты, и точно такой же конфликт возник сейчас между Шрилой Прабхупадой и его учениками. До того как преданные, окружив его постель, обратились к нему с отчаянной мольбой, Шрила Прабхупада видел свой долг в том, чтобы научить их искусству умирать. Это было частью его миссии, он должен был показать совершенный пример того, как преданный должен проходить через последнее в своей жизни испытание. Но сейчас ученики молили его отложить этот урок и остаться с ними на поле проповеди еще хоть сколько-нибудь. И Прабхупада согласился, доказав, что, если захочет, то может остаться жить. Однако рано или поздно ему все равно придется вернуться к прерванному уроку и на собственном примере показать, как преданному следует встречать смерть.

Отличительной чертой Прабхупады было то, что хотя в любых ситуациях он вел себя как обычный человек, при этом он всегда оставался отрешенным и трансцендентным ко всему, что творилось вокруг. На него как на чистого преданного Господа не распространялось действие закона кармы – закона воздаяния за благочестивые и греховные поступки. Не карма была причиной его рождения, и не карма будет причиной его смерти. Как говорил Шрила Рупа Госвами, «тот, чье тело, ум и речь целиком отданы преданному служению Господу Кришне, является освобожденной душой, даже если находится в материальном мире». Люди часто неправильно понимают смысл поступков чистого преданного в материальном мире, подобно тому, как, глядя на луну и плывущие мимо нее облака, человек думает, что движется сама луна. Поэтому шастры снова и снова подчеркивают, что ни в коем случае нельзя смотреть на гуру как на обыкновенного человека, подвластного закону кармы.

Однако Шрила Прабхупада, который всегда оставался трансцендентным к этому миру, показал обусловленным душам, что они тоже смогут достичь освобождения, если будут постоянно думать о Кришне и служить Ему. Тогда в момент смерти они вернутся к Кришне в Его вечную духовную обитель. Все уроки Прабхупады очень наглядны и доступны. Например, книги его – это

не просто красиво изложенная философия, но руководство к действию, полное личного, глубоко прожитого опыта. Слова Шрилы Прабхупады никогда не расходились с делами, сам он всегда жил так, как учил жить других. Даже ведя семейную жизнь, он ни на минуту не забывал о проповеди и все свободное время посвящал изданию и распространению журнала «Обратно к Богу». В нищете и безвестности, он снова и снова пытался начать духовное движение и, по милости Кришны и духовного учителя, добился успеха. Играя роль простого смертного, он делом доказывал свою готовность совершать любые подвиги и идти на любой риск. На собственном примере он показал, что значит вести духовную жизнь, и примеру его может последовать каждый. В преклонном возрасте, один, он отправился на чужбину и пел в нью-йоркском парке мантру «Харе Кришна», стараясь привлечь молодых американцев. Поэтому каждый должен последовать его примеру и служить Кришне, невзирая ни на какие препятствия.

Шрила Прабхупада встречал на своем пути множество преград, однако по своей воле и с помощью Кришны сумел преодолеть все препятствия, явив тем самым замечательный пример для подражания. Пять тысяч лет назад Господь Кришна призвал людей предаться Ему, однако до тех пор, пока пятьсот лет назад Господь Чайтанья не показал на собственном примере, как это сделать, предаться Кришне были способны лишь избранные. И вот теперь, в двадцатом веке, Шрила Прабхупада сделал сознание Кришны доступным для людей всего мира.

Шрила Прабхупада знал, что, помимо прочих наставлений, он должен дать людям и пример того, как следует умирать. По милости Кришны, а также благодаря молитвам учеников и своему чистому и сильному желанию распространить в мире сознание Кришны, ему много раз удавалось избежать неминуемой смерти. Но знаки, которые Господь Кришна дал ему в 1977 году, побудили Прабхупаду приступить к целенаправленному и решительному завершению своей миссии в материальном мире. И одна из его последних обязанностей состояла в том, чтобы научить людей тому, как следует встречать смерть. Он совершенным образом продемонстрировал всем, как нужно проходить через испытание, которое ожидает каждого, но достойно пройти через которое труднее всего. Смерть.

Однако тут вмешалась любовь. Прабхупада любил своих учеников и знал, что те еще не достигли зрелости. Его Движение уже набрало силу и добилось определенного влияния в обществе, но и врагов у него тоже было достаточно. Все эти годы он сам защищал свое Движение, своих учеников, так же как, впрочем, и всех живых существ, даже животных, и поэтому, когда самые близкие и верные ученики Прабхупады стали умолять его не покидать их, уверяя, что не смогут обойтись без него, он прервал на время свой урок и согласился остаться с ними и еще немного попроповедовать. Но наступит ли такое время, когда они добровольно позволят ему уйти? Наступит ли такое время, когда он сможет сказать, что в мире нет больше майи и нет врагов Кришны? Наступит ли такое время, когда ученики его окончательно повзрослеют?

Решив отложить свой уход, Шрила Прабхупада полностью поручил себя заботам учеников. Те, кто в то время был рядом с ним, вспоминали, что никогда прежде Шрила Прабхупада не подпускал к себе учеников так близко. Разве что только в Нью-Йорке, в 1966 году, когда он накоротке общался со своими первыми последователями, ничего не знавшими о том, как следует себя вести с духовным учителем. Но те, кто был с ним теперь и помнил те давние времена, говорили, что в эти последние дни они были близки с ним, как никогда раньше.

Как-то Киртанананда стал настаивать, чтобы Шрила Прабхупада выпил весь сок, который был в стакане, даже когда Прабхупада сказал, что больше не хочет. Однако настаивая на этом, Киртанананда чувствовал себя неловко.

– Я ведь не мать Яшода, чтобы позволять себе подобные вещи, – сказал он, – я всегда помню о том, что вы – мой духовный учитель.

Однако Шрила Прабхупада подчинился настоятельной просьбе Киртанананды. Бхавананда, Тамала-Кришна, Бхактичару, Упендра и другие слуги Шрилы Прабхупады тоже уговаривали его соблюдать диету и постоянно заботились о его теле. Видя это, другие преданные вспоминали об Ишваре Пури, который ухаживал за своим духовным учителем, Мадхавендрой Пури, перед его смертью, когда тот стал совсем беспомощен. В «Чайтанья-чаритамрите» сказано, что, заботясь о духовном учителе, Ишвара Пури доказал свою любовь к нему и только благодаря этому получил возможность стать духовным учителем Господа Чайтаньи.

Шрила Прабхупада прервал свой последний урок, чтобы дать ученикам неповторимую возможность заботиться о нем из чистой и безыскусной любви. Он позволил это не только горстке избранных, а всем, кто приезжал к нему во Вриндаван. Приезжали многие, и всех их пускали в

комнату Шрилы Прабхупады, разрешали делать ему массаж, сидеть с ним сколько угодно, и днем, и ночью, повторяя в его комнате Святые имена. Шрила Прабхупада также возобновил работу над переводами – более того, теперь он делал это при всех. Если раньше он всегда переводил в одиночестве, то теперь все, кто хотел, могли присутствовать при том, как, лежа в постели, он диктует Комментарии Бхактиведанты. Прабхупада полностью отдал себя на попечение преданных и даже говорил им: «Никогда не оставляйте меня одного» или «Я не могу без вас жить». Они просили его остаться, и он остался, полностью поручив себя их заботам.

Те, кому в то время выпало счастье служить Прабхупаде, чувствовали, как с пути их одно за другим исчезают все препятствия – нежелание служить и бесчисленные материальные привязанности. Служа Шриле Прабхупаде и общаясь с ним так близко, они постигали могущество абсолютной преданности и понимали, что она будет поддерживать их всегда, даже тогда, когда Шрила Прабхупада уйдет из этого мира.

Как и в предыдущие месяцы, Прабхупада продолжал говорить о том, что не боится смерти и что все мысли его сосредоточены на духовной философии Вед. Приняв от Хридаянаннды Госвами только что напечатанные книги на португальском языке, Прабхупада похвалил его и сказал:

– Вот настоящая жизнь. Материальный мир – это всего лишь скелет. В костях нет жизни. Главное – это жизненная сила. Есть кости, или нет, не так важно. Истинная жизнь – вот что поддерживает скелет. Существует даже предание об одном риши, у которого остался один скелет. Есть целая наука, позволяющая поддерживать жизнь в скелете, как это делал Хираньякашипу.

– И как делаете это вы, Шрила Прабхупада, – добавил Тамала-Кришна.

– Так что надо, конечно, заботиться о костях, пока это возможно, – сказал Прабхупада, – но настоящая жизнь здесь, и вы должны всегда помнить об этом. Жизнь в материальном мире сводится к заботам о костях и плоти. Однако люди не знают, что по природе они духовны.

Когда к Шриле Прабхупаде пришел Атрея-Риши и попросил его приехать в Тегеран, Прабхупада сказал, что готов ехать, но «вам придется везти туда мешок с костями». Все это, разумеется, были разговоры на ту же тему, которую он неоднократно затрагивал в своих книгах. Но, когда Прабхупада обращался к своему нынешнему положению, уроки эти становились еще более острыми и поразительными.

Некоторые преданные сравнивали Прабхупаду с Бхишмадевой, который до самого последнего дня продолжал давать наставления. Бхишма не чувствовал боли; покаясь на ложе из стрел, он вел со своими потомками мудрые и проникнутые любовью беседы, и сам определил время ухода из этого мира. Подобно этому, Шрила Прабхупада доживал свои последние дни на земле, забыв о физическом состоянии, бросая вызов смерти и наставляя своих еще духовно незрелых сыновей. Однако сыновья Прабхупады не могли больше стоять рядом и просто слушать его философские наставления. Прабхупада откликнулся на их любовь и преданность, когда они умоляли его остаться с ними, и теперь они хотели проявить свою любовь и преданность в том единственном понятном для них мире, в котором Прабхупада жил, разговаривал с ними, смеялся или отчитывал их, когда хотел. Они ждали, когда он снова начнет есть и пить и снова станет сильным и здоровым.

Однако Шрила Прабхупада, казалось, в очередной раз изменил свое решение и стал отказываться от еды и питья. Он отложил свой уход, чтобы дать ученикам возможность проявить свою любовь к нему, но в то же время отказывался принимать пищу, показывая тем самым, что предпочитает уйти. В ответ на их настойчивые вопросы он вынужден был признать, что не проживет долго без еды и питья. Он не ждал чудес и не хотел их. Чтобы поправиться, он должен был есть. Но по каким-то одному ему известным причинам он упорно отказывался от еды. Он говорил, что идея выздоровления материальна, и не хотел выздоравливать.

Он жил в полном согласии с волей Кришны, находя единственную поддержку в Его Святом Имени. Приходившие к нему врачи удивлялись, как в нем еще теплится жизнь, но если это были вайшнавы, то они всё понимали и с уважением относились к его выбору. Те, кто служил Прабхупаде, беспокоились за него и пытались заставить его лечиться как следует. Однако всем лекарствам Прабхупада предпочитал киртан и «Бхагаватам», хотя вместе с этим сохранял волю к жизни. Понимая тревогу своих учеников, Прабхупада терпеливо объяснял им ту сложную ситуацию, в которой они оказались. Он хотел, чтобы ученики заботились о нем, и позволял им лечить себя, зная, что это усилит их любовь и преданность. Но с каждым днем воля Кришны становилась все яснее и яснее. Прабхупада должен был от них уйти.

– Шрила Прабхупада, – уговаривал его Бхавананда, всегда исходивший из убеждения, что Прабхупада может остаться, если захочет, – ваше присутствие на этой планете – единственное, что сдерживает натиск Кали-юги. Мы и представить не можем, что произойдет, когда вы уйдете.

– Это не в моей власти, – отвечал Шрила Прабхупада, до последней минуты сохранявший ясность сознания. – Все зависит от Кришны-Баларамы.

Шрила Прабхупада всегда выражался ясно, логично, и каждое слово его было проникнуто преданностью Кришне. До самого последнего дня он занимался практическими делами: организацией «Благотворительного фонда Бхактиведанты Свами», целью которого должно было стать восстановление древних храмов Бенгалии, решением вопросов, связанных с собственностью и финансами ИСККОН – и при этом ни на мгновение не терял ясности ума и был полностью сосредоточен на киртане и «Бхагаватам».

Но постепенно ученикам его стало ясно, что, несмотря на свое обещание, он снова решил вернуться к прерванному на время уроку и довести его до конца, научив их тому, как нужно умирать. Он показал им, что любовь выше смерти, что любовь ученика может вернуть духовного учителя назад в материальный мир и что чистый преданный обладает способностью оставаться в этом мире сверх отпущенного ему срока. Но тем временем сам он продолжал неуклонно продвигаться к концу. Преданные не сердились на него и не чувствовали себя обманутыми. Он сказал им, что Кришна наделил его свободой воли. У них тоже была свобода воли, и, воспользовавшись ею, они попросили его остаться. Он согласился, однако ученики знали, что не могут связать его этим обязательством. Если, несмотря на их молитвы, Господь Кришна все же велит Шриле Прабхупаде вернуться домой, им не останется ничего другого, как склониться перед Его волей. Если Шрила Прабхупада смирится, смирятся и они. Ничто, однако, не могло поколебать их преданности и любви к нему; между ними возникла связь, которую не смогут разорвать никакие материальные перемены. Они прошли испытание вечным любовным служением, и этого-то смерть не могла у них отнять!

Вплоть до самого последнего дня Прабхупада проявлял нежную любовь к окружавшим его людям и неизменную готовность сражаться за Кришну. Однажды во Вриндаван неожиданно приехала его сестра Пишима, и Прабхупада попросил ее приготовить кичри. В это время Киртанананда пытался поправить здоровье Прабхупады, давая ему больше жидкости, поэтому он и другие преданные запротестовали против того, чтобы он ел тяжелую пищу. Но Шрила Прабхупада настаивал.

– Неважно, полезно то, что она приготовит, или нет, – сказал он. – Она – вайшнави, истряпня ее в любом случае пойдет мне на пользу. – Немного погодя он с необыкновенным смирением добавил: – Наверное, я все же возгордился из-за своего богатства и успеха. Вот Господь и поубавил мне гордости: тому, у кого нет тела, нечем гордиться.

– Но, Шрила Прабхупада, – возразил Бхактичару Свами, – все, что вы делали, вы делали ради Кришны.

– Может быть, но в этом мире так легко оскорбить или задеть кого-нибудь, даже не подозревая об этом.

Услышав это, Пишима воскликнула:

– Нет, нет, он никогда никого не оскорблял!

– Вы не можете никого оскорбить, – сказал Бхактичару, – вы так дороги Богу. Как же Вы можете кого-нибудь обидеть?

– Я горячий человек, – ответил Прабхупада, – проповедуя, я часто употреблял такие слова, как «негодяй», «мошенник». Я не признавал никаких компромиссов. Про меня говорили: «Дубинка в одной руке, «Бхагаватам» в другой». Так я и проповедовал. Ну, да ладно, приготовьте все, что нужно для моей сестры.

Иногда Прабхупаду навещали его духовные братья, и он снова просил прощения за нанесенные им оскорбления. Однажды к нему пришли Нишкинчана Кришнада Бабанджи, Пури Махараджа, Ашрама Махараджа, Ананда Прабху, Пурушоттама Брахмачари и еще человек двадцать. Войдя в комнату, они расселись вокруг его кровати. Когда они пришли, Прабхупада дремал, и они, присоединившись к киртану, пели до тех пор, пока он не проснулся. Увидев их, он попросил, чтобы его приподняли. Сидя на кровати, он обратился к своим духовным братьям:

– В мире повсюду есть замечательные возможности для проповеди сознания Кришны. Я никогда особенно не рассчитывал на успех. Люди сами стремятся получить это знание, и они откликаются на нашу проповедь. Если мы будем проповедовать сообща, слова Шри Чайтаньи

Махапрабху – притхивите – станут реальностью. Для этого у нас есть все. Распространяйте Святое Имя и кормите людей прасадом. Возможности прекрасные – в Африке, в России – люди откликаются повсюду.

Когда Прабхупада стал просить у своих духовных братьев прощения, те запротестовали.

– Ты наш вечный вожак, – сказал один из них, – и ты вправе приказывать нам, вести и наказывать нас.

– Простите мне все мои оскорбления, – повторял Прабхупада, – я слишком возгордился своим богатством.

– Нет, – возразил Пури Махараджа, – тебе всегда была чужда гордыня. Ты начал проповедовать, и к тебе пришли богатство и успех. Но это было благословением Шри Чайтаньи Махапрабху и Шри Кришны. Не может быть и речи о том, что ты кого-то оскорбил или обидел.

Когда Шрила Прабхупада назвал себя маха-патитой, великим грешником, Пури Махараджа запротестовал:

– Ты спас миллионы людей во всем мире, поэтому об оскорблениях не может быть и речи. Тебя надо называть маха-патита-паваной (великим спасителем грешников).

В том, что Прабхупада просил у своих духовных братьев прощения, ученики его увидели проявление его смирения. Но были они и озадачены. Конечно, духовные братья Прабхупады были совершенно искренни, когда говорили, что Прабхупада никому не наносил обид, и все, что он делал, он делал только ради Кришны. Но Прабхупада тоже был искренен, когда просил у них прощения. То была чудесная жемчужина его смирения – он просил прощения у всех и каждого.

Если бы Прабхупада показал эту жемчужину во время проповеди, то вряд ли смог бы распространить проникнутое состраданием учение Господа Кришны по всем городам и деревням мира. Но теперь настало время ее показать. В Лондоне и здесь, во Вриндаване, Прабхупада проявлял к своим ученикам особую любовь и привязанность и никому не делал выговоров, без которых не обойтись при воспитании. Это глубочайшее смирение было свидетельством того, что Прабхупада достиг вершины духовного развития. В своих книгах Шрила Прабхупада объяснял, что мадхьяма-адхикари, преданный второго класса, различает преданных, непреданных и демонов, тогда как маха-бхагавата, преданный первого класса, во всех, кроме себя, видит слуг Бога. Однако иногда у маха-бхагаваты из сострадания к падшим душам возникает желание спуститься со своего уровня и заняться проповедью сознания Кришны. Все ученики Прабхупады читали о качествах маха-бхагаваты в Священных Писаниях и теперь видели эти качества в Прабхупаде, который называл себя великим грешником и просил у всех прощения.

Шриле Прабхупаде рассказали о начинании одного из его учеников, Локанатхи Свами, который с небольшой группой преданных разъезжал на воловьей упряжке по деревням Индии, проповедуя сознание Кришны. От самого Локанатхи Шрила Прабхупада узнал, что, путешествуя таким образом, они посетили многие тиртхи, в том числе Бадарикашрам и Бхим-Капур. Услышав это, Шрила Прабхупада воспрянул духом. Он тоже загорелся желанием проехать на повозке, запряженной волами, вокруг Вриндавана. Тамала-Кришна и Бхавананда, которые в то время служили Прабхупаде и были очень близки с ним, почувствовали, что не могут разделить его желание. Они считали, что его слабое тело не выдержит дороги.

Но Шрила Прабхупада рассуждал так: «Смерть во время парикрамы – славная смерть», – и просил их устроить для него эту поездку. Мнения преданных разделились. Одни говорили, что, если Прабхупада хочет отправиться на парикраму, желание его нужно немедленно исполнить, ибо это приказ духовного учителя: раз он хочет, ему нельзя отказывать. Однако врач уверял, что тело Шрилы Прабхупады не перенесет тряски. Преданные, собравшиеся у постели Шрилы Прабхупады, никак не могли прийти к единому мнению, и он это видел. Однако Локанатха, желая исполнить его просьбу, нанял воловью упряжку и подготовил ее для парикрамы. Локанатха и Хамсадута предложили совершить парикраму либо в центр Вриндавана, либо к семи главным храмам, которые построили Госвами. Но затем они вспомнили, что завтра Говардхана-пуджа, и Прабхупада может отправиться к холму Говардхана. Однако Тамала-Кришна, Бхавананда и Бхакти-чару были непреклонны и не хотели даже слышать о парикраме.

– Однодневный эксперимент, – просил Прабхупада, – всего один день. Неужели вы думаете, что я умру в одночасье?

Ему понравилась идея поехать к холму Говардхана.

– Там можно будет и прасад приготовить, – сказал он.

Прабхупада уверял всех, что Локанатха Свами – человек опытный.

– Устройте хороший пикник, – говорил он.

Тщательно взвесив все «за» и «против», преданные, наконец, решили, что завтра рано утром они посадят Шрилу Прабхупаду в телегу, запряженную быками, и повезут его к холму Говардхана. Затем большинство из них покинуло комнату Шрилы Прабхупады, чтобы он мог отдохнуть.

Позже этим же вечером навестить Шрилу Прабхупаду пришел Нишкинчана Кришнадас Бабаджи. Он сидел возле Прабхупады, повторял мантру и время от времени разговаривал с ним на бенгали. Вдруг у постели Прабхупады появились Тамала-Кришна и Бхавананда. Оба были в слезах.

Прабхупада все понял.

– Вы хотите, чтобы я не ездил? – спросил он.

– Да, Шрила Прабхупада, – ответил Тамала-Кришна. – Я сидел там, наверху, и не находил себе места. Ходил по комнате... Двое преданных сказали мне, что дорога, ведущая к Говардхане, настолько плоха, что вас все время будет трясти и кидать в разные стороны. Дорога ужасная. Я не могу понять, почему нужно ехать именно завтра. Я не против того, чтобы вы ехали. Но зачем ехать в таком состоянии? Я не могу этого понять. И почему обязательно завтра? Не понимаю.

– Хорошо, – тихо ответил Шрила Прабхупада, сразу же согласившись отменить поездку.

– Джая, Шрила Прабхупада, – воскликнул Бхактичару, который тоже присутствовал при этом.

– Спасибо, Шрила Прабхупада, – сказал Бхавананда, облегченно вздохнув.

– Ладно-ладно. Вы довольны?

– Теперь да, Шрила Прабхупада, – сказал Бхавананда. – Я так беспокоился!

– Хорошо, больше я не буду вас тревожить.

– На самом деле, Шрила Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна, – мы так привязаны к вам, что иногда вы буквально сводите нас с ума. Сегодня мы были на грани помешательства.

– Нет-нет, больше не буду, – ответил Шрила Прабхупада. – Бабаджи Махараджа, – обратился он к Нишкинчане Кришнадасу Бабаджи, – только посмотри, как они меня любят.

– Шрила Прабхупада, – сказал Тамала-Кришна, – вы так обращаетесь с нами, что наша привязанность к вам с каждой минутой становится все сильнее.

– Это мой долг, – сказал Прабхупада, и преданные счастливо рассмеялись.

Да, они понимали – это его долг. Всеми своими делами и поступками Прабхупада стремился завоевать души людей и вернуть их к Кришне. Он привлекал их к себе своим любовным служением, но делал это не для себя. Он приводил людей к Кришне. В этом и заключался его долг.

14 ноября 1977 года в 7:30 вечера в своей комнате в Кришна-Баларам-мандире во Вриндаване Шрила Прабхупада дал ученикам последнее наставление, покинув этот бренный мир и вернувшись к Богу.

Своим уходом, равно как и всей своей жизнью, он подал нам пример для подражания. Его кончина была достойным завершением жизни, посвященной чистому преданному служению Господу Кришне. За несколько дней до смерти Шрила Прабхупада сказал ученикам, что будет давать им наставления, пока может, а его секретарь воскликнул:

– Вы – наше вдохновение.

– Да, – ответил Шрила Прабхупада, – и останусь им до последнего вздоха.

«Последний вздох» Шрилы Прабхупады был исполнен величия, но не потому, что в последнюю минуту он явил какое-то чудо, а потому, что он оставался в полном сознании Кришны. Подобно Бхишмадеве, вплоть до самого конца он оставался полностью сосредоточенным, величественным и спокойным и продолжал давать наставления. Он учил, что жизнь происходит из жизни, а не из материи, и показывал, что долг преданного – проповедовать до последнего издыхания. Многие преданные, собравшиеся тогда в его большой комнате, были свидетелями того, что Прабхупада до самого конца оставался таким, каким был всегда. Они не увидели ничего, что хоть сколько-нибудь противоречило бы тому, чему он учил их раньше. А в момент смерти он показал им, как следует умирать, полностью положившись на Кришну. Прабхупада уходил спокойно. Вечером 14 ноября лечивший его кавираджа спросил:

– Не хотите ли чего-нибудь? – и Прабхупада слабым голосом ответил: кучх иччха нахи – У меня не осталось никаких желаний.

Он встретил смерть в идеальной обстановке: во Вриндаване, в окружении преданных. Несколькими месяцами раньше во Вриндаване умерла маленькая девочка, дочь одного из учеников Прабхупады, и, когда его спросили, вернулась ли она к Богу, к личному общению с Кришной, он ответил:

– Да, каждый, кто оставляет тело во Вриндаване, получает освобождение.

Разумеется, «Вриндаван» является также обозначением чистого сознания Кришны. Обращаясь к Господу Чайтанье, Адвайта Ачарья сказал: «Где Ты, там и Вриндаван». То же самое можно было сказать и про Шрилу Прабхупаду. Где бы он ни встретил смерть, будь то Лондон, Нью-Йорк или Москва, он все равно вернулся бы к Богу. В «Бхагавад-гите» Господь Кришна говорит: «Тот, кто постоянно думает обо Мне, непременно достигнет Меня». Но Вриндавана-дхама – высшая обитель сознания Кришны во вселенной, идеальное место для ухода из этого мира, поэтому, покинув этот мир во Вриндаване, Шрила Прабхупада дал еще один урок всем, кто идет по его стопам.

Вайшнавцы, давшие обет никогда не покидать Вриндавана, видели, что, пожертвовав всем, в том числе и возможностью жить в этом святом месте, ради спасения заблудших душ в Богом забытых уголках Земли, Прабхупада вернулся на землю Вриндавана и отсюда ушел в изначальную обитель Господа Кришны в духовном мире. В «Шримад-Бхагаватам» говорится: «Каждый, кто занимается преданным служением во Вриндаване, покинув тело, возвращается домой, обратно к Богу».

Кончина Шрилы Прабхупады была идеальной еще и потому, что, оставляя тело, он повторял и слушал Святые Имена Господа. Таким образом, Верховный Господь присутствовал при его кончине, как и при кончине Бхисмадевы, говорившего:

– Господь одинаково милостив ко всем, однако сейчас, когда я прощаюсь с жизнью, Он великодушно явился ко мне, ибо я – Его верный слуга.

Подобно тому как Кришна предстал перед Бхисмадевой, заверив его и всех стоящих у его смертного одра, что Бхисма возвращается домой, обратно к Богу, Господь в Своем воплощении нама-аватары, мантры «Харе Кришна», присутствовал во время ухода Шрилы Прабхупады.

Всю свою жизнь Шрила Прабхупада посвятил тому, чтобы нести Святое Имя Бога в каждый город и деревню мира, и в течение целого месяца жил, окружив себя звуками Святого Имени. Он особенно хотел, чтобы в момент его ухода в комнате находились преданные, поющие «Харе Кришна», и Кришна исполнил это его желание. Таким образом, Шрила Прабхупада покинул тело при самых благоприятных обстоятельствах: в лучшем из святых мест, во Вриндаване, окруженный вайшнавами, поющими Святые Имена.

Идеальный духовный учитель (ачарья) всегда поступает так, чтобы примеру его могли следовать другие. Как сказано в «Шримад-Бхагаватам», великие души, которые пересекают океан рождения и смерти на корабле лотосоподобных стоп Кришны, чудесным образом оставляют корабль на этой стороне, чтобы им могли воспользоваться другие. Для всех обусловленных душ уход Шрилы Прабхупады стал примером того, как следует встречать величайшую из всех опасностей. Чтобы достойно встретить смерть, недостаточно просто психологически подготовиться к ней и расстаться с жизнью без сожаления и страха. Суть в том, что в момент смерти душа покидает старое тело и рождается вновь. И только душа, обладающая сознанием Кришны, оставив мир рождения и смерти, обретает вечную, исполненную блаженства жизнь в мире духовном. Таким образом, прожитая нами жизнь проверяется смертью.

Смерть наступает тогда, когда душа не может больше оставаться в теле. Какова бы ни была материальная причина смерти, положение души становится невыносимым. И расставание с телом причиняет ей жестокие страдания. Поэтому шастры призывают человека вырваться из заколдованного круга рождений и смертей. Жалкая смерть и последующее рождение в низших формах жизни – самое страшное, что может случиться с живым существом. Предчувствие смерти вселяет в человека такой ужас, что подчас люди стараются совсем о ней не думать. Смерть мучительна, потому что в момент смерти вечная душа оказывается в самом противоестественном для нее положении: несмотря на то что она бессмертна и не должна умирать, ей приходится это делать, поскольку она связана с материальным телом. В момент смерти вечная душа вынуждена покинуть тело и отправиться неведомо куда. Это причиняет ей невыносимые страдания и является причиной испытываемого ею страха. Боль и страх, которые испытывает живое существо в момент смерти, так сильны, что оно, как правило, может думать только о своих материальных привязанностях или физической боли. Поэтому Прабхупада часто вспоминал молитву царя

Кулашекхары: «О Господь, позволь мне умереть не в затянувшемся ожидании физической смерти, а повторяя Твои Святые Имена. Думая о Тебе в момент смерти, я достигну совершенства».

В последние месяцы своей жизни в материальном мире Шрила Прабхупада учил преданных шаг за шагом готовиться к смерти, пребывая в полном сознании Кришны. В последние дни он сказал одному из своих учеников-санньяси: «Не думай, что с тобой этого не случится». Прабхупада пришел в материальный мир по просьбе Кришны, чтобы научить нас тому, как жить чистой жизнью в сознании Кришны и как в конце концов уйти из этого мира, обретя вечную жизнь. Прабхупада встретил смерть величественно и безупречно, но вместе с тем так, чтобы его примеру мог последовать каждый. Когда нам придет время умирать, нас будет поддерживать воспоминание о том, как оставлял тело этот великий человек, как он умирал, погруженный в мысли о Кришне, принимая лечение мантрой «Харе Кришна» и отрешившись от страданий материальной жизни. Этот последний урок был одним из самых удивительных и важных уроков, которые дал нам Шрила Прабхупада. Он учил нас своей жизнью, своими книгами, а в конце пути – своей смертью. Науку умирать может постигнуть только человек. Смерть ожидает и животных, и людей, однако человеку надлежит знать, как в момент смерти найти дорогу в духовный мир. Полностью погружившись в сознание Кришны, Шрила Прабхупада учил нас тому, как нужно расставаться с телом. Поэтому уход его был идеальным примером, последовать которому может каждый из нас.

* * *

Если сам Шрила Прабхупада без всяких сожалений покинул материальный мир и вернулся к Богу, то для его учеников и просто людей во всем мире уход его стал настоящим несчастьем, так как в его лице они потеряли своего лучшего друга, доброжелателя и благодетеля. В одном из комментариев к «Шримад-Бхагаватам» Шрила Прабхупада писал: «Когда умирает брренное тело духовного учителя, ученик его должен рыдать, как рыдает царица, оплакивающая смерть царя». После кончины своего духовного учителя Шрила Прабхупада писал: «В тот день, о мой Учитель, я плакал от горя, я не мог смириться с тем, что Вас больше нет, мой гуру». И 14 ноября 1977 года, когда скорбная весть облетела мир, всех, кто знал и любил Шрилу Прабхупаду, постигло страшное, неутешное горе. Разлука со Шрилой Прабхупадой заставила их забыть обо всем остальном. И они стали искать утешение в его книгах.

Однако ученик и духовный учитель никогда не расстаются, так как духовный учитель находится рядом со своим учеником до тех пор, пока ученик следует наставлениям духовного учителя. Такое общение называется вани. Физическое присутствие духовного учителя на земле называют вапух, и, до тех пор, пока духовный учитель находится в физическом теле, ученик должен служить его телу. Когда же духовный учитель прекращает физическое существование, ученик должен служить его наставлениям.

Ученики Шрилы Прабхупады уже следовали его наставлениям, но отныне должны были делать это, не имея возможности общаться с ним лично, видеть его и быть рядом с ним (вапух). Сначала им было очень трудно свыкнуться с этим, но искренние ученики скоро поняли, что Шрила Прабхупада оставил им величайший дар: возможность служить ему в разлуке.

Служение в разлуке является высшим проявлением духовной любви и экстаза. Этому учил Господь Чайтанья Махапрабху, когда говорил о Господе Кришне и Его самых близких преданных – гопи Вриндавана. Когда Кришна покинул гопи и отправился в Матхуру, чтобы больше никогда не вернуться во Вриндаван, гопи (как и все остальные жители Вриндавана) горько и безутешно плакали от разлуки с Ним. Они любили Кришну так сильно, что не могли без Него жить, и, чтобы смягчить боль этой разлуки, они стали вспоминать о Нем и беседовать между собой о Его имени, славе, красоте и обо всем, что с Ним связано. Постоянно думая о Нем и ожидая Его возвращения во Вриндаван, они испытывали глубочайший экстаз единения в разлуке, который гаудия-вайшнавы считают высшей формой экстаза. Они ставят его даже выше того экстаза, который испытывают гопи в присутствии Кришны. Поскольку Кришна абсолютен, то, даже вспоминая о Нем или повторяя Его имя, преданный ощущает Его личное присутствие. Однако вместе с тем он испытывает горечь разлуки с Господом, что придает его переживаниям еще больше глубины и остроты. Это непостижимое состояние единения с Кришной в разлуке является вершиной сознания Кришны.

Ученикам Прабхупады было известно о принципе служения в разлуке, которое на санскрите называют випраламбха-сева, но большинство преданных знало о нем лишь понаслышке.

Чтобы суметь ощутить бездонную глубину любовной разлуки с Кришной, необходимо сначала привязаться к Нему. Однако для обусловленной души, которая отвергла Кришну и, околдованная майей, иллюзией, пала в материальный мир, «разлука» с Кришной – лишь невежество и забвение.

Неофит, делающий первые шаги в духовной жизни, должен сначала избавиться от ложных атеистических представлений и признать существование Бога. Затем, служа духовному учителю, он сможет постепенно развить в себе стремление служить Кришне. Глубокая любовь к Кришне в разлуке с Ним является высшей стадией преданного служения, и неофиту не дано постичь ее в полной мере. Поэтому для большинства учеников Прабхупады служение в разлуке долгое время оставалось всего лишь теоретической концепцией.

Однако когда Шрила Прабхупада покинул этот мир, предоставив своим ученикам продолжать начатое им дело, они по-настоящему осознали, что значит – единение в разлуке. Он ушел, но присутствие его чувствовалось во всем. Это ощущение не было ни притворством, ни красивой фантазией, ни неким психическим феноменом, вызванным переживаниями или самовнушением. Его присутствие было осязаемой, зримой реальностью, фактом жизни. Шрила Прабхупада дал им возможность лично служить ему, и теперь они готовы были продолжать это служение. Прабхупада присутствовал в своих наставлениях, и нектар живого общения с ним – весь нектар сознания Кришны, который он принес им и делил с ними, – оставался по-прежнему им доступен.

Служение в разлуке было для его учеников несомненной реальностью, иначе как бы они могли продолжать свою духовную жизнь без него? То, что они, как и прежде, продолжали служить Кришне, то, что их преданность и любовь все так же возрастали, означало, что Шрила Прабхупада по-прежнему был с ними. Если в последние дни своей жизни Прабхупада учил их тому, как нужно умирать, то теперь, после своей смерти, он учил их, как претворять в жизнь высшие философские принципы Гаудия-вайшнавов.

Понимание этого вселяло в преданных уверенность в том, что Шрила Прабхупада и революционная жизнь в сознании Кришны, которую он принес с собой, остались с ними и после его ухода. Часто, когда умирает великий человек, вместе с ним умирает и его дело, однако дело, начатое Шрилой Прабхупадой, даже после его смерти продолжало жить и развиваться, поддерживая существование всех его учеников и последователей. Он по-прежнему вел их за собой.

Эпилог

Описывая, как последователи Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады наслаждались нектаром служения ему в разлуке, мы говорили не только о небольшой группе из нескольких тысяч преданных, которым он дал посвящение при жизни. Шрила Прабхупада был не просто ачарьей, он был ачарьей-основателем Движения сознания Кришны – динамичной духовной реальности, юга-дхармы – того самого духовного метода, что рекомендован для всех людей нынешнего века Кали – самой опасной из всех эпох, в конце которой человечество забывает все религиозные принципы.

В «Бхагавад-гите» Господь Кришна определил высшую цель человеческой жизни так: «Оставь все прочие религии и просто предайся Мне. Я избавлю тебя от всех последствий твоих греховных поступков. Ничего не бойся». Кришна учил этому пять тысяч лет назад, когда приходил в этот мир, но люди неверно поняли и истолковали смысл Его слов. Поэтому вслед за Ним низошел Господь Чайтанья, чтобы при помощи санкиртаны – совместного пения Святых Имен Бога восстановить изначальную идею предания Кришне.

Бхактивинода Тхакур, великий преданный Господа Чайтаньи, живший в девятнадцатом столетии, предсказал, что принципы санкиртаны Господа Чайтаньи утвердятся по всему миру. Он глубоко изучил множество других религий и философий, но считал, что санкиртана Господа Чайтаньи подходит всем без исключения и представляет собой суть религиозной жизни, способную объединить все человечество и привести людей к совершенству. Сыном Бхактивиноды Тхакура был Бхактисиддхант Сарасвати, который стал духовным учителем Шрилы Прабхупады и наказал ему отправиться с проповедью на Запад, дабы воплотить идею всемирного Общества сознания Кришны.

Поэтому А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада – не просто гуру нескольких близких слуг или одного поколения учеников. Будучи ачарьей-основателем Движения сознания Кришны, он так

представил путь сознания Кришны, чтобы в течение нескольких следующих тысячелетий по нему могли идти все искренние последователи.

Хотя в нынешний век человечество все больше деградирует, и на головы людей валится все больше бед и несчастий, Писания предрекают наступление золотого века сознания Кришны, длящегося вопреки влиянию Кали-юги в течение десяти тысяч лет после явления Господа Чайтаньи. Для этой эпохи Шрила Прабхупада и подготовил свои переводы и комментарии Бхактиведанты к важнейшим писаниям вайшнавов – «Бхагавад-гите», «Шримад-Бхагаватам», «Чайтанья-чаритамрите» и «Бхакти-расамрита-синдху». Согласно его замыслу, книги эти составят фундамент Движения сознания Кришны на следующие десять тысяч лет.

Поэтому назвать Шрилу Прабхупаду гуру для одного поколения последователей – значит недооценить его. Шрила Прабхупада – джагад-гуру, духовный учитель всего мира. Он – авторитетный духовный учитель, верно передающий послание ученической преемственности, идущей от Господа Чайтаньи, каким он получил его от своего духовного учителя. Но это еще не все. Кришна уполномочил его осуществить то, чего никогда прежде не делал никто из духовных учителей. Он – первый ачарья, распространивший по всему миру санкиртану Господа Чайтаньи в разгар эпохи Кали.

Любой человек, желающий укрыться от вредоносного влияния нынешнего безбожного века, может сделать это, начав преданное служение и опираясь на представленное Прабхупадой учение Господа Чайтаньи. Это возвышенное учение, когда-то забытое и превратно истолкованное и никогда ранее не покидавшее границ Индии, стало теперь доступным всему миру благодаря мощной проповеди и духовному опыту Шрилы Прабхупады. Шрила Прабхупада был по-настоящему убежден в пророчестве Господа Чайтаньи о том, что сознание Кришны распространится в каждом городе и каждой деревне мира.

Шрила Прабхупада верил в эти слова и лично убедился, что люди всех рас и культур – даже те, кого по ведическим меркам следует причислять к дикарям и безродным бродягам – могут принять чистое сознание Кришны. Усердно трудясь, Шрила Прабхупада доказал, что участвовать в Движении сознания Кришны может каждый, в любом уголке мира.

Каждый может служить Шриле Прабхупаде в разлуке. Он просил всех своих последователей избегать четырех видов греха – употребления в пищу мяса, приема одурманивающих средств, незаконного секса и азартных игр, а также хотел, чтобы каждый день они повторяли на четках, по меньшей мере, шестнадцать кругов мантры «Харе Кришна». Еще он просил их регулярно читать ведические писания – «Бхагавад-гиту как она есть» и «Шримад-Бхагаватам». А для поддержания духовного здоровья и способности следовать принципам духовной жизни он рекомендовал преданным общаться с единомышленниками. Всякого, кто следует этим основным правилам и признаёт Шрилу Прабхупаду непосредственным представителем Кришны, нужно считать его последователем. Только служа представителю Кришны, можно стать дорогим Кришне – так говорят ведические Писания.

Как превосходно доказал Шрила Прабхупада, служить Кришне можно бесконечным количеством способов. Он воодушевлял ученых, художников, философов и бизнесменов служить Кришне согласно их профессиональным навыкам и способностям. Художник, вместо того, чтобы выдумывать сюжеты для своих картин или запечатлевать материальную энергию, может писать картины, изображающие Кришну в духовном мире. Поэт может описывать Кришну как Абсолютную Истину; философ – объяснять Его как причину всех причин. Ученый пусть докажет, что жизнь происходит из жизни; а бизнесмен – пожертвует деньги на деятельность в сознании Кришны – самый достойный социальный проект. Поэтому, чтобы осознать Бога, никому не надо бросать семью или уединяться в пещере. Начав практиковать сознание Кришны, человек может подняться на духовный уровень независимо от своего положения «в миру». Не опускаясь до предрассудков, Шрила Прабхупада намеревался дать сознание Кришны всем слоям общества.

Международное Общество сознания Кришны – общество преданных, учрежденное Прабхупадой – предназначено для того, чтобы под его руководством помогать всем, кто стремится к духовной жизни. ИСККОН – это организация Прабхупады, созданная для установления и распространения традиций храмового поклонения, издания и распространения книг, а также для формирования общин, где преданные могут жить и служить Кришне в кругу единомышленников. Поэтому, чтобы защитить и увековечить свой труд, Прабхупада передал всю свою собственность, включая величественные храмы, построенные им в Индии, ИСККОН. И еще он сказал своим

ученикам, что свою любовь к нему они докажут тем, что всегда будут сотрудничать друг с другом ради расширения Движения сознания Кришны.

Когда один из учеников выразил свое восхищение величественными апартаментами Прабхупады в Бомбее, тот ответил:

– Я не могу забрать это с собой. Я оставляю это вам. Пользуйтесь.

Прабхупада принес ценнейший дар сознания Кришны для всех. Люди страстно желают счастья подлинной духовной жизни, хотя большинство из них не осознает этого. Из сострадания Прабхупада хотел распространить дары сознания Кришны на всех страждущих людей мира. Эти дары – душевный покой, удовлетворение, свобода от тревог – доступны всякому, кто начинает от чистого сердца с преданностью служить Верховной Личности Бога. Воспользовавшись всегда живым и динамичным наследием Прабхупады – его книгами, его преданными, его Обществом сознания Кришны и его искусством практического применения сознания Кришны в любой ситуации, независимо от времени – любой может испытать это чистое счастливое состояние. Любой человек, разумно практикующий сознание Кришны, кроме того обретет самые удивительные взаимоотношения со Шрилой Прабхупадой, чистым преданным Кришны.

Мы надеемся, что «Шрила Прабхупада-лиламрита» поможет читателям установить личные отношения со Шрилой Прабхупадой. Эта книга написана в настроении разлуки с ним. Памятование о его играх приводит читателя в непосредственную связь с ним и с Верховной Личностью Бога и может принести ему освобождение от кабалы материальной жизни и дать возможность ощутить нектар вечных игр Кришны и Его спутников в духовном мире.

Жизнь Шрилы Прабхупады не закончилась 14 ноября 1977 года. И мы надеемся, что читатели «Шрила Прабхупада-лиламриты» не почувствуют, что их связь с этой книгой закончилась после первого ее прочтения. «Шрила Прабхупада-лиламриту» можно читать снова и снова, от начала до конца. Мы надеемся, что, слушая о Шриле Прабхупаде, читатель сам станет прабхупаданугой, последователем Шрилы Прабхупады. Лучшего и пожелать нельзя.

Так заканчивается шестой том «Шрила Прабхупада-лиламриты», заверченный 9 ноября 1982 года, в сезон картики в Кришна-Баларам Мандире ИСККОН во Вриндаване.

Глава пятьдесят шестая

Возвращение в Америку

Сан-Франциско

14 декабря 1967 года

Стоило Шриле Прабхупаде показаться в поле зрения, многие преданные тут же закричали от радости и заплакали. Он выглядел поздоровевшим, загорелым и был похож на эльфа. Он помахал преданным рукой и улыбнулся. Улыбка его еще больше раззадорила учеников, и те с трудом сдерживали себя, в то время как Прабхупада терпеливо ожидал, пока таможенник проверит его багаж.

Когда Прабхупада улетал из Америки, ученики сомневались, что когда-нибудь снова увидят его. После перенесенного в Нью-Йорке инсульта он вернулся в Индию, чтобы поправить здоровье, а если ему суждено умереть, говорил он, то лучшее место для этого – Вриндаван. Однако из писем, которые он писал из Индии, стало ясно, что силы к нему возвращаются. Кришна спас его, и вот он снова здесь. Он был им нужен; чтобы стать его представителями и распространять сознание Кришны, ученикам все еще очень требовалось общение с этим чистым преданным Кришны.

В аэропорту Прабхупаду посадили в старый лимузин, украшенный цветами, и Джаянанда повез его на квартиру. Квартира для Прабхупады находилась в доме на Виллард-стрит, в котором жили брахмачари, в двух кварталах от храма-магазинчика на Фредерик-стрит. Приближаясь к двери своей квартиры, Прабхупада увидел плакат, изнутри прилепленный к стеклу, с которого на него смотрел Господь Вишну. Хотя преданные спорили по поводу «авторитетности» этого изображения (Господь Вишну на нем был не синего цвета), проходя мимо плаката, Прабхупада сложил ладони в жесте пранамы и, слегка склонив голову, вошел в дом.

Слегка взволнованные, преданные собрались в комнате Прабхупады. Кто-то где-то вычитал про вайшнавскую церемонию омовения стоп духовного учителя, поэтому они приготовили кувшин с водой и таз. Прабхупада разрешил, и через несколько секунд церемония была завершена. После этого Прабхупада сел к своим близким ученикам, заполнившим комнату, лицом и, взяв караталы и тихонько постукивая ими, запел «Харе Кришна». Это было необыкновенно – как Прабхупада пел, и как с неослабным, восторженным вниманием подпевали ему ученики. Но шел этот киртан недолго.

Кончив петь, Прабхупада заговорил о Кришне. Он сказал, что Кришна – Верховная Божественная Личность, лучший друг каждого. В этом мире даже крепкая дружба между людьми является лишь тусклым отражением дружеских отношений с Кришной, поскольку Он – источник всего. Хорошее настроение в чудесный весенний день – это Кришна. Аромат цветка – это тоже Кришна. Кришна – все, что есть хорошего в этом мире, а все плохое исходит из забвения о Кришне. Речь Прабхупады была полна доброты, благородства и смирения.

Прабхупада приехал с подарками. Девушкам он привез сари из тонкого хлопка. Он доставал их по одному, называл по очереди духовные имена своих учениц и вручал им сари. Одно сари было белым с красно-черным рисунком, остальные – белыми с простыми однотонными каемками разных цветов. Еще Прабхупада привез три шелковые гирлянды, завернутые в кусок шафрановой ткани. Развернув их, он сказал:

– Это можно надеть на Господа Джаяганнатху, Субхадру и Балараму.

До этого Божества никто не одевал и не украшал.

Мукунда и Шьямасундара продемонстрировали Прабхупаде первые американские караталы. Несколько месяцев назад он посоветовал ребятам попробовать изготовить караталы самим, и, сделав анализ сплава индийских каратал, они насобирали на свалке необходимые металлы, отнесли их в литейный цех и произвели конечный продукт. Прабхупада взял в руки первую пару сработанных в Америке каратал, ударил ими друг о друга несколько раз и сказал:

– Так себе.

Затем он снова взял свои, индийские, до блеска отполированные латунные караталы и, ударив в них раз, долго держал их, пока звон не затих.

– Вот это превосходно.

Затем, окинув комнату взором, Прабхупада повел непринужденную дружескую беседу с учениками. Заметив Лилавати, сидевшую в углу с грудной дочерью Субхадрой на руках, Прабхупада сказал:

– Твоя дочка точь-в-точь Субхадра.

Лилавати благодарно вздохнула.

– Говинда-даси, – сказал Прабхупада, – я постоянно думаю о твоих картинах.

Он спросил, все ли преданные каждый день повторяют предписанные шестнадцать кругов.

Почти все ответили:

– Да, Свамиджи.

Однако одна молодая англичанка, начинающая преданная, залилась краской и дрожащим голосом, заикаясь, произнесла:

– Я повторяю... Я повторяю... Иногда я повторяю больше шестнадцати кругов в день! – неожиданно выпалила она, словно маленькая девочка, готовая расплакаться.

Голос ее дрогнул, и на глаза уже было навернулись слезы, но преданные и Прабхупада не могли сдержать смеха. В присутствии Прабхупады всё наполнялось весельем. В комнату вошел Уддхава-дас и объявил:

– Мы приготовили для вас прасад, Свамиджи. Не хотите ли принять его прямо сейчас?

– Что? – переспросил Прабхупада. – Риса мне сварили? – и преданные взорвались смехом, думая о роскошном пире, что они приготовили для Прабхупады.

Прабхупада достал из своей сумки еще кое-что – терку для кокосового ореха – незаменимый атрибут на бенгальской кухне. Он передал его Ямуне и та под взглядами преданных начала тереть кокос. В окружении преданных Прабхупада направился на кухню и из белой мякоти кокоса, масла, сахара, черного перца, кардамона и камфорного ароматизатора приготовил кокосовое ладду. Он скатал его в шарики, один шарик съел сам, а еще несколько раздал преданным.

Вернувшись к себе, Прабхупада снова сел и погрузился в молчание. Почувствовав, что учителю нужно побыть одному, преданные удалились. Все были довольны: Прабхупада вернулся и еще какое-то время побудет с ними.

Дживананда: Когда все ушли, я остался в комнате, чтобы поговорить с ним, и, видя, что я просто сижу и ничего не делаю, он занял меня уборкой в комнате. Я собрал бумагу и выбросил коробки. После этого Прабхупада сказал:

– Итак, ты что-то хотел спросить?

– Да, Свамиджи, – ответил я. – Я хотел бы жениться на Харшарани.

– О... Как тебя зовут?

– Дживананда.

– О, ты уже получил посвящение? – удивился он.

– Да, – кивнул я.

– У меня? – спросил он.

– Да.

– Очень хорошо. А что ты умеешь делать?

– Ну, когда я жил в Санта-Фе, то доил коров.

– Очень хорошо, – сказал Прабхупада.

Мы поговорили еще немного, и затем я спросил:

– Свамиджи, так можно мне жениться?

– Я подумаю над этим, – ответил он. – Подойди ко мне позже.

Чидананда: Тем вечером я зашел к нему в комнату. Мне казалось, что ему, наверное, одиноко. Я хотел составить ему компанию, но как только я вошел, он сразу же заговорил о Кришне. Там на стене висели вриндаванские плакаты с Кришной, а он показывал на них и объяснял:

– Это Кришна с Арджуной на поле битвы Курукшетра.

Говорил он один, мне не удавалось вставить ни единого слова – и только о плакатах на стене. Я почувствовал, что когда-то мы с ним уже встречались, хотя видел его впервые. Тем не менее, мне казалось, что он мой старый друг. Когда он говорил о Кришне, я явственно почувствовал, какое большое сердце у этого человека. Я посчитал, что если он действительно мой старый друг, то, возможно, когда-нибудь этот факт подтвердится. Но я не обладал способностью

долго сохранять внимание и о жизни в Кришне почти ничего не знал, поэтому через короткое время я оставил его одного.

В Сан-Франциско у Прабхупады была небольшая группа учеников – не более пятнадцати. Но они привязывались к нему все сильнее, особенно сейчас, когда после мучительного расставания обрели его снова. Каждому хотелось получить возможность лично послужить Прабхупаде, хотя постоянно к себе он допускал лишь своих секретарей, Гаурасундару и Говиндадаси, а также слугу, Упендру. Один из преданных спросил Прабхупаду, что делать с чувством зависти к тем преданным, которые, казалось, пользуются особой его благосклонностью. Все иногда чувствуют зависть, ответил Прабхупада, начиная с Господа Брахмы и Индры и кончая крошечным муравьем. Никому не нравится, когда другой делает успехи или оказывается в более выгодном положении. Прабхупада подтвердил, что если человек преуспевает на каком-то поприще или служит духовному учителю, значит, по воле Кришны, ему выпала большая удача. Но обитатели духовного мира не завидуют друг другу по этому поводу. Напротив, в духовном мире все только радуются, когда видят, что кто-то служит более совершенно. Это лишь еще больше вдохновляет и ободряет их. А в материальном мире всегда царит дух соперничества и зависти. Эти слова Прабхупады успокоили учеников. Если он позволяет кому-то служить себе, они примут это как волю Кришны.

Однако сопровождать Прабхупаду на утренних прогулках мог каждый. На них допускали всех желающих. Обычно его сопровождали один-два брахмачари и одна-две семейные пары. Они отвозили Прабхупаду в парк на храмовой машине, синем «форде-купе» 1952 года, за рулем которой обычно был Джаянанда. Сиденье для пассажира было сломано и приварено к полу под углом в сорок пять градусов, поэтому, хотя Прабхупада сидел, выпрямив спину и высоко подняв подбородок, смотреть он мог только через нижнюю часть окна. Но это была их единственная машина, и Прабхупада не жаловался.

Он, как и прежде, гулял вокруг озера Стоув в Голден-гейт-парке. Полный сил, свободный и непринужденный, всегда владеющий чувствами, погруженный в проповедь, Прабхупада, казалось, был очень рад вновь оказаться в Сан-Франциско. Здесь были уже новые преданные, которые видели его в первый раз.

В первую неделю на утренних прогулках Прабхупада часто поднимал тему существования души, излагая доводы Кришны из «Бхагавад-гиты».

Однажды утром у дороги, по которой они шли, припарковалась машина. Бессильно поникнув в своем водительском кресле, в машине сидел человек с вытянутым несчастным лицом, явно чем-то подавленный. День за днем мужчина приезжал на это место и грустным взглядом провожал проходящих мимо Шрилу Прабхупаду и его учеников. В один из дней, спустя примерно неделю этого молчаливого присутствия, Прабхупада отделился от группы преданных и подошел к его машине. Боковое стекло было поднято, но, увидев Прабхупаду, мужчина его опустил.

– Доброе утро, – поприветствовал его Прабхупада.

Мужчина счастливо улыбнулся Прабхупаде так, словно видел его и преданных впервые. Прабхупада вновь присоединился к ученикам и продолжил прогулку. Преданные обернулись и заметили, что глубокая грусть сошла с лица мужчины, и теперь он кажется счастливее. Больше они его не видели. Становясь свидетелями подобных случаев, преданные обсуждали их между собой и хранили в своих сердцах. Это усиливало их веру в то, что Свамиджи обладает силой и способностью делать людей счастливыми, и что он действительно стремится к этому.

Однажды утром Прабхупада приехал в парк, вышел из «форда» и стал ждать, пока к нему присоединятся преданные, которые приехали на другой машине. Лилавати с маленькой Субхадрой, висевшей в рюкзаке у нее на спине, с трудом пыталась выбраться из машины, и, когда, наконец, ей это удалось, Прабхупада обернулся и, рассмеявшись, сказал:

– А, время любви!

– Да, Свамиджи, – ответила Лилавати, и Прабхупада с учениками зашагали по дороге.

– Ребенка можно носить двумя способами, – сказал Прабхупада, постукивая тростью по земле в ритм шагам. – Способ обезьяны и способ кошки. Знаешь об этом?

– Нет, Свамиджи, – ответила Лилавати.

– Какой способ, по-твоему, лучше? – спросил Прабхупада. – Способ обезьяны или кошки?

Но Лилавати не могла ни понять, ни представить себе, что он имеет в виду.

– Детеныш обезьяны забирается на спину матери и держится за нее, – продолжал Прабхупада. – Так он и путешествует. А кошка переносит своего котенка в зубах. Ну, какой же способ лучше?

Лилавати по-прежнему не понимала, что лучше; оба примера казались ей очень сложными.

– Смотри, – сказал Прабхупада, – «обезьяныш» очень маленький и слабый, и держится на матери за счет своей силы. А котенок держится за счет силы матери. Так чей же способ лучше?

– Кошки, – поняла, наконец, Лилавати.

– Точно, – сказал Прабхупада, – в этом разница между йогом и преданным. Йог пытается забраться на спину Абсолютной Истины, полагаясь на свою силу, но из-за слабости он упадет. Преданный же взывает к Кришне, – произнес слово «Кришна», Прабхупада поднял руки высоко вверх и посмотрел в ясное утреннее небо. – Преданный взывает к Кришне, и Кришна Сам его подымет.

В другой раз кто-то из преданных сорвал прелестный синий цветок и протянул его Прабхупаде. Тот взял цветок, понюхал и отвел его далеко от себя.

– О, этот цветок словно красивый человек, лишенный хороших качеств, – произнес он и выбросил его. Цветок был без запаха.

Упендре нравилось во время прогулок задавать Свамиджи вопросы.

– Свамиджи, – спросил Упендра, – что видит духовный учитель или чистый преданный, когда гуляет по парку?

– Он видит Кришну, – ответил Прабхупада. – Он понимает: «Это деревья Кришны, это – дом Кришны». Он видит, что все принадлежит Верховному Господу.

– Но если Кришна повсюду, – продолжал свои размышления Упендра, – значит ли это, что чистый преданный видит Кришну в окружающих его стенах, и в углу, и между каждым атомом? Не кажется ли ему, что одна форма Кришны накладывается на другую? Где начинается одна форма Кришны и заканчивается другая?

– Нет, это не так, – ответил Прабхупада. – Видишь мои очки?

– Да, – кивнул Упендра.

– Чьи это очки? – спросил Прабхупада.

– Ваши.

Прабхупада указал на свои туфли.

– А это что?

– Ваши туфли, – сказал Упендра.

– Да, – сказал Прабхупада. – Подобным образом чистый преданный видит Кришну. Все есть Кришна. Вот так он видит Кришну повсюду.

Ближе к концу прогулки, после того, как Прабхупада ответил на уйму вопросов, Упендра снова спросил:

– Свамиджи, вы столько рассказали нам, но я почти все забыл. Если преданный становится сознающим Кришну, будет ли он помнить все, что говорит ему духовный учитель?

– Да, – ответил Прабхупада. – Именно. И более того: начав сознать Кришну, человек сможет понять свои взаимоотношения с Кришной.

Однажды, проходя через Голден-гейт-парк, они услышали, что в мусорном ящике кто-то скребется. Прабхупада подошел и заглянул внутрь, но тут же с отвращением отпрянул. В мусорный контейнер каким-то образом упала огромная городская крыса и теперь скреблась, пытаясь выбраться. Прабхупада покачал головой:

– Она обречена, – и пошел дальше.

Скоро, сказал Прабхупада, придет мусорщик и, заметив крысу, убьет ее. Прабхупада всегда объяснял события с позиции философии сознания Кришны; даже его замечание по такому, казалось бы, заурядному поводу, как неминуемая смерть крысы, заставило учеников глубоко и философски задуматься. Они поняли, что находятся в таком же положении: они оказались в ловушке материального мира и ожидали своего конца, но Прабхупада спас их.

Проведя первый после своего возвращения вечерний киртан в храме Сан-Франциско, Шрила Прабхупада сказал:

– Вы выросли.

Он увидел, что у преданных прибавилось вдохновения и счастья – даже гости поднимались и танцевали – и это стало источником духовной радости для него самого.

Каждый вечер после киртана он читал лекцию, в которой обсуждал стихи из шестой главы «Бхагавад-гиты». «Я читаю здесь серию лекций по системе йоги сознания Кришны, – писал Прабхупада Брахмананде в декабре 1967 года, – и их записывают на магнитофон».

Прабхупада думал о том, чтобы собрать эти лекции в небольшую книгу. Индийские гуру с их собственными методами становились в Соединенных Штатах все более популярны, поэтому Прабхупада хотел провести четкое различие между настоящими йогой и медитацией, какими их представил Господь Кришна в «Бхагавад-гите», и пародией на них, преподносимой йогой, которые не признавали Кришну Верховным Господом, предпочитая приравнять к Богу всех и позволяя своим ученикам принимать одурманивающие вещества и заниматься незаконным сексом. Они продают мантру за деньги, говорил Прабхупада, и заявляют, что благодаря двадцатиминутной утренней медитации через полгода вы сможете стать Богом. Его удивляло, что американцы, такие, казалось бы, разумные, так легко поддаются обману.

– Видал я этих «йогов», – говорил Прабхупада, – они спят и похрапывают во время своей медитации.

– Служение начинается с языка, – сказал он в одной из своих декабрьских лекций в 1967 году, – когда мы повторяем «Харе Кришна» и вкушаем кришна-прасад. У этого пути замечательное начало. Если вам предлагают прасад, примите его. Если вы проявите смирение и начнете служить, то, благодаря этим двум вещам, Кришна откроет вам Себя – так же как Он открыл Себя Арджуне. Арджуна – преданный Кришны и Его друг. «Я рассказываю тебе об этой древней системе йоги, бхакти-йоге». Кришну может постичь только тот, кто развил в себе дух служения, любви и преданности.

После лекции Прабхупада продолжил обсуждать затронутую тему – сознание Кришны – у себя в комнате. На ту же тему он говорил на утренних прогулках, в письмах, на личных встречах с отдельными учениками или посетителями; ей он посвящал свои книги и, по сути, жил ею. Когда один преданный спросил Прабхупаду, как происходит перемещение души из одного тела в другое, Прабхупада ответил: «Силой желания», – и привел в качестве примера себя.

– Вот, например, я приехал в Америку. Почему? Потому что хотел проповедовать. Благодаря этому желанию я переместился сюда. В противном случае, мне незачем было бы сюда приезжать.

Чидананда: К нему в комнату приходили трое, четверо или пятеро преданных, и он начинал говорить. Они собирались у него в комнате, а он начинал говорить о том, что делает. Его речь не была обращена к какому-то конкретному преданному, он просто говорил о том, чем был тогда занят. Он выражался очень ясно. Он хотел напечатать свои книги. Для этого он пытался купить в Нью-Йорке печатный станок. И если ему приходило письмо от Рая-Рамы из Нью-Йорка, он его сразу читал. Все это избавляло его последователей от любых сомнений относительно того, чего он в действительности добивался. У него были книги и храм. Он был занят своим храмом и новой программой раздачи обедов, на которой мы бесплатно распространяли прасад. Чувствуя его заботу, каждый хотел что-то сделать. До его приезда мы не так усердствовали. Но когда приехал Прабхупада, все просто закипело.

Однажды вечером, сидя у себя в комнате на Виллард-стрит, Прабхупада заговорил о том, что значит увидеть Кришну.

– Не пытайтесь увидеть Его, – сказал Прабхупада, – но действуйте так, чтобы Он пришел и увидел вас... Сурадаса был слеп, но Кришна, услышав его искреннее пение – «О, Кришна, Кришна, Кришна» – лично пришел к нему. Итак, Кришна присутствует здесь, независимо от того, видим мы Его или нет. Все, что нам нужно – это стать искренними, и Он будет с нами, видим мы Его или нет. Кришна обнимает корову. Что знает корова? Это глупое животное. Может ли корова сравниться с Арджуной? Нет. И все же, благодаря искренности коровы, с которой она лижет тело Кришны, Кришна говорит: «Да, моя дорогая корова, иди сюда, Я о тебе позабочусь». И Кришна дает ей сладостный нектар. Поэтому не стремитесь сами увидеть Кришну – надо чтобы Кришна пришел и увидел нас.

В то время мало кто из преданных хорошо знал книги Прабхупады. Глубина философии была им неведома. Издано было всего лишь несколько книг, поэтому преданные учились сознанию Кришны главным образом лично от своего духовного учителя.

Восемнадцатилетний Ким часто вступал в философские споры со своим отцом-атеистом, и потому в конце каждой лекции неизменно задавал Прабхупаде вопросы. Он делал это с таким постоянством, что Прабхупада уже привычно поворачивался к нему и говорил:

– Есть вопросы?

Услышав хороший вопрос, Прабхупада экспромтом давал еще одну лекцию.

Сестра Кима, которой в то время было всего шестнадцать лет, тоже хотела получить посвящение.

– Случаются ли оскорбления в духовном мире? – спросила она Прабхупаду на одной из вечерних лекций.

Прабхупада повернулся к аудитории:

– Видите? – сказал он. – Эта юная девушка хочет вернуться к Богу.

Во время ответа на ее вопрос он сказал:

– Кришна может даже поцеловать тебя!

Услышав эти слова, сестра Кима зарделась от смущения, и все рассмеялись.

Упендра спросил:

– Свамиджи, что значит быть смиренным? Порой я чувствую, что когда пытаюсь быть смиренным, то сначала думаю об этом, а затем пытаюсь применить это в действии, но это похоже на притворство.

– Это и есть смирение, – ответил Прабхупада. – Когда мы думаем: «О, я должен был действовать так-то», – это хорошо. Поскольку в этом случае нам всегда есть над чем работать. Если ты сохранишь такое сознание: «О, я исполнил свои обязанности не как следует. Я должен был сделать вот так», – тогда ты будешь делать успехи. Наша любовь к Кришне будет продолжать расти до тех пор, пока мы думаем, что не делаем для Кришны все от нас зависящее, и что следовало бы делать больше. Это и есть смирение. Но если ты думаешь: «Я прекрасно справился с работой. Я такой замечательный и искренний преданный», – это не хорошо. Твой рост прекратится.

Если, задавая вопросы, кто-то упоминал имена и философии известных современных майявади, Прабхупада сердился. Он был убежденным противником миссии майявади, отрицающих абсолютную реальность Кришны. Прабхупада говорил, что, распространяя свои доктрины, вводящие людей в заблуждение, они нанесли огромный урон изначальной ведической культуре. Как-то Малати завела речь об учении одного майявади, и как обычно, Прабхупада принялся нещадно крушить его философию. После лекции Упендра отчитал Малати, сказав, что не следовало ей поднимать эту тему, ведь Прабхупада еще не до конца оправился после болезни, а от перевозбуждения у него может подскочить давление. Малати промолчала, но потом через Упендру передала Прабхупаде письмо.

– Что ты такое сказал Малати, – спросил его Прабхупада, прочитав ее письмо, – что теперь она считает себя не вправе показываться мне на глаза?

Упендра объяснил, что сделал ей замечание за то, что та чересчур разволновала Прабхупаду. Глупости, – сказал Прабхупада и велел Упендре перед ней извиниться.

По секрету Уддхава признался Киму, что чувствует себя забытым из-за того, что ни разу не задал Прабхупаде вопрос. Ким подбодрил его и посоветовал как-нибудь на лекции исправить это упущение. Наконец, однажды вечером Уддхава набрался смелости, но вопрос его оказался странным.

– Свамиджи, – спросил Уддхава, – в каких отношениях Радхарани с братом Кришны, Баларамой?

Прабхупада поморщился:

– Почему ты спрашиваешь об этом? Ты еще не усвоил основной принцип «Бхагавад-гиты». Ты не понимаешь природы души и Сверхдуши, Кришны и преданного служения, а уже задаешь подобные вопросы?

Долгое время после этого Уддхава снова не задавал вопросов.

Вскоре после своего возвращения Прабхупада продолжил давать ученикам посвящения. Ким и его младшая сестра прошли инициацию одновременно. За несколько дней до этого Ким посоветовал сестре зайти к Прабхупаде на квартиру и попросить принять ее в ученицы.

– Ты следуешь четырем правилам? – поинтересовался Прабхупада.

– Да, – ответила девушка, и он согласился.

– Я хотела еще кое-что спросить, – продолжала она, – я слышала, что вы приняли рождение, потому что в прошлой жизни были врачом и ради какой-то лечебной цели убили змею.

– Это тебе брат такое сказал? – рассмеялся Прабхупада.

– Ага, – ответила она, и тема была закрыта.

Прабхупада назвал Кима Кришнадасом, а также дал посвящение еще нескольким ученикам из Нью-Йорка, которые не смогли приехать, но написали ему письма. Он провел церемонию посвящения в храме и начитал для всех, в том числе и для нью-йоркских учеников, четки. В тот вечер он несколько минут разговаривал по телефону с Брахманандой, который звонил из Нью-Йорка, и сказал ему:

– Я вернулся по милости Кришны, и теперь готов тебе служить.

Прабхупада говорил, что готов служить преданным, и действительно – он выглядел и действовал чудесно. Однако удар, случившийся с ним полгода назад, все еще давал о себя знать. Прабхупаду беспокоил неутихающий шум в голове, напоминавший звон колокола, и больше трех часов ночью и одного часа днем спать он не мог. Но работать он продолжал с прежней силой. Он даже написал одному ученику письмо, в котором говорил, что, несмотря на шум в голове, он продолжает действовать на духовном уровне, и советовал ученикам поступать так же.

Прабхупада снова взялся за отложенный на полгода перевод третьей песни «Шримад-Бхагаватам». Живя в одном доме с брахмачари, он просыпался раньше всех и начинал переводить. Затем, около пяти утра, проснувшись, брахмачари слышали, как из его комнаты раздается звон колокольчика и доносится запах благовоний. Ребята часто заходили к нему. Они видели, как, освеженный утренним душем, Прабхупада сидит за своим письменным столом. Он педантично опрокидывал в левую ладонь несколько крохотных ложечек воды и растирал на ней шарик вриндаванской глины, готовя пасту для вайшнавской тилаки. Пользуясь карманным зеркальцем, он точно и изящно ставил тилаку – сначала на лоб, а затем еще на одиннадцать частей тела – так, как это предписывают вайшнавские смрити. Затем Прабхупада брал в руку свой брахманский шнур и, сидя лицом к изображениям Кришны на своем маленьком алтаре, безмолвно повторял гаятри-мантры.

Однажды утром, сидя с Прабхупадой, Упендра сказал, что брахмачари ставят тилаку в ванной.

– Нет, – возразил Прабхупада, – тилаку нужно ставить перед Кришной, вот так.

– Ну, а я, – снова сказал Упендра, – видел, что здесь ее ставят в уборной.

– Пусть тебя не слишком тревожат эти правила и ограничения. Просто вдохновляй всех повторять «Харе Кришна».

Калифорния нравилась Прабхупаде тем, что здесь легко было достать эвкалиптовые веточки. Прабхупада чистил ими по утрам зубы. С мизинец толщиной и сантиметров пятнадцать длиной, всю ночь они вымачивались в воде. Кришнадас собирал их по утрам. У него всегда был запас этих веточек, которые он держал в холодильнике завернутыми в фольгу. Узнав, что эвкалиптовые деревья в Америке встречаются редко, Прабхупада попросил Кришнадаса посылать нужное количество веточек в города, которые Прабхупада посещал.

Эти, порой житейские, мелочи в отношениях между Прабхупадой и его учениками людям, далеким от преданного служения, могут показаться чем-то не имеющим большой ценности, но преданный так не считает, потому что нет в жизни ученика ничего более ценного, чем радость духовного учителя. Если духовный учитель, представитель Кришны, доволен, пусть даже скромным служением, значит, доволен и Сам Кришна. Ученики Прабхупады точно знали только одно – что они любят его, обожают служить ему и чувствуют глубочайшее удовлетворение и счастье, когда он ими доволен.

Говинда-даси: Ему нужны были домашние тапочки. Я заметила это и пошла и купила их ему. Он сказал мне, что у него восьмой размер. Я нашла ему в Сан-Франциско тапочки, полностью из искусственных материалов. Они были черные, с красной пушистой меховой подкладкой, чтобы легко входила нога. И когда он ходил по дому, можно было всегда слышать это милое пошаркивание. Он ходил, заложив руки за спину и высоко поднимая голову.

Хотя кое-кто из преданных считал, что Прабхупаде следует соблюдать особую диету, самого его это особо не волновало. Он предпочитал свой обычный прасад – дал, рис, чапати и сабджи, и Упендра регулярно готовил ему эти блюда. Но как-то на кухню пришла Ямуна и попросила Упендру позволить ей приготовить для Прабхупады особый обед. Тот уступил.

Ямуна изучала индийскую кулинарию. Она приготовила еще несколько дополнительных блюд: кислых, пряных и сладких. Упендра, как обычно, принес обед в комнату Прабхупады, и ничего не сказал. Через несколько минут Прабхупада зазвонил в колокольчик.

– Кто приготовил этот прасад? – спросил он, сидя за обеденным столиком на подушке и глядя на Упендру.

– Ямуна-деви, Свамиджи, – ответил Упендра.

– Я не желаю этих излишеств, – сказал Прабхупада. – Мне нравится простая пища. Немного риса, немного дала.

Прабхупаде не доставил наслаждения этот пир; он каждый день привык есть одни и те же простые блюда. Упендра продолжал готовить по-старому, раз в неделю привнося в меню некоторое разнообразие – кичри и жареный баклажан в соусе кади. Но и он порой не знал меры. Прабхупада как-то пожаловался Гаурасундаре:

– Этот Упендра кладет слишком много гхи, и я не успеваю распробовать прасад, как он уже соскальзывает мне в глотку. Слишком жирно.

Один из преданных, побывавших с Прабхупадой в Индии, написал, что Свамиджи нельзя давать сладости. Прабхупада и этому не придавал большого значения, и в первый же вечер по возвращении приготовил кокосовое ладду.

Упендра: Он дал нам рецепт: натираете кокосовый орех, кладете в кастрюлю, добавляете сахар и камфару и варите, варите его на огне до определенной густоты. После чего смесь можно скатать в шарики и предложить. Он учил меня этому, а я повторял. У нас была плита старого типа, с предохранительной крышкой, которой можно было закрыть половину плиты. Пока я готовил, Прабхупада, облокотившись на буфет и подперев голову руками, наблюдал, как я мешаю. Он вставал, выходил, снова возвращался... Словно неугомонный мальчишка. Он прохаживался по кухне, и снова заглянув в кастрюлю, проверял ложкой, не готово ли.

– Готово? – спрашивал он. – Думаю, готово. Наверное, всё. Давай-ка попробуем.

Я выкладывал смесь, и, хотя она была еще горячее, мы начинали скатывать ее в шарики. Сделав первый шарик, Прабхупада брал его и закидывал в рот. Отходя от плиты и довольно покачивая головой, он говорил:

– Да, готово. Вкуснотища!

Так же непринужденно выражал Прабхупада и свое недовольство. Быть его поваром или личным слугой было сопряжено с постоянным риском. Однажды Говинда-даси варила на завтрак Прабхупаде овсянку. Проходя мимо кухни, он заглянул внутрь и спросил:

– Что ты готовишь?

– Овсянку, Свамиджи, – отозвалась она.

– Но ведь сегодня экадаши, – удивился Прабхупада.

– О, спасибо вам, Свамиджи. А я и не знала.

Поскольку Прабхупада вовремя напомнил ей об этом, она подумала, что не успела сделать ничего плохого. В конце концов, ведь ни он, и ни кто другой не ели зерновых. Но Прабхупада начал так строго выговаривать ей, что Говинда-даси удивилась. Он сказал, что это с ее стороны большое упущение – готовить зерновые в экадаши, когда преданные соблюдают пост на злаки. Он снова и снова повторял, что она готовит зерно в Экадаши, что это очень серьезная ошибка, и казалось, что одно только это свидетельствует о ее нездоровом духовном состоянии. В конце концов, Говинда-даси почувствовала, что поступок ее был столь же предвзят, как если бы она и в самом деле съела зерно, поэтому весь оставшийся день она полностью постилась.

Многое нужно было делать в точности так, как велел Прабхупада. Когда Упендра положил на поднос Прабхупады перед рисом немного соли, Прабхупаде было трудно есть рис так, чтобы он не смешивался с солью. Прабхупада указал ему на это. Но когда на следующий день Упендра сделал то же самое, Прабхупада сказал:

– Я же велел тебе класть соль позади риса, а не спереди! – и, из-за глупости своего слуги лишив себя удовольствия, добавил: – Больше вообще не клади мне соль.

Однако на следующий день Упендра положил соль и перец в отдельные чашечки и поставил их рядом с подносом – так, чтобы Прабхупада сам мог поставить их так, как ему удобнее. Прабхупада молча это принял. Если ученик исправлял свою ошибку, он, казалось, сразу забывал о его проступке.

Шастры говорят: «Невозможно понять мысли ачарьи». Можем ли мы тогда понять Прабхупаду? Как описать его внутренний мир в те счастливые дни, когда, после своего возвращения, он жил в Сан-Франциско с декабря 1967 по январь 1968? С одной стороны, это невозможно. Как говорит Кришнадас Кавираджа: «Мне неизвестен глубокий смысл деяний Шри Чайтаньи Махапрабху. Я лишь попытаюсь, насколько это в моих силах, описать их внешнее

проявление». Но порой в своих словах Прабхупада открывал себя сам: «Я вернулся по милости Кришны. Я готов вам служить».

Его мысли приоткрываются нам через его слова. Еще мы можем ближе увидеть жизнь Прабхупады через тех, кто знал его и жил вместе с ним. Чаще всего мы можем постичь его лишь настолько, насколько близко они воспринимали его и с ним общались.

Мукунда: Как раз тогда Прабхупада ездил на встречу с г-ном Б.К. Неру, важным чиновником в правительстве Индии. На стареньком, побитом «форде» с разноцветными надписями «Кришна» с трех сторон я отвез Прабхупаду к Гостинице св. Франциска – очень элитному заведению. Мы подъехали к парадному входу, у которого стоял портье, и я вышел и спросил его, можно ли на пятнадцать минут оставить машину перед входом. Каким-то чудом, не знаю почему, он сразу же согласился присмотреть за машиной. Мы поднялись на один из верхних этажей и вошли в шикарные апартаменты. Г-н Неру приветствовал нас. Он был одет по-западному. Я тоже был одет как европеец, и голова моя не была обрита. Жена г-на Неру тоже была там. Я сел на тот же диван, что и Прабхупада, а г-н Неру сидел между нами.

Вначале они говорили на английском. Прабхупада кое-что рассказал из своей биографии, упомянув между прочим о своем аптечном деле под названием «Праяг-фармасы». Когда-то в Индии он встречался с г-ном Неру, и тот подтвердил, что помнит эту аптеку. Затем Прабхупада рассказал ему о том, как принял санньясу. Я заметил, что Прабхупада был очень отзывчив и доброжелателен. Прежде я никогда не видел его таким. Не то, что он не был отзывчив и доброжелателен, но я никогда не видел, чтобы он так по-дружески общался с непреданным. Наблюдая, как открыто, почти задушевно, Прабхупада держится с этим человеком – так, словно собеседник чуть ли не закадычный его друг, я был совершенно заворожен. Я заметил, что Прабхупада представился ему как странствующий монах, санньяси.

Потом они перешли на хинди. Для меня это было изумительно – наблюдать за выражением их лиц и жестами, за тем, на какой эмоциональной глубине общался Прабхупада. Я пытался догадаться, о чем он говорит. На самом деле, я постоянно строил предположения о том, что он говорит. И, разумеется, г-н Неру и иногда его супруга, тоже вставляли какие-то замечания, но все это было на хинди. Я строил немыслимые фантазии по поводу темы их разговора. Прабхупада представил меня как Майкла Гранта, секретаря, поэтому с самого начала беседы я был на седьмом небе. Себя я тоже считал участником разговора и думал, что г-н Неру, возможно, не догадывается о том, что я не понимаю языка. Я очень настроился на беседу, хотя и не понимал ни слова. Но мне казалось, что отчасти я понимаю их разговор, и я старался вести себя так, будто знаю, о чем идет речь. В какой-то момент, когда я совершенно увлекся фантазиями относительно предмета их беседы, я услышал, как Прабхупада произнес словосочетание «миссионерская деятельность». Он приостановился и быстро взглянул на меня, и разговор продолжился. И я понял, что этим он меня настраивает. Прабхупада чего-то просил. Затем, через какое-то время он сказал г-ну Неру по-английски:

– Но одно ваше слово...

Глаза Шрилы Прабхупады широко раскрылись, он сделал паузу и, по-моему, посмотрел на меня. Затем после несколько неловкой паузы, беседа возобновилась. Впоследствии я узнал, что Шрила Прабхупада действительно просил о помощи и просто вводил меня в курс дела, сказав это по-английски. Мне казалось, что все, что я могу сделать – это пытаться делать серьезный и важный вид – так чтобы, видя меня, американского ученика, этот человек понял, что Шрила Прабхупада делает великое дело, обращая нас, жителей Запада, на путь сознания Кришны. Я хотел быть ему хоть чем-то полезным. Но я не знал, о чем идет речь, поэтому и сказать ничего не мог – мне оставалось просто играть в этой трансцендентной игре ту роль, которую, как мне казалось, отвел мне Шрила Прабхупада. Затем беседа перешла на веселый лад и тема разговора поменялась.

Позже супруга Б.К. Неру назвала Прабхупаду «Свамиджи» и, сказав что-то на хинди, подала ему какой-то предмет размером с небольшое яблоко, завернутый в фольгу. Они обменялись любезностями; с г-жой Неру Шрила Прабхупада общался тоже очень тепло и сердечно. Когда мы вышли, я сразу же спросил Прабхупаду, о чем был разговор. Он ответил очень неопределенно, что-то о какой-то земле, которую он хотел получить в Индии, думаю, во Вриндаване. Может быть, он судился за нее – я не знаю – но он просил г-на Неру о помощи. Я спросил, согласился ли тот помочь, и Шрила Прабхупада снова не сказал ничего определенного, но дал понять, что, по его мнению, встреча прошла успешно. По меньшей мере, это шаг в верном

направлении. Тогда я спросил, какого происхождения жена г-на Неру, европейского или какого-то другого, и Прабхупада сказал:

– Нет, она персиянка.

Затем, сидя на заднем сиденье, Прабхупада развернул фольгу. Внутри оказался огромный финик – самый большой из тех, что мне доводилось видеть за всю свою жизнь. Он достал его и откусил от него большой кусок, а остальное отдал мне. Разумеется, я не отказался!

Мукунда был одним из тех немногих преданных, которые были с Прабхупадой в его комнате во время землетрясения. Из окна было видно, как закачались телефонные столбы с проводами. Здание задрожало. Все молчали, пока Прабхупада не спросил:

– Что это?

– Землетрясение, Свамиджи.

– О, – произнес Прабхупада, и тряска вдруг прекратилась. Все присутствующие внимательно наблюдали за его реакцией.

– Мы можем просто сидеть и повторять «Харе Кришна», – сказал он.

Он вспомнил бомбежку Калькутты во время войны.

– Я сидел в бомбоубежище и повторял «Харе Кришна». Бомбы падали. Я думал, что если сейчас мне и суждено погибнуть, то это будет славная смерть – ведь я повторяю «Харе Кришна».

Рядом с Прабхупадой Мукунда и другие преданные вдруг почувствовали себя в безопасности, даже несмотря на землетрясение. Какая бы ни случилась катастрофа, они могут просто сидеть рядом с ним, повторять «Харе Кришна» и оставаться счастливыми.

После своего первого возвращения из Индии Прабхупада отчитал Мукунду за то, что тот не сумел оформить ему вид на постоянное жительство. Мукунда смог сделать только временную визу.

– Почему ты это сделал? – резко спросил его Прабхупада.

Услышав несколько робких оправданий, Прабхупада ответил:

– Ты не понимаешь.

Позднее Прабхупада с Мукундой зашли в местную иммиграционную службу, попросить выдать вид на жительство. Должностным лицом была женщина. Во время стандартного собеседования Прабхупада коротко рассказал ей о философии сознания Кришны.

– Должно быть, вам очень трудно следовать таким канонам, – заметила женщина.

– Нет, совсем нет, – ответил Прабхупада. – Нужно лишь помнить о Боге. Вот и все.

Он привел ей пример женщины, которая идет на работу. Она должна думать о разных вещах, но при этом она никогда не забывает как следует одеться. Точно так же, человек должен думать о Боге, несмотря на свои мирские обязанности. Женщина-чиновник сразу все поняла.

Во время беседы они затронули недавний случай с землетрясением. Женщина сказала, что здание, в котором они находятся, «сейсмостойкое». Закончив разговор, Прабхупада сказал Мукунде на выходе:

– Сейсмостойкого ничего не бывает, – и засмеялся.

Лилавати: Он позвал меня к себе в комнату. Он сидел на постели и разговаривал с Мукундой. Увидев, что я пришла, он прекратил беседу и, повернувшись ко мне, спросил:

– Итак, как тебе нравится сознание Кришны?

– О, Свамиджи, моя жизнь полностью изменилась, – ответила я.

Он кивнул и сказал:

– Большое тебе спасибо.

Он был очень доволен. После этого он продолжил прерванный разговор с Мукундой. Он спрашивал его:

– Итак, Мукунда, ты столько пар каратал отлил по образцу тех, что я привез, но я не видел их ни у кого из преданных.

Вмешавшись в разговор, я пожаловалась:

– О, Свамиджи, это потому что он просит за них деньги.

Такой я представляла себе духовную жизнь – никакой еды, никаких денег, ничего, одно только нети нети нети. И Прабхупада сказал:

– О, а разве плохо просить деньги?

Я удивилась. Он продолжил:

– Ты пойми: если что-то используется в служении Кришне – это не плохо. Это хорошо. Деньги – это не плохо, если использовать их правильно.

Так я получила свой первый урок настоящего отречения, настоящей духовной жизни. Затем он попросил меня отредактировать первый том «Шримад-Бхагаватам»: исправить пунктуацию и грамматические ошибки. Я была так взволнована и вдохновлена этим предложением! Покинув его комнату вскоре после нашего разговора, я сразу же приступила к работе. Я была так счастлива!

Главная обязанность Лилавати состояла в том, чтобы заботиться о своей маленькой дочке, Субхадре. Она очень дорожила теми минутами, когда Прабхупада оказывал ее дочери внимание. В первый раз он увидел Субхадру, когда вернулся из Индии. Прабхупада сказал тогда:

– Ей очень повезло, – и процитировал стих из «Бхагавад-гиты» о йоге, который, не завершив своей практики, получает возможность родиться в семье благочестивых брахманов.

В другой раз, заметив, что Субхадра засыпает в его присутствии, Прабхупада пошутил:

– Да, маленькие дети и старики должны много отдыхать.

Он несколько раз брал малышку на руки и играл с ней. Во время очередной беседы на какую-то философскую тему, когда в комнате Прабхупады было полно людей, он вдруг сказал Лилавати, что ее дочери очень жарко, и она должна снять с нее свитер. Присутствующие были поражены тем, что Прабхупада беспокоится о маленьком ребенке.

Когда Прабхупада садился в машину, чтобы отправиться на проповедническую программу, Лилавати через окно машины протянула ему гирлянду из нарциссов. Он смиренно склонил голову и сказал:

– Спасибо тебе большое.

Затем она передала ему три нарцисса, которые не вошли в гирлянду. Он взял их и спросил:

– О? А это от твоей дочери?

– Да, Свамиджи, – рассмеялась Лилавати, и он добавил:

– О, очень хорошо.

Для Лилавати эти заботливые и остроумные высказывания Прабхупады в отношении ее дочери стали источником огромного вдохновения в сознании Кришны.

Кришнадас: Он постоянно работал над «Бхагаватам» и начитывал диктофонные пленки, которые через день посылал Сатсварупе в Бостон. Я помню, однажды утром, когда я шел на работу, Говинда-даси дала мне маленький сверток с пленкой и адресом Сатсварупы в Бостоне и попросила меня по дороге заскочить на почту и отправить его. На упаковке адрес почему-то был указан с одной стороны, а марки наклеены с другой. Каждый день, когда я уходил на работу, Прабхупада оставлял свою дверь открытой. Поэтому всякий раз перед уходом я кланялся, и иногда, когда я проходил мимо, он замечал меня, просил зайти и давал мне немного прасада. Он говорил:

– О, идешь на работу? Хорошо. Я рад, что ты такой стойкий.

Вечером я возвращался на трамвае, который останавливался прямо на Виллард-стрит. Окна комнаты Прабхупады выходили на остановку, и иногда, когда я выходил из вагона, Прабхупада смотрел в окошко, поэтому я кланялся ему прямо там, на улице, а он в ответ кивал головой. Я входил к нему, и он спрашивал, как прошел день. У нас были очень личные отношения. Я никогда не боялся обращаться к нему, когда чувствовал трудности. Поэтому, когда Говинда-даси попросила меня отправить эту пленку, я зашел к нему в комнату и сказал, что марки наклеены с одной стороны, а адрес указан с другой.

– Вы уверены, что посылка дойдет? – спросил я.

– Да, да, ничего страшного, – ответил он. – Я уже делал так раньше.

Я вышел и собирался было выйти на улицу, как вдруг заметил, что пакет скреплен скрепками. Я всю свою жизнь посылал по почте ювелирные изделия, но никогда не видел бандероли со скрепками – их всегда либо перевязывали веревкой, либо для надежности скрепляли чем-то еще. Поэтому я снова постучался в дверь и сказал:

– Свамиджи, я извиняюсь, не хотел беспокоить вас, но ваша посылка скреплена скрепками. Вы уверены, что ее не нужно перевязать?

Я не критиковал, лишь хотел помочь. Но самоуверенность моя, видимо, немного перетекала через край. Поэтому Свамиджи сказал:

– Нет, нет. Все в порядке.

И я вышел. Надевая пиджак, я увидел, что конверт был скреплен не до конца, оставалось сантиметра два, и, нажав на конверт, можно было заглянуть внутрь, хотя содержимое не вываливалось. Поэтому я вернулся в комнату, поклонился и сказал:

– Свамиджи, пленку внутри видно.

Тотчас же Прабхупада громко ударил рукой о стол и прокричал:

– Духовный учитель никогда не делает ошибок! И даже если делает, ты, как ученик, обязан выполнять то, что он просит.

В течение примерно получаса он объяснял мне, насколько внимательным должен быть ученик ко всему, что говорит духовный учитель, и не критиковать. Я почувствовал, будто он говорит мне: «Я буду твоим духовным учителем, и буду давать тебе наставления, но что я смогу поделаться, если ты не прислушаешься к моим словам?»

Кришнадасу выпала редкая возможность побрить Прабхупаде голову. В те дни мало кто из преданных носил шикху вайшнава, пучок волос на затылке. Волос у Прабхупады было мало, но при этом на затылке он носил шикху, сантиметров 7-8 в диаметре. Но, полагая, что шикху носят только ученики, Кришнадас сбрил ее, на что Прабхупада лишь мягко сказал:

– О, ты срезал мне шикху!

В другой раз, брея Прабхупаду, Кришнадас поранил его, но тот ничего не заметил. Все это время он повторял мантру. Однако вошедший Упендра, увидев на голове своего духовного учителя кровь, невольно вскрикнул.

– Что? Что? – спросил Прабхупада и потрогал рукой голову.

– О, ты меня порезал, – сказал он, но больше не произнес ни слова.

Позднее Упендра сказал Кришнадасу, что тот совершил страшное оскорбление, и в тот же вечер Кришнадас пришел к Прабхупаде и спросил про порез.

– Ничего страшного, – утешил его Прабхупада. – Ты просто еще молод, а у молодых руки непослушные.

В Индии есть поговорка, что мать воспитывает невестку, поучая дочь. Другими словами, мать предпочтет сделать замечание дочери, тем самым научив и невестку, с которой у нее не такие близкие отношения. Прабхупада поступал точно так же, давая ученикам множество наставлений не только во время лекций, но и в повседневных отношениях со слугами, такими как Упендра. Взаимоотношения ачарьи с учениками есть не что иное, как его учение, выраженное в наставлениях и личном примере, и, слушая о них, весь мир может обрести благо.

Что касается Упендры, Прабхупада чаще всего давал ему наставления в ответ на его ошибки. Упендра следовал за Прабхупадой, куда бы тот ни шел. Однажды, направляясь в храм, они спускались по лестнице, и Упендра, шедший позади, окликнул Прабхупаду. Стоя на ступеньках, тот обернулся, поднял свою трость и сказал:

– Я же говорил тебе, никогда не зови меня из-за спины.

По дороге из храма Упендра должен был нести «Шримад-Бхагаватам» Прабхупады, его очки и караталы. Однажды вечером он отстал от духовного учителя, заговорившись с каким-то гостем, а когда вернулся домой, Прабхупада ждал его. Говинда-даси предупредила Упендру, что Прабхупада сердит, оттого, что пришлось возвращаться домой одному. Рассыпаясь в извинениях, Упендра вошел в его комнату, и Прабхупада сказал:

– Если делаешь что-то, то делай это хорошо. Не будь безответственным.

Однажды Упендра не смог найти Прабхупаду, и, чтобы узнать, куда тот подевался, зашел в комнату Говинда-даси. Выходя из комнаты Говинда-даси, Упендра встретил духовного учителя в коридоре. Позднее Прабхупада вызвал его к себе и сказал:

– Ты же брахмачари! Ты не должен находиться в одной комнате с Говинда-даси или любой другой девушкой. Больше так не делай.

Когда однажды Говинда-даси нужно было пойти к врачу, Упендра, хотя и не имел должного опыта, вызвался записывать под диктовку Прабхупады его ответы на письма. Прабхупада начал быстро диктовать, и с первых же слов Упендра понял, что попался. Продиктовав одно письмо, Прабхупада попросил его перечитать, но Упендра не смог разобрать свой собственный почерк, потому что в спешке записывал очень небрежно. Недоверчиво посмотрев на него, Прабхупада сказал:

– Ну почему ты так поступаешь? Ты не можешь разобрать собственный почерк?

Упендра попытался было еще раз, но безрезультатно, и Прабхупаде пришлось продиктовать письмо заново, чтобы Упендра записал слова, которые пропустил или не мог разобрать.

Одной из повседневных обязанностей Упендры было толочь леденцы из тростникового сахара, которые Прабхупада принимал с водой в качестве лекарства. Однажды вечером под его непосредственным наблюдением Упендра положил растолченные леденцы в воду и стал

растворять их, переливая воду из одного стакана в другой. Вдруг стакан выскользнул из его руки и, пытаясь поймать его, он весь с головы до ног облился сахарной водой. Прабхупада посмотрел на него и сказал:

– Иди мойся!

– Нет, нет, – возразил Упендра. – Позвольте сначала приготовить вам лекарство!

Он продолжал размешивать сахар, но по мере того, как, высыхая, сироп густел, его ладони, руки и лицо становились липкими. Прабхупада молча наблюдал за ним, принимая служение своего глупого, но искреннего ученика.

Возможно, некоторые случаи не входят в разряд наставлений. Их можно назвать просто лилой.

Упендра: На квартире на Виллард-стрит, Прабхупада иногда выходил на заднюю веранду, очень маленькую и совершенно не приспособленную для прогулок. С нее можно было лишь спуститься на два этажа по черной лестнице. Но у соседей под нами была маленькая собачка – пекинес, которая облаивала всякого, кто выходил на веранду. Собачонка взбегала по лестнице на один пролет и пронзительно тявкала. Прабхупада выходил и стоял на небольшой веранде, заставляя собачонку истошно лаять, но полностью ее игнорируя. Затем он неожиданно поворачивался к собачонке, поднимал руки и делал страшное лицо. Перепуганный пекинес, визжа, кубарем скатывался с лестницы под хохот Прабхупады. Прабхупада делал так несколько раз, словно мальчишка.

Глава пятьдесят седьмая

Открытие храма в Лос-Анджелесе

Лос-Анджелес, 6 января 1968 года

Здание №5364 на бульваре Вест Пико представляло собой маленький магазинчик в «черных кварталах» Лос-Анджелеса. Анируддха собственным ключом открыл заднюю дверь, и Шрила Прабхупада вместе с несколькими учениками вошли внутрь.

В комнате почти ничего не было. На алтаре, сложенном из двух апельсиновых ящиков и накрытом старенькой полосатой шторой, стояло вриндаванское изображение Господа Кришны. В углу лежали тамбура и мриданга, а на окне, выходящем на улицу, висели занавески. Вьясасана Прабхупады – простой приподнятый постамент – была здесь единственной мебелью.

Прабхупада, облаченный в шафран, с тростью в руке, пересек комнату, открыл парадную дверь и вышел на улицу. Оглядев улицу, он увидел только маленькие, ветхие дома. В отличие от более оживленных Хейт-Эшбери в Сан-Франциско и Нижнего Ист-Сайда на Манхеттене, это был тихий, удаленный район города. Но какое-то место для начала в Лос-Анджелесе теперь все-таки было.

Прабхупада вернулся внутрь и закрыл дверь. Его сопровождали преданные из лос-анджелесского храма: Анируддха, Даянанда, его жена Нандарани и их дочь Чандрамукхи, трех недель отроду. Было там и несколько других преданных, за несколько дней до этого приехавших из Сан-Франциско. Взмолнованные, они столпились вокруг Прабхупады, ожидая его ответа.

Прабхупада внимательно посмотрел вокруг.

– Ну, хорошо, – сказал он, – давайте проведем киртан.

Подняв мридангу, он сел на небольшое возвышение, а ученики расселись перед ним на полу.

Однако не успел он начать играть, как к нему стремительно подбежала Джанаки с тамбурой в руках.

– Свамиджи, вам нельзя играть на барабане! – сказала она, совсем как заботливая мать. – Вы еще не совсем поправились! Поиграйте вот на этом!

Прабхупаде было семьдесят два, и всего каких-то полгода назад он лежал в больнице, оправляясь после сердечного приступа и инсульта. Лишь недавно он вернулся из Индии, куда ездил, чтобы поправить здоровье, и, разумеется, ученики беспокоились о его состоянии.

– Хорошо, – улыбнулся Прабхупада, принимая инструмент из рук Джанаки. – Тогда я буду играть на тамбуре.

Тихо перебирая металлические струны, Шрила Прабхупада запел: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Хлопая в ладоши, ученики отбивали ритм – раз-два-три-и. Он пел на традиционную бенгальскую мелодию, а ученики хором ему подпевали.

Сидя перед Прабхупадой, они пели со всей искренностью – кто-то смотрел на него, глаза других были закрыты. Прабхупада оглядел каждого из них. Вот робкий Анируддха; он легко заливается румянцем, а когда улыбается, то смотрит из-за очков сощурившись. А вот высокий, худой Даянанда; у него хорошая работа – он специалист по компьютерам в Ар-Си-Эй, и каждый месяц выделяет двести долларов на поддержание открытого им и его женой храма.

Когда Даянанда и Нандарани переехали в Лос-Анджелес и нашли этот магазинчик, Шрила Прабхупада был в Индии. Они сразу же написали ему о новом «храме» и теплом, солнечном климате Лос-Анджелеса, который, по их словам, будет полезен для его здоровья. В ответ он выразил желание присоединиться к ним:

Я рад, что наше желание исполнилось, по Милости Господа Кришны. Ваша главная обязанность – повторять и слушать Божественное Имя Господа, читать отрывки из моих английских «Шримад-Бхагаватам» и «Бхагавад-гиты» («Гитопанишад») и толковать их, насколько это возможно, в духе полученных от меня наставлений. Любой преданный, развивший в себе истинную любовь к Кришне, может объяснять истину о Кришне, потому что Кришна, пребывающий в его сердце, помогает такому искреннему преданному.

Даянанда и Нандарани написали Прабхупаде, что население Лос-Анджелеса не так восприимчиво, как в Сан-Франциско и Нью-Йорке, но Прабхупада заверил их, что если повторять маха-мантру с преданностью, успех обязательно придет. Кришна поможет.

Когда-то, сидя в своей комнате в храме Радха-Дамодара во Вриндаване, Прабхупада размышлял о том, как хорошо было бы отправлять по всему миру молодых мужчин и женщин, таких как Даянанда и Нандарани, открывать центры сознания Кришны. То была его заветная мечта, желание, целиком его поглощавшее, несмотря на старость и плохое здоровье. Каков бы ни был отпущенный ему срок, он хотел заложить прочную основу всемирного Движения сознания Кришны, а успех, достигнутый в Америке за последние два года, вселял в него надежду. Мукунда открыл храм в Сан-Франциско, Киртанананда – в Монреале, Сатсварупа – в Бостоне, Субала – в Санта-Фе, а Брахмананда продолжал трудиться в Нью-Йорке. Новые храмы помещались в маленьких магазинчиках, а лидеры их были молоды и неопытны, но западная молодежь проявляла интерес. Потенциал был огромен.

После киртана Даянанда отвез Прабхупаду на приготовленную для него квартиру, в трех километрах от храма. Квартира была маленькая и шумная – гостиная, кухонька и задняя комната с маленькой уборной. По просьбе Анируддхи, Гаурасундара и его жена, Говинда-даси, разместились в гостиной и служили Прабхупаде в качестве слуги и секретаря.

* * *

Прабхупада по-прежнему жаловался на здоровье, на плохой сон, на звуки «гонг-гонг-гонг» в голове, временами у него болела голова, а в левом ухе звенело. Аюрведический врач из Индии посоветовал ему принимать почки корицы. Посещал Прабхупада и врача в Сан-Франциско. Но их рекомендации не помогали.

В этой связи сообщаю вам, что в настоящий момент я физически нездоров; я постоянно слышу гудение в мозгу и не могу спать по ночам. Тем не менее, я продолжаю работать, поскольку пытаюсь поддерживать свое духовное положение.

Однако, несмотря на возраст и затянувшуюся болезнь, Прабхупада не терял присутствия духа. Он выглядел сильным. За шесть месяцев, проведенных в Индии, кожа его приобрела здоровый золотистый цвет. Он сидел прямо и часто улыбался. Гулял он, правда, с тростью, однако всегда поддерживал осанку и ходил так быстро, что даже молодые ученики с трудом поспевали за ним. Однажды он даже сказал, что если бессонница не прекратится, то это только прибавит ему времени для работы над книгами.

Теперь его молодые последователи не были столь легкомысленны, как раньше. Прежде они думали, что раз уж Свамиджи чистый преданный, ему по силам любая тяжелая работа – он может переводить всю ночь, часами петь или играть на мриданге в парке. Но теперь преданные стали беспокоиться и заботиться о нем, стараясь облегчить его труд, а если видели, что какое-то дело отнимает у него слишком много сил, просили от него отказаться. Последнее слово, впрочем, всегда оставалось за Прабхупадой. Приехав из Сан-Франциско, Ямуна и Джанаки решили, что если Свамиджи хочет выздороветь, ему потребуется особая диета. Они придумали для него особый режим питания, подразумевающий прием небольших порций вареных овощей, без соли, специй и гхи. Сначала Прабхупада вежливо согласился, но попробовав то, что ему предложили, сказал:

– Эти овощи отвратительны. Они не годятся в пищу.

Через три дня, когда Говинда-даси сообщила ему о новых ограничениях в диете, он прорычал:

– К черту этот комитет голодания! Накормите меня!

И Прабхупада вернулся к привычному рациону – дал, рис, чапати и два вида сабджи, приготовленных на гхи. Однажды, когда Говинда-даси принесла ему обед, он сказал:

– О, как хорошо! Когда я был в Индии, все говорили: «Свамиджи, не вздумайте ехать в Америку! Там вы будете голодать. У них там нечего есть! Они питаются мясом и картошкой». А я говорил: «Ну и что? А я буду жить на хлебе и картошке. Никаких проблем. Я буду питаться хлебом и картошкой». Вот так я думал, когда ехал в вашу страну – придется, видно, мне сидеть на хлебе и картошке. Но вот я приехал, и Кришна так добр. Он не только предоставил мне хорошие продукты... Ведь ты готовишь такие замечательные вегетарианские блюда – чапати, дал, рис. У меня есть все. Вот как добр Кришна!

Когда Прабхупада впервые приехал в Америку, у него никого не было, и трудно было найти даже одну искреннюю душу. Сейчас же его окружали искренние преданные, страстно желающие учиться у него, и, тем не менее, все перемены он воспринимал в том же настроении, как и во время месяцев одиночества в Нью-Йорке. С любовью в сердце он отдавал долг своему духовному учителю: писал книги, старался вовлекать в миссию сознания Кришны других и всегда говорил о Боге.

Иногда, шаркая тапочками по своей квартире, Прабхупада смотрел, как Гаурасундара и Говинда-даси, сидя за кухонным столом, делают первые шаги в освоении бенгальского алфавита. Он попросил их выучить наизусть стих из «Чайтанья-чаритамриты» на бенгали и регулярно их проверял:

ванде шри-кришна-чайтанья-
нитьянанда саходитау
гаудодайе пушпавантау
читрау шам-дау тамо-нудау

Взглянув сверху, Прабхупада говорил:

– Очень хорошо. Прямо как ребенок, который учится писать. Его почерк может быть еще корявым. Но для учителя важно не столько то, как он пишет, сколько его старание. Главное, чтобы он был занят. Так же и наше служение Кришне. Что можем мы сделать для Кришны? Кришна есть все. Он не нуждается в нашем служении. Но Ему хочется видеть наши попытки, хочется видеть что мы стараемся оказать Ему какое-то служение. В этом смысл.

* * *

С приезда Прабхупады прошло всего четыре дня. Он только что встал после полуденного отдыха, зашел в гостиную и... Там сидел Субала. Прабхупада удивился, ведь Субала должен был в это время находиться в Санта-Фе.

– От меня ушла жена, – выпалил тот. Затем последовала грустная история.

Субала рассказал, что на несколько дней оставил свою жену, Кришна-деви-даси, одну в храме Санта-Фе, а сам уехал в Нью-Йорк навестить своих родителей. Тем временем Кришна-деви убежала с каким-то парнем, посещавшим храм; она решила остаться с ним, а мужа своего бросить.

– Не беспокойся, – сказал Прабхупада Субале, – все будет хорошо. Я напишу Кришна-деви письмо и попрошу ее вернуться к тебе. Завтра ты можешь возвращаться в Санта-Фе, и все будет в порядке.

На следующее утро Субала уехал в Санта-Фе. Прабхупада же, который в его присутствии держался спокойно, выразил глубокую озабоченность постыдным поступком Кришна-деви. Она была его ученицей; для них с Субалой он провел священную церемонию бракосочетания, попросив их быть образцовой парой и помогать друг другу в сознании Кришны. Вместе они ездили в Нью-Мексико, чтобы открыть там центр.

– Не унывайте, – говорил он им. – Даже если никто не придет, чтобы вас послушать, продолжайте внимательно повторять маха-мантру.

А теперь Кришна-деви бросила и храм, и мужа.

Приехав в Санта-Фе, Субала узнал, что жена вместе с ее приятелем Рэнди уехала из города, а Прабхупада в Лос-Анджелесе тем временем получил письмо от Кришна-деви, где та писала, что хочет оставаться в сознании Кришны, но только со своим новым другом.

– Сущий вздор! – кричал Прабхупада. – Я просто вернусь во Вриндаван и буду спокойно повторять «Харе Кришна». Зачем мне это надо? Почему я должен улаживать ссоры между мужьями и женами? Санньяси не должен этим заниматься!

Прабхупада написал Кришна-деви ответ и отправил его в храм Санта-Фе.

Твой недавний поступок очень огорчил всех членов нашего Общества. Я никак не ожидал, что ты так поступишь. Если у тебя есть хоть какая-то любовь ко мне и Кришне, немедленно возвращайся – либо ко мне, либо к мужу. Судя по твоему письму, ты раскаиваешься в своем поступке. Ты совершила большую ошибку. Возвращайся, и все будет хорошо.

Субале Прабхупада написал:

Я очень сожалею по поводу твоей ситуации; наверное, ты переживаешь сильное потрясение от разлуки. Но это также и очень важный урок. В любом случае, если у тебя на сердце слишком

тяжело, ты можешь приехать сюда и какое-то время пожить со мной. Я надеюсь, мне удастся облегчить твоё время.

Письмо Прабхупады ещё не успело дойти, а Субала уже выехал из Санта-Фе в Лос-Анджелес. «Я этого не перенесу, – думал он. – Возвращаюсь к Свамиджи».

Прабхупада сидел на веранде и принимал полуденный массаж, как вдруг увидел Субалу, понуро бредущего по тротуару.

– Субала! – позвал Прабхупада, не вставая с места.

Субала подошел и поклонился. Прабхупада, в одной лишь индийской гамче, сидел под калифорнийским солнцем, а Гаурасундара растирал его горчичным маслом.

– Ты получил мое письмо? – спросил Прабхупада.

– Нет, – ответил Субала.

– Получил, – сказал Прабхупада. – Ты получил мое послание. Я написал, что если у тебя на сердце слишком тяжело, ты можешь приехать сюда и пожить со мной.

Субала: И я переехал в переполненную гостиную квартиры Свамиджи. Я спал в гостиной, прямо напротив его комнаты. Нас разделяла лишь занавеска. По ночам я слышал, как он диктует «Шримад-Бхагаватам».

Он попросил меня вырезать для него Божества Радхи-Кришны. Раньше я уже вырезал Божества Джаганнатхи, а сейчас Свамиджи сказал, что хочет Божества Радха-Кришны. И я купил брус красного дерева и начал вырезать Радха-Кришну.

* * *

Прабхупада получил известие из Нью-Йорка, от Рая-Рама, о том, что редактирование его рукописи «Бхагавад-гиты» «близится к концу». Прочитав письмо Рая-Рама, Прабхупада взорвался:

– Близится к концу! Я слышал это еще до отъезда в Индию.

Медленная работа Рая-Рама чересчур затягивала выпуск книги. Контракт с компанией Макмиллана был уже давно подписан, а рукопись по-прежнему оставалась в работе. Понимая, что Рая-Рама будет тянуть вечно, Прабхупада решил, что тот должен немедленно отложить все прочие обязанности и приехать в Лос-Анджелес.

Через несколько дней Рая-Рама приехал. Выбрав себе угол, он тоже расположился в перенаселенной гостиной крохотной квартирки Свамиджи, чтобы там работать над рукописью «Бхагавад-гиты». Однажды вечером, после своей лекции в храме в присутствии Свамиджи, Рая-Рама написал преданным в родной Нью-Йорк:

Он неудержим, несмотря на слабое здоровье. По возвращении с интенсивной программы, что была вчера вечером, он продолжил разговаривать с нами, а сегодня утром встал в два тридцать ночи и работал три часа. Только что он вернулся с четырехкилометровой утренней прогулки. Не сказать, чтобы он был слаб или терял силы... И стоит нам обмолвиться о медицинском обследовании, как он говорит, что жизнь не имеет ценности, если не используется для Кришны. На прошлой неделе Гаргамуни рассказывал Свамиджи, что иногда ему снится, как он что-то продает, а Свамиджи сказал, что ему снится проповедь. Но вчера вечером он сказал нам, что когда он говорит о Кришне, то не чувствует боли.

* * *

Однажды на прогулке Прабхупада обнаружил напротив своей квартиры, через дорогу, особое место: там, на соседском газоне, росло раскидистое высокое дерево. Взяв с собой несколько учеников, Прабхупада пошел туда и расположился в его тени. Сидеть под большим тенистым деревом в жаркий солнечный день было простым, но приятным удовольствием. Рая-Рама посчитал, что это событие достойно того, чтобы написать о нем нью-йоркским преданным:

Сегодня днем я прогулялся до храма, расположенного на некотором расстоянии от нашей квартиры, а когда возвращался, то увидел, как Свамиджи вместе с Гаурасундарой, выйдя из дома, переходят улицу. Я увязался за ними. Свамиджи занял место под большим дубом, что растет через дорогу от нашего дома.

– Медитация под деревом – это здорово, – сказал он через несколько минут.

Потом пришли и присоединились к нам другие преданные. Мы расселись вокруг Свамиджи на чей-то лужайке, под чьим-то деревом.

– Поэтому в былые времена, мудрецы сидели под деревьями и учили других.

...Я знаю, что я бестолковый глупец. Вот я сижу у стоп Свамиджи, а слезы у меня не текут, и сердце не разрывается от радости. Но даже на глупца присутствие Свамиджи действует крайне опьяняюще.

Свамиджи сказал, что в Индии святые люди часто сидят под деревьями, а некоторые даже живут под ними, не имея иного прибежища. Шесть Госвами, которые, следуя наказу Господа Чайтаньи, писали книги, вели подобную жизнь во Вриндаване, каждую ночь располагаясь под новым деревом и творя свои возвышенные произведения на санскрите.

Свамиджи, говорящий на духовные темы под сенью дерева... Именно так преданные представляли себе идеального гуру: он сидит где-нибудь в Индии, под огромным, древним баньяном. Они забывали, что находятся в обычном районе Лос-Анджелеса. Часто, сделав необходимые покупки или выполнив поручение, Анируддха возвращался на квартиру и уже издали видел «этого прекрасного человека, облаченного в шафрановые одеяния, сидящего на зеленой лужайке».

Однажды, когда Субала, Говинда-даси, Рая-Рама и другие сидели с Прабхупадой в тени, внимание его привлекла пара белых мотыльков.

– Только посмотрите на этих червячков, – воскликнул он, показывая на бабочек. – У них тоже бывают мужья и жены. Весь мир пребывает в этой зависимости!

Зная, что Субала все еще переживает уход жены, Прабхупада продолжил разговор на эту тему, рассматривая ее с двух углов зрения.

– Удивительно не то, что Кришна-деви ушла, – сказал он, – а то, что мы смогли остаться и служить Кришне. Майя так сильна! Это божественная энергия Кришны. И очень редки те души, которые действительно способны оставаться в служении Кришне. Под властью майи живое существо практически беззащитно и только и может что взывать к Кришне о помощи. Но мы должны каждую минуту молиться о том, чтобы сила майи нас не беспокоила.

Субала продолжал жить с Прабхупадой. Он готовил для него, заботился о его личных нуждах и вырезал Божества Радхи и Кришны. Прабхупада снова написал Кришна-деви:

Твой муж Шриман Субала-дас счастливо живет со мной. Он вырезает из дерева Радху и Кришну. Эта материальная жизнь подобна твердой древесине, и если мы сможем вырезать из нее Кришну, наша жизнь увенчается успехом. Итак, что бы ни случилось, ты не должна забывать Кришну. Я люблю тебя всем сердцем, и потому дал тебе имя Кришна-деви-даси. Не забывал Кришну ни на мгновение, повторяй «Харе Кришна», громко или тихо, как тебе удобнее. Но не забывай повторять Святое Имя. Я надеюсь, что все будет хорошо, как только ты приедешь сюда вместе с Рэнди, и с нетерпением жду твоего возвращения.

Однажды после прогулки Прабхупада сказал Анируддхе, что Лос-Анджелес напоминает ему Бомбей и что он хочет построить здесь очень большой храм. Хотя Анируддха был совсем не тем человеком, кто мог бы внести хоть сколько-нибудь серьезную лепту в строительство большого храма, Прабхупада рассказал ему, как он себе это представляет. На другой день Прабхупада вызвал Анируддху к себе и показал ему Божества Радхи и Кришны, вырезанные Гаурасундарой и Субалой. Глаза Прабхупады сияли.

– Я хочу, чтобы Божества Радха-Кришны были в каждом доме, – сказал он.

Анируддха был поражен тем, насколько радостным было выражение лица Прабхупады.

– Что я могу сделать? – спросил Анируддха.

– Я хочу, чтобы ты обошел местные литейные цеха и узнал, во сколько обойдется отливка Божеств.

Анируддха с Субалой обзвонили и объехали несколько литейных мастерских в округе Лос-Анджелеса и вернулись с полученной информацией, однако деловой хватки им явно не хватало и продумать все как следует у них не получилось. Зная об этом, Прабхупада улыбнулся и спросил:

– Ну как, какие ценные сведения вы мне сегодня принесли?

Анируддха понимал, что Прабхупада критикует его, и в ответ только хихикал. Ему это нравилось.

Однажды утром Анируддха пришел к Прабхупаде, чтобы рассказать, как ему казалось, страшную историю. Перед рассветом он пошел в парк собирать эвкалиптовые веточки, которыми Прабхупада чистил зубы. Он стоял на скамейке в парке, срезая ветку дерева ножом, как вдруг рядом остановилась полицейская машина, и из нее выскочил полицейский.

– Что ты делаешь? – строго спросил он.

Анируддха объяснил, что делает для своего духовного учителя зубные щетки.

– Ты что, не знаешь, что деревья принадлежат городу? – сказал полисмен. – Они принадлежат жителям Калифорнии!

Полицейский сообщил, что за ношение раскрытого ножа может арестовать Анируддху. В ответ на вопрос, что у него в мешке, который висит на шее, Анируддха показал ему четки. Тогда полисмен спросил, не сбежал ли он из психбольницы.

Выслушав историю, Прабхупада улыбнулся:

– Ты не спросил его, сам-то он не сумасшедший?

Говинда-даси жаловалась Анируддхе, что квартира Свамиджи стала слишком шумной и перенаселенной, и Свамиджи приходится пользоваться той же ванной, что и всем остальным. Она настаивала, чтобы тот подыскал место получше. Однако Анируддха получал от Даянанды всего двести долларов в месяц, на которые надо было содержать Прабхупаду и многочисленных посетителей, и с финансами было туго.

– Свамиджи здесь очень неудобно, – ворчала Говинда-даси, но Анируддха не знал, что делать.

Когда он спросил Прабхупаду, подходит ли ему эта квартира, тот ответил, что подходит. Анируддха объяснил, что приехать к Прабхупаде из Сан-Франциско горят желанием еще больше преданных и, возможно, они тоже захотят остановиться на квартире.

– Лично мне, – сказал Прабхупада, – посоветовать нечего. Пусть сами думают.

Прабхупаде нужно было переводить, но пообщаться с учениками он тоже хотел, однако Анируддхе перспектива появления в квартире еще большего числа преданных причиняла немалое беспокойство. В конце концов, вместе с Даянандой он нашел для Свамиджи квартиру побольше.

В новой квартире было четыре комнаты, расположенных над частным гаражом, в задней части многоквартирного дома. Анируддха, при поддержке нескольких других преданных, сделал в квартире косметический ремонт, чтобы Прабхупада чувствовал себя в ней как можно комфортнее. Закончив, они перевезли его на новое место жительства.

Хозяин квартиры, маленький японец, войдя и увидев, что Прабхупада сидит на полу перед своим сундучком, спросил:

– Где ваша мебель?

Казалось, это вызвало у него подозрения.

Прабхупада улыбнулся и поблагодарил его, сказав, что все в порядке.

– Мы можем сидеть где угодно, – объяснил Прабхупада. – Мы монашествуем.

Но хозяин, выйдя за дверь, продолжал стоять на лестнице, то и дело заглядывая в окно.

– Попроси его уйти, – сказал Прабхупада Анируддхе.

Иногда после вечернего киртана в храме Шрила Прабхупада просил кого-нибудь из учеников выступить с речью.

Даянанда: Однажды вечером, когда я отвозил Свамиджи в храм, он попросил меня что-нибудь сказать во время программы. Я же сразу стал думать, как бы этого избежать. Хотя в отсутствие Свамиджи другие его ученики тоже читали лекции, я никогда не выступал на публике, даже во время неформальных встреч. Поэтому я сказал Свамиджи, что предпочитаю слушать его, но тот ответил, что предпочтёт послушать меня. Деваться было некуда.

Киртан в храме прошел как обычно, а затем я начал говорить. Я говорил о реальности существования Бога, пытаюсь доказать Его бытие с помощью логики и науки. Такую тему нужно было преподносить с позиций ведической литературы, но я не мог похвастаться знанием стихов из Писаний, равно как и должным пониманием основ философии сознания Кришны. Я признавал, что речь моя не соответствует выводам сознания Кришны, и Прабхупада дал мне понять это самым добрейшим образом.

Когда в какой-то момент я совершил ошибку и сказал что-то явно не то, Прабхупада прозаично остановил меня, объяснив неверно представленный мной момент. Затем жестом он попросил меня продолжать. Я продолжил говорить без тени смущения. Свамиджи поправил меня прилюдно, но не заставил краснеть, как обычно это происходит в подобных случаях. Замечания Свамиджи всегда были пропитаны любовью и искренностью; они не касались личности, но делались ради роста ученика.

* * *

В день явления своего духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, Прабхупада собрал некоторых своих учеников – Анируддху, Говинда-даси, Гаурасундару,

Нандарани и еще одного паренька по имени Санкаршана – чтобы по-особому отметить это событие. На кухне своей квартиры Прабхупада приготовил для своего духовного учителя пир. Нандарани принесла цветы и Прабхупада начал церемонию предложения цветов и вознесения молитв в честь Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Нандарани: Со мной тогда была дочь, Чандрамукхи. Ей было всего два месяца, и она лежала тише воды в корзинке, в углу комнаты. После церемонии Свамиджи собрал горсть цветов, подошел к корзинке, где лежала Чандрамукхи и рассыпал их вокруг ее головы. Улыбнувшись, он сказал:

– Настанет день, и я возьму тебя с собой в Индию.

После пира преданные прошли за Прабхупадой в комнату. Он сел за свой письменный стол и начал читать маленькой группе преданных, рассеявшихся перед ним на полу, письма – письма благодарности от новых учеников. Письма эти стали подношением Шрилы Прабхупады своему духовному учителю. Он читал: «Нам по-настоящему нравится петь маха-мантру», «когда мы повстречали вас, мы обрели счастье», «Мы стараемся учить повторению «Харе Кришна» других». Это были простые слова, но, читая их, Прабхупада преисполнялся счастья. Затем он положил письма вместе с цветами перед изображением Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати и, взглянув на Нандарани, спросил:

– Стала ли ты счастливее с тех пор, как повторяешь Харе Кришна?

– О, да, – ответила Нандарани, – моя жизнь превратилась в чудо.

Глядя на других, Прабхупада спросил:

– А вы? Вы стали счастливее, когда начали повторять «Харе Кришна»?

Все ответили утвердительно.

– Тогда у меня к вам только одна просьба, – продолжил Прабхупада. – Вы должны просто кому-нибудь об этом рассказать. Это все, что вам следует сделать. Не нужно никого наставлять. Не нужно учить философии. Просто объясните людям, что благодаря повторению «Харе Кришна» вы стали счастливы, а если и они будут повторять, то тоже станут счастливее. Тогда и я буду доволен, и мой духовный учитель будет доволен.

* * *

Однажды вечером, войдя в магазинчик, Шрила Прабхупада, к удивлению своему, обнаружил там Умапати. Умапати оставил сознание Кришны около года назад, и с тех пор Прабхупада его не видел. Прабхупада непроизвольно шагнул к нему и искренне обнял ученика. Несколькими месяцами раньше тот прислал письмо, в котором сообщал, что подумывает о возвращении; поэтому этот сюрприз не был для Шрилы Прабхупады полной неожиданностью. Усевшись, Прабхупада стал расспрашивать Умапати о преданных в Нью-Йорке и ненадолго погрузился в воспоминания о том, как он начинал Движение, а парни, подобные Умапати, ему помогали.

Позднее, в тот же вечер, вернувшись к себе на квартиру, Прабхупада выразил сожаление, что некоторые его ученики оставили сознание Кришны. Он рассказал Умапати, что когда бывшая жена одного из учеников-санньяси Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати силой увела мужа домой, его духовный учитель плакал от своей неспособности спасти ученика. Под влиянием майи ученик может отойти, сказал Прабхупада, но духовный учитель никогда его не оставит.

Умапати бросил сознание Кришны из-за философских сомнений. Будучи эклектиком, последователем буддизма, как в прошлом Даянанда и Анируддха, он не мог стерпеть того, как Прабхупада трактует буддизм. Однако, оставив сознание Кришны, он всего лишь вернулся на свою старую работу на радиостанции, вспомнил старые привычки и вновь отрастил бороду.

– Всякий раз, когда я видел, как кто-то делает что-то не то, например, ест мясо, – рассказывал Прабхупаде Умапати, – то думал: «Мой духовный учитель говорил, что это плохо».

– Когда ты так думаешь, – сказал Прабхупада, – жизнь твоя тотчас же очищается.

Во время разговора в комнату Прабхупады вошло еще несколько преданных. Прабхупада объяснил, что по мере роста в сознании Кришны человек начинает стараться не доставлять беспокойства другим живым существам и не хочет причинять страдания даже крохотному насекомому.

– Разве вы не чувствуете? – спросил Прабхупада, взглядом прося их осознать сострадание преданного.

Умапати решил остаться в Лос-Анджелесе и помогать преданным. Он переехал в магазинчик к Анируддхе, устроился на работу и взял на себя часть ответственности за поддержание храма.

Видя, что Прабхупада почти постоянно занят с учениками, Лилавати, одна из девушек, приехавших из Сан-Франциско, решила, что больше не будет понапрасну отнимать у своего духовного учителя время. Прабхупада заметил, что девушка стала часто пропускать собрания у него на квартире, и когда она, наконец, навестила его, он спросил:

– Почему ты не приходишь?

– О, Свамиджи, – сказала Лилавати, – вам нужно переводить. Мне кажется, вы не успеваете делать свою работу.

– Нет, ты что, не знаешь? – поправил ее Прабхупада. – Разве ты не знаешь, что ученики – это и есть моя работа?

* * *

Прабхупада сказал, что будет участвовать во всех проповеднических программах, какие только сможет организовать Анируддха. Анируддха старался, но постоянно сталкивался с какими-то трудностями. Дважды машина, в которой ехали на программу Прабхупада, Субала и Анируддха, ломалась. В другой раз полицейский арестовал Субалу за то, что у того не было водительских прав, и Прабхупаде пришлось возвращаться в сопровождении своего слуги пешком. На программу в студенческом центре Калифорнийского университета не пришел ни один студент, и Прабхупада, просидев в ожидании минут десять, повернулся к Анируддхе:

– Ну, что случилось?

На программе под открытым небом в Государственном колледже Лонг-Бич для Прабхупады не подготовили сиденье, а Анируддха носился по территории в поисках зонтика, чтобы защитить учителя от солнца.

– Анируддха, это не очень хорошо, – стоя на возвышении, заметил Прабхупада.

Но были и удачи. Мукунда-дас организовал для Прабхупады эфир на национальном телевидении в двух телешоу – «Ле-Кран» и «Джо-Пайн», а также в нескольких радиопередачах. В журнале «Лайф» была опубликована фотография Прабхупады и сопровождающий ее рассказ, входящий в состав статьи под названием «Год гуру».

Анируддха готов был устраивать проповеднические программы все время, пока Прабхупада жил в Лос-Анджелесе, однако преданные из Сан-Франциско, Нью-Йорка, Монреаля и Бостона тоже постоянно звали Прабхупаду к себе. Он уехал в Индию в июле 1967 и вернулся в Сан-Франциско 14 декабря. В Сан-Франциско он пробыл три недели, в Лос-Анджелесе – два месяца. А в других городах преданные ждали его приезда уже больше восьми месяцев. И он решил ехать дальше.

Седьмого марта, в день своего отъезда из Лос-Анджелеса, Прабхупада поблагодарил Анируддху за его служение по поддержанию центра.

– Несмотря на болезнь, – сказал он, – мне было очень удобно. Да благословит тебя Кришна.

– Да что же я сделал? – ответил Анируддха. – Все было сплошным недоразумением. Все программы шли через пень-колоду.

– Совсем нет, – сказал Прабхупада, – все нормально. Ты старался, как мог.

Чтобы поехать в аэропорт, Прабхупаде нужно было пройти от своей квартиры до машины. Шел дождь, а у него не было ни зонтика, ни плаща. Говинда-даси опрометью бросилась в ванную, сорвала занавеску и обернула ее вокруг своего духовного учителя, защищая его от дождя.

У Прабхупады были планы поистине безграничного расширения – в таком большом городе, как Лос-Анджелес, должны быть большой храм, организованное распространение книг о сознании Кришны и прекрасно поставленные культурные программы. В каждом доме должны стоять Божества Радхи и Кришны. При этом, составляя долгосрочные планы повсеместного распространения сознания Кришны, Прабхупада терпеливо ждал, когда же вернется очередной заблудший ученик, вроде Кришна-деви. Всегда готовый выступить на телевидении, отважно встретиться с любым оппонентом или поехать в любую точку мира, Прабхупада в то же время позволял Говинда-даси укрыть его от дождя занавеской из душа.

Храм в Лос-Анджелесе станет примером великого успеха в сознании Кришны лишь благодаря упорному труду и искренности. И Прабхупада знал, что на это потребуется время. Его ученики еще не были достаточно опытны, чтобы обеспечить Кришне грозное наступление на силы

майи. Тем не менее, проведя в Лос-Анджелесе два месяца, он укрепил в своих учениках сознание Кришны. И они продолжают свой духовный рост. Теперь ИСККОН в Лос-Анджелесе стал немного сильнее. Здесь останутся несколько преданных и будут помогать Движению. А он вернется, когда они сделают больше.

* * *

Сан-Франциско
8 марта 1968 года

Из Лос-Анджелеса Шрила Прабхупада вылетел в Сан-Франциско. В отличие от Лос-Анджелеса, храм здесь был более активен, что воодушевило Прабхупаду.

Думаю, что центр Сан-Франциско многократно благословен чистым преданным служением местных преданных. Как только появляются искренние преданные, ситуация тут же меняется в лучшую сторону.

Утренние и вечерние встречи привлекали много заинтересованной молодежи.

– К своему трансцендентному удовлетворению, все присутствующие часто могут видеть здесь экстатические танцы, – заметил как-то Шрила Прабхупада.

Прабхупада был свидетелем успеха движения санкиртаны. Он посадил семя, и сейчас росток кришна-бхагвати расцвел. Вновь оказавшись в каком-то из центров и увидев, как, искренне следуя его указаниям, ученики продвигаются в сознании Кришны, Прабхупада чувствовал прилив радости и удовлетворения. Он наблюдал, как, благодаря могуществу киртана, меняются падшие души. И когда преданные видели его одобрительную улыбку, их собственный экстаз возрастал.

Гурудас показал Прабхупаде слайды с Божеством Кришны, которое Прабхупада назвал Картами-шайи. Один из кадров запечатлел Картами-шайи вскоре после того, как преданные приобрели Его в магазине импортных товаров и поставили в храме. На других слайдах преданные уже регулярно поклонялись Картами-шайи и предлагали Ему пищу. Рассматривая слайды, Прабхупада начал тихонько хихикать:

– Мне кажется, Божество изменилось.

Гурудас пересмотрел слайды. Действительно, Картами-шайи пополнел, а синий цвет Его тела стал более насыщенным.

– А Его как-то переделывали, перекрашивали? – спросил Умапати.

Гурудас ответил, что преданные ничего в Нем не меняли.

– Вы заботились о Нем, – заверил их Прабхупада.

Бхагвати-йога – это научный закон; как человек относится к Кришне, так и Кришна отвечает ему. Там, где ученики Прабхупады добросовестно следовали предписанному пути, он сразу же видел улучшения. Сознание Кришны, – сказал он, – это лечение больной души с помощью лекарства и диеты. Лекарство – это повторение «Харе Кришна», а диета – это прасад. Выполняя эти предписания, больной восстанавливает утраченное здоровье, а пренебрегая ими, возвращается в прежнее состояние. Шрила Прабхупада видел и здоровых, и больных.

Упендра, личный слуга Прабхупады в Сан-Франциско, пришел к нему весь в слезах. Он признался, что не может побороть в себе половое желание и занимается незаконным сексом. Он спросил, прощает ли Кришна оскорбления, и Прабхупада успокоил его:

– Да, Кришна прощает.

Упендра спросил, сможет ли он побороть в себе похоть, если женится.

– Нет, ты еще слишком молод, – ответил Прабхупада. – Ты должен воздерживаться от жирной пищи. Ешь умеренно.

Он посоветовал Упендре есть дал без специй и чапати без масла.

Проведя несколько недель в Сан-Франциско, Шрила Прабхупада отправился в Нью-Йорк, где преданные устроили ему пышный прием. В городской газете напечатали статью «Гуру возвращается». Нью-йоркский центр на Второй авеню, 26 делал успехи. Можно было видеть новые лица и вдохновенные киртаны.

Здесь много новых, цветущих молодых парней и девушек, и все они проявляют глубокий и серьезный интерес к сознанию Кришны. Я удивлен их огромным энтузиазмом и очень рад оказаться среди них.

Прабхупада остановился в своей старой квартире на Второй авеню. Поговаривали о том, чтобы найти для него другое жилье, но все было слишком дорого. Прабхупада заверил Брахмананду:

– Я хотел бы остаться в своей квартире. Здесь тихо, уединенно, и мне здесь нравится. Другого мне и не надо.

Хотя Шрила Прабхупада планировал оставаться в Нью-Йорке меньше двух недель, он намекал, что останется дольше – если ученики предоставят ему возможность стабильно работать над переводами и помогут одну за другой опубликовать его книги.

Прабхупада написал Брахмананде:

Я хочу обосноваться в одном месте с несколькими помощниками и посвятить остаток своего времени переводу «Шримад-Бхагаватам» и других книг. А также обучить учеников проповеди. Итак, с этого дня я хотел бы выступать только на самых важных программах, а на остальных могут проповедовать мои ученики. Все вы должны учиться проповедовать; что же касается меня, то самая важная моя проповедь – это закончить «Шримад-Бхагаватам». Поэтому, пожалуйста, попытайтесь обеспечить это, ибо очень важно, чтобы мои книги были завершены как можно скорее.

Однажды, сидя у себя в комнате и принимая массаж, Прабхупада вдруг начал смеяться. Сидя на полу, поджав под себя одну ногу и вытянув перед собой другую, он рассказал двум или трем сидящим перед ним преданным, как Кришна, неся с собой обед, собранный для Него матерью, шел в лес вместе со своими друзьями-пастушками, которые тоже брали из дома обед. Кришна и Его друзья садились и обедали вместе, и у Кришны всегда были самые лучшие ладду и качаури. Глаза Прабхупады засветились и, улыбаясь, он потер руки.

– Я хочу отправиться на Кришналоку, просто чтобы отведать ладду и качаури Кришны. Больше меня ничего особенно не привлекает. Я просто хочу отправиться туда, чтобы наслаждаться с Кришной и пастушками ладду и качаури.

Широко открыв глаза, он посмотрел на Девананду, который в это время делал ему массаж, и на других преданных в комнате.

– О, – сказал он им, – если вы дадите мне ладду и качаури, то я вас благословлю.

– Свамиджи, пожалуйста, научите нас их делать, – ответили заинтригованные преданные. – Мы непременно сделаем их для вас!

– Да, – заверил их Прабхупада, – я покажу вам. Я научу вас, – и продолжил веселый разговор.

* * *

В Нью-Йорке ждали своего посвящения новые преданные. Один парень увидел фотографию Прабхупады в журнале «Лайф», вырезал ее и положил в свой школьный шкафчик. Юноша по имени Джей, прочитав о Прабхупаде и преданных в журнале «Вечнозеленое ревю», посетил в храм и увидел, насколько там все преданы Прабхупаде. Те из учеников, которым Прабхупада дал посвящение по почте – Индира и Экаяни, две сестры, которые еще ходили в школу и жили дома – впервые встретили своего духовного учителя. Прабхупада дал посвящение всем достойным кандидатам.

В день отъезда в Бостон Прабхупада прочитал лекцию в Нью-йоркском государственном университете в Стоунибруке, что находился в двух часах езды от храма.

Брахмананда: Программа проходила в огромной аудитории с рядами кресел. Зал был полон. Когда мы вошли, все места были уже заняты. Было темно, и нас освещали лишь несколько прожекторов. Ряды с сиденьями располагались уступами и поднимались кверху, как в амфитеатре, и мы практически не видели лиц. Сначала мы провели киртан, а затем Прабхупада заговорил. Когда началась лекция, мы слышали шум подсакивающих сидений – студенты вставали и уходили. Но Прабхупада невозмутимо продолжал свою лекцию, словно не замечая происходящего. К концу в зале осталось чуть больше десятка людей.

После программы преданные обнаружили, что машина, которая должна была везти Прабхупаду домой, уже уехала. Однако какой-то студент предложил им свой спортивный «Триумф» – маленький двухместный автомобиль. Прабхупаде машина не понравилась, но других вариантов не было, и Брахмананда отвез Прабхупаду обратно на Манхеттен.

Было уже около полуночи, и пока Брахмананда давил на газ, торопясь вернуться в храм, Прабхупада дремал. Неожиданно Брахмананда наскочил на большую выбоину на дороге, и Прабхупада ударился головой о металлическую балку под потолком машины.

За полночь они, наконец, вернулись в Нижний Ист-сайд. У Прабхупады оставалось лишь несколько часов на отдых перед вылетом в Бостон в девять утра. Большинство преданных мирно

спали, когда Прабхупада, который встал, как всегда, вовремя, вышел из квартиры. В аэропорту Прабхупада сказал, что вместо того, чтобы только прославлять его, ученики его должны стараться следовать примеру духовного учителя и рано вставать.

Глава пятьдесят восьмая

Визит в Бостон

Бостон

Май 1968 года.

Квартира находилась недалеко от надземной железной дороги, в бедном, неблагополучном районе Бостона. Но ничего лучшего Сатсварупа себе позволить не мог. Перед самым отъездом в Индию, 24 июля 1967 года, Шрила Прабхупада, в знак благословения с любовью похлопав Сатсварупу по спине, послал его сюда.

Вначале Сатсварупа был один. Он устроился на работу в департамент социального обеспечения, надеясь найти какой-нибудь магазинчик, подходящий для центра, а затем к нему присоединились Хамсадута и его жена Химавати, а также Джадурани, которой стало трудно заниматься рисованием в нью-йоркском храме. Хамсадута готовил, Химавати помогала ему и, кроме того, убирала дом, Джадурани рисовала, а Сатсварупа работал. По воскресеньям они ходили петть в городской сад.

В сентябре Шрила Прабхупада написал им из Вриндавана письмо, в котором выражал свое удовлетворение тем, что даже в его отсутствие ученики открыли в Бостоне центр сознания Кришны. «Присутствую я лично или нет, – писал он, – работа должна продолжаться.... Пожалуйста, постарайтесь организовать бостонский центр по высшему разряду». В конце он добавил: «У вас там много студентов, поэтому перспективы очень хороши».

Для бостонских преданных это письмо Прабхупады значило очень многое. Они вчитывались в него, в разговорах друг с другом приводили из него выдержки, и это укрепляло их веру. Хамсадута размышлял над словами из письма Прабхупады, когда трудился на кухне, Сатсварупа думал о том же самом в поезде, по дороге на работу, и когда повторял мантру на четках; а девушки вооружались цитатами из письма, когда ссорились – чаще всего по поводу беспорядка в комнате Джадурани.

После двух месяцев, проведенных в Бостоне, Сатсварупа, наконец, нашел крохотный магазинчик, сдававшийся в аренду. Не успев даже получить ключи и осмотреть его, он уже написал Прабхупаде, что нашел небольшое помещение близ студенческого городка, рядом с Бостонским Университетом.

В первый раз Сатсварупа пришел в магазинчик один. Он осмотрел пустую комнату, подвал и керосиновый обогреватель и собрался было уходить, как вдруг заметил лежащий на полу синий конверт авиапочты. Хотя он валялся всего лишь в паре метров от двери, Сатсварупа не обратил на него внимания, когда вошел. Подняв письмо, он, к своему удивлению, обнаружил, что оно от Свамиджи, из Калькутты. Казалось, Свамиджи сам пришел, чтобы его встретить – чудо!

Разрывая синий конверт, Сатсварупа представлял себе как, отправленное рукой Свамиджи из комнаты в Калькутте, письмо переходило от одного человека к другому, пока не долетело до Америки, смешавшись в огромном почтовом мешке с тысячами других писем, как его отсортировали и затем принесли сюда. В магазинчике пока еще никто не жил, однако почтальон бросил письмо в щель, и оно спланировало на пол в двух метрах от двери и пролежало там несколько дней. Конечно, это «чудо» было ни чем иным, как обычной работой почтовой службы, но обычный почтальон даже представить себе не мог, сколько всего содержалось в этом невесомом письме. Усевшись на подоконник, Сатсварупа стал читать слова Свамиджи:

Я понял, что ты нашел в Бостоне очень хорошее место, и у тебя появилась неплохая возможность распространить наше Движение среди местных студентов. Несомненно, наше Движение находит горячий отклик у молодого поколения вашей страны, и если нам удастся привлечь на свою сторону американское студенчество, это Движение непременно распространится по всему миру, и тогда исполнится предсказание Господа Чайтаньи о том, что слава Его движения санкиртаны разнесется по всем деревням и городам мира. Пожалуйста, искренне старайтесь достичь этой цели, и миссия вашей жизни увенчается успехом.

Для Сатсварупы письмо это стало подтверждением тому, что долг их – занять это помещение. Но поскольку места там было мало, горячая вода отсутствовала, а Химавати была беременна, Хамсадута со своей женой решил переехать в монреальский храм. Но в те же дни в

Бостон приехал еще один преданный, Прадьюмна, и все вместе они – Сатсварупа, Джадурани и Прадьюмна – переехали в магазинчик.

Шрила Прабхупада написал Сатсварупе из Индии еще одно письмо, где просил ученика постараться устроить его на должность преподавателя в Бостонском университете. Такое назначение, рассуждал Прабхупада, позволило бы ему легко получить американское гражданство. Сначала Сатсварупа отправился в Гарвард, сотрудники и преподаватели которого отправили его по кабинетам. Хотя некоторые из них, казалось, с любопытством слушали об ученом свами, его книгах и миссии, никто и не думал всерьез включать какого-то там свами в преподавательский состав Гарварда. Однако, погруженный в мысли о своем духовном учителе, Сатсварупа продолжал обивать пороги кабинетов, молясь о том, чтобы стать полезным Свамиджи. Он ясно понимал, что университетские профессора не в состоянии по достоинству оценить того, кто действительно достоин называться настоящим учителем.

Один известный профессор санскрита, сидя в своей комнатухе в библиотеке Вайденера, в течении получаса разговаривал с Сатсварупой о Ведах и слушал от него про свами, но и он не смог подписать прошение о том, чтобы свами приехал в Америку.

Наконец, после нескольких дней, проведенных в Гарварде, Сатсварупе удалось зарезервировать в студенческом клубе зал на один вечер в ноябре. Труднее всего было уговорить местного служащего напечатать на фирменном бланке письмо, подтверждающее, что в один из ноябрьских вечеров в зале студенческого клуба Свами Бхактиведанта будет читать лекцию. Хотя победа была невелика, Сатсварупа остался доволен. Он написал про Гарвард Свамиджи и тот поблагодарил его за старания, но добавил, что пост преподавателя был бы все-таки предпочтительнее.

Наступил ноябрь, а Свамиджи по-прежнему был в Индии, поэтому Сатсварупа, Прадьюмна и Джадурани сами пошли на программу, где им пришлось выдержать оживленный спор со студентами. «Гарвард-кримзон» опубликовала фотографию преданных, называя их пророками. Шриле Прабхупаде нравилось, что в его отсутствие его ученики действуют как пророки сознания Кришны.

Однажды ночью, примерно за две недели до отъезда Прабхупады из Индии в Сан-Франциско, Сатсварупе приснилось, что Свамиджи уже приехал в Бостон. Когда он написал об этом Прабхупаде, тот ответил:

Вы написали в своем письме, что было бы здорово снова меня увидеть. Я вполне согласен, что будет замечательно, если я буду с вами. Ваши искренние молитвы Господу Нрисимхадеве помогают мне поправляться, и вы будете рады узнать, что я прилетаю в Сан-Франциско 14 декабря... Я понимаю, что все вы думаете обо мне круглые сутки, и поэтому Сатсварупе приснился сон, что я приехал в Бостон и наслаждаюсь вашим обществом.

14 декабря 1967 года Шрила Прабхупада прибыл в Сан-Франциско. На следующий день один ученик позвонил преданным в Бостон и рассказал о подробностях приезда Свамиджи. Он сказал, что, возможно, даже сможет устроить им телефонный разговор с ним; по крайней мере, попытается.

Однажды вечером в бостонском магазинчике зазвонил телефон... Это был он! Джадурани, которая подняла трубку, сообщила ему, что слышала, будто в аэропорту он выглядел очень здоровым и загоревшим и что шагал он стремительно; а когда Прабхупада упомянул, что преодолел весь путь из Индии один, Джадурани поправила его:

– Но ведь с вами был Кришна!

Затем разговаривал Сатсварупа:

– Свамиджи, – начал он, – мы так по вам соскучились!

– Да, – ответил Прабхупада, – и я тоже рад тебя слышать.

Затем к телефону подошел Прадьюмна и рассказал о том, как он пытается рекламировать «Шримад-Бхагаватам».

После разговора каждый поделился с остальными тем, что сказал ему Свамиджи, и каждый признался в том, что, по меньшей мере, один раз сморозил какую-нибудь глупость. Но все согласились с тем, что у Свамиджи каждое слово было просто чудесно, а Сатсварупа с Прадьюмной чувствовали такое счастье, что, не удержавшись, начали кататься по полу.

Прабхупада сказал, что, уезжая из Америки, почти не надеялся на возвращение, но Кришна дал ему знак, что время его пока не пришло, и потому он вернулся. Он признался, что получает вдохновение от своих учеников, которых считает «добрыми душами».

Позднее, уже из Сан-Франциско, Прабхупада направил преданным Бостона еще одно письмо.

Хотя формально я являюсь вашим духовным учителем, я считаю вас моими духовными учителями, потому что ваша любовь к Кришне и служение Ему учат меня тому, как стать искренним в сознании Кришны.

Он сказал им, что, хотя их всего трое, каждый из них должен работать за триста человек. Находясь в сознании Кришны, объяснил Прабхупада, невозможно устать от служения. Для него это был признак духовного роста учеников, многие из которых никогда не уставали от преданного служения и всегда хотели делать больше и больше.

Каждому из бостонских преданных Прабхупада дал конкретное задание. Джадурани рисовала картины, и Прабхупада велел ей сделать журнал «Обратно к Богу» еще красивее, наполнив его иллюстрациями. Особенно он просил ее нарисовать конкретные картины: Радху-Кришну во Вриндаване, Господа Вишну, Господа Чайтанью с четырьмя Его главными спутниками, Господа Чайтанью и Его преданных во время киртана, а также портреты Бхактивиноды Тхакура, Бхактисиддханты Сарасвати и самого Свамиджи.

Поскольку квалификация Джадурани как художника была не слишком высока, первые ее картины казались грубоватыми, и Прабхупада порой смеялся, замечая в них художественные недочеты. Но он был доволен Джадурани. Работая, она повторяла «Харе Кришна» и каждую картину исполняла в точном соответствии с указаниями духовного учителя. Если она погрузится в рисование, сказал Прабхупада, то всегда будет пребывать во Вриндаване, где бы ни жила.

Прабхупада попросил Джадурани собрать вокруг себя других девушек-преданных, желающих рисовать, чтобы организовать художественный отдел и затопить весь мир картинами о Кришне. Эти картины, говорил он, подобны окнам в духовный мир. Прабхупада дал Джадурани множество подробных указаний относительно них.

Самолеты Вайкунтхи не совсем такие, как здесь. Они больше похожи на ослепительно сияющих летящих лебедей с изысканно украшенными золотыми тронами на спинах. Это не птицы, это самолеты в форме летящего лебедя.

Относительно картины, изображавшей битву между воплощением Господа Кришны в облике вепря и демоном Хираньякшей, Прабхупада дал следующие указания:

Демоны по желанию могут принимать любую гигантскую форму. Они могут создавать миражи; это не обычные люди. Ты должна знать, что тот, с кем пришлось сражаться Богу, не обычный человек. Он сражался с Господом почти на равных, но все равно никто не может превзойти Бога...

Да, Вараха очень красив. Обычно Вепря изображают получеловеком-полувепрем, но в «Бхагаватам» говорится, что Он выглядит как настоящий вепрь. Ты можешь изобразить его передние лапы в форме рук, а задние – в форме ног, и постарайся нарисовать как можно красивее... Да, он рыжеватый, как вепрь.

Желая совершенствоваться, Джадурани начала изучать великих мастеров. Но когда она попыталась нарисовать Нараду Муни в стиле Рафаэля, Прабхупада нашел, что тот выглядит слишком чувственным. Он сказал, что ее первое изображение Нарады нравится ему гораздо больше, даром что оно скорее похоже на переводную картинку (Джадурани старалась тщательно скопировать плакат, который дал ей Прабхупада). Увидев нового, чувственного Нараду и услышав о планах Джадурани и впредь изучать изобразительное искусство, а картины свои продавать, Прабхупада выразил неодобрение:

Ты и так уже великолепная художница. Ты ведь не хочешь стать известным художником, чтобы угождать вкусам публики? Если твои картины кажутся им негодными, меня это не интересует; они глупцы. Продолжай делать все от тебя зависящее, чтобы писать картины как можно красивее, но не ради потакания прихотям невежественной толпы. Вчера я был в Унитарной церкви, и видел там две картины, сделанные из бревен и бамбука. Наша великая художница Говинда-даси объяснила мне, что это современное абстрактное искусство. Но, как бы там ни было, я ничего там не увидел, кроме бревен и бамбука. Ничто в них не пробуждало мое сознание Кришны. Поэтому, если ты хочешь стать таким вот великим художником, я буду молиться Кришне о твоём спасении. В любом случае, если люди не покупают наши картины, нас это не волнует. Почему ты так озабочена продажей? Мы раздадим их преданным бесплатно. Если наши товары не котируются на общественном рынке чувственного удовлетворения, это еще не значит,

что мы станем менять наши принципы. Наша цель – удовлетворять чувства Кришны, а не кого-то другого. Таким должен быть принцип нашей жизни.

Джадурани впала в уныние. Чувствуя себя глупой и ненормальной ученицей, она написала Прабхупаде короткий ответ. Несколько дней она ходила мрачная, потеряв всякую надежду, но затем пришло второе письмо.

Я впервые получил от тебя письмо в три строки, и понимаю, что мое последнее послание сильно тебя расстроило. Есть такая история: «Я лишился касты, но живот мой по-прежнему пуст». В Индии среди индусов существует обычай: они никогда не принимают пищу в доме мусульманина, христианина и вообще в любом доме, не принадлежащем брахману-индусу. Но один очень голодный человек как-то раз принял пищу в доме мусульманина. Однако когда он попросил добавки, хозяин отказал, потому что у него больше не было. И тогда индус сказал:

– Господин, я утратил касту, но остался голодным!

Точно так же, если картины, получившие в этой стране одобрение общественности будут быстро раскупаться, я не возражаю против того, чтобы картины наши выставлялись на продажу. Но я знаю, что картины в этой стране расходятся не из-за достоинств самой живописи, а за счет известности художника. В Индии сейчас происходит то же самое. Но для того, чтобы стать художником с именем, требуется много времени. А времени у нас очень мало. Мы должны довести до совершенства наше сознание Кришны в течение одной жизни и ни одной минуты не должны растрачивать попусту на что-либо еще. Согласно «Чайтанья-чаритамрите», слава достается тому, кто стал великим преданным Кришны. Поэтому, если мы не можем быстро продать наши картины на выставке, я не думаю, что есть необходимость совершенствовать свое мастерство. Мы должны быть довольны тем, что наши картины висят в наших храмах. Не стоит жертвовать своим драгоценным временем ради того, чтобы прославиться как художник и продавать свои картины, как продают горячие пирожки... Конечно, я не художник и не способен оценить картины с этой точки зрения; я обычный человек, и если картина кажется мне привлекательной, я говорю, что она хороша, и наоборот. Я просто подхожу к этому с позиции здравого смысла. Поэтому в плане искусства мои замечания немногого стоят. В любом случае, не расстраивайся; ты можешь продолжать свою работу, и мы еще поговорим на эту тему, когда встретимся.

Взяв себя в руки, Джадурани продолжила писать картины, и вскоре на стенах магазинчика не осталось свободного места.

Служением Прадьюмны был санскрит. Прабхупада вдохновлял его стать знатоком санскрита, чтобы со временем он смог помогать своему духовному учителю в переводе «Шримад-Бхагаватам». Хотя для того, чтобы помочь содержать храм, Прадьюмна устроился конторским служащим в страховую компанию, все свое свободное время он, как правило, проводил в подвале, изучая санскрит. Будучи от природы ученым, он начал собирать книги и общаться со студентами и профессорами санскрита в Гарварде, куда один известный профессор пригласил его в качестве вольного слушателя на свой курс. В качестве первого задания Прабхупада поручил Прадьюмне составить английский пословный перевод стихов «Брахма-самхиты». Он также попросил его изучить определенные книги, и Прадьюмна с энтузиазмом взялся за дело, пренебрегая даже своими дежурствами по храму, которые назначил для всех Сатсварупа.

Прабхупада был доволен работой Прадьюмны, и это вдохновляло того работать еще усерднее. Но когда Прадьюмна послал Прабхупаде на одобрение список книг, которые хотел прочитать, Прабхупада, хотя и заинтересованный в расширении кругозора Прадьюмны, предупредил его об опасности.

Что касается списка книг: книги «Господь Чайтанья» С.К. Гхоша и «Ведер-Паричая» Бона Махараджи бесполезны, и ты можешь их даже не искать. Другие книги, в том числе газета «Гаудия», приемлемы... Я рад, что ты усердно трудишься над распространением сознания Кришны в Бостоне. Отмечу, что именно такая преданность, то есть, та, что проявляется в действии, есть секрет понимания шастр. Мой Гуру Махараджа обычно говорил, что для того, кто не занят преданным служением, чтение книг подобно облизыванию снаружи банки с медом. В этом черпают удовлетворение только те, кто считает книги верхом всего. Но мы должны научиться секрету – как открыть банку и насладиться ее содержимым. Таким образом, если мы сможем просто понять одну книгу, одну шлоку, мы обретем совершенство. Господь Чайтанья предупреждал об опасности изучения множества книг, хотя я вижу, что в Америке модно коллекционировать книги и при этом не понимать ни одной. В любом случае, искренне трудясь и

внимательно исполняя наставления духовного учителя, все вы обретете успех по милости Кришны. Я постоянно молюсь Кришне о вашем продвижении в сознании Кришны, обо всех вас, искренние души.

Заметив в журнале «Назад к Богу» ошибки в санскритских словах, Прабхупада попросил Прадьюмну ввести стандарт на санскритскую транслитерацию. Прадьюмна был умен, и Прабхупада надеялся, что он станет хорошим специалистом.

У Сатсварупы особым заданием было расшифровывать и редактировать пленки Прабхупады с начитанным на них «Шримад-Бхагаватам». Впервые Прабхупада попросил об этом Сатсварупу в Нью-Йорке в 1966 году, и когда в 1967-м Прабхупада уехал в Сан-Франциско, тот продолжил это занятие. Тогда же, когда Прабхупада заболел и перестал диктовать, Сатсварупа остался без дела. Но, вернувшись из Индии, Прабхупада немедленно возобновил перевод «Шримад-Бхагаватам» и написал Сатсварупе в Бостон, прося его взять напрокат диктофон: «Как только ты сообщишь мне, что достал диктофон, я буду регулярно высылать тебе пленки».

К концу декабря в бостонский храм начали приходить пленки – пластмассовые катушки фирмы «Грюндиг» в обычном конверте для документов, скрепленном скрепками и подписанном рукой Свамиджи. Сначала Свамиджи присылал по одной катушке в неделю, затем по две, а иногда даже по три. Сатсварупа печатал рано утром, до ухода на работу и до того, как просыпались остальные. Он шел на кухню, садился на пол и печатал, через наушники слушая голос Прабхупады. «Это даже лучше, чем получать письма», – думал он. Ведь сам Свамиджи учит его философии сознания Кришны!

Сатсварупа так привязался к своему служению, что вся жизнь его стала строиться только вокруг него. Он испытывал прилив любви к каждому американскому почтальону на улице – ведь именно они доставляли ему катушки Свамиджи!

Сатсварупа считал, что прекрасно понимает речь Свамиджи, однако на одной из катушек ему встретилось слово, которое он никак не мог понять. Прабхупада описывал рождение демона Хираньякши из чрева Дити, и Сатсварупе казалось, что Прабхупада говорит «by the pores of the pregnancy of Diti, the whole universe went dark» (буквально «Из-за пор беременности Дити вся вселенная погрузилась во тьму»). Как у беременности Дити могли быть поры? Прабхупада ответил, что это не «pores» (поры), а «force» (сила/влияние). Прабхупада написал: «Будет лучше, если, сделав распечатку с катушек, после редактирования ты будешь посылать один экземпляр мне. Я буду хранить его у себя, а другой будет у тебя...»

Иногда по дороге на работу Сатсварупа засыпал в автобусе, и во сне ему казалось, что он слышит через наушники голос Свамиджи и печатает. Это было очень личным служением. У Прабхупады было девять катушек, и он хотел вести учет того, сколько их было у Сатсварупы и сколько их было на пути к нему. «Сегодня утром я послал одну пленку, – писал Прабхупада. – Скорее всего, ты получишь ее завтра. Я получил отредактированные тобой тексты «Шримад-Бхагаватам» – хорошая работа».

* * *

С наступлением зимы из-за снега и гололеда вечерние программы в бостонском магазинчике стали менее людными. Преданные предпочитали никуда не ходить и заниматься каждый своим делом. Получая удовлетворение от своего служения, каждый из них считал, что лучше и быть ничего не может.

Прабхупада назначил день своего приезда в Бостон – первое мая, и попросил Сатсварупу начать договариваться о лекциях в многочисленных университетах города. Преданные послали Прабхупаде несколько фотографий интерьера магазинчика, и он ответил: «Я получил хорошее представление». Хотя на фотографиях было видно лишь маленькую пустую комнату с незаконченным алтарем, Прабхупада смотрел на все это не глазами дизайнера. «Хорошее представление» состояло в том, что ученики в Бостоне целиком заняты в сознании Кришны. Они служили Кришне, и это было самое главное. Все материальное обретает ценность, если к нему добавить сознание Кришны.

Когда Прадьюмне пришлось лечь в больницу на операцию по поводу грыжи, Сатсварупа не знал, где взять деньги на лечение. Родители Прадьюмны платить отказались, и, не зная, к кому обратиться, Сатсварупа написал Прабхупаде, спрашивая, не мог бы тот оплатить счет. Подобно беспомощному ребенку, который в страхе перед миром всегда обращается к своим заботливым родителям, Сатсварупа верил, что Свамиджи все знает и все может решить. И, кроме того, никому

больше не было дела ни до Прадьюмны, ни до того, как именно Бостонский центр сознания Кришны оплатит больничный счет в пятьсот долларов. Сатсварупа решил, что если Свамиджи сочтет просьбу о деньгах неподобающей, то сам скажет об этом.

Шрила Прабхупада счел этот больничный счет источником беспокойств. С какой стати он должен пекся обо всех делах в десяти разных храмах по всему миру? Заверив Сатсварупу, что пошлет, если необходимо, деньги на лечение, Прабхупада все же посоветовал своим ученикам учредить для решения подобных вопросов руководящий совет. Его растущая организация должна иметь хорошую систему самоуправления и не зависеть целиком и полностью от него. Он должен исполнять обязанности, подходящие духовному учителю, а не быть одновременно казначеем, председателем, специалистом по улаживанию конфликтов и консультантом по каждой проблеме каждого преданного в каждом центре. Однако пока что было именно так. Число учеников росло, и они обращались к нему за советом по каждому поводу, будь то лечение, брак, финансовая поддержка, или духовное знание. Прабхупада сказал, что от этого у него болит голова.

Операция Прадьюмны прошла успешно, и Прабхупада поздравил его письмом.

Я буду рад услышать о твоих успехах, и меня тревожит, что боль еще не прошла. Я рад, что ты получаешь хорошее медицинское обслуживание, и тебе не приходится ходить по лестницам. Это очень хорошо.

Времени до приезда Прабхупады оставалось все меньше, и Сатсварупа, Прадьюмна и Джадурани готовили для него жилье. Когда они написали ему в Нью-Йорк, честно рассказав о том, что удалось найти, и спрашивая, устроят ли его такие условия, он ответил, что совсем не прочь прогуляться девять кварталов от магазинчика до дома при условии, что там нет холмов. И был вовсе не против того, чтобы в той же квартире жили преданные, но попросил выделить ему отдельную, тихую комнату. Что касается лекций в колледже, то не важно, много людей соберется или мало, – он «готов служить». «Вероятно, вы готовите хорошие программы, – написал он. – Многие придут в храм послушать меня. В таком случае я просто обязан приехать».

1 мая 1968 года

Джадурани первой встретила Прабхупаду в бостонском аэропорту; она шагнула из толпы, держа в руках цветочную гирлянду для своего духовного учителя. Когда они возвращались в храм на такси, Прабхупада спросил Джадурани про картины. Она пожаловалась, что во время подготовки к его приезду ей пришлось шить накидку для алтаря, развешивать шторы, а еще – делать плакаты и расклеивать их по всему городу, поскольку остальные преданные занимались своими делами. Поэтому она не могла заниматься тем, что было ее истинным служением – рисовать.

– Не переживай, – утешил ее Прабхупада, – я ненадолго.

Такси остановилось у дома на Честер-стрит, где должен был жить Прабхупада. Это было двухэтажное здание; квартира Прабхупады находилась на первом этаже. Наверху жили студенты Бостонского университета, которые на время визита свами согласились включать свою музыку потише, чем обычно; возле дома были припаркованы их мотоциклы. Медленно поднявшись по деревянной лестнице и перейдя через веранду, Прабхупада вошел в квартиру. На кухне он застал Сатсварупу, который стоял над плитой и что-то готовил. Сатсварупа предложил ему поклон и тут же вернулся к плите, извиняясь, что не смог встретить Свамиджи в аэропорту. Три горелки были включены одновременно, и Сатсварупа казался очень счастливым, но в то же время заметно нервничал.

– Что готовишь? – поинтересовался Прабхупада.

– Сладкий рис, халаву, пури и овощи, – ответил Сатсварупа, одновременно помешивая сладкий рис и наблюдая за другими блюдами. Это больше было похоже на воскресный пир, чем на ежедневный рацион Свамиджи из риса, дала и чапати, но Сатсварупа умел готовить только это.

Прабхупада улыбнулся. Оглядев кухню, он заметил на окне плакат: «Духовный учитель Святого Имени приезжает в Бостон». На плакате была фотография Свамиджи и список программ в местных университетах. Читая его, Прабхупада просиял:

– Да вы обеспечили меня работой на целый месяц!

Затем он неторопливо вышел из кухни, оставив позади взволнованного Сатсварупу, который пытался поспешно приготовить обед так, чтоб ничего не подгорело.

Прабхупада вошел в свою комнату, сел за низенький письменный столик и откинулся на подушку.

- Почему бы вам не отдохнуть? – посоветовала Джадурани.
– Я наотдыхался в самолете, – ответил Прабхупада.
– Ну и что, – настаивала Джадурани, – вы можете отдохнуть еще.
Прабхупада слегка отвернул от нее голову и тихо произнес:
– Я живу не для того, чтобы целыми сутками отдыхать.

Прабхупада пожелал видеть Сатсварупу. Гаурасундара пошел его звать, но вскоре вернулся, сказав, что тот прийти не может, так как очень занят на кухне. Когда Прабхупаде, наконец, подали его обед, преданные попросили разрешения уйти и оставили Прабхупаду одного. Большинство преданных – включая тех, что приехали из Нью-Йорка, и нескольких гостей – не спали всю ночь, готовя квартиру к приезду Свамиджи, и теперь заснули прямо на полу в разных комнатах. Повсюду был слышен их храп. Закончив обедать, он вышел и заглянул в несколько комнат, но будить никого не стал. Он сел на диван в гостиной, и вскоре преданные сами проснулись и собрались вокруг него. Прабхупада рассказал им про Кришну во Вриндаване.

– Вриндаван, – сказал он, – это царство Радхарани. Во Вриндаване, если кто-то хочет навестить меня, – Прабхупада обернулся и заглянул в длинный коридор, посмотрев в сторону черного хода, – он кричит: «Джайя Радхе!»

Прабхупада прокричал громко, словно и был тем посетителем, ожидавшим у задней двери.

– А я ему отвечаю, – он снова посмотрел в сторону двери запасного выхода, – «Джайя Радхе!»

– Кришна очень строг, а Радхарани добра. Если женщина не бессердечна, у нее очень мягкое и доброе сердце. А Радхарани не бессердечна.

Позже Джадурани извинилась перед Свамиджи за то, что глупо жаловалась ему в машине. Он сказал: «Не переживай, я ненадолго», – но на самом деле ей хотелось, чтобы он остался здесь навсегда. Ей не хотелось, чтобы он считал себя обузой, она просто переживала, что пренебрегает служением, данным ей самим Прабхупадой. Всякий раз, когда Сатсварупа просил ее сделать что-нибудь помимо рисования, она не знала, чему отдать предпочтение. Прабхупада терпеливо выслушал ее, прекрасно понимая суть вопроса.

– Прямой наказ духовного учителя, – сказал он, – самое важное для ученика дело, если это не касается чрезвычайных обстоятельств.

Первая лекция Прабхупады в Бостоне проходила в Университете Северо-Востока. В полдень мощные дорожки и площадки студенческого городка были, как обычно, полны студентов. Прабхупада, в сопровождении небольшой группы учеников, степенно шел сквозь многотысячную толпу.

У входа в один из главных корпусов стояла огромная бронзовая статуя лайки – символ Северо-Востока. Прабхупада удивился. Некоторые из старших учеников знали, что Свамиджи посмеивается над привязанностью американцев к своим собакам. Поскольку сейчас люди не интересуются Богом, говорил он, они стали преданны собакам. Вместо поклонения БОГу, материалисты восхищаются ДОГом и считают его лучшим другом человека. Некоторые из учеников рассказывали Прабхупаде странные истории о том, как балуют американцы своих собак: балуют до такой степени, что порой усаживают их рядом с собой за обеденный стол или завещают им свое имущество. Прабхупада приостановился и молчаливо поглядел на почти божественно величественную скульптуру собаки, подвергнув безмолвной критике западные ценности.

В небольшой университетской часовне собралось около двухсот студентов и несколько преподавателей. Пока Прабхупада, скрестив ноги, сидел на столе, накрытом тканью, Сатсварупа вел киртан, играя на барабане с одной мембраной.

После киртана Прабхупада наклонился к микрофону:

– Спасибо вам за предоставленную мне возможность прославить Верховную Личность Бога, – и стал читать лекцию о трех аспектах Абсолютной Истины, которые сравнил с тремя составляющими солнца: солнечным светом, солнечным шаром и богом солнца. Хотя Абсолютная Истина одна, некоторые воспринимают Его как некий безличный, всепроникающий свет; некоторые – как локализованную Сверхдушу в сердце всех живых существ; а некоторые видят в Нем Бхагавана, Верховную Божественную Личность. Речь Прабхупады была очень философской.

Сделав отступление, Прабхупада погрузился в описание солнца. Он сказал, что на солнце живет управляющее им божество, Вивасван.

– Вы не можете в это не верить, – сказал Прабхупада, и привел стих из «Махабхараты», в котором говорилось, что тела существ, обитающих на солнце, состоят из огня.

Так же как тела некоторых живых существ приспособлены к жизни в воде, есть живые существа, которые способны жить в огне.

Огромная полуденная аудитория вежливо слушала. Свою короткую лекцию Прабхупада завершил объяснением, что Бог, Высшее Существо – источник материальной (внешней) и духовной (внутренней) энергий, а мы, живые существа, несмотря на свою духовную природу, занимаем пограничное положение; все мы в этом мире покрыты внешней энергией. Молитва «Харе Кришна» значит: «О, мой дорогой Господь, я вечно остаюсь твоей неотъемлемой частью, но, так или иначе, я опустился в невежество материальной энергии. Прошу тебя, возвысь меня до запредельной энергии духа».

Хотя Прабхупада пригласил слушателей задержаться после выступления, чтобы поговорить с его учениками, когда прозвенел звонок, лекция мгновенно закончилась, и большинство студентов сразу же вышли из часовни, чтобы освободить помещение для следующей группы. Университет был похож на фабрику: лекция закончилась, и Свамиджи с учениками вынужден был уйти.

Когда Прабхупада шел по залу, к нему подошла жена одного из администраторов колледжа. Она шла рядом, рассыпаясь в благодарностях, и уверяла его, что все в университете очень рады его визиту. Она прошла с ним до двери и в конце пожала ему руку. Повернувшись к Сатсварупе, она воскликнула, что все прошло просто прекрасно, Свамиджи выступил превосходно, и она вышлет ему по почте сто долларов гонорара. Возбужденные успехом, преданные проводили Прабхупаду до машины. Возвращаясь на машине домой, Прабхупада согласился, что программа и впрямь удалась.

Программа в просторной капелле Марша, принадлежащей Бостонскому Университету, была немногочисленна. Тысячи студентов ехали в трамваях, сидели в закусочных и заполняли большие серые здания, протянувшиеся на много кварталов по обе стороны проспекта Содружества, однако всего лишь несколько человек пришли в капеллу послушать Свамиджи. От обиды и смущения преданные не знали, куда себя деть, и винили в этом Сатсварупу. Даже на программы в городских залах, где Прабхупаде приходилось сидеть на слишком высоком и шатком столе, почти никто не приходил.

Тем не менее, Прабхупада решительно провел полную программу, включая вводный киртан, который длился около часа. Он попросил Брахмананду, который приехал из Нью-Йорка, выступить с вступительной речью. Затем заговорил сам Прабхупада. Его голос, усиленный динамиками, с гулом разносился по пустой, похожей на пещеру капелле.

После лекции Прабхупада предложил задать вопросы. Один юноша, встав с места, с вызовом прокричал так, чтобы его услышали:

– Это философия адвайты?

Преданные поняли, что студент пришел сюда со своими представлениями о йоге и «адвайте».

– Вы сами-то знаете, что такое философия адвайты? – спросил Прабхупада.

– Все едино, – ответил парень. – Так же, как реки впадают в безграничный океан, все мы растворяемся в Безграничном Единстве.

Шрила Прабхупада ответил, что хотя река впадает в океан, она не остается в океане навсегда. Испаряясь, вода поднимается в небо, превращается в облака, а затем снова выпадает на землю. Утверждая, что все сливается воедино, подобно тому, как впадают в океан реки, молодой человек должен принять и истинный вывод: вода вновь выпадает на землю. Подобным образом, те души, что пытаются слиться с Абсолютом, должны будут снова упасть в материальный мир. Так Прабхупада наголову разбил имперсональную идею единства, и парень молча сел на место. Других вопросов не было.

После программы, разговаривая с учениками, Прабхупада саркастически подметил:

– В наше время люди не умеют даже задать хороший вопрос. Эти имперсоналисты всегда задают один и тот же избитый вопрос о реке, впадающей в океан.

Возвращаясь в храм, некоторые преданные продолжали ворчать по поводу того, что Свамиджи пришлось ехать на программу ради нескольких человек. Брахмананда предупредил Сатсварупу, что будет лучше, если следующая программа будет не такой, как эта.

Прабхупада хорошо знал о мировой славе Массачусетского технологического института в Кембридже. Туда ездили учиться многие индийцы. Собственно, индийская община и выступила инициатором лекции Прабхупады. Когда вечером Прабхупада прибыл на место, в устланной

коврами роскошной студенческой гостиной его ожидали более ста человек. Некоторые из студентов сидели на полу, другие – на расставленных тут и там кожаных диванах и креслах.

Хотя время лекции уже наступило, преданные со всем необходимым еще не подъехали. Не было гирлянды для Прабхупады, не было картины с Кришной, не было плаката с маха-мантрой... Аудитория ждала.

Взволнованный, Сатсварупа спросил Прабхупаду:

– Вы можете начать без картины?

Взглянув на большое важное собрание, Шрила Прабхупада сказал лишь:

– Ладно, начнем без картины.

Он сел на простое деревянное возвышение, и поскольку музыкальные инструменты еще не прибыли, он попросил одного из преданных поставить пластинку с пением «Харе Кришна». Хлопая в такт, Прабхупада сидел и слушал.

Прабхупада говорил смело, бросая вызов самим принципам, лежащим в основе МТИ. Где в этом огромном университете, спросил он, факультет по изучению технологии души, где изучают принцип, отличающий живое тело от мертвого, тот животворный элемент, без которого тело умирает? Где та наука, что изучает этот наиважнейший элемент жизни? Хотя ученые считают жизнь всего лишь результатом химических реакций или электрических импульсов, утверждал он, тем не менее, они не способны соединить эти элементы так, чтобы получить жизнь. Почему? В этом университете нет кафедры, которая ответила бы на этот вопрос, и потому люди прозябают в невежестве. Они ничего не знают ни о душе, ни о следующей жизни, ни о том, что цель человеческой жизни выше удовлетворения животных потребностей. Однако наука эта изложена в «Бхагавад-гите».

После лекции было много вопросов.

– Каково символическое значение объекта на сцене, что стоит за вами? – спросил один студент.

Прабхупада обернулся и увидел позади себя пустую U-образную металлическую подставку, предоставленную вахтером и предназначавшуюся для картины с Кришной, которая так и не прибыла.

– Это? – Прабхупада нахмурился. – Я не знаю, что это такое. Это какой-то технологический символ.

Другой студент спросил:

– Почему вы носите на лбу этот знак?

– А почему вы носите на шее галстук? – парировал Прабхупада, раздраженный вопросом.

Студент сел, разглядывая свой галстук, а Прабхупада объяснил, что вопросы о том, почему люди одеваются так, а не иначе, банальны, особенно учитывая серьезность обсуждаемой темы.

Когда закончилось время вопросов, Сатсварупа встал и произнес несколько фраз, приглашая студентов посетить другие университетские лекции Шрилы Прабхупады или придти на его лекцию в храм.

– Куда бы ни шел святой человек, – сказал Сатсварупа, – это место становится тиртхой, святым местом. И сейчас, на протяжении всего мая, Бостон превратился в тиртху, поэтому, пожалуйста, воспользуйтесь этой возможностью.

На выходе Шрилу Прабхупаду и его учеников окружили несколько индийских преподавателей и студентов. Они засыпали его вопросами, подвергая сомнению его идеи. Один студент, стоящий на позициях монизма, высказал мнение, что высочайшее выражение Абсолютной Истины – «все едино». Прабхупада попытался донести до него, что идея единства в чистом виде рудиментарна, поскольку из этого «единства» исходит такое множество разнообразных проявлений. Но студент не желал признать своего поражения, и Прабхупада стал возбужденно с ним спорить. Взяв студента за воротничок рубашки, Прабхупада прокричал:

– Вы говорите, что все едино! Но неужели между этой хлопчатобумажной рубашкой и простой хлопковой ватой нет разницы? Почему бы вам тогда не носить вату вместо рубашки?

Обеспокоенные ученики смотрели на то, как, окружив их духовного учителя, индийские технологи полемизируют с ним на повышенных тонах. Говинда-даси предупредила преданных о здоровье Свамиджи, и Брахмананда и другие прожигали взглядами заносчивых индийцев. Не подобает так разговаривать с садху.

Тем временем один преданный сообщил, что машина Прабхупады сломалась, и кто-то побежал на улицу ловить такси. Спор продолжался. Когда, наконец, подъехало такси, несколько учеников, пробившись сквозь кольцо спорщиков, стали настаивать:

– Свамиджи, пожалуйста, такси ждет! Машина не может больше ждать! Вам нужно идти!

Они вывели своего духовного учителя из толпы препирающихся технологов. По мнению Прабхупады, вечер прошел с успехом.

Те, кто видел, как мало людей пришло на лекцию Прабхупады в Бостонском университете, боялись, что то же может повториться и в Гарвардской богословской школе. Поэтому Свамиджи посоветовали подождать в своей квартире, а они тем временем наведутся в лекционный зал, чтобы посмотреть, сколько пришло народу. Когда преданные убедились, что аудитория достаточно многочисленна, один из них позвонил Сатсварупе, чтобы тот привез Свамиджи. Тем временем в зале Джозеф Мэтьюз, аспирант кафедры вайшнавизма, обратился к аудитории, описывая с мирской, академической точки зрения историю движения Чайтаньи.

Прабхупада, прибыв на полчаса позже, чем планировалось, провел киртан и начал свою речь. Он прославил студентов Гарварда, назвав их счастливыми. Он сказал, что согласно Ведическим Писаниям, рождение в благородной семье, хорошее образование, красота и богатство являются четырьмя основными материальными достоинствами, и в сравнении с другими жителями планеты, студенты Гарварда обладают этим всем. Однако если они смогут увеличить свою удачу, добавив сознание Кришны, то достигнут совершенства. Например, золото, несомненно, очень ценно. Но если бы золото обладало приятным запахом, то ценилось бы куда больше. Подобным образом, если эти люди, родившиеся под счастливой звездой, смогут добавить к своей жизни духовную удачу сознания Кришны, жизнь их будет полностью успешна.

После выступления Прабхупады, г-н Мэтьюз поблагодарил его за интересную лекцию по индуистской философии... Но Прабхупада тут же его перебил:

– На самом деле, мы не индуисты, – и объяснил универсальность сознания Кришны.

После лекции к Свамиджи подошли несколько заинтересовавшихся студентов. Один из них, изучающий санскрит, спросил:

– Как можно ожидать от брахмачари понимания «Гита-говинды», ведь в ней столько описаний любовных отношений между мужчиной и женщиной?

Шрила Прабхупада ответил:

– Только брахмачари может понять «Гита-говинду», поскольку она говорит не о мирской сексуальности. Это высочайшая духовная практика Радхи и Кришны.

Прабхупада остался очень доволен лекцией в Гарварде. На следующее утро Сатсварупа зашел к нему с пришедшим из Гарварда чеком на 125 долларов.

– Вчерашняя вечерняя программа прошла очень хорошо, – сказал Прабхупада.

Но преданным, сопровождавшим духовного учителя с одной программы на другую, казалось, что настоящей аудиторией, к которой обращался Прабхупада, были они сами. Он приехал в Бостон скорее для них, чем для тех двухсот студентов, что еле высидели до звонка в капелле «Северо-Восток» или для технологов в зале МТИ, которые после лекции разошлись по кинотеатрам и барам. Прабхупада показывал пример проповеди, и пример этот предназначался для них – тех, кто будет нести эту миссию в его отсутствие.

* * *

Прабхупада говорил о Кришне с утра до вечера. Он говорил, что хотя йоги порой дают обет молчания, чтобы избежать бессмысленных и праздных разговоров, человек, знающий Кришну, желает говорить двадцать четыре часа в сутки.

– Если вы любите Бога, вы захотите рассказывать о Нем другим. И естественным образом будете писать тома и тома книг.

Конечно, Прабхупада действительно много молчал, уединившись в своей комнате. Но «молчание» его тоже было в сознании Кришны. Иногда Говинда-даси украдкой заглядывала в его комнату и видела, как Прабхупада читает санскритские комментарии к «Бхагаватам», повторяет на четках джапу или дремлет после обеда за письменным столом. Иногда он пел стихи из «Чайтанья-чаритамриты» или ходил по квартире, опустив руку в мешочек для четок, повторяя про себя мантру и одновременно наблюдая за своими помощниками.

Говинда-даси: В Бостоне Свамиджи часами пел стихи из «Чайтанья-чаритамриты» или «Шримад-Бхагаватам» – просто читал их нараспев с глубоким чувством, наедине с самим собой, у

себя в комнате. Я подглядывала через замочную скважину, чтобы узнать, что он делает. Иногда я просто заходила к нему в удобный момент, чтобы узнать, не нужно ли ему чего-нибудь. Я старалась не беспокоить его – «Просто зашла узнать». Иногда я подсматривала и думала: «Кто он? Никто на самом деле не знает, кто он и откуда, и каково его величие». Особенно в Бостоне я начала явственно чувствовать, насколько это великая личность, и что моему взору открывается лишь какой-то проблеск его величия, и очень многое остается для меня непостижимым.

Любой преданный мог зайти и спросить у Свамиджи, чего бы ему хотелось на обед, или справиться у него по поводу графика поездок, или получить какой-нибудь практический совет, но когда вопрос решался, разговор неизменно переходил на философию сознания Кришны. Изъявляя свое желание отведать того или иного блюда на обед, Свамиджи мог заговорить о том, что любит есть на обед Кришна, или о том, как великие преданные вообще обходились без еды, или насколько демонична современная цивилизация, в которой убивают беззащитных коров. Любой, кто заходил в комнату Прабхупады, мог невольно оказаться в роли противника идеи существования Бога и потерпеть от Прабхупады поражение. Или Прабхупада мог заговорить – даже с учеником, зашедшим поменять перегоревшую лампочку – о своем желании когда-нибудь внедрить по всему миру варнашрама-дхарму, общественный строй сознания Кришны.

Порой какой-нибудь преданный, слушая, как глубоко Прабхупада проповедует ему одному, чувствовал себя виноватым: «Если бы вместо того, чтобы обращаться только ко мне, он переводил свои книги, тогда бы все получили благо. Нехорошо, что я так отнимаю его время». Джадурани однажды не удержалась:

– Свамиджи, может вам следует поберечь силы для перевода?

– Если ты любишь кого-то, – ответил Прабхупада, закинув голову назад и глядя на Джадурани, – тебе нравится его слушать.

Однако чаще всего, оказавшись в комнате Прабхупады, преданные не выходили оттуда до тех пор, пока не появлялась Говинда-даси, делая недвусмысленные намеки или указывая на свои часы и подавая сигналы из дверей. Преданные отнимали у Прабхупады столько времени, что Гаурасундара и Говинда-даси жаловались на это Сатсварупе. В Бостоне Свамиджи не дают покоя больше, чем где-либо еще, говорили они, и он практически не занимается переводами. Опасаясь, что Бостон может стать для Свамиджи «неудобным» городом, Сатсварупа согласился ограничить доступ преданных в комнату Прабхупады. Он сказал, что ученики могут сопровождать Прабхупаду на прогулке, но не должны ходить за ним в дом.

Сатсварупа: Следующим утром все преданные послушно остановились у крыльца; Свамиджи поднимался по лестнице один. Поднявшись наверх, он повернулся, и, увидев, что мы все стоим внизу, махнул нам рукой:

– Идемте!

Все тут же бросились наверх и зашли в его комнату вместе с ним.

Чувствуя себя виноватым за то, что мы отнимаем его время, я попытался закончить разговор в комнате. Коснувшись головой пола в поклоне и намекая, что пока уходить, я объявил Шриле Прабхупаде:

– Позвольте вас покинуть, чтобы не мешать вам работать.

Но Свамиджи тут же сделал мне выговор за самонадеянность. Он сказал:

– Ты думаешь, что сейчас я не работаю? Думаешь, это не работа? Ты не знаешь, в чем состоит моя работа. Это тоже работа, – и продолжил разговор.

Шрила Прабхупада говорил, чтобы устранить невежество любого, кто слушал его – будь то многотысячная толпа или один-единственный ученик. Хотя обращаться он предпочитал к молодому поколению – старое было трудно в чем-то убедить – число слушателей не играло для него особой роли. После первой встречи в храме, на которую гостей пришло очень мало, Прабхупада сказал, что это не значит, что он не должен говорить. Он привел в пример Калькуттский университет, в котором занятия не отменили, несмотря на то, что на один курс поступили только два студента, а на другой – один. И это, сказал Шрила Прабхупада, должно быть правилом духовного образования; если даже один человек получит его, он сможет принести благо многим.

Однажды рано утром, когда Шрила Прабхупада вместе с Сатсварупой и Гаурасундарой прогуливались в окрестностях Олстона, Сатсварупа рассказал, что в церкви на Арлингтон-стрит, где вскоре предстояло выступить и Прабхупаде, недавно прочитал лекцию один известный свами.

– О чем он говорил? – спросил Прабхупада.

Сатсварупа пересказал то, что слышал от других: свами называл себя Богом. Прабхупада тут же начал выдвигать свои аргументы, камня на камне не оставляя от ложных притязаний этого свами.

– Они называют себя Богом, но их Бог – дог, – начал он.

Сатсварупа с Гаурасундарой шли рядом, иногда приподнимая низкую ветку дерева, а иногда, на перекрестке, глядя за Прабхупаду по сторонам. Но внимание их главным образом было сосредоточено на словах Прабхупады. Сатсварупа понимал: Свамиджи не жалеет сил на то, чтобы обучить его опровергать такие аргументы. Он старался запомнить каждое слово таким, каким оно исходило из уст Свамиджи.

– Если все – боги, – продолжал Прабхупада, – тогда почему люди по всему миру поклоняются Богу в храмах и церквях? И почему эти «боги» пинают друг друга ногами? Знают ли они, кто такой Бог, если именуют Богом себя? Есть ли у них представление о том, кто такой Бог? Бог – правитель. Разве они управляют вселенной? Задайте им эти вопросы. Разве они всемогущи и всеведущи? Это качества Бога. Если вы Бог, знаете ли вы, о чем я думаю? – а ведь Бог всеведущ. Нельзя позволять им такое говорить. Нужно пресекать их болтовню такими вопросами.

Прабхупада акцентировал свои слова неожиданными остановками. Он был рассержен. Казалось, он обвиняет своих учеников в том, что те позволили заявить такую глупость – «Я Бог». Почему они не остановили этих негодяев? Он посмотрел на них, и глаза его вспыхнули. Разве не встречались они с вызовами атеистов? Разумеется, встречались. Они должны были спорить с ними. И именно такие аргументы им следует использовать. Они не должны сомневаться.

– Мы понимаем, что Бог огромен, – продолжал Прабхупада. – Мы подобны ему в качественном отношении, но мы бесконечно малы. Если они – Бог, тогда как они могли докатиться до такой собачьей жизни? Вы можете быть богом, но в настоящий момент вы не бог. Они согласятся, что пока еще они не бог, но станут Им в будущем. Но что это за бог? И как это они попали под влияние иллюзии? Это значит, что иллюзия сильнее Бога – раз они попали под ее влияние. Это значит, что их бог – это майя, иными словами – это не бог. Они могут мнить себя богом, но они не парам брахман, верховный Бог. У нас есть определение Бога – Он всемогущ. Этот свами не всемогущ. Если какой-то бродяга пристанет к нему на улице, ему не избежать трепки. А если у него заболят зубы, то от «бога» не останется и следа. Бог бесконечно богат. Этот свами выпрашивает деньги. И это Бог? Бог знает все. А эти люди даже не обладают разумом. Преданность Кришне – это проявление разума. Они колошматят друг друга, они обусловлены! И при этом говорят, что они – Бог! Им нужно задать эти вопросы. Они не смогут на них ответить.

Прабхупада продолжил свой путь, проходя мимо автосалонов, еще не открывшихся закусочных и автобусных остановок, где стояли толпы рабочих и таращились на пожилого Свами и его молодых учеников.

– Преданным, – сказал Прабхупада, – больше нравится говорить о Кришне и петь Его имя, чем спорить. Но поскольку столько безбожных организаций бросают им вызов, вайшнав должен уметь отстоять свою позицию, опираясь на шастры и трезвую логику.

* * *

Однажды вечером к Прабхупаде на квартиру зашел г-н Мэтьюз, аспирант Гарварда с кафедры вайшнавизма. Прабхупада объяснял, что если человек интересуется Абсолютом, а не временными вещами, он должен обратиться к гуру. Г-н Мэтьюз спросил, обязательна ли санньяса.

Согласно «Бхагавад-гите», ответил Прабхупада, санньяси – это тот, кто посвятил всего себя служению Кришне. Одежда и социальный статус не играют большой роли. В ответ на замысловатые вопросы г-на Мэтьюза о нынешнем положении духовных учителей в Индии Шрила Прабхупада сказал, что настоящий духовный учитель должен стоять в ученической преемственности и строго следовать принципам, регламентирующим поведение вайшнава. Современная индийская традиция семейного гуру – глупость. Гуру – не собственность и не комнатная собачка или кошечка.

Г-н Мэтьюз пытался показать, что Прабхупада не единственный духовный учитель, и в таких местах как Вриндаван есть много чистых преданных, которые не путешествуют с проповедью, но проповедуют всякому, кто к ним приходит.

– Господь Чайтанья, – сказал Шрила Прабхупада, – велел идти и проповедовать сознание Кришны. А не так, что я буду жить во Вриндаване, и, если кто-нибудь придет ко мне, я буду его учить. Мы должны сами идти к людям. Таков наказ Чайтаньи Махапрабху. Он наш господин. Мы

не служим кому попало. Мы служим Кришне и никому другому: «Я слуга Кришны». А лучшее положение для проповеди – это санньяса, потому что санньяси не нужно посылать семье деньги или в определенный час возвращаться к жене. Вся жизнь его посвящена Кришне. Это замечательное положение для проповеди. Одежда не так важна.

Г-н Мэтьюз не соглашался с тем, что духовный учитель непременно должен быть санньяси либо отрешенным проповедником, но через час вдруг посмотрел на часы и забеспокоился:

– О, боже! Я опаздываю! Ко мне должны прийти гости, и моя жена готовит для них обед. Я должен идти.

– Видите? – сказал Прабхупада. – Вот и подтверждение моим словам.

* * *

В конце мая Прабхупада провел публичную лекцию в церкви на Арлингтон-стрит – известном историческом сооружении в центре Бостона. На лекцию собралось немало народу; там было много как прилично одетых представителей старшего поколения, так и молодежи. Шрила Прабхупада говорил о йоге – о том, как объясняет ее Господь Кришна в «Бхагавад-гите». Прабхупада подчеркнул, что Кришна передал знание йоги именно Арджуне.

Почему именно ему? Арджуна, объяснил Прабхупада, не был санньяси. Он был семейным человеком. Он не был ученым. В то время жило много великих ученых. Он же не был ни хатха-йогом, ни даже брахманом. Тогда почему был избран именно он?

– Бхакто ‘си ме! – прокричал вдруг в микрофон Прабхупада, – бхакто ‘си ме сакха чети. Потому что ты – Мой преданный!

В конце Прабхупада оставил время для вопросов.

– В йоге есть разные уровни, – спросил кто-то. – Можно ли двигаться вверх, начав с любого уровня?

– Вы можете двигаться вверх шаг за шагом – выбор за вами. Но бхакти-йога позволяет сразу же достичь цели жизни. «Тот, кто в сердце своем всегда думает обо Мне и служит мне с верой и преданностью – самый совершенный из всех йогов». «Йога» значит связь с Верховной Личностью Бога. Если какой-либо путь позволяет вам сразу же обрести эту связь, тогда это наилучший путь. Почему не попробовать идти по нему? Попробуйте повторять «Харе Кришна». Попробуйте этот метод.

– А что появляется сначала – преданность или осознание?

Прабхупада: Сначала преданность, потом осознание. Если вы не прилагаете усилий в подготовке к экзамену, то как вы его сдадите? Главное правило – повторять Святое Имя. Смотрите. Сначала у нас есть немного веры, немного уважения. Мы думаем: «Дай-ка посмотрю, что это за сознание Кришны такое». Если нам нравится, мы приходим снова и общаемся. Эти юноши вначале не принимали этот путь, но они приходили и духовно росли. Другим это кажется скучным. Но эти юноши очистились и обрели вкус. Они уже не могут оставить этот путь. Они чувствуют духовное счастье. Развитие любви к Богу – путь постепенный.

На следующее утро к Шриле Прабхупаде пришли трое учеников Свами Сатчидананды. Сопровождая его на утренней прогулке, они задали ему много вопросов.

Они были молоды, как и ученики Прабхупады. Один из них был парикмахером, по имени Боб. «Если они уже являются учениками какого-то гуру, – думал Сатсварупа, – почему они так интересуются методом другого гуру?»

Боб спросил:

– Разве вам не нужно практиковать хатха-йогу, чтобы очистить тело, дабы в конечном итоге очистить высшее «я» внутри?

– Очистите ум и разум, – ответил Прабхупада, – тогда и тело очистится само собой. Хатха-йога предназначена для людей с материалистическим, телесным мировоззрением. Во Второй главе «Бхагавад-гиты» Кришна говорит, что мудрый человек не придает большого значения телу. Хатха-йог сосредотачивается главным образом на теле. Он хочет полюбить Кришну при помощи физических упражнений. Если бы это было возможно, тогда бы все борцы и атлеты обрели любовь к Кришне. Метод Господа Чайтаньи начинается с очищения ума, что приводит и к очищению тела.

Молодой йог: А как быть с половым желанием? Я стремлюсь к духовности, но у меня такое сильное желание секса!

Прабхупада: Но ведь хатха-йога помогает обуздывать половое желание! Если оно у тебя все еще есть, значит, ты стоишь на месте.

Молодой йог: А как преданные Кришны обуздывают половое желание?

Прабхупада: Естественным образом. Кришна так прекрасен! За долгое время у нас вырабатывается эта привычка [к сексу]. Стань искренним и Кришна тебя защитит.

Молодой йог: Иногда я чувствую сексуальное возбуждение...

Прабхупада: Ты? Да не только ты! Все! Секс – эта связующая сила – присуща и птицам, и зверям, и полубогам. Материальная жизнь подразумевает сексуальное желание. Свобода от полового желания подразумевает развитие желания духовного. Если чувствуешь сильное сексуальное возбуждение, молись Кришне. Знай, это нападки майи. Молись, и майя уйдет. Ты не можешь бороться с майей собственными силами. Майя притворяется более привлекательной, чем Кришна. Но на самом деле более привлекателен все-таки Кришна.

Молодой йог: Через какое время вы можете дать мне посвящение?

Прабхупада: Первое посвящение – это понимание философии. После года слушания лекций можно получить посвящение.

Молодой йог: Как отличить святого в сознании Кришны от обычного святого?

Прабхупада: Он всегда думает о Кришне. Он ни минуты не проводит без мыслей о Кришне.

Молодой йог: Может ли майя обрести власть над очень бескорыстным человеком, даже если тот не принимает Кришну?

Прабхупада: Да, майя всегда властвует над вами. Пока вы не предадитесь Кришне, майя так или иначе будет вами повелевать. Бог говорит: «Я здесь». Но вы говорите, что Бог где-то в другом месте. Вы ищете Бога, и при этом не видите Его, когда Он предстает перед вами. Значит вы в майе. Почему вы не считаете Кришну Богом?

Молодой йог: Какова природа преданного? Всегда ли он испытывает духовное счастье?

Прабхупада: Да, всегда. Он всегда чувствует разлуку: «Я не смог послужить Кришне!» И это хорошо.

Молодой йог: Говорится ли где-нибудь в Писаниях, что если не поклоняешься Кришне, то вынужден будешь снова вернуться в материальный мир? Действительно ли Писания говорят об этом?

Прабхупада: Да, да: арухья криччхрена парам падам татах патантй адхо 'надрита-юшмад-ангхраях. «Пренебрегая Твоими лотосными стопами, он вынужден вернуться вновь». «Стопы» указывают на то, что Он – личность.

Молодым йогам понравилось учение Прабхупады, и они начали вести себя как его последователи: посещать его киртаны и лекции и кланяться ему.

Однажды после утренней прогулки Прабхупада в сопровождении нескольких своих учеников и йогов вернулся в комнату. Заметив, что во время беседы его секретарь, Гаурасундара, отсутствовал, Прабхупада позвал его. Тот подошел к двери и Прабхупада спросил, почему тот не приходит послушать. Гаурасундара объяснил, что занят работой в другой комнате.

– Ты думаешь, эти встречи только для новичков? – сердито спросил Прабхупада. – Тебе нет нужды слушать? Думаешь, ты уже такой продвинутый? Это не хорошо. Ты всегда должен слушать, когда говорит твой духовный учитель.

Через несколько дней хатха-йоги прекратили свои визиты.

– Они казались такими преданными, – сказал Прабхупада. – Один даже помогал мне надевать обувь.

Прабхупада продолжал три раза в неделю читать по вечерам в магазинчике лекции. В своей шапочке свами, со свисающими завязками, он был похож на бывшего авиатора. Войдя в комнату, он окидывал ее взглядом, чтобы посмотреть, кто присутствует, проходил вперед к алтарю, кланялся изображению Кришны и поднимался на возвышение, чтобы прочитать лекцию.

Однажды вечером Прабхупада кланялся перед алтарем, а перед тем, как встать, стоя на четвереньках, стал пристально разглядывать картину, которую кто-то из преданных недавно поставил на алтарь. Картина изображала молодую женщину, передающую маленького Кришну Его отцу Васудеве; и Васудева, и женщина стояли в реке. Преданные понятия не имели, что означает эта сцена и кто эта женщина, поэтому один из них спросил об этом Прабхупаду.

Стоя на четвереньках, вместе с пятью-шестью преданными в той же позе, Прабхупада рассказал им эту историю. Когда отец Кришны, Васудева, переносил Его через Ямуну, Тот упал в воду. В сильном беспокойстве Васудева стал искать сына в воде. Тогда из воды поднялась богиня реки Ямуны (молодая женщина на картине) и передала Кришну Васудеве, сказав: «Я лишь хотела немного поиграть с ним».

Однажды вечером, после лекции, когда Прабхупада сидел и общался с учениками, Говинда-даси протянула ему рекламу, разработанную Рая-Рамой для журнала «Обратно к Богу». На рекламном листке было несколько фотографий Прабхупады и заголовок: «Этот человек изменил мировую историю». Преданные с гордостью смотрели на рекламу, считая ее выполненной по последнему слову графики и рекламного дела. Однако Прабхупада, взяв листок в руку, ничего не говорил. Наконец, кто-то спросил, что он думает по этому поводу, и Прабхупада ответил:

– Никуда не годится. Назвать духовного учителя «человеком» – значит выразить неуважение.

Это свидетельствует о состоянии сознания ученика, объяснил он. Нахмурившись, он вернул преданным рекламный листок.

В один из вечеров, мешая Прабхупаде говорить, в окно несколько раз стучали и кричали уличные дети. Спустя какое-то время Прабхупада покачал головой и сказал, что дети эти невоспитанны, а виновато в этом современное общество.

– Но детей называют «божьим народцем», – возразил один мужчина.

– То есть? – удивился Прабхупада.

– Подразумевается, что дети божественны.

Прабхупада посмотрел на мужчину.

– Подразумевается, – сухо сказал он. – Ну и хорошо.

Однажды вечером после лекции Прабхупада осматривал маленький магазинчик. Он заметил, что его отличительной чертой было обилие картин Джадурани, и с удовольствием рассматривал каждую.

Спустившись в подвал и увидев, в каких спартанских условиях живут преданные (за что некоторые их критиковали), Прабхупада не проявил никакого беспокойства по этому поводу. Он осмотрел систему отопления и поинтересовался, исправна ли она. В маленьком здании показывать было особо нечего, и Прабхупада осмотрел все за несколько минут. Тем не менее, преданным этот короткий обход Прабхупады дал понять, что они не зря прилагали усилия: ведь это – центр Кришны, а они – Его преданные!

* * *

Для многих стало сюрпризом, когда однажды Прабхупада сказал, что даст некоторым из учеников вторую инициацию, посвящение в брахманы; тем, кто был посвящен более года назад, он даст мантру Гаятри и священный шнур. Преданные захотели узнать об этом подробнее, и Прабхупада ответил, что обо всем расскажет на самой церемонии. Церемония, – сказал он, – будет проходить в храме; там будет разожжен священный огонь – так же как при любом другом посвящении. В качестве почетного гостя был приглашен г-н Мэтьюз из Гарварда.

В день посвящения все столпились в храмовой комнате вокруг земляной насыпи, где вскоре предстояло зажечь священный огонь. Шесть юношей, которых Шрила Прабхупада избрал для брахманского посвящения, заняли свои места.

Вошел Прабхупада. Заняв свое место на подушке на полу, прямо перед холмиком, он начал рассказывать о том, как его духовный учитель, Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, ввел традицию посвящать в брахманы учеников, не рожденных в брахманских семьях. Он сказал, что в Ведических писаниях содержится множество свидетельств тому, что, общаясь с чистыми преданными, любой человек может стать брахманом. На самом деле, Писания говорят, что если человек, родившийся в семье брахмана, не ведет себя как брахман, его не следует считать брахманом. Поэтому сейчас, следуя своему духовному учителю и Ведическим писаниям, Шрила Прабхупада намеревался посвятить своих учеников в брахманы.

Назвав м-ра Мэтьюза «профессором Мэтьюзом», Прабхупада спросил, есть ли у того какие-либо вопросы по процедуре. М-р Мэтьюз рассмеялся и сказал, что он еще не профессор. Он спросил, является ли мантра Гаятри более важной, чем мантра «Харе Кришна». Прабхупада ответил, что мантры «Харе Кришна» вполне достаточно, чтобы вернуть ученика к Богу; однако мантра Гаятри усиливает у ученика сознание Кришны.

М-р Мэтьюз: Дают ли ученики какие-либо новые обеты, соблюдение поста, например?

Прабхупада: Нет, новых обетов нет. Что касается поста... Как правило, люди постятся, потому что всю неделю едят что попало. Поэтому они на один день воздерживаются от пищи, чтобы очиститься. Но преданные всегда едят прасад Кришны, священную пищу. Поэтому даже когда они едят, это считается постом.

Во время церемонии юноши с обнаженным торсом один за другим садились возле Шрилы Прабхупады, и он надевал им через плечо белый шнур и показывал, как отсчитывать на пальцах мантры.

Пока горел жертвенный огонь, и преданные хором пели мантры и бросали в огонь зерна, в храмовую комнату неожиданно ввалилась пьяная жена домовладельца. Женщина среднего возраста, взлохмаченная, нелепая алкоголичка – пошатываясь, она стояла в дверном проеме. Войдя в комнату, она прокричала:

– Господи, будь проклят этот дом! – и, развернувшись, вышла, хлопнув дверью.

Прабхупада невинно поднял глаза:

– Что она сказала? Что это дом Господа?

– Она просто пьяна, – сказал Сатсварупа.

Говинда-даси не пошла на церемонию посвящения, сославшись на плохое самочувствие. На самом же деле, она была расстроена тем, что Прабхупада не даёт брахманское посвящение женщинам, хотя и ни словом не обмолвилась ему об этом. Разочарованная, она осталась на квартире Свамиджи и плакала. Однако где-то через час она решила, что своим глупым поведением она только лишает себя возможности послушать лекцию Прабхупады, поэтому быстро выскочила из дома и пробежала весь путь до храма бегом, прибыв почти к концу церемонии. Когда она вошла, Прабхупада взглянул на нее:

– О, – сказал он, – а я тут как раз подумал: «Куда же она подевалась?» – и Кришна послал тебя.

После церемонии Говинда-даси пожаловалась Джадурани, которая тоже чувствовала, что ею пренебрегли, и Прабхупада прочитал их мысли, хотя девушки не высказывали свои жалобы вслух. На следующее утро он сказал Гаурасундаре и Говинда-даси, что не видит ничего плохого в том, чтобы давать мантру Гаятри женщинам – но они не должны носить священный шнур. В тот же вечер он провел отдельную церемонию, посвятив в мантру Гаятри Говинда-даси и Джадурани.

Через несколько дней из Нью-Йорка прибыла группа преданных, и Прабхупада посвятил в брахманы и их тоже. Однажды утром, на прогулке, увидев, что к нему идет группа новоявленных брахманов, Прабхупада сказал:

– О, вот идут брахманы! Но отныне не будьте брахманами лишь по названию.

* * *

Автобус был зеленого цвета, с треснутым ветровым стеклом, без сидений и с сомнительным двигателем. Он был не зарегистрирован и не застрахован. Хамсадута, получивший его в пожертвование, планировал ездить на нем по всему миру с группой санкиртаны, которую просил организовать Прабхупада. Сидя перед Прабхупадой и группой преданных в его квартире, Хамсадута оживленно нахваливал недавно пожертвованный автобус. Прабхупада попросил его прокатить.

Рохини-кумара: Это был кошмар, а не автобус. Он находился в ужасном состоянии и оглушительно грохотал. Он мог сломаться в любую минуту. В автобусе было одно-единственное сиденье – и то – водительское, поэтому кто-то принес из дома для Свамиджи стул. Он сел впереди, как капитан корабля. Прабхупаду ужасное состояние автобуса совершенно не трогало. А мне было стыдно. Я думал: «Боже, не должен Свамиджи ездить на такой развалюхе!»

Преданные думали, что просто прокатят своего духовного учителя, но все обернулось по-другому, когда, проехав квартал, Прабхупада начал давать водителю указания:

– Езжай направо, поворачивай налево, поворачивай сюда, теперь сюда.

Двигатель временами «чихал» на ходу, и стул Прабхупады подскакивал и покачивался, несмотря на то, что несколько преданных всем своим весом налегали на его ножки. Но, следуя указаниям Прабхупады, они вскоре прибыли в порт. Прабхупада сказал, что хочет пойти на пирс Содружества, где когда-то, в сентябре 1965 года, впервые ступил на землю Америки, приплыв сюда из Индии на борту «Джаладуты». Когда Прабхупада повел ребят к пирсу Содружества, их восторгу не было границ.

– Сначала я приехал сюда, – сказал Прабхупада, прогуливаясь вдоль причала со своими учениками. – Я думал: «Не знаю, зачем я приехал сюда. Чужой язык, чужие представления. Они все стремятся к чувственному наслаждению. Ну зачем я оказался здесь?» Но сейчас у меня есть несколько ребят, и даже если меня не станет, все будет идти своим чередом.

Шагая вслед за Прабхупадой и пытаясь уловить каждое слово, преданные видели невдалеке очертания города. Одно старое здание сносили, другие – строились.

– Столько огромных зданий сносят, а затем отстраивают заново! – сказал Прабхупада. – В этом нет наслаждения – ни в строительстве, ни в разрушении. Никто не счастлив. Как маленький ребенок. Он радуется, когда ему достается игрушка и радуется, когда ее ломает. Но в этом нет настоящего счастья. Подобно юноше и девушке – они встречаются, а затем разводятся. Ни в союзе, ни в разводе нет истинного счастья. Истинное счастье в союзе с Кришной и в разводе с майей. Но именно майя является причиной всех этих беспрестанных союзов и разводов в материальном мире.

Проходя с учениками под стальным мостом, Прабхупада указал тростью наверх:

– Посмотрите, – на табличке под мостом было написано «Чистая сталь». – У них чистая сталь, а у нас – чистое преданное служение.

– А как быть, если люди не хотят слушать наше послание? – спросил Прадьюмна.

– Люди могут не понимать наше послание, но Кришна будет доволен, – ответил Прабхупада. – И в этом наша миссия. Они считали, что миссии Христа нужно положить конец. Они убили его. Но он исполнил свою миссию. Он проповедовал всего три года, но обрел столько последователей! Он удовлетворил Кришну. Мы не должны падать духом, если никто не хочет слушать о сознании Кришны. Мы будем проповедовать луне, звездам и сторонам света. Мы будем «вопиющими в пустыне», ибо Кришна находится повсюду. Мы хотим получить одобрение Кришны: «Этот человек сделал что-то для Меня». Мы не гонимся за популярностью. Если стадо ослов превозносит вас, что толку? Мы должны удовлетворить чувства Кришны при помощи своих очищенных чувств.

Целый час Прабхупада водил их вдоль непритязательного исторического причала. Наконец, он встал у автобуса, готовый ехать домой.

– Нет никакого проку в религии, – заявил он, – пока мы не поймем, что этот мир бесполезен. Он нежелателен. Таково истинное знание. И когда вы узнаете об этом, вы теряете привязанность к этому миру. И тотчас же вы утрачиваете жажду наслаждений и не сожалеете о потерянном. Но сейчас они страстно жалеют: «У меня нет подружки», а потом: «Подружка от меня ушла».

Ваманадева с трудом завел двигатель, но даже тронувшись, по пути к Честер-стрит автобус несколько раз успел заглохнуть. Приехав домой, Прабхупада велел преданным продать автобус. Такие средства передвижения плохо отражаются на репутации организации. Иметь автобус хорошо, но не такой.

С согласия Прабхупады преданные запланировали его участие в ночном «Шоу Дяди Джей» на радиостанции WMEX. В одиннадцать вечера трое преданных – Сатсварупа с Прадьюмной в костюмах и галстуках, и Джадурани в сари – начали свое выступление в эфире. Прабхупада должен был присоединиться к ним в три часа ночи.

– Этим вечером передо мной в студии сидят двое симпатичных молодых людей и девушка, – начал Дядя Джей. – У них обычные американские имена – Стив, Пол и Джуди. Говорят они как обычные американцы, но если бы вы их увидели, они показались бы вам несколько странными. На лбу и носу у них какая-то белая краска...

Слушатели «Шоу Дяди Джей» начали задавать вопросы и, хотя в большинстве своем они были банальны, преданным выдалась хорошая возможность поговорить о сознании Кришны.

Наконец, около трех утра подъехал Шрила Прабхупада. Он поднялся как обычно и немедленно поехал в студию. Дядя Джей, на которого Прабхупада сразу же произвел большое впечатление, вежливо принял гостя, усадил его и попросил ответить на вопросы.

Вопрос: Я слышал, что свами нельзя переплывать море, как же вы оказались в США?

Прабхупада: Почему нет? Это суеверие. Господь Чайтанья наказал распространять эту философию по всему миру, в каждом городе и деревне. Поэтому Он не мог не знать, что мне придется пересечь океан.

Вопрос: Как вы стали свами?

Прабхупада: От каждого ожидается, что он станет свами. Допустим, человек живет сто лет. На четвертом этапе жизни ему следует отречься и целиком посвятить себя обузданию чувств. Так что в семьдесят пять лет надо стать свами.

Вопрос: Вы бросили жену?

Прабхупада: Женщину нельзя бросать. Она всегда должна зависеть от кого-то – в юности от отца, потом от мужа, потом от детей, старших сыновей. Я недавно был в Индии и виделся с сыном, но я не мог встречаться с женой.

Вопрос: Здесь это называют невыполнением долга.

Прабхупада: Нет, это делается ради духовного развития. Это не развод. Она преданная другого свами. Обычно жене не позволено становиться ученицей ее мужа-свами.

Вопрос: Вы верите в бессмертие души?

Прабхупада: Да, душа бессмертна. Бессмертие – это не вопрос веры. Это факт. Вы знаете, кем вы были в детстве и в юности...

Вопрос: Что значат слова из Библии: «Душа грешника мертва»?

Тут дядя Джей вмешался и сказал, что, поскольку вопрос касается Библии, задавший его должен спросить своего священника и не беспокоить Свами.

Но Прабхупада перебил:

– Нет, мы можем ответить на этот вопрос. Тот, кто отождествляет себя с телом, фактически совершает самоубийство. Он забывает о себе. Грешные люди забывают о своем истинном «я» и вынуждены рождаться вновь.

Вопрос: Что побудило вас принять санньясу?

Прабхупада: Рутинная работа. Человек должен стать свами. Это не хобби. Люди страдают, потому что не принимают санньясу.

Вопрос: Вы говорите, что медитация очень сложна. Как ее облегчает пение мантр?

Прабхупада: В настоящее время медитация в ее чистой форме невозможна. Чтобы делать это должным образом, человеку необходимо владеть своими чувствами, следовать правилам, практиковать сидячие позы, размышлять, рефлексировать, погружаться в мысли. Но что касается пения, то, как только вы слышите «Кришна», ум ваш тотчас же привлекается. Для этого не требуется предварительная квалификация. Любой человек в любой стране может сесть и повторять «Харе Кришна» и погрузиться в глубокую медитацию.

Дядя Джей: Так в трансцендентальной медитации Махариши нет ничего нового?

Прабхупада: Нет. Он предлагает людям наслаждаться и просит заплатить ему за это тридцать пять долларов. Но вы должны владеть чувствами, иначе как вы сможете практиковать медитацию? Вы не хотите следовать, потому что не хотите практиковать. Меня удивило, что люди в Америке и Западной Европе ловятся на эти дешевые приманки. Когда предлагают что-то стоящее, вы отказываетесь. Эти йоги никак не ограничивают своих учеников, потому что если они будут делать это, ученики перестанут приходить и платить.

Дядя Джей: Когда я был маленьким, я читал книгу о свами, которые спали на гвоздях. Вы тоже относитесь к их числу?

Прабхупада: Это просто фокус. Это не совершенство.

Дядя Джей: Когда вы говорите, что быть свами – значит владеть чувствами, имеете ли вы в виду, что если я порежу вас, вы не почувствуете боли?

Прабхупада: Это не совершенство. Вы не будете чувствовать боли, даже если просто вдохнете хлороформ – как во время операции. Усмирить чувства – значит, что если я оказался среди прекрасных женщин, я не чувствую желания секса. У меня достаточно сил, но я не хочу этого. Вот что значит по-настоящему укротить чувства.

Диалог продолжался до пяти утра.

По дороге домой Шрила Прабхупада ехал на переднем сиденье такси, рядом с водителем. Поняв, что везет необычного пассажира, водитель – который слушал «Шоу Дяди Джея» – спросил Прабхупаду:

– А вы похожи на того свами с трансцендентальной медитацией?

– Мы похожи, – ответил Прабхупада, – в том смысле, что он индуистский мудрец и я тоже. Но его метод, медитация, на самом деле очень сложен. Наш же очень легок – мы просто поем «Харе Кришна».

* * *

Всякий раз, заведя Прабхупаду, ребята с Честер-стрит кричала «Харе Кришна!» Они просто дразнились, но Прабхупаде это нравилось. Однажды, когда один из преданных попытался остановить детей, Прабхупада сказал:

– О, не надо. Они произносят «Харе Кришна». Пусть.

Он сказал, что Честер-стрит отныне нужно переименовать в «Харе Кришна-стрит».

Именно здесь, в комнате Свамиджи на «Харе Кришна-стрит», в один из дней произошло событие, после которого Свамиджи стали звать Прабхупадой. Когда Говинда-даси писала под диктовку, Прабхупада упомянул, что аффикс «джи» – не слишком уважительное обращение.

– Тогда почему мы называем вас Свами-джи? – спросила она. – Как мы должны к вам обращаться?

– Духовного учителя, – ответил Прабхупада, – обычно называют Гурудевой, Вишнупадой или Прабхупадой.

– Можно мы будем называть вас Прабхупада? – спросила она.

– Да.

И Говинда-даси рассказала об этом другим. Поначалу некоторым преданным нелегко было забыть дорогое их сердцу «Свамиджи».

– Я слышал, что мы не должны больше называть Вас «Свамиджи», – спросил однажды кто-то из преданных на утренней прогулке.

– Кто сказал? – быстро ответил Прабхупада.

– Говорят, вы сами сказали, будто это третьесортное обращение, и мы не должны вас так называть.

– Я никогда такого не говорил.

– Так мы можем называть вас «Свамиджи»?

– Да, это нормально.

Но тем не менее слово «Свамиджи» вскоре вышло из употребления, а Рая-Рама даже включил в один из номеров журнала «Назад к Богу» следующее разъяснение.

ПРАБХУПАДА

Обращением «Прабхупада» в ведических религиозных кругах выражается глубочайшее почтение. Этот титул присваивают великому святому среди святых. На самом деле, у этого слова два значения: первое – тот, у чьих стоп (пада) находят прибежище многие Прабху (что значит «господин», и так ученики гуру обращаются друг к другу); второе значение – тот, кто всегда находится подле лотосных стоп Кришны (высшего учителя). В цепи ученической преемственности, через которую сознание Кришны передается человечеству, были те, кого за великие духовные достижения называли Прабхупадой. Шрила Рупа Госвами Прабхупада исполнил волю своего духовного учителя, Шри Чайтаньи Махапрабху, и потому его и близких ему Госвами называли титулом Прабхупада. Шрила Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Тхакур исполнял волю Шрилы Бхактивиноды Тхакура, и поэтому к нему тоже обращаются как к Прабхупаде. Подобным образом, наш духовный учитель, Ом Вишнупада 108 Шри Шримад Бхактиведанта Свами Махарадж, выполнил волю Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады, принес в западный мир послание любви к Кришне и потому смиренные слуги Его Божественной Милости во всех центрах движения санкиртаны, следуя по стопам Шрилы Рупы Госвами Прабхупады, предпочли обращаться к Его Милости, нашему духовному учителю как к Прабхупаде. На что он милостиво согласился.

* * *

Следующей остановкой Прабхупады был Монреаль. Сатсварупа, Прадьюмна и Джадурани, испившие до дна чашу личного общения с духовным учителем, получали его последние личные наставления.

– По плану через два дня я вылетаю в Монреаль, – сказал Прабхупада Сатсварупе на утренней прогулке. – Ты не возражаешь?

Сатсварупе было неловко, что Прабхупада просит у него разрешения уехать. Ему было грустно. Но как удержать Прабхупаду, он не знал.

Прогуливаясь, они проходили мимо магазина игрушек, на витрине которого были выставлены пистолеты и военные корабли.

– Вот на этом мы и росли, – сказал Сатсварупа. – Но вы провели свое детство с Божествами Радха-Кришны. А мы по-прежнему переживаем последствия такой жизни?

– Да, – кивнул Прабхупада, – впечатление еще осталось.

– Прабхупада, – спросил Сатсварупа, – теперь, когда вы с нами, мы можем обращаться к вам за наставлениями. Но в будущем, когда вас не будет, как сможем мы получать ваши указания?

– Имя Кришны не отлично от Кришны. Понимаешь?

– Да, – ответил Сатсварупа, но чувствовал, что его понимание остается на уровне теории.

Он знал, что ему придется глубже обдумать ответ Прабхупады. Прабхупада намекал на то, что Сам Кришна присутствует в звуках маха-мантры, и ученик, по милости духовного учителя, может получать указания от Него лично.

Насчет Джадурани не было никаких сомнений – она продолжит рисовать. Она часто ходила к Прабхупаде за подробными инструкциями. Увидев ее новую работу – портрет его духовного учителя, сидящего среди деревьев и зеленой листвы, Прабхупада сказал:

– Ты поместила моего Гуру Махараджа в американский лес! Он никогда не бывал в таком лесу.

Он попросил ее нарисовать Господа Чайтанью в саду, но предупредил, чтобы она не перерисовывала индийский плакат, изображающий знак «Ом» и Радху с Кришной над головой Господа Чайтаньи.

– Это воображение какого-то художника, – сказал Прабхупада. – Господь Чайтанья явился в Навадвипе вот таким. Ничего не меняй. А Яшода и Нанда Махараджа должны быть, как и большинство индийцев, смуглыми, светло-коричневыми, как спелая пшеница. Кожа Баларамаджи молочно-белая, с легким синеватым оттенком и розоватым сиянием.

Прабхупада вдохновил и Прадьюмну, сказав ему именно то, что тот и хотел услышать: он должен продолжать изучать санскрит, чтобы делать для всех трудов Прабхупады транслитерацию и, в конце концов, вырасти до уровня хорошего ученого-санскритолога Движения сознания Кришны. Прадьюмна попросил разрешения отправиться с Прабхупадой в Монреаль, чтобы продолжить свое обучение у него, и Прабхупада согласился.

Когда настал день отъезда, преданные отправились со своим духовным учителем в аэропорт. Вдруг в зале ожидания неожиданно появился какой-то незнакомый юноша и сел у стоп Прабхупады.

– Вы можете увидеть Бога? – спросил он.

– Да, – ответил Прабхупада. – Я вижу его каждую секунду.

– Вы освобожденный?

– Да.

– Тогда, если вы освобождены, – бросил вызов парень, – почему бы вам не вернуться в духовный мир – прямо сейчас?

– Не будь дураком, – ответил Прабхупада. – Мы идем туда, куда захочет Кришна. Мы уже предались Ему. И мы вернемся, когда Кришна того пожелает. Мы только что купили билеты в Монреаль, поэтому уверены, то прилетим туда. Но ведь не бывает так, что как только мы купим билеты, мы поворачиваемся и говорим: «Ну, и где Монреаль?» Нет. Все произойдет со временем. Мы купили билеты. Мы ждем. И наш самолет скоро полетит.

Прабхупада посоветовал юноше переехать к преданным в бостонский храм и учиться у них. Со временем, сказал он, он все поймет.

Джадурани: Мы с Говинда-даси поднялись на самолет вместе с Прабхупадой – просто чтобы видеть его до последней минуты. Его последними словами, обращенными к нам, были две строчки из «Бхагаватам»: васудева-пара веда васудева пара йога / васудева-парам джнанам.... Это значит, что Кришна – цель йоги. Он дает результаты кармической деятельности, Он – источник Вед – Кришна суть все. И я заплакала, потому что Прабхупада уезжал. Он протянул руку и провел по моему лицу. Я спросила его:

– Шрила Прабхупада, иногда, когда мы что-то просим у вас, и вы даете нам разрешение, вы действуете как Сверхдуша? Вы просто позволяете нам исполнить свои желания?

Шрила Прабхупада ответил:

– Когда говорит духовный учитель, через него говорит Сам Кришна.

Когда Прабхупада прибыл в Монреаль, то через день-два написал мне письмо: «Я просто вспоминаю твое лицо, когда ты плакала в самолете». И затем он дал мне указание: «Пожалуйста, не беспокойся ни о чем. Кришна всегда с тобой и Он всегда твой друг. У тебя может появиться масса причин для беспокойств, но преданный никогда не беспокоится».

Глава пятьдесят девятая

Лето в Монреале

Монреаль

3 июня 1968 года

В Монреале Прабхупада часто пел санскритскую молитву, составленную великим вайшнавом, царем Кулашекхарой. Прохаживаясь по комнате, сидя за письменным столом или гуляя по дому, он постоянно негромко напевал эту санскритскую мантру на собственную мелодию – в конце каждой строчки голос его сильно понижался.

кришна твадия-пада панкаджа-панджарантам
адьяйва ме вишату манаса-раджа-хамсах
прана-прайна-самае капха-вата-питтаих
кантхавародхана-видхау смаранам кутас те

Почти двадцать лет назад, еще в Индии, Прабхупада перевел и прокомментировал этот и несколько других стихов – «Молитвы царя Кулашекхары» – для своей газеты «Назад к Богу». Теперь, летом 1968 года, все еще не восстановившись после прошлогоднего сердечного приступа, он часто пел этот стих. Несколько раз он объяснял его смысл преданным, собиравшимся по вечерам в его комнате.

«У лебедей есть такая склонность – опускать свои длинные шеи под воду и обвиваться ими вокруг стебля лотоса, – говорил он. – Поэтому царь Кулашекхара молится: «Мой дорогой Кришна, пусть лебедь моего ума запутается в стебле лотоса Твоих стоп». Он молится о том, чтобы это произошло прямо сейчас, в настоящий момент, пока он здоров и может повторять «Харе Кришна» и удерживать свой ум на мыслях о Кришне. Царь Кулашекхара желает умереть сию минуту, он боится, что, если протянет время и к нему вдруг нагрянет смерть, в этот момент он будет страдать от удушья. Равновесие в его теле будет нарушено, и он будет издавать предсмертный хрип: «хр, хр». Как тогда помнить Кришну?»

Однако, здоровье Прабхупады улучшилось. Он вставал рано утром, диктовал «Шримад-Бхагаватам», выходил на утренние прогулки, с аппетитом ел – он пребывал в наилучшем за последние месяцы физическом состоянии. После обеда он ложился вздремнуть, вернее, пытался вздремнуть, поскольку половицы в доме были страшно скрипучими. Ближе к вечеру он часто просил принести ему арбуз или дыню. По вечерам он либо встречался с преданными у себя в комнате, либо шел в храм на киртан и лекцию. Вернувшись же, просил «набор с дутым рисом»: дутый рис, жареный арахис, жареную картошку и ломтики огурца. Он чувствовал себя хорошо, однако снова и снова повторял своим слугам:

– Если я заболею, не кладите меня в больницу. Просто позвольте мне повторять «Харе Кришна» и умереть.

Летом 1968 года Прабхупада отдыхал: программ с проповедью было немного, и большую часть времени он проводил у себя, на Принс-Артур-стрит, в пяти минутах ходьбы от храма. Часто к нему приезжали ученики из других американских центров, и он беседовал с ними. Иногда он сидел в кресле на передней лужайке, общаясь с гостями, или, ближе к полудню, шел на задний двор, где Гаурасундара делал ему массаж.

Однажды, когда Прабхупада сидел под теплым утренним солнцем, пришли несколько учеников и расселись прямо на земле, у его ног.

– В солнечном свете заключено такое могущество! – заговорил Прабхупада. – Есть планеты, где растут деревья высотой в несколько миль, и питаются они одним только солнечным светом. Солнечный свет поддерживает все планеты. Он очень могуч.

* * *

Приехав в Канаду, Прабхупада, помимо всего прочего, хотел получить вид на постоянное жительство – как в Канаде, так и в Соединенных Штатах. Находясь в Бостоне, он получил от иммиграционного департамента отказ и предписание покинуть страну. За последние три года, за исключением шести месяцев, проведенных в Индии, Прабхупаде удавалось растягивать срок своего пребывания в США за счет продления временной визы, но сейчас, в силу каких-то

формальностей, в праве на постоянное жительство было отказано. Из Монреаля он написал директору бостонского отделения иммиграционной службы США:

В четвертом параграфе своего послания вы ясно указали, что отказ был обусловлен не характером моей деятельности как религиозного проповедника, но вашей осторожностью в отношении того, что я подал свое заявление только через две недели после прибытия в США, не обладая статусом иммигранта. Я не знал, что допустил в этой связи техническую ошибку, но, проконсультировавшись с вашим американским консулом в Калькутте и в нашем индийском посольстве в Вашингтоне, честно подал заявление. При себе я имею их письма, подтверждающие этот факт.

В своем уведомлении об отказе от 3-го мая 1968 года Вы указали, что решение обжалованию не подлежит. Поэтому я не стал подавать по этому решению апелляционную жалобу, а, следуя вашему предписанию, выехал из США. Теперь я лишь прошу вас дать мне ценное указание в отношении того, что делать дальше.

Из Нью-Йорка Прабхупаде написал Брахмананда. В письме он делился своими планами нанять адвоката и обжаловать решение департамента. Но Прабхупада, давно уже потерявший веру в американских адвокатов, от которых были одни расходы и никакой помощи, предпочел подать новое заявление как религиозный служащий ИСККОН. Хотя иммиграционная служба США отказала ему в подаче заявления, якобы потому что он не имел соответствующего иммиграционного статуса, Шрила Прабхупада заподозрил, что Государственный департамент недолгоблively индийских свами.

Я понимаю, что правительство США с презрением относится к так называемым свами за то, что те играют на людском доверии. Это факт. И если бы я был членом правительства, то придерживался бы той же позиции. У властей сложилось неблагоприятное мнение об этих негодных свами. При таком положении дел мне будет сложно получить разрешение на въезд как свами, хотя я и не отношусь к свами-мошенникам. Но нам необходимо на деле доказать, что «этот Свами не такой, как все остальные». Таково было замечание м-ра Алена Берка с телекомпании: он представил меня аудитории, сказав: «Вот настоящий свами», – и осыпал меня словами признательности и уважения. Так или иначе, я не ищу комплиментов со стороны общественности. Меня больше волнуют мои ученики. Я хочу, чтобы у них были силы проповедовать это великое учение сознания Кришны, и потому хотел бы остаться в стране. Меня не прельщает жизнь в какой-либо определенной стране, будь она адом или раем.

Отказ в постоянном месте жительства в Соединенных Штатах Прабхупада воспринял как волю и благословение Кришны. Теперь, вместо того, чтобы вернуться в США, он намеревался отправиться в Лондон, а оттуда – на европейский континент. Мукунда, Шьямасундара и другие ученики из Сан-Франциско спросили у Прабхупады, можно ли им открыть центр в Лондоне, и седьмого июня Прабхупада ответил:

Как санньяси я не должен обживать какое-то одно место, чтобы наслаждаться служением учеников. Не этого Кришна от меня хочет. Он хочет, чтобы я путешествовал по всей западной части мира и поэтому я считаю, что воля Кришны – чтобы сейчас, по крайней мере, на какое-то время, я начал действовать в европейских странах. Поэтому уже почти решено, что к началу августа я отправляюсь в Лондон. И если вы все хотите поехать туда, то можете готовиться к путешествию.

Согласно своему плану, Прабхупада хотел путешествовать и проповедовать с группой преданных, которые будут поддерживать себя за счет распространения литературы о сознании Кришны. Но поскольку Шьямасундара уже строил колесницу для второго ежегодного фестиваля Ратха-ятры в Сан-Франциско, а жена его была беременна, Прабхупада посоветовал ему подождать. Когда закончится Ратха-ятра и после того, как жена родит ребенка и с месяц отдохнет, Шьямасундара с семьей сможет отправиться в Англию. Прабхупада попросил участвовать в этом и Мукунду. «Я поеду в Англию на время, – писал он Мукунде, – и открою там центр, который давно уже ждет своего часа».

Но важнее путешествий и получения вида на жительство в США была публикация книг Прабхупады. Прабхупада считал, что написание и издание книг – его лучший вклад в исполнение воли духовного учителя. Поэтому, когда из Нью-Йорка в Монреаль приехал Брахмананда с корректурными гранками «Бхагавад-гиты» и «Учения Господа Чайтаны», Прабхупада был очень доволен.

«Бхагавад-гиту» печатала компания «Макмиллан», а публикацией «Учения Господа Чайтаньи» в японском издательстве «Дай Ниппон» занимался сам Прабхупада. Поскольку именно Брахмананда установил деловую связь с редакторами компании «Макмиллан», именно ему Прабхупада приписывал успех того, что «Гита» должна выйти в столь престижном издательстве. Обе книги печатались по крайне плотному графику, и Брахмананда должен был быстро вернуться в Нью-Йорк с исправленными гранками.

Брахмананда: Я пришел к Прабхупаде показать первые гранки для обеих книг – «Учения Господа Чайтаньи» и «Бхагавад-гиты как она есть». Так получилось, что они были готовы одновременно. Как здорово было привезти эти оттиски на проверку Прабхупаде! Я приехал всего на несколько дней – на выходные или что-то вроде того. Прабхупада сам вычитал все гранки и своей рукой внес исправления, откорректировав оттиски. Шрила Прабхупада все сделал сам. Это было нечто очень личное. Конечно, это доставляло Прабхупаде огромное наслаждение, потому что он очень хотел напечатать свои книги, и мы начали это делать. Поэтому Прабхупада откорректировал гранки с превеликим удовольствием. Он вручил их мне, и это было незабываемое событие.

– Когда издается одна из моих книг, – сказал Прабхупада, – я чувствую себя так, словно завоевал целую империю.

Издание книг придавало смысл борьбе Прабхупады за получение гражданства в США. В путешествие по Европе он мог отправиться только напечатав эти книги. Книги о сознании Кришны были веским доказательством того, что его Движение – не очередная выдумка какого-нибудь модного йога. Пусть члены правительства и ученые прочтут эти книги. Пусть их читает студенчество. Они произведут впечатление на любого разумного человека. Эти книги являются бессмертным прославлением Кришны и самым мощным средством распространения учения Кришны по всему миру. Не имеющие ничего общего с измышлениями, присущими обычной обусловленной душе, склонной к ошибкам и обману, эти книги описывают учение и деяния Господа Кришны – науку сознания Кришны, передающуюся из поколения в поколение великими ачарьями. Это учебники совершенного знания.

Перед отъездом Брахмананды из Монреаля Прабхупада попросил его выслать ему рукописи Первой и Второй Песней «Шримад-Бхагаватам», что хранились в шкафу его нью-йоркской квартиры. К октябрю, как только выйдет в свет «Учение Господа Чайтаньи», он подготовит эти рукописи для издательства «Дай Ниппон». Собрав в своей комнате Брахмананду и других учеников, Прабхупада поручил им организовать продажу книг. Недостатка в книгах не будет, но преданные должны их продавать.

Во времена своего одиночества, в Индии, Прабхупаде приходилось все делать самому: печатать, собирать отзывы ученых, рекламировать и распространять книги. Но теперь он зависел от своих учеников. Они понимали важность его книг, но не представляли, как и какими путями будут их распространять. Однако Прабхупада заверил их, что, применяя на практике его наставления и доверяя исход дела Кришне, они добьются успеха.

Прабхупада с Брахманандой обсуждали планы открытия собственной типографии – возможно, в Монреале. Учитывая высокие издержки на издание, Прабхупада хотел, чтобы некоторые из его учеников тоже обучились книгопечатному делу. Он порекомендовал поставить дело так, чтобы один из учеников управлял печатным станком, а несколько девушек научились работать на наборной машине. Таким образом, в будущем он, возможно, сможет организовать в каком-нибудь подходящем месте собственное издательство.

* * *

Несмотря на свои планы проповеди в Европе, получение постоянного вида на жительство в Соединенных Штатах и Канаде, издание книг и организацию типографии, Прабхупада продолжал вести упорядоченную и простую жизнь. Он читал лекции по «Шримад-Бхагаватам» в храме и ежедневно принимал у себя гостей. Постоянно размышляя, работая над книгами, повторяя Святое Имя и рассказывая о Кришне и о том, как распространять сознание Кришны, Прабхупада был движущей силой истинно революционного движения. Однако большую часть времени он проводил дома, в одиночестве, или занимаясь простыми домашними делами со своими слугами.

В один из таких тихих вечеров, когда Говинда-даси только что внесла в гостиную Прабхупады прасад, Прабхупада неожиданно заметил крысенка, бегущего через комнату. Говинда-даси быстро поставила поднос с прасадом на стол и попыталась поймать крысенка, когда

тот метнулся к столу Прабхупады. Вскочив с места, Прабхупада тоже бросился в погоню. Затем появилась еще одна крыса. Харинама, преданный из Сан-Франциско, услышав шум, подошел к двери и предложил свою помощь. Вооружившись коробкой из-под обуви, он тоже погнался за крысами и, наконец, поймал обеих и выпустил на улицу.

Позже Прабхупада зашел в комнату, где работали Гаурасундара и Говинда-даси, и сказал им:

— Если бы вы все держали в чистоте, крыс бы не было. Если кто-то очень привязан к своему жилищу, то в следующей жизни может родиться в нем тараканом или крысой. Это грешные живые существа, и их рождение соответствует их привязанности.

Потом он попросил Шивананду заделать щели в полу.

Иногда Прабхупада критиковал Говинда-даси за ее ошибки, и та воспринимала это очень эмоционально — запиралась в ванной и плакала. Однажды вечером, делая для Прабхупады «набор с дутым рисом», Говинда-даси пережарила арахис.

— Почему арахис черный? — спросил Прабхупада, когда та подала ему прасад. — Почему ты его пережарила?

Говинда-даси расплакалась, а Прабхупада стал выговаривать ей еще строже:

— Почему ты плачешь? Ты плачешь, потому что сердисься. Почему ты это сделала?

От его сердитого взгляда слезы у девушки потекли еще сильнее.

— Я не сержусь, — всхлипывала она. — Мне очень жаль, что я пережарила арахис.

Однажды Говинда-даси одолжила своей духовной сестре диктофон, и та его сломала. Это вывело Прабхупаду из себя:

— Вы американские юноши и девушки! Вы дети богатых людей! Вы думаете, что можно сломать вещь и выбросить ее на улицу, а потом купить новую. Вы не бережете вещи! Диктофоном должен пользоваться только один человек! Ты не должна была позволять ей его брать!

Эти слова уязвили Говинда-даси в самое сердце, и на какое-то время она снова уединилась, чтобы выплакаться. Но вскоре она пришла в себя, а Прабхупада вел себя так, словно ничего не произошло. Говинда-даси восприняла этот выговор как проверку на искренность. И еще она поняла, что, отменяя громы и молнии, Прабхупада становился по-прежнему добрым и кротким.

Прабхупада редко ходил куда-либо один. Для учеников немыслимо было отпустить его без сопровождения. Кто-то из них непременно должен быть рядом, чтобы заботиться о нем или, при необходимости, оградить его от неприятностей. Поэтому когда однажды днем Говинда-даси заглянула в комнату Прабхупады и не обнаружила его там, это ее сильно озадачило. Не найдя его обуви, она выбежала на улицу. Но ни в том, ни в другом конце улицы его не было. Тогда она забежала за угол и заметила в конце квартала его удаляющуюся фигуру. Догнав его, она, запыхавшись, спросила:

— Куда вы идете? Почему ушли?

Не останавливаясь, Прабхупада шел прямо, держа в руке трость; движения его были плавны. Тихо рассмеявшись, он сказал:

— О, я просто иду в банк. Все нормально. Я вернусь.

Говинда-даси извинилась за свою настойчивость:

— Я просто подумала, что вы не должны ходить один. Потому что вы ведь нездоровы...

— Что ты знаешь? — резко парировал Прабхупада. — Врачу, излечися сам, — и пошел дальше, оставив Говинда-даси позади.

По мнению Прабхупады, нездорова была Говинда-даси, а вовсе не он. Она всегда куталась в свитера и куртки и постоянно сморкалась. Однажды он зашел в комнату, где она работала вместе с Гаурасундарой. В комнате царил беспорядок: повсюду были разбросаны носовые платки.

— Вот почему ты всегда болеешь, — сказал он, — из-за нечистоплотности.

В другой раз, выходя из дома, чтобы в сопровождении Гаурасундары и Говинда-даси отправиться в храм, Прабхупада начал смеяться:

— Да, Говинда-даси, все хорошо! Ты превосходный секретарь, замечательный повар и у тебя отлично все получается. Твой единственный минус в том, что ты женщина. Но не переживай. В следующей жизни ты станешь брахмачари!

— Ну спасибо, Шрила Прабхупада! — ответила Говинда-даси, наслаждаясь шутливым настроением своего духовного учителя.

Гаурасундара был спокойным молодым человеком, стойким в исполнении своих обязанностей. Ему нравилось изучать книги Прабхупады, и он понимал философию. Хотя бенгали

Гаурасундара изучал спуская рукава и потому порой не мог перевести стихи, которые Прабхупада задавал ему, юноша был внимательным слугой и Прабхупада был доволен его работой.

Часто, войдя в роль майявади, Прабхупада спорил с Гаурасундарой, а как-то, ранним утром, он вошел в комнату, где тот спал, и разбудил его аргументом из философии майявады:

– Личность Кришны возникает в результате иллюзии, потому что Абсолют определяется как превосходящий личностную ипостась, – и Гаурасундаре пришлось немедленно искать опровержение.

Иногда Прабхупада говорил, что рано или поздно Гаурасундара и Говинда-даси должны будут отправиться вместе в какую-нибудь страну мира, чтобы проповедовать. Сознание Кришны необходимо распространить во множестве мест, и Прабхупада предвидел, что придет день, и его слуга и секретарь уедут открывать новый центр.

– Заботиться о моем теле – не столь важное дело, – говорил он.

Как-то раз Прабхупада и Гаурасундара обсуждали философию, а Говинда-даси в это время вот уже несколько часов мыла на кухне кастрюли и тарелки. Шум, производимый ей, доносился до комнаты Прабхупады.

– Она больна чистоманией, – предупредил Прабхупада. – У моей жены и дочери тоже такое было. Ты должен ее остановить, пока еще не поздно. Иначе станет хуже. Однажды я еле успел остановить свою дочь – она пыталась помыть электрические розетки и лила в них воду. Я сказал ей: «Не смей больше так делать! Еще раз увижу – убью!» И она пообещала, что больше не будет.

* * *

Пока Прабхупада был в Монреале, его навещали многие из его американских учеников. Они служили только ради своего духовного учителя, но некоторых из них от него отделяли тысячи километров, поэтому их желание увидеть Прабхупаду нарастало все сильнее, пока не побуждало отправиться в Монреаль. Иногда среди посетителей попадались и новички, присоединившиеся к одному из храмов Прабхупады и наслышанные о нем от учеников, но никогда еще не видевшие его. Конечно, Прабхупаде нравилось, когда его ученики оставались на своих местах, выполняя порученные им обязанности, но когда они навещали его, он тоже был рад.

Нанда-кишора: Я вошел в комнату, и Шрила Прабхупада очень радостно поприветствовал меня. Он улыбнулся и сказал: «Американский вайшнав». Я поклонился, сел, и мы начали говорить. Я слышал, что Кришна одновременно находится в сердце каждого живого существа, и спросил Прабхупаду, как такое возможно.

Сначала он сказал:

– Просто попытайся понять.

И я попытался. Я напрягся и зажмурился, чтобы показать, что я действительно пытаюсь понять. А Прабхупада продолжил:

– Вот, например, солнце находится у тебя над головой... и у меня над головой и над головой того, кто находится в тысяче километров отсюда. Это потому, что солнце огромно. Точно так же, Кришна настолько велик, что одновременно пребывает в сердцах всех живых существ.

И я понял. Он сказал: «Попытайся понять», – и, поскольку я слушал, я действительно понял. Я пытался понять и слушал чистого преданного. Когда я выходил из комнаты, он помахал мне правой рукой, сидя в очень непринужденной позе и улыбаясь. Он сказал:

– Повторяй «Харе Кришна»! Повторяй «Харе Кришна!»

Кришна-дас: Я слышал, что Прабхупада планировал путешествовать за границей и хотел взять с собой нескольких преданных, и что любой желающий поехать с ним должен копить деньги. Поэтому я устроился на работу в ювелирную фирму. Затем мне дали отпуск на то время, что Прабхупада был в Монреале. Отпуск Уддхавы выпал на то же время, и однажды утром, за завтраком, мы решили отправиться к нашему духовному учителю в Монреаль. Через час наши сумки уже были собраны.

На нас были костюмы. За три дня мы автостопом добрались из Сан-Франциско до Нью-Йорка. Когда мы приехали в Монреаль, Гаурасундара сообщил:

– Прабхупада вот-вот начнет обедать. Не хотите с ним?

Мы согласились. Мы с Уддхавой вошли к Прабхупаде, и он сразу же сердечно поблагодарил нас за то, что мы проделали такой путь, чтобы его навестить.

Но поскольку мы приехали перед самым обедом, на нас двоих прасада не хватало. Гаурасундара подал прасад Прабхупаде, а мы сидели с пустыми тарелками. Тогда Прабхупада спросил:

– А им?

Говинда-даси пошла на кухню, чтобы принести нам что-нибудь, и Прабхупада сказал мне:

– Ты очень худой. Ты выглядишь больным. Ты должен больше есть.

Он начал откладывать пищу со своего подноса в мою пустую тарелку, а затем приказал мне есть. Он сказал, что в день я должен съесть шесть чапати. Он прописал мне целую диету, чтобы я мог набрать вес.

Во время обеда в комнату забежала мышка, и Гаурасундара поймал ее. Прабхупада пошутил, сказав, что эта мышка в прошлой жизни была преданным, а в этой жизни вернулась, чтобы подьедать с пола прасад. После этого мы поклонились. Я коснулся головой стопы Прабхупады, а он поднялся и вышел, потрепав нас по головам.

Джефффри Хики (Джагадиша-дас): Когда я вошел в квартиру Прабхупады, то испытал просто потрясающие чувства. Там были Киртанананда Махараджа и Хаягрива. Они рассказывали Прабхупаде о Новом Вриндаване. Они говорили, что купили какую-то землю, а Прабхупада вдохновлял их. Я просто сел позади и слушал их разговор.

Присутствие Прабхупады ощущалось как могучая сила. Я чувствовал себя маленьким. Мне казалось, он все обо мне знает, и я не мог строить из себя важную особу, хотя до этого всегда считал себя довольно преуспевающим. В присутствии Прабхупады я не мог мнить себя кем-то, потому что понимал, что ему известно обо мне все и он способен читать мои мысли. Поэтому я просто сидел, уставившись в пол, и только временами поднимал на него глаза.

Я просидел в комнате Прабхупады около получаса. Я хотел что-нибудь сказать, но не знал, что. Поэтому в конце, когда все уходило, я поклонился и подождал, пока все выйдут. Затем, перед самым уходом, я сказал Прабхупаде, что каждый день повторяю шестнадцать кругов и надеюсь вскоре получить посвящение. Он предложил мне остаться в монреальском храме, и я что-то пробормотал в ответ.

Вайкунтханатха: Я пребывал в сильнейшем беспокойстве, потому что только что прошел медосмотр на призывной комиссии. Но как только я вошел в комнату Прабхупады, от моих тревог не осталось и следа. Как только я оказался рядом с ним, то подумал: «Какой он удивительный!» В его присутствии духовная истина становилась реальностью.

Шивананда: Я приехал в Монреаль навестить своего духовного учителя. Гаурасундара и Говинда-даси не хотели, чтобы на утренние прогулки с ним ходило много преданных, но однажды утром, гуляя сам по себе, я встретил Прабхупаду. Он помахал мне рукой и сказал:

– Идем.

Мы пошли, и я рассказал ему, что бывал в разных странах Европы и изъездил всю Америку. Он сказал:

– О, да, теперь ты должен поехать во все эти места и открыть там храмы.

В то время ходили слухи, что Прабхупада хочет отправить некоторых своих учеников в Лондон, открывать храм. И когда мы шли – перед тем, как пересечь улицу, Прабхупада повернулся ко мне и сказал:

– Кришна говорит в «Бхагавад-гите»: «Тот, кто распространяет среди преданных Мое учение «Бхагавад-гиты», сильнее всех дорог Мне, и не будет никого для Меня дороже».

Затем он добавил:

– Наше дело – стать дорогим Кришне.

После этих слов я стал подумывать о том, чтобы открыть где-нибудь центр.

По вечерам в комнату Прабхупады набивались преданные и гости. Гаурасундара и Говинда-даси пытались устроить так, чтобы преданные приходили к Прабхупаде только в приемные часы. Однако они не слишком строго следили за этим правилом, да и сам Прабхупада частенько его нарушал. У себя в комнате он был более раскован, чем в храме. Он смеялся и любил поговорить на разные темы.

Брахмананда: Прабхупада просто говорил. Часто не было никаких вопросов, и он просто выбирал какую-то тему и говорил, расслабившись, в непринужденной позе. Иногда он даже не говорил прямо о Кришне, а рассказывал о своей жизни в Индии или о чем-нибудь еще. Еще он всегда следил за тем, чтобы все получили прасад. Однажды вечером он объяснял одному гостю,

что его ученики – «эти американские юноши и девушки» – естественным образом принимают сознание Кришны, без какого-либо принуждения. Он сослался на своего слугу Гаурасундару:

– Он целый день столько всего для меня делает, и притом так замечательно – потому что любит меня. Ничего искусственного в этом нет.

Говинда-даси: Как-то завязалась продолжительная дискуссия на тему, что лучше – поезда или автобусы. В другой раз Прабхупада говорил о вине, и я сказала:

– Шрила Прабхупада, виски ужасно на вкус!

Он был потрясен:

– Ты пробовала?

Он был удивлен, что я пробовала спиртное. Он подробно рассказывал нам о бенгальских тиграх и многих других вещах.

Большинство преданных были не больно-то уж сообразительны – многие из нас только-только приходили в себя после наркотиков и жизни хиппи – но все его очень любили. У нас не было ни известности, ни денег, ни положения. Центром нашего служения, его движущей силой, была одна лишь любовь к Шриле Прабхупаде.

Нанда-кишора: Прабхупада рассказал, как в первый раз увидел снег, когда приехал в Америку. Он сказал:

– Однажды я посмотрел в окно и подумал: «О, кто-то рассыпал известь». А потом посмотрел в небо и подумал: «О, да они все еще сыплют».

И я рассмеялся. Мне было трудно поверить, что он никогда не видел снега. Он был как ребенок. Он так мило рассказывал об этом – как невинное дитя, и все мои сомнения вмиг рассеялись.

Сатьябхама: Прабхупада рассказывал историю об одном человеке из Калькутты, который мог определить модель машины по звуку ее двигателя. Кажется, он объяснял этим какой-то важный философский момент, но я забыла какой. Так или иначе, друг этого человека хотел проверить его способности. Они вышли вдвоем на угол одной из калькуттских улиц, мужчина завязал своему другу глаза, и тот стал называть марки проезжающих мимо машин: «Это Кадиллак..., а это Бьюик...». Затем мимо прошел осел, волоча за собой какие-то жестянки, и друг сказал: «О, это Форд».

Кришнадаса и Уддхава рассказали Прабхупаде о сан-францисской Ратха-ятре и протянули ему вырезку из газеты. Прабхупада прочитал вслух заголовок:

– «Участники парада в Сан-Франциско чествуют индуистского Бога Кришну».

Прабхупада с удовольствием рассмотрел большую фотографию преданных, тянущих за веревки «платформу весом в две с половиной тонны на протяженном участке, отмечая таким образом праздник Ратха-ятры», и вернул вырезку Кришнадасу:

– Прочитай.

Прослушав статью, Прабхупада похвалил преданных – особенно Шьямасундару и Джаянанду – за то, что те сделали красивую колесницу и провели такой успешный фестиваль.

Затем Прабхупада заговорил о других успехах в его новом Движении. Из отчетов он слышал, что в Сан-Франциско Тамал-Кришна каждый день выходит с преданными на улицы города и поет «Харе Кришна». В один из таких дней они продали сто экземпляров журнала «Назад к Богу». Преданные в Нью-Йорке и Бостоне, сказал он, также выходят и поют, распространяя журналы и выручая за них по сорок долларов в день. Он сказал собравшимся в комнате ученикам, что все они должны думать о том, как проводить публичные киртаны в главных городах мира. Взяв мриданги и караталы, они могут проводить киртан повсеместно и так обрести благословения Господа Чайтаньи. Так будут пополняться их ряды. Прабхупада сказал им:

– Если вы хотите жить одни, в уединенном месте, и практиковать йогу для собственного развития, это очень хорошо. Но если вы хотите помогать распространять сознание Кришны, это гораздо лучше.

Прабхупада сказал, что сознающий Кришну человек беспокоится не о себе, а о тех, кто не сознает Кришну, обо всех тех, кто просто предается чувственным наслаждениям иллюзорной цивилизации. Цитируя великого ачарью, Дживу Госвами, Прабхупада сказал, что преданный, предпочитающий сидеть во Вриндаване и повторять «Харе Кришна», должен принять лишь одного или двух учеников; но миссионер, проповедующий сознание Кришны по всему миру, должен принимать учеников как можно больше.

– Итак, вы получили посвящение, – обратился Прабхупада к преданным, сидящим в комнате, – поэтому вы должны взять на себя ответственность за распространение этого учения – строго следовать принципам, стать чистыми вайшнавами и проповедовать по всему миру. Не беспокойтесь о том, где вы будете спать и что будете есть. Кришна Сам позаботится об этом. Вы должны просто стать искренними в служении. Только и всего. Просто будьте искренни.

Говинда-даси подняла руку.

– Прабхупада, – спросила она, – что точно значит слово «предаться»?

– «Предаться», – ответил Прабхупада – это понимать: «Я никто...»

Пока Прабхупада говорил, Говинда-даси, привыкшая писать под диктовку, записала его ответ. Другие преданные – кто-то сидел на полу вокруг стола Прабхупады, кто-то стоял в дверях – внимательно слушали.

– Я должен знать, – продолжал Прабхупада, – что я ниже испражнений свиньи. А Ты, Кришна, есть все. Это очень трудно. Мы можем найти миллионы Исааков Ньютонов и Эйнштейнов, но очень редка душа, предавшаяся Кришне. Потому что это трудно. Итак, пока вы думаете: «Он более образован» или «Я более образован» – все это материально. Вы должны понять, что вы ничто. И предаться.

Один юноша, который совсем недавно познакомился с сознанием Кришны и начал ходить на лекции Шрилы Прабхупады, спросил:

– Почему иногда я чувствую себя так, как вы описали – «предавшимся» – а затем забываю об этом?

Прабхупада: Это майя. Мы ведем битву с майей. Мы живем в царстве майи, поэтому нам приходится сражаться. Рождение и смерть подобны океану. Существует великое множество вселенных и множество видов жизни, и мы воплощение за воплощением переходим из одного вида в другой. Это все равно как стоять на кромке палубы – небольшой толчок, и вы в океане. И тогда вы не знаете, куда плывете – туда или сюда. Вот так. Если вы хотите сохранить за собой хотя бы один процент – предаться полностью, но оставить себе один процент – тогда вам придется остаться здесь. Кришна очень строг. Если у вас есть хоть какое-то стремление к материальному наслаждению, вам придется остаться. Из-за одного процента вы можете остаться на миллионы лет. Поэтому вы должны предаться полностью. Сознание Кришны уже есть внутри вас и вообще внутри каждого, но его нужно пробудить. Как спичка: если потрешь ею о коробок, появится огонь. Трение – это повторение Святого Имени. Поэтому мы должны вводить в свои уши сознание Кришны и не останавливаться. Куда бы вы ни отправлялись, вы должны повторять Святое Имя и делать это не из личных побуждений.

Гаурасундара принес поднос с нарезанными фруктами, и Шрила Прабхупада раздал их. Было уже поздно, но он продолжал:

– Люди просят у Бога хлеба. Но как только появляется возможность получить хлеб в другом месте, они перестают ходить в церковь. Однако если вы научите людей любить Бога – они никогда этого не забудут.

Прабхупада улыбался. Довольные, преданные оставили его. Утром они снова увидят его в храме.

* * *

Монреальский храм, существовавший уже полтора года, располагался в бывшем кегельбане, на третьем этаже здания рядом с Университетом МакГилла. Хотя желоба по обе стороны восьми дорожек давно уже заделали фанерой, и пол был ровным, дорожки из твердого дерева по-прежнему бросались в глаза. Алтарь и вьясасана стояли у стены, а мужской ашрам был отделен временной перегородкой. Еще там была кухня и отдельное помещение для женщин. Каждый день Прабхупада с трудом одолевал два лестничных пролета и входил в просторную алтарную. В день его прибытия в Монреаль несколько преданных внесли его наверх в паланкине, но делать это каждый день было трудно из-за винтовой лестницы. Поэтому Прабхупада предпочел подниматься пешком.

Единственным собственно монреальским преданным был Джанардана. Он был канадцем и учился в Университете МакГилла. Джанардана даже после посвящения носил бороду и длинные волосы и жил в квартире со своей женой, ярой противницей сознания Кришны. Признавая в Джанардане интеллектуала, Прабхупада писал ему длинные письма, в которых отвечал на его философские сомнения и его самого просил писать статьи и книги о сознании Кришны.

Когда храм только открылся, ежедневная газета «МакГил дейли» предоставила Джанардане целую полосу, чтобы тот познакомил читателей со Свами Бхактиведантой и сознанием Кришны. Заголовок гласил: «Расширение сознания под духовным руководством». Франкоязычная монреальская ежедневная газета «Le Nouveau Samedi», взяла у Джанарданы интервью и опубликовала статью под заголовком: «Говорят, что индуистский Бог Кришна – Отец Христа, а обитатели Луны невидимы».

К храму присоединилось человек десять, но пока для распространения в Монреале сознания Кришны они сделали совсем немного. В основном силы их уходили на собственное духовное и материальное поддержание. Они провели несколько публичных киртанов на международной выставке 1967 года, но главным их занятием была переделка кегельбана, уборка, приготовление пищи для Кришны и проведение в храме лекций и киртанов.

Увидев, что учеба в университете отвлекает Джанардану от управления храмом, Шрила Прабхупада попросил его назначить кого-нибудь комендантом. Однажды вечером Прабхупада приехал в храм на лекцию и, сев на व्याсасану, посмотрел на Джанардану и спросил:

– Ну что, ты нашел коменданта?

– Нет, – ответил Джанардана, – нет пока.

Тогда Прабхупада повернулся к алтарю и посмотрел на Божества.

– Ну и ладно, – сказал он. – Господь Джаганнатха комендант храма. А мы Его служим.

* * *

Однажды вечером, завершая свою лекцию о Прахладе Махарадже, Прабхупада спросил, есть ли у кого-нибудь вопросы. Химавати, одна из учениц, подняла руку:

Прабхупада: Да?

Химавати: Прахлада Махараджа был таким великим преданным, что сказал: «мне ничего не принадлежит». Но почему тогда он говорит: «мой Господь»? Как Бог может быть его? Почему он так говорит?

Прабхупада: А что он должен говорить?

Химавати: Я не понимаю. Как может он так говорить? Если вы знаете, что вам ничего не принадлежит, то как вы можете говорить: «Бог принадлежит мне»?

Прабхупада: Кришна – Господь каждого. Поэтому каждый может сказать «мой Господь». Это не значит, что если кто-то говорит «мой Господь», то обретает на Него монополию. Ты говоришь «мой» с позиции собственника. Но Бога невозможно монополизировать. Он принадлежит всем. Поэтому каждый имеет право говорить: «мой Бог, мой Господь». Если привести материальный пример, когда я говорю: «Это моя жена», это значит, что она не является женой кого-то другого. Но Бог не таков. Я могу сказать «мой Бог», но ты тоже можешь сказать «мой Бог», он может сказать «мой Бог», каждый может сказать «мой Бог». Это абсолютное выражение понятия «мой».

Кришна говорит: «Все эти живые существа – Мои неотъемлемые части». Мамаивамшо. Мама значит «Мои». Тогда почему живые существа не могут сказать «мой Бог»? Понимаешь? Кришна говорит: «Ты Мой». Почему я не могу сказать: «Кришна, Ты мой»? Твой муж говорит: «Ты моя». Почему ты не можешь сказать ему: «Ты мой»? Но не трактуйте это с позиций материи. В материальном смысле, как только вы говорите: «Это мое», это никому больше не принадлежит. Это моя собственность. Но Кришна не таков. Поэтому вы можете сказать: «Кришна – мой», и в этом не будет ошибки. Наоборот, если кто-то хочет чем-то владеть, пусть владеет Кришной. Это высшее выражение концепции «моего». Это совершенство слова «мое».

И это вполне соответствует шастрам. В «Бхагавад-гите» Кришна говорит: «Он принадлежит Мне, а Я – ему». Поэтому здесь нет ошибки. А как ты это понимаешь? Что поскольку все принадлежит Кришне, я не могу сказать «мое»? Это ты хочешь сказать?

Химавати: Я не поняла того, что Кришна – Господь. Мой Господь является и Господом всех остальных.

Прабхупада: Да.

Химавати: Он повелевает, и поэтому Он мой.

Прабхупада: Он мой, Он твой и принадлежит всем остальным. Вот так.

Химавати: Я поняла.

Прабхупада: Вот так.

Рукмини: Знаете, когда вы уезжаете, я чувствую, что вы очень далеко от меня.

Прабхупада: Что она говорит? Я не понял. Джанардана?

Джанардана: Она говорит, что когда вас нет, она чувствует, что вы очень далеко.

Прабхупада: О, ты не должна так думать. Это можно понимать двояко – с позиции тела и с позиции звука. Представление с позиции тела временно, а с позиции звука – вечно. Например, мы наслаждаемся звуком учения Кришны. Мой звук также присутствует в этом. Как только мы повторяем «Харе Кришна» или «Бхагавад-гиту» или «Бхагаватам», Кришна тотчас проявляется в звуке. Он абсолютен. Поэтому звук важнее физического присутствия.

Когда ты чувствуешь разлуку с духовным учителем, ты должна пытаться вспоминать его слова и наставления, и ощущение разлуки уйдет. Ты почувствуешь, что он рядом. Поэтому мы должны общаться на уровне звука, а не тела. Это настоящее общение – шабдат анавритти – через звук. Мы мгновенно соприкасаемся с Кришной через звук. Поэтому мы должны больше подчеркивать важность звука – звука Кришны или духовного учителя. Тогда вместо разлуки мы будем чувствовать счастье. Когда Кришна ушел из этого мира, Арджуна преисполнился печали и начал вспоминать наставления «Бхагавад-гиты». И это его утешило. Он тут же начал вспоминать наставления, полученные на поле битвы Курукшетра, и успокоился. Кришна был его неразлучным другом, поэтому когда Господь удался в Свою обитель, Арджуна был очень подавлен. Но он начал вспоминать Его учение. Поэтому всякий раз, когда мы чувствуем разлуку, самое лучшее средство – вспоминать учение. И тогда все будет хорошо. Понятно?

Рукмини: Да.

Одна из девушек спросила: «Прабхупада, вы навечно останетесь нашим отцом? Вы всегда будете нашим духовным учителем, вечно?»

Прабхупада шутливо сказал:

– Да, полагаю, что да, – и процитировал стих: чакхудана дило джеи джанме джанме прабху сеи, а затем добавил: «джанме джанме пита сеи». Тот, кто открыл мне глаза – мой отец из жизни в жизнь.

Прабхупаду беспокоило слабое финансовое положение монреальского храма. Хотя некоторые из преданных работали, это явно не шло на пользу их духовной жизни. Один ученик работал на заводе «Тугие пружины», что Прабхупада называл «угра-кармой», мучительным и вредным трудом. Когда Нанда-кишора рассказал Прабхупаде о своей работе (он был помощником официанта в ресторане), Прабхупада ответил:

– А, слепой дядя.

Заметив на лице Нанда-кишоры недоумение, Прабхупада рассказал ему историю о мальчике, у которого не было дяди. Однажды к этому мальчику пришел слепой человек и сказал: «Я буду твоим дядей». «Что ж, – ответил мальчик, – лучше слепой дядя, чем никакого». Но когда Нанда-кишора поведал Прабхупаде некоторые подробности о своей работе, в частности о том, что ему порой приходится готовить мясо, Прабхупада заметил:

– Ох, но не до такой же степени слепой!

Озадаченный вопросом финансового обеспечения храма в Монреале, Прабхупада внимательно изучал ситуацию. Есть два пути сознания Кришны, говорил он: один для отрешенных – они могут питаться плодами с деревьев и жить в пещерах; другой – для тех, кто женат и честно трудится, подобно другу Кришны Арджуне. Оба пути хороши, но Прабхупаде нужно было решить вопрос – по какому пути направить своих учеников. Если они попытаются пойти путем аскетов, таких как Шукадева Госвами, то, вероятно, останутся хиппи, но Прабхупада хотел открыть множество больших центров и приглашать на прасад важных гостей. Однако, если для поддержания таких храмов преданные вынуждены будут заниматься угра-кармой, кто тогда будет проповедовать? Вот вопрос.

– Либо мне нужно отказаться от идеи воспитания брахманов, – говорил Прабхупада, – либо я должен вынуждать брахманов работать.

Он думал начать свой бизнес; у него уже был небольшой стартовый капитал и организация. И ему пришла мысль прибегнуть к поддержке индийцев, живущих в Монреале.

В Монреале была большая индийская община. Семьи индийцев уже бывали в храме на воскресных пирах. Из тех, кто встречался с Прабхупадой, самым перспективным был молодой Гопал-Кхана, студент экономического факультета Университета МакГила. Гопал вырос в семье консервативных индусов, однако почти ничего не знал о философии вайшнавов.

За день до прибытия Шрилы Прабхупады в Монреаль, от одного преданного Гопал получил приглашение в храм. Гопал с интересом отнесся к этому, так как вот уже год чувствовал глубокое

желание постичь Бога. В поисках духовности он ходил на службы в индуистский храм Торонто, а также посещал другие церкви и храмы. Он прекратил есть мясо и курить. Придя в храм и увидев, с каким волнением готовятся преданные к встрече Прабхупады, Гопал предложил им свою помощь, и один из преданных поручил ему помогать в уборке квартиры Прабхупады. Прабхупада обратил на Гопала особое внимание. Несмотря на то, что тот никогда раньше не встречался с садху и поначалу не знал, что и подумать, он отнесся к Прабхупаде с почтением.

Друг Гопала, г-н Мукерджи из Калькутты, тоже начал ходить на лекции Прабхупады. Г-н Мукерджи, считая себя знатоком в духовных вопросах, сказал Гопалу, что по всей Индии касался стоп многих садху, но никогда не встречал никого более святого, чем Прабхупада. Гопал всерьез воспринял мнение друга и вскоре стал посещать все лекции и повторять на четках «Харе Кришна», ни в чем не отставая от остальных преданных. Обычно он был единственным индийцем, который оставался в храме до конца киртана и лекции. Затем он пил с преданными горячее молоко и возвращался домой около девяти тридцати вечера.

Общаясь с преданными и будучи одного с ними возраста, Гопал естественным образом влился в общество близких учеников, которые регулярно навещали Прабхупаду у него на квартире. Прабхупада спрашивал Гопала про семью и его индийских предков и вдохновлял юношу принять сознание Кришны. Когда Гопал сказал Прабхупаде, что повторяет «Ом», Прабхупада объяснил, что одного только «Ом» недостаточно. «Если хочешь повторять «Ом», – сказал он, – то повторяй ом Кришна».

Однажды вечером, когда Прабхупада в очередной раз заговорил о финансовых проблемах монреальского храма, Гопал находился в комнате. Хотя арендная плата за храм составляла всего 150 долларов и затраты на содержание были минимальны, преданные едва сводили концы с концами. В какой-то момент, во время дискуссии Прабхупада повернулся к Гопалу и спросил:

– Гопал, как бы ты решил эту финансовую проблему?

Думая, что Прабхупада намекает ему на то, чтобы что-то пожертвовать, Гопал ответил, что выхода не видит.

Прабхупада читал лекцию в соседней христианской школе. Гопал со своим другом г-ном Мукерджи пришли его послушать. Когда после киртана и лекции Прабхупада предоставил возможность задать вопросы, г-н Мукерджи поднял руку, встал, и, к удивлению преданных, начал оскорблять Прабхупаду.

– Это не факт, что Кришна – Верховная Личность Бога, – заявил он в присутствии целого зала христианских семинаристов и священников. – Вы не должны говорить такое в церкви. Почему вы называете Кришну Верховным Богом и предлагаете Ему предаться?

Прабхупада оставался спокоен. Хотя присутствующие преданные метали на г-на Мукерджи гневные взгляды, с трудом сдерживая себя, Прабхупада не произнес ни слова. Он просто перешел к следующим вопросам, оставив этот неприятный выпад без внимания.

Через несколько дней Прабхупада спросил Гопала о г-не Мукерджи, который перестал приходить. К удивлению Гопала, Прабхупада предложил ему вновь пригласить друга в храм. Гопал, считая г-на Мукерджи завистником и оскорбителем, посоветовал Прабхупаде не делать этого.

– Нет, это не важно, – сказал Прабхупада. – Должно быть, я как-то обидел его в прошлой жизни и сейчас он просто отплатил мне за это. Пожалуйста, позови его.

Постепенно некоторые индийские прихожане откликнулись на просьбы Прабхупады и стали давать преданным деньги на поддержание храма. Однако большинство из них не спешили жертвовать деньги и время на что-либо, помимо собственной карьеры и семьи. Индийская культура, сказал Прабхупада, канула в лету, отчасти из-за иностранных нашествий на Индию, а отчасти по вине индийских лидеров, безрассудно предающих свою изначальную культуру ради западного материализма.

– Но при этом, – говорил преданным Прабхупада, – если где и сохранились остатки цивилизации, то это в Индии. В Индии все люди от природы сознают Кришну, и стоит им начать повторять Святое Имя и принимать прасад, как материальный покров с них спадает.

Прабхупада сравнил современную индийскую цивилизацию с мертвым слоном. Слон – настолько ценное животное, что даже мертвый, благодаря своим бивням и шкуре, ценится почти столь же высоко, как живой. Подобным образом, хотя индийская культура практически мертва, Индия по-прежнему обладает огромным потенциалом. В деревнях большинство людей все еще сохраняют простую веру в то, что их нынешние страдания – следствие кармы прошлых жизней и

что в следующей жизни им придется родиться вновь. Эти азбучные духовные истины, знакомые всему индийскому народу, на Западе неведомы даже самым передовым и образованным его членам.

Но Прабхупаде было больно видеть, как его сограждане на Западе забывают о благочестии и перенимают дешевый образ жизни гедонистов. Он сравнил индийских иммигрантов с «новыми воронами». Наевшись отбросов, вороны пресыщаются. Но если прилетает новая ворона, она с особым аппетитом набрасывается на мусор. Точно так же, многие вновь прибывшие на Запад индийцы сильнее рвутся к материальному развитию, чем жители Запада. И все же, несмотря на свою критику, всякий раз встречаясь с индийцами – в храме, у себя в комнате или где-либо еще – Прабхупада, казалось, проявлял к ним особую симпатию и дружеское расположение. Он беседовал с ними на хинди или бенгальском, так, словно они были его старыми друзьями.

* * *

Джанардана беспокоился о том, как представлять сознание Кришны основному религиозному контингенту Монреаля – католикам. Будучи сам выходцем из франко-канадской католической семьи, Джанардана считал, что Прабхупада и его последователи должны учиться излагать науку сознания Кришны в терминах библейского учения. Прабхупада согласился с тем, что это возможно, но требует огромного опыта. Он сказал, что лучше опираться на универсальную, «вселенскую» природу сознания Кришны. Идея Бога присутствует в христианстве, индуизме, исламе и всех остальных религиях, но в них недостает понимания чистой любви к Богу. Однако сознание Кришны подобно аспирантуре для последователей всех религий. Прабхупада попросил своих учеников не отвлекаться на критику христианства или какой-либо иной сектантской веры. Лучше всего просто проповедовать «Бхагавад-гиту» и «Шримад-Бхагаватам».

Когда Шивананда и Нанда-кишора привели на квартиру к Прабхупаде индийского христианина, Прабхупада продемонстрировал, как нужно проповедовать ярим приверженцам сектантской религиозной веры.

– Мы не говорим, что вы должны причислять себя к той или иной религии, – сказал христианину Прабхупада. – Истинная проверка на религиозность – это то, насколько человек пробудил свою дремлющую любовь к Богу.

Не нападая на религиозную принадлежность своего собеседника, Прабхупада начал описывать деградацию людей Кали-юги.

– В настоящее время, – сказал он, – кем бы люди себя ни называли – христианами, индусами, иудеями или мусульманами, в большинстве своем они безбожники и Бог их совершенно не интересует. Это просто их официальная позиция. По сути, в глубине души, они не знают, кто такой Бог. Если христианин верит в Бога, то пусть любит Бога сильнее, чем материю.

Гость согласился.

Джанардана повез Прабхупаду посмотреть некоторые из знаменитых соборов Монреаля. Войдя в просторный Нотр-дам, Прабхупада сказал:

– Да, это поклонение Богу как Господу Нараяне – в духе благоговения.

Экскурсия по храмам произвела на Шрилу Прабхупаду сильное впечатление, и на следующий день он поделился своими мыслями в письме Анируддхе.

Вчера Джанардана сводил меня в местную, очень красивую, церковь под названием «Нотр-дам». Это великолепное деревянное произведение искусства с яркими скульптурами и витражами, украшенное картинами, изображающими распятие Господа Иисуса Христа. Там все очень причудливо. Как правило, римско-католическая церковь опирается на этот единственный случай из жизни Господа Иисуса Христа – его распятие, но я думаю, что изображение этого момента лишь возбуждает конфликт между иудеями и христианами, основанный на разнице во мнениях и религиозных принципах. Я считаю, что если, повествуя о распятии Господа Иисуса Христа, римско-католическая церковь смогла распространиться так широко, то насколько же огромен наш потенциал в распространении сознания Кришны – ведь мы можем рассказывать о сотнях и тысячах подобных событий, произошедших во времена воплощений Господа Кришны!

Прабхупада с Джанарданой посетили еще одну церковь, в которой хранились мощи святого-целителя. Прабхупада посмотрел на выставленные одежду, стол, кровать и личные вещи святого, но на него это не произвело никакого впечатления.

– Ты только посмотри, – сказал он. – Они почитают его за то, что он излечивал тела людей, которых сейчас уже нет в живых, но излечение души в ее вечности их не интересует!

Вопросы о Христе и Библии часто поднимались после лекций Прабхупады в храме. Однажды вечером Прабхупада объяснял, что даже именитые ученые изучают только тело. Человек может быть доктором наук и говорить о философии, но если его спросить: «Вы знаете, что такое душа?», – он замолчит.

Какой-то человек поднял руку:

– У меня с собой Библия, – начал он.

– Да, – кивнул Прабхупада.

– Библия написана Святым Духом человечества. Должны мы верить в Библию или нет?

– Вы говорите, что она написана человечеством, но, насколько мне известно, те, кто писал ее, опирались на откровение.

– Святой Дух?

– Да, – сказал Прабхупада. – Поэтому вы и должны читать. В противном случае, если человек пишет книгу, полагаясь лишь на собственные способности, он будет писать на основе своего опыта. И это будет несовершенное произведение.

– Вы говорили о том, что человек знает только тело. Что Вы думаете о теле Христовом?

– Тело Христа – не обычное тело, – ответил Прабхупада. – Оно духовно. В «Бхагавад-гите» Кришна говорит: самбхавамй-атма-майайа. И это очень тонкий момент. Необходимо понять, что когда нисходит Бог или сын Бога или представитель Бога, их тела не такие как у нас. Они приходят в духовных телах.

– «Кришна» значит «Христос», – сказал гость. – Он – цельный дух. И мы тоже находимся в теле человека. Это тело Бога?

– Нет, – ответил Прабхупада. – Тело человека – это не совсем тело Бога. Если говорить о Боге, между Его телом и душой нет разницы, потому что он всецело духовен. Например, если у вас золотое тело и золотая душа, то между вашей душой и телом нет разницы. Но если рассматривать нас как таковых, то мы – души, а тело наше материально. Поэтому я отличен от своего тела. Но когда мы достигнем освобождения, то обретем духовное тело, как у Кришны. В настоящий момент наши тело и душа отличаются друг от друга. Поэтому, как только душа уходит из тела, тело, будучи материей – «Из праха ты вышел, в прах и возвратишься» – смешивается с остальной материей, а душа принимает другое тело. Проблема в том, что мы должны остановить переселение из одного материального тела в другое. В этом и заключается высшее совершенство жизни.

Во время визита Прабхупады в Монреаль Джанардана показал ему несколько статей о Папе Павле VI. Папа был ярким противником аборт, несмотря на сильнейшую оппозицию со стороны верующих.

Прабхупада высоко оценил решимость Папы отстаивать Писания вопреки возражениям миллионов католиков и решил ему написать. Раньше он уже делал подобное, когда писал Ганди и Неру. Поэтому однажды утром он продиктовал письмо Папе и послал его в Ватикан.

В своем письме Прабхупада изложил свою биографию и миссию. Затем он дал определение любви к Богу (как оно изложено в «Шримад-Бхагаватам») и сказал, что человеческая форма жизни предназначена прежде всего для пробуждения этой любви. Отметив, что люди в основном интересуются наслаждением чувств, Прабхупада отметил: «Эта тенденция оказывает очень разлагающее воздействие. Поскольку Ваше Святейшество является главой великой церкви, я думаю, что нам следует встретиться и наметить программу сотрудничества».

Далее Прабхупада описал некоторые признаки деградации общества, включая внутрицерковное движение в поддержку аборт. «Из достоверных источников я узнал, что некоторые пытаются получить санкцию Вашего Святейшества на использование противозачаточных средств, что непременно противоречит принципам любой мировой религии. В индуизме использование противозачаточных средств или аборт приравнивается к убийству». Прабхупада упомянул, что подобное падение нравов наблюдается и в Индии, и посоветовал хранителям устоев общества очень серьезно отнестись к этой ситуации. В завершение Прабхупада написал: «Если Ваше Святейшество посчитает, что наша с Вами встреча может принести обществу благо, я буду очень рад получить Вашу аудиенцию».

Джанардана общался со многими либеральными богословами-экуменистами и хотел познакомить с ними Прабхупаду. Он подготовил неофициальную встречу в доме своего друга, и

Прабхупада охотно принял в ней участие, рассказывая о сознании Кришны. На следующий день он обобщил свои впечатления в письме Сатсварупе:

Да, у меня появляются хорошие возможности встречаться здесь с некоторыми учеными. Вчера вечером у нас была встреча в доме г-на Абдула Рабби. Туда приехали профессора из университета, а также д-р Эббот, д-р Макмиллан и многие другие. Приехали двое священников со своими женами. Отец Ланле прибыл без жены. У нас состоялась очень хорошая беседа, и, по милости Кришны, мне удалось оставить у них впечатление, что наша философия лучше всех. Профессор Абдул – мусульманин; он пишет диссертацию о религии суфиев. Он также был впечатлен. К сожалению, мне пришлось там есть, но я принял лишь немного фруктов, тогда как они ели всевозможную гадость. По крайней мере, они не пили. Только я и Джанардана воздерживались от разных отвратительных блюд.

Прабхупада посетил и более официальную экуменическую встречу – религиозную конференцию. В ней принимали участие около пятидесяти человек, включая Прабхупаду и группу его учеников. Президиум, представляющий разные религиозные течения, предоставил Прабхупаде честь быть основным докладчиком, а также включил его в свой состав. Прабхупада прочитал лекцию, после которой один католический священник спросил, как может Прабхупада быть столь уверен в своих высказываниях о Боге.

– А почему нет? – ответил Прабхупада. – В чем проблема? Я сознающее существо. Бог есть. Сейчас я забыл о Нем. Я должен вернуть свое утраченное сознание Бога. Неужели это слишком сложно?

Это были не вопросы покорных, молодых учеников, и находился Прабхупада не у себя в комнате, где в непринужденной обстановке мог откинуться на подушку. Он был собран и говорил логично, но при этом был очень открыт. Однако некоторым членам президиума не понравилось его выступление. Председатель конференции вызвался быть их представителем.

Председатель: Вы утверждаете, что совершенны?

Прабхупада: Я не совершенен – это точно. Но я знаю, что такое совершенство.

Председатель: Я этого не вижу.

На этих словах ученики Прабхупады рассмеялись, и Прабхупада, повернувшись, сделал им выговор:

– Не смейтесь!

Возвращаясь к дискуссии с председателем, он продолжил:

– Итак, вы здесь. Вам нужно попасть в Лондон. Если вы купите билет до Лондона и сядете на самолет, то даже если вы еще не бывали в Лондоне, вы уверены, что летите туда.

Председатель: Да. Я могу быть уверен. Я понимаю. В этом я не сомневаюсь. Но как вы можете быть уверены ...

Прабхупада: Нет, нет. Если я понял, что лечу в Лондон, я чувствую уверенность, что лечу в Лондон. И в этом мое счастье.

Председатель: То есть вы полностью счастливы.

Прабхупада: Да, потому что знаю, что если прилечу в Лондон, то буду счастлив. И я туда лечу.

Председатель: Но ведь вы еще не в Лондоне!

Прабхупада: Ну и что!

Уверенно повысив голос, Прабхупада произнес:

– Я уже сказал вам, что когда вы покупаете билет и понимаете, что вы непременно летите в Лондон – это счастье.

Председатель: Ну тогда и вопрос не стоит.

Прабхупада: Хм... Ну и что? Если пункт моего назначения – Лондон, какие могут быть вопросы? В вопросах нет необходимости.

Председатель: Зачем тогда проводить конференцию с представителями других религий?

Члены президиума внимательно слушали. Многим из них импонировали доводы, которые приводил председатель. Они хотели увидеть поражение Прабхупады.

Прабхупада: Эта конференция предназначена для того, чтобы вместе обсудить, что пункт нашего назначения – Лондон.

Председатель: И вы знаете, каков пункт назначения.

Прабхупада: Верно.

Председатель: Ваша идея в том, чтобы рассказать другим, где находится пункт назначения.

Прабхупада: Да.

Председатель: А не искать его вместе с ними.

Прабхупада: Нет, я не говорю ни о каком поиске. Я уже нашел.

Председатель: Ну да. Тогда у меня такое чувство, что это не конференция.

Прабхупада: Мм? То есть, если я хочу поделиться с вами какими-то хорошими новостями, то это не конференция?

Тут ученики Прабхупады уже не выдержали и взорвались смехом. На этот раз Прабхупада не остановил их. Он был слишком занят, слишком сосредоточен на споре, потому что в диспут разом включились несколько человек.

Член президиума: То есть, по-вашему, это может быть Лондон. А по-моему, это может быть Париж или Гавайи.

Прабхупада: Нет, тогда мы должны рассмотреть, где же истинное счастье – в Париже, или на Гавайях, или...

Председатель: Послушайте, вы! Если вы не хотите уступить, – председатель не мог удержаться от обвинительного тона, – допустить, что это не Лондон, и если я говорю, что я не собираюсь туда...

Прабхупада: Поехали, поехали... Есть бесчисленные планеты, и в «Бхагавад-гите» говорится: янти дева-врата деван питрин янти питри-вратах. Так что если вы думаете, что Лондон вам не подходит, а больше подходит Париж, то вам в Париж.

Другой член президиума (с немецким акцентом): Что ж, тогда конференция не имеет смысла.

Прабхупада: Да. Если вы не согласны, если вы не понимаете, в чем заключается высшая цель, тогда конференция бессмысленна. Если вы придерживаетесь привычного понимания, тогда в конференции действительно нет нужды.

Несколько участников – из президиума и аудитории – заговорили разом, протестуя против высказывания Прабхупады.

Прабхупада: Это конференция, и я хочу убедить вас, что Лондон – это место истинного счастья.

Председатель: Но я думаю, что знаю лучше вас.

Прабхупада: Вы можете думать, но вам следует убедиться в том, что ваше мнение ошибочно.

Председатель: А может быть, я смогу убедить вас в том, что ваше мнение ошибочно.

Прабхупада: Ну, давайте. Для этого и нужна конференция.

Прабхупада засмеялся. Через некоторое время хохотал уже весь зал, и накал страстей ослаб. Однако рабочий режим конференции расстроился, и теперь все говорили одновременно.

Председатель: Простите, Свамиджи, но время подходит к концу...

Прабхупада: Да.

Председатель: И я хотел бы сердечно поблагодарить вас за участие.

Прабхупада: Вы убедились, что конференция необходима?

Председатель: Да.

Прабхупада: Вы убеждаете меня, а я убеждаю вас.

Председатель: И я считаю, что это правильно. Такие конфронтации и слушания ведут к более глубокому пониманию.

Программа закончилась, и толпа начала рассеиваться. Разговаривая друг с другом, люди выходили на улицу. Стоял летний вечер.

Председатель, все еще интеллектуально уязвленный экуменизмом «по-прабхупадовски», подошел к Прабхупаде, который вместе с остальными двигался к выходу.

– Вопрос в том, – продолжил молодой священник, – куда же нам идти, если вы считаете, что вам нужно в Лондон, а я убежден, что должен ехать в Индию, и твердо верю в то, что, по крайней мере, для меня, нет ничего лучше Индии?

Прабхупада: Нет. Если вы убеждены, что для вас лучше ехать в Индию, вы должны принять, что ехать в Лондон для кого-то тоже хорошо.

Священник: Да. Но ведь и вы тоже можете поверить, что Индия лучше Лондона.

Прабхупада: Да, если вы сможете меня убедить.

Священник: Но если вы верите в то, что вас никто не убедит...

Прабхупада: Нет. Вы можете убедить, если будете опираться на аргументы.

Священник: Но тогда мы должны искать вместе, чтобы получить полную картину.

Прабхупада: Нет, у меня уже полная версия.

Священник: Тогда я не смогу вас ни в чем убедить.

Прабхупада: Нет. Почему же? У вас есть аргументы, у меня тоже. Вы должны доказать мне, что в Париже или Индии условия лучше...

Священник: Но как я смогу убедить вас, если вы говорите, что вы не можете...

Прабхупада: Нет, нет, нет, нет. Убедить – значит убедить, опираясь на силу аргументов.

* * *

Август 1968 года

Шрила Прабхупада беседует в комнате с учениками.

– Ну, что, Аннапурна, какие новости?

Аннапурна – юная девушка из Англии. Несколько месяцев назад ее отец написал ей, что, если в Англию приедет группа преданных, он, возможно, сможет предоставить в их распоряжение свой дом.

– Да, – ответила Аннапурна.

– Так каковы же наши дальнейшие планы?

Аннапурна была молчалива и застенчива. Однажды, когда Прабхупада спросил ее, повторяет ли она свои шестнадцать кругов, она вспыхнула и, заикаясь, чуть не плача, выпалила:

– Иногда я повторяю больше шестнадцати кругов! – чем очень рассмешила Прабхупаду.

– Написал отец что-нибудь обнадеживающее? – продолжал расспрашивать Прабхупада.

– Да, – ответила Аннапурна. – Он поддерживает меня, но говорит, что не сможет предоставить нам дом, если мы туда приедем.

– Ничего страшного, – сказал Прабхупада, немного разочарованный. – Все в руках Кришны. Когда мы идем к кому-то проповедовать, мы должны стоять со сложенными ладонями и со всем смирением говорить: «Дорогой господин, пожалуйста, примите сознание Кришны».

– Свамиджи, – начал Прадьюмна. – Я тут читал книгу Вивекананды...

– Ммм?

– В конце книги приводились кое-какие письма, и я их прочитал.

– Нам нет никакого дела до книг Вивекананды, – отрезал Прабхупада.

– Я не читал его философию, – стал оправдываться Прадьюмна. – Мне просто было интересно, какими методами он пользовался, проповедуя в Америке. Он хотел отправиться в Европу. У него был один богатый покровитель, и при его поддержке Вивекананда совершил шестинедельное путешествие по Франции, Англии, Германии, Швейцарии, Голландии и вернулся обратно. Вот как он осуществил большую часть своего турне. У него были один или двое влиятельных знакомых, и он делал все с их помощью. Они организовывали для него лекции, и общество...

– Ну, допустим. А ты сможешь мне это организовать? – спросил Прабхупада.

– Я думал, там, в Лондоне... Королевское азиатское общество... Кажется, Тхакур Бхактивинода был его членом...

– Но где санга самого Бхактивиноды Тхакура? – спросил Прабхупада.

– Ее нет. Но есть же там какие-то люди, с которыми можно начать переписку! Возможно, они захотят вас поддержать.

– А Вивекананда говорил что-нибудь о Кришне? –

– Его выступлений я не читал.

Прабхупада задумался. Если он поедет в Англию, ему будет негде остановиться. Прадьюмна толкует о каких-то влиятельных покровителях, которые смогут приезжать и подготавливать все заранее, но где они, эти люди? Пока что есть одна застенчивая девушка, которая и слово боится сказать, ее отец которой упорно не желает помогать преданным, да сам Прадьюмна, который читает Вивекананду и рассуждает о Королевском Азиатском обществе, но не предлагает ничего конкретного.

Прабхупада подумывал о том, чтобы прямо сейчас послать в Лондон каких-то преданных, а позже и самому присоединиться к ним. Он хотел как можно скорее положить начало Движению в Европе. Мукунда и Шьямасундара, мечтавшие отправиться туда, должны были через несколько дней прибыть в Монреаль.

– Прабхупада? – вдруг подал голос Шивананада, прерывая молчание.

– Да.

– А можно мне поехать в Англию?

Шивананда уже когда-то спрашивал об этом, и тогда Прабхупада ответил отказом. Он должен был остаться в Монреале и помогать преданным. Ему было всего двадцать лет, и его желание отправиться за океан было, скорее всего, следствием его непоседливости. Он был искренен, но неопытен. Но сейчас он снова просил – и весьма кстати.

– Моя мать даёт мне денег на дорогу, – продолжал Шивананда. – Она говорит, что не возражает, при условии, что, когда центр откроется, я вернусь и поступлю в колледж.

Прабхупада кивнул:

– Ладно. Поезжай. Ты искренен. Но будь осторожен. Сам-то я – старый калькуттский парень, и когда я приехал в Нью-Йорк, меня никто не мог обмануть.

Духовный учитель Прабхупады, Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, очень хотел распространить сознание Кришны в Европе. Он посылал туда самых опытных своих санньяси, оказывал им финансовую поддержку из Индии; но они вернулись, так ничего и не добившись. Но, возможно, эти юноши и девушки смогут достичь успеха там, где другие потерпели фиаско. Прабхупада чувствовал, что это возможно. Он знал, что это очень удовлетворит Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати.

Прабхупада верил, что его ученики смогут чего-то добиться в Европе, так же, как у них это получилось в Америке. Он приводил пример: человек нашел на дороге и подобрал выдолбленную тыкву. Потом он нашел проволоку и тоже подобрал. Хотя оба эти предмета не представляют сами по себе ничего ценного, соединив их вместе в виде вины, он заиграл прекрасную музыку. Подобным образом, Прабхупада, никому не нужный в Нью-Йорке, приехал и нашел валяющихся где попало хиппи. Но по милости Кришны союз их оказался успешен, и если ученики сохраняют искренность и будут следовать его указаниям, то успех в Европе им обеспечен.

Когда три семейные пары – Мукунда с Джанаки, Шьямасундара с Малати и Гурудас с Ямуной – прибыли в Монреаль, они вдохнули в храм новую жизнь. Эти три пары открывали храм в Сан-Франциско и близко общались с Прабхупадой. Они помогали ему проводить киртаны, пиры и Ратха-ятру, и сделали их популярными среди хиппи Хейт-Эшбери. Теперь же они горели желанием помочь Прабхупаде принести сознание Кришны в Лондон.

Это была эмоциональная встреча. Джанаки плакала, а Прабхупада гладил ее по голове, приговаривая:

– Ну, ну, не надо.

Увидев Сарасвати, дочь Шьямасундары и Малати, Прабхупада сказал:

– Вчера ночью мне приснился этот ребенок, да, именно этот ребенок, – и он взял девочку на руки и надел на нее гирлянду.

Прабхупада смеялся:

– Люди скажут: «Ну что это за санньяси?»

Он хотел, чтобы эти три пары пожили с ним одну-две недели, чтобы он мог научить их красиво исполнять киртан. Конечно, пение «Харе Кришна» – не театральное представление, а, скорее, акт преданности, и, по большому счету, петь ее правильно могут только чистые преданные, а вовсе не профессиональные музыканты, но если эти ученики разучат традиционные мелодии и немного порепетируют, лондонцы лучше оценят сознание Кришны.

Прабхупада хотел научить своих «лондонских миссионеров» определенной манере игры на музыкальных инструментах. Кто-то из них должен научиться правильно играть на фисгармонии – воспроизводя мелодию, а не просто качая меха, как много лет делали преданные. Санскритские мантры и бхаджаны нужно правильно произносить и петь на определенные мелодии. Некоторые мелодии подходят только для утра, другие – только для вечера. Каждое слово нужно произносить правильно и с должной интонацией.

Прабхупаде нравилось пение Ямуны, а Мукунда был опытным музыкантом, способным организовать группу для стройного исполнения. Просторный храм Монреаля вполне подходил для репетиций. В идеале, сказал Прабхупада, в группе двое должны играть на мридангах, один на фисгармонии, один на тампуре, и, по меньшей мере, шесть человек на караталах. Он говорил, что хочет послать эту группу не только в Лондон, но и в другие европейские страны, а также в Азию. Поэтому он хотел, чтобы ребята научились мастерству киртана.

– А можно нам ставить театральные представления? – спросил Гурудас.

– Да, – ответил Прабхупада, – вы можете разыгрывать сценки прямо на улице, используя маску Господа Нрисимхи, костюмы и парики. Или одного можете переодеть в Господа Чайтанью, другого – в Господа Нитьянанду, Гададхару, Адвайту с седой бородой, и Шривасу.

Прабхупада преисполнился радости при мысли о том, что его ученики будут петь в Англии киртан. Они станут более известны, чем йоги с их гимнастикой и медитацией на пустоту. Они будут ставить спектакли по историям из «Шримад-Бхагаватам», декламировать санскритские стихи и объяснять их значение в стихах на английском. Теперь, когда программа проповеди в Лондоне казалась вполне осуществимой, Прабхупада выдавал новые планы за другим. Преданным казалось, что у него уже детально разработаны сотни планов распространения сознания Кришны в мире, и все, что ему нужно – это только вдохновенные помощники.

Прабхупада начал проводить ежедневные репетиции киртана, обучая преданных петь «Харе Кришна», – сначала медленно, потом постепенно наращивая темп. Он часто прерывал их и просил начать заново. Прабхупада внимательно слушал пение солистки, Ямуны, временами останавливая ее, чтобы поправить произношение санскрита.

* * *

Шесть преданных, готовящихся к отъезду в Лондон, собрались в Монреале всего за несколько дней до начала двух самых больших праздников в году: Джанмаштами, дня явления Господа Кришны, и Вьяса-пуджи, дня явления Шрилы Прабхупады. С приближением праздничных дней из других городов начали прибывать преданные, желающие побыть немного вместе с Прабхупадой, и в обычно тихом храме Монреаля забурилась жизнь. Преданные с таким энтузиазмом готовили прасад, что, казалось, на кухне идет большой киртан. Прабхупада проследил за приготовлением, и вернулся к себе на квартиру, где лично готовил несколько особых блюд.

Празднование Джанмаштами должно было проходить весь день до полуночи, когда явился Господь Кришна, и завершиться кульминацией – полуночным пиром. Гопал разослал многим индийцам приглашения и сделал сотни звонков по телефону. В результате на праздник пришло более трехсот человек. Вечером Прабхупада прочитал лекцию перед невнимательной и болтливой аудиторией, состоящей из индийских семей с детьми, а после этого попросил по очереди выступить Гаурасундару, Мукунду и Ямуну. Довольный большим собранием гостей и преданных в бывшем кегельбане, ставшем теперь храмом, Прабхупада посчитал праздник Джанмаштами кульминацией своего пребывания в Монреале.

После полуночного пира, выходя из храма, Прабхупада остановился у двери и повернулся к Хамсадуте, который был главным поваром.

– Сладкие шарики у тебя получились отменные!

– Спасибо, Прабхупада.

– Но мои, – улыбнулся Прабхупада, – были лучше.

На следующий день, в день явления Прабхупады, преданные снова собрались в храме. До полудня они постились, а затем снова был пир. Утром они выступали с короткими речами, прославляя своего духовного учителя, а когда уже почти все выступили, Прабхупада повернулся к новенькому юноше и предложил выступить ему. Юноша встал и сказал, что хотя он очень мало знает о сознании Кришны, но каждый день служит Прабхупаде, раскатывая чапати на кухне. Он сказал, что ему нравится слушать записи его лекций и раскатывать чапати, и что он очень доволен и счастлив и просто хочет продолжать вечно катать чапати и слушать записи своего духовного учителя. Эти простые слова заставили Прабхупаду улыбнуться, и он поблагодарил юношу за его откровенность.

Затем Прабхупада описал духовного учителя как духовного посредника. Посредник может действовать только от лица своей фирмы, а клиент должен строить свои отношения с фирмой через него. Подобным образом, и ученик обращается к Кришне через духовного учителя.

* * *

Проповедническая группа, готовая отправиться в Лондон, пришла на последнюю встречу с Прабхупадой. Он посылал их в Лондон – открыть там центр и тем самым исполнить мечту его духовного учителя. Санньяси, которых Шрила Бхактисиддханта Сарасвати посылал в Лондон, выступили с лекциями в нескольких местах, позировали для фотографий с лордами и леди, а затем вернулись в Индию. Но ученики Прабхупады должны смело петь Святое Имя и вдохновлять на

это других. И когда эти люди сами научатся петь «Харе Кришна», то смогут продолжать без них, преданные же отправятся петь в другое место. Прабхупада был очень вдохновлен путешествием в Лондон, и слова его наполняли таким же энтузиазмом и его учеников.

Когда Мукунда спросил, нет ли у Прабхупады каких-то особых наставлений, тот ответил историей. В юности, сказал он, он видел кинофильм с Чарли Чаплином. Действия разворачивались на площадке для бальных танцев под открытым небом, а недалеко от главной танцплощадки располагались аллеи со скамейками, на которых сидели парочки. Какие-то озорные мальчишки намазали одну скамейку клеем, и на нее присели молодой человек со своей подружкой.

– Когда молодой человек встал, – засмеялся Прабхупада, рассказывая историю ученикам (те, не веря своим ушам, тоже хохотали), – одна фалда его фрака прилипла, и фрак разорвался прямо на спине.

Молодые люди не заметили этого и вернулись на танцы. Все взгляды устремились на них. Удивившись такому неожиданному вниманию, молодой человек пошел в гардеробную и в зеркале увидел, что фалды его фрака разорваны. Тогда он уже намеренно разорвал свой фрак до самого воротника, вернулся к своей партнерше и закружил ее в танце.

Тогда, чтобы войти в тот же дух, другой человек тоже разорвал свои фалды, и начал бешено танцевать со своей партнершей, словно состязаясь с первой парой. Один за другим их примеру следовали и другие танцоры – разрывали фалды и самозабвенно пускались в пляс.

К концу истории преданные уже просто покатывались со смеху, позабыв обо всем на свете. А затем, когда смех поутих, и встреча уже близилась к концу, Малати спросила:

– Прабхупада, я сомневаюсь, что мы можем ехать в Лондон, не приняв прибежища ваших лотосных стоп. Можно нам приложиться к вашим лотосным стопам?

Преданные опешили от ее неожиданной просьбы. Раньше никто ничего подобного не делал. Но никто, включая ее мужа, не возразил ей, и Прабхупада согласился. Один за другим, шестеро лондонских проповедников подходили, кланялись и целовали подошвы стоп своего духовного учителя.

Только когда преданные уже приехали в аэропорт, Мукунда, разговаривая со Шьямасундарой, начал понимать – и восхищению его не было границ – как гениально Прабхупада ответил на его вопрос, рассказав историю о разорванных фалдах.

Мукунда: Я понял, что Прабхупада говорил нам: поначалу проповедь сознания Кришны может быть трудна и не находить отклика у англичан. Но если мы будем проповедовать смело, вдохновенно и чисто, то все они последуют за нами.

Глава шестидесятая

Сиэтл

21 сентября 1968 года

Непосредственной причиной визита Шрилы Прабхупады в Сиэтл стало приглашение, полученное им от двух учеников, Упендры и Гаргамуни, которые только что открыли там центр ИСККОН. Прабхупада уже несколько лет пользовался этим методом распространения сознания Кришны в Америке: он ехал в какой-нибудь город, останавливался там, проповедовал и руководил учениками. Так было в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Бостоне, Монреале, Лос-Анджелесе – и везде ему сопутствовал успех. Как он писал в одном из писем в марте 1968 года: «Мы хотим открыть сотни центров, чтобы люди могли принять сознание Кришны. Для осуществления этой великой миссии Чайтанья Махапрабху нам нужно много парней и девушек, готовых трудиться не покладая рук».

Завещая Прабхупаде проповедовать в странах Запада, его Гуру Махараджа, Бхактисиддхант Сарасвати, не упоминал ни о Сиэтле, ни даже о Соединенных Штатах, но Господь Чайтанья Махапрабху сказал, что Святое Имя Господа, «Харе Кришна», будут петь в каждом городе и каждой деревне мира. Участники группы публичного пения и распространители журнала «Назад к Богу» из Лос-Анджелеса и Сан-Франциско хотели теперь попробовать выйти с пением на улицы консервативного Сиэтла. Население Сиэтла, родины «Боинга», составляло 560 тысяч человек. В городе был университет и несколько хороших колледжей. Еще до своего приезда Прабхупада послал туда нескольких преданных, чтобы те пополнили состав местного храма.

Гаргамуни отчаянно продолжал искать квартиру по доступной цене, а преданные тем временем поселили Прабхупаду в отеле. Из окна номера открывался вид на двухсотметровую «Космическую Иглу» и подвесную монорельсовую железную дорогу, что остались от Всемирной Выставки 1962 года.

Сидя за низеньким письменным столом в битком набитой преданными комнате, Прабхупада подтянул к себе фисгармонию.

– Сыграть? – спросил он, улыбаясь.

– Да! – умоляюще отозвались ученики, и он заиграл, искусно перебирая клавиши пальцами правой руки, а левой – качая мехи инструмента.

Прабхупада запел гауранга болите хабе пулака шарира / хари хари болите наяне вабе нира. Преданные были счастливы, что учитель с ними, однако песню, которую он пел, отнюдь нельзя было назвать «легкой музыкой». Звук маленькой фисгармонии и пения Прабхупады разлился по комнате. Это – бхаджаны, объяснил он, песни преданности, и та, что он хотел сейчас спеть, написана Нароттама-дасом Тхакурот: «Скоро ли наступит тот миг, когда при повторении «Харе Кришна» из глаз моих потекут слезы?» Когда Прабхупада пел, с его лица не сходило выражение, словно он хотел заплакать. Эта песня, сказал он, означает: «Когда ум мой полностью очистится и освободится от всех материальных тревог и желаний – только тогда я смогу понять Вриндаван и любовь Радхи и Кришны, и моя духовная жизнь увенчается успехом».

Вечером первого дня пребывания Прабхупады в Сиэтле его отвезли из отеля в храм ИСККОН – арендованный преданными дом в тихом пригороде. Один преданный-резчик, Нара-Нараяна, проделал превосходную работу: потратив всего пятьдесят долларов, он превратил гостиную дома в храмовую комнату. Длинный занавес из красного атласа закрывал внушительный трехъярусный алтарь, облицованный тем же кедровым шпоном, что и стены, на нижней ступени алтаря стояли латунная подставка для благовоний, латунные вазы для цветов, два серебряных двойных канделябра, раковина и изображение Господа Вишну. На средней ступени покоились черно-белая фотография Прабхупады крупным планом, большой цветной плакат, изображавший Господа Чайтанью, и нарисованная тушью Панча-таттва – работа учеников Прабхупады, Гаурасундары и Говинда-даси. На верхней ступени расположились тридцатисантиметровые Божества Господа Джаганнатхи, Субхадры и Господа Баладевы, облаченные в простой золотистый атлас, без всяких украшений и гирлянд.

По стенам были развешаны картины в красивых рамах. Слева от алтаря на индийском плакате обнимал теленка Гопал. Чудесные черно-белые снимки Шрилы Прабхупады, сделанные

на утренних прогулках в Сан-Франциско Гурудасом, были прикреплены на стене под потолком в форме декоративного фриза. Левую стену украшала картина, изображавшая Кришну, управляющего колесницей Арджуны. Справа от алтаря стояла व्याсана Шрилы Прабхупады.

Выполненная по проекту преданных, эта व्याсана, в метр высотой, была вмонтирована в угол комнаты так, чтобы в маленькую комнату могло вместиться как можно больше народу. На ее спинке, обитой темно-синим бархатом, сияли крупные золотые декоративные пуговицы. Сиденье было обтянуто золотистым бархатом и снабжено таким же валиком. Над व्याсаной висел золотой бархатный балдахин с бахромой.

Шрила Прабхупада приехал в храм в сопровождении своего слуги, Картикеи, и секретаря, Говинда-даси. Поднявшись по ступеням крыльца, они были встречены у парадной двери радостным киртаном, который вели в маленькой алтарной преданные. Пока Шрила Прабхупада шел от двери к своей व्याсане, все, кроме одного человека, предлагали ему поклоны. Исключением была девушка по имени Джой Фалчер, которая в тот день впервые встретила преданных и сейчас стояла посередине между парадной дверью и व्याсаной. Впрочем, когда Шрила Прабхупада поравнялся с ней, она тоже поклонилась.

Пока Шрила Прабхупада устраивался на व्याсане, Картикея готовил микрофон, а Говинда-даси настраивала магнитофон, преданные послали Джой предложить Прабхупаде гирлянду из красных роз и гвоздик. Джой сделала эту гирлянду сама, симметрично нанизав цветы на нитку. Но когда она надела ее на шею Прабхупады, гирлянда легла неровно, и девушка, чувствуя от этого себя неловко, повернулась, чтобы сесть на место.

– Большое тебе спасибо, – произнес Прабхупада тихим, но глубоким и звучным голосом.

Джой Фалчер: Я села и стала слушать его лекцию. Но из-за его акцента я не могла понять ни слова. На меня очень сильное впечатление произвело то, что этот уже пожилой человек пошел на такие испытания, чтобы приехать в Америку и общаться с нами. Я чувствовала, что никаких личных мотивов у него нет. Я совершенно ясно почувствовала, что он не собирается меня обманывать. Слушая, как он цитирует Писания, ссылается на своего Гуру Махараджа, слыша его мягкий голос и чувствуя его ко мне отношение, я сделала вывод, что человек этот непостижимо смиренен. Я видела, что он не старается произвести на кого-то впечатление, что он очень скромный, и во всем полагается на своего Гуру Махараджа. После лекции я подняла руку, чтобы задать вопрос. Ответив на три-четыре вопроса, он, наконец, обратился ко мне. Я спросила:

– Шри Бхактиведанта, как может эта вселенская сила, непостижимая для человека... по крайней мере, для меня, в данный момент... как может она иметь форму Радхи и Кришны?

До приезда Прабхупады преданные объяснили мне, что Абсолютная Истина, которую я, начитавшись книг по философии йоги, называла «вселенским присутствием», на самом деле – Кришна, Верховная Божественная Личность, и Его спутница, Радхарани.

Шрила Прабхупада ответил очень определенно:

– По Его милости, – и затем громко добавил: – Ты не можешь заставить солнце взойти. Подобным образом, ты не можешь приказать Богу появиться перед тобой и рассеять твои сомнения!

Его пример был для меня как удар молнии, поскольку всего лишь четырьмя месяцами ранее я забралась на гору и просидела там одна всю ночь, в ожидании рассвета, именно чтобы «заставить солнце взойти». Но когда наступил рассвет, было пасмурно, и поэтому, разумеется, я не смогла заставить солнце подняться. То, что, отвечая на мой вопрос, из всех примеров Прабхупада выбрал именно этот, для меня было подобно удару молнии.

Затем Его Божественная Милость смягчил свой голос. Став подобным розе и жестом руки указав на своих учеников, он сказал:

– Но ты просто общайся с этими замечательными юношами и девушками, пой мантру «Харе Кришна», ешь кришна-прасад, внимательно изучай мои книги и выполняй какое-то посильное служение, и тогда в свое время, когда Господь Сам захочет, Он откроется тебе изнутри сердца, со всеми Своими именами, славой, формой, играми, атрибутами и спутниками.

Через несколько дней Гаргамуни нашел для Прабхупады недорогую двухкомнатную квартиру. Гаргамуни, с его нижнее-ист-сайдовскими запросами, посчитал, что заключил выгодную сделку: по сравнению с нью-йоркскими трущобами, квартира была очень даже ничего. Но в Сизтле можно было найти жилье и лучше.

Когда Прабхупада вместе с учениками вошел в квартиру, все увидели, что это не квартира, а катастрофа. Прабхупада подошел к окну и – в двух метрах от себя увидел кирпичную стену

соседнего дома. Из-за этого солнечный свет в комнату не попадал. Прабхупада посмотрел вниз, на темный, грязный и замусоренный проход между домами. Занавески в комнате доходили только до половины окна, кафель в ванной отваливался. Всюду была грязь, кровать отсутствовала. Чтобы добраться до ванной, преданным, живущим с Прабхупадой, пришлось бы идти через его комнату. Только когда Прабхупада оказался здесь, в исходившем от него ярком духовном сиянии ученики ясно увидели, что квартира никуда не годится. Однако Прабхупада не жаловался.

– Ничего, – сказал он и, сняв чадар, положил его на пол и сел.

Терпимо он отнесся и к тому, что район был не из тихих. Но признал:

– Жилье так себе, – и посмотрев на преданных, притихших в полумраке комнаты, спросил:

– Зачем вы привели меня в этот склеп?

Пораженные этими словами в самое сердце, преданные поняли, что должны найти квартиру поприличнее. Несколько человек сразу же отправились на поиски.

Почему они привели его в склеп? Джаянанда, Нара-нараяна и Говинда-даси сели в фургон и поехали, пообещав себе не возвращаться, пока не найдут то, что понравится Прабхупаде. Они двигались в сторону Капитолийского холма, пока на газоне красивого дома у озера не увидели вывеску «сдается в аренду». Хотя квартира находилась в цокольном этаже, благодаря множеству расположенных на уровне земли окон, в комнатах было очень светло. Джаянанда и Говинда-даси поговорили с домовладельцем, и на следующий день Прабхупада переехал на новое место.

Ему понравилось, что за окном растут тюльпаны, и виден ведущий к берегу озера зеленый склон. Ему нравилось гулять во дворе, откуда можно было наблюдать проплывающие корабли.

– На той, первой, квартире, – засмеялся он, – я чувствовал себя как в материнской утробе, но, оказавшись здесь, я словно появился на свет.

Квартира была хорошо обставлена, и Прабхупада поставил свои Божества Радхи-Кришны на комод с зеркалом, из которого получился красивый алтарь.

Каждый день рано утром Прабхупада ходил на прогулку, обычно в Во?лонтер-парк, где он проходил несколько километров по берегу пруда. Некоторые из сопровождавших его учеников, молодых парней, уставали от ходьбы, но Прабхупада наслаждался прогулкой. Однажды утром, гуляя вместе с Джаянандой, Прабхупада заметил впереди человека, который только что выудил из воды рыбу. Рыбак гордо поднял свой улов, покачивая им, словно предлагая Прабхупаде, и весело спросил:

– Кому на уху?

Прабхупада улыбнулся:

– Нет уж, наслаждайтесь сами, – произнес он на ходу, но когда сравнился с рыбаком, добавил, – и страдайте.

Они также гуляли в саду, где росло много розовых кустов и обитали многочисленные птицы. Тут и там свободно гуляли павлины. В шаштрах говорится, что место, куда идет святой, превращается в тиртху, место паломничества. В Индии есть много тиртх, в большинстве которых Верховная Божественная Личность или Его великие преданные являли те или иные лилы. В Америке нет таких тиртх. Однако после проповеди Прабхупады, сначала в Нью-Йорке, на Второй авеню, 26 и в Томпкинс-сквере, а потом в Голден-гейт-парке, у озера Стоув, на Венис-бич или в Волонтер-парке, – все эти места в Америке стали для последователей Прабхупады неповторимы и незабываемы.

В Сиэтл прибыла путешествующая группа санкиртаны, и Прабхупада поспешил воспользоваться этой благоприятной возможностью. Он сказал Тамала-Кришне, что хочет организовать группу санкиртаны, которая будет путешествовать по всему миру, и в которую будут входить двенадцать мужчин, двенадцать женщин и он сам.

А преданные тем временем каждый день выезжали в центр города, и жители Сиэтла с изумлением взирали на молодых американцев с бритыми головами, в шафрановых одеяниях и женщин в сари, которые играли на караталах и пели «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе». Преданные часами пели «Харе Кришна», раздавали карточки со словами маха-мантры и иногда, возвращаясь в храм, приводили с собой людей. В результате на вечерних лекциях Прабхупады всегда собиралось много народу. Днем преданные пели на улицах, а вечером Прабхупада читал лекции – город стремительно одухотворялся. Поэтому каждый вечер в маленькой, отделанной кедром алтарной Господа Джаганнатхи каждый мог почувствовать насыщенную духовную атмосферу. Прабхупада с большим воодушевлением читал лекции в зале, полном учеников и гостей.

После вечернего киртана все рассаживались на полу, а те, кому не хватало места, стояли на улице, слушая через окна. Прабхупада неизменно начинал с пения говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами. Он исполнял этот припев громко и на простую мелодию, и все хором повторяли за ним: говиндам ади-пурушам там ахам бхаджами. Пропев эти слова несколько раз, он начинал лекцию.

Часто он просил кого-нибудь из преданных читать вслух «Учение Господа Чайтаньи» – книгу, которая к тому времени только что вышла из печати. Прабхупада слушал и время от времени вставлял свои комментарии.

– Это Движение сознания Кришны, – объяснял он, – необходимо понимать через призму учения Господа Чайтаньи. Пятьсот лет назад Он явился в Бенгалии, одной из провинций Индии. И главной Его целью было распространение движения сознания Кришны. Чтобы исполнить этот наказ, мы прибыли в вашу страну. Я прошу вас тщательно, применяя все свои знания, попытаться понять это Движение сознания Кришны. Не принимайте его слепо. У нас есть книга «Учение Господа Чайтаньи», а также другие книги, много книг. Попробуйте их читать. И у нас есть журнал «Назад к Богу». Мы не сентименталисты, чтобы просто так танцевать. В этом танце таится глубокий смысл. Это не танец каких-то сумасшедших. В этом танце участвуют самые разумные люди, и, тем не менее, он настолько удивителен, что даже вот такой мальчик, как этот, может принять в нем участие.

Прабхупада подчеркивал, что сознание Кришны универсально. Основанное на глубокой философии, оно, тем не менее, очень просто, и простота эта – в том, что «Бог велик, а мы – Его неотъемлемые части». Чтобы доказать это, он приводил простые примеры: рука является частью тела и очень ценна, когда действует как часть целого; маленький винтик в печатной машине сохраняет свою важность, пока остается частью механизма – в противном случае, он бесполезен. Подобным образом, пока индивидуальная душа не посвятит себя преданному служению Кришне, она останется несовершенной.

Проговорив около получаса об основах сознания Кришны, Прабхупада предлагал аудитории задавать вопросы. Каждый раз поднималось как минимум несколько рук. Сначала он отвечал на вопросы гостей. В те дни среди молодежи, студентов и хиппи было обычным делом задавать «космические» вопросы, интересоваться йогой и восточной философией. Однако оттого, что головы их были забиты всякой всячиной (в том числе и наркотиками) чаще всего они пребывали в полном неведении. Но за три года постоянной проповеди с рядов американской молодежи Прабхупада накопил немалый опыт и потому уже много раз слышал почти все вопросы, которые они способны были задать.

Молодой человек: Может ли контакт происходить не через слова, а, скажем, через вибрацию, достигающую «Ом»? То есть, можно ли обрести связь или то, что понятно и мне, и вам, и моему брату, как, например, когда мы чувствуем звук донг или аунг? Есть ли нечто, не ограниченное словами?

– Да, – отвечал Прабхупада, – это «Харе Кришна».

Молодой человек: «Харе Кришна?»

Прабхупада: Да.

Молодой человек: Но скажите, как это возможно? Как можно все время говорить на этом языке вместо английского или любого другого?

Прабхупада: Произносить мантру «Харе Кришна» не обязательно только на санскрите. Вы можете произносить ее с английским акцентом – «Харе Кришна». Что тут трудного? Эти молодые люди тоже произносят «Харе Кришна». Как, например, пианино. Если вы касаетесь, раздается звук. Неважно, кто ударяет по клавишам – американец или индеец, индус или мусульманин. Звук есть звук. Подобным образом, это пианино – «Харе Кришна» – вы можете играть на нем, и оно будет звучать. Вот и все.

Кто-то задал вопрос о медитации.

Прабхупада спросил:

– Что вы понимаете под медитацией?

– Молча сидеть в одиночестве и не двигаться.

– Возможно ли это? – спросил Прабхупада. – У кого из вас во время такого безмолвного сидения ум перестает действовать? Вы так или иначе вынуждены чем-то занимать свой ум.

– Вы-то его чем занимаете?

– Да, – ответил Прабхупада. – Это Кришна. Мы занимаем свой ум Кришной, прекрасным Господом, Верховной Божественной Личностью, и мы занимаем не только ум, но ум вместе с чувствами, потому что чувства невозможно оторвать от ума. Ваш ум говорит: «Сходим-ка в это новое общество, ИСККОН». И ноги несут вас туда. Итак, ум думает, чувствует и желает – это его функции. Вы должны сосредоточить свой ум не только на мысли о Кришне, вы должны еще и действовать для Кришны, чувствовать Кришну. Тогда это полноценная медитация.

Кто-то спросил, нужен ли христианину духовный учитель, если он читает Библию и следует словам Иисуса.

– Как только вы начинаете читать Библию, – ответил Прабхупада, – вы следуете наставлениям Господа Иисуса Христа, поэтому как же вы можете обойтись без духовного учителя?

– Я имел в виду живого духовного учителя.

Прабхупада: Вы можете принять того или иного духовного учителя. Это уже другой вопрос. Но принять учителя нужно. Когда вы читаете Библию, вы следуете духовному учителю в лице какого-нибудь священника или прихожанина в традиции Господа Иисуса Христа. Так что в любом случае вы должны следовать за духовным учителем. Без духовного учителя вы ничего не добьетесь. Понятно?

– Многие христианские секты по-разному интерпретируют Библию.

Прабхупада: Библию нельзя интерпретировать как заблагорассудится – ведь тогда теряется ее авторитетность. Взять, к примеру, эти часы. Все называют их часами, но если я назову их очками, какой от меня прок как от духовного учителя? Я просто ввожу людей в заблуждение. Это часы, и я должен называть их часами. Нужно обладать достаточным разумом, чтобы отличить настоящего духовного учителя от обманщика. В противном случае, вас обманут, что и происходит сейчас на каждом шагу. Каждый дает собственное толкование.

Существуют тысячи переводов «Бхагавад-гиты» и авторы пытались трактовать ее по-своему – все это чушь. Все их книги нужно выбросить. Вы должны прочитать «Бхагавад-гиту» как она есть – тогда вы ее поймете. Если кто-то ясно понимает ее слова... Как в Библии: «И сказал Бог: «Да будет творение», – и возник мир» – как это интерпретировать? Бог сотворил, вот и все. Вы не можете сотворить. Чего тут толковать?

Если я не ошибаюсь, в начале Библии говорится: «И сказал Бог: «Да будет мир», – и возник мир». Каково же ваше толкование? Скажите мне, как вы это трактуете? Кто-то из вас может что-то предложить? Можно объяснить; но это уже совсем другое. Но факт того, что Бог сотворил, останется неизменным; это мы не можем менять.

А как происходил процесс творения, объясняется в «Бхагаватам». Сначала было небо, затем возник звук, затем то, другое. Но первостепенный факт – Бог создал мир – останется в любом случае. Не так, что какой-то мошенник-ученый заявляет: «Сначала был сгусток материи, и он раскололся, и возникла эта планета. Возможно так, похоже, что эдак». Все это чепуха. Почему «возможно»? Здесь же ясно говорится: Бог создал. Вот и все. Точка.

Другой гость сказал, что не считает себя кому-то подчиненным и потому не чувствует, что должен кому-то кланяться. Тем самым он словно хотел осудить преданных за то, что те кланяются Прабхупаде. Это следствие материальной болезни, объяснил Прабхупада, когда человек думает, что не должен никому кланяться. И тут же логически доказал, что каждого из нас природа заставляет «склоняться» перед старостью, болезнью и многими другими вещами.

Гость: Хорошо. Но перед кем или чем я должен склоняться?

Прабхупада: Раз уж вам все равно приходится склоняться, вы должны сами найти то, чему даже кланясь, вы будете счастливы. И это Кришна. Вы все равно будете склоняться, потому что вы предназначены для этого; но если вы склоняетесь перед Кришной и представителем Кришны, вас ждет счастье.

Ученики были смиренны, поэтому только в них духовный учитель мог вложить знание о Кришне. Но и среди них находились те, кто не был свободен от сомнений, и Прабхупаде приходилось убеждать их, пользуясь теми же логическими аргументами, которые он использовал в общении с гостями.

Преданный: Прабхупада. Как можно логически доказать имперсоналистам существование Личности Бога?

Прабхупада начал объяснять три ипостаси Абсолюта, сравнивая их с тремя составляющими солнца – солнечным светом, солнечным диском и богом солнца. Прибегнув к известной аналогии,

он исчерпывающе объяснил существование Верховной Личности как источника всех экспансий, включая безличный Брахман.

– Но, – преданный был по-прежнему не удовлетворен, – как логически объяснить такому имперсоналисту Абсолютную Истину? Я слышал, что такое доказательство было у Шрилы Бхактивиноды.

Прабхупада: Оставь в покое Бхактивиноду, попытайся понять, опираясь на собственный здравый смысл.

Прабхупада снова старательно все объяснил, на этот раз более детально. Он процитировал «Веданта-сутру», стих джанмадьяся ятах, объясняющий, что все сущее исходит из Верховного Абсолюта. Поэтому, раз все мы личности, должна существовать и Верховная Личность, из которого все исходит, источник всех личностных качеств. Мы способны понимать, что мы личности, потому что наш отец является личностью.

Часто Прабхупада ограничивался лишь утверждением, что Бог есть и Его нужно полюбить. Какой-то студент возразил: почему любовь к Богу должна выражаться именно в форме Движения сознания Кришны?

Студент: Если наша главная цель – служить Богу или Кришне, зачем нужна организация? Можно настолько увлечься Движением, что совсем забыть о служении Богу.

Прабхупада: В чем мое служение Богу? Это Движение и означает, что я служу Богу. Что вы понимаете под служением? Если Кришна говорит: «Повинуйся Мне», а я говорю «Повинуйся Кришне», то разве это не служение?

Студент: Служение.

Прабхупада: Так вот, мы заняты именно этим. Кришна говорит: «Предайся Мне и оставь все остальные занятия, и Я защищу тебя». А мы говорим то же самое: предайтесь Кришне, и вы будете счастливы. Итак, мы добровольно оказываем Кришне служение. Проповедь – лучшее служение, если вы проповедуете правильно. Если вы проповедуете неправильно, это приносит только вред. Вы должны просто повторять то, что говорит Кришна.

Студент: Но Движение может стать препятствием на пути служения Кришне.

Прабхупада: Это служение Кришне. Поскольку мы поняли, чего хочет Кришна, мы это и проповедуем.

Студент: Всегда ли подобное Движение имело место?

Прабхупада: Да, это Движение существует всегда. Как, например, в «Бхагавад-гите» говорится: «Мой дорогой Арджуна, всякий раз, когда людей вводят в заблуждение и начинает преобладать безверие, Я нисхожу в этот мир». Материальный мир таков, что все поначалу правильное со временем искажается. Поэтому всякий раз, когда происходит подобное искажение истины, возникает необходимость в Движении. Наличие Движения говорит о том, что Бог есть, Он велик, а мы Ему подвластны. Наш долг подчиняться порядку, установленному Богом, тогда мы будем счастливы. Суть движения проста. Господь Кришна проповедовал то же самое. Господь Иисус Христос проповедовал то же самое. И мы проповедуем то же самое. Мы просто признаём власть или величие Верховного Господа и занимаем себя служением Ему, вот и все. В этом нет ничего нового. Не пытайтесь усмотреть в этом нечто новое. Это самое древнее Движение, потому что Бог наидревнейший, и вы тоже наидревнейшие, равно как и ваши взаимоотношения. Поэтому движение это началось с незапамятных времен. Но метод, который мы предлагаем, соответствует нашему времени. Он также не нов и не был кем-то изобретен. Этот метод рекомендован для данной эпохи. Как, например, зимой мы защищаем свое тело от холода. Подобным образом, говорится, что в эту эпоху, Кали-югу, осознать Бога можно только путем пения «Харе Кришна».

Многие молодые люди пытались найти в словах Прабхупады противоречия. Один юноша прицепился к высказыванию Прабхупады о том, что для ребенка естественно пить молоко, а не есть плоть животного. Парень сделал вывод, что если Прабхупада делает такой акцент на естественности, можно ли назвать естественным то, что сначала ребенок подрастает, а потом обрывает голову и служит Богу – или это лишь очередная форма социализации? Еще один посетитель спросил, почему Международное Общество сознания Кришны зарегистрировано как «корпорация». Другой спросил, нуждались ли в духовных учителях индийские садху, которые носили длинные волосы и бродили по лесам.

Вопросы свидетельствовали о внутреннем напряжении гостей. Прабхупада требовал полного предания истине. Они понимали, что, согласившись с ним, с тем, что он представляет истину, они, как и его ученики со светящимися лицами, сидящие рядом с ними в переполненной

алтарной, должны будут склониться перед Прабхупадой и Господом Джаганнатхой, вступить в Движение, обрить головы и выходить на улицы петь «Харе Кришна». По крайней мере, такой подтекст они усматривали в его словах. Поэтому те, кто в глубине души желали избежать аскез, предания, кто не хотел покончить со своей иллюзорной жизнью, искали недостатки и возможные противоречия. Однако, хотя Прабхупада, будучи мягким и снисходительным, никогда не требовал от своих слушателей обривать голову или жить в храме, он продолжал разбивать их нерешительные аргументы, выявлять слабость атеистической логики, и громить безумие их материальных желаний. Сидя на вышитой золотом синей бархатной вьясасане в гостинице одного из домов Сиятла, он действовал как представитель Кришны.

Женщина: Я хочу увидеть свидетельства жизни после смерти, письменные свидетельства, чтобы я могла прочитать о них и внимательно изучить. Есть ли такие источники?

Прабхупада: Читайте «Бхагавад-гиту». Вы все поймете.

Женщина: Это шестьдесят восемь томов?

Прабхупада: Нет, «Бхагавад-гита» это всего один том. Восемнадцать глав, семьсот стихов. Вы можете прочитать ее за три дня. Это не трудно. Мы опубликовали «Бхагавад-гиту как она есть», и, я думаю, если вы прочтете ее, то получите массу интересной информации. После прочтения «Бхагавад-гиты» читайте «Шримад-Бхагаватам». Так вы углубите свое образование. Затем читайте «Учение Господа Чайтаньи» и станете еще более просвещенной. А для общего ознакомления у нас есть журнал «Обратно к Богу», можете почитать его. Мы не просто говорим. Мы опираемся на серьезное знание и литературу.

Так продолжалось допоздна, сначала до девяти, потом до десяти, а потом до половины одиннадцатого.

Предназначена ли бхакти-йога для всех? Что насчет кундалини-йоги? Почему Кришна попросил Арджуну сражаться? Что вы скажете про сознание Христа? Что вы думаете о Троице? Для Прабхупады эти диспуты были настоящим самадхи – действуя от имени Господа, он с увлечением опровергал аргументы и отвечал на вопросы о Кришне. Да, он ожидал, что если его слушатели являются поистине порядочными людьми, они согласятся с верностью его учения и всем сердцем посвятят себя сознанию Кришны.

– Вот мое предложение, – сказал Прабхупада. – Примите сознание Кришны. Теперь выбор за вами. Если можете, примите сознание Кришны. Это хорошо. Если не примете, это ваша беда. Разве так трудно принять нашу доктрину? Я спрашиваю всех вас, неужели это трудно? Я спрашиваю. Вы задали мне столько вопросов. Неужели так трудно принять эту формулу?

– Нет, – бормотали в ответ собравшиеся гости и преданные.

– Так почему тогда вам не принять ее? – рассмеялся Прабхупада. – Это так просто, так хорошо. Попробуйте понять, опираясь на собственное знание. Мы не принуждаем вас. У вас есть разум, доводы, логика и все остальное. Вы сами убедитесь, насколько возвышенно это учение. Автор «Чайтанья-чаритамриты» говорит, что мы выносим это произведение на ваш суд, мы не навязываем его вам. Иногда говорят, что мусульмане распространяли свою религию с мечом в одной руке и Кораном в другой: либо вы принимаете Коран, либо меч на вашу голову. Сознание Кришны не таково. Оно вынесено на ваш суд. И если оно вам понравится, примите его. В противном случае, я приехал ни с чем, я уеду ни с чем. Я ничего не теряю и не приобретаю.

Чувствуя удовлетворение, как всецело предавшийся слуга, Прабхупада рассмеялся. Затем он попросил всех петь «Харе Кришна».

Тамала-Кришна: В тот момент я понял, что Прабхупада – мой единственный господин и учитель. Всякий раз, когда он вставал с вьясасаны, я просто крепко хватался за его стопы и держал, и держал их. Я прикладывался к ним головой и не давал ему уходить. Я так хотел быть у лотосных стоп Прабхупады! Я хотел быть с ним как можно больше. Я не находил себе места, когда он уезжал в другой храм. Я помню, иногда, после программы, он съедал кусочек фрукта и бросал кожуру на пол. Мы все набрасывались на нее и боролись за нее перед алтарем и Прабхупадой. Мы катались, сцепившись, как щенята. Прабхупада откидывался на спинку и смеялся. Он считал, что это только на пользу нашей духовной жизни.

Прошел слух, что Прабхупада – чьи ученики каждый день пели в центре города – сам поет «Харе Кришна» и читает лекции в храме на проспекте Рузвельта. Однажды вечером, чтобы заснять происходящие события – Господа Джаганнатху, поющих и танцующих преданных и фрагменты лекции Прабхупады – в храм приехала местная телекомпания, с большими камерами, микрофонами и софитами. На следующий день они вновь приехали – уже на квартиру

Прабхупады – взяли у него интервью и засняли на пленку, как он играет на фисгармонии. Они направили свои камеры на его личный алтарь, взяв крупным планом Божества Радха-Кришны, а также обложки его книг – «Бхагавад-гиту как она есть» и «Учение Господа Чайтаньи». Посмотрев в вечерних новостях их короткий репортаж по цветному телевизору, Прабхупада остался доволен. Он написал преданным в Лондон: «Эти последние известия должны помочь нашему Движению здесь в Сиэтле, поскольку очень многие увидят их и придут в наш храм. Вы можете попытаться, если получится, устроить выход на лондонское телевидение».

Благодаря телепередаче храм какое-то время пользовался популярностью. Когда на следующий вечер Прабхупада приехал в храм на лекцию, гостей в алтарной – парней и девушек – было на полсотни больше чем обычно. Прабхупада был как будто бы доволен, но на самом деле, все эти гости принадлежали к одной группе – это были искатели приключений из студенческого клуба, со своими подружками. Они пробыли до конца киртана, но как только Прабхупада заговорил, разом встали и вышли, и в храме, как и раньше, остались только преданные и несколько действительно заинтересованных гостей.

Преданные иногда посещали университет, вызывая среди студентов немалый, хотя и быстро проходящий интерес. К Прабхупаде приходил и долго с ним беседовал представитель студенческой газеты.

Однажды на квартиру к Прабхупаде пришли двое, представившиеся репортерами, и секретарь Прабхупады впустил их, полагая, что те хотят взять интервью. Но их интервью превратилось в допрос. Они потребовали от Прабхупады объяснить, почему он не учит, что единственный путь к Богу – Иисус Христос. Их бесило, что Прабхупада проповедует в университетских городках, а когда Прабхупада сказал им, что принимает Иисуса Христа сыном Бога, они потребовали:

– Но вы верите или нет в то, что Иисус – единственный путь?

– А как вы считаете, Бог ограничен или безграничен? – спросил в ответ Прабхупада.

– Безграничен, – согласились те.

– Тогда почему вы ограничиваете Его, – спросил Прабхупада, – говоря, что к нему ведет только один путь? Даже у обычного человека может быть двадцать сыновей. Вы что, хотите сказать, что Бог может иметь только одного сына? Почему вы его ограничиваете?

Через несколько минут гости уже говорили с Прабхупадой на повышенных тонах. Стало понятно, что это вовсе не репортеры. Они признались, что на самом деле они местные священники. Когда речь их стала оскорбительной, преданные попросили их покинуть дом. Одному из своих учеников в Нью-Йорке Прабхупада написал в письме:

Представители христианского и иудейского духовенства начинают завидовать нашему Движению. Они боятся за свою религию, поскольку видят, как много молодежи проявляет интерес к традиции сознания Кришны. Разумеется, их это не очень устраивает. Поэтому в будущем мы можем столкнуться с некоторыми препятствиями с их стороны. Мы должны принять меры предосторожности. Конечно, класс священников не смог до сего времени сделать ничего выдающегося, но догматизм имеет место. В любом случае, нам придется положиться на Кришну.

Перед тем, как Прабхупада приехал в Сиэтл, Упендра написал декану факультета востоковедения Вашингтонского университета с предложением о проведении лекции. Профессор ответил на санскрите, прекрасно понимая, что отправители не смогут прочитать его письмо. Упендра же передал письмо Прабхупаде, и тот сразу же перевел его и написал ответ на английском, однако цитируя множество санскритских стихов. Прабхупада завершил свое письмо так: «Я прошу прощения за то, что мы не можем ответить Вам на санскрите. Наш подход – не академический, но чисто духовный». Прабхупада велел Упендре подписаться под письмом, так, словно это был его ответ.

Прабхупада прочитал лекции в нескольких колледжах. В Вашингтонском университете он попросил выступить со вступительной речью Тамала-Кришну. Повторяя слово в слово то, что слышал от Прабхупады, Тамала-Кришна начал бесстрашно говорить о «так называемых святых или свами, которые обманывают публику». Он особенно подчеркнул, что «наш духовный учитель» ни в чем не противоречит Иисусу Христу и Библии. Библия авторитетна, сказал он, но подобна карманному словарю, в отличие от полного.

– Необходимо слушать такую личность, как наш духовный учитель, А.Ч. Бхактиведанта Свами, – сказал Тамала-Кришна.

Затем он прочитал статью из «Нью-Йорк дэйли-ньюз» под заголовком «Приют для пьющих священников», с фотографией недавно открытого санатория для лечения священников-алкоголиков, которых в Соединенных Штатах насчитывалось пять тысяч человек.

– Я не говорю, что все священники такие, – сказал он. – Я вовсе не это пытаюсь доказать. Но в статье говорится, что к алкоголизму относятся не как к моральной проблеме, а как к болезни. Но это абсурд. Это нравственная проблема. Эти священники имели выбор – пить или не пить. Они предпочитают пить и пьянеть. И это – люди, которые ведут нас к Богу.

Суть в том, что нужно избрать чистую личность. Чтобы учить о Боге, человек должен обладать нравственными качествами. Наш духовный учитель прожил всю свою жизнь, прославляя Верховного Господа. Сегодня мы просим вас, – пожалуйста, внимательно слушайте и просто попытайтесь понять его учение. Просто слушайте и пользуйтесь своей способностью критически мыслить, своим интеллектом, пытаюсь понять, действительно ли этот путь ведет к Абсолютной Истине. А сейчас слово предоставляется Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанте Свами Прабхупаде.

Прабхупада слушал, сидя на задрапированном оранжевой тканью подиуме аудитории. Тамала-Кришна выступил стоя, после чего присоединился к остальным преданным – мужчинам в шафрановых одеяниях и женщинами в сари – сидящим у стоп Прабхупады. Усиленный динамиками, голос Прабхупады эхом разнесся по просторному залу. В зале присутствовало более ста человек. Он процитировал стих ом агьяна-timiрандхасья, объяснив, что все, кто живет в материальном мире, прозябают во тьме, а духовный учитель – это тот, кто рассеивает тьму светочем знания. Если человечество не стремится выйти на свет, посветив себя поиску Бога, такие люди ничем не лучше животных.

Чтобы проиллюстрировать свое утверждение о том, что из-за отсутствия сознания Бога человеческое общество находится в опасном положении, Прабхупада рассказал «очень хорошую историю».

– Одной крысе, – сказал он, – досаждала кошка, и крыса обратилась к святому.

– Господин, моя жизнь стала невыносимой.

– Что случилось?

– Меня постоянно преследует кошка, – ответила крыса, – я не нахожу покоя.

– Ну, и что ты хочешь этим сказать?

– Пожалуйста, сделай меня кошкой.

– Хорошо, стань кошкой.

Но через несколько дней кошка вернулась к святому и пожаловалась, что за ней гоняется собака. Святой дал ей благословение:

– Ну, хорошо, стань собакой.

Тогда собаку стали гонять лисы. Святой снова благословил:

– Ладно, стань лисой.

После чего за лисой стали гоняться тигры. Святой превратил лесу в тигра.

– И когда лиса стала тигром, – продолжил Прабхупада, – этот тигр уставился на святого: «Съем тебя!»

– О! Ты хочешь меня съесть? Я превратил тебя в тигра, а теперь ты хочешь меня сожрать?

– Да, я же тигр, и я тебя съем.

– О! – и святой проклял тигра: – Будь же ты снова крысой! – и тигр превратился в крысу.

– Это напоминает нашу цивилизацию. Недавно я читал в вашем альманахе, посвященном событиям в мире, что через сотню лет люди будут жить под землей, как крысы. Наш научный прогресс привел к созданию этой атомной бомбы, чтобы убивать людей, и ею рано или поздно воспользуются. И мы вынуждены будем спуститься под землю, чтобы стать крысами. Из тигра в крысу. Вот что будет. Таков закон природы: дайви хи еша гуна-майи мама майя дуратьяя. Если вы не признаете законов государства, у вас будут проблемы. Подобным образом, если вы продолжаете отрицать верховное положение Господа, Личности Бога, то пожнете тот же результат – снова станете крысой. Стоит только явиться атомной бомбе, и всё – вся цивилизация на земном шаре будет уничтожена. Людям это может не нравиться. Это может быть неприятно, но такова реальность.

Прабхупада объяснил, что сознание Бога, которое он проповедует, – вовсе не какая-то консервативная религия, как христианство, индуизм или ислам – оно предназначено для всех. Он объяснил слово «дхарма» как характерную особенность каждого – то, чего не отнять. Неизменной

чертой живого существа, – сказал он, – является его склонность любить и служить, и именно это – наша вечная религия.

– Итак, я не хочу отнимать у вас много времени, – закончил Прабхупада, проговорив в общей сложности не более десяти минут, – я хочу лишь, чтобы вы поняли, что повторение «Харе Кришна» настолько замечательно, что если вы просто попробуете ради эксперимента, то сейчас же убедитесь в этом. Повторяйте хотя бы одну неделю, и вы сразу же увидите перемены. Эти юноши поют на улицах. У нас много филиалов в вашей стране, один в Лондоне, один в Германии, и люди повсюду принимают участие в этой практике. Движение ширится. Мы не просим никакой платы, и вы ничего не теряете. Вы можете что-то приобрести, но точно ничего не потеряете! Повторяйте Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Большое спасибо!

Во время пребывания Прабхупады в Сиэтле к его ученикам примкнули несколько человек. Они поселились в храме и изъявляли желание стать преданными. Через несколько недель для учеников, состоявших в ИСККОН около шести месяцев, Прабхупада провел церемонию посвящения. Он провел традиционную церемонию инициации с чтением мантр и огненной ягьей в алтарной. Когда он произнес последние мантры и, повернувшись к преданным, распорядился: «А теперь пойте «Харе Кришна»», – одна женщина из гостей, известная в округе как инструктор по хатха-йоге, вмешалась в происходящее.

– Простите, – начала она, – мне нужно с вами поговорить.

– Подождите, пожалуйста, – сказал Прабхупада.

– Почему вы сидите на возвышении? – воскликнула она. – Вы сидите наверху, а все эти люди сидят внизу, вы же словно на троне восседаете.

Преданные попытались вежливо ее остановить, но той хотелось, чтобы ее услышали. Прабхупада молчал.

– Почему все кланяются вам? – не унималась она. – Разве вы не знаете, что Бог повсюду? Все являются Богом.

– Хорошо, – сказал Прабхупада. – Давайте петь.

Возмущенный голос женщины утонул в нарастающем киртане, знаменующем завершение церемонии. Когда киртан закончился, Прабхупада спросил про возмутительницу спокойствия:

– А где та девушка? Она ушла?

Вишнуджана: Полагаю, Мадхудвиша объяснил ей. Она не знала ни о поклонах, ни о чем.

Прабхупада: В чем был ее вопрос?

Вишнуджана: Она думала, что мы кланяемся вам, как если бы вы были Богом. Она возразила против этого, потому что в христианстве говорится: «Не сотвори себе кумира» (не кланяйся человеку).

– И что вы объяснили ей? – рассмеялся Прабхупада. – Вы не объяснили, что мы кланяемся не Богу, а представителю Бога? Вы сказали ей об этом?

– Думаю, она еще здесь, – сказал Мадхудвиша, – если хотите, можете с ней поговорить.

Но к тому времени йогини уже вышла из комнаты и разговаривала перед домом с новенькой девушкой, Джой, которая с самого первого дня пребывания Прабхупады в Сиэтле переселилась в храм. Йогини критиковала Прабхупаду, пытаясь воскресить в Джой ее прежний интерес к имперсональной йоге. Услышав оскорбления в адрес Прабхупады, Джой заплакала, однако имперсональная и атеистическая философия йогини совершенно сбили ее с толку.

Когда Прабхупада направлялся к своей машине, покидая храм, йогини преградила ему путь и снова начала браниться.

– Никто не должен кланяться, – гневно заявляла она, – потому что все являются Богом.

Прабхупада рассердился, и в его широко открытых глазах вспыхнула ярость. Вдруг вперед выбежала Джой Фалчер и бросилась на землю перед Прабхупадой, положив руку ему на ногу. Она испытала смятение, не зная, на ком остановить свой выбор, но сейчас почувствовала внутреннее желание предаться Прабхупаде, и тот не противился этому ее жесту. Вскоре, уступая силе гневного молчания Прабхупады, йогини остановилась и позволила ему пройти. Садясь в машину, Прабхупада ударился головой о потолок салона. Вzbешенные преданные обвинили в этом ругательницу-йогини. Когда машина тронулась, Прабхупада повернулся к сидящему за рулем Нара-Нараяне:

– Эта девушка говорила, что все являются Богом. При этом она была против того, чтобы они кланялись мне. Но если все являются Богом, разве я не Бог?

Преданные попытались спасти Джой, которой йогини совсем заморочила голову. На следующий день они попросили Прабхупаду принять ее, ссылаясь на то, что та художница и, возможно, может нарисовать какие-то картины о преданности. Прабхупада согласился, и девушка ожидала за дверями, пока он давал Дживананде уроки игры на барабане. Наконец, она вошла в комнату:

Джахнава-даси (Джой Фалчер): Прабхупада спросил:

– Что это за женщина, которая в каждом мужчине видит Бога?

Он говорил о той возмутительнице спокойствия, которая поносила его на церемонии посвящения. Я не поняла, и он повторил вопрос, затем спросил в третий раз, а затем добавил:

– Она проститутка, не так ли?!

К счастью, в тот момент в комнату зашла Говинда-даси, которая позднее объяснила мне, в чем заключался его вопрос. В то время все, что я знала, – это то, что я приняла Его Божественную Милость своим духовным учителем, и поэтому, на любой его вопрос, каким бы он ни был, я отвечала «да». Вот я и ответила:

– Да, Шрила Прабхупада.

И он остался доволен. Затем он предупредил меня:

– Смотри, не общайся с непреданными.

Я хотела, чтобы он знал, что я всей душой приняла его своим духовным учителем. Расчувствовавшись, я сказала:

– Шрила Прабхупада, мне всегда было трудно со своими материальными отцом и матерью, но теперь я понимаю, что истинный мой отец – вы.

По своей милости Его Божественная Милость ответил мне в том же тоне:

– У каждого есть материальные мать и отец, но у тебя есть духовный отец. Ты очень удачлива.

Я вела себя как ненормальная, мне было трудно смотреть на него, потому что он, казалось, сиял, и я терла глаза руками. Я терла руками уши, потому что не могла понять его акцент. Его Божественная Милость с состраданием отнесся к моим усилиям быть в сознании Кришны. Затем он пронзил мои имперсональные представления прекрасным описанием образа Господа Кришны. Я сидела к нему лицом, и, глядя поверх моего плеча, Его Божественная Милость сказал:

– Ты только посмотри, как красиво лежат волосы Господа Кришны на Его плечах. Посмотри, как прекрасны Его глаза – как два лепестка лотоса. Посмотри, как изящно Господь Кришна обмотал вокруг бедер платок. Посмотри, как замечательно сидит на Нем дхоти.

Помню, он еще упомянул лотосоподобные стопы Господа Кришны. Не знаю, смотрел ли он на Божество или на изображение Кришны, или, может быть, Сам Господь Кришна стоял там, а он разглядывал и описывал Его мне. Все, что я знала – это то, что если обернусь, то увижу лишь картину, или слиток латуни, или воздух. Поэтому я решила просто смотреть на Его Божественную Милость и слушать описание Господа Кришны, каким Он предстает его взору.

Когда я вышла из комнаты, Говинда-даси спросила, что же Его Божественная Милость сказал про мое рисование. Она не могла поверить, что за целый час нашей встречи мы так и не обсудили этот вопрос (зная, что духовному учителю и так ведомо все, я ждала, пока он сам поднимет эту тему и даст мне это служение). Она заставила меня вернуться и объяснила Шриле Прабхупаде, зачем я приходила. Он спросил про мое творческое прошлое, но когда я выпалила ему всю свою биографию, это не произвело на него особого впечатления. Просто я была слишком высокого о себе мнения. Затем он велел мне нарисовать «Панча-таттву».

По милости Кришны, к Прабхупаде тянулись не только начинающие, но и опытные преданные. В санскритских писаниях слово упанити означает «приближаться к духовному учителю ради обретения сокровенных наставлений в сознании Кришны». Для Прабхупады любая встреча была возможностью приблизить учеников к Господу.

Нара-Нараяна: Самое глубокое впечатление оставила у меня самая первая личная встреча со Шрилой Прабхупадой. Мне и раньше доводилось сидеть со своим духовным учителем в его комнате в Сан-Франциско, но там было много народу, а я был совсем еще новичком. А сейчас я оказался со Шрилой Прабхупадой наедине и ужасно боялся, так как не знал, что делать и что говорить. Я был немного не в себе от всей этой своей кармической деятельности, и так страшно напрягался, что сам себе напоминал «чертика в коробочке», готового в любую секунду выскочить. Я наблюдал за тем, как Шрила Прабхупада вскрывает письма. Конверты он не выбрасывал, а

полностью распечатывал и позже писал на них – ради экономии бумаги. Он показал мне какое-то письмо и спросил мое мнение. Затем он попросил меня достать ему что-то из шкафчика, и я повиновался.

Со всех сторон в его комнате были окна, и поскольку комната была немного ниже уровня земли, свет проникал внутрь под хорошим углом. Он сидел за очень низким столиком, наподобие кофейного. Я сидел у стены позади него, и он попросил меня достать что-то из ящиков его шкафа, который тоже стоял у той же стены. В конце концов, я оказался рядом с ним, за его низким столиком. Он стоял, а я сидел на корточках. Когда я встал, Шрила Прабхупада внезапно заговорил со мной. Я онемел от неожиданности. Всякий раз, когда он обращался ко мне, я так смущался, что почти не слышал, что он говорит. Он указал на столик.

Он сказал:

– Видишь этого маленького муравья?

Я посмотрел на столик, но никакого муравья не увидел. Прабхупада указывал пальцем.

– Ты видишь этого маленького муравья?

– Да, Шрила Прабхупада, – ответил я.

– Мы должны считать, что наша цель в том, чтобы сделать этого муравья сознающим Кришну.

Я просто оторопел от этих слов. Он сказал:

– Мы должны подойти к этому муравью, и склониться к нему, – и Прабхупада наклонился над невидимым муравьем на столе, опершись на указательный и большой пальцы, указывая на муравья.

– Ты должен повторять «Харе Кришна», – и добавил. – Мы должны дать ему прасада. Если мы сделаем это, все наше Движение добьется успеха.

Меня это очень сильно впечатлило, поскольку я понял, что хотя у Шрилы Прабхупады всегда были огромные планы, связанные с большим всемирным ИСККОН, он никогда не был равнодушен к мелочам, и это было изумительно. Если даже кто-то один услышит «Харе Кришна», это стоит всех затраченных усилий.

Предстоящая разлука показала, насколько любят ученики Шрилу Прабхупаду. В течение года Говинда-даси с мужем были его секретарями, и, куда бы он ни ехал, они сопровождали его – на Западное побережье, в Бостон, в Монреаль и Санта-Фе. Они были с ним постоянно, как часть его семьи, и уже не мыслили себя без него. Но, желая распространять сознание Кришны, перед тем, как приехать в Сиэтл, Прабхупада послал мужа Говинда-даси, Гаурасундару, на Гавайи, открывать там центр ИСККОН. В Сиэтле Прабхупада попросил Говинда-даси отправиться вслед за мужем.

Говинда-даси: Если Прабхупада говорил вам: «Очень хорошо», – это было совершенство вашей жизни, за что бы он вас ни хвалил: за приготовленные чапати или арахис, за рисунок, киртан, или еще что-нибудь. Если он говорил: «Очень хорошо» и улыбался и кивал головой, цель вашей жизни исполнялась, по крайней мере, на тот момент. Вызвать его улыбку, увидеть его счастливым – это было целью жизни, и мы даже не вспоминали ни о каком освобождении и подобных вещах. Нас как будто бы не привлекала даже мысль о том, чтобы попасть на райскую планету или даже на Кришналоку.

Но в тот момент я поняла, что вскоре мне придется оставить Шрилу Прабхупаду. Я была очень, очень привязана к нему – настолько, что даже просыпалась посреди ночи и плакала. Почти каждую ночь я плакала во сне оттого, что скоро расстанусь с ним, а я не хотела этого. Это было очень тяжелое время.

В один из своих последних вечеров в Сиэтле Прабхупада, как обычно, прочитал в храме лекцию, а затем отправился к себе на квартиру. Преданные в храме напились горячего молока и уже готовились ко сну. Но вдруг, совершенно неожиданно для всех, Прабхупада вернулся. Преданные поклонились и в напряженном ожидании смотрели на него. Он был очень серьезен. Он снова сел на вьясасану и попросил их сесть. Он попросил слугу включить магнитофон и проиграть запись с его пением под фисгармонию. Преданные озадаченно переглядывались. С полчаса все собравшиеся слушали запись красивого бхаджана – Прабхупада пел молитвы «Ванде ‘хам».

После этого Прабхупада сказал:

– Я только что получил из Индии телеграмму. Оставил тело тот, кто дал мне санньясу.

– Человек должен принять отрешенный уклад жизни от другого, уже отрешенного, – продолжал говорить Прабхупада. – Я никогда не думал, что приму санньясу. Когда я был

семейным человеком и меня окружали жена и дети, мне иногда снилось, что мой духовный учитель зовет меня, и я иду за ним. Я просыпался, немного испуганный: «О, мой Гуру Махараджа хочет, чтобы я стал санньяси. Но как же я могу принять санньясу?» В то время мне не доставляла никакой радости мысль о том, что я должен оставить семью и стать нищим монахом. Тогда эта мысль меня пугала. Иногда я думал: «Нет, я не могу принять санньясу». Но мне снова и снова снился тот же сон. В этом была моя удача. Мой Гуру Махараджа, – на этих словах голос Прабхупады дрогнул, и его переполнили эмоции, – он вытащил меня из этой материальной жизни.

Несколько секунд Прабхупада не мог говорить. Все присутствующие видели, как по его щекам текут слезы; затем он заговорил вновь. Хотя Прабхупада вернулся в храм по случаю ухода своего санньяса-гуру, сейчас он больше говорил о том, как его духовный учитель, Бхактисиддханта Сарасвати, позвал его, и как спас, и как побудил принять санньясу, через его санньяса-гуру.

– Я ничего не потерял, – сказал Прабхупада. – Он был так добр ко мне. Я только получил. Я оставил троих детей; а сейчас у меня три сотни детей, поэтому я ничего не потерял. Это материальные представления. Мы думаем, что если мы примем Кришну, мы что-то потеряем. Никто ничего не потеряет. Я говорю об этом, опираясь на свой собственный опыт. Я думал: «Как это я приму уклад отречения? Я не могу пойти на такие опасности». Но я удалился от семейной жизни. Я сидел в уединении во Вриндаване, писал книги. И этот мой духовный брат, он настаивал: «Бхактиведанта Прабху!» Меня удостоили этого титула, когда я был еще семейным человеком. Меня им наградило общество вайшнавов. И он настаивал. Не он настаивал – на самом деле, мой духовный учитель через него настаивал, чтобы я принял санньясу. Потому что, не приняв отречение, никто не может стать проповедником. А он хотел, чтобы я стал проповедником. Поэтому он понуждал меня через моего духовного брата: «Прими». И я, без особой охоты, согласился. Затем я вспомнил, что он хотел, чтобы я отправился на Запад.

Ну, вот, и теперь я очень признателен этому духовному брату за то, что он исполнил волю моего духовного учителя и заставил меня принять уклад санньясы. Этого моего духовного брата, Его Святейшества Кешавы Махараджа, больше нет. Он вернулся в обитель Кришны. Итак, я хочу объявить траур и разослать это известие по всем нашим центрам. В этой связи я сочинил один стих на санскрите. Все вы, кто присутствует здесь, подпишите его. Я pošлю его завтра.

Стих, который я составил, написан на санскрите. Ваирагья-видья-ниджа-бхакти-йога. Это сознание Кришны – ваирагья-видья. Ваирагья-видья значит – потерять интерес к этому материальному миру. Это ваирагья-видья. И это возможно просто благодаря бхакти-йоге. Ваирагья-видья ниджа-бхакти-йогам апаяам мам. Это как лекарство. Ребенок боится принимать лекарство. У меня тоже есть такой опыт. В детстве, когда я заболел, я бывал очень упрям: «Не буду пить никакие лекарства». И моя мама насильно вливала мне лекарство в рот. Я был очень упрям. И точно так же я не хотел принимать санньясу. Но этот духовный брат заставил меня: «Ты должен». Апаяам – он насильно заставил меня выпить это лекарство. Анавишьюм андхам. Почему не хотел? Анавишьюм значит «не желая». Андхам значит «слепой» – тот, кто не видит своего будущего. Эта духовная жизнь – самое светлое будущее, но материалист не видит этого. Вайшnavы же, духовный учитель, подталкивают: «Пей лекарство». Видите – апаяам мам анавишьюм андхам шри-кешава-бхакти-прагьянам.

Итак, этого моего духовного брата звали Кешава, Бхактипрагьяна Кешава. Крипамбудхи. И он оказал мне эту милость, потому что был океаном милости. И мы предлагаем наш поклон вайшnavу, крипамбудхи. Ванчха-калпа-тарубхьяш ча крипа синдхубхья эва ча. Вайшnavы, представители Господа, так добры! Они несут океан милости, чтобы раздать его страдающему человечеству. Крипамбудхир яс там ахам прападье.

Итак, я в почтении кланяюсь Его Святейшеству, ибо он заставил меня принять санньясу. Теперь он оставил этот мир и вошел в обитель Кришны. Итак, вместе со своими учениками я предлагаю ему свой почтительный поклон. В первый день своей санньясы я даже не думал... Но я вспомнил, что мне придется проповедовать на английском. Я помню, в тот день церемонии принятия санньясы там было собрание. И я сначала заговорил по-английски. Так все это произошло по воле Кришны, Высшего Повелителя.

Вот наше письмо: «Мы, нижеподписавшиеся члены и преданные Международного Общества сознания Кришны на сегодняшней встрече под председательством Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанты Свами, 21 октября 1968 года, в нашем филиале в Сиэтле, выражаем глубокое сожаление по поводу ухода Его Божественной Милости Ом Вишнупады Шри Шримад

Бхактипрагьяны Кешавы Госвами Махараджа, санньяса-гуру, наставника, нашего духовного учителя 6 октября 1968 года в его резиденции в Навадвипе, Западная Бенгалия. Мы в почтении склоняемся к лотосоподобным стопам Шри Шримад Б.П. Кешавы Госвами Махараджа, предлагая по этому случаю стихи, составленные нашим духовным учителем». Этот стих я вам уже объяснил. Итак, я хочу, чтобы все вы подписали это письмо, а я пошлю его завтра авиапочтой. Есть у кого-нибудь карандаш?

Прабхупада подписался, а затем передал письмо Картикее, чтобы сидевшие в комнате преданные тоже могли поставить подпись. Один за другим преданные клали лист перед собой на пол и подписывались. Преданный, собиравший подписи, хотел было пропустить нескольких гостей, но Прабхупада сказал:

– Нет, нет. Все, кто присутствует, должны засвидетельствовать.

Последним подписался слуга Прабхупады, Картикея. Он положил письмо на пол и стал медленно выводить свое имя, а Шрила Прабхупада, сидя на вьясасане, подался вперед, внимательно наблюдая за ним.

Еще до отъезда Прабхупады из Сиэтла большинство преданных вернулись в свои храмы в Сан-Франциско и Лос-Анджелес; лишь пять или шесть человек остались с ним на несколько дней до его отъезда. Прабхупада должен был ехать в Монреаль, на собеседование с американским консулом. Теперь, имея статус канадского иммигранта, он пытался получить вид на постоянное жительство в США. Для экономии средств он летел в Монреаль без сопровождения. Он планировал остаться там на несколько дней, затем посетить новый центр ИСККОН в Санта-Фе, Нью-Мексико, после чего вернуться в Лос-Анджелес.

Говинда-даси приготовила Прабхупаде в дорогу его любимое блюдо, качаури. Прабхупада раскрыл ей секрет их приготовления: сначала нужно бросить разом все качаури в горячее гхи, чтобы они вздулись, а затем остудить их и снова прожарить.

– Жарь их два раза, – говорил он, – пока не станут красноватыми.

Она приготовила качаури, и он захотел попробовать их горячими. Когда же он стал требовать и съедать их один за другим, Говинда-даси сказала:

– Прабхупада, вы же так все съедите, и у вас ничего не останется в дорогу.

– Не важно, – ответил он. – Неси еще. Не беспокойся о поездке.

Говинда-даси рассказывала, что он съел восемь качаури, и она сделала ему еще – с собой.

Джахнава-даси: На следующий день Его Божественная Милость улетал в Монреаль, и меня попросили сделать для него гирлянду. Я долго возилась с гирляндой и к тому же сделала ее на тонкой нитке. Мы и без того уже опаздывали в аэропорт, но из-за меня выехали еще позже. Когда мы приехали на квартиру Его Божественной Милости, что была в получасе езды от храма, из квартиры выбежала Харшарани и сказала нам, что никогда не видела его в такой ярости. Она предупредила, что сейчас «нам точно влетит» за опоздание. Затем вышла Говинда-даси и подтвердила слова Харшарани. Затем выскочил Картикея, на котором лица не было, а за ним вышел сам Его Божественная Милость. Вместо того, чтобы надеть на Прабхупаду гирлянду, Упендра поклонился и трясущимися руками держал гирлянду над своей склоненной головой. Не сказав ни слова, Его Божественная Милость надел гирлянду и сел в машину.

Нара-Нараяна: Билвамангал почти не умел водить; машину мотало из стороны в сторону. А когда мы въехали в центр города, Прабхупада спросил:

– Кто знает, как доехать до аэропорта?

Мы переглянулись. Никто из нас раньше не бывал в аэропорту Сиэтла, а на самолет мы уже опаздывали.

– Я думаю, нам сюда, – сказал я.

Прабхупада пронзил меня взглядом, острым как лезвие бритвы, и сказал:

– Думаю? «Думаю» значит, что ты не знаешь.

Наконец, мы выехали на автостраду и остановились. Прабхупада сказал:

– Я хочу поехать на такси. Вы не знаете дороги.

Он сказал еще кое-что потяжелее, но мой ум отказался это запомнить. Я остановился и попросил:

– Шрила Прабхупада, подождите минуту. Мы непременно найдем дорогу.

Тут же из окна я окликнул прохожего, голосовавшего на обочине.

– Где здесь аэропорт?

Прохожий указал нам путь. Прабхупада был рассержен: он привык приезжать в аэропорт не только вовремя, но как минимум за час. Мы выехали на автостраду, но было видно, что шофер у нас неважный. Машину кидало вперед-назад и из стороны в сторону, как лодку в сильный шторм, и это явно беспокоило Прабхупаду. Я сидел сзади. Масла в огонь подливали девушки, которые при каждом таком броске молитвенно складывали руки и повторяли тава-кара-камала-варе. Мы продолжали ехать и по милости Господа Кришны прибыли в аэропорт за полчаса до вылета.

Джахнава-даси: Мы приехали в аэропорт. Но как только Его Божественная Милость вошел в парадный вход, его длинная, до колен, гирлянда на тонкой нитке сразу же разорвалась. Но его это не смутило: он просто перекинул оба конца через руки и зашагал с царским достоинством, высоко подняв голову. Затем преданные дали мне лепестки, чтобы я рассыпала их у его стоп. Я подумала, что служащие авиакомпании не обрадуются, когда увидят разбросанные лепестки. Обеспокоенная этим сомнением, я стала неуклюже бросать лепестки, пока Его Божественная Милость не сказал:

– Хорошо. Довольно.

Когда мы, наконец, уселись у его стоп, ожидая времени вылета, я выглядела очень угрюмой. Он посмотрел на меня и произнес свое знаменитое благословение:

– Все в порядке?

Преданные дали мне для него на редкость изысканную и ароматную розу. Когда он поднимался на борт, то оставил эту розу себе, а свою гирлянду отдал Упендре, чтобы тот раздал ее остальным. Хотя я была преданной всего месяц, лишившись его личного общения, я испытывала нестерпимое чувство разлуки. Его Божественная Милость сел у окна, и медленно махал розой на длинном стебле. Мы танцевали в экстатическом киртане, а Прабхупада вскоре исчез в иллюминаторе. Затем он снова выглянул в окно, помахал нам розой и снова пропал из виду. Так происходило несколько раз, и каждый раз мы отвечали ему еще более восторженным киртаном и танцем. Затем он улетел.

27 октября 1968 года

Из Монреаля в Чикаго Прабхупада прилетел один, утренним рейсом. В оживленном здании аэровокзала «О’Харе» пассажиры спешно двигались по коридорам и озабоченно смотрели на табло, разыскивая нужный выход. Прабхупада должен был сразу же пересесть на рейс, следующий до Санта-Фе, Нью-Мексико.

Прабхупада нашел на висящем под потолком табло номер своего выхода и двинулся по переполненному коридору. Толпа была такой большой и двигалась настолько быстро, что даже секундное промедление грозило опасностью. Пассажиры, спешившие по длинному коридору с любопытством разглядывали Прабхупаду. Он подошел к лестничному пролету и стал быстро спускаться в толпе. Вдруг он споткнулся и, потеряв равновесие, выронил сумку и покатился по ступеням. Встать он не мог. Он порезал себе руку, в нескольких местах тело его болело. Какой-то джентльмен подбежал, помог ему подняться и вручил сумку. Людской поток продолжал двигаться, а джентльмен задержался, справляясь у Прабхупады, все ли в порядке. Прабхупада поблагодарил его и сказал, что может идти самостоятельно.

Во время перелета в Санта-Фе Прабхупада осмотрел свою руку. Порез уже перестал кровоточить, но выступал синяк.

В аэропорту Монреаля, один репортер спрашивал его:

– Свами, с какими трудностями сталкиваетесь вы во время путешествий?

– Я не испытываю трудностей, – ответил Прабхупада. – Трудности у вас.

И он сказал правду. Прабхупада полагался на Кришну, поэтому проблем у него не было. Об этом молился и Прахлада Махарадж: «О величайший из великих, я совсем не боюсь жить в материальном мире, ибо, где бы я ни находился, ум мой всегда поглощен мыслями о Твоей славе и деяниях. Но я беспокоюсь о тех несчастных глупцах, что без конца строят планы в надежде обрести материальное счастье и благополучие, заботясь о своей семье, обществе и стране. Я волнуюсь за них из любви к ним».

Однако репортер написал лишь какую-то глупость: «Первосвященник в мокалинах «Хаш-Паппи»». На интервью с Прабхупадой в храм Сиятла приезжала группа телерепортеров с камерами и прожекторами, и в тот же вечер по телевизору показали отрывок из интервью. Передача была сделана в доброжелательном духе, однако христианский священник, некий г-н Миллер из Вашингтонского университета, письменно выразил свой протест против проповеди

Прабхупады в Университете. Прабхупада ответил, что Церковь не смогла удовлетворить молодежь. Поэтому, если кто-то из молодых людей следует за ним и отказывается от греховной жизни, почему христиане возражают? Они должны радоваться!

* * *

В аэропорту Альбукерке Прабхупаду встретили, президент храма Санта-Фе Харинома, и Говинда-даси. Но приветствовали они его странным сообщением.

– Прабхупада, – сказала Говинда-даси, – у местного храма нет денег. Вы не можете в нем остановиться. Вам придется лететь в Лос-Анджелес.

Прабхупада повернулся к Харинаме:

– Тогда почему ты попросил меня приехать?

Харинома взглянул на Говинда-даси и поменял положение своей ноги, которая, казалось, причиняла ему неудобства. Он извинился и объяснил, что прошлой ночью его укусил паук «черная вдова». Но вопрос Прабхупады остался без ответа.

– И что же ты собираешься делать? – спросил Прабхупада. – Я не могу сегодня лететь в Лос-Анджелес, – он смотрел то на Хариному, то на Говинда-даси. – Я должен остаться здесь, в Альбукерке, хотя бы в отеле, на ночь.

Говинда-даси вызвалась обзвонить мотели в поисках подходящего недорогого номера, а пока она отсутствовала, Харинома нашел Прабхупаде место.

– Говинда-даси сказала, что вам нездоровится, – произнес Харинома.

– Не беспокойся о моем здоровье, – ответил Прабхупада. – Я не болен. Вот Говинда-даси больна, а я нет. Итак, что же ты собираешься делать?

Говинда-даси вернулась и, сообщив, что не смогла найти ни одного недорогого номера, заплакала.

– Прабхупада, – взмолилась она, – Вы знаете Кришну. Что Он от нас хочет?

– Суть не в том, – сердито ответил Прабхупада. – Кришна хочет знать, что хотите делать вы!

Раздраженный таким поведением Говинда-даси, Харинома вдруг преисполнился решимости.

– Я думаю, мы должны ехать в Санта-Фе, – сказал он.

Прабхупада согласился; по всей видимости, другого выхода не было. Сев в четыре часа дня в храмовый «фольксваген», они выехали в Санта-Фе, что почти в ста километрах от Альбукерке. Облака над головой образовали необычно симметричные формы по обе стороны от дороги.

– Никогда не видел таких красивых облаков, – сказал Харинома.

Через полтора часа, когда они въезжали во двор маленького магазинчика, Прабхупада заметил нарисованный от руки маленький плакат: «СВАМИДЖИ ЕДЕТ».

– Ага, – сказал он и улыбнулся. Это была его первая улыбка со времени приезда в Нью-Мексико. – Вы все-таки меня ждали.

Через черный ход Прабхупада в сопровождении Хариномы вошел в свежеекрашенную храмовую комнату. Линолеумный пол был частично покрыт ковром. Алтарем служил деревянный стол, а вьясасаной Прабхупады – деревянный ящик, покрытый полосатой тканью, и подушка. Однако Прабхупада предпочел сидеть на ковре, и преданные с гостями расселись вокруг него.

– Хорошая комната, – сказал Прабхупада, осматриваясь. – Здесь и останусь.

Говинда-даси принесла Прабхупаде поднос с нарезанными фруктами, а Прабхупада раскрыл свой пакет с обедом, где лежали ладду и качаури. На встрече присутствовало человек восемь гостей (хиппи) и Прабхупада раздал им всем прасад. Один из гостей, никогда прежде не пробовавший ладду, заметил:

– Это лучшее арахисовое масло из всех, что я когда-либо пробовал.

– Это лакомство, – объяснил Прабхупада, – матери делают для Кришны и его друзей и дают им его с собой на пикник. Они кладут его в свои торбы, когда идут играть.

Один из гостей спросил Прабхупаду:

– Кто такой Кришна?

– Кришна, – ответил Прабхупада, – это Верховная Личность Бога, Который играет с пастушка?ми.

Прабхупада хотел переночевать прямо здесь, в магазинчике, но преданные сказали ему, что обогреватель сильно шумит, и ему удобнее будет остановиться на квартире неподалеку. Он

согласился. Харинама назначил слугой Прабхупады одного новопосвященного юношу по имени Тошана-кришна.

Войдя в свою комнату, Прабхупада обнаружил, что там темно. Тошана-кришне пришлось лезть под потолок и менять перегоревшую лампочку. Когда появился свет, Прабхупада огляделся и увидел, что комната практически пуста. На полу, правда, лежал матрас, но подушки не было. Письменного стола тоже не было, поэтому Прабхупада сам соорудил себе стол, разместив книги на своем деревянном сундуке, который сделал для него один преданный в Сиэтле.

– Итак, – спросил Прабхупада, – ты умеешь печатать?

– Нет.

Ночью Прабхупада не мог заснуть из-за света уличных фонарей, поэтому он сел за свой стол и начал писать комментарии к стихам «Шримад-Бхагаватам». Пустой деревянный чемодан гулко усиливал звук царапающей бумагу ручки. Прабхупада продолжал писать всю ночь, а Тошана-кришна спал в соседней комнате. В четыре утра Прабхупада позвонил в маленький колокольчик, оставленный для него Тошана-кришной, и позвал:

– Тошана-кришна!

– Да, Прабхупада? – прибежал тот.

– Уже четыре часа, – сказал Прабхупада. – Пора вставать.

Тошана-кришна сбегал к себе в комнату за очками, а затем вернулся к Прабхупаде и уселся перед ним.

– Во-первых, – сказал Прабхупада, – ты не поклонился.

Тошана-кришна хлопнул себя рукой по лбу, чем очень рассмешил Прабхупаду. Когда в знак почтения к своему духовному учителю юноша коснулся головой пола, Прабхупада сказал:

– Хорошо-хорошо. Это просто для практики.

Затем Прабхупада сурово спросил:

– Зачем вы пригласили меня в Санта-Фе, а затем попросили уехать? А?

Тошана-кришна, ставший преданным всего два месяца назад, не знал, что ответить.

Но Прабхупада настаивал.

– Что это такое? Почему вы это сделали?

– Ну... Говинда-даси...

– Говинда-даси! Никогда не слушайте женщину! – говоря это, Прабхупада улыбнулся, но затем вновь строго предупредил Тошану: – Не смейся! Ну, и что же она сказала?

– Она беспокоилась о вашем здоровье – из-за большой высоты над уровнем моря. Она посоветовалась с какими-то врачами и своими друзьями, и пришла к выводу, что высота может плохо на вас сказаться. Собственно говоря, она сама болела. Она заболела, как только сюда приехала. Поэтому она убедила Харинаму попросить вас не оставаться здесь.

– Говинда-даси всегда будет болеть. Она будет болеть даже в раю, – засмеялся Прабхупада.

В ответ Тошана только боязливо посмотрел на него.

– Они думают, Свамиджи приедет сюда и умрет, – Прабхупада указал рукой на окно. – Но ведь столько людей живет здесь.

Тошана-кришна: Утром было холодно, поэтому он попросил меня включить на плите все горелки. Он растер себе голову и начал петь молитвы духовному учителю. Он прочитал их нараспев, после чего мы вместе повторяли джапу. Я знал, что мне очень повезло. Затем он просил меня о разных мелочах – например, выключить горелки на плите: «Теперь можешь выключить одну. А теперь можешь выключить еще одну». Становилось теплее. Потом мы отправились на утреннюю прогулку. Мне не о чем было спрашивать Прабхупаду, поскольку я почти не знал философии. Он рассказывал мне о том, что когда человек встречает преданного, начинается его счастливая жизнь.

В тот вечер в храм пришло около сорока гостей – такого притока еще не было. Аудитория почти полностью состояла из молодых пар, и Прабхупада заговорил о Радхе и Кришне, что было как нельзя более кстати.

– Радхарани – самая красивая девушка, – сказал он, – а Кришна – самый красивый юноша.

Он объяснил, что Радха и Кришна являют совершенство любовных отношений, но когда эти любовные отношения проявляют обусловленные души в материальном мире – это лишь искаженное отражение.

После лекции, когда Прабхупада непринужденно общался с гостями, одна пожилая женщина представилась ему как руководитель клуба йоги в Альбукерке и пригласила его выступить там с речью.

С радостью приняв приглашение, Прабхупада повернулся к Харинаме и сказал:

– Мы должны поехать. Они меня приглашают.

– Но у вас по плану другая программа, в Лос-Анджелесе, – ответил Харинама.

Поэтому Прабхупада завершил свой короткий визит в Санта-Фе, пробыв там всего лишь один день.

Глава шестьдесят первая

Сто восемь розовых кустов

28 октября 1968 года

По приезду в Лос-Анджелес Прабхупада обнаружил, что его последователи живут теперь в новом месте – на Голливудском бульваре, в «туристическом» районе, в квартале от Китайского Театра Гроумэна. Новый храм – бывший салон красоты – занимал обширный первый этаж старинного и элегантного шестиэтажного здания. В трех уровнях – собственно первом этаже, полуэтаже и подвале – разместилось более сорока преданных. Прабхупада остановился в отеле «Счастливая семерка», через дорогу, и ранним вечером, перед тем как выйти с пением на улицы города, преданные собирались в его комнате.

Прабхупада распорядился, чтобы преданные из каждого центра, проводили публичные киртаны, и, следуя этому указанию, его ученики из Нью-Йорка, Бостона и Сан-Франциско каждый день выходили в парки. В Лос-Анджелесе они по двенадцать часов пели «Харе Кришна» в Голливуде. Прабхупада просил их просто выходить и петь, но новые лидеры, Тамал-Кришна и Вишнуджана, с энтузиазмом решили исполнить этот приказ «до предела».

Как-то вечером перед группой киртана остановилась машина. Сидевший внутри Прабхупада с наслаждением наблюдал за пением и танцами преданных. Киртан вел Вишнуджана, который научился замечательно играть на мриданге. На юношах были одинаковые чистые шафрановые дхоти, а на девушках – сари, и Прабхупада любовался, как, руководимые Тамала-Кришной, воздев руки, преданные с почти хореографической слаженностью танцуют «свами-степ», которому он их научил.

Сотни туристов шли по Голливудскому бульвару и Вайн-стрит, направляясь в театры, музеи восковых фигур, забегаловки и ночные клубы. Порой они посмеивались над преданными, но чаще останавливались – пусть на миг – в радостном изумлении. Прабхупада же, скромно наблюдая за происходящим из машины, видел в этом киртане благословение для снующих мимо спящих душ. Он был убежден, что всякий, кто слышит это пение на Голливудском бульваре, очищается от грехов, накопленных за тысячи жизней – такова сила Святого Имени. Знали об этом и юные ученики, энергично поющие на улице под барабан Вишнуджаны. Мысль о том, что из машины за ними наблюдает Шрила Прабхупада, прибавляла им энтузиазма.

Прабхупада считал, что эти уличные киртаны проходят лишь по благословению Бхактисиддханты Сарасвати. Он, несомненно, был бы рад, если бы увидел столь революционное явление – молодых американских вайшнавов, поющих Святое Имя на вечерних улицах этого погрязшего в пороке города. Как Прабхупада был уверен в благословениях Бхактисиддханты Сарасвати, так и его юные последователи, зная, что их духовный учитель наблюдает за ними, были уверены в нем, и не чувствовали ни усталости, ни сомнений.

* * *

Преданные жили на Голливудском бульваре недолго. Уличное пение уже сделало их притчей во языцех, да и на прибытие божеств Джаганнатхи арендодатель явно не рассчитывал. Другие арендаторы также были недовольны, особенно когда через систему кондиционирования по всему зданию разносился аромат дала, заправленного чили, вызывая у служащих удушье и кашель. Арендодатель передал преданным документ о том, что вернет им 450 долларов, при условии, что они съедут в тот же день со всеми своими вещами.

Выбора у преданных не было. Они вынесли на улицу все: печку, мебель, ковры, кастрюли, сковородки, запас мыла, мешок с колотым горохом и даже Господа Джаганнатху. Идти им было некуда. Пока женщины и дети со всем скарбом ждали на улице, несколько преданных отправились на поиски, и им удалось найти и взять в аренду склад, достаточно большой, чтобы разместить в нем вещи.

Постепенно преданные расселились по разным местам. Нескольких человек приютила у себя пожилая англичанка, брахмачари нашли домик в Уоттсе, а женщины переселились в другое место. Даянанда, у которого была работа и собственная квартира на Хейворс-стрит, разместил у

себя несколько семейных пар и нашел квартиру для Прабхупады, Господа Джаганнатхи и Картами-шайи. Теперь преданные в Лос-Анджелесе жили порознь.

Но, несмотря на непривычные обстоятельства, они по-прежнему каждый день собирались, чтобы петь в городе – на Голливудском бульваре или в других районах Лос-Анджелеса. Прабхупада начал ездить туда, где жили брахмачари, и по понедельникам, средам и пятницам читать там лекции. Во время киртана он играл на мриданге так зажигательно, что все непроизвольно начинали танцевать.

Нандарани договорилась о лекции Прабхупады в Голливудском вегетарианском обществе.

– Они хотят послушать о «Бхагавад-гите»? – спросил Прабхупада.

– Нет, – ответила Нандарани. – Они интересуются только вегетарианством.

– Скажи им, что Свамиджи ничего не знает о вегетарианстве. Скажи им, я ничего не знаю.

Но если они хотят послушать о «Бхагавад-гите», то я могу им кое-что сказать.

Нандарани позвонила в общество вегетарианцев и спросила, не хотят ли они послушать о «Бхагавад-гите». Те не хотели.

Прабхупада сказал:

– Вот и нас не интересует чтение лекций на мирских программах. Даже голуби – и те вегетарианцы. Мы не хотим становиться голубями. Нас не волнует, вегетарианская пища или нет. Нас волнует только, можем ли мы предложить ее Кришне, и если да – тогда мы ее принимаем.

Шли недели. Никто не мог найти для храма новое здание. Квартира брахмачари, где проходили встречи, не вмещала много народу, да и соседи жаловались на киртаны и бой мриданги. Но часто во время пения в центре города преданные встречали кого-нибудь, кто предлагал им на вечер свой гараж, давая всем возможность встретиться с Прабхупадой.

Шримати-даси: На санкиртане Тамала-Кришна встретил женщину, которая предложила ему для проведения лекции Шрилы Прабхупады свой гараж. Это был чистый двойной гараж в хорошем районе. Мы предварительно почистили и помыли его, потом завесили стены полосатой тканью, к ней прикрепили изображения, установили у боковой стены большой алтарь, а в торце – вьясасану для Шрилы Прабхупады. Внутри было холодно. Мы опустили большие двойные ворота, чтобы нагреть помещение и наполнить его ароматом благовоний, и ожидали скорого приезда Шрилы Прабхупады. Гараж заполнили гости и преданные. Джая-Гопал ждал на улице, у въезда, чтобы, когда Шрила Прабхупада приедет, протрубить в раковину. Услышав звук раковины, мы тут же нажали кнопку подъема ворот. Медленно поднимаясь, ворота постепенно открыли нашим взорам миниатюрную, но преисполненную достоинства фигуру Шрилы Прабхупады, который ожидал возможности войти. Он величественно вошел, занял свое место на вьясасане и начал киртан. Его лекция вызвала интерес у многих присутствовавших на ней соседей. Все они вернулись домой с журналами, прасадом и известиями для своих друзей. Так шла проповедь Шрилы Прабхупады.

Однажды вечером, во время лекции в гараже, Прабхупада подробно описал обитель Кришны, где дома построены из камня чинтамани, а все деревья обладают свойством исполнять желания. Тела всех обитателей духовного мира, равно как и земля и деревья, целиком духовны и исполнены блаженства и знания. Там все служат Кришне, а Кришна отвечает им взаимностью.

В другой вечер Прабхупада говорил о песне Нароттама-даса Тхакура «Хари Хари Випхале». В этой песне, объяснил он, автор сокрушается о своем жалком положении и просит Кришну о милости. Нароттама-дас Тхакур скорбит о том, что вместо поклонения Радхе и Кришне он лишь попусту растратил свою жизнь на чувственные наслаждения. Прабхупада часто говорил, что движение Господа Чайтаньи, основанное на пении Святых Имен, является лекарством от болезней Кали-юги.

У преданных всегда находились какие-то вопросы. Мадхудвиша спрашивал, как брахмачари может направить свое сексуальное желание на служение Кришне. Вишнуджана – является ли источником его блаженства милость духовного учителя. Тамала-Кришна хотел знать, как Кришна может быть одновременно отцом каждого и сыном Своего преданного. Спрашивали также о том, что значит быть коровой или деревом на Кришналоке, может ли когда-либо измениться раса души или ее взаимоотношения с Кришной в служении. И на все эти вопросы Прабхупада подробно отвечал.

Он почти не жаловался на отсутствие храма; вместо этого он говорил:

– Ничего, что у нас нет места, нет своего храма. Кришна предоставил нам гараж, и мы его принимаем.

Хотя в Лос-Анджелесе у преданных не было своего здания, суть их жизни осталась той же. По индийским меркам, объяснил Прабхупада, проблемы с жильем – обычное дело. В Индии, сказал он, в одной комнате свое имущество могут хранить двадцать человек. Они могут заходить, брать в комнате нужную им вещь, но при этом жить на улице, ночуя на обочине дороги. Конечно в Америке так жить невозможно, да и на лекции в гаражах много людей не соберешь.

28 ноября Прабхупада написал в письме: «Пока что в Лос-Анджелесе у группы санкиртаны все идет замечательно, и вскоре мы найдем новое здание для храма».

По вечерам, встречаясь с преданными, Прабхупада спрашивал их:

– Сколько журналов вы распространили? Сколько денег собрали?

Видя, что Прабхупада доволен их успехами, преданные пребывали в радостном расположении духа, но однажды вечером, придя на его квартиру, они заметили, что настроение духовного учителя переменялось. Чаша его терпения переполнилась. Он почувствовал, что преданные впали в самодовольство.

– Сколько вы еще будете держать меня в этом доме? – требовательно спросил он Даянанду.

А затем стал негодуя поворачиваться от одного преданного к другому.

– Что вы делаете? Божества стоят у меня на квартире, и вы все тоже здесь. Что вы делаете?

Он посмотрел на Нара-Нараяну:

– Что ты сегодня сделал, чтобы найти храм?

– Ну, Прабхупада, я ...

Не дослушав оправдания Нара-Нараяны, Прабхупада повернулся к Тамала-Кришне:

– А ты? Ты нашел храм?

Одного за другим он припирал к стенке каждого из пришедших на встречу преданных.

– А ты что сделал?

Преданные почувствовали, что Прабхупада в гневе.

– Я хочу храм! В Лос-Анджелесе должен быть храм! Здесь должно быть место для поклонения Божествам!

В тот вечер он не стал читать лекцию.

Через три дня преданные нашли новый храм. Это была одноэтажная церковь с тремя большими залами. Впервые у Международного Общества сознания Кришны появилось по-настоящему достойное здание. Когда-то в этой деревянной церкви, стоящей на бульваре Ла-Сьенега в центре Лос-Анджелеса, среди кирпичных зданий, магазинов, заводов и фирм, на клочке земли, поросшем травой, был центр общины японских баптистов. Арендная плата была высокой – пятьсот долларов в месяц; Прабхупада никогда еще не платил столько за недвижимость. Когда владелец показывал ему здание, Прабхупада, казалось, не проявил заметного интереса, но после осмотра сказал преданным, что хочет эту церковь, и они должны ее заполучить. Даянанду смущала цена, но Прабхупада сказал, что они ждали уже достаточно долго. Дом хороший и его надо брать.

Для Прабхупады этот новый храм знаменовал начало в истории Движения сознания Кришны новой эры. 8 декабря он написал Киртанананде Свами:

Ты будешь рад узнать, что мы подписали договор аренды нового храма для центра в Лос-Анджелесе. Это большая, красивая церковь, и теперь мы планируем все очень хорошо там обустроить и приглашать на наши программы много гостей. Кришна очень добр к нам, Он дает нам такие возможности, и теперь нам нужно очень постараться, чтобы эффективно использовать этот храм... Аренда очень дорогая, но если мы сможем поддерживать это здание, перед нами, несомненно, откроются огромные перспективы.

Преданные в Нью-Йорке тоже нашли новое здание и переехали из дома 26 на Второй авеню в более просторный магазин, двумя кварталами выше, по той же улице. «Не знаю, как там у вас дела с храмом, – писал Прабхупада Брахмананде в Нью-Йорк. – Я слышал, что помещение очень хорошее, но здешний храм наверняка лучше». Прабхупада попросил преданных во всех центрах учесть тот новый уровень, на который вышел храм в Лос-Анджелесе. Кришнадасу, в Германию, Прабхупада писал:

Ты будешь рад узнать, что нам сопутствует большой успех в плане улучшения наших местных храмов. Мы арендовали превосходную большую церковь, подходящую для жилья и проведения киртанов.

Джадурани в Бостон он написал, что для нового большого лекционного зала понадобятся большие картины.

Переехав в храм, преданные решили провести пресс-конференцию. Они приготовили пир на сто человек, взяли напрокат стулья, но пришел всего лишь один репортер. Этот одинокий репортер указал преданным на их ошибку – они назначили пресс-конференцию на вечер, когда рабочий день уже закончился. Прабхупада прочитал лекцию и ободрил собравшихся преданных, пригласив их на пир.

– В сознании Кришны не бывает неудач. Если люди приходят на программу, мы проповедуем, если не приходят – принимаем прасад.

Когда приехал корреспондент из «Космик-стар», Прабхупада откровенно рассказал ему про свами-обманщиков и «аватар» из Индии. Корреспондент из «Лос-Анджелес-таймс» спросил у Прабхупады его мнение о том, может ли человек высадиться на Луну, на что Прабхупада попросил репортера записать: «Движение сознания Кришны не имеет ничего общего с полетами на Луну». Но у репортера было на этот счет свое мнение, и в номере «Лос-Анджелес-таймс» от 28 декабря он опубликовал статью «Свами говорит, что на Луне живут люди»:

Если астронавты высадутся на Луну, то, возможно, встретят сопротивление со стороны высокоразумных существ, обитающих там на протяжении 10 000 лет.

Так говорит Свами А.Ч. Бхактиведанта, духовный лидер небезызвестного индийского культа, который за два с половиной года превратился из горстки последователей в целые общества посвященных в десяти городах США и Канады.

Семидесятидвухлетний гуру, с которым я беседовал в пятницу в лос-анджелесском храме Международного Общества сознания Кришны на бульваре Ла-Сьенега, 1975, считает, что возможность высадки человека на «планету Луна» очень невелика.

Опираясь в своих выводах на ведические произведения, в частности, «Шримад Бхагватам», Свами Бхактиведанта сказал, что нынешние скафандры требуют усовершенствования.

Вопрос тела

– Чтобы высадиться там, необходимо иметь определенное тело, – сказал он. – В этом теле вы не сможете попасть туда; вы должны поменять его: технически, духовно или еще как-нибудь.

Допуская, что космический скафандр астронавта может обеспечить его нужным «телом», свами, однако, настаивает, что современные скафандры, используемые астронавтами, «не отвечают требованиям».

«Бхагавад-Гита», еще одна священная ведическая книга, сказал он, описывает низшие, средние и высшие планетные системы. Земля относится к средним и населена существами среднего разума. Луна принадлежит к высшей категории, ее населяют существа с высоким интеллектом, обретенным, главным образом, благодаря долгой жизни.

– В этом теле вы не сможете ни прилуниться, ни вмешаться в жизнь обитателей Луны, – сказал свами.

Но если астронавтам удастся высадиться на Луну, то, по мнению свами, лунные жители встретят землян в штыки.

Приводя аналогию из «Шримад Бхагватам», он сказал:

– Один царь хотел попасть в райское царство, но полубоги воспрепятствовали ему.

Гуру также дал понять, что любая высокоразвитая цивилизация будет не слишком рада невежественным посетителям с другой планеты.

Смогут ли астронавты (или космонавты) увидеть обитателей Луны?

«Почти невидимые»

– Они почти невидимы, – ответил он.

Присутствовавший на интервью Говард Уилер, преподаватель английского языка из Огайо и ученик свами, перефразировал слова своего учителя, сказав, что у жителей Луны «тонкие» тела, не воспринимаемые чувствами землян.

Свами считает, что даже если астронавтам и удастся высадиться на Луну и благополучно вернуться на Землю, это не вызовет разногласий в Движении сознания Кришны.

Движение, которое иногда называют Движением «Харе Кришна» в силу важности, придаваемой в нем повторению слов «Харе», «Кришна» и «Рам», обязано своим быстрым ростом недавнему интересу к трансцендентальной медитации.

По воскресеньям преданные решили проводить в храме большие праздники с кукольными и театральными представлениями. Бхавананда, начинающий преданный и бывший дизайнер по тканям из Нью-Йорка, раскрасил храм яркими красками – розовой, фиолетовой, красной, зеленой и желтой, и оформил интерьер. Возвращаясь с уличных киртанов, преданные стали регулярно

приводить в новый храм гостей. По просьбе Прабхупады, на всей прилегающей к храму территории преданные посадили розы, всего 108 кустов. Вскоре был готов алтарь, и преданные перевезли в новый храм Господа Джаганнатху и Картами-шайи.

– Теперь мы начнем полноценное поклонение Божеству, – сказал Прабхупада нескольким женщинам. Он говорил о некоем нововведении в ИСККОН – ежедневном предложении Божеству арати и прасада.

По мере того, как росла и процветала на новом месте лос-анджелесская община, Прабхупада постепенно переключал заботы об управлении на плечи своих старших учеников. Даже на городские проповеднические программы, которые начинались подчас поздно и сбивали Прабхупаде режим, он посылал вместо себя учеников. Свое время он хотел отдавать работе над книгами у себя на квартире. Он сказал, что будет ходить в храм только три раза в неделю, по вечерам, а еще – на воскресный праздник. В остальное время он просил его не беспокоить. Вместе с ним на квартире могли находиться только слуги и Тамала-Кришна со своими ежедневными отчетами по проповеди группы санкиртаны.

К декабрю 1968 года Прабхупада вдвое увеличил скорость выпуска своих книг. Тогда он работал сразу над двумя – книгой «Кришна, Верховная Личность Бога» и «Нектаром преданности». Без этих книг, считал он, невозможно заложить основу Движения сознания Кришны. Книга «Кришна» представляла собой перевод и комментарий Десятой песни «Шримад-Бхагаватам», повествующей об играх Кришны. Желая снабдить книгу красочными иллюстрациями, Прабхупада обратился к двум или трем художникам из числа своих учеников и вызвал их на состязание. Они должны рисовать, а он – писать, стараясь не отстать от них.

Мне очень нужен художник, который сможет рисовать картины по предоставленным мною сюжетам «Бхагаватам». Но художник этот должен работать очень быстро и рисовать по две-три картины в неделю. Эти картины нужны для иллюстраций к моей новой книге «Кришна», которую я начну, как только найдется такой художник... Десятая песнь содержит сорок глав о Кришне во Вриндаване, и пятьдесят глав о Кришне в Двараке. Поэтому, вероятнее всего, первый том будет состоять из сорока глав о Кришне во Вриндаване и иллюстраций – по одной для каждой главы.

Прабхупада рассказал про каждую из иллюстраций. Первая картина должна изображать сидящую во дворце беременную Деваки. Под потолком вокруг нее парят полубоги, молясь о явлении Господа Кришны. На второй картине Прабхупада хотел показать Деваки в других покоях дворца. Перед ней и ее мужем, Васудевой, является Господь Вишну в Своем четырехруком образе, в желтых одеяниях, и они Ему кланяются. На третьей иллюстрации будет младенец Кришна, со счастливой улыбкой покоящийся на коленях Деваки, подобно обычному ребенку. Четвертая картина должна изображать Васудеву, переносящего маленького Кришну через Ямуну. На пятой – Васудева в доме Нанды Махараджа во Вриндаване обменивает Кришну на новорожденного ребенка Яшоды.

Книга «Кришна» будет написана в виде краткого изложения Десятой песни; переводы и комментарии будут сплетаться в ней в единое повествование, поэтому, в отличие от перевода Первой песни «Шримад-Бхагаватам», стиль этой книги будет более свободен, хотя существенной разницы между ними нет.

Взяв на себя столь грандиозную задачу: перевод и комментарий к восемнадцати тысячам стихов «Шримад-Бхагаватам», Прабхупада не был уверен в том, доживет ли он до ее завершения. Однако, поскольку самой важной частью «Шримад-Бхагаватам» была Десятая песнь, повествующая о трансцендентных развлечениях Шри Кришны на Земле, в первую очередь Прабхупада решил перевести ее. На первые девять Песней уйдут годы, а Прабхупада не знал, сколько лет жизни ему отпущено, поэтому посчитал своим долгом описать для учеников хотя бы все истории о Кришне из Десятой песни.

«Цель этой книги, – писал Прабхупада во «Введении», – главным образом, в том, чтобы побудить людей понять кришна-катху, ибо благодаря этому они могут освободиться из материального рабства». Вьясадева, составитель «Шримад-Бхагаватам», и Шukaдева Госвами, изначальный рассказчик «Шримад-Бхагаватам», рекомендовали совершать кришна-катху – слушать и беседовать о Кришне – дабы очистить сердце от всякой иллюзии. Духовные игры Кришны, Верховной Личности Бога, столь могущественны, что просто слушая и читая, и памятуя о них, преданный переносится в духовный мир.

Обычно Прабхупада работал ранним утром, начиная с часу ночи. Каждый день в это время он писал книгу «Кришна». Но сейчас он выделил себе для напряженной литературной работы

дополнительные часы – после полудня – и начал еще одну книгу, «Нектар преданности», сжатое изложение труда Рупы Госвами «Бхакти-расамрита-синдху». Эта работа – «полное изложение науки бхакти-йоги», какой пять столетий назад передал ее Рупе Госвами Господь Чайтанья. Прабхупада хотел, чтобы «Нектар преданности» стал своего рода «Кодексом» для членов Движения сознания Кришны. Если человек хочет знать, какая философия лежит в основе бхакти-йоги, как совершать преданное служение, каковы ступени преданного служения и какова его цель – обо всем этом он может прочитать в «Нектаре преданности». В странах Запада, где никто никогда не слышал о «Бхакти-расамрита-синдху», «Нектар преданности» поможет преданным укрепить Движение сознания Кришны.

Во Введении к «Нектару преданности» Прабхупада просит благословения на эту работу: «Да снизойдет на нас милость Кришны, устраняющая все препятствия, чтобы мы могли выполнить свой долг – написать «Нектар преданности», вдохновляемые Его Божественной Милостью Шри Шримад Бхактисиддхантой Сарасвати Госвами Прабхупадой».

Основываясь на оригинальном санскритском тексте, Шрила Прабхупада записывал на диктофон свои комментарии. Несмотря на свои семьдесят три года (а он часто говорил о себе как о старике, который не может есть, как молодые, и не может, как его ученики, терпеть холодный климат), Прабхупада писал сейчас больше, чем когда-либо раньше. Его литературная деятельность началась в 1940 году, с журнала «Назад к Богу». Теперь у него было больше возможностей для работы – современная техника для диктовки, перевода и печати; личные помощники, заботящиеся о его питании и одежде, и полные сил, обученные ученики, осуществляющие миссионерскую деятельность его Движения. Рупа Госвами подчеркивал, что не нужно отказываться от материальных вещей, если их можно использовать в служении Кришне, и Прабхупада воплотил этот принцип в своей жизни. В одной из первых глав «Нектара преданности» он писал:

Нужно принимать все, что может найти применение в сознании Кришны и способствовать нашему совершенствованию в преданном служении. Например, для распространения Движения сознания Кришны мы используем разнообразную технику: печатные машинки, диктофоны, магнитофоны, микрофоны и самолеты. Иногда нам задают вопрос: «Почему вы используете материальные вещи, если сами же осуждаете прогресс современной цивилизации?» На самом деле мы его не осуждаем. Мы только просим людей делать все, что они делают, в сознании Кришны. Это тот же самый принцип, на основании которого Кришна в «Бхагавад-гите» советует Арджуне применить свои способности воина в преданном служении. Этим же принципом руководствуемся и мы, используя технику в служении Кришне. С таким отношением к Кришне, иначе говоря, в сознании Кришны, мы можем использовать все что угодно. Если пишущую машинку можно использовать для распространения сознания Кришны, то наша обязанность – воспользоваться ею. То же относится и к диктофону, и к любой другой вещи.

Изо дня в день Прабхупада погружался в вайшнавскую литературу, переводя на современный английский язык санскритскую поэзию Вьясадевы и откровения Рупы Госвами. Внешне его жизнь теперь казалась не такой насыщенной событиями, но он испытывал полное удовлетворение от того, что занимался самым важным и неотложным делом на благо мира. Сидя в простой комнате в маленьком пригородном доме Лос-Анджелеса, он закладывал основу роста Движения на тысячи лет вперед. Он чувствовал, как ведическое знание побеждает мрак этой эпохи.

Даже самые молодые ученики Прабхупады понимали, что не стоит отвлекать духовного учителя от работы над книгами. «Он выкладывается без остатка», – говорили они и трепетали, слушая о том, с какой скоростью он переводит.

Озабоченный изданием своих новых книг, Прабхупада написал Сатсварупе в Бостон:

Я занялся серьезной работой над одной книгой, «Нектаром преданности». Это будет страниц четыреста. Поэтому сейчас я медленнее посылаю тебе пленки с Третьей Песней «Шримад-Бхагаватам»... Что касается новой книги «Кришна», я продолжу посылать тебе пленки. Так мы и закончим эту книгу.

Хамсадуте Прабхупада написал: «Затем я хочу опубликовать новую книгу под названием «Нектар преданности», а если ты поможешь нам с финансированием, то окажешь этим неоценимую услугу».

Прабхупада работал успешно, а вот у преданных дела с выпуском книг не ладились. Гора неопубликованных рукописей росла. Предвидя свой скорый уход, Прабхупада хотел напечатать книг как можно больше, и Кришна давал ему силы писать две книги одновременно. Но когда они

будут готовы к печати – сказать было трудно, и это очень его расстраивало. Компания Макмиллана недавно напечатала «Бхагавад-гиту как она есть» – 1500 экземпляров в твердой обложке и 35 000 – в мягкой, и хотя издатели более чем наполовину сократили изначальную рукопись «Гиты», для Движения сознания Кришны это была уже победа – первая на Западе истинная «Бхагавад-гита», изданная в традиции парампары. Компания Макмиллана собиралась продавать «Бхагавад-гиту как она есть» в книжных магазинах, но Прабхупада попросил Брахмананду заказать у них пять тысяч экземпляров для продажи через храмы. Он посоветовал Брахмананде обойти как можно больше книжных обозревателей, чтобы рассказать им о том, как остро нуждается в этой книге нынешнее безбожное общество. «Пытайтесь продавать эти книги, – писал Прабхупада преданным в Лондон. – Так вы окажете величайшее служение».

Теперь, когда вышла в свет главная книга, Прабхупада велел своим ученикам читать из нее хотя бы по одной главе в день и обсуждать книгу на лекции. «Если ты сможешь досконально изучить «Бхагавад-гиту», – писал Прабхупада Хамсадуте, – то непременно станешь хорошим проповедником».

«Мы будем проводить по «Бхагавад-гите» экзамен, – решил Прабхупада, – и те, кто его выдержит, получают титул бхакти-шастри». А с выходом других книг, он собирался ввести экзамен по «Бхагавад-гите», «Шримад-Бхагаватам», «Учению Господа Чайтаньи» и «Нектару преданности», а те, кто сдадут его, получают титул Бхактиведанта. «Я хочу, чтобы все мои духовные сыновья и дочери унаследовали титул «Бхактиведанта», чтобы наш семейный духовный диплом передавался из поколения в поколение. Обладателям титула Бхактиведанта будет позволено давать посвящение ученикам. Может быть, к 1975 году всем моим ученикам будет позволено давать посвящение и так преумножать поколения. Такова моя программа. Поэтому мы должны не просто печатать эти книги для внешнего мира. Наши ученики сами должны хорошо знать все наши книги, чтобы быть готовыми победить всех противников духовной науки».

Прабхупада был очень недоволен тем, что издательство «Дай Ниппон» в Японии задерживало издание его рукописи «Учения Господа Чайтаньи», хотя книга должна была выйти в свет одновременно с «Гитой». Когда ему сообщили, что книга будет готова не раньше следующего года, Прабхупада вновь подумал о собственном издательстве. Но, обсуждая с учениками свои идеи и спрашивая их мнения, он видел, что тем недостает опыта и средств.

Другим источником беспокойств были накопившиеся неизданные рукописи «Шримад-Бхагаватам». Прабхупада считал «Бхагаватам» своим главным трудом, главной целью своей жизни, а отсутствие четких планов по публикации этого произведения расстраивало и обескураживало его. У него были далеко идущие планы – ни много ни мало, наводнить весь мир книгами о сознании Кришны. И на меньшее он был не согласен.

Оттого-то в январе 1969 года, находясь на пике своего литературного творчества, он тем не менее выражал беспокойство и разочарование по поводу неизданных рукописей «Шримад-Бхагаватам». В письмах Брахмананде Прабхупада объяснял, что жизнь его посвящена изданию «Бхагаватам», но, даже имея сотни помощников и находясь в богатейшей стране, он не в состоянии сделать того, на что в Индии был способен один.

Умоляю тебя обратить внимание на издание моих книг. В 1954 году я ушел из дома и целых пять лет скитался как ванапрастха по разным местам. Затем, в 1959, я принял санньясу. Конечно, еще будучи семейным человеком с 1947 года я издавал журнал «Назад к Богу». Но духовный учитель велел мне писать книги, и это должно было стать моим главным занятием. Поэтому, приняв санньясу, я начал работу над «Шримад Бхагватам», и в 1962 году, когда была закончена Первая песнь, ценой огромных усилий мне удалось издать первый том. Это случилось уже после того, как я ушел из дома, принял санньясу и пять лет жил один, на те сбережения, что у меня были. В 1960 году я практически остался без гроша. Поэтому я должен был быстро издать первый том, после чего у меня появились какие-то деньги, чтобы продолжать существование. Так, в 1963 году я опубликовал второй том, а 1965 – третий. Затем я начал думать о том, чтобы приехать в вашу страну. Так или иначе, сейчас я здесь. И с самого моего приезда я так и не могу опубликовать четвертый том «Шримад Бхагватам». При вашей поддержке, начиная с 1965 года, была напечатана только эта, одна-единственная книга, а чем там занимается эта компания «Дай Ниппон», я не знаю.

В любом случае, я очень хочу напечатать свои книги. На данный момент я написал достаточно, чтобы издать восемь разных книг примерно равного объема (по четыреста страниц каждый), какой я обычно печатаю. Но я не знаю, как мне их издавать...

Что сделано, то сделано. Сейчас я очень серьезно настроен печатать свои книги. Это можно делать тремя способами. Во-первых, если компания Макмиллана заинтересуется публикацией моих книг, это будет большим облегчением. Прибыль меня не волнует. Я хочу лишь, чтобы мои книги были напечатаны. Во-вторых, если Макмиллан не заинтересуется, мы можем напечатать их в «Дай Ниппон», но меня удручают их проволочки. Поэтому наш следующий шаг – открыть свое издательство... Мне нужно напечатать восемь книг по 6000 долларов (согласно расценкам «Дай Ниппон»), и, следовательно, мне срочно требуется 50 000. Будут они продаваться или нет – я хочу, чтобы книги были напечатаны. Таково мое желание.

Прабхупада решил сократить свои посещения храма до воскресных программ, и отныне воскресенье для преданных стало кульминацией недели. Этот день был ключевым пунктом их проповеди, поскольку в течение всей недели они приглашали людей на воскресный праздник, всю неделю Тамала-Кришна обсуждал с Прабхупадой меню для пира или сценарии проведения различных вайшнавских праздников. Кроме того, Прабхупада сам предлагал преданным идеи для спектаклей.

Когда в воскресенье Прабхупада на машине приезжал в храм, преданные встречали его у парадного входа с пением и танцами. Как только он выходил из машины, они тут же надевали на него гирлянды. За алтарной залой была небольшая комната, где Прабхупада говорил о Кришне или встречался с отдельными преданными, расспрашивая об их жизни. Он был похож на царя в окружении своих верных подданных, на отца семейства, состоявшего из шестидесяти сыновей и дочерей.

Воскресная программа проходила в атмосфере праздника. Праздник собирал больше гостей, чем любая воскресная программа в любом другом храме Прабхупады. Преданные с таким энтузиазмом приглашали новых людей, что постепенно число посетителей воскресного пира выросло до двухсот человек.

Из своей маленькой комнаты Прабхупада выходил в храмовый зал и проводил для преданных и гостей киртан. Однажды во время такого киртана Прабхупада встал и начал танцевать. Воздев руки, он медленно и величественно двигался по большому кругу, побуждая всех присоединиться к нему. Преданные и гости шли за ним, образуя «змею». Он останавливался перед каждым изображением на стене и, не опуская рук, танцевал свой «свами-степ», и одежды его развевались. Затем он шел дальше по кругу.

В то воскресенье среди гостей у задней стены на деревянных стульях сидели две пожилые женщины. Когда Прабхупада подошел к ним, те улыбались и кивали, наслаждаясь зрелищем. Но Прабхупада посмотрел на них, поднял руки в воздух и громко сказал

– Вставайте! Вставайте и танцуйте!

Они встали, начали танцевать и пошли за ним по всему залу.

После киртана Прабхупада садился и смотрел пьесу – «Нарада и охотник» или «Прахлада Махарадж и Господь Нрисимхадева» – либо наслаждался кукольным спектаклем Вишнуджаны. Затем вместе с преданными он пировал.

Тамала-Кришна: На каждом пиру Шрила Прабхупада ел вместе с преданными в алтарной зале. Он учил нас сначала кормить всех детей. Он говорил: «Детей нужно кормить первыми».

Затем прасад принимали остальные. Позднее, когда, сидя перед ним, мы заканчивали есть, он просил:

– Положите ему добавки этого, и того добавьте.

Я всегда сидел впереди. Затем он раздавал маха со своего подноса.

Шилавати: Преданные выстраивались вдоль лестницы и дорожки, ведущей к машине Прабхупады. Прабхупада выходил с улыбкой на лице. Все преданные кланялись и, когда он проходил мимо, опускались на колени, а он клал каждому на голову свою руку. Все только этого и ждали – чтобы Шрила Прабхупада коснулся их головы, и если он кого-нибудь пропускал, этот человек забегал вперед и вставал в конец этого строя, чтобы Шрила Прабхупада дотронулся и до его головы. Уверена, он знал об этом. Он просто улыбался. И иногда он специально касался каждого, а иногда – всего двух-трех человек из всей очереди. Это было похоже на игру, в которой участвовали все мы. Затем он садился в машину, и мы плотным кольцом собирались вокруг нее. После его отъезда все делились своими наблюдениями:

– Ты видел, что он сделал?

– Ты слышала, что он сказал?

Все были в полном восторге от Шрилы Прабхупады. Мы все время говорили о нем. Он был центром нашей жизни.

Как представитель общины преданных в Лос-Анджелесе, Тамала-Кришна каждый день посещал своего духовного учителя. К его группе санкиртаны Прабхупада питал особый интерес. Выездная группа киртана, которую Тамала-Кришна организовал по просьбе Прабхупады, проводила киртаны на улицах Сан-Франциско и Сиэтла. Когда они приехали в Лос-Анджелес, Прабхупада попросил их остаться и влиться в новый лос-анджелесский центр. Теперь более тридцати преданных выходили в город, распространяли журнал «назад к Богу» и пели каждый день по восемь часов. Помимо организации ежедневной санкиртаны, Тамала-Кришна поддерживал отношения с полицией и городскими властями. Ему удавалось все. Лос-Анджелес держал первенство по новой форме проповеди – санкиртане, и Прабхупада неоднократно подчеркивал, что это – самая важная деятельность ИСККОН.

В Тамала-Кришне Прабхупада видел того, кто может организовать преданных, поэтому он тщательно обучал его искусству управления. Иногда Прабхупада показывал ему одно из полученных им писем и спрашивал, что бы тот ответил. Тамала-Кришна предлагал свой вариант ответа, после чего Прабхупада объяснял, как нужно отвечать на данное письмо.

Как правило, Прабхупада принимал прасад в одиночестве, но однажды он пригласил к себе на обед Тамала-Кришну. Когда прасад был подан, тот спросил:

– Как следует есть, Прабхупада? С чего начинать?

– В еде, – ответил Прабхупада, – нет строгих правил.

Но Тамала-Кришна внимательно наблюдал, как принимает прасад его духовный учитель, зная, что принятие пищи – это целое искусство. Кусочек за кусочком, Тамала-Кришна в точности копировал Прабхупаду за обедом. Прабхупада вдохновлял его наедаться досыта.

Однажды, поев и помыв руки и рот, Прабхупада сказал:

– Ну, а теперь немного поговорим. Издательство в Японии согласилось заключить контракт на публикацию «Назад, к Богу», при условии, что ИСККОН будет заказывать у них как минимум двадцать тысяч журналов в месяц. Это солидное издательство, и я хочу получить от тебя гарантию. Я хочу, чтобы ты брал на Лос-Анджелес по пять тысяч журналов в месяц. Если согласишься, я договорюсь с Сан-Франциско, Нью-Йорком и Лондоном о том, чтобы каждый из них тоже взял по пять тысяч. Мне лишь нужна твоя гарантия.

Тамала-Кришна тут же пообещал Прабхупаде распространять по пять тысяч журналов в месяц. Это был важный момент.

– Тогда, – сказал Прабхупада, – я могу взять на себя такой большой заказ. В противном случае, я не смог бы этого сделать.

В один из своих ежедневных визитов Тамала-Кришна показал Прабхупаде картину, которую только что закончил Муралидхара, один начинающий преданный. На картине был изображен духовный мир с духовными планетами, а в одном из его углов был материальный мир. Прабхупаде картина понравилась. Указывая на нее, он объяснил Тамала-Кришне план всего Творения. Кришна, начал он, как Верховная Личность, находится на высшей планете, Кришналоке. Вокруг Кришналоки располагаются бесчисленные духовные планеты, где живут четырехрукие экспансии Господа, именуемые Нараяной. Эти планеты плавают в безграничном сиянии Брахмана, которое представляет собой не что иное, как свет, исходящий из тела Кришны. И в одном крошечном уголке этого неба находится весь материальный мир. Материальный мир исходит из экспансии Господа Кришны, Маха-Вишну, возлежащего в Причинном океане и испускающего из Своего дыхания и пор Своего тела бесчисленные материальные вселенные. Затем в каждой вселенной Маха-Вишну распространяет себя в Гарбходакашаи Вишну, который производит планеты внутри вселенной. Планета Земля расположена в средней планетарной системе, и в сравнении со всей вселенной подобна пылинке. Но на этой пылинке находятся семь континентов, продолжал объяснять Прабхупада, обращая внимание Тамала-Кришны на картину.

– И в число этих континентов, – сказал Прабхупада, – входит Америка. И даже в самой Америке есть множество городов. Один из этих городов – Лос-Анджелес. Здесь, в Лос-Анджелесе, есть множество мест, одно из которых – наш храм. И в этом храме есть Тамала-Кришна. И он считает себя очень, очень важным.

Тамала-Кришна застыл от неожиданности. А Прабхупада посмотрел на него и просто улыбнулся.

В Лос-Анджелесе обязанности секретаря Прабхупады продолжала исполнять Говинда-даси. Упендра по-прежнему был слугой: делал Прабхупаде массаж и готовил. Муж Говинда-даси, Гаурасундара, без особого энтузиазма отправился на Гавайи, чтобы попытаться открыть там центр.

Все началось с того, что Прабхупада заговорил о Гавайях как об очень перспективном месте для храма. Каждый день он торопил Гаурасундара, пока тот, наконец, не согласился поехать туда и проповедовать.

Теперь Прабхупада намекал Говинда-даси, что ей неплохо бы присоединиться к мужу. Однако той больше хотелось остаться с Прабхупадой и быть его секретарем; она сопровождала его уже больше года. Но Прабхупада настаивал. Из Нью-Йорка ему написал Пурушоттама с просьбой разрешить ему приехать и служить, и Прабхупада согласился. Написав Пурушоттаме письмо с приглашением приехать, Прабхупада дал его Тамала-Кришне, сказав:

– Отправь лучше ты. Не давай его Говинда-даси. Она может его не отправить.

Говинда-даси хотела остаться, но Прабхупада приказал ей:

– Ты должна жить с мужем. Так ты станешь счастлива. Вы никогда не будете счастливы, живя вдали друг от друга. Ты должна туда поехать.

Неделю за неделей Говинда-даси откладывала свой отъезд, но, в конце концов, с большой неохотой, сложила с себя дорогие ее сердцу обязанности и присоединилась к мужу.

Отъезд Гаурасундары уже был неудобством для Прабхупады, а теперь он лишился еще и опытного секретаря. Но ему нужны были новые центры. Он говорил, что путешествовать по миру с проповедью сознания Кришны куда важнее, чем служить личным секретарем или слугой – ведь для этого нужно обладать божественным духом, и если кому-то выдается такая возможность, ее нужно расценивать как величайшее благословение Кришны.

Затем настала очередь Упендры. Он узнал, что за торговлю наркотиками, в которой он участвовал за несколько лет до того, как присоединился к Прабхупаде, его приговорили к тюремному заключению. Сначала ему назначили срок в три месяца, но затем сократили наказание до одного месяца окружной тюрьмы. Когда настал день отъезда, Упендра упаковал сумку и пошел прощаться с Прабхупадой.

– О? – улыбнулся Прабхупада. – Уже уезжаешь?

– Да, Прабхупада, – прерывающимся голосом ответил Упендра, и затем попросил. – Прабхупада, вы не повторите со мной один круг?

Прабхупада посмотрел ему в глаза и сказал:

– Ты должен знать, что я всегда повторяю с тобой.

Упендра заплакал, и Прабхупада, протянув руку, погладил его по спине и потрепал по волосам.

– Ничего, не бойся, – уверил его Прабхупада. – Это милость Кришны. Они подумают, что ты праведный парень и отпустят тебя через несколько дней. Ступай. Повторяй «Харе Кришна» и будь счастлив.

Упендра взял себя в руки и отправился в тюрьму. Через десять дней его отпустили, и он снова стал личным слугой Прабхупады.

На этот раз Прабхупада начал обсуждать с Упендрой проповедь в Австралии. Один преданный из Нью-Йорка поделился с Прабхупадой идеей открыть там центр и в этой связи упомянул имя Упендры. Сначала тот был категорически против, но Прабхупада мягко улыбнулся и сказал:

– Да, я думаю, ты должен поехать.

– Но я же готовлю для вас! – запротестовал Упендра.

– О, любой может готовить, – ответил Прабхупада. – В Сиэтле ты занимался гораздо более важным служением.

– Вы что, не шутите? – испугался Упендра.

Нет, Прабхупада не шутил. И Упендра полетел в Австралию.

Так, одного за другим, Прабхупада разослал всю свою свиту. Однако храм Лос-Анджелеса по-прежнему оставался испытательным полигоном по внедрению в жизнь преданных новых важных элементов сознания Кришны. Одним из них была группа городского киртана. Другим стало полноценное храмовое поклонение.

Именно тогда в Лос-Анджелесе преданные начали по всем правилам предлагать Божествам арати и пищу, как это заведено в знаменитых вайшнавских храмах Индии. Джива Госвами,

великий ученый и последователь учения Господа Чайтаньи, писал, что для возвращения к Богу вполне достаточно одного повторения «Харе Кришна», но люди нынешней эпохи очень беспокойны и потому, ради очищения, должны поклоняться Божеству. Поскольку поклонение включает в себя и изготовление одежд для Божества, украшение и уборку алтаря и приготовление пищи, Прабхупада обратился к некоторым своим ученицам, которые, казалось, были особенно к этому предрасположены.

Среди них была Шилавати. Она была старше большинства женщин и в Движение сознания Кришны пришла вместе с двумя сыновьями. Когда Прабхупада увидел, как рвется она помочь ему организовать храмовое поклонение, он попросил ее прийти к нему на квартиру, где рассказал про традицию поклонения Божеству, включающую шесть ежедневных арати.

Первое арати, мангала-арати, нужно проводить за полтора часа до восхода солнца. Но сначала Божества нужно разбудить, предложив Им молочные сладости и фрукты, а затем, во время арати, предложить одно за другим курящееся благовоние, зажженную камфару, воду в морской раковине, чистый носовой платок, ароматный цветок, опахало из хвоста яка и веер из павлиньих перьев. Преданного, предлагающего арати, называют пуджари. Левой рукой пуджари звонит в колокольчик, а правой, круговыми движениями по часовой стрелке, предлагает Божеству каждый предмет.

Через несколько часов после мангала-арати Божеству предлагают завтрак, после чего преданные могут принять остатки этого подношения как прасад Божества. Днем предлагается еще одно арати, и прасад, оставшийся после него, преданные принимают на обед. Далее проводится еще три арати – в четыре часа дня, в семь и в девять вечера. Затем Божества отдыхают. Понимая, что Божество – это Сам Бог и владелец храма, преданные должны служить Ему как царю во дворце. Такое служение естественным образом углубляет у преданных сознание Кришны. Но Прабхупада предупредил, что делать это нужно с энтузиазмом, а если вдохновение угаснет, поклонение Божеству, превратившись в монотонный труд, уподобится идолопоклонству, и ученики будут только жалеть, что начали его.

Получив наставления Шрилы Прабхупады, Шилавати вернулась в храм, чтобы подготовиться к новой процедуре поклонения, а в следующее воскресенье, во время посещения храма, Прабхупада уже стоял и смотрел, как та предлагает арати. После этого, когда Шилавати зашла в прилегающую к алтарной комнату, где Прабхупада разговаривал с преданными, он приветствовал ее словами:

- А теперь мы будем проводить арати.
- О, – удивилась Шилавати, – но ведь я только что его провела.
- Нет, не провела, – покачал головой Прабхупада.
- А что, не получилось?
- Нет, не получилось.

Прабхупада вышел в храмовую залу и попросил преданных принести ему предметы для предложения арати.

- Мне нужна камфара, – громко произнес он, стоя перед алтарем.
- Какая камфара? – удивились преданные. – Где же мы возьмем камфару?

Кто-то побежал покупать камфару. Затем Прабхупада попросил цветы. Постепенно, одно за другим, все необходимое для арати принесли. Когда, наконец, все было в сборе, Прабхупада показал, как правильно проводить арати, и затем снова передал эстафету Шилавати. Теперь, когда он показал им пример, они должны с энтузиазмом продолжать это дело.

* * *

Преданные в Лос-Анджелесе с радостью встретили введение Прабхупадой праздничных дней и церемоний согласно календарю вайшнавов. Теперь они смогут запланировать множество воскресных праздников, приурочивая их к конкретным календарным событиям. Праздник пахтанья масла в память о деяниях Кришны как мальчика-пастушка; празднование Говардхана-пуджи в честь игры, во время которой Кришна поднял холм Говардхана; праздники, приуроченные к явлению Господа Рамы и Господа Нрисимхи и так далее. Эти праздники не были изобретениями Прабхупады, просто сейчас у него впервые появились условия и вдохновенные помощники для их проведения.

В феврале, в день явления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, Прабхупада приехал в храм и приготовил картофель с цветной капустой, сладкий рис, халаву и пури. Готовил он молча и

сосредоточенно, моя плиту и раковину после каждого этапа приготовления, а преданные, столпившись в дверях, наблюдали за ним.

Однажды Шилавати обнаружила на одном из 108 розовых кустов бутон. Обрадованная, она созвала преданных. Вскоре на всех кустах появятся цветы для предложения Божеству, и преданные знали, что Прабхупада будет доволен.

Шилавати: Джаянанда посадил 108 розовых кустов, и все мы с нетерпением ждали, когда же они зацветут. Однажды я нашла один маленький бутон, и это привело меня в восторг. Это была желтая роза. По бутону я поняла, что цветы на кусте будут желтые и будут иметь характерный запах. Для меня эта роза олицетворяла наш храм. Возможно, были и другие храмы, больше и величественнее, но в этом храме выражалась суть мечты Шрилы Прабхупады. По одной розе можно понять, какого цвета и запаха будут все цветы на кусте; точно также, этот храм мог явить нам суть всего Движения.

Преданные знали, что дела их являются примером успешных начинаний того, что Прабхупада собирался ввести по всей Америке и во всем остальном мире. Тамала-Кришна так организовал распространение журналов «Назад к Богу», что преданные во время уличного киртана продавали по сто экземпляров в день – по тем временам это было неслыханно. Вишнуджана творил чудеса – он весь день пел и играл мриданге. Прабхупада сказал, что он ведет киртан, как гандхарва. А кукольные спектакли Вишнуджаны и театральные сценки на воскресных программах – новация в ИСККОН – очень нравились гостям; благодаря этому воскресная программа из простого пира превращалась в настоящий фестиваль. В дополнение ко всему Прабхупада ввел высокий уровень поклонения Божеству.

В присутствии Прабхупады преданные были воодушевлены служить сообща. Они подолгу, часами работали бок о бок, но побуждала их к этому их не гордость за свои достижения, а командный дух. Они работали изо всех сил, но для них это было просто приятно; они смотрели на свои обязанности как на вечное преданное служение – пусть даже все это происходило во временной одноэтажной деревянной церкви в столице Южной Калифорнии.

Однако главной причиной успеха лос-анджелесского храма было личное присутствие Прабхупады. Хотя преданные видели его всего один раз в неделю, они знали, что он у себя на квартире на Хейворс-стрит, и что скоро они вновь его увидят.

* * *

Прабхупада жил в Лос-Анджелесе уже четыре месяца и едва ли не с самого своего приезда думал о том, чтобы продолжить путь. Он регулярно получал приглашения от искренних учеников, осененных «божественным духом», вдохновляющим их распространять сознание Кришны. Ведомые этим духом, ученики разъезжались по всем уголкам земного шара как миссионеры сознания Кришны, и, как источник этого духа в учениках, Шрила Прабхупада хотел быть с ними, чтобы помочь и укрепить то, что они начали. Он не мог подолгу оставаться в одном месте. Он должен был продолжать движение, и подобно летающей, танцующей в воздухе искре, зажигать костры сознания Кришны везде и во всех сердцах, где это только возможно.

Этот дух с особой силой проявился в Прабхупаде в декабре 1967 года, когда он вернулся в Америку из Индии после выздоровления. Движение сознания Кришны только началось, – сказал он по возвращении в Соединенные Штаты. В первый свой приезд ему удалось открыть центры в Нью-Йорке и Сан-Франциско; тогда он убедился, что молодежь примет сознание Кришны. Однако сердечный приступ чуть не унес его жизнь. В то время казалось, что он удаляется от дел и возвращается на родину в Индию, но Кришна немного поправил его здоровье и позволил ему вернуться в Америку. Поэтому сейчас, с новыми силами и намного более продуманным и эффективным планом он попытается открыть как можно больше центров.

В храме на Ла-Сьенеге Прабхупада, наконец, получил разрешение на постоянное жительство в Соединенных Штатах. Иммиграционный департамент США признал его «посвященным священнослужителем», и теперь он мог свободно посещать страну. Поэтому Прабхупада был готов и горел желанием путешествовать не только в Соединенных Штатах, но и за рубежом. По приглашению Гаурасундары в начале декабря он планировал посетить Гавайи, но Тамала-Кришна уговорил его остаться в Лос-Анджелесе и продолжать вдохновлять группу санкиртаны.

В январе Прабхупада написал преданным в Лондон:

Я получил письмо от одного человека из Гайаны; он приглашает меня приехать к нему. Еще у меня есть приглашение на Гавайи, но помимо всего прочего, сначала я очень хочу основать храм в Лондоне.

Шьямасундара написал, что визит Прабхупады в Лондон будет «самым большим событием в истории Лондона со времен римского вторжения». Прабхупада ответил:

На самом деле так оно и будет. Но на этот раз вторжения не будет. Если Англия готова, ее жители получают нечто возвышенное, чего они не могут произвести в своей стране – ни в Манчестере, ни в Глазго, ни в Эдинбурге.

Однако лондонским проповедникам Прабхупады первое время никак не удавалось открыть центр. Обстоятельства вынудили их жить порознь, в разных районах города, и приглашать Прабхупаду пока было некуда. Поэтому он планировал посетить другие места, но больше всего ему хотелось поехать в Лондон. Он сообщил, что его здоровье в хорошем состоянии, и он готов к любым климатическим условиям Англии.

Из переписки с Хаягривой, который теперь преподавал английский язык в Университете Огайо, Прабхупада узнал, что недавно преданные учредили Общество Кришна-йоги. Хаягрива хотел организовать программу, на которой Прабхупада спел бы мантру вместе с Аленом Гинзбергом перед большой группой студентов. Прабхупада попросил Хаягриву назначить дату. Ради проповеди он готов был ехать куда угодно.

13 февраля Прабхупада написал Кришнадасу в Германию: «Я могу прямо сейчас поехать в Германию. Какая там температура? Единственная проблема – это если там будет слишком холодно. Я ведь старый человек».

В феврале Прабхупада предложил своему ученику Джанардане, владеющему французским, отправиться в Париж, чтобы начать там какую-то работу среди своих ученых коллег.

Из Буффало, сообщая о своем успехе, Прабхупаде написал Рупануга: он открыл центр для студентов. Его лекции по сознанию Кришны регулярно посещают семьдесят пять студентов. Прабхупада написал Рупануге: «Что касается твоего желания пригласить меня туда на какое-то время, я давно был готов приехать, поэтому, если климат мне подойдет, я могу отправиться хоть сейчас, если ты считаешь, что это необходимо».

Постепенно Прабхупада составил окончательный план своего весеннего путешествия. «Принимая во внимание описанные тобой местные климатические условия, – писал он Киртанананде в Новый Вриндаван, – я думаю отложить свой визит до конца апреля». Он также заверил Брахмананду и Сатсварупу, что весной посетит Нью-Йорк и Бостон. Говинда-даси с Гавайских островов обещала окончание периода тропических дождей, начало сезона манго и интерес к сознанию Кришны у местного населения. Поэтому к концу февраля у Прабхупады был готов план посещения примерно шести мест, начиная с визита на Гавайи в начале марта.

За пять месяцев пребывания Прабхупады в Лос-Анджелесе к Движению присоединились многие преданные. Все они из первых рук учились тому, что в центре всего в сознании Кришны стоит Его чистый преданный, духовный учитель. Привыкнув за долгое время к личному присутствию своего духовного учителя, преданные тяжело переносили мысль о разлуке. Он научил их всему, кроме одного – как продолжать без него. Но Прабхупада заверил их, что служить ему в разлуке еще важнее. Они хотели, чтобы он остался, и он хотел того же. Но он обязан был путешествовать и проповедовать по всему миру сознание Кришны. Это был его долг перед Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати – и ради этого он готов был снизить темп своей литературной работы и оставить идеальную для сознания Кришны среду, где только-только начинали расцветать его 108 розовых кустов.

Бхавананда: Мы приехали в аэропорт, чтобы проводить его. Прабхупада ждал самолета, и затем настало время вылета. С ним были его новые слуги, Пурушоттама и Картикея. Все пели киртан и плакали. Спускаясь по короткому тоннелю, Прабхупада светился, как никогда. Он повернулся и помахал нам рукой, а затем исчез в самолете. Я плакал. Я думал: «Я так долго искал духовного учителя, и теперь, когда, наконец, нашел его, он покидает меня. Я никогда больше его не увижу!»

Затем самолет покатился по взлетной полосе и взмыл в небо. Мы все смотрели из окон аэровокзала, пока самолет не скрылся из виду. Мы провожали Прабхупаду, как гопи провожали Кришну, когда Он их покинул и отправился в Матхуру. Мы продолжали смотреть ему вслед до тех пор, пока самолет не обратился в точку и не исчез.

Глава шестьдесят вторая

Проповедь в Германии

Август 1969 года

Прабхупада хотел поехать в Англию. Теперь, когда его обязанности на Западном побережье были выполнены, он страстно желал путешествовать и проповедовать на новом континенте. Но его ученики в Англии, несмотря на произведенный ими в Лондоне фурор, по-прежнему не могли найти помещения для храма. Прошел целый год, а центра все еще не было, и три семейные пары жили на трех квартирах в разных районах города.

Однако в Германии дела обстояли иначе: спустя несколько месяцев после своего приезда юный Шивананда открыл в небольшом магазинчике храм. Прабхупада решил, что как можно скорее посетит своего ученика в Германии, а оттуда отправится в Англию, когда там его будут готовы принять. В июле он написал Кришнадасу, который помогал Шивананде: «Ты хотел определиться с датой; так вот, сообщаю тебе, что я готов ехать в любой день, ты только позови».

В Гамбурге было всего четверо преданных и еще несколько «интересующихся». Желание Прабхупады поначалу вызвало у них смешанные чувства – счастье и в то же время замешательство: они не были уверены, хватит ли им денег. Должны ли они оплатить ему билет из Калифорнии? А его слуге? Все, что у них было – лишь крошечный магазинчик. Где Прабхупада остановится? На программы в храм приходило не так уж много народу – чем же он будет заниматься в Гамбурге? Прабхупада почувствовал смятение учеников, когда те выслали ему дешевый билет исландской авиалинии на неверный адрес в Калифорнии. 5 августа он написал им:

Из ваших писем создается впечатление, что вы еще не до конца уладили все дела, поэтому, учитывая обстоятельства, нет нужды торопить события. Сначала как следует все организуйте, а когда получите от Мукунды деньги и найдете квартиру, купите билеты, и мы начнем. Действуйте осмотрительно.

В 1968 году, в Монреале, услышав, что Шрила Прабхупада хочет принести сознание Кришны в Лондон, Шивананда попросил у него разрешения отправиться туда. Прабхупада было усомнился в том, что такому молодому и неопытному парню стоит ехать одному в чужую страну, но Шивананда настаивал, и Прабхупада позволил ему, предупредив:

– Смотри в оба. Я-то был бывалый калькуттский парень, и когда я приехал в Нью-Йорк, никто не мог меня обмануть!

У Шивананды было очень мало денег, но в августе 1968 года его мать оплатила ему дорогу до Англии. Лондонская Служба иммиграции отказала ему во въезде, и парню пришлось отправиться в Амстердам. Там он привлек внимание общественности и прессы, одеваясь в дхоти и исполняя уличные киртаны. Он послал Прабхупаде вырезки из газет, а также свое письмо, из которого чувствовался энтузиазм и... одиночество.

Тронутый смелым «духом первопроходца» Шивананды, Прабхупада написал ему как духовный отец – сыну:

Я видел статью о твоей проповеди в Амстердаме. Хотя язык мне не понятен, я заметил, что в статье приведено мое имя – Свами А. Ч. Бхактиведанта. Это указывает на то, что твое путешествие в Европу сулит большой успех. Я надеюсь, что, получив это письмо, ты останешься мужественным и всегда будешь повторять «Харе Кришна». Успех придет к тебе, так же, как он пришел и ко мне. Я приехал в Нью-Йорк столь же беспомощным, но со временем ко мне пришли ученики, подобные тебе, и помогли. Поэтому никогда не расстраивайся; делай все от тебя зависящее, и Кришна окажет тебе необходимую поддержку. Я понял, что к тебе присоединился один финский юноша. Подобно ему, к тебе придут и многие другие молодые люди, потому что весь мир нуждается в сознании Кришны. Мой Гуру Махараджа говорил: «В этом мире нет недостатка ни в чем, кроме сознания Кришны». Поддерживай свой дух. Твердо верь в духовного учителя и Кришну, и все будет хорошо. Ты уже обладаешь искренностью, а это – секрет успеха. Продолжай в том же духе, и Кришна во всем тебе поможет. Ты пишешь: «Мне очень не хватает общения с Прабхупадой и моими духовными братьями». Но я напоминаю тебе, что я всегда рядом. Где бы я ни был, ты и твои духовные братья со мной. Пожалуйста, всегда помни те скромные

наставления, что получил от меня, и так ты всегда будешь связан со мной и своими духовными братьями.

Прабхупада с гордостью приводил юного Шивананду в пример другим ученикам. Когда несколько преданных, в первый раз отправившись в Ванкувер (Канада) и не найдя у местного населения поддержки, сообщили Прабхупаде, что уезжают из города, Прабхупада написал им про Шивананду: «Вы будете рады услышать, что, стоило ему в течение каких-то нескольких дней достичь скромных результатов, как местная газета напечатала об этом статью с его фотографией. И хотя сейчас он один, я думаю, что его путешествие в Европу на данный момент протекает весьма успешно. Точно так же, куда бы мы ни отправились, мы не должны возвращаться побежденными. Таково мое мнение. Поэтому я думаю, что прилагаемая копия письма Шивананды вдохновит вас».

Из Амстердама Шивананда переехал в Берлин, где снял в аренду магазинчик. Прабхупада с огромным интересом следил за его достижениями:

Я был очень рад прочитать твои слова: «В четверг я открыл храм и сейчас занимаюсь его ремонтом». Мне очень приятно слышать это. Что мне сделать для тебя? Я могу лишь молить Кришну, чтобы Он даровал тебе долгую жизнь и успех в служении. Пожалуйста, исполняй всё как следует, и если ты сочтешь, что я должен приехать к тебе, я готов. Я не посмотрю, что там холодно. Если ты полагаешь, что мое служение будет полезно тебе, позови меня, и я приеду. Я с нетерпением жду известий о твоих дальнейших успехах...

Вскоре по прибытии Шивананды в Германию к нему присоединился Кришнада – американский юноша, владеющий немецким – и немецкий преданный Уттамашлока – оба они до этого жили в Калифорнии. Совсем юный Кришнада (ему исполнилось восемнадцать) был учеником ювелира в Сан-Франциско и не сомневался, что сможет найти подобную работу в Германии, чтобы поддерживать там храм.

Немного поразмыслив, преданные приняли решение закрыть берлинский центр и переехать в Гамбург. Но в декабре растущие надежды Прабхупады на проповедь образованным людям Германии оказались под угрозой. От Шивананды пришли неутешительные вести: он сообщал, что собирается уехать из Европы. Это случилось спустя пять месяцев после его приезда. Прабхупада ответил:

Меня всегда радовало то, что ты в Германии и заботаешься о храме. Ты писал, что и Кришнада обеспокоен таким неожиданным поворотом. Из твоего письма не совсем ясно, куда ты собрался – в Монреаль, в Новый Вриндаван или работать для своей матери – твои планы мне не ясны. Мне кажется, что, пока ты не напишешь мне о причинах твоего отъезда из Германии, и о том, где ты собираешься остановиться, ты должен остаться в нашем гамбургском центре. Похоже, в Германии ты переживаешь какие-то трудности, о которых я прошу тебя сообщить мне, чтобы мы могли решить проблему. Ты упомянул, что для твоего преданного служения будет лучше уехать, но ты должен знать, что без благословения духовного учителя нет и речи о преданном служении. Поэтому я считаю, что тебе следует остаться в гамбургском центре и ждать моих следующих рекомендаций. С нетерпением жду твоего ответа.

Шивананда согласился остаться.

В то же самое время Прабхупада написал еще одному своему молодому ученику, Ачютананде, который, оставшись в Индии один, переживал трудные времена. Прабхупада и его попросил не бросать свои обязанности. Чаще всего в своих письмах он вдохновлял учеников продолжать заниматься тем, что они уже делают, но в подобных случаях ему приходилось уговаривать их не сдаваться и не уезжать – ведь для него было очень важно иметь в другой стране хотя бы одного человека. Если там будет оставаться хотя бы один искренний ученик, вроде Шивананды, то, даже если он не будет активно проповедовать, рост Движения продолжится. И Шивананда остался в Германии.

* * *

Гамбург

25 августа 1969 года

Прабхупада с Пурушоттамой вылетели из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, откуда, сутки спустя, полетели в Гамбург самолетом авиакомпании «Люфтваганза». В самолете стюардессы хотели подать им горячий обед и, когда Прабхупада отказался от него, казалось, почувствовали

личную обиду. Они спросили, не желает ли он отвесть фруктов, и предложили ему большой выбор. Прабхупада согласился.

Когда Прабхупада с Пурушоттамой прибыли в аэропорт Гамбурга, их встретили Шивананда, Кришнада и еще двое юношей. Прабхупаду ожидало такси. Несмотря на то, что на дворе стояло лето, погода была пасмурной и холодной. Из окна такси Прабхупада смотрел на аккуратные дома, плотно прижавшиеся друг к другу вдоль улиц. Он сказал, что это напоминает ему Калькутту – когда в Индию пришли европейцы, они тоже строили что-то подобное.

Храм находился на улице Эппендорфер-вег, в деловой части города, рядом с парикмахерской. Витрина из толстого стекла была выкрашена в синий цвет – не покрашенным оставался только овал посередине – а надпись на ней гласила: «Radha Krishna Tempel». Магазины ничем не отличались от других, подобных ему магазинчиков в Нью-Йорке или Сан-Франциско, разве что вывеской «Internationale Gesellschaft für Krishna Bewußtsein e.V.»

Для Прабхупады Шивананда снял небольшую двухкомнатную квартиру на пятнадцатом этаже современного здания через дорогу от магазинчика. Он и еще несколько преданных предстали перед Прабхупадой в его комнате и извинились, что сознание Кришны в Гамбурге такое немногочисленное. До них уже донеслись слухи, что преданные из Лос-Анджелеса выходят с пением и танцами на улицы порой по пятьдесят человек за раз и распространяют сотни журналов «Назад к Богу». В Гамбурге же выходили петь всего двое: Шивананда и еще один парень, и то – время от времени, к тому же без особого успеха. Они не подготовили для Прабхупады никаких программ, и были далеко не уверены, что на лекции в храм придет много народу, хотя по всему городу висели рекламные плакаты. Улыбнувшись, Прабхупада откинулся на спинку кресла:

– Ничего страшного, – и заговорил с Уттамашлокой о том, как продвигается его перевод на немецкий «Бхагавад-гиты как она есть».

Поскольку Пурушоттама был занят перепечатыванием переводов и писем Прабхупады, большую часть личного служения Прабхупаде выполнял Шивананда – готовил, сопровождал его на утренних прогулках, делал массаж. Однако вид у Пурушоттамы был мрачный: здесь, на верхнем этаже небоскреба, под серым германским небом, в крохотном храме, где почти не было преданных, он не чувствовал радости. А вот Шивананда был вне себя от счастья. Похоже, что Прабхупада приехал в гамбургский ИСККОН только для того, чтобы дать ему милость своего личного общения.

В своей комнате Прабхупада сказал Шивананде, что будет читать лекции в храме по вечерам: в понедельник, среду и пятницу. Днем же он планировал встречаться с гостями – двумя преданными, готовыми к посвящению, с несколькими постоянными посетителями, желающими поговорить с Прабхупадой, и с молодым индологом, д-ром Францем Бернгардтом, который хотел встретиться с Прабхупадой из научных соображений. Затем Прабхупада заговорил о том, насколько разумны немцы. Он сказал, что среди европейцев самыми сведущими специалистами по санскриту были немецкие ученые; они питали живой интерес к индийской философии. У Прабхупады был даже один духовный брат из Германии. Он приехал в Индию и получил посвящение у Бхактисиддханты Сарасвати. От него Прабхупада узнал кое-что о немецкой культуре.

В отношении промышленных товаров, продолжал он, все, что делается в Германии, – превосходного качества; за Германией идет Япония, и только потом – Америка. Он сказал, что преданные в Гамбурге должны стремиться организовать местную санкиртану по примеру американской. Он рассказал об убранстве лос-анджелесского храма и о том, что воскресные пиры любви собирают там сотни людей. Храм в Германии должен стать еще лучше. Преданные должны выходить распространять журналы, а на собранные средства поддерживать центр. Прабхупада сказал, что выходить нужно хотя бы на час в день. Еще – если преданные действительно хотят оставаться в Германии и знакомить местных жителей с философией сознания Кришны, то должны постараться выучить немецкий язык, который для некоторых из них был чужим. Прабхупада привел пример, что если в чужой стране человек видит, что загорелся дом – даже если он не знает языка, ему придется просить помощи у соседей. И пусть он не может грамотно выразить свои мысли – в чрезвычайной ситуации ему по силам донести до людей нужную информацию. Материальный мир – это бушующий пожар майи, и преданный должен сообщить людям об этом, даже если ему придется говорить на ломаном языке.

В комнату вошли доброжелательно настроенные гости – семейная пара – и сели у задней стены. Девушка сказала Прабхупаде, что ей очень понравилась книга «Учение Господа Чайтаньи»,

на что Прабхупада, очень довольный ее словами, попросил чету внимательно прочесть книги и проповедовать учение Господа Чайтаньи европейцам.

В течение нескольких часов Прабхупада делился своим реалистичным и в то же время решительным планом того, как эти несколько преданных могут использовать свои силы в распространении сознания Кришны в Германии.

На следующий день, в сопровождении нескольких преданных, он отправился на прогулку. На нем был свитер с высоким горлом и длинное черное пальто, но не было головного убора. В руке Прабхупада держал трость. Парни были одеты в брюки, пальто и шапки, за исключением Кришнадаса, который ходил в костюме с галстуком, поскольку после утренней прогулки должен был идти на работу в ювелирный магазин. Шивананда повел Прабхупаду в Ландунгсбрюкен, гавань Гамбурга на Эльбе. По-прежнему стояла нехарактерная для августа пасмурная, сырая и холодная погода. Встречные прохожие оборачивались на Прабхупаду; водители притормаживали, чтобы поглазеть. А Прабхупада удивился, когда в столь ранний час увидел рабочих-землекопов, попивающих пиво во время перекура.

– Они уже пьют пиво? – повернулся он к Шивананде.

– Да, Прабхупада, – ответил тот, – они начинают очень рано!

За время прогулки Прабхупада увидел огромное количество рекламных щитов, на многих из которых рекламировались Zigaretten (сигареты). Увидев это, он воскликнул:

– О, Zigaretten!

– Почему люди здесь такие толстые? – спросил он.

– Едят много картофеля, – предположил Шивананда.

– Нет, – возразил Прабхупада. – Едят много мяса.

Немцы, хоть и, возможно, самые разумные из европейцев, сказал Прабхупада, но и самые материалистичные.

Потом они остановились, чтобы понаблюдать, как буксир тянет в порт огромный океанский лайнер.

– Вот видите, – сказал Прабхупада. – Человек, околдованный майей, подобен большому океанскому лайнеру. Поскольку двигатель у лайнера выключен, маленький буксир способен его тянуть. Подобным образом, майя тянет душу, забывшую о Кришне, в ад.

Продолжая путь, они вышли на открытый овощной рынок.

– Посмотрим, что продают? – предложил Прабхупада.

Он внимательно проследил за выбором овощей, не упустив ни одной мелочи.

Повернув обратно, Прабхупада сказал:

– Сегодня на завтрак я буду есть пакоры из баклажанов и горячее молоко. Такая пища очень хороша в холодную погоду. Помогает держать тепло.

– Горячее молоко? – переспросил Шивананда.

– Да. Молоко значит горячее коровье молоко.

Приближаясь к магазинчику, Прабхупада заметил:

– Эти zigaretten очень популярны!

Весь оставшийся день Прабхупада читал, завтракал, отвечал на письма, в одиннадцать принял массаж, помылся, пообедал, часок отдохнул, а затем, ближе к вечеру, принял гостей. Вечером он спустился в храм и прочитал лекцию по «Бхагавад-гите». Мандалибхадра приготовился переводить речь Прабхупады на немецкий, но необходимости в этом не оказалось, поскольку все присутствовавшие говорили по-английски.

Среди нескольких гостей, пришедших на лекцию Прабхупады, была домовладелица. Одинокая женщина, на девятом десятке, она была рада, что в доме ее поселилась молодежь. Сидя за перегородкой, вне поля зрения Прабхупады, она слушала лекцию. Когда Прабхупада встал с вьясаны и пошел по направлению к выходу, он увидел, что там кто-то сидит.

– О, – воскликнул он, – домовладелица тоже преданная?

У Шивананды не было опыта организации лекций в городе, равно как и времени делать это. Он занимался кухней и исполнял другие обязанности. Кришнадас же с утра до вечера работал. При таких обстоятельствах главной «городской программой» Прабхупады во время его пребывания в Гамбурге стал визит профессора Бернгардта. Шивананда встретился с Бернгардтом несколькими месяцами ранее, в Университете Гамбурга, и узнал, что тот является профессором санскрита и индологии. Ничего не зная об этикете общения с профессурой, без предварительной договоренности, он вошел в кабинет д-ра Бернгардта.

– Мы собираемся открыть здесь храм Радхи-Кришны, – сказал профессору Шивананда. – Вы знакомы с ведическими писаниями?

Хотя профессор Бернгардт держался с Шиванандой крайне официально, он не мог отрицать своего академического интереса к сознанию Кришны. Он изучал вайшнавизм, специализируясь на индийских религиозных праздниках, поэтому, когда Шивананда пригласил его на встречу с Бхактиведантой Свами, профессор Бернгардт с жадностью ухватился за эту возможность.

Профессор Бернгардт, прилично одетый молодой человек с волнистыми, светлыми волосами, терпеливо досидел до конца киртана и лекции Прабхупады, а затем на беглом английском спросил:

– А как же насчет нас, людей городских, с космополитическим сознанием?

– Что значит космополитическое сознание? – спросил Прабхупада. – Они убивают животных!

И объяснил ему универсальность сознания Кришны.

– Мне интересно узнать о различиях между шанкаритами и вайшнавами и их философиями, – сказал д-р Бернгардт.

– О, да, – ответил Прабхупада. – Я вам все расскажу, – и они договорились, что встретятся снова, на квартире Прабхупады.

Кришнадас: Через пару дней после приезда Прабхупады в Гамбург д-р Бернгардт пришел к нему и принес разные подарки. Вайшнавские традиции были хорошо ему знакомы. И даже если бы он оказался в Гималаях в эту жуткую холодную, погоду, то все равно был бы свежевыбрит и в галстуке. Он был очень пунктуален и точен. Прабхупада беседовал с ним, и вся их беседа проходила на санскрите. Лишь иногда Прабхупада вставлял несколько английских слов, чтобы мы могли что-то понять. Они встречались три или четыре дня подряд. Их общение закончилось словами д-ра Бернгардта. Он перешел на английский и произнес:

– Значит, вы говорите, что без преданного служения все мое знание бесполезно?

– Да, теперь вы поняли, – ответил Прабхупада.

– То есть, все мои научные труды и вся библиотека – все равно, что осел, груженный кипой книг, которые в конечном итоге тянут его в могилу.

– Да, верно, – снова подтвердил Прабхупада.

Когда д-р Бернгардт сказал, что причисляет ИСККОН к движению хиппи (поскольку видел рекламу, где говорилось, что членом этого Общества является Ален Гинзберг), Прабхупада отнесся к этому очень серьезно. На следующий день он написал Хаягриве:

Из беседы с ним я понял, что люди, особенно уважаемые, очень плохого мнения о Гинзберге из-за его симпатии к движению хиппи. Я, конечно, поддержал нашу позицию, что Гинзберг – большой друг нашего Общества, и что мы предлагаем повторять «Харе Кришна» всем без исключения, и, насколько мне известно, он тоже это делает. В любом случае, мы должны очень внимательно относиться к тому, чтобы в нашей газете не публиковалось ничего, что может навести читателей на мысль о нашей предрасположенности к движению хиппи. В наших газетах не должно печататься ничего, даже отдаленно напоминающее идеи хиппи. В этой связи я должен сообщить тебе, что если у тебя сохраняются какие-либо симпатии к движению хиппи, пожалуйста, откажись от них.

Третья встреча Прабхупады с д-ром Бернгардтом проходила в доме профессора. На этот раз Бернгардт признался Прабхупаде, что не согласен со многими моментами в его переводах. Он критиковал вайшнавскую философию и сказал Прабхупаде, что не питает к Кришне никаких религиозных чувств, поскольку считает себя христианином. Под конец разговора в их отношениях уже чувствовалось напряжение, а после беседы Прабхупада отметил, что ни на одной из встреч профессор так и не произнес «Харе Кришна».

* * *

3 сентября 1969 года

Через неделю после прибытия Прабхупады в Германию наступил праздник Джанмаштами. День явления Кришны Прабхупада отметил скромно – совсем не так, как в прошлом году в Монреале, где в праздновании участвовали сотни индийцев вместе с его учениками из разных храмов. Здесь преданных можно было пересчитать по пальцам. Они постились, а вечером собрались у Прабхупады на квартире. Они вместе пели киртан, и Прабхупада говорил о Кришне. В полдвенадцатого ночи он решил обрить голову – как правило, он делал это раз в месяц.

Кришнадас осторожно брил своего духовного учителя, а остальные сидели вокруг и смотрели. Несмотря на это, в высшей степени необычное, событие в ночь на Джанмаштами, преданным очень понравилось общаться с духовным учителем в столь непринужденной обстановке. Затем, в полночь, Прабхупада пошел с ними в храм, где все они прервали пост.

На следующий день была Вьяса-пуджа, празднование семидесятичетырехлетия Прабхупады. В то утро из Нью-Йорка прибыла посылка с несколькими копиями буклета Вьяса-пуджи – книжки в мягкой обложке на двадцати пяти страницах с поздравлениями от учеников Прабхупады.

Несколькими месяцами ранее один из преданных обнаружил где-то старый номер журнала, напечатанного Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати; в котором были опубликованы слова признательности, некогда написанные Прабхупадой к Вьяса-пудже – дню явления его духовного учителя. Получив известие о находке, Прабхупада сказал, что его ученики тоже могут писать свои слова признательности, как сделал это он сорок лет тому назад, и нью-йоркские преданные, собрав с семнадцати разных храмов подобные поздравления, напечатали их в виде буклета Вьяса-пуджи.

Прабхупада был несказанно рад получить этот небольшой подарок и попросил одного из преданных зачитать его для всех присутствующих в храме. Когда чтение закончилось, он объяснил, что служение и молитвы учеников принимает Сам Кришна, к Которому они доходят через ученическую преемственность. Посторонний может подумать: «Этот человек просто наслаждается, слушая восхваления в свой адрес», – но истинный смысл похвал, предлагаемых на Вьяса-пуджу, в том, чтобы понять, насколько хорошо понимают ученики сознание Кришны и служат своему духовному учителю. Через цепь учителей все их похвалы передаются Верховной Личности Бога. Такие восхваления – необходимое для ученика, подобного солдату, средство воспитания. Однако в данном случае обучение это совпадает с чувствами, характерными для чистого сознания.

Сидя на вьясасане, Прабхупада посмотрел на небольшую кучку своих учеников, сидящих перед ним на линолеумном полу залитого светом магазинчика.

– Спасибо вам за то, что улучшаете сознание Кришны, – сказал он. – Я санньяси и потому приехал сюда с пустыми руками. Вы даете мне все необходимое. Что я могу сделать? Я могу только молиться за вас Кришне. Но не впадайте в самодовольство от полученных знаний. Это знание необходимо распространять. Я приехал в вашу страну стариком, исполняя этот наказ своего духовного учителя. Вы все – молодые юноши и девушки, поэтому примите его и раздайте всему человечеству. Люди будут счастливы.

В то утро Прабхупада дал посвящение пятерым преданным: трем брахмачари, которые повторяли Святое Имя и служили уже почти год – Васудеве, Раманту и Сучандре, и, к удивлению остальных, семейной паре, которая начала ходить в храм лишь недавно. Когда один из преданных усомнился в готовности этой четы, Прабхупада сказал, что если они повторяют «Харе Кришна» и следуют четырем правилам, значит они готовы. Прабхупада дал молодоженам новые имена – Вишванатха и Кунти. Он сказал новопосвященным, что ежедневное повторение «Харе Кришна» позволит им всегда сохранять чистоту. Эту чистоту – необходимое условие, дающее право войти в духовный мир – он сравнил с подготовкой, которую должны пройти астронавты, чтобы высадиться на Луну.

– Но что касается нас, то мы не считаем, что им это действительно удалось.

Прабхупада также сказал ученикам, что он трудится, распространяя это знание от имени Кришны и что те, кому по-настоящему повезло, примут эту миссию.

– Наше дело – учить людей и давать практические советы, – объяснил он. – Те, кто удачливы, примут наши слова; ну, а нет – мы будем продолжать свое дело.

Каждый волен решать сам – принимать или не принимать. Хотя Бог никогда не посягает на свободу выбора, люди должны понимать, что, став искренними слугами Бога, они верно используют свою независимость.

Прабхупада знал, что предлагает своим новым ученикам величайший дар, о котором только может мечтать человек. Однако, будучи свободными индивидуальными душами, они сами должны сделать выбор – предаваться Кришне или нет. В случае с Вишванатхой и Кунти, Прабхупада, конечно же, шел на риск, но он хотел дать им шанс.

Каждое утро Прабхупада ходил в один из ближайших парков, порой с несколькими учениками, а порой – с одним лишь Шиванандой. Иногда, гуляя по набережной, Прабхупада спрашивал Кришнадаса о кораблестроении и связанных с ним видах промышленности, и тот

отвечал ему, а когда однажды Прабхупада спросил Кришнадаса о численности населения Гамбурга, оказалось, что и это он тоже знает. Прабхупада начал подшучивать над Кришнадасом и называть его «статистом», потому что тот хорошо знал разные статистические данные.

Однажды утром, пока «статист» отвечал на вопросы Прабхупады о кранах и лебедках, используемых при кораблестроении, Прабхупада повернулся к остальным и сказал:

– Вот видите: хотя я гуру и веду вас обратно к Богу, это не значит, что я не могу учиться у него.

Другим утром Прабхупада с Шиванандой гуляли одни в парке. Из-за жесткого графика и постоянного недосыпания Шивананда чувствовал слабость. Прабхупада заметил это и предложил ему посидеть немного на скамейке. Он аккуратно присел на краешек, а Шивананда плюхнулся рядом, развалился и вытянул ноги. Обменявшись с учеником взглядом, Прабхупада выпрямился еще больше и отодвинулся от спинки. Заметив, что его духовный учитель сидит совсем по-другому, Шивананда тоже сел прямо.

Вернувшись в храм, Шивананда рассказал про этот случай преданным, и на следующий день, когда Прабхупада вновь пошел на прогулку в парк, его сопровождали уже пятеро учеников. Прабхупада снова сказал:

– Ну, что ж, давайте присядем.

Две скамейки стояли напротив друг друга. На одну из них, аккуратно, сохраняя осанку, сел Прабхупада, на противоположную же, полностью распрямив спины, уселись преданные и стали смотреть на Прабхупаду. Заметив, что ученики его сидят как по команде «равняйся», явно подражая ему, Прабхупада рассмеялся.

Однажды утром Прабхупада и несколько преданных проходили мимо церкви, стоявшей на отдельном участке земли, в окружении еще нескольких церковных построек. Восхищаясь комплексом, Прабхупада спросил у Шивананды:

– Ну как, найдешь такую же церковь для нас?

– Поищу, Прабхупада.

– В Индии, – сказал Прабхупада, – тоже есть подобные постройки. Стоит храм, а вокруг храма живут преданные. Это хорошая ситуация.

В другое утро Прабхупада высказался по поводу невероятного количества мусора перед домами. Шивананда объяснил, что в немецких городах раз в месяц в определенный день люди выносят со своих чердаков на улицы всякую рухлядь и ненужные вещи. В этот день по городу ездит специальная машина и собирает с улиц весь крупногабаритный мусор. На ходу Прабхупада замечал среди хлама разные полезные вещи и, указывая на них своей тростью, говорил:

– Почему бы вам не взять это для храма?

– Ну, Прабхупада, это у нас уже есть.

Еще через какое-то время Прабхупада вновь осматривал очередную кучу и тыкал тростью.

– Да, возьмите это. Возьмите.

Вновь и вновь Шивананда объяснял, что в храме и без того уже полно вещей, но Прабхупада продолжал выбирать. Наконец, он обнаружил лежащий на обочине персидский ковер.

– А вот это вы точно можете использовать, – и велел отнести ковер в храм.

Ковер оказался в таком хорошем состоянии, что после предварительной чистки преданные расстелили его в храмовой комнате.

Погода оставалась холодной и пасмурной. За три недели пребывания Прабхупады в Гамбурге солнечных дней выдалось всего два. После одной из прогулок, холодным утром, под морозящим дождем, ожидая лифта, Прабхупада заметил, что Шивананда растирает руки.

– Ты замерз, – сказал он, и прикоснулся к рукам Шивананды. – Потрогай мои.

Рука Прабхупады была теплой.

– Если будешь держать в тепле эту часть тела, – Прабхупада показал на грудь, – все остальное тоже будет теплым.

Даже такие мгновения общения с Прабхупадой переполняли Шивананду неудержимой любовью к нему, и ни одна утренняя прогулка не обходилась без нескольких подобных бесценных эпизодов.

Поваром Шивананда был неопытным, поэтому Прабхупада сам учил его. Кухня на квартире была маленькой – всего около четырех квадратных метров, с электроплитой, раковиной и небольшим кухонным столом. Когда Прабхупада сказал, что у Шивананды хорошо получаются

пакоры из баклажана, тот стал жарить их каждый день, до тех пор, пока как-то утром Прабхупада не спросил:

– Что сегодня на обед? Надеюсь, не баклажаны?

Прабхупада научил Шивананду готовить другие блюда. Он показал ему, как по-особенному тушить капусту и как печь чапати – сначала с одного боку в духовке, а потом с другого – над горелкой. Прабхупада попросил манго, но в Гамбурге найти их было целой проблемой, и те, что Шивананде удалось достать, были еще неспелы. Прабхупада открыл Шивананде рецепт особой манговой приправы: манго, очищенные от кожуры, неделю выдерживают в сахарном сиропе, а когда они потемнеют, получается что-то вроде мангового чатни.

Шивананда знал, что Прабхупада не терпит расточительства, поэтому спросил его, что делать с очистками от манго. Прабхупада, казалось, удивился, но сказал:

– Если хочешь сделать что-то из кожуры, то положи ее в горчичное масло с солью и куркумой.

Преданные последовали его совету, но вкус получившегося блюда показался им отвратительным. Понравилось только Мандалибхад্রে.

На завтрак Шивананда обычно принимал то, что оставалось на подносе Прабхупады, но как-то утром осталось очень мало, и Шивананда решил приготовить для себя овсянку. Но стоило ему приступить к завтраку, как из соседней комнаты вошел Прабхупада. Он бросил взгляд на овсянку Шивананды и попросил его пройти на кухню. Там он научил его готовить халаву – обжаривать манную крупу со сливочным маслом и смешивать ее с кипящим сахарным сиропом.

– Если хочешь перекусить, – сказал Прабхупада, – можешь делать такую халаву.

У Прабхупады все еще были с собой маленькие Божества Радха-Кришны. Они стояли у него в шкафу на небольшой полке, приспособленной под алтарь. Прабхупада просил Шивананду класть все приготовленные им блюда на поднос и с молитвами предлагать их Радхе и Кришне. Однажды, когда Шивананда готовил, Прабхупада подошел к кухонной двери и жестом попросил Шивананду подойти. По его просьбе тот открыл шкаф с Божествами Радхи и Кришны, и, указав на Божества, Прабхупада сказал:

– Ты готовишь не для меня, но для Них.

Прабхупада приехал в Гамбург, зная, что здешний центр совсем еще не развит. Но он хотел вдохновить местных преданных и дать Шивананде возможность лично послужить ему. Шивананда, как верный ученик, приехал сюда от его имени и открыл этот центр, и теперь Прабхупада приехал поддержать его, чтобы тот мог сопровождать его на прогулках, готовить и делать массаж.

Однажды, когда Шивананда растирал Прабхупаде голову, Прабхупада начал объяснять, что чем старше становится человек, тем хуже переваривается у него пища. Желудок начинает выделять неприятный воздух, но благодаря массажу воздух этот разгоняется по всему телу. Осознав важность массажа, Шивананда целиком погрузился в это служение.

Каждый день в одиннадцать часов Шивананда приходил к Прабхупаде, чтобы сделать ему массаж. Однажды утром он вошел в комнату и обнаружил, что Прабхупада сидит в кресле у окна, накрыв голову одеялом, и повторяет на своих четках «Харе Кришна».

– Ты должен молиться за меня Кришне, – сказал он Шивананде.

Шивананда удивился; как может он молиться за своего духовного учителя?

– Ну, Прабхупада... – начал он, запинаясь, – я не... Не думаю, что это сработает.

– Почему не сработает? Ты же преданный Кришны!

В другой раз Прабхупада попросил Шивананду растереть ему область сердца. Он просил делать это энергичнее, и, хотя Шивананда думал, что и так уже слишком сильно давит ему на грудь, Прабхупада сказал:

– Еще сильнее.

Шивананда спросил, все ли у Прабхупады в порядке со здоровьем, но тому, казалось, был неприятен этот вопрос.

Шивананда вновь выразил свое сожаление:

– Вы, должно быть, не очень хорошо себя чувствуете в Гамбурге, – сказал он. – Вы жили в Лос-Анджелесе, а там так много преданных, и все так хорошо. А теперь вы приехали сюда, где практически никого нет.

– Ничего, – тихо сказал Прабхупада. – Много ли преданных, мало ли, – мы все равно проповедуем.

Глава шестьдесят третья

Латинская Америка

Весной 1972 года, проведя для трех своих новых проектов в Майяпуре, Вриндаване и Бомбее церемонию закладки первого камня, Шрила Прабхупада покинул Индию, чтобы отправиться в кругосветное проповедническое турне. Переговоры о покупке земли в Бомбее обернулись длительной борьбой, не дававшей Шриле Прабхупаде покоя, куда бы он ни поехал, однако он продолжал проповедовать, не теряя присутствия духа. Из Австралии он направился в Гонконг, затем в Токио, оттуда на Гавайи, и наконец, в Лос-Анджелес. Во время пребывания в Лос-Анджелесе, Прабхупада решил посетить Мексику, где его ученики уже целый год поддерживали центр ИСККОН.

Мехико

2 июня 1972 года

Днем, в сопровождении своего секретаря Шьямасундары и слуги Нанда-кумары, Шрила Прабхупада вылетел в Мехико.

Сойдя с трапа, они обнаружили, что вокруг нет никого из преданных. Пока секретарь со слугой гадали, что же могло случиться, Шрила Прабхупада, выглядевший усталым, присел на свой чемодан и, повторяя на четках мантру, ждал.

Спустя почти час к ним подошла мексиканская семейная пара. Пока женщина кланялась Прабхупаде, мужчина представился. Это были г-н Арайса, адвокат, и г-жа Адела Диас. Они были знакомы с преданными «Харе Кришна» и узнали их духовного учителя, Шрилу Прабхупаду. Муж и жена только что побывали в храме, и, по их словам, преданные всюду готовились к его приезду. Шрила Прабхупада улыбнулся и сказал, что ждет, когда ученики приедут и заберут его, на что г-жа Диас предложила ему и сопровождающим его ученикам доехать до храма на ее машине, и он согласился. Каким-то чудом все они втиснулись в ее маленький красный автомобиль и направились в город.

– Как неловко, что вас не встретили! – посетовала г-жа Диас. – Читсукхананда, президент храма, украсил большой автомобиль цветами, чтобы встретить вас в аэропорту.

– Что толку в большой машине, – сухо ответил Прабхупада, – если ее нет?

Они прибыли в центр ИСККОН как раз в ту минуту, когда Читсукхананда и группа преданных доехала до аэропорта.

Шрила Прабхупада вошел в храм через дверь кухни. Там у плиты стоял какой-то преданный. Остолбенев на мгновение при виде Прабхупады, он тут же упал в поклоне, а Прабхупада спросил:

– А где преданные?

Г-н Арайса и г-жа Диас провели его в главную комнату – большую и открытую – где собрались преданные и множество гостей. Увидев Прабхупаду, люди тут же стали опускаться перед ним на колени и складывать ладони, как верующие-католики. Он прошел вперед, время от времени останавливаясь, чтобы коснуться их голов. Дождь цветочных лепестков заставил Прабхупаду посмотреть вверх: там, у перил балкона бельэтажа, стояли преданные и сыпали на Прабхупаду и его спутников цветы. Стены были украшены изысканными цветочными композициями: одна изображала Радху и Кришну, а другая – слова маха-мантры.

– Очень художественно, – похвалил Прабхупада, – прямо как в Индии.

Поняв, что опоздали, преданные помчались из аэропорта назад. В храме затрубили раковины и начался киртан. Влетел запыхавшийся Читсукхананда и, рассыпаясь в извинениях, предложил Прабхупаде поклон.

– Ты создал очень хорошую, духовную атмосферу, – сказал ему Прабхупада.

– О, Шрила Прабхупада, – ответил Читсукхананда, – все так хорошо только потому, что вы здесь. Без вас я ничего не могу.

Он показал Шриле Прабхупаде комнату на втором этаже, где на алтаре стояли маленькие Божества Джаганнатхи, Субхадры и Баладевы. Свежевыкрашенный пол еще не высох и один из

преданных расстелил на полу ткань, чтобы Прабхупада мог стоять перед Божествами. Но, хотя краска еще липла, Прабхупада отодвинул ткань и поклонился на полу. Краска оставила на его подошвах и теле едва заметные следы.

Вернувшись в главную комнату, Прабхупада сел на украшенную व्याсасану и обратился к собравшимся гостям и преданным. Прочитав короткую лекцию, которую предложение за предложением переводила Лакшмиприя-даси, он удалился в свою комнату. Было около шести вечера. Пока Прабхупада отдыхал, преданные и гости, которых насчитывалось теперь несколько сот, собрались в главном зале под комнатой Шрилы Прабхупады и начали мощный киртан. Прошел час – киртан не утихал. Через два часа на балкон вышел слуга Прабхупады и закричал:

– Прекратите киртан!

Пение утихло, и слуга вернулся в комнату.

Шрила Прабхупада спросил с постели:

– Почему прекратили петь?

– Я думал, они мешают вам спать, Прабхупада, – сказал Нанда-кумар.

– Я могу отдыхать и под киртан, – довольно ответил Прабхупада. – Это меня совершенно не беспокоит. Киртан трансцендентен. Скажи им, чтоб продолжали.

Нанда-кумар снова вышел на балкон и громко сказал собравшейся внизу толпе:

– Прабхупада хочет знать, почему прекратился киртан! Начинайте снова!

Толпа возликовала и продолжила: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе – волны блаженного звука разносились по зданию. Это был первый вечер Прабхупады в этой стране. И, даже оставаясь один у себя в комнате, Прабхупада наслаждался, обмениваясь взаимными чувствами с жителями Мексики – по милости Святого Имени.

3 июня

На следующее утро, в субботу, во время первой в Латинской Америке церемонии посвящения, Шрила Прабхупада принял в ученики восьмерых мексиканцев. Он говорил о миссии Господа Чайтаньи и затем назвал новопосвященных именами преданных из Чайтанья-лилы. Шрила Прабхупада рассказал о том, как во время Своего путешествия по Индии Господь Чайтанья обращал безбожников в преданных. А сам Прабхупада, охватив еще один континент, теперь раздвигал границы этой проповеднической миссии, везде, куда бы он ни поехал, побуждая людей становиться преданными Господа Чайтаньи.

Преданные, получавшие посвящение, никогда прежде не встречались с Прабхупадой, но он принимал их по рекомендации президента храма, который утверждал, что все они повторяют шестнадцать кругов и шесть месяцев следуют четырем регулирующим принципам. Из всех кандидатов только один молодой человек, работавший с преданными на предприятии по производству благовоний, жил за пределами храма. Он тоже обрил голову и очень хотел получить посвящение. Когда он подошел к Шриле Прабхупаде, чтобы получить свои четки, Прабхупада спросил его:

– Какую жизнь ты хочешь – духовную или материальную?

Молодой человек удивился, поскольку никого другого Шрила Прабхупада ни о чем подобном не спрашивал, подумал немного и ответил:

– Я хочу духовную жизнь.

– Хорошо, – кивнул Прабхупада и вручил ему четки.

Затем Шрила Прабхупада повернулся к Хануману Госвами и попросил его прочитать лекцию. Тот начал, но через несколько минут пустился рассказывать какую-то длинную, запутанную историю, никак не ссылаясь на шастры. Шрила Прабхупада терпеливо молча слушал, однако через несколько минут строго прервал его:

– Перестань нести чепуху. Говори по «Бхагаватам».

Хануман Госвами согнулся, словно слова Прабхупады ударили его в живот, но затем выпрямился и продолжил говорить – на этот раз в строгом соответствии с учением парампары.

После церемонии Прабхупада продолжил поучать Ханумана:

– Почему ты не говорил о десяти оскорблениях? – спросил он. – Это не очень хорошо – рассказывать какую-то бессмысленную историю. Во время посвящения нужно говорить преданным о самых важных вещах – о том, как повторять «Харе Кришна», о десяти оскорблениях... Какой прок во всем остальном?

В тот вечер Читсукхананда стоял в комнате Прабхупады и уже готовился уходить.

– Шрила Прабхупада, мне неловко вам об этом говорить... Я знаю, что вам нужно отдыхать, но я чувствую, что должен, по крайней мере, сообщить вам, что у нас появилась возможность выступить в сегодняшней национальной телепередаче.

– О? – ответил Прабхупада. – А сколько будет зрителей?

– Около тридцати миллионов. Это самое популярное шоу.

– Тридцать миллионов? – широко раскрыл глаза Шрила Прабхупада. – Тогда мы просто обязаны ехать!

– Но Прабхупада, программа будет продолжаться часов до двух ночи!

Прабхупада: Ничего страшного. Мы можем отоспаться в течение дня.

В Шриле Прабхупаде не было ни капли равнодушия, поскольку он видел, что люди горят желанием слушать его. Живой интерес, с которым они внимали его словам, свидетельствовал о восторге, с которым они принимали его учение.

Читсукхананда: Мы отправились на телестудию и ждали в аудитории до полуночи. Программа шла до половины второго. Время было хорошее, но самый пик приходился на полпервого ночи. Репортер задавал Прабхупаде много вопросов. Когда я перевел все, что Шрила Прабхупада рассказал, аудитория была потрясена. Прабхупада сказал им, что мир был бы счастлив, если бы они просто любили Бога и пели и повторяли Его имена, «Харе Кришна». Это казалось таким простым! Все действительно были поражены. Даже ведущий был в полном изумлении от речей Прабхупады, его великой прозорливости, проницательности и преданности. Вопросы были банальны: почему преданные бреют головы и носят тилаку, почему они так одеваются, но Прабхупада отвечал на них просто блестяще!

Преданные участвовали в киртане Шрилы Прабхупады, аккомпанируя ему на гитарах – в мексиканском духе. В завершении шоу ведущий спросил:

– Можете вы благословить меня?

И Шрила Прабхупада воскликнул:

– Слава Мехико!

Программа закончилась. Читсукхананда повернулся к диктору:

– Большое вам спасибо за предоставленную возможность!

Тот не ответил. Шрила Прабхупада просто очаровал его. Он был потрясен. Шрила Прабхупада вместе с преданными покинул студию и вернулся в храм, чтобы отдохнуть.

Утром в воскресенье Прабхупада пошел на прогулку за несколько кварталов от храма, в большой и красивый парк Чапультепек, разбитый еще во времена империи ацтеков. Сойдя с нахоженной тропинки, он очутился в лесу, в роще гигантских эвкалиптов. Преданные с восхищением отметили, что Прабхупада прекрасно ориентируется – даже без помощи проводника – словно знает нужный ему путь, и может легко найти обратную дорогу из леса и вернуться в храм.

В храме Прабхупада осмотрел все комнаты. Он сказал преданным, что здание хорошее и нужно непременно его сохранить. Дом ему понравился. Преданные, зная, что их служение и поклонение далеки от совершенства, не могли поверить, что Прабхупада очень доволен их работой. Они готовились к его приезду целый год и теперь, когда он приехал, испытывали полное удовлетворение.

Прабхупада пробыл в Мехико меньше суток, однако у преданных уже было целое сокровище – теперь они могут вспоминать все, что говорил и делал Прабхупада в их стране. Он считал мексиканцев людьми благочестивыми, а их смирение, простота и преданность напоминали ему о жителях Индии.

– Мексика очень похожа на Индию, – говорил он.

В то утро Прабхупада провел еще одну церемонию посвящения. Днем на воскресном празднике сотни людей столпились в зале и на балконе, чтобы посмотреть на Шрилу Прабхупаду и послушать его.

Радха-Кришна: В первый день я увидел Шрилу Прабхупаду на воскресной лекции. Я никогда не видел в храме такого скопления людей. Тем не менее, стояла полная тишина. Там были репортеры, студенты, люди, интересующиеся разными видами йоги и трансцендентализма. Шрила Прабхупада говорил, в основном, о принципах йоги. В частности, он опирался на Шестую главу «Бхагавад-гиты». Кто-то спросил его, почему мы не побуждаем людей заниматься популярной

йогой, которой увлечены все. В ответ Прабхупада обобщил все то, что в Шестой главе рассказывает Господь Кришна о качествах и необходимых условиях для практики йоги. Он рассказал, что йог должен практиковать целибат, найти уединенное место, сесть и выполнять дыхательные упражнения и совершать всевозможные аскезы. Тогда в Мексике йога уже пользовалась огромной популярностью. Люди годами изучали ее. Я и сам практиковал йогу. Я пришел на лекцию Прабхупады с целой группой людей, увлекающихся йогой, но, увидев его, я получил невероятный опыт. Я видел многих йогов, гуру и последователей индийских духовных традиций. Но когда я увидел Шрилу Прабхупаду, то почувствовал нечто совсем иное. Неожиданно все остальные гуру потеряли для меня всякую значимость. Он совершенно очевидно был воплощением всего учения Вед, всех описаний «Бхагавад-гиты» о том, какой должна быть осознавшая себя душа. Он сидел и говорил с закрытыми глазами, с безмятежным лицом без тени материальных эмоций.

Когда после воскресной лекции Шрила Прабхупада вернулся к себе в комнату, более пятисот человек оставались в зале и пели: «Джая Прабхупада! Джая Прабхупада! Джая Прабхупада! Прабхупада, Прабхупада, Прабхупада!» Прабхупада беседовал у себя в комнате с несколькими преданными, но звук пения заглушал их голоса.

– Что это за киртан? – спросил Прабхупада. – Они так шумят!

– Они поют ваше имя, – сказал Читсукхананда, и вышел, чтобы попытаться успокоить толпу. Но, увидев, насколько те поглощены пением имени Прабхупады, он вернулся в комнату и сказал:

– Прабхупада, они хотят вас видеть.

– Что ж, пусть заходят, – ответил тот.

Преданные выстроили всех в очередь. Люди входили в комнату через одну дверь, по одному, выходили через другую, а потом спускались вниз по лестнице. Это была длинная процессия. Один за другим они заходили, почтительно и благоговейно кланялись великой душе, низошедшей к ним, и произносили несколько слов по-испански.

– Что они говорят? – спросил преданных Прабхупада.

– «Благословите меня», – ответил один мексиканский преданный.

Тогда указательным пальцем, торчащим из мешочка для четок, Прабхупада стал показывать на каждого подходящего и говорить:

– Харе Кришна.

Все были несказанно счастливы.

5 июня

На следующий день рано утром Прабхупада спросил Читсукхананду:

– Какие на сегодня планы?

– Мы подготовили программу в соседнем городе, Куэрनावаке, – ответил тот. – Нам предоставили центральную площадь. Ее целиком отвели под вашу лекцию. У них есть микрофоны, сцена и все что нужно – все готово к вашему визиту.

– О, замечательно! – воскликнул Прабхупада.

– Затем по программе вы читаете еще одну лекцию в большой гостинице в Куэрनावаке, – продолжал Читсукхананда, – а затем мы поедем в дом Лакшмиприи-даси, где сможем принять прасад.

– Да, здорово! Едем!

Шрила Прабхупада легко позавтракал и выехал на машине в Куэрнаваку. По дороге один из преданных рассказал ему, что Куэрнавака, расположенная в живописной горной долине, – излюбленное место писателей и художников, в том числе американских.

Когда Прабхупада приехал, на главной городской площади уже собралось несколько сот человек. Толпа была разношерстной – туристы с фотоаппаратами, крестьяне, хиппи, люди, вышедшие за покупками, художники, бизнесмены... После киртана преданные представили собравшимся Шрилу Прабхупаду, который сел на сцену под большой вывеской с маха-мантрой. Один из преданных раскрыл над головой Прабхупады зонтик, чтобы защитить его от палящего полуденного солнца. Шрила Прабхупада обратился к людям:

– Мы не хиппи, – сказал он. – Мы – «хэппи» (счастливые).

Счастье преданных, сказал он, приходит от общения с Кришной – источником счастья, от повторения «Харе Кришна» и принятия прасада. Многие одобрительно закивали головами. Когда он попросил всех повторить мантру «Харе Кришна», многие повиновались.

Вдруг Прабхупада заметил одного из своих учеников – Хаихаю, который приехал на программу с только что отпечатанными экземплярами книги «La Conciencia de Krishna Es el Sistema Mas Elevado de Yoga» («Сознание Кришны – высшая система йоги»). Хаихая только что забрал книги из типографии, и Прабхупада был несказанно рад увидеть их. Прервав лекцию, он сообщил:

– А теперь все вы можете взять одну из этих книг и читать ее.

И действительно – послушавшись Прабхупады, люди стали подходить и разбирать книги. Хаихая принес всего около пятидесяти экземпляров, и Прабхупада распродал все. Люди не стеснялись просить у него автограф, и он подписал каждую книгу.

Сразу же после лекции на площади Шрила Прабхупада отправился в Касино-де-ла-Сальва и, не выказывая никаких признаков усталости, прочитал там лекцию по основам философии сознания Кришны. Слушателей особенно интересовали хатха-йога и теософия, и Шрила Прабхупада аккуратно отвечал на их вопросы, знакомя собравшихся с азами сознания Кришны.

После лекции Прабхупада должен был поехать в дом Лакшмиприи, чтобы принять там прасад и отдохнуть, но вместо этого он решил вернуться в храм. Преданные привезли его назад около восьми вечера. С восьми утра до восьми вечера он не брал в рот ни крошки, но когда преданные предложили ему фрукты, он отказался. Он сидел у себя в комнате, глаза его блестели, а лицо излучало счастье.

– Вот как можно быть счастливым, – сказал он, – весь день трудиться для Кришны.

Прабхупада попросил чашку горячего молока и пури с сахаром. Получив свой ужин, он стал макать пури в сахар и пить молоко. Несколько преданных, что сидели с ним, были очарованы трансцендентным счастьем Прабхупады.

– Это наша жизнь – служить Кришне, – сказал он. – Трудитесь весь день для Кришны, а вечером примите немного прасада.

6 июня

Во время лекции в аудитории Национального Университета Мехико, на которую собралось около ста студентов, Прабхупада охарактеризовал студенческую жизнь как жизнь в борьбе. Чтобы не провалить экзамены, студент должен прилежно учиться, а затем, после окончания учебы, ему приходится тяжело трудиться, чтобы обеспечить себя пищей и всем остальным. Поэтому материальная жизнь – это всегда борьба, оканчивающаяся смертью. Но человек должен задаваться вопросом, почему он должен проходить через все эти трудности и мытарства и как ему освободиться от них. Аудитория молчала. Студенты внимательно слушали Шрилу Прабхупаду, но когда настало время вопросов, какой-то коммунист закричал:

– Если вы такой отрешенный, то где вы берете деньги, чтобы прокормиться? Я считаю, что вы связаны с ЦРУ!

Вслед за этим последовало еще несколько выкриков радикально настроенных студентов. Но Прабхупада не растерялся и тут же, через переводчика, ответил, что в этом университете студентов не учат науке о Боге, а значит – плодят атеистов, демонов, и последующие аргументы радикалов потонули в овациях зала. Шрила Прабхупада попросил начать киртан и раздачу прасада. На этом программа официально закончилась. Многие, кого заинтересовала лекция, подходили к Шриле Прабхупаде и через его переводчика, Ханумана Госвами, задавали ему вопросы. Другие сидели и принимали прасад. Это продолжалось несколько часов, после чего Шрила Прабхупада уехал.

Программа в университете была типичным примером отклика мексиканцев на проповедь Шрилы Прабхупады. За редким исключением, люди высоко ценили его труд и чистоту его Движения. Как говорил Прабхупада, мексиканцы были просты и благочестивы. Многие из них по-прежнему жили в деревнях и были похожи на индийцев. Прабхупада также отметил, что мексиканцы – шудры, и что их спасла милость Господа Чайтаны.

Среди респектабельных мексиканцев, в особенности правительственных служащих, политиков и интеллектуалов большой популярностью пользовалась местная масонская ложа. Один преданный, сын масона, организовал для Прабхупады вечернее выступление в одном престижном клубе, где по вторникам проводились собрания ложи. В регулярных собраниях

принимали участие шестьдесят членов, носящих форму клуба. Преданные провели киртан, после чего Шрила Прабхупада заговорил на английском, а Читсукхананда последовательно переводил каждое предложение. Прабхупада говорил о том, что такое варнашрама и как ее принципы применимы в жизни. Он подчеркнул необходимость религии на всех уровнях общества. Сразу же признав авторитет и ученость Шрилы Прабхупады, члены клуба задали ему немало разумных вопросов, а в конце выступления стоя приветствовали его аплодисментами. Один из служащих, следуя порыву сердца, начал прославлять Прабхупаду за его логику и эрудицию, а потом, решив дать Шриле Прабхупаде денежное пожертвование, члены ложи пустили по залу корзину и передали ему все, что удалось собрать.

На эту встречу выбрались лишь немногие преданные, но, вернувшись в храм, один из них рассказал другим:

– Прабхупада всегда находил верный ответ, о чем бы его ни спрашивали – о философии, о жизни, обо всем! Все были в восторге.

7 июня

В среду днем Шрила Прабхупада покинул Мехико и вылетел в Пуэрто-Вальярту – город на берегу Тихого океана. Данни, богатый гонщик и друг преданных из Мехико, владел роскошной виллой в горах, с видом на океан. Он пригласил Шрилу Прабхупаду и некоторых его учеников провести там несколько спокойных дней перед отъездом Шрилы Прабхупады в Лос-Анджелес.

У соседа были коровы, и преданные привели одну из них, чтобы показать Прабхупаде.

– Почему они берут у коровы молоко, а затем убивают ее? – спросил он. – Скажем, каждый день я даю вам что-то ценное, но когда однажды я не могу этого сделать, вы вонзаете мне в горло нож. Это неправильно.

После короткого дождика небо прояснилось. До самого заката Шрила Прабхупада сидел на свежем воздухе на террасе, а ученики, расположившись у его ног, повторяли мантру. Было тихо и спокойно. Сквозь ряд пальм преданные видели, как садится в океан солнце. С наступлением темноты налетели комары.

– Прабхупада, – забеспокоился Читсукхананда, – вас не кусают комары?

– Нет.

– А меня кусают, еще и как! – сказал Читсукхананда. – Скорее всего, это потому, что вы чистый преданный, а я – нет.

– Может и так, – ответил Прабхупада. – Местные комары почтительны, а вот у калькуттских нет никакого уважения!

Преданные задавали Шриле Прабхупаде вопросы о проповеди. Они встречались со многими любителями хатха-йоги и хотели знать, как изменить сознание этих людей. Прабхупада сказал:

– Пусть себе занимаются. Займите их в служении, и они очистятся.

Другой преданный спросил:

– Шрила Прабхупада, люди всегда спрашивают, был ли я в Индии. Они думают, что если я учу йоге, то обязательно должен был сам побывать в Индии.

– Говори им, что Индия сама приехала к тебе, – ответил Шрила Прабхупада.

Преданные с глубоким восхищением посмотрели на Прабхупаду. Да, Прабхупада сам был Индией – олицетворенная Индия сидела перед ними. Но он был больше, чем просто Индия; он был – духовный мир, всё, что они знали о духовном мире. И он приехал к ним.

Глава шестьдесят четвертая

Цюрих и Нью-Йорк

Апрель 1973 года

Шрила Прабхупада находился в Бомбее. Помимо собственной проповеди и перевода «Шримад-Бхагаватам», он следил за затянувшимся процессом приобретения земли в Джуху. В этот период своей жизни большую часть времени он проводил в Индии, время от времени вылетая на Запад. Под его личным надзором Движение сознания Кришны быстро ширилось, и его визиты сильно воодушевляли преданных в центрах ИСККОН по всему миру.

Шрила Прабхупада только что вернулся из Хайдарабада, где Шьямасундара, который два года был его секретарем, втянулся в рискованную авантюру. Какие-то люди побудили его стать пайщиком рубиновой шахты, и Шьямасундара начал добывать корунд, чтобы переправлять его на Запад и там просеивать в поисках драгоценных светлых рубинов. Когда преданные спросили у Прабхупады, что он думает о новом бизнесе Шьямасундары, он ответил:

– Если хочет этим заниматься, пусть занимается.

Шьямасундара был его секретарем и помогал ему прокладывать путь сознанию Кришны в Англии, чем оказал ему ценное служение, поэтому, как представитель Кришны, Шрила Прабхупада был ему благодарен. Но добыча полезных ископаемых, казалось, не вызывала у него никакого интереса.

Возвращаясь в Цюрих с девяноста килограммами сырого корунда, Шьямасундара посетил Шрилу Прабхупаду в Бомбее. Когда Прабхупада выразил желание отдохнуть пару недель от путешествий и административных дел, Шьямасундара предложил ему провести эти две недели в Санкт-Морице, известном лыжном курорте в южной Швейцарии. Поскольку сезон не лыжный, сказал он, туристов там не будет, и это будет чудесный отдых. А чистый горный воздух очень полезен и приятен. Шьямасундара даже показал своему духовному учителю фотографии горных склонов, поросших дикими цветами. И Шрила Прабхупада согласился.

Но когда они прибыли в Швейцарию, там оказалось холодно, как зимой. Прабхупада, Шьямасундара, Шрутакирти и Прадьюмна сели на роскошный поезд, и тот, лавируя по ущельям, помчал их к горному курорту. Шрутакирти, слуга Шрилы Прабхупады, смотрел в окно, любуясь красотой снежных пиков. Все вокруг было белым. После долгого молчания Прабхупада, наконец, спросил:

– Как называется это место?

– Санкт-Мориц, Шрила Прабхупада, – ответил Шрутакирти.

– Может быть, его и называют Санкт-Мориц, – сказал Шрила Прабхупада, – но я нареку его «Санкт-Дьяволиц».

Он обратил внимание, что этот «прекрасный» снежный ландшафт безжизнен. Ему вовсе не нравилось смотреть на голые ветви деревьев и снег. Пустота и однообразие кругом. Где обещанные дикие цветы, зеленые холмы и прекрасный климат? Казалось, что Шрилу Прабхупаду обманном путем заманили на холодную ледяную вершину, в место, бесполезное для его целей – «Санкт-Дьяволиц».

Прабхупада написал Гирирадже в Бомбей – тропический Бомбей, на Джуху-бич, в место поистине важное, куда были устремлены мысли и желания Шрилы Прабхупады:

Вчера утром мы прибыли в Цюрих и добрались до курорта Санкт-Мориц. Номер очень хороший, но на улице так холодно, что выйти просто невозможно. Вероятно, пятого апреля мы вылетим в Лос-Анджелес через Нью-Йорк.

Стоило им приехать, начался снегопад – явление необычное для этого времени года. С горькой иронией Прабхупада заметил:

– Я приехал в Швейцарию, чтобы застрять в сугробах.

Шрутакирти не мог найти для Шрилы Прабхупады ни риса, ни дала – удалось достать только манку.

Прабхупада сказал, что научит его делать чапати из манки, но попытки Шрутакирти закончились неудачей. Прабхупада отмел всякую мысль о том, чтобы остаться здесь на две

недели. Нужно уезжать отсюда как можно скорее. Он попросил Шьямасундара немедленно вызволить его из «Санкт-Дьяволица».

Шрутакирти: Как-то утром Прабхупада захотел, как обычно, прогуляться. Но шел снег. Из гостиной на веранду вели раздвижные стеклянные двери. Прабхупада сказал:

– Ну что, совершим утреннюю прогулку? Давайте проверим насколько там холодно!

Он отодвинул дверь, и внутрь ворвался сильный порыв ледяного ветра.

– О-о-о, слишком холодно! – сказал он. – Уж лучше погуляем здесь, в коридоре.

Прабхупада, Прадьюмна и я вышли в коридор, и Прабхупада начал свою утреннюю прогулку. Он ходил вдоль по этому стометровому коридору взад и вперед, мимо дверей, ведущих в комнаты и к лифту. Благодаря электронной системе, всякий раз, когда открывалась дверь одного из номеров, в коридоре автоматически зажигался свет. А примерно через полминуты так же автоматически он гас. При нажатии кнопки лифта свет загорался и открывались двери. Это было сделано, чтобы экономить электроэнергию. Свет горел только при необходимости. Система была рассчитана на то, что, когда вы выходите из комнаты, свет загорается, вы идете к лифту, входите в него, и свет гаснет. Так электричество не расходовалось понапрасну. Мы гуляли по коридору с полчаса. На стене были выключатели света. Мы шли, и всякий раз, проходя мимо кнопки, я нажимал ее, и около тридцати секунд горел свет. Мы ходили взад и вперед, и я нажимал на кнопки. Потом Прадьюмна пошел к себе, а я остался с Прабхупадой один. Мы ходили по коридору, и мне приходилось регулярно нажимать на кнопку, иначе мы оказались бы в темноте. Потом Прабхупада сказал, что хочет есть. Он был голоден, потому что было очень холодно. Он сказал:

– Сегодня утром ты можешь приготовить халаву.

Я ответил:

– Хорошо, Шрила Прабхупада. Вы хотите подождать до конца прогулки, или мне пойти сейчас?

– Нет, – сказал он. – Я буду гулять, а ты можешь идти готовить.

– Хорошо, – кивнул я и пошел в номер.

Но тут я вспомнил, что как только я уйду, свет тут же погаснет. Я сказал об этом всем, кто находился в номере, и мы подошли к двери. Мы выглянули в коридор и увидели там гуляющего Шрилу Прабхупаду, который, повторяя на четках «Харе Кришна», нажимал кнопки выключателей.

Тем временем Шьямасундара пригласил присоединиться к их группе Бали-мардану из Нью-Йорка. Шьямасундара узнал о росте цен на золото, поэтому они планировали вложить часть своих денег в покупку золота, с тем, чтобы позднее продать его по более высокой цене и получить большую прибыль. Бали-мардана приехал.

Когда Шрила Прабхупада услышал, что Бхагаван-дас проповедует неподалеку, в соседней Франции, то попросил приехать и его.

Узнав по телефону о просьбе своего духовного учителя, Бхагаван прежде всего попросил французских преданных приготовить для Прабхупады роскошный пир, и только потом отправился в путь. Когда он приехал, был уже вечер, и Прабхупада сидел на кровати, готовясь ко сну. Увидев своего ученика, он широко улыбнулся, и когда Бхагаван сказал: «Шрила Прабхупада, я привез для вас замечательный пир», – спустился с кровати, чтобы принять прасад. Одно за другим он попробовал все блюда, а затем раздал остатки ученикам.

Но поздно ночью, уже после полуночи, Шрила Прабхупада вышел из своей комнаты и вошел в комнату, где спали преданные. Он толкнул Бали-мардану ногой и велел ему встать. Он сказал, что хочет видеть всех. Преданные встали и собрались в комнате Прабхупады. Все видели, насколько он серьезен. Он принялся отчитывать Бали-мардану и Шьямасундара за то, что те рисковали такими большими деньгами в спекуляциях золотом. Деньги, которые привез Бали-мардана, предназначались для покупки здания для ИСККОН в Нью-Йорке, а на деньги Шьямасундары планировалось купить дом в Англии. Шрила Прабхупада сказал, что так рисковать деньгами Кришны нельзя, а когда Шьямасундара и Бали-мардана стали уверять его в надежности этого предприятия, Прабхупада оборвал их:

– Если будете отговариваться, как я смогу научить вас чему-нибудь?

Так Шрила Прабхупада положил конец этой авантюре с золотом. Он не спал почти всю ночь, читая им лекцию у себя в номере. Хотя в служении Кришне действительно можно использовать все, Прабхупада указал им, что эти спекуляции на золоте, по сути, являются

азартной игрой, и этим не следует заниматься. Подчинившись, словно мальчишки, ученики согласились вернуть все деньги на счета ИСККОН и больше не воображать себя великими финансистами международного рынка.

На следующий день опять шел снег. Было так холодно, что Шрила Прабхупада даже не мог выйти из номера. Он посмотрел в окно и сказал:

– Это настоящий белый ад.

Вскоре, наконец, прибыли их билеты, и Шрила Прабхупада вылетел в Нью-Йорк.

Нью-Йорк

5-11 апреля 1973 года

Радхаваллабха: Бруклин был адским местом, поэтому, когда Прабхупада приезжал, это всегда был праздник! Соседи!.. Итальянцы нас ненавидели, а пуэрториканцы любили, но постоянно норовили обокрасть. Это был просто отвратительный, мрачный, грязный район, полный ненависти.

Когда приезжал Прабхупада, преданные выходили на улицы. Они выстраивались вдоль ступеней крыльца бруклинского храма, и когда Прабхупада поднимался, встречали его радостными возгласами, воздев вверх руки. Он всегда с радостью приезжал в Бруклин, чтобы встретиться со всеми преданными в этом ужасном месте, посмотреть на типографию и на новые картины. В бруклинском храме он всегда с наслаждением смотрел на Радху-Говинду, кланялся Им, проводил киртаны и читал лекции.

Дайви-шакти: Меня и еще одного распространителя книг пригласили на утреннюю прогулку с Прабхупадой. Мы отправились в парк. Там уже были Брахмананда Свами и Бали-мардана. Прабхупада начал беседу словами:

– Я видел сон.

Все обратились в слух.

– Мне приснилось, – продолжал он, – что у нас есть корабль, и что нас на этом корабле двадцать пять человек – двенадцать санньяси, двенадцать брахмачари и я. Мы шли вокруг света и в каждом порту проводили санкиртану.

Когда Прабхупада рассказал нам свой экстатичный сон, Бали-мардан и Брахмананда Свами наперебой стали вспоминать о своих морских плаваниях. Они сказали, что были моряками и попробуют помочь Прабхупаде реализовать эту мечту, и Прабхупада был очень рад это слышать.

Рукмини: Однажды утром, на прогулке по Нью-Йорку, Прабхупада сорвал с какой-то лозы ароматный белый цветок и принес его в храм. Он сорвал его, понюхал и сказал:

– Эти цветы нужно рассадить вокруг всего нашего майяпурского комплекса.

Позже я взяла этот цветок и выяснила, что он называется «Шерстяная лоза» или серебристый вьюнок.

Панчаратна: Я только-только достал аппаратуру для видеозаписи. Это была наша первая видеозапись с Прабхупадой, сделав которую, мы принесли показать ему. Мы записали лекцию, которую Прабхупада читал в храме. В конце лекции он встал и, пока шел киртан, смотрел на Божества. Он уже собирался уходить, но ему так понравился киртан, что он начал хлопать в ладоши и танцевать. Все это время я тоже был там с камерами и снимал происходящее мелким и крупным планом. Затем мы показали запись Шриле Прабхупаде, и он очень внимательно ее просмотрел. Увидев запись киртана, Прабхупада снова начал хлопать в ладоши и петь. Ему очень понравилось.

Джахнава: Прабхупада сидел на своей асане в большой гостиной, под изображением Бхактисиддханты Сарасвати. По всему периметру комнаты были расставлены картины, ожидавшие его оценки. В комнате собрались Джаядвайта, Муралидхар, Парикшит, Джадурани, Пушкара, какой-то фотограф и я. Шрила Прабхупада держался официально, по-деловому. Уже потом, когда я думала над этим, мне показалось, что своей отчужденностью Прабхупада давал нам понять, что он не может постоянно контролировать работу художественного отдела и отвечать на все вопросы, которыми художники заваливали его во время его визитов и в письмах.

На одной из картин был изображен Господь Кришна, очень опечаленный тем, что не может найти Радхарани. Прабхупада спросил, какой эпизод из жизни Кришны изображен на картине, но затем выразил неодобрение:

– Кришна никогда не скорбит.

Это замечание, казалось, привело в глубокое уныние автора картины, Джадурани – ее очень огорчило, что она неправильно изобразила Кришну. Но потом Прабхупада повернулся к ней и добавил:

– Ничего страшного. Будем считать, что здесь запечатлена лила, когда у Кришны болела голова.

Когда Прабхупада дал свои отзывы о картинах, я показала ему несколько работ детей из гурукулы. Один рисунок принадлежал Сарасвати-даси. На одной стороне листа она нарисовала круг – это было лицо – на нем – глаза в виде двух точек, улыбку и павлинье перо в волосах. На обратной стороне она зачем-то наставила крошечные точки.

– Если держать бумагу на просвет, – объяснила она, – то можно увидеть, как Кришна появляется во вселенной.

Когда Прабхупада увидел этот рисунок и услышал его объяснение, он погрузился в размышления, думая о Сарасвати.

– Когда Сарасвати встречала кого-нибудь, – вспоминал он, – она спрашивала: «Ты знаешь, кто такой Кришна?» И затем сама же отвечала: «Он – Верховная Личность Бога».

Сказав это, Прабхупада вытянул палец, словно показывая, сколь крепка вера Сарасвати.

Наянабхирама: Когда в 1973 году Прабхупада приехал в Нью-Йорк, нас попросили поставить спектакль по Рамаяне. На это у нас был всего один день. Поэтому мы не использовали диалоги: мы не могли заучить роли в такой короткий срок. Слова читались за сценой, а мы лишь воспроизводили действие. На следующее утро, сразу после мангала-арати, меня вызвали к Прабхупаде. В его квартире было еще темно, и он сидел в своей дальней комнате. Он спросил меня, не я ли был ответственным за вчерашнее представление. Я не знал, что и говорить, потому что не улавливал, собирается он ругать меня или хвалить. Он сказал, что спектакль был хорош, но у него есть предложения, как его улучшить. Он посоветовал, что у каждого персонажа должен быть свой голос. Еще я вспомнил, что преданные разошлись во мнениях по поводу того, на каком инструменте лучше аккомпанировать – на ситаре или на гитаре. Прабхупада ответил, что если мы не умеем играть на ситаре, то лучше его не использовать. Лучше хорошо играть на гитаре, чем плохо – на ситаре.

Радхаваллабха: Прабхупада жаловался, что книги не издаются. Затем кто-то пришел в типографию и сообщил, что Прабхупада обнаружил ошибку. Это была грубая ошибка в употреблении слова. Поэтому я пошел к Прабхупаде и спросил, где он заметил ошибку. Он сказал:

– Я не знаю. Думаю, что в той главе, вон там.

Я вытащил листы и начал искать. Он вспомнил:

– Нет, наверное, все-таки там.

Я достал другие листы, и он снова поправился:

– Нет, по-моему, она была на том порванном листе!

Но после того, как я вытащил все листы, он сказал:

– Не обращай внимания. Просто печатай!

В тот момент я понял, что таким было отношение Прабхупады к своим книгам. Я почувствовал, что он не был доволен тем, что мы тратим столько времени на то, чтобы исправить все ошибки орфографии и набора. В данном случае он хотел, чтобы книга вышла, даже если потом ему придется исправлять ошибку.

Балаванта: Я был в Атланте. Мы только что осуществили политическую проповедь, которая состояла в том, что я баллотировался на пост мэра города. Прабхупада попросил меня приехать в Нью-Йорк, и, когда я вошел к нему в комнату, он захотел поговорить со мной о политике. Он приводил самые разные доводы. Он спросил:

– Итак, что же они говорят?

– Прабхупада, – ответил я, – они говорят, что наша программа непрактична.

На что Прабхупада сказал:

– Она непрактична, потому что они ее не примут. Во всех других отношениях она практична. Это единственное решение.

Прабхупада сказал, что негодяи не примут ее, но если бы приняли, это решило бы все их проблемы. Он сказал, что у нас нет какой-то сложной, разработанной политической программы. Программа у нас одна: «Повторяйте «Харе Кришна». Только и всего». И если люди будут регулярно встречаться и вместе петь «Харе Кришна», то непременно достигнут успеха. Я

приводил Прабхупаде все аргументы, с которыми мне приходилось сталкиваться, и он неизменно разбивал их.

Киртираджа: Я должен был отвезти Прабхупаду в индийское консульство на переговоры по поводу выдачи преданным виз. Во время беседы с консулом Прабхупада сильно повысил голос и что-то резко сказал на бенгали. Никто из нас не имел ни малейшего представления, о чем они говорили – за все время беседы они произнесли лишь несколько английских слов. Но мы поняли, что с чиновником он говорил достаточно строго. В конце разговора Прабхупада попросил меня представить список преданных, собирающихся в Индию, и собрать их паспорта. Он сказал, что консул согласился выдать им годовые визы. Встреча закончилась, и мы вышли к машине. К тому времени уже стемнело и пошел сильный дождь. Когда мы садились в машину, Прабхупада спросил:

– Я сильно ругал его, да?

Я подтвердил, но Прабхупада посмотрел на нас снова и сказал:

– Да, мне можно так поступать, но вам нельзя! Я уже пожилой человек, и они не принимают мои слова слишком близко к сердцу. Но если вы в разговоре со старшим или равным будете себя так вести, люди обидятся. Но я старик, я могу так делать. А вы не можете.

Затем, когда мы ехали по дороге в час пик, под дождем, я нервничал, потому что в машине сидел Прабхупада. Сквозь запотевшие окна было плохо видно. Я проклинал эту отвратительную погоду, но Прабхупада вдруг повернулся ко мне и сказал:

– Дождь очень приятен. Без дождя на земле ничего бы не выросло.

Я был потрясен – мне показалось, что он читает мои мысли. Я сетовал на погоду, но Прабхупада непринужденно повернулся ко мне и сказал, что дождь – это хорошо.

По дороге Прабхупада спросил нас, заметили ли мы, что было написано на табличке над входом в индийское консульство. Хотя перед тем как войти все мы остановились и посмотрели на эту табличку, мы вынуждены были признать, что не можем этого вспомнить. Тогда Прабхупада сказал, что разумный человек очень наблюдателен. Он может сказать даже, сколько балок под потолком. Он вспомнил, как однажды один из друзей спросил его: «Ты знаешь, сколько вагонов в пенджабском почтовом экспрессе?» Прабхупада назвал другу точное число вагонов и не ошибся.

В другой раз, в Нью-Йорке, Прабхупада отправился посмотреть выставленное на продажу здание на Парк-авеню. Мы думали купить его для нью-йоркского храма. Это было очень большое здание в престижном районе Парк-авеню. Мы припарковались на противоположной стороне улицы перед маленьким испанским продуктовым магазинчиком. Мы вышли из машины и посмотрели на здание. Парадные двери были открыты, и из вестибюля на вечерний тротуар падал золотистый свет. Прабхупада сказал:

– Ах, это настоящий Шри-Гауранга-Холл.

Прабхупада и Бали-мардана обсуждали возможность покупки этого здания, а дальше я помню только, как Бали-мардана хлопнул меня по руке выше локтя и сказал:

– Прабхупада хочет «7-Up».

Я посмотрел на Прабхупаду и спросил:

– «7-Up», Прабхупада?

– Да, – кивнул тот.

Но я усомнился:

– Прабхупада, Вы правда хотите «7-Up»?

Прабхупада снова кивнул. Я сказал:

– То есть, такой лимонад с пузырьками. Вы это имеете в виду?

– «7-Up», – снова сказал Прабхупада.

Я пошел в магазин и купил баночку «7-Up». Вернувшись на улицу, я передал ее Бали-мардане, который открыл ее и протянул Прабхупаде. Мы стояли на Парк-авеню, одетые в дхоти. Прабхупада поднял банку и стал лить лимонад прямо в рот, не касаясь ее губами. Когда мы приехали в храм, то это стало сенсацией: Прабхупада пил «7-Up» на Парк-авеню!

Радхаваллабха: Мы знали – Прабхупада доволен тем, что мы живем в этом неблагополучном районе, чтобы проповедовать его миссию. Мы всегда понимали: он считает Нью-Йорк очень важным местом для проповеди – ведь именно сюда он приехал вначале. Ему нравилось, что мы продолжаем его дело в месте первых шагов проповеди сознания Кришны на Западе.

Письмо Прабхупады Киртирадже и его жене, Хари-пудже, 1973 год:

Ты – один из доверенных менеджеров нью-йоркского храма. Я очень рад видеть успешные программы вашего храма. Кришна дал вам, американцам, разум, а Нью-Йорк, как мне кажется, – это величайший город в мире. Поэтому я обращаюсь ко всем вам, руководителям, – сотрудничайте друг с другом и сделайте что-то великолепное. Таково мое наставление. И если вы сможете сделать это, Кришна будет очень вами доволен.

Глава шестьдесят пятая

Кругосветное путешествие

Январь 1975 года

Шрила Прабхупада планировал отправиться в очередное свое кругосветное путешествие из Бомбея 25 января. За пятьдесят дней ему предстоит объехать двенадцать главных городов и снова вернуться в Бомбей. Он не только обогнет всю землю, двигаясь на восток, но и захватит южное полушарие, до самой Венесуэлы. Это будет восьмое его кругосветное путешествие за десять лет его проповеди, начиная с приезда в Америку из Индии в 1965 году. Он посетит семь стран и преодолеет путь в пятьдесят пять тысяч километров.

Шрила Прабхупада обязался прибыть в Индию к марту, чтобы принять участие во втором международном съезде своих учеников в Шридхаме Майяпуре, поэтому поездка обещала быть напряженной. Этот год был особенным, потому что после нескольких лет работы и двух преждевременно объявленных церемоний открытия, Шриле Прабхупаде предстояло, наконец, торжественно открыть ИСККОНовский храм Кришна-Баларамы во Вриндаване и установить в нем Божества: Гаура-Нитай, Кришну-Балараму и Радха-Шьямасундару.

Желая открыть храм в день явления Кришны, Шрила Прабхупада приехал сюда в сентябре 1974 года, но стройка затянулась, и его ждало разочарование. Тогда, во Вриндаване, Шрила Прабхупада серьезно заболел. У него был такой жар, что он разрешил преданным во всех храмах ИСККОН проводить для его выздоровления круглосуточный киртан. Постепенно он поправился и теперь, после нескольких недель перерыва, мог нормально есть и переводить.

Шрила Прабхупада хотел выехать с таким расчетом, чтобы успеть вернуться к началу фестиваля в Майяпуре и Вриндаване, но ожидание разрешения на строительство храма от местных властей пока держало его в Бомбее. Когда секретарь Джи-би-си по Южной Америке, Хридаянанда Госвами, написал ему с просьбой посетить его зону, Прабхупада ответил:

Да, я очень хочу приехать. Сейчас в Бомбее мы пытаемся получить от правительства разрешение на строительство нашего храма, и, не исключено, что получим его на следующей неделе. Если это удастся, я немедленно вылечу в Гонолулу, оттуда напрямик в Мехико, и затем в Каракас... Если же ситуация в Бомбее не изменится, мне, возможно, придется остаться здесь до середины января...

Бомбейский муниципалитет выдал разрешение только к концу января, после чего Шрила Прабхупада мог, наконец-то, со спокойной душой отправиться в путешествие. Он не раз говорил, что путешествует для того, чтобы духовно поддерживать своих учеников. Иногда Шрила Прабхупада говорил о своем желании обосноваться в одном месте, чтобы писать книги, однако при том считал себя обязанным лично следить за тем, как ширится его миссия сознания Кришны на всех континентах. Он понимал, что время его ограничено, и хотел поддержать своих учеников в практике сознания Кришны, чтобы те могли продолжать ее, когда его не станет. Он должен был путешествовать. Но, даже путешествуя, он не прекращал везде, где останавливался, переводить и комментировать «Шримад-Бхагаватам». Невзирая на свой преклонный возраст (ему исполнилось восемьдесят), и на то, что долгие часы приходилось проводить в дороге, несмотря на постоянные перелеты из одного часового пояса в другой, изматывающие ожидания в аэропортах и задержки на таможнях, Прабхупада решительно продолжал работу над книгами, где бы ни оказался.

Диктофон и справочная литература стали в буквальном смысле слова неотъемлемыми атрибутами Шрилы Прабхупады. В дороге его сопровождали секретарь Парамахамса Свами, личный слуга Шрутакирти, и Нитай, который изучал санскрит – Прабхупада готов был писать книги и проповедовать в любой точке своего путешествия.

Первой остановкой его был Гонконг.

Парамахамса Свами: Находиться с Прабхупадой в аэропорту всегда было интересно. Люди просто подходили и без лишних формальностей обращались к нему:

– Привет! Что вы делаете?

И Прабхупада по-свойски заводил с ними разговор. Это было совсем не похоже на то, как он общался с преданными. Иногда ему задавали странные вопросы, на что Прабхупада отвечал шуткой, и часто незнакомец уходил, озадаченный ответом.

В Гонконге у Прабхупады был только один ученик, Тривикрама Свами, но перед самым его визитом из Бангкока повидаться со своим духовным учителем приехал Панчадравида Свами. К прибытию Прабхупады явился и Судама-Випра Свами, недавно отделившийся от ИСККОН. Трое санньяси встретили Прабхупаду в аэропорту.

Тривикрама Свами снял для Шрилы Прабхупады шикарный многокомнатный номер в «Гонконг-Хилтон» и договорился о лекции в конференц-зале отеля, на которую собралось около двухсот индийцев и несколько китайцев. После сорокаминутного рассуждения на тему первого стиха седьмой главы «Бхагавад-гиты», Шрила Прабхупада заключил:

– Если вы хотите освободиться от влияния майи, то должны принять сознание Кришны. Другого выхода нет. Это научное Движение. Любой разумный, здравомыслящий человек должен принять сознание Кришны, в противном случае, он обречен.

Визит Шрилы Прабхупады длился два дня. В эти дни преданные возили его в парк в самом центре города, где было так много людей, что Шрила Прабхупада назвал его «адским». Когда они проходили мимо группы людей, упражнявшихся в тай-цзи, Тривикрама Свами заметил, что это бесполезное занятие.

– Не критикуй, – оборвал его Шрила Прабхупада.

Во время прогулки Судама-Випра Свами рассказал Прабхупаде о наводнении в Майяпуре. Преданным пришлось жить на крыше хижины и отбиваться от змей, которые искали прибежища там же.

– Да, – с благодарностью произнес Шрила Прабхупада. – В то время ты оказал много служения.

Прабхупада поинтересовался еще у одного преданного, с какими трудностями тому пришлось столкнуться в сознании Кришны, на что каждый из шедших рядом поделился своим случаем, когда приходилось выдерживать испытания.

– А когда вам было труднее всего в сознании Кришны, Шрила Прабхупада? – поинтересовался Тривикрама Свами.

Помолчав немного, Прабхупада ответил:

– Лучше не спрашивай.

На маленькой квартирке, где жили преданные, Прабхупада подтвердил, что Гонконг – важное место проповеди, и даже если здесь останется всего один человек, развивать гонконгский центр все равно нужно.

– Мы можем напечатать китайскую «Бхагавад-гиту», – сказал Прабхупада. – Придет день, когда Китай станет открытым, и мы сможем туда попасть.

Панчадравида Свами приехал только для того, чтобы повидать своего духовного учителя, но Прабхупада сказал ему:

– Ты станешь нашим новым управляющим центра в Гонконге.

– Джая! Джая! – одобрительно закричали преданные.

Но самого Панчадравиду Махараджу слова Прабхупады привели в замешательство: «Я должен остаться в Гонконге?» Однако затем он вспомнил о письме, которое совсем недавно написал ему Прабхупада. Прабхупада говорил, что преданный должен быть как жатвенная машина. В Бенгалии есть поговорка, что жатка будет жать пшеницу хоть в раю, хоть в аду – так и преданный должен служить Кришне, где бы ни оказался. Панчадравида планировал вернуться в Индию, но Прабхупада сказал ему:

– Не велика важность – вернуться в Индию. Единственное важное дело – продолжать служение.

Распространять в Гонконге книги – вот что важно, и не имеет значения, приходят люди на программы или нет. Так или иначе, он должен издавать книги на китайском языке и распространять их. Таким образом, дело будет продолжаться.

Токио

27-28 января

Недоверчивые японские иммиграционные служащие задержали Шрилу Прабхупаду на границе и поначалу не хотели давать ему визу; но, в конце концов разрешение было получено, в страну въехать позволили – правда, не более чем на два дня, предоставив транзитную визу. Потом, после столь недружественного приема, Прабхупаду по-царски встретили представители токийского издательства «Дэй-Ниппон»: шофер, в форме и белых перчатках, посадил его в

«Мерседес» и отвез из аэропорта в центр ИСККОН. Несмотря на то, что к 1975 году Би-би-ти печатало книги Прабхупады в американских издательствах, «Дэй-Ниппон» по-прежнему предлагало им свои услуги. Контракт с Би-би-ти был выгоден любому издательству, а Шрила Прабхупада был и единственным автором, и главным издателем.

Бывалый путешественник, знакомый с видами и звуками почти всех континентов, Шрила Прабхупада уже привык к этим коротким остановкам в восточных краях. Потом, приехав в Индию, он сможет рассказать своим духовным братьям и друзьям о странах и людях, о которых те разве что в книгах читали. Тем не менее, куда бы ни отправлялся Шрила Прабхупада, он всегда сохранял духовное, неподвластное этому миру сознание. В Токио он читал те же лекции по «Бхагавад-гите», что и в Гонконге или в Америке; его срочное послание о преданности Кришне было одинаково актуально для любого города и деревни. Но иногда Шрила Прабхупада «приправлял» свои лекции высказываниями об особенностях местной культуры.

– Все страдают, это факт, – говорил он во время лекции в маленьком токийском храме ИСККОН.

Он описывал присущие материальной жизни страдания.

– Как сейчас, например, ко мне пришли два солидных директора из компании «Дэй-Ниппон». У нас с ними контракт. В издательской деятельности им приходится сталкиваться с кучей проблем. В их компании работает около двухсот тысяч служащих – огромная организация, огромная ответственность. И проблемы тоже есть. Итак, материальный мир полон проблем, и тот, кто понимает это, именуется сурой, цивилизованным человеком.

Назвав еще один источник страданий – жару и холод, Прабхупада сослался на холодный токийский климат – настолько суровый, что сам он не мог даже выходить на утренние прогулки.

– Наступает зима, мы не хотим простужаться, поэтому одеваем свое тело, – сказал он. – Причина того, что мы одеваемся – страдание. Но если, укутавшись, мы испытываем какое-то наслаждение, то что же это за наслаждение такое? Это лишь временное облегчение страданий! Такова природа материального наслаждения.

На лекции Прабхупады приходили японские студенты, и Прабхупада напрямую обращался к ним.

– Когда в Японии вы оказываетесь в опасности... – говорил он. – У вас ведь часто бывают землетрясения, так? Что вы в это время делаете? А? Вот вы, японские юноши и девушки, как вы поступаете? Вам доводилось видеть землетрясение? Доводилось? Как вы вели себя в этот момент?

Прабхупада сделал паузу, ожидая от молодых японцев ответа, но те молчали и просто смотрели на него.

– Когда происходит землетрясение, – продолжал Прабхупада, – что вы делаете? А? Вот в Америке – я сам видел – все поголовно кричат.

Слушатели Прабхупады расхохотались.

– И при этом, бывает, они вспоминают о Боге. Они делают это произвольно: «Господи, помоги!» Это значит, что мы не хотим умирать – это факт. Вы не можете сказать, что смерть – это что-то очень хорошее; никто так не скажет. Но мы вынуждены умирать, хотя и не хотим. Это – страдание. И страдаем мы не только во время смерти, но и в течение жизни. Например, я – старый человек. Кто хочет быть старым? Все хотят оставаться молодыми. Старость – не радость. Это страдание. Мы страдаем, потому что стары. Мы страдаем от множества болезней, множества неудобств. Без помощи трех-четырех человек я не смогу даже передвигаться. Это страдание.

– Вот, например, сейчас в Токио и по всему миру, – продолжал он, – повсюду, чтобы уютно жить, вы возводите огромные здания. Но кто может гарантировать вам беззаботную жизнь? Никто, потому что когда-то вам придется умирать. Поэтому это и называется ашашватам, «преходящее». Это первое, что необходимо усвоить. Разумные люди настроены пессимистично. А тот, кто удовлетворен этим временным так называемым счастьем, именуется асурой.

– По милости Движения сознания Кришны, – завершил свою речь Прабхупада, – асуры становятся сурами.

Он путешествовал именно ради этого – «Чтобы дать им понимание того, что такое Абсолютная Истина». Только если человек примет сознание Кришны, он сможет стать сурой – совершенным человеком, и достичь в своей жизни успеха.

В Японии Прабхупада прочитал две лекции. Во второй из них он привел логический аргумент: поскольку в природе прослеживается целостный проект, значит должен существовать и

проектировщик. Его логика и примеры были точны и убедительны. Он упомянул местный городской административный аппарат и то, как люди им управляют.

– Подобным образом, когда я вижу, как безупречно систематически, разумно устроен порядок в космосе, как могу я говорить, что им никто не управляет? Как это можно объяснить логически? Кто-нибудь, скажите мне. Может кто-то сказать? Как вы можете говорить, что управляющего не существует? Джагад ахур анишварам. Какова их логика? Ну, скажите мне.

Прабхупада хотел, чтобы кто-то из аудитории вызвал его на диспут. Он указал на своего секретаря.

– Ты иногда на их стороне. Какова их логика?

Парамахамса: Ну, никто не видел этого управляющего.

Прабхупада: Но ты не видел даже президента японского правительства – как ты можешь делать из этого вывод, что власть отсутствует? Ты не видел президента или верховного главу, но как ты можешь говорить, что правительства нет? Если его нет, то почему все так слаженно работает? Ты можешь многого не видеть, но это ничего не значит. Это ошибочная логика: «Я не видел».

Кто-то из присутствующих выдвинул теорию случайности, и Прабхупада с азартом принялся опровергать этот бессмысленный постулат.

– Кришна не одинок, – сказал Прабхупада. – Когда мы говорим «Кришна», мы подразумеваем, что у Него множество энергий. Возьмем, к примеру, такую незначительную личность, как я, Бхактиведанта Свами. У меня есть это Движение, и я не одинок. У меня множество помощников по всему миру. Я был инициатором, основателем, и теперь я не один. Благодаря своим ученикам я распространил себя во множество мест. Я обычный человек. Как же может распространить Себя Кришна? Можно только догадываться. Он – Верховный Господь. Адвайтам ачьютам анадим ананта-рупам. Он способен распространять Себя. Но Он – уникальная личность. Он делает все. Как, например, я отвечаю на десятки писем со всего мира и пытаюсь управлять. Точно так же, Он поддерживает всех, ананта-рупам, благодаря бесконечному числу помощников. Парасья шактир вивидхаива шруяте. Вы должны понимать это так.

Среди «десятков писем» и проблем, связанных с управлением всемирной организацией, о которых упомянул Прабхупада, была одна особенно тревожная новость, о которой ему сообщили во время его двухдневного визита в Японию. Полиция Германии устроила налет на франкфуртский храм ИСККОН и заморозила банковские счета. Против преданных были выдвинуты сфабрикованные обвинения в подстрекательстве к мошенничеству, а враждебно настроенные средства массовой информации готовились объявить сознанию Кришны крупномасштабную войну. Получив это неприятное письмо от своего представителя в Германии, Хамсадуты, Прабхупада попросил его приехать к нему на Гавайи.

В Японии Прабхупада получил телеграмму от Бхагаван-даса, Джи-би-си по южной Европе, который вызвался помочь в решении германских проблем. Прабхупада ответил: «Попытайся взяться за Германию, Лондон и Париж. Главная задача – ответить на обвинения в Германии и вернуть замороженные деньги. В Англии мы должны возродить фестиваль Ратха-ятры, остановленный из-за козней полиции. В Париже для преданных понадобится более просторное место, поэтому найди подходящее здание». Так, даже во время напряженных поездок, когда останавливаться приходилось в отдаленных местах и лишь на день или два, Прабхупада получал известия и отвечал на срочные вопросы, связанные с его всемирным Движением. Вопросы эти, так или иначе, всегда занимали ум Шрилы Прабхупады. За ним оставалось последнее слово в решении проблем ИСККОН, и он лучше всех знал внутренние процессы в Движении. Как сам он говорил в своей лекции, ему помогали его многочисленные экспансии, но при этом в ИСККОН он оставался единственной «верховой» личностью. В данном случае слово «верховный» подразумевало не только то, что он был самым возвышенным и почитаемым человеком, но и то, что ему приходилось больше всех беспокоиться и нести наибольшую ответственность за принятые решения. Это лишний раз доказывало, что путешествия Прабхупады были совершенно необходимы. Путешествуя и вдохновляя лидеров в каждом городе и стране, он мог предупреждать кризисы и отклонения, а также поддерживать на всех фронтах боевой дух своих армий – ведь им нужно было отражать нападки майи, которые были весьма вероятны, и временами действительно случались.

29 января – 9 февраля

Шрутакирти: На борту самолета компании «ПанАм-эйрлайнз», следующего из Токио на Гавайи, Прабхупада читал что-то про движение за равноправие женщин. Он сказал:

– Если эти женщины хотят равноправия, то попросите их побриться, как мы, и они смогут получить равные права.

Прабхупада попросил Нитай-даса позвать одну из стюардесс и сказать ей:

– Если вы хотите уподобиться мужчине, то обрейте голову.

– Давай, – понукал Нитай Прабхупада. – Пошути. Позови ее сюда. Скажи ей.

Нитай не решался, но Прабхупада казался серьезным:

– Предложи ей обрить голову. Тогда она может быть мужчиной, если хочет равноправия.

Хотя Прабхупада неоднократно просил Нитай позвать стюардессу и пошутить, тот не соглашался. В конце концов, Прабхупада махнул на него рукой.

Шрила Прабхупада уже не впервые сталкивался с разногласиями на Гавайях. Гавайи были таким местом, где собирались группы преданных, не желающих строго следовать правилам и ограничениям и подкрепляющих свои ереси собственной философией. Один из таких преданных, отмежевавшись от ИСККОН, собрал вокруг себя последователей и начал проповедовать им, а также новичкам, что лучше не жить в храме. Он не настаивал на строгом следовании канонам и не проводил никакой организованной проповеди – лишь иногда пел «Харе Кришна». Прабхупада отнесся к этому лидеру и его отколовшейся группе терпимо, несмотря на то, что те критиковали его же ИСККОН, поскольку каждого, кто повторял «Харе Кришна» или изъявлял желание стать его последователем, Прабхупада готов был вдохновлять. Если они повторяют «Харе Кришна», говорил он, то постепенно очистятся. Те, кто жил за пределами храма и смотрел на следование принципам весьма либерально, утверждали, что Прабхупада одобряет их деятельность и их лидера, но те, кто сохранял верность ИСККОН, критиковали «раскольников». Споры не прекращались, и визит Шрилы Прабхупады послужил поводом для открытого противостояния. То, что во время путешествия Прабхупада посещал все свои центры, включая ИСККОН на Гавайях, но не останавливался в центрах раскольнической группы, уже говорило о многом. В свое время, когда над его единственным храмом ИСККОН на Второй авеню, 26, в Нью-Йорке, нависла угроза, Прабхупада беспокоился о нем, совсем как заботливый отец. Сейчас, когда у Прабхупады появилось сто центров по всему миру, его трансцендентные беспокойства соответственно умножились.

Когда Прабхупада приехал на Гавайи, несколько преданных из тех, кто был вовлечен в конфликт, изложили ему свои философские доводы. Он вновь прояснил свою позицию и позицию своих верных последователей.

Как-то утром, гуляя с преданными по пляжу Ваикики, Прабхупада отвечал на их вопросы, касающиеся природы чистого преданного служения.

Преданный: Я слышал, что среди некоторых местных преданных распространена такая философия, что если ты повторяешь «Харе Кришна», то в духовный мир сможешь вернуться в любом случае, даже если не откажешься от своей независимости.

Прабхупада: Ну, а ваша философия какова?

Преданный: Ну, похоже, это в каком-то смысле лицемерие. Повторение «Харе Кришна» значит, что вы молитесь Кришне о вечном служении Ему и о полной зависимости от Него. Мы пытаемся объяснить им это. Мы пытаемся следовать учению и всем наставлениям, посещать мангала-арати, утреннюю и вечернюю лекцию.

Прабхупада: Ну, а они это делают или нет?

Преданный: Нет, они даже не следуют регулирующим принципам.

Прабхупада: И?

Преданный: Они думают, что благодаря одному только повторению они вернутся в духовный мир, и этого достаточно.

Прабхупада: Тогда в чем смысл десяти оскорблений? Если человек повторяет без оскорблений, то ладно, это нормально. Но если он совершает оскорбления? Его повторение не возымеет эффекта. Существует десять оскорблений. Если человек свободен от них, то все в порядке. Но если он оскорбитель, его повторение не принесет плодов. Или принесет, но это займет много времени. Поэтому прежде всего вы должны прекратить оскорбления. И как они могут быть совершенны, если совершают оскорбления? Оскорбление их – в том, что они не следуют правилам

и ограничениям. Это значит, они думают: «Все мои поступки будут сглажены повторением Имени». Разве не так?

Преданный: Да, это одно из оскорблений.

Прабхупада: Его считают величайшим оскорблением. Намно балад ясья хи папа-буддхих. «Я могу продолжать грешить, а мантра «Харе Кришна» поможет мне замолить грехи». Это величайшее оскорбление. Объясните им это.

Преданные спросили, не является ли напрасной тратой времени повторение мантры без строгого следования регулирующим принципам. Прабхупада ответил, что польза от этого есть, но результаты будут приходить очень медленно. Он сравнил это с разжиганием костра, который одновременно поливают водой.

Один из преданных не согласился с тем, что все преданные, что живут за пределами храма, нарушают заповеди. Многие из тех, кого он знал, соблюдали их. Прабхупада ответил:

– Жить в храме не принципиально. Не так, что все должны жить в храме. Если человек в чем-то не согласен со своими духовными братьями, друзьями, то может жить отдельно. Но он должен следовать правилам и ограничениям. Это то, чего мы хотим. Просто если вы живете с преданными, это получается естественно.

Преданный: Да, так проще.

Прабхупада: Поэтому рекомендуется жить с преданными. Однако если вы не можете найти с ними общий язык, если у вас свое мнение, это не дает вам права вводить новые представления о том, как практиковать сознание Кришны. Если вы говорите: «Я буду повторять «Харе Кришна» и делать, что хочу», – то это ошибка.

Прабхупада подтвердил, что даже если человек живет в храме, но ум его не погружен в сознание Кришны, его духовный рост также будет нескор. Однако нельзя отрицать огромное преимущество жизни в храме.

Прабхупада: Это можно сравнить с обычным бизнесом. Если вы ведете бизнес в фондовой компании, вы получаете хорошую прибыль. За пределами компании вы не сможете столько заработать, потому что здесь есть компания, общение. Много покупателей, много продавцов. Если вы хотите продать, сразу появляется покупатель. Если хотите купить, тут же находится продавец. Для этого и существуют фондовые биржи. Итак, если мы живем вместе в фондовой бирже преданного служения, где ты можешь помочь мне, а я – тебе, наш бизнес будет процветать. Но когда ты живешь за пределами рынка, в пятистах километрах от фондовой биржи, то, естественно, таких широких возможностей для коммерции не получишь.

Преданный: И упустишь возможности.

Прабхупада: Да. Поэтому, если хочешь заниматься бизнесом, надо не медля хвататься за эту прекрасную возможность. Это разум. А если мы думаем: «Ну, ладно, я уж как-нибудь, потихоньку... Жизней через семьсот стану совершенным», – то это уже другой вопрос.

Преданный: Оставаться в стороне – значит идти на риск.

Прабхупада: О, да. Иначе зачем было бы открывать столько центров и создавать условия, обеспечивать кровом и пищей: «Вот тебе все возможности. Живи здесь. Делай для храма то, что можешь. Не спи. Работай». Таково наше учение. Сатам прасангат. И Рупа Госвами тоже говорит: сато вриттех, садху-сангат, бхактих прасидхьяти. Если живешь в обществе преданных, такая жизнь быстро принесет плоды. А если живешь с обычными людьми, то очень скоро лишишься и того, что у тебя было. В другом стихе говорится, что предпочтительнее жить в клетке, окруженной огнем, чем жить с непреданным.

Самое главное, сказал Прабхупада, следовать указаниям духовного учителя, независимо от того, где вы живете – в храме или за его пределами. Он напомнил, что и сам не жил в храме, но, тем не менее, всегда строго следовал указаниям своего духовного учителя.

– Где бы вы ни жили, – сказал он, – строго следуя наставлениям гуру, вы будете оставаться совершенным. Но если мы превратно истолковываем наставления гуру, нас ждет ад. Ясья прасадад бхагават-прасадо ясья прасада на гатих куте ‘пи. Вы лишаетесь прибежища, и это конец. Если гуру видит: «Я хотел вернуть этого человека домой, к Богу, но он восстал против меня и перестал следовать моим указаниям», тогда, если он недоволен – апрапада – всему конец.

Кто-то из преданных спросил, как человек может служить духовному учителю, если приходится работать с непреданными.

– Я, например, работаю на обычной работе. Я не живу в храме и не жертвую пятьдесят процентов своего дохода. В таком случае, может ли моя работа считаться исполнением воли гуру?

Прабхупада: Тогда вы не следуете наставлению гуру. Это бесспорный факт.

Преданный: Значит ли это, что, совершая всю эту деятельность в течение дня – работая – я не следуя наставлению гуру? Это несанкционированная деятельность?

Прабхупада: Да, если вы не следуете наставлению гуру, вы сразу же падёте.

В комнате Шрилы Прабхупады произошел еще один спор – с теми преданными, которые настаивали на том, что могут оставаться верными Шриле Прабхупаде, не подчиняясь при этом его представителю Джи-би-си или ИСККОН. Один такой «раскольник» создал сложную философию о том, что Шрила Прабхупада всеведущ и опытен в духовных вопросах, но не в материальных.

– Прабхупада не может построить реактивный двигатель, – говорил он. – Он не может создать ядерный реактор. Поэтому его нельзя считать искусственным в материальном знании. Однако в духовной сфере ему нет равных.

Большинство преданных отвергли эту выдумку. Согласно шаштре, чистый преданный, в отличие от йога, в своих способностях полностью зависит от Кришны. Йог пытается развить чудесные силы – способность ходить по воде или становиться невидимым, а преданный обретает могущество благодаря тому, что отдает себя Кришне, Который наделяет Своего слугу мастерством.

Согласно этой новой теории, Прабхупада вынужден был узнавать о положении дел в ИСККОН от своих последователей, учеников, а потому не знал, как из рук вон плохо ведут дела Джи-би-си, как халатно они руководят распространением книг и как ужасно относятся к преданным. Прабхупада-де не знал об этом, потому что вся эта деятельность происходила на материальном уровне. Таким образом, они заключили, что верят и доверяют Прабхупаде, но отказываются работать в его обществе с его представителями.

Эти преданные прежде были лидерами ИСККОН на Гавайях, но отошли и теперь грозились, что будут использовать фонды и собственность от своего имени. Прабхупада же просто продолжал спрашивать у них:

– Почему вы ушли? Почему не остаетесь? Почему не предаетесь?

Но те стояли на своем: они доверяли Прабхупаде, но не могли доверять Джи-би-си.

Видя, как «раскольники» отказываются исполнить простую просьбу своего духовного учителя о предании, один из членов Джи-би-си, присутствовавший в комнате, вышел из себя и спросил:

– Вы говорите, что принимаете Прабхупаду?

– Да, – ответили те.

– И говорите, что верите в него?

– Да.

– Вы утверждаете, что можете последовать любой его просьбе?

– Да.

– Хорошо, тогда если Прабхупада попросит вас подчиниться Джи-би-си, вы сделаете это?

В комнате наступила напряженная тишина.

– Нет, этого мы не можем.

Когда они произнесли «нет», Шрила Прабхупада опустил кулак на стол и указал на диссидентов:

– Вы посмотрите только, какое лицемерие!

Но даже после такого неопровержимого заключения те продолжали стоять на своей позиции «мы предаемся вам, но не ИСККОН», пока Прабхупада не попросил их уйти.

Прабхупада обратился к тем, кто остался в комнате:

– Когда они говорят, что им не нравится ИСККОН и Джи-би-си, они по большому счету утверждают, что им не нравится следовать моим указаниям. Значит, им не нравятся мои указания. Значит, у них нет веры в мои указания. Значит, у них нет веры и в меня. А это – гуру-апарадха. Их слова о вере в меня – просто лицемерие.

Шрутакирти: Прабхупада собрался уходить, но перед самым выходом попросил позвать меня. Он сказал:

– Итак, Шрутакирти, ты собираешься остаться здесь? С женой и ребенком?

– Да, Прабхупада, – ответил я.

– Да, – кивнул он, – оставайся здесь как домохозяин и руководи храмом.

Но мне все время казалось, что я обязан поехать с Прабхупадой. С ним никого не было, ни слуги – никого. Но я сказал:

– Да, Прабхупада, думаю, мне стоит остаться.

– Хорошо, – ответил он. – Да, оставайся здесь с женой.

Тут один из присутствовавших при разговоре санньяси рассмеялся и сказал:

– Ты ведь знаешь, как называют жену и ребенка? Их называют тигрицей и шакалом.

Затем он спросил Шрилу Прабхупаду:

– Прабхупада, понятно, почему женщину называют тигрицей, но почему детей называют шакалами?

Прабхупада ответил:

– Дети создают отцу массу разных неудобств. Они все время от него чего-то требуют, а иногда беспокоят его и не дают ему спать. Они все равно что едят плоть отца. Это особенность шакалов – питаться плотью. Поэтому детей сравнивают с шакалами. Из-за них отец постоянно испытывает трудности и беспокойства.

Я сидел и думал: «Вот те на! Значит, Прабхупада просит меня остаться с тигрицей и шакалом». И тогда я сказал:

– Прабхупада, я считаю, что должен поехать с вами.

И Прабхупада просто ответил:

– Хорошо.

* * *

Лос-Анджелес

9-10 февраля 1975 года

Хридаянанда Госвами: Когда мы садились в машину, чтобы отправиться на утреннюю прогулку, от Шрилы Прабхупады всегда исходило благоухание сандалового дерева, а также аромат цветов, потому что он всегда носил цветочные гирлянды. Прабхупада всегда был очень чист, со свежей тилакой, поэтому, стоило ему сесть в машину, машина тут же одухотворялась и освящалась, и от иллюзии не оставалось и следа. И много раз, когда мы трогались, Прабхупада смотрел в окно на тот район Лос-Анджелеса, где мы располагались, и произносил этот стих: харер нама харер нама харер намаива кевалам. Он повторял его с глубоким чувством – почти как мать, которая видит, что ребенок ее в опасности или болеет. Прабхупада очень сосредоточенно произносил эти слова, побуждая всех людей принять сознание Кришны.

Храм ИСККОН в Лос-Анджелесе, Нью-Дварака – штаб-квартира Прабхупады в западном полушарии – словно цветами, распускался разнообразными проектами сознания Кришны. Это был бум распространения книг. Ряды преданных ширились. Денег было в достатке, и они шли на оснащение технических и культурных проповеднических отделов. Шрила Прабхупада впервые посетил просторный склад Би-би-ти, где хранились его книги и откуда они рассылались в центры ИСККОН по всему миру.

Машина Прабхупады, за которой тянулась целая колонна машин с преданными, припарковалась перед огромным складом. Он вошел в приемную. На стене в рамках висели цветные репродукции обложек всех номеров журнала «Назад, к Богу». Шрила Прабхупада остановился перед большим обрамленным изображением Ситы-деви, жены Адвайта Ачарьи, выражающей почтение новорожденному Нимаю, Господу Чайтанье Махапрабху. Шрила Прабхупада спросил, кто нарисовал ее, и, когда ему сообщили имя одной из его учениц, заметил:

– Способная художница.

Рамешвара, управляющий Би-би-ти, стал показывать Прабхупаде склад.

– У нас их два, – сказал он, и вывел Шрилу Прабхупаду в огромное хранилище высотой в три этажа. Повсюду стояли штабеля картонных коробок с книгами.

– И они расходятся или просто стоят здесь? – поинтересовался Шрила Прабхупада.

Рамешвара: Сейчас их гораздо меньше, чем вначале.

В своей знаменитой шапочке, небрежно сдвинутой на затылок, царственно ступая с тростью в руке, Шрила Прабхупада с наслаждением осмотрел хранилище.

– Ну, Хамсадута, – сказал он, поворачиваясь, – ты должен сделать такой же годам.

Хамсадута улыбнулся и согласился.

– Тогда ты отобьешься от обвинений, – сказал Шрила Прабхупада. – Когда немецкий народ примет эти книги, это будет достойным ответом на обвинения.

– Этот вилочный погрузчик поднимает поддоны под самый потолок, – объяснил Рамешвара.

Прабхупада попросил показать, и водитель поспешил завести двигатель. Рамешвара тем временем продемонстрировал особые стеллажи, вмещавшие по пятьсот экземпляров каждой из книг Прабхупады. Они предназначались для путешествующей библиотечной группы, которая продавала университетским библиотекам страны полные наборы.

Наблюдая погрузчик в действии, Прабхупада заметил:

– Впервые я увидел такую машину в порту Содружества, в Бостоне.

В присутствии Прабхупады юноша, управляющий погрузчиком, так разнервничался, что не мог справиться с управлением.

– Обычно он очень аккуратен, – извинился Рамешвара.

Рамешвара объяснил, что аренда обходится в тысячу восемьсот долларов в месяц, что для такой площади очень даже неплохо. Он сказал Прабхупаде, что в течение дня на склад через акустическую систему транслируются его лекции.

– Аччха, – произнес Прабхупада, довольно посмеиваясь.

Затем они вошли во второй склад, где хранились журналы «Назад к Богу». Прабхупада спросил про пожарную охрану, и преданные рассказали, что склад застрахован и снабжен пожарной сигнализацией. Прабхупада осмотрел место, где хранились тома «Бхагавад-гиты», а также «Шримад-Бхагаватам» и «Чайтанья-чаритамрита». Некоторые из них только что прибыли из типографии.

Осматривая склад, Прабхупада вспомнил о спектакле, что преданные поставили для него прошлым вечером.

– Теперь у нас есть «Чайтанья-чаритамрита» и «Бхагаватам». Если такие спектакли хорошо поставить, они понравятся даже обычной публике. Люди и деньги будут за них платить...

Стоя посреди пачек с книгами, Прабхупада во всех подробностях стал объяснять, как воплотить на сцене содержание его произведений. Преданные могут показывать пантомиму и сопровождать ее фонограммами на разных языках. Так можно будет объехать со спектаклями всю Индию и, помимо того, поучаствовать в майяпурском и вриндаванском фестивалях. Актерские способности, как и любые другие, приобретаются посредством аскезы и должны быть использованы для прославления Кришны.

– Кришна – Уттамашлока, – сказал Прабхупада преданным, окружившим его в проходе между штабелями. – Есть столько игр Кришны, игр Чайтаньи Махапрабху... Ими можно затопить все вокруг – так же, как этими книгами. Это искусство. Искусство, музыка – мы можем использовать все, к чему у человека есть страсть. Пусть он только ест, пусть он только поет, пусть он только рисует, пусть только танцует. У нас есть все! Это сознание Кришны. Пусть он занимается бизнесом. Да, инженерия, строительство храмов. Это Движение совершенно во всех отношениях. Это Кришна – Всепривлекающий. Каждый может привлечь и все оставить. Кришна будет так привлекать его, что он откажется от всей чепухи. Это сознание Кришны! Ничто больше не будет его привлекать. Аньябхилашита-шуньям. Только Кришна.

Прабхупада шел вперед, пока не оказался перед особенно большой площадкой, заставленной высокими колоннами картонных коробок.

– А тут что? – спросил он.

– Журналы «Назад, к Богу», – ответил Хридаянанда Махарадж.

Рамешвара: Эти коробки прибыли из типографии и теперь ждут отправки в разные страны. На них ставят штампы с адресом. Это те самые газеты, которые вы видели вчера, «Духовная революция».

Прабхупада: Я думаю, революция – не такая уж важная штука. Произведите революцию с помощью этого журнала, «Назад, к Богу». А это что?

Рамешвара показал «Чайтанья-чаритамриту». Один за другим Прабхупада осмотрел штабеля и отдельные книги в стеллажах. Иногда он брал их в руки, пролистывал страницы, а иногда – касался коробок своей тростью.

– Перед самым Рождеством, – радостно воскликнул Рамешвара, – эта стена была заполнена книгами, а сейчас она почти пуста. Мы продали все эти книг всего за какие-то несколько месяцев. Все было забито до потолка. А теперь нам придется печатать новый тираж.

Прабхупада: Пока это только книги на английском языке. У нас должны быть такие же большие годамы для каждого языка.

Повернувшись к Хридаянанде Махарадже, он сказал:

– Ты взялся за испанский. А ты, – повернувшись к Хамсадуте, – в Германии. Заполните все книгами. Вытесним остальную литературу!

Преданные, окружавшие Прабхупаду, взорвались победным смехом. Затем Прабхупада процитировал бенгальское речение:

– Они скажут: «Нет, нет, мы не хотим никаких других книг».

При виде своих книг Прабхупада повеселел: одна мысль о том, сколько книг еще можно написать, издать на разных языках и распространить, приводила его в восторг. Хотя этот склад в Лос-Анджелесе повергал в трепет своими размерами, Прабхупада рисовал в своем воображении такие же склады в других странах.

– Думаю, ни у одного религиозного издателя не было такого большого годама. А?

Прабхупада широко раскрыл глаза и посмотрел на остальных.

– Во всем мире, – продолжал он, – стоит людям услышать о религиозных книгах, они сразу воруют нос. Особенно в коммунистических странах. Приведите какого-нибудь жителя из страны коммунизма. Покажите ему: «Вы пытаетесь избежать Бога. Вот, посмотрите, как мы проповедуем о Нем».

Затем Прабхупаде показали офис Киртираджа-даса, отвечавшего за исполнение заказов от библиотек колледжей всей страны. Киртираджа показал Прабхупаде один известный христианский журнал, который недавно снизил качество своей печати, отказавшись от дорогой цветной полиграфии и довольствовался теперь изданием на простой бумаге.

– Они деградировали, – заметил Прабхупада.

– Сейчас у нас почти 125 заказов на весь «Шримад-Бхагаватам», – сказал Киртирадж, – и 100 заказов на «Чайтанья-чаритамриту».

– Хорошо, – одобрил Прабхупада.

Далее преданные показали ему студию «Золотая аватара», где хранились первые оригиналы магнитных лент с его лекциями и где они копировались на высокоскоростном оборудовании.

– Это полный архив всех ваших лекций, – объяснил Рамешвара. – Мы бережно храним их, потому что знаем, насколько это важно. Преданные внесли их в каталог по названию книги, так что если кто-нибудь захочет узнать, что Ваша Божественная Милость говорил о «Бхагавад-гите», то без труда сможет это найти. То же самое касается Первой песни «Шримад-Бхагаватам» и так далее. У них есть система индексов.

– Очень хорошо, – одобрительно произнес Прабхупада.

Рамешвара представил оператора студии и показал на сложное оборудование.

– Этот аппарат делает четыре копии за три минуты, – продолжал Рамешвара, – поэтому мы выпускаем ваши лекции в массовом количестве.

Прабхупада: Меньше минуты на копию.

Рамешвара рассказал, что заказы поступают со всего мира: преданные подписываются на записи Прабхупады и получают по три кассеты в неделю.

– Американская организация, – гордо произнес Прабхупада.

Затем он познакомился со Сварупа-дасом, секретарем по переписке. Рамешвара объяснил, что он отвечает на все письма по поводу книг Прабхупады и предлагает людям становиться свободными членами ИСККОН.

– Я тоже когда-то так делал, – вспомнил Прабхупада, – когда был менеджером у доктора Бозе. Если от кого-то приходил вопрос, я должен был вести с этим человеком переписку, пока он не становился клиентом. Я этим занимался.

Прабхупада осматривал все офисы один за другим, пока не познакомился со всеми возможностями склада.

– Славный, хорошо оборудованный годам, – заключил он.

Они вышли из здания и под слабым дождем прошли к ожидающей машине. Рамешвара указал на имя Прабхупады, украшавшее здание склада.

Прабхупада посмотрел наверх.

– Да, хорошо. Люди будут интересоваться: «О чем эта книга?»

По дороге в храм, сидя в машине, он рассуждал:

– Я говорил, что в материальном мире нет счастья, и это факт. Но если немного счастья и есть, то оно в Америке. Что ж, Кришна особо благосклонен к вам. Воспользуйтесь этой милостью Кришны, чтобы прославить Его. Тогда успех вам обеспечен. Авичьюто 'ртхах кавибхир нирупито

яд-уттамашлока. Для того чтобы в чем-либо преуспеть, требуется аскеза. Обретя желаемое, вы должны направить это на прославление Всевышнего. Яд уттамашлока-гунануварнанам.

Би-би-ти не могло осилить издание двухтомника «Кришна» в твердой обложке, и как управляющий издательства, Рамешвара обратился к Шриле Прабхупаде. Поскольку тот уже одобрил трехтомный вариант в мягкой обложке, Рамешвара надеялся, что и вариант с твердым переплетом он разрешит печатать в трех томах. В противном случае Рамешвара не видел никакой возможности переиздать книгу «Кришна» в двух томах – и тогда книгу просто придется изымать из печати.

Шрила Прабхупада ответил, что изначально задумывал книгу о Кришне в двух томах; он не хотел ничего менять. Рамешвара со своей стороны представил экономические доводы: арест нефтяных судов очень неблагоприятно отразился на полиграфической промышленности; цены подскочили в полтора раза, а Би-би-ти уже заключило контракт с «Дэй-Ниппон» на переиздание книги. Они уже закупили бумагу и обратной дороги не было. Однако «Дэй-Ниппон» только что подняло цены, и не будет придерживаться изначальных условий. После более чем часового обсуждения разных экономических трудностей Шрила Прабхупада скрепя сердце согласился переиздать книгу «Кришна» в трех томах с твердым переплетом.

Затем Рамешвара передал мнение издателей «Дэй-Ниппон», что если Би-би-ти будет печатать книгу таким же форматом, как «Шримад-Бхагаватам», а не больше, то выйдет гораздо дешевле. Услышав это, Шрила Прабхупада стукнул кулаком по столу. Он хотел увеличенный формат, и был непреклонен. Он больше не хотел слушать никаких доводов и велел Рамешваре уйти.

Нетвердым шагом спускаясь по лестнице, Рамешвара понял, что духовный учитель только что выставил его за дверь. Но, впервые оценив, с каким тщанием Шрила Прабхупада подходит к созданию своих книг, он испытывал радостную признательность своему гуру. Прабхупада уделял пристальное внимание не только переводу и комментариям, но и изучал рынок, выбирал картины для обложек... Он глубоко продумывал каждый элемент книги. Поняв, наконец, насколько близкое участие принимал Прабхупада в принятии всех решений, связанных с его книгами, Рамешвара, как смиренный слуга, удивился и преисполнился благоговейного трепета.

Рамешвара: Как-то я был в комнате Прабхупады, и мы опять разговаривали по поводу Би-би-ти. Это была увлеченная беседа, но неожиданно, в середине разговора, слуга принес Прабхупаде прасад и поставил его на небольшой столик, за которым обедал Прабхупада у себя в спальне. При появлении прасада Прабхупада встал со своего места, перешел в соседнюю комнату, сел, и, словно в трансе, полностью погрузился в почитание кришна-праасада. Это было столь трансцендентно, словно я вдруг перестал существовать. Прабхупада не произнес ни единого слова. Для него существовал только прасад, и он полностью погрузился в Кришну. Я очень тихо поклонился и поспешно вышел из комнаты.

Во время своего визита Шрила Прабхупада осмотрел первую законченную диораму, выполненную художниками-скульпторами. В 1973 году он попросил нескольких своих учеников посетить Индию и поучиться там древнему искусству изготовления кукол из глины и соломы, в человеческий рост. Он хотел создать художественные выставки, изображающие игры Кришны и Господа Чайтаньи, а также сцены, иллюстрирующие аспекты философии сознания Кришны – такие как перевоплощение души и карма. Ученики Прабхупады – Бхарадваджа, Адидева и еще несколько человек – съездили в Бенгалию и, пройдя через множество трудностей, овладели искусством изготовления этих кукол. Теперь, вернувшись в Лос-Анджелес, они организовали студию, рассчитанную на поточное производство, и выполнили свою первую диораму – миниатюру с Господом Кришной и Арджунной на колеснице во время битвы на Курукшетре.

Прабхупада вошел в студию, и вслед за ним в комнату, как обычно, до отказа набились ученики. Он встал перед диорамой. Это была филигранная работа. По реалистичности и детальности скульптуры ничем не уступали экспонатам лучших музеев восковых фигур, а своим убранством напоминали храмовые божества. Кони и колесницы были в точности как настоящие. Экспозиция воспроизводила сцену, изображенную на обложке «Бхагавад-гиты как она есть». Прабхупада непроизвольно выразил свое восхищение: лицо его озарилось счастливой улыбкой.

– Кони красивее Кришны, – прокомментировал он, вызвав в толпе преданных гул, и, улыбаясь, добавил. – Это потому, что они – Его слуги.

Позже Шрила Прабхупада велел руководству лос-анжелесского храма оказывать мастерам-кукольникам полную финансовую поддержку. Его духовный учитель, Бхактисиддханта Сарасвати,

с большим энтузиазмом создавал подобные кукольные экспозиции по «Бхагавад-гите» и «Шримад-Бхагаватам», и именно от него Шрила Прабхупада унаследовал эту идею. Бхактисиддханта Сарасвати тоже готов был вкладывать немалые деньги в создание коллекции кукол для выставки в Калькутте. Собирая средства на этот проект, он взял за правило держать свои храмы в долгах. Он просил своих учеников собрать пожертвования на какой-то проект, но когда те давали ему деньги, он тратил их на диорамы. Затем он вновь обращался к тем же ученикам и просил деньги на тот же проект, на который они уже собирали.

– Но ведь мы уже все вам отдали, Гуру Махараджа! – отвечали те.

– Нет, – говорил Бхактисиддханта Сарасвами. – То, что вы мне дали, я уже потратил на диорамы. Теперь мне нужны средства для первоначальной цели.

Он был уверен, что эти художественные выставки привлекут и изменят сердца жителей Запада, поэтому Шрила Прабхупада намеревался открывать диорамы и выставки по всему миру.

Шрила Прабхупада провел в Лос-Анджелесе два дня. Местный храм был идеальным местом для его штаб-квартиры. Ни один другой храм не мог похвастаться таким числом преданных, многие из которых лидировали в распространении книг. Ни в одном другом центре того времени не было столько отделов и масштабных проектов. У Прабхупады здесь были и удобные апартаменты – искусно украшенная трехкомнатная квартира – и собственный садик, благоухавший разнообразными цветами. Он любил сидеть в этом садике по вечерам, в окружении нескольких учеников, и слушать, как один из них читает книгу о Кришне. Климат южной Калифорнии тоже нравился Прабхупаде. Что же до храмового поклонения Божествам, Шри Шри Рукмини-Дваракадхише, Шрила Прабхупада считал его наилучшим и самым совершенным среди всех центров ИСККОН. Однако задержаться здесь он мог не более чем на несколько дней.

– Кришна послал мне сотни прекрасных резиденций, – смеялся он. – Но задерживаться в них не велел.

В последний день своего пребывания в Лос-Анджелесе Прабхупада, сидя у себя в комнате, рассказывал нескольким ученикам, в каком трансцендентно затруднительном положении он оказался.

– В этой связи я расскажу вам одну смешную и довольно длинную историю, – сказал он.

Казалось, он сомневался:

– Я не хочу отвлекать ваше внимание, но это занятная история. Об этом также говорится в «Бхагаватам»: аникетана – у вас может быть много хороших мест для жилья, однако вы должны думать: «У меня нет прибежища». Это духовно.

– Так что же это за история? – напомнил Хамсадута.

Преданные засмеялись. Им очень хотелось услышать историю, и они не хотели, чтобы Прабхупада ушел от рассказа.

Прабхупада улыбнулся:

– История эта, – начал он, – об одном шуте. Его звали Гопала Бан. Он был шутком царя, Раджи Кришны. Вы знаете это место, Кришнанагар, рядом с Майяпуром? Он был царем этих мест. Цари обычно держали при себе шутов, которые веселили их своими речами. Так вот, этот шут, Гопала Бан, построил себе новый дом. Дом был почти закончен, и шут готовился к торжественному новоселью. Раджа попросил одного из своих друзей: «Сходи туда, испражнись в новом доме Гопала, и я тебя озолочу. Ступай, сходи там по-большому, – Прабхупада рассмеялся. – Тот согласился: «Ладно». И вот однажды этот человек исполнил свой план: проходя мимо нового дома, он неожиданно вошел внутрь:

– Гопала, мне не терпится сходить по нужде. Пожалуйста, покажи, где мне облегчиться!

Гопал был разумен и сразу догадался, что тут что-то неладно.

– Да, да, – сказал он, – здесь есть уборная. Заходи сюда. Ты можешь воспользоваться ею.

Однако он поставил очень много условий.

– Дверь должна быть открыта. Ты можешь сходить, но я должен проследить, что ты опорожняешь кишечник и ничего более.

– Да ты в своем уме? – возмутился человек. – Могу я в туалет сходить или нет?

– Да пожалуйста, – ответил Гопал. – Ты можешь опорожнить здесь кишечник, но не вздумай мочиться! Если помочишься, я тебя убью.

– Разве можно, – вставил Прабхупада, – опорожнить кишечник и при этом не помочиться?

– Ты зашел, чтобы сходить по-большому. Так? – стал рассуждать Гопал, – Я тебе разрешаю. Давай. Но не смей пролить ни капли мочи.

Прабхупада искренне рассмеялся и сказал:

– Вот и я в таком положении. Кришна говорит: «Пусть у тебя будут сотни центров, но жить ты не можешь ни в одном из них». Таков наказ Кришны. Он Сам придумал это, чтобы защитить меня от привязанности.

Преданный: Как Нарада Муни, которого проклинал Господь Брахма!

Прабхупада: Да, только не Господь Брахма, а Раджа Дакша – он проклинал Муни Нараду на то, что тот нигде не сможет останавливаться более чем на три минуты. Главное занятие Нарады Муни – проповедь, поэтому каждый из нас должен стать его учеником!

Шрила Прабхупада, величайший из ныне живущих учеников Муни Нарады, следующую остановку наметил в Мехико, а затем – в Венесуэле, после которой он собрался ехать дальше, огибая земной шар с проповедью сознания Кришны. Его ученик, отвечающий за проповедь в Южной Америке, Хридаянанда Госвами, присоединился к своему духовному учителю на Гавайях и приехал с ним в Лос-Анджелес, чтобы быть уверенным, что тот сдержит свое обещание посетить его зону. И Прабхупада сдержал слово. Как сам он говорил, по велению Господа Кришны ему приходится постоянно перемещаться с места на место. Куда бы ни приезжал Прабхупада, везде, как опытный садовник, он ухаживал за нежными ростками преданного служения в сердцах своих учеников. Он поддерживал костры сознания Кришны, раздувая их в яркое пламя. А уезжая, в каждом месте он оставлял за собой еще больше верных последователей; он давал новые указания, вносил коррективы и прояснял принципы управления и распространения своего Движения сознания Кришны.

* * *

Февраль 1975 года

Шрила Прабхупада вернулся в Мексику в феврале 1975-го. За три года, прошедших со времени его первого туда визита, в странах Центральной и Южной Америки открылось еще больше центров. Его американские ученики при содействии местных преданных вели работу по открытию центров на острове Тринидад, в Доминиканской республике и Пуэрто-Рико. В Каракасе и Буэнос-Айресе многие люди познакомились с учениками Прабхупады и начали повторять «Харе Кришна» и читать его книги. В 1974 году Шрила Прабхупада назначил секретарем Руководящего Совета по всей Латинской Америке Хридаянанду Госвами, и с этого момента Движение сознания Кришны здесь начало быстро расти. Прабхупада написал своему новому секретарю Джи-би-си:

Как и Хамсадута с Бхагаваном, которые поехали в другие страны и наладили там серьезную программу по переводу моих книг, их изданию и распространению группой санкиртаны, ты тоже найдешь в Южной Америке преданных, желающих помочь тебе в этом благородном проекте на благо страждущего человечества. Мой Гуру Махараджа придавал изданию и распространению литературы большее значение, чем даже строительству пышных храмов. Я тоже начал печатать книги еще до того, как у меня появились большие храмы в США. Итак, ты можешь последовать примеру предшествующих ачарий, при этом строго соблюдая заповеди ради сохранения духовной силы.

С благословениями Шрилы Прабхупады и пылкой энергией юности, Хридаянанда Госвами постоянно путешествовал из одной южноамериканской страны в другую, проповедуя послание своего духовного учителя и организуя распространение его книг на испанском и португальском языках. Успехи ученика очень радовали Шрилу Прабхупаду.

Я получил экземпляр испанского журнала «Назад к Богу», он замечательно издан. Качество печати превосходно, и я очень благодарен тебе за столь прекрасную работу. Я очень рад слышать, что ты напечатал его стотысячным тиражом. Теперь давай его каждому. Еще я счастлив слышать, что скоро выйдут другие книги. Если ты сможешь закончить испанскую «Бхагавад-гиту как она есть» и показать ее мне на майяпурском фестивале, это будет великим достижением. Пожалуйста, печатай как можно больше книг – это то, что по-настоящему радует меня. Издавая эти книги о нашей философии сознания Кришны на разных языках, мы действительно сможем донести наше Движение до народов всего мира – особенно в западных странах. Мы сможем буквально обратиться все нации в нации, сознающие Кришну. Спасибо тебе за то, что представляешь меня в Южной Америке, подчеркивая важность посещения утренних и вечерних программ и следования всем духовным методам. Это то, что нужно. Без этого жизнь в преданности невозможна.

Во всех своих письмах Шриле Прабхупаде Хридаянанда Махараджа смиренно просил духовного учителя посетить наиболее подготовленные к его приему центры: Мехико и Каракас. Прабхупада ответил, что очень хочет приехать и непременно сделает это в следующее свое турне по Западу.

В январе 1975 года, следуя своему привычному маршруту (Гонконг – Токио – Гавайи), Шрила Прабхупада вылетел из Бомбея на Запад. Хридаянанда Госвами тоже вылетел на Гавайи, чтобы быть уверенным, что Шрила Прабхупада не забудет Мексику. Между 1972 и 1975 годами мексиканские преданные два или три раза готовились к встрече Шрилы Прабхупады, но всякий раз планы его неожиданно менялись. Однажды, за два часа до ожидаемого его прибытия, когда храм снизу доверху был убран цветами, позвонил секретарь Прабхупады и сообщил, что Прабхупада приедет в другой раз. Узнав об этом, преданные были так ошеломлены, что, плача и смеясь, принялись бросать друг в друга цветами и кусками торта.

Когда же, наконец, в феврале 1975 года Шрила Прабхупада приехал, Хридаянанда Махараджа устроил ему в аэропорту первоклассный прием. Он убедил руководство аэропорта и полицию в том, что Шрилу Прабхупаду нужно встретить на особой машине, у самого трапа самолета, что его и его попутчиков необходимо освободить от иммиграционных и таможенных формальностей и что полиция на мотоциклах должна сопровождать его машину до самого храма!

Довольно наблюдая происходящее, Шрила Прабхупада улыбался. Ему было не привыкать проходить через трудности, но он также часто сетовал на то, что невежественная в вопросах духовного этикета служба иммиграции допрашивает садху на границе! Иногда он даже сравнивал сотрудников иммиграционных служб со сторожевыми псами: «Гав! Гав! Где ваша виза?» В былые времена, говорил Шрила Прабхупада, садху пускали даже к царю во дворец. Но сейчас Шрилу Прабхупаду часто задерживали, обыскивали, подвергали карантину, а иногда даже отказывали ему во въезде в страну. Поэтому прием по дипломатическому протоколу, оказанный ему властями и полицией Мехико, был для него приятным сюрпризом. Под вой сирен два полицейских мотоцикла вели кортеж по шоссе. Утопая в гирляндах, Шрила Прабхупада сидел на заднем сиденье черного лимузина, повторял мантру на четках и обсуждал планы сознания Кришны со своими старшими учениками.

К этому визиту преданные в храме подготовились со всей серьезностью: некоторые из них помнили, как в 1972 году Шрила Прабхупада приехал в практически пустой храм, так как большинство преданных в это время направлялись в аэропорт, чтобы встретить его. На этот раз сценарий приема репетировали уже несколько недель.

Тонио Фернандес: Мы учились трубить в раковины, играть на караталах и тому подобное. Кто-то даже залезал на крышу и кричал, что видит машину Прабхупады. Так мы репетировали. Я отвечал за настройку звука, и мне приходилось бежать из радиорубки к воротам. Мы заранее решили, где будет сидеть каждый преданный во время лекции Прабхупады, но когда Прабхупада приехал, кто-то затрубил в раковину не вовремя, и все преданные побежали.

Кшити-мохан: Это было похоже на сцену с актерами, а спектаклем был приезд Прабхупады. Мы репетировали, но потом начались реальные действия. Первой приехала машина со слугами Прабхупады, а преданные в порыве радости подумали, что в машине сидит он сам. И, стоило им увидеть преданного, не похожего на мексиканца, как они решили, что и сам Прабхупада тоже найдет в машине. Слуги сказали преданным, ответственным за прием:

– Расслабьтесь, Прабхупада прибудет с минуты на минуту.

Затем двое слуг Прабхупады поднялись наверх, чтобы осмотреть его комнату и проверить, все ли готово, или чего-то не хватает. После этого накал киртана несколько приутих, чтобы было слышно раковину. Но нам пришлось ждать еще полчаса, потому что машина Прабхупады двигалась медленно. Наконец, парень на крыше заметил машину, но забыл протрубить в раковину и просто закричал:

– Прабхупада едет! Прабхупада едет! Начинайте киртан! Джая Прабхупада, джая Прабхупада!

Это был очень волнующий момент. Показалась машина Прабхупады. Она медленно въехала на территорию и остановилась, немного не доехав до парадной двери. Прабхупада выглянул в окно, и с крыш полетели лепестки. Хридаянанда Махараджа открыл дверь машины, и Прабхупада вышел в своей неповторимой манере, распрямился и огляделся вокруг. Все предлагали ему поклоны, но при этом никто точно не знал, что происходит.

Хридаянанда Махараджа был взволнован больше всех. «Киртан, киртан!» – твердил он преданным.

Нанда-прана: Когда Прабхупада приехал в храм, его осыпали дождем лепестков. Преданные и карми попеременно выстроились в два ряда, а Прабхупада шел между ними. Организовано все было прекрасно. Люди бросали лепестки. Ряды протянулись от парадного входа до самой алтарной. Все бросали лепестки, а Прабхупада прошел к центральной зале, где стояла его вьясана. Но он не стал садиться на нее, а зашел в маленькую храмовую комнату, чтобы посмотреть на Божества. Полюбовавшись Ими, Прабхупада осмотрел алтарную:

– О, стало гораздо лучше.

Затем Хридаянанда Махараджа пригласил его на вьясану. Прабхупада сел, и ученики омыли ему стопы и провели гуру-пуджу. Все прошло куда лучше, чем в первый раз.

Роберто Руис: Тогда я увидел Шрилу Прабхупаду впервые. Я видел его на фотографиях и в журнале, но лично – никогда. Поэтому я очень волновался. Я думал, что, стоит ему увидеть меня, как он сразу поймет, что я обманщик. Он насквозь увидит мою демоническую природу. Наконец, Шрила Прабхупада приехал. Преданные встретили его дождем цветочных лепестков. Это был хороший прием; как только он прибыл в аэропорт, кто-то позвонил в храм и сообщил нам: «Прабхупада здесь. Его лотосные стопы коснулись Мексики».

Кшити-мохан: Большие окна в центральном зале были выкрашены прозрачной желтой краской, отчего лицо Прабхупады в солнечных лучах казалось янтарным. По обе стороны от него стояли двое сильных парней. Это были кшатрии Прабхупады, следившие за его безопасностью. Прабхупада запел «Ванде ‘хам». Преданные и гости пытались было подпевать ему, но большинство поняли, что лучше просто слушать.

После гуру-пуджи Прабхупада обратился к собравшимся преданным на английском языке. Как обычно, он произносил несколько предложений, а кто-то из преданных переводил их.

– Мои дорогие преданные, дамы и господа, – начал Прабхупада. – Я очень рад видеть вас вновь, если не ошибаюсь, четыре года спустя. Я несколько раз пытался снова приехать сюда. Мне нравится это место, но в силу лежащих на мне обязанностей, а также из-за того, что я стар, я не смог приехать раньше. Но на этот раз, благодаря Хридаянанде Махарадже, я был вынужден приехать.

При этих словах преданные разразились одобрительным смехом.

– Итак, я должен поблагодарить вас за прекрасный прием. Меня превосходно встретили с полицейским эскортом. Помнится, однажды, в 1962 году, я путешествовал с губернатором штата Уттар-Прадеш из Лакнау в Канпур. Мы тогда ехали точно так же, в сопровождении полицейского мотоциклиста.

Я очень рад видеть вас, ведь у вас такой интерес к нашему Движению сознания Кришны. Это Движение необычайно важно для человечества. В странах Запада это Движение считают религиозным, но это не совсем так. Английский словарь описывает религию как некую веру...

И вновь с лотосоподобных уст Прабхупады, текло чистое духовное послание, на этот раз в обществе мексиканских преданных. Их великий, святой духовный учитель, духовный учитель всего мира, снова приехал к ним в Мехико, в храм ИСККОН. Преданные слушали его и смотрели на него с неослабным вниманием.

– Это очень просто и легко, – говорил Прабхупада, описывая сознание Кришны. – Если вы ничего не знаете, если вы не образованы, если у вас ничего нет за душой, вы можете просто повторять маха-мантру «Харе Кришна». А если вы образованы, если вы логик, философ – можете читать наши книги, их уже пятьдесят. Мы издадим около семидесяти пяти книг по четыреста страниц каждая, чтобы разъяснить философу, ученому и педагогу, что такое сознание Кришны. Они опубликованы на английском и на других европейских языках. Воспользуйтесь этой возможностью!

Наряду с поклонением Божествам, проводите лекции, по меньшей мере, по пять часов, подобно систематическим занятиям в школах и колледжах – сорок пять минут урок, затем пятьдесят минут перемена, затем следующий урок...

У нас достаточно тем для изучения, и если мы начнем изучать все эти книги, нам потребуется на это минимум двадцать пять лет. Итак, все вы молодые люди, и я прошу вас: посвятите свое время чтению книг, повторению маха-мантры, поклонению Божествам, проповеди, продаже книг... Не ленитесь. Будьте всегда заняты. И это и будет сознанием Кришны.

В конце короткой лекции Прабхупада выделил время для вопросов.

– Если все – души, то не является ли половая жизнь также духовной?

Прабхупада: Душе не нужна половая жизнь. Половая жизнь присуща материальному телу. А мы не являемся телом. Но поскольку мы находимся в теле, то думаем, что наслаждение тела – это наслаждение души.

Второй вопрос: Кто мы, почему мы здесь, и куда мы идем?

Прабхупада: Все вы живые существа. Вы сами захотели прийти сюда, так же, как я захотел приехать в ваш город. Я приехал сюда. Точно так же, вы хотели прийти в этот материальный мир, чтобы наслаждаться. Поскольку вы хотели наслаждаться материальным миром, вы пришли сюда. Кришна позволил вам прийти сюда, и вы пытаетесь наслаждаться материальным миром. Это называется борьбой за существование. Но материальный мир никогда не сделает вас счастливыми. Это просто борьба за существование. Поэтому все вы должны вернуться домой, к Богу, тогда вы будете счастливы. Вот и все.

Когда вопросы закончились, одна мексиканка, повинувшись порыву, встала и произнесла по-английски:

– От имени всех гостей и всего храма Мехико, мы приветствуем вас.

Хануман, один из учеников-санньяси Прабхупады, не смог следовать обетам санньяси и женился. Такого в ИСККОН еще не бывало. Но сегодня, в первый день визита Прабхупады в Мехико, Хануман в одежде домохозяина пришел к своему духовному учителю.

Когда гости разошлись, в комнате Прабхупады остался только Хануман и несколько старших учеников.

– Шрила Прабхупада, – начал Хануман, – у Господа Чайтаньи был ученик, живший как отрешенный, Чхота Харидас. Господь лишил его Своего общества, поскольку тот испытал вожделение к женщине. Я тоже был одним из ваших учеников-санньяси и тоже соблазнился женщиной. Скажите, вы тоже отвергли меня?

Последовало тяжелое молчание. Все посмотрели на Прабхупаду, который сидел, опустив голову. После долгого молчания Прабхупада взглянул на Ханумана и тихо произнес:

– Господь Чайтанья – Бог. Если Он захочет, то сможет распространить это Движение по всему миру за одну секунду без всякой помощи. Я не Бог. Я только слуга Бога. И чтобы распространять сознание Кришны по всему миру, я очень нуждаюсь в помощи. Если кто-то, желая помочь мне, окажет пусть даже самое скромное служение, я в вечном долгу перед ним. Ты столько помогал мне, как я могу отвергнуть тебя?

Преданные были тронуты и потрясены глубиной сострадания Шрилы Прабхупады. Хануман начал рассказывать ему о своей семье, о своем сыне, которого назвал Бхактиведанта.

– Это не очень хорошо, – покачал головой Шрила Прабхупада. – Иногда тебе приходится наказывать своего ребенка, но ты не должен наказывать своего гуру.

Хануман заволновался.

– Но, Шрила Прабхупада, – сказал он, – мы уже привыкли к этому имени. Как же нам называть его теперь?

Подумав немного, Прабхупада объяснил, что на самом деле, в этом нет ничего плохого, потому имя ребенка – Бхактиведанта-дас.

– Так же, как мы называем своих учеников: Кришна-дас, – сказал Прабхупада. – Не Кришна, а слуга Кришны. Вот ты, например, не Хануман, а его слуга.

Вечером первого дня своего визита Прабхупада читал лекцию по «Бхагавад-гите». После лекции он предложил слушателям задать вопросы. Хридаянанда Махараджа, сидя на подушке у стоп своего духовного учителя, переводил ему вопросы с испанского на английский, а затем переводил слушателям ответ Прабхупады на испанский.

Хридаянанда Махараджа: Он спрашивает: «Что, если мы уже совершили множество оскорблений Святого Имени? Как нам теперь очиститься?»

Прабхупада: Не совершать оскорблений. Зачем вы сознательно оскорбляете? Вы не должны оскорблять, тогда все будет в порядке – вы очиститесь.

Хридаянанда Махарадж: Мы не знаем, как усилить свою тягу к Святому Имени.

Прабхупада: Участвуя в санкиртане. Если человек пьет, если он беспросветно пьет, то становится алкоголиком.

Этот удивительный пример заставил зал расхохотаться.

– Пейте не просыхая, и вы станете пьяницей, – продолжал Прабхупада. – Точно так же, повторяйте неустанно Святое Имя, и вы достигнете в этом совершенства.

Хридаянанда Махараджа: Каково величайшее оскорбление?

Прабхупада: Да, это первое оскорбление, гурор авагья, шрути-шастра-ниндана. Шрути-шастра-ниндана, гурор авагья. Если вы приняли гуру, но не слушаетесь его, как вас назвать? Вы не джентльмен. Перед гуру, перед Кришной, огнем, вы пообещали: «Я буду следовать вашему указанию. Я исполню это». Но если вы нарушаете свое слово, то вас нельзя назвать даже порядочным человеком, не то что преданным. Это здравый смысл.

Один мужчина спросил по-испански:

– Простите, сэр. Чем вы занимались в вашей прежней кармической жизни?

Хридаянанда Махараджа не стал переводить вопрос Шриле Прабхупаде, но тотчас строго сказал спросившему:

– Чистый преданный никогда не был карми. Он никогда не бывает карми. Чистый преданный всегда трансцендентен, с самого рождения. Он приходит из духовного мира, чтобы спасти нас, чтобы обучить нас этому духовному знанию, тысячи лет назад изошедшему из уст Господа Кришны.

Хридаянанда Махараджа начал прославлять Шрилу Прабхупаду.

– Что он сказал? – любопытствовал Прабхупада, но Хридаянанда Махараджа не хотел ничего говорить.

– Ничего, Шрила Прабхупада, – ответил он, – ничего.

Он стал строго отчитывать человека задавшего вопрос, а когда Шрила Прабхупада спросил, что это все-таки был за вопрос, Хридаянанда Махарадж повел себя совсем как маленький ребенок:

– О, Шрила Прабхупада, ничего особенного. Не беспокойтесь. Он просто несет какую-то чепуху.

В конце концов, Шрила Прабхупада просто рассмеялся и предложил перейти к следующему вопросу.

Хридаянанда Махараджа: Он спрашивает: как нам обуздать язык?

Прабхупада: Вы можете принимать прасад.

Прабхупада улыбнулся. Его ответ так понравился слушателям, что все засмеялись. Прабхупада продолжил:

– Бхактивинода Тхакур говорил, что из всех чувств язык – самый сильный. Его очень трудно контролировать. Поэтому Кришна дал нам одно оружие. Что это за оружие? Кришна очень добр, и потому дал нам остатки Своей пищи. Если мы дадим обещание не принимать ничего, что не было предложено Кришне, тогда наш язык будет под контролем. У языка две функции: во-первых – говорить и издавать звуки, во-вторых – наслаждаться вкусной пищей. Если вы займете свой язык служением Кришне, повторяя мантру «Харе Кришна», и не будете позволять языку прикасаться ни к чему, что не было предложено Кришне, вы сразу же осознаете Кришну. Если язык под контролем, то естественным образом и чувства будут укрощены. Таков метод. А теперь займите свой язык пением «Харе Кришна».

По его сигналу преданные начали киртан. Шрила Прабхупада дал им все – киртан, прасад, «Бхагавад-гиту», служение Кришне – а теперь, по крайней мере, в течение этой счастливой недели, он давал им себя. Каждый день, утром и вечером, он пел вместе с ними, был с ними, укрепляя их веру в сознание Кришны.

Шриле Прабхупаде нравились его апартаменты в храме. Преданные разделили большую комнату занавесом – одна ее половина предназначалась для проповеди, а другая для отдыха. Следуя цветовому решению, в котором, по просьбе Шрилы Прабхупады, были выполнены его апартаменты в Лос-Анджелесе, они выкрасили комнату в нежно-голубой цвет. По-своему импровизируя, преданные постарались оформить ее со вкусом и по-ведически. Они украсили великолепную асану, на которой он сидел во время встреч с гостями; за асаной стоял шкаф с его книгами, а на нем – серебряная ваза с цветами.

Прабхупада продолжал упорно трудиться над своими переводами «Бхагаватам» и комментариями к нему. Во время его прошлого визита в Мексику, в 1972 году, он работал над Четвертой Песней, а сейчас переводил Пятую. Одно то, что он был способен сосредоточиться на переводе во время путешествия, было достойно изумления. Наверное, только писатель сможет понять, как невероятно трудно создавать серьезное литературное произведение, когда тебе приходится постоянно, неделя за неделей перемещаться из комнаты в комнату, из страны в страну, из одних климатических условий в другие. Но Прабхупада делал это годами, и справлялся с этой задачей, потому что всецело посвятил себя ей и потому что прямым его соавтором был Сам

Кришна. Преданные уже привыкли к плотному графику Шрилы Прабхупады – он решал внутренние организационные вопросы, встречался с преданными, гостями, отвечал на письма, читал лекции, путешествовал, а ночью, вместо того, чтобы предаться честно заработанным восьми часам сна, отдыхал лишь пару часов, а затем, когда почти все остальные спали, вставал без посторонней помощи и принимался за самую ответственную и трудную работу – переводил санскритские стихи «Шримад-Бхагаватам» и комментировал их. Высокий уровень его переводов «Бхагаватам» указывал только на то, что работа эта была, как выразился один выдающийся американский профессор, «богowedухновенной». Книги Шрилы Прабхупады пользовались высокой оценкой многих профессоров, библиотекарей и ученых, и американским преданным, распространявшим его книги по университетам и собиравшим к ним рецензии, Прабхупада писал:

Большое вам спасибо за то, что посылаете мне отзывы о книгах. Посылайте больше, если можете. Это очень, очень вдохновляет. Я храню эти отзывы и показываю маститым ученым и профессорам, когда они приходят на встречи со мной. Их это очень впечатляет.

Но как ему удавалось в свои семьдесят пять лет писать такие трансцендентные книги, признанные теологами и санскритологами, – объект восхваления и поклонения всех преданных, и при том путешествовать, заботясь о тысяче учеников, которым он дал посвящение? Невозможно до конца понять и оценить его усилия.

Нанда-прана: Прабхупада был очень занят переводами. Несколько преданных заботились о нем и всю ночь дежурили за дверями его комнаты. Мы слышали шум работающего диктофона. В десять вечера Прабхупада выключал диктофон и гасил свет. Затем, около двух ночи он вставал без будильника и, включив свет, продолжал работать.

Преданный: Я видел, как каждую ночь Шрила Прабхупада регулярно выключал свет. Я не видел, что происходит внутри, но через щель под дверью можно было увидеть, что до самого позднего вечера он работает. Все преданные ложились спать, а он работал до десяти. Ровно в десять вечера он выключал свет. Затем, ровно в половине второго ночи он включал его снова. Так было каждый день. Меня всегда поражало, что, проработав с утра до вечера, он может спать всего три с половиной часа. Насколько я помню, он еще немного спал в течение дня, но с часу тридцати ночи до утра в его комнате горел свет. Затем, утром, после мангала-арати, он шел на свою прогулку.

В парке Чапультепек Шриле Прабхупаде нравилось гулять по узкой Дороге философов. Рано утром было еще холодно, и на нем было длинное шафрановое пальто с капюшоном. Его простые парусиновые туфли намокали от росы. Ходил он быстро, и ученики едва поспевали за ним. Слова Прабхупады часто оставались без перевода, и молодым мексиканцам оставалось довольствоваться одной-двумя его фразами, но они были счастливы уже оттого, что находятся рядом со своим духовным учителем. Желая узнать о разных деревьях, Прабхупада иногда спрашивал про них. Однажды, остановившись перед большим мертвым деревом, он внимательно осмотрел его.

– В чем разница между этим деревом и остальными? – спросил он.

Одни ученик ответил:

– Это дерево умерло, потому что его время вышло.

– Нет, – сказал Прабхупада и постучал тростью по земле.

– Карма этого дерева отличается от кармы остальных деревьев, – рискнул предположить другой преданный.

– Нет, – Прабхупада снова постучал тростью по земле. – Разница в том, что в этом дереве нет души.

Гуляя среди деревьев парка Чапультепек, Прабхупада заметил у себя над головой эвкалиптовую ветку. Он остановился. Еще в 1967 году в Сан-Франциско он начал использовать для чистки зубов эвкалиптовые палочки, найдя в них западный эквивалент индийским антисептическим побегам дерева ним.

Кшити-мохан: Прабхупада показал на дерево и сказал Хридаянанде Махарадже: «Я хочу вон ту ветку». Она была очень тоненькой. Хридаянанда Махараджа услышал Прабхупаду и сказал:

– Прабхупада хочет палочку. Давайте, сорвите ее, сорвите.

Он хотел достать ее для Прабхупады. Мы построили живую пирамиду – трое парней в основании, двое – в середине, а один худощавый преданный вскарабкался на самый верх. Когда он встал во весь рост и потянулся, до ветки оставалось еще с полметра. Он попытался дотянуться до

нее, но тут вся пирамида рухнула наземь. Прабхупада со смехом наблюдал за этой сценой. Преданные соорудили новую пирамиду, на этот раз большего размера, но попытка достать ветку опять завершилась всеобщим падением. Подключилось еще больше преданных. Все были мокры от росы, а вошедший в азарт Хридаянанда Махараджа продолжал подзадоривать:

– Ну, давайте же, это желание Прабхупады. Прабхупада хочет ветку. Давайте!

Прабхупада улыбался, глядя на эту сцену, поглядывая то на ветку, то на преданных. Третья попытка тоже окончилась неудачей. Но в четвертый раз усилия принесли плод: преданный дотянулся и отломил веточку от дерева. Он передал ее Хридаянанде Махарадже, а тот протянул Прабхупаде. Прабхупада взял ее, с минуту осматривал со всех сторон, а затем выбросил прочь.

Часто, гуляя по утрам, Шрила Прабхупада только повторял «Харе Кришна». На этом универсальном языке могли без труда говорить все преданные. Для многих мексиканских учеников это была первая личная встреча со Шрилой Прабхупадой, и они испытывали благоговейный трепет. Временами на прогулке Шрила Прабхупада неожиданно садился на скамью, и больше дюжины учеников сразу рассаживались у его ног и смотрели на него снизу вверх.

Муниприя: Прабхупада сел на скамью в парке. Окружавшие его ученики тоже подошли, тоже сели и стали смотреть на Прабхупаду, а он смотрел на них, и все ждали, что Прабхупада что-нибудь скажет. Никто не издавал ни звука. Прабхупада посмотрел на всех преданных и сказал:

– Повторяйте «Харе Кришна!»

И тогда все преданные начали любить его. Потому что все люди ждали, что Шрила Прабхупада заговорит о философии. Эти парни не ожидали, что Шрила Прабхупада вдруг скажет: «Повторяйте «Харе Кришна!»» И они полюбили его, потому что Прабхупада сказал это посреди тишины.

Увидев людей, которые занимались оздоровительным бегом, Прабхупада заметил:

– Если они говорят, что их не интересует высшая цель жизни, зачем же они бегают? Они бегают, потому что каждый боится смерти.

Они прошли мимо группы людей, упражнявшихся в боевых искусствах; мужчины в черных трико, выстроившись в два ряда, синхронно совершали движения, как будто нападали на кого-то.

– С кем они дерутся? – спросил он.

Он сказал, что когда люди слышат его слова о том, что все боятся смерти, они отвечают: «Нет, я не боюсь».

– Но если они не боятся смерти, почему они это делают? – и он махнул рукой в сторону дерущихся с воображаемым противником и рассмеялся.

Однажды утром он остановился у большого мусорного бака и спросил, что на нем написано.

– «Кладите мусор сюда», – перевел Хридаянанда Махараджа.

– Тогда сюда нужно положить весь материальный мир, – ответил Шрила Прабхупада, – правда, он слишком велик для этого контейнера.

В другое утро, возвращаясь в машине в храм, Прабхупада попросил водителя, Нанда-прану, ехать быстрее. Хридаянанда Махараджа перевел водителю просьбу Прабхупады, и тот слегка прибавил газу. Тут Шрила Прабхупада удивил всех, спросив:

– Que pasa, Нанда-прана? – а по окончании поездки добавил. – Muchas gracias.

Недостатка в цветах в Мехико не было, поэтому каждое утро во время гуру-пуджи более сотни преданных и гостей один за другим подходили к Шриле Прабхупаде и предлагали его лотосным стопам по целой горсти цветочных лепестков. К концу гуру-пуджи ноги Шрилы Прабхупады скрывались под небольшим холмиком, и он брал из него пригоршни лепестков и бросал ими в счастливых преданных, а те пели и танцевали с еще большей силой.

Утром второго дня своего пребывания в Мехико Прабхупада читал лекцию по «Бхагавад-гите», 2.12, о том, что душа вечно сохраняет свою индивидуальность.

– Когда вы по-настоящему поймете, – сказал он, – что вы не американец, не индеец и не мексиканец, но душа – тогда начнется ваша духовная жизнь.

Когда человек осознаёт это, сказал он, он становится радостным, веселым. Чтобы достичь этого, необходимо пройти путь очищения.

– Не очистившись, вы не поймете Бога. Но рецепт Господа Чайтаньи, о котором мы всем рассказываем, – «пойте «Харе Кришна»». Итак, я очень рад видеть, что вы, мексиканские юноши и девушки, дамы и господа, приходите сюда и присоединяетесь к пению «Харе Кришна». Я прошу

вас продолжать делать это. Пожалуйста, приходите сюда, присоединяйтесь к пению мантры «Харе Кришна», принимайте прасад и возвращайтесь домой. И тогда вы непременно очиститесь и станете достойны возвращения домой, к Богу.

Вопросы после лекции переводил Хридаянанда Махараджа.

Хридаянанда Махараджа: Он хочет знать, может ли семейный человек достичь совершенства.

Прабхупада: Да. Человек предназначен для семейной жизни, в отличие от кошек и собак. Если вы можете обходиться без семьи, без секса, это очень хорошо, но если нет, то женитесь, будьте порядочным человеком и живите спокойно.

Хридаянанда Махараджа: Он спрашивает, можно ли обрести сознание Кришны за пределами храма.

Прабхупада: О, да. Вы должны следовать правилам и ограничениям. Только и всего.

Хридаянанда Махарадж: А если человек нарушит заповеди? Может ли Кришна простить его?

Прабхупада: Да, Кришна может простить вас один раз, два раза, но не будет делать это постоянно.

Прабхупада улыбнулся, и преданные засмеялись в ответ.

Хридаянанда Махараджа: Иногда люди вступают в наше Движение и следуют четырем заповедям, но имеют недостатки характера. Он говорит, что благодаря практике сознания Кришны, эти изъяны постепенно сглаживаются. Однако, есть ли способ ускорить...

Прабхупада: Если человек приходит и следует заповедям, пусть даже некоторое время, но затем оставляет духовный путь, то те плоды, которые он накопил за это время, останутся с ним навечно. Человек никогда не лишается плодов своей духовной жизни. Так что, потихоньку, потихоньку, потихоньку... И когда ваш духовный счет наполнится до конца, вы освободитесь. Духовные плоды невозможно утратить. Даже если человек приходит в храм, какое-то время соблюдает заповеди, а потом вновь падает, он ничего не теряет – он только приобретает. Теряют те, кто не приходит на этот урок, кто держится в стороне и в совершенстве исполняет свои так называемые материальные обязанности.

– Итак, пусть каждый из вас хотя бы какое-то время приходит сюда и соблюдает правила. Если вы станете совершенны, то замечательно. Но даже если вы уйдете, все, что вы сделали, – это ваше вечное достояние. Об этом говорится в «Бхагавад-гите»: свалпам апи асья дхармасья траяте махато бхаят. Даже эти небольшие достижения могут помочь вам избавиться от величайшей опасности. В «Бхагавад-гите» говорится, что даже если такой человек падает, в следующей жизни ему выпадает возможность родиться в очень богатой, знатной семье или в семье благочестивого брахмана. Небольшие духовные заслуги в человеческой форме жизни, по крайней мере, обеспечат вам следующее рождение в хорошей семье. Но если вы не ведете духовную жизнь, то не можете быть уверены в том, что родитесь человеком, а не кошкой или собакой.

После первого приезда Шрилы Прабхупады преданные, получив его разрешение, установили в храме Божества Радхи-Кришны. Однако Шрила Прабхупада сказал, что одежды Божеств не соответствуют требованиям, и преданные должны взять за образец храм ИСККОН в Лос-Анджелесе, где Божествам поклонялись со всей пышностью. Увидев за Божествами рисованный фон, изображающий землю Вриндавана, он сказал, что настроение спонтанной вриндаванской любви слишком возвышенно для обычных преданных. Он вновь подчеркнул, что Кришне следует поклоняться в духе благоговения и в роскоши, как в Двараке; преданные должны учиться поклонению Рукмини-Дваракадхише в Лос-Анджелесе.

Однажды Шрила Прабхупада попросил дать ему попробовать те блюда, которые предлагали непосредственно на алтаре Радхи-Кришны. Он попробовал прасад и одобрил его. Но в другой раз, зайдя на кухню, он обнаружил, что пуджари положил свежие цветы на то же самое место, где лежали старые, использованные.

– Это цветы для предложения Кришне? – поморщился он.

Он попросил Хридаянанду Махараджу найти на роль старшего пуджари компетентного преданного, который следил бы за тем, как ведется поклонение. Хридаянанда Махарадж привел к нему в комнату Кшити-мохана, и Прабхупада заговорил о том, что самое важное служение – улучшить поклонение Божествам.

– Нет, – не согласился Кшити-мохан, – самое важное служение – санкиртана.

– Ты не должен говорить «Нет!» Прабхупаде, – поправил его Хридаянанда Махарадж.

– Да, Прабхупада, – кивнул Кшити-мохан.

Затем Прабхупада попросил его стать главным пуджари. Кшити-мохана сказал Хридаянанде Махарадже по-испански, что боится нанести Божествам слишком много оскорблений.

– Со временем ты научишься, – заверил его Хридаянанда Махарадж. – Раз Прабхупада хочет этого от тебя, постепенно ты наберешься опыта.

На этот раз во время визита в Мексику Шрила Прабхупада не участвовал в выездных проповеднических программах, а вместо этого попросил, чтобы заинтересованных людей приглашали к нему на квартиру. Поэтому каждый вечер он принимал гостей. В первый вечер в комнату Прабхупады пришли несколько профессоров и индийцев, а также Хануман и Хридаянанда Махараджа. Хануман спросил у Прабхупады, почему его ученикам так повезло найти истинного духовного учителя, тогда как многие другие выбрали себе самозванцев.

– Каждый ученик будет считать настоящим своего гуру, а остальных – нет, – ответил Шрила Прабхупада. – Но духовный учитель должен отвечать определенным требованиям. Духовный учитель – лучший слуга Бога. Тот же, кто отрицает существование Бога – мудха, негодяй. Негодяй не имеет права называться духовным учителем.

Профессор: У вас есть какое-то мнение о некоторых других индийских духовных учителях?

Профессор перечислил нескольких модных гуру, и, услышав имя одного из них – знаменитого молодого духовного лидера – Шрила Прабхупада прервал профессора:

– Он говорит, что сам является Богом. Значит он мошенник. Как он может быть Богом? Неужели Бог – такая дешевка? Только глупцы поверят в это. Невежды.

При упоминании об именитом йоге, обучающем медитации, Шрила Прабхупада заметил:

– Насколько я знаю, он ни слова не говорит о Боге. Он толкует о материальном процветании.

Услышав имя другого гуру, Прабхупада ответил:

– Этот тоже говорит: «Я – Бхагаван». Значит, и он обманщик. Как вы можете объявлять себя Бхагаваном, Богом? Даже если он показывает какие-то фокусы и материализует золото, и люди, видя это, верят, что он Бог, даже если предположить, что, создав немного золота, он уже становится Богом – это лишь доказывает существование Бога, который его превосходит – Того, кто творит месторождения золота. Почему я должен идти к этому крошечному богу? Я пойду к Богу большому, который сотворил золотые рудники.

Профессор: Мне очень трудно понять значение термина «совершенное знание». Не могли бы вы...

Прабхупада: Совершенное знание – это когда то, что вы говорите – верно. Безошибочно.

Профессор: При любых обстоятельствах?

Прабхупада: Да, это совершенное знание. Не так, как у ученых. Они меняют. Они говорят: «Да, раньше было так, но сейчас по-другому». Такое знание нельзя назвать совершенным. Совершенное знание значит, что все, что вы говорите, остается верным на все времена. Например, человек смертен. Если кто-нибудь скажет: «Человек смертен» – это совершенное знание. Оно верно во все времена.

Профессор: А если, предположим, он перевоплотился?

Прабхупада: «Смертен» – значит смертно тело. Душа не умирает. На ханьяте ханьямане шарире.

Один индийский гость спросил Шрилу Прабхупаду о варна-санкаре, быстром росте незапланированного, нежеланного потомства. Прабхупада ответил, что поскольку никто не следует устройству варнашрамы, население мира катится в ад.

– Варна-санкара достигла таких масштабов, – сказал он, – что даже убийство ребенка сейчас считается законным. Дальше катиться уже некуда.

– Но есть ведь и практическая сторона. Что если станет нечего есть?

Прабхупада: Кто говорит «нечего есть»? Это тоже выдумка.

Индийский гость: Я имею в виду официальную статистику.

Прабхупада: Особенно мы, индийцы, знаем, что все называют нас бедной нацией. Об этом говорят по всему миру. Куда бы я ни приехал, мне говорят: «О, вы из Индии?» Потому что наше правительство только и делает, что просит подачек. Но кто умирает от бедности? Люди умирают и в других странах – совершают самоубийство. Может, кто-то умирает и от голода. Вы не можете остановить смерть. Предположим, у вас достаточно пищи. Значит ли это, что все проблемы

решены? В Америке пищи хватает, но почему они становятся хиппи? В пище нет недостатка. И ни в чем другом. У них всего вдоволь. Но почему они становятся хиппи? Они валяются на улицах, в парках. Я видел это в Лондоне, в парке святого Джеймса. Они спят, а полиция кричит на них: «Эй! Убирайтесь! Убирайтесь!» Так почему? Англичане – не бедная нация. Американцы – не бедная нация.

Индийский гость: Бедность – тоже понятие относительное.

Прабхупада: Нет. Я видел в Амстердаме – на улицах полным-полно хиппи, они валяются на улице без еды и крова. Это реальный факт.

Индийский гость: Хиппи валяются в парке не от нехватки еды.

Прабхупада: Они, наверное, что-то хотят. Они в чем-то нуждаются.

Индийский гость: Но не обязательно в пище.

Прабхупада: Одно тело нуждается в пище, другое – в чем-то еще. Они нуждаются. Все нуждаются. С этим вы должны согласиться. Я видел в Лос-Анджелесе. Я гулял по району Беверли-хиллз, и видел, как из очень приличного дома вышел парень-хиппи. Это Беверли-хиллз, там живут только богатые. У него очень хорошая машина, но он хиппи. Почему? Его отец очень состоятельный человек. У него прекрасная машина. Возможно он, очень образован. Тогда почему он хиппи? Каков ответ?

Индийский гость: Он разочарован.

Прабхупада: Значит, он нуждается. Вот в чем вопрос. Вы можете нуждаться в пище, я – в женщине, он – в деньгах. Всем что-то нужно. Следовательно, в конечном счете, все должны искать Бога. Тогда все нужды будут удовлетворены.

Однажды вечером к Прабхупаде пришли несколько священников. Они выразили ему признательность за работу в Мексике, но их интересовало, может ли того же результата достичь их церковь. Прабхупада ответил, что никогда не говорил, будто Движение сознания Кришны – единственный путь: если кто-то строго следует своей истинной религии, он тоже может достичь успеха.

– Но, – добавил он, – в наши дни очень трудно найти истинного христианина.

Хотя Иисус Христос придерживался Священного Писания и говорил: «Не убий!», христиане, сказал Прабхупада, довели процедуру убийства до совершенства.

– Они гордятся боем быков, – добавил он. – Такова их позиция. Поэтому очень трудно найти настоящего христианина.

Священники почувствовали себя неловко и вскоре поспешили откланяться.

В другой вечер к Прабхупаде, в сопровождении двух жеманных и явно обеспеченных мужчин, пришла бывшая Мисс Мексика. Во время разговора экс-Мисс Мексика держалась очень манерно, хлопая ресницами. Стараясь вести себя дипломатично, что было не совсем в ее природе, она рассыпалась в комплиментах.

– Мне так понравился ваш центр, – сказала она Прабхупаде через переводчика. – И я думаю, что снова приеду сюда, чтобы узнать больше.

Прабхупада оставался невозмутим.

– Зачем вы хотите приехать сюда? – спросил он. – Вы же не понимаете наше Движение сознания Кришны! Вы читали мои книги?

– Что-что?

– Вы читали мои книги?

– Нет, не читала.

– Ну, а философию нашу знаете?

– Ах, нет.

– Так вот. Если вы хотите приехать сюда, вы должны слушать и стараться понять эту философию. Это самое важное. Только тогда вы сможете говорить, что хотите приехать еще.

Затем Прабхупада перенес свое внимание на других людей в комнате, а экс-Мисс Мексика с друзьями молча сидели и слушали.

Преданный: Я был дежурным у двери комнаты Шрилы Прабхупады и очень добросовестно относился к своим обязанностям. Я охранял вход, и ничего больше для меня не существовало. Хридаянанда Махараджа сказал мне:

– Будет возможность – зайди в комнату и посмотри, как Прабхупада разговаривает с гостями. Для тебя это очень важно.

И я подумал: «Что ж, разрешение есть». И когда на встречу к Шриле Прабхупаде пришел какой-то правительственный служащий, ответственный за программу образования, мне тоже представилась возможность зайти в комнату. Я подумал: «Ну, может, Шрила Прабхупада не слишком рассердится, если я войду. Дай-ка попробую».

Я зашел в комнату и принялся слушать разговор. В то время я плохо понимал английский, но отчасти уловил содержание их беседы. Шрила Прабхупада говорил о важности ведического подхода к образованию. Он объяснял, что суть ведической системы образования – научить человека тому, что он – слуга Бога. Я думал, что Шрила Прабхупада поведет себя дипломатично и не станет бить в самую точку. Но проповедь его вся была что называется не в бровь, а в глаз. Он раскрыл перед этим человеком все карты. Он говорил ему о том, что с самого детства мы учим наших детей ведической культуре, которая включает в себя ранний подъем по утрам, омовение и посещение мангала-арати.

Но тут, когда чиновник, наконец, собрался уходить, произошло то, что больше всего удивило меня.

– О, ваша Божественная Милость, – говорил чиновник, – я очень рад, что получил возможность пообщаться с вами.

Шрила Прабхупада беседовал с ним по-дружески. Чиновник со всем соглашался и не спорил, а Шрила Прабхупада был очень любезен с ним. Затем Прабхупада вдруг сказал:

– У нас есть много книг. Вы, в правительстве, работаете с книгами и снабжаете книгами школы. Вы останетесь очень довольны, если возьмете и прочитаете некоторые из наших книг – тогда вы сможете куда шире взглянуть на все те предметы, которые мы с вами сегодня обсудили.

– О, да. Я бы с удовольствием, – ответил чиновник.

В то время моим основным служением было распространение книг, и я подумал: «Ух ты, неужели Прабхупада попросит у него денег? Вряд ли Прабхупада заговорит о деньгах со своим гостем!» Я подумал, что Прабхупада, скорее, скажет: «Да, возьмите эти книги и до свиданья. Харе Кришна». Я полагал, что продажу книг он поручит другим санньяси.

Но каково было мое удивление, когда, в ответ на согласие чиновника взять книги, Шрила Прабхупада распорядился:

– Пожалуйста, выдайте ему книги.

Преданные вынесли несколько наших книг на испанском. У нас их было не так много, но мы тут же принесли их все и отдали гостю. Тот спросил:

– Я что-то должен?

Я подумал, что Шрила Прабхупада скажет: «Нет-нет, берите так. Харе Кришна». Но Прабхупада ответил очень серьезным тоном:

– Если хотите дать за них что-то, мы не откажемся.

Чиновник достал деньги, и Прабхупада учтивым жестом попросил его передать их одному из преданных.

Я с удивлением отметил, что Шрила Прабхупада не упускал ни одной возможности. Он был учителем для всех нас, знатоком искусства трансцендентной санкиртаны. Этот случай научил меня не стесняться просить за книги Шрилы Прабхупады пожертвование. В тот момент я почувствовал, что Шрила Прабхупада сам относится к своим книгам с большим уважением – и не потому что это его книги, но потому что они, как он часто говорил нам, и в чем мы могли убедиться на его примере, были самой его жизнью.

Хридаянанда Госвами был непосредственным представителем Прабхупады в Латинской Америке, поэтому, находясь в Мексике, Прабхупада часто вызывал его к себе. Он хотел, чтобы его члены Джи-би-си до конца прониклись пониманием важности Движения сознания Кришны и умели практически руководить им и распространять его. Он хотел, чтобы со временем они взяли все хлопоты по управлению организацией на себя, освободив его для перевода «Бхагаватам». Об этой ответственности он написал Хридаянанде Госвами в 1972 году, вскоре после посвящения его в санньяси:

Теперь вы все, санньяси, члены Джи-би-си и другие лидеры, должны очень серьезно отнестись к тому, чтобы дать человечеству это величайшее благо – Движение сознания Кришны. Вам предстоит проделать огромную работу, но это будет не так уж трудно, если вы просто станете делать все так, как делаю я. Вы должны хорошо знать все, что необходимо для руководства обществом. Наша главная обязанность – проповедовать преданным и поддерживать высокий стандарт вайшнавского образования. Но и управлением также нельзя пренебрегать. Вот я,

например, ежедневно проповедую «Шримад-Бхагаватам», «Бхагавад-гиту», но кроме того хожу в банк, делаю денежные вклады, проверяю предварительный бухгалтерский баланс, веду корреспонденцию, слежу за развитием событий и так далее. Итак, следуя моему примеру, вы должны стать специалистами во всех этих вопросах...

Однажды вечером, после лекции в храмовой комнате, Прабхупада разговаривал у себя в комнате с Хридаянандой Госвами. На письменном столе Прабхупады стоял глобус, и Хридаянанда Махараджа показывал Прабхупаде размеры своей проповеднической зоны. Шрила Прабхупада сидел и слегка вращал глобус, пока не остановил его, ткнув пальцем в Мексику.

– Что тебе известно об этой стране? – спросил он.

Хридаянанда Махараджа начал рассказывать ему все, что знал о культуре, форме правления и истории Мексики. Затем Прабхупада еще раз крутанул глобус, попал пальцем в Аргентину, и Хридаянанда Махараджа рассказал то, что знал о народе и жизни Аргентины.

– А теперь мы поделимся с тобой некоторой информацией об Индии, – улыбаясь, сказал Прабхупада. Он перечислил товары, которые Индия отправляла на экспорт и провинции, где они производились. Он рассказал о связи древней Индии и Южной Америки, о Господе Рамачандре, который миллионы лет назад отправился в Бразилию. Из Шри-Ланки до Бразилии был проложен туннель, по которому Равана перевозил золото для своего царства. Хридаянанда Махараджа испытывал глубокое волнение оттого, что Шрила Прабхупада так близко и по-дружески общается с ним. Указывая на разные места на глобусе, они продолжали обмениваться сведениями.

Однажды, когда Хридаянанда Махараджа пришел в комнату Прабхупады, вид у него был унылый.

– Что тебя тревожит? – спросил Прабхупада.

Хридаянанда Махарадж всегда гордился тем, что никогда не жаловался своему духовному учителю, не приносил ему плохих новостей и не беспокоил его. Но тут, не в силах больше терпеть, он признался:

– Прабхупада, здесь невыносимо. Они все время воруют!

Прабхупада успокоил его.

– Да, в одном из наших индийских центров тоже стащили ковер. Что тут поделаешь? – посочувствовал он, словно разделяя участь своего ученика. Но затем прибавил:

– Я помню, у моего отца был друг – владелец завода. Жалование, которое он платил своим рабочим, было совсем невелико, и однажды кто-то пожаловался: «Почему ты недоплачиваешь своим рабочим?» А он и отвечает: «Нет, я плачу им столько-то, а на столько-то они крадут. Вот нужная сумма и набирается».

Прабхупада засмеялся.

– Мой отец говорил мне, что если у тебя есть слуга и он не ворует, значит он не *bona fide*. Это неправильный слуга.

Хридаянанда Махараджа посмеялся немного вместе с духовным учителем и повеселел.

Однажды Прабхупада попросил немедленно вызвать к нему Хридаянанду Махараджу. Когда тот вбежал в его комнату и поклонился, то увидел, что Прабхупада сидит в непринужденной позе и читает книгу «Кришна». Прабхупада бросил на него счастливый взгляд и спросил:

– Ты читал эти книги?

Прабхупада наслаждался своей книгой не потому, что был ее автором, а потому что книгой этой был Сам Кришна.

– Ты читал эти книги? – повторил Прабхупада.

– Да, Прабхупада, немного.

– Они удивительны, правда? Особенно «Чайтанья-чаритамрита». Они потрясающие.

Сказав это, Прабхупада переключил свое внимание на книгу о Кришне и погрузился в чтение. Посидев несколько минут, Хридаянанда Махараджа смиренно откланялся и покинул комнату, желая последовать его примеру.

Однажды вечером, когда к Шриле Прабхупаде пришли несколько профессоров, один из них спросил:

– В чем смысл бытия?

Шрила Прабхупада ответил, что целью бытия является ананда, наслаждение. Сначала профессор не согласился; он ожидал ответа, связанного с «высшим планом». Но Шрила Прабхупада настаивал, что ананда есть и на высшем плане.

– Вынужденные менять тела, – сказал он, – мы не испытываем ананды, потому что иногда болеем, а потом нам приходится стареть. Но мы вечны, поэтому ищем нечто вечное, ананду... Такова цель жизни.

В лекциях по «Бхагавад-гите» Шрила Прабхупада методично разбирал стихи Второй главы и сейчас обсуждал различие между вечной душой и временным телом. Иногда он читал по две лекции: утром и вечером. Начиная объяснение четырнадцатого стиха, он сказал:

– Итак, из вчерашнего вечернего обсуждения следует вывод, что мы не умрем.

Но, готовясь к следующей жизни, объяснил Прабхупада, мы должны терпеть материальные боль и наслаждение.

– Иногда нам приходится следовать правилам и ограничениям. Это может быть неприятно, но мы не можем этим пренебрегать. Мы должны учиться терпению.

Он процитировал бенгальскую поговорку: «Тело можно приучить терпеть что угодно». Если, практикуя сознание Кришны, вы можете вернуться к Богу, то зачем отказываться? Это решит все проблемы. После лекции кто-то спросил:

– Каковы отличительные признаки того, кто осознал свое отличие от тела?

– Он посвятил себя сознанию Кришны, – ответил Прабхупада. – Он не знает ничего, кроме Кришны. Это и есть нормальное состояние.

Однажды вечером, когда неуместных вопросов задали что-то уж совсем много, куда больше обычного, Хридаянанда Махараджа перестал переводить и строго попросил аудиторию не задавать бессмысленных вопросов. Тут же подняла руку женщина.

– Я слышала от преданных, – начала она, – что момент смерти – очень важное испытание в моей жизни, ибо от этого будет зависеть моя следующая жизнь. Еще я слышала, что в тот момент, когда мы оставляем тело, очень важно думать о Господе Кришне. Я хочу спросить Вашу Божественную Милость: если в момент своей смерти я буду думать о вас, будет ли это так же хорошо, как думать о Кришне?

Хридаянанда Махараджа перевел ее вопрос, и Шрила Прабхупада улыбнулся.

– Да, это очень хорошо. Вы получите тот же результат.

Утром Прабхупада принимал легкий завтрак из фруктов и орехов кешью. Особенно ему нравился местный плод под названием гуавана, и каждый день он пил его сок. Днем он также ел немного, избегая самос и пакор – в основном дал, рис, чапати и сабджи. За его дверями всегда дежурили мексиканские преданные, с нетерпением ожидая остатков прасада с его тарелки. Особенно вожделенными для них были те блюда, которые Прабхупада попробовал лично.

Кшити-мохана: Однажды утром Шрутакирти дал мне остатки пищи с тарелки Прабхупады. Там было молоко, высосанные дольки апельсина и шелуха турецкого горошка. Еще там был имбирь. В это время как раз шла лекция по «Шримад-Бхагаватам». Увидев меня с тарелкой, некоторые преданные вскочили и бросились ко мне. Они начали расхватывать дольки апельсина и имбирь; одного преданного толкнули, и он упал. Лекция была сорвана, а преданный, который ее читал, очень расстроился. Часть преданных продолжала сидеть, но остальные, завидев остатки прасада, вскочили и побежали наверх, и там началась потасовка. На шум вышел Шрила Прабхупада. Увидев эту сцену, он улыбнулся и вернулся к себе.

Большинство мексиканских преданных практически не общались со своим духовным учителем лично, поскольку не знали английского и, кроме того, были заняты разным служением. Большого они и не требовали, потому что знали, что ради спасения всех обусловленных душ мира Шрила Прабхупада постоянно занят переводами и проповедью. Кроме того, Прабхупада был великой личностью, и его ученики не считали себя достойными лезть вперед и требовать какого-то особого его внимания. Однако, у тех преданных, которые, сменяя друг друга, охраняли двери Прабхупады, порой происходили особые встречи с ним.

Нанда-прана: Один из преданных в своей кармической жизни работал телохранителем у важных персон в правительстве, и ему было не привыкать заниматься этим. По ночам мы сторожили комнату Прабхупады, сменяясь через три-четыре часа. Мы всё думали, что придет какой-нибудь преступник или сумасшедший и сделает со Шрилой Прабхупадой что-нибудь плохое. Мы хотели, чтобы наш духовный учитель был в полной безопасности. Я регулярно дежурил с девяти вечера до двух ночи, после чего должен был будить следующего охранника.

Риту: Я охранял покой Шрилы Прабхупады по ночам. Обычно всю ночь я повторял на четках мантру. И вот, однажды в полночь я повторял «Харе Кришна», и один преданный, Джаганнатха Мишра, попросил меня не повторять так громко, потому что это беспокоит Шрилу

Прабхупаду. Я возразил: нет, Прабхупада не против громкого повторения. Я продолжал повторять громко, и тут увидел Шрилу Прабхупаду, который выглянул из-за занавески своей комнаты. Он не был рассержен, но смиренно стоял и улыбался. Он жестом дал мне понять: «Пожалуйста, повторяй не так громко». И, улыбаясь, сложил ладони.

Кшити-мохана: Я был скорее подручным. Если слугам было что-то нужно, мы всегда были рядом, чтобы принести им это. А отдыхали мы, днем и ночью сторожа дверь. Однажды возникла проблема с магнитофоном, и Прабхупаде пришлось приостановить переводы. Хридаянанда Махараджа позвал меня и сказал, что слышал, будто я разбираюсь в электрике и умею чинить магнитофоны.

Я пришел в комнату Прабхупады. Он сидел и читал «Чайтанья-чаритамриту». Он шевелил большими пальцами ног. На его письменном столе стояла туласи. Жестами Прабхупада объяснил мне, что магнитофон не работает, а он хочет продолжать свое служение. Посмотрев на магнитофон, я понял, что единственная причина «поломки» в том, что вилка просто не до конца вставлена в розетку. Я исправил это дело и включил магнитофон. Раздался голос Прабхупады. Тогда он сказал мне:

– Все в порядке. Спасибо тебе. Харе Кришна.

Затем, через переводчика (Хридаянанду Махараджу) он задал мне несколько вопросов. Он спросил:

– Здесь в Мексике есть коровы? Вы их убиваете и едите?

Еще он спросил, как называются местные деньги. На вопрос о коровах я ответил. А когда он спросил про деньги, я сказал, что они называются «песо». Услышав про коров, Прабхупада покачал головой. Затем он рассказал, что люди повсюду держат коров, чтобы убивать и есть их, и в этом причина того, что нынешняя цивилизация находится в состоянии кризиса. Общество расплывается, и ему придется заплатить за свои действия сполна. Затем он сказал, что я могу идти. Мне нужно было уходить, потому что моим служением было дежурить у двери, а у Прабхупады было свое служение.

Муниприя: Я был охранником у двери. После двух ночи из комнаты вышел Прабхупада, в одной гамчхе. Я воскликнул:

– Джая Прабхупада! Харибол!

Я хотел поклониться, но он сказал:

– Нет, нет, просто повторяй «Харе Кришна». Повторяй «Харе Кришна».

Тонио Фернандес: Я отвечал за микрофон. Однажды я устанавливал его прямо перед Прабхупадой. Он увидел меня и улыбнулся, и я был очень счастлив. У меня не было времени танцевать с другими преданными, потому что я следил за акустической системой. Однажды я бросил свой пост и пошел танцевать, но Прабхупада увидел меня, и я почувствовал, что он думает: «Ты должен вернуться к своему служению», – и я вернулся, потому что это было мое служение.

Хридаянанда Махараджа: Мы очень хотели услужить Шриле Прабхупаде, потому что он редко приезжал в Латинскую Америку. Обычно у нас было трое-четверо преданных, которые, как пожарная команда, всегда были наготове, и, стоило ему чего-нибудь пожелать: «Не могли бы вы принести того-то и того-то?», – как те буквально съезжали по перилам, прыгали в две или три машины и сломя голову, визжа покрышками и вписываясь в повороты на двух колесах, куда-то неслись. Они мчались наперегонки, желая первыми привезти то, что хотел Прабхупада. Как правило, в течение десяти-пятнадцати минут они доставали все, чего бы он ни попросил. Как-то я принес Прабхупаде его поднос с завтраком, и он спросил:

– А орешки кешью есть?

Я тут же побежал к перилам и прокричал:

– Кешью!

Парни мгновенно бросились вниз и на улице завизжали покрышки. Прабхупада еще не доел свой завтрак, а мы уже несли ему орешки. И он сказал:

– Нет, не беспокойтесь. Мне они не нужны.

Свою последнюю лекцию в Мексике Прабхупада прочитал по семнадцатому стиху Второй главы Бхагавад-гиты.

– Разве можно человека назвать разумным, – говорил он, – если его интересует только эта короткая жизнь: пятьдесят, шестьдесят, самое большее – сто лет, а своей вечной жизнью он пренебрегает? Мы учим этой науке, и у нас есть «Бхагавад-гита». Воспользуйтесь этой возможностью.

Как всегда, были вопросы.

Хридаянанда Махараджа: Он хотел бы стать сознающим Кришну, но хочет знать, верите ли вы в Бога?

Абсурдность этого вопроса рассмешила преданных.

Прахупада: Ммм? О чем он спросил?

Хридаянанда Махараджа: Он хочет знать, верите ли вы в Бога.

Прахупада: Я не верю в Бога? Вы же верите в Бога. Почему я не должен верить? Если вы можете верить, я тоже могу. Однако это не только вопрос веры – это факт. Мы говорим о факте: Бог существует. Это не вопрос веры или неверия – факт есть факт.

Хридаянанда Махараджа: Он спрашивает, что, когда мы что-нибудь вам предлагаем, например, вашему изображению, очищаемся ли мы духовно благодаря самому акту предложения, или духовный учитель действительно знает об этом?

Прахупада: Да, да. Духовный учитель – это представитель Бога. То, что вы предлагаете духовному учителю, передается Богу.

Хридаянанда Махарадж: Он спрашивает, действительно ли духовный учитель знает о том, что мы делаем?

Прахупада: Духовный учитель может не знать, но Бог знает, а через Бога узнает и духовный учитель.

* * *

17 февраля 1975 года

Проведя в Мехико целую неделю, Прахупада готовился вылететь в Каракас. Преданные собрались в храме, чтобы послушать его прощальную речь. Как обычно, сидя у подножья вьясаны Прахупады, Хридаянанда Махараджа переводил его слова.

– Мы оставили свой дом и своего отца, – начал Прахупада, – и пришли в этот порочный материальный мир. Мы изнемогаем от страданий. Совсем как сын очень богатого человека, который в поисках независимой жизни бросает дом и скитается по всему миру, наживая себе неприятности. Сыну богача ничего не требуется делать. У отца достаточно средств, чтобы сын мог жить безмятежно. Но, тем не менее, как мы можем наблюдать сейчас в западных странах, многие сыновья из богатых семей становятся хиппи, оставляют дом и проходят через ненужные мытарства. Именно в таком положении, мы, как живые существа, находимся в этом материальном мире. Мы добровольно пришли в этот материальный мир ради чувственных удовольствий, и, услаждая чувства, мы совсем забыли о нашем верховном отце, Боге. Обязанность материальной природы – помещать нас в скверные условия жизни.

«Кришна бхулия джива бхога-ванчха каре – пашате майя таре джапатия дхаре» – это значит, что, стоит живому существу пожелать наслаждаться без Кришны, без Бога, оно тотчас же попадает во власть майи. Таково наше положение. Майя властвует над нами, но мы можем освободиться от ее власти, как говорится в «Бхагавад-гите»: мам эва е прападьанте майям этам таранти те – «Тот, кто предается Мне, освобождается из-под власти майи».

Поэтому мы и проповедуем сознание Кришны, сознание Бога, по всему миру и учим людей тому, как предаться Кришне и вырваться из когтей майи. Это наше единственное желание. Мы говорим прямо: «Вот Бог. Предайтесь Ему, всегда думайте о Нем, кланяйтесь Ему, и ваша жизнь будет успешной». Но люди – точно сумасшедшие. Они готовы день и ночь тяжело трудиться ради одних только чувственных наслаждений. Преданным очень горько смотреть на их жалкое положение. Прахлада Махарадж сказал: «Мне очень жаль этих людей». Кто они? Шоче тато вимукха-четаса индрияртха-майя-сукхая бхарам удвахато вимудхан. Эти негодяи, вимудхан, создали цивилизацию, великолепную цивилизацию. Но что это такое, эта цивилизация?

Как в вашей стране – великолепный грузовик для подметания улиц. Ради того, чтобы подмести улицу, они изобрели шикарный грузовик.

Подметать могут и люди – вокруг столько людей! Но они слоняются без дела, а чтобы подметать, нужен огромный грузовик. Он издает жуткий шум и, кроме того, очень опасен. Но они считают, что это прогресс цивилизации. Поэтому Прахлада Махараджа говорит: майя-сукхая. Чтобы подметать было легче. Но легче не становится. Появляются другие проблемы. Но они думают: «Теперь нам не нужно подметать. Какое облегчение!» Точно так же, для бритья можно воспользоваться лезвием, но они изобретают столько разных механизмов. А чтобы их производить, нужны целые заводы!

Таким образом, если рассмотреть эту цивилизацию, пункт за пунктом, то нетрудно понять, что это – демоническая цивилизация. Угра-карма. «Угра-карма» – значит «ужасная деятельность». Мы не против материальных удобств, но вы должны разобраться, удобства это или мучения. Предназначение человеческой жизни в том, чтобы употребить время на воспитание в себе сознания Кришны. Мы живем не для того, чтобы проводить время впустую. Ведь нам не известно, когда придет смерть.

И если мы не подготовим себя к следующей жизни – а умереть мы можем в любую минуту – то вынуждены будем получить от материальной природы новое тело. Поэтому я хочу, чтобы все вы – те, кто примкнул к Движению сознания Кришны – жили очень осторожно, не позволяя майе выхватить вас из рук Кришны. Мы можем ничего не бояться, если будем просто соблюдать заповеди и повторять минимум шестнадцать кругов. Тогда мы в безопасности. Итак, вы получили знания о совершенстве жизни, не давайте им пропасть без толку. Постарайтесь не сходить с этого пути, и ваша жизнь будет успешна.

Итак, если мы соблюдаем заповеди и повторяем шестнадцать кругов, жизнь наша будет совершенна. Думаю, вы последуете этому наставлению; таково мое желание. Спасибо вам большое.

Тонио Фернандес: Свою последнюю лекцию Прабхупада прочитал утром. Он сказал: «Я хочу, чтобы вы вернулись к Кришне». Я очень хорошо помню эти слова, потому что всегда понимал, что желания чистого преданного исполняются. И его желания, я думаю, тоже должны исполниться. Но когда Прабхупада уехал, я почувствовал себя совсем одиноким, потому что был с ним практически всего восемь дней. Это была совсем другая жизнь.

Нанда-прана: Уезжая из храма, Прабхупада спускался по ступенькам. Преданные помогли одному четырехлетнему мальчику, Говинда-дасу, сделать гирлянду, и он поджидал Шрилу Прабхупаду внизу. Когда Прабхупада спустился, этот мальчик хотел надеть на него гирлянду, но был слишком мал и не мог дотянуться до его головы. Поэтому Хридаянанда Махарадж поднял его, чтобы тот смог повесить гирлянду на Прабхупаду. Но не успел он это сделать, как Прабхупада взял его за руки и сам помог ему надеть на себя гирлянду.

Роберто Руис: Погуляв в парке Чапультепек и прочитав свои круги, Прабхупада уехал. Это было что-то удивительное – все преданные вышли его провожать. Когда машина уезжала из храма, все вокруг было похоже на ковер – преданные предлагали ему свои поклоны. Царила атмосфера духовного экстаза. Преданные надеялись, что Прабхупада придет снова, но это было уже невозможно.

Тонио Фернандес: Когда начинаешь говорить, как Прабхупада приезжал в Мексику, то вспоминаешь столько событий! Начав говорить, просто не можешь остановиться, потому что вспоминаешь все новые и новые подробности. Говорить о Шриле Прабхупаде очень трудно, потому что за восемь дней его не узнаешь. Эти восемь дней пролетели, как одна минута. Это был лучшее время моей жизни – встреча со Шрилой Прабхупадой и его преданными. Я получил всю милость, потому что постоянно находился рядом. Преданные изо всех сил старались увидеть своего духовного учителя – матаджи, брахмачари – а я и так находился рядом с ним. Когда Прабхупада уехал, мы стояли у ворот, глядя на машину и нам было очень грустно. Я не могу передать это чувство словами. Это чувство разлуки. Служить духовному учителю – значит служить Кришне. Это было самое грустное прощание в моей жизни.

Каракас

18 февраля 1975 года

Был поздний вечер. Уже несколько лет преданные ждали Прабхупаду. Каждый год они слышали, что он вот-вот приезжает, но каждый год его приезд откладывался. И вот, наконец, он приехал. В храме трубили раковины, шел оглушительный киртан. Из-за запрета властей преданные не рекламировали приезд Прабхупады, что, впрочем, не имело большого значения – храм и так был заполнен до предела – десятки гостей, репортер, съемочная группа теленовостей с яркими прожекторами и камерами...

Лидер местных распространителей книг омыл Прабхупады стопы. Прабхупада сидел на высокой вясагане, обозревая сотни людей. Преданные (многие из которых приехали из других стран Южной Америки), гости, благожелатели, искатели истины и просто любопытные заполнили каждый квадратный сантиметр пола. Со своего места Шрила Прабхупада созерцал две золотые

фигуры Божеств Гаура-Нитай. Он поклонился Им, когда вошел в комнату, а сейчас говорил об Их милости.

– Вам несказанно повезло, – начал он. – Эти двое Прабху, Чайтанья Махапрабху и Нитьянанда Прабху, сегодня с нами. Есть одна песня. Сможете повторять за мной?

И он запел:

парама каруна, паху дуи джана
нитай-гаурачандра

Ему никто не подыгрывал, не подпевал. Звук его пения пронизывал тишину зала. Все сидели, не шелохнувшись, устремив свои взгляды на одиноко поющего Прабхупаду.

саба аватара-сара-широмани,
кевала ананда-канда

Сейчас, оказавшись в Каракасе и видя перед собой столько преданных и Гауру-Нитая на Их простом алтаре, Прабхупада был как никогда впечатлен и тронут милостью Гауранги и Нитьяланды. Эти два Господа, пел он, – суть всех воплощений и самые сострадательные из них. Низойдя как Шри Чайтанья и Шри Нитьянанда, Господь сказал, что будет путешествовать повсюду, чтобы распространять Свою любовь, и сейчас мы видим подтверждение Его слов: Они проделали такой путь из места Своего явления в Надии! Прабхупада сам преодолел большое расстояние – сотни километров в один только тот день – но двое лучезарных Прабху уже ждали его здесь с воздетыми к небу руками. Они приехали в это далекое место, Венесуэлу, и Прабхупада до глубины души был тронут Их состраданием ко всему миру. Слезы текли по его щекам, и он не мог говорить.

Чувства, которые испытывал Прабхупада к двум Божествам на алтаре, поразили преданных. Он не думал, что находится в Южной Америке с какими-то людьми, говорящими по-испански, – он видел своих возлюбленных Божеств и чувствовал, как Те дарят падшим душам любовь к Богу. Видя слезы Прабхупады и слыша его прерывающийся голос, и сами гости испытали трепет, став свидетелями проявления истинного духовного экстаза. Это было похоже на духовные переживания Акруры, следовавшего во Вриндаван. Акрура всю дорогу думал о Кришне, но когда достиг Вриндавана и увидел в пыли настоящие отпечатки Его стоп, он внезапно обезумел от экстаза, упал на землю и заплакал: «Какое чудо!» Точно так же, Шрила Прабхупада всегда жил милостью Гауры-Нитая и Их миссии, но когда вдруг увидел Их с воздетыми руками в этом городе, где Они вдохновляли людей Южной Америки воспользоваться простым и радостным методом, который даже не требует знания или понимания – просто пойте Святые Имена Кришны! – видя это сострадание, сам Прабхупада, по милости этих двух Прабху, был поражен больше всех остальных.

Конечно, Божества, храм и преданные появились здесь благодаря проповеди Прабхупады, хотя он никогда здесь не был. Но когда он приехал и увидел, как все процветает и развивается, то был так тронут, что не смог сдержать экстаза любви к Господу. Могущество Гауры-Нитая приводило его в трепет.

* * *

Храм в Каракасе находился на холме, возвышавшемся над городом, и Прабхупада, сидя в кресле-качалке, мог обозревать из своего сада его весь – этот «город вечной весны», мерцающий огнями в долине. За городом виднелись очертания высокой зеленой горы. Зрелище было впечатляющим. Когда утренний воздух нагревался, Шрила Прабхупада снимал свитер и вешал его на ветви соседнего дерева. Он сидел и повторял джапу. Спустя какое-то время он снимал рубашку, вешал ее на другую ветку и грелся на солнышке, перебирая четки.

Путешествующие с Прабхупадой слуга и секретарь с радостью смотрели на то, как их учитель отдыхает на солнце, ведь турне его было очень напряженным, а тело – отнюдь не молодым. Пробыв здесь всего несколько дней, он быстро посетит Майями, Атланту, Даллас, Нью-Йорк, Лондон, Тегеран, Бомбей, Калькутту, а затем возглавит международное собрание своих учеников в Майяпуре. После Майяпура Прабхупада отправится во Вриндаван, на торжественное открытие храма Кришны-Баларамы. Вопросы, связанные с майяпурским фестивалем и открытием храма во Вриндаване, все еще не были решены, а многие преданные и центры ИСККОН по всему миру ждали от Прабхупады распоряжений, вынесение которых требовало его пристального внимания. Но слуги Прабхупады считали, что несколько дней отдыха от почты и телефонных

звонков пойдут ему на пользу. Им было приятно видеть, как их духовный учитель сидит и читает на солнышке мантру.

Джагадживана: Над садиком Шрилы Прабхупады был небольшой балкон. Я усаживался там и просто смотрел на Прабхупаду, потому что знал, что это – очищение для моих глаз. Я вспомнил, что в Навадвипа-дхаме есть место под названием Нрисимхапалли, где перед возвращением в духовный мир отдыхал Господь Нрисимхадева, после того, как расправился с Хираньякашипу. Нуждался ли Господь в отдыхе? Нет, но таковы были Его развлечения, а преданные отвечают на желание Господа взаимностью. И я подумал, что если мой духовный учитель хочет посидеть, отдохнуть и полюбоваться видом города, я буду поклоняться ему именно в этой обстановке.

Преданным Каракаса было приятно, что Прабхупада смотрит на их город. Они чувствовали, что, бросая взгляд на дома несчастных жителей Венесуэлы и повторяя над ними мантру, он благословляет их. Пока Прабхупада гостил в храме Каракаса, местные преданные санкиртаны по-прежнему продолжали каждый день выходить в город, чтобы распространять обусловленным душам книги Шрилы Прабхупады, и мысль о том, что он смотрит на их город, придавала им сил.

В Каракасе Шрила Прабхупада ходил на утренние прогулки в соседний парк, Парк-дель-Эсте. Проходя мимо сохранившихся со времен Христофора Колумба останков старинного корабля «Колонь», он предложил взойти на него. Однако памятник был еще не открыт для экскурсий, и Прабхупада с учениками смогли посмотреть на корабль лишь со стороны. Один преданный нарвал в озере лилий и поднес их Шриле Прабхупаде.

– Изучая природу, – сказал Прабхупада, – можно убедиться, что у каждого дерева – свой тип цветка и плода. Дерево не устраивает революций. Все идет своим чередом. Но люди постоянно, каждый год, что-то меняют, не придерживаясь никакого порядка. Природа устроена так, что солнце встает на востоке, и это неизменный порядок.

– Они скажут, – усмехнулся Прабхупада, – «Пусть солнце встает на севере». Это ребячество, просто ребячество. Восточные философы, западные философы – что это за разные философии? Философия есть философия.

Гуляя, Прабхупада рассказывал о чудесах Сумеру – небесной вершины, где обитают полубоги.

– На вершине горы Сумеру, – говорил он, – растет огромное дерево. Сок, стекающий с него, превращается в реку мангового сока. А ягоды ежевики там размером со слона, но с маленькими семечками. Они тоже питают реки сока, как и плоды джамбу. На берегах этих рек, омываемых соком, под воздействием ветра и солнца образуется золото. Небожители изготавливают из этого золота свои украшения, шлемы, браслеты и пояса. Но сейчас мир беднеет. В детстве я видел золотые и серебряные монеты. Сейчас их нет. Одна пластмасса и бумага.

Идя дальше, Прабхупада любовался красивым парком.

– Да, – сказал он, – хороший сад.

Преданные тесным кольцом обступили идущего Прабхупаду, порой едва не толкая его. Хридаянанда Махараджа переводил их вопросы.

Хридаянанда Махараджа: Он спрашивает о связи между ведической культурой Индии и коренными культурами Латинской Америки. Похоже, есть какое-то сходство.

Прабхупада: В былые времена ведическая культура была распространена по всему миру. Но человечество деградировало. Остатки этой культуры сохраняются только в Индии.

Прабхупада рассказал, как Господь Рамачандра однажды прибыл в Бразилию, которая была тогда частью царства Раваны – там находилась столица его брата. Демоны привели туда Рамачандру, чтобы убить: они хотели, чтобы Господь склонил Свою голову, чтобы отрубить ее, но Рамачандра сказал им: «Я не могу взять в толк, что вы имеете в виду. Покажите Мне, что Я должен делать». Они наклонили свои головы, и Господь тут же отрубил их. Прабхупада сказал, что все это происходило в Бразилии.

Углубляясь в парк, Прабхупада неожиданно услышал громкие крики птиц.

– Почему они сердятся? – спросил он.

– Они в клетке, – ответил Шрутакирти.

– Только птицы? – спросил Прабхупада.

Местные преданные объяснили, что в парке расположился целый зоопарк.

Хридаянанда Махараджа: Он хочет спросить о распространенном в Латинской Америке поверье или суеверии о так называемом пропавшем городе Атлантиде. Во всем западном мире очень популярна теория о том, что некогда существовала цивилизация Атлантов, которая погрузилась в океан.

– Может быть, – просто ответил Прабхупада.

Они подошли к большому пруду, метров шесть глубиной, окруженному предохранительной изгородью. В воде плавали два крокодила.

– В материальном мире, – заметил Прабхупада, – обусловленные души всегда держатся парами.

Когда Прабхупада и преданные подошли к поручням, один крокодил широко разинул свою пасть.

– Видели? Он нас приглашает. Он говорит: «Кто-нибудь из вас может спуститься к нам». Он приглашает нас на обед, – рассмеялся Прабхупада.

Один преданный спросил, можно ли использовать в сознании Кришны промышленность и технологии. Прабхупада ответил, что применять их можно, но по большому счету в этом нет настоящей пользы. Человек может сидеть на земле с тем же успехом, что и на скамье. Однако на то, чтобы изготовить скамью, нужно потратить массу времени.

– Если телефон, телеграф и телевидение использовать для проповеди сознания Кришны, – сказал Прабхупада, – это хорошо. Но люди этого не делают. Мы используем современное печатное оборудование для издания ведических Писаний, а они печатают на нем порнографическую литературу и птичью философию.

Один преданный сказал, что мир обуревают многочисленные проблемы – например, перенаселение и нехватка пищи. Он спросил, как сознание Кришны может решить эти проблемы.

– Производите пищу, – ответил Прабхупада. – Вы производите болты и гайки. Вот и попробуйте их есть. Вы производите автопокрышки и болты – вот и ешьте их.

Когда Хридаянанда Махарадж перевел эту фразу, каракасские преданные искренне рассмеялись. Шутка Прабхупады показалась им очень уместной – ведь они знали, что Каракас очень загрязнен из-за автомобильной промышленности.

– Энергию направляют не туда, куда нужно, – добавил Прабхупада. – Все заняты производством запчастей для автомобилей.

Преданных очень тревожили глобальные проблемы, поэтому во время прогулки они спрашивали Прабхупаду, как в сознании Кришны относиться к проблеме нехватки пищи.

Хридаянанда Махараджа выдвинул свое предложение:

– Прабхупада, ведь программу бесплатной раздачи пищи, которую вы начали в Индии, можно открыть и в других странах, где существуют экономические проблемы.

Прабхупада: Почему бы нет? Но – прасада, не просто пищи. Вы можете распространять пищу, прасад, во всех наших центрах, потому что благодаря прасаду люди постепенно осознают Кришну. А если вы раздаете им обычную пищу, они будут только набирать силу и увеличат свое половое желание, вот и все.

Кто-то спросил, что случится с ландшафтом планеты по мере развития эпохи Кали, а также к чему приведет добыча из-под земли нефти и золота.

Прабхупада: Кажется, я уже объяснял. Ваша жизнь коротка – каких-то пятьдесят или шестьдесят лет – а потому, вместо того, чтобы гадать, что случится с этим миром, повторяйте «Харе Кришна» и возвращайтесь домой, к Богу. Не ломайте голову над тем, что случится с этим миром. Природа сама о нем позаботится. Не забивайте свои мозги этими мыслями. Воспользуйтесь выделенным вам временем и возвращайтесь домой, к Богу. То, что происходит сейчас, вы остановить не сможете. Лучшее, что можно сделать – это выковать свою жизнь и вернуться домой, к Богу. Летите на своем корабле, не надо думать о том, что случится в будущем. Оно случится, потому что люди будут продолжать строить свою бесчестную цивилизацию негодяев, и им не избежать естественных последствий. Лучше воспользуйтесь своим временем, полностью осознайте Кришну и возвращайтесь домой.

Каждый вечер у Шрилы Прабхупады собиралась небольшая группа интеллектуалов и искателей.

В первый вечер пришел один профессор, и Прабхупада заговорил с ним о том, какие немыслимые усилия прилагают люди, чтобы днем копить деньги, а ночью предаваться сексу и сну. Профессор, через переводчика, Хридаянанду Махараджу, ответил:

– Я знаю, цель жизни не в том, чтобы потратить деньги на семью, завалиться в постель и заняться сексом. Но это ведь часть жизни!

Шрила Прабхупада: Я тоже это знаю. Все знают. Но ведь должна быть какая-то цель выше этого!

Профессор: Но я думаю, мы должны быть в какой-то мере покорны...

Прабхупада: Нет. Покорность, конечно, качество хорошее, но покорность есть и у животных. Животное очень покорно, и если вы перережете ему горло, оно слова вам не скажет! Поэтому покорность – это отдельная тема. Но какова должна быть цель жизни? Какова истинная цель жизни? Если мы забываем о цели жизни и просто становимся покорны, как осел, разве это достойно похвалы? Осел очень покорен. Вы нагружаете на него тонны белья, а он не сопротивляется. Очень покорное существо.

Профессор не согласился с выводами Прабхупады. Он полагал, что человек не должен столь беззаветно предаваться поиску истины. Ему казалось, что Прабхупада слишком высокого о себе мнения, выставляет себя «совершенной личностью» и призывает к слепой вере. На все эти возражения Шрила Прабхупада отвечал, опираясь на логику, аргументы и свидетельства шаштр, однако любые идеи, которые поддерживал Шрила Прабхупада, профессор воспринимал в штыки и наоборот – одобрял все, с чем Прабхупада был не согласен.

Хридаянанда Махараджа: Он спросил, наша цель – очиститься самим или помимо этого помочь обществу?

Прабхупада: Нет. Если вы не знаете, кто вы такой, то как вы очиститесь? Вы не знаете, что есть «я». Вы можете сказать, что есть «я»?

Хридаянанда Махараджа: Он говорит, может случиться так, что, пытаясь понять себя, он потратит на это всю свою жизнь, а в конце так и не достигнет этой цели, и при этом ничего не сделает для общества.

Прабхупада: Вы не осознаете себя не только за одну жизнь, но и за миллионы жизней – пока не измените свое отношение.

Хотя спор казался бессмысленным, Прабхупада не прекращал предлагать этому человеку принять духовную жизнь, опровергая его домыслы и выдвигая веские аргументы в защиту необходимости познания себя. Ученики Прабхупады пригласили профессора на вечернюю беседу, и Шрила Прабхупада давал ему то, что давал каждому – возможность услышать от чистого преданного об Абсолютной Истине. То же самое Прабхупада делал в Нью-Йорке, Сан-Франциско, в Калькутте, в Бомбее, в Африке, в Лондоне – куда бы ни отправлялся, кого бы ни встречал. Профессор из Каракаса оказался особенно упрям, но Прабхупада был терпелив, отвечая на каждый довод, пока разговор по-настоящему не затянулся.

– Угостите его прасадом, – наконец, сказал Прабхупада.

Улыбаясь, профессор отклонялся:

– Было очень приятно побеседовать с вами.

В другой вечер приехали руководители каракасского Метафизического общества.

– По моему мнению, – сказал один из них, – ваше беспрестанное повторение мантры «Харе Кришна» напоминает гипноз. В ритуалах некоторых племен тоже повторяются разные заклинания.

Прабхупада: Это ваше мнение. Но вы не авторитет.

Шрила Прабхупада процитировал «Бхагавад-гиту», где Кришна говорит, что повторение имени Господа – деятельность махатм, великих душ.

– В западном полушарии, – сказал гость, – большим авторитетом является святой Герман. И он говорит, что мы должны повторять «Я есмь Сущий». Это из Библии. По-моему, когда они спросили Бога, кто Он Такой, Бог ответил: «Я есмь Сущий».

Прабхупада ответил, что слово «Сущий» само по себе не является именем Бога. Более того, никто не может объявить себя Богом, просто сказав: «я есмь Сущий».

Прабхупада: Есть разница между тем, когда Бог говорит «Я» и когда я говорю «я». Я – частичное «я», а Он – целое «Я». Миллионер говорит «я», и его слуга говорит «я». Но что стоит за этим? Нет ничего плохого, когда душа говорит «я есмь сущий», но между частью и целым есть разница. Это нужно понять. Когда Бог говорит «Я» – это значит «целое». А когда я говорю «я», это значит «часть». Поэтому мы должны понять, что когда я говорю «я есмь сущий» и когда Бог говорит «Я есмь Сущий», это разные понятия.

Но руководитель Метафизического общества упорствовал.

– Когда я говорю «я», – ответил он, – то имею в виду не низшее «я», а высшее «я». Я понимаю, что сущность одна и та же.

Прабхупада: Мы согласны с этим. Бог – дух, и я – тоже дух, и тот и другой – «я». Но сила Бога и ваша сила не равны. В Библии Бог сказал: «Да будет мир», – и мир возник. Но если вы скажете: «Да будет чапати», чапати не возникнет, пока вы не приложите какие-то усилия. Чтобы получить его, вам придётся трудиться.

Члены Метафизического общества не могли принять практику молитвенного повторения имен Кришны.

– Я всегда считал, – сказал один из руководителей, – что, согласно индийской философии, вы не можете нарекать Бога именем, ибо так вы ограничиваете Его.

Прабхупада: Нет, мы не нарекаем Бога именем. Но Бога именуют по Его деяниям. Например, Кришна. Кришна значит «всепривлекающий». Это качество Бога – Он привлекает всех. Точно так же, Аллах – значит «великий». Бог велик; поэтому Его называют Аллахом. На самом деле, Бог не имеет имени, но Его именуют по Его деяниям.

На следующий вечер пришли психиатры. Они также во многом были не согласны с Прабхупадой. По их мнению, он чересчур многого требовал и слишком много критиковал.

Прабхупада объяснял:

– Психическое расстройство возникает главным образом от того, что человек считает себя телом.

Он привел пример: водитель и машина. Если человек отождествляет себя с разбитой машиной – это и есть умственное расстройство. Человек и машина – разные вещи, но повреждение машины хозяин ощущает как повреждение себя самого.

– Поэтому если психиатр сообщит ему: «Не о чем горевать. Ты – не машина», то человек излечится. Проблема современной цивилизации в этом – человек не является телом, но не знает этого.

Психиатры возразили, что даже если сам врач ищет Бога, это не значит, что он должен перестать лечить физические недуги своих пациентов с помощью психиатрии.

– Нет, нет, – поправил Прабхупада, – сейчас я говорю не о Боге. Я рассматриваю онтологическое положение живого существа.

Хотя он неоднократно возвращался к примеру водителя и машины, психиатры продолжали настаивать, что на самом деле важна именно машина.

– Но ведь безумием больна не машина! – стоял на своем Прабхупада. – Безумен водитель! И когда мы сталкиваемся с проблемами человечества, это безумие души, а не тела.

Психиатры ответили, что доводы Прабхупады ничем не отличаются от доводов многих других философов. Они сказали, что есть множество разных путей и философий, позволяющих скоротать эту временную жизнь.

Прабхупада: Получается, вас интересует только временная жизнь, и вам неважно, что человечество в бедственном положении.

Гости стали утверждать, что тело и дух одинаково важны; что касается тела, их долг – лечить его методами психиатрии; а что касается души, то это весьма умозрительная сфера, в которой мнение одного человека ничем не хуже мнения другого. Наконец, после многократных попыток Прабхупада заставил их признать простейшую истину.

Прабхупада: Например, мертвое тело. В мертвом теле есть все необходимое. Машина есть. Но попробуйте прокатиться на ней! У вас ничего не выйдет.

Психиатр (в переводе Хридаянанды Махараджи): Тело не может функционировать, потому что душа его покинула. Я признаю это.

Прабхупада: Это значит: ушел водитель. Так кто важен – тело или водитель?

Психиатр: Оба.

Прабхупада: Есть тело, есть водитель, но в сравнении, кто же важнее?

Психиатр: Душа.

Но затем в разговор вступила женщина-психиатр. Она намекала на то, что Шрила Прабхупада слишком много критикует общество, не предлагая при этом конкретного решения существующих проблем. Шрила Прабхупада вновь сослался на пример с машиной и водителем. Но когда он сказал, что ни в одном образовательном учреждении не дают отчетливой информации о самом главном – водителе машины, гостья ответила, что он слишком категоричен, потому что это делают многие организации, и что сама она два года изучала в колледже теологию.

Как и накануне, атмосфера разговора была натянутой, а гости решительно отказывались соглашаться с самыми элементарными понятиями духовной науки. Шрила Прабхупада предлагал им обучиться сознанию Кришны, но не шел ни на какие компромиссы.

Шрила Прабхупада намеревался дать посвящение многим венесуэльским преданным, но столкнулся с проблемой выбора достойных кандидатов. Те ученики, что были в Движении уже год и прошли первое посвящение, ожидали, что в этот раз Прабхупада посвятит их в брахманы. Но когда они провалили устный и письменный экзамены по философии сознания Кришны, руководители храма решили, что эти преданные пока еще не готовы ко второму посвящению.

Когда за дверями Прабхупады разгорелась оживленная дискуссия по поводу предстоящих посвящений, Прабхупада вышел в холл. Преданные объяснили ситуацию, и он попросил президента храма дать оценку кандидатам.

– Ну, Прабхупада, они каждый день выходят на санкиртану.

– Тогда почему бы тебе не смириться над ними? – спросил Прабхупада.

Прабхупада объяснил своим лидерам, что он имеет в виду. Это не значит, что преданные могут быть расхлябанными и лодырничать. Им нельзя позволять нарушать принципы и оправдывать их за это. Но в том, что делают преданные, лидер должен видеть хорошее. Прабхупада сказал, что если в Кали-югу вы находите в ком-то крохотную искру желания духовной жизни, вы должны изо всех сил стараться раздуть ее. И мало разжечь эту искру в небольшое пламя – преданный должен продолжать заботиться об обусловленной душе, пока огонь не разгорится достаточно сильно и сможет гореть самостоятельно.

Прабхупада понимал, что преданные хотят получить посвящение именно в его присутствии – ведь ни у кого из них не было уверенности, что он приедет сюда снова. Поэтому он и попросил оказать им милость. Каждый день они распространяли его книги на санкиртане, и в этом смысле были продолжением своего великодушного духовного учителя. Почему бы не проявить к ним снисходительность?

Вокруг кандидатов на санньясу тоже разгорелся спор. На этот раз Шрила Прабхупада не хотел идти ни на какие уступки. В качестве кандидатов Хридаянанда Махараджа представил Джагадживану и Махавиру.

Джагадживана: Шрила Прабхупада стал методично разбивать все наши аргументы. Одним из его доводов были слова Господа Чайтаньи, что в этот век не рекомендуется санньяса. Я возразил:

– Но Прабхупада, в своих книгах вы пишете, что здесь имеется в виду санньяса майявади, – сказал я.

На что Прабхупада привел свой главный аргумент:

– Если от тебя не требуется идти на риск, зачем на него идти?

Он перечислил имена нескольких падших санньяси. На это мой сосед выдвинул свой аргумент: Господь Чайтанья принял санньясу, чтобы помочь людям, чтобы они уважали его. Услышав это, Шрила Прабхупада повернулся к Хридаянанде Махарадже и тихо засмеялся.

– Все, что ему нужно – это слава, – сказал он. – Его интересует только слава.

К этому времени я уже совсем забыл, что хотел принимать санньясу: я был полностью удовлетворен уже тем, что сидел со своим духовным учителем, и сказал ему в порыве преданности:

– На самом деле, я хотел принять санньясу, но если я смогу просто оставаться вашим слугой, этого уже достаточно.

В своей лекции перед инициацией Прабхупада подчеркнул, что шраванам, слушание о Кришне, – самый важный элемент преданного служения.

– Все преданные, присутствующие здесь, – сказал он, – не индийцы. Я не привез их из Индии, я ничего не платил им. Но благодаря одному лишь слушанию они обретают сознание Бога и становятся преданными. Поэтому шраванам, или слушание, чрезвычайно важно. Итак, я обращаюсь ко всем вам, собравшимся здесь дамам и господам – воспользуйтесь возможностью послушать о Боге в этой организации, и вы также осознаете Бога.

Прабхупада сравнил Кришну с огнем. Для разжигания огня необходима высокая температура. Дерево можно превратить в огонь, но если лить на него воду, как следует его разжечь не удастся. Прабхупада сравнил греховные поступки с сырым деревом; они мешают человеку войти в огонь сознания Кришны.

– Тем, кто пристрастился ко всем этим грехам, – сказал Прабхупада, – к незаконному сексу, употреблению мяса, одурманивающим средствам и азартным играм – поначалу будет несколько неприятно избавляться от этих привычек. Но если вы делаете все, что положено, и молитесь Кришне, Он поможет вам. Эти привычки не трудно оставить. Как только вы перестанете лить воду, как только прекратите греховную жизнь, вы сразу же обретете половину чистоты, необходимой для возвращения к Богу. Затем, повторяя мантру «Харе Кришна», вы все больше и больше будете совершенствоваться в духовной жизни. И когда вы полностью освободитесь от последствий своих грехов, вы осознаете Бога и полюбите Его.

В Каракасе, как и в Мехико, Шрила Прабхупада начал употреблять в разговоре испанские выражения. Когда на утренней прогулке одна женщина поприветствовала преданных словами «Buenos días», Прабхупада спросил, что это значит. Через несколько минут, встретившись с группой бегунов, Прабхупада громко сказал им:

– Buenos días.

– Buenos días! – ответили те.

Несколько раз Прабхупада использовал испанские слова *alma* и *superalma* – душа и Сверхдуша.

Однажды вечером, войдя в комнату Шрилы Прабхупады, Хридаянанда Махараджа застал его за внимательным изучением испанского издания книги «Кришна», *Krishna, La Suprema Personalidad de Dios*.

– Шрила Прабхупада! – воскликнул Хридаянанда Махарадж. – Вы читаете по-испански!

Прабхупада улыбнулся и сказал:

– Чего не сделаешь ради Кришны!

После лекции в храме одна женщина, которая часто приходила на программы, поделилась с Прабхупадой своим сомнением.

Хридаянанда Махараджа: Она говорит, что в храме много майи, и у тех, кто живет в нем, полно недостатков.

Прабхупада: А где нет майи? Назовите мне место, где нет майи; мы отправимся туда. Нет, в храме нет майи. Но мне кажется, что храм в майе, поскольку я сам в майе. Обратимся к «Бхагавад-гите»: мам эва е прападьянте майяи этам таранти те. «Кто бы ни предался мне, выходит из-под влияния майи». Поэтому те, кто живет в храме – не в майе.

Утро последнего дня пребывания Прабхупады в Каракасе. Прабхупада сидит на *вьясасане*, готовый выехать в аэропорт. Рядом на полу стоит его оранжевая дорожная сумка. Через Хридаянанду Махараджу он произносит свое прощальное слово:

– Итак, я очень благодарен вам за теплый прием в этом храме. Я был просто счастлив. Я прошу вас с верой и тщанием продолжать ваше преданное служение, и тогда в этой жизни вы сможете увидеть Кришну лицом к лицу; это факт. Следуйте совету Рупы Госвами. Утсаха. Первое – это энтузиазм: «Я должен увидеть Кришну». И вы видите Кришну. Божество Кришны и Сам Кришна – не отличны. Но вы можете увидеть Кришну лично! Для этого мы просто должны продолжать действовать с энтузиазмом. Энтузиазм подразумевает серьезное отношение – утсахат, дхайрьят – и терпение. Мы решительно настроены вернуться домой, к Богу, поэтому должны терпеливо следовать правилам и ограничениям.

– Таковы шесть принципов. Энтузиазм, твердая решимость, терпение и следование принципам. Тат-тат-карма-правартанат. И сато вриттех означает честное поведение, никакого лицемерия. Тат-тат-карма-правартанат, садху-санга. И общение с преданными. Если вы соблюдаете эти шесть принципов, а именно: энтузиазм, решимость, терпение, соблюдение заповедей, честность и общение с преданными – если вы будете соблюдать эти принципы, успех вам обеспечен.

– Итак, шесть позитивных принципов: шадбхир бхактих прасидхьяти. Следование этим шести принципам гарантирует успех. Точно так же, существуют и противоположные принципы. Какие? Атьяхара, переедание. Атьяхара, праяса... праджалпа, бессмысленные разговоры, сплетни на темы, не связанные с сознанием Кришны. Это вошло у нас в привычку, но мы должны этого избегать. Атьяхарах праясаш ча праджалпо ниямаграхах. Ниямаграха значит следовать правилам напоказ, не понимая их смысла. И лаульям, быть очень скупым. А также джана-сангаш ча, общаться с непреданными.

Если вы будете избегать этих шести грехов и следовать первым шести правилам, ваше преданное служение непременно увенчается успехом. Праджалпа, бесполезные сплетни. Люди

впустую тратят время, часами читая и обсуждая газеты. Всего этого следует избегать. И нужно сторониться общения с непреданными, жадности. Атьяхара праясаш ча праджалпо ниямаграхах / джана-сангаш ча лаульям ча шадбхир бхактир винашьяти. Если вы позволяете себе эти шесть видов деятельности, вашему преданному служению конец. А первые шесть принципов – это утсахан нишчаяд дхарьят тат-тат-карма-правартанат / садху-сангат сато вриттех шадбхир бхактир прасидхьяти. Эти шесть принципов помогают вам совершенствоваться, а другие шесть – ведут к падению.

Итак, следуйте учению под руководством лидеров этого храма, особенно Хридаянанды Махараджи. Приложите небольшие усилия в течение этой одной жизни. По большому счету, это даже не усилия, а очень счастливая, радостная жизнь. Из-за нашего пристрастия к материальным привычкам мы считаем, что это тяжело. Нет, не тяжело. Это очень приятно. Сусукхам картум авьяам. Совершать преданное служение очень приятно. Спасибо вам большое. Харе Кришна.

* * *

Майями

25 февраля 1975 года

Храм в Майями занимал один гектар земли в загородной Кокосовой роще. На территории высились несколько огромных деревьев баньян, а вдоль окружающей участок ограды росли цветы и тропические лианы. По мнению Шрилы Прабхупады, местный климат походил на индийский.

Входя в алтарную, Прабхупада заметил примыкающую к ней комнату, где стояли деревца туласи, и зашел туда. Увидев множество пышных и зеленых туласи в больших горшках, Прабхупада улыбнулся. Затем он вошел в храмовую залу. Здесь ему вновь представилась возможность в качестве главных Божеств увидеть Гаура-Нитай. Он только что приехал из Каракаса, где те же самые неземные братья являли Себя в облике арча-виграхи. Было около четырех часов дня. Шрила Прабхупада сел на व्याсасану и обратился к группе преданных – около двадцати человек – которые собрались в Майями к его приезду.

– На вашу долю выпала великая удача, – начал он. – Шри Чайтанья Махапрабху низошел, чтобы освободить все падшие души этой эпохи. Шрила Нароттама даса Тхакур поет: папи тапи джата чхило, хари-наме уддхарило, тара сакши джагаи мадхаи. Итак, браджендра-нандана еи, шачи-сута хоило сеи, баларама хоило нитай. Те же Кришна и Баларама. Кришна пришел как сын Шачи, а Баларама – как Нитьянанда. Они пришли для того, чтобы даровать освобождение всем падшим душам, особенно в этот век, Кали-югу. Прийти в каждый город и деревню мира в форме Своего имени, облика, Своих игр – такова миссия Чайтанья Махапрабху. И вы исполняете эту миссию. Поэтому вы, несомненно, будете благословлены и по милости Чайтанья Махапрабху удостоитесь милости Кришны. Понять Кришну не так легко.

Шрила Прабхупада подчеркнул, как трудно обрести в материальном мире духовное знание. Вспоминая недавний разговор с психиатром в Каракасе, он рассказал, как упрямо этот человек отказывался принимать факт существования души. Поэтому в этом смысле преданные удачливы.

– Шри Чайтанья Махапрабху, – продолжал он неторопливо, – из Своего великого сострадания к падшим душам низошел на землю. Кришна тоже приходит. Но Кришна не столь великодушен. Кришна ставит условия: «Сначала предайтесь, тогда Я позабочусь о вас». Чайтанья Махапрабху сострадательнее Кришны, хотя Кришна и Чайтанья Махапрабху не отличны друг от друга. По милости Чайтанья Махапрабху нам не составляет труда понять Кришну. И этот самый Чайтанья Махапрабху присутствует здесь. Поклоняйтесь Ему. Это не очень сложно. Ягьяих санкиртан-праййр яджанти хи сумедхасах. Кришна-варнам твишакришнам сангопангастра-паршадам / ягьяих санкиртана. Просто пойте мантру «Харе Кришна» и все, что можете, предлагайте Чайтанье Махапрабху. Он очень добр. Он не принимает оскорблений. Поклоняться Радха-Кришне очень трудно. Мы должны поклоняться Им с великим почтением и благоговением. Но Чайтанья Махапрабху пришел по Своей воле, чтобы освободить падшие души.

Прабхупада продолжал описывать милость Господа Чайтанья:

– Господь Чайтанья не принимает от поклоняющихся Ему никаких оскорблений, и вы можете удовлетворить Его простыми танцами и пением – это самый легкий способ осознать Бога.

– Итак, насколько это возможно, – попросил Прабхупада, – если возможно, то двадцать четыре часа в сутки – если не возможно, то хотя бы четыре раза, шесть раз – пойте перед Чайтаньей Махапрабху мантру «Харе Кришна», и вы обретете успех в жизни. Я очень рад, что вы поклоняетесь Чайтанье Махапрабху, Нитьянанде Прабху. Продолжайте это делать. Устанавливать

Радха-Кришну не требуется – по крайней мере, в настоящий момент. Когда вы углубите свое духовное сознание, тогда можете установить. Но даже если вы не установите Их, это не важно. Чайтанья Махапрабху достаточно. Шри-кришна-чайтанья радха-кришна нахе анья. Чайтанья Махапрабху – это Радха и Кришна вместе. Так вы одновременно поклоняетесь Радхе и Кришне. Итак, я вижу, что это очень хорошее место, и вы тоже очень хорошие люди. Воспользуйтесь этой возможностью и продолжайте петь мантру «Харе Кришна» и поклоняться Господу Чайтанье Махапрабху. Он даст вам все благословения, чтобы вы смогли обрести прибежище лотосоподобных стоп Радхи и Кришны.

Шрила Прабхупада остановился рядом с храмом, в соседнем доме, в нескольких отведенных для него комнатах. В гостиной был установлен алтарь, по обе стороны которого стояли деревца туласи в белых соломенных корзинах. На стене висел большой плакат – Господь Кришна обращается к погруженному в скорбь Арджуне.

Преодолеть такое расстояние из Южной Америки, чтобы через день-два снова отправиться в путь – это было настоящее испытание. Сможет ли Прабхупада следовать в Майями своему обычному распорядку? Но он смог. В тот вечер, он, как и всегда, лег отдыхать и поднялся около часу ночи, с тем, чтобы прямо там же, в спальне, переводить и комментировать «Шримад-Бхагаватам». Шрила Прабхупада всегда был тверд, где бы ни оказался – ведь с ним был Кришна. Как он сказал однажды:

– Здесь у меня нет дома. Мой дом у лотосоподобных стоп Кришны.

Отложив в сторону книги, Прабхупада взял свои четки для джапы и в предрассветной тиши начал повторять Святое Имя, прохаживаясь взад и вперед по комнате. Вошел Шрутакирти, который снова был слугой Прабхупады, и, поклонившись, стал выполнять какие-то свои обязанности. Во время джапы Шрила Прабхупада смотрел на изображение Кришны и Арджуны. Вдруг он улыбнулся и сказал:

– Мне так нравится эта картина! Она так поучительна!

– О чем она, Шрила Прабхупада? – любопытно спросил слуга.

– Кришна говорит, – объяснил Шрила Прабхупада, – «Ты должен от всего отказаться. Это очень трудная задача. Тебе придется убивать членов своей семьи». Арджуна не мог, не хотел этого делать, но ему пришлось, потому что таков был приказ Кришны. Это кришна-бхаджана. Мы должны быть готовы оставить все и делать то, что хочет Кришна.

Наступил рассвет, но небо оставалось серым. Прабхупада поехал на машине в уединенный уголок Майями-бич, где совершил прогулку вдоль берега. На нем был шерстяной чадар, защищавший его от прохладного утреннего воздуха.

Сурешвара: Мы шли у самого края воды. Когда вода набегала, трость Прабхупады опускалась почти по ее кромке, оставляя в песке маленькие дырочки. Кто-нибудь задавал вопрос – как правило, Тамала-Кришна Махараджа – и Прабхупада временами останавливался, чтобы ответить на него. Однажды, когда Прабхупада остановился, чтобы ответить на очередной вопрос, я оказался прямо позади него. Мы шли группой, и местоположение каждого из нас менялось в зависимости от того, кто как шел. И вот, когда он остановился, я оказался прямо за ним, за его головой. Отвечая на вопрос, он поворачивался, и вдруг лицо его оказалось прямо напротив моего. Неожиданно я отчетливо почувствовал, что хотя физически я нахожусь рядом с Прабхупадой, в действительности, нас отделяют друг от друга миллионы миль – ибо сознание мое было отнюдь не сознанием Кришны.

Шрила Прабхупада хотел осмотреть комнаты храма и его территорию, но, выйдя во двор и увидев, что весь он засыпан листьями деревьев, был заметно раздосадован. Он отчитал президента храма Абхираму, сказав, что территорию нужно всегда содержать в чистоте, а листья сгребать.

На самом же деле, преданные, из-за того, что во дворе не было травы, старательно собрали листья и тщательно устлали ими весь двор, словно расстелив для Шрилы Прабхупады ковер. Они предполагали, что, направляясь к вьясасане, которую они установили для него на улице под баньяном, он с удовольствием пройдет по листьям. Но Прабхупаде совсем не понравился грязный и неухоженный вид двора. Этот двор – собственность Кришны, сказал он, и запускать его нельзя.

– Посмотрите на соседские дворы, – указал он. – У них чисто! Почему у вас все в листьях?

– Под листьями, – стал оправдываться Абхирам, – голая земля. Поэтому, чтобы пыль не поднималась мы насыпали листьев.

– Столько аккуратных газонов вокруг, – резко ответил Прабхупада. – Почему же у вас земля? Почему?

На это осмелился ответить еще один преданный из Майями, и это было его ошибкой.

– Прабхупада, этим некому заниматься.

Шрила Прабхупада оглянулся на двадцать человек, следующих за ним.

– Как это так? Некому заниматься?

Он отказался читать лекцию во дворе, пока преданные не уберут листья. Поэтому, когда Прабхупада пошел к себе в комнату, преданные начали сгребать старательно разложенный ими «ковер». Теперь он казался им кучей грязных, кишаших насекомыми листьев.

На завтрак Шрила Прабхупада принимал сок местных кокосов. Сок был золотистого цвета и пришелся ему по вкусу. Еще он ел свои любимые манго, которые в изобилии росли в этих краях. Лекция была запланирована на вечер, поэтому утро он посвятил беседе с Абхирамой, который изложил ему идею организации крестьянской общины во Флориде. Он рассказал Шриле Прабхупаде о «Мире Диснея» в Орландо, где искуснейшим образом была представлена майя.

– У нас тоже должно быть подобное место, – решил Прабхупада. – Его нужно назвать «Мир Вайкунтхи».

Сельскую общину, сказал он, следует организовать в соответствии с варнашрамой, где все должны быть заняты в соответствии со своими природными наклонностями и профессией.

Вечерняя лекция была для всех праздником. Дневной зной сменился прохладой – было около двадцати градусов. Все было обставлено несколько театрально: освещенный прожекторами, Шрила Прабхупада сидел на въясане под баньяном, а гости и ученики расположились вокруг его стоп. Для своей лекции Прабхупада выбрал первый стих Тринадцатой главы «Бхагавад-гиты». Во время путешествия он регулярно читал лекции по «Бхагавад-гите» в разных городах, но не старался читать стихи последовательно. В каждом городе он всякий раз открывал книгу на новом месте и начинал объяснять выбранный стих.

Шрила Прабхупада неоднократно учил, что основа «Бхагавад-гиты» и всей духовной жизни состоит в том, чтобы смиренно слушать духовного учителя.

– Наше Движение сознания Кришны учит тому, как стать послушным духовному учителю.

Он снова вспомнил психиатра, приходившего к нему в Каракасе. Его заносчивая непокорность произвела на Прабхупаду впечатление – даже так называемые образованные люди слишком горды, чтобы склонить голову перед абсолютной властью.

– Этот психиатр спросил, – рассказывал Прабхупада, обращаясь к своей аудитории, – «Проблемы мира растут. Что вы можете предложить для их решения?» Проблему очень легко решить. Я привел пример: есть тело, и есть нечто, приводящее это тело в движение, движущая сила. Так вот, эта живая сила – есть водитель, а тело, как говорит «Бхагавад-гита», – это машина.

Прабхупада объяснил стих из «Бхагавад-гиты», который говорит, что истинное знание – это понимание различия тела и души. Умение произвести хорошую машину или механизм еще не свидетельствует об образовании.

– В Индии, – сказал Прабхупада, – того, кто умеет соединять провода и подключать электричество, называют мистри. Мистри значит «рабочий». Но это вовсе не значит, что он образован. Образование – это нечто совсем иное. В настоящий момент слово «образование» относится к технике. В былые времена это техническое образование было возложено на демонов. Тогда тоже создавали огромные летательные аппараты, но этим занимались демоны, а никак не великие святые и мудрецы. Все это делали демоны. Йоги, пользуясь своим мистическим могуществом, тоже могли создавать удивительные вещи. Но это совсем другое. Как правило, когда нужно было что-то произвести, этим занимались демоны. Образование значит Брахма-видья – понимание, что в теле есть живая сила, и понимание онтологического положения этой силы. Как она действует? Где ее источник?

Следующим вечером Прабхупада снова читал лекцию. Каждый раз он говорил подолгу и в конце отвечал на вопросы. Последний вопрос на последней лекции в Майями задал один из преданных:

– Шрила Прабхупада, правда ли, что если кто-нибудь хотя бы раз примет прасад, в следующей жизни он непременно получит человеческое тело?

– Да, – ответил Прабхупада. – Просто продолжайте есть. Только и всего. Все мои преданные пришли ко мне просто потому, что ели прасад.

Сказав это, Прабхупада засиял, заулыбался и стал оглядываться вокруг. Когда взгляд его упал на Абхирама, президента храма, сидевшего рядом с ним, он спросил:

– Ты тоже, Абхирам?

Абхирам сконфузился и кивнул:

– Да, Шрила Прабхупада.

Других преданных Прабхупада тоже заставил признать, что их привлек кришна-прасад.

– Ты тоже? – спрашивал он одного за другим. – И ты?

Все соглашались, пока аудитория, наконец, не взорвалась смехом, отдавая должное силе прасада.

– Да, – продолжал Прабхупада, придя в хорошее расположение духа. – Вот видите, мы предоставляем все возможности. Если ничего не можете делать, то, пожалуйста, приходите и ешьте вместе с нами. Ну ладно... Большое спасибо.

* * *

Атланта

28 февраля – 2 марта 1975 года

Божества Господа Чайтаньи и Нитьяланды Прабху в Атланте более метра ростом. Они излучают сияние. Их лотосоподобные стопы, покоящиеся на венчиках лотосов, почти всегда обнажены. Подняв руки над головой, Они приглашают всех танцевать и наслаждаться нектаром Святых Имен Кришны. Их лица украшены мягкими сострадательными улыбками, а предлагаемый ими метод поклонения Богу, как сказал Шрила Прабхупада, очень и очень нестрог и легок для неудачливых людей нынешней эпохи.

Шрила Прабхупада был по-настоящему растроган, когда, прибыв в храм Атланты, увидел Божества Гаура-Нитай. Это был уже третий храм ИСККОН, куда он приезжал впервые и получал даршан Гаура-Нитай. На этот раз, как и в Каракасе, им овладели сильные чувства.

Встретить Прабхупаду в храме собралось около трехсот переполненных энтузиазмом преданных. Помимо тех, кто жил в храме Атланты, здесь присутствовали около сорока брахмачари из путешествующих автобусных групп «Радха-Дамодара» под руководством Тамала-Кришны Госвами, около десятка брахмачари из передвижной библиотечной группы, десятков аэропортовых распространителей книг из команды Трипурари, преданные-ученые из Института Бхактиведанты, которым руководил Сварупа-Дамодара, а также другие гости. Они встретили Прабхупаду перед зданием, когда тот на черном линкольне подъехал ко входу, и теперь следовали за ним с оглушительным киртаном в алтарную комнату внушительного здания атлантского храма.

Шрила Прабхупада подошел к Божествам. Потолок и стены комнаты Божеств были облицованы зеркалами, что производило необычный эффект, создавая впечатление присутствия множества Божеств Гаура-Нитай. Прабхупаде это понравилось. От алтаря, бросая взгляды на преданных, которые расступались, пропуская его, он направился к व्याсасане. Он сел на व्याсасану, лицом к преданным, и все быстро стихли.

– Я очень рад вас видеть, – начал Шрила Прабхупада. – Мой путь к вам пролегал через Мехико, потом через Каракас, а затем через Майями. Я вижу, что ваш храм – самый лучший.

Услышав это, собравшиеся преданные, особенно преданные Атланты, взорвались громким бурным ликованием, восклицая: «Джая!», «Харибол!»

– Итак, Чайтанья Махапрабху очень добр, – продолжал Шрила Прабхупада. – «Парама каруна, паху дуи джана. Два Господа, Нитай-Гаурачандра, Нитьянанда Прабху и Шри Чайтанья Махапрабху, очень добры. Они низошли только для того, чтобы вернуть к Богу падшие души этой эпохи. Таким образом, Они добрее Кришны. Кришна тоже очень добр. Он приходит, чтобы освободить, но Кришна требует: «Сначала предайся». А Чайтанья Махапрабху не требует.

В этот момент Шрилу Прабхупаду переполнили духовные эмоции. Пытаясь продолжать речь, он произнес: «Он так добр», – но голос его дрогнул, а из глаз потекли слезы. Он заговорил было дальше, но голос его сорвался и стал очень высоким; находясь во власти экстаза, он не мог сдержаться и сделался беспомощным и невероятно смиренным.

– Примите же прибежище Шри Чайтанья Махапрабху, – вскрикнул он, – и будьте счастливы! Большое спасибо.

Не в силах больше говорить, он остановился. В порыве восхищения преданные разом громко закричали: «Харибол!» Затем, не сговариваясь, словно по команде, они склонились и стали повторять пранама-мантру «нама ом вишну-пада...» Приветственная речь Шрилы Прабхупады

заняла, таким образом, всего две минуты, и он жестом показал слуге, что хочет удалиться. Это короткое, но эмоциональное начало потрясло преданных.

В тот же вечер Прабхупада вновь спустился из комнаты. Он снова сел на व्याсасану и сказал, что будет учить преданных песне «Парама каруна». Он медленно запел, подыгрывая себе на караталах, а преданные пытались подпевать ему, хотя знали песню лишь немногие.

парама каруна, паху дуи джана,
нитай-гаурачандра
саба аватара-сара широмани,
кевала ананда-канда

Вскоре он попросил преданных аккомпанировать ему на мриданге, и несколько человек попытались, но никто не смог подобрать нужный ритм. Тогда Шрила Прабхупада остановил их и сказал, что сам покажет, как правильно. Он попросил преданного отмотать назад магнитофонную ленту, на которую тот только что записал игру на караталах и пение Прабхупады, чтобы тот мог аккомпанировать себе. Для преданных это было особенно приятной неожиданностью – никто уже и не помнил, когда Прабхупада в последний раз играл на мриданге. Принесли старую мридангу, но она уже не звучала. Принесли другой барабан, но он тоже оказался непригоден. Затем один юноша предложил свой собственный барабан – мридангу, обтянутую ярко-красной с золотом тканью. Шрила Прабхупада положил ее на колени, проверил и сказал, что эта подойдет. Затем он начал играть, а преданные все это записывали на магнитофон – Прабхупада играет на караталах, мриданге и поет. Во время следующей необычной пробы Шрила Прабхупада надел очки и глубоко сосредоточился на игре и пении.

бхаджо бхаджо бхай, чайтанья-нитай.
судриджа бишваса кори'
вишая чария, се расе маджия,
мукхе боло хари хари

Закончив петь, Прабхупада объяснил:

– Паху значит прабху. Паху – это сокращенный вариант «прабху». «Прабху» значит «господин» или «хозяин». Итак, эти двое Прабху – Чайтанья Махапрабху и Нитьянанда. Чайтанью Махапрабху называют «Махапрабху», а к остальным обращаются как к «Прабху». Итак, эти два Прабху, Нитьянанда Прабху и Чайтанья Махапрабху, очень милостивы.

Казалось, Шрила Прабхупада комментирует тот безудержный экстаз, что охватил его накануне, когда он не смог говорить.

– Парама каруна значит «очень милостивые», – объяснил он. – Очень милостивые, потому что Кришна также милостив, ведь Он – Верховный Господь в Своем изначальном облике. Чайтанья Махапрабху также Кришна, но действует как преданный. Он не действует как Кришна. Он играет роль преданного Кришны. Намо маха-ваданья кришна-према-прадая те / кришна кришна-чайтанья-намне.

Затем Шрила Прабхупада процитировал стих Сарвабхаумы Бхаттачарьи, глубже раскрывая природу милости Господа Чайтаньи.

– Господь Чайтанья пришел, чтобы научить нас, потому что все мы пребываем в «телесном» сознании. Он пришел, чтобы научить нас отрешенности и преданному служению Кришне.

Затем Прабхупада произнес другой стих – тот, что Господь Чайтанья предложил Рамананде Раю как описание совершенной религии. Этот стих начинается словами гьяне праясам удапася наманта ева.

– Это означает, – объяснил Шрила Прабхупада, – что человек должен оставить все прочие пути и просто слушать о Кришне. Чтобы слушать о Нем, не требуется менять свое положение. Стхане стхитах. Если вы ученый – хорошо. Если юрист – замечательно. Если глупец – ничего страшного... Но делайте следующее. Раскройте свои уши и слушайте того, кто осознал себя.

Комментируя этот стих, Шрила Прабхупада рассказывал о разных событиях из жизни Господа Чайтаньи Махапрабху.

– Этот Чайтанья Махапрабху пришел сюда, в Атланту, – заключил он. – Поклоняйтесь Чайтанье Махапрабху. Парама каруна, паху дуи джана. Они очень, очень милостивы. Стоит вам оказать небольшое служение, и ваше бхакти увеличится многократно.

На следующее утро преданные поспешили воспользоваться возможностью сопровождать Шрилу Прабхупаду на прогулке в парке Пьемонт. Желая задать свои вопросы, вместе со Шрилой Прабхупадой шли распространители книг из группы Трипулари, а также преданные из библиотечной группы. Погода была на редкость холодной, и Балаванта, президент храма, чтобы Прабхупаде не было холодно, заранее разогрел машину.

– Не так уж и плохо, что холодно, – заметил Прабхупада. – На самом деле, это даже приятно.

Все же Шрила Прабхупада надел свое длинное шафрановое пальто с капюшоном и подкладкой. Он был без шапки, лоб его украшала белая тилака, а грудь – несколько гирлянд. Он быстро и уверенно шагал по влажному от росы парку, а преданные бежали рядом, с накинутыми на головы чадарами, растирая руки на холодном бодрящем воздухе.

Трипулари: Шрила Прабхупада, иногда, когда мы даем человеку книгу, он говорит: «Я никогда не буду читать ее».

Прабхупада (смеясь): Спроси его: «Так вы что, всю жизнь хотите оставаться мудхой?»

Трипулари: Мы говорим: «Нет, возьмите ее домой, когда-нибудь прочитаете». Но они считают, что и без нас обойдутся.

Прабхупада: Глупость. Они не обойдутся. Мам эва е прападьянте майам этам таранти те.

Гуляя, Прабхупада заметил у озера большой знак: «Не купаться».

– Ну да, – обронил он, – кто в такую погоду захочет купаться?

Преданные рассмеялись – шутка немного согрела их.

Трипулари: Однажды, когда Балаванта вел дела с политиками, он сильно болел и я слышал, что, по вашему мнению, это произошло потому, что, касаясь их и общаясь с ними, он принял часть их грехов.

Прабхупада снова усмехнулся:

– Я этого не говорил. Но такое возможно.

Трипулари: В связи с этим у меня возник вопрос. Иногда наши преданные на санкиртанежимают руки...

Прабхупада: Если ты на санкиртане, то ты неуязвим. Иначе проповедь остановилась бы. Если врач заразится, то не сможет продолжать лечение. Но врачи никогда не заражаются. Они следуют надежным мерам предосторожности. Точно так же, когда ты занят санкиртаной, майя не может коснуться тебя. Майям этам таранти те.

В разговор вступил преданный из библиотечной группы, имевший опыт общения с профессорами.

Преданный: Когда мы несем ваши книги профессорам, те говорят, что очень удивлены тем, что один человек написал столько книг.

– Я тоже удивляюсь, – сказал Прабхупада. – Как мне удалось столько написать? Что уж говорить о них. Это все милость Кришны.

Преданный: Недавно один профессор говорил так, словно сам был преданным. Он сказал, что вы состоите в ученической преемственности и являетесь авторитетным переводчиком всех этих книг.

– Да, это верно, – согласился Прабхупада. – Авторитет у меня действительно есть. Вчера вечером я говорил об этом: «Не стройте гипотез». В этом и заключается квалификация. Все остальные просто строят предположения.

Большинство преданных, присутствовавших на этой прогулке впервые получили возможность обратиться к Шриле Прабхупаде лично. Уже несколько лет изо дня в день они верой и правдой служили ему, и сейчас им предоставлялся уникальный шанс, который мог больше никогда не повториться. Чаще всего вопросы их были продиктованы желанием избавиться от всех сомнений и обрести духовную силу, которая поддерживала бы их преданное служение в будущем. В таком расположении духа один из распространителей библиотечной группы, Махабуддхи, подошел поближе к Прабхупаде.

– Шрила Прабхупада, – обратился он, – занимаясь служением, я часто встречаю людей, намного более образованных, нежели я. Мы пытаемся представить философию, но сам я не очень склонен к изучению ваших книг. Я не расположен к наукам.

Прабхупада рассмеялся и ответил:

– Тогда просто молись Кришне. Тешам сатата-юктанам бхаджатам прити-пурвакам... Молись Кришне каждый день. «Мой дорогой Кришна, пожалуйста, дай мне разум, чтобы я смог обрести необходимую силу».

Во второй день короткого пребывания Прабхупады в Атланте с ним хотели встретиться преданные-ученые. Шрила Прабхупада уже подробно объяснял своему ученику, доктору наук Сварупа-Дамодаре, как опровергать атеистические теории ученых, и Сварупа-Дамодара написал небольшую книгу «Научная основа сознания Кришны», которая очень понравилась Шриле Прабхупаде. Теперь Сварупа-Дамодара, Садапута и другие ученые-доктора наук, ставшие посвященными учениками Шрилы Прабхупады, собрались в Атланте, чтобы получить его даршан и дальнейшие рекомендации. Они также надеялись послушать беседы своего духовного учителя с некоторыми представителями научного мира, которых они пригласили в качестве гостей.

На встрече со своими учеными учениками Шрила Прабхупада выразил горячее желание увидеть победу философии сознания Кришны над громкими заявлениями науки о том, что жизнь возникла случайно или появилась из мертвой материи.

– У этих людей нет здравого смысла, – говорил он. – И при этом их считают учеными! Мы должны опротестовать это, потому что мы слуги Бога. Мы не слуги ученых! Называйте их прямо – «негодяй». Я не ученый, но говорю, опираясь на здравый смысл. Только и всего! Эти ученые и политики морочат голову простым людям!

Шрила Прабхупада сказал, что творение уже существует, поэтому ученые не заслуживают никакого признания за их недавние попытки подражать природе, проводя эксперименты по «разведению детей в пробирках».

– У нас своя пробирка, – сказал Прабхупада, – «Бхагавад-гита». Как только видите человека, не преданного Кришне, все ясно. Он мудха. Вот и весь анализ.

Как и распространители книг, Сварупа-Дамодара и его ученые духовные братья задавали Прабхупаде вопросы до полного своего удовлетворения, а он с великим энтузиазмом учил их тому, как нужно отвечать и «выводить негодяев на чистую воду».

В тот же день, в присутствии своих учеников-ученых Шрила Прабхупада встретился с индийским ученым-диетологом. Диетолог объяснил, что приносит пользу человечеству, находя причину белковой недостаточности и изыскивая методы ее устранения. Шрила Прабхупада ответил:

– У птиц и зверей нет исследовательского института, однако природа щедро снабжает их белком. У слона огромное тело, он обладает непомерной силой, но пищу он находит не благодаря вашим научным исследованиям – природа сама обеспечивает его. Пракритех крияманани гунайх кармани сарвашах. Это устраивает природа. Зачем попусту тратить на это свое время? Изучите лучше, что такое пракрити и что лежит за ее пределами. Вот подлинная наука. Белок и так все получают. Корова, например, ест траву. И дает молоко, богатое белком. Вы думаете, белок берется из травы? Вы можете питаться травой?

Ученый: Что-то должно быть...

Прабхупада: Это ваше что-то – не есть совершенное знание. Все знают, что корова не питается какой-то там белковой пищей. Она ест траву.

Ученый: Ну, трава достаточно богата белком.

Прабхупада: Тогда и вы ее ешьте – зачем тогда вы ищете белок?

Ученый: Потому что мы не можем переваривать растительную клетчатку.

Прабхупада: Значит это вам не подходит. Поэтому все устроено так, что белок можно получать через тело коровы.

Ученый: Я думаю, Свамиджи, природа не рассчитывала на то множество людей, что мы имеем на Земле на данный момент.

Прабхупада: То есть, вы имеете в виду, что это несовершенство природы?

Ученый: Нет, сэр.

Прабхупада: Тогда что?

Ученый: Я имею в виду, что природа устроена так, что экологическое равновесие...

Диалог продолжался в таком духе. Когда индийский ученый сказал, что мясо коровы – ценный источник протеина, Прабхупада возмутился и бросил вызов:

– Ну и сколько протеина вы можете накопить, чтобы остановить свою смерть?

Прабхупада дебатировал с индийцем уже минут сорок, когда преданные неожиданно привели в комнату профессора религиоведения из Университета Эмори. Между встречами не было перерыва. Преданные, возможно, не до конца осознавали, что, фактически, просят Шрилу Прабхупаду говорить весь день без остановки, но он не жаловался. Он с ходу спросил профессора: «Каково ваше определение религии?», после чего, не получив ответа, пустился в дискуссию об определении сознания Бога, основываясь на «Шримад-Бхагаватам».

Наряду с профессорами его навестили несколько православных христиан. Во время диалога один из них сказал Шриле Прабхупаде.

– Бог – моя жизнь. Я не могу жить без Него. Я понимаю. Мне понятны ваши слова, но я верю нашей традиции Ветхого завета, которая говорит, что мы были сотворены Богом.

Шрила Прабхупада объяснил, что живое существо вечно, как и Бог, и никогда не было создано.

Прабхупада: Да, в каком-то смысле мы сотворены. Так же, как отец творит сыновей. Ведь не сыновья создают отца! В этом смысле мы сотворены. Итак, если рассматривать это слово, сыновья сотворены; так что отец существовал до нашего сотворения.

Православный христианин признал объяснение Прабхупады и, видимо, почувствовал, что, несмотря на кажущиеся различия, Прабхупада, как и он, – истинный слуга Бога.

– Это таинство, – благоговейно произнес гость. – И мы можем лишь склоняться перед Ним.

– Так мы и делаем, – ответил Прабхупада, признавая тем самым, что, в конечном счете, природа Бога непостижима.

Услышав этот простой, но возвышенный ответ «Так мы и делаем», все в комнате рассмеялись, – отдавая должное как непостижимости Бога, так и чудесному мгновению, дарованному им чистым преданным Бога, Шрилой Прабхупадой.

Второго марта, в третий и последний день своего пребывания в Атланте, Шрила Прабхупада так щедро раздавал милость Господа Чайтаньи, что она лилась через край. Это был день явления его духовного учителя, Бхактисиддханты Сарасвати, поэтому утром Шрила Прабхупада провел особую церемонию. Преданные поставили на специальную вьясасану большое изображение Бхактисиддханты Сарасвати и надеялись, что Прабхупада сам проведет арати, хотя и не дерзнули сами просить его об этом. Однако видя, что никто не вызывается провести церемонию, Шрила Прабхупада догадался о мыслях собравшихся преданных.

– Может, мне провести арати? – спросил он у Тамала-Кришны Махараджи. – Мне кажется, я должен его провести.

– Преданные тоже так считают, Шрила Прабхупада. Они будут просто счастливы, если вы это сделаете.

– Да, я проведу.

Итак, Шрила Прабхупада вновь явил в Атланте то, что давно уже стало редким событием. Он сам предлагал изображению Бхактисиддханты Сарасвати каждый предмет: горящий масляный фитилек, воду, раковину и так далее.

В то утро Шрила Прабхупада говорил о служении духовному учителю в разлуке.

– Вы всегда должны молиться, – говорил он, – ибо только по милости духовного учителя мы можем обрести милость Кришны. Таково значение Вьяса-пуджи. Насколько нам позволяли силы, мы старались дать вам наставления, книги. Всегда храните верность духовному учителю и попытайтесь понять Кришну. Все остальные так называемые знания – пустая трата времени.

Позже в тот же день со Шрилой Прабхупадой встретились Трипулари и другие распространители книг.

Трипулари: Шрила Прабхупада, мы прикладываем все больше и больше стараний, чтобы сделать наши методы распространения более честными и открытыми и не пользоваться обманом, как раньше.

Прабхупада: Нет, суть в том, что это служение Кришне настолько возвышено, что даже если мы обманываем, мы не преступники. Но поскольку нам приходится иметь дело с людьми мирскими, мы должны следовать их моральным нормам. В остальных случаях преданный Кришны никогда не обманывает. Он честен во всех своих делах. Мать говорит ребенку: «Дорогой мой, если ты примешь это лекарство, я дам тебе ладду». Ребенок болен. Он не может переварить ладду, но мать порой обманывает его, и когда тот проглатывает лекарство, она не дает ему ладду. Вот и нам приходится говорить человеку разные приятные для него слова, но мы делаем это для того, чтобы

он принял лекарство. Такова наша тактика. Это не обман. Если мать помогает ребенку выпить лекарство, а после этого не дает ему ладду, то это не обман. Так или иначе, таково наставление Рупы Госвами. Тасмат кенапи упаена маннах кришне нивешает. Не мытьем, так катаньем – но дать каждому возможность обрести сознание Кришны. Остальные правила и ограничения лишь служат этой цели – привести человека к сознанию Кришны. Нам незачем обманывать кого-то, это не наше дело. Но иногда, чтобы подвести человека к сознанию Кришны, мы можем сказать что-то, и это не обман.

Трипулари: Можем мы осознать себя, просто распространяя ваши книги?

Прабхупада: Вы уже осознали себя! Иначе, как бы вы продолжали их распространять? Вы любите Кришну, поэтому и берете на себя такой труд. Это и есть самоосознание. Если человек пытается доказать, что Кришна – Верховный Господь, то это и есть самоосознание.

Трипулари: Иногда преданные спрашивают, могут ли они родиться снова, чтобы продолжать распространять ваши книги.

Прабхупада: Очень хорошо. Вот – настоящая преданность. Преданный не хочет на Вайкунтху, он не желает освобождения. Преданные счастливы своим служением. Это чистая преданность. А распространять книги, чтобы вернуться к Кришне, это эгоизм. Но я хочу просто распространять книги, не ожидая вознаграждения, не желая чего-либо для себя. Таков чистый преданный. Прахлада Махараджа говорит: «Я не хочу на Вайкунтху, пока не заберу с собой всех этих негодяев». Это чистый преданный.

Тамала-Кришна Госвами: В этот момент я позволил себе представить Шриле Прабхупаде многих преданных из нашей группы «Радха-Дамодара», потому что еще с Индии у меня были с Прабхупадой близкие отношения, и, чувствуя, что он хочет лично познакомиться со всеми преданными нашей группы, я воспользовался этим в Америке. Итак, одного за другим я представлял Прабхупаде каждого преданного из нашей группы – там была только половина, около сорока человек. «Этот человек – механик», – говорил я. – «А это повар», «Эта преданная шьет одежды для Божеств». Так Прабхупада познакомился с каждым, а под конец сказал:

– Кришна послал тебе всех этих помощников, чтобы эта программа имела огромный успех.

Затем Прабхупада обратил к мужчинам очень назидательную речь о том, что нужно оставаться брахмачари:

– Зачем обременять себя тяготами семейной жизни? Когда вы женитесь, жена тут же скажет вам: «Где дом? Где дети? Где одежда? Где еда?» Это сразу создаст столько проблем!

Он сказал, что лучше жить просто, оставаться брахмачари и распространять миссию Господа Чайтаньи.

Остаток дня Шрила Прабхупада провел в кругу нескольких сот преданных и гостей, собравшихся на воскресный пир. Он прочитал длинную лекцию, а затем полтора часа отвечал на вопросы. Когда один преданный спросил: «Как мы можем больше всего порадовать вас?» Шрила Прабхупада ответил:

– Полюбив Кришну.

После этого преданные показали спектакль о том, как Господь Чайтанья начал движение гражданского неповиновения. В спектакле один из смарта-брахманов жаловался мусульманскому Кази, что Господь Чайтанья и Его последователи открыто поют мантру «Харе Кришна». Брахман говорил, что если мантру «Харе Кришна» петь на людях, она потеряет свою силу. Тут Шрила Прабхупада прервал спектакль, воскликнув:

– Но ее могущество уже возросло!

При этих словах сотни радостных преданных закричали: «Харибол!», «Джая!», подтверждая слова своего духовного учителя. По милости Шрилы Прабхупады сила Святого Имени только возрастала.

Перед самым отъездом из Атланты Прабхупада говорил с президентом храма, Балавантой, о проповеди через политику. Прежде Прабхупаде нравилось, что Балаванта баллотируется на пост мэра Атланты, и даже учредил вместе с другими преданными политическую партию «На Бога уповаем», но потом появились признаки того, что преданные пускают средства и силы не на то, что является основной деятельностью ИСККОН. Поэтому Балаванта прекратил политическую проповедь и даже не стал поднимать эту тему во время визита Прабхупады. Но вот он оказался в комнате своего духовного учителя.

– Итак, снова хочешь баллотироваться? – спросил Прабхупада и усмехнулся.

– Нет, если вы этого не хотите, Прабхупада, – ответил Балаванта. – Для меня это всего лишь возможность проповедовать, если таково будет ваше желание. Но если вы не в восторге от этого, я не хочу этим заниматься.

– Нет, я в восторге, – ответил Прабхупада, – при условии, что ты не попросишь денег.

– Я думаю, мы сможем найти деньги сами. Я могу найти деньги. Это не должно обойтись дорого. Все что нам нужно – два помощника. Всего на два-три месяца в году.

– Тогда действуй, – заключил Прабхупада. – Так ты завоеешь себе признание в городе и получишь возможность критиковать демонов.

Балаванта: Когда Прабхупада выезжал в аэропорт, я был решительно настроен оставаться с ним до последней секунды. Когда мы шли через зал ожидания, он дал мне розу. Я провожал его всю дорогу, до самого кресла в самолете. Я думал: «Я буду стоять здесь, на посту перед креслом Прабхупады, чтобы охранять его от демонов, которые могут его потревожить». Я видел, насколько жалки были карми по сравнению с ним. Я думал, что не позволю им помешать мне стоять перед Прабхупадой и исполнять свое служение. Так я и стоял в проходе, а людям приходилось протискиваться мимо меня. Прабхупада строго взглянул на меня, как бы делая выговор и говоря, что я должен относиться к окружающим с учтивостью и вниманием, а не быть невежей и источником неприятностей. И я заметил, что сам он именно так себя и ведет. Когда Прабхупада шел по аэропорту, его сознание преобладало над сознанием всех остальных, но он не добивался этого специально. Это было естественно. В самолете он вел себя как очень воспитанный человек – тихо сидел в кресле, не нарушая порядка. Его пример научил меня тому, как преданный должен жить в материальном мире, не создавая больших беспокойств и внимательно относясь к другим, быть почтительным и жить, не возбуждая ничье сознание и пользуясь любой возможностью достойно проповедовать сознание Кришны. Я видел: вот представитель Бога. Раньше мы никогда не встречали представителя Бога, поэтому для нас было очень важно увидеть, как он себя ведет. Это было важно для всех. Но в то же время Прабхупада внимательно следил за тем, чтобы представлять Кришну подобающим образом и не принуждать людей признавать в нем самом представителя Бога, если они того не хотели.

* * *

После Атланты Шрила Прабхупада посетил Даллас, Нью-Йорк, Лондон и Тегеран, проводя в каждом городе лишь по несколько дней. Затем он вылетел в Бомбей, потом в Калькутту, и к началу ежегодного фестиваля в честь явления Господа Чайтаньи Махапрабху прибыл в Майяпур. После дня явления Господа Чайтаньи Махапрабху Шрила Прабхупада участвовал в торжественной церемонии открытия храма Кришны-Баларамы, после которой вновь отправился на санкиртану вокруг земного шара.

Шрила Прабхупада называл себя стариком, скованным старостью и не способным передвигаться без помощи трех человек. Но на самом деле движение его не подчинялось материальным законам; в противном случае, как бы оно было возможно? Путешествуя вокруг земли, он не просто перемещался с помощью реактивного самолета или автомобиля – на это способен любой мирянин. Шрила Прабхупада был чистым преданным и, путешествуя, дарил людям планеты чистую любовь к Кришне.

В «Чайтанья-чаритамрите» Кришнадас Кавираджа прославляет Господа Чайтанью Махапрабху как обладателя кришна-шакти – всего могущества Кришны – ибо Он раздавал любовь к Кришне всему миру. Точно так же, огибая Землю, являл свою кришна-шакти и Шрила Прабхупада, ибо, где бы ни оказался он и его Движение, люди тех мест принимали кали-калерадхарму, метод чистой религии, предназначенный для человечества в эпоху Кали. Побудить грешных представителей безбожных культур принять чистое сознание Кришны не под силу «старика» или «обычному человеку». Согласно шастрам, обусловленные души скитаются по материальному миру, рождаясь то в одном теле, то в другом; в каждой форме жизни они страдают от рождения, смерти, болезней и старости. У обусловленной души миллионы желаний, и природа предоставляет ей миллионы форм жизни, позволяющих исполнить эти желания, а потому очень невелика надежда на то, что когда-нибудь душа закончит свое путешествие в самсаре. Более того, особенно в человеческой форме жизни, джива совершает множество гнусных поступков, противясь Божьей воле, поэтому ей приходится рождаться вновь и вновь, чтобы расплатиться за боль, причиненную другим. Таковы неумолимые законы природы. Например, за убийство коровы человеку придется родиться столько раз, сколько волосков было на теле этой коровы, и каждый

раз его будут убивать. За грех аборта ему придется снова и снова встречать смерть в утробе матери. В нынешнюю эпоху забой животных и аборт стали привычным явлением, а потому у человека практически нет шансов вырваться из круговорота рождения, страданий и смерти.

Но в проповеди Шрилы Прабхупады была заложена сила, способная освободить грешника от череды страданий, и в этом заключался истинный смысл его путешествий. Не понимая природы кармы или способности чистого преданного освобождать от нее человека, люди ошибочно видели в Прабхупаде в лучшем случае набожного представителя индийской религии. В «Бхагавад-гите» Кришна провозглашает: «Оставь все религии и просто предайся Мне. Я избавлю тебя от всех последствий твоих грехов. Не бойся ничего». Но Кришна прощает наши грехи только благодаря милостивому вмешательству чистого преданного. И поскольку большинство грешных людей не стремятся обрести избавление от грехов, у них нет надежды – если только их не освободит чистый преданный.

Если со стороны казалось, что Шрила Прабхупада страдает от старости и от постоянных поездок, если порой он отзывался о себе как о «старике», непригодном для активных путешествий, мы должны видеть в этом еще одно подтверждение тому, что Шрила Прабхупада выдерживал суровую аскезу, чтобы нести послание Кришны всему миру. Но внутренне он всегда думал о Кришне, и потому оставался невозмутим. Путешествовать его побуждал наказ духовного учителя.

Его поездки приносили огромные результаты – настолько огромные, что к 1975 году он путешествовал уже не как одинокий первопроходец, но как ачарья-основатель мировой религии, имеющей огромное число последователей. Международное общество сознания Кришны получало все большее признание как движение чистого преданного служения Богу – движение, открытое для людей всех вероисповеданий и национальностей, для всех, кто стремится к бескорыстному и искреннему служению Божественной Личности.

Будучи признанным представителем Господа Чайтаньи, Шрила Прабхупада обладал особым пониманием того, с каким великим терпением и состраданием Господь освобождает падших. В «Брихан-нарадия-пуране» говорится: «В эпоху Кали люди могут обрести спасение единственно повторением Святого Имени, повторением Святого Имени, повторением Святого Имени. Иного пути нет, нет, нет». Шрила Прабхупада своим практическим опытом подтвердил истинность этого стиха, ибо собственными глазами видел милосердие Господа Чайтаньи в действии. Поэтому, когда он приезжал в храм ИСККОН и, подходя к храмовому алтарю, видел Господа Чайтанью и Господа Нитьянанду, сострадание Бога порой настолько поражало его, что он не мог сдержать экстатических духовных переживаний. Шрила Прабхупада был очень дорог Кришне. Нет сомнений, что Господь Чайтанья Махапрабху наблюдал за его проповедью и путешествиями, и возможно, они доставляли Ему такое же счастье, как и исполненная сострадания молитва Васудевы Датты. «Чайтанья-чаритамрита» так описывает этот эпизод:

Когда Шри Чайтанья Махапрабху услышал слова Васудевы Датты, сердце Его стало необыкновенно мягким. Слезы хлынули из Его глаз, и Он задрожал.

В том же духе, в каком Шрила Прабхупада описал Васудеву Датту, я хотел бы описать самого Шрилу Прабхупаду – не из пристрастия, но потому что такими были его жизнь и учение, а также опираясь на авторитет шастры:

Вайшнав столь великодушен, что ради спасения душ из материального мира готов рисковать всем... Он был самой возвышенной душой, желающей даровать милость обусловленным душам... Он был вайшнавом – пара-духкха-духкхи – с болью взирающим на страдания других... Тот, кто исполняет миссию Шри Чайтаньи Махапрабху, должен считаться вечно освобожденным. Он поднялся над материальным миром и больше не принадлежит ему. Такой преданный, стремящийся выволить из материального мира всех живых существ, столь же великодушен, как и Сам Шри Чайтанья Махапрабху... Такая душа – истинный представитель Шри Чайтаньи Махапрабху, ибо сердце его всегда переполнено состраданием к обусловленным душам.

(Ч.Ч. Мадхья-лила, 15.163, комм.)